Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

за первыя сто лѣтъ его существованія

1804—1904

Н. П. ЗАГОСКИНА

заслуженнаго ординарнаго профессора

ТОМЪ ВТОРОЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(1814—1819)

КАЗАНЬ
1903

Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

за первыя сто лѣтъ его существованія

1804—1904

Н. П. Загоскина

заслуженнаго ординарнаго профессора

ТОМЪ ВТОРОЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(1814—1819)

КАЗАНЬ
1903

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

II

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

II

Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

за первыя сто лѣтъ его существованія

1804—1904

Н. П. ЗАГОСКИНА

заслуженнаго ординарнаго профессора

ТОМЪ ВТОРОЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1814—1819)

КАЗАНЬ

1902

Исторія

Императорскаго Казанскаго Университета

за первыя сто лѣтъ его существованія

1804—1904

Н. П. ЗАГОСКИНА

заслуженнаго ординарнаго профессора

ТОМЪ ВТОРОЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1814—1819)

КАЗАНЬ

1902

Печатано по опредѣленію Совѣта Импе
Университета отъ 3 апрѣля 1900 года.

Ректоръ Ун

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

Печатано по опредѣленію Совѣта Импе
Университета отъ 3 апрѣля 1900 года.

Ректоръ Ун

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

Императоръ
Александръ I
(1814—1816)

Императоръ
Александръ I
(1814—1816)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Окончательно открытый университетъ передъ эпохою Магницкаго

(1814—1819)

ГЛАВА I

Личный составъ университета и мѣры обезпеченія полноты преподаванія. Ученыя степени и званія. Организація преподаванія.

(1814—1819)

Казанскій университетъ вслѣдъ за полнымъ открытіемъ его въ 1814 году.—Общій взглядъ на личный составъ его.—Претенденты на кафедры: Бриль-Крамеръ, Шлегель, Эро, Винтеръ, Владимірскій, Соловьевъ, Михайловъ.—Новыя преподавательскія силы казанскаго университета: Вердерамо Э. О., Солнцевъ Г. И., Эрдманъ Ф. И., Юнаковъ М. А., Алехинъ Н. М., Манасеинъ Е. П., Ибрагимовъ Н. М., Булыгинъ В. Я., Лобачевскій А. И., Краузе И. Ѳ., Востоковъ В. В., Полиновскій М. В., Сычуговъ И. П., Отсолигъ Ѳ. М.—Мѣры подготовки молодыхъ людей къ занятію кафедръ: Самсоновъ Д. П., Лентовскій А. Е.

Возведеніе университетомъ въ ученыя степени.—Кандидаты казанскаго университета за 1807—1819 годы.—Его магистры за тотъ же промежутокъ времени.—Первые два доктора казанскаго университета: Б. Іонъ и Г. И. Солнцевъ.—Описаніе порядка возведенія въ докторское достоинство (Б. Іонъ).—Испытанія спеціальнаго характера и возведеніе въ медицинскія званія.—Попытки пріобрѣтенія докторской степени безъ экзамена: І. Вейскгопфенъ и Н. С. Арцыбышевъ.—Вопросъ о порядкѣ возведенія въ ученыя степени.—Работы совѣтскаго комитета 1814—1815 годовъ.—Министерское распоряженіе 19-го декабря 1816 года.—Изданіе «Положенія о производствѣ въ ученыя степени» 20 января 1819 года.—Организація преподаванія въ 1818—1819 академическомъ году.

Мы познакомились съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ состоялось полное открытіе казанскаго университета на основаніи устава 5-го ноября 1804 года, съ выборными ректоромъ и деканами во главѣ, замѣнившими собою прежнюю единоличную власть профессора-директора Яковкина, съ раздѣленіемъ на факультеты, съ точно и широко опредѣленными сферами и задачами самодѣятельности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Окончательно открытый университетъ передъ эпохою Магницкаго

(1814—1819)

ГЛАВА I

Личный составъ университета и мѣры обезпеченія полноты преподаванія. Ученыя степени и званія. Организація преподаванія.

(1814—1819)

Казанскій университетъ вслѣдъ за полнымъ открытіемъ его въ 1814 году.—Общій взглядъ на личный составъ его.—Претенденты на кафедры: Бриль-Крамеръ, Шлегель, Эро, Винтеръ, Владимірскій, Соловьевъ, Михайловъ.—Новыя преподавательскія силы казанскаго университета: Вердерамо Э. О., Солнцевъ Г. И., Эрдманъ Ф. И., Юнаковъ М. А., Алехинъ Н. М., Манассинъ Е. П., Ибрагимовъ Н. М., Булыгинъ В. Я., Лобачевскій А. И., Краузе И. Ѳ., Востоковъ В. В., Полиновскій М. В., Сычуговъ И. П., Отсолигъ Ѳ. М.—Мѣры подготовки молодыхъ людей къ занятію кафедръ: Самсоновъ Д. П., Лентовскій А. Е.

Возведеніе университетомъ въ ученыя степени.—Кандидаты казанскаго университета за 1807—1819 годы.—Его магистры за тотъ же промежутокъ времени.—Первые два доктора казанскаго университета: Б. Іонъ и Г. И. Солнцевъ.—Описаніе порядка возведенія въ докторское достоинство (Б. Іонъ).—Испытанія спеціальнаго характера и возведеніе въ медицинскія званія.—Попытки пріобрѣтенія докторской степени безъ экзамена: І. Вейсконфенъ и Н. С. Арцыбышевъ.—Вопросъ о порядкѣ возведенія въ ученыя степени.—Работы совѣтскаго комитета 1814—1815 годовъ.—Министерское распоряженіе 19-го декабря 1816 года.—Изданіе «Положенія о производствѣ въ ученыя степени» 20 января 1819 года.—Организація преподаванія въ 1818—1819 академическомъ году.

Мы познакомились съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ состоялось полное открытіе казанскаго университета на основаніи устава 5-го ноября 1804 года, съ выборными ректоромъ и деканами во главѣ, замѣнившими собою прежнюю единоличную власть профессора-директора Яковкина, съ раздѣленіемъ на факультеты, съ точно и широко опредѣленными сферами и задачами самодѣятельности.

Это полное открытіе поставило казанскій университетъ на путь самостоятельнаго и свободнаго развитія, указанный высочайше дарованною ему утвердительною грамотою. Впослѣдствіе,—лѣтъ тридцать спустя,—вспоминая жизнь университета въ годы, ближайшіе за полнымъ его открытіемъ, маститый и въ то время уже находившійся въ отставкѣ профессоръ К. Ѳ. Фуксъ высказывалъ мысль—что „это было самое цвѣтущее состояніе казанскаго университета, при попечителѣ Салтыковѣ“ [1].

Только что приведенный нами отзывъ старика Фукса долженъ быть признанъ въ весьма значительной степени, конечно, преувеличеннымъ и легче всего можетъ быть объясненъ тѣмъ старческимъ оптимизмомъ въ области воспоминаній о пережитомъ, который такъ свойственъ бываетъ людямъ въ извѣстныя поры ихъ жизни. Мы неоднократно будемъ имѣть возможность убѣдиться въ томъ, что о „самомъ блестящемъ“ состояніи казанскаго университета въ первое пятилѣтіе послѣ полнаго его открытія—едва ли можетъ подниматься сколько нибудь серьезная рѣчь, хотя мы нисколько не намѣреваемся тѣмъ самымъ умалять ни громадности созидательной работы, которая сразу раскрылась передъ выборною университетскою администраціею, съ ректоромъ Брауномъ во главѣ, и передъ членами автономнаго совѣта, ни тѣхъ добрыхъ намѣреній, съ которыми дѣятельно приступили они къ ея выполненію. Во всякомъ случаѣ, жизнь казанскаго университета вслѣдъ за его полнымъ открытіемъ въ 1814 году—была огромнымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ „неопредѣлительнымъ“ положеніемъ ея въ первыя девять лѣтъ начальнаго прозябанія университета, предпринимающаго теперь рѣшительную попытку пойти по пути развитія академической жизни, указываемому примѣромъ лучшихъ университетовъ западно-европейскихъ; не вина членовъ коллегіи казанскаго университета интересующей насъ эпохи въ томъ, что на пути этого развитія уже очень скоро встрѣтились внѣшнія препятствія, сразу оборвавшія процессъ прогрессивнаго движенія его и выдвинувшія впередъ рядъ жизненныхъ условій, суммирующихся двумя, роковыми въ исторіи русскаго просвѣщенія, словами—„эпоха Магницкаго“.

Тяжелое наслѣдіе доставалось самоуправляющемуся университету при полномъ открытіи его въ 1814 году. Безпорядочное положеніе университетскаго хозяйства, такими яркими чертами охарактеризованное въ предшествующемъ году новымъ попечителемъ въ его письмѣ къ министру; плохое и запущенное состояніе университетскихъ зданій, нѣкоторыя изъ которыхъ едва не грозили развалиться; ограниченность находящихся въ его распоряженіи средствъ, безсильныхъ отвѣчать настоятельнѣйшимъ

Это полное открытіе поставило казанскій университетъ на путь самостоятельнаго и свободнаго развитія, указанный высочайше дарованною ему утвердительною грамотою. Впослѣдствіе,—лѣтъ тридцать спустя,—вспоминая жизнь университета въ годы, ближайшіе за полнымъ его открытіемъ, маститый и въ то время уже находившійся въ отставкѣ профессоръ К. Ѳ. Фуксъ высказывалъ мысль—что „это было самое цвѣтущее состояніе казанскаго университета, при попечителѣ Салтыковѣ“ [1].

Только что приведенный нами отзывъ старика Фукса долженъ быть признанъ въ весьма значительной степени, конечно, преувеличеннымъ и легче всего можетъ быть объясненъ тѣмъ старческимъ оптимизмомъ въ области воспоминаній о пережитомъ, который такъ свойственъ бываетъ людямъ въ извѣстныя поры ихъ жизни. Мы неоднократно будемъ имѣть возможность убѣдиться въ томъ, что о „самомъ блестящемъ“ состояніи казанскаго университета въ первое пятилѣтіе послѣ полнаго его открытія—едва ли можетъ подниматься сколько нибудь серьезная рѣчь, хотя мы нисколько не намѣреваемся тѣмъ самымъ умалять ни громадности созидательной работы, которая сразу раскрылась передъ выборною университетскою администраціею, съ ректоромъ Брауномъ во главѣ, и передъ членами автономнаго совѣта, ни тѣхъ добрыхъ намѣреній, съ которыми дѣятельно приступили они къ ея выполненію. Во всякомъ случаѣ, жизнь казанскаго университета вслѣдъ за его полнымъ открытіемъ въ 1814 году—была огромнымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ „неопредѣлительнымъ“ положеніемъ ея въ первыя девять лѣтъ начальнаго прозябанія университета, предпринимающаго теперь рѣшительную попытку пойти по пути развитія академической жизни, указываемому примѣромъ лучшихъ университетовъ западно-европейскихъ; не вина членовъ коллегіи казанскаго университета интересующей насъ эпохи въ томъ, что на пути этого развитія уже очень скоро встрѣтились внѣшнія препятствія, сразу оборвавшія процессъ прогрессивнаго движенія его и выдвинувшія впередъ рядъ жизненныхъ условій, суммирующихся двумя, роковыми въ исторіи русскаго просвѣщенія, словами—„эпоха Магницкаго“.

Тяжелое наслѣдіе доставалось самоуправляющемуся университету при полномъ открытіи его въ 1814 году. Безпорядочное положеніе университетскаго хозяйства, такими яркими чертами охарактеризованное въ предшествующемъ году новымъ попечителемъ въ его письмѣ къ министру; плохое и запущенное состояніе университетскихъ зданій, нѣкоторыя изъ которыхъ едва не грозили развалиться; ограниченность находящихся въ его распоряженіи средствъ, безсильныхъ отвѣчать настоятельнѣйшимъ

потребностямъ организующагося университета; совершенная неудовлетворительность и даже полное отсутствіе важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и пособій; безпорядочная и неполная организація преподаваній; крайне ограниченный контингентъ студентовъ—все это ярко выступало унаслѣдованными отъ предшествующей эпохи академической жизни условіями отрицательнаго характера, съ которыми университетскому самоуправленію сразу же пришлось стать лицомъ къ лицу, сразу же пришлось серьезно считаться.

Не касаясь, пока, другихъ сторонъ университетской жизни эпохи 1814—1819 годовъ, остановимся на нѣсколькихъ цифровыхъ данныхъ относительно движенія числа студентовъ, какъ одномъ изъ краснорѣчивыхъ показателей прогрессивнаго движенія академической жизни. Первый годъ существованія университета (1805) даетъ намъ цифру количества студентовъ—41, послѣ чего цифра эта въ послѣдующіе десять лѣтъ колебалась между 29-ю (въ 1809 г.) и 48-ю (въ 1812 и 1813 г.г.). Въ годъ полнаго открытія университета (1814 г.) цифра количества студентовъ была—42, т. е. число ихъ за девять первыхъ лѣтъ „неопредѣлительнаго“ состоянія университета возросло, сравнительно съ первымъ годомъ, лишь на одного. Съ года полнаго открытія университета количество студентовъ начинаетъ прогрессивно возростать: въ 1814 году—42 человѣка, въ 1815 году—62, въ 1816 году—107, въ 1817 году—112, въ 1818 году—117, въ 1819 году—уже 161 человѣкъ (+7 вольныхъ слушателей), въ продолженіи пяти лѣтъ увеличившись, такимъ образомъ, почти въ четыре раза! Настала печальная пора Магницкаго—и количество студентовъ снова начинаетъ быстро падать: 152 (1820 г.), 135 (1821 г.), 106 (1822 г.), 91 (1823 г.), 88 (1824 г.) [2]. Смѣемъ думать, что эти цифры способны представить дѣйствительно краснорѣчивое свидѣтельство если и не въ пользу „самаго цвѣтущаго“,—какъ выражался проф. Фуксъ,—то, во всякомъ случаѣ, въ пользу вполнѣ прогрессивнаго состоянія университетской жизни въ первые пять лѣтъ полнаго дѣйствія устава 1804 года.

Уже въ эти пять лѣтъ передъ казанскимъ университетомъ съ жгучею настоятельностью возсталъ роковой и трудно разрѣшимый вопросъ, которому на долгій рядъ лѣтъ суждено будетъ сопровождать собою его позднѣйшія историческія судьбы: это—вопросъ о замѣщеніи университетскихъ кафедръ.

Въ начальную пору царствованія императора Александра I вопросъ о замѣщеніи кафедръ во вновь основывавшихся университетахъ разрѣшался, такъ или иначе, все таки довольно легко, благодаря тѣмъ усло-

потребностямъ организующагося университета; совершенная неудовлетворительность и даже полное отсутствіе важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и пособій; безпорядочная и неполная организація преподаваній; крайне ограниченный контингентъ студентовъ—все это ярко выступало унаслѣдованными отъ предшествующей эпохи академической жизни условіями отрицательнаго характера, съ которыми университетскому самоуправленію сразу же пришлось стать лицомъ къ лицу, сразу же пришлось серьезно считаться.

Не касаясь, пока, другихъ сторонъ университетской жизни эпохи 1814—1819 годовъ, остановимся на нѣсколькихъ цифровыхъ данныхъ относительно движенія числа студентовъ, какъ одномъ изъ краснорѣчивыхъ показателей прогрессивнаго движенія академической жизни. Первый годъ существованія университета (1805) даетъ намъ цифру количества студентовъ—41, послѣ чего цифра эта въ послѣдующіе десять лѣтъ колебалась между 29-ю (въ 1809 г.) и 48-ю (въ 1812 и 1813 г.г.). Въ годъ полнаго открытія университета (1814 г.) цифра количества студентовъ была—42, т. е. число ихъ за девять первыхъ лѣтъ „неопредѣлительнаго“ состоянія университета возросло, сравнительно съ первымъ годомъ, лишь на одного. Съ года полнаго открытія университета количество студентовъ начинаетъ прогрессивно возростать: въ 1814 году—42 человѣка, въ 1815 году—62, въ 1816 году—107, въ 1817 году—112, въ 1818 году—117, въ 1819 году—уже 161 человѣкъ (+7 вольныхъ слушателей), въ продолженіи пяти лѣтъ увеличившись, такимъ образомъ, почти въ четыре раза! Настала печальная пора Магницкаго—и количество студентовъ снова начинаетъ быстро падать: 152 (1820 г.), 135 (1821 г.), 106 (1822 г.), 91 (1823 г.), 88 (1824 г.) [2]. Смѣемъ думать, что эти цифры способны представить дѣйствительно краснорѣчивое свидѣтельство если и не въ пользу „самаго цвѣтущаго“,—какъ выражался проф. Фуксъ,—то, во всякомъ случаѣ, въ пользу вполнѣ прогрессивнаго состоянія университетской жизни въ первые пять лѣтъ полнаго дѣйствія устава 1804 года.

Уже въ эти пять лѣтъ передъ казанскимъ университетомъ съ жгучею настоятельностью возсталъ роковой и трудно разрѣшимый вопросъ, которому на долгій рядъ лѣтъ суждено будетъ сопровождать собою его позднѣйшія историческія судьбы: это—вопросъ о замѣщеніи университетскихъ кафедръ.

Въ начальную пору царствованія императора Александра I вопросъ о замѣщеніи кафедръ во вновь основывавшихся университетахъ разрѣшался, такъ или иначе, все таки довольно легко, благодаря тѣмъ усло-

віямъ политической жизни, въ которыхъ находилась въ то время западная Европа. Войны, раздиравшія въ началѣ XIX-го вѣка государства западной Европы, не благопріятствовали мирному развитію гражданственности, что особенно тяжело сказывалось на мелкихъ германскихъ государствахъ, вовлеченныхъ въ водоворотъ наполеоновскихъ войнъ и сдѣлавшихся главнымъ очагомъ всѣхъ тревогъ и превратностей военнаго времени. Вполнѣ естественнымъ представлялось въ ту пору въ людяхъ германской науки стремленіе покидать свою несчастную родину и искать убѣжища въ далекой Россіи, гдѣ, въ центрахъ, до которыхъ едва доносились отголоски бранной грозы, колебавшей Европу, какъ разъ въ то время заботливою рукою созидались очаги высшаго образованія, требовавшіе для служенія себѣ людей науки, которыхъ безсильна была предоставить имъ сама Россія. Наше отечество сдѣлалось въ ту пору обѣтованною землею, въ которую съ неудержимою силою стремились люди западно-европейской науки, съ распростертыми объятіями принимаемые въ немъ для занятія пустующихъ университетскихъ кафедръ—и вотъ появляются въ далекой, до тѣхъ поръ смутно даже извѣстной имъ, бывшей татарской столицѣ, ученые геттингенцы, виттенбергцы, тюбингенцы, іенцы, ростокцы, кладущіе здѣсь первыя основы университетской науки и университетскаго образованія. Профессоръ Фуксъ былъ не единственнымъ мирнымъ иностранцемъ, бѣжавшимъ изъ своей родины вслѣдствіе невыносимости для него, какъ онъ самъ выражался—„видѣть войска, лагери, сраженія въ родной странѣ, слышать военныя смуты и воинскіе клики непріятеля“; мы уже хорошо знаемъ, что тяжелыя политическія условія на родинѣ были тѣмъ стимуломъ преходящаго характера, который привелъ на нашъ отдаленный русскій востокъ и другихъ піонеровъ казанской униерситетской науки (Бартельсъ, Литтровъ, Броннеръ, Эрдманъ, Френъ).

Съ окончаніемъ освободительной войны 1813—1814 годовъ и съ умиротвореніемъ Европы, увѣнчаннымъ актомъ священнаго союза 1815 года, устранены были тѣ причины политическаго характера, которыя побуждали людей нѣмецкой науки такъ охотно покидать свои родныя мѣста и искать себѣ тихаго и мирнаго убѣжища въ далекой восточной „странѣ, мудрое правительство которой,—какъ выражался проф. Эрдманъ,—такъ дѣятельно покровительствуетъ наукѣ и, вообще, просвѣщенію“. Теперь не только совершенно почти прекращается приливъ въ русскіе университеты германскихъ ученыхъ, но и тѣ изъ нихъ, которые уже состояли въ русской службѣ, высказываютъ усиленное стремленіе возвратиться въ свои умиротворенныя отъ тревогъ военнаго времени отечества. Какъ разъ въ эту

віямъ политической жизни, въ которыхъ находилась въ то время западная Европа. Войны, раздиравшія въ началѣ XIX-го вѣка государства западной Европы, не благопріятствовали мирному развитію гражданственности, что особенно тяжело сказывалось на мелкихъ германскихъ государствахъ, вовлеченныхъ въ водоворотъ наполеоновскихъ войнъ и сдѣлавшихся главнымъ очагомъ всѣхъ тревогъ и превратностей военнаго времени. Вполнѣ естественнымъ представлялось въ ту пору въ людяхъ германской науки стремленіе покидать свою несчастную родину и искать убѣжища въ далекой Россіи, гдѣ, въ центрахъ, до которыхъ едва доносились отголоски бранной грозы, колебавшей Европу, какъ разъ въ то время заботливою рукою созидались очаги высшаго образованія, требовавшіе для служенія себѣ людей науки, которыхъ безсильна была предоставить имъ сама Россія. Наше отечество сдѣлалось въ ту пору обѣтованною землею, въ которую съ неудержимою силою стремились люди западно-европейской науки, съ распростертыми объятіями принимаемые въ немъ для занятія пустующихъ университетскихъ каѳедръ—и вотъ появляются въ далекой, до тѣхъ поръ смутно даже извѣстной имъ, бывшей татарской столицѣ, ученые геттингенцы, виттенбергцы, тюбингенцы, іенцы, ростокцы, кладущіе здѣсь первыя основы университетской науки и университетскаго образованія. Профессоръ Фуксъ былъ не единственнымъ мирнымъ иностранцемъ, бѣжавшимъ изъ своей родины вслѣдствіе невыносимости для него, какъ онъ самъ выражался—„видѣть войска, лагери, сраженія въ родной странѣ, слышать военныя смуты и воинскіе клики непріятеля"; мы уже хорошо знаемъ, что тяжелыя политическія условія на родинѣ были тѣмъ стимуломъ преходящаго характера, который привелъ на нашъ отдаленный русскій востокъ и другихъ піонеровъ казанской университетской науки (Бартельсъ, Литтровъ, Броннеръ, Эрдманъ, Френъ).

Съ окончаніемъ освободительной войны 1813—1814 годовъ и съ умиротвореніемъ Европы, увѣнчаннымъ актомъ священнаго союза 1815 года, устранены были тѣ причины политическаго характера, которыя побуждали людей нѣмецкой науки такъ охотно покидать свои родныя мѣста и искать себѣ тихаго и мирнаго убѣжища въ далекой восточной „странѣ, мудрое правительство которой,—какъ выражался проф. Эрдманъ,—такъ дѣятельно покровительствуетъ наукѣ и, вообще, просвѣщенію". Теперь не только совершенно почти прекращается приливъ въ русскіе университеты германскихъ ученыхъ, но и тѣ изъ нихъ, которые уже состояли въ русской службѣ, высказываютъ усиленное стремленіе возвратиться въ свои умиротворенныя отъ тревогъ военнаго времени отечества. Какъ разъ въ эту

пору и казанскій университетъ, именно вслѣдствіе только что указанной причины, утрачиваетъ двухъ видныхъ иностранныхъ представителей своихъ: проф. астрономіи Литтрова (1816 г.) и проф. физики Броннера (фактически еще въ 1817 г.); теперь Броннеръ, напримѣръ, еще въ 1810 году заявлявшій намѣреніе „совершенно поселиться въ Казани и остаться тамъ навсегда", начинаетъ тосковать по своей милой Швейцаріи и мучится такимъ неудержимымъ желаніемъ снова увидѣть ее, которое оказывается превышающимъ мѣру „душевныхъ силъ борьбы съ этою болѣзнью" и побуждаетъ его взять продолжительный заграничный отпускъ, возвратиться изъ котораго въ Казань ему уже не было суждено.

Но не одно только чувство привязанности къ родинѣ выступало въ интересующую насъ эпоху причиною, обусловливавшею собою какъ отливъ нѣмецкихъ профессоровъ съ русской службы, такъ и крайнее ослабленіе новаго прилива ихъ къ ней. Многое въ данномъ случаѣ зависѣло и отъ новаго теченія, сказавшагося въ отношеніяхъ нашего правительства къ университетамъ и явившагося лишь отраженіемъ общаго реакціоннаго направленія, охватившаго собою западно-европейскія государства подъ вліяніемъ пережитыхъ политическихъ треволненій конца XVIII и начала XIX столѣтій и нашедшаго себѣ рельефное отраженіе въ смыслѣ и въ идеяхъ священнаго союза. Это направленіе, проникнутое недовѣріемъ къ философскимъ ученіямъ, положеннымъ въ основу какъ развитія наукъ, такъ и въ основу постановки университетскаго образованія, стало съ крайнею мнительностью относиться къ университетамъ, заподозривая ихъ въ распространеніи религіозныхъ и политическихъ лжеученій, способныхъ снова обратить Европу на путь смутъ, пережитыхъ ею за послѣднее двадцатипятилѣтіе и парализовать собою религіозно-патримоніальныя основы политическаго строя, провозглашенныя актомъ священнаго союза. Въ германскихъ государствахъ новое отношеніе къ университетской наукѣ стало сказываться уже вслѣдъ за окончаніемъ освободительныхъ войнъ, найдя себѣ рѣшительную формулировку въ постановленіяхъ франкфуртскаго союзнаго сейма 1819 года, подчинившихъ нѣмецкіе университеты самому бдительному надзору и контролю правительствъ, съ ограниченіемъ ихъ правъ какъ въ области самоуправленія, такъ и въ сферѣ свободы и самостоятельности преподаванія.

Новое направленіе въ политикѣ университетскаго образованія изъ Германіи не преминуло переброситься и въ наше отечество, гдѣ оно пускаетъ особенно глубокіе корни со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, задавшагося цѣлью

пору и казанскій университетъ, именно вслѣдствіе только что указанной причины, утрачиваетъ двухъ видныхъ иностранныхъ представителей своихъ: проф. астрономіи Литтрова (1816 г.) и проф. физики Броннера (фактически еще въ 1817 г.); теперь Броннеръ, напримѣръ, еще въ 1810 году заявлявшій намѣреніе „совершенно поселиться въ Казани и остаться тамъ навсегда", начинаетъ тосковать по своей милой Швейцаріи и мучится такимъ неудержимымъ желаніемъ снова увидѣть ее, которое оказывается превышающимъ мѣру „душевныхъ силъ борьбы съ этою болѣзнью" и побуждаетъ его взять продолжительный заграничный отпускъ, возвратиться изъ котораго въ Казань ему уже не было суждено.

Но не одно только чувство привязанности къ родинѣ выступало въ интересующую насъ эпоху причиною, обусловливавшею собою какъ отливъ нѣмецкихъ профессоровъ съ русской службы, такъ и крайнее ослабленіе новаго прилива ихъ къ ней. Многое въ данномъ случаѣ зависѣло и отъ новаго теченія, сказавшагося въ отношеніяхъ нашего правительства къ университетамъ и явившагося лишь отраженіемъ общаго реакціоннаго направленія, охватившаго собою западно-европейскія государства подъ вліяніемъ пережитыхъ политическихъ треволненій конца XVIII и начала XIX столѣтій и нашедшаго себѣ рельефное отраженіе въ смыслѣ и въ идеяхъ священнаго союза. Это направленіе, проникнутое недовѣріемъ къ философскимъ ученіямъ, положеннымъ въ основу какъ развитія наукъ, такъ и въ основу постановки университетскаго образованія, стало съ крайнею мнительностью относиться къ университетамъ, заподозривая ихъ въ распространеніи религіозныхъ и политическихъ лжеученій, способныхъ снова обратить Европу на путь смутъ, пережитыхъ ею за послѣднее двадцатипятилѣтіе и парализовать собою религіозно-патримоніальныя основы политическаго строя, провозглашенныя актомъ священнаго союза. Въ германскихъ государствахъ новое отношеніе къ университетской наукѣ стало сказываться уже вслѣдъ за окончаніемъ освободительныхъ войнъ, найдя себѣ рѣшительную формулировку въ постановленіяхъ франкфуртскаго союзнаго сейма 1819 года, подчинившихъ нѣмецкіе университеты самому бдительному надзору и контролю правительствъ, съ ограниченіемъ ихъ правъ какъ въ области самоуправленія, такъ и въ сферѣ свободы и самостоятельности преподаванія.

Новое направленіе въ политикѣ университетскаго образованія изъ Германіи не преминуло переброситься и въ наше отечество, гдѣ оно пускаетъ особенно глубокіе корни со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, задавшагося цѣлью

реорганизовать дѣло русскаго образованія на тѣхъ піэтическихъ и мистическихъ началахъ, которыя составляли характерную черту общаго склада ума этого государственнаго дѣятеля и которыя вскорѣ привели русскую университетскую науку къ эпохамъ Магницкаго и Рунича. Особенно сильному гоненію стали подвергаться въ университетахъ науки философскія, естественныя и политико-юридическія. Въ основу первыхъ возможнымъ считали класть одно только священное писаніе; въ основу вторыхъ—библейское ученіе о мірозданіи; въ основу же наукъ политическихъ и юридическихъ рекомендовалось класть лишь три основныя положенія: первое—что Богъ сотворилъ человѣка для общества, второе—что для общества необходимо правительство, третье — обязанность безусловнаго повиновенія властямъ предержащимъ. На этой то почвѣ возникло неумолимое гоненіе противъ философіи, естествознанія и естественнаго права (т. е. философіи права), которыми ознаменована первая половина двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія и къ которому мы еще не разъ будемъ имѣть случай возвращаться. Крайности, явившіяся результатомъ системы князя Голицина, съ полною силою дали себя почувствовать въ практическомъ отношеніи лишь во вторую половину (1819—1824 г.г.) его министерства, но зачатки новаго направленія въ дѣлѣ руководительства русскимъ университетскимъ дѣломъ стали прорываться, симптомами болѣе или менѣе тревожнаго характера, не только въ первую половину министерства князя Голицина, но и къ концу министерства гр. Разумовскаго. Къ этому то послѣднему времени относится хорошо извѣстный и въ свое время надѣлавшій много шума фактъ позорнаго изгнанія изъ предѣловъ Россіи харьковскаго профессора Шада, за его приверженность „новѣйшей, въ Германіи возникшей, философіи и, въ особенности, системѣ Шеллинга“, такъ какъ въ глазахъ министерства представлялось сомнительнымъ — „должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россіи (!) и вкорененіе ея въ памяти молодыхъ людей“. Недовѣріе нашихъ правящихъ сферъ къ иностраннымъ профессорамъ особенно рѣзко сказалось въ министерскомъ распоряженіи 11-го февраля 1815 года, въ силу котораго могли быть предлагаемы къ занятію вакантныхъ университетскихъ кафедръ „одни только россіяне, но отнюдь не иностранцы“; само собою разумѣется, что строгаго примѣненія это распоряженіе получить, конечно, не могло [3].

Все сказанное нами выше несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ пользу того, что годы, послѣдовавшіе за полнымъ его открытіемъ, едва ли могли заключать въ себѣ для казанскаго университета, какъ и для русскихъ университетовъ того времени, вообще, залогъ „самаго цвѣтущаго“

реорганизовать дѣло русскаго образованія на тѣхъ піэтическихъ и мистическихъ началахъ, которыя составляли характерную черту общаго склада ума этого государственнаго дѣятеля и которыя вскорѣ привели русскую университетскую науку къ эпохамъ Магницкаго и Рунича. Особенно сильному гоненію стали подвергаться въ университетахъ науки философскія, естественныя и политико-юридическія. Въ основу первыхъ возможнымъ считали класть одно только священное писаніе; въ основу вторыхъ—библейское ученіе о мірозданіи; въ основу же наукъ политическихъ и юридическихъ рекомендовалось класть лишь три основныя положенія: первое—что Богъ сотворилъ человѣка для общества, второе—что для общества необходимо правительство, третье — обязанность безусловнаго повиновенія властямъ предержащимъ. На этой то почвѣ возникло неумолимое гоненіе противъ философіи, естествознанія и естественнаго права (т. е. философіи права), которыми ознаменована первая половина двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія и къ которому мы еще не разъ будемъ имѣть случай возвращаться. Крайности, явившіяся результатомъ системы князя Голицина, съ полною силою дали себя почувствовать въ практическомъ отношеніи лишь во вторую половину (1819—1824 г.г.) его министерства, но зачатки новаго направленія въ дѣлѣ руководительства русскимъ университетскимъ дѣломъ стали прорываться, симптомами болѣе или менѣе тревожнаго характера, не только въ первую половину министерства князя Голицина, но и къ концу министерства гр. Разумовскаго. Къ этому то послѣднему времени относится хорошо извѣстный и въ свое время надѣлавшій много шума фактъ позорнаго изгнанія изъ предѣловъ Россіи харьковскаго профессора Шада, за его приверженность „новѣйшей, въ Германіи возникшей, философіи и, въ особенности, системѣ Шеллинга“, такъ какъ въ глазахъ министерства представлялось сомнительнымъ — „должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россіи (!) и вкорененіе ея въ памяти молодыхъ людей“. Недовѣріе нашихъ правящихъ сферъ къ иностраннымъ профессорамъ особенно рѣзко сказалось въ министерскомъ распоряженіи 11-го февраля 1815 года, въ силу котораго могли быть предлагаемы къ занятію вакантныхъ университетскихъ кафедръ „одни только россіяне, но отнюдь не иностранцы“; само собою разумѣется, что строгаго примѣненія это распоряженіе получить, конечно, не могло [3].

Все сказанное нами выше несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ пользу того, что годы, послѣдовавшіе за полнымъ его открытіемъ, едва ли могли заключать въ себѣ для казанскаго университета, какъ и для русскихъ университетовъ того времени, вообще, залогъ „самаго цвѣтущаго“

состоянія, о которомъ упоминалъ впослѣдствіе старикъ Фуксъ. Сказалось это особенно замѣтно на дѣятельности университета, направленной къ замѣщенію преподавательскаго состава, въ которомъ произошли за разсматриваемый нами промежутокъ времени весьма крупныя измѣненія. Двое иностранныхъ профессоровъ,—Литтровъ и Броннеръ,—совершенно покидаютъ Казань и Россію, возвратившись въ свои отечества; Эрдманъ промѣнялъ казанскую службу на службу въ полунѣмецкомъ дерптскомъ университетѣ; Френъ перешелъ въ службу академіи наукъ, перетянувъ слѣдомъ за собою туда же и своего даровитаго ученика Ярцова; Нейманъ совершенно оставилъ университетскую службу, найдя себѣ должность по центральному управленію вѣдомствомъ иностранныхъ исповѣданій; адъюнктъ Петровскій вынужденъ былъ выйти въ отставку за болѣзнью, слѣдомъ затѣмъ сведшею его въ могилу; смерть унесла за тотъ же промежутокъ времени профессоровъ Финке, Лубкина и Реннера и адъюнктовъ Ренарда, Ибрагимова и Алехина.... Всѣ эти утраты требовали своего настоятельнаго и неотложнаго восполненія и совѣту университета, теперь уже всецѣло пользующемуся предоставленными ему уставомъ автономными правами въ дѣлѣ замѣщенія кафедръ, пришлось очутиться въ крайне затруднительномъ положеніи. На приглашеніе иностранныхъ ученыхъ разсчитывать представлялось теперь уже—труднымъ, какъ вслѣдствіе отсутствія достойныхъ лицъ, согласныхъ ѣхать служить въ далекую чужбину, въ особенности же послѣ нашумѣвшаго на всю европейскую науку инцидента проф. Шада, такъ и въ виду того опасливаго и недовѣрчиваго отношенія къ иностраннымъ ученымъ, которое стало далеко не двусмысленно сказываться въ руководящихъ сферахъ министерства народнаго просвѣщенія.

За интересующій насъ промежутокъ времени личный составъ казанскаго университета пополнился лишь тремя иностранцами. То были: профессоръ повивальнаго искусства, итальянецъ Эммануилъ Вердерамо (1815 г.), профессоръ восточной словесности Францъ Эрдманъ (1818 г.—однофамилецъ бывшаго профессора патологіи) и лекторъ французскаго языка Карлъ Краузе. За втораго изъ нихъ была авторитетная рекомендація академика Френа, указавшаго Эрдмана своимъ преемникомъ по кафедрѣ; благонамѣренность перваго гарантировалась его предшествовавшею службою въ Россіи и нѣкоторыми русскими отношеніями, съ которыми мы вскорѣ познакомимся; послѣдній уже до того пріобрѣлъ себѣ право преподаванія въ Россіи. Еще меньшія надежды могли возлагаться на сколько нибудь серьезныхъ русскихъ кандидатовъ для замѣщенія кафедръ: таковыхъ

состоянія, о которомъ упоминалъ впослѣдствіе старикъ Фуксъ. Сказалось это особенно замѣтно на дѣятельности университета, направленной къ замѣщенію преподавательскаго состава, въ которомъ произошли за разсматриваемый нами промежутокъ времени весьма крупныя измѣненія. Двое иностранныхъ профессоровъ,—Литтровъ и Броннеръ,—совершенно покидаютъ Казань и Россію, возвратившись въ свои отечества; Эрдманъ промѣнялъ казанскую службу на службу въ полунѣмецкомъ дерптскомъ университетѣ; Френъ перешелъ въ службу академіи наукъ, перетянувъ слѣдомъ за собою туда же и своего даровитаго ученика Ярцова; Нейманъ совершенно оставилъ университетскую службу, найдя себѣ должность по центральному управленію вѣдомствомъ иностранныхъ исповѣданій; адъюнктъ Петровскій вынужденъ былъ выйти въ отставку за болѣзнью, слѣдомъ затѣмъ сведшею его въ могилу; смерть унесла за тотъ же промежутокъ времени профессоровъ Финке, Лубкина и Реннера и адъюнктовъ Ренарда, Ибрагимова и Алехина.... Всѣ эти утраты требовали своего настоятельнаго и неотложнаго восполненія и совѣту университета, теперь уже всецѣло пользующемуся предоставленными ему уставомъ автономными правами въ дѣлѣ замѣщенія кафедръ, пришлось очутиться въ крайне затруднительномъ положеніи. На приглашеніе иностранныхъ ученыхъ разсчитывать представлялось теперь уже—труднымъ, какъ вслѣдствіе отсутствія достойныхъ лицъ, согласныхъ ѣхать служить въ далекую чужбину, въ особенности же послѣ нашумѣвшаго на всю европейскую науку инцидента проф. Шада, такъ и въ виду того опасливаго и недовѣрчиваго отношенія къ иностраннымъ ученымъ, которое стало далеко не двусмысленно сказываться въ руководящихъ сферахъ министерства народнаго просвѣщенія.

За интересующій насъ промежутокъ времени личный составъ казанскаго университета пополнился лишь тремя иностранцами. То были: профессоръ повивальнаго искусства, итальянецъ Эммануилъ Вердерамо (1815 г.), профессоръ восточной словесности Францъ Эрдманъ (1818 г.—однофамилецъ бывшаго профессора патологіи) и лекторъ французскаго языка Карлъ Краузе. За втораго изъ нихъ была авторитетная рекомендація академика Френа, указавшаго Эрдмана своимъ преемникомъ по кафедрѣ; благонамѣренность перваго гарантировалась его предшествовавшею службою въ Россіи и нѣкоторыми русскими отношеніями, съ которыми мы вскорѣ познакомимся; послѣдній уже до того пріобрѣлъ себѣ право преподаванія въ Россіи. Еще меньшія надежды могли возлагаться на сколько нибудь серьезныхъ русскихъ кандидатовъ для замѣщенія кафедръ: таковыхъ

вовсе почти не имѣлось и профессоръ Солнцевъ явился единственнымъ русскимъ аспирантомъ со стороны, достигшимъ кафедры въ казанскомъ университетѣ за первое пятилѣтіе по полномъ открытии университета. Волею-неволею приходилось университету обходиться своею собственною молодежью изъ магистровъ, возводя ихъ въ званіе адъюнктовъ (Юнаковъ, Алехинъ, Манасеинъ, Булыгинъ, Лобачевскій Алексѣй), предоставивъ тоже званіе учителю гимназіи (Ибрагимовъ) или же допуская сверхштатныхъ преподавателей изъ числа гимназическихъ учителей, окончившихъ университетскій курсъ, и даже студентовъ (Востоковъ, Полиновскій, Сычуговъ, Отсолигъ).

Университетъ дѣлалъ, въ предѣлахъ посильнаго и возможнаго, все, что представлялось цѣлесообразнымъ въ интересахъ полноты личнаго состава и преподаванія—и не его вина, если заботы его въ этомъ направленіи не въ состояніи были увѣнчаться желаемымъ результатомъ. Какъ бы то ни было, но личный составъ казанскаго университета въ количественномъ отношеніи за разсматриваемое нами пятилѣтіе не потерпѣлъ, по крайней мѣрѣ, никакого умаленія, какъ это усматривается изъ нижеслѣдующей таблички:

	Конецъ 1814 года.	Начало 1819 года.
Профессоровъ ординарныхъ	17	18*
„ экстраординарныхъ	6	5
Адъюнктовъ	6	7
Лекторовъ	3	3
Учителей искусствъ	4	4
Нештатныхъ преподавателей	5	5
Итого	41	42

Обращаясь къ измѣненіямъ въ личномъ составѣ казанскаго университета за тотъ же промежутокъ времени въ отношеніи, собственно, качественномъ, мы и здѣсь едва ли вправѣ были бы прійти къ заключеніямъ слишкомъ пессимистическаго характера. Сдѣлано было все возможное въ видахъ удачнаго замѣщенія освободившихся вакансій. Славныхъ Литтрова и Френа замѣстили ими же рекомендованные и безусловно достойные Симоновъ и Эрдманъ; Финке и Неймана смѣняли молодые и много обѣщавшіе юристы Солнцевъ, Алехинъ и Манасеинъ; математикъ Реннеръ замѣстился Никольскимъ; философъ Лубкинъ—Срезневскимъ; хируръ Арнгольдтъ и фармацевтъ

* Въ дѣйствительности—17, такъ какъ проф. Броннеръ числился въ отпуску, фактически окончательно оставивъ казанскій университетъ.

вовсе почти не имѣлось и профессоръ Солнцевъ явился единственнымъ русскимъ аспирантомъ со стороны, достигшимъ кафедры въ казанскомъ университетѣ за первое пятилѣтіе по полномъ открытіи университета. Волею-неволею приходилось университету обходиться своею собственною молодежью изъ магистровъ, возводя ихъ въ званіе адъюнктовъ (Юнаковъ, Алехинъ, Манасеинъ, Булыгинъ, Лобачевскій Алексѣй), предоставивъ тоже званіе учителю гимназіи (Ибрагимовъ) или же допуская сверхштатныхъ преподавателей изъ числа гимназическихъ учителей, окончившихъ университетскій курсъ, и даже студентовъ (Востоковъ, Полиновскій, Сычуговъ, Отсолигъ).

Университетъ дѣлалъ, въ предѣлахъ посильнаго и возможнаго, все, что представлялось цѣлесообразнымъ въ интересахъ полноты личнаго состава и преподаванія—и не его вина, если заботы его въ этомъ направленіи не въ состояніи были увѣнчаться желаемымъ результатомъ. Какъ бы то ни было, но личный составъ казанскаго университета въ количественномъ отношеніи за разсматриваемое нами пятилѣтіе не потерпѣлъ, по крайней мѣрѣ, никакого умаленія, какъ это усматривается изъ нижеслѣдующей таблички:

	Конецъ 1814 года.	Начало 1819 года.
Профессоровъ ординарныхъ	17	18*
„ экстраординарныхъ	6	5
Адъюнктовъ	6	7
Лекторовъ	3	3
Учителей искусствъ	4	4
Нештатныхъ преподавателей	5	5
Итого	41	42

Обращаясь къ измѣненіямъ въ личномъ составѣ казанскаго университета за тотъ же промежутокъ времени въ отношеніи, собственно, качественномъ, мы и здѣсь едва ли вправѣ были бы прійти къ заключеніямъ слишкомъ пессимистическаго характера. Сдѣлано было все возможное въ видахъ удачнаго замѣщенія освободившихся вакансій. Славныхъ Литтрова и Френа замѣстили ими же рекомендованные и безусловно достойные Симоновъ и Эрдманъ; Финке и Неймана смѣняли молодые и много обѣщавшіе юристы Солнцевъ, Алехинъ и Манасеинъ; математикъ Реннеръ замѣстился Никольскимъ; философъ Лубкинъ—Срезневскимъ; хирургъ Арнгольдтъ и фармацевтъ

* Въ дѣйствительности—17, такъ какъ проф. Броннеръ числился въ отпуску, фактически окончательно оставивъ казанскій университетъ.

Ренардъ—компенсировались профессоромъ Вердерамо; Броннера замѣнилъ молодой физикъ Кайсаровъ, но за то университетъ терялъ въ немъ педагога—поприще, на которомъ Броннеръ оставилъ по себѣ наиболѣе глубокій слѣдъ въ начальной исторіи казанскаго университета.

Все заставляетъ насъ, такимъ образомъ, признать прогрессивность тихой, но неустанной работы самоуправляющагося университета 1814—1819 годовъ на пользу своей внутренней организаціи и обезпеченія возможной полноты преподаванія, если мы даже и отнесемся съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ заявленію проф. Фукса о „самомъ блестящемъ" состояніи казанскаго университета за этотъ пятилѣтній промежутокъ времени, конецъ которому такъ рѣзко и такъ насильственно кладется ревизіею и эпохою попечительства Магницкаго, поставившими вверхъ дномъ и казанскую науку, и едва зародившуюся самостоятельную жизнь университета.

Прежде нежели приступить къ повѣствованію объ условіяхъ и явленіяхъ внутренней жизни казанскаго университета въ первое пятилѣтіе по его полномъ открытіи, мы, слѣдуя порядку, какого придерживались и раньше, считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ измѣненіями, послѣдовавшими за этотъ промежутокъ времени въ его личномъ преподавательскомъ составѣ, коснувшись и несостоявшихся попытокъ замѣщенія вакантныхъ кафедръ.

Интересующее насъ пятилѣтіе даетъ намъ нѣсколько примѣровъ домогательства кафедръ въ казанскомъ университетѣ со стороны претендентовъ самыхъ разнообразныхъ состояній и профессій.

Такъ, уже въ началѣ осени 1814 года (22-го августа), обратился въ совѣтъ университета съ прошеніемъ о предоставленіи ему кафедры веществословія, фармаціи и врачебной словесности проживавшій въ г. Симбирскѣ отставной томскій уѣздный врачъ, нѣкій докторъ медицины Бриль-Крамеръ, въ подкрѣпленіе своего домогательства представившій монографію „О параличѣ" и какое то „разсужденіе о фармаціи". Факультетъ далъ объ этихъ сочиненіяхъ неодобрительный отзывъ и въ началѣ ноября совѣтъ отказалъ претенденту.

Въ февралѣ слѣдующаго 1815 года подалъ прошеніе о допущеніи его къ одной изъ трехъ вакантныхъ медицинскихъ кафедръ,—„на какую по благоусмотрѣнію начальства разсудится замѣщеніемъ",—отставной врачъ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, докторъ медицины вѣнскаго университета Ѳ. И. Шлегель. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ, разсмотрѣвъ представленные претендентомъ труды, пришло къ заключенію, что оно, „отдавая должную справедливость г. Шлегелю въ знаніи меди-

Ренардъ—компенсировались профессоромъ Вердерамо; Броннера замѣнилъ молодой физикъ Кайсаровъ, но за то университетъ терялъ въ немъ педагога—поприще, на которомъ Броннеръ оставилъ по себѣ наиболѣе глубокій слѣдъ въ начальной исторіи казанскаго университета.

Все заставляетъ насъ, такимъ образомъ, признать прогрессивность тихой, но неустанной работы самоуправляющагося университета 1814—1819 годовъ на пользу своей внутренней организаціи и обезпеченія возможной полноты преподаванія, если мы даже и отнесемся съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ заявленію проф. Фукса о „самомъ блестящемъ" состояніи казанскаго университета за этотъ пятилѣтній промежутокъ времени, конецъ которому такъ рѣзко и такъ насильственно кладется ревизіею и эпохою попечительства Магницкаго, поставившими вверхъ дномъ и казанскую науку, и едва зародившуюся самостоятельную жизнь университета.

Прежде нежели приступить къ повѣствованію объ условіяхъ и явленіяхъ внутренней жизни казанскаго университета въ первое пятилѣтіе по его полномъ открытіи, мы, слѣдуя порядку, какого придерживались и раньше, считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ измѣненіями, послѣдовавшими за этотъ промежутокъ времени въ его личномъ преподавательскомъ составѣ, коснувшись и несостоявшихся попытокъ замѣщенія вакантныхъ кафедръ.

Интересующее насъ пятилѣтіе даетъ намъ нѣсколько примѣровъ домогательства кафедръ въ казанскомъ университетѣ со стороны претендентовъ самыхъ разнообразныхъ состояній и профессій.

Такъ, уже въ началѣ осени 1814 года (22-го августа), обратился въ совѣтъ университета съ прошеніемъ о предоставленіи ему кафедры веществословія, фармаціи и врачебной словесности проживавшій въ г. Симбирскѣ отставной томскій уѣздный врачъ, нѣкій докторъ медицины Бриль-Крамеръ, въ подкрѣпленіе своего домогательства представившій монографію „О параличѣ" и какое то „разсужденіе о фармаціи". Факультетъ далъ объ этихъ сочиненіяхъ неодобрительный отзывъ и въ началѣ ноября совѣтъ отказалъ претенденту.

Въ февралѣ слѣдующаго 1815 года подалъ прошеніе о допущеніи его къ одной изъ трехъ вакантныхъ медицинскихъ кафедръ,—„на какую по благоусмотрѣнію начальства разсудится замѣщеніемъ",—отставной врачъ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, докторъ медицины вѣнскаго университета Ѳ. И. Шлегель. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ, разсмотрѣвъ представленные претендентомъ труды, пришло къ заключенію, что оно, „отдавая должную справедливость г. Шлегелю въ знаніи меди-

цинской практики, по хирургическимъ познаніямъ для занятія кафедры хирургіи одобрить не можетъ", вслѣдствіе чего и этому претенденту совѣтомъ возвращено было его прошеніе.

Лѣтомъ 1816 года, вслѣдствіе поданнаго лекторомъ французскаго языка Краузе прошенія объ увольненіи, на должность эту просился лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ, желавшій совмѣстить въ своемъ лицѣ обѣ лектуры въ видахъ „чрезвычайной нынѣ дороговизны вещей", затрудняющихъ его въ „содержаніи своего семейства". Совѣтъ представилъ это ходатайство на благоусмотрѣніе попечителя, который призналъ подобную комбинацію неудобною и, съ своей стороны, предложилъ на вакансію лектора французскаго языка учителя вятской гимназіи Эро, отъ принятія этой должности, однако, отказавшагося; дѣло кончилось тѣмъ, что Краузе остался въ званіи лектора, взявъ прошеніе свое обратно. Къ лѣту того же 1816 года относится попытка предоставить въ казанскомъ университетѣ юридическую кафедру молодому (ему было всего 22 года) берлинскому ученому Гельмуту Винтеру. Докторъ обоихъ правъ и философіи, Винтеръ, проживавшій въ то время въ Берлинѣ, гдѣ занимался частнымъ преподаваніемъ, обратился къ извѣстному оріенталисту Цихсену, неоднократно уже устроивавшему въ русскіе университеты нѣмецкихъ ученыхъ (въ числѣ ихъ и Френа), съ письмомъ, въ которомъ просилъ его содѣйствія въ дѣлѣ полученія въ казанскомъ университетѣ кафедры правъ уголовнаго или естественнаго, или же философіи и исторіи. Цихсенъ, въ свою очередь, обратился съ рекомендательнымъ письмомъ къ своему ученику Френу, который 7-го іюня 1816 года и вошелъ съ соотвѣтствующимъ представленіемъ въ совѣтъ казанскаго университета; къ представленію были приложены письмо Винтера къ Цихсену, изъ котораго, по словамъ Френа, усматривается выдающаяся любовь (ausgezeichnete Verliebe) претендента къ Россіи, а также его диссертація „О преступленіяхъ противъ величества", долженствовавшая свидѣтельствовать объ его научныхъ достоинствахъ. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ, на заключеніе котораго передано было совѣтомъ представленіе проф. Френа, дало уклончивый отвѣтъ: „отдавая справедливость" сочиненію Винтера, оно высказалось, что „поелику нынѣ по сей части не состоитъ празднаго мѣста, то и не можетъ удовлетворить его желанія". Претенденту было отказано. Съ Гельмутомъ Винтеромъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіе: восемнадцать лѣтъ спустя, въ 1834 году, ему удалось таки получить въ казанскомъ университетѣ кафедру политической экономіи и дипломатики, которую онъ и занималъ здѣсь до самой смерти (умеръ въ 1847 году, отъ холеры).

цинской практики, по хирургическимъ познаніямъ для занятія кафедры хирургіи одобрить не можетъ", вслѣдствіе чего и этому претенденту совѣтомъ возвращено было его прошеніе.

Лѣтомъ 1816 года, вслѣдствіе поданнаго лекторомъ французскаго языка Краузе прошенія объ увольненіи, на должность эту просился лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ, желавшій совмѣстить въ своемъ лицѣ обѣ лектуры въ видахъ „чрезвычайной нынѣ дороговизны вещей", затрудняющихъ его въ „содержаніи своего семейства". Совѣтъ представилъ это ходатайство на благоусмотрѣніе попечителя, который призналъ подобную комбинацію неудобною и, съ своей стороны, предложилъ на вакансію лектора французскаго языка учителя вятской гимназіи Эро, отъ принятія этой должности, однако, отказавшагося; дѣло кончилось тѣмъ, что Краузе остался въ званіи лектора, взявъ прошеніе свое обратно. Къ лѣту того же 1816 года относится попытка предоставить въ казанскомъ университетѣ юридическую кафедру молодому (ему было всего 22 года) берлинскому ученому Гельмуту Винтеру. Докторъ обоихъ правъ и философіи, Винтеръ, проживавшій въ то время въ Берлинѣ, гдѣ занимался частнымъ преподаваніемъ, обратился къ извѣстному оріенталисту Цихсену, неоднократно уже устроивавшему въ русскіе университеты нѣмецкихъ ученыхъ (въ числѣ ихъ и Френа), съ письмомъ, въ которомъ просилъ его содѣйствія въ дѣлѣ полученія въ казанскомъ университетѣ кафедры правъ уголовнаго или естественнаго, или же философіи и исторіи. Цихсенъ, въ свою очередь, обратился съ рекомендательнымъ письмомъ къ своему ученику Френу, который 7-го іюня 1816 года и вошелъ съ соотвѣтствующимъ представленіемъ въ совѣтъ казанскаго университета; къ представленію были приложены письмо Винтера къ Цихсену, изъ котораго, по словамъ Френа, усматривается выдающаяся любовь (ausgezeichnete Verliebe) претендента къ Россіи, а также его диссертація „О преступленіяхъ противъ величества", долженствовавшая свидѣтельствовать объ его научныхъ достоинствахъ. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ, на заключеніе котораго передано было совѣтомъ представленіе проф. Френа, дало уклончивый отвѣтъ: „отдавая справедливость" сочиненію Винтера, оно высказалось, что „поелику нынѣ по сей части не состоитъ празднаго мѣста, то и не можетъ удовлетворить его желанія". Претенденту было отказано. Съ Гельмутомъ Винтеромъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіе: восемнадцать лѣтъ спустя, въ 1834 году, ему удалось таки получить въ казанскомъ университетѣ кафедру политической экономіи и дипломатики, которую онъ и занималъ здѣсь до самой смерти (умеръ въ 1847 году, отъ холеры).

Лѣто 1817 года ознаменовалось въ лѣтописяхъ казанскаго университета кандидатурою доктора медицины А. П. Владимірскаго, состоявшаго въ то время въ должности акушера симбирской врачебной управы. Эта кандидатура представляетъ для насъ весьма крупный историческій интересъ, такъ какъ неуспѣху, которымъ сопровождались домогательства доктора Владимірскаго, суждено было немного лѣтъ спустя, въ начальную пору попечительства Магницкаго, тяжело отозваться на судьбахъ казанскаго университета, члены совѣта котораго никакъ не предполагали, конечно, что черезъ два съ небольшимъ года въ лицѣ этого забракованнаго претендента на кафедру—явится въ университетъ мстительный и полновластный его „директоръ" Владимірскій, казанскій замѣститель и фанатичный проводникъ обскурантныхъ идей попечителя Магницкаго. Едва ли не навѣтамъ Владимірскаго обязанъ казанскій университетъ тѣмъ предубѣжденнымъ къ нему отношеніемъ, которымъ отмѣчена была вся ревизія Магницкаго, если только не доносы этого неудачнаго претендента выступили и одною изъ побудительныхъ причинъ самой ревизіи 1819 года; слѣдуетъ имѣть въ виду, что именно въ Симбирскѣ, гдѣ служилъ Владимірскій, несъ Магницкій въ 1817—1818 годахъ должность гражданскаго губернатора, передъ тѣмъ возвращенный изъ своей вологодской ссылки. Въ своемъ мѣстѣ мы коснемся болѣе подробнымъ образомъ начальныхъ, начиная съ его кандидатуры 1817 года, отношеній Владимірскаго къ казанскому университету, пока же ограничимся указаніями самаго общаго характера.

Кандидатура Владимірскаго была вызвана ходившими уже въ то время слухами о предстоящемъ оставленіи казанскаго университета Эрдманомъ, профессоромъ патологіи, терапіи и клиники. Еще 17-го іюня 1817 года докторъ Владимірскій обратился непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну съ крайне характернымъ, уснащеннымъ, въ угоду піэтизму министра, текстами изъ священнаго писанія, прошеніемъ, въ которомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ ходатайствуетъ предъ нимъ относительно кафедры въ казанскомъ университетѣ: „Ежели, сіятельнѣйшій князь, и нищіе благовѣствуютъ—si licet parva componere magnis, то нынѣ праздная въ казанскомъ университетѣ катедра матеріи-медики силами моими кажется достижима, также, какъ и катедра патологіи и терапіи, имѣющая быть, по слухамъ, безъ профессора; повивальное же искусство было бы сообразнѣйшею расположенію моему, но оное преподается уже искуснѣйшимъ (намекъ на проф. Вердерамо), нежели бы я былъ, рекрутъ, профессоромъ". Владимірскому было рекомендовано обратиться съ своимъ прошеніемъ въ совѣтъ университета, что онъ и сдѣлалъ, заявивъ ходатайство

Лѣто 1817 года ознаменовалось въ лѣтописяхъ казанскаго университета кандидатурою доктора медицины А. П. Владимiрскаго, состоявшаго въ то время въ должности акушера симбирской врачебной управы. Эта кандидатура представляетъ для насъ весьма крупный историческій интересъ, такъ какъ неуспѣху, которымъ сопровождались домогательства доктора Владимiрскаго, суждено было немного лѣтъ спустя, въ начальную пору попечительства Магницкаго, тяжело отозваться на судьбахъ казанскаго университета, члены совѣта котораго никакъ не предполагали, конечно, что черезъ два съ небольшимъ года въ лицѣ этого забракованнаго претендента на кафедру—явится въ университетъ мстительный и полновластный его „директоръ" Владимiрскій, казанскій замѣститель и фанатичный проводникъ обскурантныхъ идей попечителя Магницкаго. Едва ли не навѣтамъ Владимiрскаго обязанъ казанскій университетъ тѣмъ предубѣжденнымъ къ нему отношеніемъ, которымъ отмѣчена была вся ревизія Магницкаго, если только не доносы этого неудачнаго претендента выступили и одною изъ побудительныхъ причинъ самой ревизіи 1819 года; слѣдуетъ имѣть въ виду, что именно въ Симбирскѣ, гдѣ служилъ Владимiрскій, несъ Магницкій въ 1817—1818 годахъ должность гражданскаго губернатора, передъ тѣмъ возвращенный изъ своей вологодской ссылки. Въ своемъ мѣстѣ мы коснемся болѣе подробнымъ образомъ начальныхъ, начиная съ его кандидатуры 1817 года, отношеній Владимiрскаго къ казанскому университету, пока же ограничимся указаніями самаго общаго характера.

Кандидатура Владимiрскаго была вызвана ходившими уже въ то время слухами о предстоящемъ оставленіи казанскаго университета Эрдманомъ, профессоромъ патологіи, терапіи и клиники. Еще 17-го іюня 1817 года докторъ Владимiрскій обратился непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину съ крайне характернымъ, уснащеннымъ, въ угоду піэтизму министра, текстами изъ священнаго писанія, прошеніемъ, въ которомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ ходатайствуетъ предъ нимъ относительно кафедры въ казанскомъ университетѣ: „Ежели, сіятельнѣйшій князь, и нищіе благовѣствуютъ—si licet parva componere magnis, то нынѣ праздная въ казанскомъ университетѣ катедра матеріи-медики силами моими кажется достижима, также, какъ и катедра патологіи и терапіи, имѣющая быть, по слухамъ, безъ профессора; повивальное же искусство было бы сообразнѣйшею расположенію моему, но оное преподается уже искуснѣйшимъ (намекъ на проф. Вердерамо), нежели бы я былъ, рекрутъ, профессоромъ". Владимiрскому было рекомендовано обратиться съ своимъ прошеніемъ въ совѣтъ университета, что онъ и сдѣлалъ, заявивъ ходатайство

(24-го августа) о предоставленіи ему кафедры матеріи-медики и врачебной словесности, въ чемъ ему и было отказано въ виду того, что кафедра эта уже занята (адъюнктомъ Ренардомъ, осенью того же года, впрочемъ, умершимъ). Между тѣмъ увольненіе проф. Эрдмана сдѣлалось фактомъ совершившимся и 27-го октября Владимірскій обратился въ совѣтъ съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ просилъ предоставить ему уже кафедру патологіи и терапіи, въ доказательство правъ своихъ на нее представивъ латинскій конспектъ этихъ наукъ („Conspectus pathologiae et therapiae humanae... pro munere professoris ordinarii publici etc."—на пяти листахъ писчей бумаги). Отдѣленіе врачебныхъ наукъ, на заключеніе котораго переданъ былъ этотъ конспектъ, дало о немъ отзывъ самый неблагопріятный, признавъ его не только ненаучнымъ, но неудовлетворительнымъ даже и съ точки зрѣнія чисто грамматической, въ виду чего и это второе домогательство Владимірскаго было оставлено безъ удовлетворенія. Отказъ совѣта привелъ неудачнаго претендента въ состояніе крайняго озлобленія, нашедшаго себѣ выходъ въ жалобѣ-извѣтѣ, поданной имъ министру народнаго просвѣщенія, въ которой докторъ Владимірскій не щадилъ красокъ для самой неприглядной характеристики казанскаго университета, обвиняя членовъ его совѣта въ личностяхъ, неблагонамѣренности, пристрастіи къ „безвѣстнымъ иностранцамъ" и въ преднамѣренномъ „поруганіи" его, претендента; онъ не обинуясь жалуется, что его отстранили отъ кафедры проф. Эрдмана, желая предоставить ее профессору Фуксу (который, дѣйствительно, и занялъ ее). Жалоба Владимірскаго въ то время для казанскаго университета никакихъ послѣдствій не имѣла, но его затаенная, до поры до времени, и мстительная злоба дала себя почувствовать въ 1819 году, съ назначеніемъ отвергнутаго претендента „директоромъ" университета и полновластнымъ замѣстителемъ попечителя Магницкаго. Но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ.

Насколько легко относились нѣкоторые претенденты къ надеждѣ добыть себѣ кафедру въ казанскомъ университетѣ, любопытною иллюстраціею тому могутъ служить слѣдующіе два примѣра, относящіеся къ тому же 1817 году.

Въ концѣ сентября этого года поступило въ совѣтъ прошеніе старшаго учителя симбирской гимназіи Андрея Соловьева, въ которомъ проситель, заявляя что онъ „по образованіи своемъ въ казанскомъ университетѣ (кандидатъ выпуска 1813 года) во все трехлѣтнее время служенія при симбирской гимназіи прилагалъ возможное стараніе усовершенствовать себя въ словесныхъ наукахъ, дабы нѣкогда достигнуть высшей степени

(24-го августа) о предоставленіи ему кафедры матеріи-медики и врачебной словесности, въ чемъ ему и было отказано въ виду того, что кафедра эта уже занята (адъюнктомъ Ренардомъ, осенью того же года, впрочемъ, умершимъ). Между тѣмъ увольненіе проф. Эрдмана сдѣлалось фактомъ совершившимся и 27-го октября Владимірскій обратился въ совѣтъ съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ просилъ предоставить ему уже кафедру патологіи и терапіи, въ доказательство правъ своихъ на нее представивъ латинскій конспектъ этихъ наукъ („Conspectus pathologiae et therapiae humanae... pro munere professoris ordinarii publici etc."—на пяти листахъ писчей бумаги). Отдѣленіе врачебныхъ наукъ, на заключеніе котораго переданъ былъ этотъ конспектъ, дало о немъ отзывъ самый неблагопріятный, признавъ его не только ненаучнымъ, но неудовлетворительнымъ даже и съ точки зрѣнія чисто грамматической, въ виду чего и это второе домогательство Владимірскаго было оставлено безъ удовлетворенія. Отказъ совѣта привелъ неудачнаго претендента въ состояніе крайняго озлобленія, нашедшаго себѣ выходъ въ жалобѣ-извѣтѣ, поданной имъ министру народнаго просвѣщенія, въ которой докторъ Владимірскій не щадилъ красокъ для самой непригляднoй характеристики казанскаго университета, обвиняя членовъ его совѣта въ личностяхъ, неблагонамѣренности, пристрастіи къ „безвѣстнымъ иностранцамъ" и въ преднамѣренномъ „поруганіи" его, претендента; онъ не обинуясь жалуется, что его отстранили отъ кафедры проф. Эрдмана, желая предоставить ее профессору Фуксу (который, дѣйствительно, и занялъ ее). Жалоба Владимірскаго въ то время для казанскаго университета никакихъ послѣдствій не имѣла, но его затаенная, до поры до времени, и мстительная злоба дала себя почувствовать въ 1819 году, съ назначеніемъ отвергнутаго претендента „директоромъ" университета и полновластнымъ замѣстителемъ попечителя Магницкаго. Но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ.

Насколько легко относились нѣкоторые претенденты къ надеждѣ добыть себѣ кафедру въ казанскомъ университетѣ, любопытною иллюстраціею тому могутъ служить слѣдующіе два примѣра, относящіеся къ тому же 1817 году.

Въ концѣ сентября этого года поступило въ совѣтъ прошеніе старшаго учителя симбирской гимназіи Андрея Соловьева, въ которомъ проситель, заявляя что онъ „по образованіи своемъ въ казанскомъ университетѣ (кандидатъ выпуска 1813 года) во все трехлѣтнее время служенія при симбирской гимназіи прилагалъ возможное стараніе усовершенствовать себя въ словесныхъ наукахъ, дабы нѣкогда достигнуть высшей степени

при университетѣ", ходатайствовалъ о предоставленіи ему „степени адъюнкта историческихъ или словесныхъ наукъ при университетѣ, дабы тѣмъ болѣе распространить кругъ своихъ познаній и содѣйствовать къ цѣли общеполезныхъ заведеній". Къ прошенію было приложено составленное Соловьевымъ „Обозрѣніе россійской исторіи", имѣющееся при дѣлѣ и представляющее изъ себя самый заурядный, изложенный на 60-ти четвертушкахъ, конспектъ русской исторіи. Претенденту было отказано въ его ходатайствѣ, такъ какъ отдѣленіе словесныхъ наукъ дало заключеніе, что трудъ Соловьева представляетъ собою ничто иное, какъ „худую выписку изъ краткихъ по части россійской исторіи сочиненій".

Еще болѣе страннымъ является относящееся къ началу ноября того же года домогательство штатнаго смотрителя пензенскаго уѣзднаго училища Григорья Михайлова, безъ всякаго стѣсненія просившаго себѣ кафедру въ казанскомъ университетѣ для поправленія своего разстроеннаго матеріальнаго положенія. Поясняя въ своемъ прошеніи совѣту, что онъ не видитъ „никакихъ возможныхъ средствъ къ поправленію разстроеннаго и бѣдственнаго своего положенія, ниже надежды выйти когда либо изъ горестнаго и жалостнаго сего состоянія", Соловьевъ ходатайствуетъ о „перемѣщеніи изъ Пензы въ Казань на какую либо ваканцію по философскому факультету или юридическихъ и политическихъ наукъ, смотря по заслугамъ моимъ (sic!), способностямъ и познаніямъ"; если же такой вакансіи не окажется, проситель согласенъ получить должность „на первый случай по хозяйственной части или въ другое какое либо училищное заведеніе". Все, что совѣтъ могъ сдѣлать по этому прошенію, это только предложить училищному комитету изыскать мѣры къ улучшенію служебнаго положенія Соловьева, „заслуживающаго по долговременной безпорочной службѣ, что бы на него было обращено вниманіе" [4].

Изложенными выше фактами исчерпываются всѣ случаи безуспѣшнаго исканія въ казанскомъ университетѣ кафедръ, найденные нами въ предѣлахъ занимающаго насъ пятилѣтія и касающіеся постороннихъ университету претендентовъ. Мы уже исчислили выше утраты, понесенныя университетомъ за тотъ же промежутокъ времени. Перейдемъ теперь къ обзору новыхъ преподавательскихъ силъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіи перваго пятилѣтія послѣ полнаго открытія своего на основаніи устава 5-го ноября 1804 года.

Намъ уже извѣстно, что еще за девять мѣсяцевъ до торжества полнаго открытія университета, именно 9-го октября 1813 года, возвратился въ казанскій университетъ его изгнанникъ начала 1807 года, профессоръ

при университетѣ", ходатайствовалъ о предоставленіи ему „степени адъюнкта историческихъ или словесныхъ наукъ при университетѣ, дабы тѣмъ болѣе распространить кругъ своихъ познаній и содѣйствовать къ цѣли общеполезныхъ заведеній". Къ прошенію было приложено составленное Соловьевымъ „Обозрѣніе россійской исторіи", имѣющееся при дѣлѣ и представляющее изъ себя самый заурядный, изложенный на 60-ти четвертушкахъ, конспектъ русской исторіи. Претенденту было отказано въ его ходатайствѣ, такъ какъ отдѣленіе словесныхъ наукъ дало заключеніе, что трудъ Соловьева представляетъ собою ничто иное, какъ „худую выписку изъ краткихъ по части россійской исторіи сочиненій".

Еще болѣе страннымъ является относящееся къ началу ноября того же года домогательство штатнаго смотрителя пензенскаго уѣзднаго училища Григорья Михайлова, безъ всякаго стѣсненія просившаго себѣ кафедру въ казанскомъ университетѣ для поправленія своего разстроеннаго матеріальнаго положенія. Поясняя въ своемъ прошеніи совѣту, что онъ не видитъ „никакихъ возможныхъ средствъ къ поправленію разстроеннаго и бѣдственнаго своего положенія, ниже надежды выйти когда либо изъ горестнаго и жалостнаго сего состоянія", Соловьевъ ходатайствуетъ о „перемѣщеніи изъ Пензы въ Казань на какую либо ваканцію по философскому факультету или юридическихъ и политическихъ наукъ, смотря по заслугамъ моимъ (sic!), способностямъ и познаніямъ"; если же такой вакансіи не окажется, проситель согласенъ получить должность „на первый случай по хозяйственной части или въ другое какое либо училищное заведеніе". Все, что совѣтъ могъ сдѣлать по этому прошенію, это только предложить училищному комитету изыскать мѣры къ улучшенію служебнаго положенія Соловьева, „заслуживающаго по долговременной безпорочной службѣ, что бы на него было обращено вниманіе" [4].

Изложенными выше фактами исчерпываются всѣ случаи безуспѣшнаго исканія въ казанскомъ университетѣ кафедръ, найденные нами въ предѣлахъ занимающаго насъ пятилѣтія и касающіеся постороннихъ университету претендентовъ. Мы уже исчислили выше утраты, понесенныя университетомъ за тотъ же промежутокъ времени. Перейдемъ теперь къ обзору новыхъ преподавательскихъ силъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіи перваго пятилѣтія послѣ полнаго открытія своего на основаніи устава 5-го ноября 1804 года.

Намъ уже извѣстно, что еще за девять мѣсяцевъ до торжества полнаго открытія университета, именно 9-го октября 1813 года, возвратился въ казанскій университетъ его изгнанникъ начала 1807 года, профессоръ

П. А. Цеплинъ—на этотъ разъ занявшій уже юридическую кафедру дипломатики и политической экономіи; вскорѣ послѣ полнаго открытія университета, 19-го октября 1814 года, вторично опредѣленъ былъ въ казанскій университетъ и профессоръ И. Е. Нейманъ, занявшій кафедру правъ естественнаго, политическаго и народнаго; наконецъ, 5-го августа 1817 года снова занялъ кафедру хирургіи проф. А. И. Арнгольдтъ, вслѣдъ за полнымъ открытіемъ университета (17-го октября 1814 года) перемѣщенный на должность директора училищъ тобольской губерніи. Кромѣ этихъ трехъ прежнихъ профессоровъ, біографическія данныя относительно которыхъ уже были намъ въ своемъ мѣстѣ даны (см. главу III перваго тома), за интересующее насъ пятилѣтіе въ личный составъ казанскаго университета вошли слѣдующіе 14 преподавателей: три профессора—Э. О. Вердерамо, Г. И. Солнцевъ и Ф. Ф. Эрдманъ, шесть адъюнктовъ—М. А. Юнаковъ, Н. М. Алехинъ, Е. П. Манасеинъ, Н. М. Ибрагимовъ, В. Я. Булыгинъ и А. И. Лобачевскій, одинъ лекторъ—И. Ѳ. Краузе, и четыре нештатныхъ преподавателя—В. В. Востоковъ, С. К. Сычуговъ, М. В. Полиновскій и Ѳ. М. Отсолигъ.

Краткія біографическія данныя относительно всѣхъ этихъ лицъ и послужатъ предметомъ нашего ближайшаго изложенія.

Эммануилъ Осиповичъ Вердерамо, первый избранный на основаніи устава 1804 года профессоръ казанскаго университета, родился около 1778 года (такъ какъ въ 1818 г. ему, по формуляру, значилось сорокъ лѣтъ), въ небольшомъ городѣ Лечче, въ бывшемъ неаполитанскомъ королевствѣ. Природный итальянецъ, Вердерамо получилъ медицинское образованіе въ древней врачебной школѣ города Салерно, которою въ 1803 году и удостоенъ степени доктора философіи, медицины и хирургіи, послѣ чего (съ 1805 года) состоялъ адъюнктомъ родовспомогательнаго искусства и хирургіи въ неаполитанскомъ королевскомъ университетѣ, — званіе, въ которомъ и состоялъ до выѣзда своего въ 1811 году въ Россію.

Причины, побудившія Вердерамо оставить Италію и ѣхать въ Россію, а затѣмъ водвориться въ далекой Казани, обусловливались довольно интересными семейными отношеніями, въ которыя вступилъ ученый итальянецъ. Въ началѣ XIX-го столѣтія Іоническіе острова, отнятые у Франціи соединенными русско-турецкими силами и обращенные императорамъ Павломъ въ республику, находившуюся подъ протекторатомъ Россіи и Турціи, были, какъ извѣстно, заняты русскими войсками, содержавшими гарнизоны

П. А. Цеплинъ—на этотъ разъ занявшій уже юридическую кафедру дипломатики и политической экономіи; вскорѣ послѣ полнаго открытія университета, 19-го октября 1814 года, вторично опредѣленъ былъ въ казанскій университетъ и профессоръ И. Е. Нейманъ, занявшій кафедру правъ естественнаго, политическаго и народнаго; наконецъ, 5-го августа 1817 года снова занялъ кафедру хирургіи проф. А. И. Арнгольдтъ, вслѣдъ за полнымъ открытіемъ университета (17-го октября 1814 года) перемѣщенный на должность директора училищъ тобольской губерніи. Кромѣ этихъ трехъ прежнихъ профессоровъ, біографическія данныя относительно которыхъ уже были намъ въ своемъ мѣстѣ даны (см. главу III перваго тома), за интересующее насъ пятилѣтіе въ личный составъ казанскаго университета вошли слѣдующіе 14 преподавателей: три профессора—Э. О. Вердерамо, Г. И. Солнцевъ и Ф. Ф. Эрдманъ, шесть адъюнктовъ—М. А. Юнаковъ, Н. М. Алехинъ, Е. П. Манасеинъ, Н. М. Ибрагимовъ, В. Я. Булыгинъ и А. И. Лобачевскій, одинъ лекторъ—И. Ѳ. Краузе, и четыре нештатныхъ преподавателя—В. В. Востоковъ, С. К. Сычуговъ, М. В. Полиновскій и Ѳ. М. Отсолигъ.

Краткія біографическія данныя относительно всѣхъ этихъ лицъ и послужатъ предметомъ нашего ближайшаго изложенія.

Эммануилъ Осиповичъ Вердерамо, первый избранный на основаніи устава 1804 года профессоръ казанскаго университета, родился около 1778 года (такъ какъ въ 1818 г. ему, по формуляру, значилось сорокъ лѣтъ), въ небольшомъ городѣ Лечче, въ бывшемъ неаполитанскомъ королевствѣ. Природный итальянецъ, Вердерамо получилъ медицинское образованіе въ древней врачебной школѣ города Салерно, которою въ 1803 году и удостоенъ степени доктора философіи, медицины и хирургіи, послѣ чего (съ 1805 года) состоялъ адъюнктомъ родовспомогательнаго искусства и хирургіи въ неаполитанскомъ королевскомъ университетѣ,—званіе, въ которомъ и состоялъ до выѣзда своего въ 1811 году въ Россію.

Причины, побудившія Вердерамо оставить Италію и ѣхать въ Россію, а затѣмъ водвориться въ далекой Казани, обусловливались довольно интересными семейными отношеніями, въ которыя вступилъ ученый итальянецъ. Въ началѣ XIX-го столѣтія Іоническіе острова, отнятые у Франціи соединенными русско-турецкими силами и обращенные императорамъ Павломъ въ республику, находившуюся подъ протекторатомъ Россіи и Турціи, были, какъ извѣстно, заняты русскими войсками, содержавшими гарнизоны

въ главнѣйшихъ пунктахъ этихъ острововъ, а въ числѣ ихъ и въ г. Корфу, на островѣ того же наименованія. Въ 1804 году прибылъ сюда изъ Россіи, съ своею воинскою частью, артиллерійскій маіоръ Сергѣй Епифановичъ Ларіоновъ, назначенный комендантомъ крѣпости Корфу,—должность, въ которой онъ въ декабрѣ 1809 года и умеръ, оставивъ послѣ себя вдову Ирину Карловну, прибывшую съ нимъ изъ Россіи (онъ находился съ нею уже во второмъ бракѣ), и двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Умершій Ларіоновъ былъ дворяниномъ казанской губерніи, въ свіяжскомъ уѣздѣ которой владѣлъ, нераздѣльно съ тремя братьями своими, родовымъ имѣніемъ. Вскорѣ послѣ смерти Ларіонова русскія войска эвакуировали Іоническіе острова и стянулись къ г. Лечче, расположенному на восточномъ побережьи итальянскаго материка и бывшему родиною Вердерамо; въ этотъ городъ прибыла и вдова Ларіонова съ дѣтьми. Здѣсь то и завязался романъ молодой вдовы съ познакомившимся съ нею, какимъ то образомъ, Вердерамо, своимъ результатомъ имѣвшій бракъ между ними, заключенный въ февралѣ 1811 года; бракъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ своимъ то, что ученый итальянскій врачъ выѣхалъ, вмѣстѣ съ новою семьею своею—въ Россію. Существуютъ весьма опредѣленныя указанія и на мотивы такого рѣшенія: Ирина Карловна разсчитывала получить въ Россіи казанское наслѣдство, слѣдовавшее ея дѣтямъ послѣ ихъ отца и двухъ дядей (къ тому времени изъ братьевъ маіора Ларіонова въ живыхъ оставался лишь одинъ братъ, Григорій, жившій въ родовомъ свіяжскомъ помѣстьи). Самъ Вердерамо писалъ впослѣдствіе въ одной изъ дѣловыхъ бумагъ, поданныхъ въ казанскую палату гражданскаго суда, что онъ женился на вдовѣ Ларіоновой и принялъ попеченіе надъ ея сиротами „болѣе изъ состраданія, видя ихъ въ иноплеменной землѣ безъ родственниковъ, безъ покрова и безъ всякаго пособія къ содержанію себя“; онъ добавлялъ къ этому, что Ирина Карловна увѣряла его въ томъ, что „всѣ издержки, на нихъ употребленныя, будутъ возвращены по прибытіи въ Россію, гдѣ оная вдова надѣялась получить по наслѣдству, съ тѣми малолѣтними дѣтьми, имѣніе по смерти отца ихъ и ихъ дядей имъ принадлежащее“. Это свидѣтельство невольнымъ образомъ наводитъ насъ на мысль, что женитьба Вердерамо на вдовѣ Ларіоновой и переѣздъ его въ Россію—не были совершенно чужды и разсчетовъ характера нѣсколько матеріальнаго.

Вердерамо въѣхалъ въ предѣлы Россіи какъ разъ наканунѣ отечественной войны, когда и въ оффиціальныхъ сферахъ и въ обществѣ сказывалось въ высшей степени подозрительное отношеніе къ иностранцамъ, въ виду чего первою заботою переѣхавшаго русскую границу италь-

въ главнѣйшихъ пунктахъ этихъ островов, а въ числѣ ихъ и въ г. Корфу, на островѣ того же наименованія. Въ 1804 году прибылъ сюда изъ Россіи, съ своею воинскою частью, артиллерійскій маіоръ Сергѣй Епифановичъ Ларіоновъ, назначенный комендантомъ крѣпости Корфу,—должность, въ которой онъ въ декабрѣ 1809 года и умеръ, оставивъ послѣ себя вдову Ирину Карловну, прибывшую съ нимъ изъ Россіи (онъ находился съ нею уже во второмъ бракѣ), и двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Умершій Ларіоновъ былъ дворяниномъ казанской губерніи, въ свіяжскомъ уѣздѣ которой владѣлъ, нераздѣльно съ тремя братьями своими, родовымъ имѣніемъ. Вскорѣ послѣ смерти Ларіонова русскія войска эвакуировали Іоническіе острова и стянулись къ г. Лечче, расположенному на восточномъ побережьи итальянскаго материка и бывшему родиною Вердерамо; въ этотъ городъ прибыла и вдова Ларіонова съ дѣтьми. Здѣсь то и завязался романъ молодой вдовы съ познакомившимся съ нею, какимъ то образомъ, Вердерамо, своимъ результатомъ имѣвшій бракъ между ними, заключенный въ февралѣ 1811 года; бракъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ своимъ то, что ученый итальянскій врачъ выѣхалъ, вмѣстѣ съ новою семьею своею—въ Россію. Существуютъ весьма опредѣленныя указанія и на мотивы такого рѣшенія: Ирина Карловна разсчитывала получить въ Россіи казанское наслѣдство, слѣдовавшее ея дѣтямъ послѣ ихъ отца и двухъ дядей (къ тому времени изъ братьевъ маіора Ларіонова въ живыхъ оставался лишь одинъ братъ, Григорій, жившій въ родовомъ свіяжскомъ помѣстьи). Самъ Вердерамо писалъ впослѣдствіе въ одной изъ дѣловыхъ бумагъ, поданныхъ въ казанскую палату гражданскаго суда, что онъ женился на вдовѣ Ларіоновой и принялъ попеченіе надъ ея сиротами „болѣе изъ состраданія, видя ихъ въ иноплеменной землѣ безъ родственниковъ, безъ покрова и безъ всякаго пособія къ содержанію себя"; онъ добавлялъ къ этому, что Ирина Карловна увѣряла его въ томъ, что „всѣ издержки, на нихъ употребленныя, будутъ возвращены по прибытіи въ Россію, гдѣ оная вдова надѣялась получить по наслѣдству, съ тѣми малолѣтними дѣтьми, имѣніе по смерти отца ихъ и ихъ дядей имъ принадлежащее". Это свидѣтельство невольнымъ образомъ наводитъ насъ на мысль, что женитьба Вердерамо на вдовѣ Ларіоновой и переѣздъ его въ Россію—не были совершенно чужды и разсчетовъ характера нѣсколько матеріальнаго.

Вердерамо въѣхалъ въ предѣлы Россіи какъ разъ наканунѣ отечественной войны, когда и въ оффиціальныхъ сферахъ и въ обществѣ сказывалось въ высшей степени подозрительное отношеніе къ иностранцамъ, въ виду чего первою заботою переѣхавшаго русскую границу италь-

янца было обезпечить себя какимъ бы то ни было актомъ легитимаціи. Вердерамо достигъ этого, получивъ отъ виленскаго университета въ 1812 году (3-го января), какъ разъ передъ открытіемъ наполеоновской кампаніи этого года, дипломъ на степень доктора медицины и хирургіи, открывшій ему доступъ къ военно-врачебной службѣ, которую онъ и несъ во время вспыхнувшей слѣдомъ затѣмъ войны. Какъ и гдѣ проходилъ онъ эту службу—неизвѣстно, но уже въ концѣ 1814 года мы видимъ его въ Казани, куда привлекли его, вѣроятнѣе всего, надежды на наслѣдство послѣ перваго мужа жены. Наличность въ этомъ городѣ университета направила виды Вердерамо и въ другую сторону: онъ рѣшается на попытку получить въ немъ кафедру.

Намъ неизвѣстно, какими путями пришелъ итальянскій выходецъ къ мысли о профессурѣ въ Казани, но уже въ засѣданіи совѣта университета 2-го декабря 1814 года заслушано было прошеніе „вольно-практикующаго доктора Эммануила Вердерамо“ объ опредѣленіи его профессоромъ повивальнаго искусства при казанскомъ университетѣ. Къ прошенію были приложены дипломъ аспиранта, рукописная диссертація на тему о примѣненіи меркуріальнаго метода леченія сифилиса (Dissertatio medico-practica de methodo mercurium adhibendi in morbis syphiliticis) и сочиненіе, на латинскомъ же языкѣ, „о повивальномъ искусствѣ“. Прошеніе Вердерамо передано было на заключеніе отдѣленія врачебныхъ наукъ, которое и дало благопріятный отзывъ, мотивированный, между прочимъ, ссылкою на обѣщаніе кандидата „преподавать студентамъ хирургическія операціи по своему начертанію, пока мѣсто профессора хирургіи (вакантное съ перемѣщеніемъ Арнгольдта) занято не будетъ“. 8-го января 1815 года состоялось избраніе Вердерамо совѣтомъ, а 31-го января послѣдовало и утвержденіе его министромъ въ званіи ординарнаго профессора по кафедрѣ повивальнаго искусства.

Свѣдѣнія о преподаваніяхъ, которыя велись (на латинскомъ языкѣ) проф. Вердерамо за время пятилѣтняго служенія его въ казанскомъ университетѣ, возстановляются „Историческою запискою о четырехъ отдѣленіяхъ казанскаго университета за 1814—1827 годы“ и формулярными о службѣ его списками. Въ 1815—1816 учебномъ году онъ читалъ „повивальное искусство по своимъ запискамъ и хирургическія операціи по Сабатье“; сверхъ того, онъ въ 1816 году „безвозмездно преподавалъ итальянскій языкъ и венерическія болѣзни и занимался хирургическими операціями“. Въ 1816—1817 году онъ читалъ „о болѣзняхъ мочевыхъ путей по Десолю, практическую хирургію по Сабатье и хирургическія повязки“;

янца было обезпечить себя какимъ бы то ни было актомъ легитимаціи. Вердерамо достигъ этого, получивъ отъ виленскаго университета въ 1812 году (3-го января), какъ разъ передъ открытіемъ наполеоновской кампаніи этого года, дипломъ на степень доктора медицины и хирургіи, открывшій ему доступъ къ военно-врачебной службѣ, которую онъ и несъ во время вспыхнувшей слѣдомъ затѣмъ войны. Какъ и гдѣ проходилъ онъ эту службу—неизвѣстно, но уже въ концѣ 1814 года мы видимъ его въ Казани, куда привлекли его, вѣроятнѣе всего, надежды на наслѣдство послѣ перваго мужа жены. Наличность въ этомъ городѣ университета направила виды Вердерамо и въ другую сторону: онъ рѣшается на попытку получить въ немъ кафедру.

Намъ неизвѣстно, какими путями пришелъ итальянскій выходецъ къ мысли о профессурѣ въ Казани, но уже въ засѣданіи совѣта университета 2-го декабря 1814 года заслушано было прошеніе „вольно-практикующаго доктора Эммануила Вердерамо“ объ опредѣленіи его профессоромъ повивальнаго искусства при казанскомъ университетѣ. Къ прошенію были приложены дипломъ аспиранта, рукописная диссертація на тему о примѣненіи меркуріальнаго метода леченія сифилиса (Dissertatio medico-practica de methodo mercurium adhibendi in morbis syphiliticis) и сочиненіе, на латинскомъ же языкѣ, „о повивальномъ искусствѣ“. Прошеніе Вердерамо передано было на заключеніе отдѣленія врачебныхъ наукъ, которое и дало благопріятный отзывъ, мотивированный, между прочимъ, ссылкою на обѣщаніе кандидата „преподавать студентамъ хирургическія операціи по своему начертанію, пока мѣсто профессора хирургіи (вакантное съ перемѣщеніемъ Арнгольдта) занято не будетъ“. 8-го января 1815 года состоялось избраніе Вердерамо совѣтомъ, а 31-го января послѣдовало и утвержденіе его министромъ въ званіи ординарнаго профессора по кафедрѣ повивальнаго искусства.

Свѣдѣнія о преподаваніяхъ, которыя велись (на латинскомъ языкѣ) проф. Вердерамо за время пятилѣтняго служенія его въ казанскомъ университетѣ, возстановляются „Историческою запискою о четырехъ отдѣленіяхъ казанскаго университета за 1814—1827 годы“ и формулярными о службѣ его списками. Въ 1815—1816 учебномъ году онъ читалъ „повивальное искусство по своимъ запискамъ и хирургическія операціи по Сабатье“; сверхъ того, онъ въ 1816 году „безвозмездно преподавалъ итальянскій языкъ и венерическія болѣзни и занимался хирургическими операціями“. Въ 1816—1817 году онъ читалъ „о болѣзняхъ мочевыхъ путей по Десолю, практическую хирургію по Сабатье и хирургическія повязки“;

въ 1817—1818 году, кромѣ повивальнаго искусства, Вердерамо „преподаетъ, по порученію, врачебное веществословіе, фармацію и врачебную словесность, впредь до опредѣленія профессора по этой части“; въ 1818—1819 году читаетъ „матерію-медику по Спельману (Spielmann) и повивальное искусство по своимъ запискамъ; на 1819—1820 учебный годъ онъ предполагалъ читать „повивальное искусство по своимъ запискамъ, фармакологію по руководству Спельмана и венерическія болѣзни по руководству Сведіера (Swediaur)“. Научно-литературная дѣятельность Вердерамо ни въ чемъ не проявлялась за казанскій періодъ его дѣятельности, исключая латинской рѣчи: „Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam“, произнесенной на публичномъ актѣ 5-го іюля 1818 года; изъ другихъ печатныхъ произведеній Вердерамо могутъ быть указаны два итальянскіе сонета (онъ былъ и поэтомъ), изъ которыхъ первый, сочиненный въ честь императора Александра, былъ произнесенъ имъ во время университетскаго акта 5-го іюля 1815 года, а второй посвященъ и поднесенъ великому князю Михаилу Павловичу, во время пребыванія его въ Казани въ августѣ 1817 года.

Трудно сказать что нибудь положительное относительно достоинствъ или недостатковъ Вердерамо, въ качествѣ университетскаго преподавателя. Ему былъ, во всякомъ случаѣ, присущъ, какъ лектору, крупный недочетъ, общій со многими другими иностранными его сотоварищами: это—незнаніе имъ русскаго языка, заставлявшее его вести чтенія на мало понятномъ слушателямъ языкѣ латинскомъ, что не могло, конечно, не отзываться и на самыхъ успѣхахъ преподаванія. Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ Вердерамо казанскій университетъ имѣлъ, повидимому, ученаго, вполнѣ владѣвшаго своею спеціальностью. Въ пользу такого предположенія свидѣтельствуетъ и неаполитанская университетская карьера Вердерамо, и отзывъ факультета, данный при вступленіи его въ казанскую службу, и избраніе его почетнымъ членомъ университета, которымъ сопровождалось оставленіе имъ Казани. Вердерамо оказался въ 1819 году въ числѣ тѣхъ немногихъ членовъ казанскаго университета, относительно которыхъ данъ былъ благопріятный отзывъ даже Магницкимъ, аттестовавшимъ его „человѣкомъ отлично достойнымъ и въ научномъ свѣтѣ извѣстнымъ“; припомнимъ, что и самонадѣянный претендентъ Владимірскій, будущій директоръ университета и самъ акушеръ по профессіи, называлъ себя въ этой области „рекрутомъ“ въ сравненіи съ „искусстнѣйшимъ профессоромъ“ Вердерамо. Профессоръ Вердерамо не былъ чуждъ и административной жизни университета: съ 31-го августа 1817 года и до самаго выхода своего изъ университета онъ несъ, по избранію, должность декана отдѣленія врачебныхъ наукъ.

въ 1817—1818 году, кромѣ повивальнаго искусства, Вердерамо „преподаетъ, по порученію, врачебное веществословіе, фармацію и врачебную словесность, впредь до опредѣленія профессора по этой части"; въ 1818—1819 году читаетъ „матерію-медику по Спельману (Spielmann) и повивальное искусство по своимъ запискамъ; на 1819—1820 учебный годъ онъ предполагалъ читать „повивальное искусство по своимъ запискамъ, фармакологію по руководству Спельмана и венерическія болѣзни по руководству Сведіера (Swediaur)". Научно-литературная дѣятельность Вердерамо ни въ чемъ не проявлялась за казанскій періодъ его дѣятельности, исключая латинской рѣчи: „Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam", произнесенной на публичномъ актѣ 5-го іюля 1818 года; изъ другихъ печатныхъ произведеній Вердерамо могутъ быть указаны два итальянскіе сонета (онъ былъ и поэтомъ), изъ которыхъ первый, сочиненный въ честь императора Александра, былъ произнесенъ имъ во время университетскаго акта 5-го іюля 1815 года, а второй посвященъ и поднесенъ великому князю Михаилу Павловичу, во время пребыванія его въ Казани въ августѣ 1817 года.

Трудно сказать что нибудь положительное относительно достоинствъ или недостатковъ Вердерамо, въ качествѣ университетскаго преподавателя. Ему былъ, во всякомъ случаѣ, присущъ, какъ лектору, крупный недочетъ, общій со многими другими иностранными его сотоварищами: это—незнаніе имъ русскаго языка, заставлявшее его вести чтенія на мало понятномъ слушателямъ языкѣ латинскомъ, что не могло, конечно, не отзываться и на самыхъ успѣхахъ преподаванія. Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ Вердерамо казанскій университетъ имѣлъ, повидимому, ученаго, вполнѣ владѣвшаго своею спеціальностью. Въ пользу такого предположенія свидѣтельствуетъ и неаполитанская университетская карьера Вердерамо, и отзывъ факультета, данный при вступленіи его въ казанскую службу, и избраніе его почетнымъ членомъ университета, которымъ сопровождалось оставленіе имъ Казани. Вердерамо оказался въ 1819 году въ числѣ тѣхъ немногихъ членовъ казанскаго университета, относительно которыхъ данъ былъ благопріятный отзывъ даже Магницкимъ, аттестовавшимъ его „человѣкомъ отлично достойнымъ и въ научномъ свѣтѣ извѣстнымъ"; припомнимъ, что и самонадѣянный претендентъ Владимірскій, будущій директоръ университета и самъ акушеръ по профессіи, называлъ себя въ этой области „рекрутомъ" въ сравненіи съ „искусстнѣйшимъ профессоромъ" Вердерамо. Профессоръ Вердерамо не былъ чуждъ и административной жизни университета: съ 31-го августа 1817 года и до самаго выхода своего изъ университета онъ несъ, по избранію, должность декана отдѣленія врачебныхъ наукъ.

Кромѣ служебныхъ обязанностей по университету, казанская пора жизни Вердерамо была въ весьма значительной степени поглощена его семейными дѣлами и тяжбою изъ за наслѣдства съ дядею его пріемныхъ дѣтей, Григоріемъ Епифановичемъ Ларіоновымъ. Жена Вердерамо, Ирина Карловна, умерла еще въ декабрѣ 1814 года, вскорѣ послѣ переселенія супруговъ въ Казань, возложивъ на Григорія Епифановича опеку надъ своими малолѣтними дѣтьми. Весною 1815 года Вердерамо вступилъ въ новый бракъ, женившись, съ особаго разрѣшенія епархіальнаго начальства, на падчерицѣ своей умершей жены, Евдокіи, дочери маіора Сергѣя Епифановича Ларіонова отъ перваго его брака и, слѣдомъ затѣмъ, началъ ожесточенную тяжбу съ Григоріемъ Ларіоновымъ, требуя въ свою пользу седьмую часть наслѣдственной доли умершей жены, наслѣдственную долю новой жены своей и отчета за все время управленія нераздѣльнымъ родовымъ имѣніемъ, находившимся, какъ мы знаемъ, въ свіяжскомъ уѣздѣ. Мы считаемъ лишнимъ входить въ разсмотрѣніе подробностей этой въ высшей степени кляузной и запутанной тяжбы, прошедшей всевозможныя инстанціи, до сената включительно, и заполняющей собою все время пребыванія Вердерамо въ Казани.

Рѣшимость совершенно покинуть Казань и русскую службу, вообще, созрѣла въ умѣ Вердерамо уже въ началѣ лѣта 1819 года. Начавъ еще съ весны этого года жаловаться на разстроенное здоровье, онъ въ сентябрѣ 1819 года продаетъ университету за четыреста рублей свое собраніе хирургическихъ инструментовъ, а въ октябрѣ предпринимаетъ ходатайство о шестимѣсячномъ отпускѣ въ Италію. Не безъ основанія заподозрѣвъ намѣреніе Вердерамо замаскировать этимъ продолжительнымъ отпускомъ оставленіе имъ университета, попечитель Магницкій отказалъ ему въ отпускѣ, и тогда Вердерамо подалъ прошеніе о совершенномъ увольненіи отъ службы университету, каковое и послѣдовало 23-го января 1820 года. Совѣтъ университета почтилъ бывшаго сочлена избраніемъ (18-го мая) въ почетные члены, но попечитель Магницкій отказался утвердить его въ этомъ званіи.

Весною того же года Вердерамо окончательно покинулъ Россію и возвратился со всею семьею своею въ Италію, гдѣ и поселился въ родномъ городѣ Лечче; будучи уже преклоннымъ старцемъ, онъ еще здравствовалъ, на родинѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ истекшаго XIX столѣтія. Передъ оставленіемъ Казани, Вердерамо принесъ университету въ даръ свое собраніе книгъ [5].

Кромѣ служебныхъ обязанностей по университету, казанская пора жизни Вердерамо была въ весьма значительной степени поглощена его семейными дѣлами и тяжбою изъ за наслѣдства съ дядею его пріемныхъ дѣтей, Григоріемъ Епифановичемъ Ларіоновымъ. Жена Вердерамо, Ирина Карловна, умерла еще въ декабрѣ 1814 года, вскорѣ послѣ переселенія супруговъ въ Казань, возложивъ на Григорія Епифановича опеку надъ своими малолѣтними дѣтьми. Весною 1815 года Вердерамо вступилъ въ новый бракъ, женившись, съ особаго разрѣшенія епархіальнаго начальства, на падчерицѣ своей умершей жены, Евдокіи, дочери маіора Сергѣя Епифановича Ларіонова отъ перваго его брака и, слѣдомъ затѣмъ, началъ ожесточенную тяжбу съ Григоріемъ Ларіоновымъ, требуя въ свою пользу седьмую часть наслѣдственной доли умершей жены, наслѣдственную долю новой жены своей и отчета за все время управленія нераздѣльнымъ родовымъ имѣніемъ, находившимся, какъ мы знаемъ, въ свіяжскомъ уѣздѣ. Мы считаемъ лишнимъ входить въ разсмотрѣніе подробностей этой въ высшей степени кляузной и запутанной тяжбы, прошедшей всевозможныя инстанціи, до сената включительно, и заполняющей собою все время пребыванія Вердерамо въ Казани.

Рѣшимость совершенно покинуть Казань и русскую службу, вообще, созрѣла въ умѣ Вердерамо уже въ началѣ лѣта 1819 года. Начавъ еще съ весны этого года жаловаться на разстроенное здоровье, онъ въ сентябрѣ 1819 года продаетъ университету за четыреста рублей свое собраніе хирургическихъ инструментовъ, а въ октябрѣ предпринимаетъ ходатайство о шестимѣсячномъ отпускѣ въ Италію. Не безъ основанія заподозрѣвъ намѣреніе Вердерамо замаскировать этимъ продолжительнымъ отпускомъ оставленіе имъ университета, попечитель Магницкій отказалъ ему въ отпускѣ, и тогда Вердерамо подалъ прошеніе о совершенномъ увольненіи отъ службы университету, каковое и послѣдовало 23-го января 1820 года. Совѣтъ университета почтилъ бывшаго сочлена избраніемъ (18-го мая) въ почетные члены, но попечитель Магницкій отказался утвердить его въ этомъ званіи.

Весною того же года Вердерамо окончательно покинулъ Россію и возвратился со всею семьею своею въ Италію, гдѣ и поселился въ родномъ городѣ Лечче; будучи уже преклоннымъ старцемъ, онъ еще здравствовалъ, на родинѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ истекшаго XIX столѣтія. Передъ оставленіемъ Казани, Вердерамо принесъ университету въ даръ свое собраніе книгъ [5].

Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ былъ вторымъ, по времени избранія, выборнымъ профессоромъ казанскаго университета. Солнцевъ, сынъ священника, родился 22-го марта 1786 года въ подгородномъ селѣ Радогощъ, дмитровскаго уѣзда орловской губерніи, вотчинѣ князей Голицыныхъ, у которыхъ отецъ его служилъ, до посвященія въ духовный санъ, капельмейстеромъ крѣпостнаго оркестра. По окончаніи курса въ орловскомъ народномъ училищѣ, а затѣмъ въ орловской духовной семинаріи, Солнцевъ нѣкоторое время былъ, повидимому, слушателемъ московскаго университета; въ его послужныхъ спискахъ значится, по крайней мѣрѣ, что онъ „слушалъ въ московскомъ университетѣ лекціи по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ", причемъ эта запись пріурочена здѣсь ко времени, предшествующему его опредѣленію въ службу, хотя сколько нибудь точныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи—не имѣется. Уволившись изъ духовнаго состоянія, Солнцевъ 24-го мая 1807 года опредѣлился на службу въ орловское губернское правленіе, но уже 9-го сентября 1811 года перевелся въ канцелярію московскаго 7-го департамента правительствующаго сената.

Роковой двѣнадцатый годъ засталъ Солнцева на московской сенатской службѣ и послужилъ ближайшею причиною будущихъ казанскихъ отношеній его. Мы уже знаемъ, что передъ занятіемъ Наполеономъ Москвы, изъ первопрестольной столицы вывезены были, вмѣстѣ съ другими учрежденіями, и московскіе (6-ой, 7-ой и 8-ой) департаменты сената, отправленные на время въ Казань, подъ главнымъ наблюденіемъ оберъ-прокурора Столыпина, со всѣми дѣлами и съ полнымъ канцелярскимъ штатомъ. Въ составѣ этого послѣдняго прибылъ въ Казань и Г. И. Солнцевъ, въ то время еще совсѣмъ молодой (ему было всего 26 лѣтъ) сенатскій чиновникъ. Въ Казани Солнцевъ сдѣлался членомъ мѣстнаго общества любителей отечественной словесности, завелъ знакомства въ мѣстномъ университетскомъ мірѣ и въ немъ стала зрѣть мысль бросить сенатскую службу и избрать ученую карьеру при казанскомъ университетѣ; по собственному свидѣтельству Солнцева, — оффиціальными университетскими данными, однако, не подтверждаемому,—онъ воспользовался даже служебными досугами, что бы прослушать въ университетѣ „курсъ юридико-политическихъ и философскихъ наукъ". Досуги свои посвящалъ Солнцевъ и переводамъ съ нѣмецкаго языка, не имѣвшимъ, впрочемъ, ничего общаго съ его занятіями юриспруденціею *.

* Нѣкоторые изъ нихъ были имъ, даже, напечатаны, именно: «Важнѣйшія истины для прекраснаго пола. — Перевелъ съ нѣмецкаго Гаврила Солнцевъ (Каз. 1813)» и «Мечтаніе хо-

Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ былъ вторымъ, по времени избранія, выборнымъ профессоромъ казанскаго университета. Солнцевъ, сынъ священника, родился 22-го марта 1786 года въ подгородномъ селѣ Радогощъ, дмитровскаго уѣзда орловской губерніи, вотчинѣ князей Голициныхъ, у которыхъ отецъ его служилъ, до посвященія въ духовный санъ, капельмейстеромъ крѣпостнаго оркестра. По окончаніи курса въ орловскомъ народномъ училищѣ, а затѣмъ въ орловской духовной семинаріи, Солнцевъ нѣкоторое время былъ, повидимому, слушателемъ московскаго университета; въ его послужныхъ спискахъ значится, по крайней мѣрѣ, что онъ „слушалъ въ московскомъ университетѣ лекціи по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ“, причемъ эта запись пріурочена здѣсь ко времени, предшествующему его опредѣленію въ службу, хотя сколько нибудь точныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи—не имѣется. Уволившись изъ духовнаго состоянія, Солнцевъ 24-го мая 1807 года опредѣлился на службу въ орловское губернское правленіе, но уже 9-го сентября 1811 года перевелся въ канцелярію московскаго 7-го департамента правительствующаго сената.

Роковой двѣнадцатый годъ засталъ Солнцева на московской сенатской службѣ и послужилъ ближайшею причиною будущихъ казанскихъ отношеній его. Мы уже знаемъ, что передъ занятіемъ Наполеономъ Москвы, изъ первопрестольной столицы вывезены были, вмѣстѣ съ другими учрежденіями, и московскіе (6-ой, 7-ой и 8-ой) департаменты сената, отправленные на время въ Казань, подъ главнымъ наблюденіемъ оберъ-прокурора Столыпина, со всѣми дѣлами и съ полнымъ канцелярскимъ штатомъ. Въ составѣ этого послѣдняго прибылъ въ Казань и Г. И. Солнцевъ, въ то время еще совсѣмъ молодой (ему было всего 26 лѣтъ) сенатскій чиновникъ. Въ Казани Солнцевъ сдѣлался членомъ мѣстнаго общества любителей отечественной словесности, завелъ знакомства въ мѣстномъ университетскомъ мірѣ и въ немъ стала зрѣть мысль бросить сенатскую службу и избрать ученую карьеру при казанскомъ университетѣ; по собственному свидѣтельству Солнцева, — оффиціальными университетскими данными, однако, не подтверждаемому,—онъ воспользовался даже служебными досугами, что бы прослушать въ университетѣ „курсъ юридико-политическихъ и философскихъ наукъ“. Досуги свои посвящалъ Солнцевъ и переводамъ съ нѣмецкаго языка, не имѣвшимъ, впрочемъ, ничего общаго съ его занятіями юриспруденціею *.

* Нѣкоторые изъ нихъ были имъ, даже, напечатаны, именно: «Важнѣйшія истины для прекраснаго пола. — Перевелъ съ нѣмецкаго Гаврила Солнцевъ (Каз. 1813)» и «Мечтаніе хо-

Богатыя отъ природы дарованія помогли Солнцеву быстро подготовиться къ будущей ученой карьерѣ, и уже въ апрѣлѣ 1814 года поступило въ университетъ прошеніе на высочайшее имя (по титулѣ) губернскаго секретаря Гавріила Солнцева, объ опредѣленіи его „въ ученые чиновники казанскаго университета" и „о учиненіи ему на законномъ основаніи испытанія на степень магистра правовѣдѣнія"; заслушанное въ засѣданіи совѣта 29-го апрѣля, прошеніе это было затѣмъ препровождено въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ. Еще до этого, 10-го февраля того же года, Солнцевъ уволился, по прошенію, отъ сенатской службы. Въ архивѣ казанскаго университета не сохранилось, къ сожалѣнію, дѣла объ экзаменѣ Солнцева, но изъ результата его мы узнаемъ, что испытаніе, начатое на степень магистра, факультетъ, въ виду успѣшности его, почелъ возможнымъ обратить въ докторское, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ Солнцевъ въ попыткѣ своей автобіографіи *: „Какъ на ономъ испытаніи,— заявляетъ онъ здѣсь,—показалъ я гораздо больше свѣдѣній, нежели какія требуются для магистра, то и допущенъ я былъ, въ дополненіе магистерскаго экзамена, и къ испытанію докторскому, согласно поданному мною въ совѣтъ прошенію".

Испытаніе Солнцева было закончено уже къ октябрю 1814 года. Въ теченіи этого мѣсяца прочитаны были имъ положенныя уставомъ три публичныя лекціи ** и 19-го ноября поступило въ совѣтъ донесеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, при которомъ представлялось все испытательное производство и прилагалась рукописная докторская диссертація Солнцева, на тему о наслѣдствѣ безъ завѣщанія по правамъ русскому и римскому („De successione ab intestato secundum juris rossici principia, respectu quoque non minus habito ad jus Justinianaeum"), съ тезисами къ ней; совѣтъ постановилъ напечатать тезисы и представить ректору о назначеніи дня диспута. Когда именно и какимъ порядкомъ происходилъ этотъ диспутъ—изъ дѣлъ не видно, но онъ состоялся въ концѣ ноября, такъ какъ уже 2-го декабря 1814 года Солнцевъ утвержденъ былъ совѣтомъ

лостаго о будущей его супругѣ (Каз. 1813)». Къ этой же порѣ относится его переводъ сочиненія К. Гейденрейха: «Приданое моей дочери, или уроки для благородныхъ дѣвицъ», напечатанное много позже (Каз. 1838).

* Эта попытка автобіографіи (на латинскомъ языкѣ), заключающая въ себѣ лишь нѣсколько начерно набросанныхъ страничекъ, не представляетъ большаго значенія и относится уже къ старческому періоду жизни Солнцева.

** Солнцевъ читалъ публичныя лекціи на слѣдующія темы: а) «Circa successionem secundum principia juris Justinianci», б) «De juribus nobilitatis rossicae et de modis ei acquirendi» и в) «De tutelis secundum jus romanum».

Богатыя отъ природы дарованія помогли Солнцеву быстро подготовиться къ будущей ученой карьерѣ, и уже въ апрѣлѣ 1814 года поступило въ университетъ прошеніе на высочайшее имя (по титулѣ) губернскаго секретаря Гавріила Солнцева, объ опредѣленіи его „въ ученые чиновники казанскаго университета“ и „о учиненіи ему на законномъ основаніи испытанія на степень магистра правовѣдѣнія“; заслушанное въ засѣданіи совѣта 29-го апрѣля, прошеніе это было затѣмъ препровождено въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ. Еще до этого, 10-го февраля того же года, Солнцевъ уволился, по прошенію, отъ сенатской службы. Въ архивѣ казанскаго университета не сохранилось, къ сожалѣнію, дѣла объ экзаменѣ Солнцева, но изъ результата его мы узнаемъ, что испытаніе, начатое на степень магистра, факультетъ, въ виду успѣшности его, почелъ возможнымъ обратить въ докторское, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ Солнцевъ въ попыткѣ своей автобіографіи *: „Какъ на ономъ испытаніи,— заявляетъ онъ здѣсь,—показалъ я гораздо больше свѣдѣній, нежели какія требуются для магистра, то и допущенъ я былъ, въ дополненіе магистерскаго экзамена, и къ испытанію докторскому, согласно поданному мною въ совѣтъ прошенію“.

Испытаніе Солнцева было закончено уже къ октябрю 1814 года. Въ теченіи этого мѣсяца прочитаны были имъ положенныя уставомъ три публичныя лекціи ** и 19-го ноября поступило въ совѣтъ донесеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, при которомъ представлялось все испытательное производство и прилагалась рукописная докторская диссертація Солнцева, на тему о наслѣдствѣ безъ завѣщанія по правамъ русскому и римскому („De successione ab intestato secundum juris rossici principia, respectu quoque non minus habito ad jus Justinianaeum“), съ тезисами къ ней; совѣтъ постановилъ напечатать тезисы и представить ректору о назначеніи дня диспута. Когда именно и какимъ порядкомъ происходилъ этотъ диспутъ—изъ дѣлъ не видно, но онъ состоялся въ концѣ ноября, такъ какъ уже 2-го декабря 1814 года Солнцевъ утвержденъ былъ совѣтомъ

лостаго о будущей его супругѣ (Каз. 1813)». Къ этой же порѣ относится его переводъ сочиненія К. Гейденрейха: «Приданое моей дочери, или уроки для благородныхъ дѣвицъ», напечатанное много позже (Каз. 1838).

* Эта попытка автобіографіи (на латинскомъ языкѣ), заключающая въ себѣ лишь нѣсколько начерно набросанныхъ страничекъ, не представляетъ большаго значенія и относится уже къ старческому періоду жизни Солнцева.

** Солнцевъ читалъ публичныя лекціи на слѣдующія темы: а) «Circa successionem secundum principia juris Justinianci», б) «De juribus nobilitatis rossicae et de modis ei acquirendi» и в) «De tutelis secundum jus romanum».

въ степени доктора правъ, согласно представленію профессоровъ бар. Врангеля, Лубкина и Кондырева (вѣроятно—оппоненты его) „о совершенномъ успѣхѣ публичнаго защищенія положеній изъ диссертаціи, выбранныхъ экзаменующимся на степень доктора губернскимъ секретаремъ Солнцевымъ“.

Еще до пріобрѣтенія имъ профессорскаго званія, Солнцевъ, въ теченіи 1814 и первой половины 1815 года, уже принималъ участіе въ жизни университета, занимаясь „исполненіемъ,—по выраженію формулярныхъ его списковъ,—различныхъ порученій университетскаго совѣта. Изъ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи аттестата о службѣ Солнцева мы узнаемъ, въ чемъ состояли эти порученія: такъ, онъ занимался „разсмотрѣніемъ разныхъ дипломатическихъ бумагъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ писанныхъ, отъ генералъ-маіора Рослейна въ совѣтъ препровожденныхъ“, „исправленіемъ сочиненнаго профессоромъ Финке курса естественнаго права и изданіемъ онаго въ пользу русскихъ инвалидовъ“ и т. п.

23-го февраля 1815 года вновь произведенный докторъ правъ вошелъ въ совѣтъ университета съ писаннымъ „по титулѣ“ на высочайшее имя прошеніемъ, въ которомъ изъявлялъ свое желаніе, „вступивъ въ службу императорскаго казанскаго университета, преподавать въ ономъ публичныя лекціи правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, съ приложеніемъ къ онымъ россійскаго законодательства, руководствуясь или по собственнымъ тетрадямъ или по сочиненію какого либо писателя, по симъ частямъ извѣстнаго, къ чему,—добавляетъ проситель,—много способствовать мнѣ можетъ знаніе мною языковъ латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, польскаго, итальянскаго и, частью, греческаго“. Испрашивая себѣ званіе экстраординарнаго профессора, Солнцевъ обѣщаетъ также „студентовъ, опредѣлившихъ себя изученію россійскаго права, занимать и по сей части, а наипаче практическимъ судопроизводствомъ, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, въ которомъ пріобрѣлъ я опытныя познанія чрезъ долговременное прохожденіе мною статской службы“. Сверхъ всего изложеннаго выше, Солнцевъ изъявляетъ намѣреніе „въ свободное и удобное время“ вести съ слушателями практическія занятія, занимая ихъ „бесѣдами по означеннымъ частямъ, на латинскомъ или россійскомъ языкѣ“. Къ прошенію были приложены слѣдующіе, до нашихъ дней не сохранившіеся, рукописные труды Солнцева—„по краткости времени и по недостатку нужныхъ пособій не совершенно обработанные“, какъ сознается въ томъ самъ авторъ ихъ: а) „тетради римскаго права на латинскомъ языкѣ“, б) „тетради общаго уголовнаго германскаго права, сокращеннаго по системѣ

въ степени доктора правъ, согласно представленію профессоровъ бар. Врангеля, Лубкина и Кондырева (вѣроятно—оппоненты его) „о совершенномъ успѣхѣ публичнаго защищенія положеній изъ диссертаціи, выбранныхъ экзаменующимся на степень доктора губернскимъ секретаремъ Солнцевымъ".

Еще до пріобрѣтенія имъ профессорскаго званія, Солнцевъ, въ теченіи 1814 и первой половины 1815 года, уже принималъ участіе въ жизни университета, занимаясь „исполненіемъ,—по выраженію формулярныхъ его списковъ,—различныхъ порученій университетскаго совѣта. Изъ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи аттестата о службѣ Солнцева мы узнаемъ, въ чемъ состояли эти порученія: такъ, онъ занимался „разсмотрѣніемъ разныхъ дипломатическихъ бумагъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ писанныхъ, отъ генералъ-маіора Рослейна въ совѣтъ препровожденныхъ", „исправленіемъ сочиненнаго профессоромъ Финке курса естественнаго права и изданіемъ онаго въ пользу русскихъ инвалидовъ" и т. п.

23-го февраля 1815 года вновь произведенный докторъ правъ вошелъ въ совѣтъ университета съ писаннымъ „по титулѣ" на высочайшее имя прошеніемъ, въ которомъ изъявлялъ свое желаніе, „вступивъ въ службу императорскаго казанскаго университета, преподавать въ ономъ публичныя лекціи правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, съ приложеніемъ къ онымъ россійскаго законодательства, руководствуясь или по собственнымъ тетрадямъ или по сочиненію какого либо писателя, по симъ частямъ извѣстнаго, къ чему,—добавляетъ проситель,—много способствовать мнѣ можетъ знаніе мною языковъ латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, польскаго, итальянскаго и, частью, греческаго". Испрашивая себѣ званіе экстраординарнаго профессора, Солнцевъ обѣщаетъ также „студентовъ, опредѣлившихъ себя изученію россійскаго права, занимать и по сей части, а наипаче практическимъ судопроизводствомъ, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, въ которомъ пріобрѣлъ я опытныя познанія чрезъ долговременное прохожденіе мною статской службы". Сверхъ всего изложеннаго выше, Солнцевъ изъявляетъ намѣреніе „въ свободное и удобное время" вести съ слушателями практическія занятія, занимая ихъ „бесѣдами по означеннымъ частямъ, на латинскомъ или россійскомъ языкѣ". Къ прошенію были приложены слѣдующіе, до нашихъ дней не сохранившіеся, рукописные труды Солнцева—„по краткости времени и по недостатку нужныхъ пособій не совершенно обработанные", какъ сознается въ томъ самъ авторъ ихъ: а) „тетради римскаго права на латинскомъ языкѣ", б) „тетради общаго уголовнаго германскаго права, сокращеннаго по системѣ

Грольмана"; в) „краткое обозрѣніе исторіи россійскаго законодательства, вообще" и г) „историко-юридическій трактатъ, содержащій въ себѣ обозрѣніе правъ древнихъ и новыхъ народовъ, писанный на латинскомъ языкѣ".

Заслушавъ 8-го марта прошеніе Солнцева, совѣтъ передалъ его, вмѣстѣ со всѣми приложеніями, на заключеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, которое, согласившись съ отзывами профессоровъ Неймана, бар. Врангеля и Кондырева относительно трудовъ аспиранта, признало его достойнымъ званія экстраординарнаго профессора, о чемъ, отъ 8-го мая, и представило совѣту. Въ засѣданіи совѣта 15-го мая Солнцевъ былъ единогласно избранъ, а 9-го іюня утвержденъ министромъ въ званіи экстраординарнаго профессора по кафедрѣ правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, народовъ.

Преподавательская дѣятельность Солнцева открылась съ начала 1815—1816 учебнаго года и невольно поражаетъ разнообразіемъ курсовъ, служившихъ предметомъ его чтеній въ продолженіи шести лѣтъ его профессуры. Вотъ общій обзоръ его чтеній за это время: въ 1815—1816 учебномъ году—римское право, по Вальдеку, въ 1816—1817 году—римское право и общее уголовное германское право, по своимъ тетрадямъ, въ 1817—1818 году—римское право, въ 1818—1819 году — общее уголовное германское право, съ примѣненіемъ къ римскому, также „о законахъ евреевъ и египтянъ, по своимъ запискамъ", въ 1819—1820 году—римское право, „по своимъ сочиненіямъ", въ 1820—1821 году—россійское гражданское право, уголовное судопроизводство, права провинціальныя лифляндское и курляндское; въ этомъ послѣднемъ учебномъ году, въ силу обусловленнаго „инструкціею ректору" соединенія кафедръ правовѣдѣнія, на него возложено было и преподаваніе „правъ естественнаго, частнаго, публичнаго и народнаго россійскихъ"—преподаваніе, послужившее для Солнцева источникомъ злоключеній, о которыхъ сказано будетъ ниже. Сверхъ указанныхъ выше курсовъ, Солнцевъ занималъ студентовъ „состязаніями" и „частными упражненіями" (практическія занятія) по юриспруденціи, а съ февраля 1819 года, за смертью адъюнкта Алехина, принялъ на себя и изъясненіе институцій.

Уже приведенный выше обзоръ чтеній Солнцева, въ связи съ предположеніями, изложенными имъ въ его прошеніи о предоставленіи ему званія профессора, до извѣстной степени способны дать намъ представленіе о методологіи его преподаванія; мы видимъ несомнѣнное стремленіе Солнцева внести въ свои чтенія, съ одной стороны—элементъ практическій, съ другой стороны—элементъ сравнительно-историческій; въ этомъ

Грольмана"; в) „краткое обозрѣніе исторіи россійскаго законодательства, вообще" и г) „историко-юридическій трактатъ, содержащій въ себѣ обозрѣніе правъ древнихъ и новыхъ народовъ, писанный на латинскомъ языкѣ".

Заслушавъ 8-го марта прошеніе Солнцева, совѣтъ передалъ его, вмѣстѣ со всѣми приложеніями, на заключеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, которое, согласившись съ отзывами профессоровъ Неймана, бар. Врангеля и Кондырева относительно трудовъ аспиранта, признало его достойнымъ званія экстраординарнаго профессора, о чемъ, отъ 8-го мая, и представило совѣту. Въ засѣданіи совѣта 15-го мая Солнцевъ былъ единогласно избранъ, а 9-го іюня утвержденъ министромъ въ званіи экстраординарнаго профессора по кафедрѣ правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, народовъ.

Преподавательская дѣятельность Солнцева открылась съ начала 1815—1816 учебнаго года и невольно поражаетъ разнообразіемъ курсовъ, служившихъ предметомъ его чтеній въ продолженіи шести лѣтъ его профессуры. Вотъ общій обзоръ его чтеній за это время: въ 1815—1816 учебномъ году—римское право, по Вальдеку, въ 1816—1817 году—римское право и общее уголовное германское право, по своимъ тетрадямъ, въ 1817—1818 году—римское право, въ 1818—1819 году — общее уголовное германское право, съ примѣненіемъ къ римскому, также „о законахъ евреевъ и египтянъ, по своимъ запискамъ", въ 1819—1820 году—римское право, „по своимъ сочиненіямъ", въ 1820—1821 году—россійское гражданское право, уголовное судопроизводство, права провинціальныя лифляндское и курляндское; въ этомъ послѣднемъ учебномъ году, въ силу обусловленнаго „инструкціею ректору" соединенія кафедръ правовѣдѣнія, на него возложено было и преподаваніе „правъ естественнаго, частнаго, публичнаго и народнаго россійскихъ"—преподаваніе, послужившее для Солнцева источникомъ злоключеній, о которыхъ сказано будетъ ниже. Сверхъ указанныхъ выше курсовъ, Солнцевъ занималъ студентовъ „состязаніями" и „частными упражненіями" (практическія занятія) по юриспруденціи, а съ февраля 1819 года, за смертью адъюнкта Алехина, принялъ на себя и изъясненіе институцій.

Уже приведенный выше обзоръ чтеній Солнцева, въ связи съ предположеніями, изложенными имъ въ его прошеніи о предоставленіи ему званія профессора, до извѣстной степени способны дать намъ представленіе о методологіи его преподаванія; мы видимъ несомнѣнное стремленіе Солнцева внести въ свои чтенія, съ одной стороны—элементъ практическій, съ другой стороны—элементъ сравнительно-историческій; въ этомъ

послѣднемъ отношеніи Солнцевъ являлся лишь послѣдователемъ того метода изученія юриспруденціи, который, подъ вліяніемъ ученія исторической школы, получилъ въ ту пору полное право гражданства въ университетахъ германскихъ; не даромъ самъ же Солнцевъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ „болѣе всего одолженъ своими юридико-политическими и философскими свѣдѣніями лекціямъ (т. е. трудамъ, конечно) знатнѣйшихъ профессоровъ геттингенскаго университета". Заботы о правильной постановкѣ юридическаго преподаванія въ университетѣ не разъ проявлялись и въ представленіяхъ, съ которыми входилъ Солнцевъ по этому поводу въ факультетъ. Такъ, еще въ концѣ 1816 года представлено имъ было отдѣльное мнѣніе относительно порядка преподаванія юридическихъ наукъ, но съ особенною отчетливостью выражены были Солнцевымъ мысли его въ томъ же направленіи въ письменномъ „мнѣніи относительно способа преподаванія юридическихъ наукъ", поданномъ имъ въ апрѣлѣ 1819 года отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ, котораго онъ былъ въ то время деканомъ. Выступая здѣсь убѣжденнымъ противникомъ чисто механическаго процесса чтенія лекцій „по книгамъ или тетрадямъ", а тѣмъ болѣе широко практиковавшагося въ ту пору способа диктованія лекцій, Солнцевъ считаетъ необходимымъ живое, устное, преподаваніе наукъ, сопровождаемое необходимыми сравнительно-историческими и критико-литературными поясненіями; въ видахъ болѣе сознательнаго усвоенія студентами прослушаннаго, Солнцевъ рекомендуетъ репетированіе съ ними пройденныхъ отдѣловъ курса, а также организацію чтенія рефератовъ и устройство состязаній по нимъ, которымъ онъ придавалъ выдающееся пропедевтическое значеніе. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ признало предположенія проф. Солнцева „весьма полезными къ употребленію при преподаваніи и другихъ наукъ", въ силу чего опредѣлило „представить оныя въ совѣтъ университета на благоразсмотрѣніе", гдѣ дѣло это дальнѣйшаго хода, однако, не получило. Подлинное мнѣніе Солнцева интересующіеся найдутъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому *. Свой взглядъ на задачи юридическаго образованія Солнцевъ развивалъ и въ рѣчи: „De necessariis bene meriti jurisconsulti requisitis" (Каз. 1819), произнесенной имъ на актѣ 1819 года.

24-го мая 1816 года, слѣдовательно ранѣе нежели черезъ годъ послѣ утвержденія его въ званіи экстраординарнаго профессора, Солнцевъ вошелъ въ совѣтъ университета съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ хода-

* См. приложеніе I.

послѣднемъ отношеніи Солнцевъ являлся лишь послѣдователемъ того метода изученія юриспруденціи, который, подъ вліяніемъ ученія исторической школы, получилъ въ ту пору полное право гражданства въ университетахъ германскихъ; не даромъ самъ же Солнцевъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ „болѣе всего одолженъ своими юридико-политическими и философскими свѣдѣніями лекціямъ (т. е. трудамъ, конечно) знатнѣйшихъ профессоровъ геттингенскаго университета". Заботы о правильной постановкѣ юридическаго преподаванія въ университетѣ не разъ проявлялись и въ представленіяхъ, съ которыми входилъ Солнцевъ по этому поводу въ факультетъ. Такъ, еще въ концѣ 1816 года представлено имъ было отдѣльное мнѣніе относительно порядка преподаванія юридическихъ наукъ, но съ особенною отчетливостью выражены были Солнцевымъ мысли его въ томъ же направленіи въ письменномъ „мнѣніи относительно способа преподаванія юридическихъ наукъ", поданномъ имъ въ апрѣлѣ 1819 года отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ, котораго онъ былъ въ то время деканомъ. Выступая здѣсь убѣжденнымъ противникомъ чисто механическаго процесса чтенія лекцій „по книгамъ или тетрадямъ", а тѣмъ болѣе широко практиковавшагося въ ту пору способа диктованія лекцій, Солнцевъ считаетъ необходимымъ живое, устное, преподаваніе наукъ, сопровождаемое необходимыми сравнительно-историческими и критико-литературными поясненіями; въ видахъ болѣе сознательнаго усвоенія студентами прослушаннаго, Солнцевъ рекомендуетъ репетированіе съ ними пройденныхъ отдѣловъ курса, а также организацію чтенія рефератовъ и устройство состязаній по нимъ, которымъ онъ придавалъ выдающееся пропедевтическое значеніе. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ признало предположенія проф. Солнцева „весьма полезными къ употребленію при преподаваніи и другихъ наукъ", въ силу чего опредѣлило „представить оныя въ совѣтъ университета на благоразсмотрѣніе", гдѣ дѣло это дальнѣйшаго хода, однако, не получило. Подлинное мнѣніе Солнцева интересующіеся найдутъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому *. Свой взглядъ на задачи юридическаго образованія Солнцевъ развивалъ и въ рѣчи: „De necessariis bene meriti jurisconsulti requisitis" (Каз. 1819), произнесенной имъ на актѣ 1819 года.

24-го мая 1816 года, слѣдовательно ранѣе нежели черезъ годъ послѣ утвержденія его въ званіи экстраординарнаго профессора, Солнцевъ вошелъ въ совѣтъ университета съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ хода-

* См. приложеніе I.

тайствовалъ о возведеніи его въ званіе профессора ординарнаго. При прошеніи представлены были имъ два сочиненія на латинскомъ языкѣ, оба по римскому праву: а) „Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata, ad usum auditorum methodo faciliori enudeata“ и б) „Institutiones juris civilis romani ex genuinis fontibus deductae et antiquitatibus illustratae“; оба труда представляютъ собою, очевидно, приготовленные Солнцевымъ курсы его университетскихъ чтеній. Въ виду благопріятнаго заключенія отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ объ этихъ трудахъ, въ особенности же „въ уваженіе оказанной имъ университету пользы, его познаній въ наукахъ и языкахъ и знанія юридической практики“, Солнцевъ 27-го іюня былъ подвергнутъ въ засѣданіи совѣта баллотированію и большинствомъ десяти голосовъ противъ шести избранъ ординарнымъ профессоромъ. На почвѣ этого избранія произошелъ довольно обостреннаго характера конфликтъ между попечителемъ Салтыковымъ и совѣтомъ университета, съ ректоромъ Брауномъ во главѣ, благодаря которому утвержденіе Солнцева въ званіи ординарнаго профессора послѣдовало лишь годъ спустя—23-го іюля 1817 года. Подробности этого совѣтскаго инцидента будутъ разсказаны нами въ своемъ мѣстѣ.

Помимо своей преподавательской дѣятельности, Солнцевъ неоднократно выполнялъ самыя разнообразныя порученія университетскаго совѣта, принимая участіе въ различныхъ временныхъ комитетахъ, образовывавшихся по отдѣльнымъ дѣламъ и вопросамъ, гдѣ его практическія юридическія знанія находили себѣ полезное примѣненіе (такъ, въ концѣ 1815 года онъ былъ членомъ комитета по разсмотрѣнію дѣла о столкновеніи директора Яковкина съ совѣтомъ гимназіи, въ началѣ 1816 года засѣдалъ въ комитетѣ по дѣлу о противозаконныхъ поступкахъ директора оренбургскихъ училищъ Чекіева, осенью 1818 года участвуетъ въ выработкѣ устава медицинскаго института, въ февралѣ 1819 года составляетъ правила для старшихъ по комнатамъ студентовъ, весною того же года разсматриваетъ дѣло объ азіятской типографіи и предсѣдательствуетъ въ комитетѣ по перестройкѣ гимназическихъ зданій и т. п.).

Несъ проф. Солнцевъ и административныя должности по университету. Въ 1816—1818 годахъ онъ избирался членомъ училищнаго комитета, а съ 3-го іюня 1818 года по іюнь 1819 года былъ деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія. 30-го декабря 1818 года, вслѣдствіе болѣзни ректора Брауна, Солнцевъ былъ избранъ проректоромъ и въ этомъ званіи исправлялъ должность ректора и послѣ кончины Брауна, до собственнаго утвержденія въ этомъ званіи, послѣдовавшаго, согласно представ-

тайствовалъ о возведеніи его въ званіе профессора ординарнаго. При прошеніи представлены были имъ два сочиненія на латинскомъ языкѣ, оба по римскому праву: а) „Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata, ad usum auditorum methodo faciliori enudeata“ и б) „Institutiones juris civilis romani ex genuinis fontibus deductae et antiquitatibus illustratae“; оба труда представляютъ собою, очевидно, приготовленные Солнцевымъ курсы его университетскихъ чтеній. Въ виду благопріятнаго заключенія отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ объ этихъ трудахъ, въ особенности же „въ уваженіе оказанной имъ университету пользы, его познаній въ наукахъ и языкахъ и знанія юридической практики“, Солнцевъ 27-го іюня былъ подвергнутъ въ засѣданіи совѣта баллотированію и большинствомъ десяти голосовъ противъ шести избранъ ординарнымъ профессоромъ. На почвѣ этого избранія произошелъ довольно обостреннаго характера конфликтъ между попечителемъ Салтыковымъ и совѣтомъ университета, съ ректоромъ Брауномъ во главѣ, благодаря которому утвержденіе Солнцева въ званіи ординарнаго профессора послѣдовало лишь годъ спустя—23-го іюля 1817 года. Подробности этого совѣтскаго инцидента будутъ разсказаны нами въ своемъ мѣстѣ.

Помимо своей преподавательской дѣятельности, Солнцевъ неоднократно выполнялъ самыя разнообразныя порученія университетскаго совѣта, принимая участіе въ различныхъ временныхъ комитетахъ, образовывавшихся по отдѣльнымъ дѣламъ и вопросамъ, гдѣ его практическія юридическія знанія находили себѣ полезное примѣненіе (такъ, въ концѣ 1815 года онъ былъ членомъ комитета по разсмотрѣнію дѣла о столкновеніи директора Яковкина съ совѣтомъ гимназіи, въ началѣ 1816 года засѣдалъ въ комитетѣ по дѣлу о противозаконныхъ поступкахъ директора оренбургскихъ училищъ Чекіева, осенью 1818 года участвуетъ въ выработкѣ устава медицинскаго института, въ февралѣ 1819 года составляетъ правила для старшихъ по комнатамъ студентовъ, весною того же года разсматриваетъ дѣло объ азіятской типографіи и предсѣдательствуетъ въ комитетѣ по перестройкѣ гимназическихъ зданій и т. п.).

Несъ проф. Солнцевъ и административныя должности по университету. Въ 1816—1818 годахъ онъ избирался членомъ училищнаго комитета, а съ 3-го іюня 1818 года по іюнь 1819 года былъ деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія. 30-го декабря 1818 года, вслѣдствіе болѣзни ректора Брауна, Солнцевъ былъ избранъ проректоромъ и въ этомъ званіи исправлялъ должность ректора и послѣ кончины Брауна, до собственнаго утвержденія въ этомъ званіи, послѣдовавшаго, согласно представ-

ленію попечителя Магницкаго, 29-го октября 1819 года, срокомъ на одинъ годъ; онъ несъ должность ректора до 13-го ноября 1820 года, когда вступилъ въ нее профессоръ Никольскій.

Исправляя должность ректора, Солнцевъ стоялъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Магницкому во время ревизіи имъ казанскаго университета, но характеръ этихъ отношеній можетъ быть въ болѣе или менѣе подробныхъ и обстоятельныхъ чертахъ возстановленъ лишь въ общей связи съ повѣствованіемъ о ревизіи 1819 года, почему вопросъ этотъ нами, пока, и отлагается. Замѣтимъ лишь въ настоящее время, что Магницкій весьма благоволилъ къ Солнцеву въ начальную пору своего попечительства и проректоръ университета оказался въ числѣ лицъ, удостоившихся по окончаніи ревизіи наградъ (онъ получилъ орденъ св. Анны второй степени), а слѣдомъ затѣмъ былъ назначенъ на одинъ годъ ректоромъ. Въ своемъ отзывѣ о профессорахъ казанскаго университета, данномъ послѣ окончанія ревизіи, Магницкій пишетъ про Солнцева, что онъ „отличается знаніемъ практическихъ производствъ по университету и точнымъ исполненіемъ должности проректора“ и занимался „съ величайшею ревностью въ доставленіи свѣдѣній по послѣднему обозрѣнію“, т. е. по ревизіи университета, а въ формулярномъ спискѣ Солнцева за 1819 годъ рукою самого Магницкаго отмѣчено въ графѣ о способности къ дальнѣйшему прохожденію службы: „Отлично способенъ и достоенъ“.

Недолго суждено было, однако же, продолжаться благосклонному отношенію къ Солнцеву со стороны новаго попечителя. Уже съ самаго начала 1821 года возникли между Магницкимъ и Солнцевымъ недоразумѣнія на почвѣ расширенія и общаго направленія преподаванія этимъ послѣднимъ естественнаго права—науки, къ которой Магницкій относился съ чрезвычайными подозрительностью и недоброжелательствомъ, вообще, причисляя ее къ числу разрушительныхъ философскихъ дисциплинъ, нетерпимыхъ въ общемъ циклѣ университетскихъ преподаваній. Послѣдовала по этому поводу цѣлая переписка и рядъ запросовъ ректору, отобраніе и разслѣдованіе тетрадокъ лекцій Солнцева, пріостановка преподаванія естественнаго права, устраненіе Солнцева отъ чтенія лекцій и, наконецъ, преданіе его (въ концѣ лѣта 1821 года) университетскому суду по обвиненію въ неблагонамѣренномъ направленіи преподаванія. Въ высшей степени характерное „дѣло о судѣ надъ профессоромъ Солнцевымъ“, затянувшееся до начала 1823 года и окончившееся увольненіемъ подсудимаго отъ университетской службы, будетъ въ своемъ мѣстѣ подробно изложено нами, въ настоящее же время ограничимся лишь краткимъ

ленію попечителя Магницкаго, 29-го октября 1819 года, срокомъ на одинъ годъ; онъ несъ должность ректора до 13-го ноября 1820 года, когда вступилъ въ нее профессоръ Никольскій.

Исправляя должность ректора, Солнцевъ стоялъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Магницкому во время ревизіи имъ казанскаго университета, но характеръ этихъ отношеній можетъ быть въ болѣе или менѣе подробныхъ и обстоятельныхъ чертахъ возстановленъ лишь въ общей связи съ повѣствованіемъ о ревизіи 1819 года, почему вопросъ этотъ нами, пока, и отлагается. Замѣтимъ лишь въ настоящее время, что Магницкій весьма благоволилъ къ Солнцеву въ начальную пору своего попечительства и проректоръ университета оказался въ числѣ лицъ, удостоившихся по окончаніи ревизіи наградъ (онъ получилъ орденъ св. Анны второй степени), а слѣдомъ затѣмъ былъ назначенъ на одинъ годъ ректоромъ. Въ своемъ отзывѣ о профессорахъ казанскаго университета, данномъ послѣ окончанія ревизіи, Магницкій пишетъ про Солнцева, что онъ „отличается знаніемъ практическихъ производствъ по университету и точнымъ исполненіемъ должности проректора“ и занимался „съ величайшею ревностью въ доставленіи свѣдѣній по послѣднему обозрѣнію“, т. е. по ревизіи университета, а въ формулярномъ спискѣ Солнцева за 1819 годъ рукою самого Магницкаго отмѣчено въ графѣ о способности къ дальнѣйшему прохожденію службы: „Отлично способенъ и достоенъ“.

Недолго суждено было, однако же, продолжаться благосклонному отношенію къ Солнцеву со стороны новаго попечителя. Уже съ самаго начала 1821 года возникли между Магницкимъ и Солнцевымъ недоразумѣнія на почвѣ расширенія и общаго направленія преподаванія этимъ послѣднимъ естественнаго права—науки, къ которой Магницкій относился съ чрезвычайными подозрительностью и недоброжелательствомъ, вообще, причисляя ее къ числу разрушительныхъ философскихъ дисциплинъ, нетерпимыхъ въ общемъ циклѣ университетскихъ преподаваній. Послѣдовала по этому поводу цѣлая переписка и рядъ запросовъ ректору, отобраніе и разслѣдованіе тетрадокъ лекцій Солнцева, пріостановка преподаванія естественнаго права, устраненіе Солнцева отъ чтенія лекцій и, наконецъ, преданіе его (въ концѣ лѣта 1821 года) университетскому суду по обвиненію въ неблагонамѣренномъ направленіи преподаванія. Въ высшей степени характерное „дѣло о судѣ надъ профессоромъ Солнцевымъ“, затянувшееся до начала 1823 года и окончившееся увольненіемъ подсудимаго отъ университетской службы, будетъ въ своемъ мѣстѣ подробно изложено нами, въ настоящее же время ограничимся лишь краткимъ

очеркомъ позднѣйшихъ жизни и дѣятельности этой жертвы попечительскаго самовластія и обскурантизма.

Въ судьбѣ злополучнаго профессора принялъ близкое участіе сенаторъ В. Ю. Соймоновъ, находившійся съ 1820-го по 1825-ый годъ въ Казани на правахъ временнаго генералъ-губернатора и руководившій дѣйствіями особой коммиссіи, образованной для устраненія безпорядковъ, обнаруженныхъ передъ тѣмъ ревизіею сенаторовъ Кушникова и Санти по управленію казанскою губерніею. Соймоновъ былъ очевидцемъ всѣхъ „обновительныхъ" по отношенію къ университету начинаній Магницкаго и хорошо зналъ, конечно, всю закулисную сторону университетской жизни того времени, вообще, и пресловутаго суда надъ проф. Солнцевымъ, въ частности; съ другой стороны, онъ имѣлъ время въ достаточной степени узнать и оцѣнить живой умъ, способности и широкія юридическія познанія изгоняемаго профессора. Едва окончился этотъ, по-истинѣ „шемякинъ", судъ и состоялся его суровый приговоръ, какъ получено было (въ мартѣ 1823 года) отношеніе сенатора Соймонова, которое должно было не мало смутить и членовъ совѣтскаго суда, и самого попечителя: Соймоновъ увѣдомлялъ въ немъ о предстоящемъ опредѣленіи Солнцева на должность предсѣдателя казанской палаты гражданскаго суда..... Это назначеніе почему-то, однако, не состоялось; по крайней мѣрѣ въ солнцевскомъ аттестатѣ о службѣ ни слова не упоминается о немъ, но значится, напротивъ, что Солнцевъ числился въ отставкѣ „съ 31-го іюля 1823 года по 17-ое мая 1824 года, по выбытіи изъ ординарныхъ профессоровъ до опредѣленія въ должность казанскаго губернскаго прокурора". Оказывается, что, послѣ окончанія суда надъ-нимъ, Солнцевъ находился въ Петербургѣ и только 24-го іюня 1824 года послѣдовало оффиціальное увѣдомленіе университета казанскимъ губернскимъ правленіемъ о томъ, что въ Казань прибылъ вновь назначенный (17-го мая) губернскій прокуроръ, надворный совѣтникъ Г. И. Солнцевъ. Выѣхавъ изъ Казани оскорбленнымъ университетскимъ изгнанникомъ, Солнцевъ вскорѣ возвратился въ нее, такимъ образомъ, торжествующимъ побѣдителемъ и виднымъ представителемъ мѣстной губернской администраціи, на долю котораго три года спустя выпала обязанность административнымъ порядкомъ высылать изъ Казани въ Ревель, на жительство, теперь уже павшаго и опальнаго Магницкаго; снаряжая бывшаго гонителя своего въ далекую и подневольную дорогу, Солнцевъ, по добротѣ души своей, снабдилъ даже павшаго временщика въ путь деньгами.

Г. И. Солнцевъ несъ должность казанскаго губернскаго прокурора до 20-го іюля 1844 года, когда былъ причисленъ къ департаменту министерства

очеркомъ позднѣйшихъ жизни и дѣятельности этой жертвы попечительскаго самовластія и обскурантизма.

Въ судьбѣ злополучнаго профессора принялъ близкое участіе сенаторъ В. Ю. Соймоновъ, находившійся съ 1820-го по 1825-ый годъ въ Казани на правахъ временнаго генералъ-губернатора и руководившій дѣйствіями особой коммиссіи, образованной для устраненія безпорядковъ, обнаруженныхъ передъ тѣмъ ревизіею сенаторовъ Кушникова и Санти по управленію казанскою губерніею. Соймоновъ былъ очевидцемъ всѣхъ „обновительныхъ" по отношенію къ университету начинаній Магницкаго и хорошо зналъ, конечно, всю закулисную сторону университетской жизни того времени, вообще, и пресловутаго суда надъ проф. Солнцевымъ, въ частности; съ другой стороны, онъ имѣлъ время въ достаточной степени узнать и оцѣнить живой умъ, способности и широкія юридическія познанія изгоняемаго профессора. Едва окончился этотъ, по-истинѣ „шемякинъ", судъ и состоялся его суровый приговоръ, какъ получено было (въ мартѣ 1823 года) отношеніе сенатора Соймонова, которое должно было не мало смутить и членовъ совѣтскаго суда, и самого попечителя: Соймоновъ увѣдомлялъ въ немъ о предстоящемъ опредѣленіи Солнцева на должность предсѣдателя казанской палаты гражданскаго суда..... Это назначеніе почему-то, однако, не состоялось; по крайней мѣрѣ въ солнцевскомъ аттестатѣ о службѣ ни слова не упоминается о немъ, но значится, напротивъ, что Солнцевъ числился въ отставкѣ „съ 31-го іюля 1823 года по 17-ое мая 1824 года, по выбытіи изъ ординарныхъ профессоровъ до опредѣленія въ должность казанскаго губернскаго прокурора". Оказывается, что, послѣ окончанія суда надъ нимъ, Солнцевъ находился въ Петербургѣ и только 24-го іюня 1824 года послѣдовало оффиціальное увѣдомленіе университета казанскимъ губернскимъ правленіемъ о томъ, что въ Казань прибылъ вновь назначенный (17-го мая) губернскій прокуроръ, надворный совѣтникъ Г. И. Солнцевъ. Выѣхавъ изъ Казани оскорбленнымъ университетскимъ изгнанникомъ, Солнцевъ вскорѣ возвратился въ нее, такимъ образомъ, торжествующимъ побѣдителемъ и виднымъ представителемъ мѣстной губернской администраціи, на долю котораго три года спустя выпала обязанность административнымъ порядкомъ высылать изъ Казани въ Ревель, на жительство, теперь уже павшаго и опальнаго Магницкаго; снаряжая бывшаго гонителя своего въ далекую и подневольную дорогу, Солнцевъ, по добротѣ души своей, снабдилъ даже павшаго временщика въ путь деньгами.

Г. И. Солнцевъ несъ должность казанскаго губернскаго прокурора до 20-го іюля 1844 года, когда былъ причисленъ къ департаменту министерства

юстиціи, а 23-го мая 1845 года совершенно уволился отъ службы. Въ званіи губернскаго прокурора Солнцевъ два раза (1827 и 1828 г.г.) удостоивался высочайшаго благоволѣнія и одинъ разъ (въ 1831 г.) всемилостивѣйшаго драгоцѣннаго подарка, участвовалъ въ комитетѣ по составленію новыхъ штатовъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій (1831 г.), а въ 1836 году, по разсказамъ современниковъ, обратилъ на себя личное вниманіе, императора Николая Павловича, въ бытность его въ Казани *; на той же службѣ онъ получилъ значительный въ то время чинъ статскаго совѣтника и нѣсколько знаковъ отличія, до ордена св. Станислава второй степени со звѣздою включительно.

Послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни Солнцевъ провелъ, уже въ отставкѣ, въ Казани, гдѣ у него имѣлся собственный домъ на Верхне-Ѳеодоровской улицѣ (въ настоящее время Тверитиновой), въ которомъ онъ и скончался 29-го ноября 1866 года, на 81-омъ году жизни, въ кругу своего семейства. Во время похоронъ, происходившихъ 1-го декабря, память покойнаго была почтена надгробнымъ словомъ, произнесеннымъ профессоромъ химіи А. М. Бутлеровымъ. Не смотря на цѣлыя десятилѣтія, истекшія со времени подневольнаго оставленія имъ университетской службы, Солнцевъ до самой смерти своей не порывалъ духовныхъ связей съ казанскимъ университетомъ; онъ постоянно вращался въ профессорскихъ кружкахъ, былъ обычнымъ посѣтителемъ университетскихъ собраній и диспутовъ, часто выступая на послѣднихъ неоффиціальнымъ оппонентомъ даже по вопросамъ, не входившимъ въ кругъ его спеціальныхъ знаній. Вспоминая о присягѣ, принесенной имъ нѣкогда, при вступленіи въ достоинство профессора, Солнцевъ писалъ уже подъ конецъ своей жизни, что вмѣнялъ себѣ всегда въ обязанность „гдѣ бы ни находился, охранять и защищать права казанскаго университета, что и было мною,—замѣчаетъ онъ,—исполняемо и нынѣ исполняется неопустительно". Не покидалъ Солнцевъ и трудовъ литературныхъ, занимаясь переводами и издавая сдѣланные имъ въ прежнее время, а также собирая матеріалы для задуманнаго имъ обширнаго жизнеописанія святителя Николая—трудъ, надъ которымъ онъ работалъ до конца жизни своей и отрывокъ котораго былъ

* Разсказывали, будто бы императоръ Николай Павловичъ, осматривая въ сопровожденіи Солнцева казанскія мѣста заключенія, остался такъ доволенъ имъ, что обратился къ губернскому прокурору съ слѣдующими шутливыми словами: «У меня въ Россіи оказываются два солнца: одно на небѣ, а другое—ты» (См. «Краткія свѣдѣнія о жизни Г. И. Солнцева» Н. Я. Агафонова, въ «Справочн. листкѣ г. Казани» 1867 г., № 12, сноска 16-ая).

юстиціи, а 23-го мая 1845 года совершенно уволился отъ службы. Въ званіи губернскаго прокурора Солнцевъ два раза (1827 и 1828 г.г.) удостоивался высочайшаго благоволѣнія и одинъ разъ (въ 1831 г.) всемилостивѣйшаго драгоцѣннаго подарка, участвовалъ въ комитетѣ по составленію новыхъ штатовъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій (1831 г.), а въ 1836 году, по разсказамъ современниковъ, обратилъ на себя личное вниманіе, императора Николая Павловича, въ бытность его въ Казани *; на той же службѣ онъ получилъ значительный въ то время чинъ статскаго совѣтника и нѣсколько знаковъ отличія, до ордена св. Станислава второй степени со звѣздою включительно.

Послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни Солнцевъ провелъ, уже въ отставкѣ, въ Казани, гдѣ у него имѣлся собственный домъ на Верхне-Ѳеодоровской улицѣ (въ настоящее время Тверитиновой), въ которомъ онъ и скончался 29-го ноября 1866 года, на 81-омъ году жизни, въ кругу своего семейства. Во время похоронъ, происходившихъ 1-го декабря, память покойнаго была почтена надгробнымъ словомъ, произнесеннымъ профессоромъ химіи А. М. Бутлеровымъ. Не смотря на цѣлыя десятилѣтія, истекшія со времени подневольнаго оставленія имъ университетской службы, Солнцевъ до самой смерти своей не порывалъ духовныхъ связей съ казанскимъ университетомъ; онъ постоянно вращался въ профессорскихъ кружкахъ, былъ обычнымъ посѣтителемъ университетскихъ собраній и диспутовъ, часто выступая на послѣднихъ неоффиціальнымъ оппонентомъ даже по вопросамъ, не входившимъ въ кругъ его спеціальныхъ знаній. Вспоминая о присягѣ, принесенной имъ нѣкогда, при вступленіи въ достоинство профессора, Солнцевъ писалъ уже подъ конецъ своей жизни, что вмѣнялъ себѣ всегда въ обязанность „гдѣ бы ни находился, охранять и защищать права казанскаго университета, что и было мною,—замѣчаетъ онъ,—исполняемо и нынѣ исполняется неопустительно". Не покидалъ Солнцевъ и трудовъ литературныхъ, занимаясь переводами и издавая сдѣланные имъ въ прежнее время, а также собирая матеріалы для задуманнаго имъ обширнаго жизнеописанія святителя Николая—трудъ, надъ которымъ онъ работалъ до конца жизни своей и отрывокъ котораго былъ

* Разсказывали, будто бы императоръ Николай Павловичъ, осматривая въ сопровожденіи Солнцева казанскія мѣста заключенія, остался такъ доволенъ имъ, что обратился къ губернскому прокурору съ слѣдующими шутливыми словами: «У меня въ Россіи оказываются два солнца: одно на небѣ, а другое—ты» (См. «Краткія свѣдѣнія о жизни Г. И. Солнцева» Н. Я. Агафонова, въ «Справочн. листкѣ г. Казани» 1867 г., № 12, сноска 16-ая).

имъ въ 1861 году поднесенъ наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу, во время пребыванія его, въ этомъ году, въ Казани.

Г. И. Солнцевъ былъ до конца дней своихъ одною изъ самыхъ популярныхъ въ Казани личностей; его имя было извѣстно здѣсь отъ барскихъ палатъ до хижины бѣдняка, „многіе же разсказы и анекдоты про него и теперь еще,—писалъ въ 1867 году Н. Я. Агафоновъ,—составляютъ живой интересъ въ разныхъ кружкахъ здѣшняго общества и долго еще останутся въ памяти казанцевъ“ *.

Въ лицѣ Г. И. Солнцева казанскій университетъ и русская наука права потеряли, въ самомъ разцвѣтѣ ея силъ, личность въ высшей степени недюжинную и даровитую—и эта преждевременная утрата тяготѣетъ однимъ изъ тяжкихъ укоровъ на печальной памяти эпохѣ попечительства Магницкаго [6].

Францъ Ивановичъ (Фридрихъ Францъ) Эрдманъ, третій и послѣдній выборный профессоръ интересующаго насъ пятилѣтія жизни казанскаго университета, родился 15-го марта 1793 года въ г. Людвигслюстѣ, въ великомъ герцогствѣ мекленбургъ-шверинскомъ. Получивъ среднее образованіе въ любекской гимназіи (1808—1812 г.г.), Эрдманъ учился затѣмъ въ ростокскомъ и геттингенскомъ университетахъ (1812—1816 г.г.), получивъ въ первомъ изъ нихъ степень доктора философіи и званіе приватъ-доцента, а затѣмъ (съ конца 1817 года) званіе адъюнкта философскаго факультета **. Что именно преподавалъ Эрдманъ въ ростокскомъ университетѣ—намъ неизвѣстно, но его знанія въ области востоковѣдѣнія сложились здѣсь, конечно, подъ руководствомъ извѣстнаго оріенталиста и профессора ростокскаго университета Цихсена, ученикомъ котораго былъ, какъ мы знаемъ, и первый представитель научной оріенталистики въ казанскомъ университетѣ—Френъ. Заграничная, предшествовавшая казанской, научная дѣятельность Эрдмана ознаменовалась двумя печатными трудами, сдѣлавшими имя его извѣстнымъ въ наукѣ востоковѣдѣнія: а) „De quibusdam Samanidarum ac Buidarum nummis schediasma ex lingua arabica in latinam vertit notisque instruxit F. F. Erdmann“, Gottingae, 1816

* Какъ это ни прискорбно, но справедливость требуетъ оговорки, что значительная часть этихъ разсказовъ и анекдотовъ имѣетъ соотношеніе къ слишкомъ хорошо знакомой русскимъ людямъ страсти, которой особенно неумѣренно предавался покойный Солнцевъ въ послѣдній періодъ своей жизни и которая въ воспоминаніяхъ современниковъ временами принимала положительно гомерическую окраску.

** См. собственноручную автобіографическую замѣтку Эрдмана, подшитую къ имѣющемуся въ университетскомъ архивѣ его послужному списку за 1819 годъ.

нимъ въ 1861 году поднесенъ наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу, во время пребыванія его, въ этомъ году, въ Казани.

Г. И. Солнцевъ былъ до конца дней своихъ одною изъ самыхъ популярныхъ въ Казани личностей; его имя было извѣстно здѣсь отъ барскихъ палатъ до хижины бѣдняка, „многіе же разсказы и анекдоты про него и теперь еще,—писалъ въ 1867 году Н. Я. Агафоновъ,—составляютъ живой интересъ въ разныхъ кружкахъ здѣшняго общества и долго еще останутся въ памяти казанцевъ" *.

Въ лицѣ Г. И. Солнцева казанскій университетъ и русская наука права потеряли, въ самомъ разцвѣтѣ ея силъ, личность въ высшей степени недюжинную и даровитую—и эта преждевременная утрата тяготѣетъ однимъ изъ тяжкихъ укоровъ на печальной памяти эпохѣ попечительства Магницкаго [6].

Францъ Ивановичъ (Фридрихъ Францъ) Эрдманъ, третій и послѣдній выборный профессоръ интересующаго насъ пятилѣтія жизни казанскаго университета, родился 15-го марта 1793 года въ г. Людвигслюстѣ, въ великомъ герцогствѣ мекленбургъ-шверинскомъ. Получивъ среднее образованіе въ любекской гимназіи (1808—1812 г.г.), Эрдманъ учился затѣмъ въ ростокскомъ и геттингенскомъ университетахъ (1812—1816 г.г.), получивъ въ первомъ изъ нихъ степень доктора философіи и званіе приватъ-доцента, а затѣмъ (съ конца 1817 года) званіе адъюнкта философскаго факультета **. Что именно преподавалъ Эрдманъ въ ростокскомъ университетѣ—намъ неизвѣстно, но его знанія въ области востоковѣдѣнія сложились здѣсь, конечно, подъ руководствомъ извѣстнаго оріенталиста и профессора ростокскаго университета Цихсена, ученикомъ котораго былъ, какъ мы знаемъ, и первый представитель научной оріенталистики въ казанскомъ университетѣ—Френъ. Заграничная, предшествовавшая казанской, научная дѣятельность Эрдмана ознаменовалась двумя печатными трудами, сдѣлавшими имя его извѣстнымъ въ наукѣ востоковѣдѣнія: а) „De quibusdam Samanidarum ac Buidarum nummis schediasma ex lingua arabica in latinam vertit notisque instruxit F. F. Erdmann", Gottingae, 1816

* Какъ это ни прискорбно, но справедливость требуетъ оговорки, что значительная часть этихъ разсказовъ и анекдотовъ имѣетъ соотношеніе къ слишкомъ хорошо знакомой русскимъ людямъ страсти, которой особенно неумѣренно предавался покойный Солнцевъ въ послѣдній періодъ своей жизни и которая въ воспоминаніяхъ современниковъ временами принимала положительно гомерическую окраску.

** См. собственноручную автобіографическую замѣтку Эрдмана, подшитую къ имѣющемуся въ университетскомъ архивѣ его послужному списку за 1819 годъ.

и б) „Curarum exegetico-criticarum in Jeremiae threnos specimen“ (Rostochii, 1818).

Избраніе Эрдмана въ казанскій университетъ находится въ ближайшемъ соотношеніи съ уходомъ изъ него профессора Френа, 3-го августа 1817 года перемѣщеннаго, какъ мы знаемъ, въ академію наукъ. Въ качествѣ преемника Френа предполагался его ближайшій и любимый ученикъ, магистръ Ярцовъ, но этому предположенію не было суждено осуществиться, такъ какъ, благодаря содѣйствію Френа, Ярцовъ еще лѣтомъ 1818 года получилъ приглашеніе занять при академіи наукъ должность адъюнкта восточныхъ языковъ, въ которой и былъ утвержденъ 27-го декабря того же года. И попечитель, и совѣтъ очень желали удержать молодого оріенталиста въ казанскомъ университетѣ, но Ярцовъ категорически заявилъ, что „отказаться отъ столь лестнаго для меня званія я не могу, какъ потому, что оно открываетъ мнѣ новый путь и средства къ дальнѣйшему усовершенствованію, такъ особенно и потому, что я, зная пособія академическія, самъ искалъ онаго и самъ давно уже изъявилъ мое желаніе письмомъ г. академику Френу, предлагавшему мнѣ сіе мѣсто именемъ господина президента академіи наукъ“; мотивировалъ Ярцовъ свое рѣшеніе и желаніемъ продолжать занятія подъ руководствомъ своего учителя Френа и „отдавать труды свои на судъ его, какъ цѣнителя достойнѣйшаго и ученѣйшаго“.

Отнимая у казанскаго университета своего ученика, академикъ Френъ самъ же рекомендовалъ ему замѣстителя кафедры восточныхъ языковъ въ лицѣ молодого ростокскаго оріенталиста Ф. Эрдмана, вышедшаго изъ той же школы профессора Цихсена, которую проходилъ когда то и самъ Френъ. Вопросъ объ утвержденіи Ярцова адъюнктомъ академіи наукъ былъ предрѣшенъ еще въ началѣ лѣта 1818 года, почему попечитель Салтыковъ 13-го іюня обратился къ ректору казанскаго университета Брауну съ слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь мой Иванъ Осиповичъ!—Я узналъ, что магистръ восточныхъ языковъ Ярцовъ опредѣленъ въ здѣшнюю академію наукъ адъюнктомъ и кафедра языковъ сихъ, столь нужная для университета, остается никѣмъ незанятою. По поводу сего прошу васъ предложить совѣту избрать, для занятія кафедры г. профессора Френа, въ ординарные профессоры г. Эрдмана, бывшаго ученикомъ покойнаго Цихсена и занимающаго теперь должность доктора (доцента?) восточныхъ языковъ въ роштокскомъ университетѣ. Господинъ Френъ, рекомендуя мнѣ его съ самой лучшей стороны, увѣряетъ меня, что онъ на таковое предложеніе будетъ согласенъ. Въ доказательство его по-

и б) „Curarum exegetico-criticarum in Jeremiae threnos specimen“ (Rostochii, 1818).

Избраніе Эрдмана въ казанскій университетъ находится въ ближайшемъ соотношеніи съ уходомъ изъ него профессора Френа, 3-го августа 1817 года перемѣщеннаго, какъ мы знаемъ, въ академію наукъ. Въ качествѣ преемника Френа предполагался его ближайшій и любимый ученикъ, магистръ Ярцовъ, но этому предположенію не было суждено осуществиться, такъ какъ, благодаря содѣйствію Френа, Ярцовъ еще лѣтомъ 1818 года получилъ приглашеніе занять при академіи наукъ должность адъюнкта восточныхъ языковъ, въ которой и былъ утвержденъ 27-го декабря того же года. И попечитель, и совѣтъ очень желали удержать молодого оріенталиста въ казанскомъ университетѣ, но Ярцовъ категорически заявилъ, что „отказаться отъ столь лестнаго для меня званія я не могу, какъ потому, что оно открываетъ мнѣ новый путь и средства къ дальнѣйшему усовершенствованію, такъ особенно и потому, что я, зная пособія академическія, самъ искалъ онаго и самъ давно уже изъявилъ мое желаніе письмомъ г. академику Френу, предлагавшему мнѣ сіе мѣсто именемъ господина президента академіи наукъ“; мотивировалъ Ярцовъ свое рѣшеніе и желаніемъ продолжать занятія подъ руководствомъ своего учителя Френа и „отдавать труды свои на судъ его, какъ цѣнителя достойнѣйшаго и ученѣйшаго“.

Отнимая у казанскаго университета своего ученика, академикъ Френъ самъ же рекомендовалъ ему замѣстителя кафедры восточныхъ языковъ въ лицѣ молодого ростокскаго оріенталиста Ф. Эрдмана, вышедшаго изъ той же школы профессора Цихсена, которую проходилъ когда то и самъ Френъ. Вопросъ объ утвержденіи Ярцова адъюнктомъ академіи наукъ былъ предрѣшенъ еще въ началѣ лѣта 1818 года, почему попечитель Салтыковъ 13-го іюня обратился къ ректору казанскаго университета Брауну съ слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь мой Иванъ Осиповичъ!—Я узналъ, что магистръ восточныхъ языковъ Ярцовъ опредѣленъ въ здѣшнюю академію наукъ адъюнктомъ и кафедра языковъ сихъ, столь нужная для университета, остается никѣмъ незанятою. По поводу сего прошу васъ предложить совѣту избрать, для занятія кафедры г. профессора Френа, въ ординарные профессоры г. Эрдмана, бывшаго ученикомъ покойнаго Цихсена и занимающаго теперь должность доктора (доцента?) восточныхъ языковъ въ роштокскомъ университетѣ. Господинъ Френъ, рекомендуя мнѣ его съ самой лучшей стороны, увѣряетъ меня, что онъ на таковое предложеніе будетъ согласенъ. Въ доказательство его по-

знаній по сему предмету препровождаю при семъ къ вамъ и книгу трудовъ его".

Предложенный къ баллотированію, Эрдманъ въ засѣданіи совѣта 24-го іюля оказался избраннымъ большинствомъ восьми шаровъ противъ шести, а 4-го сентября 1818 года послѣдовало и его утвержденіе министромъ въ званіи ординарнаго профессора по кафедрѣ восточныхъ языковъ, съ назначеніемъ ему 1500 рублей на путевыя издержки по переѣзду въ Россію. Только годъ спустя явился Эрдманъ къ мѣсту новаго своего служенія, прибывъ въ Казань лишь 27-го августа 1819 года. Въ первый по прибытіи своемъ учебный годъ объявленъ былъ новымъ профессоромъ курсъ арабскаго языка, во второй учебный годъ онъ преподавалъ, сверхъ того, начальныя основанія персидскаго языка и исторію персидской и арабской словесности; въ ближайшіе затѣмъ учебные годы, кромѣ этихъ основныхъ предметовъ, онъ читалъ также персидскую исторію, восточную нумизматику и древности и т. п. Много позже, въ 1833—1836 годахъ, онъ временно преподавалъ и по вакантной кафедрѣ древней исторіи.

Въ первое время своей преподавательской дѣятельности въ Казани, Эрдману приходилось сталкиваться съ недостаткомъ слушателей; такъ, весною 1822 года онъ остался совершенно безъ слушателей, въ виду чего на него возложено было въ 1822—1823 учебномъ году преподаваніе восточныхъ языковъ въ казанской гимназіи, которое было введено здѣсь по его же иниціативѣ, за успѣшность котораго ему выражено было особое „одобреніе" попечителя и которое онъ продолжалъ до лѣта 1826 года. Въ 1823 году на него возложено было безвозмездное обученіе арабскому и персидскому языку шести учениковъ, присланныхъ для этой цѣли въ Казань изъ азіатскаго омскаго училища, въ 1824 году—таковое же обученіе учениковъ казанскаго военно-сиротскаго отдѣленія. Двадцатишестилѣтняя ученая служба Эрдмана казанскому университету захватила собою и пору расцвѣта въ немъ оріенталистики, при существованіи здѣсь особаго „разряда восточной словестности", и явилась въ высшей степени плодотворною, какъ собственно въ учебно-педагогическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи научно-литературномъ. Эрдманъ выдвинулъ впередъ будущаго извѣстнаго оріенталиста А. К. Каземъ-Бека, котораго сумѣлъ привлечь къ ученой дѣятельности въ казанскомъ университетѣ и дарованія котораго получили свое развитіе подъ его ближайшимъ руководствомъ; изъ школы Эрдмана вышло и нѣсколько поколѣній оріенталистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые оставили по себѣ почетное имя въ востоковѣдѣніи (вспомнимъ имена И. Н. Березина, В. П. Васильева, О. М. Ковалевскаго, М. Т.

знаній по сему предмету препровождаю при семъ къ вамъ и книгу трудовъ его“.

Предложенный къ баллотированію, Эрдманъ въ засѣданіи совѣта 24-го іюля оказался избраннымъ большинствомъ восьми шаровъ противъ шести, а 4-го сентября 1818 года послѣдовало и его утвержденіе министромъ въ званіи ординарнаго профессора по кафедрѣ восточныхъ языковъ, съ назначеніемъ ему 1500 рублей на путевыя издержки по переѣзду въ Россію. Только годъ спустя явился Эрдманъ къ мѣсту новаго своего служенія, прибывъ въ Казань лишь 27-го августа 1819 года. Въ первый по прибытіи своемъ учебный годъ объявленъ былъ новымъ профессоромъ курсъ арабскаго языка, во второй учебный годъ онъ преподавалъ, сверхъ того, начальныя основанія персидскаго языка и исторію персидской и арабской словесности; въ ближайшіе затѣмъ учебные годы, кромѣ этихъ основныхъ предметовъ, онъ читалъ также персидскую исторію, восточную нумизматику и древности и т. п. Много позже, въ 1833—1836 годахъ, онъ временно преподавалъ и по вакантной кафедрѣ древней исторіи.

Въ первое время своей преподавательской дѣятельности въ Казани, Эрдману приходилось сталкиваться съ недостаткомъ слушателей; такъ, весною 1822 года онъ остался совершенно безъ слушателей, въ виду чего на него возложено было въ 1822—1823 учебномъ году преподаваніе восточныхъ языковъ въ казанской гимназіи, которое было введено здѣсь по его же иниціативѣ, за успѣшность котораго ему выражено было особое „одобреніе“ попечителя и которое онъ продолжалъ до лѣта 1826 года. Въ 1823 году на него возложено было безвозмездное обученіе арабскому и персидскому языку шести учениковъ, присланныхъ для этой цѣли въ Казань изъ азіатскаго омскаго училища, въ 1824 году—таковое же обученіе учениковъ казанскаго военно-сиротскаго отдѣленія. Двадцатишестилѣтняя ученая служба Эрдмана казанскому университету захватила собою и пору расцвѣта въ немъ оріенталистики, при существованіи здѣсь особаго „разряда восточной словестности“, и явилась въ высшей степени плодотворною, какъ собственно въ учебно-педагогическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи научно-литературномъ. Эрдманъ выдвинулъ впередъ будущаго извѣстнаго оріенталиста А. К. Каземъ-Бека, котораго сумѣлъ привлечь къ ученой дѣятельности въ казанскомъ университетѣ и дарованія котораго получили свое развитіе подъ его ближайшимъ руководствомъ; изъ школы Эрдмана вышло и нѣсколько поколѣній оріенталистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые оставили по себѣ почетное имя въ востоковѣдѣніи (вспомнимъ имена И. Н. Березина, В. П. Васильева, О. М. Ковалевскаго, М. Т.

Навроцкаго, А. В. Попова, И. Н. Холмогорова); Эрдманъ былъ тѣмъ научнымъ базисомъ, на которомъ создался и впослѣдствіе получилъ широкое развитіе славный казанскій разрядъ восточной словесности. Весьма обширна была и учено-литературная дѣятельность Эрдмана, заключавшаяся какъ въ отдѣльно изданныхъ трудахъ, такъ и въ рядѣ журнальныхъ статей и замѣтокъ. Интересующіеся найдутъ полный списокъ напечатанныхъ ученыхъ трудовъ Эрдмана въ очеркѣ О. М. Ковалевскаго: „Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіятскихъ языковъ въ императорскомъ казанскомъ университетѣ“ (Каз., 1842), гдѣ перечислены 22 труда Эрдмана, относящіеся къ казанской эпохѣ его жизни и дѣятельности; Эрдману принадлежитъ и печатное описаніе восточнаго нумизматическаго собранія казанскаго университета („Nummi asiatici musei universitatis caesareae litterarum casanensis“, Casani, 1834, pars I, vol. 1—2), съ 1824 года находившагося въ его завѣдываніи. Ученая слава Эрдмана простиралась далеко за предѣлы Казани, доставивъ ему званія члена парижскаго азіятскаго общества (1825), члена-корреспондента лондонскаго азіятскаго общества (1826), члена московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ (1829), члена-корреспондента копенгагенскаго королевскаго общества сѣверныхъ древностей (1832), члена курляндскаго общества любителей словесности и искусствъ (1842), члена-корреспондента парижскаго восточнаго общества (1843).

Нельзя не остановиться и на научныхъ начинаніяхъ проф. Эрдмана, изъ которыхъ нѣкоторыя остались, къ сожалѣнію, безъ осуществленія, каковы, напримѣръ, его предположеніе объ учрежденіи въ Казани, при университетѣ, обширнаго „восточнаго музея“, внесенное имъ въ университетскій совѣтъ, но не имѣвшее здѣсь дальнѣйшаго хода (1824 г.), или его проэктъ составленія полнаго словаря татарскихъ рѣченій („вся Европа ждетъ отъ казанскаго университета работъ въ этомъ направленіи“—такъ высказывался Эрдманъ по поводу этого предположенія), встрѣтившій самое сочувственное отношеніе къ себѣ въ ученыхъ, въ особенности же академическихъ, сферахъ, но также оставшійся въ числѣ неосуществленныхъ мечтаній казанскаго оріенталиста.... Весною 1825 года проф. Эрдманъ предпринялъ обширное путешествіе по оренбургскому и прикамскому краю, съ цѣлью изслѣдованія мѣстныхъ древностей; составленное имъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе этого путешествія было въ слѣдующемъ году переведено на русскій языкъ проф. Н. И. Лобачевскимъ и напечатано въ университетскомъ „Казанскомъ Вѣстникѣ“. Симпатичную черту дѣятельности Ф. И. Эрдмана представляютъ собою его попытки знакомить лю-

Навроцкаго, А. В. Попова, И. Н. Холмогорова); Эрдманъ былъ тѣмъ научнымъ базисомъ, на которомъ создался и впослѣдствіе получилъ шикое развитіе славный казанскій разрядъ восточной словесности. Весьма обширна была и учено-литературная дѣятельность Эрдмана, заключавшаяся какъ въ отдѣльно изданныхъ трудахъ, такъ и въ рядѣ журнальныхъ статей и замѣтокъ. Интересующіеся найдутъ полный списокъ напечатанныхъ ученыхъ трудовъ Эрдмана въ очеркѣ О. М. Ковалевскаго: „Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіятскихъ языковъ въ императорскомъ казанскомъ университетѣ" (Каз., 1842), гдѣ перечислены 22 труда Эрдмана, относящіеся къ казанской эпохѣ его жизни и дѣятельности; Эрдману принадлежитъ и печатное описаніе восточнаго нумизматическаго собранія казанскаго университета („Nummi asiatici musei universitatis caesareae litterarum casanensis", Casani, 1834, pars I, vol. 1—2), съ 1824 года находившагося въ его завѣдываніи. Ученая слава Эрдмана простиралась далеко за предѣлы Казани, доставивъ ему званія члена парижскаго азіятскаго общества (1825), члена-корреспондента лондонскаго азіятскаго общества (1826), члена московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ (1829), члена-корреспондента копенгагенскаго королевскаго общества сѣверныхъ древностей (1832), члена курляндскаго общества любителей словесности и искусствъ (1842), члена-корреспондента парижскаго восточнаго общества (1843).

Нельзя не остановиться и на научныхъ начинаніяхъ проф. Эрдмана, изъ которыхъ нѣкоторыя остались, къ сожалѣнію, безъ осуществленія, каковы, напримѣръ, его предположеніе объ учрежденіи въ Казани, при университетѣ, обширнаго „восточнаго музея", внесенное имъ въ университетскій совѣтъ, но не имѣвшее здѣсь дальнѣйшаго хода (1824 г.), или его проэктъ составленія полнаго словаря татарскихъ рѣченій („вся Европа ждетъ отъ казанскаго университета работъ въ этомъ направленіи"—такъ высказывался Эрдманъ по поводу этого предположенія), встрѣтившій самое сочувственное отношеніе къ себѣ въ ученыхъ, въ особенности же академическихъ, сферахъ, но также оставшійся въ числѣ неосуществленныхъ мечтаній казанскаго оріенталиста.... Весною 1825 года проф. Эрдманъ предпринялъ обширное путешествіе по оренбургскому и прикамскому краю, съ цѣлью изслѣдованія мѣстныхъ древностей; составленное имъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе этого путешествія было въ слѣдующемъ году переведено на русскій языкъ проф. Н. И. Лобачевскимъ и напечатано въ университетскомъ „Казанскомъ Вѣстникѣ". Симпатичную черту дѣятельности Ф. И. Эрдмана представляютъ собою его попытки знакомить лю-

дей западно-европейской науки съ положеніемъ оріенталистики въ казанскомъ университетѣ и казанской умственной жизни, вообще. Сюда можно отнести его статьи: „Uebersicht der orientalischen Studien auf der Universität und dem Gymnasium zu Kasan, waehrend des verflossenen Decenniums“ (въ „Лейпцигскомъ литературномъ журналѣ“ за 1832 г.), „Wissenschaftliches Leben in Kasan, 1831—1832“, „Ueber die in Oeffentlichen oder Privatbibliotheken vorhandenen Sammlungen asiatischer Handschriften“, „Oeffentliche und Privatbibliotheken in Kasan“ (послѣднія три статьи въ „Dorpater Jahrbuecher“ за 1833—1834 г.г.).

Профессоръ Эрдманъ далеко не былъ чуждъ и административной жизни университета. Въ 1839 году онъ избирался проректоромъ университета. Въ 1822—1827, 1828—1832, 1835—1836 и 1841—1845 годахъ несъ, по избранію, званіе декана словеснаго отдѣленія (съ 1837 года—перваго отдѣленія философскаго факультета). Въ 1828—1845 годахъ на немъ лежали обязанности цензора восточныхъ сочиненій; въ 1832—1835 годахъ былъ инспекторомъ студентовъ и директоромъ педагогическаго института; въ 1831—1832 и 1836 годахъ—членомъ училищнаго комитета, въ 1832—1844 годахъ—членомъ испытательнаго комитета и др.

При преобразованіи университета на основаніи устава 1835 года, проф. Эрдманъ былъ 1-го августа 1837 года оставленъ на службѣ по каѳедрѣ арабскаго и персидскаго языковъ (на разрядѣ восточной словесности), которую и занималъ до 11-го мая 1845 года, когда состоялось его увольненіе, съ званіемъ заслуженнаго профессора, отъ университетской службы. Въ 1850 году мы встрѣчаемъ Ф. И. Эрдмана снова на службѣ, въ должности директора училищъ новгородской губерніи. Умеръ въ 1863 году [7].

Таковы были три профессора, избранные совѣтомъ казанскаго университета въ первое пятилѣтіе жизни этого послѣдняго подъ полнымъ дѣйствіемъ устава 1804 года. Смѣемъ думать, что представленный нами очеркъ жизни и дѣятельности этихъ трехъ профессоровъ въ достаточной степени свидѣтельствуетъ въ пользу возможной осмотрительности, съ какою относился самоуправляющійся совѣтъ къ дѣлу замѣщенія вакантныхъ университетскихъ каѳедръ. Перейдемъ теперь къ шести адъюнктамъ, начало преподавательской дѣятельности которыхъ относится къ тому же промежутку времени.

Михаилъ Алексѣевичъ Юнаковъ, родившійся въ 1790 году, былъ воспитанникъ казанской гимназіи (1802—1806 г.г.) и казанскаго университета (съ 9 января 1807 г.). Произведенный 3-го августа 1811 года, за успѣхи въ историческихъ наукахъ, въ степень магистра словеснаго отдѣленія,

дей западно-европейской науки съ положеніемъ оріенталистики въ казанскомъ университетѣ и казанской умственной жизни, вообще. Сюда можно отнести его статьи: „Uebersicht der orientalischen Studien auf der Universität und dem Gymnasium zu Kasan, waehrend des verflossenen Decenniums“ (въ „Лейпцигскомъ литературномъ журналѣ“ за 1832 г.), „Wissenschaftliches Leben in Kasan, 1831—1832“, „Ueber die in Oeffentlichen oder Privatbibliotheken vorhandenen Sammlungen asiatischer Handschriften“, „Oeffentliche und Privatbibliotheken in Kasan“ (послѣднія три статьи въ „Dorpater Jahrbuecher“ за 1833—1834 г.г.).

Профессоръ Эрдманъ далеко не былъ чуждъ и административной жизни университета. Въ 1839 году онъ избирался проректоромъ университета. Въ 1822—1827, 1828—1832, 1835—1836 и 1841—1845 годахъ несъ, по избранію, званіе декана словеснаго отдѣленія (съ 1837 года—перваго отдѣленія философскаго факультета). Въ 1828—1845 годахъ на немъ лежали обязанности цензора восточныхъ сочиненій; въ 1832—1835 годахъ былъ инспекторомъ студентовъ и директоромъ педагогическаго института; въ 1831—1832 и 1836 годахъ—членомъ училищнаго комитета, въ 1832—1844 годахъ—членомъ испытательнаго комитета и др.

При преобразованіи университета на основаніи устава 1835 года, проф. Эрдманъ былъ 1-го августа 1837 года оставленъ на службѣ по каѳедрѣ арабскаго и персидскаго языковъ (на разрядѣ восточной словесности), которую и занималъ до 11-го мая 1845 года, когда состоялось его увольненіе, съ званіемъ заслуженнаго профессора, отъ университетской службы. Въ 1850 году мы встрѣчаемъ Ѳ. И. Эрдмана снова на службѣ, въ должности директора училищъ новгородской губерніи. Умеръ въ 1863 году [7].

Таковы были три профессора, избранные совѣтомъ казанскаго университета въ первое пятилѣтіе жизни этого послѣдняго подъ полнымъ дѣйствіемъ устава 1804 года. Смѣемъ думать, что представленный нами очеркъ жизни и дѣятельности этихъ трехъ профессоровъ въ достаточной степени свидѣтельствуетъ въ пользу возможной осмотрительности, съ какою относился самоуправляющійся совѣтъ къ дѣлу замѣщенія вакантныхъ университетскихъ каѳедръ. Перейдемъ теперь къ шести адъюнктамъ, начало преподавательской дѣятельности которыхъ относится къ тому же промежутку времени.

Михаилъ Алексѣевичъ Юнаковъ, родившійся въ 1790 году, былъ воспитанникъ казанской гимназіи (1802—1806 г.г.) и казанскаго университета (съ 9 января 1807 г.). Произведенный 3-го августа 1811 года, за успѣхи въ историческихъ наукахъ, въ степень магистра словеснаго отдѣленія,

14-го іюня 1812 года опредѣленъ въ должность помощника инспектора студентовъ, которую и несъ до октября 1816 года. 13-го мая 1814 года, въ званіи магистра, избранъ былъ секретаремъ отдѣленія словесныхъ наукъ, за отсутствіемъ на этомъ отдѣленіи адъюнктовъ; снова избирался въ эту должность въ 1816 и 1818 годахъ.

Въ началѣ лѣта 1815 года Юнаковъ вошелъ въ отдѣленіе словесныхъ наукъ, одновременно съ своимъ сверстникомъ по университету и по службѣ, магистромъ Булыгинымъ, съ ходатайствомъ объ удостоеніи его званія адъюнкта историческихъ наукъ, при чемъ представилъ два рукописныхъ сочиненія: „Взглядъ на происшествія, къ церкви россійской относящіяся“ и „Разсужденіе объ исторіи россійскаго государства“. Вслѣдствіе благопріятнаго отзыва объ этихъ сочиненіяхъ профессоровъ Яковкина и Кондырева, отдѣленіе словесныхъ наукъ представило Юнакова, вмѣстѣ съ Булыгинымъ, къ повышенію въ званіе адъюнкта, признавая обоихъ вполнѣ достойными того „какъ по сочиненіямъ, такъ и по знаніямъ, прилежанію, особеннымъ дарованіямъ, по ревностному и успѣшному отправленію всегда при университетѣ разныхъ должностныхъ обязанностей и порученій, отличной способности къ службѣ и похвальному благонравію“. Произведенное въ совѣтѣ 28-го іюня баллотированіе дало для Юнакова равенство избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ—результатъ, который не могъ быть признанъ неожиданнымъ, такъ какъ и Юнаковъ и Булыгинъ являлись ставленниками Яковкина и избраніе ихъ вело къ усиленію въ совѣтѣ совсѣмъ уже павшаго вліянія этого послѣдняго. Ректоръ Браунъ, съ своей стороны, объявилъ, что его голосъ—склоняется въ сторону отрицательную, въ виду чего избраніе было объявлено несостоявшимся, по принципу перевѣса, въ случаѣ равенства голосовъ, голоса предсѣдателя. Министръ гр. Разумовскій не согласился, однако, съ такимъ толкованіемъ и призналъ, что въ данномъ случаѣ не слѣдовало давать перевѣса голосу предсѣдателя, но надлежало или произвести новое баллотированіе, или же представить дѣло на благоусмотрѣніе начальства, въ силу чего онъ предписывалъ произвести новое избраніе, тѣмъ болѣе, что Юнаковъ съ одобрительной стороны рекомендованъ отдѣленіемъ, университетъ же „обязанъ стараться мѣста профессорскія, адъюнктскія и другія наполнять способными къ занятію оныхъ людьми преимущественно изъ россіянъ“. 28-го августа произведено вторичное баллотированіе Юнакова, при которомъ онъ оказался избраннымъ большинствомъ девяти шаровъ противъ семи и 24-го сентября 1815 года утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта историческихъ наукъ.

14-го іюня 1812 года опредѣленъ въ должность помощника инспектора студентовъ, которую и несъ до октября 1816 года. 13-го мая 1814 года, въ званіи магистра, избранъ былъ секретаремъ отдѣленія словесныхъ наукъ, за отсутствіемъ на этомъ отдѣленіи адъюнктовъ; снова избирался въ эту должность въ 1816 и 1818 годахъ.

Въ началѣ лѣта 1815 года Юнаковъ вошелъ въ отдѣленіе словесныхъ наукъ, одновременно съ своимъ сверстникомъ по университету и по службѣ, магистромъ Булыгинымъ, съ ходатайствомъ объ удостоеніи его званія адъюнкта историческихъ наукъ, при чемъ представилъ два рукописныхъ сочиненія: „Взглядъ на происшествія, къ церкви россійской относящіяся" и „Разсужденіе объ исторіи россійскаго государства". Вслѣдствіе благопріятнаго отзыва объ этихъ сочиненіяхъ профессоровъ Яковкина и Кондырева, отдѣленіе словесныхъ наукъ представило Юнакова, вмѣстѣ съ Булыгинымъ, къ повышенію въ званіе адъюнкта, признавая обоихъ вполнѣ достойными того „какъ по сочиненіямъ, такъ и по знаніямъ, прилежанію, особеннымъ дарованіямъ, по ревностному и успѣшному отправленію всегда при университетѣ разныхъ должностныхъ обязанностей и порученій, отличной способности къ службѣ и похвальному благонравію". Произведенное въ совѣтѣ 28-го іюня баллотированіе дало для Юнакова равенство избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ—результатъ, который не могъ быть признанъ неожиданнымъ, такъ какъ и Юнаковъ и Булыгинъ являлись ставленниками Яковкина и избраніе ихъ вело къ усиленію въ совѣтѣ совсѣмъ уже павшаго вліянія этого послѣдняго. Ректоръ Браунъ, съ своей стороны, объявилъ, что его голосъ—склоняется въ сторону отрицательную, въ виду чего избраніе было объявлено несостоявшимся, по принципу перевѣса, въ случаѣ равенства голосовъ, голоса предсѣдателя. Министръ гр. Разумовскій не согласился, однако, съ такимъ толкованіемъ и призналъ, что въ данномъ случаѣ не слѣдовало давать перевѣса голосу предсѣдателя, но надлежало или произвести новое баллотированіе, или же представить дѣло на благоусмотрѣніе начальства, въ силу чего онъ предписывалъ произвести новое избраніе, тѣмъ болѣе, что Юнаковъ съ одобрительной стороны рекомендованъ отдѣленіемъ, университетъ же „обязанъ стараться мѣста профессорскія, адъюнктскія и другія наполнять способными къ занятію оныхъ людьми преимущественно изъ россіянъ". 28-го августа произведено вторичное баллотированіе Юнакова, при которомъ онъ оказался избраннымъ большинствомъ девяти шаровъ противъ семи и 24-го сентября 1815 года утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта историческихъ наукъ.

Приступивъ къ преподаванію, Юнаковъ въ весьма непродолжительное время своей жизни и своей службы читалъ россійскую географію и статистику, по Зябловскому, и всеобщую географію, по Гаспари. Сверхъ преподавательскихъ обязанностей, Юнаковъ состоялъ секретаремъ по веденію ученыхъ записокъ (1816), редакторомъ „Казанскихъ Извѣстій" (1816—1817), старшимъ надзирателемъ гимназіи (1819), избирался синдикомъ университета (1817) и членомъ училищнаго комитета (1818).

Въ январѣ 1819 года Юнаковъ представилъ въ совѣтъ университета два рукописныхъ труда: „Математическая географія" и „Естественная географія", для повышенія его въ званіе экстраординарнаго профессора. Эти труды переданы были на заключеніе отдѣленій словесныхъ и физико-математическихъ наукъ, которыя и дали о нихъ благопріятные отзывы; словесное отдѣленіе, сверхъ того, отмѣтило „обширныя г. адъюнкта Юнакова по своей части свѣдѣнія, неусыпное къ усовершенствованію себя стараніе, похвальное отправленіе всѣхъ возлагаемыхъ на него должностей и порученій и хорошее поведеніе", вслѣдствіе чего ставило себѣ „въ пріятную обязанность" ходатайствовать о повышеніи его въ званіи. 11-го февраля Юнаковъ и былъ избранъ совѣтомъ (получилъ шаровъ +11, —4) въ званіе экстраординарнаго профессора, но свѣдѣній объ утвержденіи его въ дѣлахъ не имѣется; оно было, по всей вѣроятности, задержано въ виду начавшейся ревизіи Магницкаго.

Юнаковъ умеръ 3-го января 1820 года, отъ нервной горячки, въ такой бѣдности, что послѣ него не осталось никакихъ средствъ на похороны [8].

Николай Михаиловичъ Алехинъ, родившійся въ 1794 году, въ дворянской семьѣ, первоначальное образованіе получилъ въ казанской гимназіи (съ 1804 года), изъ которой 10-го іюля 1807 года переведенъ въ казанскій университетъ, гдѣ посвятилъ себя преимущественному изученію юридическихъ наукъ, до конца весенняго полугодія преподававшихся здѣсь единственнымъ представителемъ правовѣдѣнія, проф. Бюнеманомъ, но уже съ конца 1809 года получившихъ преподавателей въ лицѣ профессоровъ Финке и Неймана и адъюнкта барона Врангеля, лекціями которыхъ Алехинъ и пользовался: Неймана—до начала 1811 года, остальныхъ двухъ—въ теченіи всего университетскаго курса. При отсутствіи еще въ то время раздѣленія по факультетамъ, молодому человѣку, желавшему посвятить себя изученію права, приходилось прослушивать курсы самыхъ разнообразныхъ наукъ, какъ это было и съ Алехинымъ, въ теченіи своего че-

Приступивъ къ преподаванію, Юнаковъ въ весьма непродолжительное время своей жизни и своей службы читалъ россійскую географію и статистику, по Зябловскому, и всеобщую географію, по Гаспари. Сверхъ преподавательскихъ обязанностей, Юнаковъ состоялъ секретаремъ по веденію ученыхъ записокъ (1816), редакторомъ „Казанскихъ Извѣстій“ (1816—1817), старшимъ надзирателемъ гимназіи (1819), избирался синдикомъ университета (1817) и членомъ училищнаго комитета (1818).

Въ январѣ 1819 года Юнаковъ представилъ въ совѣтъ университета два рукописныхъ труда: „Математическая географія“ и „Естественная географія“, для повышенія его въ званіе экстраординарнаго профессора. Эти труды переданы были на заключеніе отдѣленій словесныхъ и физико-математическихъ наукъ, которыя и дали о нихъ благопріятные отзывы; словесное отдѣленіе, сверхъ того, отмѣтило „обширныя г. адъюнкта Юнакова по своей части свѣдѣнія, неусыпное къ усовершенствованію себя стараніе, похвальное отправленіе всѣхъ возлагаемыхъ на него должностей и порученій и хорошее поведеніе“, вслѣдствіе чего ставило себѣ „въ пріятную обязанность“ ходатайствовать о повышеніи его въ званіи. 11-го февраля Юнаковъ и былъ избранъ совѣтомъ (получилъ шаровъ +11, —4) въ званіе экстраординарнаго профессора, но свѣдѣній объ утвержденіи его въ дѣлахъ не имѣется; оно было, по всей вѣроятности, задержано въ виду начавшейся ревизіи Магницкаго.

Юнаковъ умеръ 3-го января 1820 года, отъ нервной горячки, въ такой бѣдности, что послѣ него не осталось никакихъ средствъ на похороны [8].

Николай Михаиловичъ Алехинъ, родившійся въ 1794 году, въ дворянской семьѣ, первоначальное образованіе получилъ въ казанской гимназіи (съ 1804 года), изъ которой 10-го іюля 1807 года переведенъ въ казанскій университетъ, гдѣ посвятилъ себя преимущественному изученію юридическихъ наукъ, до конца весенняго полугодія преподававшихся здѣсь единственнымъ представителемъ правовѣдѣнія, проф. Бюнеманомъ, но уже съ конца 1809 года получившихъ преподавателей въ лицѣ профессоровъ Финке и Неймана и адъюнкта барона Врангеля, лекціями которыхъ Алехинъ и пользовался: Неймана—до начала 1811 года, остальныхъ двухъ—въ теченіи всего университетскаго курса. При отсутствіи еще въ то время раздѣленія по факультетамъ, молодому человѣку, желавшему посвятить себя изученію права, приходилось прослушивать курсы самыхъ разнообразныхъ наукъ, какъ это было и съ Алехинымъ, въ теченіи своего че-

тырехлѣтняго университетскаго ученія слушавшаго слѣдующіе предметы, перечисленные въ его послужномъ спискѣ 1815 года: философію, древности, латинскую и нѣмецкую словесность, исторію и географію всеобщую и россійскую, статистику россійской имперіи и прочихъ европейскихъ государствъ, математику, физику, естественную исторію, права естественное, частное, государственное и народное, римское, общее уголовное, россійское гражданское и уголовное; приватно слушалъ онъ, сверхъ того, права феодальное и каноническое.

Университетское ученіе и начальная ученая карьера Алехина самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ судьбою въ этомъ же отношеніи и другого молодаго питомца казанскаго университета, Е. П. Манасеина. Оба явились излюбленными учениками проф. Неймана и въ ихъ лицѣ казанскому университету суждено было бы, по всей вѣроятности, увидѣть основаніе собственной, мѣстной, школы русскихъ юристовъ, если бы оба молодые ученые не были слишкомъ рано потеряны для университета и науки, первый— вслѣдствіе преждевременной смерти, второй — благодаря перемѣнѣ имъ рода службы.

Возведенный 11-го августа 1811 года, по окончаніи слушанія университетскихъ курсовъ, въ степень кандидата, Алехинъ въ теченіи слѣдующаго учебнаго года спеціально занимался правовѣдѣніемъ подъ руководствомъ профессора Финке (проф. Нейманъ въ февралѣ 1811 года перевелся въ дерптскій университетъ), одновременно съ кандидатами барономъ Врангелемъ (Юліемъ—младшимъ братомъ профессора), Срезневскимъ и Манасеинымъ. Оказанные имъ успѣхи были настолько значительны, что уже въ маѣ 1812 года проф. Финке нашелъ возможнымъ представить Алехина, одновременно съ Врангелемъ (проф. Лубкинъ тогда же представилъ Срезневскаго), къ повышенію въ степень магистра правовѣдѣнія, давъ о немъ совѣту университета слѣдующій отзывъ: „Similiter (передъ тѣмъ рѣчь шла о выдающихся дарованіяхъ, прилежаніи и благонравіи кандидата Врангеля) de candidato Alechin judicandum esse censeo, qui summa cum cura et amore studium juris prosequutus est, quare et eum publice laudo atque benevolentiae concilii commendo“; Финке пишетъ въ свемъ представленіи отъ 13-го мая, что Алехинъ, какъ юноша въ высокой степени прилежный и знающій (diligentissimus et eruditissimus), настолько успѣлъ заявить себя своими дарованіями и спеціальными познаніями, что по отношенію къ нему всякая дальнѣйшая рекомендація можетъ считаться излишнею, въ виду чего онъ и ходатайствуетъ о допущеніи его, одновременно съ кандидатомъ Врангелемъ, къ испытанію на степень магистра правовѣ-

тырехлѣтняго университетскаго ученія слушавшаго слѣдующіе предметы, перечисленные въ его послужномъ спискѣ 1815 года: философію, древности, латинскую и нѣмецкую словесность, исторію и географію всеобщую и россійскую, статистику россійской имперіи и прочихъ европейскихъ государствъ, математику, физику, естественную исторію, права естественное, частное, государственное и народное, римское, общее уголовное, россійское гражданское и уголовное; приватно слушалъ онъ, сверхъ того, права феодальное и каноническое.

Университетское ученіе и начальная ученая карьера Алехина самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ судьбою въ этомъ же отношеніи и другого молодаго питомца казанскаго университета, Е. П. Манасеина. Оба явились излюбленными учениками проф. Неймана и въ ихъ лицѣ казанскому университету суждено было бы, по всей вѣроятности, увидѣть основаніе собственной, мѣстной, школы русскихъ юристовъ, если бы оба молодые ученые не были слишкомъ рано потеряны для университета и науки, первый— вслѣдствіе преждевременной смерти, второй — благодаря перемѣнѣ имъ рода службы.

Возведенный 11-го августа 1811 года, по окончаніи слушанія университетскихъ курсовъ, въ степень кандидата, Алехинъ въ теченіи слѣдующаго учебнаго года спеціально занимался правовѣдѣніемъ подъ руководствомъ профессора Финке (проф. Нейманъ въ февралѣ 1811 года перевелся въ дерптскій университетъ), одновременно съ кандидатами барономъ Врангелемъ (Юліемъ—младшимъ братомъ профессора), Срезневскимъ и Манасеинымъ. Оказанные имъ успѣхи были настолько значительны, что уже въ маѣ 1812 года проф. Финке нашелъ возможнымъ представить Алехина, одновременно съ Врангелемъ (проф. Лубкинъ тогда же представилъ Срезневскаго), къ повышенію въ степень магистра правовѣдѣнія, давъ о немъ совѣту университета слѣдующій отзывъ: „Similiter (передъ тѣмъ рѣчь шла о выдающихся дарованіяхъ, прилежаніи и благонравіи кандидата Врангеля) de candidato Alechin judicandum esse censeo, qui summa cum cura et amore studium juris prosequutus est, quare et eum publice laudo atque benevolentiae concilii commendo"; Финке пишетъ въ свемъ представленіи отъ 13-го мая, что Алехинъ, какъ юноша въ высокой степени прилежный и знающій (diligentissimus et eruditissimus), настолько успѣлъ заявить себя своими дарованіями и спеціальными познаніями, что по отношенію къ нему всякая дальнѣйшая рекомендація можетъ считаться излишнею, въ виду чего онъ и ходатайствуетъ о допущеніи его, одновременно съ кандидатомъ Врангелемъ, къ испытанію на степень магистра правовѣ-

денія. Представленіе о томъ совѣта было попечителемъ разрѣшено и 1-го іюля, въ присутствіи членовъ совѣта, оба кандидата были подвергнуты соотвѣтствующему испытанію, которое производилось: профессоромъ Финке—по праву естественному, римскому и общему уголовному, профессоромъ Врангелемъ—по исторіи права и россійскимъ правамъ уголовному и гражданскому. Донесеніе проф. Финке знакомитъ насъ и съ вопросами, на которые отвѣчали экзаменующіеся; такъ, по естественному праву имъ предлагались вопросы о происхожденіи государствъ, о верховной власти, объ общественномъ строѣ въ государствѣ, о властяхъ законодательной и исполнительной, о духѣ законовъ; по римскому праву—вопросы изъ области систематики, ученія о сервитутахъ, о наслѣдствѣ по завѣщанію и т. п. Результатъ испытанія признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ и 10-го іюля Алехинъ и бар. Юлій Врангель были утверждены въ степени магистровъ правовѣдѣнія *.

Получивъ степень магистра, Алехинъ въ 1813 и 1814 годахъ исполнялъ при профессорѣ Финке обязанности репетитора, повторяя съ студентами его лекціи, читавшіяся на латинскомъ языкѣ, а потому и бывшія для слушателей не вполнѣ, конечно, доступными и понятными; съ 1813 года онъ, сверхъ того, читалъ публичныя лекціи по правовѣдѣнію для чиновниковъ, обязанныхъ службою.

17-го сентября 1814 года скончался профессоръ Финке, въ лицѣ котораго молодые юристы казанскаго университета, а въ числѣ ихъ и Алехинъ, лишились своего руководителя. Но какъ разъ въ это время послѣдовало заявленіе, которое представляется въ высшей степени оригинальнымъ по положенному въ основу его чисто идеальному мотиву и которое имѣло важное значеніе для дальнѣйшаго юридическаго развитія двухъ молодыхъ казанскихъ юристовъ—Алехина и Манасеина. Тотчасъ же послѣ полученія извѣстія о смерти Финке, бывшій профессоръ казанскаго университета И. Е. Нейманъ изъявилъ желаніе снова опредѣлиться въ него, срокомъ всего на одинъ годъ, съ спеціальною цѣлью „въ сіе время приготовить къ кафедрамъ двухъ извѣстныхъ ему магистровъ, въ казанскомъ университетѣ находящихся и по своей части оказавшихъ большіе успѣхи". Этими молодыми юристами, научными интересами которыхъ мотивировалъ Нейманъ свое желаніе на годъ возвратиться въ Казань, и были Алехинъ и Манасеинъ, причемъ заявленіе его требуетъ поправки: Манасеинъ былъ

* Баронъ Ю. В. Врангель въ февралѣ 1814 года уволился отъ университетской службы и дальнѣйшаго отношенія къ казанскому университету не имѣлъ.

денія. Представленіе о томъ совѣта было попечителемъ разрѣшено и 1-го іюля, въ присутствіи членовъ совѣта, оба кандидата были подвергнуты соотвѣтствующему испытанію, которое производилось: профессоромъ Финке—по праву естественному, римскому и общему уголовному, профессоромъ Врангелемъ—по исторіи права и россійскимъ правамъ уголовному и гражданскому. Донесеніе проф. Финке знакомитъ насъ и съ вопросами, на которые отвѣчали экзаменующіеся; такъ, по естественному праву имъ предлагались вопросы о происхожденіи государствъ, о верховной власти, объ общественномъ строѣ въ государствѣ, о властяхъ законодательной и исполнительной, о духѣ законовъ; по римскому праву—вопросы изъ области систематики, ученія о сервитутахъ, о наслѣдствѣ по завѣщанію и т. п. Результатъ испытанія признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ и 10-го іюля Алехинъ и бар. Юлій Врангель были утверждены въ степени магистровъ правовѣдѣнія *.

Получивъ степень магистра, Алехинъ въ 1813 и 1814 годахъ исполнялъ при профессорѣ Финке обязанности репетитора, повторяя съ студентами его лекціи, читавшіяся на латинскомъ языкѣ, а потому и бывшія для слушателей не вполнѣ, конечно, доступными и понятными; съ 1813 года онъ, сверхъ того, читалъ публичныя лекціи по правовѣдѣнію для чиновниковъ, обязанныхъ службою.

17-го сентября 1814 года скончался профессоръ Финке, въ лицѣ котораго молодые юристы казанскаго университета, а въ числѣ ихъ и Алехинъ, лишились своего руководителя. Но какъ разъ въ это время послѣдовало заявленіе, которое представляется въ высшей степени оригинальнымъ по положенному въ основу его чисто идеальному мотиву и которое имѣло важное значеніе для дальнѣйшаго юридическаго развитія двухъ молодыхъ казанскихъ юристовъ—Алехина и Манасеина. Тотчасъ же послѣ полученія извѣстія о смерти Финке, бывшій профессоръ казанскаго университета И. Е. Нейманъ изъявилъ желаніе снова опредѣлиться въ него, срокомъ всего на одинъ годъ, съ спеціальною цѣлью „въ сіе время приготовить къ кафедрамъ двухъ извѣстныхъ ему магистровъ, въ казанскомъ университетѣ находящихся и по своей части оказавшихъ большіе успѣхи". Этими молодыми юристами, научными интересами которыхъ мотивировалъ Нейманъ свое желаніе на годъ возвратиться въ Казань, и были Алехинъ и Манасеинъ, причемъ заявленіе его требуетъ поправки: Манасеинъ былъ

* Баронъ Ю. В. Врангель въ февралѣ 1814 года уволился отъ университетской службы и дальнѣйшаго отношенія къ казанскому университету не имѣлъ.

утвержденъ въ степени магистра лишь въ декабрѣ 1814 года, уже по пріѣздѣ Неймана въ Казань. Предложеніе Неймана встрѣтило въ министерствѣ полное сочувствіе и 19-го октября послѣдовало вторичное назначеніе его въ Казань, на освободившуюся послѣ Финке кафедру права естественнаго, политическаго и народнаго.

Изъ дѣла о вторичномъ опредѣленіи его въ казанскій университетъ мы узнаемъ, что проф. Нейманъ прибылъ сюда снабженнымъ особою инструкціею, въ которой излагались его обязанности по спеціальнымъ занятіямъ съ Алехинымъ и Манасеинымъ естественнымъ правомъ, правами гражданскимъ и уголовнымъ и по руководству ихъ научными трудами; въ силу этой инструкціи, Нейманъ обязывался представленіемъ періодическихъ отчетовъ объ успѣшности занятій ввѣряемыхъ его попеченію молодыхъ юристовъ. Сверхъ собственныхъ занятій, на Алехина и Манасеина возложены были вспомогательныя занятія съ студентами (на перваго—по римскому, на второго—по естественному праву) по курсамъ, которые читалъ имъ профессоръ. Характерною особенностью научныхъ работъ обоихъ магистровъ являлось то, что они должны были составлять, подъ руководствомъ Неймана, собственные курсы избранныхъ ими наукъ: Алехинъ—правъ римскаго, гражданскаго и уголовнаго, Манасеинъ — права естественнаго; самъ Нейманъ оправдывалъ такое направленіе научныхъ занятій своихъ учениковъ тѣмъ, что „достойнымъ званія профессора можетъ почесться не тотъ, кто выучилъ токмо преподаваемыя другими мысли, но кто самъ въ состояніи ихъ сравнивать, излагать кратко и ясно и содѣйствовать къ усовершенствованію науки".

Весною 1815 года проф. Нейманъ намѣтилъ совершенно новое еще для казанскаго университета предположеніе, имѣвшее своею цѣлью дальнѣйшее усовершенствованіе порученныхъ ему магистровъ въ юридическихъ наукахъ: онъ далъ имъ мысль попытаться воспользоваться статьею 128-ою университетскаго устава, въ силу которой „изъ магистровъ, наиболѣе отличившихся успѣхами въ наукахъ и добропорядочнымъ поведеніемъ, совѣтъ каждые два года избираетъ двоихъ для отправленія въ чужіе края", дѣлая имъ прибавку къ жалованью „изъ суммы, на путешествія въ штатѣ положенной". Алехинъ и Манасеинъ съ восторгомъ отнеслись къ предложенію своего учителя и одновременно вошли съ соотвѣтствующими прошеніями въ совѣтъ, который, съ своей стороны, весьма сочувственно отозвался къ мысли Неймана и постановилъ возбудить ходатайство передъ министромъ о заграничной командировкѣ обоихъ магистровъ. Нейманъ, которому необходимо было ѣхать заграницу по своимъ личнымъ

утвержденъ въ степени магистра лишь въ декабрѣ 1814 года, уже по пріѣздѣ Неймана въ Казань. Предложеніе Неймана встрѣтило въ министерствѣ полное сочувствіе и 19-го октября послѣдовало вторичное назначеніе его въ Казань, на освободившуюся послѣ Финке кафедру права естественнаго, политическаго и народнаго.

Изъ дѣла о вторичномъ опредѣленіи его въ казанскій университетъ мы узнаемъ, что проф. Нейманъ прибылъ сюда снабженнымъ особою инструкціею, въ которой излагались его обязанности по спеціальнымъ занятіямъ съ Алехинымъ и Манасеинымъ естественнымъ правомъ, правами гражданскимъ и уголовнымъ и по руководству ихъ научными трудами; въ силу этой инструкціи, Нейманъ обязывался представленіемъ періодическихъ отчетовъ объ успѣшности занятій ввѣряемыхъ его попеченію молодыхъ юристовъ. Сверхъ собственныхъ занятій, на Алехина и Манасеина возложены были вспомогательныя занятія съ студентами (на перваго—по римскому, на второго—по естественному праву) по курсамъ, которые читалъ имъ профессоръ. Характерною особенностью научныхъ работъ обоихъ магистровъ являлось то, что они должны были составлять, подъ руководствомъ Неймана, собственные курсы избранныхъ ими наукъ: Алехинъ—правъ римскаго, гражданскаго и уголовнаго, Манасеинъ — права естественнаго; самъ Нейманъ оправдывалъ такое направленіе научныхъ занятій своихъ учениковъ тѣмъ, что „достойнымъ званія профессора можетъ почесться не тотъ, кто выучилъ токмо преподаваемыя другими мысли, но кто самъ въ состояніи ихъ сравнивать, излагать кратко и ясно и содѣйствовать къ усовершенствованію науки".

Весною 1815 года проф. Нейманъ намѣтилъ совершенно новое еще для казанскаго университета предположеніе, имѣвшее своею цѣлью дальнѣйшее усовершенствованіе порученныхъ ему магистровъ въ юридическихъ наукахъ: онъ далъ имъ мысль попытаться воспользоваться статьею 128-ою университетскаго устава, въ силу которой „изъ магистровъ, наиболѣе отличившихся успѣхами въ наукахъ и добропорядочнымъ поведеніемъ, совѣтъ каждые два года избираетъ двоихъ для отправленія въ чужіе края", дѣлая имъ прибавку къ жалованью „изъ суммы, на путешествія въ штатѣ положенной". Алехинъ и Манасеинъ съ восторгомъ отнеслись къ предложенію своего учителя и одновременно вошли съ соотвѣтствующими прошеніями въ совѣтъ, который, съ своей стороны, весьма сочувственно отозвался къ мысли Неймана и постановилъ возбудить ходатайство передъ министромъ о заграничной командировкѣ обоихъ магистровъ. Нейманъ, которому необходимо было ѣхать заграницу по своимъ личнымъ

дѣламъ, бралъ на себя сопровождать молодыхъ людей въ чужіе края, устроить ихъ тамъ и направить ихъ научныя занятія, рекомендуя для этой цѣли университеты лейпцигскій и геттингенскій. Между тѣмъ, не дождавшись резолюціи министра на представленіе совѣта, какъ самъ Нейманъ, такъ и оба его ученика, взяли отпуски и уѣхали въ Петербургъ, гдѣ и узнали объ отказѣ министра въ заграничной командировкѣ Алехина и Манасеина, мотивированномъ „неудобствомъ настоящаго времени“ для того *. Что касается прибывшихъ въ Петербургъ казанскихъ магистровъ, то имъ, предложеніемъ министра отъ 19-го іюля, было разрѣшено, въ виду особаго ходатайства о томъ Неймана, остаться въ столицѣ „для усовершенствованія себя въ наукахъ и для окончанія начатыхъ подъ руководствомъ профессора Неймана учебныхъ книгъ“, съ прибавкою имъ по 600 р. въ годъ къ ихъ штатному магистерскому содержанію. Такъ окончилась полною неудачею первая попытка казанскаго университета воспользоваться заграничною командировкою для научнаго усовершенствованія своихъ молодыхъ аспирантовъ на профессорское званіе. Оба магистра присылали изъ Петербурга въ казанскій университетъ краткіе отчеты о своихъ занятіяхъ. Алехинъ весною 1816 года доносилъ, что онъ въ первую треть года „изложилъ римское гражданское право, частью для того, что бы удержать въ памяти читанное имъ, частью для того, чтобы руководствоваться симъ систематическимъ начертаніемъ при преподаваніяхъ, когда оныя на него будутъ возложены“; весною 1817 года онъ доносилъ о своихъ предшествующихъ занятіяхъ исторіею римскаго права и переводомъ первой книги институцій.

Въ началѣ 1816 года, еще въ бытность Алехина въ Петербургѣ, проф. Нейманъ вошелъ непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ относительно удостоенія его званія адъюнкта правовѣдѣнія, въ каковомъ званіи, минуя, такимъ образомъ, совѣтъ университета и попечителя округа, Алехинъ и былъ утвержденъ 3-го февраля 1816 года. Оставленный въ Петербургѣ до наступленія 1816—1817 учебнаго года, Алехинъ получилъ затѣмъ дальнѣйшую отсрочку и возвратился въ Казань лишь 20-го августа 1817 года, приступивъ слѣдомъ за тѣмъ

* Одновременный отъѣздъ изъ Казани проф. Неймана и обоихъ его учениковъ совершенно разстроилъ порядокъ преподаванія на отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, что попечитель предложеніемъ отъ 14-го ноября и поставилъ на видъ, предлагая озаботиться его устройствомъ. Отдѣленіе отозвалось по этому поводу, что «римское право преподаетъ э.-пр. Солнцевъ, а адъюнктъ Срезневскій—практическую философію, которой существенную часть составляетъ право естественное» (Протоколы совѣта 19-го и 27-го ноября 1815 года).

дѣламъ, бралъ на себя сопровождать молодыхъ людей въ чужіе края, устроить ихъ тамъ и направить ихъ научныя занятія, рекомендуя для этой цѣли университеты лейпцигскій и геттингенскій. Между тѣмъ, не дождавшись резолюціи министра на представленіе совѣта, какъ самъ Нейманъ, такъ и оба его ученика, взяли отпуски и уѣхали въ Петербургъ, гдѣ и узнали объ отказѣ министра въ заграничной командировкѣ Алехина и Манасеина, мотивированномъ „неудобствомъ настоящаго времени“ для того *. Что касается прибывшихъ въ Петербургъ казанскихъ магистровъ, то имъ, предложеніемъ министра отъ 19-го іюля, было разрѣшено, въ виду особаго ходатайства о томъ Неймана, остаться въ столицѣ „для усовершенствованія себя въ наукахъ и для окончанія начатыхъ подъ руководствомъ профессора Неймана учебныхъ книгъ“, съ прибавкою имъ по 600 р. въ годъ къ ихъ штатному магистерскому содержанію. Такъ окончилась полною неудачею первая попытка казанскаго университета воспользоваться заграничною командировкою для научнаго усовершенствованія своихъ молодыхъ аспирантовъ на профессорское званіе. Оба магистра присылали изъ Петербурга въ казанскій университетъ краткіе отчеты о своихъ занятіяхъ. Алехинъ весною 1816 года доносилъ, что онъ въ первую треть года „изложилъ римское гражданское право, частью для того, что бы удержать въ памяти читанное имъ, частью для того, чтобы руководствоваться симъ систематическимъ начертаніемъ при преподаваніяхъ, когда оныя на него будутъ возложены“; весною 1817 года онъ доносилъ о своихъ предшествующихъ занятіяхъ исторіею римскаго права и переводомъ первой книги институцій.

Въ началѣ 1816 года, еще въ бытность Алехина въ Петербургѣ, проф. Нейманъ вошелъ непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ относительно удостоенія его званія адъюнкта правовѣдѣнія, въ каковомъ званіи, минуя, такимъ образомъ, совѣтъ университета и попечителя округа, Алехинъ и былъ утвержденъ 3-го февраля 1816 года. Оставленный въ Петербургѣ до наступленія 1816—1817 учебнаго года, Алехинъ получилъ затѣмъ дальнѣйшую отсрочку и возвратился въ Казань лишь 20-го августа 1817 года, приступивъ слѣдомъ за тѣмъ

* Одновременный отъѣздъ изъ Казани проф. Неймана и обоихъ его учениковъ совершенно разстроилъ порядокъ преподаванія на отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, что попечитель предложеніемъ отъ 14-го ноября и поставилъ на видъ, предлагая озаботиться его устройствомъ. Отдѣленіе отозвалось по этому поводу, что «римское право преподаетъ э.-пр. Солнцевъ, а адъюнктъ Срезневскій—практическую философію, которой существенную часть составляетъ право естественное» (Протоколы совѣта 19-го и 27-го ноября 1815 года).

къ преподаванію, предметомъ котораго служило изъясненіе институцій Юстиніана, въ ихъ сопоставленіи съ французскимъ кодексомъ. Въ началѣ ноября 1818 года, за отъѣздомъ адъюнкта Манасеина на Кавказъ, на Алехина возложено было дополнительное преподаваніе и по кафедрѣ естественнаго права. Съ ноября 1817 года онъ несъ должность секретаря отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, съ марта 1818 года—и. д. секретаря цензурнаго комитета.

Въ засѣданіи 23-го января 1819 года отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ постановило представить совѣту о повышеніи адъюнкта Алехина въ званіе экстраординарнаго профессора по кафедрѣ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, мотивируя свое рѣшеніе какъ достоинствами представленнаго имъ конспекта римскаго права, такъ и тѣмъ, что „адъюнктъ Алехинъ, преподаваніемъ изъясненія институтовъ Іустиніановыхъ, много споспѣшествовалъ успѣхамъ студентовъ по части юридическихъ наукъ".

Дѣло дальнѣйшаго хода не получило за смертью Алехина *, послѣдовавшею 4-го февраля 1819 года, послѣ двухнедѣльной болѣзни [9]. Университетскій піита, проф. Городчаниновъ, почтилъ память умершаго стихотвореніемъ, въ которомъ говорилось, между прочимъ, что—

„Цвѣтокъ лишь распустился
„И разлилъ ароматъ,
„Какъ вдругъ его лишился
„Музъ нашихъ вертоградъ....
„Ты рано, странникъ свѣта,
„Твой посохъ положилъ:
„Еще и половины
„Пути не совершилъ
и т. д.

Елпидифоръ Петровичъ Манасеинъ, съ точки зрѣнія своего начальнаго ученаго поприща, во многихъ отношеніяхъ раздѣлилъ судьбу

* Служащіе университета были извѣщены о смерти Алехина слѣдующею повѣсткою: «Г.г. чиновники университета симъ извѣщаются, что завтра, т. е. 6-го числа, въ 9 часовъ утра, будетъ выносъ тѣла покойнаго адъюнкта Н. М. Алехина въ приходскую Воскресенскую церковь. Домъ, въ которомъ покойный имѣлъ квартированіе, состоитъ близь университета, противъ огородки университетскаго типографскаго дома. Почему благоволятъ для отданія послѣдней чести покойному явиться въ приличномъ траурѣ въ его квартиру».

Алехинъ погребенъ въ церковной оградѣ церкви села Аркатово, лаишевскаго уѣзда; изъ надписи на его памятникѣ видно, что онъ скончался 25-ти лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ отъ роду.

къ преподаванію, предметомъ котораго служило изъясненіе институцій Юстиніана, въ ихъ сопоставленіи съ французскимъ кодексомъ. Въ началѣ ноября 1818 года, за отъѣздомъ адъюнкта Манасеина на Кавказъ, на Алехина возложено было дополнительное преподаваніе и по кафедрѣ естественнаго права. Съ ноября 1817 года онъ несъ должность секретаря отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, съ марта 1818 года—и. д. секретаря цензурнаго комитета.

Въ засѣданіи 23-го января 1819 года отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ постановило представить совѣту о повышеніи адъюнкта Алехина въ званіе экстраординарнаго профессора по кафедрѣ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, мотивируя свое рѣшеніе какъ достоинствами представленнаго имъ конспекта римскаго права, такъ и тѣмъ, что „адъюнктъ Алехинъ, преподаваніемъ изъясненія институтовъ Іустиніановыхъ, много споспѣшествовалъ успѣхамъ студентовъ по части юридическихъ наукъ".

Дѣло дальнѣйшаго хода не получило за смертью Алехина *, послѣдовавшею 4-го февраля 1819 года, послѣ двухнедѣльной болѣзни [9]. Университетскій піита, проф. Городчаниновъ, почтилъ память умершаго стихотвореніемъ, въ которомъ говорилось, между прочимъ, что—

„Цвѣтокъ лишь распустился
„И разлилъ ароматъ,
„Какъ вдругъ его лишился
„Музъ нашихъ вертоградъ....
„Ты рано, странникъ свѣта,
„Твой посохъ положилъ:
„Еще и половины
„Пути не совершилъ
и т. д.

Елпидифоръ Петровичъ Манасеинъ, съ точки зрѣнія своего начальнаго ученаго поприща, во многихъ отношеніяхъ раздѣлилъ судьбу

---

* Служащіе университета были извѣщены о смерти Алехина слѣдующею повѣсткою: «Г.г. чиновники университета симъ извѣщаются, что завтра, т. е. 6-го числа, въ 9 часовъ утра, будетъ выносъ тѣла покойнаго адъюнкта Н. М. Алехина въ приходскую Воскресенскую церковь. Домъ, въ которомъ покойный имѣлъ квартированіе, состоитъ близь университета, противъ огородки университетскаго типографскаго дома. Почему благоволятъ для отданія послѣдней чести покойному явиться въ приличномъ траурѣ въ его квартиру».

Алехинъ погребенъ въ церковной оградѣ церкви села Аркатово, лаишевскаго уѣзда; изъ надписи на его памятникѣ видно, что онъ скончался 25-ти лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ отъ роду.

своего сотоварища Алехина, въ чемъ мы могли убѣдиться изъ только что предложеннаго біографическаго очерка этого послѣдняго, что и избавитъ насъ отъ повторенія фактовъ, читателямъ теперь уже извѣстныхъ.

Е. П. Манасеинъ, въ лицѣ котораго казанскій университетъ также потерпѣлъ неудачу въ дѣлѣ созданія профессора-юриста изъ своихъ собственныхъ питомцевъ, происходилъ, подобно Алехину, изъ дворянъ казанской губерніи (его отецъ, Петръ Андреевичъ, былъ лаишевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства) и родился въ 1795 году; онъ былъ, слѣдовательно, на годъ моложе своего товарища, хотя и былъ переведенъ изъ казанской гимназіи въ казанскій университетъ одновременно съ нимъ—10-го іюля 1807 года. Одновременно съ Алехинымъ, въ августѣ 1811 года, удостоенъ онъ былъ и степени кандидата правовѣдѣнія, вмѣстѣ съ нимъ продолжая свои спеціальныя занятія подъ руководствомъ проф. Финке, а послѣ его кончины подъ руководствомъ проф. Неймана, въ октябрѣ 1814 года перемѣстившагося, какъ мы знаемъ, въ казанскій университетъ именно съ цѣлью подготовленія обоихъ молодыхъ людей къ занятію кафедръ правовѣдѣнія.

Манасеинъ на цѣлыхъ два съ половиною года запоздалъ, сравнительно съ своимъ сотоварищемъ Алехинымъ, пріобрѣтеніемъ степени магистра, въ которой онъ былъ утвержденъ лишь 11-го декабря 1814 года. Магистерскій экзаменъ Манасеина производился одновременно съ экзаменомъ Солнцева; почти совпало и защищеніе обоими диссертацій, первымъ—магистерской, вторымъ—докторской. Манасеинъ заканчивалъ свое магистрированіе уже подъ дѣйствіемъ передъ тѣмъ только введеннаго устава 1804 года, вслѣдствіе чего онъ, не въ примѣръ Алехину, долженъ былъ прочитать публичную лекцію („Circa media probandi in processu criminali rossico“) и подвергнуться (9-го декабря) публичному защищенію, на латинскомъ языкѣ, печатныхъ тезисовъ къ диссертаціи (рукописной), представленной имъ на тему: „De poenis in concursu delictorum irrogandis secundum principia generalia, respectu quoque habito ad leges criminales rossicas exceptas“; диссертація эта до насъ не дошла.

Обстоятельства неудавшейся попытки командированія Манасеина, вмѣстѣ съ Алехинымъ, съ ученою цѣлью заграницу и пребыванія его, вмѣстѣ съ нимъ и проф. Нейманомъ, въ Петербургѣ—намъ уже извѣстны. Въ то время, какъ Алехинъ посвящалъ свои занятія правамъ римскому, гражданскому и уголовному, Манасеинъ спеціализировался на правѣ естественномъ и изъ присланныхъ имъ въ казанскій университетъ отчетовъ мы узнаемъ, что онъ, въ теченіи пребыванія своего въ Петербургѣ, пере-

своего сотоварища Алехина, въ чемъ мы могли убѣдиться изъ только что предложеннаго біографическаго очерка этого послѣдняго, что и избавитъ насъ отъ повторенія фактовъ, читателямъ теперь уже извѣстныхъ.

Е. П. Манасеинъ, въ лицѣ котораго казанскій университетъ также потерпѣлъ неудачу въ дѣлѣ созданія профессора-юриста изъ своихъ собственныхъ питомцевъ, происходилъ, подобно Алехину, изъ дворянъ казанской губерніи (его отецъ, Петръ Андреевичъ, былъ лаишевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства) и родился въ 1795 году; онъ былъ, слѣдовательно, на годъ моложе своего товарища, хотя и былъ переведенъ изъ казанской гимназіи въ казанскій университетъ одновременно съ нимъ—10-го іюля 1807 года. Одновременно съ Алехинымъ, въ августѣ 1811 года, удостоенъ онъ былъ и степени кандидата правовѣдѣнія, вмѣстѣ съ нимъ продолжая свои спеціальныя занятія подъ руководствомъ проф. Финке, а послѣ его кончины подъ руководствомъ проф. Неймана, въ октябрѣ 1814 года перемѣстившагося, какъ мы знаемъ, въ казанскій университетъ именно съ цѣлью подготовленія обоихъ молодыхъ людей къ занятію каѳедръ правовѣдѣнія.

Манасеинъ на цѣлыхъ два съ половиною года запоздалъ, сравнительно съ своимъ сотоварищемъ Алехинымъ, пріобрѣтеніемъ степени магистра, въ которой онъ былъ утвержденъ лишь 11-го декабря 1814 года. Магистерскій экзаменъ Манасеина производился одновременно съ экзаменомъ Солнцева; почти совпало и защищеніе обоими диссертацій, первымъ—магистерской, вторымъ—докторской. Манасеинъ заканчивалъ свое магистрированіе уже подъ дѣйствіемъ передъ тѣмъ только введеннаго устава 1804 года, вслѣдствіе чего онъ, не въ примѣръ Алехину, долженъ былъ прочитать публичную лекцію („Circa media probandi in processu criminali rossico“) и подвергнуться (9-го декабря) публичному защищенію, на латинскомъ языкѣ, печатныхъ тезисовъ къ диссертаціи (рукописной), представленной имъ на тему: „De poenis in concursu delictorum irrogandis secundum principia generalia, respectu quoque habito ad leges criminales rossicas exceptas“; диссертація эта до насъ не дошла.

Обстоятельства неудавшейся попытки командированія Манасеина, вмѣстѣ съ Алехинымъ, съ ученою цѣлью заграницу и пребыванія его, вмѣстѣ съ нимъ и проф. Нейманомъ, въ Петербургѣ—намъ уже извѣстны. Въ то время, какъ Алехинъ посвящалъ свои занятія правамъ римскому, гражданскому и уголовному, Манасеинъ спеціализировался на правѣ естественномъ и изъ присланныхъ имъ въ казанскій университетъ отчетовъ мы узнаемъ, что онъ, въ теченіи пребыванія своего въ Петербургѣ, пере-

велъ на русскій языкъ естественное право Гуго и систему европейскаго народнаго права Заальфельда, дѣлалъ опыты приложенія русскихъ законовъ къ началамъ естественнаго права Гуго и подготовлялъ матеріалъ для собственнаго курса естественнаго права. Подобно Алехину, Манасеинъ былъ 11-го января 1817 года утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта правовѣдѣнія еще во время пребыванія своего въ Петербургѣ, хотя уже передъ самымъ выѣздомъ своимъ отсюда въ Казань и по представленію попечителя округа Салтыкова, основанному на лестной рекомендаціи проф. Неймана.

Манасеинъ возвратился въ Казань на полгода раньше Алехина—13-го февраля 1817 года, и съ слѣдующаго же учебнаго года открылъ курсъ „философіи положительнаго права, по Гуго, и европейскаго народнаго права, по Заальфельду, съ дополненіями изъ Гюнтера и Мартенса“. Врангель, Манасеинъ и Алехинъ были первыми преподавателями чисто-юридическихъ наукъ, читавшими свои лекціи на русскомъ языкѣ.

Непродолжительна была ученая служба Манасеина въ казанскомъ университетѣ. По опредѣленію совѣта университета, состоявшемуся 25-го апрѣля 1818 года, Манасеинъ былъ командированъ, въ званіи визитатора, въ губерніи симбирскую, саратовскую, астраханскую и кавказскую (присоединенныя области Кавказа причислены были въ то время къ казанскому учебному округу), причемъ на него возлагалась сложная и требовавшая продолжительнаго времени миссія устроенія существующихъ и открытія новыхъ учебныхъ заведеній въ далекомъ кавказскомъ краѣ. Эта командировка явилась роковою для дальнѣйшей ученой карьеры молодого адъюнкта. Уже осенью того же 1818 года Манасеинъ вошелъ въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, присланнымъ изъ г. Кизляра, въ которомъ, ссылаясь на разстроенное здоровье, онъ просилъ увольненія его отъ званія адъюнкта и предоставленія ему должности по учебной службѣ на Кавказѣ. Слѣдомъ затѣмъ началось обширное, затянувшееся на два слишкомъ года, дѣло о назначеніи Манасеина на должность директора училищъ кавказской губерніи, подробности котораго интересовать насъ не могутъ. Дѣятельность Манасеина по организаціи учебнаго дѣла на далекой окраинѣ шла, повидимому, вполнѣ успѣшно, такъ какъ въ концѣ 1819 года ревизовавшіе кавказскую губернію сенаторы Гермесъ и Мертваго рекомендовали не торопить Манасеина возвращеніемъ въ Казань, впредь до окончательнаго устроенія имъ учебной части на Кавказѣ. Пребывая на Кавказѣ, Манасеинъ доставлялъ отсюда казанскому университету метеорологическія наблюденія, производившіяся въ мѣстныхъ училищахъ.

велъ на русскій языкъ естественное право Гуго и систему европейскаго народнаго права Заальфельда, дѣлалъ опыты приложенія русскихъ законовъ къ началамъ естественнаго права Гуго и подготовлялъ матеріалъ для собственнаго курса естественнаго права. Подобно Алехину, Манасеинъ былъ 11-го января 1817 года утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта правовѣдѣнія еще во время пребыванія своего въ Петербургѣ, хотя уже передъ самымъ выѣздомъ своимъ отсюда въ Казань и по представленію попечителя округа Салтыкова, основанному на лестной рекомендаціи проф. Неймана.

Манасеинъ возвратился въ Казань на полгода раньше Алехина— 13-го февраля 1817 года, и съ слѣдующаго же учебнаго года открылъ курсъ „философіи положительнаго права, по Гуго, и европейскаго народнаго права, по Заальфельду, съ дополненіями изъ Гюнтера и Мартенса". Врангель, Манасеинъ и Алехинъ были первыми преподавателями чисто-юридическихъ наукъ, читавшими свои лекціи на русскомъ языкѣ.

Непродолжительна была ученая служба Манасеина въ казанскомъ университетѣ. По опредѣленію совѣта университета, состоявшемуся 25-го апрѣля 1818 года, Манасеинъ былъ командированъ, въ званіи визитатора, въ губерніи симбирскую, саратовскую, астраханскую и кавказскую (присоединенныя области Кавказа причислены были въ то время къ казанскому учебному округу), причемъ на него возлагалась сложная и требовавшая продолжительнаго времени миссія устроенія существующихъ и открытія новыхъ учебныхъ заведеній въ далекомъ кавказскомъ краѣ. Эта командировка явилась роковою для дальнѣйшей ученой карьеры молодого адъюнкта. Уже осенью того же 1818 года Манасеинъ вошелъ въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, присланнымъ изъ г. Кизляра, въ которомъ, ссылаясь на разстроенное здоровье, онъ просилъ увольненія его отъ званія адъюнкта и предоставленія ему должности по учебной службѣ на Кавказѣ. Слѣдомъ затѣмъ началось обширное, затянувшееся на два слишкомъ года, дѣло о назначеніи Манасеина на должность директора училищъ кавказской губерніи, подробности котораго интересовать насъ не могутъ. Дѣятельность Манасеина по организаціи учебнаго дѣла на далекой окраинѣ шла, повидимому, вполнѣ успѣшно, такъ какъ въ концѣ 1819 года ревизовавшіе кавказскую губернію сенаторы Гермесъ и Мертваго рекомендовали не торопить Манасеина возвращеніемъ въ Казань, впредь до окончательнаго устроенія имъ учебной части на Кавказѣ. Пребывая на Кавказѣ, Манасеинъ доставлялъ отсюда казанскому университету метеорологическія наблюденія, производившіяся въ мѣстныхъ училищахъ.

Увольненіе Манасеина изъ ученой службы университета, съ назначеніемъ директоромъ училищъ кавказской губерніи, послѣдовало лишь въ маѣ 1821 года. Любопытнымъ представляется, что въ августѣ того же 1821 года попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій дѣлалъ попытку привлечь Манасеина снова въ казанскій университетъ, для замѣщенія кафедры отстраненнаго отъ преподаванія профессора Солнцева; Манасеинъ, знавшій порядки, заведенные новымъ попечителемъ въ казанскомъ университетѣ и условія службы подъ его суровою эгидою, наотрѣзъ отказался отъ предложенной ему чести, сославшись на разстроенное здоровье.

Манасеинъ состоялъ въ званіи директора училищъ кавказской губерніи (съ 1824 года отошедшей къ харьковскому учебному округу) до 1827 года, когда послѣдовало перемѣщеніе его на должность управляющаго саратовскою удѣльною конторою, въ каковой онъ, 22-го января 1833 года, и скончался [10].

Николай Мисаиловичъ Ибрагимовъ, сынъ чиновника, родившійся около 1778 года (такъ какъ въ 1818 году, годъ смерти, ему было сорокъ лѣтъ), воспитывался въ московской университетской гимназіи для разночинцевъ, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ, въ которомъ онъ обучался одновременно съ Карташевскимъ и Запольскимъ и по окончаніи курса котораго былъ 10-го декабря 1798 года опредѣленъ, въ возстановленную въ этомъ году казанскую гимназію, учителемъ славяно-россійскаго и ариѳметическаго классовъ. Ибрагимовъ являлся, такимъ образомъ, сверстникомъ по службѣ въ казанской гимназіи учителей этой послѣдней (Яковкина, Карташевскаго, Запольскаго и Левицкаго), получившихъ назначенія въ университетъ при самомъ его основаніи. Это обстоятельство не могло не давать Ибрагимову повода считать себя обойденнымъ передъ товарищами, тѣмъ болѣе, что кафедра краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, на которую могъ онъ разсчитывать, оставалась незамѣщенною до осени 1806 года, когда ее занялъ Городчаниновъ; неудачею окончилась и попытка Ибрагимова занять эту кафедру весною 1808 года, когда она была временно оставлена Городчаниновымъ и почти въ теченіи трехъ лѣтъ снова оставалась вакантною.

Систематическая настойчивость, съ которою Ибрагимовъ отстранялся отъ кафедры, представляется тѣмъ менѣе заслуженною, что этотъ молодой учитель обладалъ всѣми данными для того, что бы выступить преподавателемъ университета,—имѣлъ къ тому, во всякомъ случаѣ, болѣе данныхъ, нежели малоспособный, хотя и самомнящій, Городчаниновъ. Намъ уже

Увольненіе Манасеина изъ ученой службы университета, съ назначеніемъ директоромъ училищъ кавказской губерніи, послѣдовало лишь въ маѣ 1821 года. Любопытнымъ представляется, что въ августѣ того же 1821 года попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій дѣлалъ попытку привлечь Манасеина снова въ казанскій университетъ, для замѣщенія кафедры отстраненнаго отъ преподаванія профессора Солнцева; Манасеинъ, знавшій порядки, заведенные новымъ попечителемъ въ казанскомъ университетѣ и условія службы подъ его суровою эгидою, наотрѣзъ отказался отъ предложенной ему чести, сославшись на разстроенное здоровье.

Манасеинъ состоялъ въ званіи директора училищъ кавказской губерніи (съ 1824 года отошедшей къ харьковскому учебному округу) до 1827 года, когда послѣдовало перемѣщеніе его на должность управляющаго саратовскою удѣльною конторою, въ каковой онъ, 22-го января 1833 года, и скончался [10].

Николай Мисаиловичъ Ибрагимовъ, сынъ чиновника, родившійся около 1778 года (такъ какъ въ 1818 году, годъ смерти, ему было сорокъ лѣтъ), воспитывался въ московской университетской гимназіи для разночинцевъ, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ, въ которомъ онъ обучался одновременно съ Карташевскимъ и Запольскимъ и по окончаніи курса котораго былъ 10-го декабря 1798 года опредѣленъ, въ возстановленную въ этомъ году казанскую гимназію, учителемъ славяно-россійскаго и ариѳметическаго классовъ. Ибрагимовъ являлся, такимъ образомъ, сверстникомъ по службѣ въ казанской гимназіи учителей этой послѣдней (Яковкина, Карташевскаго, Запольскаго и Левицкаго), получившихъ назначенія въ университетъ при самомъ его основаніи. Это обстоятельство не могло не давать Ибрагимову повода считать себя обойденнымъ передъ товарищами, тѣмъ болѣе, что кафедра краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, на которую могъ онъ разсчитывать, оставалась незамѣщенною до осени 1806 года, когда ее занялъ Городчаниновъ; неудачею окончилась и попытка Ибрагимова занять эту кафедру весною 1808 года, когда она была временно оставлена Городчаниновымъ и почти въ теченіи трехъ лѣтъ снова оставалась вакантною.

Систематическая настойчивость, съ которою Ибрагимовъ отстранялся отъ кафедры, представляется тѣмъ менѣе заслуженною, что этотъ молодой учитель обладалъ всѣми данными для того, что бы выступить преподавателемъ университета,—имѣлъ къ тому, во всякомъ случаѣ, болѣе данныхъ, нежели малоспособный, хотя и самомнящій, Городчаниновъ. Намъ уже

извѣстенъ восторженный отзывъ о немъ С. Т. Аксакова, вліянію Ибрагимова приписывавшаго ту страсть къ отечественной словесности, которая проникала собою какъ самого Аксакова, такъ и его сверстниковъ по ученью, одинъ изъ которыхъ, В. И. Панаевъ, также отзывался впослѣдствіе объ Ибрагимовѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: „Онъ имѣлъ необыкновенную способность заставить полюбить себя и свои лекціи (гимназическія),—пишетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—самъ писалъ, особливо стихами, прекрасно, и, обладая тонкимъ вкусомъ, такъ умѣлъ показывать намъ погрѣшности въ нашихъ сочиненіяхъ, что смышленный ученикъ не дѣлалъ уже въ другой разъ ошибки, имъ замѣченной; почитаю себя многимъ ему обязаннымъ". Ибрагимовъ былъ, какъ мы знаемъ, однимъ изъ учредителей и самыхъ ревностныхъ дѣятелей казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Причина настойчиваго отстраненія Ибрагимова отъ кафедры, не взирая на усиленныя, но безуспѣшныя старанія Румовскаго отыскать „чиновника для россійской словесности", не смотря и на собственное домогательство Ибрагимовымъ адъюнктуры,—въ видахъ чего онъ еще весною 1808 года представилъ на благоусмотрѣніе начальства составленную имъ „словенороссійскую грамматику",—коренилась, какъ кажется, въ томъ опасеніи, которое питалъ директоръ Яковкинъ къ самостоятельному складу характера Ибрагимова, соединенному съ острымъ и нерѣдко язвительнымъ языкомъ, особенно часто позволявшимъ себѣ лишнее словечко въ минуты подъема духа, возбужденнаго слишкомъ неосторожнымъ общеніемъ съ извѣстнымъ миѳологическимъ божкомъ; культа же этого послѣдняго Ибрагимовъ былъ не вполнѣ чуждъ *. Въ началѣ осени 1806 года Ибрагимовъ женился—и Яковкинъ счелъ нужнымъ предпринять по этому поводу довольно своеобразную мѣру контроля, относительно которой онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ доносилъ попечителю въ письмѣ отъ 17-го сентября этого

* Покойный Н. Н. Буличъ утверждаетъ, что именно Ибрагимову принадлежитъ извѣстное шутливое четверостишіе, пользующееся довольно широкою популярностью и сказанное имъ, экспромтомъ, по слѣдующему случаю. Однажды Яковкинъ праздновалъ веселою попойкою (директоръ и самъ не прочь былъ при случаѣ кутнуть) полученіе имъ креста—очевидно ордена св. Владиміра четвертой степени (въ 1809 г.). Ибрагимовъ, будучи на-веселѣ, подошелъ къ своему принципалу и громогласно обратился къ нему съ слѣдующими словами:

«Господи Іисусе Христе!
«Спасъ Ты вора на крестѣ:
«Теперь Тебѣ другое горе—
«Спасти крестъ на ворѣ.....

(Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 54).

извѣстенъ восторженный отзывъ о немъ С. Т. Аксакова, вліянію Ибрагимова приписывавшаго ту страсть къ отечественной словесности, которая проникала собою какъ самого Аксакова, такъ и его сверстниковъ по ученью, одинъ изъ которыхъ, В. И. Панаевъ, также отзывался впослѣдствіе объ Ибрагимовѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: „Онъ имѣлъ необыкновенную способность заставить полюбить себя и свои лекціи (гимназическія),—пишетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—самъ писалъ, особливо стихами, прекрасно, и, обладая тонкимъ вкусомъ, такъ умѣлъ показывать намъ погрѣшности въ нашихъ сочиненіяхъ, что смышленный ученикъ не дѣлалъ уже въ другой разъ ошибки, имъ замѣченной; почитаю себя многимъ ему обязаннымъ“. Ибрагимовъ былъ, какъ мы знаемъ, однимъ изъ учредителей и самыхъ ревностныхъ дѣятелей казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Причина настойчиваго отстраненія Ибрагимова отъ каѳедры, не взирая на усиленныя, но безуспѣшныя старанія Румовскаго отыскать „чиновника для россійской словесности“, не смотря и на собственное домогательство Ибрагимовымъ адъюнктуры,—въ видахъ чего онъ еще весною 1808 года представилъ на благоусмотрѣніе начальства составленную имъ „словено-россійскую грамматику“,—коренилась, какъ кажется, въ томъ опасеніи, которое питалъ директоръ Яковкинъ къ самостоятельному складу характера Ибрагимова, соединенному съ острымъ и нерѣдко язвительнымъ языкомъ, особенно часто позволявшимъ себѣ лишнее словечко въ минуты подъема духа, возбужденнаго слишкомъ неосторожнымъ общеніемъ съ извѣстнымъ миѳологическимъ божкомъ; культа же этого послѣдняго Ибрагимовъ былъ не вполнѣ чуждъ *. Въ началѣ осени 1806 года Ибрагимовъ женился—и Яковкинъ счелъ нужнымъ предпринять по этому поводу довольно своеобразную мѣру контроля, относительно которой онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ доносилъ попечителю въ письмѣ отъ 17-го сентября этого

---

* Покойный Н. Н. Буличъ утверждаетъ, что именно Ибрагимову принадлежитъ извѣстное шутливое четверостишіе, пользующееся довольно широкою популярностью и сказанное имъ, экспромтомъ, по слѣдующему случаю. Однажды Яковкинъ праздновалъ веселою попойкою (директоръ и самъ не прочь былъ при случаѣ кутнуть) полученіе имъ креста—очевидно ордена св. Владиміра четвертой степени (въ 1809 г.). Ибрагимовъ, будучи на-веселѣ, подошелъ къ своему принципалу и громогласно обратился къ нему съ слѣдующими словами:

«Господи Іисусе Христе!
«Спасъ Ты вора на крестѣ:
«Теперь Тебѣ другое горе—
«Спасти крестъ на ворѣ.....

(Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 54).

года: „Учитель Ибрагимовъ воспріялъ по милости Господней благое намѣреніе сочетаться бракомъ съ Ѳеодорою, дочерью покойнаго пресвитера и духовника Данкова. Для споспѣшествованія ему въ семъ благомъ дѣлѣ принужденнымъ я себя нашелъ, чтобъ позволить ему занять два покоя съ кухнею надъ занимаемыми мною; приступилъ я къ сему съ тѣмъ, дабы новобрачныхъ имѣть къ себѣ поближе для присмотру за ихъ жизнью. Отъ Ибрагимова надѣюсь я много добраго, а особливо отъ женатаго, какъ долженствующаго остепениться".

Намъ неизвѣстно, оправдались ли ожиданія директора относительно благотворнаго вліянія на Ибрагимова брачной жизни его и близкаго сосѣдства съ нимъ, Яковкинымъ, но злосчастный учитель долго и тщетно продолжалъ еще мечтать объ адъюнктурѣ русской словесности. Болѣе близкое отношеніе получилъ онъ къ университету лишь съ лѣта 1814 года, когда, вслѣдъ за полнымъ открытіемъ его, онъ принялъ на себя „изъ особаго усердія къ казанскому университету" безвозмездное приготовительное преподаваніе въ немъ латинскаго языка, въ которомъ такъ нуждались, какъ мы это видѣли, студенты и которое велось имъ до зимы 1816 года.

Только въ началѣ 1817 года суждено было сбыться завѣтнымъ и многолѣтнимъ мечтамъ Ибрагимова относительно адъюнктуры. Въ февралѣ этого года онъ снова рѣшился обратиться съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ въ отдѣленіе словесныхъ наукъ, деканомъ котораго состоялъ въ то время какъ разъ его старый и счастливый соперникъ Городчаниновъ— и на этотъ разъ вполнѣ успѣшно. При прошеніи были представлены имъ слѣдующіе рукописные труды: а) общая грамматика, б) славянская грамматика, в) россійская грамматика, г) двѣ книги перевода съ латинскаго на россійскій языкъ Овидіевыхъ превращеній, д) три разсужденія при публичныхъ собраніяхъ казанской гимназіи произнесенныхъ, е) нѣкоторыя мелкія сочиненія въ стихахъ, которыя „по одобренію общества любителей отечественной словесности напечатаны уже въ первой книгѣ трудовъ оного". Признавъ, что принятіе Ибрагимова въ число университетскихъ преподавателей можетъ оказаться „весьма полезнымъ для цѣлаго заведенія", а также „въ уваженіе долговременной и безпорочной 18-ти лѣтней службы г. Ибрагимова, равно какъ и представленныхъ имъ сочиненій, достоинство коихъ давно уже извѣстно членамъ факультета", словесное отдѣленіе представило совѣту, что оно находитъ Ибрагимова „совершенно достойнымъ просимой имъ степени адъюнкта по части краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго". Баллотировка Ибрагимова состоялась въ засѣданіи совѣта 15-го марта; онъ оказался избраннымъ въ „адъюнкты россійской

года: „Учитель Ибрагимовъ воспріялъ по милости Господней благое намѣреніе сочетаться бракомъ съ Ѳеодорою, дочерью покойнаго пресвитера и духовника Данкова. Для споспѣшествованія ему въ семъ благомъ дѣлѣ принужденнымъ я себя нашелъ, чтобъ позволить ему занять два покоя съ кухнею надъ занимаемыми мною; приступилъ я къ сему съ тѣмъ, дабы новобрачныхъ имѣть къ себѣ поближе для присмотру за ихъ жизнью. Отъ Ибрагимова надѣюсь я много добраго, а особливо отъ женатаго, какъ долженствующаго остепениться“.

Намъ неизвѣстно, оправдались ли ожиданія директора относительно благотворнаго вліянія на Ибрагимова брачной жизни его и близкаго сосѣдства съ нимъ, Яковкинымъ, но злосчастный учитель долго и тщетно продолжалъ еще мечтать объ адъюнктурѣ русской словесности. Болѣе близкое отношеніе получилъ онъ къ университету лишь съ лѣта 1814 года, когда, вслѣдъ за полнымъ открытіемъ его, онъ принялъ на себя „изъ особаго усердія къ казанскому университету“ безвозмездное приготовительное преподаваніе въ немъ латинскаго языка, въ которомъ такъ нуждались, какъ мы это видѣли, студенты и которое велось имъ до зимы 1816 года.

Только въ началѣ 1817 года суждено было сбыться завѣтнымъ и многолѣтнимъ мечтамъ Ибрагимова относительно адъюнктуры. Въ февралѣ этого года онъ снова рѣшился обратиться съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ въ отдѣленіе словесныхъ наукъ, деканомъ котораго состоялъ въ то время какъ разъ его старый и счастливый соперникъ Городчаниновъ— и на этотъ разъ вполнѣ успѣшно. При прошеніи были представлены имъ слѣдующіе рукописные труды: а) общая грамматика, б) славянская грамматика, в) россійская грамматика, г) двѣ книги перевода съ латинскаго на россійскій языкъ Овидіевыхъ превращеній, д) три разсужденія при публичныхъ собраніяхъ казанской гимназіи произнесенныхъ, е) нѣкоторыя мелкія сочиненія въ стихахъ, которыя „по одобренію общества любителей отечественной словесности напечатаны уже въ первой книгѣ трудовъ оного“. Признавъ, что принятіе Ибрагимова въ число университетскихъ преподавателей можетъ оказаться „весьма полезнымъ для цѣлаго заведенія“, а также „въ уваженіе долговременной и безпорочной 18-ти лѣтней службы г. Ибрагимова, равно какъ и представленныхъ имъ сочиненій, достоинство коихъ давно уже извѣстно членамъ факультета“, словесное отдѣленіе представило совѣту, что оно находитъ Ибрагимова „совершенно достойнымъ просимой имъ степени адъюнкта по части краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго“. Баллотировка Ибрагимова состоялась въ засѣданіи совѣта 15-го марта; онъ оказался избраннымъ въ „адъюнкты россійской

словесности" большинствомъ десяти голосовъ противъ двухъ, а 7-го іюня 1817 года послѣдовало и утвержденіе его въ этомъ званіи.

Достиженіе завѣтной цѣли, къ которой съ такою страстностью стремился въ теченіи долгаго ряда лѣтъ бѣдный Ибрагимовъ—способно было развѣ только усладить послѣдніе дни его неудачной жизни: онъ умеръ 17-го апрѣля 1818 года, отъ чахотки, оставивъ послѣ себя вдову съ тремя дѣтьми [11].

Владиміръ Яковлевичъ Булыгинъ, сынъ бѣдной вдовы дворянина, родился въ г. Пензѣ въ 1789 году и первоначальное образованіе получилъ въ пензенской гимназіи, по окончаніи курса которой былъ 14-го августа 1807 года переведенъ студентомъ въ казанскій университетъ—„по удостоеніи визитатора", какъ заявляетъ формулярный списокъ его, а этимъ визитаторомъ пензенской гимназіи былъ въ томъ году самъ Яковкинъ. Яковкинъ и въ послѣдующее время постоянно покровительствовалъ Булыгину, который былъ первымъ студентомъ казанскаго университета, принятымъ въ него не изъ мѣстной гимназіи: „Благодарю Бога,—доносилъ по этому поводу директоръ попечителю,—что симъ прокладывается новая дорога для умноженія студентовъ".

Яковкинъ содѣйствовалъ и возведенію своего любимца въ степень магистра историческихъ наукъ и политической экономіи, въ которой онъ былъ утвержденъ 3-го августа 1811 года, послѣ чего исполнялъ рядъ административныхъ обязанностей по университету: съ іюля 1812 г. по іюнь 1813 г. и съ августа 1814 г. по октябрь 1817 г. состоялъ въ должности помощника инспектора студентовъ, въ апрѣлѣ 1813 года назначенъ помощникомъ редактора „Казанскихъ Извѣстій", а съ февраля 1816 г. по іюнь 1819 г. былъ ихъ цензоромъ. Въ началѣ лѣта 1815 года Булыгинъ, одновременно съ своимъ сотоварищемъ Юнаковымъ, подалъ въ отдѣленіе словесныхъ наукъ прошеніе относительно возведенія его въ званіе адъюнкта всеобщей исторіи, представивъ при прошеніи два рукописныхъ сочиненія: „Разсужденіе объ исторіи" и „Разсужденіе о томъ, какой методъ писанія исторіи предпочитать должно—употреблявшійся древними или принятый новыми писателями"? Не смотря на благопріятный отзывъ, данный Яковкинымъ и Томасомъ объ этихъ сочиненіяхъ и лестное представленіе о немъ отдѣленія, Булыгинъ былъ въ засѣданіи совѣта 28-го іюня забаллотированъ въ званіе адъюнкта.

Два года спустя, весною 1817 года, Булыгинъ снова ищетъ званія адъюнкта, представивъ рукописное разсужденіе: „Главныя происшествія

словесности" большинствомъ десяти голосовъ противъ двухъ, а 7-го іюня 1817 года послѣдовало и утвержденіе его въ этомъ званіи.

Достиженіе завѣтной цѣли, къ которой съ такою страстностью стремился въ теченіи долгаго ряда лѣтъ бѣдный Ибрагимовъ—способно было развѣ только усладить послѣдніе дни его неудачной жизни: онъ умеръ 17-го апрѣля 1818 года, отъ чахотки, оставивъ послѣ себя вдову съ тремя дѣтьми [11].

Владиміръ Яковлевичъ Булыгинъ, сынъ бѣдной вдовы дворянина, родился въ г. Пензѣ въ 1789 году и первоначальное образованіе получилъ въ пензенской гимназіи, по окончаніи курса которой былъ 14-го августа 1807 года переведенъ студентомъ въ казанскій университетъ—„по удостоеніи визитатора", какъ заявляетъ формулярный списокъ его, а этимъ визитаторомъ пензенской гимназіи былъ въ томъ году самъ Яковкинъ. Яковкинъ и въ послѣдующее время постоянно покровительствовалъ Булыгину, который былъ первымъ студентомъ казанскаго университета, принятымъ въ него не изъ мѣстной гимназіи: „Благодарю Бога,—доносилъ по этому поводу директоръ попечителю,—что симъ прокладывается новая дорога для умноженія студентовъ".

Яковкинъ содѣйствовалъ и возведенію своего любимца въ степень магистра историческихъ наукъ и политической экономіи, въ которой онъ былъ утвержденъ 3-го августа 1811 года, послѣ чего исполнялъ рядъ административныхъ обязанностей по университету: съ іюля 1812 г. по іюнь 1813 г. и съ августа 1814 г. по октябрь 1817 г. состоялъ въ должности помощника инспектора студентовъ, въ апрѣлѣ 1813 года назначенъ помощникомъ редактора „Казанскихъ Извѣстій", а съ февраля 1816 г. по іюнь 1819 г. былъ ихъ цензоромъ. Въ началѣ лѣта 1815 года Булыгинъ, одновременно съ своимъ сотоварищемъ Юнаковымъ, подалъ въ отдѣленіе словесныхъ наукъ прошеніе относительно возведенія его въ званіе адъюнкта всеобщей исторіи, представивъ при прошеніи два рукописныхъ сочиненія: „Разсужденіе объ исторіи" и „Разсужденіе о томъ, какой методъ писанія исторіи предпочитать должно—употреблявшійся древними или принятый новыми писателями"? Не смотря на благопріятный отзывъ, данный Яковкинымъ и Томасомъ объ этихъ сочиненіяхъ и лестное представленіе о немъ отдѣленія, Булыгинъ былъ въ засѣданіи совѣта 28-го іюня забаллотированъ въ званіе адъюнкта.

Два года спустя, весною 1817 года, Булыгинъ снова ищетъ званія адъюнкта, представивъ рукописное разсужденіе: „Главныя происшествія

изъ исторіи мореплаванія относительно сдѣланныхъ съ помощью его на земномъ шарѣ открытій“. На этотъ разъ представленіе отдѣленія словесныхъ наукъ увѣнчалось успѣхомъ и 7-го іюня Булыгинъ былъ избранъ (большинствомъ 13-ти шаровъ противъ 2-хъ), а 18-го іюля 1817 года и утвержденъ въ званіи адъюнкта историческихъ наукъ. Съ слѣдующаго учебнаго года Булыгинъ приступилъ къ чтенію лекцій по русской географіи, а съ 1820—1821 академическаго года выступилъ замѣстителемъ уволеннаго Яковкина по кафедрѣ исторіи, статистики и географіи россійскаго государства; кромѣ преподаванія по собственной кафедрѣ, онъ въ 1819—1820 и въ 1823 годахъ преподавалъ дипломатику и политическую экономію на отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ. 25-го февраля 1822 года Булыгинъ избранъ (утвержденъ 24-го мая) экстраординарнымъ, а 4-го іюля слѣдующаго же 1823 года и ординарнымъ (утвержденъ 11-го августа) профессоромъ по занимаемой кафедрѣ. Въ эпоху попечительства Магницкаго, Булыгинъ оказался въ числѣ профессоровъ, умѣвшихъ весьма политично приноравливаться къ духу времени и пользовался расположеніемъ Магницкаго, не разъ высказывавшаго ему одобреніе за благонамѣренный „духъ“ преподаванія; одинъ изъ современниковъ, Н. И. Второвъ, бывшій слушателемъ Булыгина, называетъ его даже „креатурою Магницкаго„ *. 1-го августа 1837 года, при преобразованіи университета на основаніи устава 1835 года, Булыгинъ оставленъ былъ на службѣ въ званіи ординарнаго профессора по кафедрѣ россійской исторіи.

На долю Булыгина выпадали и различныя административныя должности по университету. Съ іюля 1827 по іюль 1828 года онъ несъ, по избранію, должность декана словеснаго отдѣленія, а съ августа 1824 по іюль 1825 года состоялъ даже деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ. Въ 1822 году избирался въ званіе синдика университета, въ 1823 году (январь—августъ) поручались ему обязанности секретаря совѣта, въ 1820—1836 году избирался въ члены училищнаго комитета, въ 1819—1825 годахъ былъ секретаремъ цензурнаго комитета и т. д.

Въ качествѣ университетскаго преподавателя и члена университета, Булыгинъ болѣе отличался трудолюбіемъ, исполнительностью и умѣньемъ

* Н. И. Второвъ оставилъ намъ слѣдующую характеристику Булыгина: «Онъ былъ невзрачной наружности—горбатъ спереди и сзади, сухъ и мертвенно-блѣденъ. Необыкновенная монотонность его чтенія, изрѣдка прерываемая сухимъ чахоточнымъ кашлемъ, наводила тоску и непреодолимый сонъ. Онъ сидѣлъ на кафедрѣ съ опущенными вѣками, никогда не поднимая глазъ на своихъ слушателей и нерѣдко забывалъ имена самыя обыкновенныя,—напримѣръ названіе рѣки Волги» («Н. И. Второвъ», Русск. Архивъ за 1877 г., кн. VI, стр. 151).

изъ исторіи мореплаванія относительно сдѣланныхъ съ помощью его на земномъ шарѣ открытій". На этотъ разъ представленіе отдѣленія словесныхъ наукъ увѣнчалось успѣхомъ и 7-го іюня Булыгинъ былъ избранъ (большинствомъ 13-ти шаровъ противъ 2-хъ), а 18-го іюля 1817 года и утвержденъ въ званіи адъюнкта историческихъ наукъ. Съ слѣдующаго учебнаго года Булыгинъ приступилъ къ чтенію лекцій по русской географіи, а съ 1820—1821 академическаго года выступилъ замѣстителемъ уволеннаго Яковкина по кафедрѣ исторіи, статистики и географіи россійскаго государства; кромѣ преподаванія по собственной кафедрѣ, онъ въ 1819—1820 и въ 1823 годахъ преподавалъ дипломатику и политическую экономію на отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ. 25-го февраля 1822 года Булыгинъ избранъ (утвержденъ 24-го мая) экстраординарнымъ, а 4-го іюля слѣдующаго же 1823 года и ординарнымъ (утвержденъ 11-го августа) профессоромъ по занимаемой кафедрѣ. Въ эпоху попечительства Магницкаго, Булыгинъ оказался въ числѣ профессоровъ, умѣвшихъ весьма политично приноравливаться къ духу времени и пользовался расположеніемъ Магницкаго, не разъ высказывавшаго ему одобреніе за благонамѣренный „духъ" преподаванія; одинъ изъ современниковъ, Н. И. Второвъ, бывшій слушателемъ Булыгина, называетъ его даже „креатурою Магницкаго„ *. 1-го августа 1837 года, при преобразованіи университета на основаніи устава 1835 года, Булыгинъ оставленъ былъ на службѣ въ званіи ординарнаго профессора по кафедрѣ россійской исторіи.

На долю Булыгина выпадали и различныя административныя должности по университету. Съ іюля 1827 по іюль 1828 года онъ несъ, по избранію, должность декана словеснаго отдѣленія, а съ августа 1824 по іюль 1825 года состоялъ даже деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ. Въ 1822 году избирался въ званіе синдика университета, въ 1823 году (январь—августъ) поручались ему обязанности секретаря совѣта, въ 1820—1836 году избирался въ члены училищнаго комитета, въ 1819—1825 годахъ былъ секретаремъ цензурнаго комитета и т. д.

Въ качествѣ университетскаго преподавателя и члена университета, Булыгинъ болѣе отличался трудолюбіемъ, исполнительностью и умѣньемъ

---

* Н. И. Второвъ оставилъ намъ слѣдующую характеристику Булыгина: «Онъ былъ невзрачной наружности—горбатъ спереди и сзади, сухъ и мертвенно-блѣденъ. Необыкновенная монотонность его чтенія, изрѣдка прерываемая сухимъ чахоточнымъ кашлемъ, наводила тоску и непреодолимый сонъ. Онъ сидѣлъ на кафедрѣ съ опущенными вѣками, никогда не поднимая глазъ на своихъ слушателей и нерѣдко забывалъ имена самыя обыкновенныя,—напримѣръ названіе рѣки Волги» («Н. И. Второвъ», Русск. Архивъ за 1877 г., кн. VI, стр. 151).

приспособляться къ обстоятельствамъ и условіямъ времени, нежели природными дарованіями и глубиною своей эрудиціи. Далеко не выдающеюся представляется и его литературная дѣятельность, выразившаяся,—если не принимать въ разсчетъ приведенныхъ выше рукописныхъ „разсужденій",—нѣсколькими отдѣльными оттисками небольшихъ замѣтокъ, напечатанныхъ имъ въ Ученыхъ запискахъ казанскаго университета („О происхожденіи слова князь"—1834 г., „Историческія воспоминанія на пути изъ Казани въ Симбирскъ"—1834 г., „Тоже, на пути изъ Симбирска въ Саратовъ"—1836 г.) и въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія („О происхожденіи наименованія бояринъ или болярииъ"—1834 г., „О сѣверо-восточныхъ руссахъ"—1836, „О дани щлягами"—1837 г.).

Недолго прослужилъ Булыгинъ въ университетѣ, преобразованномъ на основаніи устава 1835 года: въ іюнѣ 1838 года онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы, но умеръ 4-го іюля того же года, до полученія резолюціи объ отставкѣ. Булыгинъ подготовилъ себѣ преемника въ лицѣ будущаго профессора русской исторіи Н. А. Иванова, до занятія которымъ кафедры преподаваніе русской исторіи временно (1838—1839 уч. годъ) возложено было на учителя гимназіи А. Е. Лазарева [12].

Алексѣй Ивановичъ Лобачевскій былъ младшимъ братомъ Николая Ивановича Лобачевскаго, будущаго великаго геометра, біографическія свѣдѣнія относительно котораго уже были въ своемъ мѣстѣ приведены нами. Алексѣй Лобачевскій родился въ 1794 году—былъ, слѣдовательно, на одинъ годъ моложе своего брата, хотя одновременно съ нимъ поступилъ въ казанскую гимназію (1802 г.), въ одинъ и тотъ же годъ переведенъ въ казанскій университетъ (10-го іюля 1807 г.) и въ одинъ съ нимъ день (3-го августа 1811 г.) возведенъ въ степень магистра физико-математическихъ наукъ—„за отличные успѣхи, въ особенности по части химіи и технологіи"; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (19-го сентября) объявлена ему благодарность министра народнаго просвѣщенія и за успѣхи въ математикѣ, хотя въ этой области младшій Лобачевскій, „избравъ предметомъ своимъ химію, отсталъ отъ старшаго Лобачевскаго и Симонова", какъ отзывался о немъ профессоръ Бартельсъ. Химію, въ ея приложеніи къ технологіи, А. Лобачевскій слушалъ у профессора Брейтенбаха; до насъ сохранилось извѣстіе, что весною 1810 года Лобачевскій ѣздилъ съ своимъ учителемъ въ загородную экскурсію для осмотра какой то кумачной фабрики.

Успѣхъ въ научныхъ занятіяхъ шелъ у Алексѣя Лобачевскаго, какъ и у его старшаго брата, рука объ руку съ крупными недочетами по части

приспособляться къ обстоятельствамъ и условіямъ времени, нежели природными дарованіями и глубиною своей эрудиціи. Далеко не выдающеюся представляется и его литературная дѣятельность, выразившаяся,—если не принимать въ разсчетъ приведенныхъ выше рукописныхъ „разсужденій",—нѣсколькими отдѣльными оттисками небольшихъ замѣтокъ, напечатанныхъ имъ въ Ученыхъ запискахъ казанскаго университета („О происхожденіи слова князь"—1834 г., „Историческія воспоминанія на пути изъ Казани въ Симбирскъ"—1834 г., „Тоже, на пути изъ Симбирска въ Саратовъ"—1836 г.) и въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія („О происхожденіи наименованія бояринъ или болярииъ"—1834 г., „О сѣверо-восточныхъ руссахъ"—1836, „О дани щлягами"—1837 г.).

Недолго прослужилъ Булыгинъ въ университетѣ, преобразованномъ на основаніи устава 1835 года: въ іюнѣ 1838 года онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы, но умеръ 4-го іюля того же года, до полученія резолюціи объ отставкѣ. Булыгинъ подготовилъ себѣ преемника въ лицѣ будущаго профессора русской исторіи Н. А. Иванова, до занятія которымъ кафедры преподаваніе русской исторіи временно (1838—1839 уч. годъ) возложено было на учителя гимназіи А. Е. Лазарева [12].

Алексѣй Ивановичъ Лобачевскій былъ младшимъ братомъ Николая Ивановича Лобачевскаго, будущаго великаго геометра, біографическія свѣдѣнія относительно котораго уже были въ своемъ мѣстѣ приведены нами. Алексѣй Лобачевскій родился въ 1794 году—былъ, слѣдовательно, на одинъ годъ моложе своего брата, хотя одновременно съ нимъ поступилъ въ казанскую гимназію (1802 г.), въ одинъ и тотъ же годъ переведенъ въ казанскій университетъ (10-го іюля 1807 г.) и въ одинъ съ нимъ день (3-го августа 1811 г.) возведенъ въ степень магистра физико-математическихъ наукъ—„за отличные успѣхи, въ особенности по части химіи и технологіи"; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (19-го сентября) объявлена ему благодарность министра народнаго просвѣщенія и за успѣхи въ математикѣ, хотя въ этой области младшій Лобачевскій, „избравъ предметомъ своимъ химію, отсталъ отъ старшаго Лобачевскаго и Симонова", какъ отзывался о немъ профессоръ Бартельсъ. Химію, въ ея приложеніи къ технологіи, А. Лобачевскій слушалъ у профессора Брейтенбаха; до насъ сохранилось извѣстіе, что весною 1810 года Лобачевскій ѣздилъ съ своимъ учителемъ въ загородную экскурсію для осмотра какой то кумачной фабрики.

Успѣхъ въ научныхъ занятіяхъ шелъ у Алексѣя Лобачевскаго, какъ и у его старшаго брата, рука объ руку съ крупными недочетами по части

поведенія и благонравія, доставлявшими не мало хлопотъ университетскому начальству. Такъ, въ 1809 году въ совѣтѣ оффиціально констатировались „грубости, дерзости и ослушанія“ студента Лобачевскаго 2-го, а въ 1812 году, будучи уже магистромъ, онъ внезапнымъ исчезновеніемъ своимъ изъ Казани встревожилъ и брата, и университетское начальство: оказалось, что онъ самовольно уѣзжалъ въ Нижній, откуда нѣсколько времени спустя благополучно и возвратился. Въ началѣ февраля 1815 года въ совѣтѣ возникло цѣлое дѣло „о чинимыхъ ослушаніяхъ противу начальства магистра Лобачевскаго“; непокорнаго магистра аттестовали „упрямымъ, грубымъ, неисправимымъ“ и дѣло о немъ восходило до министра, отъ имени котораго Лобачевскому объявленъ былъ въ присутствіи совѣта выговоръ, съ угрозою невыгодными для него, въ случаѣ неисправленія, послѣдствіями.

Достиженіе адъюнктуры досталось Алексѣю Лобачевскому не такъ легко, какъ брату его Николаю, получившему это званіе уже весною 1814 года. Попытка въ этомъ направленіи предпринята была младшимъ Лобачевскимъ въ ноябрѣ 1816 года, когда онъ обратился въ совѣтъ съ прошеніемъ отъ 8-го числа, въ которомъ, ссылаясь на пятилѣтнее нахожденіе свое въ степени магистра и на постоянныя старанія „усовершенствовать себя въ избранной наукѣ“, просилъ удостоить его званія адъюнкта, приложивъ къ прошенію и два рукописныхъ разсужденія: „О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей“ и „О томъ, если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи прежде бывшей температуры тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе“. Эти сочиненія переданы были на заключеніе профессора Никольскаго и адъюнкта Дунаева, которые дали о нихъ вполнѣ удовлетворительные отзывы, какъ обнаруживающихъ въ авторѣ „остроуміе, очень хорошія теоретическія свѣдѣнія по химіи, отличныя способности къ умозрительному разсматриванію природы и къ изысканію причинъ для объясненія явленій, въ оной происходящихъ“, и подающихъ о немъ „пріятную надежду въ будущемъ“. На почвѣ поданнаго Лобачевскимъ прошенія произошелъ конфликтъ между нимъ и совѣтомъ: совѣтъ, основываясь на томъ, что по кафедрѣ химіи уже имѣется адъюнктъ въ лицѣ Дунаева, предложилъ претенденту занять кафедру „технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ“; Лобачевскій же настаивалъ на адъюнктурѣ химіи, какъ предмета, которымъ онъ преимущественно занимался и въ области котораго чувствовалъ себя болѣе подготовленнымъ, соглашаясь даже, въ случаѣ необходимости, удовольствоваться однимъ только званіемъ адъюнкта, оставаясь на прежнемъ маги-

поведенія и благонравія, доставлявшими не мало хлопотъ университетскому начальству. Такъ, въ 1809 году въ совѣтѣ оффиціально констатировались „грубости, дерзости и ослушанія“ студента Лобачевскаго 2-го, а въ 1812 году, будучи уже магистромъ, онъ внезапнымъ исчезновеніемъ своимъ изъ Казани встревожилъ и брата, и университетское начальство: оказалось, что онъ самовольно уѣзжалъ въ Нижній, откуда нѣсколько времени спустя благополучно и возвратился. Въ началѣ февраля 1815 года въ совѣтѣ возникло цѣлое дѣло „о чинимыхъ ослушаніяхъ противу начальства магистра Лобачевскаго“; непокорнаго магистра аттестовали „упрямымъ, грубымъ, неисправимымъ“ и дѣло о немъ восходило до министра, отъ имени котораго Лобачевскому объявленъ былъ въ присутствіи совѣта выговоръ, съ угрозою невыгодными для него, въ случаѣ неисправленія, послѣдствіями.

Достиженіе адъюнктуры досталось Алексѣю Лобачевскому не такъ легко, какъ брату его Николаю, получившему это званіе уже весною 1814 года. Попытка въ этомъ направленіи предпринята была младшимъ Лобачевскимъ въ ноябрѣ 1816 года, когда онъ обратился въ совѣтъ съ прошеніемъ отъ 8-го числа, въ которомъ, ссылаясь на пятилѣтнее нахожденіе свое въ степени магистра и на постоянныя старанія „усовершенствовать себя въ избранной наукѣ“, просилъ удостоить его званія адъюнкта, приложивъ къ прошенію и два рукописныхъ разсужденія: „О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей“ и „О томъ, если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи прежде бывшей температуры тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе“. Эти сочиненія переданы были на заключеніе профессора Никольскаго и адъюнкта Дунаева, которые дали о нихъ вполнѣ удовлетворительные отзывы, какъ обнаруживающихъ въ авторѣ „остроуміе, очень хорошія теоретическія свѣдѣнія по химіи, отличныя способности къ умозрительному разсматриванію природы и къ изысканію причинъ для объясненія явленій, въ оной происходящихъ“, и подающихъ о немъ „пріятную надежду въ будущемъ“. На почвѣ поданнаго Лобачевскимъ прошенія произошелъ конфликтъ между нимъ и совѣтомъ: совѣтъ, основываясь на томъ, что по кафедрѣ химіи уже имѣется адъюнктъ въ лицѣ Дунаева, предложилъ претенденту занять кафедру „технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ“; Лобачевскій же настаивалъ на адъюнктурѣ химіи, какъ предмета, которымъ онъ преимущественно занимался и въ области котораго чувствовалъ себя болѣе подготовленнымъ, соглашаясь даже, въ случаѣ необходимости, удовольствоваться однимъ только званіемъ адъюнкта, оставаясь на прежнемъ маги-

стерскомъ жалованьи. Конфликтъ этотъ былъ разрѣшенъ министромъ народнаго просвѣщенія, 12-го іюня 1817 года отказавшимъ въ утвержденіи Лобачевскаго адъюнктомъ химіи безъ жалованья въ виду того, что „по университетскому уставу не положено имѣть сверхъ штата адъюнктовъ".

Отвѣтъ министра заставилъ Лобачевскаго отказаться отъ своего упорства и подумать объ измѣнѣ излюбленной имъ химіи—въ пользу технологіи. 1-го іюля онъ вошелъ въ совѣтъ съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ просилъ объ исходатайствованіи ему командировки въ Петербургъ до начала слѣдующаго 1818 года, „для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній въ наукахъ химіи и технологіи". Командировка эта не только была разрѣшена, но принесла Лобачевскому весьма благопріятный для него результатъ: 29-го октября 1817 года, въ бытность его въ Петербургѣ, онъ былъ утвержденъ непосредственно самимъ министромъ народнаго просвѣщенія княземъ Голицинымъ въ званіи адъюнкта казанскаго университета по кафедрѣ технологіи, на вакансію, освободившуюся послѣ умершаго передъ тѣмъ адъюнкта фармаціи Ренарда.

Вновь утвержденному адъюнкту не скоро довелось, однако же, приступить къ чтенію лекцій. 4-го апрѣля 1818 года попечитель округа Салтыковъ, основываясь на заявленномъ ему самимъ Лобачевскимъ желаніи, вошелъ въ главное правленіе училищъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему двухгодичнаго путешествія по Сибири „для обозрѣнія и описанія горныхъ заводовъ и сдѣланія подробныхъ замѣчаній о самой Сибири, касательно металлургіи и минералогіи", съ назначеніемъ ему, въ добавленіе къ штатному жалованью, по тысячѣ рублей въ годъ изъ суммъ, предназначаемыхъ на путешествія адъюнктовъ въ чужіе края. 2-го мая представленіе попечителя получило утвержденіе главнаго правленія, о чемъ Салтыковъ и увѣдомилъ совѣтъ университета предложеніемъ отъ 14-го числа того же мѣсяца. Только 25-го іюня возвратился Лобачевскій изъ Петербурга въ Казань и, слѣдомъ за тѣмъ, начались приготовленія къ его сибирскому путешествію. Профессорамъ Фуксу и Брейтенбаху и адъюнкту Тимьянскому поручено было совѣтомъ (постановленіе отъ 10-го іюня) составить въ руководство Лобачевскому „наставленія", т. е. инструкціи, каждому по своей части, а самъ будущій экскурсантъ 12-го ноября вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ слѣдующаго рода:

„Желая сдѣлать путешествіе мое полезнымъ для университета во всѣхъ отношеніяхъ, осмѣливаюсь представить совѣту: не благоугодно ли будетъ оному сдѣлать мнѣ препорученіе осматривать тѣ учебныя

стерскомъ жалованьи. Конфликтъ этотъ былъ разрѣшенъ министромъ народнаго просвѣщенія, 12-го іюня 1817 года отказавшимъ въ утвержденіи Лобачевскаго адъюнктомъ химіи безъ жалованья въ виду того, что „по университетскому уставу не положено имѣть сверхъ штата адъюнктовъ“.

Отвѣтъ министра заставилъ Лобачевскаго отказаться отъ своего упорства и подумать объ измѣнѣ излюбленной имъ химіи—въ пользу технологіи. 1-го іюля онъ вошелъ въ совѣтъ съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ просилъ объ исходатайствованіи ему командировки въ Петербургъ до начала слѣдующаго 1818 года, „для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній въ наукахъ химіи и технологіи“. Командировка эта не только была разрѣшена, но принесла Лобачевскому весьма благопріятный для него результатъ: 29-го октября 1817 года, въ бытность его въ Петербургѣ, онъ былъ утвержденъ непосредственно самимъ министромъ народнаго просвѣщенія княземъ Голицинымъ въ званіи адъюнкта казанскаго университета по кафедрѣ технологіи, на вакансію, освободившуюся послѣ умершаго передъ тѣмъ адъюнкта фармаціи Ренарда.

Вновь утвержденному адъюнкту не скоро довелось, однако же, приступить къ чтенію лекцій. 4-го апрѣля 1818 года попечитель округа Салтыковъ, основываясь на заявленномъ ему самимъ Лобачевскимъ желаніи, вошелъ въ главное правленіе училищъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему двухгодичнаго путешествія по Сибири „для обозрѣнія и описанія горныхъ заводовъ и сдѣланія подробныхъ замѣчаній о самой Сибири, касательно металлургіи и минералогіи“, съ назначеніемъ ему, въ добавленіе къ штатному жалованью, по тысячѣ рублей въ годъ изъ суммъ, предназначаемыхъ на путешествія адъюнктовъ въ чужіе края. 2-го мая представленіе попечителя получило утвержденіе главнаго правленія, о чемъ Салтыковъ и увѣдомилъ совѣтъ университета предложеніемъ отъ 14-го числа того же мѣсяца. Только 25-го іюня возвратился Лобачевскій изъ Петербурга въ Казань и, слѣдомъ за тѣмъ, начались приготовленія къ его сибирскому путешествію. Профессорамъ Фуксу и Брейтенбаху и адъюнкту Тимьянскому поручено было совѣтомъ (постановленіе отъ 10-го іюня) составить въ руководство Лобачевскому „наставленія“, т. е. инструкціи, каждому по своей части, а самъ будущій экскурсантъ 12-го ноября вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ слѣдующаго рода:

„Желая сдѣлать путешествіе мое полезнымъ для университета во всѣхъ отношеніяхъ, осмѣливаюсь представить совѣту: не благоугодно ли будетъ оному сдѣлать мнѣ препорученіе осматривать тѣ учебныя

заведенія, кои встрѣчу я на пути своемъ, и доносить объ нихъ рапортами. Чрезъ сіе университетъ можетъ сберечь не малую сумму, которая была бы потребна для отправленія нарочныхъ визитаторовъ, особливо въ дальній край—Сибирь, а я почту себѣ за счастье и въ семъ дѣлѣ оказаться достойнымъ довѣренности совѣта, наблюдая при томъ, что бъ сіе не причинило ни малѣйшаго упущенія въ главныхъ моихъ, то есть ученыхъ, занятіяхъ".

Опредѣленіе совѣта, уполномочивавшее Лобачевскаго производить визитаціи училищъ, находящихся по пути слѣдованія его, состоялось лишь 6-го мая 1819 года, о чемъ и былъ увѣдомленъ какъ самъ Лобачевскій, уже бывшій въ то время въ путешествіи, такъ и директора училищъ; при этомъ выслано было Лобачевскому и особое „наставленіе", опредѣлявшее его обязанности, въ качествѣ визитатора. Экскурсантъ выѣхалъ изъ Казани 4-го февраля 1819 года, снабженный рекомендательными отношеніями къ пермскому, тобольскому, томскому и иркутскому губернаторамъ, къ начальникамъ заводовъ и къ другимъ административнымъ лицамъ.

Во все продолженіе своего путешествія, продолжавшагося нѣсколько менѣе двухъ лѣтъ, Лобачевскій регулярно присылалъ совѣту университета рапорты по обѣимъ задачамъ, входившимъ въ программу его поѣздки, т. е. какъ по части собственно научной, такъ и по миссіи педагогической; результатомъ его поѣздки явились собранія минераловъ и техническихъ чертежей и моделей, доставленныя имъ университету. Въ дѣлахъ университетскаго архива сохранился цѣлый рядъ матеріаловъ, въ томъ числѣ и отчетъ Лобачевскаго, касающихся этого путешествія.

Возвратившись въ Казань 24-го ноября 1820 года, Лобачевскій приступилъ, наконецъ, къ чтенію лекцій по технологіи, руководствуясь сочиненіями Бекмана и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. Преподавательская дѣятельность Лобачевскаго не была, впрочемъ, продолжительною: уже 2-го декабря 1822 года подано было имъ прошеніе объ увольненіи отъ университетской службы, которое и послѣдовало 13-го января слѣдующаго 1823 года.

Трудно сказать, что могло побудить молодаго технолога такъ рано разстаться съ ученою карьерою; возможно, что на это рѣшеніе подвинуло его удрученное положеніе, въ какомъ находился въ то время казанскій университетъ, только что подвергнувшійся пресловутому „обновленію" его попечителемъ Магницкимъ, и съ которымъ не могъ примириться свободолюбивый и неподатливый характеръ Лобачевскаго.

заведенія, кои встрѣчу я на пути своемъ, и доносить объ нихъ рапортами. Чрезъ сіе университетъ можетъ сберечь не малую сумму, которая была бы потребна для отправленія нарочныхъ визитаторовъ, особливо въ дальній край—Сибирь, а я почту себѣ за счастье и въ семъ дѣлѣ оказаться достойнымъ довѣренности совѣта, наблюдая при томъ, что бъ сіе не причинило ни малѣйшаго упущенія въ главныхъ моихъ, то есть ученыхъ, занятіяхъ".

Опредѣленіе совѣта, уполномочивавшее Лобачевскаго производить визитаціи училищъ, находящихся по пути слѣдованія его, состоялось лишь 6-го мая 1819 года, о чемъ и былъ увѣдомленъ какъ самъ Лобачевскій, уже бывшій въ то время въ путешествіи, такъ и директора училищъ; при этомъ выслано было Лобачевскому и особое „наставленіе", опредѣлявшее его обязанности, въ качествѣ визитатора. Экскурсантъ выѣхалъ изъ Казани 4-го февраля 1819 года, снабженный рекомендательными отношеніями къ пермскому, тобольскому, томскому и иркутскому губернаторамъ, къ начальникамъ заводовъ и къ другимъ административнымъ лицамъ.

Во все продолженіе своего путешествія, продолжавшагося нѣсколько менѣе двухъ лѣтъ, Лобачевскій регулярно присылалъ совѣту университета рапорты по обѣимъ задачамъ, входившимъ въ программу его поѣздки, т. е. какъ по части собственно научной, такъ и по миссіи педагогической; результатомъ его поѣздки явились собранія минераловъ и техническихъ чертежей и моделей, доставленныя имъ университету. Въ дѣлахъ университетскаго архива сохранился цѣлый рядъ матеріаловъ, въ томъ числѣ и отчетъ Лобачевскаго, касающихся этого путешествія.

Возвратившись въ Казань 24-го ноября 1820 года, Лобачевскій приступилъ, наконецъ, къ чтенію лекцій по технологіи, руководствуясь сочиненіями Бекмана и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. Преподавательская дѣятельность Лобачевскаго не была, впрочемъ, продолжительною: уже 2-го декабря 1822 года подано было имъ прошеніе объ увольненіи отъ университетской службы, которое и послѣдовало 13-го января слѣдующаго 1823 года.

Трудно сказать, что могло побудить молодаго технолога такъ рано разстаться съ ученою карьерою; возможно, что на это рѣшеніе подвинуло его удрученное положеніе, въ какомъ находился въ то время казанскій университетъ, только что подвергнувшійся пресловутому „обновленію" его попечителемъ Магницкимъ, и съ которымъ не могъ примириться свободолюбивый и неподатливый характеръ Лобачевскаго.

Выйдя въ отставку, Лобачевскій занимался частною технологическою дѣятельностью, а въ 1827—1837 годахъ арендовалъ казанскую суконную фабрику г.г. Осокиныхъ, ознаменовавъ свое управленіе ею самымъ крутымъ и безпощаднымъ отношеніемъ къ обширному, крѣпостному еще въ то время, рабочему населенію приписанной къ фабрикѣ казанской Суконной слободы. Человѣкъ, сосредоточенный и нелюдимый отъ природы, А. И. Лобачевскій провелъ остатокъ своей одинокой жизни (онъ былъ убѣжденнымъ кинофобомъ) въ Казани, чуждаясь общества и даже близкихъ ему людей. Здѣсь онъ и скончался весною 1870 года, завѣщавъ казанскому университету свое собраніе спеціальныхъ книгъ (180 названій), которое въ сентябрѣ того же года и было передано университету его племянникомъ, гвардіи поручикомъ А. Н. Лобачевскимъ [13].

За интересующій насъ промежутокъ времени преподавательскій персоналъ казанскаго университета пополнился однимъ лекторомъ, въ эпоху попечительства Магницкаго сдѣлавшимся однимъ изъ любимцевъ этого послѣдняго и достигшимъ званія адъюнкта, но затѣмъ скомпрометировавшимъ себя при тѣхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось паденіе его покровителя. То былъ лекторъ И. Ѳ. Краузе.

Иванъ (до 1821 года—Карлъ) Ѳеодоровичъ Краузе, прусскій уроженецъ, родился около 1787 года (въ 1826 году ему было, по формуляру, 39 лѣтъ) и, прибывъ въ Россію въ 1811 году, въ томъ же году выдержалъ при казанскомъ университетѣ испытаніе въ знаніи французскаго и нѣмецкаго языковъ, въ чемъ 25-го марта и выданъ ему аттестатъ, послѣ чего онъ „обучалъ,—какъ свидѣтельствуетъ его послужной списокъ,—во многихъ частныхъ домахъ юношество наукамъ и языкамъ". 9-го октября, при обстоятельствахъ, остающихся намъ неизвѣстными, но „по предписанію высшаго начальства", какъ читаемъ въ его формулярѣ, Краузе былъ утвержденъ лекторомъ французскаго языка въ казанскомъ университетѣ, съ апрѣля 1819 года занявъ французскій классъ и въ гимназіи. При ревизіи университета въ 1819 году Краузе удостоился особаго одобренія Магницкаго, благоволившаго къ нему и во все время своего попечительства, и 23-го марта 1821 года ему, кромѣ собственной должности, поручена была должность лектора нѣмецкаго языка вмѣсто Лейтера, уволеннаго вслѣдствіе отзыва проф. Фукса объ его „неблагонадежности"; интересно, что эта вторая лектура предоставлена была Краузе попечителемъ какъ въ виду хорошаго знанія имъ нѣмецкаго языка, такъ и въ уваженіе его „христіанскаго образа мыслей", выразившагося, быть можетъ, въ при-

Выйдя въ отставку, Лобачевскій занимался частною технологическою дѣятельностью, а въ 1827—1837 годахъ арендовалъ казанскую суконную фабрику г.г. Осокиныхъ, ознаменовавъ свое управленіе ею самымъ крутымъ и безпощаднымъ отношеніемъ къ обширному, крѣпостному еще въ то время, рабочему населенію приписанной къ фабрикѣ казанской Суконной слободы. Человѣкъ, сосредоточенный и нелюдимый отъ природы, А. И. Лобачевскій провелъ остатокъ своей одинокой жизни (онъ былъ убѣжденнымъ кинофобомъ) въ Казани, чуждаясь общества и даже близкихъ ему людей. Здѣсь онъ и скончался весною 1870 года, завѣщавъ казанскому университету свое собраніе спеціальныхъ книгъ (180 названій), которое въ сентябрѣ того же года и было передано университету его племянникомъ, гвардіи поручикомъ А. Н. Лобачевскимъ [13].

За интересующій насъ промежутокъ времени преподавательскій персоналъ казанскаго университета пополнился однимъ лекторомъ, въ эпоху попечительства Магницкаго сдѣлавшимся однимъ изъ любимцевъ этого послѣдняго и достигшимъ званія адъюнкта, но затѣмъ скомпрометировавшимъ себя при тѣхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось паденіе его покровителя. То былъ лекторъ И. Ѳ. Краузе.

Иванъ (до 1821 года—Карлъ) Ѳеодоровичъ Краузе, прусскій уроженецъ, родился около 1787 года (въ 1826 году ему было, по формуляру, 39 лѣтъ) и, прибывъ въ Россію въ 1811 году, въ томъ же году выдержалъ при казанскомъ университетѣ испытаніе въ знаніи французскаго и нѣмецкаго языковъ, въ чемъ 25-го марта и выданъ ему аттестатъ, послѣ чего онъ „обучалъ,—какъ свидѣтельствуетъ его послужной списокъ,—во многихъ частныхъ домахъ юношество наукамъ и языкамъ". 9-го октября, при обстоятельствахъ, остающихся намъ неизвѣстными, но „по предписанію высшаго начальства", какъ читаемъ въ его формулярѣ, Краузе былъ утвержденъ лекторомъ французскаго языка въ казанскомъ университетѣ, съ апрѣля 1819 года занявъ французскій классъ и въ гимназіи. При ревизіи университета въ 1819 году Краузе удостоился особаго одобренія Магницкаго, благоволившаго къ нему и во все время своего попечительства, и 23-го марта 1821 года ему, кромѣ собственной должности, поручена была должность лектора нѣмецкаго языка вмѣсто Лейтера, уволеннаго вслѣдствіе отзыва проф. Фукса объ его „неблагонадежности"; интересно, что эта вторая лектура предоставлена была Краузе попечителемъ какъ въ виду хорошаго знанія имъ нѣмецкаго языка, такъ и въ уваженіе его „христіанскаго образа мыслей", выразившагося, быть можетъ, въ при-

нятіи имъ православія, причемъ онъ перемѣнилъ и свое прежнее имя Карла, на новое имя—„Иванъ".

27-го сентября 1824 года Краузе, по предложенію Магницкаго, избранъ былъ совѣтомъ (утвержденъ 26-го ноября) адъюнктомъ французской словесности,—т. е. по кафедрѣ, совершенно непредусмотрѣнной университетскимъ уставомъ 1804 года,—съ сохраненіемъ за нимъ и должности лектора нѣмецкаго языка (отъ должности лектора французскаго языка онъ былъ уволенъ еще 7-го мая того же года). Кромѣ преподаванія, Краузе съ марта 1825 года несъ обязанности секретаря цензурнаго комитета, съ 13-го января 1826 года—секретаря отдѣленія словесныхъ наукъ, съ марта того же года—члена издательнаго комитета; въ началѣ 1826 года онъ состоялъ членомъ комитета по разборкѣ университетской библіотеки.

Окончаніе университетской службы Краузе стояло въ ближайшей связи съ ревизіею университета, произведенною въ 1826 году генералъ-маіоромъ П. Ф. Желтухинымъ и имѣвшею своимъ послѣдствіемъ увольненіе и отдачу подъ судъ попечителя Магницкаго. Участіе, принятое въ ту пору Краузе, въ интересахъ своего покровителя Магницкаго, въ обстоятельствахъ этой ревизіи, будетъ въ своемъ мѣстѣ болѣе или менѣе подробно выяснено нами, въ настоящее же время отмѣтимъ только фактъ увольненія Краузе отъ службы, предложеніемъ министра отъ 12-го мая 1826 года, въ качествѣ „человѣка, оказывающаго дурное свойство, по которому не можетъ быть терпимъ въ учебномъ заведеніи", вслѣдствіе своихъ „нелѣпыхъ и клеветническихъ отзывовъ". Въ этомъ смыслѣ и было ему выдано увольнительное свидѣтельство, о перемѣнѣ котораго Краузе безуспѣшно хлопоталъ, черезъ попечителя казанскаго округа, уже въ 1836 году. Впослѣдствіе онъ служилъ въ должности инспектора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ [14].

Намъ остается еще предложить вниманію читателей нѣкоторыя свѣдѣнія о сверхштатныхъ преподавателяхъ казанскаго университета за эпоху 1814—1819 годовъ, приглашеніемъ которыхъ совѣтъ университета пытался заполнить пробѣлы въ организаціи своей учебной части. Въ числѣ этихъ преподавателей встрѣчаемъ мы двухъ учителей гимназіи (Востоковъ и Полиновскій), лицо, только что окончившее университетскій курсъ (Сычуговъ) и даже одного студента (Отсолигъ).

Венедиктъ Васильевичъ Востоковъ, происходившій изъ духовнаго званія, обучался (съ 1797 года) въ нижегородской духовной семинаріи, а затѣмъ въ теченіи двухъ лѣтъ подготовлялся къ учительскому званію въ

нятіи имъ православія, причемъ онъ перемѣнилъ и свое прежнее имя Карла, на новое имя—„Иванъ".

27-го сентября 1824 года Краузе, по предложенію Магницкаго, избранъ былъ совѣтомъ (утвержденъ 26-го ноября) адъюнктомъ французской словесности,—т. е. по кафедрѣ, совершенно непредусмотрѣнной университетскимъ уставомъ 1804 года,—съ сохраненіемъ за нимъ и должности лектора нѣмецкаго языка (отъ должности лектора французскаго языка онъ былъ уволенъ еще 7-го мая того же года). Кромѣ преподаванія, Краузе съ марта 1825 года несъ обязанности секретаря цензурнаго комитета, съ 13-го января 1826 года—секретаря отдѣленія словесныхъ наукъ, съ марта того же года—члена издательнаго комитета; въ началѣ 1826 года онъ состоялъ членомъ комитета по разборкѣ университетской библіотеки.

Окончаніе университетской службы Краузе стояло въ ближайшей связи съ ревизіею университета, произведенною въ 1826 году генералъ-маіоромъ П. Ф. Желтухинымъ и имѣвшею своимъ послѣдствіемъ увольненіе и отдачу подъ судъ попечителя Магницкаго. Участіе, принятое въ ту пору Краузе, въ интересахъ своего покровителя Магницкаго, въ обстоятельствахъ этой ревизіи, будетъ въ своемъ мѣстѣ болѣе или менѣе подробно выяснено нами, въ настоящее же время отмѣтимъ только фактъ увольненія Краузе отъ службы, предложеніемъ министра отъ 12-го мая 1826 года, въ качествѣ „человѣка, оказывающаго дурное свойство, по которому не можетъ быть терпимъ въ учебномъ заведеніи", вслѣдствіе своихъ „нелѣпыхъ и клеветническихъ отзывовъ". Въ этомъ смыслѣ и было ему выдано увольнительное свидѣтельство, о перемѣнѣ котораго Краузе безуспѣшно хлопоталъ, черезъ попечителя казанскаго округа, уже въ 1836 году. Впослѣдствіе онъ служилъ въ должности инспектора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ [14].

Намъ остается еще предложить вниманію читателей нѣкоторыя свѣдѣнія о сверхштатныхъ преподавателяхъ казанскаго университета за эпоху 1814—1819 годовъ, приглашеніемъ которыхъ совѣтъ университета пытался заполнить пробѣлы въ организаціи своей учебной части. Въ числѣ этихъ преподавателей встрѣчаемъ мы двухъ учителей гимназіи (Востоковъ и Полиновскій), лицо, только что окончившее университетскій курсъ (Сычуговъ) и даже одного студента (Отсолигъ).

Венедиктъ Васильевичъ Востоковъ, происходившій изъ духовнаго званія, обучался (съ 1797 года) въ нижегородской духовной семинаріи, а затѣмъ въ теченіи двухъ лѣтъ подготовлялся къ учительскому званію въ

троице-сергіевской лаврской семинаріи. Начавъ свою педагогическую дѣятельность въ должности учителя новыхъ языковъ, а затѣмъ риторики, въ нижегородской семинаріи (1811—1815 г.г.), Востоковъ, уволившись изъ духовнаго званія, удостоенъ былъ казанскимъ университетомъ (11-го февраля 1816 г.), по экзамену, степени кандидата латинской словесности и слѣдомъ затѣмъ (10-го августа) назначенъ въ казанскую гимназію учителемъ средняго латинскаго класса. 22-го августа 1816 года ему поручено безвозмездное преподаваніе въ университетѣ приготовительнаго латинскаго языка; съ 13-го октября 1816 года по 6-ое ноября 1817 года онъ занималъ, сверхъ того, должность помощника инспектора студентовъ, которую вынужденъ былъ оставить благодаря неудовольствіямъ, возникшимъ у него какъ съ инспекторомъ Броннеромъ, такъ и съ студентами. Въ ноябрѣ 1816 года удостоенъ степени магистра, а 14-го декабря 1817 года опредѣленъ на должность учителя латинскаго языка въ астраханскую гимназію, служба въ которой Востокова, человѣка безпокойнаго и буйнаго нрава, ознаменовалась рядомъ скандальныхъ недоразумѣній съ директоромъ, восходившихъ на разсмотрѣніе университета [15].

Михаилъ Васильевичъ Полиновскій, воспитанникъ (съ 1794 года) казанской духовной академіи, по окончаніи въ 1805 году курса здѣсь, опредѣленъ былъ учителемъ той же академіи, до 1817 года послѣдовательно преподавая нѣмецкій языкъ, грамматику и риторику. Уволившись въ концѣ 1818 года изъ духовнаго званія, 4-го марта 1819 года опредѣленъ въ казанскую гимназію учителемъ высшаго латинскаго класса, а 26-го іюня того же года допущенъ къ преподаванію латинскаго языка и въ казанскомъ университетѣ, начавъ, такимъ образомъ, свою преподавательскую дѣятельность въ немъ уже въ самомъ концѣ разсматриваемаго нами пятилѣтія.

Полиновскій еще осенью 1819 года предполагался къ избранію въ адъюнкты университета, но представленіе его въ это званіе было 4-го ноября отклонено попечителемъ Магницкимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что „приняты уже мѣры къ пріисканію надежныхъ людей" для кафедры латинской словесности; вторично представленъ былъ онъ отдѣленіемъ словесныхъ наукъ къ избранію въ адъюнкты въ январѣ 1822 года, но и на этотъ разъ избраніе не состоялось, благодаря заявленію ректора Никольскаго объ его неблагонадежности, понятіе которой являлось болѣе нежели растяжимымъ въ эту гнетущую пору попечительства Магницкаго. Только 26-го мая 1823 года состоялось, наконецъ, избраніе, а 8-го іюля и утверж-

троице-сергіевской лаврской семинаріи. Начавъ свою педагогическую дѣятельность въ должности учителя новыхъ языковъ, а затѣмъ риторики, въ нижегородской семинаріи (1811—1815 г.г.), Востоковъ, уволившись изъ духовнаго званія, удостоенъ былъ казанскимъ университетомъ (11-го февраля 1816 г.), по экзамену, степени кандидата латинской словесности и слѣдомъ затѣмъ (10-го августа) назначенъ въ казанскую гимназію учителемъ средняго латинскаго класса. 22-го августа 1816 года ему поручено безвозмездное преподаваніе въ университетѣ приготовительнаго латинскаго языка; съ 13-го октября 1816 года по 6-ое ноября 1817 года онъ занималъ, сверхъ того, должность помощника инспектора студентовъ, которую вынужденъ былъ оставить благодаря неудовольствіямъ, возникшимъ у него какъ съ инспекторомъ Броннеромъ, такъ и съ студентами. Въ ноябрѣ 1816 года удостоенъ степени магистра, а 14-го декабря 1817 года опредѣленъ на должность учителя латинскаго языка въ астраханскую гимназію, служба въ которой Востокова, человѣка безпокойнаго и буйнаго нрава, ознаменовалась рядомъ скандальныхъ недоразумѣній съ директоромъ, восходившихъ на разсмотрѣніе университета [15].

Михаилъ Васильевичъ Полиновскій, воспитанникъ (съ 1794 года) казанской духовной академіи, по окончаніи въ 1805 году курса здѣсь, опредѣленъ былъ учителемъ той же академіи, до 1817 года послѣдовательно преподавая нѣмецкій языкъ, грамматику и риторику. Уволившись въ концѣ 1818 года изъ духовнаго званія, 4-го марта 1819 года опредѣленъ въ казанскую гимназію учителемъ высшаго латинскаго класса, а 26-го іюня того же года допущенъ къ преподаванію латинскаго языка и въ казанскомъ университетѣ, начавъ, такимъ образомъ, свою преподавательскую дѣятельность въ немъ уже въ самомъ концѣ разсматриваемаго нами пятилѣтія.

Полиновскій еще осенью 1819 года предполагался къ избранію въ адъюнкты университета, но представленіе его въ это званіе было 4-го ноября отклонено попечителемъ Магницкимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что „приняты уже мѣры къ пріисканію надежныхъ людей“ для кафедры латинской словесности; вторично представленъ былъ онъ отдѣленіемъ словесныхъ наукъ къ избранію въ адъюнкты въ январѣ 1822 года, но и на этотъ разъ избраніе не состоялось, благодаря заявленію ректора Никольскаго объ его неблагонадежности, понятіе которой являлось болѣе нежели растяжимымъ въ эту гнетущую пору попечительства Магницкаго. Только 26-го мая 1823 года состоялось, наконецъ, избраніе, а 8-го іюля и утверж-

деніе Полиновскаго въ званіи адъюнкта латинской словесности, въ которомъ онъ и оставался до 16-го мая 1835 года, когда былъ уволенъ отъ университетской службы за перемѣщеніемъ на должность директора училищъ вятской губерніи; въ этой послѣдней должности Полиновскій служилъ до совершеннаго выхода въ отставку, послѣдовавшаго 20-го іюня 1846 года.

М. В. Полиновскій оставилъ по себѣ слѣдъ въ исторіи культурной жизни г. Казани, совмѣстнымъ съ адъюнктомъ М. С. Рыбушкинымъ, изданіемъ въ 1832—1834 годахъ перваго казанскаго частнаго органа повременной печати—журнала „Заволжскій Муравей“ [16].

Иванъ Петровичъ Сычуговъ, воспитанникъ казанской гимназіи, 27-го августа 1813 года поступилъ въ казанскій университетъ своекоштнымъ студентомъ и, подобно Алехину и Манасеину, подготовлялся къ ученой карьерѣ по разряду юридическихъ наукъ. Если Алехинъ и Манасеинъ являлись, какъ мы знаемъ, учениками профессоровъ Финке и Неймана, то въ лицѣ Сычугова мы имѣемъ дѣло съ ученикомъ профессора Солнцева, принимавшаго близкое участіе въ научныхъ занятіяхъ молодого студента.

Въ свидѣтельствѣ, выданномъ Сычугову осенью 1816 года отдѣльными профессорами въ слушаніи у нихъ курсовъ наукъ, находимъ мы и удостовѣренія обоихъ современныхъ представителей юридическихъ кафедръ, бар. Врангеля и Солнцева, любопытныя съ точки зрѣнія характеристики объема юридическаго преподаванія того времени и тѣхъ дидактическихъ мѣръ, которыя принимались проф. Солнцевымъ для спеціальной подготовки своего ученика. У барона Врангеля Сычуговъ прослушалъ, какъ оказывается изъ даннаго имъ удостовѣренія—„введеніе въ правовѣдѣніе, исторію россійскаго права и права уголовное и гражданское россійской имперіи“. Удостовѣреніе проф. Солнцева мы считаемъ умѣстнымъ привести въ его полномъ видѣ:

„Студентъ Сычуговъ слушалъ у меня, — заявляетъ здѣсь проф. Солнцевъ,—лекціи по моей части преподаваемыя, какъ то: римское право, съ объясненіемъ онаго древностями и другими вспомогательными науками, на латинскомъ языкѣ. Сверхъ сего частно прошелъ со мною общее германское уголовное право, по моимъ тетрадямъ, съ показаніемъ противорѣчій и разнородныхъ объясненій онаго славнѣйшими германскими писателями; прошелъ также краткое начертаніе германскаго гражданскаго права; право естественное, юридическую энциклопедію по моимъ тетрадямъ; занимаемъ былъ приложеніемъ римскаго

деніе Полиновскаго въ званіи адъюнкта латинской словесности, въ которомъ онъ и оставался до 16-го мая 1835 года, когда былъ уволенъ отъ университетской службы за перемѣщеніемъ на должность директора училищъ вятской губерніи; въ этой послѣдней должности Полиновскій служилъ до совершеннаго выхода въ отставку, послѣдовавшаго 20-го іюня 1846 года.

М. В. Полиновскій оставилъ по себѣ слѣдъ въ исторіи культурной жизни г. Казани, совмѣстнымъ съ адъюнктомъ М. С. Рыбушкинымъ, изданіемъ въ 1832—1834 годахъ перваго казанскаго частнаго органа повременной печати—журнала „Заволжскій Муравей“ [16].

Иванъ Петровичъ Сычуговъ, воспитанникъ казанской гимназіи, 27-го августа 1813 года поступилъ въ казанскій университетъ своекоштнымъ студентомъ и, подобно Алехину и Манасеину, подготовлялся къ ученой карьерѣ по разряду юридическихъ наукъ. Если Алехинъ и Манасеинъ являлись, какъ мы знаемъ, учениками профессоровъ Финке и Неймана, то въ лицѣ Сычугова мы имѣемъ дѣло съ ученикомъ профессора Солнцева, принимавшаго близкое участіе въ научныхъ занятіяхъ молодого студента.

Въ свидѣтельствѣ, выданномъ Сычугову осенью 1816 года отдѣльными профессорами въ слушаніи у нихъ курсовъ наукъ, находимъ мы и удостовѣренія обоихъ современныхъ представителей юридическихъ кафедръ, бар. Врангеля и Солнцева, любопытныя съ точки зрѣнія характеристики объема юридическаго преподаванія того времени и тѣхъ дидактическихъ мѣръ, которыя принимались проф. Солнцевымъ для спеціальной подготовки своего ученика. У барона Врангеля Сычуговъ прослушалъ, какъ оказывается изъ даннаго имъ удостовѣренія—„введеніе въ правовѣдѣніе, исторію россійскаго права и права уголовное и гражданское россійской имперіи“. Удостовѣреніе проф. Солнцева мы считаемъ умѣстнымъ привести въ его полномъ видѣ:

„Студентъ Сычуговъ слушалъ у меня, — заявляетъ здѣсь проф. Солнцевъ,—лекціи по моей части преподаваемыя, какъ то: римское право, съ объясненіемъ онаго древностями и другими вспомогательными науками, на латинскомъ языкѣ. Сверхъ сего частно прошелъ со мною общее германское уголовное право, по моимъ тетрадямъ, съ показаніемъ противорѣчій и разнородныхъ объясненій онаго славнѣйшими германскими писателями; прошелъ также краткое начертаніе германскаго гражданскаго права; право естественное, юридическую энциклопедію по моимъ тетрадямъ; занимаемъ былъ приложеніемъ римскаго

права къ россійскому законодательству, также упражняемъ былъ многими сочиненіями юридическими и диспутаціею. Подъ руководствомъ моимъ перевелъ „Естественное право" г. Рейнгарда * съ латинскаго языка на россійскій, также перевелъ на россійскій языкъ „Consuetudines Tiudorum", примѣненныя къ corpus juris civilis; на латинскій языкъ перевелъ съ нѣмецкаго „Частное право" г. Гуго; отрывки изъ „Исторіи римскаго законодательства" г. Терассона съ французскаго на латинскій; сверхъ сего, перевелъ онъ часть „Энциклопедіи" г. Гуфеланда съ нѣмецкаго на россійскій. Многихъ прочиталъ авторовъ по юридической части съ критикою; подъ руководствомъ моимъ онъ прошелъ также право каноническое и помѣстное, за каковую его дѣятельность и отличное прилежаніе въ наукахъ отъ совѣта университетскаго получилъ два раза лестное одобреніе. Въ прилежаніи его таковомъ и успѣхахъ отличнѣйшихъ по части юридическихъ наукъ симъ по совѣсти и присягѣ моей свидѣтельствую.—Публичный экстраординарный профессоръ, обоихъ правъ докторъ, Гавріилъ Солнцевъ. 29 октября 1816 года".

16 ноября 1816 года Сычуговъ подалъ прошеніе, въ которомъ, заявляя о желаніи въ ближайшемъ будущемъ искать степень магистра, просилъ о допущеніи его къ испытанію на степень кандидата правовѣдѣнія. До насъ сохранились весьма любопытные протоколы этого испытанія, съ приложенными къ нимъ письменными отвѣтами экзаменующагося. Испытаніе произведено было въ трехъ засѣданіяхъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ. Въ первомъ засѣданіи, происходившемъ 20-го ноября, экзаменующійся далъ письменные отвѣты (на латинскомъ языкѣ) по слѣдующимъ вопросамъ: а) Quomodo contractus romano jure dividuntur?, б) Quid est jus naturae purum et applicatum?, в) Quaenam est differentia inter tutores et curatores? Въ засѣданіи 27-го ноября экзаменующемуся предложены были для письменнаго же разрѣшенія вопросы: а) Какъ раздѣляется наслѣдство по нисходящей линіи?, б) Какія правила предписываетъ частное право относительно сумашедшихъ?, в) Какъ раздѣляются государственныя преступленія? Въ послѣднемъ засѣданіи, 28-го ноября, испытуемый уже словесно отвѣчалъ (опять на латинскомъ языкѣ) по вопросамъ: а) Quomodo differat legatum a fidei commisso? и б) Quid contractus emptionis, venditionis et quaenam actiones exinde oriantur? Въ этомъ же третьемъ засѣданіи произведенъ былъ экзаменъ изъ предметовъ дополнительныхъ: фи-

* Этотъ переводъ былъ въ томъ же году изданъ университетомъ: «Рейнгардъ Ф. Хр.— Естественное право. Съ латинскаго перевелъ Иванъ Сычуговъ, Казань, 1816».

права къ россійскому законодательству, также упражняемъ былъ многими сочиненіями юридическими и диспутаціею. Подъ руководствомъ моимъ перевелъ „Естественное право“ г. Рейнгарда * съ латинскаго языка на россійскій, также перевелъ на россійскій языкъ „Consuetudines Tiudorum“, примѣненныя къ corpus juris civilis; на латинскій языкъ перевелъ съ нѣмецкаго „Частное право“ г. Гуго; отрывки изъ „Исторіи римскаго законодательства“ г. Терассона съ французскаго на латинскій; сверхъ сего, перевелъ онъ часть „Энциклопедіи“ г. Гуфеланда съ нѣмецкаго на россійскій. Многихъ прочиталъ авторовъ по юридической части съ критикою; подъ руководствомъ моимъ онъ прошелъ также право каноническое и помѣстное, за каковую его дѣятельность и отличное прилежаніе въ наукахъ отъ совѣта университетскаго получилъ два раза лестное одобреніе. Въ прилежаніи его таковомъ и успѣхахъ отличнѣйшихъ по части юридическихъ наукъ симъ по совѣсти и присягѣ моей свидѣтельствую.—Публичный экстраординарный профессоръ, обоихъ правъ докторъ, Гавріилъ Солнцевъ. 29 октября 1816 года“.

16 ноября 1816 года Сычуговъ подалъ прошеніе, въ которомъ, заявляя о желаніи въ ближайшемъ будущемъ искать степень магистра, просилъ о допущеніи его къ испытанію на степень кандидата правовѣдѣнія. До насъ сохранились весьма любопытные протоколы этого испытанія, съ приложенными къ нимъ письменными отвѣтами экзаменующагося. Испытаніе произведено было въ трехъ засѣданіяхъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ. Въ первомъ засѣданіи, происходившемъ 20-го ноября, экзаменующійся далъ письменные отвѣты (на латинскомъ языкѣ) по слѣдующимъ вопросамъ: а) Quomodo contractus romano jure dividuntur?, б) Quid est jus naturae purum et applicatum?, в) Quaenam est differentia inter tutores et curatores? Въ засѣданіи 27-го ноября экзаменующемуся предложены были для письменнаго же разрѣшенія вопросы: а) Какъ раздѣляется наслѣдство по нисходящей линіи?, б) Какія правила предписываетъ частное право относительно сумашедшихъ?, в) Какъ раздѣляются государственныя преступленія? Въ послѣднемъ засѣданіи, 28-го ноября, испытуемый уже словесно отвѣчалъ (опять на латинскомъ языкѣ) по вопросамъ: а) Quomodo differat legatum a fidei commisso? и б) Quid contractus emptionis, venditionis et quaenam actiones exinde oriantur? Въ этомъ же третьемъ засѣданіи произведенъ былъ экзаменъ изъ предметовъ дополнительныхъ: фи-

* Этотъ переводъ былъ въ томъ же году изданъ университетомъ: «Рейнгардъ Ф. Хр.— Естественное право. Съ латинскаго перевелъ Иванъ Сычуговъ, Казань, 1816».

лософіи, исторіи, древностей, географіи, статистики, политической экономіи, политики и словесности.

Отдѣленіе пришло къ заключенію, что „экзаменующійся какъ изустными своими отвѣтами, такъ и письменными упражненіями, сочиненными во время засѣданія, доказалъ, что онъ требуемой имъ степени достоенъ", почему и представило совѣту объ утвержденіи Сычугова въ степени кандидата правовѣдѣнія, которое, однако, не послѣдовало: въ засѣданіи 7-го декабря совѣтъ постановилъ „отложить утвержденіе онаго кандидата до полученія о семъ предметѣ новыхъ правилъ, предполагаемыхъ составить высшимъ начальствомъ". Это рѣшеніе было обусловлено намѣченнымъ какъ разъ въ то время центральными органами министерства пересмотромъ правилъ объ утвержденіи въ ученыхъ степеняхъ, благодаря которому всѣ производства въ эти степени были пріостановлены въ продолженіи двухъ лѣтъ (до конца января 1819 года). Только 10-го мая 1819 года послѣдовало, наконецъ, утвержденіе Сычугова въ степени кандидата.

Эта неудача отлагала на неопредѣленное время вопросъ о магистрированіи молодого юриста, но не повліяла на намѣреніе Сычугова продолжать дальнѣйшія занятія правовѣдѣніемъ. 10 мая 1817 года онъ вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ, несомнѣнно подсказаннымъ ему его учителемъ Солнцевымъ, относительно исходатайствованія ему отъ казанской палаты уголовнаго суда разрѣшенія „упражняться въ ней практикою по дѣламъ, въ оной производимымъ", такъ какъ онъ, Сычуговъ, „посвятивъ себя изученію правовѣдѣнія и, преимущественно, россійскаго", сознаетъ для себя необходимымъ „познать на опытѣ уголовное судопроизводство". Совѣтъ, признавъ съ своей стороны „весьма полезнымъ такое соединеніе практики съ теоріею", вступилъ по этому поводу въ соотвѣтствующую переписку, которая не привела ни къ какому положительному результату. Ходатайство совѣта университета поставило палату уголовнаго суда въ немалое затрудненіе и она обратилась по этому поводу съ запросомъ въ губернское правленіе, которое и высказалось противъ допущенія Сычугова къ практическимъ занятіямъ въ палатѣ, такъ какъ онъ „не обязанъ присягою на вѣрность службы"; не ограничиваясь этимъ мотивомъ, губернское правленіе весьма авторитетно добавило къ нему, что занятія Сычугова практикою при палатѣ уголовнаго суда оно „находитъ невозможнымъ, да и ненужнымъ, по учрежденію при казанскомъ университетѣ факультета (sic!) практическаго преподаванія". На этомъ одобренная совѣтомъ попытка Сычугова соединить „практику съ теоріею"—и покончилась.

лософіи, исторіи, древностей, географіи, статистики, политической экономіи, политики и словесности.

Отдѣленіе пришло къ заключенію, что „экзаменующійся какъ изустными своими отвѣтами, такъ и письменными упражненіями, сочиненными во время засѣданія, доказалъ, что онъ требуемой имъ степени достоенъ“, почему и представило совѣту объ утвержденіи Сычугова въ степени кандидата правовѣдѣнія, которое, однако, не послѣдовало: въ засѣданіи 7-го декабря совѣтъ постановилъ „отложить утвержденіе онаго кандидата до полученія о семъ предметѣ новыхъ правилъ, предполагаемыхъ составить высшимъ начальствомъ“. Это рѣшеніе было обусловлено намѣченнымъ какъ разъ въ то время центральными органами министерства пересмотромъ правилъ объ утвержденіи въ ученыхъ степеняхъ, благодаря которому всѣ производства въ эти степени были пріостановлены въ продолженіи двухъ лѣтъ (до конца января 1819 года). Только 10-го мая 1819 года послѣдовало, наконецъ, утвержденіе Сычугова въ степени кандидата.

Эта неудача отлагала на неопредѣленное время вопросъ о магистрированіи молодого юриста, но не повліяла на намѣреніе Сычугова продолжать дальнѣйшія занятія правовѣдѣніемъ. 10 мая 1817 года онъ вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ, несомнѣнно подсказаннымъ ему его учителемъ Солнцевымъ, относительно исходатайствованія ему отъ казанской палаты уголовнаго суда разрѣшенія „упражняться въ ней практикою по дѣламъ, въ оной производимымъ“, такъ какъ онъ, Сычуговъ, „посвятивъ себя изученію правовѣдѣнія и, преимущественно, россійскаго“, сознаетъ для себя необходимымъ „познать на опытѣ уголовное судопроизводство“. Совѣтъ, признавъ съ своей стороны „весьма полезнымъ такое соединеніе практики съ теоріею“, вступилъ по этому поводу въ соотвѣтствующую переписку, которая не привела ни къ какому положительному результату. Ходатайство совѣта университета поставило палату уголовнаго суда въ немалое затрудненіе и она обратилась по этому поводу съ запросомъ въ губернское правленіе, которое и высказалось противъ допущенія Сычугова къ практическимъ занятіямъ въ палатѣ, такъ какъ онъ „не обязанъ присягою на вѣрность службы“; не ограничиваясь этимъ мотивомъ, губернское правленіе весьма авторитетно добавило къ нему, что занятія Сычугова практикою при палатѣ уголовнаго суда оно „находитъ невозможнымъ, да и ненужнымъ, по учрежденію при казанскомъ университетѣ факультета (sic!) практическаго преподаванія“. На этомъ одобренная совѣтомъ попытка Сычугова соединить „практику съ теоріею“—и покончилась.

За неутвержденіемъ Сычугова въ степени кандидата, закрывшимъ ему въ болѣе или менѣе близкомъ и опредѣленномъ будущемъ пути къ достиженію степени магистра, а слѣдовательно и къ пріобрѣтенію штатной преподавательской должности при отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, ему была предоставлена при университетѣ должность сверхштатнаго преподавателя латинскаго языка. Какъ долго несъ Сычуговъ эту должность и какова была дальнѣйшая судьба этого неудачнаго, помимо собственной вины его, претендента на ученую карьеру при казанскомъ университетѣ— намъ неизвѣстно, но испытанныя имъ злоключенія расхолодили, повидимому, первоначальныя намѣренія солнцевскаго ученика и заставили его отстать отъ науки; въ 1832 году мы встрѣчаемъ съ его стороны попытку получить въ казанскомъ университетѣ званіе адъюнкта правовѣдѣнія, но онъ слѣдомъ же затѣмъ отказался отъ нея, въ виду поставленнаго ему условія подвергнуться испытанію на степень магистра [17].

Ѳеодоръ Мартыновичъ Отсолигъ, студентъ (съ 1-го іюня 1816 года) врачебнаго отдѣленія казанскаго университета, вслѣдствіе болѣзни, а затѣмъ и смерти профессора Брауна, въ 1818—1819 годахъ преподавалъ, подъ руководствомъ декана факультета Вердерамо, анатомію, физіологію и судебную медицину. Съ іюня 1818 года по декабрь 1819 года, будучи студентомъ, отправлялъ обязанности „помощника врача“ при университетской клиникѣ, а съ 28-го февраля 1819 года по 1-ое мая 1820 года исправлялъ должность прозектора при кафедрѣ анатоміи. 28-го мая 1820 года удостоенъ званія лекаря втораго отдѣленія. Впослѣдствіе генералъ-штабъ-докторъ, тайный совѣтникъ и директоръ медицинскаго департамента, Ѳ. М. Отсолигъ 28-го марта 1861 года избранъ былъ казанскимъ университетомъ почетнымъ членомъ за содѣйствіе, оказанное имъ дѣлу учрежденія госпитальной клиники [18].

Мы могли убѣдиться уже изъ предшествовавшаго изложенія въ томъ, что казанскому университету, въ его попеченіяхъ о замѣщеніи кафедръ, не были чужды и мѣропріятія, направленныя къ приготовленію для занятія со временемъ преподавательскихъ вакансій молодыхъ людей изъ окончившихъ курсъ собственныхъ воспитанниковъ своихъ. Къ ученой карьерѣ готовились, какъ мы видѣли, Алехинъ, Манасеинъ и Сычуговъ, изъ которыхъ относительно первыхъ двухъ въ казанскомъ университетѣ впервые возбуждалось даже, неувѣнчавшееся успѣхомъ, ходатайство о посылкѣ ихъ для научнаго усовершенствованія въ чужіе края. Всѣ эти три аспиранта на кафедры лишь про-

За неутвержденіемъ Сычугова въ степени кандидата, закрывшимъ ему въ болѣе или менѣе близкомъ и опредѣленномъ будущемъ пути къ достиженію степени магистра, а слѣдовательно и къ пріобрѣтенію штатной преподавательской должности при отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, ему была предоставлена при университетѣ должность сверхштатнаго преподавателя латинскаго языка. Какъ долго несъ Сычуговъ эту должность и какова была дальнѣйшая судьба этого неудачнаго, помимо собственной вины его, претендента на ученую карьеру при казанскомъ университетѣ— намъ неизвѣстно, но испытанныя имъ злоключенія расхолодили, повидимому, первоначальныя намѣренія солнцевскаго ученика и заставили его отстать отъ науки; въ 1832 году мы встрѣчаемъ съ его стороны попытку получить въ казанскомъ университетѣ званіе адъюнкта правовѣдѣнія, но онъ слѣдомъ же затѣмъ отказался отъ нея, въ виду поставленнаго ему условія подвергнуться испытанію на степень магистра [17].

Θеодоръ Мартыновичъ Отсолигъ, студентъ (съ 1-го іюня 1816 года) врачебнаго отдѣленія казанскаго университета, вслѣдствіе болѣзни, а затѣмъ и смерти профессора Брауна, въ 1818—1819 годахъ преподавалъ, подъ руководствомъ декана факультета Вердерамо, анатомію, физіологію и судебную медицину. Съ іюня 1818 года по декабрь 1819 года, будучи студентомъ, отправлялъ обязанности „помощника врача" при университетской клиникѣ, а съ 28-го февраля 1819 года по 1-ое мая 1820 года исправлялъ должность прозектора при кафедрѣ анатоміи. 28-го мая 1820 года удостоенъ званія лекаря втораго отдѣленія. Впослѣдствіе генералъ-штабъ-докторъ, тайный совѣтникъ и директоръ медицинскаго департамента, Θ. М. Отсолигъ 28-го марта 1861 года избранъ былъ казанскимъ университетомъ почетнымъ членомъ за содѣйствіе, оказанное имъ дѣлу учрежденія госпитальной клиники [18].

Мы могли убѣдиться уже изъ предшествовавшаго изложенія въ томъ, что казанскому университету, въ его попеченіяхъ о замѣщеніи кафедръ, не были чужды и мѣропріятія, направленныя къ приготовленію для занятія со временемъ преподавательскихъ вакансій молодыхъ людей изъ окончившихъ курсъ собственныхъ воспитанниковъ своихъ. Къ ученой карьерѣ готовились, какъ мы видѣли, Алехинъ, Манасеинъ и Сычуговъ, изъ которыхъ относительно первыхъ двухъ въ казанскомъ университетѣ впервые возбуждалось даже, неувѣнчавшееся успѣхомъ, ходатайство о посылкѣ ихъ для научнаго усовершенствованія въ чужіе края. Всѣ эти три аспиранта на кафедры лишь про-

мелькнули въ ученой жизни университета 1814—1819 годовъ, не оставивъ по себѣ ощутительныхъ слѣдовъ.

Краткій перечень молодыхъ воспитанниковъ казанскаго университета, подготовлявшихся къ ученой карьерѣ въ занимающее насъ пятилѣтіе, долженъ быть пополненъ еще двумя лицами—магистромъ Д. П. Самсоновымъ и лекаремъ А. Е. Лентовскимъ. Первый изъ нихъ, послѣ весьма непродолжительнаго (въ теченіи одного только учебнаго года) преподаванія, совершенно исчезаетъ съ горизонта ученой жизни университета; второй оправдалъ возлагавшіяся на него ожиданія и былъ впослѣдствіе, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, профессоромъ медицинскаго факультета. Хотя начало преподавательской дѣятельности Самсонова и Лентовскаго и выходитъ за предѣлы интересующей насъ эпохи, но подготовленіе ихъ къ ней всецѣло принадлежитъ этой послѣдней, что и побуждаетъ насъ удѣлить обоимъ лицамъ мѣсто въ настоящей части нашего повѣствованія.

Доремидонтъ Петровичъ Самсоновъ, происходившій изъ бѣдной дворянской семьи, родился въ 1793 году и 17-го августа 1807 года переведенъ изъ казанской гимназіи въ казанскій университетъ, принятый въ послѣдній „по сиротству и крайнему убожеству" на казенное содержаніе. Самсоновъ, бывшій, подобно Булыгину и Юнакову, изъ числа любимцевъ директора Яковкина,—что, конечно, обезпечивало за нимъ мало симпатіи со стороны большей части другихъ членовъ университета, — сначала пошелъ было очень быстро по „ученой" карьерѣ и уже 3-го августа 1811 года былъ возведенъ за успѣхи, въ одинъ день съ Булыгинымъ и Юнаковымъ, въ степень магистра словесности, а въ слѣдующемъ 1812 году (5-го ноября) получилъ въ гимназіи должность учителя средняго латинскаго класса. Самсоновъ еще въ бытность свою студентомъ занимался спеціально греческимъ языкомъ подъ руководствомъ проф. Сторля, но эти спеціальныя занятія едва ли не были для него подневольными, обусловленными настояніемъ его покровителя Яковкина, такъ такъ послѣдующія событія доказали, что познанія его въ этой области классической филологіи никогда не были глубокими, да и самъ Самсоновъ сознавался впослѣдствіе, что онъ постоянно питалъ къ ней чувство отвращенія.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ лѣта 1813 года магистръ Самсоновъ, въ то время уже учитель гимназіи, обратился непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ объ откомандированіи его на три года въ московскій университетъ, „для усовершенствованія въ наукахъ, къ его части относящихся". Ходатайство это было уважено и, предложеніемъ отъ 17-го сентября, попечитель округа увѣдомилъ совѣтъ

мелькнули въ ученой жизни университета 1814—1819 годовъ, не оставивъ по себѣ ощутительныхъ слѣдовъ.

Краткій перечень молодыхъ воспитанниковъ казанскаго университета, подготовлявшихся къ ученой карьерѣ въ занимающее насъ пятилѣтіе, долженъ быть пополненъ еще двумя лицами—магистромъ Д. П. Самсоновымъ и лекаремъ А. Е. Лентовскимъ. Первый изъ нихъ, послѣ весьма непродолжительнаго (въ теченіи одного только учебнаго года) преподаванія, совершенно исчезаетъ съ горизонта ученой жизни университета; второй оправдалъ возлагавшіяся на него ожиданія и былъ впослѣдствіе, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, профессоромъ медицинскаго факультета. Хотя начало преподавательской дѣятельности Самсонова и Лентовскаго и выходитъ за предѣлы интересующей насъ эпохи, но подготовленіе ихъ къ ней всецѣло принадлежитъ этой послѣдней, что и побуждаетъ насъ удѣлить обоимъ лицамъ мѣсто въ настоящей части нашего повѣствованія.

Доремидонтъ Петровичъ Самсоновъ, происходившій изъ бѣдной дворянской семьи, родился въ 1793 году и 17-го августа 1807 года переведенъ изъ казанской гимназіи въ казанскій университетъ, принятый въ послѣдній „по сиротству и крайнему убожеству" на казенное содержаніе. Самсоновъ, бывшій, подобно Булыгину и Юнакову, изъ числа любимцевъ директора Яковкина,—что, конечно, обезпечивало за нимъ мало симпатіи со стороны большей части другихъ членовъ университета, — сначала пошелъ было очень быстро по „ученой" карьерѣ и уже 3-го августа 1811 года былъ возведенъ за успѣхи, въ одинъ день съ Булыгинымъ и Юнаковымъ, въ степень магистра словесности, а въ слѣдующемъ 1812 году (5-го ноября) получилъ въ гимназіи должность учителя средняго латинскаго класса. Самсоновъ еще въ бытность свою студентомъ занимался спеціально греческимъ языкомъ подъ руководствомъ проф. Сторля, но эти спеціальныя занятія едва ли не были для него подневольными, обусловленными настояніемъ его покровителя Яковкина, такъ какъ послѣдующія событія доказали, что познанія его въ этой области классической филологіи никогда не были глубокими, да и самъ Самсоновъ сознавался впослѣдствіе, что онъ постоянно питалъ къ ней чувство отвращенія.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ лѣта 1813 года магистръ Самсоновъ, въ то время уже учитель гимназіи, обратился непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ объ откомандированіи его на три года въ московскій университетъ, „для усовершенствованія въ наукахъ, къ его части относящихся". Ходатайство это было уважено и, предложеніемъ отъ 17-го сентября, попечитель округа увѣдомилъ совѣтъ

университета, что министръ разрѣшилъ „отпустить магистра Самсонова на три года въ московскій университетъ для усовершенствованія себя въ древней и, особенно, греческой словесности, съ оставленіемъ при немъ магистерскаго жалованья, съ тѣмъ, чтобъ послѣ возвратиться на службу въ казанскій университетъ". Отправляя Самсонова въ Москву, совѣтъ казанскаго университета обратился къ совѣту университета московскаго съ отношеніемъ, въ которомъ заявлялъ, что, „отправляя сего своего питомца, отличившагося прилежаніемъ и успѣхами, препоручаетъ его покровительству и благорасположенію г.г. начальствующихъ и управляющихъ въ московскомъ университетѣ, въ полномъ увѣреніи, что трехгодичное пребываніе г. Самсонова въ обширномъ ученомъ кругу древнія россійскія столицы не только послужитъ къ собственной его пользѣ и распространенію его знаній, но и удовлетворитъ ожиданіямъ здѣшняго университета, каковыя онъ, по всей справедливости, предположить можетъ въ разсужденіи сего своего воспитанника".

Занятія казанскаго магистра „въ обширномъ ученомъ кругу древнія россійскія столицы" шли далеко не успѣшно, что усматривается изъ краткихъ и въ самой общей формѣ составленныхъ отчетовъ Самсонова, присылавшихся имъ казанскому университету весьма рѣдко, да и то лишь послѣ усиленныхъ ему о томъ напоминаній. Недовольство выражалъ Самсоновъ и чтеніями московскихъ профессоровъ (Тимковскаго и Каченовскаго), и плохимъ состояніемъ учебныхъ пособій (онъ долго не могъ, будто бы, раздобыть себѣ въ Москвѣ даже словаря греческаго языка), и дороговизною московской жизни, а въ одномъ изъ своихъ отчетовъ прямо высказываетъ „къ стыду своему" сомнѣніе—будетъ ли онъ „въ состояніи, по своемъ возвращеніи, читать лекціи сего языка (т. е. греческаго)".

Совѣтъ казанскаго университета, отчасти недовольный Самсоновымъ уже за его непосредственное ходатайство передъ министромъ относительно командировки въ Москву *, сталъ крайне скептически относиться

* Объ этомъ недовольствѣ противъ него совѣта университета говоритъ самъ Самсоновъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ: «Сей поступокъ,—пишетъ онъ,—какъ мнѣ хорошо извѣстно, навлекъ на меня негодованіе всѣхъ почти профессоровъ. Всѣ говорили: развѣ нѣтъ у насъ своихъ знатоковъ греческаго языка?,—хотя никто не заступилъ мѣсто покойнаго Сторля. Послѣ его смерти я совершенно безъ всякаго призрѣнія, — если можно такъ выразиться, — остался: никто не принималъ ни малѣйшаго участія въ моихъ занятіяхъ... Знаю, что молодые люди должны сами искать въ старшихъ: я и старался бы пріобрѣсти ихъ благосклонность, если бъ не опасался получить въ отвѣтъ презрительной улыбки.... Кто бы согласился, хотя бы два-три часа въ недѣлю терять для моей пользы? Если бы нашелся столь великодушный—тогда бы я не имѣлъ права ѣхать изъ Казани. Впрочемъ—пусть всякій судитъ о моемъ поступкѣ, какъ ему угодно».

университета, что министръ разрѣшилъ „отпустить магистра Самсонова на три года въ московскій университетъ для усовершенствованія себя въ древней и, особенно, греческой словесности, съ оставленіемъ при немъ магистерскаго жалованья, съ тѣмъ, чтобъ послѣ возвратиться на службу въ казанскій университетъ". Отправляя Самсонова въ Москву, совѣтъ казанскаго университета обратился къ совѣту университета московскаго съ отношеніемъ, въ которомъ заявлялъ, что, „отправляя сего своего питомца, отличившагося прилежаніемъ и успѣхами, препоручаетъ его покровительству и благорасположенію г.г. начальствующихъ и управляющихъ въ московскомъ университетѣ, въ полномъ увѣреніи, что трехгодичное пребываніе г. Самсонова въ обширномъ ученомъ кругу древнія россійскія столицы не только послужитъ къ собственной его пользѣ и распространенію его знаній, но и удовлетворитъ ожиданіямъ здѣшняго университета, каковыя онъ, по всей справедливости, предположить можетъ въ разсужденіи сего своего воспитанника".

Занятія казанскаго магистра „въ обширномъ ученомъ кругу древнія россійскія столицы" шли далеко не успѣшно, что усматривается изъ краткихъ и въ самой общей формѣ составленныхъ отчетовъ Самсонова, присылавшихся имъ казанскому университету весьма рѣдко, да и то лишь послѣ усиленныхъ ему о томъ напоминаній. Недовольство выражалъ Самсоновъ и чтеніями московскихъ профессоровъ (Тимковскаго и Каченовскаго), и плохимъ состояніемъ учебныхъ пособій (онъ долго не могъ, будто бы, раздобыть себѣ въ Москвѣ даже словаря греческаго языка), и дороговизною московской жизни, а въ одномъ изъ своихъ отчетовъ прямо высказываетъ „къ стыду своему" сомнѣніе—будетъ ли онъ „въ состояніи, по своемъ возвращеніи, читать лекціи сего языка (т. е. греческаго)".

Совѣтъ казанскаго университета, отчасти недовольный Самсоновымъ уже за его непосредственное ходатайство передъ министромъ относительно командировки въ Москву *, сталъ крайне скептически относиться

* Объ этомъ недовольствѣ противъ него совѣта университета говоритъ самъ Самсоновъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ: «Сей поступокъ,—пишетъ онъ,—какъ мнѣ хорошо извѣстно, навлекъ на меня негодованіе всѣхъ почти профессоровъ. Всѣ говорили: развѣ нѣтъ у насъ своихъ знатоковъ греческаго языка?,—хотя никто не заступилъ мѣсто покойнаго Сторля. Послѣ его смерти я совершенно безъ всякаго призрѣнія, — если можно такъ выразиться, — остался: никто не принималъ ни малѣйшаго участія въ моихъ занятіяхъ... Знаю, что молодые люди должны сами искать въ старшихъ: я и старался бы пріобрѣсти ихъ благосклонность, если бъ не опасался получить въ отвѣтъ презрительной улыбки.... Кто бы согласился, хотя бы два-три часа въ недѣлю терять для моей пользы? Если бы нашелся столь великодушный—тогда бы я не имѣлъ права ѣхать изъ Казани. Впрочемъ—пусть всякій судитъ о моемъ поступкѣ, какъ ему угодно».

къ плодотворности московскихъ занятій своего питомца и 12-го мая 1815 года рѣшился представить министру, что онъ „не предвидитъ пользы“ отъ дальнѣйшаго пребыванія Самсонова при московскомъ университетѣ, тѣмъ болѣе, что, при добромъ желаніи, онъ можетъ найти и въ Казани всѣ средства для усовершенствованія себя въ греческомъ языкѣ, при содѣйствіи проф. Эриха и при богатствѣ по этой части мѣстной университетской библіотеки. Распоряженіемъ министра, согласившагося съ этимъ доводомъ, Самсоновъ былъ отозванъ изъ Москвы обратно въ Казань, куда и прибылъ 30-го сентября. По возвращеніи его въ Казань, Самсонову было произведено черезъ профессоровъ Эриха и Френа контрольное испытаніе въ греческомъ языкѣ, которое и дало результаты далеко не блестящіе, лишь подтвердившіе скептическое отношеніе совѣта къ московскимъ занятіямъ его магистра. Въ виду такого результата испытанія и собственнаго сознанія Самсонова въ его отвращеніи къ греческой филологіи, совѣтъ потребовалъ отъ Самсонова категорическаго отвѣта: „по какой части словесности желаетъ онъ посвятить себя, почитая себя преимущественно къ оной способнымъ?“ Самсоновъ отвѣчалъ, что „желаетъ заниматься преимущественно словесностью россійскою“, въ виду чего руководство его дальнѣйшими занятіями и было возложено на профессоровъ Городчанинова и Перевощикова, самому же Самсонову опредѣлено „сдѣлать выговоръ за то, что не занимался греческимъ языкомъ, для котораго отправленъ былъ въ Москву“. Велико было сознаніе совѣтомъ казанскаго университета необходимости въ людяхъ, если вся эта исторія съ „усовершенствованіемъ“ Самсонова не преисполнила чашу долготерпѣнія его и не побудила совѣтъ разстаться съ надеждами на своего неудачнаго магистра!

Не проявивъ себя, стоящимъ на высотѣ научнаго положенія, эллинистомъ, Самсоновъ уже очень скоро выказалъ себя утонченнымъ кляузникомъ, какъ доказываетъ это инцидентъ, разыгравшійся въ концѣ 1816 года. Въ началѣ зимы этого года Самсоновъ подалъ на имя совѣта прошеніе о возведеніи его въ званіе адъюнкта русской словесности. Ректоръ Браунъ отказалъ ему въ принятіи этого прошенія, сославшись на то, что по каѳедрѣ русской словесности университетъ уже имѣетъ двухъ профессоровъ—Городчанинова и Перевощикова. Тогда обиженный отказомъ Самсоновъ обратился къ недавно назначенному министру народнаго просвѣщенія князю Голицыну съ слѣдующею жалобою отъ 23-го ноября:

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!—Жалобы на начальниковъ почти всегда подозрительны; но есть случаи, когда подчиненный бываетъ вынужденъ искать защиту у высшаго начальства. Нахо-

къ плодотворности московскихъ занятій своего питомца и 12-го мая 1815 года рѣшился представить министру, что онъ „не предвидитъ пользы“ отъ дальнѣйшаго пребыванія Самсонова при московскомъ университетѣ, тѣмъ болѣе, что, при добромъ желаніи, онъ можетъ найти и въ Казани всѣ средства для усовершенствованія себя въ греческомъ языкѣ, при содѣйствіи проф. Эриха и при богатствѣ по этой части мѣстной университетской библіотеки. Распоряженіемъ министра, согласившагося съ этимъ доводомъ, Самсоновъ былъ отозванъ изъ Москвы обратно въ Казань, куда и прибылъ 30-го сентября. По возвращеніи его въ Казань, Самсонову было произведено черезъ профессоровъ Эриха и Френа контрольное испытаніе въ греческомъ языкѣ, которое и дало результаты далеко не блестящіе, лишь подтвердившіе скептическое отношеніе совѣта къ московскимъ занятіямъ его магистра. Въ виду такого результата испытанія и собственнаго сознанія Самсонова въ его отвращеніи къ греческой филологіи, совѣтъ потребовалъ отъ Самсонова категорическаго отвѣта: „по какой части словесности желаетъ онъ посвятить себя, почитая себя преимущественно къ оной способнымъ?“ Самсоновъ отвѣчалъ, что „желаетъ заниматься преимущественно словесностью россійскою“, въ виду чего руководство его дальнѣйшими занятіями и было возложено на профессоровъ Городчанинова и Перевощикова, самому же Самсонову опредѣлено „сдѣлать выговоръ за то, что не занимался греческимъ языкомъ, для котораго отправленъ былъ въ Москву“. Велико было сознаніе совѣтомъ казанскаго университета необходимости въ людяхъ, если вся эта исторія съ „усовершенствованіемъ“ Самсонова не преисполнила чашу долготерпѣнія его и не побудила совѣтъ разстаться съ надеждами на своего неудачнаго магистра!

Не проявивъ себя, стоящимъ на высотѣ научнаго положенія, эллинистомъ, Самсоновъ уже очень скоро выказалъ себя утонченнымъ кляузникомъ, какъ доказываетъ это инцидентъ, разыгравшійся въ концѣ 1816 года. Въ началѣ зимы этого года Самсоновъ подалъ на имя совѣта прошеніе о возведеніи его въ званіе адъюнкта русской словесности. Ректоръ Браунъ отказалъ ему въ принятіи этого прошенія, сославшись на то, что по каѳедрѣ русской словесности университетъ уже имѣетъ двухъ профессоровъ—Городчанинова и Перевощикова. Тогда обиженный отказомъ Самсоновъ обратился къ недавно назначенному министру народнаго просвѣщенія князю Голицыну съ слѣдующею жалобою отъ 23-го ноября:

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!—Жалобы на начальниковъ почти всегда подозрительны; но есть случаи, когда подчиненный бываетъ вынужденъ искать защиту у высшаго начальства. Нахо-

дясь слишкомъ пять лѣтъ магистромъ при казанскомъ уиверситетѣ, я осмѣлился просить совѣтъ удостоить меня званія адъюнкта, если представленное мною сочиненіе * будетъ одобрено. Господинъ ректоръ, увидавъ просьбу мою, запретилъ ее вписывать въ протоколъ, и когда я его спросилъ о причинѣ таковаго поступка, то онъ отвѣчалъ, что право производить въ адъюнкты принадлежитъ ему. Не почитаю нужнымъ доказывать вамъ, сіятельнѣйшій князь, сколь сіе противно правамъ; въ истинѣ же полученнаго мною оскорбительнаго отказа поставляю свидѣтелемъ весь университетъ. Сіятельнѣйшій князь! Будучи лишенъ всякаго законнаго покровительства, къ кому иному прибѣгну, какъ не къ вамъ, любителю просвѣщенія и блюстителю правосудія?"…..

Министръ препроводилъ жалобу Самсонова въ совѣтъ университета, потребовавъ по содержанію ея „надлежащее объясненіе". Ректоръ, давъ членамъ совѣта свои разъясненія по поводу этого инцидента, предложилъ имъ письменно высказаться по двумъ вопросамъ: а) заявлялъ ли онъ когда нибудь въ совѣтѣ, на общее свидѣтельство котораго ссылается Самсоновъ, что ему лично принадлежитъ право производства въ адъюнкта? и б) было ли въ отказѣ ректора что нибудь для Самсонова оскорбительное? Всѣ члены совѣта приняли въ этомъ конфликтѣ сторону Брауна и даже самъ Яковкинъ не одобрилъ поступка Самсонова, заявивъ, что ему „слѣдовало бы подать просьбу свою въ совѣтъ, а не прямо къ г. министру", и что „исканіе высшаго академическаго достоинства зависѣть должно отъ признательности и удостоенія начальства, а не отъ самохотѣнія". Представилъ въ совѣтъ свое объясненіе и виновникъ всей этой исторіи, значительно понизивъ уже теперь тонъ и поясняя, что слово „оскорбительный"—неудачно употреблено имъ вмѣсто словъ „горестный или прискорбный"; что касается словъ ректора объ его правѣ на возведеніе въ адъюнкты, то эти слова были сказаны ему Брауномъ „наединѣ", хотя въ дѣйствительности этого факта онъ готовъ идти подъ присягу. Вся эта кляуза пошла на разсмотрѣніе князя Голицына, который и призналъ объясненія, данныя ректоромъ, вполнѣ основательными.

Не ознаменовались сколько нибудь замѣтными успѣхами и занятія Самсонова русскою словесностью, въ области которыхъ все дѣло ограничилось, повидимому, лишь представленіемъ имъ весьма зауряднаго „Краткаго разсужденія о русскомъ стихосложеніи". Вопроса о Самсоновѣ касался

* Рѣчь идетъ здѣсь о составленномъ Самсоновымъ «Краткомъ разсужденіи о русскомъ стихосложеніи», упоминаемомъ Броннеромъ въ его письмѣ къ Салтыкову отъ 24-го декабря того же года.

дясь слишкомъ пять лѣтъ магистромъ при казанскомъ увиверситетѣ, я осмѣлился просить совѣтъ удостоить меня званія адъюнкта, если представленное мною сочиненіе * будетъ одобрено. Господинъ ректоръ, увидавъ просьбу мою, запретилъ ее вписывать въ протоколъ, и когда я его спросилъ о причинѣ таковаго поступка, то онъ отвѣчалъ, что право производить въ адъюнкты принадлежитъ ему. Не почитаю нужнымъ доказывать вамъ, сіятельнѣйшій князь, сколь сіе противно правамъ; въ истинѣ же полученнаго мною оскорбительнаго отказа поставляю свидѣтелемъ весь университетъ. Сіятельнѣйшій князь! Будучи лишенъ всякаго законнаго покровительства, къ кому иному прибѣгну, какъ не къ вамъ, любителю просвѣщенія и блюстителю правосудія?"....

Министръ препроводилъ жалобу Самсонова въ совѣтъ университета, потребовавъ по содержанію ея „надлежащее объясненіе". Ректоръ, давъ членамъ совѣта свои разъясненія по поводу этого инцидента, предложилъ имъ письменно высказаться по двумъ вопросамъ: а) заявлялъ ли онъ когда нибудь въ совѣтѣ, на общее свидѣтельство котораго ссылается Самсоновъ, что ему лично принадлежитъ право производства въ адъюнкта? и б) было ли въ отказѣ ректора что нибудь для Самсонова оскорбительное? Всѣ члены совѣта приняли въ этомъ конфликтѣ сторону Брауна и даже самъ Яковкинъ не одобрилъ поступка Самсонова, заявивъ, что ему „слѣдовало бы подать просьбу свою въ совѣтъ, а не прямо къ г. министру", и что „исканіе высшаго академическаго достоинства зависѣть должно отъ признательности и удостоенія начальства, а не отъ самохотѣнія". Представилъ въ совѣтъ свое объясненіе и виновникъ всей этой исторіи, значительно понизивъ уже теперь тонъ и поясняя, что слово „оскорбительный"—неудачно употреблено имъ вмѣсто словъ „горестный или прискорбный"; что касается словъ ректора объ его правѣ на возведеніе въ адъюнкты, то эти слова были сказаны ему Брауномъ „наединѣ", хотя въ дѣйствительности этого факта онъ готовъ идти подъ присягу. Вся эта кляуза пошла на разсмотрѣніе князя Голицина, который и призналъ объясненія, данныя ректоромъ, вполнѣ основательными.

Не ознаменовались сколько нибудь замѣтными успѣхами и занятія Самсонова русскою словесностью, въ области которыхъ все дѣло ограничилось, повидимому, лишь представленіемъ имъ весьма зауряднаго „Краткаго разсужденія о русскомъ стихосложеніи". Вопроса о Самсоновѣ касался

* Рѣчь идетъ здѣсь о составленномъ Самсоновымъ «Краткомъ разсужденіи о русскомъ стихосложеніи», упоминаемомъ Броннеромъ въ его письмѣ къ Салтыкову отъ 24-го декабря того же года.

и Броннеръ въ уже извѣстной намъ перепискѣ своей съ попечителемъ Салтыковымъ: „По моему убѣжденію,—заявлялъ Броннеръ въ письмѣ отъ 24-го декабря 1816 года, — домогательство Самсонова явилось преждевременнымъ и онъ недостоенъ избранія въ адъюнкты, хотя и числится магистромъ уже въ продолженіи пяти лѣтъ, такъ какъ онъ даромъ потерялъ эти годы, злоупотребилъ благосклонностью университета, обманулъ возлагавшіяся на него надежды и, вмѣсто того, что бы постараться загладить свои ошибки, предался высокомѣрію, которымъ разсчитывалъ восполнить отсутствіе заслугъ"....

Самсоновъ самъ понялъ, наконецъ, что университетская карьера его— испорчена безвозвратно, и подалъ заявленіе о желаніи снова занять должность учителя казанской гимназіи, которая и была предоставлена ему 19-го января 1817 года. Въ 1819—1820 учебномъ году ему было поручено, тѣмъ не менѣе, изъясненіе студентамъ практическихъ правилъ греческаго языка, чѣмъ вся университетская преподавательская дѣятельность его и ограничилась. Съ ноября 1817 по іюнь 1818 года Самсоновъ находился въ должности помощника инспектора студентовъ, но и на этомъ мѣстѣ не могъ удержаться, вызвавъ нареканія въ нерадѣніи своими обязанностями; въ 1817—1819 годахъ онъ привлекался къ участію въ редактированіи „Казанскихъ Извѣстій". Въ маѣ 1818 года отдѣленіе словесныхъ наукъ уже само представляло Самсонова къ удостоенію званія адъюнкта россійской словесности, но дѣло это въ совѣтѣ дальнѣйшаго движенія не получило.

Неудачи Самсонова, такъ жестоко обманувшаго возлагавшіяся на него университетомъ ожиданія, находятъ себѣ весьма вѣроятное объясненіе въ извѣстной страсти, слишкомъ близко знакомой русскимъ людямъ. Эта страсть и была причиною совершеннаго увольненія его 3-го ноября 1820 года изъ учебнаго вѣдомства попечителемъ Магницкимъ, бывшимъ фанатичнымъ поборникомъ абсолютной трезвости. Слѣдомъ за увольненіемъ Самсонова послѣдовало (23-го ноября) грозное объявленіе попечителя, которымъ всѣмъ служащимъ университета, не исключая и профессоровъ, возвѣщалось, съ отобраніемъ подписокъ, что всякій, замѣченный въ пьянствѣ—будетъ „взятъ подъ стражу" и уволенъ съ испорченнымъ аттестатомъ о службѣ. Такъ окончилось неудачное подготовленіе къ карьерѣ этого молодаго магистра, указанія на черты дальнѣйшей жизни и дѣятельности котораго намъ уже не попадались [19].

Александръ Егоровичъ Лентовскій, родившійся въ 1798 году (при отставкѣ въ 1853 году ему показано 55 лѣтъ), 7-го августа 1811 года переведенъ былъ изъ казанской гимназіи въ казанскій университетъ, на ка-

и Броннеръ въ уже извѣстной намъ перепискѣ своей съ попечителемъ Салтыковымъ: „По моему убѣжденію,—заявлялъ Броннеръ въ письмѣ отъ 24-го декабря 1816 года, — домогательство Самсонова явилось преждевременнымъ и онъ недостоенъ избранія въ адъюнкты, хотя и числится магистромъ уже въ продолженіи пяти лѣтъ, такъ какъ онъ даромъ потерялъ эти годы, злоупотребилъ благосклонностью университета, обманулъ возлагавшіяся на него надежды и, вмѣсто того, что бы постараться загладить свои ошибки, предался высокомѣрію, которымъ разсчитывалъ восполнить отсутствіе заслугъ"…..

Самсоновъ самъ понялъ, наконецъ, что университетская карьера его—испорчена безвозвратно, и подалъ заявленіе о желаніи снова занять должность учителя казанской гимназіи, которая и была предоставлена ему 19-го января 1817 года. Въ 1819—1820 учебномъ году ему было поручено, тѣмъ не менѣе, изъясненіе студентамъ практическихъ правилъ греческаго языка, чѣмъ вся университетская преподавательская дѣятельность его и ограничилась. Съ ноября 1817 по іюнь 1818 года Самсоновъ находился въ должности помощника инспектора студентовъ, но и на этомъ мѣстѣ не могъ удержаться, вызвавъ нареканія въ нерадѣніи своими обязанностями; въ 1817—1819 годахъ онъ привлекался къ участію въ редактированіи „Казанскихъ Извѣстій". Въ маѣ 1818 года отдѣленіе словесныхъ наукъ уже само представляло Самсонова къ удостоенію званія адъюнкта россійской словесности, но дѣло это въ совѣтѣ дальнѣйшаго движенія не получило.

Неудачи Самсонова, такъ жестоко обманувшаго возлагавшіяся на него университетомъ ожиданія, находятъ себѣ весьма вѣроятное объясненіе въ извѣстной страсти, слишкомъ близко знакомой русскимъ людямъ. Эта страсть и была причиною совершеннаго увольненія его 3-го ноября 1820 года изъ учебнаго вѣдомства попечителемъ Магницкимъ, бывшимъ фанатичнымъ поборникомъ абсолютной трезвости. Слѣдомъ за увольненіемъ Самсонова послѣдовало (23-го ноября) грозное объявленіе попечителя, которымъ всѣмъ служащимъ университета, не исключая и профессоровъ, возвѣщалось, съ отобраніемъ подписокъ, что всякій, замѣченный въ пьянствѣ—будетъ „взятъ подъ стражу" и уволенъ съ испорченнымъ аттестатомъ о службѣ. Такъ окончилось неудачное подготовленіе къ карьерѣ этого молодаго магистра, указанія на черты дальнѣйшей жизни и дѣятельности котораго намъ уже не попадались [19].

Александръ Егоровичъ Лентовскій, родившійся въ 1798 году (при отставкѣ въ 1853 году ему показано 55 лѣтъ), 7-го августа 1811 года переведенъ былъ изъ казанской гимназіи въ казанскій университетъ, на ка-

зенное содержаніе, отдавшись преимущественному изученію здѣсь врачебныхъ наукъ, хотя, за отсутствіемъ еще раздѣленія на факультеты, ему приходилось слушать лекціи по самымъ разнообразнымъ предметамъ, подробно исчисляемымъ его ранними послужными списками, а именно: россійскую, латинскую и греческую словесность, тригонометрію плоскую и сферическую, россійскую и всеобщую географію, всеобщую исторію, зоологію, ботанику, минералогію, конхіологію, философію, физику, химію, анатомію, физіологію, судебную медицину, медицинскую полицію, органологію, хирургію, патологію, терапію и клинику, матерію-медику, повивальное искусство и рецептуру.

Бѣденъ былъ личный составъ преподавателей медицины въ годъ поступленія Лентовскаго въ университетъ: онъ заключался лишь въ двухъ профессорахъ—Браунѣ, профессорѣ анатоміи, физіологіи и судебной медицины, и Эрдманѣ, профессорѣ патологіи, терапіи и клиники; уже въ бытность Лентовскаго студентомъ этотъ составъ пополнился Ренардомъ, адъюнктомъ фармаціи и врачебнаго веществословія (съ августа 1811 г.), и Арнгольдтомъ, профессоромъ хирургіи и повивальнаго искусства (съ февраля 1812 г.). Таковъ былъ составъ членовъ врачебнаго отдѣленія, изъ рукъ котораго получилъ Лентовскій 3-го ноября 1815 года существовавшую въ то время степень кандидата медицины. Едва ли могли быть сколько нибудь значительными и глубокими свѣдѣнія, вынесенныя молодымъ врачомъ изъ университета, какъ это усматривается и изъ слѣдующаго прошенія, съ которымъ вошелъ онъ 30-го мая 1816 года въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ:

„По окончаніи курса наукъ въ казанской гимназіи на собственномъ родителя моего иждивеніи, по удостоеніи начальства, за мои успѣхи и поведеніе, 1811 года переведенъ въ казанскій университетъ; въ исходѣ сего же года отданъ родителемъ моимъ, титулярнымъ совѣтникомъ Егоромъ Лентовскимъ, по недостаточному его состоянію, на казенное содержаніе. Окончивши курсъ приготовительныхъ наукъ, по склонности и способностямъ моимъ избралъ я медицину, которой началъ обучаться еще съ 1812 года и до сего времени выслушалъ слѣдующія науки: изъ анатоміи—о костяхъ, мышцахъ, связкахъ, внутренностяхъ и, частью, о нервахъ; физіологію, судебную медицину, судебную полицію, органономію, патологію, терапію общую и частную, матерію-медику, объ искусствахъ повивальномъ и сочинять рецепты. По учиненному же экзамену, 3-го ноября прошлаго года удостоенъ степени кандидата наукъ медицинскихъ.

Но, по недостатку въ здѣшнемъ университетѣ, по его новости, средствъ и пособій, я еще весьма далекъ отъ предназначенной для

зенное содержаніе, отдавшись преимущественному изученію здѣсь врачебныхъ наукъ, хотя, за отсутствіемъ еще раздѣленія на факультеты, ему приходилось слушать лекціи по самымъ разнообразнымъ предметамъ, подробно исчисляемымъ его ранними послужными списками, а именно: россійскую, латинскую и греческую словесность, тригонометрію плоскую и сферическую, россійскую и всеобщую географію, всеобщую исторію, зоологію, ботанику, минералогію, конхіологію, философію, физику, химію, анатомію, физіологію, судебную медицину, медицинскую полицію, органологію, хирургію, патологію, терапію и клинику, матерію-медику, повивальное искусство и рецептуру.

Бѣденъ былъ личный составъ преподавателей медицины въ годъ поступленія Лентовскаго въ университетъ: онъ заключался лишь въ двухъ профессорахъ—Браунѣ, профессорѣ анатоміи, физіологіи и судебной медицины, и Эрдманѣ, профессорѣ патологіи, терапіи и клиники; уже въ бытность Лентовскаго студентомъ этотъ составъ пополнился Ренардомъ, адъюнктомъ фармаціи и врачебнаго веществословія (съ августа 1811 г.), и Арнгольдтомъ, профессоромъ хирургіи и повивальнаго искусства (съ февраля 1812 г.). Таковъ былъ составъ членовъ врачебнаго отдѣленія, изъ рукъ котораго получилъ Лентовскій 3-го ноября 1815 года существовавшую въ то время степень кандидата медицины. Едва ли могли быть сколько нибудь значительными и глубокими свѣдѣнія, вынесенныя молодымъ врачомъ изъ университета, какъ это усматривается и изъ слѣдующаго прошенія, съ которымъ вошелъ онъ 30-го мая 1816 года въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ:

„По окончаніи курса наукъ въ казанской гимназіи на собственномъ родителя моего иждивеніи, по удостоеніи начальства, за мои успѣхи и поведеніе, 1811 года переведенъ въ казанскій университетъ; въ исходѣ сего же года отданъ родителемъ моимъ, титулярнымъ совѣтникомъ Егоромъ Лентовскимъ, по недостаточному его состоянію, на казенное содержаніе. Окончивши курсъ приготовительныхъ наукъ, по склонности и способностямъ моимъ избралъ я медицину, которой началъ обучаться еще съ 1812 года и до сего времени выслушалъ слѣдующія науки: изъ анатоміи—о костяхъ, мышцахъ, связкахъ, внутренностяхъ и, частью, о нервахъ; физіологію, судебную медицину, судебную полицію, органономію, патологію, терапію общую и частную, матерію-медику, объ искусствахъ повивальномъ и сочинять рецепты. По учиненному же экзамену, 3-го ноября прошлаго года удостоенъ степени кандидата наукъ медицинскихъ.

Но, по недостатку въ здѣшнемъ университетѣ, по его новости, средствъ и пособій, я еще весьма далекъ отъ предназначенной для

врачей цѣли, дабы быть полезнымъ медицинскими познаніями государю и отечеству, ибо во всѣ четыре года обученія моего въ анатомическомъ театрѣ разсѣкаемо было не болѣе восьми труповъ: предразсудки народа сему причиною. Клиника внутреннихъ болѣзней опредѣлена только для четырехъ кроватей, для страждущихъ же наружными болѣзнями и беременныхъ женщинъ клиники совсѣмъ не находится. При такихъ существенныхъ недостаткахъ въ пособіяхъ не можно достигнуть въ познаніи медицины такой степени совершенства, какая требуется отъ искусснаго и пользу ближнимъ приносить могущаго врача.

Не предвидя того счастливаго для меня времени, въ которое могъ бы я за воспитаніе и образованіе мое принести посильныя мои услуги по врачебному искусству и будучи одушевляемъ надеждою на отеческое попеченіе постановленнаго надо мною начальства, пріемлю смѣлость утруждать отдѣленіе всепокорнѣйшею моею просьбою о переведеніи меня въ число казенныхъ студентовъ-кандидатовъ императорской санктпетербургской медико-хирургической академіи".

Совѣтъ университета согласился съ поступившимъ въ него представленіемъ о томъ же врачебнаго отдѣленія и 25-го мая постановилъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о командировкѣ Лентовскаго въ медико-хирургическую академію, съ увольненіемъ отъ учительской обязанности, возложенной на него послѣ окончанія имъ университетскаго курса. 19-го іюля послѣдовало согласіе министра на представленіе совѣта, но съ тѣмъ условіемъ, что бы на содержаніе Лентовскаго въ столицѣ потребовалось „не болѣе той суммы, каковая нынѣ на него издерживается". Заслушавъ министерское предложеніе, совѣтъ 4-го августа опредѣлилъ снабдить Лентовскаго, при отправленіи въ Петербургъ, особою инструкціею и „просить конференцію академіи о помѣщеніи его, Лентовскаго, по бѣдности, въ самой академіи", вмѣнивъ ему въ обязанность доставлять университету, черезъ каждые три мѣсяца, отчеты о своихъ занятіяхъ, что Лентовскимъ, не въ примѣръ Самсонова, аккуратно и выполнялось; въ самомъ началѣ слѣдующаго года министръ разрѣшилъ, въ виду дороговизны столичной жизни, производить Лентовскому дополнительное содержаніе въ размѣрѣ трехсотъ рублей въ годъ изъ суммы, опредѣляемой на командировки въ чужіе края. Лентовскій выѣхалъ изъ Казани въ Петербургъ въ ноябрѣ 1816 года.

Пребываніе Лентовскаго въ петербургской медико-хирургической академіи продолжалось до осени 1818 года. Возвратившись въ Казань, онъ былъ подвергнутъ здѣсь испытанію и 30-го октября удостоенъ званія лекаря втораго отдѣленія. Выступалъ на очередь вопросъ о пріобрѣтеніи Лен-

врачей цѣли, дабы быть полезнымъ медицинскими познаніями государю и отечеству, ибо во всѣ четыре года обученія моего въ анатомическомъ театрѣ разсѣкаемо было не болѣе восьми труповъ: предразсудки народа сему причиною. Клиника внутреннихъ болѣзней опредѣлена только для четырехъ кроватей, для страждущихъ же наружными болѣзнями и беременныхъ женщинъ клиники совсѣмъ не находится. При такихъ существенныхъ недостаткахъ въ пособіяхъ не можно достигнуть въ познаніи медицины такой степени совершенства, какая требуется отъ искусснаго и пользу ближнимъ приносить могущаго врача.

Не предвидя того счастливаго для меня времени, въ которое могъ бы я за воспитаніе и образованіе мое принести посильныя мои услуги по врачебному искусству и будучи одушевляемъ надеждою на отеческое попеченіе постановленнаго надо мною начальства, пріемлю смѣлость утруждать отдѣленіе всепокорнѣйшею моею просьбою о переведеніи меня въ число казенныхъ студентовъ-кандидатовъ императорской санктпетербургской медико-хирургической академіи".

Совѣтъ университета согласился съ поступившимъ въ него представленіемъ о томъ же врачебнаго отдѣленія и 25-го мая постановилъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о командировкѣ Лентовскаго въ медико-хирургическую академію, съ увольненіемъ отъ учительской обязанности, возложенной на него послѣ окончанія имъ университетскаго курса. 19-го іюля послѣдовало согласіе министра на представленіе совѣта, но съ тѣмъ условіемъ, что бы на содержаніе Лентовскаго въ столицѣ потребовалось „не болѣе той суммы, каковая нынѣ на него издерживается". Заслушавъ министерское предложеніе, совѣтъ 4-го августа опредѣлилъ снабдить Лентовскаго, при отправленіи въ Петербургъ, особою инструкціею и „просить конференцію академіи о помѣщеніи его, Лентовскаго, по бѣдности, въ самой академіи", вмѣнивъ ему въ обязанность доставлять университету, черезъ каждые три мѣсяца, отчеты о своихъ занятіяхъ, что Лентовскимъ, не въ примѣръ Самсонова, аккуратно и выполнялось; въ самомъ началѣ слѣдующаго года министръ разрѣшилъ, въ виду дороговизны столичной жизни, производить Лентовскому дополнительное содержаніе въ размѣрѣ трехсотъ рублей въ годъ изъ суммы, опредѣляемой на командировки въ чужіе края. Лентовскій выѣхалъ изъ Казани въ Петербургъ въ ноябрѣ 1816 года.

Пребываніе Лентовскаго въ петербургской медико-хирургической академіи продолжалось до осени 1818 года. Возвратившись въ Казань, онъ былъ подвергнутъ здѣсь испытанію и 30-го октября удостоенъ званія лекаря втораго отдѣленія. Выступалъ на очередь вопросъ о пріобрѣтеніи Лен-

товскимъ степени доктора медицины, необходимой для его дальнѣйшей ученой карьеры. Произвести ему испытаніе на эту степень при казанскомъ университетѣ—представлялось невозможнымъ, въ виду распоряженія министра отъ 19-го декабря 1816 года, которымъ временно пріостанавливались по всѣмъ университетамъ производства въ ученыя степени (за исключеніемъ званій медицинскихъ), впредь до изданія новаго положенія о нихъ *. И вотъ, въ засѣданіи совѣта 18-го декабря, заслушано было предписаніе министра, въ силу котораго лекарю Лентовскому дозволялось, буде пожелаетъ, пріѣхать въ Петербургъ для испытанія на степень доктора медицины при мѣстной медико-хирургической академіи—„токмо на собственный счетъ, а не на казенный, поелику на сіе особенныхъ суммъ не имѣется"; въ томъ же случаѣ, если Лентовскій оказался бы не въ силахъ на собственныя средства предпринять эту поѣздку—министръ выражалъ предупредительную готовность „сдѣлать отношеніе къ г. управляющему министерствомъ полиціи объ опредѣленіи его, Лентовскаго, на службу въ уѣздный городъ казанской губерніи". Средствъ на поѣздку въ Петербургъ у бѣднаго лекаря, конечно, не нашлось—и 1-го февраля 1819 года состоялось назначеніе Лентовскаго на должность уѣзднаго врача въ г. Лаишевъ, казанской губерніи. Жестокое рѣшеніе министерства князя Голицына, вызванное административными осложненіями, въ которыхъ тотъ нисколько не былъ повиненъ, едва не разрушило надеждъ Лентовскаго на ученую карьеру, которая такъ улыбалась ему, едва не положило конца и тѣмъ ожиданіямъ, которыя возлагало отдѣленіе врачебныхъ наукъ на подготовлявшагося имъ къ кафедрѣ молодаго врача. Это рѣшеніе министерства было причиною того, что А. Е. Лентовскій, до 1853 года занимая впослѣдствіе въ казанскомъ университетѣ кафедру акушерства, достигнувъ званій профессора экстраординарнаго, ординарнаго и заслуженнаго, такъ и окончилъ свою ученую службу въ званіи лекаря, не удостоившись высшей ученой степени (совѣтъ университета намѣревался, уже въ 1838 году, возвести его въ степень доктора honoris causa, но рѣшеніе совѣта было опротестовано министромъ).

Съ небольшимъ годъ спустя послѣ назначенія его лаишевскимъ уѣзднымъ врачомъ, въ маѣ 1820 года, Лентовскій подалъ въ совѣтъ университета прошеніе объ удостоеніи его званія адъюнкта. Политично написанное прошеніе, съ сентенціями во вкусѣ Магницкаго (пришлось въ данномъ случаѣ войти въ нѣкоторый компромиссъ съ внутреннимъ чувствомъ

* Это таже самая причина, благодаря которой, какъ мы это видѣли выше, не могъ быть утвержденъ въ степени кандидата правовѣдѣнія и Сычуговъ.

товскимъ степени доктора медицины, необходимой для его дальнѣйшей ученой карьеры. Произвести ему испытаніе на эту степень при казанскомъ университетѣ—представлялось невозможнымъ, въ виду распоряженія министра отъ 19-го декабря 1816 года, которымъ временно пріостанавливались по всѣмъ университетамъ производства въ ученыя степени (за исключеніемъ званій медицинскихъ), впредь до изданія новаго положенія о нихъ *. И вотъ, въ засѣданіи совѣта 18-го декабря, заслушано было предписаніе министра, въ силу котораго лекарю Лентовскому дозволялось, буде пожелаетъ, пріѣхать въ Петербургъ для испытанія на степень доктора медицины при мѣстной медико-хирургической академіи—„токмо на собственный счетъ, а не на казенный, поелику на сіе особенныхъ суммъ не имѣется"; въ томъ же случаѣ, если Лентовскій оказался бы не въ силахъ на собственныя средства предпринять эту поѣздку—министръ выражалъ предупредительную готовность „сдѣлать отношеніе къ г. управляющему министерствомъ полиціи объ опредѣленіи его, Лентовскаго, на службу въ уѣздный городъ казанской губерніи". Средствъ на поѣздку въ Петербургъ у бѣднаго лекаря, конечно, не нашлось—и 1-го февраля 1819 года состоялось назначеніе Лентовскаго на должность уѣзднаго врача въ г. Лаишевъ, казанской губерніи. Жестокое рѣшеніе министерства князя Голицына, вызванное административными осложненіями, въ которыхъ тотъ нисколько не былъ повиненъ, едва не разрушило надеждъ Лентовскаго на ученую карьеру, которая такъ улыбалась ему, едва не положило конца и тѣмъ ожиданіямъ, которыя возлагало отдѣленіе врачебныхъ наукъ на подготовлявшагося имъ къ кафедрѣ молодаго врача. Это рѣшеніе министерства было причиною того, что А. Е. Лентовскій, до 1853 года занимая впослѣдствіе въ казанскомъ университетѣ кафедру акушерства, достигнувъ званій профессора экстраординарнаго, ординарнаго и заслуженнаго, такъ и окончилъ свою ученую службу въ званіи лекаря, не удостоившись высшей ученой степени (совѣтъ университета намѣревался, уже въ 1838 году, возвести его въ степень доктора honoris causa, но рѣшеніе совѣта было опротестовано министромъ).

Съ небольшимъ годъ спустя послѣ назначенія его лаишевскимъ уѣзднымъ врачомъ, въ маѣ 1820 года, Лентовскій подалъ въ совѣтъ университета прошеніе объ удостоеніи его званія адъюнкта. Политично написанное прошеніе, съ сентенціями во вкусѣ Магницкаго (пришлось въ данномъ случаѣ войти въ нѣкоторый компромиссъ съ внутреннимъ чувствомъ

* Это таже самая причина, благодаря которой, какъ мы это видѣли выше, не могъ быть утвержденъ въ степени кандидата правовѣдѣнія и Сычуговъ.

своимъ), лестный отзывъ о немъ попечительскаго конфидента, директора университета Владимірскаго, двѣ прочитанныя имъ пробныя лекціи—сдѣлали свое дѣло: 12-го ноября Лентовскій былъ избранъ, а 18-го января 1821 года и утвержденъ адъюнктомъ по кафедрѣ повивальнаго искусства.

Университетская служба Лентовскаго слѣдомъ затѣмъ быстро двинулась впередъ. 4-го іюля 1823 года онъ былъ избранъ (утвержденъ 11-го августа) экстраординарнымъ профессоромъ повивальнаго искусства, 25-го октября 1828 года утвержденъ профессоромъ ординарнымъ; 1-го августа 1837 года, при преобразованіи университета на основаніи устава 1835 года, оставленъ на службѣ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ акушерства; 20-го августа 1848 года утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Въ 1829—1834 и 1841—1845 годахъ находился, по избранію, въ должности декана медицинскаго факультета.

Лентовскій уволился отъ университетской службы, по прошенію, 19-го ноября 1853 года. Умеръ въ 1867 году въ селѣ Старая Майна, ставропольскаго уѣзда самарской губерніи, гдѣ у него имѣлся собственный домъ. Бездѣятельная и чуждая духовныхъ интересовъ сельская жизнь очевидно тяготила старика: еще незадолго до смерти онъ обращался въ казанскій университетъ съ просьбою о присылкѣ ему книгъ для чтенія [20].

Вмѣстѣ съ Н. И. Лобачевскимъ и И. М. Симоновымъ, А. Е. Лентовскій принадлежалъ къ тому тройственному кружку студентовъ начальной (до 1814 года) поры жизни казанскаго университета, которому выпало на долю дожить до пятидесятилѣтія существованія роднаго университета, связавъ съ его судьбами всю свою жизнь, всю свою духовную дѣятельность, всѣ свои преходящія земныя злобы и интересы.

Право возводить въ ученыя степени и званія—представляетъ собою одну изъ существеннѣйшихъ прерогативъ университетовъ, въ которой находитъ себѣ выраженіе научный авторитетъ этихъ учрежденій, какъ центровъ знанія и просвѣщенія. Вполнѣ естественнымъ представляется, поэтому, что большее или меньшее количество ученыхъ промоцій, съ надлежащими серьезностью и осмотрительностью произведенныхъ университетомъ, представляется, наравнѣ съ научною дѣятельностью, однимъ изъ критеріевъ при сужденіи относительно степени ученой его продуктивности.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года посвящаетъ цѣлую главу (IX-ую, §§ 93—105) положеніямъ, касающимся „испытаній и произ-

своимъ), лестный отзывъ о немъ попечительскаго конфидента, директора университета Владимірскаго, двѣ прочитанныя имъ пробныя лекціи—сдѣлали свое дѣло: 12-го ноября Лентовскій былъ избранъ, а 18-го января 1821 года и утвержденъ адъюнктомъ по кафедрѣ повивальнаго искусства.

Университетская служба Лентовскаго слѣдомъ затѣмъ быстро двинулась впередъ. 4-го іюля 1823 года онъ былъ избранъ (утвержденъ 11-го августа) экстраординарнымъ профессоромъ повивальнаго искусства, 25-го октября 1828 года утвержденъ профессоромъ ординарнымъ; 1-го августа 1837 года, при преобразованіи университета на основаніи устава 1835 года, оставленъ на службѣ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ акушерства; 20-го августа 1848 года утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Въ 1829—1834 и 1841—1845 годахъ находился, по избранію, въ должности декана медицинскаго факультета.

Лентовскій уволился отъ университетской службы, по прошенію, 19-го ноября 1853 года. Умеръ въ 1867 году въ селѣ Старая Майна, ставропольскаго уѣзда самарской губерніи, гдѣ у него имѣлся собственный домъ. Бездѣятельная и чуждая духовныхъ интересовъ сельская жизнь очевидно тяготила старика: еще незадолго до смерти онъ обращался въ казанскій университетъ съ просьбою о присылкѣ ему книгъ для чтенія [20].

Вмѣстѣ съ Н. И. Лобачевскимъ и И. М. Симоновымъ, А. Е. Лентовскій принадлежалъ къ тому тройственному кружку студентовъ начальной (до 1814 года) поры жизни казанскаго университета, которому выпало на долю дожить до пятидесятилѣтія существованія роднаго университета, связавъ съ его судьбами всю свою жизнь, всю свою духовную дѣятельность, всѣ свои преходящія земныя злобы и интересы.

Право возводить въ ученыя степени и званія—представляетъ собою одну изъ существеннѣйшихъ прерогативъ университетовъ, въ которой находитъ себѣ выраженіе научный авторитетъ этихъ учрежденій, какъ центровъ знанія и просвѣщенія. Вполнѣ естественнымъ представляется, поэтому, что большее или меньшее количество ученыхъ промоцій, съ надлежащими серьезностью и осмотрительностью произведенныхъ университетомъ, представляется, наравнѣ съ научною дѣятельностью, однимъ изъ критеріевъ при сужденіи относительно степени ученой его продуктивности.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года посвящаетъ цѣлую главу (IX-ую, §§ 93—105) положеніямъ, касающимся „испытаній и произ-

водствъ въ университетскія достоинства", причемъ этотъ уставъ проводитъ послѣдовательное различіе между учеными степенями („достоинствами") и „званіями". Къ первымъ онъ относитъ достоинства кандидата (достигаемаго однимъ только испытаніемъ), магистра и доктора (достигаемыхъ испытаніемъ, прочтеніемъ публичныхъ лекцій и публичнымъ защищеніемъ диссертаціи); въ числѣ званій, предоставляемымъ по одному только экзамену—упоминаются званія лекаря, аптекаря и повивальной бабки.

Само собою разумѣется, что вопросъ о возведеніи въ ученыя степени можетъ быть приложенъ къ начальной жизни казанскаго университета лишь съ значительною относительностью, въ виду случайнаго и совершенно неопредѣленнаго характера этой стороны ученой дѣятельности университета, обусловливаемаго, въ свою очередь, примитивно-переходнымъ состояніемъ самаго академическаго строя, и только съ 1814 года, съ полнаго открытія университета на основаніи устава 1804 года, болѣе твердое и опредѣленное направленіе получаетъ и эта сторона университетской дѣятельности, подчиняясь какъ началамъ, выдвигаемымъ уставомъ, такъ и дальнѣйшимъ руководительнымъ указаніямъ министерства.

Отдѣльные факты возведенія въ ученыя степени уже сдѣлались намъ извѣстными изъ біографическихъ очерковъ дѣятелей университета, въ связи съ обзоромъ мѣропріятій казанскаго университета по замѣщенію кафедръ и по приготовленію молодыхъ людей къ будущей ученой дѣятельности. Это не избавляетъ насъ, тѣмъ не менѣе, отъ необходимости затронуть въ настоящее время тѣ же факты, въ болѣе систематизированномъ и обобщенномъ изложеніи, за всѣ первыя четырнадцать (1805—1819) лѣтъ начальной жизни казанскаго университета—т. е. отъ основанія университета до начала попечительства Магницкаго.

Изъ сохранившихся въ архивныхъ дѣлахъ вѣдомостей мы усматриваемъ, что общее количество студентовъ, учившихся въ казанскомъ университетѣ съ его основанія до окончанія 1818—1819 учебнаго года—представляетъ цифру 955-ти (не принимая въ разсчетъ семи вольныхъ слушателей). Въ сопоставленіи съ этою цифрою невольно поражаетъ насъ сравнительно небольшое количество молодыхъ людей, выпущенныхъ изъ университета по полномъ прослушаніи его курсовъ—всего 124 человѣка.

Этотъ то контингентъ лицъ, окончившихъ полный университетскій курсъ, и выдѣлилъ изъ себя молодыхъ людей, удостоенныхъ степени кандидата. За начальные четырнадцать лѣтъ существованія казанскаго университета въ эту первую ученую степень были возведены 44 студента

водствъ въ университетскія достоинства", причемъ этотъ уставъ проводитъ послѣдовательное различіе между учеными степенями („достоинствами") и „званіями". Къ первымъ онъ относитъ достоинства кандидата (достигаемаго однимъ только испытаніемъ), магистра и доктора (достигаемыхъ испытаніемъ, прочтеніемъ публичныхъ лекцій и публичнымъ защищеніемъ диссертаціи); въ числѣ званій, предоставляемымъ по одному только экзамену—упоминаются званія лекаря, аптекаря и повивальной бабки.

Само собою разумѣется, что вопросъ о возведеніи въ ученыя степени можетъ быть приложенъ къ начальной жизни казанскаго университета лишь съ значительною относительностью, въ виду случайнаго и совершенно неопредѣленнаго характера этой стороны ученой дѣятельности университета, обусловливаемаго, въ свою очередь, примитивно-переходнымъ состояніемъ самаго академическаго строя, и только съ 1814 года, съ полнаго открытія университета на основаніи устава 1804 года, болѣе твердое и опредѣленное направленіе получаетъ и эта сторона университетской дѣятельности, подчиняясь какъ началамъ, выдвигаемымъ уставомъ, такъ и дальнѣйшимъ руководительнымъ указаніямъ министерства.

Отдѣльные факты возведенія въ ученыя степени уже сдѣлались намъ извѣстными изъ біографическихъ очерковъ дѣятелей университета, въ связи съ обзоромъ мѣропріятій казанскаго университета по замѣщенію кафедръ и по приготовленію молодыхъ людей къ будущей ученой дѣятельности. Это не избавляетъ насъ, тѣмъ не менѣе, отъ необходимости затронуть въ настоящее время тѣ же факты, въ болѣе систематизированномъ и обобщенномъ изложеніи, за всѣ первыя четырнадцать (1805—1819) лѣтъ начальной жизни казанскаго университета—т. е. отъ основанія университета до начала попечительства Магницкаго.

Изъ сохранившихся въ архивныхъ дѣлахъ вѣдомостей мы усматриваемъ, что общее количество студентовъ, учившихся въ казанскомъ университетѣ съ его основанія до окончанія 1818—1819 учебнаго года—представляетъ цифру 955-ти (не принимая въ разсчетъ семи вольныхъ слушателей). Въ сопоставленіи съ этою цифрою невольно поражаетъ насъ сравнительно небольшое количество молодыхъ людей, выпущенныхъ изъ университета по полномъ прослушаніи его курсовъ—всего 124 человѣка.

Этотъ то контингентъ лицъ, окончившихъ полный университетскій курсъ, и выдѣлилъ изъ себя молодыхъ людей, удостоенныхъ степени кандидата. За начальные четырнадцать лѣтъ существованія казанскаго университета въ эту первую ученую степень были возведены 44 студента

—процентъ довольно значительный по сравненію съ общимъ количествомъ окончившихъ курсъ (почти 35%). Изъ этихъ кандидатовъ 10 человѣкъ остались на службѣ университета, 3 получили званіе лекаря, 22 назначены учителями, 8 уволились изъ ученой и учебной службы, 1—умеръ.

По порядку своего выпуска, кандидаты эти идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1807 годъ—1 (Кондыревъ П. С., первый кандидатъ казанскаго университета).

1809 годъ—5 (Кайсаровъ А. В., Княжевичъ А. М., Пестяковъ М. Д., Тимьянскій В. И., Шоникъ С. Ф.).

1811 годъ—10 (Алехинъ Н. М., Врангель бар. Ю. В., Гроздовскій С. Н., Линдегренъ О. К., Максютовъ кн. П. И., Манасеинъ Е. П., Панаевъ В. И., Панкратовъ Г. А., Поповъ И. М., Шабровъ А. Н.).

1813 годъ—5 (Перелешинъ А. И., Сидоровъ Д. В., Соловьевъ А. М., Юферовъ И. О., Ярцовъ Я. О.).

1814 годъ—2 (Калестиновъ А. В., Климовъ П. Г.).

1815 годъ—9 (Зубатовъ П. Д., Лентовскій А. Е., Мильковичъ Н. В., Николаевъ И. С., Поповъ И. Т., Скворцовъ М. В., Филипповскій Н. А., Чашковъ Н. П., Чеадаевъ В. А.).

1816 годъ—6 (Антеноровъ А. И., Волочковъ П. И., Востоковъ В. В., Лохтинъ Д. А., Спиридоновъ С. И., Өеоновъ В. Т.).

1817 годъ—1 (Саханскій В. Д.).

1818 годъ—5 (Ардашевъ Х. Х., Бобановскій В. П., Знобишинъ В. С., Левицкій А. Ө., Телешевъ И. Я.) [21].

Испытаніе на степень кандидата производилось вслѣдствіе прошенія, подававшагося аспирантомъ на имя декана соотвѣтствующаго отдѣленія, съ приложеніемъ къ нему всѣхъ необходимыхъ документовъ, послѣ чего деканъ назначалъ дни собраній отдѣленія, въ которые испытаніе и производилось въ присутствіи всѣхъ членовъ факультета. Въ силу § 96 устава, испытаніе являлось двоякимъ: письменнымъ, на которомъ экзаменующійся давалъ отвѣты „касающіеся до наукъ, къ отдѣленію принадлежащихъ", и затѣмъ устнымъ, заключавшимся „въ двухъ вопросахъ, относящихся до главной науки, въ которой студентъ упражнялся, и выбранныхъ по жребію". Заключеніе факультета относительно произведеннаго испытанія поступало затѣмъ на утвержденіе университетскаго совѣта.

Съ цѣлью дать читателямъ общее представленіе относительно производства кандидатскихъ испытаній, приведемъ свѣдѣнія объ экзаменѣ, произведенномъ осенью 1816 года, слѣдовательно уже при полномъ дѣйствіи устава 1804 года, студенту Алексѣю Антенорову на степень кандидата правовѣдѣнія.

—процентъ довольно значительный по сравненію съ общимъ количествомъ окончившихъ курсъ (почти 35%). Изъ этихъ кандидатовъ 10 человѣкъ остались на службѣ университета, 3 получили званіе лекаря, 22 назначены учителями, 8 уволились изъ ученой и учебной службы, 1—умеръ.

По порядку своего выпуска, кандидаты эти идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1807 годъ—1 (Кондыревъ П. С., первый кандидатъ казанскаго университета).

1809 годъ—5 (Кайсаровъ А. В., Княжевичъ А. М., Пестяковъ М. Д., Тимьянскій В. И., Шоникъ С. Ф.).

1811 годъ—10 (Алехинъ Н. М., Врангель бар. Ю. В., Гроздовскій С. Н., Линдегренъ О. К., Максютовъ кн. П. И., Манасеинъ Е. П., Панаевъ В. И., Панкратовъ Г. А., Поповъ И. М., Шабровъ А. Н.).

1813 годъ—5 (Перелешинъ А. И., Сидоровъ Д. В., Соловьевъ А. М., Юферовъ И. О., Ярцовъ Я. О.).

1814 годъ—2 (Калестиновъ А. В., Климовъ П. Г.).

1815 годъ—9 (Зубатовъ П. Д., Лентовскій А. Е., Мильковичъ Н. В., Николаевъ И. С., Поповъ И. Т., Скворцовъ М. В., Филипповскій Н. А., Чашковъ Н. П., Чеадаевъ В. А.).

1816 годъ—6 (Антеноровъ А. И., Волочковъ П. И., Востоковъ В. В., Лохтинъ Д. А., Спиридоновъ С. И., Ѳеоновъ В. Т.).

1817 годъ—1 (Саханскій В. Д.).

1818 годъ—5 (Ардашевъ Х. Х., Бобановскій В. П., Знобишинъ В. С., Левицкій А. Ѳ., Телешевъ И. Я.) [21].

Испытаніе на степень кандидата производилось вслѣдствіе прошенія, подававшагося аспирантомъ на имя декана соотвѣтствующаго отдѣленія, съ приложеніемъ къ нему всѣхъ необходимыхъ документовъ, послѣ чего деканъ назначалъ дни собраній отдѣленія, въ которые испытаніе и производилось въ присутствіи всѣхъ членовъ факультета. Въ силу § 96 устава, испытаніе являлось двоякимъ: письменнымъ, на которомъ экзаменующійся давалъ отвѣты „касающіеся до наукъ, къ отдѣленію принадлежащихъ", и затѣмъ устнымъ, заключавшимся „въ двухъ вопросахъ, относящихся до главной науки, въ которой студентъ упражнялся, и выбранныхъ по жребію". Заключеніе факультета относительно произведеннаго испытанія поступало затѣмъ на утвержденіе университетскаго совѣта.

Съ цѣлью дать читателямъ общее представленіе относительно производства кандидатскихъ испытаній, приведемъ свѣдѣнія объ экзаменѣ, произведенномъ осенью 1816 года, слѣдовательно уже при полномъ дѣйствіи устава 1804 года, студенту Алексѣю Антенорову на степень кандидата правовѣдѣнія.

Экзаменъ производился въ трехъ засѣданіяхъ факультета—27-го октября, 4-го ноября и 6-го ноября.

Въ первомъ засѣданіи происходило испытаніе письменное (на латинскомъ языкѣ), при чемъ экзаменующійся писалъ отвѣты на слѣдующіе пять вопросовъ, относящіеся къ различнымъ отдѣламъ правовѣдѣнія: а) Quid est res et quomodo res secundum jus romanum dividuntur?, б) Quaenam sunt jura patronorum et quo tempore patronatus Romae introductus est?, в) Quaenam sunt jura tutorum?, г) Quanam differentia intercedit foedus inter et alloquium? и д) Quomodo servitia secundum regulas juris feudalis dividuntur?

Во второмъ засѣданіи продолжалось письменное испытаніе. Экзаменующійся отвѣчалъ на вопросы, предложенные на русскомъ и латинскомъ языкахъ: а) Какую часть жена получаетъ послѣ мужа?, б) Какъ раздѣляются завѣщанія?, в) Quid est jus et quomodo dividi solet?, г) Quid est obligatio? и д) Что есть наказаніе?

Третье засѣданіе было посвящено словесному испытанію, на которомъ экзаменующемуся были предложены, по жребію, по два вопроса изъ каждой части правовѣдѣнія (самые вопросы въ протоколѣ испытанія не указаны). Въ этомъ же засѣданіи произведено было „произвольное (?) словесное испытаніе“ изъ „вспомогательныхъ наукъ“—словесности, философіи, откровенной богословіи (sic), исторіи, географіи, статистики, древностей, миѳологіи, политической экономіи и дипломатики. Всѣ отвѣты давались на латинскомъ языкѣ [22].

Такимъ же порядкомъ производились испытанія на степень кандидата и по другимъ разрядамъ наукъ; по предметамъ опытнымъ теоретическое испытаніе сопровождалось, конечно, и необходимыми испытаніями демонстративными.

Ученой степени магистра удостоены за тотъ же четырнадцатилѣтній промежутокъ времени 17 лицъ—не считая въ томъ числѣ Никольскаго и Дунаева, назначенныхъ въ казанскій университетъ прямо магистрами. Возведенія въ степень магистра въ первые годы (до 1812 г.) отличались крайнею неопредѣленностью, совершаясь, въ противность уставу, не только безъ публичнаго защищенія диссертацій, но даже безъ всякаго испытанія, на основаніи простого засвидѣтельствованія объ успѣхахъ и хорошемъ поведеніи кандидатовъ.

Первымъ магистромъ казанскаго университета, какъ и первымъ его кандидатомъ, явился П. С. Кондыревъ, удостоенный этой степени 15-го февраля 1809 года, безъ всякаго испытанія, вслѣдствіе простого предложенія о томъ попечителя Румовскаго, мотивированнаго желаніемъ оказать ему „поощреніе къ дальнѣйшимъ трудамъ“. Кондыревъ былъ, какъ мы знаемъ, студентомъ перваго состава 1805 года, сформировавша-

Экзаменъ производился въ трехъ засѣданіяхъ факультета—27-го октября, 4-го ноября и 6-го ноября.

Въ первомъ засѣданіи происходило испытаніе письменное (на латинскомъ языкѣ), при чемъ экзаменующійся писалъ отвѣты на слѣдующіе пять вопросовъ, относящіеся къ различнымъ отдѣламъ правовѣдѣнія: а) Quid est res et quomodo res secundum jus romanum dividuntur?, б) Quaenam sunt jura patronorum et quo tempore patronatus Romae introductus est?, в) Quaenam sunt jura tutorum?, г) Quanam differentia intercedit foedus inter et alloquium? и д) Quomodo servitia secundum regulas juris feudalis dividuntur?

Во второмъ засѣданіи продолжалось письменное испытаніе. Экзаменующійся отвѣчалъ на вопросы, предложенные на русскомъ и латинскомъ языкахъ: а) Какую часть жена получаетъ послѣ мужа?, б) Какъ раздѣляются завѣщанія?, в) Quid est jus et quomodo dividi solet?, г) Quid est obligatio? и д) Что есть наказаніе?

Третье засѣданіе было посвящено словесному испытанію, на которомъ экзаменующемуся были предложены, по жребію, по два вопроса изъ каждой части правовѣдѣнія (самые вопросы въ протоколѣ испытанія не указаны). Въ этомъ же засѣданіи произведено было „произвольное (?) словесное испытаніе" изъ „вспомогательныхъ наукъ"—словесности, философіи, откровенной богословіи (sic), исторіи, географіи, статистики, древностей, миѳологіи, политической экономіи и дипломатики. Всѣ отвѣты давались на латинскомъ языкѣ [22].

Такимъ же порядкомъ производились испытанія на степень кандидата и по другимъ разрядамъ наукъ; по предметамъ опытнымъ теоретическое испытаніе сопровождалось, конечно, и необходимыми испытаніями демонстративными.

Ученой степени магистра удостоены за тотъ же четырнадцатилѣтній промежутокъ времени 17 лицъ—не считая въ томъ числѣ Никольскаго и Дунаева, назначенныхъ въ казанскій университетъ прямо магистрами. Возведенія въ степень магистра въ первые годы (до 1812 г.) отличались крайнею неопредѣленностью, совершаясь, въ противность уставу, не только безъ публичнаго защищенія диссертацій, но даже безъ всякаго испытанія, на основаніи простого засвидѣтельствованія объ успѣхахъ и хорошемъ поведеніи кандидатовъ.

Первымъ магистромъ казанскаго университета, какъ и первымъ его кандидатомъ, явился П. С. Кондыревъ, удостоенный этой степени 15-го февраля 1809 года, безъ всякаго испытанія, вслѣдствіе простого предложенія о томъ попечителя Румовскаго, мотивированнаго желаніемъ оказать ему „поощреніе къ дальнѣйшимъ трудамъ". Кондыревъ былъ, какъ мы знаемъ, студентомъ перваго состава 1805 года, сформировавша-

гося при самомъ основаніи университета. Этотъ первый составъ студентовъ, весьма продуктивный, вообще, по будущей карьерѣ своихъ сочленовъ (Аксаковъ, Груберъ, Кайсаровъ, Княжевичъ, Кондыревъ, братья Панаевы, братья Перевощиковы, Тимьянскій), далъ университету 6 магистровъ, въ лицѣ Кондырева, В. и Д. Перевощиковыхъ, Кайсарова, Тимьянскаго и Шоника.

В. М. Перевощиковъ выступилъ вторымъ магистромъ казанскаго университета и былъ возведенъ въ это званіе лишь нѣсколькими днями позже Кондырева—24-го февраля 1809 года.

Далѣе, въ постепенности удостоенія ихъ степени магистра, слѣдуютъ: А. В. Кайсаровъ, В. И. Тимьянскій и С. Ф. Шоникъ (всѣ трое утверждены 23-го марта 1811 года), В. Я. Булыгинъ, А. И. Лобачевскій, Н. И. Лобачевскій, Д. П. Самсоновъ и М. А. Юнаковъ (всѣ пятеро утверждены 3-го августа 1811 года). Восемь новыхъ магистровъ выпало, такимъ образомъ, на одинъ только 1811 годъ.

Всѣ перечисленные выше десять магистровъ были возведены въ эту степень безъ всякаго испытанія, не говоря уже о представленіи и защищеніи диссертацій—слѣдовательно, внѣ правилъ, указываемыхъ въ этомъ отношеніи университетскимъ уставомъ (§§ 97—99).

И. М. Симоновъ былъ первымъ кандидатомъ, возведенію котораго въ магистры предшествовало особое испытаніе, что было обусловлено, впрочемъ, причиною совершенно исключительнаго характера. Симоновъ еще 4-го октября 1810 года представленъ былъ проф. Литтровомъ къ возведенію въ эту ученую степень, но неожиданное препятствіе встрѣтилось къ этому въ томъ, что онъ принадлежалъ къ податному состоянію. Снисходя къ личному ходатайству Литтрова, попечитель Румовскій обѣщалъ испросить черезъ министра народнаго просвѣщенія высочайшее соизволеніе на исключеніе Симонова изъ податнаго состоянія при томъ условіи, если онъ будетъ подвергнутъ испытанію, которое удостовѣритъ его способности и успѣхи. Слѣдомъ за тѣмъ Симоновъ былъ подвергнутъ въ засѣданіи совѣта особому экзамену, блестящій результатъ котораго былъ удостовѣренъ свидѣтельствомъ отъ 16-го декабря 1810 года, подписаннымъ профессорами Бартельсомъ, Реннеромъ, Литтровомъ и Броннеромъ [23]. Увольненіе Симонова изъ податнаго состоянія затянулось до лѣта 1812 года, почему и самое утвержденіе его въ степени магистра послѣдовало лишь 24-го іюня того же года, заставивъ Симонова значительно отстать въ этомъ отношеніи отъ своихъ товарищей.

гося при самомъ основаніи университета. Этотъ первый составъ студентовъ, весьма продуктивный, вообще, по будущей карьерѣ своихъ сочленовъ (Аксаковъ, Груберъ, Кайсаровъ, Княжевичъ, Кондыревъ, братья Панаевы, братья Перевощиковы, Тимьянскій), далъ университету 6 магистровъ, въ лицѣ Кондырева, В. и Д. Перевощиковыхъ, Кайсарова, Тимьянскаго и Шоника.

В. М. Перевощиковъ выступилъ вторымъ магистромъ казанскаго университета и былъ возведенъ въ это званіе лишь нѣсколькими днями позже Кондырева—24-го февраля 1809 года.

Далѣе, въ постепенности удостоенія ихъ степени магистра, слѣдуютъ: А. В. Кайсаровъ, В. И. Тимьянскій и С. Ф. Шоникъ (всѣ трое утверждены 23-го марта 1811 года), В. Я. Булыгинъ, А. И. Лобачевскій, Н. И. Лобачевскій, Д. П. Самсоновъ и М. А. Юнаковъ (всѣ пятеро утверждены 3-го августа 1811 года). Восемь новыхъ магистровъ выпало, такимъ образомъ, на одинъ только 1811 годъ.

Всѣ перечисленные выше десять магистровъ были возведены въ эту степень безъ всякаго испытанія, не говоря уже о представленіи и защищеніи диссертацій—слѣдовательно, внѣ правилъ, указываемыхъ въ этомъ отношеніи университетскимъ уставомъ (§§ 97—99).

И. М. Симоновъ былъ первымъ кандидатомъ, возведенію котораго въ магистры предшествовало особое испытаніе, что было обусловлено, впрочемъ, причиною совершенно исключительнаго характера. Симоновъ еще 4-го октября 1810 года представленъ былъ проф. Литтровомъ къ возведенію въ эту ученую степень, но неожиданное препятствіе встрѣтилось къ этому въ томъ, что онъ принадлежалъ къ податному состоянію. Снисходя къ личному ходатайству Литтрова, попечитель Румовскій обѣщалъ испросить черезъ министра народнаго просвѣщенія высочайшее соизволеніе на исключеніе Симонова изъ податнаго состоянія при томъ условіи, если онъ будетъ подвергнутъ испытанію, которое удостовѣритъ его способности и успѣхи. Слѣдомъ за тѣмъ Симоновъ былъ подвергнутъ въ засѣданіи совѣта особому экзамену, блестящій результатъ котораго былъ удостовѣренъ свидѣтельствомъ отъ 16-го декабря 1810 года, подписаннымъ профессорами Бартельсомъ, Реннеромъ, Литтровомъ и Броннеромъ [23]. Увольненіе Симонова изъ податнаго состоянія затянулось до лѣта 1812 года, почему и самое утвержденіе его въ степени магистра послѣдовало лишь 24-го іюня того же года, заставивъ Симонова значительно отстать въ этомъ отношеніи отъ своихъ товарищей.

Лѣтомъ того же 1812 года были возведены въ степень магистра еще трое кандидатовъ: Н. М. Алехинъ и баронъ Ю. В. Врангель—по правовѣдѣнію, І. Е. Срезневскій—по философіи. Всѣ три аспиранта, согласно утвержденному попечителемъ представленію о томъ профессора Финке, были подвергнуты предварительному испытанію, произведенному, однако, въ формѣ болѣе упрощенной, сравнительно съ установленною уставомъ 1804 года *; всѣ трое были избавлены и отъ чтенія публичныхъ лекцій, и отъ публичнаго защищенія диссертацій, требуемыхъ уставомъ. Эти магистерскіе экзамены, происходившіе въ первыхъ числахъ іюля, явились, такимъ образомъ, какъ бы переходною стадіею отъ совершенно безусловнаго производства въ магистры первыхъ лѣтъ, къ позднѣйшимъ возведеніямъ въ эту ученую степень, обставленнымъ уже всѣми требованіями, предъявляемыми дѣйствующими узаконеніями. Всѣ трое экзаменовавшихся были утверждены въ степени магистра 10-го іюля 1812 года [24].

Д. М. Перевощиковъ, будущій профессоръ, ректоръ московскаго университета и академикъ, а въ ту пору, о которой идетъ у насъ рѣчь, скромный старшій учитель математики (съ января 1809 г.) въ симбирской гимназіи, еще въ концѣ лѣта 1812 года прислалъ въ совѣтъ университета рукописное разсужденіе „О всеобщемъ тяготѣніи", прося удостоить его за него степени магистра математическихъ наукъ. Совѣтъ, основываясь на одобрительномъ отзывѣ объ этомъ трудѣ физико-математическаго отдѣленія, сдѣлалъ соотвѣтственное представленіе министру, который предписалъ предложить Перевощикову на разрѣшеніе еще вопросъ на тему, избранную самимъ отдѣленіемъ; профессоръ Бартельсъ остановился на темѣ изъ области сферической тригонометріи, которая въ сентябрѣ того же года и была препровождена по мѣсту служенія Перевощикова. Въ концѣ апрѣля 1813 года работа на эту тему Перевощикова, озаглавленная: „Краткое начертаніе сферической тригонометріи", была препровождена въ университетъ черезъ директора симбирской гимназіи и признана достойною степени магистра математическихъ наукъ **, въ которую Д. М. Перевощиковъ слѣдомъ затѣмъ и былъ возведенъ, явившись пятнадцатымъ по счету магистромъ, получившимъ эту степень отъ казанскаго университета [25].

* Свѣдѣнія объ испытаніи, произведенномъ Алехину и бар. Врангелю, см. выше стр. 39—40.

** Эта работа (она же, такимъ образомъ, и магистерская диссертація) Д. М. Перевощикова хранится въ дѣлахъ совѣта за 1813 годъ, въ дѣлѣ подъ № 65. Она представляетъ собою убористо писанную тетрадь въ 22 страницы in 4°, съ таблицею чертежей.

Лѣтомъ того же 1812 года были возведены въ степень магистра еще трое кандидатовъ: Н. М. Алехинъ и баронъ Ю. В. Врангель—по правовѣдѣнію, І. Е. Срезневскій—по философіи. Всѣ три аспиранта, согласно утвержденному попечителемъ представленію о томъ профессора Финке, были подвергнуты предварительному испытанію, произведенному, однако, въ формѣ болѣе упрощенной, сравнительно съ установленною уставомъ 1804 года *; всѣ трое были избавлены и отъ чтенія публичныхъ лекцій, и отъ публичнаго защищенія диссертацій, требуемыхъ уставомъ. Эти магистерскіе экзамены, происходившіе въ первыхъ числахъ іюля, явились, такимъ образомъ, какъ бы переходною стадіею отъ совершенно безусловнаго производства въ магистры первыхъ лѣтъ, къ позднѣйшимъ возведеніямъ въ эту ученую степень, обставленнымъ уже всѣми требованіями, предъявляемыми дѣйствующими узаконеніями. Всѣ трое экзаменовавшихся были утверждены въ степени магистра 10-го іюля 1812 года [24].

Д. М. Перевощиковъ, будущій профессоръ, ректоръ московскаго университета и академикъ, а въ ту пору, о которой идетъ у насъ рѣчь, скромный старшій учитель математики (съ января 1809 г.) въ симбирской гимназіи, еще въ концѣ лѣта 1812 года прислалъ въ совѣтъ университета рукописное разсужденіе „О всеобщемъ тяготѣніи", прося удостоить его за него степени магистра математическихъ наукъ. Совѣтъ, основываясь на одобрительномъ отзывѣ объ этомъ трудѣ физико-математическаго отдѣленія, сдѣлалъ соотвѣтственное представленіе министру, который предписалъ предложить Перевощикову на разрѣшеніе еще вопросъ на тему, избранную самимъ отдѣленіемъ; профессоръ Бартельсъ остановился на темѣ изъ области сферической тригонометріи, которая въ сентябрѣ того же года и была препровождена по мѣсту служенія Перевощикова. Въ концѣ апрѣля 1813 года работа на эту тему Перевощикова, озаглавленная: „Краткое начертаніе сферической тригонометріи", была препровождена въ университетъ черезъ директора симбирской гимназіи и признана достойною степени магистра математическихъ наукъ **, въ которую Д. М. Перевощиковъ слѣдомъ затѣмъ и былъ возведенъ, явившись пятнадцатымъ по счету магистромъ, получившимъ эту степень отъ казанскаго университета [25].

---

* Свѣдѣнія объ испытаніи, произведенномъ Алехину и бар. Врангелю, см. выше стр. 39—40.

** Эта работа (она же, такимъ образомъ, и магистерская диссертація) Д. М. Перевощикова хранится въ дѣлахъ совѣта за 1813 годъ, въ дѣлѣ подъ № 65. Она представляетъ собою убористо писанную тетрадь въ 22 страницы in 4°, съ таблицею чертежей.

Шестнадцатымъ магистромъ казанскаго университета выступилъ Е. П. Манасеинъ, магистрированіе котораго подпало уже подъ дѣйствіе университетскаго устава и которому, какъ мы это въ своемъ мѣстѣ видѣли, пришлось, помимо испытанія, происходившаго въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая 1814 года, публично защищать печатные тезисы къ своей диссертаціи. Диспутъ состоялся 9-го декабря, а 11-го декабря 1814 года послѣдовало и утвержденіе Манасеина въ степени магистра правовѣдѣнія и политической экономіи.

Семнадцатымъ и послѣднимъ магистромъ, получившимъ эту степень передъ эпохою Магницкаго, былъ Я. О. Ярцовъ, который, по надлежащемъ испытаніи, также долженъ былъ публично защищать печатные тезисы къ диссертаціи: „De origine vocabulorum rossicorum ex linguis orientalibus prolatis (dissertatio historico-philologica“). Диспутъ происходилъ 19-го мая 1816 года и 25-го мая того же года Ярцовъ былъ удостоенъ степени магистра восточной словесности [26]. Мы уже знаемъ, что этотъ молодой и даровитый оріенталистъ былъ очень скоро отнятъ у казанскаго университета: прикомандированный въ самомъ началѣ слѣдующаго года къ посольству, отправлявшемуся въ Персію, и возвратившись изъ путешествія съ большимъ запасомъ матеріаловъ и наблюденій, онъ уже лѣтомъ 1818 года получилъ приглашеніе занять въ академіи наукъ мѣсто адъюнкта восточныхъ языковъ, которое и принялъ.

Что касается высшей ученой степени доктора, то первые четырнадцать лѣтъ существованія казанскаго университета даютъ намъ только два примѣра возведенія имъ въ эту степень. Оба случая относятся къ первому году жизни университета подъ полнымъ дѣйствіемъ устава 1804 года и оба аспиранта, искавшіе этой степени, были утверждены въ ней совѣтомъ въ одинъ день—2-го декабря 1814 года. Въ обоихъ случаяхъ присуждена была степень доктора и по одному и тому же разряду наукъ—правовѣдѣнію. Лицами, удостоившимися этой высшей ученой степени, были: иностранецъ Богданъ Іонъ и русскій юристъ Г. И. Солнцевъ—первые доктора обоихъ правъ (utriusque juris) казанскаго университета. По времени подачи прошенія о допущеніи къ испытанію и по времени диспута, старшинство должно быть признано за Іономъ, почему мы и предоставимъ ему въ нашемъ изложеніи первое мѣсто.

Богданъ Іонъ (Ioannes Gottlob John), родившійся въ 1784 году въ г. Зондерсгузе, бывшаго княжества Шварцбургъ-Зондерсгузе, высшее образованіе получилъ въ геттингенскомъ университетѣ, а затѣмъ, попавъ въ Россію при обстоятельствахъ, которыя изъ имѣющагося при дѣлѣ cur-

Шестнадцатымъ магистромъ казанскаго университета выступилъ Е. П. Манасеинъ, магистрированіе котораго подпало уже подъ дѣйствіе университетскаго устава и которому, какъ мы это въ своемъ мѣстѣ видѣли, пришлось, помимо испытанія, происходившаго въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая 1814 года, публично защищать печатные тезисы къ своей диссертаціи. Диспутъ состоялся 9-го декабря, а 11-го декабря 1814 года послѣдовало и утвержденіе Манасеина въ степени магистра правовѣдѣнія и политической экономіи.

Семнадцатымъ и послѣднимъ магистромъ, получившимъ эту степень передъ эпохою Магницкаго, былъ Я. О. Ярцовъ, который, по надлежащемъ испытаніи, также долженъ былъ публично защищать печатные тезисы къ диссертаціи: „De origine vocabulorum rossicorum ex linguis orientalibus prolatis (dissertatio historico-philologica"). Диспутъ происходилъ 19-го мая 1816 года и 25-го мая того же года Ярцовъ былъ удостоенъ степени магистра восточной словесности [26]. Мы уже знаемъ, что этотъ молодой и даровитый оріенталистъ былъ очень скоро отнятъ у казанскаго университета: прикомандированный въ самомъ началѣ слѣдующаго года къ посольству, отправлявшемуся въ Персію, и возвратившись изъ путешествія съ большимъ запасомъ матеріаловъ и наблюденій, онъ уже лѣтомъ 1818 года получилъ приглашеніе занять въ академіи наукъ мѣсто адъюнкта восточныхъ языковъ, которое и принялъ.

Что касается высшей ученой степени доктора, то первые четырнадцать лѣтъ существованія казанскаго университета даютъ намъ только два примѣра возведенія имъ въ эту степень. Оба случая относятся къ первому году жизни университета подъ полнымъ дѣйствіемъ устава 1804 года и оба аспиранта, искавшіе этой степени, были утверждены въ ней совѣтомъ въ одинъ день—2-го декабря 1814 года. Въ обоихъ случаяхъ присуждена была степень доктора и по одному и тому же разряду наукъ—правовѣдѣнію. Лицами, удостоившимися этой высшей ученой степени, были: иностранецъ Богданъ Іонъ и русскій юристъ Г. И. Солнцевъ—первые доктора обоихъ правъ (utriusque juris) казанскаго университета. По времени подачи прошенія о допущеніи къ испытанію и по времени диспута, старшинство должно быть признано за Іономъ, почему мы и предоставимъ ему въ нашемъ изложеніи первое мѣсто.

Богданъ Іонъ (Ioannes Gottlob John), родившійся въ 1784 году въ г. Зондерсгузе, бывшаго княжества Шварцбургъ-Зондерсгузе, высшее образованіе получилъ въ геттингенскомъ университетѣ, а затѣмъ, попавъ въ Россію при обстоятельствахъ, которыя изъ имѣющагося при дѣлѣ cur-

riculum vitae его не усматриваются, дѣлается въ 1810 году студентомъ московскаго университета. Іонъ собирался уже подвергнуться здѣсь испытанію на степень доктора правъ, имѣя готовою и диссертацію по философіи уголовнаго права, увѣнченную московскимъ университетомъ золотою медалью, но военныя событія и занятіе Москвы французами заставили его покинуть первопрестольную столицу и искать убѣжища въ Казани. Нашествіе Наполеона явилось, такимъ образомъ, ближайшею причиною, давшею казанскому университету первыхъ двухъ докторовъ правъ—Іона и Солнцева.

6-го ноября, проживая въ Казани, Іонъ подалъ въ мѣстный университетъ прошеніе о допущеніи его къ экзамену на степень доктора, приложивъ къ прошенію свидѣтельства, выданныя ему университетами геттингенскимъ (отъ 1803 года) и московскимъ (отъ августа 1812 года) и свое curriculum vitae (всѣ эти приложенія сохранились при дѣлѣ объ его экзаменѣ). Совѣтъ отнесся по этому поводу къ отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ (признававшемуся, пока, еще только фактически), въ которомъ возникли недоумѣнія по поводу самой возможности допущенія Іона къ испытанію на степень доктора, въ виду неполной еще организаціи университета и совершенной новизны случая. Запросили по этому поводу попечителя, который предложеніемъ отъ 9-го января 1813 года высказался въ пользу допущенія просителя къ испытанію, съ образованіемъ для этой цѣли особаго комитета и съ принятіемъ за руководство указаній относительно порядка возведенія въ докторскую степень, преподаваемыхъ въ университетскомъ уставѣ.

Факультетское производство по поводу испытанія Іона открылось засѣданіемъ 8-го марта 1813 года, которое носило характеръ, такъ сказать—распорядительный; въ этомъ собраніи отдѣленія доложены всѣ документы, касающіеся докторанта, а также прочитаны статьи устава, касающіяся производства испытаній на ученыя степени. Опредѣлено, руководствуясь статьею 97-ою устава, прежде всего произвести Іону приватное („предварительный искусъ“—какъ выражается эта статья устава) испытаніе, пригласивъ для этой цѣли, въ качествѣ экзаменаторовъ, профессоровъ Германа и Томаса. Этому „искусу“ или „приватному испытанію“, производившемуся изъ общихъ началъ юриспруденціи, правъ естественнаго, римскаго, германскаго уголовнаго, исторіи римскаго права и римскихъ древностей и всеобщей исторіи права, были посвящены засѣданія 8-го (второе) и 10-го марта. За признаніемъ искуса удовлетворительнымъ, опредѣлено было допустить докторанта къ „публичному экзамену“ (§ 98

riculum vitae его не усматриваются, дѣлается въ 1810 году студентомъ московскаго университета. Іонъ собирался уже подвергнуться здѣсь испытанію на степень доктора правъ, имѣя готовою и диссертацію по философіи уголовнаго права, увѣнченную московскимъ университетомъ золотою медалью, но военныя событія и занятіе Москвы французами заставили его покинуть первопрестольную столицу и искать убѣжища въ Казани. Нашествіе Наполеона явилось, такимъ образомъ, ближайшею причиною, давшею казанскому университету первыхъ двухъ докторовъ правъ—Іона и Солнцева.

6-го ноября, проживая въ Казани, Іонъ подалъ въ мѣстный университетъ прошеніе о допущеніи его къ экзамену на степень доктора, приложивъ къ прошенію свидѣтельства, выданныя ему университетами геттингенскимъ (отъ 1803 года) и московскимъ (отъ августа 1812 года) и свое curriculum vitae (всѣ эти приложенія сохранились при дѣлѣ объ его экзаменѣ). Совѣтъ отнесся по этому поводу къ отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ (признававшемуся, пока, еще только фактически), въ которомъ возникли недоумѣнія по поводу самой возможности допущенія Іона къ испытанію на степень доктора, въ виду неполной еще организаціи университета и совершенной новизны случая. Запросили по этому поводу попечителя, который предложеніемъ отъ 9-го января 1813 года высказался въ пользу допущенія просителя къ испытанію, съ образованіемъ для этой цѣли особаго комитета и съ принятіемъ за руководство указаній относительно порядка возведенія въ докторскую степень, преподаваемыхъ въ университетскомъ уставѣ.

Факультетское производство по поводу испытанія Іона открылось засѣданіемъ 8-го марта 1813 года, которое носило характеръ, такъ сказать—распорядительный; въ этомъ собраніи отдѣленія доложены всѣ документы, касающіеся докторанта, а также прочитаны статьи устава, касающіяся производства испытаній на ученыя степени. Опредѣлено, руководствуясь статьею 97-ою устава, прежде всего произвести Іону приватное („предварительный искусъ"—какъ выражается эта статья устава) испытаніе, пригласивъ для этой цѣли, въ качествѣ экзаменаторовъ, профессоровъ Германа и Томаса. Этому „искусу" или „приватному испытанію", производившемуся изъ общихъ началъ юриспруденціи, правъ естественнаго, римскаго, германскаго уголовнаго, исторіи римскаго права и римскихъ древностей и всеобщей исторіи права, были посвящены засѣданія 8-го (второе) и 10-го марта. За признаніемъ искуса удовлетворительнымъ, опредѣлено было допустить докторанта къ „публичному экзамену" (§ 98

устава) по основнымъ дисциплинамъ правовѣдѣнія, который и начался съ 10-го апрѣля, при делегатахъ отъ совѣта въ лицѣ профессора Эрдмана и адъюнкта Никольскаго.

Въ засѣданіи 10-го апрѣля испытуемый давалъ письменные отвѣты, на латинскомъ языкѣ, по четыремъ вопросамъ изъ римскаго права. Эти вопросы, вынутые „по жребію" изъ серіи вопросовъ „профессоромъ Финке приготовленныхъ и въ тайнѣ хранимыхъ", были слѣдующіе: а) Quaenam sunt delicta privata romanorum et quaenam actiones ex iis nascuntur?, б) Quid est commodatum et quaenam obligationes ex eo nascuntur?, в) Quid est contractus chirographarius, ejus vera natura et indoles? и г) Quomodo amittitur servitus praedialis?

Слѣдующее засѣданіе, происходившее мѣсяцъ спустя, 10-го мая, было посвящено письменному испытанію по „всеобщему уголовному германскому праву". Испытуемому выпали, опять таки по жребію, вопросы: а) Quid est quantitas delictorum et quaenam sunt genuina et justa principia gravitatis delictorum?, б) Respectu damni et periculi quaenam delicta sunt graviora aut leviora?, в) Intuitu gradus libertatis in agendo quaenam delicta sunt graviora aut leviora? и г) Quaenam sunt media probandi ad poenam criminalem decernendam?

17-го мая производилось письменное испытаніе по праву естественному, причемъ по жребію выпали вопросы: а) Quaenam est divisio civitatum, diversarum civitatum formarum seu constitutionum differentia essentialis?, б) Num imperans est primus minister, sive reipublicae mandatarius aut administrator?, в) Quaenam jura imperanti competunt ad ecclesiam in civitate? и г) Quid aestimandum est de pace sempiterna seu aeterna?

24-го мая назначено было засѣданіе для экзамена устнаго, который производился изъ права римскаго, уголовнаго судопроизводства, права естественнаго и теоріи гражданскаго судопроизводства.

31-го мая и 7-го іюня снова производились письменныя испытанія изъ россійскихъ уголовныхъ законовъ, россійскаго гражданскаго права и законовъ о судопроизводствѣ; эти испытанія, подробностей которыхъ мы касаться уже не будемъ, совершались тѣмъ же порядкомъ, какъ и первыя.

Письменныя и устныя испытанія Іона окончились 7-го іюня и въ засѣданіи отдѣленія 1-го іюля заданы были темы для трехъ публичныхъ лекцій на латинскомъ языкѣ, которыя аспирантъ долженъ былъ прочитать въ силу § 99-го устава. Первая изъ этихъ лекцій была назначена по естественному праву („Quomodo finguntur munera publica secundum principia juris publici universalis"), вторая—по уголовному праву („Quomodo conniventia definienda etc."), третья—по праву римскому („In quo consis-

устава) по основнымъ дисциплинамъ правовѣдѣнія, который и начался съ 10-го апрѣля, при делегатахъ отъ совѣта въ лицѣ профессора Эрдмана и адъюнкта Никольскаго.

Въ засѣданіи 10-го апрѣля испытуемый давалъ письменные отвѣты, на латинскомъ языкѣ, по четыремъ вопросамъ изъ римскаго права. Эти вопросы, вынутые „по жребію" изъ серіи вопросовъ „профессоромъ Финке приготовленныхъ и въ тайнѣ хранимыхъ", были слѣдующіе: а) Quaenam sunt delicta privata romanorum et quaenam actiones ex iis nascuntur?, б) Quid est commodatum et quaenam obligationes ex eo nascuntur?, в) Quid est contractus chirographarius, ejus vera natura et indoles? и г) Quomodo amittitur servitus praedialis?

Слѣдующее засѣданіе, происходившее мѣсяцъ спустя, 10-го мая, было посвящено письменному испытанію по „всеобщему уголовному германскому праву". Испытуемому выпали, опять таки по жребію, вопросы: а) Quid est quantitas delictorum et quaenam sunt genuina et justa principia gravitatis delictorum?, б) Respectu damni et periculi quaenam delicta sunt graviora aut leviora?, в) Intuitu gradus libertatis in agendo quaenam delicta sunt graviora aut leviora? и г) Quaenam sunt media probandi ad poenam criminalem decernendam?

17-го мая производилось письменное испытаніе по праву естественному, причемъ по жребію выпали вопросы: а) Quaenam est divisio civitatum, diversarum civitatum formarum seu constitutionum differentia essentialis?, б) Num imperans est primus minister, sive reipublicae mandatarius aut administrator?, в) Quaenam jura imperanti competunt ad ecclesiam in civitate? и г) Quid aestimandum est de pace sempiterna seu aeterna?

24-го мая назначено было засѣданіе для экзамена устнаго, который производился изъ права римскаго, уголовнаго судопроизводства, права естественнаго и теоріи гражданскаго судопроизводства.

31-го мая и 7-го іюня снова производились письменныя испытанія изъ россійскихъ уголовныхъ законовъ, россійскаго гражданскаго права и законовъ о судопроизводствѣ; эти испытанія, подробностей которыхъ мы касаться уже не будемъ, совершались тѣмъ же порядкомъ, какъ и первыя.

Письменныя и устныя испытанія Іона окончились 7-го іюня и въ засѣданіи отдѣленія 1-го іюля заданы были темы для трехъ публичныхъ лекцій на латинскомъ языкѣ, которыя аспирантъ долженъ былъ прочитать въ силу § 99-го устава. Первая изъ этихъ лекцій была назначена по естественному праву („Quomodo finguntur munera publica secundum principia juris publici universalis"), вторая—по уголовному праву („Quomodo conniventia definienda etc."), третья—по праву римскому („In quo consis-

tunt compilationes juris Justinianei"). Лекціи на первыя двѣ темы были прочитаны Іономъ уже 8-го іюля, въ присутствіи членовъ отдѣленія, нѣкоторыхъ членовъ совѣта и „постороннихъ слушателей", но затѣмъ окончаніе всей процедуры пріобрѣтенія имъ докторской степени почему то оттянулось на весьма продолжительное время и публичная лекція на тему по римскому праву была прочтена докторантомъ лишь семь мѣсяцевъ спустя—27-го февраля 1814 года. Въ слѣдующемъ іюнѣ Іонъ представилъ въ отдѣленіе свою докторскую диссертацію, которая слѣдомъ затѣмъ была имъ напечатана и публично защищена 31-го октября; оффиціальными оппонентами выступили на этомъ диспутѣ профессоры баронъ Врангель, Кондыревъ и Лубкинъ. Экземпляръ печатной диссертаціи Іона подшитъ къ дѣлу о возведеніи его въ степень доктора и носитъ слѣдующее заглавіе: „Dissertatio inauguralis de jure puniendi, non nisi in statu civili fundando, quam pro summis in jure honoribus capessendis die 31 mens: Octobr: anni MDCCCXIV publice defendet auctor I. G. John, sondershusano-thuringensis.—Casani, typis universitatis" (стран. 25); диссертація посвящена попечителю округа М. А. Салтыкову *.

Утвержденіе Іона въ степени доктора обоихъ правъ состоялось въ засѣданіи совѣта 2-го декабря 1814 года. На два слишкомъ года затянулся, такимъ образомъ, процессъ промоціи этого перваго доктора казанскаго университета. О дальнѣйшей судьбѣ его намъ ничего неизвѣстно; получивъ степень доктора, Іонъ, повидимому, оставилъ Казань [27].

Вторымъ докторомъ правъ казанскаго университета явился Г. И. Солнцевъ, относительно пріобрѣтенія которымъ этой ученой степени въ своемъ мѣстѣ было нами говорено. Мы знаемъ, что испытаніе Солнцева, начатое имъ на степень магистра, уже во время производства своего, въ виду оказанныхъ аспирантомъ знаній, обратилось въ докторское; извѣстна намъ и диссертація, доставившая ему степень доктора правъ. Производившійся въ порядкѣ, общемъ съ испытаніемъ Іона, процессъ возведенія Солнцева въ докторское достоинство закончился несравненно скорѣе: открывшись въ концѣ апрѣля 1814 года, все производство было завершено 2-го декабря того же года утвержденіемъ Солнцева въ степени доктора правъ.

---

* Интересующихся этимъ первымъ въ казанскомъ университетѣ докторскимъ производствомъ отсылаемъ къ подлинному дѣлу о возведеніи Іона въ степень доктора (1812, по совѣту, № 98); кромѣ печатной диссертаціи Іона, здѣсь приложены протоколы засѣданій нравственно-политическаго отдѣленія, подлинные тексты его письменныхъ отвѣтовъ и публичныхъ лекцій, отзывы оппонентовъ и т. п.

tunt compilationes juris Justinianei"). Лекціи на первыя двѣ темы были прочитаны Іономъ уже 8-го іюля, въ присутствіи членовъ отдѣленія, нѣкоторыхъ членовъ совѣта и „постороннихъ слушателей", но затѣмъ окончаніе всей процедуры пріобрѣтенія имъ докторской степени почему то оттянулось на весьма продолжительное время и публичная лекція на тему по римскому праву была прочтена докторантомъ лишь семь мѣсяцевъ спустя—27-го февраля 1814 года. Въ слѣдующемъ іюнѣ Іонъ представилъ въ отдѣленіе свою докторскую диссертацію, которая слѣдомъ затѣмъ была имъ напечатана и публично защищена 31-го октября; оффиціальными оппонентами выступили на этомъ диспутѣ профессоры баронъ Врангель, Кондыревъ и Лубкинъ. Экземпляръ печатной диссертаціи Іона подшитъ къ дѣлу о возведеніи его въ степень доктора и носитъ слѣдующее заглавіе: „Dissertatio inauguralis de jure puniendi, non nisi in statu civili fundando, quam pro summis in jure honoribus capessendis die 31 mens: Octobr: anni MDCCCXIV publice defendet auctor I. G. John, sondershusano-thuringensis.—Casani, typis universitatis" (стран. 25); диссертація посвящена попечителю округа М. А. Салтыкову *.

Утвержденіе Іона въ степени доктора обоихъ правъ состоялось въ засѣданіи совѣта 2-го декабря 1814 года. На два слишкомъ года затянулся, такимъ образомъ, процессъ промоціи этого перваго доктора казанскаго университета. О дальнѣйшей судьбѣ его намъ ничего неизвѣстно; получивъ степень доктора, Іонъ, повидимому, оставилъ Казань [27].

Вторымъ докторомъ правъ казанскаго университета явился Г. И. Солнцевъ, относительно пріобрѣтенія которымъ этой ученой степени въ своемъ мѣстѣ было нами говорено. Мы знаемъ, что испытаніе Солнцева, начатое имъ на степень магистра, уже во время производства своего, въ виду оказанныхъ аспирантомъ знаній, обратилось въ докторское; извѣстна намъ и диссертація, доставившая ему степень доктора правъ. Производившійся въ порядкѣ, общемъ съ испытаніемъ Іона, процессъ возведенія Солнцева въ докторское достоинство закончился несравненно скорѣе: открывшись въ концѣ апрѣля 1814 года, все производство было завершено 2-го декабря того же года утвержденіемъ Солнцева въ степени доктора правъ.

* Интересующихся этимъ первымъ въ казанскомъ университетѣ докторскимъ производствомъ отсылаемъ къ подлинному дѣлу о возведеніи Іона въ степень доктора (1812, по совѣту, № 98); кромѣ печатной диссертаціи Іона, здѣсь приложены протоколы засѣданій нравственно-политическаго отдѣленія, подлинные тексты его письменныхъ отвѣтовъ и публичныхъ лекцій, отзывы оппонентовъ и т. п.

Г. И. Солнцевъ былъ за весь интересующій насъ промежутокъ времени единственнымъ русскимъ профессоромъ казанскаго университета, облеченнымъ докторскою степенью. Изъ русскихъ профессоровъ, значащихся въ спискахъ половины 1819 года, двое профессоровъ не имѣли никакихъ ученыхъ степеней (Яковкинъ и Городчаниновъ), остальные же имѣли лишь степень магистра, въ большинствѣ случаевъ пріобрѣтенную, какъ мы видѣли, безъ испытанія и безъ соблюденія другихъ правилъ, предписанныхъ университетскимъ уставомъ; даже такія крупныя въ научномъ отношеніи личности, какъ Н. И. Лобачевскій, И. М. Симоновъ и В. М. Перевощиковъ, прошли свои ученыя поприща не имѣя высшей ученой степени доктора. Правда, мы имѣемъ попытки пріобрѣтенія докторской степени со стороны И. М. Симонова (въ началѣ 1814 года) и І. Е. Срезневскаго (весною 1816 года) [28], но обѣ попытки оказались безуспѣшными вслѣдствіе независимыхъ отъ аспирантовъ причинъ, съ которыми мы скоро познакомимся и которыя болѣе нежели на два года затормозили дальнѣйшія возведенія въ ученыя степени, вообще.

Небезъинтереснымъ представляется проэктъ возведенія въ степень доктора honoris causa, предложенный Кондыревымъ совѣту въ сентябрѣ 1816 года. Ссылаясь на примѣры подобнаго рода возведенія въ докторскую степень, имѣвшіе мѣсто въ университетахъ московскомъ и дерптскомъ, проф. Кондыревъ, исходя изъ того положенія, что „особы, какую либо вѣтвь учености усовершившія, распространившія или лучшимъ до того образомъ объяснившія, по извѣстной учености своей и сочиненіямъ пріобрѣтшія отъ ученой республики (sic!) названіе ученаго, требуютъ уваженія предъ другими", высказываетъ мысль, что одобренныя творенія такихъ ученыхъ „совершенно замѣняютъ диссертацію, лекціи и другія испытанія", почему ихъ и представлялось бы возможнымъ возводить въ степень доктора безъ требованія условій, предъявляемыхъ для того существующими узаконеніями—„а дабы не было злоупотребленій, то можно дѣлать то по утвержденіи совѣта не менѣе двумя третями голосовъ". Предложеніе Кондырева, какъ не имѣвшее за собою основанія въ университетскомъ уставѣ, было лишь „принято къ свѣдѣнію" и дальнѣйшаго движенія не получило [29]; извѣстно, что возведеніе въ степень доктора honoris causa было впервые введено въ русскую университетскую жизнь лишь уставомъ 1863 года.

Университетская практика 1805—1819 годовъ даетъ намъ и одинъ примѣръ испытанія, совершенно непредусмотрѣннаго уставомъ 1804 года, но вызваннаго настоятельностью замѣщенія одной изъ существенныхъ медицин-

Г. И. Солнцевъ былъ за весь интересующій насъ промежутокъ времени единственнымъ русскимъ профессоромъ казанскаго университета, облеченнымъ докторскою степенью. Изъ русскихъ профессоровъ, значащихся въ спискахъ половины 1819 года, двое профессоровъ не имѣли никакихъ ученыхъ степеней (Яковкинъ и Городчаниновъ), остальные же имѣли лишь степень магистра, въ большинствѣ случаевъ пріобрѣтенную, какъ мы видѣли, безъ испытанія и безъ соблюденія другихъ правилъ, предписанныхъ университетскимъ уставомъ; даже такія крупныя въ научномъ отношеніи личности, какъ Н. И. Лобачевскій, И. М. Симоновъ и В. М. Перевощиковъ, прошли свои ученыя поприща не имѣя высшей ученой степени доктора. Правда, мы имѣемъ попытки пріобрѣтенія докторской степени со стороны И. М. Симонова (въ началѣ 1814 года) и І. Е. Срезневскаго (весною 1816 года) [28], но обѣ попытки оказались безуспѣшными вслѣдствіе независимыхъ отъ аспирантовъ причинъ, съ которыми мы скоро познакомимся и которыя болѣе нежели на два года затормозили дальнѣйшія возведенія въ ученыя степени, вообще.

Небезъинтереснымъ представляется проэктъ возведенія въ степень доктора honoris causa, предложенный Кондыревымъ совѣту въ сентябрѣ 1816 года. Ссылаясь на примѣры подобнаго рода возведенія въ докторскую степень, имѣвшіе мѣсто въ университетахъ московскомъ и дерптскомъ, проф. Кондыревъ, исходя изъ того положенія, что „особы, какую либо вѣтвь учености усовершившія, распространившія или лучшимъ до того образомъ объяснившія, по извѣстной учености своей и сочиненіямъ пріобрѣтшія отъ ученой республики (sic!) названіе ученаго, требуютъ уваженія предъ другими“, высказываетъ мысль, что одобренныя творенія такихъ ученыхъ „совершенно замѣняютъ диссертацію, лекціи и другія испытанія“, почему ихъ и представлялось бы возможнымъ возводить въ степень доктора безъ требованія условій, предъявляемыхъ для того существующими узаконеніями—„а дабы не было злоупотребленій, то можно дѣлать то по утвержденіи совѣта не менѣе двумя третями голосовъ“. Предложеніе Кондырева, какъ не имѣвшее за собою основанія въ университетскомъ уставѣ, было лишь „принято къ свѣдѣнію“ и дальнѣйшаго движенія не получило [29]; извѣстно, что возведеніе въ степень доктора honoris causa было впервые введено въ русскую университетскую жизнь лишь уставомъ 1863 года.

Университетская практика 1805—1819 годовъ даетъ намъ и одинъ примѣръ испытанія, совершенно непредусмотрѣннаго уставомъ 1804 года, но вызваннаго настоятельностью замѣщенія одной изъ существенныхъ медицин-

скихъ кафедръ, соединенною съ желаніемъ имѣть гарантію въ знаніяхъ претендента на нее. Это—испытаніе на званіе адъюнкта фармаціи, учиненное лѣтомъ 1811 года содержателю пермской вольной аптеки, провизору Ренарду. Согласно предложенія попечителя округа отъ 9-го февраля 1811 года, совѣту университета предоставлено было сдѣлать Ренарду, искавшему должность адъюнкта фармаціи, испытаніе въ этомъ предметѣ, каковое и происходило въ іюнѣ, причемъ испытуемому предложены были на разрѣшеніе слѣдующіе четыре вопроса: а) „Откуда добывается камфара, какъ ее приготовляютъ, вещественное ея состояніе, какія изъ оной при аптекахъ пріуготовленія и какіе ученые занимались природнымъ ея испытаніемъ", б) „Какіе составы извѣстны изъ ртути и какъ ихъ приготовляютъ?", в) „Какія правила должно соблюдать при собираніи произростаній?" и г) „Какія растенія добываются въ пермской губерніи и какими тамъ можно замѣнить употребленіе иностранныхъ произведеній?" Результатъ испытанія признанъ былъ удовлетворительнымъ и 26-го августа того же года Ренардъ былъ утвержденъ въ должности адъюнкта фармаціи [30].

Отмѣтимъ, наконецъ, одно, касающееся пріобрѣтенія ученыхъ степеней, ограниченіе общаго характера, состоявшееся въ 1816 году. Предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 27-го мая 1816 года казанскій университетъ былъ поставленъ въ извѣстность, что, вслѣдствіе прошенія еврея Вульфа объ учиненіи ему испытанія на степень доктора правъ и въ виду заключенія по этому дѣлу графа А. К. Разумовскаго, комитетъ министровъ положилъ, „что бы евреи не были допускаемы къ полученію университетскихъ степеней по части юриспруденціи". Совѣтомъ дана была по поводу этого предложенія руководительная „выписка" въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ [31].

Право университета на возведеніе въ ученыя степени и въ различныя званія, широко раскрывавшееся передъ нимъ съ полнымъ примѣненіемъ устава 1804 года, породило рядъ ходатайствъ передъ университетомъ въ этомъ направленіи, нѣкоторыя изъ которыхъ могутъ быть приведены развѣ только съ точки зрѣнія иллюстраціи воззрѣній, циркулировавшихъ въ обществѣ на университетъ и его задачи.

Такъ, въ іюлѣ 1815 года уже извѣстный намъ университетскій преподаватель музыки Новиковъ представилъ ректору списокъ своихъ духовныхъ и свѣтскихъ музыкальныхъ композицій, въ сопровожденіи ихъ партитуръ (въ количествѣ 32-хъ), съ просьбою объ удостоеніи его степени „магистра музыки". Ректоръ счелъ возможнымъ внести это ходатайство въ совѣтъ университета, который постановленіемъ отъ 15-го іюля

скихъ кафедръ, соединенною съ желаніемъ имѣть гарантію въ знаніяхъ претендента на нее. Это—испытаніе на званіе адъюнкта фармаціи, учиненное лѣтомъ 1811 года содержателю пермской вольной аптеки, провизору Ренарду. Согласно предложенія попечителя округа отъ 9-го февраля 1811 года, совѣту университета предоставлено было сдѣлать Ренарду, искавшему должность адъюнкта фармаціи, испытаніе въ этомъ предметѣ, каковое и происходило въ іюнѣ, причемъ испытуемому предложены были на разрѣшеніе слѣдующіе четыре вопроса: а) „Откуда добывается камфара, какъ ее приготовляютъ, вещественное ея состояніе, какія изъ оной при аптекахъ пріуготовленія и какіе ученые занимались природнымъ ея испытаніемъ", б) „Какіе составы извѣстны изъ ртути и какъ ихъ приготовляютъ?", в) „Какія правила должно соблюдать при собираніи произростаній?" и г) „Какія растенія добываются въ пермской губерніи и какими тамъ можно замѣнить употребленіе иностранныхъ произведеній?" Результатъ испытанія признанъ былъ удовлетворительнымъ и 26-го августа того же года Ренардъ былъ утвержденъ въ должности адъюнкта фармаціи [30].

Отмѣтимъ, наконецъ, одно, касающееся пріобрѣтенія ученыхъ степеней, ограниченіе общаго характера, состоявшееся въ 1816 году. Предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 27-го мая 1816 года казанскій университетъ былъ поставленъ въ извѣстность, что, вслѣдствіе прошенія еврея Вульфа объ учиненіи ему испытанія на степень доктора правъ и въ виду заключенія по этому дѣлу графа А. К. Разумовскаго, комитетъ министровъ положилъ, „что бы евреи не были допускаемы къ полученію университетскихъ степеней по части юриспруденціи". Совѣтомъ дана была по поводу этого предложенія руководительная „выписка" въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ [31].

Право университета на возведеніе въ ученыя степени и въ различныя званія, широко раскрывавшееся передъ нимъ съ полнымъ примѣненіемъ устава 1804 года, породило рядъ ходатайствъ передъ университетомъ въ этомъ направленіи, нѣкоторыя изъ которыхъ могутъ быть приведены развѣ только съ точки зрѣнія иллюстраціи воззрѣній, циркулировавшихъ въ обществѣ на университетъ и его задачи.

Такъ, въ іюлѣ 1815 года уже извѣстный намъ университетскій преподаватель музыки Новиковъ представилъ ректору списокъ своихъ духовныхъ и свѣтскихъ музыкальныхъ композицій, въ сопровожденіи ихъ партитуръ (въ количествѣ 32-хъ), съ просьбою объ удостоеніи его степени „магистра музыки". Ректоръ счелъ возможнымъ внести это ходатайство въ совѣтъ университета, который постановленіемъ отъ 15-го іюля

оставилъ его, разумѣется, безъ движенія, въ виду того, что „по уставу не дано университету права производить въ таковое достоинство [32]. Мы почли интереснымъ привести въ приложеніяхъ къ настоящему тому представленный въ совѣтъ списокъ музыкальныхъ твореній этого перваго казанскаго композитора.

Весною 1817 года самъ совѣтъ университета счелъ себя компетентнымъ назначить испытаніе и выдать свидѣтельство въ знаніи.... фехтовальнаго искусства,—профессіи, уже никакого соотношенія къ университетской наукѣ не имѣющей. Въ апрѣлѣ этого года нѣкій „присягнувшій на вѣчное Россіи подданство“ иностранецъ Иванъ Матони подалъ въ совѣтъ прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на „достаточное свѣдѣніе въ фектовальномъ искусствѣ“, которому, между прочимъ, „съ успѣхомъ обучалъ въ институтѣ (частномъ пансіонѣ) г. профессора Литтрова“, а также „сына г. попечителя университета“, просилъ учинить ему „испытаніе въ правилахъ упомянутаго искусства и снабдить свидѣтельствомъ о знаніи его, съ дозволеніемъ давать уроки“. Совѣтъ не только принялъ это не совсѣмъ обыкновенное прешеніе, но далъ порученіе профессорамъ Вердерамо и барону Врангелю, какъ „знающимъ фектовальное искусство, учинить оному Матони испытаніе“. И вотъ профессорамъ „повивальнаго искусства“ и „россійскаго правовѣдѣнія“ выпало на долю экзаменовать этого иностранца въ совершенно чуждомъ ихъ спеціальности искусствѣ, знаніе котораго было признано ими вполнѣ удовлетворительнымъ, вслѣдствіе чего Матони и было выдано въ томъ печатное свидѣтельство (имѣется при дѣлѣ), за подписомъ ректора и съ приложеніемъ университетской печати. Совѣтъ, очевидно, самъ созналъ неудобство этого прецедента, такъ какъ лѣтомъ того же года (25-го іюня) оставилъ безъ движенія аналогичное прошеніе иностранца же Франца Мансара „объ учиненіи ему экзамена въ фектовальномъ и танцовальномъ (!) искусствѣ“. Въ маѣ того же 1817 года „знающіе правила композиціи“ профессоры Броннеръ и Эрихъ производили, по порученію совѣта, экзаменъ въ знаніи музыки мѣстному капельмейстеру Федору Тефлингеру (впослѣдствіе, въ 1827—1848 г.г., бывшему преподавателемъ музыки въ университетѣ), которому удостовѣреніе въ этомъ нужно было для полученія званія имепитаго граждаиина; и этому просителю выданъ былъ на основаніи экзамена печатный аттестатъ, которымъ удостовѣрялось, что Тефлингеръ „не только искусно играетъ на многихъ инструментахъ, но, имѣя основательныя познанія въ теоріи музыки, и сочиняетъ правильно, соединяя опытность съ дарованіями“ [33].

оставилъ его, разумѣется, безъ движенія, въ виду того, что „по уставу не дано университету права производить въ таковое достоинство [32]. Мы почли интереснымъ привести въ приложеніяхъ къ настоящему тому представленный въ совѣтъ списокъ музыкальныхъ твореній этого перваго казанскаго композитора.

Весною 1817 года самъ совѣтъ университета счелъ себя компетентнымъ назначить испытаніе и выдать свидѣтельство въ знаніи.... фехтовальнаго искусства,—профессіи, уже никакого соотношенія къ университетской наукѣ не имѣющей. Въ апрѣлѣ этого года нѣкій „присягнувшій на вѣчное Россіи подданство" иностранецъ Иванъ Матони подалъ въ совѣтъ прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на „достаточное свѣдѣніе въ фектовальномъ искусствѣ", которому, между прочимъ, „съ успѣхомъ обучалъ въ институтѣ (частномъ пансіонѣ) г. профессора Литтрова", а также „сына г. попечителя университета", просилъ учинить ему „испытаніе въ правилахъ упомянутаго искусства и снабдить свидѣтельствомъ о знаніи его, съ дозволеніемъ давать уроки". Совѣтъ не только принялъ это не совсѣмъ обыкновенное прешеніе, но далъ порученіе профессорамъ Вердерамо и барону Врангелю, какъ „знающимъ фектовальное искусство, учинить оному Матони испытаніе". И вотъ профессорамъ „повивальнаго искусства" и „россійскаго правовѣдѣнія" выпало на долю экзаменовать этого иностранца въ совершенно чуждомъ ихъ специіальности искусствѣ, знаніе котораго было признано ими вполнѣ удовлетворительнымъ, вслѣдствіе чего Матони и было выдано въ томъ печатное свидѣтельство (имѣется при дѣлѣ), за подписомъ ректора и съ приложеніемъ университетской печати. Совѣтъ, очевидно, самъ сознáлъ неудобство этого прецедента, такъ какъ лѣтомъ того же года (25-го іюня) оставилъ безъ движенія аналогичное прошеніе иностранца же Франца Мансара „объ учиненіи ему экзамѣна въ фектовальномъ и танцовальномъ (!) искусствѣ". Въ маѣ того же 1817 года „знающіе правила композиціи" профессоры Броннеръ и Эрихъ производили, по порученію совѣта, экзаменъ въ знаніи музыки мѣстному капельмейстеру Федору Тефлингеру (впослѣдствіе, въ 1827—1848 г.г., бывшему преподавателемъ музыки въ университетѣ), которому удостовѣреніе въ этомъ нужно было для полученія званія именитаго гражданина; и этому просителю выданъ былъ на основаніи экзамена печатный аттестатъ, которымъ удостовѣрялось, что Тефлингеръ „не только искусно играетъ на многихъ инструментахъ, но, имѣя основательныя познанія въ теоріи музыки, и сочиняетъ правильно, соединяя опытность съ дарованіями" [33].

Имѣются передъ нами и двѣ попытки, относящіяся обѣ къ 1815 году получить ученую степень доктора безъ особаго испытанія, установляемаго университетскимъ уставомъ. Первое изъ нихъ принадлежитъ учителю новыхъ языковъ въ астраханской гимназіи и издателю астраханскихъ „Восточныхъ Извѣстій“ (періодическаго изданія, рѣчь о которомъ будетъ у насъ идти въ своемъ мѣстѣ) Іосифу фонъ-Вейскгопфену. Въ половинѣ ноября 1815 года Вейскгопфенъ вошелъ въ совѣтъ университета съ всеподданнѣйшимъ, писаннымъ по титулѣ, прошеніемъ, въ которомъ ходатайствовалъ о возведеніи его въ степень доктора безъ экзамена, на основаніи представляемыхъ имъ четырехъ рукописныхъ сочиненій, среди которыхъ оказалось даже „театральное сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Der gute Sohn“. Совѣтъ университета 20-го декабря далъ знать просителю, что, не имѣя полномочій возводить въ степень доктора безъ положеннаго испытанія, онъ приглашаетъ его лично прибыть для этой цѣли въ Казань, чего тотъ, конечно, не исполнилъ.

Столь же мало обоснованнымъ съ точки зрѣнія существующихъ положеній, хотя несравненно болѣе серьезнымъ съ точки зрѣнія научныхъ правъ аспиранта, явилось ходатайство „члена общества отечественной словесности при казанскомъ университетѣ, таковаго же с.-петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и соревнователя общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ“, почетнаго смотрителя ядринскаго уѣзднаго училища и казанскаго дворянина Николая Сергѣевича Арцыбышева (1773+1841), извѣстнаго автора „Повѣствованія о Россіи“, уже въ то время располагавшаго нѣсколькими печатными трудами и статьями по русской исторіи и усиленно работавшаго въ области своего будущаго труда, стяжавшаго ему почетное мѣсто въ ряду русскихъ историковъ. Интересъ имени Н. С. Арцыбышева побуждаетъ насъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на его попыткѣ полученія въ казанскомъ университетѣ степени доктора.

Въ началѣ декабря 1815 года Арцыбышевъ обратился въ совѣтъ университета съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

> „Преданъ будучи императорскому казанскому университету по служенію и по чувствамъ моимъ, имѣю я честь представить ему сочиненіе мое въ трехъ томахъ, подъ названіемъ: „Приступъ къ повѣсти о русскихъ“ *— сочиненіе, которому пожертвовалъ я тринадцатью луч-

* Это и есть будущее «Повѣствованіе о Россіи».

Имѣются передъ нами и двѣ попытки, относящіяся обѣ къ 1815 году получить ученую степень доктора безъ особаго испытанія, установляемаго университетскимъ уставомъ. Первое изъ нихъ принадлежитъ учителю новыхъ языковъ въ астраханской гимназіи и издателю астраханскихъ „Восточныхъ Извѣстій" (періодическаго изданія, рѣчь о которомъ будетъ у насъ идти въ своемъ мѣстѣ) Іосифу фонъ-Вейскгопфену. Въ половинѣ ноября 1815 года Вейскгопфенъ вошелъ въ совѣтъ университета съ всеподданнѣйшимъ, писаннымъ по титулѣ, прошеніемъ, въ которомъ ходатайствовалъ о возведеніи его въ степень доктора безъ экзамена, на основаніи представляемыхъ имъ четырехъ рукописныхъ сочиненій, среди которыхъ оказалось даже „театральное сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Der gute Sohn". Совѣтъ университета 20-го декабря далъ знать просителю, что, не имѣя полномочій возводить въ степень доктора безъ положеннаго испытанія, онъ приглашаетъ его лично прибыть для этой цѣли въ Казань, чего тотъ, конечно, не исполнилъ.

Столь же мало обоснованнымъ съ точки зрѣнія существующихъ положеній, хотя несравненно болѣе серьезнымъ съ точки зрѣнія научныхъ правъ аспиранта, явилось ходатайство „члена общества отечественной словесности при казанскомъ университетѣ, таковаго же с.-петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и соревнователя общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ", почетнаго смотрителя ядринскаго уѣзднаго училища и казанскаго дворянина Николая Сергѣевича Арцыбышева (1773+1841), извѣстнаго автора „Повѣствованія о Россіи", уже въ то время располагавшаго нѣсколькими печатными трудами и статьями по русской исторіи и усиленно работавшаго въ области своего будущаго труда, стяжавшаго ему почетное мѣсто въ ряду русскихъ историковъ. Интересъ имени Н. С. Арцыбышева побуждаетъ насъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на его попыткѣ полученія въ казанскомъ университетѣ степени доктора.

Въ началѣ декабря 1815 года Арцыбышевъ обратился въ совѣтъ университета съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

> „Преданъ будучи императорскому казанскому университету по служенію и по чувствамъ моимъ, имѣю я честь представить ему сочиненіе мое въ трехъ томахъ, подъ названіемъ: „Приступъ къ повѣсти о русскихъ" *— сочиненіе, которому пожертвовалъ я тринадцатью луч-

* Это и есть будущее «Повѣствованіе о Россіи».

шихъ лѣтъ моей жизни, многими выгодами политическаго и экономическаго бытія и даже, отчасти, моимъ здоровьемъ. Вознагражденнымъ за все то почелъ бы я себя, конечно, ежели бъ казанскій университетъ, найдя трудъ мой не безполезнымъ, удостоилъ меня, безъ экзамена, докторскаго сана, тѣмъ болѣе, что сотоварищи мои на стезѣ наукъ привлечены бы были чрезъ то къ большимъ усиліямъ для усовершенствованія ихъ въ нашемъ отечествѣ. Въ такомъ случаѣ употреблю я всѣ мои способы издать какъ можно скорѣе четвертый и окончательный томъ помянутаго сочиненія. Ежели жъ, при всѣхъ моихъ напряженіяхъ, трудъ мой не могъ еще заслужить одобренія высшаго ученаго мѣста, то нижайше прошу казанскій императорскій университетъ возвратить мнѣ рукопись, дабы могъ я, заблаговременно, сдѣлать ей другое предназначеніе".

На второмъ полулистѣ этого прошенія имѣется слѣдующее добавленіе:

„Изъ прочихъ сочиненій моихъ главнѣйшія: 1) Рогнѣда или разореніе Полоцка—напечатана Сѣвернаго Вѣстника въ 1804 годѣ; 2) Случай или доказательство бытія Божія—ода, напечатана того жъ Сѣвернаго Вѣстника въ 1805 годѣ; 3) Пѣснь на возстановленіе всеобщаго мира—стихотвореніе еще не напечатанное, находится въ обществѣ любителей отечественной словесности; 4) Безсмертіе—ода еще не напечатанная, которую буду имѣть честь доставить въ университетъ".

Изъ представленныхъ мною трехъ книгъ „Приступа къ повѣсти о русскихъ", введеніе,—о первобытной Россіи и ея жителяхъ,—и первая книга напечатаны * и, представлены будучи ихъ сіятельствамъ министрамъ народнаго просвѣщенія графамъ П. В. Завадовскому и А. К. Разумовскому, а черезъ послѣдняго Его Величеству Государю Императору, приняты были ими благосклонно. Экземпляръ ихъ находится въ обществѣ любителей отечественной словесности.

О мелочныхъ и бѣглыхъ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ, по разнымъ журналамъ разсѣянныхъ—я не упоминаю".

Къ прошенію подшито, на особой осьмушкѣ, и нѣмецкое стихотвореніе Арцыбышева подъ заглавіемъ „Die Lebenskost" („Цѣна жизни"), которымъ онъ желалъ, быть можетъ, воздать честь нѣмецкимъ членамъ университетскаго совѣта; мы приводимъ это стихотвореніе, въ интересахъ біо-библіографическихъ, въ приложеніяхъ (см. приложеніе III) къ настоящей книгѣ.

* Это именно печатные труды Н. С. Арцыбышева: «О первобытной Россіи и ея жителяхъ», СПБ. 1809, и «Приступъ къ повѣсти о русскихъ», СПБ. 1811.

шихъ лѣтъ моей жизни, многими выгодами политическаго и экономическаго бытія и даже, отчасти, моимъ здоровьемъ. Вознагражденнымъ за все то почелъ бы я себя, конечно, ежели бъ казанскій университетъ, найдя трудъ мой не безполезнымъ, удостоилъ меня, безъ экзамена, докторскаго сана, тѣмъ болѣе, что сотоварищи мои на стезѣ наукъ привлечены бы были чрезъ то къ большимъ усиліямъ для усовершенствованія ихъ въ нашемъ отечествѣ. Въ такомъ случаѣ употреблю я всѣ мои способы издать какъ можно скорѣе четвертый и окончательный томъ помянутаго сочиненія. Ежели жъ, при всѣхъ моихъ напряженіяхъ, трудъ мой не могъ еще заслужить одобренія высшаго ученаго мѣста, то нижайше прошу казанскій императорскій университетъ возвратить мнѣ рукопись, дабы могъ я, заблаговременно, сдѣлать ей другое предназначеніе".

На второмъ полулистѣ этого прошенія имѣется слѣдующее добавленіе:

„Изъ прочихъ сочиненій моихъ главнѣйшія: 1) Рогнѣда или разореніе Полоцка—напечатана Сѣвернаго Вѣстника въ 1804 годѣ; 2) Случай или доказательство бытія Божія—ода, напечатана того жъ Сѣвернаго Вѣстника въ 1805 годѣ; 3) Пѣснь на возстановленіе всеобщаго мира—стихотвореніе еще не напечатанное, находится въ обществѣ любителей отечественной словесности; 4) Безсмертіе—ода еще не напечатанная, которую буду имѣть честь доставить въ университетъ".

Изъ представленныхъ мною трехъ книгъ „Приступа къ повѣсти о русскихъ", введеніе,—о первобытной Россіи и ея жителяхъ,—и первая книга напечатаны * и, представлены будучи ихъ сіятельствамъ министрамъ народнаго просвѣщенія графамъ П. В. Завадовскому и А. К. Разумовскому, а черезъ послѣдняго Его Величеству Государю Императору, приняты были ими благосклонно. Экземпляръ ихъ находится въ обществѣ любителей отечественной словесности.

О мелочныхъ и бѣглыхъ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ, по разнымъ журналамъ разсѣянныхъ—я не упоминаю".

Къ прошенію подшито, на особой осьмушкѣ, и нѣмецкое стихотвореніе Арцыбышева подъ заглавіемъ „Die Lebenskost" („Цѣна жизни"), которымъ онъ желалъ, быть можетъ, воздать честь нѣмецкимъ членамъ университетскаго совѣта; мы приводимъ это стихотвореніе, въ интересахъ біо-библіографическихъ, въ приложеніяхъ (см. приложеніе III) къ настоящей книгѣ.

---

* Это именно печатные труды Н. С. Арцыбышева: «О первобытной Россіи и ея жителяхъ», СПБ. 1809, и «Приступъ къ повѣсти о русскихъ», СПБ. 1811.

Заслушавъ прошеніе Арцыбышева, совѣтъ университета опредѣлилъ дать знать просителю, что, по силѣ устава, онъ не имѣетъ права возводить въ ученыя степени безъ испытанія, выразивъ надежду, что для Арцыбышева это обстоятельство „не будетъ препятствіемъ получить званіе, котораго онъ столько достоенъ" и что ему, съ его познаніями, „не будетъ затруднительно подвергнуться испытанію, которое дастъ совѣту пріятное для него право" исполнить заявленное желаніе. Арцыбышевъ отвѣтилъ на это увѣдомленіе слѣдующимъ письмомъ отъ 31-го декабря:

„Осчастливленъ будучи лестнѣйшимъ для меня отношеніемъ почтеннѣйшаго совѣта, обязанностью моею почитаю донести ему слѣдующее. Представленная мною русская исторія, подъ названіемъ Приступъ къ повѣсти о русскихъ—есть уже мое испытаніе; и, буде напряженіе мое показать ученому свѣту Европы и моего отечества первое критикою очищенное бытописаніе наше, къ доставленію мнѣ просимаго докторскаго достоинства не достаточно, то все прочее и слабыя мои познанія къ желанію моему способствовать отнюдь не могутъ.

Кромѣ обрядовъ, IX-ою главою университетскаго устава предписываемыхъ и поприщу жизни моей вовсе чуждыхъ, не могу я подвергнуть себя испытанію болѣе потому, что, ко вреду наукъ, оправдаю совершенно мнѣніе тѣхъ, которые убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривали меня въ теченіи тринадцати лѣтъ отстать отъ моего многотруднаго предпріятія, увѣряя, что я дѣлаю дѣло безполезное и трачу только время, въ которое занятія другого рода могли бы доставить мнѣ разныя, не маловажныя, выгоды".

Исполняя желаніе Арцыбышева, совѣтъ возвратилъ ему доставленныя рукописи, вторично выразивъ „сердечное сожалѣніе", что, отказываясь отъ установленнаго испытанія, онъ „лишаетъ его удовольствія возвести сочинителя Приступа къ повѣсти о русскихъ на степень доктора" [34].

Кромѣ возведенія въ ученыя степени, казанскій университетъ пользовался, какъ мы уже говорили, правомъ испытанія и утвержденія въ различныхъ медицинскихъ званіяхъ, а также предоставленія, опять таки по экзамену, правъ частнаго преподаванія.

До насъ сохранился цѣлый рядъ производствъ относительно возведенія университетомъ различныхъ лицъ въ званія лекарей, аптекарей и провизоровъ, аптекарскихъ помощниковъ (гезелей) и повивальныхъ бабокъ. Всѣмъ этимъ лицамъ производилось, по предложеніямъ о томъ совѣта университета, особое испытаніе при отдѣленіи врачебныхъ наукъ на основаніи „правилъ, высочайше утвержденныхъ о медицинскихъ чинов-

Заслушавъ прошеніе Арцыбышева, совѣтъ университета опредѣлилъ дать знать просителю, что, по силѣ устава, онъ не имѣетъ права возводить въ ученыя степени безъ испытанія, выразивъ надежду, что для Арцыбышева это обстоятельство „не будетъ препятствіемъ получить званіе, котораго онъ столько достоенъ“ и что ему, съ его познаніями, „не будетъ затруднительно подвергнуться испытанію, которое дастъ совѣту пріятное для него право“ исполнить заявленное желаніе. Арцыбышевъ отвѣтилъ на это увѣдомленіе слѣдующимъ письмомъ отъ 31-го декабря:

„Осчастливленъ будучи лестнѣйшимъ для меня отношеніемъ почтеннѣйшаго совѣта, обязанностью моею почитаю донести ему слѣдующее. Представленная мною русская исторія, подъ названіемъ Приступъ къ повѣсти о русскихъ—есть уже мое испытаніе; и, буде напряженіе мое показать ученому свѣту Европы и моего отечества первое критикою очищенное бытописаніе наше, къ доставленію мнѣ просимаго докторскаго достоинства не достаточно, то все прочее и слабыя мои познанія къ желанію моему способствовать отнюдь не могутъ.

Кромѣ обрядовъ, IX-ою главою университетскаго устава предписываемыхъ и поприщу жизни моей вовсе чуждыхъ, не могу я подвергнуть себя испытанію болѣе потому, что, ко вреду наукъ, оправдаю совершенно мнѣніе тѣхъ, которые убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривали меня въ теченіи тринадцати лѣтъ отстать отъ моего многотруднаго предпріятія, увѣряя, что я дѣлаю дѣло безполезное и трачу только время, въ которое занятія другого рода могли бы доставить мнѣ разныя, не маловажныя, выгоды“.

Исполняя желаніе Арцыбышева, совѣтъ возвратилъ ему доставленныя рукописи, вторично выразивъ „сердечное сожалѣніе“, что, отказываясь отъ установленнаго испытанія, онъ „лишаетъ его удовольствія возвести сочинителя Приступа къ повѣсти о русскихъ на степень доктора“ [34].

Кромѣ возведенія въ ученыя степени, казанскій университетъ пользовался, какъ мы уже говорили, правомъ испытанія и утвержденія въ различныхъ медицинскихъ званіяхъ, а также предоставленія, опять таки по экзамену, правъ частнаго преподаванія.

До насъ сохранился цѣлый рядъ производствъ относительно возведенія университетомъ различныхъ лицъ въ званія лекарей, аптекарей и провизоровъ, аптекарскихъ помощниковъ (гезелей) и повивальныхъ бабокъ. Всѣмъ этимъ лицамъ производилось, по предложеніямъ о томъ совѣта университета, особое испытаніе при отдѣленіи врачебныхъ наукъ на основаніи „правилъ, высочайше утвержденныхъ о медицинскихъ чинов-

никахъ". Испытаніе на званіе аптекарей и аптекарскихъ помощниковъ лицъ, имѣющихъ жительство внѣ Казани, въ уважительныхъ случаяхъ допускалось и заочное: отдѣленіе врачебныхъ наукъ давало темы для вопросовъ и для практическихъ работъ, самое же испытаніе производилось тою губернскою врачебною управою, въ вѣдѣніи которой состоялъ испытуемый, причемъ въ университетъ, для выдачи надлежащаго свидѣтельства, препровождались противленные какъ письменные отвѣты, такъ и сдѣланные препараты или другія предложенныя практическія работы; испытанія на фармацевтическія званія производились, впрочемъ, и самимъ врачебнымъ отдѣленіемъ, въ присутствіи приглашаемаго къ нему мѣстнаго инспектора врачебной управы [35].

Количество студентовъ-медиковъ бывало весьма незначительнымъ въ интересующую насъ эпоху университетской жизни, а потому ограниченнымъ является и количество относящихся къ той же порѣ производствъ въ званіе лекаря, которое въ то время имѣло три ступени: лекарей перваго, второго и третьяго разрядовъ или отдѣленій. Такъ, въ 1812—1813 учебномъ году изъ общаго количества 48-ми студентовъ медицину слушали только четверо, въ 1816—1817 учебномъ году, изъ 110-ти студентовъ— только трое. Общее количество лекарей, произведенныхъ казанскимъ университетомъ до 1820 года, составляетъ незначительную цифру пяти человѣкъ, именно: К. Вемздорфъ (лекарь третьяго разряда изъ вольныхъ слушателей, утв. 1817 года), Н. Филиповскій, И. Николаевъ, В. Саханскій и А. Лентовскій (первый—перваго разряда, остальные—второго разряда, всѣ четверо утверждены въ 1818 году).

1816 годъ даетъ намъ двѣ попытки пріобрѣтенія въ казанскомъ университетѣ лекарскаго званія и сопряженнаго съ нимъ права практики въ Россіи и лицами посторонними — присягнувшими на русское подданство иностранными лекарями барономъ фонъ-Штернъ и Карломъ Гекторомъ. Знанія обоихъ претендентовъ признаны были, по произведенному имъ весною 1816 года испытанію, недостаточными и имъ было предоставлено право, которымъ они, впрочемъ, не воспользовались, „въ теченіи одного года тщательно пещись о умноженіи и пріобрѣтеніи нужныхъ познаній и тогда, по вторичному испытанію, сдѣлаться достойными просимаго аттестата". Домогательство барона Штерна связано съ характерною попыткою съ его стороны подкупить адъюнкта Ренарда въ интересахъ полученія вождѣленнаго лекарскаго званія. Въ концѣ февраля слѣдующаго 1817 года, намѣреваясь, повидимому, снова попытать счастье въ казанскомъ университетѣ, Штернъ прислалъ Ренарду присьмо, въ которомъ просилъ

никахъ". Испытаніе на званіе аптекарей и аптекарскихъ помощниковъ лицъ, имѣющихъ жительство внѣ Казани, въ уважительныхъ случаяхъ допускалось и заочное: отдѣленіе врачебныхъ наукъ давало темы для вопросовъ и для практическихъ работъ, самое же испытаніе производилось тою губернскою врачебною управою, въ вѣдѣніи которой состоялъ испытуемый, причемъ въ университетъ, для выдачи надлежащаго свидѣтельства, препровождались противленные какъ письменные отвѣты, такъ и сдѣланные препараты или другія предложенныя практическія работы; испытанія на фармацевтическія званія производились, впрочемъ, и самимъ врачебнымъ отдѣленіемъ, въ присутствіи приглашаемаго къ нему мѣстнаго инспектора врачебной управы [35].

Количество студентовъ-медиковъ бывало весьма незначительнымъ въ интересующую насъ эпоху университетской жизни, а потому ограниченнымъ является и количество относящихся къ той же порѣ производствъ въ званіе лекаря, которое въ то время имѣло три ступени: лекарей перваго, второго и третьяго разрядовъ или отдѣленій. Такъ, въ 1812—1813 учебномъ году изъ общаго количества 48-ми студентовъ медицину слушали только четверо, въ 1816—1817 учебномъ году, изъ 110-ти студентовъ—только трое. Общее количество лекарей, произведенныхъ казанскимъ университетомъ до 1820 года, составляетъ незначительную цифру пяти человѣкъ, именно: К. Вемздорфъ (лекарь третьяго разряда изъ вольныхъ слушателей, утв. 1817 года), Н. Филиповскій, И. Николаевъ, В. Саханскій и А. Лентовскій (первый—перваго разряда, остальные—второго разряда, всѣ четверо утверждены въ 1818 году).

1816 годъ даетъ намъ двѣ попытки пріобрѣтенія въ казанскомъ университетѣ лекарскаго званія и сопряженнаго съ нимъ права практики въ Россіи и лицами посторонними — присягнувшими на русское подданство иностранными лекарями барономъ фонъ-Штернъ и Карломъ Гекторомъ. Знанія обоихъ претендентовъ признаны были, по произведенному имъ весною 1816 года испытанію, недостаточными и имъ было предоставлено право, которымъ они, впрочемъ, не воспользовались, „въ теченіи одного года тщательно пещись о умноженіи и пріобрѣтеніи нужныхъ познаній и тогда, по вторичному испытанію, сдѣлаться достойными просимаго аттестата". Домогательство барона Штерна связано съ характерною попыткою съ его стороны подкупить адъюнкта Ренарда въ интересахъ полученія вождѣленнаго лекарскаго званія. Въ концѣ февраля слѣдующаго 1817 года, намѣреваясь, повидимому, снова попытать счастье въ казанскомъ университетѣ, Штернъ прислалъ Ренарду присьмо, въ которомъ просилъ

его „о вспоможеніи ему получить отъ университета лекарское, а буде невозможно, хотя подлекарское свидѣтельство на производство практики"; къ письму были приложены 50 рублей государственными ассигнаціями, яко бы „для вѣрнаго доставленія по почтѣ означеннаго письма". Ренардъ при рапортѣ представилъ эти деньги въ совѣтъ университета, съ просьбою препроводить ихъ „въ сумму, собираемую нынѣ въ городѣ Казани на облегченіе участи за долги въ тюрьмѣ содержащихся", что совѣтомъ и было исполнено. Къ новому испытанію на званіе лекаря находчивый баронъ, само собою разумѣется, уже не являлся [36].

Мы уже неоднократно упоминали о слишкомъ двухлѣтнемъ перерывѣ въ предоставленіи ученыхъ степеней (декабрь 1816—январь 1819 г.г.), наступившемъ для русскихъ университетовъ въ силу основаннаго на высочайшемъ повелѣніи министерскаго распоряженія отъ 19-го декабря 1816 года. Остановимся теперь съ нѣкоторою подробностью на этомъ фактѣ нашей академической жизни, вызванномъ тою неопредѣленностью въ дѣлѣ производства въ ученыя степени, которая существовала въ ту пору и которая не могла быть устранена слишкомъ общими положеніями, преподанными университетскимъ уставомъ 1804 года.

Вопросъ о порядкѣ возведенія въ ученыя степени не возбуждался въ казанскомъ университетѣ до тѣхъ поръ, пока функція его въ этомъ отношеніи не распространялась далѣе возведенія въ кандидатское и магистерское достоинства, раздававшіяся, какъ мы это видѣли, способомъ крайне примитивнымъ, причемъ степень магистра предоставлялась первоначально даже помимо особаго для полученія ея испытанія. Вопросъ этотъ заинтересовалъ собою совѣтъ казанскаго университета послѣ того, какъ поступили въ него первыя заявленія лицъ, желавшихъ искать высшей ученой степени доктора.

Первымъ заявленіемъ въ этомъ смыслѣ явилось слѣдующее прошеніе отъ 18-го февраля 1814 года, поданное въ совѣтъ университета магистромъ физико-математическихъ наукъ И. М. Симоновымъ:

> „Уже исполнилось три года, какъ я былъ испытуемъ на степень магистра и удостоенъ оной степени. Въ теченіи сихъ трехъ лѣтъ прилагалъ я всѣ свои силы къ бóльшему познанію математичесхихъ наукъ, съ тѣмъ, что бы со временемъ сдѣлаться болѣе достойнымъ того заведенія, гдѣ я получилъ начало и былъ усовершенствованъ въ сихъ наукахъ. Теперь же, надѣясь, что не безъ пользы провелъ оное время, осмѣливаюсь утруждать почтеннѣйшій совѣтъ своею просьбою, дабы позволилъ мнѣ приступить къ должному для полученія докторскаго достоинства испытанію и, ежели окажусь оного достойнымъ, дать мнѣ права, соотвѣтствующія оной степени".

его „о вспоможеніи ему получить отъ университета лекарское, а буде невозможно, хотя подлекарское свидѣтельство на производство практики"; къ письму были приложены 50 рублей государственными ассигнаціями, яко бы „для вѣрнаго доставленія по почтѣ означеннаго письма". Ренардъ при рапортѣ представилъ эти деньги въ совѣтъ университета, съ просьбою препроводить ихъ „въ сумму, собираемую нынѣ въ городѣ Казани на облегченіе участи за долги въ тюрьмѣ содержащихся", что совѣтомъ и было исполнено. Къ новому испытанію на званіе лекаря находчивый баронъ, само собою разумѣется, уже не являлся [36].

Мы уже неоднократно упоминали о слишкомъ двухлѣтнемъ перерывѣ въ предоставленіи ученыхъ степеней (декабрь 1816—январь 1819 г.г.), наступившемъ для русскихъ университетовъ въ силу основаннаго на высочайшемъ повелѣніи министерскаго распоряженія отъ 19-го декабря 1816 года. Остановимся теперь съ нѣкоторою подробностью на этомъ фактѣ нашей академической жизни, вызванномъ тою неопредѣленностью въ дѣлѣ производства въ ученыя степени, которая существовала въ ту пору и которая не могла быть устранена слишкомъ общими положеніями, преподанными университетскимъ уставомъ 1804 года.

Вопросъ о порядкѣ возведенія въ ученыя степени не возбуждался въ казанскомъ университетѣ до тѣхъ поръ, пока функція его въ этомъ отношеніи не распространялась далѣе возведенія въ кандидатское и магистерское достоинства, раздававшіяся, какъ мы это видѣли, способомъ крайне примитивнымъ, причемъ степень магистра предоставлялась первоначально даже помимо особаго для полученія ея испытанія. Вопросъ этотъ заинтересовалъ собою совѣтъ казанскаго университета послѣ того, какъ поступили въ него первыя заявленія лицъ, желавшихъ искать высшей ученой степени доктора.

Первымъ заявленіемъ въ этомъ смыслѣ явилось слѣдующее прошеніе отъ 18-го февраля 1814 года, поданное въ совѣтъ университета магистромъ физико-математическихъ наукъ И. М. Симоновымъ:

„Уже исполнилось три года, какъ я былъ испытуемъ на степень магистра и удостоенъ оной степени. Въ теченіи сихъ трехъ лѣтъ прилагалъ я всѣ свои силы къ бо́льшему познанію математичесхихъ наукъ, съ тѣмъ, что бы со временемъ сдѣлаться болѣе достойнымъ того заведенія, гдѣ я получилъ начало и былъ усовершенствованъ въ сихъ наукахъ. Теперь же, надѣясь, что не безъ пользы провелъ оное время, осмѣливаюсь утруждать почтеннѣйшій совѣтъ своею просьбою, дабы позволилъ мнѣ приступить къ должному для полученія докторскаго достоинства испытанію и, ежели окажусь оного достойнымъ, дать мнѣ права, соотвѣтствующія оной степени".

Прошеніе это поступило за пять мѣсяцевъ до полнаго открытія университета на основаніи устава 1804 года и поставило совѣтъ въ немалое недоумѣніе, которое не могло быть разсѣяно общими опредѣленіями, содержавшимися въ этомъ уставѣ. Какимъ порядкомъ должны производиться испытанія и изъ какихъ предметовъ, входящихъ въ общій циклъ факультетскаго преподаванія; какія вспомогательныя или „приготовительныя" науки имѣютъ быть включены въ программу испытанія; въ какомъ соотношеніи долженъ находиться установляемый правилами „предварительный искусъ" (§ 97-й устава) къ спеціальному „публичному" испытанію (§ 98-й), а также испытаніе письменное къ экзамену устному; по какимъ именно предметамъ вынимаются „по жребію" вопросы при томъ и другомъ испытаніяхъ; какъ производить публичную защиту диссертаціи—все это представлялось рядомъ вопросовъ, на которые уставъ университета не давалъ никакого отвѣта, которые не были выяснены и никакими правилами или положеніями.

Не представляется, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что совѣтъ университета, заслушавъ въ засѣданіи 18-го февраля прошеніе магистра Симонова, опредѣлилъ представить на разрѣшеніе попечителя округа слѣдующіе, поставившіе его въ недоумѣніе, два вопроса: а) „Во всѣхъ ли къ отдѣленію принадлежащихъ наукахъ экзаменовать просящихъ экзамена на докторское достоинство или токмо въ тѣхъ наукахъ, въ коихъ желаетъ получить сіе достоинство?" и б) „Должно ли вводить въ экзамены тѣ пріуготовительныя науки, которыя, по утвержденному г. профессора Броннера плану, признаны таковыми?" *. Уклоняясь отъ непосредственнаго отвѣта на эти запросы, Салтыковъ рекомендовалъ снестись по этому поводу съ московскимъ университетомъ, „неоднократно возводившимъ въ докторскія достоинства разныхъ отдѣленій", что совѣтомъ казанскаго университета и было исполнено. Отвѣтъ совѣта московскаго университета былъ полученъ 1-го мая—но и этотъ отвѣтъ не разсѣявалъ возникшихъ недоумѣній, такъ какъ въ немъ сообщалось, что „касательно экзаменовъ на высшія ученыя степени и здѣшній университетъ въ разсужденіи производства оныхъ взошелъ съ представленіемъ къ высшему начальству, какое же послѣдуетъ разрѣшеніе о томъ—не преминетъ увѣдомить и казанскій университетъ"; московскій университетъ препроводилъ, впрочемъ, печатный образецъ дипломовъ (на латинскомъ языкѣ, по шаблонному образцу подобныхъ же дипломовъ университетовъ германскихъ), выдаваемыхъ имъ на ученыя

* См. томъ I, стр. 425—428.

Прошеніе это поступило за пять мѣсяцевъ до полнаго открытія университета на основаніи устава 1804 года и поставило совѣтъ въ немалое недоумѣніе, которое не могло быть разсѣяно общими опредѣленіями, содержавшимися въ этомъ уставѣ. Какимъ порядкомъ должны производиться испытанія и изъ какихъ предметовъ, входящихъ въ общій циклъ факультетскаго преподаванія; какія вспомогательныя или „приготовительныя" науки имѣютъ быть включены въ программу испытанія; въ какомъ соотношеніи долженъ находиться установляемый правилами „предварительный искусъ" (§ 97-й устава) къ спеціальному „публичному" испытанію (§ 98-й), а также испытаніе письменное къ экзамену устному; по какимъ именно предметамъ вынимаются „по жребію" вопросы при томъ и другомъ испытаніяхъ; какъ производить публичную защиту диссертаціи—все это представлялось рядомъ вопросовъ, на которые уставъ университета не давалъ никакого отвѣта, которые не были выяснены и никакими правилами или положеніями.

Не представляется, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что совѣтъ университета, заслушавъ въ засѣданіи 18-го февраля прошеніе магистра Симонова, опредѣлилъ представить на разрѣшеніе попечителя округа слѣдующіе, поставившіе его въ недоумѣніе, два вопроса: а) „Во всѣхъ ли къ отдѣленію принадлежащихь наукахъ экзаменовать просящихъ экзамена на докторское достоинство или токмо въ тѣхъ наукахъ, въ коихъ желаетъ получить сіе достоинство?" и б) „Должно ли вводить въ экзамены тѣ пріуготовительныя науки, которыя, по утвержденному г. профессора Броннера плану, признаны таковыми?" *. Уклоняясь отъ непосредственнаго отвѣта на эти запросы, Салтыковъ рекомендовалъ снестись по этому поводу съ московскимъ университетомъ, „неоднократно возводившимъ въ докторскія достоинства разныхъ отдѣленій", что совѣтомъ казанскаго университета и было исполнено. Отвѣтъ совѣта московскаго университета былъ полученъ 1-го мая—но и этотъ отвѣтъ не разсѣявалъ возникшихъ недоумѣній, такъ какъ въ немъ сообщалось, что „касательно экзаменовъ на высшія ученыя степени и здѣшній университетъ въ разсужденіи производства оныхъ взошелъ съ представленіемъ къ высшему начальству, какое же послѣдуетъ разрѣшеніе о томъ—не преминетъ увѣдомить и казанскій университетъ"; московскій университетъ препроводилъ, впрочемъ, печатный образецъ дипломовъ (на латинскомъ языкѣ, по шаблонному образцу подобныхъ же дипломовъ университетовъ германскихъ), выдаваемыхъ имъ на ученыя

* См. томъ I, стр. 425—428.

степени. Неопредѣленное положеніе вещей продолжалось, такимъ образомъ, и послѣ полученія этого отвѣта, тѣмъ болѣе, что казанскому университету такъ и не суждено было дождаться „увѣдомленія", которымъ обнадеживалъ его университетъ московскій [37].

Не успѣлъ еще совѣтъ университета разобраться съ заставшимъ его врасплохъ прошеніемъ Симонова, какъ въ первой половинѣ апрѣля поступило въ него прошеніе новаго претендента на степень доктора. Этимъ новымъ претендентомъ выступилъ уже отчасти знакомый намъ письмоводитель попечителя округа X. Гёрке, изъявившій намѣреніе искать степень доктора словесныхъ наукъ. Отвѣтъ московскаго университета тогда еще не былъ полученъ и совѣтъ казанскаго университета, оставаясь послѣдовательнымъ, постановилъ отложить это прошеніе впредь до полученія ожидаемаго отвѣта—но на этотъ разъ опредѣленіе совѣта встрѣтило протестъ со стороны попечителя Салтыкова; попечитель пояснилъ, что сношеніе съ московскимъ университетомъ касается „болѣе наукъ приготовительныхъ и вспомогательныхъ" и что онъ не видитъ препятствій къ проэкзаменованію его письмоводителя на степень доктора по наукамъ основнымъ, въ силу чего и предписалъ „безъ отлагательства" произвести претенденту надлежащее испытаніе. Экзаменъ начался, но ограничился лишь тою частью его, которая входила въ понятіе „предварительнаго искуса" и которая въ маѣ мѣсяцѣ выдержана была Гёрке даже „съ похвалою". Слѣдомъ затѣмъ должно было начаться и „испытаніе публичное"; совѣтъ уже назначилъ двухъ депутатовъ для присутствованія на этихъ испытаніяхъ (проф. Литтрова и Лубкина)—но въ отдѣленіи словесныхъ наукъ снова возникли недоумѣнія по вопросу какъ о предметахъ, такъ и о самомъ порядкѣ предстоящаго испытанія, которыя и были переданы на усмотрѣніе совѣта. Въ ожиданіи рѣшенія совѣта испытаніе Гёрке было отложено и, впослѣдствіе, такъ и не возобновлялось въ виду дальнѣйшихъ осложненій, постигшихъ вопросъ о возведеніи въ ученыя степени, вообще. Совѣтъ же, заслушавъ представленіе словеснаго отдѣленія, 22-го іюня постановилъ: „Дать выписки во всѣ факультеты, исключая медицинскаго (въ виду существованія особаго положенія о возведеніи въ медицинскія званія), дабы они представили въ совѣтъ формы производства экзаменовъ на высшія университетскія степени".

Въ силу опредѣленія совѣта отъ 22-го іюня начались работы отдѣленій по вопросу о порядкѣ возведенія въ ученыя степени. Мы не будемъ излагать хода работъ ихъ въ этомъ направленіи, результаты которыхъ стали выясняться съ конца осени 1814 года (первымъ поступилъ

степени. Неопредѣленное положеніе вещей продолжалось, такимъ образомъ, и послѣ полученія этого отвѣта, тѣмъ болѣе, что казанскому университету такъ и не суждено было дождаться „увѣдомленія", которымъ обнадеживалъ его университетъ московскій [37].

Не успѣлъ еще совѣтъ университета разобраться съ заставшимъ его врасплохъ прошеніемъ Симонова, какъ въ первой половинѣ апрѣля поступило въ него прошеніе новаго претендента на степень доктора. Этимъ новымъ претендентомъ выступилъ уже отчасти знакомый намъ письмоводитель попечителя округа X. Гёрке, изъявившій намѣреніе искать степень доктора словесныхъ наукъ. Отвѣтъ московскаго университета тогда еще не былъ полученъ и совѣтъ казанскаго университета, оставаясь послѣдовательнымъ, постановилъ отложить это прошеніе впредь до полученія ожидаемаго отвѣта—но на этотъ разъ опредѣленіе совѣта встрѣтило протестъ со стороны попечителя Салтыкова; попечитель пояснилъ, что сношеніе съ московскимъ университетомъ касается „болѣе наукъ приготовительныхъ и вспомогательныхъ" и что онъ не видитъ препятствій къ проэкзаменованію его письмоводителя на степень доктора по наукамъ основнымъ, въ силу чего и предписалъ „безъ отлагательства" произвести претенденту надлежащее испытаніе. Экзаменъ начался, но ограничился лишь тою частью его, которая входила въ понятіе „предварительнаго искуса" и которая въ маѣ мѣсяцѣ выдержана была Гёрке даже „съ похвалою". Слѣдомъ затѣмъ должно было начаться и „испытаніе публичное"; совѣтъ уже назначилъ двухъ депутатовъ для присутствованія на этихъ испытаніяхъ (проф. Литтрова и Лубкина)—но въ отдѣленіи словесныхъ наукъ снова возникли недоумѣнія по вопросу какъ о предметахъ, такъ и о самомъ порядкѣ предстоящаго испытанія, которыя и были переданы на усмотрѣніе совѣта. Въ ожиданіи рѣшенія совѣта испытаніе Гёрке было отложено и, впослѣдствіе, такъ и не возобновлялось въ виду дальнѣйшихъ осложненій, постигшихъ вопросъ о возведеніи въ ученыя степени, вообще. Совѣтъ же, заслушавъ представленіе словеснаго отдѣленія, 22-го іюня постановилъ: „Дать выписки во всѣ факультеты, исключая медицинскаго (въ виду существованія особаго положенія о возведеніи въ медицинскія званія), дабы они представили въ совѣтъ формы производства экзаменовъ на высшія университетскія степени".

Въ силу опредѣленія совѣта отъ 22-го іюня начались работы отдѣленій по вопросу о порядкѣ возведенія въ ученыя степени. Мы не будемъ излагать хода работъ ихъ въ этомъ направленіи, результаты которыхъ стали выясняться съ конца осени 1814 года (первымъ поступилъ

въ совѣтъ, 21-го октября, докладъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ); отмѣтимъ только, что, опредѣленіемъ совѣта отъ 21-го октября, образованъ былъ особый комитетъ изъ ректора, декановъ и профессоровъ Броннера и Лубкина, которому и было поручено, „соединивъ въ одно“ мнѣнія по этому вопросу всѣхъ факультетовъ—„сдѣлать общее положеніе о производствѣ экзаменовъ просящимъ высшія ученыя степени“.

Работы образованнаго этимъ путемъ комитета были закончены къ февралю 1815 года и 1-го февраля поступилъ въ совѣтъ его докладъ, заключавшій въ себѣ общія основы положенія о производствѣ въ ученыя степени, который, постановленіемъ совѣта отъ 5-го числа того же мѣсяца, было рѣшено представить министру народнаго просвѣщенія. Приведемъ въ подлинникѣ этотъ докладъ совѣтскаго комитета:

1. Согласно мнѣніямъ факультетовъ, науки къ одному отдѣленію причисленныя, но, по своей особенности, не имѣющія между собою необходимой связи, должны составлять подъ-отдѣленія факультетовъ; такъ что, имѣющіе преимущественныя по симъ наукамъ свѣдѣнія, могутъ быть производимы въ университетскія степени, соразмѣрно своему знанію. Что, согласно мнѣніямъ факультетовъ, и изображено на прилагаемой при семъ таблицѣ, въ коей, кромѣ главныхъ наукъ, означены и вспомогательныя. Такимъ образомъ нравственно-политическій факультетъ раздѣленъ на четыре, физико-математическій на четыре, а словесный на пять отдѣленій *.

2. Относительно сего въ нравственно-политическомъ отдѣленіи, противу мнѣнія его та сдѣлана отмѣна, что юридическія науки соединены съ политическими, но такъ, что для юриспрудента политическія науки составляютъ вспомогательныя, а для политика таковыми суть юридическія.

3. Въ отдѣленіи словесныхъ наукъ противу мнѣнія онаго почтено нужнымъ такую сдѣлать отмѣну, чтобы изъ восточной словесности тѣ только были экзаменованы, которые по сей собственно части ищутъ университетскихъ степеней, а прочіе, къ сему же отдѣленію принадлежащіе, чтобъ отъ того были изъяты; поелику восточная словесность съ другими къ сему отдѣленію принадлежащими науками связи не имѣетъ, и поелику несправедливо было бы требовать въ оной свѣдѣ-

* Слѣдующія именно: I. На отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ—наукъ богословскихъ, политическихъ, юридическихъ и политико-юридическихъ; II. На отдѣленіи физико-математическомъ—наукъ математическихъ, физико-химическихъ, естественной исторіи и наукъ экономическихъ; III. На отдѣленіи словесномъ—россійской словесности, латинской словесности, восточныхъ языковъ, греческой словесности и наукъ историко-географическихъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи доклада всѣ главные и вспомогательные факультетскіе предметы испытанія являются распредѣленными по этимъ группамъ.

въ совѣтъ, 21-го октября, докладъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ); отмѣтимъ только, что, опредѣленіемъ совѣта отъ 21-го октября, образованъ былъ особый комитетъ изъ ректора, декановъ и профессоровъ Броннера и Лубкина, которому и было поручено, „соединивъ въ одно" мнѣнія по этому вопросу всѣхъ факультетовъ—„сдѣлать общее положеніе о производствѣ экзаменовъ просящимъ высшія ученыя степени".

Работы образованнаго этимъ путемъ комитета были закончены къ февралю 1815 года и 1-го февраля поступилъ въ совѣтъ его докладъ, заключавшій въ себѣ общія основы положенія о производствѣ въ ученыя степени, который, постановленіемъ совѣта отъ 5-го числа того же мѣсяца, было рѣшено представить министру народнаго просвѣщенія. Приведемъ въ подлинникѣ этотъ докладъ совѣтскаго комитета:

1. Согласно мнѣніямъ факультетовъ, науки къ одному отдѣленію причисленныя, но, по своей особенности, не имѣющія между собою необходимой связи, должны составлять подъ-отдѣленія факультетовъ; такъ что, имѣющіе преимущественныя по симъ наукамъ свѣдѣнія, могутъ быть производимы въ университетскія степени, соразмѣрно своему знанію. Что, согласно мнѣніямъ факультетовъ, и изображено на прилагаемой при семъ таблицѣ, въ коей, кромѣ главныхъ наукъ, означены и вспомогательныя. Такимъ образомъ нравственно-политическій факультетъ раздѣленъ на четыре, физико-математическій на четыре, а словесный на пять отдѣленій *.

2. Относительно сего въ нравственно-политическомъ отдѣленіи, противу мнѣнія его та сдѣлана отмѣна, что юридическія науки соединены съ политическими, но такъ, что для юриспрудента политическія науки составляютъ вспомогательныя, а для политика таковыми суть юридическія.

3. Въ отдѣленіи словесныхъ наукъ противу мнѣнія онаго почтено нужнымъ такую сдѣлать отмѣну, чтобы изъ восточной словесности тѣ только были экзаменованы, которые по сей собственно части ищутъ университетскихъ степеней, а прочіе, къ сему же отдѣленію принадлежащіе, чтобъ отъ того были изъяты; поелику восточная словесность съ другими къ сему отдѣленію принадлежащими науками связи не имѣетъ, и поелику несправедливо было бы требовать въ оной свѣдѣ-

---

* Слѣдующія именно: I. На отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ—наукъ богословскихъ, политическихъ, юридическихъ и политико-юридическихъ; II. На отдѣленіи физико-математическомъ—наукъ математическихъ, физико-химическихъ, естественной исторіи и наукъ экономическихъ; III. На отдѣленіи словесномъ—россійской словесности, латинской словесности, восточныхъ языковъ, греческой словесности и наукъ историко-географическихъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи доклада всѣ главные и вспомогательные факультетскіе предметы испытанія являются распредѣленными по этимъ группамъ.

нiй отъ каждаго, кто словесностью занимается и по сей части хочетъ получить ученую степень.

4. При предварительномъ испытанiи, кромѣ надлежащихъ свѣдѣнiй въ общихъ предуготовительныхъ наукахъ, нужно особенно смотрѣть, чтобы экзаменующiйся основательно зналъ природный языкъ и достаточно былъ бы опытенъ въ правильномъ письменномъ изложенiи своихъ мыслей, или могъ бы на ономъ сочинять по правиламъ риторики.

5. Вопросы по жребью выбираемые, словесные и письменные, должны относиться только до главныхъ или коренныхъ наукъ испытуемаго, вообще изо всѣхъ, а не изъ каждой порознь, по четыре для доктора и по два для магистра.

6. Изъ наукъ, близкихъ къ главнымъ и вспомогательныхъ, дѣлать только произвольное словесное испытанiе.

Не оставленъ безъ вниманiя и вопросъ относительно порядка производства публичныхъ диспутовъ и промоцiй лицъ, удостоиваемыхъ ученыхъ степеней. Еще въ засѣданiи совѣта 21-го октября 1814 года ректоромъ Брауномъ внесенъ былъ, принятый тогда же къ руководству, сводъ правилъ въ этомъ отношенiи, изложенный на латинскомъ языкѣ и носящiй заглавiе: „Ordo, ex quo disputationes et promotiones doctorum in universitate litterarum casanensi instituentur". Составленныя примѣнительно къ обрядностямъ, соблюдавшимся въ германскихъ университетахъ и являвшимся тамъ переживанiемъ традицiй старыхъ эпохъ университетской жизни, эти правила опредѣляютъ ритуальную сторону диспутовъ и промоцiй, начиная съ указанiя внѣшней обстановки ихъ (особыя кафедры для декана и диспутанта, такiя же мѣста для оппонентовъ, ритуальные поклоны и привѣтствiя и т. п.) и кончая провозглашенiемъ ученой степени подъ звуки струнной музыки (sub strepitu fidium) и торжественнымъ представленiемъ деканомъ неофита попечителю, ректору и членамъ совѣта [38].

Неизвѣстно, какая судьба постигла докладъ комитета, вырабатывавшаго въ казанскомъ университетѣ проэктъ правилъ о возведенiи въ ученыя степени, но въ концѣ декабря 1816 года та же работа возбуждена была и въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя, въ силу высочайше утвержденнаго 7-го ноября положенiя о томъ комитета министровъ. Предложенiемъ департамента министерства народнаго просвѣщенiя отъ 13-го ноября этого года казанскому университету предписано „доставить въ непродолжительномъ времени подробныя свѣдѣнiя — какимъ порядкомъ происходитъ въ ономъ производство въ ученыя степени студентовъ, кандидатовъ, магистровъ и докторовъ, отъ какихъ мѣстъ выдаются на званiя

нiй отъ каждаго, кто словесностью занимается и по сей части хочетъ получить ученую степень.

4. При предварительномъ испытанiи, кромѣ надлежащихъ свѣдѣнiй въ общихъ предуготовительныхъ наукахъ, нужно особенно смотрѣть, чтобы экзаменующiйся основательно зналъ природный языкъ и достаточно былъ бы опытенъ въ правильномъ письменномъ изложенiи своихъ мыслей, или могъ бы на ономъ сочинять по правиламъ риторики.

5. Вопросы по жребью выбираемые, словесные и письменные, должны относиться только до главныхъ или коренныхъ наукъ испытуемаго, вообще изо всѣхъ, а не изъ каждой порознь, по четыре для доктора и по два для магистра.

6. Изъ наукъ, близкихъ къ главнымъ и вспомогательныхъ, дѣлать только произвольное словесное испытанiе.

Не оставленъ безъ вниманiя и вопросъ относительно порядка производства публичныхъ диспутовъ и промоцiй лицъ, удостоиваемыхъ ученыхъ степеней. Еще въ засѣданiи совѣта 21-го октября 1814 года ректоромъ Брауномъ внесенъ былъ, принятый тогда же къ руководству, сводъ правилъ въ этомъ отношенiи, изложенный на латинскомъ языкѣ и носящiй заглавiе: „Ordo, ex quo disputationes et promotiones doctorum in universitate litterarum casanensi instituentur". Составленныя примѣнительно къ обрядностямъ, соблюдавшимся въ германскихъ университетахъ и являвшимся тамъ переживанiемъ традицiй старыхъ эпохъ университетской жизни, эти правила опредѣляютъ ритуальную сторону диспутовъ и промоцiй, начиная съ указанiя внѣшней обстановки ихъ (особыя кафедры для декана и диспутанта, такiя же мѣста для оппонентовъ, ритуальные поклоны и привѣтствiя и т. п.) и кончая провозглашенiемъ ученой степени подъ звуки струнной музыки (sub strepitu fidium) и торжественнымъ представленiемъ деканомъ неофита попечителю, ректору и членамъ совѣта [38].

Неизвѣстно, какая судьба постигла докладъ комитета, вырабатывавшаго въ казанскомъ университетѣ проэктъ правилъ о возведенiи въ ученыя степени, но въ концѣ декабря 1816 года та же работа возбуждена была и въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя, въ силу высочайше утвержденнаго 7-го ноября положенiя о томъ комитета министровъ. Предложенiемъ департамента министерства народнаго просвѣщенiя отъ 13-го ноября этого года казанскому университету предписано „доставить въ непродолжительномъ времени подробныя свѣдѣнiя — какимъ порядкомъ происходитъ въ ономъ производство въ ученыя степени студентовъ, кандидатовъ, магистровъ и докторовъ, отъ какихъ мѣстъ выдаются на званiя

сіи свидѣтельства или дипломы, то есть отъ правленія, отъ факультета или отъ совѣта и т. п.“ Одновременно съ этимъ предложеніемъ получено было и предписаніе и. д. министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, слѣдующаго содержанія:

„Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, относительно точнѣйшей отвѣтственности при производствѣ на будущее время въ ученыя степени, сообразить всѣ до сего касающіяся узаконенія и съ особымъ мнѣніемъ внесть записку на уваженіе комитета г.г. министровъ. — Дабы основательнѣе приступить къ исполненію высочайшей воли, предлагаю университету принять сей предметъ на разсужденіе и предположенія, какія признаетъ онъ для сего нужными, представить мнѣ“.

Въ исполненіе этого предписанія снова закипѣла въ факультетахъ работа по собиранію требуемыхъ свѣдѣній и по выясненію желательныхъ предположеній, которыя слѣдомъ за тѣмъ и были препровождены въ министерство. Намъ извѣстна и ближайшая причина, вызвавшая такія усиленныя мѣропріятія по выработкѣ твердыхъ правилъ для испытаній на ученыя степени. Этою причиною послужили противозаконія, допущенныя передъ тѣмъ дерптскимъ университетомъ въ дѣлѣ возведенія въ степень доктора правъ нѣкіихъ Вальтера и Вебера, изъ которыхъ первый, будучи раньше театральнымъ портнымъ, а затѣмъ разбогатѣвъ, сдѣлался не только русскимъ докторомъ правъ, но сумѣлъ даже получить званіе члена коммиссіи составленія законовъ. Вся эта исторія была разоблачена въ одномъ изъ лейпцигскихъ журналовъ, далеко не двусмысленно намекавшемъ на наличность въ этомъ дѣлѣ подкупа, произвела большой скандалъ въ ученомъ мірѣ и вызвала со стороны министерства энергичное разслѣдованіе. Доведенное до высочайшаго свѣдѣнія, дѣло это повлекло за собою увольненіе ректора, декана и одного члена юридическаго факультета дерптскаго университета вовсе изъ службы, строгій выговоръ всѣмъ остальнымъ членамъ факультета и признаніе, по высочайшему повелѣнію, недѣйствительными производства Вальтера и Вебера въ степень доктора, съ отобраніемъ выданныхъ имъ дипломовъ и съ запрещеніемъ искать впредь какихъ бы то ни было ученыхъ степеней; это высочайшее повелѣніе сообщено было въ ноябрѣ 1816 года всѣмъ университетамъ, въ томъ числѣ и казанскому.

Дерптскій инцидентъ, въ связи съ возбужденнымъ имъ вопросомъ о выработкѣ положенія относительно возведенія въ ученыя степени, послужилъ поводомъ и къ мѣропріятію общаго характера, о которомъ казан-

сіи свидѣтельства или дипломы, то есть отъ правленія, отъ факультета или отъ совѣта и т. п.“ Одновременно съ этимъ предложеніемъ получено было и предписаніе и. д. министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина, слѣдующаго содержанія:

„Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, относительно точнѣйшей отвѣтственности при производствѣ на будущее время въ ученыя степени, сообразить всѣ до сего касающіяся узаконенія и съ особымъ мнѣніемъ внесть записку на уваженіе комитета г.г. министровъ. — Дабы основательнѣе приступить къ исполненію высочайшей воли, предлагаю университету принять сей предметъ на разсужденіе и предположенія, какія признаетъ онъ для сего нужными, представить мнѣ“.

Въ исполненіе этого предписанія снова закипѣла въ факультетахъ работа по собиранію требуемыхъ свѣдѣній и по выясненію желательныхъ предположеній, которыя слѣдомъ за тѣмъ и были препровождены въ министерство. Намъ извѣстна и ближайшая причина, вызвавшая такія усиленныя мѣропріятія по выработкѣ твердыхъ правилъ для испытаній на ученыя степени. Этою причиною послужили противозаконія, допущенныя передъ тѣмъ дерптскимъ университетомъ въ дѣлѣ возведенія въ степень доктора правъ нѣкіихъ Вальтера и Вебера, изъ которыхъ первый, будучи раньше театральнымъ портнымъ, а затѣмъ разбогатѣвъ, сдѣлался не только русскимъ докторомъ правъ, но сумѣлъ даже получить званіе члена коммиссіи составленія законовъ. Вся эта исторія была разоблачена въ одномъ изъ лейпцигскихъ журналовъ, далеко не двусмысленно намекавшемъ на наличность въ этомъ дѣлѣ подкупа, произвела большой скандалъ въ ученомъ мірѣ и вызвала со стороны министерства энергичное разслѣдованіе. Доведенное до высочайшаго свѣдѣнія, дѣло это повлекло за собою увольненіе ректора, декана и одного члена юридическаго факультета дерптскаго университета вовсе изъ службы, строгій выговоръ всѣмъ остальнымъ членамъ факультета и признаніе, по высочайшему повелѣнію, недѣйствительными производства Вальтера и Вебера въ степень доктора, съ отобраніемъ выданныхъ имъ дипломовъ и съ запрещеніемъ искать впредь какихъ бы то ни было ученыхъ степеней; это высочайшее повелѣніе сообщено было въ ноябрѣ 1816 года всѣмъ университетамъ, въ томъ числѣ и казанскому.

Дерптскій инцидентъ, въ связи съ возбужденнымъ имъ вопросомъ о выработкѣ положенія относительно возведенія въ ученыя степени, послужилъ поводомъ и къ мѣропріятію общаго характера, о которомъ казан-

скій университетъ былъ поставленъ въ извѣстность слѣдующимъ предложеніемъ и. д. министра отъ 19-го декабря 1816 года, за № 4121-мъ:

„Отъ 23-го ноября сего года я предложилъ уже университету, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: относительно точнѣйшей отвѣтственности при производствѣ на будущее время въ ученыя степени, сообразить всѣ до сего касающіяся узаконенія и, съ особымъ мнѣніемъ, внесть записку на уваженіе комитета г.г. министровъ.

Вслѣдствіе сего, нынѣ предлагаю университету, дабы до учиненія по сему предмету окончательнаго положенія, остановился онъ производствомъ въ ученыя степени, исключая званій медицинскихъ“ [39].

Такимъ путемъ создался тотъ, свыше нежели двухлѣтній, перерывъ въ дѣлѣ возведенія въ ученыя степени, о которомъ мы не разъ уже упоминали и который въ казанскомъ университетѣ затормозилъ нѣсколько производствъ этого рода; жертвами этого перерыва сдѣлались, какъ мы знаемъ, Симоновъ, Гёрке, Срезневскій, Востоковъ—вѣроятно и нѣкоторые другіе магистры и кандидаты, лишенные возможности искать высшей ученой степени въ эти, особенно благопріятные къ тому, годы жизни университета, передъ тѣмъ лишь получившаго полную организацію на основаніи устава 1804 года.

Только 20-го января 1819 года послѣдовало высочайшее утвержденіе доклада главнаго правленія училищъ, при которомъ повергнуто было на высочайшее воззрѣніе, тогда же высочайше конфирмованное, „Положеніе о производствѣ въ ученыя степени“; это положеніе и кладется въ основу дальнѣйшей практики и дальнѣйшихъ университетскихъ производствъ этого рода [40].

Право университетовъ возводить въ ученыя степени было, такимъ образомъ, возстановлено, но наступившая слѣдомъ затѣмъ мрачная эпоха попечительства Магницкаго не была благопріятною развитію ученой дѣятельности казанскаго университета, вообще. Она не оказалась таковою и для пріобрѣтенія ученыхъ академическихъ степеней, значеніе и авторитетъ которыхъ затемняется въ эту пору произволомъ всесильнаго временщика-попечителя и личнымъ усмотрѣніемъ его ближайшихъ клевретовъ. Знанія, опытность, научное имя, обладаніе учеными степенями, преподавательскія дарованія—замѣняются теперь стимулами совершенно иного рода въ дѣлѣ достиженія попечительскаго фавора и сопряженнаго съ нимъ служебнаго положенія въ университетѣ......

скій университетъ былъ поставленъ въ извѣстность слѣдующимъ предложеніемъ и. д. министра отъ 19-го декабря 1816 года, за № 4121-мъ:

> „Отъ 23-го ноября сего года я предложилъ уже университету, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: относительно точнѣйшей отвѣтственности при производствѣ на будущее время въ ученыя степени, сообразить всѣ до сего касающіяся узаконенія и, съ особымъ мнѣніемъ, внесть записку на уваженіе комитета г.г. министровъ.
>
> Вслѣдствіе сего, нынѣ предлагаю университету, дабы до учиненія по сему предмету окончательнаго положенія, остановился онъ производствомъ въ ученыя степени, исключая званій медицинскихъ“ [39].

Такимъ путемъ создался тотъ, свыше нежели двухлѣтній, перерывъ въ дѣлѣ возведенія въ ученыя степени, о которомъ мы не разъ уже упоминали и который въ казанскомъ университетѣ затормозилъ нѣсколько производствъ этого рода; жертвами этого перерыва сдѣлались, какъ мы знаемъ, Симоновъ, Гёрке, Срезневскій, Востоковъ—вѣроятно и нѣкоторые другіе магистры и кандидаты, лишенные возможности искать высшей ученой степени въ эти, особенно благопріятные къ тому, годы жизни университета, передъ тѣмъ лишь получившаго полную организацію на основаніи устава 1804 года.

Только 20-го января 1819 года послѣдовало высочайшее утвержденіе доклада главнаго правленія училищъ, при которомъ повергнуто было на высочайшее воззрѣніе, тогда же высочайше конфирмованное, „Положеніе о производствѣ въ ученыя степени“; это положеніе и кладется въ основу дальнѣйшей практики и дальнѣйшихъ университетскихъ производствъ этого рода [40].

Право университетовъ возводить въ ученыя степени было, такимъ образомъ, возстановлено, но наступившая слѣдомъ затѣмъ мрачная эпоха попечительства Магницкаго не была благопріятною развитію ученой дѣятельности казанскаго университета, вообще. Она не оказалась таковою и для пріобрѣтенія ученыхъ академическихъ степеней, значеніе и авторитетъ которыхъ затемняется въ эту пору произволомъ всесильнаго временщика-попечителя и личнымъ усмотрѣніемъ его ближайшихъ клевретовъ. Знанія, опытность, научное имя, обладаніе учеными степенями, преподавательскія дарованія—замѣняются теперь стимулами совершенно иного рода въ дѣлѣ достиженія попечительскаго фавора и сопряженнаго съ нимъ служебнаго положенія въ университетѣ......

Что бы пополнить наши свѣдѣнія относительно личнаго состава казанскаго университета передъ эпохою Магницкаго, скажемъ еще нѣсколько словъ о вновь избранныхъ почетныхъ членахъ и членахъ-корреспондентахъ.

Мы уже познакомились съ контингентомъ почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, избранныхъ казанскимъ университетомъ по поводу состоявшагося полнаго открытія его въ 1814 году и въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за этимъ событіемъ. Списокъ членовъ этихъ двухъ категорій пополнялся и въ остальные годы занимающаго насъ пятилѣтія.

Въ 1817 году членомъ-корреспондентомъ казанскаго университета избранъ бывшій его профессоръ, академикъ Х. М. Френъ (избранъ 23-го октября, утвержденъ 22-го ноября).

Въ 1818 году произведено (24-го іюля) избраніе шести почетныхъ членовъ: И. И. Энгольма, доктора медицины и вице-президента императорской медико-хирургической академіи; П. А. Загорскаго, академика; И. Ѳ. Буша, академика; Л. Я. Боянуса, доктора медицины, профессора ветеринаріи въ виленскомъ университетѣ; М. М. Сперанскаго, тайнаго совѣтника; Семеринга, мюнхенскаго академика и доктора медицины. Представленія объ утвержденіи этихъ лицъ почему то сдѣлано, однако, не было. Въ томъ же году избранъ (5 октября, утвержденъ 30-го октября) членомъ-корреспондентомъ университета вѣнскій оріенталистъ, профессоръ Гаммеръ.

Въ 1819 году состоялось три избранія въ почетные члены: М. М. Сперанскаго, тайнаго совѣтника и сибирскаго генералъ-губернатора (былъ избранъ еще въ предшествовавшемъ году, но въ то время представленія объ утвержденіи его сдѣлано, какъ мы видѣли, не было); П. К. Эссена, генерала отъ инфантеріи и оренбургскаго военнаго губернатора, и академика Ф. И. Круга. Первые двое избраны 6-го и утверждены 31-го мая; третій—утвержденъ 22-го ноября.

Бывали случаи, въ которыхъ тѣ или другія лица сами напрашивались въ почетные члены университета. Такъ, весною 1816 года прислалъ въ университетъ свои сочиненія директоръ симбирской гимназіи Куклинъ, прося возвести его въ званіе почетнаго члена; отдѣленіе словесныхъ наукъ дало относительно этого претендента заключеніе, что хотя онъ и „имѣетъ понятіе о свойствахъ лирическихъ сочиненій и довольно основательныя свѣдѣнія о русскомъ языкѣ, но не достаетъ въ немъ искусства изображать съ надлежащею точностью и сообразностью свои картины и мысли“.

Что бы пополнить наши свѣдѣнія относительно личнаго состава казанскаго университета передъ эпохою Магницкаго, скажемъ еще нѣсколько словъ о вновь избранныхъ почетныхъ членахъ и членахъ-корреспондентахъ.

Мы уже познакомились съ контингентомъ почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, избранныхъ казанскимъ университетомъ по поводу состоявшагося полнаго открытія его въ 1814 году и въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за этимъ событіемъ. Списокъ членовъ этихъ двухъ категорій пополнялся и въ остальные годы занимающаго насъ пятилѣтія.

Въ 1817 году членомъ-корреспондентомъ казанскаго университета избранъ бывшій его профессоръ, академикъ Х. М. Френъ (избранъ 23-го октября, утвержденъ 22-го ноября).

Въ 1818 году произведено (24-го іюля) избраніе шести почетныхъ членовъ: И. И. Энгольма, доктора медицины и вице-президента императорской медико-хирургической академіи; П. А. Загорскаго, академика; И. Ѳ. Буша, академика; Л. Я. Бояпуса, доктора медицины, профессора ветеринаріи въ виленскомъ университетѣ; М. М. Сперанскаго, тайнаго совѣтника; Семеринга, мюнхенскаго академика и доктора медицины. Представленія объ утвержденіи этихъ лицъ почему то сдѣлано, однако, не было. Въ томъ же году избранъ (5 октября, утвержденъ 30-го октября) членомъ-корреспондентомъ университета вѣнскій оріенталистъ, профессоръ Гаммеръ.

Въ 1819 году состоялось три избранія въ почетные члены: М. М. Сперанскаго, тайнаго совѣтника и сибирскаго генералъ-губернатора (былъ избранъ еще въ предшествовавшемъ году, но въ то время представленія объ утвержденіи его сдѣлано, какъ мы видѣли, не было); П. К. Эссена, генерала отъ инфантеріи и оренбургскаго военнаго губернатора, и академика Ф. И. Круга. Первые двое избраны 6-го и утверждены 31-го мая; третій—утвержденъ 22-го ноября.

Бывали случаи, въ которыхъ тѣ или другія лица сами напрашивались въ почетные члены университета. Такъ, весною 1816 года прислалъ въ университетъ свои сочиненія директоръ симбирской гимназіи Куклинъ, прося возвести его въ званіе почетнаго члена; отдѣленіе словесныхъ наукъ дало относительно этого претендента заключеніе, что хотя онъ и „имѣетъ понятіе о свойствахъ лирическихъ сочиненій и довольно основательныя свѣдѣнія о русскомъ языкѣ, но не достаетъ въ немъ искусства изображать съ надлежащею точностью и сообразностью свои картины и мысли".

Осенью того же года выражалъ желаніе сдѣлаться почетнымъ членомъ казанскаго университета (le desir d' être membre d' une association aussi savante) нидерландскій санитарный врачъ, докторъ Керкгофъ, также доставившій книжку своего сочиненія. Оба домогательства остались неувѣнчанными успѣхомъ [41].

Затронутый нами въ заканчиваемой главѣ вопросъ о личномъ составѣ казанскаго университета находится, само собою разумѣется, въ тѣснѣйшей связи и съ вопросомъ объ организаціи въ немъ преподаванія. Предлагая вниманію читателей свѣдѣнія о жизни и дѣятельности членовъ университетской корпораціи за интересующій насъ промежутокъ времени, мы всегда старались восполнять ихъ и данными, касающимися ихъ преподаванія. Данныя эти неизбѣжнымъ образомъ являлись, конечно, отрывочными и разбросанными.

Смѣемъ думать, что небезъинтереснымъ долженъ представиться общій обзоръ преподавательскаго персонала казанскаго университета, въ связи съ организаціею самаго преподаванія въ немъ, за послѣдній учебный годъ разсматриваемой нами эпохи, который является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣднимъ передъ эпохою Магницкаго академическимъ годомъ жизни казанскаго университета,—годомъ, въ итогахъ котораго суммируется, такъ сказать, вся предшествовавшая четырнадцатилѣтняя учебная жизнь университета.

Этотъ обзоръ,—въ сущности своей являющійся обозрѣніемъ преподаванія въ казанскомъ университетѣ за 1818—1819 учебный годъ,—мы и предложимъ вниманію нашихъ читателей въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изложенъ 84 года тому назадъ [42].

Обозрѣніе преподаваній въ казанскомъ университетѣ на 1818—1819 учебный годъ

I

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ НРАВСТВЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

1. Петръ Цеплинъ, докторъ философіи, дипломатики и политической экономіи, профессоръ П. О. (т. е. «публичный ординарный»), по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ изъяснять основанія политическихъ наукъ, по руководству Ахенваля, на языкахъ: латинскомъ, или нѣмецкомъ, или французскомъ.

2. Баронъ Егоръ Врангель, правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской Имперіи профессоръ П. О., университетскаго совѣта секретарь, членъ комитетовъ: училищнаго и экзаменнаго, по вторникамъ и пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ продолжалъ исторію россійскаго права, преподаетъ уголовное право Россіи на россійскомъ языкѣ, а для желающихъ и законы губерній, состоящихъ на особенныхъ правахъ.

Осенью того же года выражалъ желаніе сдѣлаться почетнымъ членомъ казанскаго университета (le desir d' être membre d' une association aussi savante) нидерландскій санитарный врачъ, докторъ Керкгофъ, также доставившій книжку своего сочиненія. Оба домогательства остались неувѣнчанными успѣхомъ [41].

Затронутый нами въ заканчиваемой главѣ вопросъ о личномъ составѣ казанскаго университета находится, само собою разумѣется, въ тѣснѣйшей связи и съ вопросомъ объ организаціи въ немъ преподаванія. Предлагая вниманію читателей свѣдѣнія о жизни и дѣятельности членовъ университетской корпораціи за интересующій насъ промежутокъ времени, мы всегда старались восполнять ихъ и данными, касающимися ихъ преподаванія. Данныя эти неизбѣжнымъ образомъ являлись, конечно, отрывочными и разбросанными.

Смѣемъ думать, что небезъинтереснымъ долженъ представиться общій обзоръ преподавательскаго персонала казанскаго университета, въ связи съ организаціею самаго преподаванія въ немъ, за послѣдній учебный годъ разсматриваемой нами эпохи, который является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣднимъ передъ эпохою Магницкаго академическимъ годомъ жизни казанскаго университета,—годомъ, въ итогахъ котораго суммируется, такъ сказать, вся предшествовавшая четырнадцатилѣтняя учебная жизнь университета.

Этотъ обзоръ,—въ сущности своей являющійся обозрѣніемъ преподаванія въ казанскомъ университетѣ за 1818—1819 учебный годъ,—мы и предложимъ вниманію нашихъ читателей въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изложенъ 84 года тому назадъ [42].

Обозрѣніе преподаваній въ казанскомъ университетѣ на 1818—1819 учебный годъ

I

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ НРАВСТВЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

1. Петръ Цеплинъ, докторъ философіи, дипломатики и политической экономіи, профессоръ П. О. (т. е. «публичный ординарный»), по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ изъяснять основанія политическихъ наукъ, по руководству Ахенваля, на языкахъ: латинскомъ, или нѣмецкомъ, или французскомъ.

2. Баронъ Егоръ Врангель, правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской Имперіи профессоръ П. О., университетскаго совѣта секретарь, членъ комитетовъ: училищнаго и экзаменнаго, по вторникамъ и пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ продолжалъ исторію россійскаго права, преподаетъ уголовное право Россіи на россійскомъ языкѣ, а для желающихъ и законы губерній, состоящихъ на особенныхъ правахъ.

3. Гавріилъ Солнцевъ, докторъ правъ, профессоръ П. О. правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, на сей годъ деканъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, членъ училищнаго комитета и казанскаго общества любителей отечественной словесности, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ преподавать общее уголовное германское право, примѣняя оное къ законамъ римскимъ, въ свободные же для слушателей часы изложитъ важнѣйшіе законы еврейскіе и египетскіе, употребляя въ обоихъ случаяхъ собственныя рукописи на языкѣ латинскомъ.

4. Петръ Кондыревъ, политической экономіи и историческихъ наукъ профессоръ П. Э. (т. е. «публичный экстраординарный»), отправляющій должность библіотекаря, императорской казанской гимназіи инспекторъ, казанскаго общества любителей отечественной словесности членъ и секретарь, по средамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ политическую экономію по изданной имъ на россійскомъ языкѣ книгѣ соч. Сарторіуса, присовокупляя нужныя замѣчанія изъ другихъ писателей; въ концѣ же академическаго года для желающихъ изъяснитъ сокращенно ученіе о полиціи, руководствуясь сочиненіями Зоннен-фельса, Юсти, Якоба и графа Зодена.

5. Іосифъ Срезневскій, умозрительной практической философіи профессоръ П. Э., членъ и издатель казанскаго общества любителей отечественной словесности, по вторникамъ отъ 10 до 12 и по средамъ и субботамъ отъ 8 до 10, изложивъ кратко исторію философіи отъ начала ея до нынѣшнихъ временъ, будетъ проходить теоретическую часть сей науки на россійскомъ языкѣ, руководствуясь Якобомъ и Снеллемъ, и преподаванія свои изъяснитъ то самъ предлагая разсужденія и возраженія какъ на латинскомъ, такъ и отечественномъ языкѣ, то упражняя въ оныхъ своихъ слушателей.

6. Николай Алехинъ, магистръ правовѣдѣнія, правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, адъюнктъ, цензурнаго комитета и отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ секретарь, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ заниматься истолкованіемъ институцій императора Іустиніана, примѣняя оныя къ французскому кодексу, на языкѣ россійскомъ.

7. Ельпидифоръ Манасеинъ, адъюнктъ правовѣденія, по вторникамъ и пятницамъ отъ 2 до 4 часовъ, будетъ читать философію положительнаго права, по Гуго, и европейское народное право, по Заальфельду, дѣлая нужныя дополненія изъ Гюнтера и Мартенса, на россійскомъ языкѣ.

II

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ФИЗИЧЕСКИХЪ И МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

1. Иванъ Мартинъ Христіанъ Бартельсъ, докторъ философіи, чистой математики профессоръ П. О., на сей годъ деканъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ, членъ экзаменнаго комитета, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ преподавать тригонометрію плоскую и сферическую, руководствуясь Біотомъ, на россійскомъ языкѣ.

2. Карлъ Фуксъ, докторъ медицины и хирургіи, естественной исторіи и ботаники профессоръ П. О., членъ обществъ: московскаго испытателей природы, казанскаго любителей отечественной словесности, санкт-петербургскаго медико-филантропическаго и многихъ другихъ, по вторникамъ и средамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ читать естественную исторію по

3. Гавріилъ Солнцевъ, докторъ правъ, профессоръ П. О. правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, на сей годъ деканъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, членъ училищнаго комитета и казанскаго общества любителей отечественной словесности, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ преподавать общее уголовное германское право, примѣняя оное къ законамъ римскимъ, въ свободные же для слушателей часы изложитъ важнѣйшіе законы еврейскіе и египетскіе, употребляя въ обоихъ случаяхъ собственныя рукописи на языкѣ латинскомъ.

4. Петръ Кондыревъ, политической экономіи и историческихъ наукъ профессоръ П. Э. (т. е. «публичный экстраординарный»), отправляющій должность библіотекаря, императорской казанской гимназіи инспекторъ, казанскаго общества любителей отечественной словесности членъ и секретарь, по средамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ политическую экономію по изданной имъ на россійскомъ языкѣ книгѣ соч. Сарторіуса, присовокупляя нужныя замѣчанія изъ другихъ писателей; въ концѣ же академическаго года для желающихъ изъяснитъ сокращенно ученіе о полиціи, руководствуясь сочиненіями Зонненфельса, Юсти, Якоба и графа Зодена.

5. Іосифъ Срезневскій, умозрительной практической философіи профессоръ П. Э., членъ и издатель казанскаго общества любителей отечественной словесности, по вторникамъ отъ 10 до 12 и по средамъ и субботамъ отъ 8 до 10, изложивъ кратко исторію философіи отъ начала ея до нынѣшнихъ временъ, будетъ проходить теоретическую часть сей науки на россійскомъ языкѣ, руководствуясь Якобомъ и Снеллемъ, и преподаванія свои изъяснитъ то самъ предлагая разсужденія и возраженія какъ на латинскомъ, такъ и отечественномъ языкѣ, то упражняя въ оныхъ своихъ слушателей.

6. Николай Алехинъ, магистръ правовѣдѣнія, правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, адъюнктъ, цензурнаго комитета и отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ секретарь, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ заниматься истолкованіемъ институцій императора Іустиніана, примѣняя оныя къ французскому кодексу, на языкѣ россійскомъ.

7. Ельпидифоръ Манасеинъ, адъюнктъ правовѣденія, по вторникамъ и пятницамъ отъ 2 до 4 часовъ, будетъ читать философію положительнаго права, по Гуго, и европейское народное право, по Заальфельду, дѣлая нужныя дополненія изъ Гюнтера и Мартенса, на россійскомъ языкѣ.

II

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ФИЗИЧЕСКИХЪ И МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

1. Иванъ Мартинъ Христіанъ Бартельсъ, докторъ философіи, чистой математики профессоръ П. О., на сей годъ деканъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ, членъ экзаменнаго комитета, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ преподавать тригонометрію плоскую и сферическую, руководствуясь Біотомъ, на россійскомъ языкѣ.

2. Карлъ Фуксъ, докторъ медицины и хирургіи, естественной исторіи и ботаники профессоръ П. О., членъ обществъ: московскаго испытателей природы, казанскаго любителей отечественной словесности, санкт-петербургскаго медико-филантропическаго и многихъ другихъ, по вторникамъ и средамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ читать естественную исторію по

сочиненію Блуменбаха; по окончаніи же оной будетъ изъяснять ботанику, слѣдуя Линнею и Юссу и показывая своимъ слушателямъ прозябанія въ поляхъ казанскихъ и другихъ странахъ имъ собранныя, употребляя въ преподаваніяхъ языкъ россійскій.

3. Филиппъ Брейтенбахъ, докторъ философіи, технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ, профессоръ П. О., Эрфуртской академіи полезныхъ наукъ и многихъ другихъ ученыхъ обществъ членъ, правящій должность инспектора казенныхъ студентовъ, будетъ преподавать по вторникамъ и пятницамъ отъ 8 до 10 часовъ технологію по сочиненію Бекмана, а по понедѣльникамъ и четвергамъ, въ тѣже часы, сельское домоводство по своимъ тетрадямъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

4. Григорій Никольскій, прикладной математики профессоръ П. О., университетскаго правленія безсмѣнный засѣдатель, училищнаго комитета и казанскаго общества любителей отечественной словесности членъ, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ читать ариѳметику, алгебру и геометрію, руководствуясь Фуссомъ и употребляя для объясненій и доказательствъ начала Евклидовой геометріи, а по средамъ и субботамъ въ тѣже часы предложитъ начала прикладной математики, какъ то: механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, по руководству Кестнера, употребляя для дополненія механику Франкера, оптику, хронологію и гномонику, на языкѣ россійскомъ.

5. Николай Лобачевскій, математическихъ наукъ профессоръ П. Э., членъ училищнаго комитета, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ будетъ изъяснять на россійскомъ языкѣ дифференціальное и интегральное вычисленіе, руководствуясь сочиненіемъ Лакроа.

6. Иванъ Симоновъ, теоретической астрономіи профессоръ П. Э., отправляющій должность и астронома наблюдателя, по вторникамъ и пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ теоретическую астрономію, по Деламбру, и практическую, руководствуясь Лаландомъ и Біотомъ, занимаясь притомъ въ ясныя ночи астрономическими наблюденіями.

7. Степанъ Петровскій, надворный совѣтникъ, адъюнктъ военной и гражданской архитектуры, членъ казанскаго общества любителей отечественной словесности, будетъ преподавать архитектуру гражданскую и военную, по вторникамъ и пятницамъ, отъ 2 до 4 часовъ, на языкѣ россійскомъ.

8. Василій Тимьянскій, естественной исторіи и ботаники адъюнктъ, отдѣленія физико-математическихъ наукъ и издательнаго комитета секретарь, по средамъ и субботамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ минералогію по книгѣ Леонгарда Мерца и Коппа, съ нужными по мѣстамъ дополненіями, употребляя для демонстрацій своихъ принадлежащій университету минеральный кабинетъ.

9. Иванъ Дунаевъ, химіи и технологіи адъюнктъ, по понедѣльникамъ и субботамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ общую химію по руководству Грева, присовокупляя въ приличныхъ мѣстахъ новѣйшія по сей наукѣ открытія и объясняя преподаванія свои опытами въ химической лабораторіи.

10. Андрей Кайсаровъ, магистръ физики и училищнаго комитета секретарь, по вторникамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ читать теоретическую и опытную физику, руководствуясь Майеромъ и Греномъ, на россійскомъ языкѣ.

сочиненію Блуменбаха; по окончаніи же оной будетъ изъяснять ботанику, слѣдуя Линнею и Юссу и показывая своимъ слушателямъ прозябанія въ поляхъ казанскихъ и другихъ странахъ имъ собранныя, употребляя въ преподаваніяхъ языкъ россійскій.

3. Филиппъ Брейтенбахъ, докторъ философіи, технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ, профессоръ П. О., Эрфуртской академіи полезныхъ наукъ и многихъ другихъ ученыхъ обществъ членъ, правящій должность инспектора казенныхъ студентовъ, будетъ преподавать по вторникамъ и пятницамъ отъ 8 до 10 часовъ технологію по сочиненію Бекмана, а по понедѣльникамъ и четвергамъ, въ тѣже часы, сельское домоводство по своимъ тетрадямъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

4. Григорій Никольскій, прикладной математики профессоръ П. О., университетскаго правленія безсмѣнный засѣдатель, училищнаго комитета и казанскаго общества любителей отечественной словесности членъ, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ читать ариѳметику, алгебру и геометрію, руководствуясь Фуссомъ и употребляя для объясненій и доказательствъ начала Евклидовой геометріи, а по средамъ и субботамъ въ тѣже часы предложитъ начала прикладной математики, какъ то: механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, по руководству Кестнера, употребляя для дополненія механику Франкера, оптику, хронологію и гномонику, на языкѣ россійскомъ.

5. Николай Лобачевскій, математическихъ наукъ профессоръ П. Э., членъ училищнаго комитета, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ будетъ изъяснять на россійскомъ языкѣ дифференціальное и интегральное вычисленіе, руководствуясь сочиненіемъ Лакроа.

6. Иванъ Симоновъ, теоретической астрономіи профессоръ П. Э., отправляющій должность и астронома наблюдателя, по вторникамъ и пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ теоретическую астрономію, по Деламбру, и практическую, руководствуясь Лаландомъ и Біотомъ, занимаясь притомъ въ ясныя ночи астрономическими наблюденіями.

7. Степанъ Петровскій, надворный совѣтникъ, адъюнктъ военной и гражданской архитектуры, членъ казанскаго общества любителей отечественной словесности, будетъ преподавать архитектуру гражданскую и военную, по вторникамъ и пятницамъ, отъ 2 до 4 часовъ, на языкѣ россійскомъ.

8. Василій Тимьянскій, естественной исторіи и ботаники адъюнктъ, отдѣленія физико-математическихъ наукъ и издательнаго комитета секретарь, по средамъ и субботамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ минералогію по книгѣ Леонгарда Мерца и Коппа, съ нужными по мѣстамъ дополненіями, употребляя для демонстрацій своихъ принадлежащій университету минеральный кабинетъ.

9. Иванъ Дунаевъ, химіи и технологіи адъюнктъ, по понедѣльникамъ и субботамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ общую химію по руководству Грева, присовокупляя въ приличныхъ мѣстахъ новѣйшія по сей наукѣ открытія и объясняя преподаванія свои опытами въ химической лабораторіи.

10. Андрей Кайсаровъ, магистръ физики и училищнаго комитета секретарь, по вторникамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ читать теоретическую и опытную физику, руководствуясь Майеромъ и Греномъ, на россійскомъ языкѣ.

III

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ВРАЧЕБНЫХЪ НАУКЪ.

1. Иванъ Браунъ, медицины и хирургіи докторъ и окулистъ, анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки профессоръ П. О., нынѣ ректоръ университета, членъ ученыхъ обществъ: виленскаго медико-хирургико-фармацевтическаго и московскаго испытателей природы, по пятницамъ и субботамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ продолжать физіологію по сочиненію Прохаска на латинскомъ языкѣ.

2. Эммануилъ Вердерамо, медицины и хирургіи докторъ, повивальнаго искусства профессоръ П. О., на сей годъ деканъ медицинскаго отдѣленія, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ будетъ преподавать на латинскомъ языкѣ врачебное веществословіе, руководствуясь Рейнхольдомъ Спильманомъ, а по вторникамъ и пятницамъ отъ 8 до 10 часовъ повивальное искусство, по собственному сочиненію.

3. Карлъ Фуксъ (смотр. выше), по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ проходить на россійскомъ языкѣ общую патологію, а по окончаніи оной терапію, продолжая притомъ ежедневно свои клиническія занятія въ 9 часу утра.

4. Адамъ Арнгольдтъ, надворный совѣтникъ, медико-хирургъ, профессоръ П. О., докторъ гимназической больницы, по вторникамъ и пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ, будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ хирургію, по руководству Буша.

IV

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ СЛОВЕСНЫХЪ НАУКЪ.

1. Илья Яковкинъ, коллежскій совѣтникъ, заслуженный П. О. профессоръ исторіи, статистики и географіи россійской имперіи, членъ экзаменнаго комитета, императорской казанской гимназіи директоръ, казанскаго общества любителей отечественной словесности предсѣдательствующій и ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени кавалеръ, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ продолжать россійскую исторію отъ начала царствованія великаго князя Ивана Васильевича до нашихъ временъ, руководствуясь краткою россійскою исторіею, изданною для народныхъ училищъ, присовокупляя къ оной извѣстія о происшествіяхъ новѣйшихъ временъ, на россійскомъ языкѣ.

2. Мартинъ Готфридъ Германъ, коллежскій совѣтникъ, древностей и языка латинскаго профессоръ П. О., по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ изъяснять оды Горація и упражнять своихъ слушателей въ латинскомъ слогѣ, на латинскомъ языкѣ.

3. Иванъ Михаилъ Томасъ, всемірной исторіи, географіи и статистики профессоръ П. О., по вторникамъ и пятницамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ читать на россійскомъ языкѣ всеобщую исторію, по книгѣ Ремера.

4. Иванъ Эрихъ, греческаго языка и словесности греческой профессоръ П. О., будетъ изъяснять: по вторникамъ отъ 2 до 4 часовъ избранныя статьи изъ разныхъ греческихъ писателей, изданныя Маттеемъ; по пятницамъ въ тѣ же часы Гомерову Одиссею, а по четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ Цицероновы рѣчи. Сверхъ того, желающихъ будетъ обучать языку еврейскому, употребляя языки латинскій и россійскій.

III

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ВРАЧЕБНЫХЪ НАУКЪ.

1. Иванъ Браунъ, медицины и хирургіи докторъ и окулистъ, анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки профессоръ П. О., нынѣ ректоръ университета, членъ ученыхъ обществъ: виленскаго медико-хирургико-фармацевтическаго и московскаго испытателей природы, по пятницамъ и субботамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ продолжать физіологію по сочиненію Прохаска на латинскомъ языкѣ.

2. Эммануилъ Вердерамо, медицины и хирургіи докторъ, повивальнаго искусства профессоръ П. О., на сей годъ деканъ медицинскаго отдѣленія, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ будетъ преподавать на латинскомъ языкѣ врачебное веществословіе, руководствуясь Рейнхольдомъ Спильманомъ, а по вторникамъ и пятницамъ отъ 8 до 10 часовъ повивальное искусство, по собственному сочиненію.

3. Карлъ Фуксъ (смотр. выше), по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ проходить на россійскомъ языкѣ общую патологію, а по окончаніи оной терапію, продолжая притомъ ежедневно свои клиническія занятія въ 9 часу утра.

4. Адамъ Арнгольдтъ, надворный совѣтникъ, медико-хирургъ, профессоръ П. О., докторъ гимназической больницы, по вторникамъ и пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ, будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ хирургію, по руководству Буша.

IV

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ СЛОВЕСНЫХЪ НАУКЪ.

1. Илья Яковкинъ, коллежскій совѣтникъ, заслуженный П. О. профессоръ исторіи, статистики и географіи россійской имперіи, членъ экзаменнаго комитета, императорской казанской гимназіи директоръ, казанскаго общества любителей отечественной словесности предсѣдательствующій и ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени кавалеръ, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ продолжать россійскую исторію отъ начала царствованія великаго князя Ивана Васильевича до нашихъ временъ, руководствуясь краткою россійскою исторіею, изданною для народныхъ училищъ, присовокупляя къ оной извѣстія о происшествіяхъ новѣйшихъ временъ, на россійскомъ языкѣ.

2. Мартинъ Готфридъ Германъ, коллежскій совѣтникъ, древностей и языка латинскаго профессоръ П. О., по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ изъяснять оды Горація и упражнять своихъ слушателей въ латинскомъ слогѣ, на латинскомъ языкѣ.

3. Иванъ Михаилъ Томасъ, всемірной исторіи, географіи и статистики профессоръ П. О., по вторникамъ и пятницамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ читать на россійскомъ языкѣ всеобщую исторію, по книгѣ Ремера.

4. Иванъ Эрихъ, греческаго языка и словесности греческой профессоръ П. О., будетъ изъяснять: по вторникамъ отъ 2 до 4 часовъ избранныя статьи изъ разныхъ греческихъ писателей, изданныя Маттеемъ; по пятницамъ въ тѣ же часы Гомерову Одиссею, а по четвергамъ отъ 10 до 12 часовъ Цицероновы рѣчи. Сверхъ того, желающихъ будетъ обучать языку еврейскому, употребляя языки латинскій и россійскій.

5. Григорій Городчаниновъ, надворный совѣтникъ, краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго професоръ П. О., на сей годъ деканъ отдѣленія словесныхъ наукъ, членъ казанскаго общества любителей отечественной словесности, по средамъ и субботамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ читать лучшихъ россійскихъ стихотворцевъ, съ эстетическимъ разборомъ по правиламъ Горація и Боало; слушателей же, посвятившихъ себя преимущественно словесности россійской, занимать будетъ славянскимъ языкомъ, руководствуясь сочиненіемъ г. Шишкова подъ названіемъ: О старомъ и новомъ слогѣ, на рос. языкѣ.

6. Петръ Кондыревъ (см. выше), по средамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ читать статистику россійской имперіи по своему сочиненію; а въ концѣ года съ желающими пройдетъ сокращенно исторію наукъ, руководствуясь сочиненіями: Эйхгорна, Мейзеля, Шлегеля и Брунса, на россійскомъ языкѣ.

7. Василій Перевощиковъ, стихотворства и языка россійскаго профессоръ П. Э., членъ училищнаго комитета и обществъ: любителей россійской словесности, санкт-петербургскаго любителей наукъ, словесности и художествъ, казанскаго любителей отечественной словесности, будетъ преподавать общую ѳеорію словесности и правила прозаическихъ сочиненій, съ приложеніемъ оныхъ къ твореніямъ знатнѣйшихъ россійскихъ писателей, на россійскомъ языкѣ.

8. Михаилъ Юнаковъ, наукъ историческихъ адъюнктъ, секретарь отдѣленія словесныхъ наукъ, синдикъ университета, членъ училищнаго комитета и казанскаго общества любителей отечественной словесности, будетъ читать по вторникамъ и пятницамъ отъ 2 до 4 часовъ математическую, физическую и политическую географію, по сочиненію Гаспари, съ нужными дополненіями, на россійскомъ языкѣ.

9. Владиміръ Булыгинъ, историческихъ наукъ адъюнктъ, казанскаго общества любителей отечественной словесности членъ и казначей, по средамъ и субботамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ преподавать древнюю географію, руководствуясь сочиненіями Маннерта и Данвиля. Сверхъ того пройдетъ исторію открытія разныхъ странъ земнаго шара, по сочиненію Шпренгеля, пользуясь сверхъ того другими извѣстными по сей части писателями, на россійскомъ языкѣ.

V

УРОКИ ЛЕКТОРОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ПРІЯТНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

1. Ибрагимъ Хальфинъ, титулярный совѣтникъ, языка татарскаго лекторъ, цензоръ печатаемыхъ въ здѣшней азіатской типографіи книгъ, по четвергамъ отъ 4 до 6 и по понедѣльникамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ занимать слушателей переводами съ турецкаго и татарскаго языка на россійской и сочиненіями на сихъ языкахъ, употребляя для изъясненій языки: татарскій и россійскій.

2. Иванъ Лейтеръ, языка нѣмецкаго лекторъ, по средамъ и субботамъ отъ 2 до 4 часовъ займется изъясненіемъ классическихъ нѣмецкихъ писателей, на языкахъ: нѣмецкомъ и россійскомъ.

3. Карлъ Краузе, французскаго языка лекторъ, въ среду и субботу отъ 2 до 4 часовъ будетъ изъяснять знатнѣйшихъ французскихъ писателей и упражнять слушателей сво-

13*

5. Григорій Городчаниновъ, надворный совѣтникъ, краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго професоръ П. О., на сей годъ деканъ отдѣленія словесныхъ наукъ, членъ казанскаго общества любителей отечественной словесности, по средамъ и субботамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ читать лучшихъ россійскихъ стихотворцевъ, съ эстетическимъ разборомъ по правиламъ Горація и Боало; слушателей же, посвятившихъ себя преимущественно словесности россійской, занимать будетъ славянскимъ языкомъ, руководствуясь сочиненіемъ г. Шишкова подъ названіемъ: О старомъ и новомъ слогѣ, на рос. языкѣ.

6. Петръ Кондыревъ (см. выше), по средамъ отъ 8 до 10 часовъ будетъ читать статистику россійской имперіи по своему сочиненію; а въ концѣ года съ желающими пройдетъ сокращенно исторію наукъ, руководствуясь сочиненіями: Эйхгорна, Мейзеля, Шлегеля и Брунса, на россійскомъ языкѣ.

7. Василій Перевощиковъ, стихотворства и языка россійскаго профессоръ П. Э., членъ училищнаго комитета и обществъ: любителей россійской словесности, санкт-петербургскаго любителей наукъ, словесности и художествъ, казанскаго любителей отечественной словесности, будетъ преподавать общую ѳеорію словесности и правила прозаическихъ сочиненій, съ приложеніемъ оныхъ къ твореніямъ знатнѣйшихъ россійскихъ писателей, на россійскомъ языкѣ.

8. Михаилъ Юнаковъ, наукъ историческихъ адъюнктъ, секретарь отдѣленія словесныхъ наукъ, синдикъ университета, членъ училищнаго комитета и казанскаго общества любителей отечественной словесности, будетъ читать по вторникамъ и пятницамъ отъ 2 до 4 часовъ математическую, физическую и политическую географію, по сочиненію Гаспари, съ нужными дополненіями, на россійскомъ языкѣ.

9. Владиміръ Булыгинъ, историческихъ наукъ адъюнктъ, казанскаго общества любителей отечественной словесности членъ и казначей, по средамъ и субботамъ отъ 4 до 6 часовъ будетъ преподавать древнюю географію, руководствуясь сочиненіями Маннерта и Данвиля. Сверхъ того пройдетъ исторію открытія разныхъ странъ земнаго шара, по сочиненію Шпренгеля, пользуясь сверхъ того другими извѣстными по сей части писателями, на россійскомъ языкѣ.

V

УРОКИ ЛЕКТОРОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ПРІЯТНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

1. Ибрагимъ Хальфинъ, титулярный совѣтникъ, языка татарскаго лекторъ, цензоръ печатаемыхъ въ здѣшней азіатской типографіи книгъ, по четвергамъ отъ 4 до 6 и по понедѣльникамъ отъ 10 до 12 часовъ будетъ занимать слушателей переводами съ турецкаго и татарскаго языка на россійской и сочиненіями на сихъ языкахъ, употребляя для изъясненій языки: татарскій и россійскій.

2. Иванъ Лейтеръ, языка нѣмецкаго лекторъ, по средамъ и субботамъ отъ 2 до 4 часовъ займется изъясненіемъ классическихъ нѣмецкихъ писателей, на языкахъ: нѣмецкомъ и россійскомъ.

3. Карлъ Краузе, французскаго языка лекторъ, въ среду и субботу отъ 2 до 4 часовъ будетъ изъяснять знатнѣйшихъ французскихъ писателей и упражнять слушателей сво-

ихъ въ сочиненіи и разговорахъ на языкѣ французскомъ, употребляя при изъясненіяхъ языки: французскій и русскій.

4. Левъ Крюковъ, губернскій секретарь, учитель рисованія и живописи, будетъ давать уроки свои по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ.

5. Музыкѣ вокальной и инструментальной обучать будутъ титулярный совѣтникъ Андрей Новиковъ, учитель музыки и пѣнія, и учитель музыки коллежскій секретарь Петръ Нейманъ.

VI

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Въ педагогическомъ институтѣ исправляющій должность, онаго публичный ординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ, Мартинъ Германъ будетъ обучать способу преподаванія.

Въ университетской клиникѣ будетъ имѣть ежедневно клиническія упражненія докторъ оной, профессоръ П. О. Карлъ Фуксъ.

Университетская библіотека будетъ отворяться по средамъ и субботамъ, отъ 11 часовъ утра до 1-го часа пополудни, отправляющимъ должность библіотекаря, экстра-ординарнымъ профессоромъ Петромъ Кондыревымъ.

Кабинетъ естественной исторіи и ботаническій садъ будетъ показывать желающимъ профессоръ П. О. и докторъ Фуксъ.

Физическій кабинетъ будетъ показывать магистръ Кайсаровъ.

Астрономическую обсерваторію желающимъ покажетъ профессоръ экстраординарный Симоновъ.

Въ такомъ видѣ представляется намъ организація въ казанскомъ университетѣ его личнаго состава и преподаванія въ годину, непосредственно предшествовавшую грозной и безпощадной ревизіи Магницкаго.

Въ слѣдующей главѣ мы перейдемъ къ обзору коллегіальной жизни университета въ теченіи пятилѣтія, послѣдовавшаго за полнымъ открытіемъ его на основаніи устава 5-го ноября 1804 года.

ихъ въ сочиненіи и разговорахъ на языкѣ французскомъ, употребляя при изъясненіяхъ языки: французскій и русскій.

4. Левъ Крюковъ, губернскій секретарь, учитель рисованія и живописи, будетъ давать уроки свои по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ.

5. Музыкѣ вокальной и инструментальной обучать будутъ титулярный совѣтникъ Андрей Новиковъ, учитель музыки и пѣнія, и учитель музыки коллежскій секретарь Петръ Нейманъ.

VI

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Въ педагогическомъ институтѣ исправляющій должность, онаго публичный ординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ, Мартинъ Германъ будетъ обучать способу преподаванія.

Въ университетской клиникѣ будетъ имѣть ежедневно клиническія упражненія докторъ оной, профессоръ П. О. Карлъ Фуксъ.

Университетская библіотека будетъ отворяться по средамъ и субботамъ, отъ 11 часовъ утра до 1-го часа пополудни, отправляющимъ должность библіотекаря, экстра-ординарнымъ профессоромъ Петромъ Кондыревымъ.

Кабинетъ естественной исторіи и ботаническій садъ будетъ показывать желающимъ профессоръ П. О. и докторъ Фуксъ.

Физическій кабинетъ будетъ показывать магистръ Кайсаровъ.

Астрономическую обсерваторію желающимъ покажетъ профессоръ экстраординарный Симоновъ.

Въ такомъ видѣ представляется намъ организація въ казанскомъ университетѣ его личнаго состава и преподаванія въ годину, непосредственно предшествовавшую грозной и безпощадной ревизіи Магницкаго.

Въ слѣдующей главѣ мы перейдемъ къ обзору коллегіальной жизни университета въ теченіи пятилѣтія, послѣдовавшаго за полнымъ открытіемъ его на основаніи устава 5-го ноября 1804 года.

Графъ Алексѣй Кирилловичъ
Разумовскій,
министръ народнаго просвѣщенія.
(11 апрѣля 1810 г.—10 августа 1816 г.)

Графъ Алексѣй Кирилловичъ
Разумовскій,
министръ народнаго просвѣщенія.
(11 апрѣля 1810 г.—10 августа 1816 г.)

ГЛАВА II

Первое пятилѣтіе автономной жизни казанскаго университета

(1814—1818)

Черты дѣятельности казанскаго университета послѣ полнаго открытія его въ 1814 году.—Иностранная и русская партіи совѣта, въ ихъ составѣ и взаимныхъ соотношеніяхъ.—Профессоръ Кондыревъ, въ качествѣ руководителя русской совѣтской партіи.—Мѣры по урегулированію университетскаго дѣлопроизводства.—Самоустраненіе въ концѣ 1814 года попечителя Салтыкова отъ непосредственнаго управленія дѣлами и создавшееся на этой почвѣ анормальное положеніе вещей.—Начало недоразумѣній между Салтыковымъ и совѣтомъ университета.—Недовольство попечителя выборами начала 1815 года.—Отдѣльные факты университетской жизни 1815 года.—Годичный актъ 5-го іюля 1815 года.—Большой пожаръ 3-го сентября 1815 года и его соотношеніе къ жизни университета.—Университетъ и гимназія.—Торжество Яковкина на почвѣ его конфликта съ гимназическимъ совѣтомъ.

Отъѣздъ попечителя Салтыкова въ январѣ 1816 года въ С.-Петербургъ и созданное имъ себѣ здѣсь служебное положеніе.—Интриги Кондырева и борьба съ ними проф. Броннера.—Моральное состояніе Салтыкова и его министерскія неудачи.—Первый заслуженный профессоръ казанскаго университета и примиреніе Салтыкова съ Яковкинымъ.—Петербургскія ходатайства Салтыкова.—Черты университетскаго хозяйства и дѣло объ ассигнованіи суммъ на поправки и содержаніе зданій университета и гимназіи.—Попеченія о внѣшнемъ благоустройствѣ университета.—Рядъ столкновеній между Салтыковымъ и ректоромъ Брауномъ, какъ представителемъ совѣтскаго большинства.—Дѣло о повышеніи въ экстраординарные профессоры адъюнктовъ Лобачевскаго и Симонова.—Конфликтъ попечителя и совѣта на почвѣ избранія въ ординарные профессоры Солнцева.—Университетскій актъ 5-го іюля 1816 года.—Посѣщеніе университета государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ.—Новый министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ.—Положеніе Салтыкова при новомъ министрѣ и его рѣшимость покинуть постъ попечителя.

Университетскіе выборы апрѣля 1817 года и вторичное избраніе проф. Брауна ректоромъ.—Утраты въ личномъ составѣ университета.—Конфликтъ изъ за каѳедры теоретической астрономіи.—Допущеніе академиковъ къ слушанію университетскихъ лекцій.—Годичный актъ 5-го іюля 1817 года.—Великій князь Михаилъ Павловичъ въ Казани.

Черты университетской жизни въ первую половину 1818 года.—Актъ 5-го іюля 1818 года.—Увольненіе отъ должности попечителя М. А. Салтыкова.—Явленія университетской жизни, стоящія въ соотношеніи съ ревизіею 1819 года.—Дѣло о перерасходѣ въ штатныхъ назначеніяхъ.—Дѣло объ упущеніяхъ и нерадѣніяхъ по дѣламъ гимназіи.—Дѣло о заграничномъ отпускѣ проф. Броннера.—Вопросъ объ учрежденіи каѳедры богословія.—Разработка проэкта «медицинскаго института».—Болѣзнь ректора И. О. Брауна и избраніе проректора.—Кончина и погребеніе перваго ректора казанскаго университета.—Наканунѣ ревизіи Магницкаго.

Совершившееся 5-го іюля 1814 года полное открытіе его—сразу измѣнило общее направленіе коллегіальной жизни казанскаго университета, что

ГЛАВА II

Первое пятилѣтіе автономной жизни казанскаго университета

(1814—1818)

Черты дѣятельности казанскаго университета послѣ полнаго открытія его въ 1814 году.— Иностранная и русская партіи совѣта, въ ихъ составѣ и взаимныхъ соотношеніяхъ.—Профессоръ Кондыревъ, въ качествѣ руководителя русской совѣтской партіи.—Мѣры по урегулированію университетскаго дѣлопроизводства.—Самоустраненіе въ концѣ 1814 года попечителя Салтыкова отъ непосредственнаго управленія дѣлами и создавшееся на этой почвѣ анормальное положеніе вещей.—Начало недоразумѣній между Салтыковымъ и совѣтомъ университета.— Недовольство попечителя выборами начала 1815 года.—Отдѣльные факты университетской жизни 1815 года.—Годичный актъ 5-го іюля 1815 года.—Большой пожаръ 3-го сентября 1815 года и его соотношеніе къ жизни университета.—Университетъ и гимназія.—Торжество Яковкина на почвѣ его конфликта съ гимназическимъ совѣтомъ.

Отъѣздъ попечителя Салтыкова въ январѣ 1816 года въ С.-Петербургъ и созданное имъ себѣ здѣсь служебное положеніе.—Интриги Кондырева и борьба съ ними проф. Броннера.— Моральное состояніе Салтыкова и его министерскія неудачи.—Первый заслуженный профессоръ казанскаго университета и примиреніе Салтыкова съ Яковкинымъ.—Петербургскія ходатайства Салтыкова.—Черты университетскаго хозяйства и дѣло объ ассигнованіи суммъ на поправки и содержаніе зданій университета и гимназіи.—Попеченія о внѣшнемъ благоустройствѣ университета.—Рядъ столкновеній между Салтыковымъ и ректоромъ Брауномъ, какъ представителемъ совѣтскаго большинства.—Дѣло о повышеніи въ экстраординарные профессоры адъюнктовъ Лобачевскаго и Симонова.—Конфликтъ попечителя и совѣта на почвѣ избранія въ ординарные профессоры Солнцева.—Университетскій актъ 5-го іюля 1816 года.—Посѣщеніе университета государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ.—Новый министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ.—Положеніе Салтыкова при новомъ министрѣ и его рѣшимость покинуть постъ попечителя.

Университетскіе выборы апрѣля 1817 года и вторичное избраніе проф. Брауна ректоромъ.— Утраты въ личномъ составѣ университета.—Конфликтъ изъ за каѳедры теоретической астрономіи.—Допущеніе академиковъ къ слушанію университетскихъ лекцій.—Годичный актъ 5-го іюля 1817 года.—Великій князь Михаилъ Павловичъ въ Казани.

Черты университетской жизни въ первую половину 1818 года.—Актъ 5-го іюля 1818 года.— Увольненіе отъ должности попечителя М. А. Салтыкова.—Явленія университетской жизни, стоящія въ соотношеніи съ ревизіею 1819 года.—Дѣло о перерасходѣ въ штатныхъ назначеніяхъ.—Дѣло объ упущеніяхъ и нерадѣніяхъ по дѣламъ гимназіи.—Дѣло о заграничномъ отпускѣ проф. Броннера.—Вопросъ объ учрежденіи каѳедры богословія.—Разработка проэкта «медицинскаго института».—Болѣзнь ректора И. О. Брауна и избраніе проректора.—Кончина и погребеніе перваго ректора казанскаго университета.—Наканунѣ ревизіи Магницкаго.

Совершившееся 5-го іюля 1814 года полное открытіе его—сразу измѣнило общее направленіе коллегіальной жизни казанскаго университета, что

особенно рѣзко отразилось, конечно, на дѣятельности совѣта, какъ главнаго выразителя этой коллегіальной жизни.

Теперь положенъ былъ конецъ той „неопредѣлительности" въ положеніи университетскаго совѣта, на которую сѣтовали и противъ которой настойчиво ратовали лучшіе члены университетской коллегіи; теперь самъ собою раздвинулся и тотъ узкій „кругъ дѣлъ и отношеній совѣта", къ расширенію котораго еще въ 1805 году такъ горячо и такъ самоотверженно призывалъ товарищей экспансивный адъюнктъ Карташевскій. Кладется предѣлъ и абсолютному произволу, царившему надъ университетомъ въ лицѣ профессора-директора Яковкина, теперь смѣняющемуся авторитетною властью коллегіальныхъ университетскихъ органовъ, съ выборнымъ ректоромъ во главѣ, призванныхъ руководствоваться въ своей дѣятельности точными основаніями, указанными въ высочайше утвержденномъ уставѣ 1804 года. Директоръ Яковкинъ, престижъ и авторитетъ котораго стали быстро спускаться по наклонной плоскости уже со времени вступленія въ попечительство Салтыкова, совершенно стушевывается теперь въ новомъ направленіи академической жизни и, всецѣло замкнувшись въ кругу гимназическихъ дѣлъ, старательно уклоняется отъ болѣе или менѣе открытаго и активнаго участія въ коллегіальной жизни университета, выражая тѣмъ самымъ пассивный, но безсильный, протестъ и противъ своего устраненія отъ вліянія на университетскія дѣла, особенно рѣзко выразившагося въ его выборной неудачѣ 1813 года, и противъ новаго университетскаго режима, и противъ ненавистныхъ ему „нѣмцевъ", ставшихъ во главѣ новаго теченія университетской жизни.

Прекратилась съ полнымъ открытіемъ университета и та ожесточенная, порою страстная, борьба, которая велась въ совѣтѣ на почвѣ отстаиванія корпоративныхъ правъ университета и протеста противъ деспотическихъ тенденцій Яковкина и за всѣми перипетіями которой мы тщательно слѣдили на протяженіи первыхъ девяти лѣтъ существованія казанскаго университета. Съ вступленіемъ университета во всѣ дарованныя ему уставомъ функціи автономной жизни, борьба на этой почвѣ должна была сама собою затихнуть, но она не преминула, за то, съ новою силою возгорѣться на новой почвѣ, на почвѣ *соперничества между собою двухъ совѣтскихъ партій — партіи нѣмецкой и партіи русской.*

Возникшая на этой почвѣ борьба не была явленіемъ, ознаменовавшимъ собою жизнь одного только казанскаго университета: она выступила моментомъ, присущимъ внутренней жизни и всѣхъ другихъ русскихъ уни-

особенно рѣзко отразилось, конечно, на дѣятельности совѣта, какъ главнаго выразителя этой коллегіальной жизни.

Теперь положенъ былъ конецъ той „неопредѣлительности“ въ положеніи университетскаго совѣта, на которую сѣтовали и противъ которой настойчиво ратовали лучшіе члены университетской коллегіи; теперь самъ собою раздвинулся и тотъ узкій „кругъ дѣлъ и отношеній совѣта“, къ расширенію котораго еще въ 1805 году такъ горячо и такъ самоотверженно призывалъ товарищей экспансивный адъюнктъ Карташевскій. Кладется предѣлъ и абсолютному произволу, царившему надъ университетомъ въ лицѣ профессора-директора Яковкина, теперь смѣняющемуся авторитетною властью коллегіальныхъ университетскихъ органовъ, съ выборнымъ ректоромъ во главѣ, призванныхъ руководствоваться въ своей дѣятельности точными основаніями, указанными въ высочайше утвержденномъ уставѣ 1804 года. Директоръ Яковкинъ, престижъ и авторитетъ котораго стали быстро спускаться по наклонной плоскости уже со времени вступленія въ попечительство Салтыкова, совершенно стушевывается теперь въ новомъ направленіи академической жизни и, всецѣло замкнувшись въ кругу гимназическихъ дѣлъ, старательно уклоняется отъ болѣе или менѣе открытаго и активнаго участія въ коллегіальной жизни университета, выражая тѣмъ самымъ пассивный, но безсильный, протестъ и противъ своего устраненія отъ вліянія на университетскія дѣла, особенно рѣзко выразившагося въ его выборной неудачѣ 1813 года, и противъ новаго университетскаго режима, и противъ ненавистныхъ ему „нѣмцевъ“, ставшихъ во главѣ новаго теченія университетской жизни.

Прекратилась съ полнымъ открытіемъ университета и та ожесточенная, порою страстная, борьба, которая велась въ совѣтѣ на почвѣ отстаиванія корпоративныхъ правъ университета и протеста противъ деспотическихъ тенденцій Яковкина и за всѣми перипетіями которой мы тщательно слѣдили на протяженіи первыхъ девяти лѣтъ существованія казанскаго университета. Съ вступленіемъ университета во всѣ дарованныя ему уставомъ функціи автономной жизни, борьба на этой почвѣ должна была сама собою затихнуть, но она не преминула, за то, съ новою силою возгорѣться на новой почвѣ, на почвѣ соперничества между собою двухъ совѣтскихъ партій — партіи нѣмецкой и партіи русской.

Возникшая на этой почвѣ борьба не была явленіемъ, ознаменовавшимъ собою жизнь одного только казанскаго университета: она выступила моментомъ, присущимъ внутренней жизни и всѣхъ другихъ русскихъ уни-

верситетовъ того времени и явилась логическимъ послѣдствіемъ уже извѣстныхъ намъ условій, въ которыя, съ точки зрѣнія формированія своего личнаго состава, поставлены были наши университеты въ начальную пору царствованія императора Александра I. Съ другой стороны, эта борьба нашла себѣ поддержку какъ въ недовѣріи, съ которымъ начинаетъ теперь относиться государство къ представителямъ западно-европейской науки и къ самымъ основамъ этой послѣдней, такъ и въ общей реакціи противъ иностранцевъ и всего иностраннаго, которая стала сказываться у насъ послѣ окончанія бурной эпохи наполеоновскихъ войнъ.

Едва ли, не прибѣгая къ натяжкамъ, въ правѣ были бы мы искать въ жизни казанскаго университета, до полнаго открытія его на основаніи устава 1804 года, сколько нибудь опредѣленныхъ слѣдовъ будущей борьбы партій русской и иностранной. Не говоря уже о ничтожности русскаго элемента въ личномъ составѣ совѣта первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета, въ его сопоставленіи съ элементомъ иностраннымъ, эта національная борьба уже потому не могла проявить себя до конца 1813 года, что всѣ пожеланія и всѣ страсти объединялись въ ту пору одною общею цѣлью: протестомъ противъ самовластія Яковкина и защитою коллегіальныхъ правъ университета, дарованныхъ уставомъ и гарантированныхъ ему утвердительною грамотою 5-го ноября 1804 года. Въ этой цѣли найденъ былъ лозунгъ, объединявшій собою дѣятельность и нѣмецкихъ, и русскихъ членовъ университета, которые, за весьма незначительнымъ исключеніемъ единичныхъ сторонниковъ директора, дружно и рука объ руку шли къ этой, ясно намѣченной, цѣли; совѣтская дѣятельность Данкова, Карташевскаго, Каменскаго—служитъ намъ вполнѣ нагляднымъ подтвержденіемъ только что высказаннаго.

Директоръ Яковкинъ,—этотъ профессоръ, никогда, по словамъ его зоиловъ, „не видавшій организма университетовъ" и поставленный, тѣмъ не менѣе, во главѣ вновь созданнаго университета,—уже очень рано прозрѣлъ опасность, грозящую ему со стороны иностранныхъ профессоровъ и еще въ 1805 году пытался запугать Румовскаго перспективою усиленія нѣмецкаго элемента въ казанскомъ университетѣ: „Умноженіе иностранцевъ,—еще въ то время писалъ онъ попечителю,—что бы не навлекло и высшему начальству еще болѣе безпокойствъ, когда и съ нынѣшними нѣмцами ладить чрезвычайно трудно, по причинѣ ихъ самомнѣнія". Желая обезпечить себѣ противовѣсъ „безпокойствамъ", предвидимымъ имъ отъ умноженія иностранцевъ, Яковкинъ уже очень рано сталъ подготовлять русскую партію совѣта, на которую онъ въ состояніи оказался бы опе-

верситетовъ того времени и явилась логическимъ послѣдствіемъ уже извѣстныхъ намъ условій, въ которыя, съ точки зрѣнія формированія своего личнаго состава, поставлены были наши университеты въ начальную пору царствованія императора Александра I. Съ другой стороны, эта борьба нашла себѣ поддержку какъ въ недовѣріи, съ которымъ начинаетъ теперь относиться государство къ представителямъ западно-европейской науки и къ самымъ основамъ этой послѣдней, такъ и въ общей реакціи противъ иностранцевъ и всего иностраннаго, которая стала сказываться у насъ послѣ окончанія бурной эпохи наполеоновскихъ войнъ.

Едва ли, не прибѣгая къ натяжкамъ, въ правѣ были бы мы искать въ жизни казанскаго университета, до полнаго открытія его на основаніи устава 1804 года, сколько нибудь опредѣленныхъ слѣдовъ будущей борьбы партій русской и иностранной. Не говоря уже о ничтожности русскаго элемента въ личномъ составѣ совѣта первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета, въ его сопоставленіи съ элементомъ иностраннымъ, эта національная борьба уже потому не могла проявить себя до конца 1813 года, что всѣ пожеланія и всѣ страсти объединялись въ ту пору одною общею цѣлью: протестомъ противъ самовластія Яковкина и защитою коллегіальныхъ правъ университета, дарованныхъ уставомъ и гарантированныхъ ему утвердительною грамотою 5-го ноября 1804 года. Въ этой цѣли найденъ былъ лозунгъ, объединявшій собою дѣятельность и нѣмецкихъ, и русскихъ членовъ университета, которые, за весьма незначительнымъ исключеніемъ единичныхъ сторонниковъ директора, дружно и рука объ руку шли къ этой, ясно намѣченной, цѣли; совѣтская дѣятельность Данкова, Карташевскаго, Каменскаго—служитъ намъ вполнѣ нагляднымъ подтвержденіемъ только что высказаннаго.

Директоръ Яковкинъ,—этотъ профессоръ, никогда, по словамъ его зоиловъ, „не видавшій организма университетовъ“ и поставленный, тѣмъ не менѣе, во главѣ вновь созданнаго университета,—уже очень рано прозрѣлъ опасность, грозящую ему со стороны иностранныхъ профессоровъ и еще въ 1805 году пытался запугать Румовскаго перспективою усиленія нѣмецкаго элемента въ казанскомъ университетѣ: „Умноженіе иностранцевъ,—еще въ то время писалъ онъ попечителю,—что бы не навлекло и высшему начальству еще болѣе безпокойствъ, когда и съ нынѣшними нѣмцами ладить чрезвычайно трудно, по причинѣ ихъ самомнѣнія“. Желая обезпечить себѣ противовѣсъ „безпокойствамъ“, предвидимымъ имъ отъ умноженія иностранцевъ, Яковкинъ уже очень рано сталъ подготовлять русскую партію совѣта, на которую онъ въ состояніи оказался бы опе-

реться въ неминуемой борьбѣ съ нѣмцами. Изъ воспитанниковъ казанскаго университета выдвигаются имъ съ этою цѣлью: Кондыревъ, В. Перевощиковъ, Кайсаровъ, Юнаковъ, Тимьянскій, Шоникъ, Булыгинъ, Самсоновъ, Симоновъ; изъ лицъ, явившихся въ казанскій университетъ со стороны, особымъ покровительствомъ его пользуются: Городчаниновъ, Срезневскій, Дунаевъ, Никольскій, Лубкинъ, наконецъ полу-нѣмецъ баронъ Врангель, сдѣлавшійся даже зятемъ директора.... Вся эта, такъ усердно воспитывавшаяся Яковкинымъ „русская партія", не въ состояніи была оказать директору поддержку въ критическую для него пору 1813—1814 годовъ: нѣкоторые изъ кандидатовъ на профессору не успѣли достигнуть къ этому времени самостоятельнаго положенія въ университетѣ, другіе же, достигшіе къ тому времени и положенія и голоса въ совѣтѣ—или не пожелали или не смогли поддержать своего бывшаго патрона; всѣ же, вмѣстѣ взятые, оказались совершенно безсильными передъ подавляющею, и своею численностью, и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, нѣмецкою партіею противниковъ Яковкина, среди которыхъ находимъ мы такихъ бойцевъ, какъ Браунъ, Бартельсъ, Литтровъ, Эрдманъ, Броннеръ, за которыми стоялъ и властный авторитетъ попечителя Салтыкова. Шансы борьбы были слишкомъ безнадежны, и Яковкинъ—палъ, не предпринявъ даже сколько нибудь серьезныхъ попытокъ къ сопротивленію.

Русская партія совѣта успѣла, тѣмъ не менѣе, создаться и окрѣпнуть на почвѣ, подготовленной для нея сошедшимъ съ арены борьбы профессоромъ-директоромъ. Теперь, вслѣдъ за полнымъ открытіемъ университета, эта русская партія поднимаетъ знамя борьбы противъ партіи иностранной—но на почвѣ уже совершенно новой: на почвѣ соперничества изъ за власти, изъ за преобладающаго значенія въ общемъ ходѣ университетской жизни, изъ за стремленія видѣть русскій университетъ—русскимъ не только по имени, но по всему его строю, даже по національному составу лицъ, стоящихъ во главѣ его организаціи и его жизнедѣятельности. Русскій элементъ сталъ пріобрѣтать въ совѣтѣ казанскаго университета рѣшительное и быстро прогрессирующее преобладаніе съ 1817 года, вслѣдъ за начинающимся отливомъ изъ университета иностранныхъ профессоровъ, причины и условія котораго уже были указаны нами въ началѣ предшествующей главы. Взаимное соотношеніе въ совѣтѣ иностраннаго и русскаго элементовъ, за первые 16 лѣтъ существованія казанскаго университета, нагляднѣе всего усмотрится изъ слѣдующей таблицы, представляющей численность иностранныхъ, русскихъ и полурусскихъ (мы выдѣляемъ ихъ въ особую рубрику) членовъ совѣта казанскаго университета:

реться въ неминуемой борьбѣ съ нѣмцами. Изъ воспитанниковъ казанскаго университета выдвигаются имъ съ этою цѣлью: Кондыревъ, В. Перевощиковъ, Кайсаровъ, Юнаковъ, Тимьянскій, Шоникъ, Булыгинъ, Самсоновъ, Симоновъ; изъ лицъ, явившихся въ казанскій университетъ со стороны, особымъ покровительствомъ его пользуются: Городчаниновъ, Срезневскій, Дунаевъ, Никольскій, Лубкинъ, наконецъ полу-нѣмецъ баронъ Врангель, сдѣлавшійся даже зятемъ директора.... Вся эта, такъ усердно воспитывавшаяся Яковкинымъ „русская партія", не въ состояніи была оказать директору поддержку въ критическую для него пору 1813—1814 годовъ: нѣкоторые изъ кандидатовъ на профессору не успѣли достигнуть къ этому времени самостоятельнаго положенія въ университетѣ, другіе же, достигшіе къ тому времени и положенія и голоса въ совѣтѣ—или не пожелали или не смогли поддержать своего бывшаго патрона; всѣ же, вмѣстѣ взятые, оказались совершенно безсильными передъ подавляющею, и своею численностью, и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, нѣмецкою партіею противниковъ Яковкина, среди которыхъ находимъ мы такихъ бойцевъ, какъ Браунъ, Бартельсъ, Литтровъ, Эрдманъ, Броннеръ, за которыми стоялъ и властный авторитетъ попечителя Салтыкова. Шансы борьбы были слишкомъ безнадежны, и Яковкинъ—палъ, не предпринявъ даже сколько нибудь серьезныхъ попытокъ къ сопротивленію.

Русская партія совѣта успѣла, тѣмъ не менѣе, создаться и окрѣпнуть на почвѣ, подготовленной для нея сошедшимъ съ арены борьбы профессоромъ-директоромъ. Теперь, вслѣдъ за полнымъ открытіемъ университета, эта русская партія поднимаетъ знамя борьбы противъ партіи иностранной—но на почвѣ уже совершенно новой: на почвѣ соперничества изъ за власти, изъ за преобладающаго значенія въ общемъ ходѣ университетской жизни, изъ за стремленія видѣть русскій университетъ—русскимъ не только по имени, но по всему его строю, даже по національному составу лицъ, стоящихъ во главѣ его организаціи и его жизнедѣятельности. Русскій элементъ сталъ пріобрѣтать въ совѣтѣ казанскаго университета рѣшительное и быстро прогрессирующее преобладаніе съ 1817 года, вслѣдъ за начинающимся отливомъ изъ университета иностранныхъ профессоровъ, причины и условія котораго уже были указаны нами въ началѣ предшествующей главы. Взаимное соотношеніе въ совѣтѣ иностраннаго и русскаго элементовъ, за первые 16 лѣтъ существованія казанскаго университета, нагляднѣе всего усмотрится изъ слѣдующей таблицы, представляющей численность иностранныхъ, русскихъ и полурусскихъ (мы выдѣляемъ ихъ въ особую рубрику) членовъ совѣта казанскаго университета:

Годы.	Иностранцы.	Русскіе.	Полурусскіе.	Всего.
1806	7	6	—	13.
1807	10	4	—	14.
1808	14	3	—	17.
1809	15	2	1 (а)	18.
1810	16	4	1	21.
1811	17	6	1	24.
1812	16	8	2 (б)	26.
1813	16	8	2	26.
1814	16	11	2	29.
1815	15 (в)	14	1 (г)	30.
1816	16 (д)	14	1	31.
1817	14 (е)	18	1	33.
1818	10 (ж)	18	2 (з)	30.
1819	11 (и)	17	2	30.
1820	5 (і)	21	1 (к)	27.
1821	2 (л)	20	0 (м)	22.

Легко увидѣть изъ этой таблицы, что иностранный элементъ рѣзко преобладаетъ въ совѣтѣ казанскаго университета до 1814 года, т. е. до полнаго его открытія, что въ 1815 и 1816 годахъ оба элемента, и иностранный и туземный, представляютъ колебаніе въ количественномъ между собою отношеніи, и что съ 1817 года русскій элементъ получаетъ уже рѣшительное преобладаніе, все болѣе и болѣе укрѣпляющееся съ каждымъ послѣдующимъ годомъ университетской жизни. Любопытно, что совершенно аналогичное явленіе наблюдается и въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ иностранный преподавательскій элементъ также преобладаетъ до 1814 года,

(а) Баронъ Врангель.
(б) Прибавился Арнгольдтъ.
(в) Умеръ Финке.
(г) Перемѣщенъ Арнгольдтъ.
(д) Избранъ Вердерамо.
(е) Выбылъ Литтровъ и † Реннеръ.
(ж) Выбыли Эрдманъ Ѳ. Х., Френъ, Нейманъ и † Ренардъ.
(з) Возвратился Арнгольдтъ.
(и) Избранъ Эрдманъ Ф. И.
(і) † Браунъ и выбыли Германъ, Томасъ, Брейтенбахъ, Цеплинъ и Эрихъ.
(к) Выбылъ баронъ Врангель.
(л) Выбыли Бартельсъ, Броннеръ и Вердерамо.
(м) Выбылъ Арнгольдтъ.

Годы.	Иностранцы.	Русскіе.	Полурусскіе.	Всего.
1806	7	6	—	13.
1807	10	4	—	14.
1808	14	3	—	17.
1809	15	2	1 (а)	18.
1810	16	4	1	21.
1811	17	6	1	24.
1812	16	8	2 (б)	26.
1813	16	8	2	26.
1814	16	11	2	29.
1815	15 (в)	14	1 (г)	30.
1816	16 (д)	14	1	31.
1817	14 (е)	18	1	33.
1818	10 (ж)	18	2 (з)	30.
1819	11 (и)	17	2	30.
1820	5 (і)	21	1 (к)	27.
1821	2 (л)	20	0 (м)	22.

Легко увидѣть изъ этой таблицы, что иностранный элементъ рѣзко преобладаетъ въ совѣтѣ казанскаго университета до 1814 года, т. е. до полнаго его открытія, что въ 1815 и 1816 годахъ оба элемента, и иностранный и туземный, представляютъ колебаніе въ количественномъ между собою отношеніи, и что съ 1817 года русскій элементъ получаетъ уже рѣшительное преобладаніе, все болѣе и болѣе укрѣпляющееся съ каждымъ послѣдующимъ годомъ университетской жизни. Любопытно, что совершенно аналогичное явленіе наблюдается и въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ иностранный преподавательскій элементъ также преобладаетъ до 1814 года,

---

(а) Баронъ Врангель.
(б) Прибавился Арнгольдтъ.
(в) Умеръ Финке.
(г) Перемѣщенъ Арнгольдтъ.
(д) Избранъ Вердерамо.
(е) Выбылъ Литтровъ и † Реннеръ.
(ж) Выбыли Эрдманъ Ѳ. Х., Френъ, Нейманъ и † Ренардъ.
(з) Возвратился Арнгольдтъ.
(и) Избранъ Эрдманъ Ф. И.
(і) † Браунъ и выбыли Германъ, Томасъ, Брейтенбахъ, Цеплинъ и Эрихъ.
(к) Выбылъ баронъ Врангель.
(л) Выбыли Бартельсъ, Броннеръ и Вердерамо.
(м) Выбылъ Арнгольдтъ.

сравнивается въ этомъ году съ элементомъ русскимъ и затѣмъ начинаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступать этому послѣднему [43].

Вожаки нѣмецкой партіи казанскаго университета не безъ тревоги смотрѣли на ближайшее будущее. Такъ, въ письмѣ своемъ къ Салтыкову отъ 24-го апрѣля 1816 года проф. Броннеръ, указывая на предстоящее оставленіе университета Литтровомъ, Френомъ и Эрдманомъ, бросаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Кто знаетъ, не входитъ ли это въ разсчеты руководителей противной партіи! Они открыто хвастаются возможностью обходиться безъ иностранцевъ; быть можетъ, имъ окажется даже на-руку, если казанскій университетъ будетъ влачить лишь жалкое существованіе". Салтыковъ, съ своей стороны, выражая Броннеру сожалѣніе по поводу извѣстія объ уходѣ только что перечисленныхъ иностранныхъ профессоровъ, не безъ ироніи замѣчаетъ, что „какія бы утраты университетъ не понесъ—онъ все же будетъ числиться существующимъ, хотя бы только на бумагѣ и въ альманахахъ; замѣстители же всегда отыщутся, если они и не будутъ возвышаться надъ уровнемъ жалкой посредственности" (Бр. 311, 314 *). Въ глазахъ Салтыкова, жившаго въ то время въ Петербургѣ, нисколько не представлялась явленіемъ исключительнаго характера національная вражда, разгоравшаяся въ нѣдрахъ казанскаго университета: „Вражда, царящая между иностранцами и русскими,—читаемъ мы въ его письмѣ къ Броннеру отъ 11-го сентября того же года,—слишкомъ наглядна для того, что бы въ существованіи ея позволительно было сомнѣваться. Когда нѣмцы оказываются въ состояніи взять верхъ надъ своими противниками—они не упускаютъ случая воспользоваться этою возможностью; но и сами русскіе не преминутъ прибѣгнуть къ репрессаліямъ, если представится и для нихъ случай отомстить противной партіи. Явленіе это наблюдается во всѣхъ университетахъ: возьмите Харьковъ, Москву—вы и здѣсь столкнетесь съ тѣмъ же состояніемъ внутреннихъ усобицъ"... (Бр. 333).

Въ письмахъ къ попечителю, Броннеръ нисколько не скрываетъ своихъ взглядовъ какъ на самую борьбу національныхъ партій, такъ и на ея ближайшія причины, причемъ симпатіи его лежатъ, конечно, далеко не на сторонѣ тѣхъ побудительныхъ мотивовъ, которые усматриваются имъ въ основѣ образа дѣйствій представителей русской партіи:

---

* Мы и здѣсь, какъ дѣлали это раньше, будемъ такимъ сокращеннымъ способомъ цитировать переписку Броннера и Салтыкова, изданную проф. Д. И. Нагуевскимъ, по порученію совѣта университета, въ уже извѣстномъ намъ трудѣ его.

сравнивается въ этомъ году съ элементомъ русскимъ и затѣмъ начинаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступать этому послѣднему [43].

Вожаки нѣмецкой партіи казанскаго университета не безъ тревоги смотрѣли на ближайшее будущее. Такъ, въ письмѣ своемъ къ Салтыкову отъ 24-го апрѣля 1816 года проф. Броннеръ, указывая на предстоящее оставленіе университета Литтровомъ, Френомъ и Эрдманомъ, бросаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Кто знаетъ, не входитъ ли это въ разсчеты руководителей противной партіи! Они открыто хвастаются возможностью обходиться безъ иностранцевъ; быть можетъ, имъ окажется даже на-руку, если казанскій университетъ будетъ влачить лишь жалкое существованіе". Салтыковъ, съ своей стороны, выражая Броннеру сожалѣніе по поводу извѣстія объ уходѣ только что перечисленныхъ иностранныхъ профессоровъ, не безъ ироніи замѣчаетъ, что „какія бы утраты университетъ не понесъ— онъ все же будетъ числиться существующимъ, хотя бы только на бумагѣ и въ альманахахъ; замѣстители же всегда отыщутся, если они и не будутъ возвышаться надъ уровнемъ жалкой посредственности" (Бр. 311, 314 *). Въ глазахъ Салтыкова, жившаго въ то время въ Петербургѣ, нисколько не представлялась явленіемъ исключительнаго характера національная вражда, разгоравшаяся въ нѣдрахъ казанскаго университета: „Вражда, царящая между иностранцами и русскими,—читаемъ мы въ его письмѣ къ Броннеру отъ 11-го сентября того же года,—слишкомъ наглядна для того, что бы въ существованіи ея позволительно было сомнѣваться. Когда нѣмцы оказываются въ состояніи взять верхъ надъ своими противниками—они не упускаютъ случая воспользоваться этою возможностью; но и сами русскіе не преминутъ прибѣгнуть къ репрессаліямъ, если представится и для нихъ случай отомстить противной партіи. Явленіе это наблюдается во всѣхъ университетахъ: возьмите Харьковъ, Москву—вы и здѣсь столкнетесь съ тѣмъ же состояніемъ внутреннихъ усобицъ"... (Бр. 333).

Въ письмахъ къ попечителю, Броннеръ нисколько не скрываетъ своихъ взглядовъ какъ на самую борьбу національныхъ партій, такъ и на ея ближайшія причины, причемъ симпатіи его лежатъ, конечно, далеко не на сторонѣ тѣхъ побудительныхъ мотивовъ, которые усматриваются имъ въ основѣ образа дѣйствій представителей русской партіи:

---

* Мы и здѣсь, какъ дѣлали это раньше, будемъ такимъ сокращеннымъ способомъ цитировать переписку Броннера и Салтыкова, изданную проф. Д. И. Нагуевскимъ, по порученію совѣта университета, въ уже извѣстномъ намъ трудѣ его.

„Участь иностранныхъ профессоровъ представляется въ высшей степени неопредѣленною,—пишетъ, напримѣръ, Броннеръ попечителю въ самомъ началѣ 1817 года.—Враждебное отношеніе къ нимъ туземцевъ (des natifs du pays), поддерживаемое свыше (d'en haut) и обостряемое чувствомъ мести; пущенная уже противъ нихъ въ ходъ интрига; научный индифферентизмъ случайныхъ людей, видящихъ въ университетѣ лишь дойную для себя корову—все это не сулитъ намъ въ будущемъ хорошихъ дней. То, что вы пишете * относительно Кондырева и его подстрекателя (рѣчь идетъ, конечно, о Яковкинѣ)—болѣе, нежели справедливо. Кондыревъ запятналъ себя образованіемъ лиги противъ иностранцевъ; онъ посѣялъ раздоры партій; онъ—главный руководитель всѣхъ интригъ; онъ же выступаетъ и вѣчнымъ совѣтскимъ крикуномъ (le crieur perpétuel dans le conseil). Онъ пытался даже прикрываться авторитетомъ вашего имени для того, что бы всѣхъ перессорить и захватить преобладающее положеніе. Просто невѣроятною представляется дерзость, проявляемая имъ въ засѣданіяхъ совѣта: онъ протестуетъ противъ каждаго постановленія, тормозитъ ходъ дѣлъ, наводняетъ дѣлопроизводство своими заявленіями“ и пр. и пр. (Бр. 357—358).

Не безъинтересна и довольно смѣлая притча, приводимая Броннеромъ по поводу вопроса о національныхъ партіяхъ въ казанскомъ университетѣ:

„Я вспоминаю ваше утвержденіе относительно двухъ, русской и нѣмецкой, партій, имѣющихся среди насъ,—пишетъ Броннеръ.—Это, если хотите, съ одной стороны—партія тѣхъ девяти чужеземныхъ куръ, которыхъ купила нѣкая баварка, въ видахъ пополненія собственнаго птичьяго двора, а съ другой стороны—партія двухъ десятковъ туземныхъ куръ, рожденныхъ въ томъ же курятникѣ. Не можетъ представляться никакого сомнѣнія въ томъ, что, движимыя чувствомъ національной вражды, туземныя куры нападутъ на своихъ новыхъ товарокъ, станутъ бить ихъ клювами и когтями, вырывать у нихъ перья и гнать до тѣхъ поръ, пока тѣ не обратятся въ бѣгство. Не думаю, что бы мудро поступала хозяйка, допустивъ въ своемъ курятникѣ образованіе этихъ куриныхъ партій и натравляя партію туземную противъ партіи чужеземной; не думаю, что бы умно поступала она такъ даже и въ томъ случаѣ, если бы какому нибудь иностранному куренку и удалось слегка клюнуть ее въ палецъ“ (Бр. 350—351).

Въ письмѣ отъ 7-го января 1817 года Броннеръ даетъ и общую характеристику положенія дѣлъ въ совѣтѣ казанскаго университета:

---

* Очевидная ссылка на недошедшее до насъ письмо Салтыкова.

„Участь иностранныхъ профессоровъ представляется въ высшей степени неопредѣленною,—пишетъ, напримѣръ, Броннеръ попечителю въ самомъ началѣ 1817 года.—Враждебное отношеніе къ нимъ туземцевъ (des natifs du pays), поддерживаемое свыше (d'en haut) и обостряемое чувствомъ мести; пущенная уже противъ нихъ въ ходъ интрига; научный индифферентизмъ случайныхъ людей, видящихъ въ университетѣ лишь дойную для себя корову—все это не сулитъ намъ въ будущемъ хорошихъ дней. То, что вы пишете * относительно Кондырева и его подстрекателя (рѣчь идетъ, конечно, о Яковкинѣ)—болѣе, нежели справедливо. Кондыревъ запятналъ себя образованіемъ лиги противъ иностранцевъ; онъ посѣялъ раздоры партій; онъ—главный руководитель всѣхъ интригъ; онъ же выступаетъ и вѣчнымъ совѣтскимъ крикуномъ (le crieur perpétuel dans le conseil). Онъ пытался даже прикрываться авторитетомъ вашего имени для того, что бы всѣхъ перессорить и захватить преобладающее положеніе. Просто невѣроятною представляется дерзость, проявляемая имъ въ засѣданіяхъ совѣта: онъ протестуетъ противъ каждаго постановленія, тормозитъ ходъ дѣлъ, наводняетъ дѣлопроизводство своими заявленіями" и пр. и пр. (Бр. 357—358).

Не безъинтересна и довольно смѣлая притча, приводимая Броннеромъ по поводу вопроса о національныхъ партіяхъ въ казанскомъ университетѣ:

„Я вспоминаю ваше утвержденіе относительно двухъ, русской и нѣмецкой, партій, имѣющихся среди насъ,—пишетъ Броннеръ.—Это, если хотите, съ одной стороны—партія тѣхъ девяти чужеземныхъ куръ, которыхъ купила нѣкая баварка, въ видахъ пополненія собственнаго птичьяго двора, а съ другой стороны—партія двухъ десятковъ туземныхъ куръ, рожденныхъ въ томъ же курятникѣ. Не можетъ представляться никакого сомнѣнія въ томъ, что, движимыя чувствомъ національной вражды, туземныя куры нападутъ на своихъ новыхъ товарокъ, станутъ бить ихъ клювами и когтями, вырывать у нихъ перья и гнать до тѣхъ поръ, пока тѣ не обратятся въ бѣгство. Не думаю, что бы мудро поступала хозяйка, допустивъ въ своемъ курятникѣ образованіе этихъ куриныхъ партій и натравляя партію туземную противъ партіи чужеземной; не думаю, что бы умно поступала она такъ даже и въ томъ случаѣ, если бы какому нибудь иностранному куренку и удалось слегка клюнуть ее въ палецъ" (Бр. 350—351).

Въ письмѣ отъ 7-го января 1817 года Броннеръ даетъ и общую характеристику положенія дѣлъ въ совѣтѣ казанскаго университета:

* Очевидная ссылка на недошедшее до насъ письмо Салтыкова.

„Не думайте,—пишетъ онъ Салтыкову,—что бы раздоры обострялись среди насъ болѣе, нежели во всякаго рода иныхъ коллегіяхъ: я повсюду встрѣчалъ эту коллизію личныхъ страстей съ стремленіемъ къ дѣловитости.... Увѣряю васъ, что дѣла текутъ у насъ еще довольно правильно: извѣстно, что люди науки всегда склонны вести между собою распри unguibus et rostris—и избѣгнуть этого просто невозможно. Хотя члены его и препираются между собою, но нашъ совѣтъ твердо слѣдуетъ намѣченному ему уставомъ пути. Въ общемъ—чувство вражды еще не особенно сильно овладѣло совѣтомъ. Что касается совѣтскихъ партій, то нѣмцы, какъ это наблюдается всегда и вездѣ, пребываютъ въ состояніи розни между собою; русскіе, наоборотъ, крѣпко сплотились на почвѣ общихъ интересовъ, которые они и съумѣютъ выдвинуть впередъ на ближайшихъ же университетскихъ выборахъ. Въ этомъ отношеніи уже дѣлаются нѣкоторыя приготовленія и вы можете пребывать увѣреннымъ, что эти господа доставятъ вамъ удовольствіе поставить вашего новаго любимца (votre nouveau protégé) во главѣ всѣхъ университетскихъ дѣлъ“ (Бр. 355).

Салтыковъ не оставилъ безъ отвѣта легкую шпильку, подпущенную его казанскимъ корреспондентомъ въ концѣ только что приведеннаго отрывка письма отъ 7-го января и въ которой мы склонны видѣть проявленіе нѣкотораго чувства ревности со стороны старика Броннера. Въ лицѣ новаго попечительскаго „любимца“—намекъ сдѣланъ имъ, очевидно, по адресу Кондырева, которому, благодаря отправленію имъ въ 1815 году обязанностей правителя канцеляріи попечителя, удалось приблизиться къ Салтыкову и получить, тѣмъ самымъ, нѣкоторое вліяніе на дѣла по университету и округу. Кондыревъ и послѣ отъѣзда попечителя въ Петербургъ (20-го января 1816 года) не прерывалъ съ нимъ сношеній; такъ, въ началѣ осени 1816 года онъ ѣздилъ къ попечителю въ столицу и черезъ него прислалъ даже Салтыковъ Броннеру свое, уже извѣстное намъ, письмо отъ 11-го сентября. Это сближеніе Салтыкова съ непосредственнымъ клевретомъ его стараго противника, Яковкина, не могло не встревожить дальновиднаго Броннера, что и проглядываетъ во многихъ его письмахъ къ попечителю. Въ письмѣ отъ 29-го января 1817 года Салтыковъ спѣшитъ разсѣять опасенія своего казанскаго друга: „Заведя рѣчь о русской партіи,—пишетъ онъ,—вы сказали, что эта партія дастъ себя знать на ближайшихъ выборахъ и поставитъ во главѣ всего теченія дѣлъ моего новаго любимца. Такъ какъ этотъ намекъ мнѣ совершенно непонятенъ, я просилъ бы васъ указать то имя, которое за нимъ скрывается. Я, право же, самъ недоумѣваю, кто онъ такой—этотъ новый любимецъ мой“. Салтыковъ успокаиваетъ своего корреспондента и завѣреніями въ

„Не думайте,—пишетъ онъ Салтыкову,—что бы раздоры обострялись среди насъ болѣе, нежели во всякаго рода иныхъ коллегіяхъ: я повсюду встрѣчалъ эту коллизію личныхъ страстей съ стремленіемъ къ дѣловитости.... Увѣряю васъ, что дѣла текутъ у насъ еще довольно правильно: извѣстно, что люди науки всегда склонны вести между собою распри unguibus et rostris—и избѣгнуть этого просто невозможно. Хотя члены его и препираются между собою, но нашъ совѣтъ твердо слѣдуетъ намѣченному ему уставомъ пути. Въ общемъ—чувство вражды еще не особенно сильно овладѣло совѣтомъ. Что касается совѣтскихъ партій, то нѣмцы, какъ это наблюдается всегда и вездѣ, пребываютъ въ состояніи розни между собою; русскіе, наоборотъ, крѣпко сплотились на почвѣ общихъ интересовъ, которые они и съумѣютъ выдвинуть впередъ на ближайшихъ же университетскихъ выборахъ. Въ этомъ отношеніи уже дѣлаются нѣкоторыя приготовленія и вы можете пребывать увѣреннымъ, что эти господа доставятъ вамъ удовольствіе поставить вашего новаго любимца (votre nouveau protégé) во главѣ всѣхъ университетскихъ дѣлъ“ (Бр. 355).

Салтыковъ не оставилъ безъ отвѣта легкую шпильку, подпущенную его казанскимъ корреспондентомъ въ концѣ только что приведеннаго отрывка письма отъ 7-го января и въ которой мы склонны видѣть проявленіе нѣкотораго чувства ревности со стороны старика Броннера. Въ лицѣ новаго попечительскаго „любимца“—намекъ сдѣланъ имъ, очевидно, по адресу Кондырева, которому, благодаря отправленію имъ въ 1815 году обязанностей правителя канцеляріи попечителя, удалось приблизиться къ Салтыкову и получить, тѣмъ самымъ, нѣкоторое вліяніе на дѣла по университету и округу. Кондыревъ и послѣ отъѣзда попечителя въ Петербургъ (20-го января 1816 года) не прерывалъ съ нимъ сношеній; такъ, въ началѣ осени 1816 года онъ ѣздилъ къ попечителю въ столицу и черезъ него прислалъ даже Салтыковъ Броннеру свое, уже извѣстное намъ, письмо отъ 11-го сентября. Это сближеніе Салтыкова съ непосредственнымъ клевретомъ его стараго противника, Яковкина, не могло не встревожить дальновиднаго Броннера, что и проглядываетъ во многихъ его письмахъ къ попечителю. Въ письмѣ отъ 29-го января 1817 года Салтыковъ спѣшитъ разсѣять опасенія своего казанскаго друга: „Заведя рѣчь о русской партіи,—пишетъ онъ,—вы сказали, что эта партія дастъ себя знать на ближайшихъ выборахъ и поставитъ во главѣ всего теченія дѣлъ моего новаго любимца. Такъ какъ этотъ намекъ мнѣ совершенно непонятенъ, я просилъ бы васъ указать то имя, которое за нимъ скрывается. Я, право же, самъ недоумѣваю, кто онъ такой—этотъ новый любимецъ мой“. Салтыковъ успокаиваетъ своего корреспондента и завѣреніями въ

томъ, что онъ находится, во всякомъ случаѣ, уже наканунѣ оставленія давно тяготящаго его поста попечителя округа.

Переписка Броннера съ Салтыковымъ раскрываетъ передъ нами, такимъ образомъ, имя лица, въ которомъ объединяется теперь русская университетская партія и которое, во всеоружіи средствъ борьбы, становится лицомъ къ лицу къ главарю нѣмецкой партіи—ректору Брауну. Ближайшимъ единомышленникомъ Кондырева выступалъ на томъ же поприщѣ профессоръ В. М. Перевощиковъ *, закулиснымъ же руководителемъ всей кампаніи оставался старый интриганъ Яковкинъ, обуреваемый скрытымъ чувствомъ злобной мести по отношенію къ Брауну и къ другимъ вожакамъ, такъ недавно еще восторжествовавшей надъ нимъ, нѣмецкой партіи.

А эта нѣмецкая партія, дѣйствительно, доминировала въ казанскомъ университетѣ въ первые послѣ полнаго открытія его годы. Припомнимъ академическое представительство, образовавшееся здѣсь на основаніи первыхъ выборовъ, происходившихъ въ сентябрѣ 1813 года. Ректоръ—И. О. Браунъ, деканы: словеснаго отдѣленія—М. И. Германъ, отдѣленія физическихъ и математическихъ наукъ—М. Ѳ. Бартельсъ, отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ—И. А. Финке, врачебнаго отдѣленія—Ѳ. Х. Эрдманъ. Браунъ сохранялъ за собою званіе ректора до самаго конца интересующей насъ въ настоящее время эпохи († въ началѣ 1819 года). Безсмѣннымъ деканомъ оставался въ теченіи тѣхъ же пяти лѣтъ Бартельсъ (до конца 1820 года). На врачебномъ отдѣленіи нѣмецъ Эрдманъ въ августѣ 1817 года уступилъ мѣсто декана иностранцу же Вердерамо, остававшемуся въ этомъ званіи до весны 1820 года. Только на двухъ остальныхъ отдѣленіяхъ русскому элементу удалось, въ концѣ концовъ, взять верхъ надъ элементомъ нѣмецкимъ: на словесномъ отдѣленіи преемникомъ Германа былъ (съ мая 1815 года) нѣмецъ Френъ, котораго въ маѣ 1816 года замѣняетъ Городчаниновъ; на отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ умершій осенью 1814 года Финке замѣняется нѣмцемъ же Цеплиномъ, взамѣнъ котораго въ іюнѣ 1818 года деканомъ избирается уже чистокровный русскій Солнцевъ. Нѣмцы съумѣли всецѣло удержать за собою, также, инспекцію и педагогическій институтъ: въ разсматриваемое нами пятилѣтіе должность инспектора студентовъ несли Броннеръ и Брейтенбахъ (съ сентября 1817 года), должность директора педагогическаго института—Броннеръ и Германъ (съ сентября 1817 года).

---

* Броннеръ еще лѣтомъ 1816 года указывалъ Салтыкову на Кондырева и Перевощикова, какъ на непримиримыхъ противниковъ ректора Брауна (Бр. 330).

томъ, что онъ находится, во всякомъ случаѣ, уже наканунѣ оставленія давно тяготящаго его поста попечителя округа.

Переписка Броннера съ Салтыковымъ раскрываетъ передъ нами, такимъ образомъ, имя лица, въ которомъ объединяется теперь русская университетская партія и которое, во всеоружіи средствъ борьбы, становится лицомъ къ лицу къ главарю нѣмецкой партіи—ректору Брауну. Ближайшимъ единомышленникомъ Кондырева выступалъ на томъ же поприщѣ профессоръ В. М. Перевощиковъ *, закулиснымъ же руководителемъ всей кампаніи оставался старый интриганъ Яковкинъ, обуреваемый скрытымъ чувствомъ злобной мести по отношенію къ Брауну и къ другимъ вожакамъ, такъ недавно еще восторжествовавшей надъ нимъ, нѣмецкой партіи.

А эта нѣмецкая партія, дѣйствительно, доминировала въ казанскомъ университетѣ въ первые послѣ полнаго открытія его годы. Припомнимъ академическое представительство, образовавшееся здѣсь на основаніи первыхъ выборовъ, происходившихъ въ сентябрѣ 1813 года. Ректоръ—И. О. Браунъ, деканы: словеснаго отдѣленія—М. И. Германъ, отдѣленія физическихъ и математическихъ наукъ—М. Ѳ. Бартельсъ, отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ—И. А. Финке, врачебнаго отдѣленія—Ѳ. Х. Эрдманъ. Браунъ сохранялъ за собою званіе ректора до самаго конца интересующей насъ въ настоящее время эпохи († въ началѣ 1819 года). Безсмѣннымъ деканомъ оставался въ теченіи тѣхъ же пяти лѣтъ Бартельсъ (до конца 1820 года). На врачебномъ отдѣленіи нѣмецъ Эрдманъ въ августѣ 1817 года уступилъ мѣсто декана иностранцу же Вердерамо, остававшемуся въ этомъ званіи до весны 1820 года. Только на двухъ остальныхъ отдѣленіяхъ русскому элементу удалось, въ концѣ концовъ, взять верхъ надъ элементомъ нѣмецкимъ: на словесномъ отдѣленіи преемникомъ Германа былъ (съ мая 1815 года) нѣмецъ Френъ, котораго въ маѣ 1816 года замѣняетъ Городчаниновъ; на отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ умершій осенью 1814 года Финке замѣняется нѣмцемъ же Цеплиномъ, взамѣнъ котораго въ іюнѣ 1818 года деканомъ избирается уже чистокровный русскій Солнцевъ. Нѣмцы съумѣли всецѣло удержать за собою, также, инспекцію и педагогическій институтъ: въ разсматриваемое нами пятилѣтіе должность инспектора студентовъ несли Броннеръ и Брейтенбахъ (съ сентября 1817 года), должность директора педагогическаго института—Броннеръ и Германъ (съ сентября 1817 года).

---

* Броннеръ еще лѣтомъ 1816 года указывалъ Салтыкову на Кондырева и Перевощикова, какъ на непримиримыхъ противниковъ ректора Брауна (Бр. 330).

Подавляющее большинство обезпечили себѣ нѣмцы, при выборахъ 1813 года, и въ весьма важномъ училищномъ комитетѣ: изъ шести мѣстъ членовъ этого комитета они удержали за собою пять (Бартельсъ, Броннеръ, Литтровъ, Реннеръ и Эрихъ) и только одно мѣсто досталось здѣсь русскому (Городчаниновъ), но уже на выборахъ мая 1815 года весь составъ этого комитета сдѣлался исключительно нѣмецкимъ (Бартельсъ, Брейтенбахъ, Броннеръ, Реннеръ, Цеплинъ и Эрихъ). Такое положеніе вещей обратило на себя вниманіе попечителя Салтыкова, который 3-го апрѣля 1816 года, какъ разъ передъ новыми, производившимися ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ, выборами членовъ комитета обратился на имя ректора университета съ письмомъ, въ которомъ указывалъ ему на необходимость лучшаго устройства училищнаго комитета, „коего важное неудобство проистекаетъ отъ членовъ онаго, по невѣдѣнію россійкаго языка", въ силу чего онъ и рекомендовалъ „при избраніи новыхъ членовъ наблюдать, дабы сей комитетъ составленъ былъ изъ русскихъ чиновниковъ или иностранцевъ, знающихъ русскій языкъ и привыкшихъ къ теченію дѣлъ" [44]. Результатомъ попечительскаго предложенія явилось то, что на 1816—1817 академическій годъ въ составѣ училищнаго комитета оказалось половинное число русскихъ членовъ (бар. Врангель, Никольскій и Солнцевъ, остальные—Бартельсъ, Броннеръ и Фуксъ), выборы же 1818 года сдѣлали русскимъ уже весь составъ этого комитета (бар. Врангель, Лобачевскій Н. И., Никольскій, Перевощиковъ, Солнцевъ и Юнаковъ). Необходимость заставила съ самаго начала замѣстить представителями исключительно почти русскаго элемента канцелярскія должности по университету: секретаремъ совѣта и синдикомъ университета сдѣлался обрусѣвшій нѣмецъ баронъ Врангель (сначала избрали было и въ эту должность чистокровнаго нѣмца Томаса), секретарями отдѣленій—Юнаковъ, Тимьянскій, Срезневскій и Ренардъ (единственный иностранецъ, занявшій секретарскую должность), непремѣннымъ засѣдателемъ правленія—Никольскій, библіотекаремъ—Кондыревъ.

Преобладающее положеніе нѣмцевъ не могло не шокировать русскихъ представителей казанскаго университета и не возбуждать въ нихъ болѣе или менѣе скрытнаго чувства недоброжелательства по отношенію къ иностраннымъ сотоварищамъ, на сторонѣ которыхъ находилось не только численное превосходство, но и преобладаніе моральное,—въ смыслѣ ученой репутаціи, опытности и знанія условій университетской жизни, выдержанности, чувства мѣры и такта, вынесенныхъ ими изъ жизненныхъ условій и вѣковыхъ традицій наиболѣе блестящихъ германскихъ университе-

Подавляющее большинство обезпечили себѣ нѣмцы, при выборахъ 1813 года, и въ весьма важномъ училищномъ комитетѣ: изъ шести мѣстъ членовъ этого комитета они удержали за собою пять (Бартельсъ, Броннеръ, Литтровъ, Реннеръ и Эрихъ) и только одно мѣсто досталось здѣсь русскому (Городчаниновъ), но уже на выборахъ мая 1815 года весь составъ этого комитета сдѣлался исключительно нѣмецкимъ (Бартельсъ, Брейтенбахъ, Броннеръ, Реннеръ, Цеплинъ и Эрихъ). Такое положеніе вещей обратило на себя вниманіе попечителя Салтыкова, который 3-го апрѣля 1816 года, какъ разъ передъ новыми, производившимися ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ, выборами членовъ комитета обратился на имя ректора университета съ письмомъ, въ которомъ указывалъ ему на необходимость лучшаго устройства училищнаго комитета, „коего важное неудобство проистекаетъ отъ членовъ онаго, по невѣдѣнію россійкаго языка", въ силу чего онъ и рекомендовалъ „при избраніи новыхъ членовъ наблюдать, дабы сей комитетъ составленъ былъ изъ русскихъ чиновниковъ или иностранцевъ, знающихъ русскій языкъ и привыкшихъ къ теченію дѣлъ" [44]. Результатомъ попечительскаго предложенія явилось то, что на 1816—1817 академическій годъ въ составѣ училищнаго комитета оказалось половинное число русскихъ членовъ (бар. Врангель, Никольскій и Солнцевъ, остальные—Бартельсъ, Броннеръ и Фуксъ), выборы же 1818 года сдѣлали русскимъ уже весь составъ этого комитета (бар. Врангель, Лобачевскій Н. И., Никольскій, Перевощиковъ, Солнцевъ и Юнаковъ). Необходимость заставила съ самаго начала замѣстить представителями исключительно почти русскаго элемента канцелярскія должности по университету: секретаремъ совѣта и синдикомъ университета сдѣлался обрусѣвшій нѣмецъ баронъ Врангель (сначала избрали было и въ эту должность чистокровнаго нѣмца Томаса), секретарями отдѣленій—Юнаковъ, Тимьянскій, Срезневскій и Ренардъ (единственный иностранецъ, занявшій секретарскую должность), непремѣннымъ засѣдателемъ правленія—Никольскій, библіотекаремъ—Кондыревъ.

Преобладающее положеніе нѣмцевъ не могло не шокировать русскихъ представителей казанскаго университета и не возбуждать въ нихъ болѣе или менѣе скрытнаго чувства недоброжелательства по отношенію къ иностраннымъ сотоварищамъ, на сторонѣ которыхъ находилось не только численное превосходство, но и преобладаніе моральное,—въ смыслѣ ученой репутаціи, опытности и знанія условій университетской жизни, выдержанности, чувства мѣры и такта, вынесенныхъ ими изъ жизненныхъ условій и вѣковыхъ традицій наиболѣе блестящихъ германскихъ университе-

товъ. Это чувство недоброжелательства не могло не поддерживаться и завистливымъ сознаніемъ той выдающейся роли, какая выпала на долю иностранцевъ въ начальной жизни казанскаго университета. Нѣмецкіе профессоры поставили казанскій университетъ на правильный путь его развитія, создали ему ту „блестящую“ пору его существованія, о которой съ чувствомъ гордости вспоминалъ впослѣдствіе старикъ Фуксъ и предѣлъ которой такъ неожиданно положенъ былъ ревизіею и эпохою попечительства Магницкаго; нѣмецкіе профессоры дали казанскому университету Лобачевскаго и Симонова, они же бросили здѣсь сѣмена физико-математическаго знанія и оріенталистики, давшія впослѣдствіе пышный и плодотворный расцвѣтъ, которымъ этотъ университетъ могъ съ полнымъ основаніемъ гордиться и который удѣлялъ ему почетное мѣсто въ ряду другихъ учрежденій того же рода. Намъ хорошо уже знакома дѣятельность профессоровъ нѣмецкой партіи, подготовившая и сдѣлавшая возможнымъ полное открытіе въ 1814 году казанскаго университета на основаніяхъ устава 1804 года; на долю тѣхъ же профессоровъ выпала и задача организаціи жизни вполнѣ открытаго университета на первыхъ порахъ его автономной и самостоятельной жизни. Трудно сказать, что сталось бы съ казанскимъ университетомъ послѣ полнаго открытія его въ 1814 году, если бы во главѣ дѣла остался Яковкинъ съ своими ближайшими клевретами. Если мы согласимся, что нѣмецкимъ профессорамъ удалось столкнуть Яковкина съ пути свободнаго развитія университетской жизни, твердо водрузить знамя казанской университетской науки и намѣтить возрожденному университету правильный путь дальнѣйшаго его развитія—то мы тѣмъ самымъ признаемъ право на благодарную память, со стороны потомства, за тою славною кучкою иностранныхъ ученыхъ, которые явились нѣкогда ретивыми, порою даже самоотверженными, зиждителями и устроителями начальной жизни казанскаго университета.

Непотизмъ представляетъ собою одно изъ ходячихъ,—во многихъ случаяхъ, правда, и небезъосновательныхъ,—обвиненій, предъявляемыхъ по адресу иностранцевъ въ Россіи. Передъ нашими глазами прошла вся исторія личнаго состава казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ его существованія, и мы едва ли оказались бы въ состояніи отыскать въ ней факты, способные дать пищу для подобнаго рода нареканія, въ его примѣненіи къ нѣмецкимъ профессорамъ этой поры жизни казанскаго университета, тѣмъ болѣе, что тенденціямъ въ духѣ непотизма совершенно неблагопріятными представлялись условія, въ которыя поставлена была до 1814 года коллегіальная жизнь университета. Если въ личномъ составѣ

товъ. Это чувство недоброжелательства не могло не поддерживаться и завистливымъ сознаніемъ той выдающейся роли, какая выпала на долю иностранцевъ въ начальной жизни казанскаго университета. Нѣмецкіе профессоры поставили казанскій университетъ на правильный путь его развитія, создали ему ту „блестящую" пору его существованія, о которой съ чувствомъ гордости вспоминалъ впослѣдствіе старикъ Фуксъ и предѣлъ которой такъ неожиданно положенъ былъ ревизіею и эпохою попечительства Магницкаго; нѣмецкіе профессоры дали казанскому университету Лобачевскаго и Симонова, они же бросили здѣсь сѣмена физико-математическаго знанія и оріенталистики, давшія впослѣдствіе пышный и плодотворный расцвѣтъ, которымъ этотъ университетъ могъ съ полнымъ основаніемъ гордиться и который удѣлялъ ему почетное мѣсто въ ряду другихъ учрежденій того же рода. Намъ хорошо уже знакома дѣятельность профессоровъ нѣмецкой партіи, подготовившая и сдѣлавшая возможнымъ полное открытіе въ 1814 году казанскаго университета на основаніяхъ устава 1804 года; на долю тѣхъ же профессоровъ выпала и задача организаціи жизни вполнѣ открытаго университета на первыхъ порахъ его автономной и самостоятельной жизни. Трудно сказать, что сталось бы съ казанскимъ университетомъ послѣ полнаго открытія его въ 1814 году, если бы во главѣ дѣла остался Яковкинъ съ своими ближайшими клевретами. Если мы согласимся, что нѣмецкимъ профессорамъ удалось столкнуть Яковкина съ пути свободнаго развитія университетской жизни, твердо водрузить знамя казанской университетской науки и намѣтить возрожденному университету правильный путь дальнѣйшаго его развитія—то мы тѣмъ самымъ признаемъ право на благодарную память, со стороны потомства, за тою славною кучкою иностранныхъ ученыхъ, которые явились нѣкогда ретивыми, порою даже самоотверженными, зиждителями и устроителями начальной жизни казанскаго университета.

Непотизмъ представляетъ собою одно изъ ходячихъ,—во многихъ случаяхъ, правда, и небезъосновательныхъ,—обвиненій, предъявляемыхъ по адресу иностранцевъ въ Россіи. Передъ нашими глазами прошла вся исторія личнаго состава казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ его существованія, и мы едва ли оказались бы въ состояніи отыскать въ ней факты, способные дать пищу для подобнаго рода нареканія, въ его примѣненіи къ нѣмецкимъ профессорамъ этой поры жизни казанскаго университета, тѣмъ болѣе, что тенденціямъ въ духѣ непотизма совершенно неблагопріятными представлялись условія, въ которыя поставлена была до 1814 года коллегіальная жизнь университета. Если въ личномъ составѣ

казанскаго университета и могутъ быть дѣйствительно указаны члены, руководившіеся началомъ непотизма и лицепріятія въ дѣлѣ выдвиганія впередъ своихъ присныхъ и клевретовъ—то этихъ членовъ мы должны искать въ средѣ русскихъ представителей университета, съ профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ въ ихъ главѣ, дѣятельность котораго въ этомъ направленіи намъ уже въ достаточной степени знакома. На этой то именно почвѣ разыгралось въ исходѣ 1816 и въ началѣ 1817 года уже извѣстное намъ скандальное дѣло магистра Самсонова, нахально добивавшагося полученія званія адъюнкта, встрѣтившаго отпоръ со стороны корректнаго нѣмца, ректора Брауна, и, въ концѣ концовъ, аппелировавшаго на дѣйствія ректора министру народнаго просвѣщенія. Коснувшись этого дѣла въ одномъ изъ своихъ писемъ къ попечителю, Броннеръ въ слѣдующихъ чертахъ характеризуетъ положеніе, занятое во всей этой некрасивой исторіи русскими членами совѣта: „Ваше превосходительство помните, быть можетъ, сколько шума надѣлало возвращеніе сюда Самсонова, когда совѣтъ понуждалъ его дать отчетъ въ московскихъ занятіяхъ. Всѣ тѣ, кого вы называете принадлежащими къ русской партіи, напрягали свои усилія къ защитѣ этого кругомъ виноватаго нерадивца (un négligent très coupable), и я не сомнѣваюсь въ томъ, что министръ прикажетъ совѣту принять его прошеніе, а большая часть членовъ русской партіи проведетъ его въ званіе, котораго онъ совершенно недостоенъ“ (Бр. 350).

При такихъ условіяхъ и въ такомъ видѣ сложились въ казанскомъ университетѣ двѣ партіи,—русская и нѣмецкая,—рѣзко обнаружившія свой антогонизмъ вслѣдъ за полнымъ открытіемъ университета въ 1814 году и уже на первыхъ порахъ жизни молодого университета оправдавшія фатальную сентенцію Броннера: „Les hommes de lettres se disputent partout unguibus et rostris—et jamais cela ne peut être évité“....

Эта сентенція профессора-философа будетъ роковымъ образомъ оправдываться и на позднѣйшихъ стадіяхъ историческаго прошлаго казанскаго университета.

Обновленная жизнь казанскаго университета, вступившаго на путь широкаго самоуправленія, предоставленнаго ему уставомъ 5-го ноября 1804 года, уже въ самомъ началѣ своемъ вызвала потребность въ болѣе точномъ урегулированіи дѣлопроизводства совѣта и другихъ органовъ университетскаго строя.

Намъ уже знакомы тѣ затрудненія, какія представлялись для иностранныхъ членовъ совѣта веденіемъ въ немъ дѣлъ на русскомъ языкѣ и которыя въ свое время возбуждали даже безуспѣшныя ходатайства объ

казанскаго университета и могутъ быть дѣйствительно указаны члены, руководившіеся началомъ непотизма и лицепріятія въ дѣлѣ выдвиганія впередъ своихъ присныхъ и клевретовъ—то этихъ членовъ мы должны искать въ средѣ русскихъ представителей университета, съ профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ въ ихъ главѣ, дѣятельность котораго въ этомъ направленіи намъ уже въ достаточной степени знакома. На этой то именно почвѣ разыгралось въ исходѣ 1816 и въ началѣ 1817 года уже извѣстное намъ скандальное дѣло магистра Самсонова, нахально добивавшагося полученія званія адъюнкта, встрѣтившаго отпоръ со стороны корректнаго нѣмца, ректора Брауна, и, въ концѣ концовъ, аппелировавшаго на дѣйствія ректора министру народнаго просвѣщенія. Коснувшись этого дѣла въ одномъ изъ своихъ писемъ къ попечителю, Броннеръ въ слѣдующихъ чертахъ характеризуетъ положеніе, занятое во всей этой некрасивой исторіи русскими членами совѣта: „Ваше превосходительство помните, быть можетъ, сколько шума надѣлало возвращеніе сюда Самсонова, когда совѣтъ понуждалъ его дать отчетъ въ московскихъ занятіяхъ. Всѣ тѣ, кого вы называете принадлежащими къ русской партіи, напрягали свои усилія къ защитѣ этого кругомъ виноватаго нерадивца (un négligent très coupable), и я не сомнѣваюсь въ томъ, что министръ прикажетъ совѣту принять его прошеніе, а большая часть членовъ русской партіи проведетъ его въ званіе, котораго онъ совершенно недостоенъ“ (Бр. 350).

При такихъ условіяхъ и въ такомъ видѣ сложились въ казанскомъ университетѣ двѣ партіи,—русская и нѣмецкая,—рѣзко обнаружившія свой антогонизмъ вслѣдъ за полнымъ открытіемъ университета въ 1814 году и уже на первыхъ порахъ жизни молодого университета оправдавшія фатальную сентенцію Броннера: „Les hommes de lettres se disputent partout unguibus et rostris—et jamais cela ne peut être évité“....

Эта сентенція профессора-философа будетъ роковымъ образомъ оправдываться и на позднѣйшихъ стадіяхъ историческаго прошлаго казанскаго университета.

Обновленная жизнь казанскаго университета, вступившаго на путь широкаго самоуправленія, предоставленнаго ему уставомъ 5-го ноября 1804 года, уже въ самомъ началѣ своемъ вызвала потребность въ болѣе точномъ урегулированіи дѣлопроизводства совѣта и другихъ органовъ университетскаго строя.

Намъ уже знакомы тѣ затрудненія, какія представлялись для иностранныхъ членовъ совѣта веденіемъ въ немъ дѣлъ на русскомъ языкѣ и которыя въ свое время возбуждали даже безуспѣшныя ходатайства объ

учрежденіи при университетѣ особой должности переводчика. Въ видахъ устраненія этихъ затрудненій, попечителемъ Салтыковымъ разрѣшенъ былъ, какъ мы знаемъ, переводъ на нѣмецкій языкъ докладываемыхъ совѣту бумагъ, а въ апрѣлѣ 1814 года при университетѣ учреждена была, наконецъ, должность переводчика, которую и занялъ нѣкій К. И. Шнорръ; въ устраненіе, конечно, тѣхъ же затрудненій, еще въ 1806 году сдѣланъ былъ переводъ на нѣмецкій языкъ устава 1804 года, сохранившійся въ дѣлахъ университетскаго архива [45]. Уставомъ не ограничивались, однако, тѣ руководительныя указанія, которыми должны были регулировать свою дѣятельность органы университетскаго самоуправленія; за десять лѣтъ существованія университета накопилось не мало министерскихъ и другихъ начальственныхъ постановленій, распоряженій и предписаній, точныя свѣдѣнія относительно которыхъ всегда должны были имѣться подъ руками. Удовлетворяя этой настоятельной необходимости, Салтыковъ 7-го декабря 1815 года предложилъ „изъ предписаній министровъ и попечителей совѣту, правленію и училищному комитету университета избрать сказанныя предписанія, имѣющія свойство правилъ для наблюденія или разрѣшенія въ разныхъ случаяхъ, сдѣлать онымъ вѣрное оглавленіе по хронологическому порядку, а равно по тому же порядку снять копіи съ сихъ предписаній". Эти своды предписаній предложено было изготовить въ четырехъ экземплярахъ (для совѣта, правленія, училищнаго комитета и попечительской канцеляріи), возложивъ работу по ихъ составленію на особую коммиссію изъ секретаря совѣта барона Врангеля, профессоровъ Кондырева и Солнцева и секретарей правленія и училищнаго комитета. Въ видахъ необходимости для университета близкаго знакомства съ училищными дѣлами, Салтыковъ 27-го декабря того же года приказалъ передать изъ своей канцеляріи въ университетскій архивъ всѣ дѣла прежнихъ лѣтъ, касавшіяся не только университета и казанской гимназіи, но и всѣхъ гимназій и училищъ округа. 9-го іюля 1814 года, тотчасъ же послѣ акта полнаго открытія университета, избраны были опредѣленные дни для засѣданій совѣта: постановлено, примѣнительно къ § 46-му устава, назначать очередныя собранія его ежемѣсячно, во вторую среду каждаго мѣсяца; стало регулярно выполняться и требованіе устава относительно ежегоднаго (въ началѣ учебнаго года) чтенія устава въ чрезвычайномъ собраніи совѣта, въ видахъ соображенія—„точно ли по оному во всѣхъ частяхъ исполнено" [46].

Первое, послѣ совершеннаго его открытія, полугодіе коллегіальной жизни казанскаго университета не представляетъ ничего выдающагося, на чемъ могли бы мы остановить вниманіе читателей, и только начало ноя-

учрежденіи при университетѣ особой должности переводчика. Въ видахъ устраненія этихъ затрудненій, попечителемъ Салтыковымъ разрѣшенъ былъ, какъ мы знаемъ, переводъ на нѣмецкій языкъ докладываемыхъ совѣту бумагъ, а въ апрѣлѣ 1814 года при университетѣ учреждена была, наконецъ, должность переводчика, которую и занялъ нѣкій К. И. Шнорръ; въ устраненіе, конечно, тѣхъ же затрудненій, еще въ 1806 году сдѣланъ былъ переводъ на нѣмецкій языкъ устава 1804 года, сохранившійся въ дѣлахъ университетскаго архива [45]. Уставомъ не ограничивались, однако, тѣ руководительныя указанія, которыми должны были регулировать свою дѣятельность органы университетскаго самоуправленія; за десять лѣтъ существованія университета накопилось не мало министерскихъ и другихъ начальственныхъ постановленій, распоряженій и предписаній, точныя свѣдѣнія относительно которыхъ всегда должны были имѣться подъ руками. Удовлетворяя этой настоятельной необходимости, Салтыковъ 7-го декабря 1815 года предложилъ „изъ предписаній министровъ и попечителей совѣту, правленію и училищному комитету университета избрать сказанныя предписанія, имѣющія свойство правилъ для наблюденія или разрѣшенія въ разныхъ случаяхъ, сдѣлать онымъ вѣрное оглавленіе по хронологическому порядку, а равно по тому же порядку снять копіи съ сихъ предписаній". Эти своды предписаній предложено было изготовить въ четырехъ экземплярахъ (для совѣта, правленія, училищнаго комитета и попечительской канцеляріи), возложивъ работу по ихъ составленію на особую коммиссію изъ секретаря совѣта барона Врангеля, профессоровъ Кондырева и Солнцева и секретарей правленія и училищнаго комитета. Въ видахъ необходимости для университета близкаго знакомства съ училищными дѣлами, Салтыковъ 27-го декабря того же года приказалъ передать изъ своей канцеляріи въ университетскій архивъ всѣ дѣла прежнихъ лѣтъ, касавшіяся не только университета и казанской гимназіи, но и всѣхъ гимназій и училищъ округа. 9-го іюля 1814 года, тотчасъ же послѣ акта полнаго открытія университета, избраны были опредѣленные дни для засѣданій совѣта: постановлено, примѣнительно къ § 46-му устава, назначать очередныя собранія его ежемѣсячно, во вторую среду каждаго мѣсяца; стало регулярно выполняться и требованіе устава относительно ежегоднаго (въ началѣ учебнаго года) чтенія устава въ чрезвычайномъ собраніи совѣта, въ видахъ соображенія—„точно ли по оному во всѣхъ частяхъ исполнено" [46].

Первое, послѣ совершеннаго его открытія, полугодіе коллегіальной жизни казанскаго университета не представляетъ ничего выдающагося, на чемъ могли бы мы остановить вниманіе читателей, и только начало ноя-

бря 1814 года ознаменовалось событіемъ совершенно частнаго, правда, характера, но событіемъ, которому суждено было, тѣмъ не менѣе, внести довольно характерную черту въ общее направленіе университетской жизни. Этимъ событіемъ явилась,—какъ это ни можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, — смерть жены попечителя Салтыкова, Елизаветы Францовны.

Елизавета Францовна Салтыкова,—рожденная Ришаръ, дочь содержательницы извѣстнаго въ свое время въ Петербургѣ женскаго пансіона *,—скончалась въ Казани, 4-го ноября 1814 года. Смерть жены глубоко потрясла Салтыкова и нашла себѣ откликъ въ довольно бездарныхъ виршахъ мѣстныхъ „поэтовъ", Городчанинова и Полиновскаго [47]. Пресловутый казанскій профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, Городчаниновъ, силился утѣшить скорбящаго начальника своего увѣреніями въ томъ, что—

„Все на свѣтѣ тлѣнно,
„Музъ почтенный другъ!
„Все здѣсь перемѣнно—
„Таковъ жизни кругъ.
„Вянетъ цвѣтъ прекрасный,
„Листъ съ деревъ летитъ,
„Вмѣсто сладкогласныхъ
„Птичекъ вѣтръ свиститъ....
. . . .
„Скажешь: все явится
„Вновь своей чредой,
„Но не возвратится
„Другъ сердечный мой!
„Нѣтъ!—одежды тлѣнной
„Только лишена,
„А душой безсмертной
„Ввѣкъ съ тобой она
и т. д.

Другой казанскій поэтъ, учитель духовной академіи Полиновскій, бряцалъ на своей лирѣ по адресу удрученнаго горемъ попечителя:

* Другая сестра Елизаветы Францовны, Анна, сдѣлалась женою директора второго кадетскаго корпуса А. А. Клейнмихеля и была матерью извѣстнаго дѣятеля эпохи царствованія императора Николая I, главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, графа Петра Андреевича Клейнмихеля. Е. Ф. Салтыкова была происхожденіемъ швейцарка, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется сближеніе проф. Броннера съ семьею Салтыковыхъ.

бря 1814 года ознаменовалось событіемъ совершенно частнаго, правда, характера, но событіемъ, которому суждено было, тѣмъ не менѣе, внести довольно характерную черту въ общее направленіе университетской жизни. Этимъ событіемъ явилась,—какъ это ни можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, — смерть жены попечителя Салтыкова, Елизаветы Францовны.

Елизавета Францовна Салтыкова,—рожденная Ришаръ, дочь содержательницы извѣстнаго въ свое время въ Петербургѣ женскаго пансіона *,— скончалась въ Казани, 4-го ноября 1814 года. Смерть жены глубоко потрясла Салтыкова и нашла себѣ откликъ въ довольно бездарныхъ виршахъ мѣстныхъ „поэтовъ", Городчанинова и Полиновскаго [47]. Пресловутый казанскій профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, Городчаниновъ, силился утѣшить скорбящаго начальника своего увѣреніями въ томъ, что—

„Все на свѣтѣ тлѣнно,
„Музъ почтенный другъ!
„Все здѣсь перемѣнно—
„Таковъ жизни кругъ.
„Вянетъ цвѣтъ прекрасный,
„Листъ съ деревъ летитъ,
„Вмѣсто сладкогласныхъ
„Птичекъ вѣтръ свиститъ....
. . . .
„Скажешь: все явится
„Вновь своей чредой,
„Но не возвратится
„Другъ сердечный мой!
„Нѣтъ!—одежды тлѣнной
„Только лишена,
„А душой безсмертной
„Ввѣкъ съ тобой она
и т. д.

Другой казанскій поэтъ, учитель духовной академіи Полиновскій, брякалъ на своей лирѣ по адресу удрученнаго горемъ попечителя:

---

* Другая сестра Елизаветы Францовны, Анна, сдѣлалась женою директора второго кадетскаго корпуса А. А. Клейнмихеля и была матерью извѣстнаго дѣятеля эпохи царствованія императора Николая I, главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, графа Петра Андреевича Клейнмихеля. Е. Ф. Салтыкова была происхожденіемъ швейцарка, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется сближеніе проф. Броннера съ семьею Салтыковыхъ.

„Напрасно, Салтыковъ почтенный,
„Ты тяжки вздохи издаешь:
„Прахъ хладный изъ могилы темной
„Ничѣмъ, ничѣмъ не воззовешь!....
„Тамъ, тамъ съ супругою любезной
„Увидишься опять порой,
„Тамъ, тамъ въ странѣ надзвѣздной
„Съ ней вкусишь радость и покой!

Постигшее горе повергло попечителя въ такое глубокое состояніе душевнаго унынія, что онъ почувствовалъ себя не въ силахъ продолжать занятія дѣлами. Тотчасъ же послѣ смерти жены, Салтыковъ словесно передалъ ректору университета И. О. Брауну всѣ свои функціи, о чемъ въ журналѣ засѣданія университетскаго правленія отъ 5-го ноября и было записано въ слѣдующей формѣ:

„По случаю кончины супруги его превосходительства г. попечителя Михаила Александровича Салтыкова, его превосходительство съ прискорбіемъ словесно отозвался, что онъ препорученной ему отъ высшаго начальства должности по дѣламъ, относящимся до управленія казанскаго университета и округа его, заниматься нынѣ на короткое время не можетъ, а посему поручилъ всѣ дѣла до него относящіяся исправлять г. ректору, а въ случаяхъ, власть его превышающихъ, доносить его сіятельству г. министру просвѣщенія рапортомъ".

Правленіе опредѣлило рапортомъ донести объ этомъ министру народнаго просвѣщенія, а въ совѣтъ университета дать выписку изъ журнала. Рѣшеніе попечителя временно удалить себя отъ всѣхъ дѣлъ поставило правленіе, повидимому, въ такое недоумѣніе, что оно продолжало входить къ нему съ рапортами по различнымъ дѣламъ, вызвавъ письменное разъясненіе попечителя отъ 12-го ноября, въ которомъ Салтыковъ подтверждалъ, что онъ „управленіе дѣлами, по причинѣ слабости здоровья, на нѣкоторое время поручилъ г. ректору университета", почему предлагаетъ „о прописанныхъ въ тѣхъ рапортахъ дѣлахъ сдѣлать нужное распоряженіе". Это „нѣкоторое время", на которое попечитель совершенно устранялъ себя отъ всѣхъ текущихъ дѣлъ по университету и округу, оказалось довольно продолжительнымъ, такъ какъ только десять мѣсяцевъ спустя, 11-го сентября 1815 года, Салтыковъ извѣстилъ совѣтъ о „принятіи" имъ „исправленія дѣлъ попечителя", и предложилъ по прежнему относиться къ нему по всѣмъ текущимъ дѣламъ [48].

Принятое Салтыковымъ рѣшеніе на время удалить себя отъ всѣхъ дѣлъ—создало въ университетѣ довольно странное положеніе вещей. Ши-

„Напрасно, Салтыковъ почтенный,
„Ты тяжки вздохи издаешь:
„Прахъ хладный изъ могилы темной
„Ничѣмъ, ничѣмъ не воззовешь!....
„Тамъ, тамъ съ супругою любезной
„Увидишься опять порой,
„Тамъ, тамъ въ странѣ надзвѣздной
„Съ ней вкусишь радость и покой!

Постигшее горе повергло попечителя въ такое глубокое состояніе душевнаго унынія, что онъ почувствовалъ себя не въ силахъ продолжать занятія дѣлами. Тотчасъ же послѣ смерти жены, Салтыковъ словесно передалъ ректору университета И. О. Брауну всѣ свои функціи, о чемъ въ журналѣ засѣданія университетскаго правленія отъ 5-го ноября и было записано въ слѣдующей формѣ:

„По случаю кончины супруги его превосходительства г. попечителя Михаила Александровича Салтыкова, его превосходительство съ прискорбіемъ словесно отозвался, что онъ препорученной ему отъ высшаго начальства должности по дѣламъ, относящимся до управленія казанскаго университета и округа его, заниматься нынѣ на короткое время не можетъ, а посему поручилъ всѣ дѣла до него относящіяся исправлять г. ректору, а въ случаяхъ, власть его превышающихъ, доносить его сіятельству г. министру просвѣщенія рапортомъ".

Правленіе опредѣлило рапортомъ донести объ этомъ министру народнаго просвѣщенія, а въ совѣтъ университета дать выписку изъ журнала. Рѣшеніе попечителя временно удалить себя отъ всѣхъ дѣлъ поставило правленіе, повидимому, въ такое недоумѣніе, что оно продолжало входить къ нему съ рапортами по различнымъ дѣламъ, вызвавъ письменное разъясненіе попечителя отъ 12-го ноября, въ которомъ Салтыковъ подтверждалъ, что онъ „управленіе дѣлами, по причинѣ слабости здоровья, на нѣкоторое время поручилъ г. ректору университета", почему предлагаетъ „о прописанныхъ въ тѣхъ рапортахъ дѣлахъ сдѣлать нужное распоряженіе". Это „нѣкоторое время", на которое попечитель совершенно устранялъ себя отъ всѣхъ текущихъ дѣлъ по университету и округу, оказалось довольно продолжительнымъ, такъ какъ только десять мѣсяцевъ спустя, 11-го сентября 1815 года, Салтыковъ извѣстилъ совѣтъ о „принятіи" имъ „исправленія дѣлъ попечителя", и предложилъ по прежнему относиться къ нему по всѣмъ текущимъ дѣламъ [48].

Принятое Салтыковымъ рѣшеніе на время удалить себя отъ всѣхъ дѣлъ—создало въ университетѣ довольно странное положеніе вещей. Ши-

рокія права, и во главѣ ихъ право непосредственнаго сношенія съ министромъ, которыми это рѣшеніе облекло ректора университета, создали для проф. Брауна положеніе, конечно, весьма почетное, но, съ другой стороны, это почетное положеніе представлялось довольно двусмысленнымъ и щекотливымъ въ виду того, что попечитель, возвѣстивъ свое самоустраненіе отъ управленія округомъ, оставался жить не только въ Казани, но даже въ самыхъ нѣдрахъ университета (Салтыковъ занималъ квартиру въ одномъ изъ университетскихъ домовъ), тѣмъ самымъ оставаясь въ курсѣ всѣхъ текущихъ университетскихъ дѣлъ. Знакомство съ протоколами засѣданій совѣта конца 1814 и 1815 года убѣждаетъ насъ въ томъ, что это самоустраненіе Салтыкова отъ текущихъ дѣлъ—не было даже безусловнымъ и что по нѣкоторымъ вопросамъ онъ по прежнему входилъ въ совѣтъ съ предложеніями, хотя по большей части дѣлъ ректоръ и совѣтъ, дѣйствительно, сносились съ министромъ непосредственно, входя къ нему съ представленіями и получая отъ него предложенія, помимо попечителя, по всѣмъ дѣламъ и университета, и гимназіи, и округа. Эта относительность чисто фактическаго (такъ какъ мы не знаемъ министерскаго распоряженія, которымъ оно было бы санкціонировано) освобожденія себя Салтыковымъ отъ управленія округомъ усматривается и изъ того, что, сдавая ректору университета свои функціи, онъ въ тоже время обезпечилъ себя, въ лицѣ проф. П. С. Кондырева, правителемъ канцеляріи. Правитель канцеляріи (по тогдашнему—„письмоводитель" попечителя) Гёрке, въ 1813 году прибывшій вмѣстѣ съ Салтыковымъ въ Казань, оставилъ эту должность еще лѣтомъ 1814 года, задумавъ держать при университетѣ экзаменъ на доктора, вслѣдствіе чего обязанности попечительскаго „письмоводителя" принялъ на себя (съ 13-го іюля) проф. Арнгольдтъ, а за перемѣщеніемъ его на службу въ Тобольскъ, управленіе канцеляріею попечителя въ концѣ 1814 года возложено было на проф. Кондырева, который и несъ эту должность до 20-го января 1816 года [49]. Послѣдовавшее на этой почвѣ сближеніе Салтыкова съ Кондыревымъ представлялось крупнымъ козыремъ въ рукахъ нарождавшейся русской партіи совѣта, и въ этомъ вліяніи яковкинскаго клеврета на попечителя вправѣ мы искать одну изъ причинъ серьезнаго разлада Салтыкова съ ректоромъ Брауномъ и съ совѣтскимъ большинствомъ, который далъ себя почувствовать уже съ начала 1815 года, достигнувъ, какъ увидимъ, своего апогея къ концу 1816 года.

Создалось въ казанскомъ университетѣ положеніе вещей, которое, и на самомъ дѣлѣ, не можетъ не быть признано крайне страннымъ и щекотливымъ. Считая себя фактически устраненнымъ отъ управленія теку-

рокія права, и во главѣ ихъ право непосредственнаго сношенія съ министромъ, которыми это рѣшеніе облекло ректора университета, создали для проф. Брауна положеніе, конечно, весьма почетное, но, съ другой стороны, это почетное положеніе представлялось довольно двусмысленнымъ и щекотливымъ въ виду того, что попечитель, возвѣстивъ свое самоустраненіе отъ управленія округомъ, оставался жить не только въ Казани, но даже въ самыхъ нѣдрахъ университета (Салтыковъ занималъ квартиру въ одномъ изъ университетскихъ домовъ), тѣмъ самымъ оставаясь въ курсѣ всѣхъ текущихъ университетскихъ дѣлъ. Знакомство съ протоколами засѣданій совѣта конца 1814 и 1815 года убѣждаетъ насъ въ томъ, что это самоустраненіе Салтыкова отъ текущихъ дѣлъ—не было даже безусловнымъ и что по нѣкоторымъ вопросамъ онъ по прежнему входилъ въ совѣтъ съ предложеніями, хотя по большей части дѣлъ ректоръ и совѣтъ, дѣйствительно, сносились съ министромъ непосредственно, входя къ нему съ представленіями и получая отъ него предложенія, помимо попечителя, по всѣмъ дѣламъ и университета, и гимназіи, и округа. Эта относительность чисто фактическаго (такъ какъ мы не знаемъ министерскаго распоряженія, которымъ оно было бы санкціонировано) освобожденія себя Салтыковымъ отъ управленія округомъ усматривается и изъ того, что, сдавая ректору университета свои функціи, онъ въ тоже время обезпечилъ себя, въ лицѣ проф. П. С. Кондырева, правителемъ канцеляріи. Правитель канцеляріи (по тогдашнему—„письмоводитель" попечителя) Гёрке, въ 1813 году прибывшій вмѣстѣ съ Салтыковымъ въ Казань, оставилъ эту должность еще лѣтомъ 1814 года, задумавъ держать при университетѣ экзаменъ на доктора, вслѣдствіе чего обязанности попечительскаго „письмоводителя" принялъ на себя (съ 13-го іюля) проф. Аргнгольдтъ, а за перемѣщеніемъ его на службу въ Тобольскъ, управленіе канцеляріею попечителя въ концѣ 1814 года возложено было на проф. Кондырева, который и несъ эту должность до 20-го января 1816 года [49]. Послѣдовавшее на этой почвѣ сближеніе Салтыкова съ Кондыревымъ представлялось крупнымъ козыремъ въ рукахъ нарождавшейся русской партіи совѣта, и въ этомъ вліяніи яковкинскаго клеврета на попечителя вправѣ мы искать одну изъ причинъ серьезнаго разлада Салтыкова съ ректоромъ Брауномъ и съ совѣтскимъ большинствомъ, который далъ себя почувствовать уже съ начала 1815 года, достигнувъ, какъ увидимъ, своего апогея къ концу 1816 года.

Создалось въ казанскомъ университетѣ положеніе вещей, которое, и на самомъ дѣлѣ, не можетъ не быть признано крайне страннымъ и щекотливымъ. Считая себя фактически устраненнымъ отъ управленія теку-

щими дѣлами и предоставивъ ректору и совѣту право непосредственныхъ сношеній съ министерствомъ, Салтыковъ временами не только вмѣшивался въ университетскія дѣла, но, въ отдѣльныхъ и наиболѣе важныхъ, конечно, случаяхъ, даже оскорблялся непосредственными, помимо его, представленіями совѣта министру, считая себя обойденнымъ въ присвоенныхъ ему прерогативахъ власти. Не легко было ректору и совѣту разбираться въ этой путаницѣ служебныхъ отношеній, предугадывая моменты, въ которые попечителю угодно было считать себя устраненнымъ отъ текущихъ дѣлъ, и тѣ моменты, въ которые онъ желалъ пользоваться предоставленнымъ ему авторитетнымъ вліяніемъ на университетскія дѣла. Самостоятельный ректоръ Браунъ не счелъ цѣлесообразнымъ слѣдовать такой двойственной политикѣ и далъ всѣмъ университетскимъ дѣламъ направленіе, сообразное точному смыслу словеснаго попечительскаго предложенія, сдѣланнаго ему въ началѣ ноября и закрѣпленнаго журнальнымъ постановленіемъ правленія отъ 5-го ноября 1814 года. П о ч в а д л я к о н ф л и к т а м е ж д у п о п е ч и т е л е м ъ и с о в ѣ т о м ъ была, такимъ образомъ, подготовлена и первыя проявленія на ней обоюдныхъ и весьма крупныхъ недоразумѣній не заставили себя долго ждать.

Весьма серьезнымъ поводомъ къ недовольству Салтыкова ректоромъ и совѣтомъ послужили уже первые совѣтскіе выборы, происходившіе въ январѣ, февралѣ и маѣ 1815 года, именно выборы: Вердерамо—на кафедру (8-го января), барона Врангеля—въ ординарные профессоры (20-го февраля), Солнцева—въ экстраординарные и Лубкина—въ ординарные профессоры (15-го мая). Представленія объ утвержденіи всѣхъ этихъ лицъ сдѣланы были, конечно, непосредственно министру и въ самомъ непродолжительномъ времени получили благопріятное разрѣшеніе. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ послѣ его ноябрьскаго и, повидимому, совершенно серьезнаго заявленія о временномъ самоустраненіи отъ дѣлъ, но Салтыковъ почелъ себя оскорбленнымъ такимъ направленіемъ дѣла объ утвержденіи всѣхъ этихъ лицъ и, не обнаруживая, пока, обиды, затаилъ въ глубинѣ души чувство остраго неудовольствія и по отношенію къ совѣту, и по отношенію къ его руководителю—ректору Брауну. Это чувство неудовольствія и воображаемой обиды нашло себѣ отраженіе въ письмахъ Салтыкова къ Броннеру, относящихся, правда, уже къ лѣту слѣдующаго 1816 года, но въ которыхъ попечитель косвенно затрогиваетъ и взволновавшія его самолюбіе университетскія событія предшествовавшаго года:

щими дѣлами и предоставивъ ректору и совѣту право непосредственныхъ сношеній съ министерствомъ, Салтыковъ временами не только вмѣшивался въ университетскія дѣла, но, въ отдѣльныхъ и наиболѣе важныхъ, конечно, случаяхъ, даже оскорблялся непосредственными, помимо его, представленіями совѣта министру, считая себя обойденнымъ въ присвоенныхъ ему прерогативахъ власти. Не легко было ректору и совѣту разбираться въ этой путаницѣ служебныхъ отношеній, предугадывая моменты, въ которые попечителю угодно было считать себя устраненнымъ отъ текущихъ дѣлъ, и тѣ моменты, въ которые онъ желалъ пользоваться предоставленнымъ ему авторитетнымъ вліяніемъ на университетскія дѣла. Самостоятельный ректоръ Браунъ не счелъ цѣлесообразнымъ слѣдовать такой двойственной политикѣ и далъ всѣмъ университетскимъ дѣламъ направленіе, сообразное точному смыслу словеснаго попечительскаго предложенія, сдѣланнаго ему въ началѣ ноября и закрѣпленнаго журнальнымъ постановленіемъ правленія отъ 5-го ноября 1814 года. Почва для конфликта между попечителемъ и совѣтомъ была, такимъ образомъ, подготовлена и первыя проявленія на ней обоюдныхъ и весьма крупныхъ недоразумѣній не заставили себя долго ждать.

Весьма серьезнымъ поводомъ къ недовольству Салтыкова ректоромъ и совѣтомъ послужили уже первые совѣтскіе выборы, происходившіе въ январѣ, февралѣ и маѣ 1815 года, именно выборы: Вердерамо—на кафедру (8-го января), барона Врангеля—въ ординарные профессоры (20-го февраля), Солнцева—въ экстраординарные и Лубкина—въ ординарные профессоры (15-го мая). Представленія объ утвержденіи всѣхъ этихъ лицъ сдѣланы были, конечно, непосредственно министру и въ самомъ непродолжительномъ времени получили благопріятное разрѣшеніе. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ послѣ его ноябрьскаго и, повидимому, совершенно серьезнаго заявленія о временномъ самоустраненіи отъ дѣлъ, но Салтыковъ почелъ себя оскорбленнымъ такимъ направленіемъ дѣла объ утвержденіи всѣхъ этихъ лицъ и, не обнаруживая, пока, обиды, затаилъ въ глубинѣ души чувство остраго неудовольствія и по отношенію къ совѣту, и по отношенію къ его руководителю—ректору Брауну. Это чувство неудовольствія и воображаемой обиды нашло себѣ отраженіе въ письмахъ Салтыкова къ Броннеру, относящихся, правда, уже къ лѣту слѣдующаго 1816 года, но въ которыхъ попечитель косвенно затрогиваетъ и взволновавшія его самолюбіе университетскія событія предшествовавшаго года:

„Въ прошедшемъ году,—жалуется Салтыковъ въ письмѣ отъ 24-го іюля 1816 года, — совѣтъ (говоря о совѣтѣ, я разумѣю ректора) избралъ г. Врангеля помимо моего посредничества въ этомъ дѣлѣ; такимъ же точно образомъ избраны были г.г. Вердерамо и Солнцевъ, затѣмъ и покойный Лубкинъ. Я видѣлъ всю незаконность этихъ избраній, но я не протестовалъ, что бы не дать поводъ заподозрить меня въ желаніи стать на пути чужого благополучія“ (Бр. 327).

Весьма любопытна своею мнительностью характеристика, которую даетъ попечитель образу дѣйствій по отношенію къ нему ректора Брауна:

„Представляется довольно забавнымъ,—пишетъ онъ Броннеру,—что въ тѣхъ случаяхъ, когда ректоръ желаетъ оказать кому либо актъ исключительнаго благоволенія, онъ сносится непосредственно съ министромъ, ссылаясь на мою болѣзнь или на мой отпускъ; тотъ же ректоръ считаетъ меня находящимся у дѣлъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Онъ напоминаетъ въ этомъ отношеніи няньку, которая, разжевывая пищу для своего питомца, сама проглатываетъ тѣ кусочки, которые покажутся ей наиболѣе вкусными“ (Бр. 329).

Помимо попечителя сносился совѣтъ университета съ министромъ народнаго просвѣщенія и по дѣлу объ избраніи въ адъюнкты (28-го іюня 1815 года) магистра Юнакова; непосредственно на имя совѣта послѣдовало и извѣстное уже намъ (см. выше стр. 37-ую) предписаніе министра о кассаціи имъ этихъ выборовъ. Непосредственно у министра, въ февралѣ того же года, исходатайствовалъ совѣтъ университета разрѣшеніе присоединить къ университетскимъ собраніямъ коллекцію спиртовыхъ зоологическихъ препаратовъ, купленную еще въ 1800 году для казанской гимназіи и которую директоръ Яковкинъ намѣревался снова отобрать въ эту послѣднюю [50].

Мы имѣемъ указаніе на то, что Салтыковъ послѣ кончины своей жены намѣревался уѣхать изъ Казани,—намѣреніе, которое было, однако, приведено имъ въ исполненіе лишь въ началѣ 1816 года. Совѣтъ университета былъ настолько увѣренъ въ близкомъ отъѣздѣ попечителя и, притомъ, на время совершенно неопредѣленное, что уже въ январѣ 1815 года намѣтилъ назначеніе для занимаемаго имъ университетскаго дома. Сдѣлано это было по поводу вопроса объ устройствѣ при университетѣ клиническаго института, поднятаго проф. Ѳ. Х. Эрдманомъ еще въ 1811 году, слѣдомъ за прибытіемъ въ Казань, и теперь, послѣ совершеннаго открытія университета, снова возбужденнаго имъ докладною запискою, представленною въ совѣтъ 20-го января 1815 года. Набрасывая

„Въ прошедшемъ году,—жалуется Салтыковъ въ письмѣ отъ 24-го іюля 1816 года, — совѣтъ (говоря о совѣтѣ, я разумѣю ректора) избралъ г. Врангеля помимо моего посредничества въ этомъ дѣлѣ; такимъ же точно образомъ избраны были г.г. Вердерамо и Солнцевъ, затѣмъ и покойный Лубкинъ. Я видѣлъ всю незаконность этихъ избраній, но я не протестовалъ, что бы не дать поводъ заподозрить меня въ желаніи стать на пути чужого благополучія" (Бр. 327).

Весьма любопытна своею мнительностью характеристика, которую даетъ попечитель образу дѣйствій по отношенію къ нему ректора Брауна:

„Представляется довольно забавнымъ,—пишетъ онъ Броннеру,—что въ тѣхъ случаяхъ, когда ректоръ желаетъ оказать кому либо актъ исключительнаго благоволенія, онъ сносится непосредственно съ министромъ, ссылаясь на мою болѣзнь или на мой отпускъ; тотъ же ректоръ считаетъ меня находящимся у дѣлъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Онъ напоминаетъ въ этомъ отношеніи няньку, которая, разжевывая пищу для своего питомца, сама проглатываетъ тѣ кусочки, которые покажутся ей наиболѣе вкусными" (Бр. 329).

Помимо попечителя сносился совѣтъ университета съ министромъ народнаго просвѣщенія и по дѣлу объ избраніи въ адъюнкты (28-го іюня 1815 года) магистра Юнакова; непосредственно на имя совѣта послѣдовало и извѣстное уже намъ (см. выше стр. 37-ую) предписаніе министра о кассаціи имъ этихъ выборовъ. Непосредственно у министра, въ февралѣ того же года, исходатайствовалъ совѣтъ университета разрѣшеніе присоединить къ университетскимъ собраніямъ коллекцію спиртовыхъ зоологическихъ препаратовъ, купленную еще въ 1800 году для казанской гимназіи и которую директоръ Яковкинъ намѣревался снова отобрать въ эту послѣднюю [50].

Мы имѣемъ указаніе на то, что Салтыковъ послѣ кончины своей жены намѣревался уѣхать изъ Казани,—намѣреніе, которое было, однако, приведено имъ въ исполненіе лишь въ началѣ 1816 года. Совѣтъ университета былъ настолько увѣренъ въ близкомъ отъѣздѣ попечителя и, притомъ, на время совершенно неопредѣленное, что уже въ январѣ 1815 года намѣтилъ назначеніе для занимаемаго имъ университетскаго дома. Сдѣлано это было по поводу вопроса объ устройствѣ при университетѣ клиническаго института, поднятаго проф. Ѳ. Х. Эрдманомъ еще въ 1811 году, слѣдомъ за прибытіемъ въ Казань, и теперь, послѣ совершеннаго открытія университета, снова возбужденнаго имъ докладною запискою, представленною въ совѣтъ 20-го января 1815 года. Набрасывая

въ этой запискѣ проэктъ учрежденія клиническаго института, Эрдманъ предлагалъ воспользоваться для этой цѣли домомъ, занимаемымъ попечителемъ округа, который, по его словамъ, предполагаетъ покинуть Казань въ самомъ непродолжительномъ времени; въ верхнемъ этажѣ этого дома намѣчалось помѣщеніе для клиники терапевтической, въ нижнемъ—хирургической. Представленіе въ этомъ смыслѣ совѣта, направленное 1-го февраля опять таки непосредственно на имя министра народнаго просвѣщенія, не встрѣтило съ его стороны одобренія: министръ отвѣтилъ (отъ 6-го марта), что „домъ сей, устроенный для жительства попечителя, можетъ быть и впредь нуженъ будетъ для сего употребленія", почему онъ и предлагалъ совѣту „заняться изысканіями другихъ способовъ къ заведенію клиникъ". Клиника, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, была въ томъ же году устроена въ такъ называвшемся „типографскомъ" университетскомъ домѣ [51].

Изъ другихъ проявленій коллегіальной жизни, которыми отмѣчена первая половина 1815 года, мы остановимся лишь на выборахъ декановъ и членовъ училищнаго комитета, происходившихъ въ засѣданіи совѣта 14-го апрѣля. Въ этомъ засѣданіи предстояло избраніе декановъ лишь по тремъ факультетамъ, такъ какъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ уже состоялъ проф. П. А. Цеплинъ, занявшій эту должность еще 17-го октября 1814 года, послѣ смерти Финке. Яковкинъ, очевидно не желавшій подвергаться риску быть и на этотъ разъ забаллотированнымъ, уклонился отъ баллотированія въ деканы словеснаго отдѣленія, обратившись въ совѣтъ съ просьбою „въ уваженіе 32-хъ-лѣтней службы отъ выборовъ уволить". Избранными въ деканы оказались: словеснаго отдѣленія — Френъ (+9, —7), врачебныхъ наукъ — Эрдманъ (+14, —2), физическихъ и математическихъ наукъ—Бартельсъ (+14, —2); изъ декановъ первыхъ выборовъ (сентября 1813 года) мѣста свои удержали, такимъ образомъ, только Бартельсъ и Эрдманъ. Составъ училищнаго комитета образовали, по порядку полученнаго большинства шаровъ: Эрихъ (15), Бартельсъ, Броннеръ, Цеплинъ (по 14), Реннеръ (13) и Брейтенбахъ (12). Сношенія совѣта съ министромъ по утвержденію этихъ лицъ производились также непосредственно, помимо попечителя [52].

5-го іюля 1815 года, съ окончаніемъ учебнаго семестра, казанскій университетъ имѣлъ первое, послѣ полнаго открытія своего, годичное торжественное публичное собраніе, избравъ для этого чествованія годовщину прошлогодняго полнаго открытія своего. Внѣшній порядокъ этого торжества мало отличался отъ предшествовавшихъ чество-

въ этой запискѣ проэктъ учрежденія клиническаго института, Эрдманъ предлагалъ воспользоваться для этой цѣли домомъ, занимаемымъ попечителемъ округа, который, по его словамъ, предполагаетъ покинуть Казань въ самомъ непродолжительномъ времени; въ верхнемъ этажѣ этого дома намѣчалось помѣщеніе для клиники терапевтической, въ нижнемъ—хирургической. Представленіе въ этомъ смыслѣ совѣта, направленное 1-го февраля опять таки непосредственно на имя министра народнаго просвѣщенія, не встрѣтило съ его стороны одобренія: министръ отвѣтилъ (отъ 6-го марта), что „домъ сей, устроенный для жительства попечителя, можетъ быть и впредь нуженъ будетъ для сего употребленія", почему онъ и предлагалъ совѣту „заняться изысканіями другихъ способовъ къ заведенію клиникъ". Клиника, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, была въ томъ же году устроена въ такъ называвшемся „типографскомъ" университетскомъ домѣ [51].

Изъ другихъ проявленій коллегіальной жизни, которыми отмѣчена первая половина 1815 года, мы остановимся лишь на выборахъ декановъ и членовъ училищнаго комитета, происходившихъ въ засѣданіи совѣта 14-го апрѣля. Въ этомъ засѣданіи предстояло избраніе декановъ лишь по тремъ факультетамъ, такъ какъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ уже состоялъ проф. П. А. Цеплинъ, занявшій эту должность еще 17-го октября 1814 года, послѣ смерти Финке. Яковкинъ, очевидно не желавшій подвергаться риску быть и на этотъ разъ забаллотированнымъ, уклонился отъ баллотированія въ деканы словеснаго отдѣленія, обратившись въ совѣтъ съ просьбою „въ уваженіе 32-хъ-лѣтней службы отъ выборовъ уволить". Избранными въ деканы оказались: словеснаго отдѣленія — Френъ (+9, —7), врачебныхъ наукъ — Эрдманъ (+14, —2), физическихъ и математическихъ наукъ—Бартельсъ (+14, —2); изъ декановъ первыхъ выборовъ (сентября 1813 года) мѣста свои удержали, такимъ образомъ, только Бартельсъ и Эрдманъ. Составъ училищнаго комитета образовали, по порядку полученнаго большинства шаровъ: Эрихъ (15), Бартельсъ, Броннеръ, Цеплинъ (по 14), Реннеръ (13) и Брейтенбахъ (12). Сношенія совѣта съ министромъ по утвержденію этихъ лицъ производились также непосредственно, помимо попечителя [52].

5-го іюля 1815 года, съ окончаніемъ учебнаго семестра, казанскій университетъ имѣлъ первое, послѣ полнаго открытія своего, годичное торжественное публичное собраніе, избравъ для этого чествованія годовщину прошлогодняго полнаго открытія своего. Внѣшній порядокъ этого торжества мало отличался отъ предшествовавшихъ чество-

ваній подобнаго же рода. Наканунѣ дня акта отслужено было въ большомъ залѣ университета, въ присутствіи всѣхъ служащихъ и учащихся, всенощное бдѣніе, а въ самый день акта, въ 8 часовъ утра, имѣло мѣсто обычное „церемоніальное шествіе“ къ литургіи въ приходскую Воскресенскую церковь, а затѣмъ отслужено было въ университетскомъ залѣ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и водоосвященіемъ, послѣ котораго происходило экстренное засѣданіе совѣта. Торжественный публичный актъ, къ которому почетныя лица города были приглашены особыми программами, отпечатанными на русскомъ и татарскомъ языкахъ, открылся въ 4 часа пополудни,—„по прибытіи многихъ знатнѣйшихъ особъ города, всѣхъ состояній и обоего пола, и любителей учености, особенно изъ почетнѣйшаго духовенства“,—оркестровою симфоніею, за которою слѣдовала латинская рѣчь проф. Эрдмана, на тему: „De fructibus ex studio litterarum in rempublicam redundantibus“ (т. е. „о пользѣ для государства наукъ“). За этимъ чтеніемъ исполнена была хоровая, съ аккомпанементомъ оркестра, пьэса, а затѣмъ проф. Лубкинымъ произнесена была русская рѣчь: „О томъ, возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи“. По окончаніи слѣдовавшаго за рѣчью второго хорового номера, произнесены были стихотворенія, сочиненныя „въ честь государя императора“ профессорами: Городчаниновымъ—на русскомъ, и Вердерамо—на латинскомъ языкахъ. Опять пропѣлъ хоръ пѣвчихъ, и на кафедру взошелъ секретарь совѣта, профессоръ баронъ Врангель, прочитавшій „Краткую исторію университета по учебной части за прошедшій академическій годъ“. Въ заключеніе провозглашены были имена „отличившихся студентовъ, заслужившихъ награжденія или публичной похвалы“, и исполненъ былъ финальный хоръ съ оркестромъ. Вечеромъ всѣ зданія университета были иллюминованы, причемъ снова фигурировала прошлогодняя прозрачная картина, изображавшая „торжество музъ“; „таковое освѣщеніе, довольно великолѣпное, продолжалось за полночь“—добавляетъ современное описаніе торжества. Во время акта почетнымъ посѣтителямъ раздавались печатные экземпляры рѣчей и стихотвореній, читанныхъ на прошлогоднемъ актѣ полнаго открытія университета, а также экземпляры пригласительнаго на настоящій актъ „Пролога“, сочиненнаго на латинскомъ языкѣ проф. Френомъ и посвященнаго вопросу о титулахъ и почетныхъ наименованіяхъ хановъ Золотой Орды („Nonnulla de titulorum et cognominum honorificorum, quibus chani Hordae Aureae usi sunt, origine, natura atque usu“)*.

* Такіе пригласительные «прологи» или «панегирики», посвящавшіеся тѣмъ или другимъ научнымъ вопросамъ и сочинявшіеся къ годичнымъ публичнымъ актамъ, брошюровались, обыкновенно, вмѣстѣ съ обозрѣніями или «каталогами» преподаваній на данный учебный годъ.

ванiй подобнаго же рода. Наканунѣ дня акта отслужено было въ большомъ залѣ университета, въ присутствiи всѣхъ служащихъ и учащихся, всенощное бдѣнiе, а въ самый день акта, въ 8 часовъ утра, имѣло мѣсто обычное „церемонiальное шествiе“ къ литургiи въ приходскую Воскресенскую церковь, а затѣмъ отслужено было въ университетскомъ залѣ молебствiе съ колѣнопреклоненiемъ и водоосвященiемъ, послѣ котораго происходило экстренное засѣданiе совѣта. Торжественный публичный актъ, къ которому почетныя лица города были приглашены особыми программами, отпечатанными на русскомъ и татарскомъ языкахъ, открылся въ 4 часа пополудни,—„по прибытiи многихъ знатнѣйшихъ особъ города, всѣхъ состоянiй и обоего пола, и любителей учености, особенно изъ почетнѣйшаго духовенства“,—оркестровою симфонiею, за которою слѣдовала латинская рѣчь проф. Эрдмана, на тему: „De fructibus ex studio litterarum in rempublicam redundantibus“ (т. е. „о пользѣ для государства наукъ“). За этимъ чтенiемъ исполнена была хоровая, съ аккомпанементомъ оркестра, пьэса, а затѣмъ проф. Лубкинымъ произнесена была русская рѣчь: „О томъ, возможно ли нравоученiю дать твердое основанiе независимо отъ религiи“. По окончанiи слѣдовавшаго за рѣчью второго хорового номера, произнесены были стихотворенiя, сочиненныя „въ честь государя императора“ профессорами: Городчаниновымъ—на русскомъ, и Вердерамо—на латинскомъ языкахъ. Опять пропѣлъ хоръ пѣвчихъ, и на кафедру взошелъ секретарь совѣта, профессоръ баронъ Врангель, прочитавшiй „Краткую исторiю университета по учебной части за прошедшiй академическiй годъ“. Въ заключенiе провозглашены были имена „отличившихся студентовъ, заслужившихъ награжденiя или публичной похвалы“, и исполненъ былъ финальный хоръ съ оркестромъ. Вечеромъ всѣ зданiя университета были иллюминованы, причемъ снова фигурировала прошлогодняя прозрачная картина, изображавшая „торжество музъ“; „таковое освѣщенiе, довольно великолѣпное, продолжалось за полночь“—добавляетъ современное описанiе торжества. Во время акта почетнымъ посѣтителямъ раздавались печатные экземпляры рѣчей и стихотворенiй, читанныхъ на прошлогоднемъ актѣ полнаго открытiя университета, а также экземпляры пригласительнаго на настоящiй актъ „Пролога“, сочиненнаго на латинскомъ языкѣ проф. Френомъ и посвященнаго вопросу о титулахъ и почетныхъ наименованiяхъ хановъ Золотой Орды („Nonnulla de titulorum et cognominum honorificorum, quibus chani Hordae Aureae usi sunt, origine, natura atque usu“)*.

* Такiе пригласительные «прологи» или «панегирики», посвящавшiеся тѣмъ или другимъ научнымъ вопросамъ и сочинявшiеся къ годичнымъ публичнымъ актамъ, брошюровались, обыкновенно, вмѣстѣ съ обозрѣнiями или «каталогами» преподаванiй на данный учебный годъ.

„Такъ торжествовалъ день сей императорскій казанскій университетъ,—заключаетъ хроникеръ казанской газеты того времени свое описаніе торжества 5-го іюля 1815 года.—Воспоминая прошедшаго года сіе число, онъ воспоминалъ, вмѣстѣ, съ благоговѣніемъ щедроты высокаго своего основателя и покровителя, равномѣрно съ достодолжною благодарностію всѣ благія попеченія начальства: и потому открыто давалъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ, желая показать годичныя усилія къ достиженію предположенной цѣли его заведенія и тѣмъ оправдывать надежду какъ августѣйшаго монарха, благоволившаго осчастливить оный непосредственнымъ своимъ покровительствомъ, такъ попечительнаго начальства и любезнаго сердцамъ вѣрноподданныхъ отечества“ [53].

Осень 1815 года принесла съ собою для города Казани колоссальное бѣдствіе, оставившее по себѣ глубокій слѣдъ въ общественной и экономической жизни города, не прошедшее безслѣдно и для казанскаго университета. Казань постоянно страдала въ старые годы отъ пожаровъ, временами принимавшихъ размѣры крупныхъ катастрофъ, глубоко отражавшихся на городскомъ благосостояніи. Одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій этого рода постигло Казань 3-го сентября 1815 года.

Пожаръ 3-го сентября 1815 года, какъ бы предвѣстниками котораго являлись многочисленные пожары окрестныхъ селъ и лѣсовъ, вслѣдствіе которыхъ еще недѣли за три до катастрофы весь городъ былъ окутанъ густыми облаками дыма, вспыхнулъ въ 9 часовъ утра въ Ямской слободѣ, близь Варлаамовской церкви. Сильный вѣтеръ и продолжавшаяся около трехъ мѣсяцевъ сушь способствовали невѣроятно быстрому распространенію огня. По свидѣтельству современника, огонь былъ такъ силенъ, что пламя въ одно мгновеніе охватывало по пяти и болѣе домовъ; густая пыль, поднимавшаяся отъ необыкновенно порывистаго вѣтра и рдѣвшая въ столбахъ огненнаго дыма, не позволяла даже въ близкомъ разстояніи разсмотрѣть человѣка. День превратился въ огненную ночь и нигдѣ не было безопасности, вездѣ угрожала бушующая стихія....

„Зрѣлище было ужасное!—пишетъ очевидецъ катастрофы.—Повсюду страхъ и смятеніе; не было ни одного безопаснаго отъ огня дома, всему угрожало истребленіе. Протокъ Булакъ, пересохшій совершенно отъ недостатка воды, загроможденъ былъ имуществомъ жителей. Гулъ, тревога, разрушеніе домовъ, взрывы пороха, звонъ колоколовъ, звукъ барабановъ и пронзительный визгъ трещотокъ, крикъ народа, густой черный дымъ, растилавшійся по всему городу на пространствѣ болѣе пяти верстъ—все это представляло ужасную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительную картину. Казань пылала на 8 верстъ въ окружности и

„Такъ торжествовалъ день сей императорскій казанскій университетъ,—заключаетъ хроникеръ казанской газеты того времени свое описаніе торжества 5-го іюля 1815 года.—Воспоминая прошедшаго года сіе число, онъ воспоминалъ, вмѣстѣ, съ благоговѣніемъ щедроты высокаго своего основателя и покровителя, равномѣрно съ достодолжною благодарностію всѣ благія попеченія начальства: и потому открыто давалъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ, желая показать годичныя усилія къ достиженію предположенной цѣли его заведенія и тѣмъ оправдывать надежду какъ августѣйшаго монарха, благоволившаго осчастливить оный непосредственнымъ своимъ покровительствомъ, такъ попечительнаго начальства и любезнаго сердцамъ вѣрноподданныхъ отечества“ [53].

Осень 1815 года принесла съ собою для города Казани колоссальное бѣдствіе, оставившее по себѣ глубокій слѣдъ въ общественной и экономической жизни города, не прошедшее безслѣдно и для казанскаго университета. Казань постоянно страдала въ старые годы отъ пожаровъ, временами принимавшихъ размѣры крупныхъ катастрофъ, глубоко отражавшихся на городскомъ благосостояніи. Одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій этого рода постигло Казань 3-го сентября 1815 года.

Пожаръ 3-го сентября 1815 года, какъ бы предвѣстниками котораго являлись многочисленные пожары окрестныхъ селъ и лѣсовъ, вслѣдствіе которыхъ еще недѣли за три до катастрофы весь городъ былъ окутанъ густыми облаками дыма, вспыхнулъ въ 9 часовъ утра въ Ямской слободѣ, близь Варлаамовской церкви. Сильный вѣтеръ и продолжавшаяся около трехъ мѣсяцевъ сушь способствовали невѣроятно быстрому распространенію огня. По свидѣтельству современника, огонь былъ такъ силенъ, что пламя въ одно мгновеніе охватывало по пяти и болѣе домовъ; густая пыль, поднимавшаяся отъ необыкновенно порывистаго вѣтра и рдѣвшая въ столбахъ огненнаго дыма, не позволяла даже въ близкомъ разстояніи разсмотрѣть человѣка. День превратился въ огненную ночь и нигдѣ не было безопасности, вездѣ угрожала бушующая стихія....

„Зрѣлище было ужасное!—пишетъ очевидецъ катастрофы.—Повсюду страхъ и смятеніе; не было ни одного безопаснаго отъ огня дома, всему угрожало истребленіе. Протокъ Булакъ, пересохшій совершенно отъ недостатка воды, загроможденъ былъ имуществомъ жителей. Гулъ, тревога, разрушеніе домовъ, взрывы пороха, звонъ колоколовъ, звукъ барабановъ и пронзительный визгъ трещотокъ, крикъ народа, густой черный дымъ, растилавшійся по всему городу на пространствѣ болѣе пяти верстъ—все это представляло ужасную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительную картину. Казань пылала на 8 верстъ въ окружности и

никакая сила человѣческая не могла остановить пламени... Около сутокъ продолжалось гибельное опустошеніе. Не находя въ городѣ спасенія, жители выбирались на Арское поле, которое, занятое имуществомъ, представляло видъ лагеря. Близь кремля и по разнымъ мѣстамъ города лежало множество обгорѣлыхъ труповъ"....

Въ этотъ страшный пожаръ выгорѣло 70 кварталовъ, около 1500 домовъ и 19 церквей; на лучшей улицѣ города, Воскресенской, остались нетронутыми огнемъ всего десять домовъ и, въ числѣ ихъ, зданія университета. Въ первомъ послѣ пожара номерѣ „Казанскихъ Извѣстій" сообщеніе о катастрофѣ напечатано было въ траурной рамкѣ и мѣстный публицистъ оплакивалъ здѣсь, „подобно Іереміи, разрушеніе города, почитавшагося, послѣ столицъ, однимъ изъ первыхъ въ россійской имперіи" [54]. Пожаръ 1815 года вызвалъ прибытіе въ Казань, для выясненія причинъ и размѣровъ бѣдствія, сенатора С. С. Кушникова. По всей имперіи открыта была подписка въ пользу казанскихъ погорѣльцевъ и наплывъ пожертвованій былъ настолько великъ, что, за удовлетвореніемъ необходимыхъ нуждъ, въ 1817 году отъ нихъ оставались еще свободными значительныя суммы.

Пожаръ 3-го сентября пощадилъ зданія университета, но за то онъ истребилъ всего за четыре года до того отстроенныя зданія гимназіи, о чемъ директоръ Яковкинъ, на слѣдующій же послѣ бѣдствія день, представилъ въ совѣтъ университета. Въ этомъ представленіи сообщалось, что „по случаю распространившагося по всему городу Казани сего сентября 3-го дня съ десятаго часа по утру пожара, продолжавшагося при сильномъ во весь день вѣтрѣ съ вихремъ, въ седьмомъ часу вечера отъ сосѣдственныхъ домовъ главнаго народнаго училища и отъ смежнаго дома коллежскаго ассесора Манасеина и приходской Крестовоздвиженской церкви гимназическіе домы..... всѣ безъ изъятія сгорѣли". Совѣтъ и контора гимназіи присоединяли къ этому просьбу, что бы совѣтъ и правленіе университета „благоволили какъ контору, такъ казну, питомцевъ и все, что спасено отъ пожару, принять въ университетскія зданія и снабдить классическими потребностями".

На долю университета выпали, такимъ образомъ, заботы какъ объ изысканіи помѣщенія для погорѣвшей гимназіи и ея чиновниковъ, такъ и о предоставленіи временныхъ квартиръ пострадавшимъ отъ пожара сочленамъ своимъ—профессорамъ Броннеру, Брейтенбаху и Вердерамо. Рапортъ отъ 8-го сентября, представленный правленіемъ попечителю округа, свидѣтельствуетъ намъ о слѣдующихъ мѣрахъ, предпринятыхъ въ этомъ отношеніи университетомъ:

никакая сила человѣческая не могла остановить пламени... Около сутокъ продолжалось гибельное опустошеніе. Не находя въ городѣ спасенія, жители выбирались на Арское поле, которое, занятое имуществомъ, представляло видъ лагеря. Близь кремля и по разнымъ мѣстамъ города лежало множество обгорѣлыхъ труповъ"....

Въ этотъ страшный пожаръ выгорѣло 70 кварталовъ, около 1500 домовъ и 19 церквей; на лучшей улицѣ города, Воскресенской, остались нетронутыми огнемъ всего десять домовъ и, въ числѣ ихъ, зданія университета. Въ первомъ послѣ пожара номерѣ „Казанскихъ Извѣстій" сообщеніе о катастрофѣ напечатано было въ траурной рамкѣ и мѣстный публицистъ оплакивалъ здѣсь, „подобно Іереміи, разрушеніе города, почитавшагося, послѣ столицъ, однимъ изъ первыхъ въ россійской имперіи" [54]. Пожаръ 1815 года вызвалъ прибытіе въ Казань, для выясненія причинъ и размѣровъ бѣдствія, сенатора С. С. Кушникова. По всей имперіи открыта была подписка въ пользу казанскихъ погорѣльцевъ и наплывъ пожертвованій былъ настолько великъ, что, за удовлетвореніемъ необходимыхъ нуждъ, въ 1817 году отъ нихъ оставались еще свободными значительныя суммы.

Пожаръ 3-го сентября пощадилъ зданія университета, но за то онъ истребилъ всего за четыре года до того отстроенныя зданія гимназіи, о чемъ директоръ Яковкинъ, на слѣдующій же послѣ бѣдствія день, представилъ въ совѣтъ университета. Въ этомъ представленіи сообщалось, что „по случаю распространившагося по всему городу Казани сего сентября 3-го дня съ десятаго часа по утру пожара, продолжавшагося при сильномъ во весь день вѣтрѣ съ вихремъ, въ седьмомъ часу вечера отъ сосѣдственныхъ домовъ главнаго народнаго училища и отъ смежнаго дома коллежскаго ассесора Манасеина и приходской Крестовоздвиженской церкви гимназическіе домы..... всѣ безъ изъятія сгорѣли". Совѣтъ и контора гимназіи присоединяли къ этому просьбу, что бы совѣтъ и правленіе университета „благоволили какъ контору, такъ казну, питомцевъ и все, что спасено отъ пожару, принять въ университетскія зданія и снабдить классическими потребностями".

На долю университета выпали, такимъ образомъ, заботы какъ объ изысканіи помѣщенія для погорѣвшей гимназіи и ея чиновниковъ, такъ и о предоставленіи временныхъ квартиръ пострадавшимъ отъ пожара сочленамъ своимъ—профессорамъ Броннеру, Брейтенбаху и Вердерамо. Рапортъ отъ 8-го сентября, представленный правленіемъ попечителю округа, свидѣтельствуетъ намъ о слѣдующихъ мѣрахъ, предпринятыхъ въ этомъ отношеніи университетомъ:

„Во время пожара сего сентября 3-го дня, разорившаго многія части города Казани, обращены въ пепелъ квартиры и домы чиновниковъ университета, равно всѣ казенные гимназическіе домы, въ которыхъ помѣщалась гимназія съ ея чиновниками, питомцами и служителями. Посему, съ согласія вашего превосходительства, изъ числа погорѣвшихъ университетскихъ чиновниковъ съ крайнимъ утѣсненіемъ помѣщены: инспекторъ студентовъ и директоръ педагогическаго института профессоръ Броннеръ — въ бель-этажѣ главнаго университетскаго корпуса, въ комнатахъ возлѣ физическаго кабинета *; сверхъ того назначены комнаты: профессору Брейтенбаху—въ томъ же этажѣ, гдѣ была канцелярія совѣта и училищнаго комитета, которая перемѣщена въ архивный покой; профессору Вердерамо—въ нижнемъ этажѣ, въ покояхъ съ студентомъ-кандидатомъ Калестиновымъ **; адъюнктъ Петровскій помѣщается въ типографскомъ домѣ, предположенномъ, по настоящей необходимости, привесть въ такое состояніе, что бы въ немъ можно было помѣстить нѣкоторыхъ гимназическихъ чиновниковъ и больницу. Питомцы гимназіи, впредь до разсмотрѣнія, крайне стѣсненно помѣщены въ главномъ университетскомъ корпусѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ студентскихъ комнатахъ, а студенты—въ покояхъ педагогическаго института. Для гимназическихъ классовъ назначены главнаго корпуса столовый залъ и смежный къ нему покой, а, по необходимости, и въ спальныхъ нынѣшнихъ питомческихъ комнатахъ, которыя помѣститься могутъ въ общихъ канцелярскихъ университета покояхъ; казна—въ кассирствѣ, приготовленіе пищи для питомцевъ и прочія потребности—помѣщены въ университетскихъ службахъ. Инспекторъ гимназіи Ибрагимовъ помѣщается въ анатомическомъ театрѣ; главный надзиратель и другіе чиновники гимназіи помѣщаются въ комнатахъ съ магистрами и въ другихъ мѣстахъ, по возможности. Такимъ же образомъ, гдѣ и какъ возможно, помѣщены въ домахъ университетскихъ служители гимназіи и инвалидная команда“ [55].

Такимъ образомъ вторично, послѣ отдѣленія ея отъ университета въ 1811 году, пришлось казанской гимназіи пользоваться гостепріимствомъ университета; мы уже знаемъ, что въ 1812—1813 годахъ она также, въ теченіи почти двѣнадцати мѣсяцевъ, ютилась въ университетѣ, въ свою очередь уступивъ собственное помѣщеніе вывезеннымъ изъ Москвы женскимъ институтамъ. На этотъ разъ, послѣ пожара 3-го сентября 1815 года,

* Физическій кабинетъ помѣщался въ то время въ бель-этажѣ западной оконечности главнаго университетскаго корпуса, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, въ нынѣшнемъ главномъ корпусѣ, расположена университетская церковь. До пожара Броннеръ квартировалъ наискосокъ отъ университета, въ домѣ купца Хворова (нынѣ на этомъ мѣстѣ домъ аптекаря г. Грахе).

** Всѣмъ тремъ, помимо предоставленія имъ временныхъ казенныхъ квартиръ, сохранены были, въ видѣ пособія, и получаемыя ими квартирныя деньги.

„Во время пожара сего сентября 3-го дня, разорившаго многія части города Казани, обращены въ пепелъ квартиры и домы чиновниковъ университета, равно всѣ казенные гимназическіе домы, въ которыхъ помѣщалась гимназія съ ея чиновниками, питомцами и служителями. Посему, съ согласія вашего превосходительства, изъ числа погорѣвшихъ университетскихъ чиновниковъ съ крайнимъ утѣсненіемъ помѣщены: инспекторъ студентовъ и директоръ педагогическаго института профессоръ Броннеръ — въ бель-этажѣ главнаго университетскаго корпуса, въ комнатахъ возлѣ физическаго кабинета *; сверхъ того назначены комнаты: профессору Брейтенбаху—въ томъ же этажѣ, гдѣ была канцелярія совѣта и училищнаго комитета, которая перемѣщена въ архивный покой; профессору Вердерамо—въ нижнемъ этажѣ, въ покояхъ съ студентомъ-кандидатомъ Калестиновымъ **; адъюнктъ Петровскій помѣщается въ типографскомъ домѣ, предположенномъ, по настоящей необходимости, привесть въ такое состояніе, что бы въ немъ можно было помѣстить нѣкоторыхъ гимназическихъ чиновниковъ и больницу. Питомцы гимназіи, впредь до разсмотрѣнія, крайне стѣсненно помѣщены въ главномъ университетскомъ корпусѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ студентскихъ комнатахъ, а студенты—въ покояхъ педагогическаго института. Для гимназическихъ классовъ назначены главнаго корпуса столовый залъ и смежный къ нему покой, а, по необходимости, и въ спальныхъ нынѣшнихъ питомческихъ комнатахъ, которыя помѣститься могутъ въ общихъ канцелярскихъ университета покояхъ; казна—въ кассирствѣ, приготовленіе пищи для питомцевъ и прочія потребности—помѣщены въ университетскихъ службахъ. Инспекторъ гимназіи Ибрагимовъ помѣщается въ анатомическомъ театрѣ; главный надзиратель и другіе чиновники гимназіи помѣщаются въ комнатахъ съ магистрами и въ другихъ мѣстахъ, по возможности. Такимъ же образомъ, гдѣ и какъ возможно, помѣщены въ домахъ университетскихъ служители гимназіи и инвалидная команда“ [55].

Такимъ образомъ вторично, послѣ отдѣленія ея отъ университета въ 1811 году, пришлось казанской гимназіи пользоваться гостепріимствомъ университета; мы уже знаемъ, что въ 1812—1813 годахъ она также, въ теченіи почти двѣнадцати мѣсяцевъ, ютилась въ университетѣ, въ свою очередь уступивъ собственное помѣщеніе вывезеннымъ изъ Москвы женскимъ институтамъ. На этотъ разъ, послѣ пожара 3-го сентября 1815 года,

---

* Физическій кабинетъ помѣщался въ то время въ бель-этажѣ западной оконечности главнаго университетскаго корпуса, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, въ нынѣшнемъ главномъ корпусѣ, расположена университетская церковь. До пожара Броннеръ квартировалъ наискосокъ отъ университета, въ домѣ купца Хворова (нынѣ на этомъ мѣстѣ домъ аптекаря г. Грахе).

** Всѣмъ тремъ, помимо предоставленія имъ временныхъ казенныхъ квартиръ. сохранены были, въ видѣ пособія, и получаемыя ими квартирныя деньги.

гимназіи въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ довелось помѣщаться въ зданіяхъ университета, стѣсняясь сама, стѣсняя и пріютившій ее университетъ. Только 27-го августа 1820 года совершился торжественный переходъ гимназіи на возстановленное къ этому времени пепелище, которое она съ тѣхъ поръ и занимаетъ въ теченіи свыше восьмидесяти лѣтъ.

Послѣ пожара 3-го сентября городскою администраціею принимались мѣры къ выясненію ущербовъ, понесенныхъ обывателями отъ катастрофы. Заявлялись пожарные убытки и служащими университета. Такъ, профессоръ Брейтенбахъ объявилъ пожарныхъ убытковъ на сумму 3222-хъ рублей, адъюнктъ Петровскій—на 400 рублей, лекторъ Лейтеръ—на 600 рублей, преподаватель Крюковъ—на 9500 рублей (у него сгорѣлъ каменный домъ на Верхне-Ѳеодоровской улицѣ). Въ ближайшіе къ катастрофѣ годы убытки, причиненные пожаромъ, служили поводомъ къ возбужденію ходатайствъ о разнаго рода пособіяхъ и льготахъ; такъ, въ 1817 году проф. Вердерамо, сославшись на разорившій его за два года до того пожаръ, выхлопоталъ себѣ чтеніе, за добавочное вознагражденіе, лекцій по второй кафедрѣ врачебнаго веществословія и словесности.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ губернскою администраціею къ облегченію участи погорѣльцевъ, встрѣчаемъ мы и заботу объ обезпеченіи ихъ квартирами, въ видахъ чего на казанскихъ домовладѣльцевъ возложена была временная постойная повинность. На этой почвѣ совѣтомъ университета получено было слѣдующее отношеніе казанскаго полиціймейстера Симонова, отъ 15-го сентября: „По случившемуся 3-го сентября сего года пожару, многіе обыватели лишились своихъ домовъ, а жители—пристанища, почему, по предписанію отъ г. начальника губерніи, велѣно размѣстить всѣхъ несчастныхъ въ дома, отъ пожара оставшіеся, на квартиры. А какъ въ числѣ наличныхъ домовъ есть дома профессоровъ довольно обширные, именно господъ Фукса, Томаса и Френа: то я, относясь въ совѣтъ, покорнѣйше прошу приказать имъ, уважая несчастнотерпящихъ жителей безъ покрова, на холоду, разрѣшить ставить и къ нимъ на постой". Совѣтъ вошелъ съ указанными полиціймейстеромъ профессорами въ сношеніе и получилъ отъ нихъ отзывы: отъ проф. Фукса—что онъ „по причинѣ случившагося пожара принялъ въ свой домъ на квартиру инспектора гимназіи Ибрагимова, съ его семействомъ"; отъ проф. Томаса—что „у него давно уже квартируетъ профессоръ Реннеръ и что нынѣ, послѣ пожара, онъ принялъ еще въ свой домъ хлѣбника Шретера и купца Гунста"; проф. Френъ (у него былъ домъ на Поповой горѣ) заявилъ, что онъ „уже съ полторы недѣли принялъ въ свой домъ бѣдную вдову съ двумя

гимназіи въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ довелось помѣщаться въ зданіяхъ университета, стѣсняясь сама, стѣсняя и пріютившій ее университетъ. Только 27-го августа 1820 года совершился торжественный переходъ гимназіи на возстановленное къ этому времени пепелище, которое она съ тѣхъ поръ и занимаетъ въ теченіи свыше восьмидесяти лѣтъ.

Послѣ пожара 3-го сентября городскою администраціею принимались мѣры къ выясненію ущербовъ, понесенныхъ обывателями отъ катастрофы. Заявлялись пожарные убытки и служащими университета. Такъ, профессоръ Брейтенбахъ объявилъ пожарныхъ убытковъ на сумму 3222-хъ рублей, адъюнктъ Петровскій—на 400 рублей, лекторъ Лейтеръ—на 600 рублей, преподаватель Крюковъ—на 9500 рублей (у него сгорѣлъ каменный домъ на Верхне-Ѳеодоровской улицѣ). Въ ближайшіе къ катастрофѣ годы убытки, причиненные пожаромъ, служили поводомъ къ возбужденію ходатайствъ о разнаго рода пособіяхъ и льготахъ; такъ, въ 1817 году проф. Вердерамо, сославшись на разорившій его за два года до того пожаръ, выхлопоталъ себѣ чтеніе, за добавочное вознагражденіе, лекцій по второй кафедрѣ врачебнаго веществословія и словесности.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ губернскою администраціею къ облегченію участи погорѣльцевъ, встрѣчаемъ мы и заботу объ обезпеченіи ихъ квартирами, въ видахъ чего на казанскихъ домовладѣльцевъ возложена была временная постойная повинность. На этой почвѣ совѣтомъ университета получено было слѣдующее отношеніе казанскаго полиціймейстера Симонова, отъ 15-го сентября: „По случившемуся 3-го сентября сего года пожару, многіе обыватели лишились своихъ домовъ, а жители—пристанища, почему, по предписанію отъ г. начальника губерніи, велѣно размѣстить всѣхъ несчастныхъ въ дома, отъ пожара оставшіеся, на квартиры. А какъ въ числѣ наличныхъ домовъ есть дома профессоровъ довольно обширные, именно господъ Фукса, Томаса и Френа: то я, относясь въ совѣтъ, покорнѣйше прошу приказать имъ, уважая несчастнотерпящихъ жителей безъ покрова, на холоду, разрѣшить ставить и къ нимъ на постой“. Совѣтъ вошелъ съ указанными полиціймейстеромъ профессорами въ сношеніе и получилъ отъ нихъ отзывы: отъ проф. Фукса—что онъ „по причинѣ случившагося пожара принялъ въ свой домъ на квартиру инспектора гимназіи Ибрагимова, съ его семействомъ“; отъ проф. Томаса—что „у него давно уже квартируетъ профессоръ Реннеръ и что нынѣ, послѣ пожара, онъ принялъ еще въ свой домъ хлѣбника Шретера и купца Гунста“; проф. Френъ (у него былъ домъ на Поповой горѣ) заявилъ, что онъ „уже съ полторы недѣли принялъ въ свой домъ бѣдную вдову съ двумя

дѣтьми, которыхъ нашелъ на Казанкѣ безъ помощи и безъ убѣжища и которыхъ, по ихъ бѣдности, долгомъ себѣ почитаетъ и впредь у себя удержать", но что домъ его, какъ человѣка семейнаго, уже „никакого дальняго уступленія (sic) не позволяетъ", о чемъ онъ и проситъ извѣстить „почтеннѣйшую полицію" [56].

Наше повѣствованіе о пожарѣ 3-го сентября не было бы полно, если бы мы не коснулись вопроса о дѣятельномъ участіи студентовъ въ событіяхъ этого рокового для Казани дня. Содѣйствіе учащейся молодежи въ дѣлѣ борьбы съ пожарами было для казанскаго студенчества традиціоннымъ не только до катастрофы 1815 года, но и въ эпохи болѣе позднія, являясь весьма серьезнымъ коррективомъ къ крайне неудовлетворительному, въ старые годы, состоянію Казани въ противопожарномъ отношеніи. Такъ, въ концѣ 1814 года совѣтомъ университета была объявлена студентамъ благодарность совѣта за ихъ дѣятельную работу на пожарѣ 23-го октября этого года, оффиціально засвидѣтельствованную дѣйств. стат. совѣтникомъ Сергѣевымъ.

„Студенты здѣшняго университета,—писалось въ 1815 году въ казанской газетѣ по поводу пожара 3-го сентября, — неоднократно во время пожаровъ принимали усердное и дѣятельное участіе въ несчастіи ближнихъ. Значительнѣйшія въ городѣ особы свидѣтельствовали начальству университета письменно о сихъ человѣколюбивыхъ поступкахъ студентовъ. И нынѣ, 3-го сентября, они себя таковыми же показали. Въ то время, когда все было въ смятеніи, они старались сберегать имущество многихъ профессоровъ, вытаскивали и охраняли оное; не менѣе того оказали дѣятельность также и въ охраненіи нѣкоторыхъ домовъ, защищая ихъ въ ночи отъ огня, даже и въ самомъ университетскомъ кварталѣ; носили воду, таскали доски, были на крышахъ и т. п. Въ томъ числѣ,—порадоваться должно,—были дѣти или сродственники и знатнѣйшихъ здѣсь особъ и фамилій... Такъ, студенты не были и не бываютъ только праздными зрителями, при пожарахъ, несчастія ближняго: съ чернью они не стыдятся помогать ближнему не словами, а дѣломъ".

Совѣтъ университета, съ своей стороны, заслушавъ докладъ ректора о „примѣрной ревности и мужествѣ", оказанныхъ студентами во время пожара 3-го сентября, въ засѣданіи 13-го сентября постановилъ: „Обществу студентовъ за сей похвальный подвигъ выдать оффиціальное свидѣтельство благодарности, въ видѣ диплома". Засвидѣтельствованныя копіи съ этого печатнаго диплома, экземпляръ котораго (на латинскомъ языкѣ) имѣется при соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ [57], выданы были всѣмъ студентамъ, отличившимся въ день 3-го сентября.

дѣтьми, которыхъ нашелъ на Казанкѣ безъ помощи и безъ убѣжища и которыхъ, по ихъ бѣдности, долгомъ себѣ почитаетъ и впредь у себя удержать", но что домъ его, какъ человѣка семейнаго, уже „никакого дальняго уступленія (sic) не позволяетъ", о чемъ онъ и проситъ извѣстить „почтеннѣйшую полицію" [56].

Наше повѣствованіе о пожарѣ 3-го сентября не было бы полно, если бы мы не коснулись вопроса о дѣятельномъ участіи студентовъ въ событіяхъ этого рокового для Казани дня. Содѣйствіе учащейся молодежи въ дѣлѣ борьбы съ пожарами было для казанскаго студенчества традиціоннымъ не только до катастрофы 1815 года, но и въ эпохи болѣе позднія, являясь весьма серьезнымъ коррективомъ къ крайне неудовлетворительному, въ старые годы, состоянію Казани въ противопожарномъ отношеніи. Такъ, въ концѣ 1814 года совѣтомъ университета была объявлена студентамъ благодарность совѣта за ихъ дѣятельную работу на пожарѣ 23-го октября этого года, оффиціально засвидѣтельствованную дѣйств. стат. совѣтникомъ Сергѣевымъ.

„Студенты здѣшняго университета,—писалось въ 1815 году въ казанской газетѣ по поводу пожара 3-го сентября, — неоднократно во время пожаровъ принимали усердное и дѣятельное участіе въ несчастіи ближнихъ. Значительнѣйшія въ городѣ особы свидѣтельствовали начальству университета письменно о сихъ человѣколюбивыхъ поступкахъ студентовъ. И нынѣ, 3-го сентября, они себя таковыми же показали. Въ то время, когда все было въ смятеніи, они старались сберегать имущество многихъ профессоровъ, вытаскивали и охраняли оное; не менѣе того оказали дѣятельность также и въ охраненіи нѣкоторыхъ домовъ, защищая ихъ въ ночи отъ огня, даже и въ самомъ университетскомъ кварталѣ; носили воду, таскали доски, были на крышахъ и т. п. Въ томъ числѣ,—порадоваться должно,—были дѣти или сродственники и знатнѣйшихъ здѣсь особъ и фамилій... Такъ, студенты не были и не бываютъ только праздными зрителями, при пожарахъ, несчастія ближняго: съ чернью они не стыдятся помогать ближнему не словами, а дѣломъ".

Совѣтъ университета, съ своей стороны, заслушавъ докладъ ректора о „примѣрной ревности и мужествѣ", оказанныхъ студентами во время пожара 3-го сентября, въ засѣданіи 13-го сентября постановилъ: „Обществу студентовъ за сей похвальный подвигъ выдать оффиціальное свидѣтельство благодарности, въ видѣ диплома". Засвидѣтельствованныя копіи съ этого печатнаго диплома, экземпляръ котораго (на латинскомъ языкѣ) имѣется при соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ [57], выданы были всѣмъ студентамъ, отличившимся въ день 3-го сентября.

Пожаръ 3-го сентября не отозвался на теченіи учебныхъ занятій ни въ университетѣ, ни, даже, въ гимназіи: въ № 73-мъ „Казанскихъ Извѣстій“ помѣщено было объявленіе о томъ, что, не взирая на пожаръ, занятія, какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, будутъ продолжаться своимъ порядкомъ. За то катастрофа эта отозвалась на казанскихъ учебныхъ дѣлахъ въ другомъ отношеніи: 11-го сентября попечитель М. А. Салтыковъ вошелъ въ совѣтъ университета съ увѣдомленіемъ о вступленіи въ управленіе округомъ, добровольно сложенное имъ съ себя въ началѣ ноября предшествовавшаго года [58].

Послѣдняя четверть 1815 года не представляетъ намъ ничего выдающагося во внутренней жизни университета и только послѣдній мѣсяцъ года ознаменовался возникновеніемъ вопроса, касающагося, собственно, казанской гимназіи, но интереснаго для насъ до извѣстной степени въ томъ отношеніи, что этотъ вопросъ коснулся отношеній гимназіи къ университету и снова выдвинулъ впередъ властолюбивыя стремленія директора Яковкина, въ ихъ конфликтѣ, на этотъ разъ уже не съ сотоварищами по университету, но съ совѣтомъ гимназіи.

Полное открытіе университета на основаніи устава 1804 года естественнымъ образомъ поставило на очередь вопросъ о предѣлахъ компетенціи гимназическаго совѣта, такъ какъ этотъ послѣдній обособился теперь, подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи Яковкина, отъ совѣта университетскаго, предсѣдательствуемаго ректоромъ Брауномъ. Еще въ концѣ ноября 1814 года совѣтъ гимназіи,—вѣрнѣе говоря, Яковкинъ,—обращался къ попечителю съ просьбою выяснить предѣлы его компетенціи. Яковкину желательно было, конечно, обставить свою директорскую власть возможно самостоятельнѣе по отношенію къ университету:

„Въ предписаніи, данномъ гимназическому совѣту,—читаемъ мы въ подписанномъ Яковкинымъ рапортѣ попечителю отъ 30-го ноября 1814 года,—сказано, что бы онъ во всѣхъ дѣлахъ, превышающихъ власть его, относился въ совѣтъ университета, а въ предписаніи, данномъ сему совѣту, и въ копіи гимназическому совѣту сообщенномъ, изображено, что университетъ въ завѣдываніи гимназіею имѣетъ слѣдовать правиламъ, опредѣленнымъ въ уставѣ университета. И такъ, въ силу сего послѣдняго предписанія гимназія должна быть подвѣдома училищному комитету, при университетѣ находящемуся. Посему совѣтъ гимназіи находится въ недоумѣніи—въ которое именно изъ сихъ мѣстъ (т. е. въ совѣтъ университета или въ училищный комитетъ) долженъ онъ относиться въ дѣлахъ, превышающихъ власть его?“

Пожаръ 3-го сентября не отозвался на теченіи учебныхъ занятій ни въ университетѣ, ни, даже, въ гимназіи: въ № 73-мъ „Казанскихъ Извѣстій“ помѣщено было объявленіе о томъ, что, не взирая на пожаръ, занятія, какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, будутъ продолжаться своимъ порядкомъ. За то катастрофа эта отозвалась на казанскихъ учебныхъ дѣлахъ въ другомъ отношеніи: 11-го сентября попечитель М. А. Салтыковъ вошелъ въ совѣтъ университета съ увѣдомленіемъ о вступленіи въ управленіе округомъ, добровольно сложенное имъ съ себя въ началѣ ноября предшествовавшаго года [58].

Послѣдняя четверть 1815 года не представляетъ намъ ничего выдающагося во внутренней жизни университета и только послѣдній мѣсяцъ года ознаменовался возникновеніемъ вопроса, касающагося, собственно, казанской гимназіи, но интереснаго для насъ до извѣстной степени въ томъ отношеніи, что этотъ вопросъ коснулся отношеній гимназіи къ университету и снова выдвинулъ впередъ властолюбивыя стремленія директора Яковкина, въ ихъ конфликтѣ, на этотъ разъ уже не съ сотоварищами по университету, но съ совѣтомъ гимназіи.

Полное открытіе университета на основаніи устава 1804 года естественнымъ образомъ поставило на очередь вопросъ о предѣлахъ компетенціи гимназическаго совѣта, такъ какъ этотъ послѣдній обособился теперь, подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи Яковкина, отъ совѣта университетскаго, предсѣдательствуемаго ректоромъ Брауномъ. Еще въ концѣ ноября 1814 года совѣтъ гимназіи,—вѣрнѣе говоря, Яковкинъ,—обращался къ попечителю съ просьбою выяснить предѣлы его компетенціи. Яковкину желательно было, конечно, обставить свою директорскую власть возможно самостоятельнѣе по отношенію къ университету:

„Въ предписаніи, данномъ гимназическому совѣту,—читаемъ мы въ подписанномъ Яковкинымъ рапортѣ попечителю отъ 30-го ноября 1814 года,—сказано, что бы онъ во всѣхъ дѣлахъ, превышающихъ власть его, относился въ совѣтъ университета, а въ предписаніи, данномъ сему совѣту, и въ копіи гимназическому совѣту сообщенномъ, изображено, что университетъ въ завѣдываніи гимназіею имѣетъ слѣдовать правиламъ, опредѣленнымъ въ уставѣ университета. И такъ, въ силу сего послѣдняго предписанія гимназія должна быть подвѣдома училищному комитету, при университетѣ находящемуся. Посему совѣтъ гимназіи находится въ недоумѣніи—въ которое именно изъ сихъ мѣстъ (т. е. въ совѣтъ университета или въ училищный комитетъ) долженъ онъ относиться въ дѣлахъ, превышающихъ власть его?“

Поставленный совѣтомъ гимназіи вопросъ представлялъ, дѣйствительно, принципіальное значеніе, такъ какъ подчиненіе казанской гимназіи училищному комитету—ставило ее въ одинъ рядъ съ гимназіями губернскими; между тѣмъ, казанская гимназія имѣла свой собственный уставъ, высочайше конфирмованный еще въ 1798 году и ставившій ее въ совершенно исключительное, сравнительно съ другими учебными заведеніями того же рода, положеніе, благодаря которому эта гимназія являлась настоящимъ status in statu въ общей системѣ образовательныхъ учрежденій, созданной въ началѣ царствованія императора Александра I. На это то исключительное по закону положеніе казанской гимназіи совѣтъ послѣдней (т. е. Яковкинъ), отстаивая свою самостоятельность, довольно политично и опирается въ цитируемомъ нами рапортѣ:

„Такимъ образомъ (т. е. въ случаѣ подчиненія ея училищному комитету), не только совѣтъ сей гимназіи не въ состояніи будетъ выполнять въ точности высочайше дарованнаго оной положенія, каковаго никто, кромѣ высочайшей власти, ни уничтожить, ни отмѣнить, ни перемѣнить не можетъ—но и самая гимназія останется неблагодарною къ памяти щедраго оной основателя, государя императора Павла Перваго, и достославнаго его преемника, утвердителя казанской гимназіи Александра Перваго, даровавшихъ оной особенныя преимущества, совершенно на особенныхъ и отличныхъ отъ губернскихъ гимназій правахъ".

Въ заключеніе своего рапорта, совѣтъ гимназіи проситъ попечителя— „дабы, если не благоугодно имѣть оную гимназію подъ непосредственнымъ начальствомъ вашего превосходительства, какъ по положенію гимназіи предустановленнаго попечителя, благоволено было дать оному точнѣйшее и яснѣйшее объ отношеніяхъ его и всего оного заведенія къ университету предписаніе, предваряющее всякія недоумѣнія и обезпечивающее членовъ оного отъ всякой отвѣтственности за неисполненіе высочайше утвержденнаго о сей гимназіи положенія".

Возбужденный совѣтомъ казанской гимназіи вопросъ былъ непосредственно связанъ съ вопросомъ о пересмотрѣ положенія объ этой гимназіи, вообще, который былъ поставленъ на очередь лишь тремя годами позже (въ 1818 году), а потому категорическаго разрѣшенія получить въ то время, конечно, и не могъ; но въ исходѣ 1815 года возникъ въ совѣтѣ гимназіи конфликтъ, снова заставившій заговорить о предѣлахъ компетенціи гимназическаго совѣта. Ближайшій поводъ къ тому данъ былъ директоромъ Яковкинымъ, перенесшимъ теперь на почву гимназическихъ дѣлъ тѣ

Поставленный совѣтомъ гимназіи вопросъ представлялъ, дѣйствительно, принципіальное значеніе, такъ какъ подчиненіе казанской гимназіи училищному комитету—ставило ее въ одинъ рядъ съ гимназіями губернскими; между тѣмъ, казанская гимназія имѣла свой собственный уставъ, высочайше конфирмованный еще въ 1798 году и ставившій ее въ совершенно исключительное, сравнительно съ другими учебными заведеніями того же рода, положеніе, благодаря которому эта гимназія являлась настоящимъ status in statu въ общей системѣ образовательныхъ учрежденій, созданной въ началѣ царствованія императора Александра I. На это то исключительное по закону положеніе казанской гимназіи совѣтъ послѣдней (т. е. Яковкинъ), отстаивая свою самостоятельность, довольно политично и опирается въ цитируемомъ нами рапортѣ:

„Такимъ образомъ (т. е. въ случаѣ подчиненія ея училищному комитету), не только совѣтъ сей гимназіи не въ состояніи будетъ выполнять въ точности высочайше дарованнаго оной положенія, каковаго никто, кромѣ высочайшей власти, ни уничтожить, ни отмѣнить, ни перемѣнить не можетъ—но и самая гимназія останется неблагодарною къ памяти щедраго оной основателя, государя императора Павла Перваго, и достославнаго его преемника, утвердителя казанской гимназіи Александра Перваго, даровавшихъ оной особенныя преимущества, совершенно на особенныхъ и отличныхъ отъ губернскихъ гимназій правахъ".

Въ заключеніе своего рапорта, совѣтъ гимназіи проситъ попечителя— „дабы, если не благоугодно имѣть оную гимназію подъ непосредственнымъ начальствомъ вашего превосходительства, какъ по положенію гимназіи предустановленнаго попечителя, благоволено было дать оному точнѣйшее и яснѣйшее объ отношеніяхъ его и всего оного заведенія къ университету предписаніе, предваряющее всякія недоумѣнія и обезпечивающее членовъ оного отъ всякой отвѣтственности за неисполненіе высочайше утвержденнаго о сей гимназіи положенія".

Возбужденный совѣтомъ казанской гимназіи вопросъ былъ непосредственно связанъ съ вопросомъ о пересмотрѣ положенія объ этой гимназіи, вообще, который былъ поставленъ на очередь лишь тремя годами позже (въ 1818 году), а потому категорическаго разрѣшенія получить въ то время, конечно, и не могъ; но въ исходѣ 1815 года возникъ въ совѣтѣ гимназіи конфликтъ, снова заставившій заговорить о предѣлахъ компетенціи гимназическаго совѣта. Ближайшій поводъ къ тому данъ былъ директоромъ Яковкинымъ, перенесшимъ теперь на почву гимназическихъ дѣлъ тѣ

самовластныя тенденціи, которыя раньше проявлялись имъ въ дѣлахъ университетскихъ. И здѣсь тенденціи эти встрѣтили протестъ, какой встрѣчали онѣ въ свое время среди членовъ университетскаго совѣта и который ясно свидѣтельствуетъ о павшемъ престижѣ прежняго полновластнаго вершителя судебъ казанскаго педагогическаго міра.

Дѣло возникло изъ за росписанія зимнихъ экзаменовъ, которые должны были производиться въ казанской гимназіи съ окончаніемъ осенняго полугодія 1815 года. Составленное инспекторомъ Ибрагимовымъ, это росписаніе 8-го декабря внесено было на разсмотрѣніе совѣта гимназіи, обнаружившаго на оборотѣ его критическія замѣчанія, сдѣланныя директоромъ. Однимъ изъ этихъ замѣчаній прямо предрѣшались постановленія совѣта съ тою категоричностью, которая уже хорошо знакома намъ въ Яковкинѣ:

„Собравъ г.г. членовъ совѣта,—заявляетъ здѣсь директоръ,—постановить: 1) расположенію сему послѣдовать при наступающихъ зимнихъ экзаменахъ; 2) сообщить г. ректору университета съ приглашеніемъ (sic), дабы и г.г. члены университета удостоивали, кому угодно, экзамены своимъ присутствіемъ; 3) подтвердить строжайше всѣмъ г.г. учителямъ нижнихъ и среднихъ классовъ языковъ, дабы они, а особливо россійскіе, какъ возможно прилежнѣе наблюдали за чисто—и правописаніемъ учениковъ, потому что я нѣсколько разъ замѣчалъ великую небрежность о семъ важномъ предметѣ съ обѣихъ сторонъ; ученику пріятно, когда попускаютъ ему варапсить (?), какъ хочетъ, а для учителя должно быть постыдно и непростительно".

Совѣтъ, засѣдавшій 8-го числа, за отсутствіемъ директора, подъ предсѣдательствомъ инспектора Ибрагимова, почелъ себя оскорбленнымъ замѣчаніями Яковкина и протестъ свой выразилъ въ формѣ рапорта, на слѣдующій же день представленнаго попечителю округа за подписью Ибрагимова, въ которомъ приведено было опредѣленіе совѣта, сводившееся къ слѣдующему, весьма категорическимъ образомъ поставленному, вопросу: „Нужно ли уже ему (т. е. совѣту) собираться для совѣщанія въ пользу учебныхъ предметовъ, когда г. директоръ самъ собою имѣетъ власть и право, предупреждая таковыя совѣщанія, давать рѣшительныя повелѣнія мѣсту, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ, вводить новыя и перемѣнять прежнія учрежденія по учебной части, безъ всякаго сношенія съ совѣтомъ?" Изложивъ свои соображенія по поводу этого вопроса, подтвержденныя ссылкою на § 11-й высочайше утвержденнаго поло-

самовластныя тенденціи, которыя раньше проявлялись имъ въ дѣлахъ университетскихъ. И здѣсь тенденціи эти встрѣтили протестъ, какой встрѣчали онѣ въ свое время среди членовъ университетскаго совѣта и который ясно свидѣтельствуетъ о павшемъ престижѣ прежняго полновластнаго вершителя судебъ казанскаго педагогическаго міра.

Дѣло возникло изъ за росписанія зимнихъ экзаменовъ, которые должны были производиться въ казанской гимназіи съ окончаніемъ осенняго полугодія 1815 года. Составленное инспекторомъ Ибрагимовымъ, это росписаніе 8-го декабря внесено было на разсмотрѣніе совѣта гимназіи, обнаружившаго на оборотѣ его критическія замѣчанія, сдѣланныя директоромъ. Однимъ изъ этихъ замѣчаній прямо предрѣшались постановленія совѣта съ тою категоричностью, которая уже хорошо знакома намъ въ Яковкинѣ:

„Собравъ г.г. членовъ совѣта,—заявляетъ здѣсь директоръ,—постановить: 1) расположенію сему послѣдовать при наступающихъ зимнихъ экзаменахъ; 2) сообщить г. ректору университета съ приглашеніемъ (sic), дабы и г.г. члены университета удостоивали, кому угодно, экзамены своимъ присутствіемъ; 3) подтвердить строжайше всѣмъ г.г. учителямъ нижнихъ и среднихъ классовъ языковъ, дабы они, а особливо россійскіе, какъ возможно прилежнѣе наблюдали за чисто—и правописаніемъ учениковъ, потому что я нѣсколько разъ замѣчалъ великую небрежность о семъ важномъ предметѣ съ обѣихъ сторонъ; ученику пріятно, когда попускаютъ ему варапсить (?), какъ хочетъ, а для учителя должно быть постыдно и непростительно“.

Совѣтъ, засѣдавшій 8-го числа, за отсутствіемъ директора, подъ предсѣдательствомъ инспектора Ибрагимова, почелъ себя оскорбленнымъ замѣчаніями Яковкина и протестъ свой выразилъ въ формѣ рапорта, на слѣдующій же день представленнаго попечителю округа за подписью Ибрагимова, въ которомъ приведено было опредѣленіе совѣта, сводившееся къ слѣдующему, весьма категорическимъ образомъ поставленному, вопросу: „Нужно ли уже ему (т. е. совѣту) собираться для совѣщанія въ пользу учебныхъ предметовъ, когда г. директоръ самъ собою имѣетъ власть и право, предупреждая таковыя совѣщанія, давать рѣшительныя повелѣнія мѣсту, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ, вводить новыя и перемѣнять прежнія учрежденія по учебной части, безъ всякаго сношенія съ совѣтомъ?“ Изложивъ свои соображенія по поводу этого вопроса, подтвержденныя ссылкою на § 11-й высочайше утвержденнаго поло-

женія о казанской гимназіи, совѣтъ проситъ попечителя „опредѣлить мѣру директорской власти въ рѣшительныхъ своихъ постановленіяхъ“.

Салтыковъ препроводилъ этотъ рапортъ на заключеніе совѣта университета, предложивъ ему сдѣлать гимназическому совѣту указаніе, что бы тотъ „во всѣхъ дѣлахъ по учебной части представлялъ совѣту университета, а о хозяйственныхъ и судныхъ—въ правленіе“, причемъ высказалъ, съ своей стороны, мнѣніе, что „г. директоръ упомянутыя замѣчанія въ такомъ видѣ совѣту гимназіи, какъ они писаны, писать не долженъ“. Въ засѣданіи 15-го декабря совѣтъ университета поручилъ разсмотрѣніе всего этого столкновенія особому комитету изъ профессоровъ Солнцева, Бартельса и Цеплина, который уже 20-го числа представилъ ему обширное „мнѣніе“ по этому дѣлу, писанное, очевидно, университетскимъ законникомъ Солнцевымъ и снабженное обильными юридическими соображеніями и ссылками на существующія общія узаконенія. Интересно, что въ своемъ мнѣніи, всецѣло принятомъ университетскимъ совѣтомъ, комитетъ явно склонялся на сторону Яковкина, придя къ слѣдующимъ заключеніямъ: а) совѣту гимназіи рекомендовать быть въ будущемъ осмотрительнѣе въ своихъ опредѣленіяхъ, такъ какъ обращеніе его къ попечителю, минуя директора, противно генеральному регламенту и указу 31-го марта 1766 года о сношеніяхъ съ начальствомъ подчиненныхъ лицъ и учрежденій; б) предписать тому же совѣту, что бы онъ своевременно представлялъ о предстоящихъ экзаменахъ какъ попечителю, такъ и университетскому совѣту, притомъ „не сообщеніями, а руководствуясь формою, законами постановленною“; в) предписать совѣту гимназіи, что бъ онъ на будущее время „о всѣхъ дѣлахъ по учебной части представлялъ совѣту университета, а о хозяйственныхъ и судныхъ—въ университетское правленіе“.

Принявъ эти заключенія комитета въ засѣданіи своемъ отъ 20-го декабря 1815 года и сообщивъ ихъ совѣту гимназіи къ руководству, совѣтъ университета тѣмъ самымъ разрѣшалъ щекотливый, еще въ ноябрѣ предшествовавшаго года поднятый, вопросъ объ отношеніяхъ казанской гимназіи къ университету. Этотъ вопросъ разрѣшался, такимъ образомъ, въ сторону полнаго подчиненія гимназіи университету. Признавъ въ своемъ мнѣніи побужденія, руководившія въ этомъ конфликтѣ директоромъ, клонившимися къ пользѣ дѣла, комитетъ не одобрилъ, однако же, упрощенной формы, въ которую облекъ Яковкинъ свои замѣчанія, и поставилъ ему на видъ, что бы онъ „по всѣмъ дѣламъ гимназіи руко-

17

женія о казанской гимназіи, совѣтъ проситъ попечителя „опредѣлить мѣру директорской власти въ рѣшительныхъ своихъ постановленіяхъ“.

Салтыковъ препроводилъ этотъ рапортъ на заключеніе совѣта университета, предложивъ ему сдѣлать гимназическому совѣту указаніе, что бы тотъ „во всѣхъ дѣлахъ по учебной части представлялъ совѣту университета, а о хозяйственныхъ и судныхъ—въ правленіе“, причемъ высказалъ, съ своей стороны, мнѣніе, что „г. директоръ упомянутыя замѣчанія въ такомъ видѣ совѣту гимназіи, какъ они писаны, писать не долженъ“. Въ засѣданіи 15-го декабря совѣтъ университета поручилъ разсмотрѣніе всего этого столкновенія особому комитету изъ профессоровъ Солнцева, Бартельса и Цеплина, который уже 20-го числа представилъ ему обширное „мнѣніе“ по этому дѣлу, писанное, очевидно, университетскимъ законникомъ Солнцевымъ и снабженное обильными юридическими соображеніями и ссылками на существующія общія узаконенія. Интересно, что въ своемъ мнѣніи, всецѣло принятомъ университетскимъ совѣтомъ, комитетъ явно склонялся на сторону Яковкина, придя къ слѣдующимъ заключеніямъ: а) совѣту гимназіи рекомендовать быть въ будущемъ осмотрительнѣе въ своихъ опредѣленіяхъ, такъ какъ обращеніе его къ попечителю, минуя директора, противно генеральному регламенту и указу 31-го марта 1766 года о сношеніяхъ съ начальствомъ подчиненныхъ лицъ и учрежденій; б) предписать тому же совѣту, что бы онъ своевременно представлялъ о предстоящихъ экзаменахъ какъ попечителю, такъ и университетскому совѣту, притомъ „не сообщеніями, а руководствуясь формою, законами постановленною“; в) предписать совѣту гимназіи, что бъ онъ на будущее время „о всѣхъ дѣлахъ по учебной части представлялъ совѣту университета, а о хозяйственныхъ и судныхъ—въ университетское правленіе“.

Принявъ эти заключенія комитета въ засѣданіи своемъ отъ 20-го декабря 1815 года и сообщивъ ихъ совѣту гимназіи къ руководству, совѣтъ университета тѣмъ самымъ разрѣшалъ щекотливый, еще въ ноябрѣ предшествовавшаго года поднятый, вопросъ объ отношеніяхъ казанской гимназіи къ университету. Этотъ вопросъ разрѣшался, такимъ образомъ, въ сторону полнаго подчиненія гимназіи университету. Признавъ въ своемъ мнѣніи побужденія, руководившія въ этомъ конфликтѣ директоромъ, клонившимися къ пользѣ дѣла, комитетъ не одобрилъ, однако же, упрощенной формы, въ которую облекъ Яковкинъ свои замѣчанія, и поставилъ ему на видъ, что бы онъ „по всѣмъ дѣламъ гимназіи руко-

водствовался не только внутреннею, но и внѣшнею формою, въ законахъ постановленною [59]. Такъ окончилась эта неудачная двойная попытка эмансипироваться: со стороны директора Яковкина и гимназіи—отъ подчиненія университету, со стороны же гимназическаго совѣта—отъ чрезмѣрнаго полновластія самого директора.

Попечитель Салтыковъ, временно сложивъ съ себя въ ноябрѣ 1814 года, послѣ глубоко разстроившей его смерти жены, обязанности по управленію университетомъ и округомъ, намѣревался еще въ началѣ слѣдующаго 1815 года выѣхать изъ Казани, къ которой сталъ ощущать чувство непреодолимой антипатіи. Причины, намъ неизвѣстныя, заставили Салтыкова почти на годъ отложить это намѣреніе, которое онъ привелъ въ исполненіе лишь въ двадцатыхъ числахъ января 1816 года, извѣстивъ о томъ совѣтъ университета слѣдующимъ предложеніемъ отъ 18-го января:

„Извѣщая объ отъѣздѣ моемъ въ двадцатыхъ числахъ генваря въ С.-Петербургъ, предлагаю, до извѣщенія моего изъ сей столицы, относиться въ нужныхъ случаяхъ по дѣламъ прямо къ его сіятельству г. министру просвѣщенія. Господинъ профессоръ Кондыревъ адресованныя на мое имя касательно университета бумаги, какія онъ по отъѣздѣ моемъ получитъ въ мою канцелярію, сообщитъ совѣту или правленію, а равно, для свѣдѣнія, и разныя извѣстія о моихъ представленіяхъ г. министру касательно университета и его учебнаго округа. О чемъ извѣстить правленіе и училищный комитетъ“.

Изъ послѣдовавшаго затѣмъ представленія совѣта министру (отъ 24-го числа), мы узнаемъ, что попечитель выѣхалъ изъ Казани въ С.-Петербургъ 20-го января 1816 года. Отъѣздъ этотъ былъ разсчитанъ на срокъ весьма неопредѣленный, такъ какъ Салтыковъ поднялся изъ Казани всѣмъ домомъ, взявъ съ собою обоихъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ, сына Михаила и дочь Софью; для надзора же „за нѣкоторыми оставшимися пожитками“ имъ помѣщенъ былъ въ нѣсколькихъ комнатахъ попечительской квартиры И. М. Симоновъ [60]. Во всякомъ случаѣ, Салтыковъ намѣревался возвратиться въ Казань не скоро: „Когда сынъ мой достигнетъ четырнадцатилѣтняго возраста,—писалъ онъ Броннеру изъ столицы,—я его привезу въ Казань, для окончанія образованія въ мѣстномъ университетѣ; таковъ мой планъ, если только обстоятельства его не разстроятъ“ (Бр. 325—326).

водствовался не только внутреннею, но и внѣшнею формою, въ законахъ постановленною [59]. Такъ окончилась эта неудачная двойная попытка эмансипироваться: со стороны директора Яковкина и гимназіи—отъ подчиненія университету, со стороны же гимназическаго совѣта—отъ чрезмѣрнаго полновластія самого директора.

Попечитель Салтыковъ, временно сложивъ съ себя въ ноябрѣ 1814 года, послѣ глубоко разстроившей его смерти жены, обязанности по управленію университетомъ и округомъ, намѣревался еще въ началѣ слѣдующаго 1815 года выѣхать изъ Казани, къ которой сталъ ощущать чувство непреодолимой антипатіи. Причины, намъ неизвѣстныя, заставили Салтыкова почти на годъ отложить это намѣреніе, которое онъ привелъ въ исполненіе лишь въ двадцатыхъ числахъ января 1816 года, извѣстивъ о томъ совѣтъ университета слѣдующимъ предложеніемъ отъ 18-го января:

> „Извѣщая объ отъѣздѣ моемъ въ двадцатыхъ числахъ генваря въ С.-Петербургъ, предлагаю, до извѣщенія моего изъ сей столицы, относиться въ нужныхъ случаяхъ по дѣламъ прямо къ его сіятельству г. министру просвѣщенія. Господинъ профессоръ Кондыревъ адресованныя на мое имя касательно университета бумаги, какія онъ по отъѣздѣ моемъ получитъ въ мою канцелярію, сообщитъ совѣту или правленію, а равно, для свѣдѣнія, и разныя извѣстія о моихъ представленіяхъ г. министру касательно университета и его учебнаго округа. О чемъ извѣстить правленіе и училищный комитетъ".

Изъ послѣдовавшаго затѣмъ представленія совѣта министру (отъ 24-го числа), мы узнаемъ, что попечитель выѣхалъ изъ Казани въ С.-Петербургъ 20-го января 1816 года. Отъѣздъ этотъ былъ разсчитанъ на срокъ весьма неопредѣленный, такъ какъ Салтыковъ поднялся изъ Казани всѣмъ домомъ, взявъ съ собою обоихъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ, сына Михаила и дочь Софью; для надзора же „за нѣкоторыми оставшимися пожитками" имъ помѣщенъ былъ въ нѣсколькихъ комнатахъ попечительской квартиры И. М. Симоновъ [60]. Во всякомъ случаѣ, Салтыковъ намѣревался возвратиться въ Казань не скоро: „Когда сынъ мой достигнетъ четырнадцатилѣтняго возраста,—писалъ онъ Броннеру изъ столицы,—я его привезу въ Казань, для окончанія образованія въ мѣстномъ университетѣ; таковъ мой планъ, если только обстоятельства его не разстроятъ" (Бр. 325—326).

Отъѣздомъ въ Петербургъ открывается вторая эпоха попечительства Салтыкова, характеризующаяся прогрессивнымъ развитіемъ въ немъ чувства апатіи и отвращенія и къ Казани, и къ казанскимъ отношеніямъ, и къ задачамъ своей дѣятельности,—апатіи, которая стала обнаруживаться въ немъ уже съ конца 1814 года. Только на два года (1813—1814 года) досталo, такимъ образомъ, у Салтыкова и энергіи и доброй воли для занятія дѣлами университета и округа. Съ другой стороны, въ эту вторую половину его попечительства, все болѣе и болѣе охватываютъ Салтыкова разочарованно-мизантропическое настроеніе и утрата имъ вѣры и въ людей, и въ свое дѣло, которыя съ такою силою проявляются въ его петербургской перепискѣ съ проф. Броннеромъ, относящейся къ 1816 и къ началу 1817 года *.

Отъѣздъ изъ Казани Салтыкова глубоко опечалилъ Броннера, сдѣлавшагося своимъ человѣкомъ въ домѣ попечителя. Да и не весело жилось въ зиму 1815—1816 года въ городѣ, разоренномъ страшною катастрофою 3-го сентября. Выражая въ своемъ первомъ по отъѣздѣ попечителя письмѣ къ нему (отъ 13-го марта) радость по поводу благополучнаго прибытія его въ Петербургъ и благосклоннаго пріема, встрѣченнаго имъ при дворѣ, Броннеръ жалуется Салтыкову на условія казанской жизни:

„Разоренный городъ отказался даже отъ обычныхъ масляничныхъ увеселеній; господинъ Гедлеръ **, устроитель маскарадовъ въ домѣ дворянскаго собранія, горько сѣтуетъ на убытки, такъ какъ у него не было и сотни масокъ взамѣнъ восьмисотъ, которыя насчитывались въ прежніе годы. Мы только и живемъ новостями, достигающими къ намъ изъ столицы.... Дай Богъ, что бы ваше превосходительство, почувствовавъ удовлетвореніе во всѣхъ желаніяхъ, не раздумали снова вернуться къ намъ, побѣдивъ чувство отвращенія (vainquant l'aversion) къ этому несчастному городу—стремленіемъ продолжать быть намъ полезнымъ.... День вашего возвращенія будетъ для меня истиннымъ праздникомъ. Со дня вашего отъѣзда я не слышу ни звука музыки, и съ точки зрѣнія моей страсти къ ней чувствую себя живущимъ какъ бы среди ирокезовъ.... Мы живемъ здѣсь, окруженные цѣлыми холмами снѣговъ: снѣжные сугробы достигаютъ половины оконъ нижняго этажа вашей квартиры; садовые заборы совершенно занесены ими. Пока крыши зданій будутъ защищены снѣгомъ, мы гарантированы противъ повторенія катастрофы 3-го сентября, но что ожидаетъ насъ въ будущемъ—это извѣстно одному Богу“ (Бр. 303—305).

* См. извлеченія изъ этой переписки въ томѣ I, стр. 409—412.

** Экономъ дворянскаго собранія и популярный казанскій рестораторъ того времени.

Отъѣздомъ въ Петербургъ открывается вторая эпоха попечительства Салтыкова, характеризующаяся прогрессивнымъ развитіемъ въ немъ чувства апатіи и отвращенія и къ Казани, и къ казанскимъ отношеніямъ, и къ задачамъ своей дѣятельности,—апатіи, которая стала обнаруживаться въ немъ уже съ конца 1814 года. Только на два года (1813—1814 года) достало, такимъ образомъ, у Салтыкова и энергіи и доброй воли для занятія дѣлами университета и округа. Съ другой стороны, въ эту вторую половину его попечительства, все болѣе и болѣе охватываютъ Салтыкова разочарованно-мизантропическое настроеніе и утрата имъ вѣры и въ людей, и въ свое дѣло, которыя съ такою силою проявляются въ его петербургской перепискѣ съ проф. Броннеромъ, относящейся къ 1816 и къ началу 1817 года *.

Отъѣздъ изъ Казани Салтыкова глубоко опечалилъ Броннера, сдѣлавшагося своимъ человѣкомъ въ домѣ попечителя. Да и не весело жилось въ зиму 1815—1816 года въ городѣ, разоренномъ страшною катастрофою 3-го сентября. Выражая въ своемъ первомъ по отъѣздѣ попечителя письмѣ къ нему (отъ 13-го марта) радость по поводу благополучнаго прибытія его въ Петербургъ и благосклоннаго пріема, встрѣченнаго имъ при дворѣ, Броннеръ жалуется Салтыкову на условія казанской жизни:

„Разоренный городъ отказался даже отъ обычныхъ масляничныхъ увеселеній; господинъ Гедлеръ **, устроитель маскарадовъ въ домѣ дворянскаго собранія, горько сѣтуетъ на убытки, такъ какъ у него не было и сотни масокъ взамѣнъ восьмисотъ, которыя насчитывались въ прежніе годы. Мы только и живемъ новостями, достигающими къ намъ изъ столицы.... Дай Богъ, что бы ваше превосходительство, почувствовавъ удовлетвореніе во всѣхъ желаніяхъ, не раздумали снова вернуться къ намъ, побѣдивъ чувство отвращенія (vainquant l'aversion) къ этому несчастному городу—стремленіемъ продолжать быть намъ полезнымъ.... День вашего возвращенія будетъ для меня истиннымъ праздникомъ. Со дня вашего отъѣзда я не слышу ни звука музыки, и съ точки зрѣнія моей страсти къ ней чувствую себя живущимъ какъ бы среди ирокезовъ.... Мы живемъ здѣсь, окруженные цѣлыми холмами снѣговъ: снѣжные сугробы достигаютъ половины оконъ нижняго этажа вашей квартиры; садовые заборы совершенно занесены ими. Пока крыши зданій будутъ защищены снѣгомъ, мы гарантированы противъ повторенія катастрофы 3-го сентября, но что ожидаетъ насъ въ будущемъ—это извѣстно одному Богу“ (Бр. 303—305).

* См. извлеченія изъ этой переписки въ томѣ I, стр. 409—412.

** Экономъ дворянскаго собранія и популярный казанскій ресторатор того времени.

Наступалъ конецъ года—между тѣмъ о возвращеніи Салтыкова въ Казань все еще ничего не было извѣстно: „Вы, быть можетъ, уже совершенно отреклись и отъ нашей скабрёзной Казани, и отъ дальнѣйшихъ попеченій о вашихъ подчиненныхъ?"—уже не безъ затаеннаго упрека вопрошалъ Броннеръ Салтыкова, принося ему свои пожеланія съ новымъ 1817 годомъ (Бр. 351). И самъ попечитель нисколько не скрывалъ, впрочемъ, своего нерасположенія къ Казани: „Я отдаляю отъ себя, насколько представляется это возможнымъ, моментъ вступленія моего въ должность и возвращенія въ Казань,—писалъ онъ Броннеру въ сентябрѣ 1816 года.—Я предвижу тысячу непріятностей, которыя сдѣлаютъ для меня еще болѣе ненавистнымъ (encore plus odieux) пребываніе въ этомъ городѣ; здѣсь я сознаю себя, все таки, хотя нѣсколько независимымъ" (Бр. 334).

Переселившись въ Петербургъ, Салтыковъ создалъ себѣ здѣсь весьма своеобразное служебное положеніе, совершенно аналогичное тому, какое занималъ онъ и въ Казани съ ноября 1814 года по сентябрь 1815 года:

> „Я исходатайствовалъ себѣ у министра разрѣшеніе не вступать въ дѣла до самаго возвращенія моего въ Казань,—пишетъ онъ Броннеру отъ 11-го сентября 1816 года,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ потребуетъ моего мнѣнія или же когда возникнетъ вопросъ, по которому посредничество мое явится безусловно необходимымъ въ силу устава. Это нисколько не препятствуетъ мнѣ,—утѣшаетъ онъ Броннера,—заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ мнѣ учрежденій и входить по этому поводу къ министру съ соотвѣтствующими представленіями" (Бр. 333—334).

Создалось и на этотъ разъ то же неудобство, которое давало себя чувствовать и въ Казани: считая себя устраненнымъ отъ непосредственнаго участія въ управленіи университетомъ и округомъ, Салтыковъ вмѣшивался въ дѣла университета въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ это для себя интереснымъ и желательнымъ,—почва, на которой, какъ мы это ниже увидимъ, создался рядъ конфликтовъ, рѣзко обострившихъ взаимныя отношенія между попечителемъ и университетскимъ совѣтомъ, съ ректоромъ Брауномъ во главѣ. Такое анормальное положеніе вещей съ формальной стороны оправдывалось Салтыковымъ отсутствіемъ въ его распоряженіи средствъ на содержаніе канцеляріи: „Я заявилъ князю Голицыну (новому министру),—пишетъ онъ въ концѣ октября,—что я не буду имѣть возможности вступить въ отправленіе должности до тѣхъ поръ, пока мнѣ не предоставятъ средства на канцелярію. Моя переписка—громадна; я съ нею не справляюсь и мнѣ необходимы секретарь и нѣсколько писцовъ. Вопросъ

Наступалъ конецъ года—между тѣмъ о возвращеніи Салтыкова въ Казань все еще ничего не было извѣстно: „Вы, быть можетъ, уже совершенно отреклись и отъ нашей скабрёзной Казани, и отъ дальнѣйшихъ попеченій о вашихъ подчиненныхъ?"—уже не безъ затаеннаго упрека вопрошалъ Броннеръ Салтыкова, принося ему свои пожеланія съ новымъ 1817 годомъ (Бр. 351). И самъ попечитель нисколько не скрывалъ, впрочемъ, своего нерасположенія къ Казани: „Я отдаляю отъ себя, насколько представляется это возможнымъ, моментъ вступленія моего въ должность и возвращенія въ Казань,—писалъ онъ Броннеру въ сентябрѣ 1816 года.—Я предвижу тысячу непріятностей, которыя сдѣлаютъ для меня еще болѣе ненавистнымъ (encore plus odieux) пребываніе въ этомъ городѣ; здѣсь я сознаю себя, все таки, хотя нѣсколько независимымъ" (Бр. 334).

Переселившись въ Петербургъ, Салтыковъ создалъ себѣ здѣсь весьма своеобразное служебное положеніе, совершенно аналогичное тому, какое занималъ онъ и въ Казани съ ноября 1814 года по сентябрь 1815 года:

> „Я исходатайствовалъ себѣ у министра разрѣшеніе не вступать въ дѣла до самаго возвращенія моего въ Казань,—пишетъ онъ Броннеру отъ 11-го сентября 1816 года,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ потребуетъ моего мнѣнія или же когда возникнетъ вопросъ, по которому посредничество мое явится безусловно необходимымъ въ силу устава. Это нисколько не препятствуетъ мнѣ,—утѣшаетъ онъ Броннера,—заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ мнѣ учрежденій и входить по этому поводу къ министру съ соотвѣтствующими представленіями" (Бр. 333—334).

Создалось и на этотъ разъ то же неудобство, которое давало себя чувствовать и въ Казани: считая себя устраненнымъ отъ непосредственнаго участія въ управленіи университетомъ и округомъ, Салтыковъ вмѣшивался въ дѣла университета въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ это для себя интереснымъ и желательнымъ,—почва, на которой, какъ мы это ниже увидимъ, создался рядъ конфликтовъ, рѣзко обострившихъ взаимныя отношенія между попечителемъ и университетскимъ совѣтомъ, съ ректоромъ Брауномъ во главѣ. Такое анормальное положеніе вещей съ формальной стороны оправдывалось Салтыковымъ отсутствіемъ въ его распоряженіи средствъ на содержаніе канцеляріи: „Я заявилъ князю Голицину (новому министру),—пишетъ онъ въ концѣ октября,—что я не буду имѣть возможности вступить въ отправленіе должности до тѣхъ поръ, пока мнѣ не предоставятъ средства на канцелярію. Моя переписка—громадна; я съ нею не справляюсь и мнѣ необходимы секретарь и нѣсколько писцовъ. Вопросъ

объ этомъ долженъ разрѣшиться въ январѣ (1817 года); какъ только добьюсь требуемаго—тронусь въ обратный путь“ (Бр. 345).

Едва ли въ однихъ только канцелярскихъ затрудненіяхъ заключалась истинная причина охлажденія къ дѣламъ, овладѣвшая Салтыковымъ уже съ конца 1814 года, и теперь, въ Петербургѣ, дававшая чувствовать себя еще настойчивѣе, возбуждая серьезныя опасенія въ честномъ Броннерѣ, съ чисто отеческою любовью рѣшавшагося даже поучать, на этой почвѣ, своего сановнаго друга. Несомнѣнно, что не послѣднюю роль играла въ данномъ случаѣ и своего рода „обломовщина“, столь присущая многимъ русскимъ натурамъ, далеко не бывшая чуждою и казанскому попечителю. Въ маѣ 1816 года Салтыковъ сообщилъ Броннеру, что онъ рѣшился лично составлять бумаги (minuter les papiers), исходящія отъ него, какъ попечителя округа:

„Ваша рѣшимость достойна самой высокой похвалы,—одобрялъ его Броннеръ въ письмѣ отъ 10-го іюня.—И въ самомъ дѣлѣ: если вы предоставите писцу однѣ только мелкія работы, сами же лично станете составлять всѣ бумаги, въ необходимыхъ случаяхъ прислушиваясь къ мнѣніямъ опытныхъ людей и строго сообразовывая вашу дѣятельность съ существующими законами—вы получите возможность вести дѣла, руководствуясь здравымъ смысломъ, безъ предубѣжденій и пристрастности, съ точнымъ знаніемъ истиннаго положенія вещей. Поступая такъ, вы завоюете себѣ всеобщее уваженіе, утвердите свой авторитетъ, будете довольны и самимъ собою и вашимъ постомъ, который является, по-истинѣ, однимъ изъ наиболѣе почетныхъ.... Я увѣренъ даже въ томъ, что та легкость, какую вы встрѣтите въ этой работѣ, втянетъ васъ во вкусъ личнаго веденія дѣлъ по ввѣренному вамъ управленію“ (Бр. 320—321).

Въ отвѣтномъ письмѣ Салтыковъ благодаритъ Броннера за дружески высказанную ему правду:

„Я надѣюсь,—пишетъ онъ,—что заслужилъ ваше довѣріе, равно какъ и вы заслужили таковое же съ моей стороны. Не скрывайте же отъ меня никогда правды, которая такъ необходима мнѣ. Меня долго обманывали—и для меня настала пора раскрыть глаза. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я собственноручно набрасываю всѣ черновики бумагъ. Для меня достаточнымъ оказывается теперь одного писца для переписки ихъ набѣло. Сознаюсь, тѣмъ не менѣе, что это обязанность—очень скучная. Я охотно предпочелъ бы ей наиболѣе любимыя занятія: чтеніе, переводы, различное бумагомараніе,—сладостныя увлеченія моей юности!“ (Бр. 325).

объ этомъ долженъ разрѣшиться въ январѣ (1817 года); какъ только добьюсь требуемаго—тронусь въ обратный путь“ (Бр. 345).

Едва ли въ однихъ только канцелярскихъ затрудненіяхъ заключалась истинная причина охлажденія къ дѣламъ, овладѣвшая Салтыковымъ уже съ конца 1814 года, и теперь, въ Петербургѣ, дававшая чувствовать себя еще настойчивѣе, возбуждая серьезныя опасенія въ честномъ Броннерѣ, съ чисто отеческою любовью рѣшавшагося даже поучать, на этой почвѣ, своего сановнаго друга. Несомнѣнно, что не послѣднюю роль играла въ данномъ случаѣ и своего рода „обломовщина“, столь присущая многимъ русскимъ натурамъ, далеко не бывшая чуждою и казанскому попечителю. Въ маѣ 1816 года Салтыковъ сообщилъ Броннеру, что онъ рѣшился лично составлять бумаги (minuter les papiers), исходящія отъ него, какъ попечителя округа:

„Ваша рѣшимость достойна самой высокой похвалы,—одобрялъ его Броннеръ въ письмѣ отъ 10-го іюня.—И въ самомъ дѣлѣ: если вы предоставите писцу однѣ только мелкія работы, сами же лично станете составлять всѣ бумаги, въ необходимыхъ случаяхъ прислушиваясь къ мнѣніямъ опытныхъ людей и строго сообразовывая вашу дѣятельность съ существующими законами—вы получите возможность вести дѣла, руководствуясь здравымъ смысломъ, безъ предубѣжденій и пристрастности, съ точнымъ знаніемъ истиннаго положенія вещей. Поступая такъ, вы завоюете себѣ всеобщее уваженіе, утвердите свой авторитетъ, будете довольны и самимъ собою и вашимъ постомъ, который является, по-истинѣ, однимъ изъ наиболѣе почетныхъ.... Я увѣренъ даже въ томъ, что та легкость, какую вы встрѣтите въ этой работѣ, втянетъ васъ во вкусъ личнаго веденія дѣлъ по ввѣренному вамъ управленію“ (Бр. 320—321).

Въ отвѣтномъ письмѣ Салтыковъ благодаритъ Броннера за дружески высказанную ему правду:

„Я надѣюсь,—пишетъ онъ,—что заслужилъ ваше довѣріе, равно какъ и вы заслужили таковое же съ моей стороны. Не скрывайте же отъ меня никогда правды, которая такъ необходима мнѣ. Меня долго обманывали—и для меня настала пора раскрыть глаза. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я собственноручно набрасываю всѣ черновики бумагъ. Для меня достаточнымъ оказывается теперь одного писца для переписки ихъ набѣло. Сознаюсь, тѣмъ не менѣе, что это обязанность—очень скучная. Я охотно предпочелъ бы ей наиболѣе любимыя занятія: чтеніе, переводы, различное бумагомараніе,—сладостныя увлеченія моей юности!“ (Бр. 325).

Не на долго хватило Салтыкову этого временнаго трудового увлеченія: уже осенью того же года онъ ставитъ, какъ мы это только что видѣли, условіемъ вступленія въ отправленіе должности предоставленіе ему цѣлаго штата канцелярскихъ чиновъ. Апатичное состояніе духа попечителя все болѣе и болѣе тревожило Броннера, считавшаго положительно спасительнымъ скорѣйшее возвращеніе его въ Казань: „Скоро установится зимній путь,—пишетъ онъ Салтыкову въ концѣ осени,—и ваше превосходительство подумаете, быть можетъ, о возвращеніи въ Казань; много недоразумѣній исчезнутъ сами собою, если возможнымъ явится столковаться здѣсь, на мѣстѣ“ (Бр. 342). Ожиданія Броннера не оправдывались: не возвращался попечитель въ Казань, не возвращался онъ и къ дѣламъ по округу— и овладѣвшее старикомъ чувство безнадежности рѣзко отлилось въ его письмѣ къ академику Фуссу, писанномъ въ началѣ декабря 1816 года: „Господинъ попечитель не любитъ заниматься дѣлами,—жалуется здѣсь Броннеръ,—да и мало въ нихъ свѣдущъ; русскіе (die einheimischen) льстецы и интриганы до того овладѣли его довѣріемъ, что онъ пошелъ на мировую даже съ Яковкинымъ“ (Бр. 411—412).

Попутно брошенное Броннеромъ, въ письмѣ къ Фуссу, замѣчаніе о „русскихъ льстецахъ и интриганахъ“, завладѣвшихъ довѣріемъ Салтыкова—не было случайною фразою подъ перомъ дальновиднаго казанскаго профессора. Если, послѣ неудачныхъ попытокъ сойтись съ новымъ попечителемъ, Яковкинъ еще въ 1813 году отказался отъ надежды занять при Салтыковѣ такое же вліятельное положеніе, какое занималъ онъ до того при Румовскомъ, а послѣ полнаго открытія университета и вовсе отстранился отъ университетскихъ дѣлъ, то новый искатель нашелся при Салтыковѣ въ лицѣ ближайшаго ученика и любимца Яковкина — профессора П. С. Кондырева. Мы уже знаемъ изъ переписки Броннера съ академикомъ Фуссомъ, что Кондыревъ предпринимаетъ попытку создать себѣ вліяніе на дѣла округа тотчасъ же послѣ перваго пріѣзда Салтыкова въ Казань: входитъ въ дружбу съ попечительскимъ секретаремъ Гёрке, помогаетъ ему оріентироваться въ текущихъ дѣлахъ, интригуетъ и, въ концѣ концовъ, распоряжается въ канцеляріи попечителя, какъ у себя дома (Бр. 404). Войдя затѣмъ въ довѣріе къ попечителю, Кондыревъ въ теченіи всего 1815 года несетъ обязанности правителя попечительской канцеляріи; уѣзжая въ началѣ января 1816 года въ Петербургъ, Салтыковъ дѣлаетъ Кондырева посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ университетомъ.

Положеніе, занятое Кондыревымъ при попечителѣ округа было, конечно, очень на-руку русской партіи совѣта, но оно было далеко не въ

Не на долго хватило Салтыкову этого временнаго трудового увлеченія: уже осенью того же года онъ ставитъ, какъ мы это только что видѣли, условіемъ вступленія въ отправленіе должности предоставленіе ему цѣлаго штата канцелярскихъ чиновъ. Апатичное состояніе духа попечителя все болѣе и болѣе тревожило Броннера, считавшаго положительно спасительнымъ скорѣйшее возвращеніе его въ Казань: „Скоро установится зимній путь,—пишетъ онъ Салтыкову въ концѣ осени,—и ваше превосходительство подумаете, быть можетъ, о возвращеніи въ Казань; много недоразумѣній исчезнутъ сами собою, если возможнымъ явится столковаться здѣсь, на мѣстѣ" (Бр. 342). Ожиданія Броннера не оправдывались: не возвращался попечитель въ Казань, не возвращался онъ и къ дѣламъ по округу— и овладѣвшее старикомъ чувство безнадежности рѣзко отлилось въ его письмѣ къ академику Фуссу, писанномъ въ началѣ декабря 1816 года: „Господинъ попечитель не любитъ заниматься дѣлами,—жалуется здѣсь Броннеръ,—да и мало въ нихъ свѣдущъ; русскіе (die einheimischen) льстецы и интриганы до того овладѣли его довѣріемъ, что онъ пошелъ на мировую даже съ Яковкинымъ" (Бр. 411—412).

Попутно брошенное Броннеромъ, въ письмѣ къ Фуссу, замѣчаніе о „русскихъ льстецахъ и интриганахъ", завладѣвшихъ довѣріемъ Салтыкова—не было случайною фразою подъ перомъ дальновиднаго казанскаго профессора. Если, послѣ неудачныхъ попытокъ сойтись съ новымъ попечителемъ, Яковкинъ еще въ 1813 году отказался отъ надежды занять при Салтыковѣ такое же вліятельное положеніе, какое занималъ онъ до того при Румовскомъ, а послѣ полнаго открытія университета и вовсе отстранился отъ университетскихъ дѣлъ, то новый искатель нашелся при Салтыковѣ въ лицѣ ближайшаго ученика и любимца Яковкина — профессора П. С. Кондырева. Мы уже знаемъ изъ переписки Броннера съ академикомъ Фуссомъ, что Кондыревъ предпринимаетъ попытку создать себѣ вліяніе на дѣла округа тотчасъ же послѣ перваго пріѣзда Салтыкова въ Казань: входитъ въ дружбу съ попечительскимъ секретаремъ Гёрке, помогаетъ ему оріентироваться въ текущихъ дѣлахъ, интригуетъ и, въ концѣ концовъ, распоряжается въ канцеляріи попечителя, какъ у себя дома (Бр. 404). Войдя затѣмъ въ довѣріе къ попечителю, Кондыревъ въ теченіи всего 1815 года несетъ обязанности правителя попечительской канцеляріи; уѣзжая въ началѣ января 1816 года въ Петербургъ, Салтыковъ дѣлаетъ Кондырева посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ университетомъ.

Положеніе, занятое Кондыревымъ при попечителѣ округа было, конечно, очень на-руку русской партіи совѣта, но оно было далеко не въ

интересахъ нѣмецкой его партіи, противъ которой исподволь возстановлялъ Салтыкова хитрый и ловкій приспѣшникъ Яковкина. Въ концѣ 1816 года, въ письмѣ своемъ къ Фуссу отъ 6-го декабря, именно Кондырева разумѣетъ Броннеръ во главѣ „русскихъ льстецовъ и интригановъ", внушающихъ попечителю ненависть къ нѣмецкимъ профессорамъ. Мы имѣемъ свидѣтельство самого Салтыкова о томъ, что Кондыревъ продолжалъ письменныя сношенія съ нимъ и послѣ отъѣзда попечителя изъ Казани въ январѣ 1816 года, хотя до насъ и не сохранилось, къ сожалѣнію, никакихъ остатковъ этой переписки, которая могла бы намъ многое освѣтить въ отношеніяхъ Салтыкова къ университету. Это нисколько и не представляется, впрочемъ, удивительнымъ: Кондыревъ былъ слишкомъ остороженъ для того, что бы сохранять вещественные слѣды этой переписки и мы знаемъ, какъ возмутила его наличность среди архивныхъ дѣлъ частной переписки Яковкина съ Румовскимъ, по его настоянію едва не подвергнувшейся весною 1816 года ауто-да-фе. Хвалился и самъ Салтыковъ тѣмъ, что сжегъ письма своего предмѣстника Румовскаго—и если сохранилась до нашихъ дней переписка его съ Броннеромъ, то мы обязаны этимъ предусмотрительной аккуратности этого послѣдняго, тщательно сберегавшаго какъ письма къ нему попечителя, такъ и черновики своихъ писемъ къ нему.

Сближеніе Салтыкова съ Кондыревымъ не могло не волновать Броннера и старанія парализовать послѣдствія этого сближенія даютъ себя видѣть уже въ первыхъ письмахъ его къ попечителю, относящихся еще къ веснѣ 1816 года:

„Ваше открытое и чистое сердце легко привязывается къ людямъ, васъ окружающимъ, даже къ разнаго рода Гёрке, Арнгольдтамъ и Кондыревымъ,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 24-го апрѣля.—Вамъ необходимъ близкій сотрудникъ въ дѣлахъ и вы, своимъ довѣріемъ, слишкомъ дорого оплачиваете приносимый имъ трудъ.... Вы и теперь готовы броситься въ объятія людей, которые уже во всякомъ случаѣ окажутся не такими простаками (ne sont pas si balourds), какъ тѣ люди, которые не имѣютъ счастья вамъ нравиться *; людей, которые никогда,—ни съ точки зрѣнія своей честности, ни съ точки зрѣнія искренности ихъ привязанности,—не помогутъ вамъ достигнуть желанной цѣли. Господинъ Румовскій,—человѣкъ, убѣленный жизненнымъ опытомъ,—изнывалъ въ цѣпяхъ, скованныхъ ему подобными людьми и не въ состояніи былъ выйти изъ заколдованнаго круга разставлен-

* Намекъ на ректора Брауна и профессоровъ нѣмецкой партіи.

интересахъ нѣмецкой его партіи, противъ которой исподволь возстановлялъ Салтыкова хитрый и ловкій приспѣшникъ Яковкина. Въ концѣ 1816 года, въ письмѣ своемъ къ Фуссу отъ 6-го декабря, именно Кондырева разумѣетъ Броннеръ во главѣ „русскихъ льстецовъ и интригановъ", внушающихъ попечителю ненависть къ нѣмецкимъ профессорамъ. Мы имѣемъ свидѣтельство самого Салтыкова о томъ, что Кондыревъ продолжалъ письменныя сношенія съ нимъ и послѣ отъѣзда попечителя изъ Казани въ январѣ 1816 года, хотя до насъ и не сохранилось, къ сожалѣнію, никакихъ остатковъ этой переписки, которая могла бы намъ многое освѣтить въ отношеніяхъ Салтыкова къ университету. Это нисколько и не представляется, впрочемъ, удивительнымъ: Кондыревъ былъ слишкомъ остороженъ для того, что бы сохранять вещественные слѣды этой переписки и мы знаемъ, какъ возмутила его наличность среди архивныхъ дѣлъ частной переписки Яковкина съ Румовскимъ, по его настоянію едва не подвергнувшейся весною 1816 года ауто-да-фе. Хвалился и самъ Салтыковъ тѣмъ, что сжегъ письма своего предмѣстника Румовскаго—и если сохранилась до нашихъ дней переписка его съ Броннеромъ, то мы обязаны этимъ предусмотрительной аккуратности этого послѣдняго, тщательно сберегавшаго какъ письма къ нему попечителя, такъ и черновики своихъ писемъ къ нему.

Сближеніе Салтыкова съ Кондыревымъ не могло не волновать Броннера и старанія парализовать послѣдствія этого сближенія даютъ себя видѣть уже въ первыхъ письмахъ его къ попечителю, относящихся еще къ веснѣ 1816 года:

> „Ваше открытое и чистое сердце легко привязывается къ людямъ, васъ окружающимъ, даже къ разнаго рода Гёрке, Арнгольдтамъ и Кондыревымъ,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 24-го апрѣля.—Вамъ необходимъ близкій сотрудникъ въ дѣлахъ и вы, своимъ довѣріемъ, слишкомъ дорого оплачиваете приносимый имъ трудъ.... Вы и теперь готовы броситься въ объятія людей, которые уже во всякомъ случаѣ окажутся не такими простаками (ne sont pas si balourds), какъ тѣ люди, которые не имѣютъ счастья вамъ нравиться *; людей, которые никогда,—ни съ точки зрѣнія своей честности, ни съ точки зрѣнія искренности ихъ привязанности,—не помогутъ вамъ достигнуть желанной цѣли. Господинъ Румовскій,—человѣкъ, убѣленный жизненнымъ опытомъ,—изнывалъ въ цѣпяхъ, скованныхъ ему подобными людьми и не въ состояніи былъ выйти изъ заколдованнаго круга разставлен-

---

* Намекъ на ректора Брауна и профессоровъ нѣмецкой партіи.

ныхъ ими ковъ. Нѣтъ ига болѣе позорнаго того, которое налагается недостойными интриганами на своего начальника!“ (Бр. 309—310).

Отвѣтомъ на это то письмо Броннера и явилось письмо Салтыкова отъ 22-го мая, въ которомъ попечитель выражалъ свое намѣреніе отнынѣ лично входить во всѣ текущія дѣла. „Мнѣ пытались разставлять тенета,—пишетъ здѣсь попечитель,—и я теперь уже ученъ; пауки мнѣ хорошо извѣстны и я снова въ ихъ паутину не попадусь“ (Бр. 313). Кондыревъ не оставлялъ, однако, своихъ интригъ передъ попечителемъ; съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, ссорилъ его съ ректоромъ Брауномъ и нѣмецкою партіею совѣта, а въ началѣ осени 1816 года былъ лично въ Петербургѣ, гдѣ видался съ Салтыковымъ и на этотъ разъ уже настолько неосторожно повелъ, повидимому, свою обычную игру, что скрытыя пружины ея сдѣлались ясными даже довѣрчивому и слабовольному попечителю. Вотъ что писалъ Салтыковъ Броннеру отъ 11-го сентября въ письмѣ, доставленномъ возвратившимся изъ Петербурга самимъ же Кондыревымъ:

„Вы подозрѣваете у меня какого то фаворита. Фаворитизмъ, дѣйствительно, въ большомъ ходу у насъ, въ Россіи, и наше правительство само даетъ тому наглядное доказательство. Но кто же могъ бы онъ быть—этотъ предполагаемый фаворитъ мой? Кому суждено властвовать надо мною? Я положительно ни отъ кого не пользуюсь даже совѣтами.. Одинъ только Кондыревъ позволяетъ себѣ иногда преподавать мнѣ ихъ, считая себя болѣе опытнымъ, въ сравненіи со мною; но за то онъ является и тѣмъ единственнымъ человѣкомъ, которому я стараюсь въ каждомъ изъ своихъ писемъ давать понять, что я—не глупѣе его. Такой человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи забрать меня въ руки. Онъ слишкомъ пронырливъ (trop remuant), а люди этого сорта не внушаютъ мнѣ довѣрія. Да я и не нуждаюсь болѣе въ сотрудникѣ и руководителѣ. Особенно подозрительною дѣлаетъ Кондырева въ моихъ глазахъ его ненависть къ иностранцамъ, также точно, какъ и ненависть этихъ послѣднихъ къ русскимъ—не способна заставить меня быть добраго мнѣнія о лицахъ, питающихъ ее. Ненависть эту тщательно скрываютъ, но не на столько ловко, что бы отдѣльныя проявленія ея не могли, временами, проскальзывать наружу. Эта вражда между иностранцами и русскими слишкомъ очевидна для того, что бы существованіе ея могло быть оспариваемо“ (Бр. 333).

Объ интригахъ Кондырева мимоходомъ упоминаетъ Салтыковъ и въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ своихъ—отъ 8-го января 1817 года:

ныхъ ими ковъ. Нѣтъ ига болѣе позорнаго того, которое налагается недостойными интриганами на своего начальника!“ (Бр. 309—310).

Отвѣтомъ на это то письмо Броннера и явилось письмо Салтыкова отъ 22-го мая, въ которомъ попечитель выражалъ свое намѣреніе отнынѣ лично входить во всѣ текущія дѣла. „Мнѣ пытались разставлять тенета,— пишетъ здѣсь попечитель,—и я теперь уже ученъ; пауки мнѣ хорошо извѣстны и я снова въ ихъ паутину не попадусь“ (Бр. 313). Кондыревъ не оставлялъ, однако, своихъ интригъ передъ попечителемъ; съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, ссорилъ его съ ректоромъ Брауномъ и нѣмецкою партіею совѣта, а въ началѣ осени 1816 года былъ лично въ Петербургѣ, гдѣ видался съ Салтыковымъ и на этотъ разъ уже настолько неосторожно повелъ, повидимому, свою обычную игру, что скрытыя пружины ея сдѣлались ясными даже довѣрчивому и слабовольному попечителю. Вотъ что писалъ Салтыковъ Броннеру отъ 11-го сентября въ письмѣ, доставленномъ возвратившимся изъ Петербурга самимъ же Кондыревымъ:

„Вы подозрѣваете у меня какого то фаворита. Фаворитизмъ, дѣйствительно, въ большомъ ходу у насъ, въ Россіи, и наше правительство само даетъ тому наглядное доказательство. Но кто же могъ бы онъ быть—этотъ предполагаемый фаворитъ мой? Кому суждено властвовать надо мною? Я положительно ни отъ кого не пользуюсь даже совѣтами.. Одинъ только Кондыревъ позволяетъ себѣ иногда преподавать мнѣ ихъ, считая себя болѣе опытнымъ, въ сравненіи со мною; но за то онъ является и тѣмъ единственнымъ человѣкомъ, которому я стараюсь въ каждомъ изъ своихъ писемъ давать понять, что я—не глупѣе его. Такой человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи забрать меня въ руки. Онъ слишкомъ проныrливъ (trop remuant), а люди этого сорта не внушаютъ мнѣ довѣрія. Да я и не нуждаюсь болѣе въ сотрудникѣ и руководителѣ. Особенно подозрительною дѣлаетъ Кондырева въ моихъ глазахъ его ненависть къ иностранцамъ, также точно, какъ и ненависть этихъ послѣднихъ къ русскимъ—не способна заставить меня быть добраго мнѣнія о лицахъ, питающихъ ее. Ненависть эту тщательно скрываютъ, но не на столько ловко, что бы отдѣльныя проявленія ея не могли, временами, проскальзывать наружу. Эта вражда между иностранцами и русскими слишкомъ очевидна для того, что бы существованіе ея могло быть оспариваемо“ (Бр. 333).

Объ интригахъ Кондырева мимоходомъ упоминаетъ Салтыковъ и въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ своихъ—отъ 8-го января 1817 года:

„Кондыревъ въ каждомъ изъ своихъ писемъ жалуется на преслѣдованія, которымъ онъ подвергается,—пишетъ Салтыковъ Броннеру, затрогивая вопросъ о вѣроятномъ оставленіи имъ должности попечителя.—Я ничего ему не отвѣчаю по поводу этихъ жалобъ, но надо полагать, что въ тотъ моментъ, когда ему удастся заставить прислушиваться къ его голосу, человѣкъ этотъ ни передъ чѣмъ не остановится для того, что бы свести счеты съ людьми, которыхъ онъ считаетъ своими противниками. Возможно, что въ этомъ отношеніи онъ и достигнетъ желаемаго успѣха“ (Бр. 360).

Все изложенное нами выше съ несомнѣнною ясностью заставляетъ прійти къ тому заключенію, что борьба между русскою и нѣмецкою партіями казанскаго университета, которая открыто велась въ университетскомъ совѣтѣ и на почвѣ казанскихъ отношеній, скрытно велась и въ интимной перепискѣ съ попечителемъ, съ одной стороны—Кондыревымъ (Салтыковъ, какъ мы это только что видѣли, упоминаетъ совершенно опредѣленно объ этой, къ сожалѣнію не дошедшей до насъ, перепискѣ), съ другой стороны—Броннеромъ. На сторонѣ перваго находились пронырливость, хитрость и льстивая вкрадчивость, вынесенныя имъ изъ школы профессора-директора Яковкина; на сторонѣ Броннера находились прямолинейная честность и открытая сила слова и убѣжденія, глубоко вліявшія на слабовольнаго и довѣрчиваго Салтыкова. Если на долю казанскаго профессора-философа и нѐ выпала,—едва ли, впрочемъ, и достижимая,—задача возродить къ энергіи и къ новой дѣятельности впавшаго въ мизантропію и апатичное уныніе попечителя, то ему удалось въ весьма значительной степени парализовать властолюбивыя, партійныя и едва ли вполнѣ чистыя поползновенія Кондырева, въ чемъ мы и усматриваемъ почтенную заслугу Броннера. Онъ въ 1816 году принялъ на себя ту же обличительную задачу по отношенію къ Кондыреву, какую передъ полнымъ открытіемъ университета преслѣдовалъ по отношенію къ его учителю и позднѣйшему инспиратору—Яковкину.

Угнетенное состояніе духа, овладѣвшее Салтыковымъ еще въ Казани, не только не улеглось послѣ отъѣзда его отсюда, но сдѣлалось еще болѣе острымъ во время пребыванія попечителя въ столицѣ. Къ нему присоединилось здѣсь и недовольство своимъ служебнымъ положеніемъ, и чувство,—несомнѣнно преувеличенное мнительностью,—оскорбленнаго самолюбія.

Салтыковъ ставилъ себя въ положеніе человѣка, постоянно обижаемаго министерствомъ—и въ его письмахъ къ Броннеру это жгучее чувство

„Кондыревъ въ каждомъ изъ своихъ писемъ жалуется на преслѣдованія, которымъ онъ подвергается,—пишетъ Салтыковъ Броннеру, затрогивая вопросъ о вѣроятномъ оставленіи имъ должности попечителя.—Я ничего ему не отвѣчаю по поводу этихъ жалобъ, но надо полагать, что въ тотъ моментъ, когда ему удастся заставить прислушиваться къ его голосу, человѣкъ этотъ ни передъ чѣмъ не остановится для того, что бы свести счеты съ людьми, которыхъ онъ считаетъ своими противниками. Возможно, что въ этомъ отношеніи онъ и достигнетъ желаемаго успѣха“ (Бр. 360).

Все изложенное нами выше съ несомнѣнною ясностью заставляетъ прійти къ тому заключенію, что борьба между русскою и нѣмецкою партіями казанскаго университета, которая открыто велась въ университетскомъ совѣтѣ и на почвѣ казанскихъ отношеній, скрытно велась и въ интимной перепискѣ съ попечителемъ, съ одной стороны—Кондыревымъ (Салтыковъ, какъ мы это только что видѣли, упоминаетъ совершенно опредѣленно объ этой, къ сожалѣнію не дошедшей до насъ, перепискѣ), съ другой стороны—Броннеромъ. На сторонѣ перваго находились пронырливость, хитрость и льстивая вкрадчивость, вынесенныя имъ изъ школы профессора-директора Яковкина; на сторонѣ Броннера находились прямолинейная честность и открытая сила слова и убѣжденія, глубоко вліявшія на слабовольнаго и довѣрчиваго Салтыкова. Если на долю казанскаго профессора-философа и нѐ выпала,—едва ли, впрочемъ, и достижимая,—задача возродить къ энергіи и къ новой дѣятельности впавшаго въ мизантропію и апатичное уныніе попечителя, то ему удалось въ весьма значительной степени парализовать властолюбивыя, партійныя и едва ли вполнѣ чистыя поползновенія Кондырева, въ чемъ мы и усматриваемъ почтенную заслугу Броннера. Онъ въ 1816 году принялъ на себя ту же обличительную задачу по отношенію къ Кондыреву, какую передъ полнымъ открытіемъ университета преслѣдовалъ по отношенію къ его учителю и позднѣйшему инспиратору—Яковкину.

Угнетенное состояніе духа, овладѣвшее Салтыковымъ еще въ Казани, не только не улеглось послѣ отъѣзда его отсюда, но сдѣлалось еще болѣе острымъ во время пребыванія попечителя въ столицѣ. Къ нему присоединилось здѣсь и недовольство своимъ служебнымъ положеніемъ, и чувство,—несомнѣнно преувеличенное мнительностью,—оскорбленнаго самолюбія.

Салтыковъ ставилъ себя въ положеніе человѣка, постоянно обижаемаго министерствомъ—и въ его письмахъ къ Броннеру это жгучее чувство

неудовлетвореннаго самолюбія граничитъ съ болѣзненнымъ душевнымъ настроеніемъ. Всѣ въ министерствѣ ставятъ умышленныя преграды его начинаніямъ, оскорбляютъ его систематическими отказами на его представленія, наносятъ уколы его самолюбію—ректоръ же и совѣтъ казанскаго университета, зная министерскія отношенія попечителя, съ своей стороны утилизируютъ его приниженное положеніе, выказывая ему при каждомъ удобномъ случаѣ пренебреженіе, игнорируя прерогативы его должности и его власти. Таково психическое настроеніе Салтыкова, красною нитью проходящее черезъ всѣ письма его къ Броннеру. Весною 1816 года министръ не утвердилъ его представленіе о возведеніи въ адъюнкты магистра Манасеина—и Салтыковъ видитъ въ этомъ фактѣ личное для себя оскорбленіе, такъ какъ передъ тѣмъ только получило удовлетвореніе аналогичное ходатайство профессора Неймана относительно магистра Алехина: „Представленіе Неймана оказалось дѣйствительнѣе моего"—жалуется онъ по этому поводу Броннеру (Бр. 329). Причину всѣхъ своихъ неудачъ видитъ Салтыковъ въ директорѣ департамента министерства народнаго просвѣщенія И. И. Мартыновѣ, съ которымъ онъ находился, почему то, въ дурныхъ отношеніяхъ. Сѣтуя Броннеру на ректора Брауна, яко бы утилизирующаго его дурное положеніе въ министерствѣ, Салтыковъ заявляетъ: „Онъ (т. е. ректоръ) полагаетъ, и не безъ основанія, что, будучи въ дурныхъ отношеніяхъ съ министромъ, я не стою уже никакого вниманія; я, дѣйствительно, въ очень дурныхъ отношеніяхъ, но не съ самимъ министромъ, а съ Мартыновымъ" (Бр. 329).

Еще болѣе шаткимъ и обиднымъ стало представляться Салтыкову его положеніе въ министерствѣ послѣ того, какъ министромъ назначенъ былъ князь А. Н. Голицинъ (10-го августа 1816 года), при которомъ Мартыновъ сохранилъ все свое прежнее вліяніе на дѣла. Попечитель жалуется, что новый министръ рѣшительнымъ образомъ отказываетъ въ осуществленіи всѣхъ тѣхъ начинаній, касающихся и казанскаго университета, которыя были одобрены и намѣчены его предмѣстникомъ. Не особенно внимательны были, впрочемъ, въ министерствѣ и къ предшествовавшимъ представленіямъ Салтыкова:

„Могу сообщить вамъ,—пишетъ онъ Броннеру отъ 23-го октября,—что въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ представлено было мною въ министерство болѣе десятя проэктовъ, направленныхъ къ упорядоченію дѣлъ—и всѣ потерпѣли полную неудачу. Стараній въ томъ же направленіи не оставляю я и во все продолженіе пребыванія моего здѣсь, не взирая на неудачу прежнихъ попытокъ и на рискъ прослыть маніа-

неудовлетвореннаго самолюбія граничитъ съ болѣзненнымъ душевнымъ настроеніемъ. Всѣ въ министерствѣ ставятъ умышленныя преграды его начинаніямъ, оскорбляютъ его систематическими отказами на его представленія, наносятъ уколы его самолюбію—ректоръ же и совѣтъ казанскаго университета, зная министерскія отношенія попечителя, съ своей стороны утилизируютъ его приниженное положеніе, выказывая ему при каждомъ удобномъ случаѣ пренебреженіе, игнорируя прерогативы его должности и его власти. Таково психическое настроеніе Салтыкова, красною нитью проходящее черезъ всѣ письма его къ Броннеру. Весною 1816 года министръ не утвердилъ его представленіе о возведеніи въ адъюнкты магистра Манасеина—и Салтыковъ видитъ въ этомъ фактѣ личное для себя оскорбленіе, такъ какъ передъ тѣмъ только получило удовлетвореніе аналогичное ходатайство профессора Неймана относительно магистра Алехина: „Представленіе Неймана оказалось дѣйствительнѣе моего"—жалуется онъ по этому поводу Броннеру (Бр. 329). Причину всѣхъ своихъ неудачъ видитъ Салтыковъ въ директорѣ департамента министерства народнаго просвѣщенія И. И. Мартыновѣ, съ которымъ онъ находился, почему то, въ дурныхъ отношеніяхъ. Сѣтуя Броннеру на ректора Брауна, яко бы утилизирующаго его дурное положеніе въ министерствѣ, Салтыковъ заявляетъ: „Онъ (т. е. ректоръ) полагаетъ, и не безъ основанія, что, будучи въ дурныхъ отношеніяхъ съ министромъ, я не стою уже никакого вниманія; я, дѣйствительно, въ очень дурныхъ отношеніяхъ, но не съ самимъ министромъ, а съ Мартыновымъ" (Бр. 329).

Еще болѣе шаткимъ и обиднымъ стало представляться Салтыкову его положеніе въ министерствѣ послѣ того, какъ министромъ назначенъ былъ князь А. Н. Голицинъ (10-го августа 1816 года), при которомъ Мартыновъ сохранилъ все свое прежнее вліяніе на дѣла. Попечитель жалуется, что новый министръ рѣшительнымъ образомъ отказываетъ въ осуществленіи всѣхъ тѣхъ начинаній, касающихся и казанскаго университета, которыя были одобрены и намѣчены его предмѣстникомъ. Не особенно внимательны были, впрочемъ, въ министерствѣ и къ предшествовавшимъ представленіямъ Салтыкова:

„Могу сообщить вамъ,—пишетъ онъ Броннеру отъ 23-го октября,—что въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ представлено было мною въ министерство болѣе десятя проэктовъ, направленныхъ къ упорядоченію дѣлъ—и всѣ потерпѣли полную неудачу. Стараній въ томъ же направленіи не оставляю я и во все продолженіе пребыванія моего здѣсь, не взирая на неудачу прежнихъ попытокъ и на рискъ прослыть маніа-

комъ, въ лучшемъ же случаѣ—пустымъ мечтателемъ. Мнѣ сто разъ отказывали, сто разъ меня обезкураживали и разочаровывали—но сознаніе долга ставилось мною выше личнаго самолюбія. Встрѣченные мною отказы сопровождались нерѣдко униженіями и оскорбленіями (d'outrages et même d'affronts), которые научили меня быть осторожнѣе и не идти добровольно на встрѣчу имъ.... Поразмыслите только о всемъ томъ, что я вынужденъ былъ переносить, о всѣхъ униженіяхъ, которыя мнѣ преподносились и которыя извѣстны вамъ только отчасти, такъ какъ бывали инциденты, про которые никто еще не знаетъ" (Бр. 344).

„Я перенесъ крупныя несчастья, я вытерпѣлъ большія обиды,—пишетъ Салтыковъ отъ 12-го января 1817 года.—Вся моя жизнь представляется непрерывною цѣпью разнаго рода огорченій. Чувства глубоко оскорбленной чести и самолюбія не остались безъ воздѣйствія и на складъ моего характера. Я затаилъ въ самомъ себѣ мои огорченія—но тѣмъ самымъ сдѣлалъ ихъ еще болѣе невыносимыми. Они угнетали мое сердце—но я ни съ кѣмъ не рѣшался ими подѣлиться, что бы не почувствовать себя униженнымъ въ глазахъ даже моихъ друзей" (Бр. 362).

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ моральное состояніе Салтыкова въ продолженіи 1816 и начала 1817 года, заставляющее его серьезно помышлять о совершенномъ оставленіи должности попечителя учебнаго округа. Начиная съ осени 1816 года, мысль эта становится однимъ изъ доминирующихъ мотивовъ въ перепискѣ Салтыкова съ Броннеромъ.

Разсказъ объ условіяхъ жизни Салтыкова въ Петербургѣ, послѣ отъѣзда его въ январѣ 1816 года изъ Казани, отвлекъ насъ отъ повѣствованія о проявленіяхъ текущей внутренней жизни казанскаго университета. Возвратимся къ изложенію ихъ.

Отъѣздъ попечителя изъ Казани не могъ сколько нибудь существеннымъ образомъ отразиться на ходѣ внутренней жизни университета, успѣвшаго уже твердо стать на путь самоуправленія, указанный ему уставомъ 1804 года. Эта жизнь тихо текла своимъ чередомъ, не представляя явленій, на которыхъ съ интересомъ могло бы остановиться вниманіе исторіографа. Это тихое и спокойное направленіе казанской академической жизни констатируется и письмомъ Броннера отъ 13-го марта 1816 года—первымъ послѣ отъѣзда Салтыкова въ Петербургъ:

„Съ самого отъѣзда вашего я былъ внимательнѣе, нежели когда либо, къ нашимъ казанскимъ дѣламъ, въ надеждѣ запастись данными, которые могли бы показаться вашему превосходительству интерес-

комъ, въ лучшемъ же случаѣ—пустымъ мечтателемъ. Мнѣ сто разъ отказывали, сто разъ меня обезкураживали и разочаровывали—но сознаніе долга ставилось мною выше личнаго самолюбія. Встрѣченные мною отказы сопровождались нерѣдко униженіями и оскорбленіями (d'outrages et même d'affronts), которые научили меня быть осторожнѣе и не идти добровольно на встрѣчу имъ.... Поразмыслите только о всемъ томъ, что я вынужденъ былъ переносить, о всѣхъ униженіяхъ, которыя мнѣ преподносились и которыя извѣстны вамъ только отчасти, такъ какъ бывали инциденты, про которые никто еще не знаетъ" (Бр. 344).

„Я перенесъ крупныя несчастья, я вытерпѣлъ большія обиды,—пишетъ Салтыковъ отъ 12-го января 1817 года.—Вся моя жизнь представляется непрерывною цѣпью разнаго рода огорченій. Чувства глубоко оскорбленной чести и самолюбія не остались безъ воздѣйствія и на складъ моего характера. Я затаилъ въ самомъ себѣ мои огорченія—но тѣмъ самымъ сдѣлалъ ихъ еще болѣе невыносимыми. Они угнетали мое сердце—но я ни съ кѣмъ не рѣшался ими подѣлиться, что бы не почувствовать себя униженнымъ въ глазахъ даже моихъ друзей" (Бр. 362).

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ моральное состояніе Салтыкова въ продолженіи 1816 и начала 1817 года, заставляющее его серьезно помышлять о совершенномъ оставленіи должности попечителя учебнаго округа. Начиная съ осени 1816 года, мысль эта становится однимъ изъ доминирующихъ мотивовъ въ перепискѣ Салтыкова съ Броннеромъ.

Разсказъ объ условіяхъ жизни Салтыкова въ Петербургѣ, послѣ отъѣзда его въ январѣ 1816 года изъ Казани, отвлекъ насъ отъ повѣствованія о проявленіяхъ текущей внутренней жизни казанскаго университета. Возвратимся къ изложенію ихъ.

Отъѣздъ попечителя изъ Казани не могъ сколько нибудь существеннымъ образомъ отразиться на ходѣ внутренней жизни университета, успѣвшаго уже твердо стать на путь самоуправленія, указанный ему уставомъ 1804 года. Эта жизнь тихо текла своимъ чередомъ, не представляя явленій, на которыхъ съ интересомъ могло бы остановиться вниманіе исторіографа. Это тихое и спокойное направленіе казанской академической жизни констатируется и письмомъ Броннера отъ 13-го марта 1816 года—первымъ послѣ отъѣзда Салтыкова въ Петербургъ:

„Съ самого отъѣзда вашего я былъ внимательнѣе, нежели когда либо, къ нашимъ казанскимъ дѣламъ, въ надеждѣ запастись данными, которые могли бы показаться вашему превосходительству интерес-

ными,—писалъ Броннеръ попечителю.—Но мои ожиданія оказались напрасными: не произошло, по милости Божьей, никакихъ несчастныхъ событій, хотя, съ другой стороны, не можетъ быть отмѣчено и ничего отраднаго, достойнаго вашего вниманія. Университетскія дѣла идутъ своимъ чередомъ и, какъ мнѣ кажется, вполнѣ мирно и регулярно (assez paisiblement et régulièrement)".

Посвящаетъ Броннеръ попечителя лишь въ нѣкоторыя интимныя дѣла, до извѣстной степени волновавшія казанскій университетскій мірокъ, да въ нѣкоторыя самаго общаго характера извѣстія мѣстной жизни. Отмѣчаетъ глубокое огорченіе, постигшее профессора Никольскаго въ его супружеской жизни, спокойствіе которой оказалось нарушеннымъ адъюнктомъ Срезневскимъ *; сообщаетъ объ извѣтахъ Яковкина, передъ лицомъ ректора обвинявшаго Никольскаго въ атеизмѣ и въ внушеніи атеистическихъ идей юношеству; передаетъ о ходѣ работъ по возстановленію сгорѣвшихъ зданій гимназіи; разсказываетъ объ удрученномъ настроеніи казанской общественности, еще не успѣвшей оправиться послѣ грандіознаго пожара 3-го сентября, о необыкновенно снѣжной зимѣ этого года—вотъ и всѣ новости, передаваемыя Броннеромъ попечителю (Бр. 303—305). Изъ проявленій коллегіальной жизни университета, относящихся къ первымъ двумъ мѣсяцамъ вновь наступившаго года, могутъ быть отмѣченными, развѣ только, образованіе 3-го января, въ силу предложенія министра отъ 8-го декабря предшествовавшаго года, особаго комитета для веденія „ученыхъ записокъ", въ смыслѣ систематизаціи научныхъ сообщеній, получаемыхъ изъ округа (изъ профессоровъ Городчанинова, Перевощикова и адъюнктовъ Дунаева и Юнакова) **, да предложеніе министра отъ 14-го февраля, которымъ, впредь до пополненія количества ординарныхъ профессоровъ, какъ членами училищнаго комитета, такъ и визитаторами училищъ разрѣшено назначать также профессоровъ экстраординарныхъ и адъюнктовъ [61].

Конецъ марта 1816 года ознаменовался появленіемъ въ личномъ составѣ казанскаго университета перваго заслуженнаго профессора. Въ этомъ достоинствѣ 27-го марта утвержденъ былъ, именно, И. Ѳ. Яковкинъ. Хотя въ профессорскомъ званіи нашъ профессоръ-директоръ состоялъ лишь 11 лѣтъ, взамѣнъ 25-ти лѣтъ, установленныхъ для

* Подробности этого интимнаго дѣла, которыхъ мы не касаемся, разсказаны въ письмѣ Броннера отъ 13-го марта 1816 года (Бр. 305).

** Подробности этого любопытнаго начинанія будутъ приведены нами въ своемъ мѣстѣ.

ными,—писалъ Броннеръ попечителю.—Но мои ожиданія оказались напрасными: не произошло, по милости Божьей, никакихъ несчастныхъ событій, хотя, съ другой стороны, не можетъ быть отмѣчено и ничего отраднаго, достойнаго вашего вниманія. Университетскія дѣла идутъ своимъ чередомъ и, какъ мнѣ кажется, вполнѣ мирно и регулярно (assez paisiblement et régulièrement)".

Посвящаетъ Броннеръ попечителя лишь въ нѣкоторыя интимныя дѣла, до извѣстной степени волновавшія казанскій университетскій мірокъ, да въ нѣкоторыя самаго общаго характера извѣстія мѣстной жизни. Отмѣчаетъ глубокое огорченіе, постигшее профессора Никольскаго въ его супружеской жизни, спокойствіе которой оказалось нарушеннымъ адъюнктомъ Срезневскимъ *; сообщаетъ объ извѣтахъ Яковкина, передъ лицомъ ректора обвинявшаго Никольскаго въ атеизмѣ и въ внушеніи атеистическихъ идей юношеству; передаетъ о ходѣ работъ по возстановленію сгорѣвшихъ зданій гимназіи; разсказываетъ объ удрученномъ настроеніи казанской общественности, еще не успѣвшей оправиться послѣ грандіознаго пожара 3-го сентября, о необыкновенно снѣжной зимѣ этого года—вотъ и всѣ новости, передаваемыя Броннеромъ попечителю (Бр. 303—305). Изъ проявленій коллегіальной жизни университета, относящихся къ первымъ двумъ мѣсяцамъ вновь наступившаго года, могутъ быть отмѣченными, развѣ только, образованіе 3-го января, въ силу предложенія министра отъ 8-го декабря предшествовавшаго года, особаго комитета для веденія „ученыхъ записокъ", въ смыслѣ систематизаціи научныхъ сообщеній, получаемыхъ изъ округа (изъ профессоровъ Городчанинова, Перевощикова и адъюнктовъ Дунаева и Юнакова) **, да предложеніе министра отъ 14-го февраля, которымъ, впредь до пополненія количества ординарныхъ профессоровъ, какъ членами училищнаго комитета, такъ и визитаторами училищъ разрѣшено назначать также профессоровъ экстраординарныхъ и адъюнктовъ [61].

Конецъ марта 1816 года ознаменовался появленіемъ въ личномъ составѣ казанскаго университета **перваго заслуженнаго профессора**. Въ этомъ достоинствѣ 27-го марта утвержденъ былъ, именно, И. Ѳ. Яковкинъ. Хотя въ профессорскомъ званіи нашъ профессоръ-директоръ состоялъ лишь 11 лѣтъ, взамѣнъ 25-ти лѣтъ, установленныхъ для

---

* Подробности этого интимнаго дѣла, которыхъ мы не касаемся, разсказаны въ письмѣ Броннера отъ 13-го марта 1816 года (Бр. 305).

** Подробности этого любопытнаго начинанія будутъ приведены нами въ своемъ мѣстѣ.

пріобрѣтенія званія заслуженнаго профессора § 18-мъ утвердительной грамоты университету, но къ Яковкину былъ примѣненъ высочайше утвержденный 15-го апрѣля 1811 года докладъ министра народнаго просвѣщенія, которымъ опредѣлено было „время профессорской службы считать не ниже, какъ съ званія учительскаго или магистерскаго", службѣ же Яковкина въ учительскихъ должностяхъ въ 1816 году исполнялось свыше тридцати лѣтъ.

Дѣло объ удостоеніи Яковкина этого почетнаго званія возникло вслѣдствіе обширнаго и весьма интереснаго для біографіи профессора-директора прошенія его, поданнаго въ началѣ февраля въ совѣтъ университета, съ подробнымъ изложеніемъ въ немъ всѣхъ службъ и ходатайствомъ относительно представленія его въ званіе заслуженнаго профессора. Прошенію этому совѣтомъ данъ былъ надлежащій ходъ и 21-го апрѣля того же года въ совѣтѣ заслушано было предложеніе министра отъ 27-го марта, которымъ сообщалось объ утвержденіи Яковкина заслуженнымъ профессоромъ „по представленію совѣта и одобренію господина попечителя казанскаго университета" [62]. Здѣсь кстати явится отмѣтить, что Яковкинъ былъ не только первымъ, но и единственнымъ заслуженнымъ профессоромъ казанскаго университета на протяженіи первой четверти вѣка существованія этого послѣдняго; слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ заслуженнымъ профессоромъ его былъ К. Ѳ. Фуксъ, утвержденный въ этомъ званіи 6-го мая 1833 года, всего за два мѣсяца до оставленія имъ университетской службы; третьимъ заслуженнымъ профессоромъ выступилъ Г. Б. Никольскій, возведенный въ это званіе, уже на основаніи устава 1835 года, 25-го мая 1839 года.

Мы узнаемъ изъ только что цитированнаго министерскаго предложенія, что „одобреніе" попечителя Салтыкова, еще недавняго непримиримаго врага Яковкина, явилось однимъ изъ условій состоявшагося, и не безъ натяжки, утвержденія профессора-директора въ званіи заслуженнаго профессора,—утвержденія, свидѣтельствующаго, также, и о безпристрастномъ образѣ мыслей совѣтскаго большинства, далеко не расположеннаго къ Яковкину, но не отказавшагося войти съ соотвѣтствующимъ представленіемъ къ министру. Вопросъ о содѣйствіи, оказанномъ въ данномъ случаѣ Салтыковымъ, затрогивается и въ перепискѣ его съ Броннеромъ, вполнѣ одобряющимъ рыцарское благородство, проявленное попечителемъ:

„Узнавъ изъ предложенія министра объ отличіи, доставленномъ вами господину директору Яковкину,—писалъ Броннеръ,—я невольно сказалъ самъ себѣ: вотъ какъ отнесся честный человѣкъ (un brave homme) къ своему врагу!... Ваше превосходительство поступили вполнѣ пра-

пріобрѣтенія званія заслуженнаго профессора § 18-мъ утвердительной грамоты университету, но къ Яковкину былъ примѣненъ высочайше утвержденный 15-го апрѣля 1811 года докладъ министра народнаго просвѣщенія, которымъ опредѣлено было „время профессорской службы считать не ниже, какъ съ званія учительскаго или магистерскаго", службѣ же Яковкина въ учительскихъ должностяхъ въ 1816 году исполнялось свыше тридцати лѣтъ.

Дѣло объ удостоеніи Яковкина этого почетнаго званія возникло вслѣдствіе обширнаго и весьма интереснаго для біографіи профессора-директора прошенія его, поданнаго въ началѣ февраля въ совѣтъ университета, съ подробнымъ изложеніемъ въ немъ всѣхъ службъ и ходатайствомъ относительно представленія его въ званіе заслуженнаго профессора. Прошенію этому совѣтомъ данъ былъ надлежащій ходъ и 21-го апрѣля того же года въ совѣтѣ заслушано было предложеніе министра отъ 27-го марта, которымъ сообщалось объ утвержденіи Яковкина заслуженнымъ профессоромъ „по представленію совѣта и одобренію господина попечителя казанскаго университета" [62]. Здѣсь кстати явится отмѣтить, что Яковкинъ былъ не только первымъ, но и единственнымъ заслуженнымъ профессоромъ казанскаго университета на протяженіи первой четверти вѣка существованія этого послѣдняго; слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ заслуженнымъ профессоромъ его былъ К. Ѳ. Фуксъ, утвержденный въ этомъ званіи 6-го мая 1833 года, всего за два мѣсяца до оставленія имъ университетской службы; третьимъ заслуженнымъ профессоромъ выступилъ Г. Б. Никольскій, возведенный въ это званіе, уже на основаніи устава 1835 года, 25-го мая 1839 года.

Мы узнаемъ изъ только что цитированнаго министерскаго предложенія, что „одобреніе" попечителя Салтыкова, еще недавняго непримиримаго врага Яковкина, явилось однимъ изъ условій состоявшагося, и не безъ натяжки, утвержденія профессора-директора въ званіи заслуженнаго профессора,—утвержденія, свидѣтельствующаго, также, и о безпристрастномъ образѣ мыслей совѣтскаго большинства, далеко не расположеннаго къ Яковкину, но не отказавшагося войти съ соотвѣтствующимъ представленіемъ къ министру. Вопросъ о содѣйствіи, оказанномъ въ данномъ случаѣ Салтыковымъ, затрогивается и въ перепискѣ его съ Броннеромъ, вполнѣ одобряющимъ рыцарское благородство, проявленное попечителемъ:

„Узнавъ изъ предложенія министра объ отличіи, доставленномъ вами господину директору Яковкину,—писалъ Броннеръ,—я невольно сказалъ самъ себѣ: вотъ какъ отнесся честный человѣкъ (un brave homme) къ своему врагу!... Ваше превосходительство поступили вполнѣ пра-

вильно (tout en règle), согласившись на возведеніе г. Яковкина въ званіе заслуженнаго профессора: его долговременная служба открывала ему законный путь къ этому отличію и никто, среди насъ, не задумался отказать ему въ томъ, что должно принадлежать ему по праву" (Бр. 304, 309).

Изъ письма Салтыкова къ Броннеру отъ 3-го апрѣля мы узнаемъ, что попечитель писалъ Яковкину, передъ утвержденіемъ его въ званіи заслуженнаго профессора, что онъ „послѣдовалъ евангельскому завѣту, предписывающему намъ забывать обиды и творить добро своимъ врагамъ",— а Яковкина Салтыковъ признавалъ единственнымъ своимъ врагомъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ я примирился съ нимъ,—заявлялъ онъ въ томъ же письмѣ,—я состою въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ" (Бр. 306—307).

Заявленіе Салтыкова объ этомъ примиреніи его съ Яковкинымъ нѣсколько смутило, однако, осторожнаго нѣмецкаго профессора:

„Ваша страстность однажды уже привела васъ по отношенію къ Яковкину къ крайности,—предостерегалъ его Броннеръ, намекая, очевидно, на бурное столкновеніе, имѣвшее мѣсто между попечителемъ и директоромъ въ декабрѣ 1814 года.—Остерегайтесь впасть изъ одной крайности въ другую. Вы пишите, что, примирившись съ Яковкинымъ, вы себя чувствуете примиреннымъ съ цѣлымъ свѣтомъ..... Да, вы правы: отнынѣ никто уже не станетъ инсинуировать на васъ въ Петербургѣ, такъ какъ, если бы среди людей нашей партіи и оказались недовольные, то они сознали бы себя слишкомъ нѣмцами для того, что бы рѣшиться на подобный образъ дѣйствій: они, просто на просто, разстались бы съ своею казанскою службою" (Бр. 310—311).

Уѣзжая изъ Казани въ Петербургъ, Салтыковъ разсчитывалъ на успѣхъ личнаго предстательства своего въ министерскихъ сферахъ въ дѣлѣ обезпеченія удовлетворенія нѣкоторыхъ неотложнѣйшихъ нуждъ казанскаго университета.

Мы уже знаемъ, что одною изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей университета являлась необходимость расширенія его помѣщеній, приведенія ихъ въ состояніе хотя бы только относительнаго благоустройства, наконецъ—созданіе при университетѣ важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, или вовсе отсутствовавшихъ, или же имѣвшихся въ самомъ неудовлетворительномъ, почти эмбріональномъ, состояніи. Печальное положеніе зданій, не выключая отсюда и домовъ, пріобрѣтенныхъ Румовскимъ и Яковкинымъ при самомъ основаніи университета, представляло собою истинную ахиллесову пяту университетскаго хозяйства, съ такою безпо-

вильно (tout en règle), согласившись на возведеніе г. Яковкина въ званіе заслуженнаго профессора: его долговременная служба открывала ему законный путь къ этому отличію и никто, среди насъ, не задумался отказать ему въ томъ, что должно принадлежать ему по праву" (Бр. 304, 309).

Изъ письма Салтыкова къ Броннеру отъ 3-го апрѣля мы узнаемъ, что попечитель писалъ Яковкину, передъ утвержденіемъ его въ званіи заслуженнаго профессора, что онъ „послѣдовалъ евангельскому завѣту, предписывающему намъ забывать обиды и творить добро своимъ врагамъ",— а Яковкина Салтыковъ признавалъ единственнымъ своимъ врагомъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ я примирился съ нимъ,—заявлялъ онъ въ томъ же письмѣ,—я состою въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ" (Бр. 306—307).

Заявленіе Салтыкова объ этомъ примиреніи его съ Яковкинымъ нѣсколько смутило, однако, осторожнаго нѣмецкаго профессора:

„Ваша страстность однажды уже привела васъ по отношенію къ Яковкину къ крайности,—предостерегалъ его Броннеръ, намекая, очевидно, на бурное столкновеніе, имѣвшее мѣсто между попечителемъ и директоромъ въ декабрѣ 1814 года.—Остерегайтесь впасть изъ одной крайности въ другую. Вы пишите, что, примирившись съ Яковкинымъ, вы себя чувствуете примиреннымъ съ цѣлымъ свѣтомъ..... Да, вы правы: отнынѣ никто уже не станетъ инсинуировать на васъ въ Петербургѣ, такъ какъ, если бы среди людей нашей партіи и оказались недовольные, то они сознали бы себя слишкомъ нѣмцами для того, что бы рѣшиться на подобный образъ дѣйствій: они, просто на просто, разстались бы съ своею казанскою службою" (Бр. 310—311).

Уѣзжая изъ Казани въ Петербургъ, Салтыковъ разсчитывалъ на успѣхъ личнаго предстательства своего въ министерскихъ сферахъ въ дѣлѣ обезпеченія удовлетворенія нѣкоторыхъ неотложнѣйшихъ нуждъ казанскаго университета.

Мы уже знаемъ, что одною изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей университета являлась необходимость расширенія его помѣщеній, приведенія ихъ въ состояніе хотя бы только относительнаго благоустройства, наконецъ—созданіе при университетѣ важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, или вовсе отсутствовавшихъ, или же имѣвшихся въ самомъ неудовлетворительномъ, почти эмбріональномъ, состояніи. Печальное положеніе зданій, не выключая отсюда и домовъ, пріобрѣтенныхъ Румовскимъ и Яковкинымъ при самомъ основаніи университета, представляло собою истинную ахиллесову пяту университетскаго хозяйства, съ такою безпо-

щадностью разоблаченную Салтыковымъ, какъ мы это видѣли, уже слѣдомъ за прибытіемъ его въ 1813 году въ Казань. Длинный рядъ конторскихъ и правленскихъ дѣлъ, сохранившихся отъ первыхъ пятнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета, свидѣтельствуютъ намъ лишь о той безнадежности, въ которой находилось университетское строительное и ремонтное дѣло за этотъ промежутокъ времени, олицетворяя собою настоящій „тришкинъ кафтанъ" казанскаго университетскаго хозяйства. Причина этого печальнаго явленія заключалась и въ самой неудовлетворительности зданій, купленныхъ въ 1805 году, и въ патріархальной системѣ хозяйства, практиковавшейся до полнаго открытія въ 1814 году университета; въ значительной степени обусловливалась она и скупостью министерства въ дѣлѣ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ университета, которая, въ свою очередь, находила себѣ оправданіе въ тяжелыхъ условіяхъ политической жизни Россіи, совпавшихъ съ начальными годами существованія казанскаго университета.

16-го января 1816 года, слѣдовательно всего за нѣсколько дней до своего отъѣзда въ Петербургъ, Салтыковъ препроводилъ министру народнаго просвѣщенія отчетъ по университету за 1815 годъ, при обширномъ представленіи, въ которомъ подробно изложилъ неотложнѣйшія нужды университета и выяснялъ совершенную недостаточность штатной суммы въ 8800 рублей, опредѣленной уставомъ на „отопленіе, освѣщеніе, мелочныя починки" и т. п. текущіе расходы по университетскому благоустройству, такъ какъ „нынѣ на дрова одни, по возвысившимся цѣнамъ, исходитъ до семи тысячъ рублей, а на прочіе расходы остается сумма весьма недостаточная, отчего нельзя чинить нужныхъ небольшихъ поправокъ, но которыхъ упущеніе въ скоромъ времени сдѣлаетъ расходы на исправленіе значительно большіе; другое же, остающееся безъ поправки, причиняетъ опасность въ разсужденіи пожара". Большихъ поправокъ требуютъ и самые дома университета, „которыя прежде могли стать несравненно дешевле, а впредь будутъ стоить и еще годъ отъ году дороже; полной же штатной суммы на университетъ съ 1805 до 1814 года не было отпускаемо, да и полный отпускъ 8800 рублей начался съ 1813 года",—добавляетъ попечитель. Подробно останавливается Салтыковъ и на нуждахъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, указывая, на то что отпускаемыя суммы едва достаточны для поддержанія ихъ въ существующемъ состояніи, исключая возможность дальнѣйшаго усовершенствованія, не говоря уже о созданіи новыхъ учрежденій этого рода. „Суммы сіи,—доноситъ попечитель,—едва достаточны къ достиженію собственной годовой своей цѣли;

щадностью разоблаченную Салтыковымъ, какъ мы это видѣли, уже слѣдомъ за прибытіемъ его въ 1813 году въ Казань. Длинный рядъ конторскихъ и правленскихъ дѣлъ, сохранившихся отъ первыхъ пятнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета, свидѣтельствуютъ намъ лишь о той безнадежности, въ которой находилось университетское строительное и ремонтное дѣло за этотъ промежутокъ времени, олицетворяя собою настоящій „тришкинъ кафтанъ“ казанскаго университетскаго хозяйства. Причина этого печальнаго явленія заключалась и въ самой неудовлетворительности зданій, купленныхъ въ 1805 году, и въ патріархальной системѣ хозяйства, практиковавшейся до полнаго открытія въ 1814 году университета; въ значительной степени обусловливалась она и скупостью министерства въ дѣлѣ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ университета, которая, въ свою очередь, находила себѣ оправданіе въ тяжелыхъ условіяхъ политической жизни Россіи, совпавшихъ съ начальными годами существованія казанскаго университета.

16-го января 1816 года, слѣдовательно всего за нѣсколько дней до своего отъѣзда въ Петербургъ, Салтыковъ препроводилъ министру народнаго просвѣщенія отчетъ по университету за 1815 годъ, при обширномъ представленіи, въ которомъ подробно изложилъ неотложнѣйшія нужды университета и выяснялъ совершенную недостаточность штатной суммы въ 8800 рублей, опредѣленной уставомъ на „отопленіе, освѣщеніе, мелочныя починки“ и т. п. текущіе расходы по университетскому благоустройству, такъ какъ „нынѣ на дрова одни, по возвысившимся цѣнамъ, исходитъ до семи тысячъ рублей, а на прочіе расходы остается сумма весьма недостаточная, отчего нельзя чинить нужныхъ небольшихъ поправокъ, но которыхъ упущеніе въ скоромъ времени сдѣлаетъ расходы на исправленіе значительно большіе; другое же, остающееся безъ поправки, причиняетъ опасность въ разсужденіи пожара“. Большихъ поправокъ требуютъ и самые дома университета, „которыя прежде могли стать несравненно дешевле, а впредь будутъ стоить и еще годъ отъ году дороже; полной же штатной суммы на университетъ съ 1805 до 1814 года не было отпускаемо, да и полный отпускъ 8800 рублей начался съ 1813 года“,—добавляетъ попечитель. Подробно останавливается Салтыковъ и на нуждахъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, указывая, на то что отпускаемыя суммы едва достаточны для поддержанія ихъ въ существующемъ состояніи, исключая возможность дальнѣйшаго усовершенствованія, не говоря уже о созданіи новыхъ учрежденій этого рода. „Суммы сіи,—доноситъ попечитель,—едва достаточны къ достиженію собственной годовой своей цѣли;

тѣмъ менѣе могутъ онѣ служить еще и къ устроенію заведеній, на кои особенной достаточной суммы не отпускалось, отчего самое ученіе затрудняется и предположенной государемъ императоромъ цѣли достодолжно нельзя достигать". „Я долгомъ почелъ,—заявляетъ Салтыковъ въ заключеніе своего представленія,—все вышеписанное представить на начальственное благоусмотрѣніе вашего сіятельства, отчасти для свѣдѣнія, отчасти, дабы мнѣніемъ вашимъ руководствоваться къ уничтоженію упомянутыхъ недостатковъ, или получить и разрѣшеніе; отчасти, дабы просить ходатайства о исправленіи".

Отвѣтъ министра на это представленіе послѣдовалъ 17-го февраля, уже въ бытность Салтыкова въ Петербургѣ, и былъ сообщенъ имъ университету. „Поелику большая часть оныхъ (т. е. нуждъ университета) требуетъ отпуска отъ казны значительныхъ суммъ, которыхъ въ настоящемъ году взять не откуда,—отвѣчалъ графъ Разумовскій,—то предпишите университету составить на нужнѣйшіе предметы, по каждому особо, смѣты, сколько требуется на что денегъ, и смѣты таковыхъ представить мнѣ не позже іюня мѣсяца, дабы я могъ внести оныя въ табель расходовъ на будущій 1817 годъ; тѣ же предметы, кои терпятъ еще времени, отложить до слѣдующаго года, поступая и впредь въ подобныхъ случаяхъ такимъ же образомъ". Въ силу этого предписанія, правленіемъ университета, при содѣйствіи адъюнкта архитектуры Петровскаго и архитектора Мари, къ концу іюня была составлена смѣта необходимыхъ въ университетскихъ зданіяхъ поправокъ, общая стоимость которыхъ выразилась въ суммѣ 103,895 рублей, исчисленной слѣдующимъ образомъ: а) на исправленіе главнаго университетскаго зданія—48,798 р., на исправленіе домовъ: б) тенишевскаго—21,760 р., в) комендантскаго—2,072 р., г) спижарнаго—11,878 р., д) типографскаго—19,387 р. Кромѣ того, заявлена была потребность въ 328,658 рублей на отдѣлку и устройство гимназическихъ зданій, такъ что общая сумма, выведенная правленіемъ на необходимые расходы по благоустройству университета и гимназіи, составляла почтенную цифру въ 432,553 рубля [63].

Вычисленная правленіемъ университета сумма представлялась слишкомъ значительною, въ особенности же въ виду финансовыхъ затрудненій той эпохи, для того, что бы оставлять какую нибудь надежду на возможность удовлетворенія построеннаго на ней ходатайства. И вотъ Салтыковъ, параллельно съ предпринятыми ходатайствами и, быть можетъ, въ виду сознанной ихъ безнадежности, изыскиваетъ и предлагаетъ университету способъ къ удовлетворенію настоятельнѣйшихъ нуждъ университета средствами домашними, безъ обремененія государственнаго казначейства:

тѣмъ менѣе могутъ онѣ служить еще и къ устроенію заведеній, на кои особенной достаточной суммы не отпускалось, отчего самое ученіе затрудняется и предположенной государемъ императоромъ цѣли достодолжно нельзя достигать". „Я долгомъ почелъ,—заявляетъ Салтыковъ въ заключеніе своего представленія,—все вышеписанное представить на начальственное благоусмотрѣніе вашего сіятельства, отчасти для свѣдѣнія, отчасти, дабы мнѣніемъ вашимъ руководствоваться къ уничтоженію упомянутыхъ недостатковъ, или получить и разрѣшеніе; отчасти, дабы просить ходатайства о исправленіи".

Отвѣтъ министра на это представленіе послѣдовалъ 17-го февраля, уже въ бытность Салтыкова въ Петербургѣ, и былъ сообщенъ имъ университету. „Поелику большая часть оныхъ (т. е. нуждъ университета) требуетъ отпуска отъ казны значительныхъ суммъ, которыхъ въ настоящемъ году взять не откуда,—отвѣчалъ графъ Разумовскій,—то предпишите университету составить на нужнѣйшіе предметы, по каждому особо, смѣты, сколько требуется на что денегъ, и смѣты таковыхъ представить мнѣ не позже іюня мѣсяца, дабы я могъ внести оныя въ табель расходовъ на будущій 1817 годъ; тѣ же предметы, кои терпятъ еще времени, отложить до слѣдующаго года, поступая и впредь въ подобныхъ случаяхъ такимъ же образомъ". Въ силу этого предписанія, правленіемъ университета, при содѣйствіи адъюнкта архитектуры Петровскаго и архитектора Мари, къ концу іюня была составлена смѣта необходимыхъ въ университетскихъ зданіяхъ поправокъ, общая стоимость которыхъ выразилась въ суммѣ 103,895 рублей, исчисленной слѣдующимъ образомъ: а) на исправленіе главнаго университетскаго зданія—48,798 р., на исправленіе домовъ: б) тенишевскаго—21,760 р., в) комендантскаго—2,072 р., г) спижарнаго—11,878 р., д) типографскаго—19,387 р. Кромѣ того, заявлена была потребность въ 328,658 рублей на отдѣлку и устройство гимназическихъ зданій, такъ что общая сумма, выведенная правленіемъ на необходимые расходы по благоустройству университета и гимназіи, составляла почтенную цифру въ 432,553 рубля [63].

Вычисленная правленіемъ университета сумма представлялась слишкомъ значительною, въ особенности же въ виду финансовыхъ затрудненій той эпохи, для того, что бы оставлять какую нибудь надежду на возможность удовлетворенія построеннаго на ней ходатайства. И вотъ Салтыковъ, параллельно съ предпринятыми ходатайствами и, быть можетъ, въ виду сознанной ихъ безнадежности, изыскиваетъ и предлагаетъ университету способъ къ удовлетворенію настоятельнѣйшихъ нуждъ университета средствами домашними, безъ обремененія государственнаго казначейства:

„Настоящее положеніе государственныхъ финансовъ ни отъ кого не закрыто,—писалъ онъ ректору И. О. Брауну отъ 16-го іюля 1816 года.— Не менѣе всякому извѣстно, что правительство всегда оказывало возможныя пособія заведеніямъ, споспѣшествующимъ славѣ и пользѣ отечественной. Россіею претерпѣнныя бѣдствія понудили правительство примѣнить иную систему финансовъ къ настоящимъ обстоятельствамъ, ограничивъ издержки тѣснѣйшими предѣлами; отъ того смѣты, требующія большихъ пособій, съ нѣкотораго времени остаются безъ удовлетворенія.

Въ смѣтѣ, учиненной въ правленіи на возобновленіе зданій университетскихъ, усматриваю, что потребная на оныя сумма столь значительна, что не предвидится средства приступить къ предполагаемымъ издержкамъ. Остается разложить оныя на нѣсколько лѣтъ, принявъ въ разсужденіе только тѣ предметы, коихъ необходимость ощутительнѣе“.

Слѣдомъ за тѣмъ попечитель высказываетъ собственныя соображенія относительно работъ, которыя имѣютъ быть поставленными, по его мнѣнію, на ближайшую очередь, представляя и собственную смѣту стоимости ихъ:

„Комендантскій (онъ же Кастелліевскій) домъ можно оставить въ томъ видѣ, въ какомъ нынѣ находится. Спижарнаго дома не стоитъ штукатурить, ибо онъ малонадежной прочности. Въ главномъ корпусѣ можно въ первый годъ возобновить уличную фасаду, прочія оставить до слѣдующаго года; тожъ разумѣется о Типографскомъ и Тѣнишевскомъ домахъ. По сему распоряженію придется употребить не болѣе 7685 рублей на весь главный корпусъ, а на одну фасаду полагаю половину сей суммы. На всѣ поправки сего корпуса въ смѣтѣ показано 48,798 рублей. Ежели бы возможно было разложить поправку или уплату на годы, тогда въ теченіи двухъ лѣтъ на сей предметъ можно бы было отложить остающуюся сумму отъ жалованья двѣнадцати ординарныхъ профессоровъ, что и составитъ 24,000 рублей въ годъ, а въ два—48,000. Поступая такимъ образомъ и въ слѣдующіе два года, можно привести въ надлежащее устройство и прочія зданія, выключая дома Спижарнаго и Комендантскаго, которые, по смѣтѣ, обойдутся въ 13,950 рублей. Поправленіе сихъ послѣднихъ можно оставить и до удобнаго времени. Слѣдовательно, исключивъ сію сумму изъ общей, остается 89,945 рублей. Полагая 48,000 на возобновленіе главнаго корпуса, на прочія зданія останется съ небольшимъ 40,000. Впрочемъ предполагается, что въ подрядахъ цѣны значительно унизятся. На сіи замѣчанія буду ожидать вашего мнѣнія. Вамъ удобнѣе сообразить всѣ мѣстныя обстоятельства съ моими предложеніями“.

„Настоящее положенiе государственныхъ финансовъ ни отъ кого не закрыто,—писалъ онъ ректору И. О. Брауну отъ 16-го iюля 1816 года.— Не менѣе всякому извѣстно, что правительство всегда оказывало возможныя пособiя заведенiямъ, споспѣшествующимъ славѣ и пользѣ отечественной. Россiею претерпѣнныя бѣдствiя понудили правительство примѣнить иную систему финансовъ къ настоящимъ обстоятельствамъ, ограничивъ издержки тѣснѣйшими предѣлами; отъ того смѣты, требующiя большихъ пособiй, съ нѣкотораго времени остаются безъ удовлетворенiя.

Въ смѣтѣ, учиненной въ правленiи на возобновленiе зданiй университетскихъ, усматриваю, что потребная на оныя сумма столь значительна, что не предвидится средства приступить къ предполагаемымъ издержкамъ. Остается разложить оныя на нѣсколько лѣтъ, принявъ въ разсужденiе только тѣ предметы, коихъ необходимость ощутительнѣе".

Слѣдомъ за тѣмъ попечитель высказываетъ собственныя соображенiя относительно работъ, которыя имѣютъ быть поставленными, по его мнѣнiю, на ближайшую очередь, представляя и собственную смѣту стоимости ихъ:

„Комендантскiй (онъ же Кастеллiевскiй) домъ можно оставить въ томъ видѣ, въ какомъ нынѣ находится. Спижарнаго дома не стоитъ штукатурить, ибо онъ малонадежной прочности. Въ главномъ корпусѣ можно въ первый годъ возобновить уличную фасаду, прочiя оставить до слѣдующаго года; тожъ разумѣется о Типографскомъ и Тенишевскомъ домахъ. По сему распоряженiю придется употребить не болѣе 7685 рублей на весь главный корпусъ, а на одну фасаду полагаю половину сей суммы. На всѣ поправки сего корпуса въ смѣтѣ показано 48,798 рублей. Ежели бы возможно было разложить поправку или уплату на годы, тогда въ теченiи двухъ лѣтъ на сей предметъ можно бы было отложить остающуюся сумму отъ жалованья двѣнадцати ординарныхъ профессоровъ, что и составитъ 24,000 рублей въ годъ, а въ два—48,000. Поступая такимъ образомъ и въ слѣдующiе два года, можно привести въ надлежащее устройство и прочiя зданiя, выключая дома Спижарнаго и Комендантскаго, которые, по смѣтѣ, обойдутся въ 13,950 рублей. Поправленiе сихъ послѣднихъ можно оставить и до удобнаго времени. Слѣдовательно, исключивъ сiю сумму изъ общей, остается 89,945 рублей. Полагая 48,000 на возобновленiе главнаго корпуса, на прочiя зданiя останется съ небольшимъ 40,000. Впрочемъ предполагается, что въ подрядахъ цѣны значительно унизятся. На сiи замѣчанiя буду ожидать вашего мнѣнiя. Вамъ удобнѣе сообразить всѣ мѣстныя обстоятельства съ моими предложенiями".

24-го августа 1816 года Салтыковъ, все еще не оставлявшій своихъ петербургскихъ ходатайствъ, снова обращается къ ректору съ письмомъ, въ которомъ проситъ „безъ замедленія вкратцѣ изложить какъ настоящее положеніе университета, такъ и недостатки онаго", въ виду чего правленіе университета сдѣлало 7-го сентября постановленіе о немедленномъ собраніи требуемыхъ свѣдѣній, которыя, слѣдомъ за тѣмъ, и были ректоромъ Брауномъ препровождены къ попечителю въ Петербургъ. Эти свѣдѣнія представляютъ настолько значительный интересъ для общей характеристики состоянія университета въ концѣ 1816 года, что мы почитаемъ цѣлесообразнымъ привести ихъ здѣсь въ полномъ ихъ видѣ:

„По отношенію ко мнѣ вашего превосходительства о доставленіи вкратцѣ описанія о состояніи университета имѣю честь донести:

I. Казанскій университетъ имѣетъ 6 домовъ, а именно: Главный университетскій корпусъ и, такъ называемые—Тенишевскій, Кастельевскій, Спижарный, Типографскій и Загородный (въ Подлужной слободѣ), для анатомическихъ препаратовъ; сверхъ сего ботаническій садъ, съ оранжереями, и астрономическую обсерваторію.

Главнаго корпуса нижній этажъ занимается казначействомъ, библіотекою, студентами и питомцами гимназіи. Средній этажъ—правленіемъ университета, конторою гимназіи, совѣтомъ и архивомъ, физическимъ кабинетомъ и питомцами гимназіи. Верхній этажъ—чиновниками университета. Каменныя службы онаго корпуса—кухнею, хлѣбнею, прачешною и инвалидною командою.

Тенишевскаго дома: подвальный этажъ—инвалидною командою, нижній—химическою лабораторіею и чиновниками университета, средній—аудиторіею и чиновниками университета, верхній—канцелярскими служителями.

Кастельевскаго дома: нижній этажъ — его превосходительствомъ барономъ Мальтицомъ (?) *.

Спижарнаго дома: подвальный этажъ—вольнонаемными сторожами, средній и верхній—чиновниками университета.

Типографскаго дома: нижній этажъ—россійскою и татарскою типографіями и факторомъ; средній—клиническимъ институтомъ и гимназическою больницею. Службы онаго — анатомическимъ театромъ и типографскими служителями.

Всѣ оныя зданія требуютъ многихъ поправокъ.

II. По штату, высочайше утвержденному въ 5-ый день ноября 1804 года и по особымъ указамъ, университетъ получаетъ изъ казанской

---

* Верхній этажъ этого дома (нынѣшняя ректорская квартира) былъ отведенъ подъ квартиру попечителя. Личность упоминаемаго здѣсь барона Мальтица—намъ неизвѣстна.

24-го августа 1816 года Салтыковъ, все еще не оставлявшій своихъ петербургскихъ ходатайствъ, снова обращается къ ректору съ письмомъ, въ которомъ проситъ „безъ замедленія вкратцѣ изложить какъ настоящее положеніе университета, такъ и недостатки онаго“, въ виду чего правленіе университета сдѣлало 7-го сентября постановленіе о немедленномъ собраніи требуемыхъ свѣдѣній, которыя, слѣдомъ за тѣмъ, и были ректоромъ Брауномъ препровождены къ попечителю въ Петербургъ. Эти свѣдѣнія представляютъ настолько значительный интересъ для общей характеристики состоянія университета въ концѣ 1816 года, что мы почитаемъ цѣлесообразнымъ привести ихъ здѣсь въ полномъ ихъ видѣ:

„По отношенію ко мнѣ вашего превосходительства о доставленіи вкратцѣ описанія о состояніи университета имѣю честь донести:

I. Казанскій университетъ имѣетъ 6 домовъ, а именно: Главный университетскій корпусъ и, такъ называемые—Тенишевскій, Кастельевскій, Спижарный, Типографскій и Загородный (въ Подлужной слободѣ), для анатомическихъ препаратовъ; сверхъ сего ботаническій садъ, съ оранжереями, и астрономическую обсерваторію.

Главнаго корпуса нижній этажъ занимается казначействомъ, библіотекою, студентами и питомцами гимназіи. Средній этажъ—правленіемъ университета, конторою гимназіи, совѣтомъ и архивомъ, физическимъ кабинетомъ и питомцами гимназіи. Верхній этажъ—чиновниками университета. Каменныя службы онаго корпуса—кухнею, хлѣбнею, прачешною и инвалидною командою.

Тенишевскаго дома: подвальный этажъ—инвалидною командою, нижній—химическою лабораторіею и чиновниками университета, средній—аудиторіею и чиновниками университета, верхній—канцелярскими служителями.

Кастельевскаго дома: нижній этажъ — его превосходительствомъ барономъ Мальтицомъ (?) *.

Спижарнаго дома: подвальный этажъ—вольнонаемными сторожами, средній и верхній—чиновниками университета.

Типографскаго дома: нижній этажъ—россійскою и татарскою типографіями и факторомъ; средній—клиническимъ институтомъ и гимназическою больницею. Службы онаго — анатомическимъ театромъ и типографскими служителями.

Всѣ оныя зданія требуютъ многихъ поправокъ.

II. По штату, высочайше утвержденному въ 5-ый день ноября 1804 года и по особымъ указамъ, университетъ получаетъ изъ казанской

---

* Верхній этажъ этого дома (нынѣшняя ректорская квартира) былъ отведенъ подъ квартиру попечителя. Личность упоминаемаго здѣсь барона Мальтица—намъ неизвѣстна.

казенной палаты штатныхъ суммъ 144,300 рублей въ годъ. Изъ пенсіонной суммы, отсылаемой съ 1807 года, изъ процентовъ, московскаго воспитательнаго дома въ опекунскій совѣтъ, считается въ сохранной казнѣ 58,890 рублей, да суммы на содержаніе клиническаго института и университетской больницы 2950 рублей; всего капитальной суммы—61,840 рублей.

III. При университетѣ считается: ординарныхъ профессоровъ 17, экстраординарныхъ 6, адъюнктовъ 7, магистровъ 7, лекторовъ 3, учителей 4; студентовъ-кандидатовъ 8, казенныхъ студентовъ 30; чиновниковъ и канцелярскихъ служителей 17, чиновниковъ и служителей при типографіи 20, 1 баньщикъ.

Жалованья всѣмъ, вообще, производится изъ университетскихъ суммъ: изъ штатной—68,395 рублей, изъ хозяйственной—3300 рублей, изъ типографской—2063 рубля; квартирныхъ профессорамъ и пр.—9100 рублей. Находящимся при университетѣ инвалидамъ: 2-мъ унтеръ-офицерамъ и 40 рядовымъ производится въ годъ на жалованье, годовыя, двухъ и трехгодовыя вещи и провіантъ—3935 рублей 62½ коп. Въ пенсію вдовамъ профессорскимъ и дѣтямъ—2360 рублей въ годъ.

IV. Заведенія университетскія имѣютъ слѣдующіе недостатки:

а) Библіотека не имѣетъ книгъ новѣйшаго сочиненія.

б) Кабинеты: физическій—исключая электрическихъ снарядовъ, многихъ инструментовъ, принадлежащихъ оному, не имѣетъ; естественной исторіи—не имѣетъ разныхъ чучелъ и рѣдкостей и въ произведеніяхъ естественныхъ имѣетъ недостатокъ.

в) Клиническій институтъ устроенъ только для восьми кроватей.

г) Анатомическій театръ не имѣетъ труповъ.

д) Ботаническій садъ имѣетъ недостатокъ въ разныхъ растеніяхъ и требуетъ починки оранжерей и поправки заборовъ.

е) Астрономическая обсерваторія не имѣетъ нужныхъ инструментовъ.

ж) Химическая лабораторія, исключая инструментовъ, нужныхъ для производства обыкновенныхъ только опытовъ, ничего не имѣетъ.

з) Студенты, по стѣсненію гимназіею и чиновниками, не имѣютъ комнатъ для проживанія въ университетѣ“ [64].

Помимо письменныхъ представленій, подкрѣплявшихся смѣтами и данными, истребованными имъ изъ казанскаго университета, Салтыковъ предпринималъ и личныя ходатайства передъ министерствомъ — но и на этой почвѣ встрѣтили его неудачи, быть можетъ обусловленныя не однѣми только затрудненіями финансоваго характера, но и тѣми непріязненными отношеніями, которыя существовали, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ самъ казанскій попечитель, между нимъ и воротилою министерства народ-

казенной палаты штатныхъ суммъ 144,300 рублей въ годъ. Изъ пенсіонной суммы, отсылаемой съ 1807 года, изъ процентовъ, московскаго воспитательнаго дома въ опекунскій совѣтъ, считается въ сохранной казнѣ 58,890 рублей, да суммы на содержаніе клиническаго института и университетской больницы 2950 рублей; всего капитальной суммы—61,840 рублей.

III. При университетѣ считается: ординарныхъ профессоровъ 17, экстраординарныхъ 6, адъюнктовъ 7, магистровъ 7, лекторовъ 3, учителей 4; студентовъ-кандидатовъ 8, казенныхъ студентовъ 30; чиновниковъ и канцелярскихъ служителей 17, чиновниковъ и служителей при типографіи 20, 1 баньщикъ.

Жалованья всѣмъ, вообще, производится изъ университетскихъ суммъ: изъ штатной—68,395 рублей, изъ хозяйственной—3300 рублей, изъ типографской—2063 рубля; квартирныхъ профессорамъ и пр.—9100 рублей. Находящимся при университетѣ инвалидамъ: 2-мъ унтеръ-офицерамъ и 40 рядовымъ производится въ годъ на жалованье, годовыя, двухъ и трехгодовыя вещи и провіантъ—3935 рублей 62½ коп. Въ пенсію вдовамъ профессорскимъ и дѣтямъ—2360 рублей въ годъ.

IV. Заведенія университетскія имѣютъ слѣдующіе недостатки:

а) Библіотека не имѣетъ книгъ новѣйшаго сочиненія.

б) Кабинеты: физическій—исключая электрическихъ снарядовъ, многихъ инструментовъ, принадлежащихъ оному, не имѣетъ; естественной исторіи—не имѣетъ разныхъ чучелъ и рѣдкостей и въ произведеніяхъ естественныхъ имѣетъ недостатокъ.

в) Клиническій институтъ устроенъ только для восьми кроватей.

г) Анатомическій театръ не имѣетъ труповъ.

д) Ботаническій садъ имѣетъ недостатокъ въ разныхъ растеніяхъ и требуетъ починки оранжерей и поправки заборовъ.

е) Астрономическая обсерваторія не имѣетъ нужныхъ инструментовъ.

ж) Химическая лабораторія, исключая инструментовъ, нужныхъ для производства обыкновенныхъ только опытовъ, ничего не имѣетъ.

з) Студенты, по стѣсненію гимназіею и чиновниками, не имѣютъ комнатъ для проживанія въ университетѣ“ [64].

Помимо письменныхъ представленій, подкрѣплявшихся смѣтами и данными, истребованными имъ изъ казанскаго университета, Салтыковъ предпринималъ и личныя ходатайства передъ министерствомъ — но и на этой почвѣ встрѣтили его неудачи, быть можетъ обусловленныя не однѣми только затрудненіями финансоваго характера, но и тѣми непріязненными отношеніями, которыя существовали, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ самъ казанскій попечитель, между нимъ и воротилою министерства народ-

наго просвѣщенія—вліятельнымъ директоромъ департамента Мартыновымъ. Постигшее Салтыкова разочарованіе нашло себѣ рельефное отраженіе въ его письмахъ къ профессору Броннеру:

„Не льстите себя надеждою,—писалъ онъ ему еще отъ 3-го апрѣля 1816 года,—что бы мои предположенія могли увѣнчаться здѣсь успѣхомъ: все идетъ наперекоръ нашимъ ожиданіямъ. Намъ легко начертывать планы, мечтать объ ихъ благихъ результатахъ, уповать на осуществленіе нашихъ пожеланій. Но изъ за разстоянія въ 1600 верстъ трудно видѣть представляющіяся на этомъ пути препятствія, если только не вооружиться телескопомъ, который давалъ бы возможность издалека распознавать предметы въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ дѣйствительности. Легче считать солнечныя пятна, не выходя изъ той лачуги (sans sortir du taudis), которую мы соорудили въ университетскомъ саду подъ громкимъ названіемъ обсерваторіи, нежели разбираться въ тѣхъ разнообразныхъ тормазахъ, которыя ставятся на пути нашихъ успѣховъ здѣсь, въ столицѣ“ (Бр. 306).

Минорный тонъ разочарованія становится въ письмахъ попечителя все болѣе и болѣе доминирующимъ по мѣрѣ дальнѣйшаго пребыванія его въ Петербургѣ: „Изъ всего, что приходится мнѣ здѣсь видѣть и слышать, я убѣждаюсь въ томъ, что намъ нечего надѣяться на условія, благопріятныя для преуспѣванія нашего университета“—читаемъ въ письмѣ Салтыкова отъ 27-го мая, а въ письмѣ отъ 23-го октября онъ уже сообщаетъ, что „все погибло и не остается болѣе никакой надежды на помощь въ дѣлѣ созданія благоустройства университета“, такъ какъ новый министръ, князь Голицинъ — „отказываетъ въ выполненіи даже того, что было уже одобрено его предмѣстникомъ“ (Бр. 316, 343).

Если ходатайства Салтыкова и университета и не могли быть удовлетворены въ размѣрѣ тѣхъ смѣтныхъ предположеній, которыя были выработаны правленіемъ въ началѣ лѣта 1816 года, тѣмъ не менѣе осенью того же года, уже по вступленіи въ управленіе министерствомъ князя А. Н. Голицина, ассигнована была университету сумма въ 35,000 рублей, о чемъ 9-го октября и послѣдовало предписаніе экспедиціи государственныхъ доходовъ на имя казанской казенной палаты. Принявъ въ свое распоряженіе эту сумму въ началѣ января 1817 года, правленіе университета запросило министерство относительно того—„на какія именно исправленія употребить сіи деньги“, и получило отъ 14-го апрѣля 1817 года разъясненіе, что „какъ денегъ сихъ весьма недостаточно на всѣ потребныя исправленія, то предоставляется правленію, по собственному распредѣленію онаго, сумму сію употребить на самонужнѣйшія исправленія, не терпящія

наго просвѣщенія—вліятельнымъ директоромъ департамента Мартыновымъ. Постигшее Салтыкова разочарованіе нашло себѣ рельефное отраженіе въ его письмахъ къ профессору Броннеру:

„Не льстите себя надеждою,—писалъ онъ ему еще отъ 3-го апрѣля 1816 года,—что бы мои предположенія могли увѣнчаться здѣсь успѣхомъ: все идетъ наперекоръ нашимъ ожиданіямъ. Намъ легко начертывать планы, мечтать объ ихъ благихъ результатахъ, уповать на осуществленіе нашихъ пожеланій. Но изъ за разстоянія въ 1600 верстъ трудно видѣть представляющіяся на этомъ пути препятствія, если только не вооружиться телескопомъ, который давалъ бы возможность издалека распознавать предметы въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ дѣйствительности. Легче считать солнечныя пятна, не выходя изъ той лачуги (sans sortir du taudis), которую мы соорудили въ университетскомъ саду подъ громкимъ названіемъ обсерваторіи, нежели разбираться въ тѣхъ разнообразныхъ тормазахъ, которыя ставятся на пути нашихъ успѣховъ здѣсь, въ столицѣ“ (Бр. 306).

Минорный тонъ разочарованія становится въ письмахъ попечителя все болѣе и болѣе доминирующимъ по мѣрѣ дальнѣйшаго пребыванія его въ Петербургѣ: „Изъ всего, что приходится мнѣ здѣсь видѣть и слышать, я убѣждаюсь въ томъ, что намъ нечего надѣяться на условія, благопріятныя для преуспѣванія нашего университета“—читаемъ въ письмѣ Салтыкова отъ 27-го мая, а въ письмѣ отъ 23-го октября онъ уже сообщаетъ, что „все погибло и не остается болѣе никакой надежды на помощь въ дѣлѣ созданія благоустройства университета“, такъ какъ новый министръ, князь Голицинъ — „отказываетъ въ выполненіи даже того, что было уже одобрено его предмѣстникомъ“ (Бр. 316, 343).

Если ходатайства Салтыкова и университета и не могли быть удовлетворены въ размѣрѣ тѣхъ смѣтныхъ предположеній, которыя были выработаны правленіемъ въ началѣ лѣта 1816 года, тѣмъ не менѣе осенью того же года, уже по вступленіи въ управленіе министерствомъ князя А. Н. Голицина, ассигнована была университету сумма въ 35,000 рублей, о чемъ 9-го октября и послѣдовало предписаніе экспедиціи государственныхъ доходовъ на имя казанской казенной палаты. Принявъ въ свое распоряженіе эту сумму въ началѣ января 1817 года, правленіе университета запросило министерство относительно того—„на какія именно исправленія употребить сіи деньги“, и получило отъ 14-го апрѣля 1817 года разъясненіе, что „какъ денегъ сихъ весьма недостаточно на всѣ потребныя исправленія, то предоставляется правленію, по собственному распредѣленію онаго, сумму сію употребить на самонужнѣйшія исправленія, не терпящія

отлагательства". Правленіе поручило университетскому архитектору Д. М. Калашникову *, совмѣстно съ секретаремъ правленія О. Я. Юферовымъ, составить смѣту „самонужнѣйшихъ исправленій, нетерпящихъ отлагательства", каковыми и были признаны работы по капитальному ремонту главнаго университетскаго корпуса, производившіяся, затѣмъ, въ теченіи 1817 и 1818 годовъ и давшія матеріалъ для объемистаго архивнаго дѣла „объ ассигнованныхъ на казанскій университетъ, на исправленіе зданій, 35,000 рубляхъ" [65].

Если вопросъ о ремонтѣ главнаго университетскаго корпуса былъ разрѣшенъ, такимъ образомъ, въ положительномъ смыслѣ, то все еще оставался въ неопредѣленномъ положеніи вопросъ о поправкахъ, необходимыхъ въ другихъ университетскихъ домахъ, а также и весьма существенный для университета вопросъ о возстановленіи погорѣвшихъ гимназическихъ зданій—существенный для университета потому, что съ разрѣшеніемъ его связанъ былъ и вопросъ о выдвореніи изъ университетскихъ зданій, въ высшей степени стѣснявшей его, гимназіи. Оба вопроса выплыли наружу весною 1818 года, по инициативѣ университетскаго совѣта, вошедшаго 4 марта къ попечителю Салтыкову съ представленіемъ относительно новаго ходатайства объ отпускѣ суммъ, необходимыхъ для возстановленія гимназическихъ зданій. Это представленіе было мотивировано тѣми крупными неудобствами, которыя сказываются отъ совмѣстнаго, послѣ пожара 3-го сентября 1815 года, помѣщенія университета и гимназіи:

„Гимназія, по нынѣшнему ея помѣщенію въ главномъ университетскомъ корпусѣ,—заявляется въ этомъ представленіи,—имѣетъ крайнее и предосудительное (sic) для таковаго важнаго общественнаго заведенія стѣсненіе, даже двоекратно, особенно съ примѣтнымъ вниманіемъ, замѣченное при обозрѣніи ея, коимъ удостоена отъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, такъ что однѣ и тѣ же комнаты должны служить и спальнями и учебными, не говоря уже о весьма стѣсненномъ расположеніи кроватей питомческихъ. Различіе нравовъ и возрастовъ между гимназистами и студентами, разность предметовъ и времени занятій и отдыха тѣхъ и другихъ и естественно происходящая отъ того разность мѣръ къ образованію—неминуемо требуетъ отдѣленія первыхъ отъ послѣднихъ, чего въ нынѣш-

* Д. М. Калашниковъ, воспитанникъ академіи художествъ, былъ опредѣленъ архитекторомъ университета, по рекомендаціи академіи, 14-го сентября 1816 года. Назначеніе для казанскаго университета особаго штатнаго архитектора было разрѣшено указомъ отъ 5-го февраля 1816 года (Полн. Собр. Зак., т. XXXIII, № 26,124; см. также архивъ каз. унив., 1818, Попеч., № 51).

отлагательства". Правленіе поручило университетскому архитектору Д. М. Калашникову *, совмѣстно съ секретаремъ правленія О. Я. Юферовымъ, составить смѣту „самонужнѣйшихъ исправленій, нетерпящихъ отлагательства", каковыми и были признаны работы по капитальному ремонту главнаго университетскаго корпуса, производившіяся, затѣмъ, въ теченіи 1817 и 1818 годовъ и давшія матеріалъ для объемистаго архивнаго дѣла „объ ассигнованныхъ на казанскій университетъ, на исправленіе зданій, 35,000 рубляхъ" [65].

Если вопросъ о ремонтѣ главнаго университетскаго корпуса былъ разрѣшенъ, такимъ образомъ, въ положительномъ смыслѣ, то все еще оставался въ неопредѣленномъ положеніи вопросъ о поправкахъ, необходимыхъ въ другихъ университетскихъ домахъ, а также и весьма существенный для университета вопросъ о возстановленіи погорѣвшихъ гимназическихъ зданій—существенный для университета потому, что съ разрѣшеніемъ его связанъ былъ и вопросъ о выдвореніи изъ университетскихъ зданій, въ высшей степени стѣснявшей его, гимназіи. Оба вопроса выплыли наружу весною 1818 года, по инициативѣ университетскаго совѣта, вошедшаго 4 марта къ попечителю Салтыкову съ представленіемъ относительно новаго ходатайства объ отпускѣ суммъ, необходимыхъ для возстановленія гимназическихъ зданій. Это представленіе было мотивировано тѣми крупными неудобствами, которыя сказываются отъ совмѣстнаго, послѣ пожара 3-го сентября 1815 года, помѣщенія университета и гимназіи:

„Гимназія, по нынѣшнему ея помѣщенію въ главномъ университетскомъ корпусѣ,—заявляется въ этомъ представленіи,—имѣетъ крайнее и предосудительное (sic) для таковаго важнаго общественнаго заведенія стѣсненіе, даже двоекратно, особенно съ примѣтнымъ вниманіемъ, замѣченное при обозрѣніи ея, коимъ удостоена отъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, такъ что однѣ и тѣ же комнаты должны служить и спальнями и учебными, не говоря уже о весьма стѣсненномъ расположеніи кроватей питомческихъ. Различіе нравовъ и возрастовъ между гимназистами и студентами, разность предметовъ и времени занятій и отдыха тѣхъ и другихъ и естественно происходящая отъ того разность мѣръ къ образованію—неминуемо требуетъ отдѣленія первыхъ отъ послѣднихъ, чего въ нынѣш-

---

* Д. М. Калашниковъ, воспитанникъ академіи художествъ, былъ опредѣленъ архитекторомъ университета, по рекомендаціи академіи, 14-го сентября 1816 года. Назначеніе для казанскаго университета особаго штатнаго архитектора было разрѣшено указомъ отъ 5-го февраля 1816 года (Полн. Собр. Зак., т. XXXIII, № 26,124; см. также архивъ каз. унив., 1818, Попеч., № 51).

немъ стѣсненномъ положеніи никакъ ни пресѣчь, ни привести въ исполненіе не можно".

Совѣтъ ставитъ при этомъ на видъ, что расходъ, исчисленный на возстановленіе зданій гимназіи въ смѣтѣ 1816 года (328,658 рублей), въ настоящее время уже значительно понижается благодаря работамъ на сумму до 34,654 рублей, произведеннымъ на собственную гимназическую экономическую сумму, и что, по вновь составленной смѣтѣ, онъ не превыситъ 126,331 р. 95 коп.

Салтыковъ счелъ своевременнымъ возобновить, по этому поводу, неудавшееся ходатайство лѣта 1816 года и уже лично составилъ сокращенную смѣту расходовъ по исправленію остававшихся неремонтированными и невозстановленными университетскихъ и гимназическихъ домовъ, сведя ее, въ круглой цифрѣ 200,000 рублей, въ слѣдующемъ видѣ:

а) На исправленіе университетскихъ домовъ.

Спижарнаго	11,000 рубл.
Типографскаго	17,090 „
Постройка оранжереи при ботаническомъ садѣ	8,000 „
Итого	36,090 рубл.

б) На возстановленіе гимназическихъ домовъ.

Главнаго корпуса	92,740 рубл.
Великопольскаго дома	33,591 „
Каменная баня	8,580 „
Прачешная и помѣщеніе для инвалидной команды	28,999 „
Итого	163,910 рубл.
Всего на сумму	200,000 рублей.

И на этотъ разъ ходатайство попечителя и университетскаго совѣта было удовлетворено лишь частично. Департаментъ народнаго просвѣщенія 17-го мая увѣдомилъ Салтыкова, а тотъ, въ свою очередь, письмомъ отъ 20-го мая сообщилъ ректору Брауну, что „по недостаточности ассигнованнаго на нынѣшній годъ строительнаго на все государство капитала, можно было назначить къ отпуску только исчисленные на исправленіе домовъ казанскаго университета, Спижарнаго — 11,000 рубл., и Типографскаго—17,090 рубл., да въ число 92,740 рублей, требующихся на построеніе главнаго гимназическаго дома—30,000 рубл., а всего 58,090 рублей" [96].

Дальнѣйшія строительныя начинанія, въ результатѣ своемъ имѣвшія сооруженіе нынѣ существующаго главнаго университетскаго корпуса, уже

немъ стѣсненномъ положеніи никакъ ни пресѣчь, ни привести въ исполненіе не можно".

Совѣтъ ставитъ при этомъ на видъ, что расходъ, исчисленный на возстановленіе зданій гимназіи въ смѣтѣ 1816 года (328,658 рублей), въ настоящее время уже значительно понижается благодаря работамъ на сумму до 34,654 рублей, произведеннымъ на собственную гимназическую экономическую сумму, и что, по вновь составленной смѣтѣ, онъ не превыситъ 126,331 р. 95 коп.

Салтыковъ счелъ своевременнымъ возобновить, по этому поводу, неудавшееся ходатайство лѣта 1816 года и уже лично составилъ сокращенную смѣту расходовъ по исправленію остававшихся неремонтированными и невозстановленными университетскихъ и гимназическихъ домовъ, сведя ее, въ круглой цифрѣ 200,000 рублей, въ слѣдующемъ видѣ:

а) На исправленіе университетскихъ домовъ.

Спижарнаго	11,000 рубл.
Типографскаго	17,090 "
Постройка оранжереи при ботаническомъ садѣ	8,000 "
Итого	36,090 рубл.

б) На возстановленіе гимназическихъ домовъ.

Главнаго корпуса	92,740 рубл.
Великопольскаго дома	33,591 "
Каменная баня	8,580 "
Прачешная и помѣщеніе для инвалидной команды	28,999 "
Итого	163,910 рубл.
Всего на сумму	200,000 рублей.

И на этотъ разъ ходатайство попечителя и университетскаго совѣта было удовлетворено лишь частично. Департаментъ народнаго просвѣщенія 17-го мая увѣдомилъ Салтыкова, а тотъ, въ свою очередь, письмомъ отъ 20-го мая сообщилъ ректору Брауну, что „по недостаточности ассигнованнаго на нынѣшній годъ строительнаго на все государство капитала, можно было назначить къ отпуску только исчисленные на исправленіе домовъ казанскаго университета, Спижарнаго — 11,000 рубл., и Типографскаго—17,090 рубл., да въ число 92,740 рублей, требующихся на построеніе главнаго гимназическаго дома—30,000 рубл., а всего 58,090 рублей" [66].

Дальнѣйшія строительныя начинанія, въ результатѣ своемъ имѣвшія сооруженіе нынѣ существующаго главнаго университетскаго корпуса, уже

относятся къ эпохѣ попечительства Магницкаго, выходя за предѣлы нашего текущаго повѣствованія.

Неотложныя потребности университета по его внѣшнему благоустройству повлекли за собою одно распоряженіе, которое угрожало весьма неблагопріятными послѣдствіями для, собственно, ученой жизни его и которое, съ другой стороны, стояло въ связи съ мѣрою общаго характера, вызванною неудовлетворительнымъ состояніемъ государственныхъ финансовъ. Еще въ началѣ 1816 года государь императоръ отдалъ министру народнаго просвѣщенія приказъ о пріостановкѣ всѣхъ дальнѣйшихъ повышеній („par ordre de l'empereur toutes les promotions sont suspendues"—писалъ по этому поводу попечитель Броннеру) и этимъ, именно, высочайшимъ повелѣніемъ министръ мотивировалъ свой отказъ, такъ уязвившій самолюбіе Салтыкова, на представленіе о возведеніи магистра Манасеина въ званіе адъюнкта. На этомъ же высочайшемъ повелѣніи было основано и заслушанное 4-го августа въ совѣтѣ предложеніе попечителя отъ 14-го іюля, въ которомъ сообщалось, что министръ народнаго просвѣщенія предписываетъ казанскому университету „до времени ограничиваться числомъ профессоровъ нынѣ въономъ находящимся, и что бы вакантныя кафедры, какъ было и до сего времени, занимаемы были экстраординарными профессорами и адъюнктами, если только для сего оныхъ достаточно, такъ какъ отъ неполнаго числа ординарныхъ профессоровъ составится важная отрасль экономической суммы, которая послужитъ на поправленіе учебныхъ при университетѣ заведеній и на ихъ усовершенствованія, и что бы совѣтъ, при устроеніи заведеній, въ смѣтахъ имѣлъ великую разсчетливость, дабы таковыя заведенія устраивались постепенно" [67].

Не мало озабочивалъ находившагося въ Петербургѣ попечителя и вопросъ о благоустройствѣ зданій университета съ точки зрѣнія ихъ чистоты и соблюденія въ нихъ внѣшняго порядка. Заботы эти стояли въ близкомъ соотношеніи съ предположеніями о возможности посѣщенія въ ближайшемъ будущемъ Казани высочайшими особами, и Салтыкову желательно было, конечно, представить высокимъ посѣтителямъ подвѣдомственныя ему учрежденія если не въ блестящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ вполнѣ благообразномъ видѣ:

„Весьма уповательно,—пишетъ попечитель ректору отъ 14-го апрѣля 1816 года,—что великій князь Николай Павловичъ предприметъ вскорѣ путешествіе по Россіи, но неизвѣстно, какія губерніи будетъ обозрѣвать. Для всякаго случая не безполезно привести учебныя наши заве-

относятся къ эпохѣ попечительства Магницкаго, выходя за предѣлы нашего текущаго повѣствованія.

Неотложныя потребности университета по его внѣшнему благоустройству повлекли за собою одно распоряженіе, которое угрожало весьма неблагопріятными послѣдствіями для, собственно, ученой жизни его и которое, съ другой стороны, стояло въ связи съ мѣрою общаго характера, вызванною неудовлетворительнымъ состояніемъ государственныхъ финансовъ. Еще въ началѣ 1816 года государь императоръ отдалъ министру народнаго просвѣщенія приказъ о пріостановкѣ всѣхъ дальнѣйшихъ повышеній („par ordre de l'empereur toutes les promotions sont suspendues"— писалъ по этому поводу попечитель Броннеру) и этимъ, именно, высочайшимъ повелѣніемъ министръ мотивировалъ свой отказъ, такъ уязвившій самолюбіе Салтыкова, на представленіе о возведеніи магистра Манасеина въ званіе адъюнкта. На этомъ же высочайшемъ повелѣніи было основано и заслушанное 4-го августа въ совѣтѣ предложеніе попечителя отъ 14-го іюля, въ которомъ сообщалось, что министръ народнаго просвѣщенія предписываетъ казанскому университету „до времени ограничиваться числомъ профессоровъ нынѣ въ ономъ находящимся, и что бы вакантныя кафедры, какъ было и до сего времени, занимаемы были экстраординарными профессорами и адъюнктами, если только для сего оныхъ достаточно, такъ какъ отъ неполнаго числа ординарныхъ профессоровъ составится важная отрасль экономической суммы, которая послужитъ на поправленіе учебныхъ при университетѣ заведеній и на ихъ усовершенствованія, и что бы совѣтъ, при устроеніи заведеній, въ смѣтахъ имѣлъ великую разсчетливость, дабы таковыя заведенія устраивались постепенно" [67].

Не мало озабочивалъ находившагося въ Петербургѣ попечителя и вопросъ о благоустройствѣ зданій университета съ точки зрѣнія ихъ чистоты и соблюденія въ нихъ внѣшняго порядка. Заботы эти стояли въ близкомъ соотношеніи съ предположеніями о возможности посѣщенія въ ближайшемъ будущемъ Казани высочайшими особами, и Салтыкову желательно было, конечно, представить высокимъ посѣтителямъ подвѣдомственныя ему учрежденія если не въ блестящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ вполнѣ благообразномъ видѣ:

„Весьма уповательно,—пишетъ попечитель ректору отъ 14-го апрѣля 1816 года,—что великій князь Николай Павловичъ предприметъ вскорѣ путешествіе по Россіи, но неизвѣстно, какія губерніи будетъ обозрѣвать. Для всякаго случая не безполезно привести учебныя наши заве-

денія въ благоустройство, особливо по части наружной, и потому прошу васъ предварить всѣхъ чиновниковъ о приведеніи въ порядокъ всѣхъ частей, имъ ввѣренныхъ *. Важнымъ почитаю наблюденіе чистоты. Прошу васъ также объявить всѣмъ студентамъ, равно и всѣмъ чиновникамъ, что бы одежда была у всѣхъ единообразна и по предписанной формѣ. Крыльцы, двери—должны быть исправлены и выкрашены, въ окнахъ стеклы вставлены безъ заплатокъ; сколько можно и штукатурку должно стараться подправить. Не нахожу нужнымъ входить во всѣ подробности, надѣясь, что вамъ самимъ извѣстно, въ какомъ видѣ университетъ долженъ быть представленъ высокому посѣтителю".

„Не безполезно подтвердить экзекутору,—пишетъ попечитель мѣсяцемъ позже, — что бы наблюдалъ за чистотою комнатъ, занимаемыхъ чиновниками, живущими въ казенныхъ квартирахъ, и требовалъ отъ нихъ предписанной чистоты. Тотъ же порядокъ надобно наблюдать въ больницѣ, о чемъ неоднократно уже мною были сдѣланы замѣчанія. Исполненіе зависитъ отъ строгаго взысканія; надѣясь на благоразумную вашу дѣятельность, я увѣренъ, что вы обратите неусыпное вниманіе на такую часть, въ которой долговременное упущеніе обезобразило всѣ университетскія зданія, обнаруживая неустройство и нерадѣніе въ чистотѣ".

Въ своихъ заботахъ о внѣшнемъ благоустройствѣ университета попечитель доходитъ до указаній совершенно мелочнаго характера:

„Такъ какъ отъ неполнаго числа чиновниковъ остающаяся сумма можетъ сдѣлаться довольно значительною, то можно будетъ возобновить нѣкоторую утварь, университету принадлежащую. Во первыхъ, я полагаю, что необходимо нужно перемѣнить алое сукно, покрывающее большой столъ въ совѣтѣ и выставляющійся въ залу во время торжественныхъ собраній. Но красное сукно—весьма дорого, количество онаго потребуется не малое: зеленое будетъ удобнѣе съ золотою бахрамою. И для того прошу васъ напередъ, сообразно съ экономическою суммою, приказать сдѣлать смѣту. Бахраму можно здѣсь заказать. При главномъ входѣ въ университетскій корпусъ нужно перемѣнить фонарь. Стекла въ окны цѣлыя вставить. Двери всѣ выбѣлить масляною краскою. Полы въ аудиторіяхъ вычинить. Въ обсерваторію сдѣлать удобный входъ, — преимущественно же обратить вниманіе на больницу. На Воскресенской улицѣ надолбы выкрасить. Инвалиды должны быть въ единообразной одеждѣ и наблюдать чистоту въ своихъ казармахъ. Сію отвѣтственность возложите на экзекутора" [68].

---

* Это ожиданіе—не оправдалось: въ августѣ слѣдующаго 1817 года, дѣйствительно, удостоилъ Казань посѣщеніемъ одинъ изъ августѣйшихъ братьевъ императора, но не Николай Павловичъ, а великій князь Михаилъ Павловичъ.

денія въ благоустройство, особливо по части наружной, и потому прошу васъ предварить всѣхъ чиновниковъ о приведеніи въ порядокъ всѣхъ частей, имъ ввѣренныхъ *. Важнымъ почитаю наблюденіе чистоты. Прошу васъ также объявить всѣмъ студентамъ, равно и всѣмъ чиновникамъ, что бы одежда была у всѣхъ единообразна и по предписанной формѣ. Крыльцы, двери—должны быть исправлены и выкрашены, въ окнахъ стеклы вставлены безъ заплатокъ; сколько можно и штукатурку должно стараться подправить. Не нахожу нужнымъ входить во всѣ подробности, надѣясь, что вамъ самимъ извѣстно, въ какомъ видѣ университетъ долженъ быть представленъ высокому посѣтителю".

„Не безполезно подтвердить экзекутору,—пишетъ попечитель мѣсяцемъ позже, — что бы наблюдалъ за чистотою комнатъ, занимаемыхъ чиновниками, живущими въ казенныхъ квартирахъ, и требовалъ отъ нихъ предписанной чистоты. Тотъ же порядокъ надобно наблюдать въ больницѣ, о чемъ неоднократно уже мною были сдѣланы замѣчанія. Исполненіе зависитъ отъ строгаго взысканія; надѣясь на благоразумную вашу дѣятельность, я увѣренъ, что вы обратите неусыпное вниманіе на такую часть, въ которой долговременное упущеніе обезобразило всѣ университетскія зданія, обнаруживая неустройство и нерадѣніе въ чистотѣ".

Въ своихъ заботахъ о внѣшнемъ благоустройствѣ университета попечитель доходитъ до указаній совершенно мелочнаго характера:

„Такъ какъ отъ неполнаго числа чиновниковъ остающаяся сумма можетъ сдѣлаться довольно значительною, то можно будетъ возобновить нѣкоторую утварь, университету принадлежащую. Во первыхъ, я полагаю, что необходимо нужно перемѣнить алое сукно, покрывающее большой столъ въ совѣтѣ и выставляющійся въ залу во время торжественныхъ собраній. Но красное сукно—весьма дорого, количество онаго потребуется не малое: зеленое будетъ удобнѣе съ золотою бахрамою. И для того прошу васъ напередъ, сообразно съ экономическою суммою, приказать сдѣлать смѣту. Бахраму можно здѣсь заказать. При главномъ входѣ въ университетскій корпусъ нужно перемѣнить фонарь. Стекла въ окны цѣлыя вставить. Двери всѣ выбѣлить масляною краскою. Полы въ аудиторіяхъ вычинить. Въ обсерваторію сдѣлать удобный входъ, — преимущественно же обратить вниманіе на больницу. На Воскресенской улицѣ надолбы выкрасить. Инвалиды должны быть въ единообразной одеждѣ и наблюдать чистоту въ своихъ казармахъ. Сію отвѣтственность возложите на экзекутора" [68].

---

* Это ожиданіе—не оправдалось: въ августѣ слѣдующаго 1817 года, дѣйствительно, удостоилъ Казань посѣщеніемъ одинъ изъ августѣйшихъ братьевъ императора, но не Николай Павловичъ, а великій князь Михаилъ Павловичъ.

Салтыковъ не особенно надѣялся, очевидно, на точное выполненіе его указаній и, желая воздѣйствовать на ректора и правленіе аргументомъ болѣе убѣдительнымъ, ссылался на возможность посѣщенія Казани не только великимъ княземъ, но даже самимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ: „Въ августѣ мѣсяцѣ государь императоръ,—писалъ онъ Броннеру лѣтомъ того же года, — предприметъ, быть можетъ, поѣздку во внутрь имперіи. Я допускалъ возможность, что, пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ, императоръ посѣтитъ восточныя губерніи и охотно вѣрилъ этому, хотя бы только для того, что бы имѣть поводъ побудить ректора къ заботамъ относительно чистоты университетскихъ зданій“ (Бр. 326).

Салтыковъ уѣхалъ изъ Казани, въ январѣ 1816 года, съ затаеннымъ чувствомъ раздраженія противъ ректора Брауна и всего университетскаго совѣта, вызваннаго тѣмъ двойственнымъ положеніемъ, которое самъ же онъ себѣ создалъ временнымъ самоустраненіемъ отъ дѣлъ и съ которымъ мы уже въ достаточной степени знакомы. Это чувство раздраженія было, какъ мы видѣли, особенно обострено совѣтскими выборами 1815 года, (Вердерамо, бар. Врангеля, Солнцева и Лубкина), предпринятыми и утвержденными помимо его участія въ этомъ дѣлѣ. Уѣзжая на неопредѣленное время въ Петербургъ, Салтыковъ и на этотъ разъ предоставилъ совѣту право непосредственныхъ сношеній съ министромъ, посредникомъ же въ своихъ дѣлахъ съ университетомъ объявилъ интригана Кондырева—завзятаго противника ректора Брауна и представляемаго имъ совѣтскаго большинства. Тѣмъ самымъ снова открывалась благопріятная почва для недоразумѣній между отсутствующимъ изъ Казани попечителемъ и университетскимъ совѣтомъ, — почва, на которой, какъ мы увидимъ, и не замедлилъ возникнуть рядъ конфликтовъ и неудовольствій весьма остраго характера, окончательно порвавшихъ сколько нибудь мирныя отношенія между попечителемъ и университетомъ.

Первый поводъ къ столкновенію между попечителемъ и совѣтскимъ большинствомъ, съ ректоромъ Брауномъ въ его главѣ, данъ былъ возникшимъ весною 1816 года вопросомъ о повышеніи въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ адъюнктовъ Н. И. Лобачевскаго и И. М. Симонова.

Вопросъ объ этой промоціи возбужденъ былъ самимъ Салтыковымъ. 24-го мая 1816 года въ совѣтѣ университета заслушано было письмо попечителя на имя ректора, отъ 27-го апрѣля, слѣдующаго содержанія:

Салтыковъ не особенно надѣялся, очевидно, на точное выполненіе его указаній и, желая воздѣйствовать на ректора и правленіе аргументомъ болѣе убѣдительнымъ, ссылался на возможность посѣщенія Казани не только великимъ княземъ, но даже самимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ: „Въ августѣ мѣсяцѣ государь императоръ,—писалъ онъ Броннеру лѣтомъ того же года, — предприметъ, быть можетъ, поѣздку во внутрь имперіи. Я допускалъ возможность, что, пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ, императоръ посѣтитъ восточныя губерніи и охотно вѣрилъ этому, хотя бы только для того, что бы имѣть поводъ побудить ректора къ заботамъ относительно чистоты университетскихъ зданій" (Бр. 326).

Салтыковъ уѣхалъ изъ Казани, въ январѣ 1816 года, съ затаеннымъ чувствомъ раздраженія противъ ректора Брауна и всего университетскаго совѣта, вызваннаго тѣмъ двойственнымъ положеніемъ, которое самъ же онъ себѣ создалъ временнымъ самоустраненіемъ отъ дѣлъ и съ которымъ мы уже въ достаточной степени знакомы. Это чувство раздраженія было, какъ мы видѣли, особенно обострено совѣтскими выборами 1815 года, (Вердерамо, бар. Врангеля, Солнцева и Лубкина), предпринятыми и утвержденными помимо его участія въ этомъ дѣлѣ. Уѣзжая на неопредѣленное время въ Петербургъ, Салтыковъ и на этотъ разъ предоставилъ совѣту право непосредственныхъ сношеній съ министромъ, посредникомъ же въ своихъ дѣлахъ съ университетомъ объявилъ интригана Кондырева—завзятаго противника ректора Брауна и представляемаго имъ совѣтскаго большинства. Тѣмъ самымъ снова открывалась благопріятная почва для недоразумѣній между отсутствующимъ изъ Казани попечителемъ и университетскимъ совѣтомъ, — почва, на которой, какъ мы увидимъ, и не замедлилъ возникнуть рядъ конфликтовъ и неудовольствій весьма остраго характера, окончательно порвавшихъ сколько нибудь мирныя отношенія между попечителемъ и университетомъ.

Первый поводъ къ столкновенію между попечителемъ и совѣтскимъ большинствомъ, съ ректоромъ Брауномъ въ его главѣ, данъ былъ возникшимъ весною 1816 года вопросомъ о повышеніи въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ адъюнктовъ Н. И. Лобачевскаго и И. М. Симонова.

Вопросъ объ этой промоціи возбужденъ былъ самимъ Салтыковымъ. 24-го мая 1816 года въ совѣтѣ университета заслушано было письмо попечителя на имя ректора, отъ 27-го апрѣля, слѣдующаго содержанія:

„На представленіе, сдѣланное мною его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія объ адъюнктахъ Лобачевскомъ и Симоновѣ, заслуживающихъ по своимъ отличнымъ познаніямъ и поведеніямъ званія экстраординарныхъ профессоровъ, его сіятельство, уважая мое объ нихъ одобреніе, извѣстилъ меня, что онъ не оставитъ ихъ утвердить въ семъ званіи, коль скоро получитъ представленіе отъ университета на основаніи устава, упоминая, что бы я предложилъ о семъ совѣту. Вслѣдствіе чего прошу васъ, собравъ совѣтъ, предложеніе мое отдать на разсужденіе членамъ онаго, а опредѣленіе, какое воспослѣдуетъ, прошу неукоснительно мнѣ сообщить".

Письмо это даетъ намъ основаніе предположить, что Салтыковъ надѣялся,—хотя въ перепискѣ своей съ Броннеромъ онъ это, какъ ниже увидимъ, и отвергалъ,—провести обоихъ адъюнктовъ въ экстраординарные профессоры путемъ личнаго, помимо совѣта, представленія, разсчитывая на прямое повышеніе ихъ въ это званіе министромъ. Графъ Разумовскій не захотѣлъ нарушить предоставленнаго университету уставомъ права выбора и предписалъ передать дѣло въ совѣтъ.

Въ совѣтѣ, при слушаніи попечительскаго предложенія, возникло существенное недоумѣніе. Дѣло въ томъ, что, на точномъ основаніи университетскаго устава 1804 года (§ 36), экстраординарные профессоры избирались, въ количествѣ четырехъ, изъ наличныхъ адъюнктовъ, а этотъ комплектъ экстраординатуръ былъ въ то время въ университетѣ уже заполненъ. Меньшинство членовъ совѣта (8 голосовъ—представители русской партіи) подали голоса за немедленное исполненіе предложенія попечителя, въ смыслѣ неотложнаго баллотированія обоихъ кандидатовъ; большинство же членовъ (14 голосовъ—представители нѣмецкой партіи) требовали предварительнаго разрѣшенія министра по вопросу о томъ: „можетъ ли совѣтъ приступить къ выбору экстраординарныхъ профессоровъ сверхъ означеннаго въ § 36-мъ устава числа?" Оставшіеся въ меньшинствѣ профессоры Солнцевъ и Кондыревъ представили отдѣльныя мнѣнія, въ которыхъ пространными доводами доказывали не только необходимость, но и совершенную легальность точнаго исполненія предложенія попечителя и немедленнаго баллотированія Лобачевскаго и Симонова; къ первому отдѣльному мнѣнію присоединился адъюнктъ Ренардъ, ко второму—профессоръ Перевощиковъ. Въ смыслѣ мнѣнія совѣтскаго большинства и было сдѣлано представленіе министру народнаго просвѣщенія и донесеніе попечителю округа.

Постановленіе совѣта отъ 24-го мая, въ достаточной степени комментированное, безъ сомнѣнія, конфиденціальнымъ донесеніемъ Кондырева, при-

„На представленіе, сдѣланное мною его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія объ адъюнктахъ Лобачевскомъ и Симоновѣ, заслуживающихъ по своимъ отличнымъ познаніямъ и поведеніямъ званія экстраординарныхъ профессоровъ, его сіятельство, уважая мое объ нихъ одобреніе, извѣстилъ меня, что онъ не оставитъ ихъ утвердить въ семъ званіи, коль скоро получитъ представленіе отъ университета на основаніи устава, упоминая, что бы я предложилъ о семъ совѣту. Вслѣдствіе чего прошу васъ, собравъ совѣтъ, предложеніе мое отдать на разсужденіе членамъ онаго, а опредѣленіе, какое воспослѣдуетъ, прошу неукоснительно мнѣ сообщить".

Письмо это даетъ намъ основаніе предположить, что Салтыковъ надѣялся,—хотя въ перепискѣ своей съ Броннеромъ онъ это, какъ ниже увидимъ, и отвергалъ,—провести обоихъ адъюнктовъ въ экстраординарные профессоры путемъ личнаго, помимо совѣта, представленія, разсчитывая на прямое повышеніе ихъ въ это званіе министромъ. Графъ Разумовскій не захотѣлъ нарушить предоставленнаго университету уставомъ права выбора и предписалъ передать дѣло въ совѣтъ.

Въ совѣтѣ, при слушаніи попечительскаго предложенія, возникло существенное недоумѣніе. Дѣло въ томъ, что, на точномъ основаніи университетскаго устава 1804 года (§ 36), экстраординарные профессоры избирались, въ количествѣ четырехъ, изъ наличныхъ адъюнктовъ, а этотъ комплектъ экстраординатуръ былъ въ то время въ университетѣ уже заполненъ. Меньшинство членовъ совѣта (8 голосовъ—представители русской партіи) подали голоса за немедленное исполненіе предложенія попечителя, въ смыслѣ неотложнаго баллотированія обоихъ кандидатовъ; большинство же членовъ (14 голосовъ—представители нѣмецкой партіи) требовали предварительнаго разрѣшенія министра по вопросу о томъ: „можетъ ли совѣтъ приступить къ выбору экстраординарныхъ профессоровъ сверхъ означеннаго въ § 36-мъ устава числа?" Оставшіеся въ меньшинствѣ профессоры Солнцевъ и Кондыревъ представили отдѣльныя мнѣнія, въ которыхъ пространными доводами доказывали не только необходимость, но и совершенную легальность точнаго исполненія предложенія попечителя и немедленнаго баллотированія Лобачевскаго и Симонова; къ первому отдѣльному мнѣнію присоединился адъюнктъ Ренардъ, ко второму—профессоръ Перевощиковъ. Въ смыслѣ мнѣнія совѣтскаго большинства и было сдѣлано представленіе министру народнаго просвѣщенія и донесеніе попечителю округа.

Постановленіе совѣта отъ 24-го мая, въ достаточной степени комментированное, безъ сомнѣнія, конфиденціальнымъ донесеніемъ Кондырева, при-

вело самолюбиваго Салтыкова въ состояніе крайняго раздраженія и негодованія, въ рѣзкой формѣ вылившихся въ его интересномъ и характерномъ письмѣ къ Броннеру отъ 12-го іюня, писанномъ тотчасъ же по полученіи донесенія совѣта о результатѣ засѣданія 24-го мая:

„Не могу удержаться,—пишетъ здѣсь попечитель,—что бы не поговорить съ вами о подкладкѣ нѣкоторыхъ, встрѣченныхъ мною, противодѣйствій, которыя я не въ силахъ равнодушно перенести, которыя способны были бы задѣть за живое всякаго мыслящаго, еще не впавшаго въ совершенную апатію, человѣка.

Рѣчь будетъ идти о совѣтѣ университета, отчасти составленномъ изъ людей честныхъ, прямыхъ, чистоплотныхъ и справедливыхъ, но, въ извѣстной части своей—изъ интригановъ, подлецовъ, людей лукавыхъ и злонамѣренныхъ (en partie d'intriguants, de lâches, de fourbes et de malveillants), которые, къ несчастью, нерѣдко берутъ верхъ надъ первыми, такъ какъ вездѣ и всегда дерзость, наглость и вѣроломство—подавляютъ собою скромность, эту мирную спутницу добросердечія, терпимости и великодушія. Если совѣтъ совершаетъ, порою, ложные шаги, то это только потому, что онъ подпадаетъ вліянію личныхъ страстей, берущихъ преобладаніе надъ стремленіями къ общественному благу.

До полнаго открытія казанскаго университета неограниченная власть, хотя и отданная въ нечистыя руки *, но снабженная широкими полномочіями, деспотически руководила людьми безъ инициативы и безъ права голоса,—по крайней мѣрѣ не дерзавшими даже помышлять о томъ, что имъ присвоены какія либо права. Моимъ первымъ помысломъ явилось желаніе устранить это зло, давъ университету узаконенный уставомъ строй. Скоро пришлось мнѣ, однако, убѣдиться въ томъ, что зло было устранено лишь формально и что я цѣли не достигъ потому, что, отстранивъ деспота, я не разогналъ интригановъ. Люди честные, но скромные—продолжали безмолвствовать, заглушаемые криками людей злонамѣренныхъ. Сколько фактовъ пришлось бы мнѣ приводить, если бы я вздумалъ припомнить всѣ неправильныя дѣйствія совѣта! Зависть, дерзость, низость, вражда, лицепріязнь—даютъ себя чувствовать въ каждомъ засѣданіи. Какой можетъ быть сдѣланъ изъ всего сказаннаго выводъ? Конечно только тотъ, что члены совѣта трепетали передъ желѣзною властью такого негодяя, какъ Яковкинъ (devant le sceptre de fer d' un misérable, comme Jakovkin), волѣ котораго никто не дерзалъ безнаказанно противостать, тогда какъ мои предложенія, мои совѣты, мои пожеланія, самыя даже просьбы мои—служатъ лишь поводомъ къ зубоскальству и проявленіямъ недоброжелательства"....

* «Une autorité arbitraire, confiée a des mains impures»—рѣчь идетъ здѣсь о Яковкинѣ.

вело самолюбиваго Салтыкова въ состоянiе крайняго раздраженiя и негодованiя, въ рѣзкой формѣ вылившихся въ его интересномъ и характерномъ письмѣ къ Броннеру отъ 12-го iюня, писанномъ тотчасъ же по полученiи донесенiя совѣта о результатѣ засѣданiя 24-го мая:

„Не могу удержаться,—пишетъ здѣсь попечитель,—что бы не поговорить съ вами о подкладкѣ нѣкоторыхъ, встрѣченныхъ мною, противодѣйствiй, которыя я не въ силахъ равнодушно перенести, которыя способны были бы задѣть за живое всякаго мыслящаго, еще не впавшаго въ совершенную апатiю, человѣка.

Рѣчь будетъ идти о совѣтѣ университета, отчасти составленномъ изъ людей честныхъ, прямыхъ, чистоплотныхъ и справедливыхъ, но, въ извѣстной части своей—изъ интригановъ, подлецовъ, людей лукавыхъ и злонамѣренныхъ (en partie d'intriguants, de lâches, de fourbes et de malveillants), которые, къ несчастью, нерѣдко берутъ верхъ надъ первыми, такъ какъ вездѣ и всегда дерзость, наглость и вѣроломство—подавляютъ собою скромность, эту мирную спутницу добросердечiя, терпимости и великодушiя. Если совѣтъ совершаетъ, порою, ложные шаги, то это только потому, что онъ подпадаетъ влiянiю личныхъ страстей, берущихъ преобладанiе надъ стремленiями къ общественному благу.

До полнаго открытiя казанскаго университета неограниченная власть, хотя и отданная въ нечистыя руки *, но снабженная широкими полномочiями, деспотически руководила людьми безъ инициативы и безъ права голоса,—по крайней мѣрѣ не дерзавшими даже помышлять о томъ, что имъ присвоены какiя либо права. Моимъ первымъ помысломъ явилось желанiе устранить это зло, давъ университету узаконенный уставомъ строй. Скоро пришлось мнѣ, однако, убѣдиться въ томъ, что зло было устранено лишь формально и что я цѣли не достигъ потому, что, отстранивъ деспота, я не разогналъ интригановъ. Люди честные, но скромные—продолжали безмолвствовать, заглушаемые криками людей злонамѣренныхъ. Сколько фактовъ пришлось бы мнѣ приводить, если бы я вздумалъ припомнить всѣ неправильныя дѣйствiя совѣта! Зависть, дерзость, низость, вражда, лицепрiязнь—даютъ себя чувствовать въ каждомъ засѣданiи. Какой можетъ быть сдѣланъ изъ всего сказаннаго выводъ? Конечно только тотъ, что члены совѣта трепетали передъ желѣзною властью такого негодяя, какъ Яковкинъ (devant le sceptre de fer d' un misérable, comme Jakovkin), волѣ котораго никто не дерзалъ безнаказанно противостать, тогда какъ мои предложенiя, мои совѣты, мои пожеланiя, самыя даже просьбы мои—служатъ лишь поводомъ къ зубоскальству и проявленiямъ недоброжелательства“....

* «Une autorité arbitraire, confiée a des mains impures»—рѣчь идетъ здѣсь о Яковкинѣ.

Охарактеризовавъ въ такихъ мрачныхъ и сильно сгущенныхъ краскахъ отношеніе къ нему совѣта казанскаго университета, Салтыковъ переходитъ къ оцѣнкѣ инцидента 24-го мая:

„Задержка, оказанная въ дѣлѣ избранія Симонова и Лобачевскаго, подтверждаетъ справедливость моихъ сѣтованій. Яковкинъ—приказалъ бы совѣту, и его не посмѣли бы ослушаться. Я могъ бы настоять на непосредственномъ назначеніи моихъ кандидатовъ министромъ, но я не желалъ (?) лишать совѣтъ права, ему принадлежащаго.... Несправедливость—явная! Совѣтъ колеблется подвергнуть избранію вполнѣ достойныхъ адъюнктовъ, которые съ наилучшей стороны, съ самого прибытія моего въ Казань, рекомендовались мнѣ всѣми иностранными профессорами.... Если это—намѣренія чистыя и честныя, въ такомъ случаѣ я становлюсь въ полнѣйшее недоумѣніе.

Скажу вамъ откровенно: ректоръ—первый изъ членовъ совѣта, котораго я обвиняю во всемъ происшедшемъ. Привычка властвовать и чадъ честолюбія—вскружили ему голову, и онъ болѣе подчиняется личнымъ видамъ, нежели велѣніямъ совѣсти. Онъ—человѣкъ порядка, труда, стойкости, но онъ все же—человѣкъ, а потому и не свободенъ отъ людскихъ страстей и слабостей:... Не показывая ему настоящаго письма, дайте г. ректору почувствовать мое недовольство, причиною котораго въ значительнѣйшей степени является именно онъ“ (Бр. 317—319).

Помимо отношеній собственно университетскихъ, служебныхъ, а также несомнѣнныхъ и слишкомъ хорошо извѣстныхъ научныхъ достоинствъ обоихъ адъюнктовъ, существовали отношенія и болѣе интимнаго характера, снискавшія Лобачевскому и Симонову расположеніе попечителя. Оказывается, со словъ самого Салтыкова, что оба молодые ученые давали уроки въ домѣ попечителя, что сблизило ихъ съ нимъ настолько, что, отъѣзжая изъ Казани въ Петербургъ, Салтыковъ, какъ мы видѣли, даже поселилъ Симонова въ своей университетской квартирѣ, подъ предлогомъ присмотра за оставленнымъ въ ней имуществомъ. Снова касаясь въ письмѣ къ Броннеру отъ 24-го іюля вопроса о причиненномъ ему совѣтомъ неудовольствіи и припоминая, попутно, прошлогодніе уколы самолюбія, нанесенные ему избраніемъ и представленіемъ Врангеля, Вердерамо, Солнцева и Лубкина, Салтыковъ слѣдующимъ образомъ комментируетъ свои отношенія къ протежируемымъ имъ адъюнктамъ:

„Возможно,—заявляетъ онъ въ этомъ письмѣ,—что мое расположеніе къ Симонову и Лобачевскому, дѣйствительно, побудило меня оказать имъ отличіе по отношенію къ ихъ сотоварищамъ.... Это не было,

Охарактеризовавъ въ такихъ мрачныхъ и сильно сгущенныхъ краскахъ отношеніе къ нему совѣта казанскаго университета, Салтыковъ переходитъ къ оцѣнкѣ инцидента 24-го мая:

„Задержка, оказанная въ дѣлѣ избранія Симонова и Лобачевскаго, подтверждаетъ справедливость моихъ сѣтованій. Яковкинъ—приказалъ бы совѣту, и его не посмѣли бы ослушаться. Я могъ бы настоять на непосредственномъ назначеніи моихъ кандидатовъ министромъ, но я не желалъ (?) лишать совѣтъ права, ему принадлежащаго.... Несправедливость—явная! Совѣтъ колеблется подвергнуть избранію вполнѣ достойныхъ адъюнктовъ, которые съ наилучшей стороны, съ самого прибытія моего въ Казань, рекомендовались мнѣ всѣми иностранными профессорами.... Если это—намѣренія чистыя и честныя, въ такомъ случаѣ я становлюсь въ полнѣйшее недоумѣніе.

Скажу вамъ откровенно: ректоръ—первый изъ членовъ совѣта, котораго я обвиняю во всемъ происшедшемъ. Привычка властвовать и чадъ честолюбія—вскружили ему голову, и онъ болѣе подчиняется личнымъ видамъ, нежели велѣніямъ совѣсти. Онъ—человѣкъ порядка, труда, стойкости, но онъ все же—человѣкъ, а потому и не свободенъ отъ людскихъ страстей и слабостей.... Не показывая ему настоящаго письма, дайте г. ректору почувствовать мое недовольство, причиною котораго въ значительнѣйшей степени является именно онъ“ (Бр. 317—319).

Помимо отношеній собственно университетскихъ, служебныхъ, а также несомнѣнныхъ и слишкомъ хорошо извѣстныхъ научныхъ достоинствъ обоихъ адъюнктовъ, существовали отношенія и болѣе интимнаго характера, снискавшія Лобачевскому и Симонову расположеніе попечителя. Оказывается, со словъ самого Салтыкова, что оба молодые ученые давали уроки въ домѣ попечителя, что сблизило ихъ съ нимъ настолько, что, отъѣзжая изъ Казани въ Петербургъ, Салтыковъ, какъ мы видѣли, даже поселилъ Симонова въ своей университетской квартирѣ, подъ предлогомъ присмотра за оставленнымъ въ ней имуществомъ. Снова касаясь въ письмѣ къ Броннеру отъ 24-го іюля вопроса о причиненномъ ему совѣтомъ неудовольствіи и припоминая, попутно, прошлогодніе уколы самолюбія, нанесенные ему избраніемъ и представленіемъ Врангеля, Вердерамо, Солнцева и Лубкина, Салтыковъ слѣдующимъ образомъ комментируетъ свои отношенія къ протежируемымъ имъ адъюнктамъ:

„Возможно,—заявляетъ онъ въ этомъ письмѣ,—что мое расположеніе къ Симонову и Лобачевскому, дѣйствительно, побудило меня оказать имъ отличіе по отношенію къ ихъ сотоварищамъ.... Это не было,

во всякомъ случаѣ, актомъ какой либо благодарности къ нимъ съ моей стороны уже потому, что, приглашенный давать уроки моимъ дѣтямъ, Лобачевскій бралъ у меня, въ свою очередь, уроки французскаго языка. Что касается Симонова, то я для него уже достаточно сдѣлалъ, назначивъ его раньше срока адъюнктомъ; сверхъ того, я оплатилъ его уроки,—по правдѣ сказать, не особенно ревностные,—подарками, которые я ему дѣлалъ отъ времени до времени" (Бр. 328).

Почитая себя оскорбленнымъ совѣтомъ, Салтыковъ рѣшился ходатайствовать за Лобачевскаго и Симонова непосредственно передъ министромъ, о чемъ онъ сообщилъ Броннеру уже въ письмѣ отъ 15-го іюня: „Я писалъ обо всемъ министру, на-дняхъ разсчитываю лично говорить съ нимъ и представлю ему всю несправедливость образа дѣйствій совѣта". На этотъ разъ хлопоты попечителя увѣнчались полнымъ успѣхомъ: 7-го іюля Лобачевскій и Симоновъ были утверждены министромъ въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ, безъ избранія ихъ въ совѣтѣ, въ виду „засвидѣтельствованія г. попечителя объ отличныхъ ихъ познаніяхъ", о чемъ Салтыковъ побѣдоносно и возвѣщалъ Броннеру въ письмѣ отъ 24-го іюля: „Симоновъ и Лобачевскій утверждены, наперекоръ интригѣ, въ званіи профессоровъ; я настоялъ на томъ и написалъ министру, что я почту честь свою оскорбленною, если онъ не утвердитъ ихъ на основаніи моего представленія—безъ баллотировки и помимо участія въ дѣлѣ университетскаго совѣта" (Бр. 329). Предложеніе министра объ утвержденіи новыхъ экстраординарныхъ профессоровъ было заслушано въ совѣтѣ 4-го августа и совѣту оставалось лишь принять къ свѣдѣнію совершившійся фактъ, сдѣлавъ постановленіе о приведеніи Лобачевскаго и Симонова къ присягѣ и о дачѣ правленію выписки относительно удовлетворенія ихъ жалованьемъ [69].

Дѣло о повышеніи Лобачевскаго и Симонова не успѣло еще получить своего окончанія въ смыслѣ, вполнѣ благопріятномъ для попечителя, какъ въ совѣтѣ казанскаго университета опять заварилась избирательная исторія, явившаяся поводомъ къ новому взрыву негодованія Салтыкова и къ еще большему обостренію его отношеній къ ректору и совѣтскому большинству. Исторія эта разыгралась на почвѣ совершившагося избранія въ ординарные профессоры Г. И. Солнцева.

Едва истекалъ еще годъ со времени утвержденія его въ званіи экстраординарнаго профессора, какъ Солнцевъ, въ самомъ концѣ мая 1816 года, вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ о возведеніи его въ званіе профессора ординарнаго, основывая это ходатайство на представленномъ имъ рукопис-

во всякомъ случаѣ, актомъ какой либо благодарности къ нимъ съ моей стороны уже потому, что, приглашенный давать уроки моимъ дѣтямъ, Лобачевскій бралъ у меня, въ свою очередь, уроки французскаго языка. Что касается Симонова, то я для него уже достаточно сдѣлалъ, назначивъ его раньше срока адъюнктомъ; сверхъ того, я оплатилъ его уроки,—по правдѣ сказать, не особенно ревностные,—подарками, которые я ему дѣлалъ отъ времени до времени“ (Бр. 328).

Почитая себя оскорбленнымъ совѣтомъ, Салтыковъ рѣшился ходатайствовать за Лобачевскаго и Симонова непосредственно передъ министромъ, о чемъ онъ сообщилъ Броннеру уже въ письмѣ отъ 15-го іюня: „Я писалъ обо всемъ министру, на-дняхъ разсчитываю лично говорить съ нимъ и представлю ему всю несправедливость образа дѣйствій совѣта“. На этотъ разъ хлопоты попечителя увѣнчались полнымъ успѣхомъ: 7-го іюля Лобачевскій и Симоновъ были утверждены министромъ въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ, безъ избранія ихъ въ совѣтѣ, въ виду „засвидѣтельствованія г. попечителя объ отличныхъ ихъ познаніяхъ“, о чемъ Салтыковъ побѣдоносно и возвѣщалъ Броннеру въ письмѣ отъ 24-го іюля: „Симоновъ и Лобачевскій утверждены, наперекоръ интригѣ, въ званіи профессоровъ; я настоялъ на томъ и написалъ министру, что я почту честь свою оскорбленною, если онъ не утвердитъ ихъ на основаніи моего представленія—безъ баллотировки и помимо участія въ дѣлѣ университетскаго совѣта“ (Бр. 329). Предложеніе министра объ утвержденіи новыхъ экстраординарныхъ профессоровъ было заслушано въ совѣтѣ 4-го августа и совѣту оставалось лишь принять къ свѣдѣнію совершившійся фактъ, сдѣлавъ постановленіе о приведеніи Лобачевскаго и Симонова къ присягѣ и о дачѣ правленію выписки относительно удовлетворенія ихъ жалованьемъ [69].

Дѣло о повышеніи Лобачевскаго и Симонова не успѣло еще получить своего окончанія въ смыслѣ, вполнѣ благопріятномъ для попечителя, какъ въ совѣтѣ казанскаго университета опять заварилась избирательная исторія, явившаяся поводомъ къ новому взрыву негодованія Салтыкова и къ еще большему обостренію его отношеній къ ректору и совѣтскому большинству. Исторія эта разыгралась на почвѣ совершившагося избранія въ ординарные профессоры Г. И. Солнцева.

Едва истекалъ еще годъ со времени утвержденія его въ званіи экстраординарнаго профессора, какъ Солнцевъ, въ самомъ концѣ мая 1816 года, вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ о возведеніи его въ званіе профессора ординарнаго, основывая это ходатайство на представленномъ имъ рукопис-

номъ трудѣ: „Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata". Этотъ трудъ былъ переданъ на заключеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, которое и высказалось въ пользу избранія Солнцева въ званіе ординарнаго профессора „въ уваженіе оказанной имъ университету пользы, его познаній въ наукахъ и языкахъ и особеннаго знанія юридической практики". 27-го іюня происходила въ засѣданіи совѣта баллотировка Солнцева, большинствомъ десяти голосовъ противъ шести оказавшагося избраннымъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ, народовъ, о чемъ 3-го іюля и сдѣлано было представленіе непосредственно министру народнаго просвѣщенія, минуя попечителя округа.

Не смотря на то, что, уѣзжая въ январѣ 1816 года въ Петербургъ, Салтыковъ оффиціально предложилъ совѣту „относиться въ нужныхъ случаяхъ по дѣламъ прямо къ его сіятельству г. министру просвѣщенія", этотъ порядокъ представленія Солнцева подѣйствовалъ на попечителя такимъ же раздражающимъ образомъ, какимъ въ 1815 году, при совершенно аналогичныхъ условіяхъ, подѣйствовали на него избранія и представленія Вердерамо, Врангеля, того же Солнцева и Лубкина. Въ настоящемъ случаѣ раздраженіе Салтыкова отлилось въ предложеніи его на имя ректора отъ 16-го іюня (за № 134), которымъ попечитель напоминалъ Брауну о §§ 58-мъ и 59-мъ университетскаго устава; первый изъ этихъ параграфовъ гласилъ, что „совѣтъ о избранномъ предварительно представляетъ попечителю и ожидаетъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія", т. е. установляетъ именно тотъ порядокъ представленія, несоблюденіе котораго такъ возмутило попечителя.

Раздраженный Салтыковъ, какъ это усматривается изъ письма его къ Броннеру отъ 24-го іюля, послалъ Брауну письмо весьма рѣзкаго содержанія („une lettre un peu forte"—по его собственному выраженію), текстъ котораго до насъ, къ сожалѣнію, не сохранился, а слѣдомъ затѣмъ далъ министру, препроводившему представленіе совѣта на его заключеніе, неблагопріятный для Солнцева и для совѣта отзывъ. „Ну, вотъ, Солнцевъ и на пути къ достиженію желаемаго,—писалъ попечитель Броннеру отъ 24-го іюля.—А что сдѣлалъ онъ выдающагося? Гдѣ онѣ, тѣ чрезвычайныя услуги, яко бы оказанныя имъ университету? Хотя избраніе его и является ничтожнымъ, вслѣдствіе задержанія министромъ сдѣланнаго совѣтомъ представленія, тѣмъ не менѣе яснымъ, какъ день, выступаетъ во всемъ этомъ дѣлѣ пристрастіе ректора. Разсчитываютъ достигнуть желаемаго, нарушая § 58-ой устава—но это разсчетъ совершенно ошибочный!" (Бр. 328—329).

номъ трудѣ: „Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata". Этотъ трудъ былъ переданъ на заключеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, которое и высказалось въ пользу избранія Солнцева въ званіе ординарнаго профессора „въ уваженіе оказанной имъ университету пользы, его познаній въ наукахъ и языкахъ и особеннаго знанія юридической практики". 27-го іюня происходила въ засѣданіи совѣта баллотировка Солнцева, большинствомъ десяти голосовъ противъ шести оказавшагося избраннымъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ, народовъ, о чемъ 3-го іюля и сдѣлано было представленіе непосредственно министру народнаго просвѣщенія, минуя попечителя округа.

Не смотря на то, что, уѣзжая въ январѣ 1816 года въ Петербургъ, Салтыковъ оффиціально предложилъ совѣту „относиться въ нужныхъ случаяхъ по дѣламъ прямо къ его сіятельству г. министру просвѣщенія", этотъ порядокъ представленія Солнцева подѣйствовалъ на попечителя такимъ же раздражающимъ образомъ, какимъ въ 1815 году, при совершенно аналогичныхъ условіяхъ, подѣйствовали на него избранія и представленія Вердерамо, Врангеля, того же Солнцева и Лубкина. Въ настоящемъ случаѣ раздраженіе Салтыкова отлилось въ предложеніи его на имя ректора отъ 16-го іюня (за № 134), которымъ попечитель напоминалъ Брауну о §§ 58-мъ и 59-мъ университетскаго устава; первый изъ этихъ параграфовъ гласилъ, что „совѣтъ о избранномъ предварительно представляетъ попечителю и ожидаетъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія", т. е. установляетъ именно тотъ порядокъ представленія, несоблюденіе котораго такъ возмутило попечителя.

Раздраженный Салтыковъ, какъ это усматривается изъ письма его къ Броннеру отъ 24-го іюля, послалъ Брауну письмо весьма рѣзкаго содержанія („une lettre un peu forte"—по его собственному выраженію), текстъ котораго до насъ, къ сожалѣнію, не сохранился, а слѣдомъ затѣмъ далъ министру, препроводившему представленіе совѣта на его заключеніе, неблагопріятный для Солнцева и для совѣта отзывъ. „Ну, вотъ, Солнцевъ и на пути къ достиженію желаемаго,—писалъ попечитель Броннеру отъ 24-го іюля.—А что сдѣлалъ онъ выдающагося? Гдѣ онѣ, тѣ чрезвычайныя услуги, яко бы оказанныя имъ университету? Хотя избраніе его и является ничтожнымъ, вслѣдствіе задержанія министромъ сдѣланнаго совѣтомъ представленія, тѣмъ не менѣе яснымъ, какъ день, выступаетъ во всемъ этомъ дѣлѣ пристрастіе ректора. Разсчитываютъ достигнуть желаемаго, нарушая § 58-ой устава—но это разсчетъ совершенно ошибочный!" (Бр. 328—329).

Нѣсколькими днями позже этого письма, 29-го іюля, Салтыковъ обратился къ ректору университета Брауну съ новымъ и весьма рѣзкимъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь мой, Иванъ Осиповичъ!—Отношеніемъ моимъ отъ 16-го іюня за № 134-мъ я увѣдомилъ васъ, что, согласно съ § 58-мъ устава, избранные совѣтомъ чиновники въ новое званіе должны быть утверждаемы въ ономъ попечителемъ: слѣдственно—безпосредственное представленіе министру въ семъ случаѣ незаконно. Отношеніе мое послано іюня 16-го же числа; я полагаю, что оно вамъ доставлено прежде посланнаго вами донесенія г. министру объ избраніи г. профессора Солнцева въ ординарные профессоры.

Долгомъ поставляю изъявить вамъ мое негодованіе и повторить, что приказанія, напоминающія наблюденіе устава, подвергаютъ нарушающаго оный строгости законовъ.

Движимый чувствомъ справедливости, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, разсмотрѣвъ ваше представленіе, сообщилъ мнѣ оное съ испрашиваніемъ моего мнѣнія. Въ моемъ отзывѣ я изложилъ причины, возбраняющія утвердить г. Солнцева ординарнымъ профессоромъ, полагая главнѣйшимъ возраженіемъ предписаніе министра отъ 13-го іюля за № 2306-мъ" *.

Въ засѣданіи совѣта 17-го августа, въ которомъ заслушано было это попечительское письмо, ректоромъ дано было весьма обстоятельное и обширное письменное объясненіе, съ большимъ достоинствомъ возражающее на выставленные Салтыковымъ обвинительные по его адресу доводы. Приводимъ это объясненіе въ подлинномъ его текстѣ:

„По справкѣ оказалось,—поясняетъ въ немъ проф. И. О. Браунъ:

1) Что г. попечитель казанскаго университета и его округа Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, предъ отбытіемъ своимъ въ С.-Петербургъ, извѣщалъ о томъ совѣтъ университета даннымъ предложеніемъ отъ 18-го генваря.... и, между прочимъ, изъяснилъ, что бы, до извѣщенія его, г. попечителя, изъ С.-Петербургской столицы, совѣтъ относился въ нужныхъ случаяхъ по дѣламъ прямо къ его сіятельству г. министру просвѣщенія.

2) Г. попечитель въ сдѣланномъ на мое имя отношеніи отъ 16-го іюня сего года, за № 134-мъ, а мною 4-го іюля полученномъ, замѣтилъ мнѣ слѣдующими словами: „не безполезнымъ почитаю упомянуть вамъ о §§ 58-мъ и 59-мъ устава казанскаго университета". Въ одномъ предписывается совѣту избраннаго профессора предварительно представлять

* Это то именно министерское предписаніе, которымъ университету предлагалось «до времени ограничиться числомъ профессоровъ, нынѣ въ ономъ находящимся».

Нѣсколькими днями позже этого письма, 29-го іюля, Салтыковъ обратился къ ректору университета Брауну съ новымъ и весьма рѣзкимъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь мой, Иванъ Осиповичъ!—Отношеніемъ моимъ отъ 16-го іюня за № 134-мъ я увѣдомилъ васъ, что, согласно съ § 58-мъ устава, избранные совѣтомъ чиновники въ новое званіе должны быть утверждаемы въ ономъ попечителемъ: слѣдственно—безпосредственное представленіе министру въ семъ случаѣ незаконно. Отношеніе мое послано іюня 16-го же числа; я полагаю, что оно вамъ доставлено прежде посланнаго вами донесенія г. министру объ избраніи г. профессора Солнцева въ ординарные профессоры.

Долгомъ поставляю изъявить вамъ мое негодованіе и повторить, что приказанія, напоминающія наблюденіе устава, подвергаютъ нарушающаго оный строгости законовъ.

Движимый чувствомъ справедливости, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, разсмотрѣвъ ваше представленіе, сообщилъ мнѣ оное съ испрашиваніемъ моего мнѣнія. Въ моемъ отзывѣ я изложилъ причины, возбраняющія утвердить г. Солнцева ординарнымъ профессоромъ, полагая главнѣйшимъ возраженіемъ предписаніе министра отъ 13-го іюля за № 2306-мъ“ *.

Въ засѣданіи совѣта 17-го августа, въ которомъ заслушано было это попечительское письмо, ректоромъ дано было весьма обстоятельное и обширное письменное объясненіе, съ большимъ достоинствомъ возражающее на выставленные Салтыковымъ обвинительные по его адресу доводы. Приводимъ это объясненіе въ подлинномъ его текстѣ:

„По справкѣ оказалось,—поясняетъ въ немъ проф. И. О. Браунъ:

1) Что г. попечитель казанскаго университета и его округа Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, предъ отбытіемъ своимъ въ С.-Петербургъ, извѣщалъ о томъ совѣтъ университета даннымъ предложеніемъ отъ 18-го генваря.... и, между прочимъ, изъяснилъ, что бы, до извѣщенія его, г. попечителя, изъ С.-Петербургской столицы, совѣтъ относился въ нужныхъ случаяхъ по дѣламъ прямо къ его сіятельству г. министру просвѣщенія.

2) Г. попечитель въ сдѣланномъ на мое имя отношеніи отъ 16-го іюня сего года, за № 134-мъ, а мною 4-го іюля полученномъ, замѣтилъ мнѣ слѣдующими словами: „не безполезнымъ почитаю упомянуть вамъ о §§ 58-мъ и 59-мъ устава казанскаго университета“. Въ одномъ предписывается совѣту избраннаго профессора предварительно представлять

* Это то именно министерское предписаніе, которымъ университету предлагалось «до времени ограничиться числомъ профессоровъ, нынѣ въ ономъ находящимся».

попечителю, въ другомъ—природныхъ россіянъ, нужныя знанія и качества имѣющихъ, предпочитать иностраннымъ и проч. Сіе отношеніе въ совѣтѣ слушано было 6-го іюля.

3) Оный же г. попечитель совѣту казанскаго университета отъ 14-го іюля сего жъ года, за № 153-мъ, предложилъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія, находя въ его прежнихъ представленіяхъ нѣкоторыя распоряженія необходимо нужными для приведенія многихъ частей въ желаемое устройство, согласенъ съ нимъ, чтобы до времени казанскій университетъ ограничивался числомъ профессоровъ, нынѣ въ ономъ находящимся, каковое предложеніе получено въ совѣтѣ 2-го августа сего года и слушано 4-го того жъ мѣсяца".

Установивъ, затѣмъ, факты избранія Солнцева въ совѣтѣ 27-го іюня и представленія о томъ министру отъ 3-го іюля—Браунъ приходитъ въ своемъ объясненіи къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„Изъ сего явствуетъ: 1) Что отношеніе г. попечителя за № 134-мъ доставлено мнѣ послѣ посланнаго совѣтомъ донесенія г. министру объ избраніи профессора Гавріила Солнцева, а не прежде, какъ полагаетъ г. попечитель; 2) Представленіе объ утвержденіи профессора Солнцева сдѣлано не отъ меня лично, а отъ цѣлаго совѣта; 3) Представленіе г. министру просвѣщенія по сему предмету основано на должной справедливости и заслугахъ профессора и доктора Гавріила Солнцева, и непосредственно учинено было совѣтомъ на основаніи бывшаго предложенія самого г. попечителя, предъ отъѣздомъ его въ столицу даннаго отъ 18-го генваря, каковое предложеніе не прежде было имъ уничтожено, какъ уже послѣ сдѣланнаго представленія о профессорѣ Солнцевѣ и, именно, 4-го іюля".

Черезъ пять дней послѣ засѣданія совѣта, въ которомъ заслушано было приведенное нами объясненіе ректора, получено было и предложеніе министра отъ 4-го августа, извѣщавшее совѣтъ о томъ, что утвержденіе Солнцева въ званіи ординарнаго профессора отлагается „впредь до дальнѣйшаго времени, тѣмъ болѣе, что онъ принятъ въ университетъ прямо въ экстраординарные профессоры и въ семъ званіи находится съ небольшимъ одинъ только годъ".

Мало убѣдительною казалась Салтыкову та часть объясненія Брауна, въ которой ректоръ отстранялъ собственную отвѣтственность за избраніе и представленіе Солнцева, ссылаясь на авторитетъ всего совѣта. Попечитель оставался твердо убѣжденнымъ въ томъ, что вся эта исторія—плодъ направленной лично противъ него интриги ректора. Это далеко не двусмысленно и высказывается имъ въ письмахъ къ Бронеру.

попечителю, въ другомъ—природныхъ россіянъ, нужныя знанія и качества имѣющихъ, предпочитать иностраннымъ и проч. Сіе отношеніе въ совѣтѣ слушано было 6-го іюля.

3) Оный же г. попечитель совѣту казанскаго университета отъ 14-го іюля сего жъ года, за № 153-мъ, предложилъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія, находя въ его прежнихъ представленіяхъ нѣкоторыя распоряженія необходимо нужными для приведенія многихъ частей въ желаемое устройство, согласенъ съ нимъ, чтобы до времени казанскій университетъ ограничивался числомъ профессоровъ, нынѣ въономъ находящимся, каковое предложеніе получено въ совѣтѣ 2-го августа сего года и слушано 4-го того жъ мѣсяца".

Установивъ, затѣмъ, факты избранія Солнцева въ совѣтѣ 27-го іюня и представленія о томъ министру отъ 3-го іюля—Браунъ приходитъ въ своемъ объясненіи къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„Изъ сего явствуетъ: 1) Что отношеніе г. попечителя за № 134-мъ доставлено мнѣ послѣ посланнаго совѣтомъ донесенія г. министру объ избраніи профессора Гавріила Солнцева, а не прежде, какъ полагаетъ г. попечитель; 2) Представленіе объ утвержденіи профессора Солнцева сдѣлано не отъ меня лично, а отъ цѣлаго совѣта; 3) Представленіе г. министру просвѣщенія по сему предмету основано на должной справедливости и заслугахъ профессора и доктора Гавріила Солнцева, и непосредственно учинено было совѣтомъ на основаніи бывшаго предложенія самого г. попечителя, предъ отъѣздомъ его въ столицу даннаго отъ 18-го генваря, каковое предложеніе не прежде было имъ уничтожено, какъ уже послѣ сдѣланнаго представленія о профессорѣ Солнцевѣ и, именно, 4-го іюля".

Черезъ пять дней послѣ засѣданія совѣта, въ которомъ заслушано было приведенное нами объясненіе ректора, получено было и предложеніе министра отъ 4-го августа, извѣщавшее совѣтъ о томъ, что утвержденіе Солнцева въ званіи ординарнаго профессора отлагается „впредь до дальнѣйшаго времени, тѣмъ болѣе, что онъ принятъ въ университетъ прямо въ экстраординарные профессоры и въ семъ званіи находится съ небольшимъ одинъ только годъ".

Мало убѣдительною казалась Салтыкову та часть объясненія Брауна, въ которой ректоръ отстранялъ собственную отвѣтственность за избраніе и представленіе Солнцева, ссылаясь на авторитетъ всего совѣта. Попечитель оставался твердо убѣжденнымъ въ томъ, что вся эта исторія—плодъ направленной лично противъ него интриги ректора. Это далеко не двусмысленно и высказывается имъ въ письмахъ къ Бронеру.

Салтыковъ утверждаетъ, что ректоръ эксплоатируетъ въ свою пользу тѣ натянутыя отношенія, какія установились у него съ министерствомъ: „Ректоръ, быть можетъ и не безъ основанія, полагаетъ, что разъ я нахожусь въ дурныхъ отношеніяхъ съ министромъ—я уже не заслуживаю никакого вниманія; я, дѣйствительно, въ очень дурныхъ отношеніяхъ, но только съ Мартыновымъ, а не съ самимъ министромъ,—пишетъ онъ Броннеру.—Вы утверждаете, что ректоръ можетъ доказать свою невинность въ этомъ дѣлѣ. Я въ этомъ и не сомнѣваюсь, такъ какъ внѣшняя сторона его общественной дѣятельности довольно ловко замаскировываетъ его тайные происки. Вліяніе, оказываемое имъ на членовъ совѣта, конечно, не подчеркивается въ засѣданіяхъ; онъ не насилуетъ здѣсь свободу мнѣній, но каждый членъ знаетъ, что противорѣчіе ректору—рано или поздно навлечетъ съ его стороны проявленіе чувства недоброжелательства.... Я увѣренъ, что лишь немногіе сочувствовали избранію Солнцева—но кто посмѣлъ бы открыто высказать свое несочувствіе?“ (Бр. 329—330).

Объясненіе Брауна, представленное совѣтомъ въ видѣ особаго донесенія, не осталось со стороны Салтыкова безъ отвѣта, изложеннаго въ письмѣ къ ректору:

„Милостивый государь мой, Иванъ Осиповичъ!—пишетъ здѣсь попечитель.—Въ донесеніи отъ 21-го августа за № 834-мъ совѣтъ, оправдывая свои опредѣленія, уличаетъ меня въ несправедливости оказаннаго мною негодованія, поелику отношеніе мое отъ 16-го іюня за № 134-мъ получено послѣ отправленія къ министру донесенія о избраніи г. экстраординарнаго профессора Солнцева въ званіе ординарнаго профессора. Ежели вы сохранили приватныя къ вамъ письма, вы усмотрите, что я въ оныхъ просилъ васъ доставлять мнѣ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ, касающихся до университета. Выключая избранія г. Солнцева, вы обо всѣхъ происшествіяхъ меня увѣдомляли, слѣдовательно я въ правѣ былъ изъявить мое удивленіе, видя, что вы умалчиваете о такой статьѣ, гдѣ требуется мое утвержденіе или посредничество, уставомъ предписанное. Ежели вы основывались на моемъ предложеніи отъ 18-го генваря, то и въ семъ случаѣ вы могли бы разсудить, что оное не можетъ уничтожить условія, уставомъ предписаннаго. Сверхъ того, благопристойность требовала, чтобы вы меня предварили о намѣреніи совѣта предложить г. Солнцева въ званіе ординарнаго профессора, ибо я не предписывалъ, что бы совѣтъ не испрашивалъ моего мнѣнія о важныхъ случаяхъ. Мнѣ извѣстно, что о семъ происходило преніе и что нѣкоторые члены также изъявили свое удивленіе, что, не увѣдомивъ меня, совѣтъ прямо отнесся къ министру. Сіе доказываетъ, что не я одинъ оскорбился таковымъ поступкомъ, ибо сія мысль представилась въ то же время и

Салтыковъ утверждаетъ, что ректоръ эксплоатируетъ въ свою пользу тѣ натянутыя отношенія, какія установились у него съ министерствомъ: „Ректоръ, быть можетъ и не безъ основанія, полагаетъ, что разъ я нахожусь въ дурныхъ отношеніяхъ съ министромъ—я уже не заслуживаю никакого вниманія; я, дѣйствительно, въ очень дурныхъ отношеніяхъ, но только съ Мартыновымъ, а не съ самимъ министромъ,—пишетъ онъ Броннеру.—Вы утверждаете, что ректоръ можетъ доказать свою невинность въ этомъ дѣлѣ. Я въ этомъ и не сомнѣваюсь, такъ какъ внѣшняя сторона его общественной дѣятельности довольно ловко замаскировываетъ его тайные происки. Вліяніе, оказываемое имъ на членовъ совѣта, конечно, не подчеркивается въ засѣданіяхъ; онъ не насилуетъ здѣсь свободу мнѣній, но каждый членъ знаетъ, что противорѣчіе ректору—рано или поздно навлечетъ съ его стороны проявленіе чувства недоброжелательства.... Я увѣренъ, что лишь немногіе сочувствовали избранію Солнцева—но кто посмѣлъ бы открыто высказать свое несочувствіе?“ (Бр. 329—330).

Объясненіе Брауна, представленное совѣтомъ въ видѣ особаго донесенія, не осталось со стороны Салтыкова безъ отвѣта, изложеннаго въ письмѣ къ ректору:

„Милостивый государь мой, Иванъ Осиповичъ!—пишетъ здѣсь попечитель.—Въ донесеніи отъ 21-го августа за № 834-мъ совѣтъ, оправдывая свои опредѣленія, уличаетъ меня въ несправедливости оказаннаго мною негодованія, поелику отношеніе мое отъ 16-го іюня за № 134-мъ получено послѣ отправленія къ министру донесенія о избраніи г. экстраординарнаго профессора Солнцева въ званіе ординарнаго профессора. Ежели вы сохранили приватныя къ вамъ письма, вы усмотрите, что я въ оныхъ просилъ васъ доставлять мнѣ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ, касающихся до университета. Выключая избранія г. Солнцева, вы обо всѣхъ происшествіяхъ меня увѣдомляли, слѣдовательно я въ правѣ былъ изъявить мое удивленіе, видя, что вы умалчиваете о такой статьѣ, гдѣ требуется мое утвержденіе или посредничество, уставомъ предписанное. Ежели вы основывались на моемъ предложеніи отъ 18-го генваря, то и въ семъ случаѣ вы могли бы разсудить, что оное не можетъ уничтожить условія, уставомъ предписаннаго. Сверхъ того, благопристойность требовала, чтобы вы меня предварили о намѣреніи совѣта предложить г. Солнцева въ званіе ординарнаго профессора, ибо я не предписывалъ, что бы совѣтъ не испрашивалъ моего мнѣнія о важныхъ случаяхъ. Мнѣ извѣстно, что о семъ происходило преніе и что нѣкоторые члены также изъявили свое удивленіе, что, не увѣдомивъ меня, совѣтъ прямо отнесся къ министру. Сіе доказываетъ, что не я одинъ оскорбился таковымъ поступкомъ, ибо сія мысль представилась въ то же время и

другимъ умамъ, не имѣвшимъ еще никакого доказательства, что ихъ разсужденіе будетъ съ моимъ сходственно.

Наконецъ, скажу вамъ, что ежели бы совѣтъ имѣлъ право и безъ содѣйствія попечителя вводить какія бы то ни было постановленія, я бы и тогда обвинилъ васъ въ недоброжелательствѣ, если бы замѣтилъ ко мнѣ недовѣріе и неуваженіе, хотя въ уставѣ не предписано именно ректору оказывать пріязненную и дружескую откровенность попечителю.

Упорство, обнаруженное въ случаѣ избранія г.г. Лобачевскаго и Симонова, обнаружило также неуваженіе къ моимъ мнѣніямъ и поселило взаимную недовѣрчивость между мною и нѣкоторыми членами, первенствующими въ совѣтѣ".

Нельзя не сознаться въ томъ, что въ болѣе нежели общихъ и туманныхъ чертахъ выступаютъ въ этомъ письмѣ пожеланія, высказываемыя попечителемъ въ дѣлѣ установленія modus'а vivendi между нимъ и ректоромъ университета, а также и по отношенію къ идеальной „пріязненной и дружеской откровенности", видѣть которую желалъ бы онъ со стороны выборнаго представителя университета. Не преминувъ попрекнуть Брауна и такъ глубоко оскорбившимъ его инцидентомъ съ избраніемъ его любимцевъ, Лобачевскаго и Симонова, Салтыковъ,—какъ это не представляется мало послѣдовательнымъ,—заканчиваетъ свое письмо дальнѣйшею санкціею того же анормальнаго положенія своего по отношенію къ университету на почвѣ котораго произошло обостреніе отношеній между попечителемъ и совѣтомъ:

„Предлагаю вамъ о всѣхъ текущихъ дѣлахъ попрежнему относиться прямо къ высшему начальству, а мнѣ только сообщать обо всѣхъ увѣдомленія, ибо до возвращенія моего въ Казань, по соизволенію князя Александра Николаевича Голицина, я не буду заниматься подробными дѣлами, а только тѣми, гдѣ необходимо требуется мое посредничество. Дабы не терять изъ виду ходъ всѣхъ дѣлъ, мнѣ нужно имѣть свѣдѣнія о всякомъ происшествіи".

Насколько глубоко уязвлено было чисто-болѣзненное самолюбіе Салтыкова дѣломъ объ избраніи проф. Солнцева, это весьма краснорѣчиво сказывается и въ любопытной перепискѣ его по тому же поводу съ непремѣннымъ засѣдателемъ правленія профессоромъ Г. Б. Никольскимъ, которому попечитель сдѣлалъ суровый выговоръ за то, что тотъ „не остерегалъ" ректора отъ неправильныхъ по отношенію къ нему, попечителю, дѣйствій:

другимъ умамъ, не имѣвшимъ еще никакого доказательства, что ихъ разсужденіе будетъ съ моимъ сходственно.

Наконецъ, скажу вамъ, что ежели бы совѣтъ имѣлъ право и безъ содѣйствія попечителя вводить какія бы то ни было постановленія, я бы и тогда обвинилъ васъ въ недоброжелательствѣ, если бы замѣтилъ ко мнѣ недовѣріе и неуваженіе, хотя въ уставѣ не предписано именно ректору оказывать пріязненную и дружескую откровенность попечителю.

Упорство, обнаруженное въ случаѣ избранія г.г. Лобачевскаго и Симонова, обнаружило также неуваженіе къ моимъ мнѣніямъ и поселило взаимную недовѣрчивость между мною и нѣкоторыми членами, первенствующими въ совѣтѣ".

Нельзя не сознаться въ томъ, что въ болѣе нежели общихъ и туманныхъ чертахъ выступаютъ въ этомъ письмѣ пожеланія, высказываемыя попечителемъ въ дѣлѣ установленія modus'a vivendi между нимъ и ректоромъ университета, а также и по отношенію къ идеальной „пріязненной и дружеской откровенности", видѣть которую желалъ бы онъ со стороны выборнаго представителя университета. Не преминувъ попрекнуть Брауна и такъ глубоко оскорбившимъ его инцидентомъ съ избраніемъ его любимцевъ, Лобачевскаго и Симонова, Салтыковъ,—какъ это не представляется мало послѣдовательнымъ,—заканчиваетъ свое письмо дальнѣйшею санкціею того же анормальнаго положенія своего по отношенію къ университету на почвѣ котораго произошло обостреніе отношеній между попечителемъ и совѣтомъ:

„Предлагаю вамъ о всѣхъ текущихъ дѣлахъ попрежнему относиться прямо къ высшему начальству, а мнѣ только сообщать обо всѣхъ увѣдомленія, ибо до возвращенія моего въ Казань, по соизволенію князя Александра Николаевича Голицина, я не буду заниматься подробными дѣлами, а только тѣми, гдѣ необходимо требуется мое посредничество. Дабы не терять изъ виду ходъ всѣхъ дѣлъ, мнѣ нужно имѣть свѣдѣнія о всякомъ происшествіи".

Насколько глубоко уязвлено было чисто-болѣзненное самолюбіе Салтыкова дѣломъ объ избраніи проф. Солнцева, это весьма краснорѣчиво сказывается и въ любопытной перепискѣ его по тому же поводу съ непремѣннымъ засѣдателемъ правленія профессоромъ Г. Б. Никольскимъ, которому попечитель сдѣлалъ суровый выговоръ за то, что тотъ „не остерегалъ" ректора отъ неправильныхъ по отношенію къ нему, попечителю, дѣйствій:

„Я неоднократно замѣчалъ,—писалъ ему Салтыковъ отъ 3-го августа,—что званіе непремѣннаго засѣдателя, знаменующее мою къ вамъ довѣренность, въ глазахъ вашихъ ничто иное есть, какъ тяжкое бремя, подвергающее васъ, въ случаѣ незаконныхъ поступковъ ректора и другихъ чиновниковъ, негодованію, ежели бъ предписанное § 132-мъ вами было исполняемо *. Убѣдившись долгимъ моимъ молчаніемъ, что я и впрямь не буду взыскивать точнаго выполненія вашихъ обязанностей, вы не остерегаете г. ректора отъ нѣкоторыхъ неправильностей, какъ бы вамъ слѣдовало, въ качествѣ ближайшаго его помощника. Въ примѣръ приведу § 58-ой, который нарушенъ представленіемъ объ избраніи г. Солнцева прямо къ г. министру, когда слѣдовало предварительно представить попечителю..... Ежели же сей замысловатый, но не весьма смѣтливый начальникъ (т. е. ректоръ) заключилъ, по своимъ соображеніямъ, что министръ не уважитъ мое посредничество—онъ ошибся. Я отклонялся, поелику возможно, отъ таковыхъ съ вами объясненій, но, видя васъ неупорствующаго, въ бездѣйствіи, вынужденъ былъ сообщить вамъ мое мнѣніе".

Профессоръ Никольскій не замедлилъ возразить попечителю обширнымъ и весьма основательнымъ „рапортомъ", въ которомъ оправдывается въ предъявленныхъ ему нареканіяхъ и, прежде всего, въ томъ, что своевременно не остерегъ ректора въ дѣлѣ Солнцева: „Должность непремѣннаго засѣдателя всегда старался и стараюсь исполнять столько, сколько имѣю къ тому разумѣнія, силъ и возможности. Понынѣ никакихъ письменныхъ представленій противу ректора и другихъ чиновниковъ я не дѣлалъ, ибо не находилъ столь важныхъ отъ устава и предписаній начальства отступленій, о которыхъ непремѣнно слѣдовало бы доносить вашему превосходительству. Впрочемъ никто,—добавляетъ Никольскій,—предъ Богомъ и начальствомъ совершенно правымъ быть не можетъ". Оправдывается Никольскій и въ томъ, что, сознавая преждевременность избранія Солнцева, не протестовалъ своевременно противъ коллегіальнаго рѣшенія совѣта; онъ ссылается на то, что „не имѣлъ никакой возможности остановить движеніе совѣта", въ которомъ онъ „изъ младшихъ членовъ, въ такомъ дѣлѣ, которое разрѣшено по большинству голосовъ и противу котораго, подавши мнѣніе, я показалъ бы одно только

---

* § 132-ой устава гласитъ: «Непремѣнный засѣдатель есть ближайшій помощникъ ректору въ дѣлахъ, правленію и университетскому суду принадлежащихъ. Онъ наипаче печется, что бъ въ отправленіи текущихъ дѣлъ соблюдаемъ былъ порядокъ, сохранены были законы и непоколебимы были полезныя и опытомъ утвержденныя постановленія; въ противномъ случаѣ, учиня ректору благопристойное представленіе, доноситъ попечителю».

„Я неоднократно замѣчалъ,—писалъ ему Салтыковъ отъ 3-го августа,—что званіе непремѣннаго засѣдателя, знаменующее мою къ вамъ довѣренность, въ глазахъ вашихъ ничто иное есть, какъ тяжкое бремя, подвергающее васъ, въ случаѣ незаконныхъ поступковъ ректора и другихъ чиновниковъ, негодованію, ежели бъ предписанное § 132-мъ вами было исполняемо *. Убѣдившись долгимъ моимъ молчаніемъ, что я и впрямь не буду взыскивать точнаго выполненія вашихъ обязанностей, вы не остерегаете г. ректора отъ нѣкоторыхъ неправильностей, какъ бы вамъ слѣдовало, въ качествѣ ближайшаго его помощника. Въ примѣръ приведу § 58-ой, который нарушенъ представленіемъ объ избраніи г. Солнцева прямо къ г. министру, когда слѣдовало предварительно представить попечителю..... Ежели же сей замысловатый, но не весьма смѣтливый начальникъ (т. е. ректоръ) заключилъ, по своимъ соображеніямъ, что министръ не уважитъ мое посредничество—онъ ошибся. Я отклонялся, поелику возможно, отъ таковыхъ съ вами объясненій, но, видя васъ неупорствующаго, въ бездѣйствіи, вынужденъ былъ сообщить вамъ мое мнѣніе".

Профессоръ Никольскій не замедлилъ возразить попечителю обширнымъ и весьма основательнымъ „рапортомъ", въ которомъ оправдывается въ предъявленныхъ ему нареканіяхъ и, прежде всего, въ томъ, что своевременно не остерегъ ректора въ дѣлѣ Солнцева: „Должность непремѣннаго засѣдателя всегда старался и стараюсь исполнять столько, сколько имѣю къ тому разумѣнія, силъ и возможности. Понынѣ никакихъ письменныхъ представленій противу ректора и другихъ чиновниковъ я не дѣлалъ, ибо не находилъ столь важныхъ отъ устава и предписаній начальства отступленій, о которыхъ непремѣнно слѣдовало бы доносить вашему превосходительству. Впрочемъ никто,—добавляетъ Никольскій,—предъ Богомъ и начальствомъ совершенно правымъ быть не можетъ". Оправдывается Никольскій и въ томъ, что, сознавая преждевременность избранія Солнцева, не протестовалъ своевременно противъ коллегіальнаго рѣшенія совѣта; онъ ссылается на то, что „не имѣлъ никакой возможности остановить движеніе совѣта", въ которомъ онъ „изъ младшихъ членовъ, въ такомъ дѣлѣ, которое разрѣшено по большинству голосовъ и противу котораго, подавши мнѣніе, я показалъ бы одно только

* § 132-ой устава гласитъ: «Непремѣнный засѣдатель есть ближайшій помощникъ ректору въ дѣлахъ, правленію и университетскому суду принадлежащихъ. Онъ наипаче печется, что бъ въ отправленіи текущихъ дѣлъ соблюдаемъ былъ порядокъ, сохранены были законы и непоколебимы были полезныя и опытомъ утвержденныя постановленія; въ противномъ случаѣ, учиня ректору благопристойное представленіе, доноситъ попечителю».

явное недоброжелательство г. Солнцеву". Никольскій указываетъ въ заключеніе, что „многотрудная должность непремѣннаго засѣдателя" принята имъ на себя „единственно по волѣ вашего превосходительства изъ усердія къ мѣсту моего служенія, даже на счетъ собственныхъ моихъ выгодъ и здоровья".

Рапортъ Никольскаго вызвалъ въ Салтыковѣ новый взрывъ раздраженія, вылившійся, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, въ письмѣ отъ 11-го сентября: „Говорить одно, а чувствовать и мыслить другое—есть поступокъ непохвальный и несообразный съ правилами благочестиваго человѣка, каковымъ васъ всѣ разумѣютъ"—укоряетъ попечитель Никольскаго по поводу занятаго имъ въ совѣтѣ положенія. Вызвалъ попечительское неудовольствіе и приведенный Никольскимъ афоризмъ по поводу невозможности полной правоты передъ начальствомъ: „Приведенное, не знаю откуда, правило, что никто предъ Богомъ и начальствомъ справедливымъ совершенно быть не можетъ—не заслуживаетъ опроверженія, и таковое рабское правило также трудно согласить съ добрыми качествами, васъ отличающими". Не оставляетъ Салтыковъ безъ угрожающей реплики и замѣчанія Никольскаго относительно трудности возложенной на него должности непремѣннаго засѣдателя: „Такъ какъ многотрудная сія должность исправляется вами на счетъ собственныхъ вашихъ выгодъ и здоровья, я назначу вамъ преемника, но не прежде возвращенія моего въ Казань" *.

Утвержденіе Солнцева въ званіи ординарнаго профессора, согласно избранію лѣта 1816 года, послѣдовало лишь 23-го іюля 1817 года, вслѣдствіе новаго представленія о томъ совѣта, хотя и на этотъ разъ сдѣланнаго непосредственно министру, но уже съ вѣдома попечителя и въ виду даннаго имъ „похвальнаго отзыва о заслугахъ, трудахъ и познаніяхъ" аспиранта [70].

Такъ окончилось это сенсаціонное дѣло, весьма любопытное съ точки зрѣнія обрисовки болѣзненно-самолюбиваго и мнительнаго характера Салтыкова, любопытное и для уясненія боевого положенія, занятаго попечителемъ по отношенію къ ректору Брауну и къ совѣтскому большинству,—конечно, не безъ вліянія въ этомъ дѣлѣ мѣстной, казанской, интриги,—послѣ переселенія его въ началѣ 1816 года въ С.-Петербургъ.

---

* Эта угроза осталась неосуществленною и Никольскій несъ должность непремѣннаго засѣдателя правленія до конца 1820 года.

явное недоброжелательство г. Солнцеву". Никольскій указываетъ въ заключеніе, что „многотрудная должность непремѣннаго засѣдателя" принята имъ на себя „единственно по волѣ вашего превосходительства изъ усердія къ мѣсту моего служенія, даже на счетъ собственныхъ моихъ выгодъ и здоровья".

Рапортъ Никольскаго вызвалъ въ Салтыковѣ новый взрывъ раздраженія, вылившійся, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, въ письмѣ отъ 11-го сентября: „Говорить одно, а чувствовать и мыслить другое—есть поступокъ непохвальный и несообразный съ правилами благочестиваго человѣка, каковымъ васъ всѣ разумѣютъ"—укоряетъ попечитель Никольскаго по поводу занятаго имъ въ совѣтѣ положенія. Вызвалъ попечительское неудовольствіе и приведенный Никольскимъ афоризмъ по поводу невозможности полной правоты передъ начальствомъ: „Приведенное, не знаю откуда, правило, что никто предъ Богомъ и начальствомъ справедливымъ совершенно быть не можетъ—не заслуживаетъ опроверженія, и таковое рабское правило также трудно согласить съ добрыми качествами, васъ отличающими". Не оставляетъ Салтыковъ безъ угрожающей реплики и замѣчанія Никольскаго относительно трудности возложенной на него должности непремѣннаго засѣдателя: „Такъ какъ многотрудная сія должность исправляется вами на счетъ собственныхъ вашихъ выгодъ и здоровья, я назначу вамъ преемника, но не прежде возвращенія моего въ Казань" *.

Утвержденіе Солнцева въ званіи ординарнаго профессора, согласно избранію лѣта 1816 года, послѣдовало лишь 23-го іюля 1817 года, вслѣдствіе новаго представленія о томъ совѣта, хотя и на этотъ разъ сдѣланнаго непосредственно министру, но уже съ вѣдома попечителя и въ виду даннаго имъ „похвальнаго отзыва о заслугахъ, трудахъ и познаніяхъ" аспиранта [70].

Такъ окончилось это сенсаціонное дѣло, весьма любопытное съ точки зрѣнія обрисовки болѣзненно-самолюбиваго и мнительнаго характера Салтыкова, любопытное и для уясненія боевого положенія, занятаго попечителемъ по отношенію къ ректору Брауну и къ совѣтскому большинству,—конечно, не безъ вліянія въ этомъ дѣлѣ мѣстной, казанской, интриги,—послѣ переселенія его въ началѣ 1816 года въ С.-Петербургъ.

---

* Эта угроза осталась неосуществленною и Никольскій несъ должность непремѣннаго засѣдателя правленія до конца 1820 года.

Мы уже знаемъ, что предубѣжденное отношеніе Салтыкова къ ректору Брауну и руководимому имъ совѣтскому большинству зародилось въ попечителѣ еще въ бытность его въ Казани, что это предубѣжденное отношеніе, выжидавшее только случая, что бы съ бурною силою вырваться наружу, было увезено Салтыковымъ и въ столицу. Броннеру уже въ мартѣ 1816 года, вскорѣ по прибытіи попечителя въ Петербургъ, приходилось умиротворять своего принципала, смягчая его обостренныя отношенія къ Казани и казанскому университету: „Ваше великодушіе,—писалъ Броннеръ попечителю отъ 13-го марта,—проститъ ложные шаги отдѣльныхъ личностей, которыя, скорѣе по неразумію, нежели по дурнымъ склонностямъ своимъ, быть можетъ и злоупотребляли иногда вашимъ терпѣніемъ; уваженіе къ вамъ лучшихъ людей и всеобщая признательность, которою мы вамъ обязаны, будутъ всегда служить противовѣсомъ лицамъ, ослѣпленнымъ страстями и, подъ воздѣйствіемъ этихъ послѣднихъ, забывающимъ ваши достоинства и лежащій на нихъ долгъ подчиненности“ (Бр. 303—304). Острое чувство недовольства совѣтомъ казанскаго университета не было притуплено въ Салтыковѣ и его двумя побѣдами надъ совѣтомъ, выразившимися въ результатѣ уже разсказанныхъ нами выборныхъ инцидентовъ. Въ самомъ концѣ 1816 года, въ письмѣ къ Броннеру отъ 21-го декабря, онъ въ слѣдующихъ чертахъ характеризуетъ настроеніе совѣта: „Вашъ совѣтъ представляетъ собою составленный изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ организмъ, руководимый въ своей жизнедѣятельности болѣе случайнымъ проявленіемъ присущихъ ему силъ, нежели неизмѣнными законами. Страхъ, личныя цѣли, самолюбіе—таковы скрытыя пружины, лежащія въ основѣ его дѣятельности. Какъ только я возвращусь въ Казань, одною изъ главныхъ заботъ моихъ явится искорененіе партійности и скандальныхъ раздоровъ, обуревающихъ членовъ совѣта. Я хорошо знаю, что наживу себѣ этимъ враговъ, но ни одинъ человѣкъ не избавленъ отъ нихъ и я предпочитаю имѣть ихъ въ Казани, нежели въ Петербургѣ“ (Бр. 346).

Осенью 1816 года легкая тѣнь недоразумѣнія пробѣжала и между Броннеромъ и Салтыковымъ. Случилось это на почвѣ окончательной редакціи составленнаго Броннеромъ проэкта новаго положенія казанской гимназіи. Нѣсколько разъ уже передѣлывавшійся Броннеромъ, этотъ проэктъ переданъ былъ попечителемъ на заключеніе директора гимназіи Яковкина. Такое рѣшеніе попечителя глубоко оскорбило Броннера: „Въ совѣтѣ заслушано было,—пишетъ онъ попечителю отъ 2-го октября,—ваше предписаніе, что бы проэктъ новаго положенія гимназіи переданъ былъ на за-

Мы уже знаемъ, что предубѣжденное отношеніе Салтыкова къ ректору Брауну и руководимому имъ совѣтскому большинству зародилось въ попечителѣ еще въ бытность его въ Казани, что это предубѣжденное отношеніе, выжидавшее только случая, что бы съ бурною силою вырваться наружу, было увезено Салтыковымъ и въ столицу. Броннеру уже въ мартѣ 1816 года, вскорѣ по прибытіи попечителя въ Петербургъ, приходилось умиротворять своего принципала, смягчая его обостренныя отношенія къ Казани и казанскому университету: „Ваше великодушіе,—писалъ Броннеръ попечителю отъ 13-го марта,—проститъ ложные шаги отдѣльныхъ личностей, которыя, скорѣе по неразумію, нежели по дурнымъ склонностямъ своимъ, быть можетъ и злоупотребляли иногда вашимъ терпѣніемъ; уваженіе къ вамъ лучшихъ людей и всеобщая признательность, которою мы вамъ обязаны, будутъ всегда служить противовѣсомъ лицамъ, ослѣпленнымъ страстями и, подъ воздѣйствіемъ этихъ послѣднихъ, забывающимъ ваши достоинства и лежащій на нихъ долгъ подчиненности“ (Бр. 303—304). Острое чувство недовольства совѣтомъ казанскаго университета не было притуплено въ Салтыковѣ и его двумя побѣдами надъ совѣтомъ, выразившимися въ результатѣ уже разсказанныхъ нами выборныхъ инцидентовъ. Въ самомъ концѣ 1816 года, въ письмѣ къ Броннеру отъ 21-го декабря, онъ въ слѣдующихъ чертахъ характеризуетъ настроеніе совѣта: „Вашъ совѣтъ представляетъ собою составленный изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ организмъ, руководимый въ своей жизнедѣятельности болѣе случайнымъ проявленіемъ присущихъ ему силъ, нежели неизмѣнными законами. Страхъ, личныя цѣли, самолюбіе—таковы скрытыя пружины, лежащія въ основѣ его дѣятельности. Какъ только я возвращусь въ Казань, одною изъ главныхъ заботъ моихъ явится искорененіе партійности и скандальныхъ раздоровъ, обуревающихъ членовъ совѣта. Я хорошо знаю, что наживу себѣ этимъ враговъ, но ни одинъ человѣкъ не избавленъ отъ нихъ и я предпочитаю имѣть ихъ въ Казани, нежели въ Петербургѣ“ (Бр. 346).

Осенью 1816 года легкая тѣнь недоразумѣнія пробѣжала и между Броннеромъ и Салтыковымъ. Случилось это на почвѣ окончательной редакціи составленнаго Броннеромъ проэкта новаго положенія казанской гимназіи. Нѣсколько разъ уже передѣлывавшійся Броннеромъ, этотъ проэктъ переданъ былъ попечителемъ на заключеніе директора гимназіи Яковкина. Такое рѣшеніе попечителя глубоко оскорбило Броннера: „Въ совѣтѣ заслушано было,—пишетъ онъ попечителю отъ 2-го октября,—ваше предписаніе, что бы проэктъ новаго положенія гимназіи переданъ былъ на за-

ключеніе г. профессора и кавалера Яковкина. Я имѣлъ терпѣніе составить этотъ проэктъ и два раза его передѣлывать и мнѣ пришлось на дѣлѣ убѣдиться въ томъ, что критика всегда бываетъ легче самого труда. Положительно невозможнымъ явится для меня въ четвертый разъ передѣлывать этотъ обширный трудъ" (Бр. 340). Салтыковъ не замедлилъ утѣшить своего казанскаго друга, разсѣявъ его мрачныя мысли по этому поводу: „Неужели вы на меня въ претензіи за то, что я рѣшился передать проэктъ Яковкину, для необходимыхъ замѣчаній по частямъ хозяйственной и финансовой?—пишетъ онъ Броннеру отъ 23-го октября.—Приличіе и, даже, осторожность требовали привлеченія Яковкина къ этому дѣлу. Я держусь, къ тому же, того правила, что личные виды не должны имѣть мѣста въ общественныхъ отношеніяхъ и, если замѣчанія Яковкина окажутся толковыми, я воскликну слѣдомъ за Вольтеромъ: Что мнѣ за дѣло до той руки, которую Богъ пожелалъ сдѣлать орудіемъ своей воли!" (Бр. 343—344).

Въ 1816 году годичное торжественное собраніе университета происходило, какъ и въ предшествовавшемъ году, 5-го іюля—въ годовщину совершившагося за два года до того полнаго открытія университета. Внѣшній ритуалъ этого празднованія ничѣмъ не отличался отъ церемоніала акта 1815 года: та же церковная часть торжества, та же инструментальная и вокальная музыка, угощеніе почетныхъ посѣтителей, осмотръ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета; наконецъ, та же иллюминація университетскихъ зданій съ неизмѣнною „прозрачною картиною". Рѣчи на этомъ актѣ произносили: профессоръ Германъ—„De litterarum graecarum romanarumque usu ac praestantia", профессоръ Никольскій—„О пользѣ математики"; профессоръ Городчаниновъ читалъ оду—„Плоды благословеннаго мира"; оду же собственнаго сочиненія, на тему „Торжество Россіи", читалъ и студентъ Ѳеоновъ. Почетнымъ посѣтителямъ акта раздавался написанный профессоромъ Френомъ прологъ—„De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo commentationis critico-philologico-historicae liber primus". Какъ подробное описаніе акта 5-го іюля 1816 года, такъ и полный текстъ читаннаго на немъ отчета по казанскому университету за 1815—1816 учебный годъ интересующіеся найдутъ въ университетскомъ повременномъ органѣ того времени [71].

Въ самомъ началѣ 1816—1817 учебнаго года казанскій университетъ принималъ въ своихъ стѣнахъ одного изъ своихъ первыхъ почетныхъ членовъ—государственнаго канцлера и извѣстнаго мецената того времени, графа Николая Петровича Румянцева. Графъ Румянцевъ прибылъ въ Казань 3-го августа. Остановившись на Проломной улицѣ, въ

ключеніе г. профессора и кавалера Яковкина. Я имѣлъ терпѣніе составить этотъ проэктъ и два раза его передѣлывать и мнѣ пришлось на дѣлѣ убѣдиться въ томъ, что критика всегда бываетъ легче самого труда. Положительно невозможнымъ явится для меня въ четвертый разъ передѣлывать этотъ обширный трудъ" (Бр. 340). Салтыковъ не замедлилъ утѣшить своего казанскаго друга, разсѣявъ его мрачныя мысли по этому поводу: „Неужели вы на меня въ претензіи за то, что я рѣшился передать проэктъ Яковкину, для необходимыхъ замѣчаній по частямъ хозяйственной и финансовой?—пишетъ онъ Броннеру отъ 23-го октября.—Приличіе и, даже, осторожность требовали привлеченія Яковкина къ этому дѣлу. Я держусь, къ тому же, того правила, что личные виды не должны имѣть мѣста въ общественныхъ отношеніяхъ и, если замѣчанія Яковкина окажутся толковыми, я воскликну слѣдомъ за Вольтеромъ: Что мнѣ за дѣло до той руки, которую Богъ пожелалъ сдѣлать орудіемъ своей воли!" (Бр. 343—344).

Въ 1816 году годичное торжественное собраніе университета происходило, какъ и въ предшествовавшемъ году, 5-го іюля—въ годовщину совершившагося за два года до того полнаго открытія университета. Внѣшній ритуалъ этого празднованія ничѣмъ не отличался отъ церемоніала акта 1815 года: та же церковная часть торжества, та же инструментальная и вокальная музыка, угощеніе почетныхъ посѣтителей, осмотръ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета; наконецъ, та же иллюминація университетскихъ зданій съ неизмѣнною „прозрачною картиною". Рѣчи на этомъ актѣ произносили: профессоръ Германъ—„De litterarum graecarum romanarumque usu ac praestantia", профессоръ Никольскій—„О пользѣ математики"; профессоръ Городчаниновъ читалъ оду—„Плоды благословеннаго мира"; оду же собственнаго сочиненія, на тему „Торжество Россіи", читалъ и студентъ Ѳеоновъ. Почетнымъ посѣтителямъ акта раздавался написанный профессоромъ Френомъ прологъ—„De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo commentationis critico-philologico-historicae liber primus". Какъ подробное описаніе акта 5-го іюля 1816 года, такъ и полный текстъ читаннаго на немъ отчета по казанскому университету за 1815—1816 учебный годъ интересующіеся найдутъ въ университетскомъ повременномъ органѣ того времени [71].

Въ самомъ началѣ 1816—1817 учебнаго года казанскій университетъ принималъ въ своихъ стѣнахъ одного изъ своихъ первыхъ почетныхъ членовъ—государственнаго канцлера и извѣстнаго мецената того времени, графа Николая Петровича Румянцева. Графъ Румянцевъ прибылъ въ Казань 3-го августа. Остановившись на Проломной улицѣ, въ

домѣ Моисеева, графъ на слѣдующій же день посѣтилъ университетъ, гдѣ осматривалъ библіотеку, естественный и физическій кабинеты, а также и другія учрежденія. 6-го числа почетный гость выѣхалъ изъ Казани въ Симбирскъ, передъ отъѣздомъ своимъ передавъ вице-губернатору Ѳ. П. Гурьеву тысячу рублей для раздачи казанскимъ погорѣльцамъ [72].

Наступалъ конецъ 1816 года—третьяго года жизни казанскаго университета, послѣ совершеннаго открытія его на основаніи устава 1804 года. Слѣдуя установившемуся обычаю, совѣтъ университета принесъ свои поздравленія съ новымъ годомъ высшимъ начальственнымъ лицамъ, въ числѣ которыхъ, на этотъ разъ, были привѣтствованы бывшій министръ графъ А. К. Разумовскій, вновь назначенный министръ князь А. Н. Голицинъ, недавній почетный посѣтитель университета графъ Н. П. Румянцевъ и попечитель округа М. А. Салтыковъ. Не взирая на недоразумѣнія, омрачившія въ истекающемъ году отношенія между попечителемъ и университетомъ, новогоднее поздравленіе Салтыкова было формулировано въ самыхъ кордіальныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ совѣтъ съ признательностью вспоминалъ незабвенную услугу, оказанную имъ казанскому университету:

„Имѣя счастье быть подъ непосредственнымъ вашимъ покровительствомъ,—читаемъ мы въ этомъ поздравленіи,—университетъ казанскій всегда въ вашемъ превосходительствѣ находилъ единственнаго попечителя о его благосостояніи. Вашимъ однимъ ходатайствомъ сообщена оному полная власть пользоваться дарованными ему отъ щедротъ всемилостивѣйшаго монарха преимуществами; вашимъ однимъ посредствомъ и нынѣ бытіе онаго поддерживается. Столь великія къ оному благодѣянія сохранятся на вѣки въ его лѣтописяхъ и никогда не изгладятся изъ сердецъ благодарныхъ членовъ онаго. Въ засвидѣтельствованіе же глубочайшаго чувствованія живѣйшей признательности своей, они, по случаю наступающаго нынѣ новаго года, осмѣливаются симъ вашему превосходительству принести усерднѣйшее и единодушное поздравленіе и изъяснить нелестныя желанія, да сохранитъ надолго благое Провидѣніе жизнь и здравіе ваше для благоденствія сего сословія. Ваше превосходительство! Удостойте искренніе сіи обѣты ихъ того великодушнаго вниманія, каковое всегда обращаете на благоустроеніе всего заведенія и на счастье членовъ онаго!“ [73].

Самымъ крупнымъ событіемъ, ознаменовавшимъ собою истекшій 1816 годъ съ точки зрѣнія дѣла русскаго народнаго просвѣщенія, должно быть признано вступленіе въ управленіе имъ новаго лица—оберъ-прокурора

домѣ Моисеева, графъ на слѣдующій же день посѣтилъ университетъ, гдѣ осматривалъ библіотеку, естественный и физическій кабинеты, а также и другія учрежденія. 6-го числа почетный гость выѣхалъ изъ Казани въ Симбирскъ, передъ отъѣздомъ своимъ передавъ вице-губернатору Ѳ. П. Гурьеву тысячу рублей для раздачи казанскимъ погорѣльцамъ [72].

Наступалъ конецъ 1816 года—третьяго года жизни казанскаго университета, послѣ совершеннаго открытія его на основаніи устава 1804 года. Слѣдуя установившемуся обычаю, совѣтъ университета принесъ свои поздравленія съ новымъ годомъ высшимъ начальственнымъ лицамъ, въ числѣ которыхъ, на этотъ разъ, были привѣтствованы бывшій министръ графъ А. К. Разумовскій, вновь назначенный министръ князь А. Н. Голицинъ, недавній почетный посѣтитель университета графъ Н. П. Румянцевъ и попечитель округа М. А. Салтыковъ. Не взирая на недоразумѣнія, омрачившія въ истекающемъ году отношенія между попечителемъ и университетомъ, новогоднее поздравленіе Салтыкова было формулировано въ самыхъ кордіальныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ совѣтъ съ признательностью вспоминалъ незабвенную услугу, оказанную имъ казанскому университету:

„Имѣя счастье быть подъ непосредственнымъ вашимъ покровительствомъ,—читаемъ мы въ этомъ поздравленіи,—университетъ казанскій всегда въ вашемъ превосходительствѣ находилъ единственнаго попечителя о его благосостояніи. Вашимъ однимъ ходатайствомъ сообщена оному полная власть пользоваться дарованными ему отъ щедротъ всемилостивѣйшаго монарха преимуществами; вашимъ однимъ посредствомъ и нынѣ бытіе онаго поддерживается. Столь великія къ оному благодѣянія сохранятся на вѣки въ его лѣтописяхъ и никогда не изгладятся изъ сердецъ благодарныхъ членовъ онаго. Въ засвидѣтельствованіе же глубочайшаго чувствованія живѣйшей признательности своей, они, по случаю наступающаго нынѣ новаго года, осмѣливаются симъ вашему превосходительству принести усерднѣйшее и единодушное поздравленіе и изъяснить нелестныя желанія, да сохранитъ надолго благое Провидѣніе жизнь и здравіе ваше для благоденствія сего сословія. Ваше превосходительство! Удостойте искренніе сіи обѣты ихъ того великодушнаго вниманія, каковое всегда обращаете на благоустроеніе всего заведенія и на счастье членовъ онаго!“ [73].

Самымъ крупнымъ событіемъ, ознаменовавшимъ собою истекшій 1816 годъ съ точки зрѣнія дѣла русскаго народнаго просвѣщенія, должно быть признано вступленіе въ управленіе имъ новаго лица—оберъ-прокурора

святѣйшаго синода и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князя Александра Николаевича Голицина (1773—1844 г.г.). Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10-го августа 1816 года князь Голицинъ смѣнилъ собою прежняго министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго, а въ слѣдующемъ 1817 году подъ его начальствомъ были объединены всѣ ввѣренныя ему части управленія, подъ общимъ наименованіемъ „министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія".

Новый министръ народнаго просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицинъ—вступленіемъ своимъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія кладетъ начало новой эры въ развитіи дѣла русскаго образованія, вообще, и русскаго университетскаго дѣла, въ особенности. Восьмилѣтнее министерство князя Голицина (1816—1824 г.г.) характеризуется реакціонными чертами, съ которыми мы уже имѣли случай познакомиться и которыя явились отраженіемъ мистико-піэтическаго направленія, охватившаго собою русскую государственную и общественную жизнь послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ и провозглашенія отвлеченныхъ идей священнаго союза. Это направленіе, исходною точкою своею имѣвшее, въ его приложеніи къ дѣлу народнаго просвѣщенія, недовѣріе къ философскому построенію наукъ и стремленіе обосновать эти послѣднія на откровеніи и священномъ писаніи, стало прорываться въ жизнь уже въ министерство графа Разумовскаго, но теперь, со вступленіемъ въ него князя Голицина, открыто объявляется руководящимъ и, въ своемъ настойчивомъ и крайнемъ приложеніи къ дѣйствительной жизни, приводитъ русское народное просвѣщеніе къ печальной памяти эпохамъ Магницкаго и Рунича. Относясь съ самой подозрительной, а потому и отрицательной, стороны къ малѣйшимъ свободнымъ проявленіямъ научной и общественной мысли, новое направленіе стремилось сковать умственную жизнь общества узкими и строго-опредѣленными рамками и шаблонами предвзятой регламентаціи; въ преступленіе противъ религіи и существующаго строя возводилось всякое уклоненіе за эти рамки и за эти шаблоны, всякое самостоятельное движеніе мысли въ сторону свободной критики и свободнаго анализа не только въ области фактовъ и отношеній текущей дѣйствительности, но даже въ области началъ и положеній отвлеченной научной доктрины.

Нечего и распространяться о томъ, что, при такомъ направленіи въ постановкѣ дѣла народнаго просвѣщенія—не могло уже быть и рѣчи о свободномъ и прогрессивномъ развитіи университетской жизни и университетской науки, пути для котораго были такъ широко намѣчены и подготовле-

святѣйшаго синода и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князя Александра Николаевича Голицина (1773—1844 г.г.). Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10-го августа 1816 года князь Голицинъ смѣнилъ собою прежняго министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго, а въ слѣдующемъ 1817 году подъ его начальствомъ были объединены всѣ ввѣренныя ему части управленія, подъ общимъ наименованіемъ „министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“.

Новый министръ народнаго просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицинъ—вступленіемъ своимъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія кладетъ начало новой эры въ развитіи дѣла русскаго образованія, вообще, и русскаго университетскаго дѣла, въ особенности. Восьмилѣтнее министерство князя Голицина (1816—1824 г.г.) характеризуется реакціонными чертами, съ которыми мы уже имѣли случай познакомиться и которыя явились отраженіемъ мистико-піэтическаго направленія, охватившаго собою русскую государственную и общественную жизнь послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ и провозглашенія отвлеченныхъ идей священнаго союза. Это направленіе, исходною точкою своею имѣвшее, въ его приложеніи къ дѣлу народнаго просвѣщенія, недовѣріе къ философскому построенію наукъ и стремленіе обосновать эти послѣднія на откровеніи и священномъ писаніи, стало прорываться въ жизнь уже въ министерство графа Разумовскаго, но теперь, со вступленіемъ въ него князя Голицина, открыто объявляется руководящимъ и, въ своемъ настойчивомъ и крайнемъ приложеніи къ дѣйствительной жизни, приводитъ русское народное просвѣщеніе къ печальной памяти эпохамъ Магницкаго и Рунича. Относясь съ самой подозрительной, а потому и отрицательной, стороны къ малѣйшимъ свободнымъ проявленіямъ научной и общественной мысли, новое направленіе стремилось сковать умственную жизнь общества узкими и строго-опредѣленными рамками и шаблонами предвзятой регламентаціи; въ преступленіе противъ религіи и существующаго строя возводилось всякое уклоненіе за эти рамки и за эти шаблоны, всякое самостоятельное движеніе мысли въ сторону свободной критики и свободнаго анализа не только въ области фактовъ и отношеній текущей дѣйствительности, но даже въ области началъ и положеній отвлеченной научной доктрины.

Нечего и распространяться о томъ, что, при такомъ направленіи въ постановкѣ дѣла народнаго просвѣщенія—не могло уже быть и рѣчи о свободномъ и прогрессивномъ развитіи университетской жизни и университетской науки, пути для котораго были такъ широко намѣчены и подготовле-

Князь Александръ Николаевичъ
Голицынъ,
министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.
(10 августа 1816 г. — 15 мая 1824 г.)

Князь Александръ Николаевичъ
Голицынъ,
министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.
(10 августа 1816 г.—15 мая 1824 г.)

ны университетскими уставами 1804 года, и съ этой точки зрѣнія восьмилѣтнее министерство князя Голицина представило собою рѣзкую, діаметральную противоположность первому десятилѣтію жизни университетовъ александровской эпохи. Въ эту тяжелую для развитія русскаго образованія пору поставленъ былъ даже на очередь вопросъ о цѣлесообразности университетовъ и университетской науки и, какъ логическое послѣдствіе такой точки зрѣнія —вопросъ о правѣ молодыхъ русскихъ университетовъ на самое ихъ существованіе. Извѣстно, что въ 1819 году Магницкій предложилъ и поддерживалъ въ главномъ правленіи училищъ вопросъ о „публичномъ разрушеніи" казанскаго университета; толки о предстоящемъ упраздненіи провинціальныхъ русскихъ университетовъ стали циркулировать въ высшихъ сферахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія уже вслѣдъ за вступленіемъ въ управленіе министерствомъ князя А. Н. Голицина, естественнымъ образомъ смущая умы всѣхъ лицъ, которымъ были дороги и близки къ сердцу интересы нашей высшей школы. Особенно безотраднымъ и тревожнымъ представлялось полное смутныхъ опасеній настоящее въ его сравненіи съ еще недавнимъ прошлымъ, отмѣченнымъ мощнымъ и исполненнымъ свѣтлыхъ надеждъ и ожиданій движеніемъ въ сторону твердой и широкой постановки нашего просвѣтительнаго дѣла. „Кровью обливается мое сердце,—въ самомъ началѣ 1817 года писалъ Броннеру академикъ Фуссъ,—когда я сравниваю настоящее положеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній съ тѣми ожиданіями, которыя питалъ тринадцать лѣтъ тому назадъ, подъ вліяніемъ свѣжей жизненной струи, съ высоты престола изливавшейся во всѣ сферы русскаго просвѣтительнаго дѣла" (Бр. 415). Это горькое чувство разочарованія и несбывшихся упованій доминируетъ и въ письмахъ къ Броннеру попечителя Салтыкова, относящихся къ началу того же 1817 года: „Болѣе нежели вѣроятно,—писалъ Салтыковъ отъ 12-го января этого года,—что, за исключеніемъ московскаго, всѣ остальные наши университеты будутъ упразднены. Вопросъ о закрытіи университетовъ казанскаго и харьковскаго уже поставленъ на очередь. Клингеръ (попечитель дерптскаго учебнаго округа) ходатайствуетъ о своемъ увольненіи, мотивируя свое рѣшеніе нежеланіемъ присутствовать при похоронахъ ввѣреннаго ему университета. Эта же причина побуждаетъ и меня послѣдовать его примѣру" (Бр. 361).

Рѣшимость оставить должность попечителя округа и искать себѣ другого служебнаго поприща—созрѣваетъ въ душѣ Салтыкова уже къ концу 1816 года. Къ этому побуждало его не только новое направленіе, сказавшееся въ министерствѣ, но и чувство безнадежности, вызванное въ немъ

ны университетскими уставами 1804 года, и съ этой точки зрѣнія восьмилѣтнее министерство князя Голицина представило собою рѣзкую, діаметральную противоположность первому десятилѣтію жизни университетовъ александровской эпохи. Въ эту тяжелую для развитія русскаго образованія пору поставленъ былъ даже на очередь вопросъ о цѣлесообразности университетовъ и университетской науки и, какъ логическое послѣдствіе такой точки зрѣнія —вопросъ о правѣ молодыхъ русскихъ университетовъ на самое ихъ существованіе. Извѣстно, что въ 1819 году Магницкій предложилъ и поддерживалъ въ главномъ правленіи училищъ вопросъ о „публичномъ разрушеніи" казанскаго университета; толки о предстоящемъ упраздненіи провинціальныхъ русскихъ университетовъ стали циркулировать въ высшихъ сферахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія уже вслѣдъ за вступленіемъ въ управленіе министерствомъ князя А. Н. Голицина, естественнымъ образомъ смущая умы всѣхъ лицъ, которымъ были дороги и близки къ сердцу интересы нашей высшей школы. Особенно безотраднымъ и тревожнымъ представлялось полное смутныхъ опасеній настоящее въ его сравненіи съ еще недавнимъ прошлымъ, отмѣченнымъ мощнымъ и исполненнымъ свѣтлыхъ надеждъ и ожиданій движеніемъ въ сторону твердой и широкой постановки нашего просвѣтительнаго дѣла. „Кровью обливается мое сердце,—въ самомъ началѣ 1817 года писалъ Броннеру академикъ Фуссъ,—когда я сравниваю настоящее положеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній съ тѣми ожиданіями, которыя питалъ тринадцать лѣтъ тому назадъ, подъ вліяніемъ свѣжей жизненной струи, съ высоты престола изливавшейся во всѣ сферы русскаго просвѣтительнаго дѣла" (Бр. 415). Это горькое чувство разочарованія и несбывшихся упованій доминируетъ и въ письмахъ къ Броннеру попечителя Салтыкова, относящихся къ началу того же 1817 года: „Болѣе нежели вѣроятно,—писалъ Салтыковъ отъ 12-го января этого года,—что, за исключеніемъ московскаго, всѣ остальные наши университеты будутъ упразднены. Вопросъ о закрытіи университетовъ казанскаго и харьковскаго уже поставленъ на очередь. Клингеръ (попечитель дерптскаго учебнаго округа) ходатайствуетъ о своемъ увольненіи, мотивируя свое рѣшеніе нежеланіемъ присутствовать при похоронахъ ввѣреннаго ему университета. Эта же причина побуждаетъ и меня послѣдовать его примѣру" (Бр. 361).

Рѣшимость оставить должность попечителя округа и искать себѣ другого служебнаго поприща—созрѣваетъ въ душѣ Салтыкова уже къ концу 1816 года. Къ этому побуждало его не только новое направленіе, сказавшееся въ министерствѣ, но и чувство безнадежности, вызванное въ немъ

какъ отрицательнымъ отношеніемъ новаго министра къ начинаніямъ и предположеніямъ своего предмѣстника, такъ и продолжающимся вліяніемъ непримиримаго врага казанскаго попечителя—директора департамента Мартынова, сумѣвшаго и при князѣ А. Н. Голицинѣ удержать за собою всѣ нити управленія дѣломъ народнаго просвѣщенія съ такою же властною силою, съ какою сосредоточивалъ онъ ихъ въ своихъ рукахъ и при обоихъ его предшественникахъ: „Все рушится,—пишетъ Салтыковъ Броннеру еще въ октябрѣ 1816 года,—и намъ нечего разсчитывать на помощь со стороны министерства; князь Голицинъ наотрѣзъ отказываетъ въ осуществленіи предположеній, одобренныхъ его предмѣстникомъ", а въ письмѣ отъ 12-го января 1817 года Салтыковъ открыто сознается въ томъ, что нежеланіе снова подвергать себя оскорбленіямъ со стороны Мартынова, умѣющаго сохранять и проявлять свою власть и свое вліяніе при всѣхъ министрахъ—служитъ для него однимъ изъ серьезныхъ поводовъ къ положительному рѣшенію вопроса объ оставленіи настоящей должности (Бр. 343, 361). Свое непреклонное намѣреніе покинуть постъ попечителя казанскаго учебнаго округа Салтыковъ вполнѣ опредѣленнымъ образомъ передаетъ Броннеру въ письмѣ отъ 8-го января 1817 года:

„Предупреждаю васъ,—пишетъ онъ ему здѣсь,—что я твердо рѣшилъ оставить постъ попечителя округа и избрать менѣе тернистое поприще дѣятельности. Возможно, что мой преемникъ будетъ пользоваться большимъ кредитомъ въ глазахъ сильныхъ и властныхъ міра сего и сдѣлаетъ для университета все то, чего я тщетно для него домогался. Отъ такой перемѣны все и всѣ могутъ только выиграть, съ чѣмъ я отъ всей души буду радъ васъ поздравить.

При настоящемъ положеніи вещей—продолженіе службы представляется въ моихъ глазахъ немыслимымъ. Гроза можетъ, усилившись, меня разразить—а я вовсе не желаю доставить моимъ врагамъ такого удовольствія" (Бр. 359—360).

Въ письмѣ отъ 29-го января Салтыковъ затрогиваетъ и вопросъ о тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставляютъ его покинуть настоящую должность:

„Я почитаю свою миссію попечителя оконченною,—пишетъ онъ.— Мой преемникъ сумѣетъ удачнѣе справиться съ задачею, если будетъ влагать въ дѣло болѣе осторожности, нежели добрыхъ намѣреній. Весь успѣхъ обезпечивается умѣньемъ проникать въ сокровенные помыслы людей, съ которыми приходится имѣть дѣло. Надо обладать искусствомъ поддѣлываться къ особамъ съ вѣсомъ, соединять пронырливость съ угодливостью, вооружаться многотерпѣніемъ и твердо

какъ отрицательнымъ отношеніемъ новаго министра къ начинаніямъ и предположеніямъ своего предмѣстника, такъ и продолжающимся вліяніемъ непримиримаго врага казанскаго попечителя—директора департамента Мартынова, сумѣвшаго и при князѣ А. Н. Голицинѣ удержать за собою всѣ нити управленія дѣломъ народнаго просвѣщенія съ такою же властною силою, съ какою сосредоточивалъ онъ ихъ въ своихъ рукахъ и при обоихъ его предшественникахъ: „Все рушится,—пишетъ Салтыковъ Броннеру еще въ октябрѣ 1816 года,—и намъ нечего разсчитывать на помощь со стороны министерства; князь Голицинъ наотрѣзъ отказываетъ въ осуществленіи предположеній, одобренныхъ его предмѣстникомъ“, а въ письмѣ отъ 12-го января 1817 года Салтыковъ открыто сознается въ томъ, что нежеланіе снова подвергать себя оскорбленіямъ со стороны Мартынова, умѣющаго сохранять и проявлять свою власть и свое вліяніе при всѣхъ министрахъ—служитъ для него однимъ изъ серьезныхъ поводовъ къ положительному рѣшенію вопроса объ оставленіи настоящей должности (Бр. 343, 361). Свое непреклонное намѣреніе покинуть постъ попечителя казанскаго учебнаго округа Салтыковъ вполнѣ опредѣленнымъ образомъ передаетъ Броннеру въ письмѣ отъ 8-го января 1817 года:

„Предупреждаю васъ,—пишетъ онъ ему здѣсь,—что я твердо рѣшилъ оставить постъ попечителя округа и избрать менѣе тернистое поприще дѣятельности. Возможно, что мой преемникъ будетъ пользоваться большимъ кредитомъ въ глазахъ сильныхъ и властныхъ міра сего и сдѣлаетъ для университета все то, чего я тщетно для него домогался. Отъ такой перемѣны все и всѣ могутъ только выиграть, съ чѣмъ я отъ всей души буду радъ васъ поздравить.

При настоящемъ положеніи вещей—продолженіе службы представляется въ моихъ глазахъ немыслимымъ. Гроза можетъ, усилившись, меня разразить—а я вовсе не желаю доставить моимъ врагамъ такого удовольствія“ (Бр. 359—360).

Въ письмѣ отъ 29-го января Салтыковъ затрогиваетъ и вопросъ о тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставляютъ его покинуть настоящую должность:

„Я почитаю свою миссію попечителя оконченною,—пишетъ онъ.— Мой преемникъ сумѣетъ удачнѣе справиться съ задачею, если будетъ влагать въ дѣло болѣе осторожности, нежели добрыхъ намѣреній. Весь успѣхъ обезпечивается умѣньемъ проникать въ сокровенные помыслы людей, съ которыми приходится имѣть дѣло. Надо обладать искусствомъ поддѣлываться къ особамъ съ вѣсомъ, соединять пронырливость съ угодливостью, вооружаться многотерпѣніемъ и твердо

помнить, что одинъ въ полѣ—не воинъ (qu'un seule homme ne peut pas changer son siècle). Я терпѣлъ однѣ неудачи, хотя носилъ въ себѣ запасъ самыхъ лучшихъ и благихъ намѣреній. Находясь подъ вліяніемъ свободолюбивыхъ идей (d'idées liberales) и заманчивыхъ химеръ (des belles chimères), унаслѣдованныхъ мною отъ годовъ юности, я надѣялся приложить ихъ къ возложеннымъ на меня обязанностямъ. На этой почвѣ неудачею ознаменовались уже первые мои шаги. Я наивно вѣрилъ въ то, что добро можно дѣлать—безнаказанно, но уже скоро долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что опаснымъ является, временами, даже простое желаніе творить его.... Благодаря всему этому, постъ мой сталъ дѣлаться въ моихъ глазахъ—ненавистнымъ, петербургскіе же враги мои могли, конечно, только радоваться, видя состояніе апатіи, которое все болѣе и болѣе мною овладѣвало...

Вотъ вамъ краткая характеристика моей административной дѣятельности" (Бр. 366—367).

Съ уходомъ изъ министерства графа Разумовскаго петербургское положеніе Салтыкова, на которое такъ горько жаловался казанскій попечитель въ своихъ письмахъ къ Броннеру, не только, такимъ образомъ, не улучшилось, но сдѣлалось еще болѣе обостреннымъ, окончательно укрѣпивъ его въ намѣреніи покинуть занимаемый постъ и вернуться къ прежней службѣ по дипломатическому вѣдомству. Уже первые шаги управленія новаго министра, князя А. Н. Голицина, дали Салтыкову ясно предусмотрѣть катастрофу, готовую разразиться надъ дѣломъ русскаго народнаго просвѣщенія и не могли не укрѣпить его въ мысли покинуть служебное поприще, на которомъ, волею-неволею, пришлось бы идти на компромиссы и на сдѣлки съ собственною совѣстью, что совершенно не соотвѣтствовало прямому и до болѣзненности самолюбивому характеру казанскаго попечителя, изъ котораго, при всѣхъ шероховатостяхъ и противорѣчіяхъ въ складѣ его умовоззрѣнія и темперамента, никогда не въ состояніи былъ бы выработаться ни безличный и податливый Румовскій, ни карьеристъ-хамелеонъ Магницкій. Салтыковъ ясно увидѣлъ невозможность прогрессивной и плодотворной работы на пользу университета и округа—и оставляетъ ввѣренный ему постъ какъ разъ передъ первымъ ударомъ „грозы", которую такъ убѣжденно предсказывалъ онъ въ своихъ письмахъ къ Броннеру, не предвидя въ результатѣ ея ничего добраго для казанскаго университета: „Козни и раздоры съ новою силою возобновятся при моемъ преемникѣ,—пророчествуетъ Салтыковъ въ письмѣ отъ 12-го января 1817 года.—Яковкинъ восторжествуетъ и станетъ мстить. Для университета снова наступитъ эра проскрипцій Марія и Суллы. Не упускайте же изъ

помнить, что одинъ въ полѣ—не воинъ (qu'un seule homme ne peut pas changer son siècle). Я терпѣлъ однѣ неудачи, хотя носилъ въ себѣ запасъ самыхъ лучшихъ и благихъ намѣреній. Находясь подъ вліяніемъ свободолюбивыхъ идей (d'idées liberales) и заманчивыхъ химеръ (des belles chimères), унаслѣдованныхъ мною отъ годовъ юности, я надѣялся приложить ихъ къ возложеннымъ на меня обязанностямъ. На этой почвѣ неудачею ознаменовались уже первые мои шаги. Я наивно вѣрилъ въ то, что добро можно дѣлать—безнаказанно, но уже скоро долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что опаснымъ является, временами, даже простое желаніе творить его.... Благодаря всему этому, постъ мой сталъ дѣлаться въ моихъ глазахъ—ненавистнымъ, петербургскіе же враги мои могли, конечно, только радоваться, видя состояніе апатіи, которое все болѣе и болѣе мною овладѣвало...

Вотъ вамъ краткая характеристика моей административной дѣятельности" (Бр. 366—367).

Съ уходомъ изъ министерства графа Разумовскаго петербургское положеніе Салтыкова, на которое такъ горько жаловался казанскій попечитель въ своихъ письмахъ къ Броннеру, не только, такимъ образомъ, не улучшилось, но сдѣлалось еще болѣе обостреннымъ, окончательно укрѣпивъ его въ намѣреніи покинуть занимаемый постъ и вернуться къ прежней службѣ по дипломатическому вѣдомству. Уже первые шаги управленія новаго министра, князя А. Н. Голицина, дали Салтыкову ясно предусмотрѣть катастрофу, готовую разразиться надъ дѣломъ русскаго народнаго просвѣщенія и не могли не укрѣпить его въ мысли покинуть служебное поприще, на которомъ, волею-неволею, пришлось бы идти на компромиссы и на сдѣлки съ собственною совѣстью, что совершенно не соотвѣтствовало прямому и до болѣзненности самолюбивому характеру казанскаго попечителя, изъ котораго, при всѣхъ шероховатостяхъ и противорѣчіяхъ въ складѣ его умовоззрѣнія и темперамента, никогда не въ состояніи былъ бы выработаться ни безличный и податливый Румовскій, ни карьеристъ-хамелеонъ Магницкій. Салтыковъ ясно увидѣлъ невозможность прогрессивной и плодотворной работы на пользу университета и округа—и оставляетъ ввѣренный ему постъ какъ разъ передъ первымъ ударомъ „грозы", которую такъ убѣжденно предсказывалъ онъ въ своихъ письмахъ къ Броннеру, не предвидя въ результатѣ ея ничего добраго для казанскаго университета: „Козни и раздоры съ новою силою возобновятся при моемъ преемникѣ,—пророчествуетъ Салтыковъ въ письмѣ отъ 12-го января 1817 года.—Яковкинъ восторжествуетъ и станетъ мстить. Для университета снова наступитъ эра проскрипцій Марія и Суллы. Не упускайте же изъ

вида совѣтъ Пиѳагора: Во время грозы—поклоняйся и ея эхо"..... Мы уже знаемъ, что удаленію Салтыкова отъ службы въ значительной мѣрѣ служило препятствіемъ, по его собственнымъ словамъ, не достаточно обезпеченное матеріальное положеніе. Это препятствіе въ началѣ 1817 года было устранено высочайшею милостью, въ силу которой ему жаловалось пять тысячъ десятинъ земли въ саратовской губерніи, о чемъ Салтыковъ извѣщалъ своего казанскаго друга, проф. Броннера, въ письмѣ отъ 29-го января [74].

Предписаніе князя А. Н. Голицина о вступленіи его въ управленіе министерствомъ (отъ 19-го августа, за № 2765-мъ) было заслушано совѣтомъ казанскаго университета въ засѣданіи 9-го сентября 1816 года и было формулировано слѣдующимъ образомъ:

„По увольненіи г. министра народнаго просвѣщенія отъ должности, вступивъ по высочайшему повелѣнію въ управленіе министерствомъ просвѣщенія, предлагаю университету по дѣламъ, до министерства сего касающимся, относиться ко мнѣ непосредственно, впредь до возвращенія попечителя".

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ князя Голицина Салтыковъ сохраняетъ, такимъ образомъ, то же странное, неопредѣленное и двусмысленное отношеніе къ университету, въ какомъ находился со времени отъѣзда своего изъ Казани и которое, какъ мы видѣли, служило источникомъ крупныхъ недоразумѣній и столкновеній его съ ректоромъ и совѣтомъ. „Мнѣ удалось,—писалъ по тому же поводу попечитель Броннеру въ письмѣ отъ 11-го сентября 1816 года,—заручиться согласіемъ министра на то, что бы, до возвращенія моего въ Казань, не вступать въ личное вѣданіе дѣлъ, за исключеніемъ тѣхъ, по которымъ будетъ требоваться мое заключеніе или же въ которыхъ мое личное участіе явится безусловно обязательнымъ на основаніи устава". Салтыковъ не торопился возвращеніемъ въ Казань и постоянно откладывалъ время выѣзда своего изъ столицы: „Я по мѣрѣ возможности оттягиваю тотъ моментъ, когда придется снова обратиться къ дѣламъ и подумать о возвращеніи въ Казань,—писалъ онъ Броннеру (см. то же письмо),—предвидя тысячу непріятностей, которыя сдѣлаютъ въ моихъ глазахъ этотъ городъ еще болѣе ненавистнымъ". Въ концѣ декабря 1816 года Салтыковъ писалъ Броннеру (см. письмо отъ 21-го декабря) о своемъ намѣреніи выѣхать въ Казань около 15-го февраля наступающаго новаго года, но эта тяготившая его необходимость возвратиться къ далекому и несимпатичному мѣсту служенія—такъ и осталась

вида совѣтъ Пиѳагора: Во время грозы—поклоняйся и ея эхо"..... Мы уже знаемъ, что удаленію Салтыкова отъ службы въ значительной мѣрѣ служило препятствіемъ, по его собственнымъ словамъ, не достаточно обезпеченное матеріальное положеніе. Это препятствіе въ началѣ 1817 года было устранено высочайшею милостью, въ силу которой ему жаловалось пять тысячъ десятинъ земли въ саратовской губерніи, о чемъ Салтыковъ извѣщалъ своего казанскаго друга, проф. Броннера, въ письмѣ отъ 29-го января [74].

Предписаніе князя А. Н. Голицина о вступленіи его въ управленіе министерствомъ (отъ 19-го августа, за № 2765-мъ) было заслушано совѣтомъ казанскаго университета въ засѣданіи 9-го сентября 1816 года и было формулировано слѣдующимъ образомъ:

„По увольненіи г. министра народнаго просвѣщенія отъ должности, вступивъ по высочайшему повелѣнію въ управленіе министерствомъ просвѣщенія, предлагаю университету по дѣламъ, до министерства сего касающимся, относиться ко мнѣ непосредственно, впредь до возвращенія попечителя".

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ князя Голицина Салтыковъ сохраняетъ, такимъ образомъ, то же странное, неопредѣленное и двусмысленное отношеніе къ университету, въ какомъ находился со времени отъѣзда своего изъ Казани и которое, какъ мы видѣли, служило источникомъ крупныхъ недоразумѣній и столкновеній его съ ректоромъ и совѣтомъ. „Мнѣ удалось,—писалъ по тому же поводу попечитель Броннеру въ письмѣ отъ 11-го сентября 1816 года,—заручиться согласіемъ министра на то, что бы, до возвращенія моего въ Казань, не вступать въ личное вѣданіе дѣлъ, за исключеніемъ тѣхъ, по которымъ будетъ требоваться мое заключеніе или же въ которыхъ мое личное участіе явится безусловно обязательнымъ на основаніи устава". Салтыковъ не торопился возвращеніемъ въ Казань и постоянно откладывалъ время выѣзда своего изъ столицы: „Я по мѣрѣ возможности оттягиваю тотъ моментъ, когда придется снова обратиться къ дѣламъ и подумать о возвращеніи въ Казань,—писалъ онъ Броннеру (см. то же письмо),—предвидя тысячу непріятностей, которыя сдѣлаютъ въ моихъ глазахъ этотъ городъ еще болѣе ненавистнымъ". Въ концѣ декабря 1816 года Салтыковъ писалъ Броннеру (см. письмо отъ 21-го декабря) о своемъ намѣреніи выѣхать въ Казань около 15-го февраля наступающаго новаго года, но эта тяготившая его необходимость возвратиться къ далекому и несимпатичному мѣсту служенія—такъ и осталась

неосуществленною: Салтыковъ продолжалъ свое петербургское пребываніе, сохраняя все то же неопредѣленное отношеніе къ университету, вплоть до увольненія своего отъ должности попечителя округа, послѣдовавшаго лишь 4-го августа 1818 года, слѣдовательно уже почти наканунѣ грозной ревизіи Магницкаго.

Новый министръ пожелалъ имѣть самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи казанскаго университета, которыя и были потребованы имъ предписаніемъ отъ 22-го августа. Въ отвѣтъ на это требованіе составлены были вѣдомости по всѣмъ его учрежденіямъ и отдѣльнымъ частямъ, слѣдомъ за тѣмъ препровожденныя къ министру, вмѣстѣ съ составленнымъ по формѣ отчетомъ по университету [75].

Въ февралѣ 1817 года истекалъ трехлѣтній срокъ службы профессора И. О. Брауна въ званіи ректора университета, въ которое онъ былъ избранъ 4-го сентября 1813 года, будучи высочайше утвержденъ въ немъ 24-го февраля слѣдующаго 1814 года. Наступалъ весьма крупный моментъ въ начальной жизни университета, открытаго теперь уже на точныхъ основаніяхъ автономныхъ началъ устава 1804 года—вторичное избраніе ректора, избраніе, результатъ котораго долженъ былъ представить собою особенный интересъ, какъ въ виду обострившихся къ этому времени отношеній между двумя совѣтскими партіями, русскою и иностранною, такъ и въ виду натянутыхъ отношеній, создавшихся между попечителемъ округа и ректоромъ Брауномъ, являвшимся представителемъ, все еще преобладающей своимъ значеніемъ, нѣмецкой партіи совѣта.

Толки, предположенія и подъемъ страстей,—эти неизбѣжные спутники всякихъ коллегіальныхъ выборовъ,—стали давать себя чувствовать въ казанскомъ университетѣ уже съ весны 1816 года, тѣмъ болѣе, что не было точно извѣстно время, къ которому пріурочены будутъ новые выборы: они могли быть пріурочены или къ осени 1816 года, т. е. къ трехлѣтію фактическаго избранія ректора, или къ началу 1817 года, т. е. къ истеченію трехлѣтія со времени высочайшаго его утвержденія. Эта альтернатива была разрѣшена въ сторону второго изъ этихъ терминовъ—т. е. въ сторону трехлѣтія со времени утвержденія профессора Брауна.

Выборная агитація по поводу предстоящаго избранія ректора, проявившаяся среди членовъ совѣта казанскаго университета, нашла себѣ отголосокъ и въ перепискѣ проф. Броннера съ попечителемъ Салтыковымъ. Мы узнаемъ изъ этой переписки, что русская совѣтская партія, съ Кондыревымъ въ ея главѣ, уже весною 1816 года выдвигала впередъ кандидатуру въ ректоры Яковкина, съ самаго момента полнаго открытія универ-

неосуществленною: Салтыковъ продолжалъ свое петербургское пребываніе, сохраняя все то же неопредѣленное отношеніе къ университету, вплоть до увольненія своего отъ должности попечителя округа, послѣдовавшаго лишь 4-го августа 1818 года, слѣдовательно уже почти наканунѣ грозной ревизіи Магницкаго.

Новый министръ пожелалъ имѣть самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи казанскаго университета, которыя и были потребованы имъ предписаніемъ отъ 22-го августа. Въ отвѣтъ на это требованіе составлены были вѣдомости по всѣмъ его учрежденіямъ и отдѣльнымъ частямъ, слѣдомъ за тѣмъ препровожденныя къ министру, вмѣстѣ съ составленнымъ по формѣ отчетомъ по университету [75].

Въ февралѣ 1817 года истекалъ трехлѣтній срокъ службы профессора И. О. Брауна въ званіи ректора университета, въ которое онъ былъ избранъ 4-го сентября 1813 года, будучи высочайше утвержденъ въ немъ 24-го февраля слѣдующаго 1814 года. Наступалъ весьма крупный моментъ въ начальной жизни университета, открытаго теперь уже на точныхъ основаніяхъ автономныхъ началъ устава 1804 года—вторичное избраніе ректора, избраніе, результатъ котораго долженъ былъ представить собою особенный интересъ, какъ въ виду обострившихся къ этому времени отношеній между двумя совѣтскими партіями, русскою и иностранною, такъ и въ виду натянутыхъ отношеній, создавшихся между попечителемъ округа и ректоромъ Брауномъ, являвшимся представителемъ, все еще преобладающей своимъ значеніемъ, нѣмецкой партіи совѣта.

Толки, предположенія и подъемъ страстей,—эти неизбѣжные спутники всякихъ коллегіальныхъ выборовъ,—стали давать себя чувствовать въ казанскомъ университетѣ уже съ весны 1816 года, тѣмъ болѣе, что не было точно извѣстно время, къ которому пріурочены будутъ новые выборы: они могли быть пріурочены или къ осени 1816 года, т. е. къ трехлѣтію фактическаго избранія ректора, или къ началу 1817 года, т. е. къ истеченію трехлѣтія со времени высочайшаго его утвержденія. Эта альтернатива была разрѣшена въ сторону второго изъ этихъ терминовъ—т. е. въ сторону трехлѣтія со времени утвержденія профессора Брауна.

Выборная агитація по поводу предстоящаго избранія ректора, проявившаяся среди членовъ совѣта казанскаго университета, нашла себѣ отголосокъ и въ перепискѣ проф. Броннера съ попечителемъ Салтыковымъ. Мы узнаемъ изъ этой переписки, что русская совѣтская партія, съ Кондыревымъ въ ея главѣ, уже весною 1816 года выдвигала впередъ кандидатуру въ ректоры Яковкина, съ самаго момента полнаго открытія универ-

ситета державшагося,—по крайней мѣрѣ съ внѣшней, формальной, стороны,—какъ бы въ сторонѣ отъ движенія и отъ интересовъ текущей университетской жизни. Эта кандидатура сильно безпокоила Броннера, въ особенности же въ виду состоявшагося примиренія Салтыкова съ Яковкинымъ, о которомъ самъ попечитель не безъ удовольствія возвѣстилъ въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1816 года, объявивъ Броннеру, что „примирившись съ Яковкинымъ, онъ чувствуетъ себя примиреннымъ съ цѣлымъ свѣтомъ". Опасеніе, овладѣвшее Броннеромъ, раздѣлялось и его иностранными сотоварищами по совѣту, въ которыхъ свѣжи еще были воспоминанія о минувшихъ годахъ университетской диктатуры профессора-директора: „Чувство подавленнаго унынія овладѣло лучшими изъ нашихъ профессоровъ,—читаемъ въ письмѣ Броннера отъ 24-го апрѣля,—съ той поры, какъ стала выдвигаться кандидатура Яковкина въ ректоры". Особенно тревожитъ Броннера перспектива ухода изъ университета нѣкоторыхъ профессоровъ, долженствующая ослабить оппозиціонную по отношенію къ Яковкину партію: „Вамъ извѣстно, что г. Литтровъ уже находится въ ожиданіи своей отставки; за нимъ послѣдуетъ г. Френъ, а за этимъ—г. Эрдманъ; вопросъ только времени представляетъ собою и уходъ г. Бартельса, который не покончилъ еще переговоровъ по поводу расходовъ, сопряженныхъ съ его перемѣщеніемъ изъ Казани. Найдутся, быть можетъ, еще и нѣкоторые другіе члены, которые пожелаютъ его оставить.... Кто знаетъ, не входятъ ли эти, предстоящія намъ, утраты въ прямые разсчеты вожаковъ противной партіи?"

Салтыковъ съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ Броннеру на выраженныя имъ опасенія, впередъ устраняя себя отъ всякаго давленія на предстоящіе университетскіе выборы: „Что касается кандидатуры въ ректоры Яковкина,—отвѣчаетъ онъ Броннеру въ письмѣ отъ 22-го мая,—то избраніе ректора есть дѣло всей коллегіи и я не считаю себя компетентнымъ, не компрометируя себя, оказывать въ этомъ направленіи какое бы то ни было давленіе, тѣмъ болѣе, что все дѣло точно предусмотрѣно существующими узаконеніями. Я не вижу, поэтому, никакихъ основаній прибѣгать къ тѣмъ избирательнымъ махинаціямъ, какія позволялъ себѣ, когда то, самъ Яковкинъ. Я буду всегда и отъ всей души презирать Яковкина, но никогда не выкажу ему этого открыто; не думаю, впрочемъ, что бы онъ рискнулъ подвергнуть себя новому посрамленію" (Бр. 311, 314).

Не оставались въ бездѣйствіи, въ виду предстоящихъ выборовъ, какъ самъ ректоръ Браунъ, такъ и его сторонники. Избирательная агитація была въ полномъ разгарѣ во всю вторую половину 1816 года и въ первые

ситета державшагося,—по крайней мѣрѣ съ внѣшней, формальной, стороны,—какъ бы въ сторонѣ отъ движенія и отъ интересовъ текущей университетской жизни. Эта кандидатура сильно безпокоила Броннера, въ особенности же въ виду состоявшагося примиренія Салтыкова съ Яковкинымъ, о которомъ самъ попечитель не безъ удовольствія возвѣстилъ въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1816 года, объявивъ Броннеру, что „примирившись съ Яковкинымъ, онъ чувствуетъ себя примиреннымъ съ цѣлымъ свѣтомъ". Опасеніе, овладѣвшее Броннеромъ, раздѣлялось и его иностранными сотоварищами по совѣту, въ которыхъ свѣжи еще были воспоминанія о минувшихъ годахъ университетской диктатуры профессора-директора: „Чувство подавленнаго унынія овладѣло лучшими изъ нашихъ профессоровъ,—читаемъ въ письмѣ Броннера отъ 24-го апрѣля,—съ той поры, какъ стала выдвигаться кандидатура Яковкина въ ректоры". Особенно тревожитъ Броннера перспектива ухода изъ университета нѣкоторыхъ профессоровъ, долженствующая ослабить оппозиціонную по отношенію къ Яковкину партію: „Вамъ извѣстно, что г. Литтровъ уже находится въ ожиданіи своей отставки; за нимъ послѣдуетъ г. Френъ, а за этимъ—г. Эрдманъ; вопросъ только времени представляетъ собою и уходъ г. Бартельса, который не покончилъ еще переговоровъ по поводу расходовъ, сопряженныхъ съ его перемѣщеніемъ изъ Казани. Найдутся, быть можетъ, еще и нѣкоторые другіе члены, которые пожелаютъ его оставить.... Кто знаетъ, не входятъ ли эти, предстоящія намъ, утраты въ прямые разсчеты вожаковъ противной партіи?"

Салтыковъ съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ Броннеру на выраженныя имъ опасенія, впередъ устраняя себя отъ всякаго давленія на предстоящіе университетскіе выборы: „Что касается кандидатуры въ ректоры Яковкина,—отвѣчаетъ онъ Броннеру въ письмѣ отъ 22-го мая,—то избраніе ректора есть дѣло всей коллегіи и я не считаю себя компетентнымъ, не компрометируя себя, оказывать въ этомъ направленіи какое бы то ни было давленіе, тѣмъ болѣе, что все дѣло точно предусмотрѣно существующими узаконеніями. Я не вижу, поэтому, никакихъ основаній прибѣгать къ тѣмъ избирательнымъ махинаціямъ, какія позволялъ себѣ, когда то, самъ Яковкинъ. Я буду всегда и отъ всей души презирать Яковкина, но никогда не выкажу ему этого открыто; не думаю, впрочемъ, что бы онъ рискнулъ подвергнуть себя новому посрамленію" (Бр. 311, 314).

Не оставались въ бездѣйствіи, въ виду предстоящихъ выборовъ, какъ самъ ректоръ Браунъ, такъ и его сторонники. Избирательная агитація была въ полномъ разгарѣ во всю вторую половину 1816 года и въ первые

мѣсяцы 1817 года. „Ректоръ—сынъ Адама, онъ созданъ изъ плоти и костей,—писалъ Салтыковъ Броннеру въ концѣ лѣта 1816 года, затрогивая вопросъ о казанской избирательной кампаніи.—Будь онъ равенъ по уму Сократу, онъ все же остается человѣкомъ, а потому и не можетъ быть чуждъ слабостямъ человѣческой природы. Онъ старается заручиться сторонниками, желаетъ обезпечить себѣ на предстоящихъ выборахъ большинство избирательныхъ голосовъ. Оно и понятно: никому не представляется пріятнымъ снова возвращаться подъ общій уровень среды, надъ которой случайно удалось возвыситься. Наживая себѣ недовольныхъ—приходится опасаться ихъ мщенія; дѣлая же добро—тяжело видѣть себя отдаренными за него неблагодарностью" (Бр. 331). Такъ, въ самый разгаръ своихъ недоразумѣній съ Брауномъ, находилъ Салтыковъ оправданія тѣмъ самымъ проявленіямъ дѣятельности ректора, за которыя, со стороны чисто формальной, самъ же онъ въ рѣзкой письменной формѣ выражалъ ему свое начальническое „негодованіе".

Давно ожидавшіеся выборы ректора состоялись 17-го апрѣля 1817 года, въ двѣнадцать часовъ дня, при наличности восемнадцати избирателей, баллотировавшихъ въ званіе ректора пятнадцать ординарныхъ профессоровъ. Вопреки опасеніямъ Броннера, еще въ письмѣ къ Салтыкову отъ 7-го января выражавшаго увѣренность въ томъ, что рознь членовъ нѣмецкой партіи и сплоченность между членами партіи русской приведутъ, на предстоящихъ выборахъ, къ торжеству послѣдней надъ первою—избирательное собраніе 17-го апрѣля явилось полною побѣдою иностранной совѣтской партіи. Профессоръ И. О. Браунъ оказался избраннымъ ректоромъ и на слѣдующее трехлѣтіе большинствомъ двѣнадцати избирательныхъ шаровъ противъ пяти неизбирательныхъ. Слѣдующимъ за нимъ кандидатомъ выступилъ представитель нѣмецкой же партіи, профессоръ Ѳ. Х. Эрдманъ, получившій одиннадцать избирательныхъ шаровъ. Изъ остальныхъ лицъ, подвергавшихся баллотированію, никто не получилъ избирательнаго большинства и по количеству полученныхъ шаровъ лица эти слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Френъ (+6, —11), Фуксъ, Бартельсъ и Томасъ (+5, —12), Яковкинъ, Германъ, Цеплинъ, Вердерамо и баронъ Врангель (+4, —13), Броннеръ (+3, —14), Эрихъ и Городчаниновъ (+2, —15), отсутствовавшій на выборахъ Брейтенбахъ (+0, —18). Сопоставленіе количества избирательныхъ шаровъ, полученныхъ кандидатами двухъ враждебныхъ партій,—Брауномъ и Яковкинымъ,—ясно показываетъ совершенное ничтожество голосовъ, стоявшихъ на сторонѣ всевластнаго когда то профессора-директора. Ясно раскрывается передъ нами

мѣсяцы 1817 года. „Ректоръ—сынъ Адама, онъ созданъ изъ плоти и костей,—писалъ Салтыковъ Броннеру въ концѣ лѣта 1816 года, затрогивая вопросъ о казанской избирательной кампаніи.—Будь онъ равенъ по уму Сократу, онъ все же остается человѣкомъ, а потому и не можетъ быть чуждъ слабостямъ человѣческой природы. Онъ старается заручиться сторонниками, желаетъ обезпечить себѣ на предстоящихъ выборахъ большинство избирательныхъ голосовъ. Оно и понятно: никому не представляется пріятнымъ снова возвращаться подъ общій уровень среды, надъ которой случайно удалось возвыситься. Наживая себѣ недовольныхъ—приходится опасаться ихъ мщенія; дѣлая же добро—тяжело видѣть себя отдаренными за него неблагодарностью" (Бр. 331). Такъ, въ самый разгаръ своихъ недоразумѣній съ Брауномъ, находилъ Салтыковъ оправданія тѣмъ самымъ проявленіямъ дѣятельности ректора, за которыя, со стороны чисто формальной, самъ же онъ въ рѣзкой письменной формѣ выражалъ ему свое начальническое „негодованіе".

Давно ожидавшіеся выборы ректора состоялись 17-го апрѣля 1817 года, въ двѣнадцать часовъ дня, при наличности восемнадцати избирателей, баллотировавшихъ въ званіе ректора пятнадцать ординарныхъ профессоровъ. Вопреки опасеніямъ Броннера, еще въ письмѣ къ Салтыкову отъ 7-го января выражавшаго увѣренность въ томъ, что рознь членовъ нѣмецкой партіи и сплоченность между членами партіи русской приведутъ, на предстоящихъ выборахъ, къ торжеству послѣдней надъ первою—избирательное собраніе 17-го апрѣля явилось полною побѣдою иностранной совѣтской партіи. Профессоръ И. О. Браунъ оказался избраннымъ ректоромъ и на слѣдующее трехлѣтіе большинствомъ двѣнадцати избирательныхъ шаровъ противъ пяти неизбирательныхъ. Слѣдующимъ за нимъ кандидатомъ выступилъ представитель нѣмецкой же партіи, профессоръ Ѳ. Х. Эрдманъ, получившій одиннадцать избирательныхъ шаровъ. Изъ остальныхъ лицъ, подвергавшихся баллотированію, никто не получилъ избирательнаго большинства и по количеству полученныхъ шаровъ лица эти слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Френъ (+6, —11), Фуксъ, Бартельсъ и Томасъ (+5, —12), Яковкинъ, Германъ, Цеплинъ, Вердерамо и баронъ Врангель (+4, —13), Броннеръ (+3, —14), Эрихъ и Городчаниновъ (+2, —15), отсутствовавшій на выборахъ Брейтенбахъ (+0, —18). Сопоставленіе количества избирательныхъ шаровъ, полученныхъ кандидатами двухъ враждебныхъ партій,—Брауномъ и Яковкинымъ,—ясно показываетъ совершенное ничтожество голосовъ, стоявшихъ на сторонѣ всевластнаго когда то профессора-директора. Ясно раскрывается передъ нами

и самый составъ голосовъ, поданныхъ за Яковкина: это—голоса Кондырева, Перевощикова, Срезневскаго и барона Врангеля; присоединивъ къ нимъ голосъ самого Яковкина, мы какъ разъ получимъ тѣ пять неизбирательныхъ шаровъ, которые были положены профессору Брауну. Этотъ избирательный результатъ служитъ блестящимъ доказательствомъ авторитета, завоеваннаго себѣ среди членовъ коллегіи ректоромъ Брауномъ: вокругъ него сплотились не только представители иностранной партіи, но и умѣренные представители партіи русской. Яковкинъ понялъ невозвратное паденіе своихъ шансовъ и счелъ за лучшее совершенно отказаться отъ послѣдовавшей баллотировки въ деканы словеснаго отдѣленія. Избранный на новое трехлѣтіе ректоромъ университета, проф. И. О. Браунъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи высочайшимъ повелѣніемъ отъ 6-го іюня 1817 года.

Въ томъ же засѣданіи совѣта произведены были, на одинъ годъ, выборы декановъ отдѣленій. Избранными оказались: по отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ—баронъ Врангель, по отдѣленію физико-математическихъ наукъ — Бартельсъ, по отдѣленію врачебныхъ наукъ—Эрдманъ, по отдѣленію словесныхъ наукъ—Эрихъ. Скоро въ этомъ спискѣ декановъ произошли, впрочемъ, измѣненія: за отказомъ бар. Врангеля, 18-го августа того же года деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ избранъ проф. Цеплинъ, а за перемѣщеніемъ изъ Казани Эрдмана—11-го августа деканомъ врачебнаго отдѣленія избранъ проф. Вердерамо. Представленіе относительно результата выборовъ 17-го апрѣля 1817 года сдѣлано было уже въ формѣ, которая не могла шокировать самолюбиваго Салтыкова, какъ это случилось съ выборами предшествовавшаго года: хотя представленіе и было направлено непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія, тѣмъ не менѣе своевременное донесеніе о томъ, хотя только къ простому его свѣдѣнію, было сдѣлано и попечителю округа [76].

Мы уже знаемъ, что, начиная съ весны 1816 года, казанскій университетъ начинаетъ нести рядъ утратъ въ личномъ составѣ, которыя не могли не отозваться на успѣхахъ его научной и преподавательской дѣятельности. 25-го мая 1816 года выѣхалъ въ заграничный отпускъ профессоръ І. А. Литтровъ, съ тѣмъ, что бы не возвращаться уже болѣе въ Казань; 4 іюня того же года скончался профессоръ К. Ѳ. Реннеръ. 17 іюля 1817 года оставилъ службу въ казанскомъ университетѣ профессоръ Ѳ. Х. Эрдманъ, 3-го августа того же года—профессоръ Х. Д. Френъ; 15-го сентября отправился въ заграничный отпускъ, изъ котораго

и самый составъ голосовъ, поданныхъ за Яковкина: это—голоса Кондырева, Перевощикова, Срезневскаго и барона Врангеля; присоединивъ къ нимъ голосъ самого Яковкина, мы какъ разъ получимъ тѣ пять неизбирательныхъ шаровъ, которые были положены профессору Брауну. Этотъ избирательный результатъ служитъ блестящимъ доказательствомъ авторитета, завоеваннаго себѣ среди членовъ коллегіи ректоромъ Брауномъ: вокругъ него сплотились не только представители иностранной партіи, но и умѣренные представители партіи русской. Яковкинъ понялъ невозвратное паденіе своихъ шансовъ и счелъ за лучшее совершенно отказаться отъ послѣдовавшей баллотировки въ деканы словеснаго отдѣленія. Избранный на новое трехлѣтіе ректоромъ университета, проф. И. О. Браунъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи высочайшимъ повелѣніемъ отъ 6-го іюня 1817 года.

Въ томъ же засѣданіи совѣта произведены были, на одинъ годъ, выборы декановъ отдѣленій. Избранными оказались: по отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ—баронъ Врангель, по отдѣленію физико-математическихъ наукъ — Бартельсъ, по отдѣленію врачебныхъ наукъ—Эрдманъ, по отдѣленію словесныхъ наукъ—Эрихъ. Скоро въ этомъ спискѣ декановъ произошли, впрочемъ, измѣненія: за отказомъ бар. Врангеля, 18-го августа того же года деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ избранъ проф. Цеплинъ, а за перемѣщеніемъ изъ Казани Эрдмана—11-го августа деканомъ врачебнаго отдѣленія избранъ проф. Вердерамо. Представленіе относительно результата выборовъ 17-го апрѣля 1817 года сдѣлано было уже въ формѣ, которая не могла шокировать самолюбиваго Салтыкова, какъ это случилось съ выборами предшествовавшаго года: хотя представленіе и было направлено непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія, тѣмъ не менѣе своевременное донесеніе о томъ, хотя только къ простому его свѣдѣнію, было сдѣлано и попечителю округа [76].

Мы уже знаемъ, что, начиная съ весны 1816 года, казанскій университетъ начинаетъ нести рядъ утратъ въ личномъ составѣ, которыя не могли не отозваться на успѣхахъ его научной и преподавательской дѣятельности. 25-го мая 1816 года выѣхалъ въ заграничный отпускъ профессоръ І. А. Литтровъ, съ тѣмъ, что бы не возвращаться уже болѣе въ Казань; 4 іюня того же года скончался профессоръ К. Ѳ. Реннеръ. 17 іюля 1817 года оставилъ службу въ казанскомъ университетѣ профессоръ Ѳ. Х. Эрдманъ, 3-го августа того же года—профессоръ Х. Д. Френъ; 15-го сентября отправился въ заграничный отпускъ, изъ котораго

уже не возвратился, профессоръ К. И. Броннеръ; 18-го того же сентября уволенъ профессоръ И. Е. Нейманъ, 7-го октября умеръ адъюнктъ I. X. Репардъ.....

На почвѣ увольненія перваго изъ этихъ преподавателей, профессора астрономіи I. А. Литтрова, произошло весною 1817 года новое столкновеніе между совѣтомъ университета и попечителемъ Салтыковымъ, явившееся, до извѣстной степени, отраженіемъ недоразумѣній, возникшихъ еще въ предшествовавшемъ году изъ-за избранія въ экстраординарные профессоры адъюнкта астрономіи И. М. Симонова. Дѣло въ томъ, что, въ виду увольненія проф. Литтрова, профессоръ чистой математики Бартельсъ изъявилъ желаніе принять на себя безвозмездное преподаваніе по освободившейся кафедрѣ теоретической астрономіи, каковое 17-го мая совѣтомъ и было на него возложено, съ сохраненіемъ за адъюнктомъ Симоновымъ преподаванія астрономіи практической. Это порученіе, состоявшееся почти одновременно съ уже извѣстными намъ затрудненіями, поставленными въ совѣтѣ избранію Симонова, которому протежировалъ попечитель, было истолковано Салтыковымъ съ точки зрѣнія происковъ, направленныхъ къ отстраненію молодого астронома отъ кафедры, на которую онъ имѣлъ полное право разсчитывать съ уходомъ его учителя—Литтрова. Попечитель крайне возмутился такимъ оборотомъ дѣла, усматривая въ немъ актъ величайшей несправедливости и интригу, направленную какъ противъ Симонова, такъ и противъ него лично: „Господинъ Бартельсъ,—писалъ Салтыковъ Броннеру отъ 12-го іюня 1816 года,—поторопился обезпечить за собою преподаваніе астрономіи, изъявивъ тѣмъ самымъ намѣреніе оттягать законное наслѣдіе у Симонова, являющагося естественнымъ преемникомъ Литтрова, совѣтъ же не считаетъ даже нужнымъ воспротивиться этому..... Вопіющая несправедливость! Если такой образъ дѣйствій можетъ быть признанъ чистоплотнымъ и честнымъ—я положительно отказываюсь понимать что либо во всемъ этомъ дѣлѣ“. Броннеръ оправдывалъ образъ дѣйствій Бартельса тѣмъ, что въ основѣ его не лежитъ никакого корыстолюбиваго побужденія. „Если г. Бартельсъ,—отвѣчалъ на это попечитель,—дѣйствительно не имѣетъ намѣренія запросить въ будущемъ за это преподаваніе дополнительнаго вознагражденія, то для меня становится непонятнымъ побужденіе, заставившее его такъ поспѣшно овладѣть кафедрою Литтрова. Хотѣлось бы вѣрить, что имъ руководило въ данномъ случаѣ стремленіе къ общественной пользѣ, такъ какъ я знаю Бартельса за человѣка честнаго, чуждаго коварства и интригъ“. Салтыковъ не обинуясь усматривалъ во всемъ этомъ

уже не возвратился, профессоръ К. И. Броннеръ; 18-го того же сентября уволенъ профессоръ И. Е. Нейманъ, 7-го октября умеръ адъюнктъ I. Х. Ренардъ.....

На почвѣ увольненія перваго изъ этихъ преподавателей, профессора астрономіи I. А. Литтрова, произошло весною 1817 года новое столкновеніе между совѣтомъ университета и попечителемъ Салтыковымъ, явившееся, до извѣстной степени, отраженіемъ недоразумѣній, возникшихъ еще въ предшествовавшемъ году изъ-за избранія въ экстраординарные профессоры адъюнкта астрономіи И. М. Симонова. Дѣло въ томъ, что, въ виду увольненія проф. Литтрова, профессоръ чистой математики Бартельсъ изъявилъ желаніе принять на себя безвозмездное преподаваніе по освободившейся кафедрѣ теоретической астрономіи, каковое 17-го мая совѣтомъ и было на него возложено, съ сохраненіемъ за адъюнктомъ Симоновымъ преподаванія астрономіи практической. Это порученіе, состоявшееся почти одновременно съ уже извѣстными намъ затрудненіями, поставленными въ совѣтѣ избранію Симонова, которому протежировалъ попечитель, было истолковано Салтыковымъ съ точки зрѣнія происковъ, направленныхъ къ отстраненію молодого астронома отъ кафедры, на которую онъ имѣлъ полное право разсчитывать съ уходомъ его учителя—Литтрова. Попечитель крайне возмутился такимъ оборотомъ дѣла, усматривая въ немъ актъ величайшей несправедливости и интригу, направленную какъ противъ Симонова, такъ и противъ него лично: „Господинъ Бартельсъ,—писалъ Салтыковъ Броннеру отъ 12-го іюня 1816 года,—поторопился обезпечить за собою преподаваніе астрономіи, изъявивъ тѣмъ самымъ намѣреніе оттягать законное наслѣдіе у Симонова, являющагося естественнымъ преемникомъ Литтрова, совѣтъ же не считаетъ даже нужнымъ воспротивиться этому..... Вопіющая несправедливость! Если такой образъ дѣйствій можетъ быть признанъ чистоплотнымъ и честнымъ—я положительно отказываюсь понимать что либо во всемъ этомъ дѣлѣ“. Броннеръ оправдывалъ образъ дѣйствій Бартельса тѣмъ, что въ основѣ его не лежитъ никакого корыстолюбиваго побужденія. „Если г. Бартельсъ,—отвѣчалъ на это попечитель,—дѣйствительно не имѣетъ намѣренія запросить въ будущемъ за это преподаваніе дополнительнаго вознагражденія, то для меня становится непонятнымъ побужденіе, заставившее его такъ поспѣшно овладѣть кафедрою Литтрова. Хотѣлось бы вѣрить, что имъ руководило въ данномъ случаѣ стремленіе къ общественной пользѣ, такъ какъ я знаю Бартельса за человѣка честнаго, чуждаго коварства и интригъ“. Салтыковъ не обинуясь усматривалъ во всемъ этомъ

дѣлѣ результатъ партійной интриги ректора Брауна (Бр. 318—319, 331). Конфликтъ разрѣшился на этотъ разъ довольно скоро: мы уже знаемъ, что 7-го іюля Симоновъ, одновременно съ Н. И. Лобачевскимъ и по личному представленію попечителя, былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора, что открывало ему путь къ занятію кафедры астрономіи, которая 19-го августа и была предоставлена ему во всемъ ея объемѣ, порученіемъ преподаванія астрономіи какъ теоретической, такъ и практической. Врядъ ли позволительно усомниться въ томъ, что справедливость была въ этомъ дѣлѣ всецѣло на сторонѣ Салтыкова и Симонова, и побѣжденному совѣтскому большинству не оставалось ничего болѣе, какъ демонстративно выразить въ августѣ мѣсяцѣ „засвидѣтельствованіе признательности отъ университетскаго совѣта" проф. Бартельсу, тогда же освобожденному отъ порученнаго ему преподаванія теоретической астрономіи.

Ни иностранное большинство совѣта, ни самъ профессоръ Бартельсъ не хотѣли, какъ видно, примириться съ такимъ исходомъ дѣла и весною слѣдующаго 1817 года снова возникъ вопросъ объ организаціи преподаванія астрономіи, благодаря прошенію о предоставленіи ему кафедры теоретической астрономіи, съ которымъ проф. Бартельсъ вошелъ въ совѣтъ 10-го мая этого года, воспользовавшись отсутствіемъ изъ Казани Симонова, временно прикомандированнаго, для научныхъ занятій, къ императорской академіи наукъ. На этотъ разъ вопросъ о безкорыстности побужденій Бартельса, такъ интересовавшій собою попечителя лѣтомъ предшествовавшаго года, разрѣшался уже съ совершенною ясностью: ходатайствуя передъ и. д. министра относительно дозволенія проф. Бартельсу „сверхъ преподаваній по занимаемой имъ нынѣ кафедрѣ принять на себя и наставленія по части теоретической астрономіи" и ссылаясь на успѣшное преподаваніе имъ этого предмета въ 1808—1810 годахъ, совѣтъ ходатайствовалъ и о предоставленіи проф. Бартельсу за эту вторую кафедру „положеннаго по уставу жалованья". Салтыковъ счелъ долгомъ энергично протестовать противъ совѣтскаго ходатайства и представилъ (4-го іюня, за № 64) министерству обстоятельное объясненіе, въ которомъ строилъ свое несогласіе съ опредѣленіемъ совѣта на слѣдующихъ основаніяхъ: а) профессоръ Симоновъ выступаетъ законнымъ преемникомъ Литтрова, совмѣщавшаго въ своемъ лицѣ преподаваніе обоихъ отдѣловъ астрономіи— и теоретической, и практической; б) раздѣленіе преподаванія обѣихъ частей этой науки можетъ оказать вредное вліяніе, въ виду различія въ методахъ, которыхъ будутъ держаться оба преподавателя; в) профессоръ Симоновъ, въ настоящее время находящійся при академіи наукъ, но имѣющій

дѣлѣ результатъ партійной интриги ректора Брауна (Бр. 318—319, 331). Конфликтъ разрѣшился на этотъ разъ довольно скоро: мы уже знаемъ, что 7-го іюля Симоновъ, одновременно съ Н. И. Лобачевскимъ и по личному представленію попечителя, былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора, что открывало ему путь къ занятію кафедры астрономіи, которая 19-го августа и была предоставлена ему во всемъ ея объемѣ, порученіемъ преподаванія астрономіи какъ теоретической, такъ и практической. Врядъ ли позволительно усомниться въ томъ, что справедливость была въ этомъ дѣлѣ всецѣло на сторонѣ Салтыкова и Симонова, и побѣжденному совѣтскому большинству не оставалось ничего болѣе, какъ демонстративно выразить въ августѣ мѣсяцѣ „засвидѣтельствованіе признательности отъ университетскаго совѣта“ проф. Бартельсу, тогда же освобожденному отъ порученнаго ему преподаванія теоретической астрономіи.

Ни иностранное большинство совѣта, ни самъ профессоръ Бартельсъ не хотѣли, какъ видно, примириться съ такимъ исходомъ дѣла и весною слѣдующаго 1817 года снова возникъ вопросъ объ организаціи преподаванія астрономіи, благодаря прошенію о предоставленіи ему кафедры теоретической астрономіи, съ которымъ проф. Бартельсъ вошелъ въ совѣтъ 10-го мая этого года, воспользовавшись отсутствіемъ изъ Казани Симонова, временно прикомандированнаго, для научныхъ занятій, къ императорской академіи наукъ. На этотъ разъ вопросъ о безкорыстности побужденій Бартельса, такъ интересовавшій собою попечителя лѣтомъ предшествовавшаго года, разрѣшался уже съ совершенною ясностью: ходатайствуя передъ и. д. министра относительно дозволенія проф. Бартельсу „сверхъ преподаваній по занимаемой имъ нынѣ кафедрѣ принять на себя и наставленія по части теоретической астрономіи“ и ссылаясь на успѣшное преподаваніе имъ этого предмета въ 1808—1810 годахъ, совѣтъ ходатайствовалъ и о предоставленіи проф. Бартельсу за эту вторую кафедру „положеннаго по уставу жалованья“. Салтыковъ счелъ долгомъ энергично протестовать противъ совѣтскаго ходатайства и представилъ (4-го іюня, за № 64) министерству обстоятельное объясненіе, въ которомъ строилъ свое несогласіе съ опредѣленіемъ совѣта на слѣдующихъ основаніяхъ: а) профессоръ Симоновъ выступаетъ законнымъ преемникомъ Литтрова, совмѣщавшаго въ своемъ лицѣ преподаваніе обоихъ отдѣловъ астрономіи— и теоретической, и практической; б) раздѣленіе преподаванія обѣихъ частей этой науки можетъ оказать вредное вліяніе, въ виду различія въ методахъ, которыхъ будутъ держаться оба преподавателя; в) профессоръ Симоновъ, въ настоящее время находящійся при академіи наукъ, но имѣющій

возвратиться въ Казань къ началу ближайшаго учебнаго года, обладаетъ всѣми необходимыми для обоихъ преподаваній знаніями и, сверхъ того, будетъ вести свои чтенія на русскомъ языкѣ.

Какъ ходатайство совѣта, такъ и объясненіе попечителя, были переданы на заключеніе главнаго правленія училищъ, которое приняло сторону Салтыкова, высказавшись, опредѣленіемъ отъ 11-го іюля, въ томъ смыслѣ, что бы „согласно мнѣнію г. попечителя предоставить экстраординарному профессору Симонову преподаваніе теоретической астрономіи, сверхъ практической". Эта новая побѣда Салтыкова, явившаяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и торжествомъ русской партіи совѣта, обезпечила за Симоновымъ преподаваніе по обѣимъ частямъ астрономіи; преподаваніе астрономіи не было возложено на Бартельса и двумя годами позже, въ 1819 году, когда И. М. Симоновъ, по высочайшему повелѣнію, прикомандированъ былъ къ кругосвѣтной экспедиціи на военномъ шлюпѣ „Востокъ": преподаваніе астрономіи велъ за три года его отсутствія профессоръ Н. И. Лобачевскій [77].

Въ области другихъ явленій, соприкасающихся съ постановкою въ казанскомъ университетѣ учебнаго дѣла, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ послѣдовавшее въ началѣ 1817 года допущеніе студентовъ казанской духовной академіи къ слушанію университетскихъ лекцій. Исполняя волю мѣстнаго архіепископа Амвросія, ректоръ казанской духовной академіи *, архимандритъ Аѳанасій, 20-го января 1817 года обратился въ совѣтъ университета съ отношеніемъ, въ которомъ испрашивалъ разрѣшенія на то, „что бы казанской академіи студенты въ положенные часы ходили въ императорскій казанскій университетъ для слушанія въ ономъ приличныхъ профессорскихъ лекцій". Разрѣшеніе это испрашивалось для восьмидесяти двухъ студентовъ академіи старшихъ курсовъ (богословія и философіи), предполагавшихся къ слушанію университетскихъ лекцій по слѣдующимъ предметамъ: метафизика—82 студента (т. е. всѣ), эстетика—82 (всѣ), риторика—71, греческая словесность—66; французскій языкъ—36, нѣмецкій языкъ—18, математика, физика и химія—9 человѣкъ. Согласившись на ходатайство академіи, совѣтъ университета 12-го февраля сообщилъ росписаніе дней и часовъ, въ которые могутъ посѣщать университетскія лекціи студенты-академики. Лекціи эти посѣщались академиками въ продолженіи всего весенняго семестра 1817 года, но на сколько

* Рѣчь идетъ здѣсь о такъ называемой «старой духовной академіи»,—названіе, которое присвоивалось въ 1797—1818 годахъ казанской семинаріи, въ этомъ году снова переименованной въ прежнюю «духовную семинарію». Нынѣ существующая казанская духовная академія возникла, какъ извѣстно, лишь въ 1842 году.

возвратиться въ Казань къ началу ближайшаго учебнаго года, обладаетъ всѣми необходимыми для обоихъ преподаваній знаніями и, сверхъ того, будетъ вести свои чтенія на русскомъ языкѣ.

Какъ ходатайство совѣта, такъ и объясненіе попечителя, были переданы на заключеніе главнаго правленія училищъ, которое приняло сторону Салтыкова, высказавшись, опредѣленіемъ отъ 11-го іюля, въ томъ смыслѣ, что бы „согласно мнѣнію г. попечителя предоставить экстраординарному профессору Симонову преподаваніе теоретической астрономіи, сверхъ практической". Эта новая побѣда Салтыкова, явившаяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и торжествомъ русской партіи совѣта, обезпечила за Симоновымъ преподаваніе по обѣимъ частямъ астрономіи; преподаваніе астрономіи не было возложено на Бартельса и двумя годами позже, въ 1819 году, когда И. М. Симоновъ, по высочайшему повелѣнію, прикомандированъ былъ къ кругосвѣтной экспедиціи на военномъ шлюпѣ „Востокъ": преподаваніе астрономіи велъ за три года его отсутствія профессоръ Н. И. Лобачевскій [77].

Въ области другихъ явленій, соприкасающихся съ постановкою въ казанскомъ университетѣ учебнаго дѣла, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ послѣдовавшее въ началѣ 1817 года допущеніе студентовъ казанской духовной академіи къ слушанію университетскихъ лекцій. Исполняя волю мѣстнаго архіепископа Амвросія, ректоръ казанской духовной академіи *, архимандритъ Аѳанасій, 20-го января 1817 года обратился въ совѣтъ университета съ отношеніемъ, въ которомъ испрашивалъ разрѣшенія на то, „что бы казанской академіи студенты въ положенные часы ходили въ императорскій казанскій университетъ для слушанія въ ономъ приличныхъ профессорскихъ лекцій". Разрѣшеніе это испрашивалось для восьмидесяти двухъ студентовъ академіи старшихъ курсовъ (богословія и философіи), предполагавшихся къ слушанію университетскихъ лекцій по слѣдующимъ предметамъ: метафизика—82 студента (т. е. всѣ), эстетика—82 (всѣ), риторика—71, греческая словесность—66; французскій языкъ—36, нѣмецкій языкъ—18, математика, физика и химія—9 человѣкъ. Согласившись на ходатайство академіи, совѣтъ университета 12-го февраля сообщилъ росписаніе дней и часовъ, въ которые могутъ посѣщать университетскія лекціи студенты-академики. Лекціи эти посѣщались академиками въ продолженіи всего весенняго семестра 1817 года, но на сколько

* Рѣчь идетъ здѣсь о такъ называемой «старой духовной академіи»,—названіе, которое присвоивалось въ 1797—1818 годахъ казанской семинаріи, въ этомъ году снова переименованной въ прежнюю «духовную семинарію». Нынѣ существующая казанская духовная академія возникла, какъ извѣстно, лишь въ 1842 году.

плодотворнымъ явилось для нихъ это весьма непродолжительное слушаніе—свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ [78].

1816—1817 учебный годъ закончился торжественнымъ публичнымъ актомъ 5-го іюля, происходившимъ по обычному ритуалу—съ слушаніемъ литургіи въ Воскресенской церкви и послѣдующимъ молебствіемъ въ актовомъ залѣ, рѣчами, стихотвореніями, симфоніею, хорами и неизбѣжнымъ угощеніемъ почетныхъ гостей. На этотъ разъ рѣчи произносились: профессоромъ и ректоромъ И. О. Брауномъ—„De circulatione ejusque organis", профессоромъ I. Е. Срезневскимъ—„О различныхъ системахъ нравоученія"; профессоръ Г. Н. Городчаниновъ и кандидатъ словесности Ѳеоновъ читали оды своего сочиненія, а въ заключеніе вниманію присутствующихъ предложена была „Историческая записка о казанскомъ университетѣ (т. е. отчетъ) съ іюля 1816 по іюль 1817 года". Произнесенная на этомъ актѣ ода проф. Городчанинова отмѣчена, конечно, тѣми же чертами отрицательнаго характера, которыя были присущи продуктамъ вдохновенія этого „профессора стихотворства", вообще. Возвѣстивъ публикѣ, что—

„Какъ съ поля ратай утомленный
„Къ покою сладкому идетъ
„И, духъ имѣя восхищенный,
„Блаженство дней своихъ поетъ
. . . .
„Такъ мы идемъ поосвѣжиться
„И во трудахъ пріопочить,
„Что бъ съ новымъ рвеньемъ возвратиться
„И новы силы получить—

университетскій піита заканчиваетъ свою оду слѣдующимъ изображеніемъ заслугъ университета и воззваніемъ къ городу Казани:

„На сѣверъ, западъ, югъ Россіи
„Сей корни вертоградъ пустилъ,
„Сыновъ отечеству достойныхъ
„Онъ воспиталъ и возростилъ:
„Иной, принявъ мечь шумный въ длани,
„Пустился вихремъ въ поле брани
„И лавры на чело стяжалъ;
„Другой пріялъ вѣсы Ѳемиды;
„Сего призвали Піериды;
„Тотъ Иппократовъ путь избралъ.....
„Въ одежду свѣтлу облекися,
„Ликуй и радуйся, Казань,

плодотворнымъ явилось для нихъ это весьма непродолжительное слушаніе—свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ [78].

1816—1817 учебный годъ закончился торжественнымъ публичнымъ актомъ 5-го іюля, происходившимъ по обычному ритуалу—съ слушаніемъ литургіи въ Воскресенской церкви и послѣдующимъ молебствіемъ въ актовомъ залѣ, рѣчами, стихотвореніями, симфоніею, хорами и неизбѣжнымъ угощеніемъ почетныхъ гостей. На этотъ разъ рѣчи произносились: профессоромъ и ректоромъ И. О. Брауномъ—„De circulatione ejusque organis", профессоромъ І. Е. Срезневскимъ—„О различныхъ системахъ нравоученія"; профессоръ Г. Н. Городчаниновъ и кандидатъ словесности Ѳеоновъ читали оды своего сочиненія, а въ заключеніе вниманію присутствующихъ предложена была „Историческая записка о казанскомъ университетѣ (т. е. отчетъ) съ іюля 1816 по іюль 1817 года". Произнесенная на этомъ актѣ ода проф. Городчанинова отмѣчена, конечно, тѣми же чертами отрицательнаго характера, которыя были присущи продуктамъ вдохновенія этого „профессора стихотворства", вообще. Возвѣстивъ публикѣ, что—

„Какъ съ поля ратай утомленный
„Къ покою сладкому идетъ
„И, духъ имѣя восхищенный,
„Блаженство дней своихъ поетъ
. . . .
„Такъ мы идемъ поосвѣжиться
„И во трудахъ пріопочить,
„Что бъ съ новымъ рвеньемъ возвратиться
„И новы силы получить—

университетскій піита заканчиваетъ свою оду слѣдующимъ изображеніемъ заслугъ университета и воззваніемъ къ городу Казани:

„На сѣверъ, западъ, югъ Россіи
„Сей корни вертоградъ пустилъ,
„Сыновъ отечеству достойныхъ
„Онъ воспиталъ и возростилъ:
„Иной, принявъ мечь шумный въ длани,
„Пустился вихремъ въ поле брани
„И лавры на чело стяжалъ;
„Другой пріялъ вѣсы Ѳемиды;
„Сего призвали Піериды;
„Тотъ Иппократовъ путь избралъ.....
„Въ одежду свѣтлу облекися,
„Ликуй и радуйся, Казань,

„Наукъ плодами насладися
. . . .
„Восточныхъ россихъ музъ главою
„Красуйся—и сама красою
„Градовъ восточныхъ россихъ будь! [79].

Въ концѣ августа 1817 года казанскій университетъ удостоился чести, впервые со времени его основанія, принимать въ своихъ стѣнахъ особу императорскаго дома. Мы уже знаемъ, что попечитель Салтыковъ еще весною предшествовавшаго 1816 года предвидѣлъ возможность посѣщенія Казани, а слѣдовательно и университета, великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и, даже, самимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, рекомендуя по этому поводу приведеніе университетскихъ зданій въ состояніе возможнаго благоустройства. Ожиданія эти не оправдались, но за то въ августѣ 1817 года Казань удостоилась посѣщенія младшимъ братомъ государя императора, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. О предстоящемъ прибытіи высокаго гостя сдѣлалось извѣстнымъ заблаговременно и 18-го августа совѣтъ университета имѣлъ по этому поводу экстренное собраніе. Великій князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Казань, еще не успѣвшую совершенно оправиться отъ опустошительнаго пожара 1815 года, вечеромъ 26-го августа 1817 года, 28 августа выѣхавъ отсюда въ дальнѣйшій путь на Симбирскъ; квартира приготовлена была для августѣйшаго гостя противъ университета, въ домѣ купца Крупеникова (бывшемъ секундъ-маіора Молоствова и въ 1805 году торговавшемся подъ университетъ). Мы не будемъ касаться подробностей пребыванія великаго князя въ Казани, которыя интересующіеся найдутъ въ казанской газетѣ того времени *, и остановимся лишь на посѣщеніи имъ казанскаго университета.

Высокій гость посѣтилъ университетъ на слѣдующій день по прибытіи своемъ въ городъ, въ понедѣльникъ 27-го августа, по окончаніи происходившаго на Арскомъ полѣ военнаго парада. Встрѣченный у подъѣзда главнаго университетскаго корпуса ректоромъ Брауномъ, заслуженнымъ профессоромъ и директоромъ гимназіи Яковкинымъ и четырьмя деканами, великій князь Михаилъ Павловичъ прослѣдовалъ въ большой залъ, гдѣ были собраны всѣ учащіе и учащіеся университета и гимназіи и гдѣ были представлены ему университетскіе чины. При этомъ экстраординарный профессоръ Перевощиковъ поднесъ его высочеству сочиненное имъ при-

* «Казанскія Извѣстія» за 1817 г., №№ 70 и 71.

„Наукъ плодами насладися
. . . .
„Восточныхъ россихъ музъ главою
„Красуйся—и сама красою
„Градовъ восточныхъ россихъ будь! [79].

Въ концѣ августа 1817 года казанскій университетъ удостоился чести, впервые со времени его основанія, принимать въ своихъ стѣнахъ особу императорскаго дома. Мы уже знаемъ, что попечитель Салтыковъ еще весною предшествовавшаго 1816 года предвидѣлъ возможность посѣщенія Казани, а слѣдовательно и университета, великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и, даже, самимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, рекомендуя по этому поводу приведеніе университетскихъ зданій въ состояніе возможнаго благоустройства. Ожиданія эти не оправдались, но за то въ августѣ 1817 года Казань удостоилась посѣщенія младшимъ братомъ государя императора, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. О предстоящемъ прибытіи высокаго гостя сдѣлалось извѣстнымъ заблаговременно и 18-го августа совѣтъ университета имѣлъ по этому поводу экстренное собраніе. Великій князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Казань, еще не успѣвшую совершенно оправиться отъ опустошительнаго пожара 1815 года, вечеромъ 26-го августа 1817 года, 28 августа выѣхавъ отсюда въ дальнѣйшій путь на Симбирскъ; квартира приготовлена была для августѣйшаго гостя противъ университета, въ домѣ купца Крупеникова (бывшемъ секундъ-маіора Молоствова и въ 1805 году торговавшемся подъ университетъ). Мы не будемъ касаться подробностей пребыванія великаго князя въ Казани, которыя интересующіеся найдутъ въ казанской газетѣ того времени *, и остановимся лишь на посѣщеніи имъ казанскаго университета.

Высокій гость посѣтилъ университетъ на слѣдующій день по прибытіи своемъ въ городъ, въ понедѣльникъ 27-го августа, по окончаніи происходившаго на Арскомъ полѣ военнаго парада. Встрѣченный у подъѣзда главнаго университетскаго корпуса ректоромъ Брауномъ, заслуженнымъ профессоромъ и директоромъ гимназіи Яковкинымъ и четырьмя деканами, великій князь Михаилъ Павловичъ прослѣдовалъ въ большой залъ, гдѣ были собраны всѣ учащіе и учащіеся университета и гимназіи и гдѣ были представлены ему университетскіе чины. При этомъ экстраординарный профессоръ Перевощиковъ поднесъ его высочеству сочиненное имъ при-

* «Казанскія Извѣстія» за 1817 г., №№ 70 и 71.

вѣтствіе отъ имени университета, профессоры Городчаниновъ и Вердерамо—свои стихотворенія (второй на итальянскомъ языкѣ), Яковкинъ—свои труды, Фуксъ—гравированныя таблицы восточныхъ монетъ своей коллекціи. Затѣмъ слѣдовалъ осмотръ кабинетовъ натуральнаго и физическаго, по окончаніи котораго представлялось великому князю казанское общество любителей отечественной словесности, первенствующій членъ котораго, Яковкинъ, поднесъ его высочеству первый томъ „Трудовъ“ общества, а членъ общества, адъюнктъ Ибрагимовъ—стихотворное привѣтствіе отъ его имени. Тогда же представлены были великому князю чиновники гимназіи, послѣ чего слѣдовалъ осмотръ парадныхъ помѣщеній университета и его библіотеки; въ послѣдней представленъ былъ ему отчетъ по библіотекѣ и печатные экземпляры актовыхъ рѣчей и обозрѣній преподаванія. Посѣтивъ въ заключеніе комнаты студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, высокій гость оставилъ университетъ, сопровожденный до экипажа ректоромъ и профессорами. „Пребываніе его императорскаго высочества останется навсегда незабвеннымъ для казанскихъ гражданъ, — замѣчаетъ хроникеръ университетской газеты:—благосклонное, милостивое и снисходительное ко всему вниманіе наполняли сердца всѣхъ неизрѣченною радостью“ [80].

Наступилъ 1818 годъ — послѣдній годъ начальной жизни казанскаго университета передъ грозною эпохою Магницкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній годъ жизни его подъ полнымъ и неограниченнымъ дѣйствіемъ устава 5-го ноября 1804 года.

Первые семь мѣсяцевъ этого года не представляютъ въ жизни университета ничего выдающагося, на чемъ можно было бы остановить вниманіе читателей, и только съ окончаніемъ лѣтняго вакаціоннаго времени разыгрываются событія, которыя являются угрожающими симптомами близкой ревизіи 1819 года и какъ бы преддверіемъ тяжелаго лихолѣтья, уже надвигавшагося на молодой университетъ, едва успѣвшій встать на путь нормальнаго и прогрессивнаго своего развитія.

Вторая половина 1817—1818 академическаго года ничѣмъ не предвѣщала, повидимому, уже готовой разразиться катастрофы и 5-го іюля 1818 года университетъ мирно отпраздновалъ тринадцатую годовщину своего существованія обычнымъ публичнымъ актомъ, на которомъ прочитаны были рѣчи: профессоромъ и деканомъ медицинскаго факультета Вердерамо на тему—„Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam“, профессоромъ Арнгольдтомъ—„Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ

вѣтствіе отъ имени университета, профессоры Городчаниновъ и Вердерамо—свои стихотворенія (второй на итальянскомъ языкѣ), Яковкинъ—свои труды, Фуксъ—гравированныя таблицы восточныхъ монетъ своей коллекціи. Затѣмъ слѣдовалъ осмотръ кабинетовъ натуральнаго и физическаго, по окончаніи котораго представлялось великому князю казанское общество любителей отечественной словесности, первенствующій членъ котораго, Яковкинъ, поднесъ его высочеству первый томъ „Трудовъ" общества, а членъ общества, адъюнктъ Ибрагимовъ—стихотворное привѣтствіе отъ его имени. Тогда же представлены были великому князю чиновники гимназіи, послѣ чего слѣдовалъ осмотръ парадныхъ помѣщеній университета и его библіотеки; въ послѣдней представленъ былъ ему отчетъ по библіотекѣ и печатные экземпляры актовыхъ рѣчей и обозрѣній преподаванія. Посѣтивъ въ заключеніе комнаты студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, высокій гость оставилъ университетъ, сопровожденный до экипажа ректоромъ и профессорами. „Пребываніе его императорскаго высочества останется навсегда незабвеннымъ для казанскихъ гражданъ, — замѣчаетъ хроникеръ университетской газеты:—благосклонное, милостивое и снисходительное ко всему вниманіе наполняли сердца всѣхъ неизрѣченною радостью" [80].

Наступилъ 1818 годъ — послѣдній годъ начальной жизни казанскаго университета передъ грозною эпохою Магницкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній годъ жизни его подъ полнымъ и неограниченнымъ дѣйствіемъ устава 5-го ноября 1804 года.

Первые семь мѣсяцевъ этого года не представляютъ въ жизни университета ничего выдающагося, на чемъ можно было бы остановить вниманіе читателей, и только съ окончаніемъ лѣтняго вакаціоннаго времени разыгрываются событія, которыя являются угрожающими симптомами близкой ревизіи 1819 года и какъ бы преддверіемъ тяжелаго лихолѣтья, уже надвигавшагося на молодой университетъ, едва успѣвшій встать на путь нормальнаго и прогрессивнаго своего развитія.

Вторая половина 1817—1818 академическаго года ничѣмъ не предвѣщала, повидимому, уже готовой разразиться катастрофы и 5-го іюля 1818 года университетъ мирно отпраздновалъ тринадцатую годовщину своего существованія обычнымъ публичнымъ актомъ, на которомъ прочитаны были рѣчи: профессоромъ и деканомъ медицинскаго факультета Вердерамо на тему—„Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam", профессоромъ Арнгольдтомъ—„Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ

особенному и вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣка"; въ этой последней рѣчи ораторъ затронулъ животрепещущій вопросъ о неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ г. Казани, съ отсутствіемъ доброкачественной питьевой воды въ ихъ главѣ, и усиленно призывалъ казанскихъ гражданъ къ попеченіямъ и матеріальнымъ жертвамъ на пользу общественной гигіены [61].

Самое начало 1818—1819 академическаго года принесло за собою событіе, которое никого не могло поразить неожиданностью, такъ какъ наступленіе его уже съ начала предшествовавшаго года представляло собою, какъ намъ это извѣстно, лишь неотложный вопросъ болѣе или менѣе близкаго будущаго. Этимъ событіемъ явилось увольненіе отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа М. А. Салтыкова, послѣдовавшее 4-го августа 1818 года и о которомъ университетъ былъ увѣдомленъ присылкою на его имя, при указѣ правительствующаго сената отъ 13-го августа, за № 19,197-мъ, слѣдующей копіи съ высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 4-го августа:

„По прошенію дѣйствительнаго камергера Салтыкова, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ должности попечителя казанскаго университета и его учебнаго округа, оставляя его въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и повелѣвая производить ему, доколѣ не будетъ опредѣленъ къ другому мѣсту, получаемыя имъ нынѣ столовыя деньги, по три тысячи шестисотъ рублей въ годъ, изъ суммъ государственнаго казначейства".

Извѣщая университетъ, съ своей стороны, о воспослѣдовавшемъ увольненіи попечителя, министръ народнаго просвѣщенія предлагалъ ему впредь „по дѣламъ онаго и подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній отнынѣ дѣлать всѣ свои представленія" ему непосредственно. Заслушавъ указъ правительствующаго сената, совѣтъ въ засѣданіи 10-го сентября поручилъ профессору Городчанинову „изъявить его превосходительству (т. е. Салтыкову) благодарность за начальство (sic) отъ имени казанскаго университета". Препровожденное къ бывшему попечителю лишь 26-го ноября и за подписью одного только его составителя, это изъявленіе благодарности было облечено въ слѣдующую, весьма сдержанную, форму:

„Совѣтъ императорскаго казанскаго университета сдѣлалъ мнѣ пріятнѣйшее препорученіе симъ изъявить вашему превосходительству чувствія его къ особѣ вашей признательности за всѣ опыты вашей о благѣ университета попечительности и начальственнаго благоволѣнія, каковыми онъ имѣлъ счастіе пользоваться, состоя подъ управленіемъ

особенному и вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣка"; въ этой последней рѣчи ораторъ затронулъ животрепещущій вопросъ о неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ г. Казани, съ отсутствіемъ доброкачественной питьевой воды въ ихъ главѣ, и усиленно призывалъ казанскихъ гражданъ къ попеченіямъ и матеріальнымъ жертвамъ на пользу общественной гигіены [61].

Самое начало 1818—1819 академическаго года принесло за собою событіе, которое никого не могло поразить неожиданностью, такъ какъ наступленіе его уже съ начала предшествовавшаго года представляло собою, какъ намъ это извѣстно, лишь неотложный вопросъ болѣе или менѣе близкаго будущаго. Этимъ событіемъ явилось увольненіе отъ должности попечителя казанскаго учебнаго округа М. А. Салтыкова, послѣдовавшее 4-го августа 1818 года и о которомъ университетъ былъ увѣдомленъ присылкою на его имя, при указѣ правительствующаго сената отъ 13-го августа, за № 19,197-мъ, слѣдующей копіи съ высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 4-го августа:

„По прошенію дѣйствительнаго камергера Салтыкова, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ должности попечителя казанскаго университета и его учебнаго округа, оставляя его въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и повелѣвая производить ему, доколѣ не будетъ опредѣленъ къ другому мѣсту, получаемыя имъ нынѣ столовыя деньги, по три тысячи шестисотъ рублей въ годъ, изъ суммъ государственнаго казначейства".

Извѣщая университетъ, съ своей стороны, о воспослѣдовавшемъ увольненіи попечителя, министръ народнаго просвѣщенія предлагалъ ему впредь „по дѣламъ онаго и подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній отнынѣ дѣлать всѣ свои представленія" ему непосредственно. Заслушавъ указъ правительствующаго сената, совѣтъ въ засѣданіи 10-го сентября поручилъ профессору Городчанинову „изъявить его превосходительству (т. е. Салтыкову) благодарность за начальство (sic) отъ имени казанскаго университета". Препровожденное къ бывшему попечителю лишь 26-го ноября и за подписью одного только его составителя, это изъявленіе благодарности было облечено въ слѣдующую, весьма сдержанную, форму:

„Совѣтъ императорскаго казанскаго университета сдѣлалъ мнѣ пріятнѣйшее препорученіе симъ изъявить вашему превосходительству чувствія его къ особѣ вашей признательности за всѣ опыты вашей о благѣ университета попечительности и начальственнаго благоволѣнія, каковыми онъ имѣлъ счастіе пользоваться, состоя подъ управленіемъ

вашего превосходительства. Удостойте, милостивый государь, вѣрить, что сіе ученое сословіе сохранитъ навсегда непоколебимо чувствованія достодолжной своей къ особѣ вашей благодарности и отличнѣйшаго уваженія".

Остаются неизвѣстными какъ ближайшія причины, заставившія Салтыкова въ августѣ 1818 года разстаться съ учебною службою, такъ и тѣ чувства, съ которыми покидалъ онъ должность попечителя, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ отправлявшуюся имъ, впрочемъ, почти номинально: казанскій корреспондентъ и интимный конфидентъ бывшаго попечителя профессоръ К. И. Броннеръ еще за годъ до того, въ сентябрѣ 1817 года, покинулъ Казань и Россію, уволившись въ заграничный отпускъ, изъ котораго ему уже не было суждено возвратиться. Какъ бы то ни было, но уходъ Салтыкова совершился какъ разъ для него во-время: полгода спустя разразилась надъ казанскимъ университетомъ та, давно уже скоплявшаяся, гроза, сопровожденная и суровыми „проскрипціями Марія и Суллы", которую съ тревогою предсказывалъ онъ, въ своихъ письмахъ къ Броннеру, еще въ самомъ началѣ предшествовавшаго года [82].....

Перейдемъ теперь къ тѣмъ явленіямъ во внутренней жизни казанскаго университета, которыя, какъ это было указано нами выше, должны быть поставлены въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ назначенною въ началѣ слѣдующаго 1819 года ревизіею Магницкаго, создавъ въ министерскихъ сферахъ предубѣжденное отношеніе къ университету и его внутреннимъ распорядкамъ.

Здѣсь на первомъ, въ хронологическомъ порядкѣ, мѣстѣ должно быть поставлено возникшее весною 1818 года дѣло о передержкахъ въ штатныхъ расходахъ, совершенныхъ университетомъ послѣ полнаго открытія его въ 1814 году.

Дѣло это возникло изъ-за представленія попечителю отъ 3-го апрѣля 1818 года, въ которомъ правленіе университета просило ходатайства Салтыкова относительно перечисленія въ дѣйствительный расходъ позаимствованій въ суммѣ 24,240 рублей 61½ коп., сдѣланныхъ съ 1814 года, на содержаніе университетскихъ зданій, изъ другихъ университетскихъ смѣтныхъ статей, а именно: изъ остатковъ отъ личнаго состава (15,458 р. 83½ к.), изъ хозяйственной суммы (3,416 р. 78 к.), изъ суммы клинической (2,214 р.) и изъ суммы на визитаторовъ (3,151 р.). Объясняя эту хронически накоплявшуюся передержку недостаточностью штатной суммы въ 8,800 рублей, ежегодно отпускаемой на „содержаніе строеній, на отопленіе, освѣщеніе, чистоту и пр.", правленіе слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои

вашего превосходительства. Удостойте, милостивый государь, вѣрить, что сіе ученое сословіе сохранитъ навсегда непоколебимо чувствованія достодолжной своей къ особѣ вашей благодарности и отличнѣйшаго уваженія".

Остаются неизвѣстными какъ ближайшія причины, заставившія Салтыкова въ августѣ 1818 года разстаться съ учебною службою, такъ и тѣ чувства, съ которыми покидалъ онъ должность попечителя, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ отправлявшуюся имъ, впрочемъ, почти номинально: казанскій корреспондентъ и интимный конфидентъ бывшаго попечителя профессоръ К. И. Броннеръ еще за годъ до того, въ сентябрѣ 1817 года, покинулъ Казань и Россію, уволившись въ заграничный отпускъ, изъ котораго ему уже не было суждено возвратиться. Какъ бы то ни было, но уходъ Салтыкова совершился какъ разъ для него во-время: полгода спустя разразилась надъ казанскимъ университетомъ та, давно уже скоплявшаяся, гроза, сопровожденная и суровыми „проскрипціями Марія и Суллы", которую съ тревогою предсказывалъ онъ, въ своихъ письмахъ къ Броннеру, еще въ самомъ началѣ предшествовавшаго года [82].....

Перейдемъ теперь къ тѣмъ явленіямъ во внутренней жизни казанскаго университета, которыя, какъ это было указано нами выше, должны быть поставлены въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ назначенною въ началѣ слѣдующаго 1819 года ревизіею Магницкаго, создавъ въ министерскихъ сферахъ предубѣжденное отношеніе къ университету и его внутреннимъ распорядкамъ.

Здѣсь на первомъ, въ хронологическомъ порядкѣ, мѣстѣ должно быть поставлено возникшее весною 1818 года дѣло о передержкахъ въ штатныхъ расходахъ, совершенныхъ университетомъ послѣ полнаго открытія его въ 1814 году.

Дѣло это возникло изъ-за представленія попечителю отъ 3-го апрѣля 1818 года, въ которомъ правленіе университета просило ходатайства Салтыкова относительно перечисленія въ дѣйствительный расходъ позаимствованій въ суммѣ 24,240 рублей 61½ коп., сдѣланныхъ съ 1814 года, на содержаніе университетскихъ зданій, изъ другихъ университетскихъ смѣтныхъ статей, а именно: изъ остатковъ отъ личнаго состава (15,458 р. 83½ к.), изъ хозяйственной суммы (3,416 р. 78 к.), изъ суммы клинической (2,214 р.) и изъ суммы на визитаторовъ (3,151 р.). Объясняя эту хронически накоплявшуюся передержку недостаточностью штатной суммы въ 8,800 рублей, ежегодно отпускаемой на „содержаніе строеній, на отопленіе, освѣщеніе, чистоту и пр.", правленіе слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои

пожеланія: „Какъ правленіе не находитъ возможности уплатить сихъ денегъ, должныхъ въ показанныя суммы, положенною по штату на содержаніе домовъ суммою, то не благоугодно ли будетъ показанныя, заимообразно взятыя деньги, всего 24,240 рубл. 61½ коп., почислить дѣйствительнымъ расходомъ и оныя изъ долговъ по вѣдомостямъ исключить"; правленіе добавляетъ къ этому просьбу „объ исходатайствованіи позволенія, по недостатку штатной суммы, употреблять на содержаніе домовъ, изъ остающихся суммъ отъ жалованья чиновниковъ и прочихъ предметовъ, по шести тысячъ рублей въ годъ".

Попечитель вошелъ въ министерство съ соотвѣтствующимъ представленіемъ (отъ 30-го апрѣля за № 149), но дѣло это возбудило здѣсь большое неудовольствіе и и. д. министра народнаго просвѣщенія Козодавлевъ, поставивъ на видъ, что „устава университета по §§ 135, 136 и 138 университетъ на издержки сверхъ штата употребляетъ сумму не иначе, какъ донеся предварительно о томъ начальству", усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ университета превышеніе полномочій и предписалъ (13-го мая, за № 944) попечителю „истребовать отъ университета подробное о каждой сверхштатной издержкѣ увѣдомленіе: на какомъ основаніи, съ чьего разрѣшенія и на какія именно надобности упомянутая сумма употреблена?" Требуемый отчетъ былъ, слѣдомъ затѣмъ, правленіемъ университета доставленъ, но правленіе не было въ состояніи удовлетворительнымъ образомъ отвѣтить въ немъ на вопросъ относительно законныхъ основаній и начальственныхъ разрѣшеній на произведенныя позаимствованія, если не принимать въ разсчетъ не вполнѣ убѣдительной ссылки на три, относящіяся къ 1814—1815 академическому году, единичныя разрѣшенія попечителя и бывшаго министра графа Разумовскаго, которыя и легли въ основу дальнѣйшей практики правленія въ томъ же направленіи.

Все это дѣло было передано на заключеніе главнаго правленія училищъ, которое въ засѣданіи 26-го іюня, разсмотрѣвъ представленный университетомъ отчетъ и признавъ его недостаточно обоснованнымъ на существующихъ законоположеніяхъ, опредѣлило: „Предоставить г. попечителю казанскаго округа истребовать отъ университета полное и достаточное объясненіе, по какимъ основаніямъ произведены были всѣ таковые сверхштатные расходы изъ непринадлежащихъ суммъ?" Опредѣленіе главнаго правленія училищъ было затѣмъ сообщено правленію университета, на чемъ дѣло, временно, и остановилось, такъ какъ дать удовлетворительное объясненіе по этому запросу университетъ оказался, конечно, не въ состояніи, дѣйствительно превысивъ въ данномъ случаѣ предоставленныя

пожеланія: „Какъ правленіе не находитъ возможности уплатить сихъ денегъ, должныхъ въ показанныя суммы, положенною по штату на содержаніе домовъ суммою, то не благоугодно ли будетъ показанныя, заимообразно взятыя деньги, всего 24,240 рубл. 61½ коп., почислить дѣйствительнымъ расходомъ и оныя изъ долговъ по вѣдомостямъ исключить"; правленіе добавляетъ къ этому просьбу „объ исходатайствованіи позволенія, по недостатку штатной суммы, употреблять на содержаніе домовъ, изъ остающихся суммъ отъ жалованья чиновниковъ и прочихъ предметовъ, по шести тысячъ рублей въ годъ".

Попечитель вошелъ въ министерство съ соотвѣтствующимъ представленіемъ (отъ 30-го апрѣля за № 149), но дѣло это возбудило здѣсь большое неудовольствіе и и. д. министра народнаго просвѣщенія Козодавлевъ, поставивъ на видъ, что „устава университета по §§ 135, 136 и 138 университетъ на издержки сверхъ штата употребляетъ сумму не иначе, какъ донеся предварительно о томъ начальству", усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ университета превышеніе полномочій и предписалъ (13-го мая, за № 944) попечителю „истребовать отъ университета подробное о каждой сверхштатной издержкѣ увѣдомленіе: на какомъ основаніи, съ чьего разрѣшенія и на какія именно надобности упомянутая сумма употреблена?" Требуемый отчетъ былъ, слѣдомъ затѣмъ, правленіемъ университета доставленъ, но правленіе не было въ состояніи удовлетворительнымъ образомъ отвѣтить въ немъ на вопросъ относительно законныхъ основаній и начальственныхъ разрѣшеній на произведенныя позаимствованія, если не принимать въ разсчетъ не вполнѣ убѣдительной ссылки на три, относящіяся къ 1814—1815 академическому году, единичныя разрѣшенія попечителя и бывшаго министра графа Разумовскаго, которыя и легли въ основу дальнѣйшей практики правленія въ томъ же направленіи.

Все это дѣло было передано на заключеніе главнаго правленія училищъ, которое въ засѣданіи 26-го іюня, разсмотрѣвъ представленный университетомъ отчетъ и признавъ его недостаточно обоснованнымъ на существующихъ законоположеніяхъ, опредѣлило: „Предоставить г. попечителю казанскаго округа истребовать отъ университета полное и достаточное объясненіе, по какимъ основаніямъ произведены были всѣ таковые сверхштатные расходы изъ непринадлежащихъ суммъ?" Опредѣленіе главнаго правленія училищъ было затѣмъ сообщено правленію университета, на чемъ дѣло, временно, и остановилось, такъ какъ дать удовлетворительное объясненіе по этому запросу университетъ оказался, конечно, не въ состояніи, дѣйствительно превысивъ въ данномъ случаѣ предоставленныя

ему уставомъ права, что, въ свою очередь, въ значительной степени объясняется, быть можетъ, тѣми неопредѣленными отношеніями, какія установились въ послѣдніе годы между органами университетскаго самоуправленія и безвыѣздно проживавшимъ въ столицѣ попечителемъ. Это щекотливое дѣло было, тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, поставлено казанскому университету въ число обвинительныхъ противъ него пунктовъ во время ревизіи Магницкаго, которому, въ числѣ другихъ предметовъ, было поручено обслѣдовать хозяйственную часть университета и, между прочимъ, выяснить: „была ли дѣйствительная надобность позаимствованій на содержаніе зданій средствъ изъ другихъ статей, каковыя позаимствованія въ теченіи 1814—1817 годовъ достигли суммы 24,240 рублей 61½ копѣекъ?" Эта передержка послужила суровому ревизору однимъ изъ доводовъ для его заключенія о неудовлетворительной постановкѣ въ казанскомъ университетѣ его хозяйственной части, подробный учетъ которой (каковаго онъ, однако же, не произвелъ) „открылъ бы безъ сомнѣнія,—какъ голословно утверждалъ это Магницкій,—растрату важныхъ суммъ" [83].

Другимъ дѣломъ, послужившимъ поводомъ къ возбужденію въ министерскихъ сферахъ серьезнаго недовольства положеніемъ вещей въ казанскомъ университетѣ, явилось дѣло о проявленномъ университетомъ нерадѣніи къ благоустройству казанской гимназіи и о невыполненіи предписаній начальства, создавшееся на почвѣ неудовлетворительности существующаго положенія о гимназіи, относившагося еще къ концу XVIII вѣка и сдѣлавшагося анахронизмомъ теперь, послѣ основанія въ Казани университета и совершившагося въ началѣ XIX вѣка общаго преобразованія всей учебной системы.

Мы уже знаемъ, что вопросъ о выработкѣ новаго положенія гимназіи, въ которомъ принималъ такое близкое участіе профессоръ Броннеръ, тянулся съ 1814 года, но никакъ не могъ прійти къ благополучному разрѣшенію, такъ какъ проэктъ новаго положенія подвергался постояннымъ пересмотрамъ и передѣлкамъ, благодаря чему неопредѣленное состояніе казанской гимназіи въ полной силѣ давало себя чувствовать, со всѣми проистекавшими отъ того отрицательными послѣдствіями, и въ концѣ 1818 года. Между тѣмъ гимназія, тѣснившаяся послѣ пожара 3-го сентября 1815 года въ одномъ помѣщеніи съ университетомъ и вызывавшая довольно крупныя затраты на возстановленіе ея погорѣвшихъ зданій, приходила все въ бо́льшій и бо́льшій упадокъ и разстройство, неоднократно констатировавшіеся и совѣтомъ университета, и самимъ директоромъ гимназіи, профессоромъ Яковкинымъ, доносившимъ въ 1818 году, что „гимназія сія находится въ бѣдномъ и жалкомъ положеніи".

ему уставомъ права, что, въ свою очередь, въ значительной степени объясняется, быть можетъ, тѣми неопредѣленными отношеніями, какія установились въ послѣдніе годы между органами университетскаго самоуправленія и безвыѣздно проживавшимъ въ столицѣ попечителемъ. Это щекотливое дѣло было, тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, поставлено казанскому университету въ число обвинительныхъ противъ него пунктовъ во время ревизіи Магницкаго, которому, въ числѣ другихъ предметовъ, было поручено обслѣдовать хозяйственную часть университета и, между прочимъ, выяснить: „была ли дѣйствительная надобность позаимствованій на содержаніе зданій средствъ изъ другихъ статей, каковыя позаимствованія въ теченіи 1814—1817 годовъ достигли суммы 24,240 рублей 61½ копѣекъ?“ Эта передержка послужила суровому ревизору однимъ изъ доводовъ для его заключенія о неудовлетворительной постановкѣ въ казанскомъ университетѣ его хозяйственной части, подробный учетъ которой (каковаго онъ, однако же, не произвелъ) „открылъ бы безъ сомнѣнія,— какъ голословно утверждалъ это Магницкій,—растрату важныхъ суммъ“ [83].

Другимъ дѣломъ, послужившимъ поводомъ къ возбужденію въ министерскихъ сферахъ серьезнаго недовольства положеніемъ вещей въ казанскомъ университетѣ, явилось дѣло о проявленномъ университетомъ нерадѣніи къ благоустройству казанской гимназіи и о невыполненіи предписаній начальства, создавшееся на почвѣ неудовлетворительности существующаго положенія о гимназіи, относившагося еще къ концу XVIII вѣка и сдѣлавшагося анахронизмомъ теперь, послѣ основанія въ Казани университета и совершившагося въ началѣ XIX вѣка общаго преобразованія всей учебной системы.

Мы уже знаемъ, что вопросъ о выработкѣ новаго положенія гимназіи, въ которомъ принималъ такое близкое участіе профессоръ Броннеръ, тянулся съ 1814 года, но никакъ не могъ прійти къ благополучному разрѣшенію, такъ какъ проэктъ новаго положенія подвергался постояннымъ пересмотрамъ и передѣлкамъ, благодаря чему неопредѣленное состояніе казанской гимназіи въ полной силѣ давало себя чувствовать, со всѣми проистекавшими отъ того отрицательными послѣдствіями, и въ концѣ 1818 года. Между тѣмъ гимназія, тѣснившаяся послѣ пожара 3-го сентября 1815 года въ одномъ помѣщеніи съ университетомъ и вызывавшая довольно крупныя затраты на возстановленіе ея погорѣвшихъ зданій, приходила все въ бóльшій и бóльшій упадокъ и разстройство, неоднократно констатировавшіеся и совѣтомъ университета, и самимъ директоромъ гимназіи, профессоромъ Яковкинымъ, доносившимъ въ 1818 году, что „гимназія сія находится въ бѣдномъ и жалкомъ положеніи“.

Такое печальное положенiе вещей не могло не обратить на себя вниманiе министерства и 8 октября 1818 года послѣдовало по этому поводу весьма рѣзкое предложенiе министра народнаго просвѣщенiя князя Голицина, заслушанное совѣтомъ въ засѣданiи 25-го числа того же мѣсяца. Указывая на то, что главное правленiе училищъ еще въ предшествовавшемъ 1817 году поручало попечителю войти въ ближайшее изслѣдованiе и разсмотрѣнiе дѣла и донести—„нужна ли оная гимназiя на томъ обширномъ основанiи, на какомъ теперь находится, при существованiи университета и еще особо предположенной губернской гимназiи", но что „на всѣ сiи предписанiя отъ попечителя не было получено доселѣ никакого донесенiя", министръ строго предписываетъ совѣту университета немедленно доставить ему обстоятельныя свѣдѣнiя о нынѣшнемъ состоянiи казанской гимназiи, обратить самое серьезное вниманiе на ея упадокъ, принять неотложныя мѣры къ исправленiю всѣхъ упущенiй въ этомъ отношенiи и представить: „Почему допущено было оное заведенiе до таковыхъ недостатковъ и не принято надлежащихъ мѣръ къ предупрежденiю столь накопившихся требованiй, отчего всѣ оныя произошли и не было ли при семъ, и отъ кого именно, каковыхъ упущенiй?" Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Голицинъ требуетъ, что бы совѣтъ немедленно же занялся выработкою новаго положенiя гимназiи, представивъ проэктъ, таковаго не позже конца истекающаго года. Предложенiе министра завершается слѣдующею, соединенною съ угрозою, укоризною по адресу университета:

„При семъ случаѣ нахожу нужнымъ замѣтить, что университетъ, вообще, оказывается во многихъ случаяхъ и по другимъ дѣламъ неисправнымъ и малорадящимъ объ исполненiи лежащихъ на немъ обязанностей. Медленность въ исполненiи возлагаемыхъ на него порученiй, упущенiя и несвойственное и безпорядочное употребленiе разнородныхъ суммъ на предметы, не относящiеся, и истощенiе чрезъ то всѣхъ средствъ къ содержанiю — суть видимыя всего того послѣдствiя. Посему, поставляя все сiе на видъ, нахожусь въ необходимости требовать, дабы отнынѣ обращаемо было лучшее вниманiе на пользу службы и благо университета и подвѣдомыхъ ему заведенiй; въ противномъ случаѣ принужденъ буду приступить къ мѣрамъ строгости противъ виновныхъ, хотя сего желалъ бы избѣгнуть и имѣть, напротивъ, всегда причины къ изъявленiю признательности и удовольствiя за усердiе къ службѣ и исправность".

Заслушавъ это суровое предложенiе, совѣтъ въ томъ же засѣданiи своемъ образовалъ для составленiя новаго положенiя гимназiи коммиссiю изъ профессоровъ Яковкина, Солнцева и Срезневскаго, а равно поста-

Такое печальное положеніе вещей не могло не обратить на себя вниманіе министерства и 8 октября 1818 года послѣдовало по этому поводу весьма рѣзкое предложеніе министра народнаго просвѣщенія князя Голицина, заслушанное совѣтомъ въ засѣданіи 25-го числа того же мѣсяца. Указывая на то, что главное правленіе училищъ еще въ предшествовавшемъ 1817 году поручало попечителю войти въ ближайшее изслѣдованіе и разсмотрѣніе дѣла и донести—„нужна ли оная гимназія на томъ обширномъ основаніи, на какомъ теперь находится, при существованіи университета и еще особо предположенной губернской гимназіи", но что „на всѣ сіи предписанія отъ попечителя не было получено доселѣ никакого донесенія", министръ строго предписываетъ совѣту университета немедленно доставить ему обстоятельныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи казанской гимназіи, обратить самое серьезное вниманіе на ея упадокъ, принять неотложныя мѣры къ исправленію всѣхъ упущеній въ этомъ отношеніи и представить: „Почему допущено было оное заведеніе до таковыхъ недостатковъ и не принято надлежащихъ мѣръ къ предупрежденію столь накопившихся требованій, отчего всѣ оныя произошли и не было ли при семъ, и отъ кого именно, каковыхъ упущеній?" Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Голицинъ требуетъ, что бы совѣтъ немедленно же занялся выработкою новаго положенія гимназіи, представивъ проэктъ, таковаго не позже конца истекающаго года. Предложеніе министра завершается слѣдующею, соединенною съ угрозою, укоризною по адресу университета:

„При семъ случаѣ нахожу нужнымъ замѣтить, что университетъ, вообще, оказывается во многихъ случаяхъ и по другимъ дѣламъ неисправнымъ и малорадящимъ объ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей. Медленность въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій, упущенія и несвойственное и безпорядочное употребленіе разнородныхъ суммъ на предметы, не относящіеся, и истощеніе чрезъ то всѣхъ средствъ къ содержанію — суть видимыя всего того послѣдствія. Посему, поставляя все сіе на видъ, нахожусь въ необходимости требовать, дабы отнынѣ обращаемо было лучшее вниманіе на пользу службы и благо университета и подвѣдомыхъ ему заведеній; въ противномъ случаѣ принужденъ буду приступить къ мѣрамъ строгости противъ виновныхъ, хотя сего желалъ бы избѣгнуть и имѣть, напротивъ, всегда причины къ изъявленію признательности и удовольствія за усердіе къ службѣ и исправность".

Заслушавъ это суровое предложеніе, совѣтъ въ томъ же засѣданіи своемъ образовалъ для составленія новаго положенія гимназіи коммиссію изъ профессоровъ Яковкина, Солнцева и Срезневскаго, а равно поста-

новилъ немедленно собрать и препроводить министру всѣ данныя къ разъясненію вопросовъ, затронутыхъ въ его предложеніи отъ 8-го октября. Совѣтъ университета не замедлилъ отвѣтомъ на министерское требованіе и уже отъ 4-го ноября представилъ необходимое объясненіе, которое совершенно не удовлетворило, однако, ни министра, ни главное правленіе училищъ, вызвавъ слѣдующее новое предложеніе отъ 27-го ноября (за № 2775):

„Главное правленіе училищъ находитъ представленіе совѣта отъ 4-го ноября вовсе не удовлетворяющимъ требованіямъ его сіятельства, отъ 8-го октября изъясненнымъ, ибо оно, равно какъ и, вообще, представленія казанскаго университета по счетнымъ и денежнымъ дѣламъ—весьма неосновательно, недостаточно, запутанно и показываетъ несоблюденіе должнаго порядка въ веденіи счетовъ. Вслѣдствіе того, согласно заключенію главнаго правленія училищъ, его сіятельство подтверждаетъ университету снова, дабы оный привелъ въ настоящую ясность все то, что требовалось предписаніемъ отъ 8-го октября сего года, не довольствуясь токмо однимъ словеснымъ описаніемъ обстоятельствъ, но точнымъ на самомъ дѣлѣ показаніемъ нынѣшняго дѣйствительнаго состоянія гимназіи“.

16-го декабря представленъ былъ въ министерство и вновь составленный совѣтскою коммиссіею проэктъ новаго положенія гимназіи, заключавшій въ себѣ 120 параграфовъ и штаты гимназіи—но всему этому дѣлу, какъ и дѣлу о совершенныхъ университетомъ денежныхъ передержкахъ, не суждено было получить дальнѣйшаго движенія. Всѣ данныя по этому дѣлу, какъ и данныя по дѣлу о передержкахъ, послужили лишь матеріаломъ для ревизіи Магницкаго, которымъ этотъ послѣдній и не преминулъ воспользоваться для общей обрисовки направленія дѣятельности казанскаго университета [84].

Въ самомъ концѣ 1818 года недовольство князя Голицина положеніемъ вещей въ казанскомъ университетѣ усугубилось и затянувшимся на черезъ чуръ продолжительное время дѣломъ о заграничномъ отпускѣ профессора К. И. Броннера.

Мы уже знаемъ, что въ іюнѣ 1817 года профессоръ Броннеръ, ссылаясь на болѣзненное состояніе и на мучившее его желаніе вновь увидѣть родину, предпринялъ ходатайство относительно предоставленія ему шестимѣсячнаго заграничнаго отпуска, получивъ который 15-го сентября того же года выѣхалъ изъ Казани, съ тѣмъ, что бы болѣе сюда уже не воз-

новилъ немедленно собрать и препроводить министру всѣ данныя къ разъясненію вопросовъ, затронутыхъ въ его предложеніи отъ 8-го октября. Совѣтъ университета не замедлилъ отвѣтомъ на министерское требованіе и уже отъ 4-го ноября представилъ необходимое объясненіе, которое совершенно не удовлетворило, однако, ни министра, ни главное правленіе училищъ, вызвавъ слѣдующее новое предложеніе отъ 27-го ноября (за № 2775):

„Главное правленіе училищъ находитъ представленіе совѣта отъ 4-го ноября вовсе не удовлетворяющимъ требованіямъ его сіятельства, отъ 8-го октября изъясненнымъ, ибо оно, равно какъ и, вообще, представленія казанскаго университета по счетнымъ и денежнымъ дѣламъ—весьма неосновательно, недостаточно, запутанно и показываетъ несоблюденіе должнаго порядка въ веденіи счетовъ. Вслѣдствіе того, согласно заключенію главнаго правленія училищъ, его сіятельство подтверждаетъ университету снова, дабы оный привелъ въ настоящую ясность все то, что требовалось предписаніемъ отъ 8-го октября сего года, не довольствуясь токмо однимъ словеснымъ описаніемъ обстоятельствъ, но точнымъ на самомъ дѣлѣ показаніемъ нынѣшняго дѣйствительнаго состоянія гимназіи".

16-го декабря представленъ былъ въ министерство и вновь составленный совѣтскою коммиссіею проэктъ новаго положенія гимназіи, заключавшій въ себѣ 120 параграфовъ и штаты гимназіи—но всему этому дѣлу, какъ и дѣлу о совершенныхъ университетомъ денежныхъ передержкахъ, не суждено было получить дальнѣйшаго движенія. Всѣ данныя по этому дѣлу, какъ и данныя по дѣлу о передержкахъ, послужили лишь матеріаломъ для ревизіи Магницкаго, которымъ этотъ послѣдній и не преминулъ воспользоваться для общей обрисовки направленія дѣятельности казанскаго университета [84].

Въ самомъ концѣ 1818 года недовольство князя Голицина положеніемъ вещей въ казанскомъ университетѣ усугубилось и затянувшимся на черезъ чуръ продолжительное время дѣломъ о заграничномъ отпускѣ профессора К. И. Броннера.

Мы уже знаемъ, что въ іюнѣ 1817 года профессоръ Броннеръ, ссылаясь на болѣзненное состояніе и на мучившее его желаніе вновь увидѣть родину, предпринялъ ходатайство относительно предоставленія ему шестимѣсячнаго заграничнаго отпуска, получивъ который 15-го сентября того же года выѣхалъ изъ Казани, съ тѣмъ, что бы болѣе сюда уже не воз-

вращаться. Тогда же приняты были необходимыя мѣры къ временному замѣщенію какъ преподавательскихъ, такъ и административныхъ функцій Броннера: преподаваніе физики и завѣдованіе физическимъ кабинетомъ поручено магистру Кайсарову, для отправленія обязанностей директора педагогическаго института избранъ (30-го іюня) профессоръ Германъ, инспектора студентовъ—профессоръ Брейтенбахъ. Въ мартѣ 1818 года истекалъ срокъ отпуска Броннера, приславшаго изъ г. Аарау, на имя ректора, письмо, въ которомъ просилъ объ исходатайствованіи ему новаго отпуска—до ноября того же года, мотивируя просьбу недостаточностью, для окончанія заграницею всѣхъ своихъ дѣлъ, находившагося въ его распоряженіи времени. Дѣло восходило на разсмотрѣніе комитета министровъ и просимый новый отпускъ былъ данъ до 1-го ноября 1818 года. Наступилъ и этотъ срокъ—Броннеръ не явился, 9-го же ноября получено было новое письмо его на имя ректора, въ которомъ онъ поднималъ вопросъ о третьей отсрочкѣ ему отпуска, на этотъ разъ уже на цѣлый годъ, т. е. до конца 1819 года. Броннеръ самъ плохо надѣялся на возможность удовлетворенія этого ходатайства: „Я опасаюсь,—писалъ онъ,—встрѣтить затрудненія въ полученіи такого отпуска, вопросъ о которомъ прошу васъ внести на усмотрѣніе университетскаго совѣта“.

Броннеръ не ошибся. Въ засѣданіи совѣта 12-го ноября, въ которомъ слушалось это дѣло, заявлено было профессоромъ Арнгольдтомъ отдѣльное мнѣніе, выражавшее въ себѣ протестъ противъ удовлетворенія ходатайства Броннера. Указывая на незаконность ходатайства Броннера и на сомнительность искренности его намѣренія возвратиться въ Казань, проф. Арнгольдтъ мотивировалъ свой протестъ какъ интересами преподаванія по кафедрѣ физики, ввѣреннаго магистру, который, во всякомъ случаѣ, не въ состояніи вполнѣ замѣнить собою профессора, такъ и интересами педагогическими и дисциплинарными, страдающими отъ временнаго замѣщенія должностей директора педагогическаго института и инспектора студентовъ: „Не охуждая распоряженій отправляющихъ тѣ должности,—заявлялъ Арнгольдтъ,—почитаю, однако же, временное ихъ отправленіе причиною тѣхъ разстройствъ между студентами, о коихъ дѣла остаются и нынѣ еще нерѣшенными *; почему полагаю сообразнѣе и для лучшаго благоустройства

* Профессоръ Арнгольдтъ еще въ началѣ 1818 года сдѣлалъ въ совѣтѣ заявленіе «о худомъ поведеніи и своевольствѣ» студентовъ,—заявленіе, на почвѣ котораго создалось весною этого года цѣлое и весьма характерное дѣло «о укорительномъ отзывѣ профессора Арнгольдта на счетъ университетскаго правленія» (Архивъ унив., 1818, Попеч. № 36).

вращаться. Тогда же приняты были необходимыя мѣры къ временному замѣщенію какъ преподавательскихъ, такъ и административныхъ функцій Броннера: преподаваніе физики и завѣдованіе физическимъ кабинетомъ поручено магистру Кайсарову, для отправленія обязанностей директора педагогическаго института избранъ (30-го іюня) профессоръ Германъ, инспектора студентовъ—профессоръ Брейтенбахъ. Въ мартѣ 1818 года истекалъ срокъ отпуска Броннера, приславшаго изъ г. Аарау, на имя ректора, письмо, въ которомъ просилъ объ исходатайствованіи ему новаго отпуска—до ноября того же года, мотивируя просьбу недостаточностью, для окончанія заграницею всѣхъ своихъ дѣлъ, находившагося въ его распоряженіи времени. Дѣло восходило на разсмотрѣніе комитета министровъ и просимый новый отпускъ былъ данъ до 1-го ноября 1818 года. Наступилъ и этотъ срокъ—Броннеръ не явился, 9-го же ноября получено было новое письмо его на имя ректора, въ которомъ онъ поднималъ вопросъ о третьей отсрочкѣ ему отпуска, на этотъ разъ уже на цѣлый годъ, т. е. до конца 1819 года. Броннеръ самъ плохо надѣялся на возможность удовлетворенія этого ходатайства: „Я опасаюсь,—писалъ онъ,—встрѣтить затрудненія въ полученіи такого отпуска, вопросъ о которомъ прошу васъ внести на усмотрѣніе университетскаго совѣта“.

Броннеръ не ошибся. Въ засѣданіи совѣта 12-го ноября, въ которомъ слушалось это дѣло, заявлено было профессоромъ Арнгольдтомъ отдѣльное мнѣніе, выражавшее въ себѣ протестъ противъ удовлетворенія ходатайства Броннера. Указывая на незаконность ходатайства Броннера и на сомнительность искренности его намѣренія возвратиться въ Казань, проф. Арнгольдтъ мотивировалъ свой протестъ какъ интересами преподаванія по кафедрѣ физики, ввѣреннаго магистру, который, во всякомъ случаѣ, не въ состояніи вполнѣ замѣнить собою профессора, такъ и интересами педагогическими и дисциплинарными, страдающими отъ временнаго замѣщенія должностей директора педагогическаго института и инспектора студентовъ: „Не охуждая распоряженій отправляющихъ тѣ должности,—заявлялъ Арнгольдтъ,—почитаю, однако же, временное ихъ отправленіе причиною тѣхъ разстройствъ между студентами, о коихъ дѣла остаются и нынѣ еще нерѣшенными *; почему полагаю сообразнѣе и для лучшаго благоустройства

---

* Профессоръ Арнгольдтъ еще въ началѣ 1818 года сдѣлалъ въ совѣтѣ заявленіе «о худомъ поведеніи и своевольствѣ» студентовъ,—заявленіе, на почвѣ котораго создалось весною этого года цѣлое и весьма характерное дѣло «о укорительномъ отзывѣ профессора Арнгольдта на счетъ университетскаго правленія» (Архивъ унив., 1818, Попеч. № 36).

по сей части полезнѣе или утвердить нынѣ состоящихъ исправляющими должности, или учинить снова избраніе въ инспекторы и директоры института". Совѣтъ университета, склоняясь въ сторону удовлетворенія ходатайства Броннера и мотивируя свое рѣшеніе опасеніемъ „лишиться сего достойнаго чиновника", опредѣлилъ, не входя въ обсужденіе отдѣльнаго мнѣнія проф. Арнгольдта, представить все это дѣло на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Арнгольдтъ не примкнулъ къ этому опредѣленію и также препроводилъ свое отдѣльное мнѣніе, при особомъ рапортѣ, къ министру.

Князь Голицинъ взглянулъ на все это дѣло съ весьма серьезной и строгой стороны и отвѣтилъ совѣту суровымъ предложеніемъ отъ 14-го декабря, въ которомъ требовалъ отъ совѣта категорическаго объясненія по вопросу: „Имѣлись ли въ виду совѣта таковыя обстоятельства (т. е. указанныя въ отдѣльномъ мнѣніи проф. Арнгольдта) и почему могли быть терпимы подобныя разстройства?" Предписывая, затѣмъ, предпринятіе неотложныхъ мѣръ къ устраненію безпорядковъ и предлагая совѣту „найти достойнаго и способнаго профессора къ замѣнѣ Броннера въ мѣстѣ, имъ тщетно занимаемомъ", министръ заключаетъ свой отвѣтъ слѣдующею угрожающею тирадою: „Въ противномъ случаѣ, при открывшихся безпорядкахъ и упущеніяхъ, взыскано сіе будетъ съ членовъ совѣта, коихъ обязанностью есть соблюденіе во всѣхъ частяхъ должнаго порядка и благоустройства". Просимой имъ отсрочки проф. Броннеръ, конечно, не получилъ; 14-го мая 1819 года послѣдовало совершенное увольненіе его изъ службы, въ виду продолжительной просрочки имъ заграничнаго отпуска, самое же дѣло это послужило въ глазахъ правящихъ министерскихъ сферъ лишнимъ доводомъ въ пользу того отрицательнаго по отношенію къ казанскому университету теченія, результатомъ котораго явилась, двумя мѣсяцами позже, безпощадная ревизія Магницкаго [55].

Познакомившись съ явленіями жизни казанскаго университета 1818 года, явившимися какъ бы преддверіемъ ревизіи 1819 года, обратимся теперь къ другимъ текущимъ дѣламъ его за вторую половину того же года.

Здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченнымъ возбужденіе вопроса о введеніи въ университетѣ преподаванія богословія. Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года ввелъ въ кругъ преподаваній двѣ богословскія кафедры (кафедру „богословія догматическаго и нравоучительнаго" и кафедру „священнаго писанія и церковной исторіи"), пріуроченнаго

по сей части полезнѣе или утвердить нынѣ состоящихъ исправляющими должности, или учинить снова избраніе въ инспекторы и директоры института". Совѣтъ университета, склоняясь въ сторону удовлетворенія ходатайства Броннера и мотивируя свое рѣшеніе опасеніемъ „лишиться сего достойнаго чиновника", опредѣлилъ, не входя въ обсужденіе отдѣльнаго мнѣнія проф. Арнгольдта, представить все это дѣло на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Арнгольдтъ не примкнулъ къ этому опредѣленію и также препроводилъ свое отдѣльное мнѣніе, при особомъ рапортѣ, къ министру.

Князь Голицинъ взглянулъ на все это дѣло съ весьма серьезной и строгой стороны и отвѣтилъ совѣту суровымъ предложеніемъ отъ 14-го декабря, въ которомъ требовалъ отъ совѣта категорическаго объясненія по вопросу: „Имѣлись ли въ виду совѣта таковыя обстоятельства (т. е. указанныя въ отдѣльномъ мнѣніи проф. Арнгольдта) и почему могли быть терпимы подобныя разстройства?" Предписывая, затѣмъ, предпринятіе неотложныхъ мѣръ къ устраненію безпорядковъ и предлагая совѣту „найти достойнаго и способнаго профессора къ замѣнѣ Броннера въ мѣстѣ, имъ тщетно занимаемомъ", министръ заключаетъ свой отвѣтъ слѣдующею угрожающею тирадою: „Въ противномъ случаѣ, при открывшихся безпорядкахъ и упущеніяхъ, взыскано сіе будетъ съ членовъ совѣта, коихъ обязанностью есть соблюденіе во всѣхъ частяхъ должнаго порядка и благоустройства". Просимой имъ отсрочки проф. Броннеръ, конечно, не получилъ; 14-го мая 1819 года послѣдовало совершенное увольненіе его изъ службы, въ виду продолжительной просрочки имъ заграничнаго отпуска, самое же дѣло это послужило въ глазахъ правящихъ министерскихъ сферъ лишнимъ доводомъ въ пользу того отрицательнаго по отношенію къ казанскому университету теченія, результатомъ котораго явилась, двумя мѣсяцами позже, безпощадная ревизія Магницкаго [55].

Познакомившись съ явленіями жизни казанскаго университета 1818 года, явившимися какъ бы преддверіемъ ревизіи 1819 года, обратимся теперь къ другимъ текущимъ дѣламъ его за вторую половину того же года.

Здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченнымъ возбужденіе вопроса о введеніи въ университетѣ преподаванія богословія. Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года ввелъ въ кругъ преподаваній двѣ богословскія кафедры (кафедру „богословія догматическаго и нравоучительнаго" и кафедру „священнаго писанія и церковной исторіи"), пріуročен-

ныя имъ къ отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ; уже при самомъ основаніи казанскаго университета попечитель Румовскій прочилъ для преподаванія въ немъ богословія извѣстнаго намъ пресвитера о. Гавріила Данкова, который въ концѣ лѣта того же года скончался, послѣ чего вопросъ о преподаваніи въ университетѣ богословія оставался въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ открытымъ. Любопытно, что этотъ вопросъ снова возбужденъ былъ, передъ самымъ полнымъ открытіемъ университета на основаніи устава 1814 года, нѣмецкимъ членомъ совѣта, только что утвержденнымъ передъ тѣмъ первымъ ректоромъ И. О. Брауномъ. Въ началѣ марта 1814 года Браунъ вошелъ въ совѣтъ съ рапортомъ, которымъ предлагалъ „избрать одного изъ членовъ университета, который бы, для отдѣленія лжеумствованій между студентами, обязанностью себѣ постановилъ утвердить ихъ въ незыблимыхъ основаніяхъ религіи",—откуда мы вправѣ заключить, что Браунъ полагалъ возможнымъ возложить эту обязанность на свѣтское лицо изъ числа членовъ университета. Заслушавъ это предложеніе, совѣтъ 7-го марта опредѣлилъ просить попечителя объ опредѣленіи „способнаго наставника, которому можно бы было препоручить классъ законоученія", но въ то время ходатайство это дальнѣйшаго движенія не получило.

Вопросъ о введеніи въ университетѣ преподаванія богословія опять возникъ въ самомъ началѣ 1818—1819 академическаго года, по почину профессора Г. Н. Городчанинова, вошедшаго въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ отъ 9-го августа 1818 года, не только по содержанію, но и по самой внѣшней формѣ изложенія вполнѣ отвѣчавшимъ общему духу, проникавшему собою министерство князя Голицина:

„Какъ членъ университета, священнымъ долгомъ себѣ поставляю кратко представить почтеннѣйшему совѣту онаго о такомъ предметѣ, который, по важности своей, всеобщее заслуживаетъ вниманіе, а именно:

Юные питомцы музъ, образуясь подъ благотворною сѣнію сего величественнаго, многовѣтвистаго древа наукъ, не имѣютъ счастья вкушать спасительныхъ плодовъ того ученія, которое есть начало и конецъ премудрости, которое всѣ человѣческія познанія освящая, на незыблемомъ утверждаетъ ихъ основаніи. Я говорю о изученіи закона Божія. Кому не извѣстно, сколь это вредно для нравовъ, еще неопытныхъ и страстями быстро увлекаемыхъ, молодыхъ людей, сколь пагубно для самого ума, ученіемъ вѣры не просвѣщаемаго! Когда и въ низшихъ казанскаго учебнаго округа училищахъ преподается законъ Божій, то не прискорбно ли видѣть, что питомцы высшаго наукъ сосло-

ныя имъ къ отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ; уже при самомъ основаніи казанскаго университета попечитель Румовскій прочилъ для преподаванія въ немъ богословія извѣстнаго намъ пресвитера о. Гавріила Данкова, который въ концѣ лѣта того же года скончался, послѣ чего вопросъ о преподаваніи въ университетѣ богословія оставался въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ открытымъ. Любопытно, что этотъ вопросъ снова возбужденъ былъ, передъ самымъ полнымъ открытіемъ университета на основаніи устава 1814 года, нѣмецкимъ членомъ совѣта, только что утвержденнымъ передъ тѣмъ первымъ ректоромъ И. О. Брауномъ. Въ началѣ марта 1814 года Браунъ вошелъ въ совѣтъ съ рапортомъ, которымъ предлагалъ „избрать одного изъ членовъ университета, который бы, для отдѣленія лжеумствованій между студентами, обязанностью себѣ постановилъ утвердить ихъ въ незыблимыхъ основаніяхъ религіи",—откуда мы вправѣ заключить, что Браунъ полагалъ возможнымъ возложить эту обязанность на свѣтское лицо изъ числа членовъ университета. Заслушавъ это предложеніе, совѣтъ 7-го марта опредѣлилъ просить попечителя объ опредѣленіи „способнаго наставника, которому можно бы было препоручить классъ законоученія", но въ то время ходатайство это дальнѣйшаго движенія не получило.

Вопросъ о введеніи въ университетѣ преподаванія богословія опять возникъ въ самомъ началѣ 1818—1819 академическаго года, по почину профессора Г. Н. Городчанинова, вошедшаго въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ отъ 9-го августа 1818 года, не только по содержанію, но и по самой внѣшней формѣ изложенія вполнѣ отвѣчавшимъ общему духу, проникавшему собою министерство князя Голицина:

> „Какъ членъ университета, священнымъ долгомъ себѣ поставляю кратко представить почтеннѣйшему совѣту онаго о такомъ предметѣ, который, по важности своей, всеобщее заслуживаетъ вниманіе, а именно:
>
> Юные питомцы музъ, образуясь подъ благотворною сѣнію сего величественнаго, многовѣтвистаго древа наукъ, не имѣютъ счастья вкушать спасительныхъ плодовъ того ученія, которое есть начало и конецъ премудрости, которое всѣ человѣческія познанія освящая, на незыблемомъ утверждаетъ ихъ основаніи. Я говорю о изученіи закона Божія. Кому не извѣстно, сколь это вредно для нравовъ, еще неопытныхъ и страстями быстро увлекаемыхъ, молодыхъ людей, сколь пагубно для самого ума, ученіемъ вѣры не просвѣщаемаго! Когда и въ низшихъ казанскаго учебнаго округа училищахъ преподается законъ Божій, то не прискорбно ли видѣть, что питомцы высшаго наукъ сосло-

вія еще не пользуются симъ счастьемъ, которое въ ихъ возрастѣ тѣмъ для нихъ нужнѣе, чѣмъ преклоннѣе сердце къ разврату, а умъ—къ заблужденію.

Почтеннѣйше представляя о семъ совѣту казанскаго университета, покорнѣйше прошу обратить на сей предметъ вниманіе и представить высшему начальству".

Заслушавъ представленіе проф. Городчанинова, совѣтъ опредѣлилъ: „какъ о семъ дѣлѣ было уже разсуждаемо, то, учинивъ справку, доложить". На этомъ дѣло и остановилось, вопросъ же о введеніи въ университетѣ преподаванія богословія снова возбужденъ былъ,—но на этотъ разъ уже по иниціативѣ главнаго правленія училищъ,—въ началѣ 1819 года, получивъ положительное разрѣшеніе въ исходѣ того же года, съ назначеніемъ въ казанскій университетъ перваго профессора богословія въ лицѣ ректора духовной семинаріи архимандрита Ѳеофана. Этотъ фактъ уже выходитъ, впрочемъ, за предѣлы нашего настоящаго повѣствованія [86].

Въ началѣ осени 1818 года снова возбужденъ былъ вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ особаго медицинскаго института для образованія врачей,—вопросъ, еще весною 1813 года обсуждавшійся, какъ мы это видѣли *, въ совѣтѣ университета, но дальнѣйшаго движенія не получившій. Какъ и въ 1813 году, вопросъ этотъ былъ выдвинутъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ виду недостатка врачей и поставленъ въ казанскомъ университетѣ на очередь предложеніемъ министра отъ 21-го августа 1818 года (№ 1848), слѣдующаго содержанія:

„Настоящій недостатокъ во врачахъ по всѣмъ частямъ въ государствѣ побуждаетъ обратить на сей предметъ все вниманіе правительства. По сему случаю предлагаю университету изъявить мнѣ, не находится ли удобности имѣть при казанскомъ университетѣ на казенномъ содержаніи какое либо число воспитанниковъ, для образованія по медицинской части, кромѣ тѣхъ, которые по уставу положены. Воспитанники сіи могутъ быть заимствованы изъ губернскихъ гимназій, либо изъ уволенныхъ духовными училищами, и, по окончаніи ученія своего, должны поступать на службу, которую, какъ и всѣ казенные воспитанники, обязаны будутъ проходить установленное число лѣтъ. Если находится удобность имѣть при университетѣ таковыхъ воспитанниковъ, то оный не оставитъ о семъ сдѣлать подробное положеніе, съ изъясненіемъ предполагаемаго числа воспитанниковъ, спо-

---

* См. томъ I, стр. 454—456.

вія еще не пользуются симъ счастьемъ, которое въ ихъ возрастѣ тѣмъ для нихъ нужнѣе, чѣмъ преклоннѣе сердце къ разврату, а умъ—къ заблужденію.

Почтеннѣйше представляя о семъ совѣту казанскаго университета, покорнѣйше прошу обратить на сей предметъ вниманіе и представить высшему начальству".

Заслушавъ представленіе проф. Городчанинова, совѣтъ опредѣлилъ: „какъ о семъ дѣлѣ было уже разсуждаемо, то, учинивъ справку, доложить". На этомъ дѣло и остановилось, вопросъ же о введеніи въ университетѣ преподаванія богословія снова возбужденъ былъ,—но на этотъ разъ уже по иниціативѣ главнаго правленія училищъ,—въ началѣ 1819 года, получивъ положительное разрѣшеніе въ исходѣ того же года, съ назначеніемъ въ казанскій университетъ перваго профессора богословія въ лицѣ ректора духовной семинаріи архимандрита Ѳеофана. Этотъ фактъ уже выходитъ, впрочемъ, за предѣлы нашего настоящаго повѣствованія [86].

Въ началѣ осени 1818 года снова возбужденъ былъ вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ особаго медицинскаго института для образованія врачей,—вопросъ, еще весною 1813 года обсуждавшійся, какъ мы это видѣли *, въ совѣтѣ университета, но дальнѣйшаго движенія не получившій. Какъ и въ 1813 году, вопросъ этотъ былъ выдвинутъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ виду недостатка врачей и поставленъ въ казанскомъ университетѣ на очередь предложеніемъ министра отъ 21-го августа 1818 года (№ 1848), слѣдующаго содержанія:

„Настоящій недостатокъ во врачахъ по всѣмъ частямъ въ государствѣ побуждаетъ обратить на сей предметъ все вниманіе правительства. По сему случаю предлагаю университету изъявить мнѣ, не находится ли удобности имѣть при казанскомъ университетѣ на казенномъ содержаніи какое либо число воспитанниковъ, для образованія по медицинской части, кромѣ тѣхъ, которые по уставу положены. Воспитанники сіи могутъ быть заимствованы изъ губернскихъ гимназій, либо изъ уволенныхъ духовными училищами, и, по окончаніи ученія своего, должны поступать на службу, которую, какъ и всѣ казенные воспитанники, обязаны будутъ проходить установленное число лѣтъ. Если находится удобность имѣть при университетѣ таковыхъ воспитанниковъ, то оный не оставитъ о семъ сдѣлать подробное положеніе, съ изъясненіемъ предполагаемаго числа воспитанниковъ, спо-

* См. томъ I, стр. 454—456.

собовъ, откуда назначается заимствовать ихъ и времени для сего опредѣленнаго, также какія они должны имѣть предварительныя познанія для дальнѣйшаго продолженія ученія при университетѣ, сколько лѣтъ будетъ продолжаться въ ономъ ихъ обученіе и какое нужно отъ казны иждивеніе па ежегодное содержаніе ихъ и прочее. Помѣщеніе ихъ можетъ быть или въ самомъ университетѣ или въ наемныхъ квартирахъ, съ выдачею имъ квартирныхъ денегъ.

Таковое положеніе университетъ имѣетъ доставить мнѣ, для принятія дальнѣйшихъ мѣръ къ приведенію всего того въ надлежащее дѣйствіе. Профессоры медицинскихъ наукъ, имѣя въ классахъ своихъ нынѣ весьма малое число учащихся, безъ сомнѣнія примутъ случай сей, какъ заключающій въ себѣ пользу общественную, съ тою готовностью, какую ожидать должно отъ людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ, посвящающихъ труды свои ко благу отечества".

Заслушавъ министерское предложеніе въ засѣданіи 10-го сентября, совѣтъ университета опредѣлилъ препроводить его въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ, для выработки требуемаго министромъ „положенія". Врачебное отдѣленіе не замедлило выполненіемъ возложеннаго на него порученія и уже въ засѣданіи совѣта 21-го того же сентября слушано было соотвѣтствующее представленіе его. Отдѣленіе отнеслось къ предложенію министра съ очень широкой точки зрѣнія и внесло проэктъ учрежденія при университетѣ цѣлаго „медицинскаго института", причемъ отъ лица своихъ членовъ высказалось, что „хотя умноженіе числа воспитанниковъ составитъ профессорамъ медицины сугубый трудъ, который соединенъ съ вящимъ напряженіемъ силъ и умноженіемъ учебнаго времени", тѣмъ не менѣе „соревнуя пользѣ общественной, сообразно ожиданію знаменитаго покровителя наукъ и страждущаго человѣчества, его сіятельства князя Александра Николаевича", они „охотно пріемлютъ трудъ сей, въ полномъ увѣреніи, что щедродательное правительство обратитъ на оный вниманіе свое".

Представленный врачебнымъ отдѣленіемъ проэктъ положенія медицинскаго института создавалъ этотъ послѣдній въ видѣ находящагося при университетѣ, но совершенно самостоятельнаго, учрежденія, разсчитаннаго на комплектъ ста воспитанниковъ и организуемаго по образцу медико-хирургической академіи. Отъ поступающихъ въ институтъ молодыхъ людей, принимаемыхъ изъ губернскихъ гимназій и духовныхъ училищъ, предположено требовать „всѣ нужныя знанія, каковыя требуются отъ опредѣляющихся въ медико-хирургическую академію", равнымъ образомъ и „курсъ медицинскихъ наукъ преподавать предполагается на томъ же основаніи и тѣмъ же порядкомъ, какъ въ медико-хирургической академіи, и оканчи-

собовъ, откуда назначается заимствовать ихъ и времени для сего опредѣленнаго, также какія они должны имѣть предварительныя познанія для дальнѣйшаго продолженія ученія при университетѣ, сколько лѣтъ будетъ продолжаться въ ономъ ихъ обученіе и какое нужно отъ казны иждивеніе на ежегодное содержаніе ихъ и прочее. Помѣщеніе ихъ можетъ быть или въ самомъ университетѣ или въ наемныхъ квартирахъ, съ выдачею имъ квартирныхъ денегъ.

Таковое положеніе университетъ имѣетъ доставить мнѣ, для принятія дальнѣйшихъ мѣръ къ приведенію всего того въ надлежащее дѣйствіе. Профессоры медицинскихъ наукъ, имѣя въ классахъ своихъ нынѣ весьма малое число учащихся, безъ сомнѣнія примутъ случай сей, какъ заключающій въ себѣ пользу общественную, съ тою готовностью, какую ожидать должно отъ людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ, посвящающихъ труды свои ко благу отечества".

Заслушавъ министерское предложеніе въ засѣданіи 10-го сентября, совѣтъ университета опредѣлилъ препроводить его въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ, для выработки требуемаго министромъ „положенія". Врачебное отдѣленіе не замедлило выполненіемъ возложеннаго на него порученія и уже въ засѣданіи совѣта 21-го того же сентября слушано было соотвѣтствующее представленіе его. Отдѣленіе отнеслось къ предложенію министра съ очень широкой точки зрѣнія и внесло проэктъ учрежденія при университетѣ цѣлаго „медицинскаго института", причемъ отъ лица своихъ членовъ высказалось, что „хотя умноженіе числа воспитанниковъ составитъ профессорамъ медицины сугубый трудъ, который соединенъ съ вящимъ напряженіемъ силъ и умноженіемъ учебнаго времени", тѣмъ не менѣе „соревнуя пользѣ общественной, сообразно ожиданію знаменитаго покровителя наукъ и страждущаго человѣчества, его сіятельства князя Александра Николаевича", они „охотно пріемлютъ трудъ сей, въ полномъ увѣреніи, что щедродательное правительство обратитъ на оный вниманіе свое".

Представленный врачебнымъ отдѣленіемъ проэктъ положенія медицинскаго института создавалъ этотъ послѣдній въ видѣ находящагося при университетѣ, но совершенно самостоятельнаго, учрежденія, разсчитаннаго на комплектъ ста воспитанниковъ и организуемаго по образцу медико-хирургической академіи. Отъ поступающихъ въ институтъ молодыхъ людей, принимаемыхъ изъ губернскихъ гимназій и духовныхъ училищъ, предположено требовать „всѣ нужныя знанія, каковыя требуются отъ опредѣляющихся въ медико-хирургическую академію", равнымъ образомъ и „курсъ медицинскихъ наукъ преподавать предполагается на томъ же основаніи и тѣмъ же порядкомъ, какъ въ медико-хирургической академіи, и оканчи-

вать въ четыре года“; при институтѣ имѣются отдѣльныя клиники, анатомическій театръ, библіотека и др. учрежденія, содержимыя на опредѣленныя для того штатныя суммы. Медицинскій институтъ находится въ непосредственномъ вѣданіи врачебнаго отдѣленія и только дѣла особой важности, превышающія компетенцію отдѣленія, восходятъ изъ него на разсмотрѣніе университетскаго совѣта. Хозяйственною частью института распоряжается особый „хозяйственный комитетъ“, образуемый изъ декана отдѣленія, одного ординарнаго профессора и инспектора института и совершенно независимый отъ университетскаго правленія, которому онъ представляетъ лишь общіе отчеты по институтскому хозяйству. Дисциплинарная часть ввѣряется особому инспектору института, избираемому изъ числа членовъ врачебнаго отдѣленія.

Совѣтъ университета почелъ цѣлесообразнымъ передать этотъ проектъ на заключеніе остальныхъ трехъ отдѣленій и здѣсь этотъ проэктъ встрѣтилъ принципіальныя возраженія, изложенныя въ представленіяхъ, поступившихъ отъ нихъ въ совѣтъ университета. Эти представленія были заслушаны въ засѣданіи совѣта 5-го октября и по существу ихъ состоялось слѣдующее опредѣленіе, знакомящее насъ съ кореннымъ противорѣчіемъ во взглядѣ на дѣло, врачебнаго отдѣленія—съ одной стороны, остальныхъ трехъ отдѣленій—съ другой стороны:

„Какъ главное различіе между положеніемъ медицинскаго факультета и мнѣніями прочихъ трехъ отдѣленій происходитъ отъ того, что первое почитаетъ вновь учреждаемый институтъ отдѣльнымъ при университетѣ заведеніемъ, а прочіе три отдѣленія полагаютъ, что распространяется только медицинскій факутьтетъ *, сверхъ же того, во мнѣніяхъ сихъ трехъ отдѣленій только малое различіе, то предоставить г.г. деканамъ оныхъ, согласивъ сіе мнѣніе, составить общее положеніе и представить въ совѣтъ, съ тѣмъ, что бы какъ положеніе медицинскаго факультета, такъ равномѣрно и сочиненныя мнѣнія прочихъ отдѣленій представить высшему начальству“.

Это „сочиненіе“ мнѣній трехъ другихъ факультетовъ принялъ на себя деканъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ Г. И. Солнцевъ и результатомъ его работъ явился обширный, состоящій изъ 128-ми параграфовъ, съ штатами къ нему, проэктъ „Положенія о медицинскомъ институтѣ, при императорскомъ казанскомъ университетѣ къ учрежденію пред-

* Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ министръ князь А. Н. Голицинъ, какъ это съ совершенною ясностью усматривается изъ приведеннаго выше его предложенія отъ 21-го августа.

вать въ четыре года"; при институтѣ имѣются отдѣльныя клиники, анатомическій театръ, библіотека и др. учрежденія, содержимыя на опредѣленныя для того штатныя суммы. Медицинскій институтъ находится въ непосредственномъ вѣданіи врачебнаго отдѣленія и только дѣла особой важности, превышающія компетенцію отдѣленія, восходятъ изъ него на разсмотрѣніе университетскаго совѣта. Хозяйственною частью института распоряжается особый „хозяйственный комитетъ", образуемый изъ декана отдѣленія, одного ординарнаго профессора и инспектора института и совершенно независимый отъ университетскаго правленія, которому онъ представляетъ лишь общіе отчеты по институтскому хозяйству. Дисциплинарная часть ввѣряется особому инспектору института, избираемому изъ числа членовъ врачебнаго отдѣленія.

Совѣтъ университета почелъ цѣлесообразнымъ передать этотъ проектъ на заключеніе остальныхъ трехъ отдѣленій и здѣсь этотъ проэктъ встрѣтилъ принципіальныя возраженія, изложенныя въ представленіяхъ, поступившихъ отъ нихъ въ совѣтъ университета. Эти представленія были заслушаны въ засѣданіи совѣта 5-го октября и по существу ихъ состоялось слѣдующее опредѣленіе, знакомящее насъ съ кореннымъ противорѣчіемъ во взглядѣ на дѣло, врачебнаго отдѣленія—съ одной стороны, остальныхъ трехъ отдѣленій—съ другой стороны:

„Какъ главное различіе между положеніемъ медицинскаго факультета и мнѣніями прочихъ трехъ отдѣленій происходитъ отъ того, что первое почитаетъ вновь учреждаемый институтъ отдѣльнымъ при университетѣ заведеніемъ, а прочіе три отдѣленія полагаютъ, что распространяется только медицинскій факутьтетъ *, сверхъ же того, во мнѣніяхъ сихъ трехъ отдѣленій только малое различіе, то предоставить г.г. деканамъ оныхъ, согласивъ сіе мнѣніе, составить общее положеніе и представить въ совѣтъ, съ тѣмъ, что бы какъ положеніе медицинскаго факультета, такъ равномѣрно и сочиненныя мнѣнія прочихъ отдѣленій представить высшему начальству".

Это „сочиненіе" мнѣній трехъ другихъ факультетовъ принялъ на себя деканъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ Г. И. Солнцевъ и результатомъ его работъ явился обширный, состоящій изъ 128-ми параграфовъ, съ штатами къ нему, проэктъ „Положенія о медицинскомъ институтѣ, при императорскомъ казанскомъ университетѣ къ учрежденію пред-

* Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ министръ князь А. Н. Голицинъ, какъ это съ совершенною ясностью усматривается изъ приведеннаго выше его предложенія отъ 21-го августа.

полагаемомъ", одобренный и деканами двухъ остальныхъ отдѣленій—Бартельсомъ и Городчаниновымъ. Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе этого объемистаго проэкта, схороненнаго, вскорѣ за тѣмъ, на полкахъ университетскаго архива (интересующіеся найдутъ его въ соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ). Замѣтимъ лишь, что проэктъ проф. Солнцева, отрицающій организацію медицинскаго института въ качествѣ самостоятельнаго при университетѣ учрежденія, слушался въ засѣданіяхъ совѣта 6-го и 7-го ноября, подвергся здѣсь нѣсколькимъ, весьма, впрочемъ, незначительнымъ, поправкамъ, и былъ препровожденъ, при представленіи отъ 18-го ноября, на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Дальнѣйшаго движенія дѣло и на этотъ разъ не получило. Весьма вѣроятно, что одною изъ причинъ такой участи этого начинанія послужила значительность суммы, исчисленной на содержаніе предположеннаго института, которая въ принятомъ совѣтомъ проэктѣ проф. Солнцева достигаетъ почтенной ежегодной цифры въ 98,500 рублей, не считая единовременнаго расхода въ 35,650 рублей на первоначальное обзаведеніе; штаты, составленные Солнцевымъ, превысили собою даже годичный бюджетъ, исчисленный первоначальнымъ проэктомъ врачебнаго отдѣленія и составлявшій лишь 82,000 рублей [87].

Вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ медицинскаго института такъ же безплодно возрождался, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, и позже, въ эпоху попечительства Магницкаго, которому въ числѣ предметовъ, на которые обращалось его вниманіе при ревизіи 1819 года, рекомендовался и вопросъ объ учрежденіи института, въ смыслѣ заключенія о томъ—насколько онъ нуженъ, въ особенности же въ виду слабой постановки въ казанскомъ университетѣ медицинско-вспомогательныхъ и учебныхъ средствъ, лишающей возможности пріобрѣтенія здѣсь достаточныхъ медицинскихъ познаній.

Изъ текущихъ явленій жизни казанскаго университета за вторую половину 1818 года можетъ быть отмѣченъ и конфликтъ, возникшій въ сентябрѣ этого года, между совѣтомъ университета и его ректоромъ, изъ за права послѣдняго давать въ послужныхъ спискахъ членовъ университета аттестаціи относительно способности ихъ къ продолженію службы и заслуги къ повышенію въ чинахъ, для каковыхъ аттестацій существовали въ формулярахъ прежняго времени особыя графы. Совѣтъ усомнился въ правѣ ректора собственною властью давать такія аттестаціи и дѣло объ этомъ восходило на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, которое 23-го октября и разрѣшило споръ въ пользу прерога-

полагаемомъ", одобренный и деканами двухъ остальныхъ отдѣленій—Бартельсомъ и Городчаниновымъ. Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе этого объемистаго проэкта, схороненнаго, вскорѣ за тѣмъ, на полкахъ университетскаго архива (интересующіеся найдутъ его въ соотвѣтствующемъ архивномъ дѣлѣ). Замѣтимъ лишь, что проэктъ проф. Солнцева, отрицающій организацію медицинскаго института въ качествѣ самостоятельнаго при университетѣ учрежденія, слушался въ засѣданіяхъ совѣта 6-го и 7-го ноября, подвергся здѣсь нѣсколькимъ, весьма, впрочемъ, незначительнымъ, поправкамъ, и былъ препровожденъ, при представленіи отъ 18-го ноября, на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Дальнѣйшаго движенія дѣло и на этотъ разъ не получило. Весьма вѣроятно, что одною изъ причинъ такой участи этого начинанія послужила значительность суммы, исчисленной на содержаніе предположеннаго института, которая въ принятомъ совѣтомъ проэктѣ проф. Солнцева достигаетъ почтенной ежегодной цифры въ 98,500 рублей, не считая единовременнаго расхода въ 35,650 рублей на первоначальное обзаведеніе; штаты, составленные Солнцевымъ, превысили собою даже годичный бюджетъ, исчисленный первоначальнымъ проэктомъ врачебнаго отдѣленія и составлявшій лишь 82,000 рублей [87].

Вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ медицинскаго института такъ же безплодно возрождался, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, и позже, въ эпоху попечительства Магницкаго, которому въ числѣ предметовъ, на которые обращалось его вниманіе при ревизіи 1819 года, рекомендовался и вопросъ объ учрежденіи института, въ смыслѣ заключенія о томъ—насколько онъ нуженъ, въ особенности же въ виду слабой постановки въ казанскомъ университетѣ медицинско-вспомогательныхъ и учебныхъ средствъ, лишающей возможности пріобрѣтенія здѣсь достаточныхъ медицинскихъ познаній.

Изъ текущихъ явленій жизни казанскаго университета за вторую половину 1818 года можетъ быть отмѣченъ и конфликтъ, возникшій въ сентябрѣ этого года, между совѣтомъ университета и его ректоромъ, изъ за права послѣдняго давать въ послужныхъ спискахъ членовъ университета аттестаціи относительно способности ихъ къ продолженію службы и заслуги къ повышенію въ чинахъ, для каковыхъ аттестацій существовали въ формулярахъ прежняго времени особыя графы. Совѣтъ усомнился въ правѣ ректора собственною властью давать такія аттестаціи и дѣло объ этомъ восходило на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, которое 23-го октября и разрѣшило споръ въ пользу прерога-

тивы власти въ этомъ отношеніи ректора, сдѣлавъ совѣту замѣчаніе, что ему „не слѣдовало бы входить въ противорѣчащія съ предписаніями разсужденія и споры“ [83].

Закончился 1818 годъ—наступилъ новый 1819-ый годъ, годъ роковой въ исторіи казанскаго университета, какъ отмѣченный грозною ревизіею Магницкаго и началомъ семилѣтней эпохи его попечительства, представляющей собою одну изъ мрачныхъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія XIX-го столѣтія.

Въ самомъ началѣ этого года казанскій университетъ понесъ утрату въ лицѣ перваго своего выборнаго ректора, профессора анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки Ивана Осиповича Брауна, скончавшагося 8-го января 1819 года, на 44-омъ году жизни.

Заболѣвъ еще въ началѣ второй половины декабря 1818 года, Браунъ сталъ серьезно расхварываться и пользовавшій его сотоварищъ, профессоръ Вердерамо, опредѣлилъ у него нервную горячку; „ни крѣпость силъ его, ни врачебное искусство,—читаемъ въ казанской газетѣ того времени,—не могли поддержать пораженные и истощенные горячкою жизненные его духи“. Къ концу мѣсяца болѣзнь приняла характеръ настолько угрожающій, что правленіе сочло своевременнымъ впервые примѣнить § 21-ый университетскаго устава, въ силу котораго „въ случаѣ тяжкой болѣзни ректора, смерти или отлучки по законнымъ причинамъ, предмѣстникъ его немедленно пріемлетъ на себя должность его, съ званіемъ проректора; если же предмѣстникъ по какимъ либо обстоятельствамъ принять должности не можетъ, то совѣтъ избираетъ на время въ проректоры другого изъ ординарныхъ профессоровъ“. Въ данномъ случаѣ никакого предмѣстника у Брауна—не имѣлось, а потому деканы и непремѣнный засѣдатель правленія, проф. Никольскій, 30-го декабря созвали экстренное собраніе совѣта для избранія проректора, мотивируя необходимость такого избранія въ особенности тѣмъ, что „въ началѣ января непремѣнно заключить должно всѣ денежные счеты и представить высшему начальству, какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части, отчеты“. Передъ началомъ выборовъ заслуженный профессоръ И. Ѳ. Яковкинъ представилъ, что „по дѣламъ гимназическимъ, требующимъ скорѣйшаго исполненія, проситъ онъ быть уволеннымъ отъ избранія“; представленіе это было совѣтомъ уважено. Изъ остальныхъ ординарныхъ профессоровъ одинаковое избирательное большинство шаровъ получили трое: баронъ Е. В. Врангель, Г. Б. Никольскій и Г. И. Солнцевъ (по +7, —6). Баронъ Врангель, сославшись

тивы власти въ этомъ отношеніи ректора, сдѣлавъ совѣту замѣчаніе, что ему „не слѣдовало бы входить въ противорѣчащія съ предписаніями разсужденія и споры“ [83].

Закончился 1818 годъ—наступилъ новый 1819-ый годъ, годъ роковой въ исторіи казанскаго университета, какъ отмѣченный грозною ревизіею Магницкаго и началомъ семилѣтней эпохи его попечительства, представляющей собою одну изъ мрачныхъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія XIX-го столѣтія.

Въ самомъ началѣ этого года казанскій университетъ понесъ утрату въ лицѣ перваго своего выборнаго ректора, профессора анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки Ивана Осиповича Брауна, скончавшагося 8-го января 1819 года, на 44-омъ году жизни.

Заболѣвъ еще въ началѣ второй половины декабря 1818 года, Браунъ сталъ серьезно расхварываться и пользовавшій его сотоварищъ, профессоръ Вердерамо, опредѣлилъ у него нервную горячку; „ни крѣпость силъ его, ни врачебное искусство,—читаемъ въ казанской газетѣ того времени,—не могли поддержать пораженные и истощенные горячкою жизненные его духи“. Къ концу мѣсяца болѣзнь приняла характеръ настолько угрожающій, что правленіе сочло своевременнымъ впервые примѣнить § 21-ый университетскаго устава, въ силу котораго „въ случаѣ тяжкой болѣзни ректора, смерти или отлучки по законнымъ причинамъ, предмѣстникъ его немедленно пріемлетъ на себя должность его, съ званіемъ проректора; если же предмѣстникъ по какимъ либо обстоятельствамъ принять должности не можетъ, то совѣтъ избираетъ на время въ проректоры другого изъ ординарныхъ профессоровъ“. Въ данномъ случаѣ никакого предмѣстника у Брауна—не имѣлось, а потому деканы и непремѣнный засѣдатель правленія, проф. Никольскій, 30-го декабря созвали экстренное собраніе совѣта для избранія проректора, мотивируя необходимость такого избранія въ особенности тѣмъ, что „въ началѣ января непремѣнно заключить должно всѣ денежные счеты и представить высшему начальству, какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части, отчеты“. Передъ началомъ выборовъ заслуженный профессоръ И. Ѳ. Яковкинъ представилъ, что „по дѣламъ гимназическимъ, требующимъ скорѣйшаго исполненія, проситъ онъ быть уволеннымъ отъ избранія“; представленіе это было совѣтомъ уважено. Изъ остальныхъ ординарныхъ профессоровъ одинаковое избирательное большинство шаровъ получили трое: баронъ Е. В. Врангель, Г. Б. Никольскій и Г. И. Солнцевъ (по +7, —6). Баронъ Врангель, сославшись

на несовмѣстимость званія проректора съ занимаемою имъ должностью секретаря совѣта, просилъ освободить его отъ принятія этого званія, почему произведена была перебаллотировка между профессорами Никольскимъ и Солнцевымъ, изъ которыхъ избраннымъ оказался по большинству шаровъ (одиннадцать противъ шести, полученныхъ Никольскимъ) второй. Профессоръ Г. И. Солнцевъ немедленно вступилъ въ отправленіе должности проректора, подписавшись этимъ новымъ званіемъ уже подъ протоколомъ засѣданія 30-го декабря.

Черезъ нѣсколько дней послѣ избранія ему замѣстителя, И. О. Браунъ скончался, о чемъ члены совѣта были извѣщены слѣдующею повѣсткою проректора, приглашавшею ихъ въ экстренное, по этому поводу, собраніе:

„Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о послѣдовавшей сего 8-го числа, въ половинѣ шестаго часа утра, кончинѣ достопочтеннѣйшаго ректора Ивана Осиповича Брауна, симъ приглашаю господъ членовъ совѣта въ засѣданіе совѣта, въ десятомъ часу утра сего дня, для нужныхъ, по случаю послѣдовавшей кончины господина ректора, совѣщаній.—Проректоръ Гавріилъ Солнцевъ“.

Отданіе усопшему ректору послѣднихъ почестей и его погребеніе были обставлены особенною торжественностью. При гробѣ покойнаго были установлены почетныя дежурства, распредѣленныя слѣдующимъ образомъ:

8-го числа, въ среду, послѣ обѣда: адъюнктъ Алексѣй Лобачевскій—1-ый и 2-ой часъ, при немъ магистръ Самсоновъ; адъюнктъ Булыгинъ—3-ій и 4-ый часъ, при немъ магистръ Кайсаровъ; адъюнктъ Алехинъ—5-ый и 6-й часъ, при немъ лекторъ Краузе.

9-го числа, въ четвертокъ, до обѣда: адъюнктъ Юнаковъ—9-ый и 10-ый часъ, при немъ лекторъ Хальфинъ; адъюнктъ Тимьянскій—11-ый и 12-ый часъ, при немъ учитель Запольскій. Послѣ обѣда: адъюнктъ Дунаевъ—1-ый и 2-ой часъ, при немъ учитель Упадышевскій; экстраординарный профессоръ Симоновъ—3-ій и 4-ый часъ, при немъ учитель Стефани; экстраординарный профессоръ Кондыревъ—5-й и 6-ой часъ, при немъ учитель Протопоповъ.

10-го числа, въ пятницу, до обѣда: ординарный профессоръ Арнгольдтъ—9-ый и 10-ый часъ, при немъ учитель Мейснеръ; ординарный профессоръ баронъ Врангель—11-ый и 12-ый часъ, при немъ учитель Сычуговъ. Пополудни: ординарный профессоръ Никольскій—1-ый и 2-ой часъ, при немъ магистръ Ярцовъ; ординарный профессоръ Городчаниновъ—3-ій и 4-ый часъ, при немъ учитель Блуменбахъ; ординарный профессоръ Цеплинъ—5-ый и 6-ой часъ, при немъ учитель Крюковъ.

на несовмѣстимость званія проректора съ занимаемою имъ должностью секретаря совѣта, просилъ освободить его отъ принятія этого званія, почему произведена была перебаллотировка между профессорами Никольскимъ и Солнцевымъ, изъ которыхъ избраннымъ оказался по большинству шаровъ (одиннадцать противъ шести, полученныхъ Никольскимъ) второй. Профессоръ Г. И. Солнцевъ немедленно вступилъ въ отправленіе должности проректора, подписавшись этимъ новымъ званіемъ уже подъ протоколомъ засѣданія 30-го декабря.

Черезъ нѣсколько дней послѣ избранія ему замѣстителя, И. О. Браунъ скончался, о чемъ члены совѣта были извѣщены слѣдующею повѣсткою проректора, приглашавшею ихъ въ экстренное, по этому поводу, собраніе:

„Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о послѣдовавшей сего 8-го числа, въ половинѣ шестаго часа утра, кончинѣ достопочтеннѣйшаго ректора Ивана Осиповича Брауна, симъ приглашаю господъ членовъ совѣта въ засѣданіе совѣта, въ десятомъ часу утра сего дня, для нужныхъ, по случаю послѣдовавшей кончины господина ректора, совѣщаній.—Проректоръ Гавріилъ Солнцевъ“.

Отданіе усопшему ректору послѣднихъ почестей и его погребеніе были обставлены особенною торжественностью. При гробѣ покойнаго были установлены почетныя дежурства, распредѣленныя слѣдующимъ образомъ:

8-го числа, въ среду, послѣ обѣда: адъюнктъ Алексѣй Лобачевскій—1-ый и 2-ой часъ, при немъ магистръ Самсоновъ; адъюнктъ Булыгинъ—3-ій и 4-ый часъ, при немъ магистръ Кайсаровъ; адъюнктъ Алехинъ—5-ый и 6-й часъ, при немъ лекторъ Краузе.

9-го числа, въ четвертокъ, до обѣда: адъюнктъ Юнаковъ—9-ый и 10-ый часъ, при немъ лекторъ Хальфинъ; адъюнктъ Тимьянскій—11-ый и 12-ый часъ, при немъ учитель Запольскій. Послѣ обѣда: адъюнктъ Дунаевъ—1-ый и 2-ой часъ, при немъ учитель Упадышевскій; экстраординарный профессоръ Симоновъ—3-ій и 4-ый часъ, при немъ учитель Стефани; экстраординарный профессоръ Кондыревъ—5-й и 6-ой часъ, при немъ учитель Протопоповъ.

10-го числа, въ пятницу, до обѣда: ординарный профессоръ Арнгольдтъ—9-ый и 10-ый часъ, при немъ учитель Мейснеръ; ординарный профессоръ баронъ Врангель—11-ый и 12-ый часъ, при немъ учитель Сычуговъ. Пополудни: ординарный профессоръ Никольскій—1-ый и 2-ой часъ, при немъ магистръ Ярцовъ; ординарный профессоръ Городчаниновъ—3-ій и 4-ый часъ, при немъ учитель Блуменбахъ; ординарный профессоръ Цеплинъ—5-ый и 6-ой часъ, при немъ учитель Крюковъ.

Погребеніе Брауна, обставленное большою помпою, происходило въ субботу 11-го января, при совершенно исключительной обстановкѣ: И. О. Брауна, по вѣроисповѣданію—инославнаго, отпѣвали по православному обряду и въ православной церкви Покрова Пресв. Богородицы, при участіи въ церковной церемоніи архіепископа казанскаго Амвросія, лично совершившаго отпѣваніе, и другихъ представителей мѣстнаго православнаго духовенства, хотя тѣло покойнаго и было предано землѣ на лютеранскомъ кладбищѣ. Церемоніалъ погребенія Брауна сохранился въ архивномъ дѣлѣ объ его кончинѣ, описаніе же его похоронъ интересующіеся найдутъ въ университетской газетѣ того времени *. Считаемъ небезъинтереснымъ въ подлинникѣ привести здѣсь церемоніалъ, которымъ обставилъ казанскій университетъ проводы въ мѣсто вѣчнаго упокоенія своего перваго выборнаго ректора:

„11-го числа, въ девятомъ часу утра, въ субботу, имѣетъ быть выносъ тѣла покойнаго ректора университета Ивана Осиповича Брауна въ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, откуда, по отпѣніи, тѣло для погребенія препровождаемо будетъ на лютеранское кладбище. Для отданія послѣдней чести покойнику прибудетъ и его высокопреосвященство, архіепископъ казанскій и симбирскій и разныхъ орденовъ кавалеръ преосвященнѣйшій Амвросій. Почему всѣ члены совѣта университетскаго, чиновники гимназіи, чиновники главнаго народнаго училища и всѣ, вообще, ученые чины казанскаго университетскаго округа, въ Казани пребывающіе, равно студенты университета и ученики гимназіи—имѣютъ прибыть въ домъ покойнаго ректора въ восьмомъ часу утра 11-го числа непремѣнно, кои и займутъ тогда приличныя и удобныя мѣста.

Порядокъ при выносѣ тѣла и препровожденіи къ погребенію имѣетъ быть наблюдаемъ слѣдующій:

I. Ученики гимназіи и университетскіе студенты, къ коимъ примкнутся также нижніе и средніе чины университета, гимназіи и главнаго народнаго училища, въ приличныхъ мѣстахъ у дома покойнаго займутъ мѣста съ должнымъ порядкомъ и приличіемъ, въ ожиданіи выноса тѣла.

II. По отправленіи въ домѣ надъ тѣломъ церковнаго пѣнія, гробъ покойнаго подымутъ къ выносу двое ординарныхъ профессоровъ (Цеплинъ и Аргольдтъ), двое экстраординарныхъ профессоровъ (Срезневскій и Симоновъ), четверо адъюнктовъ (Дунаевъ, Тимьянскій, Алехинъ и Лобачевскій), кои и поставятъ оный на приготовленный катафалкъ.

---

* «Казанскія Извѣстія» за 1819 г., № 6.

Погребеніе Брауна, обставленное большою помпою, происходило въ субботу 11-го января, при совершенно исключительной обстановкѣ: И. О. Брауна, по вѣроисповѣданію—инославнаго, отпѣвали по православному обряду и въ православной церкви Покрова Пресв. Богородицы, при участіи въ церковной церемоніи архіепископа казанскаго Амвросія, лично совершившаго отпѣваніе, и другихъ представителей мѣстнаго православнаго духовенства, хотя тѣло покойнаго и было предано землѣ на лютеранскомъ кладбищѣ. Церемоніалъ погребенія Брауна сохранился въ архивномъ дѣлѣ объ его кончинѣ, описаніе же его похоронъ интересующіеся найдутъ въ университетской газетѣ того времени *. Считаемъ небезъинтереснымъ въ подлинникѣ привести здѣсь церемоніалъ, которымъ обставилъ казанскій университетъ проводы въ мѣсто вѣчнаго упокоенія своего перваго выборнаго ректора:

„11-го числа, въ девятомъ часу утра, въ субботу, имѣетъ быть выносъ тѣла покойнаго ректора университета Ивана Осиповича Брауна въ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, откуда, по отпѣніи, тѣло для погребенія препровождаемо будетъ на лютеранское кладбище. Для отданія послѣдней чести покойнику прибудетъ и его высокопреосвященство, архіепископъ казанскій и симбирскій и разныхъ орденовъ кавалеръ преосвященнѣйшій Амвросій. Почему всѣ члены совѣта университетскаго, чиновники гимназіи, чиновники главнаго народнаго училища и всѣ, вообще, ученые чины казанскаго университетскаго округа, въ Казани пребывающіе, равно студенты университета и ученики гимназіи—имѣютъ прибыть въ домъ покойнаго ректора въ восьмомъ часу утра 11-го числа непремѣнно, кои и займутъ тогда приличныя и удобныя мѣста.

Порядокъ при выносѣ тѣла и препровожденіи къ погребенію имѣетъ быть наблюдаемъ слѣдующій:

I. Ученики гимназіи и университетскіе студенты, къ коимъ примкнутся также нижніе и средніе чины университета, гимназіи и главнаго народнаго училища, въ приличныхъ мѣстахъ у дома покойнаго займутъ мѣста съ должнымъ порядкомъ и приличіемъ, въ ожиданіи выноса тѣла.

II. По отправленіи въ домѣ надъ тѣломъ церковнаго пѣнія, гробъ покойнаго подымутъ къ выносу двое ординарныхъ профессоровъ (Цеплинъ и Арнгольдтъ), двое экстраординарныхъ профессоровъ (Срезневскій и Симоновъ), четверо адъюнктовъ (Дунаевъ, Тимьянскій, Алехинъ и Лобачевскій), кои и поставятъ оный на приготовленный катафалкъ.

* «Казанскія Извѣстія» за 1819 г., № 6.

III. За симъ послѣдуетъ шествіе:

1) Впереди инвалидная команда университета, съ унтеръ-офицеромъ, которая и послѣдуетъ за полицейскими двумя жандармами, о прикомандированіи коихъ имѣетъ быть сообщено къ г. казанскому полицій-мейстеру.

2) За ними вслѣдъ несенъ будетъ святый образъ двумя чиновниками попеременно, къ чему предназначены: кассиръ Черновъ и письмоводитель и архиваріусъ совѣта Комаровъ.

3) За образомъ четыре студента имѣютъ нести гробовую крышу попеременно; на крышѣ прикрѣплены будутъ шляпа и шпага покойнаго.

4) Потомъ слѣдуютъ ученики гимназіи, по два въ рядъ, раздѣляемые черезъ пять паръ однимъ надзирателемъ, а въ случаѣ недостатка надзирателей—младшими учителями гимназіи. Шествіе учениковъ гимназіи замыкаетъ главный надзиратель Петровъ.

5) Затѣмъ слѣдуютъ учители гимназіи, по два въ рядъ, младшіе впереди, а за ними питомцы бывшей казанской академіи, что нынѣ семинарія.

6) Студенты по два въ рядъ, при нихъ инспекторскіе помощники.

7) Кандидаты и учители искусствъ университетскіе.

8) Лекторы и магистры.

9) Затѣмъ будетъ имѣть шествіе его высокопреосвященство архіепископъ казанскій и симбирскій и разныхъ орденовъ кавалеръ Амвросій, предшествуемый пѣвчими, духовнымъ клиромъ и духовенствомъ.

10) За его высокопреосвященствомъ послѣдуютъ два магистра (Кайсаровъ и Самсоновъ), кои будутъ нести подушки, каждый порознь; на первой подушкѣ будетъ положенъ дипломъ покойнаго на достоинство доктора, а на второй дипломы ученыхъ обществъ. Магистровъ сопровождаютъ, въ ряду, два лектора (Краузе и Хальфинъ).

11) Затѣмъ слѣдуетъ гробъ, везомый на катафалкѣ шестернею лошадей; при каждой парѣ лошадей инвалидъ въ мантіи съ факеломъ. По сторонамъ катафалка идутъ по три учителя, всего шесть, безъ факеловъ. Позади гроба везомаго идутъ четыре инвалида въ мантіяхъ, безъ факеловъ, для перемѣны и помощи находящимся при лошадяхъ.

12) Потомъ имѣютъ шествіе: проректоръ, за нимъ ординарные профессоры, далѣе экстраординарные профессоры, за ними адъюнкты и директоръ главнаго народнаго училища, попарно. Къ нимъ присоединяются наличные почетные смотрители.

IV. По прибытіи къ церкви:

1) Гробъ снимутъ съ катафалка и, внеся въ церковь, поставятъ на обычномъ мѣстѣ: два ординарныхъ, два экстраординарныхъ профессора и четыре адъюнкта.

2) Гробъ, поставленный на обычномъ мѣстѣ, окружатъ съ обѣихъ сторонъ шестеро учителей гимназіи, со свѣчами. Послѣ чтенія еван-

III. За симъ послѣдуетъ шествіе:

1) Впереди инвалидная команда университета, съ унтеръ-офицеромъ, которая и послѣдуетъ за полицейскими двумя жандармами, о прикомандированіи коихъ имѣетъ быть сообщено къ г. казанскому полиціймейстеру.

2) За ними вслѣдъ несенъ будетъ святый образъ двумя чиновниками попеременно, къ чему предназначены: кассиръ Черновъ и письмоводитель и архиваріусъ совѣта Комаровъ.

3) За образомъ четыре студента имѣютъ нести гробовую крышу попеременно; на крышѣ прикрѣплены будутъ шляпа и шпага покойнаго.

4) Потомъ слѣдуютъ ученики гимназіи, по два въ рядъ, раздѣляемые черезъ пять паръ однимъ надзирателемъ, а въ случаѣ недостатка надзирателей—младшими учителями гимназіи. Шествіе учениковъ гимназіи замыкаетъ главный надзиратель Петровъ.

5) Затѣмъ слѣдуютъ учители гимназіи, по два въ рядъ, младшіе впереди, а за ними питомцы бывшей казанской академіи, что нынѣ семинарія.

6) Студенты по два въ рядъ, при нихъ инспекторскіе помощники.

7) Кандидаты и учители искусствъ университетскіе.

8) Лекторы и магистры.

9) Затѣмъ будетъ имѣть шествіе его высокопреосвященство архіепископъ казанскій и симбирскій и разныхъ орденовъ кавалеръ Амвросій, предшествуемый пѣвчими, духовнымъ клиромъ и духовенствомъ.

10) За его высокопреосвященствомъ послѣдуютъ два магистра (Кайсаровъ и Самсоновъ), кои будутъ нести подушки, каждый порознь; на первой подушкѣ будетъ положенъ дипломъ покойнаго на достоинство доктора, а на второй дипломы ученыхъ обществъ. Магистровъ сопровождаютъ, въ ряду, два лектора (Краузе и Хальфинъ).

11) Затѣмъ слѣдуетъ гробъ, везомый на катафалкѣ шестернею лошадей; при каждой парѣ лошадей инвалидъ въ мантіи съ факеломъ. По сторонамъ катафалка идутъ по три учителя, всего шесть, безъ факеловъ. Позади гроба везомаго идутъ четыре инвалида въ мантіяхъ, безъ факеловъ, для перемѣны и помощи находящимся при лошадяхъ.

12) Потомъ имѣютъ шествіе: проректоръ, за нимъ ординарные профессоры, далѣе экстраординарные профессоры, за ними адъюнкты и директоръ главнаго народнаго училища, попарно. Къ нимъ присоединяются наличные почетные смотрители.

IV. По прибытіи къ церкви:

1) Гробъ снимутъ съ катафалка и, внеся въ церковь, поставятъ на обычномъ мѣстѣ: два ординарныхъ, два экстраординарныхъ профессора и четыре адъюнкта.

2) Гробъ, поставленный на обычномъ мѣстѣ, окружатъ съ обѣихъ сторонъ шестеро учителей гимназіи, со свѣчами. Послѣ чтенія еван-

гелія, когда отпоютъ стихъ: „Кая житейская слава"—имѣютъ быть читаны рѣчи.

3) Гробъ изъ церкви вынесутъ и поставятъ на катафалкъ, а на кладбищѣ снимутъ съ катафалка вышеупомянутые ординарные и экстраординарные профессоры и адъюнкты.

V. Порядокъ шествія отъ дому до церкви и отъ церкви по городу до кладбища наблюдается тотъ же, безъ перемѣны.

VI. На кладбищѣ ученики гимназіи съ чиновниками оной займутъ лѣвую сторону могилы, а студенты съ университетскими чиновниками займутъ правую. Члены же университета будутъ находиться вокругъ могилы, позади духовенства.

VII. Передъ экипажами, позади профессоровъ, адъюнктовъ и прочихъ, провожающихъ тѣло покойнаго, имѣетъ слѣдовать гимназическая команда съ унтеръ-офицеромъ.

VIII. Шествіе все замыкать будутъ жандармы, кои также по сторонамъ и гдѣ нужно будутъ наблюдать порядокъ и благочиніе. Экзекуторъ университета будетъ въ особенности наблюдать за порядкомъ студентовъ, питомцевъ и другихъ нижнихъ и среднихъ чиновъ университета и гимназіи".

По словамъ современнаго описанія похоронъ И. О. Брауна, отдать послѣдній долгъ умершему собралось множество представителей казанскаго общества какъ военнаго, такъ и гражданскаго, съ губернаторомъ графомъ И. А. Толстымъ во главѣ, въ чемъ хроникеръ казанскаго университетскаго органа усматривалъ выраженіе всеобщаго уваженія, какое сумѣлъ пріобрѣсти себѣ въ городѣ покойный; среди лицъ, провожавшихъ гробъ его, можно было видѣть даже представителей мѣстнаго мусульманскаго населенія. Во время отпѣванія тѣла произнесены были надгробныя рѣчи ректоромъ духовной семинаріи архимандритомъ Ѳеофаномъ и профессоромъ Томасомъ (вторая—на нѣмецкомъ языкѣ); тутъ же раздавались присутствовавшимъ печатные экземпляры надгробнаго стихотворенія, сочиненнаго профессоромъ Городчаниновымъ [69].

По освободившейся съ кончиною Брауна кафедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки объявленъ былъ к о н к у р с ъ,—первый еще примѣръ примѣненія въ казанскомъ университетѣ этого способа замѣщенія кафедръ,—но къ избранію ему преемника по званію ректора совѣтомъ не было принято мѣръ, въ виду предложенія министра отъ 28-го января, которымъ предписывалось: н е п р и с т у п а т ь к ъ и з б р а н і ю р е к т о р а в п р е д ь д о о с о б а г о п р и к а з а н і я.

Это министерское распоряженіе находилось въ непосредственной связи съ у ж е о к о н ч а т е л ь н о р ѣ ш е н н о ю и у д о с т о и в ш е ю с я вы-

гелія, когда отпоютъ стихъ: „Кая житейская слава"—имѣютъ быть читаны рѣчи.

3) Гробъ изъ церкви вынесутъ и поставятъ на катафалкъ, а на кладбищѣ снимутъ съ катафалка вышеупомянутые ординарные и экстраординарные профессоры и адъюнкты.

V. Порядокъ шествія отъ дому до церкви и отъ церкви по городу до кладбища наблюдается тотъ же, безъ перемѣны.

VI. На кладбищѣ ученики гимназіи съ чиновниками оной займутъ лѣвую сторону могилы, а студенты съ университетскими чиновниками займутъ правую. Члены же университета будутъ находиться вокругъ могилы, позади духовенства.

VII. Передъ экипажами, позади профессоровъ, адъюнктовъ и прочихъ, провожающихъ тѣло покойнаго, имѣетъ слѣдовать гимназическая команда съ унтеръ-офицеромъ.

VIII. Шествіе все замыкать будутъ жандармы, кои также по сторонамъ и гдѣ нужно будутъ наблюдать порядокъ и благочиніе. Экзекуторъ университета будетъ въ особенности наблюдать за порядкомъ студентовъ, питомцевъ и другихъ нижнихъ и среднихъ чиновъ университета и гимназіи".

По словамъ современнаго описанія похоронъ И. О. Брауна, отдать послѣдній долгъ умершему собралось множество представителей казанскаго общества какъ военнаго, такъ и гражданскаго, съ губернаторомъ графомъ И. А. Толстымъ во главѣ, въ чемъ хроникеръ казанскаго университетскаго органа усматривалъ выраженіе всеобщаго уваженія, какое сумѣлъ пріобрѣсти себѣ въ городѣ покойный; среди лицъ, провожавшихъ гробъ его, можно было видѣть даже представителей мѣстнаго мусульманскаго населенія. Во время отпѣванія тѣла произнесены были надгробныя рѣчи ректоромъ духовной семинаріи архимандритомъ Ѳеофаномъ и профессоромъ Томасомъ (вторая—на нѣмецкомъ языкѣ); тутъ же раздавались присутствовавшимъ печатные экземпляры надгробнаго стихотворенія, сочиненнаго профессоромъ Городчаниновымъ [69].

По освободившейся съ кончиною Брауна кафедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки объявленъ былъ конкурсъ,—первый еще примѣръ примѣненія въ казанскомъ университетѣ этого способа замѣщенія кафедръ,—но къ избранію ему преемника по званію ректора совѣтомъ не было принято мѣръ, въ виду предложенія министра отъ 28-го января, которымъ предписывалось: не приступать къ избранію ректора впредь до особаго приказанія.

Это министерское распоряженіе находилось въ непосредственной связи съ уже окончательно рѣшенною и удостоившеюся вы-

сочайшаго соизволенія ревизіею казанскаго университета, порученною передъ тѣмъ только вновь назначенному члену главнаго правленія училищъ, бывшему симбирскому губернатору д. с. с. Михаилу Леонтьевичу Магницкому, о чемъ министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ поставилъ казанскій университетъ въ извѣстность слѣдующимъ предложеніемъ отъ 13-го февраля 1819 года, за № 549-мъ:

„Государю императору благоугодно было повелѣть, дабы членъ главнаго правленія училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій отправился въ Казань, для обозрѣнія тамошняго университета и училищъ того округа, по мѣрѣ удобности.

Вслѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія, предлагаю совѣту удовлетворять всѣ требованія г. Магницкаго, какія отъ него по дѣламъ университета и подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній сдѣланы будутъ во все время нахожденія его тамъ па мѣстѣ. Также, пока онъ будетъ исполнять возложенное на него порученіе, всѣ отношенія университета къ нему, равно какъ и его къ университету, должны быть на томъ основаніи, какое состоитъ, по учрежденію, между попечителями и ихъ учебными округами, а потому и всѣ представленія университета въ теченіи того времени должны идти ко мнѣ чрезъ него же.

При семъ нужнымъ нахожу присовокупить, что какъ предложеніемъ моимъ отъ 28-го минувшаго генваря предписано не приступать къ избранію ректора впредь до приказанія моего, то, по прибытіи г. Магницкаго въ Казань, предоставляется университету, по учиненіи ему предварительнаго представленія, приступить и къ выбору ректора“ *.

Шестью днями позже (отъ 19-го февраля, за № 634-мъ) послѣдовало новое предложеніе министра, извѣщавшее университетъ о скоромъ прибытіи ревизора въ Казань:

„По случаю скораго отъѣзда въ Казань члена главнаго правленія училищъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, предлагаю университету относиться всѣми представленіями ко мнѣ по дѣламъ университета и подвѣдомыхъ ему училищъ, кромѣ самонужнѣйшихъ и времени не терпящихъ. По прибытіи же въ Казань г. Магницкаго обо всѣхъ, вообще, дѣлахъ представлять ему на разсмотрѣніе на томъ самомъ основаніи, какъ по уставу положено дѣлать представленія попечителю округа“ [90].

---

* Не смотря на это разрѣшеніе и основанное на немъ представленіе Магницкому, сдѣланное совѣтомъ еще 12-го марта, выбора ректора не послѣдовало и 29-го октября того же года въ званіи ректора былъ утвержденъ проректоръ Солнцевъ, остававшійся въ этомъ званіи до 1-го августа 1820 года, когда ректоромъ, уже по выбору совѣта, былъ утвержденъ проф. Г. Б. Никольскій.

сочайшаго соизволенія ревизіею казанскаго университета, порученною передъ тѣмъ только вновь назначенному члену главнаго правленія училищъ, бывшему симбирскому губернатору д. с. с. Михаилу Леонтьевичу Магницкому, о чемъ министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ поставилъ казанскій университетъ въ извѣстность слѣдующимъ предложеніемъ отъ 13-го февраля 1819 года, за № 549-мъ:

„Государю императору благоугодно было повелѣть, дабы членъ главнаго правленія училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Магницкій отправился въ Казань, для обозрѣнія тамошняго университета и училищъ того округа, по мѣрѣ удобности.

Вслѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія, предлагаю совѣту удовлетворять всѣ требованія г. Магницкаго, какія отъ него по дѣламъ университета и подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній сдѣланы будутъ во все время нахожденія его тамъ на мѣстѣ. Также, пока онъ будетъ исполнять возложенное на него порученіе, всѣ отношенія университета къ нему, равно какъ и его къ университету, должны быть на томъ основаніи, какое состоитъ, по учрежденію, между попечителями и ихъ учебными округами, а потому и всѣ представленія университета въ теченіи того времени должны идти ко мнѣ чрезъ него же.

При семъ нужнымъ нахожу присовокупить, что какъ предложеніемъ моимъ отъ 28-го минувшаго генваря предписано не приступать къ избранію ректора впредь до приказанія моего, то, по прибытіи г. Магницкаго въ Казань, предоставляется университету, по учиненіи ему предварительнаго представленія, приступить и къ выбору ректора“ *.

Шестью днями позже (отъ 19-го февраля, за № 634-мъ) послѣдовало новое предложеніе министра, извѣщавшее университетъ о скоромъ прибытіи ревизора въ Казань:

„По случаю скораго отъѣзда въ Казань члена главнаго правленія училищъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, предлагаю университету относиться всѣми представленіями ко мнѣ по дѣламъ университета и подвѣдомыхъ ему училищъ, кромѣ самонужнѣйшихъ и времени не терпящихъ. По прибытіи же въ Казань г. Магницкаго обо всѣхъ, вообще, дѣлахъ представлять ему на разсмотрѣніе на томъ самомъ основаніи, какъ по уставу положено дѣлать представленія попечителю округа“ [90].

* Не смотря на это разрѣшеніе и основанное на немъ представленіе Магницкому, сдѣланное совѣтомъ еще 12-го марта, выбора ректора не послѣдовало и 29-го октября того же года въ званіи ректора былъ утвержденъ проректоръ Солнцевъ, остававшійся въ этомъ званіи до 1-го августа 1820 года, когда ректоромъ, уже по выбору совѣта, былъ утвержденъ проф. Г. Б. Никольскій.

Магницкій не замедлилъ прибытіемъ своимъ въ Казань и уже 8-го марта присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, въ которомъ потребовалъ необходимыя ему свѣдѣнія и данныя, а слѣдомъ затѣмъ приступилъ къ высочайше возложенному на него порученію по обревизованію университета.

Мы шагъ за шагомъ прослѣдили историческія судьбы казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ его существованія—отъ начальнаго основанія университета въ 1805 году до его ревизіи Магницкимъ въ 1819 году, что соотвѣтствуетъ первымъ двумъ эпохамъ его жизни подъ дѣйствіемъ устава 5-го ноября 1804 года (1805—1814 и 1814—1818 г.г.).

Ближайшія главы предлагаемаго вниманію читателей тома нашего труда будутъ посвящены обзору отдѣльныхъ сторонъ внутренней жизни казанскаго университета за то же четырнадцатилѣтіе его начальнаго существованія.

Магницкій не замедлилъ прибытіемъ своимъ въ Казань и уже 8-го марта присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, въ которомъ потребовалъ необходимыя ему свѣдѣнія и данныя, а слѣдомъ затѣмъ приступилъ къ высочайше возложенному на него порученію по обревизованію университета.

Мы шагъ за шагомъ прослѣдили историческія судьбы казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ его существованія—отъ начальнаго основанія университета въ 1805 году до его ревизіи Магницкимъ въ 1819 году, что соотвѣтствуетъ первымъ двумъ эпохамъ его жизни подъ дѣйствіемъ устава 5-го ноября 1804 года (1805—1814 и 1814—1818 г.г.).

Ближайшія главы предлагаемаго вниманію читателей тома нашего труда будутъ посвящены обзору отдѣльныхъ сторонъ внутренней жизни казанскаго университета за то же четырнадцатилѣтіе его начальнаго существованія.

ГЛАВА III

Университетъ, университетская наука и общество.

Общій взглядъ на сущность предлагаемыхъ въ настоящей главѣ вниманію читателей отношеній.—Расчлененіе этихъ послѣднихъ.

А. Черты научной дѣятельности университета.—Общая характеристика научной дѣятельности членовъ университетской корпораціи.—Ученыя путешествія, экскурсіи и командировки.—Изученіе мѣстнаго края въ его прошломъ и настоящемъ.—Вопросъ объ организаціи дѣла веденія «ученыхъ записокъ».

Б. Дѣятельность университета на пользу общественности города и края.—I. Общество любителей отечественной словесности.—II. Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. «Казанскія Извѣстія» и другія изданія.—III. Книгопечатаніе и книжное дѣло. «Азіятская» и «русская» типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.—IV. Университетская цензура.—V. Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ.—VI. Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

В. Университетъ и мѣстная общественность въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Отношенія университета къ мѣстному обществу.—Университетъ и мѣстная администрація.

Созданные и существующіе,—по крайней мѣрѣ по самой идеѣ своей,—въ интересахъ общества, университеты должны входить органическимъ звеномъ въ общій строй мѣстной общественности и, въ этомъ отношеніи, немыслимымъ явилось бы обойти, при изложеніи исторіи университета, тотъ весьма существенный вопросъ, который поставленъ нами въ заголовкѣ предлагаемой теперь вниманію читателей главы.

Болѣе или менѣе самостоятельное выдѣленіе, при этомъ, вопроса о взаимныхъ соотношеніяхъ между университетомъ и университетскою наукою—съ одной стороны, и обществомъ, которому они служатъ—съ другой стороны, можетъ быть принято, однако, не безъ оговорки. Несомнѣнно, что уже самая научно-образовательная функція университетовъ является формою дѣятельности, направленною къ удовлетворенію умственныхъ интересовъ и запросовъ общества, а слѣдовательно и устанавливающею духовную связь между университетскою наукою и мѣстною общественностью. Съ этой точки зрѣнія—самая исторія университетовъ, какъ и исторія просвѣщенія, составляетъ одну изъ видныхъ страницъ въ культурной исторіи даннаго народа и даннаго общества, въ которой ей и должно быть отведено вполнѣ самостоятельное и почетное мѣсто. При

ГЛАВА III

Университетъ, университетская наука и общество.

Общій взглядъ на сущность предлагаемыхъ въ настоящей главѣ вниманію читателей отношеній.—Расчлененіе этихъ послѣднихъ.

А. Черты научной дѣятельности университета.—Общая характеристика научной дѣятельности членовъ университетской корпораціи.—Ученыя путешествія, экскурсіи и командировки.—Изученіе мѣстнаго края въ его прошломъ и настоящемъ.—Вопросъ объ организаціи дѣла веденія «ученыхъ записокъ».

Б. Дѣятельность университета на пользу общественности города и края.—I. Общество любителей отечественной словесности.—II. Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. «Казанскія Извѣстія» и другія изданія.—III. Книгопечатаніе и книжное дѣло. «Азіятская» и «русская» типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.—IV. Университетская цензура.—V. Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ.—VI. Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

В. Университетъ и мѣстная общественность въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Отношенія университета къ мѣстному обществу.—Университетъ и мѣстная администрація.

Созданные и существующіе,—по крайней мѣрѣ по самой идеѣ своей,—въ интересахъ общества, университеты должны входить органическимъ звеномъ въ общій строй мѣстной общественности и, въ этомъ отношеніи, немыслимымъ явилось бы обойти, при изложеніи исторіи университета, тотъ весьма существенный вопросъ, который поставленъ нами въ заголовкѣ предлагаемой теперь вниманію читателей главы.

Болѣе или менѣе самостоятельное выдѣленіе, при этомъ, вопроса о взаимныхъ соотношеніяхъ между университетомъ и университетскою наукою—съ одной стороны, и обществомъ, которому они служатъ—съ другой стороны, можетъ быть принято, однако, не безъ оговорки. Несомнѣнно, что уже самая научно-образовательная функція университетовъ является формою дѣятельности, направленною къ удовлетворенію умственныхъ интересовъ и запросовъ общества, а слѣдовательно и устанавливающею духовную связь между университетскою наукою и мѣстною общественностью. Съ этой точки зрѣнія—самая исторія университетовъ, какъ и исторія просвѣщенія, составляетъ одну изъ видныхъ страницъ въ культурной исторіи даннаго народа и даннаго общества, въ которой ей и должно быть отведено вполнѣ самостоятельное и почетное мѣсто. При

такой постановкѣ вопроса, исторія университетскаго дѣла явится органическою составною частью общей исторіи культуры даннаго народа, а исторія опредѣленнаго университета—сверхъ того и органическою составною частью культурной исторіи того территоріальнаго района и той общественности, которымъ онъ призванъ служить.

Но только что указанною принципіальною и не всегда и не всѣми отчетливо сознаваемою связью, вытекающею изъ самаго существа университетовъ, обоюдныя соотношенія между университетомъ и обслуживаемою имъ общественностью ограничиваться не могутъ. Всегда существовали, существуютъ и будутъ существовать и болѣе непосредственныя, болѣе реальныя и осязательныя, соотношенія между университетомъ и тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ живетъ и функціонируетъ. Эти соотношенія могутъ находить себѣ выраженіе или въ оказаніи университетомъ тѣхъ или другихъ услугъ обществу, въ интересахъ удовлетворенія текущимъ духовнымъ или матеріальнымъ потребностямъ этого послѣдняго, или же въ соприкосновеніи университета съ различными проявленіями общественной жизни, на почвѣ которыхъ слагаются то положительныя, то отрицательныя отношенія общества къ университету, то сочувственныя и мирныя, то индифферентныя и даже враждебныя соотношенія между тѣмъ и другимъ.

Изъ сказаннаго выше выясняется, что вопросъ о взаимноотношеніяхъ между университетомъ и обществомъ, въ сущности, расчленяется на три составныя части: а) Черты научной дѣятельности университета, б) Дѣятельность университета на пользу общественности города и края и в) Университетъ и мѣстная общественность въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.

Въ только что указанномъ порядкѣ и будетъ расположенъ нами матеріалъ, соотвѣтствующій содержанію предлагаемой вниманію читателей главы, причемъ изъ первой рубрики мы исключимъ тѣ частичные вопросы, касающіеся ученой дѣятельности казанскаго университета, которые уже были затронуты нами въ предшествовавшемъ изложеніи (преподаваніе, ученыя промоціи, приготовленіе къ профессорской дѣятельности и нѣкот. др.), изъ вопросовъ же, входящихъ во вторую рубрику, будетъ исключенъ вопросъ объ училищныхъ отношеніяхъ университета къ округу, который, въ видахъ его сложности и представляемаго имъ значительнаго историко-культурнаго интереса, мы считаемъ цѣлесообразнымъ выдѣлить въ особую и совершенно самостоятельную главу.

такой постановкѣ вопроса, исторія университетскаго дѣла явится органическою составною частью общей исторіи культуры даннаго народа, а исторія опредѣленнаго университета—сверхъ того и органическою составною частью культурной исторіи того территоріальнаго района и той общественности, которымъ онъ призванъ служить.

Но только что указанною принципіальною и не всегда и не всѣми отчетливо сознаваемою связью, вытекающею изъ самаго существа университетовъ, обоюдныя соотношенія между университетомъ и обслуживаемою имъ общественностью ограничиваться не могутъ. Всегда существовали, существуютъ и будутъ существовать и болѣе непосредственныя, болѣе реальныя и осязательныя, соотношенія между университетомъ и тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ живетъ и функціонируетъ. Эти соотношенія могутъ находить себѣ выраженіе или въ оказаніи университетомъ тѣхъ или другихъ услугъ обществу, въ интересахъ удовлетворенія текущимъ духовнымъ или матеріальнымъ потребностямъ этого послѣдняго, или же въ соприкосновеніи университета съ различными проявленіями общественной жизни, на почвѣ которыхъ слагаются то положительныя, то отрицательныя отношенія общества къ университету, то сочувственныя и мирныя, то индифферентныя и даже враждебныя соотношенія между тѣмъ и другимъ.

Изъ сказаннаго выше выясняется, что вопросъ о взаимноотношеніяхъ между университетомъ и обществомъ, въ сущности, расчленяется на три составныя части: а) Черты научной дѣятельности университета, б) Дѣятельность университета на пользу общественности города и края и в) Университетъ и мѣстная общественность въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.

Въ только что указанномъ порядкѣ и будетъ расположенъ нами матеріалъ, соотвѣтствующій содержанію предлагаемой вниманію читателей главы, причемъ изъ первой рубрики мы исключимъ тѣ частичные вопросы, касающіеся ученой дѣятельности казанскаго университета, которые уже были затронуты нами въ предшествовавшемъ изложеніи (преподаваніе, ученыя промоціи, приготовленіе къ профессорской дѣятельности и нѣкот. др.), изъ вопросовъ же, входящихъ во вторую рубрику, будетъ исключенъ вопросъ объ училищныхъ отношеніяхъ университета къ округу, который, въ видахъ его сложности и представляемаго имъ значительнаго историко-культурнаго интереса, мы считаемъ цѣлесообразнымъ выдѣлить въ особую и совершенно самостоятельную главу.

А

Черты научной дѣятельности университета.

Попытки популяризаціи задачъ университета и университетской науки.—Условія ученой дѣятельности членовъ университета.—Средства и итоги этой дѣятельности.

Ученыя путешествія, командировки, экскурсіи и осмотры.—Вопросъ о большой ученой экскурсіи по Россіи 1811 года.—Проэктъ Храповицкаго и путешествіе въ Персію магистра Ярцова.—Сибирское путешествіе А. И. Лобачевскаго.—Кругосвѣтное путешествіе И. М. Симонова.—Командировки съ учеными цѣлями.

Мѣры изученія мѣстнаго края въ его прошломъ и настоящемъ.—Изслѣдованіе мѣстной старины въ памятникахъ вещественныхъ, устныхъ и письменныхъ. Казанскіе архивы.—Археологія, исторія, нумизматика и этнографія.—Изслѣдованія физическія и естественно-историческія.—Изслѣдованія больнеологическія, медико-топографическія и техническія.

Мѣры систематизаціи научныхъ данныхъ по округу.—Вопросъ объ ученыхъ запискахъ.—Конфликты съ администраціею на этой почвѣ.—Учрежденіе комитета ученыхъ записокъ, результаты его дѣятельности и вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ.

Сознаніе культурной миссіи, выпавшей на долю казанскаго университета по отношенію къ обширному русскому востоку начала XIX-го вѣка,—этой „страны почти дикарей", какъ въ свое время характеризовалъ его проф. К. Ѳ. Фуксъ,—уже очень рано проникало собою начальныхъ дѣятелей казанскаго университета и казанской науки, по мѣрѣ силъ и возможности старавшихся привить это сознаніе и къ представителямъ мѣстной общественности.

Мы уже имѣли случаи убѣдиться въ томъ, что пропаганда и популяризація обусловливаемыхъ этою культурною миссіею задачъ молодого университета—занимали собою первыхъ піонеровъ казанской университетской науки и въ ихъ трудахъ, и на страницахъ мѣстнаго органа повременной печати („Казанскія Извѣстія") и, въ особенности, съ университетской кафедры—въ рѣчахъ, произносившихся въ публичныхъ торжественныхъ собраніяхъ университета. Намъ знакома рѣчь проф. В. М. Перевощикова, произнесенная имъ 5-го іюля 1814 года, на торжествѣ полнаго открытія университета, въ которой ораторъ силился, въ возможно яркой и доступной формѣ, выяснить публикѣ значеніе университетской науки, вообще, и молодого казанскаго университета—въ частности. Такою же тенденціею проникнуты рѣчь проф. Эрдмана „De fructibus ex litterarum studio in rempublicam redundantibus", произнесенная на университетскомъ годичномъ актѣ 1815 года, и рѣчи профессоровъ Вердерамо („Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam") и Арнгольдта („Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ особенному и вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣка"), читанныя на актѣ 1818 года. Охарактеризовавъ въ своей рѣчи террито-

А

Черты научной дѣятельности университета.

Попытки популяризаціи задачъ университета и университетской науки.—Условія ученой дѣятельности членовъ университета.—Средства и итоги этой дѣятельности.

Ученыя путешествія, командировки, экскурсіи и осмотры.—Вопросъ о большой ученой экскурсіи по Россіи 1811 года.—Проэктъ Храповицкаго и путешествіе въ Персію магистра Ярцова.—Сибирское путешествіе А. И. Лобачевскаго.—Кругосвѣтное путешествіе И. М. Симонова.—Командировки съ учеными цѣлями.

Мѣры изученія мѣстнаго края въ его прошломъ и настоящемъ.—Изслѣдованіе мѣстной старины въ памятникахъ вещественныхъ, устныхъ и письменныхъ. Казанскіе архивы.—Археологія, исторія, нумизматика и этнографія.—Изслѣдованія физическія и естественно-историческія.—Изслѣдованія больнеологическія, медико-топографическія и техническія.

Мѣры систематизаціи научныхъ данныхъ по округу.—Вопросъ объ ученыхъ запискахъ.—Конфликты съ администраціею на этой почвѣ.—Учрежденіе комитета ученыхъ записокъ, результаты его дѣятельности и вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ.

Сознаніе культурной миссіи, выпавшей на долю казанскаго университета по отношенію къ обширному русскому востоку начала XIX-го вѣка,—этой „страны почти дикарей“, какъ въ свое время характеризовалъ его проф. К. Ѳ. Фуксъ,—уже очень рано проникало собою начальныхъ дѣятелей казанскаго университета и казанской науки, по мѣрѣ силъ и возможности старавшихся привить это сознаніе и къ представителямъ мѣстной общественности.

Мы уже имѣли случаи убѣдиться въ томъ, что пропаганда и популяризація обусловливаемыхъ этою культурною миссіею задачъ молодого университета—занимали собою первыхъ піонеровъ казанской университетской науки и въ ихъ трудахъ, и на страницахъ мѣстнаго органа повременной печати („Казанскія Извѣстія“) и, въ особенности, съ университетской кафедры—въ рѣчахъ, произносившихся въ публичныхъ торжественныхъ собраніяхъ университета. Намъ знакома рѣчь проф. В. М. Перевощикова, произнесенная имъ 5-го іюля 1814 года, на торжествѣ полнаго открытія университета, въ которой ораторъ силился, въ возможно яркой и доступной формѣ, выяснить публикѣ значеніе университетской науки, вообще, и молодого казанскаго университета—въ частности. Такою же тенденціею проникнуты рѣчь проф. Эрдмана „De fructibus ex litterarum studio in rempublicam redundantibus“, произнесенная на университетскомъ годичномъ актѣ 1815 года, и рѣчи профессоровъ Вердерамо („Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam“) и Арнгольдта („Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ особенному и вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣка“), читанныя на актѣ 1818 года. Охарактеризовавъ въ своей рѣчи террито-

ріальный и этнографическій составъ громаднаго района, долженствующаго входить въ сферу культурнаго вліянія казанскаго университета и обнимающаго собою четырнадцать губерній, населенныхъ самыми разнообразными, отчасти даже дикими, народностями и ограниченнаго Каспійскимъ моремъ—на югѣ, Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ—на сѣверѣ, и крайними азіятскими предѣлами—съ востока, первый изъ этихъ ораторовъ, проф. Эрдманъ *, отмѣчаетъ ту тяжелую, но благородную, просвѣтительную миссію, которая выпадаетъ здѣсь на долю юнаго университета: „Тяжкій по истинѣ трудъ предстоитъ намъ, но не устрашимся этой тягости и пусть она возбудитъ насъ къ еще бо́льшему напряженію нашихъ силъ—великія намѣренія и труды ожидаетъ и великая слава!“ Ораторъ силится пророческимъ взоромъ заглянуть въ будущее и видитъ въ немъ наступленіе вождѣленной поры, когда, благодаря усиліямъ казанской университетской науки, „и калмыки, и киргизы, и алеуты, и якуты, и тунгусы, и самоѣды, и вогулы, и остяки“—пріобщатся къ благамъ просвѣщенія, пріобрѣтутъ осѣдлость, „положатъ основаніе городамъ, образуютъ общества, полезныя государству, и изъ нихъ выйдутъ внуки, проникнутые любовью къ ученію и наукѣ“, которые „придутъ въ святилища музъ и принесутъ изъ нихъ своимъ согражданамъ просвѣщеніе“.

Нельзя, однако же, сказать, что бы дѣятели начальной поры существованія казанскаго университета пользовались сколько нибудь полно и благопріятно обставленными условіями для осуществленія научно-культурныхъ задачъ, выпавшихъ на ихъ долю съ самаго основанія далекаго казанскаго „святилища музъ“.

Почти полное отсутствіе духовныхъ интересовъ въ общественной средѣ, окружавшей ихъ въ Казани, съ ея будничными, мелочными, нерѣдко совершенно низкопробными интересами,—въ средѣ, не оказавшейся, какъ мы это уже не разъ отмѣчали, даже въ состояніи оцѣнить того духовнаго блага, какое предоставлялось на ея долю учрежденіемъ въ Казани университета,—уже съ самаго начала не могло не подѣйствовать охлаждающимъ образомъ на первыхъ піонеровъ казанской университетской науки. Къ этому отрицательному условію въ огромной степени предвходило и отсутствіе при университетѣ необходимѣйшихъ научныхъ пособій, нерѣдко самыхъ даже элементарныхъ, и съ этой точки зрѣнія вся

---

* Рѣчь проф. Эрдмана, произнесенная на латинскомъ языкѣ, была магистромъ І. Е. Срезневскимъ тогда же переведена на русскій языкъ и напечатана подъ заглавіемъ: «Слово о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ».

ріальный и этнографическій составъ громаднаго района, долженствующаго входить въ сферу культурнаго вліянія казанскаго университета и обнимающаго собою четырнадцать губерній, населенныхъ самыми разнообразными, отчасти даже дикими, народностями и ограниченнаго Каспійскимъ моремъ—на югѣ, Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ—на сѣверѣ, и крайними азіятскими предѣлами—съ востока, первый изъ этихъ ораторовъ, проф. Эрдманъ *, отмѣчаетъ ту тяжелую, но благородную, просвѣтительную миссію, которая выпадаетъ здѣсь на долю юнаго университета: „Тяжкій по истинѣ трудъ предстоитъ намъ, но не устрашимся этой тягости и пусть она возбудитъ насъ къ еще бо́льшему напряженію нашихъ силъ—великія намѣренія и труды ожидаетъ и великая слава!“ Ораторъ силится пророческимъ взоромъ заглянуть въ будущее и видитъ въ немъ наступленіе вождѣленной поры, когда, благодаря усиліямъ казанской университетской науки, „и калмыки, и киргизы, и алеуты, и якуты, и тунгусы, и самоѣды, и вогулы, и остяки“—пріобщатся къ благамъ просвѣщенія, пріобрѣтутъ осѣдлость, „положатъ основаніе городамъ, образуютъ общества, полезныя государству, и изъ нихъ выйдутъ внуки, проникнутые любовью къ ученію и наукѣ“, которые „придутъ въ святилища музъ и принесутъ изъ нихъ своимъ согражданамъ просвѣщеніе“.

Нельзя, однако же, сказать, что бы дѣятели начальной поры существованія казанскаго университета пользовались сколько нибудь полно и благопріятно обставленными условіями для осуществленія научно-культурныхъ задачъ, выпавшихъ на ихъ долю съ самаго основанія далекаго казанскаго „святилища музъ“.

Почти полное отсутствіе духовныхъ интересовъ въ общественной средѣ, окружавшей ихъ въ Казани, съ ея будничными, мелочными, нерѣдко совершенно низкопробными интересами,—въ средѣ, не оказавшейся, какъ мы это уже не разъ отмѣчали, даже въ состояніи оцѣнить того духовнаго блага, какое предоставлялось на ея долю учрежденіемъ въ Казани университета,—уже съ самаго начала не могло не подѣйствовать охлаждающимъ образомъ на первыхъ піонеровъ казанской университетской науки. Къ этому отрицательному условію въ огромной степени предвходило и отсутствіе при университетѣ необходимѣйшихъ научныхъ пособій, нерѣдко самыхъ даже элементарныхъ, и съ этой точки зрѣнія вся

---

* Рѣчь проф. Эрдмана, произнесенная на латинскомъ языкѣ, была магистромъ I. Е. Срезневскимъ тогда же переведена на русскій языкъ и напечатана подъ заглавіемъ: «Слово о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ».

начальная исторія учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета—въ сущности своей представляется непрерывною и, въ большинствѣ случаевъ, безплодною борьбою съ тѣми затрудненіями внѣшняго, главнымъ образомъ матеріальнаго, характера, которыя ставились въ этомъ отношеніи на пути научной дѣятельности молодого университета. Постоянныя сѣтованія въ этомъ направленіи, попытки такъ или иначе справиться съ этимъ вопіющимъ дефектомъ въ дѣлѣ постановки университетскаго преподаванія, рядъ предположеній, проэктовъ и сопряженныхъ съ ними ходатайствъ въ высшихъ министерскихъ сферахъ—таковы видныя черты дѣятельности первыхъ представителей кафедръ, преподаваніе по которымъ не могло быть сколько нибудь надлежащимъ образомъ обезпечено безъ наличности болѣе или менѣе правильно поставленныхъ научно-вспомогательныхъ пособій и даже цѣлыхъ учрежденій (клиники, анатомическій театръ, астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, различнаго рода кабинеты и пр.). Въ данномъ случаѣ особенно неблагопріятными оказались условія политическаго характера, въ которыя, почти слѣдомъ же за основаніемъ казанскаго университета, встало наше отечество, втянувшись въ тяжелую сумятицу наполеоновскихъ войнъ, потребовавшую крайняго напряженія всѣхъ финансовыхъ силъ и рессурсовъ; мы уже не разъ отмѣчали ту крайнюю степень экономіи, даже въ предѣлахъ смѣтныхъ назначеній, которая постоянно и усиленно рекомендовалась университету со стороны высшихъ правительственныхъ сферъ, въ особенности же въ эпоху освободительной войны 1812—1815 годовъ.

Справедливыя жалобы возбуждало со стороны начальныхъ піонеровъ казанской университетской науки и отсутствіе необходимѣйшихъ литературныхъ пособій; университетская библіотека въ этомъ отношеніи лишь раздѣляла печальную участь другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Мы знаемъ, что уже весною 1805 года, т. е. слѣдомъ же за открытіемъ университета, попечителемъ Румовскимъ было отклонено представленіе профессоровъ и адъюнктовъ относительно выписки для библіотеки книгъ, съ разрѣшеніемъ пріобрѣсти лишь такія, „кои необходимо нужны нынѣ для классовъ“, отложивъ до другого времени выписку книгъ „по разнымъ ученымъ предметамъ“. Профессоръ Литтровъ весною 1810 года, прибывъ въ Казань, заявлялъ совѣту, что не имѣетъ подъ руками для преподаванія астрономіи „никакой сообразной своей цѣли астрономической книги“. Отсутствіе въ университетской библіотекѣ необходимѣйшихъ литературныхъ пособій приводило въ состояніе положительнаго отчаянія и профессора Финке, сознававшаго полную невозмож-

начальная исторія учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета—въ сущности своей представляется непрерывною и, въ большинствѣ случаевъ, безплодною борьбою съ тѣми затрудненіями внѣшняго, главнымъ образомъ матеріальнаго, характера, которыя ставились въ этомъ отношеніи на пути научной дѣятельности молодого университета. Постоянныя сѣтованія въ этомъ направленіи, попытки такъ или иначе справиться съ этимъ вопіющимъ дефектомъ въ дѣлѣ постановки университетскаго преподаванія, рядъ предположеній, проэктовъ и сопряженныхъ съ ними ходатайствъ въ высшихъ министерскихъ сферахъ—таковы видныя черты дѣятельности первыхъ представителей кафедръ, преподаваніе по которымъ не могло быть сколько нибудь надлежащимъ образомъ обезпечено безъ наличности болѣе или менѣе правильно поставленныхъ научно-вспомогательныхъ пособій и даже цѣлыхъ учрежденій (клиники, анатомическій театръ, астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, различнаго рода кабинеты и пр.). Въ данномъ случаѣ особенно неблагопріятными оказались условія политическаго характера, въ которыя, почти слѣдомъ же за основаніемъ казанскаго университета, встало наше отечество, втянувшись въ тяжелую сумятицу наполеоновскихъ войнъ, потребовавшую крайняго напряженія всѣхъ финансовыхъ силъ и рессурсовъ; мы уже не разъ отмѣчали ту крайнюю степень экономіи, даже въ предѣлахъ смѣтныхъ назначеній, которая постоянно и усиленно рекомендовалась университету со стороны высшихъ правительственныхъ сферъ, въ особенности же въ эпоху освободительной войны 1812—1815 годовъ.

Справедливыя жалобы возбуждало со стороны начальныхъ піонеровъ казанской университетской науки и отсутствіе необходимѣйшихъ литературныхъ пособій; университетская библіотека въ этомъ отношеніи лишь раздѣляла печальную участь другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Мы знаемъ, что уже весною 1805 года, т. е. слѣдомъ же за открытіемъ университета, попечителемъ Румовскимъ было отклонено представленіе профессоровъ и адъюнктовъ относительно выписки для библіотеки книгъ, съ разрѣшеніемъ пріобрѣсти лишь такія, „кои необходимо нужны нынѣ для классовъ", отложивъ до другого времени выписку книгъ „по разнымъ ученымъ предметамъ". Профессоръ Литтровъ весною 1810 года, прибывъ въ Казань, заявлялъ совѣту, что не имѣетъ подъ руками для преподаванія астрономіи „никакой сообразной своей цѣли астрономической книги". Отсутствіе въ университетской библіотекѣ необходимѣйшихъ литературныхъ пособій приводило въ состояніе положительнаго отчаянія и профессора Финке, сознававшаго полную невозмож-

ность закончить, при этомъ условіи, начатый имъ еще до переѣзда въ Казань трудъ по переводу комментарій Теофила и высказывавшаго опасеніе въ томъ, что „въ нѣсколько лѣтъ всѣ тѣ знанія, которыя пріобрѣлъ на родинѣ, долженъ буду совершенно позабыть здѣсь, въ Казани". Жалоба на печальное положеніе университетской библіотеки приводится и въ корреспонденціи изъ Казани, помѣщенной въ іенскомъ журналѣ „Intelligenz - Blatt etc." за 1808 годъ: „Библіотека университета совершенно недостаточна для потребностей здѣшнихъ профессоровъ,—читаемъ въ этой корреспонденціи,—и имъ настоящая, полная университетская библіотека тѣмъ желательнѣе должна быть, чѣмъ незначительнѣе бываетъ обыкновенно число литературныхъ пособій, которыя въ состояніи, по дальности пути, привезти съ собою изъ за границы ученый; да и отпускаемая (на библіотеку) сумма въ одну тысячу рублей, которая не была еще ни разу издержана вся, вовсе недостаточна для пріобрѣтенія книгъ и пополненія ими библіотеки, у которой до того много дефектовъ, что часто цѣлая область знанія представляется пробѣломъ".

Встрѣчались въ научной дѣятельности профессоровъ и препятствія, всецѣло зависѣвшія уже отъ индифферентнаго отношенія къ ней со стороны центральныхъ органовъ министерства; такъ, осенью 1814 года министръ народнаго просвѣщенія отклонилъ ходатайство профессора Френа относительно высылки ему въ Казань, для обработки и изданія, нѣкоторыхъ, хранившихся въ академіи наукъ, рукописей на арабскомъ и татарскомъ языкахъ, сославшись на то, что онъ можетъ лично прибыть для означенной цѣли въ Петербургъ, если только онъ находитъ, что „польза отъ изданія вознаградитъ издержки и труды" [91].

Трудно было, при наличности отрицательныхъ условій только что отмѣченнаго характера, работать сколько нибудь самостоятельнымъ образомъ начальнымъ піонерамъ казанской университетской науки, хотя бы только съ чисто практическою цѣлью пріобрѣтенія ученыхъ степеней; ученыя промоціи, подробный обзоръ которыхъ уже былъ нами, въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, выше представленъ *, въ значительной степени облегчались, впрочемъ, тѣмъ, что въ первое время низшія ученыя степени кандидата и магистра сочли возможнымъ присуждать безъ представленія ученыхъ диссертацій или же съ замѣною ихъ болѣе или менѣе заурядными работами курсового характера.

Нелегкимъ дѣломъ представлялась, при такихъ условіяхъ, и подготовка при университетѣ молодыхъ ученыхъ, предназначавшихся для замѣщенія

* См. выше стр. 70-ую и слѣд.

ность закончить, при этомъ условіи, начатый имъ еще до переѣзда въ Казань трудъ по переводу комментарій Теофила и высказывавшаго опасеніе въ томъ, что „въ нѣсколько лѣтъ всѣ тѣ знанія, которыя пріобрѣлъ на родинѣ, долженъ буду совершенно позабыть здѣсь, въ Казани". Жалоба на печальное положеніе университетской библіотеки приводится и въ корреспонденціи изъ Казани, помѣщенной въ іенскомъ журналѣ „Intelligenz - Blatt etc." за 1808 годъ: „Библіотека университета совершенно недостаточна для потребностей здѣшнихъ профессоровъ,—читаемъ въ этой корреспонденціи,—и имъ настоящая, полная университетская библіотека тѣмъ желательнѣе должна быть, чѣмъ незначительнѣе бываетъ обыкновенно число литературныхъ пособій, которыя въ состояніи, по дальности пути, привезти съ собою изъ за границы ученый; да и отпускаемая (на библіотеку) сумма въ одну тысячу рублей, которая не была еще ни разу издержана вся, вовсе недостаточна для пріобрѣтенія книгъ и пополненія ими библіотеки, у которой до того много дефектовъ, что часто цѣлая область знанія представляется пробѣломъ".

Встрѣчались въ научной дѣятельности профессоровъ и препятствія, всецѣло зависѣвшія уже отъ индифферентнаго отношенія къ ней со стороны центральныхъ органовъ министерства; такъ, осенью 1814 года министръ народнаго просвѣщенія отклонилъ ходатайство профессора Френа относительно высылки ему въ Казань, для обработки и изданія, нѣкоторыхъ, хранившихся въ академіи наукъ, рукописей на арабскомъ и татарскомъ языкахъ, сославшись на то, что онъ можетъ лично прибыть для означенной цѣли въ Петербургъ, если только онъ находитъ, что „польза отъ изданія вознаградитъ издержки и труды" [91].

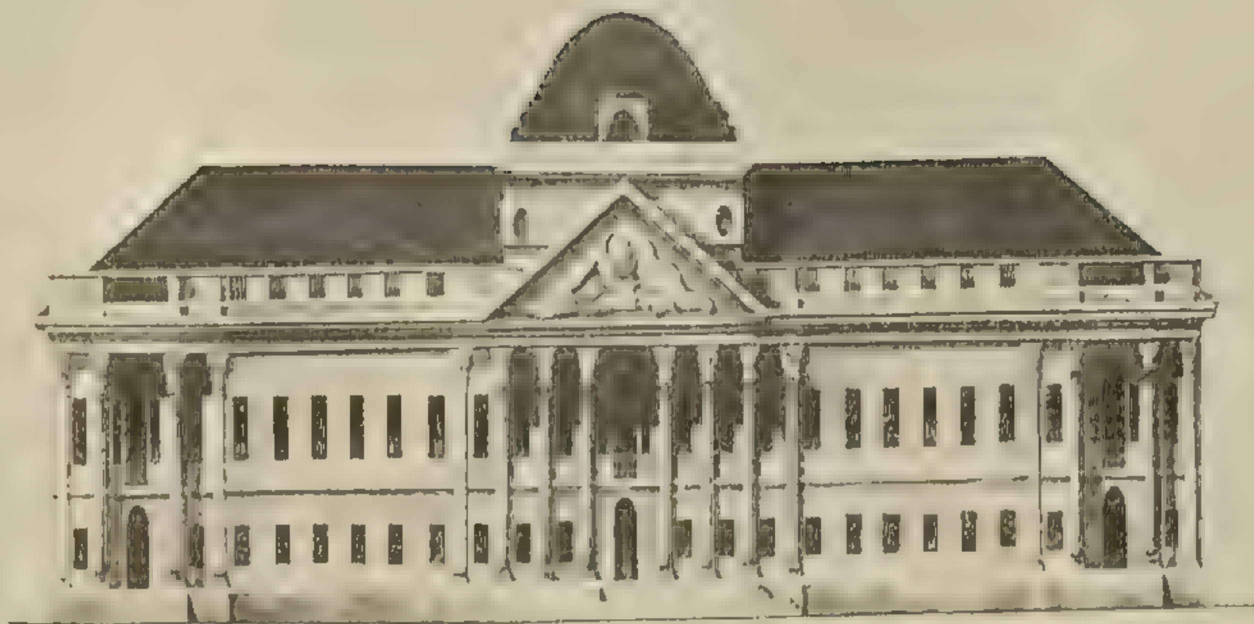
Трудно было, при наличности отрицательныхъ условій только что отмѣченнаго характера, работать сколько нибудь самостоятельнымъ образомъ начальнымъ піонерамъ казанской университетской науки, хотя бы только съ чисто практическою цѣлью пріобрѣтенія ученыхъ степеней; ученыя промоціи, подробный обзоръ которыхъ уже былъ нами, въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, выше представленъ *, въ значительной степени облегчались, впрочемъ, тѣмъ, что въ первое время низшія ученыя степени кандидата и магистра сочли возможнымъ присуждать безъ представленія ученыхъ диссертацій или же съ замѣною ихъ болѣе или менѣе заурядными работами курсового характера.

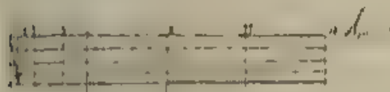
Нелегкимъ дѣломъ представлялась, при такихъ условіяхъ, и подготовка при университетѣ молодыхъ ученыхъ, предназначавшихся для замѣщенія

---

* См. выше стр. 70-ую и слѣд.

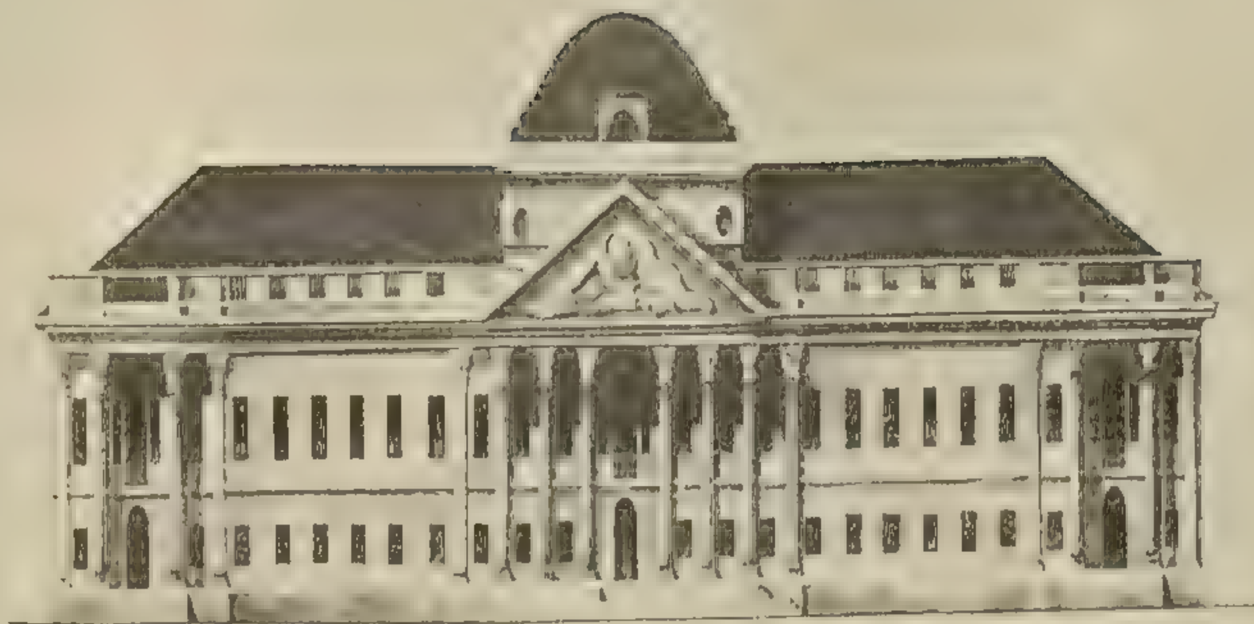
[illegible] главнаго Университетскаго корпуса

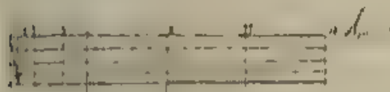




ГЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ КОРПУСЪ ВЪ 1820 ГОДУ.

[illegible] главнаго Университетскаго корпуса





ГЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ КОРПУСЪ ВЪ 1820 ГОДУ.

кафедръ, не говоря уже о возможности созданія извѣстныхъ ученыхъ традицій, направленій, школъ, способныхъ дать казанской университетской наукѣ сколько нибудь самостоятельный обликъ, отмѣтить ее сколько нибудь типичными чертами въ ряду другихъ учено-образовательныхъ учрежденій того же рода. Болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, физико-математическому знанію, которое, благодаря счастливому подбору первыхъ его представителей (Карташевскій, Бартельсъ, Литтровъ, Реннеръ, Фуксъ, Вуттигъ) и первыхъ его неофитовъ (Д. Перевощиковъ, Н. и А. Лобачевскіе, Симоновъ, Линдегренъ, Кайсаровъ и др.) сразу дало въ Казани обильные плоды и уже въ ближайшіе по основаніи университета годы создало цѣлую школу математиковъ и натуралистовъ, намѣтившую твердыя и опредѣленныя вехи для преуспѣянія этихъ областей знанія въ протяженіи всего перваго столѣтія исторической жизни казанскаго университета. Безплодными оказались, за то, усилія Френа насадить въ Казани научную оріенталистику, хотя брошенное имъ въ этомъ направленіи сѣмя не пропало даромъ и лѣтъ тридцать спустя дало полный расцвѣтъ въ лицѣ отдѣленія восточной словесности; тѣмъ не менѣе первымъ даровитымъ ученикамъ славнаго оріенталиста, Кручинину и Ярцову, не было суждено поддержать и продолжать въ казанскомъ университетѣ научныя традиціи своего учителя. Неудачею завершились и старанія Финке и Неймана создать при казанскомъ университетѣ школу юриспруденціи, не смотря на всеоружіе знанія и современныхъ научныхъ методовъ, съ которыми явились въ Казань оба ученые; намъ уже въ достаточной степени знакома судьба Алехина и Манасеина, въ лицѣ которыхъ проф. Нейманъ тщетно надѣялся положить начало казанской ученой школѣ юристовъ. Далеко не блестящимъ представлялось положеніе въ казанскомъ университетѣ, въ интересующую насъ эпоху, историко-филологическаго знанія и въ совершенно еще эмбріональномъ состояніи находилось знаніе медицинское.

Не взирая на приведенныя нами выше условія неблагопріятнаго характера, научно-литературная дѣятельность зародилась въ казанскомъ университетѣ одновременно съ его основаніемъ и съ той поры не переставала развиваться, сдѣлавшись особенно интенсивною послѣ полнаго открытія въ 1814 году университета, оживляющимъ образомъ повліявшаго на всѣ, вообще, стороны академической жизни. Дѣятельность эта выразилась, съ одной стороны—въ самостоятельныхъ трудахъ научнаго характера, съ другой стороны—въ переводахъ произведеній иностранной ученой литературы, а также въ рѣчахъ, произносившихся въ торжествен-

кафедръ, не говоря уже о возможности созданія извѣстныхъ ученыхъ традицій, направленій, школъ, способныхъ дать казанской университетской наукѣ сколько нибудь самостоятельный обликъ, отмѣтить ее сколько нибудь типичными чертами въ ряду другихъ учено-образовательныхъ учрежденій того же рода. Болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, физико-математическому знанію, которое, благодаря счастливому подбору первыхъ его представителей (Карташевскій, Бартельсъ, Литтровъ, Реннеръ, Фуксъ, Вуттигъ) и первыхъ его неофитовъ (Д. Перевощиковъ, Н. и А. Лобачевскіе, Симоновъ, Линдегренъ, Кайсаровъ и др.) сразу дало въ Казани обильные плоды и уже въ ближайшіе по основаніи университета годы создало цѣлую школу математиковъ и натуралистовъ, намѣтившую твердыя и опредѣленныя вехи для преуспѣянія этихъ областей знанія въ протяженіи всего перваго столѣтія исторической жизни казанскаго университета. Безплодными оказались, за то, усилія Френа насадить въ Казани научную оріенталистику, хотя брошенное имъ въ этомъ направленіи сѣмя не пропало даромъ и лѣтъ тридцать спустя дало полный расцвѣтъ въ лицѣ отдѣленія восточной словесности; тѣмъ не менѣе первымъ даровитымъ ученикамъ славнаго оріенталиста, Кручинину и Ярцову, не было суждено поддержать и продолжать въ казанскомъ университетѣ научныя традиціи своего учителя. Неудачею завершились и старанія Финке и Неймана создать при казанскомъ университетѣ школу юриспруденціи, не смотря на всеоружіе знанія и современныхъ научныхъ методовъ, съ которыми явились въ Казань оба ученые; намъ уже въ достаточной степени знакома судьба Алехина и Манасеина, въ лицѣ которыхъ проф. Нейманъ тщетно надѣялся положить начало казанской ученой школѣ юристовъ. Далеко не блестящимъ представлялось положеніе въ казанскомъ университетѣ, въ интересующую насъ эпоху, историко-филологическаго знанія и въ совершенно еще эмбріональномъ состояніи находилось знаніе медицинское.

Не взирая на приведенныя нами выше условія неблагопріятнаго характера, научно-литературная дѣятельность зародилась въ казанскомъ университетѣ одновременно съ его основаніемъ и съ той поры не переставала развиваться, сдѣлавшись особенно интенсивною послѣ полнаго открытія въ 1814 году университета, оживляющимъ образомъ повліявшаго на всѣ, вообще, стороны академической жизни. Дѣятельность эта выразилась, съ одной стороны—въ самостоятельныхъ трудахъ научнаго характера, съ другой стороны—въ переводахъ произведеній иностранной ученой литературы, а также въ рѣчахъ, произносившихся въ торжествен-

ныхъ публичныхъ собраніяхъ гимназіи и университета; перечневые списки этихъ трудовъ и рѣчей были въ 1819 году составлены, по требованію Магницкаго, для цѣлей производившейся имъ въ этомъ году ревизіи казанскаго университета, въ архивныхъ дѣлахъ которой они и сохранились [92]. Уже на слѣдующій годъ по полномъ открытіи университета, именно 1-го февраля 1815 года, экстраординарный профессоръ Кондыревъ счелъ возможнымъ войти въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ предложеніемъ, преслѣдовавшимъ цѣль увѣковѣченія трудовъ членовъ казанскаго ученаго сословія:

„Для пользы и чести университета,—заявляетъ здѣсь Кондыревъ,—весьма бы нужно завести въ университетской библіотекѣ особенный, лучшей работы, шкафъ съ надписью: Труды членовъ императорскаго казанскаго университета. Въ оный собрать и собирать по два или по одному экземпляру, въ хорошемъ кожанномъ переплетѣ, всѣхъ ученыхъ трудовъ членовъ университета, бывшихъ, нынѣшнихъ и будущихъ, какъ почетныхъ, такъ и другихъ. Труды сіи хранить, какъ память дарованій и ревности къ пользѣ учености и просвѣщенія и какъ приносящее честь и славу университету; для употребленія же можно выписать еще и третій экземпляръ и хранить его съ прочими книгами библіотеки".

Члены совѣта, „опытному и патріотическому сужденію" которыхъ подлежало это довольно своеобразное предложеніе казанскаго университетскаго піиты, конечно его отвергли [93].

Съ полнымъ открытіемъ въ 1814 году университета, данныя о трудахъ его членовъ стали сосредоточиваться въ ежегодныхъ отчетахъ по университету и съ этою цѣлью, какъ оно съ тѣхъ поръ практикуется и по настоящее время, передъ составленіемъ отчета между университетскими преподавателями циркулировался особый листъ, на которомъ они должны были давать свѣдѣнія о трудахъ, изданныхъ ими за отчетный годъ [94]. Указанія на труды членовъ казанскаго университета, за первые пятнадцать лѣтъ его существованія—читатели встрѣчали разбросанными по различнымъ отдѣламъ нашего предшествовавшаго повѣствованія. Преслѣдуя задачу болѣе выпуклаго сконцентрированія данныхъ этого рода и избѣгая загроможденія ими текущаго нашего изложенія, мы отводимъ имъ особое мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому *.

Проявлялась научная дѣятельность представителей университета и въ сужденіяхъ о достоинствахъ сочиненій, передававшихся на

---

* См. въ концѣ настоящаго тома приложеніе IV.

ныхъ публичныхъ собраніяхъ гимназіи и университета; перечневые списки этихъ трудовъ и рѣчей были въ 1819 году составлены, по требованію Магницкаго, для цѣлей производившейся имъ въ этомъ году ревизіи казанскаго университета, въ архивныхъ дѣлахъ которой они и сохранились [92]. Уже на слѣдующій годъ по полномъ открытіи университета, именно 1-го февраля 1815 года, экстраординарный профессоръ Кондыревъ счелъ возможнымъ войти въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ предложеніемъ, преслѣдовавшимъ цѣль увѣковѣченія трудовъ членовъ казанскаго ученаго сословія:

„Для пользы и чести университета,—заявляетъ здѣсь Кондыревъ,—весьма бы нужно завести въ университетской библіотекѣ особенный, лучшей работы, шкафъ съ надписью: Труды членовъ императорскаго казанскаго университета. Въ оный собрать и собирать по два или по одному экземпляру, въ хорошемъ кожанномъ переплетѣ, всѣхъ ученыхъ трудовъ членовъ университета, бывшихъ, нынѣшнихъ и будущихъ, какъ почетныхъ, такъ и другихъ. Труды сіи хранить, какъ память дарованій и ревности къ пользѣ учености и просвѣщенія и какъ приносящее честь и славу университету; для употребленія же можно выписать еще и третій экземпляръ и хранить его съ прочими книгами библіотеки".

Члены совѣта, „опытному и патріотическому сужденію" которыхъ подлежало это довольно своеобразное предложеніе казанскаго университетскаго піиты, конечно его отвергли [93].

Съ полнымъ открытіемъ въ 1814 году университета, данныя о трудахъ его членовъ стали сосредоточиваться въ ежегодныхъ отчетахъ по университету и съ этою цѣлью, какъ оно съ тѣхъ поръ практикуется и по настоящее время, передъ составленіемъ отчета между университетскими преподавателями циркулировался особый листъ, на которомъ они должны были давать свѣдѣнія о трудахъ, изданныхъ ими за отчетный годъ [94]. Указанія на труды членовъ казанскаго университета, за первые пятнадцать лѣтъ его существованія—читатели встрѣчали разбросанными по различнымъ отдѣламъ нашего предшествовавшаго повѣствованія. Преслѣдуя задачу болѣе выпуклаго сконцентрированія данныхъ этого рода и избѣгая загроможденія ими текущаго нашего изложенія, мы отводимъ имъ особое мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому *.

Проявлялась научная дѣятельность представителей университета и въ сужденіяхъ о достоинствахъ сочиненій, передававшихся на

* См. въ концѣ настоящаго тома приложеніе IV.

ихъ разсмотрѣніе. Не касаясь здѣсь ни сужденій, носившихъ характеръ отзывовъ о диссертаціяхъ и работахъ текущаго характера, ни сужденій, входившихъ въ компетенцію, собственно, цензурной функціи университета, рѣчь относительно которой будетъ у насъ впереди, приведемъ нѣсколько попавшихся намъ образцовъ указаннаго вида дѣятельности членовъ университета.

Весною 1807 года доставленъ былъ въ университетъ для отзыва, черезъ директора нижегородскихъ училищъ, переводъ нѣкоего Іосифа Мартыновича, подъ заглавіемъ: „Физіологическія примѣчанія на человѣка". Сужденіе о достоинствахъ этого перевода происходило въ собраніи совѣта (въ то время именовавшагося еще „совѣтомъ казанской гимназіи") 27-го марта и члены совѣта пришли къ заключенію, что „какъ въ ономъ находятся многія давно уже опроверженныя хипотезы (sic), на которыхъ авторъ основывалъ свои объясненія многихъ явленій тѣла, жизненностью одареннаго, и, сверхъ того, слогъ на россійскомъ языкѣ для поучительнаго сочиненія во многихъ мѣстахъ не явственъ, то и не можетъ быть одобренъ къ напечатанію". Постановивъ возвратить переводчику его трудъ, совѣтъ выразилъ, тѣмъ не менѣе, пожеланіе, „что бы г. переводчикъ, въ которомъ трудолюбіе весьма примѣтно, впредь, занимаясь въ переводахъ, избиралъ для того книги сообразнѣйшія предполагаемой цѣли".

Въ самомъ концѣ 1809 года въ университетъ поступило, для отзыва, рукописное сочиненіе по римскому праву („Руководство къ познанію римскаго права"), написанное А. Мейеромъ, актуаріусомъ государственной иностранной коллегіи, снабженное слѣдующимъ высокопарнымъ препроводительнымъ обращеніемъ автора:

„Viri magnifices, perillustres, consultissimi, clarissimi doctissimique, domine universitatis Rector, dominique Professores, omnium ordinum honoratissimi atque dignissimi, patroni atque fautores omni observantia colendi!—Omnes excusationis causas praeteriens vobis, viris peritissimis et omni mode doctis, primitias meorum operum juvenalium non sine dubitatione atque timiditate proponere audeo, ut eas vestro judicio submittam. Felicem et valde honoratum me existimabo, si meos exiguos labores vestro examine dignos habueritis, mihique pro vestra benignitate et gratia concesseritis, ut quoque continuationem coepti operis vobiscum communicavero. Interea vestrae benevolentiae confidens summa reverentia ero et permanebo etc".

Сочиненіе Мейера было передано совѣтомъ на заключеніе профессора правовѣдѣнія Финке, но дальнѣйшее движеніе этого дѣла остается невыясненнымъ.

ихъ разсмотрѣніе. Не касаясь здѣсь ни сужденій, носившихъ характеръ отзывовъ о диссертаціяхъ и работахъ текущаго характера, ни сужденій, входившихъ въ компетенцію, собственно, цензурной функціи университета, рѣчь относительно которой будетъ у насъ впереди, приведемъ нѣсколько попавшихся намъ образцовъ указаннаго вида дѣятельности членовъ университета.

Весною 1807 года доставленъ былъ въ университетъ для отзыва, черезъ директора нижегородскихъ училищъ, переводъ нѣкоего Іосифа Мартыновича, подъ заглавіемъ: „Физіологическія примѣчанія на человѣка". Сужденіе о достоинствахъ этого перевода происходило въ собраніи совѣта (въ то время именовавшагося еще „совѣтомъ казанской гимназіи") 27-го марта и члены совѣта пришли къ заключенію, что „какъ въ ономъ находятся многія давно уже опроверженныя хипотезы (sic), на которыхъ авторъ основывалъ свои объясненія многихъ явленій тѣла, жизненностью одареннаго, и, сверхъ того, слогъ на россійскомъ языкѣ для поучительнаго сочиненія во многихъ мѣстахъ не явственъ, то и не можетъ быть одобренъ къ напечатанію". Постановивъ возвратить переводчику его трудъ, совѣтъ выразилъ, тѣмъ не менѣе, пожеланіе, „что бы г. переводчикъ, въ которомъ трудолюбіе весьма примѣтно, впредь, занимаясь въ переводахъ, избиралъ для того книги сообразнѣйшія предполагаемой цѣли".

Въ самомъ концѣ 1809 года въ университетъ поступило, для отзыва, рукописное сочиненіе по римскому праву („Руководство къ познанію римскаго права"), написанное А. Мейеромъ, актуаріусомъ государственной иностранной коллегіи, снабженное слѣдующимъ высокопарнымъ препроводительнымъ обращеніемъ автора:

„Viri magnifices, perillustres, consultissimi, clarissimi doctissimique, domine universitatis Rector, dominique Professores, omnium ordinum honoratissimi atque dignissimi, patroni atque fautores omni observantia colendi!—Omnes excusationis causas praeteriens vobis, viris peritissimis et omni mode doctis, primitias meorum operum juvenalium non sine dubitatione atque timiditate proponere audeo, ut eas vestro judicio submittam. Felicem et valde honoratum me existimabo, si meos exiguos labores vestro examine dignos habueritis, mihique pro vestra benignitate et gratia concesseritis, ut quoque continuationem coepti operis vobiscum communicavero. Interea vestrae benevolentiae confidens summa reverentia ero et permanebo etc".

Сочиненіе Мейера было передано совѣтомъ на заключеніе профессора правовѣдѣнія Финке, но дальнѣйшее движеніе этого дѣла остается невыясненнымъ.

Въ апрѣлѣ 1818 года въ совѣтъ университета поступило сочиненіе члена императорскаго вольнаго экономическаго общества Д. Н. Зиновьева, заключавшее въ себѣ первую часть „Хозяйственнаго описанія казанской губерніи" и переданное на разсмотрѣніе университета по требованію вольно-экономическаго общества, основанному на томъ, что въ этомъ трудѣ затронуты „нѣкоторые предметы по части физики, механики и медицины". Сочиненіе Зиновьева было поручено совѣтомъ разсмотрѣть профессорамъ Фуксу и Никольскому, которые, признавъ сведенные въ немъ матеріалы „любопытными, занимательными и полезными", отмѣтили, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые его недостатки, для исправленія которыхъ трудъ этотъ и былъ возвращенъ его автору [95].

Выраженіемъ научной дѣятельности членовъ университета, кромѣ собственно научныхъ трудовъ ихъ, служили также ученыя путешествія, командировки, экскурсіи и осмотры, свѣдѣнія о которыхъ восходятъ уже къ первымъ годамъ существованія казанскаго университета.

Обширный русскій востокъ, на почти безпредѣльное протяженіе котораго должна была распространяться сфера вліянія вновь основаннаго казанскаго университета, представлялъ собою подавляющее богатство и разнообразіе особенностей, какъ въ его историческомъ прошломъ, такъ и въ его настоящемъ. Археологія и исторія края, его этнологія, его географія, его естественная исторія, его природныя богатства, въ связи съ малоизвѣстностью свѣдѣній и данныхъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ—невольно обращали на себя пытливый взоръ людей науки и уже очень рано намѣтили для дѣятелей университета крайне любопытныя и благодарныя задачи для работъ и изслѣдованій мѣстно-областнаго характера, которыми казанскій университетъ никогда не поступался, на ряду съ задачами болѣе общаго, даже общечеловѣческаго, характера, и въ болѣе позднія эпохи своей исторической жизни. Значительныя надежды возлагались въ этомъ смыслѣ на молодой казанскій университетъ уже при самомъ его основаніи. Мы въ своемъ мѣстѣ познакомились съ письмомъ академика Н. Я. Озерецковскаго, въ которомъ онъ еще въ началѣ 1805 года, при самомъ зарожденіи казанскаго университета, уже намѣчалъ задачи естественно-историческихъ изысканій мѣстнаго характера, могущихъ быть предпринятыми подъ эгидою вновь основаннаго университета; результатомъ этого письма было циркулярное обращеніе совѣта (отъ 13-го марта)

Въ апрѣлѣ 1818 года въ совѣтъ университета поступило сочиненіе члена императорскаго вольнаго экономическаго общества Д. Н. Зиновьева, заключавшее въ себѣ первую часть „Хозяйственнаго описанія казанской губерніи“ и переданное на разсмотрѣніе университета по требованію вольно-экономическаго общества, основанному на томъ, что въ этомъ трудѣ затронуты „нѣкоторые предметы по части физики, механики и медицины“. Сочиненіе Зиновьева было поручено совѣтомъ разсмотрѣть профессорамъ Фуксу и Никольскому, которые, признавъ сведенные въ немъ матеріалы „любопытными, занимательными и полезными“, отмѣтили, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые его недостатки, для исправленія которыхъ трудъ этотъ и былъ возвращенъ его автору [95].

Выраженіемъ научной дѣятельности членовъ университета, кромѣ собственно научныхъ трудовъ ихъ, служили также ученыя путешествія, командировки, экскурсіи и осмотры, свѣдѣнія о которыхъ восходятъ уже къ первымъ годамъ существованія казанскаго университета.

Обширный русскій востокъ, на почти безпредѣльное протяженіе котораго должна была распространяться сфера вліянія вновь основаннаго казанскаго университета, представлялъ собою подавляющее богатство и разнообразіе особенностей, какъ въ его историческомъ прошломъ, такъ и въ его настоящемъ. Археологія и исторія края, его этнологія, его географія, его естественная исторія, его природныя богатства, въ связи съ малоизвѣстностью свѣдѣній и данныхъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ—невольно обращали на себя пытливый взоръ людей науки и уже очень рано намѣтили для дѣятелей университета крайне любопытныя и благодарныя задачи для работъ и изслѣдованій мѣстно-областнаго характера, которыми казанскій университетъ никогда не поступался, на ряду съ задачами болѣе общаго, даже общечеловѣческаго, характера, и въ болѣе позднія эпохи своей исторической жизни. Значительныя надежды возлагались въ этомъ смыслѣ на молодой казанскій университетъ уже при самомъ его основаніи. Мы въ своемъ мѣстѣ познакомились съ письмомъ академика Н. Я. Озерецковскаго, въ которомъ онъ еще въ началѣ 1805 года, при самомъ зарожденіи казанскаго университета, уже намѣчалъ задачи естественно-историческихъ изысканій мѣстнаго характера, могущихъ быть предпринятыми подъ эгидою вновь основаннаго университета; результатомъ этого письма было циркулярное обращеніе совѣта (отъ 13-го марта)

ко всѣмъ директорамъ училищъ округа, съ просьбою принять мѣры къ собиранію и доставленію въ университетъ „всякихъ рѣдкостей, въ тѣхъ мѣстахъ находящихся“ *. Съ аналогичною просьбою въ 1811 году обращался къ казанскому университету и сенаторъ И. Я. Аршеневскій, совершавшій путешествіе по Россіи съ цѣлью изслѣдованія состоянія мануфактурной и заводской промышленности, въ видахъ разрѣшенія вопроса о возможности замѣны иностранныхъ фабрикатовъ — отечественными. Въ своемъ письмѣ по этому поводу къ профессору-директору Яковкину, Аршеневскій убѣждалъ его „склонить г.г. ученыхъ казанскаго университета обратить вниманіе свое на отечественныя наши мануфактуры и употребить часть свободнаго ихъ отъ обыкновенныхъ упражненій времени на изысканіе, посредствомъ извѣстныхъ имъ опытовъ и наблюденій, нѣкоторыхъ растеній и веществъ, могущихъ, въ мануфактурныхъ производствахъ, замѣнить употребляемые для сего иностранныя произведенія“; сенаторъ исходитъ въ этой просьбѣ отъ той точки зрѣнія, что „гдѣ наблюденія и теоретическія познанія ученыхъ соединяются съ практическимъ навыкомъ художниковъ, тамъ искусства и художества процвѣтаютъ и приводятся въ лучшее совершенство, къ чести трудолюбивыхъ гражданъ и государственной пользѣ“ [96].

Въ томъ же 1811 году казанскимъ университетомъ обсуждался вопросъ объ организаціи большой ученой экспедиціи по Россіи, идея которой находилась въ ближайшей связи съ только что упомянутою нами миссіею сенатора Аршеневскаго. Вопросъ объ этой экспедиціи, общія свѣдѣнія относительно которой уже приводились нами раньше и которая въ настоящую минуту будетъ затронута нами подробнѣе, былъ возбужденъ вслѣдствіе предложенія министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя Румовскаго, отъ 28-го іюня 1811 года, въ которомъ графъ Разумовскій сообщалъ о своемъ намѣреніи „составить экспедицію ученыхъ путешественниковъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ московскому, виленскому, дерптскому, харьковскому и казанскому университетамъ“, вмѣнивъ ей въ обязанность „дѣлать наблюденія и открытія въ россійскихъ губерніяхъ по минералогіи, зоологіи, ботаникѣ, сельскому домоводству и технологіи“. Въ составъ экспедиціи предполагалось включить не менѣе двухъ представителей отъ каждаго изъ университетовъ, причемъ срокъ работъ экспедиціи, отправленіе которой въ путь предполагалось весною слѣдующаго 1812 года, намѣченъ былъ двухгодичный.

* См. томъ I, стран. 58-ую нашего труда.

ко всѣмъ директорамъ училищъ округа, съ просьбою принять мѣры къ собиранію и доставленію въ университетъ „всякихъ рѣдкостей, въ тѣхъ мѣстахъ находящихся“ *. Съ аналогичною просьбою въ 1811 году обращался къ казанскому университету и сенаторъ И. Я. Аршеневскій, совершавшій путешествіе по Россіи съ цѣлью изслѣдованія состоянія мануфактурной и заводской промышленности, въ видахъ разрѣшенія вопроса о возможности замѣны иностранныхъ фабрикатовъ — отечественными. Въ своемъ письмѣ по этому поводу къ профессору-директору Яковкину, Аршеневскій убѣждалъ его „склонить г.г. ученыхъ казанскаго университета обратить вниманіе свое на отечественныя наши мануфактуры и употребить часть свободнаго ихъ отъ обыкновенныхъ упражненій времени на изысканіе, посредствомъ извѣстныхъ имъ опытовъ и наблюденій, нѣкоторыхъ растеній и веществъ, могущихъ, въ мануфактурныхъ производствахъ, замѣнить употребляемые для сего иностранныя произведенія“; сенаторъ исходитъ въ этой просьбѣ отъ той точки зрѣнія, что „гдѣ наблюденія и теоретическія познанія ученыхъ соединяются съ практическимъ навыкомъ художниковъ, тамъ искусства и художества процвѣтаютъ и приводятся въ лучшее совершенство, къ чести трудолюбивыхъ гражданъ и государственной пользѣ“ [96].

Въ томъ же 1811 году казанскимъ университетомъ обсуждался вопросъ объ организаціи большой ученой экспедиціи по Россіи, идея которой находилась въ ближайшей связи съ только что упомянутою нами миссіею сенатора Аршеневскаго. Вопросъ объ этой экспедиціи, общія свѣдѣнія относительно которой уже приводились нами раньше и которая въ настоящую минуту будетъ затронута нами подробнѣе, былъ возбужденъ вслѣдствіе предложенія министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя Румовскаго, отъ 28-го іюня 1811 года, въ которомъ графъ Разумовскій сообщалъ о своемъ намѣреніи „составить экспедицію ученыхъ путешественниковъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ московскому, виленскому, дерптскому, харьковскому и казанскому университетамъ“, вмѣнивъ ей въ обязанность „дѣлать наблюденія и открытія въ россійскихъ губерніяхъ по минералогіи, зоологіи, ботаникѣ, сельскому домоводству и технологіи“. Въ составъ экспедиціи предполагалось включить не менѣе двухъ представителей отъ каждаго изъ университетовъ, причемъ срокъ работъ экспедиціи, отправленіе которой въ путь предполагалось весною слѣдующаго 1812 года, намѣченъ былъ двухгодичный.

---

* См. томъ I, стран. 58-ую нашего труда.

Тѣмъ же министерскимъ предложеніемъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ университетамъ предписывалось „нынѣ же заняться начертаніемъ наставленія (инструкціи) симъ путешественникамъ по всѣмъ вышеозначеннымъ наукамъ“, въ каковое должны были войти соображенія по слѣдующимъ вопросамъ: а) въ какія именно губерніи и по какимъ наукамъ полезнѣе отправить путешественниковъ, б) ихъ занятія по каждой наукѣ, в) ихъ отчетность университету, г) все, что университетъ придумать можетъ необходимое для содѣланія сихъ путешествій наиполезнѣйшими; всѣ эти „наставленія“ должны были сконцентрироваться въ министерствѣ, для выработки на ихъ основаніяхъ подробнаго плана будущей экспедиціи.

Выполняя сообщенное ему попечителемъ министерское предписаніе, совѣтъ въ засѣданіи 4-го октября образовалъ для выработки требуемыхъ „наставленій“ особый комитетъ изъ профессора-директора Яковкина, профессоровъ Фукса, Реннера, Эрдмана, Броннера и адъюнктовъ Петровскаго и Кондырева. Комитетъ этотъ уже въ первомъ засѣданіи занялся распредѣленіемъ между своими членами работъ по составленію „наставленій“, причемъ поручена разработка необходимыхъ предположеній: проф. Фуксу—„по части естественной исторіи, особенно, что касается учености и употребленія (sic)“; проф. Броннеру—по минералогіи, химіи и физики; проф. Реннеру—„по части смѣшанной механики, въ разсужденіи машинъ, употребляемыхъ въ фабрикахъ, мануфактурахъ, заводахъ и хозяйствѣ“; проф. Яковкину и ад. Кондыреву—по части статистики и географіи, „особенно, какіе продукты иностранные могутъ быть замѣнены отечественными; также какіе отечественные могутъ быть усовершенствованы, или умножены, или вновь разведены“ и т. п.; ад. Петровскому — „по части сельскаго домоводства и машинъ, употребляемыхъ въ Россіи“; проф. Эрдману—„по части медицинскихъ произведеній, какія могутъ быть замѣнены отечественными и разведены вновь гдѣ либо“; по вопросу о технологіи комитетъ пришелъ къ заключенію, что „всѣ господа члены могутъ сообщать свои замѣчанія“. Въ архивныхъ дѣлахъ университета сохранились подлинные журналы работъ комитета, продолжавшихся съ 13-го октября по 14-ое ноября 1811 года, въ количествѣ семи отдѣльныхъ засѣданій; къ этимъ журналамъ приложены и подлинныя „наставленія“, составленныя членами комитета, нѣкоторыя весьма пространно и обстоятельно, съ которыми мы, не смотря на представляемый ими весьма значительный научно-историческій интересъ, не можемъ познакомить читателей, направляя интересующихся къ соотвѣтствующему архивному дѣлу. Выработаны были комитетомъ и основанія предположенной экспедиціи. Въ члены ея намѣчены отъ

Тѣмъ же министерскимъ предложеніемъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ университетамъ предписывалось „нынѣ же заняться начертаніемъ наставленія (инструкціи) симъ путешественникамъ по всѣмъ вышеозначеннымъ наукамъ", въ каковое должны были войти соображенія по слѣдующимъ вопросамъ: а) въ какія именно губерніи и по какимъ наукамъ полезнѣе отправить путешественниковъ, б) ихъ занятія по каждой наукѣ, в) ихъ отчетность университету, г) все, что университетъ придумать можетъ необходимое для содѣланія сихъ путешествій наиполезнѣйшими; всѣ эти „наставленія" должны были сконцентрироваться въ министерствѣ, для выработки на ихъ основаніяхъ подробнаго плана будущей экспедиціи.

Выполняя сообщенное ему попечителемъ министерское предписаніе, совѣтъ въ засѣданіи 4-го октября образовалъ для выработки требуемыхъ „наставленій" особый комитетъ изъ профессора-директора Яковкина, профессоровъ Фукса, Реннера, Эрдмана, Броннера и адъюнктовъ Петровскаго и Кондырева. Комитетъ этотъ уже въ первомъ засѣданіи занялся распредѣленіемъ между своими членами работъ по составленію „наставленій", причемъ поручена разработка необходимыхъ предположеній: проф. Фуксу— „по части естественной исторіи, особенно, что касается учености и употребленія (sic)"; проф. Броннеру—по минералогіи, химіи и физики; проф. Реннеру—„по части смѣшанной механики, въ разсужденіи машинъ, употребляемыхъ въ фабрикахъ, мануфактурахъ, заводахъ и хозяйствѣ"; проф. Яковкину и ад. Кондыреву—по части статистики и географіи, „особенно, какіе продукты иностранные могутъ быть замѣнены отечественными; также какіе отечественные могутъ быть усовершенствованы, или умножены, или вновь разведены" и т. п.; ад. Петровскому — „по части сельскаго домоводства и машинъ, употребляемыхъ въ Россіи"; проф. Эрдману—„по части медицинскихъ произведеній, какія могутъ быть замѣнены отечественными и разведены вновь гдѣ либо"; по вопросу о технологіи комитетъ пришелъ къ заключенію, что „всѣ господа члены могутъ сообщать свои замѣчанія". Въ архивныхъ дѣлахъ университета сохранились подлинные журналы работъ комитета, продолжавшихся съ 13-го октября по 14-ое ноября 1811 года, въ количествѣ семи отдѣльныхъ засѣданій; къ этимъ журналамъ приложены и подлинныя „наставленія", составленныя членами комитета, нѣкоторыя весьма пространно и обстоятельно, съ которыми мы, не смотря на представляемый ими весьма значительный научно-историческій интересъ, не можемъ познакомить читателей, направляя интересующихся къ соотвѣтствующему архивному дѣлу. Выработаны были комитетомъ и основанія предположенной экспедиціи. Въ члены ея намѣчены отъ

казанскаго университета: по естествовѣдѣнію, медицинѣ и сельскому домоводству—проф. Фуксъ, съ придачею ему въ помощь, для коллектированія и рисованія, кандидатовъ Панкратова и Максутова; по химіи, технологіи, минералогіи и металлургіи—проф. Вуттигъ, съ придачею ему въ помощь на первый годъ магистра А. Лобачевскаго, на второй же годъ магистра Дунаева; въ видахъ желательности при экспедиціи статистика, къ ней полезнымъ признано „присовокупить на извѣстное время“ и адъюнкта Кондырева.

Предрѣшены были и другіе вопросы, намѣченные министерскимъ предложеніемъ. Маршрутъ экспедиціи предположенъ на губерніи оренбургскую, вятскую и пермскую, а затѣмъ, если останется время, черезъ южныя части губерній тобольской, томской и иркутской. Въ видахъ „возвышающихся цѣнъ на всѣ вещи и дороговизны“, участникамъ экспедиціи намѣчено къ выдачѣ, сверхъ сохраняемаго ими содержанія, въ годъ: профессорамъ и адъюнктамъ—по двѣ, магистрамъ и кандидатамъ—по одной тысячѣ рублей; сверхъ того, на необходимыя по экспедиціи издержки (пріобрѣтеніе инструментовъ и матеріаловъ, коллекцій и т. п.) испрашивалась еще особая ежегодная ассигновка въ пять тысячъ рублей. Сдѣланы также необходимыя постановленія относительно какъ денежной, такъ и научной отчетности по экспедиціи.

Заслушанный и принятый въ засѣданіи совѣта 15-го ноября, докладъ комитета былъ представленъ попечителю округа — но интересной идеѣ этого грандіознаго ученаго путешествія, при совмѣстномъ участіи въ немъ силъ пяти русскихъ университетовъ, не было суждено осуществиться: этому воспрепятствовали тяжелыя политическія условія наступившаго 1812 года [97].

Къ 1817—1818 годамъ пріурочивается первое заграничное путешествіе съ ученою цѣлью—въ Персію, предпринятое, подъ эгидою казанскаго университета, магистромъ восточной словесности Я. О. Ярцовымъ, уже извѣстнымъ намъ (см. томъ I нашего труда, стр. 226—227) любимымъ ученикомъ профессора Френа.

Сопредѣльная казанскому учебному округу Персія, съ которою соединялъ астраханскую училищную дирекцію удобный каспійскій водный путь, не могла не обращать на себя вниманія не только людей мѣстной науки, но и всякаго рода охотниковъ до скорой наживы. Любопытно, что попытка болѣе подробнаго ознакомленія съ Персіею, исходившая отъ лица, принадлежавшаго къ казанскому учебному вѣдомству,—попытка совершенно

казанскаго университета: по естествовѣдѣнію, медицинѣ и сельскому домоводству—проф. Фуксъ, съ придачею ему въ помощь, для коллектированія и рисованія, кандидатовъ Панкратова и Максутова; по химіи, технологіи, минералогіи и металлургіи—проф. Вуттигъ, съ придачею ему въ помощь на первый годъ магистра А. Лобачевскаго, на второй же годъ магистра Дунаева; въ видахъ желательности при экспедиціи статистика, къ ней полезнымъ признано „присовокупить на извѣстное время“ и адъюнкта Кондырева.

Предрѣшены были и другіе вопросы, намѣченные министерскимъ предложеніемъ. Маршрутъ экспедиціи предположенъ на губерніи оренбургскую, вятскую и пермскую, а затѣмъ, если останется время, черезъ южныя части губерній тобольской, томской и иркутской. Въ видахъ „возвышающихся цѣнъ на всѣ вещи и дороговизны“, участникамъ экспедиціи намѣчено къ выдачѣ, сверхъ сохраняемаго ими содержанія, въ годъ: профессорамъ и адъюнктамъ—по двѣ, магистрамъ и кандидатамъ—по одной тысячѣ рублей; сверхъ того, на необходимыя по экспедиціи издержки (пріобрѣтеніе инструментовъ и матеріаловъ, коллекцій и т. п.) испрашивалась еще особая ежегодная ассигновка въ пять тысячъ рублей. Сдѣланы также необходимыя постановленія относительно какъ денежной, такъ и научной отчетности по экспедиціи.

Заслушанный и принятый въ засѣданіи совѣта 15-го ноября, докладъ комитета былъ представленъ попечителю округа — но интересной идеѣ этого грандіознаго ученаго путешествія, при совмѣстномъ участіи въ немъ силъ пяти русскихъ университетовъ, не было суждено осуществиться: этому воспрепятствовали тяжелыя политическія условія наступившаго 1812 года [97].

Къ 1817—1818 годамъ пріурочивается первое заграничное путешествіе съ ученою цѣлью—въ Персію, предпринятое, подъ эгидою казанскаго университета, магистромъ восточной словесности Я. О. Ярцовымъ, уже извѣстнымъ намъ (см. томъ I нашего труда, стр. 226—227) любимымъ ученикомъ профессора Френа.

Сопредѣльная казанскому учебному округу Персія, съ которою соединялъ астраханскую училищную дирекцію удобный каспійскій водный путь, не могла не обращать на себя вниманія не только людей мѣстной науки, но и всякаго рода охотниковъ до скорой наживы. Любопытно, что попытка болѣе подробнаго ознакомленія съ Персіею, исходившая отъ лица, принадлежавшаго къ казанскому учебному вѣдомству,—попытка совершенно

частнаго, правда, характера и преслѣдовавшая цѣли, повидимому, меркантильныя,—была задумана еще въ началѣ 1812 года, на собственный страхъ и рискъ, директоромъ астраханской гимназіи штабсъ-капитаномъ А. А. Храповицкимъ, надумавшимъ на свой счетъ снарядить въ предѣлы Персіи экспедицію для изученія этой страны въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, въ видахъ яко бы улучшенія условій русско-персидской торговли, а также и въ видахъ „полезныхъ открытій по части наукъ". Для этой цѣли Храповицкій въ февралѣ 1812 года заключилъ нотаріальный договоръ съ какимъ то „вольно-привиллегированнымъ" аптекаремъ Фридрихомъ Блюмомъ, на котораго предпріимчивый астраханскій директоръ и намѣревался возложить экспедицію, придавъ ему еще помощника. Въ силу контракта, этотъ Блюмъ, располагавшій, по заявленію Храповицкаго, „очень хорошими свѣдѣніями въ химіи и натуральной исторіи, а особливо въ ботаникѣ", обязывался во время своего путешествія по Персіи „дѣлать розысканія во всѣхъ трехъ царствахъ природы, какъ вообще, такъ и въ особенности находящихся тамъ врачебныхъ произведеній, отъ извѣстности коихъ можетъ послѣдовать, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, существенная польза для наукъ и торговли", а равно обязывался выполнять и другія „непредвидимыя" его порученія, причемъ директоръ гарантировалъ своему агенту „третью часть изъ той выгоды, которая отъ сего предпріятія послѣдовать можетъ, вычтя напередъ употребленную на путешествіе третью же часть издержекъ". Въ этихъ то проблематическихъ „выгодахъ" и лежалъ, повидимому, весь центръ тяжести этой затѣи. Какъ бы то ни было, но Храповицкій въ апрѣлѣ того же года обратился къ попечителю округа съ письменнымъ представленіемъ относительно своего предпріятія, предлагая ему и съ своей стороны „препоручить ему (т. е. Блюму) сдѣлать какія наблюденія во время путешествія по Персіи". Какая судьба постигла затѣю астраханскаго директора—намъ неизвѣстно, но изъ представленія его Румовскому мы узнаемъ, что какъ разъ въ то время въ Астрахани возникли подозрѣнія противъ проживавшихъ тамъ іезуитовъ, а затѣмъ и ихъ административное преслѣдованіе, причемъ оказался арестованнымъ и „вольно-привиллегированный" аптекарь Блюмъ, объ освобожденіи котораго изъ подъ стражи Храповицкій и предпринималъ усиленныя, но кажется тщетныя, ходатайства [98].

Мысль о командированіи Ярцова въ ученое путешествіе по Персіи принадлежала, вѣроятно, его учителю, профессору Х. Д. Френу, осуществленіемъ же своимъ она всецѣло обязана попечителю округа М. А. Салтыкову, въ концѣ ноября 1816 года вошедшему къ министру народнаго

частнаго, правда, характера и преслѣдовавшая цѣли, повидимому, меркантильныя,—была задумана еще въ началѣ 1812 года, на собственный страхъ и рискъ, директоромъ астраханской гимназіи штабсъ-капитаномъ А. А. Храповицкимъ, надумавшимъ на свой счетъ снарядить въ предѣлы Персіи экспедицію для изученія этой страны въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, въ видахъ яко бы улучшенія условій русско-персидской торговли, а также и въ видахъ „полезныхъ открытій по части наукъ". Для этой цѣли Храповицкій въ февралѣ 1812 года заключилъ нотаріальный договоръ съ какимъ то „вольно-привиллегированнымъ" аптекаремъ Фридрихомъ Блюмомъ, на котораго предпріимчивый астраханскій директоръ и намѣревался возложить экспедицію, придавъ ему еще помощника. Въ силу контракта, этотъ Блюмъ, располагавшій, по заявленію Храповицкаго, „очень хорошими свѣдѣніями въ химіи и натуральной исторіи, а особливо въ ботаникѣ", обязывался во время своего путешествія по Персіи „дѣлать розысканія во всѣхъ трехъ царствахъ природы, какъ вообще, такъ и въ особенности находящихся тамъ врачебныхъ произведеній, отъ извѣстности коихъ можетъ послѣдовать, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, существенная польза для наукъ и торговли", а равно обязывался выполнять и другія „непредвидимыя" его порученія, причемъ директоръ гарантировалъ своему агенту „третью часть изъ той выгоды, которая отъ сего предпріятія послѣдовать можетъ, вычтя напередъ употребленную на путешествіе третью же часть издержекъ". Въ этихъ то проблематическихъ „выгодахъ" и лежалъ, повидимому, весь центръ тяжести этой затѣи. Какъ бы то ни было, но Храповицкій въ апрѣлѣ того же года обратился къ попечителю округа съ письменнымъ представленіемъ относительно своего предпріятія, предлагая ему и съ своей стороны „препоручить ему (т. е. Блюму) сдѣлать какія наблюденія во время путешествія по Персіи". Какая судьба постигла затѣю астраханскаго директора—намъ неизвѣстно, но изъ представленія его Румовскому мы узнаемъ, что какъ разъ въ то время въ Астрахани возникли подозрѣнія противъ проживавшихъ тамъ іезуитовъ, а затѣмъ и ихъ административное преслѣдованіе, причемъ оказался арестованнымъ и „вольно-привиллегированный" аптекарь Блюмъ, объ освобожденіи котораго изъ подъ стражи Храповицкій и предпринималъ усиленныя, но кажется тщетныя, ходатайства [98].

Мысль о командированіи Ярцова въ ученое путешествіе по Персіи принадлежала, вѣроятно, его учителю, профессору Х. Д. Френу, осуществленіемъ же своимъ она всецѣло обязана попечителю округа М. А. Салтыкову, въ концѣ ноября 1816 года вошедшему къ министру народнаго

просвѣщенія съ ходатайствомъ относительно содѣйствія его къ зачисленію молодого оріенталиста въ личный составъ посольства, снаряжавшагося въ то время въ Персію; ходатайство въ томъ же направленіи предпринято было попечителемъ и передъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Каподострія. Хлопоты Салтыкова увѣнчались успѣхомъ и уже въ январѣ 1817 года казанскій университетъ былъ увѣдомленъ о томъ, что магистръ Ярцовъ назначенъ на штатную должность канцелярскаго служителя при персидскомъ посольствѣ, съ производствомъ ему жалованья въ размѣрѣ 50-ти рублей въ мѣсяцъ и выдачею 650-ти рублей (500 ассигнаціями и 150 серебромъ) на путевыя издержки. Немедленно слѣдомъ затѣмъ присоединившись къ посольству, Ярцовъ пробылъ въ путешествіи ровно годъ и, возвратившись въ январѣ 1818 года обратно въ Казань, представилъ въ совѣтъ университета, въ доказательство своихъ занятій, слѣдующіе рукописные труды: 1) Дневныя записки, веденныя во время переѣзда отъ Тифлиса до Астрахани, 2) Разсужденіе о религіи персіянъ и, при немъ, сводъ алкорана, и 3) Краткій журналъ путешествія по Персіи. Совѣтъ университета далъ отзывъ, что эти работы, „касающіяся до топографіи, религіи, промышленности и другихъ тому подобныхъ предметовъ", доказываютъ, что „магистръ Ярцовъ съ похвальною ревностью и особеннымъ прилежаніемъ воспользовался симъ случаемъ для обогащенія себя новыми познаніями". Персидское путешествіе доставило Ярцову лестный аттестатъ отъ главноуправляющаго въ Грузіи, генерала Ермолова, и пожалованный ему персидскимъ шахомъ орденъ Льва и Солнца второй степени. Упомянутыхъ выше работъ Ярцова въ университетскомъ архивѣ не оказалось на лицо, такъ какъ онѣ, что видно изъ дѣлъ, взяты были авторомъ для обработки ихъ въ окончательномъ видѣ.

Намъ уже извѣстно, что дарованія Ярцова пропали для казанскаго университета: 27-го декабря того же 1818 года состоялось утвержденіе его адъюнктомъ императорской академіи наукъ, согласно представленію его учителя Френа, съ небольшимъ за годъ до того также перемѣщеннаго на академическую службу; не взирая на это многообѣщавшее назначеніе, ученая дѣятельность Ярцова прекратилась весьма рано, не оправдавъ возлагавшихся на него въ этомъ отношеніи ожиданій [99].

Слѣдующимъ ученымъ путешествіемъ, намѣченнымъ въ широкихъ размѣрахъ, но на этотъ разъ уже въ предѣлахъ русскихъ владѣній, является такъ называемое сибирское путешествіе адъюнкта А. И. Лобачевскаго, совершенное въ 1819—1820 годахъ и выходящее, строго говоря, изъ хронологическихъ рамокъ нашего теку-

просвѣщенія съ ходатайствомъ относительно содѣйствія его къ зачисленію молодого оріенталиста въ личный составъ посольства, снаряжавшагося въ то время въ Персію; ходатайство въ томъ же направленіи предпринято было попечителемъ и передъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Каподострія. Хлопоты Салтыкова увѣнчались успѣхомъ и уже въ январѣ 1817 года казанскій университетъ былъ увѣдомленъ о томъ, что магистръ Ярцовъ назначенъ на штатную должность канцелярскаго служителя при персидскомъ посольствѣ, съ производствомъ ему жалованья въ размѣрѣ 50-ти рублей въ мѣсяцъ и выдачею 650-ти рублей (500 ассигнаціями и 150 серебромъ) на путевыя издержки. Немедленно слѣдомъ затѣмъ присоединившись къ посольству, Ярцовъ пробылъ въ путешествіи ровно годъ и, возвратившись въ январѣ 1818 года обратно въ Казань, представилъ въ совѣтъ университета, въ доказательство своихъ занятій, слѣдующіе рукописные труды: 1) Дневныя записки, веденныя во время переѣзда отъ Тифлиса до Астрахани, 2) Разсужденіе о религіи персіянъ и, при немъ, сводъ алкорана, и 3) Краткій журналъ путешествія по Персіи. Совѣтъ университета далъ отзывъ, что эти работы, „касающіяся до топографіи, религіи, промышленности и другихъ тому подобныхъ предметовъ", доказываютъ, что „магистръ Ярцовъ съ похвальною ревностью и особеннымъ прилежаніемъ воспользовался симъ случаемъ для обогащенія себя новыми познаніями". Персидское путешествіе доставило Ярцову лестный аттестатъ отъ главноуправляющаго въ Грузіи, генерала Ермолова, и пожалованный ему персидскимъ шахомъ орденъ Льва и Солнца второй степени. Упомянутыхъ выше работъ Ярцова въ университетскомъ архивѣ не оказалось на лицо, такъ какъ онѣ, что видно изъ дѣлъ, взяты были авторомъ для обработки ихъ въ окончательномъ видѣ.

Намъ уже извѣстно, что дарованія Ярцова пропали для казанскаго университета: 27-го декабря того же 1818 года состоялось утвержденіе его адъюнктомъ императорской академіи наукъ, согласно представленію его учителя Френа, съ небольшимъ за годъ до того также перемѣщеннаго на академическую службу; не взирая на это многообѣщавшее назначеніе, ученая дѣятельность Ярцова прекратилась весьма рано, не оправдавъ возлагавшихся на него въ этомъ отношеніи ожиданій [99].

Слѣдующимъ ученымъ путешествіемъ, намѣченнымъ въ широкихъ размѣрахъ, но на этотъ разъ уже въ предѣлахъ русскихъ владѣній, является такъ называемое сибирское путешествіе адъюнкта А. И. Лобачевскаго, совершенное въ 1819—1820 годахъ и выходящее, строго говоря, изъ хронологическихъ рамокъ нашего теку-

щаго повѣствованія, но свѣдѣнія о которомъ мы дадимъ теперь же, такъ какъ инициатива этого начинанія всецѣло принадлежитъ интересующей насъ порѣ жизни казанскаго университета.

Идея большого ученаго путешествія по Сибири принадлежала самому А. И. Лобачевскому, вошедшему 3-го апрѣля 1818 года къ попечителю округа Салтыкову съ прошеніемъ, въ которомъ „объявилъ желаніе сдѣлать двухгодичное путешествіе по Сибири, дабы, обозрѣвъ и описавъ всѣ тамошніе заводы, имѣлъ онъ время сдѣлать подробныя замѣчанія и о самой Сибири, касательно металлургіи и минералогіи"; Лобачевскій просилъ на это путешествіе ежегодную прибавку къ получаемому имъ содержанію въ размѣрѣ одной тысячи рублей, изъ суммы въ 2 тыс. рубл., опредѣленной университету на путешествія магистровъ или адъюнктовъ въ чужіе края. Соотвѣтствующее представленіе попечителя, выразившаго увѣренность въ „его (т. е. Лобачевскаго) усердіи къ пользѣ общей" и признавшаго познанія просителя по части технологіи „очень достаточными для таковаго путешествія", было утверждено главнымъ правленіемъ училищъ журнальнымъ постановленіемъ отъ 2-го мая, вслѣдствіе чего совѣту университета было предложено снабдить путешественника „всѣмъ, для путешествія нужнымъ, и, по возвращеніи въ университетъ, потребовать отчетъ о его занятіяхъ". Отправленіе Лобачевскаго въ путь было предположено лишь въ началѣ слѣдующаго 1819 года, и 12-го ноября 1818 года будущій экскурсантъ обратился въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, въ которомъ ходатайствовалъ о предварительномъ сношеніи, въ видахъ облегченія его будущей дѣятельности, съ губернаторами губерній (пермской, тобольской, томской и иркутской), долженствовавшихъ войти въ сферу его путешествія, о предоставленіи въ его распоряженіе, въ видахъ безопасности „своей жизни, для охраненія казенныхъ денегъ и имущества и для другихъ удобствъ", одного изъ солдатъ университетской служительской команды, а также о снабженіи его правами училищнаго визитатора, въ смыслѣ препорученія „осматривать тѣ учебныя заведенія, кои встрѣчу на пути своемъ и доносить объ нихъ рапортами". Совѣтъ удовлетворилъ всѣ ходатайства просителя (разномысліе вызвалъ, почему то, лишь вопросъ о предоставленіи экскурсанту „солдата") и снабдилъ подробною визитаторскою инструкціею („наставленіемъ"), предоставлявшею ему весьма широкія полномочія, какъ то: подробный осмотръ, во всѣхъ частяхъ, гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, полную ревизію ихъ дѣлопроизводства и отчетности, производство ученикамъ испытаній, даже изысканіе мѣръ къ открытію новыхъ училищъ и къ преобразованію существующихъ.

щаго повѣствованія, но свѣдѣнія о которомъ мы дадимъ теперь же, такъ какъ инициатива этого начинанія всецѣло принадлежитъ интересующей насъ порѣ жизни казанскаго университета.

Идея большого ученаго путешествія по Сибири принадлежала самому А. И. Лобачевскому, вошедшему 3-го апрѣля 1818 года къ попечителю округа Салтыкову съ прошеніемъ, въ которомъ „объявилъ желаніе сдѣлать двухгодичное путешествіе по Сибири, дабы, обозрѣвъ и описавъ всѣ тамошніе заводы, имѣлъ онъ время сдѣлать подробныя замѣчанія и о самой Сибири, касательно металлургіи и минералогіи"; Лобачевскій просилъ на это путешествіе ежегодную прибавку къ получаемому имъ содержанію въ размѣрѣ одной тысячи рублей, изъ суммы въ 2 тыс. рубл., опредѣленной университету на путешествія магистровъ или адъюнктовъ въ чужіе края. Соотвѣтствующее представленіе попечителя, выразившаго увѣренность въ „его (т. е. Лобачевскаго) усердіи къ пользѣ общей" и признавшаго познанія просителя по части технологіи „очень достаточными для таковаго путешествія", было утверждено главнымъ правленіемъ училищъ журнальнымъ постановленіемъ отъ 2-го мая, вслѣдствіе чего совѣту университета было предложено снабдить путешественника „всѣмъ, для путешествія нужнымъ, и, по возвращеніи въ университетъ, потребовать отчетъ о его занятіяхъ". Отправленіе Лобачевскаго въ путь было предположено лишь въ началѣ слѣдующаго 1819 года, и 12-го ноября 1818 года будущій экскурсантъ обратился въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, въ которомъ ходатайствовалъ о предварительномъ сношеніи, въ видахъ облегченія его будущей дѣятельности, съ губернаторами губерній (пермской, тобольской, томской и иркутской), долженствовавшихъ войти въ сферу его путешествія, о предоставленіи въ его распоряженіе, въ видахъ безопасности „своей жизни, для охраненія казенныхъ денегъ и имущества и для другихъ удобствъ", одного изъ солдатъ университетской служительской команды, а также о снабженіи его правами училищнаго визитатора, въ смыслѣ препорученія „осматривать тѣ учебныя заведенія, кои встрѣчу на пути своемъ и доносить объ нихъ рапортами". Совѣтъ удовлетворилъ всѣ ходатайства просителя (разномысліе вызвалъ, почему то, лишь вопросъ о предоставленіи экскурсанту „солдата") и снабдилъ подробною визитаторскою инструкціею („наставленіемъ"), предоставлявшею ему весьма широкія полномочія, какъ то: подробный осмотръ, во всѣхъ частяхъ, гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, полную ревизію ихъ дѣлопроизводства и отчетности, производство ученикамъ испытаній, даже изысканіе мѣръ къ открытію новыхъ училищъ и къ преобразованію существующихъ.

Лобачевскій выѣхалъ въ путешествіе 4-го февраля 1819 года, но осуществить предположенный двухгодичный срокъ его—ему такъ и не удалось: согласно представленію новаго попечителя округа М. Л. Магницкаго отъ 4-го мая 1820 года, мотивированному интересами университетскаго преподаванія, Лобачевскій былъ возвращенъ изъ путешествія до истеченія его срока и уже 20-го ноября былъ въ Казани. Отношеніе новаго попечителя къ ученому путешествію, предпринятому по представленію его предмѣстника, было, вообще, самое недоброжелательное и Магницкимъ возбуждена была, уже по возвращеніи Лобачевскаго, цѣлая переписка по вопросу о безполезности и безрезультатности этого путешествія, конецъ которой былъ положенъ лишь министерскимъ предписаніемъ отъ 11-го іюня 1821 года.

Мы не имѣемъ возможности прослѣдить всѣ подробности путешествія А. И. Лобачевскаго и познакомимъ читателей, руководствуясь подлиннымъ отчетомъ самого экскурсанта, лишь съ главнѣйшими его чертами. Прежде всего замѣтимъ, что путешествіе Лобачевскаго можетъ быть окрещено наименованіемъ его „сибирскимъ"—лишь съ большою натяжкою, такъ какъ ему довелось экскурсировать лишь въ предѣлахъ пермскаго, екатеринбургскаго и богословскаго горнопромышленныхъ районовъ, не распространивъ своихъ изслѣдованій на пространства хотя бы только пріуральской части западной Сибири. Самъ Лобачевскій объясняетъ ограниченные размѣры произведенныхъ имъ осмотровъ и изслѣдованій болѣзненнымъ состояніемъ, которое отняло у него полгода всего времени (1 годъ и 8½ мѣсяцевъ), проведеннаго имъ въ путешествіи, включая сюда и дорогу отъ Казани до Перми и обратно. Ближайшее знакомство съ отчетомъ Лобачевскаго, составленнымъ въ весьма общей, сжатой и уклончивой формѣ, способно невольно навести на мысль, что попечитель Магницкій былъ едва ли не правъ, отказавъ результатамъ этого путешествія въ сколько нибудь серьезномъ значеніи. Бо́льшій интересъ представляютъ результаты собственно визитаторской дѣятельности Лобачевскаго за время его путешествія, свѣдѣнія относительно которой даются въ сохранившемся до нашихъ дней рядѣ рапортовъ, высылавшихся имъ съ пути, на имя совѣта университета. Отчетъ Лобачевскаго заканчивается указаніемъ на тѣ „успѣхи и пользы", которыя воспослѣдовали, по его мнѣнію, отъ совершеннаго имъ путешествія,—а именно: 1) Имъ собраны и въ 36-ти ящикахъ доставлены въ университетъ коллекціи минераловъ и продуктовъ заводскихъ производствъ, заключающія въ себѣ свыше 2½ тысячъ отдѣльныхъ предметовъ; 2) Доставлены университету 37 чертежей, касающихся горнаго и заводскихъ производствъ; 3) Изготовлены модели „нѣкоторыхъ турьинскихъ работъ";

Лобачевскій выѣхалъ въ путешествіе 4-го февраля 1819 года, но осуществить предположенный двухгодичный срокъ его—ему такъ и не удалось: согласно представленію новаго попечителя округа М. Л. Магницкаго отъ 4-го мая 1820 года, мотивированному интересами университетскаго преподаванія, Лобачевскій былъ возвращенъ изъ путешествія до истеченія его срока и уже 20-го ноября былъ въ Казани. Отношеніе новаго попечителя къ ученому путешествію, предпринятому по представленію его предмѣстника, было, вообще, самое недоброжелательное и Магницкимъ возбуждена была, уже по возвращеніи Лобачевскаго, цѣлая переписка по вопросу о безполезности и безрезультатности этого путешествія, конецъ которой былъ положенъ лишь министерскимъ предписаніемъ отъ 11-го іюня 1821 года.

Мы не имѣемъ возможности прослѣдить всѣ подробности путешествія А. И. Лобачевскаго и познакомимъ читателей, руководствуясь подлиннымъ отчетомъ самого экскурсанта, лишь съ главнѣйшими его чертами. Прежде всего замѣтимъ, что путешествіе Лобачевскаго можетъ быть окрещено наименованіемъ его „сибирскимъ"—лишь съ большою натяжкою, такъ какъ ему довелось экскурсировать лишь въ предѣлахъ пермскаго, екатеринбургскаго и богословскаго горнопромышленныхъ районовъ, не распространивъ своихъ изслѣдованій на пространства хотя бы только пріуральской части западной Сибири. Самъ Лобачевскій объясняетъ ограниченные размѣры произведенныхъ имъ осмотровъ и изслѣдованій болѣзненнымъ состояніемъ, которое отняло у него полгода всего времени (1 годъ и 8$^1/_2$ мѣсяцевъ), проведеннаго имъ въ путешествіи, включая сюда и дорогу отъ Казани до Перми и обратно. Ближайшее знакомство съ отчетомъ Лобачевскаго, составленнымъ въ весьма общей, сжатой и уклончивой формѣ, способно невольно навести на мысль, что попечитель Магницкій былъ едва ли не правъ, отказавъ результатамъ этого путешествія въ сколько нибудь серьезномъ значеніи. Бо́льшій интересъ представляютъ результаты собственно визитаторской дѣятельности Лобачевскаго за время его путешествія, свѣдѣнія относительно которой даются въ сохранившемся до нашихъ дней рядѣ рапортовъ, высылавшихся имъ съ пути, на имя совѣта университета. Отчетъ Лобачевскаго заканчивается указаніемъ на тѣ „успѣхи и пользы", которыя воспослѣдовали, по его мнѣнію, отъ совершеннаго имъ путешествія,—а именно: 1) Имъ собраны и въ 36-ти ящикахъ доставлены въ университетъ коллекціи минераловъ и продуктовъ заводскихъ производствъ, заключающія въ себѣ свыше 2$^1/_2$ тысячъ отдѣльныхъ предметовъ; 2) Доставлены университету 37 чертежей, касающихся горнаго и заводскихъ производствъ; 3) Изготовлены модели „нѣкоторыхъ турьинскихъ работъ";

4) Составлены „довольно подробныя" записки „о соляныхъ варницахъ, о пермскихъ, екатеринбургскихъ и богословскихъ казенныхъ заводахъ и рудникахъ, о горахъ, въ окрестностяхъ сихъ рудниковъ находящихся, также сдѣланы замѣчанія о разныхъ частныхъ горныхъ заводахъ и другихъ различныхъ предметахъ"; 5) Пріобрѣтены лично имъ, Лобачевскимъ, многія „практическія понятія и познанія", длинный перечень каковыхъ авторомъ отчета тутъ же и излагается.

Таковы были ограниченные результаты этого „сибирскаго" путешествія, первоначально намѣченнаго въ такихъ широкихъ и многообѣщавшихъ размѣрахъ [100].

Къ самому концу интересующей насъ эпохи относится весьма серьезная командировка, полученная экстраординарнымъ профессоромъ И. М. Симоновымъ, въ началѣ 1819 года по высочайшему повелѣнію прикомандированнымъ, въ званіи астронома, къ морской экспедиціи Беллингсгаузена и Лазарева, отправленной въ южно-полярныя моря на шлюпахъ „Мирный" и „Востокъ". Совершенное съ этою экспедиціею Симоновымъ кругосвѣтное плаваніе 1819—1821 годовъ въ общихъ чертахъ уже знакомо намъ * и, въ видахъ того, что намъ еще придется возвращаться къ нему въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи, мы въ настоящее время не станемъ дольше останавливаться на немъ.

Если мы отмѣтимъ, въ заключеніе, относящіяся къ 1814 году и уже разсмотрѣнныя нами въ своемъ мѣстѣ неосуществившіяся предположенія относительно посылки заграницу, съ ученою цѣлью, магистровъ правовѣдѣнія Н. М. Алехина и Е. П. Манасеина, то нами будутъ исчерпаны всѣ, намѣчавшіяся въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ его существованія, притомъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, ученыя путешествія представителей казанскаго университета.

Къ кругу ученыхъ путешествій, предпринимавшихся членами казанскаго университета, непосредственно примыкаютъ и командировки съ ученою цѣлью въ столицы, предоставлявшіяся молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ, въ видахъ подготовленія ихъ къ ученой службѣ. Сюда относятся уже извѣстныя намъ ученыя командировки: Самсонова—въ Москву (1813—1815 г.г.), Алехина и Манасеина—въ Петербургъ (1814 г.), Симонова—въ Петербургъ (1817 г.), Лентовскаго—въ Петербургъ, причемъ Самсоновъ былъ для занятій прикомандированъ къ

---

* См. томъ I, стр. 307—308.

4) Составлены „довольно подробныя" записки „о соляныхъ варницахъ, о пермскихъ, екатеринбургскихъ и богословскихъ казенныхъ заводахъ и рудникахъ, о горахъ, въ окрестностяхъ сихъ рудниковъ находящихся, также сдѣланы замѣчанія о разныхъ частныхъ горныхъ заводахъ и другихъ различныхъ предметахъ"; 5) Пріобрѣтены лично имъ, Лобачевскимъ, многія „практическія понятія и познанія", длинный перечень каковыхъ авторомъ отчета тутъ же и излагается.

Таковы были ограниченные результаты этого „сибирскаго" путешествія, первоначально намѣченнаго въ такихъ широкихъ и многообѣщавшихъ размѣрахъ [100].

Къ самому концу интересующей насъ эпохи относится весьма серьезная командировка, полученная экстраординарнымъ профессоромъ И. М. Симоновымъ, въ началѣ 1819 года по высочайшему повелѣнію прикомандированнымъ, въ званіи астронома, къ морской экспедиціи Беллингсгаузена и Лазарева, отправленной въ южно-полярныя моря на шлюпахъ „Мирный" и „Востокъ". Совершенное съ этою экспедиціею Симоновымъ кругосвѣтное плаваніе 1819—1821 годовъ въ общихъ чертахъ уже знакомо намъ * и, въ видахъ того, что намъ еще придется возвращаться къ нему въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи, мы въ настоящее время не станемъ дольше останавливаться на немъ.

Если мы отмѣтимъ, въ заключеніе, относящіяся къ 1814 году и уже разсмотрѣнныя нами въ своемъ мѣстѣ неосуществившіяся предположенія относительно посылки заграницу, съ ученою цѣлью, магистровъ правовѣдѣнія Н. М. Алехина и Е. П. Манасеина, то нами будутъ исчерпаны всѣ, намѣчавшіяся въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ его существованія, притомъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, ученыя путешествія представителей казанскаго университета.

Къ кругу ученыхъ путешествій, предпринимавшихся членами казанскаго университета, непосредственно примыкаютъ и командировки съ ученою цѣлью въ столицы, предоставлявшіяся молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ, въ видахъ подготовленія ихъ къ ученой службѣ. Сюда относятся уже извѣстныя намъ ученыя командировки: Самсонова—въ Москву (1813—1815 г.г.), Алехина и Манасеина—въ Петербургъ (1814 г.), Симонова—въ Петербургъ (1817 г.), Лентовскаго—въ Петербургъ, причемъ Самсоновъ былъ для занятій прикомандированъ къ

* См. томъ I, стр. 307—308.

московскому университету, Симоновъ—къ петербургской академической обсерваторіи, Лентовскій—къ петербургской медико-хирургической академіи *.

Тѣ особенности историческаго, этнографическаго, географическаго и естественно-историческаго характера, которыми такъ богатъ русскій востокъ и которыя уже не разъ нами отмѣчались, очень рано пробудили въ молодомъ казанскомъ университетѣ стремленіе къ изученію мѣстнаго края и мѣстной жизни, съ различныхъ ихъ сторонъ и въ различныхъ ихъ проявленіяхъ. На эту то весьма любопытную сторону начальной духовной жизни казанскаго университета мы и должны будемъ обратить въ настоящее время наше вниманіе.

Начнемъ съ изслѣдованій, направленныхъ къ изученію мѣстной казанской старины, въ ея памятникахъ какъ вещественныхъ, такъ и письменныхъ.

Здѣсь мы, въ порядкѣ хронологической постепенности, прежде всего столкнемся съ трудами профессора-директора И. Ѳ. Яковкина, въ качествѣ историка начавшаго интересоваться казанскою стариною, повидимому, еще ранѣе основанія университета. Изъ писемъ Яковкина къ Румовскому мы узнаемъ, что онъ еще въ началѣ января 1805 года изготовлялъ „планы развалинъ Болгаровъ и нынѣшняго состоянія Казани", въ окончательной отдѣлкѣ которыхъ содѣйствовали ему воспитанники гимназіи. Точныя копіи этихъ плановъ были тогда же препровождены имъ попечителю, подлинники же оставлены на храненіи при гимназіи, но здѣсь постигла ихъ весьма печальная участь: какъ это усматривается изъ письма Яковкина къ попечителю отъ 10-го марта 1808 года, эти планы были „увезены кѣмъ то изъ почетныхъ проѣзшихъ генераловъ"—большимъ, надо полагать, любителемъ археологіи. Въ 1808 году Яковкинъ препроводилъ своему принципалу „планъ мѣстоположенія древней Казани, въ каковомъ она была состояніи при завоеваніи ея царемъ Іоанномъ Васильевичемъ", снабдивъ препроводительное письмо свое (отъ 19-го мая) небезъинтересными примѣчаніями къ этому плану [101]. Предпринимались Яковкинымъ и самостоятельныя экскурсіи для осмотра памятниковъ булгарской древности. Такъ, въ концѣ іюля 1808 года, воспользовавшись послѣдними днями лѣтняго вакаціоннаго времени, онъ предпринялъ поѣздку на р. Каму, для осмотра остатковъ древняго города Жукотина, попутно посѣтивъ и нѣкоторые другіе пункты камскаго побережья:

---

* См. т. I, стр. 307, и выше стр. 62—63 и 67—68.

московскому университету, Симоновъ—къ петербургской академической обсерваторіи, Лентовскій—къ петербургской медико-хирургической академіи *.

Тѣ особенности историческаго, этнографическаго, географическаго и естественно-историческаго характера, которыми такъ богатъ русскій востокъ и которыя уже не разъ нами отмѣчались, очень рано пробудили въ молодомъ казанскомъ университетѣ стремленіе къ изученію мѣстнаго края и мѣстной жизни, съ различныхъ ихъ сторонъ и въ различныхъ ихъ проявленіяхъ. На эту то весьма любопытную сторону начальной духовной жизни казанскаго университета мы и должны будемъ обратить въ настоящее время наше вниманіе.

Начнемъ съ изслѣдованій, направленныхъ къ изученію мѣстной казанской старины, въ ея памятникахъ какъ вещественныхъ, такъ и письменныхъ.

Здѣсь мы, въ порядкѣ хронологической постепенности, прежде всего столкнемся съ трудами профессора-директора И. Ѳ. Яковкина, въ качествѣ историка начавшаго интересоваться казанскою стариною, повидимому, еще ранѣе основанія университета. Изъ писемъ Яковкина къ Румовскому мы узнаемъ, что онъ еще въ началѣ января 1805 года изготовлялъ „планы развалинъ Болгаровъ и нынѣшняго состоянія Казани", въ окончательной отдѣлкѣ которыхъ содѣйствовали ему воспитанники гимназіи. Точныя копіи этихъ плановъ были тогда же препровождены имъ попечителю, подлинники же оставлены на храненіи при гимназіи, но здѣсь постигла ихъ весьма печальная участь: какъ это усматривается изъ письма Яковкина къ попечителю отъ 10-го марта 1808 года, эти планы были „увезены кѣмъ то изъ почетныхъ проѣзшихъ генераловъ"—большимъ, надо полагать, любителемъ археологіи. Въ 1808 году Яковкинъ препроводилъ своему принципалу „планъ мѣстоположенія древней Казани, въ каковомъ она была состояніи при завоеваніи ея царемъ Іоанномъ Васильевичемъ", снабдивъ препроводительное письмо свое (отъ 19-го мая) небезъинтересными примѣчаніями къ этому плану [101]. Предпринимались Яковкинымъ и самостоятельныя экскурсіи для осмотра памятниковъ булгарской древности. Такъ, въ концѣ іюля 1808 года, воспользовавшись послѣдними днями лѣтняго вакаціоннаго времени, онъ предпринялъ поѣздку на р. Каму, для осмотра остатковъ древняго города Жукотина, попутно посѣтивъ и нѣкоторые другіе пункты камскаго побережья:

---

* См. т. I, стр. 307, и выше стр. 62—63 и 67—68.

„Отлучку мою изъ Казани постарался я соединить со всевозможною пользою,—доноситъ онъ попечителю въ письмѣ отъ 4-го августа.—Осмотрѣвъ Лаишевъ, нынѣ пустой, а весною весьма многолюдный отъ множества проходящихъ судовъ, пустился я вверхъ по Камѣ и выше Рыбной Слободы, на правомъ берегу, видѣлъ славный камень Плакунъ, точащій изъ себя безпрестанно известковатую воду и имѣющій многія пустоты въ видѣ пещеръ, съ накипями извести. Потомъ, подлѣ деревни Березовки, на лѣвомъ берегу собралъ много окаменѣлостей кремнистыхъ, а выше Чистополя изъ Берсутскихъ рудниковъ получилъ нѣсколько штуфовъ мѣдной руды. Главный мой предметъ,—Жукотинъ,—измѣрявъ оставшіяся послѣ его земляныя развалины, снялъ начерно мѣстоположеніе и лазилъ въ земляную рытвину, имѣющую видъ пещеры, о коей преданіе гласитъ, что въ ней висятъ двѣ большія на цѣпяхъ бочки съ золотомъ, но я въ ней кромѣ известковаго капельнику и нѣсколькихъ слабыхъ плавиковъ ничего достопамятнаго не нашелъ, почему и отъ мнимаго золота—не побогатѣлъ“ [102].

Двумя годами позже, въ 1810 году, Яковкинъ точно такимъ же образомъ употребилъ двѣ недѣли конца лѣтняго вакаціоннаго времени на поѣздку для осмотра остатковъ древняго булгарскаго города Билярска, оправдывая эту отлучку въ письмѣ къ Румовскому тѣмъ, что „сіе время послужитъ нѣкоторымъ доказательствомъ, что и отдохновеніе можно употреблять въ пользу“. Эта экскурсія принесла профессору-директору разочарованіе, такъ какъ въ билярскомъ городищѣ онъ „новаго ничего не могъ усмотрѣть, кромѣ описаннаго уже въ путешествіяхъ г.г. с.-петербургскихъ академиковъ, а по причинѣ страднаго времени,—добавляетъ Яковкинъ,—и едва возмогъ добраться до почтовой дороги“ [103].

Изъ писемъ Яковкина къ Румовскому можно видѣть, что профессоръ-директоръ собиралъ матеріалы для исторіи Казани, въ частности же—для исторіи разгрома въ 1774 году города Пугачевымъ. Собранные имъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи матеріалы должны были представлять собою высокій интересъ, такъ какъ въ началѣ минувшаго столѣтія въ Казани имѣлось еще не мало очевидцевъ этого событія, изъ каковыхъ, тридцатью годами позже (въ 1833 г.), всего лишь одного удалось уже розыскать здѣсь историку пугачевскаго бунта А. С. Пушкину. „Собираніе отъ самовидцевъ извѣстій о нанесенномъ злодѣемъ несчастіи Казани продолжаю по всей возможности,—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 21-го марта 1805 года,—сколько позволитъ хотя и малый остающійся досугъ; большую часть самыхъ нужнѣйшихъ свѣдѣній уже въ рукахъ имѣю, надобно только обработать по надлежащему“. Работа въ этомъ направленіи, какъ это усмат-

„Отлучку мою изъ Казани постарался я соединить со всевозможною пользою,—доноситъ онъ попечителю въ письмѣ отъ 4-го августа.—Осмотрѣвъ Лаишевъ, нынѣ пустой, а весною весьма многолюдный отъ множества проходящихъ судовъ, пустился я вверхъ по Камѣ и выше Рыбной Слободы, на правомъ берегу, видѣлъ славный камень Плакунъ, точащій изъ себя безпрестанно известковатую воду и имѣющій многія пустоты въ видѣ пещеръ, съ накипями извести. Потомъ, подлѣ деревни Березовки, на лѣвомъ берегу собралъ много окаменѣлостей кремнистыхъ, а выше Чистополя изъ Берсутскихъ рудниковъ получилъ нѣсколько штуфовъ мѣдной руды. Главный мой предметъ,—Жукотинъ, — измѣрявъ оставшіяся послѣ его земляныя развалины, снялъ начерно мѣстоположеніе и лазилъ въ земляную рытвину, имѣющую видъ пещеры, о коей преданіе гласитъ, что въ ней висятъ двѣ большія на цѣпяхъ бочки съ золотомъ, но я въ ней кромѣ известковаго капельнику и нѣсколькихъ слабыхъ плавиковъ ничего достопамятнаго не нашелъ, почему и отъ мнимаго золота—не побогатѣлъ“ [102].

Двумя годами позже, въ 1810 году, Яковкинъ точно такимъ же образомъ употребилъ двѣ недѣли конца лѣтняго вакаціоннаго времени на поѣздку для осмотра остатковъ древняго булгарскаго города Билярска, оправдывая эту отлучку въ письмѣ къ Румовскому тѣмъ, что „сіе время послужитъ нѣкоторымъ доказательствомъ, что и отдохновеніе можно употреблять въ пользу“. Эта экскурсія принесла профессору-директору разочарованіе, такъ какъ въ билярскомъ городищѣ онъ „новаго ничего не могъ усмотрѣть, кромѣ описаннаго уже въ путешествіяхъ г.г. с.-петербургскихъ академиковъ, а по причинѣ страднаго времени,—добавляетъ Яковкинъ,—и едва возмогъ добраться до почтовой дороги“ [103].

Изъ писемъ Яковкина къ Румовскому можно видѣть, что профессоръ-директоръ собиралъ матеріалы для исторіи Казани, въ частности же—для исторіи разгрома въ 1774 году города Пугачевымъ. Собранные имъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи матеріалы должны были представлять собою высокій интересъ, такъ какъ въ началѣ минувшаго столѣтія въ Казани имѣлось еще не мало очевидцевъ этого событія, изъ каковыхъ, тридцатью годами позже (въ 1833 г.), всего лишь одного удалось уже розыскать здѣсь историку пугачевскаго бунта А. С. Пушкину. „Собираніе отъ самовидцевъ извѣстій о нанесенномъ злодѣемъ несчастіи Казани продолжаю по всей возможности,—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 21-го марта 1805 года,—сколько позволитъ хотя и малый остающійся досугъ; большую часть самыхъ нужнѣйшихъ свѣдѣній уже въ рукахъ имѣю, надобно только обработать по надлежащему“. Работа въ этомъ направленіи, какъ это усмат-

ривается изъ позднѣйшихъ писемъ Яковкина, продолжалась имъ еще въ серединѣ 1809 года, но никакихъ, хотя бы только случайныхъ, остатковъ этихъ интересныхъ работъ до нашихъ дней, къ сожалѣнію, не дошло [104].

Если труды Яковкина по составленію исторіи Казани и не привели ни къ какому окончательному результату, то болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи другому ярому любителю старины—профессору К. Ѳ. Фуксу, уже съ самаго прибытія въ Казань обратившему свои досуги на изслѣдованіе мѣстныхъ древностей, исторіи и этнографіи и которому принадлежитъ честь составленія первой исторіи города Казани. „Краткая исторія города Казани“ профессора Фукса, явившаяся плодомъ самостоятельнаго изученія имъ русскихъ лѣтописей, а также русскихъ и мусульманскихъ письменныхъ и устныхъ преданій, печаталась имъ въ теченіи 1817 года въ университетскихъ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ (№№ 67, 68 и 80) и въ томъ же году напечатана, въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ, отдѣльнымъ изданіемъ („Краткая исторія города Казани“, Казань, 1817). Судьба этой книжки представляется въ высшей степени любопытною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, загадочною: все изданіе,—если таковое только было выпущено, не ограничившись единственнымъ извѣстнымъ экземпляромъ,—безслѣдно исчезло и буквально единственный экземпляръ этой книжки имѣется лишь въ библіотекѣ пишущаго эти строки, будучи пріобрѣтенъ имъ лѣтъ десять тому назадъ на аукціонѣ книгъ, продававшихся послѣ смерти стариннаго и извѣстнаго казанскаго букиниста З. П. Рязанова, хранившаго ее, въ качествѣ высоко цѣнимой имъ и безусловной библіографической рѣдкости. Загадочная исторія этой рѣдчайшей книги побуждаетъ насъ удѣлить ей нѣсколько строкъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому *.

Изъ дѣятелей начальной поры существованія казанскаго университета въ качествѣ изслѣдователя вещественныхъ памятниковъ мѣстной древности выступалъ также хорошо знакомый намъ университетскій „поэтъ“ П. С. Кондыревъ, шедшій въ этомъ отношеніи по стопамъ своего учителя Яковкина. Въ іюнѣ 1809 года Кондыревъ, въ сотовариществѣ кандидатовъ Тимьянскаго и Шоника, совершилъ семидневную экскурсію въ спасскій уѣздъ, въ село Болгары, для осмотра остатковъ древней столицы царства волжскихъ булгаръ, въ то время какъ его спутники преслѣдовали въ эту экскурсію цѣли—ботаническія; результаты этой поѣздки остаются неизвѣстными. Большій интересъ представляетъ поѣздка Кондырева въ Чистополь-

* См. приложеніе V.

ривается изъ позднѣйшихъ писемъ Яковкина, продолжалась имъ еще въ серединѣ 1809 года, но никакихъ, хотя бы только случайныхъ, остатковъ этихъ интересныхъ работъ до нашихъ дней, къ сожалѣнію, не дошло [104].

Если труды Яковкина по составленію исторіи Казани и не привели ни къ какому окончательному результату, то болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи другому ярому любителю старины—профессору К. Ѳ. Фуксу, уже съ самаго прибытія въ Казань обратившему свои досуги на изслѣдованіе мѣстныхъ древностей, исторіи и этнографіи и которому принадлежитъ честь составленія первой исторіи города Казани. „Краткая исторія города Казани" профессора Фукса, явившаяся плодомъ самостоятельнаго изученія имъ русскихъ лѣтописей, а также русскихъ и мусульманскихъ письменныхъ и устныхъ преданій, печаталась имъ въ теченіи 1817 года въ университетскихъ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (№№ 67, 68 и 80) и въ томъ же году напечатана, въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ, отдѣльнымъ изданіемъ („Краткая исторія города Казани", Казань, 1817). Судьба этой книжки представляется въ высшей степени любопытною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, загадочною: все изданіе,—если таковое только было выпущено, не ограничившись единственнымъ извѣстнымъ экземпляромъ,—безслѣдно исчезло и буквально единственный экземпляръ этой книжки имѣется лишь въ библіотекѣ пишущаго эти строки, будучи пріобрѣтенъ имъ лѣтъ десять тому назадъ на аукціонѣ книгъ, продававшихся послѣ смерти стариннаго и извѣстнаго казанскаго букиниста З. П. Рязанова, хранившаго ее, въ качествѣ высоко цѣнимой имъ и безусловной библіографической рѣдкости. Загадочная исторія этой рѣдчайшей книги побуждаетъ насъ удѣлить ей нѣсколько строкъ въ приложеніяхъ къ настоящему тому *.

Изъ дѣятелей начальной поры существованія казанскаго университета въ качествѣ изслѣдователя вещественныхъ памятниковъ мѣстной древности выступалъ также хорошо знакомый намъ университетскій „поэтъ" П. С. Кондыревъ, шедшій въ этомъ отношеніи по стопамъ своего учителя Яковкина. Въ іюнѣ 1809 года Кондыревъ, въ сотовариществѣ кандидатовъ Тимьянскаго и Шоника, совершилъ семидневную экскурсію въ спасскій уѣздъ, въ село Болгары, для осмотра остатковъ древней столицы царства волжскихъ булгаръ, въ то время какъ его спутники преслѣдовали въ эту экскурсію цѣли—ботаническія; результаты этой поѣздки остаются неизвѣстными. Большій интересъ представляетъ поѣздка Кондырева въ Чистополь-

* См. приложеніе V.

скій уѣздъ, предпринятая имъ осенью (конецъ сентября и первая половина октября) 1812 года, по порученію совѣта университета, собственно для производства слѣдствія по взаимнымъ недоразумѣніямъ, возникшимъ между учителемъ чистопольскаго училища Лебедевымъ и мѣстнымъ коммерсантомъ Плаксинымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ дополнительнымъ порученіемъ осмотра нѣкоторыхъ прикамскихъ памятниковъ древности. Въ эту поѣздку Кондыревъ осмотрѣлъ восемь городищъ, съ Билярскимъ въ ихъ главѣ, нѣкоторыя древнія татарскія кладбища, покупалъ археологическія находки, собиралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ памятникахъ старины и т. п., изложивъ результатъ своей экскурсіи въ видѣ „дневной записки“ и „рапорта“, представленныхъ имъ въ совѣтъ; изъ пригорода Билярска нашему археологу пришлось спасаться почти бѣгствомъ въ виду возбужденія мѣстнаго населенія, принявшаго его (дѣло происходило въ приснопамятную пору отечественной войны) за французскаго эмиссара [105].

Если археологическія экскурсіи въ мѣста нахожденія древне-булгарскихъ памятниковъ, предпринимавшіяся Яковкинымъ и его излюбленнымъ ученикомъ, не носили серьезно-научнаго характера и едва ли способны были внести что нибудь новое въ мѣстную археологію, то совершенно иное слѣдуетъ сказать о дѣятельности въ томъ же направленіи профессора-медика Ѳ. Х. Эрдмана, съ трудами котораго по всестороннему изученію мѣстнаго края, отлившимися въ его трехтомный сборникъ „Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland“, мы въ общихъ чертахъ уже познакомились *. Эрдманъ въ 1813 году посѣтилъ, совмѣстно съ Френомъ, мѣстонахожденіе древняго города Булгара и составленное имъ описаніе его остатковъ заняло почетное мѣсто въ археологической литературѣ, наряду съ прежними описаніями его Палласомъ, Лепехинымъ и Озерецковскимъ, не утративъ значенія даже и для нашихъ дней [106].

Наряду съ трудами начальныхъ дѣятелей казанскаго университета по изслѣдованію вещественныхъ памятниковъ древности мѣстнаго края, не оставляли они безъ вниманія и заботъ по собиранію устныхъ преданій и по выясненію письменныхъ памятниковъ его прошлаго. Такъ, мы уже видѣли, что Яковкинъ старательно собиралъ данныя для исторіи г. Казани и, въ частности, для исторіи пугачевскаго погрома. Едва ли не по его ходатайству осенью 1811 года изъ казанскаго губернскаго правленія препровождены были университету копіи съ дѣла „о прибытіи въ Казань блаженныя и вѣчно достойныя памяти императрицы

* См. томъ I, стр. 264.

скій уѣздъ, предпринятая имъ осенью (конецъ сентября и первая половина октября) 1812 года, по порученію совѣта университета, собственно для производства слѣдствія по взаимнымъ недоразумѣніямъ, возникшимъ между учителемъ чистопольскаго училища Лебедевымъ и мѣстнымъ коммерсантомъ Плаксинымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ дополнительнымъ порученіемъ осмотра нѣкоторыхъ прикамскихъ памятниковъ древности. Въ эту поѣздку Кондыревъ осмотрѣлъ восемь городищъ, съ Билярскимъ въ ихъ главѣ, нѣкоторыя древнія татарскія кладбища, покупалъ археологическія находки, собиралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ памятникахъ старины и т. п., изложивъ результатъ своей экскурсіи въ видѣ „дневной записки“ и „рапорта“, представленныхъ имъ въ совѣтъ; изъ пригорода Билярска нашему археологу пришлось спасаться почти бѣгствомъ въ виду возбужденія мѣстнаго населенія, принявшаго его (дѣло происходило въ приснопамятную пору отечественной войны) за французскаго эмиссара [105].

Если археологическія экскурсіи въ мѣста нахожденія древне-булгарскихъ памятниковъ, предпринимавшіяся Яковкинымъ и его излюбленнымъ ученикомъ, не носили серьезно-научнаго характера и едва ли способны были внести что нибудь новое въ мѣстную археологію, то совершенно иное слѣдуетъ сказать о дѣятельности въ томъ же направленіи профессора-медика Ѳ. Х. Эрдмана, съ трудами котораго по всестороннему изученію мѣстнаго края, отлившимися въ его трехтомный сборникъ „Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland“, мы въ общихъ чертахъ уже познакомились *. Эрдманъ въ 1813 году посѣтилъ, совмѣстно съ Френомъ, мѣстонахожденіе древняго города Булгара и составленное имъ описаніе его остатковъ заняло почетное мѣсто въ археологической литературѣ, наряду съ прежними описаніями его Палласомъ, Лепехинымъ и Озерецковскимъ, не утративъ значенія даже и для нашихъ дней [106].

Наряду съ трудами начальныхъ дѣятелей казанскаго университета по изслѣдованію вещественныхъ памятниковъ древности мѣстнаго края, не оставляли они безъ вниманія и заботъ по собиранію устныхъ преданій и по выясненію письменныхъ памятниковъ его прошлаго. Такъ, мы уже видѣли, что Яковкинъ старательно собиралъ данныя для исторіи г. Казани и, въ частности, для исторіи пугачевскаго погрома. Едва ли не по его ходатайству осенью 1811 года изъ казанскаго губернскаго правленія препровождены были университету копіи съ дѣла „о прибытіи въ Казань блаженныя и вѣчно достойныя памяти императрицы

* См. томъ I, стр. 264.

Екатерины, о приготовленіяхъ, какія были при семъ случаѣ", а также „двѣ вѣдомости, первая—о потерпѣнныхъ казанскими обывателями отъ пожара и грабежа, произведеннаго злодѣемъ и бунтовщикомъ Емелькою Пугачевымъ, раззореніяхъ, и вторая—о числѣ лшившихся при семъ случаѣ разнаго званія людей жизни". Эти копіи совѣтомъ постановлено было передать казанскому обществу любителей словесности, въ сохранившихся бумагахъ котораго мы тщетно ихъ розыскивали, а такъ какъ подлинники ихъ несомнѣнно погибли въ колоссальный пожаръ 1815 года, истребившій архивъ губернскаго правленія, то едва ли не въ правѣ будемъ мы почитать, хотя и съ крайнимъ сожалѣніемъ, эти цѣнные матеріалы окончательно утраченными для казанской исторіи [107]. Во второй половинѣ іюля 1809 года Яковкинъ ѣздилъ на недѣлю въ г. Свіяжскъ, съ спеціальною цѣлью осмотра библіотеки и собранія рукописей мѣстнаго Богородицкаго монастыря, отобравъ здѣсь три рукописи, остановившія на себѣ его вниманіе по представляемому ими историческому интересу и подробное описаніе которыхъ было имъ препровождено Румовскому въ письмѣ отъ 30-го августа того же года. Приказавъ снять съ нихъ копіи, онъ затѣмъ передалъ послѣднія для храненія въ университетскую библіотеку, въ отдѣлѣ рукописей которой онѣ хранятся и въ настоящее время, подлинники же были обратно возвращены монастырю [108].

Не были представителямъ молодого университета чужды и заботы о собираніи восточныхъ рукописей—задача особенно благодарная по мѣстнымъ условіямъ края, побудившая проф. Френа еще въ 1811 году сдѣлать въ начавшихся тогда издаваться „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (№ 32-ой) публикацію о томъ, что онъ покупаетъ „рукописи на арабскомъ языкѣ, особенно историческаго содержанія, и стихи, и древнія восточныя монеты". Адъюнктъ Кондыревъ, во время уже извѣстной намъ своей билярской экскурсіи 1812 года, тщательно развѣдывалъ у муллъ окрестныхъ селеній—„не имѣютъ ли они какихъ рукописей или памятниковъ", и, не смотря на всѣ свои старанія, „едва получилъ отъ нихъ письменныя, весьма небольшія, извѣстія: а) касательно первоначальнаго заведенія Болгаръ, б) выписку изъ книги жизнеописанія Тамерлана о покореніи имъ Болгаръ и Билярска, в) о началѣ старой Казани, г) о святыхъ татарскихъ, находящихся близь Билярска, и д) о нѣкоторыхъ ученыхъ татарскихъ, родомъ болгарцевъ"; судьба добытыхъ Кондыревымъ этимъ путемъ рукописей остается намъ неизвѣстною. Интересъ Френа къ памятникамъ мусульманской письменности раздѣлялъ и его ученикъ Ярцовъ, лѣтомъ 1816 года выступившій съ ходатайствомъ относительно командированія его въ де-

Екатерины, о приготовленіяхъ, какія были при семъ случаѣ", а также „двѣ вѣдомости, первая—о потерпѣнныхъ казанскими обывателями отъ пожара и грабежа, произведеннаго злодѣемъ и бунтовщикомъ Емелькою Пугачевымъ, раззореніяхъ, и вторая—о числѣ лшившихся при семъ случаѣ разнаго званія людей жизни". Эти копіи совѣтомъ постановлено было передать казанскому обществу любителей словесности, въ сохранившихся бумагахъ котораго мы тщетно ихъ розыскивали, а такъ какъ подлинники ихъ несомнѣнно погибли въ колоссальный пожаръ 1815 года, истребившій архивъ губернскаго правленія, то едва ли не въ правѣ будемъ мы почитать, хотя и съ крайнимъ сожалѣніемъ, эти цѣнные матеріалы окончательно утраченными для казанской исторіи [107]. Во второй половинѣ іюля 1809 года Яковкинъ ѣздилъ на недѣлю въ г. Свіяжскъ, съ спеціальною цѣлью осмотра библіотеки и собранія рукописей мѣстнаго Богородицкаго монастыря, отобравъ здѣсь три рукописи, остановившія на себѣ его вниманіе по представляемому ими историческому интересу и подробное описаніе которыхъ было имъ препровождено Румовскому въ письмѣ отъ 30-го августа того же года. Приказавъ снять съ нихъ копіи, онъ затѣмъ передалъ послѣднія для храненія въ университетскую библіотеку, въ отдѣлѣ рукописей которой онѣ хранятся и въ настоящее время, подлинники же были обратно возвращены монастырю [108].

Не были представителямъ молодого университета чужды и заботы о собираніи восточныхъ рукописей—задача особенно благодарная по мѣстнымъ условіямъ края, побудившая проф. Френа еще въ 1811 году сдѣлать въ начавшихся тогда издаваться „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (№ 32-ой) публикацію о томъ, что онъ покупаетъ „рукописи на арабскомъ языкѣ, особенно историческаго содержанія, и стихи, и древнія восточныя монеты". Адъюнктъ Кондыревъ, во время уже извѣстной намъ своей билярской экскурсіи 1812 года, тщательно развѣдывалъ у муллъ окрестныхъ селеній—„не имѣютъ ли они какихъ рукописей или памятниковъ", и, не смотря на всѣ свои старанія, „едва получилъ отъ нихъ письменныя, весьма небольшія, извѣстія: а) касательно первоначальнаго заведенія Болгаръ, б) выписку изъ книги жизнеописанія Тамерлана о покореніи имъ Болгаръ и Билярска, в) о началѣ старой Казани, г) о святыхъ татарскихъ, находящихся близь Билярска, и д) о нѣкоторыхъ ученыхъ татарскихъ, родомъ болгарцевъ"; судьба добытыхъ Кондыревымъ этимъ путемъ рукописей остается намъ неизвѣстною. Интересъ Френа къ памятникамъ мусульманской письменности раздѣлялъ и его ученикъ Ярцовъ, лѣтомъ 1816 года выступившій съ ходатайствомъ относительно командированія его въ де-

ревню Сабу, казанской губерніи, въ которой, по его словамъ, проживаетъ „весьма ученый мулла Сейфудинъ, который, обучившись въ Бухаріи и Самаркандѣ, болѣе десяти лѣтъ путешествовалъ по всѣмъ восточнымъ странамъ и имѣетъ лучшую и многочисленную библіотеку восточныхъ писателей въ здѣшнихъ мѣстахъ"; ходатайство Ярцова было удовлетворено, но ни о результатахъ его знакомства съ ученымъ муллою, ни о судьбѣ библіотеки этого послѣдняго—никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно, далѣе, что и профессоръ К. Ѳ. Фуксъ тщательно собиралъ мѣстные памятники письменности, изъ которыхъ впослѣдствіе образовалось у него богатое собраніе рукописей татарскихъ, русскихъ (въ частности—раскольничьихъ), безслѣдно исчезнувшее со смертью его обладателя [109].

Не могли не интересовать собою людей казанской науки и мѣстные архивы, въ особенности архивъ казанскаго губернскаго правленія, заключавшій въ себѣ драгоцѣнныя данныя для исторіи Казани и казанскаго края, начиная со времени присоединенія къ московскому государству обширнаго казанскаго царства. О разрѣшеніи ему занятій въ этомъ архивѣ, еще при самомъ назначеніи въ Казань, хлопоталъ профессоръ правовѣдѣнія И. Е. Нейманъ, хотя и для цѣлей исключительно пропедевтическихъ, такъ какъ „для преподаванія русскаго права,—заявлялъ онъ,—равно какъ для систематическаго изложенія русскихъ законовъ, необходимо требуется познаніе всѣхъ указовъ, какъ имѣвшихъ законную силу, такъ и тѣхъ, которые еще нынѣ законную силу имѣютъ". Особенно интересовался „архивою" казанскаго университета,—но уже въ видахъ исключительно историческихъ,—профессоръ К. Ѳ. Фуксъ, усиленно хлопотавшій о разрѣшеніи ему снять копіи съ наиболѣе важныхъ документовъ этого архива и обратившійся по этому поводу съ ходатайствомъ къ тогдашнему губернатору Мансурову: „Губернаторъ,—впослѣдствіе вспоминалъ по этому поводу Фуксъ,—въ это время былъ человѣкъ необразованный, хотя болтавшій по-французски, безпечный, думавшій больше о картахъ и женщинахъ, чѣмъ о дѣлахъ; онъ принялъ меня очень грубо и отвѣчалъ на мою просьбу—ни да, ни нѣтъ". Снять копіи съ драгоцѣнныхъ актовъ „архивы" нашему ученому такъ и не удалось,—между тѣмъ въ пожаръ 3-го сентября 1815 года весь архивъ губернскаго правленія, вмѣстѣ съ присутственными мѣстами, сдѣлался жертвою огня. Въ самый разгаръ этого страшнаго бѣдствія, Фуксъ еще предпринялъ попытку спасти драгоцѣнное казанское древнехранилище: „Когда пламя уже охватило губернское правленіе,—разсказывалъ Фуксъ,—я хотѣлъ было войти туда и спас-

ревню Сабу, казанской губерніи, въ которой, по его словамъ, проживаетъ „весьма ученый мулла Сейфудинъ, который, обучившись въ Бухаріи и Самаркандѣ, болѣе десяти лѣтъ путешествовалъ по всѣмъ восточнымъ странамъ и имѣетъ лучшую и многочисленную библіотеку восточныхъ писателей въ здѣшнихъ мѣстахъ"; ходатайство Ярцова было удовлетворено, но ни о результатахъ его знакомства съ ученымъ муллою, ни о судьбѣ библіотеки этого послѣдняго—никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно, далѣе, что и профессоръ К. Ѳ. Фуксъ тщательно собиралъ мѣстные памятники письменности, изъ которыхъ впослѣдствіе образовалось у него богатое собраніе рукописей татарскихъ, русскихъ (въ частности—раскольничьихъ), безслѣдно исчезнувшее со смертью его обладателя [109].

Не могли не интересовать собою людей казанской науки и мѣстные архивы, въ особенности архивъ казанскаго губернскаго правленія, заключавшій въ себѣ драгоцѣнныя данныя для исторіи Казани и казанскаго края, начиная со времени присоединенія къ московскому государству обширнаго казанскаго царства. О разрѣшеніи ему занятій въ этомъ архивѣ, еще при самомъ назначеніи въ Казань, хлопоталъ профессоръ правовѣдѣнія И. Е. Нейманъ, хотя и для цѣлей исключительно пропедевтическихъ, такъ какъ „для преподаванія русскаго права,—заявлялъ онъ,—равно какъ для систематическаго изложенія русскихъ законовъ, необходимо требуется познаніе всѣхъ указовъ, какъ имѣвшихъ законную силу, такъ и тѣхъ, которые еще нынѣ законную силу имѣютъ". Особенно интересовался „архивою" казанскаго университета,—но уже въ видахъ исключительно историческихъ,—профессоръ К. Ѳ. Фуксъ, усиленно хлопотавшій о разрѣшеніи ему снять копіи съ наиболѣе важныхъ документовъ этого архива и обратившійся по этому поводу съ ходатайствомъ къ тогдашнему губернатору Мансурову: „Губернаторъ,—впослѣдствіе вспоминалъ по этому поводу Фуксъ,—въ это время былъ человѣкъ необразованный, хотя болтавшій по-французски, безпечный, думавшій больше о картахъ и женщинахъ, чѣмъ о дѣлахъ; онъ принялъ меня очень грубо и отвѣчалъ на мою просьбу—ни да, ни нѣтъ". Снять копіи съ драгоцѣнныхъ актовъ „архивы" нашему ученому такъ и не удалось,—между тѣмъ въ пожаръ 3-го сентября 1815 года весь архивъ губернскаго правленія, вмѣстѣ съ присутственными мѣстами, сдѣлался жертвою огня. Въ самый разгаръ этого страшнаго бѣдствія, Фуксъ еще предпринялъ попытку спасти драгоцѣнное казанское древнехранилище: „Когда пламя уже охватило губернское правленіе,—разсказывалъ Фуксъ,—я хотѣлъ было войти туда и спас-

ти грамоты, но пожаръ былъ такъ силенъ, что я принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія". Въ этотъ памятный пожаръ 3-го сентября 1815 года безслѣдно погибли въ огнѣ драгоцѣннѣйшіе архивные матеріалы для исторіи Казани и казанскаго края [110].

Къ кругу вещественныхъ памятниковъ древностей казанскаго края примыкаетъ и восточная нумизматика, которая уже очень рано нашла себѣ горячихъ адептовъ среди мѣстныхъ любителей старины, даже не принадлежавшихъ къ ученому составу казанскаго университета; такъ, намъ уже извѣстно, что въ описываемую пору въ Казани имѣлись видныя коллекціи восточныхъ (главнымъ образомъ джучидскихъ) монетъ, принадлежавшія владѣльцу частнаго пансіона Потто и помѣщику Неѣлову, изъ которыхъ первое было въ 1813 году научно описано проф. Френомъ *. Страстнымъ коллекціонеромъ восточныхъ монетъ явился и проф. Фуксъ, богатое нумизматическое собраніе котораго дало матеріалъ для одного изъ извѣстнѣйшихъ трудовъ академика Френа („Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's", Спб. 1832) и которое впослѣдствіе было пріобрѣтено за 12 тыс. рублей ассигнаціями казанскимъ университетомъ. Такимъ же страстнымъ нумизматомъ выступалъ и самъ проф. Френъ въ казанскую эпоху своей научной дѣятельности, потребовавшій, что бы въ выданный ему казанскимъ университетомъ аттестатъ о службѣ было включено, что онъ своими сочиненіями „объяснилъ, до него покрытое глубокимъ мракомъ, знаніе монетъ хановъ Золотой Орды". Коллекція монетъ и медалей, лѣтомъ 1821 года проданная имъ за 250 р. университету, имѣлась, какъ оказывается, и у проф. Яковкина [111].

Въ связи съ другими вопросами мѣстно-областнаго характера, не оставлялась безъ вниманія и мѣстная этнографія. И на этой почвѣ неутомимымъ дѣятелемъ выступалъ профес. К. Ѳ. Фуксъ, не оставлявшій этой благодарной, по мѣстнымъ условіямъ, сферы наблюденій и изслѣдованій и во все остальное время своей жизни. „Пріѣхавъ въ Казань,—писалъ впослѣдствіе К. Ѳ. Фуксъ,—я нашелъ тамъ очень много любопытнаго и описывалъ все, что могъ; татары тотчасъ обратили на себя мое вниманіе: я занимался ими съ усердіемъ и описывалъ ихъ религіозные обряды, праздники, обычаи и образъ семейной жизни"; „въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ,—добавляетъ онъ,—я имѣлъ случай быть и иногда нарочно ѣздилъ по татарскимъ деревнямъ разныхъ уѣздовъ". Благодаря своей медицинской практикѣ, знанію татарскаго языка и, главнымъ обра-

* См. томъ I, стр. 224—225.

ти грамоты, но пожаръ былъ такъ силенъ, что я принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія“. Въ этотъ памятный пожаръ 3-го сентября 1815 года безслѣдно погибли въ огнѣ драгоцѣннѣйшіе архивные матеріалы для исторіи Казани и казанскаго края [110].

Къ кругу вещественныхъ памятниковъ древностей казанскаго края примыкаетъ и восточная нумизматика, которая уже очень рано нашла себѣ горячихъ адептовъ среди мѣстныхъ любителей старины, даже не принадлежавшихъ къ ученому составу казанскаго университета; такъ, намъ уже извѣстно, что въ описываемую пору въ Казани имѣлись видныя коллекціи восточныхъ (главнымъ образомъ джучидскихъ) монетъ, принадлежавшія владѣльцу частнаго пансіона Потто и помѣщику Неѣлову, изъ которыхъ первое было въ 1813 году научно описано проф. Френомъ *. Страстнымъ коллекціонеромъ восточныхъ монетъ явился и проф. Фуксъ, богатое нумизматическое собраніе котораго дало матеріалъ для одного изъ извѣстнѣйшихъ трудовъ академика Френа („Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's“, Спб. 1832) и которое впослѣдствіе было пріобрѣтено за 12 тыс. рублей ассигнаціями казанскимъ университетомъ. Такимъ же страстнымъ нумизматомъ выступалъ и самъ проф. Френъ въ казанскую эпоху своей научной дѣятельности, потребовавшій, что бы въ выданный ему казанскимъ университетомъ аттестатъ о службѣ было включено, что онъ своими сочиненіями „объяснилъ, до него покрытое глубокимъ мракомъ, знаніе монетъ хановъ Золотой Орды“. Коллекція монетъ и медалей, лѣтомъ 1821 года проданная имъ за 250 р. университету, имѣлась, какъ оказывается, и у проф. Яковкина [111].

Въ связи съ другими вопросами мѣстно-областнаго характера, не оставлялась безъ вниманія и мѣстная этнографія. И на этой почвѣ неутомимымъ дѣятелемъ выступалъ профес. К. Ѳ. Фуксъ, не оставлявшій этой благодарной, по мѣстнымъ условіямъ, сферы наблюденій и изслѣдованій и во все остальное время своей жизни. „Пріѣхавъ въ Казань,—писалъ впослѣдствіе К. Ѳ. Фуксъ,—я нашелъ тамъ очень много любопытнаго и описывалъ все, что могъ; татары тотчасъ обратили на себя мое вниманіе: я занимался ими съ усердіемъ и описывалъ ихъ религіозные обряды, праздники, обычаи и образъ семейной жизни“; „въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ,—добавляетъ онъ,—я имѣлъ случай быть и иногда нарочно ѣздилъ по татарскимъ деревнямъ разныхъ уѣздовъ“. Благодаря своей медицинской практикѣ, знанію татарскаго языка и, главнымъ обра-

* См. томъ I, стр. 224—225.

зомъ, благодаря своему благодушно-общительному характеру, Фуксъ успѣлъ отвоевать себѣ большое довѣріе и большую популярность среди татарскаго населенія г. Казани (онъ и жилъ въ татарской части города, пріобрѣтя себѣ домъ на Сѣнной площади—нынѣ домъ купца Ерлыкина), вслѣдствіе чего ему и были открыты всѣ сокровенные тайники татарской жизни—до романтическихъ и интимныхъ сторонъ этой послѣдней, включительно. Своими наблюденіями въ области условій жизни казанскихъ татаръ Фуксъ дѣлился съ публикою въ рядѣ статей этнографическаго характера, помѣщавшихся имъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (въ особенности за 1814 и 1815 годы), позже же онъ свелъ ихъ, въ дополненномъ видѣ, въ своемъ трудѣ „Казанскіе татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ" (К. 1844), сдѣлавшимся въ наши дни уже библіографическою рѣдкостью [112].

Исключительныя географическія условія центра, въ которомъ зародился новый русскій университетъ, не могли не дать уже первымъ дѣятелямъ его толчка къ изученію физическихъ и естественно-историческихъ особенностей мѣстнаго края.

И здѣсь на первыхъ же порахъ сталкиваемся мы съ дѣятельностью Яковкина, повидимому почитавшаго себя компетентнымъ во всѣхъ отрасляхъ знанія. Такъ, еще лѣтомъ 1804 года, слѣдовательно до открытія университета, онъ беретъ на себя опредѣленіе географическаго положенія Казани, вслѣдствіе запроса, поступившаго въ этомъ смыслѣ со стороны казанскаго губернскаго правленія въ гимназію, поставленную въ немалое затрудненіе, такъ какъ точныхъ свѣдѣній относительно этого никакихъ не имѣлось. Совѣтъ гимназіи поручилъ это дѣло Яковкину, который и совладалъ съ нимъ способомъ довольно примитивнымъ, вымѣривъ географическое положеніе города, съ помощью циркуля, по подробному атласу Россіи 1792 года и получивъ этимъ путемъ слѣдующія данныя: для сѣверной широты—55°47′22″, для восточной долготы—67°9′30″ [113].

Осенью 1805 года не мало озабочивали Яковкина хлопоты по раскопкѣ „слоновьяго (т. е. мамонтова) костяка", который сдѣлался предметомъ цѣлой переписки между директоромъ и попечителемъ и заслуживаетъ вниманія, въ качествѣ перваго объекта палеонтолическихъ изслѣдованій казанскаго университета.

„Имѣю честь донести вашему превосходительству,—докладывалъ Яковкинъ попечителю въ письмѣ отъ 31-го іюля 1805 года,—что въ пяти верстахъ отъ Тетюшъ къ западу, въ Нарманкѣ, деревнѣ подполков-

зомъ, благодаря своему благодушно-общительному характеру, Фуксъ успѣлъ отвоевать себѣ большое довѣріе и большую популярность среди татарскаго населенія г. Казани (онъ и жилъ въ татарской части города, пріобрѣтя себѣ домъ на Сѣнной площади—нынѣ домъ купца Ерлыкина), вслѣдствіе чего ему и были открыты всѣ сокровенные тайники татарской жизни—до романтическихъ и интимныхъ сторонъ этой послѣдней, включительно. Своими наблюденіями въ области условій жизни казанскихъ татаръ Фуксъ дѣлился съ публикою въ рядѣ статей этнографическаго характера, помѣщавшихся имъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (въ особенности за 1814 и 1815 годы), позже же онъ свелъ ихъ, въ дополненномъ видѣ, въ своемъ трудѣ „Казанскіе татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ" (К. 1844), сдѣлавшимся въ наши дни уже библіографическою рѣдкостью [112].

Исключительныя географическія условія центра, въ которомъ зародился новый русскій университетъ, не могли не дать уже первымъ дѣятелямъ его толчка къ изученію физическихъ и естественно-историческихъ особенностей мѣстнаго края.

И здѣсь на первыхъ же порахъ сталкиваемся мы съ дѣятельностью Яковкина, повидимому почитавшаго себя компетентнымъ во всѣхъ отрасляхъ знанія. Такъ, еще лѣтомъ 1804 года, слѣдовательно до открытія университета, онъ беретъ на себя опредѣленіе географическаго положенія Казани, вслѣдствіе запроса, поступившаго въ этомъ смыслѣ со стороны казанскаго губернскаго правленія въ гимназію, поставленную въ немалое затрудненіе, такъ какъ точныхъ свѣдѣній относительно этого никакихъ не имѣлось. Совѣтъ гимназіи поручилъ это дѣло Яковкину, который и совладалъ съ нимъ способомъ довольно примитивнымъ, вымѣривъ географическое положеніе города, съ помощью циркуля, по подробному атласу Россіи 1792 года и получивъ этимъ путемъ слѣдующія данныя: для сѣверной широты—55°47'22", для восточной долготы—67°9'30" [113].

Осенью 1805 года не мало озабочивали Яковкина хлопоты по раскопкѣ „слоновьяго (т. е. мамонтова) костяка", который сдѣлался предметомъ цѣлой переписки между директоромъ и попечителемъ и заслуживаетъ вниманія, въ качествѣ перваго объекта палеонтолическихъ изслѣдованій казанскаго университета.

„Имѣю честь донести вашему превосходительству,—докладывалъ Яковкинъ попечителю въ письмѣ отъ 31-го іюля 1805 года,—что въ пяти верстахъ отъ Тетюшъ къ западу, въ Нарманкѣ, деревнѣ подполков-

ника Страхова, дяди студентовъ Панаевыхъ, при копаніи глины для дѣланія кирпичей, на семи аршинахъ отъ поверхности земной, найдены сперва коренной зубъ, а потомъ и клыкъ слоновые, кои ко мнѣ и присланы съ нарочнымъ; почему, 28-го числа отправившись туда, осмотрѣлъ я мѣстоположеніе и при дальнѣйшемъ разрываніи усмотрѣлъ другой клыкъ, длиною отъ основанія до конца по прямой линіи на три аршина съ половиною, и черепъ—весьма рыхлые и по слоямъ легко разваливающіеся; и для того, показавъ, съ какою осторожностью отрывать должно, возвратился 30-го дня сего іюля обратно въ Казань. При дружескомъ содѣйствіи и особенномъ по сему обстоятельству удовольствіи самого помѣщика, надѣюсь получить оттуда съ показанными отъ меня предосторожностями цѣлый костякъ слоновый для натуральнаго нашего кабинета и собрать его на проволоку".

Мы не будемъ излагать ни дальнѣйшаго хода работъ по извлеченію этого мамонтова костяка, ни научныхъ соображеній, высказывавшихся по тому же поводу Яковкинымъ, отсылая интересующихся къ книгѣ проф. Булича, гдѣ весь эпизодъ разсказанъ съ большою подробностью; замѣтимъ лишь, что никакихъ слѣдовъ этой палеонтологической находки въ современномъ геологическомъ кабинетѣ университета не сохранилось [114].

Не разъ имѣли мы случай отмѣчать то широкое развитіе, какое получила постановка физико-математическаго знанія уже въ первую пору существованія казанскаго университета. Это замѣчаніе можетъ считаться справедливымъ какъ по отношенію къ знанію собственно математическому, такъ и по отношенію къ знанію естественно-историческому, любовь къ которому была глубоко укоренена въ юныхъ питомцахъ университета первымъ ученымъ казанскимъ натуралистомъ—К. Ѳ. Фуксомъ. Одинъ изъ біографовъ Фукса, проф. А. А. Штукенбергъ, замѣчаетъ, что Фуксъ свои теоретическія чтенія „оживлялъ изученіемъ окружающей природы, совершая для этой цѣли экскурсіи съ студентами въ окрестностяхъ Казани, во время которыхъ собирали растенія и животныхъ". „Наиболѣе привлекали Фукса и его слушателей чешуекрылыя,—продолжаетъ проф. Штукенбергъ,—мы имѣемъ литературныя свидѣтельства, что первые слушатели Фукса, Аксаковъ, Панаевъ, Тимьянскій и другіе, увлекались этимъ дѣломъ настолько, что въ короткое время составили болѣе или менѣе полныя коллекціи бабочекъ окрестностей Казани". Фуксъ, умѣя увлекать своихъ слушателей изученіемъ природы, и самъ увлекался имъ и „вѣроятно сдѣлался бы выдающимся натуралистомъ своего времени,—высказываетъ проф. Штукенбергъ,—если бы порвалъ связи съ практическою медициною", оффиціальнымъ университетскимъ представителемъ которой съ 1818 года онъ и сдѣ-

ника Страхова, дяди студентовъ Панаевыхъ, при копанiи глины для дѣланiя кирпичей, на семи аршинахъ отъ поверхности земной, найдены сперва коренной зубъ, а потомъ и клыкъ слоновые, кои ко мнѣ и присланы съ нарочнымъ; почему, 28-го числа отправившись туда, осмотрѣлъ я мѣстоположенiе и при дальнѣйшемъ разрываніи усмотрѣлъ другой клыкъ, длиною отъ основанiя до конца по прямой линiи на три аршина съ половиною, и черепъ—весьма рыхлые и по слоямъ легко разваливающiеся; и для того, показавъ, съ какою осторожностью отрывать должно, возвратился 30-го дня сего iюля обратно въ Казань. При дружескомъ содѣйствiи и особенномъ по сему обстоятельству удовольствiи самого помѣщика, надѣюсь получить оттуда съ показанными мною отъ меня предосторожностями цѣлый костякъ слоновый для натуральнаго нашего кабинета и собрать его на проволоку".

Мы не будемъ излагать ни дальнѣйшаго хода работъ по извлеченiю этого мамонтова костяка, ни научныхъ соображенiй, высказывавшихся по тому же поводу Яковкинымъ, отсылая интересующихся къ книгѣ проф. Булича, гдѣ весь эпизодъ разсказанъ съ большою подробностью; замѣтимъ лишь, что никакихъ слѣдовъ этой палеонтологической находки въ современномъ геологическомъ кабинетѣ университета не сохранилось [114].

Не разъ имѣли мы случай отмѣчать то широкое развитiе, какое получила постановка физико-математическаго знанiя уже въ первую пору существованiя казанскаго университета. Это замѣчанiе можетъ считаться справедливымъ какъ по отношенiю къ знанiю собственно математическому, такъ и по отношенiю къ знанiю естественно-историческому, любовь къ которому была глубоко укоренена въ юныхъ питомцахъ университета первымъ ученымъ казанскимъ натуралистомъ—К. Ѳ. Фуксомъ. Одинъ изъ бiографовъ Фукса, проф. А. А. Штукенбергъ, замѣчаетъ, что Фуксъ свои теоретическiя чтенiя „оживлялъ изученiемъ окружающей природы, совершая для этой цѣли экскурсiи съ студентами въ окрестностяхъ Казани, во время которыхъ собирали растенiя и животныхъ". „Наиболѣе привлекали Фукса и его слушателей чешуекрылыя,—продолжаетъ проф. Штукенбергъ,—мы имѣемъ литературныя свидѣтельства, что первые слушатели Фукса, Аксаковъ, Панаевъ, Тимьянскiй и другiе, увлекались этимъ дѣломъ настолько, что въ короткое время составили болѣе или менѣе полныя коллекцiи бабочекъ окрестностей Казани". Фуксъ, умѣя увлекать своихъ слушателей изученiемъ природы, и самъ увлекался имъ и „вѣроятно сдѣлался бы выдающимся натуралистомъ своего времени,—высказываетъ проф. Штукенбергъ,—если бы порвалъ связи съ практическою медициною", оффицiальнымъ университетскимъ представителемъ которой съ 1818 года онъ и сдѣ-

лался. Будучи страстнымъ коллекціонеромъ, Фуксъ, въ числѣ другихъ собраній, составилъ богатыя естественно-историческія коллекціи, изъ которыхъ его собраніе млекопитающихся и птицъ казанской губерніи было впослѣдствіе пріобрѣтено университетомъ. Домъ Фукса представлялъ собою настоящій музей. „Всѣ комнаты его,—пишетъ другой біографъ Фукса,—уставлены были шкапами и сундуками, въ которыхъ тщательно сохранялось это научное богатство; пріобрѣтеніе чего либо новаго для его собранія приводило Фукса въ полный восторгъ и на обогащеніе своего музея онъ не щадилъ средствъ и затрачивалъ значительныя суммы, выписывая разные предметы даже изъ заграницы". Спутникъ Гумбольдта, Розе, описывая пребываніе знаменитаго натуралиста въ Казани и осмотръ имъ казанскихъ достопримѣчательностей, останавливаетъ вниманіе на богатствѣ естественно-историческихъ коллекцій Фукса. Въ погонѣ за новыми пріобрѣтеніями для своего музея Фуксъ вступалъ даже въ коллизію съ университетомъ; такъ, въ 1819 году онъ перебилъ у университета пріобрѣтеніе коллекціи червей-паразитовъ и череповъ, оставшуюся послѣ умершаго ректора Брауна и продававшуюся его вдовою [115].

Болѣе или менѣе научно обставленными наблюденіями естественно-историческаго характера сопровождались и различныя путешествія и поѣздки, предпринимавшіяся представителями университета или по дѣламъ службы, или съ какими либо цѣлями спеціальнаго характера. Если многія изъ подобнаго рода наблюденій,—въ родѣ напримѣръ, опубликованнаго Яковкинымъ въ 1811 году, „въ Казанскихъ Извѣстіяхъ" (№ 29), „наблюденія надъ насѣкомыми, выпавшими на снѣгу", сдѣланнаго имъ во время поѣздки на богомолье въ подгородную Седміозерную пустынь и о которомъ онъ особымъ рапортомъ представлялъ даже попечителю,—и носили чисто дилетантскій, порою наивный, характеръ, за то нѣкоторыя изъ нихъ принимали вполнѣ научный видъ; таковы, напримѣръ, естественно-историческіе результаты уже знакомыхъ намъ многочисленныхъ поѣздокъ проф. Эрдмана или данныя, собранныя проф. Вуттигомъ во время его поѣздки въ 1809 году на Уралъ.

Въ ряду научныхъ изслѣдованій, предпринимавшихся членами казанскаго университета въ интересующую насъ эпоху, заслуживаютъ вниманія изслѣдованія бальнеологическія, начало которымъ было положено проф. К. Ѳ. Фуксомъ по отношенію къ Сергіевскимъ сѣрнымъ минеральнымъ водамъ (въ нынѣшней самарской губерніи). Въ 1809 году Фуксъ ѣздилъ къ Сергіевскимъ минеральнымъ водамъ, цѣлительныя свойства которыхъ въ то время только что начали пріобрѣтать извѣстность,

лался. Будучи страстнымъ коллекціонеромъ, Фуксъ, въ числѣ другихъ собраній, составилъ богатыя естественно-историческія коллекціи, изъ которыхъ его собраніе млекопитающихся и птицъ казанской губерніи было впослѣдствіе пріобрѣтено университетомъ. Домъ Фукса представлялъ собою настоящій музей. „Всѣ комнаты его,—пишетъ другой біографъ Фукса,—уставлены были шкапами и сундуками, въ которыхъ тщательно сохранялось это научное богатство; пріобрѣтеніе чего либо новаго для его собранія приводило Фукса въ полный восторгъ и на обогащеніе своего музея онъ не щадилъ средствъ и затрачивалъ значительныя суммы, выписывая разные предметы даже изъ заграницы". Спутникъ Гумбольдта, Розе, описывая пребываніе знаменитаго натуралиста въ Казани и осмотръ имъ казанскихъ достопримѣчательностей, останавливаетъ вниманіе на богатствѣ естественно-историческихъ коллекцій Фукса. Въ погонѣ за новыми пріобрѣтеніями для своего музея Фуксъ вступалъ даже въ коллизію съ университетомъ; такъ, въ 1819 году онъ перебилъ у университета пріобрѣтеніе коллекціи червей-паразитовъ и череповъ, оставшуюся послѣ умершаго ректора Брауна и продававшуюся его вдовою [115].

Болѣе или менѣе научно обставленными наблюденіями естественно-историческаго характера сопровождались и различныя путешествія и поѣздки, предпринимавшіяся представителями университета или по дѣламъ службы, или съ какими либо цѣлями спеціальнаго характера. Если многія изъ подобнаго рода наблюденій,—въ родѣ напримѣръ, опубликованнаго Яковкинымъ въ 1811 году, „въ Казанскихъ Извѣстіяхъ" (№ 29), „наблюденія надъ насѣкомыми, выпавшими на снѣгу", сдѣланнаго имъ во время поѣздки на богомолье въ подгородную Седміозерную пустынь и о которомъ онъ особымъ рапортомъ представлялъ даже попечителю,—и носили чисто диллетантскій, порою наивный, характеръ, за то нѣкоторыя изъ нихъ принимали вполнѣ научный видъ; таковы, напримѣръ, естественно-историческіе результаты уже знакомыхъ намъ многочисленныхъ поѣздокъ проф. Эрдмана или данныя, собранныя проф. Вуттигомъ во время его поѣздки въ 1809 году на Уралъ.

Въ ряду научныхъ изслѣдованій, предпринимавшихся членами казанскаго университета въ интересующую насъ эпоху, заслуживаютъ вниманія изслѣдованія бальнеологическія, начало которымъ было положено проф. К. Ѳ. Фуксомъ по отношенію къ Сергіевскимъ сѣрнымъ минеральнымъ водамъ (въ нынѣшней самарской губерніи). Въ 1809 году Фуксъ ѣздилъ къ Сергіевскимъ минеральнымъ водамъ, цѣлительныя свойства которыхъ въ то время только что начали пріобрѣтать извѣстность,

по приглашенію хорошо уже знакомаго намъ оренбургскаго военнаго губернатора князя Г. С. Волконскаго, для спеціальнаго ихъ изслѣдованія, результатомъ котораго явилась его брошюра: „Краткое описаніе Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ" (Каз., 1810, напечатана безъ имени автора). Лѣтомъ 1811 года, по предписанію министра народнаго просвѣщенія, Фуксъ былъ снова командированъ „къ оренбургскому г. военному губернатору князю Г. С. Волконскому для ближайшаго наблюденія Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ на два мѣсяца"; часто наѣзжалъ онъ по лѣтамъ въ Сергіевскъ, гдѣ у него образовалась даже обширная врачебная практика, и въ послѣдующіе годы; здѣсь же завязался у него и такъ интересовавшій Румовскаго и Яковкина его романъ съ „барышнею Мячковою", о которомъ въ своемъ мѣстѣ нами уже упоминалось *. Вторымъ послѣ Фукса изслѣдователемъ тѣхъ же минеральныхъ водъ явился профессоръ Ѳ. Х. Эрдманъ, посѣтившій ихъ въ 1811 году и слѣдомъ затѣмъ представившій въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію ихъ описаніе, въ краткомъ извлеченіи въ томъ же году напечатанное имъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (1811 г., №№ 19—20), въ подробномъ же видѣ вошедшее впослѣдствіе въ его „Reise im Innern Russlands" (Лейпцигъ, 1825, часть II); Эрдману принадлежитъ честь перваго химическаго анализа сергіевскихъ водъ и первыхъ мѣръ по благоустройству этого курорта [116].

Въ 1812 году профессоръ Эрдманъ предпринимаетъ попытку новаго изысканія бальнеологическаго характера, на этотъ разъ направивъ свои изслѣдованія въ окрестности г. Тетюшъ (уѣзднаго города казанской губерніи), гдѣ имѣются, какъ извѣстно, сѣрные ключи. Въ мартѣ этого года Эрдманъ вошелъ въ совѣтъ съ ходатайствомъ относительно командировки его для осмотра этихъ ключей, въ которыхъ онъ предполагалъ большое сходство съ сергіевскими источниками. Получивъ разрѣшеніе совѣта, онъ ѣздилъ въ тетюшскій уѣздъ въ сопровожденіи магистра Шоника, но эта экскурсія положительныхъ результатовъ не дала, такъ какъ имѣющіеся здѣсь минеральные ключи оказались совершенно слабыми [117].

Заслуживаютъ быть отмѣченными и медико-топографическія изслѣдованія профессоровъ казанскаго университета. Сюда должны быть отнесены рядъ статей проф. Фукса, подъ заглавіемъ: „Состояніе здоровья жителей г. Казани" („Каз. Извѣстія" за 1812 г., №№ 5, 9, 14, 19 и 23), въ которыхъ разсматривается связь преобладающихъ въ Казани болѣзней съ мѣстными климатическими условіями, и многочисленныя изслѣ-

---

* См. томъ I, стр. 370—372.

по приглашенію хорошо уже знакомаго намъ оренбургскаго военнаго губернатора князя Г. С. Волконскаго, для спеціальнаго ихъ изслѣдованія, результатомъ котораго явилась его брошюра: „Краткое описаніе Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ" (Каз., 1810, напечатана безъ имени автора). Лѣтомъ 1811 года, по предписанію министра народнаго просвѣщенія, Фуксъ былъ снова командированъ „къ оренбургскому г. военному губернатору князю Г. С. Волконскому для ближайшаго наблюденія Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ на два мѣсяца"; часто наѣзжалъ онъ по лѣтамъ въ Сергіевскъ, гдѣ у него образовалась даже обширная врачебная практика, и въ послѣдующіе годы; здѣсь же завязался у него и такъ интересовавшій Румовскаго и Яковкина его романъ съ „барышнею Мячковою", о которомъ въ своемъ мѣстѣ нами уже упоминалось *. Вторымъ послѣ Фукса изслѣдователемъ тѣхъ же минеральныхъ водъ явился профессоръ Ѳ. Х. Эрдманъ, посѣтившій ихъ въ 1811 году и слѣдомъ затѣмъ представившій въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію ихъ описаніе, въ краткомъ извлеченіи въ томъ же году напечатанное имъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (1811 г., №№ 19—20), въ подробномъ же видѣ вошедшее впослѣдствіе въ его „Reise im Innern Russlands" (Лейпцигъ, 1825, часть II); Эрдману принадлежитъ честь перваго химическаго анализа сергіевскихъ водъ и первыхъ мѣръ по благоустройству этого курорта [116].

Въ 1812 году профессоръ Эрдманъ предпринимаетъ попытку новаго изысканія бальнеологическаго характера, на этотъ разъ направивъ свои изслѣдованія въ окрестности г. Тетюшъ (уѣзднаго города казанской губерніи), гдѣ имѣются, какъ извѣстно, сѣрные ключи. Въ мартѣ этого года Эрдманъ вошелъ въ совѣтъ съ ходатайствомъ относительно командировки его для осмотра этихъ ключей, въ которыхъ онъ предполагалъ большое сходство съ сергіевскими источниками. Получивъ разрѣшеніе совѣта, онъ ѣздилъ въ тетюшскій уѣздъ въ сопровожденіи магистра Шоника, но эта экскурсія положительныхъ результатовъ не дала, такъ какъ имѣющіеся здѣсь минеральные ключи оказались совершенно слабыми [117].

Заслуживаютъ быть отмѣченными и медико-топографическія изслѣдованія профессоровъ казанскаго университета. Сюда должны быть отнесены рядъ статей проф. Фукса, подъ заглавіемъ: „Состояніе здоровья жителей г. Казани" („Каз. Извѣстія" за 1812 г., №№ 5, 9, 14, 19 и 23), въ которыхъ разсматривается связь преобладающихъ въ Казани болѣзней съ мѣстными климатическими условіями, и многочисленныя изслѣ-

---

* См. томъ I, стр. 370—372.

дованія въ томъ же направленіи проф. Эрдмана, сведенныя имъ въ самостоятельный трудъ: „Медико-топографическое описаніе казанской губерніи", образовавшій собою первую часть его „Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland".

Закончимъ указаніемъ на дошедшія до насъ свѣдѣнія о химико-техническихъ изслѣдованіяхъ общеполезнаго характера, производившихся членами казанскаго университета. Едва ли не первыми начинаніями въ этомъ отношеніи должны быть признаны изслѣдованія казанскихъ водъ, предпринятыя адъюнктомъ химіи Ѳ. Л. Эвестомъ въ теченіи лѣта 1806 года, вслѣдствіе журнальнаго постановленія (отъ 10-го марта того же года) совѣта, возложившаго на него обязанность „заняться во время наступающей вакаціи розысканіемъ (sic) водъ казанской губерніи", на что, съ разрѣшенія попечителя, и была ассигнована сумма въ 157 рублей 74 к., а также разрѣшенъ отпускъ казенныхъ дровъ „для выпаренія водъ" и комплектъ необходимыхъ для работъ служителей. Въ маѣ мѣсяцѣ Эвестъ представилъ подробный списокъ аппаратовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для предстоявшихъ ему изслѣдованій и вычисленныхъ имъ на сумму до 207-ми рублей; слѣдомъ затѣмъ возникло и цѣлое дѣло объ изготовленіи университетскимъ механикомъ Горденинымъ „мѣха для химическихъ опытовъ" Эвеста. Состоялись ли порученные Эвесту изслѣдованія и каковы были ихъ результаты—свѣдѣній о томъ найти намъ не удалось, хотя въ 1808 году мы встрѣчаемся съ изслѣдованіемъ тѣмъ же Эвестомъ воды двухъ, существовавшихъ въ то время на университетскомъ дворѣ, колодцовъ [118]. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сохранились о техническихъ изысканіяхъ и наблюденіяхъ, совершенныхъ профессоромъ Ѳ. Х. Вуттигомъ и адъюнктомъ А. И. Лобачевскимъ во время уже извѣстныхъ намъ * путешествій ихъ на Уралъ, перваго—въ 1809 году, второго—въ 1819-1820 годахъ. Можно здѣсь отмѣтить и экскурсіи практическаго характера, предпринимавшіяся, съ своими слушателями, профессорами Вуттигомъ и Брейтенбахомъ съ цѣлью осмотра нѣкоторыхъ фабрично-заводскихъ производствъ [119].

До сихъ поръ мы говорили о различныхъ сторонахъ и проявленіяхъ научной дѣятельности самихъ членовъ казанской университетской корпораціи. Теперь мы перейдемъ къ другому проявленію научной дѣятельности

---

* См. томъ I, стр. 238, и въ настоящемъ томѣ стр. 217—220.

дованія въ томъ же направленіи проф. Эрдмана, сведенныя имъ въ самостоятельный трудъ: „Медико-топографическое описаніе казанской губерніи", образовавшій собою первую часть его „Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland".

Закончимъ указаніемъ на дошедшія до насъ свѣдѣнія о химико-техническихъ изслѣдованіяхъ общеполезнаго характера, производившихся членами казанскаго университета. Едва ли не первыми начинаніями въ этомъ отношеніи должны быть признаны изслѣдованія казанскихъ водъ, предпринятыя адъюнктомъ химіи Ѳ. Л. Эвестомъ въ теченіи лѣта 1806 года, вслѣдствіе журнальнаго постановленія (отъ 10-го марта того же года) совѣта, возложившаго на него обязанность „заняться во время наступающей вакаціи розысканіемъ (sic) водъ казанской губерніи", на что, съ разрѣшенія попечителя, и была ассигнована сумма въ 157 рублей 74 к., а также разрѣшенъ отпускъ казенныхъ дровъ „для выпаренія водъ" и комплектъ необходимыхъ для работъ служителей. Въ маѣ мѣсяцѣ Эвестъ представилъ подробный списокъ аппаратовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для предстоявшихъ ему изслѣдованій и вычисленныхъ имъ на сумму до 207-ми рублей; слѣдомъ затѣмъ возникло и цѣлое дѣло объ изготовленіи университетскимъ механикомъ Горденинымъ „мѣха для химическихъ опытовъ" Эвеста. Состоялись ли порученные Эвесту изслѣдованія и каковы были ихъ результаты—свѣдѣній о томъ найти намъ не удалось, хотя въ 1808 году мы встрѣчаемся съ изслѣдованіемъ тѣмъ же Эвестомъ воды двухъ, существовавшихъ въ то время на университетскомъ дворѣ, колодцовъ [118]. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сохранились о техническихъ изысканіяхъ и наблюденіяхъ, совершенныхъ профессоромъ Ѳ. Х. Вуттигомъ и адъюнктомъ А. И. Лобачевскимъ во время уже извѣстныхъ намъ * путешествій ихъ на Уралъ, перваго—въ 1809 году, второго—въ 1819 - 1820 годахъ. Можно здѣсь отмѣтить и экскурсіи практическаго характера, предпринимавшіяся, съ своими слушателями, профессорами Вуттигомъ и Брейтенбахомъ съ цѣлью осмотра нѣкоторыхъ фабрично-заводскихъ производствъ [119].

До сихъ поръ мы говорили о различныхъ сторонахъ и проявленіяхъ научной дѣятельности самихъ членовъ казанской университетской корпораціи. Теперь мы перейдемъ къ другому проявленію научной дѣятельности

---

* См. томъ I, стр. 238, и въ настоящемъ томѣ стр. 217—220.

Карлъ Θеодоровичъ
Фуксъ,
профессоръ естественной исторіи и медицины.
(4 сентября 1805 г.—1 іюля 1833 г.)

Карлъ Θеодоровичъ
Фуксъ,
профессоръ естественной исторіи и медицины.
(4 сентября 1805 г.—1 іюля 1833 г.)

университета, направленному на сосредоточеніе при немъ, на систематизацію и обработку свѣдѣній научнаго характера, поступающихъ изъ учебнаго округа—„ученыхъ записокъ“, какъ именовались эти свѣдѣнія на оффиціальномъ языкѣ того времени.

Эта сторона научной дѣятельности университета имѣла въ своей основѣ § 52-ой училищнаго устава, въ силу котораго учителямъ училищъ вмѣнялось въ обязанность дѣлать наблюденія и замѣчанія, каждому „по своимъ частямъ“—требованіе, которое оставалось, конечно, главнымъ образомъ лишь на бумагѣ, плохо выполняясь въ дѣйствительности. Вспомнить объ этомъ параграфѣ училищнаго устава университету пришлось, однако, уже при самомъ своемъ основаніи, благодаря извѣстному намъ письму академика Озерецковскаго на имя попечителя округа, отъ 29-го января 1805 года, въ которомъ Озерецковскій указывалъ тѣ формы содѣйствія научнымъ задачамъ новаго университета, какія могутъ послѣдовать со стороны училищныхъ директоровъ и учителей округа. Въ виду этого письма, во всѣ дирекціи училищъ казанскаго округа совѣтомъ разослано было соотвѣтствующее циркулярное обращеніе, въ которомъ учительскій персоналъ приглашался „собирать всякія рѣдкости, въ тѣхъ мѣстахъ находящіяся“, препровождая ихъ въ университетъ *. Результатъ этой мѣры не оправдалъ ожиданій ученаго академика; стали, правда, поступать въ университетъ изъ училищъ различные предметы для его коллекцій,—почти исключительно изъ царства ископаемыхъ,—но всѣ эти присылки были не только случайными, но, при томъ, и совершенно безсистемными.

Разнаго рода „рѣдкости“ отъ времени до времени еще поступали въ университетъ изъ различныхъ пунктовъ его учебнаго округа, но съ „учеными записками“ дѣло обстояло болѣе нежели слабо вплоть до полнаго открытія университета въ 1814 году, когда совѣтомъ его стали примѣняться болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры къ оживленію этой стороны училищной дѣятельности, а самый вопросъ о веденіи ученыхъ записокъ занялъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ вопросовъ текущей академической жизни. Да и едва ли представляла провинціальная среда того времени условія, благопріятныя для самостоятельной научной дѣятельности учителей. Эта дѣятельность даже со стороны высшихъ губернскихъ представителей власти встрѣчала скорѣе невѣжественное и подозрительное противодѣйствіе, нежели просвѣщенное содѣйствіе, какъ это усматривается, напримѣръ, изъ отношенія къ ней въ 1810 году

* См. томъ I, стр. 58.

университета, направленному на сосредоточеніе при немъ, на систематизацію и обработку свѣдѣній научнаго характера, поступающихъ изъ учебнаго округа—„ученыхъ записокъ", какъ именовались эти свѣдѣнія на оффиціальномъ языкѣ того времени.

Эта сторона научной дѣятельности университета имѣла въ своей основѣ § 52-ой училищнаго устава, въ силу котораго учителямъ училищъ вмѣнялось въ обязанность дѣлать наблюденія и замѣчанія, каждому „по своимъ частямъ"—требованіе, которое оставалось, конечно, главнымъ образомъ лишь на бумагѣ, плохо выполняясь въ дѣйствительности. Вспомнить объ этомъ параграфѣ училищнаго устава университету пришлось, однако, уже при самомъ своемъ основаніи, благодаря извѣстному намъ письму академика Озерецковскаго на имя попечителя округа, отъ 29-го января 1805 года, въ которомъ Озерецковскій указывалъ тѣ формы содѣйствія научнымъ задачамъ новаго университета, какія могутъ послѣдовать со стороны училищныхъ директоровъ и учителей округа. Въ виду этого письма, во всѣ дирекціи училищъ казанскаго округа совѣтомъ разослано было соотвѣтствующее циркулярное обращеніе, въ которомъ учительскій персоналъ приглашался „собирать всякія рѣдкости, въ тѣхъ мѣстахъ находящіяся", препровождая ихъ въ университетъ *. Результатъ этой мѣры не оправдалъ ожиданій ученаго академика; стали, правда, поступать въ университетъ изъ училищъ различные предметы для его коллекцій,—почти исключительно изъ царства ископаемыхъ,—но всѣ эти присылки были не только случайными, но, при томъ, и совершенно безсистемными.

Разнаго рода „рѣдкости" отъ времени до времени еще поступали въ университетъ изъ различныхъ пунктовъ его учебнаго округа, но съ „учеными записками" дѣло обстояло болѣе нежели слабо вплоть до полнаго открытія университета въ 1814 году, когда совѣтомъ его стали примѣняться болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры къ оживленію этой стороны училищной дѣятельности, а самый вопросъ о веденіи ученыхъ записокъ занялъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ вопросовъ текущей академической жизни. Да и едва ли представляла провинціальная среда того времени условія, благопріятныя для самостоятельной научной дѣятельности учителей. Эта дѣятельность даже со стороны высшихъ губернскихъ представителей власти встрѣчала скорѣе невѣжественное и подозрительное противодѣйствіе, нежели просвѣщенное содѣйствіе, какъ это усматривается, напримѣръ, изъ отношенія къ ней въ 1810 году

* См. томъ I, стр. 58.

пензенскаго гражданскаго губернатора Крижановскаго. Старшій учитель пензенской гимназіи Раевскій задумалъ составить историческое, топографическое и статистическое описаніе пензенской губерніи и для этой работы встрѣтилъ надобность въ нѣкоторыхъ данныхъ историческаго и статистическаго характера. Какъ ни невинна была цѣль работъ Раевскаго— онѣ встрѣтили энергичный отпоръ со стороны губернатора, какъ доносилъ о томъ попечителю директоръ гимназіи Бекетовъ, представленіемъ отъ 5-го апрѣля 1810 года:

„Въ слѣдствіе донесенія моего вашему превосходительству о томъ,— пишетъ здѣсь директоръ,—что не позволяютъ старшему учителю Раевскому ходить въ архивы губернскихъ присутственныхъ мѣстъ собирать матеріалы для составленія историческаго, топографическаго и статистическаго описанія пензенской губерніи, и не даютъ, между тѣмъ, никакихъ по сему нужныхъ свѣдѣній, пріемлю смѣлость объяснить вашему превосходительству весьма великую непріятность, по сему поводу со мною повстрѣчавшуюся.

Въ прошедшее воскресенье, 3-го числа сего апрѣля мѣсяца, счелъ я обязанностью быть у его превосходительства господина губернатора, какъ у начальника губерніи, не смотря на холодность всегдашняго его со мною обращенія, почти съ самаго вступленія его въ должность, и болѣе для того, чтобъ узнать, могу ли я получить по вышеписанному какое нибудь отъ него свѣдѣніе. Но какъ только взошелъ къ нему, какъ былъ отъ его превосходительства встрѣченъ слѣдующимъ вопросомъ: Какъ я могу озабочивать отношеніемъ моимъ губернатора и затруднять такими вещами, которыми никто удовлетворить не можетъ? Потомъ, обратясь къ бывшимъ тутъ чиновникамъ, съ видомъ насмѣшливымъ сталъ продолжать:

— Знаете ли, что г. директоръ отъ меня требуетъ? Чтобъ я далъ ему свѣдѣнія, сколько во всей губерніи и въ каждой округѣ земли пашенной, лѣсу и пр., и много такихъ вещей, на которыя никто отвѣчать ему не можетъ!

Я отвѣчалъ на сіе его превосходительству, что затрудненія тутъ большаго не предвижу и что губернскій землемѣръ, у котораго есть планъ губерніи, можетъ удовлетворить сему требованію, прочіе же матеріалы могутъ доставить архиваріусы, но его превосходительство на сіе сказалъ мнѣ, что бъ я лучше посылалъ по губерніи учителей, которые здѣсь ничего не дѣлаютъ“.... [120].

Насъ не удивитъ отказъ пензенскаго губернатора въ допущеніи учителя гимназіи къ архивамъ, если мы вспомнимъ, что такой же, данный въ уклончивой формѣ, отказъ послѣдовалъ со стороны казанскаго губерна-

пензенскаго гражданскаго губернатора Крижановскаго. Старшій учитель пензенской гимназіи Раевскій задумалъ составить историческое, топографическое и статистическое описаніе пензенской губерніи и для этой работы встрѣтилъ надобность въ нѣкоторыхъ данныхъ историческаго и статистическаго характера. Какъ ни невинна была цѣль работъ Раевскаго— онѣ встрѣтили энергичный отпоръ со стороны губернатора, какъ доносилъ о томъ попечителю директоръ гимназіи Бекетовъ, представленіемъ отъ 5-го апрѣля 1810 года:

„Въ слѣдствіе донесенія моего вашему превосходительству о томъ,— пишетъ здѣсь директоръ,—что не позволяютъ старшему учителю Раевскому ходить въ архивы губернскихъ присутственныхъ мѣстъ собирать матеріалы для составленія историческаго, топографическаго и статистическаго описанія пензенской губерніи, и не даютъ, между тѣмъ, никакихъ по сему нужныхъ свѣдѣній, пріемлю смѣлость объяснить вашему превосходительству весьма великую непріятность, по сему поводу со мною повстрѣчавшуюся.

Въ прошедшее воскресенье, 3-го числа сего апрѣля мѣсяца, счелъ я обязанностью быть у его превосходительства господина губернатора, какъ у начальника губерніи, не смотря на холодность всегдашняго его со мною обращенія, почти съ самаго вступленія его въ должность, и болѣе для того, чтобъ узнать, могу ли я получить по вышеписанному какое нибудь отъ него свѣдѣніе. Но какъ только взошелъ къ нему, какъ былъ отъ его превосходительства встрѣченъ слѣдующимъ вопросомъ: Какъ я могу озабочивать отношеніемъ моимъ губернатора и затруднять такими вещами, которыми никто удовлетворить не можетъ? Потомъ, обратясь къ бывшимъ тутъ чиновникамъ, съ видомъ насмѣшливымъ сталъ продолжать:

— Знаете ли, что г. директоръ отъ меня требуетъ? Чтобъ я далъ ему свѣдѣнія, сколько во всей губерніи и въ каждой округѣ земли пашенной, лѣсу и пр., и много такихъ вещей, на которыя никто отвѣчать ему не можетъ!

Я отвѣчалъ на сіе его превосходительству, что затрудненія тутъ большаго не предвижу и что губернскій землемѣръ, у котораго есть планъ губерніи, можетъ удовлетворить сему требованію, прочіе же матеріалы могутъ доставить архиваріусы, но его превосходительство на сіе сказалъ мнѣ, что бъ я лучше посылалъ по губерніи учителей, которые здѣсь ничего не дѣлаютъ"....[120].

Насъ не удивитъ отказъ пензенскаго губернатора въ допущеніи учителя гимназіи къ архивамъ, если мы вспомнимъ, что такой же, данный въ уклончивой формѣ, отказъ послѣдовалъ со стороны казанскаго губерна-

тора Мансурова и на аналогичное ходатайство профессора университета Фукса.

Вопросъ о собиранiи учителями свѣдѣнiй для составленiя ученыхъ записокъ въ 1816 году послужилъ также одною изъ причинъ ожесточеннаго столкновенiя между профессоромъ А. И. Аргнгольдтомъ, занимавшимъ въ этомъ году должность директора училищъ тобольской губернiи, и сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ. Еще въ 1812 году министръ народнаго просвѣщенiя увѣдомилъ сибирскаго генералъ-губернатора, въ числѣ другихъ начальниковъ областей и губернiй, о томъ, что „по уставу учебныхъ заведенiй учители оныхъ обязаны вести историческiя, метеорологическiя, топографическiя и статистическiя записки о губернiяхъ, включая въ нихъ свѣдѣнiя о земледѣлiи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при землепашествѣ орудiяхъ и другихъ предметахъ, потребныхъ къ точному познанiю общаго хозяйства", въ виду чего министръ и просилъ генералъ-губернатора относительно содѣйствiя учителямъ сибирскихъ училищъ въ дѣлѣ собиранiя необходимыхъ имъ въ этомъ отношенiи свѣдѣнiй. Въ то время генералъ губернаторъ отнесся къ этому вопросу въ высшей степени сочувственно и предложилъ тобольскому губернатору фонъ-Брину „предписать всѣмъ сей губернiи городничимъ и земскимъ судамъ, дабы, по требованiямъ учителей, доставлены были онымъ всѣ нужные способы какъ къ осмотру заведенiй, въ вѣдомствѣ ихъ состоящихъ, такъ и къ прiобрѣтенiю подобныхъ свѣдѣнiй". Еще раньше того, въ 1809 году, отвѣчая на ходатайство тобольскаго директора училищъ того времени, барона Эйбена, относительно предоставленiя старшему учителю Менделѣеву способовъ къ прiобрѣтенiю данныхъ для предпринятаго имъ „Статистическаго описанiя тобольской губернiи" *, мѣстный губернаторъ, выражая свое полное сочувствiе этому начинанiю, предложилъ Менделѣеву „въ свободное время" приходить или къ нему, „или въ губернское правленiе, и извлекать изъ дѣлъ нужныя ему для того описанiя свѣдѣнiя".

Въ 1816 году отношенiе сибирской администрацiи къ аналогичнымъ работамъ кореннымъ образомъ измѣнилось,—очевидно подъ влiянiемъ недоразумѣнiй, возникшихъ между нею и новымъ директоромъ училищъ Аргнгольдтомъ,—и весною этого года генералъ-губернаторъ Пестель даетъ уже тобольскому губернатору, тому же фонъ-Брину, предписанiе не допу-

* Этотъ учитель Менделѣевъ (Иванъ Павловичъ) впослѣдствiе директоръ тобольской гимназiи, былъ отцомъ нашего извѣстнаго химика Д. И. Менделѣева.

тора Мансурова и на аналогичное ходатайство профессора университета Фукса.

Вопросъ о собираніи учителями свѣдѣній для составленія ученыхъ записокъ въ 1816 году послужилъ также одною изъ причинъ ожесточеннаго столкновенія между профессоромъ А. И. Аргнгольдтомъ, занимавшимъ въ этомъ году должность директора училищъ тобольской губерніи, и сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ. Еще въ 1812 году министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ сибирскаго генералъ-губернатора, въ числѣ другихъ начальниковъ областей и губерній, о томъ, что „по уставу учебныхъ заведеній учители оныхъ обязаны вести историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія записки о губерніяхъ, включая въ нихъ свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при землепашествѣ орудіяхъ и другихъ предметахъ, потребныхъ къ точному познанію общаго хозяйства“, въ виду чего министръ и просилъ генералъ-губернатора относительно содѣйствія учителямъ сибирскихъ училищъ въ дѣлѣ собиранія необходимыхъ имъ въ этомъ отношеніи свѣдѣній. Въ то время генералъ губернаторъ отнесся къ этому вопросу въ высшей степени сочувственно и предложилъ тобольскому губернатору фонъ-Брину „предписать всѣмъ сей губерніи городничимъ и земскимъ судамъ, дабы, по требованіямъ учителей, доставлены были онымъ всѣ нужные способы какъ къ осмотру заведеній, въ вѣдомствѣ ихъ состоящихъ, такъ и къ пріобрѣтенію подобныхъ свѣдѣній“. Еще раньше того, въ 1809 году, отвѣчая на ходатайство тобольскаго директора училищъ того времени, барона Эйбена, относительно предоставленія старшему учителю Менделѣеву способовъ къ пріобрѣтенію данныхъ для предпринятаго имъ „Статистическаго описанія тобольской губерніи“ *, мѣстный губернаторъ, выражая свое полное сочувствіе этому начинанію, предложилъ Менделѣеву „въ свободное время“ приходить или къ нему, „или въ губернское правленіе, и извлекать изъ дѣлъ нужныя ему для того описанія свѣдѣнія“.

Въ 1816 году отношеніе сибирской администраціи къ аналогичнымъ работамъ кореннымъ образомъ измѣнилось,—очевидно подъ вліяніемъ недоразумѣній, возникшихъ между нею и новымъ директоромъ училищъ Аргнгольдтомъ,—и весною этого года генералъ-губернаторъ Пестель даетъ уже тобольскому губернатору, тому же фонъ-Брину, предписаніе не допу-

* Этотъ учитель Менделѣевъ (Иванъ Павловичъ) впослѣдствіе директоръ тобольской гимназіи, былъ отцомъ нашего извѣстнаго химика Д. И. Менделѣева.

скать учителей до самостоятельнаго собиранія необходимыхъ имъ свѣдѣній, путемъ непосредственнаго обращенія къ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ губерніи, предлагая обращаться за такими свѣдѣніями, черезъ директора училищъ, исключительно къ нему, генералъ-губернатору, или къ губернатору; это распоряженіе ставило, очевидно, дѣло составленія учителями „ученыхъ записокъ" въ ближайшую зависимость отъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли высшей губернской власти, и на этой то именно почвѣ произошло то крайнее обостреніе отношеній между Арнгольдтомъ и Пестелемъ, результатомъ котораго явилось оставленіе первымъ изъ нихъ занимаемой должности [121].

Можно предполагать, что подобнаго же рода конфликты между губернскою администраціею и училищными вѣдомствами являлись нерѣдкими, на почвѣ составленія „ученыхъ записокъ", и въ другихъ губерніяхъ, въ виду подозрительнаго и неблагожелательнаго отношенія губернской власти, не въ мѣру ревнивой въ дѣлѣ охраненія престижа, полноты и нераздѣльности своей компетенціи, къ сколько нибудь самостоятельнымъ начинаніямъ учителей въ интересующемъ насъ направленіи, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода „ученыя записки", затрогивая самые разнообразные вопросы губернской жизни, легко могли коснуться и такихъ сторонъ ея, которыя казались щекотливыми съ точки зрѣнія современнаго административнаго или сословнаго строя. Припомнимъ, для иллюстраціи, хотя бы тотъ шумъ, который былъ въ свое время поднятъ казанскимъ губернаторомъ изъ за совершенно невинной замѣтки профессора Броннера „о водяномъ столбѣ на Волгѣ, близь Казани", помѣщенной имъ въ 1816 году въ университетскомъ журналѣ и въ которой не представлялось для престижа губернаторской власти уже положительно ничего ни обиднаго, ни щекотливаго.

Мы сказали, что дѣятельность совѣта университета въ области болѣе правильной и твердой постановки веденія ученыхъ записокъ стала особенно замѣтною слѣдомъ за полнымъ открытіемъ его въ 1814 году, въ связи съ оживленіемъ научной инициативы и научной дѣятельности университета, вообще, причемъ особенно дѣятельныя мѣры были предприняты въ этомъ направленіи въ концѣ 1815-го и въ началѣ 1816-го годовъ, что, въ свою очередь, обусловилось тѣмъ интересомъ къ вопросу объ ученыхъ запискахъ, который сталъ обнаруживаться въ самомъ министерствѣ. Въ началѣ декабря 1815 года попечителемъ округа Салтыковымъ полученъ былъ отъ министра народнаго просвѣщенія запросъ относительно положенія этого дѣла въ казанскомъ университетѣ, на почвѣ котораго послѣ-

скать учителей до самостоятельнаго собиранія необходимыхъ имъ свѣдѣній, путемъ непосредственнаго обращенія къ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ губерніи, предлагая обращаться за такими свѣдѣніями, черезъ директора училищъ, исключительно къ нему, генералъ-губернатору, или къ губернатору; это распоряженіе ставило, очевидно, дѣло составленія учителями „ученыхъ записокъ“ въ ближайшую зависимость отъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли высшей губернской власти, и на этой то именно почвѣ произошло то крайнее обостреніе отношеній между Арнгольдтомъ и Пестелемъ, результатомъ котораго явилось оставленіе первымъ изъ нихъ занимаемой должности [121].

Можно предполагать, что подобнаго же рода конфликты между губернскою администраціею и училищными вѣдомствами являлись нерѣдкими, на почвѣ составленія „ученыхъ записокъ“, и въ другихъ губерніяхъ, въ виду подозрительнаго и неблагожелательнаго отношенія губернской власти, не въ мѣру ревнивой въ дѣлѣ охраненія престижа, полноты и нераздѣльности своей компетенціи, къ сколько нибудь самостоятельнымъ начинаніямъ учителей въ интересующемъ насъ направленіи, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода „ученыя записки“, затрогивая самые разнообразные вопросы губернской жизни, легко могли коснуться и такихъ сторонъ ея, которыя казались щекотливыми съ точки зрѣнія современнаго административнаго или сословнаго строя. Припомнимъ, для иллюстраціи, хотя бы тотъ шумъ, который былъ въ свое время поднятъ казанскимъ губернаторомъ изъ за совершенно невинной замѣтки профессора Броннера „о водяномъ столбѣ на Волгѣ, близь Казани“, помѣщенной имъ въ 1816 году въ университетскомъ журналѣ и въ которой не представлялось для престижа губернаторской власти уже положительно ничего ни обиднаго, ни щекотливаго.

Мы сказали, что дѣятельность совѣта университета въ области болѣе правильной и твердой постановки веденія ученыхъ записокъ стала особенно замѣтною слѣдомъ за полнымъ открытіемъ его въ 1814 году, въ связи съ оживленіемъ научной инициативы и научной дѣятельности университета, вообще, причемъ особенно дѣятельныя мѣры были предприняты въ этомъ направленіи въ концѣ 1815-го и въ началѣ 1816-го годовъ, что, въ свою очередь, обусловилось тѣмъ интересомъ къ вопросу объ ученыхъ запискахъ, который сталъ обнаруживаться въ самомъ министерствѣ. Въ началѣ декабря 1815 года попечителемъ округа Салтыковымъ полученъ былъ отъ министра народнаго просвѣщенія запросъ относительно положенія этого дѣла въ казанскомъ университетѣ, на почвѣ котораго послѣ-

довало предложеніе попечителя совѣту отъ 23-го декабря, слѣдующаго содержанія:

„Прилагая при семъ отношеніе ко мнѣ его сіятельства г. министра отъ 8-го декабря за № 3568-мъ, въ слѣдствіе онаго предлагаю немедленно донести мнѣ: 1) Какое распоряженіе совѣтъ учинилъ касательно составленія годовыхъ записокъ въ училищахъ? 2) Какой успѣхъ имѣли сіи распоряженія? 3) Что препятствовало сему успѣху и что сдѣлано ко отвращенію сихъ препятствій? 4) Кто именно гдѣ велъ и не велъ сихъ записокъ? 5) Какой отвѣтственности подвергалъ совѣтъ, за неисполненіе предписанія вести сіи записки, тѣхъ, кои могли то сдѣлать? 6) Что постановлено совѣтомъ для разсмотрѣнія сихъ записокъ, какія изъ нихъ одобрены? 7) Изъ одобренныхъ какое употребленіе положилъ совѣтъ сдѣлать, гдѣ оныя предположено печатать?"

Этотъ попечительскій запросъ, въ которомъ ставился цѣлый рядъ вопросовъ, долженствовавшихъ поставить совѣтъ въ немалое затрудненіе, такъ какъ они касались сферы дѣятельности, которая, фактически, вовсе почти и не проявлялась—былъ сопровожденъ и предложеніемъ уже вполнѣ положительнаго характера: въ видахъ того, „дабы впредь успѣшнѣе исполнять волю закона и предписаніе г. министра", попечитель предлагалъ совѣту „составить навсегда изъ нѣкоторыхъ членовъ совѣта комитетъ для ученыхъ записокъ и возложить на него отвѣтственность по сему исполненію, съ предоставленіемъ этому комитету права „дѣлать прямо съ директорами, смотрителями и учителями училищъ сношенія и требовать исполненія, равно имѣть попеченіе объ отвращеніи затрудненій и ежегодно давать совѣту отчетъ въ дѣлахъ своихъ"; на этотъ же комитетъ должно быть возложено „и разсмотрѣніе сихъ записокъ, и употребленіе ихъ". Предложеніе попечителя заслушано въ собраніи совѣта 3-го января 1816 года, и тогда же образованъ такъ называвшійся впослѣдствіе „комитетъ для веденія ученыхъ записокъ", въ который оказались вошедшими профессоры Городчаниновъ и Перевощиковъ и адъюнкты Дунаевъ и Юнаковъ; комитету, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ Городчаниновъ, а секретаремъ—Юнаковъ, было поручено немедленно же заняться собраніемъ всѣхъ затребованныхъ свѣдѣній объ ученыхъ запискахъ, войдя для этой цѣли въ сношенія съ факультетами и съ комитетами училищнымъ и издательнымъ (т. е. по изданію „Казанскихъ Извѣстій"). Комитетъ началъ свою дѣятельность съ увѣдомленія всѣхъ директоровъ училищъ округа объ открытіи своихъ дѣйствій и съ ходатайства передъ совѣтомъ о томъ, что бы, черезъ министра народнаго просвѣщенія, предпринято было сношеніе съ

довало предложеніе попечителя совѣту отъ 23-го декабря, слѣдующаго содержанія:

„Прилагая при семъ отношеніе ко мнѣ его сіятельства г. министра отъ 8-го декабря за № 3568-мъ, въ слѣдствіе онаго предлагаю немедленно донести мнѣ: 1) Какое распоряженіе совѣтъ учинилъ касательно составленія годовыхъ записокъ въ училищахъ? 2) Какой успѣхъ имѣли сіи распоряженія? 3) Что препятствовало сему успѣху и что сдѣлано ко отвращенію сихъ препятствій? 4) Кто именно гдѣ велъ и не велъ сихъ записокъ? 5) Какой отвѣтственности подвергалъ совѣтъ, за неисполненіе предписанія вести сіи записки, тѣхъ, кои могли то сдѣлать? 6) Что постановлено совѣтомъ для разсмотрѣнія сихъ записокъ, какія изъ нихъ одобрены? 7) Изъ одобренныхъ какое употребленіе положилъ совѣтъ сдѣлать, гдѣ оныя предположено печатать?“

Этотъ попечительскій запросъ, въ которомъ ставился цѣлый рядъ вопросовъ, долженствовавшихъ поставить совѣтъ въ немалое затрудненіе, такъ какъ они касались сферы дѣятельности, которая, фактически, вовсе почти и не проявлялась—былъ сопровожденъ и предложеніемъ уже вполнѣ положительнаго характера: въ видахъ того, „дабы впредь успѣшнѣе исполнять волю закона и предписаніе г. министра“, попечитель предлагалъ совѣту „составить навсегда изъ нѣкоторыхъ членовъ совѣта комитетъ для ученыхъ записокъ и возложить на него отвѣтственность по сему исполненію, съ предоставленіемъ этому комитету права „дѣлать прямо съ директорами, смотрителями и учителями училищъ сношенія и требовать исполненія, равно имѣть попеченіе объ отвращеніи затрудненій и ежегодно давать совѣту отчетъ въ дѣлахъ своихъ“; на этотъ же комитетъ должно быть возложено „и разсмотрѣніе сихъ записокъ, и употребленіе ихъ“. Предложеніе попечителя заслушано въ собраніи совѣта 3-го января 1816 года, и тогда же образованъ такъ называвшійся впослѣдствіе „комитетъ для веденія ученыхъ записокъ“, въ который оказались вошедшими профессоры Городчаниновъ и Перевощиковъ и адъюнкты Дунаевъ и Юнаковъ; комитету, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ Городчаниновъ, а секретаремъ—Юнаковъ, было поручено немедленно же заняться собраніемъ всѣхъ затребованныхъ свѣдѣній объ ученыхъ запискахъ, войдя для этой цѣли въ сношенія съ факультетами и съ комитетами училищнымъ и издательнымъ (т. е. по изданію „Казанскихъ Извѣстій“). Комитетъ началъ свою дѣятельность съ увѣдомленія всѣхъ директоровъ училищъ округа объ открытіи своихъ дѣйствій и съ ходатайства передъ совѣтомъ о томъ, что бы, черезъ министра народнаго просвѣщенія, предпринято было сношеніе съ

министерствами относительно содѣйствія подвѣдомственныхъ имъ мѣстныхъ начальствъ дѣлу веденія ученыхъ записокъ—„дабы оныя предписали подчиненнымъ имъ мѣстамъ и лицамъ оказывать всякое содѣйствіе относительно сего предмета", не безъ основанія, какъ мы это уже могли видѣть, опасаясь, что эти мѣста и лица „не совершенно станутъ удовлетворять ихъ (т. е. составителей записокъ) требованія"; совѣтъ университета, съ своей стороны, постановилъ обратиться съ просьбою о таковомъ же содѣйствіи дѣлу ко всѣмъ губернаторамъ округа. Опасенія комитета не замедлили оправдаться: уже 3-го марта онъ оказался вынужденнымъ представить совѣту о полученныхъ отъ директоровъ училищъ донесеніяхъ, изъ которыхъ усматривалось—„что для веденія ученыхъ записокъ встрѣчаются различныя затрудненія относительно полученія для сего предмета матеріаловъ".

Результатъ дальнѣйшей дѣятельности комитета ученыхъ записокъ по выясненію наличности имѣющагося въ данномъ отношеніи матеріала—привелъ къ выводамъ далеко не блестящимъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ факультетовъ и университетскихъ комитетовъ, оказалось, какъ доносилъ о томъ совѣту комитетъ ученыхъ записокъ отъ 22-го марта, что „кромѣ рукописи о лѣсахъ, сочиненной вятской гимназіи учителемъ Баженовымъ, не оказалось никакихъ другихъ ученыхъ записокъ, каковыя же были доставляемы въ университетъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ и помѣщены въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, то онымъ при семъ прилагается роспись"; эта послѣдняя роспись, сохранившаяся при соотвѣтствующемъ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ перечень цѣлаго ряда замѣтокъ, напечатанныхъ въ университетскомъ журналѣ съ 1811-го по 1816-й годъ, съ обозначеніемъ, во многихъ случаяхъ, и фамилій авторовъ ихъ *. Не взирая на такіе малые результаты, обнаруженные комитетомъ, совѣтъ уже 1-го мая 1816 года почелъ возможнымъ довести о нихъ до свѣдѣнія министра, присовокупивъ къ этому, что съ учрежденіемъ комитета „дѣло сіе получило ходъ единообразный и твердый и обѣщаетъ желаемый успѣхъ, тѣмъ болѣе, что и при гимназіяхъ образуются комитеты изъ старшихъ учителей и директоровъ, которые, побуждая учителей къ веденію сихъ записокъ и руководствуя ими, предварительно разсматриваютъ ихъ труды и потомъ уже представляютъ въ университетъ"; здѣсь рѣчь шла о мѣстныхъ комитетахъ

---

* Этотъ перечень представляетъ значительный библіографическій интересъ, такъ какъ въ самомъ журналѣ подписи авторовъ отдѣльныхъ статей и замѣтокъ выставлялись далеко не всегда.

министерствами относительно содѣйствія подвѣдомственныхъ имъ мѣстныхъ начальствъ дѣлу веденія ученыхъ записокъ—„дабы оныя предписали подчиненнымъ имъ мѣстамъ и лицамъ оказывать всякое содѣйствіе относительно сего предмета", не безъ основанія, какъ мы это уже могли видѣть, опасаясь, что эти мѣста и лица „не совершенно станутъ удовлетворять ихъ (т. е. составителей записокъ) требованія"; совѣтъ университета, съ своей стороны, постановилъ обратиться съ просьбою о таковомъ же содѣйствіи дѣлу ко всѣмъ губернаторамъ округа. Опасенія комитета не замедлили оправдаться: уже 3-го марта онъ оказался вынужденнымъ представить совѣту о полученныхъ отъ директоровъ училищъ донесеніяхъ, изъ которыхъ усматривалось—„что для веденія ученыхъ записокъ встрѣчаются различныя затрудненія относительно полученія для сего предмета матеріаловъ".

Результатъ дальнѣйшей дѣятельности комитета ученыхъ записокъ по выясненію наличности имѣющагося въ данномъ отношеніи матеріала—привелъ къ выводамъ далеко не блестящимъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ факультетовъ и университетскихъ комитетовъ, оказалось, какъ доносилъ о томъ совѣту комитетъ ученыхъ записокъ отъ 22-го марта, что „кромѣ рукописи о лѣсахъ, сочиненной вятской гимназіи учителемъ Баженовымъ, не оказалось никакихъ другихъ ученыхъ записокъ, каковыя же были доставляемы въ университетъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ и помѣщены въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, то онымъ при семъ прилагается роспись"; эта послѣдняя роспись, сохранившаяся при соотвѣтствующемъ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ перечень цѣлаго ряда замѣтокъ, напечатанныхъ въ университетскомъ журналѣ съ 1811-го по 1816-й годъ, съ обозначеніемъ, во многихъ случаяхъ, и фамилій авторовъ ихъ *. Не взирая на такіе малые результаты, обнаруженные комитетомъ, совѣтъ уже 1-го мая 1816 года почелъ возможнымъ довести о нихъ до свѣдѣнія министра, присовокупивъ къ этому, что съ учрежденіемъ комитета „дѣло сіе получило ходъ единообразный и твердый и обѣщаетъ желаемый успѣхъ, тѣмъ болѣе, что и при гимназіяхъ образуются комитеты изъ старшихъ учителей и директоровъ, которые, побуждая учителей къ веденію сихъ записокъ и руководствуя ими, предварительно разсматриваютъ ихъ труды и потомъ уже представляютъ въ университетъ"; здѣсь рѣчь шла о мѣстныхъ комитетахъ

* Этотъ перечень представляетъ значительный библіографическій интересъ, такъ какъ въ самомъ журналѣ подписи авторовъ отдѣльныхъ статей и замѣтокъ выставлялись далеко не всегда.

веденія ученыхъ записокъ, которые, съ легкой руки директора нижегородскихъ училищъ Шредера, стали съ весны того же года учреждаться при дирекціяхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ директоровъ. Дѣло стало получать, такимъ образомъ, цѣлую организацію: начали образовываться мѣстные комитеты по веденію ученыхъ записокъ, дѣятельность которыхъ объединялась центральнымъ комитетомъ, состоявшимъ при университетѣ. Всѣ эти свѣдѣнія удовлетворили, повидимому, министра народнаго просвѣщенія, который, предложеніемъ отъ 28-го іюня, предписалъ университету „объявить отъ его имени благодарность (каковая и была циркулярно объявлена) всѣмъ трудившимся надъ составленіемъ записокъ, означенныхъ въ доставленномъ отъ совѣта свѣдѣніи“ [122].

Если всѣ эти мѣропріятія и понужденія и не оказались въ силахъ развить научную дѣятельность учителей до тѣхъ широкихъ размѣровъ, о какой мечтало, повидимому, министерство, и если въ глазахъ огромнаго большинства, и безъ того обремененнаго трудами, педагогическаго персонала округа это обязательное „веденіе ученыхъ записокъ“ представлялось лишь тяжелою повинностью, покушающеюся на ихъ свободные досуги—то все же дѣло это получаетъ съ 1815—1816 годовъ весьма замѣтное оживленіе, которое и не преминуло отразиться на поступленіи въ университетъ учительскихъ трудовъ.

Такъ, въ ноябрѣ 1815 года поступило, наконецъ, „Географическое, статистическое и топографическое описаніе пензенской губерніи“ старшаго учителя пензенской гимназіи Раевскаго, составленіемъ котораго онъ занимался, какъ мы это видѣли, уже въ 1810 году; одновременно съ этимъ поступилъ и трудъ подъ заглавіемъ: „Записки практической и теоретической геометріи касающіяся“, принадлежавшій учителю французскаго языка (sic) той же пензенской гимназіи Галье. Профессоръ Кондыревъ, дававшій отзывъ о первомъ трудѣ, призналъ его „заслуживающимъ полнаго одобренія и особеннаго вниманія начальства“, профессоръ же Симоновъ, указавъ рядъ недостатковъ работы Галье, высказалъ мысль, что эта работа, по надлежащемъ ея пересмотрѣ, была бы способна „доставить начинающимъ довольно изрядную учебную книгу“. Мы видѣли, что, уже при самомъ открытіи дѣйствій университетскаго комитета веденія ученыхъ записокъ, въ распоряженіи этого послѣдняго оказалась какая то работа „о лѣсахъ“, принадлежавшая старшему учителю вятской гимназіи Баженову *. Въ концѣ 1818 года мы видимъ этого Баже-

* Баженовъ, Василій Яковлевичъ, съ 1 октября 1820 года былъ назначенъ въ казанскій университетъ адъюнктомъ (съ 1822 года профессоръ) историческихъ наукъ.

веденія ученыхъ записокъ, которые, съ легкой руки директора нижегородскихъ училищъ Шредера, стали съ весны того же года учреждаться при дирекціяхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ директоровъ. Дѣло стало получать, такимъ образомъ, цѣлую организацію: начали образовываться мѣстные комитеты по веденію ученыхъ записокъ, дѣятельность которыхъ объединялась центральнымъ комитетомъ, состоявшимъ при университетѣ. Всѣ эти свѣдѣнія удовлетворили, повидимому, министра народнаго просвѣщенія, который, предложеніемъ отъ 28-го іюня, предписалъ университету „объявить отъ его имени благодарность (каковая и была циркулярно объявлена) всѣмъ трудившимся надъ составленіемъ записокъ, означенныхъ въ доставленномъ отъ совѣта свѣдѣніи“ [122].

Если всѣ эти мѣропріятія и понужденія и не оказались въ силахъ развить научную дѣятельность учителей до тѣхъ широкихъ размѣровъ, о какой мечтало, повидимому, министерство, и если въ глазахъ огромнаго большинства, и безъ того обремененнаго трудами, педагогическаго персонала округа это обязательное „веденіе ученыхъ записокъ“ представлялось лишь тяжелою повинностью, покушающеюся на ихъ свободные досуги—то все же дѣло это получаетъ съ 1815—1816 годовъ весьма замѣтное оживленіе, которое и не преминуло отразиться на поступленіи въ университетъ учительскихъ трудовъ.

Такъ, въ ноябрѣ 1815 года поступило, наконецъ, „Географическое, статистическое и топографическое описаніе пензенской губерніи“ старшаго учителя пензенской гимназіи Раевскаго, составленіемъ котораго онъ занимался, какъ мы это видѣли, уже въ 1810 году; одновременно съ этимъ поступилъ и трудъ подъ заглавіемъ: „Записки практической и теоретической геометріи касающіяся“, принадлежавшій учителю французскаго языка (sic) той же пензенской гимназіи Галье. Профессоръ Кондыревъ, дававшій отзывъ о первомъ трудѣ, призналъ его „заслуживающимъ полнаго одобренія и особеннаго вниманія начальства“, профессоръ же Симоновъ, указавъ рядъ недостатковъ работы Галье, высказалъ мысль, что эта работа, по надлежащемъ ея пересмотрѣ, была бы способна „доставить начинающимъ довольно изрядную учебную книгу“. Мы видѣли, что, уже при самомъ открытіи дѣйствій университетскаго комитета веденія ученыхъ записокъ, въ распоряженіи этого послѣдняго оказалась какая то работа „о лѣсахъ“, принадлежавшая старшему учителю вятской гимназіи Баженову *. Въ концѣ 1818 года мы видимъ этого Баже-

* Баженовъ, Василій Яковлевичъ, съ 1 октября 1820 года былъ назначенъ въ казанскій университетъ адъюнктомъ (съ 1822 года профессоръ) историческихъ наукъ.

нова занятаго составленіемъ, по порученію комитета ученыхъ записокъ, обширнаго труда, посвященнаго географо-статистическому описанію вятской губерніи; за эту работу ему въ слѣдующемъ году было даже присуждено единовременное вознагражденіе въ сто рублей, которымъ Баженовъ не воспользовался, пожертвовавъ его на учрежденіе въ г. Вяткѣ приходскаго училища по методу взаимнаго обученія [123].

Съ положеніемъ къ началу 1816—1817 учебнаго года дѣла о веденіи ученыхъ записокъ весьма обстоятельно знакомитъ насъ записка „О нынѣшнемъ состояніи комитета, учрежденнаго для составленія ученыхъ записокъ", представленная въ сентябрѣ 1816 года, въ ряду другихъ записокъ относительно состоянія различныхъ частей университета, новому министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину и которую мы приведемъ здѣсь въ полномъ ея видѣ, въ качествѣ иллюстраціи матеріала, поступавшаго въ распоряженіе комитета:

„Цѣль учрежденія сего комитета есть та,—читаемъ здѣсь,—что бы, сообразно волѣ правительства, съ лучшимъ успѣхомъ составляемы были ученыя записки касательно исторіи, литературы, сельскаго хозяйства, технологіи и пр. въ губерніяхъ, къ округу казанскаго университета принадлежащихъ. Оный комитетъ состоитъ изъ г.г. ордин. профессора Городчанинова, экстр. профессора Перевощикова и адъюнктовъ Дунаева и Юнакова, и существуетъ съ генваря мѣсяца текущаго 1816 года.

Въ комитетъ поступили слѣдующія сочиненія: *

I. Отъ иркутскаго училищъ директора Словцова: a) Описаніе якутской области, b) Замѣчанія о забайкальскомъ водвореніи, c) Топографическое описаніе кислыхъ водъ при Дарасунскомъ поселеніи (К. И. 1816, № 82), d) Замѣчанія о Байкалѣ (К. И. 1816, № 97), e) О городѣ Нерчинскѣ и его уѣздѣ (К. И. 1816, №№ 72, 75, 76), f) О состояніи поселеній за Яблоновымъ хребтомъ (К. И. 1816, № 74), g) О поселеніяхъ Верхне-Ингодинскихъ, h) Выписки о числѣ братскихъ (бурятскихъ) и тунгузскихъ родовъ въ верхнеудинскомъ и нерчинскомъ уѣздахъ (К. И. 1816, № 84), и i) Изображеніе нашей съ Китаемъ торговли (К. И. 1816, №№ 66—69).

II. Отъ директора пермскихъ училищъ Попова: a) Замѣчанія о пермской губерніи и b) Описаніе бывшей въ 1816 году ирбитской ярмарки (К. И. 1816, №№ 40, 50).

III. Отъ томскихъ училищъ директора Мавзолевскаго: Описаніе рѣки Оби и обитающаго по ней народа остяковъ (К. И. 1816, № 56).

* Нѣкоторыя изъ приводимыхъ здѣсь сообщеній были въ свое время напечатаны въ университетскихъ «Казанскихъ Извѣстіяхъ»; при этихъ сообщеніяхъ поставлены нами (въ скобкахъ) указанія на соотвѣтствующіе годы и номера этого изданія.

нова занятаго составленіемъ, по порученію комитета ученыхъ записокъ, обширнаго труда, посвященнаго географо-статистическому описанію вятской губерніи; за эту работу ему въ слѣдующемъ году было даже присуждено единовременное вознагражденіе въ сто рублей, которымъ Баженовъ не воспользовался, пожертвовавъ его на учрежденіе въ г. Вяткѣ приходскаго училища по методу взаимнаго обученія [123].

Съ положеніемъ къ началу 1816—1817 учебнаго года дѣла о веденіи ученыхъ записокъ весьма обстоятельно знакомитъ насъ записка „О нынѣшнемъ состояніи комитета, учрежденнаго для составленія ученыхъ записокъ", представленная въ сентябрѣ 1816 года, въ ряду другихъ записокъ относительно состоянія различныхъ частей университета, новому министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицину и которую мы приведемъ здѣсь въ полномъ ея видѣ, въ качествѣ иллюстраціи матеріала, поступавшаго въ распоряженіе комитета:

„Цѣль учрежденія сего комитета есть та,—читаемъ здѣсь,—что бы, сообразно волѣ правительства, съ лучшимъ успѣхомъ составляемы были ученыя записки касательно исторіи, литературы, сельскаго хозяйства, технологіи и пр. въ губерніяхъ, къ округу казанскаго университета принадлежащихъ. Оный комитетъ состоитъ изъ г.г. ордин. профессора Городчанинова, экстр. профессора Перевощикова и адъюнктовъ Дунаева и Юнакова, и существуетъ съ генваря мѣсяца текущаго 1816 года.

Въ комитетъ поступили слѣдующія сочиненія: *

I. Отъ иркутскаго училищъ директора Словцова: a) Описаніе якутской области, b) Замѣчанія о забайкальскомъ водвореніи, c) Топографическое описаніе кислыхъ водъ при Дарасунскомъ поселеніи (К. И. 1816, № 82), d) Замѣчанія о Байкалѣ (К. И. 1816, № 97), e) О городѣ Нерчинскѣ и его уѣздѣ (К. И. 1816, №№ 72, 75, 76), f) О состояніи поселеній за Яблоновымъ хребтомъ (К. И. 1816, № 74), g) О поселеніяхъ Верхне-Ингодинскихъ, h) Выписки о числѣ братскихъ (бурятскихъ) и тунгузскихъ родовъ въ верхнеудинскомъ и нерчинскомъ уѣздахъ (К. И. 1816, № 84), и i) Изображеніе нашей съ Китаемъ торговли (К. И. 1816, №№ 66—69).

II. Отъ директора пермскихъ училищъ Попова: a) Замѣчанія о пермской губерніи и b) Описаніе бывшей въ 1816 году ирбитской ярмарки (К. И. 1816, №№ 40, 50).

III. Отъ томскихъ училищъ директора Мавзолевскаго: Описаніе рѣки Оби и обитающаго по ней народа остяковъ (К. И. 1816, № 56).

---

* Нѣкоторыя изъ приводимыхъ здѣсь сообщеній были въ свое время напечатаны въ университетскихъ «Казанскихъ Извѣстіяхъ»; при этихъ сообщеніяхъ поставлены нами (въ скобкахъ) указанія на соотвѣтствующіе годы и номера этого изданія.

IV. Изъ нижегородскаго комитета, учрежденнаго при тамошней гимназіи для составленія ученыхъ записокъ по нижегородской губерніи: a) Выписка изъ лѣтописца о Нижнемъ Новѣ-Городѣ и b) Грамота, данная царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ знаменитому Минину.

V. По казанской губерніи, отъ почетнаго смотрителя чистопольскаго главнаго народнаго училища Буженинова: Статистическое описаніе чистопольскаго уѣзда.

VI. Изъ пензенской губерніи, отъ учителя пензенской гимназіи Раевскаго: Статистическо - географическое описаніе пензенской губерніи.

VII. Изъ вятской губерніи, отъ учителей тамошней гимназіи. Баженова: a) О пространствѣ лѣсовъ по вятской губерніи и ежегодномъ употребленіи оныхъ на внутренніе и внѣшніе расходы за 1806 годъ, b) Описаніе судоходныхъ рѣкъ и тѣхъ рѣчекъ, по коимъ можно имѣть сплавъ, ежели оныя будутъ очищены отъ засоренія и сняты во многихъ мѣстахъ мельницы, c) Описаніе плотбищъ, на коихъ строились суда по вятской губерніи 1815 года, d) Описаніе всѣхъ рѣкъ и малыхъ рѣчекъ въ вятской губерніи, e) Описаніе судоходныхъ рѣкъ, f) Таблицы о поступившихъ по вятской губерніи въ казну доходахъ въ 1813 году, g) Перечневая табель вятской губерніи 1814 года. Некрасова: a) Замѣчанія о состояніи заводовъ г. Яковлева и b) Описаніе вятской флоры, кромѣ 24-го класса, линеевой системы.

VIII. Изъ оренбургской губерніи, отъ учителей мензелинскаго малаго народнаго училища: отъ Шляпникова—Статистическое и топографическое описаніе Мензелинска (К. И. 1816, № 73), Воронова 2-го—Записки по части хозяйства въ мензелинскомъ уѣздѣ.

IX. Изъ астраханской гимназіи, отъ тамошняго директора Храповицкаго: Описаніе астраханскихъ рыбныхъ промысловъ (К. И. 1816, №№ 31, 70, 105).

X. Изъ симбирской губерніи, отъ тамошняго учителя Соловьева: Статистическо - топографическое описаніе симбирской губерніи (К. И. 1818, № 16).

Сверхъ исчисленныхъ здѣсь сочиненій, представлены въ комитетъ дѣлаемыя при разныхъ гимназіяхъ и училищахъ метеорологическія наблюденія, съ замѣчаніями физическихъ мѣстныхъ перемѣнъ атмосферы, какъ то: изъ Вятки, Слободскаго, Перми, Кунгура, Шадринска, Верхотурья, Томска, Иркутска, Нолинска, Елабуги, Нижняго-Новгорода, Тамбова и другихъ многихъ городовъ.

Сочиненія, въ комитетъ присылаемыя, обыкновенно разсматриваются членами онаго и, въ нужныхъ случаяхъ, предписывается г.г. сочинителямъ дѣлать поправки или дополненія; нѣкоторыя же изъ статей помѣщаются въ издаваемыхъ при университетѣ Казанскихъ Извѣстіяхъ".

IV. Изъ нижегородскаго комитета, учрежденнаго при тамошней гимназіи для составленія ученыхъ записокъ по нижегородской губерніи: a) Выписка изъ лѣтописца о Нижнемъ Новѣ-Городѣ и b) Грамота, данная царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ знаменитому Минину.

V. По казанской губерніи, отъ почетнаго смотрителя чистопольскаго главнаго народнаго училища Буженинова: Статистическое описаніе чистопольскаго уѣзда.

VI. Изъ пензенской губерніи, отъ учителя пензенской гимназіи Раевскаго: Статистическо - географическое описаніе пензенской губерніи.

VII. Изъ вятской губерніи, отъ учителей тамошней гимназіи. Баженова: a) О пространствѣ лѣсовъ по вятской губерніи и ежегодномъ употребленіи оныхъ на внутренніе и внѣшніе расходы за 1806 годъ, b) Описаніе судоходныхъ рѣкъ и тѣхъ рѣчекъ, по коимъ можно имѣть сплавъ, ежели оныя будутъ очищены отъ засоренія и сняты во многихъ мѣстахъ мельницы, c) Описаніе плотбищъ, на коихъ строились суда по вятской губерніи 1815 года, d) Описаніе всѣхъ рѣкъ и малыхъ рѣчекъ въ вятской губерніи, e) Описаніе судоходныхъ рѣкъ, f) Таблицы о поступившихъ по вятской губерніи въ казну доходахъ въ 1813 году, g) Перечневая табель вятской губерніи 1814 года. Некрасова: a) Замѣчанія о состояніи заводовъ г. Яковлева и b) Описаніе вятской флоры, кромѣ 24-го класса, линеевой системы.

VIII. Изъ оренбургской губерніи, отъ учителей мензелинскаго малаго народнаго училища: отъ Шляпникова—Статистическое и топографическое описаніе Мензелинска (К. И. 1816, № 73), Воронова 2-го—Записки по части хозяйства въ мензелинскомъ уѣздѣ.

IX. Изъ астраханской гимназіи, отъ тамошняго директора Храповицкаго: Описаніе астраханскихъ рыбныхъ промысловъ (К. И. 1816, №№ 31, 70, 105).

X. Изъ симбирской губерніи, отъ тамошняго учителя Соловьева: Статистическо - топографическое описаніе симбирской губерніи (К. И. 1818, № 16).

Сверхъ исчисленныхъ здѣсь сочиненій, представлены въ комитетъ дѣлаемыя при разныхъ гимназіяхъ и училищахъ метеорологическія наблюденія, съ замѣчаніями физическихъ мѣстныхъ перемѣнъ атмосферы, какъ то: изъ Вятки, Слободскаго, Перми, Кунгура, Шадринска, Верхотурья, Томска, Иркутска, Нолинска, Елабуги, Нижняго-Новгорода, Тамбова и другихъ многихъ городовъ.

Сочиненія, въ комитетъ присылаемыя, обыкновенно разсматриваются членами онаго и, въ нужныхъ случаяхъ, предписывается г.г. сочинителямъ дѣлать поправки или дополненія; нѣкоторыя же изъ статей помѣщаются въ издаваемыхъ при университетѣ Казанскихъ Извѣстіяхъ".

Подобнаго же рода реэстры сообщеній, поступавшихъ въ комитетъ веденія ученыхъ записокъ, сохранились до насъ и отъ двухъ послѣдующихъ годовъ интересующей насъ эпохи—1817-го и 1818-го [124].

Комитетъ ученыхъ записокъ былъ, повидимому, вполнѣ доволенъ результатами своей дѣятельности, такъ какъ 9-го апрѣля 1818 года возбудилъ передъ министерствомъ два ходатайства: первое — относительно поощренія, выраженіемъ имъ благодарности, лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху дѣла, именно директоровъ училищъ Попова и Словцова и учителей гимназій Раевскаго и Баженова, и второе—о разрѣшеніи печатанія, на счетъ университета, ученыхъ записокъ, къ тому времени накопившихся уже въ довольно значительномъ количествѣ. Мотивируя второе изъ этихъ ходатайствъ, комитетъ свидѣтельствуетъ, что „многіе изъ чиновниковъ гимназій и училищъ округа казанскаго университета оказываютъ дѣятельное участіе въ составленіи ученыхъ записокъ, каковыхъ теперь уже и доставлено весьма значительное количество"; что, хотя часть записокъ и препровождается къ печатанію ихъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, но „за всѣмъ тѣмъ остается много еще и такихъ, кои, заключая въ себѣ хорошіе матеріалы для статистики, географіи, сельскаго домоводства и другихъ наукъ, по обширности своей никоимъ образомъ не могутъ быть помѣщаемы въ издаваемой при университетѣ газетѣ, почему и остаются безъ всякаго употребленія въ архивѣ". Исходя изъ такого положенія дѣла, комитетъ и высказывается въ пользу „изданія особой, въ видѣ актовъ, книги, подъ заглавіемъ Ученыя записки по губерніямъ округа императорскаго казанскаго университета, въ коей можно бы было помѣщать замѣчательнѣйшія изъ присылаемыхъ сочиненій". Согласно требованію министерства, послѣднему высланы были, черезъ совѣтъ, и всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи комитета ученыя записки, въ количествѣ 155-ти статей, при особой описи, въ которой всѣ записки были сгруппированы по губерніямъ. Опись эта сохранилась въ архивныхъ дѣлахъ университета. Возвращая комитету присланныя въ министерство ученыя записки и обнадеживая въ томъ, что „трудившіеся надъ оными не будутъ оставлены безъ должнаго за то вознагражденія", министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 6-го ноября, изъявилъ согласіе на напечатаніе этихъ записокъ „или въ видѣ журнала, буде откроется къ тому возможность и средства, или другимъ образомъ, какъ признано будетъ совѣтомъ за лучшее".

Вопросъ о способѣ печатанія ученыхъ записокъ, тогда же переданный изъ совѣта въ комитетъ ихъ веденія, затянулся здѣсь на цѣлый годъ

Подобнаго же рода реэстры сообщеній, поступавшихъ въ комитетъ веденія ученыхъ записокъ, сохранились до насъ и отъ двухъ послѣдующихъ го́довъ интересующей насъ эпохи—1817-го и 1818-го [124].

Комитетъ ученыхъ записокъ былъ, повидимому, вполнѣ доволенъ результатами своей дѣятельности, такъ какъ 9-го апрѣля 1818 года возбудилъ передъ министерствомъ два ходатайства: первое — относительно поощренія, выраженіемъ имъ благодарности, лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху дѣла, именно дире́кторовъ училищъ Попова и Сло́вцова и учителей гимназій Раевскаго и Баженова, и второе—о разрѣшеніи печатанія, на счетъ университета, ученыхъ записокъ, къ тому времени накопившихся уже въ довольно значительномъ количествѣ. Мотивируя второе изъ этихъ ходатайствъ, комитетъ свидѣтельствуетъ, что „многіе изъ чиновниковъ гимназій и училищъ округа казанскаго университета оказываютъ дѣятельное участіе въ составленіи ученыхъ записокъ, каковыхъ теперь уже и доставлено весьма значительное количество"; что, хотя часть записокъ и препровождается къ печатанію ихъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, но „за всѣмъ тѣмъ остается много еще и такихъ, кои, заключая въ себѣ хорошіе матеріалы для статистики, географіи, сельскаго домоводства и другихъ наукъ, по обши́рности своей никоимъ образомъ не могутъ быть помѣщаемы въ издаваемой при университетѣ газетѣ, почему и остаются безъ всякаго употребленія въ архивѣ". Исходя изъ такого положенія дѣла, комитетъ и высказывается въ пользу „изданія особой, въ видѣ актовъ, книги, подъ заглавіемъ Ученыя записки по губерніямъ округа императорскаго казанскаго университета, въ коей можно бы было помѣщать замѣчательнѣйшія изъ присылаемыхъ сочиненій". Согласно требованію министерства, послѣднему высланы были, черезъ совѣтъ, и всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи комитета ученыя записки, въ количествѣ 155-ти статей, при особой описи, въ которой всѣ записки были сгруппированы по губерніямъ. Опись эта сохранилась въ архивныхъ дѣлахъ университета. Возвращая комитету присланныя въ министерство ученыя записки и обнадеживая въ томъ, что „трудившіеся надъ оными не будутъ оставлены безъ должнаго за то вознагражденія", министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 6-го ноября, изъявилъ согласіе на напечатаніе этихъ записокъ „или въ видѣ журнала, буде откроется къ тому возможность и средства, или другимъ образомъ, какъ признано будетъ совѣтомъ за лучшее".

Вопросъ о способѣ печатанія ученыхъ записокъ, тогда же переданный изъ совѣта въ комитетъ ихъ веденія, затянулся здѣсь на цѣлый годъ

и только 7-го ноября 1819 года поступило изъ комитета соотвѣтствующее представленіе совѣту. Комитетъ высказался за изданіе ученыхъ записокъ ежегодными книжками, размѣромъ около 25-ти печатныхъ листовъ каждая, подъ заглавіемъ: „Ученыя записки по губерніямъ округа императорскаго казанскаго университета"—на первый разъ въ количествѣ 300 экземпляровъ, „въ осьмую долю листа, шрифтомъ цицеро, на сѣрой бумагѣ"; предположено немедленно же приступить къ набору первой книжки этихъ „Ученыхъ записокъ", для которой былъ уже отобранъ и подготовленъ надлежащій матеріалъ и стоимость которой была вычислена въ 771 рубль 25 копѣекъ.

Предположенію относительно этого изданія, планъ котораго совѣтомъ былъ одобренъ, не было, однако, суждено осуществиться. Въ то время надъ казанскимъ университетомъ уже тяготѣла властная рука попечителя Магницкаго и его ближайшаго наперстника, „директора университета" Владимірскаго, и попечитель, усмотрѣвъ изъ представленія совѣта отъ 26-го февраля 1820 года, что соотвѣтствующее постановленіе совѣта состоялось помимо директора, предложилъ совѣту снова обсудить весь вопросъ при участіи Владимірскаго. Директоръ Владимірскій даже и не почелъ нужнымъ прибѣгнуть къ такому коллегіальному способу пересмотра вопроса и, забравъ къ себѣ весь находившійся въ распоряженіи комитета ученыхъ записокъ матеріалъ, передалъ его въ комитетъ по изданію „Казанскаго Вѣстника" — новаго университетскаго органа, возникшаго съ 1820 года, по мысли Магницкаго, взамѣнъ прекращенныхъ имъ „Казанскихъ Извѣстій" [125].

Такъ заглохла, во всякомъ случаѣ симпатичная, идея казанскаго университета создать повременный сборникъ, въ которомъ объединилась бы, подъ его эгидою, интеллектуальная жизнь всего обширнаго учебнаго округа. Воспоминаніе объ этой любопытной идеѣ сохранилось лишь въ названіи позднѣйшаго повременнаго университетскаго органа („Ученыя записки казанскаго университета"), возникшаго въ 1834 году и изданіе котораго съ той поры непрерывно продолжается вплоть до настоящаго времени.

и только 7-го ноября 1819 года поступило изъ комитета соотвѣтствующее представленіе совѣту. Комитетъ высказался за изданіе ученыхъ записокъ ежегодными книжками, размѣромъ около 25-ти печатныхъ листовъ каждая, подъ заглавіемъ: „Ученыя записки по губерніямъ округа императорскаго казанскаго университета"—на первый разъ въ количествѣ 300 экземпляровъ, „въ осьмую долю листа, шрифтомъ цицеро, на сѣрой бумагѣ"; предположено немедленно же приступить къ набору первой книжки этихъ „Ученыхъ записокъ", для которой былъ уже отобранъ и подготовленъ надлежащій матеріалъ и стоимость которой была вычислена въ 771 рубль 25 копѣекъ.

Предположенію относительно этого изданія, планъ котораго совѣтомъ былъ одобренъ, не было, однако, суждено осуществиться. Въ то время надъ казанскимъ университетомъ уже тяготѣла властная рука попечителя Магницкаго и его ближайшаго наперстника, „директора университета" Владимірскаго, и попечитель, усмотрѣвъ изъ представленія совѣта отъ 26-го февраля 1820 года, что соотвѣтствующее постановленіе совѣта состоялось помимо директора, предложилъ совѣту снова обсудить весь вопросъ при участіи Владимірскаго. Директоръ Владимірскій даже и не почелъ нужнымъ прибѣгнуть къ такому коллегіальному способу пересмотра вопроса и, забравъ къ себѣ весь находившійся въ распоряженіи комитета ученыхъ записокъ матеріалъ, передалъ его въ комитетъ по изданію „Казанскаго Вѣстника" — новаго университетскаго органа, возникшаго съ 1820 года, по мысли Магницкаго, взамѣнъ прекращенныхъ имъ „Казанскихъ Извѣстій" [125].

Такъ заглохла, во всякомъ случаѣ симпатичная, идея казанскаго университета создать повременный сборникъ, въ которомъ объединилась бы, подъ его эгидою, интеллектуальная жизнь всего обширнаго учебнаго округа. Воспоминаніе объ этой любопытной идеѣ сохранилось лишь въ названіи позднѣйшаго повременнаго университетскаго органа („Ученыя записки казанскаго университета"), возникшаго въ 1834 году и изданіе котораго съ той поры непрерывно продолжается вплоть до настоящаго времени.

Б

Дѣятельность университета на пользу города и края.

I. Общество любителей отечественной словесности.—II. Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. «Казанскія Извѣстія» и другія изданія. — III. Книгопечатаніе и книжное дѣло. «Азіятская» и «русская» типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.—IV. Университетская цензура.—V. Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ.—VI. Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Мы уже имѣли поводъ останавливаться на относительности того вопроса, который долженъ дать содержаніе нашему ближайшему повѣствованію. Вся, вообще, дѣятельность университета—представляетъ собою его служеніе мѣстному обществу и краю и выдѣленіе въ видѣ самостоятельной рубрики нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонъ его дѣятельности, направленныхъ къ удовлетворенію текущихъ запросовъ и интересовъ мѣстной общественности—можетъ быть допущено только съ извѣстной точки зрѣнія на всю совокупность взаимоотношеній между университетомъ и обществомъ. Дальнѣйшая рѣчь будетъ идти у насъ о тѣхъ услугахъ, какъ духовнаго, такъ и вещественнаго характера, сущность которыхъ обусловливается положеніемъ университета, его задачами, сосредоточеннымъ въ немъ запасомъ знаній и опытности, наличностью въ немъ лицъ, учрежденій и средствъ, могущихъ способствовать росту и очищенію общественнаго самосознанія, способныхъ идти на встрѣчу разнообразнымъ потребностямъ и запросамъ мѣстной общественности.

На первомъ планѣ слѣдуетъ отмѣтить здѣсь *стремленіе университета пріобщить мѣстную общественность къ своей духовной жизни*, заинтересовать ее въ этой жизни, заставить общество полюбить науку, популяризировать ее въ различныхъ слояхъ общества и тѣмъ научить общество понять ея пользу. Это—одна изъ основныхъ задачъ университета, обусловливаемая самымъ его положеніемъ, безъ болѣе или менѣе полнаго осуществленія которой университету суждено было бы явиться мертвымъ звукомъ въ общемъ строѣ мѣстной общественной жизни, элементомъ стороннимъ и чуждымъ этой послѣдней, не нашедшимъ себѣ законнаго и самостоятельнаго мѣста въ общемъ складѣ общественнаго организма, безъ стремленія къ достиженію которой—не можетъ, конечно, идти и рѣчь о культурномъ вліяніи университета....

Не мало можетъ быть указано точекъ соприкосновенія между культурною миссіею университета и отдѣльными сторонами и проявленіями текущей общественности даже и при томъ условіи, если мы не будемъ

Б

Дѣятельность университета на пользу города и края.

I. Общество любителей отечественной словесности.—II. Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. «Казанскія Извѣстія» и другія изданія. — III. Книгопечатаніе и книжное дѣло. «Азіятская» и «русская» типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.—IV. Университетская цензура.—V. Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ.—VI. Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Мы уже имѣли поводъ останавливаться на относительности того вопроса, который долженъ дать содержаніе нашему ближайшему повѣствованію. Вся, вообще, дѣятельность университета—представляетъ собою его служеніе мѣстному обществу и краю и выдѣленіе въ видѣ самостоятельной рубрики нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонъ его дѣятельности, направленныхъ къ удовлетворенію текущихъ запросовъ и интересовъ мѣстной общественности—можетъ быть допущено только съ извѣстной точки зрѣнія на всю совокупность взаимоотношеній между университетомъ и обществомъ. Дальнѣйшая рѣчь будетъ идти у насъ о тѣхъ услугахъ, какъ духовнаго, такъ и вещественнаго характера, сущность которыхъ обусловливается положеніемъ университета, его задачами, сосредоточеннымъ въ немъ запасомъ знаній и опытности, наличностью въ немъ лицъ, учрежденій и средствъ, могущихъ способствовать росту и очищенію общественнаго самосознанія, способныхъ идти на встрѣчу разнообразнымъ потребностямъ и запросамъ мѣстной общественности.

На первомъ планѣ слѣдуетъ отмѣтить здѣсь стремленіе университета пріобщить мѣстную общественность къ своей духовной жизни, заинтересовать ее въ этой жизни, заставить общество полюбить науку, популяризировать ее въ различныхъ слояхъ общества и тѣмъ научить общество понять ея пользу. Это—одна изъ основныхъ задачъ университета, обусловливаемая самымъ его положеніемъ, безъ болѣе или менѣе полнаго осуществленія которой университету суждено было бы явиться мертвымъ звукомъ въ общемъ строѣ мѣстной общественной жизни, элементомъ стороннимъ и чуждымъ этой послѣдней, не нашедшимъ себѣ законнаго и самостоятельнаго мѣста въ общемъ складѣ общественнаго организма, безъ стремленія къ достиженію которой—не можетъ, конечно, идти и рѣчь о культурномъ вліяніи университета....

Не мало можетъ быть указано точекъ соприкосновенія между культурною миссіею университета и отдѣльными сторонами и проявленіями текущей общественности даже и при томъ условіи, если мы не будемъ

имѣть въ виду ближайшей и наиболѣе осязательной стороны университетской жизни —его дѣятельности собственно учебно-педагогической. Не вдаваясь въ дальнѣйшія отвлеченныя соображенія въ области только что затронутаго нами вопроса, попытаемся дать ему чисто конкретное освѣщеніе, прослѣдивъ состояніе его въ интересующую насъ начальную пору жизни казанскаго университета, на долю котораго выпала особенно сложная и трудная миссія, какъ въ силу многихъ весьма типичныхъ географическихъ и этнографическихъ особенностей обширнаго русскаго востока, вошедшаго въ районъ его вліянія, такъ и въ виду весьма невысокаго уровня общественной культуры края—этой „страны почти дикарей“, какъ въ свое время характеризовалъ его профессоръ К. Ѳ. Фуксъ.

Популяризація въ обществѣ истиннаго назначенія университета и практическаго, какъ наиболѣе доступнаго массамъ, интереса сосредоточенныхъ въ немъ знаній—представляетъ собою одинъ изъ весьма существенныхъ путей университета къ достиженію тѣхъ задачъ, о которыхъ только что шла у насъ рѣчь. Публичныя лекціи, публичные акты, собранія, диспуты и экзамены; широкая, по возможности, гласность университетской жизни, достигаемая путемъ университетской прессы и опубликованія отчетовъ; учрежденіе при университетѣ ученыхъ обществъ, открытіе для публики свободнаго доступа къ университетскимъ учрежденіямъ и коллекціямъ—таковы средства болѣе или менѣе внѣшняго характера, которыми можетъ располагать университетъ въ дѣлѣ популяризаціи среди общества своего назначенія, своихъ задачъ, отдѣльныхъ сторонъ своей жизнедѣятельности. О публичныхъ лекціяхъ, въ истинномъ значеніи этихъ словъ, не возникало еще и рѣчи въ интересующую насъ эпоху жизни казанскаго университета, — вопросъ о нихъ возникъ не ранѣе начала сороковыхъ годовъ истекшаго столѣтія; тѣ же публичныя чтенія, которыя практиковались при университетѣ съ 1809 года подъ названіемъ „публичныхъ лекцій для чиновниковъ обязанныхъ службою“, преслѣдовали задачи спеціальнаго, административно-служебнаго, назначенія, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

За то казанскій университетъ уже съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія старался пользоваться другими, имѣвшимися въ его распоряженіи и, по условіямъ времени, доступными ему средствами къ тому, что бы популяризировать свое назначеніе и свои задачи, что бы установить болѣе или менѣе живыя точки соприкосновенія съ мѣстною общественностью.

имѣть въ виду ближайшей и наиболѣе осязательной стороны университетской жизни—его дѣятельности собственно учебно-педагогической. Не вдаваясь въ дальнѣйшія отвлеченныя соображенія въ области только что затронутаго нами вопроса, попытаемся дать ему чисто конкретное освѣщеніе, прослѣдивъ состояніе его въ интересующую насъ начальную пору жизни казанскаго университета, на долю котораго выпала особенно сложная и трудная миссія, какъ въ силу многихъ весьма типичныхъ географическихъ и этнографическихъ особенностей обширнаго русскаго востока, вошедшаго въ районъ его вліянія, такъ и въ виду весьма невысокаго уровня общественной культуры края—этой „страны почти дикарей", какъ въ свое время характеризовалъ его профессоръ К. Ѳ. Фуксъ.

Популяризація въ обществѣ истиннаго назначенія университета и практическаго, какъ наиболѣе доступнаго массамъ, интереса сосредоточенныхъ въ немъ знаній—представляетъ собою одинъ изъ весьма существенныхъ путей университета къ достиженію тѣхъ задачъ, о которыхъ только что шла у насъ рѣчь. Публичныя лекціи, публичные акты, собранія, диспуты и экзамены; широкая, по возможности, гласность университетской жизни, достигаемая путемъ университетской прессы и опубликованія отчетовъ; учрежденіе при университетѣ ученыхъ обществъ, открытіе для публики свободнаго доступа къ университетскимъ учрежденіямъ и коллекціямъ—таковы средства болѣе или менѣе внѣшняго характера, которыми можетъ располагать университетъ въ дѣлѣ популяризаціи среди общества своего назначенія, своихъ задачъ, отдѣльныхъ сторонъ своей жизнедѣятельности. О публичныхъ лекціяхъ, въ истинномъ значеніи этихъ словъ, не возникало еще и рѣчи въ интересующую насъ эпоху жизни казанскаго университета,— вопросъ о нихъ возникъ не ранѣе начала сороковыхъ годовъ истекшаго столѣтія; тѣ же публичныя чтенія, которыя практиковались при университетѣ съ 1809 года подъ названіемъ „публичныхъ лекцій для чиновниковъ обязанныхъ службою", преслѣдовали задачи спеціальнаго, административно-служебнаго, назначенія, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

За то казанскій университетъ уже съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія старался пользоваться другими, имѣвшимися въ его распоряженіи и, по условіямъ времени, доступными ему средствами къ тому, что бы популяризировать свое назначеніе и свои задачи, что бы установить болѣе или менѣе живыя точки соприкосновенія съ мѣстною общественностью.

Первый путь къ достиженію такой задачи найденъ былъ молодымъ университетомъ въ устройствѣ публичныхъ собраній, общій характеръ которыхъ, разсчитанный на возбужденіе къ нимъ хотя бы только внѣшняго интереса со стороны мѣстной публики и съ этою цѣлью уснащаемый различными проявленіями изобрѣтательности „профессора и кавалера", уже въ достаточной степени намъ знакомъ; обиліе рѣчей на различныхъ языкахъ, выспренныя оды университетскихъ піитъ, симфоніи и кантаты въ инструментальномъ и вокальномъ исполненіи, осмотръ университетскихъ учрежденій и „рѣдкостей", иллюминація университетскихъ зданій, аллегорическія прозрачныя картины, наконецъ „угощеніе" публики— все пускалось въ ходъ для того, что бы привлечь интересъ общества къ этимъ первымъ публичнымъ собраніямъ вновь основаннаго университета. Имѣли мы случаи убѣдиться и въ томъ, что,—болѣе или менѣе, конечно, удачно,—задачу популяризаціи значенія университета и олицетворяемаго имъ знанія преслѣдовали многія изъ рѣчей, раздававшихся на этихъ собраніяхъ, а на публичномъ собраніи 14-го февраля 1809 года профессоръ-директоръ Яковкинъ счелъ цѣлесообразнымъ впервые представить вниманію присутствовавшихъ отчетъ („рѣчь о четырегодичныхъ упражненіяхъ") по университету за истекшіе первые четыре года его существованія; позже, съ основаніемъ университетскаго журнала („Казанскія Извѣстія"), какъ отчеты по университету, такъ и другія свѣдѣнія по текущей жизни университета регулярно печатались къ всеобщему свѣдѣнію уже здѣсь.

Такую же задачу популяризаціи дѣятельности университета преслѣдовали и ежегодныя публичныя испытанія воспитанниковъ, производившіяся съ возможною торжественностью и на которыя публика приглашалась особыми оповѣщеніями отъ лица университетскихъ властей; казанская публика оказалась, однако, не особенно тароватою на посѣщеніе публичныхъ экзаменовъ и мало интересовалась этою „скучною", въ ея глазахъ, стороною университетской жизни: „Вчера,—писалъ по этому поводу Яковкинъ попечителю, — начатъ, съ помощью Божьею, публичный экзаменъ, но публика казанская на посѣщенія столько скупа, что, кажется, и не заботится, каково обучаются и успѣваютъ дѣти и родственники" [126].

Могучимъ средствомъ духовнаго единенія университетовъ съ обществомъ и привлеченія послѣдняго къ интеллектуальной жизни первыхъ— является, какъ извѣстно, основаніе при университетахъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Представляется въ высшей степени любопытнымъ, что мысль объ учрежденіи при немъ такихъ обществъ—почти современна самому основанію казанскаго университета;

Первый путь къ достиженію такой задачи найденъ былъ молодымъ университетомъ въ устройствѣ публичныхъ собраній, общій характеръ которыхъ, разсчитанный на возбужденіе къ нимъ хотя бы только внѣшняго интереса со стороны мѣстной публики и съ этою цѣлью уснащаемый различными проявленіями изобрѣтательности „профессора и кавалера", уже въ достаточной степени намъ знакомъ; обиліе рѣчей на различныхъ языкахъ, выспренныя оды университетскихъ піитъ, симфоніи и кантаты въ инструментальномъ и вокальномъ исполненіи, осмотръ университетскихъ учрежденій и „рѣдкостей", иллюминація университетскихъ зданій, аллегорическія прозрачныя картины, наконецъ „угощеніе" публики— все пускалось въ ходъ для того, что бы привлечь интересъ общества къ этимъ первымъ публичнымъ собраніямъ вновь основаннаго университета. Имѣли мы случаи убѣдиться и въ томъ, что,—болѣе или менѣе, конечно, удачно,—задачу популяризаціи значенія университета и олицетворяемаго имъ знанія преслѣдовали многія изъ рѣчей, раздававшихся на этихъ собраніяхъ, а на публичномъ собраніи 14-го февраля 1809 года профессоръ-директоръ Яковкинъ счелъ цѣлесообразнымъ впервые представить вниманію присутствовавшихъ отчетъ („рѣчь о четырегодичныхъ упражненіяхъ") по университету за истекшіе первые четыре года его существованія; позже, съ основаніемъ университетскаго журнала („Казанскія Извѣстія"), какъ отчеты по университету, такъ и другія свѣдѣнія по текущей жизни университета регулярно печатались къ всеобщему свѣдѣнію уже здѣсь.

Такую же задачу популяризаціи дѣятельности университета преслѣдовали и ежегодныя публичныя испытанія воспитанниковъ, производившіяся съ возможною торжественностью и на которыя публика приглашалась особыми оповѣщеніями отъ лица университетскихъ властей; казанская публика оказалась, однако, не особенно тароватою на посѣщеніе публичныхъ экзаменовъ и мало интересовалась этою „скучною", въ ея глазахъ, стороною университетской жизни: „Вчера,—писалъ по этому поводу Яковкинъ попечителю, — начатъ, съ помощью Божьею, публичный экзаменъ, но публика казанская на посѣщенія столько скупа, что, кажется, и не заботится, каково обучаются и успѣваютъ дѣти и родственники" [126].

Могучимъ средствомъ духовнаго единенія университетовъ съ обществомъ и привлеченія послѣдняго къ интеллектуальной жизни первыхъ— является, какъ извѣстно, основаніе при университетахъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Представляется въ высшей степени любопытнымъ, что мысль объ учрежденіи при немъ такихъ обществъ—почти современна самому основанію казанскаго университета;

это въ значительной мѣрѣ объясняется, конечно, сочувственнымъ отношеніемъ къ этому дѣлу со стороны университетскаго устава 1804 года, параграфъ 9-ый котораго гласилъ, что „къ особливому достоинству университета отнесется составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ". Намъ уже знакомъ проэктъ основанія при казанскомъ университетѣ ученаго общества для описанія казанской губерніи, возникшій, по иниціативѣ Яковкина, еще весною 1806 года; знакомы намъ и мечтанія профессора И. Е. Неймана объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ, организованнаго на весьма широкихъ началахъ, литературно-юридическаго общества *—но оба предположенія, хотя и встрѣтившія весьма сочувственное отношеніе со стороны попечителя округа Румовскаго, не пошли далѣе канцелярской о нихъ переписки, сохранившейся въ архивныхъ дѣлахъ университета. Любопытно, что въ концѣ 1810 и въ началѣ 1811 года нарождалась въ казанскомъ университетѣ и мысль объ основаніи при немъ физико-математическаго общества, какъ мы узнаемъ это изъ письма Броннера къ Румовскому отъ 10-го февраля 1811 года: „Профессоры Бартельсъ, Литтровъ и я,—пишетъ здѣсь Броннеръ,—часто сходимся для литературныхъ бесѣдъ и для взаимнаго обмѣна мыслями по поводу нашихъ работъ.... Среди насъ уже возникло предположеніе объ изданіи трудовъ казанскаго физико-математическаго общества". Попечитель Румовскій, самъ математикъ, отнесся вполнѣ сочувственно и къ этому предположенію славныхъ казанскихъ математиковъ, которому довелось, однако, осуществиться лишь восемью десятилѣтіями позже—въ лицѣ нынѣ существующаго физико-математическаго общества при казанскомъ университетѣ (Брон. 201 и 204).

Болѣе посчастливилось идеѣ основанія при университетѣ чисто-литературнаго общества, также возникшей уже слѣдомъ за основаніемъ университета и получившей осуществленіе въ лицѣ „Общества любителей отечественной словесности при императорскомъ казанскомъ университетѣ", очеркъ начальной исторіи котораго мы теперь и предложимъ вниманію нашихъ читателей.

---

* См. томъ I, стр. 157—159 и 252.

это въ значительной мѣрѣ объясняется, конечно, сочувственнымъ отношеніемъ къ этому дѣлу со стороны университетскаго устава 1804 года, параграфъ 9-ый котораго гласилъ, что „къ особливому достоинству университета отнесется составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ". Намъ уже знакомъ проэктъ основанія при казанскомъ университетѣ ученаго общества для описанія казанской губерніи, возникшій, по иниціативѣ Яковкина, еще весною 1806 года; знакомы намъ и мечтанія профессора И. Е. Неймана объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ, организованнаго на весьма широкихъ началахъ, литературно-юридическаго общества *—но оба предположенія, хотя и встрѣтившія весьма сочувственное отношеніе со стороны попечителя округа Румовскаго, не пошли далѣе канцелярской о нихъ переписки, сохранившейся въ архивныхъ дѣлахъ университета. Любопытно, что въ концѣ 1810 и въ началѣ 1811 года нарождалась въ казанскомъ университетѣ и мысль объ основаніи при немъ физико-математическаго общества, какъ мы узнаемъ это изъ письма Броннера къ Румовскому отъ 10-го февраля 1811 года: „Профессоры Бартельсъ, Литтровъ и я,—пишетъ здѣсь Броннеръ,—часто сходимся для литературныхъ бесѣдъ и для взаимнаго обмѣна мыслями по поводу нашихъ работъ.... Среди насъ уже возникло предположеніе объ изданіи трудовъ казанскаго физико-математическаго общества". Попечитель Румовскій, самъ математикъ, отнесся вполнѣ сочувственно и къ этому предположенію славныхъ казанскихъ математиковъ, которому довелось, однако, осуществиться лишь восемью десятилѣтіями позже—въ лицѣ нынѣ существующаго физико-математическаго общества при казанскомъ университетѣ (Брон. 201 и 204).

Болѣе посчастливилось идеѣ основанія при университетѣ чисто-литературнаго общества, также возникшей уже слѣдомъ за основаніемъ университета и получившей осуществленіе въ лицѣ „Общества любителей отечественной словесности при императорскомъ казанскомъ университетѣ", очеркъ начальной исторіи котораго мы теперь и предложимъ вниманію нашихъ читателей.

---

* См. томъ I, стр. 157—159 и 252.

I

Казанское общество любителей отечественной словесности.

Начальное возникновеніе «Общества любителей отечественной словесности».—Его положеніе, организація и первые годы жизни.—Упадокъ дѣятельности общества и мѣры къ его возрожденію.—Вопросъ о новомъ уставѣ общества и объ изданіи его трудовъ.—Общество любителей отечественной словесности въ 1811—1814 годахъ.—Уставъ общества 8-го іюля 1814 года.—Первая книга «Трудовъ общества любителей отечественной словесности».—Первые годы обновленной жизни общества.—Публичное торжественное собраніе 6-го іюля 1815 года.—Чествованіе памяти Г. Р. Державина (14-го сентября 1816 года).—Послѣдніе передъ эпохою Магницкаго два года дѣятельности общества любителей отечественной словесности.—Общій взглядъ на успѣхи и итоги дѣятельности этого общества.

Обстоятельства, которыми сопровождалось основаніе при казанскомъ университетѣ „Общества любителей отечественной словесности“—въ общихъ чертахъ уже были нами затронуты.

Мы еще въ первой части нашего труда отмѣтили литературное движеніе, охватившее собою казанскую гимназическую, а затѣмъ и университетскую молодежь первыхъ годовъ XIX-го столѣтія и живой отголосокъ котораго нашелъ себѣ мѣсто въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова *. Это литературное движеніе, нашедшее себѣ отраженіе какъ въ страстномъ увлеченіи текущими направленіями въ отечественной словесности и попытками самостоятельнаго творчества, такъ и изданіемъ рукописныхъ журналовъ („Аркадскіе пастушки“, позже—„Журналъ нашихъ занятій“), своимъ зарожденіемъ и развитіемъ было въ огромной степени обязано вліянію молодого учителя словесности Н. М. Ибрагимова, самыя теплыя воспоминанія о которомъ сохранили намъ, именно съ этой стороны, С. Т. Аксаковъ и В. И. Панаевъ. Литературныя наклонности образовавшагося при казанскомъ университетѣ, уже въ первый годъ его существованія, кружка юныхъ любителей отечественной словесности, къ которому примкнули и трое учителей гимназическаго „россійскаго класса“, Н. М. Ибрагимовъ, А. И. Васильевъ и Д. Г. Богдановъ, стали искать себѣ болѣе широкаго выхода—и на этой то почвѣ, по ближайшему почину Ибрагимова, зародилась мысль объ основаніи при университетѣ болѣе или менѣе организованнаго литературнаго общества. Отъ словъ немедленно перешли къ дѣлу—и уже въ самомъ началѣ 1806 года сформировался при университетѣ литературный кружокъ, присвоившій себѣ наименованіе „Общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности“.

* См. томъ I, стр. 86—89.

I

Казанское общество любителей отечественной словесности.

Начальное возникновеніе «Общества любителей отечественной словесности».—Его положеніе, организація и первые годы жизни.—Упадокъ дѣятельности общества и мѣры къ его возрожденію.—Вопросъ о новомъ уставѣ общества и объ изданіи его трудовъ.—Общество любителей отечественной словесности въ 1811—1814 годахъ. — Уставъ общества 8-го іюля 1814 года.—Первая книга «Трудовъ общества любителей отечественной словесности».—Первые годы обновленной жизни общества.—Публичное торжественное собраніе 6-го іюля 1815 года.—Чествованіе памяти Г. Р. Державина (14-го сентября 1816 года). — Послѣдніе передъ эпохою Магницкаго два года дѣятельности общества любителей отечественной словесности.—Общій взглядъ на успѣхи и итоги дѣятельности этого общества.

Обстоятельства, которыми сопровождалось основаніе при казанскомъ университетѣ „Общества любителей отечественной словесности“—въ общихъ чертахъ уже были нами затронуты.

Мы еще въ первой части нашего труда отмѣтили литературное движеніе, охватившее собою казанскую гимназическую, а затѣмъ и университетскую молодежь первыхъ годовъ XIX-го столѣтія и живой отголосокъ котораго нашелъ себѣ мѣсто въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова *. Это литературное движеніе, нашедшее себѣ отраженіе какъ въ страстномъ увлеченіи текущими направленіями въ отечественной словесности и попытками самостоятельнаго творчества, такъ и изданіемъ рукописныхъ журналовъ („Аркадскіе пастушки“, позже—„Журналъ нашихъ занятій“), своимъ зарожденіемъ и развитіемъ было въ огромной степени обязано вліянію молодого учителя словесности Н. М. Ибрагимова, самыя теплыя воспоминанія о которомъ сохранили намъ, именно съ этой стороны, С. Т. Аксаковъ и В. И. Панаевъ. Литературныя наклонности образовавшагося при казанскомъ университетѣ, уже въ первый годъ его существованія, кружка юныхъ любителей отечественной словесности, къ которому примкнули и трое учителей гимназическаго „россійскаго класса“, Н. М. Ибрагимовъ, А. И. Васильевъ и Д. Г. Богдановъ, стали искать себѣ болѣе широкаго выхода—и на этой то почвѣ, по ближайшему почину Ибрагимова, зародилась мысль объ основаніи при университетѣ болѣе или менѣе организованнаго литературнаго общества. Отъ словъ немедленно перешли къ дѣлу— и уже въ самомъ началѣ 1806 года сформировался при университетѣ литературный кружокъ, присвоившій себѣ наименованіе „Общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности“.

* См. томъ I, стр. 86—89.

Зарожденіе этого общества совершилось въ высшей степени просто и патріархально — безъ заблаговременныхъ оффиціальныхъ ходатайствъ объ его разрѣшеніи, безъ формальнаго его утвержденія, даже безъ предварительнаго вѣдома о томъ университетскихъ властей. Ближайшее начальство, въ лицѣ профессора-директора Яковкина, впервые было оффиціально увѣдомлено о совершившемся фактѣ слѣдующимъ „рапортомъ“, поданнымъ ему, въ концѣ апрѣля 1806 года, учителемъ Ибрагимовымъ:

„Желая усовершенствовать себя въ отечественной словесности, согласились: я, мои товарищи, господа учители Васильевъ и Богдановъ, и господа студенты Перевощиковъ и Кондыревъ, упражняться въ томъ обще, дабы содѣйствовать успѣхамъ другъ друга взаимно. Такимъ образомъ составляется изъ насъ нѣкоторое общество любителей литературы и, какъ оно можетъ со временемъ пріумножиться достойными членами изъ господъ учителей или студентовъ, то сіе обстоятельство побуждаетъ меня въ самомъ началѣ онаго отъ имени прочихъ сочленовъ моихъ отнестись къ вашему высокоблагородію, дабы испросить соизволенія отъ начальства на учрежденіе такого рода и покровительства въ споспѣшествованіи будущимъ его упражненіямъ. Намѣреваясь посвящать сему полезному занятію праздное отъ должности время, мы почли за пристойное назвать сословіе (sic) наше обществомъ вольныхъ упражненій въ россійской словесности. Положеніе, предначертанное нами сему обществу и которое при семъ честь имѣю представить вашему высокоблагородію на благоусмотрѣніе, дастъ вамъ яснѣйшее понятіе о цѣли и основаніи онаго“.

Къ рапорту было приложено „положеніе“ вновь образуемаго общества, помѣченное 23-мъ апрѣля (день, который, такимъ образомъ, и долженъ почитаться исходнымъ моментомъ его существованія) и подписанное его учредителями. Считаемъ необходимымъ въ полномъ видѣ возстановить этотъ первый уставъ перваго общества, возникшаго при казанскомъ университетѣ:

„Положеніе

общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности.

1. Цѣль составленія сего общества есть ревностное желаніе членовъ его усовершенствовать себя въ литературѣ, но отнюдь не славолюбіе удивлять публику своими первыми умопроизведеніями. По крайней мѣрѣ, до времени, труды ихъ остаются неизвѣстными свѣту.

Зарожденіе этого общества совершилось въ высшей степени просто и патріархально — безъ заблаговременныхъ оффиціальныхъ ходатайствъ объ его разрѣшеніи, безъ формальнаго его утвержденія, даже безъ предварительнаго вѣдома о томъ университетскихъ властей. Ближайшее начальство, въ лицѣ профессора-директора Яковкина, впервые было оффиціально увѣдомлено о совершившемся фактѣ слѣдующимъ „рапортомъ", поданнымъ ему, въ концѣ апрѣля 1806 года, учителемъ Ибрагимовымъ:

„Желая усовершенствовать себя въ отечественной словесности, согласились: я, мои товарищи, господа учители Васильевъ и Богдановъ, и господа студенты Перевощиковъ и Кондыревъ, упражняться въ томъ обще, дабы содѣйствовать успѣхамъ другъ друга взаимно. Такимъ образомъ составляется изъ насъ нѣкоторое общество любителей литературы и, какъ оно можетъ со временемъ пріумножиться достойными членами изъ господъ учителей или студентовъ, то сіе обстоятельство побуждаетъ меня въ самомъ началѣ онаго отъ имени прочихъ сочленовъ моихъ отнестись къ вашему высокоблагородію, дабы испросить соизволенія отъ начальства на учрежденіе такого рода и покровительства въ споспѣшествованіи будущимъ его упражненіямъ. Намѣреваясь посвящать сему полезному занятію праздное отъ должности время, мы почли за пристойное назвать сословіе (sic) наше обществомъ вольныхъ упражненій въ россійской словесности. Положеніе, предначертанное нами сему обществу и которое при семъ честь имѣю представить вашему высокоблагородію на благоусмотрѣніе, дастъ вамъ яснѣйшее понятіе о цѣли и основаніи онаго".

Къ рапорту было приложено „положеніе" вновь образуемаго общества, помѣченное 23-мъ апрѣля (день, который, такимъ образомъ, и долженъ почитаться исходнымъ моментомъ его существованія) и подписанное его учредителями. Считаемъ необходимымъ въ полномъ видѣ возстановить этотъ первый уставъ перваго общества, возникшаго при казанскомъ университетѣ:

„Положеніе

общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности.

1. Цѣль составленія сего общества есть ревностное желаніе членовъ его усовершенствовать себя въ литературѣ, но отнюдь не славолюбіе удивлять публику своими первыми умопроизведеніями. По крайней мѣрѣ, до времени, труды ихъ остаются неизвѣстными свѣту.

2. Всякъ можетъ быть членомъ общества, кто покажетъ нѣкоторые опыты въ сочиненіяхъ и переводахъ. Общество полагаетъ свою славу не столько въ множествѣ членовъ, сколько въ достоинствѣ каждаго.

3. Члены общества, какъ и всѣ люди, могутъ имѣть дарованія и свѣдѣнія въ различной степени: но отмѣнность котораго нибудь да послужитъ въ пользу прочихъ. Быть лучше всѣхъ—есть лестное право всякому помогать.

4. Упражненіями членовъ могутъ быть, по произволу и способности каждаго, сочиненія, переводы и разборъ піесъ посторонних.

5. Подаваемыя упражненія предварительно прочитываются всѣми членами въ засѣданіяхъ, потомъ каждымъ особенно у себя и, наконецъ, цѣнятся по общему приговору.

6. Цензура или разборъ упражненій должны быть дружескимъ совѣщаніемъ и не имѣть ничего общаго съ сатирою и насмѣшками. Можно даже иногда уступить автору, въ чемъ онъ настоитъ сильно; ибо всякій понимаетъ себя больше, нежели другіе его.

7. Упражненія членовъ вносятся въ журналъ собранія трудовъ, собственною рукою сочинителя или переводчика, съ подписаніемъ имени и времени.

8. Члены общества собираются въ недѣлю по крайней мѣрѣ разъ, именно по понедѣльникамъ, съ 6-ти часовъ пополудни.

9. Сочиненія и переводы, сколько бы они важны не были, должно представлять въ срокъ, хотя по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ, по частямъ.

10. Общество сосредоточивается въ одномъ членѣ—первомъ. Онъ наблюдаетъ порядокъ теченія дѣлъ, имѣя въ помощь себѣ кандидата, или втораго члена, и секретаря, который подаетъ ему входящія бумаги для пріуготовленія ихъ къ общему разбору и записываетъ въ особенный журналъ текущихъ дѣлъ. Всякое дѣлопроизводство подписывается каждымъ членомъ и хранится у секретаря.

11. Всякій членъ отвѣчаетъ за отсутствіе или за невыполненіе всего возложеннаго на него обществомъ, кромѣ необходимости; особенно обязывается наблюдать все узаконенное (sic) въ семъ положеніи и впредь имѣющія быть какія либо постановленія, въ чемъ и долженъ подписываться.

Николай Ибрагимовъ, Александръ Васильевъ, Данило Богдановъ, Василій Перевощиковъ, Петръ Кондыревъ“ [127].

Въ такомъ видѣ представляются намъ основы организаціи будущаго „Общества любителей отечественной словесности“, первоначально возникшаго, такимъ образомъ, при наличности всего пяти членовъ-учредителей *.

* Спѣшимъ поправить неточность, допущенную нами, со словъ С. Т. Аксакова, въ первой части нашего труда (см. стр. 89-ю): Аксаковъ, братья А. и И. Панаевы и Д. Перевощиковъ не состояли въ числѣ учредителей общества, но за то учредителемъ его былъ учитель А. Васильевъ, о которомъ Аксаковъ не упоминаетъ.

2. Всякъ можетъ быть членомъ общества, кто покажетъ нѣкоторые опыты въ сочиненіяхъ и переводахъ. Общество полагаетъ свою славу не столько въ множествѣ членовъ, сколько въ достоинствѣ каждаго.

3. Члены общества, какъ и всѣ люди, могутъ имѣть дарованія и свѣдѣнія въ различной степени: но отмѣнность котораго нибудь да послужитъ въ пользу прочихъ. Быть лучше всѣхъ—есть лестное право всякому помогать.

4. Упражненіями членовъ могутъ быть, по произволу и способности каждаго, сочиненія, переводы и разборъ піесъ постороннихъ.

5. Подаваемыя упражненія предварительно прочитываются всѣми членами въ засѣданіяхъ, потомъ каждымъ особенно у себя и, наконецъ, цѣнятся по общему приговору.

6. Цензура или разборъ упражненій должны быть дружескимъ совѣщаніемъ и не имѣть ничего общаго съ сатирою и насмѣшками. Можно даже иногда уступить автору, въ чемъ онъ настоитъ сильно; ибо всякій понимаетъ себя больше, нежели другіе его.

7. Упражненія членовъ вносятся въ журналъ собранія трудовъ, собственною рукою сочинителя или переводчика, съ подписаніемъ имени и времени.

8. Члены общества собираются въ недѣлю по крайней мѣрѣ разъ, именно по понедѣльникамъ, съ 6-ти часовъ пополудни.

9. Сочиненія и переводы, сколько бы они важны не были, должно представлять въ срокъ, хотя по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ, по частямъ.

10. Общество сосредоточивается въ одномъ членѣ—первомъ. Онъ наблюдаетъ порядокъ теченія дѣлъ, имѣя въ помощь себѣ кандидата, или втораго члена, и секретаря, который подаетъ ему входящія бумаги для пріуготовленія ихъ къ общему разбору и записываетъ въ особенный журналъ текущихъ дѣлъ. Всякое дѣлопроизводство подписывается каждымъ членомъ и хранится у секретаря.

11. Всякій членъ отвѣчаетъ за отсутствіе или за невыполненіе всего возложеннаго на него обществомъ, кромѣ необходимости; особенно обязывается наблюдать все узаконенное (sic) въ семъ положеніи и впредь имѣющія быть какія либо постановленія, въ чемъ и долженъ подписываться.

Николай Ибрагимовъ, Александръ Васильевъ, Данило Богдановъ, Василій Перевощиковъ, Петръ Кондыревъ" [127].

Въ такомъ видѣ представляются намъ основы организаціи будущаго „Общества любителей отечественной словесности", первоначально возникшаго, такимъ образомъ, при наличности всего пяти членовъ-учредителей *.

* Спѣшимъ поправить неточность, допущенную нами, со словъ С. Т. Аксакова, въ первой части нашего труда (см. стр. 89-ю): Аксаковъ, братья А. и И. Панаевы и Д. Перевощиковъ не состояли въ числѣ учредителей общества, но за то учредителемъ его былъ учитель А. Васильевъ, о которомъ Аксаковъ не упоминаетъ.

Профессоръ-директоръ Яковкинъ отнесся къ этой затѣѣ весьма благодушно и тогда же отписалъ попечителю Румовскому, что „россійскіе гимназическіе учители Ибрагимовъ и Васильевъ, съ нѣкоторыми лучшими студентами, составили домашнее общество россійской словесности; предначертаніе оному подали они мнѣ письменно и съ будущею почтою уповаю представить оное на благоусмотрѣніе вашего превосходительства: оно будетъ сначала приватное и я располагаю для онаго отвести особый покой". Нѣсколькими днями позже (отъ 8-го мая) Яковкинъ препроводилъ попечителю и самое „положеніе" вновь образовавшагося общества, сопроводивъ его слѣдующими сентенціями: „Позволивъ имъ (т. е. членамъ общества) имѣть собранія одинъ разъ въ недѣлю и назначивъ къ тому мѣсто, я буду имѣть честь ожидать дальнѣйшаго по сему дѣлу начальственнаго предписанія. Соблаговолите, ваше превосходительство, удостоить извинить дерзновеніе мое о таковомъ представленіи: причиною его не каковое либо постыдное самохвальство, но предосторожность для избѣжанія обидныхъ и предосудительныхъ толковъ, когда начальству извѣстно всякое новое начинаніе. Можетъ быть со временемъ изъ сего, почти дѣтскаго, намѣренія выйдетъ что нибудь полезное отечеству, а я, между тѣмъ, освобожусь отъ клеветныхъ нареканій, когда о дѣлѣ семъ предворено мое начальство. Не премину и я записаться въ оное членомъ, хотя и почетнымъ, дабы, когда только время и обстоятельства позволятъ, присутствовать иногда въ ихъ засѣданіяхъ". Только что приведенная нами выписка изъ письма Яковкина невольно наводитъ насъ на два предположенія: во первыхъ, что дѣло основанія интересующаго насъ общества не было чуждо поддержки, если только и не скрытой инициіативы, самого профессора-директора, и, во-вторыхъ, что начинаніе это уже на первыхъ порахъ, при самомъ своемъ зарожденіи, возбудило какіе то „обидные и предосудительные толки" и „клеветныя нареканія", съ которыми ему приходилось считаться; сейчасъ увидимъ мы, что это послѣднее предположеніе оправдывается и нѣкоторыми фактами изъ первыхъ же мѣсяцевъ жизни вновь составившагося общества.

Не ожидая формальнаго согласія попечителя на существованіе при университетѣ „Общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности", Яковкинъ отвелъ помѣщеніе для его собраній въ одной изъ комнатъ тенишевскаго дома, гдѣ общество и открыло регулярныя засѣданія, избравъ своимъ „первымъ членомъ" или предсѣдателемъ Ибрагимова, секретаремъ—Кондырева. Профессоръ-директоръ дѣйствовалъ, въ данномъ случаѣ, на собственный страхъ, въ чемъ впослѣдствіи, въ 1815 году, общество и само сознавалось, заявивъ въ первомъ томѣ своихъ „Трудовъ", что

Профессоръ-директоръ Яковкинъ отнесся къ этой затѣѣ весьма благодушно и тогда же отписалъ попечителю Румовскому, что „россійскіе гимназическіе учители Ибрагимовъ и Васильевъ, съ нѣкоторыми лучшими студентами, составили домашнее общество россійской словесности; предначертаніе оному подали они мнѣ письменно и съ будущею почтою уповаю представить оное на благоусмотрѣніе вашего превосходительства: оно будетъ сначала приватное и я располагаю для онаго отвести особый покой". Нѣсколькими днями позже (отъ 8-го мая) Яковкинъ препроводилъ попечителю и самое „положеніе" вновь образовавшагося общества, сопроводивъ его слѣдующими сентенціями: „Позволивъ имъ (т. е. членамъ общества) имѣть собранія одинъ разъ въ недѣлю и назначивъ къ тому мѣсто, я буду имѣть честь ожидать дальнѣйшаго по сему дѣлу начальственнаго предписанія. Соблаговолите, ваше превосходительство, удостоить извинить дерзновеніе мое о таковомъ представленіи: причиною его не каковое либо постыдное самохвальство, но предосторожность для избѣжанія обидныхъ и предосудительныхъ толковъ, когда начальству извѣстно всякое новое начинаніе. Можетъ быть со временемъ изъ сего, почти дѣтскаго, намѣренія выйдетъ что нибудь полезное отечеству, а я, между тѣмъ, освобожусь отъ клеветныхъ нареканій, когда о дѣлѣ семъ предворено мое начальство. Не премину и я записаться въ оное членомъ, хотя и почетнымъ, дабы, когда только время и обстоятельства позволятъ, присутствовать иногда въ ихъ засѣданіяхъ". Только что приведенная нами выписка изъ письма Яковкина невольно наводитъ насъ на два предположенія: во первыхъ, что дѣло основанія интересующаго насъ общества не было чуждо поддержки, если только и не скрытой инициативы, самого профессора-директора, и, во-вторыхъ, что начинаніе это уже на первыхъ порахъ, при самомъ своемъ зарожденіи, возбудило какіе то „обидные и предосудительные толки" и „клеветныя нареканія", съ которыми ему приходилось считаться; сейчасъ увидимъ мы, что это послѣднее предположеніе оправдывается и нѣкоторыми фактами изъ первыхъ же мѣсяцевъ жизни вновь составившагося общества.

Не ожидая формальнаго согласія попечителя на существованіе при университетѣ „Общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности", Яковкинъ отвелъ помѣщеніе для его собраній въ одной изъ комнатъ тенишевскаго дома, гдѣ общество и открыло регулярныя засѣданія, избравъ своимъ „первымъ членомъ" или предсѣдателемъ Ибрагимова, секретаремъ—Кондырева. Профессоръ-директоръ дѣйствовалъ, въ данномъ случаѣ, на собственный страхъ, въ чемъ впослѣдствіи, въ 1815 году, общество и само сознавалось, заявивъ въ первомъ томѣ своихъ „Трудовъ", что

на первыхъ порахъ „хотя общество, до законнаго утвержденія своего положенія, и не долженствовало бы имѣть собранія, но какъ всѣ члены его были одного учебнаго вѣдомства и даже мѣста, а собранія имѣли видъ болѣе домашнихъ собраній, то и не было препятствій къ подобнымъ засѣданіямъ". Между тѣмъ попечитель Румовскій не только не давалъ никакого отвѣта на весеннія письма Яковкина, но успѣлъ даже совершенно забыть объ его донесеніяхъ, о которыхъ, быть можетъ, такъ бы и не вспомнилъ, если бы не новое представленіе о томъ же профессора-директора отъ 16-го октября, вызванное непріятнымъ для него инцидентомъ, иллюстрирующимъ уже извѣстныя намъ опасенія Яковкина на счетъ какихъ то „предосудительныхъ толковъ" и „клеветныхъ нареканій" по поводу новаго общества. Въ одну изъ субботъ первой половины октября, въ отведенной для того комнатѣ университетскаго тенишевскаго дома, происходило очередное засѣданіе „общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности". Какъ на грѣхъ, въ комнату эту полюбопытствовалъ заглянуть извѣстный совѣтскій противникъ директора, профессоръ Цеплинъ, возвращавшійся отъ Фукса, пользовавшагося квартирою въ томъ же домѣ. Показавъ видъ, что ему совершенно неизвѣстна причина происходившаго здѣсь собранія, Цеплинъ сдѣлалъ соотвѣтствующій запросъ и, получивъ отвѣтъ, пришелъ въ состояніе крайняго негодованія и „при всѣхъ тутъ бывшихъ сказалъ, что въ будущее засѣданіе совѣта донесетъ объ ономъ, какъ противозаконномъ, поелику совѣту неизвѣстномъ, скопищѣ".

Никакого донесенія по этому поводу отъ Цеплина въ совѣтъ не поступило (чего, однако, не мало побаивались какъ директоръ, такъ и самъ попечитель, усматривая опасность новыхъ на этой почвѣ совѣтскихъ конфликтовъ), тѣмъ не менѣе Яковкинъ счелъ нужнымъ немедленно же повторить свое майское представленіе, сообщивъ попечителю и инцидентъ съ проф. Цеплиномъ. Только тогда сломилъ Румовскій печать безмолвія и писалъ директору (отъ 5-го ноября), что „помнитъ, что далъ (?) свое согласіе на утвержденіе сословія русской словесности (sic!) и докладывалъ о семъ графу Петру Васильевичу (Завадовскому)", который коротко отвѣтилъ на это: „хорошо", и присовокупилъ къ своему лаконическому согласію афоризмъ: „Non erit bene, nisi fuerit male" (т. е. „пусть не выйдетъ ничего хорошаго, только не вышло бы ничего дурного"). Касается попечитель и щекотливаго вопроса объ угрозѣ Цеплина: „Ежели,— не безъ коварства рекомендуетъ онъ Яковкину,—въ совѣтѣ начнется дѣло о такъ называемомъ клубѣ, то дайте волю писать, что хотятъ, не сказы-

на первыхъ порахъ „хотя общество, до законнаго утвержденія своего положенія, и не долженствовало бы имѣть собранія, но какъ всѣ члены его были одного учебнаго вѣдомства и даже мѣста, а собранія имѣли видъ болѣе домашнихъ собраній, то и не было препятствій къ подобнымъ засѣданіямъ". Между тѣмъ попечитель Румовскій не только не давалъ никакого отвѣта на весеннія письма Яковкина, но успѣлъ даже совершенно забыть объ его донесеніяхъ, о которыхъ, быть можетъ, такъ бы и не вспомнилъ, если бы не новое представленіе о томъ же профессора-директора отъ 16-го октября, вызванное непріятнымъ для него инцидентомъ, иллюстрирующимъ уже извѣстныя намъ опасенія Яковкина на счетъ какихъ то „предосудительныхъ толковъ" и „клеветныхъ нареканій" по поводу новаго общества. Въ одну изъ субботъ первой половины октября, въ отведенной для того комнатѣ университетскаго тенишевскаго дома, происходило очередное засѣданіе „общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности". Какъ на грѣхъ, въ комнату эту полюбопытствовалъ заглянуть извѣстный совѣтскій противникъ директора, профессоръ Цеплинъ, возвращавшійся отъ Фукса, пользовавшагося квартирою въ томъ же домѣ. Показавъ видъ, что ему совершенно неизвѣстна причина происходившаго здѣсь собранія, Цеплинъ сдѣлалъ соотвѣтствующій запросъ и, получивъ отвѣтъ, пришелъ въ состояніе крайняго негодованія и „при всѣхъ тутъ бывшихъ сказалъ, что въ будущее засѣданіе совѣта донесетъ объ ономъ, какъ противозаконномъ, поелику совѣту неизвѣстномъ, скопищѣ".

Никакого донесенія по этому поводу отъ Цеплина въ совѣтъ не поступило (чего, однако, не мало побаивались какъ директоръ, такъ и самъ попечитель, усматривая опасность новыхъ на этой почвѣ совѣтскихъ конфликтовъ), тѣмъ не менѣе Яковкинъ счелъ нужнымъ немедленно же повторить свое майское представленіе, сообщивъ попечителю и инцидентъ съ проф. Цеплиномъ. Только тогда сломилъ Румовскій печать безмолвія и писалъ директору (отъ 5-го ноября), что „помнитъ, что далъ (?) свое согласіе на утвержденіе сословія русской словесности (sic!) и докладывалъ о семъ графу Петру Васильевичу (Завадовскому)", который коротко отвѣтилъ на это: „хорошо", и присовокупилъ къ своему лаконическому согласію афоризмъ: „Non erit bene, nisi fuerit male" (т. е. „пусть не выйдетъ ничего хорошаго, только не вышло бы ничего дурного"). Касается попечитель и щекотливаго вопроса объ угрозѣ Цеплина: „Ежели,— не безъ коварства рекомендуетъ онъ Яковкину,—въ совѣтѣ начнется дѣло о такъ называемомъ клубѣ, то дайте волю писать, что хотятъ, не сказы-

вая, что на оный есть дозволеніе; я того только опасаюсь, что увѣдомленіе сіе придетъ уже поздно".

Отвѣтъ попечителя принятъ былъ Яковкинымъ за полномочіе провозгласить открытое признаніе общества или „такъ называемаго клуба",—какъ выразился Румовскій,—о чемъ онъ и отписалъ своему принципалу отъ 27-го ноября: „О начальственномъ одобреніи начавшагося общества россійской словесности донынѣ не имѣлъ я никакого предписанія отъ вашего превосходительства и объ ономъ нынѣ объявлю обществу формальнымъ предложеніемъ, а также совѣту, для прекращенія впредь всякихъ нареканій, что признаю самымъ надежнѣйшимъ средствомъ къ твердому онаго состоянію на предбудущее время. Г. Цеплинъ,—добавляетъ директоръ,—по сіе время ничего не представлялъ объ ономъ совѣту; видно, что пообдумался, предполагая оное быть не безъизвѣстнымъ высшему начальству" Слѣдомъ за тѣмъ, предложеніемъ отъ 8-го декабря 1806 года, Яковкинъ уже оффиціально увѣдомилъ совѣтъ, что „съ соизволенія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія составилось при казанскомъ университетѣ общество любителей отечественной словесности, коего правила представлены въ свое время высшему начальству и удостоены одобренія". Въ этомъ же предложеніи исчисляется и сформировавшійся къ тому времени личный составъ общества: „Настоящіе члены,—читаемъ здѣсь,—онаго общества суть: г.г. учители гимназіи Ибрагимовъ, Богдановъ, Бѣлоусовъ, Васильевъ; студенты—Кондыревъ, Безобразовъ, Иванъ и Александръ Панаевы; изъ иностранныхъ же (т. е. иногороднихъ)—пензенской гимназіи учитель Перевощиковъ (Василій—получившій передъ тѣмъ это назначеніе) и служащій при г. государственномъ казначеѣ, 12-го класса Дмитрій Княжевичъ, отправляющій, купно, званіе корреспондента".

Теперь, послѣ акта формальной легитимаціи общества, почелъ своевременнымъ и умѣстнымъ вступить въ его составъ и самъ профессоръ-директоръ И. Ѳ. Яковкинъ, принявшій на себя званіе члена 10-го декабря; недѣлею позже (17-го декабря) сдѣлался членомъ общества и присяжный университетскій „словесникъ"—адъюнктъ краснорѣчія и стихотворства Г. Н. Городчаниновъ. Вступленіе этихъ лицъ въ число членовъ повлекло за собою, какъ и слѣдовало ожидать, перемѣну въ составѣ администраціи общества: уже въ засѣданіи 17-го декабря „первымъ членомъ" (т. е. предсѣдателемъ) избранъ былъ Яковкинъ, вторымъ и третьимъ членами (т. е. товарищами предсѣдателя)—Городчаниновъ и Ибрагимовъ; званіе секретаря общества было сохранено за Кондыревымъ. Такъ зародилось и получило оффиціальное признаніе первое общество, образовавшееся при казанскомъ

вая, что на оный есть дозволеніе; я того только опасаюсь, что увѣдомленіе сіе придетъ уже поздно".

Отвѣтъ попечителя принятъ былъ Яковкинымъ за полномочіе провозгласить открытое признаніе общества или „такъ называемаго клуба",—какъ выразился Румовскій,—о чемъ онъ и отписалъ своему принципалу отъ 27-го ноября: „О начальственномъ одобреніи начавшагося общества россійской словесности донынѣ не имѣлъ я никакого предписанія отъ вашего превосходительства и объ ономъ нынѣ объявлю обществу формальнымъ предложеніемъ, а также совѣту, для прекращенія впредь всякихъ нареканій, что признаю самымъ надежнѣйшимъ средствомъ къ твердому онаго состоянію на предбудущее время. Г. Цеплинъ,—добавляетъ директоръ,—по сіе время ничего не представлялъ объ ономъ совѣту; видно, что поодумался, предполагая оное быть не безъизвѣстнымъ высшему начальству" Слѣдомъ за тѣмъ, предложеніемъ отъ 8-го декабря 1806 года, Яковкинъ уже оффиціально увѣдомилъ совѣтъ, что „съ соизволенія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія составилось при казанскомъ университетѣ общество любителей отечественной словесности, коего правила представлены въ свое время высшему начальству и удостоены одобренія". Въ этомъ же предложеніи исчисляется и сформировавшійся къ тому времени личный составъ общества: „Настоящіе члены,—читаемъ здѣсь,—онаго общества суть: г.г. учители гимназіи Ибрагимовъ, Богдановъ, Бѣлоусовъ, Васильевъ; студенты—Кондыревъ, Безобразовъ, Иванъ и Александръ Панаевы; изъ иностранныхъ же (т. е. иногородныхъ)—пензенской гимназіи учитель Перевощиковъ (Василій—получившій передъ тѣмъ это назначеніе) и служащій при г. государственномъ казначеѣ, 12-го класса Дмитрій Княжевичъ, отправляющій, купно, званіе корреспондента".

Теперь, послѣ акта формальной легитимаціи общества, почелъ своевременнымъ и умѣстнымъ вступить въ его составъ и самъ профессоръ-директоръ И. Ѳ. Яковкинъ, принявшій на себя званіе члена 10-го декабря; недѣлею позже (17-го декабря) сдѣлался членомъ общества и присяжный университетскій „словесникъ"—адъюнктъ краснорѣчія и стихотворства Г. Н. Городчаниновъ. Вступленіе этихъ лицъ въ число членовъ повлекло за собою, какъ и слѣдовало ожидать, перемѣну въ составѣ администраціи общества: уже въ засѣданіи 17-го декабря „первымъ членомъ" (т. е. предсѣдателемъ) избранъ былъ Яковкинъ, вторымъ и третьимъ членами (т. е. товарищами предсѣдателя)—Городчаниновъ и Ибрагимовъ; званіе секретаря общества было сохранено за Кондыревымъ. Такъ зародилось и получило оффиціальное признаніе первое общество, образовавшееся при казанскомъ

университетѣ. Однимъ изъ первыхъ актовъ теперь уже вполнѣ легально обставленнаго общества было изъявленіе чувства признательности попечителю Румовскому, что и было сдѣлано, рапортомъ отъ 24-го декабря, отъ имени новаго предсѣдателя Яковкина; вмѣстѣ съ тѣмъ фактически измѣняется и самое наименованіе общества, которое, взамѣнъ первоначальнаго названія „общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности", начинаетъ уже постоянно именоваться „Обществомъ отечественной словесности" [123].

Въ самомъ концѣ декабря 1806 года (25-го числа) попечителю отправленъ былъ, за подписями предсѣдателя и секретаря, и первый годичный отчетъ („донесеніе") по обществу, обнимающій собою дѣятельность его съ перваго открытаго засѣданія (23-го апрѣля) и въ продолженіи всего 1806 года. Изъ этого отчета видимъ, что личный составъ общества, заключавшій въ себѣ весною 1806 года всего пять членовъ-учредителей, къ концу того же года возросъ до количества двѣнадцати членовъ, пополнившись слѣдующими новыми членами: казанскими—студентомъ П. В. Безобразовымъ (съ 30-го апрѣля), студентомъ И. И. Панаевымъ, учителемъ С. М. Бѣлоусовымъ (оба съ 27-го августа), студентомъ А. И. Панаевымъ (съ 26-го ноября), профессоромъ-директоромъ И. Ѳ. Яковкинымъ (съ 10-го декабря) и адъюнктомъ Г. Н. Городчаниновымъ (съ 17-го декабря); иногороднимъ—чиновникомъ министерства финансовъ, бывшимъ воспитанникомъ казанской гимназіи, Д. М. Княжевичемъ (съ 11-го іюля); сверхъ того, съ 11-го октября перечисленъ въ составъ иногороднихъ членовъ членъ-учредитель В. М. Перевощиковъ, опредѣленный учителемъ въ пензенскую гимназію. Собраній общество имѣло въ отчетномъ году всего 31, въ которыхъ „занимались разсужденіями, относящимися до россійской словесности, критическимъ чтеніемъ журналовъ, особенно жъ задаваемы были сочиненія* и разбираемы собственныя умопроизведенія". Отдѣльныхъ трудовъ за тотъ же годъ, не считая мелкихъ стихотвореній, представлено членами всего—30, въ томъ числѣ 18 въ стихахъ (двѣнадцать оригинальныхъ, три переложенія и три перевода) и 12 въ прозѣ (семь оригинальныхъ и пять переводовъ). Изъ отчета узнаемъ, что уже въ первый годъ своего суще-

---

* Приведемъ, для образца, темы нѣкоторыхъ изъ сочиненій, задававшихся обществомъ своимъ сочленамъ. Такъ, Ибрагимовъ долженъ былъ изложить «Мысли Вадима о самодержавномъ правленіи», Безобразовъ взялся аргументировать на тему о томъ—«Человѣкъ просвѣщенный и съ дарованіями можетъ ли, безъ нарушенія законовъ совѣсти, оставить служеніе отечеству и жить самъ собою?», Богдановъ получилъ тему—«Рѣчь Святослава къ войску предъ послѣднимъ сраженіемъ съ печенѣгами», Перевощиковъ—«Разговоръ Минина съ Пожарскимъ» и т. п.

университетѣ. Однимъ изъ первыхъ актовъ теперь уже вполнѣ легально обставленнаго общества было изъявленіе чувства признательности попечителю Румовскому, что и было сдѣлано, рапортомъ отъ 24-го декабря, отъ имени новаго предсѣдателя Яковкина; вмѣстѣ съ тѣмъ фактически измѣняется и самое наименованіе общества, которое, взамѣнъ первоначальнаго названія „общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности", начинаетъ уже постоянно именоваться „Обществомъ отечественной словесности" [123].

Въ самомъ концѣ декабря 1806 года (25-го числа) попечителю отправленъ былъ, за подписями предсѣдателя и секретаря, и первый годичный отчетъ („донесеніе") по обществу, обнимающій собою дѣятельность его съ перваго открытаго засѣданія (23-го апрѣля) и въ продолженіи всего 1806 года. Изъ этого отчета видимъ, что личный составъ общества, заключавшій въ себѣ весною 1806 года всего пять членовъ-учредителей, къ концу того же года возросъ до количества двѣнадцати членовъ, пополнившись слѣдующими новыми членами: казанскими—студентомъ П. В. Безобразовымъ (съ 30-го апрѣля), студентомъ И. И. Панаевымъ, учителемъ С. М. Бѣлоусовымъ (оба съ 27-го августа), студентомъ А. И. Панаевымъ (съ 26-го ноября), профессоромъ-директоромъ И. Ѳ. Яковкинымъ (съ 10-го декабря) и адъюнктомъ Г. Н. Городчаниновымъ (съ 17-го декабря); иногороднимъ—чиновникомъ министерства финансовъ, бывшимъ воспитанникомъ казанской гимназіи, Д. М. Княжевичемъ (съ 11-го іюля); сверхъ того, съ 11-го октября перечисленъ въ составъ иногороднихъ членовъ членъ-учредитель В. М. Перевощиковъ, опредѣленный учителемъ въ пензенскую гимназію. Собраній общество имѣло въ отчетномъ году всего 31, въ которыхъ „занимались разсужденіями, относящимися до россійской словесности, критическимъ чтеніемъ журналовъ, особенно жъ задаваемы были сочиненія* и разбираемы собственныя умопроизведенія". Отдѣльныхъ трудовъ за тотъ же годъ, не считая мелкихъ стихотвореній, представлено членами всего—30, въ томъ числѣ 18 въ стихахъ (двѣнадцать оригинальныхъ, три переложенія и три перевода) и 12 въ прозѣ (семь оригинальныхъ и пять переводовъ). Изъ отчета узнаемъ, что уже въ первый годъ своего суще-

* Приведемъ, для образца, темы нѣкоторыхъ изъ сочиненій, задававшихся обществомъ своимъ сочленамъ. Такъ, Ибрагимовъ долженъ былъ изложить «Мысли Вадима о самодержавномъ правленіи», Безобразовъ взялся аргументировать на тему о томъ—«Человѣкъ просвѣщенный и съ дарованіями можетъ ли, безъ нарушенія законовъ совѣсти, оставить служеніе отечеству и жить самъ собою?», Богдановъ получилъ тему—«Рѣчь Святослава къ войску предъ послѣднимъ сраженіемъ съ печенѣгами», Перевощиковъ—«Разговоръ Минина съ Пожарскимъ» и т. п.

ствованія общество допустило нѣкоторыя отклоненія отъ своего „положенія“, одобреннаго начальствомъ: „Какъ не всякое дѣло бываетъ совершенно въ началѣ своемъ и нельзя предусмотрѣть въ настоящемъ всего будущаго,—говорится въ отчетѣ,—то и общество въ нѣкоторыхъ изъ своихъ собраній дополняло свое положеніе; однако, всякій изъ таковыхъ дополнительныхъ пунктовъ имѣлъ цѣлью своею, сверхъ усовершенствованія, и благо общественное или, по крайней мѣрѣ, средство, каковыми можно бы было достигать сего, всѣми желаемаго, предмета“ [129].

Нельзя сказать, что бы „общество отечественной словесности“ особенно успѣшно прогрессировало съ точки зрѣнія увеличенія своего личнаго состава, какъ это усматривается изъ представленнаго имъ попечителю отчета за второй годъ своего существованія *. Къ концу 1807 года общій списокъ членовъ общества пополнился всего лишь двумя иногородними членами: и. д. директора оренбургскихъ училищъ П. И. Протопоповымъ и и. д. директора нижегородскихъ училищъ Кужелевымъ; въ число иногороднихъ членовъ переименованы въ этомъ году бывшіе казанскіе члены Богдановъ (членъ-учредитель), Безобразовъ и братья И. и А. Панаевы. Къ началу 1807 года пріурочивается и весьма непродолжительная бытность въ числѣ членовъ С. Т. Аксакова, вступившаго въ это званіе 14-го января, но уже въ мартѣ того же года сложившаго его съ себя, за окончательнымъ выѣздомъ изъ Казани. Къ концу 1807 года общее количество членовъ общества равнялось, такимъ образомъ, всего четырнадцати. Собственно литературная дѣятельность общества продолжала въ 1807 году оставаться,—по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи,—довольно интенсивною: она выразилась въ 29-ти собраніяхъ и 65-ти, опять таки не считая мелкихъ стихотвореній, отдѣльныхъ трудахъ членовъ, въ томъ числѣ, 23-хъ прозаическихъ (семнадцати оригинальныхъ и 6 переводныхъ) и 42-хъ стихотворныхъ (двадцати семи оригинальныхъ, восьми переложеніяхъ и семи переводныхъ). Въ послѣднемъ „экстраординарномъ“ собраніи своемъ за отчетный годъ общество подводило итогъ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ и, по словамъ отчета—„съ великимъ своимъ удовольствіемъ замѣтило, между прочими, отличившимися своимъ усердіемъ, трудомъ и всегдашнею ревностью ко благу его, даже отъ начала своего образованія по сіе время, третьяго члена г. Ибрагимова и кандидата Кондырева“, ко-

---

* Этотъ отчетъ составляется изъ двухъ частей, представленныхъ по полугодіямъ; мы соединяемъ въ одно данныя, приводимыя этими отдѣльными половинами общаго годичнаго отчета.

ствованія общество допустило нѣкоторыя отклоненія отъ своего „положенія“, одобреннаго начальствомъ: „Какъ не всякое дѣло бываетъ совершенно въ началѣ своемъ и нельзя предусмотрѣть въ настоящемъ всего будущаго,—говорится въ отчетѣ,—то и общество въ нѣкоторыхъ изъ своихъ собраній дополняло свое положеніе; однако, всякій изъ таковыхъ дополнительныхъ пунктовъ имѣлъ цѣлью своею, сверхъ усовершенствованія, и благо общественное или, по крайней мѣрѣ, средство, каковыми можно бы было достигать сего, всѣми желаемаго, предмета“ [129].

Нельзя сказать, что бы „общество отечественной словесности“ особенно успѣшно прогрессировало съ точки зрѣнія увеличенія своего личнаго состава, какъ это усматривается изъ представленнаго имъ попечителю отчета за второй годъ своего существованія*. Къ концу 1807 года общій списокъ членовъ общества пополнился всего лишь двумя иногородними членами: и. д. директора оренбургскихъ училищъ П. И. Протопоповымъ и и. д. директора нижегородскихъ училищъ Кужелевымъ; въ число иногороднихъ членовъ переименованы въ этомъ году бывшіе казанскіе члены Богдановъ (членъ-учредитель), Безобразовъ и братья И. и А. Панаевы. Къ началу 1807 года пріурочивается и весьма непродолжительная бытность въ числѣ членовъ С. Т. Аксакова, вступившаго въ это званіе 14-го января, но уже въ мартѣ того же года сложившаго его съ себя, за окончательнымъ выѣздомъ изъ Казани. Къ концу 1807 года общее количество членовъ общества равнялось, такимъ образомъ, всего четырнадцати. Собственно литературная дѣятельность общества продолжала въ 1807 году оставаться,—по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи,—довольно интенсивною: она выразилась въ 29-ти собраніяхъ и 65-ти, опять таки не считая мелкихъ стихотвореній, отдѣльныхъ трудахъ членовъ, въ томъ числѣ, 23-хъ прозаическихъ (семнадцати оригинальныхъ и 6 переводныхъ) и 42-хъ стихотворныхъ (двадцати семи оригинальныхъ, восьми переложеніяхъ и семи переводныхъ). Въ послѣднемъ „экстраординарномъ“ собраніи своемъ за отчетный годъ общество подводило итогъ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ и, по словамъ отчета—„съ великимъ своимъ удовольствіемъ замѣтило, между прочими, отличившимися своимъ усердіемъ, трудомъ и всегдашнею ревностью ко благу его, даже отъ начала своего образованія по сіе время, третьяго члена г. Ибрагимова и кандидата Кондырева“, ко-

* Этотъ отчетъ составляется изъ двухъ частей, представленныхъ по полугодіямъ; мы соединяемъ въ одно данныя, приводимыя этими отдѣльными половинами общаго годичнаго отчета.

торымъ въ отчетѣ и была выражена по этому поводу особая благодарность [130].

Недолго продолжалась начальная пора усиленной дѣятельности казанскаго общества любителей отечественной словесности и уже съ 1807 года въ жизни его стали прорываться симптомы, ясно указывавшіе на упадокъ энергіи въ его немногочисленныхъ членахъ, начинавшихъ относиться къ дѣлу все съ болѣе и болѣе формальной стороны. Да и самый личный составъ общества почти не пополнялся новыми силами ни изъ среды представителей университета,—абсентеизмъ которыхъ невольно бросается въ глаза при просмотрѣ списковъ членовъ первыхъ лѣтъ существованія общества,— ни изъ среды представителей интеллигентной части казанскаго общества. Мы едва ли ошибемся, приписавъ такое холодное отношеніе къ молодому обществу, какъ со стороны людей университетской науки, такъ и со стороны городской интеллигенціи, непопулярности Яковкина, сумѣвшаго забрать все это дѣло въ свои руки и начинавшаго, совмѣстно съ своею креатурою Кондыревымъ, полновластно хозяйничать въ дѣлахъ общества. Совершенно безучастно относился къ обществу любителей отечественной словесности и самъ Румовскій, къ немалому смущенію профессора-директора, сообщавшаго попечителю въ письмѣ отъ 10-го ноября 1808 года, что „наше общество весьма скорбитъ, что донынѣ не удостоилось получить никакого начальственнаго ободрительнаго предписанія, отдавая ежегодно отчетъ въ своихъ упражненіяхъ, коихъ донынѣ понакопилось уже довольно, такъ что по открытіи типографіи (университетской русской) будетъ что пустить въ печать".

Упадокъ жизнедѣятельности общества любителей отечественной словесности прежде всего сказался въ сокращеніи очередныхъ собраній его членовъ, которыя, какъ это опредѣлено было его „положеніемъ" и какъ это практиковалось въ первый годъ существованія общества, должны были быть еженедѣльными. Въ концѣ апрѣля 1807 года, по предложенію предсѣдателя, мотивированному тѣмъ, что „многіе члены имѣютъ должностныя обязанности, препятствующія имъ иногда посѣщать собранія", рѣшено созывать эти послѣднія только два раза въ мѣсяцъ, а 3-го декабря того же года, опять таки по инициативѣ Яковкина и по тому же мотиву, постановлено ограничиться общими собраніями ежемѣсячными.

Несомнѣнные признаки упадка дѣятельности общества любителей отечественной словесности ясно даютъ себя видѣть и въ представленныхъ попечителю его отчетахъ за 1808 и 1809 годы. Такъ, въ теченіи третьяго года своего существованія общество имѣло лишь десять собраній, въ томъ

торымъ въ отчетѣ и была выражена по этому поводу особая благодарность [130].

Недолго продолжалась начальная пора усиленной дѣятельности казанскаго общества любителей отечественной словесности и уже съ 1807 года въ жизни его стали прорываться симптомы, ясно указывавшіе на упадокъ энергіи въ его немногочисленныхъ членахъ, начинавшихъ относиться къ дѣлу все съ болѣе и болѣе формальной стороны. Да и самый личный составъ общества почти не пополнялся новыми силами ни изъ среды представителей университета,—абсентеизмъ которыхъ невольно бросается въ глаза при просмотрѣ списковъ членовъ первыхъ лѣтъ существованія общества,—ни изъ среды представителей интеллигентной части казанскаго общества. Мы едва ли ошибемся, приписавъ такое холодное отношеніе къ молодому обществу, какъ со стороны людей университетской науки, такъ и со стороны городской интеллигенціи, непопулярности Яковкина, сумѣвшаго забрать все это дѣло въ свои руки и начинавшаго, совмѣстно съ своею креатурою Кондыревымъ, полновластно хозяйничать въ дѣлахъ общества. Совершенно безучастно относился къ обществу любителей отечественной словесности и самъ Румовскій, къ немалому смущенію профессора-директора, сообщавшаго попечителю въ письмѣ отъ 10-го ноября 1808 года, что „наше общество весьма скорбитъ, что донынѣ не удостоилось получить никакого начальственнаго ободрительнаго предписанія, отдавая ежегодно отчетъ въ своихъ упражненіяхъ, коихъ донынѣ понакопилось уже довольно, такъ что по открытіи типографіи (университетской русской) будетъ что пустить въ печать“.

Упадокъ жизнедѣятельности общества любителей отечественной словесности прежде всего сказался въ сокращеніи очередныхъ собраній его членовъ, которыя, какъ это опредѣлено было его „положеніемъ“ и какъ это практиковалось въ первый годъ существованія общества, должны были быть еженедѣльными. Въ концѣ апрѣля 1807 года, по предложенію предсѣдателя, мотивированному тѣмъ, что „многіе члены имѣютъ должностныя обязанности, препятствующія имъ иногда посѣщать собранія“, рѣшено созывать эти послѣднія только два раза въ мѣсяцъ, а 3-го декабря того же года, опять таки по инициативѣ Яковкина и по тому же мотиву, постановлено ограничиться общими собраніями ежемѣсячными.

Несомнѣнные признаки упадка дѣятельности общества любителей отечественной словесности ясно даютъ себя видѣть и въ представленныхъ попечителю его отчетахъ за 1808 и 1809 годы. Такъ, въ теченіи третьяго года своего существованія общество имѣло лишь десять собраній, въ томъ

числѣ одно чрезвычайное, трудовъ же поступило въ него только 31, считая въ ихъ числѣ и 16 переводовъ; число членовъ къ концу года было всего 15 человѣкъ (6 казанскихъ и 9 иногороднихъ). Такое неблестящее положеніе дѣлъ заставило предсѣдателя впасть въ нѣсколько минорный тонъ и заявить попечителю, въ заключеніе въ высшей степени краткаго отчета этого года, что „общество предаетъ себя въ покровительство вашего превосходительства и надѣется чрезъ ваше о немъ попеченіе и высокое вниманіе оживиться снова (Яковкинъ самъ сознаетъ, слѣдовательно, упадокъ дѣятельности общества) и возвыситься, сдѣлаться впредь полезнымъ для сограждан ъ и споспѣшествовать, по всей возможности, успѣхамъ отечественной словесности". Память Румовскаго о казанскомъ литературномъ обществѣ выразилась развѣ только въ томъ, что въ концѣ этого года онъ возложилъ на него порученіе составить нѣсколько проэктовъ кантовъ и оду для предполагавшагося въ то время, въ близкомъ будущемъ, полнаго открытія университета. Не особенно высокое представленіе попечителя относительно успѣховъ общества любителей отечественной словесности просвѣчиваетъ и въ его отвѣтѣ на новогоднее привѣтствіе, съ которымъ, отъ лица общества, обратились къ нему въ исходѣ 1808 года Яковкинъ и Кондыревъ: „Свидѣтельствуя сему обществу мою благодарность,—писалъ Румовскій,—усердно желаю, что бы оное, простираясь въ похвальныхъ трудахъ своихъ далѣе, съ обновленіемъ года получило новыя силы къ ихъ продолженію; впрочемъ, когда общество приступитъ къ изданію своихъ упражненій, тогда я не премину свидѣтельствовать о трудахъ онаго предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія и отдать справедливость г.г. членамъ, которые отличатся своею дѣятельностью". Эти слова попечителя явились прямымъ отвѣтомъ на сѣтованія Яковкина о томъ, что руководимое имъ общество „донынѣ не удостоилось получить никакого начальственнаго одобрительнаго предписанія".

Повода „свидѣтельствовать" о трудахъ общества и „отдать справедливость" его членамъ—не въ состояніи былъ открыть Румовскому и отчетъ по обществу за 1809 годъ; и на этотъ разъ попечителю оставалось лишь признать пророческими слова графа Завадовскаго, высказанныя имъ по поводу самого учрежденія общества: „non erit bene, nisi fuerit male". За отчетный годъ количество членовъ не только не возросло, но наоборотъ, еще убавилось на три человѣка,—одинъ изъ нихъ (ад. Запольскій) умеръ, двое другихъ (Городчаниновъ, временно оставлявшій службу въ казанскомъ университетѣ, и Протопоповъ) исключены „за долговременное неисполненіе положеннаго",—и къ концу 1809 года общество заключалось лишь въ 13-ти,

числѣ одно чрезвычайное, трудовъ же поступило въ него только 31, считая въ ихъ числѣ и 16 переводовъ; число членовъ къ концу года было всего 15 человѣкъ (6 казанскихъ и 9 иногороднихъ). Такое неблестящее положеніе дѣлъ заставило предсѣдателя впасть въ нѣсколько минорный тонъ и заявить попечителю, въ заключеніе въ высшей степени краткаго отчета этого года, что „общество предаетъ себя въ покровительство вашего превосходительства и надѣется чрезъ ваше о немъ попеченіе и высокое вниманіе оживиться снова (Яковкинъ самъ сознаетъ, слѣдовательно, упадокъ дѣятельности общества) и возвыситься, сдѣлаться впредь полезнымъ для согражданъ и споспѣшествовать, по всей возможности, успѣхамъ отечественной словесности". Память Румовскаго о казанскомъ литературномъ обществѣ выразилась развѣ только въ томъ, что въ концѣ этого года онъ возложилъ на него порученіе составить нѣсколько проэктовъ кантовъ и оду для предполагавшагося въ то время, въ близкомъ будущемъ, полнаго открытія университета. Не особенно высокое представленіе попечителя относительно успѣховъ общества любителей отечественной словесности просвѣчиваетъ и въ его отвѣтѣ на новогоднее привѣтствіе, съ которымъ, отъ лица общества, обратились къ нему въ исходѣ 1808 года Яковкинъ и Кондыревъ: „Свидѣтельствуя сему обществу мою благодарность,—писалъ Румовскій,—усердно желаю, что бы оное, простираясь въ похвальныхъ трудахъ своихъ далѣе, съ обновленіемъ года получило новыя силы къ ихъ продолженію; впрочемъ, когда общество приступитъ къ изданію своихъ упражненій, тогда я не премину свидѣтельствовать о трудахъ онаго предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія и отдать справедливость г.г. членамъ, которые отличатся своею дѣятельностью". Эти слова попечителя явились прямымъ отвѣтомъ на сѣтованія Яковкина о томъ, что руководимое имъ общество „донынѣ не удостоилось получить никакого начальственнаго одобрительнаго предписанія".

Повода „свидѣтельствовать" о трудахъ общества и „отдать справедливость" его членамъ—не въ состояніи былъ открыть Румовскому и отчетъ по обществу за 1809 годъ; и на этотъ разъ попечителю оставалось лишь признать пророческими слова графа Завадовскаго, высказанныя имъ по поводу самого учрежденія общества: „non erit bene, nisi fuerit male". За отчетный годъ количество членовъ не только не возросло, но наоборотъ, еще убавилось на три человѣка,—одинъ изъ нихъ (ад. Запольскій) умеръ, двое другихъ (Городчаниновъ, временно оставлявшій службу въ казанскомъ университетѣ, и Протопоповъ) исключены „за долговременное неисполненіе положеннаго",—и къ концу 1809 года общество заключалось лишь въ 13-ти,

членахъ (шесть казанскихъ или, какъ ихъ называли—„дѣйствительныхъ", и семь иногороднихъ); отчетъ дѣлаетъ, при этомъ, довольно туманную оговорку (которая находитъ себѣ объясненіе едва ли не въ слишкомъ субъективномъ отношеніи Яковкина къ дѣлу принятія новыхъ членовъ), что „общество въ разсужденіи умноженія членовъ имѣло многіе случаи, но, желая поставить на твердомъ основаніи свое положеніе, за приличное почитало пріобрѣтеніе сіе отложить до другого времени". Собраній общество имѣло въ этомъ году только 13 (въ томъ числѣ четыре чрезвычайныхъ); значительно пало и количество поступившихъ трудовъ—всего лишь 15, преимущественно въ стихотворной формѣ.

Если результаты дѣятельности общества любителей отечественной словесности и не выразились въ 1809 году ни въ какомъ прогрессѣ, за то этотъ годъ отмѣченъ въ жизни его двумя начинаніями довольно серьезнаго характера.

Первое изъ этихъ начинаній—это „сочиненіе" новаго „положенія", т. е. устава общества, такъ какъ положеніе 23-го апрѣля 1806 года, составленное въ слишкомъ уже общей и наивно-отвлеченной формѣ, не оказалось въ состояніи регулировать ни самый строй общества, ни его дѣятельность. „Общество,—читаемъ по этому поводу въ отчетѣ за 1809 годъ,—чувствуя обращаемое вниманіе (?) на него высшаго начальства и горя желаніемъ содѣйствовать пользѣ общей, для прочности своего существованія положило особенно заняться сочиненіемъ устава общества", что, какъ сознается въ томъ самъ отчетъ, въ значительной степени и отвлекло общество отъ его текущихъ литературныхъ занятій. Начали съ того, что собрали и прочли уставы „всѣхъ россійскихъ существующихъ ученыхъ обществъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ", сдѣлали изъ нихъ подходящія извлеченія, снабдили ихъ необходимыми замѣчаніями и весь получившійся этимъ путемъ матеріалъ передали Ибрагимову и Кондыреву, съ тѣмъ, что бы каждый изъ нихъ набросалъ по проэкту устава; оба проэкта были своевременно представлены общему собранію, которое „положило изъ двухъ составить одно положеніе, что бы потомъ, послѣ разбора" представить его на утвержденіе высшаго начальства. „Когда общество увидитъ совершившимся сіе свое намѣреніе,—уповаетъ отчетъ,—то можетъ надѣяться сдѣлать кругъ дѣйствія своего обширнѣе, прочнѣе, общественнѣе и полезнѣе".

Второе начинаніе сводилось къ предположеніямъ общества относительно изданія „дневника" или „трудовъ", что, какъ мы это видѣли, ставилъ и самъ Румовскій условіемъ своего споспѣшествованія задачамъ

членахъ (шесть казанскихъ или, какъ ихъ называли—„дѣйствительныхъ", и семь иногороднихъ); отчетъ дѣлаетъ, при этомъ, довольно туманную оговорку (которая находитъ себѣ объясненіе едва ли не въ слишкомъ субъективномъ отношеніи Яковкина къ дѣлу принятія новыхъ членовъ), что „общество въ разсужденіи умноженія членовъ имѣло многіе случаи, но, желая поставить на твердомъ основаніи свое положеніе, за приличное почитало пріобрѣтеніе сіе отложить до другого времени". Собраній общество имѣло въ этомъ году только 13 (въ томъ числѣ четыре чрезвычайныхъ); значительно пало и количество поступившихъ трудовъ—всего лишь 15, преимущественно въ стихотворной формѣ.

Если результаты дѣятельности общества любителей отечественной словесности и не выразились въ 1809 году ни въ какомъ прогрессѣ, за то этотъ годъ отмѣченъ въ жизни его двумя начинаніями довольно серьезнаго характера.

Первое изъ этихъ начинаній—это „сочиненіе" новаго „положенія", т. е. устава общества, такъ какъ положеніе 23-го апрѣля 1806 года, составленное въ слишкомъ уже общей и наивно-отвлеченной формѣ, не оказалось въ состояніи регулировать ни самый строй общества, ни его дѣятельность. „Общество,—читаемъ по этому поводу въ отчетѣ за 1809 годъ,—чувствуя обращаемое вниманіе (?) на него высшаго начальства и горя желаніемъ содѣйствовать пользѣ общей, для прочности своего существованія положило особенно заняться сочиненіемъ устава общества", что, какъ сознается въ томъ самъ отчетъ, въ значительной степени и отвлекло общество отъ его текущихъ литературныхъ занятій. Начали съ того, что собрали и прочли уставы „всѣхъ россійскихъ существующихъ ученыхъ обществъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ", сдѣлали изъ нихъ подходящія извлеченія, снабдили ихъ необходимыми замѣчаніями и весь получившійся этимъ путемъ матеріалъ передали Ибрагимову и Кондыреву, съ тѣмъ, что бы каждый изъ нихъ набросалъ по проэкту устава; оба проэкта были своевременно представлены общему собранію, которое „положило изъ двухъ составить одно положеніе, что бы потомъ, послѣ разбора" представить его на утвержденіе высшаго начальства. „Когда общество увидитъ совершившимся сіе свое намѣреніе,—уповаетъ отчетъ,—то можетъ надѣяться сдѣлать кругъ дѣйствія своего обширнѣе, прочнѣе, общественнѣе и полезнѣе".

Второе начинаніе сводилось къ предположеніямъ общества относительно изданія „дневника" или „трудовъ", что, какъ мы это видѣли, ставилъ и самъ Румовскій условіемъ своего споспѣшествованія задачамъ

общества. Отчетъ перечисляетъ, при этомъ, тѣ препятствія, которыя до сихъ поръ задерживали издательскую дѣятельность общества, а именно: а) неопредѣленность самого существованія и положенія общества, б) недостаточность денежныхъ средствъ членовъ его, в) служебныя обязанности ихъ, г) сомнѣнія въ самой формѣ издательской дѣятельности общества (отдѣльно или „въ соединеніи съ предполагаемымъ изданіемъ сочиненій отъ университета" и д) „несовершенная устроенность университетской книгопечатни". Предполагая не замедлить началомъ самостоятельнаго изданія своихъ трудовъ, общество постановило ходатайствовать передъ попечителемъ относительно принятія расходовъ по изданію „на казенное иждивеніе, что согласно будетъ, кажется,—добавляетъ отчетъ,—§ 9-му устава университета"*, съ тѣмъ, однако, условіемъ, „что бы послѣ изъ вырученныхъ за проданныя книги денегъ уплатить издержки". Это весьма существенное для общества ходатайство удостоилось вниманія попечителя, который предложеніемъ отъ 27-го января 1810 года увѣдомилъ его, что имъ предписано совѣту гимназіи „о печатаніи трудовъ общества на счетъ гимназіи"; Румовскій, не вполнѣ довѣряя, повидимому, литературному вкусу и такту заправилъ общества, высказалъ тогда же пожеланіе, что бы „каждая часть сочиненія или книжка онаго, прежде напечатанія, доставляема мнѣ была, которыя по прочтеніи и будутъ обратно безъ задержанія возвращаемы". Подлинное предписаніе попечителя совѣту, заслушанное въ засѣданіи послѣдняго отъ 9-го февраля 1810 года, гласило слѣдующее:

„По представленію общества любителей отечественной словесности предлагаю, что бы предполагаемыхъ къ изданію, въ видѣ періодическихъ сочиненій, трудовъ его печатаемо было въ университетской типографіи шестьсотъ экземпляровъ на счетъ гимназіи, въ каждую треть года по одной книжкѣ, полагая каждую книжку отъ шести до семи листовъ, съ возвращеніемъ отъ распродажи сихъ книгъ издержекъ въ казну гимназіи; сколько же каждый листъ со всѣми расходами обходиться будетъ печатаніемъ и какія общество предполагаетъ мѣры къ сбыванію продажею печатныхъ своихъ сочиненій, также какое полагаетъ трудящимся ободреніе (sic), что бы доставлено мнѣ было свѣдѣніе".

Отвѣчая на соотвѣтствующій запросъ совѣта, общество любителей отечественной словесности извѣщало, что „изданіе трудовъ его, ежегодно

---

* Окончаніе § 9-го устава: «Университетъ можетъ споспѣшествовать имъ (т. е. состоящимъ при немъ обществамъ) печатаніемъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій на иждивеніе хозяйственной суммы».

общества. Отчетъ перечисляетъ, при этомъ, тѣ препятствія, которыя до сихъ поръ задерживали издательскую дѣятельность общества, а именно: а) неопредѣленность самого существованія и положенія общества, б) недостаточность денежныхъ средствъ членовъ его, в) служебныя обязанности ихъ, г) сомнѣнія въ самой формѣ издательской дѣятельности общества (отдѣльно или „въ соединеніи съ предполагаемымъ изданіемъ сочиненій отъ университета“ и д) „несовершенная устроенность университетской книгопечатни“. Предполагая не замедлить началомъ самостоятельнаго изданія своихъ трудовъ, общество постановило ходатайствовать передъ попечителемъ относительно принятія расходовъ по изданію „на казенное иждивеніе, что согласно будетъ, кажется,—добавляетъ отчетъ,—§ 9-му устава университета“*, съ тѣмъ, однако, условіемъ, „что бы послѣ изъ вырученныхъ за проданныя книги денегъ уплатить издержки“. Это весьма существенное для общества ходатайство удостоилось вниманія попечителя, который предложеніемъ отъ 27-го января 1810 года увѣдомилъ его, что имъ предписано совѣту гимназіи „о печатаніи трудовъ общества на счетъ гимназіи“; Румовскій, не вполнѣ довѣряя, повидимому, литературному вкусу и такту заправилъ общества, высказалъ тогда же пожеланіе, что бы „каждая часть сочиненія или книжка онаго, прежде напечатанія, доставляема мнѣ была, которыя по прочтеніи и будутъ обратно безъ задержанія возвращаемы“. Подлинное предписаніе попечителя совѣту, заслушанное въ засѣданіи послѣдняго отъ 9-го февраля 1810 года, гласило слѣдующее:

„По представленію общества любителей отечественной словесности предлагаю, что бы предполагаемыхъ къ изданію, въ видѣ періодическихъ сочиненій, трудовъ его печатаемо было въ университетской типографіи шестьсотъ экземпляровъ на счетъ гимназіи, въ каждую треть года по одной книжкѣ, полагая каждую книжку отъ шести до семи листовъ, съ возвращеніемъ отъ распродажи сихъ книгъ издержекъ въ казну гимназіи; сколько же каждый листъ со всѣми расходами обходиться будетъ печатаніемъ и какія общество предполагаетъ мѣры къ сбыванію продажею печатныхъ своихъ сочиненій, также какое полагаетъ трудящимся ободреніе (sic), что бы доставлено мнѣ было свѣдѣніе“.

Отвѣчая на соотвѣтствующій запросъ совѣта, общество любителей отечественной словесности извѣщало, что „изданіе трудовъ его, ежегодно

---

* Окончаніе § 9-го устава: «Университетъ можетъ способствовать имъ (т. е. состоящимъ при немъ обществамъ) печатаніемъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій на иждивеніе хозяйственной суммы».

трехъ книжекъ въ 27-ми печатныхъ листахъ, будетъ стоить около 400 рублей, включая въ расходъ то, что долженъ бы частный человѣкъ платить казнѣ при тисненіи своего сочиненія или перевода"; въ засѣданіи совѣта 4-го мая эту сумму расхода и было постановлено включить „въ общій счетъ нуждъ университета".

Не блестящею, съ точки зрѣнія основныхъ задачъ его, оказалась дѣятельность общества и за пятый (1810-й) годъ его существованія. Эта дѣятельность выразилась въ четырнадцати засѣданіяхъ, большая часть которыхъ оказалась опять таки посвященною только что указаннымъ вопросамъ внѣшней жизни общества; и въ этомъ году рѣчь шла, почти исключительно, объ измѣненіи устава общества и о печатаніи его трудовъ, издателями которыхъ оказались избранными члены-учредители общества Ибрагимовъ и В. Перевощиковъ, снова переселившійся въ Казань. Въ 1810-мъ отчетномъ году общество пріобрѣло и пять новыхъ членовъ, въ лицѣ ректора казанской академіи архимандрита Епифанія, свіяжскаго архимандрита Израиля, предсѣдателя казанской палаты уголовнаго суда И. И. Сокольскаго, профессора К. Ѳ. Фукса и учителя гимназіи Г. А. Яковкина, благодаря чему личный составъ общества достигъ количества 16-ти членовъ. Но что особенно поражаетъ насъ въ итогахъ дѣятельности общества къ концу 1810-го года—такъ это необычайный багажъ „трудовъ" его членовъ (конечно обильный только въ количественномъ отношеніи), накопившійся къ этому времени: онъ заключался „изъ двухсотъ (!) піесъ разнаго рода сочиненій и переводовъ, назначенныхъ для печатанія", изъ которыхъ уже намѣченъ былъ матеріалъ для первой книги „Трудовъ" и составлялся матеріалъ для второй. Въ отчетѣ сообщалось, что „издаваемые обществомъ труды будутъ раздѣлены на три части: а) словесность, б) науки и искусства и в) ученыя извѣстія" [131].

1811-й годъ отмѣченъ въ жизни общества любителей отечественной словесности, какъ это видно изъ отчета, относительно значительнымъ увеличеніемъ его личнаго состава, причемъ въ члены начинаютъ вступать и почти совершенно отсутствовавшіе въ немъ до тѣхъ поръ представители университета. За этотъ годъ вступили въ число членовъ 16 лицъ: снова опредѣлившійся въ службу казанскаго университета экстраординарный профессоръ Г. Н. Городчаниновъ, дивизіонный докторъ А. Г. Пятницкій, директоръ оренбургскихъ училищъ А. С. Лубкинъ, отставной капитанъ П. А. Бужаниновъ, надв. совѣтникъ В. Г. Анастасевичъ (въ С.-Петербургѣ), губ. секретарь С. Т. Аксаковъ, штабъ-лекарь Ф. М. Рындовскій (въ Таганрогѣ), колл. секретарь Н. И. Федоровъ (въ Бугульмѣ),

трехъ книжекъ въ 27-ми печатныхъ листахъ, будетъ стоить около 400 рублей, включая въ расходъ то, что долженъ бы частный человѣкъ платить казнѣ при тисненіи своего сочиненія или перевода"; въ засѣданіи совѣта 4-го мая эту сумму расхода и было постановлено включить „въ общій счетъ нуждъ университета".

Не блестящею, съ точки зрѣнія основныхъ задачъ его, оказалась дѣятельность общества и за пятый (1810-й) годъ его существованія. Эта дѣятельность выразилась въ четырнадцати засѣданіяхъ, большая часть которыхъ оказалась опять таки посвященною только что указаннымъ вопросамъ внѣшней жизни общества; и въ этомъ году рѣчь шла, почти исключительно, объ измѣненіи устава общества и о печатаніи его трудовъ, издателями которыхъ оказались избранными члены-учредители общества Ибрагимовъ и В. Перевощиковъ, снова переселившійся въ Казань. Въ 1810-мъ отчетномъ году общество пріобрѣло и пять новыхъ членовъ, въ лицѣ ректора казанской академіи архимандрита Епифанія, свіяжскаго архимандрита Израиля, предсѣдателя казанской палаты уголовнаго суда И. И. Сокольскаго, профессора К. Ѳ. Фукса и учителя гимназіи Г. А. Яковкина, благодаря чему личный составъ общества достигъ количества 16-ти членовъ. Но что особенно поражаетъ насъ въ итогахъ дѣятельности общества къ концу 1810-го года—такъ это необычайный багажъ „трудовъ" его членовъ (конечно обильный только въ количественномъ отношеніи), накопившійся къ этому времени: онъ заключался „изъ двухсотъ (!) піесъ разнаго рода сочиненій и переводовъ, назначенныхъ для печатанія", изъ которыхъ уже намѣченъ былъ матеріалъ для первой книги „Трудовъ" и составлялся матеріалъ для второй. Въ отчетѣ сообщалось, что „издаваемые обществомъ труды будутъ раздѣлены на три части: а) словесность, б) науки и искусства и в) ученыя извѣстія" [131].

1811-й годъ отмѣченъ въ жизни общества любителей отечественной словесности, какъ это видно изъ отчета, относительно значительнымъ увеличеніемъ его личнаго состава, причемъ въ члены начинаютъ вступать и почти совершенно отсутствовавшіе въ немъ до тѣхъ поръ представители университета. За этотъ годъ вступили въ число членовъ 16 лицъ: снова опредѣлившійся въ службу казанскаго университета экстраординарный профессоръ Г. Н. Городчаниновъ, дивизіонный докторъ А. Г. Пятницкій, директоръ оренбургскихъ училищъ А. С. Лубкинъ, отставной капитанъ П. А. Бужаниновъ, надв. совѣтникъ В. Г. Анастасевичъ (въ С.-Петербургѣ), губ. секретарь С. Т. Аксаковъ, штабъ-лекарь Ф. М. Рындовскій (въ Таганрогѣ), колл. секретарь Н. И. Федоровъ (въ Бугульмѣ),

россійской академіи членъ Д. М. Соколовъ (въ С.-Петербургѣ), оберъ-аудиторъ А. В. Карсунскій, капитанъ Н. С. Арцыбышевъ (въ г. Цивильскѣ, каз. губ.), префектъ казанской духовной академіи протоіерей Б. Г. Поликарповъ, протоіерей казанскаго Петропавловскаго собора Г. І. Ласточкинъ, адъюнктъ С. С. Петровскій, адъюнктъ Г. Б. Никольскій и титулярн. совѣтникъ П. С. Политковскій. Что касается литературной дѣятельности общества, то она и въ этомъ году не была значительною, выразившись въ шести засѣданіяхъ и въ 24-хъ поступившихъ „піесахъ" (13 въ прозѣ, 5 въ стихахъ, 6 переводовъ); изъ этихъ „піесъ" отчетъ особенно подчеркиваетъ, въ качествѣ „замѣчательнѣйшихъ": „Объясненіе сослововъ на букву Б" — Лубкина, „Поэму на сотвореніе міра" аббата Райрака, въ переводѣ Рындовскаго, переводъ стихами VIII-й сатиры Буало, сдѣланный Федоровымъ, и „Разсужденіе о знаніи и употребленіи россійскаго языка" (авторъ не указанъ). Въ первую половину отчетнаго года составлена „дѣйствительно и окончательно" (sic) первая книжка трудовъ общества, оригиналъ которой былъ препровожденъ на разсмотрѣніе попечителя округа, съ тѣмъ, чтобы, по полученіи его обратно, немедленно же приступить къ печатанію, а въ началѣ слѣдующаго года постановлено приступить къ составленію второй и третьей книжекъ трудовъ.

Къ началу 1812 года относится и другое, довольно интересное, начинаніе общества, извѣстіе о которомъ мы находимъ въ представленіи попечителю отъ 11-го марта:

„Въ бывшее 6-го числа февраля мѣсяца засѣданіе общества,—читаемъ въ этомъ представленіи,—г. первый членъ онаго (т. е. Яковкинъ) предложилъ собранію на разсужденіе двѣ книжки упражненій нѣкоторыхъ младшихъ студентовъ, кои составляютъ они сами, безъ всякаго посторонняго участія, въ видѣ ежемѣсячныхъ изданій. Общество, имѣющее предметомъ своимъ распространеніе и усовершенствованіе словесности, обратило на оное свое вниманіе, разсуждало о семъ и положило для ободренія сихъ воспитанниковъ университета нѣкоторыя изъ ихъ, въ сихъ книжкахъ, занятій по исправленіи помѣщать впредь въ издаваемыхъ отъ него трудахъ, а съ книжекъ, снявъ копіи въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть, еще для большаго ободренія упражняющихся представить вашему превосходительству, которыя при семъ и препровождаетъ".

Представленіе это весьма любопытно, свидѣтельствуя намъ, что и на восьмой годъ со времени основанія университета не угасала среди его юныхъ питомцевъ та искра любви къ словесности и то стремленіе къ литературнымъ занятіямъ, о которыхъ въ такихъ яркихъ чертахъ повѣствуетъ въ

россійской академіи членъ Д. М. Соколовъ (въ С.-Петербургѣ), оберъ-аудиторъ А. В. Карсунскій, капитанъ Н. С. Арцыбышевъ (въ г. Цивильскѣ, каз. губ.), префектъ казанской духовной академіи протоіерей Б. Г. Поликарповъ, протоіерей казанскаго Петропавловскаго собора Г. І. Ласточкинъ, адъюнктъ С. С. Петровскій, адъюнктъ Г. Б. Никольскій и титулярн. совѣтникъ П. С. Политковскій. Что касается литературной дѣятельности общества, то она и въ этомъ году не была значительною, выразившись въ шести засѣданіяхъ и въ 24-хъ поступившихъ „піесахъ" (13 въ прозѣ, 5 въ стихахъ, 6 переводовъ); изъ этихъ „піесъ" отчетъ особенно подчеркиваетъ, въ качествѣ „замѣчательнѣйшихъ": „Объясненіе сослововъ на букву Б" — Лубкина, „Поэму на сотвореніе міра" аббата Райрака, въ переводѣ Рындовскаго, переводъ стихами VIII-й сатиры Буало, сдѣланный Федоровымъ, и „Разсужденіе о знаніи и употребленіи россійскаго языка" (авторъ не указанъ). Въ первую половину отчетнаго года составлена „дѣйствительно и окончательно" (sic) первая книжка трудовъ общества, оригиналъ которой былъ препровожденъ на разсмотрѣніе попечителя округа, съ тѣмъ, чтобы, по полученіи его обратно, немедленно же приступить къ печатанію, а въ началѣ слѣдующаго года постановлено приступить къ составленію второй и третьей книжекъ трудовъ.

Къ началу 1812 года относится и другое, довольно интересное, начинаніе общества, извѣстіе о которомъ мы находимъ въ представленіи попечителю отъ 11-го марта:

> „Въ бывшее 6-го числа февраля мѣсяца засѣданіе общества,—читаемъ въ этомъ представленіи,—г. первый членъ онаго (т. е. Яковкинъ) предложилъ собранію на разсужденіе двѣ книжки упражненій нѣкоторыхъ младшихъ студентовъ, кои составляютъ они сами, безъ всякаго посторонняго участія, въ видѣ ежемѣсячныхъ изданій. Общество, имѣющее предметомъ своимъ распространеніе и усовершенствованіе словесности, обратило на оное свое вниманіе, разсуждало о семъ и положило для ободренія сихъ воспитанниковъ университета нѣкоторыя изъ ихъ, въ сихъ книжкахъ, запятій по исправленіи помѣщать впредь въ издаваемыхъ отъ него трудахъ, а съ книжекъ, снявъ копіи въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть, еще для большаго ободренія упражняющихся представить вашему превосходительству, которыя при семъ и препровождаетъ".

Представленіе это весьма любопытно, свидѣтельствуя намъ, что и на восьмой годъ со времени основанія университета не угасала среди его юныхъ питомцевъ та искра любви къ словесности и то стремленіе къ литературнымъ занятіямъ, о которыхъ въ такихъ яркихъ чертахъ повѣствуетъ въ

своихъ юношескихъ воспоминаніяхъ С. Т. Аксаковъ. Рѣчь идетъ здѣсь о рукописномъ журналѣ „Смѣсь“, издававшемся въ ту пору кружкомъ студенческой молодежи, книжки котораго и были, дѣйствительно, посланы попечителю, возвратившему ихъ обратно съ одобрительнымъ отзывомъ и даже съ нѣкоторыми собственноручными поправками. Заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, полнаго вниманія эта симпатичная идея общества любителей отечественной словесности прійти юнымъ воспитанникамъ университета на помощь въ попыткѣ ихъ самостоятельныхъ литературныхъ занятій, хотя осуществиться на дѣлѣ этой прекрасной идеѣ такъ и не было суждено.

1812-ый годъ, оставившій по себѣ такую крупную память въ русской государственной и общественной жизни, не былъ благопріятенъ и для дѣятельности общества любителей отечественной словесности, въ этомъ году имѣвшаго всего только три засѣданія (6-го февраля, 9-го апрѣля и 17-го декабря); съ апрѣля мѣсяца по декабрь общество бездѣйствовало, какъ „по причинѣ перестроекъ и поправокъ въ университетскихъ домахъ“, такъ, главнымъ образомъ, и по причинѣ „военныхъ обстоятельствъ“. Не могутъ быть признаны обильными результаты дѣятельности общества и за послѣдующіе два года его существованія—1813-й и 1814-ый, что само общество объясняло, впрочемъ, тѣмъ, что „громъ войны, удалявшійся отъ востока къ западу, еще отдавался по всей россійской имперіи и каждый гражданинъ отечества, какъ вѣрный сынъ, подобно правительству, на сіе обращалъ особенное свое вниманіе и все слѣдовало тогдашнему умовъ направленію“. Въ 1813 году засѣданій общества происходило всего 6, трудовъ на разсмотрѣніе его поступило 17 (семь въ прозѣ и десять въ стихахъ); членовъ къ концу года числилось 36 (18 казанскихъ или „дѣйствительныхъ“ и 18 иногороднихъ). 6 засѣданій имѣло общество, при 21-ой поступившей въ него „піесѣ“ (семьнадцать въ стихахъ и четыре въ прозѣ), и въ 1814 году; число членовъ возросло къ концу этого года до 43-хъ (двадцать казанскихъ и двадцать три иногороднихъ) [132].

Возвратимся въ настоящую минуту къ двумъ основнымъ, для жизни общества любителей отечественной словесности, начинаніямъ, вопросъ относительно которыхъ былъ возбужденъ еще въ 1809 году. Это—вопросы о новомъ уставѣ общества и объ изданіи его трудовъ.

Мы уже видѣли, что ни одинъ изъ двухъ проэктовъ устава, начертанныхъ Ибрагимовымъ и Кондыревымъ, не удовлетворилъ требованіямъ общества, постановившаго составить на основаніи этихъ двухъ проэктовъ сводный проектъ устава. Эта работа была возложена на секретаря

своихъ юношескихъ воспоминаніяхъ С. Т. Аксаковъ. Рѣчь идетъ здѣсь о рукописномъ журналѣ „Смѣсь“, издававшемся въ ту пору кружкомъ студенческой молодежи, книжки котораго и были, дѣйствительно, посланы попечителю, возвратившему ихъ обратно съ одобрительнымъ отзывомъ и даже съ нѣкоторыми собственноручными поправками. Заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, полнаго вниманія эта симпатичная идея общества любителей отечественной словесности прійти юнымъ воспитанникамъ университета на помощь въ попыткѣ ихъ самостоятельныхъ литературныхъ занятій, хотя осуществиться на дѣлѣ этой прекрасной идеѣ такъ и не было суждено.

1812-ый годъ, оставившій по себѣ такую крупную память въ русской государственной и общественной жизни, не былъ благопріятенъ и для дѣятельности общества любителей отечественной словесности, въ этомъ году имѣвшаго всего только три засѣданія (6-го февраля, 9-го апрѣля и 17-го декабря); съ апрѣля мѣсяца по декабрь общество бездѣйствовало, какъ „по причинѣ перестроекъ и поправокъ въ университетскихъ домахъ“, такъ, главнымъ образомъ, и по причинѣ „военныхъ обстоятельствъ“. Не могутъ быть признаны обильными результаты дѣятельности общества и за послѣдующіе два года его существованія—1813-й и 1814-ый, что само общество объясняло, впрочемъ, тѣмъ, что „громъ войны, удалявшійся отъ востока къ западу, еще отдавался по всей россійской имперіи и каждый гражданинъ отечества, какъ вѣрный сынъ, подобно правительству, на сіе обращалъ особенное свое вниманіе и все слѣдовало тогдашнему умовъ направленію“. Въ 1813 году засѣданій общества происходило всего 6, трудовъ на разсмотрѣніе его поступило 17 (семь въ прозѣ и десять въ стихахъ); членовъ къ концу года числилось 36 (18 казанскихъ или „дѣйствительныхъ“ и 18 иногороднихъ). 6 засѣданій имѣло общество, при 21-ой поступившей въ него „піесѣ“ (семьнадцать въ стихахъ и четыре въ прозѣ), и въ 1814 году; число членовъ возросло къ концу этого года до 43-хъ (двадцать казанскихъ и двадцать три иногороднихъ) [132].

Возвратимся въ настоящую минуту къ двумъ основнымъ, для жизни общества любителей отечественной словесности, начинаніямъ, вопросъ относительно которыхъ былъ возбужденъ еще въ 1809 году. Это—вопросы о новомъ уставѣ общества и объ изданіи его трудовъ.

Мы уже видѣли, что ни одинъ изъ двухъ проэктовъ устава, начертанныхъ Ибрагимовымъ и Кондыревымъ, не удовлетворилъ требованіямъ общества, постановившаго составить на основаніи этихъ двухъ проэктовъ сводный проектъ устава. Эта работа была возложена на секретаря

Кондырева, который и покончилъ съ нею къ половинѣ слѣдующаго года. Составленный Кондыревымъ новый проэктъ устава тогда же обществомъ разсмотрѣнъ, исправленъ и 18-го іюля 1810 года препровожденъ на благоусмотрѣніе попечителя округа. Истекъ годъ времени, наступила вторая половина 1811 года — между тѣмъ никакихъ извѣстій относительно участи посланнаго въ Петербургъ проэкта устава обществомъ не получалось, вслѣдствіе чего въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года, препровождая къ попечителю оригиналъ составленной первой книжки своихъ трудовъ, общество рѣшилось повторить ходатайство объ утвержденіи представленнаго устава, такъ какъ „безъ онаго ничего дальнѣйшаго предпринять не можно". Утвержденія своего устава тщетно прождало общество весь 1812 годъ, политическія условія котораго, кончина попечителя Румовскаго и ожиданіе назначенія ему преемника—не благопріятствовали успѣху возбужденнаго въ этомъ направленіи ходатайства. Уже по вступленіи въ должность новаго попечителя округа М. А. Салтыкова, обществу возвращенъ былъ представленный имъ проэкъ устава, для необходимой его переработки,—дѣло, которымъ общество и занималось въ теченіи 1813 года, въ концѣ его снова представивъ проэктъ, въ исправленномъ видѣ, къ подлежащему утвержденію. Внесенный министромъ народнаго просвѣщенія, опять таки съ нѣкоторыми измѣненіями, въ комитетъ министровъ, уставъ общества наконецъ получилъ здѣсь утвержденіе 8-го іюля 1814 года.

Утвержденный 8-го іюля 1814 года новый уставъ общества любителей отечественной словесности, заключающій въ себѣ четыре главы и 44 отдѣльныя статьи, въ противоположность первому его „положенію" 23-го апрѣля 1806 года, уже съ достаточною опредѣленностью регламентируетъ какъ самый внѣшній строй общества, такъ и его дѣятельность.

По §§ 1—5-му устава, цѣль общества указывается въ „споспѣшествованіи распространенію успѣховъ отечественной словесности", посредствомъ „изданія собственныхъ занятій, либо сужденіями о постороннихъ предметахъ, до словесности касающихся"; находясь при казанскомъ университетѣ и подъ ближайшимъ „покровительствомъ" попечителя, общество составляется изъ членовъ дѣйствительныхъ (казанскихъ), иногороднихъ и почетныхъ; членскій взносъ опредѣленъ (§ 17) въ размѣрѣ 15-ти рублей при самомъ вступленіи въ общество и по 5-ти рублей въ послѣдующіе годы.

Администрацію общества образуютъ (§§ 18—23) избираемые черезъ каждые три года „два старшіе члена", изъ которыхъ одинъ считается предсѣдателемъ общества, второй—заступающимъ его мѣсто; сверхъ того избираются, уже ежегодно: секретарь, казначей и два „издателя" (т. е. редактора трудовъ).

Кондырева, который и покончилъ съ нею къ половинѣ слѣдующаго года. Составленный Кондыревымъ новый проэктъ устава тогда же обществомъ разсмотрѣнъ, исправленъ и 18-го іюля 1810 года препровожденъ на благоусмотрѣніе попечителя округа. Истекъ годъ времени, наступила вторая половина 1811 года — между тѣмъ никакихъ извѣстій относительно участи посланнаго въ Петербургъ проэкта устава обществомъ не получалось, вслѣдствіе чего въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года, препровождая къ попечителю оригиналъ составленной первой книжки своихъ трудовъ, общество рѣшилось повторить ходатайство объ утвержденіи представленнаго устава, такъ какъ „безъ онаго ничего дальнѣйшаго предпринять не можно“. Утвержденія своего устава тщетно прождало общество весь 1812 годъ, политическія условія котораго, кончина попечителя Румовскаго и ожиданіе назначенія ему преемника—не благопріятствовали успѣху возбужденнаго въ этомъ направленіи ходатайства. Уже по вступленіи въ должность новаго попечителя округа М. А. Салтыкова, обществу возвращенъ былъ представленный имъ проэкъ устава, для необходимой его переработки,—дѣло, которымъ общество и занималось въ теченіи 1813 года, въ концѣ его снова представивъ проэктъ, въ исправленномъ видѣ, къ подлежащему утвержденію. Внесенный министромъ народнаго просвѣщенія, опять таки съ нѣкоторыми измѣненіями, въ комитетъ министровъ, уставъ общества наконецъ получилъ здѣсь утвержденіе 8-го іюля 1814 года.

Утвержденный 8-го іюля 1814 года новый уставъ общества любителей отечественной словесности, заключающій въ себѣ четыре главы и 44 отдѣльныя статьи, въ противоположность первому его „положенію“ 23-го апрѣля 1806 года, уже съ достаточною опредѣленностью регламентируетъ какъ самый внѣшній строй общества, такъ и его дѣятельность.

По §§ 1—5-му устава, ц ѣ л ь о б щ е с т в а указывается въ „споспѣшествованіи распространенію успѣховъ отечественной словесности“, посредствомъ „изданія собственныхъ занятій, либо сужденіями о постороннихъ предметахъ, до словесности касающихся“; находясь при казанскомъ университетѣ и подъ ближайшимъ „покровительствомъ“ попечителя, о б щ е с т в о с о с т а в л я е т с я изъ членовъ дѣйствительныхъ (казанскихъ), иногороднихъ и почетныхъ; членскій взносъ опредѣленъ (§ 17) въ размѣрѣ 15-ти рублей при самомъ вступленіи въ общество и по 5-ти рублей въ послѣдующіе годы.

А д м и н и с т р а ц і ю о б щ е с т в а образуютъ (§§ 18—23) избираемые черезъ каждые три года „два старшіе члена“, изъ которыхъ одинъ считается предсѣдателемъ общества, второй—заступающимъ его мѣсто; сверхъ того избираются, уже ежегодно: секретарь, казначей и два „издателя“ (т. е. редактора трудовъ).

Собранія общества (§§ 24—34) раздѣлены на обыкновенныя, имѣющія мѣсто въ началѣ каждаго мѣсяца, чрезвычайныя, созываемыя „когда нужда настоять въ томъ будетъ", годичныя и торжественныя, назначаемыя черезъ каждые три года, въ годовщину утвержденія устава; послѣднія собранія являются публичными.

Занятія членовъ общества (§§ 35—42) заключаются въ „сочиненіяхъ и переводахъ, до словесности относящихся", „разборъ выходяшихъ въ свѣтъ сочиненій и переводовъ, сообщеніе объ ученыхъ обществахъ, россійскихъ и иностранныхъ писателяхъ, о выходящихъ, примѣчанія достойныхъ, книгахъ". Каждый членъ общества „въ теченіи года обязывается представить собранію сочиненіе или переводъ, предпочтительно касающіеся до словесности", но „могутъ также и посторонція лица представлять свои труды въ общество, для напечатанія въ его изданіяхъ или для сужденія". Общество издаетъ въ свѣтъ свои труды—„когда и какъ позволятъ обстоятельства", которые печатаются на иждивеніе университета и съ одобренія университетской цензуры.

Руководители общества любителей отечественной словесности придавали большое значеніе новому уставу, въ которомъ довольно наивно видѣли залогъ возрожденія общества къ болѣе дѣятельной жизни. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ секретарь общества Кондыревъ въ исторической запискѣ, читанной имъ на торжественномъ собраніи 12-го декабря 1814 года,—общество достигло настоящаго своего положенія. Въ 1806, 1807 и 1808 годахъ собранія онаго уподоблялись болѣе домашнимъ, частнымъ, нежели общественнымъ. Дѣятельность и усердіе въ первые два года были примѣрны; малое число дѣйствительныхъ членовъ 1808 года нѣсколько разстроило оное, но съ 1809 года кругъ дѣйствій перемѣнился: общество видѣло необходимость выступить изъ прежнихъ предѣловъ.... 1814 годъ,—замѣчаетъ Кондыревъ,—есть достопримѣчательнѣйшій годъ для общества: въ оный получило оно новый кругъ дѣйствія и возрожденіе!"[133]....

Судьбу вопроса о новомъ уставѣ довелось раздѣлить и второму начинанію, зародившемуся въ нѣдрахъ общества въ 1811 году—вопросу объ изданіи его трудовъ. Оригиналъ первой книжки этихъ послѣднихъ, препровожденный на разсмотрѣніе попечителя въ томъ же 1811 году, застрялъ въ столицѣ и до начала 1813 года общество тщетно ожидало его возвращенія для того, что бы приступить къ печатанію, средства для котораго уже были указаны. Только въ самомъ началѣ 1813 года рукопись была возвращена обществу, при предложеніи на имя совѣта университета отъ 20-го января, уже преемникомъ Румовскаго—новымъ попечителемъ Салтыковымъ. Изъ этого попечительскаго предложенія общество узнало, что

Собранія общества (§§ 24—34) раздѣлены на обыкновенныя, имѣющія мѣсто въ началѣ каждаго мѣсяца, чрезвычайныя, созываемыя „когда нужда настоять въ томъ будетъ", годичныя и торжественныя, назначаемыя черезъ каждые три года, въ годовщину утвержденія устава; послѣднія собранія являются публичными.

Занятія членовъ общества (§§ 35—42) заключаются въ „сочиненіяхъ и переводахъ, до словесности относящихся", „разборъ выходяшихъ въ свѣтъ сочиненій и переводовъ, сообщеніе объ ученыхъ обществахъ, россійскихъ и иностранныхъ писателяхъ, о выходящихъ, примѣчанія достойныхъ, книгахъ". Каждый членъ общества „въ теченіи года обязывается представить собранію сочиненіе или переводъ, предпочтительно касающіеся до словесности", но „могутъ также и посторонніе лица представлять свои труды въ общество, для напечатанія въ его изданіяхъ или для сужденія". Общество издаетъ въ свѣтъ свои труды—„когда и какъ позволятъ обстоятельства", которые печатаются на иждивеніе университета и съ одобренія университетской цензуры.

Руководители общества любителей отечественной словесности придавали большое значеніе новому уставу, въ которомъ довольно наивно видѣли залогъ возрожденія общества къ болѣе дѣятельной жизни. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ секретарь общества Кондыревъ въ исторической запискѣ, читанной имъ на торжественномъ собраніи 12-го декабря 1814 года,—общество достигло настоящаго своего положенія. Въ 1806, 1807 и 1808 годахъ собранія онаго уподоблялись болѣе домашнимъ, частнымъ, нежели общественнымъ. Дѣятельность и усердіе въ первые два года были примѣрны; малое число дѣйствительныхъ членовъ 1808 года нѣсколько разстроило оное, но съ 1809 года кругъ дѣйствій перемѣнился: общество видѣло необходимость выступить изъ прежнихъ предѣловъ.... 1814 годъ,—замѣчаетъ Кондыревъ,—есть достопримѣчательнѣйшій годъ для общества: въ оный получило оно новый кругъ дѣйствія и возрожденіе!" [133]....

Судьбу вопроса о новомъ уставѣ довелось раздѣлить и второму начинанію, зародившемуся въ нѣдрахъ общества въ 1811 году—вопросу объ изданіи его трудовъ. Оригиналъ первой книжки этихъ послѣднихъ, препровожденный на разсмотрѣніе попечителя въ томъ же 1811 году, застрялъ въ столицѣ и до начала 1813 года общество тщетно ожидало его возвращенія для того, что бы приступить къ печатанію, средства для котораго уже были указаны. Только въ самомъ началѣ 1813 года рукопись была возвращена обществу, при предложеніи на имя совѣта университета отъ 20-го января, уже преемникомъ Румовскаго—новымъ попечителемъ Салтыковымъ. Изъ этого попечительскаго предложенія общество узнало, что

оригиналъ книжки не былъ покойнымъ попечителемъ одобренъ къ печати во всемъ его объемѣ и что только семь статей, перечисленныхъ въ томъ же предложеніи, признаны были имъ для этой цѣли годными. Всѣ же остальныя статьи, долженствовавшія образовать бóльшую половину книги, одобрены Румовскимъ не были „по недостатку или весьма слабому замыслу“ и даже „по страннымъ мыслямъ и не русскому слогу“; да и изъ одобренныхъ къ печати „піесъ“ одинъ изъ переводовъ („О вкусѣ и геніи“—изъ Лагарпа) предлагалось исправить „по причинѣ множества встрѣчающихся въ немъ выраженій и оборотовъ, несвойственныхъ языку россійскому“. Возвращая обществу рукопись, Салтыковъ высказываетъ, съ своей стороны, пожеланіе, что бы оно исключенныя статьи „потщилося замѣнить другими, полезнѣйшими, статьями“ и что бы общество „и впредь пополняло труды свои болѣе полезнѣйшими и хорошимъ слогомъ писанными твореніями или переводами, нежели ребяческими и маловажными сочиненіями, дабы могло сіе принести честь и славу обществу, которыя, по примѣру первой книжки, и представлять на мое разсмотрѣніе“.

Такова была полная неудача перваго издательскаго начинанія общества любителей отечественной словесности, соединенная съ суровымъ критическимъ приговоромъ по его адресу со стороны двухъ попечителей округа. Пришлось приступить къ новымъ редакціоннымъ работамъ по составленію первой книги трудовъ, которыя и были благополучно завершены къ веснѣ 1815 года, когда состоялось и цензурное разрѣшеніе (подписанное проф. Германомъ) на ея печатаніе. Но и на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ препятствій и задержекъ, такъ какъ первой книжкѣ трудовъ общества довелось увидѣть свѣтъ лишь осенью 1817 года—благодаря „различнымъ обстоятельствамъ, большею частью отъ общества независѣвшимъ“, какъ сказано въ предисловіи къ книгѣ, помѣченномъ „1817 года, сентября 23 дня“, тогда какъ находящееся на книгѣ цензурное разрѣшеніе датировано „26-мъ апрѣля 1815 года“; 1815-й годъ значится и на заглавной страницѣ книги.

Первая,—она же и единственная,—книга трудовъ казанскаго общества любителей отечественной словесности вышла въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Труды казанскаго общества любителей отечественной словесности.—Книга первая. Казань, въ университетской типографіи, 1815“ (in 8⁰, стр. 1—316). Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой книги включено и „Торжество казанскаго общества любителей отечественной словесности декабря 12-го дня 1814 года“ (Казань, 1815, стр. 1—120), вышедшее, собственно, самостоятельнымъ изданіемъ [134].

оригиналъ книжки не былъ покойнымъ попечителемъ одобренъ къ печати во всемъ его объемѣ и что только семь статей, перечисленныхъ въ томъ же предложеніи, признаны были имъ для этой цѣли годными. Всѣ же остальныя статьи, долженствовавшія образовать бо́льшую половину книги, одобрены Румовскимъ не были „по недостатку или весьма слабому замыслу“ и даже „по страннымъ мыслямъ и не русскому слогу“; да и изъ одобренныхъ къ печати „піесъ“ одинъ изъ переводовъ („О вкусѣ и геніи“—изъ Лагарпа) предлагалось исправить „по причинѣ множества встрѣчающихся въ немъ выраженій и оборотовъ, несвойственныхъ языку россійскому“. Возвращая обществу рукопись, Салтыковъ высказываетъ, съ своей стороны, пожеланіе, что бы оно исключенныя статьи „потщилося замѣнить другими, полезнѣйшими, статьями“ и что бы общество „и впредь пополняло труды свои болѣе полезнѣйшими и хорошимъ слогомъ писанными твореніями или переводами, нежели ребяческими и маловажными сочиненіями, дабы могло сіе принести честь и славу обществу, которыя, по примѣру первой книжки, и представлять на мое разсмотрѣніе“.

Такова была полная неудача перваго издательскаго начинанія общества любителей отечественной словесности, соединенная съ суровымъ критическимъ приговоромъ по его адресу со стороны двухъ попечителей округа. Пришлось приступить къ новымъ редакціоннымъ работамъ по составленію первой книги трудовъ, которыя и были благополучно завершены къ веснѣ 1815 года, когда состоялось и цензурное разрѣшеніе (подписанное проф. Германомъ) на ея печатаніе. Но и на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ препятствій и задержекъ, такъ какъ первой книжкѣ трудовъ общества довелось увидѣть свѣтъ лишь осенью 1817 года—благодаря „различнымъ обстоятельствамъ, большею частью отъ общества независѣвшимъ“, какъ сказано въ предисловіи къ книгѣ, помѣченномъ „1817 года, сентября 23 дня“, тогда какъ находящееся на книгѣ цензурное разрѣшеніе датировано „26-мъ апрѣля 1815 года“; 1815-й годъ значится и на заглавной страницѣ книги.

Первая,—она же и единственная,—книга трудовъ казанскаго общества любителей отечественной словесности вышла въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Труды казанскаго общества любителей отечественной словесности.—Книга первая. Казань, въ университетской типографіи, 1815“ (in 8⁰, стр. 1—316). Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой книги включено и „Торжество казанскаго общества любителей отечественной словесности декабря 12-го дня 1814 года“ (Казань, 1815, стр. 1—120), вышедшее, собственно, самостоятельнымъ изданіемъ [134].

Мы не будемъ шагъ за шагомъ слѣдить за дальнѣйшею жизнью казанскаго общества любителей отечественной словесности послѣ утвержденія его новаго устава—факта, который приравнивался заправилами общества къ его „возрожденію". Первое послѣ полученія новаго устава засѣданіе общества происходило 28-го іюля; на немъ постановлено напечатать уставъ и разослать его всѣмъ членамъ, а на 12-ое декабря назначить первое годичное общее собраніе членовъ общества. Это собраніе, происходившее 12-го декабря 1814 года и пріуроченное къ дню рожденія императора Александра Павловича, состоялось въ 4 часа пополудни, въ одной изъ залъ университета. Торжество было обставлено внѣшнимъ ритуаломъ, явившимся подражаніемъ публичнымъ годичнымъ собраніямъ самого университета. „Всѣ почетнѣйшія особы города и, преимущественно, любители учености и россійскаго слова" были приглашены на торжество особыми печатными программами. „Съ удовольствіемъ должно сказать,—читаемъ въ печатномъ описаніи празднества,—что число таковыхъ простиралось до трехсотъ человѣкъ и въ четвертомъ часу вся пространная зала наполнилась посѣтителями обоихъ половъ и разныхъ званій; кромѣ приглашенныхъ, было весьма много и другихъ, пожелавшихъ усердно быть свидѣтелями сего торжества". По свидѣтельству одного изъ участниковъ акта (В. И. Панаева), именующаго его „торжественнымъ открытіемъ" общества, среди посѣтителей торжества находилось не мало москвичей, которыми еще полна была въ то время Казань и которые переполнили ее послѣ разгрома первопрестольной столицы. Въ передней части залы собранія, передъ кафедрою, на столѣ, выложенъ былъ, на бархатной подушкѣ, подлинникъ вновь утвержденнаго устава, вмѣстѣ съ печатнымъ его экземпляромъ; самый залъ былъ декорированъ и ярко освѣщенъ.

Актъ, послѣ того, какъ члены общества заняли свои мѣста вокругъ стола, у кафедры, открылся симфоніею, по окончаніи которой предсѣдатель общества И. Ѳ. Яковкинъ обратился къ присутствующимъ съ привѣтствіемъ, въ которомъ выяснилъ цѣль и значеніе настоящаго собранія, приглашая членовъ общества, „въ полной мѣрѣ чувствующихъ важность событія—прилагать силы къ силамъ, дабы совершить предположенное намѣреніе и возлагаемую на нихъ священную обязанность". Затѣмъ секретарь общества П. С. Кондыревъ прочелъ предложеніе министра объ утвержденіи устава, самый уставъ, списокъ членовъ (ихъ оказалось къ этому времени всего 43—двадцать казанскихъ и двадцать три иногороднихъ), и, наконецъ, длинное и довольно скучное „Историческое обозрѣніе общества и о пользѣ онаго". Снова проигралъ оркестръ музыки и, слѣдомъ за тѣмъ, послѣдо-

Мы не будемъ шагъ за шагомъ слѣдить за дальнѣйшею жизнью казанскаго общества любителей отечественной словесности послѣ утвержденія его новаго устава—факта, который приравнивался заправилами общества къ его „возрожденію". Первое послѣ полученія новаго устава засѣданіе общества происходило 28-го іюля; на немъ постановлено напечатать уставъ и разослать его всѣмъ членамъ, а на 12-ое декабря назначить первое годичное общее собраніе членовъ общества. Это собраніе, происходившее 12-го декабря 1814 года и пріуроченное къ дню рожденія императора Александра Павловича, состоялось въ 4 часа пополудни, въ одной изъ залъ университета. Торжество было обставлено внѣшнимъ ритуаломъ, явившимся подражаніемъ публичнымъ годичнымъ собраніямъ самого университета. „Всѣ почетнѣйшія особы города и, преимущественно, любители учености и россійскаго слова" были приглашены на торжество особыми печатными программами. „Съ удовольствіемъ должно сказать,—читаемъ въ печатномъ описаніи празднества,—что число таковыхъ простиралось до трехсотъ человѣкъ и въ четвертомъ часу вся пространная зала наполнилась посѣтителями обоихъ половъ и разныхъ званій; кромѣ приглашенныхъ, было весьма много и другихъ, пожелавшихъ усердно быть свидѣтелями сего торжества". По свидѣтельству одного изъ участниковъ акта (В. И. Панаева), именующаго его „торжественнымъ открытіемъ" общества, среди посѣтителей торжества находилось не мало москвичей, которыми еще полна была въ то время Казань и которые переполнили ее послѣ разгрома первопрестольной столицы. Въ передней части залы собранія, передъ кафедрою, на столѣ, выложенъ былъ, на бархатной подушкѣ, подлинникъ вновь утвержденнаго устава, вмѣстѣ съ печатнымъ его экземпляромъ; самый залъ былъ декорированъ и ярко освѣщенъ.

Актъ, послѣ того, какъ члены общества заняли свои мѣста вокругъ стола, у кафедры, открылся симфоніею, по окончаніи которой предсѣдатель общества И. Ѳ. Яковкинъ обратился къ присутствующимъ съ привѣтствіемъ, въ которомъ выяснилъ цѣль и значеніе настоящаго собранія, приглашая членовъ общества, „въ полной мѣрѣ чувствующихъ важность событія—прилагать силы къ силамъ, дабы совершить предположенное намѣреніе и возлагаемую на нихъ священную обязанность". Затѣмъ секретарь общества П. С. Кондыревъ прочелъ предложеніе министра объ утвержденіи устава, самый уставъ, списокъ членовъ (ихъ оказалось къ этому времени всего 43—двадцать казанскихъ и двадцать три иногороднихъ), и, наконецъ, длинное и довольно скучное „Историческое обозрѣніе общества и о пользѣ онаго". Снова проигралъ оркестръ музыки и, слѣдомъ за тѣмъ, послѣдо-

вала уже литературная часть собранія, открытая чтеніемъ магистромъ I. Е. Срезневскимъ разсужденія „О вліяніи словесности на нравственное образованіе человѣка". Далѣе слѣдовали: чтеніе стихотворенія Н. М. Ибрагимова „На день рожденія киргизъ-кайсацкаго царевича Хлора" (весьма плохое подражаніе поэзіи Державина), третья оркестровая пьеса, прозаическое „Похвальное слово государю императору Александру Павловичу", произнесенное В. И. Панаевымъ, и неизбѣжная въ торжествахъ подобнаго рода ода Г. Н. Городчанинова, въ которой „поэтъ", заявивъ, что—

„Се Александровъ зракъ сіяетъ
„Въ сей день, какъ солнце въ небесахъ,
„Утѣху, радость разливаетъ
„Во всѣхъ вселенныя концахъ,

посвящаетъ заключительную строфу своего творенія „бардамъ" возрождаемаго нынѣ казанскаго „юнаго Парнасса":

„Рекли—и барды ударяютъ
„По звонкимъ, по златымъ струнамъ,
„Глаголъ всемірный оглашаютъ
„Грядущимъ позднимъ въ слухъ вѣкамъ.
„И юному сему Парнассу,
„Его младенческому (sic!) гласу
„Внемли, отечества Отецъ!
„И онъ богатымъ словомъ Росскимъ,
„Пріятнымъ, нѣжнымъ, сильнымъ, громкимъ—
„Дѣла твои превознесетъ!

Актъ закончился обращенною къ посѣтителямъ благодарственною рѣчью предсѣдателя Яковкина, слѣдующаго содержанія:

„Почтеннѣйшіе посѣтители! — Общество россійской словесности, удостоенное благосклоннымъ посѣщеніемъ толь знаменитыхъ особъ, священнымъ себѣ долгомъ поставляетъ устами моими, яко избраннаго имъ перваго члена, торжественно изъявить общія наши благодарныя чувствованія. Они напечатлѣны въ сердцахъ нашихъ и послужатъ къ усугубленію силъ для достиженія хотя и трудной, но славной цѣли содѣйствовать обработыванію россійской словесности. Поле—пространно; но тамъ трудъ легокъ, гдѣ совокупное рвеніе, всевозможная ревность къ пользѣ общественной, движутъ сердцами!"

Такъ совершился первый публичный дебютъ передъ казанскимъ обществомъ „бардовъ" мѣстнаго юнаго Парнасса. „Съ особеннымъ удовольствіемъ,—заключаетъ печатное описаніе торжества,—должно упомянуть, что

вала уже литературная часть собранія, открытая чтеніемъ магистромъ І. Е. Срезневскимъ разсужденія „О вліяніи словесности на нравственное образованіе человѣка". Далѣе слѣдовали: чтеніе стихотворенія Н. М. Ибрагимова „На день рожденія киргизъ-кайсацкаго царевича Хлора" (весьма плохое подражаніе поэзіи Державина), третья оркестровая пьеса, прозаическое „Похвальное слово государю императору Александру Павловичу", произнесенное В. И. Панаевымъ, и неизбѣжная въ торжествахъ подобнаго рода ода Г. Н. Городчанинова, въ которой „поэтъ", заявивъ, что—

„Се Александровъ зракъ сіяетъ
„Въ сей день, какъ солнце въ небесахъ,
„Утѣху, радость разливаетъ
„Во всѣхъ вселенныя концахъ,

посвящаетъ заключительную строфу своего творенія „бардамъ" возрождаемаго нынѣ казанскаго „юнаго Парнасса":

„Рекли—и барды ударяютъ
„По звонкимъ, по златымъ струнамъ,
„Глаголъ всемірный оглашаютъ
„Грядущимъ позднимъ въ слухъ вѣкамъ.
„И юному сему Парнассу,
„Его младенческому (sic!) гласу
„Внемли, отечества Отецъ!
„И онъ богатымъ словомъ Росскимъ,
„Пріятнымъ, нѣжнымъ, сильнымъ, громкимъ—
„Дѣла твои превознесетъ!

Актъ закончился обращенною къ посѣтителямъ благодарственною рѣчью предсѣдателя Яковкина, слѣдующаго содержанія:

„Почтеннѣйшіе посѣтители! — Общество россійской словесности, удостоенное благосклоннымъ посѣщеніемъ толь знаменитыхъ особъ, священнымъ себѣ долгомъ поставляетъ устами моими, яко избраннаго имъ перваго члена, торжественно изъявить общія наши благодарныя чувствованія. Они напечатлѣны въ сердцахъ нашихъ и послужатъ къ усугубленію силъ для достиженія хотя и трудной, но славной цѣли содѣйствовать обработыванію россійской словесности. Поле—пространно; но тамъ трудъ легокъ, гдѣ совокупное рвеніе, всевозможная ревность къ пользѣ общественной, движутъ сердцами!"

Такъ совершился первый публичный дебютъ передъ казанскимъ обществомъ „бардовъ" мѣстнаго юнаго Парнасса. „Съ особеннымъ удовольствіемъ,—заключаетъ печатное описаніе торжества,—должно упомянуть, что

г.г. посѣтители принимали въ семъ собраніи таковое же участіе, какъ и члены общества. Присутствовавшіе угощаемы были въ продолженіи акта приличнымъ образомъ, а весь домъ, въ коемъ происходило собраніе, былъ весьма хорошо освѣщенъ даже до полуночи".

Еще недѣлею раньше описаннаго нами публичнаго торжества, 5-го декабря, происходило избирательное общее собраніе членовъ, въ которомъ снова избранными оказались: Яковкинъ—первымъ членомъ или предсѣдателемъ общества, Кондыревъ—его секретаремъ, Ибрагимовъ и Перевощиковъ—издателями (редакторами трудовъ); вновь избраны: архимандритъ Епифаній—вторымъ членомъ (товарищемъ предсѣдателя) общества, профессоръ Никольскій—его казначеемъ [135].

Черезъ полгода, съ небольшимъ, казанское общество любителей отечественной словесности устроило и свое первое очередное публичное торжественное собраніе, происходившее 8-го іюля 1815 года, въ годовщину утвержденія его новаго устава. Предсѣдатель общества Яковкинъ, этотъ любитель всякаго рода показныхъ торжествъ, съ такимъ усердіемъ и съ такою изобрѣтательностью устраивавшій ихъ въ начальные годы жизни казанскаго университета, теперь, устраненный отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ этого послѣдняго, всецѣло переноситъ ту же дѣятельность свою въ общество любителей отечественной словесности. Подробное описаніе торжества 8-го іюля 1815 года дано въ университетской газетѣ того времени, со словъ которой мы и разскажемъ объ этомъ второмъ публичномъ собраніи интересующаго насъ общества.

Актъ 8-го іюля 1815 года, на который „всѣ любители учености и почетнѣйшія въ городѣ особы" были приглашены особыми печатными извѣщеніями, открылся, по обычаю, оркестровою симфоніею, за которою хоръ пѣвчихъ исполнилъ кантъ, начинавшійся словами: „Ликуйте музы, чисты дѣвы и пр."; затѣмъ предсѣдатель общества Яковкинъ въ привѣтственномъ словѣ выяснилъ посѣтителямъ цѣль собранія, а секретарь Кондыревъ прочиталъ полугодичный отчетъ по обществу и списокъ вновь избранныхъ членовъ, сообщилъ о понесенныхъ личнымъ составомъ общества утратахъ, причемъ предложилъ вниманію собранія краткій некрологъ скончавшагося члена общества, профессора И. И. Запольскаго, наконецъ провозгласилъ имена „избранныхъ въ почетные члены мужей, покровительствующихъ и распространяющихъ отеческое просвѣщеніе и словесность" *. За секретар-

---

* Почетными членами общества были избраны слѣдующія лица: 1) министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, 2) попечитель округа М. А. Салтыковъ, 3) Г. Р. Дер-

г.г. посѣтители принимали въ семъ собраніи таковое же участіе, какъ и члены общества. Присутствовавшіе угощаемы были въ продолженіи акта приличнымъ образомъ, а весь домъ, въ коемъ происходило собраніе, былъ весьма хорошо освѣщенъ даже до полуночи".

Еще недѣлею раньше описаннаго нами публичнаго торжества, 5-го декабря, происходило избирательное общее собраніе членовъ, въ которомъ снова избранными оказались: Яковкинъ—первымъ членомъ или предсѣдателемъ общества, Кондыревъ—его секретаремъ, Ибрагимовъ и Перевощиковъ—издателями (редакторами трудовъ); вновь избраны: архимандритъ Епифаній—вторымъ членомъ (товарищемъ предсѣдателя) общества, профессоръ Никольскій—его казначеемъ [135].

Черезъ полгода, съ небольшимъ, казанское общество любителей отечественной словесности устроило и свое первое очередное публичное торжественное собраніе, происходившее 8-го іюля 1815 года, въ годовщину утвержденія его новаго устава. Предсѣдатель общества Яковкинъ, этотъ любитель всякаго рода показныхъ торжествъ, съ такимъ усердіемъ и съ такою изобрѣтательностью устраивавшій ихъ въ начальные годы жизни казанскаго университета, теперь, устраненный отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ этого послѣдняго, всецѣло переноситъ ту же дѣятельность свою въ общество любителей отечественной словесности. Подробное описаніе торжества 8-го іюля 1815 года дано въ университетской газетѣ того времени, со словъ которой мы и разскажемъ объ этомъ второмъ публичномъ собраніи интересующаго насъ общества.

Актъ 8-го іюля 1815 года, на который „всѣ любители учености и почетнѣйшія въ городѣ особы" были приглашены особыми печатными извѣщеніями, открылся, по обычаю, оркестровою симфоніею, за которою хоръ пѣвчихъ исполнилъ кантъ, начинавшійся словами: „Ликуйте музы, чисты дѣвы и пр."; затѣмъ предсѣдатель общества Яковкинъ въ привѣтственномъ словѣ выяснилъ посѣтителямъ цѣль собранія, а секретарь Кондыревъ прочиталъ полугодичный отчетъ по обществу и списокъ вновь избранныхъ членовъ, сообщилъ о понесенныхъ личнымъ составомъ общества утратахъ, причемъ предложилъ вниманію собранія краткій некрологъ скончавшагося члена общества, профессора И. И. Запольскаго, наконецъ провозгласилъ имена „избранныхъ въ почетные члены мужей, покровительствующихъ и распространяющихъ отеческое просвѣщеніе и словесность" *. За секретар-

* Почетными членами общества были избраны слѣдующія лица: 1) министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, 2) попечитель округа М. А. Салтыковъ, 3) Г. Р. Дер-

скимъ отчетомъ послѣдовало чтеніе сочиненныхъ членомъ общества Ибрагимовымъ „на сей случай“ стиховъ, послѣ чего „значительнымъ собраніемъ пѣвчихъ и пѣвицъ“ исполненъ былъ „пріятный“ (по музыкальной терминологіи составителя описанія торжества) кантъ, начинавшійся словами:

„О Боже, дней нашихъ число убави
„И нашему царю ты ихъ прибави и пр.

Дальнѣйшая программа чтеній представляется слѣдующею: а) членъ общества І. Е. Срезневскій прочелъ присланную графомъ Д. И. Хвостовымъ „Оду къ музамъ“, б) членъ общества Н. М. Ибрагимовъ читалъ „Отрывки изъ сочиненій Оссіана“, въ собственномъ переводѣ съ англійскаго языка, в) членъ общества І. Е. Срезневскій прочиталъ стихотворные переводы трехъ одъ Горація и отрывковъ изъ Теокрита, доставленные иногороднимъ членомъ общества И. Е. Срезневскимъ *.

За этими чтеніями послѣдовало оркестровое и хоровое исполненіе, въ стилѣ „важной“ музыки написаннаго, канта: „Ликуй Казань, словутый градъ“, уже исполнявшагося въ предшествовавшемъ году, на торжествѣ полнаго открытія университета. За этимъ кантомъ возобновились литературныя чтенія въ слѣдующей постепенности: а) членъ общества Г. Н. Городчаниновъ читалъ свое разсужденіе „О первоначальныхъ средствахъ къ преуспѣянію россійской словесности“, б) членъ общества Н. М. Ибрагимовъ — стихотворный переводъ изъ Овидія: „Превращеніе Дафны въ лавръ“, в) членъ общества С. А. Москотильниковъ—отрывки изъ своего перевода поэмы Т. Тассо „Освобожденный Іерусалимъ“.

Далѣе исполненъ былъ оркестромъ и хоромъ, также уже извѣстный намъ, кантъ (музыки—„громкой“) композиціи Новикова, на слова Кондырева: „Дни славы Россъ благословляй и пр.“, послѣ чего закончена была литературная программа акта слѣдующими чтеніями: а) В. И. Панаева—„Меналкъ и Тирсисъ“, оригинальная идиллія въ стихахъ, и б) П. С. Кон-

жавинъ, 4) И. И. Дмитріевъ, 5) А. С. Шишковъ, 6) графъ Д. И. Хвостовъ, 7) Н. М. Карамзинъ, 8) И. И. Мартыновъ, 9) П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, 10) Преосв. Евгеній, епископъ калужскій.

Въ члены общества оказались вновь избранными: дѣйствительнымъ—магистръ И. М. Симоновъ, иногородними—В. В. Измайловъ, епископъ воронежскій Антоній, профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ, профессоръ М. Т. Каченовскій, А. И. Красовскій, профессоръ И. И. Чернявскій, профессоръ Г. П. Успенскій, С. М. Броневскій, А. И. Тургеневъ, П. А. Словцовъ и А. М. Соловьевъ.

* Иваномъ Евсевьевичемъ Срезневскимъ, профессоромъ харьковскаго университета, роднымъ братомъ казанскаго адъюнкта и отцомъ нашего покойнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго.

скимъ отчетомъ послѣдовало чтеніе сочиненныхъ членомъ общества Ибрагимовымъ „на сей случай" стиховъ, послѣ чего „значительнымъ собраніемъ пѣвчихъ и пѣвицъ" исполненъ былъ „пріятный" (по музыкальной терминологіи составителя описанія торжества) кантъ, начинавшійся словами:

„О Боже, дней нашихъ число убави
„И нашему царю ты ихъ прибави и пр.

Дальнѣйшая программа чтеній представляется слѣдующею: а) членъ общества І. Е. Срезневскій прочелъ присланную графомъ Д. И. Хвостовымъ „Оду къ музамъ", б) членъ общества Н. М. Ибрагимовъ читалъ „Отрывки изъ сочиненій Оссіана", въ собственномъ переводѣ съ англійскаго языка, в) членъ общества І. Е. Срезневскій прочиталъ стихотворные переводы трехъ одъ Горація и отрывковъ изъ Теокрита, доставленные иногороднимъ членомъ общества И. Е. Срезневскимъ *.

За этими чтеніями послѣдовало оркестровое и хоровое исполненіе, въ стилѣ „важной" музыки написаннаго, канта: „Ликуй Казань, словутый градъ", уже исполнявшагося въ предшествовавшемъ году, на торжествѣ полнаго открытія университета. За этимъ кантомъ возобновились литературныя чтенія въ слѣдующей постепенности: а) членъ общества Г. Н. Городчаниновъ читалъ свое разсужденіе „О первоначальныхъ средствахъ къ преуспѣянію россійской словесности", б) членъ общества Н. М. Ибрагимовъ — стихотворный переводъ изъ Овидія: „Превращеніе Дафны въ лавръ", в) членъ общества С. А. Москотильниковъ—отрывки изъ своего перевода поэмы Т. Тассо „Освобожденный Іерусалимъ".

Далѣе исполненъ былъ оркестромъ и хоромъ, также уже извѣстный намъ, кантъ (музыки—„громкой") композиціи Новикова, на слова Кондырева: „Дни славы Россъ благословляй и пр.", послѣ чего закончена была литературная программа акта слѣдующими чтеніями: а) В. И. Панаева— „Менальъ и Тирсисъ", оригинальная идиллія въ стихахъ, и б) П. С. Кон-

---

жавинъ, 4) И. И. Дмитріевъ, 5) А. С. Шишковъ, 6) графъ Д. И. Хвостовъ, 7) Н. М. Карамзинъ, 8) И. И. Мартыновъ, 9) П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, 10) Преосв. Евгеній, епископъ калужскій.

Въ члены общества оказались вновь избранными: дѣйствительнымъ—магистръ И. М. Симоновъ, иногородними—В. В. Измайловъ, епископъ воронежскій Антоній, профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ, профессоръ М. Т. Каченовскій, А. И. Красовскій, профессоръ И. И. Чернявскій, профессоръ Г. П. Успенскій, С. М. Броневскій, А. И. Тургеневъ, П. А. Словцовъ и А. М. Соловьевъ.

* Иваномъ Евсевьевичемъ Срезневскимъ, профессоромъ харьковскаго университета, роднымъ братомъ казанскаго адъюнкта и отцомъ нашего покойнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго.

дырева—стихотворное переложеніе третьей пѣсни поэмы Райрака „Сотвореніе міра“, присланное иногороднимъ членомъ общества Ф. М. Рындовскимъ.

Характерную особенность акта 8-го іюля составило то, что на немъ, по окончаніи всѣхъ предназначенныхъ чтеній, секретаремъ объявлены были двѣ темы, предложенныя обществомъ на разрѣшеніе всѣмъ любителямъ отечественной словесности и отвѣты на которыя должны были быть представлены къ слѣдующему торжественному собранію общества, очередь котораго наступала, въ силу § 32-го устава, 8-го іюля 1818 года. Темы эти были слѣдующія: 1) „Какіе языки, когда, гдѣ и сколько большое вліяніе имѣли въ (sic) языкъ нашъ отечественный?“ и 2) „Откуда взялся нашъ богатый и сильный библейскій языкъ?“,—или: „Языкъ библейскій и простой русскій одинъ ли и тотъ же языкъ или совершенно различные?“ Отвѣты на эти вопросы, за разрѣшеніе которыхъ обѣщались „печатныя свидѣтельства“ отъ общества, должны были быть представленными не позже 1-го января 1818 года, съ вложенными въ запечатанные и снабженные девизами конверты именами авторовъ. Никакихъ отвѣтовъ на эти вопросы общество, однако, не получило ни къ назначенному имъ сроку, ни по его истеченіи.

Актъ закончился обращенною къ посѣтителямъ благодарственною рѣчью предсѣдателя и,—на этотъ разъ уже „огромнымъ“,—хоромъ музыки и пѣвчихъ: „Сей день для насъ блаженный и пр.“ Университетская газета оставила намъ и нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся внѣшней обстановки торжества:

„Къ вечеру университетскія зданія,—читаемъ здѣсь,—были освѣщены, особенно весь главный университетскій большой корпусъ, въ коемъ было торжественное собраніе и предъ коимъ выставлена прозрачная картина, сему случаю соотвѣтствующая: стороны картины украшены были пирамидами и разныхъ фигуръ гирляндами изъ зеленѣющихся деревъ, также хорошо освѣщенными и представляющимися какъ бы въ огнѣ. Освѣщеніе сіе, при тихой и хорошей погодѣ, продолжалось за полночь.

Музыка вся была, какъ и въ университетскомъ торжественномъ собраніи, сочиненія здѣшняго университета учителя музыки г. коллежскаго секретаря Новикова, извѣстнаго публикѣ по многимъ его произведеніямъ и здѣсь за лучшаго артиста въ пѣніи почитаемаго: искусству его и усердію общество при семъ случаѣ одолжено много и изъявляетъ ему свою благодарность.

Собраніе сіе почтено посѣщеніемъ весьма многихъ любителей просвѣщенія и вся пространная большая университетская зала была на-

дырева—стихотворное переложеніе третьей пѣсни поэмы Райрака „Сотвореніе міра“, присланное иногороднимъ членомъ общества Ф. М. Рындовскимъ.

Характерную особенность акта 8-го іюля составило то, что на немъ, по окончаніи всѣхъ предназначенныхъ чтеній, секретаремъ объявлены были двѣ темы, предложенныя обществомъ на разрѣшеніе всѣмъ любителямъ отечественной словесности и отвѣты на которыя должны были быть представлены къ слѣдующему торжественному собранію общества, очередь котораго наступала, въ силу § 32-го устава, 8-го іюля 1818 года. Темы эти были слѣдующія: 1) „Какіе языки, когда, гдѣ и сколько большое вліяніе имѣли въ (sic) языкъ нашъ отечественный?“ и 2) „Откуда взялся нашъ богатый и сильный библейскій языкъ?“,—или: „Языкъ библейскій и простой русскій одинъ ли и тотъ же языкъ или совершенно различные?“ Отвѣты на эти вопросы, за разрѣшеніе которыхъ обѣщались „печатныя свидѣтельства“ отъ общества, должны были быть представленными не позже 1-го января 1818 года, съ вложенными въ запечатанные и снабженные девизами конверты именами авторовъ. Никакихъ отвѣтовъ на эти вопросы общество, однако, не получило ни къ назначенному имъ сроку, ни по его истеченіи.

Актъ закончился обращенною къ посѣтителямъ благодарственною рѣчью предсѣдателя и,—на этотъ разъ уже „огромнымъ“,—хоромъ музыки и пѣвчихъ: „Сей день для насъ блаженный и пр.“ Университетская газета оставила намъ и нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся внѣшней обстановки торжества:

„Къ вечеру университетскія зданія,—читаемъ здѣсь,—были освѣщены, особенно весь главный университетскій большой корпусъ, въ коемъ было торжественное собраніе и предъ коимъ выставлена прозрачная картина, сему случаю соотвѣтствующая: стороны картины украшены были пирамидами и разныхъ фигуръ гирляндами изъ зеленѣющихся деревъ, также хорошо освѣщенными и представляющимися какъ бы въ огнѣ. Освѣщеніе сіе, при тихой и хорошей погодѣ, продолжалось за полночь.

Музыка вся была, какъ и въ университетскомъ торжественномъ собраніи, сочиненія здѣшняго университета учителя музыки г. коллежскаго секретаря Новикова, извѣстнаго публикѣ по многимъ его произведеніямъ и здѣсь за лучшаго артиста въ пѣніи почитаемаго: искусству его и усердію общество при семъ случаѣ одолжено много и изъявляетъ ему свою благодарность.

Собраніе сіе почтено посѣщеніемъ весьма многихъ любителей просвѣщенія и вся пространная большая университетская зала была на-

полнена посѣтителями, принимавшими ревностно участіе въ торжествѣ общества".

Дѣятели казанскаго общества любителей отечественной словесности встрѣчали новый 1816 годъ проникнутые, повидимому, наилучшими упованіями на счетъ будущей судьбы „возрожденнаго" общества. Отчетъ за 1815 годъ заявляетъ, что общество—„соотвѣтственно обстоятельствамъ, дѣлаетъ всевозможное усиліе къ достиженію предположенной цѣли; при ревности членовъ онаго, попеченіи начальства, покровительствѣ знаменитыхъ особъ и вниманіи публики, коимъ оно еще въ началѣ своемъ имѣетъ честь пользоваться, общество со временемъ отъ часу болѣе къ таковой цѣли можетъ приближаться". Особенно важное значеніе придавало общество вновь провозглашеннымъ почетнымъ членамъ своимъ, кои „суть особы обще извѣстныя въ ученой нашей области и ревностные споспѣшествователи славѣ русскаго слова—сіе есть вѣрный залогъ будущаго ихъ усердія и къ здѣшнему обществу". Отмѣчаетъ отчетъ и быстрое увеличеніе числа членовъ общества, достигшее цифры 50-ти человѣкъ, въ томъ числѣ 30 членовъ иногороднихъ—„въ Перми, Оренбургѣ, Симбирскѣ, Астрахани, Харьковѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Москвѣ, Дерптѣ, С.-Петербургѣ и другихъ мѣстахъ". Повидимому, заинтересовался обществомъ и вновь провозглашенный почетный членъ его—попечитель М. А. Салтыковъ. По крайней мѣрѣ 19-го января 1816 года, не взирая на свои враждебныя отношенія къ предсѣдателю общества Яковкину, онъ обратился въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ, „желая, сколь возможно, содѣйствовать успѣшному теченію казанскаго общества любителей отечественной словесности", предписывалъ „оказывать оному всевозможное законное вспомоществованіе, когда то будетъ потребно" и, прежде всего, отвести обществу въ зданіяхъ университета помѣщеніе—„одну изъ залъ, либо гдѣ былъ прежде совѣтъ гимназіи, въ тенишевскомъ домѣ, либо гдѣ была канцелярія совѣта, въ большомъ корпусѣ угольная комната и вторая отъ оной, правленія, когда сіи залы очистятся, въ свое время, занимающими оныя подъ квартиры чиновниками"; съ настояніемъ объ отводѣ обществу помѣщенія Салтыковъ въ августѣ того же года снова обращался уже непосредственно къ ректору университета [136].

Если неудачными явились попытки издательской дѣятельности общества любителей отечественной словесности, — мы уже знаемъ, что первая книга его „Трудовъ", изготовленная еще къ веснѣ 1815 года, могла выйти въ свѣтъ лишь въ 1817 году,—если не блистало оно талантами главныхъ

полнена посѣтителями, принимавшими ревностно участіе въ торжествѣ общества".

Дѣятели казанскаго общества любителей отечественной словесности встрѣчали новый 1816 годъ проникнутые, повидимому, наилучшими упованіями на счетъ будущей судьбы „возрожденнаго" общества. Отчетъ за 1815 годъ заявляетъ, что общество—„соотвѣтственно обстоятельствамъ, дѣлаетъ всевозможное усиліе къ достиженію предположенной цѣли; при ревности членовъ онаго, попеченіи начальства, покровительствѣ знаменитыхъ особъ и вниманіи публики, коимъ оно еще въ началѣ своемъ имѣетъ честь пользоваться, общество со временемъ отъ часу болѣе къ таковой цѣли можетъ приближаться". Особенно важное значеніе придавало общество вновь провозглашеннымъ почетнымъ членамъ своимъ, кои „суть особы обще извѣстныя въ ученой нашей области и ревностные споспѣшествователи славѣ русскаго слова—сіе есть вѣрный залогъ будущаго ихъ усердія и къ здѣшнему обществу". Отмѣчаетъ отчетъ и быстрое увеличеніе числа членовъ общества, достигшее цифры 50-ти человѣкъ, въ томъ числѣ 30 членовъ иногороднихъ—„въ Перми, Оренбургѣ, Симбирскѣ, Астрахани, Харьковѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Москвѣ, Дерптѣ, С.-Петербургѣ и другихъ мѣстахъ". Повидимому, заинтересовался обществомъ и вновь провозглашенный почетный членъ его—попечитель М. А. Салтыковъ. По крайней мѣрѣ 19-го января 1816 года, не взирая на свои враждебныя отношенія къ предсѣдателю общества Яковкину, онъ обратился въ совѣтъ университета съ предложеніемъ, въ которомъ, „желая, сколь возможно, содѣйствовать успѣшному теченію казанскаго общества любителей отечественной словесности", предписывалъ „оказывать оному всевозможное законное вспомоществованіе, когда то будетъ потребно" и, прежде всего, отвести обществу въ зданіяхъ университета помѣщеніе—„одну изъ залъ, либо гдѣ былъ прежде совѣтъ гимназіи, въ тенишевскомъ домѣ, либо гдѣ была канцелярія совѣта, въ большомъ корпусѣ угольная комната и вторая отъ оной, правленія, когда сіи залы очистятся, въ свое время, занимающими оныя подъ квартиры чиновниками"; съ настояніемъ объ отводѣ обществу помѣщенія Салтыковъ въ августѣ того же года снова обращался уже непосредственно къ ректору университета [136].

Если неудачными явились попытки издательской дѣятельности общества любителей отечественной словесности, — мы уже знаемъ, что первая книга его „Трудовъ", изготовленная еще къ веснѣ 1815 года, могла выйти въ свѣтъ лишь въ 1817 году,—если не блистало оно талантами главныхъ

своихъ дѣятелей, если не особенно плодотворными представлялись и результаты литературной работы общества, то полнаго вниманія и сочувствія заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, его стремленія установить живую связь между мѣстнымъ обществомъ и собою, а слѣдовательно—и съ казанскимъ университетомъ, подъ эгидою котораго общество существовало. Это стремленіе находило себѣ посильное выраженіе какъ въ иногороднихъ сношеніяхъ общества, такъ и въ устраивавшихся имъ публичныхъ собраніяхъ, самая внѣшняя и, до извѣстной даже степени, дѣланная обстановка которыхъ не была лишена значенія въ виду нѣкоторыхъ особенностей склада общественной жизни того, на много десятилѣтій отдаленнаго отъ насъ, времени.

Однимъ изъ выраженій только что отмѣченнаго нами стремленія явилось и чрезвычайное публичное собраніе общества любителей отечественной словесности, устроенное имъ 24-го сентября 1816 года и посвященное памяти его почетнаго члена, казанскаго уроженца и прославленнаго „пѣвца Фелицы"—Гавріила Романовича Державина, скончавшагося 8-го іюля того же года. Мы позволимъ себѣ остановиться съ нѣкоторою подробностью на описаніи этого собранія, получающаго особый интересъ какъ въ виду мѣстнаго происхожденія умершаго виновника торжества, такъ и въ виду его значенія въ общей исторіи русской литературы. Кончина Державина явилась крупнымъ событіемъ въ общемъ теченіи русской современности того времени; будетъ небезъинтереснымъ взглянуть, какъ отнеслись къ этому событію люди юной университетской науки въ томъ городѣ, гдѣ поэтъ родился, гдѣ онъ учился, гдѣ онъ провелъ свои ранніе годы, о которомъ съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ онъ и въ позднѣйшія поры своей жизни.

Чрезвычайное собраніе казанскаго общества любителей отечественной словесности въ память Г. Р. Державина происходило въ воскресенье, 24-го сентября 1816 года, въ пять часовъ пополудни, въ присутствіи „почитателей Державина, друзей его и любителей отечественной словесности обоихъ половъ". Устроители собранія постарались придать ему особенно торжественный характеръ и создать для него внѣшнюю обстановку, которая уже сама по себѣ способна была бы подѣйствовать на настроеніе присутствующей публики. Подробное описаніе этой своеобразной, мистическо-мрачной и нѣсколько кричащей, обстановки, конечно не чуждой изобрѣтательной фантазіи предсѣдателя общества Яковкина, даетъ намъ, въ ея экспликаціи самимъ секретаремъ общества Кондыревымъ, казанская газета того времени:

своихъ дѣятелей, если не особенно плодотворными представлялись и результаты литературной работы общества, то полнаго вниманія и сочувствія заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, его стремленія установить живую связь между мѣстнымъ обществомъ и собою, а слѣдовательно—и съ казанскимъ университетомъ, подъ эгидою котораго общество существовало. Это стремленіе находило себѣ посильное выраженіе какъ въ иногороднихъ сношеніяхъ общества, такъ и въ устраивавшихся имъ публичныхъ собраніяхъ, самая внѣшняя и, до извѣстной даже степени, дѣланная обстановка которыхъ не была лишена значенія въ виду нѣкоторыхъ особенностей склада общественной жизни того, на много десятилѣтій отдаленнаго отъ насъ, времени.

Однимъ изъ выраженій только что отмѣченнаго нами стремленія явилось и чрезвычайное публичное собраніе общества любителей отечественной словесности, устроенное имъ 24-го сентября 1816 года и посвященное памяти его почетнаго члена, казанскаго уроженца и прославленнаго „пѣвца Фелицы"—Гавріила Романовича Державина, скончавшагося 8-го іюля того же года. Мы позволимъ себѣ остановиться съ нѣкоторою подробностью на описаніи этого собранія, получающаго особый интересъ какъ въ виду мѣстнаго происхожденія умершаго виновника торжества, такъ и въ виду его значенія въ общей исторіи русской литературы. Кончина Державина явилась крупнымъ событіемъ въ общемъ теченіи русской современности того времени; будетъ небезъинтереснымъ взглянуть, какъ отнеслись къ этому событію люди юной университетской науки въ томъ городѣ, гдѣ поэтъ родился, гдѣ онъ учился, гдѣ онъ провелъ свои ранніе годы, о которомъ съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ онъ и въ позднѣйшія поры своей жизни.

Чрезвычайное собраніе казанскаго общества любителей отечественной словесности въ память Г. Р. Державина происходило въ воскресенье, 24-го сентября 1816 года, въ пять часовъ пополудни, въ присутствіи „почитателей Державина, друзей его и любителей отечественной словесности обоихъ половъ". Устроители собранія постарались придать ему особенно торжественный характеръ и создать для него внѣшнюю обстановку, которая уже сама по себѣ способна была бы подѣйствовать на настроеніе присутствующей публики. Подробное описаніе этой своеобразной, мистическо-мрачной и нѣсколько кричащей, обстановки, конечно не чуждой изобрѣтательной фантазіи предсѣдателя общества Яковкина, даетъ намъ, въ ея экспликаціи самимъ секретаремъ общества Кондыревымъ, казанская газета того времени:

Гавріилъ Романовичъ Державинъ,
почетный членъ Казанскаго университета,
1743—1816.
(Съ оригинальнаго портрета, принадлежащаго казанскому городскому музею).

Гавріилъ Романовичъ
Державинъ,
почетный членъ Казанскаго университета,
1743—1816.
(Съ оригинальнаго портрета, принадлежащаго казанскому городскому музею).

„Зала общества убрана была прилично предмету собранія, — повѣствуетъ отчетъ объ этомъ засѣданіи.

Впереди оной, на стѣнѣ, выставленъ былъ портретъ Гавріила Романовича Державина, для общества въ семъ году написанный и отъ него въ даръ оному присланный. Портретъ сей завѣшанъ былъ чернымъ крепомъ, перевязаннымъ бѣлыми лентами; голова онаго украшена была зеленымъ лавровымъ вѣнкомъ, перевитымъ чернымъ же крепомъ.

Внизу, предъ портретомъ, на нарочно сдѣланномъ возвышеніи, устланномъ чернымъ ковромъ, поставленъ былъ столъ, покрытый весь до полу чернымъ сукномъ. Среди стола поставленъ стоящій въ горести, съ поникшею главою, Геній, облокотившійся одною рукою на находящійся подлѣ него жертвенникъ, внизу коего изображено при утренней зарѣ восходящее солнце, знаменующее какъ бы зарю безсмертія Державина и его вѣчную будущую славу; надъ восходящимъ солнцемъ, въ самомъ верху надъ жертвенникомъ, надпись—„Безсмертному". Сѣтующій Геній кладетъ другою рукою лавровый вѣнокъ на жертвенникъ, надъ самою надписью.

На жертвенникѣ находится урна; въ срединѣ ея изображена буква „Д" (т. е. Державинъ), отъ коей во всѣ стороны изливаются лучи свѣта, являющіе какъ бы славу поэта, во всѣ времена и между всѣми народами распространяющуюся.

Предъ симъ Геніемъ и жертвенникомъ лежали творенія Гавріила Романовича, имъ обществу, съ его поправками и замѣчаніями, присланныя при собственноручной надписи, свидѣтельствующей его благорасположеніе къ обществу; на нихъ лежалъ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ, кипариса, мирта и различныхъ натуральныхъ цвѣтовъ. По одну сторону твореній находились письменныя сношенія безсмертнаго Державина съ обществомъ, а по другую уставъ общества.

По сторонамъ стола возвышались двѣ мраморныя пирамиды, какъ бы памятники Державину; за одною изъ оныхъ, предъ Геніемъ, лежала лира, покрытая чернымъ крепомъ съ перевязанными бѣлыми лентами.

Влѣво отъ портрета, на другой стѣнѣ, впереди гравированный портретъ Державина подъ крепомъ, а вокругъ его изображенія сѣтующихъ музъ, покрытыхъ также крепомъ.

Вправо отъ портрета, на третьей стѣнѣ, висѣли: ландкарта казанской губерніи съ планами и видами Казани, его родины, и всѣхъ городовъ оной губерніи; по одну сторону—картина, изображающая видъ развалинъ Болгаръ, а по другую—видъ усадьбы Державина близъ Новгорода, на Волховѣ, именуемой Званка, гдѣ онъ въ послѣдніе годы проводилъ лѣтнее время и гдѣ окончилъ жизнь свою.

„Зала общества убрана была прилично предмету собранія, — повѣствуетъ отчетъ объ этомъ засѣданіи.

Впереди оной, на стѣнѣ, выставленъ былъ портретъ Гавріила Романовича Державина, для общества въ семъ году написанный и отъ него въ даръ оному присланный. Портретъ сей завѣшанъ былъ чернымъ крепомъ, перевязаннымъ бѣлыми лентами; голова онаго украшена была зеленымъ лавровымъ вѣнкомъ, перевитымъ чернымъ же крепомъ.

Внизу, предъ портретомъ, на нарочно сдѣланномъ возвышеніи, устланномъ чернымъ ковромъ, поставленъ былъ столъ, покрытый весь до полу чернымъ сукномъ. Среди стола поставленъ стоящій въ горести, съ поникшею главою, Геній, облокотившійся одною рукою на находящійся подлѣ него жертвенникъ, внизу коего изображено при утренней зарѣ восходящее солнце, знаменующее какъ бы зарю безсмертія Державина и его вѣчную будущую славу; надъ восходящимъ солнцемъ, въ самомъ верху надъ жертвенникомъ, надпись—„Безсмертному". Сѣтующій Геній кладетъ другою рукою лавровый вѣнокъ на жертвенникъ, надъ самою надписью.

На жертвенникѣ находится урна; въ срединѣ ея изображена буква „Д" (т. е. Державинъ), отъ коей во всѣ стороны изливаются лучи свѣта, являющіе какъ бы славу поэта, во всѣ времена и между всѣми народами распространяющуюся.

Предъ симъ Геніемъ и жертвенникомъ лежали творенія Гавріила Романовича, имъ обществу, съ его поправками и замѣчаніями, присланныя при собственноручной надписи, свидѣтельствующей его благорасположеніе къ обществу; на нихъ лежалъ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ, кипариса, мирта и различныхъ натуральныхъ цвѣтовъ. По одну сторону твореній находились письменныя сношенія безсмертнаго Державина съ обществомъ, а по другую уставъ общества.

По сторонамъ стола возвышались двѣ мраморныя пирамиды, какъ бы памятники Державину; за одною изъ оныхъ, предъ Геніемъ, лежала лира, покрытая чернымъ крепомъ съ перевязанными бѣлыми лентами.

Влѣво отъ портрета, на другой стѣнѣ, впереди гравированный портретъ Державина подъ крепомъ, а вокругъ его изображенія сѣтующихъ музъ, покрытыхъ также крепомъ.

Вправо отъ портрета, на третьей стѣнѣ, висѣли: ландкарта казанской губерніи съ планами и видами Казани, его родины, и всѣхъ городовъ оной губерніи; по одну сторону—картина, изображающая видъ развалинъ Болгаръ, а по другую—видъ усадьбы Державина близь Новгорода, на Волховѣ, именуемой Званка, гдѣ онъ въ послѣдніе годы проводилъ лѣтнее время и гдѣ окончилъ жизнь свою.

Противъ большаго портрета и Генія, среди залы, былъ покрытый чернымъ сукномъ столъ, на которомъ стоялъ покрытый черною краскою Геній, облокотившійся на черную урну; въ оной на низу часы, на коихъ стрѣлка показывала второй часъ—когда скончался Державинъ; надъ часами надпись: 1816 года, съ 8-го на 9-ое іюля".

Собраніе было открыто вступительною рѣчью предсѣдателя общества И. Ѳ. Яковкина и сообщеніемъ секретаря его П. С. Кондырева, въ которомъ излагались отношенія общества къ Державину и краткій некрологъ послѣдняго, послѣ чего членъ общества І. Е. Срезневскій читалъ „въ честь Державина сочиненные однимъ изъ знаменитыхъ отечественныхъ писателей рукописные стихи" *.

„Дабы болѣе воздать честь Державину, живѣе изобразить горесть о потерѣ его, яснѣе показать славу, а равно достойно восхвалить его", въ програму собранія было включено прочтеніе нѣкоторыхъ изъ его твореній—„показывая чрезъ сіе и то, что его творенія сами по себѣ содѣлываютъ имя его безсмертнымъ". Для этой цѣли избраны были произведенія Державина: „Лебедь" (читалъ Ибрагимовъ), оды „Богъ" (читалъ адъюнктъ Юнаковъ), „Памятникъ" (читалъ профессоръ Кондыревъ) и „Безсмертіе" (читалъ адъюнктъ Срезневскій). Кромѣ твореній покойнаго Державина и въ довольно рискованной перемежкѣ съ ними, читались и собственноручныя стихотворныя творенія членовъ общества, а именно: стихи Рындовскаго (прочиталъ адъюнктъ Петровскій), „Надпись къ портрету Державина", Ибрагимова, и „Надгробіе Державину", Городчанинова.

Кромѣ всѣхъ этихъ виршей болѣе нежели сомнительнаго достоинства, адъюнктъ философіи І. Е. Срезневскій прочелъ не сохранившуюся до насъ рѣчь „О заслугахъ, оказанныхъ покойнымъ Державинымъ россійской словесности". Эта рѣчь имѣла своимъ послѣдствіемъ рядъ предложеній, тутъ же внесенныхъ предсѣдателемъ Яковкинымъ на обсужденіе общества, именно: а) сочинить Г. Р. Державину похвальное слово, произнести его въ ближайшемъ (1818 г.) трехгодичномъ торжественномъ собраніи и напечатать въ „Трудахъ" общества, б) напечатать въ тѣхъ же „Трудахъ" жизнеописаніе покойнаго, в) изготовить особый „ковчегъ" для храненія присланныхъ Державинымъ въ даръ обществу его твореній, г) поставить

---

* Здѣсь рѣчь идетъ, очевидно, о произведеніи почетнаго члена общества В. В. Капниста: «Ода на смерть Державина», напечатанномъ въ первой книгѣ «Трудовъ казанскаго общества любителей отечественной словесности» съ эпиграфомъ:

«Во вѣки лирой будетъ славенъ
Анакреонъ и Флаккъ и Пиндаръ нашъ—Державинъ!

Противъ большаго портрета и Генія, среди залы, былъ покрытый чернымъ сукномъ столъ, на которомъ стоялъ покрытый черною краскою Геній, облокотившійся на черную урну; въ оной на низу часы, на коихъ стрѣлка показывала второй часъ—когда скончался Державинъ; надъ часами надпись: 1816 года, съ 8-го на 9-ое іюля".

Собраніе было открыто вступительною рѣчью предсѣдателя общества И. Ѳ. Яковкина и сообщеніемъ секретаря его П. С. Кондырева, въ которомъ излагались отношенія общества къ Державину и краткій некрологъ послѣдняго, послѣ чего членъ общества І. Е. Срезневскій читалъ „въ честь Державина сочиненные однимъ изъ знаменитыхъ отечественныхъ писателей рукописные стихи" *.

„Дабы болѣе воздать честь Державину, живѣе изобразить горесть о потерѣ его, яснѣе показать славу, а равно достойно восхвалить его", въ программу собранія было включено прочтеніе нѣкоторыхъ изъ его твореній—„показывая чрезъ сіе и то, что его творенія сами по себѣ содѣлываютъ имя его безсмертнымъ". Для этой цѣли избраны были произведенія Державина: „Лебедь" (читалъ Ибрагимовъ), оды „Богъ" (читалъ адъюнктъ Юнаковъ), „Памятникъ" (читалъ профессоръ Кондыревъ) и „Безсмертіе" (читалъ адъюнктъ Срезневскій). Кромѣ твореній покойнаго Державина и въ довольно рискованной перемежкѣ съ ними, читались и собственноручныя стихотворныя творенія членовъ общества, а именно: стихи Рындовскаго (прочиталъ адъюнктъ Петровскій), „Надпись къ портрету Державина", Ибрагимова, и „Надгробіе Державину", Городчанинова.

Кромѣ всѣхъ этихъ виршей болѣе нежели сомнительнаго достоинства, адъюнктъ философіи І. Е. Срезневскій прочелъ не сохранившуюся до насъ рѣчь „О заслугахъ, оказанныхъ покойнымъ Державинымъ россійской словесности". Эта рѣчь имѣла своимъ послѣдствіемъ рядъ предложеній, тутъ же внесенныхъ предсѣдателемъ Яковкинымъ на обсужденіе общества, именно: а) сочинить Г. Р. Державину похвальное слово, произнести его въ ближайшемъ (1818 г.) трехгодичномъ торжественномъ собраніи и напечатать въ „Трудахъ" общества, б) напечатать въ тѣхъ же „Трудахъ" жизнеописаніе покойнаго, в) изготовить особый „ковчегъ" для храненія присланныхъ Державинымъ въ даръ обществу его твореній, г) поставить

* Здѣсь рѣчь идетъ, очевидно, о произведеніи почетнаго члена общества В. В. Капниста: «Ода на смерть Державина», напечатанномъ въ первой книгѣ «Трудовъ казанскаго общества любителей отечественной словесности» съ эпиграфомъ:

«Во вѣки лирой будетъ славенъ
Анакреонъ и Флаккъ и Пиндаръ нашъ—Державинъ!

на очередь вопросъ „о возданіи ему большей почести, напримѣръ поставленіемъ урны, памятника и т. п.“ и д) напечатать въ Казанскихъ Извѣстіяхъ описаніе настоящаго торжества. Всѣ эти предложенія были единогласно приняты собраніемъ. „Похвальное слово Державину“ было, дѣйствительно, изготовлено къ торжественному собранію 1818 года магистромъ Д. П. Самсоновымъ (напечатано, впрочемъ, не было), описаніе собранія 24-го сентября помѣщено въ университетской газетѣ; былъ, по всей вѣроятности, изготовленъ и „ковчегъ“ для храненія твореній умершаго поэта, но предположеніе Яковкина о сооруженіи въ Казани памятника Г. Р. Державину оказалось раннею идеею, осуществленною, по почину того же общества любителей отечественной словесности, уже много позже—лишь во второй половинѣ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія.

„Такъ на родинѣ Державина, — замѣчаетъ отчетъ о собраніи 24-го сентября, — общество любителей отечественной словесности чтило память его и изливало горестныя чувствованія о его потерѣ; не только члены, но и посторонніе почитатели безсмертнаго Державина въ печальной одеждѣ притекли раздѣлить сѣтованія общества“ [137].....

Ближайшее очередное торжественное собраніе общества любителей отечественной словесности, въ силу устава его, опредѣлявшаго срокъ этихъ собраній черезъ каждые три года, въ годовщину утвержденія устава, имѣло мѣсто 8-го іюля 1818 года. Это собраніе, происходившее въ большомъ залѣ университета, въ присутствіи приглашенныхъ на него почетныхъ лицъ города, а также „любителей просвѣщенія, учености и русскаго слова“, было открыто обычною привѣтственною рѣчью предсѣдателя и чтеніемъ секретаремъ общества „Историческаго обозрѣнія дѣйствій общества въ теченіи трехъ лѣтъ“ и совершившихся перемѣнъ въ его личномъ составѣ, съ сообщеніемъ краткихъ некрологовъ умершихъ членовъ общества: Г. Р. Державина, адъюнкта Н. М. Ибрагимова (члена-учредителя общества), профессора А. С. Лубкина, Г. А. Глинки и А. Д. Агафи. Чередуясь съ неизбѣжными на актахъ этого рода номерами оркестровой и хоровой музыки, на собраніи читались произведенія членовъ общества: С. А. Москотильникова (стихотвореніе „Религія“), Д. П. Самсонова („Похвальное слово Г. Р. Державину“), В. В. Капниста (ода „На смерть Державина“, читавшаяся и на собраніи 24-го сентября 1816 г.), Ф. М. Рындовскаго (стихи „На смерть Ибрагимова“), М. А. Юнакова (стихи и „Въ честь покойнаго члена Ибрагимова“), М. В. Полиновскаго (стихотвореніе „Добродѣтель“), І. Е. Срезневскаго (разсужденіе „О необходимости преимущественно заниматься и знать языкъ отечественный“ и Г. Н.

на очередь вопросъ „о возданіи ему большей почести, напримѣръ поставленіемъ урны, памятника и т. п." и д) напечатать въ Казанскихъ Извѣстіяхъ описаніе настоящаго торжества. Всѣ эти предложенія были единогласно приняты собраніемъ. „Похвальное слово Державину" было, дѣйствительно, изготовлено къ торжественному собранію 1818 года магистромъ Д. П. Самсоновымъ (напечатано, впрочемъ, не было), описаніе собранія 24-го сентября помѣщено въ университетской газетѣ; былъ, по всей вѣроятности, изготовленъ и „ковчегъ" для храненія твореній умершаго поэта, но предположеніе Яковкина о сооруженіи въ Казани памятника Г. Р. Державину оказалось раннею идеею, осуществленною, по почину того же общества любителей отечественной словесности, уже много позже—лишь во второй половинѣ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія.

„Такъ на родинѣ Державина, — замѣчаетъ отчетъ о собраніи 24-го сентября, — общество любителей отечественной словесности чтило память его и изливало горестныя чувствованія о его потерѣ; не только члены, но и посторонніе почитатели безсмертнаго Державина въ печальной одеждѣ притекли раздѣлить сѣтованія общества" [137]....

Ближайшее очередное торжественное собраніе общества любителей отечественной словесности, въ силу устава его, опредѣлявшаго срокъ этихъ собраній черезъ каждые три года, въ годовщину утвержденія устава, имѣло мѣсто 8-го іюля 1818 года. Это собраніе, происходившее въ большомъ залѣ университета, въ присутствіи приглашенныхъ на него почетныхъ лицъ города, а также „любителей просвѣщенія, учености и русскаго слова", было открыто обычною привѣтственною рѣчью предсѣдателя и чтеніемъ секретаремъ общества „Историческаго обозрѣнія дѣйствій общества въ теченіи трехъ лѣтъ" и совершившихся перемѣнъ въ его личномъ составѣ, съ сообщеніемъ краткихъ некрологовъ умершихъ членовъ общества: Г. Р. Державина, адъюнкта Н. М. Ибрагимова (члена-учредителя общества), профессора А. С. Лубкина, Г. А. Глинки и А. Д. Агафи. Чередуясь съ неизбѣжными на актахъ этого рода номерами оркестровой и хоровой музыки, на собраніи читались произведенія членовъ общества: С. А. Москотильникова (стихотвореніе „Религія"), Д. П. Самсонова („Похвальное слово Г. Р. Державину"), В. В. Капниста (ода „На смерть Державина", читавшаяся и на собраніи 24-го сентября 1816 г.), Ф. М. Рындовскаго (стихи „На смерть Ибрагимова"), М. А. Юнакова (стихи и „Въ честь покойнаго члена Ибрагимова"), М. В. Полиновскаго (стихотвореніе „Добродѣтель"), І. Е. Срезневскаго (разсужденіе „О необходимости преимущественно заниматься и знать языкъ отечественный" и Г. Н.

Городчанинова (стихотвореніе „Безсмертіе поэта"); это послѣднее чтеніе было посвящено памяти Державина и профессоръ-піита возвѣщалъ въ немъ, что

„Доколь Фебъ будетъ озарять
„Наукъ, художествъ насъ лучами,
„Дотоль безсмертными стихами
„Державинъ будетъ восхищать
„Потомства поздняго державы,
„Изъ вѣка въ вѣкъ, на крыльяхъ славы,
„До той минуты преносясь,
„Когда и слава онѣмѣетъ,
„Когда и Хронъ оцѣпенѣетъ
„И косу выронитъ изъ рукъ *.....

Собраніе закончилось объявленіемъ „задачъ", предлагаемыхъ обществомъ къ разрѣшенію на предстоящее трехлѣтіе (темы ихъ, къ сожалѣнію, не сохранились, — впрочемъ и темы, предложенныя еще на собраніи 1815 года остались не разрѣшенными) и благодарственнымъ обращеніемъ предсѣдателя къ посѣтителямъ акта. Вечеромъ главное зданіе университета было, по обыкновенію, иллюминовано.

Изъ отчета по обществу за 1818 годъ мы узнаемъ, что въ этомъ году количество членовъ его возросло уже до ста человѣкъ (75 дѣйствительныхъ и иногороднихъ и 25 почетныхъ), что „сношенія его простираются почти во всей Россіи, а сверхъ того начинаются въ Варшавѣ, Богеміи и Вѣнѣ, и были въ Персіи" и что въ минувшемъ 1817 году обществомъ выпущена была, наконецъ, въ свѣтъ первая книга его „Трудовъ". Предсѣдателемъ или „первымъ членомъ" общества снова былъ избранъ И. Ѳ. Яковкинъ, вторымъ членомъ—С. А. Москотильниковъ, секретаремъ—опять таки П. С. Кондыревъ, издателями (редакторами)—В. М. Перевощиковъ и І. Е. Срезневскій, казначеемъ—В. Я. Булыгинъ [138].

1818-ый годъ явился послѣднимъ, передъ эпохою попечительства Магницкаго, годомъ сколько нибудь активной дѣятельности казанскаго общества любителей отечественной словесности. Въ слѣдующемъ 1819-мъ году общество это выступаетъ передъ нами уже въ совершенно аттрофированномъ состояніи, какъ это усматривается изъ свѣдѣній объ его дѣятельности за этотъ годъ, доставленныхъ въ началѣ 1820 года секретаремъ

---

* Это стихотвореніе напечатано въ «Сочиненіяхъ и переводахъ въ прозѣ и стихахъ» Городчанинова (К., 1831, стр. 528).

Городчанинова (стихотвореніе „Безсмертіе поэта"); это послѣднее чтеніе было посвящено памяти Державина и профессоръ-піита возвѣщалъ въ немъ, что

„Доколь Фебъ будетъ озарять
„Наукъ, художествъ насъ лучами,
„Дотоль безсмертными стихами
„Державинъ будетъ восхищать
„Потомства поздняго державы,
„Изъ вѣка въ вѣкъ, на крыльяхъ славы,
„До той минуты преносясь,
„Когда и слава онѣмѣетъ,
„Когда и Хронъ оцѣпенѣетъ
„И косу выронитъ изъ рукъ *.....

Собраніе закончилось объявленіемъ „задачъ", предлагаемыхъ обществомъ къ разрѣшенію на предстоящее трехлѣтіе (темы ихъ, къ сожалѣнію, не сохранились, — впрочемъ и темы, предложенныя еще на собраніи 1815 года остались не разрѣшенными) и благодарственнымъ обращеніемъ предсѣдателя къ посѣтителямъ акта. Вечеромъ главное зданіе университета было, по обыкновенію, иллюминовано.

Изъ отчета по обществу за 1818 годъ мы узнаемъ, что въ этомъ году количество членовъ его возросло уже до ста человѣкъ (75 дѣйствительныхъ и иногороднихъ и 25 почетныхъ), что „сношенія его простираются почти во всей Россіи, а сверхъ того начинаются въ Варшавѣ, Богеміи и Вѣнѣ, и были въ Персіи" и что въ минувшемъ 1817 году обществомъ выпущена была, наконецъ, въ свѣтъ первая книга его „Трудовъ". Предсѣдателемъ или „первымъ членомъ" общества снова былъ избранъ И. Ѳ. Яковкинъ, вторымъ членомъ—С. А. Москотильниковъ, секретаремъ—опять таки П. С. Кондыревъ, издателями (редакторами)—В. М. Перевощиковъ и І. Е. Срезневскій, казначеемъ—В. Я. Булыгинъ [138].

1818-ый годъ явился послѣднимъ, передъ эпохою попечительства Магницкаго, годомъ сколько нибудь активной дѣятельности казанскаго общества любителей отечественной словесности. Въ слѣдующемъ 1819-мъ году общество это выступаетъ передъ нами уже въ совершенно аттрофированномъ состояніи, какъ это усматривается изъ свѣдѣній объ его дѣятельности за этотъ годъ, доставленныхъ въ началѣ 1820 года секретаремъ

---

* Это стихотвореніе напечатано въ «Сочиненіяхъ и переводахъ въ прозѣ и стихахъ» Городчанинова (К., 1831, стр. 528).

общества Кондыревымъ, вслѣдствіе требованія о томъ канцеляріи университетскаго совѣта. Краснорѣчивѣе всего засвидѣтельствуетъ намъ о томъ подлинное донесеніе Кондырева отъ 29-го января 1820 года:

„Казанское общество любителей отечественной словесности,—заявляется здѣсь,—имѣетъ нынѣ членовъ: 19 дѣйствительныхъ (иначе—казанскихъ, цифра поражающая своею малочисленностью!), 46 иногородныхъ, 17 почетныхъ—всего 82 человѣка. Общество, отпечатавъ первую часть трудовъ своихъ, положило 1818 года приступить къ печатанію второй, но разныя обстоятельства воспрепятствовали ему доселѣ сіе исполнить. Выбытіе многихъ дѣйствительныхъ (т. е. казанскихъ) членовъ смертью и отъѣздомъ изъ Казани, многія частыя должностныя занятія остальныхъ членовъ и болѣзнь многихъ изъ нихъ, при другихъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ—были причиною, что общество въ 1819 году не могло, какъ надлежитъ, заниматься своими дѣлами, принимая, при томъ, во вниманіе и то, что общество состоитъ изъ членовъ, по собственной волѣ своей занимающихся дѣлами онаго; отъ сего общество имѣло въ 1819 году токмо два чрезвычайныхъ собранія: для представленія себя его превосходительству г. члену главнаго училищъ правленія Михаилу Леонтьевичу Магницкому, во время ревизіи имъ университета, и своему почетному члену его превосходительству Михаилу Михаиловичу Сперанскому“.

Это донесеніе наглядно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что дѣятельность общества за весь 1819 годъ, въ сущности своей, свелась—къ нулю. Въ этомъ аттрофированномъ состояніи, не проявляя никакихъ слѣдовъ своего существованія, казанское общество любителей отечественной словесности продолжало пребывать во всю гнетущую пору попечительства Магницкаго, съ безпощадною суровостью и циничною враждебностью относившагося ко всякаго рода проявленіямъ самостоятельной мысли и дѣятельности, не желавшимъ или не умѣвшимъ подлаживаться подъ шаблонно-обскурантныя требованія временщика-попечителя. Отношеніе Магницкаго къ интересующему насъ обществу въ весьма рѣзкой формѣ высказалось уже во время производившейся имъ ревизіи казанскаго университета, когда, въ своихъ примѣчаніяхъ къ представленной ему „краткой исторіи казанскаго университета“, онъ къ приведенному въ ней факту основанія въ 1806 году общества любителей отечественной словесности присовокупилъ на поляхъ слѣдующее лаконическое примѣчаніе: „Общество и доселѣ совершенно пустое“. Отрицательное отношеніе къ этому обществу выразилось со стороны Магницкаго и лѣтомъ 1820 года, когда онъ отказалъ въ согласіи на ходатайство о посвященіи имени государя императора перваго тома трудовъ его, сославшись на то, что „сіе обстоятельство (т. е. изданіе тру-

общества Кондыревымъ, вслѣдствіе требованія о томъ канцеляріи университетскаго совѣта. Краснорѣчивѣе всего засвидѣтельствуетъ намъ о томъ подлинное донесеніе Кондырева отъ 29-го января 1820 года:

„Казанское общество любителей отечественной словесности,—заявляется здѣсь,—имѣетъ нынѣ членовъ: 19 дѣйствительныхъ (иначе—казанскихъ, цифра поражающая своею малочисленностью!), 46 иногороднихъ, 17 почетныхъ—всего 82 человѣка. Общество, отпечатавъ первую часть трудовъ своихъ, положило 1818 года приступить къ печатанію второй, но разныя обстоятельства воспрепятствовали ему доселѣ сіе исполнить. Выбытіе многихъ дѣйствительныхъ (т. е. казанскихъ) членовъ смертью и отъѣздомъ изъ Казани, многія частыя должностныя занятія остальныхъ членовъ и болѣзнь многихъ изъ нихъ, при другихъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ—были причиною, что общество въ 1819 году не могло, какъ надлежитъ, заниматься своими дѣлами, принимая, при томъ, во вниманіе и то, что общество состоитъ изъ членовъ, по собственной волѣ своей занимающихся дѣлами онаго; отъ сего общество имѣло въ 1819 году токмо два чрезвычайныхъ собранія: для представленія себя его превосходительству г. члену главнаго училищъ правленія Михаилу Леонтьевичу Магницкому, во время ревизіи имъ университета, и своему почетному члену его превосходительству Михаилу Михаиловичу Сперанскому“.

Это донесеніе наглядно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что дѣятельность общества за весь 1819 годъ, въ сущности своей, свелась—къ нулю. Въ этомъ аттрофированномъ состояніи, не проявляя никакихъ слѣдовъ своего существованія, казанское общество любителей отечественной словесности продолжало пребывать во всю гнетущую пору попечительства Магницкаго, съ безпощадною суровостью и циничною враждебностью относившагося ко всякаго рода проявленіямъ самостоятельной мысли и дѣятельности, не желавшимъ или не умѣвшимъ подлаживаться подъ шаблонно-обскурантныя требованія временщика-попечителя. Отношеніе Магницкаго къ интересующему насъ обществу въ весьма рѣзкой формѣ высказалось уже во время производившейся имъ ревизіи казанскаго университета, когда, въ своихъ примѣчаніяхъ къ представленной ему „краткой исторіи казанскаго университета“, онъ къ приведенному въ ней факту основанія въ 1806 году общества любителей отечественной словесности присовокупилъ на поляхъ слѣдующее лаконическое примѣчаніе: „Общество и доселѣ совершенно пустое“. Отрицательное отношеніе къ этому обществу выразилось со стороны Магницкаго и лѣтомъ 1820 года, когда онъ отказалъ въ согласіи на ходатайство о посвященіи имени государя императора перваго тома трудовъ его, сославшись на то, что „сіе обстоятельство (т. е. изданіе тру-

довъ) было въ старомъ порядкѣ“, т. е. до произведеннаго имъ пресловутаго „обновленія“ университетской жизни. Возстановленіе временно прекратившейся жизнедѣятельности общества любителей отечественной словесности совершилось лишь послѣ паденія Магницкаго и установленнаго имъ реакціоннаго режима, получивъ своею исходною точкою предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 21-го іюня 1826 года, которымъ обществу было разрѣшено возобновить свои, въ теченіи семи лѣтъ прерванныя, собранія [139]. Впрочемъ, этотъ фактъ, какъ и позднѣйшія судьбы казанскаго общества любителей отечественной словесности, уже выходитъ за предѣлы нашего настоящаго изложенія.

Мы, быть можетъ, слишкомъ долго задержали вниманіе нашихъ читателей на начальномъ періодѣ существованія казанскаго общества любителей отечественной словесности. Надѣемся найти оправданіе этому въ томъ соображеніи, что зарожденіе и первая, такъ неожиданно и, повидимому отчасти даже насильственно, прервавшаяся эпоха дѣятельности его —является тѣсно связанною и съ начальною порою жизни молодого казанскаго университета. Насколько минимальными не представлялись бы въ нашихъ глазахъ успѣхи, достигнутые казанскимъ обществомъ любителей отечественной словесности въ предѣлахъ интересующаго насъ протяженія времени, оно въ достаточной степени заслуживаетъ нашего вниманія хотя бы только потому, что почти на шестьдесятъ лѣтъ предварило собою возникновеніе при казанскомъ университетѣ ближайшаго по времени ученаго общества, явившись раннимъ преддверіемъ той группы учено-литературныхъ обществъ, которые функціонируютъ въ наши дни подъ просвѣщенною эгидою казанскаго университета. Заслуживаетъ казанское общество любителей отечественной словесности памяти потомства и за то, что оно уже съ самаго своего зарожденія сознательно преслѣдовало задачу пріобщенія интеллигенціи русскаго востока къ жизни и къ просвѣтительной дѣятельности мѣстнаго университета и, на этой почвѣ, преслѣдовало задачу, общую съ культурною миссіею самого университета: „Ученое общество, при здѣшнемъ университетѣ учрежденное,—публично заявлялось на актѣ общества 12-го декабря 1814 года, — учреждено на пользу ученаго высшаго мѣста, при коемъ находится, учебнаго его округа, на пользу многихъ любителей словесности, отечества и наукъ; общество, имѣя членами своими особъ разныхъ званій и классовъ, сближаетъ оныхъ и съ университетомъ, при коемъ находится: выгода отъ того взаимная, но тѣснѣйшая связь университета черезъ членовъ своихъ съ публикою— распространяетъ болѣе кругъ его дѣйствій, содѣлываетъ его для просвѣ-

довъ) было въ старомъ порядкѣ", т. е. до произведеннаго имъ пресловутаго „обновленія" университетской жизни. Возстановленіе временно прекратившейся жизнедѣятельности общества любителей отечественной словесности совершилось лишь послѣ паденія Магницкаго и установленнаго имъ реакціоннаго режима, получивъ своею исходною точкою предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 21-го іюня 1826 года, которымъ обществу было разрѣшено возобновить свои, въ теченіи семи лѣтъ прерванныя, собранія [139]. Впрочемъ, этотъ фактъ, какъ и позднѣйшія судьбы казанскаго общества любителей отечественной словесности, уже выходитъ за предѣлы нашего настоящаго изложенія.

Мы, быть можетъ, слишкомъ долго задержали вниманіе нашихъ читателей на начальномъ періодѣ существованія казанскаго общества любителей отечественной словесности. Надѣемся найти оправданіе этому въ томъ соображеніи, что зарожденіе и первая, такъ неожиданно и, повидимому отчасти даже насильственно, прервавшаяся эпоха дѣятельности его —является тѣсно связанною и съ начальною порою жизни молодого казанскаго университета. Насколько минимальными не представлялись бы въ нашихъ глазахъ успѣхи, достигнутые казанскимъ обществомъ любителей отечественной словесности въ предѣлахъ интересующаго насъ протяженія времени, оно въ достаточной степени заслуживаетъ нашего вниманія хотя бы только потому, что почти на шестьдесятъ лѣтъ предварило собою возникновеніе при казанскомъ университетѣ ближайшаго по времени ученаго общества, явившись раннимъ преддверіемъ той группы учено-литературныхъ обществъ, которые функціонируютъ въ наши дни подъ просвѣщенною эгидою казанскаго университета. Заслуживаетъ казанское общество любителей отечественной словесности памяти потомства и за то, что оно уже съ самаго своего зарожденія сознательно преслѣдовало задачу пріобщенія интеллигенціи русскаго востока къ жизни и къ просвѣтительной дѣятельности мѣстнаго университета и, на этой почвѣ, преслѣдовало задачу, общую съ культурною миссіею самого университета: „Ученое общество, при здѣшнемъ университетѣ учрежденное,—публично заявлялось на актѣ общества 12-го декабря 1814 года, — учреждено на пользу ученаго высшаго мѣста, при коемъ находится, учебнаго его округа, на пользу многихъ любителей словесности, отечества и наукъ; общество, имѣя членами своими особъ разныхъ званій и классовъ, сближаетъ оныхъ и съ университетомъ, при коемъ находится: выгода отъ того взаимная, но тѣснѣйшая связь университета черезъ членовъ своихъ съ публикою—распространяетъ болѣе кругъ его дѣйствій, содѣлываетъ его для просвѣ-

щенія плодотворнѣе и поселяетъ въ согражданахъ любовь къ учености, каковая господствуетъ уже издавна во всѣхъ образованныхъ государствахъ".

Если казанскому обществу любителей отечественной словесности,—въ чемъ едва ли позволительно сомнѣваться, — удалось хотя бы только отчасти, хотя бы только въ самой малой степени выполнить указанную благородную задачу; если ему выпало на долю вложить хотя бы только нѣсколько трудовыхъ камней въ созидавшееся юнымъ университетомъ обширное культурное зданіе—въ такомъ случаѣ оно должно пользоваться неоспоримымъ правомъ на благодарную память и со стороны мѣстнаго университета, и со стороны мѣстной общественности.

Мы еще не разъ будемъ имѣть случаи возвращаться къ исторіи общества любителей отечественной словесности, дѣятельность котораго окончательно прекратилась при казанскомъ университетѣ лишь въ началѣ 50-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

II

Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. „Казанскія Извѣстія" и другія изданія.

Къ вопросу о началѣ русской провинціальной повременной прессы, вообще.—Связь основанія казанскаго университета съ зарожденіемъ мѣстной журналистики.—Казанскіе литературные кружки конца XVIII и начала XIX вѣковъ.—Первая идея органа повременной печати въ Казани и первые ея піонеры: Запольскій и Зиновьевъ.

Проэктъ изданія «Казанскихъ Извѣстій» и отношеніе къ этому дѣлу попечителя Румовскаго.—Участіе къ дѣлу губернатора Мансурова и разрѣшеніе изданія «Извѣстій» казанской губернской администраціи.—Первые шаги изданія.—Переходъ изданія «Казанскихъ Извѣстій» къ университету.—Комитетъ для изданія «Казанскихъ Извѣстій» и выработка для газеты «плана изданія».—Организація редакціоннаго дѣла.—Затрудненія дѣла изданія газеты: недостатокъ сотрудниковъ, ограниченія программы, цензура.—Исторія дальнѣйшаго изданія.—Прекращеніе изданія «Казанскихъ Извѣстій» и общій взглядъ на этотъ первый органъ казанской періодической печати.

Другія періодическія изданія въ округѣ. — Астраханскія «Восточныя Извѣстія».—Исторія изданія; его отношенія къ казанскому университету, задачи, программа и прекращеніе. —«Азіятскій Музыкальный Вѣстникъ».—Происхожденіе этого повременнаго изданія и краткія, сохранившіяся до нашихъ дней, свѣдѣнія о немъ.

Продолжая изложеніе вопроса относительно положенія, занятаго казанскимъ университетомъ въ общемъ теченіи и направленіи общественности города Казани и тяготѣвшаго къ нему края, мы не можемъ оставить безъ вниманія и вопроса о зарожденіи здѣсь повременной прессы, которое, какъ мы это скоро увидимъ, также стояло въ самой тѣс-

щенія плодотворнѣе и поселяетъ въ согражданахъ любовь къ учености, каковая господствуетъ уже издавна во всѣхъ образованныхъ государствахъ".

Если казанскому обществу любителей отечественной словесности,—въ чемъ едва ли позволительно сомнѣваться, — удалось хотя бы только отчасти, хотя бы только въ самой малой степени выполнить указанную благородную задачу; если ему выпало на долю вложить хотя бы только нѣсколько трудовыхъ камней въ созидавшееся юнымъ университетомъ обширное культурное зданіе—въ такомъ случаѣ оно должно пользоваться неоспоримымъ правомъ на благодарную память и со стороны мѣстнаго университета, и со стороны мѣстной общественности.

Мы еще не разъ будемъ имѣть случаи возвращаться къ исторіи общества любителей отечественной словесности, дѣятельность котораго окончательно прекратилась при казанскомъ университетѣ лишь въ началѣ 50-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

II

Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. „Казанскія Извѣстія" и другія изданія.

Къ вопросу о началѣ русской провинціальной повременной прессы, вообще.—Связь основанія казанскаго университета съ зарожденіемъ мѣстной журналистики.—Казанскіе литературные кружки конца XVIII и начала XIX вѣковъ.—Первая идея органа повременной печати въ Казани и первые ея піонеры: Запольскій и Зиновьевъ.

Проэктъ изданія «Казанскихъ Извѣстій» и отношеніе къ этому дѣлу попечителя Румовскаго.—Участіе къ дѣлу губернатора Мансурова и разрѣшеніе изданія «Извѣстій» казанской губернской администраціи.—Первые шаги изданія.—Переходъ изданія «Казанскихъ Извѣстій» къ университету.—Комитетъ для изданія «Казанскихъ Извѣстій» и выработка для газеты «плана изданія».—Организація редакціоннаго дѣла.—Затрудненія дѣла изданія газеты: недостатокъ сотрудниковъ, ограниченія программы, цензура.—Исторія дальнѣйшаго изданія.—Прекращеніе изданія «Казанскихъ Извѣстій» и общій взглядъ на этотъ первый органъ казанской періодической печати.

Другія періодическія изданія въ округѣ. — Астраханскія «Восточныя Извѣстія».—Исторія изданія; его отношенія къ казанскому университету, задачи, программа и прекращеніе. —«Азіятскій Музыкальный Вѣстникъ».—Происхожденіе этого повременнаго изданія и краткія, сохранившіяся до нашихъ дней, свѣдѣнія о немъ.

Продолжая изложеніе вопроса относительно положенія, занятаго казанскимъ университетомъ въ общемъ теченіи и направленіи общественности города Казани и тяготѣвшаго къ нему края, мы не можемъ оставить безъ вниманія и вопроса о зарожденіи здѣсь повременной прессы, которое, какъ мы это скоро увидимъ, также стояло въ самой тѣс-

ной связи съ жизнью молодого университета; любопытно, что и въ теченіи долгаго ряда послѣдующихъ лѣтъ казанская повременная печать дружно шла рука объ руку съ развивающеюся жизнью мѣстнаго университета.

Возникновеніе повременной печати въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предполагаетъ, конечно, зарожденіе въ мѣстномъ обществѣ болѣе или менѣе ясно выразившейся потребности въ ней, которая, въ свою очередь, обусловливается наличностью въ обществѣ извѣстнаго рода литературныхъ стремленій, зарожденіемъ въ его средѣ литературнаго движенія, ищущаго себѣ того или другого выхода, того или иного выраженія во внѣшности. Вполнѣ естественною представляется на этой почвѣ попытка постараться найти наличность такого литературнаго движенія и въ Казани, гдѣ періодическая печать зародилась уже сравнительно рано, въ 1811-мъ году, въ лицѣ газеты „Казанскія Извѣстія", и находится, такимъ образомъ, наканунѣ своей вѣковой годовщины. „Казанскія Извѣстія" явились, въ хронологической постепенности, третьимъ повременнымъ органомъ русской провинціальной печати. Первымъ, по времени, былъ журналъ „Уединенный Пошехонецъ", начавшій въ 1786-мъ году издаваться въ г. Ярославлѣ; вторымъ—журналъ „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену", выходившій въ 1789—1791 г.г. въ свѣтъ въ г. Тобольскѣ, подъ редакціею и при ближайшемъ участіи учителей мѣстнаго главнаго народнаго училища; третьимъ по старшинству органомъ провинціальной періодической печати выступили наши университетскія „Казанскія Извѣстія" (1811—1820 г.г.). Честь первыхъ починовъ въ дѣлѣ русской провинціальной журналистики всецѣло принадлежитъ, такимъ образомъ, русскому востоку: двѣ изъ нихъ выпадаютъ на долю Поволжья, третья—на долю западной Сибири, причемъ всѣ эти попытки тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ дѣломъ мѣстнаго просвѣщенія.

Несомнѣнно, что могучій толчокъ казанскому умственному и литературному движенію данъ былъ основаніемъ въ Казани университета. Было бы, тѣмъ не менѣе, несправедливымъ отрицать наличность здѣсь болѣе или менѣе сознательно и ясно выраженныхъ зачатковъ такого движенія еще въ пору, предшествовавшую возникновенію университета,—зачатковъ, которые не могли не быть вызванными къ жизни и къ своему дальнѣйшему росту весьма раннимъ появленіемъ здѣсь учебно-просвѣтительныхъ учрежденій: славяно-латинской школы, возникшей еще въ концѣ первой четверти XVIII вѣка, въ 1732 году преобразовавшейся въ духовную семинарію, а съ 1797 года въ духовную (такъ называемую „старую") академію; казанской гимназіи, основанной въ 1758 году и въ теченіи долгаго ряда

ной связи съ жизнью молодого университета; любопытно, что и въ теченіи долгаго ряда послѣдующихъ лѣтъ казанская повременная печать дружно шла рука объ руку съ развивающеюся жизнью мѣстнаго университета.

Возникновеніе повременной печати въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предполагаетъ, конечно, зарожденіе въ мѣстномъ обществѣ болѣе или менѣе ясно выразившейся потребности въ ней, которая, въ свою очередь, обусловливается наличностью въ обществѣ извѣстнаго рода литературныхъ стремленій, зарожденіемъ въ его средѣ литературнаго движенія, ищущаго себѣ того или другого выхода, того или иного выраженія во внѣшности. Вполнѣ естественною представляется на этой почвѣ попытка постараться найти наличность такого литературнаго движенія и въ Казани, гдѣ періодическая печать зародилась уже сравнительно рано, въ 1811-мъ году, въ лицѣ газеты „Казанскія Извѣстія", и находится, такимъ образомъ, наканунѣ своей вѣковой годовщины. „Казанскія Извѣстія" явились, въ хронологической постепенности, третьимъ повременнымъ органомъ русской провинціальной печати. Первымъ, по времени, былъ журналъ „Уединенный Пошехонецъ", начавшій въ 1786-мъ году издаваться въ г. Ярославлѣ; вторымъ—журналъ „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену", выходившій въ 1789—1791 г.г. въ свѣтъ въ г. Тобольскѣ, подъ редакціею и при ближайшемъ участіи учителей мѣстнаго главнаго народнаго училища; третьимъ по старшинству органомъ провинціальной періодической печати выступили наши университетскія „Казанскія Извѣстія" (1811—1820 г.г.). Честь первыхъ починовъ въ дѣлѣ русской провинціальной журналистики всецѣло принадлежитъ, такимъ образомъ, русскому востоку: двѣ изъ нихъ выпадаютъ на долю Поволжья, третья—на долю западной Сибири, причемъ всѣ эти попытки тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ дѣломъ мѣстнаго просвѣщенія.

Несомнѣнно, что могучій толчокъ казанскому умственному и литературному движенію данъ былъ основаніемъ въ Казани университета. Было бы, тѣмъ не менѣе, несправедливымъ отрицать наличность здѣсь болѣе или менѣе сознательно и ясно выраженныхъ зачатковъ такого движенія еще въ пору, предшествовавшую возникновенію университета,—зачатковъ, которые не могли не быть вызванными къ жизни и къ своему дальнѣйшему росту весьма раннимъ появленіемъ здѣсь учебно-просвѣтительныхъ учрежденій: славяно-латинской школы, возникшей еще въ концѣ первой четверти XVIII вѣка, въ 1732 году преобразовавшейся въ духовную семинарію, а съ 1797 года въ духовную (такъ называемую „старую") академію; казанской гимназіи, основанной въ 1758 году и въ теченіи долгаго ряда

лѣтъ остававшейся единственнымъ русскимъ учебнымъ заведеніемъ этого рода; наконецъ, главнаго народнаго училища, открытаго въ 1786 году. Однимъ изъ отраженій, съ другой же стороны и однимъ изъ стимуловъ, казанской культурной жизни можетъ быть признано весьма раннее зарожденіе публичныхъ театральныхъ представленій, начало которыхъ восходитъ еще къ эпохѣ существованія здѣсь славяно-латинской школы, которыя получили, затѣмъ, особенно широкое развитіе въ казанской гимназіи и, изъ этой послѣдней, были перенесены и въ стѣны новорожденнаго университета; въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка возникъ въ Казани и театръ, публичный уже въ прямомъ значеніи этого слова.

Мы имѣемъ несомнѣнныя указанія на то, что въ концѣ XVIII вѣка въ Казани существовали центры культурной жизни, вокругъ которыхъ группировались мѣстныя интеллектуальныя силы, не остававшіяся чуждыми и интересовъ литературныхъ. Очень рано успѣло пустить въ Казани корни и массонство, положительное вліяніе котораго на развитіе русской умственной жизни второй половины XVIII и начала XIX вѣковъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній; такъ, уже въ 1776 году здѣсь основана была массонская ложа „Восходящаго солнца“ и только въ 1852 году, въ лицѣ С. А. Москотильникова, имя котораго нами уже не разъ упоминалось, скончался въ Казани послѣдній представитель стараго казанскаго массонства и стараго казанскаго литературнаго движенія эпохи, предшествовавшей основанію университета.

Къ кругу старѣйшихъ представителей казанскихъ интеллектуально-литературныхъ кружковъ конца XVIII вѣка должны быть отнесены: Иванъ Ивановичъ Панаевъ (1753—1796 г.г.), отецъ такъ часто фигурирующихъ въ нашихъ разсказахъ братьевъ Панаевыхъ, студентовъ первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета, одинъ изъ корифеевъ мѣстнаго массонства, страстный любитель литературы, поддерживавшій тѣсныя сношенія съ выдающимися представителями современнаго русскаго слова; только что упомянутый нами Савва Андреевичъ Москотильниковъ (1768—1852 г.г.), переводчикъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Тассо, находившійся въ ближайшемъ общеніи съ столичными литературными и мистическими кружками (въ числѣ ихъ и съ кружкомъ Новикова); Василій Ипатовичъ Полянскій (1742—1801? г.г.), извѣстный библіофилъ, мистикъ и другъ знаменитаго Вольтера, окончившій свою мятежную жизнь на казанской родинѣ и съ которымъ мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться въ нашемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи; Дмитрій Николаевичъ Зиновьевъ, казанскій помѣщикъ, писатель и экономистъ, литературная дѣятель-

лѣтъ остававшейся единственнымъ русскимъ учебнымъ заведеніемъ этого рода; наконецъ, главнаго народнаго училища, открытаго въ 1786 году. Однимъ изъ отраженій, съ другой же стороны и однимъ изъ стимуловъ, казанской культурной жизни можетъ быть признано весьма раннее зарожденіе публичныхъ театральныхъ представленій, начало которыхъ восходитъ еще къ эпохѣ существованія здѣсь славяно-латинской школы, которыя получили, затѣмъ, особенно широкое развитіе въ казанской гимназіи и, изъ этой послѣдней, были перенесены и въ стѣны новорожденнаго университета; въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка возникъ въ Казани и театръ, публичный уже въ прямомъ значеніи этого слова.

Мы имѣемъ несомнѣнныя указанія на то, что въ концѣ XVIII вѣка въ Казани существовали центры культурной жизни, вокругъ которыхъ группировались мѣстныя интеллектуальныя силы, не остававшіяся чуждыми и интересовъ литературныхъ. Очень рано успѣло пустить въ Казани корни и массонство, положительное вліяніе котораго на развитіе русской умственной жизни второй половины XVIII и начала XIX вѣковъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній; такъ, уже въ 1776 году здѣсь основана была массонская ложа „Восходящаго солнца" и только въ 1852 году, въ лицѣ С. А. Москотильникова, имя котораго нами уже не разъ упоминалось, скончался въ Казани послѣдній представитель стараго казанскаго массонства и стараго казанскаго литературнаго движенія эпохи, предшествовавшей основанію университета.

Къ кругу старѣйшихъ представителей казанскихъ интеллектуально-литературныхъ кружковъ конца XVIII вѣка должны быть отнесены: Иванъ Ивановичъ Панаевъ (1753—1796 г.г.), отецъ такъ часто фигурирующихъ въ нашихъ разсказахъ братьевъ Панаевыхъ, студентовъ первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета, одинъ изъ корифеевъ мѣстнаго массонства, страстный любитель литературы, поддерживавшій тѣсныя сношенія съ выдающимися представителями современнаго русскаго слова; только что упомянутый нами Савва Андреевичъ Москотильниковъ (1768—1852 г.г.), переводчикъ „Освобожденнаго Іерусалима" Тассо, находившійся въ ближайшемъ общеніи съ столичными литературными и мистическими кружками (въ числѣ ихъ и съ кружкомъ Новикова); Василій Ипатовичъ Полянскій (1742—1801? г.г.), извѣстный библіофилъ, мистикъ и другъ знаменитаго Вольтера, окончившій свою мятежную жизнь на казанской родинѣ и съ которымъ мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться въ нашемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи; Дмитрій Николаевичъ Зиновьевъ, казанскій помѣщикъ, писатель и экономистъ, литературная дѣятель-

ность котораго началась еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка; Гавріилъ Петровичъ Каменевъ (1772—1803 г.г.), казанскій поэтъ, переводчикъ и авторъ баллады „Громвалъ“, значеніе которой въ исторіи русскаго романтизма было впервые оцѣнено Пушкинымъ.

Къ этому старѣйшему кругу представителей казанскаго литературнаго движенія непосредственно примыкаетъ кружокъ младшихъ представителей его, сформировавшійся въ самомъ концѣ XVIII вѣка при возстановленной (въ 1798 году) казанской гимназіи, благодаря приливу къ ней молодыхъ силъ, внесшихъ новую и свѣжую струю въ современное теченіе казанской интеллектуальной жизни. Здѣсь должны быть упомянуты молодые учителя гимназіи: Г. И. Карташевскій, И. И. Запольскій и Л. С. Левицкій (всѣ трое воспитанники московскаго университета и будущіе адъюнкты вновь основаннаго казанскаго университета), Н. М. Ибрагимовъ, Д. Г. Богдановъ и А. И. Васильевъ (учителя русскаго языка и словесности, уже извѣстные намъ учредители общества любителей отечественной словесности); къ этому кружку примыкали: учителя казанскаго главнаго народнаго училища И. И. Чернявскій (впослѣдствіе профессоръ виленскаго университета) и бывшій придворный актеръ, онъ же распорядитель перваго казанскаго театра, В. Р. Бобровскій; казанскій помѣщикъ и прапорщикъ въ отставкѣ Н. С. Арцыбышевъ (будущій историкъ и авторъ „Повѣствованія о Россіи“) и нѣкот. другіе представители молодой казанской интеллигенціи.

Забившаяся въ средѣ казанскихъ интеллектуальныхъ кружковъ струя литературной жизни не замедлила найти себѣ отголосокъ въ учащейся гимназической молодежи, откуда была перенесена и въ среду студенческой молодежи вновь основаннаго казанскаго университета; воспоминанія С. Т. Аксакова и В. И. Панаева вполнѣ согласны между собою въ томъ, что юношеское увлеченіе казанскихъ гимназистовъ и студентовъ литературою, о которомъ въ своемъ мѣстѣ уже было нами говорено*, въ огромной степени обязано было плодотворному вліянію молодого учителя словесности въ казанской гимназіи—Н. М. Ибрагимова. Мы знаемъ, что, еще до основанія казанскаго университета, кружокъ юныхъ гимназическихъ адептовъ литературы уже издавалъ рукописный журналъ „Аркадскіе пастушки“, который смѣнился студенческимъ рукописнымъ же журналомъ „Журналъ нашихъ занятій“, и еще позже—рукописнымъ университетскимъ повременнымъ литературнымъ сборникомъ подъ названіемъ „Смѣсь“.

* См. томъ I, стр. 86—89.

ность котораго началась еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка; Гавріилъ Петровичъ Каменевъ (1772—1803 г.г.), казанскій поэтъ, переводчикъ и авторъ баллады „Громвалъ", значеніе которой въ исторіи русскаго романтизма было впервые оцѣнено Пушкинымъ.

Къ этому старѣйшему кругу представителей казанскаго литературнаго движенія непосредственно примыкаетъ кружокъ младшихъ представителей его, сформировавшійся въ самомъ концѣ XVIII вѣка при возстановленной (въ 1798 году) казанской гимназіи, благодаря приливу къ ней молодыхъ силъ, внесшихъ новую и свѣжую струю въ современное теченіе казанской интеллектуальной жизни. Здѣсь должны быть упомянуты молодые учителя гимназіи: Г. И. Карташевскій, И. И. Запольскій и Л. С. Левицкій (всѣ трое воспитанники московскаго университета и будущіе адъюнкты вновь основаннаго казанскаго университета), Н. М. Ибрагимовъ, Д. Г. Богдановъ и А. И. Васильевъ (учителя русскаго языка и словесности, уже извѣстные намъ учредители общества любителей отечественной словесности); къ этому кружку примыкали: учителя казанскаго главнаго народнаго училища И. И. Чернявскій (впослѣдствіе профессоръ виленскаго университета) и бывшій придворный актеръ, онъ же распорядитель перваго казанскаго театра, В. Р. Бобровскій; казанскій помѣщикъ и прапорщикъ въ отставкѣ Н. С. Арцыбышевъ (будущій историкъ и авторъ „Повѣствованія о Россіи") и нѣкот. другіе представители молодой казанской интеллигенціи.

Забившаяся въ средѣ казанскихъ интеллектуальныхъ кружковъ струя литературной жизни не замедлила найти себѣ отголосокъ въ учащейся гимназической молодежи, откуда была перенесена и въ среду студенческой молодежи вновь основаннаго казанскаго университета; воспоминанія С. Т. Аксакова и В. И. Панаева вполнѣ согласны между собою въ томъ, что юношеское увлеченіе казанскихъ гимназистовъ и студентовъ литературою, о которомъ въ своемъ мѣстѣ уже было нами говорено*, въ огромной степени обязано было плодотворному вліянію молодого учителя словесности въ казанской гимназіи—Н. М. Ибрагимова. Мы знаемъ, что, еще до основанія казанскаго университета, кружокъ юныхъ гимназическихъ адептовъ литературы уже издавалъ рукописный журналъ „Аркадскіе пастушки", который смѣнился студенческимъ рукописнымъ же журналомъ „Журналъ нашихъ занятій", и еще позже—рукописнымъ университетскимъ повременнымъ литературнымъ сборникомъ подъ названіемъ „Смѣсь".

---

* См. томъ I, стр. 86—89.

Основаніе казанскаго университета явилось звеномъ первенствующаго и рѣшающаго значенія въ уже слагавшемся зданіи культурной жизни Казани и казанскаго края; въ его лицѣ создавался центръ, вокругъ котораго отнынѣ могли группироваться интеллектуально-литературныя силы, дѣйствовавшія до тѣхъ поръ въ разбродъ, безъ необходимаго между собою единенія, безъ опредѣленнаго плана, безъ ясно сознаннаго направленія. Въ 1806 году зарождается идея литературнаго при казанскомъ университетѣ общества; слѣдомъ за нею не замедлилъ возникнуть и вопросъ о созданіи въ Казани повременнаго органа печати.

Починъ этого послѣдняго вопроса вышелъ изъ среды молодежи казанскаго учебнаго вѣдомства и составляетъ заслугу адъюнкта вновь основаннаго университета, бывшаго учителя казанской гимназіи и сверстника Карташевскаго, Левицкаго, Ибрагимова и Чернявскаго, Ивана Ипатовича Запольскаго. Скупы сухіе оффиціальные источники, на которыхъ основано, главнымъ образомъ, наше повѣствованіе, на сообщеніе данныхъ болѣе или менѣе живого, не говоря уже интимнаго, характера; такими же скупыми оказываются они и въ области интересующаго насъ въ данную минуту вопроса. Входящія и исходящія бумаги за „номерами" и „подлежащимъ подписомъ", въ видѣ предложеній, отношеній, рапортовъ и тому подобныхъ актовъ канцелярской переписки, нѣсколько оффиціознаго характера обмѣнныхъ писемъ между Яковкинымъ и Румовскимъ—таковъ тотъ мертвый матеріалъ, который оказывается въ нашемъ распоряженіи въ живомъ вопросѣ о зарожденіи казанской повременной прессы,—этого „жалкаго, рахитическаго дитяти, мнящаго руководить общественнымъ мнѣніемъ, какъ ребенокъ, прыгающій на палочкѣ воображаетъ, что скачетъ на настоящемъ конѣ", какъ въ высшей степени рѣзко, желчно и, во всякомъ случаѣ не вполнѣ объективно и безпристрастно, выразился въ свое время по адресу злополучной провинціальной прессы, вообще, покойный профессоръ Н. Н. Буличъ *. Намъ остаются, въ силу этого, неизвѣстными ближайшія, болѣе или менѣе субъективнаго характера, побудительныя причины, заставившія Запольскаго,—человѣка, какъ бы то ни было, изъ дюжинныхъ и стоявшаго много ниже своихъ сверстниковъ,—взять на себя иниціативу такого серьезнаго и отвѣтственнаго дѣла. Мы едва ли ошибемся, однако, высказавъ предположеніе, что Запольскій выступилъ въ данномъ случаѣ лишь представителемъ и выразителемъ затаенныхъ пожеланій того же кружка молодой казанской интеллигенціи, члены которой

* «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 621.

Основаніе казанскаго университета явилось звеномъ первенствующаго и рѣшающаго значенія въ уже слагавшемся зданіи культурной жизни Казани и казанскаго края; въ его лицѣ создавался центръ, вокругъ котораго отнынѣ могли группироваться интеллектуально-литературныя силы, дѣйствовавшія до тѣхъ поръ въ разбродъ, безъ необходимаго между собою единенія, безъ опредѣленнаго плана, безъ ясно сознаннаго направленія. Въ 1806 году зарождается идея литературнаго при казанскомъ университетѣ общества; слѣдомъ за нею не замедлилъ возникнуть и вопросъ о созданіи въ Казани повременнаго органа печати.

Починъ этого послѣдняго вопроса вышелъ изъ среды молодежи казанскаго учебнаго вѣдомства и составляетъ заслугу адъюнкта вновь основаннаго университета, бывшаго учителя казанской гимназіи и сверстника Карташевскаго, Левицкаго, Ибрагимова и Чернявскаго, Ивана Ипатовича Запольскаго. Скупы сухіе оффиціальные источники, на которыхъ основано, главнымъ образомъ, наше повѣствованіе, на сообщеніе данныхъ болѣе или менѣе живого, не говоря уже интимнаго, характера; такими же скупыми оказываются они и въ области интересующаго насъ въ данную минуту вопроса. Входящія и исходящія бумаги за „номерами" и „подлежащимъ подписомъ", въ видѣ предложеній, отношеній, рапортовъ и тому подобныхъ актовъ канцелярской переписки, нѣсколько оффиціознаго характера обмѣнныхъ писемъ между Яковкинымъ и Румовскимъ—таковъ тотъ мертвый матеріалъ, который оказывается въ нашемъ распоряженіи въ живомъ вопросѣ о зарожденіи казанской повременной прессы,—этого „жалкаго, рахитическаго дитяти, мнящаго руководить общественнымъ мнѣніемъ, какъ ребенокъ, прыгающій на палочкѣ воображаетъ, что скачетъ на настоящемъ конѣ", какъ въ высшей степени рѣзко, желчно и, во всякомъ случаѣ не вполнѣ объективно и безпристрастно, выразился въ свое время по адресу злополучной провинціальной прессы, вообще, покойный профессоръ Н. Н. Буличъ *. Намъ остаются, въ силу этого, неизвѣстными ближайшія, болѣе или менѣе субъективнаго характера, побудительныя причины, заставившія Запольскаго,—человѣка, какъ бы то ни было, изъ дюжинныхъ и стоявшаго много ниже своихъ сверстниковъ,—взять на себя иниціативу такого серьезнаго и отвѣтственнаго дѣла. Мы едва ли ошибемся, однако, высказавъ предположеніе, что Запольскій выступилъ въ данномъ случаѣ лишь представителемъ и выразителемъ затаенныхъ пожеланій того же кружка молодой казанской интеллигенціи, члены которой

* «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 621.

передъ тѣмъ только выдвинули впередъ и вопросъ объ учрежденіи при университетѣ общества любителей отечественной словесности.

Документальная сторона исторіи возникновенія „Казанскихъ Извѣстій“ открывается краткимъ донесеніемъ Яковкина попечителю, включеннымъ въ письмѣ директора къ своему принципалу отъ 20-го октября 1808 года:

„Для доставленія всегдашняго дѣла типографіи россійской (которая какъ разъ заводилась въ то время при университетѣ),—читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—представилъ мнѣ г. Запольскій проектъ издаванія вѣдомостей, подъ именемъ Казанскихъ еженедѣльныхъ извѣстій. Списокъ онаго проекта имѣю честь при семъ представить вашему превосходительству на благоусмотрѣніе и начальственное утвержденіе, ежели благоугодно будетъ“.

До насъ дошелъ и подлинный проэктъ изданія „Казанскихъ Извѣстій“, сообщенный Запольскимъ профессору-директору, а этимъ послѣднимъ препровожденный попечителю. Запольскій принимаетъ за исходную точку отправленія своего проэкта общаго характера соображенія относительно значенія Казани въ ряду другихъ русскихъ городскихъ центровъ:

„Извѣстно всей просвѣщенной россійской публикѣ, — аргументируется здѣсь,—что губернскій городъ Казань, по столичнымъ городамъ, занимаетъ въ числѣ лучшихъ городовъ первое мѣсто. Она, будучи средоточіемъ торговли сибирскаго края, имѣетъ и то еще важное предъ прочими преимущество, что содержитъ въ себѣ весьма знатныя казенныя заведенія, сверхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ то: адмиралтейскую контору, коммиссаріатское и провіантское депо, пороховой заводъ и продажу, удѣльную экспедицію, университетъ и гимназію, духовную академію и консисторію и пр. Все сіе, присовокупя къ тому и многолюдство города, населеннаго великимъ множествомъ купечества, дворянства и другихъ разныхъ классовъ жителями, неминуемо должно поставить отношенія обывателей Казани совершенно почти въ такомъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ самыхъ столичныхъ городахъ. А какъ въ сихъ мѣстахъ,—заключаетъ авторъ проекта,—для свободнѣйшаго сообщенія извѣстій о взаимныхъ нуждахъ жителей попечительное правительство благоволило ввести въ употребленіе повременное издаваніе вѣдомостей, слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что бы и Казань не имѣла нужды въ подобныхъ же вѣдомостяхъ, подъ какимъ названіемъ ни были бы они издаваемы“.

Подкрѣпивъ это заключеніе ссылкою на то, что онъ „не находилъ ни въ публикѣ, ни въ частныхъ собраніяхъ ни одного изъ обывателей города, кто бы не почувствовалъ удовольствія нѣкотораго рода“ отъ его

передъ тѣмъ только выдвинули впередъ и вопросъ объ учрежденіи при университетѣ общества любителей отечественной словесности.

Документальная сторона исторіи возникновенія „Казанскихъ Извѣстій“ открывается краткимъ донесеніемъ Яковкина попечителю, включеннымъ въ письмѣ директора къ своему принципалу отъ 20-го октября 1808 года:

„Для доставленія всегдашняго дѣла типографіи россійской (которая какъ разъ заводилась въ то время при университетѣ),—читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—представилъ мнѣ г. Запольскій проектъ издаванія вѣдомостей, подъ именемъ Казанскихъ еженедѣльныхъ извѣстій. Списокъ онаго проекта имѣю честь при семъ представить вашему превосходительству на благоусмотрѣніе и начальственное утвержденіе, ежели благоугодно будетъ“.

До насъ дошелъ и подлинный проэктъ изданія „Казанскихъ Извѣстій“, сообщенный Запольскимъ профессору-директору, а этимъ послѣднимъ препровожденный попечителю. Запольскій принимаетъ за исходную точку отправленія своего проэкта общаго характера соображенія относительно значенія Казани въ ряду другихъ русскихъ городскихъ центровъ:

„Извѣстно всей просвѣщенной россійской публикѣ, — аргументируется здѣсь,—что губернскій городъ Казань, по столичнымъ городамъ, занимаетъ въ числѣ лучшихъ городовъ первое мѣсто. Она, будучи средоточіемъ торговли сибирскаго края, имѣетъ и то еще важное предъ прочими преимущество, что содержитъ въ себѣ весьма знатныя казенныя заведенія, сверхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ то: адмиралтейскую контору, коммиссаріатское и провіантское депо, пороховой заводъ и продажу, удѣльную экспедицію, университетъ и гимназію, духовную академію и консисторію и пр. Все сіе, присовокупя къ тому и многолюдство города, населеннаго великимъ множествомъ купечества, дворянства и другихъ разныхъ классовъ жителями, неминуемо должно поставить отношенія обывателей Казани совершенно почти въ такомъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ самыхъ столичныхъ городахъ. А какъ въ сихъ мѣстахъ,—заключаетъ авторъ проекта,—для свободнѣйшаго сообщенія извѣстій о взаимныхъ нуждахъ жителей попечительное правительство благоволило ввести въ употребленіе повременное издаваніе вѣдомостей, слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что бы и Казань не имѣла нужды въ подобныхъ же вѣдомостяхъ, подъ какимъ названіемъ ни были бы они издаваемы“.

Подкрѣпивъ это заключеніе ссылкою на то, что онъ „не находилъ ни въ публикѣ, ни въ частныхъ собраніяхъ ни одного изъ обывателей города, кто бы не почувствовалъ удовольствія нѣкотораго рода“ отъ его

идеи, Запольскій развиваетъ свой проэктъ подробнымъ исчисленіемъ тѣхъ установленій, классовъ населенія, отдѣльныхъ лицъ и отношеній (казенныя учрежденія, дворянство, купечество, торговцы, промышленники, спросъ и предложеніе различнаго рода сдѣлокъ и услугъ), интересамъ которыхъ въ состояніи будетъ отвѣчать задуманное изданіе. Авторъ проэкта боится, повидимому, заводить и рѣчь о политико-общественномъ характерѣ своихъ „Извѣстій" и единственно въ видахъ того, что бы сообщить изданію „привлекательность", предлагаетъ помѣщать въ немъ „свѣдѣнія о перемѣнахъ термометра, барометра и о прочихъ метеорологическихъ явленіяхъ", а также пополнять ихъ „сочиненьицами, привлекающими любопытство, какъ то: загадками, логогрифами, эпиграммами, эпитафіями, басенками и пр. и пр.". Изложивъ рядъ дальнѣйшихъ соображеній относительно возможной организаціи этого дѣла, касаться которыхъ мы не станемъ, и вычисливъ даже коммерческую его сторону, которая приводитъ Запольскаго къ увѣренности, что при количествѣ пятисотъ „пренумерантовъ", т. е. подписчиковъ, платящихъ по 2 рубля подписной платы за годъ, предпріятіе въ состояніи будетъ приносить до одной тысячи рублей чистаго годового дохода, авторъ проэкта заканчиваетъ свою записку предположеніями относительно организаціи самой администраціи дѣла изданія: подъ высшимъ вѣдѣніемъ университета, она должна быть ввѣрена особому отвѣтственному „смотрителю" (редактору), котораго, взамѣнъ опредѣленнаго жалованья, слѣдуетъ сдѣлать участникомъ въ прибыляхъ предпріятія. Все дѣло рекомендуется организовать, вообще, какъ съ точки зрѣнія его постановки, такъ и со стороны внѣшняго формата и вида изданія, по образцу вѣдомостей, издаваемыхъ московскимъ университетомъ.

Письмо Яковкина и приложенный къ нему проэктъ Запольскаго возбудили въ попечителѣ нѣкоторыя недоумѣнія, которыми онъ и не замедлилъ подѣлиться съ профессоромъ-директоромъ въ письмѣ къ нему отъ 5-го ноября. Прежде всего поставила Румовскаго въ затрудненіе „обширность" (!) сообщеннаго ему плана изданія, а затѣмъ и то неудовольствіе, которое можетъ вызвать его осуществленіе со стороны учрежденій, монополизировавшихъ за собою предпріятія подобнаго рода: „Планъ, сообщенный вами, извѣстій казанскихъ—толь обширенъ, что, при настоящемъ вещей положеніи, въ дѣйствіе произвести способа не вижу,—писалъ попечитель.—Сверхъ сего, извѣстія сіи, когда правительство оныхъ не требуетъ, могутъ навлечь университету неудовольствіе: прочтите въ регламентѣ академіи статью 115-ую—и увидите, что академія можетъ протестовать противъ университета". Взамѣнъ проэкта Запольскаго, Румовскій

идеи, Запольскій развиваетъ свой проэктъ подробнымъ исчисленіемъ тѣхъ установленій, классовъ населенія, отдѣльныхъ лицъ и отношеній (казенныя учрежденія, дворянство, купечество, торговцы, промышленники, спросъ и предложеніе различнаго рода сдѣлокъ и услугъ), интересамъ которыхъ въ состояніи будетъ отвѣчать задуманное изданіе. Авторъ проэкта боится, повидимому, заводить и рѣчь о политико-общественномъ характерѣ своихъ „Извѣстій“ и единственно въ видахъ того, что бы сообщить изданію „привлекательность“, предлагаетъ помѣщать въ немъ „свѣдѣнія о перемѣнахъ термометра, барометра и о прочихъ метеорологическихъ явленіяхъ“, а также пополнять ихъ „сочиненьицами, привлекающими любопытство, какъ то: загадками, логогрифами, эпиграммами, эпитафіями, басенками и пр. и пр.“. Изложивъ рядъ дальнѣйшихъ соображеній относительно возможной организаціи этого дѣла, касаться которыхъ мы не станемъ, и вычисливъ даже коммерческую его сторону, которая приводитъ Запольскаго къ увѣренности, что при количествѣ пятисотъ „пренумерантовъ“, т. е. подписчиковъ, платящихъ по 2 рубля подписной платы за годъ, предпріятіе въ состояніи будетъ приносить до одной тысячи рублей чистаго годового дохода, авторъ проэкта заканчиваетъ свою записку предположеніями относительно организаціи самой администраціи дѣла изданія: подъ высшимъ вѣдѣніемъ университета, она должна быть ввѣрена особому отвѣтственному „смотрителю“ (редактору), котораго, взамѣнъ опредѣленнаго жалованья, слѣдуетъ сдѣлать участникомъ въ прибыляхъ предпріятія. Все дѣло рекомендуется организовать, вообще, какъ съ точки зрѣнія его постановки, такъ и со стороны внѣшняго формата и вида изданія, по образцу вѣдомостей, издаваемыхъ московскимъ университетомъ.

Письмо Яковкина и приложенный къ нему проэктъ Запольскаго возбудили въ попечителѣ нѣкоторыя недоумѣнія, которыми онъ и не замедлилъ подѣлиться съ профессоромъ-директоромъ въ письмѣ къ нему отъ 5-го ноября. Прежде всего поставила Румовскаго въ затрудненіе „обширность“ (!) сообщеннаго ему плана изданія, а затѣмъ и то неудовольствіе, которое можетъ вызвать его осуществленіе со стороны учрежденій, монополизировавшихъ за собою предпріятія подобнаго рода: „Планъ, сообщенный вами, извѣстій казанскихъ—толь обширенъ, что, при настоящемъ вещей положеніи, въ дѣйствіе произвести способа не вижу,—писалъ попечитель.—Сверхъ сего, извѣстія сіи, когда правительство оныхъ не требуетъ, могутъ навлечь университету неудовольствіе: прочтите въ регламентѣ академіи статью 115-ую—и увидите, что академія можетъ протестовать противъ университета“. Взамѣнъ проэкта Запольскаго, Румовскій

излагаетъ свой собственный планъ изданія, которое могло бы быть предпринято университетомъ:

„Въ § 11-омъ утвердительной грамоты университета,—пишетъ попечитель,—сказано: въ типографіи печатается все, что, по мнѣнію совѣта, служитъ къ распространенію знаній въ его округѣ. Почему совѣтовалъ бы я начать изданіемъ какихъ нибудь извѣстій до наукъ касающихся,—такъ, напримѣръ, сочиненіями, въ собраніи россійской словесности одобренными; тутъ можно помѣщать извѣстія о количествѣ прибывающей весною воды, метеорологическія въ Казани наблюденія и, перечнемъ, присылаемыя изъ другихъ гимназій и училищъ наблюденія, во всѣхъ училищахъ при открытіи и при испытаніяхъ въ самой казанской гимназіи говоренныя рѣчи, кои тисненія будутъ достойны. На сей конецъ я бъ приказалъ сообщать вамъ всѣмъ училищамъ говоренныя рѣчи. Наконецъ, полезно бъ было для университета помѣщать, сколько въ каждомъ училищѣ въ теченіи года учениковъ обучалось и сколько ихъ выбыло. На первый случай довольно бъ было, чтобъ ежегодно одна или двѣ подобныя книжки были издаваемы и не болѣе 10-ти или 12-ти листовъ составляли; въ нихъ можно помѣщать и маленькія сочиненія, загадки, эпитафіи, басенки и тому подобное.

Предложите мысли мои на разсужденіе совѣта. Можетъ быть, что г.г. профессоры не отрекутся временемъ сообщать что нибудь до наукъ касающееся: такъ, напримѣръ, испытаніе водъ, въ Казани употребляемыхъ, колодезной воды, описаніе встрѣчающихся въ Казани древностей и пр. и пр., для прославленія имени своего не въ одной Казани“.

Еще категоричнѣе высказываетъ Румовскій свой взглядъ на дѣло въ двухъ послѣдующихъ письмахъ: „Извѣстія, о которыхъ въ планѣ ко мнѣ присланномъ писано—суть не учебныя; московскій университетъ, прежде пожалованныхъ академіи преимуществъ, издавалъ политическія вѣдомости,—то безъ нарушенія справедливости можно запретить нынѣ казанскому университету, который, какъ и прочіе, въ правѣ издавать только то, что служитъ къ просвѣщенію“ (письмо отъ 17-го декабря); „періодическое сочиненіе, по моему мнѣнію, должно содержать въ себѣ всѣ происшествія, вниманія достойныя, или, короче сказать—исторію университета“ (письмо отъ 14-го января 1809 года).

Исполняя предписаніе принципала, Яковкинъ внесъ его предложеніе на благоусмотрѣніе совѣта, который, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, всецѣло его одобрилъ; тутъ же заявлены были и желанія (въ томъ числѣ Запольскаго) участвовать въ университетскомъ ученомъ изданіи,—но, дальше разсужденій о немъ въ совѣтѣ, дѣло не двинулось [140].

излагаетъ свой собственный планъ изданія, которое могло бы быть предпринято университетомъ:

„Въ § 11-омъ утвердительной грамоты университета,—пишетъ попечитель,—сказано: въ типографіи печатается все, что, по мнѣнію совѣта, служитъ къ распространенію знаній въ его округѣ. Почему совѣтовалъ бы я начать изданіемъ какихъ нибудь извѣстій до наукъ касающихся,—такъ, напримѣръ, сочиненіями, въ собраніи россійской словесности одобренными; тутъ можно помѣщать извѣстія о количествѣ прибывающей весною воды, метеорологическія въ Казани наблюденія и, перечнемъ, присылаемыя изъ другихъ гимназій и училищъ наблюденія, во всѣхъ училищахъ при открытіи и при испытаніяхъ въ самой казанской гимназіи говоренныя рѣчи, кои тисненія будутъ достойны. На сей конецъ я бъ приказалъ сообщать вамъ всѣмъ училищамъ говоренныя рѣчи. Наконецъ, полезно бъ было для университета помѣщать, сколько въ каждомъ училищѣ въ теченіи года учениковъ обучалось и сколько ихъ выбыло. На первый случай довольно бъ было, чтобъ ежегодно одна или двѣ подобныя книжки были издаваемы и не болѣе 10-ти или 12-ти листовъ составляли; въ нихъ можно помѣщать и маленькія сочиненія, загадки, эпитафіи, басенки и тому подобное.

Предложите мысли мои на разсужденіе совѣта. Можетъ быть, что г.г. профессоры не отрекутся временемъ сообщать что нибудь до наукъ касающееся: такъ, напримѣръ, испытаніе водъ, въ Казани употребляемыхъ, колодезной воды, описаніе встрѣчающихся въ Казани древностей и пр. и пр., для прославленія имени своего не въ одной Казани“.

Еще категоричнѣе высказываетъ Румовскій свой взглядъ на дѣло въ двухъ послѣдующихъ письмахъ: „Извѣстія, о которыхъ въ планѣ ко мнѣ присланномъ писано—суть не учебныя; московскій университетъ, прежде пожалованныхъ академіи преимуществъ, издавалъ политическія вѣдомости,—то безъ нарушенія справедливости можно запретить нынѣ казанскому университету, который, какъ и прочіе, въ правѣ издавать только то, что служитъ къ просвѣщенію“ (письмо отъ 17-го декабря); „періодическое сочиненіе, по моему мнѣнію, должно содержать въ себѣ всѣ происшествія, вниманія достойныя, или, короче сказать—исторію университета“ (письмо отъ 14-го января 1809 года).

Исполняя предписаніе принципала, Яковкинъ внесъ его предложеніе на благоусмотрѣніе совѣта, который, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, всецѣло его одобрилъ; тутъ же заявлены были и желанія (въ томъ числѣ Запольскаго) участвовать въ университетскомъ ученомъ изданіи,—но, дальше разсужденій о немъ въ совѣтѣ, дѣло не двинулось [140].

Уклончивый отвѣтъ попечителя не остановилъ Запольскаго въ предпринятомъ имъ рѣшеніи. Ясно понявъ, что на университетской почвѣ проэкту его ждать осуществленія—мудрено, онъ рѣшился обратиться съ нимъ къ казанскому гражданскому губернатору Б. А. Мансурову, со стороны котораго и встрѣтилъ вполнѣ сочувственное отношеніе къ дѣлу, причемъ послѣднее получило теперь еще новое направленіе: изданіе извѣстій намѣчалось уже на двухъ языкахъ—русскомъ и татарскомъ. Еще до того Запольскій вошелъ въ сотоварищество съ уже извѣстнымъ намъ мѣстнымъ писателемъ и помѣщикомъ Д. Н. Зиновьевымъ, который, въ интересахъ предстоявшаго изданія, согласился взять въ арендное содержаніе типографію губернскаго правленія, гдѣ, въ виду новаго оборота дѣла, журналу предстояло печататься. Губернаторъ не замедлилъ представить проэктъ Запольскаго министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ и данъ дѣлу дальнѣйшій ходъ, о чемъ Румовскому сдѣлалось извѣстнымъ уже въ началѣ 1809 года, такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ сносился по этому поводу съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилась въ то время цензура: „Планъ еженедѣльныхъ сочиненій,—писалъ Румовскій Яковкину отъ 4-го февраля,—отъ г. гражданскаго губернатора представленъ министру внутреннихъ дѣлъ тотъ самый, который г. Запольскій вамъ представлялъ. Печатаніе извѣстій пріемлетъ на себя губернское правленіе, подъ надзираніемъ г. Запольскаго и еще какого то отставного капитана (рѣчь идетъ о Зиновьевѣ), не только на русскомъ, но и на татарскомъ языкѣ. Время покажетъ, съ какою трудностью дѣло сіе сопряжено“.

Намъ удалось отыскать въ архивѣ университета любопытные документы, освѣщающіе исторію возникновенія „Казанскихъ Извѣстій“ въ той фазѣ ея, когда все дѣло это перешло въ руки вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. Значительный интересъ имѣетъ, прежде всего, представленіе отъ 22-го декабря 1808 года (№ 8348), съ которымъ казанскій губернаторъ Мансуровъ входилъ по этому поводу къ министру внутреннихъ дѣлъ:

„Собственныя примѣчанія и опытъ время отъ времени показали мнѣ,—заявляетъ здѣсь губернаторъ, очевидно лишь перефразируя уже извѣстные намъ доводы Запольскаго,—что губернскій городъ Казань затрудняется въ способахъ доставлять своимъ обывателямъ взаимныя извѣстія о разныхъ частныхъ ихъ нуждахъ. Почему и не удивительно, что въ Казани сдѣлалось почти необходимымъ какъ бы нѣкоторое званіе промышленниковъ, которыхъ единственное упражненіе состоитъ

Уклончивый отвѣтъ попечителя не остановилъ Запольскаго въ предпринятомъ имъ рѣшеніи. Ясно понявъ, что на университетской почвѣ проэкту его ждать осуществленія—мудрено, онъ рѣшился обратиться съ нимъ къ казанскому гражданскому губернатору Б. А. Мансурову, со стороны котораго и встрѣтилъ вполнѣ сочувственное отношеніе къ дѣлу, причемъ послѣднее получило теперь еще новое направленіе: изданіе извѣстій намѣчалось уже на двухъ языкахъ—русскомъ и татарскомъ. Еще до того Запольскій вошелъ въ сотоварищество съ уже извѣстнымъ намъ мѣстнымъ писателемъ и помѣщикомъ Д. Н. Зиновьевымъ, который, въ интересахъ предстоявшаго изданія, согласился взять въ арендное содержаніе типографію губернскаго правленія, гдѣ, въ виду новаго оборота дѣла, журналу предстояло печататься. Губернаторъ не замедлилъ представить проэктъ Запольскаго министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ и данъ дѣлу дальнѣйшій ходъ, о чемъ Румовскому сдѣлалось извѣстнымъ уже въ началѣ 1809 года, такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ сносился по этому поводу съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилась въ то время цензура: „Планъ еженедѣльныхъ сочиненій,—писалъ Румовскій Яковкину отъ 4-го февраля,—отъ г. гражданскаго губернатора представленъ министру внутреннихъ дѣлъ тотъ самый, который г. Запольскій вамъ представлялъ. Печатаніе извѣстій пріемлетъ на себя губернское правленіе, подъ надзираніемъ г. Запольскаго и еще какого то отставного капитана (рѣчь идетъ о Зиновьевѣ), не только на русскомъ, но и на татарскомъ языкѣ. Время покажетъ, съ какою трудностью дѣло сіе сопряжено“.

Намъ удалось отыскать въ архивѣ университета любопытные документы, освѣщающіе исторію возникновенія „Казанскихъ Извѣстій“ въ той фазѣ ея, когда все дѣло это перешло въ руки вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. Значительный интересъ имѣетъ, прежде всего, представленіе отъ 22-го декабря 1808 года (№ 8348), съ которымъ казанскій губернаторъ Мансуровъ входилъ по этому поводу къ министру внутреннихъ дѣлъ:

„Собственныя примѣчанія и опытъ время отъ времени показали мнѣ,—заявляетъ здѣсь губернаторъ, очевидно лишь перефразируя уже извѣстные намъ доводы Запольскаго,—что губернскій городъ Казань затрудняется въ способахъ доставлять своимъ обывателямъ взаимныя извѣстія о разныхъ частныхъ ихъ нуждахъ. Почему и не удивительно, что въ Казани сдѣлалось почти необходимымъ какъ бы нѣкоторое званіе промышленниковъ, которыхъ единственное упражненіе состоитъ

въ томъ только, что бы служить обществу своимъ посредничествомъ. Но мнимое сіе средство ко взаимному сообщенію извѣстій жителей не только не облегчаетъ круга ихъ дѣйствій, но еще болѣе стѣсняетъ ихъ, когда они принуждены бываютъ платить своимъ посредникамъ какъ бы нѣкоторый налогъ, за всякую, напримѣръ, покупку и продажу отъ 5-ти и даже до 10-ти процентовъ съ рубля. Принимая сіе обстоятельство во уваженіе и соображая съ онымъ многолюдство города, великое стеченіе сибирскаго торгующаго по рѣкѣ Волгѣ купечества, не малое число разныхъ казенныхъ мѣстъ и заведеній (слѣдуетъ ихъ перечисленіе),—я признаю не только полезнымъ, но и необходимымъ издаваніе здѣсь, въ Казани, при губернской типографіи, публичныхъ еженедѣльныхъ извѣстій, подъ именемъ казанскихъ, не останавливая тѣмъ ни мало текущихъ дѣлъ по губернскому правленію. Сіи извѣстія, не касаясь ни мало политическихъ происшествій, но заключая только свѣдѣнія о взаимныхъ нуждахъ жителей города и казенныхъ здѣшнихъ мѣстъ, о чемъ не можетъ быть сообщено въ вѣдомостяхъ столицъ, могли бы, по моему мнѣнію, быть полезны не только одному здѣшнему городу съ его уѣздами, но даже и другимъ сосѣдственнымъ губерніямъ, а особливо сибирскимъ, и, притомъ, не только подданнымъ россійскимъ, но и народамъ азіятскаго поколѣнія, когда бы извѣстія печатаны были и на татарскомъ языкѣ. Къ сему присовокуплю еще и ту выгоду, что типографія губернская въ скоромъ времени могла бы прійти въ состояніе пріобрѣтать такой доходъ, который бы современемъ достаточенъ былъ для содержанія и ея въ лучшемъ видѣ.

При казанскомъ университетѣ состоитъ уже цензурный комитетъ, котораго обязанность есть просматривать все, что въ округѣ его можетъ быть печатаемо. Посему, дабы дать казанскимъ извѣстіямъ болѣе привлекательности, могутъ, между прочимъ, въ видѣ статей или прибавленій помѣщаемы быть въ нихъ и разныя мелкія, до словесности относящіяся, сочиненія, по выбору того, кому порученъ будетъ надзоръ за изданіемъ извѣстій.

Наконецъ, предавая при семъ на благоусмотрѣніе вашего сіятельства особо и самое начертаніе казанскихъ извѣстій, я имѣю при томъ честь донести, что, какъ намѣреніе мое согласно съ желаніемъ здѣшняго общества, такъ и для распоряженія сею, ежели могу назвать—эспедиціею извѣстій, находятся и способные люди, которые, подъ главнымъ моимъ наблюденіемъ, принимаютъ оное на себя, а именно—одинъ изъ членовъ здѣшняго университета (т. е. Запольскій), который, вмѣстѣ, и членъ цензурнаго комитета, а другой—отставной поручикъ Зиновьевъ".

Отнесясь вполнѣ благосклонно къ представленію казанскаго губернатора, министръ внутреннихъ дѣлъ князь А. Б. Куракинъ счелъ, тѣъ не

въ томъ только, что бы служить обществу своимъ посредничествомъ. Но мнимое сіе средство ко взаимному сообщенію извѣстій жителей не только не облегчаетъ круга ихъ дѣйствій, но еще болѣе стѣсняетъ ихъ, когда они принуждены бываютъ платить своимъ посредникамъ какъ бы нѣкоторый налогъ, за всякую, напримѣръ, покупку и продажу отъ 5-ти и даже до 10-ти процентовъ съ рубля. Принимая сіе обстоятельство во уваженіе и соображая съ онымъ многолюдство города, великое стеченіе сибирскаго торгующаго по рѣкѣ Волгѣ купечества, не малое число разныхъ казенныхъ мѣстъ и заведеній (слѣдуетъ ихъ перечисленіе),—я признаю не только полезнымъ, но и необходимымъ издаваніе здѣсь, въ Казани, при губернской типографіи, публичныхъ еженедѣльныхъ извѣстій, подъ именемъ казанскихъ, не останавливая тѣмъ ни мало текущихъ дѣлъ по губернскому правленію. Сіи извѣстія, не касаясь ни мало политическихъ происшествій, но заключая только свѣдѣнія о взаимныхъ нуждахъ жителей города и казенныхъ здѣшнихъ мѣстъ, о чемъ не можетъ быть сообщено въ вѣдомостяхъ столицъ, могли бы, по моему мнѣнію, быть полезны не только одному здѣшнему городу съ его уѣздами, но даже и другимъ сосѣдственнымъ губерніямъ, а особливо сибирскимъ, и, притомъ, не только подданнымъ россійскимъ, но и народамъ азіятскаго поколѣнія, когда бы извѣстія печатаны были и на татарскомъ языкѣ. Къ сему присовокуплю еще и ту выгоду, что типографія губернская въ скоромъ времени могла бы прійти въ состояніе пріобрѣтать такой доходъ, который бы современемъ достаточенъ былъ для содержанія и ея въ лучшемъ видѣ.

При казанскомъ университетѣ состоитъ уже цензурный комитетъ, котораго обязанность есть просматривать все, что въ округѣ его можетъ быть печатаемо. Посему, дабы дать казанскимъ извѣстіямъ болѣе привлекательности, могутъ, между прочимъ, въ видѣ статей или прибавленій помѣщаемы быть въ нихъ и разныя мелкія, до словесности относящіяся, сочиненія, по выбору того, кому порученъ будетъ надзоръ за изданіемъ извѣстій.

Наконецъ, предавая при семъ на благоусмотрѣніе вашего сіятельства особо и самое начертаніе казанскихъ извѣстій, я имѣю при томъ честь донести, что, какъ намѣреніе мое согласно съ желаніемъ здѣшняго общества, такъ и для распоряженія сею, ежели могу назвать—эспедиціею извѣстій, находятся и способные люди, которые, подъ главнымъ моимъ наблюденіемъ, принимаютъ оное на себя, а именно—одинъ изъ членовъ здѣшняго университета (т. е. Запольскій), который, вмѣстѣ, и членъ цензурнаго комитета, а другой—отставной поручикъ Зиновьевъ".

Отнесясь вполнѣ благосклонно къ представленію казанскаго губернатора, министръ внутреннихъ дѣлъ князь А. Б. Куракинъ счелъ, тѣмъ не

менѣе, необходимымъ представить вопросъ объ изданіи въ Казани извѣстій, „для соображенія“, министру народнаго просвѣщенія, который, въ свою очередь, сносился по этому поводу съ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, взглядъ котораго на проэктъ адъюнкта Запольскаго намъ уже извѣстенъ. Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ, что графъ Разумовскій, сообщивъ министру внутреннихъ дѣлъ (въ отношеніи отъ 6-го февраля 1809 г., за № 94-мъ), что, по его мнѣнію, изданіе при казанскомъ губернскомъ правленіи „публичныхъ еженедѣльныхъ извѣстій по плану, господиномъ губернаторомъ представленному—и позволительно и полезно для тамошнихъ жителей“, сопровождаетъ свое заключеніе двумя оговорками, несомнѣнно навѣянными Румовскимъ. Во первыхъ, министръ народнаго просвѣщенія протестуетъ противъ допущенія въ извѣстія „статей, касающихся до словесности“, которыя „по всѣмъ отношеніямъ успѣшнѣе могутъ быть издаваемы при основывающемся (sic) университетѣ и печатаемы въ его типографіи, какъ скоро оная устроена будетъ въ полномъ видѣ“. Во вторыхъ протестуетъ графъ Разумовскій и противъ привлеченія къ дѣлу изданія извѣстій „университетскаго чиновника“, т. е. иниціатора всего этого дѣла, адъюнкта Запольскаго, въ виду того, что „чиновникъ, г. губернаторомъ для сего избранный, обремененъ будучи дѣлами по университету, не можетъ быть на то употребленъ“. Что касается, наконецъ, печатанія извѣстій и на татарскомъ языкѣ, то, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, „предположеніе сіе нельзя привести въ дѣйствіе потому, что азіатская типографія, при казанскомъ университетѣ состоящая, имѣетъ литеръ только на три листа, да и тѣ, по большей части, уже стары“.

Князь Куракинъ не замедлилъ сообщить этотъ отзывъ казанскому губернатору, прося его представить свои соображенія—„могутъ ли издаваться при губернской типографіи съ пользою помянутыя извѣстія, послѣ изъясненныхъ исключеній, и не встрѣтится ли затрудненіе въ изданіи оныхъ, когда не будетъ въ томъ участвовать, по прежнему предположенію, одинъ изъ чиновниковъ университета?“

Разсказанный нами оборотъ дѣла не только ограничивалъ программу проэктированныхъ извѣстій, но и совершенно отстранялъ отъ участія въ немъ главнаго виновника всего этого дѣла—адъюнкта Запольскаго. Отзывъ министра народнаго просвѣщенія и основанный на немъ запросъ князя Куракина не смутили, тѣмъ не менѣе, ни Мансурова, ни Зиновьева, и казанскій губернаторъ далъ 27-го апрѣля своему министру отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что „отклоненіе университетскаго чиновника, равно и исключеніе

менѣе, необходимымъ представить вопросъ объ изданіи въ Казани извѣстій, „для соображенія", министру народнаго просвѣщенія, который, въ свою очередь, сносился по этому поводу съ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, взглядъ котораго на проэктъ адъюнкта Запольскаго намъ уже извѣстенъ. Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ, что графъ Разумовскій, сообщивъ министру внутреннихъ дѣлъ (въ отношеніи отъ 6-го февраля 1809 г., за № 94-мъ), что, по его мнѣнію, изданіе при казанскомъ губернскомъ правленіи „публичныхъ еженедѣльныхъ извѣстій по плану, господиномъ губернаторомъ представленному—и позволительно и полезно для тамошнихъ жителей", сопровождаетъ свое заключеніе двумя оговорками, несомнѣнно навѣянными Румовскимъ. Во первыхъ, министръ народнаго просвѣщенія протестуетъ противъ допущенія въ извѣстія „статей, касающихся до словесности", которыя „по всѣмъ отношеніямъ успѣшнѣе могутъ быть издаваемы при основывающемся (sic) университетѣ и печатаемы въ его типографіи, какъ скоро оная устроена будетъ въ полномъ видѣ". Во вторыхъ протестуетъ графъ Разумовскій и противъ привлеченія къ дѣлу изданія извѣстій „университетскаго чиновника", т. е. инициатора всего этого дѣла, адъюнкта Запольскаго, въ виду того, что „чиновникъ, г. губернаторомъ для сего избранный, обремененъ будучи дѣлами по университету, не можетъ быть на то употребленъ". Что касается, наконецъ, печатанія извѣстій и на татарскомъ языкѣ, то, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, „предположеніе сіе нельзя привести въ дѣйствіе потому, что азіатская типографія, при казанскомъ университетѣ состоящая, имѣетъ литеръ только на три листа, да и тѣ, по большей части, уже стары".

Князь Куракинъ не замедлилъ сообщить этотъ отзывъ казанскому губернатору, прося его представить свои соображенія—„могутъ ли издаваться при губернской типографіи съ пользою помянутыя извѣстія, послѣ изъясненныхъ исключеній, и не встрѣтится ли затрудненіе въ изданіи оныхъ, когда не будетъ въ томъ участвовать, по прежнему предположенію, одинъ изъ чиновниковъ университета?"

Разсказанный нами оборотъ дѣла не только ограничивалъ программу проэктированныхъ извѣстій, но и совершенно отстранялъ отъ участія въ немъ главнаго виновника всего этого дѣла—адъюнкта Запольскаго. Отзывъ министра народнаго просвѣщенія и основанный на немъ запросъ князя Куракина не смутили, тѣмъ не менѣе, ни Мансурова, ни Зиновьева, и казанскій губернаторъ далъ 27-го апрѣля своему министру отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что „отклоненіе университетскаго чиновника, равно и исключеніе

статей словесности, яко не входящихъ въ сущность извѣстій, ни мало не затрудняетъ изданія оныхъ", тѣмъ болѣе, что въ штатъ губернскаго правленія опредѣляется чиновникъ, обучавшійся въ московскомъ университетѣ и „по части ученой службу продолжавшій", которымъ онъ, губернаторъ, можетъ располагать еще съ бо́льшимъ удобствомъ, нежели чиновникомъ университетскимъ, и котораго онъ признаетъ „къ выполненію по сему предмету (т. е. по изданію извѣстій) совершенно способнымъ". Что же касается затрудненія, представляемаго отсутствіемъ въ типографіи азіятскихъ шрифтовъ, то и это препятствіе Мансуровъ не считаетъ существеннымъ, такъ какъ, „убѣждаясь мѣстными опытами (?) и многократно доходившими азіятскаго поколѣнія народа желательными отзывами"—онъ принимаетъ пріобрѣтеніе этихъ шрифтовъ на свой собственный счетъ, съ тѣмъ, что бы этотъ расходъ былъ ему впослѣдствіе возмѣщенъ изъ доходовъ съ предположеннаго изданія; задача печатанія извѣстій на татарскомъ языкѣ облегчается и тѣмъ, что въ службѣ губернскаго правленія имѣется знающій свое дѣло переводчикъ татарскаго языка.

Таковъ былъ отзывъ неунывающаго казанскаго губернатора. Если попечитель Румовскій представлялся намъ уже слишкомъ осторожнымъ въ затѣянномъ Запольскимъ вопросѣ, то губернаторъ Мансуровъ отнесся къ нему, пожалуй, съ слишкомъ легкимъ сердцемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не почелъ удобнымъ собственною властью разрѣшить ходатайство казанскаго губернатора и счелъ за лучшее внести его на заключеніе комитета министровъ, въ которомъ дѣло объ изданіи при губернскомъ правленіи „Казанскихъ Извѣстій", и даже на двухъ языкахъ, и слушалось 26-го мая 1809 года, получивъ благопріятное разрѣшеніе, причемъ въ журналъ засѣданія занесено, что „комитетъ, разрѣшивъ сіе, примѣтилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ могъ и самъ то разрѣшить, не внося въ комитетъ, тѣмъ паче что, по сношенію его, по принадлежности, съ министромъ просвѣщенія, никакого уже сомнѣнія по сему обстоятельству не оставалось". Состоявшееся по этому вопросу положеніе комитета министровъ удостоилось высочайшаго соизволенія, о чемъ князь Куракинъ и увѣдомилъ казанскаго губернатора слѣдующимъ отношеніемъ отъ 5-го августа:

„По разсмотрѣніи представленія вашего превосходительства о дозволеніи издавать отъ казанской губернской типографіи печатныя извѣстія о взаимныхъ нуждахъ тамошнихъ жителей и казенныхъ мѣстъ, на россійскомъ и азіятскомъ языкахъ—Его Императорское Величество

статей словесности, яко не входящихъ въ сущность извѣстій, ни мало не затрудняетъ изданія оныхъ", тѣмъ болѣе, что въ штатъ губернскаго правленія опредѣляется чиновникъ, обучавшійся въ московскомъ университетѣ и „по части ученой службу продолжавшій", которымъ онъ, губернаторъ, можетъ располагать еще съ бо́льшимъ удобствомъ, нежели чиновникомъ университетскимъ, и котораго онъ признаетъ „къ выполненію по сему предмету (т. е. по изданію извѣстій) совершенно способнымъ". Что же касается затрудненія, представляемаго отсутствіемъ въ типографіи азіятскихъ шрифтовъ, то и это препятствіе Мансуровъ не считаетъ существеннымъ, такъ какъ, „убѣждаясь мѣстными опытами (?) и многократно доходившими азіятскаго поколѣнія народа желательными отзывами"—онъ принимаетъ пріобрѣтеніе этихъ шрифтовъ на свой собственный счетъ, съ тѣмъ, что бы этотъ расходъ былъ ему впослѣдствіе возмѣщенъ изъ доходовъ съ предположеннаго изданія; задача печатанія извѣстій на татарскомъ языкѣ облегчается и тѣмъ, что въ службѣ губернскаго правленія имѣется знающій свое дѣло переводчикъ татарскаго языка.

Таковъ былъ отзывъ неунывающаго казанскаго губернатора. Если попечитель Румовскій представлялся намъ уже слишкомъ осторожнымъ въ затѣянномъ Запольскимъ вопросѣ, то губернаторъ Мансуровъ отнесся къ нему, пожалуй, съ слишкомъ легкимъ сердцемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не почелъ удобнымъ собственною властью разрѣшить ходатайство казанскаго губернатора и счелъ за лучшее внести его на заключеніе комитета министровъ, въ которомъ дѣло объ изданіи при губернскомъ правленіи „Казанскихъ Извѣстій", и даже на двухъ языкахъ, и слушалось 26-го мая 1809 года, получивъ благопріятное разрѣшеніе, причемъ въ журналъ засѣданія занесено, что „комитетъ, разрѣшивъ сіе, примѣтилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ могъ и самъ то разрѣшить, не внося въ комитетъ, тѣмъ паче что, по сношенію его, по принадлежности, съ министромъ просвѣщенія, никакого уже сомнѣнія по сему обстоятельству не оставалось". Состоявшееся по этому вопросу положеніе комитета министровъ удостоилось высочайшаго соизволенія, о чемъ князь Куракинъ и увѣдомилъ казанскаго губернатора слѣдующимъ отношеніемъ отъ 5-го августа:

„По разсмотрѣніи представленія вашего превосходительства о дозволеніи издавать отъ казанской губернской типографіи печатныя извѣстія о взаимныхъ нуждахъ тамошнихъ жителей и казенныхъ мѣстъ, на россійскомъ и язіятскомъ языкахъ—Его Императорское Величество

изъявилъ высочайшую на то волю, о чемъ для надлежащаго исполненія и имѣю честь сообщить".

Предложеніемъ отъ 16-го августа министръ народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, увѣдомилъ о томъ же попечителя казанскаго учебнаго округа. Такъ совершился актъ зарожденія перваго органа казанской повременной прессы *. При этомъ вышло, однако, замѣшательство, которое явилось какъ бы пророческимъ для дальнѣйшей судьбы „Казанскихъ Извѣстій", изданіе которыхъ, какъ мы скоро это увидимъ, уже въ самомъ началѣ отошло отъ губернской администраціи къ университету: въ сообщеніи министра внутреннихъ дѣлъ о воспослѣдовавшемъ по этому дѣлу высочайшемъ утвержденіи мнѣнія комитета министровъ было „по ошибкѣ написано, что бъ издавались вѣдомости сіи при губернской гимназіи, а назначено издавать ихъ при губернской типографіи",—недоразумѣніе, которое было, впрочемъ, слѣдомъ же за тѣмъ выяснено къ полному удовольствію попечителя, поспѣшившаго въ концѣ сентября сообщить Яковкину, что, за выясненіемъ этого недоразумѣнія—„гимназическая типографія не имѣетъ обязанности мѣшаться въ печатаніе извѣстій" [141].

Не смотря на полученное разрѣшеніе, къ изданію „Казанскихъ Извѣстій" не было приступаемо въ теченіи всего слѣдующаго года. Дѣло это представлялось въ Казани совершенно новымъ, которому уже на первыхъ порахъ довелось, по всей вѣроятности, столкнуться съ тѣми „трудностями", которыя предсказывалъ ему попечитель Румовскій. Тѣмъ не менѣе, губернская администрація уже съ начала 1810 года стала предпринимать подготовительныя къ изданію мѣры. Такъ, въ январѣ мѣсяцѣ губернское правленіе постановило, „согласно предложеніямъ его превосходительства о изданіи Казанскихъ Извѣстій, напечатавъ нужное число объявленій, разослать оныя равнымъ всѣмъ здѣшней губерніи присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, въ службѣ находящимся, также въ сосѣдственныя губернскія правленія—при сообщеніяхъ, а подчиненнымъ и городничимъ—при указахъ".

Въ одномъ изъ дѣлъ университетскаго архива нами найденъ экземпляръ этого печатнаго объявленія о предстоящемъ изданіи „Казанскихъ Извѣстій" **, обращеннаго, отъ имени казанской губернской типографіи, ко

* Отмѣтимъ здѣсь существенную неточность, допущенную Н. Н. Буличемъ, высказывающимъ предположеніе, будто «только въ концѣ 1810 года, какъ кажется, Запольскій и Зиновьевъ получили разрѣшеніе издавать свою газету» («Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 626). Изъ приведенныхъ нами документальныхъ данныхъ съ несомнѣнною ясностью устанавливается, что это разрѣшеніе состоялось уже въ началѣ лѣта 1809 года.

** Дѣло канцеляріи совѣта № 48, за 1810 годъ (листъ 9).

изъявилъ высочайшую на то волю, о чемъ для надлежащаго исполненія и имѣю честь сообщить".

Предложеніемъ отъ 16-го августа министръ народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, увѣдомилъ о томъ же попечителя казанскаго учебнаго округа. Такъ совершился актъ зарожденія перваго органа казанской повременной прессы *. При этомъ вышло, однако, замѣшательство, которое явилось какъ бы пророческимъ для дальнѣйшей судьбы „Казанскихъ Извѣстій", изданіе которыхъ, какъ мы скоро это увидимъ, уже въ самомъ началѣ отошло отъ губернской администраціи къ университету: въ сообщеніи министра внутреннихъ дѣлъ о воспослѣдовавшемъ по этому дѣлу высочайшемъ утвержденіи мнѣнія комитета министровъ было „по ошибкѣ написано, что бъ издавались вѣдомости сіи при губернской гимназіи, а назначено издавать ихъ при губернской типографіи",—недоразумѣніе, которое было, впрочемъ, слѣдомъ же за тѣмъ выяснено къ полному удовольствію попечителя, поспѣшившаго въ концѣ сентября сообщить Яковкину, что, за выясненіемъ этого недоразумѣнія—„гимназическая типографія не имѣетъ обязанности мѣшаться въ печатаніе извѣстій" [141].

Не смотря на полученное разрѣшеніе, къ изданію „Казанскихъ Извѣстій" не было приступаемо въ теченіи всего слѣдующаго года. Дѣло это представлялось въ Казани совершенно новымъ, которому уже на первыхъ порахъ довелось, по всей вѣроятности, столкнуться съ тѣми „трудностями", которыя предсказывалъ ему попечитель Румовскій. Тѣмъ не менѣе, губернская администрація уже съ начала 1810 года стала предпринимать подготовительныя къ изданію мѣры. Такъ, въ январѣ мѣсяцѣ губернское правленіе постановило, „согласно предложеніямъ его превосходительства о изданіи Казанскихъ Извѣстій, напечатавъ нужное число объявленій, разослать оныя равнымъ всѣмъ здѣшней губерніи присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, въ службѣ находящимся, также въ сосѣдственныя губернскія правленія—при сообщеніяхъ, а подчиненнымъ и городничимъ—при указахъ".

Въ одномъ изъ дѣлъ университетскаго архива нами найденъ экземпляръ этого печатнаго объявленія о предстоящемъ изданіи „Казанскихъ Извѣстій" **, обращеннаго, отъ имени казанской губернской типографіи, ко

---

* Отмѣтимъ здѣсь существенную неточность, допущенную Н. Н. Буличемъ, высказывающимъ предположеніе, будто «только въ концѣ 1810 года, какъ кажется, Запольскій и Зиновьевъ получили разрѣшеніе издавать свою газету» («Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 626). Изъ приведенныхъ нами документальныхъ данныхъ съ несомнѣнною ясностью устанавливается, что это разрѣшеніе состоялось уже въ началѣ лѣта 1809 года.

** Дѣло канцеляріи совѣта № 48, за 1810 годъ (листъ 9).

„всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, почтенному дворянству, промышленному купечеству, ремесленнымъ гражданамъ и трудолюбивымъ поселянамъ казанской и сосѣдственной губерній: оренбургской, вятской, астраханской, саратовской, симбирской и нижегородской“. Уже это обращеніе указывало на мѣстно-областной характеръ, который предполагалось придать будущему изданію, не ограничивая вліянія его одною казанскою губерніею—идея весьма характерная для перваго органа казанской повременной прессы; но за то въ этомъ объявленіи уже не упоминается о печатаніи его и на татарскомъ языкѣ, что предполагалось вначалѣ и на что получено было даже разрѣшеніе: это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что губернаторъ Мансуровъ не рискнулъ, въ концѣ концовъ, за свой собственный страхъ пріобрѣтать для губернской типографіи восточные шрифты. Согласно уже извѣстному намъ плану адъюнкта Запольскаго, объявленіе весьма подробно исчисляетъ тѣ извѣщенія, какія будутъ приниматься для напечатанія въ „Извѣстіяхъ“, а затѣмъ сообщаетъ и нѣкоторыя болѣе интересныя свѣдѣнія объ изданіи, съ которыми мы и считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей:

„Къ сему присовокупляемы будутъ,—гласитъ § VI-ой объявленія,—такса съѣстныхъ припасовъ, курсъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ, вскрытіе и замерзаніе рѣкъ Волги и Камы, также выступленіе воды въ нихъ во время водополи, число судовъ во весь годъ на пристани казанской бывшихъ, о числѣ родившихся и умершихъ; также помѣщаемы будутъ встрѣчающіяся по губерніямъ физическія происшествія, какъ то: наводненія, сильные дожди, засухи, градъ, урожай и неурожай хлѣба, сильные морозы, жары и пр.

Дабы Казанскія Извѣстія (§ VII-ой) могли доставить кому либо и пріятное и полезное препровожденіе времени, то присоединяемы будутъ разныя статьи, какъ то: касающіяся до общежитія, открытій, равно оказанныя благодѣянія, благородный чей либо поступокъ, новыя какія нибудь экономическія наблюденія и тому подобныя.

Почему господа (примѣчаніе къ двумъ предшествующимъ статьямъ), ревнующіе сему, приглашаются таковыя извѣстія или наблюденія свои доставлять на имя сей типографіи“.

Далѣе приводятся свѣдѣнія о внѣшней постановкѣ дѣла изданія:

„Время начала изданія Извѣстій послѣдуетъ въ семъ же году, какъ скоро достаточное число подписавшихся особъ наберется, и каждую недѣлю по воскресеньямъ выходить будетъ одинъ номеръ; если же умножатся для припечатанія присылаемыя объявленія, то будутъ издаваемы два номера, а именно другой—по четвергамъ. Форматъ же ихъ

„всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, почтенному дворянству, промышленному купечеству, ремесленнымъ гражданамъ и трудолюбивымъ поселянамъ казанской и сосѣдственной губерній: оренбургской, вятской, астраханской, саратовской, симбирской и нижегородской“. Уже это обращеніе указывало на мѣстно-областной характеръ, который предполагалось придать будущему изданію, не ограничивая вліянія его одною казанскою губерніею—идея весьма характерная для перваго органа казанской повременной прессы; но за то въ этомъ объявленіи уже не упоминается о печатаніи его и на татарскомъ языкѣ, что предполагалось вначалѣ и на что получено было даже разрѣшеніе: это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что губернаторъ Мансуровъ не рискнулъ, въ концѣ концовъ, за свой собственный страхъ пріобрѣтать для губернской типографіи восточные шрифты. Согласно уже извѣстному намъ плану адъюнкта Запольскаго, объявленіе весьма подробно исчисляетъ тѣ извѣщенія, какія будутъ приниматься для напечатанія въ „Извѣстіяхъ“, а затѣмъ сообщаетъ и нѣкоторыя болѣе интересныя свѣдѣнія объ изданіи, съ которыми мы и считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей:

„Къ сему присовокупляемы будутъ,—гласитъ § VI-ой объявленія,—такса съѣстныхъ припасовъ, курсъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ, вскрытіе и замерзаніе рѣкъ Волги и Камы, также выступленіе воды въ нихъ во время водополи, число судовъ во весь годъ на пристани казанской бывшихъ, о числѣ родившихся и умершихъ; также помѣщаемы будутъ встрѣчающіяся по губерніямъ физическія происшествія, какъ то: наводненія, сильные дожди, засухи, градъ, урожай и неурожай хлѣба, сильные морозы, жары и пр.

Дабы Казанскія Извѣстія (§ VII-ой) могли доставить кому либо и пріятное и полезное препровожденіе времени, то присоединяемы будутъ разныя статьи, какъ то: касающіяся до общежитія, открытій, равно оказанныя благодѣянія, благородный чей либо поступокъ, новыя какія нибудь экономическія наблюденія и тому подобныя.

Почему господа (примѣчаніе къ двумъ предшествующимъ статьямъ), ревнующіе сему, приглашаются таковыя извѣстія или наблюденія свои доставлять на имя сей типографіи“.

Далѣе приводятся свѣдѣнія о внѣшней постановкѣ дѣла изданія:

„Время начала изданія Извѣстій послѣдуетъ въ семъ же году, какъ скоро достаточное число подписавшихся особъ наберется, и каждую недѣлю по воскресеньямъ выходить будетъ одинъ номеръ; если же умножатся для припечатанія присылаемыя объявленія, то будутъ издаваемы два номера, а именно другой—по четвергамъ. Форматъ же ихъ

предполагается величиною въ среднюю четвертку, на хорошей бумагѣ, и каждый номеръ заключать будетъ два такихъ полулиста.

Подписная цѣна за полученіе оныхъ полагается самая умѣренная: здѣсь, въ Казани—5 рублей, а съ пересылкою въ другія мѣста—7 рублей (съ тѣмъ, что, по дорогому курсу нынѣ серебра, въ дополненіе за пересылку къ пяти рублямъ принимаемы будутъ серебряныя деньги съ существующимъ въ каждое время надлежащимъ промѣномъ). За припечатаніе же въ сихъ Извѣстіяхъ присылаемыхъ объявленій полагается еще умѣреннѣе цѣна, т. е. за припечатаніе одинъ разъ съ печатной строки 10 коп., два раза—15 коп., а три раза—20 коп".

Объявленіе заканчивается слѣдующимъ воззваніемъ къ публикѣ:

„Наконецъ, типографія ласкаетъ себя дальновидною (sic!) надеждою, что публика низовыхъ губерній и казенныя мѣста, примѣтивъ въ изданіи сихъ Извѣстій очевидную выгоду, не замедлятъ умножить собою число ревнителей общей пользы; причемъ типографія ручается и вмѣнитъ себѣ въ обязанность издавать и доставлять извѣстія съ точною и строгою исправностью".

Не взирая на сдѣланное публичное о томъ заявленіе, заправилы дѣла въ теченіи всего 1810 года не приступали къ началу изданія „Казанскихъ Извѣстій"—быть можетъ выжидая того времени, какъ „достаточное число подписавшихся особъ наберется". А подписка на изданіе шла довольно туго, какъ это усматривается уже изъ данныхъ позднѣйшаго времени: такъ, оказывается, что за весь первый (1811-ый) годъ изданія „Извѣстія" имѣли всего 124 подписавшихся на нихъ „пренумерантовъ", въ томъ числѣ 89 казанскихъ и 35 иногороднихъ, тогда какъ Запольскій еще въ своемъ „планѣ" разсчитывалъ, какъ мы видѣли, на пятьсотъ подписчиковъ.

Въ ночь на 20-ое декабря 1810 года умеръ иниціаторъ всего этого дѣла, профессоръ И. П. Запольскій, такъ неожиданно для него отстраненный отъ имъ же созданнаго дѣла изданія первой казанской газеты. Зиновьевъ сдѣлался теперь единственнымъ не только юридическимъ, но и фактическимъ распорядителемъ всего предпріятія. Намъ неизвѣстенъ постепенный ходъ дальнѣйшихъ приготовленій къ изданію „Казанскихъ Извѣстій", заполнившихъ собою весь 1810-ый и первую четверть 1811-го года. Данныя университетскаго архива умалчиваютъ объ нихъ, какъ о дѣлѣ учебному вѣдомству постороннемъ, и матеріалы, касающіеся этого вопроса, могли бы оказаться въ архивѣ казанскаго губернскаго правленія, но можно съ увѣренностью сказать, что они, вмѣстѣ съ самымъ архивомъ этимъ, погибли въ большой пожаръ 1815 года.

предполагается величиною въ среднюю четвертку, на хорошей бумагѣ, и каждый номеръ заключать будетъ два такихъ полулиста.

Подписная цѣна за полученіе оныхъ полагается самая умѣренная: здѣсь, въ Казани—5 рублей, а съ пересылкою въ другія мѣста—7 рублей (съ тѣмъ, что, по дорогому курсу нынѣ серебра, въ дополненіе за пересылку къ пяти рублямъ принимаемы будутъ серебряныя деньги съ существующимъ въ каждое время надлежащимъ промѣномъ). За припечатаніе же въ сихъ Извѣстіяхъ присылаемыхъ объявленій полагается еще умѣреннѣе цѣна, т. е. за припечатаніе одинъ разъ съ печатной строки 10 коп., два раза—15 коп., а три раза—20 коп".

Объявленіе заканчивается слѣдующимъ воззваніемъ къ публикѣ:

„Наконецъ, типографія ласкаетъ себя дальновидною (sic!) надеждою, что публика низовыхъ губерній и казенныя мѣста, примѣтивъ въ изданіи сихъ Извѣстій очевидную выгоду, не замедлятъ умножить собою число ревнителей общей пользы; причемъ типографія ручается и вмѣнитъ себѣ въ обязанность издавать и доставлять извѣстія съ точною и строгою исправностью".

Не взирая на сдѣланное публичное о томъ заявленіе, заправилы дѣла въ теченіи всего 1810 года не приступали къ началу изданія „Казанскихъ Извѣстій"—быть можетъ выжидая того времени, какъ „достаточное число подписавшихся особъ наберется". А подписка на изданіе шла довольно туго, какъ это усматривается уже изъ данныхъ позднѣйшаго времени: такъ, оказывается, что за весь первый (1811-ый) годъ изданія „Извѣстія" имѣли всего 124 подписавшихся на нихъ „пренумерантовъ", въ томъ числѣ 89 казанскихъ и 35 иногороднихъ, тогда какъ Запольскій еще въ своемъ „планѣ" разсчитывалъ, какъ мы видѣли, на пятьсотъ подписчиковъ.

Въ ночь на 20-ое декабря 1810 года умеръ иниціаторъ всего этого дѣла, профессоръ И. П. Запольскій, такъ неожиданно для него отстраненный отъ имъ же созданнаго дѣла изданія первой казанской газеты. Зиновьевъ сдѣлался теперь единственнымъ не только юридическимъ, но и фактическимъ распорядителемъ всего предпріятія. Намъ неизвѣстенъ постепенный ходъ дальнѣйшихъ приготовленій къ изданію „Казанскихъ Извѣстій", заполнившихъ собою весь 1810-ый и первую четверть 1811-го года. Данныя университетскаго архива умалчиваютъ объ нихъ, какъ о дѣлѣ учебному вѣдомству постороннемъ, и матеріалы, касающіеся этого вопроса, могли бы оказаться въ архивѣ казанскаго губернскаго правленія, но можно съ увѣренностью сказать, что они, вмѣстѣ съ самымъ архивомъ этимъ, погибли въ большой пожаръ 1815 года.

Только 19-го апрѣля 1811 года, выходомъ въ свѣтъ перваго номера „Казанскихъ Извѣстій", осуществилась мечта покойнаго Запольскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открылась эра существованія казанской періодической прессы.

Передъ нами лежитъ этотъ „первенецъ" казанской повременной печати, представляющій собою сложенный in 4° (8 страницъ) листъ плотной синеватой бумаги, набранный въ два столбца крупнымъ и четкимъ шрифтомъ, съ несомнѣннымъ стремленіемъ подражать внѣшности „Московскихъ Вѣдомостей" того времени. Въ верхней части первой страницы значится заголовокъ: „Казанскія Извѣстія", подъ которымъ оттиснуто довольно грубое изображеніе „Зилантова змія" (гербъ Казани), съ нумернымъ знакомъ по сторонамъ: „№ 1"; подъ гербомъ дата: „Апрѣля 19-го дня 1811 года". Во главѣ перваго столбца текста набранъ слѣдующій эпиграфъ:

Стихи.

Я дѣло самое въ листахъ сихъ возвѣщаю,
Читателей моихъ не ложью обольщаю.

Изд.

Этотъ эпиграфъ въ послѣдующихъ номерахъ уже не повторялся, остальной же внѣшній обликъ газеты оставался безъ измѣненія.

Не блещетъ лежащій передъ нами первый номеръ „Казанскихъ Извѣстій" ни полнотою, ни разнообразіемъ своего содержанія. Открываясь мѣстнымъ сообщеніемъ о послѣдовавшемъ вскрытіи р. Волги *, онъ продолжается обзоромъ начавшихся съ 10-го апрѣля въ казанскомъ университетѣ „публичныхъ преподаваній для чиновниковъ, обязанныхъ службою", и сообщеніемъ о возвращеніи въ Казань, гдѣ и „располагается окончить послѣдніе дни своей жизни" и издать описаніе своихъ путешествій по востоку, нѣкоего „извѣстнаго своими несчастіями г. надворнаго совѣтника Филиппа Сергѣевича Ефремова". Далѣе, подъ рубрикою „Полезное", сообщается способъ окраски „кровлей и другаго наружнаго строенія безъ масла", смѣняющійся „извѣстіемъ о пріехавшихъ въ Казань и выехавшихъ изъ оной" (орѳографія подлинника); затѣмъ, на протяженіи 4-хъ столбцовъ, идутъ казенныя и частныя объявленія, заканчивается же номеръ таксою на съѣстные припасы („учиненною въ казанской полиціи вообще съ град-

* «Сего апрѣля 14-го числа вскрылась рѣка Волга, бывъ нынѣшнюю зиму покрыта льдомъ съ 29 октября 167 дней».

Только 19-го апрѣля 1811 года, выходомъ въ свѣтъ перваго номера „Казанскихъ Извѣстій“, осуществилась мечта покойнаго Запольскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открылась эра существованія казанской періодической прессы.

Передъ нами лежитъ этотъ „первенецъ“ казанской повременной печати, представляющій собою сложенный in 4° (8 страницъ) листъ плотной синеватой бумаги, набранный въ два столбца крупнымъ и четкимъ шрифтомъ, съ несомнѣннымъ стремленіемъ подражать внѣшности „Московскихъ Вѣдомостей“ того времени. Въ верхней части первой страницы значится заголовокъ: „Казанскія Извѣстія“, подъ которымъ оттиснуто довольно грубое изображеніе „Зилантова змія“ (гербъ Казани), съ нумернымъ знакомъ по сторонамъ: „№ 1“; подъ гербомъ дата: „Апрѣля 19-го дня 1811 года“. Во главѣ перваго столбца текста набранъ слѣдующій эпиграфъ:

Стихи.

Я дѣло самое въ листахъ сихъ возвѣщаю,
Читателей моихъ не ложью обольщаю.

Изд.

Этотъ эпиграфъ въ послѣдующихъ номерахъ уже не повторялся, остальной же внѣшній обликъ газеты оставался безъ измѣненія.

Не блещетъ лежащій передъ нами первый номеръ „Казанскихъ Извѣстій“ ни полнотою, ни разнообразіемъ своего содержанія. Открываясь мѣстнымъ сообщеніемъ о послѣдовавшемъ вскрытіи р. Волги *, онъ продолжается обзоромъ начавшихся съ 10-го апрѣля въ казанскомъ университетѣ „публичныхъ преподаваній для чиновниковъ, обязанныхъ службою“, и сообщеніемъ о возвращеніи въ Казань, гдѣ и „располагается окончить послѣдніе дни своей жизни“ и издать описаніе своихъ путешествій по востоку, нѣкоего „извѣстнаго своими несчастіями г. надворнаго совѣтника Филиппа Сергѣевича Ефремова“. Далѣе, подъ рубрикою „Полезное“, сообщается способъ окраски „кровлей и другаго наружнаго строенія безъ масла“, смѣняющійся „извѣстіемъ о пріехавшихъ въ Казань и выехавшихъ изъ оной“ (орѳографія подлинника); затѣмъ, на протяженіи 4-хъ столбцовъ, идутъ казенныя и частныя объявленія, заканчивается же номеръ таксою на съѣстные припасы („учиненною въ казанской полиціи вообще съ град-

* «Сего апрѣля 14-го числа вскрылась рѣка Волга, бывъ нынѣшнюю зиму покрыта льдомъ съ 29 октября 167 дней».

скимъ главой") и указаніемъ курсовой цѣны золотой и серебряной монеты * („Променъ денегъ"—ороографія подлинника). Такой же однообразный характеръ носятъ и ближайшіе номера „Казанскихъ Извѣстій; это однообразіе лишь отъ времени до времени нарушается небольшими замѣтками болѣе или менѣе общаго содержанія (таковы: замѣтка „Весна", самого издателя, т. е. Зиновьева, являющаяся, пожалуй даже, чѣмъ то въ родѣ маленькаго фельетона, историческая статейка „Подвигъ неустрашимости", разсказывающая объ отраженіи жителями г. Ядрина нападенія Пугачева, описаніе современнаго казанскаго адмиралтейства, статьи о прививкѣ коровьей оспы, „Нѣчто о городѣ Свіяжскѣ", „О разведеніи красильнаго вещества Вайды", „Анекдоты для пріятнаго препровожденія времени" и т. п.). Только съ переходомъ изданія въ вѣдѣніе университета (съ 19-го номера) получаетъ оно большое разнообразіе и сравнительно бо́льшій интересъ.

Недолго продолжалось изданіе „Казанскихъ Извѣстій" при казанской губернской типографіи, подъ руководительствомъ ея арендатора Зиновьева. Уже съ № 19-го печатаніе газеты перенесено въ типографію университета, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, досталось на долю все это публицистическое наслѣдіе его умершаго сочлена, Запольскаго. Произошла эта перемѣна при обстоятельствахъ, съ которыми мы сейчасъ познакомимся.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вѣдомству котораго подлежало дѣло изданія „Казанскихъ Извѣстій", слѣдили, повидимому, довольно зорко за этою газетою и уже съ первыхъ ея номеровъ усмотрѣли крупные недочеты въ постановкѣ редакціоннаго дѣла, вслѣдствіе чего и пришли къ мысли о подчиненіи этого изданія надзору университета:

„Милостивый государь мой, Степанъ Яковлевичъ!—писалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій попечителю Румовскому отъ 14-го мая 1811 года, слѣдовательно уже менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ начала выхода номеровъ журнала.—Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ, что, по усмотрѣнію въ издаваемой при казанской губернской типографіи газетѣ, подъ названіемъ Казанскія Извѣстія, ошибокъ не только типографскихъ, но даже противу слога и языка, его императорскому величеству благоугодно, дабы я предписалъ кому либо изъ чиновниковъ казанскаго университета обратить на сію газету такое попеченіе, что бы оная издаваема была впредь исправнѣе и пристойнѣйшимъ образомъ выходила бы въ свѣтъ".

* «Десяти рублевой имперіалъ на ассигнаціи меняется (ороографія подлинника) нынѣ сорокъ рублей, червонецъ шеснадцать рублей, старинной рубль серебреной четырѣ рубли тридцать копѣекъ, а новый четыре рубли».

скимъ главой") и указаніемъ курсовой цѣны золотой и серебряной монеты * („Променъ денегъ"—орѳографія подлинника). Такой же однообразный характеръ носятъ и ближайшіе номера „Казанскихъ Извѣстій; это однообразіе лишь отъ времени до времени нарушается небольшими замѣтками болѣе или менѣе общаго содержанія (таковы: замѣтка „Весна", самого издателя, т. е. Зиновьева, являющаяся, пожалуй даже, чѣмъ то въ родѣ маленькаго фельетона, историческая статейка „Подвигъ неустрашимости", разсказывающая объ отраженіи жителями г. Ядрина нападенія Пугачева, описаніе современнаго казанскаго адмиралтейства, статьи о прививкѣ коровьей оспы, „Нѣчто о городѣ Свіяжскѣ", „О разведеніи красильнаго вещества Вайды", „Анекдоты для пріятнаго препровожденія времени" и т. п.). Только съ переходомъ изданія въ вѣдѣніе университета (съ 19-го номера) получаетъ оно большое разнообразіе и сравнительно бо́льшій интересъ.

Недолго продолжалось изданіе „Казанскихъ Извѣстій" при казанской губернской типографіи, подъ руководительствомъ ея арендатора Зиновьева. Уже съ № 19-го печатаніе газеты перенесено въ типографію университета, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, досталось на долю все это публицистическое наслѣдіе его умершаго сочлена, Запольскаго. Произошла эта перемѣна при обстоятельствахъ, съ которыми мы сейчасъ познакомимся.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вѣдомству котораго подлежало дѣло изданія „Казанскихъ Извѣстій", слѣдили, повидимому, довольно зорко за этою газетою и уже съ первыхъ ея номеровъ усмотрѣли крупные недочеты въ постановкѣ редакціоннаго дѣла, вслѣдствіе чего и пришли къ мысли о подчиненіи этого изданія надзору университета:

> „Милостивый государь мой, Степанъ Яковлевичъ!—писалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій попечителю Румовскому отъ 14-го мая 1811 года, слѣдовательно уже менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ начала выхода номеровъ журнала.—Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ, что, по усмотрѣнію въ издаваемой при казанской губернской типографіи газетѣ, подъ названіемъ Казанскія Извѣстія, ошибокъ не только типографскихъ, но даже противу слога и языка, его императорскому величеству благоугодно, дабы я предписалъ кому либо изъ чиновниковъ казанскаго университета обратить на сію газету такое попеченіе, что бы оная издаваема была впредь исправнѣе и пристойнѣйшимъ образомъ выходила бы въ свѣтъ".

* «Десяти рублевой имперіалъ на ассигнаціи меняется (орѳографія подлинника) нынѣ сорокъ рублей, червонецъ шеснадцать рублей, старинной рубль серебреной четырѣ рубли тридцать копѣекъ, а новый четыре рубли».

Румовскій не замедлилъ сдѣлать соотвѣтствующее представленіе совѣту гимназіи (какъ именовался еще въ то время совѣтъ университета), предписавъ возложить надзоръ за „Казанскими Извѣстіями" на профессора Г. Н. Городчанинова и адъюнкта В. М. Перевощикова. Это предложеніе было заслушано въ засѣданіи совѣта 14-го іюня, причемъ постановлено потребовать отъ издателя журнала Зиновьева представленія послѣдняго корректурнаго оттиска каждаго номера, для разрѣшенія его къ печатанію, одному изъ указанныхъ попечителемъ лицъ; слѣдомъ затѣмъ, по сношенію съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, отъ Зиновьева отобрана была подписка, которою онъ обязывался доставлять университету, до выпуска въ свѣтъ, по три экземпляра каждаго номера—для департамента министерства народнаго просвѣщенія, для попечителя округа и для университетскаго цензурнаго комитета. Скоро выяснилось, что министерство народнаго просвѣщенія готово идти еще дальше этого въ вопросѣ объ упорядоченіи изданія „Казанскихъ Извѣстій" и склоняется къ тому порядку организаціи этого дѣла, о которомъ еще два года тому назадъ хлопоталъ покойный Запольскій и который встрѣтилъ въ то время такое недоброжелательное отношеніе къ себѣ со стороны попечителя:

„Государь императоръ,—писалъ Румовскому отъ 22-го іюня министръ народнаго просвѣщенія,—вслѣдствіе сообщеннаго мною г. министру внутреннихъ дѣлъ мнѣнія, что выходящую въ Казани газету подъ названіемъ Казанскія Извѣстія удобнѣе и приличнѣе издавать при казанскомъ университетѣ, которому мѣстное начальство сообщало бы къ тому матеріалы, а приносимый ею доходъ университету доставлялъ бы ему возможность сдѣлать сію газету занимательнѣйшею, соизволилъ изъявить высочайшее свое согласіе на таковое предположеніе. Вслѣдствіе того я, до сдѣланія распоряженія о передачѣ изданія сей газеты вовсе въ вѣдѣніе университета, прошу ваше превосходительство предварительно возложить на оный составленіе приличнаго для сего изданія плана, соображаясь, сколько возможно, съ настоящимъ планомъ газеты, назначить редакторовъ и исчислить примѣрно, во что обойдется изданіе и сколько можетъ принести доходу, причемъ можно имѣть въ виду печатаніе сей газеты въ университетской типографіи; ежели же оная не имѣетъ еще достаточныхъ для сего шрифтовъ и пр., то сдѣлать временное условіе съ типографіею казанскаго губернскаго правленія. Я буду ожидать по сему предмету увѣдомленія вашего превосходительства и надѣюсь, что университетъ потщится оправдать оказанное ему довѣріе".

Увѣдомляя совѣтъ гимназіи объ этомъ министерскомъ предписаніи и предлагая ему доставить всѣ свѣдѣнія, требуемыя графомъ Разумовскимъ,

Румовскій не замедлилъ сдѣлать соотвѣтствующее представленіе совѣту гимназіи (какъ именовался еще въ то время совѣтъ университета), предписавъ возложить надзоръ за „Казанскими Извѣстіями" на профессора Г. Н. Городчанинова и адъюнкта В. М. Перевощикова. Это предложеніе было заслушано въ засѣданіи совѣта 14-го іюня, причемъ постановлено потребовать отъ издателя журнала Зиновьева представленія послѣдняго корректурнаго оттиска каждаго номера, для разрѣшенія его къ печатанію, одному изъ указанныхъ попечителемъ лицъ; слѣдомъ затѣмъ, по сношенію съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, отъ Зиновьева отобрана была подписка, которою онъ обязывался доставлять университету, до выпуска въ свѣтъ, по три экземпляра каждаго номера—для департамента министерства народнаго просвѣщенія, для попечителя округа и для университетскаго цензурнаго комитета. Скоро выяснилось, что министерство народнаго просвѣщенія готово идти еще дальше этого въ вопросѣ объ упорядоченіи изданія „Казанскихъ Извѣстій" и склоняется къ тому порядку организаціи этого дѣла, о которомъ еще два года тому назадъ хлопоталъ покойный Запольскій и который встрѣтилъ въ то время такое недоброжелательное отношеніе къ себѣ со стороны попечителя:

„Государь императоръ,—писалъ Румовскому отъ 22-го іюня министръ народнаго просвѣщенія,—вслѣдствіе сообщеннаго мною г. министру внутреннихъ дѣлъ мнѣнія, что выходящую въ Казани газету подъ названіемъ Казанскія Извѣстія удобнѣе и приличнѣе издавать при казанскомъ университетѣ, которому мѣстное начальство сообщало бы къ тому матеріалы, а приносимый ею доходъ университету доставлялъ бы ему возможность сдѣлать сію газету занимательнѣйшею, соизволилъ изъявить высочайшее свое согласіе на таковое предположеніе. Вслѣдствіе того я, до сдѣланія распоряженія о передачѣ изданія сей газеты вовсе въ вѣдѣніе университета, прошу ваше превосходительство предварительно возложить на оный составленіе приличнаго для сего изданія плана, соображаясь, сколько возможно, съ настоящимъ планомъ газеты, назначить редакторовъ и исчислить примѣрно, во что обойдется изданіе и сколько можетъ принести доходу, причемъ можно имѣть въ виду печатаніе сей газеты въ университетской типографіи; ежели же оная не имѣетъ еще достаточныхъ для сего шрифтовъ и пр., то сдѣлать временное условіе съ типографіею казанскаго губернскаго правленія. Я буду ожидать по сему предмету увѣдомленія вашего превосходительства и надѣюсь, что университетъ потщится оправдать оказанное ему довѣріе".

Увѣдомляя совѣтъ гимназіи объ этомъ министерскомъ предписаніи и предлагая ему доставить всѣ свѣдѣнія, требуемыя графомъ Разумовскимъ,

попечитель высказываетъ мысль, что, по его мнѣнію,—„приличнѣе назначить редакторами г. экстраординарнаго профессора Городчанинова и адъюнкта Перевощикова, россійскою словесностью занимающихся и надзоръ надъ изданіемъ газеты имѣющихъ". 19-го іюля совѣтъ имѣлъ по этому вопросу сужденіе и постановилъ „для скорѣйшаго исполненія сего предложенія составить комитетъ изъ господъ профессоровъ Броннера, Яковкина, Городчанинова и адъюнктовъ Кондырева, Никольскаго и Перевощикова", предоставивъ и другимъ членамъ совѣта „по желанію, сообщать свои предположенія г. профессору-директору и кавалеру". Въ этомъ засѣданіи совѣта, какъ увидимъ ниже, была даже начертана цѣлая программа будущаго университетскаго изданія.

Еще наканунѣ этого совѣтскаго засѣданія Яковкинъ уже отправилъ попечителю письмо, въ которомъ сообщалъ ему нѣкоторыя предварительныя данныя относительно „Казанскихъ Извѣстій" и порядка ихъ изданія:

„По причинѣ наступившей вакаціи,—отписываетъ онъ попечителю,—многіе изъ членовъ совѣта разъѣхались, а въ числѣ ихъ и г. адъюнктъ Перевощиковъ, за коимъ, однако, по недальнему разстоянію приказалъ послать. Г. Городчанинова успѣлъ о семъ предувѣдомить, равно и достовѣрно освѣдомиться, что въ губернской типографіи на Казанскія Извѣстія пренумерантовъ только 120 и что каждый листъ обходится на сѣрой бумагѣ—по 5, а на бѣлой—по 7 копѣекъ; годовая же пренумерація—пять рублей. Со времени прежде полученнаго предписанія, выходящіе оныхъ извѣстій номера препровождаются къ вашему превосходительству по два экземпляра, съ каждою почтою, когда только издатель г. Зиновьевъ успѣетъ ихъ доставить къ письмоводителю совѣта; но даже и нынѣ случается, что слѣдующія къ набору въ номеръ статьи доставляетъ къ г. Городчанинову для одобренія цензуры въ среду, когда уже онъ долженъ бы былъ раздавать публикѣ, а однажды и безъ подпису цензорскаго выпустилъ одинъ номеръ; по неисправности же слогу и набору иногда раздаются они уже и на слѣдующей недѣлѣ....

По малому числу пренумерантовъ—доходъ отъ нынѣшней казанской газеты весьма маловаженъ; развѣ прибавится число пренумерантовъ, когда издаваться будетъ отъ университета. По представленнымъ номерамъ ваше превосходительство соизволите усмотрѣть, что всѣ сіи шрифты находятся и въ нашей типографіи, а къ тому прибавить должно еще и математическіе разные знаки у насъ находящіеся, чего въ губернской—нѣтъ, для должнаго помѣщенія метеорологическихъ наблюденій, подобно Московскимъ Вѣдомостямъ; въ губернской же едва достаетъ литеръ на одинъ полный листъ, а ежели больше, то оказывается не только крайнее затрудненіе, но иногда и невозможность,

попечитель высказываетъ мысль, что, по его мнѣнію,—„приличнѣе назначить редакторами г. экстраординарнаго профессора Городчанинова и адъюнкта Перевощикова, россійскою словесностью занимающихся и надзоръ надъ изданіемъ газеты имѣющихъ". 19-го іюля совѣтъ имѣлъ по этому вопросу сужденіе и постановилъ „для скорѣйшаго исполненія сего предложенія составить комитетъ изъ господъ профессоровъ Броннера, Яковкина, Городчанинова и адъюнктовъ Кондырева, Никольскаго и Перевощикова", предоставивъ и другимъ членамъ совѣта „по желанію, сообщать свои предположенія г. профессору-директору и кавалеру". Въ этомъ засѣданіи совѣта, какъ увидимъ ниже, была даже начертана цѣлая программа будущаго университетскаго изданія.

Еще наканунѣ этого совѣтскаго засѣданія Яковкинъ уже отправилъ попечителю письмо, въ которомъ сообщалъ ему нѣкоторыя предварительныя данныя относительно „Казанскихъ Извѣстій" и порядка ихъ изданія:

„По причинѣ наступившей вакаціи,—отписываетъ онъ попечителю,—многіе изъ членовъ совѣта разъѣхались, а въ числѣ ихъ и г. адъюнктъ Перевощиковъ, за коимъ, однако, по недальнему разстоянію приказалъ послать. Г. Городчанинова успѣлъ о семъ предувѣдомить, равно и достовѣрно освѣдомиться, что въ губернской типографіи на Казанскія Извѣстія пренумерантовъ только 120 и что каждый листъ обходится на сѣрой бумагѣ—по 5, а на бѣлой—по 7 копѣекъ; годовая же пренумерація—пять рублей. Со времени прежде полученнаго предписанія, выходящіе оныхъ извѣстій номера препровождаются къ вашему превосходительству по два экземпляра, съ каждою почтою, когда только издатель г. Зиновьевъ успѣетъ ихъ доставить къ письмоводителю совѣта; но даже и нынѣ случается, что слѣдующія къ набору въ номеръ статьи доставляетъ къ г. Городчанинову для одобренія цензуры въ среду, когда уже онъ долженъ бы былъ раздавать публикѣ, а однажды и безъ подпису цензорскаго выпустилъ одинъ номеръ; по неисправности же слогу и набору иногда раздаются они уже и на слѣдующей недѣлѣ....

По малому числу пренумерантовъ—доходъ отъ нынѣшней казанской газеты весьма маловаженъ; развѣ прибавится число пренумерантовъ, когда издаваться будетъ отъ университета. По представленнымъ номерамъ ваше превосходительство соизволите усмотрѣть, что всѣ сіи шрифты находятся и въ нашей типографіи, а къ тому прибавить должно еще и математическіе разные знаки у насъ находящіеся, чего въ губернской—нѣтъ, для должнаго помѣщенія метеорологическихъ наблюденій, подобно Московскимъ Вѣдомостямъ; въ губернской же едва достаетъ литеръ на одинъ полный листъ, а ежели больше, то оказывается не только крайнее затрудненіе, но иногда и невозможность,

почему и должны, отпечатавши листъ, выбирать буквы для набора прибавленія".

Нѣсколькими днями позже (отъ 24-го іюля), профессоръ-директоръ новымъ письмомъ знакомитъ попечителя съ результатами разсужденій относительно изданія при университетѣ „Казанскихъ Извѣстій", происходившихъ въ засѣданіи совѣта 19-го іюля:

„Въ исполненіе плана Казанскихъ Извѣстій, долженствующихъ быть издаваемыми отъ лица университета,—читаемъ въ этомъ письмѣ,—разсуждаемо было 19-го числа въ засѣданіи довольно времени и положено было составить особливый комитетъ, въ коемъ и я долженъ бы участвовать; но, по дальнѣйшемъ соображеніи, согласились, наконецъ, всѣ члены, что планъ сей должны составлять три части: 1) ученая, 2) гражданская и 3) метеорологическая,—подобно Московскимъ Вѣдомостямъ.

Ученая часть состоять должна: a) изъ литературы, b) извѣстій до натуральной исторіи, c) необыкновенныхъ метеорологическихъ явленій, d) по технологіи, e) статистикѣ, f) сельскому домоводству и g) химіи. Для сего нужно объявить всѣмъ директорамъ училищъ казанскаго учебнаго округа, что бы они доставляли университету по всѣмъ онымъ частямъ встрѣчающіяся новыя свѣдѣнія, о чемъ и положено, что бы съ нынѣшнею же почтою обвѣстилъ я всѣхъ ихъ циркулярно.

Гражданская часть должна состоять изъ объявленій о продажахъ, покупкахъ, потеряхъ, приходящихъ и отходящихъ судахъ, караванахъ и обозахъ, съ какими товарами и кому принадлежатъ. Сверхъ того, можно въ первой статьѣ печатать, по подобію Московскихъ Вѣдомостей, о совершенныхъ въ гражданской здѣшней палатѣ купчихъ, закладныхъ крѣпостяхъ и другихъ актахъ, о чемъ нужно будетъ испросить подчиненнымъ мѣстамъ предписаніе отъ г.г. министровъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

Въ метеорологической части помѣщать состояніе ежедневное термометра, барометра, атмосферы и направленіе вѣтровъ.

О всемъ ономъ донести вашему превосходительству препоручили мнѣ всѣ г.г. мои сочлены комитета, что симъ и имѣю честь исполнить".

Рѣшеніе высшихъ министерскихъ сферъ относительно передачи изданія „Казанскихъ Извѣстій" въ полное распоряженіе университета не заставило себя долго ждать: письмомъ отъ 15-го іюля, за № 2262-мъ, министръ народнаго просвѣщенія уже ставилъ Румовскаго въ извѣстность, что „господинъ министръ полиціи предписалъ казанскому гражданскому губернатору сдать изданіе сей газеты тамошнему училищному начальству". Въ свою очередь увѣдомляя о томъ (отъ 20-го іюля) университетъ, попечитель округа предписалъ слѣдующія подготовительныя мѣры къ переносу

почему и должны, отпечатавши листъ, выбирать буквы для набора прибавленія".

Нѣсколькими днями позже (отъ 24-го іюля), профессоръ-директоръ новымъ письмомъ знакомитъ попечителя съ результатами разсужденій относительно изданія при университетѣ „Казанскихъ Извѣстій", происходившихъ въ засѣданіи совѣта 19-го іюля:

„Въ исполненіе плана Казанскихъ Извѣстій, долженствующихъ быть издаваемыми отъ лица университета,—читаемъ въ этомъ письмѣ,—разсуждаемо было 19-го числа въ засѣданіи довольно времени и положено было составить особливый комитетъ, въ коемъ и я долженъ бы участвовать; но, по дальнѣйшемъ соображеніи, согласились, наконецъ, всѣ члены, что планъ сей должны составлять три части: 1) ученая, 2) гражданская и 3) метеорологическая,—подобно Московскимъ Вѣдомостямъ.

Ученая часть состоять должна: a) изъ литературы, b) извѣстій до натуральной исторіи, c) необыкновенныхъ метеорологическихъ явленій, d) по технологіи, e) статистикѣ, f) сельскому домоводству и g) химіи. Для сего нужно объявить всѣмъ директорамъ училищъ казанскаго учебнаго округа, что бы они доставляли университету по всѣмъ онымъ частямъ встрѣчающіяся новыя свѣдѣнія, о чемъ и положено, что бы съ нынѣшнею же почтою обвѣстилъ я всѣхъ ихъ циркулярно.

Гражданская часть должна состоять изъ объявленій о продажахъ, покупкахъ, потеряхъ, приходящихъ и отходящихъ судахъ, караванахъ и обозахъ, съ какими товарами и кому принадлежатъ. Сверхъ того, можно въ первой статьѣ печатать, по подобію Московскихъ Вѣдомостей, о совершенныхъ въ гражданской здѣшней палатѣ купчихъ, закладныхъ крѣпостяхъ и другихъ актахъ, о чемъ нужно будетъ испросить подчиненнымъ мѣстамъ предписаніе отъ г.г. министровъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

Въ метеорологической части помѣщать состояніе ежедневное термометра, барометра, атмосферы и направленіе вѣтровъ.

О всемъ ономъ донести вашему превосходительству препоручили мнѣ всѣ г.г. мои сочлены комитета, что симъ и имѣю честь исполнить".

Рѣшеніе высшихъ министерскихъ сферъ относительно передачи изданія „Казанскихъ Извѣстій" въ полное распоряженіе университета не заставило себя долго ждать: письмомъ отъ 15-го іюля, за № 2262-мъ, министръ народнаго просвѣщенія уже ставилъ Румовскаго въ извѣстность, что „господинъ министръ полиціи предписалъ казанскому гражданскому губернатору сдать изданіе сей газеты тамошнему училищному начальству". Въ свою очередь увѣдомляя о томъ (отъ 20-го іюля) университетъ, попечитель округа предписалъ слѣдующія подготовительныя мѣры къ переносу

предстоящаго изданія въ университетскую типографію: а) отдѣлить въ послѣдней два стана для печатанія газеты; б) заготовить все нужное для печатанія ея, какъ то—бумагу, краску и т. п.; в) принять мѣры къ тому, что бы перенесеніе печатанія не отразилось на своевременности выхода номеровъ газеты, въ виду чего заблаговременно произвести наборъ матеріала номера на два или на три.

17-го августа происходило засѣданіе совѣта, въ которомъ снова обсуждались вопросы, связанные съ передачею университету изданія „Казанскихъ Извѣстій".

Первымъ слушалось заявленіе профессора Г. Н. Городчанинова, который, въ виду возложенныхъ на него редакторскихъ обязанностей по изданію газеты, обратился къ совѣту съ слѣдующими ходатайствами: а) предписать, чтобы ему заблаговременно и въ опредѣленный срокъ (разъ въ недѣлю) доставлялись иностранныя періодическія изданія и всѣ матеріалы „какъ по ученой, такъ и по гражданской части", дабы онъ имѣлъ возможность своевременно дѣлать „надлежащее къ изданію газеты распоряженіе", и б) предоставить въ его распоряженіе двухъ студентовъ или кандидатовъ для переводовъ и другихъ вспомогательныхъ редакціонныхъ работъ. Оба ходатайства были совѣтомъ уважены.

Вторымъ слушалось „мнѣніе адъюнкта Кондырева въ разсужденіе изданія Казанскихъ Извѣстій". Подъ этимъ скромнымъ названіемъ Кондыревъ представилъ въ совѣтъ обширную (на трехъ листахъ) программу изданія, особенность которой составляло то, что, въ дополненіе къ отдѣламъ, намѣченнымъ раньше, Кондыревъ вводилъ въ нее самостоятельный отдѣлъ „Политическихъ извѣстій", весьма осторожно замалчивавшійся предшествовавшими планами и предположеніями, причемъ подробно аргументируетъ на тему о необходимости и легальной возможности ввести этотъ щекотливый, по условіямъ того времени, отдѣлъ въ программу университетской газеты. Не смотря на заявленіе Яковкина, сославшагося и на солидарность съ нимъ въ этомъ отношеніи Городчанинова и Перевощикова, что „политическая статья до нѣкотораго времени можетъ быть оставлена", совѣтъ постановилъ „мнѣніе" Кондырева въ полномъ видѣ „пріобщить къ дѣламъ и для прочтенія дать съ онаго всѣмъ г.г. членамъ совѣта копіи".

Между тѣмъ дѣло о передачѣ университету изданія „Казанскихъ Извѣстій" двигалось своимъ порядкомъ и 1-го августа губернаторъ Мансуровъ оффиціально сообщилъ профессору-деректору, что имъ „предложено казанскому губернскому правленію, что бы оно о сдачѣ той газеты въ вѣдомство здѣшняго университета учинило должное распоряженіе". № 19-ый

предстоящаго изданія въ университетскую типографію: а) отдѣлить въ послѣдней два стана для печатанія газеты; б) заготовить все нужное для печатанія ея, какъ то—бумагу, краску и т. п.; в) принять мѣры къ тому, что бы перенесеніе печатанія не отразилось на своевременности выхода номеровъ газеты, въ виду чего заблаговременно произвести наборъ матеріала номера на два или на три.

17-го августа происходило засѣданіе совѣта, въ которомъ снова обсуждались вопросы, связанные съ передачею университету изданія „Казанскихъ Извѣстій".

Первымъ слушалось заявленіе профессора Г. Н. Городчанинова, который, въ виду возложенныхъ на него редакторскихъ обязанностей по изданію газеты, обратился къ совѣту съ слѣдующими ходатайствами: а) предписать, чтобы ему заблаговременно и въ опредѣленный срокъ (разъ въ недѣлю) доставлялись иностранныя періодическія изданія и всѣ матеріалы „какъ по ученой, такъ и по гражданской части", дабы онъ имѣлъ возможность своевременно дѣлать „надлежащее къ изданію газеты распоряженіе", и б) предоставить въ его распоряженіе двухъ студентовъ или кандидатовъ для переводовъ и другихъ вспомогательныхъ редакціонныхъ работъ. Оба ходатайства были совѣтомъ уважены.

Вторымъ слушалось „мнѣніе адъюнкта Кондырева въ разсужденіе изданія Казанскихъ Извѣстій". Подъ этимъ скромнымъ названіемъ Кондыревъ представилъ въ совѣтъ обширную (на трехъ листахъ) программу изданія, особенность которой составляло то, что, въ дополненіе къ отдѣламъ, намѣченнымъ раньше, Кондыревъ вводилъ въ нее самостоятельный отдѣлъ „Политическихъ извѣстій", весьма осторожно замалчивавшійся предшествовавшими планами и предположеніями, причемъ подробно аргументируетъ на тему о необходимости и легальной возможности ввести этотъ щекотливый, по условіямъ того времени, отдѣлъ въ программу университетской газеты. Не смотря на заявленіе Яковкина, сославшагося и на солидарность съ нимъ въ этомъ отношеніи Городчанинова и Перевощикова, что „политическая статья до нѣкотораго времени можетъ быть оставлена", совѣтъ постановилъ „мнѣніе" Кондырева въ полномъ видѣ „пріобщить къ дѣламъ и для прочтенія дать съ онаго всѣмъ г.г. членамъ совѣта копіи".

Между тѣмъ дѣло о передачѣ университету изданія „Казанскихъ Извѣстій" двигалось своимъ порядкомъ и 1-го августа губернаторъ Мансуровъ оффиціально сообщилъ профессору-деректору, что имъ „предложено казанскому губернскому правленію, что бы оно о сдачѣ той газеты въ вѣдомство здѣшняго университета учинило должное распоряженіе". № 19-ый

„Казанскихъ Извѣстій“ (отъ 22-го августа 1811 года) увидѣлъ свѣтъ уже со станковъ университетской типографіи, о чемъ Яковкинъ и доложилъ попечителю письмомъ отъ 22-го августа, затронувъ въ немъ и нѣкоторые техническіе вопросы изданія, наглядно показывающіе, съ какими мелочами приходилось считаться университетской типографіи того времени, доводя ихъ даже до свѣдѣнія маститаго попечителя:

„Сегодня,—пишетъ здѣсь директоръ,—печатается въ университетской типографіи первый номеръ Казанскихъ Извѣстій.—Для помѣщенія метеорологическихъ наблюденій необходимо нужно имѣть по десяти типовъ + и —, которыхъ у насъ нѣтъ, да и составить ихъ изъ гартовыхъ линеекъ чрезвычайно трудно, а находящійся математическій крестъ весьма великъ и никакъ не приличенъ къ употребленію вмѣсто плюса. О доставленіи оныхъ знаковъ осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство....

Потребные для печатанія оной газеты знаки, какъ то: гербъ казанскій и цифры мѣдныя (фигурировавшіе въ заголовкѣ газеты)—условился я съ г. губернаторомъ купить ихъ въ нашу типографію за тридцать рублей, чего они имъ самимъ стоятъ.

Гарту, состоящаго въ квадратахъ и полуквадратахъ, у насъ находится весьма много и самаго лучшаго, Шноровскаго, въ азіятской типографіи; изъ него можно отливать, что угодно, ежели соблаговолите, ваше превосходительство, предписать конторѣ о пересылкѣ оныхъ въ Петербургъ, для переливки въ потребные типографскіе знаки и буквы“.

Бывшій издатель и основатель газеты Зиновьевъ помѣстилъ въ послѣднемъ (18-мъ), вышедшемъ еще подъ его редакціею, номерѣ „Казанскихъ Извѣстій“ обращеніе къ публикѣ, въ которомъ знакомилъ ее съ совершающимся измѣненіемъ въ постановкѣ дѣла изданія газеты:

„Издатель казанской газеты имѣетъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику,—заявляетъ онъ здѣсь,—что послѣ сего номера болѣе издавать оную не будетъ. По предписанію г. министра просвѣщенія оная будетъ продолжаема при императорскомъ казанскомъ университетѣ. Издатель приноситъ чувствительнѣйшую благодарность г.г. своимъ сускрибентамъ, которыхъ какъ здѣсь въ Казани, такъ въ обѣихъ столицахъ и другихъ городахъ имѣлъ до 130-ти. Въ изданіи же газеты трудился онъ одинъ, безъ наималѣйшаго пособія другихъ“.

Разъ дѣло изданія „Казанскихъ Извѣстій“ было всецѣло передано университету, вполнѣ естественнымъ представлялось съ его стороны стремленіе обставить это дѣло возможно лучшимъ образомъ. Существенныя мѣры предприняты были совѣтомъ въ этомъ направленіи въ засѣданіи 6-го сен-

„Казанскихъ Извѣстій" (отъ 22-го августа 1811 года) увидѣлъ свѣтъ уже со станковъ университетской типографіи, о чемъ Яковкинъ и доложилъ попечителю письмомъ отъ 22-го августа, затронувъ въ немъ и нѣкоторые техническіе вопросы изданія, наглядно показывающіе, съ какими мелочами приходилось считаться университетской типографіи того времени, доводя ихъ даже до свѣдѣнія маститаго попечителя:

„Сегодня,—пишетъ здѣсь директоръ,—печатается въ университетской типографіи первый номеръ Казанскихъ Извѣстій.—Для помѣщенія метеорологическихъ наблюденій необходимо нужно имѣть по десяти типовъ + и —, которыхъ у насъ нѣтъ, да и составить ихъ изъ гартовыхъ линеекъ чрезвычайно трудно, а находящійся математическій крестъ весьма великъ и никакъ не приличенъ къ употребленію вмѣсто плюса. О доставленіи оныхъ знаковъ осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство....

Потребные для печатанія оной газеты знаки, какъ то: гербъ казанскій и цифры мѣдныя (фигурировавшіе въ заголовкѣ газеты)—условился я съ г. губернаторомъ купить ихъ въ нашу типографію за тридцать рублей, чего они имъ самимъ стоятъ.

Гарту, состоящаго въ квадратахъ и полуквадратахъ, у насъ находится весьма много и самаго лучшаго, Шноровскаго, въ азіятской типографіи; изъ него можно отливать, что угодно, ежели соблаговолите, ваше превосходительство, предписать конторѣ о пересылкѣ оныхъ въ Петербургъ, для переливки въ потребные типографскіе знаки и буквы".

Бывшій издатель и основатель газеты Зиновьевъ помѣстилъ въ послѣднемъ (18-мъ), вышедшемъ еще подъ его редакціею, номерѣ „Казанскихъ Извѣстій" обращеніе къ публикѣ, въ которомъ знакомилъ ее съ совершающимся измѣненіемъ въ постановкѣ дѣла изданія газеты:

„Издатель казанской газеты имѣетъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику,—заявляетъ онъ здѣсь,—что послѣ сего номера болѣе издавать оную не будетъ. По предписанію г. министра просвѣщенія оная будетъ продолжаема при императорскомъ казанскомъ университетѣ. Издатель приноситъ чувствительнѣйшую благодарность г.г. своимъ сускрибентамъ, которыхъ какъ здѣсь въ Казани, такъ въ обѣихъ столицахъ и другихъ городахъ имѣлъ до 130-ти. Въ изданіи же газеты трудился онъ одинъ, безъ наималѣйшаго пособія другихъ".

Разъ дѣло изданія „Казанскихъ Извѣстій" было всецѣло передано университету, вполнѣ естественнымъ представлялось съ его стороны стремленіе обставить это дѣло возможно лучшимъ образомъ. Существенныя мѣры предприняты были совѣтомъ въ этомъ направленіи въ засѣданіи 6-го сен-

тября 1811 года, учрежденіемъ особаго комитета для изданія „Казанскихъ Извѣстій“, образованнаго изъ профессоровъ Германа, Фукса, Эрдмана, Броннера и адъюнкта Никольскаго, съ присоединеніемъ къ нимъ и редакторовъ извѣстій Городчанинова и Перевощикова. Составленный въ цѣляхъ „совершеннѣйшаго успѣха въ порядкѣ накопленія и избранія матерій“ при изданіи газеты и „для облегченія въ семъ г.г. Городчанинова и Перевощикова до того извѣстнаго времени, когда все приведется въ надлежащее теченіе“, этотъ комитетъ получилъ отъ совѣта цѣлый сводъ руководящихъ указаній, формулированный въ слѣдующихъ двѣнадцати параграфахъ:

1. Для руководства при изданіи, а равно и для порядка въ размѣщеніи матерій, составить планъ, при чемъ въ особенное вниманіе взять мнѣніе адъюнкта Кондырева въ разсужденіи издаванія сей газеты, и изъ онаго почерпать то, что почтетъ нужнымъ.

2. Войти въ сношенія: а) съ губернскими гимназіями и главными народными училищами и директорами оныхъ по учебному округу казанскаго университета, б) съ присутственными мѣстами о касающемся по сему дѣлу, в) также съ нѣкоторыми, когда потребно будетъ, особами для доставленія матеріаловъ.

3. Сдѣлать газету сію извѣстнѣе и постараться облегчить постороннимъ въ присылкѣ для помѣщенія въ оную, что для нихъ будетъ потребно.

4. Не пропускать ничего изъ виду, что можетъ быть полезно къ извѣщенію или свѣдѣнію публики, также что иногда только любопытно или приноситъ удовольствіе.

5. Принимать отъ членовъ совѣта присылаемыя письменно предложенія въ разсужденіи усовершенствованія изданія и стараться производить оное въ дѣйствіе, когда то будетъ полезно.

6. Принять все попеченіе къ усовершенствованію сего изданія и умноженію казенныхъ доходовъ.

7. Обо всѣхъ нуждахъ и пособіяхъ, если не можетъ оный комитетъ исправить сіе самъ по себѣ, относиться немедленно въ совѣтъ.

8. Труды въ изданіи раздѣлить между членами самимъ имъ по себѣ, временно или навсегда.

9. Когда потребно будетъ, дѣлать имъ свое собраніе для разсужденія.

10. Самому по себѣ устроить внутреннее распоряженіе теченія дѣлъ и весь распорядокъ по оному.

11. Печать на пакетахъ употреблять университетскую и пакеты отсылать съ прочими пакетами совѣта.

тября 1811 года, учрежденіемъ особаго комитета для изданія „Казанскихъ Извѣстій“, образованнаго изъ профессоровъ Германа, Фукса, Эрдмана, Броннера и адъюнкта Никольскаго, съ присоединеніемъ къ нимъ и редакторовъ извѣстій Городчанинова и Перевощикова. Составленный въ цѣляхъ „совершеннѣйшаго успѣха въ порядкѣ накопленія и избранія матерій“ при изданіи газеты и „для облегченія въ семъ г.г. Городчанинова и Перевощикова до того извѣстнаго времени, когда все приведется въ надлежащее теченіе“, этотъ комитетъ получилъ отъ совѣта цѣлый сводъ руководящихъ указаній, формулированный въ слѣдующихъ двѣнадцати параграфахъ:

1. Для руководства при изданіи, а равно и для порядка въ размѣщеніи матерій, составить планъ, при чемъ въ особенное вниманіе взять мнѣніе адъюнкта Кондырева въ разсужденіи издаванія сей газеты, и изъ онаго почерпать то, что почтетъ нужнымъ.

2. Войти въ сношенія: а) съ губернскими гимназіями и главными народными училищами и директорами оныхъ по учебному округу казанскаго университета, б) съ присутственными мѣстами о касающемся по сему дѣлу, в) также съ нѣкоторыми, когда потребно будетъ, особами для доставленія матеріаловъ.

3. Сдѣлать газету сію извѣстнѣе и постараться облегчить постороннимъ въ присылкѣ для помѣщенія въ оную, что для нихъ будетъ потребно.

4. Не пропускать ничего изъ виду, что можетъ быть полезно къ извѣщенію или свѣдѣнію публики, также что иногда только любопытно или приноситъ удовольствіе.

5. Принимать отъ членовъ совѣта присылаемыя письменно предложенія въ разсужденіи усовершенствованія изданія и стараться производить оное въ дѣйствіе, когда то будетъ полезно.

6. Принять все попеченіе къ усовершенствованію сего изданія и умноженію казенныхъ доходовъ.

7. Обо всѣхъ нуждахъ и пособіяхъ, если не можетъ оный комитетъ исправить сіе самъ по себѣ, относиться немедленно въ совѣтъ.

8. Труды въ изданіи раздѣлить между членами самимъ имъ по себѣ, временно или навсегда.

9. Когда потребно будетъ, дѣлать имъ свое собраніе для разсужденія.

10. Самому по себѣ устроить внутреннее распоряженіе теченія дѣлъ и весь распорядокъ по оному.

11. Печать на пакетахъ употреблять университетскую и пакеты отсылать съ прочими пакетами совѣта.

12. Всѣмъ директорамъ училищъ сообщить, что бы они на пакетахъ адресовали: „въ совѣтъ казанской гимназіи, по части комитета для изданія Казанскихъ Извѣстій“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ основу дѣятельности комитета по изданію газеты совѣтомъ рекомендовалось принять уже извѣстное намъ „мнѣніе“ Кондырева, который, въ виду этого, опредѣленіемъ совѣта отъ 20-го сентября и былъ привлеченъ къ участію въ занятіяхъ комитета. Еще за нѣсколько дней до этого было получено разъясненіе и относительно такъ смутившаго профессора-директора предположенія Кондырева о включеніи въ программу газеты политическаго отдѣла. Изъ Петербурга получилось предложеніе попечителя отъ 28-го августа, въ которомъ Румовскій давалъ знать, что онъ „съ мнѣніемъ г. Кондырева согласенъ, исключая статью, до политическихъ извѣстій касающуюся“, почему и предписывалъ до „оныхъ (т. е. политическихъ извѣстій) не касаться, особливо до происшествій въ европейскихъ государствахъ случающихся, во первыхъ потому, что въ Казанскія Извѣстія, при правленіи казанской губерніи издаванныя, не входили политическія извѣстія, да и въ С.-Петербургскія Вѣдомости помѣщаются они не иначе, какъ по выбору министерства иностранныхъ дѣлъ“. Попечительское предложеніе ставило, очевидно, на очередь вопросъ о выработкѣ новой программы изданія газеты,—дѣло, за которое совмѣстно взялись профессоръ Броннеръ и адъюнктъ Кондыревъ. Результатомъ этой работы явился внесенный въ совѣтъ „примѣрный планъ Казанскихъ Извѣстій“; можно предполагать, что, при выработкѣ этого „плана“, между составителями его возникли серьезныя принципіальныя разномыслія, такъ какъ онъ поступилъ въ совѣтъ за единоличною подписью адъюнкта Кондырева, профессоръ же Броннеръ сложилъ съ себя званіе члена издательнаго комитета въ томъ самомъ засѣданіи совѣта, происходившемъ 4-го октября, въ которомъ планъ этотъ слушался и признанъ „заслуживающимъ одобренія“. Новый планъ Кондырева не вносилъ ничего существенно новаго въ прежнія программы изданія, за совершеннымъ исключеніемъ изъ него отдѣла политическихъ извѣстій, и сводитъ программу газеты къ тремъ основнымъ отдѣламъ: а) „Постановленія отъ правительства“ (отдѣлъ оффиціальный), б) „Статьи занимательныя“ (подрубрики: торговыя извѣстія, сельское хозяйство и промышленность, технологія, статистика, хроника военнаго дѣла и военныя извѣстія, правовѣдѣніе, исторія, географія, философія, искусства, естественныя науки, физика и химія, медицина, словесность, учебное дѣло) и в) Объявленія казенныя,

12. Всѣмъ директорамъ училищъ сообщить, что бы они на пакетахъ адресовали: „въ совѣтъ казанской гимназіи, по части комитета для изданія Казанскихъ Извѣстій“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ основу дѣятельности комитета по изданію газеты совѣтомъ рекомендовалось принять уже извѣстное намъ „мнѣніе“ Кондырева, который, въ виду этого, опредѣленіемъ совѣта отъ 20-го сентября и былъ привлеченъ къ участію въ занятіяхъ комитета. Еще за нѣсколько дней до этого было получено разъясненіе и относительно такъ смутившаго профессора-директора предположенія Кондырева о включеніи въ программу газеты политическаго отдѣла. Изъ Петербурга получилось предложеніе попечителя отъ 28-го августа, въ которомъ Румовскій давалъ знать, что онъ „съ мнѣніемъ г. Кондырева согласенъ, исключая статью, до политическихъ извѣстій касающуюся“, почему и предписывалъ до „оныхъ (т. е. политическихъ извѣстій) не касаться, особливо до происшествій въ европейскихъ государствахъ случающихся, во первыхъ потому, что въ Казанскія Извѣстія, при правленіи казанской губерніи издаванныя, не входили политическія извѣстія, да и въ С.-Петербургскія Вѣдомости помѣщаются они не иначе, какъ по выбору министерства иностранныхъ дѣлъ“. Попечительское предложеніе ставило, очевидно, на очередь вопросъ о выработкѣ новой программы изданія газеты,—дѣло, за которое совмѣстно взялись профессоръ Броннеръ и адъюнктъ Кондыревъ. Результатомъ этой работы явился внесенный въ совѣтъ „примѣрный планъ Казанскихъ Извѣстій“; можно предполагать, что, при выработкѣ этого „плана“, между составителями его возникли серьезныя принципіальныя разномыслія, такъ какъ онъ поступилъ въ совѣтъ за единоличною подписью адъюнкта Кондырева, профессоръ же Броннеръ сложилъ съ себя званіе члена издательнаго комитета въ томъ самомъ засѣданіи совѣта, происходившемъ 4-го октября, въ которомъ планъ этотъ слушался и признанъ „заслуживающимъ одобренія“. Новый планъ Кондырева не вносилъ ничего существенно новаго въ прежнія программы изданія, за совершеннымъ исключеніемъ изъ него отдѣла политическихъ извѣстій, и сводитъ программу газеты къ тремъ основнымъ отдѣламъ: а) „Постановленія отъ правительства“ (отдѣлъ оффиціальный), б) „Статьи занимательныя“ (подрубрики: торговыя извѣстія, сельское хозяйство и промышленность, технологія, статистика, хроника военнаго дѣла и военныя извѣстія, правовѣдѣніе, исторія, географія, философія, искусства, естественныя науки, физика и химія, медицина, словесность, учебное дѣло) и в) Объявленія казенныя,

общественныя и частныя. Вскорѣ послѣ этого получено было сообщенiе попечителя (отъ 5-го октября), что онъ, съ своей стороны, отнесся ко всѣмъ губернаторамъ и училищнымъ директорамъ округа „съ просьбою о предписанiи доставлять въ университетъ казанскiй свѣдѣнiя, достойныя любопытства и примѣчанiя, для помѣщенiя въ Казанскихъ Извѣстiяхъ“ [142].

Комитетъ по изданiю „Казанскихъ Извѣстiй“, или, какъ его называли— „издательный комитетъ“, началъ свою дѣятельность съ 21-го сентября, избравъ въ первомъ же засѣданiи своимъ секретаремъ адъюнкта Никольскаго и опредѣливъ вести журналы засѣданiй на двухъ языкахъ—русскомъ и латинскомъ („Acta coetus ad edendas Casanenses novellas instituti“), что и продолжалось до 6-го октября, послѣ чего журналы стали излагаться уже на одномъ русскомъ языкѣ. Этотъ комитетъ представлялъ собою инстанцiю, черезъ посредство которой велись всѣ сношенiя редакцiи газеты, а также и сношенiя съ попечителемъ, уже съ самаго начала изданiя крайне внимательно слѣдившимъ за ходомъ дѣла, тщательно просматривавшимъ номера газеты и дававшимъ комитету руководящiя указанiя; въ видахъ контроля надъ его дѣятельностью, комитетъ регулярно препровождалъ попечителю „меморiи“, т. е. экстракты изъ журналовъ своихъ засѣданiй. Сохранившiеся до нашихъ дней журналы издательнаго комитета не свидѣтельствуютъ объ особенной плодотворности занятiй этого совѣтскаго установленiя, которое едва ли не тормозило только дѣятельность редакторовъ газеты, стѣсняя ихъ самостоятельность и свободу почина.

Мы уже видѣли, что редакторами „Извѣстiй“, еще при передачѣ газеты въ распоряженiе университета, самимъ попечителемъ были назначены профессоръ Городчаниновъ и адъюнктъ Перевощиковъ. Между этими соредакторами, оказавшимися въ неловкомъ положенiи двухъ медвѣдей въ одной берлогѣ, уже очень скоро возникли взаимныя неудовольствiя и пререканiя, побудившiя попечителя, предложенiемъ комитету отъ 30-го ноября 1811 года, сдѣлать попытку урегулировать ихъ обоюдныя отношенiя, въ смыслѣ главенства одного и подчиненности другого: „Поелику, —предписывалъ здѣсь Румовскiй,—препоручено отъ меня наблюденiе за исправнымъ изданiемъ Казанскихъ Извѣстiй г. экстраординарному профессору Городчанинову и приданъ ему въ помощь г. адъюнктъ Перевощиковъ.... то и предлагаю выборъ и расположенiе помѣщаемыхъ въ нихъ статей предоставить попеченiю и отвѣтствiю г. профессора Городчанинова, яко старшаго редактора, а г. адъюнкту Перевощикову самому собою, безъ согласiя его, того не дѣлать“. Установленiе такого iерархическаго соотношенiя между обоими редакторами не только не повлiяло въ интересахъ бóльшей строй-

общественныя и частныя. Вскорѣ послѣ этого получено было сообщеніе попечителя (отъ 5-го октября), что онъ, съ своей стороны, отнесся ко всѣмъ губернаторамъ и училищнымъ директорамъ округа „съ просьбою о предписаніи доставлять въ университетъ казанскій свѣдѣнія, достойныя любопытства и примѣчанія, для помѣщенія въ Казанскихъ Извѣстіяхъ“ [142].

Комитетъ по изданію „Казанскихъ Извѣстій“, или, какъ его называли—„издательный комитетъ“, началъ свою дѣятельность съ 21-го сентября, избравъ въ первомъ же засѣданіи своимъ секретаремъ адъюнкта Никольскаго и опредѣливъ вести журналы засѣданій на двухъ языкахъ—русскомъ и латинскомъ („Acta coetus ad edendas Casanenses novellas instituti“), что и продолжалось до 6-го октября, послѣ чего журналы стали излагаться уже на одномъ русскомъ языкѣ. Этотъ комитетъ представлялъ собою инстанцію, черезъ посредство которой велись всѣ сношенія редакціи газеты, а также и сношенія съ попечителемъ, уже съ самаго начала изданія крайне внимательно слѣдившимъ за ходомъ дѣла, тщательно просматривавшимъ номера газеты и дававшимъ комитету руководящія указанія; въ видахъ контроля надъ его дѣятельностью, комитетъ регулярно препровождалъ попечителю „меморіи“, т. е. экстракты изъ журналовъ своихъ засѣданій. Сохранившіеся до нашихъ дней журналы издательнаго комитета не свидѣтельствуютъ объ особенной плодотворности занятій этого совѣтскаго установленія, которое едва ли не тормозило только дѣятельность редакторовъ газеты, стѣсняя ихъ самостоятельность и свободу почина.

Мы уже видѣли, что редакторами „Извѣстій“, еще при передачѣ газеты въ распоряженіе университета, самимъ попечителемъ были назначены профессоръ Городчаниновъ и адъюнктъ Перевощиковъ. Между этими соредакторами, оказавшимися въ неловкомъ положеніи двухъ медвѣдей въ одной берлогѣ, уже очень скоро возникли взаимныя неудовольствія и пререканія, побудившія попечителя, предложеніемъ комитету отъ 30-го ноября 1811 года, сдѣлать попытку урегулировать ихъ обоюдныя отношенія, въ смыслѣ главенства одного и подчиненности другого: „Поелику, —предписывалъ здѣсь Румовскій,—препоручено отъ меня наблюденіе за исправнымъ изданіемъ Казанскихъ Извѣстій г. экстраординарному профессору Городчанинову и приданъ ему въ помощь г. адъюнктъ Перевощиковъ.... то и предлагаю выборъ и расположеніе помѣщаемыхъ въ нихъ статей предоставить попеченію и отвѣтствію г. профессора Городчанинова, яко старшаго редактора, а г. адъюнкту Перевощикову самому собою, безъ согласія его, того не дѣлать“. Установленіе такого іерархическаго соотношенія между обоими редакторами не только не повліяло въ интересахъ бóльшей строй-

ности редакціонной работы, но, напротивъ, послужило лишь поводомъ къ дальнѣйшимъ неурядицамъ въ редакціонныхъ отношеніяхъ, обостренныхъ и властолюбивымъ характеромъ Городчанинова, желавшаго разыгрывать передъ своимъ сотоварищемъ роль начальника, съ чѣмъ никакъ не хотѣлъ мириться Перевощиковъ, при каждомъ удобномъ случаѣ протестовавшій противъ проявленій самовластія со стороны старшаго редактора. Такъ, напримѣръ, Перевощиковъ занесъ въ журналъ засѣданія комитета отъ 1-го февраля 1812 года претензію на то, что нѣкоторыя статьи оказались помѣщенными Городчаниновымъ въ газетѣ безъ его предварительнаго просмотра; попечитель принялъ въ этомъ столкновеніи сторону главнаго редактора, признавъ притязаніе Перевощикова—„неумѣстнымъ", въ виду того, что „онъ долженъ отвѣчать за тѣ токмо статьи, которыя поручены ему будутъ отъ старшаго редактора для разсмотрѣнія и поправленія". Неудовольствія между соредакторами дошли до того, что Перевощиковъ изъявилъ намѣреніе совершенно выйти изъ состава редакціи и „предоставить гонящимъ его людямъ дѣйствовать по ихъ произволенію", что побудило Румовскаго прибѣгнуть, въ видахъ примиренія редакторовъ, не только къ увѣщанію, но даже и къ острасткѣ: „Усмотрѣлъ я изъ меморіи комитета отъ 27-го февраля,—писалъ попечитель комитету отъ 15-го апрѣля 1812 года,—что между г.г. редакторами поселилось несогласіе и видны непозволенныя другъ противъ друга ухищренія, отъ чего происходитъ остановка и неисправность въ порученномъ дѣлѣ, вмѣсто того, что бы споспѣшествовать въ томъ другъ другу; и для того долгомъ почитаю подать искренній совѣтъ мой о прекращеніи сихъ личностей, которыя не дѣлаютъ чести и могутъ еще навлечь непріятность, ежели дойдутъ до свѣдѣнія господина министра просвѣщенія".

Притязательность Городчанинова временами приводила его къ конфликтамъ не только съ его помощникомъ, но и съ цѣлымъ издательнымъ комитетомъ. Такой именно конфликтъ произошелъ въ засѣданіи комитета 3-го октября 1811 года изъ-за представленнаго Кондыревымъ къ напечатанію въ газетѣ статистическаго очерка „о макарьевской ярмаркѣ". Комитетъ единогласно, за исключеніемъ Городчанинова, призналъ этотъ очеркъ подлежащимъ печатанію; Городчаниновъ же, не взирая на предполагаемую компетентность автора статьи, въ качествѣ патентованнаго экономиста, въ вопросахъ этого рода, остался при особомъ мнѣніи, которое и было въ слѣдующей формѣ занесено имъ въ журналъ засѣданія: „Поелику представленная г. адъюнктомъ Кондыревымъ въ комитетъ статья о макарьевской ярмаркѣ не засвидѣтельствована отъ градскаго главы купече-

ности редакціонной работы, но, напротивъ, послужило лишь поводомъ къ дальнѣйшимъ неурядицамъ въ редакціонныхъ отношеніяхъ, обостренныхъ и властолюбивымъ характеромъ Городчанинова, желавшаго разыгрывать передъ своимъ сотоварищемъ роль начальника, съ чѣмъ никакъ не хотѣлъ мириться Перевощиковъ, при каждомъ удобномъ случаѣ протестовавшій противъ проявленій самовластія со стороны старшаго редактора. Такъ, напримѣръ, Перевощиковъ занесъ въ журналъ засѣданія комитета отъ 1-го февраля 1812 года претензію на то, что нѣкоторыя статьи оказались помѣщенными Городчаниновымъ въ газетѣ безъ его предварительнаго просмотра; попечитель принялъ въ этомъ столкновеніи сторону главнаго редактора, признавъ притязаніе Перевощикова—„неумѣстнымъ", въ виду того, что „онъ долженъ отвѣчать за тѣ токмо статьи, которыя поручены ему будутъ отъ старшаго редактора для разсмотрѣнія и поправленія". Неудовольствія между соредакторами дошли до того, что Перевощиковъ изъявилъ намѣреніе совершенно выйти изъ состава редакціи и „предоставить гонящимъ его людямъ дѣйствовать по ихъ произволенію", что побудило Румовскаго прибѣгнуть, въ видахъ примиренія редакторовъ, не только къ увѣщанію, но даже и къ острасткѣ: „Усмотрѣлъ я изъ меморіи комитета отъ 27-го февраля,—писалъ попечитель комитету отъ 15-го апрѣля 1812 года,—что между г.г. редакторами поселилось несогласіе и видны непозволенныя другъ противъ друга ухищренія, отъ чего происходитъ остановка и неисправность въ порученномъ дѣлѣ, вмѣсто того, что бы споспѣшествовать въ томъ другъ другу; и для того долгомъ почитаю подать искренній совѣтъ мой о прекращеніи сихъ личностей, которыя не дѣлаютъ чести и могутъ еще навлечь непріятность, ежели дойдутъ до свѣдѣнія господина министра просвѣщенія".

Притязательность Городчанинова временами приводила его къ конфликтамъ не только съ его помощникомъ, но и съ цѣлымъ издательнымъ комитетомъ. Такой именно конфликтъ произошелъ въ засѣданіи комитета 3-го октября 1811 года изъ-за представленнаго Кондыревымъ къ напечатанію въ газетѣ статистическаго очерка „о макарьевской ярмаркѣ". Комитетъ единогласно, за исключеніемъ Городчанинова, призналъ этотъ очеркъ подлежащимъ печатанію; Городчаниновъ же, не взирая на предполагаемую компетентность автора статьи, въ качествѣ патентованнаго экономиста, въ вопросахъ этого рода, остался при особомъ мнѣніи, которое и было въ слѣдующей формѣ занесено имъ въ журналъ засѣданія: „Поелику представленная г. адъюнктомъ Кондыревымъ въ комитетъ статья о макарьевской ярмаркѣ не засвидѣтельствована отъ градскаго главы купече-

скаго общества или отъ полиціи (!), то по сей причинѣ я, Казанскихъ Извѣстій редакторъ и комитета членъ, судя о важности оной статьи, касающейся до всей россійской имперіи, не соглашаюсь на помѣщеніе оной въ Казанскихъ Извѣстіяхъ безъ законнаго свидѣтельства о томъ, что все въ оной содержащееся справедливо". Не взирая на этотъ протестъ, статья Кондырева была въ газетѣ помѣщена (№ 25-ый за 1811 годъ), хотя всякому предоставляется самому судить о томъ, на сколько редакціонныя притязанія подобнаго рода были способны приливу въ редакціонный портфейль статей серьезнаго содержанія. Весьма вѣроятно, что этотъ именно инцидентъ былъ причиною возбужденія, слѣдомъ за нимъ и въ томъ же засѣданіи комитета, вопроса о томъ: „должно ли всѣ піэсы, предлагаемыя къ изданію въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, разсматривать въ комитетѣ?", по которому члены комитета и пришли къ положительному отвѣту.

Неопредѣленность отношеній редакторской должности къ попечителю—съ одной, къ совѣту—съ другой, къ издательному комитету—съ третьей стороны, не мало и другихъ щекотливыхъ положеній, сопряженныхъ съ честью редактировать университетскую газету и съ которыми мы ниже познакомимся, дѣлали то, что университетъ находилъ очень не много охотниковъ, соглашавшихся становиться во главѣ редакціоннаго дѣла. Отъ званія редактора „Казанскихъ Извѣстій" всѣ старались такъ или иначе отбояриваться, смотрѣли на него, какъ на тяжелую повинность, и за все десятилѣтнее время существованія этой газеты при ней не могло сформироваться постоянной и опредѣленной редакціи; всякій, мало мальски знакомый съ сущностью редакціоннаго труда, хорошо пойметъ, конечно, насколько отрицательно должно было отзываться это обстоятельство на всей постановкѣ дѣла изданія, отлившагося въ сухія и формально-шаблонныя канцелярскія формы. Не говоря уже о редакторахъ, даже письмоводитель издательнаго комитета, нѣкій университетскій канцеляристъ Вороновъ, усердно ходатайствовалъ лѣтомъ 1813 года передъ совѣтомъ университета объ освобожденіи его отъ возложенной на него обязанности, ссылаясь на то, что онъ „въ теченіи сего времени почувствовалъ ломоту въ ногахъ отъ хожденія по грязи въ ненастное время, по распоряженіямъ комитета, въ разныя мѣста—въ полицію, магистратъ, консисторію и пр."

Первый составъ редакціи оставался, съ грѣхомъ пополамъ, у дѣлъ до весны 1813 года, когда, благодаря ходатайствамъ ихъ передъ новымъ попечителемъ Салтыковымъ, Городчаниновъ и Перевощиковъ были уволены, 27-го марта, отъ званія редакторовъ, съ „засвидѣтельствованіемъ

скаго общества или отъ полиціи (!), то по сей причинѣ я, Казанскихъ Извѣстій редакторъ и комитета членъ, судя о важности оной статьи, касающейся до всей россійской имперіи, не соглашаюсь на помѣщеніе оной въ Казанскихъ Извѣстіяхъ безъ законнаго свидѣтельства о томъ, что все въ оной содержащееся справедливо". Не взирая на этотъ протестъ, статья Кондырева была въ газетѣ помѣщена (№ 25-ый за 1811 годъ), хотя всякому предоставляется самому судить о томъ, на сколько редакціонныя притязанія подобнаго рода были способны приливу въ редакціонный портфейль статей серьезнаго содержанія. Весьма вѣроятно, что этотъ именно инцидентъ былъ причиною возбужденія, слѣдомъ за нимъ и въ томъ же засѣданіи комитета, вопроса о томъ: „должно ли всѣ піэсы, предлагаемыя къ изданію въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, разсматривать въ комитетѣ?", по которому члены комитета и пришли къ положительному отвѣту.

Неопредѣленность отношеній редакторской должности къ попечителю—съ одной, къ совѣту—съ другой, къ издательному комитету—съ третьей стороны, не мало и другихъ щекотливыхъ положеній, сопряженныхъ съ честью редактировать университетскую газету и съ которыми мы ниже познакомимся, дѣлали то, что университетъ находилъ очень не много охотниковъ, соглашавшихся становиться во главѣ редакціоннаго дѣла. Отъ званія редактора „Казанскихъ Извѣстій" всѣ старались такъ или иначе отбояриваться, смотрѣли на него, какъ на тяжелую повинность, и за все десятилѣтнее время существованія этой газеты при ней не могло сформироваться постоянной и опредѣленной редакціи; всякій, мало мальски знакомый съ сущностью редакціоннаго труда, хорошо пойметъ, конечно, насколько отрицательно должно было отзываться это обстоятельство на всей постановкѣ дѣла изданія, отлившагося въ сухія и формально-шаблонныя канцелярскія формы. Не говоря уже о редакторахъ, даже письмоводитель издательнаго комитета, нѣкій университетскій канцеляристъ Вороновъ, усердно ходатайствовалъ лѣтомъ 1813 года передъ совѣтомъ университета объ освобожденіи его отъ возложенной на него обязанности, ссылаясь на то, что онъ „въ теченіи сего времени почувствовалъ ломоту въ ногахъ отъ хожденія по грязи въ ненастное время, по распоряженіямъ комитета, въ разныя мѣста—въ полицію, магистратъ, консисторію и пр."

Первый составъ редакціи оставался, съ грѣхомъ пополамъ, у дѣлъ до весны 1813 года, когда, благодаря ходатайствамъ ихъ передъ новымъ попечителемъ Салтыковымъ, Городчаниновъ и Перевощиковъ были уволены, 27-го марта, отъ званія редакторовъ, съ „засвидѣтельствованіемъ

за подъятый трудъ признательности" *; вмѣстѣ съ тѣмъ издательному комитету (также, замѣтимъ попутно, постоянно измѣнявшемуся въ своемъ составѣ) предложено „учинить надлежащее распоряженіе въ разсужденіи издаванія впредь Казанскихъ Извѣстій". Редакторомъ газеты былъ съ 3-го апрѣля назначенъ,—на этотъ разъ уже единолично,—состоявшій передъ тѣмъ въ должности секретаря комитета адъюнктъ П. С. Кондыревъ, которому, взамѣнъ второго редактора и „дабы не отягчить его слишкомъ много сею трудною обязанностью", приданы были въ помощь цѣлыхъ шесть магистровъ—„наиболѣе въ знаніяхъ и русскомъ языкѣ успѣвшихъ" (Срезневскій, Самсоновъ, Юнаковъ, Дунаевъ, Булыгинъ и Тимьянскій), съ такимъ разсчетомъ, что бы каждый изъ нихъ отправлялъ обязанности при редакціи въ теченіи двухъ мѣсяцевъ въ году. Эта комбинація, съ нѣкоторыми перемѣнами въ составѣ редакціонныхъ помощниковъ, удерживалась до 10-го февраля 1816 года, когда состоялось увольненіе Кондырева отъ званія редактора.

Оставленіе Кондыревымъ,—въ то время уже экстраординарнымъ профессоромъ,—званія редактора „Казанскихъ Извѣстій" было послѣдствіемъ неисправностей типографіи въ изданіи газеты, по поводу чего онъ въ началѣ февраля 1816 года принесъ формальную жалобу на фактора Бонельмана, заявляя въ ней, что на эти неисправности „жаловался уже до двадцати разъ по начальству, равно и о пренебреженіи имъ, факторомъ, всякой законной къ нему подчиненности и послушанія"; а „какъ онъ никакого самъ собою способа къ исправленію по оному не находитъ и помощи, не смотря на представленія—не видитъ", то и проситъ уволить его отъ редакторскихъ обязанностей.

Уволивъ Кондырева, совѣтъ университета снова возвратился къ коллегіальной формѣ организаціи редакціи, назначивъ 10-го февраля 1816 года трехъ редакторовъ „Казанскихъ Извѣстій", въ лицѣ адъюнктовъ М. А. Юнакова, И. И. Дунаева и В. И. Тимьянскаго, бывшихъ при Кондыревѣ редакціонными помощниками. Не повезло университетской газетѣ и съ двумя изъ этихъ новыхъ редакторовъ: уже 8-го мая 1817 года Юнаковъ и Тимьянскій вошли въ совѣтъ съ коллективнымъ заявленіемъ, въ которомъ просили уволить ихъ отъ редакторскихъ обязанностей, такъ какъ они „узнали по опыту, что исполненіе таковой должности требуетъ весьма большихъ занятій и во многомъ препятствуетъ посвящать свободные часы

* Несеніе обязанностей редакторовъ «Казанскихъ Извѣстій» вмѣнялось въ службу и отмѣчалось въ формулярныхъ спискахъ.

за подъятый трудъ признательности" *; вмѣстѣ съ тѣмъ издательному комитету (также, замѣтимъ попутно, постоянно измѣнявшемуся въ своемъ составѣ) предложено „учинить надлежащее распоряженіе въ разсужденіи издаванія впредь Казанскихъ Извѣстій". Редакторомъ газеты былъ съ 3-го апрѣля назначенъ,—на этотъ разъ уже единолично,—состоявшій передъ тѣмъ въ должности секретаря комитета адъюнктъ П. С. Кондыревъ, которому, взамѣнъ второго редактора и „дабы не отягчить его слишкомъ много сею трудною обязанностью", приданы были въ помощь цѣлыхъ шесть магистровъ—„наиболѣе въ знаніяхъ и русскомъ языкѣ успѣвшихъ" (Срезневскій, Самсоновъ, Юнаковъ, Дунаевъ, Булыгинъ и Тимьянскій), съ такимъ разсчетомъ, что бы каждый изъ нихъ отправлялъ обязанности при редакціи въ теченіи двухъ мѣсяцевъ въ году. Эта комбинація, съ нѣкоторыми перемѣнами въ составѣ редакціонныхъ помощниковъ, удерживалась до 10-го февраля 1816 года, когда состоялось увольненіе Кондырева отъ званія редактора.

Оставленіе Кондыревымъ,—въ то время уже экстраординарнымъ профессоромъ,—званія редактора „Казанскихъ Извѣстій" было послѣдствіемъ неисправностей типографіи въ изданіи газеты, по поводу чего онъ въ началѣ февраля 1816 года принесъ формальную жалобу на фактора Бонельмана, заявляя въ ней, что на эти неисправности „жаловался уже до двадцати разъ по начальству, равно и о пренебреженіи имъ, факторомъ, всякой законной къ нему подчиненности и послушанія"; а „какъ онъ никакого самъ собою способа къ исправленію по оному не находитъ и помощи, не смотря на представленія—не видитъ", то и проситъ уволить его отъ редакторскихъ обязанностей.

Уволивъ Кондырева, совѣтъ университета снова возвратился къ коллегіальной формѣ организаціи редакціи, назначивъ 10-го февраля 1816 года трехъ редакторовъ „Казанскихъ Извѣстій", въ лицѣ адъюнктовъ М. А. Юнакова, И. И. Дунаева и В. И. Тимьянскаго, бывшихъ при Кондыревѣ редакціонными помощниками. Не повезло университетской газетѣ и съ двумя изъ этихъ новыхъ редакторовъ: уже 8-го мая 1817 года Юнаковъ и Тимьянскій вошли въ совѣтъ съ коллективнымъ заявленіемъ, въ которомъ просили уволить ихъ отъ редакторскихъ обязанностей, такъ какъ они „узнали по опыту, что исполненіе таковой должности требуетъ весьма большихъ занятій и во многомъ препятствуетъ посвящать свободные часы

* Несеніе обязанностей редакторовъ «Казанскихъ Извѣстій» вмѣнялось въ службу и отмѣчалось въ формулярныхъ спискахъ.

на упражненіе въ наукахъ". Согласившись на просьбу этихъ лицъ, совѣтъ 19-го іюня постановилъ поручить, взамѣнъ ихъ, должность редакторовъ магистрамъ А. И. Лобачевскому и Д. П. Самсонову, предложивъ имъ отправлять редакторскія обязанности чередуясь помѣсячно. Непрочнымъ оказался и этотъ редакціонный составъ: Лобачевскій вышелъ изъ состава редакціи уже въ іюлѣ того же года, Самсоновъ въ іюнѣ слѣдующаго 1818 года, хотя Самсонова, вмѣстѣ съ І. Е. Срезневскимъ, мы съ 12 іюля 1819 года снова встрѣчаемъ въ составѣ редакціи. Болѣе продолжительною явилась публицистическая дѣятельность И. И. Дунаева, который, будучи избранъ редакторомъ „Казанскихъ Извѣстій" 10-го февраля 1816 года, оставался въ этомъ званіи до самаго прекращенія изданія газеты.

Осенью 1819 года, слѣдовательно уже въ начальные мѣсяцы попечительства Магницкаго, изъявлялъ желаніе взять на себя издательство „Казанскихъ Извѣстій" нѣкій губернскій секретарь князь Гундуровъ, ставившій для этого условіемъ, что бы ему „доставляемы были пособія, какими пользовались издатели, т. е. право всегда получать періодическія изданія, университетомъ выписываемыя, и книги изъ университетской библіотеки". Претендентъ изъявлялъ, сверхъ того, желаніе получить „казенную квартиру, съ производствомъ жалованья по 700 рублей въ годъ и съ возложеніемъ на него какой либо другой должности, къ исправленію которой начальство найдетъ его способнымъ". Совѣтъ представилъ предложеніе кн. Гундурова на благоусмотрѣніе попечителя, которымъ оно и было отклонено. Это происходило, впрочемъ, уже почти наканунѣ совершеннаго прекращенія изданія „Казанскихъ Извѣстій" [143].

Въ такомъ видѣ представляются намъ превратности редакціонной организаціи перваго университетскаго повременнаго изданія, которыя не могли, само собою разумѣется, не отражаться и на всей постановкѣ дѣла этого послѣдняго.

А въ этой постановкѣ оказывалось не мало дефектовъ и слабыхъ сторонъ, на которыя неустанно обращало вниманіе высшее начальство, причиняя на этой почвѣ не мало огорченій постоянно смѣнявшимся руководителямъ редакціоннаго дѣла.

При ограниченности програмы, лежавшей въ основѣ изданія „Казанскихъ Извѣстій", и при особыхъ условіяхъ организаціи редакціоннаго дѣла, не могло возбуждаться никакихъ опасеній съ точки зрѣнія общаго направленія газеты, тѣмъ болѣе, что изданіе находилось подъ постояннымъ и самымъ бдительнымъ контролемъ, въ особенности же въ эпоху попечительства Румовскаго, лично входившаго во всѣ подробности

на упражненіе въ наукахъ". Согласившись на просьбу этихъ лицъ, совѣтъ 19-го іюня постановилъ поручить, взамѣнъ ихъ, должность редакторовъ магистрамъ А. И. Лобачевскому и Д. П. Самсонову, предложивъ имъ отправлять редакторскія обязанности чередуясь помѣсячно. Непрочнымъ оказался и этотъ редакціонный составъ: Лобачевскій вышелъ изъ состава редакціи уже въ іюлѣ того же года, Самсоновъ въ іюнѣ слѣдующаго 1818 года, хотя Самсонова, вмѣстѣ съ І. Е. Срезневскимъ, мы съ 12 іюля 1819 года снова встрѣчаемъ въ составѣ редакціи. Болѣе продолжительною явилась публицистическая дѣятельность И. И. Дунаева, который, будучи избранъ редакторомъ „Казанскихъ Извѣстій" 10-го февраля 1816 года, оставался въ этомъ званіи до самаго прекращенія изданія газеты.

Осенью 1819 года, слѣдовательно уже въ начальные мѣсяцы попечительства Магницкаго, изъявлялъ желаніе взять на себя издательство „Казанскихъ Извѣстій" нѣкій губернскій секретарь князь Гундуровъ, ставившій для этого условіемъ, что бы ему „доставляемы были пособія, какими пользовались издатели, т. е. право всегда получать періодическія изданія, университетомъ выписываемыя, и книги изъ университетской библіотеки". Претендентъ изъявлялъ, сверхъ того, желаніе получить „казенную квартиру, съ производствомъ жалованья по 700 рублей въ годъ и съ возложеніемъ на него какой либо другой должности, къ исправленію которой начальство найдетъ его способнымъ". Совѣтъ представилъ предложеніе кн. Гундурова на благоусмотрѣніе попечителя, которымъ оно и было отклонено. Это происходило, впрочемъ, уже почти наканунѣ совершеннаго прекращенія изданія „Казанскихъ Извѣстій" [143].

Въ такомъ видѣ представляются намъ превратности редакціонной организаціи перваго университетскаго повременнаго изданія, которыя не могли, само собою разумѣется, не отражаться и на всей постановкѣ дѣла этого послѣдняго.

А въ этой постановкѣ оказывалось не мало дефектовъ и слабыхъ сторонъ, на которыя неустанно обращало вниманіе высшее начальство, причиняя на этой почвѣ не мало огорченій постоянно смѣнявшимся руководителямъ редакціоннаго дѣла.

При ограниченности програмы, лежавшей въ основѣ изданія „Казанскихъ Извѣстій", и при особыхъ условіяхъ организаціи редакціоннаго дѣла, не могло возбуждаться никакихъ опасеній съ точки зрѣнія общаго направленія газеты, тѣмъ болѣе, что изданіе находилось подъ постояннымъ и самымъ бдительнымъ контролемъ, въ особенности же въ эпоху попечительства Румовскаго, лично входившаго во всѣ подробности

даже въ мелочи, университетскаго издательскаго дѣла. Нерѣдко попечитель лично просматривалъ статьи, предназначавшіяся къ напечатанію въ газетѣ, дѣлая въ нихъ необходимыя ограниченія и исправленія, а въ другихъ случаяхъ налагая на нихъ свое veto. Во всѣхъ, вообще, случаяхъ редакціонныхъ недоумѣній и сомнѣній, издательный комитетъ обращался къ ближайшему усмотрѣнію попечителя, что, конечно, вносило въ дѣло изданія волокиту, такъ какъ Румовскій жилъ въ Петербургѣ и письменыя сношенія съ нимъ представлялись довольно медлительными. Такъ, въ маѣ 1812 года, попечитель даетъ, напримѣръ, знать издательному комитету, въ отвѣтъ на его донесеніе, что онъ „согласенъ на помѣщеніе въ Казанскихъ Извѣстіяхъ статей, означенныхъ подъ числами 6-мъ—11-мъ, исключая, первое—о грязи на улицахъ, о таяніи и бѣгѣ воды (?)“ и „какомъ то обнаженіи ея отъ снѣга“, „о посѣвѣ, поспѣваніи и жатвѣ хлѣба, и, второе—о собраніяхъ казанскаго общества любителей отечественной словесности“; трудно сказать, что въ этихъ, совершенно невинныхъ по характеру своему, темахъ могло внушать къ себѣ въ престарѣломъ попечителѣ опасенія. Иногда цѣлыя статьи, предназначавшіяся къ напечатанію, требовались для просмотра ихъ въ Петербургъ; такъ, въ августѣ 1812 года князь А. Н. Голицинъ, управлявшій въ то время министерствомъ народнаго просвѣщенія, требуетъ къ себѣ на предварительный просмотръ нѣкоторыя статьи, изготовлявшіяся редакціею для помѣщенія ихъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“. Въ отдѣльныхъ случаяхъ создавалась, такимъ образомъ, для университетской газеты тройная цензура: общая университетская, предусмотрѣнная дѣйствовавшими положеніями, цензура издательнаго комитета и, наконецъ, цензура еще и центральныхъ органовъ министерства.

Не взирая на такія гарантіи полной благонамѣренности изданія, встрѣчались, тѣмъ не менѣе, случаи выговоровъ за помѣщеніе въ газетѣ отдѣльныхъ статей, избѣгшихъ бдительнаго надзора цензуры и властей. Первый случай подобнаго рода относится уже къ первымъ мѣсяцамъ изданія „Казанскихъ Извѣстій“ и былъ вызванъ появленіемъ въ газетѣ (№ 9-ый за 1811 годъ) анекдота о послѣднихъ часахъ жизни философа Малерба. Вотъ этотъ маленькій „анекдотъ“, въ его буквальномъ воспроизведеніи,— даже съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника:

„Философъ Малербъ за часъ до смерти своей при всталъ съ постели, и какъ бы слушалъ не что съ большимъ вниманіемъ.—духовникъ предлагалъ ему скорѣе начать исповѣдь и описывая блаженство будущей жизни, спрашивалъ его: не предчувствуетъ онъ чего небес-

даже въ мелочи, университетскаго издательскаго дѣла. Нерѣдко попечитель лично просматривалъ статьи, предназначавшіяся къ напечатанію въ газетѣ, дѣлая въ нихъ необходимыя ограниченія и исправленія, а въ другихъ случаяхъ налагая на нихъ свое veto. Во всѣхъ, вообще, случаяхъ редакціонныхъ недоумѣній и сомнѣній, издательный комитетъ обращался къ ближайшему усмотрѣнію попечителя, что, конечно, вносило въ дѣло изданія волокиту, такъ какъ Румовскій жилъ въ Петербургѣ и письменыя сношенія съ нимъ представлялись довольно медлительными. Такъ, въ маѣ 1812 года, попечитель даетъ, напримѣръ, знать издательному комитету, въ отвѣтъ на его донесеніе, что онъ „согласенъ на помѣщеніе въ Казанскихъ Извѣстіяхъ статей, означенныхъ подъ числами 6-мъ—11-мъ, исключая, первое—о грязи на улицахъ, о таяніи и бѣгѣ воды (?)“ и „какомъ то обнаженіи ея отъ снѣга“, „о посѣвѣ, поспѣваніи и жатвѣ хлѣба, и, второе—о собраніяхъ казанскаго общества любителей отечественной словесности“; трудно сказать, что въ этихъ, совершенно невинныхъ по характеру своему, темахъ могло внушать къ себѣ въ престарѣломъ попечителѣ опасенія. Иногда цѣлыя статьи, предназначавшіяся къ напечатанію, требовались для просмотра ихъ въ Петербургъ; такъ, въ августѣ 1812 года князь А. Н. Голицинъ, управлявшій въ то время министерствомъ народнаго просвѣщенія, требуетъ къ себѣ на предварительный просмотръ нѣкоторыя статьи, изготовлявшіяся редакціею для помѣщенія ихъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“. Въ отдѣльныхъ случаяхъ создавалась, такимъ образомъ, для университетской газеты тройная цензура: общая университетская, предусмотрѣнная дѣйствовавшими положеніями, цензура издательнаго комитета и, наконецъ, цензура еще и центральныхъ органовъ министерства.

Не взирая на такія гарантіи полной благонамѣренности изданія, встрѣчались, тѣмъ не менѣе, случаи выговоровъ за помѣщеніе въ газетѣ отдѣльныхъ статей, избѣгшихъ бдительнаго надзора цензуры и властей. Первый случай подобнаго рода относится уже къ первымъ мѣсяцамъ изданія „Казанскихъ Извѣстій“ и былъ вызванъ появленіемъ въ газетѣ (№ 9-ый за 1811 годъ) анекдота о послѣднихъ часахъ жизни философа Малерба. Вотъ этотъ маленькій „анекдотъ“, въ его буквальномъ воспроизведеніи,—даже съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника:

„Философъ Малербъ за часъ до смерти своей при всталъ съ постели, и какъ бы слушалъ не что съ большимъ вниманіемъ.—духовникъ предлагалъ ему скорѣе начать исповѣдь и описывая блаженство будущей жизни, спрашивалъ его: не предчувствуетъ онъ чего небес-

наго?—все земное, отецъ мой! все еще земное, небеснаго я ни чего не чувствую: штиль разсказовъ твоихъ приближаетъ только конецъ мой!"

Этотъ пустой „анекдотъ" обратилъ на себя негодующее вниманіе министра народнаго просвѣщенія, который предложеніемъ отъ 17-го іюля, сославшись на появленіе въ газетѣ „неприличнаго анекдота о философѣ Малербѣ, одобреннаго цензурою казанскаго университета", предписывалъ, „что бы цензура впредь съ возможною осторожностью поступала въ разсмотрѣніи всякаго рода піэсъ".

Другой аналогичный инцидентъ относится къ 1817-му году и былъ вызванъ появленіемъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (№ 26-ой) замѣтки объ оставленіи г. Казани бывшимъ вице-губернаторомъ Ѳ. П. Гурьевымъ, уволеннымъ отъ этой должности, а передъ тѣмъ, по случаю смерти Б. А. Мансурова, цѣлый годъ исправлявшаго должность губернатора. Высказывая сочувственное отношеніе къ Гурьеву и сожалѣніе объ оставленіи имъ Казани, замѣтка эта оканчивается слѣдующими словами:

> „Ревностнымъ исправленіемъ трудныхъ обязанностей онъ снискалъ почтеніе и любовь людей благомыслящихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ навлекъ себѣ.... и недоброжелателей—по естественному ходу вещей: гдѣ достоинства, тамъ и зависть".

И эта замѣтка вызвала выговоръ со стороны министра народнаго просвѣщенія, который нашелъ „неприличнымъ, что бы въ вѣдомостяхъ помѣщаемы были сужденія о служащихъ или увольняемыхъ отъ службы чиновникахъ" и предписывалъ „впредь не помѣщать подобныхъ статей" [144].

Получались редакторами „Казанскихъ Извѣстій" начальническіе выговоры и замѣчанія и по поводу редакціонныхъ неисправностей и недосмотровъ. Такъ, въ октябрѣ 1811 года попечитель Румовскій ставитъ редакторамъ на видъ, что „помѣщаемыя статьи раздробляются продолженіями на отрывки слишкомъ мелкіе и отъ такихъ безпрестанныхъ перерывовъ матеріи теряется связь и должны останавливаться память и вниманіе", и что „встрѣчаются многія типографскія ошибки", въ силу чего онъ и предлагаетъ, „ежели статьи не такъ будутъ обширны, не раздроблять на продолженія, а помѣщать въ одномъ номерѣ въ полномъ смыслѣ, и чтобы г.г. редакторы приложили свое тщаніе выпускать ихъ (т. е. извѣстія) съ возможною исправностью". Въ концѣ 1817 года ополчался противъ небрежности изданія „Казанскихъ Извѣстій" и попечитель Салтыковъ: „Къ прискорбію моему усмотрѣлъ я,—предлагаетъ онъ отъ 17-го декабря,—въ полученныхъ мною Казанскихъ Извѣстіяхъ еще недостатки и упуще-

наго?—все земное, отецъ мой! все еще земное, небеснаго я ни чего не чувствую: штиль разсказовъ твоихъ приближаетъ только конецъ мой!"

Этотъ пустой „анекдотъ" обратилъ на себя негодующее вниманіе министра народнаго просвѣщенія, который предложеніемъ отъ 17-го іюля, сославшись на появленіе въ газетѣ „неприличнаго анекдота о философѣ Малербѣ, одобреннаго цензурою казанскаго университета", предписывалъ, „что бы цензура впредь съ возможною осторожностью поступала въ разсмотрѣніи всякаго рода піэсъ".

Другой аналогичный инцидентъ относится къ 1817-му году и былъ вызванъ появленіемъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (№ 26-ой) замѣтки объ оставленіи г. Казани бывшимъ вице-губернаторомъ Ѳ. П. Гурьевымъ, уволеннымъ отъ этой должности, а передъ тѣмъ, по случаю смерти Б. А. Мансурова, цѣлый годъ исправлявшаго должность губернатора. Высказывая сочувственное отношеніе къ Гурьеву и сожалѣніе объ оставленіи имъ Казани, замѣтка эта оканчивается слѣдующими словами:

„Ревностнымъ исправленіемъ трудныхъ обязанностей онъ снискалъ почтеніе и любовь людей благомыслящихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ навлекъ себѣ.... и недоброжелателей—по естественному ходу вещей: гдѣ достоинства, тамъ и зависть".

И эта замѣтка вызвала выговоръ со стороны министра народнаго просвѣщенія, который нашелъ „неприличнымъ, что бы въ вѣдомостяхъ помѣщаемы были сужденія о служащихъ или увольняемыхъ отъ службы чиновникахъ" и предписывалъ „впредь не помѣщать подобныхъ статей" [144].

Получались редакторами „Казанскихъ Извѣстій" начальническіе выговоры и замѣчанія и по поводу редакціонныхъ неисправностей и недосмотровъ. Такъ, въ октябрѣ 1811 года попечитель Румовскій ставитъ редакторамъ на видъ, что „помѣщаемыя статьи раздробляются продолженіями на отрывки слишкомъ мелкіе и отъ такихъ безпрестанныхъ перерывовъ матеріи теряется связь и должны останавливаться память и вниманіе", и что „встрѣчаются многія типографскія ошибки", въ силу чего онъ и предлагаетъ, „ежели статьи не такъ будутъ обширны, не раздроблять на продолженія, а помѣщать въ одномъ номерѣ въ полномъ смыслѣ, и чтобы г.г. редакторы приложили свое тщаніе выпускать ихъ (т. е. извѣстія) съ возможною исправностью". Въ концѣ 1817 года ополчался противъ небрежности изданія „Казанскихъ Извѣстій" и попечитель Салтыковъ: „Къ прискорбію моему усмотрѣлъ я,—предлагаетъ онъ отъ 17-го декабря,—въ полученныхъ мною Казанскихъ Извѣстіяхъ еще недостатки и упуще-

нія, о коихъ сдѣлано уже было мною должное замѣчаніе, почему вынуждаюсь замѣтить издателямъ оныхъ, дабы они означали заглавіями мѣста, гдѣ описываемое ими происходило или откуда они что почерпаютъ, также предлагаемаго читателямъ описанія одного съ другимъ не смѣшивать, дабы чрезъ то оные отъ сомнѣнія были избавлены, а университетъ отъ нареканій за подобную небрежность". Частыя замѣчанія вызывалъ и несвоевременный выпускъ номеровъ газеты, иногда запаздывавшій нѣсколькими днями, что редакторы, съ своей стороны, объясняли неисправностями типографіи, съ которыми такъ безплодно боролся, какъ мы видѣли, Кондыревъ, изъ-за этихъ неисправностей нашедшій себя даже вынужденнымъ отказаться отъ званія редактора.

Вызывали выговоры и замѣчанія начальства какъ погрѣшности газеты со стороны стиля, такъ и недосмотры съ точки зрѣнія правописанія. Такъ въ іюнѣ 1812 года попечитель укорялъ редакцію въ томъ, что въ справочныхъ цѣнахъ газеты употребляются „необыкновенныя или простонародныя слова", какъ то: „судокъ"—вмѣсто „судакъ", „снулая рыба"—вмѣсто „сонная (?!) рыба" и т. п. Мы уже знаемъ, что еще министръ внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находились первоначально „Казанскія Извѣстія", выразилъ свое неудовольствіе на обиліе въ нихъ „ошибокъ не только типографскихъ, но даже противъ языка и слога", что и послужило ближайшею причиною передачи университету дѣла изданія газеты; попечитель же Румовскій ставилъ редакторамъ въ вину даже опечатки, какъ то: „ладъ"—вмѣсто „гладъ", „учители"—вмѣсто „жители", „камнелонъ"—вмѣсто „камнеломъ" и т. п. [145].

Среди препятствій, съ которыми приходилось считаться редакторамъ „Казанскихъ Извѣстій", весьма видное мѣсто занималъ недостатокъ матеріала для заполненія номеровъ газеты, не взирая на неоднократныя обращенія съ просьбами о содѣйствіи въ этомъ направленіи, съ которыми адресовались какъ мѣстные, такъ и центральные органы министерства и къ губернскимъ и къ училищнымъ властямъ округа. Неоднократно встрѣчались факты побужденія къ доставленію матеріаловъ для „Казанскихъ Извѣстій" и членовъ университета. Такъ, въ началѣ ноября 1811 года, изъявляя согласіе на увольненіе проф. Броннера отъ званія члена издательнаго комитета, попечитель выражаетъ увѣренность, что „не только г. Броннеръ, но никто изъ членовъ совѣта, въ исполненіе монаршей воли, не отречется сообщать статьи, достойныя для помѣщенія въ извѣстіяхъ"; равнымъ образомъ, увольняя въ февралѣ слѣдующаго года отъ того же званія проф. Эрдмана, Румовскій снова высказываетъ надежду, что „какъ

нія, о коихъ сдѣлано уже было мною должное замѣчаніе, почему вынуждаюсь замѣтить издателямъ оныхъ, дабы они означали заглавіями мѣста, гдѣ описываемое ими происходило или откуда они что почерпаютъ, также предлагаемаго читателямъ описанія одного съ другимъ не смѣшивать, дабы чрезъ то оные отъ сомнѣнія были избавлены, а университетъ отъ нареканій за подобную небрежность". Частыя замѣчанія вызывалъ и несвоевременный выпускъ номеровъ газеты, иногда запаздывавшій нѣсколькими днями, что редакторы, съ своей стороны, объясняли неисправностями типографіи, съ которыми такъ безплодно боролся, какъ мы видѣли, Кондыревъ, изъ-за этихъ неисправностей нашедшій себя даже вынужденнымъ отказаться отъ званія редактора.

Вызывали выговоры и замѣчанія начальства какъ погрѣшности газеты со стороны стиля, такъ и недосмотры съ точки зрѣнія правописанія. Такъ въ іюнѣ 1812 года попечитель укорялъ редакцію въ томъ, что въ справочныхъ цѣнахъ газеты употребляются „необыкновенныя или простонародныя слова", какъ то: „судокъ"—вмѣсто „судакъ", „снулая рыба"—вмѣсто „сонная (?!) рыба" и т. п. Мы уже знаемъ, что еще министръ внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находились первоначально „Казанскія Извѣстія", выразилъ свое неудовольствіе на обиліе въ нихъ „ошибокъ не только типографскихъ, но даже противъ языка и слога", что и послужило ближайшею причиною передачи университету дѣла изданія газеты; попечитель же Румовскій ставилъ редакторамъ въ вину даже опечатки, какъ то: „ладъ"—вмѣсто „гладъ", „учители"—вмѣсто „жители", „камнелонъ"—вмѣсто „камнеломъ" и т. п. [145].

Среди препятствій, съ которыми приходилось считаться редакторамъ „Казанскихъ Извѣстій", весьма видное мѣсто занималъ недостатокъ матеріала для заполненія номеровъ газеты, не взирая на неоднократныя обращенія съ просьбами о содѣйствіи въ этомъ направленіи, съ которыми адресовались какъ мѣстные, такъ и центральные органы министерства и къ губернскимъ и къ училищнымъ властямъ округа. Неоднократно встрѣчались факты побужденія къ доставленію матеріаловъ для „Казанскихъ Извѣстій" и членовъ университета. Такъ, въ началѣ ноября 1811 года, изъявляя согласіе на увольненіе проф. Броннера отъ званія члена издательнаго комитета, попечитель выражаетъ увѣренность, что „не только г. Броннеръ, но никто изъ членовъ совѣта, въ исполненіе монаршей воли, не отречется сообщать статьи, достойныя для помѣщенія въ извѣстіяхъ"; равнымъ образомъ, увольняя въ февралѣ слѣдующаго года отъ того же званія проф. Эрдмана, Румовскій снова высказываетъ надежду, что „какъ

г. профессоръ Эрдманъ, такъ и прочіе г.г. члены совѣта не преминутъ исполнить свое обѣщаніе сообщеніемъ для помѣщенія извѣстій или сочиненій, могущихъ сдѣлать казанскую газету достойною любопытства и принести честь оной". Но члены университета плохо откликались на призывъ къ сотрудничеству въ университетской газетѣ и даже въ 1816 году соредакторы „Казанскихъ Извѣстій", адъюнкты Юнаковъ, Дунаевъ и Тимьянскій, вынуждены были войти въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ убѣждали членовъ совѣта „что бы они, по сдѣланному ими нѣкогда обѣщанію, какъ видно изъ предложенія покойнаго г. попечителя отъ 5-го февраля 1812 года, благоволили доставлять свои замѣчанія хотя однажды въ мѣсяцъ, каждый изъ своей науки, для помѣщенія въ Казанскихъ Извѣстіяхъ".

Особенно серьезныя затрудненія, съ точки зрѣнія недостаточности матеріала, ощущались въ первые годы изданія газеты. Такъ, въ засѣданіи издательнаго комитета 27-го февраля 1812 года редакторъ Городчаниновъ доложилъ комитету—„что матеріаловъ для Казанскихъ Извѣстій никакихъ не находится, что ихъ ни отъ кого изъ г.г. членовъ совѣта нынѣ не получается и съ давняго времени почти не получалось, равномѣрно и отъ г.г. директоровъ училищъ, почему редакторы, по недостатку матеріаловъ, часто находятся въ большомъ затрудненіи". По этому поводу послѣдовали представленія въ совѣтъ и училищный комитетъ, попечитель же, познакомившись съ такимъ критическимъ положеніемъ вещей изъ меморіи издательнаго комитета, съ своей стороны вошелъ въ совѣтъ съ предложеніемъ отъ 14-го марта, въ которомъ, ссылаясь на возможность совершенной остановки въ изданіи газеты, снова обратился къ членамъ совѣта съ приглашеніемъ—„не благоугодно ли будетъ каждому изъ нихъ вспомоществовать редакторамъ доставленіемъ какихъ либо полезныхъ статей для помѣщенія въ казанскихъ вѣдомостяхъ (sic)". Заслушавъ попечительское предложеніе 27-го марта, совѣтъ постановилъ: „Донести его превосходительству, что нѣкоторые г.г. члены совѣта содѣйствовали уже къ изданію Казанскихъ Извѣстій и нынѣ не отрицаются, другіе оное обѣщали, и что, сверхъ того, члены комитета для изданія Казанскихъ Извѣстій объявили, что они уже приняли мѣры свои по сему предмету и что впредь не преминутъ имѣть объ изготовленіи матеріаловъ особенное попеченіе". Румовскій не удовольствовался этимъ, чисто формальнымъ, постановленіемъ, бросивъ совѣту упрекъ въ томъ, что, какъ имъ это замѣчено, и прежде „въ подобныхъ дѣлахъ разсужденія или записывались въ протоколахъ словами: отложить до другаго засѣданія, и послѣ чрезъ долгое время или вовсе

г. профессоръ Эрдманъ, такъ и прочіе г.г. члены совѣта не преминутъ исполнить свое обѣщаніе сообщеніемъ для помѣщенія извѣстій или сочиненій, могущихъ сдѣлать казанскую газету достойною любопытства и принести честь оной". Но члены университета плохо откликались на призывъ къ сотрудничеству въ университетской газетѣ и даже въ 1816 году соредакторы „Казанскихъ Извѣстій", адъюнкты Юнаковъ, Дунаевъ и Тимьянскій, вынуждены были войти въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ убѣждали членовъ совѣта „что бы они, по сдѣланному ими нѣкогда обѣщанію, какъ видно изъ предложенія покойнаго г. попечителя отъ 5-го февраля 1812 года, благоволили доставлять свои замѣчанія хотя однажды въ мѣсяцъ, каждый изъ своей науки, для помѣщенія въ Казанскихъ Извѣстіяхъ".

Особенно серьезныя затрудненія, съ точки зрѣнія недостаточности матеріала, ощущались въ первые годы изданія газеты. Такъ, въ засѣданіи издательнаго комитета 27-го февраля 1812 года редакторъ Городчаниновъ доложилъ комитету—„что матеріаловъ для Казанскихъ Извѣстій никакихъ не находится, что ихъ ни отъ кого изъ г.г. членовъ совѣта нынѣ не получается и съ давняго времени почти не получалось, равномѣрно и отъ г.г. директоровъ училищъ, почему редакторы, по недостатку матеріаловъ, часто находятся въ большомъ затрудненіи". По этому поводу послѣдовали представленія въ совѣтъ и училищный комитетъ, попечитель же, познакомившись съ такимъ критическимъ положеніемъ вещей изъ меморіи издательнаго комитета, съ своей стороны вошелъ въ совѣтъ съ предложеніемъ отъ 14-го марта, въ которомъ, ссылаясь на возможность совершенной остановки въ изданіи газеты, снова обратился къ членамъ совѣта съ приглашеніемъ—„не благоугодно ли будетъ каждому изъ нихъ вспомоществовать редакторамъ доставленіемъ какихъ либо полезныхъ статей для помѣщенія въ казанскихъ вѣдомостяхъ (sic)". Заслушавъ попечительское предложеніе 27-го марта, совѣтъ постановилъ: „Донести его превосходительству, что нѣкоторые г.г. члены совѣта содѣйствовали уже къ изданію Казанскихъ Извѣстій и нынѣ не отрицаются, другіе оное обѣщали, и что, сверхъ того, члены комитета для изданія Казанскихъ Извѣстій объявили, что они уже приняли мѣры свои по сему предмету и что впредь не преминутъ имѣть объ изготовленіи матеріаловъ особенное попеченіе". Румовскій не удовольствовался этимъ, чисто формальнымъ, постановленіемъ, бросивъ совѣту упрекъ въ томъ, что, какъ имъ это замѣчено, и прежде „въ подобныхъ дѣлахъ разсужденія или записывались въ протоколахъ словами: отложить до другаго засѣданія, и послѣ чрезъ долгое время или вовсе

уже не было объ оныхъ разсуждаемо, или безъ всякаго исполненія только упоминалось: записать въ протоколъ"; совѣтъ и на этотъ разъ не пошелъ далѣе обѣщаній самаго общаго и неопредѣленнаго характера.

Издательный комитетъ, съ своей стороны, старался успокоить опасенія попечителя за возможность совершенной остановки въ выпускѣ газеты и по этому поводу въ засѣданіи 29-го марта 1812 года пришелъ къ слѣдующему любопытному и довольно характерному постановленію:

„Представить его превосходительству, что многіе изъ г.г. профессоровъ не могутъ по своему предмету участвовать въ споспѣшествованіи, напримѣръ: профессоры медицинскихъ, политическихъ, юридическимъ и философскихъ наукъ (!); другіе, кромѣ учености, не легко могутъ доставлять иныя (!!) приличныя для вѣдомостей извѣстія; третьи хотя и доставятъ таковыя, но, по большей части, на иностранномъ языкѣ, что требуетъ еще перевода.

Только нынѣ получены двѣ книжки одного иностраннаго журнала, когда же будутъ получаться и всѣ другіе выписываемые, тогда заимствовать изъ сихъ книжекъ можно весьма многое, а г.г. профессорамъ останется для г.г. магистровъ и кандидатовъ изъ оныхъ назначать къ переводу на россійскій языкъ".

Представленіе это рѣшено заключить увѣреніемъ издательнаго комитета въ томъ, что „онъ, при дарованной ему довѣренности начальства, постарается всегда содѣйствовать усовершенствованію Казанскихъ Извѣстій и что остановка въ изданіи отъ комитета послѣдовать не можетъ, но что бы, впрочемъ, изданіе сіе выходило въ совершеннѣйшемъ видѣ, сего должно ожидать также отъ времени и благопріятныхъ обстоятельствъ".

Эти „благопріятныя обстоятельства" долго, однако, не наступали и борьба начальства и редакторовъ газеты съ апатичнымъ отношеніемъ къ ея изданію со стороны членовъ университета—отмѣчаетъ собою всю начальную исторію „Казанскихъ Извѣстій". Приходилось довольствоваться случайнымъ матеріаломъ, доставлявшимся, — опять таки чуть не „по наряду",—отъ представителей училищнаго вѣдомства округа, присылавшимся для напечатанія изъ министерства, отчасти поступавшимъ и отъ частныхъ лицъ; остальное содержаніе газеты давали оффиціальныя извѣстія, перепечатки изъ другихъ періодическихъ изданій, справочныя свѣдѣнія, наконецъ—казенныя и частныя объявленія. Давали для „Казанскихъ Извѣстій", какъ мы это уже видѣли, матеріалъ и такъ называвшіяся „ученыя записки", поступавшія въ университетъ изъ округа. Попытки же создать для членовъ университета оффиціальную п о в и н н о с т ь участія въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" окончились, какъ этого и слѣдовало ожидать—полною

уже не было объ оныхъ разсуждаемо, или безъ всякаго исполненія только упоминалось: записать въ протоколъ"; совѣтъ и на этотъ разъ не пошелъ далѣе обѣщаній самаго общаго и неопредѣленнаго характера.

Издательный комитетъ, съ своей стороны, старался успокоить опасенія попечителя за возможность совершенной остановки въ выпускѣ газеты и по этому поводу въ засѣданіи 29-го марта 1812 года пришелъ къ слѣдующему любопытному и довольно характерному постановленію:

„Представить его превосходительству, что многіе изъ г.г. профессоровъ не могутъ по своему предмету участвовать въ споспѣшествованіи, напримѣръ: профессоры медицинскихъ, политическихъ, юридическимъ и философскихъ наукъ (!); другіе, кромѣ учености, не легко могутъ доставлять иныя (!!) приличныя для вѣдомостей извѣстія; третьи хотя и доставятъ таковыя, но, по большей части, на иностранномъ языкѣ, что требуетъ еще перевода.

Только нынѣ получены двѣ книжки одного иностраннаго журнала, когда же будутъ получаться и всѣ другіе выписываемые, тогда заимствовать изъ сихъ книжекъ можно весьма многое, а г.г. профессорамъ остается для г.г. магистровъ и кандидатовъ изъ оныхъ назначать къ переводу на россійскій языкъ".

Представленіе это рѣшено заключить увѣреніемъ издательнаго комитета въ томъ, что „онъ, при дарованной ему довѣренности начальства, постарается всегда содѣйствовать усовершенствованію Казанскихъ Извѣстій и что остановка въ изданіи отъ комитета послѣдовать не можетъ, но что бы, впрочемъ, изданіе сіе выходило въ совершеннѣйшемъ видѣ, сего должно ожидать также отъ времени и благопріятныхъ обстоятельствъ".

Эти „благопріятныя обстоятельства" долго, однако, не наступали и борьба начальства и редакторовъ газеты съ апатичнымъ отношеніемъ къ ея изданію со стороны членовъ университета—отмѣчаетъ собою всю начальную исторію „Казанскихъ Извѣстій". Приходилось довольствоваться случайнымъ матеріаломъ, доставлявшимся,—опять таки чуть не „по наряду",—отъ представителей училищнаго вѣдомства округа, присылавшимся для напечатанія изъ министерства, отчасти поступавшимъ и отъ частныхъ лицъ; остальное содержаніе газеты давали оффиціальныя извѣстія, перепечатки изъ другихъ періодическихъ изданій, справочныя свѣдѣнія, наконецъ—казенныя и частныя объявленія. Давали для „Казанскихъ Извѣстій", какъ мы это уже видѣли, матеріалъ и такъ называвшіяся „ученыя записки", поступавшія въ университетъ изъ округа. Попытки же создать для членовъ университета оффиціальную повинность участія въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" окончились, какъ этого и слѣдовало ожидать—полною

неудачею, какъ такою же неудачею сопровождалась, какъ мы это уже знаемъ, казенно-канцелярская организація самаго редакціоннаго дѣла [146].

Мы до сихъ поръ занимались вопросами болѣе или менѣе внѣшняго характера, связанными съ исторіею „Казанскихъ Извѣстій". Обратимся теперь къ обзору и къ характеристикѣ самаго содержанія этого перваго органа университетской повременной печати и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первой казанской газеты.

Уже слѣдомъ за отдачею „Казанскихъ Извѣстій" въ вѣдѣніе университета и за образованіемъ для ихъ изданія особаго совѣтскаго комитета, намѣчена была для газеты и новая программа („примѣрный планъ"), составленная, какъ мы знаемъ, адъюнктомъ П. С. Кондыревымъ. Извѣстно намъ и то, что эта программа, изъ которой, по протесту попечителя, былъ совершенно исключенъ отдѣлъ „политическихъ извѣстій", утверждена совѣтомъ въ засѣданіи 4-го октября 1811 года. Этимъ исключеніемъ дѣло не ограничилось и рядъ начальственныхъ предложеній, все болѣе и болѣе суживавшихъ и безъ того весьма не широкую программу газеты, послѣдовалъ въ ближайшіе мѣсяцы конца 1811-го и начала 1812-го годовъ. Такъ, уже 26-го октября 1811 года попечитель далъ знать совѣту, что онъ почитаетъ „неприличнымъ помѣщеніе, по плану Кондырева, проповѣдей, романовъ, басенъ, эпиграммъ, логогрифовъ, шарадъ", а также извѣстій „о смерти торгашей"—какъ презрительно перефразируетъ Румовскій рубрику: „извѣстія о смерти торговыхъ людей", имѣющуюся въ программѣ Кондырева; по мнѣнію попечителя, взамѣнъ матеріала этого рода „пристойнѣе и полезнѣе помѣщать краткое описаніе примѣчательныхъ городовъ, по подобію описанія, помѣщеннаго за нѣсколько передъ симъ номеровъ о Свіяжскѣ („Нѣчто о г. Свіяжскѣ", въ № 12-мъ), которыя можно требовать отъ директоровъ и смотрителей". Румовскій добавляетъ къ этому, что планъ Кондырева представленъ имъ, вообще, на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Соотвѣтствующее распоряженіе графа Разумовскаго, еще болѣе урѣзывавшее программу казанской газеты, не заставило себя долго ждать и послѣдовало въ видѣ слѣдующаго отношенія отъ 8-го ноября, на имя попечителя округа:

„Въ представленномъ мнѣ вашимъ превосходительствомъ планѣ для изданія казанскихъ вѣдомостей я почелъ нужнымъ исключить слѣдующія статьи:

1. Правовѣдѣніе—потому, что подъ сею статьею предполагаемо было печатать такія извѣстія и разсужденія, которыя подлежатъ другому министерству, а частью и не должны быть всѣмъ извѣстны.

неудачею, какъ такою же неудачею сопровождалась, какъ мы это уже знаемъ, казенно-канцелярская организація самаго редакціоннаго дѣла [146].

Мы до сихъ поръ занимались вопросами болѣе или менѣе внѣшняго характера, связанными съ исторіею „Казанскихъ Извѣстій". Обратимся теперь къ обзору и къ характеристикѣ самаго содержанія этого перваго органа университетской повременной печати и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первой казанской газеты.

Уже слѣдомъ за отдачею „Казанскихъ Извѣстій" въ вѣдѣніе университета и за образованіемъ для ихъ изданія особаго совѣтскаго комитета, намѣчена была для газеты и новая программа („примѣрный планъ"), составленная, какъ мы знаемъ, адъюнктомъ П. С. Кондыревымъ. Извѣстно намъ и то, что эта программа, изъ которой, по протесту попечителя, былъ совершенно исключенъ отдѣлъ „политическихъ извѣстій", утверждена совѣтомъ въ засѣданіи 4-го октября 1811 года. Этимъ исключеніемъ дѣло не ограничилось и рядъ начальственныхъ предложеній, все болѣе и болѣе суживавшихъ и безъ того весьма не широкую программу газеты, послѣдовалъ въ ближайшіе мѣсяцы конца 1811-го и начала 1812-го годовъ. Такъ, уже 26-го октября 1811 года попечитель далъ знать совѣту, что онъ почитаетъ „неприличнымъ помѣщеніе, по плану Кондырева, проповѣдей, романовъ, басенъ, эпиграммъ, логогрифовъ, шарадъ", а также извѣстій „о смерти торгашей"—какъ презрительно перефразируетъ Румовскій рубрику: „извѣстія о смерти торговыхъ людей", имѣющуюся въ программѣ Кондырева; по мнѣнію попечителя, взамѣнъ матеріала этого рода „пристойнѣе и полезнѣе помѣщать краткое описаніе примѣчательныхъ городовъ, по подобію описанія, помѣщеннаго за нѣсколько передъ симъ номеровъ о Свіяжскѣ („Нѣчто о г. Свіяжскѣ", въ № 12-мъ), которыя можно требовать отъ директоровъ и смотрителей". Румовскій добавляетъ къ этому, что планъ Кондырева представленъ имъ, вообще, на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Соотвѣтствующее распоряженіе графа Разумовскаго, еще болѣе урѣзывавшее программу казанской газеты, не заставило себя долго ждать и послѣдовало въ видѣ слѣдующаго отношенія отъ 8-го ноября, на имя попечителя округа:

„Въ представленномъ мнѣ вашимъ превосходительствомъ планѣ для изданія казанскихъ вѣдомостей я почелъ нужнымъ исключить слѣдующія статьи:

1. Правовѣдѣніе—потому, что подъ сею статьею предполагаемо было печатать такія извѣстія и разсужденія, которыя подлежатъ другому министерству, а частью и не должны быть всѣмъ извѣстны.

2. Философія—по причинѣ многихъ различныхъ толкованій, могущихъ дать поводъ къ излишнимъ ученымъ спорамъ съ сочинителями книгъ по сей части.

3. Медицинскія извѣстія—потому, что издается отъ медико-хирургической академіи медицинскій журналъ, въ который могутъ быть сообщаемы статьи по сей части.

По исключеніи сихъ статей, я представлялъ планъ Государю Императору и получилъ высочайшее повелѣніе на приведеніе его въ дѣйство".

Но и этими исключеніями не ограничился пересмотръ принятаго совѣтомъ 4-го октября плана изданія „Казанскихъ Извѣстій". Программа газеты въ самомъ началѣ ближайшаго года подверглась еще дальнѣйшей ампутаціи, какъ это усматривается изъ слѣдующаго предложенія попечителя отъ 8-го января 1812 года, поступившаго на имя издательнаго комитета:

„Соображая предписаніе его сіятельства (т. е. министра) отъ 8-го ноября, нахожу, что не могутъ имѣть мѣста въ извѣстіяхъ слѣдующія статьи:

1. Отдѣленіе первое *—подъ названіемъ постановленія отъ правительства (въ подлинномъ планѣ здѣсь значится: „новые законы, учрежденія, новое образованіе судебныхъ мѣстъ, опредѣленіе чиновниковъ и т. д.").

2. Въ отдѣленіи второмъ („статьи занимательныя")—статья, означенная литерою F, подъ названіемъ правовѣдѣніе.

3. Въ отдѣленіи третьемъ — подъ литерою А статьи, означенныя подъ числами четвертымъ („съ пользою можно бы было сообщать и о рѣшенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ судахъ дѣлахъ, любопытныхъ для многихъ") и пятымъ („разныя объявленія, какія въ особенности составляютъ должность городской и земской полиціи").

4. Въ отдѣленіи второмъ—всѣ статьи, означенныя подъ буквою М („медицинскія науки—новые методы леченія, медицинскія моды (sic), учрежденія, прививка оспы, скотолеченіе, скотскіе падежи и средства противъ нихъ").

Что жъ касается до статьи о военныхъ предметахъ, подъ буквою Е во второмъ отдѣленіи означенной („извѣстія о новыхъ иностранныхъ крѣпостяхъ, воинскія хитрости, старыя и новыя; замѣчательныя дѣла отечественныхъ воиновъ; побѣды россійскаго войска, взятыя изъ россійскихъ вѣдомостей; военныя сухопутныя и морскія силы государствъ"), то, по мнѣнію моему, оная можетъ оставаться въ планѣ, съ тою только осмотрительностью, что бы ничего не было помѣщаемо такого, что

---

* Указанія на рубрики плана Кондырева.

2. Философія—по причинѣ многихъ различныхъ толкованій, могущихъ дать поводъ къ излишнимъ ученымъ спорамъ съ сочинителями книгъ по сей части.

3. Медицинскія извѣстія—потому, что издается отъ медико-хирургической академіи медицинскій журналъ, въ который могутъ быть сообщаемы статьи по сей части.

По исключеніи сихъ статей, я представлялъ планъ Государю Императору и получилъ высочайшее повелѣніе на приведеніе его въ дѣйство".

Но и этими исключеніями не ограничился пересмотръ принятаго совѣтомъ 4-го октября плана изданія „Казанскихъ Извѣстій". Программа газеты въ самомъ началѣ ближайшаго года подверглась еще дальнѣйшей ампутаціи, какъ это усматривается изъ слѣдующаго предложенія попечителя отъ 8-го января 1812 года, поступившаго на имя издательнаго комитета:

„Соображая предписаніе его сіятельства (т. е. министра) отъ 8-го ноября, нахожу, что не могутъ имѣть мѣста въ извѣстіяхъ слѣдующія статьи:

1. Отдѣленіе первое *—подъ названіемъ постановленія отъ правительства (въ подлинномъ планѣ здѣсь значится: „новые законы, учрежденія, новое образованіе судебныхъ мѣстъ, опредѣленіе чиновниковъ и т. д.").

2. Въ отдѣленіи второмъ („статьи занимательныя")—статья, означенная литерою F, подъ названіемъ правовѣдѣніе.

3. Въ отдѣленіи третьемъ — подъ литерою A статьи, означенныя подъ числами четвертымъ („съ пользою можно бы было сообщать и о рѣшенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ судахъ дѣлахъ, любопытныхъ для многихъ") и пятымъ („разныя объявленія, какія въ особенности составляютъ должность городской и земской полиціи").

4. Въ отдѣленіи второмъ—всѣ статьи, означенныя подъ буквою M („медицинскія науки—новые методы леченія, медицинскія моды (sic), учрежденія, прививка оспы, скотолеченіе, скотскіе падежи и средства противъ нихъ").

Что жъ касается до статьи о военныхъ предметахъ, подъ буквою E во второмъ отдѣленіи означенной („извѣстія о новыхъ иностранныхъ крѣпостяхъ, воинскія хитрости, старыя и новыя; замѣчательныя дѣла отечественныхъ воиновъ; побѣды россійскаго войска, взятыя изъ россійскихъ вѣдомостей; военныя сухопутныя и морскія силы государствъ"), то, по мнѣнію моему, оная можетъ оставаться въ планѣ, съ тою только осмотрительностью, что бы ничего не было помѣщаемо такого, что

* Указанія на рубрики плана Кондырева.

касается до состоянія укрѣпленій, сухопутныхъ и морскихъ силъ Россіи и тому подобнаго".

Не представляется нисколько удивительнымъ, что новый попечитель Салтыковъ въ исходѣ 1812-го года счелъ за лучшее отклонить представленіе издательнаго комитета объ опубликованіи, при объявленіи подписки на 1813-й годъ, искалѣченной программы газеты, и въ своей первоначальной редакціи не отличавшейся особенною широтою: „Помѣщеніе плана въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, которое комитетъ почитаетъ не безполезнымъ, я, съ своей стороны,—писалъ попечитель,—признаю излишнимъ, ибо сіе до публики не касается, а относятся правила сіи до издателей извѣстій, которые должны наблюдать, какія помѣщать и не помѣщать статьи въ оныхъ"; Салтыковъ соглашается лишь на помѣщеніе въ этомъ объявленіи о подпискѣ на „Казанскія Извѣстія"—„приглашенія къ публикѣ о доставленіи всякаго рода любопытныхъ предметовъ, происшествій и другихъ свѣдѣній, для помѣщенія въ оныхъ". Это крайнее стѣсненіе программы университетской газеты, быть можетъ, способно дать намъ ключъ и къ объясненію того индифферентнаго отношенія къ дѣлу изданія, какое сказывалось, какъ мы видѣли, въ общей массѣ членовъ университетской корпораціи.....

Дальнѣйшая судьба „Казанскихъ Извѣстій" представляетъ собою явленіе, едва ли имѣющее примѣръ въ позднѣйшей исторіи русской повременной прессы и находящее себѣ объясненіе развѣ только въ тѣхъ патріархально-упрощенныхъ условіяхъ, при наличности которыхъ совершилось зарожденіе и постепенный ростъ этого первенца казанской публицистики. И въ самомъ дѣлѣ: первоначальная программа газеты, безжалостно урѣзанная министерскими и попечительскими предписаніями конца 1811-го и начала 1812-го годовъ, не подвергалась позднѣйшимъ пересмотрамъ; между тѣмъ, фактически, содержаніе газеты изъ года въ годъ расширялось, захватывая собою отдѣлы какъ совершенно новые, такъ и подвергнувшіеся административному veto начальной поры изданія, и все болѣе и болѣе приближая „Казанскія Извѣстія" къ типу повременнаго органа политическаго, общественнаго и литературнаго содержанія. Любопытно, что уже въ концѣ ноября 1811 года, слѣдовательно какъ разъ въ ту пору, когда попечительскія предложенія относительно изданія „Казанскихъ Извѣстій" отличались особенною строгостью, исключая изъ содержанія газеты „словесность" вообще,—начиная отъ „романовъ" и кончая „баснями", „эпиграммами" и „логогрифами",—на страницахъ этой газеты удалось появиться фельетону сатирическаго содержанія, принадлежавшему

касается до состоянія укрѣпленій, сухопутныхъ и морскихъ силъ Россіи и тому подобнаго".

Не представляется нисколько удивительнымъ, что новый попечитель Салтыковъ въ исходѣ 1812-го года счелъ за лучшее отклонить представленіе издательнаго комитета объ опубликованіи, при объявленіи подписки на 1813-й годъ, искалѣченной программы газеты, и въ своей первоначальной редакціи не отличавшейся особенною широтою: „Помѣщеніе плана въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, которое комитетъ почитаетъ не безполезнымъ, я, съ своей стороны,—писалъ попечитель,—признаю излишнимъ, ибо сіе до публики не касается, а относятся правила сіи до издателей извѣстій, которые должны наблюдать, какія помѣщать и не помѣщать статьи въ оныхъ"; Салтыковъ соглашается лишь на помѣщеніе въ этомъ объявленіи о подпискѣ на „Казанскія Извѣстія"—„приглашенія къ публикѣ о доставленіи всякаго рода любопытныхъ предметовъ, происшествій и другихъ свѣдѣній, для помѣщенія въ оныхъ". Это крайнее стѣсненіе программы университетской газеты, быть можетъ, способно дать намъ ключъ и къ объясненію того индифферентнаго отношенія къ дѣлу изданія, какое сказывалось, какъ мы видѣли, въ общей массѣ членовъ университетской корпораціи.....

Дальнѣйшая судьба „Казанскихъ Извѣстій" представляетъ собою явленіе, едва ли имѣющее примѣръ въ позднѣйшей исторіи русской повременной прессы и находящее себѣ объясненіе развѣ только въ тѣхъ патріархально-упрощенныхъ условіяхъ, при наличности которыхъ совершилось зарожденіе и постепенный ростъ этого первенца казанской публицистики. И въ самомъ дѣлѣ: первоначальная программа газеты, безжалостно урѣзанная министерскими и попечительскими предписаніями конца 1811-го и начала 1812-го годовъ, не подвергалась позднѣйшимъ пересмотрамъ; между тѣмъ, фактически, содержаніе газеты изъ года въ годъ расширялось, захватывая собою отдѣлы какъ совершенно новые, такъ и подвергнувшіеся административному veto начальной поры изданія, и все болѣе и болѣе приближая „Казанскія Извѣстія" къ типу повременнаго органа политическаго, общественнаго и литературнаго содержанія. Любопытно, что уже въ концѣ ноября 1811 года, слѣдовательно какъ разъ въ ту пору, когда попечительскія предложенія относительно изданія „Казанскихъ Извѣстій" отличались особенною строгостью, исключая изъ содержанія газеты „словесность" вообще,—начиная отъ „романовъ" и кончая „баснями", „эпиграммами" и „логогрифами",—на страницахъ этой газеты удалось появиться фельетону сатирическаго содержанія, принадлежавшему

перу одного изъ редакторовъ изданія, адъюнкта В. М. Перевощикова, въ которомъ авторъ, по его собственному признанію, желалъ „представить духъ казанской публики",—намѣреніе довольно рискованное по общественнымъ условіямъ того времени. Рѣчь идетъ у насъ о написанной въ беллетристической формѣ статьѣ-фельетонѣ подъ заглавіемъ „Разговоръ на балѣ", появившейся въ номерѣ 33-мъ „Казанскихъ Извѣстій" (отъ 29-го ноября 1811 года) и въ которой, въ юмористическомъ видѣ, передаются разсужденія на балѣ двухъ представителей мѣстнаго дворянства, принадлежащихъ къ разнымъ поколѣніямъ, по вопросу о воспитаніи дѣтей—тема, которая могла бы показаться неудобною для казанской цензуры даже и не конца 1811-го года. Впрочемъ, помѣщеніе этого очерка носитъ какой то совершенно исключительный характеръ; по крайней мѣрѣ пятью мѣсяцами позже, въ апрѣлѣ 1812 года, издательный комитетъ отказалъ директору нижегородскихъ училищъ Кужелеву въ напечатаніи перевода „Горная лютня", мотивируя отказъ тѣмъ, что этотъ переводъ—„есть романтическая повѣсть, а таковаго рода сочиненія въ планъ извѣстій не входятъ".

Вторымъ годомъ изданія „Казанскихъ Извѣстій" явился памятный 1812-й годъ, чреватый событіями первостепенной для русской жизни важности, которымъ было болѣе нежели естественнымъ найти себѣ отголосокъ, хотя бы и чисто внѣшній, строго фактическій, на страницахъ мѣстнаго повременнаго изданія. Самъ собою выдвигался, такимъ образомъ, вопросъ о необходимости появленія въ казанской газетѣ, хотя бы и въ скромныхъ размѣрахъ, извѣстій какъ оффиціальныхъ, такъ и политическихъ, подвергнувшихся въ предшествовавшемъ году такому безпощадному остракизму. И вотъ, уже весною 1812 года волею-неволею пришлось дать разрѣшеніе на открытіе въ казанской газетѣ политическаго отдѣла, хотя и въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ, какъ это усматривается изъ предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 20-го апрѣля, въ которомъ сообщалось, что „комитетъ г.г. министровъ положилъ, что бы въ настоящихъ обстоятельствахъ издатели всѣхъ періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ такія только извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали бы единственно изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ, и что бы наблюдаемо было сіе правило, впредь до разрѣшенія, и по казанскому округу"; это распоряженіе было слѣдомъ затѣмъ сообщено, „для надлежащаго исполненія" и строгаго наблюденія, редакторамъ „Казанскихъ Извѣстій".

перу одного изъ редакторовъ изданія, адъюнкта В. М. Перевощикова, въ которомъ авторъ, по его собственному признанію, желалъ „представить духъ казанской публики",—намѣреніе довольно рискованное по общественнымъ условіямъ того времени. Рѣчь идетъ у насъ о написанной въ беллетристической формѣ статьѣ-фельетонѣ подъ заглавіемъ „Разговоръ на балѣ", появившейся въ номерѣ 33-мъ „Казанскихъ Извѣстій" (отъ 29-го ноября 1811 года) и въ которой, въ юмористическомъ видѣ, передаются разсужденія на балѣ двухъ представителей мѣстнаго дворянства, принадлежащихъ къ разнымъ поколѣніямъ, по вопросу о воспитаніи дѣтей—тема, которая могла бы показаться неудобною для казанской цензуры даже и не конца 1811-го года. Впрочемъ, помѣщеніе этого очерка носитъ какой то совершенно исключительный характеръ; по крайней мѣрѣ пятью мѣсяцами позже, въ апрѣлѣ 1812 года, издательный комитетъ отказалъ директору нижегородскихъ училищъ Кужелеву въ напечатаніи перевода „Горная лютня", мотивируя отказъ тѣмъ, что этотъ переводъ—„есть романтическая повѣсть, а таковаго рода сочиненія въ планъ извѣстій не входятъ".

Вторымъ годомъ изданія „Казанскихъ Извѣстій" явился памятный 1812-й годъ, чреватый событіями первостепенной для русской жизни важности, которымъ было болѣе нежели естественнымъ найти себѣ отголосокъ, хотя бы и чисто внѣшній, строго фактическій, на страницахъ мѣстнаго повременнаго изданія. Самъ собою выдвигался, такимъ образомъ, вопросъ о необходимости появленія въ казанской газетѣ, хотя бы и въ скромныхъ размѣрахъ, извѣстій какъ оффиціальныхъ, такъ и политическихъ, подвергнувшихся въ предшествовавшемъ году такому безпощадному остракизму. И вотъ, уже весною 1812 года волею-неволею пришлось дать разрѣшеніе на открытіе въ казанской газетѣ политическаго отдѣла, хотя и въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ, какъ это усматривается изъ предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 20-го апрѣля, въ которомъ сообщалось, что „комитетъ г.г. министровъ положилъ, что бы въ настоящихъ обстоятельствахъ издатели всѣхъ періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ такія только извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали бы единственно изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ, и что бы наблюдаемо было сіе правило, впредь до разрѣшенія, и по казанскому округу"; это распоряженіе было слѣдомъ затѣмъ сообщено, „для надлежащаго исполненія" и строгаго наблюденія, редакторамъ „Казанскихъ Извѣстій".

Въ іюнѣ того же года фактически нарушено было и запрещеніе въ газетѣ оффиціальнаго отдѣла, предписаніемъ о напечатаніи въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" высочайшаго манифеста объ объявленіи Франціею Россіи войны, а открывшаяся слѣдомъ за тѣмъ эпоха побѣдоносныхъ освободительныхъ войнъ—дала въ концѣ года поводъ къ разрѣшенію помѣщать въ газетѣ „реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ россійской арміи, заимствуя оныя изъ другихъ россійскихъ вѣдомостей" [147].

Состоявшееся 5-го іюля 1814 года полное открытіе казанскаго университета не осталось безъ вліянія и на издаваемой имъ газетѣ. Съ 1815 года содержаніе „Казанскихъ Извѣстій" дѣлается несравненно полнѣе и разнообразнѣе; фактически возстановляются здѣсь отдѣлы, запрещенные начальственными распоряженіями перваго года изданія; газета дѣлается полнымъ отраженіемъ жизни мѣстнаго университета, а отчасти и отраженіемъ жизни текущей казанской общественности, вообще. Отдѣлу „словесности", въ смыслѣ беллетристики, такъ и не удалось отвоевать себѣ мѣста за все время существованія „Казанскихъ Извѣстій", но за то здѣсь появляется не мало статей и замѣтокъ по этнографіи, исторіи, археологіи и топографіи, торговлѣ и промышленности, общественной и научной медицинѣ, некрологи и черты жизни мѣстныхъ дѣятелей и т. п.; появляется на страницахъ университетской газеты даже такой серьезный историческій трудъ, какъ „Краткая исторія г. Казани" проф. Фукса („К. И." за 1817 годъ, №№ 67, 68 и 69). Фактическое расширеніе программы газеты привлекло къ участію въ ней мѣстныя университетскія и училищныя силы; появляются и добровольные сотрудники, изъ разряда такъ называемыхъ „писателей-обывателей"; въ значительной степени сгладились и внѣшніе изъяны изданія, словомъ—университетская газета стала на нормальный путь своего развитія, нисколько не стоявшій ниже общаго уровня русской періодической печати того времени, причемъ казанская газета въ значительной мѣрѣ отличалась отъ другихъ аналогичныхъ изданій мѣстнообластнымъ колоритомъ, который былъ усвоенъ „Казанскими Извѣстіями" уже съ самаго ихъ возникновенія и которому они не измѣняли до самаго конца своего существованія.

Существенная перемѣна произошла въ изданіи и съ внѣшней стороны: съ начала 1815 года „Казанскія Извѣстія", бывшія до тѣхъ поръ изданіемъ еженедѣльнымъ, стали выходить уже по два раза въ недѣлю (по средамъ и субботамъ); съ того же года газета начала переходить съ неуклюжаго и разгонистаго крупнаго „цицеро" на болѣе убористый шрифтъ „боргесъ", который постепенно и становится основнымъ шрифтомъ изда-

Въ іюнѣ того же года фактически нарушено было и запрещеніе въ газетѣ оффиціальнаго отдѣла, предписаніемъ о напечатаніи въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ высочайшаго манифеста объ объявленіи Франціею Россіи войны, а открывшаяся слѣдомъ за тѣмъ эпоха побѣдоносныхъ освободительныхъ войнъ—дала въ концѣ года поводъ къ разрѣшенію помѣщать въ газетѣ „реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ россійской арміи, заимствуя оныя изъ другихъ россійскихъ вѣдомостей“ [147].

Состоявшееся 5-го іюля 1814 года полное открытіе казанскаго университета не осталось безъ вліянія и на издаваемой имъ газетѣ. Съ 1815 года содержаніе „Казанскихъ Извѣстій“ дѣлается несравненно полнѣе и разнообразнѣе; фактически возстановляются здѣсь отдѣлы, запрещенные начальственными распоряженіями перваго года изданія; газета дѣлается полнымъ отраженіемъ жизни мѣстнаго университета, а отчасти и отраженіемъ жизни текущей казанской общественности, вообще. Отдѣлу „словесности“, въ смыслѣ беллетристики, такъ и не удалось отвоевать себѣ мѣста за все время существованія „Казанскихъ Извѣстій“, но за то здѣсь появляется не мало статей и замѣтокъ по этнографіи, исторіи, археологіи и топографіи, торговлѣ и промышленности, общественной и научной медицинѣ, некрологи и черты жизни мѣстныхъ дѣятелей и т. п.; появляется на страницахъ университетской газеты даже такой серьезный историческій трудъ, какъ „Краткая исторія г. Казани“ проф. Фукса („К. И.“ за 1817 годъ, №№ 67, 68 и 69). Фактическое расширеніе программы газеты привлекло къ участію въ ней мѣстныя университетскія и училищныя силы; появляются и добровольные сотрудники, изъ разряда такъ называемыхъ „писателей-обывателей“; въ значительной степени сгладились и внѣшніе изъяны изданія, словомъ—университетская газета стала на нормальный путь своего развитія, нисколько не стоявшій ниже общаго уровня русской періодической печати того времени, причемъ казанская газета въ значительной мѣрѣ отличалась отъ другихъ аналогичныхъ изданій мѣстно-областнымъ колоритомъ, который былъ усвоенъ „Казанскими Извѣстіями“ уже съ самаго ихъ возникновенія и которому они не измѣняли до самаго конца своего существованія.

Существенная перемѣна произошла въ изданіи и съ внѣшней стороны: съ начала 1815 года „Казанскія Извѣстія“, бывшія до тѣхъ поръ изданіемъ еженедѣльнымъ, стали выходить уже по два раза въ недѣлю (по средамъ и субботамъ); съ того же года газета начала переходить съ неуклюжаго и разгонистаго крупнаго „цицеро“ на болѣе убористый шрифтъ „боргесъ“, который постепенно и становится основнымъ шрифтомъ изда-

нія, тѣмъ самымъ открывъ возможность къ количественному расширенію помѣщаемаго въ газетѣ матеріала. Въ объявленіи о подпискѣ на 1815 годъ редакція уже считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ публично высказать свой взглядъ на задачи и на значеніе изданія: „Цѣль сего изданія, — читаемъ здѣсь, — многоразлична и статьи въ немъ помѣщаемыя многообразны... Принести пользу и занять любопытство разныхъ классовъ гражданъ всего обширнаго восточнаго края Россіи—суть главные предметы сего изданія. Пользу сію, кромѣ частныхъ лицъ, можетъ нерѣдко получить непосредственно и сама казна, и потому листки сіи издаются для пользы гражданъ и правительства". Призывая жителей Казани и всего мѣстнаго края поддержать изданіе газеты,—„подкрѣпить" это дѣло, — редакція указывала, что „послѣ двухъ столицъ, во всей Россіи издаются только въ одной Казани подобныя на россійскомъ языкѣ вѣдомости".

Мы не можемъ касаться болѣе детальныхъ сторонъ вопроса о первомъ органѣ казанской повременной прессы, такъ какъ его десятилѣтнее существованіе, равно какъ и почти вѣковое существованіе мѣстной періодической печати, вообще—ждутъ своего историка, который исчерпалъ бы весь имѣющійся въ этомъ отношеніи архивный и печатный матеріалъ и освѣтилъ бы эти вопросы во всей ихъ полнотѣ и подъ самыми разнообразными углами зрѣнія. Мы не считаемъ себя, однако, вправѣ обойти молчаніемъ вопроса о значеніи „Казанскихъ Извѣстій" въ исторіи культурной жизни какъ издававшаго ихъ университета, такъ и самаго общества, къ удовлетворенію духовныхъ потребностей котораго въ весьма значительной мѣрѣ направлены были задачи первой казанской газеты.

Пользовались ли „Казанскія Извѣстія" успѣхомъ среди публики и принесли ли онѣ мѣстной общественности хотя долю той пользы, которую, какъ мы это только что видѣли, сама редакція интересующаго насъ изданія выставляла однимъ изъ лозунговъ своей дѣятельности? У русской публики эпохи, къ которой относится наше повѣствованіе, еще не имѣлось путей для болѣе или менѣе открытаго выраженія того проявленія его самосознанія, которое въ наши дни принято называть „общественнымъ мнѣніемъ", да и самое дѣло повременной прессы находилось въ ту пору на такой примитивной ступени своего развитія и въ такихъ мало опредѣленныхъ условіяхъ не только своей дѣятельности, но даже и самаго своего существованія,—это весьма рельефно прослѣживается и на судьбахъ первой казанской газеты,—при наличности которыхъ едва ли и возможенъ сколько нибудь категорическій отвѣтъ на вопросъ, только что нами по-

нія, тѣмъ самымъ открывъ возможность къ количественному расширенію помѣщаемаго въ газетѣ матеріала. Въ объявленіи о подпискѣ на 1815 годъ редакція уже считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ публично высказать свой взглядъ на задачи и на значеніе изданія: „Цѣль сего изданія, — читаемъ здѣсь, — многоразлична и статьи въ немъ помѣщаемыя многообразны... Принести пользу и занять любопытство разныхъ классовъ гражданъ всего обширнаго восточнаго края Россіи—суть главные предметы сего изданія. Пользу сію, кромѣ частныхъ лицъ, можетъ нерѣдко получить непосредственно и сама казна, и потому листки сіи издаются для пользы гражданъ и правительства". Призывая жителей Казани и всего мѣстнаго края поддержать изданіе газеты,—„подкрѣпить" это дѣло, — редакція указывала, что „послѣ двухъ столицъ, во всей Россіи издаются только въ одной Казани подобныя на россійскомъ языкѣ вѣдомости".

Мы не можемъ касаться болѣе детальныхъ сторонъ вопроса о первомъ органѣ казанской повременной прессы, такъ какъ его десятилѣтнее существованіе, равно какъ и почти вѣковое существованіе мѣстной періодической печати, вообще—ждутъ своего историка, который исчерпалъ бы весь имѣющійся въ этомъ отношеніи архивный и печатный матеріалъ и освѣтилъ бы эти вопросы во всей ихъ полнотѣ и подъ самыми разнообразными углами зрѣнія. Мы не считаемъ себя, однако, вправѣ обойти молчаніемъ вопроса о значеніи „Казанскихъ Извѣстій" въ исторіи культурной жизни какъ издававшаго ихъ университета, такъ и самаго общества, къ удовлетворенію духовныхъ потребностей котораго въ весьма значительной мѣрѣ направлены были задачи первой казанской газеты.

Пользовались ли „Казанскія Извѣстія" успѣхомъ среди публики и принесли ли онѣ мѣстной общественности хотя долю той пользы, которую, какъ мы это только что видѣли, сама редакція интересующаго насъ изданія выставляла однимъ изъ лозунговъ своей дѣятельности? У русской публики эпохи, къ которой относится наше повѣствованіе, еще не имѣлось путей для болѣе или менѣе открытаго выраженія того проявленія его самосознанія, которое въ наши дни принято называть „общественнымъ мнѣніемъ", да и самое дѣло повременной прессы находилось въ ту пору на такой примитивной ступени своего развитія и въ такихъ мало опредѣленныхъ условіяхъ не только своей дѣятельности, но даже и самаго своего существованія,—это весьма рельефно прослѣживается и на судьбахъ первой казанской газеты,—при наличности которыхъ едва ли и возможенъ сколько нибудь категорическій отвѣтъ на вопросъ, только что нами по-

ставленный. Мы убѣждены, тѣмъ не менѣе, въ томъ, что, далеко не идеализируя и не преувеличивая культурнаго значенія первой попытки казанской повременной печати, мы все же должны удѣлить ей видную, почетную и плодотворную роль въ общемъ строѣ и направленіи общественности г. Казани и его района.

На первомъ мѣстѣ поставимъ мы здѣсь, конечно, ту заслугу „Казанскихъ Извѣстій", которая находится въ ближайшемъ соотношеніи къ самой задачѣ нашего труда. Это—установленіе болѣе или менѣе живой и тѣсной связи между мѣстнымъ обществомъ и мѣстною наукою, съ ея представителемъ, молодымъ казанскимъ университетомъ, во главѣ. Просматривая содержаніе „Казанскихъ Извѣстій", — въ особенности за эпоху ихъ изданія, слѣдующую за полнымъ открытіемъ университета,—мы натолкнемся здѣсь на длинный рядъ статей, замѣтокъ и сообщеній, касающихся университета и представляемыхъ имъ знаній, училищъ, состоянія учебнаго дѣла въ округѣ и т. п. Внутренняя жизнь университета, его публичныя торжества, отчеты по университету, обозрѣніе университетскихъ чтеній, измѣненія въ его личномъ составѣ, научная дѣятельность его сочленовъ; съ другой стороны—свѣдѣнія о положеніи училищнаго дѣла въ округѣ, открытіе новыхъ учебныхъ заведеній и черты дѣятельности уже существующихъ,—все это находило себѣ болѣе или менѣе яркое отраженіе въ первой казанской газетѣ, придавая ей характеръ органа мѣстнаго ученаго и учебнаго дѣла, популизируя на ея столбцахъ задачи мѣстной науки, содѣйствуя укрѣпленію, въ формѣ живого и доступнаго слова, органической связи между университетомъ, какъ воплощеніемъ этой науки, и повседневнымъ теченіемъ мѣстной общественности. Распространяя кругъ своихъ интересовъ и за предѣлы сферъ мѣстной научной и учебной жизни, университетская газета вводила своихъ читателей, насколько представлялось это для нея доступнымъ по условіямъ того времени, въ область фактовъ и явленій внѣшней политики, знакомила ихъ и съ важнѣйшими проявленіями внутренней русской жизни, вообще; знакомила съ мѣстнымъ краемъ и его многоразличными особенностями какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, съ его естественными богатствами, промышленностью, торговлею; давала рядъ свѣдѣній практическаго и справочнаго характера и т. д. и т. д. Развертывая номеръ университетской газеты, преслѣдовавшей такія разностороннія задачи, читатель невольно, хотя бы во многихъ случаяхъ и чисто только инстинктивно, проникался связью между университетомъ и отношеніями окружавшей его будничной дѣйствительности, видѣлъ стремленіе университета выйти за предѣлы тѣснаго, замкну-

ставленный. Мы убѣждены, тѣмъ не менѣе, въ томъ, что, далеко не идеализируя и не преувеличивая культурнаго значенія первой попытки казанской повременной печати, мы все же должны удѣлить ей видную, почетную и плодотворную роль въ общемъ строѣ и направленіи общественности г. Казани и его района.

На первомъ мѣстѣ поставимъ мы здѣсь, конечно, ту заслугу „Казанскихъ Извѣстій", которая находится въ ближайшемъ соотношеніи къ самой задачѣ нашего труда. Это—установленіе болѣе или менѣе живой и тѣсной связи между мѣстнымъ обществомъ и мѣстною наукою, съ ея представителемъ, молодымъ казанскимъ университетомъ, во главѣ. Просматривая содержаніе „Казанскихъ Извѣстій", — въ особенности за эпоху ихъ изданія, слѣдующую за полнымъ открытіемъ университета,—мы натолкнемся здѣсь на длинный рядъ статей, замѣтокъ и сообщеній, касающихся университета и представляемыхъ имъ знаній, училищъ, состоянія учебнаго дѣла въ округѣ и т. п. Внутренняя жизнь университета, его публичныя торжества, отчеты по университету, обозрѣніе университетскихъ чтеній, измѣненія въ его личномъ составѣ, научная дѣятельность его сочленовъ; съ другой стороны—свѣдѣнія о положеніи училищнаго дѣла въ округѣ, открытіе новыхъ учебныхъ заведеній и черты дѣятельности уже существующихъ,—все это находило себѣ болѣе или менѣе яркое отраженіе въ первой казанской газетѣ, придавая ей характеръ органа мѣстнаго ученаго и учебнаго дѣла, популизируя на ея столбцахъ задачи мѣстной науки, содѣйствуя укрѣпленію, въ формѣ живого и доступнаго слова, органической связи между университетомъ, какъ воплощеніемъ этой науки, и повседневнымъ теченіемъ мѣстной общественности. Распространяя кругъ своихъ интересовъ и за предѣлы сферъ мѣстной научной и учебной жизни, университетская газета вводила своихъ читателей, насколько представлялось это для нея доступнымъ по условіямъ того времени, въ область фактовъ и явленій внѣшней политики, знакомила ихъ и съ важнѣйшими проявленіями внутренней русской жизни, вообще; знакомила съ мѣстнымъ краемъ и его многоразличными особенностями какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, съ его естественными богатствами, промышленностью, торговлею; давала рядъ свѣдѣній практическаго и справочнаго характера и т. д. и т. д. Развертывая номеръ университетской газеты, преслѣдовавшей такія разностороннія задачи, читатель невольно, хотя бы во многихъ случаяхъ и чисто только инстинктивно, проникался связью между университетомъ и отношеніями окружавшей его будничной дѣйствительности, видѣлъ стремленіе университета выйти за предѣлы тѣснаго, замкну-

таго круга своей внутренней жизни, идти на встрѣчу духовнымъ интересамъ и даже простому „любопытству“ обывателя, поставить себя связующимъ звеномъ между наукою и обществомъ. Съ этой точки зрѣнія считаемъ мы въ высокой степени знаменательнымъ самый фактъ зарожденія казанской періодической печати въ связи съ зарожденіемъ казанскаго университета и казанской университетской науки. Такое именно направленіе наблюдается и въ дальнѣйшей исторіи казанской повременной прессы, вплоть до половины 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія *, когда эта пресса порываетъ свое генетически сложившееся тѣсное единеніе съ казанскимъ университетомъ, издательская же дѣятельность этого послѣдняго обособляется въ органѣ уже исключительно академическаго направленія и содержанія—въ „Ученыхъ запискахъ казанскаго университета“, съ 1834-го года непрерывно издающихся и до нашихъ дней.

Уже одна только что отмѣченная заслуга „Казанскихъ Извѣстій“—способна была бы обезпечить за этимъ изданіемъ благодарную память и современнаго университета, и современной общественности, а также оправдать и то сравнительно пространное мѣсто, какое отвели мы ему въ общей исторіи казанскаго университета. Но другая крупная заслуга „Казанскихъ Извѣстій“, о которой мы уже говорили выше, заключалась еще и въ томъ, что это изданіе впервые ввело повременную печать въ кругъ духовныхъ потребностей г. Казани и его края, впервые намѣтило и тѣ задачи мѣстно-областного характера, которыя впослѣдствіе уже никогда не упускались изъ виду серьезно относившимися къ своей культурной миссіи органами казанской періодической прессы. Мы въ общихъ чертахъ охарактеризовали содержаніе „Казанскихъ Извѣстій“ за десять лѣтъ существованія этого изданія; желающіе ближе ознакомиться съ содержаніемъ этого перваго органа казанской повременной прессы могутъ обратиться къ весьма обстоятельно составленному труду П. А. Пономарева: „Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного характера, напечатанныхъ

---

* Съ подневольнымъ прекращеніемъ «Казанскихъ Извѣстій» (1811—1820 г.г.), университетъ издавалъ «Казанскій Вѣстникъ» (1820—1832) съ «Прибавленіями» къ нимъ (выходили до 1835 года).

Если уже не непосредственно университетскими изданіями, то періодическими изданіями, основанными профессорами казанскаго университета, явились слѣдующіе мѣстные органы повременной печати: «Заволжскій Муравей», издававшійся адъюнктами университета М. С. Рыбушкинымъ и М. В. Полиновскимъ (1832—1834), «Справочный листокъ г. Казани» (1867) и «Камско-Волжское Слово» (1882), издававшіеся проф. С. М. Шпилевскимъ, «Казанскій Биржевой листокъ» (съ 1868 г.), основанный проф. А. К. Чугуновымъ, и «Волжскій Вѣстникъ» (съ 1883 г.), основанный и первые $8^1/_2$ лѣтъ издававшійся проф. Н. П. Загоскинымъ.

таго круга своей внутренней жизни, идти на встрѣчу духовнымъ интересамъ и даже простому „любопытству“ обывателя, поставить себя связующимъ звеномъ между наукою и обществомъ. Съ этой точки зрѣнія считаемъ мы въ высокой степени знаменательнымъ самый фактъ зарожденія казанской періодической печати въ связи съ зарожденіемъ казанскаго университета и казанской университетской науки. Такое именно направленіе наблюдается и въ дальнѣйшей исторіи казанской повременной прессы, вплоть до половины 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія *, когда эта пресса порываетъ свое генетически сложившееся тѣсное единеніе съ казанскимъ университетомъ, издательская же дѣятельность этого послѣдняго обособляется въ органѣ уже исключительно академическаго направленія и содержанія—въ „Ученыхъ запискахъ казанскаго университета“, съ 1834-го года непрерывно издающихся и до нашихъ дней.

Уже одна только что отмѣченная заслуга „Казанскихъ Извѣстій“—способна была бы обезпечить за этимъ изданіемъ благодарную память и современнаго университета, и современной общественности, а также оправдать и то сравнительно пространное мѣсто, какое отвели мы ему въ общей исторіи казанскаго университета. Но другая крупная заслуга „Казанскихъ Извѣстій“, о которой мы уже говорили выше, заключалась еще и въ томъ, что это изданіе впервые ввело повременную печать въ кругъ духовныхъ потребностей г. Казани и его края, впервые намѣтило и тѣ задачи мѣстно-областного характера, которыя впослѣдствіе уже никогда не упускались изъ виду серьезно относившимися къ своей культурной миссіи органами казанской періодической прессы. Мы въ общихъ чертахъ охарактеризовали содержаніе „Казанскихъ Извѣстій“ за десять лѣтъ существованія этого изданія; желающіе ближе ознакомиться съ содержаніемъ этого перваго органа казанской повременной прессы могутъ обратиться къ весьма обстоятельно составленному труду П. А. Пономарева: „Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного характера, напечатанныхъ

* Съ подневольнымъ прекращеніемъ «Казанскихъ Извѣстій» (1811—1820 г.г.), университетъ издавалъ «Казанскій Вѣстникъ» (1820—1832) съ «Прибавленіями» къ нимъ (выходили до 1835 года).

Если уже не непосредственно университетскими изданіями, то періодическими изданіями, основанными профессорами казанскаго университета, явились слѣдующіе мѣстные органы повременной печати: «Заволжскій Муравей», издававшійся адъюнктами университета М. С. Рыбушкинымъ и М. В. Полиновскимъ (1832—1834), «Справочный листокъ г. Казани» (1867) и «Камско-Волжское Слово» (1882), издававшіеся проф. С. М. Шпилевскимъ, «Казанскій Биржевой листокъ» (съ 1868 г.), основанный проф. А. К. Чугуновымъ, и «Волжскій Вѣстникъ» (съ 1883 г.), основанный и первые $8^1/_2$ лѣтъ издававшійся проф. Н. П. Загоскинымъ.

въ Казанскихъ Извѣстіяхъ съ 1811 по 1821 годъ" *. Мы убѣждены, что ближайшее ознакомленіе съ итогами десятилѣтней литературной работы „Казанскихъ Извѣстій" способно будетъ вселить въ лицахъ, интересующихся судьбами казанской періодической печати, убѣжденіе въ томъ, что эта скромная работа была далеко не безплодною и въ свое время сыграла почтенную роль въ исторіи культуры города и края второй половины XIX-го столѣтія.

Прежде, нежели разстанемся съ историческимъ очеркомъ перваго университетскаго повременнаго изданія, необходимымъ считаемъ сказать пару словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ прекратили „Казанскія Извѣстія" свое существованіе. Это произошло во второй годъ попечительства Магницкаго,—слѣдовательно въ эпоху, уже выходящую за предѣлы нашего текущаго повѣствованія. Общее понятіе о катастрофѣ, постигшей газету, даютъ намъ слѣдующія начальныя строки предложенія попечителя Магницкаго, даннаго на имя директора университета Владимірскаго, отъ 31-го мая 1820 года:

> „Найдя изданіе Казанскихъ Извѣстій—не довольно благовиднымъ, я входилъ съ представленіемъ къ господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о замѣненіи газеты сей изданіемъ журнала.
>
> Нынѣ господинъ министръ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, учиненному вслѣдствіе внесенной отъ него записки, высочайше соизволилъ на изданіе при казанскомъ университетѣ, вмѣсто Казанскихъ Извѣстій—журнала".

Этимъ вновь разрѣшеннымъ изданіемъ, замѣнившимъ собою „Казанскія Извѣстія", и явился журналъ „Казанскій Вѣстникъ", съ „Прибавленіями" къ нему. Болѣе подробная рѣчь объ этомъ новомъ университетскомъ повременномъ органѣ печати—будетъ у насъ впереди.

Примѣръ Казани, въ которой съ 1811 года возникъ періодическій органъ печати, не остался въ округѣ безъ подражанія и два повременныхъ изданія возникли въ интересующую насъ эпоху на южной окраинѣ казанскаго учебнаго округа—въ Астрахани. Такъ какъ оба эти изданія были предприняты лицами, принадлежавшими къ учебному персоналу округа, возникли подъ несомнѣннымъ вліяніемъ казанскаго университета и

* «Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ» за 1879 годъ; этотъ указатель былъ въ свое время выпущенъ въ свѣтъ и въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ (Каз. 1880).

въ Казанскихъ Извѣстіяхъ съ 1811 по 1821 годъ" *. Мы убѣждены, что ближайшее ознакомленіе съ итогами десятилѣтней литературной работы „Казанскихъ Извѣстій" способно будетъ вселить въ лицахъ, интересующихся судьбами казанской періодической печати, убѣжденіе въ томъ, что эта скромная работа была далеко не безплодною и въ свое время сыграла почтенную роль въ исторіи культуры города и края второй половины XIX-го столѣтія.

Прежде, нежели разстанемся съ историческимъ очеркомъ перваго университетскаго повременнаго изданія, необходимымъ считаемъ сказать пару словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ прекратили „Казанскія Извѣстія" свое существованіе. Это произошло во второй годъ попечительства Магницкаго,—слѣдовательно въ эпоху, уже выходящую за предѣлы нашего текущаго повѣствованія. Общее понятіе о катастрофѣ, постигшей газету, даютъ намъ слѣдующія начальныя строки предложенія попечителя Магницкаго, даннаго на имя директора университета Владимірскаго, отъ 31-го мая 1820 года:

„Найдя изданіе Казанскихъ Извѣстій—не довольно благовиднымъ, я входилъ съ представленіемъ къ господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о замѣненіи газеты сей изданіемъ журнала.

Нынѣ господинъ министръ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, учиненному вслѣдствіе внесенной отъ него записки, высочайше соизволилъ на изданіе при казанскомъ университетѣ, вмѣсто Казанскихъ Извѣстій—журнала".

Этимъ вновь разрѣшеннымъ изданіемъ, замѣнившимъ собою „Казанскія Извѣстія", и явился журналъ „Казанскій Вѣстникъ", съ „Прибавленіями" къ нему. Болѣе подробная рѣчь объ этомъ новомъ университетскомъ повременномъ органѣ печати—будетъ у насъ впереди.

Примѣръ Казани, въ которой съ 1811 года возникъ періодическій органъ печати, не остался въ округѣ безъ подражанія и два повременныхъ изданія возникли въ интересующую насъ эпоху на южной окраинѣ казанскаго учебнаго округа—въ Астрахани. Такъ какъ оба эти изданія были предприняты лицами, принадлежавшими къ учебному персоналу округа, возникли подъ несомнѣннымъ вліяніемъ казанскаго университета и

* «Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ» за 1879 годъ; этотъ указатель былъ въ свое время выпущенъ въ свѣтъ и въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ (Каз. 1880).

находились подъ ближайшимъ его надзоромъ—то мы и считаемъ себя обязанными остановить на нихъ наше вниманіе.

Первымъ изъ этихъ изданій явилась газета „Восточныя Извѣстія“, выходившая въ 1813—1816 годахъ въ г. Астрахани и бывшая, какъ по общему характеру своего содержанія, такъ даже и по внѣшнему виду,—начиная отъ формата и кончая шрифтомъ,—почти буквальнымъ сколкомъ „Казанскихъ Извѣстій“.

Основатель и издатель этой газеты, Іосифъ Антоновичъ фонъ-Вейскгопфенъ, тирольскій уроженецъ и бывшій студентъ вѣнскаго университета, въ которомъ онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ, прибылъ въ Россію въ 1806 году, имѣя отъ рода всего 27 лѣтъ, и 2-го марта 1811 года получилъ назначеніе на должность учителя астраханской гимназіи, въ которой преподавалъ нѣмецкій и французскій языки. Мысль объ основаніи въ Астрахани газеты зародилась у молодого учителя вскорѣ послѣ появленія его въ Астрахани и онъ уже въ началѣ лѣта 1811 года, вступивъ по этому поводу въ товарищество съ иностранцемъ же Гревомъ, вошелъ къ попечителю учебнаго округа Румовскому съ ходатайствомъ относительно разрѣшенія изданія въ Астрахани газеты подъ названіемъ „Восточныя Извѣстія“, предполагая завести для этой цѣли и собственную типографію. Если разрѣшеніе изданія „Казанскихъ Извѣстій“ обставлено было довольно сложными формальностями и восходило даже, черезъ комитетъ министровъ, на высочайшее усмотрѣніе, то изданіе „Восточныхъ Извѣстій“ было разрѣшено попечителемъ округа собственною властью, какъ свидѣтельствуетъ о томъ нижеслѣдующее предложеніе его совѣту казанскаго университета отъ 6-го іюля 1811 года, заключающее въ себѣ и свѣдѣнія относительно предположеннаго изданія:

„Опредѣленный въ астраханскую гимназію нѣмецкаго языка, изъ иностранцевъ, учитель Вейскгопфенъ съ товарищемъ его Гревомъ имѣютъ намѣреніе завести въ Астрахани для пользы тамошняго края типографію и издавать повременныя записки, подъ названіемъ Восточныя Извѣстія, кои содержаніемъ своимъ имѣть будутъ тамошнія происшествія, извѣстія о нравахъ, обыкновеніяхъ, заведеніяхъ тѣхъ мѣстъ и о купеческихъ товарахъ; по просьбѣ коихъ согласенъ будучи на предполагаемое ими изданіе помянутыхъ записокъ, подъ названіемъ Восточныя Извѣстія, предлагаю дать знать имъ о семъ моемъ согласіи и, на основаніи 36-ой статьи устава о цензурѣ, предоставить разсматриваніе оныхъ тамошнему директору училищъ, съ тѣмъ, что бы онъ сообразовывался въ томъ, во всей точности, съ правилами упомянутаго устава и въ помощь себѣ избралъ одного или двоихъ изъ

находились подъ ближайшимъ его надзоромъ—то мы и считаемъ себя обязанными остановить на нихъ наше вниманіе.

Первымъ изъ этихъ изданій явилась газета „Восточныя Извѣстія", выходившая въ 1813—1816 годахъ въ г. Астрахани и бывшая, какъ по общему характеру своего содержанія, такъ даже и по внѣшнему виду,—начиная отъ формата и кончая шрифтомъ,— почти буквальнымъ сколкомъ „Казанскихъ Извѣстій".

Основатель и издатель этой газеты, Іосифъ Антоновичъ фонъ-Вейскгопфенъ, тирольскій уроженецъ и бывшій студентъ вѣнскаго университета, въ которомъ онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ, прибылъ въ Россію въ 1806 году, имѣя отъ рода всего 27 лѣтъ, и 2-го марта 1811 года получилъ назначеніе на должность учителя астраханской гимназіи, въ которой преподавалъ нѣмецкій и французскій языки. Мысль объ основаніи въ Астрахани газеты зародилась у молодого учителя вскорѣ послѣ появленія его въ Астрахани и онъ уже въ началѣ лѣта 1811 года, вступивъ по этому поводу въ товарищество съ иностранцемъ же Гревомъ, вошелъ къ попечителю учебнаго округа Румовскому съ ходатайствомъ относительно разрѣшенія изданія въ Астрахани газеты подъ названіемъ „Восточныя Извѣстія", предполагая завести для этой цѣли и собственную типографію. Если разрѣшеніе изданія „Казанскихъ Извѣстій" обставлено было довольно сложными формальностями и восходило даже, черезъ комитетъ министровъ, на высочайшее усмотрѣніе, то изданіе „Восточныхъ Извѣстій" было разрѣшено попечителемъ округа собственною властью, какъ свидѣтельствуетъ о томъ нижеслѣдующее предложеніе его совѣту казанскаго университета отъ 6-го іюля 1811 года, заключающее въ себѣ и свѣдѣнія относительно предположеннаго изданія:

„Опредѣленный въ астраханскую гимназію нѣмецкаго языка, изъ иностранцевъ, учитель Вейскгопфенъ съ товарищемъ его Гревомъ имѣютъ намѣреніе завести въ Астрахани для пользы тамошняго края типографію и издавать повременныя записки, подъ названіемъ Восточныя Извѣстія, кои содержаніемъ своимъ имѣть будутъ тамошнія происшествія, извѣстія о нравахъ, обыкновеніяхъ, заведеніяхъ тѣхъ мѣстъ и о купеческихъ товарахъ; по просьбѣ коихъ согласенъ будучи на предполагаемое ими изданіе помянутыхъ записокъ, подъ названіемъ Восточныя Извѣстія, предлагаю дать знать имъ о семъ моемъ согласіи и, на основаніи 36-ой статьи устава о цензурѣ, предоставить разсматриваніе оныхъ тамошнему директору училищъ, съ тѣмъ, что бы онъ сообразовывался въ томъ, во всей точности, съ правилами упомянутаго устава и въ помощь себѣ избралъ одного или двоихъ изъ

старшихъ учителей, наблюдая, что бы сіи извѣстія издаваемы были съ возможною исправностью во всемъ, что касается до языка, слога и, даже, типографскихъ ошибокъ".

Сообщеніе о предстоящемъ изданіи въ г. Астрахани газеты появилось, слѣдомъ за тѣмъ, въ номерѣ „Казанскихъ Извѣстій" отъ 16-го августа 1811 года (№ 18-й), въ видѣ корреспонденціи изъ Астрахани, изъ которой узнаемъ, что изданіе это было предпріятіемъ цѣлаго кружка лицъ, сплотившагося ради этой цѣли *; тѣмъ не менѣе Вейскгопфену пришлось отложить выпускъ газеты на неопредѣленное время, о чемъ онъ и донесъ директору астраханскихъ училищъ Храповицкому представленіемъ отъ 27-го декабря. Кажется, что ближайшею причиною этой отсрочки явились хлопоты по устройству типографіи, по вопросу о которой онъ вошелъ еще въ соглашеніе съ какимъ то Литке, вложивъ въ это дѣло и свой личный капиталъ, въ суммѣ около 3-хъ тысячъ рублей. Весь 1812 годъ прошелъ въ заботахъ объ оборудованіи типографіи и въ приготовленіяхъ къ началу изданія. Вейскгопфенъ задался планами довольно широкими: газету предполагалъ онъ издавать на двухъ языкахъ—русскомъ и армянскомъ (это предположеніе осуществилось, однако, лишь въ третій, неполный, годъ изданія), при типографіи же намѣревался устроить книжный магазинъ и библіотеку для чтенія, о чемъ лѣтомъ 1812 года и представилъ особое ходатайство.

Къ концу 1812 года всѣ необходимыя приготовленія были закончены, 27-го декабря типографія была открыта и начала функціонировать, а съ начала 1813 года рѣшено приступить къ выпуску въ свѣтъ „Восточныхъ Извѣстій". Но и на этотъ разъ вышла почти мѣсячная задержка изъ-за нѣкоторыхъ требованій формальнаго характера (сношенія съ министерствомъ полиціи), вслѣдствіе чего только 29-го января 1813 года увидѣлъ свѣтъ первый номеръ первой астраханской газеты, слѣдомъ затѣмъ препровожденный директоромъ Храповицкимъ на благоусмотрѣніе казанскаго университета.

Весьма характерными представляются для своего времени дальнѣйшія осложненія, постигшія изданіе „Восточныхъ Извѣстій". Ко времени начала выхода въ свѣтъ этой газеты во главѣ управленія казанскимъ учебнымъ округомъ стоялъ уже новый попечитель М. А. Салтыковъ, замѣнившій

* «Здѣсь составляется,—читаемъ въ этой корреспонденціи,—общество для издаванія восточной газеты, въ которую будутъ вносимы чужестранныя азіятскія извѣстія. Типографія, въ которой сіи извѣстія будутъ печататься, состоитъ изъ трехъ прессовъ, имѣетъ литеры русскія, латинскія и нѣмецкія».

старшихъ учителей, наблюдая, что бы сіи извѣстія издаваемы были съ возможною исправностью во всемъ, что касается до языка, слога и, даже, типографскихъ ошибокъ".

Сообщеніе о предстоящемъ изданіи въ г. Астрахани газеты появилось, слѣдомъ за тѣмъ, въ номерѣ „Казанскихъ Извѣстій" отъ 16-го августа 1811 года (№ 18-й), въ видѣ корреспонденціи изъ Астрахани, изъ которой узнаемъ, что изданіе это было предпріятіемъ цѣлаго кружка лицъ, сплотившагося ради этой цѣли *; тѣмъ не менѣе Вейскгопфену пришлось отложить выпускъ газеты на неопредѣленное время, о чемъ онъ и донесъ директору астраханскихъ училищъ Храповицкому представленіемъ отъ 27-го декабря. Кажется, что ближайшею причиною этой отсрочки явились хлопоты по устройству типографіи, по вопросу о которой онъ вошелъ еще въ соглашеніе съ какимъ то Литке, вложивъ въ это дѣло и свой личный капиталъ, въ суммѣ около 3-хъ тысячъ рублей. Весь 1812 годъ прошелъ въ заботахъ объ оборудованіи типографіи и въ приготовленіяхъ къ началу изданія. Вейскгопфенъ задался планами довольно широкими: газету предполагалъ онъ издавать на двухъ языкахъ—русскомъ и армянскомъ (это предположеніе осуществилось, однако, лишь въ третій, неполный, годъ изданія), при типографіи же намѣревался устроить книжный магазинъ и библіотеку для чтенія, о чемъ лѣтомъ 1812 года и представилъ особое ходатайство.

Къ концу 1812 года всѣ необходимыя приготовленія были закончены, 27-го декабря типографія была открыта и начала функціонировать, а съ начала 1813 года рѣшено приступить къ выпуску въ свѣтъ „Восточныхъ Извѣстій". Но и на этотъ разъ вышла почти мѣсячная задержка изъ-за нѣкоторыхъ требованій формальнаго характера (сношенія съ министерствомъ полиціи), вслѣдствіе чего только 29-го января 1813 года увидѣлъ свѣтъ первый номеръ первой астраханской газеты, слѣдомъ затѣмъ препровожденный директоромъ Храповицкимъ на благоусмотрѣніе казанскаго университета.

Весьма характерными представляются для своего времени дальнѣйшія осложненія, постигшія изданіе „Восточныхъ Извѣстій". Ко времени начала выхода въ свѣтъ этой газеты во главѣ управленія казанскимъ учебнымъ округомъ стоялъ уже новый попечитель М. А. Салтыковъ, замѣнившій

* «Здѣсь составляется,—читаемъ въ этой корреспонденціи,—общество для издаванія восточной газеты, въ которую будутъ вносимы чужестранныя азіятскія извѣстія. Типографія, въ которой сіи извѣстія будутъ печататься, состоитъ изъ трехъ прессовъ, имѣетъ литеры русскія, латинскія и нѣмецкія».

собою умершаго еще въ іюлѣ 1812 года Румовскаго. И въ попечительской канцеляріи, и въ самомъ университетѣ—успѣли, повидимому, уже забыть о такъ патріархально данномъ покойнымъ попечителемъ разрѣшеніи на изданіе астраханской газеты и новому попечителю пришлось узнать объ этомъ обстоятельствѣ совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1812 года Вейскгопфенъ, открывъ контору редакціи газеты въ самой Астрахани, пожелалъ организовать подписку на нее и въ столицѣ, и съ этою цѣлью далъ петербургскому книгопродавцу Плавильщикову объявленіе, предназначенное къ напечатанію въ столичныхъ газетахъ. Приведемъ это объявленіе, какъ заключающее въ себѣ первоначальную, утвержденную Румовскимъ, программу астраханской газеты:

„Въ книжной лавкѣ Василья Плавильщикова, противъ гостиннаго двора, въ домѣ полковника и кавалера Балабина (?), подъ № 28, принимается подписка на журналъ:

Съ 1813 года въ губернскомъ городѣ Астрахани будутъ издаваться еженедѣльно, въ среду, Восточныя Извѣстія, въ которыхъ помѣщено будетъ: I) О важнѣйшихъ азіятскихъ происшествіяхъ, II) Выписки изъ новѣйшихъ европейскихъ вѣдомостей, III) Статистическое описаніе азіятскихъ странъ и произростаній, IV) О торговлѣ на Каспійскомъ морѣ и въ городѣ Астрахани съ окружающими народами, V) Характерическое (sic) описаніе азіятскихъ народовъ, VI) Смѣсь и анекдоты, VII) Извѣстія о приходящихъ и отходящихъ судахъ, VIII) О денежномъ курсѣ, продажѣ, наймѣ и проч.

Желающіе имѣть оныя извѣстія блоговолятъ адресоваться въ С.-Петербургѣ въ вышеозначенную Плавильщикова лавку, или въ контору Восточныхъ Извѣстій въ городѣ Астрахани, со взносомъ 15-ти рублей въ годъ, причемъ для полученія извѣстій данъ будетъ билетъ“.

Не рѣшаясь сдѣлать только что приведенную публикацію безъ надлежащаго разрѣшенія, петербургскій книгопродавецъ представилъ ее къ „засвидѣтельствованію“—и этимъ то путемъ попечителю, жившему въ то время въ Петербургѣ, удалось узнать объ астраханскомъ литературномъ предпріятіи, результатомъ чего явилось отношеніе его, отъ 9-го декабря 1812 года, въ совѣтъ казанскаго университета, которымъ Салтыковъ требовалъ слѣдующихъ свѣдѣній: а) „Во всѣхъ ли частяхъ разсмотрѣнъ планъ сихъ извѣстій“? и б) „Дано ли отъ цензурнаго комитета (sic) дозволеніе на изданіе оныхъ“? Особенно смутили попечителя нѣкоторые пункты внесеннаго въ объявленіе плана: „о какихъ, именно, извѣщаться въ нихъ будетъ важнѣйшихъ азіятскихъ происшествіяхъ и въ чемъ будутъ состоять выписки изъ новѣйшихъ европейскихъ вѣдомостей?“ Совѣтъ универ-

собою умершаго еще въ іюлѣ 1812 года Румовскаго. И въ попечительской канцеляріи, и въ самомъ университетѣ—успѣли, повидимому, уже забыть о такъ патріархально данномъ покойнымъ попечителемъ разрѣшеніи на изданіе астраханской газеты и новому попечителю пришлось узнать объ этомъ обстоятельствѣ совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1812 года Вейскгопфенъ, открывъ контору редакціи газеты въ самой Астрахани, пожелалъ организовать подписку на нее и въ столицѣ, и съ этою цѣлью далъ петербургскому книгопродавцу Плавильщикову объявленіе, предназначенное къ напечатанію въ столичныхъ газетахъ. Приведемъ это объявленіе, какъ заключающее въ себѣ первоначальную, утвержденную Румовскимъ, программу астраханской газеты:

„Въ книжной лавкѣ Василья Плавильщикова, противъ гостиннаго двора, въ домѣ полковника и кавалера Балабина (?), подъ № 28, принимается подписка на журналъ:

Съ 1813 года въ губернскомъ городѣ Астрахани будутъ издаваться еженедѣльно, въ среду, Восточныя Извѣстія, въ которыхъ помѣщено будетъ: I) О важнѣйшихъ азіятскихъ происшествіяхъ, II) Выписки изъ новѣйшихъ европейскихъ вѣдомостей, III) Статистическое описаніе азіятскихъ странъ и произростаній, IV) О торговлѣ на Каспійскомъ морѣ и въ городѣ Астрахани съ окружающими народами, V) Характерическое (sic) описаніе азіятскихъ народовъ, VI) Смѣсь и анекдоты, VII) Извѣстія о приходящихъ и отходящихъ судахъ, VIII) О денежномъ курсѣ, продажѣ, наймѣ и проч.

Желающіе имѣть оныя извѣстія блоговолятъ адресоваться въ С.-Петербургѣ въ вышеозначенную Плавильщикова лавку, или въ контору Восточныхъ Извѣстій въ городѣ Астрахани, со взносомъ 15-ти рублей въ годъ, причемъ для полученія извѣстій данъ будетъ билетъ".

Не рѣшаясь сдѣлать только что приведенную публикацію безъ надлежащаго разрѣшенія, петербургскій книгопродавецъ представилъ ее къ „засвидѣтельствованію"—и этимъ то путемъ попечителю, жившему въ то время въ Петербургѣ, удалось узнать объ астраханскомъ литературномъ предпріятіи, результатомъ чего явилось отношеніе его, отъ 9-го декабря 1812 года, въ совѣтъ казанскаго университета, которымъ Салтыковъ требовалъ слѣдующихъ свѣдѣній: а) „Во всѣхъ ли частяхъ разсмотрѣнъ планъ сихъ извѣстій"? и б) „Дано ли отъ цензурнаго комитета (sic) дозволеніе на изданіе оныхъ"? Особенно смутили попечителя нѣкоторые пункты внесеннаго въ объявленіе плана: „о какихъ, именно, извѣщаться въ нихъ будетъ важнѣйшихъ азіятскихъ происшествіяхъ и въ чемъ будутъ состоять выписки изъ новѣйшихъ европейскихъ вѣдомостей?" Совѣтъ универ-

ситета немедленно отвѣтилъ попечителю препровожденіемъ копіи съ предложенія умершаго попечителя отъ 6-го іюля 1811 года, которымъ Вейскгопфену давалось разрѣшеніе на изданіе. Этотъ документъ не удовлетворилъ Салтыкова, 6-го февраля обратившагося къ совѣту съ новымъ предложеніемъ слѣдующаго содержанія:

„На рапортъ совѣта изъясняю, что хотя предмѣстникомъ моимъ какъ видно изъ предложенія его, прописаннаго въ ономъ рапортѣ, дано согласіе на изданіе въ Астрахани Восточныхъ Извѣстій, но съ тѣмъ, что бы директоръ тамошней гимназіи предварительно донесъ, какія сдѣланы имъ будутъ распоряженія для сего, и неизвѣстно, былъ ли имъ разсмотрѣнъ планъ извѣстій и съ его ли одобренія разсылается оный для напечатанія въ разныхъ газетахъ. Равнымъ образомъ, на основаніи статьи 36-ой устава о цензурѣ, доносилъ ли онъ цензурному комитету, какія именно одобрены имъ статьи для помѣщенія въ упомянутыхъ извѣстіяхъ. И для того потребовать отъ него о семъ объясненія, присовокупивъ къ тому, что бы онъ въ разсматриваніи и одобреніи политическихъ статей наблюдалъ крайнюю осторожность и, ежели печатаются уже оныя извѣстія, то доставлялъ бы по одному экземпляру на мое усмотрѣніе“.

Совѣтъ университета сдѣлалъ соотвѣтствующіе запросы, на которые и послѣдовали требуемыя разъясненія. Университетскій цензурный комитетъ отвѣтилъ, что всѣ свѣдѣнія его о новомъ астраханскомъ изданіи ограничиваются лишь донесеніемъ директора мѣстныхъ училищъ о томъ, что „учитель Вейскгопфенъ завелъ типографію и открылъ контору Восточныхъ Извѣстій“, да рапортомъ, при которомъ былъ препровожденъ первый номеръ этого изданія. Директоръ Храповицкій донесъ, что учитель Вейскгопфенъ въ свое время представилъ ему совѣтское предложеніе относительно разрѣшенія ему изданія, что же касается плана „Восточныхъ Извѣстій“, то таковой „былъ представленъ въ совѣтъ казанской гимназіи еще 24-го августа 1811 года и въ первый разъ напечатанъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, слѣдовательно—не могъ миновать тамошней цензуры“.

Между тѣмъ, пока происходила вся эта своеобразная переписка, затянувшаяся почти на полгода, Вейскгопфенъ и К° преспокойнѣйшимъ образомъ продолжали еженедѣльно выпускать свою газету. Изъ сохранившихся дѣлъ объ этомъ изданіи усматривается, что ближайшими сотрудниками газеты были учителя Орловъ, Риттау* и Марковъ, для цензурованія же

* Риттау Ѳедоръ—уже упоминавшійся нами студентъ перваго состава (1805 г.), въ 1810 году опредѣленный въ астраханскую гимназію учителемъ исторіи, географіи и статистики.

ситета немедленно отвѣтилъ попечителю препровожденіемъ копіи съ предложенія умершаго попечителя отъ 6-го іюля 1811 года, которымъ Вейскгопфену давалось разрѣшеніе на изданіе. Этотъ документъ не удовлетворилъ Салтыкова, 6-го февраля обратившагося къ совѣту съ новымъ предложеніемъ слѣдующаго содержанія:

„На рапортъ совѣта изъясняю, что хотя предмѣстникомъ моимъ какъ видно изъ предложенія его, прописаннаго въ ономъ рапортѣ, дано согласіе на изданіе въ Астрахани Восточныхъ Извѣстій, но съ тѣмъ, что бы директоръ тамошней гимназіи предварительно донесъ, какія сдѣланы имъ будутъ распоряженія для сего, и неизвѣстно, былъ ли имъ разсмотрѣнъ планъ извѣстій и съ его ли одобренія разсылается оный для напечатанія въ разныхъ газетахъ. Равнымъ образомъ, на основаніи статьи 36-ой устава о цензурѣ, доносилъ ли онъ цензурному комитету, какія именно одобрены имъ статьи для помѣщенія въ упомянутыхъ извѣстіяхъ. И для того потребовать отъ него о семъ объясненія, присовокупивъ къ тому, что бы онъ въ разсматриваніи и одобреніи политическихъ статей наблюдалъ крайнюю осторожность и, ежели печатаются уже оныя извѣстія, то доставлялъ бы по одному экземпляру на мое усмотрѣніе“.

Совѣтъ университета сдѣлалъ соотвѣтствующіе запросы, на которые и послѣдовали требуемыя разъясненія. Университетскій цензурный комитетъ отвѣтилъ, что всѣ свѣдѣнія его о новомъ астраханскомъ изданіи ограничиваются лишь донесеніемъ директора мѣстныхъ училищъ о томъ, что „учитель Вейскгопфенъ завелъ типографію и открылъ контору Восточныхъ Извѣстій“, да рапортомъ, при которомъ былъ препровожденъ первый номеръ этого изданія. Директоръ Храповицкій донесъ, что учитель Вейскгопфенъ въ свое время представилъ ему совѣтское предложеніе относительно разрѣшенія ему изданія, что же касается плана „Восточныхъ Извѣстій“, то таковой „былъ представленъ въ совѣтъ казанской гимназіи еще 24-го августа 1811 года и въ первый разъ напечатанъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, слѣдовательно—не могъ миновать тамошней цензуры“.

Между тѣмъ, пока происходила вся эта своеобразная переписка, затянувшаяся почти на полгода, Вейскгопфенъ и К° преспокойнѣйшимъ образомъ продолжали еженедѣльно выпускать свою газету. Изъ сохранившихся дѣлъ объ этомъ изданіи усматривается, что ближайшими сотрудниками газеты были учителя Орловъ, Риттау* и Марковъ, для цензурованія же

* Риттау Ѳедоръ—уже упоминавшійся нами студентъ перваго состава (1805 г.), въ 1810 году опредѣленный въ астраханскую гимназію учителемъ исторіи, географіи и статистики.

газеты образовался мѣстный цензурный комитетъ изъ директора гимназіи Храповицкаго и старшихъ учителей Шпаковскаго и Орлова. Несомнѣнно, что весьма близкое участіе во всемъ этомъ дѣлѣ принималъ и самъ директоръ А. А. Храповицкій, интересъ котораго къ прикаспійскому востоку, выразившійся даже въ его проэктѣ 1812 года относительно снаряженія особой экспедиціи въ Персію, нами уже былъ въ своемъ мѣстѣ отмѣченъ (см. выше стр. 215—216).

Не успѣла окончиться переписка, возбужденная запросами попечителя, какъ для первенца астраханской періодической печати возникли новыя мытарства, вызванныя тою же, такъ смутившею предержащія власти и такъ неуловимо проскользнувшею черезъ университетскія административныя и цензурныя инстанціи, первоначальною программою изданія. На этотъ разъ дѣло возгорѣлось на почвѣ слѣдующаго письма министра народнаго просвѣщенія къ попечителю округа, отъ 24-го апрѣля:

„Милостивый государь мой Михаилъ Александровичъ!—Въ Астрахани печатается періодическое сочиненіе подъ названіемъ Восточныхъ Извѣстій, на изданіе коего, какъ по взятой справкѣ оказалось, дано позволеніе отъ покойнаго попечителя казанскаго округа д. ст. сов. Румовскаго. Дабы сей журналъ не могъ сдѣлать подрыва издаваемымъ отъ разныхъ казенныхъ мѣстъ газетамъ, нужно наблюдать, что бъ оный не заимствовалъ изъ нихъ политическихъ или другихъ статей, а заключалъ въ себѣ, кромѣ сочиненій до словесности и учености касающихся, такія токмо извѣстія и другія статьи, кои относятся къ восточнымъ краямъ Россіи и тѣмъ соотвѣтствовалъ бы своему названію. Посему прошу ваше превосходительство приказать составить сообразно сему планъ для сего журнала и сообщить оный издателямъ для непремѣннаго исполненія".

Графъ Разумовскій высказываетъ и косвенное осужденіе того патріархальнаго способа, которымъ дано было покойнымъ попечителемъ разрѣшеніе на изданіе астраханскаго журнала, добавивъ въ концѣ письма, что „ежели впредь кто пожелаетъ издавать по ввѣренному вамъ округу какое либо періодическое сочиненіе, то прошу представлять мнѣ о томъ на разрѣшеніе".

Началось, вслѣдствіе предложенія о томъ попечителя, дѣло о составленіи для „Восточныхъ Извѣстій", преспокойно и своимъ чередомъ уже издававшихся въ Астрахани, новой программы. Въ засѣданіи 21-го мая совѣтъ поручилъ это дѣло университетскому издательному комитету, а тотъ, въ свою очередь, возложилъ его на своего сочлена, адъюнкта

газеты образовался мѣстный цензурный комитетъ изъ директора гимназіи Храповицкаго и старшихъ учителей Шпаковскаго и Орлова. Несомнѣнно, что весьма близкое участіе во всемъ этомъ дѣлѣ принималъ и самъ директоръ А. А. Храповицкій, интересъ котораго къ прикаспійскому востоку, выразившійся даже въ его проэктѣ 1812 года относительно снаряженія особой экспедиціи въ Персію, нами уже былъ въ своемъ мѣстѣ отмѣченъ (см. выше стр. 215—216).

Не успѣла окончиться переписка, возбужденная запросами попечителя, какъ для первенца астраханской періодической печати возникли новыя мытарства, вызванныя тою же, такъ смутившею предержащія власти и такъ неуловимо проскользнувшею черезъ университетскія административныя и цензурныя инстанціи, первоначальною программою изданія. На этотъ разъ дѣло возгорѣлось на почвѣ слѣдующаго письма министра народнаго просвѣщенія къ попечителю округа, отъ 24-го апрѣля:

„Милостивый государь мой Михаилъ Александровичъ!—Въ Астрахани печатается періодическое сочиненіе подъ названіемъ Восточныхъ Извѣстій, на изданіе коего, какъ по взятой справкѣ оказалось, дано позволеніе отъ покойнаго попечителя казанскаго округа д. ст. сов. Румовскаго. Дабы сей журналъ не могъ сдѣлать подрыва издаваемымъ отъ разныхъ казенныхъ мѣстъ газетамъ, нужно наблюдать, что бъ оный не заимствовалъ изъ нихъ политическихъ или другихъ статей, а заключалъ въ себѣ, кромѣ сочиненій до словесности и учености касающихся, такія токмо извѣстія и другія статьи, кои относятся къ восточнымъ краямъ Россіи и тѣмъ соотвѣтствовалъ бы своему названію. Посему прошу ваше превосходительство приказать составить сообразно сему планъ для сего журнала и сообщить оный издателямъ для непремѣннаго исполненія".

Графъ Разумовскій высказываетъ и косвенное осужденіе того патріархальнаго способа, которымъ дано было покойнымъ попечителемъ разрѣшеніе на изданіе астраханскаго журнала, добавивъ въ концѣ письма, что „ежели впредь кто пожелаетъ издавать по ввѣренному вамъ округу какое либо періодическое сочиненіе, то прошу представлять мнѣ о томъ на разрѣшеніе".

Началось, вслѣдствіе предложенія о томъ попечителя, дѣло о составленіи для „Восточныхъ Извѣстій", преспокойно и своимъ чередомъ уже издававшихся въ Астрахани, новой программы. Въ засѣданіи 21-го мая совѣтъ поручилъ это дѣло университетскому издательному комитету, а тотъ, въ свою очередь, возложилъ его на своего сочлена, адъюнкта

П. С. Кондырева. До насъ сохранился подлинный проэктъ, составленный Кондыревымъ подъ названіемъ „примѣрнаго плана Восточныхъ Извѣстій“ и, согласно волѣ министра, задавшійся цѣлью сдѣлать изъ астраханскаго журнала мѣстно-областной органъ, преслѣдующій интересы изученія русскаго юго-востока и прилегающихъ къ нему странъ. „Издатели Восточныхъ Извѣстій,—такъ излагается Кондыревымъ территоріальный районъ газеты,—должны обратить свое вниманіе, во первыхъ—на самый городъ Астрахань; во вторыхъ—на страны, составляющія губерніи астраханскую и кавказскую, и, отчасти, таврическую, земли донскихъ и черноморскихъ казаковъ, Грузію, земли кавказскихъ горъ народовъ, южную часть губерній саратовской и оренбургской; въ третьихъ—на земли, обитаемыя калмыками, киргизами, каракалпаками и трухменцами; въ четвертыхъ—по сношенію съ восточными странами Россіи: на Хиву, большую и малую Бухарію, Персію, Турцію и, если возможно, Аравію, восточную Индію и Тибетъ“. Очертивъ, съ свойственнымъ ему широкимъ полетомъ фантазіи и такимъ же широкимъ взмахомъ пера, районъ предполагаемаго вліянія астраханской газеты, Кондыревъ подробно излагаетъ уже ближайшія задачи „Восточныхъ Извѣстій“ по отношенію къ каждой изъ только что приведенныхъ территоріальныхъ рубрикъ, заключивъ свой проэктъ оговоркою, что „таковой планъ частному человѣку, каковъ есть г. издатель Восточныхъ Извѣстій, произвести въ дѣйство безъ пособія правительства и безъ значительныхъ издержекъ—невозможно“, но что „писавшій сіе не принималъ въ разсужденіе, а исполнилъ только ему препорученное, не заботясь о исполненіи (!) плана“, предоставляя издателю „при случаяхъ стараться пользоваться изъ онаго тѣмъ, чѣмъ можетъ“. Мы не будемъ прослѣживать дальнѣйшихъ деталей этого продукта окрыленной фантазіи казанскаго публициста и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что „примѣрный планъ“ Кондырева былъ одобренъ всѣми инстанціями, до министра народнаго просвѣщенія включительно, и въ концѣ ноября 1813 года сообщенъ, къ руководству, самому издателю газеты.

І. А. Вейскгопфенъ снова выдвигается передъ нами документами университетскаго архива въ концѣ 1815 года, при обстоятельствахъ, намъ уже знакомыхъ. Мы знаемъ (см. выше стр. 83-ю), что издатель „Восточныхъ Извѣстій“ въ половинѣ ноября этого года вошелъ въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, въ которомъ, представивъ свои труды, ходатайствовалъ о возведеніи его, безъ особаго экзамена, въ степень доктора, быть можетъ разсчитывая пристроиться къ ученой службѣ при университетѣ; аспирантъ изъявлялъ согласіе и лично явиться въ Казань для установленнаго испы-

П. С. Кондырева. До насъ сохранился подлинный проэктъ, составленный Кондыревымъ подъ названіемъ „примѣрнаго плана Восточныхъ Извѣстій“ и, согласно волѣ министра, задавшійся цѣлью сдѣлать изъ астраханскаго журнала мѣстно-областной органъ, преслѣдующій интересы изученія русскаго юго-востока и прилегающихъ къ нему странъ. „Издатели Восточныхъ Извѣстій,—такъ излагается Кондыревымъ территоріальный районъ газеты,—должны обратить свое вниманіе, во первыхъ—на самый городъ Астрахань; во вторыхъ—на страны, составляющія губерніи астраханскую и кавказскую, и, отчасти, таврическую, земли донскихъ и черноморскихъ казаковъ, Грузію, земли кавказскихъ горъ народовъ, южную часть губерній саратовской и оренбургской; въ третьихъ—на земли, обитаемыя калмыками, киргизами, каракалпаками и трухменцами; въ четвертыхъ—по сношенію съ восточными странами Россіи: на Хиву, большую и малую Бухарію, Персію, Турцію и, если возможно, Аравію, восточную Индію и Тибетъ“. Очертивъ, съ свойственнымъ ему широкимъ полетомъ фантазіи и такимъ же широкимъ взмахомъ пера, районъ предполагаемаго вліянія астраханской газеты, Кондыревъ подробно излагаетъ уже ближайшія задачи „Восточныхъ Извѣстій“ по отношенію къ каждой изъ только что приведенныхъ территоріальныхъ рубрикъ, заключивъ свой проэктъ оговоркою, что „таковой планъ частному человѣку, каковъ есть г. издатель Восточныхъ Извѣстій, произвести въ дѣйство безъ пособія правительства и безъ значительныхъ издержекъ—невозможно“, но что „писавшій сіе не принималъ въ разсужденіе, а исполнилъ только ему препорученное, не заботясь о исполненіи (!) плана“, предоставляя издателю „при случаяхъ стараться пользоваться изъ онаго тѣмъ, чѣмъ можетъ“. Мы не будемъ прослѣживать дальнѣйшихъ деталей этого продукта окрыленной фантазіи казанскаго публициста и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что „примѣрный планъ“ Кондырева былъ одобренъ всѣми инстанціями, до министра народнаго просвѣщенія включительно, и въ концѣ ноября 1813 года сообщенъ, къ руководству, самому издателю газеты.

I. А. Вейскгопфенъ снова выдвигается передъ нами документами университетскаго архива въ концѣ 1815 года, при обстоятельствахъ, намъ уже знакомыхъ. Мы знаемъ (см. выше стр. 83-ю), что издатель „Восточныхъ Извѣстій“ въ половинѣ ноября этого года вошелъ въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, въ которомъ, представивъ свои труды, ходатайствовалъ о возведеніи его, безъ особаго экзамена, въ степень доктора, быть можетъ разсчитывая пристроиться къ ученой службѣ при университетѣ; аспирантъ изъявлялъ согласіе и лично явиться въ Казань для установленнаго испы-

танія, если таковое отъ него потребуется, при томъ условіи, если ему позволено будетъ на то время прекратить изданіе Восточныхъ Извѣстій, „дабы,— добавляетъ проситель,—не было мнѣ препятствіемъ то самое, чѣмъ (т. е. изданіемъ журнала) я единственно стараюсь отличиться". Мы видѣли, что мечтаніямъ Вейскгопфена относительно пріобрѣтенія докторской степени не было суждено осуществиться.

Изданіе „Восточныхъ Извѣстій" продолжалось въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ, причемъ за этотъ промежутокъ времени выпущено было номеровъ: въ 1813 (съ 29-го января) и въ 1814 годахъ—по 52 номера въ годъ, въ 1816 году (по 2-ое іюля)—27 номеровъ. Предположеніе Вейскгопфена объ изданіи газеты параллельно на двухъ языкахъ, русскомъ и армянскомъ, осуществилось лишь съ начала послѣдняго (1816-го) года, когда газета стала выходить на обоихъ языкахъ—но это были уже послѣдніе мѣсяцы публицистической дѣятельности І. А. фонъ-Вейскгопфена: онъ умеръ 2-го іюля 1816 года, на 37-мъ году жизни, оставивъ по себѣ въ архивныхъ матеріалахъ университета дальнѣйшій слѣдъ лишь въ дѣлѣ относительно исходатайствованія единовременнаго пособія вдовѣ и малолѣтнему сыну покойнаго. Со смертью Вейскгопфена прекратилось и изданіе основанныхъ имъ „Восточныхъ Извѣстій" [148].

Третьимъ повременнымъ изданіемъ, возникшимъ въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа за интересующій насъ промежутокъ времени и также находившимся подъ надзоромъ казанскаго униветситета—былъ „Музыкальный Азіятскій Журналъ", издававшійся въ 1817 году въ той же Астрахани И. Добровольскимъ, регентомъ архіерейскаго хора и учителемъ музыки въ мѣстной гимназіи.

Данныя относительно этого журнала сохранились въ архивныхъ дѣлахъ казанскаго университета въ связи съ сдѣланнымъ Добровольскимъ изобрѣтеніемъ въ области инструментальной музыки и съ введеніемъ имъ, еще впервые въ краѣ, печатанія музыкальныхъ нотъ на камнѣ (литографскимъ способомъ). Изобрѣтеніе астраханскаго учителя музыки, касавшееся столь любимой и столь распространенной въ то время роговой музыки, сводилось къ замѣнѣ употреблявшихся въ хорахъ этой музыки металлическихъ трубъ— придуманными имъ трубами изъ компактной бумажной массы. До насъ сохранилось описаніе изобрѣтенія Добровольскаго, съ изложеніемъ теоріи этихъ бумажныхъ трубъ, поясняемой особою нотною таблицею, изъ которой оказывается, что каждая труба, комплектъ которыхъ состоялъ изъ двѣнадцати, способна была давать пять и шесть тоновъ, всѣ же вмѣстѣ онѣ давали хро-

танія, если таковое отъ него потребуется, при томъ условіи, если ему позволено будетъ на то время прекратить изданіе Восточныхъ Извѣстій, „дабы,— добавляетъ проситель,—не было мнѣ препятствіемъ то самое, чѣмъ (т. е. изданіемъ журнала) я единственно стараюсь отличиться". Мы видѣли, что мечтаніямъ Вейскгопфена относительно пріобрѣтенія докторской степени не было суждено осуществиться.

Изданіе „Восточныхъ Извѣстій" продолжалось въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ, причемъ за этотъ промежутокъ времени выпущено было номеровъ: въ 1813 (съ 29-го января) и въ 1814 годахъ—по 52 номера въ годъ, въ 1816 году (по 2-ое іюля)—27 номеровъ. Предположеніе Вейскгопфена объ изданіи газеты параллельно на двухъ языкахъ, русскомъ и армянскомъ, осуществилось лишь съ начала послѣдняго (1816-го) года, когда газета стала выходить на обоихъ языкахъ—но это были уже послѣдніе мѣсяцы публицистической дѣятельности І. А. фонъ-Вейскгопфена: онъ умеръ 2-го іюля 1816 года, на 37-мъ году жизни, оставивъ по себѣ въ архивныхъ матеріалахъ университета дальнѣйшій слѣдъ лишь въ дѣлѣ относительно исходатайствованія единовременнаго пособія вдовѣ и малолѣтнему сыну покойнаго. Со смертью Вейскгопфена прекратилось и изданіе основанныхъ имъ „Восточныхъ Извѣстій" [148].

Третьимъ повременнымъ изданіемъ, возникшимъ въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа за интересующій насъ промежутокъ времени и также находившимся подъ надзоромъ казанскаго униветситета—былъ „Музыкальный Азіятскій Журналъ", издававшійся въ 1817 году въ той же Астрахани И. Добровольскимъ, регентомъ архіерейскаго хора и учителемъ музыки въ мѣстной гимназіи.

Данныя относительно этого журнала сохранились въ архивныхъ дѣлахъ казанскаго университета въ связи съ сдѣланнымъ Добровольскимъ изобрѣтеніемъ въ области инструментальной музыки и съ введеніемъ имъ, еще впервые въ краѣ, печатанія музыкальныхъ нотъ на камнѣ (литографскимъ способомъ). Изобрѣтеніе астраханскаго учителя музыки, касавшееся столь любимой и столь распространенной въ то время роговой музыки, сводилось къ замѣнѣ употреблявшихся въ хорахъ этой музыки металлическихъ трубъ—придуманными имъ трубами изъ компактной бумажной массы. До насъ сохранилось описаніе изобрѣтенія Добровольскаго, съ изложеніемъ теоріи этихъ бумажныхъ трубъ, поясняемой особою нотною таблицею, изъ которой оказывается, что каждая труба, комплектъ которыхъ состоялъ изъ двѣнадцати, способна была давать пять и шесть тоновъ, всѣ же вмѣстѣ онѣ давали хро-

матическую музыкальную гамму изъ 39 тоновъ. Преимущество изобрѣтенія Добровольскаго пояснялось, при этомъ, тѣмъ, что на двѣнадцати его бумажныхъ трубахъ „можно все то играть, что на 48-ми мѣдныхъ", такъ какъ каждая изъ нихъ „даетъ не такъ, какъ мѣдная, одну ноту, но 5 или 6 нотъ, отчего для полной роговой музыки не нужно болѣе двѣнадцати музыкантовъ".

Что касается печатанія нотъ на камнѣ, то это нововведеніе астраханскаго музыканта удостоилось вниманія директора придворной пѣвческой капеллы Д. С. Бортнянскаго, выписавшаго отъ Добровольскаго образцы отпечатанныхъ этимъ способомъ нотъ духовнаго пѣнія, а самому Добровольскому подало мысль приступить къ изданію музыкальнаго журнала, который этимъ именно способомъ имъ и печатался съ начала 1817 года въ г. Астрахани, подъ названіемъ „Азіятскаго Музыкальнаго Журнала". Характеръ этого изданія усматривается изъ слѣдующаго объявленія о немъ, напечатаннаго въ № 60-мъ „Казанскихъ Извѣстій" за 1816 годъ:

„Астраханской гимназіи учитель музыки Иванъ Добровольскій, съ позволенія императорскаго казанскаго университета цензурнаго комитета, будетъ издавать въ Астрахани музыкальный журналъ, подъ названіемъ Азіятскій, въ коемъ будутъ помѣщены разныя армянскія, персидскія, индѣйскія, горскія, киргизскія, чеченскія, грузинскія, татарскія, калмыцкія, хивинскія, бухарскія, черкесскія, кабардинскія, казацкія, нагайскія, лезгинскія и туркменскія пѣсни и пляски, которыя будутъ положены какъ для фортепьяно, такъ и для полной музыки. Въ каждомъ мѣсяцѣ будетъ выходить по одной тетрадкѣ. Цѣна за двѣнадцать тетрадокъ, или за цѣлый годъ, въ Астрахани—15 рублей, а съ пересылкою въ другіе города—20 рублей".

Въ концѣ объявленія сообщается о мѣстахъ, въ которыхъ принимается подписка на журналъ; здѣсь узнаемъ, что, кромѣ столицъ, подписка на него принималась при всѣхъ губернскихъ гимназіяхъ и главныхъ народныхъ училищахъ казанскаго учебнаго округа, а въ г. Казани, сверхъ того, и у профессора университета Ѳ. Х. Эрдмана, повидимому покровительствовавшаго астраханскому музыканту.

Мы не могли найти никакихъ указаній ни на тотъ порядокъ, какимъ испрошено было Добровольскимъ разрѣшеніе на изданіе этого журнала, ни на тѣ обстоятельства, при которыхъ началось его изданіе, ни на самую организацію издательскаго и редакціоннаго дѣла, но архивныя дѣла казанскаго университета свидѣтельствуютъ намъ, что первымъ обратилъ на дѣятельность Добровольскаго вниманіе совѣта казанскаго университета

матическую музыкальную гамму изъ 39 тоновъ. Преимущество изобрѣтенія Добровольскаго пояснялось, при этомъ, тѣмъ, что на двѣнадцати его бумажныхъ трубахъ „можно все то играть, что на 48-ми мѣдныхъ", такъ какъ каждая изъ нихъ „даетъ не такъ, какъ мѣдная, одну ноту, но. 5 или 6 нотъ, отчего для полной роговой музыки не нужно болѣе двѣнадцати музыкантовъ".

Что касается печатанія нотъ на камнѣ, то это нововведеніе астраханскаго музыканта удостоилось вниманія директора придворной пѣвческой капеллы Д. С. Бортнянскаго, выписавшаго отъ Добровольскаго образцы отпечатанныхъ этимъ способомъ нотъ духовнаго пѣнія, а самому Добровольскому подало мысль приступить къ изданію музыкальнаго журнала, который этимъ именно способомъ имъ и печатался съ начала 1817 года въ г. Астрахани, подъ названіемъ „Азіятскаго Музыкальнаго Журнала". Характеръ этого изданія усматривается изъ слѣдующаго объявленія о немъ, напечатаннаго въ № 60-мъ „Казанскихъ Извѣстій" за 1816 годъ:

„Астраханской гимназіи учитель музыки Иванъ Добровольскій, съ позволенія императорскаго казанскаго университета цензурнаго комитета, будетъ издавать въ Астрахани музыкальный журналъ, подъ названіемъ Азіятскій, въ коемъ будутъ помѣщены разныя армянскія, персидскія, индѣйскія, горскія, киргизскія, чеченскія, грузинскія, татарскія, калмыцкія, хивинскія, бухарскія, черкесскія, кабардинскія, казацкія, нагайскія, лезгинскія и туркменскія пѣсни и пляски, которыя будутъ положены какъ для фортепьяно, такъ и для полной музыки. Въ каждомъ мѣсяцѣ будетъ выходить по одной тетрадкѣ. Цѣна за двѣнадцать тетрадокъ, или за цѣлый годъ, въ Астрахани—15 рублей, а съ пересылкою въ другіе города—20 рублей".

Въ концѣ объявленія сообщается о мѣстахъ, въ которыхъ принимается подписка на журналъ; здѣсь узнаемъ, что, кромѣ столицъ, подписка на него принималась при всѣхъ губернскихъ гимназіяхъ и главныхъ народныхъ училищахъ казанскаго учебнаго округа, а въ г. Казани, сверхъ того, и у профессора университета Ѳ. X. Эрдмана, повидимому покровительствовавшаго астраханскому музыканту.

Мы не могли найти никакихъ указаній ни на тотъ порядокъ, какимъ испрошено было Добровольскимъ разрѣшеніе на изданіе этого журнала, ни на тѣ обстоятельства, при которыхъ началось его изданіе, ни на самую организацію издательскаго и редакціоннаго дѣла, но архивныя дѣла казанскаго университета свидѣтельствуютъ намъ, что первымъ обратилъ на дѣятельность Добровольскаго вниманіе совѣта казанскаго университета

профессоръ Ѳ. Х. Эрдманъ, 26-го января 1817 года вошедшій въ совѣтъ съ представленіемъ на латинскомъ языкѣ, въ которомъ указывалъ на желательность поощренія астраханскаго музыкальнаго новатора *. Заслушавъ это представленіе, совѣтъ, по существу его, постановилъ: предписать директорамъ училищъ округа подписаться, если позволитъ то состояніе училищныхъ суммъ, на музыкальный журналъ Добровольскаго и представить о заслугахъ Добровольскаго на благоусмотрѣніе и. д. министра народнаго просвѣщенія. Представленіе это было сдѣлано совѣтомъ (отъ 19-го февраля) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Профессоръ публичный ординарный Эрдманъ донесъ совѣту, что учитель музыки астраханской гимназіи Добровольскій, еще годъ тому назадъ, изобрѣлъ изъ толстой бумаги составленныя трубы, вмѣсто мѣдныхъ, употребляемыхъ въ роговой музыкѣ, которыя, будучи гораздо дешевле, почти тотъ же производятъ звукъ. Онъ же издаетъ нынѣ свой Музыкальный Азіятскій Журналъ, печатая оный на камнѣ, и такъ первый старался о введеніи столь полезнаго изобрѣтенія въ здѣшнихъ странахъ. Университетъ, снабдивъ его наставленіемъ для вящаго усовершенствованія сего искусства и желая доставить ему одобреніе въ полезныхъ его предпріятіяхъ, имѣетъ честь довести о нихъ вашему сіятельству".

Князь А. Н. Голицинъ, исправлявшій въ то время должность министра народнаго просвѣщенія, заинтересовался изобрѣтеніемъ Добровольскаго и ему высланъ былъ изъ Астрахани полный комплектъ (12) бумажныхъ трубъ, съ подробнымъ теоретическимъ ихъ описаніемъ — но это изобрѣтеніе не оказалось практичнымъ: „По испытаніи доставленныхъ сюда двѣнадцати бумажныхъ трубъ,—читаемъ въ предложеніи князя Голицина совѣту отъ 4-го сентября 1818 года, — изобрѣтенныхъ учителемъ музыки при астраханской гимназіи Добровольскимъ, оказалось, что трубы сіи, подобно волторнамъ имѣвши каждая нѣсколько тоновъ, могутъ быть употреблены въ роговой музыкѣ съ большимъ уменьшеніемъ людей, но, при томъ, имѣютъ то неудобство, что при игрѣ на нихъ онѣ отъ воздуха отсырѣваютъ, а потому и вѣрнаго тона сохранять не могутъ". Тѣмъ не менѣе, въ поощреніе его полезной дѣятельности, министръ предписалъ выдать Добровольскому единовременную награду въ 300 рублей и опредѣлить ему (онъ преподавалъ до тѣхъ поръ въ гимназіи безвозмездно) жалованье въ размѣрѣ 200 р. въ годъ.

---

* Къ этому представленію приложенъ былъ (сохранившійся при дѣлѣ) образецъ печатаемыхъ Добровольскимъ на камнѣ нотъ, заключающійся изъ піэски («Siciliano») для скрипки.

профессоръ Ѳ. Х. Эрдманъ, 26-го января 1817 года вошедшій въ совѣтъ съ представленіемъ на латинскомъ языкѣ, въ которомъ указывалъ на желательность поощренія астраханскаго музыкальнаго новатора *. Заслушавъ это представленіе, совѣтъ, по существу его, постановилъ: предписать директорамъ училищъ округа подписаться, если позволитъ то состояніе училищныхъ суммъ, на музыкальный журналъ Добровольскаго и представить о заслугахъ Добровольскаго на благоусмотрѣніе и. д. министра народнаго просвѣщенія. Представленіе это было сдѣлано совѣтомъ (отъ 19-го февраля) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Профессоръ публичный ординарный Эрдманъ донесъ совѣту, что учитель музыки астраханской гимназіи Добровольскій, еще годъ тому назадъ, изобрѣлъ изъ толстой бумаги составленныя трубы, вмѣсто мѣдныхъ, употребляемыхъ въ роговой музыкѣ, которыя, будучи гораздо дешевле, почти тотъ же производятъ звукъ. Онъ же издаетъ нынѣ свой Музыкальный Азіятскій Журналъ, печатая оный на камнѣ, и такъ первый старался о введеніи столь полезнаго изобрѣтенія въ здѣшнихъ странахъ. Университетъ, снабдивъ его наставленіемъ для вящаго усовершенствованія сего искусства и желая доставить ему одобреніе въ полезныхъ его предпріятіяхъ, имѣетъ честь довести о нихъ вашему сіятельству".

Князь А. Н. Голицинъ, исправлявшій въ то время должность министра народнаго просвѣщенія, заинтересовался изобрѣтеніемъ Добровольскаго и ему высланъ былъ изъ Астрахани полный комплектъ (12) бумажныхъ трубъ, съ подробнымъ теоретическимъ ихъ описаніемъ — но это изобрѣтеніе не оказалось практичнымъ: „По испытаніи доставленныхъ сюда двѣнадцати бумажныхъ трубъ,—читаемъ въ предложеніи князя Голицина совѣту отъ 4-го сентября 1818 года, — изобрѣтенныхъ учителемъ музыки при астраханской гимназіи Добровольскимъ, оказалось, что трубы сіи, подобно волторнамъ имѣвши каждая нѣсколько тоновъ, могутъ быть употреблены въ роговой музыкѣ съ большимъ уменьшеніемъ людей, но, при томъ, имѣютъ то неудобство, что при игрѣ на нихъ онѣ отъ воздуха отсырѣваютъ, а потому и вѣрнаго тона сохранять не могутъ". Тѣмъ не менѣе, въ поощреніе его полезной дѣятельности, министръ предписалъ выдать Добровольскому единовременную награду въ 300 рублей и опредѣлить ему (онъ преподавалъ до тѣхъ поръ въ гимназіи безвозмездно) жалованье въ размѣрѣ 200 р. въ годъ.

---

* Къ этому представленію приложенъ былъ (сохранившійся при дѣлѣ) образецъ печатаемыхъ Добровольскимъ на камнѣ нотъ, заключающійся изъ піэски («Siciliano») для скрипки.

Что касается циркулярнаго обращенія университетскаго совѣта къ директорамъ училищъ, въ которомъ имъ давалось также и довольно неловкое порученіе „о доставленіи ему (Добровольскому) въ губерніи, коей училища вамъ подвѣдомы, пренумерантовъ“, т. е. подписчиковъ, то эта мѣра принесла очень мало положительныхъ результатовъ; экземпляры журнала, годовая подписная цѣна на который назначалась чрезмѣрно высокая,—20 рублей,—были выписаны лишь немногими училищами. Не встрѣтила идея этого изданія отклика и среди публики: „Сколь ни желательна и необходима музыка для нравственнаго образованія,—отозвался, напримѣръ, директоръ училищъ пензенской губерніи, — но, къ сожалѣнію, въ отечествѣ нашемъ эта важная часть онаго въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ по штату не положена, а потому она многими развращенно понимается неблагороднымъ и рабскимъ упражненіемъ“; директоръ томскихъ училищъ, выписавъ экземпляръ журнала для уѣзднаго училища, не смогъ доставить журналу частныхъ „пренумерантовъ“, сославшись на то, что „вкусъ въ здѣшнемъ городѣ еще младенчествуетъ и охотниковъ до музыки нѣтъ никакихъ“. Не встрѣтилъ починъ Добровольскаго отклика даже и въ культурномъ центрѣ края—Казани: и здѣсь „никто на выписку онаго журнала не оказалъ желанія“ и едва ли не одна только вятская училищная дирекція оказалась въ состояніи „собрать“ журналу трехъ частныхъ „пренумерантовъ“.

Мы не имѣемъ, какъ это уже было замѣчено выше, никакихъ свѣдѣній относительно организаціи дѣла изданія журнала на мѣстѣ—въ Астрахани, кромѣ того, что цензура этого изданія была возложена на тотъ же цензурный комитетъ при гимназіи, который еще до того былъ образованъ въ виду начавшагося изданія „Восточныхъ Извѣстій“. Ничего не въ состояніи мы сказать ни о достоинствахъ или недостаткахъ этого изданія, ни относительно продолжительности изданія и дальнѣйшей судьбы астраханскаго „Музыкальнаго Азіятскаго Журнала“ *. Кажется, впрочемъ, что однимъ 1817-мъ годомъ изданіе этого своеобразнаго журнала и ограничилось [149].

---

* Намъ не удалось видѣть экземпляра этого изданія. Экземпляръ «Азіятскаго Музыкальнаго Журнала», значущійся въ каталогѣ главной библіотеки казанскаго университета—оказался, къ сожалѣнію, утраченнымъ.

Что касается циркулярнаго обращенія университетскаго совѣта къ директорамъ училищъ, въ которомъ имъ давалось также и довольно неловкое порученіе „о доставленіи ему (Добровольскому) въ губерніи, коей училища вамъ подвѣдомы, пренумерантовъ", т. е. подписчиковъ, то эта мѣра принесла очень мало положительныхъ результатовъ; экземпляры журнала, годовая подписная цѣна на который назначалась чрезмѣрно высокая,—20 рублей,—были выписаны лишь немногими училищами. Не встрѣтила идея этого изданія отклика и среди публики: „Сколь ни желательна и необходима музыка для нравственнаго образованія,—отозвался, напримѣръ, директоръ училищъ пензенской губерніи, — но, къ сожалѣнію, въ отечествѣ нашемъ эта важная часть онаго въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ по штату не положена, а потому она многими развращенно понимается неблагороднымъ и рабскимъ упражненіемъ"; директоръ томскихъ училищъ, выписавъ экземпляръ журнала для уѣзднаго училища, не смогъ доставить журналу частныхъ „пренумерантовъ", сославшись на то, что „вкусъ въ здѣшнемъ городѣ еще младенчествуетъ и охотниковъ до музыки нѣтъ никакихъ". Не встрѣтилъ починъ Добровольскаго отклика даже и въ культурномъ центрѣ края—Казани: и здѣсь „никто на выписку онаго журнала не оказалъ желанія" и едва ли не одна только вятская училищная дирекція оказалась въ состояніи „собрать" журналу трехъ частныхъ „пренумерантовъ".

Мы не имѣемъ, какъ это уже было замѣчено выше, никакихъ свѣдѣній относительно организаціи дѣла изданія журнала на мѣстѣ—въ Астрахани, кромѣ того, что цензура этого изданія была возложена на тотъ же цензурный комитетъ при гимназіи, который еще до того былъ образованъ въ виду начавшагося изданія „Восточныхъ Извѣстій". Ничего не въ состояніи мы сказать ни о достоинствахъ или недостаткахъ этого изданія, ни относительно продолжительности изданія и дальнѣйшей судьбы астраханскаго „Музыкальнаго Азіятскаго Журнала" *. Кажется, впрочемъ, что однимъ 1817-мъ годомъ изданіе этого своеобразнаго журнала и ограничилось [149].

---

* Намъ не удалось видѣть экземпляра этого изданія. Экземпляръ «Азіятскаго Музыкальнаго Журнала», значущійся въ каталогѣ главной библіотеки казанскаго университета—оказался, къ сожалѣнію, утраченнымъ.

III

Книгопечатное и книжное дѣло. „Азіятская" и „русская" типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.

Начало книгопечатнаго дѣла въ Казани.—«Азіятская» типографія при казанской гимназіи.—Ея назначеніе, организація и дѣятельность.—Упадокъ гимназической типографіи.—Вопросъ объ учрежденіи «русской» типографіи при университетѣ.—Заботы Румовскаго въ этомъ направленіи.—Открытіе русской университетской типографіи.—Ея устройство, средства, дѣятельность.—Итоги дѣятельности азіятской и русской типографій.—Исторія соединенія обѣихъ типографій въ одну общую—«университетскую».—Вопросъ объ университетской книжной лавкѣ.

Просвѣтительныя задачи, выпавшія на долю Казани, въ качествѣ центра русско-мусульманскаго и инородческаго востока, въ связи съ раннимъ возникновеніемъ здѣсь гимназіи, духовной (старой) академіи, наконецъ—университета, уже въ исходѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ вызвали къ жизни настоятельный вопросъ объ основаніи здѣсь типографіи. Весьма естественно, что, съ учрежденіемъ въ Казани университета, типографское дѣло, какъ мощное орудіе достиженія научныхъ и образовательныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ имъ, стало въ ряду предметовъ первостепеннаго попеченія со стороны молодого университета, открывъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новый широкій путь къ установленію, уже на почвѣ печатнаго слова, культурной связи между наукою и обществомъ. Это то послѣднее соображеніе и является причиною, побуждающею насъ отвести начальному историческому очерку университетской типографіи мѣсто именно въ настоящемъ отдѣлѣ нашего труда.

Первая казанская типографія,—такъ называемая „азіятская", такъ какъ она была предназначена для печатанія книгъ на татарскомъ языкѣ,—первоначально возникла при преобразованной на основаніи устава 1798 года гимназіи и, числясь въ вѣдѣніи гимназіи, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ противопоставлялась „русской" типографіи, въ 1809 году открытой, уже самимъ университетомъ, для печатанія книгъ на языкахъ европейскихъ; это различеніе двухъ принадлежащихъ одному и тому же вѣдомству типографій продолжалось до 1829 года, когда обѣ онѣ были соединены подъ общимъ наименованіемъ типографіи „университетской", съ той поры непрерывно продолжающей свое существованіе вплоть до нашихъ дней.

Любопытными представляются тѣ мотивы именно общественнаго характера, во имя которыхъ получила начало, при мѣстной гимназіи, первая казанская типографія—„азіятская". Въ исходѣ XVIII вѣка въ высшія пра-

III

Книгопечатное и книжное дѣло. „Азіятская" и „русская" типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.

Начало книгопечатнаго дѣла въ Казани.—«Азіятская» типографія при казанской гимназіи.—Ея назначеніе, организація и дѣятельность.—Упадокъ гимназической типографіи.—Вопросъ объ учрежденіи «русской» типографіи при университетѣ.—Заботы Румовскаго въ этомъ направленіи.—Открытіе русской университетской типографіи.—Ея устройство, средства, дѣятельность.—Итоги дѣятельности азіятской и русской типографій.—Исторія соединенія обѣихъ типографій въ одну общую—«университетскую».—Вопросъ объ университетской книжной лавкѣ.

Просвѣтительныя задачи, выпавшія на долю Казани, въ качествѣ центра русско-мусульманскаго и инородческаго востока, въ связи съ раннимъ возникновеніемъ здѣсь гимназіи, духовной (старой) академіи, наконецъ—университета, уже въ исходѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ вызвали къ жизни настоятельный вопросъ объ основаніи здѣсь типографіи. Весьма естественно, что, съ учрежденіемъ въ Казани университета, типографское дѣло, какъ мощное орудіе достиженія научныхъ и образовательныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ имъ, стало въ ряду предметовъ первостепеннаго попеченія со стороны молодого университета, открывъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новый широкій путь къ установленію, уже на почвѣ печатнаго слова, культурной связи между наукою и обществомъ. Это то послѣднее соображеніе и является причиною, побуждающею насъ отвести начальному историческому очерку университетской типографіи мѣсто именно въ настоящемъ отдѣлѣ нашего труда.

Первая казанская типографія, — такъ называемая „азіятская", такъ какъ она была предназначена для печатанія книгъ на татарскомъ языкѣ,—первоначально возникла при преобразованной на основаніи устава 1798 года гимназіи и, числясь въ вѣдѣніи гимназіи, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ противопоставлялась „русской" типографіи, въ 1809 году открытой, уже самимъ университетомъ, для печатанія книгъ на языкахъ европейскихъ; это различеніе двухъ принадлежащихъ одному и тому же вѣдомству типографій продолжалось до 1829 года, когда обѣ онѣ были соединены подъ общимъ наименованіемъ типографіи „университетской", съ той поры непрерывно продолжающей свое существованіе вплоть до нашихъ дней.

Любопытными представляются тѣ мотивы именно общественнаго характера, во имя которыхъ получила начало, при мѣстной гимназіи, первая казанская типографія—„азіятская". Въ исходѣ XVIII вѣка въ высшія пра-

вительственныя сферы поступило ходатайство „отъ татаръ казанской, оренбургской и другихъ губерній о снабженіи ихъ потребнымъ числомъ алкорановъ, молитвенниковъ и тому подобныхъ книгъ, въ коихъ они нуждаются и покупаютъ дорогою цѣною"; весьма вѣроятно, что ходатайство это исходило, въ сущности, отъ оренбургскаго духовнаго магометанскаго собранія, глава котораго, муфтій, принималъ въ этомъ начинаніи, какъ сейчасъ увидимъ, весьма близкое и дѣятельное участіе. Ходатайству этому данъ былъ ходъ и 9-го мая 1800 года оно удостоилось высочайшаго разрѣшенія, о чемъ 25-го мая тогдашній казанскій гражданскій губернаторъ А. И. Мухановъ оффиціально увѣдомилъ директора гимназіи А. М. Титова. Высочайшее повелѣніе, сообщенное черезъ генералъ-прокурора сената, было слѣдующаго содержанія:

„Учрежденной въ С.-Петербургѣ азіятской типографіи, состоящей на содержаніи у типографщика Шнора, два стана перемѣстить въ Казань и отдать ихъ въ вѣдомство казанской гимназіи, которой препоручается цензура всѣхъ привозимыхъ и выпускаемыхъ на татарскомъ и другихъ азіятскихъ языкахъ книгъ, съ дозволеніемъ, подъ строгимъ смотрѣніемъ оной, печатать потребное число алкорановъ, молитвенниковъ и тому подобныхъ книгъ".

Эта казанская „азіятская типографія" явилась какъ бы филіальнымъ отдѣленіемъ петербургской азіятской типографіи, изъ которой она и выдѣлилась, даже по самой своей организаціи: она была отдана на содержаніе, подъ главнымъ наблюденіемъ гимназіи, какому то „прапорщику" изъ мусульманъ Бурашеву, которому было поручено доставить типографію въ Казань, монтировать ее здѣсь и немедленно приступить къ печатанію. Съ этимъ Бурашевымъ составленъ былъ подробный договоръ, въ подробности котораго мы входить не будемъ и которымъ съ особенною точностью опредѣлялась финансовая сторона отношеній между содержателемъ типографіи и казною. Помѣщеніе для типографіи отведено въ главномъ гимназическомъ корпусѣ, гдѣ она и ютилась до своего перемѣщенія, осенью 1806 года, во вновь отстроенный „типографскій" домъ *; кромѣ помѣщенія, типографіи предоставлялось „довольствованіе дровами, да жалованья: ему, Бурашеву—500 р., корректору—350 р., цензору какое опредѣлено будетъ". Содержатель, съ своей стороны, гарантировалъ казнѣ отъ типографіи по двѣсти рублей въ годъ дохода и, сверхъ того, принималъ на себя отвѣтственность за убытки, могущіе воспослѣдовать для гимназіи отъ этого

* См. томъ I, стр. 75.

вительственныя сферы поступило ходатайство „отъ татаръ казанской, оренбургской и другихъ губерній о снабженіи ихъ потребнымъ числомъ алкорановъ, молитвенниковъ и тому подобныхъ книгъ, въ коихъ они нуждаются и покупаютъ дорогою цѣною"; весьма вѣроятно, что ходатайство это исходило, въ сущности, отъ оренбургскаго духовнаго магометанскаго собранія, глава котораго, муфтій, принималъ въ этомъ начинаніи, какъ сейчасъ увидимъ, весьма близкое и дѣятельное участіе. Ходатайству этому данъ былъ ходъ и 9-го мая 1800 года оно удостоилось высочайшаго разрѣшенія, о чемъ 25-го мая тогдашній казанскій гражданскій губернаторъ А. И. Мухановъ оффиціально увѣдомилъ директора гимназіи А. М. Титова. Высочайшее повелѣніе, сообщенное черезъ генералъ-прокурора сената, было слѣдующаго содержанія:

„Учрежденной въ С.-Петербургѣ азіятской типографіи, состоящей на содержаніи у типографщика Шнора, два стана перемѣстить въ Казань и отдать ихъ въ вѣдомство казанской гимназіи, которой препоручается цензура всѣхъ привозимыхъ и выпускаемыхъ на татарскомъ и другихъ азіятскихъ языкахъ книгъ, съ дозволеніемъ, подъ строгимъ смотрѣніемъ оной, печатать потребное число алкорановъ, молитвенниковъ и тому подобныхъ книгъ".

Эта казанская „азіятская типографія" явилась какъ бы филіальнымъ отдѣленіемъ петербургской азіятской типографіи, изъ которой она и выдѣлилась, даже по самой своей организаціи: она была отдана на содержаніе, подъ главнымъ наблюденіемъ гимназіи, какому то „прапорщику" изъ мусульманъ Бурашеву, которому было поручено доставить типографію въ Казань, монтировать ее здѣсь и немедленно приступить къ печатанію. Съ этимъ Бурашевымъ составленъ былъ подробный договоръ, въ подробности котораго мы входить не будемъ и которымъ съ особенною точностью опредѣлялась финансовая сторона отношеній между содержателемъ типографіи и казною. Помѣщеніе для типографіи отведено въ главномъ гимназическомъ корпусѣ, гдѣ она и ютилась до своего перемѣщенія, осенью 1806 года, во вновь отстроенный „типографскій" домъ *; кромѣ помѣщенія, типографіи предоставлялось „довольствованіе дровами, да жалованья: ему, Бурашеву—500 р., корректору—350 р., цензору какое опредѣлено будетъ". Содержатель, съ своей стороны, гарантировалъ казнѣ отъ типографіи по двѣсти рублей въ годъ дохода и, сверхъ того, принималъ на себя отвѣтственность за убытки, могущіе воспослѣдовать для гимназіи отъ этого

* См. томъ I, стр. 75.

предпріятія. Начальное устройство типографіи было довольно примитивнымъ: весь ея личный составъ образовался, кромѣ самого Бурашева, изъ одного корректора (наборщикъ Хамза Мамышевъ) и одного наборщика (Гали Рахметуллина); въ званіе цензора временно допущенъ гимназическій учитель татарскаго языка Ибрагимъ Хальфинъ—уже извѣстный намъ будущій лекторъ, а затѣмъ и адъюнктъ казанскаго университета. Утвержденіе цензора и разрѣшеніе къ печати книгъ мусульманскаго духовнаго содержанія были предоставлены оренбургскому муфтію, принимавшему, вообще, весьма дѣятельное участіе въ начальной судьбѣ гимназической азіятской типографіи. Въ 1801 году со становъ этой типографіи вышли и первыя напечатанныя въ Казани книги—„Аттагоджи" (8⁰) и „Гэфтіекъ" (седьмая часть корана, 8⁰); всего же напечатано въ этой типографіи за первые восемь лѣтъ (1800—1808 г.г.) ея существованія 26 книгъ мусульманской печати.

Недолго продолжалось завѣдываніе типографіею прапорщика Бурашева: въ ноябрѣ 1802 года этотъ прапорщикъ, вмѣстѣ съ цензоромъ, казанскимъ имамомъ Мухамедомъ Абдрезяковымъ, былъ преданъ суду „за подложное напечатаніе въ книгѣ Фаузикъ Назятъ („Фаузу'н-наджâти", т. е. достиженіе спасенія) излишнихъ трехъ листовъ, которые, по разсмотрѣнію муфтіемъ, оказались касающимися до Алеевой секты, и выпустилъ таковыхъ книгъ до трехъ тысячъ экземпляровъ". Въ результатѣ оказалось то, что въ должности цензора типографіи утвержденъ былъ учитель Хальфинъ, Бурашевъ съ конца 1803 года совершенно устраненъ отъ содержанія типографіи, самую же типографію опредѣлено впредь сдавать,—„по примѣру императорскаго московскаго университета",—на откупъ, на что 31-го марта 1804 года и послѣдовало согласіе главнаго правленія училищъ. Этотъ откупной порядокъ содержанія азіятской типографіи практиковался въ теченіи ряда послѣдующихъ лѣтъ, причемъ контрагентами выступали, сначала—казанскій второй гильдіи купецъ Юсупъ Апанаевъ (съ 25-го января 1806 по іюль 1814 года), а затѣмъ казанскій же купецъ Юнусовъ (съ іюля 1814 года). Мы не имѣемъ возможности входить въ разсмотрѣніе подробностей этой откупной, ознаменовавшейся рядомъ кляузныхъ препирательствъ между обѣими договаривавшимися сторонами, поры существованія гимназической азіятской типографіи, направляя интересующихся этимъ вопросомъ къ подлиннымъ дѣламъ университетскаго архива [150].

Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что откупная система эксплоатаціи азіятской типографіи не только не содѣйствовала ея процвѣтанію, какъ сильно разсчитывали на это въ 1803 и

предпріятія. Начальное устройство типографіи было довольно примитивнымъ: весь ея личный составъ образовался, кромѣ самого Бурашева, изъ одного корректора (наборщикъ Хамза Мамышевъ) и одного наборщика (Гали Рахметуллина); въ званіе цензора временно допущенъ гимназическій учитель татарскаго языка Ибрагимъ Хальфинъ—уже извѣстный намъ будущій лекторъ, а затѣмъ и адъюнктъ казанскаго университета. Утвержденіе цензора и разрѣшеніе къ печати книгъ мусульманскаго духовнаго содержанія были предоставлены оренбургскому муфтію, принимавшему, вообще, весьма дѣятельное участіе въ начальной судьбѣ гимназической азіятской типографіи. Въ 1801 году со становъ этой типографіи вышли и первыя напечатанныя въ Казани книги—„Аттагоджи" (8⁰) и „Гэфтіекъ" (седьмая часть корана, 8⁰); всего же напечатано въ этой типографіи за первые восемь лѣтъ (1800—1808 г.г.) ея существованія 26 книгъ мусульманской печати.

Недолго продолжалось завѣдываніе типографіею прапорщика Бурашева: въ ноябрѣ 1802 года этотъ прапорщикъ, вмѣстѣ съ цензоромъ, казанскимъ имамомъ Мухамедомъ Абдрезяковымъ, былъ преданъ суду „за подложное напечатаніе въ книгѣ Фаузикъ Назятъ („Фаузу'н-наджâти", т. е. достиженіе спасенія) излишнихъ трехъ листовъ, которые, по разсмотрѣнію муфтіемъ, оказались касающимися до Алеевой секты, и выпустилъ таковыхъ книгъ до трехъ тысячъ экземпляровъ". Въ результатѣ оказалось то, что въ должности цензора типографіи утвержденъ былъ учитель Хальфинъ, Бурашевъ съ конца 1803 года совершенно устраненъ отъ содержанія типографіи, самую же типографію опредѣлено впредь сдавать,—„по примѣру императорскаго московскаго университета",—на откупъ, на что 31-го марта 1804 года и послѣдовало согласіе главнаго правленія училищъ. Этотъ откупной порядокъ содержанія азіятской типографіи практиковался въ теченіи ряда послѣдующихъ лѣтъ, причемъ контрагентами выступали, сначала—казанскій второй гильдіи купецъ Юсупъ Апанаевъ (съ 25-го января 1806 по іюль 1814 года), а затѣмъ казанскій же купецъ Юнусовъ (съ іюля 1814 года). Мы не имѣемъ возможности входить въ разсмотрѣніе подробностей этой откупной, ознаменовавшейся рядомъ кляузныхъ препирательствъ между обѣими договаривавшимися сторонами, поры существованія гимназической азіятской типографіи, направляя интересующихся этимъ вопросомъ къ подлиннымъ дѣламъ университетскаго архива [150].

Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что откупная система эксплоатаціи азіятской типографіи не только не содѣйствовала ея процвѣтанію, какъ сильно разсчитывали на это въ 1803 и

1804 годахъ, но привела это учрежденіе въ состояніе такого упадка, при которомъ первая казанская типографія лишь влачила, въ буквальномъ значеніи этого слова, свое жалкое существованіе. Мы уже знаемъ, что въ числѣ доводовъ, приведенныхъ въ началѣ 1809 года противъ возможности изданія „Казанскихъ Извѣстій“ на двухъ языкахъ, русскомъ и татарскомъ, главную силу представлялъ тотъ (см. выше стр. 289), что „азіятская типографія, при казанскомъ университетѣ состоящая, имѣетъ литеръ только на три листа, да и тѣ, по большей части, уже стары“. Въ мартѣ 1812 года контора гимназіи, представляя, въ качествѣ доказательства, три корректурныхъ листа, доносила попечителю, что въ типографіи произведена была отборка „самыхъ лучшихъ литтеръ, но и тѣ, по наборѣ одного листа алкорана въ четверку и по отпечатаніи трехъ разъ, для корректуры—оказались совсѣмъ неспособными, такъ, что и корректуру никакъ нельзя прочесть“. Лѣтомъ того же года профессору Френу пришлось отказать въ напечатаніи въ Казани „славной книги“ извѣстнаго оріенталиста Сильвестра „Chrestomatia arabica“ впредь до того времени, „пока обстоятельства не дозволятъ привесть въ порядокъ типографію и словолитню и, купивъ матрицы, вылить новые арабскіе шрифты“. Весною слѣдующаго 1813 года лекторъ татарскаго языка Хальфинъ и корректоръ типографіи Мамышевъ снова доносятъ конторѣ, что не видятъ возможности печатать седьмую часть алкорана, такъ какъ „литтеры уже нынѣ къ печатанію неспособны, ибо ихъ или подпиливаютъ, либо оттягиваютъ“, да и самая „корректура должна производиться болѣе обыкновеннаго, и тогда еще она не можетъ быть прямо вѣрна и безъ ошибокъ“; вслѣдствіе же ордера совѣта, гдѣ предписывается, что бы „въ книгѣ, которая будетъ помѣчена муфтіемъ, не было перемѣняемо ни одно слово, ни одинъ знакъ“—продолженіе печатанія алкорана становится немыслимымъ. Оскудѣніе типографіи и отсутствіе средствъ къ приведенію ея въ лучшее состояніе дошли въ 1813 году до того, что, по ходатайству министра народнаго просвѣщенія передъ министромъ юстиціи, весною этого года изъ сенатской типографіи были доставлены въ азіятскую типографію, во временное пользованіе, матрицы татарскаго шрифта, относительно возвращенія которыхъ обратно въ Петербургъ пятью годами позже, въ началѣ 1818 года, возникла цѣлая переписка. Для библіофиловъ небезъинтереснымъ можетъ оказаться списокъ изданій казанской азіятской типографіи *, съ обозначеніемъ продажныхъ цѣнъ, составленный въ началѣ 1812 года для графа П. А. Строганова,

* Архивъ каз. унив., Попеч. 1812, № 21.

1804 годахъ, но привела это учрежденіе въ состояніе такого упадка, при которомъ первая казанская типографія лишь влачила, въ буквальномъ значеніи этого слова, свое жалкое существованіе. Мы уже знаемъ, что въ числѣ доводовъ, приведенныхъ въ началѣ 1809 года противъ возможности изданія „Казанскихъ Извѣстій" на двухъ языкахъ, русскомъ и татарскомъ, главную силу представлялъ тотъ (см. выше стр. 289), что „азіятская типографія, при казанскомъ университетѣ состоящая, имѣетъ литеръ только на три листа, да и тѣ, по большей части, уже стары". Въ мартѣ 1812 года контора гимназіи, представляя, въ качествѣ доказательства, три корректурныхъ листа, доносила попечителю, что въ типографіи произведена была отборка „самыхъ лучшихъ литтеръ, но и тѣ, по наборѣ одного листа алкорана въ четверку и по отпечатаніи трехъ разъ, для корректуры—оказались совсѣмъ неспособными, такъ, что и корректуру никакъ нельзя прочесть". Лѣтомъ того же года профессору Френу пришлось отказать въ напечатаніи въ Казани „славной книги" извѣстнаго оріенталиста Сильвестра „Chrestomatia arabica" впредь до того времени, „пока обстоятельства не дозволятъ привесть въ порядокъ типографію и словолитню и, купивъ матрицы, вылить новые арабскіе шрифты". Весною слѣдующаго 1813 года лекторъ татарскаго языка Хальфинъ и корректоръ типографіи Мамышевъ снова доносятъ конторѣ, что не видятъ возможности печатать седьмую часть алкорана, такъ какъ „литтеры уже нынѣ къ печатанію неспособны, ибо ихъ или подпиливаютъ, либо оттягиваютъ", да и самая „корректура должна производиться болѣе обыкновеннаго, и тогда еще она не можетъ быть прямо вѣрна и безъ ошибокъ"; вслѣдствіе же ордера совѣта, гдѣ предписывается, что бы „въ книгѣ, которая будетъ помѣчена муфтіемъ, не было перемѣняемо ни одно слово, ни одинъ знакъ"—продолженіе печатанія алкорана становится немыслимымъ. Оскудѣніе типографіи и отсутствіе средствъ къ приведенію ея въ лучшее состояніе дошли въ 1813 году до того, что, по ходатайству министра народнаго просвѣщенія передъ министромъ юстиціи, весною этого года изъ сенатской типографіи были доставлены въ азіятскую типографію, во временное пользованіе, матрицы татарскаго шрифта, относительно возвращенія которыхъ обратно въ Петербургъ пятью годами позже, въ началѣ 1818 года, возникла цѣлая переписка. Для библіофиловъ небезъинтереснымъ можетъ оказаться списокъ изданій казанской азіятской типографіи *, съ обозначеніемъ продажныхъ цѣнъ, составленный въ началѣ 1812 года для графа П. А. Строганова,

* Архивъ каз. унив., Попеч. 1812, № 21.

изъявившаго желаніе пріобрѣсти ихъ для своей библіотеки; въ этотъ списокъ вошли изданія какъ имѣвшіяся въ складѣ арендатора типографіи Апанаева, такъ и уже вышедшія изъ продажи [151].

Вопросъ объ учрежденіи при университетѣ русской типографіи возникъ почти одновременно съ самымъ основаніемъ его, но на этой почвѣ казанская губернская администрація предварила учебное вѣдомство, такъ какъ первая русская типографія въ Казани создалась при мѣстномъ губернскомъ правленіи. Типографія казанскаго губернскаго правленія была учреждена въ 1804 году вновь назначеннымъ въ Казань губернаторомъ Б. А. Мансуровымъ, вложившимъ въ это дѣло собственныя средства, въ размѣрѣ до 1500 рублей, но уже скоро разочаровавшимся въ этой затѣѣ, вслѣдствіе чего онъ и сталъ предлагать эту типографію какъ разъ въ это время основывавшемуся казанскому университету:

„Нынѣшній г. казанскій гражданскій губернаторъ Мансуровъ,—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 27-го декабря 1804 года,—завелъ было россійскую типографію при губернскомъ правленіи на свой счетъ, но, нашедъ въ ней мало надобности, трижды уже говорилъ мнѣ представить вашему превосходительству на благоразсмотрѣніе, не благоугодно ли будетъ купить ее для гимназіи. Доставленную ко мнѣ изъ канцеляріи его записку о находящихся на лицо типографскихъ вещахъ при семъ имѣю честь представить вашему превосходительству.... На первый случай можно будетъ употреблять ее съ пользою и выгодою для гимназіи, хотя и нѣтъ матрицъ и пунцоновъ, поелику словолитня не скоро еще нужна будетъ для гимназической типографіи“.

Изъ сохранившейся инвентарной описи этой типографіи усматривается, что она была совершенно ничтожною (въ ней имѣлся одинъ станъ, три кассы, три верстака, три рамы, около 12-ти пудовъ шрифтовъ и т. п.) и оцѣнивалась всего въ 1028 р. 70½ коп. Покупка этой типографіи, однако, не состоялась, такъ какъ именнымъ указомъ отъ 7-го іюня 1805 года на содержаніе ея назначена штатная сумма въ размѣрѣ 900 р. въ годъ, съ возвращеніемъ губернатору его личныхъ средствъ, употребленныхъ на основаніе типографіи: „Губернаторъ,—отписывалъ по этому поводу Яковкинъ Румовскому въ половинѣ іюля того же года,—получивъ новое предписаніе и сумму, отказалъ въ продажѣ своей типографіи; посему нужно будетъ заводить свою собственную“. Хлопоталъ по вопросу объ учрежденіи русской типографіи и попечитель Румовскій, который завелъ по этому поводу въ Петербургѣ кое-какія дѣловыя сношенія и уже 30-го января 1806 года вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ представленіемъ:

изъявившаго желаніе пріобрѣсти ихъ для своей библіотеки; въ этотъ списокъ вошли изданія какъ имѣвшіяся въ складѣ арендатора типографіи Апанаева, такъ и уже вышедшія изъ продажи [151].

Вопросъ объ учрежденіи при университетѣ русской типографіи возникъ почти одновременно съ самымъ основаніемъ его, но на этой почвѣ казанская губернская администрація предварила учебное вѣдомство, такъ какъ первая русская типографія въ Казани создалась при мѣстномъ губернскомъ правленіи. Типографія казанскаго губернскаго правленія была учреждена въ 1804 году вновь назначеннымъ въ Казань губернаторомъ Б. А. Мансуровымъ, вложившимъ въ это дѣло собственныя средства, въ размѣрѣ до 1500 рублей, но уже скоро разочаровавшимся въ этой затѣѣ, вслѣдствіе чего онъ и сталъ предлагать эту типографію какъ разъ въ это время основывавшемуся казанскому университету:

„Нынѣшній г. казанскій гражданскій губернаторъ Мансуровъ,—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 27-го декабря 1804 года,—завелъ было россійскую типографію при губернскомъ правленіи на свой счетъ, но, нашедъ въ ней мало надобности, трижды уже говорилъ мнѣ представить вашему превосходительству на благоразсмотрѣніе, не благоугодно ли будетъ купить ее для гимназіи. Доставленную ко мнѣ изъ канцеляріи его записку о находящихся на лицо типографскихъ вещахъ при семъ имѣю честь представить вашему превосходительству.... На первый случай можно будетъ употреблять ее съ пользою и выгодою для гимназіи, хотя и нѣтъ матрицъ и пунцоновъ, поелику словолитня не скоро еще нужна будетъ для гимназической типографіи".

Изъ сохранившейся инвентарной описи этой типографіи усматривается, что она была совершенно ничтожною (въ ней имѣлся одинъ станъ, три кассы, три верстака, три рамы, около 12-ти пудовъ шрифтовъ и т. п.) и оцѣнивалась всего въ 1028 р. 70½ коп. Покупка этой типографіи, однако, не состоялась, такъ какъ именнымъ указомъ отъ 7-го іюня 1805 года на содержаніе ея назначена штатная сумма въ размѣрѣ 900 р. въ годъ, съ возвращеніемъ губернатору его личныхъ средствъ, употребленныхъ на основаніе типографіи: „Губернаторъ,—отписывалъ по этому поводу Яковкинъ Румовскому въ половинѣ іюля того же года,—получивъ новое предписаніе и сумму, отказалъ въ продажѣ своей типографіи; посему нужно будетъ заводить свою собственную". Хлопоталъ по вопросу объ учрежденіи русской типографіи и попечитель Румовскій, который завелъ по этому поводу въ Петербургѣ кое-какія дѣловыя сношенія и уже 30-го января 1806 года вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ представленіемъ:

„Поелику заведеніе порядочной типографіи требуетъ немалаго труда и времени и я, почитая нужнымъ при казанскомъ университетѣ устроить напередъ часть оной для языка отечественнаго, пріискалъ искусснаго въ семъ дѣлѣ человѣка, который подъ моимъ присмотромъ пріемлетъ на себя исправить все принадлежащее къ заведенію оной, при томъ же зданіе, назначаемое для помѣщенія типографіи, вѣроятно будущимъ лѣтомъ приведено будетъ отдѣлкою къ окончанію, почему имѣю честь представить о семъ вашему сіятельству—не благоугодно ли будетъ назначить отпустить мнѣ на устроеніе и для провозу оной отсюда до Казани, въ число суммы, положенной на казанскій университетъ, до 3000 рублей. Сколько же и какихъ вещей для того потребно и на какую сумму, имѣю честь при семъ приложить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства роспись, поданную тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ долженъ я буду заключить въ разсужденіе того контрактъ, прочія же мелочи, до устроенія оной принадлежащія, могутъ исправлены быть въ самой Казани".

Весною 1806 года профессоръ - директоръ Яковкинъ заводилъ было съ попечителемъ переписку относительно пріобрѣтенія типографіи на четыре стана, продававшейся въ Москвѣ послѣ смерти мѣстнаго книгопродавца и типографа Клаудія, но предположеніе это хода не получило, такъ какъ въ Петербургѣ дѣло будущей типографіи попечителемъ уже налаживалось: „Я имѣю достовѣрное свѣдѣніе о типографіи Клаудія, что буквы выпечатались,—писалъ попечитель Яковкину отъ 5-го апрѣля.—Скоро я получу деньги на заведеніе при университетѣ маленькой россійской типографіи: закажу вылить буквъ на 4 листа и все нужное для типографіи доставлю, чего въ Казани сдѣлать не можно, въ томъ числѣ и фигурный станокъ. Послѣ сего надобно будетъ помышлять о выписаніи изъ Лейпцига иностранной".

Отвѣтъ на представленіе попечителя не заставилъ себя долго ждать: испрашиваемая имъ на учрежденіе русской типографіи сумма въ 3 тыс. рублей была разрѣшена къ ассигновкѣ постановленіемъ главнаго правленія училищъ отъ 23-го марта 1806 года, о чемъ Румовскій 17-го апрѣля и былъ оффиціально увѣдомленъ государственнымъ казначеемъ. Слѣдомъ за тѣмъ начались хлопоты Румовскаго по оборудованію самой типографіи. До насъ сохранилась роспись предметовъ, намѣченныхъ имъ къ пріобрѣтенію для типографіи, всего на сумму 2468 р. 60 коп., въ томъ числѣ: $55\frac{1}{2}$ пудовъ различныхъ шрифтовъ и принадлежностей къ нимъ (на 1505 р.), два печатныхъ стана (700 р.), одинъ фигурный станъ съ приборомъ (120 р.) и пр.; сохранилось и условіе, заключенное имъ съ словолитчикомъ сенатской типографіи Ягодкинымъ на отливку только что приведеннаго коли-

„Поелику заведеніе порядочной типографіи требуетъ немалаго труда и времени и я, почитая нужнымъ при казанскомъ университетѣ устроить напередъ часть оной для языка отечественнаго, пріискалъ искусснаго въ семъ дѣлѣ человѣка, который подъ моимъ присмотромъ пріемлетъ на себя исправить все принадлежащее къ заведенію оной, при томъ же зданіе, назначаемое для помѣщенія типографіи, вѣроятно будущимъ лѣтомъ приведено будетъ отдѣлкою къ окончанію, почему имѣю честь представить о семъ вашему сіятельству—не благоугодно ли будетъ назначить отпустить мнѣ на устроеніе и для провозу оной отсюда до Казани, въ число суммы, положенной на казанскій университетъ, до 3000 рублей. Сколько же и какихъ вещей для того потребно и на какую сумму, имѣю честь при семъ приложить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства роспись, поданную тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ долженъ я буду заключить въ разсужденіе того контрактъ, прочія же мелочи, до устроенія оной принадлежащія, могутъ исправлены быть въ самой Казани".

Весною 1806 года профессоръ-директоръ Яковкинъ заводилъ было съ попечителемъ переписку относительно пріобрѣтенія типографіи на четыре стана, продававшейся въ Москвѣ послѣ смерти мѣстнаго книгопродавца и типографа Клаудія, но предположеніе это хода не получило, такъ какъ въ Петербургѣ дѣло будущей типографіи попечителемъ уже налаживалось: „Я имѣю достовѣрное свѣдѣніе о типографіи Клаудія, что буквы выпечатались,—писалъ попечитель Яковкину отъ 5-го апрѣля.—Скоро я получу деньги на заведеніе при университетѣ маленькой россійской типографіи: закажу вылить буквъ на 4 листа и все нужное для типографіи доставлю, чего въ Казани сдѣлать не можно, въ томъ числѣ и фигурный станокъ. Послѣ сего надобно будетъ помышлять о выписаніи изъ Лейпцига иностранной".

Отвѣтъ на представленіе попечителя не заставилъ себя долго ждать: испрашиваемая имъ на учрежденіе русской типографіи сумма въ 3 тыс. рублей была разрѣшена къ ассигновкѣ постановленіемъ главнаго правленія училищъ отъ 23-го марта 1806 года, о чемъ Румовскій 17-го апрѣля и былъ оффиціально увѣдомленъ государственнымъ казначеемъ. Слѣдомъ за тѣмъ начались хлопоты Румовскаго по оборудованію самой типографіи. До насъ сохранилась роспись предметовъ, намѣченныхъ имъ къ пріобрѣтенію для типографіи, всего на сумму 2468 р. 60 коп., въ томъ числѣ: $55^1/_2$ пудовъ различныхъ шрифтовъ и принадлежностей къ нимъ (на 1505 р.), два печатныхъ стана (700 р.), одинъ фигурный станъ съ приборомъ (120 р.) и пр.; сохранилось и условіе, заключенное имъ съ словолитчикомъ сенатской типографіи Ягодкинымъ на отливку только что приведеннаго коли-

чества шрифта. Документы дѣла (1816 г., № 66) попечительской канцеляріи „о заведеніи при казанскомъ университетѣ типографіи“ знакомятъ насъ и съ тѣмъ „искусснымъ въ семъ дѣлѣ человѣкомъ“, который взялъ на себя „исправить все принадлежащее къ заведенію“ типографіи: то былъ нѣкій титулярный совѣтникъ Иванъ Вельдбрехенъ, черезъ посредство котораго и пріобрѣталось все необходимое для монтировки типографіи. Дѣло пошло настолько успѣшно, что Румовскій уже 20-го сентября могъ писать Яковкину о томъ, что „два стана типографическихъ, одинъ совсѣмъ новый, а другой подержанный, и одинъ фигурный совсѣмъ готовы и въ ящики укладены; литтеръ для россійской типографіи вылито слишкомъ сорокъ пудъ, къ зимнему пути и остальныя будутъ готовы“; Яковкинъ съ своей стороны доносилъ попечителю (отъ 2-го октября), что „на нынѣшней недѣлѣ намѣренъ начать перемѣщать азіятскую типографію въ нижній этажъ новаго строенія (т. е. въ новый „типографскій“ домъ—бывшій манежъ), предоставляя достаточно мѣста еще и для будущей университетской“.

Предположеніе Румовскаго объ отправкѣ въ Казань заготовленныхъ имъ типографскихъ принадлежностей по первому зимнему пути—не состоялось, и только въ концѣ зимы высланы были онѣ изъ Петербурга съ особо подряженнымъ для того возчикомъ, который и сдалъ ихъ въ гимназическую контору 14-го марта 1807 года; съ этимъ транспортомъ получены были и двое стѣнныхъ часовъ въ футлярахъ краснаго дерева, выписанныхъ попечителемъ для университета изъ Англіи *. Всѣ эти типографскія принадлежности, по исправленіи нѣкоторыхъ, оказавшихся въ нихъ, неисправностей, были сданы на храненіе, впредь до открытія русской типографіи, смотрителю университетскихъ зданій Ларіонову.

Русская университетская типографія, не смотря на полученіе въ Казани главныхъ ея принадлежностей, не была открыта ни въ 1807-мъ, ни въ теченіи всего 1808-го года. Изъ писемъ Яковкина къ попечителю мы узнаемъ, что эти полтора года употреблены профессоромъ-директоромъ на заготовленіе обстановки и мелкихъ принадлежностей типографіи (кассъ, реаловъ, рамъ, наборныхъ досокъ, приправокъ, шпонъ, верстатей и т. п.), подготовки для нея служащихъ (въ числѣ послѣднихъ подготовлялся къ наборному дѣлу даже какой то бывшій монастырскій послушникъ Крюковъ). Выяснялъ Яковкинъ и будущую экономическую сторону предпрія-

---

* Эти часы, предназначавшіяся для совѣта и конторы, и до настоящаго времени исправно функціонируютъ въ казанскомъ университетѣ.

чества шрифта. Документы дѣла (1816 г., № 66) попечительской канцеляріи „о заведеніи при казанскомъ университетѣ типографіи" знакомятъ насъ и съ тѣмъ „искуснымъ въ семъ дѣлѣ человѣкомъ", который взялъ на себя „исправить все принадлежащее къ заведенію" типографіи: то былъ нѣкій титулярный совѣтникъ Иванъ Вельдбрехенъ, черезъ посредство котораго и пріобрѣталось все необходимое для монтировки типографіи. Дѣло пошло настолько успѣшно, что Румовскій уже 20-го сентября могъ писать Яковкину о томъ, что „два стана типографическихъ, одинъ совсѣмъ новый, а другой подержанный, и одинъ фигурный совсѣмъ готовы и въ ящики укладены; литтеръ для россійской типографіи вылито слишкомъ сорокъ пудъ, къ зимнему пути и остальныя будутъ готовы"; Яковкинъ съ своей стороны доносилъ попечителю (отъ 2-го октября), что „на нынѣшней недѣлѣ намѣренъ начать перемѣщать азіятскую типографію въ нижній этажъ новаго строенія (т. е. въ новый „типографскій" домъ—бывшій манежъ), предоставляя достаточно мѣста еще и для будущей университетской".

Предположеніе Румовскаго объ отправкѣ въ Казань заготовленныхъ имъ типографскихъ принадлежностей по первому зимнему пути—не состоялось, и только въ концѣ зимы высланы были онѣ изъ Петербурга съ особо подряженнымъ для того возчикомъ, который и сдалъ ихъ въ гимназическую контору 14-го марта 1807 года; съ этимъ транспортомъ получены были и двое стѣнныхъ часовъ въ футлярахъ краснаго дерева, выписанныхъ попечителемъ для университета изъ Англіи *. Всѣ эти типографскія принадлежности, по исправленіи нѣкоторыхъ, оказавшихся въ нихъ, неисправностей, были сданы на храненіе, впредь до открытія русской типографіи, смотрителю университетскихъ зданій Ларіонову.

Русская университетская типографія, не смотря на полученіе въ Казани главныхъ ея принадлежностей, не была открыта ни въ 1807-мъ, ни въ теченіи всего 1808-го года. Изъ писемъ Яковкина къ попечителю мы узнаемъ, что эти полтора года употреблены профессоромъ-директоромъ на заготовленіе обстановки и мелкихъ принадлежностей типографіи (кассъ, реаловъ, рамъ, наборныхъ досокъ, приправокъ, шпонъ, верстатей и т. п.), подготовки для нея служащихъ (въ числѣ послѣднихъ подготовлялся къ наборному дѣлу даже какой то бывшій монастырскій послушникъ Крюковъ). Выяснялъ Яковкинъ и будущую экономическую сторону предпрія-

---

* Эти часы, предназначавшіяся для совѣта и конторы, и до настоящаго времени исправно функціонируютъ въ казанскомъ университетѣ.

тія, причемъ онъ, „разговаривая съ нѣкоторыми здѣшними жителями, получилъ достовѣрное извѣстіе, что университетъ и нынѣ можетъ имѣть отъ типографіи россійской до двухъ тысячъ рублей прибыли, печатая объявленія о продажахъ, подрядахъ и проч."; въ этомъ послѣднемъ сообщеніи, относящемся къ началу 1808 года, дѣлается, очевидно, намекъ на уже зарождающуюся идею будущихъ „Казанскихъ Извѣстій".

Открытіе университетской россійской типографіи послѣдовало 20-го января 1809 года—день, который и долженъ быть признанъ началомъ оффиціальнаго существованія этого учрежденія. „Россійскую типографію располагалось пустить на будущей недѣлѣ въ полное дѣйствіе,—доносилъ Яковкинъ попечителю въ письмѣ отъ 22-го декабря 1808 года.—Есть много охотниковъ, кои желаютъ печатать свои труды: такса академическая типографская будетъ служить руководствомъ въ цѣнѣ за печатаніе". Формальное открытіе типографіи пріурочивается къ совѣтскому опредѣленію, состоявшемуся въ слѣдующей журнальной статьѣ:

„1809 года генваря 20-го дня въ совѣтѣ казанской гимназіи г. профессоръ-директоръ объявилъ, что россійская университетская типографія совсѣмъ изготовлена къ дѣйствію, при чемъ присовокупилъ для храненія въ совѣтѣ напечатанныя въ оной типографіи два экземпляра объявленій двухъ форматовъ объ открытіи ея; а потому и предложилъ отдать въ печать Букварь и Этимологію татарскаго языка, сочиненные и преподаваемыя въ казанской гимназіи, одобренные для напечатанія 1200 экземляровъ по предписанію его превосходительства г. попечителя и кавалера отъ 12-го мая 1804 года.

Опредѣлено: Въ разсужденіе типографіи взять къ свѣдѣнію; что жъ касается до напечатанія Букваря и Этимологіи татарскаго языка, то о семъ сообщить конторѣ, дабы она благоволила приказать произвесть оное на счетъ университетской суммы".

Упомянутые въ только что приведенной выпискѣ два экземпляра объявленія объ ея открытіи—и должны быть почитаемы первыми печатными произведеніями, выпущенными въ свѣтъ со становъ вновь открытой университетской россійской типографіи. Эти экземпляры прекрасно сохранились въ „дѣлѣ объ открытіи новозаводившейся россійской университетской типографіи" (архивъ канцел. совѣта, 1809, № 3) и мы приводимъ текстъ ихъ (одинаковый въ обоихъ экземплярахъ, различающихся лишь шрифтомъ и форматомъ), съ возможнымъ сохраненіемъ и внѣшняго вида одного изъ нихъ, въ приложеніяхъ къ настоящему тому *. Препровождая экземпляры этихъ первен-

* См. въ концѣ книги приложеніе VI.

тія, причемъ онъ, „разговаривая съ нѣкоторыми здѣшними жителями, получилъ достовѣрное извѣстіе, что университетъ и нынѣ можетъ имѣть отъ типографіи россійской до двухъ тысячъ рублей прибыли, печатая объявленія о продажахъ, подрядахъ и проч."; въ этомъ послѣднемъ сообщеніи, относящемся къ началу 1808 года, дѣлается, очевидно, намекъ на уже зарождающуюся идею будущихъ „Казанскихъ Извѣстій".

Открытіе университетской россійской типографіи послѣдовало 20-го января 1809 года—день, который и долженъ быть признанъ началомъ оффиціальнаго существованія этого учрежденія. „Россійскую типографію располагалось пустить на будущей недѣлѣ въ полное дѣйствіе,—доносилъ Яковкинъ попечителю въ письмѣ отъ 22-го декабря 1808 года.—Есть много охотниковъ, кои желаютъ печатать свои труды: такса академическая типографская будетъ служить руководствомъ въ цѣнѣ за печатаніе". Формальное открытіе типографіи пріурочивается къ совѣтскому опредѣленію, состоявшемуся въ слѣдующей журнальной статьѣ:

„1809 года генваря 20-го дня въ совѣтѣ казанской гимназіи г. профессоръ-директоръ объявилъ, что россійская университетская типографія совсѣмъ изготовлена къ дѣйствію, при чемъ присовокупилъ для храненія въ совѣтѣ напечатанныя въ оной типографіи два экземпляра объявленій двухъ форматовъ объ открытіи ея; а потому и предложилъ отдать въ печать Букварь и Этимологію татарскаго языка, сочиненные и преподаваемыя въ казанской гимназіи, одобренные для напечатанія 1200 экземляровъ по предписанію его превосходительства г. попечителя и кавалера отъ 12-го мая 1804 года.

Опредѣлено: Въ разсужденіе типографіи взять къ свѣдѣнію; что жъ касается до напечатанія Букваря и Этимологіи татарскаго языка, то о семъ сообщить конторѣ, дабы она благоволила приказать произвесть оное на счетъ университетской суммы".

Упомянутые въ только что приведенной выпискѣ два экземпляра объявленія объ ея открытіи—и должны быть почитаемы первыми печатными произведеніями, выпущенными въ свѣтъ со станковъ вновь открытой университетской россійской типографіи. Эти экземпляры прекрасно сохранились въ „дѣлѣ объ открытіи новозаводившейся россійской университетской типографіи" (архивъ канцел. совѣта, 1809, № 3) и мы приводимъ текстъ ихъ (одинаковый въ обоихъ экземплярахъ, различающихся лишь шрифтомъ и форматомъ), съ возможнымъ сохраненіемъ и внѣшняго вида одного изъ нихъ, въ приложеніяхъ къ настоящему тому *. Препровождая экземпляры этихъ первен-

* См. въ концѣ книги приложеніе VI.

цовъ русской университетской типографіи Румовскому, Яковкинъ писалъ (отъ 12-го января) своему принципалу:

„Напечатаннаго объ открытіи университетской россійской типографіи двумя форматами и шрифтами объявленія при семъ имѣю честь представить на начальственное благоусмотрѣніе вашего превосходительства по пяти экземпляровъ. Таковыхъ объявленій, для раздачи и разсылки при россійскихъ вѣдомостяхъ, препревождено въ здѣшній казанскій почтамтъ 350, въ тобольскій 250, да въ тамбовскій, какъ заключающійся въ казанскомъ учебномъ округѣ, 300 экземпляровъ. Какъ буквы, еще не бывъ въ работѣ, не вездѣ ясно отпечатались противъ присланнаго образца, такъ и новички служители типографскіе еще не довольно приспособились къ своей работѣ: но двое изъ нихъ довольно скоро уже набираютъ и разбираютъ, двое хорошо батырничаютъ, одинъ хорошо тередорничаетъ; а шестой, малолѣтній (14 лѣтъ), обучается въ гимназіи, преимущественно татарскому, греческому и латинскому языкамъ, россійской грамматикѣ и ариѳметикѣ, остающееся же свободное время обучается въ типографіи набору и разбору.

И въ настоящее время предвидится довольно работы для типографіи нашей отъ постороннихъ, кромѣ собственныхъ университетскихъ книгъ; но время лучше покажетъ, чѣмъ выгоднѣе заниматься".

Что касается первой книги, вышедшей со станковъ вновь открытой типографіи и рѣчь относительно которой шла въ приведенномъ выше журнальномъ опредѣленіи совѣта 20-го января 1809 года—то этою книгою явилось изданіе: „Азбука и грамматика татарскаго языка съ правилами арабскаго чтенія, преподаваемыя въ императорской казанской гимназіи", Ибрагима Хальфина (8°, 62+106+2), выпущенное въ свѣтъ въ октябрѣ того же года, въ количествѣ 1200 экземпляровъ [152].

Такъ произошло зарожденіе и открытіе русской типографіи при казанскомъ университетѣ. Открытая въ весьма скромныхъ размѣрахъ, типографія потребовала дальнѣйшаго расширенія въ первые же годы своего существованія—но на этой почвѣ сталкивалась съ недостаткомъ средствъ, оказывавшихся въ ея распоряженіи. Уже въ первые три года существованія типографіи она была пополнена иностранными шрифтами, пріобрѣла матрицы и пунсоны для отливки литеръ, завела небольшую словолитню. Дефекты вновь открытой типографіи сказались во второй же годъ ея функціонированія, препятствуя продуктивности работъ и вызывая серьезныя сѣтованія Яковкина: „Недостатки университетской россійской типографіи, о коихъ я прежде имѣлъ честь представлять на начальственное благоусмотрѣніе вашего превосходительства,—писалъ онъ попечителю уже годъ спус-

цовъ русской университетской типографіи Румовскому, Яковкинъ писалъ (отъ 12-го января) своему принципалу:

„Напечатаннаго объ открытіи университетской россійской типографіи двумя форматами и шрифтами объявленія при семъ имѣю честь представить на начальственное благоусмотрѣніе вашего превосходительства по пяти экземпляровъ. Таковыхъ объявленій, для раздачи и разсылки при россійскихъ вѣдомостяхъ, препревождено въ здѣшній казанскій почтамтъ 350, въ тобольскій 250, да въ тамбовскій, какъ заключающійся въ казанскомъ учебномъ округѣ, 300 экземпляровъ. Какъ буквы, еще не бывъ въ работѣ, не вездѣ ясно отпечатались противъ присланнаго образца, такъ и новички служители типографскіе еще не довольно приспособились къ своей работѣ: но двое изъ нихъ довольно скоро уже набираютъ и разбираютъ, двое хорошо батырничаютъ, одинъ хорошо тередорничаетъ; а шестой, малолѣтній (14 лѣтъ), обучается въ гимназіи, преимущественно татарскому, греческому и латинскому языкамъ, россійской грамматикѣ и ариѳметикѣ, остающееся же свободное время обучается въ типографіи набору и разбору.

И въ настоящее время предвидится довольно работы для типографіи нашей отъ постороннихъ, кромѣ собственныхъ университетскихъ книгъ; но время лучше покажетъ, чѣмъ выгоднѣе заниматься“.

Что касается первой книги, вышедшей со станковъ вновь открытой типографіи и рѣчь относительно которой шла въ приведенномъ выше журнальномъ опредѣленіи совѣта 20-го января 1809 года—то этою книгою явилось изданіе: „Азбука и грамматика татарскаго языка съ правилами арабскаго чтенія, преподаваемыя въ императорской казанской гимназіи“, Ибрагима Хальфина (8°, 62+106+2), выпущенное въ свѣтъ въ октябрѣ того же года, въ количествѣ 1200 экземпляровъ [152].

Такъ произошло зарожденіе и открытіе русской типографіи при казанскомъ университетѣ. Открытая въ весьма скромныхъ размѣрахъ, типографія потребовала дальнѣйшаго расширенія въ первые же годы своего существованія—но на этой почвѣ сталкивалась съ недостаткомъ средствъ, оказывавшихся въ ея распоряженіи. Уже въ первые три года существованія типографіи она была пополнена иностранными шрифтами, пріобрѣла матрицы и пунсоны для отливки литеръ, завела небольшую словолитню. Дефекты вновь открытой типографіи сказались во второй же годъ ея функціонированія, препятствуя продуктивности работъ и вызывая серьезныя сѣтованія Яковкина: „Недостатки университетской россійской типографіи, о коихъ я прежде имѣлъ честь представлять на начальственное благоусмотрѣніе вашего превосходительства,—писалъ онъ попечителю уже годъ спус-

тя послѣ открытія типографіи,—донынѣ препятствуютъ, да и впредь, до пополненія, препятствовать будутъ приняться за исправное и надлежащее печатаніе каковой либо книжки. Строчныхъ знаковъ раздѣленія не наберется и десяти, да и другихъ знаковъ препинанія также весьма мало, а нѣкоторыхъ, равно какъ и буквъ разныхъ шрифтовъ—совсѣмъ нѣтъ. При печатаніи грамматики татарской вмѣсто курсивнаго *б* употреблена курсивная цифра *6*, что и донынѣ продолжается. По сей причинѣ типографія временно занимаема была печатаніемъ объявленій, разныхъ билетовъ и другой мелочи, а нынѣ продолжается печатаніе театральныхъ въ годъ 56-ти афишекъ, по 72 экземпляра, съ нашею бумагою за 125 рублей въ годъ".

Университетскій штатъ 5-го ноября 1804 года не назначалъ никакой опредѣленной суммы на содержаніе при университетѣ типографіи, постановляя, что „на заведеніе и содержаніе типографіи, доколѣ она не придетъ въ состояніе содержать себя изъ собственныхъ доходовъ, употребляется сумма, имѣющая оставаться до наполненія всего числа чиновниковъ, положенныхъ по штату". Изъ этихъ то остатковъ отъ личнаго состава типографія съ самаго открытія своего и получала ежегодно по 2 тыс. рублей, но это продолжалось только до 1815 года; съ полнымъ открытіемъ университета ежегодная субсидія отмѣнена и разрѣшена выдача, изъ хозяйственныхъ суммъ университета, лишь жалованья фактору, въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ. Оказалось, однако, что типографія еще не въ состояніи „содержать себя изъ собственныхъ средствъ", вслѣдствіе чего она и стала впадать въ долги и къ веснѣ 1819 года,—къ эпохѣ ревизіи Магницкаго,—задолжала хозяйственнымъ средствамъ университета сумму въ 9783 р. 86 коп. Эта задолженность объяснялась ревизору, во первыхъ—значительностью издержекъ на дальнѣйшую монтировку типографіи, только за двухлѣтіе 1815—1816 годовъ достигшихъ цифры 4311 р. 87 коп. *, во вторыхъ—тѣмъ, что „въ здѣшнемъ удаленномъ отъ столицъ краѣ мало находится сочинителей и переводчиковъ, желающихъ издавать труды свои, и, въ третьихъ—неисправностью фактора Бокельмана, въ 1818 году предназначеннаго, въ виду этого, къ устраненію отъ должности опредѣленіемъ особаго комитета, составленнаго для обревизованія состоянія типографіи. Спеціальная записка, составленная весною 1819 года для Магницкаго, знакомитъ

* Высокая цифра монтировочныхъ расходовъ этихъ двухъ лѣтъ находитъ себѣ, по всей вѣроятности, объясненіе и въ пожарѣ, жертвою котораго сдѣлался въ апрѣлѣ 1813 года типографскій домъ (см. томъ I, стр. 438—439).

тя послѣ открытія типографіи,—донынѣ препятствуютъ, да и впредь, до пополненія, препятствовать будутъ приняться за исправное и надлежащее печатаніе каковой либо книжки. Строчныхъ знаковъ раздѣленія не наберется и десяти, да и другихъ знаковъ препинанія также весьма мало, а нѣкоторыхъ, равно какъ и буквъ разныхъ шрифтовъ—совсѣмъ нѣтъ. При печатаніи грамматики татарской вмѣсто курсивнаго *б* употреблена курсивная цифра *6*, что и донынѣ продолжается. По сей причинѣ типографія временно занимаема была печатаніемъ объявленій, разныхъ билетовъ и другой мелочи, а нынѣ продолжается печатаніе театральныхъ въ годъ 56-ти афишекъ, по 72 экземпляра, съ нашею бумагою за 125 рублей въ годъ".

Университетскій штатъ 5-го ноября 1804 года не назначалъ никакой опредѣленной суммы на содержаніе при университетѣ типографіи, постановляя, что „на заведеніе и содержаніе типографіи, доколѣ она не придетъ въ состояніе содержать себя изъ собственныхъ доходовъ, употребляется сумма, имѣющая оставаться до наполненія всего числа чиновниковъ, положенныхъ по штату". Изъ этихъ то остатковъ отъ личнаго состава типографія съ самаго открытія своего и получала ежегодно по 2 тыс. рублей, но это продолжалось только до 1815 года; съ полнымъ открытіемъ университета ежегодная субсидія отмѣнена и разрѣшена выдача, изъ хозяйственныхъ суммъ университета, лишь жалованья фактору, въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ. Оказалось, однако, что типографія еще не въ состояніи „содержать себя изъ собственныхъ средствъ", вслѣдствіе чего она и стала впадать въ долги и къ веснѣ 1819 года,—къ эпохѣ ревизіи Магницкаго,—задолжала хозяйственнымъ средствамъ университета сумму въ 9783 р. 86 коп. Эта задолженность объяснялась ревизору, во первыхъ—значительностью издержекъ на дальнѣйшую монтировку типографіи, только за двухлѣтіе 1815—1816 годовъ достигшихъ цифры 4311 р. 87 коп. *, во вторыхъ—тѣмъ, что „въ здѣшнемъ удаленномъ отъ столицъ краѣ мало находится сочинителей и переводчиковъ, желающихъ издавать труды свои, и, въ третьихъ—неисправностью фактора Бокельмана, въ 1818 году предназначеннаго, въ виду этого, къ устраненію отъ должности опредѣленіемъ особаго комитета, составленнаго для обревизованія состоянія типографіи. Спеціальная записка, составленная весною 1819 года для Магницкаго, знакомитъ

---

* Высокая цифра монтировочныхъ расходовъ этихъ двухъ лѣтъ находитъ себѣ, по всей вѣроятности, объясненіе и въ пожарѣ, жертвою котораго сдѣлался въ апрѣлѣ 1813 года типографскій домъ (см. томъ I, стр. 438—439).

насъ и съ другими сторонами вопроса о положеніи университетской типографіи въ концѣ интересующей насъ эпохи. Къ этому времени типографія располагала четырьмя печатными станами, однимъ станомъ фигурнымъ, 58-ю пудами различныхъ шрифтовъ, съ принадлежностями къ нимъ (съ 1807 года наличность шрифтовъ возросла, слѣдовательно, всего на $2^1/_2$ пуда!), 462-ю мѣдными матрицами для отливки шрифтовъ, 9-ю формами для отливки литтеръ, 18-ю кассами, 12-ю реалами и т. д. Личный составъ типографіи заключался изъ слѣдующихъ лицъ,—съ означеніемъ, въ скобкахъ, оклада жалованья каждому изъ нихъ: 1) Начальникъ типографіи, адъюнктъ И. И. Дунаевъ (200 р.); 2) Корректоръ—онъ же (200 р.); 3) Факторъ Ѳедоръ Бокельманъ (600 р.); 4) Письмоводитель Петръ Спиридоновъ (200 р.); 5—7) Наборщики: губернскій регистраторъ Василій Меньшагинъ (215 р.), канцеляристъ Батирша Яушевъ (200 р.), канцеляристъ Иванъ Ласточкинъ (300 р.); 8—9) Ученики наборнаго искусства: подканцеляристъ Евстафій Шумковскій (140 р.) и Василій Каймарскій (120 р.); 10—11) Тередорщики: университетской инвалидной команды рядовой Ѳедоръ Ширшовъ (50 р. добавочныхъ) и вольнонаемный Муса Мусагутовъ (250 р.); 12—13) Батырщики: рядовые университетской инвалидной команды Егоръ Гавриловъ и Аѳанасій Степановъ (по 30 р. добав.); 14—15) Словолитчикъ канцеляристъ Александръ Сунгуровъ (250 р.) и его ученикъ канцеляристъ Захаръ Горскій (175 р.); 16) Служитель инвалидной команды (48 добав.) *.

Принимались типографіею мѣры и къ подготовкѣ служащихъ изъ своихъ собственныхъ учениковъ. Мы знаемъ изъ цитированнаго выше письма Яковкина, что уже въ концѣ 1808 года при типографіи имѣлся ученикъ, который, изучая наборное дѣло, одновременно обучался необходимымъ для него предметамъ въ гимназіи (этотъ ученикъ, Меньшагинъ, въ 1819 году былъ уже старшимъ класснымъ наборщикомъ типографіи). Равнымъ образомъ и въ 1812 году Яковкинъ проэктировалъ взять въ типографію четырехъ мальчиковъ изъ питомцевъ мѣстнаго приказа общест-

---

* Личный составъ администраціи университетской типографіи представляется за интересующій насъ промежутокъ времени въ слѣдующемъ видѣ. Въ первый годъ своего существованія типографія была всецѣло препоручена наборщику Соколову, который,—по словамъ самого Яковкина въ письмѣ къ попечителю отъ 14-го февраля 1810 года,—«будучи человѣкъ ни мало не письменный, запутался было самъ, да едва не запуталъ и контору своими неисправностями», вслѣдствіе чего къ завѣдыванію типографіею былъ привлеченъ учитель гимназіи К. И. Мейснеръ, управлявшій ею, съ отправленіемъ и обязанностей фактора, съ 5-го января 1810 по 15-ое августа 1812 года. Его преемниками, также совмѣщавшими должности начальника типографіи и ея фактора, были: Ѳ. Ѳ. Гревъ (1812—1815 г.г.), адъюнктъ И. И. Дунаевъ (1815 г.), Ф. Ѳ. Бокельманъ (1815—1818 г.г.) и снова адъюнктъ И. И. Дунаевъ (1819 г.).

насъ и съ другими сторонами вопроса о положеніи университетской типографіи въ концѣ интересующей насъ эпохи. Къ этому времени типографія располагала четырьмя печатными станами, однимъ станомъ фигурнымъ, 58-ю пудами различныхъ шрифтовъ, съ принадлежностями къ нимъ (съ 1807 года наличность шрифтовъ возросла, слѣдовательно, всего на 2$^1/_2$ пуда!), 462-ю мѣдными матрицами для отливки шрифтовъ, 9-ю формами для отливки литтеръ, 18-ю кассами, 12-ю реалами и т. д. Личный составъ типографіи заключался изъ слѣдующихъ лицъ,—съ означеніемъ, въ скобкахъ, оклада жалованья каждому изъ нихъ: 1) Начальникъ типографіи, адъюнктъ И. И. Дунаевъ (200 р.); 2) Корректоръ—онъ же (200 р.); 3) Факторъ Ѳедоръ Бокельманъ (600 р.); 4) Письмоводитель Петръ Спиридоновъ (200 р.); 5—7) Наборщики: губернскій регистраторъ Василій Меньшагинъ (215 р.), канцеляристъ Батирша Яушевъ (200 р.), канцеляристъ Иванъ Ласточкинъ (300 р.); 8—9) Ученики наборнаго искусства: подканцеляристъ Евстафій Шумковскій (140 р.) и Василій Каймарскій (120 р.); 10—11) Тередорщики: университетской инвалидной команды рядовой Ѳедоръ Ширшовъ (50 р. добавочныхъ) и вольнонаемный Муса Мусагутовъ (250 р.); 12—13) Батырщики: рядовые университетской инвалидной команды Егоръ Гавриловъ и Аѳанасій Степановъ (по 30 р. добав.); 14—15) Слово литчикъ канцеляристъ Александръ Сунгуровъ (250 р.) и его ученикъ канцеляристъ Захаръ Горскій (175 р.); 16) Служитель инвалидной команды (48 добав.) *.

Принимались типографіею мѣры и къ подготовкѣ служащихъ изъ своихъ собственныхъ учениковъ. Мы знаемъ изъ цитированнаго выше письма Яковкина, что уже въ концѣ 1808 года при типографіи имѣлся ученикъ, который, изучая наборное дѣло, одновременно обучался необходимымъ для него предметамъ въ гимназіи (этотъ ученикъ, Меньшагинъ, въ 1819 году былъ уже старшимъ класснымъ наборщикомъ типографіи). Равнымъ образомъ и въ 1812 году Яковкинъ проэктировалъ взять въ типографію четырехъ мальчиковъ изъ питомцевъ мѣстнаго приказа общест-

---

* Личный составъ администраціи университетской типографіи представляется за интересующій насъ промежутокъ времени въ слѣдующемъ видѣ. Въ первый годъ своего существованія типографія была всецѣло препоручена наборщику Соколову, который,—по словамъ самого Яковкина въ письмѣ къ попечителю отъ 14-го февраля 1810 года,—«будучи человѣкъ ни мало не письменный, запутался было самъ, да едва не запуталъ и контору своими неисправностями», вслѣдствіе чего къ завѣдыванію типографіею былъ привлеченъ учитель гимназіи К. И. Мейснеръ, управлявшій ею, съ отправленіемъ и обязанностей фактора, съ 5-го января 1810 по 15-ое августа 1812 года. Его преемниками, также совмѣщавшими должности начальника типографіи и ея фактора, были: Ѳ. Ѳ. Гревъ (1812—1815 г.г.), адъюнктъ И. И. Дунаевъ (1815 г.), Ф. Ѳ. Бокельманъ (1815—1818 г.г.) и снова адъюнктъ И. И. Дунаевъ (1819 г.).

веннаго призрѣнія, для обученія ихъ типографскому искусству и, одновременно, европейскимъ, греческому и татарскому языкамъ въ гимназіи—„которые бы на будущее время могли быть при типографіи надежные наборщики и чтецы“ [158].

Всѣ приведенные выше факты несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ въ сторону довольно примитивной организаціи казанской университетской типографіи въ первые десять лѣтъ ея существованія, до извѣстной степени давшей Магницкому основаніе высказать слѣдующее, конечно уснащенное сентенціями въ его вкусѣ, заключеніе о состояніи этого университетскаго учрежденія:

„Типографія сія въ такомъ же положеніи, какъ и большая часть заведеній сего университета. Съ 1808-го по 1815-й годъ получила она сперва на обзаведеніе, а потомъ на содержаніе свое, изъ казны 14 тысячъ рублей, всего же издержано ею 45,666 рублей и она, съ готовымъ помѣщеніемъ и отопленіемъ, которое также стоитъ за все время, по крайней мѣрѣ, 10 тысячъ рублей, не могла содержать себя, задолжала въ хозяйственную сумму университета около 10 тысячъ рублей, пришла въ совершенный упадокъ, печатаетъ нынѣ весьма дурно и медленно, а съ начала своего учрежденія за 55 тысячъ рублей, коихъ стоитъ, напечатала 77 разныхъ мелкихъ, и въ томъ числѣ не болѣе девяти довольно полезныхъ, сочиненій, а нѣсколько и вредныхъ по духу деизма, въ которомъ они написаны“.

Приведемъ, въ параллель, и отзывъ, данный Магницкимъ объ азіятской типографіи:

„Типографія сія гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели русская, по состоянію ея принадлежностей и штату, но не приноситъ того дохода, который приносить должна, по злоупотребленіямъ, въ управленіе ею допущеннымъ. Она можетъ быть поставлена на самую лучшую ногу; можетъ приносить доходъ правительству печатаніемъ нужныхъ для магометанъ книгъ и, вмѣстѣ, будучи орудіемъ библейскаго общества и не ограничиваясь тисненіемъ алкорана, можетъ служить къ распространенію евангелія на татарскомъ языкѣ. Новое устройство ея можно будетъ поручить благонадежному директору казанской гимназіи (намекъ на неблагонадежность директора Яковкина), при которой и можно ее на прежнемъ основаніи оставить“.

Магницкій высказался, такимъ образомъ, въ пользу дальнѣйшаго сохраненія самостоятельнаго положенія азіятской типографіи въ вѣдѣніи казанской гимназіи, быть можетъ, именно, потому, что къ этому времени

веннаго призрѣнія, для обученія ихъ типографскому искусству и, одновременно, европейскимъ, греческому и татарскому языкамъ въ гимназіи—„которые бы на будущее время могли быть при типографіи надежные наборщики и чтецы“ [158].

Всѣ приведенные выше факты несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ въ сторону довольно примитивной организаціи казанской университетской типографіи въ первые десять лѣтъ ея существованія, до извѣстной степени давшей Магницкому основаніе высказать слѣдующее, конечно уснащенное сентенціями въ его вкусѣ, заключеніе о состояніи этого университетскаго учрежденія:

„Типографія сія въ такомъ же положеніи, какъ и большая часть заведеній сего университета. Съ 1808-го по 1815-й годъ получила она сперва на обзаведеніе, а потомъ на содержаніе свое, изъ казны 14 тысячъ рублей, всего же издержано ею 45,666 рублей и она, съ готовымъ помѣщеніемъ и отопленіемъ, которое также стоитъ за все время, по крайней мѣрѣ, 10 тысячъ рублей, не могла содержать себя, задолжала въ хозяйственную сумму университета около 10 тысячъ рублей, пришла въ совершенный упадокъ, печатаетъ нынѣ весьма дурно и медленно, а съ начала своего учрежденія за 55 тысячъ рублей, коихъ стоитъ, напечатала 77 разныхъ мелкихъ, и въ томъ числѣ не болѣе девяти довольно полезныхъ, сочиненій, а нѣсколько и вредныхъ по духу деизма, въ которомъ они написаны“.

Приведемъ, въ параллель, и отзывъ, данный Магницкимъ объ азіятской типографіи:

„Типографія сія гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели русская, по состоянію ея принадлежностей и штату, но не приноситъ того дохода, который приносить должна, по злоупотребленіямъ, въ управленіе ею допущеннымъ. Она можетъ быть поставлена на самую лучшую ногу; можетъ приносить доходъ правительству печатаніемъ нужныхъ для магометанъ книгъ и, вмѣстѣ, будучи орудіемъ библейскаго общества и не ограничиваясь тисненіемъ алкорана, можетъ служить къ распространенію евангелія на татарскомъ языкѣ. Новое устройство ея можно будетъ поручить благонадежному директору казанской гимназіи (намекъ на неблагонадежность директора Яковкина), при которой и можно ее на прежнемъ основаніи оставить“.

Магницкій высказался, такимъ образомъ, въ пользу дальнѣйшаго сохраненія самостоятельнаго положенія азіятской типографіи въ вѣдѣніи казанской гимназіи, быть можетъ, именно, потому, что къ этому времени

уже стала университетомъ заводиться рѣчь о цѣлесообразности соединенія обѣихъ типографій.

Вопросъ о соединеніи обѣихъ типографій въ общемъ вѣдѣніи университета выдвигался еще за десять, почти, лѣтъ до эпохи ревизіи Магницкаго профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ, въ письмѣ къ попечителю отъ 13-го сентября 1809 года предлагавшимъ составить „постановленіе о соединеніи ихъ", какъ вполнѣ „совмѣстное съ положеніемъ дѣлъ" и способное привести къ порядку мѣстное типографское дѣло. Равнымъ образомъ и докладная записка о состояніи университетской типографіи, представленная Магницкому въ началѣ апрѣля 1819 года, высказалась въ пользу соединенія обѣихъ типографій, исходя изъ той точки зрѣнія, что „азіятская гимназическая типографія помѣщается въ зданіяхъ университетскихъ вмѣстѣ съ типографіею университетскою" и что отъ соединенія ихъ могутъ произойти слѣдующія выгоды: а) установится равномѣрное распредѣленіе работъ между обѣими типографіями, б) будутъ отвращены многія неудобства, происходящія отъ различной администраціи двухъ учрежденій, находящихся въ одномъ и томъ же помѣщеніи, в) соединеніе обѣихъ типографій устранитъ необходимость двойныхъ расходовъ на одни и тѣ же предметы техническаго оборудованія, неизбѣжные при ихъ раздѣльномъ существованіи. Мнѣніе это подкрѣпляется и тѣмъ соображеніемъ, что „гораздо приличнѣе имѣть университету полную русскую, латинскую и азіятскую типографію, нежели гимназіи одну азіятскую и, притомъ, не полную: азіятская типографія отдана казанской гимназіи въ то еще время, когда не существовалъ въ Казани университетъ,—если бы оный существовалъ тогда, то бы, безъ сомнѣнія, она отдана была университету, яко высшему учебному заведенію".

Въ сторону такого же положительнаго своего разрѣшенія вопросъ о соединеніи азіятской гимназической и русской университетской типографій былъ выдвинутъ весною 1819 года по поводу ходатайства передъ министромъ народнаго просвѣщенія казанскаго купца Апанаева, уже извѣстнаго намъ арендатора гимназической типографіи, относительно разрѣшенія ему отлить въ словолитной казанскаго университета, на свой счетъ, недостающіе въ гимназической типографіи татарскіе шрифты. Переданное министромъ на разсмотрѣніе совѣта университета, это ходатайство было предметомъ обсужденія особой совѣтской коммиссіи, образованной изъ профессоровъ Солнцева, Никольскаго и адъюнкта Дунаева, которая 15-го марта и пришла къ заключенію относительно необходимости отклонить ходатайство Апанаева по тѣмъ основаніямъ, что: а) словолитня универси-

уже стала университетомъ заводиться рѣчь о цѣлесообразности соединенія обѣихъ типографій.

Вопросъ о соединеніи обѣихъ типографій въ общемъ вѣдѣніи университета выдвигался еще за десять, почти, лѣтъ до эпохи ревизіи Магницкаго профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ, въ письмѣ къ попечителю отъ 13-го сентября 1809 года предлагавшимъ составить „постановленіе о соединеніи ихъ“, какъ вполнѣ „совмѣстное съ положеніемъ дѣлъ“ и способное привести къ порядку мѣстное типографское дѣло. Равнымъ образомъ и докладная записка о состояніи университетской типографіи, представленная Магницкому въ началѣ апрѣля 1819 года, высказалась въ пользу соединенія обѣихъ типографій, исходя изъ той точки зрѣнія, что „азіятская гимназическая типографія помѣщается въ зданіяхъ университетскихъ вмѣстѣ съ типографіею университетскою“ и что отъ соединенія ихъ могутъ произойти слѣдующія выгоды: а) установится равномѣрное распредѣленіе работъ между обѣими типографіями, б) будутъ отвращены многія неудобства, происходящія отъ различной администраціи двухъ учрежденій, находящихся въ одномъ и томъ же помѣщеніи, в) соединеніе обѣихъ типографій устранитъ необходимость двойныхъ расходовъ на одни и тѣ же предметы техническаго оборудованія, неизбѣжные при ихъ раздѣльномъ существованіи. Мнѣніе это подкрѣпляется и тѣмъ соображеніемъ, что „гораздо приличнѣе имѣть университету полную русскую, латинскую и азіятскую типографію, нежели гимназіи одну азіятскую и, притомъ, не полную: азіятская типографія отдана казанской гимназіи въ то еще время, когда не существовалъ въ Казани университетъ,—если бы оный существовалъ тогда, то бы, безъ сомнѣнія, она отдана была университету, яко высшему учебному заведенію“.

Въ сторону такого же положительнаго своего разрѣшенія вопросъ о соединеніи азіятской гимназической и русской университетской типографій былъ выдвинутъ весною 1819 года по поводу ходатайства передъ министромъ народнаго просвѣщенія казанскаго купца Апанаева, уже извѣстнаго намъ арендатора гимназической типографіи, относительно разрѣшенія ему отлить въ словолитной казанскаго университета, на свой счетъ, недостающіе въ гимназической типографіи татарскіе шрифты. Переданное министромъ на разсмотрѣніе совѣта университета, это ходатайство было предметомъ обсужденія особой совѣтской коммиссіи, образованной изъ профессоровъ Солнцева, Никольскаго и адъюнкта Дунаева, которая 15-го марта и пришла къ заключенію относительно необходимости отклонить ходатайство Апанаева по тѣмъ основаніямъ, что: а) словолитня универси-

тета занята собственною работою, б) что азіятская типографія въ достаточной степени снабжена татарскимъ алфавитомъ и в) что удовлетвореніе ходатайства Апанаева можетъ повлечь за собою учрежденіе имъ въ Казани собственной вольной азіятской типографіи, что вредно отразится на благосостояніи казенныхъ университетской и гимназической типографій. Совѣтская коммиссія категорически высказалась при этомъ въ пользу присоединенія азіятской типографіи къ университетской, опираясь на тѣ же доводы, которые были приведены и въ упомянутой нами выше докладной запискѣ о состояніи университетской типографіи.

Мнѣніе Магницкаго, тѣмъ не менѣе, восторжествовало и азіятской типографіи пришлось еще почти цѣлое десятилѣтіе ожидать своего сліянія съ типографіею университетскою. Любопытно, что осенью 1821 года возбуждался вопросъ о совершенномъ изъятіи этой типографіи изъ учебнаго вѣдомства, въ виду того, что Магницкій,—въ то время уже попечитель округа,—находя „неприличнымъ" печатаніе корана и другихъ книгъ мусульманскаго вѣроученія въ типографіи, принадлежащей русскому учебному заведенію, предлагалъ продать ее магометанскому духовному вѣдомству; это предложеніе не въ мѣру ревностнаго въ своемъ обскурантизмѣ попечителя встрѣтило, однако, отпоръ со стороны даже такого религіозно настроеннаго министра, какимъ былъ князь А. Н. Голицинъ.

Такъ долго стоявшій на очереди и въ достаточной степени назрѣвшій вопросъ о сліяніи гимназической азіятской и университетской русской типографій—получилъ положительное разрѣшеніе свое лишь въ 1829 году, въ силу высочайшаго повелѣнія, состоявшагося вслѣдствіе представленія о томъ тогдашняго попечителя казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина. Это соединеніе обѣихъ типографій мотивировалось тѣмъ, что „отдѣльное существованіе двухъ одинакихъ заведеній, при мало развившейся еще потребности книгопечатанія, требуя двойного числа чиновниковъ, работниковъ и отдѣльнаго управленія, представляло важное неудобство"; при соединеніи обѣихъ типографій, все ихъ имущество было оцѣнено всего въ 604 р. 28 коп. сер.,—сумма, свидѣтельствующая о далеко не цвѣтущемъ положеніи этихъ учрежденій [154].

Такъ закончила свое самостоятельное двадцати-девятилѣтнее существованіе гимназическая азіятская типографія, на долю которой выпала весьма почетная миссія въ дѣлѣ удовлетворенія духовно-религіозныхъ потребностей магометанскаго населенія какъ всего обширнаго русскаго востока, такъ и населенія сопредѣльныхъ ему мусульманскихъ странъ и владѣній, такъ какъ книги восточной печати этой типографіи, а позже при-

тета занята собственною работою, б) что азіятская типографія въ достаточной степени снабжена татарскимъ алфавитомъ и в) что удовлетвореніе ходатайства Апанаева можетъ повлечь за собою учрежденіе имъ въ Казани собственной вольной азіятской типографіи, что вредно отразится на благосостояніи казенныхъ университетской и гимназической типографій. Совѣтская коммиссія категорически высказалась при этомъ въ пользу присоединенія азіятской типографіи къ университетской, опираясь на тѣ же доводы, которые были приведены и въ упомянутой нами выше докладной запискѣ о состояніи университетской типографіи.

Мнѣніе Магницкаго, тѣмъ не менѣе, восторжествовало и азіятской типографіи пришлось еще почти цѣлое десятилѣтіе ожидать своего сліянія съ типографіею университетскою. Любопытно, что осенью 1821 года возбуждался вопросъ о совершенномъ изъятіи этой типографіи изъ учебнаго вѣдомства, въ виду того, что Магницкій,—въ то время уже попечитель округа,—находя „неприличнымъ“ печатаніе корана и другихъ книгъ мусульманскаго вѣроученія въ типографіи, принадлежащей русскому учебному заведенію, предлагалъ продать ее магометанскому духовному вѣдомству; это предложеніе не въ мѣру ревностнаго въ своемъ обскурантизмѣ попечителя встрѣтило, однако, отпоръ со стороны даже такого религіозно настроеннаго министра, какимъ былъ князь А. Н. Голицинъ.

Такъ долго стоявшій на очереди и въ достаточной степени назрѣвшій вопросъ о сліяніи гимназической азіятской и университетской русской типографій—получилъ положительное разрѣшеніе свое лишь въ 1829 году, въ силу высочайшаго повелѣнія, состоявшагося вслѣдствіе представленія о томъ тогдашняго попечителя казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина. Это соединеніе обѣихъ типографій мотивировалось тѣмъ, что „отдѣльное существованіе двухъ одинакихъ заведеній, при мало развившейся еще потребности книгопечатанія, требуя двойного числа чиновниковъ, работниковъ и отдѣльнаго управленія, представляло важное неудобство“; при соединеніи обѣихъ типографій, все ихъ имущество было оцѣнено всего въ 604 р. 28 коп. сер.,—сумма, свидѣтельствующая о далеко не цвѣтущемъ положеніи этихъ учрежденій [154].

Такъ закончила свое самостоятельное двадцати-девятилѣтнее существованіе гимназическая азіятская типографія, на долю которой выпала весьма почетная миссія въ дѣлѣ удовлетворенія духовно-религіозныхъ потребностей магометанскаго населенія какъ всего обширнаго русскаго востока, такъ и населенія сопредѣльныхъ ему мусульманскихъ странъ и владѣній, такъ какъ книги восточной печати этой типографіи, а позже при-

нявшей ее въ свои нѣдра университетской типографіи (алкораны, молитвенники, книги духовно-нравоучительнаго и историческаго содержанія и т. п. изданія мусульманской печати), находили себѣ обширный сбытъ на азіятскомъ востокѣ, достигая даже Остъ-Индіи *.

Въ заключеніе приведеннаго нами историческаго очерка начальнаго существованія обѣихъ типографій, изъ которыхъ образовалась въ 1829 году нынѣшняя университетская типографія, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно ихъ продуктивности съ точки зрѣнія количества сошедшихъ съ ихъ станковъ изданій.

Для книгъ, печатанныхъ въ Казани на восточныхъ языкахъ, слѣдовательно и для книгъ изданія гимназической азіятской типографіи, основнымъ источникомъ является трудъ академика Б. А. Дорна: „Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen, tatarischen und persischen Werke“ (въ „Mélanges asiatiques“ изд. акад. наукъ, томъ пятый, стр. 533—649, и отдѣльно Спб. 1866); здѣсь указано 38 изданій, напечатанныхъ за промежутокъ времени съ 1801 по 1819 годъ (включительно) и 51 изданіе, вышедшее до 1829 года, т. е. до прекращенія самостоятельнаго существованія азіятской типографіи. Далеко неполнымъ, но за то снабженнымъ русскимъ поясненіемъ содержанія книгъ, является указатель казанскихъ восточныхъ изданій профессора Н. Ѳ. Катанова, приложенный къ книгѣ А. Т. Соловьева: „Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи императорскаго казанскаго университета съ 1800 по 1896 годъ“ (К. 1896, стр. 325 и слѣд.), гдѣ указано 13 изданій за время съ 1801 по 1819 (включительно) годъ и 14 изданій, вышедшихъ съ 1801 по 1829 годъ.

Для изданій русской университетской типографіи за десятилѣтіе 1809—1818 годовъ весьма существенными матеріалами являются: рукописный „Каталогъ книгъ и мелкихъ сочиненій, напечатанныхъ въ казанской университетской типографіи со времени учрежденія ея, то есть съ 1808 года по 1819 годъ“, составленный весною 1819 года начальникомъ типографіи, адъюнктомъ Дунаевымъ, очевидно съ большими пропусками, для цѣлей производившейся въ то время Магницкимъ ревизіи университета **, гдѣ приведено 77 названій печатныхъ произведеній, выпущенныхъ типографіею

---

* Не безъинтересны цифровыя данныя объ оборотахъ гимназической азіятской типографіи. Не взирая на крайне неудовлетворительныя условія ея эксплоатаціи, она за 29 лѣтъ своего самостоятельнаго существованія принесла до 38 тыс. руб. дохода, при расходѣ на ея содержаніе до 28 тыс. рублей, что даетъ около 10 тыс. рублей чистой прибыли.

** См. дѣло архива совѣтской канцеляріи подъ № 69, за 1819 годъ, листы 97—98.

нявшей ее въ свои нѣдра университетской типографіи (алкораны, молитвенники, книги духовно-нравоучительнаго и историческаго содержанія и т. п. изданія мусульманской печати), находили себѣ обширный сбытъ на азіятскомъ востокѣ, достигая даже Остъ-Индіи *.

Въ заключеніе приведеннаго нами историческаго очерка начальнаго существованія обѣихъ типографій, изъ которыхъ образовалась въ 1829 году нынѣшняя университетская типографія, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно ихъ продуктивности съ точки зрѣнія количества сошедшихъ съ ихъ станковъ изданій.

Для книгъ, печатанныхъ въ Казани на восточныхъ языкахъ, слѣдовательно и для книгъ изданія гимназической азіятской типографіи, основнымъ источникомъ является трудъ академика Б. А. Дорна: „Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen, tatarischen und persischen Werke“ (въ „Mélanges asiatiques“ изд. акад. наукъ, томъ пятый, стр. 533—649, и отдѣльно Спб. 1866); здѣсь указано 38 изданій, напечатанныхъ за промежутокъ времени съ 1801 по 1819 годъ (включительно) и 51 изданіе, вышедшее до 1829 года, т. е. до прекращенія самостоятельнаго существованія азіятской типографіи. Далеко неполнымъ, но за то снабженнымъ русскимъ поясненіемъ содержанія книгъ, является указатель казанскихъ восточныхъ изданій профессора Н. Ѳ. Катанова, приложенный къ книгѣ А. Т. Соловьева: „Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи императорскаго казанскаго университета съ 1800 по 1896 годъ“ (К. 1896, стр. 325 и слѣд.), гдѣ указано 13 изданій за время съ 1801 по 1819 (включительно) годъ и 14 изданій, вышедшихъ съ 1801 по 1829 годъ.

Для изданій русской университетской типографіи за десятилѣтіе 1809—1818 годовъ весьма существенными матеріалами являются: рукописный „Каталогъ книгъ и мелкихъ сочиненій, напечатанныхъ въ казанской университетской типографіи со времени учрежденія ея, то есть съ 1808 года по 1819 годъ“, составленный весною 1819 года начальникомъ типографіи, адъюнктомъ Дунаевымъ, очевидно съ большими пропусками, для цѣлей производившейся въ то время Магницкимъ ревизіи университета **, гдѣ приведено 77 названій печатныхъ произведеній, выпущенныхъ типографіею

* Не безъинтересны цифровыя данныя объ оборотахъ гимназической азіятской типографіи. Не взирая на крайне неудовлетворительныя условія ея эксплоатаціи, она за 29 лѣтъ своего самостоятельнаго существованія принесла до 38 тыс. руб. дохода, при расходѣ на ея содержаніе до 28 тыс. рублей, что дастъ около 10 тыс. рублей чистой прибыли.

** См. дѣло архива совѣтской канцеляріи подъ № 69, за 1819 годъ, листы 97—98.

за этотъ промежутокъ времени, а также рукописный „Списокъ книгъ, напечатанныхъ въ университетской типографіи съ 1808 года по мартъ 1821 года“ составленный въ 1821 году *. Печатнымъ подспорьемъ выступаетъ въ томъ же отношеніи трудъ начальника университетской типографіи А. Т. Соловьева: „Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи императорскаго казанскаго университета съ 1800 по 1896 годъ“ (Каз. 1896), гдѣ указано 114 печатныхъ произведеній **, оттиснутыхъ типографіею за первые десять (1809—1818) лѣтъ ея существованія. Разница въ количествѣ изданій, зарегистрированныхъ всѣми приведенными каталогами—является довольно значительною, притомъ въ сторону каталога, составленнаго г. Соловьевымъ. Предоставляя задачу разобраться въ этой статистикѣ изданій будущему историку казанскаго печатнаго дѣла, замѣтимъ только, что безусловно полный списокъ всѣхъ изданій университетской типографіи едва ли и можетъ быть возстановленъ, благодаря большому пожару 24-го августа 1842 года, уничтожившему дѣла и складъ изданій этой типографіи. Дополнительными пособіями для библіографіи казанскаго университетскаго печатнаго дѣла слѣдуетъ указать: „Каталогъ главной библіотеки императорскаго казанскаго университета“ (издается съ 1892 года) и трудъ Н. П. Лихачева: „Книгопечатаніе въ Казани за первое пятидесятилѣтіе существованія въ этомъ городѣ типографій“ (Спб. 1895).

Въ ближайшую связь съ вопросомъ о начальномъ развитія университетскаго книгопечатнаго дѣла можетъ быть поставленъ вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ книжной лавки, непосредственно вытекавшій изъ статьи 11-ой утвердительной грамоты казанскаго университета, гласившей, что „университетъ имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи типографію и книжную лавку“.

Вопросъ этотъ былъ впервые возбужденъ уже въ четвертый годъ по основаніи университета, въ письмѣ къ попечителю профессора-директора И. Ѳ. Яковкина отъ 20-го октября 1808 года:

> „Какъ въ Казани, такъ и въ другихъ городахъ училища весьма затрудняются недостаткомъ учебныхъ книгъ,—заявлялось въ этомъ письмѣ.—Не благоугодно ли будетъ вашему превосходительству, что бы при университетѣ заведенъ былъ магазинъ всякихъ учебныхъ книгъ, при главномъ училищъ правленіи печатаемыхъ, съ тѣмъ, чтобъ

* См. дѣло архива совѣтской канцеляріи № 79, за 1821 годъ, листъ 7 и сл.

** Собственно—116, но первыя два изъ приведенныхъ здѣсь изданій принадлежатъ станкамъ типографіи азіятской.

за этотъ промежутокъ времени, а также рукописный „Списокъ книгъ, напечатанныхъ въ университетской типографіи съ 1808 года по мартъ 1821 года“ составленный въ 1821 году *. Печатнымъ подспорьемъ выступаетъ въ томъ же отношеніи трудъ начальника университетской типографіи А. Т. Соловьева: „Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи императорскаго казанскаго университета съ 1800 по 1896 годъ“ (Каз. 1896), гдѣ указано 114 печатныхъ произведеній **, оттиснутыхъ типографіею за первые десять (1809—1818) лѣтъ ея существованія. Разница въ количествѣ изданій, зарегистрированныхъ всѣми приведенными каталогами—является довольно значительною, притомъ въ сторону каталога, составленнаго г. Соловьевымъ. Предоставляя задачу разобраться въ этой статистикѣ изданій будущему историку казанскаго печатнаго дѣла, замѣтимъ только, что безусловно полный списокъ всѣхъ изданій университетской типографіи едва ли и можетъ быть возстановленъ, благодаря большому пожару 24-го августа 1842 года, уничтожившему дѣла и складъ изданій этой типографіи. Дополнительными пособіями для библіографіи казанскаго университетскаго печатнаго дѣла слѣдуетъ указать: „Каталогъ главной библіотеки императорскаго казанскаго университета“ (издается съ 1892 года) и трудъ Н. П. Лихачева: „Книгопечатаніе въ Казани за первое пятидесятилѣтіе существованія въ этомъ городѣ типографій“ (Спб. 1895).

Въ ближайшую связь съ вопросомъ о начальномъ развитія университетскаго книгопечатнаго дѣла можетъ быть поставленъ вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ книжной лавки, непосредственно вытекавшій изъ статьи 11-ой утвердительной грамоты казанскаго университета, гласившей, что „университетъ имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи типографію и книжную лавку“.

Вопросъ этотъ былъ впервые возбужденъ уже въ четвертый годъ по основаніи университета, въ письмѣ къ попечителю профессора-директора И. Ѳ. Яковкина отъ 20-го октября 1808 года:

> „Какъ въ Казани, такъ и въ другихъ городахъ училища весьма затрудняются недостаткомъ учебныхъ книгъ,—заявлялось въ этомъ письмѣ.—Не благоугодно ли будетъ вашему превосходительству, чтобы при университетѣ заведенъ былъ магазинъ всякихъ учебныхъ книгъ, при главномъ училищъ правленіи печатаемыхъ, съ тѣмъ, чтобъ

* См. дѣло архива совѣтской канцеляріи № 79, за 1821 годъ, листъ 7 и сл.

** Собственно—116, но первыя два изъ приведенныхъ здѣсь изданій принадлежатъ станкамъ типографіи азіятской.

отсюда могли пользоваться всѣ училища казанскаго учебнаго округа. Въ семъ намѣреніи имѣю честь при семъ представить списокъ потребнымъ только для Казани книгамъ, количество коихъ должно будетъ увеличить на первый случай по крайней мѣрѣ въ пятеро, ежели благоугодно будетъ одобрить сіе намѣреніе о заведеніи здѣсь учебнаго книжнаго магазейна. Для сего нужно будетъ также назначить и чиновника, который бы занимался присмотромъ за книгами и разсылкою ихъ по требованіямъ губернскихъ училищныхъ директоровъ; сверхъ того, ему же въ управленіе можно препоручить и типографію".

Румовскій отнесся къ этому предположенію вполнѣ сочувственно, хотя и приводилъ нѣкоторыя затрудненія чисто техническаго характера, сопряженныя съ его осуществленіемъ—но изъ этой переписки никакого практическаго результата не вышло. Въ 1811—1812 годахъ, взамѣнъ собственной книжной лавки, университетъ имѣлъ въ Казани коммиссіонера въ лицѣ мѣстнаго книгопродавца Суханова, у которого, между прочимъ, находились въ продажѣ изданія университетской типографіи, о чемъ тотъ и помѣщалъ публикаціи въ мѣстной газетѣ *.

Снова выплылъ наружу вопросъ объ учрежденіи при университетѣ книжной торговли весною 1815 года, по почину попечителя М. А. Салтыкова, который, въ предложеніи совѣту отъ 15-го марта, высказался въ пользу устройства при университетѣ, въ интересахъ снабженія училищъ округа книгами, книжной лавки, полагая, при этомъ, что „нельзя приличнѣе и удобнѣе назначить для сего мѣсто, какъ университетскую библіотеку, которая отъ сего могла бы имѣть и свои выгоды, полезныя для поддержанія ея, не требуя отъ казны никакихъ издержекъ ни на особеннаго чиновника, ни на писца, ни на сторожей". Разработку попечительскаго предложенія совѣтъ возложилъ на профессоровъ Эрдмана и Лубкина, которые 31-го марта и представили совѣту подробный проэктъ учрежденія при университетѣ книжнаго магазина. По этому проэкту, все дѣло предполагалось сдать на содержаніе какому либо надежному лицу, предоставивъ ему званіе „университетскаго книгопродавца", отведя помѣщеніе для магазина въ зданіяхъ университета и предоставивъ продавать здѣсь не только книги учебныя, но и „всякія книги не только на россійскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ издаваемыя". Проэктъ этотъ совѣтомъ былъ одобренъ,

* «Въ типографіи императорскаго казанскаго университета и въ книжной лавкѣ коммиссіонера онаго университета Суханова,—читаемъ, напримѣръ, въ объявленіяхъ № 20-го «Казанскихъ Извѣстій» за 1811 годъ,—продаются татарскія грамматики на россійскомъ языкѣ; цѣна онымъ на бѣлой бумагѣ, безъ переплета, 60 коп., а на сѣрой, безъ переплета, 45 коп.»

отсюда могли пользоваться всѣ училища казанскаго учебнаго округа. Въ семъ намѣреніи имѣю честь при семъ представить списокъ потребнымъ только для Казани книгамъ, количество коихъ должно будетъ увеличить на первый случай по крайней мѣрѣ въ пятеро, ежели благоугодно будетъ одобрить сіе намѣреніе о заведеніи здѣсь учебнаго книжнаго магазейна. Для сего нужно будетъ также назначить и чиновника, который бы занимался присмотромъ за книгами и разсылкою ихъ по требованіямъ губернскихъ училищныхъ директоровъ; сверхъ того, ему же въ управленіе можно препоручить и типографію".

Румовскій отнесся къ этому предположенію вполнѣ сочувственно, хотя и приводилъ нѣкоторыя затрудненія чисто техническаго характера, сопряженныя съ его осуществленіемъ—но изъ этой переписки никакого практическаго результата не вышло. Въ 1811—1812 годахъ, взамѣнъ собственной книжной лавки, университетъ имѣлъ въ Казани коммиссіонера въ лицѣ мѣстнаго книгопродавца Суханова, у которого, между прочимъ, находились въ продажѣ изданія университетской типографіи, о чемъ тотъ и помѣщалъ публикаціи въ мѣстной газетѣ *.

Снова выплылъ наружу вопросъ объ учрежденіи при университетѣ книжной торговли весною 1815 года, по почину попечителя М. А. Салтыкова, который, въ предложеніи совѣту отъ 15-го марта, высказался въ пользу устройства при университетѣ, въ интересахъ снабженія училищъ округа книгами, книжной лавки, полагая, при этомъ, что „нельзя приличнѣе и удобнѣе назначить для сего мѣсто, какъ университетскую библіотеку, которая отъ сего могла бы имѣть и свои выгоды, полезныя для поддержанія ея, не требуя отъ казны никакихъ издержекъ ни на особеннаго чиновника, ни на писца, ни на сторожей". Разработку попечительскаго предложенія совѣтъ возложилъ на профессоровъ Эрдмана и Лубкина, которые 31-го марта и представили совѣту подробный проэктъ учрежденія при университетѣ книжнаго магазина. По этому проэкту, все дѣло предполагалось сдать на содержаніе какому либо надежному лицу, предоставивъ ему званіе „университетскаго книгопродавца", отведя помѣщеніе для магазина въ зданіяхъ университета и предоставивъ продавать здѣсь не только книги учебныя, но и „всякія книги не только на россійскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ издаваемыя". Проэктъ этотъ совѣтомъ былъ одобренъ,

* «Въ типографіи императорскаго казанскаго университета и въ книжной лавкѣ коммиссіонера онаго университета Суханова,—читаемъ, напримѣръ, въ объявленіяхъ № 20-го «Казанскихъ Извѣстій» за 1811 годъ,—продаются татарскія грамматики на россійскомъ языкѣ; цѣна онымъ на бѣлой бумагѣ, безъ переплета, 60 коп., а на сѣрой, безъ переплета, 45 коп.»

но дѣло открытія университетской книжной лавки осуществленія не получило и университету пришлось довольствоваться коммиссіонерскими услугами мѣстныхъ книгопродавцевъ [155].

IV

Университетская цензура

Университетская цензура по уставу 5-го ноября 1804 года.—Цензурныя сношенія университета до учрежденія цензурнаго комитета.—Учрежденіе временнаго цензурнаго комитета.—Очеркъ дѣятельности казанской университетской цензуры.—Списокъ запрещенныхъ книгъ.—Изъ цензурныхъ дѣлъ начала XIX столѣтія.—Цензурныя ограниченія и мѣры контроля надъ дѣятельностью цензуры.—Цензурное дѣло по учебному округу.—Цензурный комитетъ послѣ совершеннаго открытія университета.

Въ числѣ сторонъ дѣятельности, которыми казанскій университетъ соприкасался съ текущею общественностью города и края—видное мѣсто занимала и дѣятельность цензурная, ставившая университетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ литературною жизнью всего русскаго востока, входившаго въ сферу его вліянія, отдававшая его вѣдѣнію и печатное дѣло на протяженіи всего обширнаго казанскаго учебнаго округа.

Цензурная дѣятельность казанскаго университета имѣла свой источникъ въ дарованномъ ему уставѣ 5-го ноября 1804 года, въ слѣдующихъ чертахъ опредѣляющемъ эту сторону функцій университета: „Для разсматриванія книгъ, печатаемыхъ отъ частныхъ людей въ университетской типографіи и въ округѣ университета, учреждается при университетѣ цензурный комитетъ изъ декановъ всѣхъ отдѣленій. Лекторы цензуры суть всѣ профессоры, адъюнкты и магистры, должность секретаря при цензурѣ отправляетъ одинъ изъ магистровъ, собраніемъ (т. е. совѣтомъ) назначенный (§ 177-ый унив. устава)“.

Намъ уже хорошо извѣстна первоначальная и примитивная организація, въ которой увидѣлъ свѣтъ вновь основанный казанскій университетъ, которая сопутствовала ему и на первыхъ порахъ его жизни. Университетъ возникъ не только безъ дарованыхъ ему органовъ самоуправленія, но даже безъ тѣхъ учрежденій, которыя назначены состоять при немъ уставомъ 1804 года—безъ педагогическаго института, безъ училищнаго и цензурнаго комитетовъ. Всѣ эти учрежденія создавались при немъ постепенно, исподоволь, и раньше всѣхъ возникъ комитетъ цензурный, образованный черезъ два съ половиною года послѣ основанія университета—30-го мая

но дѣло открытія университетской книжной лавки осуществленія не получило и университету пришлось довольствоваться коммиссіонерскими услугами мѣстныхъ книгопродавцевъ [155].

IV

Университетская цензура

Университетская цензура по уставу 5-го ноября 1804 года.—Цензурныя сношенія университета до учрежденія цензурнаго комитета.—Учрежденіе временнаго цензурнаго комитета.—Очеркъ дѣятельности казанской университетской цензуры.—Списокъ запрещенныхъ книгъ.—Изъ цензурныхъ дѣлъ начала XIX столѣтія.—Цензурныя ограниченія и мѣры контроля надъ дѣятельностью цензуры.—Цензурное дѣло по учебному округу.—Цензурный комитетъ послѣ совершеннаго открытія университета.

Въ числѣ сторонъ дѣятельности, которыми казанскій университетъ соприкасался съ текущею общественностью города и края—видное мѣсто занимала и дѣятельность цензурная, ставившая университетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ литературною жизнью всего русскаго востока, входившаго въ сферу его вліянія, отдававшая его вѣдѣнію и печатное дѣло на протяженіи всего обширнаго казанскаго учебнаго округа.

Цензурная дѣятельность казанскаго университета имѣла свой источникъ въ дарованномъ ему уставѣ 5-го ноября 1804 года, въ слѣдующихъ чертахъ опредѣляющемъ эту сторону функцій университета: „Для разсматриванія книгъ, печатаемыхъ отъ частныхъ людей въ университетской типографіи и въ округѣ университета, учреждается при университетѣ цензурный комитетъ изъ декановъ всѣхъ отдѣленій. Лекторы цензуры суть всѣ профессоры, адъюнкты и магистры, должность секретаря при цензурѣ отправляетъ одинъ изъ магистровъ, собраніемъ (т. е. совѣтомъ) назначенный (§ 177-ый унив. устава)“.

Намъ уже хорошо извѣстна первоначальная и примитивная организація, въ которой увидѣлъ свѣтъ вновь основанный казанскій университетъ, которая сопутствовала ему и на первыхъ порахъ его жизни. Университетъ возникъ не только безъ дарованыхъ ему органовъ самоуправленія, но даже безъ тѣхъ учрежденій, которыя назначены состоять при немъ уставомъ 1804 года—безъ педагогическаго института, безъ училищнаго и цензурнаго комитетовъ. Всѣ эти учрежденія создавались при немъ постепенно, исподоволь, и раньше всѣхъ возникъ комитетъ цензурный, образованный черезъ два съ половиною года послѣ основанія университета—30-го мая

1807 года. Сношенія съ казанскимъ университетомъ по дѣламъ цензуры другихъ цензурныхъ установленій имперіи, плохо оріентированныхъ въ своеобразномъ начальномъ строѣ вновь основаннаго заведенія, начались, тѣмъ не менѣе, уже слѣдомъ за открытіемъ университета, ставя его, конечно, въ немалое затрудненіе. Получая бумаги на имя несуществующаго „цензурнаго комитета при императорскомъ казанскомъ университетѣ“ и даже на звучавшее горькою ироніею имя „высочайше утвержденнаго цензурнаго комитета императорскаго казанскаго университета“, совѣту гимназіи,—совѣтъ университета въ то время, какъ мы знаемъ, даже и не признавался, — не оставалось ничего болѣе, какъ заносить эти бумаги въ реэстръ „входящихъ“, съ журнальными по нимъ опредѣленіями: „взять къ свѣдѣнію и доставить въ цензурный казанскаго университета комитетъ, когда оный учредится“, или: „взять къ свѣдѣнію и исполненію въ свое время“. Такъ, только къ пассивному „свѣдѣнію“ принято было увѣдомленіе петербургскаго цензурнаго комитета отъ 4-го апрѣля 1805 года о томъ, что трудъ Тибо о Фридрихѣ Великомъ допущенъ имъ къ выпуску въ свѣтъ не иначе, какъ „вырѣзавъ изъ третьяго тома листы, начиная съ 353-й до 539-й страницы“; увѣдомленіе дерптскаго цензурнаго комитета о томъ, что имъ запрещены книги: „Объ обыкновенныхъ употребленіяхъ, бываемыхъ въ Германіи при дуэляхъ“, „Исторія жизни государя Петра III“, изданная г. Солдерномъ во Франкфуртѣ, и „Проклятіе любви или остатки закоренѣлой грубости“ (романъ); увѣдомленіе петербургскаго цензурнаго комитета о томъ, что имъ къ продажѣ совершенно запрещена книга „Voyage á Pétersbourg ou nouveaux memoires sur la Russie“, нѣкоего дела-Мессельера, и дозволена, съ исключеніями, книга „Abrégé de l' histoire des empereures qui ont régné en Europe etc“. Также пассивно заслушано и принято было „къ свѣдѣнію“ сообщеніе петербургскаго цензурнаго комитета отъ 20-го октября 1805 года, извѣщавшее, что „главное правленіе училищъ, желая принять надлежащія мѣры для пресѣченія ввоза въ Россію вредныхъ иностранныхъ книгъ, признало нужнымъ возложить на дрезденскаго книгопродавца Гарткноха должность увѣдомлять о всякой вновь выходящей вредной книгѣ“ (!), какъ безучастно принимались, затѣмъ, къ свѣдѣнію и передававшіеся въ Казань отзывы этого импровизованнаго книгопродавца-цензора относительно вредныхъ, по его мнѣнію, книгъ, не долженствующихъ, въ силу этого, имѣть доступа въ Россію и т. п. [156].

Не смотря на возложенную на него обязанность цензуры по округу, казанскій университетъ два съ половиною года оставался, такимъ образомъ, безъ органовъ этой отрасли своей дѣятельности, такъ какъ существовавшіе

1807 года. Сношенія съ казанскимъ университетомъ по дѣламъ цензуры другихъ цензурныхъ установленій имперіи, плохо оріентированныхъ въ своеобразномъ начальномъ строѣ вновь основаннаго заведенія, начались, тѣмъ не менѣе, уже слѣдомъ за открытіемъ университета, ставя его, конечно, въ немалое затрудненіе. Получая бумаги на имя несуществующаго „цензурнаго комитета при императорскомъ казанскомъ университетѣ" и даже на звучавшее горькою ироніею имя „высочайше утвержденнаго цензурнаго комитета императорскаго казанскаго университета", совѣту гимназіи,—совѣтъ университета въ то время, какъ мы знаемъ, даже и не признавался, — не оставалось ничего болѣе, какъ заносить эти бумаги въ реэстръ „входящихъ", съ журнальными по нимъ опредѣленіями: „взять къ свѣдѣнію и доставить въ цензурный казанскаго университета комитетъ, когда оный учредится", или: „взять къ свѣдѣнію и исполненію въ свое время". Такъ, только къ пассивному „свѣдѣнію" принято было увѣдомленіе петербургскаго цензурнаго комитета отъ 4-го апрѣля 1805 года о томъ, что трудъ Тибо о Фридрихѣ Великомъ допущенъ имъ къ выпуску въ свѣтъ не иначе, какъ „вырѣзавъ изъ третьяго тома листы, начиная съ 353-й до 539-й страницы"; увѣдомленіе дерптскаго цензурнаго комитета о томъ, что имъ запрещены книги: „Объ обыкновенныхъ употребленіяхъ, бываемыхъ въ Германіи при дуэляхъ", „Исторія жизни государя Петра III", изданная г. Солдерномъ во Франкфуртѣ, и „Проклятіе любви или остатки закоренѣлой грубости" (романъ); увѣдомленіе петербургскаго цензурнаго комитета о томъ, что имъ къ продажѣ совершенно запрещена книга „Voyage á Pétersbourg ou nouveaux memoires sur la Russie", нѣкоего дела-Мессельера, и дозволена, съ исключеніями, книга „Abrégé de l'histoire des empereures qui ont régné en Europe etc". Также пассивно заслушано и принято было „къ свѣдѣнію" сообщеніе петербургскаго цензурнаго комитета отъ 20-го октября 1805 года, извѣщавшее, что „главное правленіе училищъ, желая принять надлежащія мѣры для пресѣченія ввоза въ Россію вредныхъ иностранныхъ книгъ, признало нужнымъ возложить на дрезденскаго книгопродавца Гарткноха должность увѣдомлять о всякой вновь выходящей вредной книгѣ" (!), какъ безучастно принимались, затѣмъ, къ свѣдѣнію и передававшіеся въ Казань отзывы этого импровизованнаго книгопродавца-цензора относительно вредныхъ, по его мнѣнію, книгъ, не долженствующихъ, въ силу этого, имѣть доступа въ Россію и т. п. [156].

Не смотря на возложенную на него обязанность цензуры по округу, казанскій университетъ два съ половиною года оставался, такимъ образомъ, безъ органовъ этой отрасли своей дѣятельности, такъ какъ существовавшіе

въ ту пору въ Казани цензоры (таковымъ былъ, напримѣръ, учитель гимназіи Хальфинъ) предназначались для разсмотрѣнія печатавшихся въ гимназической азіятской типографіи мусульманскихъ книгъ, находились въ ближайшемъ отношеніи къ магометанскому муфтію и оренбургскому духовному собранію и оставались совершенно чуждыми цензурной дѣятельности, предоставленной университету уставомъ 1804 года. Какъ ни незначительно было, не только по казанскому учебному округу, но даже и въ самой Казани, печатное дѣло въ тѣ годы, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, тѣмъ не менѣе весною 1807 года попечитель округа Румовскій почелъ своевременнымъ выдвинуть вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ цензурнаго комитета; къ этому должно было побудить его и то обстоятельство, что имъ уже готовилось открытіе при университетѣ русской типографіи, съ которымъ связывались надежды на зарожденіе въ Казани частнаго книгоиздательства. Университетскій уставъ 1804 года въ совершенно опредѣленныхъ чертахъ указывалъ организацію при университетѣ цензурнаго комитета, но относящіяся сюда постановленія устава оказывались безусловно непримѣнимыми къ современному строю казанскаго университета, въ которомъ не было отдѣленій, а слѣдовательно—и декановъ, изъ которыхъ комитетъ долженъ былъ быть составленъ. Оставалось организовать и университетскій цензурный комитетъ въ такой же урѣзанной формѣ, въ какой былъ основанъ и самый университетъ, взявъ за исходную точку не университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года, но общій уставъ о цензурѣ 9-го іюля 1804 года. Остановившись на такомъ рѣшеніи вопроса, попечитель вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ соотвѣтствующимъ представленіемъ, о результатахъ котораго онъ увѣдомилъ университетъ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 30-го мая 1807 года:

„Господинъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, по представленію моему, изъявилъ свое согласіе, въ силу устава о цензурѣ, высочайше конфирмованнаго въ 9-ый день іюля 1804 года, на учрежденіе при казанскомъ университетѣ ценсурнаго комитета для разсматриванія сочиненій, издаваемыхъ въ казанскомъ учебномъ округѣ. Вслѣдствіе чего, до совершеннаго открытія университета, предлагаю совѣту на первый случай составить сей комитетъ изъ трехъ членовъ, избравъ оныхъ изъ своего сословія, и руководствоваться въ разсматриваніи книгъ и сочиненій и въ прочемъ, держася правилъ, изображенныхъ въ помянутомъ уставѣ и въ XVI-ой главѣ устава казанскаго университета. О чемъ и сообщить въ губернскія правленія губерній, казанскій учебный округъ составляющихъ“.

въ ту пору въ Казани цензоры (таковымъ былъ, напримѣръ, учитель гимназіи Хальфинъ) предназначались для разсмотрѣнія печатавшихся въ гимназической азіятской типографіи мусульманскихъ книгъ, находились въ ближайшемъ отношеніи къ магометанскому муфтію и оренбургскому духовному собранію и оставались совершенно чуждыми цензурной дѣятельности, предоставленной университету уставомъ 1804 года. Какъ ни незначительно было, не только по казанскому учебному округу, но даже и въ самой Казани, печатное дѣло въ тѣ годы, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, тѣмъ не менѣе весною 1807 года попечитель округа Румовскій почелъ своевременнымъ выдвинуть вопросъ объ учрежденіи при казанскомъ университетѣ цензурнаго комитета; къ этому должно было побудить его и то обстоятельство, что имъ уже готовилось открытіе при университетѣ русской типографіи, съ которымъ связывались надежды на зарожденіе въ Казани частнаго книгоиздательства. Университетскій уставъ 1804 года въ совершенно опредѣленныхъ чертахъ указывалъ организацію при университетѣ цензурнаго комитета, но относящіяся сюда постановленія устава оказывались безусловно непримѣнимыми къ современному строю казанскаго университета, въ которомъ не было отдѣленій, а слѣдовательно—и декановъ, изъ которыхъ комитетъ долженъ былъ быть составленъ. Оставалось организовать и университетскій цензурный комитетъ въ такой же урѣзанной формѣ, въ какой былъ основанъ и самый университетъ, взявъ за исходную точку не университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года, но общій уставъ о цензурѣ 9-го іюля 1804 года. Остановившись на такомъ рѣшеніи вопроса, попечитель вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ соотвѣтствующимъ представленіемъ, о результатахъ котораго онъ увѣдомилъ университетъ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 30-го мая 1807 года:

„Господинъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, по представленію моему, изъявилъ свое согласіе, въ силу устава о цензурѣ, высочайше конфирмованнаго въ 9-ый день іюля 1804 года, на учрежденіе при казанскомъ университетѣ ценсурнаго комитета для разсматриванія сочиненій, издаваемыхъ въ казанскомъ учебномъ округѣ. Вслѣдствіе чего, до совершеннаго открытія университета, предлагаю совѣту на первый случай составить сей комитетъ изъ трехъ членовъ, избравъ оныхъ изъ своего сословія, и руководствоваться въ разсматриваніи книгъ и сочиненій и въ прочемъ, держася правилъ, изображенныхъ въ помянутомъ уставѣ и въ XVI-ой главѣ устава казанскаго университета. О чемъ и сообщить въ губернскія правленія губерній, казанскій учебный округъ составляющихъ“.

Попечительское предложеніе было заслушано въ засѣданіи совѣта 12-го іюня, но формальнаго выбора въ члены цензурнаго комитета произведено не было: членами его были признаны профессоръ М. И. Германъ и адъюнкты И. И. Запольскій и Г. Н. Городчаниновъ, „объявившіе согласіе" принять на себя это званіе. Слѣдомъ затѣмъ во всѣ губернскія правленія округа было разослано циркулярное увѣдомленіе о томъ, что „составленъ комитетъ при казанскомъ университетѣ для цензуры всѣхъ вновь печатаемыхъ въ казанскомъ учебномъ округѣ книгъ, почему желающіе печатать свои сочиненія или переводы обязаны доставлять оныя для разсмотрѣнія въ учрежденный цензурный казанскаго учебнаго округа комитетъ" [157].

Цензурный комитетъ при казанскомъ университетѣ, такимъ образомъ, открылся — но практика для его дѣятельности нашлась еще не скоро, что весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ ничтожествѣ книгоиздательства, что бы не сказать—о совершенномъ отсутствіи его, которымъ характеризуется умственная жизнь русскаго востока начала XIX столѣтія и которое дало, впослѣдствіе, поводъ Магницкому зло подшутить, во время ревизіи имъ университета, надъ казанскимъ цензурнымъ комитетомъ: „Уже есть и типографія, и цензура,—иронизировалъ будущій казанскій попечитель, отмѣчая учрежденіе въ 1807 году цензурнаго комитета,—но нѣтъ еще ни писателей, ни книгъ, ни университета"…. Первая „работа" доставлена была цензурному комитету П. С. Кондыревымъ, въ то время еще студентомъ - кандидатомъ, который открылъ собою эру дѣятельности казанской университетской цензуры, 16-го декабря 1807 года представивъ въ цензурный комитетъ свою рукопись: „Опытъ краткаго начертанія статистики россійской имперіи", при прошеніи относительно „должнаго разсмотрѣнія и позволенія ее напечатать"; исполнительность со стороны комитета оказалась замѣчательною, такъ какъ уже на слѣдующій день, 17-го декабря, цензоръ Городчаниновъ далъ отзывъ, что онъ сочиненіе просителя „читалъ и не нашелъ въ немъ ничего, противнаго даннымъ въ уставѣ о цензурѣ книгъ правиламъ", хотя этотъ первый трудъ Кондырева не былъ напечатанъ ни въ то время, ни впослѣдствіе. Только 2½ года спустя поступилъ на разсмотрѣніе цензурнаго комитета слѣдующій трудъ: „Краткое описаніе сергіевскихъ сѣрныхъ водъ", представленный ему 18-го мая 1810 года профессоромъ К. Ѳ. Фуксомъ; эта рукопись, разсмотрѣнная и уже 21-го мая одобренная къ печати цензоромъ Запольскимъ, въ томъ же году была отпечатана во вновь открытой университетской типографіи.

Попечительское предложеніе было заслушано въ засѣданіи совѣта 12-го іюня, но формальнаго выбора въ члены цензурнаго комитета произведено не было: членами его были признаны профессоръ М. И. Германъ и адъюнкты И. И. Запольскій и Г. Н. Городчаниновъ, „объявившіе согласіе" принять на себя это званіе. Слѣдомъ затѣмъ во всѣ губернскія правленія округа было разослано циркулярное увѣдомленіе о томъ, что „составленъ комитетъ при казанскомъ университетѣ для цензуры всѣхъ вновь печатаемыхъ въ казанскомъ учебномъ округѣ книгъ, почему желающіе печатать свои сочиненія или переводы обязаны доставлять оныя для разсмотрѣнія въ учрежденный цензурный казанскаго учебнаго округа комитетъ" [157].

Цензурный комитетъ при казанскомъ университетѣ, такимъ образомъ, открылся — но практика для его дѣятельности нашлась еще не скоро, что весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ ничтожествѣ книгоиздательства, что бы не сказать—о совершенномъ отсутствіи его, которымъ характеризуется умственная жизнь русскаго востока начала XIX столѣтія и которое дало, впослѣдствіе, поводъ Магницкому зло подшутить, во время ревизіи имъ университета, надъ казанскимъ цензурнымъ комитетомъ: „Уже есть и типографія, и цензура,—иронизировалъ будущій казанскій попечитель, отмѣчая учрежденіе въ 1807 году цензурнаго комитета,—но нѣтъ еще ни писателей, ни книгъ, ни университета"…. Первая „работа" доставлена была цензурному комитету П. С. Кондыревымъ, въ то время еще студентомъ-кандидатомъ, который открылъ собою эру дѣятельности казанской университетской цензуры, 16-го декабря 1807 года представивъ въ цензурный комитетъ свою рукопись: „Опытъ краткаго начертанія статистики россійской имперіи", при прошеніи относительно „должнаго разсмотрѣнія и позволенія ее напечатать"; исполнительность со стороны комитета оказалась замѣчательною, такъ какъ уже на слѣдующій день, 17-го декабря, цензоръ Городчаниновъ далъ отзывъ, что онъ сочиненіе просителя „читалъ и не нашелъ въ немъ ничего, противнаго даннымъ въ уставѣ о цензурѣ книгъ правиламъ", хотя этотъ первый трудъ Кондырева не былъ напечатанъ ни въ то время, ни впослѣдствіе. Только $2^1/_2$ года спустя поступилъ на разсмотрѣніе цензурнаго комитета слѣдующій трудъ: „Краткое описаніе сергіевскихъ сѣрныхъ водъ", представленный ему 18-го мая 1810 года профессоромъ К. Ѳ. Фуксомъ; эта рукопись, разсмотрѣнная и уже 21-го мая одобренная къ печати цензоромъ Запольскимъ, въ томъ же году была отпечатана во вновь открытой университетской типографіи.

Открытіе университетской типографіи повліяло оживляющимъ образомъ на дѣятельность казанскаго цензурнаго комитета, которая въ интересующую насъ эпоху не отличалась, вообще, своею интенсивностью. Трудъ Фукса оказался единственнымъ, разсмотрѣннымъ комитетомъ въ 1810 году; въ 1811-мъ году имъ разсмотрѣно уже два труда, въ 1812-мъ—5, въ 1813-мъ—15, въ 1814-мъ—12, въ 1815-мъ—20, но за то въ 1816-мъ году уже только—7, въ 1817-мъ—3, въ 1818-мъ—9. За двѣнадцатилѣтіе дѣятельности университетскаго цензурнаго комитета (1807—1818 г.г.) въ предѣлахъ разсматриваемой нами эпохи, имъ было разсмотрѣно, такимъ образомъ, всего 75 рукописей. Изъ этого общаго количества рукописей, находившихся на разсмотрѣніи комитета, восемь совершенно запрещены къ напечатанію, восемь возвращены авторамъ для сдѣланія въ нихъ указанныхъ цензорами исправленій, двѣ дозволены къ печати съ исключеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ, одна съ предварительнымъ просмотромъ ея заинтересованнымъ учрежденіемъ (астраханскою училищною дирекціею), 56 рукописей безусловно разрѣшены къ напечатанію. Почти десять процентовъ трудовъ, безусловно запрещенныхъ къ печати, свидѣтельствуютъ о достаточной строгости казанской университетской цензуры того времени. Въ числѣ безусловно запрещенныхъ трудовъ, самыя рукописи которыхъ удержаны, въ большинствѣ случаевъ, при цензурномъ комитетѣ, значатся: „Послѣднее письмо умирающаго Вернера къ Шарлоттѣ“ (разсматривалось въ полномъ собраніи комитета, 1813 г.); „Наталисъ или ужасное приключеніе на Сентъ-Готардѣ, исторія для разсужденія тѣмъ, коимъ власть дана на землѣ“, переводъ съ нѣмецкаго (цензуровалъ Перевощиковъ *, 1813 г.); „Бѣгство Наполеона изъ Москвы“, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненная учителемъ М. Рыбушкинымъ (запрещена министерствомъ полиціи, на разсмотрѣніе котораго была передана, 1813 г.); „Обращенная“, стихотвореніе (разсматривали Городчаниновъ и Кондыревъ, 1815 г.); „Обозрѣніе достопамятнѣйшихъ происшествій по учебнымъ заведеніямъ нижегородской губерніи“, соч. Шредера (цензоръ Городчаниновъ, 1815 г.); „Соловьиная долина“ и „Желанія“, соч. Либена (цензуровалъ Самсоновъ— „не одобрена по причинѣ нѣкоторыхъ оскорбительныхъ выраженій и ошибокъ противу русскаго языка“, 1818 г.). Не должно думать, что бы рукописи, возвращавшіяся авторамъ „для исправленія“ ихъ согласно ука-

* Слѣдуетъ имѣть въ виду, что, въ силу университетскаго устава, цензура отдѣльныхъ рукописей могла быть поручаема и членамъ университета, не входившимъ въ составъ цензурнаго комитета.

Открытіе университетской типографіи повліяло оживляющимъ образомъ на дѣятельность казанскаго цензурнаго комитета, которая въ интересующую насъ эпоху не отличалась, вообще, своею интенсивностью. Трудъ Фукса оказался единственнымъ, разсмотрѣннымъ комитетомъ въ 1810 году; въ 1811-мъ году имъ разсмотрѣно уже два труда, въ 1812-мъ—5, въ 1813-мъ—15, въ 1814-мъ—12, въ 1815-мъ—20, но за то въ 1816-мъ году уже только—7, въ 1817-мъ—3, въ 1818-мъ—9. За двѣнадцатилѣтіе дѣятельности университетскаго цензурнаго комитета (1807—1818 г.г.) въ предѣлахъ разсматриваемой нами эпохи, имъ было разсмотрѣно, такимъ образомъ, всего 75 рукописей. Изъ этого общаго количества рукописей, находившихся на разсмотрѣніи комитета, восемь совершенно запрещены къ напечатанію, восемь возвращены авторамъ для сдѣланія въ нихъ указанныхъ цензорами исправленій, двѣ дозволены къ печати съ исключеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ, одна съ предварительнымъ просмотромъ ея заинтересованнымъ учрежденіемъ (астраханскою училищною дирекціею), 56 рукописей безусловно разрѣшены къ напечатанію. Почти десять процентовъ трудовъ, безусловно запрещенныхъ къ печати, свидѣтельствуютъ о достаточной строгости казанской университетской цензуры того времени. Въ числѣ безусловно запрещенныхъ трудовъ, самыя рукописи которыхъ удержаны, въ большинствѣ случаевъ, при цензурномъ комитетѣ, значатся: „Послѣднее письмо умирающаго Вернера къ Шарлоттѣ“ (разсматривалось въ полномъ собраніи комитета, 1813 г.); „Наталисъ или ужасное приключеніе на Сентъ-Готардѣ, исторія для разсужденія тѣмъ, коимъ власть дана на землѣ“, переводъ съ нѣмецкаго (цензуровалъ Перевощиковъ *, 1813 г.); „Бѣгство Наполеона изъ Москвы“, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненная учителемъ М. Рыбушкинымъ (запрещена министерствомъ полиціи, на разсмотрѣніе котораго была передана, 1813 г.); „Обращенная“, стихотвореніе (разсматривали Городчаниновъ и Кондыревъ, 1815 г.); „Обозрѣніе достопамятнѣйшихъ происшествій по учебнымъ заведеніямъ нижегородской губерніи“, соч. Шредера (цензоръ Городчаниновъ, 1815 г.); „Соловьиная долина“ и „Желанія“, соч. Либена (цензуровалъ Самсоновъ—„не одобрена по причинѣ нѣкоторыхъ оскорбительныхъ выраженій и ошибокъ противу русскаго языка“, 1818 г.). Не должно думать, что бы рукописи, возвращавшіяся авторамъ „для исправленія“ ихъ согласно ука-

---

* Слѣдуетъ имѣть въ виду, что, въ силу университетскаго устава, цензура отдѣльныхъ рукописей могла быть поручаема и членамъ университета, не входившимъ въ составъ цензурнаго комитета.

заніямъ цензоровъ—подвергались такой участи исключительно въ видахъ „неблагонамѣренности“ отдѣльныхъ мѣстъ ихъ. Цензура того времени,—и это едва ли не можетъ быть вмѣнено ей даже въ заслугу,—заботилась и о грамотности и о здравомъ смыслѣ самыхъ произведеній, что вмѣнялось ей даже въ обязанность, и нерѣдко возвращала авторамъ рукописи для исправленія ихъ именно съ этой точки зрѣнія; такъ, въ 1816 году Перевощиковъ возвратилъ учителю пермской гимназіи Дюро его переводъ съ французскаго „для исправленія погрѣшностей противу русскаго языка“, а въ 1815 году неизвѣстному автору была возвращена его рукопись „Добрый калифъ или островъ испытанія, восточная повѣсть“—недопущенная къ печати „по причинѣ недостатка во многихъ мѣстахъ смысла“ [158].

Дѣятельность казанскаго цензурнаго комитета не ограничивалась однимъ только разсмотрѣніемъ поступавшихъ въ него рукописей. Видное и весьма интересное, съ точки зрѣнія исторіи русской цензуры, мѣсто занимаютъ въ ней и постоянныя сношенія, съ одной стороны—съ другими цензурными учрежденіями, съ другой стороны—съ центральными правительственными органами.

Сношенія между собою отдѣльныхъ цензурныхъ учрежденій являлись обязательными въ дѣловой практикѣ того времени, такъ какъ, въ интересахъ объединенія всей цензурной дѣятельности, каждое учрежденіе этого рода обязано было немедленно давать знать всѣмъ остальнымъ о своихъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ,—главнымъ образомъ, конечно, репрессивныхъ,—которыя и зарегистрировались тѣми къ свѣдѣнію и къ руководству въ своей собственной дѣятельности. Подобнаго рода сообщенія, какъ мы это уже замѣтили, стали получаться казанскимъ университетомъ на имя его „цензурнаго комитета“ еще до учрежденія послѣдняго; они продолжали получаться и послѣ учрежденія цензурнаго комитета.

Только что указанная нами дѣловая переписка казанскаго цензурнаго комитета представляетъ собою несомнѣнный интересъ для исторіи русской цензуры начала XIX столѣтія и мы искренне жалѣемъ, что мѣсто и время не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на ней. Приведемъ, тѣмъ не менѣе, хотя нѣкоторыя данныя въ этомъ направленіи, почерпаемыя изъ дѣлъ университетскаго цензурнаго комитета за первые годы его существованія.

На первомъ мѣстѣ фигурируетъ въ этой перепискѣ рядъ цензурныхъ запрещеній и ограниченій, вызванныхъ соображеніями внутренней политики. Сюда относятся, прежде всего, репрессивныя мѣры противъ сочиненій, затрагивающихъ вопросы о настоящемъ и прошломъ русской государственности и русской жизни. Такъ, с.-петербургскій

заніямъ цензоровъ—подвергались такой участи исключительно въ видахъ „неблагонамѣренности“ отдѣльныхъ мѣстъ ихъ. Цензура того времени,—и это едва ли не можетъ быть вмѣнено ей даже въ заслугу,—заботилась и о грамотности и о здравомъ смыслѣ самыхъ произведеній, что вмѣнялось ей даже въ обязанность, и нерѣдко возвращала авторамъ рукописи для исправленія ихъ именно съ этой точки зрѣнія; такъ, въ 1816 году Перевощиковъ возвратилъ учителю пермской гимназіи Дюро его переводъ съ французскаго „для исправленія погрѣшностей противу русскаго языка“, а въ 1815 году неизвѣстному автору была возвращена его рукопись „Добрый калифъ или островъ испытанія, восточная повѣсть“—недопущенная къ печати „по причинѣ недостатка во многихъ мѣстахъ смысла“ [158].

Дѣятельность казанскаго цензурнаго комитета не ограничивалась однимъ только разсмотрѣніемъ поступавшихъ въ него рукописей. Видное и весьма интересное, съ точки зрѣнія исторіи русской цензуры, мѣсто занимаютъ въ ней и постоянныя сношенія, съ одной стороны—съ другими цензурными учрежденіями, съ другой стороны—съ центральными правительственными органами.

Сношенія между собою отдѣльныхъ цензурныхъ учрежденій являлись обязательными въ дѣловой практикѣ того времени, такъ какъ, въ интересахъ объединенія всей цензурной дѣятельности, каждое учрежденіе этого рода обязано было немедленно давать знать всѣмъ остальнымъ о своихъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ,—главнымъ образомъ, конечно, репрессивныхъ,—которыя и зарегистрировались тѣми къ свѣдѣнію и къ руководству въ своей собственной дѣятельности. Подобнаго рода сообщенія, какъ мы это уже замѣтили, стали получаться казанскимъ университетомъ на имя его „цензурнаго комитета“ еще до учрежденія послѣдняго; они продолжали получаться и послѣ учрежденія цензурнаго комитета.

Только что указанная нами дѣловая переписка казанскаго цензурнаго комитета представляетъ собою несомнѣнный интересъ для исторіи русской цензуры начала XIX столѣтія и мы искренне жалѣемъ, что мѣсто и время не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на ней. Приведемъ, тѣмъ не менѣе, хотя нѣкоторыя данныя въ этомъ направленіи, почерпаемыя изъ дѣлъ университетскаго цензурнаго комитета за первые годы его существованія.

На первомъ мѣстѣ фигурируетъ въ этой перепискѣ рядъ цензурныхъ запрещеній и ограниченій, вызванныхъ соображеніями внутренней политики. Сюда относятся, прежде всего, репрессивныя мѣры противъ сочиненій, затрагивающихъ вопросы о настоящемъ и прошломъ русской государственности и русской жизни. Такъ, с.-петербургскій

цензурный комитетъ лѣтомъ 1808 года увѣдомлялъ казанскій цензурный комитетъ о запрещеніи имъ обращенія книги Рейнбека: „Flüchtige Bemerkungen anf einer Reise von S. Petersbourg über Moskwa, Grodno, Warchau, Breslau nach Deutschland, im Jahre 1805“ и о воспрещеніи къ печати рукописи: „Жизнь, характеръ, военныя и политическія дѣянія россійскаго генералъ-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго и пр.“, В. Левшина, какъ заключающей въ себѣ „многія мѣста смѣлыя и рѣзкія“, въ коихъ „сочинитель изъ своего воображенія кидаетъ злорѣчіе на лицо усопшаго и столь знаменитаго мужа и, сверхъ того, осмѣливается разсѣвать нѣкоторыя неуважительныя выраженія въ отношеніи къ самой императрицѣ Екатеринѣ II“. Такая же судьба и въ томъ же году постигла рукопись: „Духъ великаго Суворова или анекдоты подлинные о князѣ Италійскомъ, графѣ А. В. Суворовѣ-Рымнинскомъ и пр.“, и три сказки: „Сказка о Петрушѣ, мѣщанскомъ сынѣ“, „Русскій старичокъ-весельчакъ, разсказывающій разныя московскія старинныя были и небыли“ и „Невиданное диво и неслыханное чудо“. Въ 1809 году тотъ же цензурный комитетъ запретилъ къ продажѣ книгу: „Voyage philosophique, politique et litteraire, fait en Russie pendant les années 1788—1789 etc.“ и къ печати сочиненіе: „Жизнь Екатерины I, императрицы и самодержицы всеросійской и пр.“ и т. д.

Запрещались и сочиненія, касавшіяся иностранной жизни. Такъ, въ 1808 году наложено запрещеніе на новое изданіе книги: „Картина французской политики или короли бонапартовой фабрики“, а въ 1811 году состоялось распоряженіе о „непечатаніи ни въ какой газетѣ или одномъ изъ журналовъ нашихъ оскорбительной статьи противъ бывшихъ въ шведской службѣ вице-адмирала Кронетета, полковника Іегергорна и майора Крипенберга“. Подвергались преслѣдованію и сочиненія, признававшіяся противными общественной нравственности. Въ 1808 году петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ не допущена къ печати рукопись: „Грамада (?) милымъ женщинамъ или собраніе піи-эротическихъ сочиненій“, въ 1811 году секвестрированы французскія комедіи: „La marchande de modes“ и „Le roi de Cocagne“, какъ заключающія въ себѣ „многія сцены, мысли и выраженія, оскорбляющія нравственность и благопристойность“ и т. п. Въ 1808 году петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ было, по высочайшему повелѣнію, прекращено, на третьемъ же номерѣ, изданіе „Журнала каррикатуръ“, съ воспрещеніемъ продажи уже вышедшихъ въ свѣтъ номеровъ; въ 1811 году запрещено изданіе составленнаго придворнымъ актеромъ Боркомъ „Календаря, въ видѣ святцовъ, содержащаго въ себѣ имена находящихся въ разныхъ мѣстахъ актеровъ“ и перевода съ польскаго сочиненія графа Стройковскаго: „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами и пр.“ и т. д. и т. д.

Накладывались на рукописи запрещенія даже за ихъ стилистическіе недостатки: такъ, въ 1810 г. московскій цензурный комитетъ запретилъ

цензурный комитетъ лѣтомъ 1808 года увѣдомлялъ казанскій цензурный комитетъ о запрещеніи имъ обращенія книги Рейнбека: „Flüchtige Bemerkungen anf einer Reise von S. Petersbourg über Moskwa, Grodno, Warchau, Breslau nach Deutschland, im Jahre 1805“ и о воспрещеніи къ печати рукописи: „Жизнь, характеръ, военныя и политическія дѣянія россійскаго генералъ-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго и пр.“, В. Левшина, какъ заключающей въ себѣ „многія мѣста смѣлыя и рѣзкія“, въ коихъ „сочинитель изъ своего воображенія кидаетъ злорѣчіе на лицо усопшаго и столь знаменитаго мужа и, сверхъ того, осмѣливается разсѣвать нѣкоторыя неуважительныя выраженія въ отношеніи къ самой императрицѣ Екатеринѣ II“. Такая же судьба и въ томъ же году постигла рукопись: „Духъ великаго Суворова или анекдоты подлинные о князѣ Италійскомъ, графѣ А. В. Суворовѣ-Рымнинскомъ и пр.“, и три сказки: „Сказка о Петрушѣ, мѣщанскомъ сынѣ“, „Русскій старичокъ-весельчакъ, разсказывающій разныя московскія старинныя были и небыли“ и „Невиданное диво и неслыханное чудо“. Въ 1809 году тотъ же цензурный комитетъ запретилъ къ продажѣ книгу: „Voyage philosophique, politique et litteraire, fait en Russie pendant les années 1788—1789 etc.“ и къ печати сочиненіе: „Жизнь Екатерины I, императрицы и самодержицы всеросійской и пр.“ и т. д.

Запрещались и сочиненія, касавшіяся иностранной жизни. Такъ, въ 1808 году наложено запрещеніе на новое изданіе книги: „Картина французской политики или короли бонапартовой фабрики“, а въ 1811 году состоялось распоряженіе о „непечатаніи ни въ какой газетѣ или одномъ изъ журналовъ нашихъ оскорбительной статьи противъ бывшихъ въ шведской службѣ вице-адмирала Кронетета, полковника Іегергорна и майора Крипенберга“. Подвергались преслѣдованію и сочиненія, признававшіяся противными общественной нравственности. Въ 1808 году петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ не допущена къ печати рукопись: „Грамада (?) милымъ женщинамъ или собраніе піи-эротическихъ сочиненій“, въ 1811 году секвестрированы французскія комедіи: „La marchande de modes“ и „Le roi de Cocagne“, какъ заключающія въ себѣ „многія сцены, мысли и выраженія, оскорбляющія нравственность и благопристойность“ и т. п. Въ 1808 году петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ было, по высочайшему повелѣнію, прекращено, на третьемъ же номерѣ, изданіе „Журнала каррикатуръ“, съ воспрещеніемъ продажи уже вышедшихъ въ свѣтъ номеровъ; въ 1811 году запрещено изданіе составленнаго придворнымъ актеромъ Боркомъ „Календаря, въ видѣ святцовъ, содержащаго въ себѣ имена находящихся въ разныхъ мѣстахъ актеровъ“ и перевода съ польскаго сочиненія графа Стройковскаго: „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами и пр.“ и т. д. и т. д.

Накладывались на рукописи запрещенія даже за ихъ стилистическіе недостатки: такъ, въ 1810 г. московскій цензурный комитетъ запретилъ

къ печатанію представленную ему купцомъ Сопиковымъ рукопись подъ заглавіемъ: „О существѣ законовъ“ (перевод. Дм. Языковымъ извѣстнаго трактата Монтескье), усмотрѣвъ въ ней „многія погрѣшности противъ чистоты и исправности слога“ [159].

Что касается сношеній мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ съ центральными правительственными органами, то они особенно часто касались вопроса о печатаніи извѣстій, относящихся къ внѣшней политикѣ, что находитъ себѣ, конечно, объясненіе въ особенностяхъ международной жизни той эпохи. Намъ уже извѣстны тѣ суровыя ограниченія, какія были поставлены въ этомъ отношеніи для редакціи „Казанскихъ Извѣстій“. Весною 1808 года казанскому цензурному комитету было сообщено къ свѣдѣнію распоряженіе министра народнаго просвѣщенія относительно „строжайшаго просматриванія періодическихъ изданій (которыхъ, кстати замѣтимъ, въ то время въ казанскомъ учебномъ округѣ еще и не существовало) и другихъ сочиненій“, такъ какъ министромъ замѣчено, что „въ журналахъ возникаютъ нелѣпыя разсужденія отъ неразумѣющихъ государствъ политическихъ соотношеній, которыхъ близко видѣть не могутъ сочинители и, увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину (sic!) въ терминахъ неприличныхъ“. Это распоряженіе было вновь подтверждено цензурнымъ комитетамъ въ концѣ лѣта 1809 года, а въ 1812 году состоялось, какъ мы это уже знаемъ, общее распоряженіе, въ силу котораго всякія извѣстія политическаго характера могли заимствоваться періодическими изданіями не иначе, какъ изъ оффиціальныхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Весьма подозрительное отношеніе внушали къ себѣ со стороны столичныхъ властей и романы, какъ это усматривается изъ слѣдующаго предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 28-го марта 1814 года, предоставлявшаго цензурнымъ учрежденіямъ слишкомъ широкую сферу личнаго усмотрѣнія:

„Между издаваемыми вновь романами выходятъ многіе, кои хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой либо статьѣ устава о цензурѣ, но, вообще, по цѣли оныхъ, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ могутъ быть почитаемы противными нравственности; часто же сочинители сихъ романовъ хотя, повидимому, и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ оные такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что чрезъ то самое увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о коихъ полезно было бы вовсе и не упоминать. По симъ причинамъ нахожу

къ печатанію представленную ему купцомъ Сопиковымъ рукопись подъ заглавіемъ: „О существѣ законовъ“ (перевод. Дм. Языковымъ извѣстнаго трактата Монтескье), усмотрѣвъ въ ней „многія погрѣшности противъ чистоты и исправности слога“ [159].

Что касается сношеній мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ съ центральными правительственными органами, то они особенно часто касались вопроса о печатаніи извѣстій, относящихся къ внѣшней политикѣ, что находитъ себѣ, конечно, объясненіе въ особенностяхъ международной жизни той эпохи. Намъ уже извѣстны тѣ суровыя ограниченія, какія были поставлены въ этомъ отношеніи для редакціи „Казанскихъ Извѣстій“. Весною 1808 года казанскому цензурному комитету было сообщено къ свѣдѣнію распоряженіе министра народнаго просвѣщенія относительно „строжайшаго просматриванія періодическихъ изданій (которыхъ, кстати замѣтимъ, въ то время въ казанскомъ учебномъ округѣ еще и не существовало) и другихъ сочиненій“, такъ какъ министромъ замѣчено, что „въ журналахъ возникаютъ нелѣпыя разсужденія отъ неразумѣющихъ государствъ политическихъ соотношеній, которыхъ близко видѣть не могутъ сочинители и, увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину (sic!) въ терминахъ неприличныхъ“. Это распоряженіе было вновь подтверждено цензурнымъ комитетамъ въ концѣ лѣта 1809 года, а въ 1812 году состоялось, какъ мы это уже знаемъ, общее распоряженіе, въ силу котораго всякія извѣстія политическаго характера могли заимствоваться періодическими изданіями не иначе, какъ изъ оффиціальныхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Весьма подозрительное отношеніе внушали къ себѣ со стороны столичныхъ властей и романы, какъ это усматривается изъ слѣдующаго предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 28-го марта 1814 года, предоставлявшаго цензурнымъ учрежденіямъ слишкомъ широкую сферу личнаго усмотрѣнія:

„Между издаваемыми вновь романами выходятъ многіе, кои хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой либо статьѣ устава о цензурѣ, но, вообще, по цѣли оныхъ, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ могутъ быть почитаемы противными нравственности; часто же сочинители сихъ романовъ хотя, повидимому, и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ оные такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что чрезъ то самое увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о коихъ полезно было бы вовсе и не упоминать. По симъ причинамъ нахожу

нужнымъ, что бы цензурные комитеты въ разсмотрѣніи романовъ соблюдали величайшую осторожность, одобряя къ напечатанію такіе токмо, кои имѣютъ истинно нравственную цѣль, не взирая на цѣну, каковую, впрочемъ, могутъ имѣть, какъ произведенія словесности. О чемъ прошу дать казанскому цензурному комитету надлежащее предписаніе".

Принимались и мѣры къ отвращенію вторженія свѣтской цензуры въ сферу вліянія цензуры духовной. Такъ, весною 1814 года, указывая на тотъ фактъ, что „съ нѣкотораго времени начали выходить въ свѣтъ, съ одобренія цензурныхъ комитетовъ, многія книги и сочиненія духовнаго содержанія, кои часто могутъ подавать поводъ къ различнымъ толкованіямъ", министръ народнаго просвѣщенія подтверждаетъ казанскому цензурному комитету—„дабы впредь не принималъ на разсмотрѣніе никакихъ сочиненій, могущихъ подойти подъ 8-ую статью высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, а сообщалъ бы оныя въ духовную цензуру".

Мы не нашли въ дѣлахъ казанскаго цензурнаго комитета примѣровъ коллизіи его съ православнымъ духовнымъ вѣдомствомъ, но за то начальная исторія казанской цензуры даетъ интересный и весьма характерный случай коллизіи ея съ духовнымъ вѣдомствомъ мусульманскимъ, олицетворявшимся въ оренбургскомъ магометанскомъ духовномъ собраніи, съ муфтіемъ въ его главѣ. Мы уже въ своемъ мѣстѣ видѣли, что разрѣшеніе къ печати мусульманскихъ духовно-религіозныхъ книгъ, при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ цензора казанской азіятской типографіи, составляло прерогативу муфтія, какъ главы восточно-русскаго магометанскаго духовенства. И, вотъ, въ началѣ 1808 года цензоръ азіятской типографіи, учитель Хальфинъ, просматривая одну изъ одобренныхъ муфтіемъ къ изданію книгъ („Рисâле-и Мухаммедъ-эфенди"), натолкнулся здѣсь на молитву, въ которой призывалось Божіе благословеніе на „мусульманскія войска, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ", а такъ какъ въ то время какъ разъ велась у насъ война съ Турціею, то осторожный цензоръ и предложилъ совѣту гимназіи высказаться по вопросу о томъ—„не противна ли эта молитва россійскому правительству". Совѣтъ высказался въ положительномъ смыслѣ и предложилъ Хальфину исключить эту молитву, съ чѣмъ согласился и попечитель, высказавъ мнѣніе, что „не безполезно сообщить муфтію, что хотя помянутая книга къ напечатанію имъ и одобрена, однакожъ совѣтъ означенной молитвы, съ своей стороны, позволить напечатать не можетъ и опредѣлилъ оную исключить". На этой почвѣ началась упорная борьба между оренбургскимъ духовнымъ собраніемъ и муфтіемъ—съ одной стороны, совѣтомъ казанской гимназіи и поддерживавшимъ его попечителемъ—съ другой

нужнымъ, что бы цензурные комитеты въ разсмотрѣніи романовъ соблюдали величайшую осторожность, одобряя къ напечатанію такіе токмо, кои имѣютъ истинно нравственную цѣль, не взирая на цѣну, каковую, впрочемъ, могутъ имѣть, какъ произведенія словесности. О чемъ прошу дать казанскому цензурному комитету надлежащее предписаніе".

Принимались и мѣры къ отвращенію вторженія свѣтской цензуры въ сферу вліянія цензуры духовной. Такъ, весною 1814 года, указывая на тотъ фактъ, что „съ нѣкотораго времени начали выходить въ свѣтъ, съ одобренія цензурныхъ комитетовъ, многія книги и сочиненія духовнаго содержанія, кои часто могутъ подавать поводъ къ различнымъ толкованіямъ", министръ народнаго просвѣщенія подтверждаетъ казанскому цензурному комитету—„дабы впредь не принималъ на разсмотрѣніе никакихъ сочиненій, могущихъ подойти подъ 8-ую статью высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, а сообщалъ бы оныя въ духовную цензуру".

Мы не нашли въ дѣлахъ казанскаго цензурнаго комитета примѣровъ коллизіи его съ православнымъ духовнымъ вѣдомствомъ, но за то начальная исторія казанской цензуры даетъ интересный и весьма характерный случай коллизіи ея съ духовнымъ вѣдомствомъ мусульманскимъ, олицетворявшимся въ оренбургскомъ магометанскомъ духовномъ собраніи, съ муфтіемъ въ его главѣ. Мы уже въ своемъ мѣстѣ видѣли, что разрѣшеніе къ печати мусульманскихъ духовно-религіозныхъ книгъ, при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ цензора казанской азіятской типографіи, составляло прерогативу муфтія, какъ главы восточно-русскаго магометанскаго духовенства. И, вотъ, въ началѣ 1808 года цензоръ азіятской типографіи, учитель Хальфинъ, просматривая одну изъ одобренныхъ муфтіемъ къ изданію книгъ („Рисâле-и Мухаммедъ-эфенди"), натолкнулся здѣсь на молитву, въ которой призывалось Божіе благословеніе на „мусульманскія войска, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ", а такъ какъ въ то время какъ разъ велась у насъ война съ Турціею, то осторожный цензоръ и предложилъ совѣту гимназіи высказаться по вопросу о томъ—„не противна ли эта молитва россійскому правительству". Совѣтъ высказался въ положительномъ смыслѣ и предложилъ Хальфину исключить эту молитву, съ чѣмъ согласился и попечитель, высказавъ мнѣніе, что „не безполезно сообщить муфтію, что хотя помянутая книга къ напечатанію имъ и одобрена, однакожъ совѣтъ означенной молитвы, съ своей стороны, позволить напечатать не можетъ и опредѣлилъ оную исключить". На этой почвѣ началась упорная борьба между оренбургскимъ духовнымъ собраніемъ и муфтіемъ—съ одной стороны, совѣтомъ казанской гимназіи и поддерживавшимъ его попечителемъ—съ другой

стороны. Потребовалась экспертиза казанскаго оріенталиста, профессора Френа, который и призналъ, что инкриминируемый текстъ молитвы уже по отдаленности времени ея составленія не можетъ имѣть никакого соотношенія къ современнымъ политическимъ обстоятельствамъ. Цѣлыхъ два года продолжалось это препирательство, окончившееся въ пользу мусульманскаго духовнаго вѣдомства: совѣтъ долженъ былъ отмѣнить свое опредѣленіе и дать разрѣшеніе на выпускъ книги въ свѣтъ вмѣстѣ съ этою, такъ смутившею его, молитвою.

Мѣры контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ были значительно усилены вслѣдъ за изданіемъ учрежденія министерства полиціи 25-го іюня 1811 года, въ силу распоряженія министра народнаго просвѣщенія, сообщеннаго казанскому цензурному комитету слѣдующимъ предложеніемъ попечителя отъ 28-го августа 1811 года:

„Для приведенія въ дѣйствіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія статей высочайше утвержденнаго учрежденія министерства полиціи, касающихся до цензуры и типографій, по предписанію г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 17-го августа, предлагаю:

1) Что бы цензурный комитетъ вѣдомости о разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ и сочиненіяхъ доставлялъ ко мнѣ непремѣнно по истеченіи каждаго мѣсяца, для представленія г. министру, донося, ежели бы и не было изъ оныхъ ничего разсмотрѣно.

2) Новыя театральныя сочиненія и отдѣльные ежедневные листы, содержащіе какія либо частныя или публичныя извѣстія, буде бы впредь поступали въ цензуру, обращать, по принадлежности, въ министерство полиціи.

3) Для помѣщенія въ газетахъ не принимать отъ частныхъ людей никакого объявленія, ежели оное не было прежде представлено на разсмотрѣніе полиціи.

4) Ежели представлены будутъ отъ частныхъ людей прошенія о заведеніи новыхъ типографій, то не давать имъ на то дозволенія, пока не представятъ со стороны министерства полиціи свидѣтельства въ благонадежности ихъ, да и въ такомъ случаѣ представить предварительно чрезъ меня г. министру просвѣщенія о дозволеніи открыть типографіи“ [160].

Отношенія казанскаго цензурнаго комитета къ изданіямъ, выходящимъ въ свѣтъ въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа—естественнымъ образомъ ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о положеніи книгопечатнаго дѣла въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ этого округа. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя не приведутъ насъ къ выводамъ

стороны. Потребовалась экспертиза казанскаго оріенталиста, профессора Френа, который и призналъ, что инкриминируемый текстъ молитвы уже по отдаленности времени ея составленія не можетъ имѣть никакого соотношенія къ современнымъ политическимъ обстоятельствамъ. Цѣлыхъ два года продолжалось это препирательство, окончившееся въ пользу мусульманскаго духовнаго вѣдомства: совѣтъ долженъ былъ отмѣнить свое опредѣленіе и дать разрѣшеніе на выпускъ книги въ свѣтъ вмѣстѣ съ этою, такъ смутившею его, молитвою.

Мѣры контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ были значительно усилены вслѣдъ за изданіемъ учрежденія министерства полиціи 25-го іюня 1811 года, въ силу распоряженія министра народнаго просвѣщенія, сообщеннаго казанскому цензурному комитету слѣдующимъ предложеніемъ попечителя отъ 28-го августа 1811 года:

„Для приведенія въ дѣйствіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія статей высочайше утвержденнаго учрежденія министерства полиціи, касающихся до цензуры и типографій, по предписанію г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 17-го августа, предлагаю:

1) Что бы цензурный комитетъ вѣдомости о разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ и сочиненіяхъ доставлялъ ко мнѣ непремѣнно по истеченіи каждаго мѣсяца, для представленія г. министру, донося, ежели бы и не было изъ оныхъ ничего разсмотрѣно.

2) Новыя театральныя сочиненія и отдѣльные ежедневные листы, содержащіе какія либо частныя или публичныя извѣстія, буде бы впредь поступали въ цензуру, обращать, по принадлежности, въ министерство полиціи.

3) Для помѣщенія въ газетахъ не принимать отъ частныхъ людей никакого объявленія, ежели оное не было прежде представлено на разсмотрѣніе полиціи.

4) Ежели представлены будутъ отъ частныхъ людей прошенія о заведеніи новыхъ типографій, то не давать имъ на то дозволенія, пока не представятъ со стороны министерства полиціи свидѣтельства въ благонадежности ихъ, да и въ такомъ случаѣ представить предварительно чрезъ меня г. министру просвѣщенія о дозволеніи открыть типографіи“ [160].

Отношенія казанскаго цензурнаго комитета къ изданіямъ, выходящимъ въ свѣтъ въ предѣлахъ казанскаго учебнаго округа—естественнымъ образомъ ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о положеніи книгопечатнаго дѣла въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ этого округа. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя не приведутъ насъ къ выводамъ

сколько нибудь утѣшительнаго характера съ точки зрѣнія этой стороны культурной жизни мѣстнаго края. Первою и единственною частною типографіею на громадномъ протяженіи казанскаго учебнаго округа была, за интересующій насъ промежутокъ времени, уже извѣстная намъ астраханская типографія Вейскгопфена и К°, возникшая въ концѣ 1812 года для печатанія „Восточныхъ Извѣстій" и едва ли пережившая смерть своего учредителя и прекращеніе этого журнала. Если мы выдѣлимъ уже извѣстныя намъ казанскія типографіи гимназическую (азіятскую) и университетскую (русскую), да казенную „горную типографію", учрежденную въ 1809 году въ г. Екатеринбургѣ для потребностей уральскаго горнаго вѣдомства, то всѣ остальныя типографіи округа представятъ собою болѣе или менѣе скудно обставленныя типографіи губернскихъ правленій, разсчитанныя лишь на ограниченныя нужды мѣстной администраціи, да и тѣхъ насчитывалось въ 1810 году всего десять, именно типографіи губернскихъ правленій: казанскаго, вятскаго, пермскаго, нижегородскаго, тамбовскаго, саратовскаго, пензенскаго, оренбургскаго, симбирскаго и тобольскаго. Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ, что вся скромная книгоиздательская дѣятельность округа сосредоточивалась, почти исключительнымъ образомъ, въ Казани, концентрируясь вокругъ ея просвѣтительнаго центра—казанскаго университета [161]. Кромѣ центральнаго цензурнаго комитета округа, состоявшаго при казанскомъ университетѣ, считалось возможнымъ учрежденіе и мѣстныхъ, подчиненныхъ ему въ іерархическомъ отношеніи, цензурныхъ комитетовъ, хотя мы и имѣемъ лишь единственный, въ своемъ мѣстѣ нами уже приведенный, примѣръ подобнаго рода: это цензурный комитетъ изъ директора и двухъ старшихъ учителей, организованный при астраханской гимназіи для цензурованія мѣстныхъ „Восточныхъ Извѣстій".

Составъ цензурнаго комитета, образованнаго 12-го іюня 1807 года изъ профессора Германа и адъюнктовъ Запольскаго и Городчанинова, продолжалъ свою дѣятельность, съ незначительными въ немъ измѣненіями, вплоть до полнаго открытія университета въ 1814 году. Эти измѣненія выразились въ томъ, что умершаго въ концѣ 1810 года Запольскаго замѣнилъ въ комитетѣ профессоръ И. И. Эрихъ, магистръ же І. Е. Срезневскій съ 11-го апрѣля 1812 года былъ привлеченъ къ участію въ трудахъ комитета съ званіемъ его секретаря. Этотъ составъ цензурнаго комитета носилъ временный характеръ, такъ какъ въ силу университетскаго устава 1804 года онъ долженъ былъ составляться изъ декановъ отдѣленій; вотъ причина, почему члены цензурнаго комитета, долженствующіе нести это званіе ex

сколько нибудь утѣшительнаго характера съ точки зрѣнія этой стороны культурной жизни мѣстнаго края. Первою и единственною частною типографіею на громадномъ протяженіи казанскаго учебнаго округа была, за интересующій насъ промежутокъ времени, уже извѣстная намъ астраханская типографія Вейскгопфена и К°, возникшая въ концѣ 1812 года для печатанія „Восточныхъ Извѣстій“ и едва ли пережившая смерть своего учредителя и прекращеніе этого журнала. Если мы выдѣлимъ уже извѣстныя намъ казанскія типографіи гимназическую (азіятскую) и университетскую (русскую), да казенную „горную типографію“, учрежденную въ 1809 году въ г. Екатеринбургѣ для потребностей уральскаго горнаго вѣдомства, то всѣ остальныя типографіи округа представятъ собою болѣе или менѣе скудно обставленныя типографіи губернскихъ правленій, разсчитанныя лишь на ограниченныя нужды мѣстной администраціи, да и тѣхъ насчитывалось въ 1810 году всего десять, именно типографіи губернскихъ правленій: казанскаго, вятскаго, пермскаго, нижегородскаго, тамбовскаго, саратовскаго, пензенскаго, оренбургскаго, симбирскаго и тобольскаго. Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ, что вся скромная книгоиздательская дѣятельность округа сосредоточивалась, почти исключительнымъ образомъ, въ Казани, концентрируясь вокругъ ея просвѣтительнаго центра—казанскаго университета [161]. Кромѣ центральнаго цензурнаго комитета округа, состоявшаго при казанскомъ университетѣ, считалось возможнымъ учрежденіе и мѣстныхъ, подчиненныхъ ему въ іерархическомъ отношеніи, цензурныхъ комитетовъ, хотя мы и имѣемъ лишь единственный, въ своемъ мѣстѣ нами уже приведенный, примѣръ подобнаго рода: это цензурный комитетъ изъ директора и двухъ старшихъ учителей, организованный при астраханской гимназіи для цензурованія мѣстныхъ „Восточныхъ Извѣстій“.

Составъ цензурнаго комитета, образованнаго 12-го іюня 1807 года изъ профессора Германа и адъюнктовъ Запольскаго и Городчанинова, продолжалъ свою дѣятельность, съ незначительными въ немъ измѣненіями, вплоть до полнаго открытія университета въ 1814 году. Эти измѣненія выразились въ томъ, что умершаго въ концѣ 1810 года Запольскаго замѣнилъ въ комитетѣ профессоръ И. И. Эрихъ, магистръ же І. Е. Срезневскій съ 11-го апрѣля 1812 года былъ привлеченъ къ участію въ трудахъ комитета съ званіемъ его секретаря. Этотъ составъ цензурнаго комитета носилъ временный характеръ, такъ какъ въ силу университетскаго устава 1804 года онъ долженъ былъ составляться изъ декановъ отдѣленій; вотъ причина, почему члены цензурнаго комитета, долженствующіе нести это званіе ex

officio, не были избираемы ни во время такъ неудачно окончившихся выборовъ 1810 года, ни при выборахъ сентября 1813 года. Когда эти послѣдніе выборы, намѣтившіе личный составъ университетской администраціи на точномъ основаніи устава 1804 года, были утверждены и казанскій университетъ уже находился наканунѣ своего вступленія въ обновленныя условія жизни, старый составъ цензурнаго комитета вспомнилъ о нелегальности своего дальнѣйшаго существованія и вошелъ въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ представленіемъ отъ 3-го іюня 1814 года, подписаннымъ старшимъ членомъ комитета проф. Германомъ и его секретаремъ, магистромъ Срезневскимъ:

„Цензурный комитетъ въ засѣданіи 1-го іюня, разсуждая о силѣ § 177-го высочайше утвержденнаго устава императорскаго казанскаго университета, гдѣ именно изображено, что, для разсматриванія книгъ, печатаемыхъ отъ частныхъ людей въ университетской типографіи и въ округѣ университета, учреждается при университетѣ цензурный комитетъ изъ декановъ всѣхъ отдѣленій—опредѣлилъ: представить въ совѣтъ, не благоугодно ли будетъ сдѣлать въ разсужденіе сего новое распоряженіе, поелику доселѣ должности цензоровъ отправляютъ и не деканы“.

Согласившись съ основательностью этого представленія, совѣтъ университета 4-го іюня опредѣлилъ: „Уволивъ бывшихъ членовъ цензурнаго комитета, составить новый, въ силу § 177-го устава, изъ г.г. декановъ, изъ коихъ старшему дать выписку изъ сего протокола“. Этимъ старшимъ деканомъ былъ профессоръ Германъ, которому и пришлось, такимъ образомъ, продолжать свое предсѣдательство въ цензурномъ комитетѣ. Съ тѣхъ поръ этотъ комитетъ и былъ организуемъ на основаніи университетскаго устава, видоизмѣняясь въ своемъ личномъ составѣ, въ связи съ измѣненіями въ личномъ составѣ декановъ отдѣленій. Секретарскія обязанности по цензурному комитету возлагались, при этой организаціи, на адъюнктовъ и магистровъ; такъ, въ 1812—1814 годахъ для отправленія этихъ обязанностей привлекался магистръ І. Е. Срезневскій, въ 1815 и 1818 годахъ магистръ Н. М. Алехинъ, въ 1816—1818 годахъ адъюнктъ И. И. Дунаевъ. Совершенно особнякомъ стояла цензура мусульманскихъ книгъ, которая возлагалась на учителя татарскаго языка, впослѣдствіе лектора и адъюнкта университета, И. И. Хальфина, вѣдавшаго это дѣло подъ наблюденіемъ магометанскаго муфтія.

Въ видахъ контроля надъ его дѣятельностью, цензурный комитетъ и при новой организаціи былъ обязанъ представленіемъ ежемѣсячныхъ отче-

officio, не были избираемы ни во время такъ неудачно окончившихся выборовъ 1810 года, ни при выборахъ сентября 1813 года. Когда эти послѣдніе выборы, намѣтившіе личный составъ университетской администраціи на точномъ основаніи устава 1804 года, были утверждены и казанскій университетъ уже находился наканунѣ своего вступленія въ обновленныя условія жизни, старый составъ цензурнаго комитета вспомнилъ о нелегальности своего дальнѣйшаго существованія и вошелъ въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ представленіемъ отъ 3-го іюня 1814 года, подписаннымъ старшимъ членомъ комитета проф. Германомъ и его секретаремъ, магистромъ Срезневскимъ:

„Цензурный комитетъ въ засѣданіи 1-го іюня, разсуждая о силѣ § 177-го высочайше утвержденнаго устава императорскаго казанскаго университета, гдѣ именно изображено, что, для разсматриванія книгъ, печатаемыхъ отъ частныхъ людей въ университетской типографіи и въ округѣ университета, учреждается при университетѣ цензурный комитетъ изъ декановъ всѣхъ отдѣленій—опредѣлилъ: представить въ совѣтъ, не благоугодно ли будетъ сдѣлать въ разсужденіе сего новое распоряженіе, поелику доселѣ должности цензоровъ отправляютъ и не деканы“.

Согласившись съ основательностью этого представленія, совѣтъ университета 4-го іюня опредѣлилъ: „Уволивъ бывшихъ членовъ цензурнаго комитета, составить новый, въ силу § 177-го устава, изъ г.г. декановъ, изъ коихъ старшему дать выписку изъ сего протокола“. Этимъ старшимъ деканомъ былъ профессоръ Германъ, которому и пришлось, такимъ образомъ, продолжать свое предсѣдательство въ цензурномъ комитетѣ. Съ тѣхъ поръ этотъ комитетъ и былъ организуемъ на основаніи университетскаго устава, видоизмѣняясь въ своемъ личномъ составѣ, въ связи съ измѣненіями въ личномъ составѣ декановъ отдѣленій. Секретарскія обязанности по цензурному комитету возлагались, при этой организаціи, на адъюнктовъ и магистровъ; такъ, въ 1812—1814 годахъ для отправленія этихъ обязанностей привлекался магистръ І. Е. Срезневскій, въ 1815 и 1818 годахъ магистръ Н. М. Алехинъ, въ 1816—1818 годахъ адъюнктъ И. И. Дунаевъ. Совершенно особнякомъ стояла цензура мусульманскихъ книгъ, которая возлагалась на учителя татарскаго языка, впослѣдствіе лектора и адъюнкта университета, И. И. Хальфина, вѣдавшаго это дѣло подъ наблюденіемъ магометанскаго муфтія.

Въ видахъ контроля надъ его дѣятельностью, цензурный комитетъ и при новой организаціи былъ обязанъ представленіемъ ежемѣсячныхъ отче-

товъ о своихъ занятіяхъ, которые подавались имъ въ совѣтъ университета и этимъ послѣднимъ препровождались уже къ высшему учебному начальству; отчеты о результатахъ дѣятельности цензурнаго комитета представлялись также и въ концѣ каждаго года, для включенія ихъ въ общій годичный отчетъ по университету. Дѣятельность цензурнаго комитета при казанскомъ университетѣ, за все время его существованія въ предѣлахъ интересующаго насъ промежутка времени, была суммирована въ поданныхъ весною 1819 года Магницкому, при ревизіи имъ университета, двухъ докладныхъ запискахъ: „Списокъ одобренныхъ университетскою цензурою книгъ“ и „Списокъ непропущеннымъ университетскою цензурою книгамъ“, которыя уже были нами выше использованы, почему вторично возвращаться къ нимъ мы не будемъ [162].

Небогата была дѣятельность цензурнаго комитета казанскаго университета, въ предѣлахъ излагаемой нами эпохи, матеріалами фактическаго характера, на которыхъ съ интересомъ могли бы мы остановить вниманіе нашихъ читателей. Скромная и мало замѣтная дѣятельность эта совершенно затѣнялась болѣе выпуклыми явленіями и фактами общей университетской жизни того времени. Несравненно болѣе любопытный оттѣнокъ принимаетъ цензурная дѣятельность казанскаго университета въ печальной памяти эпоху попечительства Магницкаго, подчинившись общему теченію, которое приняла въ эту пору жизнь какъ казанскаго университета, такъ и тяготѣвшаго къ нему округу,—но объ этой порѣ жизни казанскаго университета рѣчь будетъ идти у насъ впослѣдствіе.

V

Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ

Высочайшій указъ 6-го августа 1809 года и его происхожденіе.—Учрежденіе «экзаменнаго комитета» для чиновниковъ.—Организація публичныхъ чтеній на основаніи указа 6-го августа 1809 года.—Первыя дѣйствія экзаменнаго комитета.—Порядокъ испытаній и ихъ образцы.—Столкновенія и недоразумѣнія на почвѣ испытаній въ комитетѣ.—Столкновенія барона Врангеля и Кастелли, Финке и фонъ-Брадке.—Къ вопросу о злоупотребленіяхъ и «лакомствѣ» въ экзаменномъ комитетѣ.—Магницкій въ его отношеніяхъ къ экзаменному комитету.

Довольно любопытную, хотя и въ значительной степени формальную, сторону общественнаго служенія казанскаго университета могутъ представить собою, организованныя въ немъ съ 1810 года, испытанія и публичныя чтенія для обязанныхъ службою чиновниковъ.

товъ о своихъ занятіяхъ, которые подавались имъ въ совѣтъ университета и этимъ послѣднимъ препровождались уже къ высшему учебному начальству; отчеты о результатахъ дѣятельности цензурнаго комитета представлялись также и въ концѣ каждаго года, для включенія ихъ въ общій годичный отчетъ по университету. Дѣятельность цензурнаго комитета при казанскомъ университетѣ, за все время его существованія въ предѣлахъ интересующаго насъ промежутка времени, была суммирована въ поданныхъ весною 1819 года Магницкому, при ревизіи имъ университета, двухъ докладныхъ запискахъ: „Списокъ одобренныхъ университетскою цензурою книгъ“ и „Списокъ непропущеннымъ университетскою цензурою книгамъ“, которыя уже были нами выше использованы, почему вторично возвращаться къ нимъ мы не будемъ [162].

Небогата была дѣятельность цензурнаго комитета казанскаго университета, въ предѣлахъ излагаемой нами эпохи, матеріалами фактическаго характера, на которыхъ съ интересомъ могли бы мы остановить вниманіе нашихъ читателей. Скромная и мало замѣтная дѣятельность эта совершенно затѣнялась болѣе выпуклыми явленіями и фактами общей университетской жизни того времени. Несравненно болѣе любопытный оттѣнокъ принимаетъ цензурная дѣятельность казанскаго университета въ печальной памяти эпоху попечительства Магницкаго, подчинившись общему теченію, которое приняла въ эту пору жизнь какъ казанскаго университета, такъ и тяготѣвшаго къ нему округу,—но объ этой порѣ жизни казанскаго университета рѣчь будетъ идти у насъ впослѣдствіе.

V

Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ

Высочайшій указъ 6-го августа 1809 года и его происхожденіе.—Учрежденіе «экзаменнаго комитета» для чиновниковъ.—Организація публичныхъ чтеній на основаніи указа 6-го августа 1809 года.—Первыя дѣйствія экзаменнаго комитета.—Порядокъ испытаній и ихъ образцы.—Столкновенія и недоразумѣнія на почвѣ испытаній въ комитетѣ.—Столкновенія барона Врангеля и Кастелли, Финке и фонъ-Брадке.—Къ вопросу о злоупотребленіяхъ и «лакомствѣ» въ экзаменномъ комитетѣ.—Магницкій въ его отношеніяхъ къ экзаменному комитету.

Довольно любопытную, хотя и въ значительной степени формальную, сторону общественнаго служенія казанскаго университета могутъ представить собою, организованныя въ немъ съ 1810 года, испытанія и публичныя чтенія для обязанныхъ службою чиновниковъ.

Въ основѣ этого начинанія, дѣйствіе котораго распространялось на всѣ университеты, лежало стремленіе правительства повысить слишкомъ низкій образовательный цензъ своихъ служащихъ, пути къ чему усматривались имъ въ тѣхъ реформахъ училищнаго дѣла, которыми ознаменовалось начало царствованія императора Александра Павловича. Уже въ „правилахъ народнаго просвѣщенія", изданныхъ 24-го января 1803 года, было постановлено, что бы „ни въ какой губерніи, спустя пять лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи общихъ правилъ училищной части, не опредѣлять къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, людей не окончившихъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ".

Правительству скоро, однако же, пришлось разочароваться въ тѣхъ надеждахъ, какія возлагались имъ на сочувственное отношеніе общества къ его просвѣтительнымъ начинаніямъ, что было гласно возвѣщено высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 6-го августа 1809 года, въ которомъ императоръ Александръ объявилъ, что онъ съ сожалѣніемъ усматриваетъ, что „предположенія сіи доселѣ не воспріяли еще своего дѣйствія" и что, къ вящему его прискорбію, „дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ, въ семъ полезномъ учрежденіи менѣе другихъ пріемлетъ участіе". И вотъ, въ видахъ болѣе твердаго обезпеченія образовательнаго ценза служащихъ, тѣмъ же высочайшимъ указомъ было установлено, что „съ изданія сего указа никто не будетъ произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора, хотя бы и выслужилъ положенное число лѣтъ, если, сверхъ отличныхъ одобреній своего начальства, не предъявитъ свидѣтельство отъ одного изъ состоящихъ въ имперіи университетовъ, что онъ обучался въ ономъ съ успѣхомъ наукамъ, гражданской службѣ свойственнымъ, или что, представъ на испытаніе, заслужилъ на ономъ одобреніе въ своемъ знаніи".

Немыслимымъ представлялось, само собою разумѣется, требовать полнаго университетскаго образованія отъ каждаго чиновника, вожделѣнія служебной карьеры котораго простирались не ниже чина коллежскаго ассесора; въ виду этого, при университетахъ организованы были особыя испытанія и подготовительныя къ нимъ публичныя чтенія, положеніе относительно которыхъ было высочайше утверждено 6-го августа 1809 года и обнародовано одновременно съ только что цитированнымъ нами именнымъ указомъ сенату. Такъ возникли при университетахъ испытанія и публичныя чтенія „для обязанныхъ службою чиновниковъ", съ весьма сомнительнымъ практическимъ успѣхомъ протянувшія свое существованіе до конца 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

Въ основѣ этого начинанія, дѣйствіе котораго распространялось на всѣ университеты, лежало стремленіе правительства повысить слишкомъ низкій образовательный цензъ своихъ служащихъ, пути къ чему усматривались имъ въ тѣхъ реформахъ училищнаго дѣла, которыми ознаменовалось начало царствованія императора Александра Павловича. Уже въ „правилахъ народнаго просвѣщенія", изданныхъ 24-го января 1803 года, было постановлено, что бы „ни въ какой губерніи, спустя пять лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи общихъ правилъ училищной части, не опредѣлять къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, людей не окончившихъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ".

Правительству скоро, однако же, пришлось разочароваться въ тѣхъ надеждахъ, какія возлагались имъ на сочувственное отношеніе общества къ его просвѣтительнымъ начинаніямъ, что было гласно возвѣщено высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 6-го августа 1809 года, въ которомъ императоръ Александръ объявилъ, что онъ съ сожалѣніемъ усматриваетъ, что „предположенія сіи доселѣ не воспріяли еще своего дѣйствія" и что, къ вящему его прискорбію, „дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ, въ семъ полезномъ учрежденіи менѣе другихъ пріемлетъ участіе". И вотъ, въ видахъ болѣе твердаго обезпеченія образовательнаго ценза служащихъ, тѣмъ же высочайшимъ указомъ было установлено, что „съ изданія сего указа никто не будетъ произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора, хотя бы и выслужилъ положенное число лѣтъ, если, сверхъ отличныхъ одобреній своего начальства, не предъявитъ свидѣтельство отъ одного изъ состоящихъ въ имперіи университетовъ, что онъ обучался въ ономъ съ успѣхомъ наукамъ, гражданской службѣ свойственнымъ, или что, представъ на испытаніе, заслужилъ на ономъ одобреніе въ своемъ знаніи".

Немыслимымъ представлялось, само собою разумѣется, требовать полнаго университетскаго образованія отъ каждаго чиновника, вожделѣнія служебной карьеры котораго простирались не ниже чина коллежскаго ассесора; въ виду этого, при университетахъ организованы были особыя испытанія и подготовительныя къ нимъ публичныя чтенія, положеніе относительно которыхъ было высочайше утверждено 6-го августа 1809 года и обнародовано одновременно съ только что цитированнымъ нами именнымъ указомъ сенату. Такъ возникли при университетахъ испытанія и публичныя чтенія „для обязанныхъ службою чиновниковъ", съ весьма сомнительнымъ практическимъ успѣхомъ протянувшія свое существованіе до конца 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

Курсы чтеній для чиновниковъ предписывалось открыть въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ университетскихъ городахъ, опредѣливъ временемъ для нихъ лѣтніе и осенніе мѣсяцы—съ мая по октябрь и, притомъ, назначая ихъ въ послѣобѣденные часы (не ранѣе 2-хъ часовъ), въ видахъ возможности совмѣщенія пользованія ими съ обязанностями служебными. Курсы эти намѣчались по разрядамъ наукъ словесныхъ, юридическихъ, математическихъ и физическихъ и находились подъ ближайшимъ наблюденіемъ выборнаго отъ университета лица, носившаго наименованіе „смотрителя" или „надзирателя публичныхъ курсовъ". Что касается испытаній, которымъ чиновники могли подвергаться и независимо отъ прослушанія ими публичныхъ курсовъ, то они производились въ особыхъ „экзаменныхъ комитетахъ" изъ ректора и трехъ профессоровъ, раздѣлялись на устныя и письменныя и должны были удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: а) по наукамъ словеснымъ — грамматическое знаніе русскаго языка, умѣнье правильно излагать на немъ свои мысли и знакомство съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ; б) по правовѣдѣнію — основательное знаніе правъ естественнаго, римскаго и частнаго гражданскаго, въ приложеніи послѣдняго къ отечественному законодательству, а также свѣдѣнія въ уголовныхъ законахъ и въ государственной экономіи; в) по наукамъ историческимъ—основательное знаніе отечественной исторіи, исторіи древней и новой, съ географіею и хронологіею, а равно начальныхъ основаній статистики; г) по наукамъ математическимъ и физическимъ—знаніе начальныхъ основаній ариѳметики и геометріи и общія свѣдѣнія въ важнѣйшихъ частяхъ физики. Къ этимъ экзаменаціоннымъ требованіямъ должны были быть приноровлены и самые публичные курсы.

Предложеніе попечителя относительно организаціи всего этого дѣла въ казанскомъ университетѣ было заслушано совѣтомъ въ засѣданіи 11-го сентября 1809 года и дальнѣйшія сужденія и предначертанія по этому вопросу,—въ подробностяхъ котораго не могли надлежащимъ образомъ разобраться, повидимому, ни университетъ, ни самъ Румовскій,—затянулись до весны слѣдующаго 1810 года, т. е. почти до времени открытія намѣченныхъ публичныхъ курсовъ. Испытательный комитетъ сформировался въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель—И. Ѳ. Яковкинъ (впредь до утвержденія ректора), члены—М. Ѳ. Бартельсъ, М. И. Германъ и И. Е. Нейманъ. Изъ этого начальнаго состава комитета членами его за все интересующее насъ время оставались только профессоры Яковкинъ и Бартельсъ; въ позднѣйшіе годы членами комитета выступали также профессоры Финке, Томасъ и Врангель. Смотрителемъ публичныхъ курсовъ назначенъ адъюнктъ

Курсы чтеній для чиновниковъ предписывалось открыть въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ университетскихъ городахъ, опредѣливъ временемъ для нихъ лѣтніе и осенніе мѣсяцы—съ мая по октябрь и, притомъ, назначая ихъ въ послѣобѣденные часы (не ранѣе 2-хъ часовъ), въ видахъ возможности совмѣщенія пользованія ими съ обязанностями служебными. Курсы эти намѣчались по разрядамъ наукъ словесныхъ, юридическихъ, математическихъ и физическихъ и находились подъ ближайшимъ наблюденіемъ выборнаго отъ университета лица, носившаго наименованіе „смотрителя" или „надзирателя публичныхъ курсовъ". Что касается испытаній, которымъ чиновники могли подвергаться и независимо отъ прослушанія ими публичныхъ курсовъ, то они производились въ особыхъ „экзаменныхъ комитетахъ" изъ ректора и трехъ профессоровъ, раздѣлялись на устныя и письменныя и должны были удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: а) по наукамъ словеснымъ — грамматическое знаніе русскаго языка, умѣнье правильно излагать на немъ свои мысли и знакомство съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ; б) по правовѣдѣнію — основательное знаніе правъ естественнаго, римскаго и частнаго гражданскаго, въ приложеніи послѣдняго къ отечественному законодательству, а также свѣдѣнія въ уголовныхъ законахъ и въ государственной экономіи; в) по наукамъ историческимъ— основательное знаніе отечественной исторіи, исторіи древней и новой, съ географіею и хронологіею, а равно начальныхъ основаній статистики; г) по наукамъ математическимъ и физическимъ—знаніе начальныхъ основаній ариѳметики и геометріи и общія свѣдѣнія въ важнѣйшихъ частяхъ физики. Къ этимъ экзаменаціоннымъ требованіямъ должны были быть приноровлены и самые публичные курсы.

Предложеніе попечителя относительно организаціи всего этого дѣла въ казанскомъ университетѣ было заслушано совѣтомъ въ засѣданіи 11-го сентября 1809 года и дальнѣйшія сужденія и предначертанія по этому вопросу,—въ подробностяхъ котораго не могли надлежащимъ образомъ разобраться, повидимому, ни университетъ, ни самъ Румовскій,—затянулись до весны слѣдующаго 1810 года, т. е. почти до времени открытія намѣченныхъ публичныхъ курсовъ. Испытательный комитетъ сформировался въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель—И. Ѳ. Яковкинъ (впредь до утвержденія ректора), члены—М. Ѳ. Бартельсъ, М. И. Германъ и И. Е. Нейманъ. Изъ этого начальнаго состава комитета членами его за все интересующее насъ время оставались только профессоры Яковкинъ и Бартельсъ; въ позднѣйшіе годы членами комитета выступали также профессоры Финке, Томасъ и Врангель. Смотрителемъ публичныхъ курсовъ назначенъ адъюнктъ

С. С. Петровскій, преемникомъ котораго былъ съ весны 1812 года адъюнктъ Ренардъ. Порядокъ самыхъ чтеній, которыя постановлено было начать съ 1-го мая, производя ихъ съ трехъ до шести часовъ пополудни, былъ подробно указанъ въ особо-выпущенномъ печатномъ извѣщеніи объ открытіи курсовъ.

Распредѣленіе этихъ публичныхъ курсовъ было сдѣлано слѣдующимъ образомъ:

I. По части словесныхъ наукъ.

1. Г. профессоръ и кавалеръ Яковкинъ преподавать будетъ исторію, географію и статистику россійскаго государства, всѣ совокупно, на россійскомъ языкѣ (2 недѣльныхъ часа).

2. Г. магистръ Кондыревъ—всеобщую исторію и географію, хронологію и статистику европейскихъ государствъ, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

3. Г. магистръ Перевощиковъ—грамматику россійскаго языка и эстетику словесности, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

II. По части юридическихъ наукъ.

4. Г. профессоръ Финке будетъ читать права естественное, римское и частное гражданское, на нѣмецкомъ языкѣ (2 часа).

5. Г. профессоръ Нейманъ преподавать будетъ экономію государственную и законы уголовные, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

6. Г. адъюнктъ баронъ Врангель—приложеніе права частнаго гражданскаго къ россійскому законодательству, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

III. По части математическихъ и физическихъ наукъ.

7. Г. профессоръ Бартельсъ—ариѳметику и геометрію, на французскомъ языкѣ (2 часа).

8. Г. профессоръ Запольскій—основанія физики, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

9. Г. магистръ Никольскій—ариѳметику и геометрію, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

На первый разъ въ слушатели курсовъ записалось 26 чиновниковъ,—исключительно казанскихъ,—причемъ наибольшее количество ихъ (16 человѣкъ) дала, почему то, казанская казенная палата. Что касается продолжительности курсовъ, то, по особому ходатайству совѣта, она была распространена и на октябрь мѣсяцъ, съ оставленіемъ вакантнымъ іюля мѣ-

С. С. Петровскій, преемникомъ котораго былъ съ весны 1812 года адъюнктъ Ренардъ. Порядокъ самыхъ чтеній, которыя постановлено было начать съ 1-го мая, производя ихъ съ трехъ до шести часовъ пополудни, былъ подробно указанъ въ особо-выпущенномъ печатномъ извѣщеніи объ открытіи курсовъ.

Распредѣленіе этихъ публичныхъ курсовъ было сдѣлано слѣдующимъ образомъ:

I. По части словесныхъ наукъ.

1. Г. профессоръ и кавалеръ Яковкинъ преподавать будетъ исторію, географію и статистику россійскаго государства, всѣ совокупно, на россійскомъ языкѣ (2 недѣльныхъ часа).

2. Г. магистръ Кондыревъ—всеобщую исторію и географію, хронологію и статистику европейскихъ государствъ, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

3. Г. магистръ Перевощиковъ—грамматику россійскаго языка и эстетику словесности, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

II. По части юридическихъ наукъ.

4. Г. профессоръ Финке будетъ читать права естественное, римское и частное гражданское, на нѣмецкомъ языкѣ (2 часа).

5. Г. профессоръ Нейманъ преподавать будетъ экономію государственную и законы уголовные, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

6. Г. адъюнктъ баронъ Врангель—приложеніе права частнаго гражданскаго къ россійскому законодательству, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

III. По части математическихъ и физическихъ наукъ.

7. Г. профессоръ Бартельсъ—ариѳметику и геометрію, на французскомъ языкѣ (2 часа).

8. Г. профессоръ Запольскій—основанія физики, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

9. Г. магистръ Никольскій—ариѳметику и геометрію, на россійскомъ языкѣ (2 часа).

На первый разъ въ слушатели курсовъ записалось 26 чиновниковъ,—исключительно казанскихъ,—причемъ наибольшее количество ихъ (16 человѣкъ) дала, почему то, казанская казенная палата. Что касается продолжительности курсовъ, то, по особому ходатайству совѣта, она была распространена и на октябрь мѣсяцъ, съ оставленіемъ вакантнымъ іюля мѣ-

сяца, въ виду желательности предоставленія лекторамъ, отправлявшимъ свои обязанности совершенно безвозмездно, необходимаго лѣтняго отдыха. Эта безвозмездность нелегкаго дополнительнаго труда, возложеннаго на членовъ университета, привлеченныхъ къ чтенію публичныхъ курсовъ, повидимому смущала самого попечителя; по крайней мѣрѣ Яковкинъ, въ письмѣ къ Румовскому отъ 27-го сентября 1809 года, спѣшитъ какъ бы успокоить его на этотъ счетъ: „На предписаніе объ учрежденіи экзаменнаго комитета и назначеніи курсовъ для служащихъ штатскихъ молодыхъ людей никто изъ г.г. профессоровъ ни малѣйшаго не оказалъ противорѣчія, да я никакъ ничего и не ожидалъ,—доноситъ онъ попечителю.—Нынѣ, слава Богу,—добавляетъ Яковкинъ,—все въ совѣтѣ спокойно, скромно и послушно: да продлитъ Всевышній и навсегда таковое усладительное и примѣрное его положеніе!"....

Небывалое въ казанской общественной жизни явленіе, какое представили собою эти испытанія и эти „публичные" курсы, сразу поставившіе казанскую университетскую науку лицомъ къ лицу съ служебными интересами мѣстнаго общества, не могли не вызвать самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ и не возбудить къ себѣ любопытства. Особенно много толковъ,—и толковъ, конечно, неблагопріятныхъ,—должно было возбудить новое правительственное мѣропріятіе въ дворянскомъ классѣ, такъ какъ оно непосредственнымъ образомъ посягало на традиціонныя служебныя преимущества дворянской молодежи, съ точки зрѣнія образовательнаго ценза, ставившейся теперь на одну доску съ „разночинцами". Румовскій прекрасно предвидѣлъ то впечатлѣніе, какое предстояло произвести новому закону на умы дворянства и въ письмѣ къ Яковкину еще отъ 26-го августа 1809 года съ любопытствомъ запрашивалъ его: „Прошу меня увѣдомить, какое указъ, данный августа 6-го, и предметы испытанія произвели мудрованіе въ казанскомъ дворянствѣ?" До насъ не сохранился отвѣтъ профессора-директора на этотъ щекотливый вопросъ, но отвѣтъ на него читатели сами найдутъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Любопытство казанской публики къ открывшимся при университетѣ курсамъ выражалось и въ томъ, что лекторы курсовъ находили себѣ случайныхъ слушателей изъ числа лицъ, не записавшихся на ихъ чтенія, даже изъ представителей общества, уже составившихъ себѣ извѣстное служебное положеніе: „Съ 9-го числа сего мая,—докладываетъ Яковкинъ попечителю послѣ начала курсовъ, — открыты въ большой университетской аудиторіи, что въ бывшемъ тенишевскомъ домѣ, на дворъ, публичныя преподаванія. Записавшихся слушателей имѣю честь представить особымъ рапортомъ на начальственное благоразсмотрѣніе.

сяца, въ виду желательности предоставленія лекторамъ, отправлявшимъ свои обязанности совершенно безвозмездно, необходимаго лѣтняго отдыха. Эта безвозмездность нелегкаго дополнительнаго труда, возложеннаго на членовъ университета, привлеченныхъ къ чтенію публичныхъ курсовъ, повидимому смущала самого попечителя; по крайней мѣрѣ Яковкинъ, въ письмѣ къ Румовскому отъ 27-го сентября 1809 года, спѣшитъ какъ бы успокоить его на этотъ счетъ: „На предписаніе объ учрежденіи экзаменнаго комитета и назначеніи курсовъ для служащихъ штатскихъ молодыхъ людей никто изъ г.г. профессоровъ ни малѣйшаго не оказалъ противорѣчія, да я никакъ ничего и не ожидалъ,—доноситъ онъ попечителю.—Нынѣ, слава Богу,—добавляетъ Яковкинъ,—все въ совѣтѣ спокойно, скромно и послушно: да продлитъ Всевышній и навсегда таковое усладительное и примѣрное его положеніе!"....

Небывалое въ казанской общественной жизни явленіе, какое представили собою эти испытанія и эти „публичные" курсы, сразу поставившіе казанскую университетскую науку лицомъ къ лицу съ служебными интересами мѣстнаго общества, не могли не вызвать самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ и не возбудить къ себѣ любопытства. Особенно много толковъ,—и толковъ, конечно, неблагопріятныхъ,—должно было возбудить новое правительственное мѣропріятіе въ дворянскомъ классѣ, такъ какъ оно непосредственнымъ образомъ посягало на традиціонныя служебныя преимущества дворянской молодежи, съ точки зрѣнія образовательнаго ценза, ставившейся теперь на одну доску съ „разночинцами". Румовскій прекрасно предвидѣлъ то впечатлѣніе, какое предстояло произвести новому закону на умы дворянства и въ письмѣ къ Яковкину еще отъ 26-го августа 1809 года съ любопытствомъ запрашивалъ его: „Прошу меня увѣдомить, какое указъ, данный августа 6-го, и предметы испытанія произвели мудрованіе въ казанскомъ дворянствѣ?" До насъ не сохранился отвѣтъ профессора-директора на этотъ щекотливый вопросъ, но отвѣтъ на него читатели сами найдутъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Любопытство казанской публики къ открывшимся при университетѣ курсамъ выражалось и въ томъ, что лекторы курсовъ находили себѣ случайныхъ слушателей изъ числа лицъ, не записавшихся на ихъ чтенія, даже изъ представителей общества, уже составившихъ себѣ извѣстное служебное положеніе: „Съ 9-го числа сего мая,—докладываетъ Яковкинъ попечителю послѣ начала курсовъ, — открыты въ большой университетской аудиторіи, что въ бывшемъ тенишевскомъ домѣ, на дворъ, публичныя преподаванія. Записавшихся слушателей имѣю честь представить особымъ рапортомъ на начальственное благоразсмотрѣніе.

Кромѣ того, въ каждый разъ приходитъ еще болѣе двадцати человѣкъ, какъ не записавшихся, такъ и любопытствующихъ; въ числѣ послѣднихъ бываютъ и высшіе чиновники съ орденами".

Первыя испытанія въ экзаменаціонномъ комитетѣ происходили уже въ концѣ 1809 года,—слѣдовательно за полгода до открытія публичныхъ курсовъ для обязанныхъ службою чиновниковъ. Эти испытанія представляютъ крупный интересъ въ лѣтописи казанской университетской жизни, такъ какъ ими были одновременно пріобрѣтены права гражданской службы двумя будущими попечителями казанскаго учебнаго округа: М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ, попечительство котораго (1827—1845 г.г.) составило выдающуюся эпоху въ историческомъ прошломъ казанскаго университета, и В. П. Молоствовымъ (1847—1857 г.г.). Какъ разъ въ то время находился въ Казани ревизующій сенаторъ П. А. Обрѣзковъ, поинтересовавшійся вопросомъ о примѣненіи въ казанскомъ университетѣ закона 6-го августа 1809 года: „Господинъ сенаторъ,—писалъ по этому поводу Яковкинъ попечителю отъ 10-го января 1810 года,—спрашивалъ, по указу объ экзаменованіи чиновниковъ требовалъ ли кто нибудь экзамена; на что получилъ отъ меня въ отвѣтъ, что никого еще не было, а подана была только просьба отъ надворнаго совѣтника Мусина-Пушкина о проэкзаменованіи сына его и племянника *, обучавшихся на дому всѣмъ предписаннымъ въ указѣ предметамъ, кромѣ правъ, и что опредѣлено экзаменнымъ комитетомъ проэкзаменовать ихъ. Экзамены сіи продолжались въ пять пріемовъ и просители оказались по своимъ знаніямъ и успѣхамъ достойными аттестатовъ". Въ архивныхъ дѣлахъ казанскаго университета сохранилась и копія съ аттестата, выданнаго въ то время М. Н. Мусину-Пушкину. Мы позволимъ себѣ цѣликомъ воспроизвести текстъ этого аттестата, представляющаго собою несомнѣнный интересъ для біографіи будущаго попечителя казанскаго, а затѣмъ и петербургскаго, учебныхъ округовъ:

„Аттестатъ.—Во исполненіе имяннаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго правительствующему сенату прошедшаго 1809 года августа 6-го дня, по поданному отъ г. надворнаго совѣтника и кавалера Николая Михайлова сына Мусина-Пушкина прошенію, въ учрежденномъ при императорскомъ казанскомъ университетѣ экзаменномъ комитетѣ, согласно съ предписаніями на то и высочайше конфирмованнными правилами, экзаменованъ былъ сынъ онаго г. надворнаго совѣтника и кавалера, Михайла Николаевъ сынъ Мусинъ-Пушкинъ,

* Это и были будущіе попечители М. Н. Мусинъ-Пушкинъ и В. П. Молоствовъ.

Кромѣ того, въ каждый разъ приходитъ еще болѣе двадцати человѣкъ, какъ не записавшихся, такъ и любопытствующихъ; въ числѣ послѣднихъ бываютъ и высшіе чиновники съ орденами".

Первыя испытанія въ экзаменаціонномъ комитетѣ происходили уже въ концѣ 1809 года,—слѣдовательно за полгода до открытія публичныхъ курсовъ для обязанныхъ службою чиновниковъ. Эти испытанія представляютъ крупный интересъ въ лѣтописи казанской университетской жизни, такъ какъ ими были одновременно пріобрѣтены права гражданской службы двумя будущими попечителями казанскаго учебнаго округа: М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ, попечительство котораго (1827—1845 г.г.) составило выдающуюся эпоху въ историческомъ прошломъ казанскаго университета, и В. П. Молоствовымъ (1847—1857 г.г.). Какъ разъ въ то время находился въ Казани ревизующій сенаторъ П. А. Обрѣзковъ, поинтересовавшійся вопросомъ о примѣненіи въ казанскомъ университетѣ закона 6-го августа 1809 года: „Господинъ сенаторъ,—писалъ по этому поводу Яковкинъ попечителю отъ 10-го января 1810 года,—спрашивалъ, по указу объ экзаменованіи чиновниковъ требовалъ ли кто нибудь экзамена; на что получилъ отъ меня въ отвѣтъ, что никого еще не было, а подана была только просьба отъ надворнаго совѣтника Мусина-Пушкина о проэкзаменованіи сына его и племянника *, обучавшихся на дому всѣмъ предписаннымъ въ указѣ предметамъ, кромѣ правъ, и что опредѣлено экзаменнымъ комитетомъ проэкзаменовать ихъ. Экзамены сіи продолжались въ пять пріемовъ и просители оказались по своимъ знаніямъ и успѣхамъ достойными аттестатовъ". Въ архивныхъ дѣлахъ казанскаго университета сохранилась и копія съ аттестата, выданнаго въ то время М. Н. Мусину-Пушкину. Мы позволимъ себѣ цѣликомъ воспроизвести текстъ этого аттестата, представляющаго собою несомнѣнный интересъ для біографіи будущаго попечителя казанскаго, а затѣмъ и петербургскаго, учебныхъ округовъ:

„Аттестатъ.—Во исполненіе имяннаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго правительствующему сенату прошедшаго 1809 года августа 6-го дня, по поданному отъ г. надворнаго совѣтника и кавалера Николая Михайлова сына Мусина-Пушкина прошенію, въ учрежденномъ при императорскомъ казанскомъ университетѣ экзаменномъ комитетѣ, согласно съ предписаніями на то и высочайше конфирмованнными правилами, экзаменованъ былъ сынъ онаго г. надворнаго совѣтника и кавалера, Михайла Николаевъ сынъ Мусинъ-Пушкинъ,

* Это и были будущіе попечители М. Н. Мусинъ-Пушкинъ и В. П. Молоствовъ.

обучавшійся у приватныхъ учителей на дому, сообразно прошенію родителя, въ языкахъ и наукахъ, по оному высочайшему указу предписанныхъ, а именно: 1) Въ правилахъ риторики пріобрѣлъ всѣ нужнѣйшія познанія и, упражнявшись въ слогѣ, можетъ сочинять по всякой заданной матеріи; 2) Весьма хорошо и исправно переводитъ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ на россійскій; 3) Пріобрѣлъ весьма довольные успѣхи во всеобщей исторіи, географіи и статистикѣ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ временъ; 4) Въ исторіи, географіи и статистикѣ россійскаго государства имѣетъ очень достаточныя познанія; 5) На французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ не только разговариваетъ свободно и правильно, но также на обоихъ сочинять можетъ и понимаетъ ихъ весьма хорошо, объясняя, при томъ, удобно встрѣчающіяся въ различныхъ писателяхъ трудныя мѣста и выраженія; 6) Въ ариѳметикѣ, геометріи, алгебрѣ и тригонометріи, какъ плоской, такъ и сферической, не только словесно и на доскѣ разрѣшалъ разныя задаванныя проблеммы, но и особливо на бумагѣ разрѣшая таковыя же, оказалъ самыя удовлетворительнѣйшія познанія во всѣхъ оныхъ частяхъ математики.

Посему императорскій казанскій университетъ, по удостовѣренію экзаменнаго комитета, и свидѣтельствуетъ симъ о знаніяхъ оного г. Мусина-Пушкина въ вышеупомянутыхъ языкахъ и наукахъ, за подписаніемъ г.г. экзаменаторовъ и съ приложеніемъ университетской печати.—Генваря 12-го дня 1810 года".

Въ первомъ учебномъ полугодіи 1811 года снова производились комитетскія испытанія, которымъ подвергались и нѣкоторые чиновники, слушавшіе публичные курсы 1810 года. Среди экзаменующихся этой серіи находился губернскій секретарь Еварестъ Андреевичъ Груберъ, студентъ казанскаго университета перваго состава, вышедшій изъ университета еще лѣтомъ 1805 года и вступившій тогда же въ гражданскую службу. Этотъ молодой человѣкъ представляетъ для насъ интересъ въ томъ отношеніи, что въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ третьимъ будущимъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа (Е. А. Груберъ несъ эту должность съ ноября 1857 г. по апрѣль 1859 г.), открывшимъ себѣ служебную карьеру испытаніемъ въ казанскомъ экзаменаціонномъ комитетѣ уже въ первую пору существованія этого послѣдняго. Казанскій университетъ въ 1810—1811 годахъ самъ предоставилъ, такимъ образомъ, образовательный цензъ тремъ будущимъ своимъ попечителямъ, стоявшимъ во главѣ управленія округомъ на протяженіи тридцати двухъ лѣтъ (1827—1859). Мы познакомились съ аттестатомъ, выданнымъ казанскимъ университетомъ М. Н. Мусину-Пушкину. На дѣлѣ объ экзаменѣ Е. А. Грубера мы познакомимся съ тѣмъ порядкомъ, какимъ производились испытанія въ комитетѣ, вообще.

обучавшійся у приватныхъ учителей на дому, сообразно прошенію родителя, въ языкахъ и наукахъ, по оному высочайшему указу предписанныхъ, а именно: 1) Въ правилахъ риторики пріобрѣлъ всѣ нужнѣйшія познанія и, упражнявшись въ слогѣ, можетъ сочинять по всякой заданной матеріи; 2) Весьма хорошо и исправно переводитъ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ на россійскій; 3) Пріобрѣлъ весьма довольные успѣхи во всеобщей исторіи, географіи и статистикѣ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ временъ; 4) Въ исторіи, географіи и статистикѣ россійскаго государства имѣетъ очень достаточныя познанія; 5) На французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ не только разговариваетъ свободно и правильно, но также на обоихъ сочинять можетъ и понимаетъ ихъ весьма хорошо, объясняя, при томъ, удобно встрѣчающіяся въ различныхъ писателяхъ трудныя мѣста и выраженія; 6) Въ ариѳметикѣ, геометріи, алгебрѣ и тригонометріи, какъ плоской, такъ и сферической, не только словесно и на доскѣ разрѣшалъ разныя задаванныя проблеммы, но и особливо на бумагѣ разрѣшая таковыя же, оказалъ самыя удовлетворительнѣйшія познанія во всѣхъ оныхъ частяхъ математики.

Посему императорскій казанскій университетъ, по удостовѣренію экзаменнаго комитета, и свидѣтельствуетъ симъ о знаніяхъ оного г. Мусина-Пушкина въ вышеупомянутыхъ языкахъ и наукахъ, за подписаніемъ г.г. экзаменаторовъ и съ приложеніемъ университетской печати.—Генваря 12-го дня 1810 года".

Въ первомъ учебномъ полугодіи 1811 года снова производились комитетскія испытанія, которымъ подвергались и нѣкоторые чиновники, слушавшіе публичные курсы 1810 года. Среди экзаменующихся этой серіи находился губернскій секретарь Еварестъ Андреевичъ Груберъ, студентъ казанскаго университета перваго состава, вышедшій изъ университета еще лѣтомъ 1805 года и вступившій тогда же въ гражданскую службу. Этотъ молодой человѣкъ представляетъ для насъ интересъ въ томъ отношеніи, что въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ третьимъ будущимъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа (Е. А. Груберъ несъ эту должность съ ноября 1857 г. по апрѣль 1859 г.), открывшимъ себѣ служебную карьеру испытаніемъ въ казанскомъ экзаменаціонномъ комитетѣ уже въ первую пору существованія этого послѣдняго. Казанскій университетъ въ 1810—1811 годахъ самъ предоставилъ, такимъ образомъ, образовательный цензъ тремъ будущимъ своимъ попечителямъ, стоявшимъ во главѣ управленія округомъ на протяженіи тридцати двухъ лѣтъ (1827—1859). Мы познакомились съ аттестатомъ, выданнымъ казанскимъ университетомъ М. Н. Мусину-Пушкину. На дѣлѣ объ экзаменѣ Е. А. Грубера мы познакомимся съ тѣмъ порядкомъ, какимъ производились испытанія въ комитетѣ, вообще.

Подавъ на имя совѣта прошеніе о допущеніи его къ испытанію въ комитетѣ (1-го февраля 1811 года), Груберъ уже 6-го февраля былъ подвергнутъ профессоромъ Финке письменному испытанію по правамъ естественному и римскому. Испытаніе заключалось въ томъ, что экзаменующійся далъ письменные отвѣты (въ самой сжатой формѣ, потребовавшей всего три писчихъ листа разгонистаго письма), на нѣмецкомъ языкѣ, по 25 вопросамъ, заданнымъ экзаменаторомъ. Въ числѣ этихъ вопросовъ заключались слѣдующіе: по естественному праву—„Was ist Gesetz und Verbindlichkeit?", „Was ist Moral und Sittengesetz?", „Was ist Recht, jus?", „Was versteht man unter Naturrecht?", „Was ist Person, was Sache?", „Was ist eine moralische Person?" и т. п.; по римскому праву—„Quaenam sunt species juris romani?", „Quaenam differentia est inter jus naturale, jus gentium et jus civile?", „Quaenam est differentia inter jus rerum et jus obligationum et actionum?", „Quaenam sunt species donationum?" и т. п.

21-го февраля тѣмъ же проф. Финке произведено письменное испытаніе по уголовному праву. Экзаменующійся далъ такіе же краткіе (на одномъ листѣ) письменные отвѣты, на русскомъ языкѣ, по 12-ти вопросамъ, среди которыхъ значатся слѣдующіе: „Что понимается подъ словомъ преступленіе?", „Что разумѣется подъ словомъ наказаніе?", „Какъ раздѣляются наказанія по разности ихъ дѣйствія на чувственность человѣка?", „Какія причины освобожденія отъ наказанія установляются сочинителями объ уголовномъ правѣ?", „Что понимается въ уголовномъ правѣ подъ словами: изслѣдованіе и вмѣненіе преступленій?" и т. п.

22-го февраля проф. Бартельсъ произвелъ письменное же испытаніе по математикѣ, заключавшееся въ рѣшеніи, различными способами, предложенной практической задачи.

24-го февраля проф. Финке экзаменовалъ Грубера по праву гражданскому и по государственной экономіи. Въ числѣ 16-ти вопросовъ, на которые испытуемый давалъ письменные отвѣты, значатся, по первому предмету, вопросы: „Что понимается подъ опекой?", „Каковые бываютъ различные виды опеки?", „Каковое есть главнѣйшее раздѣленіе вещей?", „Каковое установляется въ россійскихъ законахъ главное раздѣленіе имѣній? и т. п.; по второму предмету вопросы: „Что понимается подъ налогомъ?", „Каковое можно установить раздѣленіе налоговъ?" „Когда неблагоразумной раскладкой налоговъ цѣлыя вѣтви промышленности уничтожаются?" и т. п.

3-го марта происходили письменныя испытанія по французскому и нѣмецкому языкамъ (экзаменаторъ проф. Германъ), заключавшіяся въ переводахъ съ одного языка на другой.

10-го марта испытуемый писалъ сочиненіе по русской словесности (экзаменаторъ Яковкинъ) на тему: „Общественное благо требуетъ испытанія чиновниковъ, на службѣ находящихся", и представилъ образцы переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій.

Подавъ на имя совѣта прошеніе о допущеніи его къ испытанію въ комитетѣ (1-го февраля 1811 года), Груберъ уже 6-го февраля былъ подвергнутъ профессоромъ Финке письменному испытанію по правамъ естественному и римскому. Испытаніе заключалось въ томъ, что экзаменующійся далъ письменные отвѣты (въ самой сжатой формѣ, потребовавшей всего три писчихъ листа разгонистаго письма), на нѣмецкомъ языкѣ, по 25 вопросамъ, заданнымъ экзаменаторомъ. Въ числѣ этихъ вопросовъ заключались слѣдующіе: по естественному праву— „Was ist Gesetz und Verbindlichkeit?", „Was ist Moral und Sittengesetz?", „Was ist Recht, jus?", „Was versteht man unter Naturrecht?", „Was ist Person, was Sache?", „Was ist eine moralische Person?" и т. п.; по римскому праву—„Quaenam sunt species juris romani?", „Quaenam differentia est inter jus naturale, jus gentium et jus civile?", „Quaenam est differentia inter jus rerum et jus obligationum et actionum?", „Quaenam sunt species donationum?" и т. п.

21-го февраля тѣмъ же проф. Финке произведено письменное испытаніе по уголовному праву. Экзаменующійся далъ такіе же краткіе (на одномъ листѣ) письменные отвѣты, на русскомъ языкѣ, по 12-ти вопросамъ, среди которыхъ значатся слѣдующіе: „Что понимается подъ словомъ преступленіе?", „Что разумѣется подъ словомъ наказаніе?", „Какъ раздѣляются наказанія по разности ихъ дѣйствія на чувственность человѣка?", „Какія причины освобожденія отъ наказанія установляются сочинителями объ уголовномъ правѣ?", „Что понимается въ уголовномъ правѣ подъ словами: изслѣдованіе и вмѣненіе преступленій?" и т. п.

22-го февраля проф. Бартельсъ произвелъ письменное же испытаніе по математикѣ, заключавшееся въ рѣшеніи, различными способами, предложенной практической задачи.

24-го февраля проф. Финке экзаменовалъ Грубера по праву гражданскому и по государственной экономіи. Въ числѣ 16-ти вопросовъ, на которые испытуемый давалъ письменные отвѣты, значатся, по первому предмету, вопросы: „Что понимается подъ опекой?", „Каковые бываютъ различные виды опеки?", „Каковое есть главнѣйшее раздѣленіе вещей?", „Каковое установляется въ россійскихъ законахъ главное раздѣленіе имѣній? и т. п.; по второму предмету вопросы: „Что понимается подъ налогомъ?", „Каковое можно установить раздѣленіе налоговъ?" „Когда неблагоразумной раскладкой налоговъ цѣлыя вѣтви промышленности уничтожаются?" и т. п.

3-го марта происходили письменныя испытанія по французскому и нѣмецкому языкамъ (экзаменаторъ проф. Германъ), заключавшіяся въ переводахъ съ одного языка на другой.

10-го марта испытуемый писалъ сочиненіе по русской словесности (экзаменаторъ Яковкинъ) на тему: „Общественное благо требуетъ испытанія чиновниковъ, на службѣ находящихся", и представилъ образцы переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій.

По окончанiи письменныхъ испытанiй происходили испытанiя устныя, а въ числѣ ихъ (15-го марта) испытанiе въ исторiи русской и всеобщей, хронологiи, географiи и статистикѣ (экзаменаторъ Яковкинъ).

22-го марта Груберу уже былъ выданъ аттестатъ объ успѣшномъ выдержанiи имъ установленныхъ правилами 6-го августа 1809 года испытанiй.

Такимъ же точно порядкомъ производились испытанiя и другимъ чиновникамъ, подававшимъ прошенiя о допущенiи ихъ къ экзамену въ комитетѣ. Испытанiе Грубера прошло вполнѣ гладко, какъ это усматривается изъ подлиннаго экзаменацiоннаго дѣла, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдача подвергавшимся испытанiямъ аттестатовъ можетъ быть объяснена лишь крайне формальнымъ отношенiемъ къ дѣлу со стороны экзаменаторовъ. Таковымъ представляется, въ нашихъ глазахъ, испытанiе, произведенное въ августѣ 1813 года нѣкоему коллежскому совѣтнику Григорью Кушникову. Въ числѣ письменныхъ отвѣтовъ, изготовленныхъ этимъ, уже почтеннаго чина, аспирантомъ, имѣются такiе, которые невольнымъ образомъ наводятъ на мысль о весьма малой подготовленности, пожалуй, даже, малограмотности, испытуемаго. Вотъ образецъ отвѣта по уголовному праву, даннаго на вопросъ—„по какимъ причинамъ уменьшается степень наказанiя":

„Наказанiе уменьшается, первое—по малолѣтству. Есть ли ма(ло)лѣтней учинилъ отъ 15-ти до 17-ти лѣтъ важное преступленiе то наказывается плетьми а отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ за таковое же преступленiе розгами. Второе—уменьшается наказанiе неумышленное какъ напримѣръ: въ дракѣ во время телѣснаго наказанiя позволеннаго по праву и во время всякаго учиненiя не снамеренiемъ. Правило по которому измѣряются степени: чемъ болѣе обстоятельствъ побуждающихъ ко вниманiю на слѣдствiе дѣйствiя, тѣмъ болѣе; чемъ таковыхъ обстоятельствъ менѣе, тѣмъ меньше" *.

А вотъ образецъ знанiй экзаменующагося во французскомъ языкѣ:

„Vous m'aves prié de vous dire quelleque choses des affers polituqe. Avec plesire je vous direz que les autriches ont de claré lu geurre aux franssais".

И такъ далѣе—все въ томъ же родѣ. Аспиранту былъ выданъ аттестатъ въ „основательныхъ познанiяхъ" по всѣмъ предметамъ испытанiя.

* Орѳографiя подлинника.

По окончаніи письменныхъ испытаній происходили испытанія устныя, а въ числѣ ихъ (15-го марта) испытаніе въ исторіи русской и всеобщей, хронологіи, географіи и статистикѣ (экзаменаторъ Яковкинъ).

22-го марта Груберу уже былъ выданъ аттестатъ объ успѣшномъ выдержаніи имъ установленныхъ правилами 6-го августа 1809 года испытаній.

Такимъ же точно порядкомъ производились испытанія и другимъ чиновникамъ, подававшимъ прошенія о допущеніи ихъ къ экзамену въ комитетѣ. Испытаніе Грубера прошло вполнѣ гладко, какъ это усматривается изъ подлиннаго экзаменаціоннаго дѣла, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдача подвергавшимся испытаніямъ аттестатовъ можетъ быть объяснена лишь крайне формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны экзаменаторовъ. Таковымъ представляется, въ нашихъ глазахъ, испытаніе, произведенное въ августѣ 1813 года нѣкоему коллежскому совѣтнику Григорью Кушникову. Въ числѣ письменныхъ отвѣтовъ, изготовленныхъ этимъ, уже почтеннаго чина, аспирантомъ, имѣются такіе, которые невольнымъ образомъ наводятъ на мысль о весьма малой подготовленности, пожалуй, даже, малограмотности, испытуемаго. Вотъ образецъ отвѣта по уголовному праву, даннаго на вопросъ—„по какимъ причинамъ уменьшается степень наказанія“:

„Наказаніе уменьшается, первое—по малолѣтству. Есть ли ма(ло)лѣтней учинилъ отъ 15-ти до 17-ти лѣтъ важное преступленіе то наказывается плетьми а отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ за таковое же преступленіе розгами. Второе—уменьшается наказаніе неумышленное какъ напримѣръ: въ дракѣ во время телѣснаго наказанія позволеннаго по праву и во время всякаго учиненія не снамереніемъ. Правило по которому измѣряются степени: чемъ болѣе обстоятельствъ побуждающихъ ко вниманію на слѣдствіе дѣйствія, тѣмъ болѣе; чемъ таковыхъ обстоятельствъ менѣе, тѣмъ меньше“ *.

А вотъ образецъ знаній экзаменующагося во французскомъ языкѣ:

„Vous m'aves prié de vous dire quelleque choses des affers polituqe. Avec plesire je vous direz que les autriches ont de claré lu geurre aux franssais“.

И такъ далѣе—все въ томъ же родѣ. Аспиранту былъ выданъ аттестатъ въ „основательныхъ познаніяхъ“ по всѣмъ предметамъ испытанія.

---

* Орѳографія подлинника.

Мы не будемъ въ подробностяхъ слѣдить за порядкомъ и расположеніемъ публичныхъ курсовъ для чиновниковъ, обязанныхъ службою, которые ежегодно публиковались во всеобщее свѣдѣніе и въ теченіи долгаго ряда лѣтъ придерживались болѣе или менѣе однообразнаго шаблона. Мы уже знакомы съ расположеніемъ чтеній въ первый годъ существованія курсовъ. Что бы покончить съ вопросомъ о нихъ, приведемъ публикацію о курсахъ на 1815 годъ, помѣщенную въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" за этотъ годъ (№ 29-й), гдѣ, между прочимъ, приведены и указанія на порядокъ записи на эти курсы слушателей:

„Открытыя чтенія въ императорскомъ казанскомъ университетѣ для чиновниковъ, службою обязанныхъ, вслѣдствіе высочайшаго указа отъ 6-го августа 1809 года, съ 1-го мая по октябрь мѣсяцъ сего 1815 года:

I. По части юридическихъ наукъ.

1) Уголовное право и частное гражданское, съ приложеніемъ онаго къ россійскому законодательству—публичный экстраординарный профессоръ правовѣдѣнія баронъ Е. Врангель, на россійскомъ языкѣ.

2) Политическую экономію—публичный экстраординарный профессоръ политической экономіи и наукъ историческихъ П. Кондыревъ, на россійскомъ языкѣ.

3) Право римское—магистръ правовѣдѣнія Н. Алехинъ, на россійскомъ языкѣ.

4) Право естественное—магистръ правовѣдѣнія Е. Манасеинъ, на россійскомъ языкѣ.

II. По части словесныхъ наукъ.

1) Всеобщую исторію, географію и статистику—публичный ординарный профессоръ всеобщей исторіи, географіи и статистики И. Томасъ, на россійскомъ языкѣ.

2) Россійскую словесность—публичный экстраординарный профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго В. Перевощиковъ, на россійскомъ языкѣ.

3) Логику и нравоученіе—магистръ философіи І. Срезневскій, на россійскомъ языкѣ.

4) Россійскую исторію, географію и статистику—магистръ историческихъ наукъ М. Юнаковъ, на россійскомъ языкѣ.

III. По части математическихъ и физическихъ наукъ.

1) Ариѳметику и геометрію—адъюнктъ математики и астрономіи И. Симоновъ, на россійскомъ языкѣ.

Мы не будемъ въ подробностяхъ слѣдить за порядкомъ и расположеніемъ публичныхъ курсовъ для чиновниковъ, обязанныхъ службою, которые ежегодно публиковались во всеобщее свѣдѣніе и въ теченіи долгаго ряда лѣтъ придерживались болѣе или менѣе однообразнаго шаблона. Мы уже знакомы съ расположеніемъ чтеній въ первый годъ существованія курсовъ. Что бы покончить съ вопросомъ о нихъ, приведемъ публикацію о курсахъ на 1815 годъ, помѣщенную въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" за этотъ годъ (№ 29-й), гдѣ, между прочимъ, приведены и указанія на порядокъ записи на эти курсы слушателей:

„Открытыя чтенія въ императорскомъ казанскомъ университетѣ для чиновниковъ, службою обязанныхъ, вслѣдствіе высочайшаго указа отъ 6-го августа 1809 года, съ 1-го мая по октябрь мѣсяцъ сего 1815 года:

I. По части юридическихъ наукъ.

1) Уголовное право и частное гражданское, съ приложеніемъ онаго къ россійскому законодательству—публичный экстраординарный профессоръ правовѣдѣнія баронъ Е. Врангель, на россійскомъ языкѣ.

2) Политическую экономію—публичный экстраординарный профессоръ политической экономіи и наукъ историческихъ П. Кондыревъ, на россійскомъ языкѣ.

3) Право римское—магистръ правовѣдѣнія Н. Алехинъ, на россійскомъ языкѣ.

4) Право естественное—магистръ правовѣдѣнія Е. Манасеинъ, на россійскомъ языкѣ.

II. По части словесныхъ наукъ.

1) Всеобщую исторію, географію и статистику—публичный ординарный профессоръ всеобщей исторіи, географіи и статистики И. Томасъ, на россійскомъ языкѣ.

2) Россійскую словесность—публичный экстраординарный профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго В. Перевощиковъ, на россійскомъ языкѣ.

3) Логику и нравоученіе—магистръ философіи I. Срезневскій, на россійскомъ языкѣ.

4) Россійскую исторію, географію и статистику—магистръ историческихъ наукъ М. Юнаковъ, на россійскомъ языкѣ.

III. По части математическихъ и физическихъ наукъ.

1) Ариѳметику и геометрію—адъюнктъ математики и астрономіи И. Симоновъ, на россійскомъ языкѣ.

2) Физику—магистръ Кайсаровъ, на россійскомъ языкѣ.

Желающіе изъ обязанныхъ службою чиновниковъ пользоваться оными преподаваніями должны явиться къ надзирателю курсовъ г. адъюнкту врачебнаго веществословія и фармаціи Ренарду, который, записавъ ихъ имя и время вступленія, сообщаетъ о семъ желаніи начальнику мѣста, гдѣ таковый служитъ; начальникъ же, по сему сообщенію, выдаетъ желающимъ билеты для посѣщенія“ [163].

Для чиновниковъ, на которыхъ распространялось дѣйствіе указа 6-го августа 1809 года, вся тягота этого послѣдняго заключалась, конечно, не въ болѣе или менѣе пассивномъ слушаніи публичныхъ или „открытыхъ“ курсовъ, но въ томъ испытаніи въ экзаменаціонномъ комитетѣ, который составлялъ весь центръ тяжести страшнаго для служилаго люда закона. Мы уже выше видѣли, что самъ попечитель Румовскій опасался какихъ то „мудрованій“, которыя долженъ былъ вызвать новый законъ среди дворянства. Намъ неизвѣстно, воспослѣдовали ли со стороны передового русскаго сословія эти „мудрованія“ и, если воспослѣдовали, то въ чемъ они заключались, но несомнѣнно, что указъ 6-го августа породилъ крупное неудовольствіе среди дворянства, которое поставляло главный контингентъ современной чиновничьей молодежи. Это неудовольствіе нашло себѣ откликъ въ городскихъ сплетняхъ и пересудахъ по поводу порядка испытанія въ университетскомъ экзаменаціонномъ комитетѣ и повлекло за собою даже инциденты довольно скандальнаго оттѣнка, представляющіеся весьма характерными съ точки зрѣнія обрисовки нравовъ русскаго провинціальнаго общества занимающей насъ эпохи.

Первымъ изъ инцидентовъ этого рода явилось столкновеніе между адъюнктомъ правовѣдѣнія барономъ Е. В. Врангелемъ и казанскимъ комендантомъ С. Н. Кастелли, разыгравшееся на почвѣ испытаній въ экзаменаціонномъ комитетѣ сына коменданта. Когда именно произошло это столкновеніе и въ какой формѣ оно выразилось—свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ, такъ какъ письмо-жалоба Врангеля попечителю до насъ не дошло и всѣ данныя объ этомъ происшествіи почерпаются уже изъ послѣдующей переписки по этому поводу; несомнѣнно, однако, что инцидентъ долженъ быть пріуроченъ къ концу лѣта 1810 года. Вся исторія разгорѣлась изъ за неудачи, постигшей молодого Кастелли на испытаніи въ комитетѣ. Находился ли баронъ Врангель на этотъ разъ самъ въ роли экзаменатора, или,—что представляется намъ правдоподобнѣе,—онъ выступилъ въ этомъ дѣлѣ лишь рыцарскимъ защитникомъ достоинства своего патрона, профессора Неймана, но между адъюнктомъ и комендантомъ произошла,

2) Физику—магистръ Кайсаровъ, на россійскомъ языкѣ.

Желающіе изъ обязанныхъ службою чиновниковъ пользоваться оными преподаваніями должны явиться къ надзирателю курсовъ г. адъюнкту врачебнаго веществословія и фармаціи Ренарду, который, записавъ ихъ имя и время вступленія, сообщаетъ о семъ желаніи начальнику мѣста, гдѣ таковый служитъ; начальникъ же, по сему сообщенію, выдаетъ желающимъ билеты для посѣщенія" [163].

Для чиновниковъ, на которыхъ распространялось дѣйствіе указа 6-го августа 1809 года, вся тягота этого послѣдняго заключалась, конечно, не въ болѣе или менѣе пассивномъ слушаніи публичныхъ или „открытыхъ" курсовъ, но въ томъ испытаніи въ экзаменаціонномъ комитетѣ, который составлялъ весь центръ тяжести страшнаго для служилаго люда закона. Мы уже выше видѣли, что самъ попечитель Румовскій опасался какихъ то „мудрованій", которыя долженъ былъ вызвать новый законъ среди дворянства. Намъ неизвѣстно, воспослѣдовали ли со стороны передового русскаго сословія эти „мудрованія" и, если воспослѣдовали, то въ чемъ они заключались, но несомнѣнно, что указъ 6-го августа породилъ крупное неудовольствіе среди дворянства, которое поставляло главный контингентъ современной чиновничьей молодежи. Это неудовольствіе нашло себѣ откликъ въ городскихъ сплетняхъ и пересудахъ по поводу порядка испытанія въ университетскомъ экзаменаціонномъ комитетѣ и повлекло за собою даже инциденты довольно скандальнаго оттѣнка, представляющіеся весьма характерными съ точки зрѣнія обрисовки нравовъ русскаго провинціальнаго общества занимающей насъ эпохи.

Первымъ изъ инцидентовъ этого рода явилось столкновеніе между адъюнктомъ правовѣдѣнія барономъ Е. В. Врангелемъ и казанскимъ комендантомъ С. Н. Кастелли, разыгравшееся на почвѣ испытаній въ экзаменаціонномъ комитетѣ сына коменданта. Когда именно произошло это столкновеніе и въ какой формѣ оно выразилось—свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ, такъ какъ письмо-жалоба Врангеля попечителю до насъ не дошло и всѣ данныя объ этомъ происшествіи почерпаются уже изъ послѣдующей переписки по этому поводу; несомнѣнно, однако, что инцидентъ долженъ быть пріуроченъ къ концу лѣта 1810 года. Вся исторія разгорѣлась изъ за неудачи, постигшей молодого Кастелли на испытаніи въ комитетѣ. Находился ли баронъ Врангель на этотъ разъ самъ въ роли экзаменатора, или,—что представляется намъ правдоподобнѣе,—онъ выступилъ въ этомъ дѣлѣ лишь рыцарскимъ защитникомъ достоинства своего патрона, профессора Неймана, но между адъюнктомъ и комендантомъ произошла,

однажды, при встрѣчѣ весьма бурная сцена, подробности которой неизвѣстны: извѣстно только то, что разгнѣванный отецъ жестоко и публично оскорбилъ барона, обозвавъ его „невѣжею", „повѣсою", „негодяемъ" и „сквернавцемъ".....

Первымъ въ хронологическомъ порядкѣ источникомъ, изъ котораго почерпается извѣстіе объ этомъ столкновеніи, является письмо проф. Неймана къ попечителю отъ 5-го сентября 1810 года, въ которомъ Нейманъ, испрашивая себѣ у Румовскаго двухмѣсячный отпускъ для поправленія здоровья, расшатаннаго казанскимъ климатомъ и смертью дочери, намекаетъ и на тяжелое впечатлѣніе отъ случая съ его любимцемъ и ученикомъ: „Вашему превосходительству уже извѣстно, — пишетъ здѣсь Нейманъ,—сколь много я перенесъ въ разсужденіи моего здоровья съ самого моего прибытія, теперь нѣсколько уже началъ поправляться, но потеря дитяти, которое было единственною моею радостью, (оставило во мнѣ) самое глубочайшее впечатлѣніе. При томъ и случилось, что, нѣсколько дней послѣ, членъ университета былъ отъ особы къ сему никакой власти не имѣющей обиженъ на общенародномъ мѣстѣ. Таковое можетъ встрѣтиться съ каждымъ изъ насъ, наипаче когда мы находимся одни и безъ свидѣтелей. Сердечная досада о сихъ происшествіяхъ прилагла (sic) къ моему здоровью такимъ образомъ, что въ нынѣшнее время я почти совершенно неспособенъ къ отправленію моей должности и что мнѣ нѣкоторое успокоеніе необходимо нужно". Нѣсколькими днями позже (13-го сентября) Нейманъ, въ новомъ письмѣ къ попечителю, опять возвращается къ тому же инциденту, выставляя не только щекотливое, но даже опасное положеніе лицъ, призванныхъ къ участію въ испытательномъ комитетѣ: „Изъ письма барона Врангеля (это письмо, къ сожалѣнію, не сохранилось) ваше превосходительство усмотрите непріятное происшествіе, которое наполнило мою душу горестью. Я симъ происшествіемъ былъ сильно растроганъ не токмо какъ другъ г. Врангеля, но еще болѣе как ъ член ъ университета. Ваше превосходительство изволили ввѣрить мнѣ важную должность, опредѣливъ меня членомъ комитета испытанія по юридической части: съ сею должностью неминуемо принужденъ я сопротивляться желаніямъ многихъ людей и, наипаче, тѣхъ, кои имѣютъ большую связь и покровительство. Какимъ образомъ можетъ быть обезпечена моя личная безопасность, когда въ здѣшнемъ городѣ могутъ случаться таковыя происшествія, каковое повстрѣчалось съ г. Врангелемъ? Я въ моей совѣсти твердо увѣренъ, что сіе дѣло произошло точно такъ, какъ Врангель разсказываетъ оное. Онъ признанъ за

однажды, при встрѣчѣ весьма бурная сцена, подробности которой неизвѣстны: извѣстно только то, что разгнѣванный отецъ жестоко и публично оскорбилъ барона, обозвавъ его „невѣжею", „повѣсою", „негодяемъ" и „сквернавцемъ".....

Первымъ въ хронологическомъ порядкѣ источникомъ, изъ котораго почерпается извѣстіе объ этомъ столкновеніи, является письмо проф. Неймана къ попечителю отъ 5-го сентября 1810 года, въ которомъ Нейманъ, испрашивая себѣ у Румовскаго двухмѣсячный отпускъ для поправленія здоровья, расшатаннаго казанскимъ климатомъ и смертью дочери, намекаетъ и на тяжелое впечатлѣніе отъ случая съ его любимцемъ и ученикомъ: „Вашему превосходительству уже извѣстно, — пишетъ здѣсь Нейманъ,—сколь много я перенесъ въ разсужденіи моего здоровья съ самого моего прибытія, теперь нѣсколько уже началъ поправляться, но потеря дитяти, которое было единственною моею радостью, (оставило во мнѣ) самое глубочайшее впечатлѣніе. При томъ и случилось, что, нѣсколько дней послѣ, членъ университета былъ отъ особы къ сему никакой власти не имѣющей обиженъ на общенародномъ мѣстѣ. Таковое можетъ встрѣтиться съ каждымъ изъ насъ, наипаче когда мы находимся одни и безъ свидѣтелей. Сердечная досада о сихъ происшествіяхъ прилагла (sic) къ моему здоровью такимъ образомъ, что въ нынѣшнее время я почти совершенно неспособенъ къ отправленію моей должности и что мнѣ нѣкоторое успокоеніе необходимо нужно". Нѣсколькими днями позже (13-го сентября) Нейманъ, въ новомъ письмѣ къ попечителю, опять возвращается къ тому же инциденту, выставляя не только щекотливое, но даже опасное положеніе лицъ, призванныхъ къ участію въ испытательномъ комитетѣ: „Изъ письма барона Врангеля (это письмо, къ сожалѣнію, не сохранилось) ваше превосходительство усмотрите непріятное происшествіе, которое наполнило мою душу горестью. Я симъ происшествіемъ былъ сильно растроганъ не токмо какъ другъ г. Врангеля, но еще болѣе какъ членъ университета. Ваше превосходительство изволили ввѣрить мнѣ важную должность, опредѣливъ меня членомъ комитета испытанія по юридической части: съ сею должностью неминуемо принужденъ я сопротивляться желаніямъ многихъ людей и, наипаче, тѣхъ, кои имѣютъ большую связь и покровительство. Какимъ образомъ можетъ быть обезпечена моя личная безопасность, когда въ здѣшнемъ городѣ могутъ случаться таковыя происшествія, каковое повстрѣчалось съ г. Врангелемъ? Я въ моей совѣсти твердо увѣренъ, что сіе дѣло произошло точно такъ, какъ Врангель разсказываетъ оное. Онъ признанъ за

человѣка тихаго и скромнаго, который никогда не имѣлъ ссоры. Тѣмъ больше сіе происшествіе долженствовало сдѣлать на насъ, и наипаче на меня, впечатлѣніе"....

Эти письма проф. Неймана, являющіяся, въ полномъ смыслѣ слова, отчаяннымъ воплемъ души, наболѣвшей отъ тяжелыхъ условій общественности „здѣшняго города", которыя не только не гарантируютъ людямъ науки уваженія, но даже и „личной безопасности" на почвѣ честнаго и безпристрастнаго выполненія ими своихъ обязанностей, но требуютъ съ ихъ стороны искательства и компромиссовъ съ лицами, „кои имѣютъ большую связь и покровительство"—было, конечно, лишь отраженіемъ чувства глубокаго, но безсильнаго, негодованія, охватившаго собою всѣхъ самостоятельныхъ и уважающихъ себя и свое призваніе членовъ университетской корпораціи, въ особенности же иностранцевъ, привыкшихъ къ совершенно иному отношенію общества и къ наукѣ, и къ ея представителямъ. Письма Неймана и недошедшее до насъ письмо Врангеля—были попытками аппеляціи къ высокому и вліятельному авторитету попечителя округа, отъ котораго все оскорбленное университетское „сословіе" считало себя вправѣ ожидать въ этомъ дѣлѣ заступничества и поддержки. Эти ожиданія не оправдались: Румовскій, и самъ не чуждый, какъ мы знаемъ, слабости преклоняться передъ престижемъ лицъ, „имѣющихъ большую связь и покровительство", не только не выполнилъ въ этомъ дѣлѣ своего нравственнаго и служебнаго долга, не только не оказалъ защиты оскорбленной университетской корпораціи, но отнесся къ этому возмутительному инциденту совершенно безучастно; мало того—попечитель косвеннымъ образомъ выгораживаетъ въ этомъ дѣлѣ самодура-коменданта и старается замять всю эту непріятную для него исторію. Это съ несомнѣнною ясностью усматривается въ слѣдующихъ отрывкахъ изъ писемъ Румовскаго къ профессору-директору:

„Сердечно сожалѣю,—читаемъ въ письмѣ попечителя отъ 23-го сентября 1810 года,—о послѣдовавшемъ явленіи между г. комендантомъ и адъюнктомъ Врангелемъ. Предположеніе нѣкоторыхъ *, что безъ всякой поданной причины г. комендантъ никакъ не рѣшился бы остановить незнакомаго человѣка и, упрекая въ невѣжливости, ругать—кажется мнѣ основательнымъ, а особливо какъ вы

* Это выраженіе заставляетъ насъ думать, что «имѣющія большую связь и покровительство» казанскія особы уже успѣли подѣйствовать на попечителя и настроить его въ выгодную для нихъ сторону.

человѣка тихаго и скромнаго, который никогда не имѣлъ ссоры. Тѣмъ больше сіе происшествіе долженствовало сдѣлать на насъ, и наипаче на меня, впечатлѣніе"....

Эти письма проф. Неймана, являющіяся, въ полномъ смыслѣ слова, отчаяннымъ воплемъ души, наболѣвшей отъ тяжелыхъ условій общественности „здѣшняго города", которыя не только не гарантируютъ людямъ науки уваженія, но даже и „личной безопасности" на почвѣ честнаго и безпристрастнаго выполненія ими своихъ обязанностей, но требуютъ съ ихъ стороны искательства и компромиссовъ съ лицами, „кои имѣютъ большую связь и покровительство"—было, конечно, лишь отраженіемъ чувства глубокаго, но безсильнаго, негодованія, охватившаго собою всѣхъ самостоятельныхъ и уважающихъ себя и свое призваніе членовъ университетской корпораціи, въ особенности же иностранцевъ, привыкшихъ къ совершенно иному отношенію общества и къ наукѣ, и къ ея представителямъ. Письма Неймана и недошедшее до насъ письмо Врангеля—были попытками аппеляціи къ высокому и вліятельному авторитету попечителя округа, отъ котораго все оскорбленное университетское „сословіе" считало себя вправѣ ожидать въ этомъ дѣлѣ заступничества и поддержки. Эти ожиданія не оправдались: Румовскій, и самъ не чуждый, какъ мы знаемъ, слабости преклоняться передъ престижемъ лицъ, „имѣющихъ большую связь и покровительство", не только не выполнилъ въ этомъ дѣлѣ своего нравственнаго и служебнаго долга, не только не оказалъ защиты оскорбленной университетской корпораціи, но отнесся къ этому возмутительному инциденту совершенно безучастно; мало того—попечитель косвеннымъ образомъ выгораживаетъ въ этомъ дѣлѣ самодура-коменданта и старается замять всю эту непріятную для него исторію. Это съ несомнѣнною ясностью усматривается въ слѣдующихъ отрывкахъ изъ писемъ Румовскаго къ профессору-директору:

„Сердечно сожалѣю,—читаемъ въ письмѣ попечителя отъ 23-го сентября 1810 года,—о послѣдовавшемъ явленіи между г. комендантомъ и адъюнктомъ Врангелемъ. Предположеніе нѣкоторыхъ *, что безъ всякой поданной причины г. комендантъ никакъ не рѣшился бы остановить незнакомаго человѣка и, упрекая въ невѣжливости, ругать—кажется мнѣ основательнымъ, а особливо какъ вы

* Это выраженіе заставляетъ насъ думать, что «имѣющія большую связь и покровительство» казанскія особы уже успѣли подѣйствовать на попечителя и настроить его въ выгодную для нихъ сторону.

увѣряете *, что г. комендантъ благороднаго характера. Но, съ другой стороны, страннымъ мнѣ кажется, что г. комендантъ, объясняясь съ вами, ни единой не сказалъ довольной причины, побудившей его къ удержанію г. Врангеля и къ называнію невѣжею, повѣсою, негодяемъ и скверна вцемъ. Желалъ бы я, что бы г. губернаторъ сыскалъ средство къ миролюбному прекращенію. Но ежели стараніе г. губернатора будетъ тщетно, то дѣло или происшествіе сіе неминуемо дойдетъ до свѣдѣнія его императорскаго величества и ни Врангелю, ни г. коменданту—не принесетъ похвалы".

Уже послѣ отправки этого письма, Румовскій получилъ письмо отъ барона Врангеля:

„Съ вашимъ письмомъ получилъ я письмо и г. барона Врангеля,—пишетъ попечитель Яковкину отъ 29-го сентября.—Сожалѣю о нанесенномъ ему оскорбленіи: онъ проситъ моего совѣта,—но я самъ собою въ семъ образцовомъ дѣлѣ, не доложа министру, никакого подать не могу; къ несчастію его, министръ на сихъ дняхъ отправляется въ Москву, говорятъ на два мѣсяца, и я не знаю, буду ли имѣть случай до отъѣзда его видѣть. Но хотя бы и увидѣлъ, я думаю, что отъѣздъ его воспрепятствуетъ ему вступиться въ сіе дѣло по надлежащему. Я прошу его о семъ увѣдомить. Г. Нейманъ скоро получитъ дозволеніе отлучиться въ Петербургъ, и какъ онъ знакомъ съ г. Сперанскимъ, то бы я совѣтовалъ препоручить г. Нейману отобрать о семъ происшествіи мнѣніе г. Сперанскаго, а между тѣмъ совѣтую г. Врангелю—потерпѣть".

Изъ этихъ писемъ съ совершенною несомнѣнностью усматривается желаніе Румовскаго такъ или иначе замять это щекотливое для него дѣло, не входя въ конфликтъ съ „имѣющими большую связь и покровительство" особами. Совѣтомъ обиженному „потерпѣть"—все участіе попечителя въ этомъ дѣлѣ, какъ кажется, и ограничилось. Никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ возмутительномъ „явленіи",—выражаясь терминологіею престарѣлаго попечителя,—мы уже не встрѣчаемъ. Давъ временную пищу празднымъ городскимъ толкамъ и пересудамъ, этотъ инцидентъ былъ скоро забытъ и погрязъ въ трясинѣ мелкой злободневной жизни полукультурнаго провинціальнаго общества.

Не успѣло еще, вѣроятно, загладиться впечатлѣніе скандала, разыгравшагося между комендантомъ Кастелли и адъюнктомъ Врангелемъ, какъ казанскій университетскій мірокъ былъ снова взволнованъ инцидентомъ,—

* Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время баронъ Врангель еще не былъ зятемъ Яковкина.

увѣряете *, что г. комендантъ благороднаго характера. Но, съ другой стороны, страннымъ мнѣ кажется, что г. комендантъ, объясняясь съ вами, ни единой не сказалъ довольной причины, побудившей его къ удержанію г. Врангеля и къ называнію невѣжею, повѣсою, негодяемъ и сквернавцемъ. Желалъ бы я, что бы г. губернаторъ сыскалъ средство къ миролюбному прекращенію. Но ежели стараніе г. губернатора будетъ тщетно, то дѣло или происшествіе сіе неминуемо дойдетъ до свѣдѣнія его императорскаго величества и ни Врангелю, ни г. коменданту—не принесетъ похвалы".

Уже послѣ отправки этого письма, Румовскій получилъ письмо отъ барона Врангеля:

„Съ вашимъ письмомъ получилъ я письмо и г. барона Врангеля,—пишетъ попечитель Яковкину отъ 29-го сентября.—Сожалѣю о нанесенномъ ему оскорбленіи: онъ проситъ моего совѣта,—но я самъ собою въ семъ образцовомъ дѣлѣ, не доложа министру, никакого подать не могу; къ несчастію его, министръ на сихъ дняхъ отправляется въ Москву, говорятъ на два мѣсяца, и я не знаю, буду ли имѣть случай до отъѣзда его видѣть. Но хотя бы и увидѣлъ, я думаю, что отъѣздъ его воспрепятствуетъ ему вступиться въ сіе дѣло по надлежащему. Я прошу его о семъ увѣдомить. Г. Нейманъ скоро получитъ дозволеніе отлучиться въ Петербургъ, и какъ онъ знакомъ съ г. Сперанскимъ, то бы я совѣтовалъ препоручить г. Нейману отобрать о семъ происшествіи мнѣніе г. Сперанскаго, а между тѣмъ совѣтую г. Врангелю—потерпѣть".

Изъ этихъ писемъ съ совершенною несомнѣнностью усматривается желаніе Румовскаго такъ или иначе замять это щекотливое для него дѣло, не входя въ конфликтъ съ „имѣющими большую связь и покровительство" особами. Совѣтомъ обиженному „потерпѣть"—все участіе попечителя въ этомъ дѣлѣ, какъ кажется, и ограничилось. Никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ возмутительномъ „явленіи",—выражаясь терминологіею престарѣлаго попечителя,—мы уже не встрѣчаемъ. Давъ временную пищу празднымъ городскимъ толкамъ и пересудамъ, этотъ инцидентъ былъ скоро забытъ и погрязъ въ трясинѣ мелкой злободневной жизни полукультурнаго провинціальнаго общества.

Не успѣло еще, вѣроятно, загладиться впечатлѣніе скандала, разыгравшагося между комендантомъ Кастелли и адъюнктомъ Врангелемъ, какъ казанскій университетскій мірокъ былъ снова взволнованъ инцидентомъ,—

---

* Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время баронъ Врангель еще не былъ зятемъ Яковкина.

на этотъ разъ, правда, уже менѣе остраго характера, — послѣдовавшимъ на почвѣ тѣхъ же испытаній въ экзаменномъ комитетѣ. И въ данномъ случаѣ къ чисто университетскимъ отношеніямъ примѣшалась претензія особы съ „большими связями“ и крупнымъ служебнымъ положеніемъ—въ лицѣ вятскаго губернатора Ѳ. И. фонъ-Брадке. Въ числѣ молодыхъ чиновниковъ, подвергавшихся въ концѣ 1810 года испытаніямъ въ университетскомъ экзаменаціонномъ комитетѣ, находился племянникъ вятскаго губернатора, коллежскій регистраторъ А. фонъ-Веймарнъ, служившій въ штатѣ своего дядюшки. Благополучно сдавъ испытанія у экзаменаторовъ Яковкина, Германа и Бартельса, а также и устныя испытанія по правовѣдѣнію у профессора Финке *, Веймарнъ „срѣзался“,—какъ говорится,—на письменныхъ отвѣтахъ у послѣдняго, давшаго объ этомъ испытаніи неудовлетворительный отзывъ. Предсѣдатель комитета Яковкинъ, явно покровительствовавшій губернаторскому племяннику, не преминулъ усмотрѣть въ данномъ случаѣ со стороны профессора Финке какую то „личность“, о чемъ и поспѣшилъ доложить попечителю:

„Въ экзаменномъ комитетѣ,—писалъ онъ Румовскому отъ 6-го февраля 1811 года,—экзаменованный племянникъ г. вятскаго губернатора (это родство аспиранта особенно подчеркивается директоромъ) Веймарнъ долженъ былъ, по окончаніи экзаменовъ, получить аттестатъ, сообразный со свидѣтельствами экзаменаторовъ. Въ естественномъ и римскомъ правахъ г. профессоръ Финке задавалъ ему вопросы на письмѣ и отвѣты его тогда же, для разсмотрѣнія, взялъ съ собою, и словесно спрашивалъ его много, по окончаніи чего объявилъ въ присутствіи, что отвѣтами его доволенъ. Въ свидѣтельствѣ же своемъ, которое, не зная для какой причины, вздумалъ подать на имя совѣта и просить представить его на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, отвѣты его письменные назвалъ весьма посредственными, умолчавши о словесныхъ вопросахъ и объявленномъ, по всей справедливости (sic!), удовольствіи, чему всему и мы четверо были свидѣтелями. Кажется, скрываться тутъ должна какая нибудь личность..... Почему въ комитетѣ положено умолчать въ аттестатѣ о правахъ естественномъ и римскомъ до начальственнаго разрѣшенія вашего превосходительства, а выдать на время только письменный; мнѣніе же г. Финке и самые отвѣты веймарновы письменные представить въ копіи вашему превосходительству“.

До насъ сохранились и подлинные (крайне малограмотные) письменные отвѣты губернаторскаго племянника, и рапортъ, при которомъ Финке

* Финке производилъ испытаніе вслѣдствіе отсутствія изъ Казани члена испытательнаго комитета проф. Неймана.

на этотъ разъ, правда, уже менѣе остраго характера,—послѣдовавшимъ на почвѣ тѣхъ же испытаній въ экзаменномъ комитетѣ. И въ данномъ случаѣ къ чисто университетскимъ отношеніямъ примѣшалась претензія особы съ „большими связями“ и крупнымъ служебнымъ положеніемъ—въ лицѣ вятскаго губернатора Ѳ. И. фонъ-Брадке. Въ числѣ молодыхъ чиновниковъ, подвергавшихся въ концѣ 1810 года испытаніямъ въ университетскомъ экзаменаціонномъ комитетѣ, находился племянникъ вятскаго губернатора, коллежскій регистраторъ А. фонъ-Веймарнъ, служившій въ штатѣ своего дядюшки. Благополучно сдавъ испытанія у экзаменаторовъ Яковкина, Германа и Бартельса, а также и устныя испытанія по правовѣдѣнію у профессора Финке *, Веймарнъ „срѣзался“,—какъ говорится,—на письменныхъ отвѣтахъ у послѣдняго, давшаго объ этомъ испытаніи неудовлетворительный отзывъ. Предсѣдатель комитета Яковкинъ, явно покровительствовавшій губернаторскому племяннику, не преминулъ усмотрѣть въ данномъ случаѣ со стороны профессора Финке какую то „личность“, о чемъ и поспѣшилъ доложить попечителю:

„Въ экзаменномъ комитетѣ,—писалъ онъ Румовскому отъ 6-го февраля 1811 года,—экзаменованный племянникъ г. вятскаго губернатора (это родство аспиранта особенно подчеркивается директоромъ) Веймарнъ долженъ былъ, по окончаніи экзаменовъ, получить аттестатъ, сообразный со свидѣтельствами экзаменаторовъ. Въ естественномъ и римскомъ правахъ г. профессоръ Финке задавалъ ему вопросы на письмѣ и отвѣты его тогда же, для разсмотрѣнія, взялъ съ собою, и словесно спрашивалъ его много, по окончаніи чего объявилъ въ присутствіи, что отвѣтами его доволенъ. Въ свидѣтельствѣ же своемъ, которое, не зная для какой причины, вздумалъ подать на имя совѣта и просить представить его на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, отвѣты его письменные назвалъ *весьма посредственными*, умолчавши о словесныхъ вопросахъ и объявленномъ, по всей справедливости (sic!), удовольствіи, чему всему и мы четверо были свидѣтелями. Кажется, *скрываться тутъ должна какая нибудь личность*..... Почему въ комитетѣ положено умолчать въ аттестатѣ о правахъ естественномъ и римскомъ до начальственнаго разрѣшенія вашего превосходительства, а выдать *на время* только письменный; мнѣніе же г. Финке и самые отвѣты веймарновы письменные представить въ копіи вашему превосходительству“.

До насъ сохранились и подлинные (крайне малограмотные) письменные отвѣты губернаторскаго племянника, и рапортъ, при которомъ Финке

* Финке производилъ испытаніе вслѣдствіе отсутствія изъ Казани члена испытательнаго комитета проф. Неймана.

представилъ совѣту, для пересылки ихъ къ попечителю, эти письменные отвѣты Веймарна: признавая ихъ ясно доказывающими посредственность знаній и даже невѣжество („des connaissances fort médiocres“, „la plus grande ignorance“) экзаменовавшагося, Финке ставитъ дѣло на ту почву, что точное выполненіе экзаменаціонныхъ требованій, предписываемыхъ указомъ 6-го августа 1809 года—„представляетъ собою священный долгъ, отъ котораго зависятъ честь и добрая слава нашего университета (dont dépand l'honneur et la reputation de notre université“), въ виду чего, не рѣшаясь высказаться въ пользу Веймарна, онъ и проситъ передать все это дѣло на благоусмотрѣніе попечителя. Въ письмѣ своемъ къ попечителю, Финке передаетъ и нѣкоторыя интимныя стороны всего этого инцидента: оказывается, изъ его словъ, что Веймарнъ, проживая въ Казани, даже и не посѣщалъ публичныхъ курсовъ для чиновниковъ, взамѣнъ которыхъ бралъ приватные уроки у профессора Неймана, и что онъ отвѣчалъ на экзаменѣ по вопросамъ и отвѣтамъ, заранѣе составленнымъ для него тѣмъ же Нейманомъ, что и дало ему возможность совладать съ устною частью экзаменовъ; что касается обвиненія его, Финке, въ какихъ то „личностяхъ“—то онъ парализуетъ это обвиненіе въ письмѣ къ попечителю завѣреніемъ въ томъ, что онъ „врагъ всякихъ личностей въ области должностныхъ отношеній“, что „благочестіе и законъ—служатъ единственными стимулами всей его дѣятельности“......

Послабленіе оказано было Веймарну и въ томъ отношеніи, что, въ виду его заявленія о необходимости скорѣйшей явки къ мѣсту служенія и не выжидая разрѣшенія дѣла попечителемъ, ему выданъ былъ совершенно непредусмотрѣнный закономъ „временный“ аттестатъ, въ которомъ замалчивался неудачный исходъ письменныхъ испытаній по правамъ естественному и римскому. Между тѣмъ Веймарнъ обратился къ попечителю съ письмомъ отъ 27-го февраля, въ которомъ, подробно изложивъ кажущіяся ему несправедливости проф. Финке и сообщая объ отосланныхъ къ нему совѣтомъ письменныхъ его отвѣтахъ, „всепокорнѣйше“ просилъ о „снисходительномъ оныхъ разсмотрѣніи“ и о предписаніи комитету выдать ему „полный аттестатъ“. Въ тотъ же самый день и съ подобнымъ же письмомъ обратился къ Румовскому и дядя Веймарна, вятскій губернаторъ фонъ-Брадке, въ которомъ, „пользуясь благорасположеніемъ“ попечителя, проситъ его „удостоить племянника свидѣтельствомъ“ о выдержаніи имъ комитетскихъ испытаній. Архивные документы казанскаго университета ничего не говорятъ намъ о томъ, чѣмъ кончился этотъ конфликтъ, также довольно наглядно иллюстрирующій общій характеръ отношеній мѣстнаго

представилъ совѣту, для пересылки ихъ къ попечителю, эти письменные отвѣты Веймарна: признавая ихъ ясно доказывающими посредственность знаній и даже невѣжество („des connaissances fort médiocres“, „la plus grande ignorance“) экзаменовавшагося, Финке ставитъ дѣло на ту почву, что точное выполненіе экзаменаціонныхъ требованій, предписываемыхъ указомъ 6-го августа 1809 года—„представляетъ собою священный долгъ, отъ котораго зависятъ честь и добрая слава нашего университета (dont dépand l'honneur et la reputation de notre université“), въ виду чего, не рѣшаясь высказаться въ пользу Веймарна, онъ и проситъ передать все это дѣло на благоусмотрѣніе попечителя. Въ письмѣ своемъ къ попечителю, Финке передаетъ и нѣкоторыя интимныя стороны всего этого инцидента: оказывается, изъ его словъ, что Веймарнъ, проживая въ Казани, даже и не посѣщалъ публичныхъ курсовъ для чиновниковъ, взамѣнъ которыхъ бралъ приватные уроки у профессора Неймана, и что онъ отвѣчалъ на экзаменѣ по вопросамъ и отвѣтамъ, заранѣе составленнымъ для него тѣмъ же Нейманомъ, что и дало ему возможность совладать съ устною частью экзаменовъ; что касается обвиненія его, Финке, въ какихъ то „личностяхъ“—то онъ парализуетъ это обвиненіе въ письмѣ къ попечителю завѣреніемъ въ томъ, что онъ „врагъ всякихъ личностей въ области должностныхъ отношеній“, что „благочестіе и законъ—служатъ единственными стимулами всей его дѣятельности“......

Послабленіе оказано было Веймарну и въ томъ отношеніи, что, въ виду его заявленія о необходимости скорѣйшей явки къ мѣсту служенія и не выжидая разрѣшенія дѣла попечителемъ, ему выданъ былъ совершенно непредусмотрѣнный закономъ „временный“ аттестатъ, въ которомъ замалчивался неудачный исходъ письменныхъ испытаній по правамъ естественному и римскому. Между тѣмъ Веймарнъ обратился къ попечителю съ письмомъ отъ 27-го февраля, въ которомъ, подробно изложивъ кажущіяся ему несправедливости проф. Финке и сообщая объ отосланныхъ къ нему совѣтомъ письменныхъ его отвѣтахъ, „всепокорнѣйше“ просилъ о „снисходительномъ оныхъ разсмотрѣніи“ и о предписаніи комитету выдать ему „полный аттестатъ“. Въ тотъ же самый день и съ подобнымъ же письмомъ обратился къ Румовскому и дядя Веймарна, вятскій губернаторъ фонъ-Брадке, въ которомъ, „пользуясь благорасположеніемъ“ попечителя, проситъ его „удостоить племянника свидѣтельствомъ“ о выдержаніи имъ комитетскихъ испытаній. Архивные документы казанскаго университета ничего не говорятъ намъ о томъ, чѣмъ кончился этотъ конфликтъ, также довольно наглядно иллюстрирующій общій характеръ отношеній мѣстнаго

общества къ задачамъ и авторитету университетской испытательной комиссіи; весьма возможно, что коллежскій регистраторъ фонъ-Веймарнъ, поддерживаемый протекціей вліятельнаго дядюшки, такъ и началъ свою служебную карьеру съ спеціально измышленнымъ для него „неполнымъ“ аттестатомъ въ карманѣ [164].

Мы уже выше замѣтили, что какъ весь законъ 6-го августа 1809 года, такъ, въ особенности, установленные имъ при университетѣ экзамены для чиновниковъ—были причиною почти всеобщаго неудовольствія среди мѣстнаго общества. Предсказаніе Румовскаго по поводу „мудрованій“ на этой почвѣ оказалось пророческимъ. Трудно было экзаменному комитету угодить казанскому обществу: озлобленное неудовольствіе вызывало собою серьезное отношеніе экзаменаторовъ къ дѣлу, доходя до инцидентовъ, въ родѣ нами уже описанныхъ; такое же неудовольствіе, уснащенное толками и сплетнями на тему о лицепріятіи, попустительствѣ и даже мздоимствѣ разгаралось и изъ-за слишкомъ слабо произведенныхъ испытаній—и уже извѣстная намъ жалоба проф. Неймана на невыносимое нравственное положеніе членовъ экзаменнаго комитета вовсе не была лишена реальной подкладки. Трудно разобраться въ современныхъ толкахъ относительно злоупотребленій въ университетскомъ экзаменномъ комитетѣ, которые циркулировали въ обществѣ, окрыленные фантазіею лицъ, считавшихъ себя въ правѣ быть недовольными дѣятельностью экзаменаторовъ. Трудно возстановить и тотъ масштабъ, который прилагался современнымъ обществомъ къ представленію о злоупотребленіяхъ въ комитетѣ и который могъ оказываться весьма растяжимымъ—начиная отъ частныхъ уроковъ экзаменаторовъ и подготовки ими аспирантовъ къ испытаніямъ, чего, какъ мы видѣли, не чуждъ былъ и самъ профессоръ Нейманъ, чему не чуждъ былъ и цѣлый рядъ профессоровъ болѣе позднихъ эпохъ *, и кончая открытымъ мздоимствомъ, въ каковомъ, въ интересующую насъ эпоху, почти оффиціально обвинялся профессоръ Германъ.

Любопытно, что это тяжелое обвиненіе въ извлеченіи матеріальныхъ выгодъ изъ званія члена испытательнаго комитета,—въ „лакомствѣ“, выражаясь терминологіею того времени,—впервые предъявлено было противъ Германа его заклятымъ врагомъ по совѣтской дѣятельности, профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ. Обвиненіе это представлялось въ высшей

* Много позже,—уже въ началѣ 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія,—такимъ именно, въ ту пору весьма распространеннымъ, способомъ подготовки къ вступительному университетскому экзамену воспользовался въ Казани и нашъ знаменитый писатель графъ Л. Н. Толстой.

общества къ задачамъ и авторитету университетской испытательной коммиссіи; весьма возможно, что коллежскій регистраторъ фонъ-Веймарнъ, поддерживаемый протекціей вліятельнаго дядюшки, такъ и началъ свою служебную карьеру съ спеціально измышленнымъ для него „неполнымъ" аттестатомъ въ карманѣ [164].

Мы уже выше замѣтили, что какъ весь законъ 6-го августа 1809 года, такъ, въ особенности, установленные имъ при университетѣ экзамены для чиновниковъ—были причиною почти всеобщаго неудовольствія среди мѣстнаго общества. Предсказаніе Румовскаго по поводу „мудрованій" на этой почвѣ оказалось пророческимъ. Трудно было экзаменному комитету угодить казанскому обществу: озлобленное неудовольствіе вызывало собою серьезное отношеніе экзаменаторовъ къ дѣлу, доходя до инцидентовъ, въ родѣ нами уже описанныхъ; такое же неудовольствіе, уснащенное толками и сплетнями на тему о лицепріятіи, попустительствѣ и даже мздоимствѣ разгаралось и изъ-за слишкомъ слабо произведенныхъ испытаній—и уже извѣстная намъ жалоба проф. Неймана на невыносимое нравственное положеніе членовъ экзаменнаго комитета вовсе не была лишена реальной подкладки. Трудно разобраться въ современныхъ толкахъ относительно злоупотребленій въ университетскомъ экзаменномъ комитетѣ, которые циркулировали въ обществѣ, окрыленные фантазіею лицъ, считавшихъ себя въ правѣ быть недовольными дѣятельностью экзаменаторовъ. Трудно возстановить и тотъ масштабъ, который прилагался современнымъ обществомъ къ представленію о злоупотребленіяхъ въ комитетѣ и который могъ оказываться весьма растяжимымъ—начиная отъ частныхъ уроковъ экзаменаторовъ и подготовки ими аспирантовъ къ испытаніямъ, чего, какъ мы видѣли, не чуждъ былъ и самъ профессоръ Нейманъ, чему не чуждъ былъ и цѣлый рядъ профессоровъ болѣе позднихъ эпохъ *, и кончая открытымъ мздоимствомъ, въ каковомъ, въ интересующую насъ эпоху, почти оффиціально обвинялся профессоръ Германъ.

Любопытно, что это тяжелое обвиненіе въ извлеченіи матеріальныхъ выгодъ изъ званія члена испытательнаго комитета,—въ „лакомствѣ", выражаясь терминологіею того времени,—впервые предъявлено было противъ Германа его заклятымъ врагомъ по совѣтской дѣятельности, профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ. Обвиненіе это представлялось въ высшей

* Много позже,—уже въ началѣ 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія,—такимъ именно, въ ту пору весьма распространеннымъ, способомъ подготовки къ вступительному университетскому экзамену воспользовался въ Казани и нашъ знаменитый писатель графъ Л. Н. Толстой.

степени серьезнымъ, исходя отъ лица, стоявшаго во главѣ университета и, къ тому же, отъ предсѣдательствующаго члена того же экзаменнаго комитета. Впервые, и какъ бы, случайно обмолвливается Яковкинъ этимъ обвиненіемъ въ письмѣ къ попечителю отъ 14-го марта 1811 года: „О господахъ профессорахъ Фуксѣ и Германѣ съ сею почтою имѣю честь представить на начальственное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе. Сварливость послѣдняго и слышимое лакомство отъ экзаменуемыхъ выводятъ изъ терпѣнія"—читаемъ въ этомъ письмѣ. Съ бо̀льшею опредѣленностью возвращается профессоръ-директоръ къ тому же обвиненію въ письмѣ къ Румовскому отъ 8-го мая, при описаніи совѣтскихъ препирательствъ, происшедшихъ у него съ Германомъ изъ за устраненія послѣдняго, по незнанію русскаго языка, отъ разсмотрѣнія экзаменаціонныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, при чемъ онъ былъ, однако, оставленъ экзаменаторомъ по первымъ: „Прошедшее засѣданіе совѣта,—писалъ Яковкинъ,—совершенно обнаружило какъ чувствованія г. профессора Германа, такъ и усиліе его остаться въ экзаменномъ комитетѣ*; вскорѣ послѣ того слышалъ я новыя подтвержденія, что онъ даже требовалъ, чтобъ экзаменуемые приходили къ нему въ домъ на поклонъ—и не съ пустыми руками".

Какъ ни подчинялся слабовольный Румовскій вліянію своего казанскаго любимца, но на этотъ разъ и онъ не счелъ возможнымъ обосновать формальное обвиненіе Германа въ пресловутомъ „лакомствѣ" на какихъ то городскихъ сплетняхъ („слышимое", „слышалъ я"—постоянно оговаривается директоръ), услужливо сообщаемыхъ ему Яковкинымъ: „О лакомствѣ г. Германа,—писалъ онъ директору отъ 24-го іюля,—доколѣ не получу отъ васъ формальнаго представленія—ничего сказать не могу; какъ скоро оное получу, то, донесши г. министру, исключу его изъ числа экзаменаторовъ". Этою попечительскою отповѣдью вопросъ о „лакомствѣ" профессора Германа и былъ исчерпанъ; формальное обвиненіе въ немъ Германа должно было повлечь за собою уголовное преслѣдованіе, а для этого недостаточными являлись, конечно, тѣ слишкомъ общаго и неопредѣленнаго характера казанскіе толки, которые доходили до слуха Яковкина и цѣну которымъ приходилось директору не разъ извѣдывать и на собственной своей персонѣ [165].....

---

* Эти слова требуютъ нѣкотораго поясненія: распоряженіе попечителя объ устраненіи Германа только отъ разсмотрѣнія переводовъ на русскій языкъ было ошибочно принято Яковкинымъ за совершенное исключеніе его изъ экзаменнаго комитета и это недоразумѣніе было разъяснено уже позднѣйшимъ письмомъ Румовскаго.

степени серьезнымъ, исходя отъ лица, стоявшаго во главѣ университета и, къ тому же, отъ предсѣдательствующаго члена того же экзаменнаго комитета. Впервые, и какъ бы, случайно обмолвливается Яковкинъ этимъ обвиненіемъ въ письмѣ къ попечителю отъ 14-го марта 1811 года: „О господахъ профессорахъ Фуксѣ и Германѣ съ сею почтою имѣю честь представить на начальственное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе. Сварливость послѣдняго и слышимое лакомство отъ экзаменуемыхъ выводятъ изъ терпѣнія"—читаемъ въ этомъ письмѣ. Съ бо̀льшею опредѣленностью возвращается профессоръ-директоръ къ тому же обвиненію въ письмѣ къ Румовскому отъ 8-го мая, при описаніи совѣтскихъ препирательствъ, происшедшихъ у него съ Германомъ изъ за устраненія послѣдняго, по незнанію русскаго языка, отъ разсмотрѣнія экзаменаціонныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, при чемъ онъ былъ, однако, оставленъ экзаменаторомъ по первымъ: „Прошедшее засѣданіе совѣта,—писалъ Яковкинъ,—совершенно обнаружило какъ чувствованія г. профессора Германа, такъ и усиліе его остаться въ экзаменномъ комитетѣ*; вскорѣ послѣ того слышалъ я новыя подтвержденія, что онъ даже требовалъ, чтобъ экзаменуемые приходили къ нему въ домъ на поклонъ—и не съ пустыми руками".

Какъ ни подчинялся слабовольный Румовскій вліянію своего казанскаго любимца, но на этотъ разъ и онъ не счелъ возможнымъ обосновать формальное обвиненіе Германа въ пресловутомъ „лакомствѣ" на какихъ то городскихъ сплетняхъ („слышимое", „слышалъ я"—постоянно оговаривается директоръ), услужливо сообщаемыхъ ему Яковкинымъ: „О лакомствѣ г. Германа,—писалъ онъ директору отъ 24-го іюля,—доколѣ не получу отъ васъ формальнаго представленія—ничего сказать не могу; какъ скоро оное получу, то, донесши г. министру, исключу его изъ числа экзаменаторовъ". Этою попечительскою отповѣдью вопросъ о „лакомствѣ" профессора Германа и былъ исчерпанъ; формальное обвиненіе въ немъ Германа должно было повлечь за собою уголовное преслѣдованіе, а для этого недостаточными являлись, конечно, тѣ слишкомъ общаго и неопредѣленнаго характера казанскіе толки, которые доходили до слуха Яковкина и цѣну которымъ приходилось директору не разъ извѣдывать и на собственной своей персонѣ [165]....

---

* Эти слова требуютъ нѣкотораго поясненія: распоряженіе попечителя объ устраненіи Германа только отъ разсмотрѣнія переводовъ на русскій языкъ было ошибочно принято Яковкинымъ за совершенное исключеніе его изъ экзаменнаго комитета и это недоразумѣніе было разъяснено уже позднѣйшимъ письмомъ Румовскаго.

Казанскіе толки относительно злоупотребленій въ университетскомъ испытательномъ комитетѣ нашли себѣ отголосокъ и въ ревизіи Магницкаго, давшаго крайне суровый отзывъ о дѣятельности этого комитета:

„Я разсматривалъ,—пишетъ Магницкій министру въ своемъ докладѣ о состояніи казанскаго университета,—нѣкоторыя дѣла сего комитета, ибо общее въ городѣ на него нареканіе поставило мнѣ сіе въ обязанность, и нашелъ, что многіе изъ экзаменовъ произведены, въ противность установленіямъ, не въ самомъ комитетѣ и, слѣдовательно, не въ положенное число его засѣданій, а на дому у каждаго изъ профессоровъ, ибо и свидѣтельства ихъ отдѣльно выданныя и на коихъ основанъ впослѣдствіе аттестатъ университета, сшиты вмѣстѣ и составляютъ нѣкоторыя, такъ называемыя, дѣла объ экзаменахъ, безъ выписки изъ журналовъ, коихъ и быть не могло по сему производству".

Магницкій приводитъ конкретный примѣръ крайне легкаго отношенія комитета къ испытаніямъ:

„Примѣрный въ семъ родѣ самый злоупотребительный экзаменъ сдѣланъ титулярному совѣтнику Яшерову,—разсказываетъ Магницкій,—который, лично по симбирской губерніи за человѣка неученаго мнѣ извѣстный, дѣлаетъ на экзаменѣ ошибки противъ русской грамматики и, именно, въ правописаніи и получаетъ аттестатъ въ знаніи краснорѣчія, разрѣшаетъ задачи алгебры, совсѣмъ ему неизвѣстной, а на вопросы о правахъ и политической экономіи даетъ отвѣты, севершенно смысла не заключающіе и доказывающіе, что онъ не умѣлъ даже пересказать того, что ему о сихъ отвѣтахъ сказывали. Злоупотребленіе сего экзамена извѣстно даже въ публикѣ казанской; но, между тѣмъ, г. Яшеровъ получилъ аттестатъ и, по оному, чинъ 8-го класса. Подобныхъ сему экзаменовъ изъ 16-ти, комитетомъ произведенныхъ, большая половина".

Докладываетъ Магницкій и объ экстренныхъ мѣропріятіяхъ, принятыхъ имъ въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ комитета:

„Видя сіе позорное нарушеніе закона, подъ предлогомъ уволеннаго отъ управленія гимназіи и экзаменнаго комитета профессора Яковкина, предписалъ я проректору университета, при выѣздѣ изъ Казани, пріостановить выборъ новаго председателя сего комитета до разрѣшенія высшаго начальства, дабы тѣмъ прекратить сіи злоупотребительные экзамены до разрѣшенія судьбы самого университета".

Суровый ревизоръ доискивается и виновниковъ обнаруженныхъ имъ безпорядковъ по комитету:

Казанскіе толки относительно злоупотребленій въ университетскомъ испытательномъ комитетѣ нашли себѣ отголосокъ и въ ревизіи Магницкаго, давшаго крайне суровый отзывъ о дѣятельности этого комитета:

„Я разсматривалъ,—пишетъ Магницкій министру въ своемъ докладѣ о состояніи казанскаго университета,—нѣкоторыя дѣла сего комитета, ибо общее въ городѣ на него нареканіе поставило мнѣ сіе въ обязанность, и нашелъ, что многіе изъ экзаменовъ произведены, въ противность установленіямъ, не въ самомъ комитетѣ и, слѣдовательно, не въ положенное число его засѣданій, а на дому у каждаго изъ профессоровъ, ибо и свидѣтельства ихъ отдѣльно выданныя и на коихъ основанъ впослѣдствіе аттестатъ университета, сшиты вмѣстѣ и составляютъ нѣкоторыя, такъ называемыя, дѣла объ экзаменахъ, безъ выписки изъ журналовъ, коихъ и быть не могло по сему производству".

Магницкій приводитъ конкретный примѣръ крайне легкаго отношенія комитета къ испытаніямъ:

„Примѣрный въ семъ родѣ самый злоупотребительный экзаменъ сдѣланъ титулярному совѣтнику Яшерову,—разсказываетъ Магницкій,— который, лично по симбирской губерніи за человѣка неученаго мнѣ извѣстный, дѣлаетъ на экзаменѣ ошибки противъ русской грамматики и, именно, въ правописаніи и получаетъ аттестатъ въ знаніи краснорѣчія, разрѣшаетъ задачи алгебры, совсѣмъ ему неизвѣстной, а на вопросы о правахъ и политической экономіи даетъ отвѣты, севершенно смысла не заключающіе и доказывающіе, что онъ не умѣлъ даже пересказать того, что ему о сихъ отвѣтахъ сказывали. Злоупотребленіе сего экзамена извѣстно даже въ публикѣ казанской; но, между тѣмъ, г. Яшеровъ получилъ аттестатъ и, по оному, чинъ 8-го класса. Подобныхъ сему экзаменовъ изъ 16-ти, комитетомъ произведенныхъ, большая половина".

Докладываетъ Магницкій и объ экстренныхъ мѣропріятіяхъ, принятыхъ имъ въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ комитета:

„Видя сіе позорное нарушеніе закона, подъ предлогомъ уволеннаго отъ управленія гимназіи и экзаменнаго комитета профессора Яковкина, предписалъ я проректору университета, при выѣздѣ изъ Казани, пріостановить выборъ новаго предсѣдателя сего комитета до разрѣшенія высшаго начальства, дабы тѣмъ прекратить сіи злоупотребительные экзамены до разрѣшенія судьбы самого университета".

Суровый ревизоръ доискивается и виновниковъ обнаруженныхъ имъ безпорядковъ по комитету:

„Виновниками нашелъ я въ оныхъ профессора Яковкина и зятя его Врангеля, а какъ уже выше сего * изъяснилъ о первомъ свое мнѣніе, то о послѣднемъ имѣю честь представить, что не почитаю его для службы благонадежнымъ и полагалъ бы уволить отъ оной. Третьяго же члена, профессора Бартельса,—человѣка по учености его заслуживающаго уваженія,—не могу признать совершенно виновнымъ, ибо онъ не знаетъ по-русски и, вѣроятно не вмѣшиваясь въ злоупотребленія комитета, ограничивался экзаменомъ своей только части математики. Отзывъ сей слышалъ я и отъ всѣхъ его товарищей" [166].

Не взирая на крайнюю безпощадность только что приведеннаго нами отзыва Магницкаго, мы, къ чести казанскаго университета того времени, на которую посягалъ было Яковкинъ, не встрѣчаемъ въ немъ никакихъ указаній на обвиненія въ „лакомствѣ", съ такимъ легкимъ сердцемъ предъявленныя профессоромъ-директоромъ по адресу профессора Германа и которыя, на этотъ разъ такъ тактично, были отражены Румовскимъ. Будь малѣйшій поводъ къ такому обвиненію, Магницкій, конечно, не преминулъ бы воспользоваться имъ въ томъ одностороннемъ обвинительномъ актѣ противъ казанскаго университета, который былъ имъ представленъ подъ видомъ „отчета" объ его состояніи.

Формальное отношеніе къ дѣлу, излишняя слабость, пожалуй, даже, халатность, экзаменовъ, быть можетъ и излишнее преклоненіе предъ авторитетомъ и „почтительнѣйшими" просьбами вліятельныхъ папенекъ и дядюшекъ экзаменующихся—таковы тѣ, уже несомнѣнныя, прегрѣшенія университетскаго экзаменнаго комитета, которыя одни только и проглядываютъ изъ за „злоупотребленій", констатируемыхъ предубѣжденнымъ ревизоромъ университета.

VI

Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Экспертиза санитарнаго состоянія Арскаго поля.—Устройство громоотводовъ на пороховомъ заводѣ.—Борьба съ тифозною эпидеміею 1813 года—Заключеніе относительно врачебнаго примѣненія животнаго магнетизма.—Улучшеніе гигіеническихъ условій военнаго госпиталя.—Разборъ военноплѣнныхъ. Переводы съ иностранныхъ языковъ. Изслѣдованіе мѣсторожденія соды въ бугурусланскомъ уѣздѣ.—Опредѣленіе билярскихъ древностей.—Экспертиза скипидара.—Предложеніе врачебной помощи. Частная практика профессоровъ врачебнаго отдѣленія.—Черты этой стороны дѣятельности ихъ.—Врачебная реклама.

Въ предшествовавшихъ очеркахъ передъ нашими глазами прошли отдѣльныя стороны дѣятельности университета и рядъ возникшихъ при немъ

---

* Въ характеристикѣ профессоровъ и преподавателей университета въ отдѣльности.

„Виновниками нашелъ я въ оныхъ профессора Яковкина и зятя его Врангеля, а какъ уже выше сего * изъяснилъ о первомъ свое мнѣніе, то о послѣднемъ имѣю честь представить, что не почитаю его для службы благонадежнымъ и полагалъ бы уволить отъ оной. Третьяго же члена, профессора Бартельса,—человѣка по учености его заслуживающаго уваженія,—не могу признать совершенно виновнымъ, ибо онъ не знаетъ по-русски и, вѣроятно не вмѣшиваясь въ злоупотребленія комитета, ограничивался экзаменомъ своей только части математики. Отзывъ сей слышалъ я и отъ всѣхъ его товарищей“ [166].

Не взирая на крайнюю безпощадность только что приведеннаго нами отзыва Магницкаго, мы, къ чести казанскаго университета того времени, на которую посягалъ было Яковкинъ, не встрѣчаемъ въ немъ никакихъ указаній на обвиненія въ „лакомствѣ“, съ такимъ легкимъ сердцемъ предъявленныя профессоромъ-директоромъ по адресу профессора Германа и которыя, на этотъ разъ такъ тактично, были отражены Румовскимъ. Будь малѣйшій поводъ къ такому обвиненію, Магницкій, конечно, не преминулъ бы воспользоваться имъ въ томъ одностороннемъ обвинительномъ актѣ противъ казанскаго университета, который былъ имъ представленъ подъ видомъ „отчета“ объ его состояніи.

Формальное отношеніе къ дѣлу, излишняя слабость, пожалуй, даже, халатность, экзаменовъ, быть можетъ и излишнее преклоненіе предъ авторитетомъ и „почтительнѣйшими“ просьбами вліятельныхъ папенекъ и дядюшекъ экзаменующихся—таковы тѣ, уже несомнѣнныя, прегрѣшенія университетскаго экзаменнаго комитета, которыя одни только и проглядываютъ изъ за „злоупотребленій“, констатируемыхъ предубѣжденнымъ ревизоромъ университета.

VI

Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Экспертиза санитарнаго состоянія Арскаго поля.—Устройство громоотводовъ на пороховомъ заводѣ.—Борьба съ тифозною эпидеміею 1813 года—Заключеніе относительно врачебнаго примѣненія животнаго магнетизма.—Улучшеніе гигіеническихъ условій военнаго госпиталя.—Разборъ военноплѣнныхъ. Переводы съ иностранныхъ языковъ. Изслѣдованіе мѣсторожденія соды въ бугурусланскомъ уѣздѣ.—Опредѣленіе билярскихъ древностей.—Экспертиза скипидара.—Предложеніе врачебной помощи. Частная практика профессоровъ врачебнаго отдѣленія.—Черты этой стороны дѣятельности ихъ.—Врачебная реклама.

Въ предшествовавшихъ очеркахъ передъ нашими глазами прошли отдѣльныя стороны дѣятельности университета и рядъ возникшихъ при немъ

* Въ характеристикѣ профессоровъ и преподавателей университета въ отдѣльности.

учрежденій, которыми университетъ, по собственному почину и во имя лежащей на немъ культурной миссіи, шелъ на встрѣчу интересамъ и запросамъ мѣстнаго общества. Но общественное служеніе казанскаго университета, уже на первыхъ порахъ его существованія, выражалось еще и въ другомъ направленіи: университетъ никогда не отказывался приходить своими знаніями на встрѣчу нуждамъ и интересамъ окружавшей его общественности, по мѣрѣ силъ и возможности откликаясь на обращаемые къ нему запросы мѣстной администраціи, учрежденій и даже частныхъ лицъ.

Мы постараемся прослѣдить наиболѣе любопытные факты этого рода, начавъ съ отношеній, установлявшихся на этой почвѣ между университетомъ и мѣстными административными сферами.

Первый случай подобнаго рода относится уже ко второму году существованія университета и касается мѣстной санитарности—вопроса, еще и до нашихъ дней представляющагося однимъ изъ жгучихъ въ области благоустройства г. Казани, съ отрицательными сторонами котораго казанскому университету очень часто приходилось имѣть дѣло и въ болѣе близкія къ намъ эпохи своей жизни. Въ Казани уже въ началѣ XIX столѣтія имѣлись общественныя бойни, помѣщавшіяся на Арскомъ полѣ, бывшемъ въ ту пору не только „полемъ“ въ буквальномъ значеніи этого слова, но и одною изъ самыхъ запущенныхъ и грязныхъ городскихъ окраинъ; единственнымъ зданіемъ на этомъ полѣ былъ военный госпиталь, существующій, конечно въ значительно перестроенномъ и расширенномъ видѣ, и въ наши дни и приспособленный для этого назначенія, еще въ исходѣ XVIII вѣка, изъ бывшаго губернаторскаго дома. Сосѣдство боенъ съ этимъ лечебнымъ учрежденіемъ внушило мѣстной администраціи нѣкоторыя опасенія, результатомъ которыхъ и явилось, въ концѣ лѣта 1806 года, слѣдующее отношеніе въ университетъ губернатора Мансурова:

„По встрѣтившимся обстоятельствамъ, нужно знать: зловоніе, которое происходитъ отъ нечистотъ, находящихся при здѣшнихъ, на Арскомъ полѣ, бойняхъ, можетъ ли наносить вредъ людямъ, пребывающимъ въ военномъ госпиталѣ, вблизи ихъ состоящемъ, и разслаблять здоровье—то предписалъ я казанской врачебной управѣ учинить о семъ предметѣ съ должнымъ вниманіемъ изслѣдованіе; а что бы сіе выполнено было въ самой точности и не подвержено было сомнѣнію, я, по уваженію сихъ причинъ, покорно прошу совѣтъ предложить господамъ медицинскимъ чиновникамъ здѣшняго университета, что бы и они при

учрежденій, которыми университетъ, по собственному почину и во имя лежащей на немъ культурной миссіи, шелъ на встрѣчу интересамъ и запросамъ мѣстнаго общества. Но общественное служеніе казанскаго университета, уже на первыхъ порахъ его существованія, выражалось еще и въ другомъ направленіи: университетъ никогда не отказывался приходить своими знаніями на встрѣчу нуждамъ и интересамъ окружавшей его общественности, по мѣрѣ силъ и возможности откликаясь на обращаемые къ нему запросы мѣстной администраціи, учрежденій и даже частныхъ лицъ.

Мы постараемся прослѣдить наиболѣе любопытные факты этого рода, начавъ съ отношеній, установлявшихся на этой почвѣ между университетомъ и мѣстными административными сферами.

Первый случай подобнаго рода относится уже ко второму году существованія университета и касается мѣстной санитарности—вопроса, еще и до нашихъ дней представляющагося однимъ изъ жгучихъ въ области благоустройства г. Казани, съ отрицательными сторонами котораго казанскому университету очень часто приходилось имѣть дѣло и въ болѣе близкія къ намъ эпохи своей жизни. Въ Казани уже въ началѣ XIX столѣтія имѣлись общественныя бойни, помѣщавшіяся на Арскомъ полѣ, бывшемъ въ ту пору не только „полемъ" въ буквальномъ значеніи этого слова, но и одною изъ самыхъ запущенныхъ и грязныхъ городскихъ окраинъ; единственнымъ зданіемъ на этомъ полѣ былъ военный госпиталь, существующій, конечно въ значительно перестроенномъ и расширенномъ видѣ, и въ наши дни и приспособленный для этого назначенія, еще въ исходѣ XVIII вѣка, изъ бывшаго губернаторскаго дома. Сосѣдство боенъ съ этимъ лечебнымъ учрежденіемъ внушило мѣстной администраціи нѣкоторыя опасенія, результатомъ которыхъ и явилось, въ концѣ лѣта 1806 года, слѣдующее отношеніе въ университетъ губернатора Мансурова:

„По встрѣтившимся обстоятельствамъ, нужно знать: зловоніе, которое происходитъ отъ нечистотъ, находящихся при здѣшнихъ, на Арскомъ полѣ, бойняхъ, можетъ ли наносить вредъ людямъ, пребывающимъ въ военномъ госпиталѣ, вблизи ихъ состоящемъ, и разслаблять здоровье—то предписалъ я казанской врачебной управѣ учинить о семъ предметѣ съ должнымъ вниманіемъ изслѣдованіе; а что бы сіе выполнено было въ самой точности и не подвержено было сомнѣнію, я, по уваженію сихъ причинъ, покорно прошу совѣтъ предложить господамъ медицинскимъ чиновникамъ здѣшняго университета, что бы и они при

ономъ изслѣдованіи, вообще съ врачебною управою, были, и что по сему учинено будетъ, почтить меня увѣдомленіемъ".

Отзываясь на это, еще первое, обращеніе за содѣйствіемъ со стороны мѣстной администраціи, совѣтъ постановилъ назначить на 5-ое сентября, совмѣстное съ членами врачебной управы, засѣданіе особой комсіи по предложенному вопросу, назначивъ для этой цѣли: профессора анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки Каменскаго, профессора натуральной исторіи и доктора медицины Фукса, и адъюнктовъ, химіи и матеріи-медики—Эвеста, и физики—Запольскаго. Результатъ этой экспертизы былъ уже 19-го сентября доложенъ совѣту, а затѣмъ сообщенъ губернатору. Хотя коммиссія, „пробывъ внутри бойницъ болѣе часа", и замѣтила здѣсь „сильный гнилой запахъ потому, что нѣтъ въ нихъ надлежащей чистоты и опрятности, весьма нужной въ такомъ мѣстѣ"—тѣмъ не менѣе она высказалась въ томъ смыслѣ, что „зловоніе бойницъ, которому въ нѣкоторое время подвергается военная госпиталь, не можетъ имѣть важнаго вліянія на болѣзни и смертность больныхъ"; университетскіе эксперты подкрѣпляютъ свое мнѣніе соображеніями топографическаго, метеорологическаго и санитарно-статистическаго характера, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить не станемъ [167].

Лѣтомъ 1812 года начались оживленныя сношенія съ университетомъ военно-артиллерійскаго вѣдомства по вопросу объ устройствѣ на казанскомъ пороховомъ заводѣ громоотводовъ. Желая обезопасить учрежденія завода отъ дѣйствія грозъ, артиллерійскій департаментъ прислалъ администраціи завода готовый проэктъ и чертежи громоотводной системы, составленные генералъ-маіоромъ Гогелемъ, предлагая заводоуправленію прибѣгнуть къ содѣйствію казанскаго университета въ томъ случаѣ, если оно признаетъ невозможнымъ оборудовать это дѣло собственными средствами *. Эта невозможность не замедлила сказаться, и въ іюнѣ 1812 года генералъ-маіоръ Рослейнъ, начальникъ порохового завода, обратился въ университетъ съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ о содѣйствіи, которое и было принято на себя,—со стороны исключительно

* Вопросъ о громоотводахъ, въ видахъ желательности установки ихъ на гимназическихъ зданіяхъ, возбуждался въ совѣтѣ еще въ августѣ 1805 года, когда адъюнкту физики Запольскому было предложено, «что бъ онъ представилъ на письмѣ способы предохраненія отъ громовыхъ ударовъ». Запольскій отвѣтилъ рапортомъ, въ которомъ заявлялъ, что такъ какъ имъ «свѣдѣнія о громовыхъ отводахъ имѣются только изъ чтенія одного, то къ построенію ихъ, съ надеждою вѣрнаго успѣха въ ихъ дѣйствіи, приступить смѣлости не имѣетъ». (Арх. каз. унив., Сов. № 23, л.л. 57 и 80).

ономъ изслѣдованіи, вообще съ врачебною управою, были, и что по сему учинено будетъ, почтить меня увѣдомленіемъ".

Отзываясь на это, еще первое, обращеніе за содѣйствіемъ со стороны мѣстной администраціи, совѣтъ постановилъ назначить на 5-ое сентября, совмѣстное съ членами врачебной управы, засѣданіе особой комсіи по предложенному вопросу, назначивъ для этой цѣли: профессора анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки Каменскаго, профессора натуральной исторіи и доктора медицины Фукса, и адъюнктовъ, химіи и матеріи-медики—Эвеста, и физики—Запольскаго. Результатъ этой экспертизы былъ уже 19-го сентября доложенъ совѣту, а затѣмъ сообщенъ губернатору. Хотя коммиссія, „пробывъ внутри бойницъ болѣе часа", и замѣтила здѣсь „сильный гнилой запахъ потому, что нѣтъ въ нихъ надлежащей чистоты и опрятности, весьма нужной въ такомъ мѣстѣ"— тѣмъ не менѣе она высказалась въ томъ смыслѣ, что „зловоніе бойницъ, которому въ нѣкоторое время подвергается военная госпиталь, не можетъ имѣть важнаго вліянія на болѣзни и смертность больныхъ"; университетскіе эксперты подкрѣпляютъ свое мнѣніе соображеніями топографическаго, метеорологическаго и санитарно-статистическаго характера, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить не станемъ [167].

Лѣтомъ 1812 года начались оживленныя сношенія съ университетомъ военно-артиллерійскаго вѣдомства по вопросу объ устройствѣ на казанскомъ пороховомъ заводѣ громоотводовъ. Желая обезопасить учрежденія завода отъ дѣйствія грозъ, артиллерійскій департаментъ прислалъ администраціи завода готовый проэктъ и чертежи громоотводной системы, составленные генералъ-маіоромъ Гогелемъ, предлагая заводоуправленію прибѣгнуть къ содѣйствію казанскаго университета въ томъ случаѣ, если оно признаетъ невозможнымъ оборудовать это дѣло собственными средствами *. Эта невозможность не замедлила сказаться, и въ іюнѣ 1812 года генералъ-маіоръ Рослейнъ, начальникъ порохового завода, обратился въ университетъ съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ о содѣйствіи, которое и было принято на себя,—со стороны исключительно

* Вопросъ о громоотводахъ, въ видахъ желательности установки ихъ на гимназическихъ зданіяхъ, возбуждался въ совѣтѣ еще въ августѣ 1805 года, когда адъюнкту физики Запольскому было предложено, «что бъ онъ представилъ на письмѣ способы предохраненія отъ громовыхъ ударовъ». Запольскій отвѣтилъ рапортомъ, въ которомъ заявлялъ, что такъ какъ имъ «свѣдѣнія о громовыхъ отводахъ имѣются только изъ чтенія одного, то къ построенію ихъ, съ надеждою вѣрнаго успѣха въ ихъ дѣйствіи, приступить смѣлости не имѣетъ». (Арх. каз. унив., Сов. № 23, л.л. 57 и 80).

только теоретической,—профессоромъ физики Броннеромъ. Броннеръ подвергъ жестокой критикѣ петербургскій техническій проэктъ генерала Гогеля, признавъ его даже опаснымъ, и составилъ собственный проэктъ устройства громоотвода, который и былъ посланъ на разсмотрѣніе артиллерійскаго департамента. Департаментъ остался, повидимому, недоволенъ дерзостью казанскаго профессора и, настаивая на первоначальномъ проэктѣ, лѣтомъ 1814 года просилъ совѣтъ, черезъ начальника завода, „истребовать отъ г. профессора Броннера мнѣніе, по которому онъ находитъ опаснымъ способъ устроенія громовыхъ отводовъ, присланный изъ министерства военныхъ силъ". Только въ февралѣ слѣдующаго 1815 года послѣдовалъ отъ проф. Броннера подробный и снабженный чертежами отвѣтъ на предъявленный ему запросъ, который, слѣдомъ за тѣмъ, отправленъ былъ въ военное министерство и входить въ разсмотрѣніе технической стороны котораго мы, само собою разумѣется, не можемъ. Въ виду упорныхъ настояній военнаго вѣдомства на своемъ собственномъ проэктѣ, обращавшихъ профессора университета въ пассивнаго исполнителя чужихъ предначертаній, соглашеніе университета съ управленіемъ порохового завода относительно устройства громоотводовъ такъ и не состоялось, хотя переписка по этому вопросу нашла себѣ отголосокъ еще въ 1819 году [168].

Въ высшей степени почтенная дѣятельность выпала на долю казанскаго университета, въ интересахъ Казани и всего Поволжья, въ началѣ 1813 года, будучи вызвана исключительными условіями, созданными памятнымъ двѣнадцатымъ годомъ. Военныя событія 1812 года, сопровождавшіяся громаднымъ передвиженіемъ вооруженныхъ массъ, продовольственными затрудненіями, усиленною смертностью на поляхъ битвъ и въ лазаретахъ, безконечною эвакуаціею раненыхъ, больныхъ, военноплѣнныхъ и бѣглецовъ изъ мѣстностей, сдѣлавшихся театромъ войны—породили жестокую эпидемію гнилого тифа, распространившуюся по многимъ мѣстамъ нашего отечества и пустившей особенно глубокіе корни въ Поволжьи, гдѣ она свирѣпствовала въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ. Весьма естественнымъ представлялось обратиться въ этихъ обстоятельствахъ къ молодому казанскому университету, призвавъ его, въ лицѣ представителей медицинскаго знанія, къ содѣйствію правительству въ борьбѣ съ охватившею край тифозною эпидеміею. Такой призывъ и былъ сдѣланъ, уже въ самомъ началѣ 1813 года, слѣдующимъ предложеніемъ попечителя Салтыкова отъ 9-го января:

„По случаю появляющихся весьма опасныхъ заразъ послѣ бывшихъ внутри Россіи военныхъ дѣйствій не только въ мѣстахъ, гдѣ оныя

только теоретической,—профессоромъ физики Броннеромъ. Броннеръ подвергъ жестокой критикѣ петербургскій техническій проэктъ генерала Гогеля, признавъ его даже опаснымъ, и составилъ собственный проэктъ устройства громоотвода, который и былъ посланъ на разсмотрѣніе артиллерійскаго департамента. Департаментъ остался, повидимому, недоволенъ дерзостью казанскаго профессора и, настаивая на первоначальномъ проэктѣ, лѣтомъ 1814 года просилъ совѣтъ, черезъ начальника завода, „истребовать отъ г. профессора Броннера мнѣніе, по которому онъ находитъ опаснымъ способъ устроенія громовыхъ отводовъ, присланный изъ министерства военныхъ силъ". Только въ февралѣ слѣдующаго 1815 года послѣдовалъ отъ проф. Броннера подробный и снабженный чертежами отвѣтъ на предъявленный ему запросъ, который, слѣдомъ за тѣмъ, отправленъ былъ въ военное министерство и входить въ разсмотрѣніе технической стороны котораго мы, само собою разумѣется, не можемъ. Въ виду упорныхъ настояній военнаго вѣдомства на своемъ собственномъ проэктѣ, обращавшихъ профессора университета въ пассивнаго исполнителя чужихъ предначертаній, соглашеніе университета съ управленіемъ порохового завода относительно устройства громоотводовъ такъ и не состоялось, хотя переписка по этому вопросу нашла себѣ отголосокъ еще въ 1819 году [168].

Въ высшей степени почтенная дѣятельность выпала на долю казанскаго университета, въ интересахъ Казани и всего Поволжья, въ началѣ 1813 года, будучи вызвана исключительными условіями, созданными памятнымъ двѣнадцатымъ годомъ. Военныя событія 1812 года, сопровождавшіяся громаднымъ передвиженіемъ вооруженныхъ массъ, продовольственными затрудненіями, усиленною смертностью на поляхъ битвъ и въ лазаретахъ, безконечною эвакуаціею раненыхъ, больныхъ, военноплѣнныхъ и бѣглецовъ изъ мѣстностей, сдѣлавшихся театромъ войны—породили жестокую эпидемію гнилого тифа, распространившуюся по многимъ мѣстамъ нашего отечества и пустившей особенно глубокіе корни въ Поволжьи, гдѣ она свирѣпствовала въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ. Весьма естественнымъ представлялось обратиться въ этихъ обстоятельствахъ къ молодому казанскому университету, призвавъ его, въ лицѣ представителей медицинскаго знанія, къ содѣйствію правительству въ борьбѣ съ охватившею край тифозною эпидеміею. Такой призывъ и былъ сдѣланъ, уже въ самомъ началѣ 1813 года, слѣдующимъ предложеніемъ попечителя Салтыкова отъ 9-го января:

„По случаю появляющихся весьма опасныхъ заразъ послѣ бывшихъ внутри Россіи военныхъ дѣйствій не только въ мѣстахъ, гдѣ оныя

происходили, но и въ другихъ губерніяхъ, отъ проводу плѣнныхъ, разными болѣзнями зараженныхъ, и отъ другихъ обстоятельствъ, по содержанію предписанія господина министра народнаго просвѣщенія отъ 4-го числа сего генваря, въ копіи при семъ прилагаемаго, предлагаю, что бы г.г. профессоры казанскаго университета, составляющіе медицинское отдѣленіе, а именно: г. Фуксъ, г. Браунъ, г. Эрдманъ, г. Арнгольдтъ и адъюнкты г.г. Ренардъ и Калайдовичъ, составя комитетъ, немедленно занялись наставленіемъ, какими химическими или другими, но только простыми, средствами можно надежнѣйшимъ образомъ предохраниться отъ прилипчивыхъ болѣзней, съ тѣмъ, что бы оное, въ случаѣ надобности, можно было употреблять не только въ самомъ университетѣ и гимназіи, но что бы, согласно съ предписаніемъ господина министра, наставленіе сіе немедленно доставлено было ко всѣмъ директорамъ училищъ казанскаго округа, съ тѣмъ, что бы они объявили оное въ состоящихъ въ вѣдомствѣ ихъ училищахъ, дабы какъ училищные чиновники, такъ и ученики, въ потребномъ случаѣ могли употреблять предписанныя средства. Равнымъ образомъ, по случаю предположеннаго мною отсюда (т. е. изъ Петербурга) отъѣзда въ Казань, совѣтъ имѣетъ съ наставленія сего копію прямо отъ себя представить на усмотрѣніе его сіятельства господина министра".

Сформированный опредѣленіемъ совѣта отъ 22-го января и въ намѣченномъ попечителемъ составѣ, подъ названіемъ „медицинскаго", комитетъ немедленно приступилъ къ возложенному на него порученію и уже 1-го февраля представилъ совѣту выработанное имъ „наставленіе". Исходя въ этомъ интересномъ документѣ изъ той основной точки зрѣнія, что „каждая заразительная болѣзнь, а паче въ началѣ своемъ, постигаетъ не всѣхъ, вообще, жителей, но что большая часть оныхъ во все время свирѣпствующихъ заразительныхъ болѣзней пребывали, даже посреди погибающихъ, здоровыми", комитетъ приходитъ къ заключенію, что „причина заразы частью находится въ собственномъ нашемъ организмѣ (живомъ тѣлѣ) и состоитъ въ способности его быть зараженнымъ, частью же зависитъ отъ заразы (contagium)", причемъ самыя „причины, производящія расположеніе или способность быть зараженнымъ, суть: а) недостатокъ хорошей пищи и питья, какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ оныхъ, б) нечистый воздухъ и в) душевное уныніе". Эти то три фактора отрицательнаго характера и кладутся комитетомъ въ основу составленнаго имъ наставленія, съ подробнымъ указаніемъ простѣйшихъ способовъ устраненія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія ихъ вреднаго вліянія, а затѣмъ даются весьма подробныя указанія „простѣйшихъ средствъ для предохраненія себя отъ заразы", гдѣ трактуется о средствахъ соблюденія чистоты тѣла, поддержанія въ чистотѣ

происходили, но и въ другихъ губерніяхъ, отъ проводу плѣнныхъ, разными болѣзнями зараженныхъ, и отъ другихъ обстоятельствъ, по содержанію предписанія господина министра народнаго просвѣщенія отъ 4-го числа сего генваря, въ копіи при семъ прилагаемаго, предлагаю, что бы г.г. профессоры казанскаго университета, составляющіе медицинское отдѣленіе, а именно: г. Фуксъ, г. Браунъ, г. Эрдманъ, г. Арнгольдтъ и адъюнкты г.г. Ренардъ и Калайдовичъ, составя комитетъ, немедленно занялись наставленіемъ, какими химическими или другими, но только простыми, средствами можно надежнѣйшимъ образомъ предохраниться отъ прилипчивыхъ болѣзней, съ тѣмъ, что бы оное, въ случаѣ надобности, можно было употреблять не только въ самомъ университетѣ и гимназіи, но что бы, согласно съ предписаніемъ господина министра, наставленіе сіе немедленно доставлено было ко всѣмъ директорамъ училищъ казанскаго округа, съ тѣмъ, что бы они объявили оное въ состоящихъ въ вѣдомствѣ ихъ училищахъ, дабы какъ училищные чиновники, такъ и ученики, въ потребномъ случаѣ могли употреблять предписанныя средства. Равнымъ образомъ, по случаю предположеннаго мною отсюда (т. е. изъ Петербурга) отъѣзда въ Казань, совѣтъ имѣетъ съ наставленія сего копію прямо отъ себя представить на усмотрѣніе его сіятельства господина министра".

Сформированный опредѣленіемъ совѣта отъ 22-го января и въ намѣченномъ попечителемъ составѣ, подъ названіемъ „медицинскаго", комитетъ немедленно приступилъ къ возложенному на него порученію и уже 1-го февраля представилъ совѣту выработанное имъ „наставленіе". Исходя въ этомъ интересномъ документѣ изъ той основной точки зрѣнія, что „каждая заразительная болѣзнь, а паче въ началѣ своемъ, постигаетъ не всѣхъ, вообще, жителей, но что большая часть оныхъ во все время свирѣпствующихъ заразительныхъ болѣзней пребывали, даже посреди погибающихъ, здоровыми", комитетъ приходитъ къ заключенію, что „причина заразы частью находится въ собственномъ нашемъ организмѣ (живомъ тѣлѣ) и состоитъ въ способности его быть зараженнымъ, частью же зависитъ отъ заразы (contagium)", причемъ самыя „причины, производящія расположеніе или способность быть зараженнымъ, суть: а) недостатокъ хорошей пищи и питья, какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ оныхъ, б) нечистый воздухъ и в) душевное уныніе". Эти то три фактора отрицательнаго характера и кладутся комитетомъ въ основу составленнаго имъ наставленія, съ подробнымъ указаніемъ простѣйшихъ способовъ устраненія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія ихъ вреднаго вліянія, а затѣмъ даются весьма подробныя указанія „простѣйшихъ средствъ для предохраненія себя отъ заразы", гдѣ трактуется о средствахъ соблюденія чистоты тѣла, поддержанія въ чистотѣ

комнатнаго воздуха, изоляціи больныхъ, дезинфекціи жилищъ и вещей и т. п. Мы не коснемся подробностей этого крайне любопытнаго памятника казанской общественной медицины той эпохи, направляя интересующихся къ подлинному докладу комитета.

„Наставленію", составленному казанскимъ медицинскимъ комитетомъ, не было суждено получить практическаго примѣненія въ округѣ, такъ какъ уже 12-го февраля попечителемъ прислано было въ университетъ, для распространенія его въ училищахъ округа, печатное наставленіе того же рода, составленное медицинскимъ совѣтомъ и, по словамъ препроводительной бумаги—„весьма ясно изложенное и содержащее въ себѣ простыя и надежныя средства" *; въ виду этого состоялось распоряженіе о пріостановкѣ уже начатаго набора казанскаго наставленія и о перепечатаніи, въ количествѣ двухсотъ экземпляровъ, для разсылки по училищамъ, присланнаго оффиціальнаго наставленія. Слѣдомъ за тѣмъ (5-го марта) адъюнктъ фармаціи Ренардъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ объявлялъ, что—„желая содѣйствовать симъ столь спасительнымъ намѣреніямъ", онъ „намѣренъ изготовлять всѣ, сказанныя въ наставленіи медицинскаго совѣта, лекарства на тотъ конецъ, что бъ благоугодно было совѣту, при отправленіи во всѣ мѣста, подвѣдомыя казанскому учебному округу, наставленія, купно съ тѣмъ сопрягать и извѣщеніе о заготовленіи сихъ лекарствъ при здѣшнемъ университетѣ, съ требованіями коихъ адресовались бы прямо на мое имя". Это предложеніе Ренарда было, очевидно, вполнѣ безкорыстнымъ и совершенно принципіальнаго характера, такъ какъ въ его формулярномъ спискѣ значится изъявленная ему въ 1813 году благодарность попечителя „за изготовленіе на собственный счетъ предохранительныхъ отъ заразы средствъ, высшимъ начальствомъ предписанныхъ"; участіе въ борьбѣ съ тифозною эпидеміею 1813 года отмѣчено и въ послужныхъ спискахъ всѣхъ остальныхъ членовъ медицинскаго комитета этого года [169].

Въ высшей степени интереснымъ является заключеніе о примѣненіи къ лечебнымъ цѣлямъ жизненнаго магнетизма (гипноза), которое, по требованію правительства, давало въ 1816 году врачебное отдѣленіе казанскаго университета.

Этотъ не совсѣмъ заурядный для того времени вопросъ былъ возбужденъ благодаря слѣдующему циркулярному предложенію министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го апрѣля 1816 года, заслушанному совѣтомъ университета въ засѣданіи 4-го мая того же года:

* Интересующіеся найдутъ перечень этихъ средствъ въ сохранившемся въ архивныхъ дѣлахъ экземплярѣ печатнаго наставленія медицинскаго совѣта. (Сов. 1813, № 13, л.л. 19—20).

комнатнаго воздуха, изоляціи больныхъ, дезинфекціи жилищъ и вещей и т. п. Мы не коснемся подробностей этого крайне любопытнаго памятника казанской общественной медицины той эпохи, направляя интересующихся къ подлинному докладу комитета.

„Наставленію", составленному казанскимъ медицинскимъ комитетомъ, не было суждено получить практическаго примѣненія въ округѣ, такъ какъ уже 12-го февраля попечителемъ прислано было въ университетъ, для распространенія его въ училищахъ округа, печатное наставленіе того же рода, составленное медицинскимъ совѣтомъ и, по словамъ препроводительной бумаги—„весьма ясно изложенное и содержащее въ себѣ простыя и надежныя средства" *; въ виду этого состоялось распоряженіе о пріостановкѣ уже начатаго набора казанскаго наставленія и о перепечатаніи, въ количествѣ двухсотъ экземпляровъ, для разсылки по училищамъ, присланнаго оффиціальнаго наставленія. Слѣдомъ за тѣмъ (5-го марта) адъюнктъ фармаціи Ренардъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ объявлялъ, что—„желая содѣйствовать симъ столь спасительнымъ намѣреніямъ", онъ „намѣренъ изготовлять всѣ, сказанныя въ наставленіи медицинскаго совѣта, лекарства на тотъ конецъ, что бъ благоугодно было совѣту, при отправленіи во всѣ мѣста, подвѣдомыя казанскому учебному округу, наставленія, купно съ тѣмъ сопрягать и извѣщеніе о заготовленіи сихъ лекарствъ при здѣшнемъ университетѣ, съ требованіями коихъ адресовались бы прямо на мое имя". Это предложеніе Ренарда было, очевидно, вполнѣ безкорыстнымъ и совершенно принципіальнаго характера, такъ какъ въ его формулярномъ спискѣ значится изъявленная ему въ 1813 году благодарность попечителя „за изготовленіе на собственный счетъ предохранительныхъ отъ заразы средствъ, высшимъ начальствомъ предписанныхъ"; участіе въ борьбѣ съ тифозною эпидеміею 1813 года отмѣчено и въ послужныхъ спискахъ всѣхъ остальныхъ членовъ медицинскаго комитета этого года [169].

Въ высшей степени интереснымъ является заключеніе о примѣненіи къ лечебнымъ цѣлямъ жизненнаго магнетизма (гипноза), которое, по требованію правительства, давало въ 1816 году врачебное отдѣленіе казанскаго университета.

Этотъ не совсѣмъ заурядный для того времени вопросъ былъ возбужденъ благодаря слѣдующему циркулярному предложенію министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го апрѣля 1816 года, заслушанному совѣтомъ университета въ засѣданіи 4-го мая того же года:

* Интересующіеся найдутъ перечень этихъ средствъ въ сохранившемся въ архивныхъ дѣлахъ экземплярѣ печатнаго наставленія медицинскаго совѣта. (Сов. 1813, № 13, л.л. 19—20).

„Медицинскіе совѣты министерствъ просвѣщенія и полиціи, по предписанію своихъ начальствъ, имѣли общее собраніе для разсужденія о средствахъ, что бы жизненный магнетизмъ, долженствующій быть предметомъ одной врачебной науки, приходя современемъ на ту степень, на которую наблюденія искуссныхъ и опытныхъ врачей могутъ привести оный, не служилъ упражненіемъ людямъ постороннимъ, неопытнымъ или злонамѣреннымъ и тѣмъ, вмѣсто желаемой пользы, не приносилъ бы публикѣ вредъ. Вслѣдствіе того, медицинскіе совѣты, начертавъ правила, коими должно для сего руководствоваться въ С.-Петербургѣ, изъявили желаніе, чтобы и въ другихъ городахъ университетскіе совѣты и врачебныя управы руководствовались таковыми же правилами. Признавая сіе и съ своей стороны нужнымъ, препровождаю при семъ выписку изъ мнѣнія совѣтовъ, содержащую сіи правила, предлагая оныя казанскому университету, съ тѣмъ, что бы, для надлежащаго наблюденія ихъ въ Казани, начерталъ, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, проэктъ, который предлагаю мнѣ доставить въ непродолжительномъ времени".

Считаемъ существеннымъ познакомить нашихъ читателей съ тѣми выводами, къ которымъ пришло въ области этого интереснаго вопроса соединенное совѣщаніе центральныхъ медицинскихъ органовъ:

„1) Употребленіе животнаго магнетизма для врачеванія болѣзней предоставить единственно врачамъ, получившимъ въ Россіи полное и законное право на врачебную практику.

2) Дабы, однако, и въ семъ случаѣ не встрѣтились какія либо недоразумѣнія, то медицинскіе совѣты считаютъ необходимымъ поручить особо нѣкоторымъ изъ г.г. членовъ наблюдать за исполненіемъ излагаемыхъ здѣсь правилъ. Для сего, по общему согласію, избраны г.г. Штофрегенъ, Мерцъ, Уденъ, Елинзенъ, Реманъ и Мильгаузенъ.

3) Каждый врачъ, желающій магнетизмомъ пользовать больныхъ, долженъ являться предварительно въ медицинскій совѣтъ министерства полиціи и доносить: a) объ имени, состояніи и лѣтахъ больнаго, b) о свойствѣ болѣзни и употребленномъ до того леченіи оной и c) о способѣ, коимъ онъ предполагаетъ магнетизировать.

4) Вышеупомянутые члены, по разсмотрѣніи всего, въ 3-мъ пунктѣ объявленнаго, даютъ позволеніе на производство магнетизированія, либо запрещаютъ оное.

5) Врачъ, получившій позволеніе пользовать магнетизмомъ, обязанъ вести подробныя дневныя записки всему тому, что къ магнетизированію и дѣйствію онаго относиться можетъ, и таковыя записи ежемѣсячно представлять вышеупомянутымъ членамъ совѣта.

6) О всякомъ необыкновенномъ явленіи и происшествіи при магнетизированіи примѣчать врачъ долженъ и безъ отлагательства доносить членамъ.

„Медицинскіе совѣты министерствъ просвѣщенія и полиціи, по предписанію своихъ начальствъ, имѣли общее собраніе для разсужденія о средствахъ, что бы жизненный магнетизмъ, долженствующій быть предметомъ одной врачебной науки, приходя современемъ на ту степень, на которую наблюденія искуссныхъ и опытныхъ врачей могутъ привести оный, не служилъ упражненіемъ людямъ постороннимъ, неопытнымъ или злонамѣреннымъ и тѣмъ, вмѣсто желаемой пользы, не приносилъ бы публикѣ вредъ. Вслѣдствіе того, медицинскіе совѣты, начертавъ правила, коими должно для сего руководствоваться въ С.-Петербургѣ, изъявили желаніе, чтобы и въ другихъ городахъ университетскіе совѣты и врачебныя управы руководствовались таковыми же правилами. Признавая сіе и съ своей стороны нужнымъ, препровождаю при семъ выписку изъ мнѣнія совѣтовъ, содержащую сіи правила, предлагая оныя казанскому университету, съ тѣмъ, что бы, для надлежащаго наблюденія ихъ въ Казани, начерталъ, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, проэктъ, который предлагаю мнѣ доставить въ непродолжительномъ времени".

Считаемъ существеннымъ познакомить нашихъ читателей съ тѣми выводами, къ которымъ пришло въ области этого интереснаго вопроса соединенное совѣщаніе центральныхъ медицинскихъ органовъ:

„1) Употребленіе животнаго магнетизма для врачеванія болѣзней предоставить единственно врачамъ, получившимъ въ Россіи полное и законное право на врачебную практику.

2) Дабы, однако, и въ семъ случаѣ не встрѣтились какія либо недоразумѣнія, то медицинскіе совѣты считаютъ необходимымъ поручить особо нѣкоторымъ изъ г.г. членовъ наблюдать за исполненіемъ излагаемыхъ здѣсь правилъ. Для сего, по общему согласію, избраны г.г. Штофрегенъ, Мерцъ, Уденъ, Елинзенъ, Реманъ и Мильгаузенъ.

3) Каждый врачъ, желающій магнетизмомъ пользовать больныхъ, долженъ являться предварительно въ медицинскій совѣтъ министерства полиціи и доносить: a) объ имени, состояніи и лѣтахъ больнаго, b) о свойствѣ болѣзни и употребленномъ до того леченіи оной и c) о способѣ, коимъ онъ предполагаетъ магнетизировать.

4) Вышеупомянутые члены, по разсмотрѣніи всего, въ 3-мъ пунктѣ объявленнаго, даютъ позволеніе на производство магнетизированія, либо запрещаютъ оное.

5) Врачъ, получившій позволеніе пользовать магнетизмомъ, обязанъ вести подробныя дневныя записки всему тому, что къ магнетизированію и дѣйствію онаго относиться можетъ, и таковыя записи ежемѣсячно представлять вышеупомянутымъ членамъ совѣта.

6) О всякомъ необыкновенномъ явленіи и происшествіи при магнетизированіи примѣчать врачъ долженъ и безъ отлагательства доносить членамъ.

7) Вышеупомянутые члены чрезъ два мѣсяца доносятъ медицинскому совѣту министерства полиціи о происшествіяхъ и наблюденіяхъ, касательно магнетизма, съ представленіемъ дневныхъ записокъ, ими получаемыхъ.

8) Одинъ или два изъ вышеписанныхъ членовъ, смотря по возможности случаевъ, должны присутствовать при магнетизированіи, для точнаго наблюденія дѣйствій онаго.

Все сіе,—заключаетъ записка,—будетъ средствомъ къ отвращенію разныхъ злоупотребленій, могущихъ проистекать отъ неумѣстнаго магнетизированія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ къ расширенію курса познаній, набюденіями пріобрѣтаемыхъ, къ приведенію въ большую извѣстность дѣйствій магнетизма, а, можетъ быть, и къ открытію точныхъ и несомнѣнныхъ правилъ, подъ которыя можно подвести сію, по дѣйствіямъ своимъ чудесную, но доселѣ мало постигаемую, силу".

Это мнѣніе медицинскихъ совѣтовъ было уже заслушано въ совѣтѣ университета, когда получилось еще дополнительное предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 4-го мая, въ которомъ сообщалось, что „комитетъ г.г. министровъ, одобривъ начертанныя правила для производства опытовъ надъ животнымъ магнетизмомъ, положилъ дозволить производить тѣ опыты только въ столицахъ и въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты и медицинскія кафедры, подъ наблюденіемъ здѣсь—медицинскихъ совѣтовъ, а въ другихъ мѣстахъ—медицинскихъ факультетовъ, притомъ по вышеозначеннымъ правиламъ и съ тѣмъ, что бы факультеты по временамъ доставляли сюда журналы произведеннымъ опытамъ". Руководствуясь обоими министерскими предложеніями, отдѣленіе врачебныхъ наукъ 31-го мая имѣло по этому вопросу соединенное съ мѣстною врачебною управою совѣщаніе, на которомъ были выработаны правила пользованія силою животнаго магнетизма, составленныя примѣнительно къ правиламъ, сообщеннымъ министерствомъ. Эти правила сводились къ слѣдующимъ положеніямъ:

„1) Двое изъ членовъ врачебнаго отдѣленія и одинъ таковой же изъ казанской врачебной управы составятъ частный комитетъ, подчиненный высшему комитету, въ С.-Петербургѣ учрежденному. Подъ надзоромъ сего частнаго комитета наблюдаются всѣ опыты надъ животнымъ магнетизмомъ, предпринимаемые въ казанскомъ учебномъ округѣ.

2) Всякій, желающій въ казанской округѣ заняться животнымъ магнетизмомъ, долженъ быть аттестованный россійскій врачъ. Онъ обязывается явиться въ означенный комитетъ и представить оному полную и подробную исторію болѣзни, равно и образъ употребленія предполагаемой имъ рукодѣятельной (sic) практики на разсмотрѣніе и одобреніе комитета.

7) Вышеупомянутые члены чрезъ два мѣсяца доносятъ медицинскому совѣту министерства полиціи о происшествіяхъ и наблюденіяхъ, касательно магнетизма, съ представленіемъ дневныхъ записокъ, ими получаемыхъ.

8) Одинъ или два изъ вышеписанныхъ членовъ, смотря по возможности случаевъ, должны присутствовать при магнетизированіи, для точнаго наблюденія дѣйствій онаго.

Все сіе,—заключаетъ записка,—будетъ средствомъ къ отвращенію разныхъ злоупотребленій, могущихъ проистекать отъ неумѣстнаго магнетизированія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ къ расширенію курса познаній, набюденіями пріобрѣтаемыхъ, къ приведенію въ большую извѣстность дѣйствій магнетизма, а, можетъ быть, и къ открытію точныхъ и несомнѣнныхъ правилъ, подъ которыя можно подвести сію, по дѣйствіямъ своимъ чудесную, но доселѣ мало постигаемую, силу".

Это мнѣніе медицинскихъ совѣтовъ было уже заслушано въ совѣтѣ университета, когда получилось еще дополнительное предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 4-го мая, въ которомъ сообщалось, что „комитетъ г.г. министровъ, одобривъ начертанныя правила для производства опытовъ надъ животнымъ магнетизмомъ, положилъ дозволить производить тѣ опыты только въ столицахъ и въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты и медицинскія кафедры, подъ наблюденіемъ здѣсь—медицинскихъ совѣтовъ, а въ другихъ мѣстахъ—медицинскихъ факультетовъ, притомъ по вышеозначеннымъ правиламъ и съ тѣмъ, что бы факультеты по временамъ доставляли сюда журналы произведеннымъ опытамъ". Руководствуясь обоими министерскими предложеніями, отдѣленіе врачебныхъ наукъ 31-го мая имѣло по этому вопросу соединенное съ мѣстною врачебною управою совѣщаніе, на которомъ были выработаны правила пользованія силою животнаго магнетизма, составленныя примѣнительно къ правиламъ, сообщеннымъ министерствомъ. Эти правила сводились къ слѣдующимъ положеніямъ:

„1) Двое изъ членовъ врачебнаго отдѣленія и одинъ таковой же изъ казанской врачебной управы составятъ частный комитетъ, подчиненный высшему комитету, въ С.-Петербургѣ учрежденному. Подъ надзоромъ сего частнаго комитета наблюдаются всѣ опыты надъ животнымъ магнетизмомъ, предпринимаемые въ казанскомъ учебномъ округѣ.

2) Всякій, желающій въ казанской округѣ заняться животнымъ магнетизмомъ, долженъ быть аттестованный россійскій врачъ. Онъ обязывается явиться въ означенный комитетъ и представить оному полную и подробную исторію болѣзни, равно и образъ употребленія предполагаемой имъ рукодѣятельной (sic) практики на разсмотрѣніе и одобреніе комитета.

3) Если комитетъ не находитъ противныя причины къ употребленію магнетизма въ вышесказанномъ случаѣ, то даетъ на сіе свое согласіе. Но опыты сіи должны быть производимы въ самой Казани.

4) Каждый магнетизаторъ обязанъ вести надлежащій журналъ относительно опытовъ и наблюденій своихъ и представлять оный каждомѣсячно въ комитетъ, при всякомъ же необыкновенномъ явленіи доносить немедленно.

5) При чрезвычайныхъ случаяхъ долженъ присутствовать одинъ изъ членовъ комитета, а по важности предмета и весь комитетъ.

6) Казанскій частный комитетъ магнетизма доноситъ высшему с.-петербургскому комитету, чрезъ два мѣсяца, о произведенныхъ подъ надзоромъ его наблюденіяхъ и прилагаетъ копіи съ журналовъ, имъ полученныхъ".

Никакихъ дальнѣйшихъ указаній ни на дѣятельность этого „комитета магнетизма", ни на практику леченія „животнымъ магнетизмомъ"—мы въ архивныхъ дѣлахъ казанскаго университета уже не встрѣчали [170].

Весною 1819 года медицинскому факультету казанскаго университета выпала на долю довольно оригинальная задача произвести освидѣтельствованіе степени сырости въ помѣщеніяхъ мѣстнаго военнаго госпиталя,—задача, относительно умѣстности каковой для университета возникало даже разногласіе въ совѣтѣ. Дѣло это создалось на почвѣ оказавшейся совершенной непригодности зданія военнаго госпиталя, благодаря обнаружившейся въ немъ сырости, къ дальнѣйшему выполненію имъ своего назначенія. Профессоръ хирургіи Арнгольдтъ, почитавшій себя, надо полагать, вполнѣ компетентнымъ и въ вопросахъ гигіены жилыхъ помѣщеній, еще въ августѣ 1818 года предложилъ казанскому коменданту, полковнику барону А. К. Пирху, свои услуги по осушкѣ зданія госпиталя и просилъ отвести ему, въ видѣ опыта, одну изъ сырыхъ палатъ „для испытанія средствъ, ему извѣстныхъ, и, ежели они окажутся полезными, то объяснитъ кому слѣдуетъ". Палата просителю была отведена и къ веснѣ слѣдующаго года получено было отъ услужливаго профессора увѣдомленіе, что „къ истребленію въ комнатѣ сырости и гнилости воздуха опыты имъ окончены", вслѣдствіе чего 9-го марта 1819 года особою коммиссіею произведено освидѣтельствованіе результатовъ этихъ опытовъ, причемъ оказалось, что они далеко не оправдали увѣреній профессора Арнгольдта. И, вотъ, полковникъ Пирхъ, желая подкрѣпить отзывъ коммиссіи авторитетнымъ мнѣніемъ университета, обратился къ послѣднему съ просьбою „не оставить учинить медицинскимъ факультетомъ осмотръ въ сказанномъ госпиталѣ покоя, господиномъ Арнгольдтомъ исправлен-

3) Если комитетъ не находитъ противныя причины къ употребленію магнетизма въ вышесказанномъ случаѣ, то даетъ на сіе свое согласіе. Но опыты сіи должны быть производимы въ самой Казани.

4) Каждый магнетизаторъ обязанъ вести надлежащій журналъ относительно опытовъ и наблюденій своихъ и представлять оный каждомѣсячно въ комитетъ, при всякомъ же необыкновенномъ явленіи доносить немедленно.

5) При чрезвычайныхъ случаяхъ долженъ присутствовать одинъ изъ членовъ комитета, а по важности предмета и весь комитетъ.

6) Казанскій частный комитетъ магнетизма доноситъ высшему с.-петербургскому комитету, чрезъ два мѣсяца, о произведенныхъ подъ надзоромъ его наблюденіяхъ и прилагаетъ копіи съ журналовъ, имъ полученныхъ".

Никакихъ дальнѣйшихъ указаній ни на дѣятельность этого „комитета магнетизма", ни на практику леченія „животнымъ магнетизмомъ"—мы въ архивныхъ дѣлахъ казанскаго университета уже не встрѣчали [170].

Весною 1819 года медицинскому факультету казанскаго университета выпала на долю довольно оригинальная задача произвести освидѣтельствованіе степени сырости въ помѣщеніяхъ мѣстнаго военнаго госпиталя,—задача, относительно умѣстности каковой для университета возникало даже разногласіе въ совѣтѣ. Дѣло это создалось на почвѣ оказавшейся совершенной непригодности зданія военнаго госпиталя, благодаря обнаружившейся въ немъ сырости, къ дальнѣйшему выполненію имъ своего назначенія. Профессоръ хирургіи Арнгольдтъ, почитавшій себя, надо полагать, вполнѣ компетентнымъ и въ вопросахъ гигіены жилыхъ помѣщеній, еще въ августѣ 1818 года предложилъ казанскому коменданту, полковнику барону А. К. Пирху, свои услуги по осушкѣ зданія госпиталя и просилъ отвести ему, въ видѣ опыта, одну изъ сырыхъ палатъ „для испытанія средствъ, ему извѣстныхъ, и, ежели они окажутся полезными, то объяснитъ кому слѣдуетъ". Палата просителю была отведена и къ веснѣ слѣдующаго года получено было отъ услужливаго профессора увѣдомленіе, что „къ истребленію въ комнатѣ сырости и гнилости воздуха опыты имъ окончены", вслѣдствіе чего 9-го марта 1819 года особою коммиссіею произведено освидѣтельствованіе результатовъ этихъ опытовъ, причемъ оказалось, что они далеко не оправдали увѣреній профессора Арнгольдта. И, вотъ, полковникъ Пирхъ, желая подкрѣпить отзывъ коммиссіи авторитетнымъ мнѣніемъ университета, обратился къ послѣднему съ просьбою „не оставить учинить медицинскимъ факультетомъ осмотръ въ сказанномъ госпиталѣ покоя, господиномъ Арнгольдтомъ исправлен-

наго, и тѣмъ, кои остались неисправленными, сдѣлавъ сравненіе онымъ". Просьба эта, заслушанная въ засѣданіи совѣта 29-го марта, вызвала здѣсь разногласіе и была разрѣшена большинствомъ десяти голосовъ противъ шести. 31-го марта медицинскій факультетъ производилъ это необыкновенное освидѣтельствованіе и пришелъ къ заключенію, что: а) „въ казанскомъ военномъ госпиталѣ въ одномъ изъ каменныхъ покоевъ, который исправляемъ былъ г. профессоромъ Арнгольдтомъ, воздухъ довольно сыръ"; б) „сырость сія происходитъ не отъ пола, а отъ стѣнъ, которыя построены на довольно мелкомъ фундаментѣ" и в) „сырость воздуха въ смежной съ онымъ покоемъ палатѣ хотя и больше, но однакожъ разность не велика".

Усердіе профессора Арнгольдта къ интересамъ казанскаго военнаго госпиталя находитъ себѣ весьма простое объясненіе въ томъ фактѣ, что имъ еще въ началѣ декабря 1818 года представленъ былъ, черезъ министра народнаго просвѣщенія, цѣлый проэктъ капитальнаго переустройства зданій госпиталя, съ весьма значительною экономіею противъ первоначально исчислявшихся на то суммъ; этотъ проэктъ былъ представленъ на благоусмотрѣніе военнаго министра и 1-го мая 1819 года удостоился высочайшаго одобренія, вслѣдствіе чего на Арнгольдта и было возложено порученіе произвести полное переустройство казанскаго госпиталя, съ отпускомъ на этотъ предметъ суммы свыше 172-хъ тысячъ рублей. 5-го августа 1819 года проф. Арнгольдтъ былъ уволенъ изъ казанскаго университета, а потому архивныя дѣла этого послѣдняго и не даютъ намъ свѣдѣній о дальнѣйшей дѣятельности его по устройству зданій военнаго госпиталя, хотя данныя въ этомъ направленіи и должны имѣться въ архивахъ мѣстныхъ военныхъ установленій. Мы имѣемъ лишь указаніе, что въ началѣ іюня 1819 года Арнгольдтъ оправдывалъ свою неисправность въ чтеніи лекцій тѣмъ, что онъ „занятъ по полученному высочайшему повелѣнію о построеніи казанскаго военнаго госпиталя" [171].

Казанскому университету приходилось довольно часто имѣть дѣло съ мѣстнымъ военнымъ вѣдомствомъ, выполняя тѣ или другія его порученія. Такъ, въ началѣ 1813 года делегатъ отъ университета, учитель Н. Упадышевскій, былъ привлеченъ къ дѣлу разборки препровожденныхъ въ Казань военноплѣнныхъ бывшей наполеоновской великой арміи, причемъ имъ было зарегистрировано 254 плѣнныхъ, съ указаніемъ ихъ именъ, фамилій, національности, чиновъ, рода службы и занятій до вступленія въ военную службу. Въ общей массѣ этихъ военноплѣнныхъ оказалось, по національностямъ: 87 французовъ, 54 испанца, 39 итальянцевъ, 33 по-

наго, и тѣмъ, кои остались неисправленными, сдѣлавъ сравненіе онымъ". Просьба эта, заслушанная въ засѣданіи совѣта 29-го марта, вызвала здѣсь разногласіе и была разрѣшена большинствомъ десяти голосовъ противъ шести. 31-го марта медицинскій факультетъ производилъ это необыкновенное освидѣтельствованіе и пришелъ къ заключенію, что: а) „въ казанскомъ военномъ госпиталѣ въ одномъ изъ каменныхъ покоевъ, который исправляемъ былъ г. профессоромъ Арнгольдтомъ, воздухъ довольно сыръ"; б) „сырость сія происходитъ не отъ пола, а отъ стѣнъ, которыя построены на довольно мелкомъ фундаментѣ" и в) „сырость воздуха въ смежной съ онымъ покоемъ палатѣ хотя и больше, но однакожъ разность не велика".

Усердіе профессора Арнгольдта къ интересамъ казанскаго военнаго госпиталя находитъ себѣ весьма простое объясненіе въ томъ фактѣ, что имъ еще въ началѣ декабря 1818 года представленъ былъ, черезъ министра народнаго просвѣщенія, цѣлый проэктъ капитальнаго переустройства зданій госпиталя, съ весьма значительною экономіею противъ первоначально исчислявшихся на то суммъ; этотъ проэктъ былъ представленъ на благоусмотрѣніе военнаго министра и 1-го мая 1819 года удостоился высочайшаго одобренія, вслѣдствіе чего на Арнгольдта и было возложено порученіе произвести полное переустройство казанскаго госпиталя, съ отпускомъ на этотъ предметъ суммы свыше 172-хъ тысячъ рублей. 5-го августа 1819 года проф. Арнгольдтъ былъ уволенъ изъ казанскаго университета, а потому архивныя дѣла этого послѣдняго и не даютъ намъ свѣдѣній о дальнѣйшей дѣятельности его по устройству зданій военнаго госпиталя, хотя данныя въ этомъ направленіи и должны имѣться въ архивахъ мѣстныхъ военныхъ установленій. Мы имѣемъ лишь указаніе, что въ началѣ іюня 1819 года Арнгольдтъ оправдывалъ свою неисправность въ чтеніи лекцій тѣмъ, что онъ „занятъ по полученному высочайшему повелѣнію о построеніи казанскаго военнаго госпиталя" [171].

Казанскому университету приходилось довольно часто имѣть дѣло съ мѣстнымъ военнымъ вѣдомствомъ, выполняя тѣ или другія его порученія. Такъ, въ началѣ 1813 года делегатъ отъ университета, учитель Н. Упадышевскій, былъ привлеченъ къ дѣлу разборки препровожденныхъ въ Казань военноплѣнныхъ бывшей наполеоновской великой арміи, причемъ имъ было зарегистрировано 254 плѣнныхъ, съ указаніемъ ихъ именъ, фамилій, національности, чиновъ, рода службы и занятій до вступленія въ военную службу. Въ общей массѣ этихъ военноплѣнныхъ оказалось, по національностямъ: 87 французовъ, 54 испанца, 39 итальянцевъ, 33 по-

ляка, 26 нѣмцевъ, 6 голландцевъ, 6 кроатовъ и т. д.; по чинамъ: 8 офицеровъ, 5 сержантовъ, 8 капраловъ, 1 фурьеръ и т. п.; по родамъ службы: 203 пѣхотинца и 51 кавалеристъ. Въ маѣ 1819 года медицинскій факультетъ производилъ, по просьбѣ казанскаго коменданта, еще менѣе свойственное университету освидѣтельствованіе—осмотръ рекрута, возбудившаго подозрѣніе въ симуляціи негодности пальца [172].

Укажемъ, въ заключеніе, на сдѣлавшіяся обычными просьбы относительно перевода на русскій языкъ получаемыхъ на иностранныхъ языкахъ бумагъ, съ которыми безпрестанно обращались къ казанскому университету различные органы мѣстной администраціи и общественнаго управленія и которыя всегда, и съ большою предупредительностью, имъ удовлетворялись, какъ свидѣтельствуетъ намъ цѣлый рядъ сохранившихся до нашихъ дней дѣлъ по такимъ ходатайствамъ, заключающихъ въ себѣ не мало чертъ, весьма любопытныхъ въ чисто бытовомъ отношеніи [173].

Уже довольно рано сталкиваемся мы и съ дѣятельностью университета, направленною къ удовлетворенію интересовъ и запросовъ частныхъ лицъ и учрежденій.

Первый примѣръ подобнаго рода относится къ 1812 году. Осенью 1811 года магистру Дунаеву были доставлены изъ бугурусланскаго уѣзда оренбургской губерніи образцы „неизвѣстной соли“, мѣсторожденіе которой яко бы „составляетъ тамъ, въ дачахъ помѣщика Бутлерова, довольно пространную равнину“; Дунаеву разсказывали, что „означенному помѣщику жиды предлагали 15 тыс. рублей съ тѣмъ, что бы онъ позволилъ имъ вываривать оную“ и т. п. Весьма вѣроятно, что всѣ эти мало опредѣленныя свѣдѣнія, равно какъ и самые образцы „соли“, были сообщены Дунаеву студентомъ Капитономъ Бутлеровымъ, какъ разъ находившимся въ то время въ университетѣ, къ имѣнію родителей котораго нашъ магистръ химіи и пріурочилъ самое мѣсторожденіе доставленнаго ему минерала: впослѣдствіе оказалось, что эта „соль“ обрѣтается не въ помѣстьи Бутлеровыхъ, но въ дачахъ помѣщиковъ Новиковыхъ. Дунаевъ вошелъ по этому поводу въ совѣтъ съ особымъ рапортомъ, въ которомъ доносилъ, что онъ „соль сію подвергнулъ химическому изслѣдованію“ и пришелъ къ заключенію, что „она есть углекислый натръ или, иначе—сода (natrum carbonicum)“. Это открытіе привело юнаго химика въ состояніе научной экзальтаціи и онъ рисуетъ въ своемъ рапортѣ тѣ широкія перспективы, какія могутъ раскрыться, благодаря открытію столь богатаго мѣсторожденія соды: онъ уже мечтаетъ о томъ, какъ бугурусланскій углекислый натръ „можетъ быть употребленъ

ляка, 26 нѣмцевъ, 6 голландцевъ, 6 кроатовъ и т. д.; по чинамъ: 8 офицеровъ, 5 сержантовъ, 8 капраловъ, 1 фурьеръ и т. п.; по родамъ службы: 203 пѣхотинца и 51 кавалеристъ. Въ маѣ 1819 года медицинскій факультетъ производилъ, по просьбѣ казанскаго коменданта, еще менѣе свойственное университету освидѣтельствованіе—осмотръ рекрута, возбудившаго подозрѣніе въ симуляціи негодности пальца [172].

Укажемъ, въ заключеніе, на сдѣлавшіяся обычными просьбы относительно перевода на русскій языкъ получаемыхъ на иностранныхъ языкахъ бумагъ, съ которыми безпрестанно обращались къ казанскому университету различные органы мѣстной администраціи и общественнаго управленія и которыя всегда, и съ большою предупредительностью, имъ удовлетворялись, какъ свидѣтельствуетъ намъ цѣлый рядъ сохранившихся до нашихъ дней дѣлъ по такимъ ходатайствамъ, заключающихъ въ себѣ не мало чертъ, весьма любопытныхъ въ чисто бытовомъ отношеніи [173].

Уже довольно рано сталкиваемся мы и съ дѣятельностью университета, направленною къ удовлетворенію интересовъ и запросовъ частныхъ лицъ и учрежденій.

Первый примѣръ подобнаго рода относится къ 1812 году. Осенью 1811 года магистру Дунаеву были доставлены изъ бугурусланскаго уѣзда оренбургской губерніи образцы „неизвѣстной соли“, мѣсторожденіе которой яко бы „составляетъ тамъ, въ дачахъ помѣщика Бутлерова, довольно пространную равнину“; Дунаеву разсказывали, что „означенному помѣщику жиды предлагали 15 тыс. рублей съ тѣмъ, что бы онъ позволилъ имъ вываривать оную“ и т. п. Весьма вѣроятно, что всѣ эти мало опредѣленныя свѣдѣнія, равно какъ и самые образцы „соли“, были сообщены Дунаеву студентомъ Капитономъ Бутлеровымъ, какъ разъ находившимся въ то время въ университетѣ, къ имѣнію родителей котораго нашъ магистръ химіи и пріурочилъ самое мѣсторожденіе доставленнаго ему минерала: впослѣдствіе оказалось, что эта „соль“ обрѣтается не въ помѣстьи Бутлеровыхъ, но въ дачахъ помѣщиковъ Новиковыхъ. Дунаевъ вошелъ по этому поводу въ совѣтъ съ особымъ рапортомъ, въ которомъ доносилъ, что онъ „соль сію подвергнулъ химическому изслѣдованію“ и пришелъ къ заключенію, что „она есть углекислый натръ или, иначе—сода (natrum carbonicum)“. Это открытіе привело юнаго химика въ состояніе научной экзальтаціи и онъ рисуетъ въ своемъ рапортѣ тѣ широкія перспективы, какія могутъ раскрыться, благодаря открытію столь богатаго мѣсторожденія соды: онъ уже мечтаетъ о томъ, какъ бугурусланскій углекислый натръ „можетъ быть употребленъ

съ бóльшою выгодою, нежели поташъ, для приготовленія коего въ Россіи часто нарочно сожигаютъ знатное количество лѣсовъ, кои и безъ того примѣтнымъ образомъ истребляются"; какъ его сода вытѣснитъ поташъ въ производствахъ стекольномъ и мыловаренномъ, подобно тому, какъ это уже послѣдовало въ Англіи, гдѣ „завели особыя фабрики для приготовленія натра посредствомъ разложенія поваренной или глауберовой солей".... „Посему,—заключаетъ авторъ рапорта,—желая споспѣшествовать общей пользѣ и видамъ правительства, представляю о семъ на благоразсмотрѣніе совѣту: не благоугодно ли будетъ почтеннѣйшему совѣту изслѣдовать обстоятельнѣе,—дѣйствительно ли находится показанная пространная долина, содержащая въ себѣ углекислый натръ; такое ли количество соли сей въ ней содержится, которое бы могло обратить на себя вниманіе; выгодно ли мѣстоположеніе для заведенія стеклянныхъ фабрикъ или мыловаренныхъ заводовъ и т. п." Заслушавъ рапортъ Дунаева, совѣтъ въ засѣданіи 10-го января 1812 года постановилъ: „въ присутствіи г.г. профессоровъ медицины и адъюнкта Ренарда повторить опытъ, сдѣланный надъ сею солью, а что скажется о томъ—представить совѣту".

Вторичный анализъ бугурусланской „соли" былъ произведенъ коммиссіею изъ профессоровъ Брауна и Эрдмана, адъюнкта фармаціи Ренарда и того же магистра Дунаева и выяснилъ, что въ одной драхмѣ испытуемаго вещества содержится гранъ: natri carbonici—51, natri sulphurici—6, natri muriatici—3; коммиссія пришла къ заключенію, что открытіе можетъ представить собою высокій техническій интересъ въ томъ случаѣ, если углекислый натръ окажется возможнымъ освободить отъ остальныхъ, предвходящихъ къ нему, составныхъ частей испытуемой соли. Результатъ произведеннаго анализа,—о достоинствахъ котораго предоставляемъ судить спеціалистамъ,—былъ препровожденъ въ совѣтъ при представленіи адъюнкта Ренарда, въ которомъ, воздавая должное „бдительности и трудолюбію" Дунаева, Ренардъ высказываетъ мысль о необходимости дальнѣйшихъ изысканій на мѣстѣ, которыя удобнѣе всего возложить на самого Дунаева, какъ „чиновника, который, добровольно побуждаемый духомъ отечественной пользы и обязанности, открылъ себѣ пространное поле усовершенствовать и утончить свои познанія". Опредѣленіемъ совѣта отъ 20-го марта все это дѣло было препровождено на благоусмотрѣніе попечителя, отъ котораго вскорѣ и было получено согласіе на спеціальную командировку магистра Дунаева въ бугурусланскій уѣздъ, въ мѣсторожденіе пресловутой соли, по ближайшимъ справкамъ оказавшееся, какъ мы видѣли, не въ имѣніи Бутлеровыхъ, но въ дачахъ деревни Новиковки, принадлежащей помѣщику А. И. Новикову съ братьями.

съ бóльшою выгодою, нежели поташъ, для приготовленія коего въ Россіи часто нарочно сожигаютъ знатное количество лѣсовъ, кои и безъ того примѣтнымъ образомъ истребляются"; какъ его сода вытѣснитъ поташъ въ производствахъ стекольномъ и мыловаренномъ, подобно тому, какъ это уже послѣдовало въ Англіи, гдѣ „завели особыя фабрики для приготовленія натра посредствомъ разложенія поваренной или глауберовой солей".... „Посему,—заключаетъ авторъ рапорта,—желая споспѣшествовать общей пользѣ и видамъ правительства, представляю о семъ на благоразсмотрѣніе совѣту: не благоугодно ли будетъ почтеннѣйшему совѣту изслѣдовать обстоятельнѣе,—дѣйствительно ли находится показанная пространная долина, содержащая въ себѣ углекислый натръ; такое ли количество соли сей въ ней содержится, которое бы могло обратить на себя вниманіе; выгодно ли мѣстоположеніе для заведенія стеклянныхъ фабрикъ или мыловаренныхъ заводовъ и т. п." Заслушавъ рапортъ Дунаева, совѣтъ въ засѣданіи 10-го января 1812 года постановилъ: „въ присутствіи г.г. профессоровъ медицины и адъюнкта Ренарда повторить опытъ, сдѣланный надъ сею солью, а что скажется о томъ—представить совѣту".

Вторичный анализъ бугурусланской „соли" былъ произведенъ коммиссіею изъ профессоровъ Брауна и Эрдмана, адъюнкта фармаціи Ренарда и того же магистра Дунаева и выяснилъ, что въ одной драхмѣ испытуемаго вещества содержится гранъ: natri carbonici—51, natri sulphurici—6, natri muriatici—3; коммиссія пришла къ заключенію, что открытіе можетъ представить собою высокій техническій интересъ въ томъ случаѣ, если углекислый натръ окажется возможнымъ освободить отъ остальныхъ, предвходящихъ къ нему, составныхъ частей испытуемой соли. Результатъ произведеннаго анализа,—о достоинствахъ котораго предоставляемъ судить спеціалистамъ,—былъ препровожденъ въ совѣтъ при представленіи адъюнкта Ренарда, въ которомъ, воздавая должное „бдительности и трудолюбію" Дунаева, Ренардъ высказываетъ мысль о необходимости дальнѣйшихъ изысканій на мѣстѣ, которыя удобнѣе всего возложить на самого Дунаева, какъ „чиновника, который, добровольно побуждаемый духомъ отечественной пользы и обязанности, открылъ себѣ пространное поле усовершенствовать и утончить свои познанія". Опредѣленіемъ совѣта отъ 20-го марта все это дѣло было препровождено на благоусмотрѣніе попечителя, отъ котораго вскорѣ и было получено согласіе на спеціальную командировку магистра Дунаева въ бугурусланскій уѣздъ, въ мѣсторожденіе пресловутой соли, по ближайшимъ справкамъ оказавшееся, какъ мы видѣли, не въ имѣніи Бутлеровыхъ, но въ дачахъ деревни Новиковки, принадлежащей помѣщику А. И. Новикову съ братьями.

Дунаевъ выѣхалъ въ путь 5-го сентября 1812 года, снабженный рекомендательнымъ отношеніемъ совѣта къ помѣщику А. И. Новикову, открытымъ предписаніемъ на имя мѣстныхъ властей отъ оренбургскаго военнаго губернатора князя Волконскаго и 253-мя рубл. 16-ю коп. денегъ на прогоны и другіе расходы. Совершивъ эту научную поѣздку, Дунаевъ 12-го декабря представилъ совѣту рапортъ, въ которомъ долженъ былъ признаться въ томъ, что, къ крайнему своему прискорбію—„надлежащимъ образомъ исполнить сію обязанность, равно какъ и то, что въ предпринятомъ на сей конецъ путешествіи прежде сдѣлать предполагалъ, не могъ", приписывая неудачу, главнымъ образомъ, неблагопріятнымъ условіямъ поздняго времени года. Ограничивъ свой рапортъ самымъ общимъ описаніемъ содосодержащей „долины" и произведенныхъ имъ изслѣдованій, сопроводивъ его даже разсказомъ о томъ, какъ онъ обучалъ одного изъ братьевъ Новиковыхъ домашнему способу приготовленія мыла, Дунаевъ заканчиваетъ свой отчетъ указаніемъ на необходимость „нѣкоторые изъ произведенныхъ опытовъ повторить, а нѣкоторые—произвести вновь". На этомъ и заканчивается исторія этого, много нашумѣвшаго, но не давшаго никакихъ положительныхъ результатовъ, перваго технико-химическаго начинанія казанскаго университета.

Въ 1815 году довелось прибѣгнуть къ авторитету университетской науки и другому, старѣйшему, мѣстному учебному учрежденію—казанской духовной академіи, по поводу экспертизы древняго мѣднаго блюда и такого же диска съ ручкой, хранившихся въ академіи и за сорокъ лѣтъ до того найденныхъ въ чистопольскомъ уѣздѣ, на древне-булгарскомъ городищѣ у пригорода Билярска. Препроводивъ въ концѣ января 1815 года эти предметы въ совѣтъ университета, ректоръ академіи архимандритъ Епифаній, ссылаясь на то, что „императорскій казанскій университетъ имѣетъ ученыхъ мужей, свѣдущихъ въ познаніи древностей", просилъ „сдѣлать подлежащее ученое изъясненіе на оные, съ возвращеніемъ сихъ вещей"; изъ препроводительнаго отношенія видно, что обѣ древности были украшены изображеніями и письменами—„коихъ истолкованіе можетъ быть для учености весьма не излишнимъ или и полезнымъ". Экспертиза этихъ археологическихъ предметовъ была поручена совѣтомъ профессору Френу, который и сдѣлалъ имъ подробное описаніе, сообщенное правленію духовной академіи [175].

Весьма характерный примѣръ обращенія къ авторитету университетской науки совершенно частнаго предпринимателя представляетъ собою прошеніе въ совѣтъ чистопольскаго мѣщанина Тимофея Семенова Канда-

Дунаевъ выѣхалъ въ путь 5-го сентября 1812 года, снабженный рекомендательнымъ отношеніемъ совѣта къ помѣщику А. И. Новикову, открытымъ предписаніемъ на имя мѣстныхъ властей отъ оренбургскаго военнаго губернатора князя Волконскаго и 253-мя рубл. 16-ю коп. денегъ на прогоны и другіе расходы. Совершивъ эту научную поѣздку, Дунаевъ 12-го декабря представилъ совѣту рапортъ, въ которомъ долженъ былъ признаться въ томъ, что, къ крайнему своему прискорбію—„надлежащимъ образомъ исполнить сію обязанность, равно какъ и то, что въ предпринятомъ на сей конецъ путешествіи прежде сдѣлать предполагалъ, не могъ", приписывая неудачу, главнымъ образомъ, неблагопріятнымъ условіямъ поздняго времени года. Ограничивъ свой рапортъ самымъ общимъ описаніемъ содосодержащей „долины" и произведенныхъ имъ изслѣдованій, сопроводивъ его даже разсказомъ о томъ, какъ онъ обучалъ одного изъ братьевъ Новиковыхъ домашнему способу приготовленія мыла, Дунаевъ заканчиваетъ свой отчетъ указаніемъ на необходимость „нѣкоторые изъ произведенныхъ опытовъ повторить, а нѣкоторые—произвести вновь". На этомъ и заканчивается исторія этого, много нашумѣвшаго, но не давшаго никакихъ положительныхъ результатовъ, перваго технико-химическаго начинанія казанскаго университета.

Въ 1815 году довелось прибѣгнуть къ авторитету университетской науки и другому, старѣйшему, мѣстному учебному учрежденію—казанской духовной академіи, по поводу экспертизы древняго мѣднаго блюда и такого же диска съ ручкой, хранившихся въ академіи и за сорокъ лѣтъ до того найденныхъ въ чистопольскомъ уѣздѣ, на древне-булгарскомъ городищѣ у пригорода Билярска. Препроводивъ въ концѣ января 1815 года эти предметы въ совѣтъ университета, ректоръ академіи архимандритъ Епифаній, ссылаясь на то, что „императорскій казанскій университетъ имѣетъ ученыхъ мужей, свѣдущихъ въ познаніи древностей", просилъ „сдѣлать подлежащее ученое изъясненіе на оные, съ возвращеніемъ сихъ вещей"; изъ препроводительнаго отношенія видно, что обѣ древности были украшены изображеніями и письменами—„коихъ истолкованіе можетъ быть для учености весьма не излишнимъ или и полезнымъ". Экспертиза этихъ археологическихъ предметовъ была поручена совѣтомъ профессору Френу, который и сдѣлалъ имъ подробное описаніе, сообщенное правленію духовной академіи [175].

Весьма характерный примѣръ обращенія къ авторитету университетской науки совершенно частнаго предпринимателя представляетъ собою прошеніе въ совѣтъ чистопольскаго мѣщанина Тимофея Семенова Канда-

линцева относительно производства экспертизы скипидара, вырабатываемаго на его заводѣ. Прошеніе это подано было Кандалинцевымъ, въ качествѣ членовъ университета, адъюнктамъ Тимьянскому и Дунаеву, въ бытность ихъ въ августѣ 1816 года въ г. Чистополѣ. Разсказывая въ своемъ прошеніи о томъ, какъ, устроивъ въ царевококшайскомъ уѣздѣ небольшой смоляной заводъ, онъ предпринялъ и попытку выгонки изъ смолы скипидара, Кандалинцевъ усиленно просилъ университетъ высказать свое мнѣніе о прилагаемыхъ къ прошенію пробахъ этого скипидара и, если онъ найденъ будетъ по своимъ качествамъ неудовлетворительнымъ—то снабдить его „наставленіемъ, которымъ руководствуясь, — заявляетъ проситель,—я бы могъ усовершенствовать мое заведеніе и тѣмъ способствовать, по мѣрѣ силъ моихъ, къ распространенію промышленности въ любезномъ нашемъ отечествѣ". Препровожденное въ совѣтъ при особомъ представленіи Тимьянскаго и Дунаева, прошеніе это было заслушано въ засѣданіи 17-го августа, при чемъ постановлено поручить экспертизу доставленыхъ образцовъ скипидара профессору Брейтенбаху и адъюнкту Дунаеву. Эта экспертиза не дала благопріятныхъ результатовъ: рапортомъ отъ 23-го декабря эксперты признали изслѣдованныя ими пробы не вполнѣ удовлетворительными, вслѣдствіе значительнаго содержанія въ нихъ пригорѣлой кислоты и смолы; относительно же просьбы Кандалинцева о дачѣ ему необходимыхъ наставленій къ улучшенію производства высказались, что „не можно дать онаго, не видѣвъ устройства завода и не имѣя свѣдѣнія о пріемахъ при самомъ приготовленіи смолы и скипидара употребляемыхъ" [176].

Лѣтомъ 1819 года казанскому университету пришлось производить экспертизу селитросодержащей земли, по поводу тяжбы между полковникомъ Григоріемъ Персидскимъ и генералъ-маіоромъ Хр. Бриммеромъ, возникшей на почвѣ невыполненія послѣднимъ договора относительно добыванія селитры на земляхъ перваго. Эта экспертиза, происходившая по предложенію саратовскаго губернскаго правленія, не представила для производившихъ ее профессора Фукса и адъюнкта Дунаева серьезныхъ затрудненій, такъ какъ оказалось, что въ доставленныхъ для изслѣдованія образцахъ земли—„никакихъ селитрокислыхъ солей ни мало не содержится", хотя въ докладѣ экспертовъ и былъ весьма подробно затронутъ вопросъ объ условіяхъ и пріемахъ селитренаго производства, вообще [177].

Врачебная помощь представляетъ собою одну изъ весьма существенныхъ услугъ, оказываемыхъ университетами обществу, черезъ посредство учрежденій и лицъ, состоящихъ при ихъ медицинскихъ факуль-

линцева относительно производства экспертизы скипидара, вырабатываемаго на его заводѣ. Прошеніе это подано было Кандалинцевымъ, въ качествѣ членовъ университета, адъюнктамъ Тимьянскому и Дунаеву, въ бытность ихъ въ августѣ 1816 года въ г. Чистополѣ. Разсказывая въ своемъ прошеніи о томъ, какъ, устроивъ въ царевококшайскомъ уѣздѣ небольшой смоляной заводъ, онъ предпринялъ и попытку выгонки изъ смолы скипидара, Кандалинцевъ усиленно просилъ университетъ высказать свое мнѣніе о прилагаемыхъ къ прошенію пробахъ этого скипидара и, если онъ найденъ будетъ по своимъ качествамъ неудовлетворительнымъ— то снабдить его „наставленіемъ, которымъ руководствуясь, — заявляетъ проситель,—я бы могъ усовершенствовать мое заведеніе и тѣмъ способствовать, по мѣрѣ силъ моихъ, къ распространенію промышленности въ любезномъ нашемъ отечествѣ". Препровожденное въ совѣтъ при особомъ представленіи Тимьянскаго и Дунаева, прошеніе это было заслушано въ засѣданіи 17-го августа, при чемъ постановлено поручить экспертизу доставленыхъ образцовъ скипидара профессору Брейтенбаху и адъюнкту Дунаеву. Эта экспертиза не дала благопріятныхъ результатовъ: рапортомъ отъ 23-го декабря эксперты признали изслѣдованныя ими пробы не вполнѣ удовлетворительными, вслѣдствіе значительнаго содержанія въ нихъ пригорѣлой кислоты и смолы; относительно же просьбы Кандалинцева о дачѣ ему необходимыхъ наставленій къ улучшенію производства высказались, что „не можно дать онаго, не видѣвъ устройства завода и не имѣя свѣдѣнія о пріемахъ при самомъ приготовленіи смолы и скипидара употребляемыхъ" [176].

Лѣтомъ 1819 года казанскому университету пришлось производить экспертизу селитросодержащей земли, по поводу тяжбы между полковникомъ Григоріемъ Персидскимъ и генералъ-маіоромъ Хр. Бриммеромъ, возникшей на почвѣ невыполненія послѣднимъ договора относительно добыванія селитры на земляхъ перваго. Эта экспертиза, происходившая по предложенію саратовскаго губернскаго правленія, не представила для производившихъ ее профессора Фукса и адъюнкта Дунаева серьезныхъ затрудненій, такъ какъ оказалось, что въ доставленныхъ для изслѣдованія образцахъ земли—„никакихъ селитрокислыхъ солей ни мало не содержится", хотя въ докладѣ экспертовъ и былъ весьма подробно затронутъ вопросъ объ условіяхъ и пріемахъ селитренаго производства, вообще [177].

Врачебная помощь представляетъ собою одну изъ весьма существенныхъ услугъ, оказываемыхъ университетами обществу, черезъ посредство учрежденій и лицъ, состоящихъ при ихъ медицинскихъ факуль-

тетахъ, и въ этой сторонѣ практической дѣятельности университетовъ коренится одна изъ наиболѣе осязательнѣйшихъ точекъ соприкосновенія университетовъ съ интересами мѣстнаго населенія. Намъ придется очень мало говорить объ этой сторонѣ служебной дѣятельности казанскаго университета въ начальную пору его существованія, такъ какъ организація его вспомогательно-медицинскихъ учрежденій и, главнымъ образомъ, клиническихъ институтовъ—представляется совершенно примитивною за тотъ промежутокъ времени, который составляетъ предметъ нашего настоящаго изложенія. Дѣятельность медицинскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета будетъ, въ своемъ мѣстѣ, предметомъ нашего самостоятельнаго повѣствованія, пока же отмѣтимъ лишь одинъ характерный фактъ, свидѣтельствующій о готовности юнаго университета идти, имѣющимися въ его распоряженіи средствами, на встрѣчу интересамъ страждущаго человѣчества. Къ 1812 году завелись при физическомъ кабинетѣ университета „электрическая и гальваническая, замѣчательныя по своимъ дѣйствіямъ, машины". Электротерапія тогда только что зарождалась—и вотъ университетъ, въ то время даже не располагавшій еще организованнымъ медицинскимъ факультетомъ, черезъ публикацію въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (1812 г., № 41) объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что, благодаря этимъ новымъ машинамъ—„многіе страждущіе параличемъ получили совершенное исцѣленіе", почему онъ и призываетъ всѣхъ нуждающихся пользоваться ими въ лечебныхъ цѣляхъ, завѣряя, что каждый страждущій, „явясь къ начальству университета, немедленно получитъ удовлетвореніе въ своей просьбѣ".

Связь университета съ мѣстнымъ обществомъ всѣхъ классовъ и всѣхъ состояній уже почти съ самаго основанія его стала поддерживаться и частною практикою профессоровъ-врачей, первымъ изъ которыхъ явился въ Казани К. Ѳ. Фуксъ.

Обширная медицинская практика профессора К. Ѳ. Фукса, начавшаяся съ самаго появленія его въ концѣ 1805 года въ Казани, продолжалась, затѣмъ, на протяженіи цѣлыхъ сорока лѣтъ—до самой его кончины (весною 1846 года), отвоевавъ ему громкую, въ высшей степени популярную и исключительную,—даже и для нашихъ дней,—репутацію врача-гумманиста и безсребренника, съ равною готовностью являвшагося съ своею помощью и въ палатахъ богача, и въ убогой хижинѣ бѣдняка; слава Фукса, какъ врача-практика, въ свое время далеко гремѣла, не ограничиваясь предѣлами города Казани, по всему обширному русскому востоку. Имя Фукса сдѣлалось особенно извѣстнымъ съ 1812-го и ближайшихъ къ нему

тетахъ, и въ этой сторонѣ практической дѣятельности университетовъ коренится одна изъ наиболѣе осязательнѣйшихъ точекъ соприкосновенія университетовъ съ интересами мѣстнаго населенія. Намъ придется очень мало говорить объ этой сторонѣ служебной дѣятельности казанскаго университета въ начальную пору его существованія, такъ какъ организація его вспомогательно-медицинскихъ учрежденій и, главнымъ образомъ, клиническихъ институтовъ—представляется совершенно примитивною за тотъ промежутокъ времени, который составляетъ предметъ нашего настоящаго изложенія. Дѣятельность медицинскихъ учебно - вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета будетъ, въ своемъ мѣстѣ, предметомъ нашего самостоятельнаго повѣствованія, пока же отмѣтимъ лишь одинъ характерный фактъ, свидѣтельствующій о готовности юнаго университета идти, имѣющимися въ его распоряженіи средствами, на встрѣчу интересамъ страждущаго человѣчества. Къ 1812 году завелись при физическомъ кабинетѣ университета „электрическая и гальваническая, замѣчательныя по своимъ дѣйствіямъ, машины". Электротерапія тогда только что зарождалась—и вотъ университетъ, въ то время даже не располагавшій еще организованнымъ медицинскимъ факультетомъ, черезъ публикацію въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (1812 г., № 41) объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что, благодаря этимъ новымъ машинамъ—„многіе страждущіе параличемъ получили совершенное исцѣленіе", почему онъ и призываетъ всѣхъ нуждающихся пользоваться ими въ лечебныхъ цѣляхъ, завѣряя, что каждый страждущій, „явясь къ начальству университета, немедленно получитъ удовлетвореніе въ своей просьбѣ".

Связь университета съ мѣстнымъ обществомъ всѣхъ классовъ и всѣхъ состояній уже почти съ самаго основанія его стала поддерживаться и частною практикою профессоровъ-врачей, первымъ изъ которыхъ явился въ Казани К. Ѳ. Фуксъ.

Обширная медицинская практика профессора К. Ѳ. Фукса, начавшаяся съ самаго появленія его въ концѣ 1805 года въ Казани, продолжалась, затѣмъ, на протяженіи цѣлыхъ сорока лѣтъ—до самой его кончины (весною 1846 года), отвоевавъ ему громкую, въ высшей степени популярную и исключительную,—даже и для нашихъ дней,—репутацію врача-гумманиста и безсребренника, съ равною готовностью являвшагося съ своею помощью и въ палатахъ богача, и въ убогой хижинѣ бѣдняка; слава Фукса, какъ врача-практика, въ свое время далеко гремѣла, не ограничиваясь предѣлами города Казани, по всему обширному русскому востоку. Имя Фукса сдѣлалось особенно извѣстнымъ съ 1812-го и ближайшихъ къ нему

годовъ, благодаря самоотверженной борьбѣ, предпринятой имъ съ уже извѣстною намъ тифозною эпидеміею, охватившею собою казанскій край; по словамъ одного изъ ближайшихъ его учениковъ, профессора Н. А. Скандовскаго, 1812—1814 годы были самыми тяжелыми годами для практики Фукса и онъ самъ едва не сдѣлался жертвою свирѣпствовавшаго въ городѣ тифа. Обширная врачебная практика Фукса заставляла его быть неисправнымъ въ дѣлѣ посѣщенія засѣданій совѣта, на что, въ свое время, обратилъ вниманіе попечитель Румовскій, сдѣлавшій по этому поводу запросъ Яковкину: „О господинѣ Фуксѣ имѣю честь донести,—отвѣчалъ на этотъ запросъ профессоръ-директоръ (въ письмѣ отъ 31-го января 1811 года),—что причиною его отсутствія въ собраніяхъ бываетъ особенно его докторская должность. Докторы, обыкновенно, посѣщаютъ больныхъ по утрамъ и рѣдко,—и не дай Боже!,—по вечерамъ; онъ имѣетъ,—добавляетъ Яковкинъ,—большую здѣсь практику и довѣренность“.

До насъ дошелъ любопытный образецъ благодарности-рекламы проф. Фуксу, напечатанный въ университетскихъ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ за 1817 годъ и наглядно свидѣтельствующій о томъ, что понятіе такъ называемой „врачебной этики“ лѣтъ восемьдесять тому назадъ принималось много относительнѣе, въ сравненіи съ нашими днями. Вотъ что напечатано здѣсь (№ 51-й) отъ имени нѣкоего тульскаго помѣщика, прапорщика И. Н. Бибикова:

„Пріѣхавши по нѣкоторымъ своимъ надобностямъ въ городъ Казань, почувствовалъ я въ здоровьи своемъ нѣкоторое разстройство, которое время отъ времени непримѣтно усиливалось такъ, что я возымѣлъ крайнюю нужду въ помощи врачей. Чудное начало болѣзни моей, чувствительное увеличеніе оной—заставило меня прибѣгнуть къ славящемуся искусствомъ своимъ императорскаго казанскаго университета г. профессору и доктору медицины и хирургіи Карлу Ѳеодоровичу Фуксу. Приступая къ пользованію меня, онъ нашелъ, что болѣзнь моя крайне опасна, которую еще умножила случившаяся со мною апоплексія. Никто не предполагалъ, что бы можно было надѣяться хотя сколько нибудь помочь мнѣ, но,—благодареніе Богу, слава благодѣтелю моему!,—первый опытъ сего врача надо мною подалъ мнѣ отраду и большую надежду на все, имъ мнѣ предписываемое. Когда же я почувствовалъ, что главная часть моего состава довольно поправилась и вся болѣзнь моя осталась только въ разслабленіи однѣхъ ногъ, то, при прочихъ нужныхъ своихъ пособіяхъ, для укрѣпленія нервовъ онъ предписалъ употреблять машину, называемую гальваническою, какого рода машины дѣлаетъ здѣсь механикъ Гольдшмидтъ. Такимъ образомъ, страдая болѣе полугода, я, наконецъ, совершенно выздоровѣлъ.

годовъ, благодаря самоотверженной борьбѣ, предпринятой имъ съ уже извѣстною намъ тифозною эпидеміею, охватившею собою казанскій край; по словамъ одного изъ ближайшихъ его учениковъ, профессора Н. А. Скандовскаго, 1812—1814 годы были самыми тяжелыми годами для практики Фукса и онъ самъ едва не сдѣлался жертвою свирѣпствовавшаго въ городѣ тифа. Обширная врачебная практика Фукса заставляла его быть неисправнымъ въ дѣлѣ посѣщенія засѣданій совѣта, на что, въ свое время, обратилъ вниманіе попечитель Румовскій, сдѣлавшій по этому поводу запросъ Яковкину: „О господинѣ Фуксѣ имѣю честь донести,—отвѣчалъ на этотъ запросъ профессоръ-директоръ (въ письмѣ отъ 31-го января 1811 года),—что причиною его отсутствія въ собраніяхъ бываетъ особенно его докторская должность. Доктора, обыкновенно, посѣщаютъ больныхъ по утрамъ и рѣдко,—и не дай Боже!,—по вечерамъ; онъ имѣетъ,—добавляетъ Яковкинъ,—большую здѣсь практику и довѣренность".

До насъ дошелъ любопытный образецъ благодарности-рекламы проф. Фуксу, напечатанный въ университетскихъ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" за 1817 годъ и наглядно свидѣтельствующій о томъ, что понятіе такъ называемой „врачебной этики" лѣтъ восемьдесять тому назадъ принималось много относительнѣе, въ сравненіи съ нашими днями. Вотъ что напечатано здѣсь (№ 51-й) отъ имени нѣкоего тульскаго помѣщика, прапорщика И. Н. Бибикова:

„Пріѣхавши по нѣкоторымъ своимъ надобностямъ въ городъ Казань, почувствовалъ я въ здоровьи своемъ нѣкоторое разстройство, которое время отъ времени непримѣтно усиливалось такъ, что я возымѣлъ крайнюю нужду въ помощи врачей. Чудное начало болѣзни моей, чувствительное увеличеніе оной—заставило меня прибѣгнуть къ славящемуся искусствомъ своимъ императорскаго казанскаго университета г. профессору и доктору медицины и хирургіи Карлу Ѳеодоровичу Фуксу. Приступая къ пользованію меня, онъ нашелъ, что болѣзнь моя крайне опасна, которую еще умножила случившаяся со мною апоплексія. Никто не предполагалъ, что бы можно было надѣяться хотя сколько нибудь помочь мнѣ, но,—благодареніе Богу, слава благодѣтелю моему!,—первый опытъ сего врача надо мною подалъ мнѣ отраду и большую надежду на все, имъ мнѣ предписываемое. Когда же я почувствовалъ, что главная часть моего состава довольно поправилась и вся болѣзнь моя осталась только въ разслабленіи однѣхъ ногъ, то, при прочихъ нужныхъ своихъ пособіяхъ, для укрѣпленія нервовъ онъ предписалъ употреблять машину, называемую гальваническою, какого рода машины дѣлаетъ здѣсь механикъ Гольдшмидтъ. Такимъ образомъ, страдая болѣе полугода, я, наконецъ, совершенно выздоровѣлъ.

И такъ, благословляя втайнѣ благодѣтеля моего, г. доктора, за спасеніе меня и усердное его о мнѣ попеченіе, я не могу утаить признательности моей и предъ другими. Да поможетъ ему Богъ во всѣхъ начинаніяхъ его для спасенія людей, къ нему прибѣгающихъ! Да будетъ имя его вѣчно въ душѣ моей!"....

Трудно допустить, съ чѣмъ всякій, конечно, согласится, что бы эта кричащая „благодарность" могла найти себѣ мѣсто въ университетскомъ изданіи безъ вѣдома и согласія на то самого Фукса [178].

По обширности практики,—очень, впрочемъ, недолго, не свыше двухъ лѣтъ,—конкуррировалъ съ Фуксомъ профессоръ Каменскій, хотя онъ и занималъ (съ начала 1806 года) теоретическую кафедру анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки. Въ весьма краткій,—менѣе года,—промежутокъ своей казанской профессуры, Каменскій успѣлъ составить себѣ обширный кругъ паціентовъ среди вліятельныхъ слоевъ казанскаго общества, чѣмъ Яковкинъ и объяснялъ тотъ городской шумъ, который поднялся изъ-за увольненія его въ концѣ 1806 года отъ университетской службы. Яковкинъ, увѣряя Румовскаго въ своихъ письмахъ, что Каменскій сдѣлался въ Казани докторомъ „моднымъ", перефразировалъ по его адресу слова одного изъ фонъ-визинскихъ героевъ: „Говорилъ почтенный Стародумъ,—пишетъ онъ попечителю:—на умы мода, на пряжки мода, и на докторовъ мода, межъ коими,—добавляетъ Яковкинъ,—Каменскій не послѣднюю роль играетъ на сей сценѣ". Опасаясь невыгоднаго для него вліянія среди казанскаго общества опальнаго профессора, Яковкинъ видѣлъ утѣшеніе въ томъ, что „другъ мой статскій совѣтникъ Геркенъ и жена его, люди очень умные и безпристрастные, возымѣли о г. Каменскомъ не такъ выгодныя мысли—а они въ городѣ имѣютъ сильный голосъ". Дѣлается, поэтому, вполнѣ понятнымъ то чувство удовольствія, съ которымъ посвящаетъ Яковкинъ своего принципала въ городскіе толки и дрязги, вызванные какою то, яко бы, неудачею Каменскаго въ его практикѣ; приведемъ относящуюся сюда часть письма профессора-директора (отъ 3-го декабря 1807 года), какъ не безъинтересную съ точки зрѣнія характеристики медицинскихъ понятій и положенія практическаго врача за сто лѣтъ назадъ:

„Г. Каменскій,—повѣствуетъ Яковкинъ,—доказалъ себя нынѣ въ полной мѣрѣ по Казани. У жены полковника Мергасова, не болѣе четырехъ лѣтъ женатаго, на груди отъ пришибу оказалась маленькая опухлость, которую теплыми мокрыми припарками Каменскій превратилъ въ ракъ, а преждевременнымъ употребленіемъ хины про-

И такъ, благословляя втайнѣ благодѣтеля моего, г. доктора, за спасеніе меня и усердное его о мнѣ попеченіе, я не могу утаить признательности моей и предъ другими. Да поможетъ ему Богъ во всѣхъ начинаніяхъ его для спасенія людей, къ нему прибѣгающихъ! Да будетъ имя его вѣчно въ душѣ моей!"....

Трудно допустить, съ чѣмъ всякій, конечно, согласится, что бы эта кричащая „благодарность" могла найти себѣ мѣсто въ университетскомъ изданіи безъ вѣдома и согласія на то самого Фукса [178].

По обширности практики,—очень, впрочемъ, недолго, не свыше двухъ лѣтъ,—конкуррировалъ съ Фуксомъ профессоръ Каменскій, хотя онъ и занималъ (съ начала 1806 года) теоретическую кафедру анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки. Въ весьма краткій,—менѣе года,—промежутокъ своей казанской профессуры, Каменскій успѣлъ составить себѣ обширный кругъ паціентовъ среди вліятельныхъ слоевъ казанскаго общества, чѣмъ Яковкинъ и объяснялъ тотъ городской шумъ, который поднялся изъ-за увольненія его въ концѣ 1806 года отъ университетской службы. Яковкинъ, увѣряя Румовскаго въ своихъ письмахъ, что Каменскій сдѣлался въ Казани докторомъ „моднымъ", перефразировалъ по его адресу слова одного изъ фонъ-визинскихъ героевъ: „Говорилъ почтенный Стародумъ,—пишетъ онъ попечителю:—на умы мода, на пряжки мода, и на докторовъ мода, межъ коими,—добавляетъ Яковкинъ,—Каменскій не послѣднюю роль играетъ на сей сценѣ". Опасаясь невыгоднаго для него вліянія среди казанскаго общества опальнаго профессора, Яковкинъ видѣлъ утѣшеніе въ томъ, что „другъ мой статскій совѣтникъ Геркенъ и жена его, люди очень умные и безпристрастные, возымѣли о г. Каменскомъ не такъ выгодныя мысли—а они въ городѣ имѣютъ сильный голосъ". Дѣлается, поэтому, вполнѣ понятнымъ то чувство удовольствія, съ которымъ посвящаетъ Яковкинъ своего принципала въ городскіе толки и дрязги, вызванные какою то, яко бы, неудачею Каменскаго въ его практикѣ; приведемъ относящуюся сюда часть письма профессора-директора (отъ 3-го декабря 1807 года), какъ не безъинтересную съ точки зрѣнія характеристики медицинскихъ понятій и положенія практическаго врача за сто лѣтъ назадъ:

„Г. Каменскій,—повѣствуетъ Яковкинъ,—доказалъ себя нынѣ въ полной мѣрѣ по Казани. У жены полковника Мергасова, не болѣе четырехъ лѣтъ женатаго, на груди отъ пришибу оказалась маленькая опухлость, которую теплыми мокрыми припарками Каменскій превратилъ въ ракъ, а преждевременнымъ употребленіемъ хины про-

извелъ въ животѣ страшную обструкцію, такъ что нѣтъ уже никакихъ средствъ спасти больную и всѣ прочіе врачи отказались. Отчаянный мужъ, окруженный пятерыми малолѣтними дѣтьми, просилъ врачебную управу разсмотрѣть лекарства и образъ леченія. Изслѣдованіе сіе учинено 26-го ноября, по настоянію губернатора, въ домѣ его и при немъ. Всѣ единогласно охулили и лекарства, и образъ леченія, основываясь на самыхъ неоспоримыхъ (sic!) правилахъ медицины: Каменскій, не имѣя что отвѣчать далѣе словесно, обѣщалъ управѣ дать отвѣтъ на письмѣ, губернаторъ же упрашивалъ членовъ ея пощадить его доктора, какъ человѣка женатаго и семейнаго, а отчаянный мужъ требуетъ настоятельно всей строгости законовъ. Чѣмъ окончится сія трагедія—еще неизвѣстно теперь, только не добромъ. Такимъ же образомъ Каменскій, прежде сего, простуду простую почтъ-директорши Карпеки превратилъ въ чахотку, что и было причиною ея смерти".

Послѣ отрѣшенія своего отъ должности, Каменскій намѣревался окончательно обосноваться въ Казани и отдаться здѣсь практикѣ, но судьба какъ мы знаемъ, судила ему занять впослѣдствіе кафедру акушерства въ харьковскомъ университетѣ [179].

Съ половины 1807 года открывается въ Казани медицинская практика преемника Каменскаго по кафедрѣ, профессора Брауна, относительно общаго характера и размѣровъ которой не дошло до насъ никакихъ почти свѣдѣній, хотя и существуютъ данныя въ пользу того, что онъ пользовался здѣсь преимущественною репутаціею окулиста—званіе, которое было получено имъ отъ вѣнскаго университета. До насъ сохранилось любопытное указаніе на глазную операцію, произведенную въ 1816 году Брауномъ, совмѣстно съ проф. Эрдманомъ, и возвратившую зрѣніе вятскому первой гильдіи купцу Петру Аршаулову, который въ концѣ года обратился въ совѣтъ университета съ просьбою „оказать вниманіе" его благодарнымъ чувствамъ дозволеніемъ печатно опубликовать ихъ „во всѣхъ публичныхъ изданіяхъ", на что и послѣдовало согласіе совѣта, во главѣ котораго стоялъ тотъ же благодѣтель просителя—профессоръ и ректоръ Браунъ. Несомнѣнно, что званіе ректора, которое онъ несъ въ теченіи пяти послѣднихъ лѣтъ своей жизни, не могло явиться благопріятнымъ для врачебной практики Брауна, носившей, по всей вѣроятности, характеръ исключительно случайный [180].

Третьимъ профессоромъ медицины явился въ казанскомъ университетѣ Эрдманъ, занявшій уже практическую кафедру патологіи, терапіи и клиники. Сколько нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній относительно практическо-врачебной дѣятельности Эрдмана до насъ не сохранилось, хотя

извелъ въ животѣ страшную обструкцію, такъ что нѣтъ уже никакихъ средствъ спасти больную и всѣ прочіе врачи отказались. Отчаянный мужъ, окруженный пятерыми малолѣтними дѣтьми, просилъ врачебную управу разсмотрѣть лекарства и образъ леченія. Изслѣдованіе сіе учинено 26-го ноября, по настоянію губернатора, въ домѣ его и при немъ. Всѣ единогласно охулили и лекарства, и образъ леченія, основываясь на самыхъ неоспоримыхъ (sic!) правилахъ медицины: Каменскій, не имѣя что отвѣчать далѣе словесно, обѣщалъ управѣ дать отвѣтъ на письмѣ, губернаторъ же упрашивалъ членовъ ея пощадить его доктора, какъ человѣка женатаго и семейнаго, а отчаянный мужъ требуетъ настоятельно всей строгости законовъ. Чѣмъ окончится сія трагедія—еще неизвѣстно теперь, только не добромъ. Такимъ же образомъ Каменскій, прежде сего, простуду простую почтъ-директорши Карпеки превратилъ въ чахотку, что и было причиною ея смерти".

Послѣ отрѣшенія своего отъ должности, Каменскій намѣревался окончательно обосноваться въ Казани и отдаться здѣсь практикѣ, но судьба какъ мы знаемъ, судила ему занять впослѣдствіе кафедру акушерства въ харьковскомъ университетѣ [179].

Съ половины 1807 года открывается въ Казани медицинская практика преемника Каменскаго по кафедрѣ, профессора Брауна, относительно общаго характера и размѣровъ которой не дошло до насъ никакихъ почти свѣдѣній, хотя и существуютъ данныя въ пользу того, что онъ пользовался здѣсь преимущественною репутаціею окулиста—званіе, которое было получено имъ отъ вѣнскаго университета. До насъ сохранилось любопытное указаніе на глазную операцію, произведенную въ 1816 году Брауномъ, совмѣстно съ проф. Эрдманомъ, и возвратившую зрѣніе вятскому первой гильдіи купцу Петру Аршаулову, который въ концѣ года обратился въ совѣтъ университета съ просьбою „оказать вниманіе" его благодарнымъ чувствамъ дозволеніемъ печатно опубликовать ихъ „во всѣхъ публичныхъ изданіяхъ", на что и послѣдовало согласіе совѣта, во главѣ котораго стоялъ тотъ же благодѣтель просителя—профессоръ и ректоръ Браунъ. Несомнѣнно, что званіе ректора, которое онъ несъ въ теченіи пяти послѣднихъ лѣтъ своей жизни, не могло явиться благопріятнымъ для врачебной практики Брауна, носившей, по всей вѣроятности, характеръ исключительно случайный [180].

Третьимъ профессоромъ медицины явился въ казанскомъ университетѣ Эрдманъ, занявшій уже практическую кафедру патологіи, терапіи и клиники. Сколько нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній относительно практическо-врачебной дѣятельности Эрдмана до насъ не сохранилось, хотя

изъ его собственнаго заявленія, сдѣланнаго въ 1812 году, мы уже знаемъ, что онъ имѣлъ обширную практику и, между прочимъ, во многихъ казанскихъ дворянскихъ домахъ *. Въ 1817 году, какъ это было только что указано, онъ, совмѣстно съ проф. Брауномъ, будучи по кафедрѣ терапевтомъ, получаетъ публичную благодарность за глазную операцію.

Обходя молчаніемъ практическую дѣятельность профессора акушерства Вердерамо, не оставившую, повидимому, никакихъ слѣдовъ, переходимъ къ профессору хирургіи Арнгольдту, практика котораго оставила по себѣ слѣдъ въ исторіи казанской университетской медицины широковѣщательными рекламами, совершенно затушевывающими его дѣйствительныя, если таковыя только были, заслуги практическаго врача; если вѣрить отзыву объ немъ Магницкаго,—судившаго о людяхъ съ собственной, далеко не безпристрастной, точки зрѣнія,—„незнаніе Арнгольдта въ области хирургіи обличалось сдѣланными имъ операціями". Уже вскорѣ послѣ своего прибытія въ Казань, на службу мѣстнаго адмиралтейства, Арнгольдтъ рапортомъ донесъ своему непосредственному начальству, что онъ—„желая оказать свое усердіе въ помощи страждущимъ болѣзнями, паче наружными, какъ то: глазами, каменною и прочими, требующими къ исцѣленію операціи каждаго рода, предлагаетъ бдительную въ томъ свою услугу къ исцѣленію ихъ, не взирая на состояніе и корысть, почему и проситъ объ ономъ распубликовать"; капитанъ-командоръ адмиралтейства Перелешинъ, съ своей стороны, циркулярно оповѣстилъ о томъ всѣ казанскія учрежденія, а въ томъ числѣ и университетъ [181]. Съ началомъ изданія „Казанскихъ Извѣстій" рекламы искусства Арнгольдта стали появляться на столбцахъ этого изданія въ формѣ самой беззастѣнчивой, съ которою мы въ своемъ мѣстѣ уже имѣли случай познакомиться **.

Въ слѣдующемъ и послѣднемъ отдѣлѣ настоящей главы мы постараемся представить общую характеристику тѣхъ отношеній, въ которыя мѣстная общественность ставила себя къ казанскому университету за интересующій насъ промежутокъ начальнаго существованія этого послѣдняго.

---

* См. томъ I, стр. 401.
** См. томъ I, стр. 296.

изъ его собственнаго заявленія, сдѣланнаго въ 1812 году, мы уже знаемъ, что онъ имѣлъ обширную практику и, между прочимъ, во многихъ казанскихъ дворянскихъ домахъ *. Въ 1817 году, какъ это было только что указано, онъ, совмѣстно съ проф. Брауномъ, будучи по кафедрѣ терапевтомъ, получаетъ публичную благодарность за глазную операцію.

Обходя молчаніемъ практическую дѣятельность профессора акушерства Вердерамо, не оставившую, повидимому, никакихъ слѣдовъ, переходимъ къ профессору хирургіи Аргольдту, практика котораго оставила по себѣ слѣдъ въ исторіи казанской университетской медицины широковѣщательными рекламами, совершенно затушевывающими его дѣйствительныя, если таковыя только были, заслуги практическаго врача; если вѣрить отзыву объ немъ Магницкаго,—судившаго о людяхъ съ собственной, далеко не безпристрастной, точки зрѣнія,—„незнаніе Аргольдта въ области хирургіи обличалось сдѣланными имъ операціями". Уже вскорѣ послѣ своего прибытія въ Казань, на службу мѣстнаго адмиралтейства, Аргольдтъ рапортомъ донесъ своему непосредственному начальству, что онъ—„желая оказать свое усердіе въ помощи страждущимъ болѣзнями, паче наружными, какъ то: глазами, каменною и прочими, требующими къ исцѣленію операціи каждаго рода, предлагаетъ бдительную въ томъ свою услугу къ исцѣленію ихъ, не взирая на состояніе и корысть, почему и проситъ объ ономъ распубликовать"; капитанъ-командоръ адмиралтейства Перелешинъ, съ своей стороны, циркулярно оповѣстилъ о томъ всѣ казанскія учрежденія, а въ томъ числѣ и университетъ [181]. Съ началомъ изданія „Казанскихъ Извѣстій" рекламы искусства Аргольдта стали появляться на столбцахъ этого изданія въ формѣ самой беззастѣнчивой, съ которою мы въ своемъ мѣстѣ уже имѣли случай познакомиться **.

Въ слѣдующемъ и послѣднемъ отдѣлѣ настоящей главы мы постараемся представить общую характеристику тѣхъ отношеній, въ которыя мѣстная общественность ставила себя къ казанскому университету за интересующій насъ промежутокъ начальнаго существованія этого послѣдняго.

---

* См. томъ I, стр. 401.

** См. томъ I, стр. 296.

В

Университетъ и мѣстная общественность, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.

Общая характеристика индифферентнаго отношенія мѣстнаго общества къ факту основанія казанскаго университета.—Первыя проявленія равнодушія общества къ университету.—Сѣтованія Румовскаго и Яковкина въ этомъ направленіи.—Университетъ и казанское дворянство. Отношенія университета къ мѣстному мусульманскому міру.—Попытки привлеченія мусульманъ къ интересамъ духовной жизни университета.

Отсутствіе пожертвованій на университетъ и на учебное дѣло.—Общая характеристика жертвователей и ихъ приношеній.

Отношенія казанскаго университета къ администраціи города и края.—Черты казанской администраціи начала XIX столѣтія.—Источникъ недоразумѣній между губернскою администраціею и учебнымъ вѣдомствомъ.—Непріязненныя отношенія къ университету губернатора Мансурова.—Положеніе членовъ университета передъ администраціею города.—Факты, иллюстрирующіе это положеніе.

Мы уже въ первомъ томѣ нашего труда имѣли неоднократные поводы указывать на тотъ индифферентизмъ и на то поразительное проявленіе равнодушной и безучастной апатіи, съ которыми встрѣчено было основаніе въ Казани университета, которые сопровождали собою его первые жизненные шаги въ общемъ круговоротѣ текущей казанской общественности и которые находятъ себѣ краснорѣчивое свидѣтельство какъ въ фактахъ университетской жизни того времени, такъ и въ разсказахъ современниковъ.

Уже въ первую пору существованія въ Казани университета имѣлось, къ мы это видѣли, не мало точекъ соприкосновенія, которыми, при желаніи, могла быть установлена близкая, органически-живая связь между университетомъ и мѣстною общественностью и на почвѣ которыхъ и самъ университетъ, и лучшіе представители университетской науки старались идти на встрѣчу культурнымъ интересамъ общества, старались сдѣлать интересы университета—интересами самого общества, жизнь университета—нераздѣльною и логически-необходимою составною частью жизни города и края. Было бы несправедливымъ отрицать всякіе успѣхи на этомъ пути университета и людей университетской науки, но эти успѣхи были настолько незначительны, распространялись, къ тому же, на такой сравнительно ничтожный кругъ лицъ и отношеній, что они подъ-часъ совершенно терялись на общемъ фонѣ той апатіи, того „тупого восточнаго равнодушія“, того, порою переходившаго даже въ недоброжелательность, индифферентизма, съ которыми относилось мѣстное общество къ дарованному ему университету; этотъ университетъ падалъ казанскому обществу,—

В

Университетъ и мѣстная общественность, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.

Общая характеристика индифферентнаго отношенія мѣстнаго общества къ факту основанія казанскаго университета.—Первыя проявленія равнодушія общества къ университету.—Сѣтованія Румовскаго и Яковкина въ этомъ направленіи.—Университетъ и казанское дворянство. Отношенія университета къ мѣстному мусульманскому міру.—Попытки привлеченія мусульманъ къ интересамъ духовной жизни университета.

Отсутствіе пожертвованій на университетъ и на учебное дѣло.—Общая характеристика жертвователей и ихъ приношеній.

Отношенія казанскаго университета къ администраціи города и края.—Черты казанской администраціи начала XIX столѣтія.—Источникъ недоразумѣній между губернскою администраціею и учебнымъ вѣдомствомъ.—Непріязненныя отношенія къ университету губернатора Мансурова.—Положеніе членовъ университета передъ администраціею города.—Факты, иллюстрирующіе это положеніе.

Мы уже въ первомъ томѣ нашего труда имѣли неоднократные поводы указывать на тотъ индифферентизмъ и на то поразительное проявленіе равнодушной и безучастной апатіи, съ которыми встрѣчено было основаніе въ Казани университета, которые сопровождали собою его первые жизненные шаги въ общемъ круговоротѣ текущей казанской общественности и которые находятъ себѣ краснорѣчивое свидѣтельство какъ въ фактахъ университетской жизни того времени, такъ и въ разсказахъ современниковъ.

Уже въ первую пору существованія въ Казани университета имѣлось, какъ мы это видѣли, не мало точекъ соприкосновенія, которыми, при желаніи, могла быть установлена близкая, органически-живая связь между университетомъ и мѣстною общественностью и на почвѣ которыхъ и самъ университетъ, и лучшіе представители университетской науки старались идти на встрѣчу культурнымъ интересамъ общества, старались сдѣлать интересы университета—интересами самого общества, жизнь университета—нераздѣльною и логически-необходимою составною частью жизни города и края. Было бы несправедливымъ отрицать всякіе успѣхи на этомъ пути университета и людей университетской науки, но эти успѣхи были настолько незначительны, распространялись, къ тому же, на такой сравнительно ничтожный кругъ лицъ и отношеній, что они подъ-часъ совершенно терялись на общемъ фонѣ той апатіи, того „тупого восточнаго равнодушія“, того, порою переходившаго даже въ недоброжелательность, индифферентизма, съ которыми относилось мѣстное общество къ дарованному ему университету; этотъ университетъ падалъ казанскому обществу,—

по мѣткому выраженію покойнаго Н. Н. Булича,—какъ бы „съ неба", и всѣ сторонились отъ него, въ лучшемъ случаѣ—съ уваженіемъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ—лишь съ чувствомъ холоднаго недоумѣнія....

Подавляющее большинство казанскаго общества, не сознавая высококультурнаго значенія перваго на русскомъ востокѣ очага университетской науки, весьма мало интересовалось и самимъ университетомъ, и внутреннею жизнью его академическаго мірка; этотъ мірокъ пріобрѣталъ въ глазахъ даже высшихъ слоевъ казанскаго общества извѣстный злободневный интересъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, взбаломученная тѣми или другими условіями болѣе или менѣе преходящаго характера, его жизнь становилась предметомъ общественной сенсаціи, давая пищу для городскихъ толковъ, сплетень, пересудовъ—какъ это было, напримѣръ, въ чреватыхъ событіями сенсаціоннаго характера концѣ 1806 года и началѣ 1807 года, ознаменовавшихся борьбою Румовскаго и Яковкина съ университетскимъ совѣтомъ, гоненіемъ на самостоятельныхъ профессоровъ, столкновеніями губернатора съ университетомъ, его извѣтомъ на Яковкина, демонстраціями университетской молодежи противъ профессора-директора; какъ это было на почвѣ недоразумѣній по экзаменному для чиновниковъ комитету; какъ это было въ пору личныхъ столкновеній,—едва ли не драки,—между Салтыковымъ и Яковкинымъ; какъ это было, еще позже, въ годину ревизіи Магницкаго и разгрома имъ университета.... Въ нормальномъ теченіи его жизни, въ эпохи его мирной и тихой культурной работы—казанское общество держало себя въ сторонѣ отъ университетскаго мірка, даже чуждалось его. Университетъ—съ одной стороны, мѣстная общественность—съ другой стороны, шли себѣ своими собственными, обособленными, дорогами и университету долго суждено было болѣе или менѣе безплодно работать надъ пробитіемъ бреши въ той стѣнѣ, которая уже съ самаго его основанія создалась между обоими мірами. Едва ли можемъ мы утвердительно сказать, что эта брешь окончательно пробита и въ наши дни, на зарѣ второго столѣтія существованія казанскаго университета.

Равнодушное отношеніе къ университету въ значительной мѣрѣ коренилось, конечно, и въ отсутствіи достаточнаго уваженія къ представляемой имъ наукѣ, которое было, впрочемъ, удѣломъ и не одной Казани, находя себѣ объясненіе въ цѣломъ рядѣ предшествовавшихъ условій культурнаго роста русскаго общества. Вспомнимъ высказанныя въ началѣ XIX вѣка пожеланія казанскаго и харьковскаго дворянствъ, что бы во вновь основываемыхъ въ Казани и Харьковѣ университетахъ дано было само-

по мѣткому выраженію покойнаго Н. Н. Булича,—какъ бы „съ неба", и всѣ сторонились отъ него, въ лучшемъ случаѣ—съ уваженіемъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ—лишь съ чувствомъ холоднаго недоумѣнія....

Подавляющее большинство казанскаго общества, не сознавая высококультурнаго значенія перваго на русскомъ востокѣ очага университетской науки, весьма мало интересовалось и самимъ университетомъ, и внутреннею жизнью его академическаго мірка; этотъ мірокъ пріобрѣталъ въ глазахъ даже высшихъ слоевъ казанскаго общества извѣстный злободневный интересъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, взбаломученная тѣми или другими условіями болѣе или менѣе преходящаго характера, его жизнь становилась предметомъ общественной сенсаціи, давая пищу для городскихъ толковъ, сплетень, пересудовъ—какъ это было, напримѣръ, въ чреватыхъ событіями сенсаціоннаго характера концѣ 1806 года и началѣ 1807 года, ознаменовавшихся борьбою Румовскаго и Яковкина съ университетскимъ совѣтомъ, гоненіемъ на самостоятельныхъ профессоровъ, столкновеніями губернатора съ университетомъ, его извѣтомъ на Яковкина, демонстраціями университетской молодежи противъ профессора-директора; какъ это было на почвѣ недоразумѣній по экзаменному для чиновниковъ комитету; какъ это было въ пору личныхъ столкновеній,—едва ли не драки,—между Салтыковымъ и Яковкинымъ; какъ это было, еще позже, въ годину ревизіи Магницкаго и разгрома имъ университета.... Въ нормальномъ теченіи его жизни, въ эпохи его мирной и тихой культурной работы—казанское общество держало себя въ сторонѣ отъ университетскаго мірка, даже чуждалось его. Университетъ—съ одной стороны, мѣстная общественность—съ другой стороны, шли себѣ своими собственными, обособленными, дорогами и университету долго суждено было болѣе или менѣе безплодно работать надъ пробитіемъ бреши въ той стѣнѣ, которая уже съ самаго его основанія создалась между обоими мірами. Едва ли можемъ мы утвердительно сказать, что эта брешь окончательно пробита и въ наши дни, на зарѣ второго столѣтія существованія казанскаго университета.

Равнодушное отношеніе къ университету въ значительной мѣрѣ коренилось, конечно, и въ отсутствіи достаточнаго уваженія къ представляемой имъ наукѣ, которое было, впрочемъ, удѣломъ и не одной Казани, находя себѣ объясненіе въ цѣломъ рядѣ предшествовавшихъ условій культурнаго роста русскаго общества. Вспомнимъ высказанныя въ началѣ XIX вѣка пожеланія казанскаго и харьковскаго дворянствъ, что бы во вновь основываемыхъ въ Казани и Харьковѣ университетахъ дано было само-

стоятельное положенiе наукамъ „воинскимъ"; вспомнимъ свидѣтельство харьковскаго попечителя графа Потоцкаго о томъ, что „дворяне лучше согласятся записывать дѣтей своихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели заставить продолжать науки и усовершать ихъ знанія"; вспомнимъ и отзывъ, въ 1805 году присланный университету казанскимъ дворяниномъ Кирилломъ Графомъ въ отвѣтъ на предложенiе о зачисленiи сына его въ казенные студенты, въ которомъ, мечтая о военной для него карьерѣ, онъ выражаетъ опасенiе за потерю сыномъ-студентомъ „званія своего дворянскаго". Изъ письма Яковкина къ попечителю отъ 12-го января 1809 года узнаемъ, что и сибирскiй генералъ-губернаторъ Пестель, будучи, проѣздомъ въ столицу, въ Казани, отказался отъ перемѣщенія въ университетъ, для „обученія ихъ къ ученому званiю", находившихся въ казанской гимназiи двухъ своихъ воспитанниковъ, рѣшивъ всеподданнѣйше ходатайствовать „о принятiи ихъ въ кадетскiй корпусъ для предназначенія въ военную службу", о чемъ видимо сожалѣлъ самъ Яковкинъ, такъ какъ мальчики подавали „весьма лестную надежду своими дарованiями, успѣхами и благоповеденiемъ". Намъ достаточно знакомо и то неудержимое стремленiе къ выходу изъ университета для поступленія въ военную службу, которое такъ рѣзко сказывалось среди студенчества первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета. Неуваженiе общества къ университетской наукѣ вполнѣ естественнымъ образомъ влекло за собою и неуваженiе его къ представителямъ этой науки; только на такой именно почвѣ могли возникнуть нѣкоторые, относящiеся сюда, факты начальной жизни казанскаго университета, которые намъ отчасти уже знакомы, отчасти же будутъ приведены впослѣдствiе [182].

Сѣтованія на безучастное отношенiе казанскаго общества къ дѣлу вновь основаннаго университета стали раздаваться очень рано и поводъ къ нимъ данъ уже въ первые мѣсяцы по его открытiи, когда Румовскiй и Яковкинъ были усиленно озабочены прiобрѣтенiемъ домовъ для помѣщенія университета: мы уже знаемъ, что представители мѣстнаго дворянства Молоствовъ и Паповъ, дома которыхъ были признаны для университета подходящими, запросили за нихъ несообразныя цѣны, совершенно устранявшiя всякiе дальнѣйшiе помыслы объ ихъ покупкѣ; такъ, Молоствовъ, изъявивъ согласiе продать свой домъ, запросилъ за него втрое больше той цѣны, за какую, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, самъ прiобрѣлъ его. Не удивительнымъ представляется, поэтому, что попечитель Румовскiй, въ виду изъявленнаго въ началѣ 1808 года казанскимъ архiепископомъ Павломъ согласія на уступку для гимназiи части смежной

стоятельное положеніе наукамъ „воинскимъ"; вспомнимъ свидѣтельство харьковскаго попечителя графа Потоцкаго о томъ, что „дворяне лучше согласятся записывать дѣтей своихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели заставить продолжать науки и усовершать ихъ знанія"; вспомнимъ и отзывъ, въ 1805 году присланный университету казанскимъ дворяниномъ Кирилломъ Графомъ въ отвѣтъ на предложеніе о зачисленіи сына его въ казенные студенты, въ которомъ, мечтая о военной для него карьерѣ, онъ выражаетъ опасеніе за потерю сыномъ-студентомъ „званія своего дворянскаго". Изъ письма Яковкина къ попечителю отъ 12-го января 1809 года узнаемъ, что и сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель, будучи, проѣздомъ въ столицу, въ Казани, отказался отъ перемѣщенія въ университетъ, для „обученія ихъ къ ученому званію", находившихся въ казанской гимназіи двухъ своихъ воспитанниковъ, рѣшивъ всеподданнѣйше ходатайствовать „о принятіи ихъ въ кадетскій корпусъ для предназначенія въ военную службу", о чемъ видимо сожалѣлъ самъ Яковкинъ, такъ какъ мальчики подавали „весьма лестную надежду своими дарованіями, успѣхами и благоповеденіемъ". Намъ достаточно знакомо и то неудержимое стремленіе къ выходу изъ университета для поступленія въ военную службу, которое такъ рѣзко сказывалось среди студенчества первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета. Неуваженіе общества къ университетской наукѣ вполнѣ естественнымъ образомъ влекло за собою и неуваженіе его къ представителямъ этой науки; только на такой именно почвѣ могли возникнуть нѣкоторые, относящіеся сюда, факты начальной жизни казанскаго университета, которые намъ отчасти уже знакомы, отчасти же будутъ приведены впослѣдствіе [182].

Сѣтованія на безучастное отношеніе казанскаго общества къ дѣлу вновь основаннаго университета стали раздаваться очень рано и поводъ къ нимъ данъ уже въ первые мѣсяцы по его открытіи, когда Румовскій и Яковкинъ были усиленно озабочены пріобрѣтеніемъ домовъ для помѣщенія университета: мы уже знаемъ, что представители мѣстнаго дворянства Молоствовъ и Паповъ, дома которыхъ были признаны для университета подходящими, запросили за нихъ несообразныя цѣны, совершенно устранявшія всякіе дальнѣйшіе помыслы объ ихъ покупкѣ; такъ, Молоствовъ, изъявивъ согласіе продать свой домъ, запросилъ за него втрое больше той цѣны, за какую, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, самъ пріобрѣлъ его. Не удивительнымъ представляется, поэтому, что попечитель Румовскій, въ виду изъявленнаго въ началѣ 1808 года казанскимъ архіепископомъ Павломъ согласія на уступку для гимназіи части смежной

церковной земли, счелъ возможнымъ обратиться къ нему съ слѣдующимъ выраженіемъ благодарности, заключавшимъ въ себѣ горькую укоризну по адресу казанскаго общества:

„Благотвореніе ваше,—писалъ попечитель казанскому іерарху отъ 16-го марта,—по истинѣ заслуживаетъ должную благодарность не токмо отъ гимназіи и обучающагося въ ней юношества, но и отъ самихъ родителей, которыхъ дѣти въ семъ заведеніи образуются; но неуповательно, что бы мысль сія пришла кому либо изъ нихъ въ голову. Ибо, между тѣмъ, какъ въ другихъ губерніяхъ дворянство и другія сословія, соотвѣтствуя мудрымъ и попечительнымъ намѣреніямъ монарха, продолжаютъ дѣлать въ пользу университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній знатныя приношенія, казанское общество смотритъ на сіе съ хладнокровнымъ вниманіемъ и въ теченіе управленія моего казанскимъ университетомъ, смѣю сказать, ваше высокопреосвященство явили первый опытъ великодушнаго пожертвованія, достойный подражанія".

Весьма холодныя отношенія уже съ самаго основанія университета установились между казанскимъ дворянствомъ и профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ, въ первые годы стоявшимъ, какъ мы знаемъ, во главѣ всей университетской жизни. Яковкинъ не считалъ нужнымъ скрывать передъ своимъ принципаломъ враждебныхъ чувствъ своихъ къ казанскимъ дворянамъ и высказывалъ ихъ при каждомъ подходящемъ случаѣ, очевидно попадая въ общее направленіе взглядовъ на вещи самого Румовскаго. Такъ, донося попечителю объ искусствѣ вновь опредѣленнаго учителя танцованія Фавра, Яковкинъ вставляетъ злое замѣчаніе, что „для здѣшнихъ безмозглыхъ помѣщиковъ танцованіе составляетъ самую существенную часть воспитанія", а по поводу домогательствъ мѣстнаго дворянина Княжевича объ освобожденіи его сына отъ обязательной, за казенное содержаніе, ученой службы, не безъ эхидства замѣчаетъ, что казанскіе родители „всячески испрашиваютъ казеннаго содержанія дѣтямъ, а когда усматриваютъ, что они почти готовы уже на службу, то тотчасъ и желаютъ распоряжать ихъ участью сами; это,—добавляетъ директоръ,—характеръ казанскихъ голоколѣнцовъ".

Въ второй же годъ по основаніи университета завязалась весьма кляузная тяжба изъ-за дровъ между администраціею гимназіи и мѣстнымъ губернскимъ предводителемъ дворянства Молоствовымъ *. Яковкинъ въ

* Подробности этого дѣла см. въ дѣлахъ попечительской канцеляріи за 1806 г., подъ № 62.

церковной земли, счелъ возможнымъ обратиться къ нему съ слѣдующимъ выраженіемъ благодарности, заключавшимъ въ себѣ горькую укоризну по адресу казанскаго общества:

„Благотвореніе ваше,—писалъ попечитель казанскому іерарху отъ 16-го марта,—по истинѣ заслуживаетъ должную благодарность не токмо отъ гимназіи и обучающагося въ ней юношества, но и отъ самихъ родителей, которыхъ дѣти въ семъ заведеніи образуются; но неуповательно, что бы мысль сія пришла кому либо изъ нихъ въ голову. Ибо, между тѣмъ, какъ въ другихъ губерніяхъ дворянство и другія сословія, соотвѣтствуя мудрымъ и попечительнымъ намѣреніямъ монарха, продолжаютъ дѣлать въ пользу университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній знатныя приношенія, казанское общество смотритъ на сіе съ хладнокровнымъ вниманіемъ и въ теченіе управленія моего казанскимъ университетомъ, смѣю сказать, ваше высокопреосвященство явили первый опытъ великодушнаго пожертвованія, достойный подражанія".

Весьма холодныя отношенія уже съ самаго основанія университета установились между казанскимъ дворянствомъ и профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ, въ первые годы стоявшимъ, какъ мы знаемъ, во главѣ всей университетской жизни. Яковкинъ не считалъ нужнымъ скрывать передъ своимъ принципаломъ враждебныхъ чувствъ своихъ къ казанскимъ дворянамъ и высказывалъ ихъ при каждомъ подходящемъ случаѣ, очевидно попадая въ общее направленіе взглядовъ на вещи самого Румовскаго. Такъ, донося попечителю объ искусствѣ вновь опредѣленнаго учителя танцованія Фавра, Яковкинъ вставляетъ злое замѣчаніе, что „для здѣшнихъ безмозглыхъ помѣщиковъ танцованіе составляетъ самую существенную часть воспитанія", а по поводу домогательствъ мѣстнаго дворянина Княжевича объ освобожденіи его сына отъ обязательной, за казенное содержаніе, ученой службы, не безъ эхидства замѣчаетъ, что казанскіе родители „всячески испрашиваютъ казеннаго содержанія дѣтямъ, а когда усматриваютъ, что они почти готовы уже на службу, то тотчасъ и желаютъ распоряжать ихъ участью сами; это,—добавляетъ директоръ,—характеръ казанскихъ голоколѣнцовъ".

Въ второй же годъ по основаніи университета завязалась весьма кляузная тяжба изъ-за дровъ между администраціею гимназіи и мѣстнымъ губернскимъ предводителемъ дворянства Молоствовымъ *. Яковкинъ въ

* Подробности этого дѣла см. въ дѣлахъ попечительской канцеляріи за 1806 г., подъ № 62.

письмахъ къ попечителю открыто обвинялъ Молоствова въ „нагломъ отниманіи гимназическихъ дровъ“ и, препровождая ему все производство по этому дѣлу, уснащаетъ свое представленіе слѣдующаго рода сентенціею: „Вмѣсто пожертвованій общеполезнымъ заведеніямъ, обыкновенныхъ почти повсюду—въ Казани губернскій дворянскій предводитель, по попущенію градоначальника (губернатора), противу всякой справедливости и почти нагло отнимаетъ то, что по всѣмъ правамъ должно принадлежать гимназіи и университету“. Яковкинъ въ томъ же 1806 году пошелъ еще дальше въ своемъ предубѣжденіи противъ мѣстнаго дворянства, въ письмѣ къ попечителю отъ 6-го февраля заподозривъ его даже... въ кражѣ казенныхъ гимназическихъ лошадей: „Къ вящему сердечному прискорбію,—пишетъ онъ Румовскому,—на 4-ое число сего февраля, ночью, украли двухъ казенныхъ лошадей и провели ихъ пустыремъ и снѣгомъ позади стѣны гимназической, такимъ мѣстомъ, гдѣ никакъ того и подумать не можно было; хотя и приказалъ я употребить всѣ усилія къ отысканію ихъ, но въ успѣхѣ отчаяваюсь, потому что явно, почти, замѣчены въ кражѣ лошадей нѣкоторые изъ дворянъ, коихъ на масляницу съѣхалось въ Казань довольное число“. Недѣлею позже директоръ рапортовалъ дополнительно попечителю, что „украденныя лошади найдены у одного господскаго крестьянина и возвращены, а о покражѣ началось дѣло“ [163].

„Скупа“ была,—по выраженію Яковкина,—казанская публика и на посѣщеніе публичныхъ собраній университета, а въ особенности публичныхъ экзаменовъ, которые бывали въ ту пору въ обычаѣ, въ видахъ ознакомленія общества съ характеромъ, направленіемъ и успѣхами преподаваній: „Публика казанская,—писалъ по этому поводу Яковкинъ попечителю,—кажется и не заботится, каково обучаются и успѣваютъ дѣти и родственники“. Намъ уже знакомы тѣ средства, которыя пускались въ ходъ для того, что бы заманить казанскую публику въ стѣны университета въ дни его торжественныхъ публичныхъ собраній: разсылка по городу особыхъ объявленій, музыка, пѣніе, иллюминація, прозрачныя картины, наконецъ неизбѣжное въ случаяхъ этого рода угощеніе, которымъ чередовались номера программы собраній—все пускалось въ ходъ изобрѣтательностью Яковкина и другихъ заправилъ университета. Невольно приходитъ по этому поводу на память довольно характерный фактъ, приведенный много десятилѣтій позже, уже въ 1859 году, однимъ изъ публицистовъ тогдашнихъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, въ ту пору претендовавшихъ на харак-

письмахъ къ попечителю открыто обвинялъ Молоствова въ „нагломъ отниманіи гимназическихъ дровъ" и, препровождая ему все производство по этому дѣлу, уснащаетъ свое представленіе слѣдующаго рода сентенціею: „Вмѣсто пожертвованій общеполезнымъ заведеніямъ, обыкновенныхъ почти повсюду—въ Казани губернскій дворянскій предводитель, по попущенію градоначальника (губернатора), противу всякой справедливости и почти нагло отнимаетъ то, что по всѣмъ правамъ должно принадлежать гимназіи и университету". Яковкинъ въ томъ же 1806 году пошелъ еще дальше въ своемъ предубѣжденіи противъ мѣстнаго дворянства, въ письмѣ къ попечителю отъ 6-го февраля заподозривъ его даже... въ кражѣ казенныхъ гимназическихъ лошадей: „Къ вящему сердечному прискорбію,—пишетъ онъ Румовскому,—на 4-ое число сего февраля, ночью, украли двухъ казенныхъ лошадей и провели ихъ пустыремъ и снѣгомъ позади стѣны гимназической, такимъ мѣстомъ, гдѣ никакъ того и подумать не можно было; хотя и приказалъ я употребить всѣ усилія къ отысканію ихъ, но въ успѣхѣ отчаяваюсь, потому что явно, почти, замѣчены въ кражѣ лошадей нѣкоторые изъ дворянъ, коихъ на масляницу съѣхалось въ Казань довольное число". Недѣлею позже директоръ рапортовалъ дополнительно попечителю, что „украденныя лошади найдены у одного господскаго крестьянина и возвращены, а о покражѣ началось дѣло" [163].

„Скупа" была,—по выраженію Яковкина,—казанская публика и на посѣщеніе публичныхъ собраній университета, а въ особенности публичныхъ экзаменовъ, которые бывали въ ту пору въ обычаѣ, въ видахъ ознакомленія общества съ характеромъ, направленіемъ и успѣхами преподаваній: „Публика казанская,—писалъ по этому поводу Яковкинъ попечителю,—кажется и не заботится, каково обучаются и успѣваютъ дѣти и родственники". Намъ уже знакомы тѣ средства, которыя пускались въ ходъ для того, что бы заманить казанскую публику въ стѣны университета въ дни его торжественныхъ публичныхъ собраній: разсылка по городу особыхъ объявленій, музыка, пѣніе, иллюминація, прозрачныя картины, наконецъ неизбѣжное въ случаяхъ этого рода угощеніе, которымъ чередовались номера программы собраній—все пускалось въ ходъ изобрѣтательностью Яковкина и другихъ заправилъ университета. Невольно приходитъ по этому поводу на память довольно характерный фактъ, приведенный много десятилѣтій позже, уже въ 1859 году, однимъ изъ публицистовъ тогдашнихъ „Губернскихъ Вѣдомостей", въ ту пору претендовавшихъ на харак-

теръ газеты не только оффиціальной, но и общественной. Какой то пріѣзжій изъ западнаго края господинъ, попавшій на гимназическій годичный актъ, выразилъ удивленіе по поводу крайне малаго количества на немъ публики, замѣтивъ, что у нихъ на собраніяхъ этого рода бываетъ громадный наплывъ посѣтителей: „И у насъ на акты много публики собиралось въ старые годы,—вставилъ кто то изъ присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ,—когда было въ обычаѣ подавать при этомъ угощеніе; теперь угощенія—нѣтъ, такъ и ѣздить на нихъ нечего".... Яковкинъ и его современники въ совершенствѣ постигли эту истину за полвѣка ранѣе неизвѣстнаго казанскаго резонера конца пятидесятыхъ годовъ.

Особенности этнографическаго состава г. Казани и казанскаго края выдвигаютъ еще одну сторону вопроса о положеніи казанскаго университета въ общемъ строѣ мѣстной общественности,—это вопросъ объ отношеніяхъ университета къ мусульманству. Мы уже имѣли случай отмѣтить весьма раннее зарожденіе въ Казани интереса къ изученію мусульманскаго міра, въ цѣляхъ какъ практическихъ,—миссіонерскихъ,—такъ и въ видахъ собственно научныхъ. Изученіе татарскаго языка еще во второй половинѣ XVIII вѣка входило въ кругъ преподаваній казанской гимназіи и старой казанской духовной академіи, съ учрежденіемъ же университета преподаваніе востоковѣдѣнія не только вводится въ кругъ его образовательныхъ дисциплинъ, но попечителемъ Румовскимъ, при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ проф. Френа, лелѣется даже мысль объ основаніи въ Казани центральнаго училища восточныхъ языковъ, которое предполагалось открыть въ казанскихъ татарскихъ слободахъ, въ нѣдрахъ татарскаго населенія и среди обстановки и условій мѣстной мусульманской жизни. Идея такого училища встрѣчала къ себѣ сочувствіе и въ мѣстномъ татарскомъ населеніи, найдя откликъ въ 1820 году, въ представленномъ чистопольскимъ купцомъ Бурхановымъ проэктѣ учрежденія въ г. Чистополѣ „большаго татарскаго училища"; совѣтъ университета высказался въ пользу этого начинанія, для будущаго училища были даже пожертвованы дома, но осуществленіе проэкта встрѣтило противодѣйствіе со стороны тогдашняго попечителя Магницкаго. Сознавая необходимость болѣе тѣснаго общенія съ мѣстнымъ мусульманскимъ міромъ неофитовъ зарождающагося въ немъ востоковѣдѣнія, казанскій университетъ поселялъ своихъ юныхъ оріенталистовъ въ татарскихъ слободахъ, въ видахъ созданія для нихъ хотя бы слабаго подобія восточныхъ условій и обстановки жизни; такъ въ 1809 году поселенъ былъ здѣсь Риттау, въ 1815 году—Ярцовъ, въ 1819 году—студенты Юнаковъ Петръ и Бовинъ. При казанской гимназіи уже въ пер-

теръ газеты не только оффиціальной, но и общественной. Какой то пріѣзжій изъ западнаго края господинъ, попавшій на гимназическій годичный актъ, выразилъ удивленіе по поводу крайне малаго количества на немъ публики, замѣтивъ, что у нихъ на собраніяхъ этого рода бываетъ громадный наплывъ посѣтителей: „И у насъ на акты много публики собиралось въ старые годы,—вставилъ кто то изъ присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ,—когда было въ обычаѣ подавать при этомъ угощеніе; теперь угощенія—нѣтъ, такъ и ѣздить на нихъ нечего“.... Яковкинъ и его современники въ совершенствѣ постигли эту истину за полвѣка ранѣе неизвѣстнаго казанскаго резонера конца пятидесятыхъ годовъ.

Особенности этнографическаго состава г. Казани и казанскаго края выдвигаютъ еще одну сторону вопроса о положеніи казанскаго университета въ общемъ строѣ мѣстной общественности,—это вопросъ объ отношеніяхъ университета къ мусульманству. Мы уже имѣли случай отмѣтить весьма раннее зарожденіе въ Казани интереса къ изученію мусульманскаго міра, въ цѣляхъ какъ практическихъ,—миссіонерскихъ,—такъ и въ видахъ собственно научныхъ. Изученіе татарскаго языка еще во второй половинѣ XVIII вѣка входило въ кругъ преподаваній казанской гимназіи и старой казанской духовной академіи, съ учрежденіемъ же университета преподаваніе востоковѣдѣнія не только вводится въ кругъ его образовательныхъ дисциплинъ, но попечителемъ Румовскимъ, при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ проф. Френа, лелѣется даже мысль объ основаніи въ Казани центральнаго училища восточныхъ языковъ, которое предполагалось открыть въ казанскихъ татарскихъ слободахъ, въ нѣдрахъ татарскаго населенія и среди обстановки и условій мѣстной мусульманской жизни. Идея такого училища встрѣчала къ себѣ сочувствіе и въ мѣстномъ татарскомъ населеніи, найдя откликъ въ 1820 году, въ представленномъ чистопольскимъ купцомъ Бурхановымъ проэктѣ учрежденія въ г. Чистополѣ „большаго татарскаго училища“; совѣтъ университета высказался въ пользу этого начинанія, для будущаго училища были даже пожертвованы дома, но осуществленіе проэкта встрѣтило противодѣйствіе со стороны тогдашняго попечителя Магницкаго. Сознавая необходимость болѣе тѣснаго общенія съ мѣстнымъ мусульманскимъ міромъ неофитовъ зарождающагося въ немъ востоковѣдѣнія, казанскій университетъ поселялъ своихъ юныхъ оріенталистовъ въ татарскихъ слободахъ, въ видахъ созданія для нихъ хотя бы слабаго подобія восточныхъ условій и обстановки жизни; такъ въ 1809 году поселенъ былъ здѣсь Риттау, въ 1815 году—Ярцовъ, въ 1819 году—студенты Юнаковъ Петръ и Бовинъ. При казанской гимназіи уже въ пер-

вый годъ XIX столѣтія создается, какъ намъ извѣстно, азіятская типографія, несомнѣнно не мало содѣйствовавшая установленію и поддержанію соотношеній между мѣстнымъ мусульманскимъ міромъ и казанскимъ учебнымъ вѣдомствомъ, а эта типографія представляла для восточно-русскаго магометанства, дѣйствительно, весьма крупное духовно-просвѣтительное значеніе: уже въ первые три года своего существованія она выпустила, по свидѣтельству проф. Фукса, свыше 31 тысячи экземпляровъ арабскихъ и татарскимъ книгъ (корановъ, азбукъ и т. п.), въ 1806 году—27 тысячъ экземпляровъ ихъ (въ томъ числѣ до 19 тыс. экземпляровъ азбукъ) и т. д. Просвѣтительное по отношенію къ мусульманству значеніе казанскаго университета проявлялось и въ постоянныхъ заботахъ о переводѣ на татарскій языкъ учебныхъ книгъ—почва, на которой, подъ наблюденіемъ проф. Френа, а затѣмъ и самостоятельно, не мало потрудился лекторъ татарскаго языка И. И. Хальфинъ. Казанскій университетъ занимающей насъ эпохи весьма интересовался и вопросомъ о пріобщеніи мѣстнаго мусульманскаго населенія къ различнымъ проявленіямъ своей внутренней жизни, вообще—и эта черта представляется въ высокой степени характерною и симпатичною въ начальной дѣятельности нашего университета: для татаръ разсылались, какъ мы это не разъ указывали, особыя приглашенія на университетскія публичныя собранія, составленныя на ихъ родномъ языкѣ; на татарскомъ языкѣ было издано, для раздачи въ Казани и для разсылки въ восточныя губерніи, торжественное извѣщеніе о состоявшемся въ 1814 году полномъ открытіи университета; представители мѣстнаго татарскаго общества были приглашены и къ парадному университетскому обѣду по поводу этого событія; на годичныхъ актахъ университета произносились рѣчи, посвященныя мѣстной мусульманской древности; цѣлый рядъ статей, затрогивающихъ вопросы мѣстной татарской жизни, появляется на столбцахъ университетской газеты, которую издавать предполагалось первоначально, на что было уже испрошено и разрѣшеніе, на двухъ языкахъ—русскомъ и татарскомъ; въ Астрахани, съ разрѣшенія казанскаго учебнаго вѣдомства, предпринимается изданіе журнала „Восточныя Извѣстія", посвященнаго изученію востока и т. д. и т. д. Приходится согласиться, въ виду ряда фактовъ подобнаго рода, съ однимъ изъ историковъ мѣстной общественности въ томъ, что „въ старину у насъ въ Казани было, повидимому, болѣе общенія между русскимъ и татарскимъ населеніемъ; на это послѣднее обращалось, почему то, больше вниманія, была надежда на сближеніе, на привлеченіе поклонниковъ Магомета къ участію въ благахъ европейской цивилизаціи и просвѣщенія". Наступившая вскорѣ эпоха Магниц-

вый годъ XIX столѣтія создается, какъ намъ извѣстно, азіятская типографія, несомнѣнно не мало содѣйствовавшая установленію и поддержанію соотношеній между мѣстнымъ мусульманскимъ міромъ и казанскимъ учебнымъ вѣдомствомъ, а эта типографія представляла для восточно-русскаго магометанства, дѣйствительно, весьма крупное духовно-просвѣтительное значеніе: уже въ первые три года своего существованія она выпустила, по свидѣтельству проф. Фукса, свыше 31 тысячи экземпляровъ арабскихъ и татарскимъ книгъ (корановъ, азбукъ и т. п.), въ 1806 году—27 тысячъ экземпляровъ ихъ (въ томъ числѣ до 19 тыс. экземпляровъ азбукъ) и т. д. Просвѣтительное по отношенію къ мусульманству значеніе казанскаго университета проявлялось и въ постоянныхъ заботахъ о переводѣ на татарскій языкъ учебныхъ книгъ—почва, на которой, подъ наблюденіемъ проф. Френа, а затѣмъ и самостоятельно, не мало потрудился лекторъ татарскаго языка И. И. Хальфинъ. Казанскій университетъ занимающей насъ эпохи весьма интересовался и вопросомъ о пріобщеніи мѣстнаго мусульманскаго населенія къ различнымъ проявленіямъ своей внутренней жизни, вообще—и эта черта представляется въ высокой степени характерною и симпатичною въ начальной дѣятельности нашего университета: для татаръ разсылались, какъ мы это не разъ указывали, особыя приглашенія на университетскія публичныя собранія, составленныя на ихъ родномъ языкѣ; на татарскомъ языкѣ было издано, для раздачи въ Казани и для разсылки въ восточныя губерніи, торжественное извѣщеніе о состоявшемся въ 1814 году полномъ открытіи университета; представители мѣстнаго татарскаго общества были приглашены и къ парадному университетскому обѣду по поводу этого событія; на годичныхъ актахъ университета произносились рѣчи, посвященныя мѣстной мусульманской древности; цѣлый рядъ статей, затрогивающихъ вопросы мѣстной татарской жизни, появляется на столбцахъ университетской газеты, которую издавать предполагалось первоначально, на что было уже испрошено и разрѣшеніе, на двухъ языкахъ—русскомъ и татарскомъ; въ Астрахани, съ разрѣшенія казанскаго учебнаго вѣдомства, предпринимается изданіе журнала „Восточныя Извѣстія", посвященнаго изученію востока и т. д. и т. д. Приходится согласиться, въ виду ряда фактовъ подобнаго рода, съ однимъ изъ историковъ мѣстной общественности въ томъ, что „въ старину у насъ въ Казани было, повидимому, болѣе общенія между русскимъ и татарскимъ населеніемъ; на это послѣднее обращалось, почему то, больше вниманія, была надежда на сближеніе, на привлеченіе поклонниковъ Магомета къ участію въ благахъ европейской цивилизаціи и просвѣщенія". Наступившая вскорѣ эпоха Магниц-

каго явилась совершенно неблагопріятною для просвѣтительнаго стремленія казанскаго университета въ этомъ направленіи, такъ какъ къ этому стремленію стали предвходить тенденціи и опасенія, съ академическою наукою ничего общаго не имѣющія [184].

Что въ интересующую насъ эпоху казанской наукѣ, дѣйствительно, начала уже удаваться нелегкая зздача разсѣянія предубѣжденія противъ европейскаго образованія, столь сильнаго въ мусульманствѣ изъ-за стимуловъ чисто религіознаго характера, смѣшивающихъ между собою двѣ совершенно самостоятельныя сферы духовной жизни,—религію и науку,—краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ тому служатъ два нижеслѣдующіе интересные факта. Въ концѣ 1808 года самъ глава восточно-русскаго мусульманства, магометанскій муфтій, возымѣлъ намѣреніе (впрочемъ—несостоявшееся по причинамъ, остающимся намъ неизвѣстными) опредѣлить своего сына въ казанскую гимназію, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ Яковкинъ въ своемъ письмѣ къ попечителю отъ 12-го января 1809 года: „Въ прошедшій вторникъ,—читаемъ здѣсь,—приходилъ ко мнѣ здѣшній старшій ахунъ отъ имени муфтія, съ просьбою о принятіи тринадцатилѣтняго сына его въ гимназію для обученія, знающаго уже хорошо читать и писать по татарски, арабски, французски, а по русски—и говорить, но съ тѣмъ, что бъ онъ жилъ у меня, подъ особеннымъ моимъ руководствомъ и имѣлъ бы особливый для себя столъ по ихъ обычаю, что я ему и обѣщалъ. Примѣръ сей,—добавляетъ Яковкинъ,—конечно послужитъ къ вящему распространенію просвѣщенія между мусульманами“. Второй изъ отмѣчаемыхъ нами фактовъ пріурочивается къ осени 1814 года. Въ этомъ году ханъ малой киргизъ-кайсацкой орды Ширгязи-Айчувакъ вознамѣрился отдать въ казанскую гимназію, для обученія, двухъ своихъ сыновей и племянника и для переговоровъ по этому дѣлу прислалъ въ Казань своего секретаря. Дѣлу этому, восходившему до министра народнаго просвѣщенія, данъ былъ ходъ и 10-го ноября директоръ гимназіи Яковкинъ вошелъ въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ характернымъ представленіемъ:

„Двое сыновей и одинъ племянникъ высокостепеннаго меньшой киргизъ-кайсакской орды хана Ширгазый Айчувакова въ гимназію приняты быть могутъ. Для нихъ назначится особенная комната, гдѣ помѣстятся еще двое или трое лучшихъ питомцевъ, кои могли бы вспоспѣшествовать какъ образованію ума ихъ, такъ и пріучали бы ихъ къ европейскому образованію. Надзоръ надъ ихъ поведеніемъ будетъ исполняемъ въ точности, по учрежденію гимназіи. Въ классахъ они будутъ находиться со всѣми прочими питомцами и займутся, пре-

каго явилась совершенно неблагопріятною для просвѣтительнаго стремленія казанскаго университета въ этомъ направленіи, такъ какъ къ этому стремленію стали предвходить тенденціи и опасенія, съ академическою наукою ничего общаго не имѣющія [184].

Что въ интересующую насъ эпоху казанской наукѣ, дѣйствительно, начала уже удаваться нелегкая задача разсѣянія предубѣжденія противъ европейскаго образованія, столь сильнаго въ мусульманствѣ изъ-за стимуловъ чисто религіознаго характера, смѣшивающихъ между собою двѣ совершенно самостоятельныя сферы духовной жизни,—религію и науку,—краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ тому служатъ два нижеслѣдующіе интересные факта. Въ концѣ 1808 года самъ глава восточно-русскаго мусульманства, магометанскій муфтій, возымѣлъ намѣреніе (впрочемъ—несостоявшееся по причинамъ, остающимся намъ неизвѣстными) опредѣлить своего сына въ казанскую гимназію, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ Яковкинъ въ своемъ письмѣ къ попечителю отъ 12-го января 1809 года: „Въ прошедшій вторникъ,—читаемъ здѣсь,—приходилъ ко мнѣ здѣшній старшій ахунъ отъ имени муфтія, съ просьбою о принятіи тринадцатилѣтняго сына его въ гимназію для обученія, знающаго уже хорошо читать и писать по татарски, арабски, французски, а по русски—и говорить, но съ тѣмъ, что бъ онъ жилъ у меня, подъ особеннымъ моимъ руководствомъ и имѣлъ бы особливый для себя столъ по ихъ обычаю, что я ему и обѣщалъ. Примѣръ сей,—добавляетъ Яковкинъ,—конечно послужитъ къ вящему распространенію просвѣщенія между мусульманами“. Второй изъ отмѣчаемыхъ нами фактовъ пріурочивается къ осени 1814 года. Въ этомъ году ханъ малой киргизъ-кайсацкой орды Ширгязи-Айчувакъ вознамѣрился отдать въ казанскую гимназію, для обученія, двухъ своихъ сыновей и племянника и для переговоровъ по этому дѣлу прислалъ въ Казань своего секретаря. Дѣлу этому, восходившему до министра народнаго просвѣщенія, данъ былъ ходъ и 10-го ноября директоръ гимназіи Яковкинъ вошелъ въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ характернымъ представленіемъ:

„Двое сыновей и одинъ племянникъ высокостепеннаго меньшой киргизъ-кайсакской орды хана Ширгазый Айчувакова въ гимназію приняты быть могутъ. Для нихъ назначится особенная комната, гдѣ помѣстятся еще двое или трое лучшихъ питомцевъ, кои могли бы вспоспѣшествовать какъ образованію ума ихъ, такъ и пріучали бы ихъ къ европейскому образованію. Надзоръ надъ ихъ поведеніемъ будетъ исполняемъ въ точности, по учрежденію гимназіи. Въ классахъ они будутъ находиться со всѣми прочими питомцами и займутся, пре-

имущественно, слѣдующими предметами: ариѳметикою, географіею и исторіею; языками: россійскимъ, татарскимъ и еще однимъ изъ иностранныхъ; искусствами: рисовальнымъ и танцовальнымъ. Какъ для стола питомцевъ никогда не приготовляются кушанья изъ свиныхъ мясъ, посему сіи трое киргизъ-кайсаковъ могутъ продовольствоваться общимъ столомъ. Что бъ религія, въ коей они воспитываются, не ослабѣвала, то начальство гимназіи, въ дни особенно для нихъ священные, можетъ отпускать ихъ для совершенія молитвъ въ мечети, подъ надзоромъ какого либо чиновника магометанскаго исповѣданія изъ служащихъ при гимназіи".

Только что приведенныя нами попытки опредѣленія въ казанскую гимназію мусульманскихъ мальчиковъ,—хотя и исходившія отъ родителей выдающагося общественнаго состоянія,—не нашли себѣ, впрочемъ, подражанія. Первымъ магометанскимъ юношею, окончившимъ курсъ въ казанской гимназіи, явился въ 1834 году нѣкій Тащъ Магометъ Сейфулинъ, появленіе же въ казанскомъ университетѣ первыхъ двухъ слушателей изъ мусульманъ (Уразъ Курбунаковъ и Шагинъ-Гирей Хальфинъ) относится лишь къ 1828 году [185].

Критеріемъ болѣе или менѣе сочувственнаго отношенія общества къ просвѣтительнымъ начинаніямъ общеполезнаго характера являются пожертвованія въ ихъ пользу. Реформируя дѣло народнаго образованія и создавая новыя учебныя заведенія, императоръ Александръ I открыто высказалъ упованіе, что „всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ заведеній". Призывъ монарха едва ли не въ одной только Казани остался безъ отклика, не говоря уже о Харьковѣ, гдѣ вѣсть объ учрежденіи университета вызвала обильный притокъ пожертвованій и общественныхъ и частныхъ, рѣшившій, какъ извѣстно, въ положительную сторону самый вопросъ объ основаніи харьковскаго университета. Въ Казани какъ этотъ монаршій призывъ, такъ и основаніе университета—встрѣтили гробовое молчаніе, давшее попечителю Румовскому основаніе бросить казанскому обществу въ глаза укоръ, уже извѣстный намъ по цитированному выше письму его къ архіепископу Павлу. Мы за все время начальнаго существованія казанскаго университета не встрѣтимъ ни одного сколько нибудь выдающагося пожертвованія въ его пользу, на которомъ можно было бы съ благодарностью остановить вниманіе читателей. Приношеній въ пользу университета поступало за интересующей насъ промежутокъ времени, правда,

имущественно, слѣдующими предметами: ариѳметикою, географіею и исторіею; языками: россійскимъ, татарскимъ и еще однимъ изъ иностранныхъ; искусствами: рисовальнымъ и танцовальнымъ. Какъ для стола питомцевъ никогда не приготовляются кушанья изъ свиныхъ мясъ, посему сіи трое киргизъ-кайсаковъ могутъ продовольствоваться общимъ столомъ. Что бъ религія, въ коей они воспитываются, не ослабѣвала, то начальство гимназіи, въ дни особенно для нихъ священные, можетъ отпускать ихъ для совершенія молитвъ въ мечети, подъ надзоромъ какого либо чиновника магометанскаго исповѣданія изъ служащихъ при гимназіи".

Только что приведенныя нами попытки опредѣленія въ казанскую гимназію мусульманскихъ мальчиковъ,—хотя и исходившія отъ родителей выдающагося общественнаго состоянія,—не нашли себѣ, впрочемъ, подражанія. Первымъ магометанскимъ юношею, окончившимъ курсъ въ казанской гимназіи, явился въ 1834 году нѣкій Тащъ Магометъ Сейфулинъ, появленіе же въ казанскомъ университетѣ первыхъ двухъ слушателей изъ мусульманъ (Уразъ Курбунаковъ и Шагинъ-Гирей Хальфинъ) относится лишь къ 1828 году [185].

Критеріемъ болѣе или менѣе сочувственнаго отношенія общества къ просвѣтительнымъ начинаніямъ общеполезнаго характера являются пожертвованія въ ихъ пользу. Реформируя дѣло народнаго образованія и создавая новыя учебныя заведенія, императоръ Александръ I открыто высказалъ упованіе, что „всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ заведеній". Призывъ монарха едва ли не въ одной только Казани остался безъ отклика, не говоря уже о Харьковѣ, гдѣ вѣсть объ учрежденіи университета вызвала обильный притокъ пожертвованій и общественныхъ и частныхъ, рѣшившій, какъ извѣстно, въ положительную сторону самый вопросъ объ основаніи харьковскаго университета. Въ Казани какъ этотъ монаршій призывъ, такъ и основаніе университета—встрѣтили гробовое молчаніе, давшее попечителю Румовскому основаніе бросить казанскому обществу въ глаза укоръ, уже извѣстный намъ по цитированному выше письму его къ архіепископу Павлу. Мы за все время начальнаго существованія казанскаго университета не встрѣтимъ ни одного сколько нибудь выдающагося пожертвованія въ его пользу, на которомъ можно было бы съ благодарностью остановить вниманіе читателей. Приношеній въ пользу университета поступало за интересующей насъ промежутокъ времени, правда,

не мало и указаніями на нихъ обильны архивныя дѣла университета—но всѣ эти приношенія обусловливались или цѣлями, имѣвшими мало общаго съ истинною и безкорыстною любовью къ просвѣщенію, или же сводились къ слишкомъ хорошо знакомому мотиву благотворительности: „на тебѣ, убоже, что намъ не гоже"…. Эти пожертвованія стекались, главнымъ образомъ, въ университетскіе кабинеты и въ этомъ отношеніи особенно счастливилось будущему кабинету минералогическому, судя по безконечному обилію всякаго рода „штуфовъ", которыми положительно засыпали университетъ жертвователи самыхъ разнообразныхъ состояній и изъ самыхъ различныхъ пунктовъ русскаго востока,—въ особенности же изъ Пріуралья. Перечни приношеній регулярно приводились въ годичныхъ отчетахъ по университету, позже печатались въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ", совѣтъ университета неукоснительно приносилъ жертвователямъ изъявленія своей благодарности—и этимъ самолюбіе мѣстныхъ „ревнителей просвѣщенія" въ достаточной мѣрѣ, повидимому, удовлетворялось. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактъ приношенія заносился даже въ послужной списокъ жертвователя; такъ, въ началѣ 1819 года совѣтомъ университета было постановлено внести въ послужной списокъ штатнаго смотрителя вятскаго уѣзднаго училища приношеніе, сдѣланное имъ университету, въ видѣ собственной работы мѣдной гравировальной доски для дипломовъ, съ изображеніемъ на ней „Аполлона на колесницѣ". Въ числѣ жертвователей для университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій встрѣчались и лица высокопоставленныя. Такъ, въ концѣ 1817 года государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ прислалъ въ даръ шестьдесятъ капсюлей присланныхъ ему изъ Америки сѣмянъ рѣдкихъ бразильскихъ растеній. Совѣтъ университета, свидѣтельствуя жертвователю одушевляющія его чувства благодарности и изъявляя намѣреніе „передать ихъ на воспоминаніе потомству", просилъ графа доставить ему свой портретъ; тотъ отклонилъ отъ себя эту честь, отозвавшись тѣмъ, что „такового отличія не заслуживаетъ, да и портретовъ иныхъ нѣтъ, какъ тѣ, которые писаны давно и нынѣ, въ лѣтахъ преклонныхъ, сходства никакого не имѣютъ".

Раздавшійся съ высоты престола призывъ къ пожертвованіямъ на учебныя заведенія вызвалъ рядъ жертвъ совершенно безкорыстныхъ, но онѣ вызвалъ собою, какъ это и всегда бывало и бываетъ въ случаяхъ подобнаго рода, и приношенія, въ основѣ которыхъ лежали побужденія не всегда идеальнаго и даже не всегда безусловно чистаго характера, что и вызвало собою высочайшее повелѣніе, сообщенное казанскому университету предложеніемъ попечителя отъ 7-го февраля 1816 года, въ силу

не мало и указаніями на нихъ обильны архивныя дѣла университета—но всѣ эти приношенія обусловливались или цѣлями, имѣвшими мало общаго съ истинною и безкорыстною любовью къ просвѣщенію, или же сводились къ слишкомъ хорошо знакомому мотиву благотворительности: „на тебѣ, убоже, что намъ не гоже“.... Эти пожертвованія стекались, главнымъ образомъ, въ университетскіе кабинеты и въ этомъ отношеніи особенно счастливилось будущему кабинету минералогическому, судя по безконечному обилію всякаго рода „штуфовъ“, которыми положительно засыпали университетъ жертвователи самыхъ разнообразныхъ состояній и изъ самыхъ различныхъ пунктовъ русскаго востока,—въ особенности же изъ Пріуралья. Перечни приношеній регулярно приводились въ годичныхъ отчетахъ по университету, позже печатались въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“, совѣтъ университета неукоснительно приносилъ жертвователямъ изъявленія своей благодарности—и этимъ самолюбіе мѣстныхъ „ревнителей просвѣщенія“ въ достаточной мѣрѣ, повидимому, удовлетворялось. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактъ приношенія заносился даже въ послужной списокъ жертвователя; такъ, въ началѣ 1819 года совѣтомъ университета было постановлено внести въ послужной списокъ штатнаго смотрителя вятскаго уѣзднаго училища приношеніе, сдѣланное имъ университету, въ видѣ собственной работы мѣдной гравировальной доски для дипломовъ, съ изображеніемъ на ней „Аполлона на колесницѣ“. Въ числѣ жертвователей для университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій встрѣчались и лица высокопоставленныя. Такъ, въ концѣ 1817 года государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ прислалъ въ даръ шестьдесятъ капсюлей присланныхъ ему изъ Америки сѣмянъ рѣдкихъ бразильскихъ растеній. Совѣтъ университета, свидѣтельствуя жертвователю одушевляющія его чувства благодарности и изъявляя намѣреніе „передать ихъ на воспоминаніе потомству“, просилъ графа доставить ему свой портретъ; тотъ отклонилъ отъ себя эту честь, отозвавшись тѣмъ, что „такового отличія не заслуживаетъ, да и портретовъ иныхъ нѣтъ, какъ тѣ, которые писаны давно и нынѣ, въ лѣтахъ преклонныхъ, сходства никакого не имѣютъ“.

Раздавшійся съ высоты престола призывъ къ пожертвованіямъ на учебныя заведенія вызвалъ рядъ жертвъ совершенно безкорыстныхъ, но онѣ вызвалъ собою, какъ это и всегда бывало и бываетъ въ случаяхъ подобнаго рода, и приношенія, въ основѣ которыхъ лежали побужденія не всегда идеальнаго и даже не всегда безусловно чистаго характера, что и вызвало собою высочайшее повелѣніе, сообщенное казанскому университету предложеніемъ попечителя отъ 7-го февраля 1816 года, въ силу

котораго требовалось, что бы „при случающихся пожертвованіяхъ купцами и другого званія людьми обращаемо было вниманіе на поведеніе и прежній образъ жизни того лица, кто дѣлаетъ пожертвованіе, равно какъ и на то, не находится ли онъ въ то самое время подъ судомъ либо слѣдствіемъ". Образцомъ побужденій, какими руководствовались нѣкоторыя лица въ своихъ пожертвованіяхъ на пользу народнаго просвѣщенія, можетъ служить заявленіе, въ концѣ 1819 года поданное попечителю округа нѣкіимъ штабсъ-капитаномъ въ отставкѣ А. Я. Лешевичемъ-Бородуличемъ, въ которомъ онъ изъявлялъ готовность принести казанскому университету въ даръ 10 тысячъ рублей на сооруженіе при немъ церкви и „коллекцію механическихъ моделей машинъ своего изобрѣтенія", если ему будутъ предоставлены за это званіе камеръ-юнкера и должность чиновника особыхъ порученій при попечителѣ округа; просителю было въ этомъ, конечно, отказано [186].

Мы будемъ имѣть возможность съ бо́льшею подробностью остановиться на пожертвованіяхъ, дѣлавшихся учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ университета, ниже, при историческомъ обозрѣніи этихъ учрежденій.

Обзоръ различныхъ сторонъ общественныхъ отношеній, въ которыя довелось стать казанскому университету за изслѣдуемую нами начальную эпоху существованія, явится вполнѣ умѣстнымъ заключить разсмотрѣніемъ его отношеній къ общей администраціи города и края.

Грустную картину представляло собою положеніе администраціи г. Казани и казанскаго края въ ту пору, къ которой относится основаніе казанскаго университета, являвшееся лишь отголоскомъ общихъ административныхъ золъ, подъ гнетомъ которыхъ изнывала провинціальная дореформенная Россія начала XIX столѣтія. Всѣ отрицательныя стороны мѣстнаго административнаго режима того времени,—съ самоуправствомъ, казнокрадствомъ, мздоимствомъ, лицепріятіемъ и отсутствіемъ чувства законности въ ихъ главѣ,—особенно тяжело отзывались въ областяхъ, удаленныхъ отъ центра государственной жизни, къ числу каковыхъ, несомнѣнно, причислялся и нашъ казанскій край, вся административная исторія котораго за первую четверть XIX-го вѣка представляетъ собою почти сплошную картину самаго разнузданнаго произвола, беззаконія и злоупотребленій—съ одной стороны, неустанной борьбы съ ними центральнаго правительства — съ другой стороны. Этотъ низкій уровень администраціи, въ его взаимодѣйствіи съ отсутствіемъ стремленій просвѣтительнаго ха-

котораго требовалось, что бы „при случающихся пожертвованіяхъ купцами и другого званія людьми обращаемо было вниманіе на поведеніе и прежній образъ жизни того лица, кто дѣлаетъ пожертвованіе, равно какъ и на то, не находится ли онъ въ то самое время подъ судомъ либо слѣдствіемъ". Образцомъ побужденій, какими руководствовались нѣкоторыя лица въ своихъ пожертвованіяхъ на пользу народнаго просвѣщенія, можетъ служить заявленіе, въ концѣ 1819 года поданное попечителю округа нѣкіимъ штабсъ-капитаномъ въ отставкѣ А. Я. Лешевичемъ-Бородуличемъ, въ которомъ онъ изъявлялъ готовность принести казанскому университету въ даръ 10 тысячъ рублей на сооруженіе при немъ церкви и „коллекцію механическихъ моделей машинъ своего изобрѣтенія", если ему будутъ предоставлены за это званіе камеръ-юнкера и должность чиновника особыхъ порученій при попечителѣ округа; просителю было въ этомъ, конечно, отказано[186].

Мы будемъ имѣть возможность съ бо́льшею подробностью остановиться на пожертвованіяхъ, дѣлавшихся учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ университета, ниже, при историческомъ обозрѣніи этихъ учрежденій.

Обзоръ различныхъ сторонъ общественныхъ отношеній, въ которыя довелось стать казанскому университету за изслѣдуемую нами начальную эпоху существованія, явится вполнѣ умѣстнымъ заключить разсмотрѣніемъ его отношеній къ общей администраціи города и края.

Грустную картину представляло собою положеніе администраціи г. Казани и казанскаго края въ ту пору, къ которой относится основаніе казанскаго университета, являвшееся лишь отголоскомъ общихъ административныхъ золъ, подъ гнетомъ которыхъ изнывала провинціальная дореформенная Россія начала XIX столѣтія. Всѣ отрицательныя стороны мѣстнаго административнаго режима того времени,—съ самоуправствомъ, казнокрадствомъ, мздоимствомъ, лицепріятіемъ и отсутствіемъ чувства законности въ ихъ главѣ,—особенно тяжело отзывались въ областяхъ, удаленныхъ отъ центра государственной жизни, къ числу каковыхъ, несомнѣнно, причислялся и нашъ казанскій край, вся административная исторія котораго за первую четверть XIX-го вѣка представляетъ собою почти сплошную картину самаго разнузданнаго произвола, беззаконія и злоупотребленій—съ одной стороны, неустанной борьбы съ ними центральнаго правительства — съ другой стороны. Этотъ низкій уровень администраціи, въ его взаимодѣйствіи съ отсутствіемъ стремленій просвѣтительнаго ха-

рактера и почти поголовнымъ невѣжествомъ, съ грубостью нравовъ, съ крѣпостнымъ и узкосословнымъ строемъ общественности, создавали условія культурной жизни, къ которымъ волею-неволею пришлось, такъ или иначе, приспособляться вновь основанному казанскому университету; является почти несомнѣннымъ, что только на почвѣ именно этихъ то жизненныхъ условій и могли создаться тѣ черты отрицательнаго характера, съ необузданнымъ самовластіемъ Яковкина въ ихъ главѣ, которыми отмѣчены начальные годы жизни юнаго университета. Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ и то, что условія казанской жизни, встрѣченныя здѣсь первыми профессорами новаго университета и особенно рѣзко бросавшіяся въ глаза заброшеннымъ въ этотъ далекій край ученымъ представителямъ западно-европейской культуры, были дѣйствительно способны создать въ нихъ представленіе о казанскомъ краѣ, какъ о „сторонѣ почти дикарей", какъ характеризовалъ его, въ свое время, даже благодушный профессоръ К. Ѳ. Фуксъ.

Неурядицы казанской администраціи явились одною изъ первыхъ мрачныхъ сторонъ русской жизни, бросившеюся молодому императору Александру въ глаза уже вскорѣ по вступленіи его на престолъ, и дали непосредственный поводъ къ изданію одного изъ крупнѣйшихъ законодательныхъ актовъ перваго года XIX вѣка—указа 27-го сентября 1801 года объ уничтоженіи пытокъ. Уже вскорѣ по вступленіи императора Александра I на престолъ, до свѣдѣнія его достигли изъ Казани вѣсти крайне мрачнаго свойства; доносили, между прочимъ, что здѣсь полиція прибѣгаетъ къ истязаніямъ и жестокимъ пыткамъ, съ цѣлью вынужденія признанія отъ заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ лицъ. Гуманная натура юнаго императора возмутилась этими слухами: въ Казань былъ командированъ, для разслѣдованія дѣла, флигель-адъютантъ бар. Альбедиль, который и удостовѣрился въ справедливости жалобъ на казанскую полицію, находившуюся въ вѣдѣніи военнаго губернатора Пущина. Оказалось, что въ Казани (и фактъ этотъ былъ не единственнымъ) былъ на-смерть засѣченъ плетьми мѣщанинъ, у котораго истязаніями вынуждали собственное признаніе въ поджогѣ, хотя и послѣ пытки, и передъ наказаніемъ, и даже умирая—онъ отрицалъ всякую вину съ своей стороны. Этотъ казанскій инцидентъ былъ причиною изданія императоромъ Александромъ извѣстнаго указа сенату, въ которомъ, воспрещая употребленіе при дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, подъ страхомъ кары, какихъ бы то ни было истязаній и допросовъ „съ пристрастіемъ", императоръ изъявляетъ желаніе, что бы „самое наименованіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было на-

рактера и почти поголовнымъ невѣжествомъ, съ грубостью нравовъ, съ крѣпостнымъ и узкосословнымъ строемъ общественности, создавали условія культурной жизни, къ которымъ волею-неволею пришлось, такъ или иначе, приспособляться вновь основанному казанскому университету; является почти несомнѣннымъ, что только на почвѣ именно этихъ то жизненныхъ условій и могли создаться тѣ черты отрицательнаго характера, съ необузданнымъ самовластіемъ Яковкина въ ихъ главѣ, которыми отмѣчены начальные годы жизни юнаго университета. Нисколько не представляется, поэтому, удивительнымъ и то, что условія казанской жизни, встрѣченныя здѣсь первыми профессорами новаго университета и особенно рѣзко бросавшіяся въ глаза заброшеннымъ въ этотъ далекій край ученымъ представителямъ западно-европейской культуры, были дѣйствительно способны создать въ нихъ представленіе о казанскомъ краѣ, какъ о „сторонѣ почти дикарей", какъ характеризовалъ его, въ свое время, даже благодушный профессоръ К. Ѳ. Фуксъ.

Неурядицы казанской администраціи явились одною изъ первыхъ мрачныхъ сторонъ русской жизни, бросившеюся молодому императору Александру въ глаза уже вскорѣ по вступленіи его на престолъ, и дали непосредственный поводъ къ изданію одного изъ крупнѣйшихъ законодательныхъ актовъ перваго года XIX вѣка—указа 27-го сентября 1801 года объ уничтоженіи пытокъ. Уже вскорѣ по вступленіи императора Александра I на престолъ, до свѣдѣнія его достигли изъ Казани вѣсти крайне мрачнаго свойства; доносили, между прочимъ, что здѣсь полиція прибѣгаетъ къ истязаніямъ и жестокимъ пыткамъ, съ цѣлью вынужденія признанія отъ заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ лицъ. Гуманная натура юнаго императора возмутилась этими слухами: въ Казань былъ командированъ, для разслѣдованія дѣла, флигель-адъютантъ бар. Альбедиль, который и удостовѣрился въ справедливости жалобъ на казанскую полицію, находившуюся въ вѣдѣніи военнаго губернатора Пущина. Оказалось, что въ Казани (и фактъ этотъ былъ не единственнымъ) былъ на-смерть засѣченъ плетьми мѣщанинъ, у котораго истязаніями вынуждали собственное признаніе въ поджогѣ, хотя и послѣ пытки, и передъ наказаніемъ, и даже умирая—онъ отрицалъ всякую вину съ своей стороны. Этотъ казанскій инцидентъ былъ причиною изданія императоромъ Александромъ извѣстнаго указа сенату, въ которомъ, воспрещая употребленіе при дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, подъ страхомъ кары, какихъ бы то ни было истязаній и допросовъ „съ пристрастіемъ", императоръ изъявляетъ желаніе, что бы „самое наименованіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было на-

всегда изъ памяти народной" (Полн. Собр. Зак., № 20022). Прикосновенные къ этому возмутительному дѣлу военный губернаторъ Пущинъ, гражданскій губернаторъ Мухановъ и частный приставъ Столбовскій были отрѣшены отъ должностей *.

Преемникомъ Пущина и Муханова явился гражданскій губернаторъ А. А. Аплечеевъ—лишь незадолго до того уволенный отъ должности с.-петербургскаго полицеймейстера за картежничество и нерадѣніе своими обязанностями. Это назначеніе, въ которомъ сами члены императорскаго „неоффиціальнаго комитета" усмотрѣли „примѣръ тому, какъ легко подсовывать указы и какъ человѣкъ, котораго слѣдовало бы отстранить отъ всякой должности, является во главѣ управленія губерніей"—уже само по себѣ служило плохою гарантіею устраненія тѣхъ административныхъ золъ, отъ которыхъ такъ страдала Казань. На смѣну Аплечееву, умершему на слѣдующій же годъ, выступилъ совершенно безцвѣтный начальникъ губерніи Кацаревъ, также остававшійся въ должности около года, а въ концѣ 1804 года во главѣ управленія губерніею былъ поставленъ уже хорошо знакомый намъ губернаторъ Б. А. Мансуровъ, при которомъ совершилось основаніе казанскаго университета и протекли первые девять лѣтъ его начальнаго существованія. Человѣкъ далеко не серьезный и самодуръ,—мнѣніе, которое, по всей вѣроятности, уже сложилось объ этомъ губернаторѣ въ представленіи нашихъ читателей, — Мансуровъ не оказался способнымъ поднять низкій уровень казанской администраціи, еще ниже павшій при его преемникѣ графѣ И. А. Толстомъ (родномъ дѣдѣ нашего славнаго писателя Льва Николаевича Толстого). Пятилѣтнее (1815—1820 г.г.) губернаторство гр. Толстого завершилось весьма плачевно. Человѣкъ ума не обширнаго, а характера слабаго, Толстой совершенно распустилъ казанскую администрацію и вверенная ему губернія сдѣлалась очагомъ почти невѣроятныхъ злоупотребленій и упущеній власти. Вслѣдствіе доноса губернскаго предводителя дворянства Киселева, въ Казань назначена была сенаторская ревизія изъ сенаторовъ С. С. Кушникова и П. Л. Санти, которою и были выяснены факты крайне вопіющаго характера, вызвавшіе учрежденіе въ 1820 году въ Казани временной коммиссіи для прекращенія безпорядковъ и для устройства губерніи, а также командировку сюда, въ

* На этотъ инцидентъ намекаетъ казанскій уроженецъ, поэтъ Г. Р. Державинъ, въ своемъ произведеніи «Гимнъ кротости», въ которомъ онъ восклицаетъ по адресу императора Александра:

«Въ странахъ Ты слышишь отдаленныхъ
«Пролитую слезу и кровь...

всегда изъ памяти народной" (Полн. Собр. Зак., № 20022). Прикосновенные къ этому возмутительному дѣлу военный губернаторъ Пущинъ, гражданскій губернаторъ Мухановъ и частный приставъ Столбовскій были отрѣшены отъ должностей *.

Преемникомъ Пущина и Муханова явился гражданскій губернаторъ А. А. Аплечеевъ—лишь незадолго до того уволенный отъ должности с.-петербургскаго полицеймейстера за картежничество и нерадѣніе своими обязанностями. Это назначеніе, въ которомъ сами члены императорскаго „неоффиціальнаго комитета" усмотрѣли „примѣръ тому, какъ легко подсовывать указы и какъ человѣкъ, котораго слѣдовало бы отстранить отъ всякой должности, является во главѣ управленія губерніей"—уже само по себѣ служило плохою гарантіею устраненія тѣхъ административныхъ золъ, отъ которыхъ такъ страдала Казань. На смѣну Аплечееву, умершему на слѣдующій же годъ, выступилъ совершенно безцвѣтный начальникъ губерніи Кацаревъ, также остававшійся въ должности около года, а въ концѣ 1804 года во главѣ управленія губерніею былъ поставленъ уже хорошо знакомый намъ губернаторъ Б. А. Мансуровъ, при которомъ совершилось основаніе казанскаго университета и протекли первые девять лѣтъ его начальнаго существованія. Человѣкъ далеко не серьезный и самодуръ,—мнѣніе, которое, по всей вѣроятности, уже сложилось объ этомъ губернаторѣ въ представленіи нашихъ читателей, — Мансуровъ не оказался способнымъ поднять низкій уровень казанской администраціи, еще ниже павшій при его преемникѣ графѣ И. А. Толстомъ (родномъ дѣдѣ нашего славнаго писателя Льва Николаевича Толстого). Пятилѣтнее (1815—1820 г.г.) губернаторство гр. Толстого завершилось весьма плачевно. Человѣкъ ума не обширнаго, а характера слабаго, Толстой совершенно распустилъ казанскую администрацію и ввѣренная ему губернія сдѣлалась очагомъ почти невѣроятныхъ злоупотребленій и упущеній власти. Вслѣдствіе доноса губернскаго предводителя дворянства Киселева, въ Казань назначена была сенаторская ревизія изъ сенаторовъ С. С. Кушникова и П. Л. Санти, которою и были выяснены факты крайне вопіющаго характера, вызвавшіе учрежденіе въ 1820 году въ Казани временной коммиссіи для прекращенія безпорядковъ и для устройства губерніи, а также командировку сюда, въ

* На этотъ инцидентъ намекаетъ казанскій уроженецъ, поэтъ Г. Р. Державинъ, въ своемъ произведеніи «Гимнъ кротости», въ которомъ онъ восклицаетъ по адресу императора Александра:

«Въ странахъ Ты слышишь отдаленныхъ
«Пролитую слезу и кровь...

1822 году, сенатора т. с. В. Ю. Соймонова, который и оставался здѣсь, на правахъ генералъ-губернатора, до закрытія коммиссіи, т. е. до 1825 года. Графъ Толстой не долго пережилъ послѣдовавшее 25 февраля 1820 года увольненіе свое.

Сенаторская ревизія Кушникова и Санти явилась для казанской губерніи, какъ мы это уже знаемъ, не первою. Казанскія административныя неурядицы были поводомъ къ назначенію цѣлаго ряда и болѣе раннихъ сенаторскихъ ревизій. Такъ, въ 1796 году, во время губернаторства кн. Баратаева, присылался сюда для ревизіи сенаторъ С. И. Мавринъ, имѣвшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, порученіе обревизовать и вятскую губернію; въ 1800 г. ревизовалъ казанскую губернію сенаторъ д. т. с. М. Г. Спиридоновъ, въ 1804 г.—сенаторъ т. с. И. Б. Пестель, въ 1808 г.—сенаторъ М. И. Данауровъ, въ 1809—1810 г.г.—сенаторъ П. А. Обрѣзковъ. Эта послѣдняя ревизія представляетъ для насъ тотъ исключительный интересъ, что ею, какъ извѣстно, былъ выдвинутъ и поставленъ на очередь, въ качествѣ неотложной необходимости, вопросъ о полномъ открытіи казанскаго университета *.

Да простятъ намъ читатели эту сжатую экскурсію въ область исторіи казанскаго мѣстнаго управленія первыхъ двухъ десятилѣтій XIX столѣтія, которую мы почитали не излишнею для обрисовки тѣхъ условій административныхъ строя и жизни, съ которыми пришлось столкнуться казанскому университету уже на первыхъ порахъ его существованія [187].

Недоразумѣнія между университетомъ и мѣстною губернскою администраціею, въ лицѣ губернатора Мансурова, начались съ самаго основанія перваго, явившись лишь отголоскомъ антагонизма, создавшагося между казанскимъ учебнымъ вѣдомствомъ и губернскою властью еще до этого событія и причины котораго коренились въ неопредѣленномъ положеніи гимназіи, создавшемся послѣ произведенной въ 1803 году реформы всего школьнаго дѣла.

Намъ уже извѣстна, въ общихъ чертахъ, исторія возстановленія казанской гимназіи въ 1798 году, послѣ десятилѣтняго перерыва въ ея существованіи **. Третья по времени основанія русская гимназія, вообще, и первое провинціальное учебное заведеніе этого рода, казанская гимназія стояла особнякомъ въ общемъ строѣ русскаго учебнаго дѣла и получила уставъ, создавшій ей, въ этомъ отношеніи, положеніе совершенно исклю-

---

* См. томъ I, стр. 344—348.

** См. томъ I, стр. 4.

1822 году, сенатора т. с. В. Ю. Соймонова, который и оставался здѣсь, на правахъ генералъ-губернатора, до закрытія коммиссіи, т. е. до 1825 года. Графъ Толстой не долго пережилъ послѣдовавшее 25 февраля 1820 года увольненіе свое.

Сенаторская ревизія Кушникова и Санти явилась для казанской губерніи, какъ мы это уже знаемъ, не первою. Казанскія административныя неурядицы были поводомъ къ назначенію цѣлаго ряда и болѣе раннихъ сенаторскихъ ревизій. Такъ, въ 1796 году, во время губернаторства кн. Баратаева, присылался сюда для ревизіи сенаторъ С. И. Мавринъ, имѣвшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, порученіе обревизовать и вятскую губернію; въ 1800 г. ревизовалъ казанскую губернію сенаторъ д. т. с. М. Г. Спиридоновъ, въ 1804 г.—сенаторъ т. с. И. Б. Пестель, въ 1808 г.—сенаторъ М. И. Данауровъ, въ 1809—1810 г.г.—сенаторъ П. А. Обрѣзковъ. Эта послѣдняя ревизія представляетъ для насъ тотъ исключительный интересъ, что ею, какъ извѣстно, былъ выдвинутъ и поставленъ на очередь, въ качествѣ неотложной необходимости, вопросъ о полномъ открытіи казанскаго университета *.

Да простятъ намъ читатели эту сжатую экскурсію въ область исторіи казанскаго мѣстнаго управленія первыхъ двухъ десятилѣтій XIX столѣтія, которую мы почитали не излишнею для обрисовки тѣхъ условій административныхъ строя и жизни, съ которыми пришлось столкнуться казанскому университету уже на первыхъ порахъ его существованія [187].

Недоразумѣнія между университетомъ и мѣстною губернскою администраціею, въ лицѣ губернатора Мансурова, начались съ самаго основанія перваго, явившись лишь отголоскомъ антагонизма, создавшагося между казанскимъ учебнымъ вѣдомствомъ и губернскою властью еще до этого событія и причины котораго коренились въ неопредѣленномъ положеніи гимназіи, создавшемся послѣ произведенной въ 1803 году реформы всего школьнаго дѣла.

Намъ уже извѣстна, въ общихъ чертахъ, исторія возстановленія казанской гимназіи въ 1798 году, послѣ десятилѣтняго перерыва въ ея существованіи **. Третья по времени основанія русская гимназія, вообще, и первое провинціальное учебное заведеніе этого рода, казанская гимназія стояла особнякомъ въ общемъ строѣ русскаго учебнаго дѣла и получила уставъ, создавшій ей, въ этомъ отношеніи, положеніе совершенно исклю-

* См. томъ I, стр. 344—348.

** См. томъ I, стр. 4.

чительное. Мы видѣли, что самый вопросъ о возстановленіи гимназіи былъ обязанъ своимъ возбужденіемъ казанскому губернатору князю Мещерскому, что уставъ этого учебнаго заведенія былъ выработанъ другимъ губернаторомъ, де-Ласси, что подъ помѣщеніе возстановленной гимназіи былъ отведенъ даже домъ, достроивавшійся для жительства въ немъ губернаторовъ. Если мы добавимъ ко всему этому, что по уставу 1798 года казанскій гражданскій губернаторъ признавался попечителемъ гимназіи, управлявшимъ ею черезъ имъ же представляемаго директора— то мы поймемъ то непосредственное и самое тѣсное отношеніе, въ какое положеніе о гимназіи ставило ее по отношенію къ губернской администраціи. Съ образованіемъ министерства народнаго просвѣщенія и послѣдовавшимъ за тѣмъ учрежденіемъ главнаго правленія училищъ и учебныхъ округовъ, казанская гимназія была подчинена общему учебному вѣдомству, съ отстраненіемъ губернатора отъ всякаго вмѣшательства въ ея управленіе и распорядки, что создало полное противорѣчіе между фактическимъ режимомъ гимназіи и высочайше утвержденнымъ ея уставомъ—съ одной стороны, между совершенно исключительнымъ, по тому же уставу, положеніемъ этой гимназіи и положеніемъ губернскихъ (по реформѣ 1803 года) гимназій—съ другой стороны; это исключительное положеніе соединялось и съ почетнымъ предикатомъ „императорской", которое присвоивалось старѣйшей русской провинціальной гимназіи. Уже на этой почвѣ создался антагонизмъ между новымъ казанскимъ учебнымъ вѣдомствомъ, поставленнымъ теперь совершенно самостоятельно, и мѣстною губернскою администраціею, которой не легко было разстаться съ представленіемъ о полнотѣ и неограниченности своей бюрократической власти.

Съ основаніемъ университета, который въ теченіи первыхъ лѣтъ своего существованія во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ скромно прикрывался даже наименованіемъ „гимназіи", этотъ антагонизмъ между вѣдомствами учебнымъ и губернскимъ—обострился въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Самое основаніе университета совершилось въ февралѣ 1805 года какимъ то келейнымъ, потайнымъ образомъ, безъ всякаго оффиціальнаго участія въ этомъ крупномъ дѣлѣ мѣстной губернской власти, которая не могла не почитать себя обойденною и дискредитированною съ точки зрѣнія авторитета и престижа своей широкой, по условіямъ того времени почти неограниченной, власти. Первый университетскій актъ 9-го іюля 1805 года не почтили своимъ присутствіемъ ни губернаторъ Мансуровъ, ни мѣстный преосвященный, а начало 1807 года ознаменовалось уже знакомымъ намъ губернаторскимъ „извѣтомъ" на университетскіе и гимназическіе непоряд-

чительное. Мы видѣли, что самый вопросъ о возстановленіи гимназіи былъ обязанъ своимъ возбужденіемъ казанскому губернатору князю Мещерскому, что уставъ этого учебнаго заведенія былъ выработанъ другимъ губернаторомъ, де-Ласси, что подъ помѣщеніе возстановленной гимназіи былъ отведенъ даже домъ, достроивавшійся для жительства въ немъ губернаторовъ. Если мы добавимъ ко всему этому, что по уставу 1798 года казанскій гражданскій губернаторъ признавался попечителемъ гимназіи, управлявшимъ ею черезъ имъ же представляемаго директора— то мы поймемъ то непосредственное и самое тѣсное отношеніе, въ какое положеніе о гимназіи ставило ее по отношенію къ губернской администраціи. Съ образованіемъ министерства народнаго просвѣщенія и послѣдовавшимъ за тѣмъ учрежденіемъ главнаго правленія училищъ и учебныхъ округовъ, казанская гимназія была подчинена общему учебному вѣдомству, съ отстраненіемъ губернатора отъ всякаго вмѣшательства въ ея управленіе и распорядки, что создало полное противорѣчіе между фактическимъ режимомъ гимназіи и высочайше утвержденнымъ ея уставомъ—съ одной стороны, между совершенно исключительнымъ, по тому же уставу, положеніемъ этой гимназіи и положеніемъ губернскихъ (по реформѣ 1803 года) гимназій—съ другой стороны; это исключительное положеніе соединялось и съ почетнымъ предикатомъ „императорской", которое присвоивалось старѣйшей русской провинціальной гимназіи. Уже на этой почвѣ создался антагонизмъ между новымъ казанскимъ учебнымъ вѣдомствомъ, поставленнымъ теперь совершенно самостоятельно, и мѣстною губернскою администраціею, которой не легко было разстаться съ представленіемъ о полнотѣ и неограниченности своей бюрократической власти.

Съ основаніемъ университета, который въ теченіи первыхъ лѣтъ своего существованія во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ скромно прикрывался даже наименованіемъ „гимназіи", этотъ антагонизмъ между вѣдомствами учебнымъ и губернскимъ—обострился въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Самое основаніе университета совершилось въ февралѣ 1805 года какимъ то келейнымъ, потайнымъ образомъ, безъ всякаго оффиціальнаго участія въ этомъ крупномъ дѣлѣ мѣстной губернской власти, которая не могла не почитать себя обойденною и дискредитированною съ точки зрѣнія авторитета и престижа своей широкой, по условіямъ того времени почти неограниченной, власти. Первый университетскій актъ 9-го іюля 1805 года не почтили своимъ присутствіемъ ни губернаторъ Мансуровъ, ни мѣстный преосвященный, а начало 1807 года ознаменовалось уже знакомымъ намъ губернаторскимъ „извѣтомъ" на университетскіе и гимназическіе непоряд-

ки, въ основу котораго было положено не мало скрытаго чувства раздраженія и страстности и отъ котораго Мансуровъ вскорѣ самъ же отрекся; губернскія власти, съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ во главѣ, явились въ концѣ 1806 и въ началѣ 1807 года и центрами того, по выраженію Яковкина—„комплота", который образовался въ городѣ противъ профессора-директора и въ защиту гонимыхъ Румовскимъ и Яковкинымъ профессоровъ.

Крупныя недоразумѣнія между Яковкинымъ, какъ представителемъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства, и Мансуровымъ, какъ главою мѣстной губернской власти, сказались уже къ концу перваго года существованія университета, что ясно усматривается изъ новогодняго письма директора къ Румовскому отъ 2-го января 1806 года:

„Для наступившаго новаго года,—пишетъ здѣсь Яковкинъ,—не по единому токмо обыкновенію древнихъ римлянъ, но съ чистѣйшимъ усердіемъ имѣя честь свидѣтельствовать мои сердечныя чувствованія, молю Всевышняго, да продолжаетъ Онъ дражайшую жизнь вашу въ вожделѣнномъ здравіи и благополучіи, ко счастію и блаженству всѣхъ состоящихъ подъ благотворнымъ вашимъ управленіемъ.

Но, противу всякаго моего чаянія, для новаго года вынужденъ я обезпокоить ваше превосходительство непріятными при семъ приложеніями, изъ коихъ ваше превосходительство усмотрѣть соблаговолите всю несправедливость и притѣсненіе, причиняемыя состоящему подъ единственнымъ вашего превосходительства начальствомъ мѣсту, уничижаемому на пользу частнаго человѣка, но губернаторскаго родственника и друга, коего обнаруженное нѣкогда безстыдство возродило въ немъ злобу къ гимназіи и университету *. Не рѣшился бы я сими приложеніями безпокоить ваше превосходительство, если бы не былъ стороною предувѣдомленъ, что губернаторъ намѣренъ ихъ оригинально препроводить въ Петербургъ: поелику злоба, родство и дружеская связь, поступивши единожды противозаконно, на все пуститься могутъ. Ежели по сему дѣлу лишенъ я буду начальственной защиты и покровительства, то послѣдствія неминуемо будутъ тягостны и скучны.

Въ приватномъ же къ г. губернатору письмѣ писалъ я, что во время его управленія губерніею никакъ не ожидалъ такого поступка съ публичнымъ ученымъ учрежденіемъ, въ томъ свидѣтельствуясь даже моими отзывами, во время пребыванія вашего превосходительства

* Рѣчь ведется здѣсь о тяжбѣ съ Молоствовымъ изъ-за гимназическихъ дровъ, про которую мы уже упоминали выше.

ки, въ основу котораго было положено не мало скрытаго чувства раздраженія и страстности и отъ котораго Мансуровъ вскорѣ самъ же отрекся; губернскія власти, съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ во главѣ, явились въ концѣ 1806 и въ началѣ 1807 года и центрами того, по выраженію Яковкина—„комплота", который образовался въ городѣ противъ профессора-директора и въ защиту гонимыхъ Румовскимъ и Яковкинымъ профессоровъ.

Крупныя недоразумѣнія между Яковкинымъ, какъ представителемъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства, и Мансуровымъ, какъ главою мѣстной губернской власти, сказались уже къ концу перваго года существованія университета, что ясно усматривается изъ новогодняго письма директора къ Румовскому отъ 2-го января 1806 года:

„Для наступившаго новаго года,—пишетъ здѣсь Яковкинъ,—не по единому токмо обыкновенію древнихъ римлянъ, но съ чистѣйшимъ усердіемъ имѣя честь свидѣтельствовать мои сердечныя чувствованія, молю Всевышняго, да продолжаетъ Онъ дражайшую жизнь вашу въ вожделѣнномъ здравіи и благополучіи, ко счастію и блаженству всѣхъ состоящихъ подъ благотворнымъ вашимъ управленіемъ.

Но, противу всякаго моего чаянія, для новаго года вынужденъ я обезпокоить ваше превосходительство непріятными при семъ приложеніями, изъ коихъ ваше превосходительство усмотрѣть соблаговолите всю несправедливость и притѣсненіе, причиняемыя состоящему подъ единственнымъ вашего превосходительства начальствомъ мѣсту, уничижаемому на пользу частнаго человѣка, но губернаторскаго родственника и друга, коего обнаруженное нѣкогда безстыдство возродило въ немъ злобу къ гимназіи и университету *. Не рѣшился бы я сими приложеніями безпокоить ваше превосходительство, если бы не былъ стороною предувѣдомленъ, что губернаторъ намѣренъ ихъ оригинально препроводить въ Петербургъ: поелику злоба, родство и дружеская связь, поступивши единожды противозаконно, на все пуститься могутъ. Ежели по сему дѣлу лишенъ я буду начальственной защиты и покровительства, то послѣдствія неминуемо будутъ тягостны и скучны.

Въ приватномъ же къ г. губернатору письмѣ писалъ я, что во время его управленія губерніею никакъ не ожидалъ такого поступка съ публичнымъ ученымъ учрежденіемъ, въ томъ свидѣтельствуясь даже моими отзывами, во время пребыванія вашего превосходительства

* Рѣчь ведется здѣсь о тяжбѣ съ Молоствовымъ изъ-за гимназическихъ дровъ, про которую мы уже упоминали выше.

въ Казани, о добротѣ души его и о достаточныхъ знаніяхъ; но тягостно работать все чужими руками и чужими головами, поелику злонамѣренные часто могутъ во зло употреблять и являемую довѣренность, и святѣйшую доброту души, и невниманіе наше къ должности, что, и дѣйствительно, съ нимъ дѣлаютъ".

Раздраженіе губернатора Мансурова противъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства доходило до демонстративнаго отрицанія имъ самаго существованія казанскаго университета: „Господинъ губернаторъ,—жалуется Яковкинъ попечителю весною 1808 года,—говаривалъ и говоритъ въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ, что онъ ничего и не знаетъ, есть ли въ Казани университетъ и чиновники при немъ, поелику, по его словамъ, отъ г. министра не имѣетъ онъ о томъ никакого увѣдомленія и не видалъ ни грамоты его, ни устава, а потому и основываться на чемъ не имѣетъ; но слова сіи,—добавляетъ директоръ,—кажутся быть словами издыхающей злобы, что она правдѣ противустать не возмогла".

Только съ 1809 года стали улучшаться отношенія между губернаторомъ и казанскимъ учебнымъ вѣдомствомъ, завершившись, извѣстнымъ намъ и для самого Яковкина неожиданнымъ, лестнымъ отзывомъ Мансурова о профессорѣ-директорѣ, послѣдовавшимъ въ сентябрѣ 1810 года, въ отвѣтъ на запросъ министра народнаго просвѣщенія; мы знаемъ, что на этотъ разъ губернаторъ не только аттестовалъ бывшаго противника своего съ самой лучшей стороны, но, при личномъ свиданіи съ нимъ, извинялся „въ прежнемъ своемъ поступкѣ и увѣрялъ съ клятвою, что онъ никогда и не думалъ принимать участіе въ столь подломъ и постыдномъ заговорѣ и что донынѣ самъ онъ не знаетъ и не понимаетъ, какъ это случилось".

Румовскій,—человѣкъ безъ имени, безъ связей, безъ состоянія, а слѣдовательно и безъ сопряженной съ ними, по условіямъ того времени, силы авторитета,—очень тревожился неудовольствіями, возникшими между ввѣреннымъ ему вѣдомствомъ и губернскою администраціею. Онъ сознавалъ себя безсильнымъ мощно вступиться за интересы своего вѣдомства, какъ почувствовали бы себя въ состояніи сдѣлать это графъ Потоцкій, князь Чарторижскій, Новосильцевъ, Муравьевъ,—эти попечители-магнаты и личные друзья молодого императора. Румовскій не шелъ далѣе пожеланій установленія хотя какого нибудь modus'a vivendi между враждующими вѣдомствами и охотно соглашался на этой почвѣ на компромиссы, на которыхъ, не безъ ущерба для самостоятельнаго положенія университета, и зиждились, за все время его попечительства, отношенія между учебнымъ вѣдомствомъ и губернскою администраціею. „Съ господиномъ губернаторомъ,—

въ Казани, о добротѣ души его и о достаточныхъ знаніяхъ; но тягостно работать все чужими руками и чужими головами, поелику злонамѣренные часто могутъ во зло употреблять и являемую довѣренность, и святѣйшую доброту души, и невниманіе наше къ должности, что, и дѣйствительно, съ нимъ дѣлаютъ".

Раздраженіе губернатора Мансурова противъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства доходило до демонстративнаго отрицанія имъ самаго существованія казанскаго университета: „Господинъ губернаторъ,—жалуется Яковкинъ попечителю весною 1808 года,—говаривалъ и говоритъ въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ, что онъ ничего и не знаетъ, есть ли въ Казани университетъ и чиновники при немъ, поелику, по его словамъ, отъ г. министра не имѣетъ онъ о томъ никакого увѣдомленія и не видалъ ни грамоты его, ни устава, а потому и основываться на чемъ не имѣетъ; но слова сіи,—добавляетъ директоръ,—кажутся быть словами издыхающей злобы, что она правдѣ противустать не возмогла".

Только съ 1809 года стали улучшаться отношенія между губернаторомъ и казанскимъ учебнымъ вѣдомствомъ, завершившись, извѣстнымъ намъ и для самого Яковкина неожиданнымъ, лестнымъ отзывомъ Мансурова о профессорѣ-директорѣ, послѣдовавшимъ въ сентябрѣ 1810 года, въ отвѣтъ на запросъ министра народнаго просвѣщенія; мы знаемъ, что на этотъ разъ губернаторъ не только аттестовалъ бывшаго противника своего съ самой лучшей стороны, но, при личномъ свиданіи съ нимъ, извинялся „въ прежнемъ своемъ поступкѣ и увѣрялъ съ клятвою, что онъ никогда и не думалъ принимать участіе въ столь подломъ и постыдномъ заговорѣ и что донынѣ самъ онъ не знаетъ и не понимаетъ, какъ это случилось".

Румовскій,—человѣкъ безъ имени, безъ связей, безъ состоянія, а слѣдовательно и безъ сопряженной съ ними, по условіямъ того времени, силы авторитета,—очень тревожился неудовольствіями, возникшими между ввѣреннымъ ему вѣдомствомъ и губернскою администраціею. Онъ сознавалъ себя безсильнымъ мощно вступиться за интересы своего вѣдомства, какъ почувствовали бы себя въ состояніи сдѣлать это графъ Потоцкій, князь Чарторижскій, Новосильцевъ, Муравьевъ,—эти попечители-магнаты и личные друзья молодого императора. Румовскій не шелъ далѣе пожеланій установленія хотя какого нибудь modus'a vivendi между враждующими вѣдомствами и охотно соглашался на этой почвѣ на компромиссы, на которыхъ, не безъ ущерба для самостоятельнаго положенія университета, и зиждились, за все время его попечительства, отношенія между учебнымъ вѣдомствомъ и губернскою администраціею. „Съ господиномъ губернаторомъ,—

писалъ Яковкинъ попечителю отъ 9-го августа 1809 года,—по причинѣ его отлучки по губерніи я не имѣлъ еще случая видѣться по полученіи отличительной монаршей милости (ордена св. Владиміра четвертой степени, передъ тѣмъ полученнаго директоромъ), впрочемъ онъ ко мнѣ вѣжливѣе противу прежняго; да проститъ ему Господь Богъ его заблужденія!". „Я радуюсь, что градоначальникъ сдѣлался къ вамъ вѣжливѣе"—не безъ удовольствія отзывается на это сообщеніе попечитель учебнаго округа. Позже, выражая Яковкину свою благодарность по поводу уступки губернской типографіи одного печатнаго станка, Румовскій писалъ директору, что „гражданскому начальству угождать требуетъ польза университета", подтверждая мысль, высказанную передъ тѣмъ самимъ Яковкинымъ, что—„съ гражданскимъ начальствомъ потребно жить дружнѣе и согласнѣе". На основѣ этого то россійскаго принципа о предпочтительности „худого мира" доброй ссорѣ—и зиждились отношенія между университетомъ и губернскою администраціею за всю интересующую насъ эпоху начальнаго существованія казанскаго университета [188].

Антагонизмъ учебнаго и губернскаго вѣдомствъ являлся въ ту пору характерною чертою не одного только центра перваго изъ нихъ—города Казани. Проистекая изъ притязаній губернаторской власти, распространявшейся въ ту пору на всѣ безъ исключенія стороны мѣстной жизни и пришедшей, послѣ училищной реформы 1803 года, въ столкновеніе съ самостоятельно поставленнымъ этою послѣднею вѣдомствомъ учебнымъ—этотъ антагонизмъ далъ себя почувствовать и въ другихъ пунктахъ казанскаго учебнаго округа; отраженіе его видѣли мы, напримѣръ, въ обостренныхъ столкновеніяхъ между губернаторами и губернскими дирекціями училищъ на почвѣ собиранія данныхъ для составленія преподавательскимъ персоналомъ, требовавшихся начальствомъ, ученыхъ записокъ *.

Недоброжелательное отношеніе, которое приходилось молодому университету встрѣчать со стороны губернской администраціи, а слѣдомъ за нею—и со стороны извѣстной части мѣстнаго общества, всецѣло отражалось, конечно, и на профессорахъ университета. Тотъ же профессоръ К. Ѳ. Фуксъ, который характеризовалъ казанскій край начала XIX столѣтія страною почти „дикарей", впослѣдствіе разсказывалъ о крайне тяжеломъ общественномъ положеніи профессоровъ въ первые годы жизни вновь основаннаго университета: „Наше ученое сословіе было тогда въ ужасномъ пренебреженіи,—жаловался Фуксъ.—Хотя мѣсто ординарнаго

* См. выше стр. 233—236.

писалъ Яковкинъ попечителю отъ 9-го августа 1809 года,—по причинѣ его отлучки по губерніи я не имѣлъ еще случая видѣться по полученіи отличительной монаршей милости (ордена св. Владиміра четвертой степени, передъ тѣмъ полученнаго директоромъ), впрочемъ онъ ко мнѣ вѣжливѣе противу прежняго; да проститъ ему Господь Богъ его заблужденія!". „Я радуюсь, что градоначальникъ сдѣлался къ вамъ вѣжливѣе"—не безъ удовольствія отзывается на это сообщеніе попечитель учебнаго округа. Позже, выражая Яковкину свою благодарность по поводу уступки губернской типографіи одного печатнаго станка, Румовскій писалъ директору, что „гражданскому начальству угождать требуетъ польза университета", подтверждая мысль, высказанную передъ тѣмъ самимъ Яковкинымъ, что—„съ гражданскимъ начальствомъ потребно жить дружнѣе и согласнѣе". На основѣ этого то россійскаго принципа о предпочтительности „худого мира" доброй ссорѣ—и зиждились отношенія между университетомъ и губернскою администраціею за всю интересующую насъ эпоху начальнаго существованія казанскаго университета [188].

Антагонизмъ учебнаго и губернскаго вѣдомствъ являлся въ ту пору характерною чертою не одного только центра перваго изъ нихъ—города Казани. Проистекая изъ притязаній губернаторской власти, распространявшейся въ ту пору на всѣ безъ исключенія стороны мѣстной жизни и пришедшей, послѣ училищной реформы 1803 года, въ столкновеніе съ самостоятельно поставленнымъ этою послѣднею вѣдомствомъ учебнымъ—этотъ антагонизмъ далъ себя почувствовать и въ другихъ пунктахъ казанскаго учебнаго округа; отраженіе его видѣли мы, напримѣръ, въ обостренныхъ столкновеніяхъ между губернаторами и губернскими дирекціями училищъ на почвѣ собиранія данныхъ для составленія преподавательскимъ персоналомъ, требовавшихся начальствомъ, ученыхъ записокъ *.

Недоброжелательное отношеніе, которое приходилось молодому университету встрѣчать со стороны губернской администраціи, а слѣдомъ за нею—и со стороны извѣстной части мѣстнаго общества, всецѣло отражалось, конечно, и на профессорахъ университета. Тотъ же профессоръ К. Ѳ. Фуксъ, который характеризовалъ казанскій край начала XIX столѣтія страною почти „дикарей", впослѣдствіе разсказывалъ о крайне тяжеломъ общественномъ положеніи профессоровъ въ первые годы жизни вновь основаннаго университета: „Наше ученое сословіе было тогда въ ужасномъ пренебреженіи,—жаловался Фуксъ.—Хотя мѣсто ординарнаго

* См. выше стр. 233—236.

профессора считалось въ седьмомъ классѣ, но намъ запрещено было даже писаться въ этомъ чинѣ. Всѣ обращались съ нами крайне грубо. Бывшій казанскій комендантъ Есиповъ говорилъ мнѣ ты, будучи едва знакомъ со мною. Губернаторъ (Мансуровъ), принимая меня, никогда не сажалъ, никогда не приглашалъ къ себѣ на обѣдъ или вечеръ. Въ первый разъ я началъ пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ при губернаторѣ графѣ Толстомъ".

Встрѣчались въ первые годы существованія казанскаго университета почти невѣроятные, но засвидѣтельствованные оффиціальными данными, отдѣльные факты пренебрежительно-грубаго, даже дикаго, отношенія къ профессорамъ со стороны представителей мѣстной администраціи.

Въ августѣ 1805 года профессоры Германъ и Цеплинъ имѣли непріятное столкновеніе съ вице-губернаторомъ изъ-за того, что, въ одинъ изъ царскихъ дней (30-го августа), „протѣснились напередъ всѣхъ въ соборѣ въ сюртукахъ". Въ началѣ 1808 года казанскій почтъ-директоръ Карпека избиваетъ билліардными кіями адъюнкта Эвеста, приглашеннаго имъ къ себѣ въ качествѣ врача, а въ концѣ лѣта 1810 года казанскій комендантъ Кастелли публично оскорбляетъ, какъ мы это уже видѣли, адъюнкта барона Врангеля за слишкомъ, по его мнѣнію, требовательный экзаменъ, произведенный сыну.

Но не одни болѣе или менѣе видные представители казанскаго чиновнаго міра позволяли себѣ подобнаго рода грубое отношеніе къ профессорамъ университета. Съ усердіемъ подражали имъ въ этомъ направленіи даже обыкновенные чины мѣстной полиціи. Профессоръ Сторль жаловался въ концѣ 1806 года на частнаго пристава Потто, который въ коммиссіи по разбору иностранцевъ обошелся съ нимъ „какъ съ бродягою, какъ съ послѣднимъ мальчишкою-подмастерьемъ (comme un gueux, comme le dernier des garçons de metièr)", а профессоръ Германъ въ началѣ 1808 года безплодно жаловался губернатору на казанскую полицію, которая, по его словамъ, не только сама открыто „нарушаетъ права, всемилостивѣйше дарованныя профессорамъ университетовъ", но „не желаетъ обращать никакого вниманія на ихъ жалобы, не считаетъ даже нужнымъ охранять ихъ отъ оскорбленій и нападокъ со стороны обывателей" [189].

Сопоставляя всѣ факты подобнаго рода, въ ихъ связи съ общими и крайне неприглядными условіями провинціальной общественности начала XIX вѣка, въ особенности же въ ихъ связи съ примитивною организаціею университета, подчиненнаго почти абсолютной власти профессора-дирек-

профессора считалось въ седьмомъ классѣ, но намъ запрещено было даже писаться въ этомъ чинѣ. Всѣ обращались съ нами крайне грубо. Бывшій казанскій комендантъ Есиповъ говорилъ мнѣ ты, будучи едва знакомъ со мною. Губернаторъ (Мансуровъ), принимая меня, никогда не сажалъ, никогда не приглашалъ къ себѣ на обѣдъ или вечеръ. Въ первый разъ я началъ пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ при губернаторѣ графѣ Толстомъ".

Встрѣчались въ первые годы существованія казанскаго университета почти невѣроятные, но засвидѣтельствованные оффиціальными данными, отдѣльные факты пренебрежительно-грубаго, даже дикаго, отношенія къ профессорамъ со стороны представителей мѣстной администраціи.

Въ августѣ 1805 года профессоры Германъ и Цеплинъ имѣли непріятное столкновеніе съ вице-губернаторомъ изъ-за того, что, въ одинъ изъ царскихъ дней (30-го августа), „протѣснились напередъ всѣхъ въ соборѣ въ сюртукахъ". Въ началѣ 1808 года казанскій почтъ-директоръ Карпека избиваетъ билліардными кіями адъюнкта Эвеста, приглашеннаго имъ къ себѣ въ качествѣ врача, а въ концѣ лѣта 1810 года казанскій комендантъ Кастелли публично оскорбляетъ, какъ мы это уже видѣли, адъюнкта барона Врангеля за слишкомъ, по его мнѣнію, требовательный экзаменъ, произведенный сыну.

Но не одни болѣе или менѣе видные представители казанскаго чиновнаго міра позволяли себѣ подобнаго рода грубое отношеніе къ профессорамъ университета. Съ усердіемъ подражали имъ въ этомъ направленіи даже обыкновенные чины мѣстной полиціи. Профессоръ Сторль жаловался въ концѣ 1806 года на частнаго пристава Потто, который въ коммиссіи по разбору иностранцевъ обошелся съ нимъ „какъ съ бродягою, какъ съ послѣднимъ мальчишкою-подмастерьемъ (comme un gueux, comme le dernier des garçons de metièr)", а профессоръ Германъ въ началѣ 1808 года безплодно жаловался губернатору на казанскую полицію, которая, по его словамъ, не только сама открыто „нарушаетъ права, всемилостивѣйше дарованныя профессорамъ университетовъ", но „не желаетъ обращать никакого вниманія на ихъ жалобы, не считаетъ даже нужнымъ охранять ихъ отъ оскорбленій и нападокъ со стороны обывателей" [189].

Сопоставляя всѣ факты подобнаго рода, въ ихъ связи съ общими и крайне неприглядными условіями провинціальной общественности начала XIX вѣка, въ особенности же въ ихъ связи съ примитивною организаціею университета, подчиненнаго почти абсолютной власти профессора-дирек-

тора и безсильнаго оказывать своимъ сочленамъ поддержку и защиту не только ихъ правъ, но самой ихъ личности—мы уже не будемъ въ недоумѣніи останавливаться ни передъ отзывомъ Фукса о казанской странѣ „дикарей“ первыхъ лѣтъ существованія университета, ни передъ сопоставленіемъ Германомъ себя и своихъ иностранныхъ сотоварищей съ „добродѣтельнымъ Овидіемъ“, сосланнымъ на негостепріимные берега далекаго Понта....

Болѣе подробныя данныя относительно положенія профессоровъ и преподавателей какъ въ самомъ университетѣ, такъ и среди условій казанской городской и общественной жизни, вообще, будутъ предложены нами въ нижеслѣдующей главѣ, посвящаемой вопросу объ учащихъ и учащихся казанскаго университета, за первое четырнадцатилѣтіе его исторической жизни.

тора и безсильнаго оказывать своимъ сочленамъ поддержку и защиту не только ихъ правъ, но самой ихъ личности—мы уже не будемъ въ недоумѣніи останавливаться ни передъ отзывомъ Фукса о казанской странѣ „дикарей“ первыхъ лѣтъ существованія университета, ни передъ сопоставленіемъ Германомъ себя и своихъ иностранныхъ сотоварищей съ „добродѣтельнымъ Овидіемъ“, сосланнымъ на негостепріимные берега далекаго Понта....

Болѣе подробныя данныя относительно положенія профессоровъ и преподавателей какъ въ самомъ университетѣ, такъ и среди условій казанской городской и общественной жизни, вообще, будутъ предложены нами въ нижеслѣдующей главѣ, посвящаемой вопросу объ учащихъ и учащихся казанскаго университета, за первое четырнадцатилѣтіе его исторической жизни.

ГЛАВА IV

Учащіе и учащіеся казанскаго университета.

А. Учащіе казанскаго университета.—Условія внѣшней жизни профессоровъ и преподавателей въ Казани.—Интимная жизнь ихъ.—Коллегіальная и нравственная жизнь профессоровъ и преподавателей университета.—Общественное положеніе членовъ университетской корпораціи.

Б. Учащіеся казанскаго университета.—Классификація учащихся университета.—Регламентація учебной жизни студенчества.—Дисциплинарныя начинанія университета.—Черты нравственной жизни студентовъ.—Карательно-дисциплинарная система.—Духовные интересы и стремленія студенчества.

В. Педагогическій институтъ университета. — Подготовленіе учителей. Кандидаты и магистры до открытія педагогическаго института.—Открытіе педагогическаго института и профессоръ Ф. К. Броннеръ, первый его директоръ.—Къ итогамъ дѣятельности педагогическаго института.

Познакомившись съ ходомъ внутренней жизни казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ его существованія и съ положеніемъ, занятымъ имъ въ общемъ теченіи мѣстной общественности, мы должны будемъ перейти теперь къ обзору двухъ основныхъ элементовъ, образующихъ личный составъ университета и дающихъ основу и содержаніе его строю и всей его дѣятельности. Это—учащій и учащійся персоналы, причемъ, въ связи съ ними, вполнѣ умѣстнымъ явится затронуть и вопросъ о педагогическомъ институтѣ, какъ учрежденіи, преслѣдующемъ задачу подготовки бывшихъ питомцевъ университета къ самостоятельной ученой и учебной дѣятельности и, съ этой точки зрѣнія, связывающемъ университетъ съ педагогическою жизнью всего его обширнаго учебнаго округа.

Отсюда съ достаточною ясностью раскрываются три основныя рубрики, которыя дадутъ содержаніе предлагаемой вниманію читателей главѣ, именно: а) Учащіе казанскаго университета, б) Учащіеся его и в) Педагогическій институтъ университета.

Въ этой послѣдовательности изложенія мы и поведемъ наше дальнѣйшее повѣствованіе.

ГЛАВА IV

Учащіе и учащіеся казанскаго университета.

А. Учащіе казанскаго университета.—Условія внѣшней жизни профессоровъ и преподавателей въ Казани.—Интимная жизнь ихъ.—Коллегіальная и нравственная жизнь профессоровъ и преподавателей университета.—Общественное положеніе членовъ университетской корпораціи.

Б. Учащіеся казанскаго университета.—Классификація учащихся университета.—Регламентація учебной жизни студенчества.—Дисциплинарныя начинанія университета.—Черты нравственной жизни студентовъ.—Карательно-дисциплинарная система.—Духовные интересы и стремленія студенчества.

В. Педагогическій институтъ университета.—Подготовленіе учителей. Кандидаты и магистры до открытія педагогическаго института.—Открытіе педагогическаго института и профессоръ Ф. К. Броннеръ, первый его директоръ.—Къ итогамъ дѣятельности педагогическаго института.

Познакомившись съ ходомъ внутренней жизни казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ его существованія и съ положеніемъ, занятымъ имъ въ общемъ теченіи мѣстной общественности, мы должны будемъ перейти теперь къ обзору двухъ основныхъ элементовъ, образующихъ личный составъ университета и дающихъ основу и содержаніе его строю и всей его дѣятельности. Это—учащій и учащійся персоналы, причемъ, въ связи съ ними, вполнѣ умѣстнымъ явится затронуть и вопросъ о педагогическомъ институтѣ, какъ учрежденіи, преслѣдующемъ задачу подготовки бывшихъ питомцевъ университета къ самостоятельной ученой и учебной дѣятельности и, съ этой точки зрѣнія, связывающемъ университетъ съ педагогическою жизнью всего его обширнаго учебнаго округа.

Отсюда съ достаточною ясностью раскрываются три основныя рубрики, которыя дадутъ содержаніе предлагаемой вниманію читателей главѣ, именно: а) Учащіе казанскаго университета, б) Учащіеся его и в) Педагогическій институтъ университета.

Въ этой послѣдовательности изложенія мы и поведемъ наше дальнѣйшее повѣствованіе.

А

Учащіе казанскаго университета.

Общій взглядъ на постановку даннаго вопроса.—Условія внѣшней жизни профессоровъ въ Казани.—Трудность переѣзда въ Казань.—Неблагопріятныя климатическія и санитарныя условія.—Матеріальная обстановка жизни профессоровъ.—Квартирныя затрудненія и профессорское домовладѣніе.—Поземельная собственность и владѣніе крѣпостными людьми.—Задолженность въ профессорской средѣ.—Поиски дополнительныхъ заработковъ.—Занятіе вторыхъ кафедръ.

Интимная жизнь профессоровъ университета.—Матримоніальныя связи и устройство домашняго быта.—Неравные браки профессоровъ.—Браки Сторля и Френа.—Совѣтское дѣло о бракѣ профессора Френа.

Коллегіальная и нравственная жизнь профессоровъ и преподавателей университета.—Коллегіальныя отношенія въ университетской средѣ.—Духовные интересы ея.—Нравственный обликъ учащаго персонала университета.—Отзывъ Магницкаго въ этомъ направленіи.—Нареканія въ невоздержанности.—Служебныя манкировки; нехожденіе на лекціи и въ засѣданія совѣта.

Общественное положеніе профессоровъ и преподавателей.—Учебное начальство и университетскій учащій персоналъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Профессоры университета и губернская администрація.—Столкновеніе профессоровъ Германа и Цеплина съ вице-губернаторомъ.—Коммиссія для разбора иностранцевъ 1806—1807 года.—Разборъ иностранцевъ 1812 года и аттестація иностранныхъ профессоровъ Яковкинымъ.—Столкновенія профессоровъ съ администраціею на почвѣ постойной повинности.—Общій взглядъ на положеніе университетскихъ профессоровъ и преподавателей среди мѣстнаго общества.

Приступая къ изложенію вопроса о положеніи и объ условіяхъ жизни преподавательскаго персонала казанскаго университета, съ представителями профессорской корпораціи въ его главѣ, считаемъ необходимою небольшую предварительную оговорку. Мы исключимъ изъ этой рубрики цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся духовно-умственныхъ интересовъ профессоровъ и преподавателей университета и обусловливаемыхъ ученымъ и педагогическимъ призваніемъ ихъ, такъ какъ вопросы этого рода отчасти уже затрогивались нами выше, другіе же найдутъ себѣ мѣсто ниже, при изложеніи учебно-педагогической жизни университета. Здѣсь мы коснемся, почти исключительно, вопросовъ и чертъ внѣшней и интимной жизни преподавательской среды казанскаго университета—какъ въ сферѣ отношеній служебныхъ и университетскихъ, такъ и въ области отношеній характера уже соціальнаго, общественнаго.

Далеко не благопріятными представлялись, какъ не разъ имѣли мы уже возможность убѣждаться въ этомъ, условія духовно-умственной жизни первыхъ піонеровъ казанской университетской науки; не легкими являлись и условія внѣшней жизни ихъ въ Казани—въ этой „странѣ почти дикарей“,

А

Учащіе казанскаго университета.

Общій взглядъ на постановку даннаго вопроса.—Условія внѣшней жизни профессоровъ въ Казани.—Трудность переѣзда въ Казань.—Неблагопріятныя климатическія и санитарныя условія.—Матеріальная обстановка жизни профессоровъ.—Квартирныя затрудненія и профессорское домовладѣніе.—Поземельная собственность и владѣніе крѣпостными людьми.—Задолженность въ профессорской средѣ.—Поиски дополнительныхъ заработковъ.—Занятіе вторыхъ кафедръ.

Интимная жизнь профессоровъ университета.—Матримоніальныя связи и устройство домашняго быта.—Неравные браки профессоровъ.—Браки Сторля и Френа.—Совѣтское дѣло о бракѣ профессора Френа.

Коллегіальная и нравственная жизнь профессоровъ и преподавателей университета.—Коллегіальныя отношенія въ университетской средѣ.—Духовные интересы ея.—Нравственный обликъ учащаго персонала университета.—Отзывъ Магницкаго въ этомъ направленіи.—Нареканія въ невоздержанности.—Служебныя манкировки; нехожденіе на лекціи и въ засѣданія совѣта.

Общественное положеніе профессоровъ и преподавателей.—Учебное начальство и университетскій учащій персоналъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Профессоры университета и губернская администрація.—Столкновеніе профессоровъ Германа и Цеплина съ вице-губернаторомъ.—Коммиссія для разбора иностранцевъ 1806—1807 года.—Разборъ иностранцевъ 1812 года и аттестація иностранныхъ профессоровъ Яковкинымъ.—Столкновенія профессоровъ съ администраціею на почвѣ постойной повинности.—Общій взглядъ на положеніе университетскихъ профессоровъ и преподавателей среди мѣстнаго общества.

Приступая къ изложенію вопроса о положеніи и объ условіяхъ жизни преподавательскаго персонала казанскаго университета, съ представителями профессорской корпораціи во его главѣ, считаемъ необходимою небольшую предварительную оговорку. Мы исключимъ изъ этой рубрики цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся духовно-умственныхъ интересовъ профессоровъ и преподавателей университета и обусловливаемыхъ ученымъ и педагогическимъ призваніемъ ихъ, такъ какъ вопросы этого рода отчасти уже затрогивались нами выше, другіе же найдутъ себѣ мѣсто ниже, при изложеніи учебно-педагогической жизни университета. Здѣсь мы коснемся, почти исключительно, вопросовъ и чертъ внѣшней и интимной жизни преподавательской среды казанскаго университета—какъ въ сферѣ отношеній служебныхъ и университетскихъ, такъ и въ области отношеній характера уже соціальнаго, общественнаго.

Далеко не благопріятными представлялись, какъ не разъ имѣли мы уже возможность убѣждаться въ этомъ, условія духовно-умственной жизни первыхъ піонеровъ казанской университетской науки; не легкими являлись и условія внѣшней жизни ихъ въ Казани—въ этой „странѣ почти дикарей“,

какъ выражался профессоръ Фуксъ, среди общества не только коснаго и индифферентнаго, но отчасти даже и непріязненно настроеннаго по отношенію къ неожиданно дарованному ему университету. Ежели тяжелымъ представлялось положеніе здѣсь русскихъ дѣятелей юнаго университета, въ значительной степени приспособившихся къ условіямъ русской общественности, то тѣмъ болѣе угнетающимъ представлялось оно въ глазахъ нѣмецкихъ профессоровъ его, изъ далекихъ и культурныхъ Геттингена, Виттенберга, Вѣны, Ростока, Іены—волею судебъ переброшенныхъ на крайній и негостепріимный востокъ Европы, въ полуазіятскую Казань, въ страну дикарей, ирокезовъ (выраженіе проф. Броннера); а эти нѣмецкіе ученые составляли, на протяженіи первыхъ девяти лѣтъ существованія казанскаго университета, элементъ его личнаго преподавательскаго состава, рѣшительнымъ образомъ преобладавшій въ отношеніяхъ какъ качественномъ, такъ и количественномъ. Далекій, чуждый и почти неизвѣстный край,—край почти легендарный и съ точки зрѣнія западно-европейскихъ географовъ того времени расположенный уже за предѣлами Европы; неизвѣстныя условія жизни, невѣдомые люди, обычаи, порядки и языкъ; трудность переѣзда, полная неопредѣленность будущаго, зачаточное состояніе университета и имѣющихся въ его распоряженіи ученыхъ средствъ—все это выступало рядомъ условій отрицательнаго характера, которыя способны были невольно смущать душу и мысли добровольныхъ изгнанниковъ своей родины, каковыми, почти поголовно, выступали иностранные профессоры русскихъ университетовъ занимающей насъ эпохи.

Условіями тяжелаго характера былъ обставленъ уже самый переѣздъ иностранныхъ профессоровъ къ мѣсту новаго своего служенія, требовавшій весьма продолжительнаго времени и сопровождавшійся трудностями и препятствіями, незнакомыми путешествующимъ по западной Европѣ и которыя, въ сравнительно еще недавнее время, способны бывали приводить въ состояніе истиннаго отчаянія даже аборигеновъ нашего отечества, привыкшихъ и къ русскимъ пространствамъ, и къ русской природѣ, и къ состоянію и порядкамъ русскихъ средствъ передвиженія добраго стараго времени.

Бартельсъ, употребившій около четырехъ мѣсяцевъ на переѣздъ изъ Брауншвейга въ Казань, называетъ „затруднительнымъ и дорогимъ“ это утомительное путешествіе, совершенное имъ въ сопровожденіи жены и двухъ малютокъ и представлявшееся ему особенно тягостнымъ вслѣдствіе незнанія русскаго языка и мѣстныхъ условій передвиженія; два раза ломался экипажъ, въ которомъ пустился онъ въ путь, и, въ довершеніе

какъ выражался профессоръ Фуксъ, среди общества не только коснаго и индифферентнаго, но отчасти даже и непріязненно настроеннаго по отношенію къ неожиданно дарованному ему университету. Ежели тяжелымъ представлялось положеніе здѣсь русскихъ дѣятелей юнаго университета, въ значительной степени приспособившихся къ условіямъ русской общественности, то тѣмъ болѣе угнетающимъ представлялось оно въ глазахъ нѣмецкихъ профессоровъ его, изъ далекихъ и культурныхъ Геттингена, Виттенберга, Вѣны, Ростока, Іены—волею судебъ переброшенныхъ на крайній и негостепріимный востокъ Европы, въ полуазіятскую Казань, въ страну дикарей, ирокезовъ (выраженіе проф. Броннера); а эти нѣмецкіе ученые составляли, на протяженіи первыхъ девяти лѣтъ существованія казанскаго университета, элементъ его личнаго преподавательскаго состава, рѣшительнымъ образомъ преобладавшій въ отношеніяхъ какъ качественномъ, такъ и количественномъ. Далекій, чуждый и почти неизвѣстный край,—край почти легендарный и съ точки зрѣнія западно-европейскихъ географовъ того времени расположенный уже за предѣлами Европы; неизвѣстныя условія жизни, невѣдомые люди, обычаи, порядки и языкъ; трудность переѣзда, полная неопредѣленность будущаго, зачаточное состояніе университета и имѣющихся въ его распоряженіи ученыхъ средствъ—все это выступало рядомъ условій отрицательнаго характера, которыя способны были невольно смущать душу и мысли добровольныхъ изгнанниковъ своей родины, каковыми, почти поголовно, выступали иностранные профессоры русскихъ университетовъ занимающей насъ эпохи.

Условіями тяжелаго характера былъ обставленъ уже самый переѣздъ иностранныхъ профессоровъ къ мѣсту новаго своего служенія, требовавшій весьма продолжительнаго времени и сопровождавшійся трудностями и препятствіями, незнакомыми путешествующимъ по западной Европѣ и которыя, въ сравнительно еще недавнее время, способны бывали приводить въ состояніе истиннаго отчаянія даже аборигеновъ нашего отечества, привыкшихъ и къ русскимъ пространствамъ, и къ русской природѣ, и къ состоянію и порядкамъ русскихъ средствъ передвиженія добраго стараго времени.

Бартельсъ, употребившій около четырехъ мѣсяцевъ на переѣздъ изъ Брауншвейга въ Казань, называетъ „затруднительнымъ и дорогимъ“ это утомительное путешествіе, совершенное имъ въ сопровожденіи жены и двухъ малютокъ и представлявшееся ему особенно тягостнымъ вслѣдствіе незнанія русскаго языка и мѣстныхъ условій передвиженія; два раза ломался экипажъ, въ которомъ пустился онъ въ путь, и, въ довершеніе

всего, въ пути застала его еще суровая русская зима: „Купивъ въ Москвѣ,— разсказываетъ Бартельсъ,—по совѣту людей, которыхъ я считалъ опытными въ этомъ дѣлѣ, новый зимній ходъ подъ мою повозку за сорокъ рублей, что бы не рисковать въ третій разъ жизнью моихъ дѣтей, я принужденъ былъ продать въ Муромѣ за 25 рублей эту повозку и купить кибитку на полозьяхъ, что бъ имѣть возможность доѣхать до Казани".

Благопріятнѣе былъ переѣздъ въ Казань проф. Финке, совершенный имъ, также съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми, всего въ семь недѣль, но за то большими мытарствами сопровождалось путешествіе астронома Литтрова, печатно разсказанное имъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ, а также и въ письмахъ къ попечителю. Почти двухмѣсячное путешествіе, длинные и утомительные перегоны, ночлеги въ курныхъ избахъ, поломки экипажа, заставшая его въ дорогѣ весенняя распутица, постоянныя задержки въ лошадяхъ и вымогательства на почтовыхъ станціяхъ—всѣ эти непривлекательныя условія русскихъ путешествій прежняго времени нашли себѣ отголосокъ въ печальной одиссеѣ будущаго родоначальника казанской астрономіи; трудности пути довели беременную жену Литтрова до того, что съ нею начались даже острые припадки душевнаго разстройства. Непріятности начались уже на самой русской границѣ, гдѣ Литтрову пришлось встрѣтить придирки отъ пограничной стражи, заставившія его прибѣгнуть къ денежнымъ подачкамъ. Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ, напримѣръ, Литтровъ свое путешествіе въ письмѣ къ попечителю изъ Кіева, отъ 9-го февраля 1810 года:

„Мнѣ говорили, что я буду ѣхать очень быстро, между тѣмъ на дорогу отъ Лемберга до Кіева пришлось употребить цѣлый мѣсяцъ. Всѣ мои настоянія, просьбы, угрозы—были тщетны. Уже семь разъ пришлось мнѣ ѣхать на наемныхъ лошадяхъ и за каждую милю платить по червонцу золотомъ.

Позвольте мнѣ, для примѣра, привести только Кіевъ, гдѣ я живу уже цѣлую недѣлю. Когда, 2-го февраля, пришелъ я на почту, почтмейстеръ сказалъ, что бы я явился завтра, такъ какъ сегодня лошадей нѣтъ—всѣ въ разгонѣ. Пришелъ я на другой день, но онъ былъ такъ пьянъ, что едва ворочалъ языкомъ. Когда я снова явился поздно вечеромъ—мнѣ велѣли придти 4-го, и пораньше, утромъ. Но въ ночь пріѣхалъ какой-то офицеръ, прибилъ почтмейстера и силою отнялъ лошадей, которыя были оставлены для меня. На мою угрозу, что я буду жаловаться губернатору, почтмейстеръ только отвѣчалъ смѣхомъ. Тогда я рѣшился дѣйствовать иначе. Послѣ подарка въ три рубля, онъ обѣщалъ 5-го, въ полдень, непремѣнно дать мнѣ лошадей, но

всего, въ пути застала его еще суровая русская зима: „Купивъ въ Москвѣ,— разсказываетъ Бартельсъ,—по совѣту людей, которыхъ я считалъ опытными въ этомъ дѣлѣ, новый зимній ходъ подъ мою повозку за сорокъ рублей, что бы не рисковать въ третій разъ жизнью моихъ дѣтей, я принужденъ былъ продать въ Муромѣ за 25 рублей эту повозку и купить кибитку на полозьяхъ, что бъ имѣть возможность доѣхать до Казани".

Благопріятнѣе былъ переѣздъ въ Казань проф. Финке, совершенный имъ, также съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми, всего въ семь недѣль, но за то большими мытарствами сопровождалось путешествіе астронома Литтрова, печатно разсказанное имъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ, а также и въ письмахъ къ попечителю. Почти двухмѣсячное путешествіе, длинные и утомительные перегоны, ночлеги въ курныхъ избахъ, поломки экипажа, заставшая его въ дорогѣ весенняя распутица, постоянныя задержки въ лошадяхъ и вымогательства на почтовыхъ станціяхъ—всѣ эти непривлекательныя условія русскихъ путешествій прежняго времени нашли себѣ отголосокъ въ печальной одиссеѣ будущаго родоначальника казанской астрономіи; трудности пути довели беременную жену Литтрова до того, что съ нею начались даже острые припадки душевнаго разстройства. Непріятности начались уже на самой русской границѣ, гдѣ Литтрову пришлось встрѣтить придирки отъ пограничной стражи, заставившія его прибѣгнуть къ денежнымъ подачкамъ. Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ, напримѣръ, Литтровъ свое путешествіе въ письмѣ къ попечителю изъ Кіева, отъ 9-го февраля 1810 года:

„Мнѣ говорили, что я буду ѣхать очень быстро, между тѣмъ на дорогу отъ Лемберга до Кіева пришлось употребить цѣлый мѣсяцъ. Всѣ мои настоянія, просьбы, угрозы—были тщетны. Уже семь разъ пришлось мнѣ ѣхать на наемныхъ лошадяхъ и за каждую милю платить по червонцу золотомъ.

Позвольте мнѣ, для примѣра, привести только Кіевъ, гдѣ я живу уже цѣлую недѣлю. Когда, 2-го февраля, пришелъ я на почту, почтмейстеръ сказалъ, что бы я явился завтра, такъ какъ сегодня лошадей нѣтъ—всѣ въ разгонѣ. Пришелъ я на другой день, но онъ былъ такъ пьянъ, что едва ворочалъ языкомъ. Когда я снова явился поздно вечеромъ—мнѣ велѣли придти 4-го, и пораньше, утромъ. Но въ ночь пріѣхалъ какой-то офицеръ, прибилъ почтмейстера и силою отнялъ лошадей, которыя были оставлены для меня. На мою угрозу, что я буду жаловаться губернатору, почтмейстеръ только отвѣчалъ смѣхомъ. Тогда я рѣшился дѣйствовать иначе. Послѣ подарка въ три рубля, онъ обѣщалъ 5-го, въ полдень, непремѣнно дать мнѣ лошадей, но

какъ только я явился за ними, оказалось, что какой-то помѣщикъ уже забралъ ихъ себѣ. Я сослался на свои три рубля, но помѣщикъ со смѣхомъ увѣрялъ меня, что онъ далъ почтмейстеру десять рублей и прибавилъ, что кто лучше смазываетъ, тотъ лучше и ѣдетъ. Я вздумалъ было нанять вольныхъ, но съ меня запросили 40 рублей только до первой станціи. Не имѣя возможности платить такъ дорого, я, наконецъ, рѣшился сидѣть на почтѣ до тѣхъ поръ, пока не получу лошадей.

И вотъ я сижу здѣсь сегодня, досадуя и почти безъ всякой надежды на окончательное избавленіе. Я считаю долгомъ прибавить къ этому, что тоже случается со многими, почти со всѣми, за исключеніемъ военныхъ, которые силою умѣютъ настоять на порядкѣ".

Литтровъ вынужденнымъ оказался отправиться съ жалобою къ губернатору Ланскому, который принялъ его весьма радушно и посовѣтовалъ ученому астроному употреблять при переговорахъ съ смотрителями станцій и съ ямщиками, въ качествѣ довода—палку, а на замѣчаніе профессора относительно опасности этого способа аргументаціи, такъ какъ легко могутъ и его самого побить, губернаторъ разсмѣялся и замѣтилъ, что путешественникъ еще не знаетъ Россіи, въ которой „ни одинъ мужикъ не рѣшится ударить дворянина". Приглашенный вечеромъ того же дня въ гости къ губернатору и снова передавая встрѣченному здѣсь обществу печальную повѣсть своихъ дорожныхъ мытарствъ, Литтровъ познакомился еще и съ другою, рекомендованною ему, россійскою дорожною панацеею, относительно перваго знакомства своего съ которою онъ разсказываетъ слѣдующее:

— Вы понимаете по-русски?—спросилъ его одинъ изъ присутствующихъ, къ которому прочіе относились съ особеннымъ уваженіемъ.

— Ни слова!—отвѣчалъ Литтровъ.

— Но, вѣдь, вы знаете русскія буквы?—снова допрашиваетъ тотъ.

— Положительно ни одной!

— Ну, такъ я напишу вамъ латинскими буквами только нѣсколько словъ, но прошу васъ твердо выучить ихъ и произносить громко и съ удареніемъ при каждомъ случаѣ, когда вы сочтете нужнымъ употребить въ дѣло палку,—а это, впередъ говорю вамъ, будетъ часто, если вы желаете ѣхать хорошо....

При этомъ было рекомендовано остерегаться бить по головѣ или лицу, что можетъ повлечь дурныя послѣдствія, въ общемъ же—средствомъ этимъ не стѣсняться. Сообщивъ все это, любезный господинъ присѣлъ къ столу и написалъ таинственныя слова, которыя должны были на будущее

какъ только я явился за ними, оказалось, что какой-то помѣщикъ уже забралъ ихъ себѣ. Я сослался на свои три рубля, но помѣщикъ со смѣхомъ увѣрялъ меня, что онъ далъ почтмейстеру десять рублей и прибавилъ, что кто лучше смазываетъ, тотъ лучше и ѣдетъ. Я вздумалъ было нанять вольныхъ, но съ меня запросили 40 рублей только до первой станціи. Не имѣя возможности платить такъ дорого, я, наконецъ, рѣшился сидѣть на почтѣ до тѣхъ поръ, пока не получу лошадей.

И вотъ я сижу здѣсь сегодня, досадуя и почти безъ всякой надежды на окончательное избавленіе. Я считаю долгомъ прибавить къ этому, что тоже случается со многими, почти со всѣми, за исключеніемъ военныхъ, которые силою умѣютъ настоять на порядкѣ".

Литтровъ вынужденнымъ оказался отправиться съ жалобою къ губернатору Ланскому, который принялъ его весьма радушно и посовѣтовалъ ученому астроному употреблять при переговорахъ съ смотрителями станцій и съ ямщиками, въ качествѣ довода—палку, а на замѣчаніе профессора относительно опасности этого способа аргументаціи, такъ какъ легко могутъ и его самого побить, губернаторъ разсмѣялся и замѣтилъ, что путешественникъ еще не знаетъ Россіи, въ которой „ни одинъ мужикъ не рѣшится ударить дворянина". Приглашенный вечеромъ того же дня въ гости къ губернатору и снова передавая встрѣченному здѣсь обществу печальную повѣсть своихъ дорожныхъ мытарствъ, Литтровъ познакомился еще и съ другою, рекомендованною ему, россійскою дорожною панацеею, относительно перваго знакомства своего съ которою онъ разсказываетъ слѣдующее:

— Вы понимаете по-русски?—спросилъ его одинъ изъ присутствующихъ, къ которому прочіе относились съ особеннымъ уваженіемъ.

— Ни слова!—отвѣчалъ Литтровъ.

— Но, вѣдь, вы знаете русскія буквы?—снова допрашиваетъ тотъ.

— Положительно ни одной!

— Ну, такъ я напишу вамъ латинскими буквами только нѣсколько словъ, но прошу васъ твердо выучить ихъ и произносить громко и съ удареніемъ при каждомъ случаѣ, когда вы сочтете нужнымъ употребить въ дѣло палку,—а это, впередъ говорю вамъ, будетъ часто, если вы желаете ѣхать хорошо...

При этомъ было рекомендовано остерегаться бить по головѣ или лицу, что можетъ повлечь дурныя послѣдствія, въ общемъ же—средствомъ этимъ не стѣсняться. Сообщивъ все это, любезный господинъ присѣлъ къ столу и написалъ таинственныя слова, которыя должны были на будущее

время защищать профессора при всякомъ столкновеніи съ станціонными смотрителями и спасать его отъ прижимокъ. Магическая формула состояла изъ слѣдующихъ словъ: „Ja potpolkovnik, a ti—sobaka, k...in syn“ *.

Литтровъ разсказываетъ, что самъ испугался, узнавъ смыслъ этихъ словъ, но сознается, тѣмъ не менѣе, что эта магическая формула не разъ сослуживала ему добрую службу въ дальнѣйшемъ путешествіи до Казани, совершенномъ уже въ сопровожденіи солдата, предоставленнаго въ его распоряженіе обязательнымъ кіевскимъ губернаторомъ.

Не легкимъ явилось и путешествіе изъ Аарау въ Казань проф. Броннера, на которое съ нѣкоторыми, правда, остановками въ пути потребовалось около трехъ мѣсяцевъ. Избравъ маршрутъ на Лейпцигъ, Берлинъ, Кенигсбергъ, Ригу и Петербургъ, Броннеръ дальнѣйшій путь до Казани совершилъ водою—тихвинскою системою, которою вышелъ въ Волгу у г. Рыбинска, а отсюда спустился въ баркѣ до Казани, заставъ на пути осенній ледоходъ:

„Красиво предстала передъ нами Казань въ сіяніи восходящаго солнца,—такъ живописуетъ Броннеръ окончаніе своей долгой и трудной путины.—Время года было уже позднее (22-ое октября по новому стилю) и Волга грозила покрыться льдомъ; на половину сформировавшіяся ледяныя глыбы уже шумѣли вокругъ нашего судна. Зданія университета, гимназіи, крѣпости, гостиннаго двора и другія красивыя каменныя постройки—картинно обрисовывались на возвышенности, господствуя надъ широко разбросившимися домами низменныхъ частей этого обширнаго города“.....

Броннеру суждено было съ перваго въѣзда въ Россію познакомиться съ русскими пограничными распорядками: на границѣ былъ противозаконно задержанъ транспортъ съ его вещами, относительно пропуска котораго ему довелось вести цѣлую переписку уже изъ Казани, адресуя свои жалобы не только попечителю округа, но даже самому министру народнаго просвѣщенія [190].

Плохо мирились иностранные выходцы казанскаго университета и съ условіями мѣстнаго климата и мѣстной санитарности, уже въ ту пору вызывавшими горькія сѣтованія и со стороны обывателей, и со стороны людей медицинской практики и науки. Казань еще въ старые годы, какъ и въ наши дни, пользовалась нелестною репутаціею города крайне неблагопріятнаго для здоровья его жителей, и эта мысль настой-

* То есть: «Я подполковникъ, а ты—собака, к...инъ сынъ».

время защищать профессора при всякомъ столкновеніи съ станціонными смотрителями и спасать его отъ прижимокъ. Магическая формула состояла изъ слѣдующихъ словъ: „Ja potpolkovnik, a ti—sobaka, k...in syn“ *.

Литтровъ разсказываетъ, что самъ испугался, узнавъ смыслъ этихъ словъ, но сознается, тѣмъ не менѣе, что эта магическая формула не разъ сослуживала ему добрую службу въ дальнѣйшемъ путешествіи до Казани, совершенномъ уже въ сопровожденіи солдата, предоставленнаго въ его распоряженіе обязательнымъ кіевскимъ губернаторомъ.

Не легкимъ явилось и путешествіе изъ Аарау въ Казань проф. Броннера, на которое съ нѣкоторыми, правда, остановками въ пути потребовалось около трехъ мѣсяцевъ. Избравъ маршрутъ на Лейпцигъ, Берлинъ, Кенигсбергъ, Ригу и Петербургъ, Броннеръ дальнѣйшій путь до Казани совершилъ водою—тихвинскою системою, которою вышелъ въ Волгу у г. Рыбинска, а отсюда спустился въ баркѣ до Казани, заставъ на пути осенній ледоходъ:

„Красиво предстала передъ нами Казань въ сіяніи восходящаго солнца,—такъ живописуетъ Броннеръ окончаніе своей долгой и трудной путины.—Время года было уже позднее (22-ое октября по новому стилю) и Волга грозила покрыться льдомъ; на половину сформировавшіяся ледяныя глыбы уже шумѣли вокругъ нашего судна. Зданія университета, гимназіи, крѣпости, гостиннаго двора и другія красивыя каменныя постройки—картинно обрисовывались на возвышенности, господствуя надъ широко разбросившимися домами низменныхъ частей этого обширнаго города“.....

Броннеру суждено было съ перваго въѣзда въ Россію познакомиться съ русскими пограничными распорядками: на границѣ былъ противозаконно задержанъ транспортъ съ его вещами, относительно пропуска котораго ему довелось вести цѣлую переписку уже изъ Казани, адресуя свои жалобы не только попечителю округа, но даже самому министру народнаго просвѣщенія [190].

Плохо мирились иностранные выходцы казанскаго университета и съ условіями мѣстнаго климата и мѣстной санитарности, уже въ ту пору вызывавшими горькія сѣтованія и со стороны обывателей, и со стороны людей медицинской практики и науки. Казань еще въ старые годы, какъ и въ наши дни, пользовалась нелестною репутаціею города крайне неблагопріятнаго для здоровья его жителей, и эта мысль настой-

* То есть: «Я подполковникъ, а ты—собака, к...инъ сынъ».

Мартинъ Өеодоровичъ
Бартельсъ,
профессоръ чистой математики
(1 декабря 1807 г.—21 сентября 1820 г.)

Мартинъ Θеодоровичъ
Бартельсъ,
профессоръ чистой математики
(1 декабря 1807 г.—21 сентября 1820 г.)

чиво проводилась въ казанской повременной прессѣ уже съ самаго ея возникновенія, съ легкой руки профессора К. Ѳ. Фукса, помѣщавшаго на столбцахъ „Казанскихъ Извѣстій" періодическіе обзоры: „Состояніе здоровья жителей города Казани", въ которыхъ онъ трактовалъ этотъ вопросъ въ связи съ медико-топографическими, климатическими и гигіеническими условіями города и его окрестностей. Констатируя здѣсь вредное санитарное вліяніе озера Кабана, протока Булака и окружающихъ городъ болотистыхъ низменностей, а также непомѣрную грязь еще немощеныхъ въ ту пору казанскихъ улицъ, „причиняющую большія неудобства и даже вредъ здоровью жителей города Казани", Фуксъ то и дѣло говоритъ объ эпидемическомъ господствѣ въ городѣ лихорадокъ и разныхъ видовъ горячечныхъ заболѣваній, а въ началѣ 1812 года отмѣчаетъ появленіе въ Казани „простуднаго повѣтрія, оказывающагося насморкомъ, кашлемъ и головною болью", которому „равно подвергались люди всякаго состоянія и возраста" и которое „имѣло великое сходство съ бывшими въ большей части Европы и извѣстными подъ именемъ—гриппы"; другимъ господствующимъ казанскимъ заболѣваніемъ признавалось „напыщеніе брюха и страданіе запоромъ", а среди прекрасной половины казанскаго населенія констатировались,—конечно уже съ юмористической точки зрѣнія,—специфическія страданія, обусловливаемыя „сидячею жизнью, особенно за бостономъ, которымъ многія дамы день и начинаютъ и оканчиваютъ"—тоже своего рода „повѣтріе", далеко не чуждое и казанской общественности переживаемой нами эпохи! *

Загрязненность казанскихъ улицъ и домовъ уже издавна обращала на себя вниманіе мѣстной прессы, въ качествѣ серьезнаго фактора заболѣваемости. Еще въ 1829 году „Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику" настаивали на необходимости радикальной и всеобщей очистки Казани въ санитарныхъ цѣляхъ, а въ 40-хъ годахъ хроникеръ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей" открыто заявлялъ, что „грязь—пятая стихія города Казани". Неоднократно отмѣчалась въ мѣстной прессѣ еще стараго времени и пресловутая апатія казанцевъ къ общественнымъ дѣламъ, вообще, и къ вопросамъ санитарнымъ, въ частности; предлагались разнаго рода мѣры къ оздоровленію города—но всѣ эти заявленія и указанія оставались гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, не смотря на то, что въ прессѣ появлялись на столько авторитетныя, по условіямъ того времени, конечно, статьи, какъ довольно таки отрица-

---

* См. «Казанскія Извѣстія» за 1812 годъ, №№ 5, 9, 14, 19 и 23, 1815 г., № 74, 1817 г., № 13, 1818 г., № 66.

чиво проводилась въ казанской повременной прессѣ уже съ самаго ея возникновенія, съ легкой руки профессора К. Ө. Фукса, помѣщавшаго на столбцахъ „Казанскихъ Извѣстій“ періодическіе обзоры: „Состояніе здоровья жителей города Казани“, въ которыхъ онъ трактовалъ этотъ вопросъ въ связи съ медико-топографическими, климатическими и гигіеническими условіями города и его окрестностей. Констатируя здѣсь вредное санитарное вліяніе озера Кабана, протока Булака и окружающихъ городъ болотистыхъ низменностей, а также непомѣрную грязь еще немощеныхъ въ ту пору казанскихъ улицъ, „причиняющую большія неудобства и даже вредъ здоровью жителей города Казани“, Фуксъ то и дѣло говоритъ объ эпидемическомъ господствѣ въ городѣ лихорадокъ и разныхъ видовъ горячечныхъ заболѣваній, а въ началѣ 1812 года отмѣчаетъ появленіе въ Казани „простуднаго повѣтрія, оказывающагося насморкомъ, кашлемъ и головною болью“, которому „равно подвергались люди всякаго состоянія и возраста“ и которое „имѣло великое сходство съ бывшими въ большей части Европы и извѣстными подъ именемъ—гриппы“; другимъ господствующимъ казанскимъ заболѣваніемъ признавалось „напыщеніе брюха и страданіе запоромъ“, а среди прекрасной половины казанскаго населенія констатировались,—конечно уже съ юмористической точки зрѣнія,—специфическія страданія, обусловливаемыя „сидячею жизнью, особенно за бостономъ, которымъ многія дамы день и начинаютъ и оканчиваютъ“—тоже своего рода „повѣтріе“, далеко не чуждое и казанской общественности переживаемой нами эпохи! *

Загрязненность казанскихъ улицъ и домовъ уже издавна обращала на себя вниманіе мѣстной прессы, въ качествѣ серьезнаго фактора заболѣваемости. Еще въ 1829 году „Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику“ настаивали на необходимости радикальной и всеобщей очистки Казани въ санитарныхъ цѣляхъ, а въ 40-хъ годахъ хроникеръ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ открыто заявлялъ, что „грязь—пятая стихія города Казани“. Неоднократно отмѣчалась въ мѣстной прессѣ еще стараго времени и пресловутая апатія казанцевъ къ общественнымъ дѣламъ, вообще, и къ вопросамъ санитарнымъ, въ частности; предлагались разнаго рода мѣры къ оздоровленію города—но всѣ эти заявленія и указанія оставались гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, не смотря на то, что въ прессѣ появлялись на столько авторитетныя, по условіямъ того времени, конечно, статьи, какъ довольно таки отрица-

* См. «Казанскія Извѣстія» за 1812 годъ, №№ 5, 9, 14, 19 и 23, 1815 г., № 74, 1817 г., № 13, 1818 г., № 66.

тельнаго характера статья: „Краткое медико-физическое и топографическое обозрѣніе Казани" („Приб. къ Каз. Вѣсти." за 1829 г.), такая же, посвященная казанскому купечеству и дворянству, статья проф. Аргольдта: „О вліяніи воздуха и воды на здоровье человѣческое" („Заволжск. Муравей" за 1832 г.) и статья инспектора врачебной управы Тиле: „О причинахъ, по коимъ Казань принадлежитъ къ городамъ, здоровью препятствующихъ" (тамъ же, за 1833 г.). А что многія „причины", и на самомъ дѣлѣ, „препятствовали здоровью" казанскихъ обывателей, на это наглядно указываетъ намъ медицинская статистика, такъ какъ, начиная еще съ конца прошедшаго столѣтія, она констатируетъ постоянное и неумолимое превышеніе въ Казани смертности надъ рождаемостью,—явленіе, которое всегда объяснялось невозможными санитарными условіями города, давшими одному изъ мѣстныхъ публицистовъ старыхъ годовъ основаніе назвать Казань „кладбищемъ для являющагося сюда уѣзднаго населенія". Отмѣчая тотъ же фактъ, казанскій хроникеръ 40-хъ годовъ заявляетъ, что „жители Казани должны были бы вымереть, а Казань—опустѣть, если бы они не получали вознагражденій извнѣ: деревня шлетъ къ намъ молодыя, бодрыя силы, свѣжую кровь"....

Если въ такихъ чертахъ обрисовывалась казанская санитарность на исходѣ первой половины XIX вѣка, то легко представить себѣ то положеніе, въ какомъ она находилась въ эпоху, составляющую предметъ нашего повѣствованія и которое въ такихъ яркихъ краскахъ иллюстрировалось проф. В. М. Перевощиковымъ, съ высоты университетской кафедры, въ рѣчи, произнесенной на торжествѣ полнаго открытія университета: „Нѣтъ у насъ весны,—говорилъ ораторъ,—а лѣтомъ сильный жаръ и пронзительный осенній холодъ смѣняются непрестанно и быстро. Осенью мы тонемъ въ грязи; притомъ окружена Казань стоячими, гнилыми болотами и не имѣетъ чистой воды—сего перваго и важнѣйшаго средства для поддержанія здоровья. Книги метрическія показываютъ, что въ Казани ежегодно умираетъ людей болѣе, нежели родится"....*.

Таковы были санитарныя условія жизни, встрѣченныя въ Казани первымъ преподавательскимъ персоналомъ мѣстнаго университета и отрицательныя стороны которыхъ еще усугублялись отсутствіемъ надлежащимъ образомъ обставленной медицинской помощи. Существенный недостатокъ ощущался и въ лечебныхъ учрежденіяхъ, и въ практикующихъ врачахъ, и, даже, въ мѣстахъ продажи лекарственныхъ средствъ. Невольно рѣжетъ въ этомъ отношеніи глаза объявленіе, помѣщенное въ № 52-мъ „Казанскихъ Извѣстій" за 1813 годъ, въ которомъ нѣкій иностранецъ Кноблаухъ, доводя до свѣдѣнія „почтеннѣйшей публики", что желающіе „могутъ пригла-

* См. томъ I, стр. 505.

тельнаго характера статья: „Краткое медико-физическое и топографическое обозрѣніе Казани“ („Приб. къ Каз. Вѣсти.“ за 1829 г.), такая же, посвященная казанскому купечеству и дворянству, статья проф. Аренгольдта: „О вліяніи воздуха и воды на здоровье человѣческое“ („Заволжск. Муравей“ за 1832 г.) и статья инспектора врачебной управы Тиле: „О причинахъ, по коимъ Казань принадлежитъ къ городамъ, здоровью препятствующихъ“ (тамъ же, за 1833 г.). А что многія „причины“, и на самомъ дѣлѣ, „препятствовали здоровью“ казанскихъ обывателей, на это наглядно указываетъ намъ медицинская статистика, такъ какъ, начиная еще съ конца прошедшаго столѣтія, она констатируетъ постоянное и неумолимое превышеніе въ Казани смертности надъ рождаемостью,—явленіе, которое всегда объяснялось невозможными санитарными условіями города, давшими одному изъ мѣстныхъ публицистовъ старыхъ годовъ основаніе назвать Казань „кладбищемъ для являющагося сюда уѣзднаго населенія“. Отмѣчая тотъ же фактъ, казанскій хроникеръ 40-хъ годовъ заявляетъ, что „жители Казани должны были бы вымереть, а Казань—опустѣть, если бы они не получали вознагражденій извнѣ: деревня шлетъ къ намъ молодыя, бодрыя силы, свѣжую кровь“....

Если въ такихъ чертахъ обрисовывалась казанская санитарность на исходѣ первой половины XIX вѣка, то легко представить себѣ то положеніе, въ какомъ она находилась въ эпоху, составляющую предметъ нашего повѣствованія и которое въ такихъ яркихъ краскахъ иллюстрировалось проф. В. М. Перевощиковымъ, съ высоты университетской кафедры, въ рѣчи, произнесенной на торжествѣ полнаго открытія университета: „Нѣтъ у насъ весны,—говорилъ ораторъ,—а лѣтомъ сильный жаръ и пронзительный осенній холодъ смѣняются непрестанно и быстро. Осенью мы тонемъ въ грязи; притомъ окружена Казань стоячими, гнилыми болотами и не имѣетъ чистой воды—сего перваго и важнѣйшаго средства для поддержанія здоровья. Книги метрическія показываютъ, что въ Казани ежегодно умираетъ людей болѣе, нежели родится“....*.

Таковы были санитарныя условія жизни, встрѣченныя въ Казани первымъ преподавательскимъ персоналомъ мѣстнаго университета и отрицательныя стороны которыхъ еще усугублялись отсутствіемъ надлежащимъ образомъ обставленной медицинской помощи. Существенный недостатокъ ощущался и въ лечебныхъ учрежденіяхъ, и въ практикующихъ врачахъ, и, даже, въ мѣстахъ продажи лекарственныхъ средствъ. Невольно рѣжетъ въ этомъ отношеніи глаза объявленіе, помѣщенное въ № 52-мъ „Казанскихъ Извѣстій“ за 1813 годъ, въ которомъ нѣкій иностранецъ Кноблаухъ, доводя до свѣдѣнія „почтеннѣйшей публики“, что желающіе „могутъ пригла-

* См. томъ I, стр. 505.

шать его съ женою, дочерью и шестилѣтнимъ сыномъ въ дома показывать на канатѣ и прочую балансировку", тутъ же добавляетъ, что „сверхъ того онъ же продаетъ и для излеченія наружныхъ болѣзней разные спирты". Теперь для насъ понятнымъ сдѣлается, относящійся еще къ концу перваго года существованія казанскаго университета и уже извѣстный намъ, фактъ ходатайства совѣта о назначеніи въ университетъ особаго врача, мотивированнаго тѣмъ, что „опытомъ уже доказано, что климатъ Казани подвергаетъ жителей труднымъ, тяжкимъ и продолжительнымъ хроническимъ болѣзнямъ, содѣлывающимся опасными отъ опущенія въ надлежащее время потребныхъ мѣръ, и что находящіеся въ Казани врачи, каждый обязанъ будучи собственною своею должностью, не могутъ себѣ вмѣнять въ обязанность врачевать членовъ университета".

Жалобы на неблагопріятныя условія климата, служившія постояннымъ мотивомъ ходатайствъ объ увольненіи ихъ отъ службы казанскому университету, постоянно раздавались со стороны не только иностранныхъ, но даже и русскихъ членовъ послѣдняго. Факты этого рода уже приводились нами выше и намъ въ настоящую минуту придется лишь свести ихъ въ одно цѣлое.

Ссылкою на вредное вліяніе казанскаго климата мотивировалъ въ началѣ 1807 года свое намѣреніе оставить университетъ адъюнктъ Г. Н. Городчаниновъ: Въ „двумѣсячное мое здѣсь пребываніе все сижу дома, и лечусь, и худѣю,—жаловался онъ попечителю;—по увѣренію здѣшнихъ жителей и самыхъ врачей, здѣсь весна и осень для слабаго моего сложенія могутъ быть бѣдственны и я предчувствую, что мнѣ этого не вынести". За годъ до своей смерти горько жаловался на гибельное для него вліяніе казанскаго климата и проф. И. А. Финке, заявлявшій совѣту, что онъ „съ нѣкотораго времени сталъ сильнѣе, чѣмъ прежде, чувствовать вредное вліяніе казанскаго климата" и что онъ окончательно убѣдился „что здѣшній, столь измѣнчивый, климатъ—все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ разстраиваетъ его здоровье". Профессоръ Литтровъ также ссылается на разстроенное казанскимъ климатомъ свое и женино здоровья, какъ на причину оставленія имъ Казани; болѣзненнымъ разстройствомъ (мѣстная лихорадка, осложненная скорбутными, ревматическими и ипохондрическими страданіями) мотивировалъ свое ходатайство о продолжительномъ заграничномъ отпускѣ, изъ котораго ему уже не суждено было возвратиться обратно, и проф. К. И. Броннеръ. Но въ наиболѣе категорической формѣ описывалъ вредное вліяніе на иностранцевъ казанскаго климата проф. И. Е. Нейманъ, въ своемъ письмѣ къ Румовскому отъ 5-го сентября 1810 года:

шать его съ женою, дочерью и шестилѣтнимъ сыномъ въ дома показывать на канатѣ и прочую балансировку", тутъ же добавляетъ, что „сверхъ того онъ же продаетъ и для излеченія наружныхъ болѣзней разные спирты". Теперь для насъ понятнымъ сдѣлается, относящійся еще къ концу перваго года существованія казанскаго университета и уже извѣстный намъ, фактъ ходатайства совѣта о назначеніи въ университетъ особаго врача, мотивированнаго тѣмъ, что „опытомъ уже доказано, что климатъ Казани подвергаетъ жителей труднымъ, тяжкимъ и продолжительнымъ хроническимъ болѣзнямъ, содѣлывающимся опасными отъ опущенія въ надлежащее время потребныхъ мѣръ, и что находящіеся въ Казани врачи, каждый обязанъ будучи собственною своею должностью, не могутъ себѣ вмѣнять въ обязанность врачевать членовъ университета".

Жалобы на неблагопріятныя условія климата, служившія постояннымъ мотивомъ ходатайствъ объ увольненіи ихъ отъ службы казанскому университету, постоянно раздавались со стороны не только иностранныхъ, но даже и русскихъ членовъ послѣдняго. Факты этого рода уже приводились нами выше и намъ въ настоящую минуту придется лишь свести ихъ въ одно цѣлое.

Ссылкою на вредное вліяніе казанскаго климата мотивировалъ въ началѣ 1807 года свое намѣреніе оставить университетъ адъюнктъ Г. Н. Городчаниновъ: Въ „двумѣсячное мое здѣсь пребываніе все сижу дома, и лечусь, и худѣю,—жаловался онъ попечителю;—по увѣренію здѣшнихъ жителей и самыхъ врачей, здѣсь весна и осень для слабаго моего сложенія могутъ быть бѣдственны и я предчувствую, что мнѣ этого не вынести". За годъ до своей смерти горько жаловался на гибельное для него вліяніе казанскаго климата и проф. И. А. Финке, заявлявшій совѣту, что онъ „съ нѣкотораго времени сталъ сильнѣе, чѣмъ прежде, чувствовать вредное вліяніе казанскаго климата" и что онъ окончательно убѣдился „что здѣшній, столь измѣнчивый, климатъ—все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ разстраиваетъ его здоровье". Профессоръ Литтровъ также ссылается на разстроенное казанскимъ климатомъ свое и женино здоровья, какъ на причину оставленія имъ Казани; болѣзненнымъ разстройствомъ (мѣстная лихорадка, осложненная скорбутными, ревматическими и ипохондрическими страданіями) мотивировалъ свое ходатайство о продолжительномъ заграничномъ отпускѣ, изъ котораго ему уже не суждено было возвратиться обратно, и проф. К. И. Броннеръ. Но въ наиболѣе категорической формѣ описывалъ вредное вліяніе на иностранцевъ казанскаго климата проф. И. Е. Нейманъ, въ своемъ письмѣ къ Румовскому отъ 5-го сентября 1810 года:

„Съ истиннымъ прискорбіемъ осмѣливаюсь увѣдомить вашего превосходительства (sic) о самомъ худомъ и слабомъ состояніи моего здоровья,—заявляетъ здѣсь Нейманъ на плохомъ русскомъ языкѣ.—Климатъ въ городѣ Казани, по мѣстоположенію онаго, долженствуетъ быть причитаемъ къ самымъ нездоровымъ, а для иностранцевъ даже весьма опаснымъ: сіе подтверждается каждодневнымъ опытомъ. Три здѣшніе профессора (Сторль, Браунъ и Финке) лишились ихъ супругъ въ скоропостижномъ времени и я девять дней прежде (sic) самъ лишился моей дочери, дитяти шести лѣтъ, котораго отъ самаго рожденія во всѣхъ перемѣнахъ жилища всегда наслаждалось безпрерывнымъ здоровіемъ. Смерть ея могу почитать однимъ слѣдствіемъ здѣшняго климата, какъ и изъ исторіи ея болѣзни видно. Вашему пресходительству уже извѣстно,—добавляетъ Нейманъ,—сколь много и я перенесъ въ разсужденіи моего здоровья съ самаго моего прибытія“...[191].

Мы не рѣшимся всецѣло приписать это обстоятельство тлетворному вліянію климата, но насъ невольно поражаетъ крайне высокій процентъ смертности среди личнаго состава казанскаго университета за интересующій насъ промежутокъ времени. И, дѣйствительно, изъ 45 профессоровъ и преподавателей различныхъ наименованій, фактически служившихъ университету въ первые четырнадцать лѣтъ его существованія—пятнадцать человѣкъ, слѣдовательно ровно одна треть ихъ ($33^1/_3$%), скончались, за исключеніемъ троихъ (Бюнемана, Фойгта и Сторля), въ возрастѣ, который можетъ быть признанъ временемъ полнаго расцвѣта физическихъ и духовныхъ силъ человѣка! Невольно напрашивается заключеніе о томъ, что Казань была, и на самомъ дѣлѣ, какимъ то роковымъ и безвременнымъ кладбищемъ для дѣятелей начальной поры жизни казанскаго университета......

Жалобы на недостаточную матеріальную обезпеченность являются вторымъ постояннымъ и такимъ же минорнымъ мотивомъ въ сѣтованіяхъ членовъ молодого университета на условія казанской жизни занимающей насъ эпохи. Такъ, проф. Финке уже вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Казань, въ письмѣ къ попечителю отъ 10-го января 1810 года, жалуется на встрѣченную здѣсь и совершенно непредвидѣнную имъ дороговизну на всѣ предметы жизненной необходимости, дѣлающую для человѣка семейнаго крайне затруднительною жизнь въ этомъ городѣ. Казанская дороговизна давала себя съ особенною силою чувствовать въ моменты политическихъ осложненій; такъ, въ письмѣ отъ 16-го декабря 1812 года, проф. Броннеръ жаловался академику Фуссу, что подъ вліяніемъ политическихъ условій въ Казани почти въ три раза возросли цѣны на квартиры

„Съ истиннымъ прискорбіемъ осмѣливаюсь увѣдомить вашего превосходительства (sic) о самомъ худомъ и слабомъ состояніи моего здоровья,—заявляетъ здѣсь Нейманъ на плохомъ русскомъ языкѣ.—Климатъ въ городѣ Казани, по мѣстоположенію онаго, долженствуетъ быть причитаемъ къ самымъ нездоровымъ, а для иностранцевъ даже весьма опаснымъ: сіе подтверждается каждодневнымъ опытомъ. Три здѣшніе профессора (Сторль, Браунъ и Финке) лишились ихъ супругъ въ скоропостижномъ времени и я девять дней прежде (sic) самъ лишился моей дочери, дитяти шести лѣтъ, котораго отъ самаго рожденія во всѣхъ перемѣнахъ жилища всегда наслаждалось безпрерывнымъ здоровіемъ. Смерть ея могу почитать однимъ слѣдствіемъ здѣшняго климата, какъ и изъ исторіи ея болѣзни видно. Вашему пресходительству уже извѣстно,—добавляетъ Нейманъ,—сколь много и я перенесъ въ разсужденіи моего здоровья съ самаго моего прибытія“...[191].

Мы не рѣшимся всецѣло приписать это обстоятельство тлетворному вліянію климата, но насъ невольно поражаетъ крайне высокій процентъ смертности среди личнаго состава казанскаго университета за интересующій насъ промежутокъ времени. И, дѣйствительно, изъ 45 профессоровъ и преподавателей различныхъ наименованій, фактически служившихъ университету въ первые четырнадцать лѣтъ его существованія—пятнадцать человѣкъ, слѣдовательно ровно одна треть ихъ ($33^1/_3\%$), скончались, за исключеніемъ троихъ (Бюнемана, Фойгта и Сторля), въ возрастѣ, который можетъ быть признанъ временемъ полнаго расцвѣта физическихъ и духовныхъ силъ человѣка! Невольно напрашивается заключеніе о томъ, что Казань была, и на самомъ дѣлѣ, какимъ то роковымъ и безвременнымъ кладбищемъ для дѣятелей начальной поры жизни казанскаго университета......

Жалобы на недостаточную матеріальную обезпеченность являются вторымъ постояннымъ и такимъ же минорнымъ мотивомъ въ сѣтованіяхъ членовъ молодого университета на условія казанской жизни занимающей насъ эпохи. Такъ, проф. Финке уже вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Казань, въ письмѣ къ попечителю отъ 10-го января 1810 года, жалуется на встрѣченную здѣсь и совершенно непредвидѣнную имъ дороговизну на всѣ предметы жизненной необходимости, дѣлающую для человѣка семейнаго крайне затруднительною жизнь въ этомъ городѣ. Казанская дороговизна давала себя съ особенною силою чувствовать въ моменты политическихъ осложненій; такъ, въ письмѣ отъ 16-го декабря 1812 года, проф. Броннеръ жаловался академику Фуссу, что подъ вліяніемъ политическихъ условій въ Казани почти въ три раза возросли цѣны на квартиры

и многіе предметы первой необходимости *. Матеріальная необезпеченность казанскаго педагогическаго міра весною 1806 года констатировалась и самимъ профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ, ходатайствовавшимъ передъ попечителемъ относительно разрѣшенія выдавать служащимъ университета и гимназіи жалованье частями, подъ ихъ росписки, внѣ закономъ установленныхъ для того сроковъ (жалованье выдавалось имъ въ то время по третямъ года и, конечно, не хватало до конца каждой трети), мотивируя это ходатайство тѣмъ, что „само человѣчество требуетъ помощи" имъ и что „рѣдко еще случается видѣть книжныхъ людей съ достаткомъ, не имѣющихъ надобности въ помощи".

Казанская дороговизна на жизненные припасы главнѣйшей необходимости соединялась и съ квартирнымъ кризисомъ, съ которымъ приходилось считаться уже первымъ піонерамъ вновь основаннаго университета. Квартиры въ старой Казани,—да едва ли на много ушла отъ нея въ этомъ отношеніи и современная намъ Казань, — отличались не только своею дороговизною, но и отсутствіемъ всякаго рода удобствъ для нанимателей, которыми, хотя отчасти, компенсировалась бы дорогая цѣна ихъ **. Это то обстоятельство и было положено главнымъ мотивомъ въ основу уже извѣстнаго намъ ходатайства отъ 18-го сентября 1806 года, предпринятаго совѣтомъ передъ попечителемъ округа относительно назначенія профессорамъ и адъюнктамъ квартирныхъ денегъ и въ которомъ заявлялось, что „выгодныя квартиры не только весьма дороги въ Казани и ни

* Жалобы на казанскую дороговизну описываемой нами эпохи требуютъ нѣкотораго освѣщенія цѣнъ, существовавшихъ въ то время на важнѣйшіе жизненные продукты, данныя относительно чего мы и предложимъ, пользуясь для этой цѣли «таксами», публиковавшимися въ мѣстной университетской газетѣ.

Оказывается, что 1 фунтъ мяса стоилъ въ Казани: въ концѣ 1811 года—отъ $8^1/_2$ до 10 коп., въ концѣ 1812 года—отъ 9 до $7^1/_2$ к., въ концѣ 1814 г.—отъ 8 до 10 к.; 1 фунтъ баранины, въ тѣ же годы—отъ 8 до 10 коп., 1 фунтъ телятины—отъ 10 до 11 коп.; 1 фунтъ свѣжаго судака и леща—отъ 12 до 15 коп., 1 фунтъ малосольн. сазанины—отъ 10 до 13 коп.; 1 пудъ крупичатой муки—отъ 2 р. 30 к. до 4 р. 50 к., 1 пудъ ржаной муки—отъ 65 к. до 1 р. 30 к., 1 четверть овса—отъ 3 р. 30 к. до 3 р. 40 к., 1 пудъ гречневыхъ крупъ—ок. 12 р. 50 к., 1 четверть гороха—ок. 13 р.; 1 фунтъ масла коровьяго—отъ 40 до 45 коп., сотня яицъ—ок. 1 р. 50 коп.; 1 сажень дровъ однополѣнныхъ, березовыхъ—отъ 3 р. 50 к. до 5 р. 50 к., сосновыхъ—отъ 2 р. 75 к. до 4 р. 50 коп. и т. п.

Всѣ эти цѣны приняты, конечно, по счету на ассигнаціи, по которому исчислялись и оклады содержанія: профессорскаго—въ 2000 рубл., адъюнктскаго—въ 800 рубл. въ годъ.

** Любопытную картину казанскаго благоустройства начала XIX столѣтія, вообще, и устройства казанскихъ домовъ, въ частности, даетъ намъ профессоръ О. И. Браунъ въ письмѣ къ попечителю отъ 18-го октября 1807 года. Это письмо настолько интересно для возстановленія общихъ условій казанской жизни того времени, что мы отводимъ ему мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому (см. приложеніе VII).

и многіе предметы первой необходимости *. Матеріальная необезпеченность казанскаго педагогическаго міра весною 1806 года констатировалась и самимъ профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ, ходатайствовавшимъ передъ попечителемъ относительно разрѣшенія выдавать служащимъ университета и гимназіи жалованье частями, подъ ихъ росписки, внѣ закономъ установленныхъ для того сроковъ (жалованье выдавалось имъ въ то время по третямъ года и, конечно, не хватало до конца каждой трети), мотивируя это ходатайство тѣмъ, что „само человѣчество требуетъ помощи" имъ и что „рѣдко еще случается видѣть книжныхъ людей съ достаткомъ, не имѣющихъ надобности въ помощи".

Казанская дороговизна на жизненные припасы главнѣйшей необходимости соединялась и съ квартирнымъ кризисомъ, съ которымъ приходилось считаться уже первымъ піонерамъ вновь основаннаго университета. Квартиры въ старой Казани,—да едва ли на много ушла отъ нея въ этомъ отношеніи и современная намъ Казань, — отличались не только своею дороговизною, но и отсутствіемъ всякаго рода удобствъ для нанимателей, которыми, хотя отчасти, компенсировалась бы дорогая цѣна ихъ **. Это то обстоятельство и было положено главнымъ мотивомъ въ основу уже извѣстнаго намъ ходатайства отъ 18-го сентября 1806 года, предпринятаго совѣтомъ передъ попечителемъ округа относительно назначенія профессорамъ и адъюнктамъ квартирныхъ денегъ и въ которомъ заявлялось, что „выгодныя квартиры не только весьма дороги въ Казани и ни

* Жалобы на казанскую дороговизну описываемой нами эпохи требуютъ нѣкотораго освѣщенія цѣнъ, существовавшихъ въ то время на важнѣйшіе жизненные продукты, данныя относительно чего мы и предложимъ, пользуясь для этой цѣли «таксами», публиковавшимися въ мѣстной университетской газетѣ.

Оказывается, что 1 фунтъ мяса стоилъ въ Казани: въ концѣ 1811 года—отъ 8½ до 10 коп., въ концѣ 1812 года—отъ 9 до 7½ к., въ концѣ 1814 г.—отъ 8 до 10 к.; 1 фунтъ баранины, въ тѣ же годы—отъ 8 до 10 коп., 1 фунтъ телятины—отъ 10 до 11 коп.; 1 фунтъ свѣжаго судака и леща—отъ 12 до 15 коп., 1 фунтъ малосольн. сазанины—отъ 10 до 13 коп.; 1 пудъ крупичатой муки—отъ 2 р. 30 к. до 4 р. 50 к., 1 пудъ ржаной муки—отъ 65 к. до 1 р. 30 к., 1 четверть овса—отъ 3 р. 30 к. до 3 р. 40 к., 1 пудъ гречневыхъ крупъ—ок. 12 р. 50 к., 1 четверть гороха—ок. 13 р.; 1 фунтъ масла коровьяго—отъ 40 до 45 коп., сотня яицъ—ок. 1 р. 50 коп.; 1 сажень дровъ однополѣнныхъ, березовыхъ—отъ 3 р. 50 к. до 5 р. 50 к., сосновыхъ—отъ 2 р. 75 к. до 4 р. 50 коп. и т. п.

Всѣ эти цѣны приняты, конечно, по счету на ассигнаціи, по которому исчислялись и оклады содержанія: профессорскаго—въ 2000 рубл., адъюнктскаго—въ 800 рубл. въ годъ.

** Любопытную картину казанскаго благоустройства начала XIX столѣтія, вообще, и устройства казанскихъ домовъ, въ частности, даетъ намъ профессоръ О. И. Браунъ въ письмѣ къ попечителю отъ 18-го октября 1807 года. Это письмо настолько интересно для возстановленія общихъ условій казанской жизни того времени, что мы отводимъ ему мѣсто въ приложеніяхъ къ настоящему тому (см. приложеніе VII).

мало не дешевле петербургскихъ, но, сверхъ того, не иначе какъ съ великою трудностью оныя находить можно"; намъ извѣстенъ и неожиданный отвѣтъ на это ходатайство Румовскаго, въ которомъ попечитель ставилъ въ извѣстность, что онъ постарается исходатайствовать квартирныя деньги тѣмъ изъ членовъ совѣта—„кои соблюдаютъ должное къ начальству уваженіе и не соглашаются съ тѣми, кои въ журналѣ совѣта (намекъ на предшествовавшіе совѣтскіе инциденты) помѣщаютъ непристойныя и условныя постановленія, родъ принужденія и презрѣнія къ начальству въ себѣ заключающія" *. Основываясь на только что приведенномъ нами отвѣтѣ попечителя, Яковкинъ въ концѣ лѣта слѣдующаго 1807 года обратился къ Румовскому съ представленіемъ, заключающимъ въ себѣ небезъинтересныя указанія на квартирныя затрудненія профессоровъ университета:

„Начальственнымъ предписаніемъ ваше превосходительство еще въ декабрѣ прошедшаго года удостоили изъявить свое соизволеніе, что могутъ надѣяться получить или квартиры или квартирныя деньги тѣ изъ членовъ университета, кои поступками своими и ревностнымъ прохожденіемъ препорученныхъ имъ должностей оказываютъ достойное повиновеніе къ начальству и его предписаніямъ, а также, кои по должностямъ своимъ обязаны быть часто, или и всегда, при университетѣ. Я пріемлю дерзновеніе представить о семъ на начальственное разрѣшеніе по слѣдующимъ причинамъ. Г. адъюнктъ Городчаниновъ со времени своего пріѣзда въ Казань пользуется по сіе время казенною квартирою въ одномъ отдѣленіи Спижарнаго дома, за что, кажется, и упрекать его не можно, поелику, сверхъ своихъ лекцій россійской словесности, преподаетъ онъ еще и философскія лекціи вмѣсто покойнаго адъюнкта Левицкаго. Г. профессоръ Браунъ, наслышавшись о трудности пріискиванія въ Казани удобныхъ и спокойныхъ квартиръ, преждевременно безпокоится, ежели не возможно всегда имѣть казенную квартиру, а г. профессоръ Бюнеманъ, нанимавши донынѣ партикулярный домъ, продаваемый другому владѣльцу, также весьма озабочивается пріискиваніемъ другой удобной квартиры; какъ, между тѣмъ, возвышающаяся и уже втрое противъ 1799 года увеличившаяся дороговизна на одни только съѣстные припасы содѣлываетъ профессорское двухтысячное жалованье, и безъ многолюднаго семейства, только безбѣднымъ содержаніемъ, а по отдѣленіи отъ него на квартиру отъ 300 до 400 рублей и на дрова до 150 рублей, едва-едва можно почитать его достаточнымъ для непостыднаго содержанія; на перемѣнныхъ же квартирахъ и самая жизнь безпокойна".

* См. томъ I, стр. 159—160.

мало не дешевле петербургскихъ, но, сверхъ того, не иначе какъ съ великою трудностью оныя находить можно"; намъ извѣстенъ и неожиданный отвѣтъ на это ходатайство Румовскаго, въ которомъ попечитель ставилъ въ извѣстность, что онъ постарается исходатайствовать квартирныя деньги тѣмъ изъ членовъ совѣта—„кои соблюдаютъ должное къ начальству уваженіе и не соглашаются съ тѣми, кои въ журналѣ совѣта (намекъ на предшествовавшіе совѣтскіе инциденты) помѣщаютъ непристойныя и условныя постановленія, родъ принужденія и презрѣнія къ начальству въ себѣ заключающія" *. Основываясь на только что приведенномъ нами отвѣтѣ попечителя, Яковкинъ въ концѣ лѣта слѣдующаго 1807 года обратился къ Румовскому съ представленіемъ, заключающимъ въ себѣ небезъинтересныя указанія на квартирныя затрудненія профессоровъ университета:

„Начальственнымъ предписаніемъ ваше превосходительство еще въ декабрѣ прошедшаго года удостоили изъявить свое соизволеніе, что могутъ надѣяться получить или квартиры или квартирныя деньги тѣ изъ членовъ университета, кои поступками своими и ревностнымъ прохожденіемъ препорученныхъ имъ должностей оказываютъ достойное повиновеніе къ начальству и его предписаніямъ, а также, кои по должностямъ своимъ обязаны быть часто, или и всегда, при университетѣ. Я пріемлю дерзновеніе представить о семъ на начальственное разрѣшеніе по слѣдующимъ причинамъ. Г. адъюнктъ Городчаниновъ со времени своего пріѣзда въ Казань пользуется по сіе время казенною квартирою въ одномъ отдѣленіи Спижарнаго дома, за что, кажется, и упрекать его не можно, поелику, сверхъ своихъ лекцій россійской словесности, преподаетъ онъ еще и философскія лекціи вмѣсто покойнаго адъюнкта Левицкаго. Г. профессоръ Браунъ, наслышавшись о трудности пріискиванія въ Казани удобныхъ и спокойныхъ квартиръ, преждевременно безпокоится, ежели не возможно всегда имѣть казенную квартиру, а г. профессоръ Бюнеманъ, нанимавши донынѣ партикулярный домъ, продаваемый другому владѣльцу, также весьма озабочивается пріискиваніемъ другой удобной квартиры; какъ, между тѣмъ, возвышающаяся и уже втрое противъ 1799 года увеличившаяся дороговизна на одни только съѣстные припасы содѣлываетъ профессорское двухтысячное жалованье, и безъ многолюднаго семейства, только безбѣднымъ содержаніемъ, а по отдѣленіи отъ него на квартиру отъ 300 до 400 рублей и на дрова до 150 рублей, едва-едва можно почитать его достаточнымъ для непостыднаго содержанія; на перемѣнныхъ же квартирахъ и самая жизнь безпокойна".

---

* См. томъ I, стр. 159—160.

Румовскій не оставилъ этого письма безъ отвѣта и, увѣдомляя Яковкина, что имъ предпринято ходатайство относительно назначенія квартирныхъ денегъ для двухъ профессоровъ и четырехъ адъюнктовъ, добавляетъ:

„Сколь счастливы бы были петербургскіе жители, ежели бы съѣстные припасы были въ такой цѣнѣ, какъ въ Казани! Куль муки продается здѣсь по 12 рублей и пудъ мяса по 4 и по $3^1/_2$ рубля. Не смотря на то, чиновники, получающіе въ годъ по 2000 рублей и не меньше 400 рублей платящіе за квартиру—не жалуются на постыдное содержаніе. Казанскій житель, недовольный 2000 рублей, въ Петербургѣ недоволенъ будетъ четырьмя тысячами. Самые академики не имѣютъ больше, какъ 2200 рублей. Кто не ограничиваетъ своихъ желаній,—язвительно добавляетъ попечитель, — тотъ никогда ничѣмъ не будетъ доволенъ".

Какъ дороговизна казанскихъ квартиръ *, такъ и трудность находить квартиры съ необходимыми удобствами, ввели въ практику начальной жизни казанскаго университета обычай отводить чинамъ университета, по мѣрѣ возможности, казенныя квартиры въ университетскихъ зданіяхъ, въ особенности же профессорамъ пріѣзжимъ и, преимущественно, иностраннымъ, которымъ не легко было оріентироваться въ большомъ и чужомъ для нихъ городѣ; Яковкинъ всегда ставилъ себѣ въ особую заслугу такую заботливость о вновь пріѣзжающихъ профессорахъ и въ 1807 году, по поводу ожиданія прибытія Бартельса, писалъ попечителю, что „изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ профессоровъ ни одинъ не можетъ жаловаться, что бъ мною не былъ хорошо принятъ и обласканъ, потому что успокоеніе иностранца въ незнакомомъ мѣстѣ, особливо еще сотоварища, было всегда для моего сердца усладительнымъ долгомъ".

Какъ ни облегчала казенная квартира скромный профессорскій бюджетъ, тѣмъ не менѣе пользованіе такою льготою, въ первые годы жизни казанскаго университета всецѣло зависѣвшее, конечно, отъ личнаго усмотрѣнія профессора-директора Яковкина, представляло и свои весьма крупныя неудобства, съ которыми плохо мирились болѣе самостоятельные члены университета. Мы сейчасъ только видѣли, что какъ попечитель Румовскій,

---

* Это понятіе «дороговизны» казанскихъ квартиръ является, конечно, лишь относительнымъ—по сравненію съ позднѣйшими цѣнами на нихъ. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что въ 1815 году проф. Брейтенбахъ нанималъ, напримѣръ, квартиру у нѣкоего коллежскаго секретаря Иванова за 400 рублей въ годъ. Эта квартира, находившаяся во второмъ кварталѣ Вознесенской улицѣ, состояла изъ каменнаго двухэтажнаго дома съ антресолями, съ деревяннымъ флигелемъ, сараемъ, погребами, конюшнями «и со всѣми другими къ дому принадлежностями и мебелями» (См. архивъ каз. унив., 1816, № 72, листъ 7).

Румовскій не оставилъ этого письма безъ отвѣта и, увѣдомляя Яковкина, что имъ предпринято ходатайство относительно назначенія квартирныхъ денегъ для двухъ профессоровъ и четырехъ адъюнктовъ, добавляетъ:

„Сколь счастливы бы были петербургскіе жители, ежели бы съѣстные припасы были въ такой цѣнѣ, какъ въ Казани! Куль муки продается здѣсь по 12 рублей и пудъ мяса по 4 и по $3^1/_2$ рубля. Не смотря на то, чиновники, получающіе въ годъ по 2000 рублей и не меньше 400 рублей платящіе за квартиру—не жалуются на постыдное содержаніе. Казанскій житель, недовольный 2000 рублей, въ Петербургѣ недоволенъ будетъ четырьмя тысячами. Самые академики не имѣютъ больше, какъ 2200 рублей. Кто не ограничиваетъ своихъ желаній,—язвительно добавляетъ попечитель, —тотъ никогда ничѣмъ не будетъ доволенъ".

Какъ дороговизна казанскихъ квартиръ *, такъ и трудность находить квартиры съ необходимыми удобствами, ввели въ практику начальной жизни казанскаго университета обычай отводить чинамъ университета, по мѣрѣ возможности, казенныя квартиры въ университетскихъ зданіяхъ, въ особенности же профессорамъ пріѣзжимъ и, преимущественно, иностраннымъ, которымъ не легко было оріентироваться въ большомъ и чужомъ для нихъ городѣ; Яковкинъ всегда ставилъ себѣ въ особую заслугу такую заботливость о вновь пріѣзжающихъ профессорахъ и въ 1807 году, по поводу ожиданія прибытія Бартельса, писалъ попечителю, что „изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ профессоровъ ни одинъ не можетъ жаловаться, что бъ мною не былъ хорошо принятъ и обласканъ, потому что успокоеніе иностранца въ незнакомомъ мѣстѣ, особливо еще сотоварища, было всегда для моего сердца усладительнымъ долгомъ".

Какъ ни облегчала казенная квартира скромный профессорскій бюджетъ, тѣмъ не менѣе пользованіе такою льготою, въ первые годы жизни казанскаго университета всецѣло зависѣвшее, конечно, отъ личнаго усмотрѣнія профессора-директора Яковкина, представляло и свои весьма крупныя неудобства, съ которыми плохо мирились болѣе самостоятельные члены университета. Мы сейчасъ только видѣли, что какъ попечитель Румовскій,

---

* Это понятіе «дороговизны» казанскихъ квартиръ является, конечно, лишь относительнымъ—по сравненію съ позднѣйшими цѣнами на нихъ. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что въ 1815 году проф. Брейтенбахъ нанималъ, напримѣръ, квартиру у нѣкоего коллежскаго секретаря Иванова за 400 рублей въ годъ. Эта квартира, находившаяся во второмъ кварталѣ Вознесенской улицѣ, состояла изъ каменнаго двухэтажнаго дома съ антресолями, съ деревяннымъ флигелемъ, сараемъ, погребами, конюшнями «и со всѣми другими къ дому принадлежностями и мебелями» (См. архивъ каз. унив., 1816, № 72, листъ 7).

такъ и Яковкинъ, уже въ 1806 и 1807 годахъ предпринимали весьма не двусмысленную попытку сдѣлать назначеніе квартирныхъ денегъ и предоставленіе квартиръ въ натурѣ — средствомъ поощренія благонамѣренности и пассивной покорности членовъ совѣта; такъ смотрѣлъ на дѣло Яковкинъ и въ послѣдующіе годы полновластнаго хозяйничанья своего въ дѣлахъ университета и гимназіи, не стѣсняясь вторженіемъ даже въ частную, домашнюю, жизнь профессоровъ и другихъ служащихъ, пользовавшихся казенными квартирами. Именно на почвѣ квартирнаго вопроса разыгрались крупные совѣтскіе инциденты Ахматова и Пухинскаго, ознаменовавшіе собою первые годы жизни казанскаго университета, рядъ столкновеній Яковкина съ профессорами Фуксомъ и Сторлемъ и не мало другихъ, болѣе мелкихъ, недоразумѣній и пререканій, касаться которыхъ мы не станемъ, а въ 1806 году Яковкинъ предоставляетъ казенную квартиру только что женившемуся Ибрагимову, при томъ по сосѣдству съ своею собственною квартирою, спеціально съ тою цѣлью, что бы „новобрачныхъ имѣть къ себѣ поближе для присмотру за ихъ жизнью".

Стѣснительное, зависимое, временами, даже, и двусмысленное положеніе, создававшееся, при такихъ условіяхъ, пользованіемъ казенною квартирою—являлось причиною того, что болѣе самостоятельные и достаточные члены университета старались всѣми мѣрами избѣгать такой „милости" со стороны Яковкина. Усиленно отклонялъ отъ себя въ 1812 году и профессоръ Броннеръ сдѣланное ему предложеніе занять казенную квартиру въ университетѣ, слѣдующимъ образомъ мотивируя, въ письмѣ къ попечителю, свой отказъ отъ этого предложенія:

„Для меня было бы истиннымъ наказаніемъ,—заявлялъ Броннеръ,—принять отведенное мнѣ помѣщеніе въ университетѣ, тѣсное, неудобное, малое, главнымъ недостаткомъ котораго является еще то, что мнѣ пришлось бы очутиться въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ г. кавалеромъ, т. е. съ Яковкинымъ. Я ежедневно слышу жалобы на притѣсненія, которымъ подвергаются профессоры, живущіе въ университетѣ. Печи, окна, полы—оставляются безъ необходимыхъ исправленій; неустройство дошло до того, что у профессоровъ Брауна, Ренарда, Эрдмана и др.—начинался пожаръ. Прислуга подвергается притѣсненіямъ; квартиру уменьшаютъ или расширяютъ, смотря по личному расположенію; мѣшаютъ отопленію квартиръ, раскалывая полѣна пополамъ и, отпуская уменьшенную такимъ образомъ сажень дровъ, считаютъ половину сажени за цѣлую и т. д. и т. д." [192].

Квартирный кризисъ, съ которымъ приходилось сталкиваться членамъ университета, служилъ для нихъ побужденіемъ къ пріобрѣте-

такъ и Яковкинъ, уже въ 1806 и 1807 годахъ предпринимали весьма не двусмысленную попытку сдѣлать назначеніе квартирныхъ денегъ и предоставленіе квартиръ въ натурѣ — средствомъ поощренія благонамѣренности и пассивной покорности членовъ совѣта; такъ смотрѣлъ на дѣло Яковкинъ и въ послѣдующіе годы полновластнаго хозяйничанья своего въ дѣлахъ университета и гимназіи, не стѣсняясь вторженіемъ даже въ частную, домашнюю, жизнь профессоровъ и другихъ служащихъ, пользовавшихся казенными квартирами. Именно на почвѣ квартирнаго вопроса разыгрались крупные совѣтскіе инциденты Ахматова и Пухинскаго, ознаменовавшіе собою первые годы жизни казанскаго университета, рядъ столкновеній Яковкина съ профессорами Фуксомъ и Сторлемъ и не мало другихъ, болѣе мелкихъ, недоразумѣній и пререканій, касаться которыхъ мы не станемъ, а въ 1806 году Яковкинъ предоставляетъ казенную квартиру только что женившемуся Ибрагимову, при томъ по сосѣдству съ своею собственною квартирою, спеціально съ тою цѣлью, что бы „новобрачныхъ имѣть къ себѣ поближе для присмотру за ихъ жизнью".

Стѣснительное, зависимое, временами, даже, и двусмысленное положеніе, создававшееся, при такихъ условіяхъ, пользованіемъ казенною квартирою—являлось причиною того, что болѣе самостоятельные и достаточные члены университета старались всѣми мѣрами избѣгать такой „милости" со стороны Яковкина. Усиленно отклонялъ отъ себя въ 1812 году и профессоръ Броннеръ сдѣланное ему предложеніе занять казенную квартиру въ университетѣ, слѣдующимъ образомъ мотивируя, въ письмѣ къ попечителю, свой отказъ отъ этого предложенія:

> „Для меня было бы истиннымъ наказаніемъ,—заявлялъ Броннеръ,—принять отведенное мнѣ помѣщеніе въ университетѣ, тѣсное, неудобное, малое, главнымъ недостаткомъ котораго является еще то, что мнѣ пришлось бы очутиться въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ г. кавалеромъ, т. е. съ Яковкинымъ. Я ежедневно слышу жалобы на притѣсненія, которымъ подвергаются профессоры, живущіе въ университетѣ. Печи, окна, полы—оставляются безъ необходимыхъ исправленій; неустройство дошло до того, что у профессоровъ Брауна, Ренарда, Эрдмана и др.—начинался пожаръ. Прислуга подвергается притѣсненіямъ; квартиру уменьшаютъ или расширяютъ, смотря по личному расположенію; мѣшаютъ отопленію квартиръ, раскалывая полѣна пополамъ и, отпуская уменьшенную такимъ образомъ сажень дровъ, считаютъ половину сажени за цѣлую и т. д. и т. д." [192].

Квартирный кризисъ, съ которымъ приходилось сталкиваться членамъ университета, служилъ для нихъ побужденіемъ къ пріобрѣте-

нію **собственныхъ домовъ**, хотя бы и съ необходимостью входить для этого въ долги. Заводить себѣ дома старались не только русскіе члены университета, но и иностранные его представители, положеніе которыхъ въ Россіи, вообще, и въ далекой Казани, въ частности—не представлялось, во всякомъ случаѣ, прочнымъ и разсчитаннымъ на болѣе или менѣе продолжительную осѣдлость. Въ этомъ отношеніи мы съ удивленіемъ останавливаемся передъ развитостью домовладѣнія среди преподавательскаго персонала казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ его существованія: собранныя нами данныя обнаруживаютъ, что за этотъ промежутокъ времени девятнадцать профессоровъ и другихъ преподавателей университета имѣли въ Казани свои собственные дома. Обстоятельство это стоитъ въ несомнѣнной связи съ дешевизною домовъ въ Казани начала XIX столѣтія, находившеюся въ рѣзкомъ контрастѣ съ сравнительною дороговизною порядочныхъ квартиръ, которая, въ свою очередь, обусловливалась малочисленностью таковыхъ: „Выгодныя квартиры не только дороги въ Казани,—читаемъ въ совѣтскомъ ходатайствѣ 1806 года относительно квартирныхъ денегъ,—но, сверхъ того, не иначе, какъ съ великою трудностью оныя находить можно, потому что всѣ онѣ или занимаются собственно владѣльцами, или служащими чиновниками, а посему профессоры и адъюнкты принуждены покупать и перестраивать дома, дабы имѣть самонужнѣйшія выгоды". А дома были въ то время въ Казани, дѣйствительно, очень дешевы. Броннеръ уже на слѣдующій годъ по прибытіи своемъ въ Казань писалъ на родину, что, хотя казанская жизнь и считается дорогою, тѣмъ не менѣе она значительно дешевле швейцарской: „за 1200, приблизительно, рублей,—пишетъ Броннеръ,—здѣсь можно пріобрѣсти хорошенькій домикъ, съ принадлежащимъ къ нему садомъ"; существуютъ указанія, что за 2250 рублей былъ купленъ профессоромъ Финке принадлежавшій ему домъ, на Вознесенской улицѣ; на пожалованные ему въ 1814 году единовременно 2 тысячи рублей, хотя и съ прибавкою къ нимъ долга, построилъ себѣ „приличный,—по его словамъ,—домикъ" и профессоръ Яковкинъ; заводить себѣ недвижимую собственность находили возможнымъ даже учителя гимназіи и второстепенные представители преподавательскаго персонала университета.

Смѣемъ надѣяться, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя, во всякомъ случаѣ не лишенныя интереса съ историко-бытовой точки зрѣнія, подробности, касающіяся профессорскаго домовладѣнія за интересующій насъ промежутокъ времени.

нію собственныхъ домовъ, хотя бы и съ необходимостью входить для этого въ долги. Заводить себѣ дома старались не только русскіе члены университета, но и иностранные его представители, положеніе которыхъ въ Россіи, вообще, и въ далекой Казани, въ частности—не представлялось, во всякомъ случаѣ, прочнымъ и разсчитаннымъ на болѣе или менѣе продолжительную осѣдлость. Въ этомъ отношеніи мы съ удивленіемъ останавливаемся передъ развитостью домовладѣнія среди преподавательскаго персонала казанскаго университета за первые четырнадцать лѣтъ его существованія: собранныя нами данныя обнаруживаютъ, что за этотъ промежутокъ времени девятнадцать профессоровъ и другихъ преподавателей университета имѣли въ Казани свои собственные дома. Обстоятельство это стоитъ въ несомнѣнной связи съ дешевизною домовъ въ Казани начала XIX столѣтія, находившеюся въ рѣзкомъ контрастѣ съ сравнительною дороговизною порядочныхъ квартиръ, которая, въ свою очередь, обусловливалась малочисленностью таковыхъ: „Выгодныя квартиры не только дороги въ Казани, — читаемъ въ совѣтскомъ ходатайствѣ 1806 года относительно квартирныхъ денегъ,—но, сверхъ того, не иначе, какъ съ великою трудностью оныя находить можно, потому что всѣ онѣ или занимаются собственно владѣльцами, или служащими чиновниками, а посему профессоры и адъюнкты принуждены покупать и перестраивать дома, дабы имѣть самонужнѣйшія выгоды". А дома были въ то время въ Казани, дѣйствительно, очень дешевы. Броннеръ уже на слѣдующій годъ по прибытіи своемъ въ Казань писалъ на родину, что, хотя казанская жизнь и считается дорогою, тѣмъ не менѣе она значительно дешевле швейцарской: „за 1200, приблизительно, рублей,—пишетъ Броннеръ,—здѣсь можно пріобрѣсти хорошенькій домикъ, съ принадлежащимъ къ нему садомъ"; существуютъ указанія, что за 2250 рублей былъ купленъ профессоромъ Финке принадлежавшій ему домъ, на Вознесенской улицѣ; на пожалованные ему въ 1814 году единовременно 2 тысячи рублей, хотя и съ прибавкою къ нимъ долга, построилъ себѣ „приличный,—по его словамъ,—домикъ" и профессоръ Яковкинъ; заводить себѣ недвижимую собственность находили возможнымъ даже учителя гимназіи и второстепенные представители преподавательскаго персонала университета.

Смѣемъ надѣяться, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя, во всякомъ случаѣ не лишенныя интереса съ историко-бытовой точки зрѣнія, подробности, касающіяся профессорскаго домовладѣнія за интересующій насъ промежутокъ времени.

Въ Казани первой четверти XIX столѣтія существовали улицы, которыя являлись какъ бы излюбленными и традиціонными мѣстами домовладѣнія и квартированія профессоровъ мѣстнаго университета, сохраняя за собою это значеніе и въ эпохи болѣе позднія.

Первое мѣсто принадлежало въ этомъ отношеніи улицѣ Поповой горѣ, гдѣ, въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, имѣли собственные дома профессоры Эрихъ, Френъ, Браунъ, Бартельсъ и Фойгтъ.

Эрихъ владѣлъ здѣсь домомъ еще въ концѣ 1819 года, уже будучи уволеннымъ отъ университетской службы. Френъ купилъ себѣ здѣсь домъ (подъ № 40-мъ) въ 1812 году, взамѣнъ прежняго дома, находившагося, еще въ концѣ 1811 года, на Ново-Горшечной улицѣ (подъ № 274), и продалъ его передъ оставленіемъ своимъ Казани, публикуя передъ тѣмъ о продажѣ его въ мѣстной газетѣ. Браунъ владѣлъ здѣсь домомъ въ 1813 году—быть можетъ до своего избранія въ званіе ректора университета. Бартельсъ владѣлъ въ той же улицѣ домомъ еще въ концѣ 1819 года, пріобрѣтя его, повидимому, въ 1813 году; по крайней мѣрѣ, въ апрѣлѣ 1813 года Броннеръ писалъ акад. Фуссу, что «Бартельсъ собирается купить себѣ домикъ въ сосѣдствѣ съ Френомъ и Брауномъ». Фойгтъ здѣсь же пріобрѣлъ себѣ домъ, въ долгъ, еще въ концѣ лѣта 1809 года, какъ это усматривается изъ писемъ къ Румовскому Яковкина и Фусса [193].

За этимъ казанскимъ «латинскимъ кварталомъ», какимъ являлась въ старину Попова гора, должна быть поставлена мѣстность, прилегающая къ нынѣшней Театральной площади, гдѣ также охотно обосновывались представители университета.

Здѣсь, въ кварталѣ, образуемомъ въ наши дни улицами Покровскою и Почтамтскою—съ двухъ сторонъ, скверами Державинскимъ и Николаевскимъ — съ двухъ другихъ сторонъ, выстроилъ себѣ деревянный домъ въ 1814 году, послѣ оставленія имъ званія инспектора студентовъ и сопряженной съ нимъ казенной квартиры, бывшій профессоръ-директоръ и кавалеръ И. Ѳ. Яковкинъ, какъ онъ тогда же самъ писалъ о томъ въ прошеніи на имя министра народнаго просвѣщенія: «При помощи оказанной мнѣ начальственнымъ ходатайствомъ монаршей милости единовременнымъ пожалованіемъ двухъ тысячъ рублей, а частью зашедъ и въ долги, вынужденъ былъ я построить приличный домикъ и, въ него перемѣстившись, остаться при званіи профессора и директора гимназіи». Домъ Яковкина находился какъ разъ въ серединѣ этого обширнаго и въ ту пору мало застроеннаго еще квартала—«подлѣ театра, между домами Левицкаго и де-Бособръ» *, какъ опредѣляется его мѣстоположеніе въ одномъ изъ современныхъ печатныхъ источниковъ, что даетъ намъ указаніе на мѣстность, соотвѣтствующую нынѣшнимъ участкамъ г-жи Духаниной или г. Хохрякова. Этотъ домъ принадлежалъ Яковкину еще въ 1836 году; въ этомъ году онъ въ немъ и умеръ, какъ это видно изъ сохранившагося церковнаго свидѣтельства объ его кончинѣ и погребеніи (здѣсь домъ этотъ значится первой части, перваго квартала подъ № 104-мъ). Кромѣ дома въ городѣ, у Яковкина имѣлась еще большая дача, расположенная на берегу Казанки, среди сада, въ подгородной Подлужной

* Театръ (деревянный), принадлежавшій помѣщику П. П. Есипову, былъ расположенъ въ то время на мѣстѣ сѣверной половины нынѣшняго Державинскаго сквэра. Домъ де-Бособра—нынѣшній угловой (по Покровской улицѣ) домъ г.г. Пальчиковыхъ. Въ то время уже существовалъ и угловой къ Черному озеру теперешній каменный домъ Сахаровыхъ, въ занимающую насъ эпоху принадлежавшій Кудрявцеву. На мѣстѣ современнаго дома г. Юшкова—находился бугоръ, на которомъ имѣлись лишь незначительные деревянные дома (Богданова, позже—профессора Лентовскаго).

Въ Казани первой четверти XIX столѣтія существовали улицы, которыя являлись какъ бы излюбленными и традиціонными мѣстами домовладѣнія и квартированія профессоровъ мѣстнаго университета, сохраняя за собою это значеніе и въ эпохи болѣе позднія.

Первое мѣсто принадлежало въ этомъ отношеніи улицѣ Поповой горѣ, гдѣ, въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, имѣли собственные дома профессоры Эрихъ, Френъ, Браунъ, Бартельсъ и Фойгтъ.

Эрихъ владѣлъ здѣсь домомъ еще въ концѣ 1819 года, уже будучи уволеннымъ отъ университетской службы. Френъ купилъ себѣ здѣсь домъ (подъ № 40-мъ) въ 1812 году, взамѣнъ прежняго дома, находившагося, еще въ концѣ 1811 года, на Ново-Горшечной улицѣ (подъ № 274), и продалъ его передъ оставленіемъ своимъ Казани, публикуя передъ тѣмъ о продажѣ его въ мѣстной газетѣ. Браунъ владѣлъ здѣсь домомъ въ 1813 году—быть можетъ до своего избранія въ званіе ректора университета. Бартельсъ владѣлъ въ той же улицѣ домомъ еще въ концѣ 1819 года, пріобрѣтя его, повидимому, въ 1813 году; по крайней мѣрѣ, въ апрѣлѣ 1813 года Броннеръ писалъ акад. Фуссу, что «Бартельсъ собирается купить себѣ домикъ въ сосѣдствѣ съ Френомъ и Брауномъ». Фойгтъ здѣсь же пріобрѣлъ себѣ домъ, въ долгъ, еще въ концѣ лѣта 1809 года, какъ это усматривается изъ писемъ къ Румовскому Яковкина и Фусса [193].

За этимъ казанскимъ «латинскимъ кварталомъ», какимъ являлась въ старину Попова гора, должна быть поставлена мѣстность, прилегающая къ нынѣшней Театральной площади, гдѣ также охотно обосновывались представители университета.

Здѣсь, въ кварталѣ, образуемомъ въ наши дни улицами Покровскою и Почтамтскою—съ двухъ сторонъ, скверами Державинскимъ и Николаевскимъ — съ двухъ другихъ сторонъ, выстроилъ себѣ деревянный домъ въ 1814 году, послѣ оставленія имъ званія инспектора студентовъ и сопряженной съ нимъ казенной квартиры, бывшій профессоръ-директоръ и кавалеръ И. Ѳ. Яковкинъ, какъ онъ тогда же самъ писалъ о томъ въ прошеніи на имя министра народнаго просвѣщенія: «При помощи оказанной мнѣ начальственнымъ ходатайствомъ монаршей милости единовременнымъ пожалованіемъ двухъ тысячъ рублей, а частью зашедъ и въ долги, вынужденъ былъ я построить приличный домикъ и, въ него перемѣстившись, остаться при званіи профессора и директора гимназіи». Домъ Яковкина находился какъ разъ въ серединѣ этого обширнаго и въ ту пору мало застроеннаго еще квартала—«подлѣ театра, между домами Левицкаго и де-Бособръ» *, какъ опредѣляется его мѣстоположеніе въ одномъ изъ современныхъ печатныхъ источниковъ, что даетъ намъ указаніе на мѣстность, соотвѣтствующую нынѣшнимъ участкамъ г-жи Духовиной или г. Хохрякова. Этотъ домъ принадлежалъ Яковкину еще въ 1836 году; въ этомъ году онъ въ немъ и умеръ, какъ это видно изъ сохранившагося церковнаго свидѣтельства объ его кончинѣ и погребеніи (здѣсь домъ этотъ значится первой части, перваго квартала подъ № 104-мъ). Кромѣ дома въ городѣ, у Яковкина имѣлась еще большая дача, расположенная на берегу Казанки, среди сада, въ подгородной Подлужной

---

* Театръ (деревянный), принадлежавшій помѣщику П. П. Есипову, былъ расположенъ въ то время на мѣстѣ сѣверной половины нынѣшняго Державинскаго сквера. Домъ де-Бособра—нынѣшній угловой (по Покровской улицѣ) домъ г.г. Пальчиковыхъ. Въ то время уже существовалъ и угловой къ Черному озеру теперешній каменный домъ Сахаровыхъ, въ занимающую насъ эпоху принадлежавшій Кудрявцеву. На мѣстѣ современнаго дома г. Юшкова—находился бугоръ, на которомъ имѣлись лишь незначительные деревянные дома (Богданова, позже—профессора Лентовскаго).

слободѣ (въ настоящее время уже улица). По сосѣдству съ Яковкинымъ,—вѣроятно послѣ женитьбы на его дочери,—здѣсь же обзавелся домкомъ и зять профессора-директора, баронъ Врангель; этотъ домъ былъ расположенъ «между домами Яковкина и Кудрявцева»—какъ означается его топографія въ объявленіи о продажѣ, печатавшемся въ концѣ 1819 года [194].

Въ томъ же, прилегающемъ къ театру, районѣ, находились дома профессора Германа и двухъ преподавателей «пріятныхъ искусствъ», музыканта Новикова и художника Крюкова. Точная топографія дома Германа, находившагося на нынѣшней Грузинской улицѣ, намъ неизвѣстна, но купленъ былъ онъ имъ, въ долгъ, уже слѣдомъ за переѣздомъ въ Казань, какъ это видно изъ письма Германа къ попечителю: «При недостаткѣ квартиръ въ Казани въ первое время послѣ моего пріѣзда,—читаемъ здѣсь,—я не имѣлъ возможности нанять за 500 или 600 рублей въ годъ приличнаго помѣщенія и вынужденъ былъ купить небольшой домикъ и устроить его по возможности удобно для себя и для своей семьи, заключивъ условіе объ уплатѣ въ извѣстные сроки, небольшими суммами». Разстройство матеріальныхъ средствъ не позволило Герману удержать за собою эту недвижимую собственность, которая оставалась за нимъ очень недолгое время, заставивъ его снова хлопотать о предоставленіи ему казенной квартиры. На той же Грузинской улицѣ находился домъ преподавателя музыки и университетскаго композитора Новикова, а преподаватель живописи Крюковъ имѣлъ большой трехэтажный каменный домъ на углу улицъ Верхне-Ѳеодоровской и нынѣшней Бассейной (въ настоящее время угловой домъ г. Воротникова) [195].

Болѣе близкимъ къ университету мѣстомъ осѣдлости его преподавателей являлась улица Лецкая.

Здѣсь имѣли собственные дома Запольскій, Лобачевскій и Городчаниновъ. Домъ Запольскаго, двухэтажный, на каменномъ фундаментѣ, числившійся въ первомъ кварталѣ третьей части (подъ № 232), въ одномъ изъ объявленій мѣстной газеты опредѣляется своимъ мѣстоположеніемъ слѣдующимъ образомъ: «поднимаясь отъ университета въ гору, въ Лецкую улицу, на лѣвой рукѣ»; въ половинѣ 1815 года этотъ домъ публиковался вдовою Запольскаго къ продажѣ. Домъ Лобачевскаго,—собственно матери его,—значится находящимся «въ Лецкой улицѣ, въ третьей части», въ составленномъ въ концѣ 1819 года спискѣ домовладѣльцевъ по университету и гимназіи. Изъ этого послѣдняго списка узнаемъ, что въ 1819 году «въ Лецкой улицѣ, въ третьей части» имѣлъ свой домъ и проф. Городчаниновъ; этотъ домъ пріобрѣтенъ имъ не ранѣе 1812 года, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ году онъ значится еще квартирующимъ на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Богданова *, казанскаго губернскаго казначея [196].

Двое профессоровъ, Финке и Литтровъ, владѣли домами на Вознесенской улицѣ.

Финке пріобрѣлъ себѣ здѣсь деревянный домъ за 2250 р. у жены колл. регистратора Лавровой, въ концѣ 1810 года, при содѣйствіи проф. Брауна, ссудившаго его необходимыми для этой покупки средствами; этотъ домъ, находившійся рядомъ съ домомъ Кальма, уже весною 1814 года публиковался къ продажѣ. Литтровъ первоначально (не ранѣе конца 1812 года) имѣлъ домъ на Красной улицѣ, но этотъ домъ сгорѣлъ, послѣ чего имъ былъ пріобрѣтенъ уже болѣе обширный домъ на Вознесенской улицѣ, которымъ онъ и владѣлъ до самаго

* Этотъ домъ осенью 1812 года снимался для помѣщенія въ немъ временно прибывшихъ изъ Москвы сенаторовъ, позже былъ губернаторскимъ, а въ настоящее время (въ расширенномъ видѣ) вмѣщаетъ въ себѣ окружный судъ.

слободѣ (въ настоящее время уже улица). По сосѣдству съ Яковкинымъ,—вѣроятно послѣ женитьбы на его дочери,—здѣсь же обзавелся домкомъ и зять профессора-директора, баронъ Врангель; этотъ домъ былъ расположенъ «между домами Яковкина и Кудрявцева»—какъ означается его топографія въ объявленіи о продажѣ, печатавшемся въ концѣ 1819 года [194].

Въ томъ же, прилегающемъ къ театру, районѣ, находились дома профессора Германа и двухъ преподавателей «пріятныхъ искусствъ», музыканта Новикова и художника Крюкова. Точная топографія дома Германа, находившагося на нынѣшней Грузинской улицѣ, намъ неизвѣстна, но купленъ былъ онъ имъ, въ долгъ, уже слѣдомъ за переѣздомъ въ Казань, какъ это видно изъ письма Германа къ попечителю: «При недостаткѣ квартиръ въ Казани въ первое время послѣ моего пріѣзда,—читаемъ здѣсь,—я не имѣлъ возможности нанять за 500 или 600 рублей въ годъ приличнаго помѣщенія и вынужденъ былъ купить небольшой домикъ и устроить его по возможности удобно для себя и для своей семьи, заключивъ условіе объ уплатѣ въ извѣстные сроки, небольшими суммами». Разстройство матеріальныхъ средствъ не позволило Герману удержать за собою эту недвижимую собственность, которая оставалась за нимъ очень недолгое время, заставивъ его снова хлопотать о предоставленіи ему казенной квартиры. На той же Грузинской улицѣ находился домъ преподавателя музыки и университетскаго композитора Новикова, а преподаватель живописи Крюковъ имѣлъ большой трехэтажный каменный домъ на углу улицъ Верхне-Ѳеодоровской и нынѣшней Бассейной (въ настоящее время угловой домъ г. Воротникова) [195].

Болѣе близкимъ къ университету мѣстомъ осѣдлости его преподавателей являлась улица Лецкая.

Здѣсь имѣли собственные дома Запольскій, Лобачевскій и Городчаниновъ. Домъ Запольскаго, двухэтажный, на каменномъ фундаментѣ, числившійся въ первомъ кварталѣ третьей части (подъ № 232), въ одномъ изъ объявленій мѣстной газеты опредѣляется своимъ мѣстоположеніемъ слѣдующимъ образомъ: «поднимаясь отъ университета въ гору, въ Лецкую улицу, на лѣвой рукѣ»; въ половинѣ 1815 года этотъ домъ публиковался вдовою Запольскаго къ продажѣ. Домъ Лобачевскаго,—собственно матери его,—значится находящимся «въ Лецкой улицѣ, въ третьей части», въ составленномъ въ концѣ 1819 года спискѣ домовладѣльцевъ по университету и гимназіи. Изъ этого послѣдняго списка узнаемъ, что въ 1819 году «въ Лецкой улицѣ, въ третьей части» имѣлъ свой домъ и проф. Городчаниновъ; этотъ домъ пріобрѣтенъ имъ не ранѣе 1812 года, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ году онъ значится еще квартирующимъ на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Богданова *, казанскаго губернскаго казначея [196].

Двое профессоровъ, Финке и Литтровъ, владѣли домами на Вознесенской улицѣ.

Финке пріобрѣлъ себѣ здѣсь деревянный домъ за 2250 р. у жены колл. регистратора Лавровой, въ концѣ 1810 года, при содѣйствіи проф. Брауна, ссудившаго его необходимыми для этой покупки средствами; этотъ домъ, находившійся рядомъ съ домомъ Кальма, уже весною 1814 года публиковался къ продажѣ. Литтровъ первоначально (не ранѣе конца 1812 года) имѣлъ домъ на Красной улицѣ, но этотъ домъ сгорѣлъ, послѣ чего имъ былъ пріобрѣтенъ уже болѣе обширный домъ на Вознесенской улицѣ, которымъ онъ и владѣлъ до самаго

---

* Этотъ домъ осенью 1812 года снимался для помѣщенія въ немъ временно прибывшихъ изъ Москвы сенаторовъ, позже былъ губернаторскимъ, а въ настоящее время (въ расширенномъ видѣ) вмѣщаетъ въ себѣ окружный судъ.

выѣзда въ 1816 году изъ Казани. Подобно Финке, и Литтровъ воспользовался для покупки дома денежною помощью со стороны Брауна—и здѣсь то лежитъ, несомнѣнно, источникъ тѣхъ обвиненій въ ростовщичествѣ, которыя предъявлялись Яковкинымъ, какъ мы это видѣли, по адресу Брауна [197].

Дома остальныхъ университетскихъ домовладѣльцевъ были уже спорадически разбросаны по различнымъ мѣстностямъ г. Казани. Въ концѣ 1819 года имѣли дома: проф. Никольскій—на Воскресенской улицѣ, лекторъ Хальфинъ—въ Татарской слободѣ, проф. Фуксъ—также въ Забулачьи, именно на Сѣнной площади; въ 1815 году, какъ это видно изъ данныхъ о большомъ пожарѣ этого года, владѣлъ собственнымъ домомъ и проф. Томасъ, но гдѣ именно онъ находился—намъ остается неизвѣстнымъ. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣемъ мы относительно дома К. Ѳ. Фукса, находившагося въ его владѣніи уже въ 1812 году (какъ видно изъ дѣла о разборѣ въ этомъ году казанскихъ иностранцевъ) и въ которомъ протекла, вплоть до самой кончины, вся послѣдующая, свыше тридцатилѣтняя, жизнь этого ученаго; только въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ домъ этотъ былъ публикованъ къ продажѣ вдовою Фукса. Бывшій домъ проф. Фукса существуетъ до нашихъ дней, хотя онъ и выгорѣлъ въ большой пожаръ 8-го іюня 1902 года: это—домъ купца Ерлыкина, находящійся на углу Сѣнной площади и улицы Фуксовской (названной такъ въ честь К. Ѳ.), наискосокъ донынѣ существующей аптеки, въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія принадлежавшей Шенбергу. Этотъ историческій домъ, въ свое время вмѣщавшій въ себѣ обширныя библіотеку и коллекціи К. Ѳ. Фукса, видѣлъ въ своихъ стѣнахъ такихъ почетныхъ посѣтителей, какими являлись М. М. Сперанскій, великій А. Гумбольдтъ, баронъ Гакстгаузенъ, финологъ Кастренъ, А. С. Пушкинъ, министръ госуд. имуществъ графъ Киселевъ и мн. др. лицъ, считавшихъ необходимымъ, въ бытность свою въ Казани, побывать въ домѣ проф. Фукса.... [198].

Владѣли нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей казанскаго университета и поземельною собственностью—но такихъ счастливцевъ было, конечно, немного и, притомъ, изъ числа лицъ исключительно русскаго происхожденія. Одни изъ нихъ уже по самому происхожденію своему принадлежали къ землевладѣльческому дворянству (Кондыревъ, Перевощиковъ, Манасеинъ, Алехинъ), другіе пріобрѣли поземельную собственность за своими женами (Запольскій, Фуксъ, Хальфинъ, Вердерамо),—но, въ общемъ, всѣ они были представителями сравнительно некрупнаго землевладѣнія. Такъ, у Кондырева значились въ 1822 году, по его формулярному списку, 2 души дворовыхъ людей и 5 душъ крестьянъ въ курской губерніи, у Перевощикова, въ 1816 году—16 душъ крестьянъ, у Запольскаго небольшое имѣніе подъ Казанью, у Фукса—25 душъ въ лаишевскомъ уѣздѣ, у Хальфина—10 душъ крестьянъ съ землею. Въ 1811 году намѣревался пріобрѣсти себѣ имѣніе проф. Браунъ, но гражданская палата не позволила ему совершить купчую на него, какъ лицу не дворянскаго происхожденія; разрѣшеніе на совершеніе купчей крѣпости не было Брауномъ получено, не взирая даже на личное ходатайство о томъ передъ министромъ его свояка, академика Фусса.

выѣзда въ 1816 году изъ Казани. Подобно Финке, и Литтровъ воспользовался для покупки дома денежною помощью со стороны Брауна—и здѣсь то лежитъ, несомнѣнно, источникъ тѣхъ обвиненій въ ростовщичествѣ, которыя предъявлялись Яковкинымъ, какъ мы это видѣли, по адресу Брауна [197].

Дома остальныхъ университетскихъ домовладѣльцевъ были уже спорадически разбросаны по различнымъ мѣстностямъ г. Казани. Въ концѣ 1819 года имѣли дома: проф. Никольскій—на Воскресенской улицѣ, лекторъ Хальфинъ—въ Татарской слободѣ, проф. Фуксъ—также въ Забулачьи, именно на Сѣнной площади; въ 1815 году, какъ это видно изъ данныхъ о большомъ пожарѣ этого года, владѣлъ собственнымъ домомъ и проф. Томасъ, но гдѣ именно онъ находился—намъ остается неизвѣстнымъ. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣемъ мы относительно дома К. Ѳ. Фукса, находившагося въ его владѣніи уже въ 1812 году (какъ видно изъ дѣла о разборѣ въ этомъ году казанскихъ иностранцевъ) и въ которомъ протекла, вплоть до самой кончины, вся послѣдующая, свыше тридцатилѣтняя, жизнь этого ученаго; только въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ домъ этотъ былъ публикованъ къ продажѣ вдовою Фукса. Бывшій домъ проф. Фукса существуетъ до нашихъ дней, хотя онъ и выгорѣлъ въ большой пожаръ 8-го іюня 1902 года: это—домъ купца Ерлыкина, находящійся на углу Сѣнной площади и улицы Фуксовской (названной такъ въ честь К. Ѳ.), наискосокъ донынѣ существующей аптеки, въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія принадлежавшей Шенбергу. Этотъ историческій домъ, въ свое время вмѣщавшій въ себѣ обширныя библіотеку и коллекціи К. Ѳ. Фукса, видѣлъ въ своихъ стѣнахъ такихъ почетныхъ посѣтителей, какими являлись М. М. Сперанскій, великій А. Гумбольдтъ, баронъ Гакстгаузенъ, финологъ Кастренъ, А. С. Пушкинъ, министръ госуд. имуществъ графъ Киселевъ и мн. др. лицъ, считавшихъ необходимымъ, въ бытность свою въ Казани, побывать въ домѣ проф. Фукса.... [198].

Владѣли нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей казанскаго университета и поземельною собственностью—но такихъ счастливцевъ было, конечно, немного и, притомъ, изъ числа лицъ исключительно русскаго происхожденія. Одни изъ нихъ уже по самому происхожденію своему принадлежали къ землевладѣльческому дворянству (Кондыревъ, Перевощиковъ, Манасеинъ, Алехинъ), другіе пріобрѣли поземельную собственность за своими женами (Запольскій, Фуксъ, Хальфинъ, Вердерамо),—но, въ общемъ, всѣ они были представителями сравнительно некрупнаго землевладѣнія. Такъ, у Кондырева значились въ 1822 году, по его формулярному списку, 2 души дворовыхъ людей и 5 душъ крестьянъ въ курской губерніи, у Перевощикова, въ 1816 году—16 душъ крестьянъ, у Запольскаго небольшое имѣніе подъ Казанью, у Фукса—25 душъ въ лаишевскомъ уѣздѣ, у Хальфина—10 душъ крестьянъ съ землею. Въ 1811 году намѣревался пріобрѣсти себѣ имѣніе проф. Браунъ, но гражданская палата не позволила ему совершить купчую на него, какъ лицу не дворянскаго происхожденія; разрѣшеніе на совершеніе купчей крѣпости не было Брауномъ получено, не взирая даже на личное ходатайство о томъ передъ министромъ его свояка, академика Фусса.

Встрѣчались и примѣры владѣнія крѣпостными дворовыми людьми безъ земли. За профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ въ 1815 году числилось двѣнадцать крѣпостныхъ дворовыхъ душъ, за преподавателемъ Новиковымъ—три души, за проф. Никольскимъ—одна душа. Въ 1819 году у проф. Германа происходила съ штабъ-лекаремъ Саханскимъ формальная тяжба изъ-за проданной послѣднимъ первому крѣпостной „дѣвки" Авдотьи Максимовой, которая сбѣжала отъ профессора обратно къ штабъ-лекарю, по поводу чего Германъ и искалъ съ Саханскаго уплоченные имъ за „дѣвку" 275 рублей—„да за лекарства имъ, Германомъ, на леченіе оной дѣвки, когда она у него находилась, употребленные 75 рублей, всего же 350 рублей"; сверхъ того, Германъ требовалъ также и „отобранія снесеннаго оною дѣвкою платья, цѣною на 75 рублей" [199].

При крѣпостномъ строѣ описываемой нами эпохи, сдѣлки и тяжбы подобнаго рода мало шокировали собою общественную совѣсть,—за исключеніемъ развѣ только совѣсти единичныхъ представителей мыслящаго общества, воспитанныхъ внѣ узкихъ и крѣпостническихъ условій современной русской дѣйствительности. Контрагенты не считали даже нужнымъ скрывать отъ глазъ публики позорныя сдѣлки надъ людьми и человѣческими „душами"—и столбцы университетской газеты того времени пестрѣли объявленіями о продажѣ и отдачѣ въ наемъ людей, наряду съ объявленіями о театральныхъ зрѣлищахъ, о продажѣ лошадей, коровъ, собакъ, экипажей, объ отдачѣ въ наймы квартиръ, лавокъ и т. п.

Справочный отдѣлъ „Казанскихъ Извѣстій" 1811—1820 годовъ даетъ намъ длинный рядъ публикацій, всецѣло возвращающихъ насъ къ мрачнымъ временамъ стараго русскаго крѣпостного права. Дѣлались подобнаго рода публикаціи отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, дѣлались онѣ и отъ имени частныхъ лицъ.

Вотъ образцы объявленій перваго рода:

«Мая 29-го числа въ казанскомъ губернскомъ правленіи,—читаемъ въ № 4-мъ за 1811 годъ,—будутъ продаваться дворовые прапорщицы Настасьи Кротковой люди: мальчикъ Андреянъ и дѣвка Дарья Григорьевы, первый восьми, а послѣдняя одиннадцати лѣтъ, оцѣненные первый въ 40, а послѣдняя въ 20 рублей».

«Отъ казанскаго губернскаго правленія чрезъ сіе объявляется (№ 54-ый за 1818 г.), что въ ономъ будутъ продаваться принадлежащіе штабсъ-капитану Гурьянову люди: шестнадцатилѣтній крестьянскій сынъ Степанъ Прокофьевъ, оцѣненный въ 400 рублей, могущій принесть въ годъ доходу (!) до сорока рублей, и пятнадцатилѣтняя дѣвка Ирина Леонтьева, оцѣненная въ 200 рублей, могущая принести доходу въ годъ двадцать рублей, за учиненную имъ, Гурьяновымъ, растрату казенныхъ денегъ» *.

* Здѣсь продаваемые «люди» прямо таки капитализируются изъ 10% своей доходности!

Встрѣчались и примѣры владѣнія крѣпостными дворовыми людьми безъ земли. За профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ въ 1815 году числилось двѣнадцать крѣпостныхъ дворовыхъ душъ, за преподавателемъ Новиковымъ—три души, за проф. Никольскимъ—одна душа. Въ 1819 году у проф. Германа происходила съ штабъ-лекаремъ Саханскимъ формальная тяжба изъ-за проданной послѣднимъ первому крѣпостной „дѣвки" Авдотьи Максимовой, которая сбѣжала отъ профессора обратно къ штабъ-лекарю, по поводу чего Германъ и искалъ съ Саханскаго уплоченные имъ за „дѣвку" 275 рублей—„да за лекарства имъ, Германомъ, на леченіе оной дѣвки, когда она у него находилась, употребленные 75 рублей, всего же 350 рублей"; сверхъ того, Германъ требовалъ также и „отобранія снесеннаго оною дѣвкою платья, цѣною на 75 рублей" [199].

При крѣпостномъ строѣ описываемой нами эпохи, сдѣлки и тяжбы подобнаго рода мало шокировали собою общественную совѣсть,—за исключеніемъ развѣ только совѣсти единичныхъ представителей мыслящаго общества, воспитанныхъ внѣ узкихъ и крѣпостническихъ условій современной русской дѣйствительности. Контрагенты не считали даже нужнымъ скрывать отъ глазъ публики позорныя сдѣлки надъ людьми и человѣческими „душами"—и столбцы университетской газеты того времени пестрѣли объявленіями о продажѣ и отдачѣ въ наемъ людей, наряду съ объявленіями о театральныхъ зрѣлищахъ, о продажѣ лошадей, коровъ, собакъ, экипажей, объ отдачѣ въ наймы квартиръ, лавокъ и т. п.

Справочный отдѣлъ „Казанскихъ Извѣстій" 1811—1820 годовъ даетъ намъ длинный рядъ публикацій, всецѣло возвращающихъ насъ къ мрачнымъ временамъ стараго русскаго крѣпостного права. Дѣлались подобнаго рода публикаціи отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, дѣлались онѣ и отъ имени частныхъ лицъ.

Вотъ образцы объявленій перваго рода:

«Мая 29-го числа въ казанскомъ губернскомъ правленіи,—читаемъ въ № 4-мъ за 1811 годъ,—будутъ продаваться дворовые прапорщицы Настасьи Кротковой люди: мальчикъ Андреянъ и дѣвка Дарья Григорьевы, первый восьми, а послѣдняя одиннадцати лѣтъ, оцѣненные первый въ 40, а послѣдняя въ 20 рублей».

«Отъ казанскаго губернскаго правленія чрезъ сіе объявляется (№ 54-ый за 1818 г.), что въ ономъ будутъ продаваться принадлежащіе штабсъ-капитану Гурьянову люди: шестнадцатилѣтній крестьянскій сынъ Степанъ Прокофьевъ, оцѣненный въ 400 рублей, могущій принесть въ годъ доходу (!) до сорока рублей, и пятнадцатилѣтняя дѣвка Ирина Леонтьева, оцѣненная въ 200 рублей, могущая принести доходу въ годъ двадцать рублей, за учиненную имъ, Гурьяновымъ, растрату казенныхъ денегъ» *.

* Здѣсь продаваемые «люди» прямо таки капитализируются изъ 10% своей доходности!

«Отъ казанскаго губернскаго правленія симъ объявляется (см. тамъ же), что въ ономъ будетъ продаваться съ аукціоннаго торгу подполковника Копылова имѣніе, какъ то: образа, платье, портреты, книги, разная мебель и посуда и дворовый человѣкъ, съ женою и дѣтьми, оцѣненный въ 1600 рублей».

А вотъ образецъ такого же объявленія, печатаемаго частнымъ лицомъ:

«Послѣ покойной коллежской секретарши Мухачевой продается человѣкъ Андрей Савинъ, 41-го года, и дочь его дѣвка Авдотья, 15-ти лѣтъ; о цѣнѣ и о прочемъ узнать можно отъ опекуна, полковаго аудитора Иконникова» (1818 г., № 18).

Несравненно чаще встрѣчались публикации объ отдачѣ людей „въ наемъ", которымъ во многихъ случаяхъ симмулировалась купле-продажа ихъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ вставлялась оговорка объ „особенномъ" соглашеніи—напримѣръ:

«На Вознесенской улицѣ живущая коллежская ассесорша г-жа Веселова отдаетъ въ наймы двухъ кучеровъ и, особенно, человѣка Ефима Григорьева съ женою, тутъ же продается коляска новая, на манеръ англинской» (1811, № 2).

Помѣщая это, еще первое, объявленіе о сдѣлкахъ съ людьми, редакція университетской газеты тутъ же дѣлаетъ къ нему весьма откровенное подстрочное примѣчаніе, что „при отпускѣ людей особенно—будетъ означать другое соглашеніе" *, очевидно—продажу. Несомнѣнно, что подъ этимъ фиговымъ листкомъ найма скрывается чистый договоръ купле-продажи и въ нѣкоторыхъ изъ нижеслѣдующихъ объявленій:

«Губернскій секретарь Ананій Козловъ, по коммиссіи, отпускаетъ въ наемъ, съ особеннымъ соглашеніемъ, двороваго 16-ти лѣтняго мальчика; онаго увидать могутъ у Козлова въ квартирѣ, въ Кузнечномъ ряду, во флигелѣ, что къ театру» (1811 г., № 7).

«Пріѣхавшимъ въ Казань господиномъ отдается мальчикъ 14-ти лѣтъ, съ особеннымъ соглашеніемъ, собою видный, годный въ лакеи и фалейтары (sic) и способный перенимать ремесла и художества, а при томъ и поведенія добраго» (1811 г., № 10).

«Отдаются въ наймы дворовые люди—портной, сапожникъ, кучеръ, поваръ и знающія разныя рукодѣлья женщины» (1812 г., № 1),—цѣлая, очевидно, организація по отдачѣ «въ наемъ» людей!

«Коллежскій регистраторъ Нимейеръ отдаетъ изъ найма семью людей, о цѣнѣ узнать въ приказѣ общественнаго призрѣнія» (1812 г., № 7).

«За излишествомъ отпускаются въ услуженіе дворовые люди, три человѣка: а) лакей довольно видный, 25-ти лѣтъ, б) форейторъ, который можетъ быть и кучеромъ, 23-хъ лѣтъ, онъ

---

* Эта необходимость симмулировать купле-продажу крѣпостныхъ людей «наймомъ съ особымъ соглашеніемъ» обусловливалась высочайшимъ указомъ отъ 28-го мая 1802 года, въ силу котораго было предписано—«дабы объявленій о продажѣ людей безъ земли ни отъ кого для припечатанія въ вѣдомостяхъ принимаемо не было». Практика, какъ видимъ, нашла себѣ пути къ обходу этого закона.

«Отъ казанскаго губернскаго правленія симъ объявляется (см. тамъ же), что въ ономъ будетъ продаваться съ аукціоннаго торгу подполковника Копылова имѣніе, какъ то: образа, платье, портреты, книги, разная мебель и посуда и дворовый человѣкъ, съ женою и дѣтьми, оцѣненный въ 1600 рублей».

А вотъ образецъ такого же объявленія, печатаемаго частнымъ лицомъ:

«Послѣ покойной коллежской секретарши Мухачевой продается человѣкъ Андрей Савинъ, 41-го года, и дочь его дѣвка Авдотья, 15-ти лѣтъ; о цѣнѣ и о прочемъ узнать можно отъ опекуна, полковаго аудитора Иконникова» (1818 г., № 18).

Несравненно чаще встрѣчались публикаціи объ отдачѣ людей „въ наемъ", которымъ во многихъ случаяхъ симмулировалась купле-продажа ихъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ вставлялась оговорка объ „особенномъ" соглашеніи—напримѣръ:

«На Вознесенской улицѣ живущая коллежская ассессорша г-жа Веселова отдаетъ въ наймы двухъ кучеровъ и, особенно, человѣка Ефима Григорьева съ женою, тутъ же продается коляска новая, на манеръ англинской» (1811, № 2).

Помѣщая это, еще первое, объявленіе о сдѣлкахъ съ людьми, редакція университетской газеты тутъ же дѣлаетъ къ нему весьма откровенное подстрочное примѣчаніе, что „при отпускѣ людей особенно—будетъ означать другое соглашеніе" *, очевидно—продажу. Несомнѣнно, что подъ этимъ фиговымъ листкомъ найма скрывается чистый договоръ купле-продажи и въ нѣкоторыхъ изъ нижеслѣдующихъ объявленій:

«Губернскій секретарь Ананій Козловъ, по коммиссіи, отпускаетъ въ наемъ, съ особеннымъ соглашеніемъ, двороваго 16-ти лѣтняго мальчика; онаго увидать могутъ у Козлова въ квартирѣ, въ Кузнечномъ ряду, во флигелѣ, что къ театру» (1811 г., № 7).

«Пріѣхавшимъ въ Казань господиномъ отдается мальчикъ 14-ти лѣтъ, съ особеннымъ соглашеніемъ, собою видный, годный въ лакеи и фалейтары (sic) и способный перенимать ремесла и художества, а при томъ и поведенія добраго» (1811 г., № 10).

«Отдаются въ наймы дворовые люди—портной, сапожникъ, кучеръ, поваръ и знающія разныя рукодѣлья женщины» (1812 г., № 1),—цѣлая, очевидно, организація по отдачѣ «въ наемъ» людей!

«Коллежскій регистраторъ Нимейеръ отдаетъ изъ найма семью людей, о цѣнѣ узнать въ приказѣ общественнаго призрѣнія» (1812 г., № 7).

«За излишествомъ отпускаются въ услуженіе дворовые люди, три человѣка: а) лакей довольно видный, 25-ти лѣтъ, б) форейторъ, который можетъ быть и кучеромъ, 23-хъ лѣтъ, онъ

* Эта необходимость симмулировать купле-продажу крѣпостныхъ людей «наймомъ съ особымъ соглашеніемъ» обусловливалась высочайшимъ указомъ отъ 28-го мая 1802 года, въ силу котораго было предписано—«дабы объявленій о продажѣ людей безъ земли ни отъ кого для припечатанія въ вѣдомостяхъ принимаемо не было». Практика, какъ видимъ, нашла себѣ пути къ обходу этого закона.

же очень хорошій башмачникъ, в) форейторъ же 18-ти лѣтъ, изученный кузнечному мастерству. О цѣнѣ спросить въ Лецкой улицѣ, у живущаго въ домѣ Лазарева» (1812 г., № 22).

«Въ домѣ купца Курманаева, подлѣ мяснаго ряда, отпускается въ услуженіе дѣвка 17-ти лѣтъ, по умѣренной цѣнѣ» (1813 г., № 42).

«Отпускается въ наймы, за излишествомъ, дѣвка 20-ти лѣтъ, здоровая, собою видная, умѣющая хорошо чистить бѣлье, гладить, шить и готовить кушанье; тутъ же продается очень хорошей работы бричка за сходную цѣну» (1816 г., № 55).

«Отпускаются въ услуженіе люди: двѣ семьи, четыре мальчика и дѣвка» (1817 г., № 3).

«Въ приходѣ у Троицы, въ домѣ діакона, продаются за отъѣздомъ три лошади, рессорныя дрожки, сани со всѣмъ приборомъ и другія вещи; тутъ же отпускаются въ наемъ кучеръ и двѣ женщины» (1817 г., № 55).

«Отпускается въ услуженіе дворовый человѣкъ 41-го года, не женатый, и продаются семь лошадей; видѣть и о цѣнѣ узнать можно въ домѣ купца Савинова, на Рыбномъ базарѣ» (1820 г., № 101) и т. п. и т. п.

Интереснымъ представлялось бы прослѣдить, въ какія формы облекались отношенія къ своимъ крѣпостнымъ дворовымъ людямъ со стороны „господъ", принадлежавшихъ къ университетской средѣ, отъ которыхъ вправѣ были бы мы ожидать если и не открытаго отрицанія проявленій современнаго крѣпостнаго строя, то стремленія сглаживать, по крайней мѣрѣ, тѣ уродливыя и безнравственныя формы, въ какія они отливались. До нашихъ дней сохранилась архивная память объ одномъ инцидентѣ, который, съ одной стороны—является мрачною иллюстраціею условій крѣпостнаго быта дореформенной Россіи, а съ другой стороны—свидѣтельствуетъ намъ, что и высокое званіе профессора не всегда гарантировало его носителей отъ дикихъ проявленій рабовладѣльческихъ инстинктовъ.

Инцидентъ, о которомъ хотимъ мы разсказать читателямъ и героями котораго выступаетъ профессорская супружеская чета Арнгольдтовъ, разыгрался на почвѣ слѣдующаго рапорта, поданнаго въ правленіе университета, 11-го мая 1819 года, экзекуторомъ Ушмарскимъ:

„Сего мая 11-го числа найдена мною въ Тенишевскомъ саду, позади колодца, на рѣшеткѣ удавившаяся г. ординарнаго профессора Арнгольдта жены его крѣпостная женщина Василиса Николаева, неизвѣстно мнѣ отчего, о чемъ оному правленію на благоразсмотрѣніе честь имѣю донести".

Началось по поводу этого рапорта дознаніе, производившееся проректоромъ Солнцевымъ, непремѣннымъ членомъ правленія Никольскимъ и синдикомъ университета Юнаковымъ. Прежде всего произведенъ былъ допросъ мужа удавившейся женщины, Александра Бурлакова, и крѣпостной дѣвки тѣхъ же Арнгольдтовъ, Авдотьи Калашниковой, скрывшихся,

же очень хорошій башмачникъ, в) форейторъ же 18-ти лѣтъ, изученный кузнечному мастерству. О цѣнѣ спросить въ Лецкой улицѣ, у живущаго въ домѣ Лазарева» (1812 г., № 22).

«Въ домѣ купца Курманаева, подлѣ мяснаго ряда, отпускается въ услуженіе дѣвка 17-ти лѣтъ, по умѣренной цѣнѣ» (1813 г., № 42).

«Отпускается въ наймы, за излишествомъ, дѣвка 20-ти лѣтъ, здоровая, собою видная, умѣющая хорошо чистить бѣлье, гладить, шить и готовить кушанье; тутъ же продается очень хорошей работы бричка за сходную цѣну» (1816 г., № 55).

«Отпускаются въ услуженіе люди: двѣ семьи, четыре мальчика и дѣвка» (1817 г., № 3).

«Въ приходѣ у Троицы, въ домѣ діакона, продаются за отъѣздомъ три лошади, рессорныя дрожки, сани со всѣмъ приборомъ и другія вещи; тутъ же отпускаются въ наемъ кучеръ и двѣ женщины» (1817 г., № 55).

«Отпускается въ услуженіе дворовый человѣкъ 41-го года, не женатый, и продаются семь лошадей; видѣть и о цѣнѣ узнать можно въ домѣ купца Савинова, на Рыбномъ базарѣ» (1820 г., № 101) и т. п. и т. п.

Интереснымъ представлялось бы прослѣдить, въ какія формы облекались отношенія къ своимъ крѣпостнымъ дворовымъ людямъ со стороны „господъ“, принадлежавшихъ къ университетской средѣ, отъ которыхъ вправѣ были бы мы ожидать если и не открытаго отрицанія проявленій современнаго крѣпостнаго строя, то стремленія сглаживать, по крайней мѣрѣ, тѣ уродливыя и безнравственныя формы, въ какія они отливались. До нашихъ дней сохранилась архивная память объ одномъ инцидентѣ, который, съ одной стороны—является мрачною иллюстраціею условій крѣпостнаго быта дореформенной Россіи, а съ другой стороны—свидѣтельствуетъ намъ, что и высокое званіе профессора не всегда гарантировало его носителей отъ дикихъ проявленій рабовладѣльческихъ инстинктовъ.

Инцидентъ, о которомъ хотимъ мы разсказать читателямъ и героями котораго выступаетъ профессорская супружеская чета Арнгольдтовъ, разыгрался на почвѣ слѣдующаго рапорта, поданнаго въ правленіе университета, 11-го мая 1819 года, экзекуторомъ Ушмарскимъ:

> „Сего мая 11-го числа найдена мною въ Тенишевскомъ саду, позади колодца, на рѣшеткѣ удавившаяся г. ординарнаго профессора Арнгольдта жены его крѣпостная женщина Василиса Николаева, неизвѣстно мнѣ отчего, о чемъ оному правленію на благоразсмотрѣніе честь имѣю донести“.

Началось по поводу этого рапорта дознаніе, производившееся проректоромъ Солнцевымъ, непремѣннымъ членомъ правленія Никольскимъ и синдикомъ университета Юнаковымъ. Прежде всего произведенъ былъ допросъ мужа удавившейся женщины, Александра Бурлакова, и крѣпостной дѣвки тѣхъ же Арнгольдтовъ, Авдотьи Калашниковой, скрывшихся,

одновременно съ катастрофою, изъ дома своихъ господъ. Оба дали показаніе, что „они возвратиться къ госпожѣ своей не могутъ, по причинѣ опасности ихъ отъ побоевъ". При этомъ выяснилось, что дѣвка Авдотья была передъ тѣмъ жестоко наказана своею госпожею, вслѣдствіе чего ей былъ произведенъ осмотръ, результатъ котораго изложенъ въ слѣдующемъ протоколѣ: „1819 года мая 13-го дня госпожи Арнгольдтъ дворовой ея дѣвкѣ Авдотьѣ Сергѣевой дочери Калашниковой свидѣтельство чинено, по коему оказалось, что на лѣвой рукѣ, повыше локтя, имѣется синебагровый, побольше вершка, знакъ, и на лѣвой ногѣ небольшой таковой же синебагровый знакъ, на обоихъ бедрахъ отъ сѣченія розгами не мало видно рубцовъ; но сіи побои не есть жестоки (!)". Не взирая на предупредительно поданное проф. Арнгольдтомъ заявленіе о томъ, что „взятая для допроса крѣпостная дѣвка Авдотья, будучи развратнаго поведенія, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія", все это дѣло было передано изъ университетскаго правленія въ городское полицейское управленіе, гдѣ оно и было, повидимому, погребено наряду съ рядомъ другихъ дѣлъ аналогичнаго характера, а тѣло несчастной Василисы препровождено, въ качествѣ трупнаго матеріала, въ анатомическій театръ университета [200].

Встрѣчались случаи, въ которыхъ представители университета выступали рабовладѣльцами уже въ прямомъ и самомъ суровомъ значеніи этого слова, причемъ объектами такихъ рабовладѣльческихъ отношеній являлись восточные инородцы—киргизы, каракалпаки и калмыки. Извѣстно, что еще въ XVII вѣкѣ торговля невольниками изъ пріуральскихъ и сибирскихъ инородцевъ была на Руси дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, доставшимся наслѣдіемъ и XVIII столѣтію, и что въ рѣдкомъ барскомъ домѣ Россіи, даже екатерининской эпохи, не имѣлось калмычатъ, киргизятъ или каракалпаковъ, содержавшихся наряду съ породистыми собаченками и заморскими птицами и звѣрьками. Примѣру вельможныхъ баръ слѣдовали менѣе породистые, и даже совсѣмъ не породистые, представители русскаго общества; С. Т. Аксаковъ свидѣтельствуетъ въ своей „Семейной хроникѣ и воспоминаніяхъ", что въ концѣ XVIII столѣтія „было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ покупать киргизятъ и калмычатъ обоего пола у ихъ родителей", а на макарьевской ярмаркѣ того времени торговля дѣтьми и подростками производилась совершенно открыто. Торговлѣ этого рода не чужда была и восточная Казань, какъ свидѣтельствуетъ о томъ помѣщенное въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" за 1811 годъ (№ 7) объявленіе нѣкоего капитана Куликова о томъ, что онъ „намѣренъ уступить, по особому соглашенію, дворовыхъ людей изъ каракалпаковъ—

одновременно съ катастрофою, изъ дома своихъ господъ. Оба дали показаніе, что „они возвратиться къ госпожѣ своей не могутъ, по причинѣ опасности ихъ отъ побоевъ". При этомъ выяснилось, что дѣвка Авдотья была передъ тѣмъ жестоко наказана своею госпожею, вслѣдствіе чего ей былъ произведенъ осмотръ, результатъ котораго изложенъ въ слѣдующемъ протоколѣ: „1819 года мая 13-го дня госпожи Арнгольдтъ дворовой ея дѣвкѣ Авдотьѣ Сергѣевой дочери Калашниковой свидѣтельство чинено, по коему оказалось, что на лѣвой рукѣ, повыше локтя, имѣется синебагровый, побольше вершка, знакъ, и на лѣвой ногѣ небольшой таковой же синебагровый знакъ, на обоихъ бедрахъ отъ сѣченія розгами не мало видно рубцовъ; но сіи побои не есть жестоки (!)". Не взирая на предупредительно поданное проф. Арнгольдтомъ заявленіе о томъ, что „взятая для допроса крѣпостная дѣвка Авдотья, будучи развратнаго поведенія, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія", все это дѣло было передано изъ университетскаго правленія въ городское полицейское управленіе, гдѣ оно и было, повидимому, погребено наряду съ рядомъ другихъ дѣлъ аналогичнаго характера, а тѣло несчастной Василисы препровождено, въ качествѣ трупнаго матеріала, въ анатомическій театръ университета [200].

Встрѣчались случаи, въ которыхъ представители университета выступали рабовладѣльцами уже въ прямомъ и самомъ суровомъ значеніи этого слова, причемъ объектами такихъ рабовладѣльческихъ отношеній являлись восточные инородцы—киргизы, каракалпаки и калмыки. Извѣстно, что еще въ XVII вѣкѣ торговля невольниками изъ пріуральскихъ и сибирскихъ инородцевъ была на Руси дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, доставшимся наслѣдіемъ и XVIII столѣтію, и что въ рѣдкомъ барскомъ домѣ Россіи, даже екатерининской эпохи, не имѣлось калмычатъ, киргизятъ или каракалпаковъ, содержавшихся наряду съ породистыми собаченками и заморскими птицами и звѣрьками. Примѣру вельможныхъ баръ слѣдовали менѣе породистые, и даже совсѣмъ не породистые, представители русскаго общества; С. Т. Аксаковъ свидѣтельствуетъ въ своей „Семейной хроникѣ и воспоминаніяхъ", что въ концѣ XVIII столѣтія „было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ покупать киргизятъ и калмычатъ обоего пола у ихъ родителей", а на макарьевской ярмаркѣ того времени торговля дѣтьми и подростками производилась совершенно открыто. Торговлѣ этого рода не чужда была и восточная Казань, какъ свидѣтельствуетъ о томъ помѣщенное въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" за 1811 годъ (№ 7) объявленіе нѣкоего капитана Куликова о томъ, что онъ „намѣренъ уступить, по особому соглашенію, дворовыхъ людей изъ каракалпаковъ—

мальчика 18-ти лѣтъ и дѣвушку 14-ти лѣтъ, здороваго сложенія, обученныхъ россійскому языку".

Такой невольникъ-калмыченокъ оказался послѣ кончины въ 1817 году адъюнкта Ренарда, какъ это выясняется изъ правленскаго дѣла о ликвидаціи оставшагося послѣ него имущества. Этотъ девятилѣтній калмыченокъ, по имени Аталбай, за два года до того вымѣненъ былъ на таможенной заставѣ на пятьдесятъ рублей товара. Правленіе университета намѣревалось было продать Аталбая на удовлетвореніе предъявленныхъ къ умершему долговыхъ претензій, но уѣздный судъ съ этимъ не согласился и, въ виду того, что послѣ Ренарда не оказалось никакого акта укрѣпленія на его невольника, опредѣлилъ предоставить калмыченку свободу, съ тѣмъ, что бы онъ былъ крещенъ въ христіанскую вѣру и избралъ себѣ опредѣленный родъ жизни. Такой же невольникъ-калмыченокъ, купленный имъ въ Сибири у какого то учителя, во время служенія тамъ въ должности директора тобольскихъ училищъ, въ 1819 году имѣлся и у профессора Арнгольдта [201].

Жалобы профессоровъ и преподавателей университета на свою матеріальную необезпеченность, приведенныя уже нами выше, едва ли могутъ быть признаны, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, преувеличенными. Эта матеріальная необезпеченность выражалась и въ задолженности профессоровъ, которая самымъ несомнѣннымъ образомъ констатируется сохранившимися до насъ свидѣтельствами даже оффиціальнаго характера.

Возобновимъ въ нашей памяти сентенцію, высказанную Яковкинымъ въ исходѣ 1806 года, по поводу воспослѣдовавшаго предписанія объ истребованіи со стороны иностранныхъ профессоровъ присяги на вѣрность Россіи: „Новая присяга произвела великое впечатлѣніе,—доносилъ Яковкинъ попечителю.—Кажется, что всѣ они дадутъ оную безпрекословно на вѣчное россійское подданство потому, что, кромѣ профессоровъ Сторля, Фукса и адъюнкта Эвеста, прочихъ за долги не выпустятъ изъ Россіи. Казанскому аптекарю Зассу, какъ мнѣ извѣстно, г. Германъ долженъ болѣе 2000 рублей, Цеплинъ—болѣе 1500, Бюнеманъ болѣе 500 рублей, а жалованье забираютъ тотчасъ при началѣ наступившаго мѣсяца". Кромѣ добрыхъ услугъ этого аптекаря Засса, являвшагося, повидимому, благодѣтелемъ вновь пріѣзжающихъ въ Казань иностранныхъ профессоровъ, сохранились указанія и на другія обязательственныя отношенія ихъ. Такъ, проф. Финке остался долженъ 639 рублей женѣ коллежскаго регистратора Лавровой за купленный у нее въ концѣ 1810 года домъ, а затѣмъ весь его

мальчика 18-ти лѣтъ и дѣвушку 14-ти лѣтъ, здороваго сложенія, обученныхъ россійскому языку".

Такой невольникъ-калмыченокъ оказался послѣ кончины въ 1817 году адъюнкта Ренарда, какъ это выясняется изъ правленскаго дѣла о ликвидаціи оставшагося послѣ него имущества. Этотъ девятилѣтній калмыченокъ, по имени Аталбай, за два года до того вымѣненъ былъ на таможенной заставѣ на пятьдесятъ рублей товара. Правленіе университета намѣревалось было продать Аталбая на удовлетвореніе предъявленныхъ къ умершему долговыхъ претензій, но уѣздный судъ съ этимъ не согласился и, въ виду того, что послѣ Ренарда не оказалось никакого акта укрѣпленія на его невольника, опредѣлилъ предоставить калмыченку свободу, съ тѣмъ, что бы онъ былъ крещенъ въ христіанскую вѣру и избралъ себѣ опредѣленный родъ жизни. Такой же невольникъ-калмыченокъ, купленный имъ въ Сибири у какого то учителя, во время служенія тамъ въ должности директора тобольскихъ училищъ, въ 1819 году имѣлся и у профессора Арнгольдта [201].

Жалобы профессоровъ и преподавателей университета на свою матеріальную необезпеченность, приведенныя уже нами выше, едва ли могутъ быть признаны, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, преувеличенными. Эта матеріальная необезпеченность выражалась и въ задолженности профессоровъ, которая самымъ несомнѣннымъ образомъ констатируется сохранившимися до насъ свидѣтельствами даже оффиціальнаго характера.

Возобновимъ въ нашей памяти сентенцію, высказанную Яковкинымъ въ исходѣ 1806 года, по поводу воспослѣдовавшаго предписанія объ истребованіи со стороны иностранныхъ профессоровъ присяги на вѣрность Россіи: „Новая присяга произвела великое впечатлѣніе,—доносилъ Яковкинъ попечителю.—Кажется, что всѣ они дадутъ оную безпрекословно на вѣчное россійское подданство потому, что, кромѣ профессоровъ Сторля, Фукса и адъюнкта Эвеста, прочихъ за долги не выпустятъ изъ Россіи. Казанскому аптекарю Зассу, какъ мнѣ извѣстно, г. Германъ долженъ болѣе 2000 рублей, Цеплинъ—болѣе 1500, Бюнеманъ болѣе 500 рублей, а жалованье забираютъ тотчасъ при началѣ наступившаго мѣсяца". Кромѣ добрыхъ услугъ этого аптекаря Засса, являвшагося, повидимому, благодѣтелемъ вновь пріѣзжающихъ въ Казань иностранныхъ профессоровъ, сохранились указанія и на другія обязательственныя отношенія ихъ. Такъ, проф. Финке остался долженъ 639 рублей женѣ коллежскаго регистратора Лавровой за купленный у нее въ концѣ 1810 года домъ, а затѣмъ весь его

долгъ по этому дому (2500 р.) былъ принятъ проф. Брауномъ, имѣвшимъ съ Финке по этому поводу тяжбу, хотя этотъ долгъ и былъ возмѣщенъ ему, продажею самаго дома, уже послѣ смерти Финке, всего оставшагося имущества котораго едва хватило на покрытіе долговыхъ претензій, предъявленныхъ къ его вдовѣ и дѣтямъ. Жалобы кредиторовъ Финке восходили даже до попечителя; такъ, въ 1810 году къ послѣднему неоднократно являлся петербургскій уполномоченный казанскаго нѣмца Петерса, съ просьбою о взысканіи съ Финке должныхъ по векселю 200 рублей, и Румовскій нашелъ себя вынужденнымъ просить Финке „избавить его отъ посѣщеній этого человѣка". Извѣстно уже намъ и то, что послѣ смерти въ 1816 году проф. Реннера не осталось даже средствъ для его похоронъ, а весь скудный скарбъ умершаго ученаго (въ числѣ его и арфа—онъ былъ, повидимому, любителемъ музыки) былъ проданъ съ аукціона, на удовлетвореніе кредиторовъ покойнаго. Ничего, кромѣ долговъ, домашней обстановки, книгъ, минералогической коллекціи, да уже знакомаго намъ калмыченка Аталбая, не оказалось и послѣ кончины въ 1817 году адъюнкта Ренарда, имущества котораго также едва хватило на покрытіе долговъ.

Входили въ долги, и даже ничтожные, и русскіе члены университета; такъ, лѣтомъ 1817 года сапожникъ Германъ черезъ университетъ взыскивалъ съ профессора Симонова 18 рублей, должные ему за сапожную работу. На матеріальные недостатки и на свою задолженность при всякомъ удобномъ случаѣ плакался, какъ мы это уже не разъ видѣли, и самъ профессоръ-директоръ Яковкинъ, а въ началѣ 1819 года нѣкій коллежскій ассесоръ Камашевъ черезъ правленіе университета взыскивалъ съ него 1250 рублей, должные ему еще съ 1816 и 1817 годовъ. Этотъ послѣдній долгъ представляется весьма щекотливымъ и, даже, неблаговиднымъ въ виду тѣхъ отношеній, какія существовали, въ моментъ его заключенія, между Яковкинымъ—директоромъ гимназіи, и Камашевымъ—отцемъ воспитанника той же гимназіи и директорскаго пансіонера и которыя слѣдующимъ образомъ обрисовываются въ поданномъ „по титулѣ" исковомъ прошеніи кредитора:

„Императорскаго казанскаго университета г. заслуженный профессоръ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Илья Федоровичъ сынъ Яковкинъ занялъ у меня прошлаго 1816 года тысячу рублей, и въ оной суммѣ декабря 1-го числа того жъ года далъ отъ себя, срокомъ на одинъ годъ, заемное письмо; а потомъ, 1817-го ноября 9-го дня, получено имъ же по крѣпостному заемному письму, съ довѣренною надписью отъ меня выданному, съ титулярнаго совѣтника Коптева ты-

долгъ по этому дому (2500 р.) былъ принятъ проф. Брауномъ, имѣвшимъ съ Финке по этому поводу тяжбу, хотя этотъ долгъ и былъ возмѣщенъ ему, продажею самаго дома, уже послѣ смерти Финке, всего оставшагося имущества котораго едва хватило на покрытіе долговыхъ претензій, предъявленныхъ къ его вдовѣ и дѣтямъ. Жалобы кредиторовъ Финке восходили даже до попечителя; такъ, въ 1810 году къ послѣднему неоднократно являлся петербургскій уполномоченный казанскаго нѣмца Петерса, съ просьбою о взысканіи съ Финке должныхъ по векселю 200 рублей, и Румовскій нашелъ себя вынужденнымъ просить Финке „избавить его отъ посѣщеній этого человѣка". Извѣстно уже намъ и то, что послѣ смерти въ 1816 году проф. Реннера не осталось даже средствъ для его похоронъ, а весь скудный скарбъ умершаго ученаго (въ числѣ его и арфа—онъ былъ, повидимому, любителемъ музыки) былъ проданъ съ аукціона, на удовлетвореніе кредиторовъ покойнаго. Ничего, кромѣ долговъ, домашней обстановки, книгъ, минералогической коллекціи, да уже знакомаго намъ калмыченка Аталбая, не оказалось и послѣ кончины въ 1817 году адъюнкта Ренарда, имущества котораго также едва хватило на покрытіе долговъ.

Входили въ долги, и даже ничтожные, и русскіе члены университета; такъ, лѣтомъ 1817 года сапожникъ Германъ черезъ университетъ взыскивалъ съ профессора Симонова 18 рублей, должные ему за сапожную работу. На матеріальные недостатки и на свою задолженность при всякомъ удобномъ случаѣ плакался, какъ мы это уже не разъ видѣли, и самъ профессоръ-директоръ Яковкинъ, а въ началѣ 1819 года нѣкій коллежскій ассесоръ Камашевъ черезъ правленіе университета взыскивалъ съ него 1250 рублей, должные ему еще съ 1816 и 1817 годовъ. Этотъ послѣдній долгъ представляется весьма щекотливымъ и, даже, неблаговиднымъ въ виду тѣхъ отношеній, какія существовали, въ моментъ его заключенія, между Яковкинымъ—директоромъ гимназіи, и Камашевымъ—отцемъ воспитанника той же гимназіи и директорскаго пансіонера и которыя слѣдующимъ образомъ обрисовываются въ поданномъ „по титулѣ" исковомъ прошеніи кредитора:

„Императорскаго казанскаго университета г. заслуженный профессоръ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Илья Федоровичъ сынъ Яковкинъ занялъ у меня прошлаго 1816 года тысячу рублей, и въ оной суммѣ декабря 1-го числа того жъ года далъ отъ себя, срокомъ на одинъ годъ, заемное письмо; а потомъ, 1817-го ноября 9-го дня, получено имъ же по крѣпостному заемному письму, съ довѣренною надписью отъ меня выданному, съ титулярнаго совѣтника Коптева ты-

сячу двѣсти пятьдесятъ рублей. Хотя въ счетъ сихъ послѣднихъ денегъ и уплочено имъ въ разныя времена прошлаго 1818 года за ученіе моего сына г.г. учителямъ: Полиновскому—225, Левитскому—175, Базилеву—100 рублей, да самому ему г. Яковкину слѣдуетъ за полугодичное содержаніе моего сына—400 рублей, и того 900 рублей, но остальные, въ числѣ коихъ капитальныхъ однихъ 1350 рублей, и по сіе время г. Яковкинъ не платитъ".

Претензія Камашева Яковкинымъ была признана и долгъ этотъ частями выплачивался имъ въ теченіи 1819 и 1820 годовъ.

Но самымъ обремененнымъ и безнадежнымъ должникомъ несомнѣнно являлся, въ средѣ своихъ сослуживцевъ, профессоръ Германъ. Матеріальныя затрудненія Германа начались уже вскорѣ послѣ прибытія его въ Казань и, весьма вѣроятно, обусловливались его семейнымъ положеніемъ: переѣзжая въ Казань, онъ, кромѣ жены, имѣлъ на рукахъ троихъ дѣтей, сына и дочь въ возрастѣ 16-ти—17-ти лѣтъ и еще дочь подростка; запутала его дѣла и покупка въ долгъ дома, предпринятая имъ уже въ первые годы по обоснованіи на новомъ мѣстѣ служенія. Борьба съ долгами и обусловленною ими нуждою—съ одной стороны, постоянные поиски за дополнительнымъ къ нормальному профессорскому жалованью заработкомъ—съ другой стороны, буквально заполняютъ собою грустную лѣтопись казанской службы проф. Германа. Удручавшія Германа чувства въ концѣ 1809 года нашли себѣ выходъ въ слѣдующемъ (на французскомъ языкѣ) письмѣ отъ 28-го ноября, адресованномъ имъ Румовскому:

„Зная примѣрную гуманность вашего превосходительства, я напередъ увѣренъ въ томъ, что вы не осудите тѣ немногія строки, съ которыми я обращаюсь къ вамъ. Рукою моею, въ данномъ случаѣ, руководитъ отчаяніе, такъ какъ я вполнѣ понялъ, что ни мое личное существованіе, ни существованіе моей семьи—не могутъ быть обезпечены безъ содѣйствія вашего превосходительства. Причинами моего безвыходнаго положенія являются: непомѣрныя платы за квартиры, заставлявшія меня занимать деньги подъ большіе проценты; недобросовѣстность здѣшней прислуги; тяжкіе недуги, которымъ моя жена подвергалась за послѣднее время; здѣшняя дороговизна и низкій курсъ ассигнаціонныхъ денегъ—таковы обстоятельства, разорившія меня и съ неудержимою силою влекущія насъ къ нищетѣ. Третья часть моего жалованья удерживается моими кредиторами; пятьсотъ рублей уходятъ на домъ и на отопленіе; еще пятьсотъ рублей требуются на жалованье и на содержаніе прислуги; слѣдовательно — не болѣе 335-ти рублей остаются отъ жалованья на содержаніе мое и моего семейства. Что этой суммы не можетъ быть достаточно для содержанія профессорской семьи изъ четырехъ душъ — для всякаго очевидно. Для восполненія

сячу двѣсти пятьдесятъ рублей. Хотя въ счетъ сихъ послѣднихъ денегъ и уплочено имъ въ разныя времена прошлаго 1818 года за ученіе моего сына г.г. учителямъ: Полиновскому—225, Левитскому—175, Базилеву—100 рублей, да самому ему г. Яковкину слѣдуетъ за полугодичное содержаніе моего сына—400 рублей, и того 900 рублей, но остальные, въ числѣ коихъ капитальныхъ однихъ 1350 рублей, и по сіе время г. Яковкинъ не платитъ".

Претензія Камашева Яковкинымъ была признана и долгъ этотъ частями выплачивался имъ въ теченіи 1819 и 1820 годовъ.

Но самымъ обремененнымъ и безнадежнымъ должникомъ несомнѣнно являлся, въ средѣ своихъ сослуживцевъ, профессоръ Германъ. Матеріальныя затрудненія Германа начались уже вскорѣ послѣ прибытія его въ Казань и, весьма вѣроятно, обусловливались его семейнымъ положеніемъ: переѣзжая въ Казань, онъ, кромѣ жены, имѣлъ на рукахъ троихъ дѣтей, сына и дочь въ возрастѣ 16-ти—17-ти лѣтъ и еще дочь подростка; запутала его дѣла и покупка въ долгъ дома, предпринятая имъ уже въ первые годы по обоснованіи на новомъ мѣстѣ служенія. Борьба съ долгами и обусловленною ими нуждою—съ одной стороны, постоянные поиски за дополнительнымъ къ нормальному профессорскому жалованью заработкомъ—съ другой стороны, буквально заполняютъ собою грустную лѣтопись казанской службы проф. Германа. Удручавшія Германа чувства въ концѣ 1809 года нашли себѣ выходъ въ слѣдующемъ (на французскомъ языкѣ) письмѣ отъ 28-го ноября, адресованномъ имъ Румовскому:

„Зная примѣрную гуманность вашего превосходительства, я напередъ увѣренъ въ томъ, что вы не осудите тѣ немногія строки, съ которыми я обращаюсь къ вамъ. Рукою моею, въ данномъ случаѣ, руководитъ отчаяніе, такъ какъ я вполнѣ понялъ, что ни мое личное существованіе, ни существованіе моей семьи—не могутъ быть обезпечены безъ содѣйствія вашего превосходительства. Причинами моего безвыходнаго положенія являются: непомѣрныя платы за квартиры, заставлявшія меня занимать деньги подъ большіе проценты; недобросовѣстность здѣшней прислуги; тяжкіе недуги, которымъ моя жена подвергалась за послѣднее время; здѣшняя дороговизна и низкій курсъ ассигнаціонныхъ денегъ—таковы обстоятельства, разорившія меня и съ неудержимою силою влекущія насъ къ нищетѣ. Третья часть моего жалованья удерживается моими кредиторами; пятьсотъ рублей уходятъ на домъ и на отопленіе; еще пятьсотъ рублей требуются на жалованье и на содержаніе прислуги; слѣдовательно — не болѣе 335-ти рублей остаются отъ жалованья на содержаніе мое и моего семейства. Что этой суммы не можетъ быть достаточно для содержанія профессорской семьи изъ четырехъ душъ — для всякаго очевидно. Для восполненія

дефицита и для того, что бы не умереть отъ голода и холода, я вынужденъ былъ понемногу распродать все свое серебро и цѣнныя вещи, вывезенныя мною изъ Германіи, другія же вещи—заложить. Въ настоящее время мы проѣли все то немногое, что у насъ имѣлось (le peu de fortune, que j'ai eu—est mangé), и, не видя дальнѣйшихъ средствъ къ предотвращенію нищеты, я уже представляю себѣ въ будущемъ всю семью безъ одежды и почти безъ рубашекъ, а дѣтей безъ образованія, въ которомъ они еще нуждаются".

Общимъ выводомъ изъ этого отчаяннаго письма Германа явилась его просьба о предоставленіи ему второй платной кафедры всеобщей исторіи, или же лектуры нѣмецкаго языка. Матеріальныя невзгоды преслѣдовали Германа и во все дальнѣйшее продолженіе его казанской службы и въ архивныхъ матеріалахъ казанскаго университета сохранилось нѣсколько дѣлъ „о долгахъ профессора Германа", вызванныхъ обращенными къ нему взысканіями цѣлаго ряда кредиторовъ, начиная съ аптекаря Засса, снабжавшаго его деньгами подъ заемныя письма, и кончая поставщиками жизненныхъ припасовъ, галлантереи, обуви и т. п. Мы не будемъ входить въ подробности этой печальной эпопеи матеріальныхъ невзгодъ проф. Германа, отсылая интересующихся или къ подлиннымъ дѣламъ университетскаго архива, или къ книгѣ покойнаго Н. Н. Булича, гдѣ онѣ возстановлены съ большими деталями. Герману такъ и не удалось выбиться изъ когтей крѣпко охватившей его нужды: уволенный въ августѣ 1819 года изъ университета Магницкимъ, онъ, послѣ того, добылъ себѣ мѣсто пастора въ Саратовѣ, гдѣ и умеръ почти въ нищетѣ.

Изъ профессоровъ интересующей насъ эпохи, которые могли бы быть названы зажиточными въ истинномъ смыслѣ этого слова, намъ придется отмѣтить едва ли только не двоихъ—профессора К. Ѳ. Фукса, благосостояніе котораго обезпечивалось обширною медицинскою практикою, и, въ особенности, профессора И. О. Брауна, бывшаго даже капиталистомъ. Намъ уже извѣстно неудавшееся намѣреніе Брауна купить себѣ имѣніе; извѣстно намъ и то, что Браунъ находилъ возможнымъ приходить на помощь товарищамъ въ ихъ денежныхъ затрудненіяхъ—обстоятельство, дававшее Яковкину поводъ намекать, въ письмахъ къ попечителю, на его ростовщичество по отношенію къ нимъ, что едва ли, однако же, можетъ быть принято на вѣру въ виду того всеобщаго уваженія и авторитета, которымъ пользовался первый выборный ректоръ казанскаго университета и среди сослуживцевъ, и во всемъ городѣ, и которое въ такихъ яркихъ чертахъ отразилось и въ письмахъ Броннера къ Салтыкову, и въ впечатлѣніи отъ его кончины. Открытое обвиненіе въ ростовщичествѣ

дефицита и для того, что бы не умереть отъ голода и холода, я вынужденъ былъ понемногу распродать все свое серебро и цѣнныя вещи, вывезенныя мною изъ Германіи, другія же вещи—заложить. Въ настоящее время мы проѣли все то немногое, что у насъ имѣлось (le peu de fortune, que j'ai eu—est mangé), и, не видя дальнѣйшихъ средствъ къ предотвращенію нищеты, я уже представляю себѣ въ будущемъ всю семью безъ одежды и почти безъ рубашекъ, а дѣтей безъ образованія, въ которомъ они еще нуждаются".

Общимъ выводомъ изъ этого отчаяннаго письма Германа явилась его просьба о предоставленіи ему второй платной кафедры всеобщей исторіи, или же лектуры нѣмецкаго языка. Матеріальныя невзгоды преслѣдовали Германа и во все дальнѣйшее продолженіе его казанской службы и въ архивныхъ матеріалахъ казанскаго университета сохранилось нѣсколько дѣлъ „о долгахъ профессора Германа", вызванныхъ обращенными къ нему взысканіями цѣлаго ряда кредиторовъ, начиная съ аптекаря Засса, снабжавшаго его деньгами подъ заемныя письма, и кончая поставщиками жизненныхъ припасовъ, галлантереи, обуви и т. п. Мы не будемъ входить въ подробности этой печальной эпопеи матеріальныхъ невзгодъ проф. Германа, отсылая интересующихся или къ подлиннымъ дѣламъ университетскаго архива, или къ книгѣ покойнаго Н. Н. Булича, гдѣ онѣ возстановлены съ большими деталями. Герману такъ и не удалось выбиться изъ когтей крѣпко охватившей его нужды: уволенный въ августѣ 1819 года изъ университета Магницкимъ, онъ, послѣ того, добылъ себѣ мѣсто пастора въ Саратовѣ, гдѣ и умеръ почти въ нищетѣ.

Изъ профессоровъ интересующей насъ эпохи, которые могли бы быть названы зажиточными въ истинномъ смыслѣ этого слова, намъ придется отмѣтить едва ли только не двоихъ—профессора К. Ѳ. Фукса, благосостояніе котораго обезпечивалось обширною медицинскою практикою, и, въ особенности, профессора И. О. Брауна, бывшаго даже капиталистомъ. Намъ уже извѣстно неудавшееся намѣреніе Брауна купить себѣ имѣніе; извѣстно намъ и то, что Браунъ находилъ возможнымъ приходить на помощь товарищамъ въ ихъ денежныхъ затрудненіяхъ—обстоятельство, дававшее Яковкину поводъ намекать, въ письмахъ къ попечителю, на его ростовщичество по отношенію къ нимъ, что едва ли, однако же, можетъ быть принято на вѣру въ виду того всеобщаго уваженія и авторитета, которымъ пользовался первый выборный ректоръ казанскаго университета и среди сослуживцевъ, и во всемъ городѣ, и которое въ такихъ яркихъ чертахъ отразилось и въ письмахъ Броннера къ Салтыкову, и въ впечатлѣніи отъ его кончины. Открытое обвиненіе въ ростовщичествѣ

высказывается Яковкинымъ по отношенію къ проф. Брауну въ его письмѣ къ попечителю отъ 6-го декабря 1810 года—какъ разъ послѣ неудачной избирательной кампаніи осени этого года, поставившей профессора-директора въ непримиримое отношеніе къ будущему первому ректору университета: „Господинъ Браунъ,—пишетъ здѣсь Яковкинъ,—душа сего сословія, снабжая ихъ бѣдность деньгами на векселя по десяти процентовъ, а о первыхъ моихъ самонужнѣйшихъ отъ меня, по пріѣздѣ каждаго изъ нихъ, пособіяхъ и совсѣмъ позабыли.... Господь знаетъ и созерцаетъ!"—патетически восклицаетъ директоръ [202].

Матеріальные недостатки вызывали въ значительной части профессоровъ стремленіе обезпечить себя дополнительнымъ заработкомъ, который могъ бы явиться восполненіемъ сравнительной недостаточности штатнаго содержанія, особенно чувствительной для иностранныхъ членовъ университета, самый переѣздъ которыхъ въ далекую Казань былъ цѣлымъ переворотомъ въ экономическомъ строѣ ихъ жизни.

Для профессоровъ врачебнаго отдѣленія, занимавшихъ кафедры практическаго характера, вопросъ о такомъ дополнительномъ заработкѣ самъ собою разрѣшался, въ большей или меньшей степени, ихъ медицинскою практикою. Мы въ своемъ мѣстѣ уже представили общую характеристику дѣятельности въ этомъ направленіи отдѣльныхъ профессоровъ-медиковъ казанскаго университета * и снова возвращаться къ этому вопросу не будемъ, ограничившись общимъ замѣчаніемъ, что медицинская практика едва ли въ состояніи была въ то время представлять для практикующаго врача такое крупное матеріальное значеніе, какое имѣла она въ эпохи болѣе позднія, являясь почвою, на которой не только обезпечивалось вполнѣ зажиточное существованіе, но даже создавались болѣе или менѣе крупныя состоянія. Интересенъ отзывъ по этому поводу профессора И. О. Брауна, сдѣланный имъ вскорѣ послѣ переѣзда въ Казань, въ письмѣ къ попечителю отъ 18-го октября 1807 года:

„Практикующему врачу составить себѣ здѣсь благосостояніе не удастся (ist hier kein Gluek zu machen),—пишетъ Браунъ.—Русскому человѣку, вообще говоря, рѣдко требуется помощь врача. Чувствуя хворь—онъ парится въ банѣ, натираетъ себѣ спину тертымъ хрѣномъ или пьетъ настоенный медомъ огуречный разсолъ. При недостаточности этихъ средствъ—пьетъ водку, и только тогда рѣшается послать за врачомъ, когда смертельный исходъ уже не можетъ быть предотвращенъ.

---

* См. выше стр. 393—398.

высказывается Яковкинымъ по отношенію къ проф. Брауну въ его письмѣ къ попечителю отъ 6-го декабря 1810 года—какъ разъ послѣ неудачной избирательной кампаніи осени этого года, поставившей профессора-директора въ непримиримое отношеніе къ будущему первому ректору университета: „Господинъ Браунъ,—пишетъ здѣсь Яковкинъ,—душа сего сословія, снабжая ихъ бѣдность деньгами на векселя по десяти процентовъ, а о первыхъ моихъ самонужнѣйшихъ отъ меня, по пріѣздѣ каждаго изъ нихъ, пособіяхъ и совсѣмъ позабыли.... Господь знаетъ и созерцаетъ!"—патетически восклицаетъ директоръ [202].

Матеріальные недостатки вызывали въ значительной части профессоровъ стремленіе обезпечить себя дополнительнымъ заработкомъ, который могъ бы явиться восполненіемъ сравнительной недостаточности штатнаго содержанія, особенно чувствительной для иностранныхъ членовъ университета, самый переѣздъ которыхъ въ далекую Казань былъ цѣлымъ переворотомъ въ экономическомъ строѣ ихъ жизни.

Для профессоровъ врачебнаго отдѣленія, занимавшихъ кафедры практическаго характера, вопросъ о такомъ дополнительномъ заработкѣ самъ собою разрѣшался, въ большей или меньшей степени, ихъ медицинскою практикою. Мы въ своемъ мѣстѣ уже представили общую характеристику дѣятельности въ этомъ направленіи отдѣльныхъ профессоровъ-медиковъ казанскаго университета * и снова возвращаться къ этому вопросу не будемъ, ограничившись общимъ замѣчаніемъ, что медицинская практика едва ли въ состояніи была въ то время представлять для практикующаго врача такое крупное матеріальное значеніе, какое имѣла она въ эпохи болѣе позднія, являясь почвою, на которой не только обезпечивалось вполнѣ зажиточное существованіе, но даже создавались болѣе или менѣе крупныя состоянія. Интересенъ отзывъ по этому поводу профессора И. О. Брауна, сдѣланный имъ вскорѣ послѣ переѣзда въ Казань, въ письмѣ къ попечителю отъ 18-го октября 1807 года:

„Практикующему врачу составить себѣ здѣсь благосостояніе не удастся (ist hier kein Gluek zu machen),—пишетъ Браунъ.—Русскому человѣку, вообще говоря, рѣдко требуется помощь врача. Чувствуя хворь—онъ парится въ банѣ, натираетъ себѣ спину тертымъ хрѣномъ или пьетъ настоенный медомъ огуречный разсолъ. При недостаточности этихъ средствъ—пьетъ водку, и только тогда рѣшается послать за врачомъ, когда смертельный исходъ уже не можетъ быть предотвращенъ.

* См. выше стр. 393—398.

Слѣдуетъ добавить къ этому, что не существуетъ и сознанія различія между врачомъ и простымъ фельдшеромъ,—быть можетъ просто потому, что ни одинъ образованный врачъ и не заѣзжалъ въ здѣшнія дебри; а если бы и проявился здѣсь такой врачъ, то его просто заѣли бы здѣшніе господа штабные врачи, считающіе себя головою выше Гиппократа и которымъ онъ сталъ бы, конечно, поперекъ пути. Изъ такихъ то господъ состоитъ и здѣшняя врачебная управа, и контингентъ мѣстныхъ практикующихъ врачей. Плохо оплачивается здѣсь, къ довершенію всего, и самая врачебная помощь"[203].

Условія врачебной практики съ теченіемъ времени должны были, конечно, улучшиться для профессоровъ-медиковъ казанскаго университета, въ особенности послѣ его полнаго открытія, когда сформировался врачебный факультетъ, увеличился самый контингентъ университетскихъ врачей, заведены были кое-какія клиники, произведены были первые выпуски молодыхъ врачей—словомъ, когда начала зарождаться и становиться на ноги научная медицина, не преминувшая вступить, затѣмъ, на путь упорной и продолжительной борьбы съ фельдшеризмомъ, предразсудками, знахарствомъ и т. п. отрицательными сторонами врачебнаго дѣла старой Россіи. Но все это выходитъ уже за предѣлы интересующей насъ въ настоящее время эпохи, являющейся еще эмбріональною съ точки зрѣнія развитія казанской научно-университетской медицины.

Содержаніе пансіоновъ и отдѣльныхъ пансіонеровъ представляетъ собою одинъ изъ излюбленныхъ „подсобныхъ" промысловъ, къ которому не только въ началѣ XIX вѣка, но и въ эпохи гораздо болѣе позднія весьма охотно прибѣгали, какъ хорошо извѣстно, профессоры нашихъ университетовъ въ видахъ усиленія своихъ матеріальныхъ рессурсовъ. На широкую ногу поставленный пансіонъ для мальчиковъ въ 1814 году учрежденъ былъ въ Казани профессоромъ Литтровомъ. Съ ходатайствомъ относительно разрѣшенія ему завести такой пансіонъ Литтровъ обратился въ совѣтъ университета въ іюлѣ 1814 года, представивъ планъ организаціи пансіона и ходатайство о томъ, что бы намѣченное имъ частное учебное заведеніе „не состояло подъ вѣдѣніемъ училищъ директора, но подъ непосредственнымъ начальствомъ училищнаго комитета"; заслушавъ прошеніе Литтрова въ засѣданіи 18-го іюля, совѣтъ удовлетворилъ его, найдя вполнѣ нормальнымъ, что бы будущій пансіонъ былъ непосредственно подчиненъ училищному комитету, такъ какъ подчиненіе его директору училищъ губерніи—явилось бы несовмѣстимымъ съ достоинствомъ содержателя пансіона, какъ члена университетскаго совѣта. Мы не нашли

Слѣдуетъ добавить къ этому, что не существуетъ и сознанія различія между врачомъ и простымъ фельдшеромъ,—быть можетъ просто потому, что ни одинъ образованный врачъ и не заѣзжалъ въ здѣшнія дебри; а если бы и проявился здѣсь такой врачъ, то его просто заѣли бы здѣшніе господа штабные врачи, считающіе себя головою выше Гиппократа и которымъ онъ сталъ бы, конечно, поперекъ пути. Изъ такихъ то господъ состоитъ и здѣшняя врачебная управа, и контингентъ мѣстныхъ практикующихъ врачей. Плохо оплачивается здѣсь, къ довершенію всего, и самая врачебная помощь"[203].

Условія врачебной практики съ теченіемъ времени должны были, конечно, улучшиться для профессоровъ-медиковъ казанскаго университета, въ особенности послѣ его полнаго открытія, когда сформировался врачебный факультетъ, увеличился самый контингентъ университетскихъ врачей, заведены были кое-какія клиники, произведены были первые выпуски молодыхъ врачей—словомъ, когда начала зарождаться и становиться на ноги научная медицина, не преминувшая вступить, затѣмъ, на путь упорной и продолжительной борьбы съ фельдшеризмомъ, предразсудками, знахарствомъ и т. п. отрицательными сторонами врачебнаго дѣла старой Россіи. Но все это выходитъ уже за предѣлы интересующей насъ въ настоящее время эпохи, являющейся еще эмбріональною съ точки зрѣнія развитія казанской научно-университетской медицины.

Содержаніе пансіоновъ и отдѣльныхъ пансіонеровъ представляетъ собою одинъ изъ излюбленныхъ „подсобныхъ" промысловъ, къ которому не только въ началѣ XIX вѣка, но и въ эпохи гораздо болѣе позднія весьма охотно прибѣгали, какъ хорошо извѣстно, профессоры нашихъ университетовъ въ видахъ усиленія своихъ матеріальныхъ рессурсовъ. На широкую ногу поставленный пансіонъ для мальчиковъ въ 1814 году учрежденъ былъ въ Казани профессоромъ Литтровомъ. Съ ходатайствомъ относительно разрѣшенія ему завести такой пансіонъ Литтровъ обратился въ совѣтъ университета въ іюлѣ 1814 года, представивъ планъ организаціи пансіона и ходатайство о томъ, что бы намѣченное имъ частное учебное заведеніе „не состояло подъ вѣдѣніемъ училищъ директора, но подъ непосредственнымъ начальствомъ училищнаго комитета"; заслушавъ прошеніе Литтрова въ засѣданіи 18-го іюля, совѣтъ удовлетворилъ его, найдя вполнѣ нормальнымъ, что бы будущій пансіонъ былъ непосредственно подчиненъ училищному комитету, такъ какъ подчиненіе его директору училищъ губерніи—явилось бы несовмѣстимымъ съ достоинствомъ содержателя пансіона, какъ члена университетскаго совѣта. Мы не нашли

свѣдѣній относительно организаціи этого педагогическаго начинанія,—для Казани не новаго, такъ какъ здѣсь еще раньше имѣлись частныя учебныя заведенія подобнаго рода,—но нѣкоторыя данныя объ этомъ пансіонѣ сообщилъ впослѣдствіе сынъ нашего ученаго астронома, Карлъ Литтровъ, заявлявшій, что „этотъ пансіонъ, куда самыя богатыя семейства стали отдавать своихъ сыновей, былъ такъ выгоденъ, что не оставалось ничего больше и желать въ экономическомъ отношеніи". Еще семью годами раньше, именно весною 1807 года, лелѣялъ мысль объ учрежденіи въ Казани такого же пансіона профессоръ Германъ, какъ мы узнаемъ изъ его письма къ попечителю отъ 4-го марта этого года, въ которомъ онъ пишетъ, что рѣшается на это предпріятіе вслѣдствіе заявленій, сдѣланныхъ ему въ этомъ смыслѣ нѣкоторыми изъ казанскихъ обывателей, желающими поручить ему воспитаніе и обученіе своихъ сыновей, съ другой же стороны—и въ силу желанія доставить бóльшее матеріальное обезпеченіе своей собственной семьѣ; надо полагать, что задуманное Германомъ предпріятіе не осуществилось, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній ни на пансіонъ проф. Германа, ни на осуществленіе надеждъ, связывавшихся съ нимъ съ точки зрѣнія благосостоянія удрученной нуждою профессорской семьи.

Весьма распространеннымъ являлся въ старые годы среди профессоровъ русскихъ университетовъ крайне неблаговидный обычай принимать къ себѣ пансіонерами юношей, готовившихся къ поступленію въ университетъ, что,—и, конечно, не безъ основанія,—давало пищу толкамъ, пересудамъ и нареканіямъ, не всегда удобнымъ съ точки зрѣнія „профессорской этики". Этотъ обычай долгій рядъ лѣтъ (до конца второй половины истекшаго столѣтія) практиковался среди профессоровъ казанскаго университета, былъ онъ распространенъ и въ другихъ русскихъ университетахъ (вспомнимъ слишкомъ хорошо извѣстную дѣятельность въ этомъ направленіи московскаго профессора М. П. Погодина). Не можемъ сказать, на сколько практиковался этотъ некрасивый видъ „подсобныхъ" заработковъ казанскими профессорами занимающей насъ эпохи, но несомнѣнно, что властный профессоръ-директоръ Яковкинъ широко пользовался этимъ способомъ расширенія своего скромнаго профессорскаго бюджета. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" В. И. Панаевъ, младшій братъ котораго, готовившійся къ поступленію въ университетъ, взятъ былъ къ себѣ „на пансіонъ" профессоромъ-директоромъ, вообще протежировавшимъ въ учебныхъ дѣлахъ семейству Панаевыхъ потому, что, по словамъ В. И. Панаева, „водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль"—этотъ могучій рычагъ не только

свѣдѣній относительно организаціи этого педагогическаго начинанія,—для Казани не новаго, такъ какъ здѣсь еще раньше имѣлись частныя учебныя заведенія подобнаго рода,—но нѣкоторыя данныя объ этомъ пансіонѣ сообщилъ впослѣдствіе сынъ нашего ученаго астронома, Карлъ Литтровъ, заявлявшій, что „этотъ пансіонъ, куда самыя богатыя семейства стали отдавать своихъ сыновей, былъ такъ выгоденъ, что не оставалось ничего больше и желать въ экономическомъ отношеніи". Еще семью годами раньше, именно весною 1807 года, лелѣялъ мысль объ учрежденіи въ Казани такого же пансіона профессоръ Германъ, какъ мы узнаемъ изъ его письма къ попечителю отъ 4-го марта этого года, въ которомъ онъ пишетъ, что рѣшается на это предпріятіе вслѣдствіе заявленій, сдѣланныхъ ему въ этомъ смыслѣ нѣкоторыми изъ казанскихъ обывателей, желающими поручить ему воспитаніе и обученіе своихъ сыновей, съ другой же стороны—и въ силу желанія доставить бóльшее матеріальное обезпеченіе своей собственной семьѣ; надо полагать, что задуманное Германомъ предпріятіе не осуществилось, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній ни на пансіонъ проф. Германа, ни на осуществленіе надеждъ, связывавшихся съ нимъ съ точки зрѣнія благосостоянія удрученной нуждою профессорской семьи.

Весьма распространеннымъ являлся въ старые годы среди профессоровъ русскихъ университетовъ крайне неблаговидный обычай принимать къ себѣ пансіонерами юношей, готовившихся къ поступленію въ университетъ, что,—и, конечно, не безъ основанія,—давало пищу толкамъ, пересудамъ и нареканіямъ, не всегда удобнымъ съ точки зрѣнія „профессорской этики". Этотъ обычай долгій рядъ лѣтъ (до конца второй половины истекшаго столѣтія) практиковался среди профессоровъ казанскаго университета, былъ онъ распространенъ и въ другихъ русскихъ университетахъ (вспомнимъ слишкомъ хорошо извѣстную дѣятельность въ этомъ направленіи московскаго профессора М. П. Погодина). Не можемъ сказать, на сколько практиковался этотъ некрасивый видъ „подсобныхъ" заработковъ казанскими профессорами занимающей насъ эпохи, но несомнѣнно, что властный профессоръ-директоръ Яковкинъ широко пользовался этимъ способомъ расширенія своего скромнаго профессорскаго бюджета. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" В. И. Панаевъ, младшій братъ котораго, готовившійся къ поступленію въ университетъ, взятъ былъ къ себѣ „на пансіонъ" профессоромъ-директоромъ, вообще протежировавшимъ въ учебныхъ дѣлахъ семейству Панаевыхъ потому, что, по словамъ В. И. Панаева, „водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль"—этотъ могучій рычагъ не только

общественныхъ, но и дѣловыхъ отношеній добраго стараго времени. У Яковкина, какъ мы это видѣли, долженъ былъ жить и сынъ восточно-магометанскаго муфтія, котораго отецъ предполагалъ отдать для ученія въ казанскую гимназію. Содержаніе гимназистовъ-пансіонеровъ, профессія не совсѣмъ корректная для директора гимназіи, была, повидимому, дѣломъ для Яковкина далеко не безвыгоднымъ. Изъ уже знакомаго намъ тяжебнаго дѣла съ нимъ отца одного изъ его пансіонеровъ, Камашева, мы узнаемъ со словъ самого Яковкина, что онъ взималъ съ своихъ пансіонеровъ по тысячѣ рублей въ годъ, кромѣ платы за обученіе ихъ учителями гимназіи—вознагражденіе чрезмѣрно высокое, равнявшееся какъ разъ половинѣ оклада жалованья ординарнаго профессора! Удавалось Яковкину извлекать изъ содержанія пансіонеровъ и выгоды болѣе духовнаго характера: если его старшая дочь Прасковья нашла себѣ мужа въ лицѣ адъюнкта барона Е. В. Врангеля, то одна изъ четырехъ другихъ дочерей его, Антонина, вышла замужъ за кандидата князя П. И. Максютова (студентъ 1807—1811 годовъ), также одного изъ „телемаковъ" профессора-директора [204]. Пансіонеровъ держали у себя, какъ это извѣстно намъ изъ воспоминаній С. Т. Аксакова, и его казанскіе менторы, учителя гимназіи, а впослѣдствіе адъюнкты университета—Карташевскій и Запольскій.

Практика университетской жизни интересующей насъ эпохи представляетъ намъ и другіе примѣры совмѣщенія профессорскаго званія съ функціями, представляющими мало общаго съ службою, собственно, академическою. Такъ, съ конца 1816 года профессоръ Томасъ, сверхъ званія профессора всеобщей исторіи въ университетѣ, несъ, по избранію мѣстнаго евангелическо-лютеранскаго общества и согласно разрѣшенію на то министра, обязанности казанскаго протестантскаго пастора, а въ 1819 году профессоръ Арнгольдтъ завѣдуетъ перестройкою казанскаго военнаго госпиталя *.

Всѣ приведенные выше способы усиленія матеріальныхъ средствъ выходили, такъ или иначе, за предѣлы собственно академическихъ обязанностей лицъ, прибѣгавшихъ къ нимъ. Но встрѣчались домогательства аналогичнаго характера, которыя зиждились уже на почвѣ интересовъ университетскаго преподаванія, болѣе или менѣе удачно маскируясь вполнѣ благовиднымъ предлогомъ необходимости обезпеченія непрерывности и полноты этого послѣдняго. Сюда отнесемъ мы рядъ домогательствъ относительно платнаго занятія вторыхъ, дополнитель-

* См. томъ I, стр. 277—278, и въ настоящемъ томѣ стр. 388—389.

общественныхъ, но и дѣловыхъ отношеній добраго стараго времени. У Яковкина, какъ мы это видѣли, долженъ былъ жить и сынъ восточно-магометанскаго муфтія, котораго отецъ предполагалъ отдать для ученія въ казанскую гимназію. Содержаніе гимназистовъ-пансіонеровъ, профессія не совсѣмъ корректная для директора гимназіи, была, повидимому, дѣломъ для Яковкина далеко не безвыгоднымъ. Изъ уже знакомаго намъ тяжебнаго дѣла съ нимъ отца одного изъ его пансіонеровъ, Камашева, мы узнаемъ со словъ самого Яковкина, что онъ взималъ съ своихъ пансіонеровъ по тысячѣ рублей въ годъ, кромѣ платы за обученіе ихъ учителями гимназіи—вознагражденіе чрезмѣрно высокое, равнявшееся какъ разъ половинѣ оклада жалованья ординарнаго профессора! Удавалось Яковкину извлекать изъ содержанія пансіонеровъ и выгоды болѣе духовнаго характера: если его старшая дочь Прасковья нашла себѣ мужа въ лицѣ адъюнкта барона Е. В. Врангеля, то одна изъ четырехъ другихъ дочерей его, Антонина, вышла замужъ за кандидата князя П. И. Максютова (студентъ 1807—1811 годовъ), также одного изъ „телемаковъ“ профессора-директора [204]. Пансіонеровъ держали у себя, какъ это извѣстно намъ изъ воспоминаній С. Т. Аксакова, и его казанскіе менторы, учителя гимназіи, а впослѣдствіе адъюнкты университета—Карташевскій и Запольскій.

Практика университетской жизни интересующей насъ эпохи представляетъ намъ и другіе примѣры совмѣщенія профессорскаго званія съ функціями, представляющими мало общаго съ службою, собственно, академическою. Такъ, съ конца 1816 года профессоръ Томасъ, сверхъ званія профессора всеобщей исторіи въ университетѣ, несъ, по избранію мѣстнаго евангелическо-лютеранскаго общества и согласно разрѣшенію на то министра, обязанности казанскаго протестантскаго пастора, а въ 1819 году профессоръ Арнгольдтъ завѣдуетъ перестройкою казанскаго военнаго госпиталя *.

Всѣ приведенные выше способы усиленія матеріальныхъ средствъ выходили, такъ или иначе, за предѣлы собственно академическихъ обязанностей лицъ, прибѣгавшихъ къ нимъ. Но встрѣчались домогательства аналогичнаго характера, которыя зиждились уже на почвѣ интересовъ университетскаго преподаванія, болѣе или менѣе удачно маскируясь вполнѣ благовиднымъ предлогомъ необходимости обезпеченія непрерывности и полноты этого послѣдняго. Сюда отнесемъ мы рядъ домогательствъ относительно платнаго занятія вторыхъ, дополнитель-

---

* См. томъ I, стр. 277—278, и въ настоящемъ томѣ стр. 388—389.

ныхъ, кафедръ, которыя выступали излюбленнымъ путемъ къ увеличенію нормальнаго профессорскаго содержанія.

Какъ ходатайства подобнаго рода, такъ и случаи фактическаго предоставленія отдѣльнымъ профессорамъ дополнительныхъ чтеній, стали встрѣчаться уже довольно рано. Такъ, мы видѣли, что въ концѣ 1809 года проф. Германъ, ссылаясь на свое разстроенное матеріальное положеніе, безуспѣшно просилъ Румовскаго предоставить ему дополнительную кафедру всеобщей исторіи или же лектуру нѣмецкаго языка. Изъ дополнительныхъ чтеній могутъ быть указаны: порученіе проф. Герману, послѣ смерти адъюнкта Левицкаго (1807 г.), чтенія, за половинное вознагражденіе, логики и психологіи; преподаваніе Броннеромъ съ осени 1812 года минералогіи, предпринятое имъ въ благодарность за оказанную ему министерствомъ денежную субсидію; временное преподаваніе Симоновымъ въ 1816 году практической астрономіи; порученіе Никольскому съ іюня 1816 года, послѣ кончины проф. Реннера, чтенія прикладной математики; безвозмездное преподаваніе проф. Вердерамо въ 1816 году венерическихъ болѣзней, практической хирургіи и итальянскаго языка; порученіе ему же преподаванія въ 1816—1817 учебн. году хирургіи; временное чтеніе Бартельсомъ въ 1816 году астрономіи; порученіе проф. Брауну съ августа 1816 года преподаванія теоретической хирургіи и нѣк. др.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года не затрогивалъ вопроса о порученіи дополнительныхъ чтеній по вакантнымъ кафедрамъ, а потому всѣ примѣры подобнаго рода порученій носили чисто фактическій характеръ, не находя себѣ твердаго основанія въ законѣ, да и самое вознагражденіе за такія дополнительныя преподаванія носило характеръ также совершенно случайный, всецѣло завися отъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли высшаго начальства. На почву законнаго основанія вопросъ о порученіи дополнительнаго преподаванія по вакантнымъ кафедрамъ былъ впервые поставленъ лишь въ началѣ 1817 года, вслѣдствіе воспослѣдовавшаго 3-го января 1817 года высочайшаго утвержденія всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія, въ силу котораго чтеніе по факультетскимъ вакантнымъ кафедрамъ могло быть поручаемо наличнымъ профессорамъ тѣхъ же факультетовъ, на условіи вознагражденія за этотъ трудъ въ размѣрѣ половиннаго оклада положеннаго по этимъ кафедрамъ жалованья. Сама необходимость вызвала появленіе новаго закона, такъ какъ оказавшееся къ этому времени значительное увеличеніе числа вакантныхъ кафедръ, обусловившееся, между прочимъ, оставленіемъ русской службы многими иностранными профессорами и прекращеніемъ прилива къ ней

ныхъ, кафедръ, которыя выступали излюбленнымъ путемъ къ увеличенію нормальнаго профессорскаго содержанія.

Какъ ходатайства подобнаго рода, такъ и случаи фактическаго предоставленія отдѣльнымъ профессорамъ дополнительныхъ чтеній, стали встрѣчаться уже довольно рано. Такъ, мы видѣли, что въ концѣ 1809 года проф. Германъ, ссылаясь на свое разстроенное матеріальное положеніе, безуспѣшно просилъ Румовскаго предоставить ему дополнительную кафедру всеобщей исторіи или же лектуру нѣмецкаго языка. Изъ дополнительныхъ чтеній могутъ быть указаны: порученіе проф. Герману, послѣ смерти адъюнкта Левицкаго (1807 г.), чтенія, за половинное вознагражденіе, логики и психологіи; преподаваніе Броннеромъ съ осени 1812 года минералогіи, предпринятое имъ въ благодарность за оказанную ему министерствомъ денежную субсидію; временное преподаваніе Симоновымъ въ 1816 году практической астрономіи; порученіе Никольскому съ іюня 1816 года, послѣ кончины проф. Реннера, чтенія прикладной математики; безвозмездное преподаваніе проф. Вердерамо въ 1816 году венерическихъ болѣзней, практической хирургіи и итальянскаго языка; порученіе ему же преподаванія въ 1816—1817 учебн. году хирургіи; временное чтеніе Бартельсомъ въ 1816 году астрономіи; порученіе проф. Брауну съ августа 1816 года преподаванія теоретической хирургіи и нѣк. др.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года не затрогивалъ вопроса о порученіи дополнительныхъ чтеній по вакантнымъ кафедрамъ, а потому всѣ примѣры подобнаго рода порученій носили чисто фактическій характеръ, не находя себѣ твердаго основанія въ законѣ, да и самое вознагражденіе за такія дополнительныя преподаванія носило характеръ также совершенно случайный, всецѣло завися отъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли высшаго начальства. На почву законнаго основанія вопросъ о порученіи дополнительнаго преподаванія по вакантнымъ кафедрамъ былъ впервые поставленъ лишь въ началѣ 1817 года, вслѣдствіе воспослѣдовавшаго 3-го января 1817 года высочайшаго утвержденія всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія, въ силу котораго чтеніе по факультетскимъ вакантнымъ кафедрамъ могло быть поручаемо наличнымъ профессорамъ тѣхъ же факультетовъ, на условіи вознагражденія за этотъ трудъ въ размѣрѣ половиннаго оклада положеннаго по этимъ кафедрамъ жалованья. Сама необходимость вызвала появленіе новаго закона, такъ какъ оказавшееся къ этому времени значительное увеличеніе числа вакантныхъ кафедръ, обусловившееся, между прочимъ, оставленіемъ русской службы многими иностранными профессорами и прекращеніемъ прилива къ ней

новыхъ ученыхъ силъ изъ чужихъ краевъ, грозило серьезнымъ кризисомъ систематичности и полнотѣ университетскихъ преподаваній.

Первый примѣръ практическаго примѣненія новаго закона былъ поданъ самимъ министерствомъ, предложеніемъ отъ 20-го января 1817 года назначившимъ проф. Никольскому вознагражденіе въ 800 рублей въ годъ за преподаваніе по кафедрѣ прикладной математики, которое было возложено на него еще съ 15-го іюня предшествовавшаго года, послѣ кончины проф. Реннера; преподаваніе это поручалось ему „пока не будетъ опредѣленъ профессоръ сей науки", самое же вознагражденіе назначалось „изъ окладнаго жалованья онаго". Это министерское распоряженіе, заслушанное въ засѣданіи совѣта 7-го февраля, послужило стимуломъ къ возбужденію цѣлаго ряда ходатайствъ со стороны отдѣльныхъ профессоровъ относительно предоставленія имъ, за дополнительное вознагражденіе, преподаванія по вакантнымъ кафедрамъ.

Уже въ ближайшее засѣданіе совѣта (отъ 28-го февраля) заслушаны были два ходатайства подобнаго рода. Первое изъ нихъ исходило отъ ректора Брауна и было формулировано въ протоколѣ засѣданія совѣта слѣдующимъ образомъ: „Согласно доклада г. министра просвѣщенія, утвержденнаго государемъ императоромъ въ 3-ій день января 1817 года, г. ректоръ объявилъ желаніе занять праздное при университетѣ мѣсто профессора хирургіи, за половину по штату опредѣленнаго на сей предметъ жалованья". Мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что „г. ректоръ преподаетъ уже хирургію (это преподаваніе было возложено на него съ 11-го августа 1816 года)", что онъ „со времени его опредѣленія профессоромъ анатоміи отправляетъ должность прозектора безденежно" и что „хирургія имѣетъ тѣсную связь съ анатоміею"—совѣтъ постановилъ представить ходатайство Брауна на благоусмотрѣніе и. д. министра, который, предложеніемъ отъ 29-го марта, и разрѣшилъ его въ благопріятномъ смыслѣ—„впредь до опредѣленія профессора хирургіи"; фактически воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ ректору не привелось, такъ какъ уже въ августѣ того же года кафедру хирургіи снова занялъ проф. Арнгольдтъ. Вторымъ явилось ходатайство проф. технологіи Брейтенбаха, который, ссылаясь на тотъ же законъ 3-го января 1817 года, „изъявилъ желаніе занять кафедру профессора сельскаго домоводства, за половинное жалованье противъ ординарнаго профессора", сославшись на то, что „онъ четыре уже года занимался безденежно прохожденіемъ сельскаго домоводства и что онъ ученому совѣту извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ по сей части"; представленное въ министерство, и это ходатайство, опять таки „впредь до опредѣленія профес-

новыхъ ученыхъ силъ изъ чужихъ краевъ, грозило серьезнымъ кризисомъ систематичности и полнотѣ университетскихъ преподаваній.

Первый примѣръ практическаго примѣненія новаго закона былъ поданъ самимъ министерствомъ, предложеніемъ отъ 20-го января 1817 года назначившимъ проф. Никольскому вознагражденіе въ 800 рублей въ годъ за преподаваніе по кафедрѣ прикладной математики, которое было возложено на него еще съ 15-го іюня предшествовавшаго года, послѣ кончины проф. Реннера; преподаваніе это поручалось ему „пока не будетъ опредѣленъ профессоръ сей науки“, самое же вознагражденіе назначалось „изъ окладнаго жалованья онаго“. Это министерское распоряженіе, заслушанное въ засѣданіи совѣта 7-го февраля, послужило стимуломъ къ возбужденію цѣлаго ряда ходатайствъ со стороны отдѣльныхъ профессоровъ относительно предоставленія имъ, за дополнительное вознагражденіе, преподаванія по вакантнымъ кафедрамъ.

Уже въ ближайшее засѣданіе совѣта (отъ 28-го февраля) заслушаны были два ходатайства подобнаго рода. Первое изъ нихъ исходило отъ ректора Брауна и было формулировано въ протоколѣ засѣданія совѣта слѣдующимъ образомъ: „Согласно доклада г. министра просвѣщенія, утвержденнаго государемъ императоромъ въ 3-ій день января 1817 года, г. ректоръ объявилъ желаніе занять праздное при университетѣ мѣсто профессора хирургіи, за половину по штату опредѣленнаго на сей предметъ жалованья“. Мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что „г. ректоръ преподаетъ уже хирургію (это преподаваніе было возложено на него съ 11-го августа 1816 года)“, что онъ „со времени его опредѣленія профессоромъ анатоміи отправляетъ должность прозектора безденежно“ и что „хирургія имѣетъ тѣсную связь съ анатоміею“—совѣтъ постановилъ представить ходатайство Брауна на благоусмотрѣніе и. д. министра, который, предложеніемъ отъ 29-го марта, и разрѣшилъ его въ благопріятномъ смыслѣ—„впредь до опредѣленія профессора хирургіи“; фактически воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ ректору не привелось, такъ какъ уже въ августѣ того же года кафедру хирургіи снова занялъ проф. Арнгольдтъ. Вторымъ явилось ходатайство проф. технологіи Брейтенбаха, который, ссылаясь на тотъ же законъ 3-го января 1817 года, „изъявилъ желаніе занять кафедру профессора сельскаго домоводства, за половинное жалованье противъ ординарнаго профессора“, сославшись на то, что „онъ четыре уже года занимался безденежно прохожденіемъ сельскаго домоводства и что онъ ученому совѣту извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ по сей части“; представленное въ министерство, и это ходатайство, опять таки „впредь до опредѣленія профес-

сора сельскаго домоводства", было разрѣшено, въ просимомъ смыслѣ, предложеніемъ отъ 29-го марта.

Въ засѣданіи совѣта 3-го апрѣля того же 1817 года было заслушано и получило дальнѣйшій ходъ прошеніе проф. Вердерамо, ходатайствовавшаго о порученіи ему, за половинный окладъ, преподаванія по вакантной кафедрѣ матеріи-медики, причемъ это ходатайство мотивировалось просителемъ тѣми убытками, какіе были понесены имъ въ пожаръ 3-го сентября 1815 года; и это представленіе было 5-го августа министерствомъ удовлетворено, въ смыслѣ порученія Вердерамо чтенія по вакантной кафедрѣ врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (10-мая) въ совѣтѣ слушалось прошеніе проф. Бартельса, ходатайствовавшаго „о дозволеніи ему, сверхъ занимаемой имъ кафедры (чистой математики), преподавать теоретическую астрономію". Это ходатайство, явившееся однимъ изъ моментовъ уже знакомаго намъ конфликта между попечителемъ Салтыковымъ и совѣтомъ университета на почвѣ замѣщенія кафедры астрономіи, сдѣлавшейся вакантною съ уходомъ проф. Литтрова *, потерпѣло полную неудачу: главное правленіе училищъ, на разсмотрѣніе котораго восходило это дѣло, высказалось въ сторону сохраненія кафедръ астрономіи и теоретической и практической—за проф. Симоновымъ, „тѣмъ болѣе, что онъ, изъ усердія къ пользѣ университета, принялъ на себя оную (т. е. кафедру астрономіи теоретической), не требуя прибавочнаго жалованья".

Не преминулъ, конечно, попытать счастья получить себѣ добавочную кафедру и Германъ, весною того же 1817 года вошедшій съ ходатайствомъ о предоставленіи ему преподаванія по кафедрѣ философіи. Неудача постигла и это ходатайство злополучнаго профессора: предложеніемъ министра отъ 7-го іюня на эту кафедру былъ назначенъ, съ утвержденіемъ его въ званіи экстраординарнаго профессора, адъюнктъ Срезневскій.

Послѣднимъ изъ ходатайствъ въ томъ же направленіи, пріурочивающимся къ интересующему насъ пространству времени, относится заслушанное въ засѣданіи совѣта 16-го октября 1817 года прошеніе проф. Фукса относительно предоставленія ему преподаванія по освободившейся, съ уходомъ Эрдмана, кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники, причемъ совѣтъ, выйдя за предѣлы, указанные закономъ 3-го января, рѣшился ходатайствовать о назначеніи просителю полнаго жалованья по этой кафедрѣ. Попечитель не далъ дальнѣйшаго хода этому ходатайству, давъ знать со-

* Подробности этого конфликта см. выше, стр. 177—179.

сора сельскаго домоводства", было разрѣшено, въ просимомъ смыслѣ, предложеніемъ отъ 29-го марта.

Въ засѣданіи совѣта 3-го апрѣля того же 1817 года было заслушано и получило дальнѣйшій ходъ прошеніе проф. Вердерамо, ходатайствовавшаго о порученіи ему, за половинный окладъ, преподаванія по вакантной кафедрѣ матеріи-медики, причемъ это ходатайство мотивировалось просителемъ тѣми убытками, какіе были понесены имъ въ пожаръ 3-го сентября 1815 года; и это представленіе было 5-го августа министерствомъ удовлетворено, въ смыслѣ порученія Вердерамо чтенія по вакантной кафедрѣ врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (10-мая) въ совѣтѣ слушалось прошеніе проф. Бартельса, ходатайствовавшаго „о дозволеніи ему, сверхъ занимаемой имъ кафедры (чистой математики), преподавать теоретическую астрономію". Это ходатайство, явившееся однимъ изъ моментовъ уже знакомаго намъ конфликта между попечителемъ Салтыковымъ и совѣтомъ университета на почвѣ замѣщенія кафедры астрономіи, сдѣлавшейся вакантною съ уходомъ проф. Литтрова *, потерпѣло полную неудачу: главное правленіе училищъ, на разсмотрѣніе котораго восходило это дѣло, высказалось въ сторону сохраненія кафедръ астрономіи и теоретической и практической—за проф. Симоновымъ, „тѣмъ болѣе, что онъ, изъ усердія къ пользѣ университета, принялъ на себя оную (т. е. кафедру астрономіи теоретической), не требуя прибавочнаго жалованья".

Не преминулъ, конечно, попытать счастья получить себѣ добавочную кафедру и Германъ, весною того же 1817 года вошедшій съ ходатайствомъ о предоставленіи ему преподаванія по кафедрѣ философіи. Неудача постигла и это ходатайство злополучнаго профессора: предложеніемъ министра отъ 7-го іюня на эту кафедру былъ назначенъ, съ утвержденіемъ его въ званіи экстраординарнаго профессора, адъюнктъ Срезневскій.

Послѣднимъ изъ ходатайствъ въ томъ же направленіи, пріурочивающимся къ интересующему насъ пространству времени, относится заслушанное въ засѣданіи совѣта 16-го октября 1817 года прошеніе проф. Фукса относительно предоставленія ему преподаванія по освободившейся, съ уходомъ Эрдмана, кафедрѣ патологіи, терапіи и клиники, причемъ совѣтъ, выйдя за предѣлы, указанные закономъ 3-го января, рѣшился ходатайствовать о назначеніи просителю полнаго жалованья по этой кафедрѣ. Попечитель не далъ дальнѣйшаго хода этому ходатайству, давъ знать со-

---

* Подробности этого конфликта см. выше, стр. 177—179.

вѣту (отъ 12-го ноября), что г„. профессору Фуксу сверхъ кафедры натуральной исторіи, имъ нынѣ занимаемой, за кафедру патологіи, терапіи и клиники положить полнаго жалованья—невозможно, да и подобнаго примѣра не было, сверхъ того, на сіе мѣсто просится докторъ Владимірскій *; то, до рѣшенія этого дѣла, согласія своего дать не можетъ". Только 7-го февраля 1818 года заслушано было въ засѣданіи совѣта предложеніе министра о разрѣшеніи проф. Фуксу „преподаванія патологіи, терапіи и клиники, впредь до опредѣленія для сихъ наукъ особаго профессора, съ производствомъ за сіе половины опредѣленнаго по штату жалованья". Съ утвержденіемъ (17-го мая) экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ естественной исторіи и ботаники адъюнкта Тимьянскаго, Фуксъ удержалъ за собою, какъ извѣстно, кафедру патологіи, терапіи и клиники, которая уже и оставалась за нимъ во все остальное время его университетскаго служенія [205].

Въ высшей степени интереснымъ представилось бы прослѣдить условія и обстановку интимной жизни университетскаго кружка первыхъ двухъ десятилѣтій минувшаго столѣтія,—кружка, замкнутаго въ тѣсныхъ рамкахъ провинціальнаго строя, сложившагося на далекомъ европейскомъ востокѣ, почти на рубежѣ Европы и Азіи, въ центрѣ края, представлявшаго рядъ своеобразныхъ и исключительныхъ условій и историческаго, и географическаго, и этнографическаго и, наконецъ, культурнаго характера. Съ чувствомъ невольнаго безсилія останавливаемся мы передъ такою задачею, въ дѣлѣ выполненія которой, прежде всего, сталкиваемся съ недостаткомъ фактическихъ данныхъ: въ нашемъ распоряженіи имѣются, въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, главнымъ образомъ данныя оффиціальнаго и оффиціознаго характера, при весьма малой наличности источниковъ характера частнаго—въ видѣ мемуаровъ, записокъ, частной переписки и т. п. матеріаловъ, въ которыхъ раскрывалась бы передъ нами неоффиціальная, закулисная, будничная жизнь начальныхъ дѣятелей казанскаго университета, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, съ ея идеалами, интересами и нуждами, съ движеніемъ ея злободневныхъ запросовъ, страстей, побужденій.... Попытаемся, однако, сдѣлать хотя то немногое, что окажется для насъ возможнымъ въ этомъ направленіи.

Не вполнѣ благопріятныя условія жизни въ полукультурномъ центрѣ далекаго восточнаго края,—притомъ жизни не только матеріальной, но и

---

* Объ этомъ претендентѣ см. выше, стр. 15—16.

вѣту (отъ 12-го ноября), что г„. профессору Фуксу сверхъ кафедры натуральной исторіи, имъ нынѣ занимаемой, за кафедру патологіи, терапіи и клиники положить полнаго жалованья—невозможно, да и подобнаго примѣра не было, сверхъ того, на сіе мѣсто просится докторъ Владимірскій *; то, до рѣшенія этого дѣла, согласія своего дать не можетъ". Только 7-го февраля 1818 года заслушано было въ засѣданіи совѣта предложеніе министра о разрѣшеніи проф. Фуксу „преподаванія патологіи, терапіи и клиники, впредь до опредѣленія для сихъ наукъ особаго профессора, съ производствомъ за сіе половины опредѣленнаго по штату жалованья". Съ утвержденіемъ (17-го мая) экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ естественной исторіи и ботаники адъюнкта Тимьянскаго, Фуксъ удержалъ за собою, какъ извѣстно, кафедру патологіи, терапіи и клиники, которая уже и оставалась за нимъ во все остальное время его университетскаго служенія [205].

Въ высшей степени интереснымъ представилось бы прослѣдить условія и обстановку интимной жизни университетскаго кружка первыхъ двухъ десятилѣтій минувшаго столѣтія,—кружка, замкнутаго въ тѣсныхъ рамкахъ провинціальнаго строя, сложившагося на далекомъ европейскомъ востокѣ, почти на рубежѣ Европы и Азіи, въ центрѣ края, представлявшаго рядъ своеобразныхъ и исключительныхъ условій и историческаго, и географическаго, и этнографическаго и, наконецъ, культурнаго характера. Съ чувствомъ невольнаго безсилія останавливаемся мы передъ такою задачею, въ дѣлѣ выполненія которой, прежде всего, сталкиваемся съ недостаткомъ фактическихъ данныхъ: въ нашемъ распоряженіи имѣются, въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, главнымъ образомъ данныя оффиціальнаго и оффиціознаго характера, при весьма малой наличности источниковъ характера частнаго—въ видѣ мемуаровъ, записокъ, частной переписки и т. п. матеріаловъ, въ которыхъ раскрывалась бы передъ нами неоффиціальная, закулисная, будничная жизнь начальныхъ дѣятелей казанскаго университета, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, съ ея идеалами, интересами и нуждами, съ движеніемъ ея злободневныхъ запросовъ, страстей, побужденій.... Попытаемся, однако, сдѣлать хотя то немногое, что окажется для насъ возможнымъ въ этомъ направленіи.

Не вполнѣ благопріятныя условія жизни въ полукультурномъ центрѣ далекаго восточнаго края,—притомъ жизни не только матеріальной, но и

* Объ этомъ претендентѣ см. выше, стр. 15—16.

духовной,—въ особенно значительной степени ощутительныя для иностранныхъ ученыхъ, заброшенныхъ сюда изъ культурныхъ центровъ западной Европы, должны были создать среди профессоровъ начальной поры жизни университета влеченіе создавать себѣ семейные очаги, способные хотя сколько нибудь сгладить для нихъ невзгоды казанской жизни того времени. Это ведетъ насъ къ вопросу о матримоніальныхъ условіяхъ жизни дѣятелей университета разсматриваемой нами поры существованія этого послѣдняго.

Оставляя въ сторонѣ университетскую преподавательскую молодежь и целибатеровъ, каковыми были, напримѣръ, Броннеръ, Городчаниновъ (собственно вдовецъ), Карташевскій, Каменскій, Левицкій, Эрихъ, Брейтенбахъ, Реннеръ, Ренардъ, мы должны отмѣтить, что нѣкоторые изъ интересующихъ насъ профессоровъ и адъюнктовъ казанскаго университета уже прибыли въ Казань связанными узами Гименея (Яковкинъ, Эвестъ, Арнгольдъ, изъ иностранныхъ—Германъ, Бюнеманъ, Сторль, Бартельсъ, Фойгтъ, Финке, Томасъ, Литтровъ, Вердерамо) и даже обремененными потомствомъ, другіе же заключили браки, уже будучи на службѣ казанскаго университета.

Встрѣчались браки, заключенные съ представительницами мѣстнаго, казанскаго, общества. На мѣстной дворянкѣ, дочери помѣщика Настасьѣ Петровнѣ Елагиной, женился Запольскій—одинъ изъ первыхъ четырехъ адъюнктовъ казанскаго университета, получивъ за женою небольшое имѣніе въ 60 душъ, въ казанскомъ уѣздѣ, при дер. Кощаково; этотъ бракъ совершенно отвлекъ Запольскаго, какъ мы это уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, отъ дѣятельности университетской, всецѣло погрузивъ его въ заботы по домашнему и сельскому хозяйству *. На казанской дворянкѣ, дочери вдовы Княжевичъ, въ 1811 году женился и адъюнктъ Перевощиковъ.

Порядочно „перебѣсившись" въ своей бурной холостой жизни, ознаменовавшейся, между прочимъ, извѣстнымъ намъ и такъ интересовавшимъ Румовскаго и Яковкина скабрёзнымъ романомъ съ мѣстною дворянкою „барышнею Мячковою", на казанской же дворянкѣ женился въ 1821 году профессоръ Фуксъ; жена Фукса, Александра Андреевна, рожденная Апехтина, была родная племянница казанскаго поэта Г. П. Каменева и сама писательница и поэтесса **. Съ казанскою обывательницею сочетался

* См. томъ I, стр. 46, и у Аксакова: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 273, 279—283 (по изданію 1856 года).

** См. томъ I, стр. 113 и 370—372. Подробности брака и брачной жизни Фукса см. въ не разъ уже цитировавшемся нами трудѣ К. В. Лаврскаго и П. А. Пономарева: «К. Ф. Фуксъ и его время», глава VI.

духовной,—въ особенно значительной степени ощутительныя для иностранныхъ ученыхъ, заброшенныхъ сюда изъ культурныхъ центровъ западной Европы, должны были создать среди профессоровъ начальной поры жизни университета влеченіе создавать себѣ семейные очаги, способные хотя сколько нибудь сгладить для нихъ невзгоды казанской жизни того времени. Это ведетъ насъ къ вопросу о матримоніальныхъ условіяхъ жизни дѣятелей университета разсматриваемой нами поры существованія этого послѣдняго.

Оставляя въ сторонѣ университетскую преподавательскую молодежь и целибатеровъ, каковыми были, напримѣръ, Броннеръ, Городчаниновъ (собственно вдовецъ), Карташевскій, Каменскій, Левицкій, Эрихъ, Брейтенбахъ, Реннеръ, Ренардъ, мы должны отмѣтить, что нѣкоторые изъ интересующихъ насъ профессоровъ и адъюнктовъ казанскаго университета уже прибыли въ Казань связанными узами Гименея (Яковкинъ, Эвестъ, Арнгольдъ, изъ иностранныхъ—Германъ, Бюнеманъ, Сторль, Бартельсъ, Фойгтъ, Финке, Томасъ, Литтровъ, Вердерамо) и даже обремененными потомствомъ, другіе же заключили браки, уже будучи на службѣ казанскаго университета.

Встрѣчались браки, заключенные съ представительницами мѣстнаго, казанскаго, общества. На мѣстной дворянкѣ, дочери помѣщика Настасьѣ Петровнѣ Елагиной, женился Запольскій—одинъ изъ первыхъ четырехъ адъюнктовъ казанскаго университета, получивъ за женою небольшое имѣніе въ 60 душъ, въ казанскомъ уѣздѣ, при дер. Кощаково; этотъ бракъ совершенно отвлекъ Запольскаго, какъ мы это уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, отъ дѣятельности университетской, всецѣло погрузивъ его въ заботы по домашнему и сельскому хозяйству*. На казанской дворянкѣ, дочери вдовы Княжевичъ, въ 1811 году женился и адъюнктъ Перевощиковъ.

Порядочно „перебѣсившись" въ своей бурной холостой жизни, ознаменовавшейся, между прочимъ, извѣстнымъ намъ и такъ интересовавшимъ Румовскаго и Яковкина скабрёзнымъ романомъ съ мѣстною дворянкою „барышнею Мячковою", на казанской же дворянкѣ женился въ 1821 году профессоръ Фуксъ; жена Фукса, Александра Андреевна, рожденная Апехтина, была родная племянница казанскаго поэта Г. П. Каменева и сама писательница и поэтесса**. Съ казанскою обывательницею сочетался

* См. томъ I, стр. 46, и у Аксакова: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 273, 279—283 (по изданію 1856 года).

** См. томъ I, стр. 113 и 370—372. Подробности брака и брачной жизни Фукса см. въ не разъ уже цитировавшемся нами трудѣ К. В. Лаврскаго и П. А. Пономарева: «К. Ф. Фуксъ и его время», глава VI.

бракомъ и профессоръ Эрдманъ (Ф. Х.), взявъ въ 1811 году, слѣдовательно уже вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Казань, въ жены дочь содержателя мѣстнаго пансіона, лифляндскаго выходца Кальма *.

Весьма обыкновенными являлись браки представителей казанскаго университета въ своей собственной, университетской, средѣ. Примѣръ бракамъ этого рода поданъ былъ профессоромъ Финке, который уже вскорѣ послѣ кончины прибывшей съ нимъ въ Казань жены, послѣдовавшей лѣтомъ 1810 года, женился на племянницѣ своего предмѣстника по преподаванію правовѣдѣнія—Бюнемана; вступивъ въ этотъ второй бракъ „для собственнаго успокоенія и для маленькихъ дѣтей своихъ", Финке въ 1813 году заявлялъ въ оффиціальной бумагѣ, что, благодаря этому новому союзу—онъ „снова сталъ счастливымъ человѣкомъ, найдя добродѣтельную спутницу жизни, сдѣлавшуюся для меня тѣмъ, чего я искалъ". Дочь Финке въ 1825 году вышла, въ свою очередь, замужъ за профессора казанскаго же университета, врача и натуралиста Э. И. Эйхвальда.

Молодой казанскій профессоръ правовѣдѣнія баронъ Е. В. Врангель въ октябрѣ 1811 года сочетался бракомъ съ старшею изъ пяти дочерей профессора-директора Яковкина, Прасковьею Ильинишною. Любопытный и ярко изложенный разсказъ о подробностяхъ этого радостнаго для семьи Яковкина событія интересующіеся найдутъ въ „Воспоминаніяхъ" В. И. Панаева, который самъ былъ страстно влюбленъ въ молодую невѣсту и подробно повѣствуетъ объ испытанныхъ имъ, по отношенію къ счастливому жениху-барону, мукахъ ревности.

Профессоръ И. О. Браунъ, прибывшій въ Казань лѣтомъ 1807 года еще холостякомъ, хотя уже и помолвленнымъ, въ декабрѣ слѣдующаго 1808 года обвѣнчался съ дочерью гейдельбергскаго профессора Лангсдорфа, но эта первая жена его умерла весною 1809 года. Провдовѣвъ около трехъ лѣтъ, Браунъ осенью 1812 года женился на вдовѣ за годъ до того умершаго своего сослуживца профессора К. Т. Фойгта, Елизаветѣ Карловнѣ, рожденной Эйлеръ (она была родною внучкою знаменитаго математика Эйлера и двоюродною сестрою жены академика Н. И. Фусса). Въ свою очередь овдовѣвъ въ началѣ 1819 года, Е. К. Браунъ въ 1822 году вышла замужъ за третьяго профессора казанскаго университета—Ф. И. Эрдмана (оріенталиста), явившагося преемникомъ по кафедрѣ Френа; этотъ третій бракъ ея окончился въ 1837 году разводомъ.

---

* Объ этомъ Кальмѣ см. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 157.

бракомъ и профессоръ Эрдманъ (Ф. X.), взявъ въ 1811 году, слѣдовательно уже вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Казань, въ жены дочь содержателя мѣстнаго пансіона, лифляндскаго выходца Кальма *.

Весьма обыкновенными являлись браки представителей казанскаго университета въ своей собственной, университетской, средѣ. Примѣръ бракамъ этого рода поданъ былъ профессоромъ Финке, который уже вскорѣ послѣ кончины прибывшей съ нимъ въ Казань жены, послѣдовавшей лѣтомъ 1810 года, женился на племянницѣ своего предмѣстника по преподаванію правовѣдѣнія—Бюнемана; вступивъ въ этотъ второй бракъ „для собственнаго успокоенія и для маленькихъ дѣтей своихъ", Финке въ 1813 году заявлялъ въ оффиціальной бумагѣ, что, благодаря этому новому союзу—онъ „снова сталъ счастливымъ человѣкомъ, найдя добродѣтельную спутницу жизни, сдѣлавшуюся для меня тѣмъ, чего я искалъ". Дочь Финке въ 1825 году вышла, въ свою очередь, замужъ за профессора казанскаго же университета, врача и натуралиста Э. И. Эйхвальда.

Молодой казанскій профессоръ правовѣдѣнія баронъ Е. В. Врангель въ октябрѣ 1811 года сочетался бракомъ съ старшею изъ пяти дочерей профессора-директора Яковкина, Прасковьею Ильинишною. Любопытный и ярко изложенный разсказъ о подробностяхъ этого радостнаго для семьи Яковкина событія интересующіеся найдутъ въ „Воспоминаніяхъ" В. И. Панаева, который самъ былъ страстно влюбленъ въ молодую невѣсту и подробно повѣствуетъ объ испытанныхъ имъ, по отношенію къ счастливому жениху-барону, мукахъ ревности.

Профессоръ И. О. Браунъ, прибывшій въ Казань лѣтомъ 1807 года еще холостякомъ, хотя уже и помолвленнымъ, въ декабрѣ слѣдующаго 1808 года обвѣнчался съ дочерью гейдельбергскаго профессора Лангсдорфа, но эта первая жена его умерла весною 1809 года. Провдовѣвъ около трехъ лѣтъ, Браунъ осенью 1812 года женился на вдовѣ за годъ до того умершаго своего сослуживца профессора К. Т. Фойгта, Елизаветѣ Карловнѣ, рожденной Эйлеръ (она была родною внучкою знаменитаго математика Эйлера и двоюродною сестрою жены академика Н. И. Фусса). Въ свою очередь овдовѣвъ въ началѣ 1819 года, Е. К. Браунъ въ 1822 году вышла замужъ за третьяго профессора казанскаго университета—Ф. И. Эрдмана (оріенталиста), явившагося преемникомъ по кафедрѣ Френа; этотъ третій бракъ ея окончился въ 1837 году разводомъ.

---

* Объ этомъ Кальмѣ см. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 157.

На представительницѣ казанскаго педагогическаго же міра, дочери уже знакомаго намъ пресвитера Гавріила Данкова, Θеодорѣ, былъ (съ осени 1806 года) женатъ и будущій адъюнктъ русской словесности—Н. М. Ибрагимовъ [206].

Не всѣ одинокіе профессоры казанскаго университета, въ особенности же иностранные, находили или возможнымъ, или желательнымъ связать себя узами Гименея, почему нѣкоторые изъ нихъ заводили себѣ „домоводокъ"—слѣдуя специфической терминологіи Румовскаго и Яковкина. Нѣкоторыя изъ этихъ „домоводокъ" дѣлались, впрочемъ, легальными женами бывшихъ сожителей своихъ, къ великому соблазну ихъ сотоварищей-пуританъ, съ Яковкинымъ во главѣ.

Особенно много хлопотъ доставляли профессору-директору авантюры неисправимаго Фукса. Помимо романа съ барышнею Мячковою, принадлежавшею къ хорошей мѣстной дворянской фамиліи (одинъ изъ ея братьевъ былъ спасскимъ уѣзднымъ предводителемъ), казанскій натуралистъ поддерживалъ тѣсныя отношенія и съ наѣзжавшею къ нему въ Казань какою то англичанкою Гаттонъ, и съ бабою-солдаткою изъ подгороднаго села Царицина, которая обрѣталась у него въ домѣ уже въ качествѣ настоящей „домоводки", и съ „остальною сволочью своею"—какъ нѣсколько сильно выразился Яковкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ попечителю *. Вся эта компанія другъ друга, конечно, ревновала, ссорилась, скандальничала и профессору-директору приходилось активно впутываться въ эти дрязги, въ свою очередь аккуратно посвящая въ нихъ попечителя, какъ это усматривается, напримѣръ, изъ слѣдующаго письма его къ Румовскому отъ 6-го февраля 1811 года:

„На прошедшей недѣлѣ,—пишетъ Яковкинъ,—вышли у насъ новыя свадебныя проказы. Господинъ профессоръ Фуксъ давно уже имѣлъ связь, переписку и взаимные подарки съ барышнею Мячковою. Во время пребыванія на Сергіевскихъ водахъ она всѣмъ объявила себя невѣстою Фукса и принимала поздравленія. 1-го февраля вечеромъ пріѣхала она прямо въ квартиру г. Фукса, въ Тенишевскомъ домѣ (Фуксъ пользовался казенною квартирою). 2-го февраля, часу въ десятомъ поутру, съѣхавши со двора, скрылся онъ на весь день. Давно уже живетъ у него одна солдатка,—непотребная, пьяница, воровка и нахалка. Нѣсколькократно напоминалъ я ему, что онъ наводитъ стыдъ и соблазнъ университету, держа у себя таковую непотребницу, и онъ, обѣщавши мнѣ многократно сослать ее, удерживалъ у себя. 2-го фев-

* См. томъ I, стр. 370—372.

На представительницѣ казанскаго педагогическаго же міра, дочери уже знакомаго намъ пресвитера Гавріила Данкова, Ѳеодорѣ, былъ (съ осени 1806 года) женатъ и будущій адъюнктъ русской словесности—Н. М. Ибрагимовъ [206].

Не всѣ одинокіе профессоры казанскаго университета, въ особенности же иностранные, находили или возможнымъ, или желательнымъ связать себя узами Гименея, почему нѣкоторые изъ нихъ заводили себѣ „домоводокъ"—слѣдуя специфической терминологіи Румовскаго и Яковкина. Нѣкоторыя изъ этихъ „домоводокъ" дѣлались, впрочемъ, легальными женами бывшихъ сожителей своихъ, къ великому соблазну ихъ сотоварищей-пуританъ, съ Яковкинымъ во главѣ.

Особенно много хлопотъ доставляли профессору-директору авантюры неисправимаго Фукса. Помимо романа съ барышнею Мячковою, принадлежавшею къ хорошей мѣстной дворянской фамиліи (одинъ изъ ея братьевъ былъ спасскимъ уѣзднымъ предводителемъ), казанскій натуралистъ поддерживалъ тѣсныя отношенія и съ наѣзжавшею къ нему въ Казань какою то англичанкою Гаттонъ, и съ бабою-солдаткою изъ подгороднаго села Царицина, которая обрѣталась у него въ домѣ уже въ качествѣ настоящей „домоводки", и съ „остальною сволочью своею"—какъ нѣсколько сильно выразился Яковкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ попечителю *. Вся эта компанія другъ друга, конечно, ревновала, ссорилась, скандальничала и профессору-директору приходилось активно впутываться въ эти дрязги, въ свою очередь аккуратно посвящая въ нихъ попечителя, какъ это усматривается, напримѣръ, изъ слѣдующаго письма его къ Румовскому отъ 6-го февраля 1811 года:

„На прошедшей недѣлѣ,—пишетъ Яковкинъ,—вышли у насъ новыя свадебныя проказы. Господинъ профессоръ Фуксъ давно уже имѣлъ связь, переписку и взаимные подарки съ барышнею Мячковою. Во время пребыванія на Сергіевскихъ водахъ она всѣмъ объявила себя невѣстою Фукса и принимала поздравленія. 1-го февраля вечеромъ пріѣхала она прямо въ квартиру г. Фукса, въ Тенишевскомъ домѣ (Фуксъ пользовался казенною квартирою). 2-го февраля, часу въ десятомъ поутру, съѣхавши со двора, скрылся онъ на весь день. Давно уже живетъ у него одна солдатка,—непотребная, пьяница, воровка и нахалка. Нѣсколькократно напоминалъ я ему, что онъ наводитъ стыдъ и соблазнъ университету, держа у себя таковую непотребницу, и онъ, обѣщавши мнѣ многократно сослать ее, удерживалъ у себя. 2-го фев-

* См. томъ I, стр. 370—372.

раля, вечера часу въ восьмомъ, рапортуетъ мнѣ ефрейторъ нашъ, что въ квартирѣ г. Фукса происходитъ шумъ. Почему немедленно пошедъ туда, нахожу помянутую барышню Мячкову, которая объявляетъ мнѣ, что непотребница Фуксова ругаетъ ее всячески и поноситъ; что, по приказанію Фуксову, хотя и отпустила она домой всѣ свои пожитки, но сама не выходитъ изъ квартиры его; что г. Фуксъ поѣхалъ прощаться съ знакомыми своими; что положено межъ ими, чтобъ ей съ братьями ея и Фуксомъ въ ту же ночь отправиться за Каму въ гости (по всѣмъ увѣреніямъ, чтобъ въ селѣ невѣстиномъ обвѣнчаться). Почему, для возстановленія тишины, приказалъ я оную солдатку взять подъ караулъ. Вечеръ и ночь прошли спокойно, но г. Фуксъ не являлся. Поутру, въ шестомъ часу, ефрейторъ рапортуетъ, что гостья Фуксова выѣзжаетъ; и такъ, чтобъ чего не распропало, приказалъ я комнаты запереть и поставить часоваго.

День прошелъ въ неизвѣстности, и въ семь часовъ вечера явившійся ко мнѣ старшій университетскій сторожъ отрапортовалъ, что г. Фуксъ—пріѣхалъ. И такъ, пошедъ къ нему, узналъ, что онъ нарочно скрывался отъ своей невѣсты. Чѣмъ кончится сія трагикомедія—еще неизвѣстно, а между тѣмъ г. Фуксъ непотребницу свою оставилъ опять у себя по прежнему. Съ будущею почтою не премину донести обстоятельнѣе".

Исполняя данное Румовскому обѣщаніе „донести обстоятельнѣе" о всѣхъ проказахъ университетскаго донъ-Жуана, Яковкинъ въ слѣдующемъ письмѣ знакомитъ его съ дальнѣйшими подробностами дѣла, въ особенности же съ отношеніями Фукса къ „непотребницѣ въ сарафанѣ":

„Объ явномъ непотребствѣ, пьянствѣ и распутствѣ въ отсутствіи Фукса въ его покояхъ, равно и явномъ обворовываніи его—мерзко даже и подумать. Въ августѣ приказалъ я, не помню къ какому празднику, обрать при себѣ въ тенишевскомъ саду три корзины яблоковъ для студентовъ и питомцевъ, и весьма удивился, усматривая мало яблоковъ на такихъ яблоняхъ, на коихъ прежде видно было много. На сіе работники мнѣ объявили, что приходитъ часто Татьянушка (имя непотребницы) обирать для Фукса. Сіе я тогда же строжайше запретилъ, приказавъ, когда она опять придетъ за яблоками, поймать ее и отвести, какъ воровку, въ казарму подъ караулъ, что и, дѣйствительно, случилось на третій день....

Стыдно уже и упоминать, что Фуксъ открыто съ сею непотребницею лѣтомъ на парныхъ дрожкахъ ѣздитъ для прогулки въ Царицино, что нашилъ ей много богатыхъ шелковыхъ сарафановъ, что во время публичнаго на троицкой недѣлѣ гулянья на Арскомъ полѣ, около качелей, попускаетъ ей ѣздить съ прочею почетною публикою въ своей открытой коляскѣ четвернею, за что хотѣли было взять ее въ полицію;

раля, вечера часу въ восьмомъ, рапортуетъ мнѣ ефрейторъ нашъ, что въ квартирѣ г. Фукса происходитъ шумъ. Почему немедленно пошедъ туда, нахожу помянутую барышню Мячкову, которая объявляетъ мнѣ, что непотребница Фуксова ругаетъ ее всячески и поноситъ; что, по приказанію Фуксову, хотя и отпустила она домой всѣ свои пожитки, но сама не выходитъ изъ квартиры его; что г. Фуксъ поѣхалъ прощаться съ знакомыми своими; что положено межъ ими, чтобъ ей съ братьями ея и Фуксомъ въ ту же ночь отправиться за Каму въ гости (по всѣмъ увѣреніямъ, чтобъ въ селѣ невѣстиномъ обвѣнчаться). Почему, для возстановленія тишины, приказалъ я оную солдатку взять подъ караулъ. Вечеръ и ночь прошли спокойно, но г. Фуксъ не являлся. Поутру, въ шестомъ часу, ефрейторъ рапортуетъ, что гостья Фуксова выѣзжаетъ; и такъ, чтобъ чего не распропало, приказалъ я комнаты запереть и поставить часоваго.

День прошелъ въ неизвѣстности, и въ семь часовъ вечера явившійся ко мнѣ старшій университетскій сторожъ отрапортовалъ, что г. Фуксъ—пріѣхалъ. И такъ, пошедъ къ нему, узналъ, что онъ нарочно скрывался отъ своей невѣсты. Чѣмъ кончится сія трагикомедія—еще неизвѣстно, а между тѣмъ г. Фуксъ непотребницу свою оставилъ опять у себя по прежнему. Съ будущею почтою не премину донести обстоятельнѣе".

Исполняя данное Румовскому обѣщаніе „донести обстоятельнѣе" о всѣхъ проказахъ университетскаго донъ-Жуана, Яковкинъ въ слѣдующемъ письмѣ знакомитъ его съ дальнѣйшими подробностами дѣла, въ особенности же съ отношеніями Фукса къ „непотребницѣ въ сарафанѣ":

„Объ явномъ непотребствѣ, пьянствѣ и распутствѣ въ отсутствіи Фукса въ его покояхъ, равно и явномъ обворовываніи его—мерзко даже и подумать. Въ августѣ приказалъ я, не помню къ какому празднику, обрать при себѣ въ тенишевскомъ саду три корзины яблоковъ для студентовъ и питомцевъ, и весьма удивился, усматривая мало яблоковъ на такихъ яблоняхъ, на коихъ прежде видно было много. На сіе работники мнѣ объявили, что приходитъ часто Татьянушка (имя непотребницы) обирать для Фукса. Сіе я тогда же строжайше запретилъ, приказавъ, когда она опять придетъ за яблоками, поймать ее и отвести, какъ воровку, въ казарму подъ караулъ, что и, дѣйствительно, случилось на третій день....

Стыдно уже и упоминать, что Фуксъ открыто съ сею непотребницею лѣтомъ на парныхъ дрожкахъ ѣздитъ для прогулки въ Царицино, что нашилъ ей много богатыхъ шелковыхъ сарафановъ, что во время публичнаго на троицкой недѣлѣ гулянья на Арскомъ полѣ, около качелей, попускаетъ ей ѣздить съ прочею почетною публикою въ своей открытой коляскѣ четверпею, за что хотѣли было взять ее въ полицію;

что водитъ ее незамаскированную съ собою въ маскарады, коимъ нахальствомъ студенты наши крайне раздражившись, требовали у полицмейстера, чтобъ приказалъ ее вывести и публично же объ ней долженъ былъ ходатайствовать самъ Фуксъ".

Подтверждаетъ Яковкинъ и первое свое сообщеніе объ уклоненіи Фукса отъ брака съ барышнею Мячковою, не взирая на то, что эта барышня „принимала уже поздравленія и отъ почетныхъ особъ, на водахъ (сергіевскихъ) бывшихъ, какъ помолвленная невѣста Фуксова", и что онъ, Яковкинъ, „и самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ побудительнѣйшей къ таковому настоянію физической причины, не совмѣстной съ состояніемъ дѣвицы"; подтверждаетъ Яковкинъ и то, что Фуксъ три дня скрывался отъ пріѣхавшей къ нему для свадьбы невѣсты и вернулся къ себѣ въ квартиру лишь „узнавъ, что Мячкова уѣхала уже изъ Казани къ матери своей, какъ къ единственному прибѣжищу въ заблужденіи страсти". Не обошлось дѣло и безъ личнаго объясненія между директоромъ и Фуксомъ:

„По пріѣздѣ его пришелъ я къ нему и выговаривалъ за шумъ и безпокойства, причиненныя въ его квартирѣ, но онъ мнѣ на то съ сердцемъ сказалъ:

— Развѣ думаете вы поступить со мною, какъ съ учителемъ? Знайте, что я такой же профессоръ, какъ и вы!

Сколько ни обиденъ былъ таковой упрекъ,—скорбитъ Яковкинъ,— но я скрѣпилъ свое сердце и, наконецъ, послѣ даннаго обѣщанія исправиться, Фуксъ далъ слово, что чрезъ три дня не будетъ болѣе у него жить непотребница его. Какъ онъ—не учитель, то непотребницу свою удерживаетъ при себѣ и понынѣ, къ явному стыду и поношенію университета и соблазну студентовъ".

Донесенія профессора-директора не остались безъ послѣдствія. Румовскій отозвался на нихъ письмомъ къ Яковкину, текстъ котораго до насъ не сохранился, но въ которомъ заключалось, очевидно, весьма рѣзкое осужденіе образа жизни Фукса, такъ какъ Яковкинъ долго не рѣшался показать его этому послѣднему, ссылаясь, въ письмѣ къ попечителю отъ 4-го апрѣля, на нездоровье и на свое говѣнье. Въ концѣ концовъ, Яковкинъ познакомилъ Фукса съ содержаніемъ попечительскаго письма и отвѣтомъ на него явилось слѣдующее интересное, хотя и не совсѣмъ скромное, письмо Фукса къ Румовскому отъ 9-го апрѣля, писанное на французскомъ языкѣ и которое мы приведемъ, почти цѣликомъ, въ русскомъ переводѣ:

„Милостивый государь!—Господинъ директоръ познакомилъ меня съ отрывкомъ изъ письма къ нему вашего превосходительства. Я былъ

что водитъ ее незамаскированную съ собою въ маскарады, коимъ нахальствомъ студенты наши крайне раздражившись, требовали у полицмейстера, чтобъ приказалъ ее вывести и публично же объ ней долженъ былъ ходатайствовать самъ Фуксъ".

Подтверждаетъ Яковкинъ и первое свое сообщеніе объ уклоненіи Фукса отъ брака съ барышнею Мячковою, не взирая на то, что эта барышня „принимала уже поздравленія и отъ почетныхъ особъ, на водахъ (сергіевскихъ) бывшихъ, какъ помолвленная невѣста Фуксова", и что онъ, Яковкинъ, „и самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ побудительнѣйшей къ таковому настоянію физической причины, не совмѣстной съ состояніемъ дѣвицы"; подтверждаетъ Яковкинъ и то, что Фуксъ три дня скрывался отъ пріѣхавшей къ нему для свадьбы невѣсты и вернулся къ себѣ въ квартиру лишь „узнавъ, что Мячкова уѣхала уже изъ Казани къ матери своей, какъ къ единственному прибѣжищу въ заблужденіи страсти". Не обошлось дѣло и безъ личнаго объясненія между директоромъ и Фуксомъ:

„По пріѣздѣ его пришелъ я къ нему и выговаривалъ за шумъ и безпокойства, причиненныя въ его квартирѣ, но онъ мнѣ на то съ сердцемъ сказалъ:

— Развѣ думаете вы поступить со мною, какъ съ учителемъ? Знайте, что я такой же профессоръ, какъ и вы!

Сколько ни обиденъ былъ таковой упрекъ,—скорбитъ Яковкинъ,—но я скрѣпилъ свое сердце и, наконецъ, послѣ даннаго обѣщанія исправиться, Фуксъ далъ слово, что чрезъ три дня не будетъ болѣе у него жить непотребница его. Какъ онъ—не учитель, то непотребницу свою удерживаетъ при себѣ и понынѣ, къ явному стыду и поношенію университета и соблазну студентовъ".

Донесенія профессора-директора не остались безъ послѣдствія. Румовскій отозвался на нихъ письмомъ къ Яковкину, текстъ котораго до насъ не сохранился, но въ которомъ заключалось, очевидно, весьма рѣзкое осужденіе образа жизни Фукса, такъ какъ Яковкинъ долго не рѣшался показать его этому послѣднему, ссылаясь, въ письмѣ къ попечителю отъ 4-го апрѣля, на нездоровье и на свое говѣнье. Въ концѣ концовъ, Яковкинъ познакомилъ Фукса съ содержаніемъ попечительскаго письма и отвѣтомъ на него явилось слѣдующее интересное, хотя и не совсѣмъ скромное, письмо Фукса къ Румовскому отъ 9-го апрѣля, писанное на французскомъ языкѣ и которое мы приведемъ, почти цѣликомъ, въ русскомъ переводѣ:

„Милостивый государь!—Господинъ директоръ познакомилъ меня съ отрывкомъ изъ письма къ нему вашего превосходительства. Я былъ

пораженъ отъ изумленія и отвращенія, услыхавъ обвиненіе настолько же ложное, насколько и ужасное (aussi fausse, qu'atroce).

Я уже давно пользуюсь общественнымъ уваженіемъ; меня принимаютъ въ лучшемъ обществѣ, я вездѣ желанный гость, я всегда слышу о себѣ самые лестные отзывы, всѣ оказываютъ мнѣ благоволеніе.

Знакомства со мною ищутъ всѣ знатные посѣтители, пріѣзжающіе сюда изъ столицъ. Господинъ князь Волконскій, графъ Орловъ, князь Тенишевъ, сенаторъ Обрѣзковъ и много другихъ достойнѣйшихъ особъ проводили у меня цѣлые вечера.

Когда, въ минувшемъ году, графъ Орловъ предлагалъ мнѣ перейти въ службу управляемаго имъ лѣснаго департамента, многія выдающіяся здѣшнія особы просили его не отнимать у Казани, въ моемъ лицѣ, первенствующаго врача,—званіе, которымъ я отвоевалъ себѣ выдающуюся репутацію.

На послѣдней недѣлѣ пріѣзжали поздравить меня съ праздникомъ Пасхи многіе генералы и статскіе совѣтники (beaucoup de généraux et des conseillers d'état),—честь, которою я горжусь и которая не выпала, конечно, на долю ни одного изъ нашихъ профессоровъ.

Что скажутъ обо мнѣ здѣшнія дамы,—напримѣръ госпожа Вешнякова, мужъ которой былъ казанскимъ предводителемъ дворянства, или госпожа генеральша Ганнибалъ, которыя удостоиваютъ меня посѣщеніемъ, вмѣстѣ съ своими семьями, вечеръ или два въ недѣлю? Что скажутъ эти дамы, когда до нихъ дойдутъ толки о взведенномъ на меня обвиненіи? Пожелаютъ ли онѣ дальнѣйшаго общенія съ человѣкомъ такого дурнаго поведенія?

Я передавалъ содержаніе письма вашего превосходительства нѣкоторымъ выдающимся представителямъ казанскаго дворянства. Всѣ они были возмущены этимъ обвиненіемъ, такъ какъ я всегда служилъ образцомъ хорошаго тона, приличія и чистоплотности (je servis de modèle pour le bon gout, la decence et la propreté)....

Но, помимо доброй репутаціи, которою я пользуюсь въ Казани, могу присовокупить еще два довода, исключающихъ самую возможность разврата съ моей стороны.

Начну съ того, что уже самая тщедушная внѣшность моя (ma chetive figure) не создана для развратныхъ наслажденій; я страдаю, къ тому же, заваломъ печени, полученнымъ мною еще въ Петербургѣ, и болѣзнью мочеваго пузыря, припадки которой часто меня посѣщаютъ. При этихъ условіяхъ—малѣйшее излишество могло бы стоить мнѣ жизни. Это обстоятельство хорошо извѣстно всѣмъ здѣшнимъ врачамъ, которыхъ я консультировалъ.

Во вторыхъ—я воспитываю двухъ бѣдныхъ сиротъ, которымъ не желалъ бы служить дурнымъ примѣромъ. Кромѣ того, московскій генералъ Всеволожскій ввѣрилъ мнѣ воспитаніе своего родственника, который и живетъ у меня.

пораженъ отъ изумленія и отвращенія, услыхавъ обвиненіе настолько же ложное, насколько и ужасное (aussi fausse, qu'atroce).

Я уже давно пользуюсь общественнымъ уваженіемъ; меня принимаютъ въ лучшемъ обществѣ, я вездѣ желанный гость, я всегда слышу о себѣ самые лестные отзывы, всѣ оказываютъ мнѣ благоволеніе.

Знакомства со мною ищутъ всѣ знатные посѣтители, пріѣзжающіе сюда изъ столицъ. Господинъ князь Волконскій, графъ Орловъ, князь Тенишевъ, сенаторъ Обрѣзковъ и много другихъ достойнѣйшихъ особъ проводили у меня цѣлые вечера.

Когда, въ минувшемъ году, графъ Орловъ предлагалъ мнѣ перейти въ службу управляемаго имъ лѣснаго департамента, многія выдающіяся здѣшнія особы просили его не отнимать у Казани, въ моемъ лицѣ, первенствующаго врача,—званіе, которымъ я отвоевалъ себѣ выдающуюся репутацію.

На послѣдней недѣлѣ пріѣзжали поздравить меня съ праздникомъ Пасхи многіе генералы и статскіе совѣтники (beaucoup de généraux et des conseillers d'état),—честь, которою я горжусь и которая не выпала, конечно, на долю ни одного изъ нашихъ профессоровъ.

Что скажутъ обо мнѣ здѣшнія дамы,—напримѣръ госпожа Вешнякова, мужъ которой былъ казанскимъ предводителемъ дворянства, или госпожа генеральша Ганнибалъ, которыя удостоиваютъ меня посѣщеніемъ, вмѣстѣ съ своими семьями, вечеръ или два въ недѣлю? Что скажутъ эти дамы, когда до нихъ дойдутъ толки о взведенномъ на меня обвиненіи? Пожелаютъ ли онѣ дальнѣйшаго общенія съ человѣкомъ такого дурнаго поведенія?

Я передавалъ содержаніе письма вашего превосходительства нѣкоторымъ выдающимся представителямъ казанскаго дворянства. Всѣ они были возмущены этимъ обвиненіемъ, такъ какъ я всегда служилъ образцомъ хорошаго тона, приличія и чистоплотности (je servis de modèle pour le bon gout, la decence et la proprété)....

Но, помимо доброй репутаціи, которою я пользуюсь въ Казани, могу присовокупить еще два довода, исключающихъ самую возможность разврата съ моей стороны.

Начну съ того, что уже самая тщедушная внѣшность моя (ma chetive figure) не создана для развратныхъ наслажденій; я страдаю, къ тому же, заваломъ печени, полученнымъ мною еще въ Петербургѣ, и болѣзнью мочеваго пузыря, припадки которой часто меня посѣщаютъ. При этихъ условіяхъ—малѣйшее излишество могло бы стоить мнѣ жизни. Это обстоятельство хорошо извѣстно всѣмъ здѣшнимъ врачамъ, которыхъ я консультировалъ.

Во вторыхъ—я воспитываю двухъ бѣдныхъ сиротъ, которымъ не желалъ бы служить дурнымъ примѣромъ. Кромѣ того, московскій генералъ Всеволожскій ввѣрилъ мнѣ воспитаніе своего родственника, который и живетъ у меня.

Клянусь предъ лицомъ всемогущаго Бога, что я—невиненъ, и что возведенное на меня обвиненіе—представляетъ собою одну изъ гнуснѣйшихъ клеветъ, какія могутъ только быть придуманы. Въ свидѣтельство моего поведенія призываю весь здѣшній городъ, который, если потребуется, не откажется дать мнѣ самое лестное письменное удостовѣреніе. Мое поведеніе всегда было незапятнаннымъ и мнѣ остается лишь пожелать, что бы всѣ мои сотоварищи пользовались такою же хорошею репутаціею, какая выпала на мою долю".

Торжественныя увѣренія Фукса, а быть можетъ и обаяніе авторитета цѣлой вереницы исчисленныхъ имъ князей, графовъ, великосвѣтскихъ дамъ, генераловъ и даже простыхъ „статскихъ совѣтниковъ"—видимо повліяли на старика Румовскаго. Сообщая Яковкину о письмѣ Фукса, попечитель уже значительно понижаетъ тонъ: „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ,—пишетъ онъ директору,—я получилъ отъ г. Фукса письмо, въ которомъ старается доказать, что всѣ вѣтки (?), до меня дошедшія—суть клеветы и, между прочимъ, увѣряетъ, что весь городъ готовъ дать свидѣтельство о его добропорядочномъ родѣ жизни. Но, какъ бы то ни было, онъ долженъ будетъ жалѣть, ежели барышня Мячкова письменно начнетъ просить о разрѣшеніи любовной между ими связи; по тѣхъ поръ дѣло сіе можетъ длиться, покамѣсть не подастъ она чего нибудь на письмѣ, и какъ бы оно не кончилось—не принесетъ добра г. Фуксу".

А инцидентъ Фукса съ барышнею Мячковою „длился" и въ теченіи лѣта 1811 года. Сама барышня и ея родня настойчиво требовали отъ него женитьбы на ней, а Фуксъ такъ же настойчиво уклонялся отъ брачныхъ узъ и всячески отъ нея скрывался: „На сергіевскихъ водахъ,—отписывалъ Яковкинъ попечителю про лѣто этого года,—г. Фуксъ сволочью своею (по словамъ директора, Фуксъ возилъ съ собою на воды свою „сарафанницу") заслужилъ всеобщее презрѣніе, а братъ Мячковой, преслѣдуя его тамъ, принудилъ скорѣе спасаться въ саратовскую губернію; да и здѣсь, въ Казани, опасается онъ чрезвычайно его преслѣдованія".

Вопросъ о профессорскихъ „домоводкахъ" и наклонности профессоровъ „liederlich leben",—терминологія, установленная въ перепискѣ Румовскаго и Яковкина для отношеній этого рода,—не мало интересовалъ собою престарѣлаго попечителя, вызывая его даже къ резонерству на эту тему: „Что нѣкоторые изъ нашихъ господъ содержатъ домоводокъ,—пишетъ онъ Яковкину отъ 17-го апрѣля 1811 года,—то дѣлаютъ они по примѣру нѣмецкихъ университетовъ. Но домоводки тамъ ведутъ себя скромнѣе, нежели наши солдатки", — добавляетъ Румовскій, намекая на продѣлки фуксовской „Татьянушки-непотребницы" [207].

Клянусь предъ лицомъ всемогущаго Бога, что я—невиненъ, и что возведенное на меня обвиненіе—представляетъ собою одну изъ гнуснѣйшихъ клеветъ, какія могутъ только быть придуманы. Въ свидѣтельство моего поведенія призываю весь здѣшній городъ, который, если потребуется, не откажется дать мнѣ самое лестное письменное удостовѣреніе. Мое поведеніе всегда было незапятнаннымъ и мнѣ остается лишь пожелать, что бы всѣ мои сотоварищи пользовались такою же хорошею репутаціею, какая выпала на мою долю".

Торжественныя увѣренія Фукса, а быть можетъ и обаяніе авторитета цѣлой вереницы исчисленныхъ имъ князей, графовъ, великосвѣтскихъ дамъ, генераловъ и даже простыхъ „статскихъ совѣтниковъ"—видимо повліяли на старика Румовскаго. Сообщая Яковкину о письмѣ Фукса, попечитель уже значительно понижаетъ тонъ: „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ,—пишетъ онъ директору,—я получилъ отъ г. Фукса письмо, въ которомъ старается доказать, что всѣ вѣтки (?), до меня дошедшія—суть клеветы и, между прочимъ, увѣряетъ, что весь городъ готовъ дать свидѣтельство о его добропорядочномъ родѣ жизни. Но, какъ бы то ни было, онъ долженъ будетъ жалѣть, ежели барышня Мячкова письменно начнетъ просить о разрѣшеніи любовной между ими связи; по тѣхъ поръ дѣло сіе можетъ длиться, покамѣсть не подастъ она чего нибудь на письмѣ, и какъ бы оно не кончилось—не принесетъ добра г. Фуксу".

А инцидентъ Фукса съ барышнею Мячковою „длился" и въ теченіи лѣта 1811 года. Сама барышня и ея родня настойчиво требовали отъ него женитьбы на ней, а Фуксъ такъ же настойчиво уклонялся отъ брачныхъ узъ и всячески отъ нея скрывался: „На сергіевскихъ водахъ,—отписывалъ Яковкинъ попечителю про лѣто этого года,—г. Фуксъ сволочью своею (по словамъ директора, Фуксъ возилъ съ собою на воды свою „сарафанницу") заслужилъ всеобщее презрѣніе, а братъ Мячковой, преслѣдуя его тамъ, принудилъ скорѣе спасаться въ саратовскую губернію; да и здѣсь, въ Казани, опасается онъ чрезвычайно его преслѣдованія".

Вопросъ о профессорскихъ „домоводкахъ" и наклонности профессоровъ „liederlich leben",—терминологія, установленная въ перепискѣ Румовскаго и Яковкина для отношеній этого рода,—не мало интересовалъ собою престарѣлаго попечителя, вызывая его даже къ резонерству на эту тему: „Что нѣкоторые изъ нашихъ господъ содержатъ домоводокъ,—пишетъ онъ Яковкину отъ 17-го апрѣля 1811 года,—то дѣлаютъ они по примѣру нѣмецкихъ университетовъ. Но домоводки тамъ ведутъ себя скромнѣе, нежели наши солдатки", — добавляетъ Румовскій, намекая на продѣлки фуксовской „Татьянушки-непотребницы" [207].

Бывали въ профессорской средѣ казанскаго университета и браки неравные, вызывавшіе собою немалую сенсацію и даже негодованіе со стороны какъ начальства, такъ и нѣкоторыхъ, выставлявшихъ себя рьяными пуританами, сослуживцевъ. Мы имѣемъ два примѣра такихъ браковъ, пополнившихъ собою университетскую скандальную хронику интересующей насъ эпохи.

Героемъ перваго изъ относящихся сюда инцидентовъ явился профессоръ римской словесности М. В. Сторль. Мы уже знаемъ, что Сторль, прибывшій въ Казань осенью 1805 года въ лѣтахъ уже довольно почтенныхъ (ему шелъ въ то время 45-ый годъ), былъ рекомендованъ Румовскому къ занятію кафедры въ казанскомъ университетѣ, въ качествѣ „ученаго выдающихся достоинствъ", судьями такими компетентными, какими были князь Чарторижскій и графъ д' Антрегъ. Были ли эти рекомендаціи плодомъ ошибки или недоразумѣнія, или же на долю Сторля выпала печальная участь,—которой такъ опасался и Финке,—совершенно опуститься въ Казани, утратить здѣсь всѣ свои научные интересы и дать засосать себя тинѣ сѣренькой жизни провинціальнаго общества—касаться этого вопроса мы не будемъ и ограничимся лишь общимъ замѣчаніемъ, что казанская пора жизни Сторля не оправдала тѣхъ ожиданій, какія возлагали на него и попечитель Румовскій и его именитые покровители.

Сторль прибылъ въ Казань изъ-за границы вмѣстѣ съ женою, которая умерла въ первые же годы казанской жизни, оставивъ уже слабѣвшаго и духомъ и тѣломъ профессора въ полномъ одиночествѣ. Необходимость поддерживать маленькое хозяйство свое заставила Сторля завести себѣ „домоводку", которой вскорѣ и суждено было сдѣлаться его второю женою. Вотъ въ какихъ чертахъ возстановляетъ Сторль этотъ поздній романъ своей жизни въ письмѣ къ Румовскому отъ 16-го апрѣля 1811 года:

„Принимаясь за перо съ тѣмъ, что бы принести себѣ оправданіе предъ главою университета, коего я имѣю честь состоять членомъ, я умоляю ваше превосходительство бросить на эти строки благосклонный взглядъ, который обезпечилъ бы мнѣ прощеніе въ ошибочномъ шагѣ, явившемся лишь фатальнымъ велѣніемъ рока, неотразимой силѣ котораго подчиняется все, существующее въ этомъ подлунномъ мірѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ похоронъ первой жены я сдѣлался боленъ и всѣ уже отчаявались въ моей жизни. Я выздоровѣлъ—но выздоровѣлъ лишь для того, что бы видѣть, какъ все мое маленькое хозяйство готовится пойти прахомъ. Я понялъ, что для спасенія его

Бывали въ профессорской средѣ казанскаго университета и браки неравные, вызывавшіе собою немалую сенсацію и даже негодованіе со стороны какъ начальства, такъ и нѣкоторыхъ, выставлявшихъ себя рьяными пуританами, сослуживцевъ. Мы имѣемъ два примѣра такихъ браковъ, пополнившихъ собою университетскую скандальную хронику интересующей насъ эпохи.

Героемъ перваго изъ относящихся сюда инцидентовъ явился профессоръ римской словесности М. В. Сторль. Мы уже знаемъ, что Сторль, прибывшій въ Казань осенью 1805 года въ лѣтахъ уже довольно почтенныхъ (ему шелъ въ то время 45-ый годъ), былъ рекомендованъ Румовскому къ занятію каѳедры въ казанскомъ университетѣ, въ качествѣ „ученаго выдающихся достоинствъ“, судьями такими компетентными, какими были князь Чарторижскій и графъ д' Антрегъ. Были ли эти рекомендаціи плодомъ ошибки или недоразумѣнія, или же на долю Сторля выпала печальная участь,—которой такъ опасался и Финке,—совершенно опуститься въ Казани, утратить здѣсь всѣ свои научные интересы и дать засосать себя тинѣ сѣренькой жизни провинціальнаго общества—касаться этого вопроса мы не будемъ и ограничимся лишь общимъ замѣчаніемъ, что казанская пора жизни Сторля не оправдала тѣхъ ожиданій, какія возлагали на него и попечитель Румовскій и его именитые покровители.

Сторль прибылъ въ Казань изъ-за границы вмѣстѣ съ женою, которая умерла въ первые же годы казанской жизни, оставивъ уже слабѣвшаго и духомъ и тѣломъ профессора въ полномъ одиночествѣ. Необходимость поддерживать маленькое хозяйство свое заставила Сторля завести себѣ „домоводку“, которой вскорѣ и суждено было сдѣлаться его второю женою. Вотъ въ какихъ чертахъ возстановляетъ Сторль этотъ поздній романъ своей жизни въ письмѣ къ Румовскому отъ 16-го апрѣля 1811 года:

„Принимаясь за перо съ тѣмъ, что бы принести себѣ оправданіе предъ главою университета, коего я имѣю честь состоять членомъ, я умоляю ваше превосходительство бросить на эти строки благосклонный взглядъ, который обезпечилъ бы мнѣ прощеніе въ ошибочномъ шагѣ, явившемся лишь фатальнымъ велѣніемъ рока, неотразимой силѣ котораго подчиняется все, существующее въ этомъ подлунномъ мірѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ похоронъ первой жены я сдѣлался боленъ и всѣ уже отчаявались въ моей жизни. Я выздоровѣлъ—но выздоровѣлъ лишь для того, что бы видѣть, какъ все мое маленькое хозяйство готовится пойти прахомъ. Я понялъ, что для спасенія его

мнѣ необходима женщина, которая могла бы примириться съ моими годами и вести мой домъ (m'estimer à mon âge et faite pour gouverner une maison), и мнѣ казалось, что я нашелъ такую женщину въ лицѣ служанки, поступившей ко мнѣ уже черезъ два дня послѣ моего выздоровленія. Добрая, благочестивая, къ тому же вольноотпущенная, что особенно возвышало ее въ моихъ глазахъ, она обладала и манерами, которыя нисколько не напоминали несвободнаго состоянія (l'état servile), въ которомъ была рождена".

Мы узнаемъ изъ того же письма Сторля, что имъ предпринимались двѣ попытки найти себѣ жену въ болѣе подходящихъ кругахъ общества—но обѣ окончились неудачею. Въ первомъ случаѣ ему было заявлено, въ присутствіи его сослуживца Брауна, что „скорѣе рѣшатся заключить дочерей въ монастырь, нежели выдать замужъ за иностранца (que l'on allait plutôt enfermer ses filles dans un monastère, que de les donner à un étranger)", во второмъ же случаѣ претендентка на руку профессора оттолкнула его отъ себя „дурными манерами, исправить которыя казалось ему невозможнымъ (m'ayant rebuté par ses maniéres, auxquelles je desesperais de me jamais pouvoir faire)". Потерпѣвъ эти неудачи, разборчивый на „манеры" будущей жены Сторль пришелъ къ рѣшенію жениться на своей „домоводкѣ"-служанкѣ, принятой имъ въ домъ послѣ смерти жены:

„Въ концѣ концовъ,—повѣствуетъ Сторль,—я подалъ соотвѣтствующее заявленія протопопу нашего прихода („au protopope de notre paroisse), который, съ согласія консисторіи, и обвѣнчалъ насъ, по православному обряду, 10-го сентября 1810 года".

Этотъ бракъ, плодомъ котораго явилось уже 26-го іюля слѣдующаго года рожденіе сына, крайне возмутилъ собою Румовскаго: „Удивляюсь и досадую на бракосочетаніе господина Сторля,—писалъ онъ Яковкину вскорѣ по полученіи извѣстія объ этой свадьбѣ.—Чувствую всю нелѣпость его брака, какъ для него, такъ и для всего ученаго казанскаго сословія, но пособить нечѣмъ: время только можетъ загладить стыдъ и поношеніе".

Неравный бракъ Сторля явился для быстро дряхлѣвшаго профессора источникомъ цѣлаго ряда крупныхъ непріятностей, отравившихъ послѣдніе два года его жизни. Началось съ грязной ссоры, возникшей между профессоршею Сторль и женою наборщика университетской типографіи Соколова (Сторль занималъ казенную квартиру въ типографскомъ домѣ), сдѣлавшейся предметомъ разбирательства не только университетскихъ

мнѣ необходима женщина, которая могла бы примириться съ моими годами и вести мой домъ (m'estimer à mon âge et faite pour gouverner une maison), и мнѣ казалось, что я нашелъ такую женщину въ лицѣ служанки, поступившей ко мнѣ уже черезъ два дня послѣ моего выздоровленія. Добрая, благочестивая, къ тому же вольноотпущенная, что особенно возвышало ее въ моихъ глазахъ, она обладала и манерами, которыя нисколько не напоминали несвободнаго состоянія (l'état servile), въ которомъ была рождена".

Мы узнаемъ изъ того же письма Сторля, что имъ предпринимались двѣ попытки найти себѣ жену въ болѣе подходящихъ кругахъ общества—но обѣ окончились неудачею. Въ первомъ случаѣ ему было заявлено, въ присутствіи его сослуживца Брауна, что „скорѣе рѣшатся заключить дочерей въ монастырь, нежели выдать замужъ за иностранца (que l'on allait plutôt enfermer ses filles dans un monastère, que de les donner à un étranger)", во второмъ же случаѣ претендентка на руку профессора оттолкнула его отъ себя „дурными манерами, исправить которыя казалось ему невозможнымъ (m'ayant rebuté par ses maniéres, auxquelles je desesperais de me jamais pouvoir faire)". Потерпѣвъ эти неудачи, разборчивый на „манеры" будущей жены Сторль пришелъ къ рѣшенію жениться на своей „домоводкѣ"-служанкѣ, принятой имъ въ домъ послѣ смерти жены:

„Въ концѣ концовъ,—повѣствуетъ Сторль,—я подалъ соотвѣтствующее заявленія протопопу нашего прихода („au protopope de notre paroisse), который, съ согласія консисторіи, и обвѣнчалъ насъ, по православному обряду, 10-го сентября 1810 года".

Этотъ бракъ, плодомъ котораго явилось уже 26-го іюля слѣдующаго года рожденіе сына, крайне возмутилъ собою Румовскаго: „Удивляюсь и досадую на бракосочетаніе господина Сторля,—писалъ онъ Яковкину вскорѣ по полученіи извѣстія объ этой свадьбѣ.—Чувствую всю нелѣпость его брака, какъ для него, такъ и для всего ученаго казанскаго сословія, но пособить нечѣмъ: время только можетъ загладить стыдъ и поношеніе".

Неравный бракъ Сторля явился для быстро дряхлѣвшаго профессора источникомъ цѣлаго ряда крупныхъ непріятностей, отравившихъ послѣдніе два года его жизни. Началось съ грязной ссоры, возникшей между профессоршею Сторль и женою наборщика университетской типографіи Соколова (Сторль занималъ казенную квартиру въ типографскомъ домѣ), сдѣлавшейся предметомъ разбирательства не только университетскихъ

властей, но даже и городской полиціи. Соколова публично ругала новоиспеченную профессоршу „разными поносительными словами, которыхъ здѣсь (въ жалобѣ полиціи) и помѣстить не можно", уличала ее въ адюльтерѣ съ наборщикомъ Ефимовымъ, всюду разглашала о томъ, что „le fruit, dont ma femme est enceinte, n'est pas été de moi et que j'ai même surpris l'adultere",—какъ жаловался самъ Сторль въ письмѣ къ попечителю; впутали въ это грязное дѣло, которое онъ самъ же характеризовалъ „бабьями сплетнями", и профессора-директора Яковкина, заподозрѣннаго Сторлемъ въ подстрекательствѣ Соколовой и въ руководительствѣ всею этою интригою и т. п. и т. п.

Въ такихъ то печальныхъ условіяхъ доживалъ свои дни въ далекой русской Казани, среди грязи и мелкихъ злобъ и интригъ окружавшей его общественности, несомнѣнно даровитый чешскій ученый классикъ, ставленникъ Чарторижскаго и д'Антрега. Къ нравственнымъ страданіямъ послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни присоединились и физическія немощи Сторля, которыя тщетно силится онъ смягчить въ письмѣ къ Румовскому отъ 29-го апрѣля 1811 года, вызванномъ распространявшимися тою же наборщицею Соколовою слухами о предстоящемъ увольненіи его, за дряхлостью, отъ университетской службы:

„Соколова распускаетъ слухи,—пишетъ Сторль,—будто бы поднятъ вопросъ о лишеніи меня, за старостью, профессорскаго званія.... Правда, что мнѣ уже 53-ій годъ; справедливо и то, что меня приходится поддерживать, когда я иду по гололедицѣ или по слишкомъ вязкому снѣгу,—но, въ общемъ, я могу ходить какъ и всякій другой, безъ посторонней помощи. Вѣрно и то, что мой лѣвый глазъ болѣетъ и что красный цвѣтъ раздражаетъ его (?), тѣмъ не менѣе я пишу это письмо * безъ помощи очковъ... Умоляю ваше превосходительство бросить благосклонный взглядъ на искренность и невинность, руководящія моимъ перомъ, и не отказать мнѣ въ вашемъ покровительствѣ!"....

Не долго суждено было проф. Сторлю пережить дрязги, послѣдовавшія за его вторымъ бракомъ: онъ умеръ въ концѣ января 1813 года, еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти вынужденный фактически отказаться отъ выполненія своихъ профессорскихъ обязанностей [208].

Прошелъ съ небольшимъ всего годъ послѣ брака Сторля, какъ казанскій университетскій мірокъ былъ снова взволнованъ брачнымъ инцидентомъ, возбудившимъ несравненно болѣе толковъ и пересудовъ и въ

* Писанное, дѣйствительно, почеркомъ совершенно твердымъ.

властей, но даже и городской полиціи. Соколова публично ругала новоиспеченную профессоршу „разными поносительными словами, которыхъ здѣсь (въ жалобѣ полиціи) и помѣстить не можно“, уличала ее въ адюльтерѣ съ наборщикомъ Ефимовымъ, всюду разглашала о томъ, что „le fruit, dont ma femme est enceinte, n'est pas été de moi et que j'ai même surpris l'adultere“,—какъ жаловался самъ Сторль въ письмѣ къ попечителю; впутали въ это грязное дѣло, которое онъ самъ же характеризовалъ „бабьями сплетнями“, и профессора-директора Яковкина, заподозрѣннаго Сторлемъ въ подстрекательствѣ Соколовой и въ руководительствѣ всею этою интригою и т. п. и т. п.

Въ такихъ то печальныхъ условіяхъ доживалъ свои дни въ далекой русской Казани, среди грязи и мелкихъ злобъ и интригъ окружавшей его общественности, несомнѣнно даровитый чешскій ученый классикъ, ставленникъ Чарторижскаго и д'Антрега. Къ нравственнымъ страданіямъ послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни присоединились и физическія немощи Сторля, которыя тщетно силится онъ смягчить въ письмѣ къ Румовскому отъ 29-го апрѣля 1811 года, вызванномъ распространявшимися тою же наборщицею Соколовою слухами о предстоящемъ увольненіи его, за дряхлостью, отъ университетской службы:

„Соколова распускаетъ слухи,—пишетъ Сторль,—будто бы поднятъ вопросъ о лишеніи меня, за старостью, профессорскаго званія.... Правда, что мнѣ уже 53-ій годъ; справедливо и то, что меня приходится поддерживать, когда я иду по гололедицѣ или по слишкомъ вязкому снѣгу,—но, въ общемъ, я могу ходить какъ и всякій другой, безъ посторонней помощи. Вѣрно и то, что мой лѣвый глазъ болѣетъ и что красный цвѣтъ раздражаетъ его (?), тѣмъ не менѣе я пишу это письмо * безъ помощи очковъ... Умоляю ваше превосходительство бросить благосклонный взглядъ на искренность и невинность, руководящія моимъ перомъ, и не отказать мнѣ въ вашемъ покровительствѣ!“....

Не долго суждено было проф. Сторлю пережить дрязги, послѣдовавшія за его вторымъ бракомъ: онъ умеръ въ концѣ января 1813 года, еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти вынужденный фактически отказаться отъ выполненія своихъ профессорскихъ обязанностей [208].

Прошелъ съ небольшимъ всего годъ послѣ брака Сторля, какъ казанскій университетскій мірокъ былъ снова взволнованъ брачнымъ инцидентомъ, возбудившимъ несравненно болѣе толковъ и пересудовъ и въ

* Писанное, дѣйствительно, почеркомъ совершенно твердымъ.

педагогическихъ сферахъ, и въ мѣстномъ обществѣ. На этотъ разъ сенсація произведена была бракомъ будущаго знаменитаго оріенталиста Х. Д. Френа, также женившагося на своей „домоводкѣ". Объ этомъ бракѣ, состоявшемся 20-го ноября 1811 года, мы имѣемъ два современныхъ и діаметрально противоположныхъ одно другому свидѣтельства. Первое изъ нихъ принадлежитъ самому Френу и заключается въ его письмѣ (на латинскомъ языкѣ) къ Румовскому, писанномъ двѣ недѣли спустя послѣ свадьбы:

„Вотъ уже двѣ недѣли прошло, глубокоуважаемый г. попечитель, какъ я покинулъ жизнь холостяка (coelibi vita relicta) и вступилъ въ бракъ. Я уже давно свелъ знакомство съ одною нѣмецкою дѣвицею, родомъ изъ Москвы, которая обладала всѣми качествами, цѣнными для брачной жизни; ее украшали скромность, обходительность, простота и склонность къ домашнему хозяйству. Она въ теченіи двухъ лѣтъ завѣдывала всѣмъ моимъ домомъ и оказалась вполнѣ достойною моей любви. Правда, что, до поступленія ко мнѣ, она была обманута какимъ то вѣроломнымъ человѣкомъ, обѣщавшимъ на ней жениться, но могу поклясться въ томъ, что она сохранила чистоту и непорочность души своей, которыми вполнѣ смывается лежащее на ней пятно. Я не задумался предложить руку свою этой дѣвицѣ, рожденной отъ бѣдныхъ, но честныхъ, родителей, и чистота моихъ побужденій можетъ быть засвидѣтельствована друзьями, бывшими свидѣтелями моего брака, среди которыхъ находится и мой сотоварищъ профессоръ Бартельсъ. Нѣкоторые,—добавляетъ Френъ,—осуждаютъ мой брачный союзъ, но это меня нисколько не тревожитъ: я давно уже порвалъ связи съ казанскимъ обществомъ и живу лишь для себя, для науки и для немногихъ близкихъ мнѣ людей".

Второй отзывъ относительно брака Френа принадлежитъ Яковкину и облеченъ въ форму донесенія попечителю отъ 21-го ноября—отъ дня, непосредственно слѣдовавшаго за бракосочетаніемъ. Профессоръ-директоръ не щадитъ здѣсь красокъ для того, что бы представить какъ всю исторію этого брака, такъ и личность новобрачной, въ самомъ непривлекательномъ и грязномъ видѣ:

„Наши иностранные чудаки,—пишетъ Яковкинъ попечителю,—не перестаютъ проказами своими наносить университету новыя причины къ безславію и нареканію; даже какъ будто нарочно стараются облагородить всѣхъ казанскихъ публичныхъ непотребницъ люди—наставники юношества, долженствующіе служить ему примѣромъ въ правилахъ нравственности и общежитія.

педагогическихъ сферахъ, и въ мѣстномъ обществѣ. На этотъ разъ сенсація произведена была бракомъ будущаго знаменитаго оріенталиста Х. Д. Френа, также женившагося на своей „домоводкѣ". Объ этомъ бракѣ, состоявшемся 20-го ноября 1811 года, мы имѣемъ два современныхъ и діаметрально противоположныхъ одно другому свидѣтельства. Первое изъ нихъ принадлежитъ самому Френу и заключается въ его письмѣ (на латинскомъ языкѣ) къ Румовскому, писанномъ двѣ недѣли спустя послѣ свадьбы:

„Вотъ уже двѣ недѣли прошло, глубокоуважаемый г. попечитель, какъ я покинулъ жизнь холостяка (coelibi vita relicta) и вступилъ въ бракъ. Я уже давно свелъ знакомство съ одною нѣмецкою дѣвицею, родомъ изъ Москвы, которая обладала всѣми качествами, цѣнными для брачной жизни; ее украшали скромность, обходительность, простота и склонность къ домашнему хозяйству. Она въ теченіи двухъ лѣтъ завѣдывала всѣмъ моимъ домомъ и оказалась вполнѣ достойною моей любви. Правда, что, до поступленія ко мнѣ, она была обманута какимъ то вѣроломнымъ человѣкомъ, обѣщавшимъ на ней жениться, но могу поклясться въ томъ, что она сохранила чистоту и непорочность души своей, которыми вполнѣ смывается лежащее на ней пятно. Я не задумался предложить руку свою этой дѣвицѣ, рожденной отъ бѣдныхъ, но честныхъ, родителей, и чистота моихъ побужденій можетъ быть засвидѣтельствована друзьями, бывшими свидѣтелями моего брака, среди которыхъ находится и мой сотоварищъ профессоръ Бартельсъ. Нѣкоторые,—добавляетъ Френъ,—осуждаютъ мой брачный союзъ, но это меня нисколько не тревожитъ: я давно уже порвалъ связи съ казанскимъ обществомъ и живу лишь для себя, для науки и для немногихъ близкихъ мнѣ людей".

Второй отзывъ относительно брака Френа принадлежитъ Яковкину и облеченъ въ форму донесенія попечителю отъ 21-го ноября—отъ дня, непосредственно слѣдовавшаго за бракосочетаніемъ. Профессоръ-директоръ не щадитъ здѣсь красокъ для того, что бы представить какъ всю исторію этого брака, такъ и личность новобрачной, въ самомъ непривлекательномъ и грязномъ видѣ:

„Наши иностранные чудаки,—пишетъ Яковкинъ попечителю,—не перестаютъ проказами своими наносить университету новыя причины къ безславію и нареканію; даже какъ будто нарочно стараются облагородить всѣхъ казанскихъ публичныхъ непотребницъ люди—наставники юношества, долженствующіе служить ему примѣромъ въ правилахъ нравственности и общежитія.

Примѣру сумашедшаго слѣпца Сторля послѣдовалъ нынѣ близорукій слѣпецъ Френъ. Нѣкогда я имѣлъ честь донести вашему превосходительству, что у послѣдняго жила публичная блудница, непотребствовавшая прежде у многихъ какъ нѣмцевъ, такъ и у русскихъ, пришедшая и къ нему съ кузовомъ и вытряхнувшая у него мальчика, признаннаго отъ Френа сыномъ. У нѣмцевъ есть обыкновеніе по три воскресенья объявлять о бракосочетающихся; а у насъ въ Казани,—видно по татарски, а не по нѣмецки,—въ прошедшее воскресенье, 19-го сего ноября, пасторъ послѣ обѣдни вдругъ трижды объявилъ объ имѣющемъ быть бракѣ профессора казанскаго университета Христіана Мартина Френа съ..... тутъ и запнулся и, вмѣсто обыкновенной: „Jungfer", сказалъ: „mit demoiselle Stauntz"! Въ понедѣльникъ совершился и бракъ, къ крайнему стыду всего университета и явному негодованію даже самихъ нѣмецкихъ профессоровъ. Нѣкоторые приходили было ко мнѣ, и въ воскресенье и въ понедѣльникъ, съ представленіемъ, дабы воспрепятствовать таковому постыдному браку; но я не могъ на то рѣшиться, не находя закона на таковое дѣло. Даже располагались было и молодые члены совѣта представить въ наступающемъ совѣтѣ, что стыдно имъ сосѣдать и служить съ таковымъ чиновникомъ; но я и то отклонилъ, обѣщавъ имъ съ сею же почтою довести о семъ дѣлѣ до свѣдѣнія вашего превосходительства".

Сенсація, вызванная неравнымъ бракомъ профессора Френа, не ограничилась глухимъ чувствомъ неудовольствія противъ него со стороны нѣкоторыхъ членовъ казанскаго университета. Уже на слѣдующее послѣ брака утро, протестъ противъ поступка Френа нашелъ себѣ выраженіе въ непростительно грубой, некультурной и дикой выходкѣ, съ которою не можетъ примириться хотя бы самое элементарное только чувство порядочности и уваженія къ человѣческой личности: „Необычайныя дѣла влекутъ за собою необычайныя и послѣдствія,—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 5-го декабря, сообщая ему объ этомъ фактѣ.—На другой день послѣ свадьбы Френовой, по утру, найдена у самыхъ воротъ его дома большая куча нечистоты, въ коей усмотрѣны многіе лоскутки писемъ, писанныхъ къ профессору Герману. За сіе произошла бумажная язвительная и яростная перестрѣлка, которая, говорятъ, окончится только судебнымъ разбирательствомъ университетскимъ; но время сіе лучше окажетъ".

Яковкинъ не называетъ фамиліи лица, предполагавшагося прикосновеннымъ къ этой грязной и возмутительной выходкѣ и только косвеннымъ образомъ даетъ понять, что этому инциденту не чуждъ былъ домъ профессора Германа. Откровеннѣе высказался по этому поводу, пятнадцатью

Примѣру сумашедшаго слѣпца Сторля послѣдовалъ нынѣ близорукій слѣпецъ Френъ. Нѣкогда я имѣлъ честь донести вашему превосходительству, что у послѣдняго жила публичная блудница, непотребствовавшая прежде у многихъ какъ нѣмцевъ, такъ и у русскихъ, пришедшая и къ нему съ кузовомъ и вытряхнувшая у него мальчика, признаннаго отъ Френа сыномъ. У нѣмцевъ есть обыкновеніе по три воскресенья объявлять о бракосочетающихся; а у насъ въ Казани,—видно по татарски, а не по нѣмецки,—въ прошедшее воскресенье, 19-го сего ноября, пасторъ послѣ обѣдни вдругъ трижды объявилъ объ имѣющемъ быть бракѣ профессора казанскаго университета Христіана Мартина Френа съ..... тутъ и запнулся и, вмѣсто обыкновенной: „Jungfer", сказалъ: „mit demoiselle Stauntz"! Въ понедѣльникъ совершился и бракъ, къ крайнему стыду всего университета и явному негодованію даже самихъ нѣмецкихъ профессоровъ. Нѣкоторые приходили было ко мнѣ, и въ воскресенье и въ понедѣльникъ, съ представленіемъ, дабы воспрепятствовать таковому постыдному браку; но я не могъ на то рѣшиться, не находя закона на таковое дѣло. Даже располагались было и молодые члены совѣта представить въ наступающемъ совѣтѣ, что стыдно имъ сосѣдать и служить съ таковымъ чиновникомъ; но я и то отклонилъ, обѣщавъ имъ съ сею же почтою довести о семъ дѣлѣ до свѣдѣнія вашего превосходительства".

Сенсація, вызванная неравнымъ бракомъ профессора Френа, не ограничилась глухимъ чувствомъ неудовольствія противъ него со стороны нѣкоторыхъ членовъ казанскаго университета. Уже на слѣдующее послѣ брака утро, протестъ противъ поступка Френа нашелъ себѣ выраженіе въ непростительно грубой, некультурной и дикой выходкѣ, съ которою не можетъ примириться хотя бы самое элементарное только чувство порядочности и уваженія къ человѣческой личности: „Необычайныя дѣла влекутъ за собою необычайныя и послѣдствія,—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 5-го декабря, сообщая ему объ этомъ фактѣ.—На другой день послѣ свадьбы Френовой, по утру, найдена у самыхъ воротъ его дома большая куча нечистоты, въ коей усмотрѣны многіе лоскутки писемъ, писанныхъ къ профессору Герману. За сіе произошла бумажная язвительная и яростная перестрѣлка, которая, говорятъ, окончится только судебнымъ разбирательствомъ университетскимъ; но время сіе лучше окажетъ".

Яковкинъ не называетъ фамиліи лица, предполагавшагося прикосновеннымъ къ этой грязной и возмутительной выходкѣ и только косвеннымъ образомъ даетъ понять, что этому инциденту не чуждъ былъ домъ профессора Германа. Откровеннѣе высказался по этому поводу, пятнадцатью

годами позже, попечитель казанскаго учебнаго округа М. Л. Магницкій, въ письменныхъ объясненіяхъ, представленныхъ имъ въ 1826 году по поводу отчета генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина о произведенной имъ ревизіи казанскаго университета. Здѣсь уже прямо называется имя профессора Германа, а самая выходка противъ проф. Френа объясняется чувствомъ мести со стороны семьи Германа: „Профессоръ Германъ,—пишетъ здѣсь Магницкій, характеризуя нравы профессорской среды того времени,—не успѣвши выдать одну изъ дочерей своихъ за профессора Френа, женившагося на кухаркѣ, велѣлъ бросить цѣлый возъ (!) нечистотъ у воротъ его“, причемъ попутно замѣчаетъ, что „дочери статскаго совѣтника профессора Германа открыто предавались постыднѣйшимъ распутствамъ и одна изъ нихъ приходила къ студентамъ въ кучерскомъ платьѣ“, а вся, вообще, женская половина семьи Германа дѣлала весьма своеобразное примѣненіе своимъ полиглотическимъ талантамъ: „Жена и дочери его,—свидѣтельствуетъ тотъ же Магницкій,—пріѣзжали на квартиру къ одному изъ членовъ университета (рѣчь идетъ, надо полагать, о томъ же Френѣ) и бранили его на трехъ языкахъ *.

Какъ ни можетъ это показаться маловѣроятнымъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ порядковъ и нравовъ, но неравный бракъ проф. Френа породилъ цѣлое совѣтское производство и въ засѣданіи университетскаго совѣта открыто обсуждался и дебатировался вопросъ о „безславномъ бракѣ“ казанскаго оріенталиста. Дѣло это возгорѣлось изъ-за довольно странной выходки профессора Финке, на слѣдующій же послѣ брака своего сослуживца день подавшаго профессору-директору Яковкину письменное заявленіе, въ которомъ просилъ его назначить на предстоящій декабрь мѣсяцъ, для соприсутствованія съ нимъ въ училищномъ комитетѣ, не профессора Френа, но кого либо другого изъ членовъ университета, такъ какъ онъ, Финке—„не можетъ быть спокоенъ, находясь въ столь тѣсномъ сношеніи съ г. профессоромъ Френомъ, какъ съ такимъ человѣкомъ, который безславнымъ своимъ бракомъ посрамилъ честь университета“. Въ письмѣ своемъ къ попечителю отъ 18-го декабря Финке пояснялъ, что это заявленіе носило характеръ совершенно частной записки (ein blosses Privatbillet), предназначавшейся лишь къ личному

* Дочери Германа не пользовались, вообще, симпатіями даже нѣмецкихъ профессоровъ университета. Самъ сдержанный Броннеръ, въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову (см. Бр. 340), насмѣшливо называетъ ихъ «феями Германъ» (les fées Hermann), отписывая попечителю, что онъ будетъ, безъ сомнѣнія, очень благодаренъ ректору за то, что тотъ освободилъ казанскую квартиру его «отъ фей Германъ».

годами позже, попечитель казанскаго учебнаго округа М. Л. Магницкій, въ письменныхъ объясненіяхъ, представленныхъ имъ въ 1826 году по поводу отчета генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина о произведенной имъ ревизіи казанскаго университета. Здѣсь уже прямо называется имя профессора Германа, а самая выходка противъ проф. Френа объясняется чувствомъ мести со стороны семьи Германа: „Профессоръ Германъ,—пишетъ здѣсь Магницкій, характеризуя нравы профессорской среды того времени,— не успѣвши выдать одну изъ дочерей своихъ за профессора Френа, женившагося на кухаркѣ, велѣлъ бросить цѣлый возъ (!) нечистотъ у воротъ его", причемъ попутно замѣчаетъ, что „дочери статскаго совѣтника профессора Германа открыто предавались постыднѣйшимъ распутствамъ и одна изъ нихъ приходила къ студентамъ въ кучерскомъ платьѣ", а вся, вообще, женская половина семьи Германа дѣлала весьма своеобразное примѣненіе своимъ полиглотическимъ талантамъ: „Жена и дочери его,— свидѣтельствуетъ тотъ же Магницкій,—пріѣзжали на квартиру къ одному изъ членовъ университета (рѣчь идетъ, надо полагать, о томъ же Френѣ) и бранили его на трехъ языкахъ *.

Какъ ни можетъ это показаться маловѣроятнымъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ порядковъ и нравовъ, но неравный бракъ проф. Френа породилъ цѣлое совѣтское производство и въ засѣданіи университетскаго совѣта открыто обсуждался и дебатировался вопросъ о „безславномъ бракѣ" казанскаго оріенталиста. Дѣло это возгорѣлось изъ-за довольно странной выходки профессора Финке, на слѣдующій же послѣ брака своего сослуживца день подавшаго профессору-директору Яковкину письменное заявленіе, въ которомъ просилъ его назначить на предстоящій декабрь мѣсяцъ, для сприсутствованія съ нимъ въ училищномъ комитетѣ, не профессора Френа, но кого либо другого изъ членовъ университета, такъ какъ онъ, Финке—„не можетъ быть спокоенъ, находясь въ столь тѣсномъ сношеніи съ г. профессоромъ Френомъ, какъ съ такимъ человѣкомъ, который безславнымъ своимъ бракомъ посрамилъ честь университета". Въ письмѣ своемъ къ попечителю отъ 18-го декабря Финке пояснялъ, что это заявленіе носило характеръ совершенно частной записки (ein blosses Privatbillet), предназначавшейся лишь къ личному

* Дочери Германа не пользовались, вообще, симпатіями даже нѣмецкихъ профессоровъ университета. Самъ сдержанный Броннеръ, въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову (см. Бр. 340), насмѣшливо называетъ ихъ «феями Германъ» (les fées Hermann), отписывая попечителю, что онъ будетъ, безъ сомнѣнія, очень благодаренъ ректору за то, что тотъ освободилъ казанскую квартиру его «отъ фей Германъ».

свѣдѣнію директора. Между тѣмъ Яковкинъ, въ прямыхъ интересахъ котораго было, конечно, посѣяніе раздора среди ненавистной ему нѣмецкой партіи совѣта, оффиціально внесъ это заявленіе на усмотрѣніе училищнаго комитета, гдѣ и было рѣшено назначить на декабрь мѣсяцъ членами училищнаго комитета Томаса и Городчанинова, чѣмъ, косвеннымъ образомъ, санкціонировалась нелѣпая выходка Финке. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было постановлено препроводить все дѣло на благоусмотрѣніе попечителя, который и далъ ему, конечно не безъ участія въ томъ Яковкина, совершенно неожиданное движеніе, предложеніемъ отъ 4-го января 1812 года, предписавъ передать его на разрѣшеніе совѣта, гдѣ это необыкновенное дѣло и слушалось въ засѣданіи 24-го января.

Въ совѣтѣ ярымъ и убѣжденнымъ защитникомъ Френа выступилъ профессоръ Броннеръ, представившій обширное, изложенное по пунктамъ письменное мнѣніе по этому дѣлу („Votum de recusatione d-ni prof. Fincke sedendi in coetu scholastico cum d-no professore Fraehn“), въ которомъ подвергъ безпощадной критикѣ поступокъ Финке съ точекъ зрѣнія юридической и нравственной.

Съ юридической точки зрѣнія Броннеръ признаетъ отказъ Финке отъ совмѣстнаго съ Френомъ засѣданія въ училищномъ комитетѣ лишеннымъ всякаго законнаго основанія, такъ какъ „никто не можетъ отказываться засѣдать въ коллегіальномъ собраніи съ человѣкомъ, не лишеннымъ гражданской чести ни закономъ, ни судебнымъ опредѣленіемъ (quem nec leges, nec judicis sententia honore publico privaverunt)“, и „предоставленіе такого права отказа открывало бы злонамѣреннымъ людямъ возможность сорвать любое коллегіальное собраніе (dispergere quaevis collegia)“. Между тѣмъ Френъ,—продолжаетъ его защитникъ,—не только не лишенъ гражданской чести, но и не совершилъ ничего противозаконнаго, такъ какъ „не существуетъ закона, который запрещалъ бы вести къ алтарю дѣвицу, передъ тѣмъ обманутую обольстителемъ; такія женщины—несчастны, и болѣе заслуживаютъ состраданія, нежели преслѣдованія, и такую то взялъ себѣ въ жены г. Френъ“.

Обращаясь къ нравственной сторонѣ дѣла, Броннеръ ставитъ, прежде всего, слѣдующій вопросъ: „Быть можетъ нѣкоторые готовы приложить наименованіе публичной блудницы (prostibuli) къ той женщинѣ, которую взялъ себѣ въ жены профессоръ Френъ“? Признавая такое обвиненіе—безчестнымъ (ignominiosa), Броннеръ совѣтуетъ такимъ обвинителямъ „побольше заботиться о своей собственной репутаціи, нежели о чужомъ добромъ имени“. Указывая, далѣе, на то, что не существуетъ закона, ко-

свѣдѣнію директора. Между тѣмъ Яковкинъ, въ прямыхъ интересахъ котораго было, конечно, посѣяніе раздора среди ненавистной ему нѣмецкой партіи совѣта, оффиціально внесъ это заявленіе на усмотрѣніе училищнаго комитета, гдѣ и было рѣшено назначить на декабрь мѣсяцъ членами училищнаго комитета Томаса и Городчанинова, чѣмъ, косвеннымъ образомъ, санкціонировалась нелѣпая выходка Финке. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было постановлено препроводить все дѣло на благоусмотрѣніе попечителя, который и далъ ему, конечно не безъ участія въ томъ Яковкина, совершенно неожиданное движеніе, предложеніемъ отъ 4-го января 1812 года, предписавъ передать его на разрѣшеніе совѣта, гдѣ это необыкновенное дѣло и слушалось въ засѣданіи 24-го января.

Въ совѣтѣ ярымъ и убѣжденнымъ защитникомъ Френа выступилъ профессоръ Броннеръ, представившій обширное, изложенное по пунктамъ письменное мнѣніе по этому дѣлу („Votum de recusatione d-ni prof. Fincke sedendi in coetu scholastico cum d-no professore Fraehn“), въ которомъ подвергъ безпощадной критикѣ поступокъ Финке съ точекъ зрѣнія юридической и нравственной.

Съ юридической точки зрѣнія Броннеръ признаетъ отказъ Финке отъ совмѣстнаго съ Френомъ засѣданія въ училищномъ комитетѣ лишеннымъ всякаго законнаго основанія, такъ какъ „никто не можетъ отказываться засѣдать въ коллегіальномъ собраніи съ человѣкомъ, не лишеннымъ гражданской чести ни закономъ, ни судебнымъ опредѣленіемъ (quem nec leges, nec judicis sententia honore publico privaverunt)“, и „предоставленіе такого права отказа открывало бы злонамѣреннымъ людямъ возможность сорвать любое коллегіальное собраніе (dispergere quaevis collegia)“. Между тѣмъ Френъ,—продолжаетъ его защитникъ,—не только не лишенъ гражданской чести, но и не совершилъ ничего противозаконнаго, такъ какъ „не существуетъ закона, который запрещалъ бы вести къ алтарю дѣвицу, передъ тѣмъ обманутую обольстителемъ; такія женщины—несчастны, и болѣе заслуживаютъ состраданія, нежели преслѣдованія, и такую то взялъ себѣ въ жены г. Френъ“.

Обращаясь къ нравственной сторонѣ дѣла, Броннеръ ставитъ, прежде всего, слѣдующій вопросъ: „Быть можетъ нѣкоторые готовы приложить наименованіе публичной блудницы (prostibuli) къ той женщинѣ, которую взялъ себѣ въ жены профессоръ Френъ“? Признавая такое обвиненіе—безчестнымъ (ignominiosa), Броннеръ совѣтуетъ такимъ обвинителямъ „побольше заботиться о своей собственной репутаціи, нежели о чужомъ добромъ имени“. Указывая, далѣе, на то, что не существуетъ закона, ко-

торый запрещалъ бы бракъ даже съ проституткою (nec enim lex ulla prohibet nuptias cum prostituta), Броннеръ ставитъ на видъ, что „сама русская исторія даетъ не одинъ примѣръ браковъ самыхъ высокопоставленныхъ особъ съ женщинами низкаго состоянія и даже не безукоризненной репутаціи“.

Защитительная записка проф. Броннера приходитъ къ выводу, что Френъ своимъ бракомъ не совершилъ ничего безчестнаго и безславнаго для университета—„честь котораго обусловливается не брачными союзами его членовъ, но научными достоинствами, добрыми нравами и честностью ихъ (universitatis honorem nequaquam a nuptiis quibuscunque professorum, sed a scientiis, moribus et probitate eorumdem pendere)“, а эти послѣднія качества составляютъ безспорное достояніе профессора Френа. Высказывая убѣжденіе, что Френъ поступилъ въ данномъ случаѣ „вполнѣ благородно, справедливо и гуманно (ingenue, juste, humaniter fecit), презрѣвъ ложный стыдъ и жалкіе предразсудки, выполнивъ нравственный долгъ отца и объявивъ своею супругою женщину, съ которою уже жилъ раньше, какъ мужъ“, Броннеръ признаетъ, съ другой стороны, что „Финке своею грубою и позорною выходкою тяжко и незаслуженно оскорбилъ чувства достойнѣйшаго человѣка, поступивъ и безчеловѣчно, и высокомѣрно“.

„Votum“ профессора Броннера заключается слѣдующими положеніями, предложенными имъ вниманію совѣта:

I. Профессоръ Финке не имѣлъ никакого законнаго основанія отказываться отъ совмѣстнаго засѣданія съ профессоромъ Френомъ и отказъ этотъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ.

II. Г. Финке долженъ принести г. Френу извиненіе въ своемъ поступкѣ.

III. Если г. Финке будетъ упорствовать въ своемъ нежеланіи засѣдать вмѣстѣ съ проф. Френомъ, въ такомъ случаѣ считать его самого отказавшимся отъ присутствія въ нашихъ коллегіальныхъ собраніяхъ.

Изложенная нами записка Броннера была подписана семью, безусловно присоединившимися къ ней, иностранными членами совѣта, а именно: Брауномъ, Бартельсомъ, Реннеромъ, Литтровомъ, Сторлемъ, Фуксомъ и Эрдманомъ; изъ нихъ Литтровъ сдѣлалъ приписку, въ которой объявлялъ образъ дѣйствій Френа—„достохвальнымъ“, поступокъ же Финке—„достойнымъ порицанія съ точки зрѣнія и закона, и такта, и нравственности (secundum leges, et politicas et morales vituperandam esse)“.

торый запрещалъ бы бракъ даже съ проституткою (nec enim lex ulla prohibet nuptias cum prostituta), Броннеръ ставитъ на видъ, что „сама русская исторія даетъ не одинъ примѣръ браковъ самыхъ высокопоставленныхъ особъ съ женщинами низкаго состоянія и даже не безукоризненной репутаціи".

Защитительная записка проф. Броннера приходитъ къ выводу, что Френъ своимъ бракомъ не совершилъ ничего безчестнаго и безславнаго для университета—„честь котораго обусловливается не брачными союзами его членовъ, но научными достоинствами, добрыми нравами и честностью ихъ (universitatis honorem nequaquam a nuptiis quibuscunque professorum, sed a scientiis, moribus et probitate eorumdem pendere)", а эти послѣднія качества составляютъ безспорное достояніе профессора Френа. Высказывая убѣжденіе, что Френъ поступилъ въ данномъ случаѣ „вполнѣ благородно, справедливо и гуманно (ingenue, juste, humaniter fecit), презрѣвъ ложный стыдъ и жалкіе предразсудки, выполнивъ нравственный долгъ отца и объявивъ своею супругою женщину, съ которою уже жилъ раньше, какъ мужъ", Броннеръ признаетъ, съ другой стороны, что „Финке своею грубою и позорною выходкою тяжко и незаслуженно оскорбилъ чувства достойнѣйшаго человѣка, поступивъ и безчеловѣчно, и высокомѣрно".

„Votum" профессора Броннера заключается слѣдующими положеніями, предложенными имъ вниманію совѣта:

I. Профессоръ Финке не имѣлъ никакого законнаго основанія отказываться отъ совмѣстнаго засѣданія съ профессоромъ Френомъ и отказъ этотъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ.

II. Г. Финке долженъ принести г. Френу извиненіе въ своемъ поступкѣ.

III. Если г. Финке будетъ упорствовать въ своемъ нежеланіи засѣдать вмѣстѣ съ проф. Френомъ, въ такомъ случаѣ считать его самого отказавшимся отъ присутствія въ нашихъ коллегіальныхъ собраніяхъ.

Изложенная нами записка Броннера была подписана семью, безусловно присоединившимися къ ней, иностранными членами совѣта, а именно: Брауномъ, Бартельсомъ, Реннеромъ, Литтровомъ, Сторлемъ, Фуксомъ и Эрдманомъ; изъ нихъ Литтровъ сдѣлалъ приписку, въ которой объявлялъ образъ дѣйствій Френа—„достохвальнымъ", поступокъ же Финке—„достойнымъ порицанія съ точки зрѣнія и закона, и такта, и нравственности (secundum leges, et politicas et morales vituperandam esse)".

Опредѣленіе по этому дѣлу совѣта состоялось въ смыслѣ votum'а профессора Броннера и было формулировано, на латинскомъ языкѣ, слѣдующимъ образомъ:

> „Petitio, qua dominus professor Finke recusationem a consessu cum domino professore Fraehn in coetu scholarum postulat, jure nullo nititur. Pluribus hoc probavit dominus professor Bronnerus, cujus declaratio, ipso postulante, hic additur" *.

Яковкинъ не предсѣдательствовалъ въ этомъ, болѣе нежели странномъ, засѣданіи совѣта: заваривъ всю эту грязную кашу, онъ лично въ собраніи не присутствовалъ, почему предсѣдательство въ немъ и выпало на долю проф. Эрдмана. Но за то дѣятельнымъ участникомъ событій этого дня выступилъ клевретъ и наперстникъ Яковкина—адъюнктъ Кондыревъ, не раздѣлившій благородныхъ взглядовъ на вещи Броннера и задавшійся цѣлью, во что бы то ни стало, раздуть это и безъ того сенсаціонное дѣло до размѣровъ крупнаго скандала. Отказавшись примкнуть къ только что приведенному постановленію совѣта, Кондыревъ остался при обширномъ, приложенномъ къ дѣлу, отдѣльномъ мнѣніи, въ которомъ признавалъ „обвиненіе г. профессора Финке отъ совѣта сдѣланнымъ безъ законнаго изслѣдованія, безъ разсмотрѣнія причинъ и, слѣдовательно, противозаконно". Кондыревъ настаивалъ на полномъ разслѣдованіи всего дѣла по существу, потребовавъ отъ Финке „объясненія подробнѣйшаго, по какимъ причинамъ думаетъ онъ быть уволеннымъ отъ засѣданія съ г. профессоромъ Френомъ", а отъ самого Френа—„обстоятельнаго историческаго (sic!) свѣдѣнія въ разсужденіи его жены (!)". Въ своихъ инквизиторскихъ потугахъ Кондыревъ дошелъ даже до того, что высказываетъ возможность „подъ именемъ безславія,—о которомъ говорило заявленіе Финке,—разумѣть и какое либо преступленіе, каковое же оно, изъ письма г. профессора Финке не извѣстно". Ясно, что Кондыревъ билъ на скандалъ, надѣясь поселить этимъ путемъ раздоръ въ нѣдрахъ ненавистной ему и его принципалу нѣмецкой партіи совѣта и совершенно дискредитировать иностранныхъ профессоровъ въ глазахъ начальства и общественнаго мнѣнія, но коварный замыселъ этотъ разбился о слѣдующій отзывъ попечителя отъ 22-го февраля, послѣдовавшій по дѣлу Финке и Френа:

---

* «Прошеніе, поданное профессоромъ Финке объ отказѣ его засѣдать, совмѣстно съ профессоромъ Френомъ, въ училищномъ комитетѣ, не основано ни на какомъ законномъ основаніи, что ясно доказано профессоромъ Броннеромъ, мнѣніе котораго по этому дѣлу, согласно его желанію, при семъ прилагается».

Опредѣленіе по этому дѣлу совѣта состоялось въ смыслѣ votum'а профессора Броннера и было формулировано, на латинскомъ языкѣ, слѣдующимъ образомъ:

„Petitio, qua dominus professor Finke recusationem a consessu cum domino professore Fraehn in coetu scholarum postulat, jure nullo nititur. Pluribus hoc probavit dominus professor Bronnerus, cujus declaratio, ipso postulante, hic additur“ *.

Яковкинъ не предсѣдательствовалъ въ этомъ, болѣе нежели странномъ, засѣданіи совѣта: заваривъ всю эту грязную кашу, онъ лично въ собраніи не присутствовалъ, почему предсѣдательство въ немъ и выпало на долю проф. Эрдмана. Но за то дѣятельнымъ участникомъ событій этого дня выступилъ клевретъ и наперстникъ Яковкина—адъюнктъ Кондыревъ, не раздѣлившій благородныхъ взглядовъ на вещи Броннера и задавшійся цѣлью, во что бы то ни стало, раздуть это и безъ того сенсаціонное дѣло до размѣровъ крупнаго скандала. Отказавшись примкнуть къ только что приведенному постановленію совѣта, Кондыревъ остался при обширномъ, приложенномъ къ дѣлу, отдѣльномъ мнѣніи, въ которомъ признавалъ „обвиненіе г. профессора Финке отъ совѣта сдѣланнымъ безъ законнаго изслѣдованія, безъ разсмотрѣнія причинъ и, слѣдовательно, противозаконно“. Кондыревъ настаивалъ на полномъ разслѣдованіи всего дѣла по существу, потребовавъ отъ Финке „объясненія подробнѣйшаго, по какимъ причинамъ думаетъ онъ быть уволеннымъ отъ засѣданія съ г. профессоромъ Френомъ“, а отъ самого Френа—„обстоятельнаго историческаго (sic!) свѣдѣнія въ разсужденіи его жены (!)“. Въ своихъ инквизиторскихъ потугахъ Кондыревъ дошелъ даже до того, что высказываетъ возможность „подъ именемъ безславія,—о которомъ говорило заявленіе Финке,—разумѣть и какое либо преступленіе, каковое же оно, изъ письма г. профессора Финке не извѣстно“. Ясно, что Кондыревъ билъ на скандалъ, надѣясь поселить этимъ путемъ раздоръ въ нѣдрахъ ненавистной ему и его принципалу нѣмецкой партіи совѣта и совершенно дискредитировать иностранныхъ профессоровъ въ глазахъ начальства и общественнаго мнѣнія, но коварный замыселъ этотъ разбился о слѣдующій отзывъ попечителя отъ 22-го февраля, послѣдовавшій по дѣлу Финке и Френа:

---

* «Прошеніе, поданное профессоромъ Финке объ отказѣ его засѣдать, совмѣстно съ профессоромъ Френомъ, въ училищномъ комитетѣ, не основано ни на какомъ законномъ основаніи, что ясно доказано профессоромъ Броннеромъ, мнѣніе котораго по этому дѣлу, согласно его желанію, при семъ прилагается».

„Согласенъ будучи съ мнѣніемъ г. профессора Броннера въ томъ, что г. профессоръ Финке не имѣлъ на законахъ основанной причины отказаться отъ засѣданія съ г. профессоромъ Френомъ въ училищномъ комитетѣ,—писалъ Румовскій,—предлагаю, чтобы, для соблюденія тишины и спокойствія университета, совѣтъ благоразуміе свое обратилъ на примиреніе г.г. профессоровъ Френа и Финке. И, притомъ, г. Финке объявить, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ засѣданій, начальствомъ ему предписанныхъ, единственно для причинъ, имъ объявленныхъ".

Этимъ попечительскимъ предложеніемъ и былъ положенъ конецъ прискорбному инциденту, дѣйствительно грозившему принести „безславіе" университету, хотя и не съ той точки зрѣнія, на которой стояли Яковкинъ, Кондыревъ и самъ не въ мѣру щепетильный Финке. И на этотъ разъ профессору Броннеру обязанъ былъ казанскій университетъ возстановленіемъ спокойствія въ средѣ его членовъ, какъ узнаемъ мы это изъ письма къ нему Румовскаго отъ 26-го февраля 1812 года:

„Я безконечно благодаренъ вамъ за сообщеніе подробностей всего, происходившаго въ засѣданіи совѣта 24-го января,—писалъ попечитель *.—Я восхищаюсь прямолинейностью и твердостью (votre droiture et la fermeté), съ которыми вы дѣйствовали. Я уже нѣсколько дней тому назадъ отправилъ совѣту свой отзывъ по дѣлу г.г. Финке и Френа и вполнѣ присоединяюсь къ высказанному вами взгляду на вещи. Я не одобряю легкомысленнаго поведенія г. Кондырева... Г. предсѣдатель (т. е. проф. Эрдманъ) держалъ себя въ этомъ щекотливомъ засѣданіи съ полною умѣренностью и тактомъ—и я прошу васъ передать ему чувства моего совершеннаго удовольствія по этому поводу. Его образъ дѣйствій можетъ быть поставленъ предсѣдателю совѣта въ образецъ. Я уже далъ понять г. Яковкину, который держится, повидимому, одного съ Кондыревымъ взгляда на вещи, что поступать такимъ образомъ, какъ онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ—значитъ лишь запутывать это послѣднее безъ всякой пользы для университета".

Изъ переписки Броннера съ попечителемъ мы узнаемъ, что дѣло грозило вступить въ фазу дальнѣйшаго осложненія, благодаря самому оскорбленному Френу, намѣревавшемуся принести въ совѣтъ жалобу на Финке. Прежде, нежели рѣшиться на такой шагъ, онъ совѣтовался съ Броннеромъ, который и отговорилъ его отъ этого: „Я былъ счастливъ,—писалъ Броннеръ попечителю отъ 18-го марта,—что мнѣ удалось растро-

---

*) До насъ не сохранилось, къ сожалѣнію, письмо Броннера, на которое намекаетъ здѣсь попечитель.

„Согласенъ будучи съ мнѣніемъ г. профессора Броннера въ томъ, что г. профессоръ Финке не имѣлъ на законахъ основанной причины отказаться отъ засѣданія съ г. профессоромъ Френомъ въ училищномъ комитетѣ,—писалъ Румовскій,—предлагаю, чтобы, для соблюденія тишины и спокойствія университета, совѣтъ благоразуміе свое обратилъ на примиреніе г.г. профессоровъ Френа и Финке. И, притомъ, г. Финке объявить, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ засѣданій, начальствомъ ему предписанныхъ, единственно для причинъ, имъ объявленныхъ".

Этимъ попечительскимъ предложеніемъ и былъ положенъ конецъ прискорбному инциденту, дѣйствительно грозившему принести „безславіе" университету, хотя и не съ той точки зрѣнія, на которой стояли Яковкинъ, Кондыревъ и самъ не въ мѣру щепетильный Финке. И на этотъ разъ профессору Броннеру обязанъ былъ казанскій университетъ возстановленіемъ спокойствія въ средѣ его членовъ, какъ узнаемъ мы это изъ письма къ нему Румовскаго отъ 26-го февраля 1812 года:

„Я безконечно благодаренъ вамъ за сообщеніе подробностей всего, происходившаго въ засѣданіи совѣта 24-го января,—писалъ попечитель *.—Я восхищаюсь прямолинейностью и твердостью (votre droiture et la fermeté), съ которыми вы дѣйствовали. Я уже нѣсколько дней тому назадъ отправилъ совѣту свой отзывъ по дѣлу г.г. Финке и Френа и вполнѣ присоединяюсь къ высказанному вами взгляду на вещи. Я не одобряю легкомысленнаго поведенія г. Кондырева... Г. предсѣдатель (т. е. проф. Эрдманъ) держалъ себя въ этомъ щекотливомъ засѣданіи съ полною умѣренностью и тактомъ—и я прошу васъ передать ему чувства моего совершеннаго удовольствія по этому поводу. Его образъ дѣйствій можетъ быть поставленъ предсѣдателю совѣта въ образецъ. Я уже далъ понять г. Яковкину, который держится, повидимому, одного съ Кондыревымъ взгляда на вещи, что поступать такимъ образомъ, какъ онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ—значитъ лишь запутывать это послѣднее безъ всякой пользы для университета".

Изъ переписки Броннера съ попечителемъ мы узнаемъ, что дѣло грозило вступить въ фазу дальнѣйшаго осложненія, благодаря самому оскорбленному Френу, намѣревавшемуся принести въ совѣтъ жалобу на Финке. Прежде, нежели рѣшиться на такой шагъ, онъ совѣтовался съ Броннеромъ, который и отговорилъ его отъ этого: „Я былъ счастливъ,—писалъ Броннеръ попечителю отъ 18-го марта,—что мнѣ удалось растро-

---

*) До насъ не сохранилось, къ сожалѣнію, письмо Броннера, на которое намекаетъ здѣсь попечитель.

гать Френа до слезъ и уговорить его тутъ же разорвать заготовленную имъ жалобу".

Въ совѣтскомъ инцидентѣ Финке и Френа мы вправѣ, такимъ образомъ, видѣть еще одну блестящую побѣду, оказанную проф. Броннеромъ надъ профессоромъ-директоромъ и руководимою имъ партіею [209].

То „неопредѣлительное",—по выраженію адъюнкта Карташевскаго,—положеніе, въ которомъ пребывалъ вновь созданный казанскій университетъ въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ своего существованія, не могло, конечно, не отразиться на условіяхъ коллегіальной и нравственной жизни профессорской его среды.

Мало имѣемъ мы указаній частнаго характера на коллегіальныя условія жизни профессоровъ первой поры существованія казанскаго университета внѣ сферъ ихъ оффиціально-служебной дѣятельности, находившей себѣ выраженіе въ засѣданіяхъ совѣта и отдѣленій, въ преподаваніи, въ выполненіи различныхъ порученій начальства и коллегіи. Какъ слагалась и объединялась ихъ коллегіальная жизнь и ихъ коллегіальныя отношенія внѣ этихъ оффиціальныхъ рамокъ дѣятельности—объ этомъ можемъ мы судить лишь весьма относительно, на основаніи отрывочныхъ и, во всякомъ случаѣ весьма немногочисленныхъ, указаній совершенно случайнаго характера.

Весьма любопытное указаніе почерпается въ этомъ направленіи изъ переписки профессора І. А. Литтрова, относящейся къ эпохѣ, слѣдовавшей за оставленіемъ имъ Казани. Вернувшись на родину, Литтровъ сохранялъ самое пріятное воспоминаніе о Россіи, вообще, и о Казани, въ частности, и не даромъ встрѣчаемъ мы въ 1817 году съ его стороны попытку вторично опредѣлиться въ русскую ученую службу. Особенно теплыя воспоминанія оставили въ немъ условія коллегіально-товарищеской жизни въ казанскомъ университетѣ: „Непріятности, окружавшія меня въ Казани,—писалъ Литтровъ осенью 1817 года,—еще живы въ моей памяти, но ни на одну минуту я не переставалъ жалѣть о тѣхъ славныхъ людяхъ, которыхъ я оставилъ тамъ. Ни въ одномъ университетѣ я не встрѣчалъ такой настоящей коллегіальной дружбы: на третій день по пріѣздѣ я былъ тамъ вездѣ, какъ дома, и мы всѣ, казалось, были членами одной большой семьи".

Отзывъ Литтрова можетъ быть принятъ нами на вѣру лишь съ извѣстною относительностью, такъ какъ онъ касается, главнымъ образомъ, ино-

гать Френа до слезъ и уговорить его тутъ же разорвать заготовленную имъ жалобу".

Въ совѣтскомъ инцидентѣ Финке и Френа мы вправѣ, такимъ образомъ, видѣть еще одну блестящую побѣду, оказанную проф. Броннеромъ надъ профессоромъ-директоромъ и руководимою имъ партіею [209].

То „неопредѣлительное",—по выраженію адъюнкта Карташевскаго,— положеніе, въ которомъ пребывалъ вновь созданный казанскій университетъ въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ своего существованія, не могло, конечно, не отразиться на условіяхъ коллегіальной и нравственной жизни профессорской его среды.

Мало имѣемъ мы указаній частнаго характера на коллегіальныя условія жизни профессоровъ первой поры существованія казанскаго университета внѣ сферъ ихъ оффиціально-служебной дѣятельности, находившей себѣ выраженіе въ засѣданіяхъ совѣта и отдѣленій, въ преподаваніи, въ выполненіи различныхъ порученій начальства и коллегіи. Какъ слагалась и объединялась ихъ коллегіальная жизнь и ихъ коллегіальныя отношенія внѣ этихъ оффиціальныхъ рамокъ дѣятельности—объ этомъ можемъ мы судить лишь весьма относительно, на основаніи отрывочныхъ и, во всякомъ случаѣ весьма немногочисленныхъ, указаній совершенно случайнаго характера.

Весьма любопытное указаніе почерпается въ этомъ направленіи изъ переписки профессора I. A. Литтрова, относящейся къ эпохѣ, слѣдовавшей за оставленіемъ имъ Казани. Вернувшись на родину, Литтровъ сохранялъ самое пріятное воспоминаніе о Россіи, вообще, и о Казани, въ частности, и не даромъ встрѣчаемъ мы въ 1817 году съ его стороны попытку вторично опредѣлиться въ русскую ученую службу. Особенно теплыя воспоминанія оставили въ немъ условія коллегіально-товарищеской жизни въ казанскомъ университетѣ: „Непріятности, окружавшія меня въ Казани,—писалъ Литтровъ осенью 1817 года,—еще живы въ моей памяти, но ни на одну минуту я не переставалъ жалѣть о тѣхъ славныхъ людяхъ, которыхъ я оставилъ тамъ. Ни въ одномъ университетѣ я не встрѣчалъ такой настоящей коллегіальной дружбы: на третій день по пріѣздѣ я былъ тамъ вездѣ, какъ дома, и мы всѣ, казалось, были членами одной большой семьи".

Отзывъ Литтрова можетъ быть принятъ нами на вѣру лишь съ извѣстною относительностью, такъ какъ онъ касается, главнымъ образомъ, ино-

странной группы профессоровъ казанскаго университета. Съ другой стороны, этотъ отзывъ можетъ быть признанъ вѣрнымъ развѣ только примѣнительно къ эпохѣ жизни университета, предшествовавшей полному открытію его въ 1814 году, когда всѣ усилія лучшихъ представителей университета объединялись, какъ это намъ уже хорошо извѣстно, на почвѣ упорной борьбы съ „неопредѣлительнымъ" положеніемъ университета и съ самовластными тенденціями профессора-директора Яковкина и его крайне незначительной, сравнительно съ совѣтскимъ большинствомъ, партіи, которая и оказалась, напримѣръ, совсѣмъ ничтожною и безсильною хотя бы въ только что разсказанномъ нами эпизодѣ столкновенія Френа и Финке. Совершенно иное направленіе стала принимать коллегіальная жизнь университета послѣ полнаго его открытія въ 1814 году, когда единоличная власть Яковкина замѣнилась властью выборнаго ректора и другихъ автономныхъ органовъ университетскаго самоуправленія, а, слѣдомъ затѣмъ, разгарается непримиримая борьба изъ-за первенствующаго значенія въ университетѣ двухъ совѣтскихъ партій—русской и иностранной, борьба, всѣ перипетіи которой намъ уже въ достаточной степени знакомы и которая велась, въ Казани—въ сферѣ отношеній совѣтскихъ, въ Петербургѣ—въ перепискѣ съ попечителемъ Салтыковымъ и съ представителями центральныхъ органовъ вѣдомства народнаго просвѣщенія *. Да и сами представители иностранной совѣтской партіи не всегда жили въ коллегіальномъ мирѣ между собою, какъ доказываетъ намъ это столкновеніе между Френомъ и Финке, какъ подтверждаетъ намъ это и письмо Броннера къ Салтыкову отъ 7-го января 1817 года, въ которомъ Броннеръ жалуется, что „нѣмцы, какъ это наблюдается всегда и вездѣ, пребываютъ въ состояніи розни между собою", тогда какъ русскіе „наоборотъ, крѣпко сплотились на почвѣ общихъ интересовъ" (Бр. 355). Это свидѣтельство пріурочивается, впрочемъ, уже къ той порѣ, когда русская партія совѣта стала брать замѣтный перевѣсъ надъ партіею иностранною.

Какъ бы то ни было, но эпоха неограниченнаго и полновластнаго владычества Яковкина являлась, дѣйствительно, мощнымъ стимуломъ, сплотившимъ членовъ начальнаго совѣта университета въ организованное цѣлое, проникнутое, за единичными и случайными исключеніями, одною общею идеею борьбы за самостоятельность университетской жизни и сумѣвшее выдвинуть изъ своей среды такихъ энергичныхъ и самоотверженныхъ борцовъ, какими видѣли мы Карташевскаго, Каменскаго, Германа, Цеплина, Заполь-

* См. главу II настоящаго тома, стр. 101 и слѣд., въ особенности же стр. 106—112.

странной группы профессоровъ казанскаго университета. Съ другой стороны, этотъ отзывъ можетъ быть признанъ вѣрнымъ развѣ только примѣнительно къ эпохѣ жизни университета, предшествовавшей полному открытію его въ 1814 году, когда всѣ усилія лучшихъ представителей университета объединялись, какъ это намъ уже хорошо извѣстно, на почвѣ упорной борьбы съ „неопредѣлительнымъ" положеніемъ университета и съ самовластными тенденціями профессора-директора Яковкина и его крайне незначительной, сравнительно съ совѣтскимъ большинствомъ, партіи, которая и оказалась, напримѣръ, совсѣмъ ничтожною и безсильною хотя бы въ только что разсказанномъ нами эпизодѣ столкновенія Френа и Финке. Совершенно иное направленіе стала принимать коллегіальная жизнь университета послѣ полнаго его открытія въ 1814 году, когда единоличная власть Яковкина замѣнилась властью выборнаго ректора и другихъ автономныхъ органовъ университетскаго самоуправленія, а, слѣдомъ затѣмъ, разгарается непримиримая борьба изъ-за первенствующаго значенія въ университетѣ двухъ совѣтскихъ партій—русской и иностранной, борьба, всѣ перипетіи которой намъ уже въ достаточной степени знакомы и которая велась, въ Казани—въ сферѣ отношеній совѣтскихъ, въ Петербургѣ—въ перепискѣ съ попечителемъ Салтыковымъ и съ представителями центральныхъ органовъ вѣдомства народнаго просвѣщенія *. Да и сами представители иностранной совѣтской партіи не всегда жили въ коллегіальномъ мирѣ между собою, какъ доказываетъ намъ это столкновеніе между Френомъ и Финке, какъ подтверждаетъ намъ это и письмо Броннера къ Салтыкову отъ 7-го января 1817 года, въ которомъ Броннеръ жалуется, что „нѣмцы, какъ это наблюдается всегда и вездѣ, пребываютъ въ состояніи розни между собою", тогда какъ русскіе „наоборотъ, крѣпко сплотились на почвѣ общихъ интересовъ" (Бр. 355). Это свидѣтельство пріурочивается, впрочемъ, уже къ той порѣ, когда русская партія совѣта стала брать замѣтный перевѣсъ надъ партіею иностранною.

Какъ бы то ни было, но эпоха неограниченнаго и полновластнаго владычества Яковкина являлась, дѣйствительно, мощнымъ стимуломъ, сплотившимъ членовъ начальнаго совѣта университета въ организованное цѣлое, проникнутое, за единичными и случайными исключеніями, одною общею идеею борьбы за самостоятельность университетской жизни и сумѣвшее выдвинуть изъ своей среды такихъ энергичныхъ и самоотверженныхъ борцовъ, какими видѣли мы Карташевскаго, Каменскаго, Германа, Цеплина, Заполь-

* См. главу II настоящаго тома, стр. 101 и слѣд., въ особенности же стр. 106—112.

скаго, позднѣе—Брауна, Фойгта, Арнгольдта и, въ особенности, Броннера. Мы уже знаемъ, что эта борьба, возводившаяся Яковкинымъ на степень „крамолы“ противъ властей предержащихъ, являлась, по своей страстности, особенно характерною для первыхъ двухъ лѣтъ жизни молодого университета и къ этой то именно порѣ (1806 году) пріурочивается замѣчаніе Магницкаго, высказанное имъ уже въ 1826 году, во время ревизіи Желтухина, что „раздоры членовъ совѣта, неприличные даже людямъ послѣднихъ классовъ“, доходили до того, что „мимо ходящіе, слыша ихъ споры и крикъ, останавливались передъ окнами совѣта и полагалось нужнымъ увѣдомить полицію, для разогнанія толпящихся на улицѣ слушателей“.

Но не однѣ задачи совѣтской борьбы, первоначально—съ Яковкинымъ, позднѣе—на почвѣ соперничества изъ-за преобладанія двухъ національныхъ партій, являлись стимуломъ, объединявшимъ между собою духовные интересы отдѣльныхъ представителей университета. Не были лишены въ этомъ отношеніи значенія интересы научные и литературные, которые играли въ духовной жизни первыхъ лѣтъ существованія юнаго казанскаго университета роль болѣе видную сравнительно съ тѣмъ значеніемъ, какое могло бы быть признано за ними при поверхностномъ взглядѣ на явленія и факты этой начальной поры его исторіи, въ чемъ наши читатели могли несомнѣннымъ образомъ убѣдиться изъ всего нашего предшествовавшаго повѣствованія. Намъ уже извѣстны научные и литературные интересы, одушевлявшіе собою первыхъ представителей казанской университетской науки и въ непосредственной связи съ которыми должны быть поставлены основаніе перваго при университетѣ общества (любителей отечественной словесности) и мѣстной періодической прессы (Казанскія Извѣстія); знакома намъ посильная дѣятельность ихъ, направлявшаяся къ изученію, въ различныхъ отношеніяхъ, мѣстнаго края; видѣли мы и предположенія о созданіи при университетѣ обществъ уже чисто научныхъ (математическій кружокъ Броннера, Литтрова и Бартельса, проэктъ Неймана объ основаніи юридическаго общества). Но самымъ блестящимъ результатомъ духовно-научныхъ интересовъ и стремленій, одушевлявшихъ собою профессоровъ начальной поры существованія казанскаго университета и которыя они умѣли передавать и слушателямъ своимъ, явился расцвѣтъ въ Казани физико-математическаго знанія, уже весьма рано давшій плодъ въ цѣлой плеядѣ молодыхъ ученыхъ представителей математики и естествознанія (Н. и А. Лобачевскіе, Симоновъ, Д. Перевощиковъ, Никольскій, Тимьянскій, Кайсаровъ, Шоникъ, Линдегренъ), образовавшихся подъ эгидою едва вступавшаго въ самостоятельную

скаго, позднѣе—Брауна, Фойгта, Аригольдта и, въ особенности, Броннера. Мы уже знаемъ, что эта борьба, возводившаяся Яковкинымъ на степень „крамолы“ противъ властей предержащихъ, являлась, по своей страстности, особенно характерною для первыхъ двухъ лѣтъ жизни молодого университета и къ этой то именно порѣ (1806 году) пріурочивается замѣчаніе Магницкаго, высказанное имъ уже въ 1826 году, во время ревизіи Желтухина, что „раздоры членовъ совѣта, неприличные даже людямъ послѣднихъ классовъ“, доходили до того, что „мимо ходящіе, слыша ихъ споры и крикъ, останавливались передъ окнами совѣта и полагалось нужнымъ увѣдомить полицію, для разогнанія толпящихся на улицѣ слушателей“.

Но не однѣ задачи совѣтской борьбы, первоначально—съ Яковкинымъ, позднѣе—на почвѣ соперничества изъ-за преобладанія двухъ національныхъ партій, являлись стимуломъ, объединявшимъ между собою духовные интересы отдѣльныхъ представителей университета. Не были лишены въ этомъ отношеніи значенія интересы научные и литературные, которые играли въ духовной жизни первыхъ лѣтъ существованія юнаго казанскаго университета роль болѣе видную сравнительно съ тѣмъ значеніемъ, какое могло бы быть признано за ними при поверхностномъ взглядѣ на явленія и факты этой начальной поры его исторіи, въ чемъ наши читатели могли несомнѣннымъ образомъ убѣдиться изъ всего нашего предшествовавшаго повѣствованія. Намъ уже извѣстны научные и литературные интересы, одушевлявшіе собою первыхъ представителей казанской университетской науки и въ непосредственной связи съ которыми должны быть поставлены основаніе перваго при университетѣ общества (любителей отечественной словесности) и мѣстной періодической прессы (Казанскія Извѣстія); знакома намъ посильная дѣятельность ихъ, направлявшаяся къ изученію, въ различныхъ отношеніяхъ, мѣстнаго края; видѣли мы и предположенія о созданіи при университетѣ обществъ уже чисто научныхъ (математическій кружокъ Броннера, Литтрова и Бартельса, проэктъ Неймана объ основаніи юридическаго общества). Но самымъ блестящимъ результатомъ духовно-научныхъ интересовъ и стремленій, одушевлявшихъ собою профессоровъ начальной поры существованія казанскаго университета и которыя они умѣли передавать и слушателямъ своимъ, явился расцвѣтъ въ Казани физико-математическаго знанія, уже весьма рано давшій плодъ въ цѣлой плеядѣ молодыхъ ученыхъ представителей математики и естествознанія (Н. и А. Лобачевскіе, Симоновъ, Д. Перевощиковъ, Никольскій, Тимьянскій, Кайсаровъ, Шоникъ, Линдегренъ), образовавшихся подъ эгидою едва вступавшаго въ самостоятельную

жизнь казанскаго университета. Справедливость требуетъ поставить на видъ ближайшее участіе именно иностранныхъ профессоровъ въ дѣлѣ насажденія и укрѣпленія въ молодомъ казанскомъ университетѣ науки и научныхъ стремленій, что и не представляется, конечно, нисколько удивительнымъ, такъ какъ въ воспитавшихъ ихъ лучшихъ университетахъ западной Европы усвоены были ими та любовь и то уваженіе къ научному знанію, съ которыми являлись они въ далекую Казань и которыя представляли собою рѣзкую противоположность „научному индифферентизму случайныхъ людей, видѣвшихъ въ университетѣ лишь дойную корову"—какъ выразился проф. Броннеръ въ послѣднемъ изъ сохранившихся писемъ его къ попечителю Салтыкову (Бр., 357).

Съ большою осторожностью должны мы относиться къ дошедшимъ до насъ указаніямъ, чаще—простымъ даже намекамъ, на нравственный обликъ профессоровъ первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета, начиная отъ тяжкихъ обвиненій въ „лакомствѣ" и ростовщичествѣ, съ которыми выступалъ профессоръ-директоръ Яковкинъ противъ профессоровъ Германа и Брауна, и кончая обвиненіями въ простой невоздержанности жизни и въ манкированіи своими служебными обязанностями. Много личнаго и страстнаго влагалось въ эти обвиненія, такъ какъ они выставлялись, въ большинствѣ случаевъ, неразборчивыми орудіями борьбы при сведеніи счетовъ съ противниками, на что особеннымъ мастеромъ являлся всегда, какъ мы не разъ имѣли случаи въ томъ убѣждаться, самъ пресловутый „профессоръ и кавалеръ".

Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ и страстныхъ отзывовъ относительно нравственной стороны жизни профессоровъ и преподавателей интересующей насъ эпохи, какъ и относительно условій жизни казанскаго университета до 1819 года, вообще, вылился въ 1826 году изъ подъ пера попечителя округа Магницкаго, въ этомъ году отчаянно отписывавшагося противъ обличавшихъ его выводовъ своего безпощаднаго ревизора, генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина, и при этомъ не жалѣвшаго, само собою разумѣется, мрачныхъ красокъ для обрисовки состоянія университета до эпохи его собственнаго попечительства. Въ этихъ въ высшей степени любопытныхъ отпискахъ Магницкаго, хранящихся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія въ „дѣлѣ по высочайшему повелѣнію о доставленіи д. с. с. Магницкому, извлеченія изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ имъ казанскаго университета, для объясненій по оному", мы встрѣчаемся съ освѣщеніемъ,—конечно въ достаточной мѣрѣ субъективнымъ,—многихъ уже знакомыхъ намъ фактовъ и проявленій жизни

жизнь казанскаго университета. Справедливость требуетъ поставить на видъ ближайшее участіе именно иностранныхъ профессоровъ въ дѣлѣ насажденія и укрѣпленія въ молодомъ казанскомъ университетѣ науки и научныхъ стремленій, что и не представляется, конечно, нисколько удивительнымъ, такъ какъ въ воспитавшихъ ихъ лучшихъ университетахъ западной Европы усвоены были ими та любовь и то уваженіе къ научному знанію, съ которыми являлись они въ далекую Казань и которыя представляли собою рѣзкую противоположность „научному индифферентизму случайныхъ людей, видѣвшихъ въ университетѣ лишь дойную корову"—какъ выразился проф. Броннеръ въ послѣднемъ изъ сохранившихся писемъ его къ попечителю Салтыкову (Бр., 357).

Съ большою осторожностью должны мы относиться къ дошедшимъ до насъ указаніямъ, чаще—простымъ даже намекамъ, на нравственный обликъ профессоровъ первыхъ лѣтъ существованія казанскаго университета, начиная отъ тяжкихъ обвиненій въ „лакомствѣ" и ростовщичествѣ, съ которыми выступалъ профессоръ-директоръ Яковкинъ противъ профессоровъ Германа и Брауна, и кончая обвиненіями въ простой невоздержанности жизни и въ манкированіи своими служебными обязанностями. Много личнаго и страстнаго влагалось въ эти обвиненія, такъ какъ они выставлялись, въ большинствѣ случаевъ, неразборчивыми орудіями борьбы при сведеніи счетовъ съ противниками, на что особеннымъ мастеромъ являлся всегда, какъ мы не разъ имѣли случаи въ томъ убѣждаться, самъ пресловутый „профессоръ и кавалеръ".

Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ и страстныхъ отзывовъ относительно нравственной стороны жизни профессоровъ и преподавателей интересующей насъ эпохи, какъ и относительно условій жизни казанскаго университета до 1819 года, вообще, вылился въ 1826 году изъ подъ пера попечителя округа Магницкаго, въ этомъ году отчаянно отписывавшагося противъ обличавшихъ его выводовъ своего безпощаднаго ревизора, генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина, и при этомъ не жалѣвшаго, само собою разумѣется, мрачныхъ красокъ для обрисовки состоянія университета до эпохи его собственнаго попечительства. Въ этихъ въ высшей степени любопытныхъ отпискахъ Магницкаго, хранящихся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія въ „дѣлѣ по высочайшему повелѣнію о доставленіи д. с. с. Магницкому, извлеченія изъ донесенія генералъ-маіора Желтухина объ осмотрѣ имъ казанскаго университета, для объясненій по оному", мы встрѣчаемся съ освѣщеніемъ,—конечно въ достаточной мѣрѣ субъективнымъ,—многихъ уже знакомыхъ намъ фактовъ и проявленій жизни

казанскаго университета 1805—1818 годовъ. Приведемъ въ подлинномъ видѣ отзывы, данные здѣсь Магницкимъ о профессорахъ и преподавателяхъ интересующей насъ начальной эпохи существованія университета и приводимые имъ въ хронологическомъ (не вполнѣ точно, впрочемъ, выдержанномъ) порядкѣ:

1806 годъ.

Раздоры членовъ совѣта, неприличные даже людямъ послѣднихъ классовъ, ежедневно увеличиваются и простираются до того, что мимо ходящіе, слыша ихъ споры и крикъ, останавливаются подъ окнами совѣта. Полагалось, что нужно увѣдомить полицію для разогнанія толпящихся на улицѣ слушателей *.

4-го октября того же года попечитель благодаритъ одного изъ членовъ совѣта за увѣдомленіе его о такихъ дѣлахъ, кои ни въ протоколахъ, ни въ письмахъ бывшаго профессора Яковкина, предсѣдателя совѣта, въ сіе время не упоминаются, и собирается взять нужныя мѣры, дабы исправить дѣла и привести буйныхъ къ послушанію **.

1808 годъ.

Производилось въ конторѣ казанской гимназіи дѣло о буйствѣ и дракѣ адъюнкта университета Миллера на почтовой станціи симбирской губерніи, въ селѣ Шумовкѣ.

1810 годъ.

Старикъ профессоръ казанскаго университета Сторль женится на непотребной дѣвкѣ, у него жившей въ кухаркахъ.

По причинѣ напоминанія предсѣдателя совѣта профессора Яковкина профессору Фойгту, что поздно пришелъ въ засѣданіе совѣта, Фойгтъ произвелъ шумъ и крикъ. Русскіе и иностранцы раздѣляются на двѣ враждующія стороны. Изъ сего возникло дѣло и попечитель прекращаетъ оное примиреніемъ ***.

Въ домѣ профессора Неймана **** полиція закрываетъ клубъ. Попечитель благодаритъ, что губернаторъ не довелъ о семъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

Профессоръ Броннеръ доноситъ попечителю, что весьма опасно ходить въ засѣданія совѣта и комитета, гдѣ интриги, раздоры и обиды—ужасны, ибо даже пьяные тамъ присутствуютъ, а предсѣдатель совѣта Яковкинъ однажды одного адъюнкта, котораго самъ напоилъ, дабы помогалъ ему оспаривать другихъ, извиняетъ тѣмъ, что «у него, можетъ быть, были гости».....

---

* Намекъ на извѣстное намъ совѣтское дѣло объ увольненіи Пухинскаго (см. томъ I, стр. 168 и слѣд.).

** Намекъ на интимный извѣтъ проф. Сторля (см. томъ I, стр. 179) по тому же дѣлу.

*** Ссылка на «дѣло о горячности проф. Фойгта» (см. томъ I, стр. 351 и слѣд.).

**** Здѣсь, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, вкралась ошибка: этотъ «клубъ», а по просту—частныя собранія, происходили въ домѣ не профессора Неймана, но учителя музыки Неймана.

казанскаго университета 1805—1818 годовъ. Приведемъ въ подлинномъ видѣ отзывы, данные здѣсь Магницкимъ о профессорахъ и преподавателяхъ интересующей насъ начальной эпохи существованія университета и приводимые имъ въ хронологическомъ (не вполнѣ точно, впрочемъ, выдержанномъ) порядкѣ:

1806 годъ.

Раздоры членовъ совѣта, неприличные даже людямъ послѣднихъ классовъ, ежедневно увеличиваются и простираются до того, что мимо ходящіе, слыша ихъ споры и крикъ, останавливаются подъ окнами совѣта. Полагалось, что нужно увѣдомить полицію для разогнанія толпящихся на улицѣ слушателей *.

4-го октября того же года попечитель благодаритъ одного изъ членовъ совѣта за увѣдомленіе его о такихъ дѣлахъ, кои ни въ протоколахъ, ни въ письмахъ бывшаго профессора Яковкина, предсѣдателя совѣта, въ сіе время не упоминаются, и собирается взять нужныя мѣры, дабы исправить дѣла и привести буйныхъ къ послушанію **.

1808 годъ.

Производилось въ конторѣ казанской гимназіи дѣло о буйствѣ и дракѣ адъюнкта университета Миллера на почтовой станціи симбирской губерніи, въ селѣ Шумовкѣ.

1810 годъ.

Старикъ профессоръ казанскаго университета Сторль женится на непотребной дѣвкѣ, у него жившей въ кухаркахъ.

По причинѣ напоминанія предсѣдателя совѣта профессора Яковкина профессору Фойгту, что поздно пришелъ въ засѣданіе совѣта, Фойгтъ произвелъ шумъ и крикъ. Русскіе и иностранцы раздѣляются на двѣ враждующія стороны. Изъ сего возникло дѣло и попечитель прекращаетъ оное примиреніемъ ***.

Въ домѣ профессора Неймана **** полиція закрываетъ клубъ. Попечитель благодаритъ, что губернаторъ не довелъ о семъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

Профессоръ Броннеръ доноситъ попечителю, что весьма опасно ходить въ засѣданія совѣта и комитета, гдѣ интриги, раздоры и обиды—ужасны, ибо даже пьяные тамъ присутствуютъ, а предсѣдатель совѣта Яковкинъ однажды одного адъюнкта, котораго самъ напоилъ, дабы помогалъ ему оспаривать другихъ, извиняетъ тѣмъ, что «у него, можетъ быть, были гости».....

---

* Намекъ на извѣстное намъ совѣтское дѣло объ увольненіи Пухинскаго (см. томъ I, стр. 168 и слѣд.).

** Намекъ на интимный извѣтъ проф. Сторля (см. томъ I, стр. 179) по тому же дѣлу.

*** Ссылка на «дѣло о горячности проф. Фойгта» (см. томъ I, стр. 351 и слѣд.).

**** Здѣсь, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, вкралась ошибка: этотъ «клубъ», а по просту—частныя собранія, происходили въ домѣ не профессора Неймана, но учителя музыки Неймана.

1812 годъ.

Профессоръ Литтровъ подтверждаетъ волненія умовъ и доноситъ о жалостномъ положеніи воспитанниковъ университета и казанской гимназіи со стороны слабыхъ успѣховъ ихъ. Обнаруживаются злоупотребленія въ переводѣ воспитанниковъ изъ гимназіи въ университетъ. Но многіе на сіе вознегодовали, а профессоръ Яковкинъ называетъ профессора Броннера, разоблачившаго слабость познаній воспитанниковъ университета и гимназіи—«нечестивымъ бѣглецомъ изъ Швейцаріи, іезуитомъ и помощникомъ министра просвѣщенія (?!) въ Швейцаріи».

Профессоры-иностранцы «дѣлаютъ засѣданіе безъ вѣдома предсѣдателя».

Профессоръ Финке отказывается засѣдать въ училищномъ комитетѣ съ профессоромъ Френомъ, потому что послѣдній женился на кухаркѣ своей. Происшедшіе по сему случаю раздоры и безпорядки попечитель называетъ «польскимъ сеймомъ» и самое дѣло предписываетъ окончить безъ формальнаго суда, увѣщеваетъ къ соблюденію тишины и спокойствія, склоняетъ профессоровъ Финке и Френа къ примиренію и приказываетъ объявить первому, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ засѣданій, начальствомъ предписанныхъ.

1813 годъ.

Профессоръ Врангель получаетъ отъ попечителя замѣчаніе за неприличный образъ его изъясненій въ совѣтѣ, говоритъ, что онъ—«преступилъ границы порядка».

О частной жизни бывшихъ профессоровъ казанскаго университета извѣстно,—продолжаетъ Магницкій свое суровое обличеніе,—что нѣкоторые изъ нихъ напивались вмѣстѣ съ студентами, держали распутныхъ женщинъ и дѣвокъ; ѣздили на казенныхъ экипажахъ въ непотребные дома; давали въ комнатахъ своихъ лекціи.

Профессоръ Эрихъ былъ соблазнительною игрушкою (?) въ домахъ здѣшнихъ помѣщиковъ Осокина и Лихачева.

Дочери статскаго совѣтника профессора Германа открыто предавались постыднѣйшимъ распутствамъ и одна изъ нихъ приходила къ студентамъ въ кучерскомъ платьѣ. Профессоръ Германъ, не успѣвши выдать одну изъ своихъ дочерей за профессора Френа, женившагося на кухаркѣ, велѣлъ бросить цѣлый возъ нечистотъ у воротъ его.

Онъ же (т. е. проф. Германъ) на лекціяхъ древностей представлялъ изъ себя Юпитера съ тремя граціями, коими были студенты Врангель, Алехинъ и пр. Въ другой разъ, стоя на креслахъ, изображалъ собою Юпитера Громовержца.

Адъюнктъ Ренардъ, давая лекціи на дому, въ преподаваніе фармаціи вводилъ непристойные разсказы и часто оканчивалъ свои уроки тѣмъ, что студенты напивались вмѣстѣ съ нимъ до-пьяна.

Профессоръ Германъ бралъ деньги съ иностранцевъ (?) за экзамены.

Жена и дочери его пріѣзжали на квартиру къ одному изъ членовъ университета и бранили его на трехъ языкахъ [210].

Въ отзывѣ Магницкаго повторяется, какъ мы видимъ, тяжелое обвиненіе въ „лакомствѣ“ по званію члена испытательнаго комитета, въ свое время возводившееся на проф. Германа профессоромъ-директоромъ Яков-

60*

1812 годъ.

Профессоръ Литтровъ подтверждаетъ волненія умовъ и доноситъ о жалостномъ положеніи воспитанниковъ университета и казанской гимназіи со стороны слабыхъ успѣховъ ихъ. Обнаруживаются злоупотребленія въ переводѣ воспитанниковъ изъ гимназіи въ университетъ. Но многіе на сіе вознегодовали, а профессоръ Яковкинъ называетъ профессора Броннера, разоблачившаго слабость познаній воспитанниковъ университета и гимназіи—«нечестивымъ бѣглецомъ изъ Швейцаріи, іезуитомъ и помощникомъ министра просвѣщенія (?!) въ Швейцаріи».

Профессоры-иностранцы «дѣлаютъ засѣданіе безъ вѣдома предсѣдателя».

Профессоръ Финке отказывается засѣдать въ училищномъ комитетѣ съ профессоромъ Френомъ, потому что послѣдній женился на кухаркѣ своей. Происшедшіе по сему случаю раздоры и безпорядки попечитель называетъ «польскимъ сеймомъ» и самое дѣло предписываетъ окончить безъ формальнаго суда, увѣщеваетъ къ соблюденію тишины и спокойствія, склоняетъ профессоровъ Финке и Френа къ примиренію и приказываетъ объявить первому, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ засѣданій, начальствомъ предписанныхъ.

1813 годъ.

Профессоръ Врангель получаетъ отъ попечителя замѣчаніе за неприличный образъ его изъясненій въ совѣтѣ, говоритъ, что онъ—«преступилъ границы порядка».

О частной жизни бывшихъ профессоровъ казанскаго университета извѣстно,—продолжаетъ Магницкій свое суровое обличеніе,—что нѣкоторые изъ нихъ напивались вмѣстѣ съ студентами, держали распутныхъ женщинъ и дѣвокъ; ѣздили на казенныхъ экипажахъ въ непотребные дома; давали въ комнатахъ своихъ лекціи.

Профессоръ Эрихъ былъ соблазнительною игрушкою (?) въ домахъ у здѣшнихъ помѣщиковъ Осокина и Лихачева.

Дочери статскаго совѣтника профессора Германа открыто предавались постыднѣйшимъ распутствамъ и одна изъ нихъ приходила къ студентамъ въ кучерскомъ платьѣ. Профессоръ Германъ, не успѣвши выдать одну изъ своихъ дочерей за профессора Френа, женившагося на кухаркѣ, велѣлъ бросить цѣлый возъ нечистотъ у воротъ его.

Онъ же (т. е. проф. Германъ) на лекціяхъ древностей представлялъ изъ себя Юпитера съ тремя граціями, коими были студенты Врангель, Алехинъ и пр. Въ другой разъ, стоя на креслахъ, изображалъ собою Юпитера Громовержца.

Адъюнктъ Ренардъ, давая лекціи на дому, въ преподаваніе фармаціи вводилъ непристойные разсказы и часто оканчивалъ свои уроки тѣмъ, что студенты напивались вмѣстѣ съ нимъ до-пьяна.

Профессоръ Германъ бралъ деньги съ иностранцевъ (?) за экзамены.

Жена и дочери его пріѣзжали на квартиру къ одному изъ членовъ университета и бранили его на трехъ языкахъ [210].

Въ отзывѣ Магницкаго повторяется, какъ мы видимъ, тяжелое обвиненіе въ „лакомствѣ“ по званію члена испытательнаго комитета, въ свое время возводившееся на проф. Германа профессоромъ-директоромъ Яков-

кинымъ, подобно тому, какъ попечитель Салтыковъ въ своихъ письмахъ къ министру весьма недвусмысленно заподозривалъ чуть ли не въ казнокрадствѣ и самого Яковкина *.

Мы оставимъ эти обвиненія, какъ фактически необоснованныя—въ сторонѣ, и перейдемъ къ другой отрицательной чертѣ внутренней жизни преподавательскаго персонала университета за разсматриваемый нами промежутокъ времени. Это—невоздержанность отдѣльныхъ представителей его съ точки зрѣнія трезвости, о которой говоритъ, въ только что цитированномъ отзывѣ своемъ, и попечитель Магницкій, бывшій, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, фанатичнымъ проповѣдникомъ абсолютной трезвости.

Среди своихъ сослуживцевъ по университету абсолютнымъ трезвенникомъ далеко не былъ и самъ профессоръ-директоръ Яковкинъ, такъ строго относившійся, какъ мы знаемъ, къ нравственному режиму другихъ представителей казанскаго педагогическаго персонала. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отзывъ, въ его воспоминаніяхъ, В. И. Панаева, бывшаго близкимъ человѣкомъ въ домѣ Яковкина, который добродушно замѣчаетъ, что „старикъ Яковкинъ любилъ погулять"; на ту же страсть его „погулять" очевидно намекалъ въ 1807 году и казанскій губернаторъ Мансуровъ, въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ заявлявшій, что „качества, правила и частную жизнь Яковкина не одобряетъ общее мнѣніе". Мы уже знакомы также съ суровымъ отзывомъ о Яковкинѣ, даннымъ въ концѣ 1814 года М. А. Сылтыковымъ, въ которомъ попечитель округа высказываетъ мысль, что Яковкина „за гнусные его поступки, нерадѣніе къ должности, упущенія по службѣ, ослушаніе, грубость и дерзость противъ начальства—надлежало бы удалить отъ службы", добавляя къ этому, что онъ позволяетъ себѣ даже „на лекціи приходить послѣ полудня въ нетрезвомъ видѣ". О томъ, что Яковкинъ являлся въ нетрезвомъ видѣ и въ засѣданія совѣта, свидѣтельствуетъ намъ сдержанный проф. Броннеръ: изъ его писемъ къ академику Фуссу и попечителю Салтыкову мы узнаемъ, что Яковкинъ полупьяный (halbbetrunken) предсѣдательствовалъ въ вечернемъ засѣданіи совѣта 1-го февраля 1813 года, такъ что Броннеръ вынужденнымъ оказался громогласно заявить въ засѣданіи, что предсѣдатель, „забывая то мѣсто, въ которомъ находится, держитъ себя, какъ въ кабакѣ" и напомнить ему „о чувствѣ приличія и о достоинствѣ коллегіи" (Бр.,

* См. томъ I, стр. 445—446.

кинымъ, подобно тому, какъ попечитель Салтыковъ въ своихъ письмахъ къ министру весьма недвусмысленно заподозривалъ чуть ли не въ казнокрадствѣ и самого Яковкина *.

Мы оставимъ эти обвиненія, какъ фактически необоснованныя—въ сторонѣ, и перейдемъ къ другой отрицательной чертѣ внутренней жизни преподавательскаго персонала университета за разсматриваемый нами промежутокъ времени. Это—невоздержанность отдѣльныхъ представителей его съ точки зрѣнія трезвости, о которой говоритъ, въ только что цитированномъ отзывѣ своемъ, и попечитель Магницкій, бывшій, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ это, фанатичнымъ проповѣдникомъ абсолютной трезвости.

Среди своихъ сослуживцевъ по университету абсолютнымъ трезвенникомъ далеко не былъ и самъ профессоръ-директоръ Яковкинъ, такъ строго относившійся, какъ мы знаемъ, къ нравственному режиму другихъ представителей казанскаго педагогическаго персонала. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отзывъ, въ его воспоминаніяхъ, В. И. Панаева, бывшаго близкимъ человѣкомъ въ домѣ Яковкина, который добродушно замѣчаетъ, что „старикъ Яковкинъ любилъ погулять“; на ту же страсть его „погулять“ очевидно намекалъ въ 1807 году и казанскій губернаторъ Мансуровъ, въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ заявлявшій, что „качества, правила и частную жизнь Яковкина не одобряетъ общее мнѣніе“. Мы уже знакомы также съ суровымъ отзывомъ о Яковкинѣ, даннымъ въ концѣ 1814 года М. А. Сылтыковымъ, въ которомъ попечитель округа высказываетъ мысль, что Яковкина „за гнусные его поступки, нерадѣніе къ должности, упущенія по службѣ, ослушаніе, грубость и дерзость противъ начальства—надлежало бы удалить отъ службы“, добавляя къ этому, что онъ позволяетъ себѣ даже „на лекціи приходить послѣ полудня въ нетрезвомъ видѣ“. О томъ, что Яковкинъ являлся въ нетрезвомъ видѣ и въ засѣданія совѣта, свидѣтельствуетъ намъ сдержанный проф. Броннеръ: изъ его писемъ къ академику Фуссу и попечителю Салтыкову мы узнаемъ, что Яковкинъ полупьяный (halbbetrunken) предсѣдательствовалъ въ вечернемъ засѣданіи совѣта 1-го февраля 1813 года, такъ что Броннеръ вынужденнымъ оказался громогласно заявить въ засѣданіи, что предсѣдатель, „забывая то мѣсто, въ которомъ находится, держитъ себя, какъ въ кабакѣ“ и напомнить ему „о чувствѣ приличія и о достоинствѣ коллегіи“ (Бр.,

---

* См. томъ I, стр. 445—446.

стр. 294 и 400). Магницкій свидѣтельствуетъ, какъ мы это только что видѣли, что нетрезвыми являлись въ засѣданія и другіе члены совѣта.

Намъ извѣстно, далѣе, цѣлое дѣло „о болѣзни адъюнкта Эвеста", разыгравшееся въ 1806 году въ совѣтѣ университета и въ основѣ своей имѣвшее, какъ это представляется несомнѣннымъ, алкоголизмъ этого несчастнаго ученаго; о страсти къ вину одного изъ первыхъ адъюнктовъ казанскаго университета, Левицкаго, свидѣтельствуетъ намъ его ученикъ С. Т. Аксаковъ, и эта страсть была, повидимому, даже причиною преждевременной кончины молодого философа; невоздержанность въ культѣ Бахуса едва ли не свела въ безвременную могилу и даровитаго адъюнкта словесности Ибрагимова; адъюнктъ Ренардъ, опытный университетскій „метръ д'отель" и устроитель актовыхъ фестивалей—общею попойкою заканчивалъ, если вѣрить показанію Магницкаго, свои фармацевтическія занятія съ студентами; пьянство сгубило ученую карьеру магистра Самсонова, вызвавъ собою въ 1820 году распоряженіе Магницкаго, объявленное и чинамъ университета, о томъ, что всякій, служащій по округу и замѣченный въ пьянствѣ—будетъ немедленно „взятъ подъ стражу" и уволенъ изъ университета съ соотвѣтствующею отмѣткою въ аттестатѣ и т. п. [211].

Приходилось университетскимъ властямъ считаться и съ служебными манкировками профессоровъ и преподавателей университета. Въ видахъ контроля надъ аккуратнымъ чтеніемъ профессорами и адъюнктами лекцій, по основаніи университета на этотъ послѣдній была распространена въ этомъ отношеніи та же мѣра контроля, какая практиковалась раньше въ гимназіи, т. е. дежурный по классамъ офицеръ гимназіи (по нынѣшнему—надзиратель) входилъ въ совѣтъ съ еженедѣльными рапортами, въ которыхъ показывалъ, „какіе продолжались классы какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, какіе не были заняты и по какимъ именно причинамъ". Скоро этотъ порядокъ контроля былъ признанъ, однако, неудобнымъ и уже въ засѣданіи совѣта 12-го января 1806 года опредѣлено, что „впредь г.г. профессоры и адъюнкты будутъ сами каждый разъ въ совѣтѣ объявлять о причинѣ своего отсутствія въ предыдущую недѣлю, почему дежурному офицеру въ недѣльныхъ своихъ рапортахъ ограничивать себя только гимназическими классами". Въ архивныхъ дѣлахъ университета пришлось намъ встрѣтить, впрочемъ, только одинъ случай возбужденія цѣлаго совѣтскаго дѣла по поводу нехожденія профессора на лекціи, притомъ относящійся уже къ самому концу интересующей насъ эпохи. При чтеніи въ засѣданіи совѣта 12-го іюня 1819 года записки

стр. 294 и 400). Магницкій свидѣтельствуетъ, какъ мы это только что видѣли, что нетрезвыми являлись въ засѣданія и другіе члены совѣта.

Намъ извѣстно, далѣе, цѣлое дѣло „о болѣзни адъюнкта Эвеста", разыгравшееся въ 1806 году въ совѣтѣ университета и въ основѣ своей имѣвшее, какъ это представляется несомнѣннымъ, алкоголизмъ этого несчастнаго ученаго; о страсти къ вину одного изъ первыхъ адъюнктовъ казанскаго университета, Левицкаго, свидѣтельствуетъ намъ его ученикъ С. Т. Аксаковъ, и эта страсть была, повидимому, даже причиною преждевременной кончины молодого философа; невоздержанность въ культѣ Бахуса едва ли не свела въ безвременную могилу и даровитаго адъюнкта словесности Ибрагимова; адъюнктъ Ренардъ, опытный университетскій „метръ д'отель" и устроитель актовыхъ фестивалей—общею попойкою заканчивалъ, если вѣрить показанію Магницкаго, свои фармацевтическія занятія съ студентами; пьянство сгубило ученую карьеру магистра Самсонова, вызвавъ собою въ 1820 году распоряженіе Магницкаго, объявленное и чинамъ университета, о томъ, что всякій, служащій по округу и замѣченный въ пьянствѣ—будетъ немедленно „взятъ подъ стражу" и уволенъ изъ университета съ соотвѣтствующею отмѣткою въ аттестатѣ и т. п. [211].

Приходилось университетскимъ властямъ считаться и съ служебными манкировками профессоровъ и преподавателей университета. Въ видахъ контроля надъ аккуратнымъ чтеніемъ профессорами и адъюнктами лекцій, по основаніи университета на этотъ послѣдній была распространена въ этомъ отношеніи та же мѣра контроля, какая практиковалась раньше въ гимназіи, т. е. дежурный по классамъ офицеръ гимназіи (по нынѣшнему—надзиратель) входилъ въ совѣтъ съ еженедѣльными рапортами, въ которыхъ показывалъ, „какіе продолжались классы какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, какіе не были заняты и по какимъ именно причинамъ". Скоро этотъ порядокъ контроля былъ признанъ, однако, неудобнымъ и уже въ засѣданіи совѣта 12-го января 1806 года опредѣлено, что „впредь г.г. профессоры и адъюнкты будутъ сами каждый разъ въ совѣтѣ объявлять о причинѣ своего отсутствія въ предыдущую недѣлю, почему дежурному офицеру въ недѣльныхъ своихъ рапортахъ ограничивать себя только гимназическими классами". Въ архивныхъ дѣлахъ университета пришлось намъ встрѣтить, впрочемъ, только одинъ случай возбужденія цѣлаго совѣтскаго дѣла по поводу нехожденія профессора на лекціи, притомъ относящійся уже къ самому концу интересующей насъ эпохи. При чтеніи въ засѣданіи совѣта 12-го іюня 1819 года записки

„о небывшихъ на лекціяхъ въ нѣкоторые дни господахъ преподавателяхъ, съ изъясненіемъ причинъ отлучекъ", обнаружилось, что „г. профессоръ Арнгольдтъ съ давняго времени на лекціяхъ не бываетъ и причины отсутствія своего не объявляетъ", вслѣдствіе чего и было постановлено „потребовать отъ него объясненія о причинахъ сего отсутствія". Арнгольдтъ отвѣтилъ на это требованіе рапортомъ, въ которомъ изъяснялъ, что, „будучи занятъ по порученному высочайшимъ повелѣніемъ построенію казанскаго военнаго госпиталя * и разстроенъ здоровьемъ, долженъ былъ нѣсколько времени оставить преподаванія", почему и проситъ совѣтъ не вмѣнять ему этого обстоятельства въ вину. Совѣтъ, тѣмъ не менѣе, опредѣлилъ поставить Арнгольдту на видъ, что „препорученіе ему стройки госпиталя не можетъ уволить отъ настоящей его обязанности профессора, почему въ свое время и когда получитъ отъ разстроеннаго здоровья облегченіе, то обязанъ приступить къ преподаванію лекцій".

Приходилось принимать мѣры и къ аккуратному посѣщенію профессорами и адъюнктами засѣданій совѣта. Осенью 1810 года на этой почвѣ возгорѣлась въ совѣтѣ даже цѣлая исторія, давшая матеріалъ для „дѣла о горячности профессора Фойгта", въ своемъ мѣстѣ нами уже разсказанная **. Читатели, быть можетъ, помнятъ, что, согласно предложенію профессора-директора Яковкина, въ засѣданіи совѣта отъ 17-го сентября этого года было постановлено, согласно § 48-му университетскаго устава, завести особую книгу для занесенія въ нее причинъ отсутствія въ засѣданіяхъ членовъ, что и привело въ страшное возбужденіе профессора Фойгта, которому суждено было, за опозданіе въ засѣданіе совѣта, первому занять мѣсто въ новой книгѣ. Мѣра эта была вызвана слишкомъ частыми манкированіями членовъ совѣта, чего не отрицалъ и самъ Фойгтъ, письменно подтверждавшій, что „нѣкоторые члены совѣта даже цѣлый мѣсяцъ не являлись, а другіе по цѣлымъ третямъ года не ходятъ, не объявляя причины своего отсутствія", и принципіально выразившій одобреніе принятой мѣрѣ, которую, добавляетъ онъ—„должно было бы уже давно принять". Только что указанная мѣра контроля практиковалась и въ ближайшіе годы, но не принесла, повидимому, желательнаго результата, такъ какъ абсентеизмъ членовъ совѣта продолжался по-прежнему. Такъ, въ самомъ началѣ 1811 года попечитель обратилъ вниманіе на хроническое непосѣщеніе совѣтскихъ засѣданій профессоромъ Фуксомъ, по поводу чего Яковкинъ

* Объ этомъ порученіи см. выше стр. 389.

** См. томъ I, стр. 351—355.

„о небывшихъ на лекціяхъ въ нѣкоторые дни господахъ преподавателяхъ, съ изъясненіемъ причинъ отлучекъ", обнаружилось, что „г. профессоръ Арнгольдтъ съ давняго времени на лекціяхъ не бываетъ и причины отсутствія своего не объявляетъ", вслѣдствіе чего и было постановлено „потребовать отъ него объясненія о причинахъ сего отсутствія". Арнгольдтъ отвѣтилъ на это требованіе рапортомъ, въ которомъ изъяснялъ, что, „будучи занятъ по порученному высочайшимъ повелѣніемъ построенію казанскаго военнаго госпиталя * и разстроенъ здоровьемъ, долженъ былъ нѣсколько времени оставить преподаванія", почему и проситъ совѣтъ не вмѣнять ему этого обстоятельства въ вину. Совѣтъ, тѣмъ не менѣе, опредѣлилъ поставить Арнгольдту на видъ, что „препорученіе ему стройки госпиталя не можетъ уволить отъ настоящей его обязанности профессора, почему въ свое время и когда получитъ отъ разстроеннаго здоровья облегченіе, то обязанъ приступить къ преподаванію лекцій".

Приходилось принимать мѣры и къ аккуратному посѣщенію профессорами и адъюнктами засѣданій совѣта. Осенью 1810 года на этой почвѣ возгорѣлась въ совѣтѣ даже цѣлая исторія, давшая матеріалъ для „дѣла о горячности профессора Фойгта", въ своемъ мѣстѣ нами уже разсказанная **. Читатели, быть можетъ, помнятъ, что, согласно предложенію профессора-директора Яковкина, въ засѣданіи совѣта отъ 17-го сентября этого года было постановлено, согласно § 48-му университетскаго устава, завести особую книгу для занесенія въ нее причинъ отсутствія въ засѣданіяхъ членовъ, что и привело въ страшное возбужденіе профессора Фойгта, которому суждено было, за опозданіе въ засѣданіе совѣта, первому занять мѣсто въ новой книгѣ. Мѣра эта была вызвана слишкомъ частыми манкированіями членовъ совѣта, чего не отрицалъ и самъ Фойгтъ, письменно подтверждавшій, что „нѣкоторые члены совѣта даже цѣлый мѣсяцъ не являлись, а другіе по цѣлымъ третямъ года не ходятъ, не объявляя причины своего отсутствія", и принципіально выразившій одобреніе принятой мѣрѣ, которую, добавляетъ онъ—„должно было бы уже давно принять". Только что указанная мѣра контроля практиковалась и въ ближайшіе годы, но не принесла, повидимому, желательнаго результата, такъ какъ абсентеизмъ членовъ совѣта продолжался по-прежнему. Такъ, въ самомъ началѣ 1811 года попечитель обратилъ вниманіе на хроническое непосѣщеніе совѣтскихъ засѣданій профессоромъ Фуксомъ, по поводу чего Яковкинъ

---

* Объ этомъ порученіи см. выше стр. 389.

** См. томъ I, стр. 351—355.

доносилъ Румовскому, что „причиною его отсутствія въ собраніяхъ бываетъ особенно его докторская должность". „Доктора,—комментируетъ директоръ свое донесеніе,—обыкновенно посѣщаютъ больныхъ по утрамъ, а рѣдко,—и не дай, Боже!,—по вечерамъ; а онъ (т. е. Фуксъ) имѣетъ большую здѣсь практику и довѣренность".

Непосѣщеніе совѣтскихъ засѣданій снова обсуждалось въ совѣтѣ 19-го ноября 1813 года, по поводу доклада секретаря о томъ, что „съ нѣкотораго времени примѣчено, что многіе изъ г.г. членовъ не токмо не ходятъ въ положенное время въ совѣтъ, но и не посылаютъ извѣстія о причинахъ ихъ отсутствія", вслѣдствіе чего и состоялось постановленіе: „Сообщить всѣмъ г.г. членамъ съ подпискою, дабы благоволили впредь въ точности держаться постановленнаго закономъ (Генер. Регламента глава III) касательно присутствованія въ судебныхъ мѣстахъ". Неаккуратное посѣщеніе совѣтскихъ засѣданій являлось, впрочемъ, зломъ не одного только казанскаго университета, какъ это усматривается изъ слѣдующаго письма министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя казанскаго учебнаго округа М. А. Салтыкова, отъ 29-го января 1814 года, которое и было циркулярно объявлено, съ отобраніемъ подписокъ въ прочтеніи, всѣмъ членамъ совѣта:

„До свѣдѣнія моего дошло, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, не взирая на данное мною предписаніе, члены установленныхъ совѣтовъ, конференцій и другихъ сословій не бываютъ въ собраніяхъ оныхъ, не объявивъ никакой законной причины своему отсутствію. Посему прошу ваше превосходительство строго подтвердить казанскому университету, что бы члены онаго, когда не могутъ быть въ собраніяхъ, объявляли о томъ напередъ, съ показаніемъ препятствующей причины, которыя всегда означать въ журналахъ, а отнюдь въ оныхъ не записывать, что кто либо изъ членовъ не присутствовалъ по неизвѣстнымъ причинамъ" [212].

Послѣдующая совѣтская практика свидѣтельствуетъ, что и это министерское распоряженіе не оказалось въ силахъ установить аккуратное посѣщеніе засѣданій совѣта, хотя, по причинамъ вполнѣ понятнымъ, совѣтская дѣятельность и оживилась въ весьма значительной степени послѣ совершеннаго открытія въ 1814 году казанскаго университета; но за то теперь хроническимъ совѣтскимъ абсентеистомъ выступаетъ уже прежній неограниченный предсѣдатель совѣта—И. Ѳ. Яковкинъ, систематическое уклоненіе котораго отъ участія въ совѣтскихъ собраніяхъ принимаетъ характеръ пассивнаго протеста противъ новаго теченія, теперь уже сво-

доносилъ Румовскому, что „причиною его отсутствія въ собраніяхъ бываетъ особенно его докторская должность". „Докторы,—комментируетъ директоръ свое донесеніе,—обыкновенно посѣщаютъ больныхъ по утрамъ, а рѣдко,—и не дай, Боже!,—по вечерамъ; а онъ (т. е. Фуксъ) имѣетъ большую здѣсь практику и довѣренность".

Непосѣщеніе совѣтскихъ засѣданій снова обсуждалось въ совѣтѣ 19-го ноября 1813 года, по поводу доклада секретаря о томъ, что „съ нѣкотораго времени примѣчено, что многіе изъ г.г. членовъ не токмо не ходятъ въ положенное время въ совѣтъ, но и не посылаютъ извѣстія о причинахъ ихъ отсутствія", вслѣдствіе чего и состоялось постановленіе: „Сообщить всѣмъ г.г. членамъ съ подпискою, дабы благоволили впредь въ точности держаться постановленнаго закономъ (Генер. Регламента глава III) касательно присутствованія въ судебныхъ мѣстахъ". Неаккуратное посѣщеніе совѣтскихъ засѣданій являлось, впрочемъ, зломъ не одного только казанскаго университета, какъ это усматривается изъ слѣдующаго письма министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя казанскаго учебнаго округа М. А. Салтыкова, отъ 29-го января 1814 года, которое и было циркулярно объявлено, съ отобраніемъ подписокъ въ прочтеніи, всѣмъ членамъ совѣта:

„До свѣдѣнія моего дошло, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, не взирая на данное мною предписаніе, члены установленныхъ совѣтовъ, конференцій и другихъ сословій не бываютъ въ собраніяхъ оныхъ, не объявивъ никакой законной причины своему отсутствію. Посему прошу ваше превосходительство строго подтвердить казанскому университету, что бы члены онаго, когда не могутъ быть въ собраніяхъ, объявляли о томъ напередъ, съ показаніемъ препятствующей причины, которыя всегда означать въ журналахъ, а отнюдь въ оныхъ не записывать, что кто либо изъ членовъ не присутствовалъ по неизвѣстнымъ причинамъ" [212].

Послѣдующая совѣтская практика свидѣтельствуетъ, что и это министерское распоряженіе не оказалось въ силахъ установить аккуратное посѣщеніе засѣданій совѣта, хотя, по причинамъ вполнѣ понятнымъ, совѣтская дѣятельность и оживилась въ весьма значительной степени послѣ совершеннаго открытія въ 1814 году казанскаго университета; но за то теперь хроническимъ совѣтскимъ абсентеистомъ выступаетъ уже прежній неограниченный предсѣдатель совѣта—И. Ѳ. Яковкинъ, систематическое уклоненіе котораго отъ участія въ совѣтскихъ собраніяхъ принимаетъ характеръ пассивнаго протеста противъ новаго теченія, теперь уже сво-

бодной и автономной, университетской жизни. Извѣстно, что болѣе или менѣе безучастное отношеніе къ коллегіальнымъ дѣламъ со стороны отдѣльныхъ представителей „ученаго сословія"—представляло и представляетъ собою явленіе отрицательнаго характера, доставшееся наслѣдіемъ и болѣе позднимъ эпохамъ русской университетской жизни.

Нашъ посильный очеркъ условій внутренней жизни казанской университетской среды первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета оказался бы далеко неполнымъ, если бы мы не коснулись также и весьма существеннаго вопроса объ общественномъ положеніи представителей университета: передъ лицомъ ихъ непосредственнаго начальства—съ одной стороны, передъ лицомъ мѣстной губернской администраціи и въ общемъ строѣ современной общественности—съ другой стороны. Къ выполненію этой то задачи мы въ настоящее время и перейдемъ.

Начнемъ съ служебнаго положенія личнаго состава казанскаго университета, въ смыслѣ его отношеній къ ближайшему своему начальству. Здѣсь намъ невольно бросаются въ глаза двѣ діаметрально противоположныя поры жизни университета въ разсматриваемую нами эпоху—до полнаго открытія университета въ 1814 году и послѣ этого событія. Первая пора отмѣчается властнымъ господствомъ профессора-директора Яковкина и почти неограниченнымъ вліяніемъ его на всѣ безъ исключенія сферы университетской жизни; вторая пора раскрываетъ передъ нами картину коллегіальнаго строя и автономной жизни университета, всецѣло вступившаго уже во всѣ права, гарантированныя ему утвердительною граматою и уставомъ 5-го ноября 1804 года.

Условія внѣшней и внутренней жизни казанскаго университета въ первый изъ только что указанныхъ промежутковъ времени, обнимающій собою первыя девять лѣтъ его существованія, уже въ полной мѣрѣ знакомы намъ, что избавляетъ насъ отъ необходимости дальнѣйшей его характеристики. Незавиднымъ представлялось положеніе членовъ совѣта въ эту начальную пору жизни казанскаго университета, въ продолженіи которой „неограниченная власть, отданная въ нечистыя руки и облегченная широкими полномочіями—деспотически руководила людьми безъ иниціативы и безъ права голоса, по крайней мѣрѣ не дерзавшими и помышлять о томъ, что имъ присвоены какія либо права", людьми „трепетавшими передъ желѣзною властью Яковкина, волѣ котораго никто не

бодной и автономной, университетской жизни. Извѣстно, что болѣе или менѣе безучастное отношеніе къ коллегіальнымъ дѣламъ со стороны отдѣльныхъ представителей „ученаго сословія"—представляло и представляетъ собою явленіе отрицательнаго характера, доставшееся наслѣдіемъ и болѣе позднимъ эпохамъ русской университетской жизни.

Нашъ посильный очеркъ условій внутренней жизни казанской университетской среды первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета оказался бы далеко неполнымъ, если бы мы не коснулись также и весьма существеннаго вопроса объ общественномъ положеніи представителей университета: передъ лицомъ ихъ непосредственнаго начальства—съ одной стороны, передъ лицомъ мѣстной губернской администраціи и въ общемъ строѣ современной общественности—съ другой стороны. Къ выполненію этой то задачи мы въ настоящее время и перейдемъ.

Начнемъ съ служебнаго положенія личнаго состава казанскаго университета, въ смыслѣ его отношеній къ ближайшему своему начальству. Здѣсь намъ невольно бросаются въ глаза двѣ діаметрально противоположныя поры жизни университета въ разсматриваемую нами эпоху—до полнаго открытія университета въ 1814 году и послѣ этого событія. Первая пора отмѣчается властнымъ господствомъ профессора-директора Яковкина и почти неограниченнымъ вліяніемъ его на всѣ безъ исключенія сферы университетской жизни; вторая пора раскрываетъ передъ нами картину коллегіальнаго строя и автономной жизни университета, всецѣло вступившаго уже во всѣ права, гарантированныя ему утвердительною граматою и уставомъ 5-го ноября 1804 года.

Условія внѣшней и внутренней жизни казанскаго университета въ первый изъ только что указанныхъ промежутковъ времени, обнимающій собою первыя девять лѣтъ его существованія, уже въ полной мѣрѣ знакомы намъ, что избавляетъ насъ отъ необходимости дальнѣйшей его характеристики. Незавиднымъ представлялось положеніе членовъ совѣта въ эту начальную пору жизни казанскаго университета, въ продолженіи которой „неограниченная власть, отданная въ нечистыя руки и облегченная широкими полномочіями—деспотически руководила людьми безъ инициативы и безъ права голоса, по крайней мѣрѣ не дерзавшими и помышлять о томъ, что имъ присвоены какія либо права", людьми „трепетавшими передъ желѣзною властью Яковкина, волѣ котораго никто не

Ваше Превосходительство!

Милостивѣйшій Государь!

При наступленіи новаго года Совѣтъ Гимназіи спѣшитъ изъявить предъ Вашимъ Превосходительствомъ чувства своей признательности и преданности. Онъ желаетъ, чтобъ жизнь дѣятельнѣйшая, поприще Вами со славою пройденное, увѣнчалось еще многими годами, которые были бы для Васъ столько же благополучны, сколько они будутъ полезны для общества. Въ нихъ Сословіе сіе, гордящееся имѣя въ Васъ своего Начальника, надѣется получить совершенное свое образованіе, и стать на степень достойную такого Начальника; проникнутое же благодѣтельными попеченіями и мудрыми распоряженіями Вашими, будетъ имѣть одинъ токмо голосъ для прославленія достойнаго начальства Вашего Превосходительства.

Вашего Превосходительства
Милостивѣйшаго Государя
Преданнѣйшіе слуги
Илья Яковкинъ.
Петръ Кондыревъ.
Мартынъ Германъ.
Иннокентій [illegible].
Генрихъ Бюнеманъ.
Карлъ Фуксъ.
Иванъ Эрихъ.
Левъ Левицкій.
Иванъ Запольскій.
Григорій Карташевскій.
[illegible]

Въ Казани.
Генваря 16 дня,
1806 года.

Поздравительный новогодній адресъ попечителю
С. Я. Румовскому
отъ совѣта гимназіи (университета).
1806.

Ваше Превосходительство!

Милостивый Государь!

При наступленіи новаго Года Совѣтъ Гимназіи спѣшитъ изъявить предъ Вашимъ Превосходительствомъ чувства своей признательности и преданности. Онъ желаетъ, чтобъ жизнь дѣятельнѣйшая, поприще Вами со славою пройденное, увѣнчалось еще многими годами, которые были бы для Васъ столько же благополучны, сколько они будутъ полезны для общества. Въ нихъ Сословіе сіе, гордящееся имѣя въ Васъ своего Начальника, не умедлитъ получить совершенное свое образованіе, и стать на степень достойную такого Начальника; проникнутое же благодѣтельными попеченіями и мудрыми распоряженіями Вашими, будетъ имѣть одинъ только голосъ для прославленія достойнаго Начальства. Вашего Превосходительства.

Вашего Превосходительства
Милостивѣйшаго Государя
Преданнѣйшіе слуги
Илья Яковкинъ
Петръ [illegible]
Мартынъ Германъ
[illegible]
Генрихъ Бюнеманъ
Карлъ Фуксъ
Иванъ Эрихъ
[illegible]
[illegible]
Григорій Карташевскій
[illegible]

Въ Казани
Генваря 16 дня,
1806 года.

Поздравительный новогодній адресъ попечителю
С. Я. Румовскому
отъ совѣта гимназіи (университета).
1806.

дерзалъ безнаказанно противостать". Эти слова, принадлежащія попечителю округа М. А. Салтыкову *, являются въ высшей степени характерными для обрисовки угнетеннаго положенія, въ которомъ находились профессоры и другіе преподаватели въ годы, предшествовавшіе полному открытію университета.

Само собою разумѣется, что, при такомъ угнетенномъ режимѣ, не могло быть и рѣчи о сколько нибудь самостоятельномъ положеніи членовъ университетской корпораціи: Яковкинъ, а слѣдомъ за нимъ и Румовскій, усматривали „самомнѣніе", „кичливость", стремленіе къ „самоуправленію" (т. е. самоуправству), даже „крамолу"—въ малѣйшемъ проявленіи свободы мысли и слова со стороны профессоровъ и преподавателей университета, съ такою самоувѣренностью отожествлявшагося профессоромъ-директоромъ съ престижемъ своего личнаго „я". Совѣтская практика первыхъ лѣтъ жизни казанскаго университета, выдвинувшая впередъ сенсаціонныя и уже знакомыя намъ дѣла „Ахматова", „Пухинскаго", „о страсти Эвеста" и „горячности Фойгта"; изгнаніе изъ университета Карташевскаго, Каменскаго, Цеплина и кары, постигшія другихъ членовъ совѣта; безконечные примѣры нахальнаго самовластія Яковкина и его интимные извѣты передъ загипнотизированнымъ имъ попечителемъ—служатъ краснорѣчивыми иллюстраціями невозможнаго нравственнаго угнетенія, характеризующаго собою служебное положеніе членовъ совѣта въ годы, предшествовавшіе введенію въ силу университетскаго устава 1804 года.

Начальническая придирчивость Яковкина, даже по отношенію къ профессорамъ, временами доходила до мелочей. Въ 1805 году, напримѣръ, онъ поднялъ цѣлую исторію, восходившую до попечителя, изъ-за того, что профессоръ Цеплинъ часомъ опоздалъ на публичный актъ, въ чемъ было усмотрѣно „несоблюденіе должнаго порядка", самому же Цеплину пришлось по этому поводу давать въ засѣданіи совѣта обидное объясненіе въ томъ смыслѣ, что „у него текла кровь изъ носу" и что это обстоятельство явилось причиною опозданія, чѣмъ попечитель и удовлетворился. Въ іюлѣ 1811 года, слѣдовательно—въ вакаціонное время, выѣхалъ въ г. Свіяжскъ, расположенный всего въ 35-ти верстахъ отъ Казани, профессоръ Браунъ—и эта болѣе нежели невинная поѣздка была вмѣнена ему профессоромъ-директоромъ въ серьезную вину, о которой онъ счелъ нужнымъ отрапортовать попечителю, добавивъ, что Браунъ уѣхалъ „безъ всякаго свидѣтельства, видно, занимаясь пріуготовленіями къ будущему бракосочетанію"

---

* См. выше, стр. 155.

дерзалъ безнаказанно противостать". Эти слова, принадлежащія попечителю округа М. А. Салтыкову *, являются въ высшей степени характерными для обрисовки угнетеннаго положенія, въ которомъ находились профессоры и другіе преподаватели въ годы, предшествовавшіе полному открытію университета.

Само собою разумѣется, что, при такомъ угнетенномъ режимѣ, не могло быть и рѣчи о сколько нибудь самостоятельномъ положеніи членовъ университетской корпораціи: Яковкинъ, а слѣдомъ за нимъ и Румовскій, усматривали „самомнѣніе", „кичливость", стремленіе къ „самоуправленію" (т. е. самоуправству), даже „крамолу"—въ малѣйшемъ проявленіи свободы мысли и слова со стороны профессоровъ и преподавателей университета, съ такою самоувѣренностью отожествлявшагося профессоромъ-директоромъ съ престижемъ своего личнаго „я". Совѣтская практика первыхъ лѣтъ жизни казанскаго университета, выдвинувшая впередъ сенсаціонныя и уже знакомыя намъ дѣла „Ахматова", „Пухинскаго", „о страсти Эвеста" и „горячности Фойгта"; изгнаніе изъ университета Карташевскаго, Каменскаго, Цеплина и кары, постигшія другихъ членовъ совѣта; безконечные примѣры нахальнаго самовластія Яковкина и его интимные извѣты передъ загипнотизированнымъ имъ попечителемъ—служатъ краснорѣчивыми иллюстраціями невозможнаго нравственнаго угнетенія, характеризующаго собою служебное положеніе членовъ совѣта въ годы, предшествовавшіе введенію въ силу университетскаго устава 1804 года.

Начальническая придирчивость Яковкина, даже по отношенію къ профессорамъ, временами доходила до мелочей. Въ 1805 году, напримѣръ, онъ поднялъ цѣлую исторію, восходившую до попечителя, изъ-за того, что профессоръ Цеплинъ часомъ опоздалъ на публичный актъ, въ чемъ было усмотрѣно „несоблюденіе должнаго порядка", самому же Цеплину пришлось по этому поводу давать въ засѣданіи совѣта обидное объясненіе въ томъ смыслѣ, что „у него текла кровь изъ носу" и что это обстоятельство явилось причиною опозданія, чѣмъ попечитель и удовлетворился. Въ іюлѣ 1811 года, слѣдовательно—въ вакаціонное время, выѣхалъ въ г. Свіяжскъ, расположенный всего въ 35-ти верстахъ отъ Казани, профессоръ Браунъ— и эта болѣе нежели невинная поѣздка была вмѣнена ему профессоромъ-директоромъ въ серьезную вину, о которой онъ счелъ нужнымъ отрапортовать попечителю, добавивъ, что Браунъ уѣхалъ „безъ всякаго свидѣтельства, видно, занимаясь пріуготовленіями къ будущему бракосочетанію"

---

* См. выше, стр. 155.

(неоправдавшіеся толки относительно котораго очень занимали собою въ то время и директора, и его принципала); Румовскій счелъ, въ свою очередь, необходимымъ донести о такомъ „преступленіи" министру, отъ котораго и послѣдовала по этому поводу резолюція—„что бы впредь никто не смѣлъ безъ вѣдома совѣта удаляться изъ города" [213].

Вмѣшательство Яковкина, не ограничиваясь отношеніями оффиціальнаго характера, весьма нерѣдко распространялось и на частную, семейную, даже интимную жизнь членовъ университета. Намъ уже знакомъ общій характеръ обширной переписки Яковкина съ попечителемъ Румовскимъ, въ которой, наряду съ предметами дѣлового характера, сплошь и рядомъ трактуются темы и вопросы совершенно приватнаго характера, соприкасающіеся съ обыкновенною, и не всегда даже чистоплотною, провинціальною сплетнею, видимо не мало занимавшею собою старика Румовскаго *; извѣстно намъ и то, что интимная жизнь профессоровъ и преподавателей университета играла весьма видную роль въ этой своеобразной перепискѣ директора и попечителя. Несогласія семейной жизни и „страсть" несчастнаго адъюнкта Эвеста, реляціи о романическихъ похожденіяхъ съ „барышнею Мячковою" и о склонности „liederlich leben" профессора Фукса, брачные виды и брачные союзы членовъ университета, профессорскія „домоводки", черты частной жизни профессоровъ и касающіеся ихъ городскіе толки и сплетни—все это тщательно регистрировалось любознательнымъ директоромъ, для неукоснительнаго сообщенія не менѣе любознательному попечителю.

Помимо интимныхъ писемъ коммеражнаго характера, встрѣчались и случаи уже непосредственнаго и оффиціальнаго вторженія въ частную жизнь членовъ университета. Ничѣмъ инымъ, какъ возмутительнымъ издѣвательствомъ надъ личностью, хотя бы и одержимою тою или другою „страстью", должны мы признать отвратительное „дѣло о болѣзни адъюнкта Эвеста", осенью 1806 года занимавшее собою, по требованію Румовскаго, совѣтъ университета. Такое же впечатлѣніе производитъ и совѣтское разслѣдованіе дѣла по столкновенію профессоровъ Финке и Френа, вѣрнѣе говоря—дѣло по оцѣнкѣ брака этого послѣдняго, также безтактно возбужденное въ началѣ 1812 года попечителемъ.

Весьма типичнымъ образцомъ вмѣшательства въ частную жизнь казанской педагогической среды является дѣло объ открытіи „вечернихъ собраній, похожихъ на клубъ", въ квартирѣ учителя гимназіи Неймана. Чув-

---

* См. томъ I, стр. 369 и слѣд.

(неоправдавшіеся толки относительно котораго очень занимали собою въ то время и директора, и его принципала); Румовскій счелъ, въ свою очередь, необходимымъ донести о такомъ „преступленіи“ министру, отъ котораго и послѣдовала по этому поводу резолюція—„что бы впредь никто не смѣлъ безъ вѣдома совѣта удаляться изъ города“ [213].

Вмѣшательство Яковкина, не ограничиваясь отношеніями оффиціальнаго характера, весьма нерѣдко распространялось и на частную, семейную, даже интимную жизнь членовъ университета. Намъ уже знакомъ общій характеръ обширной переписки Яковкина съ попечителемъ Румовскимъ, въ которой, наряду съ предметами дѣлового характера, сплошь и рядомъ трактуются темы и вопросы совершенно приватнаго характера, соприкасающіеся съ обыкновенною, и не всегда даже чистоплотною, провинціальною сплетнею, видимо не мало занимавшею собою старика Румовскаго *; извѣстно намъ и то, что интимная жизнь профессоровъ и преподавателей университета играла весьма видную роль въ этой своеобразной перепискѣ директора и попечителя. Несогласія семейной жизни и „страсть“ несчастнаго адъюнкта Эвеста, реляціи о романическихъ похожденіяхъ съ „барышнею Мячковою“ и о склонности „liederlich leben“ профессора Фукса, брачные виды и брачные союзы членовъ университета, профессорскія „домоводки“, черты частной жизни профессоровъ и касающіеся ихъ городскіе толки и сплетни—все это тщательно регистрировалось любознательнымъ директоромъ, для неукоснительнаго сообщенія не менѣе любознательному попечителю.

Помимо интимныхъ писемъ коммеражнаго характера, встрѣчались и случаи уже непосредственнаго и оффиціальнаго вторженія въ частную жизнь членовъ университета. Ничѣмъ инымъ, какъ возмутительнымъ издѣвательствомъ надъ личностью, хотя бы и одержимою тою или другою „страстью“, должны мы признать отвратительное „дѣло о болѣзни адъюнкта Эвеста“, осенью 1806 года занимавшее собою, по требованію Румовскаго, совѣтъ университета. Такое же впечатлѣніе производитъ и совѣтское разслѣдованіе дѣла по столкновенію профессоровъ Финке и Френа, вѣрнѣе говоря—дѣло по оцѣнкѣ брака этого послѣдняго, также безтактно возбужденное въ началѣ 1812 года попечителемъ.

Весьма типичнымъ образцомъ вмѣшательства въ частную жизнь казанской педагогической среды является дѣло объ открытіи „вечернихъ собраній, похожихъ на клубъ“, въ квартирѣ учителя гимназіи Неймана. Чув-

---

* См. томъ I, стр. 369 и слѣд.

ствуя потребность болѣе близкаго общенія между собою, иностранные профессоры стали устраивать вечернія собранія у гимназическаго учителя музыки П. Х. Неймана, располагавшаго подходящею для этой цѣли казенною квартирою. Начавшіяся съ разрѣшенія самого профессора-директора, эти собранія посвящались бесѣдамъ, карточной игрѣ и музыкѣ, до которой нѣкоторые изъ нѣмецкихъ членовъ университета (напримѣръ Броннеръ, Эрихъ и Реннеръ) были большіе любители. Эти совершенно невинныя собранія, которыя дѣйствительно способны были восполнить иностраннымъ профессорамъ скучную монотонность казанской жизни, не встрѣчали никакихъ внѣшнихъ препятствій до злополучныхъ выборовъ осени 1810 года, поставившихъ Яковкина на ножи съ иностраннымъ элементомъ совѣта. Враждебное отношеніе профессора-директора къ иностранцамъ, открыто обнаружившееся послѣ этихъ выборовъ, не преминуло отозваться и на вечернихъ собраніяхъ ихъ въ квартирѣ учителя Неймана, которыя сразу приняли въ глазахъ Яковкина характеръ тайныхъ сборищъ съ подозрительными цѣлями (весьма вѣроятно, что на этихъ собраніяхъ обсуждались дѣла и университетскія, не выключая отсюда щекотливыхъ вопросовъ объ отношеніяхъ между профессоромъ-директоромъ и профессорскою коллегіею), о чемъ онъ и не преминулъ довести до свѣдѣнія попечителя. Румовскій отнесся къ этому дѣлу весьма серьезно и вошелъ по этому поводу въ совѣтъ съ предложеніемъ отъ 7-го ноября 1810 года, въ которомъ ставилъ совѣту на видъ, что „у квартирующаго въ одномъ изъ гимназическихъ домовъ учителя музыки Неймана примѣчены по вечерамъ собранія изъ разныхъ лицъ, занимающихся игрою въ карты, музыкою и тому подобнымъ, похожія на клубъ“; признавая все это „ученому мѣсту ни мало не приличнымъ“, попечитель предписывалъ, „призвавъ учителя Неймана, объявить ему, что бы онъ отъ сего воздержался, въ противномъ случаѣ отказано ему будетъ отъ квартиры“.

Отмѣчая тяжелыя условія служебнаго положенія преподавательскаго персонала въ первые годы существованія казанскаго университета, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить одну положительную и безусловно симпатичную черту въ отношеніяхъ между профессорами и жившимъ въ Петербургѣ попечителемъ округа, являвшуюся, до извѣстной степени, коррективомъ къ полновластной роли, усвоенной себѣ на мѣстѣ, въ Казани, профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ. Эта—широкая и свободная возможность непосредственныхъ письменныхъ сношеній профессоровъ съ попечителемъ, минуя мѣстные органы учебной администраціи, минуя даже посредничество профессора-

ствуя потребность болѣе близкаго общенія между собою, иностранные профессоры стали устраивать вечернія собранія у гимназическаго учителя музыки П. Х. Неймана, располагавшаго подходящею для этой цѣли казенною квартирою. Начавшіяся съ разрѣшенія самого профессора-директора, эти собранія посвящались бесѣдамъ, карточной игрѣ и музыкѣ, до которой нѣкоторые изъ нѣмецкихъ членовъ университета (напримѣръ Броннеръ, Эрихъ и Реннеръ) были большіе любители. Эти совершенно невинныя собранія, которыя дѣйствительно способны были восполнить иностраннымъ профессорамъ скучную монотонность казанской жизни, не встрѣчали никакихъ внѣшнихъ препятствій до злополучныхъ выборовъ осени 1810 года, поставившихъ Яковкина на ножи съ иностраннымъ элементомъ совѣта. Враждебное отношеніе профессора-директора къ иностранцамъ, открыто обнаружившееся послѣ этихъ выборовъ, не преминуло отозваться и на вечернихъ собраніяхъ ихъ въ квартирѣ учителя Неймана, которыя сразу приняли въ глазахъ Яковкина характеръ тайныхъ сборищъ съ подозрительными цѣлями (весьма вѣроятно, что на этихъ собраніяхъ обсуждались дѣла и университетскія, не выключая отсюда щекотливыхъ вопросовъ объ отношеніяхъ между профессоромъ-директоромъ и профессорскою коллегіею), о чемъ онъ и не преминулъ довести до свѣдѣнія попечителя. Румовскій отнесся къ этому дѣлу весьма серьезно и вошелъ по этому поводу въ совѣтъ съ предложеніемъ отъ 7-го ноября 1810 года, въ которомъ ставилъ совѣту на видъ, что „у квартирующаго въ одномъ изъ гимназическихъ домовъ учителя музыки Неймана примѣчены по вечерамъ собранія изъ разныхъ лицъ, занимающихся игрою въ карты, музыкою и тому подобнымъ, похожія на клубъ“; признавая все это „ученому мѣсту ни мало не приличнымъ“, попечитель предписывалъ, „призвавъ учителя Неймана, объявить ему, что бы онъ отъ сего воздержался, въ противномъ случаѣ отказано ему будетъ отъ квартиры“.

Отмѣчая тяжелыя условія служебнаго положенія преподавательскаго персонала въ первые годы существованія казанскаго университета, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить одну положительную и безусловно симпатичную черту въ отношеніяхъ между профессорами и жившимъ въ Петербургѣ попечителемъ округа, являвшуюся, до извѣстной степени, коррективомъ къ полновластной роли, усвоенной себѣ на мѣстѣ, въ Казани, профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ. Эта—широкая и свободная возможность непосредственныхъ письменныхъ сношеній профессоровъ съ попечителемъ, минуя мѣстные органы учебной администраціи, минуя даже посредничество профессора-

директора; возможностью этою, какъ мы это не разъ видѣли, профессора въ широкихъ размѣрахъ и пользовались во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ—порою даже въ полемическихъ, по отношенію къ донесеніямъ Яковкина, цѣляхъ. Румовскій охотно вступалъ въ личную переписку съ профессорами, неукоснительно отвѣчалъ на всѣ ихъ письма и только уже подъ конецъ своей жизни, когда сильнѣе стали давать себя чувствовать его старческія немощи, просилъ, однажды, Яковкина отъ его имени „извиниться предъ господами профессорами, что не на всѣ письма ихъ отвѣтствую; число писемъ, мною получаемыхъ,—оправдываетъ себя попечитель,—столь велико, что не достаетъ времени на всѣ отвѣтствовать“ [214].

Переходя къ вопросу о положеніи профессоровъ въ общемъ строѣ казанской общественности, въ смыслѣ положенія ихъ какъ передъ лицомъ мѣстной губернской администраціи, такъ и среди другихъ элементовъ мѣстной общественной жизни, мы, въ сущности, выдѣлимъ лишь частности болѣе широко поставленнаго вопроса, которому былъ посвященъ послѣдній раздѣлъ предшествовавшей главы нашего труда.

Какъ высокое значеніе университета, такъ и культурная миссія его представителей, призванныхъ служить проводниками тѣхъ идей и тѣхъ знаній, во имя которыхъ возникъ на далекомъ европейскомъ востокѣ юный казанскій „храмъ музъ“—уже должны были бы, даже съ чисто принципіальной точки зрѣнія, обезпечить за жрецами этого „храма“ болѣе или менѣе почетное положеніе въ мѣстной общественности. На дѣлѣ этого, однако, по крайней мѣрѣ въ первые годы существованія казанскаго университета, не наблюдается, какъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ всѣ дошедшіе до нашихъ дней источники. Да и трудно было ожидать со стороны общества почетнаго отношенія къ людямъ, которые даже въ глазахъ ихъ непосредственнаго начальства представлялись лишь „чиновниками“ по различнымъ отраслямъ наукъ („чиновникъ по россійской словесности“, „чиновникъ по философіи“ и т. п.—самые ходячіе термины того времени); которые съ надменнымъ нахальствомъ третировались, на глазахъ всего общества, даже такимъ случайнымъ и, въ сущности, ничтожнымъ временщикомъ, какимъ былъ профессоръ-директоръ Яковкинъ; самыя служебныя и личныя права которыхъ оставались мертвою буквою передъ административнымъ произволомъ, не взирая на державнымъ словомъ гарантировавшую ихъ утвердительную грамоту 5-го ноября 1804 года; которые „не дерзали,—по словамъ М. А. Салтыкова,—и помышлять о томъ, что имъ присвоены какія либо права“..... По причинамъ, въ достаточной степени яснымъ,

директора; возможностью этою, какъ мы это не разъ видѣли, профессора въ широкихъ размѣрахъ и пользовались во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ—порою даже въ полемическихъ, по отношенію къ донесеніямъ Яковкина, цѣляхъ. Румовскій охотно вступалъ въ личную переписку съ профессорами, неукоснительно отвѣчалъ на всѣ ихъ письма и только уже подъ конецъ своей жизни, когда сильнѣе стали давать себя чувствовать его старческія немощи, просилъ, однажды, Яковкина отъ его имени „извиниться предъ господами профессорами, что не на всѣ письма ихъ отвѣтствую; число писемъ, мною получаемыхъ,—оправдываетъ себя попечитель,—столь велико, что не достаетъ времени на всѣ отвѣтствовать" [214].

Переходя къ вопросу о положеніи профессоровъ въ общемъ строѣ казанской общественности, въ смыслѣ положенія ихъ какъ передъ лицомъ мѣстной губернской администраціи, такъ и среди другихъ элементовъ мѣстной общественной жизни, мы, въ сущности, выдѣлимъ лишь частности болѣе широко поставленнаго вопроса, которому былъ посвященъ послѣдній раздѣлъ предшествовавшей главы нашего труда.

Какъ высокое значеніе университета, такъ и культурная миссія его представителей, призванныхъ служить проводниками тѣхъ идей и тѣхъ знаній, во имя которыхъ возникъ на далекомъ европейскомъ востокѣ юный казанскій „храмъ музъ"—уже должны были бы, даже съ чисто принципіальной точки зрѣнія, обезпечить за жрецами этого „храма" болѣе или менѣе почетное положеніе въ мѣстной общественности. На дѣлѣ этого, однако, по крайней мѣрѣ въ первые годы существованія казанскаго университета, не наблюдается, какъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ всѣ дошедшіе до нашихъ дней источники. Да и трудно было ожидать со стороны общества почетнаго отношенія къ людямъ, которые даже въ глазахъ ихъ непосредственнаго начальства представлялись лишь „чиновниками" по различнымъ отраслямъ наукъ („чиновникъ по россійской словесности", „чиновникъ по философіи" и т. п.—самые ходячіе термины того времени); которые съ надменнымъ нахальствомъ третировались, на глазахъ всего общества, даже такимъ случайнымъ и, въ сущности, ничтожнымъ временщикомъ, какимъ былъ профессоръ-директоръ Яковкинъ; самыя служебныя и личныя права которыхъ оставались мертвою буквою передъ административнымъ произволомъ, не взирая на державнымъ словомъ гарантировавшую ихъ утвердительную грамоту 5-го ноября 1804 года; которые „не дерзали,—по словамъ М. А. Салтыкова,—и помышлять о томъ, что имъ присвоены какія либо права"..... По причинамъ, въ достаточной степени яснымъ,

только съ полнымъ открытіемъ его въ 1814 году стало нѣсколько повышаться общественное положеніе профессоровъ, теперь уже автономнаго, университета, снова низко павшее, при обстоятельствахъ, съ которыми мы въ своемъ мѣстѣ познакомимся, всего черезъ какихъ нибудь шесть лѣтъ, въ деморализовавшую всю университетскую жизнь печальной памяти эпоху попечительства Магницкаго. Вспомнимъ уже приведенный нами отзывъ профессора Фукса о томъ, что въ первые годы жизни казанскаго университета „наше ученое сословіе было въ ужасномъ пренебреженіи", что профессорамъ запрещалось „писаться" въ присвоенномъ имъ закономъ седьмомъ классѣ, что всѣ обращались съ ними „крайне грубо", что высшіе представители губернской администраціи не только не сажали являвшихся къ нимъ по дѣламъ профессоровъ, но считали даже возможнымъ обращаться къ нимъ на—„ты"....

Уже на слѣдующій послѣ основанія университета годъ, двумъ иностраннымъ членамъ его довелось испытать на себѣ грубость казанскихъ административныхъ нравовъ, при обстоятельствахъ, о которыхъ встревоженный разыгравшимся инцидентомъ Яковкинъ подробно донесъ попечителю въ письмѣ отъ 11-го сентября 1806 года:

„Не могу я опустить въ молчаніи одного непріятнаго происшествія, о коемъ, можетъ быть, и отъ г. губернатора донесено быть имѣетъ вашему превосходительству,—пишетъ здѣсь директоръ.—30-го августа профессоры Германъ и Цеплинъ, пришедъ въ каѳедральный соборъ (это былъ день тезоименитства государя императора) тѣснились напередъ всѣхъ и Германъ толкнулъ вице-губернатора. Сей сказалъ ему:

— Надобно бы наблюдать болѣе благопристойности въ церкви.

Германъ что то началъ ему говорить по-нѣмецки, но вице-губернаторъ отвѣчалъ:

— Я не разумѣю иностранныхъ языковъ!

За Германомъ шедшій Цеплинъ началъ говорить по-французски; вице-губернаторъ отвѣчалъ тоже. Вице-губернаторъ потомъ спросилъ стоявшаго подлѣ его губернскаго казначея,—кто бы таковы оные двое были, потому что оба были въ сюртукахъ и, получивъ отъ него отвѣтъ, что это—два профессора, Германъ и Цеплинъ, сказалъ вслухъ:

— Ахъ, какіе невѣжды! Другой, на моемъ мѣстѣ, приказалъ бы ихъ вывесть изъ церкви....

Но слышалъ я,—добавляетъ Яковкинъ, — что оба они, оправдывая сами себя и обвиняя вице-губернатора, жаловались на него губернатору, а вице-губернаторъ, будто бы, рѣшился отнестись объ ономъ происшествіи къ вашему превосходительству".

Такова была сущность этого перваго изъ извѣстныхъ намъ столкновеній между мѣстною администраціею и профессорами университета—въ

только съ полнымъ открытіемъ его въ 1814 году стало нѣсколько повышаться общественное положеніе профессоровъ, теперь уже автономнаго, университета, снова низко павшее, при обстоятельствахъ, съ которыми мы въ своемъ мѣстѣ познакомимся, всего черезъ какихъ нибудь шесть лѣтъ, въ деморализовавшую всю университетскую жизнь печальной памяти эпоху попечительства Магницкаго. Вспомнимъ уже приведенный нами отзывъ профессора Фукса о томъ, что въ первые годы жизни казанскаго университета „наше ученое сословіе было въ ужасномъ пренебреженіи", что профессорамъ запрещалось „писаться" въ присвоенномъ имъ закономъ седьмомъ классѣ, что всѣ обращались съ ними „крайне грубо", что высшіе представители губернской администраціи не только не сажали являвшихся къ нимъ по дѣламъ профессоровъ, но считали даже возможнымъ обращаться къ нимъ на—„ты"....

Уже на слѣдующій послѣ основанія университета годъ, двумъ иностраннымъ членамъ его довелось испытать на себѣ грубость казанскихъ административныхъ нравовъ, при обстоятельствахъ, о которыхъ встревоженный разыгравшимся инцидентомъ Яковкинъ подробно донесъ попечителю въ письмѣ отъ 11-го сентября 1806 года:

„Не могу я опустить въ молчаніи одного непріятнаго происшествія, о коемъ, можетъ быть, и отъ г. губернатора донесено быть имѣетъ вашему превосходительству,—пишетъ здѣсь директоръ.—30-го августа профессоры Германъ и Цеплинъ, пришедъ въ каѳедральный соборъ (это былъ день тезоименитства государя императора) тѣснились напередъ всѣхъ и Германъ толкнулъ вице-губернатора. Сей сказалъ ему:

— Надобно бы наблюдать болѣе благопристойности въ церкви.

Германъ что то началъ ему говорить по-нѣмецки, но вице-губернаторъ отвѣчалъ:

— Я не разумѣю иностранныхъ языковъ!

За Германомъ шедшій Цеплинъ началъ говорить по-французски; вице-губернаторъ отвѣчалъ тоже. Вице-губернаторъ потомъ спросилъ стоявшаго подлѣ его губернскаго казначея,—кто бы таковы оные двое были, потому что оба были въ сюртукахъ и, получивъ отъ него отвѣтъ, что это—два профессора, Германъ и Цеплинъ, сказалъ вслухъ:

— Ахъ, какіе невѣжды! Другой, на моемъ мѣстѣ, приказалъ бы ихъ вывесть изъ церкви....

Но слышалъ я,—добавляетъ Яковкинъ, — что оба они, оправдывая сами себя и обвиняя вице-губернатора, жаловались на него губернатору, а вице-губернаторъ, будто бы, рѣшился отнестись объ ономъ происшествіи къ вашему превосходительству".

Такова была сущность этого перваго изъ извѣстныхъ намъ столкновеній между мѣстною администраціею и профессорами университета—въ

передачѣ ея Яковкинымъ, къ редакціи которой слѣдуетъ отнестись съ большою осторожностью, такъ какъ она построена на свидѣтельствѣ только одной стороны (вице-губернатора), самое же сообщеніе сдѣлано было въ полный разгаръ страстей по извѣстному уже намъ совѣтскому дѣлу объ увольненіи Пухинскаго, рѣзко обострившаго отношенія директора къ иностраннымъ членамъ университета [215].

Особенно тяжелою, съ точки зрѣнія ихъ общественнаго положенія, являлась участь въ Казани иностранныхъ профессоровъ, привыкшихъ къ иному строю академической жизни и къ иной роли профессоровъ въ мѣстной общественной жизни. Этихъ иностранныхъ выходцевъ должно было нравственно угнетать и то недовѣріе, какъ со стороны администраціи, такъ и со стороны частныхъ представителей общества и населенія, которое окружало ихъ въ Россіи подъ вліяніемъ политическихъ условій того времени; если мы добавимъ къ этому и недовѣріе, съ которымъ относилось къ нимъ ихъ собственное начальство, то для насъ сдѣлаются понятными жалобы на тяжелыя нравственныя условія службы въ Россіи, которыя выливались изъ подъ пера даже такого осторожнаго и сдержаннаго ученаго, какимъ знаемъ мы профессора Броннера. Обуревавшее русскія власти и русское населеніе чувство подозрительности къ иностранцамъ заставляло видѣть въ каждомъ, даже служиломъ, чужеземцѣ—измѣнника, шпіона, непріятельскаго эмиссара, готоваго предать врагамъ интересы пріютившей его Россіи. Эта всеобщая и мнительная подозрительность къ иностранцамъ временами доходила, какъ извѣстно, до степени психоза; въ каждомъ человѣкѣ, одѣтомъ въ „нѣмецкое" платье—подозрѣваютъ злонамѣреннаго чужеземца, а благонамѣреннѣйшій адъюнктъ Кондыревъ долженъ былъ въ 1812 году бѣгствомъ спасаться изъ пригорода Билярска, гдѣ населеніе предположило въ немъ французскаго эмиссара....

Положеніе являлось, и на самомъ дѣлѣ, удручающимъ: призвавъ ученыхъ иностранцевъ на службу въ далекій, чужой и непривѣтливый край, имъ не только отказывали здѣсь въ самомъ обыкновенномъ довѣріи, но еще ставили лицомъ къ лицу съ невѣжественною и грубою администраціею того времени. А мы уже хорошо знаемъ, что представляла изъ себя казанская губернская администрація начала XIX столѣтія, неистовства которой заставили въ 1801 году говорить о себѣ всю Россію, глубоко оскорбивъ наиболѣе святыя чувства юнаго императора Александра.

Первою всеобщею правительственною мѣрою, которая не могла не отозваться горькимъ чувствомъ на нравственномъ сознаніи иностранцевъ русской службы, вообще, и профессоровъ только что основаннаго казан-

передачѣ ея Яковкинымъ, къ редакціи которой слѣдуетъ отнестись съ большою осторожностью, такъ какъ она построена на свидѣтельствѣ только одной стороны (вице-губернатора), самое же сообщеніе сдѣлано было въ полный разгаръ страстей по извѣстному уже намъ совѣтскому дѣлу объ увольненіи Пухинскаго, рѣзко обострившаго отношенія директора къ иностраннымъ членамъ университета [215].

Особенно тяжелою, съ точки зрѣнія ихъ общественнаго положенія, являлась участь въ Казани иностранныхъ профессоровъ, привыкшихъ къ иному строю академической жизни и къ иной роли профессоровъ въ мѣстной общественной жизни. Этихъ иностранныхъ выходцевъ должно было нравственно угнетать и то недовѣріе, какъ со стороны администраціи, такъ и со стороны частныхъ представителей общества и населенія, которое окружало ихъ въ Россіи подъ вліяніемъ политическихъ условій того времени; если мы добавимъ къ этому и недовѣріе, съ которымъ относилось къ нимъ ихъ собственное начальство, то для насъ сдѣлаются понятными жалобы на тяжелыя нравственныя условія службы въ Россіи, которыя выливались изъ подъ пера даже такого осторожнаго и сдержаннаго ученаго, какимъ знаемъ мы профессора Броннера. Обуревавшее русскія власти и русское населеніе чувство подозрительности къ иностранцамъ заставляло видѣть въ каждомъ, даже служиломъ, чужеземцѣ—измѣнника, шпіона, непріятельскаго эмиссара, готоваго предать врагамъ интересы пріютившей его Россіи. Эта всеобщая и мнительная подозрительность къ иностранцамъ временами доходила, какъ извѣстно, до степени психоза; въ каждомъ человѣкѣ, одѣтомъ въ „нѣмецкое" платье—подозрѣваютъ злонамѣреннаго чужеземца, а благонамѣреннѣйшій адъюнктъ Кондыревъ долженъ былъ въ 1812 году бѣгствомъ спасаться изъ пригорода Билярска, гдѣ населеніе предположило въ немъ французскаго эмиссара....

Положеніе являлось, и на самомъ дѣлѣ, удручающимъ: призвавъ ученыхъ иностранцевъ на службу въ далекій, чужой и непривѣтливый край, имъ не только отказывали здѣсь въ самомъ обыкновенномъ довѣріи, но еще ставили лицомъ къ лицу съ невѣжественною и грубою администраціею того времени. А мы уже хорошо знаемъ, что представляла изъ себя казанская губернская администрація начала XIX столѣтія, неистовства которой заставили въ 1801 году говорить о себѣ всю Россію, глубоко оскорбивъ наиболѣе святыя чувства юнаго императора Александра.

Первою всеобщею правительственною мѣрою, которая не могла не отозваться горькимъ чувствомъ на нравственномъ сознаніи иностранцевъ русской службы, вообще, и профессоровъ только что основаннаго казан-

скаго университета, въ частности—явилось отобраніе отъ нихъ въ концѣ 1806 года присяги въ вѣрности Россіи, предпринятое въ силу высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 28-го ноября того же года, вызваннаго нашими политическими осложненіями на западѣ. Въ Казани, какъ и въ другихъ городскихъ центрахъ, учреждена была при мѣстной городской шестигласной думѣ особая коммиссія для разбора иностранцевъ, которой было вмѣнено въ обязанность провѣрить всѣ документы проживающихъ въ городѣ иностранцевъ, какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ, послѣ чего отъ желающихъ остаться въ Россіи отбиралась особая присяга на вѣрность. Указъ 28-го ноября произвелъ сильное впечатлѣніе на иностранныхъ членовъ казанскаго университета и вызывалъ даже опасенія протеста съ ихъ стороны: „Требуемыя по высочайшему манифесту отъ всѣхъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и профессоровъ, новыя присяги произвели великое впечатлѣніе; но, кажется, что всѣ они дадутъ оныя безпрекословно",—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 18-го декабря.

Главнымъ дѣятелемъ казанской коммиссіи для разбора иностранцевъ явился мѣстный частный приставъ Потто, грубый образъ дѣйствій котораго вызвалъ рядъ неудовольствій со стороны привлекавшихся въ коммиссію лицъ и вызвалъ протестъ даже со стороны покладистаго по отношенію къ властямъ директора Яковкина. Вотъ какъ доносилъ онъ обо всемъ этомъ попечителю письмомъ отъ 24-го декабря:

„Изъ приглашенныхъ въ прошедшій вторникъ коммиссіею для разбора иностранцевъ чиновниковъ университета и гимназіи, многіе возвратились въ крайнемъ неудовольствіи на крайнюю неучтивость коммиссіи, въ коей ни г. губернатора, ниже полицеймейстера, не было тогда и, при двухъ членахъ магистрата, частный приставъ Потто распоряжалъ всѣ дѣла и входилъ въ нихъ. Для предотвращенія всякаго недоразумѣнія и безпорядка, еще въ понедѣльникъ посылалъ я къ полицеймейстеру комнатнаго надзирателя Горра, дабы предупредить его о соблюденіи правъ университета и извѣститься достовѣрно, когда назначено будетъ быть отдѣльно нашимъ чиновникамъ. Горра, возвратившись, рапортовалъ мнѣ, а полиція присланнымъ въ десятомъ часу пополудни сообщеніемъ подтвердила, чтобъ явиться имъ во вторникъ поутру, но, вмѣсто всего должнаго уваженія и къ мѣсту и къ чиновникамъ его, нѣкоторымъ весьма явны были интриги г. Потто, чѣмъ неудовольствіе еще болѣе увеличилось. Въ доказательство всего происходившаго, осмѣливаюсь при семъ представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства оригинальное письмо, писанное ко мнѣ г. профессоромъ Сторлемъ, и копію съ другаго, которое онъ намѣренъ послать къ г. Потто, а также и меня увѣдомить, дабы извѣстить

скаго университета, въ частности—явилось отобраніе отъ нихъ въ концѣ 1806 года присяги въ вѣрности Россіи, предпринятое въ силу высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 28-го ноября того же года, вызваннаго нашими политическими осложненіями на западѣ. Въ Казани, какъ и въ другихъ городскихъ центрахъ, учреждена была при мѣстной городской шестигласной думѣ особая коммиссія для разбора иностранцевъ, которой было вмѣнено въ обязанность провѣрить всѣ документы проживающихъ въ городѣ иностранцевъ, какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ, послѣ чего отъ желающихъ остаться въ Россіи отбиралась особая присяга на вѣрность. Указъ 28-го ноября произвелъ сильное впечатлѣніе на иностранныхъ членовъ казанскаго университета и вызывалъ даже опасенія протеста съ ихъ стороны: „Требуемыя по высочайшему манифесту отъ всѣхъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и профессоровъ, новыя присяги произвели великое впечатлѣніе; но, кажется, что всѣ они дадутъ оныя безпрекословно",—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 18-го декабря.

Главнымъ дѣятелемъ казанской коммиссіи для разбора иностранцевъ явился мѣстный частный приставъ Потто, грубый образъ дѣйствій котораго вызвалъ рядъ неудовольствій со стороны привлекавшихся въ коммиссію лицъ и вызвалъ протестъ даже со стороны покладистаго по отношенію къ властямъ директора Яковкина. Вотъ какъ доносилъ онъ обо всемъ этомъ попечителю письмомъ отъ 24-го декабря:

> „Изъ приглашенныхъ въ прошедшій вторникъ коммиссіею для разбора иностранцевъ чиновниковъ университета и гимназіи, многіе возвратились въ крайнемъ неудовольствіи на крайнюю неучтивость коммиссіи, въ коей ни г. губернатора, ниже полицеймейстера, не было тогда и, при двухъ членахъ магистрата, частный приставъ Потто распоряжалъ всѣ дѣла и входилъ въ нихъ. Для предотвращенія всякаго недоразумѣнія и безпорядка, еще въ понедѣльникъ посылалъ я къ полицеймейстеру комнатнаго надзирателя Горра, дабы предупредить его о соблюденіи правъ университета и извѣститься достовѣрно, когда назначено будетъ быть отдѣльно нашимъ чиновникамъ. Горра, возвратившись, рапортовалъ мнѣ, а полиція присланнымъ въ десятомъ часу пополудни сообщеніемъ подтвердила, чтобъ явиться имъ во вторникъ поутру, но, вмѣсто всего должнаго уваженія и къ мѣсту и къ чиновникамъ его, нѣкоторымъ весьма явны были интриги г. Потто, чѣмъ неудовольствіе еще болѣе увеличилось. Въ доказательство всего происходившаго, осмѣливаюсь при семъ представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства оригинальное письмо, писанное ко мнѣ г. профессоромъ Сторлемъ, и копію съ другаго, которое онъ намѣренъ послать къ г. Потто, а также и меня увѣдомить, дабы извѣстить

г. губернатора о семъ происшествіи, не приносящимъ чести мѣсту, въ коемъ онъ предсѣдателемъ".

Изъ приложенной къ этому донесенію копіи съ французскаго письма проф. Сторля къ частному приставу Потто мы узнаемъ, что въ коммиссіи обошлись не только съ самимъ Сторлемъ, но и съ другими его сотоварищами—крайне грубо. Сторль пеняетъ приставу на то, что тотъ, провѣряя его документы, обошелся съ нимъ „какъ съ бродягою, какъ съ послѣднимъ изъ подмастерьевъ (etant comparu, vous m'avez examiné sur mes papiers comme un gueux, comme le dernier des garçons de metier)". Не довольствуясь оффиціальными документами, признававшими Сторля въ званіи профессора университета, Потто требовалъ отъ него еще и метрическое свидѣтельство, вторично вызвалъ его къ допросу въ коммиссію и, въ концѣ концовъ, удержалъ его документы, сославшись на необходимость удостовѣриться въ ихъ подлинности:

„Не довольствуясь нанесеннымъ вами оскорбленіемъ, вы отказались выдать мнѣ обратно мои бумаги, подъ предлогомъ необходимости ихъ провѣрки,—писалъ Сторль приставу. — Я умолчу, г. приставъ, объ обидѣ, нанесенной вами мнѣ, какъ частному лицу; но, подвергая сомнѣніямъ оффиціальный документъ, признающій меня профессоромъ русскаго университета, вы упустили изъ виду, что мнѣ его никогда не выдали бы безъ предварительныхъ справокъ относительно моей личности. Въ вашемъ намѣреніи совершить провѣрку документа, удостовѣреннаго русскимъ государственнымъ гербомъ и подписью министра—вы взяли на себя, милостивый государь, слишкомъ многое и я надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени вамъ придется убѣдиться въ томъ, что вы причинили мнѣ тѣмъ самымъ обиду. Вы затронули честь человѣка, признаннаго членомъ учрежденія, состоящаго, въ силу всемилостивѣйше пожалованнаго ему нашимъ славнымъ монархомъ акта, подъ исключительнымъ покровительствомъ государя императора—и этого то я не въ состояніи вамъ простить. Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что обо всемъ этомъ дѣлѣ уже отправлено мною въ С.-Петербургъ, нашему попечителю, подробное донесеніе, изъ котораго онъ увидитъ, какими способами выполняются здѣсь повелѣнія нашего достославнаго и всемилостивѣйшаго монарха".

Препроводивъ къ попечителю свое донесеніе по этому дѣлу, Яковкинъ слѣдомъ за тѣмъ (4-го января 1807 года) обратился съ оффиціальною жалобою и къ казанскому губернатору Мансурову, но эта жалоба была оставлена имъ, надо полагать, безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ, согласно предписанію попечителя, лично не пожелавшаго, повидимому, впутываться въ это щекотливое дѣло, 4-го марта отправлена была къ гу-

г. губернатора о семъ происшествіи, не приносящимъ чести мѣсту, въ коемъ онъ предсѣдателемъ".

Изъ приложенной къ этому донесенію копіи съ французскаго письма проф. Сторля къ частному приставу Потто мы узнаемъ, что въ коммиссіи обошлись не только съ самимъ Сторлемъ, но и съ другими его сотоварищами—крайне грубо. Сторль пеняетъ приставу на то, что тотъ, провѣряя его документы, обошелся съ нимъ „какъ съ бродягою, какъ съ послѣднимъ изъ подмастерьевъ (etant comparu, vous m'avez examiné sur mes papiers comme un gueux, comme le dernier des garçons de metier)". Не довольствуясь оффиціальными документами, признававшими Сторля въ званіи профессора университета, Потто требовалъ отъ него еще и метрическое свидѣтельство, вторично вызвалъ его къ допросу въ коммиссію и, въ концѣ концовъ, удержалъ его документы, сославшись на необходимость удостовѣриться въ ихъ подлинности:

„Не довольствуясь нанесеннымъ вами оскорбленіемъ, вы отказались выдать мнѣ обратно мои бумаги, подъ предлогомъ необходимости ихъ провѣрки,—писалъ Сторль приставу.—Я умолчу, г. приставъ, объ обидѣ, нанесенной вами мнѣ, какъ частному лицу; но, подвергая сомнѣніямъ оффиціальный документъ, признающій меня профессоромъ русскаго университета, вы упустили изъ виду, что мнѣ его никогда не выдали бы безъ предварительныхъ справокъ относительно моей личности. Въ вашемъ намѣреніи совершить провѣрку документа, удостовѣреннаго русскимъ государственнымъ гербомъ и подписью министра—вы взяли на себя, милостивый государь, слишкомъ многое и я надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени вамъ придется убѣдиться въ томъ, что вы причинили мнѣ тѣмъ самымъ обиду. Вы затронули честь человѣка, признаннаго членомъ учрежденія, состоящаго, въ силу всемилостивѣйше пожалованнаго ему нашимъ славнымъ монархомъ акта, подъ исключительнымъ покровительствомъ государя императора—и этого то я не въ состояніи вамъ простить. Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что обо всемъ этомъ дѣлѣ уже отправлено мною въ С.-Петербургъ, нашему попечителю, подробное донесеніе, изъ котораго онъ увидитъ, какими способами выполняются здѣсь повелѣнія нашего достославнаго и всемилостивѣйшаго монарха".

Препроводивъ къ попечителю свое донесеніе по этому дѣлу, Яковкинъ слѣдомъ за тѣмъ (4-го января 1807 года) обратился съ оффиціальною жалобою и къ казанскому губернатору Мансурову, но эта жалоба была оставлена имъ, надо полагать, безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ, согласно предписанію попечителя, лично не пожелавшаго, повидимому, впутываться въ это щекотливое дѣло, 4-го марта отправлена была къ гу-

бернатору вторичная жалоба—на этотъ разъ уже отъ лица всего совѣта, въ которой снова возбуждался вопросъ „о причиненномъ неудовольствіи г.г. иностраннымъ чиновникамъ университета въ казанской коммиссіи о разборѣ иностранцевъ“ [216]. Чѣмъ окончилась вся эта исторія—остается неизвѣстнымъ, такъ какъ никакихъ указаній на дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ найти не удалось. Весьма вѣроятно, что губернаторъ Мансуровъ, какъ разъ въ то время находившійся, на почвѣ уже знакомаго намъ его извѣта на университетъ и Яковкина, въ боевомъ отношеніи къ мѣстному учебному вѣдомству, такъ или иначе замялъ это непріятное дѣло *.

Лѣтомъ 1812 года, въ самый разгаръ движенія на Москву великой арміи императора Наполеона, снова производился по всей Россіи разборъ иностранцевъ, условія котораго намъ уже извѣстны и который коснулся, конечно, и Казани **. Мы уже знаемъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія объ этомъ „разборѣ“, оставлять на мѣстахъ дозволено было лишь тѣхъ изъ служащихъ иностранцевъ, за которыхъ приметъ на себя ручательство ихъ ближайшее начальство. По отношенію къ казанскому университету обязанность поручителя долженъ былъ взять на себя профессоръ-директоръ Яковкинъ.

Извѣстіе объ этомъ новомъ разборѣ произвело удручающее впечатлѣніе на иностранныхъ профессоровъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ одинъ изъ нихъ, проф. Литтровъ, въ письмѣ къ академику Фуссу отъ 12-го сентября 1812 года, воспроизведенномъ въ позднѣйшемъ изданіи собранія его сочиненій:

„Какимъ голосомъ, съ какими глазами прочелъ онъ намъ эту бумагу!—писалъ Литтровъ о засѣданіи совѣта, въ которомъ Яковкинъ возвѣстилъ новое правительственное распоряженіе.—Кто то изъ насъ, не вполнѣ понявшій предложеніе, спросилъ:

— Неужели весь совѣтъ долженъ будетъ ручаться?

— Не совѣтъ,—закричалъ Яковкинъ,—а я, директоръ!

Если бы живъ былъ попечитель (Румовскій умеръ въ началѣ іюля того же года), то намъ нечего было бы опасаться въ этомъ случаѣ,—

* Въ этомъ дѣлѣ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе горячее и довольно неожиданное участіе, принятое въ немъ Яковкинымъ. Мы найдемъ разгадку этому факту, если вспомнимъ, что фигурирующій во всей этой исторіи частный приставъ Потто—былъ какъ разъ тѣмъ претендентомъ, котораго, наперекоръ видамъ Яковкина, совѣтъ лишь за три мѣсяца до того выдвигалъ преемникомъ уволеннаго директоромъ главнаго гимназическаго надзирателя Пухинскаго; Сторль же усердно держалъ въ этомъ совѣтскомъ конфликтѣ сторону Яковкина. Этимъ сцѣпленіемъ отношеній многое освѣщается и въ только что разсказанномъ нами столкновеніи (Ср. въ томѣ I-мъ стран. 177, 179, 184—186, 200—201).

** См. томъ I, стр. 402—403.

бернатору вторичная жалоба—на этотъ разъ уже отъ лица всего совѣта, въ которой снова возбуждался вопросъ „о причиненномъ неудовольствіи г.г. иностраннымъ чиновникамъ университета въ казанской коммиссіи о разборѣ иностранцевъ“ [216]. Чѣмъ окончилась вся эта исторія—остается неизвѣстнымъ, такъ какъ никакихъ указаній на дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ найти не удалось. Весьма вѣроятно, что губернаторъ Мансуровъ, какъ разъ въ то время находившійся, на почвѣ уже знакомаго намъ его извѣта на университетъ и Яковкина, въ боевомъ отношеніи къ мѣстному учебному вѣдомству, такъ или иначе замялъ это непріятное дѣло *.

Лѣтомъ 1812 года, въ самый разгаръ движенія на Москву великой арміи императора Наполеона, снова производился по всей Россіи разборъ иностранцевъ, условія котораго намъ уже извѣстны и который коснулся, конечно, и Казани **. Мы уже знаемъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія объ этомъ „разборѣ“, оставлять на мѣстахъ дозволено было лишь тѣхъ изъ служащихъ иностранцевъ, за которыхъ приметъ на себя ручательство ихъ ближайшее начальство. По отношенію къ казанскому университету обязанность поручителя долженъ былъ взять на себя профессоръ-директоръ Яковкинъ.

Извѣстіе объ этомъ новомъ разборѣ произвело удручающее впечатлѣніе на иностранныхъ профессоровъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ одинъ изъ нихъ, проф. Литтровъ, въ письмѣ къ академику Фуссу отъ 12-го сентября 1812 года, воспроизведенномъ въ позднѣйшемъ изданіи собранія его сочиненій:

„Какимъ голосомъ, съ какими глазами прочелъ онъ намъ эту бумагу!—писалъ Литтровъ о засѣданіи совѣта, въ которомъ Яковкинъ возвѣстилъ новое правительственное распоряженіе.—Кто то изъ насъ, не вполнѣ понявшій предложеніе, спросилъ:

— Неужели весь совѣтъ долженъ будетъ ручаться?

— Не совѣтъ,—закричалъ Яковкинъ,—а я, директоръ!

Если бы живъ былъ попечитель (Румовскій умеръ въ началѣ іюля того же года), то намъ нечего было бы опасаться въ этомъ случаѣ,—

---

* Въ этомъ дѣлѣ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе горячее и довольно неожиданное участіе, принятое въ немъ Яковкинымъ. Мы найдемъ разгадку этому факту, если вспомнимъ, что фигурирующій во всей этой исторіи частный приставъ Потто—былъ какъ разъ тѣмъ претендентомъ, котораго, наперекоръ видамъ Яковкина, совѣтъ лишь за три мѣсяца до того выдвигалъ преемникомъ уволеннаго директоромъ главнаго гимназическаго надзирателя Пухинскаго; Сторль же усердно держалъ въ этомъ совѣтскомъ конфликтѣ сторону Яковкина. Этимъ сцѣпленіемъ отношеній многое освѣщается и въ только что разсказанномъ нами столкновеніи (Ср. въ томѣ I-мъ стран. 177, 179, 184—186, 200—201).

** См. томъ I, стр. 402—403.

замѣчаетъ Литтровъ,—но именно эта смерть, которая отнимаетъ силу у Яковкина, заставляетъ его бѣситься вдвойнѣ... Онъ долженъ за насъ ручаться: что ему стоитъ не поручиться, что бы погубить насъ!"

Профессоръ Литтровъ не ошибся въ своихъ опасеніяхъ: Яковкинъ, находившійся въ то время въ враждебномъ антагонизмѣ почти со всѣми иностранными своими сослуживцами, не упустилъ случая совершить попытку свести съ ними счеты на почвѣ этого требованія поручительства и безусловно поручился лишь за двоихъ иностранныхъ профессоровъ—Финке и Томаса. Въ относящемся сюда архивномъ дѣлѣ имѣется любопытная табель иностранныхъ членовъ университета того времени, съ собственноручными отмѣтками Яковкина относительно степени ихъ благонадежности. Эта табель настолько интересна во многихъ отношеніяхъ, что мы рѣшаемся привести всѣ имѣющіяся въ ней данныя, лишь измѣнивъ внѣшнюю, неудобную для печатнаго набора, табличную форму ихъ расположенія:

Списокъ всѣмъ иностранцамъ, въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ состоящимъ.

1. Максимиліанъ Викентій Людовикъ Сторль—богемскій уроженецъ изъ Праги, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1805 года 30-го мая. Хотя и не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство за будущіе его поступки не ручается.

2. Карлъ Ѳедоровъ Фуксъ—родился въ Герборнѣ, публичный ординарный профессоръ; холостъ; имѣетъ каменный домъ; въ Россіи съ 1801 года. Хотя и не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

3. Иванъ Осиповъ Браунъ—нѣмецкой націи, изъ мѣщанъ, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1807 года февраля 1-го. Хотя и не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

4. Христіанъ Мартинъ Френъ—уроженецъ ростокскій, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; имѣетъ деревянный домъ; въ Россіи съ 1807 года августа 3-го дня. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

5. Іоганъ Мартинъ Бартельсъ—родился въ Брауншвейгѣ, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей имѣетъ двоихъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1806 года. Не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

6. Каспаръ Фридрихъ Реннеръ—нѣмецкой націи, публичный ординарный профессоръ; холостъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1808 года 20-го іюня. Не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

7. Іоганъ Христофоръ Финке—геттингенскій уроженецъ, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; имѣетъ деревянный домъ; въ Россіи съ 1807 года. Не подавалъ никакого подозрѣнія и сомнѣнія, а потому мѣстное начальство ручается.

замѣчаетъ Литтровъ,—но именно эта смерть, которая отнимаетъ силу у Яковкина, заставляетъ его бѣситься вдвойнѣ... Онъ долженъ за насъ ручаться: что ему стоитъ не поручиться, что бы погубить насъ!"

Профессоръ Литтровъ не ошибся въ своихъ опасеніяхъ: Яковкинъ, находившійся въ то время въ враждебномъ антагонизмѣ почти со всѣми иностранными своими сослуживцами, не упустилъ случая совершить попытку свести съ ними счеты на почвѣ этого требованія поручительства и безусловно поручился лишь за двоихъ иностранныхъ профессоровъ—Финке и Томаса. Въ относящемся сюда архивномъ дѣлѣ имѣется любопытная табель иностранныхъ членовъ университета того времени, съ собственноручными отмѣтками Яковкина относительно степени ихъ благонадежности. Эта табель настолько интересна во многихъ отношеніяхъ, что мы рѣшаемся привести всѣ имѣющіяся въ ней данныя, лишь измѣнивъ внѣшнюю, неудобную для печатнаго набора, табличную форму ихъ расположенія:

Списокъ всѣмъ иностранцамъ, въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ состоящимъ.

1. Максимиліанъ Викентій Людовикъ Сторль—богемскій уроженецъ изъ Праги, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1805 года 30-го мая. Хотя и не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство за будущіе его поступки не ручается.

2. Карлъ Ѳедоровъ Фуксъ—родился въ Герборнѣ, публичный ординарный профессоръ; холостъ; имѣетъ каменный домъ; въ Россіи съ 1801 года. Хотя и не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

3. Иванъ Осиповъ Браунъ—нѣмецкой націи, изъ мѣщанъ, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1807 года февраля 1-го. Хотя и не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

4. Христіанъ Мартинъ Френъ—уроженецъ ростокскій, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; имѣетъ деревянный домъ; въ Россіи съ 1807 года августа 3-го дня. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

5. Іоганъ Мартинъ Бартельсъ—родился въ Брауншвейгѣ, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей имѣетъ двоихъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1806 года. Не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

6. Каспаръ Фридрихъ Реннеръ—нѣмецкой націи, публичный ординарный профессоръ; холостъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1808 года 20-го іюня. Не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

7. Іоганъ Христофоръ Финке—геттингенскій уроженецъ, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; имѣетъ деревянный домъ; въ Россіи съ 1807 года. Не подавалъ никакого подозрѣнія и сомнѣнія, а потому мѣстное начальство ручается.

8. Іосифъ Литтровъ—уроженецъ прагскій, въ Богемія, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1807 года. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, а потому (sic) мѣстное начальство не ручается.

9. Іоаннъ Фридрихъ Эрдманъ—родился въ Виттенбергѣ, въ Саксоніи, публичный ординарный профессоръ; женатъ, имѣетъ одну дочь; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1810 года 17-го мая. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія и мѣстное начальство не ручается.

10. Францискъ Ксаверъ Броннеръ—родился въ Гофштедтѣ, публичный ординарный профессоръ; холостъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1810 года 16-го сентября. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство ни мало (sic) не ручается.

11. Михайло Томасъ—родился въ Кобургѣ, въ верхней Саксоніи, публичный ординарный профессоръ; женатъ, имѣетъ трехъ дѣтей; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1811 года 19-го декабря. Мѣстное начальство ручается за его поступки.

12. Иванъ Ивановъ Эрихъ—изъ Эрфурта, нѣмецкой націи, публичный профессоръ экстраординарный; холостъ; имѣетъ деревянный домъ; въ Россіи съ 1794 года 29-го сентября. Не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

13. Адамъ Ивановъ Арнгольдтъ—сынъ ювелира, лютеранскаго исповѣданія, публичный профессоръ экстраординарный; женатъ, дѣтей не имѣетъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1804 года 31-го августа. Не подавалъ никакого подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается (!).

14. Григорій Климентъ Шарпіо—родился въ Монтбеліардѣ, лекторъ французскаго языка; женатъ, имѣетъ одну дочь; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1800 года. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

Такова была суровая аттестація профессора-директора, данная имъ своимъ иностраннымъ сослуживцамъ въ тяжелую для нихъ годину 1812 года, которой, тѣмъ не менѣе, не удалось „погубить ихъ", какъ серьезно опасался этого профессоръ Литтровъ. Эта аттестація сохранилась лишь въ качествѣ еще одного свидѣтельства того тяжелаго и зависимаго отъ личнаго усмотрѣнія положенія, какое выпало на долю иностранныхъ профессоровъ начальной поры существованія казанскаго университета [217].

Постойная повинность являлась почвою, на которой особенно часто происходили недоразумѣнія и столкновенія между мѣстною администраціею и профессорами университета. Претензіи профессоровъ зиждились въ данномъ отношеніи на § 12-мъ утвердительной грамоты университета, гласившемъ, что „всѣ университетскія зданія и жилища профессоровъ, собственные ли ихъ домы или наемные, если лично ими занимаются, свободны отъ постоя и платежа квартирныхъ денегъ". Хроника столкновеній съ полиціею и на этотъ разъ открывается профессоромъ Сторлемъ, причемъ это новое столкновеніе совпадаетъ, по времени, съ непріятностями

8. Іосифъ Литтровъ—уроженецъ прагскій, въ Богемія, публичный ординарный профессоръ; женатъ, дѣтей не имѣетъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1807 года. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, а потому (sic) мѣстное начальство не ручается.

9. Іоаннъ Фридрихъ Эрдманъ—родился въ Виттенбергѣ, въ Саксоніи, публичный ординарный профессоръ; женатъ, имѣетъ одну дочь; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1810 года 17-го мая. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія и мѣстное начальство не ручается.

10. Францискъ Ксаверъ Броннеръ—родился въ Гофштедтѣ, публичный ординарный профессоръ; холостъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1810 года 16-го сентября. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство ни мало (sic) не ручается.

11. Михайло Томасъ—родился въ Кобургѣ, въ верхней Саксоніи, публичный ординарный профессоръ; женатъ, имѣетъ трехъ дѣтей; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1811 года 19-го декабря. Мѣстное начальство ручается за его поступки.

12. Иванъ Ивановъ Эрихъ—изъ Эрфурта, нѣмецкой націи, публичный профессоръ экстраординарный; холостъ; имѣетъ деревянный домъ; въ Россіи съ 1794 года 29-го сентября. Не подавалъ особеннаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

13. Адамъ Ивановъ Арнгольдтъ—сынъ ювелира, лютеранскаго исповѣданія, публичный профессоръ экстраординарный; женатъ, дѣтей не имѣетъ; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1804 года 31-го августа. Не подавалъ никакого подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается (!).

14. Григорій Климентъ Шарпіо—родился въ Монтбеліардѣ, лекторъ французскаго языка; женатъ, имѣетъ одну дочь; собственнаго дома не имѣетъ; въ Россіи съ 1800 года. Не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается.

Такова была суровая аттестація профессора-директора, данная имъ своимъ иностраннымъ сослуживцамъ въ тяжелую для нихъ годину 1812 года, которой, тѣмъ не менѣе, не удалось „погубить ихъ", какъ серьезно опасался этого профессоръ Литтровъ. Эта аттестація сохранилась лишь въ качествѣ еще одного свидѣтельства того тяжелаго и зависимаго отъ личнаго усмотрѣнія положенія, какое выпало на долю иностранныхъ профессоровъ начальной поры существованія казанскаго университета [217].

Постойная повинность являлась почвою, на которой особенно часто происходили недоразумѣнія и столкновенія между мѣстною администраціею и профессорами университета. Претензіи профессоровъ зиждились въ данномъ отношеніи на § 12-мъ утвердительной грамоты университета, гласившемъ, что „всѣ университетскія зданія и жилища профессоровъ, собственные ли ихъ домы или наемные, если лично ими занимаются, свободны отъ постоя и платежа квартирныхъ денегъ". Хроника столкновеній съ полиціею и на этотъ разъ открывается профессоромъ Сторлемъ, причемъ это новое столкновеніе совпадаетъ, по времени, съ непріятностями

его съ администраціею, о которыхъ мы разсказали нѣсколько выше. Точно также и въ данномъ случаѣ защиту правъ Сторля принялъ на себя профессоръ-директоръ Яковкинъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ рапортовавшій попечителю объ этомъ новомъ конфликтѣ:

„Господинъ профессоръ Сторль, по моему содѣйствію нанимающій деревянный желтый домъ статскаго совѣтника Поспѣлова, одинъ изъ самыхъ прекраснѣйшихъ въ Казани по виду и мѣстоположенію его на горѣ, противъ Ближняго Кабана, бывъ обезпокоенъ квартальнымъ офицеромъ въ своей квартирѣ, прислалъ ко мнѣ съ жалобою латинское письмо, съ коего переводъ, при сношеніи своемъ, послалъ я къ г. губернатору. Копію онаго и самое оригинальное письмо при семъ имѣю честь представить".

Письмо къ профессору-директору Сторля, писанное на латинскомъ языкѣ, гласило слѣдующее:

„17-го января текущаго 1807 года въ г. Казань вступилъ отрядъ конницы, шедшій походомъ изъ сосѣднихъ азіятскихъ областей. Часть этого отряда, руководимая полицейскимъ квартальнымъ надзирателемъ, вторглась для ночлега въ мой домъ. Не взирая на заявленіе о томъ, что домъ этотъ занимается профессоромъ, квартальный надзиратель силою ворвался въ кухню, выломивъ ведущую въ нее дверь и едва не проломивъ палкою голову моему повару, спасшемуся отъ него бѣгствомъ, а въ отвѣтъ на представленные ему доводы, усугубилъ свои насилія еще слѣдующими словами:

— Хоть бы самъ чертъ тутъ жилъ (et si diabolus hic habitaret loci)—я здѣсь полновластный господинъ и распорядитель, а потому хочу и приказываю, что бы солдаты стали въ этомъ домѣ на ночлегъ!"

И на этотъ разъ Сторль настаиваетъ на томъ, что не себя, какъ простаго профессора, почитаетъ онъ обиженнымъ этою выходкою полицейскаго офицера, но видитъ въ ней оскорбленіе правъ, высочайше дарованныхъ университету. Едва ли и въ этомъ столкновеніи привела къ какимъ либо положительнымъ результатамъ оффиціальная жалоба Яковкина губернатору (отъ 19-го января), въ которой профессоръ-директоръ просилъ Мансурова „доставить законное удовлетвореніе за таковые непристойные поступки и, притомъ, въ подобныхъ случаяхъ достойнѣе соблюдать права и преимущества чиновниковъ университета, монаршимъ особеннымъ соизволеніемъ ограждаемыя".

Въ слѣдующемъ 1808 году, также на почвѣ недоразумѣній изъ за постойной повинности, возникло столкновеніе съ полиціею и у профессора

его съ администраціею, о которыхъ мы разсказали нѣсколько выше. Точно также и въ данномъ случаѣ защиту правъ Сторля принялъ на себя профессоръ-директоръ Яковкинъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ рапортовавшій попечителю объ этомъ новомъ конфликтѣ:

„Господинъ профессоръ Сторль, по моему содѣйствію нанимающій деревянный желтый домъ статскаго совѣтника Поспѣлова, одинъ изъ самыхъ прекраснѣйшихъ въ Казани по виду и мѣстоположенію его на горѣ, противъ Ближняго Кабана, бывъ обезпокоенъ квартальнымъ офицеромъ въ своей квартирѣ, прислалъ ко мнѣ съ жалобою латинское письмо, съ коего переводъ, при сношеніи своемъ, послалъ я къ г. губернатору. Копію онаго и самое оригинальное письмо при семъ имѣю честь представить".

Письмо къ профессору-директору Сторля, писанное на латинскомъ языкѣ, гласило слѣдующее:

„17-го января текущаго 1807 года въ г. Казань вступилъ отрядъ конницы, шедшій походомъ изъ сосѣднихъ азіятскихъ областей. Часть этого отряда, руководимая полицейскимъ квартальнымъ надзирателемъ, вторглась для ночлега въ мой домъ. Не взирая на заявленіе о томъ, что домъ этотъ занимается профессоромъ, квартальный надзиратель силою ворвался въ кухню, выломивъ ведущую въ нее дверь и едва не проломивъ палкою голову моему повару, спасшемуся отъ него бѣгствомъ, а въ отвѣтъ на представленные ему доводы, усугубилъ свои насилія еще слѣдующими словами:

— Хоть бы самъ чертъ тутъ жилъ (et si diabolus hic habitaret loci)—я здѣсь полновластный господинъ и распорядитель, а потому хочу и приказываю, что бы солдаты стали въ этомъ домѣ на ночлегъ!"

И на этотъ разъ Сторль настаиваетъ на томъ, что не себя, какъ простаго профессора, почитаетъ онъ обиженнымъ этою выходкою полицейскаго офицера, но видитъ въ ней оскорбленіе правъ, высочайше дарованныхъ университету. Едва ли и въ этомъ столкновеніи привела къ какимъ либо положительнымъ результатамъ оффиціальная жалоба Яковкина губернатору (отъ 19-го января), въ которой профессоръ-директоръ просилъ Мансурова „доставить законное удовлетвореніе за таковые непристойные поступки и, притомъ, въ подобныхъ случаяхъ достойнѣе соблюдать права и преимущества чиновниковъ университета, монаршимъ особеннымъ соизволеніемъ ограждаемыя".

Въ слѣдующемъ 1808 году, также на почвѣ недоразумѣній изъ за постойной повинности, возникло столкновеніе съ полиціею и у профессора

Германа, намѣревавшагося завести частный пансіонъ и съ этою цѣлью нанявшій тотъ же домъ Поспѣлова, въ которомъ квартировалъ передъ тѣмъ его сослуживецъ Сторль. Хотя столкновенія Германа съ казанскою полиціею и не доходили до такихъ бурныхъ сценъ, какими ознаменовались недоразумѣнія съ нею Сторля, тѣмъ не менѣе они вызвали жалобы съ его стороны и въ совѣтъ университета и, наконецъ, къ губернатору, причемъ проф. Германъ ставитъ Мансурову на видъ рядъ притѣсненій, оказанныхъ ему мѣстными полицейскими властями:

„Казанская полиція меня притѣсняетъ, не взирая на ясно выраженную волю его императорскаго величества, направленную къ тому, чтобы гарантировать профессорамъ спокойствіе и тишину, столь необходимыя въ ихъ научныхъ занятіяхъ,—жаловался Германъ губернатору письмомъ отъ 10-го февраля 1808 года.—Я нахожусь въ положеніи, какъ разъ противоположномъ этому. Военные чины, водворенные на постой въ флигеляхъ дома—постоянно бѣгаютъ, скачатъ, поютъ, то и дѣло проходятъ черезъ мой дворъ, дразнятъ моихъ собакъ, дурачатся напропалую (le militaire, logé dans les ailes, court, saute, chante, traverse a tout moment ma cour, se batte avec mes chiens, fait le diable à quatre), а вся эта сутолока меня безпокоитъ, прерываетъ теченіе моихъ мыслей, мѣшаетъ моимъ служебнымъ занятіямъ, такъ какъ моя рабочая комната выходитъ какъ разъ во дворъ.

Кромѣ всего этого, я не чувствую себя безопаснымъ ни за свой домъ, который расположенъ совершенно уединенно, ни лично за себя, ни за своихъ домашнихъ, ни за свое имущество. Мнѣ не разъ приходилось въ этомъ даже убѣждаться. Я неоднократно обращался въ полицію—но она оставалась глухою къ моимъ заявленіямъ; она не хочетъ внимать жалобамъ профессоровъ, она отказываетъ имъ въ покровительствѣ и защитѣ.... Мой сынъ едва не былъ убитъ кучеромъ; ваше превосходительство приказали разслѣдовать это дѣло, но никто объ этомъ и не помыслилъ. Недѣли двѣ тому назадъ я задержалъ обокравшаго меня вора—полиція его отпустила на свободу, не произведя никакого дознанія, и этотъ негодяй теперь, конечно, смѣется надо мною и т. п.“

Въ томъ же 1808 году произошли недоразумѣнія съ полиціею и у профессора Френа, въ квартиру котораго, нанятую имъ въ домѣ Апехтина (на Грузинской улицѣ), былъ водворенъ военный постой, занявшій лучшія комнаты. И въ данномъ случаѣ невозможнымъ оказалось убѣдить полицію въ обязательности для нея соблюденія правъ, высочайше дарованныхъ университету его утвердительною грамотою. Отписывая объ этомъ попечителю (отъ 19-го мая) и высказавъ мнѣніе, что „въ разсужденіи г. Френа поли-

Германа, намѣревавшагося завести частный пансіонъ и съ этою цѣлью нанявшій тотъ же домъ Поспѣлова, въ которомъ квартировалъ передъ тѣмъ его сослуживецъ Сторль. Хотя столкновенія Германа съ казанскою полиціею и не доходили до такихъ бурныхъ сценъ, какими ознаменовались недоразумѣнія съ нею Сторля, тѣмъ не менѣе они вызвали жалобы съ его стороны и въ совѣтъ университета и, наконецъ, къ губернатору, причемъ проф. Германъ ставитъ Мансурову на видъ рядъ притѣсненій, оказанныхъ ему мѣстными полицейскими властями:

„Казанская полиція меня притѣсняетъ, не взирая на ясно выраженную волю его императорскаго величества, направленную къ тому, чтобы гарантировать профессорамъ спокойствіе и тишину, столь необходимыя въ ихъ научныхъ занятіяхъ,—жаловался Германъ губернатору письмомъ отъ 10-го февраля 1808 года.—Я нахожусь въ положеніи, какъ разъ противоположномъ этому. Военные чины, водворенные на постой въ флигеляхъ дома—постоянно бѣгаютъ, скачатъ, поютъ, то и дѣло проходятъ черезъ мой дворъ, дразнятъ моихъ собакъ, дурачатся напропалую (le militaire, logé dans les ailes, court, saute, chante, traverse a tout moment ma cour, se batte avec mes chiens, fait le diable à quatre), а вся эта сутолока меня безпокоитъ, прерываетъ теченіе моихъ мыслей, мѣшаетъ моимъ служебнымъ занятіямъ, такъ какъ моя рабочая комната выходитъ какъ разъ во дворъ.

Кромѣ всего этого, я не чувствую себя безопаснымъ ни за свой домъ, который расположенъ совершенно уединенно, ни лично за себя, ни за своихъ домашнихъ, ни за свое имущество. Мнѣ не разъ приходилось въ этомъ даже убѣждаться. Я неоднократно обращался въ полицію—но она оставалась глухою къ моимъ заявленіямъ; она не хочетъ внимать жалобамъ профессоровъ, она отказываетъ имъ въ покровительствѣ и защитѣ.... Мой сынъ едва не былъ убитъ кучеромъ; ваше превосходительство приказали разслѣдовать это дѣло, но никто объ этомъ и не помыслилъ. Недѣли двѣ тому назадъ я задержалъ обокравшаго меня вора—полиція его отпустила на свободу, не произведя никакого дознанія, и этотъ негодяй теперь, конечно, смѣется надо мною и т. п."

Въ томъ же 1808 году произошли недоразумѣнія съ полиціею и у профессора Френа, въ квартиру котораго, нанятую имъ въ домѣ Апехтина (на Грузинской улицѣ), былъ водворенъ военный постой, занявшій лучшія комнаты. И въ данномъ случаѣ невозможнымъ оказалось убѣдить полицію въ обязательности для нея соблюденія правъ, высочайше дарованныхъ университету его утвердительною грамотою. Описывая объ этомъ попечителю (отъ 19-го мая) и высказавъ мнѣніе, что „въ разсужденіи г. Френа поли-

ція безбожно отказываетъ и упорствуетъ", Яковкинъ въ слѣдующихъ чертахъ доноситъ Румовскому объ этомъ новомъ нарушеніи полиціею закона:

„17-го числа посылалъ я къ полицейместеру нашего квартирмейстера, что бъ, напомнивъ о выводѣ постоя, настоять на исполненіи, но полицеймейстеръ сказалъ ему, что сего сдѣлать не можно и что они имѣютъ особливые указы въ разсужденіи квартиръ, о чемъ обѣщалъ сообщить и конторѣ. И такъ—привиллегіи чиновниковъ университета остаются пренебрегаемы градскимъ начальствомъ! При разговорѣ моемъ о семъ съ г. Фуксомъ отозвался онъ, что г. губернаторъ говаривалъ и говоритъ въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ, что онъ и ничего не знаетъ, есть ли въ Казани университетъ и чиновники прй немъ, поелику, по его словамъ, отъ г. министра не имѣетъ онъ о томъ никакого увѣдомленія и не видалъ ни грамоты его, ни устава, а потому и основываться на чемъ не имѣетъ".

Для большей убѣдительности Яковкинъ приложилъ къ своему донесенію и сдѣланные отъ руки планы домовъ Поспѣлова и Апехтина, занятыхъ профессорами Германомъ и Фуксомъ (эти планы сохранились при подлинномъ письмѣ его), но осторожный Румовскій ограничилъ свое вмѣшательство въ эти недоразумѣнія слѣдующимъ уклончивымъ отвѣтомъ отъ 8-го іюня:

„Плановъ отъ руки писанныхъ не могу я представить министру просвѣщенія и буду ожидать порядочно начертанныхъ. Словеснаго отвѣта г. полицеймейстера и частнаго или личнаго отзыва г. губернатора—равномѣрно представлять неприлично. Настойте, чтобы г. полицеймейстеръ отозвался къ вамъ письменно, по какимъ причинамъ не можетъ онъ вывести постою изъ домовъ, профессорами нанимаемыхъ, и какіе именно имѣютъ они, въ разсужденіи квартиръ, особливые указы. Когда я все сіе получу, тогда основательнѣе могу сдѣлать представленіе министру".

Практика послѣдующихъ лѣтъ даетъ намъ еще нѣсколько примѣровъ недоразумѣній профессоровъ съ администраціею на почвѣ той же постойной повинности, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить не станемъ, ограничившись замѣчаніемъ, что университету такъ и не удалось отстоять льготъ въ этомъ отношеніи своихъ членовъ, гарантированныхъ имъ высочайше пожалованною утвердительною грамотою 5-го ноября 1804 года [218].

Принимая въ соображеніе всѣ приведенные выше факты, характеризующіе собою отношеніе къ профессорской коллегіи какъ со стороны ея собственнаго начальства, такъ и со стороны общей губернской админи-

ція безбожно отказываетъ и упорствуетъ", Яковкинъ въ слѣдующихъ чертахъ доноситъ Румовскому объ этомъ новомъ нарушеніи полиціею закона:

„17-го числа посылалъ я къ полицеймейстеру нашего квартирмейстера, что бъ, напомнивъ о выводѣ постоя, настоять на исполненіи, но полицеймейстеръ сказалъ ему, что сего сдѣлать не можно и что они имѣютъ особливые указы въ разсужденіи квартиръ, о чемъ обѣщалъ сообщить и конторѣ. И такъ—привиллегіи чиновниковъ университета остаются пренебрегаемы градскимъ начальствомъ! При разговорѣ моемъ о семъ съ г. Фуксомъ отозвался онъ, что г. губернаторъ говаривалъ и говоритъ въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ, что онъ и ничего не знаетъ, есть ли въ Казани университетъ и чиновники при немъ, поелику, по его словамъ, отъ г. министра не имѣетъ онъ о томъ никакого увѣдомленія и не видалъ ни грамоты его, ни устава, а потому и основываться на чемъ не имѣетъ".

Для большей убѣдительности Яковкинъ приложилъ къ своему донесенію и сдѣланные отъ руки планы домовъ Поспѣлова и Апехтина, занятыхъ профессорами Германомъ и Фуксомъ (эти планы сохранились при подлинномъ письмѣ его), но осторожный Румовскій ограничилъ свое вмѣшательство въ эти недоразумѣнія слѣдующимъ уклончивымъ отвѣтомъ отъ 8-го іюня:

„Плановъ отъ руки писанныхъ не могу я представить министру просвѣщенія и буду ожидать порядочно начертанныхъ. Словеснаго отвѣта г. полицеймейстера и частнаго или личнаго отзыва г. губернатора—равномѣрно представлять неприлично. Настойте, чтобы г. полицеймейстеръ отозвался къ вамъ письменно, по какимъ причинамъ не можетъ онъ вывести постою изъ домовъ, профессорами нанимаемыхъ, и какіе именно имѣютъ они, въ разсужденіи квартиръ, особливые указы. Когда я все сіе получу, тогда основательнѣе могу сдѣлать представленіе министру".

Практика послѣдующихъ лѣтъ даетъ намъ еще нѣсколько примѣровъ недоразумѣній профессоровъ съ администраціею на почвѣ той же постойной повинности, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить не станемъ, ограничившись замѣчаніемъ, что университету такъ и не удалось отстоять льготъ въ этомъ отношеніи своихъ членовъ, гарантированныхъ имъ высочайше пожалованною утвердительною грамотою 5-го ноября 1804 года [218].

Принимая въ соображеніе всѣ приведенные выше факты, характеризующіе собою отношеніе къ профессорской коллегіи какъ со стороны ея собственнаго начальства, такъ и со стороны общей губернской админи-

страціи, мы едва ли были бы и въ правѣ ожидать сколько нибудь почетнаго положенія профессоровъ въ средѣ мѣстнаго общества—въ общей, конечно, массѣ его. Индифферентное, порою даже недружелюбное, отношеніе этого общества къ самому университету—всецѣло переносилось имъ и на его служителей. Только на этой почвѣ являлись возможными уже знакомые намъ факты такого рода, какъ избіеніе почтъ-директоромъ Карпекою лечившаго его адъюнкта Эвеста, публичное оскорбленіе комендантомъ Кастелли адъюнкта барона Врангеля, попытка подкупа адъюнкта Ренарда, городскіе толки о злоупотребленіяхъ профессоровъ въ испытательномъ комитетѣ, фактически не обоснованныя обвиненія въ „лакомствѣ" профессора Германа и т. п.

Профессоры университета, въ особенности же иностранные представители казанскаго „ученаго сословія", не могли, конечно, мириться съ своимъ служебнымъ и общественнымъ положеніемъ и наиболѣе выдающіеся профессоры-иностранцы не замедлили, при первой же возможности, покинуть негостепріимную для университетской науки полуазіятскую столицу русскаго востока, въ которой они сознавали себя „quasi e republica litteraria in exilium, ut olim bonus Ovidius Roma in Pontum" *, какъ въ 1806 году иносказательно характеризовалъ положеніе иностранныхъ ученыхъ въ Казани, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Дерптъ, профессоръ Германъ.

Едва ли можемъ мы сомнѣваться въ томъ, что это фигуральное сопоставленіе, такъ разгнѣвавшее въ свое время попечителя Румовскаго, имѣло за собою достаточно вѣскія фактическія основанія.

---

* Т. е.—«въ ссылкѣ изъ ученаго міра, подобно славному Овидію, сосланному изъ Рима на берега Понта» (см. томъ I, стр. 198).

страціи, мы едва ли были бы и въ правѣ ожидать сколько нибудь почетнаго положенія профессоровъ въ средѣ мѣстнаго общества—въ общей, конечно, массѣ его. Индифферентное, порою даже недружелюбное, отношеніе этого общества къ самому университету—всецѣло переносилось имъ и на его служителей. Только на этой почвѣ являлись возможными уже знакомые намъ факты такого рода, какъ избіеніе почтъ-директоромъ Карпекою лечившаго его адъюнкта Эвеста, публичное оскорбленіе комендантомъ Кастелли адъюнкта барона Врангеля, попытка подкупа адъюнкта Ренарда, городскіе толки о злоупотребленіяхъ профессоровъ въ испытательномъ комитетѣ, фактически не обоснованныя обвиненія въ „лакомствѣ" профессора Германа и т. п.

Профессоры университета, въ особенности же иностранные представители казанскаго „ученаго сословія", не могли, конечно, мириться съ своимъ служебнымъ и общественнымъ положеніемъ и наиболѣе выдающіеся профессоры-иностранцы не замедлили, при первой же возможности, покинуть негостепріимную для университетской науки полуазіятскую столицу русскаго востока, въ которой они сознавали себя „quasi e republica litteraria in exilium, ut olim bonus Ovidius Roma in Pontum" *, какъ въ 1806 году иносказательно характеризовалъ положеніе иностранныхъ ученыхъ въ Казани, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Дерптъ, профессоръ Германъ.

Едва ли можемъ мы сомнѣваться въ томъ, что это фигуральное сопоставленіе, такъ разгнѣвавшее въ свое время попечителя Румовскаго, имѣло за собою достаточно вѣскія фактическія основанія.

---

* Т. е.—«въ ссылкѣ изъ ученаго міра, подобно славному Овидію, сосланному изъ Рима на берега Понта» (см. томъ I, стр. 198).

Б

Учащіеся казанскаго университета.

Неопредѣленность устава 5-го ноября 1804 года относительно устройства быта студенчества.— Классификація учащихся университета.—«Студенты» и «слушатели».—Студенты «казенные», «своекоштные» и «пансіонеры».—Условія принятія въ казенные студенты и ихъ положеніе въ университетѣ.—Способы содержанія казенныхъ студентовъ.—Студенты «предварительные и полные», «назначенные и дѣйствительные», «старшіе и младшіе», студенты «на жалованьи».—Вольные слушатели.

Регламентація учебной жизни студенчества.—Мѣры контроля надъ занятіями воспитанниковъ университета.—Вопросъ объ успѣшности занятій ихъ.—Отрицательныя условія учебной жизни студентовъ: недостаточность подготовки, слабое знаніе языковъ, преподаваніе на иностранныхъ языкахъ.—Науки приготовительныя и вопросъ объ ихъ соотношеніи къ наукамъ специальнымъ.—Организація практическихъ занятій («бесѣды»).—Интенсивность научныхъ занятій студентовъ.—Неаккуратное посѣщеніе ими лекцій и мѣры борьбы съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ.

Дисциплинарныя начинанія университета.—«Книга о поведеніи студентовъ».—Учрежденіе инспекціи.—Яковкинъ, первый инспекторъ студентовъ.—Черты его дѣятельности.—Институтъ камерныхъ студентовъ.—Яковкинъ въ отношеніяхъ къ учащейся молодежи.—Инспектура Брауна.—Броннеръ, какъ инспекторъ студентовъ.—Характеристика его педагогическихъ пріемовъ.—Броннеръ и студенты, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Студенческія правила 14-го іюня 1815 года.—Инспектуры Брейтенбаха и Булыгина.

Черты нравственной жизни студенчества.—Нетрезвость, какъ основной порокъ студентовъ университета.—Неповиновенія, своевольства и грубости по отношенію къ начальству.—Студенческія самоуправства и насилія.—Уличные дебоши и столкновенія съ полиціею.—Другіе пороки учащейся молодежи.—Магницкій о студенчествѣ начальной поры существованія университета.

Карательно-дисциплинарная система.—Высочайшее повелѣніе 27-го апрѣля 1811 года.—Исключеніе и увольненіе изъ университета.—Назначеніе въ учителя.—Лишенія и ограниченія свободы.—Ухудшеніе условій содержанія.—Кары устыдительнаго характера.

Духовные интересы и стремленія студенчества разсматриваемой эпохи жизни казанскаго университета.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года даетъ, какъ это намъ уже извѣстно, крайне мало опредѣленій, касающихся регламентаціи жизни учащихся *, всецѣло возлагая на совѣтъ университета заботы по устройству этой отрасли академическаго строя: „Студенты относительно нравственности и поведенія сообразуются,—гласитъ § 121-ый устава,—съ правилами благочинія, сочиненными университетскимъ совѣтомъ и на утвержденіе начальства взнесенными“. Эта скудость относящихся сюда опредѣленій устава явилась причиною той неопредѣленности положенія студентовъ и другихъ слушателей университета, которыя характеризуютъ собою начальную пору существованія казанскаго университета, въ особенности первые

* Сюда относятся не болѣе десяти статей устава, именно: §§ 106—111, 114—117.

Б

Учащіеся казанскаго университета.

Неопредѣленность устава 5-го ноября 1804 года относительно устройства быта студенчества.— Классификація учащихся университета.—«Студенты» и «слушатели».—Студенты «казенные», «своекоштные» и «пансіонеры».—Условія принятія въ казенные студенты и ихъ положеніе въ университетѣ.—Способы содержанія казенныхъ студентовъ.—Студенты «предварительные и полные», «назначенные и дѣйствительные», «старшіе и младшіе», студенты «на жалованьи».—Вольные слушатели.

Регламентація учебной жизни студенчества.—Мѣры контроля надъ занятіями воспитанниковъ университета.—Вопросъ объ успѣшности занятій ихъ.—Отрицательныя условія учебной жизни студентовъ: недостаточность подготовки, слабое знаніе языковъ, преподаваніе на иностранныхъ языкахъ.—Науки приготовительныя и вопросъ объ ихъ соотношеніи къ наукамъ спеціальнымъ.—Организація практическихъ занятій («бесѣды»).—Интенсивность научныхъ занятій студентовъ.—Неаккуратное посѣщеніе ими лекцій и мѣры борьбы съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ.

Дисциплинарныя начинанія университета. — «Книга о поведеніи студентовъ».—Учрежденіе инспекціи.—Яковкинъ, первый инспекторъ студентовъ.—Черты его дѣятельности.—Институтъ камерныхъ студентовъ.—Яковкинъ въ отношеніяхъ къ учащейся молодежи.—Инспектура Брауна.—Броннеръ, какъ инспекторъ студентовъ.—Характеристика его педагогическихъ пріемовъ.—Броннеръ и студенты, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Студенческія правила 14-го іюня 1815 года.—Инспектуры Брейтенбаха и Булыгина.

Черты нравственной жизни студенчества.—Нетрезвость, какъ основной порокъ студентовъ университета.—Неповиновенія, своевольства и грубости по отношенію къ начальству.—Студенческія самоуправства и насилія.—Уличные дебоши и столкновенія съ полиціею.—Другіе пороки учащейся молодежи.—Магницкій о студенчествѣ начальной поры существованія университета.

Карательно-дисциплинарная система.—Высочайшее повелѣніе 27-го апрѣля 1811 года.—Исключеніе и увольненіе изъ университета.—Назначеніе въ учителя.—Лишенія и ограниченія свободы.—Ухудшеніе условій содержанія.—Кары устыдительнаго характера.

Духовные интересы и стремленія студенчества разсматриваемой эпохи жизни казанскаго университета.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года даетъ, какъ это намъ уже извѣстно, крайне мало опредѣленій, касающихся регламентаціи жизни учащихся *, всецѣло возлагая на совѣтъ университета заботы по устройству этой отрасли академическаго строя: „Студенты относительно нравственности и поведенія сообразуются,—гласитъ § 121-ый устава,—съ правилами благочинія, сочиненными университетскимъ совѣтомъ и на утвержденіе начальства взнесенными“. Эта скудость относящихся сюда опредѣленій устава явилась причиною той неопредѣленности положенія студентовъ и другихъ слушателей университета, которыя характеризуютъ собою начальную пору существованія казанскаго университета, въ особенности первые

* Сюда относятся не болѣе десяти статей устава, именно: §§ 106—111, 114—117.

Сергѣй Тимоѳеевичъ
Аксаковъ,
студентъ перваго состава,
почетный членъ Казанскаго университета
(1791—1859)

Сергѣй Тимоѳеевичъ
Аксаковъ,
студентъ перваго состава,
почетный членъ Казанскаго университета
(1791—1859)

годы его жизни, предшествовавшіе полному открытію университета въ 1814 году. Эта неопредѣленность сказывалась и на классификаціи учащихся по разрядамъ, и на регламентаціи ихъ научныхъ занятій, и па успѣшности этихъ послѣднихъ и, наконецъ, на организаціи внутренней жизни студенчества и дисциплинарнаго по отношенію къ нему надзора, тѣмъ самымъ предоставляя широкій просторъ случайности и личному усмотрѣнію органовъ, стоявшихъ во главѣ университетскаго дѣла, а въ первые годы жизни университета—усмотрѣнію профессора-директора Яковкина.

Начнемъ изложеніе ряда вопросовъ, которые будутъ служить предметомъ нашего ближайшаго повѣствованія, съ вопроса о классификаціи учащихся въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи жизни казанскаго университета.

Университетскій уставъ говоритъ,—въ выраженіяхъ, далеко, впрочемъ, не вполнѣ опредѣленныхъ,—о трехъ категоріяхъ студентовъ. Это—студенты: казенные, пансіонеры и своекоштные. Понятіе студентовъ казенныхъ опредѣляется § 114 устава, въ смыслѣ студентовъ „иждивеніемъ университета содержимыхъ; въ выборѣ ихъ преимущество дается неимущимъ, когда они имѣютъ всѣ нужныя знанія къ слушанію профессорскихъ наставленій". Намекъ на студентовъ-пансіонеровъ даетъ намъ § 10 устава: „Университетъ не откажетъ способствовать желанію благотворителей просвѣщенія, которые впредь назначить могутъ содержаніе для неимущихъ студентовъ; таковые воспитанники отличаются именемъ ихъ благотворителей; доколѣ на содержаніи ихъ пребываютъ". Наконецъ, къ категоріи студентовъ своекоштныхъ относились студенты, обучавшіеся въ университетѣ на своемъ собственномъ иждивеніи. Основную, въ количественномъ отношеніи, массу учащихся университета составляли воспитанники казенные. Такъ, изъ общаго количества 465-ти студентовъ и слушателей, учившихся въ казанскомъ университетѣ въ первые одиннадцать (1804—1815) учебныхъ годовъ, 314 находились на казенномъ содержаніи, 121 были своекоштными и только 30 человѣкъ числились пансіонерами *.

Здѣсь умѣстнымъ будетъ остановиться на болѣе точномъ выясненіи термина „слушатель", постоянно фигурирующаго въ источникахъ наряду съ терминомъ „студентъ". Съ одной стороны—выраженіе „слушатель"

* См. таблицу въ концѣ приложенія IV-го къ первому тому нашего труда.

годы его жизни, предшествовавшіе полному открытію университета въ 1814 году. Эта неопредѣленность сказывалась и на классификаціи учащихся по разрядамъ, и на регламентаціи ихъ научныхъ занятій, и на успѣшности этихъ послѣднихъ и, наконецъ, на организаціи внутренней жизни студенчества и дисциплинарнаго по отношенію къ нему надзора, тѣмъ самымъ предоставляя широкій просторъ случайности и личному усмотрѣнію органовъ, стоявшихъ во главѣ университетскаго дѣла, а въ первые годы жизни университета—усмотрѣнію профессора-директора Яковкина.

Начнемъ изложеніе ряда вопросовъ, которые будутъ служить предметомъ нашего ближайшаго повѣствованія, съ вопроса о классификаціи учащихся въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи жизни казанскаго университета.

Университетскій уставъ говоритъ,—въ выраженіяхъ, далеко, впрочемъ, не вполнѣ опредѣленныхъ,—о трехъ категоріяхъ студентовъ. Это—студенты: казенные, пансіонеры и своекоштные. Понятіе студентовъ казенныхъ опредѣляется § 114 устава, въ смыслѣ студентовъ „иждивеніемъ университета содержимыхъ; въ выборѣ ихъ преимущество дается неимущимъ, когда они имѣютъ всѣ нужныя знанія къ слушанію профессорскихъ наставленій“. Намекъ на студентовъ-пансіонеровъ даетъ намъ § 10 устава: „Университетъ не откажетъ способствовать желанію благотворителей просвѣщенія, которые впредь назначить могутъ содержаніе для неимущихъ студентовъ; таковые воспитанники отличаются именемъ ихъ благотворителей; доколѣ на содержаніи ихъ пребываютъ“. Наконецъ, къ категоріи студентовъ своекоштныхъ относились студенты, обучавшіеся въ университетѣ на своемъ собственномъ иждивеніи. Основную, въ количественномъ отношеніи, массу учащихся университета составляли воспитанники казенные. Такъ, изъ общаго количества 465-ти студентовъ и слушателей, учившихся въ казанскомъ университетѣ въ первые одиннадцать (1804—1815) учебныхъ годовъ, 314 находились на казенномъ содержаніи, 121 были своекоштными и только 30 человѣкъ числились пансіонерами *.

Здѣсь умѣстнымъ будетъ остановиться на болѣе точномъ выясненіи термина „слушатель“, постоянно фигурирующаго въ источникахъ наряду съ терминомъ „студентъ“. Съ одной стороны—выраженіе „слушатель“

* См. таблицу въ концѣ приложенія IV-го къ первому тому нашего труда.

имѣло, какъ и въ наши дни, значеніе чисто нарицательное, въ смыслѣ обозначенія лица, слушающаго университетскія преподаванія, вообще, будетъ ли это студентъ или лицо, случайно пользующееся профессорскими чтеніями,—напримѣръ посторонній слушатель, допущенный къ слушанію университетскихъ лекцій воспитанникъ другого учебнаго заведенія, чиновникъ, слушающій публичные курсы; съ другой же стороны, выраженіе „слушатель"—имѣло и значеніе уже специфическое. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи названіе „слушатель" примѣнялось къ воспитанникамъ университета, принадлежавшимъ къ податнымъ классамъ населенія (купечеству, мѣщанству и крестьянству), тогда какъ правомъ на именованіе ихъ „студентами" пользовались лишь дѣти дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго состоянія. Это различіе понятій „студентовъ" и „слушателей" было точно формулировано журнальнымъ постановленіемъ главнаго правленія училищъ отъ 9-го іюля 1808 года „о непринимапіи ни въ число своекоштныхъ, ни въ число казенныхъ университетскихъ студентовъ изъ купеческаго, мѣщанскаго и другого, подушныя подати несущаго, званія", съ подтвержденіемъ „не возводить никого изъ помянутыхъ состояній въ студентское званіе". Это постановленіе получило разъяснительное толкованіе въ предложеніи попечителя отъ 5-го ноября того же года, которымъ совѣту предписывалось „пользующихся наставленіями г.г. профессоровъ и адъюнктовъ въ казанскомъ университетѣ съ прочими студентами двухъ пансіонеровъ изъ купеческаго состоянія, Ивана Пономарева и Михайлу Аристова—при увольненіи не именовать студентами въ аттестатахъ, а сказать только, что они столько то лѣтъ обучались въ гимназіи языкамъ и наукамъ и слушали въ университетѣ лекціи съ похвалою, и были поведенія такого жъ, и впредь въ точности держаться помянутаго постановленія главнаго училищъ правленія" [219].

Такъ какъ казенные студенты и слушатели составляли преобладающій контингентъ всѣхъ учащихся университета и ихъ то, главнымъ образомъ, касалась университетская регламентація, то мы и обратимъ преимущественное вниманіе на этотъ именно разрядъ воспитанниковъ университета—уже безъ дальнѣйшаго разграниченія понятій собственно „студентовъ" и „слушателей".

Особенностью положенія казенныхъ студентовъ являлось обязательственное отношеніе ихъ къ университету, въ силу котораго казенное содержаніе обязывало лицо, выслушавшее полный университетскій курсъ, шесть лѣтъ прослужить на педагогическомъ поприщѣ по усмотрѣнію учебнаго начальства, въ виду чего въ 1805 году, при сформированіи пер-

имѣло, какъ и въ наши дни, значеніе чисто нарицательное, въ смыслѣ обозначенія лица, слушающаго университетскія преподаванія, вообще, будетъ ли это студентъ или лицо, случайно пользующееся профессорскими чтеніями,—напримѣръ посторонній слушатель, допущенный къ слушанію университетскихъ лекцій воспитанникъ другого учебнаго заведенія, чиновникъ, слушающій публичные курсы; съ другой же стороны, выраженіе „слушатель"—имѣло и значеніе уже специфическое. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи названіе „слушатель" примѣнялось къ воспитанникамъ университета, принадлежавшимъ къ податнымъ классамъ населенія (купечеству, мѣщанству и крестьянству), тогда какъ правомъ на именованіе ихъ „студентами" пользовались лишь дѣти дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго состоянія. Это различіе понятій „студентовъ" и „слушателей" было точно формулировано журнальнымъ постановленіемъ главнаго правленія училищъ отъ 9-го іюля 1808 года „о непринимании ни въ число своекоштныхъ, ни въ число казенныхъ университетскихъ студентовъ изъ купеческаго, мѣщанскаго и другого, подушныя подати несущаго, званія", съ подтвержденіемъ „не возводить никого изъ помянутыхъ состояній въ студентское званіе". Это постановленіе получило разъяснительное толкованіе въ предложеніи попечителя отъ 5-го ноября того же года, которымъ совѣту предписывалось „пользующихся наставленіями г.г. профессоровъ и адъюнктовъ въ казанскомъ университетѣ съ прочими студентами двухъ пансіонеровъ изъ купеческаго состоянія, Ивана Пономарева и Михайлу Аристова—при увольненіи не именовать студентами въ аттестатахъ, а сказать только, что они столько то лѣтъ обучались въ гимназіи языкамъ и наукамъ и слушали въ университетѣ лекціи съ похвалою, и были поведенія такого жъ, и впредь въ точности держаться помянутаго постановленія главнаго училищъ правленія" [219].

Такъ какъ казенные студенты и слушатели составляли преобладающій контингентъ всѣхъ учащихся университета и ихъ то, главнымъ образомъ, касалась университетская регламентація, то мы и обратимъ преимущественное вниманіе на этотъ именно разрядъ воспитанниковъ университета—уже безъ дальнѣйшаго разграниченія понятій собственно „студентовъ" и „слушателей".

Особенностью положенія казенныхъ студентовъ являлось обязательственное отношеніе ихъ къ университету, въ силу котораго казенное содержаніе обязывало лицо, выслушавшее полный университетскій курсъ, шесть лѣтъ прослужить на педагогическомъ поприщѣ по усмотрѣнію учебнаго начальства, въ виду чего въ 1805 году, при сформированіи пер-

ваго комплекта студентовъ казанскаго университета, профессоръ-директоръ Яковкинъ и обращался циркулярно къ родителямъ принимаемыхъ на казенное содержаніе воспитанниковъ съ уже извѣстными намъ запросами относительно согласія ихъ предоставить своихъ сыновей „въ полное распоряженіе университета"; въ свое время были приведены нами и образцы самыхъ разнообразныхъ и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, характерныхъ отвѣтовъ, полученныхъ университетомъ въ отвѣтъ на эти запросы. Эта обязательная служба представлялась условіемъ крайне стѣснительнымъ въ глазахъ какъ самихъ учащихся, такъ и ихъ родителей, и исторія студенческихъ дѣлъ начальной поры существованія казанскаго университета обильна примѣрами ходатайствъ и всякаго рода ухищреній съ цѣлью уклоненія отъ этой обязательной службы „въ ученомъ званіи"; излюбленнымъ путемъ для достиженія этой цѣли служило вступленіе въ военную службу, обыкновенно мотивировавшееся побужденіями патріотическаго характера, почва для которыхъ широко раскрывалась политическими событіями того времени *. Осенью 1808 года возникло цѣлое дѣло по поводу домогательства казанскаго губернскаго прокурора М. Д. Княжевича объ освобожденіи его старшаго сына, Александра, отъ обязательной за казенное содержаніе службы,—того самаго Княжевича, который весною 1805 года отвѣтилъ на циркулярный запросъ Яковкина о принятіи его сына на казенное содержаніе полнымъ согласіемъ, добавивъ къ этому, что будетъ „очень радъ, ежели сынъ мой будетъ достоенъ того жребія, что бы доходить въ университетѣ до высшихъ степеней наукъ". Чрезъ три года Княжевичъ-отецъ заговорилъ уже совершенное иное, какъ свидѣтельствуетъ о томъ письмо Яковкина къ попечителю отъ 3-го ноября 1808 года:

„Въ субботу былъ у меня статскій совѣтникъ г. Княжевичъ,—пишетъ здѣсь директоръ,—и спрашивалъ, какимъ бы образомъ сыну его, учительскому кандидату студенту Александру Княжевичу, получить было можно увольненіе отъ университета. Хотя я ему и отвѣчалъ, что всѣ казенные студенты имѣютъ уже свое предназначеніе по волѣ монаршей и что таковое увольненіе не только трудно, но и невозможно, однако, не оспаривая его далѣе, предоставилъ ему самому просить о томъ ваше превосходительство. Когда крайность и бѣдность,—добавляетъ Яковкинъ,—то всячески испрашиваютъ казеннаго содержанія дѣтямъ; а когда усматриваютъ, что они почти готовы уже на службу—то тотчасъ и желаютъ распоряжать ихъ участью сами. Это—характеръ ка-

* См. томъ I нашего труда, стр. 82—85, 204—205, 401.

ваго комплекта студентовъ казанскаго университета, профессоръ-директоръ Яковкинъ и обращался циркулярно къ родителямъ принимаемыхъ на казенное содержаніе воспитанниковъ съ уже извѣстными намъ запросами относительно согласія ихъ предоставить своихъ сыновей „въ полное распоряженіе университета"; въ свое время были приведены нами и образцы самыхъ разнообразныхъ и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, характерныхъ отвѣтовъ, полученныхъ университетомъ въ отвѣтъ на эти запросы. Эта обязательная служба представлялась условіемъ крайне стѣснительнымъ въ глазахъ какъ самихъ учащихся, такъ и ихъ родителей, и исторія студенческихъ дѣлъ начальной поры существованія казанскаго университета обильна примѣрами ходатайствъ и всякаго рода ухищреній съ цѣлью уклоненія отъ этой обязательной службы „въ ученомъ званіи"; излюбленнымъ путемъ для достиженія этой цѣли служило вступленіе въ военную службу, обыкновенно мотивировавшееся побужденіями патріотическаго характера, почва для которыхъ широко раскрывалась политическими событіями того времени *. Осенью 1808 года возникло цѣлое дѣло по поводу домогательства казанскаго губернскаго прокурора М. Д. Княжевича объ освобожденіи его старшаго сына, Александра, отъ обязательной за казенное содержаніе службы,—того самаго Княжевича, который весною 1805 года отвѣтилъ на циркулярный запросъ Яковкина о принятіи его сына на казенное содержаніе полнымъ согласіемъ, добавивъ къ этому, что будетъ „очень радъ, ежели сынъ мой будетъ достоенъ того жребія, что бы доходить въ университетѣ до высшихъ степеней наукъ". Чрезъ три года Княжевичъ-отецъ заговорилъ уже совершенное иное, какъ свидѣтельствуетъ о томъ письмо Яковкина къ попечителю отъ 3-го ноября 1808 года:

„Въ субботу былъ у меня статскій совѣтникъ г. Княжевичъ,—пишетъ здѣсь директоръ,—и спрашивалъ, какимъ бы образомъ сыну его, учительскому кандидату студенту Александру Княжевичу, получить было можно увольненіе отъ университета. Хотя я ему и отвѣчалъ, что всѣ казенные студенты имѣютъ уже свое предназначеніе по волѣ монаршей и что таковое увольненіе не только трудно, но и невозможно, однако, не оспаривая его далѣе, предоставилъ ему самому просить о томъ ваше превосходительство. Когда крайность и бѣдность,—добавляетъ Яковкинъ,—то всячески испрашиваютъ казеннаго содержанія дѣтямъ; а когда усматриваютъ, что они почти готовы уже на службу—то тотчасъ и желаютъ распоряжать ихъ участью сами. Это—характеръ ка-

---

* См. томъ I нашего труда, стр. 82—85, 204—205, 401.

занскихъ голоколѣнцовъ. Сверхъ того, обѣщеваемыя золотыя горы почасту кружатъ головы неопытной и неосмотрительной молодости, не знающей еще предавать себя въ полное руководство всеблагаго Провидѣнія".

На два года затянулось дѣло объ освобожденіи Александра Княжевича, сначала—отъ обязательной службы, а затѣмъ—отъ взысканія за казенное содержаніе и кончилось въ его пользу лишь благодаря непосредственному ходатайству его матери передъ министромъ народнаго просвѣщенія *. Стремленіе студентовъ и ихъ родителей такъ или иначе обойти обязательную за казенное содержаніе службу представлялось въ ту пору явленіемъ настолько распространеннымъ, что осенью 1813 года попечитель предписалъ совѣту (предложеніе отъ 17-го сентября) „подтвердить студентамъ, что уставъ ихъ обязываетъ продолжать службу не менѣе шести лѣтъ въ ученомъ званіи и что сопротивленіе въ семъ случаѣ указываетъ непослушаніе волѣ монарха и неблагодарность за воспитаніе его щедротами" [220].

Хотя университетскій уставъ 1804 года, опредѣляя положеніе казенныхъ студентовъ, и предписывалъ „въ выборѣ ихъ преимущество давать неимущимъ", но этимъ положеніемъ молодому казанскому университету стѣсняться не приходилось, такъ какъ въ первое время контингентъ казенныхъ студентовъ пополнялся исключительно воспитанниками казанской же гимназіи (первымъ студентомъ изъ гимназій округа, именно пензенской, явился въ 1807 году Булыгинъ), вслѣдствіе чего всегда имѣлись свободныя казенныя вакансіи, замѣщавшіяся и сыновьями родителей вполнѣ достаточныхъ; эта наличность свободныхъ вакансій дала лѣтомъ 1814 года попечителю основаніе предложить совѣту университета войти съ директорами училищъ въ сношеніе относительно доставленія ими въ университетъ способныхъ учениковъ, такъ какъ,—говорится въ этомъ предложеніи,—„изъ 30-ти вакансій казенныхъ студентовъ нынѣ замѣщено только 18".

Казенные студенты, находясь на полномъ иждивеніи университета, обязаны были жить въ самомъ зданіи его, пользуясь казеннымъ столомъ и даже казеннымъ обмундированіемъ. Въ первое время, пока гимназія не была еще отдѣлена отъ университета, режимъ жизни студентовъ мало отличался отъ общаго гимназическаго режима и мы знаемъ, что попе-

* Этотъ казенный студентъ казанскаго университета—будущій сенаторъ, министръ финансовъ (1858—1862 г.г.) и членъ государственнаго совѣта Александръ Максимовичъ Княжевичъ († 1870 г.).

занскихъ голоколѣнцовъ. Сверхъ того, обѣщеваемыя золотыя горы почасту кружатъ головы неопытной и неосмотрительной молодости, не знающей еще предавать себя въ полное руководство всеблагаго Провидѣнія".

На два года затянулось дѣло объ освобожденіи Александра Княжевича, сначала—отъ обязательной службы, а затѣмъ—отъ взысканія за казенное содержаніе и кончилось въ его пользу лишь благодаря непосредственному ходатайству его матери передъ министромъ народнаго просвѣщенія *. Стремленіе студентовъ и ихъ родителей такъ или иначе обойти обязательную за казенное содержаніе службу представлялось въ ту пору явленіемъ настолько распространеннымъ, что осенью 1813 года попечитель предписалъ совѣту (предложеніе отъ 17-го сентября) „подтвердить студентамъ, что уставъ ихъ обязываетъ продолжать службу не менѣе шести лѣтъ въ ученомъ званіи и что сопротивленіе въ семъ случаѣ указываетъ непослушаніе волѣ монарха и неблагодарность за воспитаніе его щедротами" [220].

Хотя университетскій уставъ 1804 года, опредѣляя положеніе казенныхъ студентовъ, и предписывалъ „въ выборѣ ихъ преимущество давать неимущимъ", но этимъ положеніемъ молодому казанскому университету стѣсняться не приходилось, такъ какъ въ первое время контингентъ казенныхъ студентовъ пополнялся исключительно воспитанниками казанской же гимназіи (первымъ студентомъ изъ гимназій округа, именно пензенской, явился въ 1807 году Булыгинъ), вслѣдствіе чего всегда имѣлись свободныя казенныя вакансіи, замѣщавшіяся и сыновьями родителей вполнѣ достаточныхъ; эта наличность свободныхъ вакансій дала лѣтомъ 1814 года попечителю основаніе предложить совѣту университета войти съ директорами училищъ въ сношеніе относительно доставленія ими въ университетъ способныхъ учениковъ, такъ какъ,—говорится въ этомъ предложеніи,—„изъ 30-ти вакансій казенныхъ студентовъ нынѣ замѣщено только 18".

Казенные студенты, находясь на полномъ иждивеніи университета, обязаны были жить въ самомъ зданіи его, пользуясь казеннымъ столомъ и даже казеннымъ обмундированіемъ. Въ первое время, пока гимназія не была еще отдѣлена отъ университета, режимъ жизни студентовъ мало отличался отъ общаго гимназическаго режима и мы знаемъ, что попе-

* Этотъ казенный студентъ казанскаго университета—будущій сенаторъ, министръ финансовъ (1858—1862 г.г.) и членъ государственнаго совѣта Александръ Максимовичъ Княжевичъ († 1870 г.).

читель Румовскій, утвердивъ первый контингентъ студентовъ, распорядился отвести для нихъ отдѣльныя отъ гимназистовъ комнаты и сдѣлать имъ „нѣкоторую отмѣну въ пищѣ и одѣяніи“, причемъ эта послѣдняя „отмѣна“ сводилась лишь къ мелкимъ отличіямъ въ воротникахъ, обшлагахъ и пуговицахъ, да къ праву носить шпаги, которое предоставлялось, однако, лишь такъ называвшимся „полнымъ“ или „дѣйствительнымъ“ студентамъ, въ противоположность студентамъ „предварительнымъ“ или „назначеннымъ“, — различіе, о которомъ сказано будетъ ниже *. Общее правило, по которому казенные студенты обязаны были жить въ самомъ университетѣ, допускало, на практикѣ, исключенія лишь въ случаяхъ особенно уважительныхъ—если въ городѣ жили родители или близкіе имъ родственники, и только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ дозволялось имъ жить и на частныхъ квартирахъ; впрочемъ всѣ извѣстные намъ примѣры подобнаго рода, обусловленные въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ спеціальнымъ разрѣшеніемъ инспектора, относятся уже къ тѣмъ четыремъ годамъ интересующей насъ эпохи, когда натуральное довольствіе казенныхъ студентовъ столомъ и одеждою было замѣнено выдачею имъ опредѣленнаго денежнаго жалованья [221].

Только что упомянутая нами мѣра имѣетъ свою, довольно интересную, исторію, являясь раннимъ примѣромъ предоставленія студенчеству собственной иниціативы и самодѣятельности въ дѣлѣ устройства своего внутренняго быта. Готовая гимназическая организація, которую встрѣтилъ въ Казани вновь основанный университетъ и къ которой онъ всецѣло примкнулъ, какъ къ уже функціонировавшей административной и хозяйственной системѣ, въ начальные по учрежденіи университета годы распространилась и на устройство внутренней жизни студентовъ. Это представляло даже нѣкотораго рода удобства, такъ какъ оба учебныя заведенія существовали подъ одною общею кровлею и управлялись одними и тѣми же административными органами; представляла эта унія въ практическомъ отношеніи удобство еще и въ томъ отношеніи, что университетскій уставъ 1804 года, опредѣливъ, въ приложенномъ къ нему штатѣ, 8000 рублей на содержаніе сорока казенныхъ студентовъ, ничего не постановлялъ относительно самой организаціи студенческаго хозяйства. Но это единеніе университетскаго и

* Интересующіеся формою и порядкомъ обмундированія студентовъ того времени найдутъ любопытныя указанія въ дѣлѣ архива казанскаго университета, по попечительской канцеляріи, за № 19, по реэстру 1812 года; къ этому дѣлу приложены даже обращики сукна для студенческихъ мундировъ.

читель Румовскій, утвердивъ первый контингентъ студентовъ, распорядился отвести для нихъ отдѣльныя отъ гимназистовъ комнаты и сдѣлать имъ „нѣкоторую отмѣну въ пищѣ и одѣяніи", причемъ эта послѣдняя „отмѣна" сводилась лишь къ мелкимъ отличіямъ въ воротникахъ, обшлагахъ и пуговицахъ, да къ праву носить шпаги, которое предоставлялось, однако, лишь такъ называвшимся „полнымъ" или „дѣйствительнымъ" студентамъ, въ противоположность студентамъ „предварительнымъ" или „назначеннымъ", — различіе, о которомъ сказано будетъ ниже *. Общее правило, по которому казенные студенты обязаны были жить въ самомъ университетѣ, допускало, на практикѣ, исключенія лишь въ случаяхъ особенно уважительныхъ—если въ городѣ жили родители или близкіе имъ родственники, и только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ дозволялось имъ жить и на частныхъ квартирахъ; впрочемъ всѣ извѣстные намъ примѣры подобнаго рода, обусловленные въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ спеціальнымъ разрѣшеніемъ инспектора, относятся уже къ тѣмъ четыремъ годамъ интересующей насъ эпохи, когда натуральное довольствіе казенныхъ студентовъ столомъ и одеждою было замѣнено выдачею имъ опредѣленнаго денежнаго жалованья [221].

Только что упомянутая нами мѣра имѣетъ свою, довольно интересную, исторію, являясь раннимъ примѣромъ предоставленія студенчеству собственной инициативы и самодѣятельности въ дѣлѣ устройства своего внутренняго быта. Готовая гимназическая организація, которую встрѣтилъ въ Казани вновь основанный университетъ и къ которой онъ всецѣло примкнулъ, какъ къ уже функціонировавшей административной и хозяйственной системѣ, въ начальные по учрежденіи университета годы распространилась и на устройство внутренней жизни студентовъ. Это представляло даже нѣкотораго рода удобства, такъ какъ оба учебныя заведенія существовали подъ одною общею кровлею и управлялись одними и тѣми же административными органами; представляла эта унія въ практическомъ отношеніи удобство еще и въ томъ отношеніи, что университетскій уставъ 1804 года, опредѣливъ, въ приложенномъ къ нему штатѣ, 8000 рублей на содержаніе сорока казенныхъ студентовъ, ничего не постановлялъ относительно самой организаціи студенческаго хозяйства. Но это единеніе университетскаго и

---

* Интересующіеся формою и порядкомъ обмундированія студентовъ того времени найдутъ любопытныя указанія въ дѣлѣ архива казанскаго университета, по попечительской канцеляріи, за № 19, по реэстру 1812 года; къ этому дѣлу приложены даже образцы сукна для студенческихъ мундировъ.

гимназическаго хозяйствъ стало выдвигать впередъ неудобства довольно ощутительнаго характера послѣ того, какъ совершилось отдѣленіе гимназіи отъ университета, въ особенности же въ виду возвысившихся въ Казани, подъ вліяніемъ вызваннаго политическими событіями экономическаго кризиса, цѣнъ на всѣ предметы первѣйшей необходимости:

„Увеличившаяся и въ Казани дороговизна на всѣ съѣстные припасы,—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 12-го іюня 1812 года,—вынуждаетъ меня представить вашему превосходительству, не благоугодно ли будетъ казенныхъ и пансіонерныхъ студентовъ отдѣлить въ содержаніи совершенно отъ содержанія съ гимназическими и опредѣлить для сего или особливаго чиновника, или избирать изъ самихъ студентовъ, особливо изъ камерныхъ, для управленія столомъ; потому что прихотливость ихъ и причудливость въ кушаньяхъ наводитъ мнѣ часто чувствительныя огорченія, да и одному эконому управляться въ гимназіи и въ университетѣ не только чрезвычайно трудно, но иногда и невозможно, что и принуждаетъ иногда къ терпѣнію, хотя умышленнаго чего нибудь дурнаго донынѣ я не не замѣчалъ".

Полученное Румовскимъ всего за нѣсколько дней до его кончины, это письмо не могло вызвать собою никакихъ административныхъ мѣропріятій, тѣмъ болѣе, что этому не благопріятствовали ни политическія условія того времени, ни вопросъ о назначеніи новаго попечителя, ни, въ особенности, послѣдовавшее осенью того же года временное возвращеніе подъ кровъ университета гимназіи, уступившей новое помѣщеніе свое прибывшимъ изъ занятой непріятелемъ Москвы женскимъ институтамъ.

Вопросъ о выдѣленіи хозяйства университетскаго изъ хозяйства гимназическаго, тѣмъ не менѣе, не заглохъ и въ самомъ началѣ слѣдующаго 1813 года былъ снова выдвинутъ конторою гимназіи, иначе говоря—тѣмъ же Яковкинымъ. Опираясь на доводы, которыми аргументировалъ профессоръ-директоръ въ своемъ письмѣ къ покойному попечителю, контора гимназіи въ январѣ 1813 года обратилась къ тогдашнему инспектору студентовъ проф. Брауну съ запросомъ о томъ, не будетъ ли признано цѣлесообразнымъ и удобнымъ, „чтобы казеннымъ студентамъ, вмѣсто нынѣшняго казеннаго содержанія, выдавать положенное по штату жалованье?" Этотъ запросъ конторы совпалъ съ петиціею, съ которою обратились къ попечителю сами казенные студенты, выразивъ въ ней пожеланіе, что бы натуральное содержаніе было замѣнено для нихъ денежнымъ жалованьемъ. Новый попечитель М. А. Салтыковъ выразилъ вполнѣ основательное опасеніе, что веденіе собственнаго хозяйства отвлечетъ казенныхъ

гимназическаго хозяйствъ стало выдвигать впередъ неудобства довольно ощутительнаго характера послѣ того, какъ совершилось отдѣленіе гимназіи отъ университета, въ особенности же въ виду возвысившихся въ Казани, подъ вліяніемъ вызваннаго политическими событіями экономическаго кризиса, цѣнъ на всѣ предметы первѣйшей необходимости:

„Увеличившаяся и въ Казани дороговизна на всѣ съѣстные припасы,—писалъ Яковкинъ попечителю отъ 12-го іюня 1812 года,—вынуждаетъ меня представить вашему превосходительству, не благоугодно ли будетъ казенныхъ и пансіонерныхъ студентовъ отдѣлить въ содержаніи совершенно отъ содержанія съ гимназическими и опредѣлить для сего или особливаго чиновника, или избирать изъ самихъ студентовъ, особливо изъ камерныхъ, для управленія столомъ; потому что прихотливость ихъ и причудливость въ кушаньяхъ наводитъ мнѣ часто чувствительныя огорченія, да и одному эконому управляться въ гимназіи и въ университетѣ не только чрезвычайно трудно, но иногда и невозможно, что и принуждаетъ иногда къ терпѣнію, хотя умышленнаго чего нибудь дурнаго донынѣ я не не замѣчалъ".

Полученное Румовскимъ всего за нѣсколько дней до его кончины, это письмо не могло вызвать собою никакихъ административныхъ мѣропріятій, тѣмъ болѣе, что этому не благопріятствовали ни политическія условія того времени, ни вопросъ о назначеніи новаго попечителя, ни, въ особенности, послѣдовавшее осенью того же года временное возвращеніе подъ кровъ университета гимназіи, уступившей новое помѣщеніе свое прибывшимъ изъ занятой непріятелемъ Москвы женскимъ институтамъ.

Вопросъ о выдѣленіи хозяйства университетскаго изъ хозяйства гимназическаго, тѣмъ не менѣе, не заглохъ и въ самомъ началѣ слѣдующаго 1813 года былъ снова выдвинутъ конторою гимназіи, иначе говоря—тѣмъ же Яковкинымъ. Опираясь на доводы, которыми аргументировалъ профессоръ-директоръ въ своемъ письмѣ къ покойному попечителю, контора гимназіи въ январѣ 1813 года обратилась къ тогдашнему инспектору студентовъ проф. Брауну съ запросомъ о томъ, не будетъ ли признано цѣлесообразнымъ и удобнымъ, „чтобы казеннымъ студентамъ, вмѣсто нынѣшняго казеннаго содержанія, выдавать положенное по штату жалованье?" Этотъ запросъ конторы совпалъ съ петиціею, съ которою обратились къ попечителю сами казенные студенты, выразивъ въ ней пожеланіе, что бы натуральное содержаніе было замѣнено для нихъ денежнымъ жалованьемъ. Новый попечитель М. А. Салтыковъ выразилъ вполнѣ основательное опасеніе, что веденіе собственнаго хозяйства отвлечетъ казенныхъ

студентовъ отъ научныхъ занятій и, признавъ необходимымъ сохранить казенное довольствіе студентовъ столомъ, полагалъ возможнымъ выдавать имъ на руки лишь деньги на платье, бѣлье и на текущія надобности. Высказавъ эти предположенія, Салтыковъ, предложеніемъ отъ 14-го апрѣля, поручилъ совѣту: „Призвавъ г.г. студентовъ въ присутствіе, объявить сіе мое предложеніе и отобрать отъ нихъ отвѣтъ—согласны ли они на сіи условія или нѣтъ, и, буде согласны, то обязать ихъ въ томъ подпискою и донесть мнѣ". Запрошенные по этому поводу черезъ своего инспектора, казенные студенты не замедлили отвѣтомъ и представили въ совѣтъ, за восемнадцатью подписями, объясненіе, въ которомъ, „съ удовольствіемъ видя столь благодѣтельную предусмотрительность почтеннѣйшаго начальства", изъявляли согласіе на довольствіе ихъ казеннымъ столомъ, съ тѣмъ, что бы на всѣ остальныя потребности было выдаваемо имъ на руки по 195-ти рублей въ годъ.

Вопросъ о способахъ содержанія казенныхъ студентовъ продолжалъ, однако, оставаться въ неопредѣленномъ положеніи вплоть до начала 1815 года, когда въ правленіе университета поступило новое прошеніе ихъ, въ которомъ студенты заявляли согласіе „совершенно быть на своемъ содержаніи, ежели каждый станетъ ежегодно получать жалованья по 250-ти рублей". Это прошеніе, подписанное 22-мя студентами, было доведено правленіемъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, который 25-го февраля 1815 года и разрѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ; еще раньше того, въ виду дороговизны на всѣ жизненные припасы, было опредѣлено убавить комплектъ казеннокоштныхъ студентовъ съ сорока до тридцати человѣкъ. Такимъ то путемъ, съ весны 1815 года, состоялось перечисленіе казенныхъ студентовъ казанскаго университета съ натуральнаго содержанія—на содержаніе денежное („жалованье"). Инспекторъ казенныхъ студентовъ того времени, профессоръ Броннеръ, былъ очень недоволенъ этимъ нововведеніемъ, не безъ основанія опасаясь, что новыя заботы студентовъ объ устройствѣ своего хозяйства—отвлекутъ ихъ отъ текущихъ научныхъ занятій. Это неудовольствіе нашло себѣ отраженіе въ слѣдующихъ дневныхъ записяхъ Броннера, занесенныхъ въ инспекторскомъ журналѣ того времени:

„10 марта.—Правленіе университета извѣстило меня, что его высокопревосходительство г. министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ выдавать каждому казенному студенту по 250 рублей въ годъ на столъ и одежду. Лично объяснилъ мнѣ г. ректоръ, что никому изъ казенныхъ студентовъ не разрѣшается имѣть столъ внѣ университета, ис-

студентовъ отъ научныхъ занятій и, признавъ необходимымъ сохранить казенное довольствіе студентовъ столомъ, полагалъ возможнымъ выдавать имъ на руки лишь деньги на платье, бѣлье и на текущія надобности. Высказавъ эти предположенія, Салтыковъ, предложеніемъ отъ 14-го апрѣля, поручилъ совѣту: „Призвавъ г.г. студентовъ въ присутствіе, объявить сіе мое предложеніе и отобрать отъ нихъ отвѣтъ—согласны ли они на сіи условія или нѣтъ, и, буде согласны, то обязать ихъ въ томъ подпискою и донесть мнѣ". Запрошенные по этому поводу черезъ своего инспектора, казенные студенты не замедлили отвѣтомъ и представили въ совѣтъ, за восемнадцатью подписями, объясненіе, въ которомъ, „съ удовольствіемъ видя столь благодѣтельную предусмотрительность почтеннѣйшаго начальства", изъявляли согласіе на довольствіе ихъ казеннымъ столомъ, съ тѣмъ, что бы на всѣ остальныя потребности было выдаваемо имъ на руки по 195-ти рублей въ годъ.

Вопросъ о способахъ содержанія казенныхъ студентовъ продолжалъ, однако, оставаться въ неопредѣленномъ положеніи вплоть до начала 1815 года, когда въ правленіе университета поступило новое прошеніе ихъ, въ которомъ студенты заявляли согласіе „совершенно быть на своемъ содержаніи, ежели каждый станетъ ежегодно получать жалованья по 250-ти рублей". Это прошеніе, подписанное 22-мя студентами, было доведено правленіемъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, который 25-го февраля 1815 года и разрѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ; еще раньше того, въ виду дороговизны на всѣ жизненные припасы, было опредѣлено убавить комплектъ казеннокоштныхъ студентовъ съ сорока до тридцати человѣкъ. Такимъ то путемъ, съ весны 1815 года, состоялось перечисленіе казенныхъ студентовъ казанскаго университета съ натуральнаго содержанія—на содержаніе денежное („жалованье"). Инспекторъ казенныхъ студентовъ того времени, профессоръ Броннеръ, былъ очень недоволенъ этимъ нововведеніемъ, не безъ основанія опасаясь, что новыя заботы студентовъ объ устройствѣ своего хозяйства—отвлекутъ ихъ отъ текущихъ научныхъ занятій. Это неудовольствіе нашло себѣ отраженіе въ слѣдующихъ дневныхъ записяхъ Броннера, занесенныхъ въ инспекторскомъ журналѣ того времени:

„10 марта.—Правленіе университета извѣстило меня, что его высокопревосходительство г. министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ выдавать каждому казенному студенту по 250 рублей въ годъ на столъ и одежду. Лично объяснилъ мнѣ г. ректоръ, что никому изъ казенныхъ студентовъ не разрѣшается имѣть столъ внѣ университета, ис-

ключая тѣхъ, родители которыхъ живутъ въ городѣ, всѣ же остальные могутъ уговориться на счетъ стола съ кандидатомъ Ярцовымъ, магистромъ Кайсаровымъ, адъюнктомъ Тимьянскимъ или съ однимъ изъ семейныхъ преподавателей, живущихъ въ зданіи университета".

„12 марта.—Въ виду этого распоряженія, надзоръ сталъ гораздо затруднительнѣе, вслѣдствіе того, что изъ экономическихъ разсчетовъ люди, жившіе до сихъ поръ сравнительно беззаботно, начали бѣгать по городу, отлучаться и даже пропускать лекціи".

Новый порядокъ вещей особенно сильно смутилъ инспекторскихъ помощниковъ, которымъ, въ силу устава, полагалось пользоваться общимъ съ студентами казеннымъ столомъ:

„Помощники мои,—записываетъ Броннеръ подъ 15-мъ марта,—оба магистра (Юнаковъ и Булыгинъ), думая отказаться отъ должности, прибѣжали ко мнѣ съ заявленіемъ, что лишаются единственнаго преимущества—общаго со студентами дароваго стола. Въ виду этого, я обѣщалъ выхлопотать имъ денежное пособіе".

Это обѣщанное пособіе съ 1-го апрѣля того же года и выдавалось обездоленнымъ новымъ правиломъ магистрамъ въ размѣрѣ ста рублей въ годъ каждому. Положенное казеннымъ студентамъ денежное „жалованье" явилось и дисциплинарно-карательнымъ орудіемъ въ рукахъ инспекціи, которая, какъ это усматривается изъ инспекторскаго журнала, удерживала неисправнымъ или нерадивымъ студентамъ причитавшееся имъ жалованье „впредь до ихъ исправленія". Съ другой же стороны, право студентовъ на самостоятельное устройство собственнаго хозяйства приводило къ столкновеніямъ между инспекціею и студентами на почвѣ уже совершенно исключительнаго характера, какъ это иллюстрируется, напримѣръ, слѣдующею записью Броннера въ инспекторскомъ журналѣ, относящеюся къ веснѣ 1816 года:

„10 апрѣля.—Посѣщая спальни студентовъ, я нашелъ въ камерѣ Тенишевскаго дома, въ девятомъ часу вечера, студентовъ, сидѣвшихъ вокругъ кровати Попова, игравшаго на гитарѣ. Когда я обернулся къ противоположной сторонѣ кровати, мнѣ бросились въ глаза двѣ фигуры: одна лежала на кровати (это былъ Петръ Базилевъ), другая—сидѣла около него. Сначала я подумалъ, что это сидитъ какой либо студентъ, но, подойдя ближе, узналъ въ этой фигурѣ, сидящей на кровати у Базилева, женщину—кухарку и служанку, нанятую студентами безъ моего вѣдома".

Сдѣлавъ строгій выговоръ и студентамъ, и ихъ гостьѣ-кухаркѣ, Броннеръ приказалъ послѣдней немедленно уйти, но, вскорѣ вернувшись

ключая тѣхъ, родители которыхъ живутъ въ городѣ, всѣ же остальные могутъ уговориться на счетъ стола съ кандидатомъ Ярцовымъ, магистромъ Кайсаровымъ, адъюнктомъ Тимьянскимъ или съ однимъ изъ семейныхъ преподавателей, живущихъ въ зданіи университета".

„12 марта.—Въ виду этого распоряженія, надзоръ сталъ гораздо затруднительнѣе, вслѣдствіе того, что изъ экономическихъ разсчетовъ люди, жившіе до сихъ поръ сравнительно беззаботно, начали бѣгать по городу, отлучаться и даже пропускать лекціи".

Новый порядокъ вещей особенно сильно смутилъ инспекторскихъ помощниковъ, которымъ, въ силу устава, полагалось пользоваться общимъ съ студентами казеннымъ столомъ:

„Помощники мои,—записываетъ Броннеръ подъ 15-мъ марта,—оба магистра (Юнаковъ и Булыгинъ), думая отказаться отъ должности, прибѣжали ко мнѣ съ заявленіемъ, что лишаются единственнаго преимущества—общаго со студентами дароваго стола. Въ виду этого, я обѣщалъ выхлопотать имъ денежное пособіе".

Это обѣщанное пособіе съ 1-го апрѣля того же года и выдавалось обездоленнымъ новымъ правиломъ магистрамъ въ размѣрѣ ста рублей въ годъ каждому. Положенное казеннымъ студентамъ денежное „жалованье" явилось и дисциплинарно-карательнымъ орудіемъ въ рукахъ инспекціи, которая, какъ это усматривается изъ инспекторскаго журнала, удерживала неисправнымъ или нерадивымъ студентамъ причитавшееся имъ жалованье „впредь до ихъ исправленія". Съ другой же стороны, право студентовъ на самостоятельное устройство собственнаго хозяйства приводило къ столкновеніямъ между инспекціею и студентами на почвѣ уже совершенно исключительнаго характера, какъ это иллюстрируется, напримѣръ, слѣдующею записью Броннера въ инспекторскомъ журналѣ, относящеюся къ веснѣ 1816 года:

„10 апрѣля.—Посѣщая спальни студентовъ, я нашелъ въ камерѣ Тенишевскаго дома, въ девятомъ часу вечера, студентовъ, сидѣвшихъ вокругъ кровати Попова, игравшаго на гитарѣ. Когда я обернулся къ противоположной сторонѣ кровати, мнѣ бросились въ глаза двѣ фигуры: одна лежала на кровати (это былъ Петръ Базилевъ), другая—сидѣла около него. Сначала я подумалъ, что это сидитъ какой либо студентъ, но, подойдя ближе, узналъ въ этой фигурѣ, сидящей на кровати у Базилева, женщину—кухарку и служанку, нанятую студентами безъ моего вѣдома".

Сдѣлавъ строгій выговоръ и студентамъ, и ихъ гостьѣ-кухаркѣ, Броннеръ приказалъ послѣдней немедленно уйти; но, вскорѣ вернувшись

въ ту же камеру, снова засталъ здѣсь студентовъ въ сообществѣ той же женщины, которую на этотъ разъ раздраженный инспекторъ „вытолкнулъ изъ спальни, ударивъ пинкомъ ноги". Въ концѣ апрѣля та же женщина была опять взята студентами въ кухарки и отпущена ими лишь по настойчивому настоянію Броннера. Самостоятельное студенческое хозяйство было, вообще, очень не по душѣ педантичному и приверженному къ строго-регламентированному порядку инспектору [222].

Серьезныя сомнѣнія въ цѣлесообразности и соотвѣтствіи педагогическимъ цѣлямъ новаго порядка содержанія казенныхъ студентовъ, возникшія въ профессорѣ Броннерѣ уже при самомъ его введеніи, года черезъ два не преминули оправдаться и на практикѣ, вызвавъ скептическое отношеніе къ новому режиму среди членовъ университетскаго совѣта. Произошло это вслѣдствіе непомѣрно усилившихся жалобъ на дурное поведеніе студентовъ, соединенное съ проявленіями открытаго неповиновенія начальству и даже буйства, бороться съ которыми чины инспекціи оказывались совершенно безсильными. Въ концѣ 1817 года на этой почвѣ создалось цѣлое совѣтское дѣло „объ ослушаніи студентовъ противу начальства и чинимыхъ грубостяхъ", которымъ и данъ былъ ближайшій толчокъ вопросу о пересмотрѣ устройства внутренняго быта студенчества. Возникло это дѣло вслѣдствіе поступившаго въ совѣтъ представленія инспекціи о неблагонравномъ поведеніи студентовъ Попова, Маклакова, Сычугова, Кулакова, Дмитревскаго и Шица, заслуживающихъ, за дурное ихъ поведеніе, быть выпущенными учителями въ уѣздныя училища (!). При слушаніи дѣла объ этихъ студентахъ въ засѣданіи 12-го октября 1817 года, совѣтъ постановилъ, по большинству голосовъ, образовать особый комитетъ изъ профессоровъ Арнгольдта, Кондырева и Лобачевскаго и адъюнктовъ Тимьянскаго, Юнакова, Манасеина, Алехина и Ибрагимова, возложивъ на него порученіе изслѣдовать это дѣло и представить совѣту свои заключенія по немъ. Исполняя порученіе совѣта, этотъ комитетъ, образованный, какъ мы видимъ, почти исключительно изъ совѣтской и, притомъ, русской молодежи, уже 23-го числа того же октября вошелъ въ совѣтъ съ обширнымъ представленіемъ, въ которомъ, высказавъ весьма гуманное отношеніе къ провинившимся студентамъ, взглянулъ, такъ сказать—въ самый корень вещей, подвергнувъ строгой критикѣ условія современной студенческой жизни, содѣйствующія, по его мнѣнію, пониженію общаго нравственнаго уровня ея, и сформулировавъ свои окончательные выводы въ слѣдующихъ восьми положеніяхъ, которыя мы и приведемъ полностью въ виду представляемаго ими несомнѣннаго историческаго интереса:

въ ту же камеру, снова засталъ здѣсь студентовъ въ сообществѣ той же женщины, которую на этотъ разъ раздраженный инспекторъ „вытолкнулъ изъ спальни, ударивъ пинкомъ ноги". Въ концѣ апрѣля та же женщина была опять взята студентами въ кухарки и отпущена ими лишь по настойчивому настоянію Броннера. Самостоятельное студенческое хозяйство было, вообще, очень не по душѣ педантичному и приверженному къ строго-регламентированному порядку инспектору [222].

Серьезныя сомнѣнія въ цѣлесообразности и соотвѣтствіи педагогическимъ цѣлямъ новаго порядка содержанія казенныхъ студентовъ, возникшія въ профессорѣ Броннерѣ уже при самомъ его введеніи, года черезъ два не преминули оправдаться и на практикѣ, вызвавъ скептическое отношеніе къ новому режиму среди членовъ университетскаго совѣта. Произошло это вслѣдствіе непомѣрно усилившихся жалобъ на дурное поведеніе студентовъ, соединенное съ проявленіями открытаго неповиновенія начальству и даже буйства, бороться съ которыми чины инспекціи оказывались совершенно безсильными. Въ концѣ 1817 года на этой почвѣ создалось цѣлое совѣтское дѣло „объ ослушаніи студентовъ противу начальства и чинимыхъ грубостяхъ", которымъ и данъ былъ ближайшій толчокъ вопросу о пересмотрѣ устройства внутренняго быта студенчества. Возникло это дѣло вслѣдствіе поступившаго въ совѣтъ представленія инспекціи о неблагонравномъ поведеніи студентовъ Попова, Маклакова, Сычугова, Кулакова, Дмитревскаго и Шица, заслуживающихъ, за дурное ихъ поведеніе, быть выпущенными учителями въ уѣздныя училища (!). При слушаніи дѣла объ этихъ студентахъ въ засѣданіи 12-го октября 1817 года, совѣтъ постановилъ, по большинству голосовъ, образовать особый комитетъ изъ профессоровъ Аргнгольдта, Кондырева и Лобачевскаго и адъюнктовъ Тимьянскаго, Юнакова, Манасеина, Алехина и Ибрагимова, возложивъ на него порученіе изслѣдовать это дѣло и представить совѣту свои заключенія по немъ. Исполняя порученіе совѣта, этотъ комитетъ, образованный, какъ мы видимъ, почти исключительно изъ совѣтской и, притомъ, русской молодежи, уже 23-го числа того же октября вошелъ въ совѣтъ съ обширнымъ представленіемъ, въ которомъ, выказавъ весьма гуманное отношеніе къ провинившимся студентамъ, взглянулъ, такъ сказать—въ самый корень вещей, подвергнувъ строгой критикѣ условія современной студенческой жизни, содѣйствующія, по его мнѣнію, пониженію общаго нравственнаго уровня ея, и сформулировавъ свои окончательные выводы въ слѣдующихъ восьми положеніяхъ, которыя мы и приведемъ полностью въ виду представляемаго ими несомнѣннаго историческаго интереса:

„I. Вмѣнить г. исправляющему должность инспектора студентовъ (имъ былъ въ то время проф. Брейтенбахъ) въ непремѣнную обязанность стараться предотвращать худые поступки студентовъ отеческою попечительностью, исправлять дурныя наклонности благоразумными мѣрами, укоренять въ сердцахъ ихъ чувство ко всему доброму и изящному, любовь къ отечеству, благочестіе и приверженность къ религіи отцовъ нашихъ и къ добрымъ отечественнымъ правамъ, а всего того нельзя достигнуть безъ знанія обычаевъ и языка россійскаго *.

II. Вмѣнить ему въ таковую же обязанность вступить въ ближайшее сношеніе со студентами, обратить на образованіе ихъ отеческую попечительность, быть для нихъ единственнымъ руководителемъ во всѣхъ случаяхъ и, особенно, въ тѣхъ, въ коихъ они не могутъ еще, по молодости своей, руководствоваться собственнымъ разсудкомъ и, въ случаѣ проступковъ, заниматься изслѣдованіемъ ихъ непосредственно, сообразно § 118-му устава университетскаго.

III. Вмѣнить ему въ таковую же обязанность дѣлать строгій и справедливый разборъ поведенія студентовъ и, отличая благонравныхъ отъ дурныхъ, первыхъ ободрять отличіями, а вторыхъ исправлять наказаніями, съ проступкомъ соразмѣрными.

IV. Удалить кандидата Востокова отъ исправленія должности помощника инспектора студентовъ **. Причины, заставляющія комитетъ полагать сіе необходимымъ, состоятъ въ томъ, что оный г. кандидатъ не умѣлъ пріобрѣсти къ особѣ своей должнаго почтенія, а, напротивъ того, навлекъ на себя своими поступками общее студентовъ неуваженіе, почему оставленіе его въ настоящей должности можетъ быть важнымъ препятствіемъ къ возстановленію устройства, ибо всѣми лучшими педагогами признано за неоспоримую истину, что внутреннее въ воспитанникахъ почтеніе къ воспитателямъ своимъ—есть первое и необходимое условіе успѣшнаго нравственнаго образованія.

V. Раздѣлить надзоръ за студентами, сообразно § 118-му устава университетскаго, между двоими помощниками инспектора студентовъ.

VI. Помѣстить студентовъ, по возможности, въ смежныхъ комнатахъ одного зданія, жительство же внѣ университета и самовольныя изъ него отлучки строго воспретить.

VII. Отвратить, по возможности, затрудненія и заботы студентовъ касательно хозяйственной ихъ жизни.

VIII. Внушать имъ необходимость и пользу подчиненности и безпрекословнаго повиновенія начальству“.

---

* Ясный намекъ на желательность видѣть въ должности инспектора профессора изъ русскихъ членовъ совѣта.

** Дѣятельность Востокова въ этомъ званіи была ознаменована рядомъ его столкновеній съ студентами.

„I. Вмѣнить г. исправляющему должность инспектора студентовъ (имъ былъ въ то время проф. Брейтенбахъ) въ непремѣнную обязанность стараться предотвращать худые поступки студентовъ отеческою попечительностью, исправлять дурныя наклонности благоразумными мѣрами, укоренять въ сердцахъ ихъ чувство ко всему доброму и изящному, любовь къ отечеству, благочестіе и приверженность къ религіи отцовъ нашихъ и къ добрымъ отечественнымъ нравамъ, а всего того нельзя достигнуть безъ знанія обычаевъ и языка россійскаго *.

II. Вмѣнить ему въ таковую же обязанность вступить въ ближайшее сношеніе со студентами, обратить на образованіе ихъ отеческую попечительность, быть для нихъ единственнымъ руководителемъ во всѣхъ случаяхъ и, особенно, въ тѣхъ, въ коихъ они не могутъ еще, по молодости своей, руководствоваться собственнымъ разсудкомъ и, въ случаѣ проступковъ, заниматься изслѣдованіемъ ихъ непосредственно, сообразно § 118-му устава университетскаго.

III. Вмѣнить ему въ таковую же обязанность дѣлать строгій и справедливый разборъ поведенія студентовъ и, отличая благонравныхъ отъ дурныхъ, первыхъ ободрять отличіями, а вторыхъ исправлять наказаніями, съ проступкомъ соразмѣрными.

IV. Удалить кандидата Востокова отъ исправленія должности помощника инспектора студентовъ **. Причины, заставляющія комитетъ полагать сіе необходимымъ, состоятъ въ томъ, что оный г. кандидатъ не умѣлъ пріобрѣсти къ особѣ своей должнаго почтенія, а, напротивъ того, навлекъ на себя своими поступками общее студентовъ неуваженіе, почему оставленіе его въ настоящей должности можетъ быть важнымъ препятствіемъ къ возстановленію устройства, ибо всѣми лучшими педагогами признано за неоспоримую истину, что внутреннее въ воспитанникахъ почтеніе къ воспитателямъ своимъ—есть первое и необходимое условіе успѣшнаго нравственнаго образованія.

V. Раздѣлить надзоръ за студентами, сообразно § 118-му устава университетскаго, между двоими помощниками инспектора студентовъ.

VI. Помѣстить студентовъ, по возможности, въ смежныхъ комнатахъ одного зданія, жительство же внѣ университета и самовольныя изъ него отлучки строго воспретить.

VII. Отвратить, по возможности, затрудненія и заботы студентовъ касательно хозяйственной ихъ жизни.

VIII. Внушать имъ необходимость и пользу подчиненности и безпрекословнаго повиновенія начальству“.

---

* Ясный намекъ на желательность видѣть въ должности инспектора профессора изъ русскихъ членовъ совѣта.

** Дѣятельность Востокова въ этомъ званіи была ознаменована рядомъ его столкновеній съ студентами.

Заслушавъ представленіе комитета въ засѣданіи 23-го октября, совѣтъ постановилъ: „Назначить особенное засѣданіе для разсужденія о семъ". Въ этомъ „особенномъ засѣданіи", состоявшемся лишь спустя два мѣсаца, 26-го января 1818 года, совѣтъ принялъ заключенія комитета и, постановивъ, согласно статьѣ VI-ой его доклада—„препоручить правленію, дабы оно старалось о размѣщеніи студентовъ по комнатамъ сообразно мнѣнія комитета", очевидно совершенно неправильно понялъ слѣдующую VII-ую статью того же доклада, постановивъ: „Предоставить сему комитету изысканіе средствъ къ удобнѣйшему довольствованію студентовъ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою, коему и составить смѣту, о чемъ дать оному выписку". Ясно, такимъ образомъ, что совѣтъ понялъ заключеніе комитета въ смыслѣ полнаго возвращенія къ порядку довольствованія казенныхъ студентовъ, существовавшему до министерскаго распоряженія 25-го февраля 1815 года. Толкованіе это оказалось совершенно ошибочнымъ, что, слѣдомъ за тѣмъ, и было комитетомъ пояснено въ особомъ, дополнительномъ, представленіи совѣту, въ которомъ комитетъ заявлялъ, что „поелику онъ, съ своей стороны, находитъ довольствованіе казенныхъ студентовъ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою несогласнымъ: во первыхъ—съ особеннымъ предписаніемъ высшаго начальства, во вторыхъ—съ выгодами казны, и въ третьихъ—съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ", то онъ и „не можетъ принять на себя составленіе требуемой смѣты, равно и изысканіе средствъ къ удобнѣйшему довольствованію студентовъ, на прежнемъ основаніи, казенною пищею и одеждою"; статья VII-ая доклада комитета имѣла въ виду, какъ это усматривается изъ точнаго смысла ея, не совершенную отмѣну нынѣ принятой системы, но только возможное „отвращеніе затрудненій и заботъ студентовъ, касательно хозяйственной ихъ жизни". Комитетъ указываетъ, тѣмъ не менѣе, совѣту мѣропріятія, какія онъ полагалъ бы желательными для достиженія этой послѣдней задачи:

„1) Казенные студенты всѣ безъ исключенія должны быть помѣщены въ смежныхъ комнатахъ, такъ, притомъ, чтобъ они имѣли подъ руками все необходимое для хозяйства, какъ то: погреба, чуланы, кухню и пр. Всѣ сіи удобства, въ совокупности, представляетъ домъ Спижарный, который, кажется, и могъ бы быть занятъ студентами.

2) Постановить, что бы студенты, всѣ безъ исключенія, имѣли столъ свой дома (т. е. въ университетѣ), соединяясь въ общества.

3) Постановить въ обязанность помощникамъ инспектора казенныхъ студентовъ имѣть столъ съ студентами общій.

Заслушавъ представленіе комитета въ засѣданіи 23-го октября, совѣтъ постановилъ: „Назначить особенное засѣданіе для разсужденія о семъ". Въ этомъ „особенномъ засѣданіи", состоявшемся лишь спустя два мѣсаца, 26-го января 1818 года, совѣтъ принялъ заключенія комитета и, постановивъ, согласно статьѣ VI-ой его доклада—„препоручить правленію, дабы оно старалось о размѣщеніи студентовъ по комнатамъ сообразно мнѣнія комитета", очевидно совершенно неправильно понялъ слѣдующую VII-ую статью того же доклада, постановивъ: „Предоставить сему комитету изысканіе средствъ къ удобнѣйшему довольствованію студентовъ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою, коему и составить смѣту, о чемъ дать оному выписку". Ясно, такимъ образомъ, что совѣтъ понялъ заключеніе комитета въ смыслѣ полнаго возвращенія къ порядку довольствованія казенныхъ студентовъ, существовавшему до министерскаго распоряженія 25-го февраля 1815 года. Толкованіе это оказалось совершенно ошибочнымъ, что, слѣдомъ за тѣмъ, и было комитетомъ пояснено въ особомъ, дополнительномъ, представленіи совѣту, въ которомъ комитетъ заявлялъ, что „поелику онъ, съ своей стороны, находитъ довольствованіе казенныхъ студентовъ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою несогласнымъ: во первыхъ—съ особеннымъ предписаніемъ высшаго начальства, во вторыхъ—съ выгодами казны, и въ третьихъ—съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ", то онъ и „не можетъ принять на себя составленіе требуемой смѣты, равно и изысканіе средствъ къ удобнѣйшему довольствованію студентовъ, на прежнемъ основаніи, казенною пищею и одеждою"; статья VII-ая доклада комитета имѣла въ виду, какъ это усматривается изъ точнаго смысла ея, не совершенную отмѣну нынѣ принятой системы, но только возможное „отвращеніе затрудненій и заботъ студентовъ, касательно хозяйственной ихъ жизни". Комитетъ указываетъ, тѣмъ не менѣе, совѣту мѣропріятія, какія онъ полагалъ бы желательными для достиженія этой послѣдней задачи:

„1) Казенные студенты всѣ безъ исключенія должны быть помѣщены въ смежныхъ комнатахъ, такъ, притомъ, чтобъ они имѣли подъ руками все необходимое для хозяйства, какъ то: погреба, чуланы, кухню и пр. Всѣ сіи удобства, въ совокупности, представляетъ домъ Спижарный, который, кажется, и могъ бы быть занятъ студентами.

2) Постановить, что бы студенты, всѣ безъ исключенія, имѣли столъ свой дома (т. е. въ университетѣ), соединяясь въ общества.

3) Постановить въ обязанность помощникамъ инспектора казенныхъ студентовъ имѣть столъ съ студентами общій.

4) Поручить инспектору казенныхъ студентовъ, вмѣстѣ съ помощниками его, имѣть надзоръ за самымъ ходомъ хозяйства студентовъ".

Хотя докладъ коммиссіи, вмѣстѣ съ только что отмѣченнымъ дополнительнымъ представленіемъ къ нему, и былъ снова вносимъ въ засѣданіе совѣта 6-го февраля, но все обсужденіе его въ этомъ послѣднемъ ограничилось постановленіемъ „оставить до слѣдующаго засѣданія", на чемъ дальнѣйшее движеніе этого весьма существеннаго вопроса и остановилось. Намѣреніе совѣта свалить весь центръ тяжести вопроса и всю отвѣтственность по немъ на молодой совѣтскій комитетъ—не удалось, отъ отвѣтственнаго же и самостоятельнаго обсужденія и рѣшенія этого сложнаго и щекотливаго вопроса совѣтское большинство почло за лучшее, повидимому, уклониться.

Если докладъ комитета въ совѣтѣ не привелъ ни къ какимъ результатамъ положительнаго характера, то за то онъ былъ поводомъ къ новому коллегіальному инциденту, возгорѣвшемуся на почвѣ сдѣланнаго проф. Арнгольдтомъ въ засѣданіи 26-го января словеснаго заявленія о томъ, что „правленіе, при помѣщеніи студентовъ по комнатамъ—х у д о распорядилось". Это заявленіе вызвало крайнее возбужденіе въ членахъ правленія, изъ числа которыхъ деканы Бартельсъ и Цеплинъ категорически потребовали занесенія его, какъ „опорочивающаго распоряженія правленія", въ протоколъ засѣданія. Слѣдомъ за тѣмъ вопросъ объ этомъ „опорочиваніи" сдѣлался достояніемъ правленія, которое рапортомъ „о укорительномъ на счетъ университетскаго правленія отзывѣ профессора Арнгольдта, въ собраніи совѣта произнесенномъ", и представило его (отъ 4-го февраля) на благоусмотрѣніе попечителя. Профессоръ Арнгольдтъ, съ своей стороны, не преминулъ подать въ совѣтъ объемистое объясненіе по этому поводу, одновременно (20-го февраля) препровожденное имъ также и къ попечителю: „Что служитъ къ худому—то неминуемо должно быть и само худо", категорически заявляетъ здѣсь проф. Арнгольдтъ, оправдывая сдѣланное имъ въ совѣтѣ заявленіе, а затѣмъ переходитъ къ доказательствамъ высказаннаго имъ мнѣнія. „Худымъ" представляется ему настоящее размѣщеніе студентовъ тѣмъ, что „они, будучи разсѣяны въ отдаленныхъ одна отъ другой комнатахъ и въ разныхъ университетскихъ корпусахъ, уклоняются отъ бдительнаго надзора начальства, имѣютъ случай производить въ комнатахъ разныя непозволительныя шалости и даже отлучаться по произволу во всякое время изъ университета", причемъ Арнгольдтъ иллюстрируетъ свои слова примѣромъ студента Сапожникова, который „въ продолженіи четырехъ недѣль обра-

4) Поручить инспектору казенныхъ студентовъ, вмѣстѣ съ помощниками его, имѣть надзоръ за самымъ ходомъ хозяйства студентовъ".

Хотя докладъ коммиссіи, вмѣстѣ съ только что отмѣченнымъ дополнительнымъ представленіемъ къ нему, и былъ снова вносимъ въ засѣданіе совѣта 6-го февраля, но все обсужденіе его въ этомъ послѣднемъ ограничилось постановленіемъ „оставить до слѣдующаго засѣданія", на чемъ дальнѣйшее движеніе этого весьма существеннаго вопроса и остановилось. Намѣреніе совѣта свалить весь центръ тяжести вопроса и всю отвѣтственность по немъ на молодой совѣтскій комитетъ—не удалось, отъ отвѣтственнаго же и самостоятельнаго обсужденія и рѣшенія этого сложнаго и щекотливаго вопроса совѣтское большинство почло за лучшее, повидимому, уклониться.

Если докладъ комитета въ совѣтѣ не привелъ ни къ какимъ результатамъ положительнаго характера, то за то онъ былъ поводомъ къ новому коллегіальному инциденту, возгорѣвшемуся на почвѣ сдѣланнаго проф. Арнгольдтомъ въ засѣданіи 26-го января словеснаго заявленія о томъ, что „правленіе, при помѣщеніи студентовъ по комнатамъ—худо распорядилось". Это заявленіе вызвало крайнее возбужденіе въ членахъ правленія, изъ числа которыхъ деканы Бартельсъ и Цеплинъ категорически потребовали занесенія его, какъ „опорочивающаго распоряженія правленія", въ протоколъ засѣданія. Слѣдомъ за тѣмъ вопросъ объ этомъ „опорочиваніи" сдѣлался достояніемъ правленія, которое рапортомъ „о укорительномъ на счетъ университетскаго правленія отзывѣ профессора Арнгольдта, въ собраніи совѣта произнесенномъ", и представило его (отъ 4-го февраля) на благоусмотрѣніе попечителя. Профессоръ Арнгольдтъ, съ своей стороны, не преминулъ подать въ совѣтъ объемистое объясненіе по этому поводу, одновременно (20-го февраля) препровожденное имъ также и къ попечителю: „Что служитъ къ худому—то неминуемо должно быть и само худо", категорически заявляетъ здѣсь проф. Арнгольдтъ, оправдывая сдѣланное имъ въ совѣтѣ заявленіе, а затѣмъ переходитъ къ доказательствамъ высказаннаго имъ мнѣнія. „Худымъ" представляется ему настоящее размѣщеніе студентовъ тѣмъ, что „они, будучи разсѣяны въ отдаленныхъ одна отъ другой комнатахъ и въ разныхъ университетскихъ корпусахъ, уклоняются отъ бдительнаго надзора начальства, имѣютъ случай производить въ комнатахъ разныя непозволительныя шалости и даже отлучаться по произволу во всякое время изъ университета", причемъ Арнгольдтъ иллюстрируетъ свои слова примѣромъ студента Сапожникова, который „въ продолженіи четырехъ недѣль обра-

щался въ пьянствѣ и неоднократно не ночевалъ въ квартирѣ своей", и ссылкою на то, что „своевольства и худая нравственность студентовъ наносятъ заведенію нареканіе и недовѣріе отъ публики". Арнгольдтъ оспариваетъ мнѣніе ректора и правленія относительно невозможности болѣе цѣлесообразнаго размѣщенія студентовъ тѣмъ соображеніемъ, что „всѣ студенты помѣщаются въ университетскихъ зданіяхъ, если же они могутъ помѣщаться здѣсь разсѣянно, то слѣдуетъ, что они могутъ здѣсь же помѣститься и въ смежности". Побѣда осталась въ этомъ конфликтѣ на сторонѣ профессора Арнгольдта, такъ какъ 12-го марта правленіемъ получено было отъ попечителя предложеніе „принять лучшее попеченіе о удобнѣйшемъ размѣщеніи студентовъ по комнатамъ", въ отвѣтъ на что ректоръ университета уже 12-го апрѣля доносилъ попечителю, что „всѣ студенты казеннаго содержанія съ удобностью помѣщены въ главномъ университетскомъ корпусѣ".

Всѣ измѣненія, произведенныя слѣдомъ за тѣмъ въ студенческомъ хозяйствѣ, свелись лишь къ тому, что казеннымъ студентамъ было запрещено довольствоваться столомъ внѣ университета и каждый изъ нихъ обязанъ былъ вносить изъ получаемаго имъ жалованья по десяти рублей въ мѣсяцъ на общій столъ. Матеріальное благосостояніе казенныхъ студентовъ оказывалось далеко не блестящимъ къ концу интересующей насъ эпохи существованія казанскаго университета, какъ это наглядно выясняется изъ слѣдующаго рапорта, представленнаго въ совѣтъ и. д. инспектора проф. Брейтенбахомъ 3-го декабря 1818 года, слѣдовательно уже почти наканунѣ ревизіи Магницкаго, и какъ бы суммирующаго въ себѣ итоги четырнадцатилѣтней дѣятельности университета по отношенію къ устройству быта казенныхъ студентовъ:

> „Обязанность повелѣваетъ мнѣ извѣстить почтеннѣйшій совѣтъ о нынѣшнемъ положеніи казеннокоштныхъ студентовъ,—заявляетъ здѣсь проф. Брейтенбахъ.
>
> Извѣстно, что каждый изъ оныхъ получаетъ для ежемѣсячнаго содержанія 20 рублей. Они имѣютъ общій столъ, каждый вноситъ на оный по 10 рублей, поэтому остается еще 10 рублей, изъ коихъ вычитается у нихъ ежемѣсячно по 4 р. 17 коп. за выданныя имъ на обмундировку сто рублей *. И такъ — всего остается только 5 рублей 83 копѣйки.

---

* Этотъ вычетъ имѣлъ свое основаніе въ томъ, что 9-го февраля 1818 года состоялось распоряженіе «о выдачѣ трехъ тысячъ рублей казеннокоштнымъ студентамъ на сдѣланіе мундировъ, съ вычетомъ въ теченіи двухъ лѣтъ» (см. въ архивѣ университета «Книгу поведенія студентовъ», стр. 92).

щался въ пьянствѣ и неоднократно не ночевалъ въ квартирѣ своей", и ссылкою на то, что „своевольства и худая нравственность студентовъ наносятъ заведенію нареканіе и недовѣріе отъ публики". Арнгольдтъ оспариваетъ мнѣніе ректора и правленія относительно невозможности болѣе цѣлесообразнаго размѣщенія студентовъ тѣмъ соображеніемъ, что „всѣ студенты помѣщаются въ университетскихъ зданіяхъ, если же они могутъ помѣщаться здѣсь разсѣянно, то слѣдуетъ, что они могутъ здѣсь же помѣститься и въ смежности". Побѣда осталась въ этомъ конфликтѣ на сторонѣ профессора Арнгольдта, такъ какъ 12-го марта правленіемъ получено было отъ попечителя предложеніе „принять лучшее попеченіе о удобнѣйшемъ размѣщеніи студентовъ по комнатамъ", въ отвѣтъ на что ректоръ университета уже 12-го апрѣля доносилъ попечителю, что „всѣ студенты казеннаго содержанія съ удобностью помѣщены въ главномъ университетскомъ корпусѣ".

Всѣ измѣненія, произведенныя слѣдомъ за тѣмъ въ студенческомъ хозяйствѣ, свелись лишь къ тому, что казеннымъ студентамъ было запрещено довольствоваться столомъ внѣ университета и каждый изъ нихъ обязанъ былъ вносить изъ получаемаго имъ жалованья по десяти рублей въ мѣсяцъ на общій столъ. Матеріальное благосостояніе казенныхъ студентовъ оказывалось далеко не блестящимъ къ концу интересующей насъ эпохи существованія казанскаго университета, какъ это наглядно выясняется изъ слѣдующаго рапорта, представленнаго въ совѣтъ и. д. инспектора проф. Брейтенбахомъ 3-го декабря 1818 года, слѣдовательно уже почти наканунѣ ревизіи Магницкаго, и какъ бы суммирующаго въ себѣ итоги четырнадцатилѣтней дѣятельности университета по отношенію къ устройству быта казенныхъ студентовъ:

„Обязанность повелѣваетъ мнѣ извѣстить почтеннѣйшій совѣтъ о нынѣшнемъ положеніи казеннокоштныхъ студентовъ,—заявляетъ здѣсь проф. Брейтенбахъ.

Извѣстно, что каждый изъ оныхъ получаетъ для ежемѣсячнаго содержанія 20 рублей. Они имѣютъ общій столъ, каждый вноситъ на оный по 10 рублей, поэтому остается еще 10 рублей, изъ коихъ вычитается у нихъ ежемѣсячно по 4 р. 17 коп. за выданныя имъ на обмундировку сто рублей *. И такъ — всего остается только 5 рублей 83 копѣйки.

* Этотъ вычетъ имѣлъ свое основаніе въ томъ, что 9-го февраля 1818 года состоялось распоряженіе «о выдачѣ трехъ тысячъ рублей казеннокоштнымъ студентамъ на сдѣланіе мундировъ, съ вычетомъ въ теченіи двухъ лѣтъ» (см. въ архивѣ университета «Книгу поведенія студентовъ», стр. 92).

Полагая, теперь, на завтракъ, по крайней мѣрѣ—1 р. 50 коп., за мытье и починку бѣлья—2 р. 50 коп., на перья, чернила и бумагу—1 р. въ мѣсяцъ, то имъ уже ничего почти не остается на покупку новаго бѣлья, платья и еще нѣкоторыхъ другихъ, совершенно необходимыхъ, потребностей.

Сіе весьма бѣдственное положеніе имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ жалобы, ко мнѣ поступающія отъ сапожниковъ, портныхъ и прачекъ о неплатежѣ имъ должнаго.

Принимая въ разсужденіе, что люди сіи за сіе весьма недостаточное содержаніе посвящаютъ себя состоянію весьма скудному и что они обязываются службою на шесть лѣтъ въ ученомъ званіи, то, я думаю, что справедливость требуетъ доставить имъ лучшее содержаніе.

Наконецъ, осмѣливаюсь просить почтеннѣйшій совѣтъ о представленіи сего положенія казеннокоштныхъ студентовъ человѣколюбивому нашему министру, его сіятельству князю Голицину, и просить его о прибавкѣ къ ежегодному ихъ содержанію по 100 рублей изъ экономической суммы, а для поправленія нынѣшнихъ весьма худыхъ ихъ обстоятельствъ выдать каждому единовременно по 50 рублей".

Заслушавъ инспекторскій рапортъ въ засѣданіи того же 3-го декабря, совѣтъ постановилъ, „во уваженіе возвысившейся на содержаніе дороговизны", представить ходатайство Брейтенбаха на благоусмотрѣніе министра, но моментъ былъ для предъявленія этого ходатайства совершенно неблагопріятенъ, такъ какъ, ко времени полученія этого ходатайства, въ министерскихъ сферахъ уже была предрѣшена ревизія Магницкимъ казанскаго университета и, слѣдовательно, о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ въ распорядкѣ внутренней жизни его не могло быть теперь и рѣчи.

Оказавшаяся вполнѣ несостоятельною денежная система довольствованія казенныхъ студентовъ протянула, съ грѣхомъ пополамъ, свое существованіе до осени 1819 года, когда она была окончательно отмѣнена слѣдующимъ предложеніемъ вновь назначеннаго попечителемъ М. Л. Магницкаго, отъ 16-го октября этого года:

„По распоряженію бывшаго г. министра народнаго просвѣщенія, деньги, назначенныя по штату на содержаніе студентовъ казанскаго университета, раздаются имъ въ видѣ жалованья и они сами, распоряжая и занимаясь своимъ хозяйствомъ, отвлекаются отъ своихъ занятій попеченіями, несовмѣстными ихъ лѣтамъ, и могутъ дѣлать разныя вредныя употребленія изъ ввѣренныхъ имъ денегъ. Найдя сіе весьма вреднымъ для добраго воспитанія, я испрашивалъ приказанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ сего

Полагая, теперь, на завтракъ, по крайней мѣрѣ—1 р. 50 коп., за мытье и починку бѣлья—2 р. 50 коп., на перья, чернила и бумагу—1 р. въ мѣсяцъ, то имъ уже ничего почти не остается на покупку новаго бѣлья, платья и еще нѣкоторыхъ другихъ, совершенно необходимыхъ, потребностей.

Сіе весьма бѣдственное положеніе имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ жалобы, ко мнѣ поступающія отъ сапожниковъ, портныхъ и прачекъ о неплатежѣ имъ должнаго.

Принимая въ разсужденіе, что люди сіи за сіе весьма недостаточное содержаніе посвящаютъ себя состоянію весьма скудному и что они обязываются службою на шесть лѣтъ въ ученомъ званіи, то, я думаю, что справедливость требуетъ доставить имъ лучшее содержаніе.

Наконецъ, осмѣливаюсь просить почтеннѣйшій совѣтъ о представленіи сего положенія казеннокоштныхъ студентовъ человѣколюбивому нашему министру, его сіятельству князю Голицину, и просить его о прибавкѣ къ ежегодному ихъ содержанію по 100 рублей изъ экономической суммы, а для поправленія нынѣшнихъ весьма худыхъ ихъ обстоятельствъ выдать каждому единовременно по 50 рублей".

Заслушавъ инспекторскій рапортъ въ засѣданіи того же 3-го декабря, совѣтъ постановилъ, „во уваженіе возвысившейся на содержаніе дороговизны", представить ходатайство Брейтенбаха на благоусмотрѣніе министра, но моментъ былъ для предъявленія этого ходатайства совершенно неблагопріятенъ, такъ какъ, ко времени полученія этого ходатайства, въ министерскихъ сферахъ уже была предрѣшена ревизія Магницкимъ казанскаго университета и, слѣдовательно, о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ въ распорядкѣ внутренней жизни его не могло быть теперь и рѣчи.

Оказавшаяся вполнѣ несостоятельною денежная система довольствованія казенныхъ студентовъ протянула, съ грѣхомъ пополамъ, свое существованіе до осени 1819 года, когда она была окончательно отмѣнена слѣдующимъ предложеніемъ вновь назначеннаго попечителемъ М. Л. Магницкаго, отъ 16-го октября этого года:

„По распоряженію бывшаго г. министра народнаго просвѣщенія, деньги, назначенныя по штату на содержаніе студентовъ казанскаго университета, раздаются имъ въ видѣ жалованья и они сами, распоряжая и занимаясь своимъ хозяйствомъ, отвлекаются отъ своихъ занятій попеченіями, несовмѣстными ихъ лѣтамъ, и могутъ дѣлать разныя вредныя употребленія изъ ввѣренныхъ имъ денегъ. Найдя сіе весьма вреднымъ для добраго воспитанія, я испрашивалъ приказанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ сего

распоряженія и объ обращеніи студентовъ на казенное содержаніе, на что и получилъ разрѣшеніе".

Такъ окончилась эта неудачная попытка казанскаго университета предоставить казеннымъ студентамъ самостоятельность въ дѣлѣ устройства своего внутренняго, хозяйственнаго, быта [223].

До сихъ поръ мы говорили объ основной группѣ студентовъ—о студентахъ казенныхъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію других категорій студентовъ, о которыхъ въ университетскомъ уставѣ 1804 года ничего не говорится и которыя были созданы самою жизнью, на почвѣ уже отмѣченной нами сжатости и неопредѣленности устава въ вопросѣ объ опредѣленіи положенія учащихся. Кромѣ студентовъ „своекоштныхъ" и „пансіонеровъ", источники начальной поры существованія казанскаго университета говорятъ еще о студентахъ „предварительныхъ и полныхъ", о „назначенныхъ въ студенты" и „студентахъ дѣйствительныхъ", студентахъ „старшихъ и младшихъ", о студентахъ „на жалованьи" и, наконецъ, о „свободныхъ слушателяхъ".

Мы уже познакомились съ различіемъ, которое соединялось съ противопоставленіемъ понятій „студентовъ" и „слушателей": къ первымъ относились сыновья родителей привиллегированныхъ классовъ, ко вторымъ—сыновья родителей податныхъ состояній. Этимъ различіемъ имѣлась въ виду вполнѣ симпатичная цѣль привлечь къ университетскому образованію и юношей этого послѣдняго, неполноправнаго въ общественномъ отношеніи, состоянія, какъ это усматривается изъ постановленія совѣта университета отъ 4-го ноября 1811 года: „Такимъ образомъ, въ отдѣленіи младшихъ студентовъ (иначе—слушателей) могутъ находиться и изъ купеческаго и другаго званія, поелику они не будутъ дѣйствительные студенты, а слѣдовательно и имѣть правъ, онымъ присвоенныхъ; университетъ же чрезъ то пріобрѣтетъ бóльшее число слушателей и тѣмъ принести можетъ бóльшую пользу для народнаго просвѣщенія".

Но различіе студентовъ по категоріямъ, кромѣ соображеній сословныхъ, зиждилось еще и на соображеніяхъ чисто педагогическихъ, какъ это усматривается изъ того же, только что цитированнаго нами, совѣтскаго постановленія. На этой почвѣ уже съ самаго основанія университета создалось разграниченіе молодыхъ людей „назначенныхъ въ студенты" (они же „предварительные" и „слушатели") отъ студентовъ „дѣйствительныхъ" (они же „полные"). Подъ первыми разумѣлись воспитанники гимназіи, допущенные къ слушанію „пріуготовительныхъ" университетскихъ

распоряженія и объ обращеніи студентовъ на казенное содержаніе, на что и получилъ разрѣшеніе".

Такъ окончилась эта неудачная попытка казанскаго университета предоставить казеннымъ студентамъ самостоятельность въ дѣлѣ устройства своего внутренняго, хозяйственнаго, быта [223].

До сихъ поръ мы говорили объ основной группѣ студентовъ—о студентахъ казенныхъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ категорій студентовъ, о которыхъ въ университетскомъ уставѣ 1804 года ничего не говорится и которыя были созданы самою жизнью, на почвѣ уже отмѣченной нами сжатости и неопредѣленности устава въ вопросѣ объ опредѣленіи положенія учащихся. Кромѣ студентовъ „своекоштныхъ" и „пансіонеровъ", источники начальной поры существованія казанскаго университета говорятъ еще о студентахъ „предварительныхъ и полныхъ", о „назначенныхъ въ студенты" и „студентахъ дѣйствительныхъ", студентахъ „старшихъ и младшихъ", о студентахъ „на жалованьи" и, наконецъ, о „свободныхъ слушателяхъ".

Мы уже познакомились съ различіемъ, которое соединялось съ противопоставленіемъ понятій „студентовъ" и „слушателей": къ первымъ относились сыновья родителей привиллегированныхъ классовъ, ко вторымъ—сыновья родителей податныхъ состояній. Этимъ различіемъ имѣлась въ виду вполнѣ симпатичная цѣль привлечь къ университетскому образованію и юношей этого послѣдняго, неполноправнаго въ общественномъ отношеніи, состоянія, какъ это усматривается изъ постановленія совѣта университета отъ 4-го ноября 1811 года: „Такимъ образомъ, въ отдѣленіи младшихъ студентовъ (иначе—слушателей) могутъ находиться и изъ купеческаго и другаго званія, поелику они не будутъ дѣйствительные студенты, а слѣдовательно и имѣть правъ, онымъ присвоенныхъ; университетъ же чрезъ то пріобрѣтетъ бо́льшее число слушателей и тѣмъ принести можетъ бо́льшую пользу для народнаго просвѣщенія".

Но различіе студентовъ по категоріямъ, кромѣ соображеній сословныхъ, зиждилось еще и на соображеніяхъ чисто педагогическихъ, какъ это усматривается изъ того же, только что цитированнаго нами, совѣтскаго постановленія. На этой почвѣ уже съ самаго основанія университета создалось разграниченіе молодыхъ людей „назначенныхъ въ студенты" (они же „предварительные" и „слушатели") отъ студентовъ „дѣйствительныхъ" (они же „полные"). Подъ первыми разумѣлись воспитанники гимназіи, допущенные къ слушанію „пріуготовительныхъ" университетскихъ

курсовъ; подъ вторыми—слушатели, прослушавшіе эти послѣдніе курсы и приступившіе уже къ слушанію курсовъ спеціальныхъ. Отличительною особенностью слушателей второй категоріи являлось право носить шпаги, которое не предоставлялось слушателямъ первой категоріи. Вотъ что говоритъ объ этомъ различии подлинное постановленіе совѣта отъ 4-го октября 1811 года:

„Разсужденіе было,—читаемъ въ протоколѣ этого засѣданія,—о званіи действительнаго студента и назначеннаго въ студенты.

Всѣ поступающіе изъ гимназій и другихъ мѣстъ, окончивши преподаваемые въ гимназіяхъ курсы, по смыслу устава университета слѣдуютъ быть названы студентами; права же студента присвояются при выпускѣ только окончившему пріуготовительный и другой, особенный (т. е. спеціальный), курсы наукъ. Но какъ не всѣ студенты, судя по времени вступленія ихъ въ университетъ и по пріобрѣтеннымъ отъ слушанія преподаваній познаніямъ, будутъ одинаковы успѣхами въ послѣднихъ, то и не всѣ одинаково могутъ быть принимаемы, при случаѣ отличій, въ разсужденіе: весьма бы несправедливо было сравнивать только вновь поступившаго съ пребывающимъ въ университетѣ около трехъ или четырехъ лѣтъ, успѣвшаго и успѣвающаго.....

Доселѣ различіе сіе состояло въ томъ, что переходящіе изъ гимназіи въ университетъ, наравнѣ съ прочими слушая лекціи, а казенные пользуясь и студентскимъ содержаніемъ, не могли, однакожъ, носить шпаги и назывались назначенными въ студенты. Употребленіе таковое требуетъ законнаго на будущее время постановленія".

И вотъ, въ стремленіи „законнымъ постановленіемъ" обосновать указанное выше различіе между учащимися въ университетѣ, совѣтъ приходитъ къ слѣдующему заключенію:

„Поелику слово назначенный въ студенты не опредѣляетъ точно, къ какому состоянію оный принадлежитъ,—къ студентамъ или ученикамъ,—а по смыслу устава всѣ поступившіе въ университетъ должны именоваться студентами, то, дабы съ одной стороны—сдѣлать отличіе старшимъ студентамъ, а съ другой—не отойти отъ опредѣленнаго закономъ, приличнѣе бы было называть таковыхъ младшими студентами; они, переходя въ университетъ, будутъ получать шпаги по окончаніи съ успѣхомъ курса хотя нѣкоторыхъ пріуготовительныхъ наукъ, при добропорядочномъ поведеніи, получивъ же шпаги будутъ называться либо действительными, либо старшими студентами, либо просто студентами и пользоваться при выпускѣ предоставленными студенту правами".

курсовъ; подъ вторыми—слушатели, прослушавшіе эти послѣдніе курсы и приступившіе уже къ слушанію курсовъ спеціальныхъ. Отличительною особенностью слушателей второй категоріи являлось право носить шпаги, которое не предоставлялось слушателямъ первой категоріи. Вотъ что говоритъ объ этомъ различии подлинное постановленіе совѣта отъ 4-го октября 1811 года:

„Разсужденіе было,—читаемъ въ протоколѣ этого засѣданія,—о званіи дѣйствительнаго студента и назначеннаго въ студенты.

Всѣ поступающіе изъ гимназій и другихъ мѣстъ, окончивши преподаваемые въ гимназіяхъ курсы, по смыслу устава университета слѣдуютъ быть названы студентами; права же студента присвояются при выпускѣ только окончившему пріуготовительный и другой, особенный (т. е. спеціальный), курсы наукъ. Но какъ не всѣ студенты, судя по времени вступленія ихъ въ университетъ и по пріобрѣтеннымъ отъ слушанія преподаваній познаніямъ, будутъ одинаковы успѣхами въ послѣднихъ, то и не всѣ одинаково могутъ быть принимаемы, при случаѣ отличій, въ разсужденіе: весьма бы несправедливо было сравнивать только вновь поступившаго съ пребывающимъ въ университетѣ около трехъ или четырехъ лѣтъ, успѣвшаго и успѣвающаго.....

Доселѣ различіе сіе состояло въ томъ, что переходящіе изъ гимназіи въ университетъ, наравнѣ съ прочими слушая лекціи, а казенные пользуясь и студентскимъ содержаніемъ, не могли, однакожъ, носить шпаги и назывались назначенными въ студенты. Употребленіе таковое требуетъ законнаго на будущее время постановленія".

И вотъ, въ стремленіи „законнымъ постановленіемъ" обосновать указанное выше различіе между учащимися въ университетѣ, совѣтъ приходитъ къ слѣдующему заключенію:

„Поелику слово назначенный въ студенты не опредѣляетъ точно, къ какому состоянію оный принадлежитъ,—къ студентамъ или ученикамъ,—а по смыслу устава всѣ поступившіе въ университетъ должны именоваться студентами, то, дабы съ одной стороны—сдѣлать отличіе старшимъ студентамъ, а съ другой—не отойти отъ опредѣленнаго закономъ, приличнѣе бы было называть таковыхъ младшими студентами; они, переходя въ университетъ, будутъ получать шпаги по окончаніи съ успѣхомъ курса хотя нѣкоторыхъ пріуготовительныхъ наукъ, при добропорядочномъ поведеніи, получивъ же шпаги будутъ называться либо дѣйствительными, либо старшими студентами, либо просто студентами и пользоваться при выпускѣ предоставленными студенту правами".

Такимъ путемъ было уже формально установлено совѣтомъ различіе студентовъ младшихъ и студентовъ дѣйствительныхъ, старшихъ или студентовъ въ собственномъ значеніи этого слова,—различіе, слѣдомъ за тѣмъ (2-го ноября) утвержденное и попечителемъ округа [224].

Студентами на жалованьи (иначе—„кандидатами на учителей") назывались студенты, предназначенные къ занятію должностей учителей въ гимназіяхъ и получавшіе отъ казны по пяти рублей въ мѣсяцъ на книги и другія учебныя пособія.

Что касается наименованія—вольный слушатель, то университетскій строй не зналъ его до 1814 года, когда онъ впервые встрѣчается въ актахъ, но въ значеніи отличномъ отъ того смысла, какой придавался ему впослѣдствіе, именно въ значеніи учащагося университета, не принадлежащаго къ привиллегированному состоянію (или просто „слушателя"). Это видно изъ слѣдующаго министерскаго распоряженія, сообщеннаго попечителю округа отъ 16-го марта 1814 года:

„Нерѣдко случается,—предлагалъ министръ,—что въ числѣ слушающихъ профессорскія въ университетѣ лекціи находятся молодые люди изъ состояній, въ окладѣ положенныхъ. Я прошу ваше превосходительство предложить университету, дабы не именовали ихъ студентами, ибо легко случиться можетъ, что таковые, не окончивъ еще ученія будучи уволены изъ университета съ наименованіемъ въ аттестатахъ студентами, будутъ искать и переименованія ихъ въ чины, студентамъ присвоенные, и, получивъ оные, сдѣлаются свободными отъ окладовъ и тогда происшедшее въ семъ случаѣ недоразумѣніе будетъ падать на счетъ университета. Для избѣжанія сего, лучше называть таковыхъ вольными слушателями. Когда же они окончатъ полный курсъ ученія въ университетѣ и пожелаютъ посвятить себя ученому званію или же военной и гражданской службѣ, въ таковомъ случаѣ, для исключенія ихъ изъ оклада, поступить на основаніи высочайшаго указа, въ 10-ый день ноября 1811 года о таковыхъ состоявшагося".

Очень рано встрѣчаются въ академической практикѣ казанскаго университета и примѣры вольныхъ слушателей уже въ современномъ намъ значеніи этого термина, хотя эпитетъ „вольный"—къ нимъ еще не примѣнялся, имѣя, какъ мы это сейчасъ видѣли, совершенно другой смыслъ. Двое такихъ вольныхъ слушателей (допускаемъ это наименованіе въ качествѣ неологизма) имѣлись въ университетѣ уже въ 1807—1808 учебномъ году—то были: сынъ казанскаго губернатора Б. А. Мансурова, шестнадца-

Такимъ путемъ было уже формально установлено совѣтомъ различіе студентовъ младшихъ и студентовъ дѣйствительныхъ, старшихъ или студентовъ въ собственномъ значеніи этого слова,— различіе, слѣдомъ за тѣмъ (2-го ноября) утвержденное и попечителемъ округа [224].

Студентами на жалованьи (иначе—„кандидатами на учителей") назывались студенты, предназначенные къ занятію должностей учителей въ гимназіяхъ и получавшіе отъ казны по пяти рублей въ мѣсяцъ на книги и другія учебныя пособія.

Что касается наименованія—вольный слушатель, то университетскій строй не зналъ его до 1814 года, когда онъ впервые встрѣчается въ актахъ, но въ значеніи отличномъ отъ того смысла, какой придавался ему впослѣдствіе, именно въ значеніи учащагося университета, не принадлежащаго къ привиллегированному состоянію (или просто „слушателя"). Это видно изъ слѣдующаго министерскаго распоряженія, сообщеннаго попечителю округа отъ 16-го марта 1814 года:

„Нерѣдко случается,—предлагалъ министръ,—что въ числѣ слушающихъ профессорскія въ университетѣ лекціи находятся молодые люди изъ состояній, въ окладѣ положенныхъ. Я прошу ваше превосходительство предложить университету, дабы не именовали ихъ студентами, ибо легко случиться можетъ, что таковые, не окончивъ еще ученія будучи уволены изъ университета съ наименованіемъ въ аттестатахъ студентами, будутъ искать и переименованія ихъ въ чины, студентамъ присвоенные, и, получивъ оные, сдѣлаются свободными отъ окладовъ и тогда происшедшее въ семъ случаѣ недоразумѣніе будетъ падать на счетъ университета. Для избѣжанія сего, лучше называть таковыхъ вольными слушателями. Когда же они окончатъ полный курсъ ученія въ университетѣ и пожелаютъ посвятить себя ученому званію или же военной и гражданской службѣ, въ таковомъ случаѣ, для исключенія ихъ изъ оклада, поступить на основаніи высочайшаго указа, въ 10-ый день ноября 1811 года о таковыхъ состоявшагося".

Очень рано встрѣчаются въ академической практикѣ казанскаго университета и примѣры вольныхъ слушателей уже въ современномъ намъ значеніи этого термина, хотя эпитетъ „вольный"—къ нимъ еще не примѣнялся, имѣя, какъ мы это сейчасъ видѣли, совершенно другой смыслъ. Двое такихъ вольныхъ слушателей (допускаемъ это наименованіе въ качествѣ неологизма) имѣлись въ университетѣ уже въ 1807—1808 учебномъ году—то были: сынъ казанскаго губернатора Б. А. Мансурова, шестнадца-

тилѣтній пажъ Дмитрій Мансуровъ, и сынъ иностранца, содержателя частнаго пансіона въ Казани, Іосифъ Потто. До насъ сохранились подлинные документы, касающіеся допущенія къ слушанію университетскихъ лекцій перваго изъ этихъ юношей. 28-го августа 1807 года адъюнктъ физики Запольскій обратился въ совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ заявлялъ, что „г. дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Мансуровъ просилъ преподать шестнадцатилѣтнему сыну его, двора его императорскаго величества пажу Дмитрію Мансурову, наставленія въ физикѣ"; „а какъ я не нахожу къ тому другого средства,—добавляетъ Запольскій,—кромѣ, что бы онъ посѣщалъ мой классъ, притомъ же желаетъ оный тожъ, будучи довольно свѣдущъ въ французскомъ языкѣ, слушать и натуральную исторію, а можетъ быть, по времени, обучаться и россійскому краснорѣчію—потому и прошу совѣтъ, не соблаговолено ли будетъ означенному пажу позволить посѣщать классы означенныхъ наукъ въ университетѣ". Совѣтъ постановилъ „допустить означеннаго пажа Мансурова къ слушанію профессорскихъ и адъюнктскихъ лекцій, къ какимъ онъ будетъ способенъ".

Въ 1808—1809 учебномъ году такимъ же вольнымъ слушателемъ числился нѣкій Иванъ Крузъ, а въ февралѣ 1810 года былъ допущенъ къ слушанію университетскихъ лекцій Александръ фонъ-Веймарнъ, о чемъ имѣется въ инспекторскомъ журналѣ того времени слѣдующая отмѣтка: „16-го февраля опредѣлено допустить къ слушанію университетскихъ лекцій родственника г. гражданскаго губернатора (вятскаго) Братке, коллежскаго регистратора Веймарна".

Подъ 1816 годомъ въ томъ же инспекторскомъ журналѣ могутъ быть указаны аналогичныя отмѣтки:

> „26 мая.—Прибывшему къ намъ изъ пермской гимназіи мѣщанскому сыну Ивану Толстыхъ правленіе университета временно разрѣшило посѣщать лекціи. То же разрѣшено и прибывшему сюда изъ пермской же гимназіи сыну коллежскаго ассессора Өеодору Викулову".
>
> 2 іюня.—По распоряженію правленія университета, сынъ коллежскаго ассессора Өеодоръ Отсолигъ, прибывшій изъ олонецкой гимназіи, временно допущенъ къ слушанію лекцій" и т. п.

Въ 1817 году мы встрѣчаемся и съ выраженіемъ „свободный" или „вольный" слушатель, въ слѣдующей инспекторской записи: „10-го августа—къ свободнымъ слушателямъ причисляется (adscribitur voluntariis auditoribus) Алексѣй Ермолаевъ".

Встрѣчались въ общихъ спискахъ учащихся и совершенно случайные слушатели университета. Такъ, въ 1812—1813 учебномъ

тилѣтній пажъ Дмитрій Мансуровъ, и сынъ иностранца, содержателя частнаго пансіона въ Казани, Іосифъ Потто. До насъ сохранились подлинные документы, касающіеся допущенія къ слушанію университетскихъ лекцій перваго изъ этихъ юношей. 28-го августа 1807 года адъюнктъ физики Запольскій обратился въ совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ заявлялъ, что „г. дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Мансуровъ просилъ преподать шестнадцатилѣтнему сыну его, двора его императорскаго величества пажу Дмитрію Мансурову, наставленія въ физикѣ"; „а какъ я не нахожу къ тому другого средства,—добавляетъ Запольскій,—кромѣ, что бы онъ посѣщалъ мой классъ, притомъ же желаетъ оный тожъ, будучи довольно свѣдущъ въ французскомъ языкѣ, слушать и натуральную исторію, а можетъ быть, по времени, обучаться и россійскому краснорѣчію—потому и прошу совѣтъ, не соблаговолено ли будетъ означенному пажу позволить посѣщать классы означенныхъ наукъ въ университетѣ". Совѣтъ постановилъ „допустить означеннаго пажа Мансурова къ слушанію профессорскихъ и адъюнктскихъ лекцій, къ какимъ онъ будетъ способенъ".

Въ 1808—1809 учебномъ году такимъ же вольнымъ слушателемъ числился нѣкій Иванъ Крузъ, а въ февралѣ 1810 года былъ допущенъ къ слушанію университетскихъ лекцій Александръ фонъ-Веймарнъ, о чемъ имѣется въ инспекторскомъ журналѣ того времени слѣдующая отмѣтка: „16-го февраля опредѣлено допустить къ слушанію университетскихъ лекцій родственника г. гражданскаго губернатора (вятскаго) Братке, коллежскаго регистратора Веймарна".

Подъ 1816 годомъ въ томъ же инспекторскомъ журналѣ могутъ быть указаны аналогичныя отмѣтки:

„26 мая.—Прибывшему къ намъ изъ пермской гимназіи мѣщанскому сыну Ивану Толстыхъ правленіе университета временно разрѣшило посѣщать лекціи. То же разрѣшено и прибывшему сюда изъ пермской же гимназіи сыну коллежскаго ассессора Ѳеодору Викулову".

2 іюня.—По распоряженію правленія университета, сынъ коллежскаго ассессора Ѳеодоръ Отсолигъ, прибывшій изъ олонецкой гимназіи, временно допущенъ къ слушанію лекцій" и т. п.

Въ 1817 году мы встрѣчаемся и съ выраженіемъ „свободный" или „вольный" слушатель, въ слѣдующей инспекторской записи: „10-го августа—къ свободнымъ слушателямъ причисляется (adscribitur voluntariis auditoribus) Алексѣй Ермолаевъ".

Встрѣчались въ общихъ спискахъ учащихся и совершенно случайные слушатели университета. Такъ, въ 1812—1813 учебномъ

году допущены были къ временному слушанію медицинскихъ лекцій въ казанскомъ университетѣ, въ количествѣ 21-го человѣка, студенты-медики московскаго университета изъ воспитанниковъ московскаго воспитательнаго дома, прибывшіе въ Казань, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, въ виду нашествія на Москву французовъ. Въ весенній семестръ 1816—1817 учебнаго года допущены были къ слушанію университетскихъ лекцій, по отдѣльнымъ предметамъ, 82 студента казанской духовной академіи *. Наконецъ, къ случайнымъ слушателямъ университета могутъ быть причислены и лица, пользовавшіяся „публичными чтеніями для чиновниковъ, обязанныхъ службою", открытыми при университетѣ, какъ мы это уже знаемъ **, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 6-го августа 1809 года [225].

Не обиленъ былъ уставъ 5-го ноября 1804 года опредѣленіями, направленными къ регламентаціи учебной жизни воспитанниковъ университета, тѣмъ самымъ открывая и въ этой сферѣ академической жизни широкій просторъ личному усмотрѣнію, а слѣдовательно—и случайности, что представляется особенно справедливымъ по отношенію къ первоначальной порѣ жизни университета, до полнаго открытія его на точныхъ основаніяхъ высочайше утвержденнаго для него устава. Неопредѣленность и полная случайность, господствовавшія въ первыя четырнадцать лѣтъ жизни университета въ дѣлѣ организаціи преподаваній и даже въ порядкѣ и постепенности прохожденія курсовъ наукъ, уже въ достаточной степени извѣстны намъ и мы считаемъ излишнимъ снова возвращаться къ этому вопросу, не перестававшему озабочивать собою и попечительскую власть, и совѣтъ университета, и его отдѣльныхъ преподавателей, и послужившему поводомъ къ составленію проф. Броннеромъ его „нормальнаго плана распредѣленія университетскихъ преподаваній" (1812 годъ) ***.

Совершенная неопредѣленность сказывалась, на первыхъ порахъ, и въ вопросахъ о времени пріема въ университетъ студентовъ и о продолжительности прохожденія ими курса. Студенты принимались въ университетъ въ теченіи всего года и проходили курсы въ сроки самые разнообразные, начиная отъ одного года и кончая семью и даже восемью годами— въ зависимости отъ своихъ успѣховъ и, еще болѣе, въ зависимости отъ

---

* См. выше стр. 179—180.
** См. выше стр. 361 и слѣд.
*** См. томъ I, стр. 424—428.

году допущены были къ временному слушанію медицинскихъ лекцій въ казанскомъ университетѣ, въ количествѣ 21-го человѣка, студенты-медики московскаго университета изъ воспитанниковъ московскаго воспитательнаго дома, прибывшіе въ Казань, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, въ виду нашествія на Москву французовъ. Въ весенній семестръ 1816—1817 учебнаго года допущены были къ слушанію университетскихъ лекцій, по отдѣльнымъ предметамъ, 82 студента казанской духовной академіи *. Наконецъ, къ случайнымъ слушателямъ университета могутъ быть причислены и лица, пользовавшіяся „публичными чтеніями для чиновниковъ, обязанныхъ службою", открытыми при университетѣ, какъ мы это уже знаемъ**, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 6-го августа 1809 года [225].

Не обиленъ былъ уставъ 5-го ноября 1804 года опредѣленіями, направленными къ регламентаціи учебной жизни воспитанниковъ университета, тѣмъ самымъ открывая и въ этой сферѣ академической жизни широкій просторъ личному усмотрѣнію, а слѣдовательно—и случайности, что представляется особенно справедливымъ по отношенію къ первоначальной порѣ жизни университета, до полнаго открытія его на точныхъ основаніяхъ высочайше утвержденнаго для него устава. Неопредѣленность и полная случайность, господствовавшія въ первыя четырнадцать лѣтъ жизни университета въ дѣлѣ организаціи преподаваній и даже въ порядкѣ и постепенности прохожденія курсовъ наукъ, уже въ достаточной степени извѣстны намъ и мы считаемъ излишнимъ снова возвращаться къ этому вопросу, не перестававшему озабочивать собою и попечительскую власть, и совѣтъ университета, и его отдѣльныхъ преподавателей, и послужившему поводомъ къ составленію проф. Броннеромъ его „нормальнаго плана распредѣленія университетскихъ преподаваній" (1812 годъ) ***.

Совершенная неопредѣленность сказывалась, на первыхъ порахъ, и въ вопросахъ о времени пріема въ университетъ студентовъ и о продолжительности прохожденія ими курса. Студенты принимались въ университетъ въ теченіи всего года и проходили курсы въ сроки самые разнообразные, начиная отъ одного года и кончая семью и даже восемью годами—въ зависимости отъ своихъ успѣховъ и, еще болѣе, въ зависимости отъ

* См. выше стр. 179—180.

** См. выше стр. 361 и слѣд.

*** См. томъ I, стр. 424—428.

усмотрѣнія ближайшаго начальства. Только слѣдомъ за полнымъ открытіемъ въ 1814 году университета, съ правильнымъ раздѣленіемъ учащихся по отдѣленіямъ (факультетамъ) и курсамъ, исчезаетъ прежняя неопредѣленность въ этихъ отношеніяхъ. Продолжительность курса опредѣлена въ три года для всѣхъ отдѣленій, исключая врачебнаго, на которомъ она принята въ четыре года, время же пріема студентовъ въ университетъ ограничено началомъ учебнаго года, что было установлено въ силу предложенія министра отъ 11-го октября 1815 года, въ которомъ графъ Разумовскій, ссылаясь на то, что, по доходящимъ до него свѣдѣніямъ—„въ университетъ студенты принимаются во всякое время, отъ чего происходитъ, что вступившіе въ продолженіи уже учебнаго курса, не слушавъ начала онаго, не могутъ пріобрѣсти для себя той пользы, какую имѣли бы они, проходя ученіе съ начала курса, да и въ самомъ преподаваніи лекцій происходитъ отъ того затрудненіе“, предписываетъ, что бы на будущее время „желающихъ слушать университетскія лекціи не помѣщать въ студенты иначе, какъ при самомъ началѣ учебнаго курса“. Принятіе въ студенты сопровождалось, по крайней мѣрѣ въ самомъ концѣ интересующей насъ эпохи, особою обрядностью подачи ректоромъ руки вновь принимаемымъ въ университетъ; по словамъ казанской университетской газеты того времени, ректоръ, преподавъ вновь принятымъ студентамъ „приличныя наставленія, вмѣсто присяги подавая имъ руку, обязывалъ ихъ торжественно исполнять въ точности всѣ правила университетскія“.

Мѣрою контроля надъ успѣхами и поведеніемъ студентовъ являлись, уже съ самаго основанія университета, инспекторскія „вѣдомости“ или „рапорты“, въ которыхъ, по отдѣльнымъ графамъ, приводились свѣдѣнія въ этихъ отношеніяхъ о каждомъ студентѣ въ отдѣльности; вѣдомости или рапорты эти представлялись въ совѣтъ, копіи же съ нихъ ежемѣсячно препровождались попечителю округа *. Въ эпоху инспектуры проф. Броннера, эти отчеты, сверхъ того, торжественно прочитывались имъ въ полномъ собраніи всѣхъ студентовъ. Въ качествѣ поощрительной мѣры, о лучшихъ по успѣхамъ студентахъ доводилось до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, отъ имени котораго такимъ студентамъ изъявлялась особая благодарность, какой удостоились, напримѣръ, въ 1811 году студенты Н. Лобачевскій, Симоновъ, Кайсаровъ и Линдегренъ [226].

Постараемся теперь освѣтить вопросъ о степени успѣшности научныхъ занятій студентовъ,—въ той мѣрѣ, въ какой

* См. томъ I, стр. 79—80.

усмотрѣнія ближайшаго начальства. Только слѣдомъ за полнымъ открытіемъ въ 1814 году университета, съ правильнымъ раздѣленіемъ учащихся по отдѣленіямъ (факультетамъ) и курсамъ, исчезаетъ прежняя неопредѣленность въ этихъ отношеніяхъ. Продолжительность курса опредѣлена въ три года для всѣхъ отдѣленій, исключая врачебнаго, на которомъ она принята въ четыре года, время же пріема студентовъ въ университетъ ограничено началомъ учебнаго года, что было установлено въ силу предложенія министра отъ 11-го октября 1815 года, въ которомъ графъ Разумовскій, ссылаясь на то, что, по доходящимъ до него свѣдѣніямъ—„въ университетъ студенты принимаются во всякое время, отъ чего происходитъ, что вступившіе въ продолженіи уже учебнаго курса, не слушавъ начала онаго, не могутъ пріобрѣсти для себя той пользы, какую имѣли бы они, проходя ученіе съ начала курса, да и въ самомъ преподаваніи лекцій происходитъ отъ того затрудненіе“, предписываетъ, что бы на будущее время „желающихъ слушать университетскія лекціи не помѣщать въ студенты иначе, какъ при самомъ началѣ учебнаго курса“. Принятіе въ студенты сопровождалось, по крайней мѣрѣ въ самомъ концѣ интересующей насъ эпохи, особою обрядностью подачи ректоромъ руки вновь принимаемымъ въ университетъ; по словамъ казанской университетской газеты того времени, ректоръ, преподавъ вновь принятымъ студентамъ „приличныя наставленія, вмѣсто присяги подавая имъ руку, обязывалъ ихъ торжественно исполнять въ точности всѣ правила университетскія“.

Мѣрою контроля надъ успѣхами и поведеніемъ студентовъ являлись, уже съ самаго основанія университета, инспекторскія „вѣдомости“ или „рапорты“, въ которыхъ, по отдѣльнымъ графамъ, приводились свѣдѣнія въ этихъ отношеніяхъ о каждомъ студентѣ въ отдѣльности; вѣдомости или рапорты эти представлялись въ совѣтъ, копіи же съ нихъ ежемѣсячно препровождались попечителю округа *. Въ эпоху инспектуры проф. Броннера, эти отчеты, сверхъ того, торжественно прочитывались имъ въ полномъ собраніи всѣхъ студентовъ. Въ качествѣ поощрительной мѣры, о лучшихъ по успѣхамъ студентахъ доводилось до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, отъ имени котораго такимъ студентамъ изъявлялась особая благодарность, какой удостоились, напримѣръ, въ 1811 году студенты Н. Лобачевскій, Симоновъ, Кайсаровъ и Линдегренъ [226].

Постараемся теперь освѣтить вопросъ о степени успѣшности научныхъ занятій студентовъ,—въ той мѣрѣ, въ какой

* См. томъ I, стр. 79—80.

дозволятъ намъ это сдѣлать сохранившіеся до нашихъ дней источники и памятники начальной поры исторической жизни казанскаго университета.

Мы имѣемъ уже знакомое намъ свидѣтельство одного изъ числа первыхъ студентовъ вновь открытаго казанскаго университета, С. Т. Аксакова, о томъ возвышенномъ экстазѣ, о томъ порывѣ чистой „любви къ просвѣщенью, къ наукамъ", которыми было одушевлено старшее юношество гимназіи, удостоившееся перечисленія его въ студенты: „Шумная радость одушевляла всѣхъ,—вспоминаетъ Аксаковъ,—всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, что бы не стыдно было назваться настоящими студентами". Начальство оказалось даже вынужденнымъ принимать дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. „Такъ продолжалось,—добавляетъ тотъ же авторъ,—и въ первый годъ по открытіи университета: прекрасное, золотое время, время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!" *.....

Мы не имѣемъ никакихъ основаній не довѣрять только что приведенному восторженному отзыву С. Т. Аксакова и считаемъ возможнымъ сдѣлать къ нему оговорку лишь въ томъ смыслѣ, что организація преподаваній, встрѣченныхъ первыми неофитами университетской науки, едва ли способна была поддерживать въ нихъ, какъ и въ цѣломъ рядѣ ихъ преемниковъ, эту горячую любовь къ знанію и наукѣ. Въ первые годы существованія казанскаго университета общій уровень успѣшности занятій его воспитанниковъ едва ли можетъ быть признанъ сколько нибудь высокимъ— за единичными, впрочемъ, исключеніями, относящимися, главнымъ образомъ, къ области наукъ физико-математическихъ, на что имѣлись свои особенныя причины, не разъ уже нами отмѣчавшіяся и во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ чрезвычайно счастливый подборъ представителей этой отрасли знанія (Карташевскій, Фуксъ, Бартельсъ, Литтровъ, Реннеръ, Броннеръ, Вуттигъ). Преобладанію въ университетѣ физико-математическихъ знаній споспѣшествовалъ и попечитель Румовскій, бывшій самъ математикомъ. Предложеніемъ отъ 11-го марта 1809 года онъ выразилъ пожеланіе, которое и было объявлено всѣмъ студентамъ—„что бы между студентами больше находилось такихъ, кои бы пріуготовляли себя болѣе къ математическимъ, физическимъ и философическимъ, нежели къ историческимъ, наукамъ, потому что первыя требуютъ напряженія разума, а послѣднія—памяти" [227].

---

* См. томъ I, стр. 66.

дозволятъ намъ это сдѣлать сохранившіеся до нашихъ дней источники и памятники начальной поры исторической жизни казанскаго университета.

Мы имѣемъ уже знакомое намъ свидѣтельство одного изъ числа первыхъ студентовъ вновь открытаго казанскаго университета, С. Т. Аксакова, о томъ возвышенномъ экстазѣ, о томъ порывѣ чистой „любви къ просвѣщенью, къ наукамъ", которыми было одушевлено старшее юношество гимназіи, удостоившееся перечисленія его въ студенты: „Шумная радость одушевляла всѣхъ,—вспоминаетъ Аксаковъ,—всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, что бы не стыдно было назваться настоящими студентами". Начальство оказалось даже вынужденнымъ принимать дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. „Такъ продолжалось,—добавляетъ тотъ же авторъ,—и въ первый годъ по открытіи университета: прекрасное, золотое время, время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!" *.....

Мы не имѣемъ никакихъ основаній не довѣрять только что приведенному восторженному отзыву С. Т. Аксакова и считаемъ возможнымъ сдѣлать къ нему оговорку лишь въ томъ смыслѣ, что организація преподаваній, встрѣченныхъ первыми неофитами университетской науки, едва ли способна была поддерживать въ нихъ, какъ и въ цѣломъ рядѣ ихъ преемниковъ, эту горячую любовь къ знанію и наукѣ. Въ первые годы существованія казанскаго университета общій уровень успѣшности занятій его воспитанниковъ едва ли можетъ быть признанъ сколько нибудь высокимъ—за единичными, впрочемъ, исключеніями, относящимися, главнымъ образомъ, къ области наукъ физико-математическихъ, на что имѣлись свои особенныя причины, не разъ уже нами отмѣчавшіяся и во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ чрезвычайно счастливый подборъ представителей этой отрасли знанія (Карташевскій, Фуксъ, Бартельсъ, Литтровъ, Реннеръ, Броннеръ, Вуттигъ). Преобладанію въ университетѣ физико-математическихъ знаній споспѣшествовалъ и попечитель Румовскій, бывшій самъ математикомъ. Предложеніемъ отъ 11-го марта 1809 года онъ выразилъ пожеланіе, которое и было объявлено всѣмъ студентамъ—„что бы между студентами больше находилось такихъ, кои бы пріуготовляли себя болѣе къ математическимъ, физическимъ и философическимъ, нежели къ историческимъ, наукамъ, потому что первыя требуютъ напряженія разума, а послѣднія—памяти" [227].

---

* См. томъ I, стр. 66.

Трудно было, впрочемъ, и ожидать успѣшности занятій студентовъ, не говоря уже о полнотѣ и систематичности знаній ихъ, до полнаго открытія университета, когда преподаваніе явилось впервые правильно распредѣленнымъ по факультетамъ и курсамъ. До 1814 года, въ особенности же въ первые годы существованія университета, въ дѣлѣ распредѣленія и порядка преподаваній господствовала совершенная хаотичность. Преподаваніе изображало изъ себя какой то научный винегретъ изъ отдѣльныхъ дисциплинъ, которыя студенты съ грѣхомъ пополамъ выслушивали безъ всякой специализаціи, даже безъ всякой послѣдовательности; занятія студентовъ просто на просто „подгонялись" къ наличности существующихъ преподаваній, а для нѣкоторыхъ лекторовъ слушатели въ буквальномъ смыслѣ этого слова „наряжались" начальствомъ, что бы аудиторіи ихъ не пустовали и что бы у нихъ числилось, хотя бы и номинально, нѣкоторое количество слушателей. Классическіе языки, философія, русская словесность, краснорѣчіе и стихотворство, математика, естественныя науки, юридическіе предметы, начатки медицины, музыка и другія „пріятныя искусства"—все это сваливалось въ одну общую кучу преподаваній, въ которой не могли сколько нибудь сознательно разобраться ни слушатели, ни преподаватели, ни само учебное начальство..... „Вотъ въ какомъ смѣшеніи факультетовъ и младенческомъ составѣ открылся нашъ университетъ!"—восклицаетъ и Є. Т. Аксаковъ, вспоминая свои студенческіе годы.

Помимо отсутствія въ первыя четырнадцать лѣтъ существованія университета раздѣленія на факультеты и обусловливаемой имъ неопредѣленности и несистематичности преподаваній, могутъ быть указаны и другія условія отрицательнаго характера, способствовавшія малой успѣшности университетскихъ слушателей.

Важное значеніе представляла въ этомъ отношеніи плохая подготовленность молодыхъ людей, переступавшихъ порогъ университетской науки, жалобы на которую не переставали раздаваться въ теченіи изслѣдуемой нами эпохи. Не смотря на многочисленность положенныхъ въ ней преподаваній, казанская гимназія не оказывалась въ состояніи давать своимъ абитуріентамъ подготовку, вполнѣ достаточную къ тому, что бы лицомъ къ лицу ставить ихъ передъ университетскою наукою, и Аксаковъ былъ, конечно, далеко не единственнымъ предназначеннымъ въ студенты воспитанникомъ гимназіи, сознававшимъ, что онъ „не стоилъ этого назначенія по неимѣнью достаточныхъ знаній и по молодости". Правда, юные студенты казанскаго университета переносили

Трудно было, впрочемъ, и ожидать успѣшности занятій студентовъ, не говоря уже о полнотѣ и систематичности знаній ихъ, до полнаго открытія университета, когда преподаваніе явилось впервые правильно распредѣленнымъ по факультетамъ и курсамъ. До 1814 года, въ особенности же въ первые годы существованія университета, въ дѣлѣ распредѣленія и порядка преподаваній господствовала совершенная хаотичность. Преподаваніе изображало изъ себя какой то научный винегретъ изъ отдѣльныхъ дисциплинъ, которыя студенты съ грѣхомъ пополамъ выслушивали безъ всякой специализаціи, даже безъ всякой послѣдовательности; занятія студентовъ просто на просто „подгонялись" къ наличности существующихъ преподаваній, а для нѣкоторыхъ лекторовъ слушатели въ буквальномъ смыслѣ этого слова „наряжались" начальствомъ, что бы аудиторіи ихъ не пустовали и что бы у нихъ числилось, хотя бы и номинально, нѣкоторое количество слушателей. Классическіе языки, философія, русская словесность, краснорѣчіе и стихотворство, математика, естественныя науки, юридическіе предметы, начатки медицины, музыка и другія „пріятныя искусства"—все это сваливалось въ одну общую кучу преподаваній, въ которой не могли сколько нибудь сознательно разобраться ни слушатели, ни преподаватели, ни само учебное начальство..... „Вотъ въ какомъ смѣшеніи факультетовъ и младенческомъ составѣ открылся нашъ университетъ!"—восклицаетъ и Є. Т. Аксаковъ, вспоминая свои студенческіе годы.

Помимо отсутствія въ первыя четырнадцать лѣтъ существованія университета раздѣленія на факультеты и обусловливаемой имъ неопредѣленности и несистематичности преподаваній, могутъ быть указаны и другія условія отрицательнаго характера, способствовавшія малой успѣшности университетскихъ слушателей.

Важное значеніе представляла въ этомъ отношеніи плохая подготовленность молодыхъ людей, переступавшихъ порогъ университетской науки, жалобы на которую не переставали раздаваться въ теченіи изслѣдуемой нами эпохи. Не смотря на многочисленность положенныхъ въ ней преподаваній, казанская гимназія не оказывалась въ состояніи давать своимъ абитуріентамъ подготовку, вполнѣ достаточную къ тому, что бы лицомъ къ лицу ставить ихъ передъ университетскою наукою, и Аксаковъ былъ, конечно, далеко не единственнымъ предназначеннымъ въ студенты воспитанникомъ гимназіи, сознававшимъ, что онъ „не стоилъ этого назначенія по неимѣнью достаточныхъ знаній и по молодости". Правда, юные студенты казанскаго университета переносили

и въ университетскія аудиторіи любовь къ тѣмъ отраслямъ знанія, которыми толковые учителя оказались въ состояніи заинтересовать ихъ еще на гимназической скамьѣ (Карташевскій и Запольскій—физико-математическимъ знаніемъ, Ибрагимовъ—отечественною словесностью), тѣмъ не менѣе общая подготовленность ихъ оставляла желать весьма многаго и это обстоятельство выступало серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ успѣшности усвоенія ими университетскихъ преподаваній. Крупнымъ и ощутительнымъ пробѣломъ являлось въ этомъ послѣднемъ отношеніи плохое знаніе студентами латинскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ, какъ мы видѣли, вели свои преподаванія иностранные профессоры. Аудиторія не оказывалась способною не только усвоивать, но даже и понимать лекцій своихъ преподавателей—и объ это непреодолимое препятствіе разбивались старанія и добрыя намѣренія даже наиболѣе талантливыхъ иностранныхъ профессоровъ того времени. Волею-неволею приходилось прибѣгать къ диктованію лекцій или къ помощи репетиторовъ, которые повторяли съ студентами профессорскія лекціи, тѣмъ самымъ совершенно искажая и смыслъ и задачи университетскаго преподаванія, препятствуя установленію духовнаго единенія между лекторомъ и его аудиторіею, возможнаго лишь при содѣйствіи понятнаго и усвоиваемаго живаго слова.

Особенно тяжело отзывалось на успѣхахъ преподаванія почти повальное незнаніе студентами латинскаго языка, на которомъ читали свои лекціи большинство иностранныхъ профессоровъ: „Никто не зналъ по-латыни и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ"—замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ, вспоминая обстоятельства своего вступленія въ ряды первыхъ студентовъ казанскаго университета. Плохое положеніе преподаванія въ гимназіи латинскаго языка и, какъ прямое послѣдствіе этого, совершенно недостаточное знакомство съ нимъ студентовъ университета—являлось истинною ахиллессовою пятою учебнаго строя того времени, вызывавшею множество сѣтованій и цѣлый рядъ административныхъ и педагогическихъ мѣропріятій, отъ усиленія экзаменаціонныхъ требованій для учениковъ гимназіи и отъ раскассированія гимназическихъ преподавателей латинскаго языка—до неосуществившагося проэкта проф. Германа объ учрежденіи особой филологической семинаріи, включительно *. Въ 1807 году проф. Германъ жаловался, что, вслѣдствіе слабаго знанія сту-

* См. томъ I, стр. 373, 386, 429—433.

и въ университетскія аудиторіи любовь къ тѣмъ отраслямъ знанія, которыми толковые учителя оказались въ состояніи заинтересовать ихъ еще на гимназической скамьѣ (Карташевскій и Запольскій—физико-математическимъ знаніемъ, Ибрагимовъ—отечественною словесностью), тѣмъ не менѣе общая подготовленность ихъ оставляла желать весьма многаго и это обстоятельство выступало серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ успѣшности усвоенія ими университетскихъ преподаваній. Крупнымъ и ощутительнымъ пробѣломъ являлось въ этомъ послѣднемъ отношеніи плохое знаніе студентами латинскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ, какъ мы видѣли, вели свои преподаванія иностранные профессоры. Аудиторія не оказывалась способною не только усвоивать, но даже и понимать лекцій своихъ преподавателей—и объ это непреодолимое препятствіе разбивались старанія и добрыя намѣренія даже наиболѣе талантливыхъ иностранныхъ профессоровъ того времени. Волею-неволею приходилось прибѣгать къ диктованію лекцій или къ помощи репетиторовъ, которые повторяли съ студентами профессорскія лекціи, тѣмъ самымъ совершенно искажая и смыслъ и задачи университетскаго преподаванія, препятствуя установленію духовнаго единенія между лекторомъ и его аудиторіею, возможнаго лишь при содѣйствіи понятнаго и усвоиваемаго живаго слова.

Особенно тяжело отзывалось на успѣхахъ преподаванія почти повальное незнаніе студентами латинскаго языка, на которомъ читали свои лекціи большинство иностранныхъ профессоровъ: „Никто не зналъ по-латыни и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“—замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ, вспоминая обстоятельства своего вступленія въ ряды первыхъ студентовъ казанскаго университета. Плохое положеніе преподаванія въ гимназіи латинскаго языка и, какъ прямое послѣдствіе этого, совершенно недостаточное знакомство съ нимъ студентовъ университета—являлось истинною ахиллессовою пятою учебнаго строя того времени, вызывавшею множество сѣтованій и цѣлый рядъ административныхъ и педагогическихъ мѣропріятій, отъ усиленія экзаменаціонныхъ требованій для учениковъ гимназіи и отъ раскассированія гимназическихъ преподавателей латинскаго языка—до неосуществившагося проэкта проф. Германа объ учрежденіи особой филологической семинаріи, включительно *. Въ 1807 году проф. Германъ жаловался, что, вслѣдствіе слабаго знанія сту-

* См. томъ I, стр. 373, 386, 429—433.

дентами латинскаго языка, ему приходится повторять лекціи, читанныя на латинскомъ языкѣ, еще на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ; въ 1810 году аналогичныя жалобы приносились и профессорами Френомъ и Фойгтомъ. Принимались мѣры самыя разнообразныя къ повышенію уровня знанія студентами латинскаго языка, большая часть которыхъ не простиралась, однако, далѣе значенія палліативовъ. Такъ, 28-го августа 1807 года „объявлено соизволеніе г. попечителя и кавалера, что бы впредь ни одинъ на казенномъ иждивеніи содержимый воспитанникъ не производимъ былъ въ казенные студенты, доколѣ въ латинскомъ языкѣ столько не успѣетъ, что бы разумѣть могъ преподаваемыя на латинскомъ языкѣ лекціи", а 30-го марта 1810 года отъ имени попечителя же объявлялось, что не будутъ производиться „въ дальнѣйшія ученыя степени" студенты, которые не постараются усовершенствовать недостаточныя познанія свои въ латинскомъ языкѣ. Весною 1808 года инспекторомъ предложено было обязать казенныхъ студентовъ употреблять въ разговорахъ между собою, въ видахъ практики, латинскій языкъ; въ февралѣ 1809 года, въ виду жалобъ профессоровъ Френа и Фойгта на слабое знаніе студентами латинскаго языка, студентамъ рекомендовалось, что бы они „старались предпочтительнѣе передъ прочими языками напередъ утвердиться въ латинскомъ языкѣ, который принятъ повсюду за основаніе для преподаванія лекцій"; принимались и другія мѣры къ понужденію студентовъ заниматься латинскимъ языкомъ, но наиболѣе радикальными изъ нихъ являлись: введеніе латинскаго языка въ кругъ „пріуготовительныхъ" университетскихъ чтеній и допущеніе къ званію старшихъ или дѣйствительныхъ студентовъ лишь тѣхъ слушателей, которые особымъ испытаніемъ докажутъ знаніе латинскаго языка, достаточное къ слушанію профессорскихъ лекцій [228].

Слабая подготовка, съ которою являлась въ него гимназическая молодежь, послужила причиною того, что задачу подготовленія къ слушанію спеціальныхъ профессорскихъ курсовъ вынужденнымъ нашелся принять на себя самъ университетъ. Это заставило его значительно расширить понятіе и кругъ тѣхъ университетскихъ преподаваній, которыя были извѣстны уставу 1804 года подъ названіемъ наукъ пріуготовительныхъ. Университетскій уставъ далъ слѣдующее опредѣленіе этихъ пріуготовительныхъ наукъ: „Между науками, въ университетѣ преподаваемыми, — гласитъ § 109-ый устава,—находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую службу не избрали; и для того тотъ только можетъ перейти въ глав-

дентами латинскаго языка, ему приходится повторять лекціи, читанныя на латинскомъ языкѣ, еще на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ; въ 1810 году аналогичныя жалобы приносились и профессорами Френомъ и Фойгтомъ. Принимались мѣры самыя разнообразныя къ повышенію уровня знанія студентами латинскаго языка, большая часть которыхъ не простиралась, однако, далѣе значенія палліативовъ. Такъ, 28-го августа 1807 года „объявлено соизволеніе г. попечителя и кавалера, что бы впредь ни одинъ на казенномъ иждивеніи содержимый воспитанникъ не производимъ былъ въ казенные студенты, доколѣ въ латинскомъ языкѣ столько не успѣетъ, что бы разумѣть могъ преподаваемыя на латинскомъ языкѣ лекціи", а 30-го марта 1810 года отъ имени попечителя же объявлялось, что не будутъ производиться „въ дальнѣйшія ученыя степени" студенты, которые не постараются усовершенствовать недостаточныя познанія свои въ латинскомъ языкѣ. Весною 1808 года инспекторомъ предложено было обязать казенныхъ студентовъ употреблять въ разговорахъ между собою, въ видахъ практики, латинскій языкъ; въ февралѣ 1809 года, въ виду жалобъ профессоровъ Френа и Фойгта на слабое знаніе студентами латинскаго языка, студентамъ рекомендовалось, что бы они „старались предпочтительнѣе передъ прочими языками напередъ утвердиться въ латинскомъ языкѣ, который принятъ повсюду за основаніе для преподаванія лекцій"; принимались и другія мѣры къ понужденію студентовъ заниматься латинскимъ языкомъ, но наиболѣе радикальными изъ нихъ являлись: введеніе латинскаго языка въ кругъ „пріуготовительныхъ" университетскихъ чтеній и допущеніе къ званію старшихъ или дѣйствительныхъ студентовъ лишь тѣхъ слушателей, которые особымъ испытаніемъ докажутъ знаніе латинскаго языка, достаточное къ слушанію профессорскихъ лекцій [228].

Слабая подготовка, съ которою являлась въ него гимназическая молодежь, послужила причиною того, что задачу подготовленія къ слушанію спеціальныхъ профессорскихъ курсовъ вынужденнымъ нашелся принять на себя самъ университетъ. Это заставило его значительно расширить понятіе и кругъ тѣхъ университетскихъ преподаваній, которыя были извѣстны уставу 1804 года подъ названіемъ наукъ пріуготовительныхъ. Университетскій уставъ далъ слѣдующее опредѣленіе этихъ пріуготовительныхъ наукъ: „Между науками, въ университетѣ преподаваемыми, — гласитъ § 109-ый устава,—находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую службу не избрали; и для того тотъ только можетъ перейти въ глав-

ное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію, кто прослушалъ науки пріуготовительныя".

Сраведливость требуетъ сознаться, что только что выписанное постановленіе устава далеко не отличается строгою опредѣленностью въ дѣлѣ установленія понятія „наукъ пріуготовительныхъ", хотя и представляется несомнѣннымъ, что составители устава имѣли здѣсь въ виду предметы общеобразовательные—знаніе которыхъ признается необходимымъ и для всякаго спеціально-образованнаго человѣка. Уставъ 1804 года не вводитъ указаніе этихъ общеобразовательныхъ предметовъ въ свое распредѣленіе преподаваній по факультетамъ, очевидно предоставляя самому университету опредѣленіе какъ ихъ круга, такъ и объема ихъ преподаванія, чѣмъ и воспользовался казанскій университетъ, давъ понятію „пріуготовительныхъ наукъ" совершенно особое значеніе: въ его начальной практикѣ, эти пріуготовительные курсы явились не вспомогательными въ ихъ соотношеніи къ курсамъ спеціальнымъ, но преимущественно пропедевтическими, разсчитанными на характеръ корректива къ недостаткамъ общаго гимназическаго образованія, представляя собою, такимъ образомъ, нѣчто среднее, переходное, между гимназіею и университетомъ; эти университетскія „пріуготовительныя" преподаванія должны были довершить, въ интересахъ успѣшности университетскаго образованія, все то, чего не успѣла или не смогла сдѣлать гимназія въ области общей подготовки своихъ питомцевъ.

Приготовительныя преподаванія были введены въ казанскомъ университетѣ уже съ самаго его основанія. Объ нихъ говоритъ и С. Т. Аксаковъ, свидѣтельствующій, что въ теченіи перваго года существованія университета студентамъ перваго состава, а въ числѣ ихъ и ему, приходилось слушать эти преподаванія: „Многіе воспитанники,—заявляетъ Аксаковъ,—въ томъ числѣ и я, не выслушавшіе полнаго гимназическаго курса, продолжали учиться въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ то же время университетскія лекціи". На первыхъ порахъ какъ объемъ, такъ и преподаваніе приготовительныхъ наукъ носили совершенно неопредѣленный характеръ, въ зависимости какъ отъ успѣшности хода преподаванія тѣхъ или другихъ предметовъ въ гимназіи, такъ и отъ субъективныхъ особенностей отдѣльныхъ воспитанниковъ, такъ что приготовительныя преподаванія нерѣдко назначались лишь для опредѣленной группы ихъ и даже для единичныхъ слушателей университета. Нечего и говорить, конечно, о томъ, какой безпорядочный и случайный характеръ вносилъ такой порядокъ вещей, въ особенности при отсутствіи раздѣленія на фа-

ное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію, кто прослушалъ науки пріуготовительныя".

Сраведливость требуетъ сознаться, что только что выписанное постановленіе устава далеко не отличается строгою опредѣленностью въ дѣлѣ установленія понятія „наукъ пріуготовительныхъ", хотя и представляется несомнѣннымъ, что составители устава имѣли здѣсь въ виду предметы общеобразовательные—знаніе которыхъ признается необходимымъ и для всякаго спеціально-образованнаго человѣка. Уставъ 1804 года не вводитъ указаніе этихъ общеобразовательныхъ предметовъ въ свое распредѣленіе преподаваній по факультетамъ, очевидно предоставляя самому университету опредѣленіе какъ ихъ круга, такъ и объема ихъ преподаванія, чѣмъ и воспользовался казанскій университетъ, давъ понятію „пріуготовительныхъ наукъ" совершенно особое значеніе: въ его начальной практикѣ, эти пріуготовительные курсы явились не вспомогательными въ ихъ соотношеніи къ курсамъ спеціальнымъ, но преимущественно пропедевтическими, разсчитанными на характеръ корректива къ недостаткамъ общаго гимназическаго образованія, представляя собою, такимъ образомъ, нѣчто среднее, переходное, между гимназіею и университетомъ; эти университетскія „пріуготовительныя" преподаванія должны были довершить, въ интересахъ успѣшности университетскаго образованія, все то, чего не успѣла или не смогла сдѣлать гимназія въ области общей подготовки своихъ питомцевъ.

Приготовительныя преподаванія были введены въ казанскомъ университетѣ уже съ самаго его основанія. Объ нихъ говоритъ и С. Т. Аксаковъ, свидѣтельствующій, что въ теченіи перваго года существованія университета студентамъ перваго состава, а въ числѣ ихъ и ему, приходилось слушать эти преподаванія: „Многіе воспитанники,—заявляетъ Аксаковъ,—въ томъ числѣ и я, не выслушавшіе полнаго гимназическаго курса, продолжали учиться въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ то же время университетскія лекціи". На первыхъ порахъ какъ объемъ, такъ и преподаваніе приготовительныхъ наукъ носили совершенно неопредѣленный характеръ, въ зависимости какъ отъ успѣшности хода преподаванія тѣхъ или другихъ предметовъ въ гимназіи, такъ и отъ субъективныхъ особенностей отдѣльныхъ воспитанниковъ, такъ что приготовительныя преподаванія нерѣдко назначались лишь для опредѣленной группы ихъ и даже для единичныхъ слушателей университета. Нечего и говорить, конечно, о томъ, какой безпорядочный и случайный характеръ вносилъ такой порядокъ вещей, въ особенности при отсутствіи раздѣленія на фа-

культеты, въ общее расположеніе и послѣдовательность университетскихъ преподаваній. Въ первые годы существованія университета въ составъ этихъ „пріуготовительныхъ“ преподаваній, продолжавшихся отъ одного года до двухъ лѣтъ, вводились латинскій и русскій языки, исторія, географія и статистика, а также математика и физика, а 27-го февраля 1808 года было попечителемъ утверждено предложеніе профессора-директора и инспектора студентовъ Яковкина о томъ, что бы „для вящаго побужденія къ необходимо нужному прослушанію всѣхъ пріуготовительныхъ курсовъ, шпаги раздаваемы были только тѣмъ переименованнымъ въ студенты, кои прослушали полный приготовительный курсъ, и тогда же считать таковыхъ дѣйствительными студентами“. Такимъ образомъ, уже знакомое намъ раздѣленіе студентовъ университета на „предназначенныхъ“, „предварительныхъ“, „младшихъ“ и на „дѣйствительныхъ“, „полныхъ“, старшихъ“—было поставлено въ ближайшее соотношеніе съ прослушаніемъ или непрослушаніемъ ими приготовительныхъ курсовъ. Назначались подготовительные или повторительные курсы, какъ это только что было упомянуто нами, даже и для отдѣльныхъ студентовъ. Такъ, 19-го января 1807 года двое студентовъ, Безобразовъ и Андреевъ, были назначены къ слушанію, для своего усовершенствованія, „приватныхъ лекцій“ у профессоровъ Сторля и Бюнемана; въ мартѣ того же года, вслѣдствіе заявленія профессора восточныхъ языковъ Френа о томъ, что четверо изъ его слушателей (Пятовъ, Гроздовскій, Манасеинъ и Ярцовъ) по слабости знаній не могутъ еще слушать его лекцій, совѣтъ препоручилъ ихъ, для приготовительнаго преподаванія имъ восточныхъ языковъ, руководству студента Кручинина, которому и опредѣлено за этотъ трудъ вознагражденіе въ размѣрѣ 60 рублей въ годъ; въ маѣ 1809 года учитель пензенской гимназіи магистръ Перевощиковъ былъ прикомандированъ къ университету для занятій съ студентами по русской словесности, съ цѣлью подготовленія ихъ къ слушанію этого предмета; осенью 1814 года отдѣльные студенты, оказавшіеся не въ состояніи понимать латинскія лекціи проф. Германа, были назначаемы къ слушанію приготовительнаго курса латинскаго языка учителя Ибрагимова и т. д. и т. д.

Неопредѣленность какъ самаго понятія „наукъ пріуготовительныхъ“, такъ и ихъ соотношенія къ наукамъ спеціальнымъ, внесла такой невообразимый хаосъ въ общее распредѣленіе университетскихъ преподаваній, что уже въ началѣ 1810 года явилась потребность разобраться въ этомъ вопросѣ, что и выразилось въ возникновеніи цѣлаго, уже знакомаго намъ, совѣтскаго дѣла „о перемѣнѣ всего, вообще, учебнаго времени въ универ-

культеты, въ общее расположеніе и послѣдовательность университетскихъ преподаваній. Въ первые годы существованія университета въ составъ этихъ „пріуготовительныхъ" преподаваній, продолжавшихся отъ одного года до двухъ лѣтъ, вводились латинскій и русскій языки, исторія, географія и статистика, а также математика и физика, а 27-го февраля 1808 года было попечителемъ утверждено предложеніе профессора-директора и инспектора студентовъ Яковкина о томъ, что бы „для вящаго побужденія къ необходимо нужному прослушанію всѣхъ пріуготовительныхъ курсовъ, шпаги раздаваемы были только тѣмъ переименованнымъ въ студенты, кои прослушали полный приготовительный курсъ, и тогда же считать таковыхъ дѣйствительными студентами". Такимъ образомъ, уже знакомое намъ раздѣленіе студентовъ университета на „предназначенныхъ", „предварительныхъ", „младшихъ" и на „дѣйствительныхъ", „полныхъ", старшихъ"—было поставлено въ ближайшее соотношеніе съ прослушаніемъ или непрослушаніемъ ими приготовительныхъ курсовъ. Назначались подготовительные или повторительные курсы, какъ это только что было упомянуто нами, даже и для отдѣльныхъ студентовъ. Такъ, 19-го января 1807 года двое студентовъ, Безобразовъ и Андреевъ, были назначены къ слушанію, для своего усовершенствованія, „приватныхъ лекцій" у профессоровъ Сторля и Бюнемана; въ мартѣ того же года, вслѣдствіе заявленія профессора восточныхъ языковъ Френа о томъ, что четверо изъ его слушателей (Пятовъ, Гроздовскій, Манасеинъ и Ярцовъ) по слабости знаній не могутъ еще слушать его лекцій, совѣтъ препоручилъ ихъ, для приготовительнаго преподаванія имъ восточныхъ языковъ, руководству студента Кручинина, которому и опредѣлено за этотъ трудъ вознагражденіе въ размѣрѣ 60 рублей въ годъ; въ маѣ 1809 года учитель пензенской гимназіи магистръ Перевощиковъ былъ прикомандированъ къ университету для занятій съ студентами по русской словесности, съ цѣлью подготовленія ихъ къ слушанію этого предмета; осенью 1814 года отдѣльные студенты, оказавшіеся не въ состояніи понимать латинскія лекціи проф. Германа, были назначаемы къ слушанію приготовительнаго курса латинскаго языка учителя Ибрагимова и т. д. и т. д.

Неопредѣленность какъ самаго понятія „наукъ пріуготовительныхъ", такъ и ихъ соотношенія къ наукамъ спеціальнымъ, внесла такой невообразимый хаосъ въ общее распредѣленіе университетскихъ преподаваній, что уже въ началѣ 1810 года явилась потребность разобраться въ этомъ вопросѣ, что и выразилось въ возникновеніи цѣлаго, уже знакомаго намъ, совѣтскаго дѣла „о перемѣнѣ всего, вообще, учебнаго времени въ универ-

ситетѣ". Не возвращаясь къ этому дѣлу, обнаружившему лишь полную путаницу понятій въ интересующемъ насъ вопросѣ, припомнимъ изъ него лишь то, что самъ попечитель Румовскій оказался не въ состояніи указать правильное соотношеніе между обоими видами университетскаго преподаванія и выразилъ пожеланіе, что бы совѣтъ университета самъ опредѣлилъ—„какія науки должно считать пріуготовительными" и что бы поступающіе въ студенты обязаны были прослушать тѣ предварительные курсы, „какіе совѣтъ заблагоразсудитъ назвать пріуготовительными лекціями" *. Опредѣленіе круга наукъ „пріуготовительныхъ" было возложено, такимъ образомъ, на совѣтъ университета, который не особенно спѣшилъ съ этимъ дѣломъ и только въ засѣданіи 24-го августа слѣдующаго 1811 года имѣлъ сужденіе о томъ—„какія науки должно разумѣть подъ именемъ пріуготовительныхъ" и, выслушавъ мнѣнія по этому вопросу отдѣльныхъ своихъ членовъ, пришелъ къ заключенію, что „подъ именемъ сихъ пріуготовительныхъ наукъ они разумѣютъ языки россійскій и латинскій, ариѳметику и геометрію, исторію и географію, физику опытную и философію, присовокупляя къ тому естественную исторію, отечественную статистику и основанія правъ, особенно россійскаго"; при этомъ признано полезнымъ, „что бы пріуготовительныя науки посѣщали всѣ, вообще, поступающіе и поступившіе въ университетъ". Въ томъ же засѣданіи совѣта выражено было пожеланіе, что бы кандидаты и магистры университетскаго педагогическаго института „споспѣшествовали профессорамъ и адъюнктамъ въ разсужденіи бóльшихъ успѣховъ ихъ слушателей, занимаясь съ ними повтореніемъ пройденнаго и объясненіемъ того, чего они не понимаютъ" [229]. Мы не имѣемъ данныхъ къ сужденію о томъ, насколько примѣнялось въ дѣйствительности это опредѣленіе наукъ „пріуготовительныхъ" и какимъ образомъ было организовано самое ихъ преподаваніе, такъ какъ въ обозрѣнія преподаваній эти приготовительные курсы не заносились, но болѣе твердая, хотя и черезъ чуръ осложненная, попытка обосновать понятіе этого круга наукъ и ихъ соотношенія къ другимъ дисциплинамъ—получила осуществленіе осенью 1812 года, въ уже извѣстномъ намъ „нормальномъ планѣ распредѣленія университетскихъ преподаваній", составленномъ профессоромъ Ф. К. Броннеромъ еще по порученію покойнаго попечителя Румовскаго. Въ этомъ распредѣленіи преподаваній Броннеръ проводитъ коренное различіе между наукамн „приготовительными" (propaedevticas) и „главными", т. е. спеціальными (principales), причемъ науки приготовительныя, съ двухгодичнымъ для нихъ курсомъ, под-

* См. томъ I, стр. 330—333.

ситетѣ". Не возвращаясь къ этому дѣлу, обнаружившему лишь полную путаницу понятій въ интересующемъ насъ вопросѣ, припомнимъ изъ него лишь то, что самъ попечитель Румовскій оказался не въ состояніи указать правильное соотношеніе между обоими видами университетскаго преподаванія и выразилъ пожеланіе, что бы совѣтъ университета самъ опредѣлилъ—„какія науки должно считать пріуготовительными" и что бы поступающіе въ студенты обязаны были прослушать тѣ предварительные курсы, „какіе совѣтъ заблагоразсудитъ назвать пріуготовительными лекціями" *. Опредѣленіе круга наукъ „пріуготовительныхъ" было возложено, такимъ образомъ, на совѣтъ университета, который не особенно спѣшилъ съ этимъ дѣломъ и только въ засѣданіи 24-го августа слѣдующаго 1811 года имѣлъ сужденіе о томъ—„какія науки должно разумѣть подъ именемъ пріуготовительныхъ" и, выслушавъ мнѣнія по этому вопросу отдѣльныхъ своихъ членовъ, пришелъ къ заключенію, что „подъ именемъ сихъ пріуготовительныхъ наукъ они разумѣютъ языки россійскій и латинскій, ариѳметику и геометрію, исторію и географію, физику опытную и философію, присовокупляя къ тому естественную исторію, отечественную статистику и основанія правъ, особенно россійскаго"; при этомъ признано полезнымъ, „что бы пріуготовительныя науки посѣщали всѣ, вообще, поступающіе и поступившіе въ университетъ". Въ томъ же засѣданіи совѣта выражено было пожеланіе, что бы кандидаты и магистры университетскаго педагогическаго института „споспѣшествовали профессорамъ и адъюнктамъ въ разсужденіи бóльшихъ успѣховъ ихъ слушателей, занимаясь съ ними повтореніемъ пройденнаго и объясненіемъ того, чего они не понимаютъ" [229]. Мы не имѣемъ данныхъ къ сужденію о томъ, насколько примѣнялось въ дѣйствительности это опредѣленіе наукъ „пріуготовительныхъ" и какимъ образомъ было организовано самое ихъ преподаваніе, такъ какъ въ обозрѣнія преподаваній эти приготовительные курсы не заносились, но болѣе твердая, хотя и черезъ чуръ осложненная, попытка обосновать понятіе этого круга наукъ и ихъ соотношенія къ другимъ дисциплинамъ—получила осуществленіе осенью 1812 года, въ уже извѣстномъ намъ „нормальномъ планѣ распредѣленія университетскихъ преподаваній", составленномъ профессоромъ Ф. К. Броннеромъ еще по порученію покойнаго попечителя Румовскаго. Въ этомъ распредѣленіи преподаваній Броннеръ проводитъ коренное различіе между наукам и „приготовительными" (propaedevticas) и „главными", т. е. спеціальными (principales), причемъ науки приготовительныя, съ двухгодичнымъ для нихъ курсомъ, под-

* См. томъ I, стр. 330—333.

раздѣлены имъ на „обязательныя", „рекомендуемыя" и „спеціальныя"; къ обязательнымъ приготовительнымъ наукамъ этимъ планомъ отнесены слѣдующія: эстетика, риторика и стихосложеніе, латинская филологія, исторія, статистика и географія, философія, элементарная математика, физика и одинъ изъ новыхъ языковъ *. Но и этотъ „нормальный планъ" распредѣленія университетскихъ преподаваній не оказался въ силахъ устранить неопредѣленность въ дѣлѣ организаціи „пріуготовительныхъ" преподаваній и ихъ соотношенія къ курсамъ спеціальнымъ, которая и продолжалась въ теченіи всей занимающей насъ въ настоящее время эпохи.

Другимъ въ высшей степени серьезнымъ условіемъ отрицательнаго характера, препятствовавшимъ успѣшности занятій студентовъ университета — являлось незнаніе русскаго языка иностранными профессорами, преобладавшими въ личномъ составѣ преподавателей казанскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія. Если иностранные профессоры университета безпрестанно жаловались на слабое знаніе ихъ слушателями латинскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, видя въ немъ тормазъ для успѣшности своихъ преподаваній, то и студенты могли не съ меньшимъ основаніемъ сѣтовать на совершенное незнакомство профессоровъ съ русскимъ языкомъ, дѣлавшимъ для нихъ почти безплоднымъ слушаніе преподаваемыхъ лекцій. Германъ былъ не единственнымъ профессоромъ, которому приходилось переводить свои лекціи съ латинскаго—на языки французскій или нѣмецкій, въ которыхъ большая часть слушателей оказывались, опять таки, далеко не сильными; подспорьемъ выступали переводчики и интерпретаторы изъ магистровъ или кандидатовъ, повторявшіе съ студентами непонятныя для нихъ профессорскія чтенія. Не трудно представить себѣ, насколько вредно долженъ былъ отзываться такой порядокъ преподаванія какъ на успѣхахъ студентовъ, такъ и на ихъ усердіи къ посѣщенію совершенно непонятныхъ или малопонятныхъ для нихъ университетскихъ лекцій, даже по основнымъ предметамъ факультетскихъ преподаваній!

Зная трудность, представляемую для иностранцевъ изученіемъ русскаго языка, мы едва ли были бы въ правѣ обвинять нашихъ иностранныхъ профессоровъ въ нежеланіи съ нимъ ознакомиться. Они сами прекрасно сознавали неудобство чтенія мало подготовленнымъ русскимъ студентамъ лекцій на иностранныхъ языкахъ и не разъ высказывали сожалѣ-

---

* Подробности см. въ томѣ I, стр. 425—428.

раздѣлены имъ на „обязательныя“, „рекомендуемыя“ и „спеціальныя“; къ обязательнымъ приготовительнымъ наукамъ этимъ планомъ отнесены слѣдующія: эстетика, риторика и стихосложеніе, латинская филологія, исторія, статистика и географія, философія, элементарная математика, физика и одинъ изъ новыхъ языковъ *. Но и этотъ „нормальный планъ“ распредѣленія университетскихъ преподаваній не оказался въ силахъ устранить неопредѣленность въ дѣлѣ организаціи „пріуготовительныхъ“ преподаваній и ихъ соотношенія къ курсамъ спеціальнымъ, которая и продолжалась въ теченіи всей занимающей насъ въ настоящее время эпохи.

Другимъ въ высшей степени серьезнымъ условіемъ отрицательнаго характера, препятствовавшимъ успѣшности занятій студентовъ университета — являлось незнаніе русскаго языка иностранными профессорами, преобладавшими въ личномъ составѣ преподавателей казанскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія. Если иностранные профессоры университета безпрестанно жаловались на слабое знаніе ихъ слушателями латинскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, видя въ немъ тормазъ для успѣшности своихъ преподаваній, то и студенты могли не съ меньшимъ основаніемъ сѣтовать на совершенное незнакомство профессоровъ съ русскимъ языкомъ, дѣлавшимъ для нихъ почти безплоднымъ слушаніе преподаваемыхъ лекцій. Германъ былъ не единственнымъ профессоромъ, которому приходилось переводить свои лекціи съ латинскаго—на языки французскій или нѣмецкій, въ которыхъ большая часть слушателей оказывались, опять таки, далеко не сильными; подспорьемъ выступали переводчики и интерпретаторы изъ магистровъ или кандидатовъ, повторявшіе съ студентами непонятныя для нихъ профессорскія чтенія. Не трудно представить себѣ, насколько вредно долженъ былъ отзываться такой порядокъ преподаванія какъ на успѣхахъ студентовъ, такъ и на ихъ усердіи къ посѣщенію совершенно непонятныхъ или малопонятныхъ для нихъ университетскихъ лекцій, даже по основнымъ предметамъ факультетскихъ преподаваній!

Зная трудность, представляемую для иностранцевъ изученіемъ русскаго языка, мы едва ли были бы въ правѣ обвинять нашихъ иностранныхъ профессоровъ въ нежеланіи съ нимъ ознакомиться. Они сами прекрасно сознавали неудобство чтенія мало подготовленнымъ русскимъ студентамъ лекцій на иностранныхъ языкахъ и не разъ высказывали сожалѣ-

---

* Подробности см. въ томѣ I, стр. 425—428.

ніе по поводу трудности, даже невозможности для нихъ, сколько нибудь серьезнаго усвоенія языка туземнаго. Такъ, проф. Броннеръ, сообщая попечителю Румовскому, въ письмѣ отъ 25-го декабря 1811 года *, о похоронахъ Запольскаго, восклицаетъ: „Какъ я благодарилъ бы Бога, если бы покойный оставилъ мнѣ въ наслѣдіе свое знаніе русскаго языка! Ежедневно убѣждаюсь я въ томъ, что, владѣя русскимъ языкомъ, мы могли бы приносить несравненно болѣе пользы, нежели теперь". По словамъ Броннера, среди студентовъ казанскаго университета не имѣлось ни одного, который былъ бы въ состояніи понять лекцію, читанную на латинскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего ему приходилось давать дополнительныя поясненія на языкахъ нѣмецкомъ или французскомъ или же диктовать лекціи въ видѣ удобоусвояемыхъ и краткихъ афоризмовъ. Броннеръ, тѣмъ не менѣе, ревностно учился русскому языку, посвящая этому занятію по два часа въ день, но слабые успѣхи, достигавшіеся имъ въ этомъ отношеніи, приводили его въ положительное отчаяніе; присутствуя, въ февралѣ 1811 года, на студенческомъ спектаклѣ (давалась комедія „Модникъ"), онъ, по его собственному сознанію—„имѣлъ возможность убѣдиться въ слабыхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ имъ въ изученіи русскаго языка, такъ какъ не оказался въ состояніи понять и двадцатой доли всего того, что произносилось со сцены" [230]. Послѣ всего сказаннаго, насъ не будетъ уже удивлять предпочтеніе, оказывавшееся учебнымъ начальствомъ тѣмъ изъ иностранныхъ или полурусскихъ профессоровъ и адъюнктовъ, которые были въ состояніи „преподавать свои наставленія на россійскомъ языкѣ".

Одною изъ мѣръ, весьма рано практиковавшеюся казанскимъ университетомъ въ видахъ обезпеченія бо́льшей успѣшности научныхъ работъ студентовъ, являлось учрежденіе практическихъ занятій—въ видѣ собесѣдованій, состязаній, письменныхъ упражненій, экскурсій, осмотровъ. Эти практическія занятія предусматривались, подъ наименованіемъ „бесѣдъ", уже университетскимъ уставомъ 5-го ноября 1804 года: „Желательно,—заявляетъ § 119-ый этого устава,—чтобы профессоры нѣкоторыхъ наукъ, особливо словесныхъ, философическихъ и юридическихъ, учредили бесѣды съ студентами, въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять

* Это письмо принадлежитъ къ серіи писемъ проф. Броннера, не сохранившихся въ его аарауских рукописяхъ, а потому и не вошедшихъ въ изданіе проф. Нагуевскаго. Они хранятся въ университетскомъ архивѣ, въ «Собраніи писемъ и пр.» (см. здѣсь папку «Матеріалы Броннера»).

ніе по поводу трудности, даже невозможности для нихъ, сколько нибудь серьезнаго усвоенія языка туземнаго. Такъ, проф. Броннеръ, сообщая попечителю Румовскому, въ письмѣ отъ 25-го декабря 1811 года *, о похоронахъ Запольскаго, восклицаетъ: „Какъ я благодарилъ бы Бога, если бы покойный оставилъ мнѣ въ наслѣдіе свое знаніе русскаго языка! Ежедневно убѣждаюсь я въ томъ, что, владѣя русскимъ языкомъ, мы могли бы приносить несравненно болѣе пользы, нежели теперь". По словамъ Броннера, среди студентовъ казанскаго университета не имѣлось ни одного, который былъ бы въ состояніи понять лекцію, читанную на латинскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего ему приходилось давать дополнительныя поясненія на языкахъ нѣмецкомъ или французскомъ или же диктовать лекціи въ видѣ удобоусвояемыхъ и краткихъ афоризмовъ. Броннеръ, тѣмъ не менѣе, ревностно учился русскому языку, посвящая этому занятію по два часа въ день, но слабые успѣхи, достигавшіеся имъ въ этомъ отношеніи, приводили его въ положительное отчаяніе; присутствуя, въ февралѣ 1811 года, на студенческомъ спектаклѣ (давалась комедія „Модникъ"), онъ, по его собственному сознанію—„имѣлъ возможность убѣдиться въ слабыхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ имъ въ изученіи русскаго языка, такъ какъ не оказался въ состояніи понять и двадцатой доли всего того, что произносилось со сцены" [230]. Послѣ всего сказаннаго, насъ не будетъ уже удивлять предпочтеніе, оказывавшееся учебнымъ начальствомъ тѣмъ изъ иностранныхъ или полурусскихъ профессоровъ и адъюнктовъ, которые были въ состояніи „преподавать свои наставленія на россійскомъ языкѣ".

Одною изъ мѣръ, весьма рано практиковавшеюся казанскимъ университетомъ въ видахъ обезпеченія бо́льшей успѣшности научныхъ работъ студентовъ, являлось учрежденіе практическихъ занятій—въ видѣ собесѣдованій, состязаній, письменныхъ упражненій, экскурсій, осмотровъ. Эти практическія занятія предусматривались, подъ наименованіемъ „бесѣдъ", уже университетскимъ уставомъ 5-го ноября 1804 года: „Желательно,—заявляетъ § 119-ый этого устава,—чтобы профессоры нѣкоторыхъ наукъ, особливо словесныхъ, философическихъ и юридическихъ, учредили бесѣды съ студентами, въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять

* Это письмо принадлежитъ къ серіи писемъ проф. Броннера, не сохранившихся въ его аарауских рукописяхъ, а потому и не вошедшихъ въ изданіе проф. Нагуевскаго. Они хранятся въ университетскомъ архивѣ, въ «Собраніи писемъ и пр.» (см. здѣсь папку «Матеріалы Броннера»).

свои мысли; а для удержанія при университетѣ латинской литературы желательно, что бы въ бесѣдахъ сихъ употребляемъ былъ, преимущественно, латинскій языкъ". Пожеланіе, оказавшееся, на практикѣ, совершенно платоническимъ, такъ какъ уровень знанія студентами латинскаго языка не только устранялъ возможность „бесѣдъ" на этомъ языкѣ, но не давалъ имъ даже, какъ мы это видѣли, возможности понимать преподававшіяся на немъ лекціи.

Вопросъ объ организаціи „бесѣдъ" съ студентами впервые поставленъ былъ на обсужденіе совѣта уже весною слѣдующаго за основаніемъ университета года. Въ засѣданіи совѣта 10-го марта 1806 года профессоръ-директоръ Яковкинъ, напомнивъ § 119-ый устава, предложилъ вопросъ: „Во исполненіе онаго высочайше утвержденнаго постановленія не соблаговолитъ ли кто изъ г.г. профессоровъ означенныхъ кафедръ учредить бесѣдованія со студентами казенными въ извѣстное время, хотя по одному разу въ недѣлю и что бъ, учинивъ о семъ постановленіе въ совѣтѣ, донести о томъ его превосходительству г. попечителю?" Въ отвѣтъ на этотъ запросъ послѣдовало постановленіе: „Разсуждать о семъ въ другое собраніе"—но этого дальнѣйшаго коллегіальнаго разсужденія относительно практическихъ занятій такъ и не послѣдовало. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что это постановленіе явилось скрытымъ отказомъ отъ веденія практическихъ занятій; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ своемъ къ попечителю отъ 10-го апрѣля, Яковкинъ высказываетъ сожалѣніе, что „господа профессоры словесныхъ, философическихъ и юридическихъ наукъ, по сдѣланному отъ меня, согласно съ § 119-мъ устава университетскаго, предложенію, отказались отъ учрежденія бесѣдованій со студентами подъ тѣмъ видомъ, что они въ продолженіи лекцій посвящаютъ нѣкоторое время на таковыя съ ними бесѣдованія,—но все усовершается временемъ!"—добавляетъ онъ по этому поводу. Если никакого опредѣленнаго постановленія по этому вопросу и не состоялось, тѣмъ не менѣе бесѣды по отдѣльнымъ предметамъ несомнѣнно велись уже въ первую половину 1807 года, какъ это усматривается изъ заслушаннаго въ засѣданіи совѣта 16-го октября этого года изъявленія благодарности попечителя профессору Бюнеману и адъюнкту Эриху за то, что они „согласились имѣть бесѣды со студентами, какія въ уставѣ университету казанскому предписаны", первый—по правовѣдѣнію, второй—по греческой словесности; въ этомъ же попечительскомъ предложеніи рекомендовалось завести практическія упражненія и по словесности латинской, возложивъ это дѣло на гимназическихъ учителей средняго и высшаго латинскаго классовъ.

свои мысли; а для удержанія при университетѣ латинской литературы желательно, что бы въ бесѣдахъ сихъ употребляемъ былъ, преимущественно, латинскій языкъ". Пожеланіе, оказавшееся, на практикѣ, совершенно платоническимъ, такъ какъ уровень знанія студентами латинскаго языка не только устранялъ возможность „бесѣдъ" на этомъ языкѣ, но не давалъ имъ даже, какъ мы это видѣли, возможности понимать преподававшіяся на немъ лекціи.

Вопросъ объ организаціи „бесѣдъ" съ студентами впервые поставленъ былъ на обсужденіе совѣта уже весною слѣдующаго за основаніемъ университета года. Въ засѣданіи совѣта 10-го марта 1806 года профессоръ-директоръ Яковкинъ, напомнивъ § 119-ый устава, предложилъ вопросъ: „Во исполненіе онаго высочайше утвержденнаго постановленія не соблаговолитъ ли кто изъ г.г. профессоровъ означенныхъ кафедръ учредить бесѣдованія со студентами казенными въ извѣстное время, хотя по одному разу въ недѣлю и что бъ, учинивъ о семъ постановленіе въ совѣтѣ, донести о томъ его превосходительству г. попечителю?" Въ отвѣтъ на этотъ запросъ послѣдовало постановленіе: „Разсуждать о семъ въ другое собраніе"—но этого дальнѣйшаго коллегіальнаго разсужденія относительно практическихъ занятій такъ и не послѣдовало. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что это постановленіе явилось скрытымъ отказомъ отъ веденія практическихъ занятій; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ своемъ къ попечителю отъ 10-го апрѣля, Яковкинъ высказываетъ сожалѣніе, что „господа профессоры словесныхъ, философическихъ и юридическихъ наукъ, по сдѣланному отъ меня, согласно съ § 119-мъ устава университетскаго, предложенію, отказались отъ учрежденія бесѣдованій со студентами подъ тѣмъ видомъ, что они въ продолженіи лекцій посвящаютъ нѣкоторое время на таковыя съ ними бесѣдованія,—но все усовершается временемъ!"—добавляетъ онъ по этому поводу. Если никакого опредѣленнаго постановленія по этому вопросу и не состоялось, тѣмъ не менѣе бесѣды по отдѣльнымъ предметамъ несомнѣнно велись уже въ первую половину 1807 года, какъ это усматривается изъ заслушаннаго въ засѣданіи совѣта 16-го октября этого года изъявленія благодарности попечителя профессору Бюнеману и адъюнкту Эриху за то, что они „согласились имѣть бесѣды со студентами, какія въ уставѣ университету казанскому предписаны", первый—по правовѣдѣнію, второй—по греческой словесности; въ этомъ же попечительскомъ предложеніи рекомендовалось завести практическія упражненія и по словесности латинской, возложивъ это дѣло на гимназическихъ учителей средняго и высшаго латинскаго классовъ.

Бо́льшее оживленіе получаютъ практическія занятія въ теченіи 1807—1808 учебнаго года. Съ осени 1807 года бесѣды и упражненія съ студентами, кромѣ профессора Бюнемана и адъюнкта Эриха, ведутъ также адъюнкты Запольскій, Эвестъ, учитель гимназіи Стефани и студентъ Перевощиковъ (Д. М.), какъ свидѣтельствуютъ о томъ слѣдующія записи въ инспекторскомъ журналѣ того времени:

„5-го сентября объявлено, что, въ силу § 119-го высочайшаго устава университета, г. профессоръ Бюнеманъ будетъ имѣть со студентами по четвергамъ, въ шесть часовъ пополудни, ученыя бесѣды".

„12-го сентября объявлено, что г. Стефани, учитель гимназіи высшаго нѣмецкаго класса, будетъ заниматься съ студентами разъ въ недѣлю, пополудни въ субботу отъ двухъ до четырехъ часовъ, чтеніемъ моральныхъ сочиненій Геллерта".

„18-го сентября объявлено, что г. адъюнктъ Эрихъ будетъ имѣть со студентами по пятницамъ, пополудни въ шесть часовъ, ученыя бесѣды".

„18-го сентября объявлено, что студентъ г. Перевощиковъ (Д. М.), для бо́льшаго образованія въ преподаваніи физики, будетъ занимать г.г. студентовъ, два раза въ недѣлю, подъ руководствомъ адъюнкта г. Запольскаго".

„25-го сентября объявлено, что г.г. адъюнкты Запольскій и Эвестъ будутъ имѣть со студентами ученыя бесѣды, первый въ понедѣльникъ, пополудни въ шесть часовъ, на россійскомъ языкѣ, о разныхъ матеріяхъ, а второй во вторникъ, пополудни въ шесть часовъ, на нѣмецкомъ".

Въ 1807 году велись практическія занятія съ студентами, по греческимъ древностямъ, и профессоромъ Сторлемъ, которыя начались еще въ 1806 году, какъ это видно изъ объявленной ему 7-го января 1807 года благодарности попечителя, изъ которой усматривается также, что эти занятія велись имъ въ помѣщеніи университетской библіотеки, при помощи имѣвшихся въ ней пособій по этому предмету. Къ практическимъ занятіямъ студентовъ могутъ быть причислены и письменныя работы ихъ на темы, заданныя осенью 1808 года, въ виду предстоявшаго 14-го февраля слѣдующаго 1809 года чествованія четырехлѣтней годовщины основанія университета, причемъ было постановлено, что эти работы предназначаются „не для чтенія оныхъ въ публичномъ собраніи, а для усмотрѣнія совѣтомъ дарованій каждаго изъ студентовъ"; темы эти были заданы профессорами Фуксомъ, Бартельсомъ, Френомъ и Фойгтомъ. Осенью 1809 года изъявилъ желаніе открыть съ студентами практическія упражненія по русской сло-

Бóльшее оживленіе получаютъ практическія занятія въ теченіи 1807—1808 учебнаго года. Съ осени 1807 года бесѣды и упражненія съ студентами, кромѣ профессора Бюнемана и адъюнкта Эриха, ведутъ также адъюнкты Запольскій, Эвестъ, учитель гимназіи Стефани и студентъ Перевощиковъ (Д. М.), какъ свидѣтельствуютъ о томъ слѣдующія записи въ инспекторскомъ журналѣ того времени:

„5-го сентября объявлено, что, въ силу § 119-го высочайшаго устава университета, г. профессоръ Бюнеманъ будетъ имѣть со студентами по четвергамъ, въ шесть часовъ пополудни, ученыя бесѣды".

„12-го сентября объявлено, что г. Стефани, учитель гимназіи высшаго нѣмецкаго класса, будетъ заниматься съ студентами разъ въ недѣлю, пополудни въ субботу отъ двухъ до четырехъ часовъ, чтеніемъ моральныхъ сочиненій Геллерта".

„18-го сентября объявлено, что г. адъюнктъ Эрихъ будетъ имѣть со студентами по пятницамъ, пополудни въ шесть часовъ, ученыя бесѣды".

„18-го сентября объявлено, что студентъ г. Перевощиковъ (Д. М.), для бóльшаго образованія въ преподаваніи физики, будетъ занимать г.г. студентовъ, два раза въ недѣлю, подъ руководствомъ адъюнкта г. Запольскаго".

„25-го сентября объявлено, что г.г. адъюнкты Запольскій и Эвестъ будутъ имѣть со студентами ученыя бесѣды, первый въ понедѣльникъ, пополудни въ шесть часовъ, на россійскомъ языкѣ, о разныхъ матеріяхъ, а второй во вторникъ, пополудни въ шесть часовъ, на нѣмецкомъ".

Въ 1807 году велись практическія занятія съ студентами, по греческимъ древностямъ, и профессоромъ Сторлемъ, которыя начались еще въ 1806 году, какъ это видно изъ объявленной ему 7-го января 1807 года благодарности попечителя, изъ которой усматривается также, что эти занятія велись имъ въ помѣщеніи университетской библіотеки, при помощи имѣвшихся въ ней пособій по этому предмету. Къ практическимъ занятіямъ студентовъ могутъ быть причислены и письменныя работы ихъ на темы, заданныя осенью 1808 года, въ виду предстоявшаго 14-го февраля слѣдующаго 1809 года чествованія четырехлѣтней годовщины основанія университета, причемъ было постановлено, что эти работы предназначаются „не для чтенія оныхъ въ публичномъ собраніи, а для усмотрѣнія совѣтомъ дарованій каждаго изъ студентовъ"; темы эти были заданы профессорами Фуксомъ, Бартельсомъ, Френомъ и Фойгтомъ. Осенью 1809 года изъявилъ желаніе открыть съ студентами практическія упражненія по русской сло-

весности магистръ В. М. Перевощиковъ, по поводу чего онъ и вошелъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ рапортомъ отъ 13-го сентября:

„Желая по мѣрѣ способностей и силъ моихъ споспѣшествовать успѣхамъ г.г. студентовъ въ россійской словесности, я намѣренъ съ желающими изъ нихъ открыть каждую недѣлю, по субботамъ, бесѣды, на коихъ буду предлагать имъ для перевода лучшія мѣста, а иногда и цѣлыя сочиненія изъ латинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей, нѣкоторыя, для произволящихъ, матеріи для упражненія въ сочиненіяхъ и разсматривать съ ними всѣ сіи переводы и сочиненія, замѣчая недостатки оныхъ“.

Совѣтъ постановилъ объявить магистру Перевощикову, что онъ „на таковое его добровольное пожертвованіе (sic) согласенъ“ и, слѣдомъ затѣмъ, открылись и самыя практическія упражненія по русской словесности, оставившія по себѣ слѣдъ въ архивѣ университета въ „собраніи разныхъ упражненій г.г. студентовъ казанскаго университета, веденныхъ подъ руководствомъ магистра россійской словесности Перевощикова“, помѣченномъ 1810-мъ годомъ и заключающемъ въ себѣ 122 полулиста письменныхъ работъ студентовъ *. Въ апрѣлѣ 1811 года объявлено было намѣреніе „заниматься со студентами бесѣдою по однажды въ недѣлю“ и профессоромъ россійской словесности Городчаниновымъ, а 6-го сентября того же года въ совѣтѣ было постановлено: „Какъ предположено отъ г.г. профессоровъ Германа, Эриха и Городчанинова имѣть со студентами бесѣды“, то и назначить для этихъ бесѣдъ недѣльную часовую норму, „а именно отъ половины седьмого до половины восьмого часа пополудни, г.г. профессору Герману—въ среду, проф. Эриху—во вторникъ, проф. Городчанинову—въ понедѣльникъ“.

Несомнѣнно, что къ категоріи практическихъ упражненій могутъ быть отнесены и приватныя занятія на-дому, назначавшіяся нѣкоторыми профессорами наиболѣе успѣвающимъ слушателямъ своимъ; такъ, въ октябрѣ 1811 года профессоръ Бартельсъ представлялъ совѣту, что „съ г. Лобачевскимъ (Н. И.) будетъ особенно на дому у себя заниматься четыре часа въ недѣлю, по четвергамъ и субботамъ отъ девяти до одиннад-

---

* Архивъ каз. унив., Сов. 1810 г., № 66. Въ числѣ включенныхъ въ это собраніе письменныхъ работъ могутъ быть указаны, въ видѣ примѣра: «Переводъ изъ записокъ Юлія Цезаря о войнѣ съ галлами» (неизвѣстнаго переводчика), «Разборъ похвальнаго слова Екатеринѣ II, сочиненнаго г. Карамзинымъ» (В. Панаева), «Разборъ похвальнаго слова императрицѣ Елисаветѣ, сочиненнаго г. Ломоносовымъ» (И. Попова), «Рѣчь М. Т. Цицерона за стихотворца Авла Лицинія Архія» и др.

весности магистръ В. М. Перевощиковъ, по поводу чего онъ и вошелъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ рапортомъ отъ 13-го сентября:

„Желая по мѣрѣ способностей и силъ моихъ споспѣшествовать успѣхамъ г.г. студентовъ въ россійской словесности, я намѣренъ съ желающими изъ нихъ открыть каждую недѣлю, по субботамъ, бесѣды, на коихъ буду предлагать имъ для перевода лучшія мѣста, а иногда и цѣлыя сочиненія изъ латинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей, нѣкоторыя, для произволящихъ, матеріи для упражненія въ сочиненіяхъ и разсматривать съ ними всѣ сіи переводы и сочиненія, замѣчая недостатки оныхъ".

Совѣтъ постановилъ объявить магистру Перевощикову, что онъ „на таковое его добровольное пожертвованіе (sic) согласенъ" и, слѣдомъ затѣмъ, открылись и самыя практическія упражненія по русской словесности, оставившія по себѣ слѣдъ въ архивѣ университета въ „собраніи разныхъ упражненій г.г. студентовъ казанскаго университета, веденныхъ подъ руководствомъ магистра россійской словесности Перевощикова", помѣченномъ 1810-мъ годомъ и заключающемъ въ себѣ 122 полулиста письменныхъ работъ студентовъ *. Въ апрѣлѣ 1811 года объявлено было намѣреніе „заниматься со студентами бесѣдою по однажды въ недѣлю" и профессоромъ россійской словесности Городчаниновымъ, а 6-го сентября того же года въ совѣтѣ было постановлено: „Какъ предположено отъ г.г. профессоровъ Германа, Эриха и Городчанинова имѣть со студентами бесѣды", то и назначить для этихъ бесѣдъ недѣльную часовую норму, „а именно отъ половины седьмого до половины восьмого часа пополудни, г.г. профессору Герману—въ среду, проф. Эриху—во вторникъ, проф. Городчанинову—въ понедѣльникъ".

Несомнѣнно, что къ категоріи практическихъ упражненій могутъ быть отнесены и приватныя занятія на-дому, назначавшіяся нѣкоторыми профессорами наиболѣе успѣвающимъ слушателямъ своимъ; такъ, въ октябрѣ 1811 года профессоръ Бартельсъ представлялъ совѣту, что „съ г. Лобачевскимъ (Н. И.) будетъ особенно на дому у себя заниматься четыре часа въ недѣлю, по четвергамъ и субботамъ отъ девяти до одиннад-

* Архивъ каз. унив., Сов. 1810 г., № 66. Въ числѣ включенныхъ въ это собраніе письменныхъ работъ могутъ быть указаны, въ видѣ примѣра: «Переводъ изъ записокъ Юлія Цезаря о войнѣ съ галлами» (неизвѣстнаго переводчика), «Разборъ похвальнаго слова Екатеринѣ II, сочиненнаго г. Карамзинымъ» (В. Панаева), «Разборъ похвальнаго слова императрицѣ Елисаветѣ, сочиненнаго г. Ломоносовымъ» (И. Попова), «Рѣчь М. Т. Цицерона за стихотворца Авла Лицинія Архія» и др.

цати часовъ пополудни, ариѳметикою Гауса и изъясненіемъ перваго тома небесной механики г. Лапласа, и, сверхъ того, г. Лобачевскій будетъ объяснять слушателямъ его, г. профессора, чего они неудоразумѣваютъ". Къ практическимъ же занятіямъ студентовъ должны быть отнесены посѣщенія студентами, изучающими технологію, фабрикъ и заводовъ, или поселеніе студентовъ, слушающихъ восточные языки, въ интересахъ практики, въ татарскихъ слободахъ г. Казани, — начинанія, о которыхъ, въ своемъ мѣстѣ, мы уже упоминали [231].

Трудно сказать, насколько твердо и раціонально поставленными, а въ особенности—приносившими дѣйствительную пользу являлись всѣ эти раннія попытки организаціи въ университетѣ практическихъ занятій, * но мы можемъ указать на начинанія профессоровъ Неймана и Солнцева, со стороны которыхъ встрѣчаемъ намѣренія поставить вполнѣ серьезно, научно и цѣлесообразно практическія занятія студентовъ по наукамъ юридическимъ. Организація практическихъ занятій студентовъ по юриспруденціи, намѣчавшаяся проф. Нейманомъ, находилась въ ближайшемъ соотношеніи съ уже извѣстнымъ намъ его же проэктомъ учрежденія при казанскомъ университетѣ литературно-юридическаго общества, въ которомъ, при участіи преподавателей юридическихъ наукъ, стороннихъ членовъ и „успѣвающихъ въ правовѣдѣніи студентовъ", должны были „обсуждаться юридическіе вопросы и факты, вестись примѣрные процессы, даваться консультаціи". Идея этого общества, какъ намъ извѣстно, не получила осуществленія. Убѣжденнымъ поборникомъ необходимости практическихъ занятій для студентовъ позже выступилъ проф. Солнцевъ, горячо ратовавшій за самое тѣсное соединеніе, въ дѣлѣ университетскаго преподаванія юриспруденціи, теоріи съ практикою, вообще, въ видахъ чего онъ устраивалъ въ своей аудиторіи чтеніе студентами рефератовъ и состязанія по нимъ, а въ представленномъ въ факультетъ „мнѣніи о способѣ преподаванія юридическихъ наукъ" начертываетъ слѣдующую организацію практическихъ занятій: „Можно слушателей пріучить къ сочиненію краткихъ демонстрацій, также къ диспутамъ,—заявляетъ здѣсь проф. Солнцевъ;—можно слушателямъ въ классѣ дозволять себѣ дѣлать возраженія (objectiones) и на оныя дѣлать рѣшенія, но не прежде, какъ когда таковыя

* Встрѣчались и такія «практическія занятія», какія,—по свидѣтельству Магницкаго,—изобрѣталъ, напримѣръ, престарѣлый проф. Германъ, въ лицахъ изображавшій съ своими слушателями античныя миѳологическія группы, въ которыхъ самъ онъ представлялъ Юпитера-Громовержца, а его студенты—трехъ грацій (см. выше стр. 475).

цати часовъ пополудни, ариѳметикою Гауса и изъясненіемъ перваго тома небесной механики г. Лапласа, и, сверхъ того, г. Лобачевскій будетъ объяснять слушателямъ его, г. профессора, чего они неудоразумѣваютъ". Къ практическимъ же занятіямъ студентовъ должны быть отнесены посѣщенія студентами, изучающими технологію, фабрикъ и заводовъ, или поселеніе студентовъ, слушающихъ восточные языки, въ интересахъ практики, въ татарскихъ слободахъ г. Казани, — начинанія, о которыхъ, въ своемъ мѣстѣ, мы уже упоминали [231].

Трудно сказать, насколько твердо и раціонально поставленными, а въ особенности—приносившими дѣйствительную пользу являлись всѣ эти раннія попытки организаціи въ университетѣ практическихъ занятій, * но мы можемъ указать на начинанія профессоровъ Неймана и Солнцева, со стороны которыхъ встрѣчаемъ намѣренія поставить вполнѣ серьезно, научно и цѣлесообразно практическія занятія студентовъ по наукамъ юридическимъ. Организація практическихъ занятій студентовъ по юриспруденціи, намѣчавшаяся проф. Нейманомъ, находилась въ ближайшемъ соотношеніи съ уже извѣстнымъ намъ его же проэктомъ учрежденія при казанскомъ университетѣ литературно-юридическаго общества, въ которомъ, при участіи преподавателей юридическихъ наукъ, стороннихъ членовъ и „успѣвающихъ въ правовѣдѣніи студентовъ", должны были „обсуждаться юридическіе вопросы и факты, вестись примѣрные процессы, даваться консультаціи". Идея этого общества, какъ намъ извѣстно, не получила осуществленія. Убѣжденнымъ поборникомъ необходимости практическихъ занятій для студентовъ позже выступилъ проф. Солнцевъ, горячо ратовавшій за самое тѣсное соединеніе, въ дѣлѣ университетскаго преподаванія юриспруденціи, теоріи съ практикою, вообще, въ видахъ чего онъ устраивалъ въ своей аудиторіи чтеніе студентами рефератовъ и состязанія по нимъ, а въ представленномъ въ факультетъ „мнѣніи о способѣ преподаванія юридическихъ наукъ" начертываетъ слѣдующую организацію практическихъ занятій: „Можно слушателей пріучить къ сочиненію краткихъ демонстрацій, также къ диспутамъ,—заявляетъ здѣсь проф. Солнцевъ;—можно слушателямъ въ классѣ дозволять себѣ дѣлать возраженія (objectiones) и на оныя дѣлать рѣшенія, но не прежде, какъ когда таковыя

* Встрѣчались и такія «практическія занятія», какія,—по свидѣтельству Магницкаго,—изобрѣталъ, напримѣръ, престарѣлый проф. Германъ, въ лицахъ изображавшій съ своими слушателями античныя миѳологическія группы, въ которыхъ самъ онъ представлялъ Юпитера-Громовержца, а его студенты—трехъ грацій (см. выше стр. 475).

объекціи будутъ даны на разрѣшеніе другимъ слушателямъ; сбивчивыя и неправильныя ихъ рѣшенія—поправлять; такожъ преподаватель можетъ отъ себя предлагать слушателямъ возраженія и требовать отъ нихъ рѣшеній".

Отмѣтимъ еще одно начинаніе, направленное къ пріобрѣтенію студентами свѣдѣній практическаго характера. Попечитель округа Румовскій въ 1806 году вошелъ въ совѣтъ съ предложеніемъ отъ 7-го іюня, въ которомъ предписывалъ учредить при университетѣ, для студентовъ и старшихъ гимназистовъ, особый бухгалтерскій классъ „для обученія бухгалтеріи, которая въ общежитіи повсемѣстно почитается нужною"; этотъ классъ поручался бухгалтеру гимназіи Ахматову, которому и было опредѣлено за этотъ трудъ особое вознагражденіе въ размѣрѣ 150-ти рублей въ годъ [232].

Что бы покончить съ общимъ вопросомъ объ учебныхъ занятіяхъ студентовъ, коснемся еще вопроса объ интенсивности ихъ занятій—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія распредѣленія ихъ по аудиторіямъ и количества учебныхъ (лекціонныхъ) часовъ, выпадавшихъ на ихъ долю. Данныя въ этомъ отношеніи находимъ мы въ записяхъ инспекторскаго журнала за 1809 годъ, гдѣ приводятся весьма любопытныя свѣдѣнія объ организаціи учебныхъ занятій и о распредѣленіи учебнаго времени по университету, вообще. Интересны здѣсь, прежде всего, указанія на количество слушателей у каждаго изъ преподавателей въ отдѣльности, относящіяся къ началу 1809 года. Оказывается, что имѣли слушателей: адъюнктъ Эрихъ (по латинскому языку)—16, адъюнктъ Запольскій (по временному преподаванію россійской словесности)—32, онъ же (по физикѣ)—21, профессоръ Яковкинъ (русская исторія, географія и статистика)—16, адъюнктъ Миллеръ (всеобщая исторія, географія и статистика)—12, профессоръ Бартельсъ (чистая математика)—4, магистръ Никольскій (математика)—16, профессоръ Фойгтъ (философія)—14, профессоръ Германъ (латинская словесность)—17, профессоръ Фуксъ (естественная исторія)—23, профессоръ Френъ (восточные языки)—6, профессоръ Сторль (по эстетикѣ и древностямъ)—22, онъ же (по греческой словесности)—5, адъюнктъ Эвестъ (химія и матерія-медика)—9, профессоръ Браунъ (анатомія, физіологія и судебная врачебная наука)—1, адъюнктъ Вуттигъ (химія, технологія и фармацевтика)—8, профессоръ Реннеръ (прикладная математика)—3, учитель Крюковъ (рисованіе и живопись)—10.

Невольно поражаетъ, далѣе, количество лекціонныхъ часовъ, выпадавшихъ на долю каждаго студента. Нормальное число недѣльныхъ лекціон-

объекціи будутъ даны на разрѣшеніе другимъ слушателямъ; сбивчивыя и неправильныя ихъ рѣшенія—поправлять; также преподаватель можетъ отъ себя предлагать слушателямъ возраженія и требовать отъ нихъ рѣшеній".

Отмѣтимъ еще одно начинаніе, направленное къ пріобрѣтенію студентами свѣдѣній практическаго характера. Попечитель округа Румовскій въ 1806 году вошелъ въ совѣтъ съ предложеніемъ отъ 7-го іюня, въ которомъ предписывалъ учредить при университетѣ, для студентовъ и старшихъ гимназистовъ, особый бухгалтерскій классъ „для обученія бухгалтеріи, которая въ общежитіи повсемѣстно почитается нужною"; этотъ классъ поручался бухгалтеру гимназіи Ахматову, которому и было опредѣлено за этотъ трудъ особое вознагражденіе въ размѣрѣ 150-ти рублей въ годъ [232].

Что бы покончить съ общимъ вопросомъ объ учебныхъ занятіяхъ студентовъ, коснемся еще вопроса объ интенсивности ихъ занятій—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія распредѣленія ихъ по аудиторіямъ и количества учебныхъ (лекціонныхъ) часовъ, выпадавшихъ на ихъ долю. Данныя въ этомъ отношеніи находимъ мы въ записяхъ инспекторскаго журнала за 1809 годъ, гдѣ приводятся весьма любопытныя свѣдѣнія объ организаціи учебныхъ занятій и о распредѣленіи учебнаго времени по университету, вообще. Интересны здѣсь, прежде всего, указанія на количество слушателей у каждаго изъ преподавателей въ отдѣльности, относящіяся къ началу 1809 года. Оказывается, что имѣли слушателей: адъюнктъ Эрихъ (по латинскому языку)—16, адъюнктъ Запольскій (по временному преподаванію россійской словесности)—32, онъ же (по физикѣ)—21, профессоръ Яковкинъ (русская исторія, географія и статистика)—16, адъюнктъ Миллеръ (всеобщая исторія, географія и статистика)—12, профессоръ Бартельсъ (чистая математика)—4, магистръ Никольскій (математика)—16, профессоръ Фойгтъ (философія)—14, профессоръ Германъ (латинская словесность)—17, профессоръ Фуксъ (естественная исторія)—23, профессоръ Френъ (восточные языки)—6, профессоръ Сторль (по эстетикѣ и древностямъ)—22, онъ же (по греческой словесности)—5, адъюнктъ Эвестъ (химія и матерія-медика)—9, профессоръ Браунъ (анатомія, физіологія и судебная врачебная наука)—1, адъюнктъ Вуттигъ (химія, технологія и фармацевтика)—8, профессоръ Реннеръ (прикладная математика)—3, учитель Крюковъ (рисованіе и живопись)—10.

Невольно поражаетъ, далѣе, количество лекціонныхъ часовъ, выпадавшихъ на долю каждаго студента. Нормальное число недѣльныхъ лекціон-

ныхъ часовъ опредѣлено было—въ 48, т. е. по восьми часовъ въ день Изъ этого нормальнаго количество часовъ слушали въ недѣлю:

2 студента	40 часовъ,	оставляя	незанятыми	8	часовъ.
6 студентовъ.	38 „	„	„	10	„
4 студента	36 „	„	„	12	„
8 студентовъ.	34 „	„	„	14	„
1 студентъ.	32 „	„	„	16	„
2 студента	30 „	„	„	18	„
3 студента	28 „	„	„	20	„
2 студента	26 „	„	„	22	„
3 студента	24 „	„	„	24	„
1 студентъ.	16 „	„	„	32	„

Если мы примемъ во вниманіе, что изъ этого распредѣленія часовъ исключены: практическія преподаванія (семинаріи) студентовъ, готовящихся въ учителя, уроки „пріятныхъ искусствъ", вечернія „бесѣды" (практическія занятія), экскурсіи и другія внѣ-аудиторныя занятія—то мы должны будемъ признать весьма значительнымъ среднее количество недѣльныхъ лекціонныхъ часовъ, выпадавшихъ на долю каждаго студента [233].

Къ числу условій, неблагопріятно отзывавшихся на общемъ уровнѣ успѣшности научныхъ занятій въ казанскомъ университетѣ, должно быть отнесено и неисправное посѣщеніе студентами лекцій, порою принимавшее отпечатокъ явленія положительно хроническаго характера, съ которымъ университетскому начальству приходилось вести упорную борьбу. Обусловливалось это явленіе не всегда однимъ только нерадѣніемъ къ наукѣ и лѣнью, но въ довольно значительной мѣрѣ обусловливалось оно и тѣмъ характеромъ чтенія многихъ курсовъ, о которомъ уже не разъ было нами говорено и при которомъ молодежи приходилось безучастно высиживать на лекціяхъ, которыхъ она не только не въ состояніи была усвоить, но даже и понять. Какъ бы то ни было, но нерасположеніе учащихся,—не говоримъ, само собою разумѣется, объ отдѣльныхъ исключеніяхъ,—къ слушанію университетскихъ лекцій и стремленіе всячески отдѣлаться отъ этой „повинности", представляло собою отрицательную черту въ общемъ учебномъ строѣ, съ которою казанскому университету приходилось бороться уже въ начальныя поры своего существованія.

Отсутствіе сознанія въ пользѣ и необходимости образованія,—по крайней мѣрѣ образованія въ той формѣ, въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ направленіи, въ какомъ предлагали его университеты,—составляло отли-

ныхъ часовъ опредѣлено было—въ 48, т. е. по восьми часовъ въ день Изъ этого нормальнаго количество часовъ слушали въ недѣлю:

2 студента	40 часовъ,	оставляя	незанятыми	8	часовъ.
6 студентовъ.	38 „	„	„	10	„
4 студента	36 „	„	„	12	„
8 студентовъ.	34 „	„	„	14	„
1 студентъ.	32 „	„	„	16	„
2 студента	30 „	„	„	18	„
3 студента	28 „	„	„	20	„
2 студента	26 „	„	„	22	„
3 студента	24 „	„	„	24	„
1 студентъ.	16 „	„	„	32	„

Если мы примемъ во вниманіе, что изъ этого распредѣленія часовъ исключены: практическія преподаванія (семинаріи) студентовъ, готовящихся въ учителя, уроки „пріятныхъ искусствъ", вечернія „бесѣды" (практическія занятія), экскурсіи и другія внѣ-аудиторныя занятія—то мы должны будемъ признать весьма значительнымъ среднее количество недѣльныхъ лекціонныхъ часовъ, выпадавшихъ на долю каждаго студента [233].

Къ числу условій, неблагопріятно отзывавшихся на общемъ уровнѣ успѣшности научныхъ занятій въ казанскомъ университетѣ, должно быть отнесено и неисправное посѣщеніе студентами лекцій, порою принимавшее отпечатокъ явленія положительно хроническаго характера, съ которымъ университетскому начальству приходилось вести упорную борьбу. Обусловливалось это явленіе не всегда однимъ только нерадѣніемъ къ наукѣ и лѣнью, но въ довольно значительной мѣрѣ обусловливалось оно и тѣмъ характеромъ чтенія многихъ курсовъ, о которомъ уже не разъ было нами говорено и при которомъ молодежи приходилось безучастно высиживать на лекціяхъ, которыхъ она не только не въ состояніи была усвоить, но даже и понять. Какъ бы то ни было, но нерасположеніе учащихся,—не говоримъ, само собою разумѣется, объ отдѣльныхъ исключеніяхъ,—къ слушанію университетскихъ лекцій и стремленіе всячески отдѣлаться отъ этой „повинности", представляло собою отрицательную черту въ общемъ учебномъ строѣ, съ которою казанскому университету приходилось бороться уже въ начальныя поры своего существованія.

Отсутствіе сознанія въ пользѣ и необходимости образованія,—по крайней мѣрѣ образованія въ той формѣ, въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ направленіи, въ какомъ предлагали его университеты,—составляло отли-

чительную особенность огромнаго большинства русскаго общества той эпохи, къ которой относится наше повѣствованіе, когда еще живы были въ немъ не только отголоски, но современники и даже носители умо-воззрѣній, которыя съ такою безпощадностью обличалъ въ концѣ XVIII-го вѣка фонъ-Визинъ. Это нерасположеніе общества къ высшему гражданскому образованію, наряду съ его стремленіемъ къ карьерѣ милитаризма, было явленіемъ отрицательнаго характера, съ которымъ доводилось, въ извѣстныя поры своей жизни, считаться всѣмъ старымъ русскимъ университетамъ, а въ числѣ ихъ, и въ степени, по многимъ причинамъ, особенно значительной—и университету казанскому. На этой то почвѣ наблюдается стремленіе части университетской молодежи совершенно отдѣлаться отъ науки, которое, чаще всего, и отливалось въ форму ухода изъ университетскихъ аудиторій въ военную службу, причемъ этотъ переходъ въ военную службу временами принималъ, какъ мы это уже видѣли, характеръ не только массовый, но и демонстративный по отношенію къ университету, сопровождаясь рѣзкими выходками, въ которыхъ сказывалось неуваженіе какъ къ университету, такъ и къ представляемой имъ наукѣ *. Въ весьма многихъ случаяхъ истинные мотивы этого оставленія университета для вступленія въ военную службу настолько прозрачно прикрывались напускными побужденіями патріотическаго характера, что попытки подобнаго рода встрѣчали отпоръ со стороны начальства даже въ такія тяжелыя для русской жизни годины патріотической борьбы, какою явился приснопамятный „двѣнадцатый“ годъ. Такъ, въ августѣ 1812 года совѣтъ университета отказалъ въ увольненіи цѣлой группѣ казенныхъ студентовъ, изъявившихъ желаніе уйти въ военную службу, а студенту Сычугову, аналогичное прошеніе котораго восходило на разрѣшеніе министра, было предписано „внушить, что во всякомъ родѣ службы можно быть полезнымъ отечеству, если только съ ревностью исполнять возложенную правительствомъ обязанность“; стремленіе молодежи уходить въ военную службу продолжало оставаться, не взирая на все это, настолько сильнымъ, что въ половинѣ декабря пришлось объявить распоряженіе попечителя о томъ, что бы казенные студенты ни подъ какимъ видомъ не увольнялись въ военную службу „по той причинѣ, что, по недостаточному числу оныхъ, самый университетъ имѣетъ въ нихъ необходимую нужду, дабы г.г. профессоры не остались совсѣмъ безъ занятій“ [234].

---

* См. томъ I, стр. 204—205.

чительную особенность огромнаго большинства русскаго общества той эпохи, къ которой относится наше повѣствованіе, когда еще живы были въ немъ не только отголоски, но современники и даже носители умовоззрѣній, которыя съ такою безпощадностью обличалъ въ концѣ XVIII-го вѣка фонъ-Визинъ. Это нерасположеніе общества къ высшему гражданскому образованію, наряду съ его стремленіемъ къ карьерѣ милитаризма, было явленіемъ отрицательнаго характера, съ которымъ доводилось, въ извѣстныя поры своей жизни, считаться всѣмъ старымъ русскимъ университетамъ, а въ числѣ ихъ, и въ степени, по многимъ причинамъ, особенно значительной—и университету казанскому. На этой то почвѣ наблюдается стремленіе части университетской молодежи совершенно отдѣлаться отъ науки, которое, чаще всего, и отливалось въ форму ухода изъ университетскихъ аудиторій въ военную службу, причемъ этотъ переходъ въ военную службу временами принималъ, какъ мы это уже видѣли, характеръ не только массовый, но и демонстративный по отношенію къ университету, сопровождаясь рѣзкими выходками, въ которыхъ сказывалось неуваженіе какъ къ университету, такъ и къ представляемой имъ наукѣ *. Въ весьма многихъ случаяхъ истинные мотивы этого оставленія университета для вступленія въ военную службу настолько прозрачно прикрывались напускными побужденіями патріотическаго характера, что попытки подобнаго рода встрѣчали отпоръ со стороны начальства даже въ такія тяжелыя для русской жизни годины патріотической борьбы, какою явился приснопамятный „двѣнадцатый" годъ. Такъ, въ августѣ 1812 года совѣтъ университета отказалъ въ увольненіи цѣлой группѣ казенныхъ студентовъ, изъявившихъ желаніе уйти въ военную службу, а студенту Сычугову, аналогичное прошеніе котораго восходило на разрѣшеніе министра, было предписано „внушить, что во всякомъ родѣ службы можно быть полезнымъ отечеству, если только съ ревностью исполнять возложенную правительствомъ обязанность"; стремленіе молодежи уходить въ военную службу продолжало оставаться, не взирая на все это, настолько сильнымъ, что въ половинѣ декабря пришлось объявить распоряженіе попечителя о томъ, что бы казенные студенты ни подъ какимъ видомъ не увольнялись въ военную службу „по той причинѣ, что, по недостаточному числу оныхъ, самый университетъ имѣетъ въ нихъ необходимую нужду, дабы г.г. профессоры не остались совсѣмъ безъ занятій" [234].

---

* См. томъ I, стр. 204—205.

Принимая въ соображенiе это подневольное слушанiе университетскихъ курсовъ, а съ другой стороны—разсмотрѣнные нами дефекты самаго учебнаго строя университета, мы не будемъ особенно удивляться хроническому непосѣщенiю студентами лекцiй, о которомъ свидѣтельствуютъ намъ памятники уже первыхъ лѣтъ существованiя казанскаго университета. Не взирая на мѣры контроля надъ посѣщенiемъ студентами лекцiй, выражавшiяся въ рапортахъ „дежурныхъ по классамъ офицеровъ", а затѣмъ въ донесенiяхъ помощниковъ инспектора, это зло казанской университетской жизни возростало съ каждымъ годомъ въ поражающей прогрессiи и достигло особеннаго напряженiя въ началѣ 1812—1813 учебнаго года, въ связи съ мѣрами принудительнаго удержанiя студентовъ въ университетѣ, о которыхъ мы только что говорили. Это упорное уклоненiе отъ классныхъ занятiй охватило собою не только студентовъ, но и старшихъ воспитанниковъ гимназiи, одинъ изъ которыхъ, Ѳеодоръ Сумароковъ, имѣвшiй объясненiе съ инспекторомъ по поводу „частаго отбыванiя его отъ классовъ", категорически заявилъ ему, что онъ „не намѣренъ учиться по причинѣ недостаточныхъ своихъ способностей, такъ какъ онъ въ продолжительную свою въ гимназiи бытность доселѣ ни въ чемъ еще не успѣлъ". Это отвращенiе отъ учебныхъ занятiй бывшiе питомцы гимназiи переносили и въ университетъ. 4-го ноября 1812 года помощникъ инспектора студентовъ магистръ Юнаковъ доносилъ Яковкину, что „господа студенты не посѣщаютъ надлежащимъ образомъ лекцiи, начальствомъ имъ назначенныя; старался я всѣми силами,—продолжаетъ Юнаковъ,—отвратить ихъ отъ таковыхъ поступковъ, званiю студента ни мало не соотвѣтственныхъ, но, видя почти ежедневно продолжающими ихъ поступать по прежнему, вопреки моимъ увѣщанiямъ, почитаю долгомъ своимъ отнестись объ ономъ особымъ вашему высокоблагородiю рапортомъ". Еще раньше того, 27-го марта, помощникъ инспектора адъюнктъ Кондыревъ входилъ въ совѣтъ съ рапортомъ относительно нехожденiя студентовъ на лекцiи, причемъ одинъ изъ нихъ, Смирновъ—„вышелъ изъ предѣловъ всякаго повиновенiя и оказался буйнымъ, замѣченъ будучи въ семъ и прежде", за что, по опредѣленiю совѣта, и посаженъ въ карцеръ.

Весьма вѣроятно, что именно рапортъ магистра Юнакова былъ причиною того, что, въ засѣданiи своемъ отъ 13-го ноября 1812 года, совѣтъ имѣлъ особое сужденiе по вопросу о томъ—„какiя средства употребить для прекращенiя непослушанiя и нерадѣнiя къ наукамъ студентовъ". Кромѣ словесныхъ заявленiй, сдѣланныхъ въ этомъ засѣданiи отдѣльными членами совѣта, въ немъ заслушаны были нѣсколько письменныхъ „мнѣнiй" по

Принимая въ соображенiе это подневольное слушанiе университетскихъ курсовъ, а съ другой стороны—разсмотрѣнные нами дефекты самаго учебнаго строя университета, мы не будемъ особенно удивляться хроническому непосѣщенiю студентами лекцiй, о которомъ свидѣтельствуютъ намъ памятники уже первыхъ лѣтъ существованiя казанскаго университета. Не взирая на мѣры контроля надъ посѣщенiемъ студентами лекцiй, выражавшiяся въ рапортахъ „дежурныхъ по классамъ офицеровъ", а затѣмъ въ донесенiяхъ помощниковъ инспектора, это зло казанской университетской жизни возростало съ каждымъ годомъ въ поражающей прогрессiи и достигло особеннаго напряженiя въ началѣ 1812—1813 учебнаго года, въ связи съ мѣрами принудительнаго удержанiя студентовъ въ университетѣ, о которыхъ мы только что говорили. Это упорное уклоненiе отъ классныхъ занятiй охватило собою не только студентовъ, но и старшихъ воспитанниковъ гимназiи, одинъ изъ которыхъ, Ѳеодоръ Сумароковъ, имѣвшiй объясненiе съ инспекторомъ по поводу „частаго отбыванiя его отъ классовъ", категорически заявилъ ему, что онъ „не намѣренъ учиться по причинѣ недостаточныхъ своихъ способностей, такъ какъ онъ въ продолжительную свою въ гимназiи бытность доселѣ ни въ чемъ еще не успѣлъ". Это отвращенiе отъ учебныхъ занятiй бывшiе питомцы гимназiи переносили и въ университетъ. 4-го ноября 1812 года помощникъ инспектора студентовъ магистръ Юнаковъ доносилъ Яковкину, что „господа студенты не посѣщаютъ надлежащимъ образомъ лекцiи, начальствомъ имъ назначенныя; старался я всѣми силами,—продолжаетъ Юнаковъ,—отвратить ихъ отъ таковыхъ поступковъ, званiю студента ни мало не соотвѣтственныхъ, но, видя почти ежедневно продолжающими ихъ поступать по прежнему, вопреки моимъ увѣщанiямъ, почитаю долгомъ своимъ отнестись объ ономъ особымъ вашему высокоблагородiю рапортомъ". Еще раньше того, 27-го марта, помощникъ инспектора адъюнктъ Кондыревъ входилъ въ совѣтъ съ рапортомъ относительно нехожденiя студентовъ на лекцiи, причемъ одинъ изъ нихъ, Смирновъ—„вышелъ изъ предѣловъ всякаго повиновенiя и оказался буйнымъ, замѣченъ будучи въ семъ и прежде", за что, по опредѣленiю совѣта, и посаженъ въ карцеръ.

Весьма вѣроятно, что именно рапортъ магистра Юнакова былъ причиною того, что, въ засѣданiи своемъ отъ 13-го ноября 1812 года, совѣтъ имѣлъ особое сужденiе по вопросу о томъ—„какiя средства употребить для прекращенiя непослушанiя и нерадѣнiя къ наукамъ студентовъ". Кромѣ словесныхъ заявленiй, сдѣланныхъ въ этомъ засѣданiи отдѣльными членами совѣта, въ немъ заслушаны были нѣсколько письменныхъ „мнѣнiй" по

этому вопросу, весьма характерныхъ уже по самымъ своимъ заглавіямъ. Профессоръ Томасъ озаглавилъ свою записку: „Sententia de methodo supprimendi militaris ingenii et excitandi litterarum studii in academicis et alumnis universitatis et gymnasii casanensis“ *; адъюнктъ Лубкинъ—„Мнѣніе касательно мѣръ въ разсужденіе студентовъ и учениковъ казенныхъ, безуспѣшныхъ по лѣности, своевольныхъ и уклоняющихся отъ своего назначенія“ (представлено также и въ переводѣ на нѣмецкій языкъ); адъюнктъ Кондыревъ—„Мнѣніе о томъ, какъ побудить учащихся въ гимназіи и университетѣ заниматься ученіемъ гораздо прилежнѣе, не уклоняться отъ хожденія на лекціи и имѣть послушаніе къ начальству“; письменное же заявленіе на эту тему, безъ особаго заглавія къ нему, подалъ и профессоръ Сторль. Изъ этихъ мнѣній особенною категоричностью и строгостью отмѣчены мнѣнія, заявленныя адъюнктами Лубкинымъ и Кондыревымъ, которые настаиваютъ на томъ, что бы карою для нерадивыхъ студентовъ явилась именно та военная служба, стремленіемъ къ которой прикрываютъ они свою лѣность и отвращеніе отъ наукъ:

„Поелику всѣ почти изъ таковыхъ (т. е. нерадивыхъ студентовъ) грозятъ своею готовностью поступить въ военную службу, то нынѣ не увольнять ихъ, а отослать для опредѣленія въ оную, какъ въ наказаніе имъ, такъ и въ примѣръ другимъ,—читаемъ въ запискѣ Лубкина.— Ибо они сами, обязавшись приготовлять себя къ ученымъ должностямъ, въ замѣщеніи коихъ великія находятся затрудненія по недостатку людей, тѣмъ самымъ не только не сдержали своего слова и обманули правительство, но и втунѣ обратили казенное иждивеніе, употребленное на нихъ единственно въ сказанной, предполагаемой объ нихъ, надеждѣ“.

Авторъ записки допускаетъ, тѣмъ не менѣе, извѣстную градацію въ опредѣленіи виновности отдѣльныхъ студентовъ, а слѣдовательно и въ примѣненіи къ нимъ мѣры наказанія:

„Поелику изъ нихъ не всѣ одинаково виновны, то о тѣхъ, кои вели себя хорошо, при отправленіи ихъ въ воинскія команды въ вѣдомости сдѣлать отмѣтку, что они только по безнадежности своей, а потому и неспособности къ занятію ученыхъ должностей, туда отправлены; въ разсужденіе же прочихъ прибавить, что и по причинѣ дурнаго и

* То есть: «Мнѣніе о мѣрахъ къ воздержанію отъ увлеченія военною службою и къ побужденію заниматься науками студентовъ и воспитанниковъ казанскихъ университета и гимназіи».

этому вопросу, весьма характерныхъ уже по самымъ своимъ заглавіямъ. Профессоръ Томасъ озаглавилъ свою записку: „Sententia de methodo supprimendi militaris ingenii et excitandi litterarum studii in academicis et alumnis universitatis et gymnasii casanensis“ *; адъюнктъ Лубкинъ—„Мнѣніе касательно мѣръ въ разсужденіе студентовъ и учениковъ казенныхъ, безуспѣшныхъ по лѣности, своевольныхъ и уклоняющихся отъ своего назначенія“ (представлено также и въ переводѣ на нѣмецкій языкъ); адъюнктъ Кондыревъ—„Мнѣніе о томъ, какъ побудить учащихся въ гимназіи и университетѣ заниматься ученіемъ гораздо прилежнѣе, не уклоняться отъ хожденія на лекціи и имѣть послушаніе къ начальству“; письменное же заявленіе на эту тему, безъ особаго заглавія къ нему, подалъ и профессоръ Сторль. Изъ этихъ мнѣній особенною категоричностью и строгостью отмѣчены мнѣнія, заявленныя адъюнктами Лубкинымъ и Кондыревымъ, которые настаиваютъ на томъ, что бы карою для нерадивыхъ студентовъ явилась именно та военная служба, стремленіемъ къ которой прикрываютъ они свою лѣность и отвращеніе отъ наукъ:

„Поелику всѣ почти изъ таковыхъ (т. е. нерадивыхъ студентовъ) грозятъ своею готовностью поступить въ военную службу, то нынѣ не увольнять ихъ, а отослать для опредѣленія въ оную, какъ въ наказаніе имъ, такъ и въ примѣръ другимъ,—читаемъ въ запискѣ Лубкина.— Ибо они сами, обязавшись приготовлять себя къ ученымъ должностямъ, въ замѣщеніи коихъ великія находятся затрудненія по недостатку людей, тѣмъ самымъ не только не сдержали своего слова и обманули правительство, но и втунѣ обратили казенное иждивеніе, употребленное на нихъ единственно въ сказанной, предполагаемой объ нихъ, надеждѣ“.

Авторъ записки допускаетъ, тѣмъ не менѣе, извѣстную градацію въ опредѣленіи виновности отдѣльныхъ студентовъ, а слѣдовательно и въ примѣненіи къ нимъ мѣры наказанія:

„Поелику изъ нихъ не всѣ одинаково виновны, то о тѣхъ, кои вели себя хорошо, при отправленіи ихъ въ воинскія команды въ вѣдомости сдѣлать отмѣтку, что они только по безнадежности своей, а потому и неспособности къ занятію ученыхъ должностей, туда отправлены; въ разсужденіе же прочихъ прибавить, что и по причинѣ дурнаго и

* То есть: «Мнѣніе о мѣрахъ къ воздержанію отъ увлеченія военною службою и къ побужденію заниматься науками студентовъ и воспитанниковъ казанскихъ университета и гимназіи».

строптиваго ихъ поведенія; о первыхъ—дабы не лишить ихъ перспективы къ выслугѣ, о послѣднихъ—дабы примѣръ ихъ внушилъ остающимся ихъ товарищамъ, что упорностью и вольничаньемъ противу начальства они ничего не могутъ выиграть, а все потерять".

Почти къ такимъ же суровымъ заключеніямъ приходитъ и письменное мнѣніе адъюнкта Кондырева. Къ чести совѣта казанскаго университета, эти драконовскія предложенія приняты имъ не были. До насъ не дошли пренія, происходившія въ этомъ засѣданіи, но представляется несомнѣннымъ, что иностранные члены совѣта должны были до глубины души возмутиться исполненными „духа устрашенія" записками обоихъ русскихъ адъюнктовъ и усиленно вотировать противъ принятія выдвинутыхъ въ нихъ безпощадныхъ, даже и для той эпохи, мѣръ. Постановленіе совѣта по этому вопросу свелось лишь къ требованію, что бы „всякому изъ преподавателей самому замѣчать, кто изъ его слушателей не посѣщаетъ его лекцій и объ оныхъ представлять ежемѣсячно особо и подробно", и что бы „объ оказавшихся непослушными и дерзкими представить для донесенія высшему начальству". Жестокія предначертанія Лубкина и Кондырева не нашли себѣ поддержки и въ новомъ попечителѣ Салтыковѣ, который на представленіе совѣта о засѣданіи 13-го ноября отвѣтилъ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 9-го декабря 1812 года:

„Подтвердить ученикамъ гимназіи и студентамъ, что бы съ ихъ стороны строго и съ точностью было наблюдаемо чинопочитаніе и что неповиновеніе ихъ доказываетъ, что они отнюдь не способны къ военной службѣ, въ которую они просятся и гдѣ повиновеніе почитается душою порядка и благоустройства; но когда они и за симъ моимъ подтвержденіемъ будутъ упорствовать и нарушать порядокъ, то противъ сего приняты будутъ такія мѣры, которыя заставятъ ихъ раскаяться.

Что бы студенты и ученики не уклонялись отъ ученія, то смотрѣть, что бы при начатіи онаго никто изъ нихъ не оставался въ комнатахъ и предписать смотрителямъ, что бы они за симъ имѣли неослабное наблюденіе. Преподавателямъ же и учителямъ имѣть списки, кто у нихъ долженъ быть въ классахъ; ежели же кто изъ студентовъ или учениковъ не явится къ ученію, то за таковымъ въ то же время посылать дежурныхъ офицеровъ, въ случаѣ же отзыва о болѣзни—дѣлать тогда же лекарское свидѣтельство" [235].

Событія ближайшихъ дней показали, что ни угрозы, ни предписанныя попечителемъ мѣры контроля—не были въ состояніи побудить молодежь къ болѣе усердному посѣщенію лекцій. Уже 5-го февраля 1813 года

строптиваго ихъ поведенія; о первыхъ—дабы не лишить ихъ перспективы къ выслугѣ, о послѣднихъ—дабы примѣръ ихъ внушилъ остающимся ихъ товарищамъ, что упорностью и вольничаньемъ противу начальства они ничего не могутъ выиграть, а все потерять".

Почти къ такимъ же суровымъ заключеніямъ приходитъ и письменное мнѣніе адъюнкта Кондырева. Къ чести совѣта казанскаго университета, эти драконовскія предложенія приняты имъ не были. До насъ не дошли пренія, происходившія въ этомъ засѣданіи, но представляется несомнѣннымъ, что иностранные члены совѣта должны были до глубины души возмутиться исполненными „духа устрашенія" записками обоихъ русскихъ адъюнктовъ и усиленно вотировать противъ принятія выдвинутыхъ въ нихъ безпощадныхъ, даже и для той эпохи, мѣръ. Постановленіе совѣта по этому вопросу свелось лишь къ требованію, что бы „всякому изъ преподавателей самому замѣчать, кто изъ его слушателей не посѣщаетъ его лекцій и объ оныхъ представлять ежемѣсячно особо и подробно", и что бы „объ оказавшихся непослушными и дерзкими представить для донесенія высшему начальству". Жестокія предначертанія Лубкина и Кондырева не нашли себѣ поддержки и въ новомъ попечителѣ Салтыковѣ, который на представленіе совѣта о засѣданіи 13-го ноября отвѣтилъ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 9-го декабря 1812 года:

„Подтвердить ученикамъ гимназіи и студентамъ, что бы съ ихъ стороны строго и съ точностью было наблюдаемо чинопочитаніе и что неповиновеніе ихъ доказываетъ, что они отнюдь не способны къ военной службѣ, въ которую они просятся и гдѣ повиновеніе почитается душою порядка и благоустройства; но когда они и за симъ моимъ подтвержденіемъ будутъ упорствовать и нарушать порядокъ, то противъ сего приняты будутъ такія мѣры, которыя заставятъ ихъ раскаяться.

Что бы студенты и ученики не уклонялись отъ ученія, то смотрѣть, что бы при начатіи онаго никто изъ нихъ не оставался въ комнатахъ и предписать смотрителямъ, что бы они за симъ имѣли неослабное наблюденіе. Преподавателямъ же и учителямъ имѣть списки, кто у нихъ долженъ быть въ классахъ; ежели же кто изъ студентовъ или учениковъ не явится къ ученію, то за таковымъ въ то же время посылать дежурныхъ офицеровъ, въ случаѣ же отзыва о болѣзни—дѣлать тогда же лекарское свидѣтельство" [235].

Событія ближайшихъ дней показали, что ни угрозы, ни предписанныя попечителемъ мѣры контроля—не были въ состояніи побудить молодежь къ болѣе усердному посѣщенію лекцій. Уже 5-го февраля 1813 года

въ совѣтѣ слушалось представленіе профессора Литтрова о нехожденіи на его лекціи студентовъ, которымъ и было постановлено сдѣлать за то публичный, въ присутствіи всѣхъ товарищей, выговоръ, а подъ 26-мъ числомъ того же мѣсяца мы находимъ въ инспекторскомъ журналѣ слѣдующую запись: „Господа студенты Андреевъ, Саханскій, Бутлеровъ, Макаровъ, Сычуговъ, Овчинниковъ и ученикъ Просвирнинъ, часто замѣчаемые въ уклоненіи отъ лекцій, оказались вновь лѣнивыми, ослушными и грубыми; за таковое ихъ худое поведеніе они лишены отпуска изъ университета на три недѣли, а имена ихъ вписываются въ инспекторскую шнуровую книгу". 28-го мая того же года, въ присутствіи всѣхъ студентовъ, объявленъ былъ „строжайшій" выговоръ шести студентамъ за неаккуратное посѣщеніе лекцій лектора Лейтера и т. п.

Инспекторскій журналъ или „Книга о поведеніи студентовъ" становится особенно обильнымъ данными относительно студенческой жизни,— хотя, преимущественно, съ точки зрѣнія лишь отрицательныхъ ея проявленій, — за время инспектуры профессора Ф. К. Броннера (1814—1817 г.г.), который съ необычайною аккуратностью и педантичностью заносилъ сюда все, нерѣдко даже мелочные, факты и проявленія обыденной студенческой жизни *. Неаккуратное посѣщеніе студентами лекцій, какъ и небреженіе ихъ научными занятіями, вообще, занимаютъ въ этихъ записяхъ весьма видное мѣсто, свидѣтельствуя какъ о распространенности зла, такъ и о безсиліи университетскаго начальства съ нимъ бороться. Это небреженіе учебными обязанностями нерѣдко соединялось и съ грубыми выходками по отношенію къ преподавателямъ. Такъ, въ октябрѣ 1814 года студентъ Веригинъ напрямикъ заявилъ лектору Лейтеру, что онъ „его университетскихъ лекцій посѣщать—не станетъ", а въ маѣ 1816 года Броннеръ счелъ себя вынужденнымъ внушать студентамъ, чтобы они „относились съ бо́льшимъ уваженіемъ къ профессорамъ". 18-го апрѣля 1817 года заключается въ карцеръ студентъ Филаретъ Базилевъ „за грубость и оскорбленіе профессора Кондырева, принесшаго на него серьезную жалобу", а на слѣдующій день тому же наказанію подвергнутъ другой студентъ Базилевъ (Иванъ)—„за рѣдкое посѣщеніе аудиторіи г. Лейтера и за то, что, съ шумомъ войдя въ нее, когда уже началась лекція, немедленно вышелъ и гулялъ по корридору съ товарищами, болтая во время

* Та часть «Книги о поведеніи студентовъ», которая велась, на латинскомъ языкѣ, профес. Броннеромъ (9 іюля 1814 г.—11 сент. 1817 г., стран. 55—90), издана, въ латинскомъ подлинникѣ и его русскомъ переводѣ, подъ названіемъ «Дневника проф. Ф. К. Броннера», въ уже извѣстной намъ книгѣ Д. И. Нагуевскаго: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.».

въ совѣтѣ слушалось представленіе профессора Литтрова о нехожденіи на его лекціи студентовъ, которымъ и было постановлено сдѣлать за то публичный, въ присутствіи всѣхъ товарищей, выговоръ, а подъ 26-мъ числомъ того же мѣсяца мы находимъ въ инспекторскомъ журналѣ слѣдующую запись: „Господа студенты Андреевъ, Саханскій, Бутлеровъ, Макаровъ, Сычуговъ, Овчинниковъ и ученикъ Просвирнинъ, часто замѣчаемые въ уклоненіи отъ лекцій, оказались вновь лѣнивыми, ослушными и грубыми; за таковое ихъ худое поведеніе они лишены отпуска изъ университета на три недѣли, а имена ихъ вписываются въ инспекторскую шнуровую книгу". 28-го мая того же года, въ присутствіи всѣхъ студентовъ, объявленъ былъ „строжайшій" выговоръ шести студентамъ за неаккуратное посѣщеніе лекцій лектора Лейтера и т. п.

Инспекторскій журналъ или „Книга о поведеніи студентовъ" становится особенно обильнымъ данными относительно студенческой жизни,— хотя, преимущественно, съ точки зрѣнія лишь отрицательныхъ ея проявленій, — за время инспектуры профессора Ф. К. Броннера (1814— 1817 г.г.), который съ необычайною аккуратностью и педантичностью заносилъ сюда всѣ, нерѣдко даже мелочные, факты и проявленія обыденной студенческой жизни *. Неаккуратное посѣщеніе студентами лекцій, какъ и небреженіе ихъ научными занятіями, вообще, занимаютъ въ этихъ записяхъ весьма видное мѣсто, свидѣтельствуя какъ о распространенности зла, такъ и о безсиліи университетскаго начальства съ нимъ бороться. Это небреженіе учебными обязанностями нерѣдко соединялось и съ грубыми выходками по отношенію къ преподавателямъ. Такъ, въ октябрѣ 1814 года студентъ Веригинъ напрямикъ заявилъ лектору Лейтеру, что онъ „его университетскихъ лекцій посѣщать—не станетъ", а въ маѣ 1816 года Броннеръ счелъ себя вынужденнымъ внушать студентамъ, чтобы они „относились съ бо́льшимъ уваженіемъ къ профессорамъ". 18-го апрѣля 1817 года заключается въ карцеръ студентъ Филаретъ Базилевъ „за грубость и оскорбленіе профессора Кондырева, принесшаго на него серьезную жалобу", а на слѣдующій день тому же наказанію подвергнутъ другой студентъ Базилевъ (Иванъ)—„за рѣдкое посѣщеніе аудиторіи г. Лейтера и за то, что, съ шумомъ войдя въ нее, когда уже началась лекція, немедленно вышелъ и гулялъ по корридору съ товарищами, болтая во время

* Та часть «Книги о поведеніи студентовъ», которая велась, на латинскомъ языкѣ, профес. Броннеромъ (9 іюля 1814 г.—11 сент. 1817 г., стран. 55—90), издана, въ латинскомъ подлинникѣ и его русскомъ переводѣ, подъ названіемъ «Дневника проф. Ф. К. Броннера», въ уже извѣстной намъ книгѣ Д. И. Нагуевскаго: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.».

лекціи, и даже не снялъ шапки передъ лекторомъ, пренебрежительно взирая на него въ то время, когда тотъ проходилъ мимо него". Тотъ же лекторъ Лейтеръ жаловался инспектору, что студенты Шитцъ, Кулаковъ и Веригинъ „болтаютъ, смѣются, растворяютъ окна при сквозномъ вѣтрѣ, не обращая вниманія на напоминанія" и т. п.

Кромѣ манкировокъ лекціями по простой лѣности,—причемъ нежелавшіе идти на лекціи студенты прятались отъ бдительныхъ очей инспекціи въ спальняхъ, пустыхъ аудиторіяхъ, въ университетскомъ саду,—встрѣчаются и другія причины пропуска лекцій: самовольныя отлучки изъ университета и даже изъ города, позднее возвращеніе съ вакатовъ и изъ отпусковъ; отмѣчается, въ одномъ случаѣ, пропускъ лекцій двумя студентами по той причинѣ, что они съ ранняго утра ушли на охоту, въ другихъ случаяхъ изъ за занятій въ лекціонные часы музыкою, даже изъ за игры въ шашки, лото или карты и т. п. Что касается взысканій за непосѣщеніе лекцій, то въ числѣ ихъ фигурируютъ: выговоры, занесеніе имени виновныхъ въ штрафную книгу, донесеніе о проступкѣ совѣту, удержаніе казеннымъ студентамъ жалованья, карцеръ, въ серьезныхъ случаяхъ—даже исключеніе изъ университета [236].

Впрочемъ, отсутствіе или крайняя незначительность у отдѣльныхъ преподавателей слушателей находили себѣ объясненіе не только въ непосѣщеніи студентами лекцій, но и въ томъ, что студенты просто не записывались на ихъ курсы. При отсутствіи въ первые девять лѣтъ существованія университета раздѣленія на факультеты и при значительности объявлявшихся курсовъ какъ приготовительныхъ, такъ и спеціальныхъ, студентамъ не было никакой физической возможности записываться на всѣ эти курсы и университетское начальство было вынуждено предоставлять имъ въ этомъ отношеніи довольно широкую свободу самоусмотрѣнія. Такая же свобода, съ согласія начальства, иногда представлялась имъ, даже и послѣ совершеннаго открытія университета, въ выборѣ лектора, если извѣстный предметъ читался двумя преподавателями, на что и находимъ мы указанія въ инспекторскомъ дневникѣ проф. Броннера: „Макаровъ проситъ перевести его изъ аудиторіи проф. Бартельса въ аудиторію проф. Никольскаго, читающаго по-русски, разрѣшеніе дано"—встрѣчаемъ мы, напримѣръ, подъ 1-мъ декабря 1814 года, или: „Пришли студенты Веригинъ и Мухачевъ, съ просьбой допустить ихъ въ аудиторію проф. Никольскаго, въ виду того, что проф. Лобачевскій рѣдко бываетъ въ аудиторіи" (12 сентября 1816 года). И вотъ, въ результатѣ подобнаго порядка вещей оказывалась не только рѣзкая несоотвѣтственность въ распредѣленіи слушателей

лекціи, и даже не снялъ шапки передъ лекторомъ, пренебрежительно взирая на него въ то время, когда тотъ проходилъ мимо него". Тотъ же лекторъ Лейтеръ жаловался инспектору, что студенты Шитцъ, Кулаковъ и Веригинъ „болтаютъ, смѣются, растворяютъ окна при сквозномъ вѣтрѣ, не обращая вниманія на напоминанія" и т. п.

Кромѣ манкировокъ лекціями по простой лѣности,—причемъ нежелавшіе идти на лекціи студенты прятались отъ бдительныхъ очей инспекціи въ спальняхъ, пустыхъ аудиторіяхъ, въ университетскомъ саду,—встрѣчаются и другія причины пропуска лекцій: самовольныя отлучки изъ университета и даже изъ города, позднее возвращеніе съ вакатовъ и изъ отпусковъ; отмѣчается, въ одномъ случаѣ, пропускъ лекцій двумя студентами по той причинѣ, что они съ ранняго утра ушли на охоту, въ другихъ случаяхъ изъ за занятій въ лекціонные часы музыкою, даже изъ за игры въ шашки, лото или карты и т. п. Что касается взысканій за непосѣщеніе лекцій, то въ числѣ ихъ фигурируютъ: выговоры, занесеніе имени виновныхъ въ штрафную книгу, донесеніе о проступкѣ совѣту, удержаніе казеннымъ студентамъ жалованья, карцеръ, въ серьезныхъ случаяхъ—даже исключеніе изъ университета [236].

Впрочемъ, отсутствіе или крайняя незначительность у отдѣльныхъ преподавателей слушателей находили себѣ объясненіе не только въ непосѣщеніи студентами лекцій, но и въ томъ, что студенты просто не записывались на ихъ курсы. При отсутствіи въ первые девять лѣтъ существованія университета раздѣленія на факультеты и при значительности объявлявшихся курсовъ какъ приготовительныхъ, такъ и спеціальныхъ, студентамъ не было никакой физической возможности записываться на всѣ эти курсы и университетское начальство было вынуждено предоставлять имъ въ этомъ отношеніи довольно широкую свободу самоусмотрѣнія. Такая же свобода, съ согласія начальства, иногда представлялась имъ, даже и послѣ совершеннаго открытія университета, въ выборѣ лектора, если извѣстный предметъ читался двумя преподавателями, на что и находимъ мы указанія въ инспекторскомъ дневникѣ проф. Броннера: „Макаровъ проситъ перевести его изъ аудиторіи проф. Бартельса въ аудиторію проф. Никольскаго, читающаго по-русски, разрѣшеніе дано"—встрѣчаемъ мы, напримѣръ, подъ 1-мъ декабря 1814 года, или: „Пришли студенты Веригинъ и Мухачевъ, съ просьбой допустить ихъ въ аудиторію проф. Никольскаго, въ виду того, что проф. Лобачевскій рѣдко бываетъ въ аудиторіи" (12 сентября 1816 года). И вотъ, въ результатѣ подобнаго порядка вещей оказывалась не только рѣзкая несоотвѣтственность въ распредѣленіи слушателей

между отдѣльными преподавателями, но и почти совершенное отсутствіе ихъ у нѣкоторыхъ профессоровъ или же минимальное количество слушателей, которые ходили на лекціи буквально „по наряду" начальства. Такъ, проф. Френъ, уже вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Казань, жаловался на то, что любовью къ преподаваемой имъ оріенталистикѣ проникнутъ только одинъ изъ его слушателей, всѣ же остальные „ходятъ на лекціи по принужденію, противъ желанія", да и эти немногіе слушатели всячески старались отдѣлаться отъ лекцій Френа, такъ что въ 1811 году у него оказался всего—одинъ слушатель *. Въ 1809 году также одного слушателя находимъ мы у представителя медицинскаго знанія, проф. Брауна, четырехъ у слушателей славнаго математика Бартельса и трехъ у математика же Реннера, тогда какъ у начинающаго русскаго преподавателя того же предмета, магистра Никольскаго, мы находимъ ихъ—16 **. У представителя практической медицины Эрдмана не бывало болѣе трехъ-четырехъ слушателей, а въ февралѣ 1814 года совѣтъ вынужденъ былъ пріостановить лекціи магистра Кайсарова, такъ какъ у него оказался всего одинъ слушатель, да и тотъ „не проявлялъ охоты къ физикѣ".

Въ такомъ видѣ представляется намъ вопросъ объ условіяхъ и гарантіяхъ успѣшности научныхъ занятій воспитанниковъ казанскаго университета въ первые четырнадцать лѣтъ его существованія.

Мы должны будемъ перейти теперь къ разсмотрѣнію условій нравственно-дисциплинарной жизни студенчества, за ту же начальную пору его исторической жизни.

Вопросъ объ условіяхъ и обстановкѣ нравственно-дисциплинарной жизни казанскаго студенчества за первые четырнадцать лѣтъ существованія университета—въ сущности своей сводится къ обзору безпрерывнаго ряда мѣръ и предначертаній, направленныхъ къ урегулированію и поднятію весьма невысокаго нравственнаго уровня учащейся молодежи, и къ неустанной борьбѣ университета съ отрицательными сторонами студенческой жизни интересующей насъ эпохи. А этотъ нравственный уровень современнаго студенчества былъ, въ общемъ, очень невысокъ, какъ съ несомнѣнною ясностью свидѣтельствуютъ намъ о томъ всѣ сохранившіеся памятники начальной исторіи казанскаго университета.

---

* См. томъ I, стр. 226.

** См. выше стр. 530.

между отдѣльными преподавателями, но и почти совершенное отсутствіе ихъ у нѣкоторыхъ профессоровъ или же минимальное количество слушателей, которые ходили на лекціи буквально „по наряду“ начальства. Такъ, проф. Френъ, уже вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Казань, жаловался на то, что любовью къ преподаваемой имъ оріенталистикѣ проникнутъ только одинъ изъ его слушателей, всѣ же остальные „ходятъ на лекціи по принужденію, противъ желанія“, да и эти немногіе слушатели всячески старались отдѣлаться отъ лекцій Френа, такъ что въ 1811 году у него оказался всего—одинъ слушатель *. Въ 1809 году также одного слушателя находимъ мы у представителя медицинскаго знанія, проф. Брауна, четырехъ у слушателей славнаго математика Бартельса и трехъ у математика же Реннера, тогда какъ у начинающаго русскаго преподавателя того же предмета, магистра Никольскаго, мы находимъ ихъ—16 **. У представителя практической медицины Эрдмана не бывало болѣе трехъ-четырехъ слушателей, а въ февралѣ 1814 года совѣтъ вынужденъ былъ пріостановить лекціи магистра Кайсарова, такъ какъ у него оказался всего одинъ слушатель, да и тотъ „не проявлялъ охоты къ физикѣ“.

Въ такомъ видѣ представляется намъ вопросъ объ условіяхъ и гарантіяхъ успѣшности научныхъ занятій воспитанниковъ казанскаго университета въ первые четырнадцать лѣтъ его существованія.

Мы должны будемъ перейти теперь къ разсмотрѣнію условій нравственно-дисциплинарной жизни студенчества, за ту же начальную пору его исторической жизни.

Вопросъ объ условіяхъ и обстановкѣ нравственно-дисциплинарной жизни казанскаго студенчества за первые четырнадцать лѣтъ существованія университета—въ сущности своей сводится къ обзору безпрерывнаго ряда мѣръ и предначертаній, направленныхъ къ урегулированію и поднятію весьма невысокаго нравственнаго уровня учащейся молодежи, и къ неустанной борьбѣ университета съ отрицательными сторонами студенческой жизни интересующей насъ эпохи. А этотъ нравственный уровень современнаго студенчества былъ, въ общемъ, очень невысокъ, какъ съ несомнѣнною ясностью свидѣтельствуютъ намъ о томъ всѣ сохранившіеся памятники начальной исторіи казанскаго университета.

* См. томъ I, стр. 226.
** См. выше стр. 530.

Едва ли можетъ представиться въ нашихъ глазахъ сколько нибудь сложнымъ вопросъ о самыхъ причинахъ этого низкаго уровня нравственной жизни казанской учащейся молодежи первыхъ двухъ десятилѣтій минувшаго столѣтія и намъ не приходится для этого углубляться въ соображенія отвлеченнаго, или хотя бы только отдаленнаго, характера. Достаточнымъ явится лишь оглянуться на условія окружающей общественности, въ которыхъ воспитывалась эта молодежь, съ молокомъ матерей своихъ воспринявшая тѣ условія отрицательнаго характера, которыми была отмѣчена, въ огромномъ своемъ большинствѣ, жизнь провинціальнаго русскаго общества того времени, въ особенности же тѣхъ его слоевъ (дворянство и чиновничество), которые давали преобладающій контингентъ личному составу учащихся университета. Крѣпостническій и узко-сословный строй общественности, вопіющія административныя неурядицы, отмѣченныя крайнимъ и почти безконтрольнымъ бюрократическимъ произволомъ, злоупотребленіями, казнокрадствомъ и продажностью, пренебреженіе чувствомъ законности и порядка, полное неуваженіе къ личности, самоуправство— таковы слишкомъ хорошо извѣстныя отрицательныя условія русской жизни начала XIX-го вѣка, нашедшія себѣ отраженіе не только въ явленіяхъ и фактахъ современной дѣйствительности, но и въ исполненныхъ горестнаго чувства сѣтованіяхъ юнаго императора Александра, желавшаго олицетворить собою идеалъ „человѣка на тронѣ" и уже въ первый годъ своего царствованія столкнувшагося съ такимъ отвратительнымъ и глубоко возмутившимъ его благородную душу явленіемъ, какъ господство пытокъ въ судебно-административной практикѣ отдаленной Казани *. Всѣ эти отрицательныя черты нравственнаго строя общества той эпохи лишь вполнѣ естественнымъ образомъ отразились, что и не должно насъ нисколько удивлять, на общемъ складѣ умоначертанія подростающихъ поколѣній и вновь возникшему въ Казани университету выпала на долю тяжелая миссія перевоспитать эти подростающія поколѣнія,—миссія, которая, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, и преслѣдовалась имъ съ самаго своего основанія. Миссія эта оказывалась далеко не изъ легкихъ. Вопросъ о томъ, что представляла изъ себя казанская молодежь, подпавшая подъ ферулу университетскихъ воспитанія и науки, и какими путями и съ какими успѣхами шелъ казанскій университетъ къ цѣли духовно-нравственнаго перевоспитанія этой молодежи, чутко отразившей въ себѣ всѣ отрицательныя стороны современной общественности, всѣ явные и тайные недостатки и грѣхи

* См. выше стр. 410.

Едва ли можетъ представиться въ нашихъ глазахъ сколько нибудь сложнымъ вопросъ о самыхъ причинахъ этого низкаго уровня нравственной жизни казанской учащейся молодежи первыхъ двухъ десятилѣтій минувшаго столѣтія и намъ не приходится для этого углубляться въ соображенія отвлеченнаго, или хотя бы только отдаленнаго, характера. Достаточнымъ явится лишь оглянуться на условія окружающей общественности, въ которыхъ воспитывалась эта молодежь, съ молокомъ матерей своихъ воспринявшая тѣ условія отрицательнаго характера, которыми была отмѣчена, въ огромномъ своемъ большинствѣ, жизнь провинціальнаго русскаго общества того времени, въ особенности же тѣхъ его слоевъ (дворянство и чиновничество), которые давали преобладающій контингентъ личному составу учащихся университета. Крѣпостническій и узко-сословный строй общественности, вопіющія административныя неурядицы, отмѣченныя крайнимъ и почти безконтрольнымъ бюрократическимъ произволомъ, злоупотребленіями, казнокрадствомъ и продажностью, пренебреженіе чувствомъ законности и порядка, полное неуваженіе къ личности, самоуправство— таковы слишкомъ хорошо извѣстныя отрицательныя условія русской жизни начала XIX-го вѣка, нашедшія себѣ отраженіе не только въ явленіяхъ и фактахъ современной дѣйствительности, но и въ исполненныхъ горестнаго чувства сѣтованіяхъ юнаго императора Александра, желавшаго олицетворить собою идеалъ „человѣка на тронѣ“ и уже въ первый годъ своего царствованія столкнувшагося съ такимъ отвратительнымь и глубоко возмутившимъ его благородную душу явленіемъ, какъ господство пытокъ въ судебно-административной практикѣ отдаленной Казани *. Всѣ эти отрицательныя черты нравственнаго строя общества той эпохи лишь вполнѣ естественнымъ образомъ отразились, что и не должно насъ нисколько удивлять, на общемъ складѣ умоначертанія подростающихъ поколѣній и вновь возникшему въ Казани университету выпала на долю тяжелая миссія перевоспитать эти подростающія поколѣнія,—миссія, которая, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, и преслѣдовалась имъ съ самаго своего основанія. Миссія эта оказывалась далеко не изъ легкихъ. Вопросъ о томъ, что представляла изъ себя казанская молодежь, подпавшая подъ ферулу университетскихъ воспитанія и науки, и какими путями и съ какими успѣхами шелъ казанскій университетъ къ цѣли духовно-нравственнаго перевоспитанія этой молодежи, чутко отразившей въ себѣ всѣ отрицательныя стороны современной общественности, всѣ явные и тайные недостатки и грѣхи

* См. выше стр. 410.

своихъ отцовъ и дѣдовъ—и послужитъ предметомъ нашего ближайшаго повѣствованія.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года, вообще весьма краткій, какъ мы это уже въ своемъ мѣстѣ замѣтили, въ опредѣленіяхъ, касающихся регламентаціи жизни учащихся, также кратокъ и въ опредѣленіяхъ, направленныхъ къ организаціи надзора надъ студентами и къ установленію дисциплинарныхъ по отношенію къ нимъ мѣръ. Намѣтивъ, въ довольно общихъ чертахъ, организацію инспекціи надъ студентами, этотъ уставъ опредѣляетъ, что „студенты въ разсужденіи нравственности и поведенія сообразуются съ правилами благочинія, сочиненными университетскимъ совѣтомъ и на утвержденіе начальства взнесенными (§ 121-ый)“. Выработку этихъ „правилъ благочинія“ или, выражаясь терминологіею нашихъ дней—правилъ для студентовъ, уставъ всецѣло предоставляетъ, такимъ образомъ, усмотрѣнію университетскаго совѣта. Намъ извѣстно, что совѣтъ собственно „университетскій“—не признавался для казанскаго университета вплоть до 1812 года, замѣняясь „совѣтомъ гимназіи“; поэтому, на протяженіи первыхъ восьми лѣтъ существованія университета, и не имѣлось на лицо коллегіальнаго установленія, которое, на точномъ основаніи устава 1804 года, являлось бы компетентнымъ выработать кодексъ правилъ для студентовъ. Въ силу этого и подобно тому, какъ самая начальная жизнь новорожденнаго университета всецѣло примкнула къ уже установившемуся режиму жизни гимназической, такъ и жизнь студенчества была на первыхъ порахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отличій чисто внѣшняго характера, пріурочена къ режиму и нормамъ жизни воспитанниковъ гимназіи; тѣ же органы дисциплинарнаго надзора, которые были установлены для гимназистовъ,—въ лицѣ власти директора, главнаго надзирателя и дежурныхъ „офицеровъ“,—вѣдали на первыхъ порахъ функціи надзора и по отношенію къ студентамъ.

Вопросъ объ учрежденіи для студентовъ самостоятельной инспекціи, опредѣленной университетскимъ уставомъ, представлялся, во всякомъ случаѣ, лишь вопросомъ времени, а потому профессоръ-директоръ Яковкинъ уже слѣдомъ за открытіемъ университета, 16-го марта 1805 года, завелъ особую шнуровую, за университетскою печатью и за своимъ подписомъ, книгу, предназначенную для занесенія въ нее поденныхъ записей относительно поведенія студентовъ, ихъ проступковъ, наложенія на нихъ взысканій и всякаго, вообще, рода свѣдѣній и фактовъ, имѣвшихъ соотношеніе къ жизни студенчества. Эта книга, носящая въ подлинникѣ слѣдующее заглавіе: „Книга о поведеніи студентовъ педагогическаго института

своихъ отцовъ и дѣдовъ—и послужитъ предметомъ нашего ближайшаго повѣствованія.

Университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года, вообще весьма краткій, какъ мы это уже въ своемъ мѣстѣ замѣтили, въ опредѣленіяхъ, касающихся регламентаціи жизни учащихся, также кратокъ и въ опредѣленіяхъ, направленныхъ къ организаціи надзора надъ студентами и къ установленію дисциплинарныхъ по отношенію къ нимъ мѣръ. Намѣтивъ, въ довольно общихъ чертахъ, организацію инспекціи надъ студентами, этотъ уставъ опредѣляетъ, что „студенты въ разсужденіи нравственности и поведенія сообразуются съ правилами благочинія, сочиненными университетскимъ совѣтомъ и на утвержденіе начальства взнесенными (§ 121-ый)". Выработку этихъ „правилъ благочинія" или, выражаясь терминологіею нашихъ дней—правилъ для студентовъ, уставъ всецѣло предоставляетъ, такимъ образомъ, усмотрѣнію университетскаго совѣта. Намъ извѣстно, что совѣтъ собственно „университетскій"—не признавался для казанскаго университета вплоть до 1812 года, замѣняясь „совѣтомъ гимназіи"; поэтому, на протяженіи первыхъ восьми лѣтъ существованія университета, и не имѣлось на лицо коллегіальнаго установленія, которое, на точномъ основаніи устава 1804 года, являлось бы компетентнымъ выработать кодексъ правилъ для студентовъ. Въ силу этого и подобно тому, какъ самая начальная жизнь новорожденнаго университета всецѣло примкнула къ уже установившемуся режиму жизни гимназической, такъ и жизнь студенчества была на первыхъ порахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отличій чисто внѣшняго характера, пріурочена къ режиму и нормамъ жизни воспитанниковъ гимназіи; тѣ же органы дисциплинарнаго надзора, которые были установлены для гимназистовъ,—въ лицѣ власти директора, главнаго надзирателя и дежурныхъ „офицеровъ",—вѣдали на первыхъ порахъ функціи надзора и по отношенію къ студентамъ.

Вопросъ объ учрежденіи для студентовъ самостоятельной инспекціи, опредѣленной университетскимъ уставомъ, представлялся, во всякомъ случаѣ, лишь вопросомъ времени, а потому профессоръ-директоръ Яковкинъ уже слѣдомъ за открытіемъ университета, 16-го марта 1805 года, завелъ особую шнуровую, за университетскою печатью и за своимъ подписомъ, книгу, предназначенную для занесенія въ нее поденныхъ записей относительно поведенія студентовъ, ихъ проступковъ, наложенія на нихъ взысканій и всякаго, вообще, рода свѣдѣній и фактовъ, имѣвшихъ соотношеніе къ жизни студенчества. Эта книга, носящая въ подлинникѣ слѣдующее заглавіе: „Книга о поведеніи студентовъ педагогическаго института

императорскаго казанскаго университета, дана по директорскому журналу 1805 года, марта 15-го дня, подъ № 71", открывается выпискою изъ университетскаго устава статей (§§ 115—116 и 118), касающихся студентовъ, за которою непосредственно слѣдуетъ помѣта: „Для точнаго исполненія сихъ предписаній дана сія шнуровая книга, для храненія старшимъ студентамъ педагогическаго института императорскаго казанскаго университета. Марта 16-го дня 1805 года. Профессоръ Яковкинъ". Хотя никакого „педагогическаго института" въ то время при университетѣ еще не существовало, тѣмъ не менѣе эта книга уже съ весны 1805 года начала наполняться соотвѣтствующими записями и отмѣтками, непрерывный рядъ которыхъ и тянется въ ней, затѣмъ, вплоть до 10-го ноября 1819 года—число, на которомъ содержаніе этой книги обрывается. „Книга о поведеніи студентовъ" или, правильнѣе называя ее—инспекторскій журналъ, передавалась отъ одного инспектора студентовъ къ другому, а та часть записей въ ней, которая велась въ бытность инспекторомъ студентовъ профессора Ф. К. Броннера, на латинскомъ языкѣ, издана, подъ названіемъ „Дневникъ инспектора студентовъ профессора Франца Ксаверія Броннера (съ 9-го іюля 1814 г. по 9-ое сентября 1817 г.)", съ русскимъ ея переводомъ, въ уже извѣстномъ намъ трудѣ проф. Д. И. Нагуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка" (Каз. 1902 г.). Эта любопытная книга, сохранившаяся среди архивныхъ дѣлъ казанскаго университета, представляетъ собою основной и чрезвычайно богатый данными фактическаго характера источникъ для возстановленія условій жизни казанскаго студенчества 1805—1819 годовъ, которымъ мы и будемъ широкою рукою пользоваться въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

Не касаясь первоначальныхъ мѣръ контроля надъ поведеніемъ и занятіями студентовъ, которыя были введены слѣдомъ за основаніемъ университета и о которыхъ нами уже было говорено *, перейдемъ къ обзору организаціи дисциплинарнаго надзора, зиждившагося уже на основаніяхъ, преподанныхъ университетскимъ уставомъ 5-го ноября 1804 года.

Должность инспектора студентовъ была впервые учреждена въъ казанскомъ университетѣ въ началѣ второго года его существованія, въ силу слѣдующаго предложенія попечителя округа Румовскаго отъ 8-го февраля 1806 года:

---

* Объ этихъ первоначальныхъ мѣрахъ см. томъ I, стр. 77 и слѣд.

императорскаго казанскаго университета, дана по директорскому журналу 1805 года, марта 15-го дня, подъ № 71", открывается выпискою изъ университетскаго устава статей (§§ 115—116 и 118), касающихся студентовъ, за которою непосредственно слѣдуетъ помѣта: „Для точнаго исполненія сихъ предписаній дана сія шнуровая книга, для храненія старшимъ студентамъ педагогическаго института императорскаго казанскаго университета. Марта 16-го дня 1805 года. Профессоръ Яковкинъ". Хотя никакого „педагогическаго института" въ то время при университетѣ еще не существовало, тѣмъ не менѣе эта книга уже съ весны 1805 года начала наполняться соотвѣтствующими записями и отмѣтками, непрерывный рядъ которыхъ и тянется въ ней, затѣмъ, вплоть до 10-го ноября 1819 года—число, на которомъ содержаніе этой книги обрывается. „Книга о поведеніи студентовъ" или, правильнѣе называя ее—инспекторскій журналъ, передавалась отъ одного инспектора студентовъ къ другому, а та часть записей въ ней, которая велась въ бытность инспекторомъ студентовъ профессора Ф. К. Броннера, на латинскомъ языкѣ, издана, подъ названіемъ „Дневникъ инспектора студентовъ профессора Франца Ксаверія Броннера (съ 9-го іюля 1814 г. по 9-ое сентября 1817 г.)", съ русскимъ ея переводомъ, въ уже извѣстномъ намъ трудѣ проф. Д. И. Нагуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка" (Каз. 1902 г.). Эта любопытная книга, сохранившаяся среди архивныхъ дѣлъ казанскаго университета, представляетъ собою основной и чрезвычайно богатый данными фактическаго характера источникъ для возстановленія условій жизни казанскаго студенчества 1805—1819 годовъ, которымъ мы и будемъ широкою рукою пользоваться въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

Не касаясь первоначальныхъ мѣръ контроля надъ поведеніемъ и занятіями студентовъ, которыя были введены слѣдомъ за основаніемъ университета и о которыхъ нами уже было говорено *, перейдемъ къ обзору организаціи дисциплинарнаго надзора, зиждившагося уже на основаніяхъ, преподанныхъ университетскимъ уставомъ 5-го ноября 1804 года.

Должность инспектора студентовъ была впервые учреждена въ казанскомъ университетѣ въ началѣ второго года его существованія, въ силу слѣдующаго предложенія попечителя округа Румовскаго отъ 8-го февраля 1806 года:

---

* Объ этихъ первоначальныхъ мѣрахъ см. томъ I, стр. 77 и слѣд.

„Пріемля въ разсужденіе, что должность директора, объемлющая, по положенію гимназіи, всю хозяйственную и учебную часть, и должность инспектора требуютъ, первая со стороны управленія, а другая со стороны присмотра, не малой дѣятельности, которыя обѣ несетъ одинъ г. профессоръ Яковкинъ, и что бы доставить ему въ трудахъ сихъ облегченіе, нужнымъ признаю поручить должность инспектора при гимназіи, съ согласія его, г. адъюнкту Эвесту, съ жалованьемъ, до открытія университета, изъ положеннаго инспектору оклада по триста рублей въ годъ, а г. профессору Яковкину продолжать званіе инспектора при студентахъ университета, съ удержаніемъ, до открытія университета, получаемаго имъ нынѣ жалованья изъ оклада, положеннаго инспектору".

Представляется весьма характернымъ, что назначеніе Яковкина на должность инспектора студентовъ мотивируется въ этомъ попечительскомъ предложеніи не требованіемъ высочайше утвержденнаго устава, но желаніемъ „доставить ему (т. е. Яковкину) въ трудахъ сихъ облегченіе",—мотивъ, который, какъ ни какъ, но поставилъ хотя эту сторону университетской жизни на путь, указанный ей закономъ 5-го ноября 1804 года. Назначеніе Яковкина было отмѣчено слѣдующею записью, занесенною въ инспекторскій журналъ: „1806 года 25-го февраля объявлено о произведеніи профессора-директора 8-го февраля въ инспекторы казенныхъ студентовъ".

Ближайшимъ органомъ, созданнымъ для надзора за казенными студентами, явился институтъ камерныхъ студентовъ, которому Румовскій и Яковкинъ придавали, повидимому, весьма серьезное значеніе и посредствомъ котораго хотѣли установить надзоръ за студентами черезъ посредство ихъ же собственныхъ товарищей, или назначавшихся по „камерамъ", т. е. по студенческимъ комнатамъ, университетскимъ начальствомъ, или же избиравшихся въ это званіе всѣми студентами каждой отдѣльной „камеры", т. е. группы студентовъ. Эти камерные студенты, отправлявшіе свои обязанности помѣсячно, дѣлились на „старшихъ" и „подстаршихъ", т. е. помощниковъ первыхъ. Нечего распространяться, конечно, о слабой педагогической подкладкѣ этого института, который ставилъ камерныхъ студентовъ, обязанныхъ слѣдить за поведеніемъ своихъ собственныхъ сотоварищей и представлять регулярныя донесенія по начальству, въ крайне щекотливое положеніе по отношенію къ студентамъ: приходилось или прикрывать проступки товарищей, рискуя подпасть подъ гнѣвъ начальства, или же выдавать провинившихся изъ нихъ, навлекая на себя презрѣніе и даже ненависть всей „камеры". Камерные студенты были впер-

„Пріемля въ разсужденіе, что должность директора, объемлющая, по положенію гимназіи, всю хозяйственную и учебную часть, и должность инспектора требуютъ, первая со стороны управленія, а другая со стороны присмотра, не малой дѣятельности, которыя обѣ несетъ одинъ г. профессоръ Яковкинъ, и что бы доставить ему въ трудахъ сихъ облегченіе, нужнымъ признаю поручить должность инспектора при гимназіи, съ согласія его, г. адъюнкту Эвесту, съ жалованьемъ, до открытія университета, изъ положеннаго инспектору оклада по триста рублей въ годъ, а г. профессору Яковкину продолжать званіе инспектора при студентахъ университета, съ удержаніемъ, до открытія университета, получаемаго имъ нынѣ жалованья изъ оклада, положеннаго инспектору".

Представляется весьма характернымъ, что назначеніе Яковкина на должность инспектора студентовъ мотивируется въ этомъ попечительскомъ предложеніи не требованіемъ высочайше утвержденнаго устава, но желаніемъ „доставить ему (т. е. Яковкину) въ трудахъ сихъ облегченіе",—мотивъ, который, какъ ни какъ, но поставилъ хотя эту сторону университетской жизни на путь, указанный ей закономъ 5-го ноября 1804 года. Назначеніе Яковкина было отмѣчено слѣдующею записью, занесенною въ инспекторскій журналъ: „1806 года 25-го февраля объявлено о произведеніи профессора-директора 8-го февраля въ инспекторы казенныхъ студентовъ".

Ближайшимъ органомъ, созданнымъ для надзора за казенными студентами, явился институтъ камерныхъ студентовъ, которому Румовскій и Яковкинъ придавали, повидимому, весьма серьезное значеніе и посредствомъ котораго хотѣли установить надзоръ за студентами черезъ посредство ихъ же собственныхъ товарищей, или назначавшихся по „камерамъ", т. е. по студенческимъ комнатамъ, университетскимъ начальствомъ, или же избиравшихся въ это званіе всѣми студентами каждой отдѣльной „камеры", т. е. группы студентовъ. Эти камерные студенты, отправлявшіе свои обязанности помѣсячно, дѣлились на „старшихъ" и „подстаршихъ", т. е. помощниковъ первыхъ. Нечего распространяться, конечно, о слабой педагогической подкладкѣ этого института, который ставилъ камерныхъ студентовъ, обязанныхъ слѣдить за поведеніемъ своихъ собственныхъ сотоварищей и представлять регулярныя донесенія по начальству, въ крайне щекотливое положеніе по отношенію къ студентамъ: приходилось или прикрывать проступки товарищей, рискуя подпасть подъ гнѣвъ начальства, или же выдавать провинившихся изъ нихъ, навлекая на себя презрѣніе и даже ненависть всей „камеры". Камерные студенты были впер-

вые назначены уже вслѣдъ за открытіемъ университета: въ записяхъ инспекторскаго журнала (т. е. „Книги о поведеніи студентовъ") значится, что на мартъ мѣсяцъ 1805 года были „назначены камерными студентами, старшими — Владиміръ Графъ и Василій Перевощиковъ, подстаршими — Петръ Кондыревъ и Николай Упадышевскій". Званіе камернаго студента было уже въ самомъ началѣ избираемымъ, какъ это усматривается изъ слѣдующей записи инспекторскаго журнала отъ 19-го мая 1805 года: „Г. Балясниковъ, замѣченъ бывши въ умышленномъ своевольствѣ, въ ослушаніи къ начальству и во лжи—лишенъ предназначенія быть камернымъ студентомъ и на мѣсто его, по общему согласію, предоставлено старшинство камернаго студента г. Кузьминскому". Камерные студенты далеко не всегда оправдывали возлагавшіяся на нихъ начальствомъ ожиданія или покрывая, изъ вполнѣ понятнаго чувства товарищества, прегрѣшенія своихъ однокашниковъ, или участвуя, наравнѣ съ ними, въ различнаго рода шалостяхъ и провинностяхъ; однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ примѣровъ послѣдняго рода является инцидентъ съ будущимъ великимъ русскимъ геометромъ Н. И. Лобачевскимъ, который, отбывая повинность камернаго студента—„замѣченъ въ соучаствованіи и потачкѣ проступкамъ студентовъ, грубости и ослушаніи, за что и наказанъ публичнымъ выговоромъ, лишеніемъ званія камернаго студента, права получать 60 рублей въ годъ на книги и отпуска", а слѣдомъ за тѣмъ былъ записанъ и на черную доску за уходъ, „въ противность запрещенія, въ маскарадъ и въ гости".

Камерные студенты представляли инспектору студентовъ мѣсячные рапорты о студентахъ своей камеры, любопытные образцы каковыхъ сохранились въ архивныхъ дѣлахъ университета. Эти рапорты представлялись по опредѣленной (табличной) формѣ и касались двухъ сторонъ студенческой жизни—„поведенія" и „занятій". Въ рубрикѣ „поведенія" значились графы: поведеніе „въ отношеніи къ самому себѣ" и поведеніе „въ отношеніе къ другимъ"; въ рубрикѣ „занятія" имѣлись графы: „чѣмъ кто занимался", „каково занимался", „чѣмъ особливо". Аттестаціи, дававшіяся по этимъ графамъ камерными студентами и составлявшія, конечно, полную тайну для самихъ аттестуемыхъ, представляются весьма разнообразными. Такъ, въ графѣ о поведеніи въ отношеніи къ самому себѣ, мы встрѣчаемъ отмѣтки: „тихъ, скроменъ, добръ сердцемъ, самолюбивъ"; „благопристоенъ, нѣсколько скрытенъ, сердитъ, болѣе молчаливъ, впрочемъ—очень хорошъ"; „вспыльчивъ, честолюбивъ"; „злобенъ, вспыльчивъ, самолюбивъ до крайности". Въ графѣ о поведеніи въ отношеніи къ другимъ:

вые назначены уже вслѣдъ за открытіемъ университета: въ записяхъ инспекторскаго журнала (т. е. „Книги о поведеніи студентовъ") значится, что на мартъ мѣсяцъ 1805 года были „назначены камерными студентами, старшими — Владиміръ Графъ и Василій Перевощиковъ, подстаршими — Петръ Кондыревъ и Николай Упадышевскій". Званіе камернаго студента было уже въ самомъ началѣ избираемымъ, какъ это усматривается изъ слѣдующей записи инспекторскаго журнала отъ 19-го мая 1805 года: „Г. Балясниковъ, замѣченъ бывши въ умышленномъ своевольствѣ, въ ослушаніи къ начальству и во лжи—лишенъ предназначенія быть камернымъ студентомъ и на мѣсто его, по общему согласію, предоставлено старшинство камернаго студента г. Кузьминскому". Камерные студенты далеко не всегда оправдывали возлагавшіяся на нихъ начальствомъ ожиданія или покрывая, изъ вполнѣ понятнаго чувства товарищества, прегрѣшенія своихъ однокашниковъ, или участвуя, наравнѣ съ ними, въ различнаго рода шалостяхъ и провинностяхъ; однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ примѣровъ послѣдняго рода является инцидентъ съ будущимъ великимъ русскимъ геометромъ Н. И. Лобачевскимъ, который, отбывая повинность камернаго студента—„замѣченъ въ соучаствованіи и потачкѣ проступкамъ студентовъ, грубости и ослушаніи, за что и наказанъ публичнымъ выговоромъ, лишеніемъ званія камернаго студента, права получать 60 рублей въ годъ на книги и отпуска", а слѣдомъ за тѣмъ былъ записанъ и на черную доску за уходъ, „въ противность запрещенія, въ маскарадъ и въ гости".

Камерные студенты представляли инспектору студентовъ мѣсячные рапорты о студентахъ своей камеры, любопытные образцы каковыхъ сохранились въ архивныхъ дѣлахъ университета. Эти рапорты представлялись по опредѣленной (табличной) формѣ и касались двухъ сторонъ студенческой жизни—„поведенія" и „занятій". Въ рубрикѣ „поведенія" значились графы: поведеніе „въ отношеніи къ самому себѣ" и поведеніе „въ отношеніе къ другимъ"; въ рубрикѣ „занятія" имѣлись графы: „чѣмъ кто занимался", „каково занимался", „чѣмъ особливо". Аттестаціи, дававшіяся по этимъ графамъ камерными студентами и составлявшія, конечно, полную тайну для самихъ аттестуемыхъ, представляются весьма разнообразными. Такъ, въ графѣ о поведеніи въ отношеніи къ самому себѣ, мы встрѣчаемъ отмѣтки: „тихъ, скроменъ, добръ сердцемъ, самолюбивъ"; „благопристоенъ, нѣсколько скрытенъ, сердитъ, болѣе молчаливъ, впрочемъ—очень хорошъ"; „вспыльчивъ, честолюбивъ"; „злобенъ, вспыльчивъ, самолюбивъ до крайности". Въ графѣ о поведеніи въ отношеніи къ другимъ:

„обходителенъ, негордъ, добръ“; „ласковъ, обходителенъ“; „грубъ“; „неласковъ и необходителенъ“; „къ высшимъ—учтивъ и почтителенъ, съ равными—не одинаковъ, съ низшими—нѣсколько надменъ“. Въ графѣ о занятіяхъ: „очень хорошъ“; „довольно хорошъ“; „изряденъ“; „посредственъ“; „разсѣянъ, но терпѣливъ“; „со вниманіемъ и охотою“; „равнодушно“; „безъ всякаго раченія“; „весьма худъ“ и т. п.

Рапорты, при которыхъ представлялись инспектору всѣ эти данныя, носили, въ большинствѣ случаевъ, совершенно сжатую, канцелярскую, форму. Но иногда эти рапорты принимали характеръ болѣе или менѣе подробныхъ сентенцій. Этою послѣднею особенностью особенно часто отличались рапорты камернаго студента, впослѣдствіе профессора, Кондырева. Приведемъ, для образца, рапортъ его отъ 1-го декабря 1806 года, представляющій значительный интересъ съ точки зрѣнія обрисовки студенческаго быта второго года существованія казанскаго университета:

„Препорученную мнѣ въ теченіи сего мѣсяца должность камернаго студента старался я исполнять въ точности, не упущая (sic) ничего должнаго и дѣлая все то, чего требуетъ отъ всякаго должность, истина въ исполненіи и собственная честь въ своихъ поступкахъ. Какъ два предмета преимущественно и почти единственно занимаютъ наблюденіе камернаго студента: поведеніе студентовъ, во всемъ значеніи сего слова, и внѣклассное ихъ занятіе, то и слѣдуетъ здѣсь хотя вкратцѣ сказать о семъ. Хотя и не замѣтилъ я въ господахъ студентахъ поступковъ, нарушающихъ весьма много заведенный порядокъ и вредящихъ чести каждаго, однакожъ и не замѣтилъ въ семъ отличія. Большая часть изъ нихъ вела себя хорошо, другіе хотѣли быть хорошими—намѣреніе похвалы достойное! Нѣкоторые имѣли пристрастіе къ театральнымъ представленіямъ и поставляли даже себѣ оное въ занятіе; къ концу мѣсяца страсть сія, слабѣя, совсѣмъ почти изчезла *. Занятія въ наукахъ, долженствовавшія быть главными занятіями, не столь много, однакожъ, занимали время у г.г. студентовъ; въ прежніе мѣсяцы radѣнія къ сему было болѣе“.

Кондыревъ, какъ и его патронъ Яковкинъ, былъ, вообще, большой любитель всякаго рода внѣшней регламентаціи и не безъ его, повидимому, вліянія было въ 1807 году приступлено къ составленію примѣрнаго положенія правилъ камернымъ студентамъ, имѣвшаго своею задачею регламентировать дѣятельность этого, въ высшей степени неопредѣленнаго, института. Кондыреву,—въ то время уже кандидату и помощ-

---

* Весьма интересныя данныя объ этомъ увлеченіи театромъ казанскихъ студентовъ 1805—1806 годовъ сохранились, какъ извѣстно, въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова.

„обходителенъ, негордъ, добръ“; „ласковъ, обходителенъ“; „грубъ“; „неласковъ и необходителенъ“; „къ высшимъ—учтивъ и почтителенъ, съ равными—не одинаковъ, съ низшими—нѣсколько надменъ“. Въ графѣ о занятіяхъ: „очень хорошъ“; „довольно хорошъ“; „изряденъ“; „посредственъ“; „разсѣянъ, но терпѣливъ“; „со вниманіемъ и охотою“; „равнодушно“; „безъ всякаго раченія“; „весьма худъ“ и т. п.

Рапорты, при которыхъ представлялись инспектору всѣ эти данныя, носили, въ большинствѣ случаевъ, совершенно сжатую, канцелярскую, форму. Но иногда эти рапорты принимали характеръ болѣе или менѣе подробныхъ сентенцій. Этою послѣднею особенностью особенно часто отличались рапорты камернаго студента, впослѣдствіе профессора, Кондырева. Приведемъ, для образца, рапортъ его отъ 1-го декабря 1806 года, представляющій значительный интересъ съ точки зрѣнія обрисовки студенческаго быта второго года существованія казанскаго университета:

„Препорученную мнѣ въ теченіи сего мѣсяца должность камернаго студента старался я исполнять въ точности, не упущая (sic) ничего должнаго и дѣлая все то, чего требуетъ отъ всякаго должность, истина въ исполненіи и собственная честь въ своихъ поступкахъ. Какъ два предмета преимущественно и почти единственно занимаютъ наблюденіе камернаго студента: поведеніе студентовъ, во всемъ значеніи сего слова, и внѣклассное ихъ занятіе, то и слѣдуетъ здѣсь хотя вкратцѣ сказать о семъ. Хотя и не замѣтилъ я въ господахъ студентахъ поступковъ, нарушающихъ весьма много заведенный порядокъ и вредящихъ чести каждаго, однакожъ и не замѣтилъ въ семъ отличія. Большая часть изъ нихъ вела себя хорошо, другіе хотѣли быть хорошими—намѣреніе похвалы достойное! Нѣкоторые имѣли пристрастіе къ театральнымъ представленіямъ и поставляли даже себѣ оное въ занятіе; къ концу мѣсяца страсть сія, слабѣя, совсѣмъ почти изчезла *. Занятія въ наукахъ, долженствовавшія быть главными занятіями, не столь много, однакожъ, занимали время у г.г. студентовъ; въ прежніе мѣсяцы радѣнія къ сему было болѣе“.

Кондыревъ, какъ и его патронъ Яковкинъ, былъ, вообще, большой любитель всякаго рода внѣшней регламентаціи и не безъ его, повидимому, вліянія было въ 1807 году приступлено къ составленію примѣрнаго положенія правилъ камернымъ студентамъ, имѣвшаго своею задачею регламентировать дѣятельность этого, въ высшей степени неопредѣленнаго, института. Кондыреву,—въ то время уже кандидату и помощ-

* Весьма интересныя данныя объ этомъ увлеченіи театромъ казанскихъ студентовъ 1805—1806 годовъ сохранились, какъ извѣстно, въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова.

нику инспектора,—всецѣло принадлежала, по крайней мѣрѣ, честь составленія свода правилъ, которыя, подъ только что приведеннымъ названіемъ, и были предметомъ сужденія совѣта въ засѣданіи его отъ 4-го сентября 1807 года. Составленное Кондыревымъ „положеніе" заключало въ себѣ четыре главы и сорокъ параграфовъ, въ которыхъ исчерпывались всѣ стороны отношеній камерныхъ студентовъ, къ учащимся—съ одной стороны, къ инспекціи—съ другой стороны. Оно открывалось основнымъ вопросомъ: „Что есть камерный студентъ?"—на что составитель положенія тутъ же и отвѣчаетъ: „Камерный студентъ есть помощникъ помощника (sic!) инспектора казенныхъ студентовъ". Установивъ, далѣе, общія положенія, касающіяся камерныхъ студентовъ, составитель проекта ставитъ вопросъ чисто практическаго характера: „Нужны ли они?"—и даетъ на него слѣдующій отвѣтъ: „Необходимы,—ибо помощникъ инспектора и самъ инспекторъ бываютъ часто сами заняты.... камерные жъ студенты, находясь вмѣстѣ съ студентами, скорѣе могутъ усмотрѣть за всѣмъ, лучше увидѣть достатки и недостатки имъ ввѣренныхъ студентовъ и, будучи на время въ должности, легче и удачнѣе могутъ исполнять препорученное"; въ одномъ изъ параграфовъ положенія камерные студенты довольно откровенно называются даже „гласомъ и о к о м ъ" начальства. Изъ только что приведенныхъ положеній мы вправѣ вывести заключеніе, что въ институтѣ камерныхъ студентовъ едва ли не имѣлось въ виду сосредоточить весь центръ тяжести дисциплинарнаго надзора за студентами. Отношенія студентовъ къ своимъ камернымъ товарищамъ-блюстителямъ опредѣляются „положеніемъ" слѣдующимъ образомъ: „Студенты должны имѣть къ нимъ совершенное почтеніе, подчиненность и послушаніе, ни въ какомъ случаѣ не уклоняться отъ правилъ сихъ; они должны платить имъ симъ за ихъ труды о нихъ и бдительное попеченіе". Положеніе подтверждаетъ выборное начало въ дѣлѣ назначенія камерныхъ студентовъ: „Выборъ камернаго студента,—читаемъ здѣсь,—дѣлается въ общемъ собраніи всѣхъ г.г. студентовъ, помощника и инспектора казенныхъ студентовъ; если выборъ подтвердится согласіемъ помощника и инспектора, то утверждается въ совѣтѣ". Выборы производились на срокъ одного года.

Совѣтъ, какъ этого и слѣдовало, конечно, ожидать при томъ вліяніи, какое имѣлъ въ немъ въ то время Яковкинъ, постановилъ представить проектъ „правилъ о камерныхъ студентахъ" на благоусмотрѣніе попечителя и, не дожидаясь его утвержденія—„прочетши ихъ въ собраніи всѣхъ студентовъ, сообразоваться съ ними въ управленіи студентовъ"; это объявленіе студентамъ новыхъ правилъ и было произведено 5-го сентября.

нику инспектора,—всецѣло принадлежала, по крайней мѣрѣ, честь составленія свода правилъ, которыя, подъ только что приведеннымъ названіемъ, и были предметомъ сужденія совѣта въ засѣданіи его отъ 4-го сентября 1807 года. Составленное Кондыревымъ „положеніе“ заключало въ себѣ четыре главы и сорокъ параграфовъ, въ которыхъ исчерпывались всѣ стороны отношеній камерныхъ студентовъ, къ учащимся—съ одной стороны, къ инспекціи—съ другой стороны. Оно открывалось основнымъ вопросомъ: „Что есть камерный студентъ?“—на что составитель положенія тутъ же и отвѣчаетъ: „Камерный студентъ есть помощникъ помощника (sic!) инспектора казенныхъ студентовъ“. Установивъ, далѣе, общія положенія, касающіяся камерныхъ студентовъ, составитель проекта ставитъ вопросъ чисто практическаго характера: „Нужны ли они?“—и даетъ на него слѣдующій отвѣтъ: „Необходимы,—ибо помощникъ инспектора и самъ инспекторъ бываютъ часто сами заняты.... камерные жъ студенты, находясь вмѣстѣ съ студентами, скорѣе могутъ усмотрѣть за всѣмъ, лучше увидѣть достатки и недостатки имъ ввѣренныхъ студентовъ и, будучи на время въ должности, легче и удачнѣе могутъ исполнять препорученное“; въ одномъ изъ параграфовъ положенія камерные студенты довольно откровенно называются даже „гласомъ и о к о м ъ“ начальства. Изъ только что приведенныхъ положеній мы вправѣ вывести заключеніе, что въ институтѣ камерныхъ студентовъ едва ли не имѣлось въ виду сосредоточить весь центръ тяжести дисциплинарнаго надзора за студентами. Отношенія студентовъ къ своимъ камернымъ товарищамъ-блюстителямъ опредѣляются „положеніемъ“ слѣдующимъ образомъ: „Студенты должны имѣть къ нимъ совершенное почтеніе, подчиненность и послушаніе, ни въ какомъ случаѣ не уклоняться отъ правилъ сихъ; они должны платить имъ симъ за ихъ труды о нихъ и бдительное попеченіе“. Положеніе подтверждаетъ выборное начало въ дѣлѣ назначенія камерныхъ студентовъ: „Выборъ камернаго студента,—читаемъ здѣсь,—дѣлается въ общемъ собраніи всѣхъ г.г. студентовъ, помощника и инспектора казенныхъ студентовъ; если выборъ подтвердится согласіемъ помощника и инспектора, то утверждается въ совѣтѣ“. Выборы производились на срокъ одного года.

Совѣтъ, какъ этого и слѣдовало, конечно, ожидать при томъ вліяніи, какое имѣлъ въ немъ въ то время Яковкинъ, постановилъ представить проектъ „правилъ о камерныхъ студентахъ“ на благоусмотрѣніе попечителя и, не дожидаясь его утвержденія—„прочетши ихъ въ собраніи всѣхъ студентовъ, сообразоваться съ ними въ управленіи студентовъ“; это объявленіе студентамъ новыхъ правилъ и было произведено 5-го сентября.

Яковкинъ былъ, очевидно, настолько увѣренъ въ утвержденіи попечителемъ составленнаго Кондыревымъ „положенія", что уже 4-го октября примѣнилъ его въ дѣлѣ избранія камерныхъ студентовъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующая запись инспекторскаго журнала, вмѣстѣ съ тѣмъ знакомящая насъ и съ самымъ порядкомъ этой выборной процедуры:

„4-го октября, въ шесть часовъ пополудни, по прибытіи г. профессора-инспектора казенныхъ студентовъ Ильи Федоровича Яковкина въ общее ихъ собраніе, по краткомъ объявленіи имъ отъ г. инспектора о выборѣ камерныхъ студентовъ по новому о нихъ положенію помощникомъ инспектора, и начался выборъ слѣдующимъ образомъ. Подозвавъ всякаго изъ студентовъ, требовалъ отъ нихъ объявленія о ихъ согласіи или несогласіи на выборъ предложенныхъ четырехъ старшихъ: г.г. Тимьянскаго, Кайсарова, Перевощикова и Честнова, на что и воспослѣдовали таковые голоса: для Тимьянскаго—29, для Кайсарова—29, для Перевощикова—21 и Честнова—17. Послѣ сего позволено дѣлать выборъ всякому произвольно, кого кто хочетъ, и нашлось, что всѣ они подтвердились таковымъ же образомъ, а посему профессоръ-инспекторъ, признавая ихъ сего достойными, и утвердилъ ихъ 6-го октября въ званіи камерныхъ студентовъ, что утверждено и совѣтомъ. Сверхъ сего, въ помощь имъ избраны, для отправленія должности камерныхъ студентовъ, г.г. Граздовскій и Княжевичъ".

Все только что сказанное нами заставляетъ думать, что Яковкинъ былъ безусловно увѣренъ въ утвержденіи попечителемъ составленныхъ Кондыревымъ правилъ,—но ему пришлось на этотъ разъ потерпѣть совершенно неожиданное разочарованіе: Румовскій отвѣтилъ (отъ 7-го октября 1807 года) на соотвѣтствующее представленіе совѣта, что „приступить къ сочиненію таковыхъ правилъ еще не время, но, по силѣ § 121-го, въ уставѣ изображеннаго, должно предоставить составленіе оныхъ совѣту, когда университетъ надлежащимъ образомъ открытъ будетъ". Какъ построенный на совершенно аномальныхъ началахъ и, притомъ, не получившій даже надлежащей санкціи для своей дѣятельности, институтъ камерныхъ студентовъ едва ли долго пережилъ полное открытіе въ 1814 году университета; въ инспекторскомъ журналѣ послѣднее указаніе на камерныхъ студентовъ встрѣчено нами, если не ошибаемся, подъ 1-мъ числомъ января 1815 года. Система дисциплинарнаго надзора, аналогичная начальному институту камерныхъ студентовъ, снова появляется въ казанскомъ университетѣ въ началѣ 1819 года, вслѣдствіе слѣдующаго предложенія проректора Г. И. Солнцева, принятаго совѣтомъ въ засѣданіи отъ 25-го февраля этого года:

Яковкинъ былъ, очевидно, настолько увѣренъ въ утвержденіи попечителемъ составленнаго Кондыревымъ „положенія", что уже 4-го октября примѣнилъ его въ дѣлѣ избранія камерныхъ студентовъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующая запись инспекторскаго журнала, вмѣстѣ съ тѣмъ знакомящая насъ и съ самымъ порядкомъ этой выборной процедуры:

„4-го октября, въ шесть часовъ пополудни, по прибытіи г. профессора-инспектора казенныхъ студентовъ Ильи Федоровича Яковкина въ общее ихъ собраніе, по краткомъ объявленіи имъ отъ г. инспектора о выборѣ камерныхъ студентовъ по новому о нихъ положенію помощникомъ инспектора, и начался выборъ слѣдующимъ образомъ. Подозвавъ всякаго изъ студентовъ, требовалъ отъ нихъ объявленія о ихъ согласіи или несогласіи на выборъ предложенныхъ четырехъ старшихъ: г.г. Тимьянскаго, Кайсарова, Перевощикова и Честнова, на что и воспослѣдовали таковые голоса: для Тимьянскаго—29, для Кайсарова—29, для Перевощикова—21 и Честнова—17. Послѣ сего позволено дѣлать выборъ всякому произвольно, кого кто хочетъ, и нашлось, что всѣ они подтвердились таковымъ же образомъ, а посему профессоръ-инспекторъ, признавая ихъ сего достойными, и утвердилъ ихъ 6-го октября въ званіи камерныхъ студентовъ, что утверждено и совѣтомъ. Сверхъ сего, въ помощь имъ избраны, для отправленія должности камерныхъ студентовъ, г.г. Граздовскій и Княжевичъ".

Все только что сказанное нами заставляетъ думать, что Яковкинъ былъ безусловно увѣренъ въ утвержденіи попечителемъ составленныхъ Кондыревымъ правилъ,—но ему пришлось на этотъ разъ потерпѣть совершенно неожиданное разочарованіе: Румовскій отвѣтилъ (отъ 7-го октября 1807 года) на соотвѣтствующее представленіе совѣта, что „приступить къ сочиненію таковыхъ правилъ еще не время, но, по силѣ § 121-го, въ уставѣ изображеннаго, должно предоставить составленіе оныхъ совѣту, когда университетъ надлежащимъ образомъ открытъ будетъ". Какъ построенный на совершенно аномальныхъ началахъ и, притомъ, не получившій даже надлежащей санкціи для своей дѣятельности, институтъ камерныхъ студентовъ едва ли долго пережилъ полное открытіе въ 1814 году университета; въ инспекторскомъ журналѣ послѣднее указаніе на камерныхъ студентовъ встрѣчено нами, если не ошибаемся, подъ 1-мъ числомъ января 1815 года. Система дисциплинарнаго надзора, аналогичная начальному институту камерныхъ студентовъ, снова появляется въ казанскомъ университетѣ въ началѣ 1819 года, вслѣдствіе слѣдующаго предложенія проректора Г. И. Солнцева, принятаго совѣтомъ въ засѣданіи отъ 25-го февраля этого года:

„Нужно имѣть въ комнатахъ студентовъ старшихъ, изъ числа ихъ самихъ, для усиленія за комнатными студентами надзора, избираемыхъ, о чемъ уже и сдѣлано предварительное распоряженіе. Нужно также имѣть старшихъ студентовъ и по классамъ каждаго преподавателя, для усиленія надзора за приличіемъ и хожденіемъ въ классы студентовъ".

Практическое примѣненіе этого дисциплинарнаго начинанія уже выходитъ, впрочемъ, за предѣлы занимающей насъ въ настоящее время эпохи [237].

Мы видѣли, что попечитель Румовскій, избѣгавшій возбужденія вопроса о составленіи для студентовъ правилъ и полагавшій своевременнымъ приступить къ этой задачѣ лишь послѣ совершеннаго открытія университета, отказалъ въ утвержденіи представленнаго ему проекта положенія о камерныхъ студентахъ. Отсутствіе какихъ бы то ни было руководящихъ правилъ для студентовъ, ставившее въ совершенную неопредѣленность и вопросъ о порядкѣ и мѣрахъ дисциплинарнаго надзора по отношенію къ нимъ, скоро дало, однако, почувствовать все свое неудобство. Яковкинъ самъ сознавался, какъ мы это сейчасъ увидимъ, что онъ, въ первые два года своей инспектуры, въ отношеніяхъ своихъ къ студентамъ „руководствовался благоразуміемъ и долговременною опытностью". Какъ ни упрощены и ни патріархальны были такія черты дѣятельности и какъ бы ни были твердо усвоены профессоромъ-директоромъ эти вполнѣ почтенныя въ педагогѣ качества, ихъ оказывалось совершенно недостаточнымъ для того, что бы твердо и умѣло держать въ своихъ рукахъ бразды инспекторской власти, тѣмъ болѣе, что эти „благоразуміе" и „опытность"— легко вели къ нареканіямъ въ произволѣ и личномъ усмотрѣніи, что, во всякомъ случаѣ, не могло способствовать установленію правильныхъ соотношеній между инспекціею и руководимою ею молодежью, а скорбная лѣтопись всякаго рода студенческихъ шалостей, своевольствъ и, даже, безчинствъ—заполняла собою и записи инспекторскаго журнала, и періодическіе рапорты инспекторскихъ помощниковъ. Не исполнилось еще и двухъ лѣтъ дѣятельности инспекціи, какъ уже возникло цѣлое совѣтское дѣло „объ удержаніи студентовъ въ должномъ порядкѣ и повиновеніи", давшее новый толчокъ вопросу о необходимости составленія правилъ для студентовъ. Произошло это вслѣдствіе слѣдующей записки отъ 22-го января 1808 года, съ которою инспекторъ студентовъ вошелъ въ совѣтъ:

„Порядокъ есть душа всякаго заведенія,—заявляетъ здѣсь Яковкинъ.—Онъ утверждается на правилахъ, изыскиваемыхъ благоразуміемъ

„Нужно имѣть въ комнатахъ студентовъ старшихъ, изъ числа ихъ самихъ, для усиленія за комнатными студентами надзора, избираемыхъ, о чемъ уже и сдѣлано предварительное распоряженіе. Нужно также имѣть старшихъ студентовъ и по классамъ каждаго преподавателя, для усиленія надзора за приличіемъ и хожденіемъ въ классы студентовъ".

Практическое примѣненіе этого дисциплинарнаго начинанія уже выходитъ, впрочемъ, за предѣлы занимающей насъ въ настоящее время эпохи [237].

Мы видѣли, что попечитель Румовскій, избѣгавшій возбужденія вопроса о составленіи для студентовъ правилъ и полагавшій своевременнымъ приступить къ этой задачѣ лишь послѣ совершеннаго открытія университета, отказалъ въ утвержденіи представленнаго ему проекта положенія о камерныхъ студентахъ. Отсутствіе какихъ бы то ни было руководящихъ правилъ для студентовъ, ставившее въ совершенную неопредѣленность и вопросъ о порядкѣ и мѣрахъ дисциплинарнаго надзора по отношенію къ нимъ, скоро дало, однако, почувствовать все свое неудобство. Яковкинъ самъ сознавался, какъ мы это сейчасъ увидимъ, что онъ, въ первые два года своей инспектуры, въ отношеніяхъ своихъ къ студентамъ „руководствовался благоразуміемъ и долговременною опытностью". Какъ ни упрощены и ни патріархальны были такія черты дѣятельности и какъ бы ни были твердо усвоены профессоромъ-директоромъ эти вполнѣ почтенныя въ педагогѣ качества, ихъ оказывалось совершенно недостаточнымъ для того, что бы твердо и умѣло держать въ своихъ рукахъ бразды инспекторской власти, тѣмъ болѣе, что эти „благоразуміе" и „опытность"— легко вели къ нареканіямъ въ произволѣ и личномъ усмотрѣніи, что, во всякомъ случаѣ, не могло способствовать установленію правильныхъ соотношеній между инспекціею и руководимою ею молодежью, а скорбная лѣтопись всякаго рода студенческихъ шалостей, своевольствъ и, даже, безчинствъ—заполняла собою и записи инспекторскаго журнала, и періодическіе рапорты инспекторскихъ помощниковъ. Не исполнилось еще и двухъ лѣтъ дѣятельности инспекціи, какъ уже возникло цѣлое совѣтское дѣло „объ удержаніи студентовъ въ должномъ порядкѣ и повиновеніи", давшее новый толчокъ вопросу о необходимости составленія правилъ для студентовъ. Произошло это вслѣдствіе слѣдующей записки отъ 22-го января 1808 года, съ которою инспекторъ студентовъ вошелъ въ совѣтъ:

„Порядокъ есть душа всякаго заведенія,—заявляетъ здѣсь Яковкинъ.—Онъ утверждается на правилахъ, изыскиваемыхъ благоразуміемъ

и оправдываемыхъ опытностью. И такъ, для предупрежденія проступковъ, нарушающихъ порядокъ, необходимо нужно, что бы какъ правила сіи, такъ и соразмѣрное наказаніе за нарушеніе ихъ, были извѣстны долженствующимъ исполнять ихъ. Съ самаго основанія университета, въ управленіи и образованіи студентовъ, по ввѣренному мнѣ званію инспектора ихъ, руководствовался я, при разматриваніи поступковъ ихъ, сверхъ кратко изображенныхъ для нихъ въ уставѣ университета казанскаго и предписанныхъ студентамъ другихъ университетовъ обязанностей, благоразуміемъ и долговременною моею опытностью. Но время доказываетъ, что сего—не довольно, а необходимо нужно, что бы юношеству извѣстно было наказаніе, назначенное за нарушеніе порядка въ разныхъ его отношеніяхъ. Сіе нарушеніе порядка и производимые имъ проступки могутъ быть неумышленные и ожесточенные, а во всѣхъ случаяхъ главнѣйшею цѣлью долженствуетъ быть исправленіе сердца. Для различенія ихъ, долгомъ моимъ поставляю предложить совѣту, не благоугодно ли будетъ ввести у студентовъ въ употребленіе черную доску извѣстной величины, на коей написавъ проступокъ, имя и прозванье студента, вывѣшивать въ спальныхъ комнатахъ на кратчайшее или должайшее время, сообразно проступку, для пристыженія и исправленія проступившагося и впредь остереженія прочимъ его сотоварищамъ".

Слѣдомъ за тѣмъ Яковкинъ предлагаетъ совѣту и краткій проектъ правилъ для студентовъ, исчерпывающійся слѣдующими пятью положеніями:

„I. Умышленное нарушеніе введеннаго порядка относительно скромности, вѣжливости и благопристойности написавъ на doскѣ, съ именемъ и прозваньемъ преступившагося, вывѣшивать ее въ комнатѣ на три дня и проступокъ записывать въ особую тетрадь, для лучшаго соображенія будущихъ его поступковъ.

II. Умышленное нарушеніе порядка относительно подчиненности, нерадѣнія къ лекціямъ и благоповеденія написавъ на доскѣ, съ именемъ и прозваніемъ преступившагося, вывѣшивать ее на цѣлую недѣлю и проступокъ записывать въ инспекторскую журнальную шнуровую книгу, которая представляется отъ него при публичныхъ экзаменахъ на общее г.г. членовъ разсматриваніе.

III. Ожесточенное и учащаемое нарушеніе порядка относительно подчиненности, нерадѣнія къ лекціямъ и благоповеденія представляется на благоразсмотрѣніе всего совѣта и пріемлются отъ него сообразныя мѣры для прекращенія зла.

IV. Для вящаго побужденія къ необходимо нужному прослушанію всѣхъ пріуготовительныхъ къ каждому факультету (sic) курсовъ, не благоугодно ли будетъ представить на утвержденіе его превосходительству г. попечителю и кавалеру, чтобъ шпаги раздаваемы были только

и оправдываемыхъ опытностью. И такъ, для предупрежденія проступковъ, нарушающихъ порядокъ, необходимо нужно, что бы какъ правила сіи, такъ и соразмѣрное наказаніе за нарушеніе ихъ, были извѣстны долженствующимъ исполнять ихъ. Съ самаго основанія университета, въ управленіи и образованіи студентовъ, по ввѣренному мнѣ званію инспектора ихъ, руководствовался я, при разматриваніи поступковъ ихъ, сверхъ кратко изображенныхъ для нихъ въ уставѣ университета казанскаго и предписанныхъ студентамъ другихъ университетовъ обязанностей, благоразуміемъ и долговременною моею опытностью. Но время доказываетъ, что сего—не довольно, а необходимо нужно, что бы юношеству извѣстно было наказаніе, назначенное за нарушеніе порядка въ разныхъ его отношеніяхъ. Сіе нарушеніе порядка и производимые имъ проступки могутъ быть неумышленные и ожесточенные, а во всѣхъ случаяхъ главнѣйшею цѣлью долженствуетъ быть исправленіе сердца. Для различенія ихъ, долгомъ моимъ поставляю предложить совѣту, не благоугодно ли будетъ ввести у студентовъ въ употребленіе черную доску извѣстной величины, на коей написавъ проступокъ, имя и прозванье студента, вывѣшивать въ спальныхъ комнатахъ на кратчайшее или должайшее время, сообразно проступку, для пристыженія и исправленія проступившагося и впредь остереженія прочимъ его сотоварищамъ".

Слѣдомъ за тѣмъ Яковкинъ предлагаетъ совѣту и краткій проектъ правилъ для студентовъ, исчерпывающійся слѣдующими пятью положеніями:

„I. Умышленное нарушеніе введеннаго порядка относительно скромности, вѣжливости и благопристойности написавъ на доскѣ, съ именемъ и прозваньемъ преступившагося, вывѣшивать ее въ комнатѣ на три дня и проступокъ записывать въ особую тетрадь, для лучшаго соображенія будущихъ его поступковъ.

II. Умышленное нарушеніе порядка относительно подчиненности, нерадѣнія къ лекціямъ и благоповеденія написавъ на доскѣ, съ именемъ и прозваніемъ преступившагося, вывѣшивать ее на цѣлую недѣлю и проступокъ записывать въ инспекторскую журнальную шнуровую книгу, которая представляется отъ него при публичныхъ экзаменахъ на общее г.г. членовъ разсматриваніе.

III. Ожесточенное и учащаемое нарушеніе порядка относительно подчиненности, нерадѣнія къ лекціямъ и благоповеденія представляется на благоразсмотрѣніе всего совѣта и пріемлются отъ него сообразныя мѣры для прекращенія зла.

IV. Для вящаго побужденія къ необходимо нужному прослушанію всѣхъ пріуготовительныхъ къ каждому факультету (sic) курсовъ, не благоугодно ли будетъ представить на утвержденіе его превосходительству г. попечителю и кавалеру, чтобъ шпаги раздаваемы были только

тѣмъ переименованнымъ въ студенты, кои прослушали полный пріуготовительный курсъ и тогда уже считать таковыхъ дѣйствительными студентами......

V. Нужнымъ нахожу испрашивать оффиціально отъ имени совѣта рекомендовать всѣмъ студентамъ и преименованнымъ въ оные, дабы они въ комнатахъ между собою въ разговорахъ поставляли себѣ особенною обязанностью говорить между собою всегда по латынѣ, отъ чего тѣмъ скорѣе могутъ они утверждаться въ семъ языкѣ".

Весьма странное впечатлѣніе должно было произвести на совѣтъ это инспекторское предложеніе, въ которомъ дисциплинарныя по отношенію къ студентамъ мѣры, исчерпывающіяся, впрочемъ, одною лишь „черною доскою", въ которой Яковкинъ видѣлъ, кажется, панацею противъ всѣхъ нестроеній студенческой жизни—такъ странно переплетаются съ начинаніями, собственно, учебно-педагогическаго характера. И, дѣйствительно, заслушавъ это предложеніе въ засѣданіи 29-го января, совѣтъ постановилъ „оставить разсужденіе до будущаго времени". Никакого совѣтскаго „разсужденія" по этому вопросу въ совѣтѣ, однако, не происходило и предложеніе Яковкина пошло на благоусмотрѣніе попечителя, которымъ и было, конечно, одобрено: „Мнѣніе г. профессора и инспектора казенныхъ студентовъ о мѣрахъ въ разсужденіи поведенія и удержанія въ должномъ порядкѣ тѣмъ охотнѣе я утверждаю,—отвѣтилъ Румовскій отъ 27-го февраля,—что въ немъ назначаются наказанія, соразмѣрныя степенямъ преступленія, а важнѣйшіе случаи предоставлены совѣту на разсмотрѣніе". Едва ли въ состояніи оказались только что приведенныя нами положенія Яковкина сколько нибудь содѣйствовать упорядоченію нравственной жизни студенчества, что подтверждается какъ послѣдующими записями инспекторскаго журнала и донесеніями инспекторскихъ помощниковъ *, такъ и тѣмъ жалкимъ положеніемъ, въ какомъ эта сторона студенческаго быта досталась въ наслѣдіе его преемникамъ по инспектурѣ. Пресловутой „черной доскѣ" пришлось уживаться наряду съ „благоразуміемъ и долговременною

---

* За время несенія Яковкинымъ званія инспектора студентовъ помощниками его по этому званію состояли: Кондыревъ (съ 21-го іюня 1807 г. по 14-ое іюня 1812 г.), Перевощиковъ (съ 15-го августа 1809 г. по 23-е марта 1811 г.), Булыгинъ (съ 14-го іюня 1812 г. по 4-ое іюня 1813 г.) и Юнаковъ (съ 14-го іюня 1812 г.).

Что бы не возвращаться болѣе къ этому предмету, укажемъ помощниковъ инспекторовъ, находившихся въ этомъ званіи и въ остальные годы занимающей насъ эпохи: Юнаковъ (до 13-го октября 1816 г.), Срезневскій (4-ое іюня—6-ое ноября 1813 г.), Тимьянскій (26-ое ноября 1813 г.—28-ое августа 1814 г.), Булыгинъ (28-ое августа 1814 г.—23-е октября 1817 г.), Востоковъ (13-ое октября 1816 г.—6-ое ноября 1817 г.), Самсоновъ (6-ое ноября 1817 г.—8-ое іюня 1818 г.), Саханскій (6-ое ноября 1817 г.—21-ое дек. 1818 г.).

тѣмъ переименованнымъ въ студенты, кои прослушали полный пріуготовительный курсъ и тогда уже считать таковыхъ дѣйствительными студентами......

V. Нужнымъ нахожу испрашивать оффиціально отъ имени совѣта рекомендовать всѣмъ студентамъ и преименованнымъ въ оные, дабы они въ комнатахъ между собою въ разговорахъ поставляли себѣ особенною обязанностью говорить между собою всегда по латынѣ, отъ чего тѣмъ скорѣе могутъ они утверждаться въ семъ языкѣ".

Весьма странное впечатлѣніе должно было произвести на совѣтъ это инспекторское предложеніе, въ которомъ дисциплинарныя по отношенію къ студентамъ мѣры, исчерпывающіяся, впрочемъ, одною лишь „черною доскою", въ которой Яковкинъ видѣлъ, кажется, панацею противъ всѣхъ нестроеній студенческой жизни—такъ странно переплетаются съ начинаніями, собственно, учебно-педагогическаго характера. И, дѣйствительно, заслушавъ это предложеніе въ засѣданіи 29-го января, совѣтъ постановилъ „оставить разсужденіе до будущаго времени". Никакого совѣтскаго „разсужденія" по этому вопросу въ совѣтѣ, однако, не происходило и предложеніе Яковкина пошло на благоусмотрѣніе попечителя, которымъ и было, конечно, одобрено: „Мнѣніе г. профессора и инспектора казенныхъ студентовъ о мѣрахъ въ разсужденіи поведенія и удержанія въ должномъ порядкѣ тѣмъ охотнѣе я утверждаю,—отвѣтилъ Румовскій отъ 27-го февраля,—что въ немъ назначаются наказанія, соразмѣрныя степенямъ преступленія, а важнѣйшіе случаи предоставлены совѣту на разсмотрѣніе". Едва ли въ состояніи оказались только что приведенныя нами положенія Яковкина сколько нибудь содѣйствовать упорядоченію нравственной жизни студенчества, что подтверждается какъ послѣдующими записями инспекторскаго журнала и донесеніями инспекторскихъ помощниковъ *, такъ и тѣмъ жалкимъ положеніемъ, въ какомъ эта сторона студенческаго быта досталась въ наслѣдіе его преемникамъ по инспектурѣ. Пресловутой „черной доскѣ" пришлось уживаться наряду съ „благоразуміемъ и долговременною

---

* За время несенія Яковкинымъ званія инспектора студентовъ помощниками его по этому званію состояли: Кондыревъ (съ 21-го іюня 1807 г. по 14-ое іюня 1812 г.), Перевощиковъ (съ 15-го августа 1809 г. по 23-е марта 1811 г.), Булыгинъ (съ 14-го іюня 1812 г. по 4-ое іюня 1813 г.) и Юнаковъ (съ 14-го іюня 1812 г.).

Что бы не возвращаться болѣе къ этому предмету, укажемъ помощниковъ инспекторовъ, находившихся въ этомъ званіи и въ остальные годы занимающей насъ эпохи: Юнаковъ (до 13-го октября 1816 г.), Срезневскій (4-ое іюня—6-ое ноября 1813 г.), Тимьянскій (26-ое ноября 1813 г.—28-ое августа 1814 г.), Булыгинъ (28-ое августа 1814 г.—23-е октября 1817 г.), Востоковъ (13-ое октября 1816 г.—6-ое ноября 1817 г.), Самсоновъ (6-ое ноября 1817 г.—8-ое іюня 1818 г.), Саханскій (6-ое ноября 1817 г.—21-ое дек. 1818 г.).

опытностью", полагавшимися Яковкинымъ краеугольными камнями его педагогической дѣятельности. Какъ бы то ни было, но рѣчи о составленіи правилъ для студентовъ въ послѣдующіе пять лѣтъ инспектуры Яковкина—болѣе уже не возбуждалось.

Что бы покончить съ вопросомъ объ инспектурѣ Яковкина, коснемся еще не безъинтереснаго вопроса объ отношеніяхъ его къ университетской молодежи. Этотъ вопросъ явится не совсѣмъ празднымъ въ виду роли, сыгранной нашимъ профессоромъ-директоромъ въ качествѣ перваго устроителя казанскаго университета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перваго инспектора его студентовъ.

Попытку возстановить личность Яковкина въ только что указанномъ отношеніи встрѣчаемъ мы у покойнаго Н. Н. Булича,—но у него же наталкиваемся мы и на непримиримое противорѣчіе на почвѣ оцѣнки профессора-директора съ этой стороны его университеской дѣятельности. Въ самомъ началѣ своего труда „Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета" (I, стр. 56—57), проф. Буличъ, характеризуя личность Яковкина, выражаетъ несомнѣнную тенденцію идеализировать его отношенія къ студенчеству: „Отечески добрыми представляются намъ отношенія Яковкина къ поколѣнію, воспитывавшемуся подъ его наблюденіемъ,—писалъ въ то время Н. Н. Буличъ.—За то онъ пользовался искреннею его любовью. Въ воспоминаніяхъ Аксакова, Веригина и Панаева можно найти достаточно свидѣтельствъ этой любви молодыхъ людей къ своему директору и профессору. Семья Яковкина, въ которой было нѣсколько красивыхъ, подростающихъ дочерей, была привѣтливымъ центромъ, куда охотно стремились молодые люди, особенно изъ семействъ помѣщичьихъ". „Добродушныя отношенія, въ соединеніи съ тѣмъ здоровымъ юморомъ, которымъ владѣлъ Яковкинъ, какъ мы слышали, въ значительной степени, сильно располагали къ нему молодыя сердца,—продолжаетъ тотъ же авторъ.— Онъ былъ виртуозомъ въ педагогическомъ дѣлѣ, настоящимъ, здравымъ воспитателемъ юношества, какихъ становится у насъ все меньше и меньше". И слава Богу!—воскликнемъ мы по поводу этого послѣдняго замѣчанія проф. Булича, въ виду оцѣнки педагогической дѣятельности Яковкина, даваемой тѣмъ же авторомъ въ болѣе поздней части своего труда: „Хотя Яковкинъ, въ своихъ письмахъ къ Румовскому, постоянно старался выставить свои отношенія къ студентамъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ,—пишетъ Н. Н. Буличъ (I, стр. 466),—и говорилъ о своихъ почти родительскихъ чувствахъ къ студентамъ, о ихъ дѣтской привязанности къ нему, но эти отношенія были далеко не таковы.... въ этихъ

опытностью", полагавшимися Яковкинымъ краеугольными камнями его педагогической дѣятельности. Какъ бы то ни было, но рѣчи о составленіи правилъ для студентовъ въ послѣдующіе пять лѣтъ инспектуры Яковкина—болѣе уже не возбуждалось.

Что бы покончить съ вопросомъ объ инспектурѣ Яковкина, коснемся еще не безъинтереснаго вопроса объ отношеніяхъ его къ университетской молодежи. Этотъ вопросъ явится не совсѣмъ празднымъ въ виду роли, сыгранной нашимъ профессоромъ-директоромъ въ качествѣ перваго устроителя казанскаго университета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перваго инспектора его студентовъ.

Попытку возстановить личность Яковкина въ только что указанномъ отношеніи встрѣчаемъ мы у покойнаго Н. Н. Булича,—но у него же наталкиваемся мы и на непримиримое противорѣчіе на почвѣ оцѣнки профессора-директора съ этой стороны его университеской дѣятельности. Въ самомъ началѣ своего труда „Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета" (I, стр. 56—57), проф. Буличъ, характеризуя личность Яковкина, выражаетъ несомнѣнную тенденцію идеализировать его отношенія къ студенчеству: „Отечески добрыми представляются намъ отношенія Яковкина къ поколѣнію, воспитывавшемуся подъ его наблюденіемъ,—писалъ въ то время Н. Н. Буличъ.—За то онъ пользовался искреннею его любовью. Въ воспоминаніяхъ Аксакова, Веригина и Панаева можно найти достаточно свидѣтельствъ этой любви молодыхъ людей къ своему директору и профессору. Семья Яковкина, въ которой было нѣсколько красивыхъ, подростающихъ дочерей, была привѣтливымъ центромъ, куда охотно стремились молодые люди, особенно изъ семействъ помѣщичьихъ". „Добродушныя отношенія, въ соединеніи съ тѣмъ здоровымъ юморомъ, которымъ владѣлъ Яковкинъ, какъ мы слышали, въ значительной степени, сильно располагали къ нему молодыя сердца,—продолжаетъ тотъ же авторъ.—Онъ былъ виртуозомъ въ педагогическомъ дѣлѣ, настоящимъ, здравымъ воспитателемъ юношества, какихъ становится у насъ все меньше и меньше". И слава Богу!—воскликнемъ мы по поводу этого послѣдняго замѣчанія проф. Булича, въ виду оцѣнки педагогической дѣятельности Яковкина, даваемой тѣмъ же авторомъ въ болѣе позднeй части своего труда: „Хотя Яковкинъ, въ своихъ письмахъ къ Румовскому, постоянно старался выставить свои отношенія къ студентамъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ,—пишетъ Н. Н. Буличъ (I, стр. 466),—и говорилъ о своихъ почти родительскихъ чувствахъ къ студентамъ, о ихъ дѣтской привязанности къ нему, но эти отношенія были далеко не таковы.... въ этихъ

отношеніяхъ господствовала глубокая фальшь.... Подъ красивою наружною фразою скрывались весьма неприглядныя отношенія. И тутъ, какъ вездѣ, мы встрѣчаемся съ безконечною и совершенно безполезною регламентаціею, которою думали помочь злу. Правилъ было множество (да и ихъ то, какъ мы знаемъ, вовсе не было!), но источникомъ ихъ было не дѣйствительное желаніе добра и пользы, а скорѣе—лицемѣріе и ложь".

Мы съ полною готовностью подписываемся подъ этимъ послѣднимъ отзывомъ проф. Булича объ общемъ характерѣ педагогической дѣятельности Яковкина. Профессоръ-директоръ, дѣйствительно, неустанно выставлялъ передъ попечителемъ на видъ сердечность отношеній къ студентамъ не только своихъ, но даже и своей жены, и въ доказательство прилагаетъ къ письму отъ 8-го января 1807 года записку студентовъ Перевощикова и Ляпунова, въ которой „начертаны,—поясняетъ Яковкинъ,—благодарныя ихъ чувствованія за матернее къ нимъ расположеніе жены моей"; но припомнимъ и то, что весною того же 1807 года профессору-директору пришлось имѣть крупное столкновеніе съ цѣлою партіею студентовъ и ограждать отъ нихъ свою квартиру пикетомъ изъ восьми служителей университета, что, конечно, не свидѣтельствуетъ въ пользу уже слишкомъ идеальныхъ отношеній между Яковкинымъ и руководимымъ имъ студенчествомъ. Весьма возможно, что у профессора-директора и складывались превосходныя отношенія съ молодыми людьми изъ вліятельныхъ „семействъ помѣщичьихъ" или съ тѣми пансіонерами, которые платили ему, какъ мы это знаемъ, по тысячѣ рублей въ годъ за свое содержаніе, но даже и у тѣхъ авторовъ, на которыхъ ссылается Н. Н. Буличъ, мы не находимъ указаній на особенную любовь студентовъ къ своему принципалу. Аксаковъ не даетъ характеристики Яковкина съ интересующей насъ стороны, но за то констатируетъ всеобщее негодованіе молодежи по поводу назначенія его прямо ординарнымъ профессоромъ, „считая такое быстрое возвышеніе не заслуженнымъ по ограниченности его ученыхъ познаній"; симпатіи Аксакова всецѣло и горячо направлялись, наоборотъ, въ сторону его воспитателя адъюнкта Г. И. Карташевскаго, непримиримаго противника и жертву самовластія профессора-директора. Н. В. Веригинъ, свидѣтель, въ общемъ, крайне недостовѣрный *, воспоминанія котораго напечатаны въ

---

* Насколько неточны воспоминанія Веригина (бывшаго студентомъ въ 1813—1815 годахъ), видно уже изъ того, что онъ называетъ профессора Брейтенбаха—зятемъ Яковкина и утверждаетъ, будто бы «Магницкій очернилъ и лишилъ университетъ лучшихъ профессоровъ, какъ то: Литтрова (!), Брауна (!), Эрдмана (!) и Солнцева». За исключеніемъ Солнцева, что ни фактъ—то искаженіе истины.

отношеніяхъ господствовала глубокая фальшь.... Подъ красивою наружною фразою скрывались весьма непригл‍ядныя отношенія. И тутъ, какъ вездѣ, мы встрѣчаемся съ безконечною и совершенно безполезною регламентаціею, которою думали помочь злу. Правилъ было множество (да и ихъ то, какъ мы знаемъ, вовсе не было!), но источникомъ ихъ было не дѣйствительное желаніе добра и пользы, а скорѣе—лицемѣріе и ложь".

Мы съ полною готовностью подписываемся подъ этимъ послѣднимъ отзывомъ проф. Булича объ общемъ характерѣ педагогической дѣятельности Яковкина. Профессоръ-директоръ, дѣйствительно, неустанно выставлялъ передъ попечителемъ на видъ сердечность отношеній къ студентамъ не только своихъ, но даже и своей жены, и въ доказательство прилагаетъ къ письму отъ 8-го января 1807 года записку студентовъ Перевощикова и Ляпунова, въ которой „начертаны,—поясняетъ Яковкинъ,— благодарныя ихъ чувствованія за матернее къ нимъ расположеніе жены моей"; но припомнимъ и то, что весною того же 1807 года профессору-директору пришлось имѣть крупное столкновеніе съ цѣлою партіею студентовъ и ограждать отъ нихъ свою квартиру пикетомъ изъ восьми служителей университета, что, конечно, не свидѣтельствуетъ въ пользу уже слишкомъ идеальныхъ отношеній между Яковкинымъ и руководимымъ имъ студенчествомъ. Весьма возможно, что у профессора-директора и складывались превосходныя отношенія съ молодыми людьми изъ вліятельныхъ „семействъ помѣщичьихъ" или съ тѣми пансіонерами, которые платили ему, какъ мы это знаемъ, по тысячѣ рублей въ годъ за свое содержаніе, но даже и у тѣхъ авторовъ, на которыхъ ссылается Н. Н. Буличъ, мы не находимъ указаній на особенную любовь студентовъ къ своему принципалу. Аксаковъ не даетъ характеристики Яковкина съ интересующей насъ стороны, но за то констатируетъ всеобщее негодованіе молодежи по поводу назначенія его прямо ординарнымъ профессоромъ, „считая такое быстрое возвышеніе не заслуженнымъ по ограниченности его ученыхъ познаній"; симпатіи Аксакова всецѣло и горячо направлялись, наоборотъ, въ сторону его воспитателя адъюнкта Г. И. Карташевскаго, непримиримаго противника и жертву самовластія профессора-директора. Н. В. Веригинъ, свидѣтель, въ общемъ, крайне недостовѣрный *, воспоминанія котораго напечатаны въ

---

* Насколько неточны воспоминанія Веригина (бывшаго студентомъ въ 1813—1815 годахъ), видно уже изъ того, что онъ называетъ профессора Брейтенбаха—зятемъ Яковкина и утверждаетъ, будто бы «Магницкій очернилъ и лишилъ университетъ лучшихъ профессоровъ, какъ то: Литтрова (!), Брауна (!), Эрдмана (!) и Солнцева». За исключеніемъ Солнцева, что ни фактъ—то искаженіе истины.

приложеніяхъ къ „Исторической запискѣ о первой казанской гимназіи" Владимірова, припоминаетъ относительно Яковкина только то, что „Илья Өедоровичъ былъ добрый человѣкъ". В. И. Панаевъ, семья котораго, по его словамъ, водила съ Яковкинымъ „хлѣбъ-соль", дѣйствительно съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ о семействѣ Яковкиныхъ, но вспоминаетъ о немъ лишь на почвѣ частныхъ отношеній—въ связи съ муками своей юношеской любви къ одной изъ дочерей директора, сдѣлавшейся женою проф. Врангеля. Покойнаго Н. Н. Булича, въ силу всѣхъ приведенныхъ соображеній, мы признаемъ безусловно правымъ лишь въ той части характеристики Яковкина, по которой его педагогическая дѣятельность, какъ и вся дѣятельность профессора-директора, вообще, признается основанною не на „дѣйствительномъ желаніи добра и пользы", но, скорѣе—на „лицемѣріи и лжи".

Справедливость заставляетъ насъ, однако, отмѣтить ту положительную черту въ дѣятельности Яковкина, въ качествѣ инспектора студентовъ, что, установляя, такъ или иначе, патримоніальныя отношенія свои къ студентамъ, онъ зорко охранялъ студенческій мірокъ отъ поползновеній къ вторженію въ его жизнь извнѣ, въ особенности же со стороны общей городской администраціи. Эта черта дѣятельности Яковкина можетъ быть иллюстрирована предпринятымъ имъ весною 1810 года энергичнымъ заступничествомъ за двухъ студентовъ, братьевъ Н. и А. Лобачевскихъ, сущность котораго выясняется изъ слѣдующаго письма его къ казанскому полицеймейстеру Симонову, отъ 23-го апрѣля:

> „Милостивый государь мой Григорій Егоровичъ!—Вчерашняго дня, т. е. 22-го сего апрѣля, двое студентовъ казанскаго университета Лобачевскіе, изъ коихъ старшему (Николаю) особенно рекомендовано отъ доктора пользоваться свѣжимъ воздухомъ по причинѣ продолжающейся въ немъ слабости здоровья, прохаживавшись прежде по нижней сторонѣ Неяловской рощи, прошли въ Болховскую рощу *, дабы чрезъ нее выйти на улицу. Но посторонніе люди, назвавшіеся сторожами той рощи, задержали ихъ, говоря, что не велѣно гулять въ той рощѣ, говорили и обошлись съ ними весьма грубо безъ всякой причины и, не взирая на увѣренія ихъ, что они—студенты, насильно приневолены были идти прежде къ вашему высокоблагородію, а потомъ отведены въ полицію, гдѣ и задержаны. Запрещенія прохаживаться въ Болховской рощѣ никакого не было публиковано, да и роща сія, какъ

* Неяловская роща—нынѣшній садъ и мѣсто Родіоновскаго института; Болховская роща находилась западнѣе ея, за нынѣшними интендантскими складами.

приложеніяхъ къ „Исторической запискѣ о первой казанской гимназіи“ Владимірова, припоминаетъ относительно Яковкина только то, что „Илья Ѳедоровичъ былъ добрый человѣкъ“. В. И. Панаевъ, семья котораго, по его словамъ, водила съ Яковкинымъ „хлѣбъ-соль“, дѣйствительно съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ о семействѣ Яковкиныхъ, но вспоминаетъ о немъ лишь на почвѣ частныхъ отношеній—въ связи съ муками своей юношеской любви къ одной изъ дочерей директора, сдѣлавшейся женою проф. Врангеля. Покойнаго Н. Н. Булича, въ силу всѣхъ приведенныхъ соображеній, мы признаемъ безусловно правымъ лишь въ той части характеристики Яковкина, по которой его педагогическая дѣятельность, какъ и вся дѣятельность профессора-директора, вообще, признается основанною не на „дѣйствительномъ желаніи добра и пользы“, но, скорѣе—на „лицемѣріи и лжи“.

Справедливость заставляетъ насъ, однако, отмѣтить ту положительную черту въ дѣятельности Яковкина, въ качествѣ инспектора студентовъ, что, установляя, такъ или иначе, патримоніальныя отношенія свои къ студентамъ, онъ зорко охранялъ студенческій мірокъ отъ поползновеній къ вторженію въ его жизнь извнѣ, въ особенности же со стороны общей городской администраціи. Эта черта дѣятельности Яковкина можетъ быть иллюстрирована предпринятымъ имъ весною 1810 года энергичнымъ заступничествомъ за двухъ студентовъ, братьевъ Н. и А. Лобачевскихъ, сущность котораго выясняется изъ слѣдующаго письма его къ казанскому полицеймейстеру Симонову, отъ 23-го апрѣля:

„Милостивый государь мой Григорій Егоровичъ!—Вчерашняго дня, т. е. 22-го сего апрѣля, двое студентовъ казанскаго университета Лобачевскіе, изъ коихъ старшему (Николаю) особенно рекомендовано отъ доктора пользоваться свѣжимъ воздухомъ по причинѣ продолжающейся въ немъ слабости здоровья, прохаживавшись прежде по нижней сторонѣ Неяловской рощи, прошли въ Болховскую рощу *, дабы чрезъ нее выйти на улицу. Но посторонніе люди, назвавшіеся сторожами той рощи, задержали ихъ, говоря, что не велѣно гулять въ той рощѣ, говорили и обошлись съ ними весьма грубо безъ всякой причины и, не взирая на увѣренія ихъ, что они—студенты, насильно приневолены были идти прежде къ вашему высокоблагородію, а потомъ отведены въ полицію, гдѣ и задержаны. Запрещенія прохаживаться въ Болховской рощѣ никакого не было публиковано, да и роща сія, какъ

* Неяловская роща—нынѣшній садъ и мѣсто Родіоновскаго института; Болховская роща находилась западнѣе ея, за нынѣшними интендантскими складами.

и мнѣ извѣстно, ничѣмъ не отгорожена отъ Неяловской, а сверхъ того выздоравливающій больной съ братомъ своимъ, оба студенты, не только не нанесли никому никакого оскорбленія, но даже не учинили никакой неблагопристойности.

Таковое насиліе двумъ студентамъ оказано въ предосужденіе правъ казанскаго университета, всемилостивѣйше ему пожалованныхъ по грамотѣ и уставу, а сверхъ того оба студента обижены, отведены въ полицію и задержаны въ ней совершенно невинно. Почему, имѣя начальство въ университетѣ, обязанностью моею поставляю покорно просить васъ, милостивый государь мой, какъ начальника градской казанской полиціи, дабы соблаговолили поступить по законамъ какъ съ назвавшимися стражами рощи, яко съ нарушителями общественной безопасности и правъ университета, такъ и съ тѣми, кои, въ предосужденіе всемилостивѣйше пожалованной университету привиллегіи, осмѣлились, принявъ обоихъ помянутыхъ студентовъ въ полицію, задержать ихъ въ оной до пріѣзда присланнаго отъ меня офицера и до полученія отъ васъ приказанія о выпускѣ ихъ".

Какъ это видно изъ письма Яковкина къ Румовскому, его обращеніе къ полицеймейстеру оказало дѣйствіе, хотя инцидентъ этотъ осложнился прикосновенностью къ нему игуменьи казанскаго Богородицкаго монастыря *, крутого нрава которой побаивались даже представители губернской администраціи:

„Праздничная свѣтлая недѣля препровождаема была спокойно со стороны подчиненныхъ, особливо по причинѣ дурной погоды и непроходимой грязи (sic!),—читаемъ въ письмѣ Яковкина къ попечителю отъ 25-го апрѣля.—Но въ пятницу съ двумя студентами Лобачевскими произошли нѣкоторыя непріятности, о коихъ ваше превосходительство соблаговолите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ сношенія моего къ казанскому полицеймейстеру. Вчера поутру заѣзжалъ онъ ко мнѣ дружески посовѣтоваться, какъ бы лучше поступить въ семъ щекотливомъ дѣлѣ, особливо со стороны казанской игуменьи, которой кичливости они боясь, стараются избѣгать имѣть съ нею каковое либо дѣло. О послѣдствіи обѣщалъ онъ увѣдомить, а полицейскихъ своихъ наказалъ уже всѣхъ, кто въ задержаніи Лобачевскихъ виноватъ оказался".

Указаній на финалъ этого конфликта между университетомъ, полицеймейстеромъ и казанскою игуменьею намъ найти не удалось [238].

---

* Этотъ монастырь имѣлъ, повидимому, какое то отношеніе къ Болховской рощѣ, которое устанавливалось, быть можетъ, тѣмъ, что одна изъ представительницъ рода князей Болтовскихъ (Софія Борисовна) была въ началѣ минувшаго столѣтія игуменьею названнаго монастыря.

и мнѣ извѣстно, ничѣмъ не отгорожена отъ Неяловской, а сверхъ того выздоравливающій больной съ братомъ своимъ, оба студенты, не только не нанесли никому никакого оскорбленія, но даже не учинили никакой неблагопристойности.

Таковое насиліе двумъ студентамъ оказано въ предосужденіе правъ казанскаго университета, всемилостивѣйше ему пожалованныхъ по грамотѣ и уставу, а сверхъ того оба студента обижены, отведены въ полицію и задержаны въ ней совершенно невинно. Почему, имѣя начальство въ университетѣ, обязанностью моею поставляю покорно просить васъ, милостивый государь мой, какъ начальника градской казанской полиціи, дабы соблаговолили поступить по законамъ какъ съ назвавшимися стражами рощи, яко съ нарушителями общественной безопасности и правъ университета, такъ и съ тѣми, кои, въ предосужденіе всемилостивѣйше пожалованной университету привиллегіи, осмѣлились, принявъ обоихъ помянутыхъ студентовъ въ полицію, задержать ихъ въ оной до пріѣзда присланнаго отъ меня офицера и до полученія отъ васъ приказанія о выпускѣ ихъ".

Какъ это видно изъ письма Яковкина къ Румовскому, его обращеніе къ полицеймейстеру оказало дѣйствіе, хотя инцидентъ этотъ осложнился прикосновенностью къ нему игуменьи казанскаго Богородицкаго монастыря *, крутого нрава которой побаивались даже представители губернской администраціи:

„Праздничная свѣтлая недѣля препровождаема была спокойно со стороны подчиненныхъ, особливо по причинѣ дурной погоды и непроходимой грязи (sic!),—читаемъ въ письмѣ Яковкина къ попечителю отъ 25-го апрѣля.—Но въ пятницу съ двумя студентами Лобачевскими произошли нѣкоторыя непріятности, о коихъ ваше превосходительство соблаговолите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ сношенія моего къ казанскому полицеймейстеру. Вчера поутру заѣзжалъ онъ ко мнѣ дружески посовѣтоваться, какъ бы лучше поступить въ семъ щекотливомъ дѣлѣ, особливо со стороны казанской игуменьи, которой кичливости они боясь, стараются избѣгать имѣть съ нею каковое либо дѣло. О послѣдствіи обѣщалъ онъ увѣдомить, а полицейскихъ своихъ наказалъ уже всѣхъ, кто въ задержаніи Лобачевскихъ виноватъ оказался".

Указаній на финалъ этого конфликта между университетомъ, полицеймейстеромъ и казанскою игуменьею намъ найти не удалось [238].

---

* Этотъ монастырь имѣлъ, повидимому, какое то отношеніе къ Болховской рощѣ, которое устанавливалось, быть можетъ, тѣмъ, что одна изъ представительницъ рода князей Болтовскихъ (Софія Борисовна) была въ началѣ минувшаго столѣтія игуменьею названнаго монастыря.

Мы уже знакомы съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ произошло, лѣтомъ 1813 года, оставленіе Яковкинымъ званія инспектора казенныхъ студентовъ *. Вынужденный къ этому недовольствомъ по отношенію къ нему новаго попечителя М. А. Салтыкова и рядомъ совѣтскихъ неудачъ, Яковкинъ 4-го іюня 1813 года подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ этой должности и, согласно предложенію попечителя, 12-го іюня преемникомъ ему избранъ былъ въ совѣтѣ, посредствомъ баллотировки, профессоръ И. О. Браунъ. Утвержденный въ этомъ званіи 2-го іюля, Браунъ явился, такимъ образомъ, первымъ выборнымъ инспекторомъ студентовъ.

И. О. Брауну, какъ инспектору студентовъ, досталось послѣ Яковкина весьма тяжелое наслѣдіе, такъ какъ распущенность студентовъ, несомнѣнно остававшаяся не безъ вліянія „патріархальныхъ" пріемовъ управленія профессора-директора, оказалась достигшею почти невѣроятныхъ предѣловъ. Безконечныя жалобы на грубыя своевольства учащихся стали поступать отъ новаго инспектора уже слѣдомъ за вступленіемъ его въ должность, вызвавъ строгое предложеніе попечителя отъ 17-го сентября 1813 года, въ которомъ, ссылаясь на „ежедневныя жалобы инспектора студентовъ относительно своевольства и непослушанія", Салтыковъ грозитъ прибѣгнуть къ „строжайшимъ мѣрамъ для отвращенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ необузданной молодежи" и объясняетъ распущенность студенчества „послабленіемъ прежняго надъ ними начальства", т. е. Яковкина, такъ какъ „пріученные къ порядку юноши не могли бы вдругъ сдѣлаться дерзными". То и дѣло приходилось новому инспектору терпѣть отъ грубости студентовъ. Въ началѣ ноября онъ жалуется совѣту на студента Перова, который „оказалъ мнѣ,—заявляетъ Браунъ,—различныя грубости и съ дерзостью отказался исполнить мое приказаніе", а слѣдомъ за тѣмъ приноситъ жалобу и на студента Чашкова, который, выходя изъ комнаты послѣ грубаго объясненія съ инспекторомъ, дерзко закричалъ Брауну: „Эй, послушайте, вы! У меня пропала шапка—отыщите ее!".... 19-го ноября въ совѣтъ поступило новое предложеніе попечителя, вызванное дурнымъ поведеніемъ студентовъ:

„За нужное нахожу подтвердить г.г. студентамъ,—писалъ здѣсь Салтыковъ,—о необходимости чинопочитанія, коего нарушенія причиною неустройства, безпорядка и безпрестаннаго негодованія чиновниковъ на нѣкоторыхъ студентовъ, замѣченныхъ въ неповиновеніи къ начальству. Вѣжливость слѣдуетъ оказывать всякому лицу, что знаме-

* См. томъ I, стр. 449—450.

Мы уже знакомы съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ произошло, лѣтомъ 1813 года, оставленіе Яковкинымъ званія инспектора казенныхъ студентовъ *. Вынужденный къ этому недовольствомъ по отношенію къ нему новаго попечителя М. А. Салтыкова и рядомъ совѣтскихъ неудачъ, Яковкинъ 4-го іюня 1813 года подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ этой должности и, согласно предложенію попечителя, 12-го іюня преемникомъ ему избранъ былъ въ совѣтѣ, посредствомъ баллотировки, профессоръ И. О. Браунъ. Утвержденный въ этомъ званіи 2-го іюля, Браунъ явился, такимъ образомъ, первымъ выборнымъ инспекторомъ студентовъ.

И. О. Брауну, какъ инспектору студентовъ, досталось послѣ Яковкина весьма тяжелое наслѣдіе, такъ какъ распущенность студентовъ, несомнѣнно остававшаяся не безъ вліянія „патріархальныхъ" пріемовъ управленія профессора-директора, оказалась достигшею почти невѣроятныхъ предѣловъ. Безконечныя жалобы на грубыя своевольства учащихся стали поступать отъ новаго инспектора уже слѣдомъ за вступленіемъ его въ должность, вызвавъ строгое предложеніе попечителя отъ 17-го сентября 1813 года, въ которомъ, ссылаясь на „ежедневныя жалобы инспектора студентовъ относительно своевольства и непослушанія", Салтыковъ грозитъ прибѣгнуть къ „строжайшимъ мѣрамъ для отвращенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ необузданной молодежи" и объясняетъ распущенность студенчества „послабленіемъ прежняго надъ ними начальства", т. е. Яковкина, такъ какъ „пріученные къ порядку юноши не могли бы вдругъ сдѣлаться дерзными". То и дѣло приходилось новому инспектору терпѣть отъ грубости студентовъ. Въ началѣ ноября онъ жалуется совѣту на студента Перова, который „оказалъ мнѣ,—заявляетъ Браунъ,—различныя грубости и съ дерзостью отказался исполнить мое приказаніе", а слѣдомъ за тѣмъ приноситъ жалобу и на студента Чашкова, который, выходя изъ комнаты послѣ грубаго объясненія съ инспекторомъ, дерзко закричалъ Брауну: „Эй, послушайте, вы! У меня пропала шапка—отыщите ее!".... 19-го ноября въ совѣтъ поступило новое предложеніе попечителя, вызванное дурнымъ поведеніемъ студентовъ:

„За нужное нахожу подтвердить г.г. студентамъ,—писалъ здѣсь Салтыковъ,—о необходимости чинопочитанія, коего нарушенія причиною неустройства, безпорядка и безпрестаннаго негодованія чиновниковъ на нѣкоторыхъ студентовъ, замѣченныхъ въ неповиновеніи къ начальству. Вѣжливость слѣдуетъ оказывать всякому лицу, что знаме-

* См. томъ I, стр. 449—450.

нуетъ благовоспитаннаго человѣка; къ начальству же требуется, сверхъ того, и почтеніе, и для того рекомендую г. инспектору и помощникамъ его, что бы они внушали оное подчиненнымъ и не позволяли бы имъ въ ихъ присутствіи дѣлать никакихъ неблагопристойностей, какъ то: сидѣть или лежать на постеляхъ и пр. Всякаго рода неповиновеніе будетъ строго взыскано; отличившіеся же студенты добрымъ поведеніемъ будутъ имѣть право на вниманіе высшаго начальства и получатъ должное воздаяніе".

Въ противоположность патріархальнымъ пріемамъ Яковкина, полагавшаго собственное „благоразуміе" и довольно сомнительную „опытность" краеугольнымъ базисомъ всей своей педагогической дѣятельности, Браунъ, хотя онъ и не былъ православнымъ, надѣялся улучшить нравственность студентовъ и сгладить грубыя шероховатости ихъ жизненнаго строя— развитіемъ въ студенческой средѣ религіозности и благочестія, откуда и наблюдается піэтическая окраска его педагогическихъ пріемовъ. Религіозность и благочестіе оставляли желать весьма многаго въ жизни учащейся молодежи того времени, какъ это замѣчено было и попечителемъ Салтыковымъ, обратившимся по этому поводу въ совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 23-го мая 1813 года, послѣдовавшимъ еще въ бытность инспекторомъ Яковкина:

„Дошло до моего свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ г.г. студентовъ и питомцевъ (т. е. воспитанниковъ гимназіи) не наблюдаютъ во время службы церковной должной благопристойности и отъ того смущаютъ молящихся постороннихъ людей. За нужное считаю замѣтить, что нарушеніе порядка и благочестія, особенно въ храмѣ Божіемъ, доказываетъ въ надзирателяхъ недосмотрительность, а въ воспитанникахъ— невѣжество и своеволіе. Къ вящему моему прискорбію, таковыя вѣсти, до сего времени отъ меня утаенныя, сообщены мнѣ посторонними особами, и потому наставники, заслуживающіе нареканіе за таковое съ ихъ стороны послабленіе, подаютъ мнѣ болѣе причинъ не довѣрять ихъ донесеніямъ, поелику они умалчиваютъ о многихъ безпорядкахъ не только въ моемъ отсутствіи случавшихся, но и по другимъ частямъ ежедневно оказывающихся. Образованіе юношества зависитъ отъ примѣровъ. Благонравіе, благомысліе и доброе поведеніе воспитанниковъ зависятъ отъ нравственности и усерднаго наблюденія особъ, ими управляющихъ, слѣдовательно—всякое неустройство на ихъ отвѣтственности".

Попеченія инспектора Брауна о развитіи среди университетской молодежи чувства религіозности и благочестія, какъ средства къ подъему

нуетъ благовоспитаннаго человѣка; къ начальству же требуется, сверхъ того, и почтеніе, и для того рекомендую г. инспектору и помощникамъ его, что бы они внушали оное подчиненнымъ и не позволяли бы имъ въ ихъ присутствіи дѣлать никакихъ неблагопристойностей, какъ то: сидѣть или лежать на постеляхъ и пр. Всякаго рода неповиновеніе будетъ строго взыскано; отличившіеся же студенты добрымъ поведеніемъ будутъ имѣть право на вниманіе высшаго начальства и получатъ должное воздаяніе".

Въ противоположность патріархальнымъ пріемамъ Яковкина, полагавшаго собственное „благоразуміе" и довольно сомнительную „опытность" краеугольнымъ базисомъ всей своей педагогической дѣятельности, Браунъ, хотя онъ и не былъ православнымъ, надѣялся улучшить нравственность студентовъ и сгладить грубыя шероховатости ихъ жизненнаго строя— развитіемъ въ студенческой средѣ религіозности и благочестія, откуда и наблюдается піэтическая окраска его педагогическихъ пріемовъ. Религіозность и благочестіе оставляли желать весьма многаго въ жизни учащейся молодежи того времени, какъ это замѣчено было и попечителемъ Салтыковымъ, обратившимся по этому поводу въ совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ 23-го мая 1813 года, послѣдовавшимъ еще въ бытность инспекторомъ Яковкина:

„Дошло до моего свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ г.г. студентовъ и питомцевъ (т. е. воспитанниковъ гимназіи) не наблюдаютъ во время службы церковной должной благопристойности и отъ того смущаютъ молящихся постороннихъ людей. За нужное считаю замѣтить, что нарушеніе порядка и благочестія, особенно въ храмѣ Божіемъ, доказываетъ въ надзирателяхъ недосмотрительность, а въ воспитанникахъ— невѣжество и своеволіе. Къ вящему моему прискорбію, таковыя вѣсти, до сего времени отъ меня утаенныя, сообщены мнѣ посторонними особами, и потому наставники, заслуживающіе нареканіе за таковое съ ихъ стороны послабленіе, подаютъ мнѣ болѣе причинъ не довѣрять ихъ донесеніямъ, поелику они умалчиваютъ о многихъ безпорядкахъ не только въ моемъ отсутствіи случавшихся, но и по другимъ частямъ ежедневно оказывающихся. Образованіе юношества зависитъ отъ примѣровъ. Благонравіе, благомысліе и доброе поведеніе воспитанниковъ зависятъ отъ нравственности и усерднаго наблюденія особъ, ими управляющихъ, слѣдовательно—всякое неустройство на ихъ отвѣтственности".

Попеченія инспектора Брауна о развитіи среди университетской молодежи чувства религіозности и благочестія, какъ средства къ подъему

ея нравственнаго уровня, особенно рельефно выразились въ слѣдующемъ предложеніи, внесенномъ имъ въ совѣтъ 7-го марта 1814 года:

„Не находя способовъ, кои бы достаточны были къ тому, что бы привести студентовъ въ послушаніе, я вынужденъ просить почтеннѣйшій совѣтъ принять въ отвращеніе сего надлежащія мѣры. Причемъ почитаю нужнымъ упомянуть и о слѣдующемъ. Замѣчая неоднократно самъ и слыша отъ моихъ помощниковъ, что студенты нерѣдко обнаруживаютъ злое вольнодумство касательно священныхъ предметовъ, я почитаю нужнымъ просить совѣтъ обратить на сіе особенное вниманіе. Поелику таковыя ихъ мысли и подобныя онымъ служить могутъ бичемъ, разрушающимъ благоденствіе общественное, и сіи лжеумствованія очень легко прельщаютъ молодыхъ людей, то и прошу почтеннѣйшій совѣтъ немедленно принять сообразныя для уничтоженія сего мѣры. Мнѣ кажется, что сіе проистекаетъ отъ худаго, темнаго и несовершеннаго ихъ познанія священныхъ истинъ. И такъ, по моему мнѣнію, надлежало бы выбрать изъ среды г.г. членовъ университета человѣка, который бы обязанностью поставилъ утвердить ихъ въ незыблемыхъ основаніяхъ религіи".

Браунъ ставилъ, такимъ образомъ, вопросъ на почву желательности введенія въ университетѣ преподаванія богословія,—починъ, крайне характерный со стороны лица, не принадлежавшаго къ господствующей религіи. Судьба этого предложенія намъ уже извѣстна [239].

Инспектура Брауна отмѣчена возбужденіемъ, наконецъ то, вопроса о составленіи для студентовъ свода правилъ, — дѣло, которое, въ силу уже извѣстнаго намъ предложенія попечителя отъ 17-го сентября 1813 года, и было возложено на инспектора. Мы въ своемъ мѣстѣ познакомились съ исторіею этого вопроса и знаемъ, что составленный Брауномъ къ 24-му сентябрю проектъ правилъ, переданный совѣтомъ для окончательной его разработки въ особый совѣтскій комитетъ, утвержденія не получилъ, что дѣло составленія студенческихъ правилъ затянулось, затѣмъ, почти на цѣлыхъ два года и что только 14-го іюня 1815 года, уже въ бытность инспекторомъ профессора Броннера, послѣдовало утвержденіе министромъ составленныхъ, въ концѣ концовъ, правилъ, получившихъ названіе „Краткаго изложенія правилъ для наблюденія императорскаго казанскаго университета студентамъ" *.

Профессоръ Браунъ не долго несъ званіе инспектора студентовъ. Уже 8-го апрѣля 1814 года онъ вошелъ въ совѣтъ университета съ про-

---

* См. томъ I, стр. 456—458.

ея нравственнаго уровня, особенно рельефно выразились въ слѣдующемъ предложеніи, внесенномъ имъ въ совѣтъ 7-го марта 1814 года:

„Не находя способовъ, кои бы достаточны были къ тому, что бы привести студентовъ въ послушаніе, я вынужденъ просить почтеннѣйшій совѣтъ принять въ отвращеніе сего надлежащія мѣры. Причемъ почитаю нужнымъ упомянуть и о слѣдующемъ. Замѣчая неоднократно самъ и слыша отъ моихъ помощниковъ, что студенты нерѣдко обнаруживаютъ злое вольнодумство касательно священныхъ предметовъ, я почитаю нужнымъ просить совѣтъ обратить на сіе особенное вниманіе. Поелику таковыя ихъ мысли и подобныя онымъ служить могутъ бичемъ, разрушающимъ благоденствіе общественное, и сіи лжеумствованія очень легко прельщаютъ молодыхъ людей, то и прошу почтеннѣйшій совѣтъ немедленно принять сообразныя для уничтоженія сего мѣры. Мнѣ кажется, что сіе проистекаетъ отъ худаго, темнаго и несовершеннаго ихъ познанія священныхъ истинъ. И такъ, по моему мнѣнію, надлежало бы выбрать изъ среды г.г. членовъ университета человѣка, который бы обязанностью поставилъ утвердить ихъ въ незыблемыхъ основаніяхъ религіи".

Браунъ ставилъ, такимъ образомъ, вопросъ на почву желательности введенія въ университетѣ преподаванія богословія,—починъ, крайне характерный со стороны лица, не принадлежавшаго къ господствующей религіи. Судьба этого предложенія намъ уже извѣстна [239].

Инспектура Брауна отмѣчена возбужденіемъ, наконецъ то, вопроса о составленіи для студентовъ свода правилъ, — дѣло, которое, въ силу уже извѣстнаго намъ предложенія попечителя отъ 17-го сентября 1813 года, и было возложено на инспектора. Мы въ своемъ мѣстѣ познакомились съ исторіею этого вопроса и знаемъ, что составленный Брауномъ къ 24-му сентябрю проектъ правилъ, переданный совѣтомъ для окончательной его разработки въ особый совѣтскій комитетъ, утвержденія не получилъ, что дѣло составленія студенческихъ правилъ затянулось, затѣмъ, почти на цѣлыхъ два года и что только 14-го іюня 1815 года, уже въ бытность инспекторомъ профессора Броннера, послѣдовало утвержденіе министромъ составленныхъ, въ концѣ концовъ, правилъ, получившихъ названіе „Краткаго изложенія правилъ для наблюденія императорскаго казанскаго университета студентамъ" *.

Профессоръ Браунъ не долго несъ званіе инспектора студентовъ. Уже 8-го апрѣля 1814 года онъ вошелъ въ совѣтъ университета съ про-

---

* См. томъ I, стр. 456—458.

шенiемъ, въ которомъ, ссылаясь на усиленныя занятiя свои по кафедрѣ, ходатайствовалъ объ увольненiи его отъ должности инспектора. Такова была оффицiальная мотивировка этого ходатайства, хотя представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что Браунъ имѣлъ въ виду также и утвержденiе свое ректоромъ университета,—званiе, въ которое онъ былъ избранъ совѣтомъ еще 4-го сентября предшествовавшаго года и утвержденъ высочайшимъ приказомъ, даннымъ 24-го февраля 1814 года въ главной императорской квартирѣ, находившейся въ г. Шомонѣ; хотя предложенiе попечителя объ утвержденiи Брауна въ званiи ректора и было заслушано совѣтомъ лишь въ засѣданiи его отъ 18-го апрѣля, но за полторы недѣли до того онъ, конечно, уже могъ имѣть полуоффицiозныя свѣдѣнiя о воспослѣдовавшемъ по отношенiю къ нему высочайшемъ указѣ. Согласно предложенiю о томъ попечителя округа, избранiе преемника проф. Брауну проиходило 22-го iюня, всего за нѣсколько, такимъ образомъ, дней до торжества полнаго открытiя университета. Избраннымъ (большинствомъ девяти шаровъ противъ семи) оказался проф. Броннеръ, въ то время уже несшiй на себѣ административныя функцiи по званiю директора педагогическаго института; онъ тутъ же отказался отъ принятiя должности инспектора, сославшись на свое незнакомство съ русскимъ языкомъ. Дальнѣйшая баллотировка выдвинула кандидатуру проф. Томаса, который также наотрѣзъ отказался отъ принятiя званiя инспектора, въ свою очередь сославшись какъ на слабое знанiе русскаго языка, подвергающее его опасности насмѣшекъ со стороны студентовъ, такъ и на плохое знакомство съ условiями жизни русской учащейся молодежи. Только въ засѣданiи совѣта 30-го iюня Броннеръ согласился принять на себя должность инспектора студентовъ, оговорившись въ томъ, что онъ даетъ свое согласiе лишь въ смыслѣ „попытки удостовѣриться въ своей способности выполнять обязанности", сопряженныя съ этимъ отвѣтственнымъ званiемъ. 4-го iюля, какъ разъ наканунѣ торжественнаго акта открытiя университета, послѣдовало утвержденiе Броннера попечителемъ въ должности инспектора студентовъ, причемъ Салтыковъ выразилъ увѣренность въ томъ, что „г. профессоръ Броннеръ, по всегдашней своей дѣятельности и ревности къ пользѣ университета, приложитъ особое старанiе о введенiи должнаго порядка и по сей части" [240].

Профессоръ Ф. К. Броннеръ оставался въ должности инспектора студентовъ съ утвержденiя его въ этомъ званiи до самаго отъѣзда своего изъ Казани въ заграничный отпускъ, изъ котораго онъ уже не возвратился, слѣдовательно въ продолженiи слишкомъ трехъ лѣтъ (4-го

шеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на усиленныя занятія свои по кафедрѣ, ходатайствовалъ объ увольненіи его отъ должности инспектора. Такова была оффиціальная мотивировка этого ходатайства, хотя представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что Браунъ имѣлъ въ виду также и утвержденіе свое ректоромъ университета,—званіе, въ которое онъ былъ избранъ совѣтомъ еще 4-го сентября предшествовавшаго года и утвержденъ высочайшимъ приказомъ, даннымъ 24-го февраля 1814 года въ главной императорской квартирѣ, находившейся въ г. Шомонѣ; хотя предложеніе попечителя объ утвержденіи Брауна въ званіи ректора и было заслушано совѣтомъ лишь въ засѣданіи его отъ 18-го апрѣля, но за полторы недѣли до того онъ, конечно, уже могъ имѣть полуоффиціозныя свѣдѣнія о воспослѣдовавшемъ по отношенію къ нему высочайшемъ указѣ. Согласно предложенію о томъ попечителя округа, избраніе преемника проф. Брауну происходило 22-го іюня, всего за нѣсколько, такимъ образомъ, дней до торжества полнаго открытія университета. Избраннымъ (большинствомъ девяти шаровъ противъ семи) оказался проф. Броннеръ, въ то время уже несшій на себѣ административныя функціи по званію директора педагогическаго института; онъ тутъ же отказался отъ принятія должности инспектора, сославшись на свое незнакомство съ русскимъ языкомъ. Дальнѣйшая баллотировка выдвинула кандидатуру проф. Томаса, который также наотрѣзъ отказался отъ принятія званія инспектора, въ свою очередь сославшись какъ на слабое знаніе русскаго языка, подвергающее его опасности насмѣшекъ со стороны студентовъ, такъ и на плохое знакомство съ условіями жизни русской учащейся молодежи. Только въ засѣданіи совѣта 30-го іюня Броннеръ согласился принять на себя должность инспектора студентовъ, оговорившись въ томъ, что онъ даетъ свое согласіе лишь въ смыслѣ „попытки удостовѣриться въ своей способности выполнять обязанности“, сопряженныя съ этимъ отвѣтственнымъ званіемъ. 4-го іюля, какъ разъ наканунѣ торжественнаго акта открытія университета, послѣдовало утвержденіе Броннера попечителемъ въ должности инспектора студентовъ, причемъ Салтыковъ выразилъ увѣренность въ томъ, что „г. профессоръ Броннеръ, по всегдашней своей дѣятельности и ревности къ пользѣ университета, приложитъ особое стараніе о введеніи должнаго порядка и по сей части“ [240].

Профессоръ Ф. К. Броннеръ оставался въ должности инспектора студентовъ съ утвержденія его въ этомъ званіи до самаго отъѣзда своего изъ Казани въ заграничный отпускъ, изъ котораго онъ уже не возвратился, слѣдовательно въ продолженіи слишкомъ трехъ лѣтъ (4-го

іюля 1814 г.—9 сентября 1817 г.). Памятникомъ неутомимой дѣятельности Броннера на этомъ поприщѣ является его „дневникъ", образующій кардинальную и наиболѣе обстоятельную и содержательную часть уже извѣстнаго намъ инспекторскаго журнала или „Книги о поведеніи студентовъ", полную интереса для характеристики условій быта студенчества того времени. Броннеръ относился къ веденію этого журнала далеко не формально; напротивъ, онъ заносилъ въ него всѣ, нерѣдко даже мелочные, факты своей инспекторской дѣятельности, сопровождая ихъ замѣчаніями, соображеніями, сентенціями, представляющими крупный интересъ и для возстановленія личности самого автора записей. Этотъ въ высокой степени любопытный „дневникъ", который собственноручно и изо дня въ день велся Броннеромъ на латинскомъ языкѣ, интересующіеся найдутъ напечатаннымъ, вмѣстѣ съ русскимъ его переводомъ, въ книгѣ проф. Д. И. Нагуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка" (Каз. 1902 г.); въ главѣ четвертой первой части этой же книги („Броннеръ, какъ инспекторъ казенныхъ студентовъ", стр. CXLVII—CCIV) читатели найдутъ и весьма обстоятельно изложенный очеркъ дѣятельности Броннера на инспекторскомъ поприщѣ.

Съ какой бы критической точки зрѣнія не захотѣлъ читатель отнестись къ педагогической дѣятельности Броннера, въ качествѣ инспектора студентовъ, онъ невольно съ изумленіемъ остановится передъ тою массою неусыпнаго труда, энергіи, твердости, прямолинейной выдержанности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрупулезной аккуратности, которыя онъ влагалъ въ принятое имъ на себя трудное и отвѣтственное дѣло и отраженіемъ которыхъ выступаетъ передъ нами его дневникъ. Желая, съ одной стороны—разграничить студентовъ по степени ихъ прилежанія и благонравія, съ другой же стороны—облегчить и самый надзоръ за ними, Броннеръ распредѣлилъ всѣхъ казенныхъ студентовъ по четыремъ камерамъ, которыя регулярно обходились какъ имъ самимъ, такъ и его помощниками, по нѣсколько разъ въ день, причемъ Броннеръ нерѣдко производилъ внезапныя посѣщенія студенческихъ камеръ даже въ ночное время, а утромъ лично будилъ студентовъ въ шестомъ часу утра, наблюдая за своевременною явкою ихъ къ класснымъ занятіямъ, которыя начинались въ то время въ восемь и даже въ семь часовъ. Для большаго удобства частыхъ и внезапныхъ посѣщеній студенческихъ помѣщеній, Броннеръ пользовался специальною калиткою въ западной части университеской ограды, выходившею на теперешнюю Поперечно-Воскресенскую улицу, какъ разъ наискосокъ дома купца Хворова (нынѣшній домъ г. Грахе), въ которомъ Броннеръ квартировалъ до боль-

іюля 1814 г.—9 сентября 1817 г.). Памятникомъ неутомимой дѣятельности Броннера на этомъ поприщѣ является его „дневникъ“, образующій кардинальную и наиболѣе обстоятельную и содержательную часть уже извѣстнаго намъ инспекторскаго журнала или „Книги о поведеніи студентовъ“, полную интереса для характеристики условій быта студенчества того времени. Броннеръ относился къ веденію этого журнала далеко не формально; напротивъ, онъ заносилъ въ него всѣ, нерѣдко даже мелочные, факты своей инспекторской дѣятельности, сопровождая ихъ замѣчаніями, соображеніями, сентенціями, представляющими крупный интересъ и для возстановленія личности самого автора записей. Этотъ въ высокой степени любопытный „дневникъ“, который собственноручно и изо дня въ день велся Броннеромъ на латинскомъ языкѣ, интересующіеся найдутъ напечатаннымъ, вмѣстѣ съ русскимъ его переводомъ, въ книгѣ проф. Д. И. Нагуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка“ (Каз. 1902 г.); въ главѣ четвертой первой части этой же книги („Броннеръ, какъ инспекторъ казенныхъ студентовъ“, стр. CXLVII—CCIV) читатели найдутъ и весьма обстоятельно изложенный очеркъ дѣятельности Броннера на инспекторскомъ поприщѣ.

Съ какой бы критической точки зрѣнія не захотѣлъ читатель отнестись къ педагогической дѣятельности Броннера, въ качествѣ инспектора студентовъ, онъ невольно съ изумленіемъ остановится передъ тою массою неусыпнаго труда, энергіи, твердости, прямолинейной выдержанности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрупулезной аккуратности, которыя онъ влагалъ въ принятое имъ на себя трудное и отвѣтственное дѣло и отраженіемъ которыхъ выступаетъ передъ нами его дневникъ. Желая, съ одной стороны—разграничить студентовъ по степени ихъ прилежанія и благонравія, съ другой же стороны—облегчить и самый надзоръ за ними, Броннеръ распредѣлилъ всѣхъ казенныхъ студентовъ по четыремъ камерамъ, которыя регулярно обходились какъ имъ самимъ, такъ и его помощниками, по нѣсколько разъ въ день, причемъ Броннеръ нерѣдко производилъ внезапныя посѣщенія студенческихъ камеръ даже въ ночное время, а утромъ лично будилъ студентовъ въ шестомъ часу утра, наблюдая за своевременною явкою ихъ къ класснымъ занятіямъ, которыя начинались въ то время въ восемь и даже въ семь часовъ. Для большаго удобства частыхъ и внезапныхъ посѣщеній студенческихъ помѣщеній, Броннеръ пользовался спеціальною калиткою въ западной части университеской ограды, выходившею на теперешнюю Поперечно-Воскресенскую улицу, какъ разъ наискосокъ дома купца Хворова (нынѣшній домъ г. Грахе), въ которомъ Броннеръ квартировалъ до боль-

шаго пожара 3-го сентября 1815 года. Самымъ пунктуальнымъ образомъ распредѣлено было время студентовъ и Броннеръ неусыпно слѣдилъ за тѣмъ, что бы это распредѣленіе было неукоснительнымъ образомъ выполняемо; такъ же пунктуально были урегулированы временныя отлучки студентовъ изъ университета и обратное возвращеніе ихъ въ него— и всякаго рода уклоненія отъ установленнаго порядка немедленно заносились въ дневникъ и влекли за собою для провинившихся ту или другую отвѣтственность. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи дневникъ Броннера являлся не только инспекторскимъ дневникомъ, но и штрафнымъ журналомъ, въ который регулярно заносились всѣ налагавшіяся на студентовъ кары и взысканія. Тщательно наблюдая за нравственностью студентовъ, вообще, Броннеръ не оставлялъ безъ вниманія и выполненіе ими религіозныхъ обязанностей и не мало данныхъ этого рода находимъ мы въ записяхъ его инспекторскаго журнала.

Такой же строгой регламентаціи были подчинены учебныя занятія студентовъ. Инспекція бдительно слѣдила за аккуратнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій, а самъ Броннеръ лично просматривалъ студенческія тетради, записки и тѣ журналы занятій, которые обязаны были вести и своевременно представлять ему, въ цѣляхъ контроля, казенные студенты, пользовавшіеся разрѣшеніемъ жить внѣ университета. Успѣхи студентовъ, наряду съ ихъ поведеніемъ, являлись критеріемъ для распредѣленія студентовъ по камерамъ: „казенные студенты были распредѣлены по комнатамъ такъ,—свидѣтельствуетъ самъ Броннеръ въ своемъ дневникѣ (подъ 11-мъ сентября 1814 года),—что прилежнѣйшіе и благонравнѣйшіе находились вмѣстѣ, нерадивые же и заслуживающіе порицанія помѣщались отдѣльно отъ первыхъ“.

Одною изъ педагогическихъ мѣръ Броннера явилось заведеніе имъ двухъ книгъ—к р а с н о й и ч е р н о й, изъ которыхъ въ первую заносились заслуживавшіе похвалы поступки студентовъ, а во вторую ихъ проступки и налагавшіяся за нихъ взысканія. Эти книги были изготовлены въ сентябрѣ 1814 года и пунктуальный инспекторъ заноситъ въ свой журналъ даже стоимость ихъ—16 рублей. „Красная“ книга обновилась уже 15-го сентября, занесеніемъ въ нее фамилій четырехъ студентовъ, которые въ положенное утреннее время оказались, не въ примѣръ всѣмъ другимъ, „одѣтыми и занимающимися науками“, а 29-го числа была обновлена и „черная“ книга, занесеніемъ въ нее проступка трехъ студентовъ, „бившихъ розгами“ своего же сотоварища..... За то совершенно измѣнила теперь свое назначеніе знаменитая „черная доска“, заведенная, какъ мы

шаго пожара 3-го сентября 1815 года. Самымъ пунктуальнымъ образомъ распредѣлено было время студентовъ и Броннеръ неусыпно слѣдилъ за тѣмъ, что бы это распредѣленіе было неукоснительнымъ образомъ выполняемо; такъ же пунктуально были урегулированы временныя отлучки студентовъ изъ университета и обратное возвращеніе ихъ въ него— и всякаго рода уклоненія отъ установленнаго порядка немедленно заносились въ дневникъ и влекли за собою для провинившихся ту или другую отвѣтственность. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи дневникъ Броннера являлся не только инспекторскимъ дневникомъ, но и штрафнымъ журналомъ, въ который регулярно заносились всѣ налагавшіяся на студентовъ кары и взысканія. Тщательно наблюдая за нравственностью студентовъ, вообще, Броннеръ не оставлялъ безъ вниманія и выполненіе ими религіозныхъ обязанностей и не мало данныхъ этого рода находимъ мы въ записяхъ его инспекторскаго журнала.

Такой же строгой регламентаціи были подчинены учебныя занятія студентовъ. Инспекція бдительно слѣдила за аккуратнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій, а самъ Броннеръ лично просматривалъ студенческія тетради, записки и тѣ журналы занятій, которые обязаны были вести и своевременно представлять ему, въ цѣляхъ контроля, казенные студенты, пользовавшіеся разрѣшеніемъ жить внѣ университета. Успѣхи студентовъ, наряду съ ихъ поведеніемъ, являлись критеріемъ для распредѣленія студентовъ по камерамъ: „казенные студенты были распредѣлены по комнатамъ такъ,—свидѣтельствуетъ самъ Броннеръ въ своемъ дневникѣ (подъ 11-мъ сентября 1814 года),—что прилежнѣйшіе и благонравнѣйшіе находились вмѣстѣ, нерадивые же и заслуживающіе порицанія помѣщались отдѣльно отъ первыхъ“.

Одною изъ педагогическихъ мѣръ Броннера явилось заведеніе имъ двухъ книгъ—к р а с н о й и ч е р н о й, изъ которыхъ въ первую заносились заслуживавшіе похвалы поступки студентовъ, а во вторую ихъ проступки и налагавшіяся за нихъ взысканія. Эти книги были изготовлены въ сентябрѣ 1814 года и пунктуальный инспекторъ заноситъ въ свой журналъ даже стоимость ихъ—16 рублей. „Красная“ книга обновилась уже 15-го сентября, занесеніемъ въ нее фамилій четырехъ студентовъ, которые въ положенное утреннее время оказались, не въ примѣръ всѣмъ другимъ, „одѣтыми и занимающимися науками“, а 29-го числа была обновлена и „черная“ книга, занесеніемъ въ нее проступка трехъ студентовъ, „бившихъ розгами“ своего же сотоварища..... За то совершенно измѣнила теперь свое назначеніе знаменитая „черная доска“, заведенная, какъ мы

видѣли, еще Яковкинымъ и встрѣтившая такое сочувствіе со стороны попечителя Румовскаго. Утративъ прежнее дисциплинарно-карательное значеніе, она служитъ теперь невинной цѣли помѣщенія на ней всякаго рода объявленій инспектора и касающихся студентовъ постановленій совѣта. Эта доска пріобрѣтаетъ за то значеніе символическое: подъ нею, какъ подъ какимъ то „знаменемъ", Броннеръ собираетъ всѣхъ студентовъ для торжественнаго прочтенія мѣсячныхъ вѣдомостей объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, для личнаго объявленія касающихся ихъ распоряженій, карательныхъ санкцій, выговоровъ и т. п. Помѣщеніе, въ которомъ висѣла эта черная доска, носило, въ силу этого, характеръ инспекціоннаго „форума", не разъ вызывавшаго, вѣроятно, благодушную улыбку очевидцевъ происходившихъ здѣсь торжественныхъ собраній.

Кстати объ этихъ собраніяхъ „подъ черною доскою" (иногда они происходили и въ большомъ залѣ университета), которымъ Броннеръ придавалъ, повидимому, первостепенное педагогическое значеніе. Собранія эти происходили совершенно регулярно, около средины каждаго мѣсяца. Броннеръ торжественно прочитывалъ на нихъ мѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ, причемъ хвалилъ отличившихся, порицалъ лѣнивыхъ и впавшихъ въ провинности, а иногда обращался къ собраннымъ студентамъ и съ общими, пожалуй даже „прописнаго" характера, сентенціями нравоучительнаго направленія; такъ, объявляя студентамъ въ концѣ 1816 года наступающій рождественскій вакатъ, Броннеръ внушалъ студентамъ „необходимость воздержаться для празднества Рождества отъ пьянства и другихъ излишествъ", сославшись на то, что „человѣкъ честный, порядочный, благовоспитанный—отличается отъ дурнаго, недобросовѣстнаго и грубаго тѣмъ, что сознаетъ свои обязанности и умѣетъ воздерживаться въ веселомъ (sic) настроеніи, безпутный же и необразованный не способенъ и веселиться разумно, никогда не умѣетъ сдерживаться, не владѣетъ собою, впадаетъ въ излишества и грязнитъ своимъ безсмысліемъ дѣйствительное удовольствіе" и т. п.

Всѣ эти чтенія, рѣчи и объясненія велись Броннеромъ на латинскомъ языкѣ, причемъ тутъ же переводились на русскій языкъ однимъ изъ инспекторскихъ помощниковъ,—обстановка, которая, не взирая на добрыя намѣренія оратора, не могла, само собою разумѣется, способствовать воздѣйствію всѣхъ этихъ сентенцій и поученій на умы юныхъ слушателей, видѣвшихъ во всемъ этомъ лишь юмористическую сторону. Броннеръ уже въ самомъ началѣ своей инспекторской дѣятельности подмѣтилъ это насмѣшливое отношеніе къ нему молодежи, — слѣдовательно, именно то

видѣли, еще Яковкинымъ и встрѣтившая такое сочувствіе со стороны попечителя Румовскаго. Утративъ прежнее дисциплинарно-карательное значеніе, она служитъ теперь невинной цѣли помѣщенія на ней всякаго рода объявленій инспектора и касающихся студентовъ постановленій совѣта. Эта доска пріобрѣтаетъ за то значеніе символическое: подъ нею, какъ подъ какимъ то „знаменемъ", Броннеръ собираетъ всѣхъ студентовъ для торжественнаго прочтенія мѣсячныхъ вѣдомостей объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, для личнаго объявленія касающихся ихъ распоряженій, карательныхъ санкцій, выговоровъ и т. п. Помѣщеніе, въ которомъ висѣла эта черная доска, носило, въ силу этого, характеръ инспекціоннаго „форума", не разъ вызывавшаго, вѣроятно, благодушную улыбку очевидцевъ происходившихъ здѣсь торжественныхъ собраній.

Кстати объ этихъ собраніяхъ „подъ черною доскою" (иногда они происходили и въ большомъ залѣ университета), которымъ Броннеръ придавалъ, повидимому, первостепенное педагогическое значеніе. Собранія эти происходили совершенно регулярно, около средины каждаго мѣсяца. Броннеръ торжественно прочитывалъ на нихъ мѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ, причемъ хвалилъ отличившихся, порицалъ лѣнивыхъ и впавшихъ въ провинности, а иногда обращался къ собраннымъ студентамъ и съ общими, пожалуй даже „прописнаго" характера, сентенціями нравоучительнаго направленія; такъ, объявляя студентамъ въ концѣ 1816 года наступающій рождественскій вакатъ, Броннеръ внушалъ студентамъ „необходимость воздержаться для празднества Рождества отъ пьянства и другихъ излишествъ", сославшись на то, что „человѣкъ честный, порядочный, благовоспитанный—отличается отъ дурнаго, недобросовѣстнаго и грубаго тѣмъ, что сознаетъ свои обязанности и умѣетъ воздерживаться въ веселомъ (sic) настроеніи, безпутный же и необразованный не способенъ и веселиться разумно, никогда не умѣетъ сдерживаться, не владѣетъ собою, впадаетъ въ излишества и грязнитъ своимъ безсмысліемъ дѣйствительное удовольствіе" и т. п.

Всѣ эти чтенія, рѣчи и объясненія велись Броннеромъ на латинскомъ языкѣ, причемъ тутъ же переводились на русскій языкъ однимъ изъ инспекторскихъ помощниковъ,—обстановка, которая, не взирая на добрыя намѣренія оратора, не могла, само собою разумѣется, способствовать воздѣйствію всѣхъ этихъ сентенцій и поученій на умы юныхъ слушателей, видѣвшихъ во всемъ этомъ лишь юмористическую сторону. Броннеръ уже въ самомъ началѣ своей инспекторской дѣятельности подмѣтилъ это насмѣшливое отношеніе къ нему молодежи, — слѣдовательно, именно то

обстоятельство, возможность котораго, въ виду слабаго знанія имъ русскаго языка, побудила отказаться отъ званія инспектора избраннаго въ него проф. Томаса,—и 9-го октября 1814 года весьма откровенно объяснился по этому поводу съ частью студентовъ:

„Вотъ уже годъ слишкомъ вы обнаруживаете постоянное сопротивленіе распоряженіямъ начальства, издѣваетесь, пренебрегаете ими, каждаго инспектора оскорбляете постоянными выходками. Я все ждалъ до настоящаго времени, дѣйствовалъ снисходительно, просилъ, уговаривалъ, но только даромъ терялъ и время и трудъ. Даже только что поступившихъ,—новичковъ,—вы стали соблазнять на дурное. Вы осмѣливаетесь насмѣхаться и надо мною. Я вынужденъ, поэтому, устранить соблазнителей и наказать непокорныхъ. Наказаніе не будетъ съ васъ снято, пока не образумитесь. Рѣчь идетъ не о мелкихъ шалостяхъ или единичныхъ проступкахъ, но о постоянномъ предосудительномъ поведеніи вашемъ, о непослушаніи, безпорядочной жизни, невѣжествѣ, лѣности, соблазнѣ.... Не безпокойтесь: я сумѣю исправить виновныхъ на хлѣбѣ и на водѣ!" [241].

Не взирая на упорно-выдержанную послѣдовательность педагогическихъ пріемовъ профессора Броннера и на твердость и энергію, съ которыми эти пріемы прилагались имъ къ жизни казанскаго студенчества, не взирая и на несомнѣнную убѣжденность самого Броннера въ цѣлесообразности и радикальности его воспитательной системы—едва ли возможнымъ является допустить, что бы установленный имъ нравственно-дисциплинарный режимъ оказался способнымъ внести сколько нибудь серьезное улучшеніе въ нравы и обстановку жизни казанской студенческой среды. Никакихъ ощутительныхъ слѣдовъ положительнаго воздѣйствія педагогическихъ пріемовъ Броннера не наблюдаемъ мы ни за время его собственной инспектуры, ни послѣ нея: Броннеръ оставилъ своимъ преемникамъ въ этомъ отношеніи наслѣдіе не болѣе упорядоченное сравнительно съ тѣмъ печальнымъ наслѣдіемъ, какое и самъ принялъ отъ своего предмѣстника, Брауна. На практикѣ оказалось, что педагогическіе и дидактическіе пріемы, несомнѣнно вынесенные Броннеромъ изъ суровой и аскетической атмосферы тѣхъ іезуитскихъ школъ и коллегій, въ которыхъ, когда то, получилъ онъ свое воспитаніе и образованіе—были совершенно непригодны въ примѣненіи ихъ къ русской школьной дѣйствительности. Броннеровская сортировка студентовъ по комнатамъ, устыдительное занесеніе ихъ именъ въ красную и черную книги, торжественныя чтенія подъ „черною доскою" инспекторскихъ отчстовъ и вѣдомостей, внезапныя ночныя

обстоятельство, возможность котораго, въ виду слабаго знанія имъ русскаго языка, побудила отказаться отъ званія инспектора избраннаго въ него проф. Томаса,—и 9-го октября 1814 года весьма откровенно объяснился по этому поводу съ частью студентовъ:

„Вотъ уже годъ слишкомъ вы обнаруживаете постоянное сопротивленіе распоряженіямъ начальства, издѣваетесь, пренебрегаете ими, каждаго инспектора оскорбляете постоянными выходками. Я все ждалъ до настоящаго времени, дѣйствовалъ снисходительно, просилъ, уговаривалъ, но только даромъ терялъ и время и трудъ. Даже только что поступившихъ,—новичковъ,—вы стали соблазнять на дурное. Вы осмѣливаетесь насмѣхаться и надо мною. Я вынужденъ, поэтому, устранить соблазнителей и наказать непокорныхъ. Наказаніе не будетъ съ васъ снято, пока не образумитесь. Рѣчь идетъ не о мелкихъ шалостяхъ или единичныхъ проступкахъ, но о постоянномъ предосудительномъ поведеніи вашемъ, о непослушаніи, безпорядочной жизни, невѣжествѣ, лѣности, соблазнѣ.... Не безпокойтесь: я сумѣю исправить виновныхъ на хлѣбѣ и на водѣ!“ [241].

Не взирая на упорно-выдержанную послѣдовательность педагогическихъ пріемовъ профессора Броннера и на твердость и энергію, съ которыми эти пріемы прилагались имъ къ жизни казанскаго студенчества, не взирая и на несомнѣнную убѣжденность самого Броннера въ цѣлесообразности и радикальности его воспитательной системы—едва ли возможнымъ является допустить, что бы установленный имъ нравственно-дисциплинарный режимъ оказался способнымъ внести сколько нибудь серьезное улучшеніе въ нравы и обстановку жизни казанской студенческой среды. Никакихъ ощутительныхъ слѣдовъ положительнаго воздѣйствія педагогическихъ пріемовъ Броннера не наблюдаемъ мы ни за время его собственной инспектуры, ни послѣ нея: Броннеръ оставилъ своимъ преемникамъ въ этомъ отношеніи наслѣдіе не болѣе упорядоченное сравнительно съ тѣмъ печальнымъ наслѣдіемъ, какое и самъ принялъ отъ своего предмѣстника, Брауна. На практикѣ оказалось, что педагогическіе и дидактическіе пріемы, несомнѣнно вынесенные Броннеромъ изъ суровой и аскетической атмосферы тѣхъ іезуитскихъ школъ и коллегій, въ которыхъ, когда то, получилъ онъ свое воспитаніе и образованіе—были совершенно непригодны въ примѣненіи ихъ къ русской школьной дѣйствительности. Броннеровская сортировка студентовъ по комнатамъ, устыдительное занесеніе ихъ именъ въ красную и черную книги, торжественныя чтенія подъ „черною доскою“ инспекторскихъ отчетовъ и вѣдомостей, внезапныя ночныя

появленія его въ студенческихъ помѣщеніяхъ черезъ предательскую садовую калитку, наконецъ пространныя нравоучительныя рѣчи-проповѣди при посредствѣ переводчиковъ изъ инспекторскихъ помощниковъ — все это скорѣе содѣйствовало приведенію безшабашной университетской молодежи, сознававшей себя уже вышедшей изъ дѣтскаго возраста, въ состояніе скептическо-юмористическаго настроенія, въ другихъ случаяхъ—въ состояніе раздраженія и скрытаго озлобленія, но едва ли способно было приносить тѣ положительные результаты, какихъ, быть можетъ, и добивались на той же почвѣ католическіе патеры и пріоры диллингенскихъ, нейбургскихъ и эйхштедтскихъ школъ-монастырей. На сколько сознавалъ и самъ Броннеръ безсиліе своихъ педагогическихъ пріемовъ, это видно, между прочимъ, изъ мѣропріятія, къ которому онъ нашелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть послѣ первыхъ двухъ лѣтъ своей инспекторской дѣятельности: въ іюнѣ 1816 года онъ обратился къ казанскому коменданту съ письменнымъ отношеніемъ, въ которомъ „просилъ его брать подъ караулъ студентовъ, бродящихъ ночью по улицамъ и не имѣющихъ инспекторскаго разрѣшенія на отлучку изъ университета (Дневникъ Броннера, стр. 149)".

Что педагогическіе пріемы проф. Броннера лишь раздражали и ожесточали студентовъ, а обращавшіяся имъ къ студентамъ „жалкія слова" едва ли оказывали,—какъ замѣчаетъ это и Н. Н. Буличъ,—какое либо вліяніе на его молодыхъ слушателей, на которыхъ не дѣйствовали всѣ исправительныя мѣры, принимаемыя университетскимъ начальствомъ, заставляя ихъ надъ нимъ только смѣяться и не вызывая въ нихъ даже чувства простого уваженія къ своему наставнику *—справедливость этихъ положеній иллюстрируется рядомъ столкновеній Броннера съ молодежью, о которыхъ свидѣтельствуетъ намъ его же инспекторскій журналъ и которыя являлись протестомъ студентовъ противъ строгостей установленнаго надъ ними надзора.

Въ наиболѣе рѣзкія формы эти проявленія протеста выливались, какъ это и представляется вполнѣ понятнымъ, въ первые мѣсяцы инспекторской дѣятельности Броннера, слѣдовательно въ самый разгаръ его новаторской, по отношенію къ реорганизаціи студенческой жизни, дѣятельности. Первая выходка противъ проф. Броннера, занесенная имъ въ дневникъ, относится къ 5-му октября 1814 года:

„Въ двѣнадцатомъ часу,—заноситъ Броннеръ подъ этимъ числомъ въ свой инспекторскій журналъ—я присутствовалъ во время обѣда.

* «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 512—513.

появленія его въ студенческихъ помѣщеніяхъ черезъ предательскую садовую калитку, наконецъ пространныя нравоучительныя рѣчи-проповѣди при посредствѣ переводчиковъ изъ инспекторскихъ помощниковъ — все это скорѣе содѣйствовало приведенію безшабашной университетской молодежи, сознававшей себя уже вышедшей изъ дѣтскаго возраста, въ состояніе скептическо-юмористическаго настроенія, въ другихъ случаяхъ—въ состояніе раздраженія и скрытаго озлобленія, но едва ли способно было приносить тѣ положительные результаты, какихъ, быть можетъ, и добивались на той же почвѣ католическіе патеры и пріоры диллингенскихъ, нейбургскихъ и эйхштедтскихъ школъ-монастырей. На сколько сознавалъ и самъ Броннеръ безсиліе своихъ педагогическихъ пріемовъ, это видно, между прочимъ, изъ мѣропріятія, къ которому онъ нашелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть послѣ первыхъ двухъ лѣтъ своей инспекторской дѣятельности: въ іюнѣ 1816 года онъ обратился къ казанскому коменданту съ письменнымъ отношеніемъ, въ которомъ „просилъ его брать подъ караулъ студентовъ, бродящихъ ночью по улицамъ и не имѣющихъ инспекторскаго разрѣшенія на отлучку изъ университета (Дневникъ Броннера, стр. 149)“.

Что педагогическіе пріемы проф. Броннера лишь раздражали и ожесточали студентовъ, а обращавшіяся имъ къ студентамъ „жалкія слова“ едва ли оказывали,—какъ замѣчаетъ это и Н. Н. Буличъ,—какое либо вліяніе на его молодыхъ слушателей, на которыхъ не дѣйствовали всѣ исправительныя мѣры, принимаемыя университетскимъ начальствомъ, заставляя ихъ надъ нимъ только смѣяться и не вызывая въ нихъ даже чувства простого уваженія къ своему наставнику *—справедливость этихъ положеній иллюстрируется рядомъ столкновеній Броннера съ молодежью, о которыхъ свидѣтельствуетъ намъ его же инспекторскій журналъ и которыя являлись протестомъ студентовъ противъ строгостей установленнаго надъ ними надзора.

Въ наиболѣе рѣзкія формы эти проявленія протеста выливались, какъ это и представляется вполнѣ понятнымъ, въ первые мѣсяцы инспекторской дѣятельности Броннера, слѣдовательно въ самый разгаръ его новаторской, по отношенію къ реорганизаціи студенческой жизни, дѣятельности. Первая выходка противъ проф. Броннера, занесенная имъ въ дневникъ, относится къ 5-му октября 1814 года:

„Въ двѣнадцатомъ часу,—заноситъ Броннеръ подъ этимъ числомъ въ свой инспекторскій журналъ—я присутствовалъ во время обѣда.

* «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 512—513.

Неизвѣстно, кто изъ студентовъ бросилъ въ меня сзади кускомъ хлѣба. Я притворился, что не замѣтилъ, но, уходя изъ столовой, снова почувствовалъ ударъ и, быстро обернувшись, увидѣлъ, что кусокъ былъ брошенъ по направленію отъ Николаева; я тотчасъ же приказалъ ему выйти изъ столовой и лишилъ его званія камернаго студента. Вскорѣ затѣмъ вышелъ также, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, Пивоваровъ и я, разспрашивая его въ камерѣ, узналъ отъ него, что бросилъ не Николаевъ и что онъ знаетъ, кто настоящій виновникъ. Я приказалъ ему сейчасъ же назвать виновнаго, но онъ притворно сталъ увѣрять, что я не вполнѣ понялъ его (что, въ виду слабаго знанія Броннеромъ русскаго языка, и представлялось вполнѣ возможнымъ). Въ виду этой уклончивости Пивоварова, я продолжалъ считать виновнымъ Николаева (Дн. Бр. 30 *)".

Только что разсказанный инцидентъ явился лишь сигналомъ къ протестамъ болѣе серьезнаго характера. Уже черезъ день Броннеръ имѣлъ случай убѣдиться въ приподнятомъ по отношенію къ нему настроеніи молодежи: „Когда за обѣдомъ я сталъ урезонивать Кожевникова,—отмѣчаетъ инспекторъ подъ 7-ымъ числомъ,—то онъ, облокотившись на столъ, отнесся къ моимъ словамъ съ насмѣшкою (Дн. Бр. 31)". Въ ночь того же дня, предпринявъ одну изъ своихъ обычныхъ и внезапныхъ визитацій студенческихъ спаленъ черезъ уже извѣстную намъ садовую университетскую калитку, Броннеръ подвергся весьма крупной непріятности: „Ночью, при входѣ въ садовую калитку,—разсказываетъ онъ,—я былъ легко раненъ въ лобъ и очень сильно въ плечо обрушившимися брусьями калитки, камнями и глиняными цвѣточными горшками, наполненными землею. Студенты устроили въ калиткѣ эту западню (decipulam januae), что бъ я получилъ при входѣ ударъ. Я рѣшилъ зайти къ г. попечителю, разсказалъ ему о случившемся и выслушалъ отъ него сожалѣніе (Дн. Бр. 33)". Выраженія протеста противъ заведеннаго инспекторомъ строгаго надзора на слѣдующій же день дали себя знать и въ студенческихъ камерахъ:

„Зайдя въ 9 часовъ вечера въ спальни студентовъ,—отмѣчаетъ Броннеръ подъ 8-мъ числомъ октября,—я засталъ, что двѣ первыя камеры вели себя чинно и благородно; значительная же часть студентовъ третьей—перешла въ четвертую камеру. Завернувъ, затѣмъ, въ педагогическій институтъ, я замѣтилъ, что стекла дверей были замазаны

* Въ этой сокращенной формѣ мы будемъ и ниже цитировать «Дневникъ» Броннера, въ его изданіи проф. Д. И. Нагуевскимъ.

Неизвѣстно, кто изъ студентовъ бросилъ въ меня сзади кускомъ хлѣба. Я притворился, что не замѣтилъ, но, уходя изъ столовой, снова почувствовалъ ударъ и, быстро обернувшись, увидѣлъ, что кусокъ былъ брошенъ по направленію отъ Николаева; я тотчасъ же приказалъ ему выйти изъ столовой и лишилъ его званія камернаго студента. Вскорѣ затѣмъ вышелъ также, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, Пивоваровъ и я, разспрашивая его въ камерѣ, узналъ отъ него, что бросилъ не Николаевъ и что онъ знаетъ, кто настоящій виновникъ. Я приказалъ ему сейчасъ же назвать виновнаго, но онъ притворно сталъ увѣрять, что я не вполнѣ понялъ его (что, въ виду слабаго знанія Броннеромъ русскаго языка, и представлялось вполнѣ возможнымъ). Въ виду этой уклончивости Пивоварова, я продолжалъ считать виновнымъ Николаева (Дн. Бр. 30 *)".

Только что разсказанный инцидентъ явился лишь сигналомъ къ протестамъ болѣе серьезнаго характера. Уже черезъ день Броннеръ имѣлъ случай убѣдиться въ приподнятомъ по отношенію къ нему настроеніи молодежи: „Когда за обѣдомъ я сталъ урезонивать Кожевникова,— отмѣчаетъ инспекторъ подъ 7-ымъ числомъ,—то онъ, облокотившись на столъ, отнесся къ моимъ словамъ съ насмѣшкою (Дн. Бр. 31)". Въ ночь того же дня, предпринявъ одну изъ своихъ обычныхъ и внезапныхъ визитацій студенческихъ спаленъ черезъ уже извѣстную намъ садовую университетскую калитку, Броннеръ подвергся весьма крупной непріятности: „Ночью, при входѣ въ садовую калитку,—разсказываетъ онъ,—я былъ легко раненъ въ лобъ и очень сильно въ плечо обрушившимися брусьями калитки, камнями и глиняными цвѣточными горшками, наполненными землею. Студенты устроили въ калиткѣ эту западню (decipulam januae), что бъ я получилъ при входѣ ударъ. Я рѣшилъ зайти къ г. попечителю, разсказалъ ему о случившемся и выслушалъ отъ него сожалѣніе (Дн. Бр. 33)". Выраженія протеста противъ заведеннаго инспекторомъ строгаго надзора на слѣдующій же день дали себя знать и въ студенческихъ камерахъ:

„Зайдя въ 9 часовъ вечера въ спальни студентовъ,—отмѣчаетъ Броннеръ подъ 8-мъ числомъ октября,—я засталъ, что двѣ первыя камеры вели себя чинно и благородно; значительная же часть студентовъ третьей—перешла въ четвертую камеру. Завернувъ, затѣмъ, въ педагогическій институтъ, я замѣтилъ, что стекла дверей были замазаны

* Въ этой сокращенной формѣ мы будемъ и ниже цитировать «Дневникъ» Броннера, въ его изданіи проф. Д. И. Нагуевскимъ.

известью и другими нечистотами, чтобъ оттуда не видно было, что дѣлается въ четвертой камерѣ. Въ ней господствовалъ страшный шумъ, раздавались веселые и торжествующіе (?) крики. Возвратившись, я приказалъ вести себя скромнѣе.... Потушивъ, затѣмъ, всѣ огни, они въ то время, какъ я шелъ въ другія камеры, дали знакъ потушить сразу всѣ огни и въ третьей камерѣ, что младшіе студенты и исполнили.... Вернувшись, я приказалъ, что бы потушившіе огни въ третьей камерѣ опять зажгли ихъ. Никто не пожелалъ этого сдѣлать, исключая г. Саханскаго старшаго, который, будучи въ камерѣ гостемъ, вышелъ и принесъ свѣчу.

Я вышелъ и сталъ прислушиваться къ тому, что происходило въ четвертой камерѣ,—продолжаетъ Броннеръ.—Тамъ, сначала, нѣсколько притихли, но, вслѣдъ затѣмъ, смѣясь въ темнотѣ, они стали издѣваться надъ моими распоряженіями. Я удалился". (Дн. Бр. 33—34).

Этотъ инцидентъ вызвалъ со стороны Броннера новыя репрессивныя распоряженія отъ 9-го октября: третья камера была лишена завтрака, четвертая камера совершенно изолирована отъ прочихъ „вслѣдствіе буйнаго нрава, непослушанія и затѣянныхъ безпорядковъ", девять студентовъ устранены отъ общаго стола, съ предписаніемъ „пить чай, обѣдать и ужинать послѣ всѣхъ остальныхъ"; всѣмъ же, вообще, студентамъ „запрещено посѣщать четвертую камеру, жильцамъ которой, въ свою очередь, не дозволено заходить въ остальныя камеры". Студенты оказались крайне недовольны всѣми этими разпоряженіями и грозили инспектору, что „будутъ жаловаться совѣту". „Я улыбнулся" — лаконически замѣчаетъ Броннеръ по поводу этой угрозы (Дн. Бр. 35—36). Въ тотъ же день, передъ завтракомъ, Броннеръ держалъ къ студентамъ уже приведенную нами выше рѣчь на тему объ ихъ непослушаніи и сопротивленіи распоряженіямъ начальства, но эта рѣчь была поводомъ къ новымъ демонстраціямъ съ ихъ стороны: студенты, по адресу которыхъ она была направлена—„начали садиться за столъ съ большимъ шумомъ и ругательствами, направленными противъ нѣмцевъ". „Я удалился"—и на этотъ разъ лаконически замѣчаетъ Броннеръ. Поднятое настроеніе замѣчалось въ продолженіи всего этого дня: за ужиномъ студенты „злобно пошучивая, сидѣли больше молча, а одинъ изъ нихъ говорилъ, что Казань отъ Сибири отстоитъ на много миль (?)"— отмѣчаетъ инспекторскій журналъ. Въ тотъ же вечеръ помощникъ инспектора магистръ Юнаковъ донесъ своему принципалу, что, по словамъ одного изъ служителей, „отдѣленные отъ другихъ студенты" собираются его— „побить". „Я улыбнулся"—такъ же лаконично замѣчаетъ по этому поводу

известью и другими нечистотами, чтобъ оттуда не видно было, что дѣлается въ четвертой камерѣ. Въ ней господствовалъ страшный шумъ, раздавались веселые и торжествующіе (?) крики. Возвратившись, я приказалъ вести себя скромнѣе.... Потушивъ, затѣмъ, всѣ огни, они въ то время, какъ я шелъ въ другія камеры, дали знакъ потушить сразу всѣ огни и въ третьей камерѣ, что младшіе студенты и исполнили.... Вернувшись, я приказалъ, что бы потушившіе огни въ третьей камерѣ опять зажгли ихъ. Никто не пожелалъ этого сдѣлать, исключая г. Саханскаго старшаго, который, будучи въ камерѣ гостемъ, вышелъ и принесъ свѣчу.

Я вышелъ и сталъ прислушиваться къ тому, что происходило въ четвертой камерѣ,—продолжаетъ Броннеръ.—Тамъ, сначала, нѣсколько притихли, но, вслѣдъ затѣмъ, смѣясь въ темнотѣ, они стали издѣваться надъ моими распоряженіями. Я удалился". (Дн. Бр. 33—34).

Этотъ инцидентъ вызвалъ со стороны Броннера новыя репрессивныя распоряженія отъ 9-го октября: третья камера была лишена завтрака, четвертая камера совершенно изолирована отъ прочихъ „вслѣдствіе буйнаго нрава, непослушанія и затѣянныхъ безпорядковъ", девять студентовъ устранены отъ общаго стола, съ предписаніемъ „пить чай, обѣдать и ужинать послѣ всѣхъ остальныхъ"; всѣмъ же, вообще, студентамъ „запрещено посѣщать четвертую камеру, жильцамъ которой, въ свою очередь, не дозволено заходить въ остальныя камеры". Студенты оказались крайне недовольны всѣми этими разпоряженіями и грозили инспектору, что „будутъ жаловаться совѣту". „Я улыбнулся" — лаконически замѣчаетъ Броннеръ по поводу этой угрозы (Дн. Бр. 35—36). Въ тотъ же день, передъ завтракомъ, Броннеръ держалъ къ студентамъ уже приведенную нами выше рѣчь на тему объ ихъ непослушаніи и сопротивленіи распоряженіямъ начальства, но эта рѣчь была поводомъ къ новымъ демонстраціямъ съ ихъ стороны: студенты, по адресу которыхъ она была направлена—„начали садиться за столъ съ большимъ шумомъ и ругательствами, направленными противъ нѣмцевъ". „Я удалился"—и на этотъ разъ лаконически замѣчаетъ Броннеръ. Поднятое настроеніе замѣчалось въ продолженіи всего этого дня: за ужиномъ студенты „злобно пошучивая, сидѣли больше молча, а одинъ изъ нихъ говорилъ, что Казань отъ Сибири отстоитъ на много миль (?)"— отмѣчаетъ инспекторскій журналъ. Въ тотъ же вечеръ помощникъ инспектора магистръ Юнаковъ донесъ своему принципалу, что, по словамъ одного изъ служителей, „отдѣленные отъ другихъ студенты" собираются его— „побить". „Я улыбнулся"—такъ же лаконично замѣчаетъ по этому поводу

Броннеръ. Вечеромъ слѣдующаго дня въ квартирѣ инспектора оказалось выбитымъ окно: „Вѣроятно, это былъ студентъ"—хладнокровно поясняетъ Броннеръ въ своемъ дневникѣ (Дн. Бр. 37—41).

Дознаніе по поводу устроенной Броннеру западни шло, между тѣмъ, своимъ порядкомъ. Кучеръ купца Хворова, въ домѣ котораго квартировалъ Броннеръ, показалъ, что онъ видѣлъ, какъ „два студента высокаго роста устраивали западню у садовой калитки", приходившейся какъ разъ наискосокъ этого дома, а 22-го октября было положительно выяснено,—какъ заявляетъ это Броннеръ въ своемъ дневникѣ,—что „слушатели Уфимцевъ, Ардашевъ, Григ. Саханскій и Шелудко-Тектоновъ устроили западню, чтобы меня убить; въ виду этого, противъ нихъ возбуждено уголовное преслѣдованіе, но я просилъ,—добавляетъ Броннеръ,—что бы дѣло разсматривали въ порядкѣ дисциплинарномъ, а не уголовномъ". Всѣхъ виновныхъ постигла заслуженная ими кара: Уфимцевъ и Шелудко были исключены изъ университета, двое же другихъ подвержены болѣе слабой мѣрѣ взысканія (Дн. Бр. 41, 48, 49, 52).

Всѣ только что описанныя нами столкновенія явились поводомъ къ увѣщательной рѣчи, 16-го октября обращенной Броннеромъ къ студентамъ:

> „По окончаніи студентами завтрака,—пишетъ онъ,—я собралъ ихъ въ большомъ залѣ совѣта и торжественно прочелъ мнѣніе о каждомъ изъ нихъ, на основаніи отзывовъ г.г. профессоровъ и другихъ преподавателей, а также собственныхъ наблюденій и мнѣній субъинспекторовъ, равно какъ изъ указаній протокола о составленныхъ студентами дома замѣткахъ и упражненіяхъ. Серьезно напомнивъ нерадивымъ о необходимости исправиться, я похвалилъ хорошихъ и отличныхъ и просилъ ихъ твердо держаться праваго пути, и заключилъ: теперь вы находитесь въ томъ возрастѣ, когда можете приготовить для себя и хорошую жизнь въ зрѣлыя лѣта, и счастливую старость. Что посѣете, то и пожнете. Не забывайте же моихъ наставленій!" и т. д. (Дн. Бр. 45—46).

Дерзкія выходки противъ Броннера случались и въ позднѣйшее время. Такъ, входя 23-го декабря 1816 года въ одну изъ аудиторій для обычнаго прочтенія студентамъ мѣсячнаго отчета объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, онъ „услышалъ звукъ лопнувшей хлопушки, начиненной порохомъ"; оказалось, что взорвалъ хлопушку студентъ Шитцъ, а студентъ Добровольскій снабжалъ ими товарищей, за что виновный и былъ заключенъ въ карцеръ (Дн. Бр., 171—172). Непріязненное по отношенію къ инспектору чувство учащихся находило себѣ выходъ и въ инсинуаціяхъ по его адресу.

Броннеръ. Вечеромъ слѣдующаго дня въ квартирѣ инспектора оказалось выбитымъ окно: „Вѣроятно, это былъ студентъ“—хладнокровно поясняетъ Броннеръ въ своемъ дневникѣ (Дн. Бр. 37—41).

Дознаніе по поводу устроенной Броннеру западни шло, между тѣмъ, своимъ порядкомъ. Кучеръ купца Хворова, въ домѣ котораго квартировалъ Броннеръ, показалъ, что онъ видѣлъ, какъ „два студента высокаго роста устраивали западню у садовой калитки“, приходившейся какъ разъ наискосокъ этого дома, а 22-го октября было положительно выяснено,—какъ заявляетъ это Броннеръ въ своемъ дневникѣ,—что „слушатели Уфимцевъ, Ардашевъ, Григ. Саханскій и Шелудко-Тектоновъ устроили западню, чтобы меня убить; въ виду этого, противъ нихъ возбуждено уголовное преслѣдованіе, но я просилъ,—добавляетъ Броннеръ,—что бы дѣло разсматривали въ порядкѣ дисциплинарномъ, а не уголовномъ“. Всѣхъ виновныхъ постигла заслуженная ими кара: Уфимцевъ и Шелудко были исключены изъ университета, двое же другихъ подвержены болѣе слабой мѣрѣ взысканія (Дн. Бр. 41, 48, 49, 52).

Всѣ только что описанныя нами столкновенія явились поводомъ къ увѣщательной рѣчи, 16-го октября обращенной Броннеромъ къ студентамъ:

> „По окончаніи студентами завтрака,—пишетъ онъ,—я собралъ ихъ въ большомъ залѣ совѣта и торжественно прочелъ мнѣніе о каждомъ изъ нихъ, на основаніи отзывовъ г.г. профессоровъ и другихъ преподавателей, а также собственныхъ наблюденій и мнѣній субъинспекторовъ, равно какъ изъ указаній протокола о составленныхъ студентами дома замѣткахъ и упражненіяхъ. Серьезно напомнивъ нерадивымъ о необходимости исправиться, я похвалилъ хорошихъ и отличныхъ и просилъ ихъ твердо держаться праваго пути, и заключилъ: теперь вы находитесь въ томъ возрастѣ, когда можете приготовить для себя и хорошую жизнь въ зрѣлыя лѣта, и счастливую старость. Что посѣете, то и пожнете. Не забывайте же моихъ наставленій!“ и т. д. (Дн. Бр. 45—46).

Дерзкія выходки противъ Броннера случались и въ позднѣйшее время. Такъ, входя 23-го декабря 1816 года въ одну изъ аудиторій для обычнаго прочтенія студентамъ мѣсячнаго отчета объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, онъ „услышалъ звукъ лопнувшей хлопушки, начиненной порохомъ“; оказалось, что взорвалъ хлопушку студентъ Шитцъ, а студентъ Добровольскій снабжалъ ими товарищей, за что виновный и былъ заключенъ въ карцеръ (Дн. Бр., 171—172). Непріязненное по отношенію къ инспектору чувство учащихся находило себѣ выходъ и въ инсинуаціяхъ по его адресу.

Такъ, въ ноябрѣ 1814 года про него пущенъ былъ слухъ, будто бы онъ взялъ съ нѣкоего Путилова взятку въ двѣ тысячи рублей за принятіе его въ число студентовъ; возмущенный Броннеръ потребовалъ отъ университетскаго правленія разслѣдованія этого дѣла и надлежащаго наказанія клеветниковъ (Дн. Бр. 55).

Въ концѣ перваго года инспектуры профессора Броннера, 14-го іюня 1815 года, состоялось утвержденіе министромъ правилъ для студентовъ, составленіе которыхъ, какъ мы это видѣли выше, было предпринято еще съ сентября 1813-го года. Напечатанныя на двухъ языкахъ, русскомъ и латинскомъ, эти правила были 13-го ноября вручены инспекторомъ Броннеромъ всѣмъ студентамъ (Дн. Бр. 115). Вновь обнародованныя правила, напечатанныя, какъ мы это уже знаемъ, подъ названіемъ: „Краткое изложеніе правилъ для наблюденія императорскаго казанскаго университета студентамъ“, интересующіеся найдутъ въ приложеніяхъ къ первому тому нашего труда*, гдѣ возстановленъ полный ихъ текстъ.

Всматриваясь въ эти правила, мы невольно приходимъ къ убѣжденію въ томъ, что, благодаря своему отвлеченно-теоретическому характеру, общности и краткости (всего 13 основныхъ параграфовъ), они едва ли могли оказаться въ состояніи содѣйствовать урегулированію и упорядоченію студенческаго быта и сколько нибудь серьезно восполнить тотъ пробѣлъ, который оставлялся въ этомъ отношеніи самимъ университетскимъ уставомъ 5-го ноября 1804 года. За исключеніемъ перваго параграфа этихъ правилъ, провозглашающаго общее положеніе о томъ, что „каждый студентъ повинуется постановленіямъ университетскимъ“ и слѣдующихъ шести параграфовъ (§§ 2—6 и 13), опредѣляющихъ порядокъ принятія студентовъ въ университетъ и увольненія изъ него, а также порядокъ слушанія ими преподаваемыхъ курсовъ, остальные семь параграфовъ правилъ заключаютъ въ себѣ сентенціи совершенно отвлеченнаго характера,—въ родѣ рекомендаціи студентамъ „оказывать начальству повиновеніе, членамъ совѣта почтеніе, товарищамъ дружелюбіе, а всѣмъ и каждому учтивость и благопріятство“ (§ 7), „блюсти себя отъ развратныхъ нравовъ, особенно пьянства, безстыдства и коварства“ (§ 8), „не играть въ денежныя игры“ (§ 9), „претерпѣвъ обиду не приступать къ отмщенію“ (§ 11), но „искать право свое предъ лицемъ ректора, предъ правленіемъ, наконецъ предъ совѣтомъ университета“ (§ 12), или указанія отвѣтственности „за порчу

* См. томъ I, приложеніе № IX. Исторія ихъ составленія изложена въ томъ же томѣ, на стр. 456—458.

Такъ, въ ноябрѣ 1814 года про него пущенъ былъ слухъ, будто бы онъ взялъ съ нѣкоего Путилова взятку въ двѣ тысячи рублей за принятіе его въ число студентовъ; возмущенный Броннеръ потребовалъ отъ университетскаго правленія разслѣдованія этого дѣла и надлежащаго наказанія клеветниковъ (Дн. Бр. 55).

Въ концѣ перваго года инспектуры профессора Броннера, 14-го іюня 1815 года, состоялось утвержденіе министромъ правилъ для студентовъ, составленіе которыхъ, какъ мы это видѣли выше, было предпринято еще съ сентября 1813-го года. Напечатанныя на двухъ языкахъ, русскомъ и латинскомъ, эти правила были 13-го ноября вручены инспекторомъ Броннеромъ всѣмъ студентамъ (Дн. Бр. 115). Вновь обнародованныя правила, напечатанныя, какъ мы это уже знаемъ, подъ названіемъ: „Краткое изложеніе правилъ для наблюденія императорскаго казанскаго университета студентамъ", интересующіеся найдутъ въ приложеніяхъ къ первому тому нашего труда*, гдѣ возстановленъ полный ихъ текстъ.

Всматриваясь въ эти правила, мы невольно приходимъ къ убѣжденію въ томъ, что, благодаря своему отвлеченно-теоретическому характеру, общности и краткости (всего 13 основныхъ параграфовъ), они едва ли могли оказаться въ состояніи содѣйствовать урегулированію и упорядоченію студенческаго быта и сколько нибудь серьезно восполнить тотъ пробѣлъ, который оставлялся въ этомъ отношеніи самимъ университетскимъ уставомъ 5-го ноября 1804 года. За исключеніемъ перваго параграфа этихъ правилъ, провозглашающаго общее положеніе о томъ, что „каждый студентъ повинуется постановленіямъ университетскимъ" и слѣдующихъ шести параграфовъ (§§ 2—6 и 13), опредѣляющихъ порядокъ принятія студентовъ въ университетъ и увольненія изъ него, а также порядокъ слушанія ими преподаваемыхъ курсовъ, остальные семь параграфовъ правилъ заключаютъ въ себѣ сентенціи совершенно отвлеченнаго характера,—въ родѣ рекомендаціи студентамъ „оказывать начальству повиновеніе, членамъ совѣта почтеніе, товарищамъ дружелюбіе, а всѣмъ и каждому учтивость и благопріятство" (§ 7), „блюсти себя отъ развратныхъ нравовъ, особенно пьянства, безстыдства и коварства" (§ 8), „не играть въ денежныя игры" (§ 9), „претерпѣвъ обиду не приступать къ отмщенію" (§ 11), но „искать право свое предъ лицемъ ректора, предъ правленіемъ, наконецъ предъ совѣтомъ университета" (§ 12), или указанія отвѣтственности „за порчу

* См. томъ I, приложеніе № IX. Исторія ихъ составленія изложена въ томъ же томѣ, на стр. 456—458.

умышленно вещи казенной или частной особѣ принадлежащей“ (§ 10). Такой же общій характеръ носятъ и дополнительные къ этимъ правиламъ параграфы (также въ числѣ 13-ти), изъ которыхъ первые четыре опредѣляютъ и безъ того уже извѣстныя права успѣвающихъ студентовъ (право ношенія шпагъ и полученія поощрительныхъ медалей, право на аттестатъ и чинъ 14-го класса, возможность исканія высшихъ ученыхъ степеней), а послѣдніе девять—скалу установляемыхъ для студентовъ взысканій. Эта послѣдняя и заключительная часть содержанія правилъ 14-го іюня 1815 года — представляется единственною, могущею претендовать на значеніе регламентаціи сколько нибудь положительнаго и опредѣленнаго характера, хотя и ее практическое значеніе парализуется тѣмъ, что отдѣльные виды каръ не пріурочиваются къ опредѣленнымъ проступкамъ, оставляя и здѣсь широкое поле для личнаго усмотрѣнія и произвола въ опредѣленіи рода и мѣры наказаній: „Студенты, нарушающіе умышленно университетскія постановленія по непокорству, упрямству и высокомѣрію,—читаемъ въ правилахъ,—подлежатъ наказаніямъ меньшимъ или большимъ, соразмѣрно преступленіямъ,—такъ, напримѣръ: a) выговору ректора наединѣ, b) выговору въ присутствіи правленія, c) замѣчанію въ присутствіи совѣта, d) публичному извиненію, e) заключенію подъ стражу, f) исключенію изъ числа студентовъ до времени исправленія, g) исключенію изъ университета навсегда, h) исключенію изъ университета съ безчестіемъ, о чемъ доносимо будетъ, съ изъясненіемъ преступленія исключаемаго, главному правленію училищъ и сообщаемо другимъ университетамъ, и i) отсылка въ уголовный судъ“ [242].

Профессоръ Броннеръ несъ званіе инспектора казеннныхъ студентовъ до самаго оставленія имъ Казани. Подъ 9-мъ числомъ сентября 1817 года въ инспекторскомъ журналѣ значатся его послѣднія двѣ записи: а) о покупкѣ у профессора Эриха за сто рублей клавикордъ (очевидно для казенныхъ студентовъ) и б) о допущеніи Ивана Буяльскаго къ слушанію лекцій. Подъ 11-мъ числомъ въ журналѣ находятся отмѣтка Броннера о сдачѣ имъ журнала и всего имущества казенныхъ студентовъ профессору Брейтенбаху и росписки этого послѣдняго въ принятіи того и другаго, а съ 14-го сентября 1817 года начинаются въ журналѣ записи уже новаго инспектора (собственно исправляющаго должность инспектора)—профессора Ф. Л. Брейтенбаха.

Непродолжительное,—менѣе двухъ лѣтъ,—исправленіе профессоромъ Ф. Л. Брейтенбахомъ должности инспектора казенныхъ студентовъ не отмѣчено ничѣмъ выдающимся, за исключеніемъ развѣ цѣлой

умышленно вещи казенной или частной особѣ принадлежащей" (§ 10). Такой же общій характеръ носятъ и дополнительные къ этимъ правиламъ параграфы (также въ числѣ 13-ти), изъ которыхъ первые четыре опредѣляютъ и безъ того уже извѣстныя права успѣвающихъ студентовъ (право ношенія шпагъ и полученія поощрительныхъ медалей, право на аттестатъ и чинъ 14-го класса, возможность исканія высшихъ ученыхъ степеней), а послѣдніе девять—скалу установляемыхъ для студентовъ взысканій. Эта послѣдняя и заключительная часть содержанія правилъ 14-го іюня 1815 года — представляется единственною, могущею претендовать на значеніе регламентаціи сколько нибудь положительнаго и опредѣленнаго характера, хотя и ее практическое значеніе парализуется тѣмъ, что отдѣльные виды каръ не пріурочиваются къ опредѣленнымъ проступкамъ, оставляя и здѣсь широкое поле для личнаго усмотрѣнія и произвола въ опредѣленіи рода и мѣры наказаній: „Студенты, нарушающіе умышленно университетскія постановленія по непокорству, упрямству и высокомѣрію,—читаемъ въ правилахъ,—подлежатъ наказаніямъ меньшимъ или большимъ, соразмѣрно преступленіямъ,—такъ, напримѣръ: a) выговору ректора наединѣ, b) выговору въ присутствіи правленія, c) замѣчанію въ присутствіи совѣта, d) публичному извиненію, e) заключенію подъ стражу, f) исключенію изъ числа студентовъ до времени исправленія, g) исключенію изъ университета навсегда, h) исключенію изъ университета съ безчестіемъ, о чемъ доносимо будетъ, съ изъясненіемъ преступленія исключаемаго, главному правленію училищъ и сообщаемо другимъ университетамъ, и i) отсылка въ уголовный судъ" [242].

Профессоръ Броннеръ несъ званіе инспектора казеннныхъ студентовъ до самаго оставленія имъ Казани. Подъ 9-мъ числомъ сентября 1817 года въ инспекторскомъ журналѣ значатся его послѣднія двѣ записи: а) о покупкѣ у профессора Эриха за сто рублей клавикордъ (очевидно для казенныхъ студентовъ) и б) о допущеніи Ивана Буяльскаго къ слушанію лекцій. Подъ 11-мъ числомъ въ журналѣ находятся отмѣтка Броннера о сдачѣ имъ журнала и всего имущества казенныхъ студентовъ профессору Брейтенбаху и росписки этого послѣдняго въ принятіи того и другаго, а съ 14-го сентября 1817 года начинаются въ журналѣ записи уже новаго инспектора (собственно исправляющаго должность инспектора)—профессора Ф. Л. Брейтенбаха.

Непродолжительное,—менѣе двухъ лѣтъ,—исправленіе п р о ф е с с о р о м ъ Ф. Л. Б р е й т е н б а х о м ъ должности инспектора казенныхъ студентовъ не отмѣчено ничѣмъ выдающимся, за исключеніемъ развѣ цѣлой

серіи дѣлъ о проступкахъ студентовъ, выплывшихъ наружу уже въ первый мѣсяцъ его инспектуры и давшихъ матеріалъ для одного общаго совѣтскаго дѣла „объ ослушаніи студентовъ противу начальства и о чинимыхъ ими грубостяхъ", да еще ходатайствъ новаго инспектора объ улучшеніи матеріальнаго быта казенныхъ студентовъ; то и другое намъ, впрочемъ, уже въ достаточной мѣрѣ знакомо *. Рѣзко измѣняетъ теперь свой общій колоритъ и инспекторскій журналъ, записи котораго уже утрачиваютъ тотъ субъективный и живой характеръ, который сумѣлъ придать имъ Броннеръ, сведясь къ типу строго протокольныхъ и сухихъ канцелярскихъ отмѣтокъ. Брейтенбахъ фактически прекратилъ отправленіе обязанностей инспектора студентовъ еще 11-го апрѣля 1819 года—слѣдомъ за окончаніемъ ревизіи Магницкаго, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующая запись инспекторскаго журнала: „Апрѣля 11-го вступилъ я, по причинѣ тяжской болѣзни правящаго должность инспектора студентовъ Филиппа фонъ-Брейтенбаха, вслѣдствіе предписанія отъ г. проректора, публичнаго ординарнаго профессора Солнцева, въ отправленіе должности инспектора. Адъюнктъ Владиміръ Булыгинъ". Едва ли не результаты ревизіи Магницкаго и были ближайшею причиною оставленія Брейтенбахомъ исправленія должности инспектора; мы узнаемъ въ своемъ мѣстѣ, что грозный ревизоръ остался крайне недоволенъ Брейтенбахомъ и какъ преподавателемъ, и какъ инспекторомъ, давъ въ своемъ отчетѣ отзывъ, что онъ заставляетъ студентовъ ходить на свои „весьма недостаточныя и тщетныя" лекціи, пользуясь инспекторскимъ авторитетомъ, а по части отправленія этой послѣдней должности „оказался неисправнымъ, особенно въ надзорѣ за чистотою"; извѣстно, что Брейтенбахъ оказался въ числѣ профессоровъ, уволенныхъ Магницкимъ въ августѣ того же 1819 года.

Адъюнктъ В. Я. Булыгинъ, съ апрѣля мѣсяца лишь временно заступавшій должность инспектора, предложеніемъ новаго попечителя Магницкаго отъ 9-го іюля 1819 года былъ назначенъ исправляющимъ должность инспектора „впредь до новаго устройства университета". Инспекторская дѣятельность Булыгина подпала уже подъ зачатки новаго режима университетской жизни, вводившагося Магницкимъ, что и не преминуло въ значительной степени отразиться и на общемъ характерѣ записей,—теперь уже послѣднихъ,—стараго инспекторскаго журнала. Булыгинъ отправлялъ обязанности инспектора студентовъ до 10-го ноября 1819 года, когда онъ сдалъ ее новому, уже назначенному попечителемъ, инспектору студентовъ

---

* См. выше стр. 505—510.

серіи дѣлъ о проступкахъ студентовъ, выплывшихъ наружу уже въ первый мѣсяцъ его инспектуры и давшихъ матеріалъ для одного общаго совѣтскаго дѣла „объ ослушаніи студентовъ противу начальства и о чинимыхъ ими грубостяхъ", да еще ходатайствъ новаго инспектора объ улучшеніи матеріальнаго быта казенныхъ студентовъ; то и другое намъ, впрочемъ, уже въ достаточной мѣрѣ знакомо *. Рѣзко измѣняетъ теперь свой общій колоритъ и инспекторскій журналъ, записи котораго уже утрачиваютъ тотъ субъективный и живой характеръ, который сумѣлъ придать имъ Броннеръ, сведясь къ типу строго протокольныхъ и сухихъ канцелярскихъ отмѣтокъ. Брейтенбахъ фактически прекратилъ отправленіе обязанностей инспектора студентовъ еще 11-го апрѣля 1819 года—слѣдомъ за окончаніемъ ревизіи Магницкаго, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующая запись инспекторскаго журнала: „Апрѣля 11-го вступилъ я, по причинѣ тяжской болѣзни правящаго должность инспектора студентовъ Филиппа фонъ-Брейтенбаха, вслѣдствіе предписанія отъ г. проректора, публичнаго ординарнаго профессора Солнцева, въ отправленіе должности инспектора. Адъюнктъ Владиміръ Булыгинъ". Едва ли не результаты ревизіи Магницкаго и были ближайшею причиною оставленія Брейтенбахомъ исправленія должности инспектора; мы узнаемъ въ своемъ мѣстѣ, что грозный ревизоръ остался крайне недоволенъ Брейтенбахомъ и какъ преподавателемъ, и какъ инспекторомъ, давъ въ своемъ отчетѣ отзывъ, что онъ заставляетъ студентовъ ходить на свои „весьма недостаточныя и тщетныя" лекціи, пользуясь инспекторскимъ авторитетомъ, а по части отправленія этой послѣдней должности „оказался неисправнымъ, особенно въ надзорѣ за чистотою"; извѣстно, что Брейтенбахъ оказался въ числѣ профессоровъ, уволенныхъ Магницкимъ въ августѣ того же 1819 года.

Адъюнктъ В. Я. Булыгинъ, съ апрѣля мѣсяца лишь временно заступавшій должность инспектора, предложеніемъ новаго попечителя Магницкаго отъ 9-го іюля 1819 года былъ назначенъ исправляющимъ должность инспектора „впредь до новаго устройства университета". Инспекторская дѣятельность Булыгина подпала уже подъ зачатки новаго режима университетской жизни, вводившагося Магницкимъ, что и не преминуло въ значительной степени отразиться и на общемъ характерѣ записей,—теперь уже послѣднихъ,—стараго инспекторскаго журнала. Булыгинъ отправлялъ обязанности инспектора студентовъ до 10-го ноября 1819 года, когда онъ сдалъ ее новому, уже назначенному попечителемъ, инспектору студентовъ

* См. выше стр. 505—510.

Николай Ивановичъ
Лобачевскій,
профессоръ чистой математики,
въ молодые годы свои.

Николай Ивановичъ
Лобачевскій,
профессоръ чистой математики,
въ молодые годы свои.

и директору педагогическаго института—Ѳ. П. Барсову, только что прибывшему за нѣсколько дней къ мѣсту своего новаго служенія, вмѣстѣ съ вновь назначеннымъ „директоромъ“ университета А. П. Владимірскимъ [243].

„Ноября 10-го сдалъ начальство и смотрѣніе за студентами г. инспектору студентовъ и директору педагогическаго института Ѳедору Петровичу Барсову, въ присутствіи г. проректора Гаврилы Ильича Солнцева“.

Это была уже послѣдняя запись инспекторскаго журнала или „Книги о поведеніи студентовъ“.

Таковы были мѣры надзора за студентами, практиковавшіяся казанскимъ университетомъ въ интересующую насъ начальную пору его существованія, но мало достигавшія, какъ это усматривается изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, тѣхъ цѣлей, ради которыхъ онѣ устанавливались. Общій нравственный уровень студенчества не только не повышался подъ воздѣйствіемъ этихъ мѣръ, но, наоборотъ, проявляетъ все бóльшую и бóльшую наклонность къ паденію по мѣрѣ приближенія университетской жизни къ концу разсматриваемой нами эпохи.

Инспекторскій журналъ или „Книга о поведеніи студентовъ“ уже съ первыхъ своихъ страницъ начинаетъ заполняться указаніями на недочеты студенческой жизни, начиная отъ простыхъ шалостей и юношескихъ выходокъ, въ родѣ самовольныхъ отлучекъ изъ университета и просрочекъ возвращенія въ университетъ, поздняго вставанья, другихъ мелкихъ фактовъ ослушанія начальству и особенно излюбленнаго, но запретнаго, развлеченія—пусканія ракетъ на университетскомъ дворѣ или на озерѣ Кабанѣ, и кончая болѣе серьезными проявленіями дурныхъ наклонностей. Уже съ первыхъ страницъ журнала сталкиваемся мы съ отмѣтками относительно „умышленнаго своевольства, ослушанія и лжи“, „нарушенія правилъ, свойственныхъ благородно воспитываемому человѣку“, „высокомѣрія и неповиновенія начальству“, „нераскаяннаго буйства и грубостей“, „развратнаго поведенія, вообще“ и т. п. [244].

Въ числѣ студентовъ, доставлявшихъ, съ точки зрѣнія своего поведенія, особенно много хлопотъ университетскому начальству долженъ быть отмѣченъ будущій славный геометръ и выдающійся дѣятель казанскаго университета—Н. И. Лобачевскій, проступки котораго давали обильный матеріалъ для дисциплинарныхъ отмѣтокъ инспекторскаго жур-

и директору педагогическаго института—Ө. П. Барсову, только что прибывшему за нѣсколько дней къ мѣсту своего новаго служенія, вмѣстѣ съ вновь назначеннымъ „директоромъ“ университета А. П. Владимірскимъ [243].

„Ноября 10-го сдалъ начальство и смотрѣніе за студентами г. инспектору студентовъ и директору педагогическаго института Өедору Петровичу Барсову, въ присутствіи г. проректора Гаврилы Ильича Солнцева“.

Это была уже послѣдняя запись инспекторскаго журнала или „Книги о поведеніи студентовъ“.

Таковы были мѣры надзора за студентами, практиковавшіяся казанскимъ университетомъ въ интересующую насъ начальную пору его существованія, но мало достигавшія, какъ это усматривается изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, тѣхъ цѣлей, ради которыхъ онѣ устанавливались. Общій нравственный уровень студенчества не только не повышался подъ воздѣйствіемъ этихъ мѣръ, но, наоборотъ, проявляетъ все бóльшую и бóльшую наклонность къ паденію по мѣрѣ приближенія университетской жизни къ концу разсматриваемой нами эпохи.

Инспекторскій журналъ или „Книга о поведеніи студентовъ“ уже съ первыхъ своихъ страницъ начинаетъ заполняться указаніями на недочеты студенческой жизни, начиная отъ простыхъ шалостей и юношескихъ выходокъ, въ родѣ самовольныхъ отлучекъ изъ университета и просрочекъ возвращенія въ университетъ, поздняго вставанья, другихъ мелкихъ фактовъ ослушанія начальству и особенно излюбленнаго, но запретнаго, развлеченія—пусканія ракетъ на университетскомъ дворѣ или на озерѣ Кабанѣ, и кончая болѣе серьезными проявленіями дурныхъ наклонностей. Уже съ первыхъ страницъ журнала сталкиваемся мы съ отмѣтками относительно „умышленнаго своевольства, ослушанія и лжи“, „нарушенія правилъ, свойственныхъ благородно воспитываемому человѣку“, „высокомѣрія и неповиновенія начальству“, „нераскаяннаго буйства и грубостей“, „развратнаго поведенія, вообще“ и т. п. [244].

Въ числѣ студентовъ, доставлявшихъ, съ точки зрѣнія своего поведенія, особенно много хлопотъ университетскому начальству долженъ быть отмѣченъ будущій славный геометръ и выдающійся дѣятель казанскаго университета—Н. И. Лобачевскій, проступки котораго давали обильный матеріалъ для дисциплинарныхъ отмѣтокъ инспекторскаго жур-

нала. Въ августѣ 1808 года будущаго творца неэвклидовой геометріи сажаютъ, по опредѣленію совѣта, въ карцеръ за „пусканіе въ 11 часовъ ночи сдѣланной имъ ракеты, которая могла быть опасна въ разсужденіи пожара цѣлому корпусу“; въ декабрѣ тотъ же Н. Лобачевскій лишенъ званія правящаго должность камернаго студента за „соучаствованіе и потачку проступкамъ студентовъ, грубость и ослушаніе“, а въ слѣдующемъ январѣ записывается на черную доску за самовольный уходъ въ гости и маскарадъ и т. п. Проказы Лобачевскаго дошли до того, что лѣтомъ 1811 года дѣло объ его поведеніи приняло оборотъ, который легко могъ лишить самаго Лобачевскаго—университетскаго образованія, а математическое знаніе—одного изъ наиболѣе блестящихъ его представителей. Дѣло въ томъ, что 18-го мая 1811 года въ собраніи студентовъ было прочитано вновь воспослѣдовавшее высочайшее повелѣніе, что бы „казенныхъ воспитанниковъ и студентовъ университетскихъ и другихъ высшихъ училищъ изъ духовнаго званія и разночинцевъ, развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, по исключеніи вовсе изъ упомянутыхъ заведеній отсылать въ военную службу, изъ дворянъ же таковыхъ представлять его величеству, съ тѣмъ, что бы о каждомъ воспитанникѣ, подвергнувшемъ себя таковому наказанію, представляемо было предварительно г. министру народнаго просвѣщенія“. Фигурирующія въ этомъ высочайшемъ повелѣніи выраженія: „развратное поведеніе“, „важныя преступленія“—представлялись, само собою разумѣется, весьма растяжимыми, но тѣмъ болѣе опасными могли они явиться для Лобачевскаго, относительно поведенія котораго всего нѣсколькими днями позже, 27-го мая, поданъ былъ инспекторскимъ помощникомъ Кондыревымъ рапортъ, „заключающій въ себѣ историческое изображеніе поведенія Лобачевскаго 1-го, изъ журнальной тетради и, отчасти, шнуровой книги извлеченное, показующее качество поведенія сего студента“. Въ этомъ рапортѣ значилось, что „Лобачевскій 1-ый въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ былъ, по большей части, весьма дурнаго поведенія, оказывался иногда въ проступкахъ достопримѣчательныхъ (sic!), многократно подалъ худые примѣры для своихъ сотоварищей, за проступки свои неоднократно былъ наказываемъ, но не всегда исправлялся; въ характерѣ оказался упрямымъ, нераскаяннымъ, часто ослушнымъ и весьма много мечтательнымъ о самомъ себѣ, въ мнѣніи получившемъ многія ложныя понятія и т. п.“. Отмѣтивъ, что Лобачевскій былъ 33 раза (!) „только по особымъ замѣчаніямъ записанъ въ журнальную тетрадь и шнуровую книгу“, Кондыревъ высказываетъ мнѣніе, что „если исправленіе сего студента должно воспослѣдовать, для содѣланія

нала. Въ августѣ 1808 года будущаго творца неэвклидовой геометріи сажаютъ, по опредѣленію совѣта, въ карцеръ за „пусканіе въ 11 часовъ ночи сдѣланной имъ ракеты, которая могла быть опасна въ разсужденіи пожара цѣлому корпусу“; въ декабрѣ тотъ же Н. Лобачевскій лишенъ званія правящаго должность камернаго студента за „соучаствованіе и потачку проступкамъ студентовъ, грубость и ослушаніе“, а въ слѣдующемъ январѣ записывается на черную доску за самовольный уходъ въ гости и маскарадъ и т. п. Проказы Лобачевскаго дошли до того, что лѣтомъ 1811 года дѣло объ его поведеніи приняло оборотъ, который легко могъ лишить самаго Лобачевскаго—университетскаго образованія, а математическое знаніе—одного изъ наиболѣе блестящихъ его представителей. Дѣло въ томъ, что 18-го мая 1811 года въ собраніи студентовъ было прочитано вновь воспослѣдовавшее высочайшее повелѣніе, что бы „казенныхъ воспитанниковъ и студентовъ университетскихъ и другихъ высшихъ училищъ изъ духовнаго званія и разночинцевъ, развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, по исключеніи вовсе изъ упомянутыхъ заведеній отсылать въ военную службу, изъ дворянъ же таковыхъ представлять его величеству, съ тѣмъ, что бы о каждомъ воспитанникѣ, подвергнувшемъ себя таковому наказанію, представляемо было предварительно г. министру народнаго просвѣщенія“. Фигурирующія въ этомъ высочайшемъ повелѣніи выраженія: „развратное поведеніе“, „важныя преступленія“—представлялись, само собою разумѣется, весьма растяжимыми, но тѣмъ болѣе опасными могли они явиться для Лобачевскаго, относительно поведенія котораго всего нѣсколькими днями позже, 27-го мая, поданъ былъ инспекторскимъ помощникомъ Кондыревымъ рапортъ, „заключающій въ себѣ историческое изображеніе поведенія Лобачевскаго 1-го, изъ журнальной тетради и, отчасти, шнуровой книги извлеченное, показующее качество поведенія сего студента“. Въ этомъ рапортѣ значилось, что „Лобачевскій 1-ый въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ былъ, по большей части, весьма дурнаго поведенія, оказывался иногда въ проступкахъ достопримѣчательныхъ (sic!), многократно подалъ худые примѣры для своихъ сотоварищей, за проступки свои неоднократно былъ наказываемъ, но не всегда исправлялся; въ характерѣ оказался упрямымъ, нераскаяннымъ, часто ослушнымъ и весьма много мечтательнымъ о самомъ себѣ, въ мнѣніи получившемъ многія ложныя понятія и т. п.“. Отмѣтивъ, что Лобачевскій былъ 33 раза (!) „только по особымъ замѣчаніямъ записанъ въ журнальную тетрадь и шнуровую книгу“, Кондыревъ высказываетъ мнѣніе, что „если исправленіе сего студента должно воспослѣдовать, для содѣланія

его общеполезнымъ,—ибо нельзя отрицать, что бы онъ не могъ быть таковымъ по его способностямъ и успѣхамъ въ наукахъ математическихъ,— то сіе должно воспослѣдовать нынѣ же и, притомъ, самыми побудительными средствами со стороны милосердія или строгости, каковыя найдетъ благоразуміе начальства". Въ началѣ іюля тотъ же помощникъ инспектора Кондыревъ вошелъ съ новымъ рапортомъ „о худомъ поведеніи студента Николая Лобачевскаго", отмѣчая его „мечтательное о себѣ самомнѣніе, упорство, неповиновеніе, грубости, нарушенія порядка и, отчасти, возмутительные поступки"; обвинялся на этотъ разъ Лобачевскій даже и въ томъ, что „въ значительной степени явилъ признаки безбожія".

Рапортъ о поведеніи Лобачевскаго, вмѣстѣ съ общимъ отчетомъ инспектора студентовъ, былъ внесенъ на обсужденіе совѣта въ засѣданіе 5-го іюля—но прежде, нежели состоялось какое либо постановленіе по этому поводу, въ ближайшемъ же собраніи совѣта произошелъ эпизодъ счастливаго для Лобачевскаго и рѣшительнаго для всей его дальнѣйшей карьеры характера. 10-го іюля въ засѣданіи совѣта были разрѣшены представленія профессора-директора Яковкина и нѣкоторыхъ другихъ членовъ совѣта относительно повышенія въ степень магистра Юнакова, Булыгина, Самсонова и Алексѣя Лобачевскаго. И вотъ, въ дополненіе къ этимъ представленіямъ, профессоры Бартельсъ, Германъ, Литтровъ и Броннеръ заявили, что „чрезвычайные успѣхи и таковыя же дарованія Николая Лобачевскаго въ математическихъ и физическихъ наукахъ могутъ рекомендовать и его къ повышенію въ степень магистра". Совѣтъ согласился съ этимъ дополнительнымъ представленіемъ, но обставилъ свое согласіе формальностью, слѣдующими чертами возстановляемою въ инспекторскомъ журналѣ: „Въ сіе же собраніе совѣта призываемъ былъ студентъ Николай Лобачевскій, получивъ выговоръ; увѣщеваясь къ исправленію и признаваясь въ весьма многихъ своихъ проступкахъ, далъ обѣщаніе и честное слово, съ подписью въ сей книгѣ, исправиться и не доводить до начальства впредь жалобъ на его дурное поведеніе, въ надеждѣ чего и представленъ въ магистры". 3-го августа состоялось утвержденіе попечителемъ Н. И. Лобачевскаго въ степени магистра, что не помѣшало, однако, Румовскому почти одновременно же дать совѣту слѣдующее предписаніе: „Николаю Лобачевскому, занимающему первое мѣсто по худому поведенію, объявить мое сожалѣніе о томъ, что онъ отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, и для того, что бы онъ постарался перемѣнить и исправить оное, въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться, а опять принесена будетъ

его общеполезнымъ,—ибо нельзя отрицать, что бы онъ не могъ быть таковымъ по его способностямъ и успѣхамъ въ наукахъ математическихъ,—то сіе должно воспослѣдовать нынѣ же и, притомъ, самыми побудительными средствами со стороны милосердія или строгости, каковыя найдетъ благоразуміе начальства". Въ началѣ іюля тотъ же помощникъ инспектора Кондыревъ вошелъ съ новымъ рапортомъ „о худомъ поведеніи студента Николая Лобачевскаго", отмѣчая его „мечтательное о себѣ самомнѣніе, упорство, неповиновеніе, грубости, нарушенія порядка и, отчасти, возмутительные поступки"; обвинялся на этотъ разъ Лобачевскій даже и въ томъ, что „въ значительной степени явилъ признаки безбожія".

Рапортъ о поведеніи Лобачевскаго, вмѣстѣ съ общимъ отчетомъ инспектора студентовъ, былъ внесенъ на обсужденіе совѣта въ засѣданіе 5-го іюля—но прежде, нежели состоялось какое либо постановленіе по этому поводу, въ ближайшемъ же собраніи совѣта произошелъ эпизодъ счастливаго для Лобачевскаго и рѣшительнаго для всей его дальнѣйшей карьеры характера. 10-го іюля въ засѣданіи совѣта были разрѣшены представленія профессора-директора Яковкина и нѣкоторыхъ другихъ членовъ совѣта относительно повышенія въ степень магистра Юнакова, Булыгина, Самсонова и Алексѣя Лобачевскаго. И вотъ, въ дополненіе къ этимъ представленіямъ, профессоры Бартельсъ, Германъ, Литтровъ и Броннеръ заявили, что „чрезвычайные успѣхи и таковыя же дарованія Николая Лобачевскаго въ математическихъ и физическихъ наукахъ могутъ рекомендовать и его къ повышенію въ степень магистра". Совѣтъ согласился съ этимъ дополнительнымъ представленіемъ, но обставилъ свое согласіе формальностью, слѣдующими чертами возстановляемою въ инспекторскомъ журналѣ: „Въ сіе же собраніе совѣта призываемъ былъ студентъ Николай Лобачевскій, получивъ выговоръ; увѣщеваясь къ исправленію и признаваясь въ весьма многихъ своихъ проступкахъ, далъ обѣщаніе и честное слово, съ подписью въ сей книгѣ, исправиться и не доводить до начальства впредь жалобъ на его дурное поведеніе, въ надеждѣ чего и представленъ въ магистры". 3-го августа состоялось утвержденіе попечителемъ Н. И. Лобачевскаго въ степени магистра, что не помѣшало, однако, Румовскому почти одновременно же дать совѣту слѣдующее предписаніе: „Николаю Лобачевскому, занимающему первое мѣсто по худому поведенію, объявить мое сожалѣніе о томъ, что онъ отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, и для того, что бы онъ постарался перемѣнить и исправить оное, въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться, а опять принесена будетъ

жалоба на то, тогда я принужденъ буду довести о томъ до свѣдѣнія господина министра просвѣщенія".

Интересно, что даровитый, но не въ мѣру свободолюбивый Н. И. Лобачевскій былъ лѣтомъ 1811 года спасенъ для міровой науки и для казанскаго университета предстательствомъ за него четырехъ нѣмецкихъ членовъ совѣта; русскіе члены совѣта, Яковкинъ и его неизмѣнный и вѣрный приспѣшникъ Кондыревъ, уже готовы были съ легкимъ сердцемъ порѣшить судьбу будущаго великаго математика, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ одинъ изъ этихъ иностранныхъ членовъ совѣта, проф. Броннеръ, въ своемъ письмѣ къ академику Н. И. Фуссу, относящемся къ лѣту 1812 года: „У этого человѣка (т. е. у Яковкина),—пишетъ здѣсь Броннеръ,—разглагольствованія о нравственности не сходятъ съ устъ, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно провести собственное безнравственное намѣреніе или же погубить независимо себя поставившихъ, но легкомысленныхъ, юношей; такъ, онъ едва не оклеветалъ и не сгубилъ изъ за пустяковъ нашего лучшаго воспитанника Николая Лобачевскаго, научныя наклонности котораго заслуживаютъ исключительнаго одобренія и котораго намъ лишь съ большимъ трудомъ удалось спасти" [245].

Эпоха инспектуры Яковкина, съ „патріархальныхъ" строемъ его отношеній къ студенчеству, въ основѣ которыхъ клались имъ, какъ мы это уже знаемъ, довольно туманныя начала „благоразумія" и „опытности", весьма нерѣдко сводившіяся къ кумовству, личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ и соединенному съ ними произволу—даетъ намъ, въ лицѣ того же инспекторскаго журнала, слишкомъ общаго, разбросаннаго и случайнаго характера данныя для обрисовки условій нравственной жизни современнаго студенчества. Несравненно болѣе любопытными представляются въ этомъ отношеніи данныя того же журнала за время инспектуры Броннера, который сумѣлъ сдѣлать эту прошнурованную канцелярскую книгу живымъ отраженіемъ, живою лѣтописью, быта студенчества 1814—1817 годовъ, т. е. наиболѣе интересной поры жизни университета въ предѣлахъ занимающей насъ въ настоящее время эпохи его существованія. Записи инспекторскаго „дневника" Броннера и послужатъ основнымъ источникомъ нашего дальнѣйшаго повѣствованія въ области интересующаго насъ въ настоящее время вопроса.

Данныя инспекторскаго журнала эпохи Броннера, равно какъ и несравненно болѣе отрывочныя данныя того же журнала за время инспектуры его ближайшихъ предшественниковъ и преемниковъ—рисуютъ намъ въ очень неприглядномъ свѣтѣ условія нравственной жизни

жалоба на то, тогда я принужденъ буду довести о томъ до свѣдѣнія господина министра просвѣщенія".

Интересно, что даровитый, но не въ мѣру свободолюбивый Н. И. Лобачевскій былъ лѣтомъ 1811 года спасенъ для міровой науки и для казанскаго университета предстательствомъ за него четырехъ нѣмецкихъ членовъ совѣта; русскіе члены совѣта, Яковкинъ и его неизмѣнный и вѣрный приспѣшникъ Кондыревъ, уже готовы были съ легкимъ сердцемъ порѣшить судьбу будущаго великаго математика, какъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ одинъ изъ этихъ иностранныхъ членовъ совѣта, проф. Броннеръ, въ своемъ письмѣ къ академику Н. И. Фуссу, относящемся къ лѣту 1812 года: „У этого человѣка (т. е. у Яковкина),—пишетъ здѣсь Броннеръ,—разглагольствованія о нравственности не сходятъ съ устъ, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно провести собственное безнравственное намѣреніе или же погубить независимо себя поставившихъ, но легкомысленныхъ, юношей; такъ, онъ едва не оклеветалъ и не сгубилъ изъ за пустяковъ нашего лучшаго воспитанника Николая Лобачевскаго, научныя наклонности котораго заслуживаютъ исключительнаго одобренія и котораго намъ лишь съ большимъ трудомъ удалось спасти" [245].

Эпоха инспектуры Яковкина, съ „патріархальныхъ" строемъ его отношеній къ студенчеству, въ основѣ которыхъ клались имъ, какъ мы это уже знаемъ, довольно туманныя начала „благоразумія" и „опытности", весьма нерѣдко сводившіяся къ кумовству, личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ и соединенному съ ними произволу—даетъ намъ, въ лицѣ того же инспекторскаго журнала, слишкомъ общаго, разбросаннаго и случайнаго характера данныя для обрисовки условій нравственной жизни современнаго студенчества. Несравненно болѣе любопытными представляются въ этомъ отношеніи данныя того же журнала за время инспектуры Броннера, который сумѣлъ сдѣлать эту прошнурованную канцелярскую книгу живымъ отраженіемъ, живою лѣтописью, быта студенчества 1814—1817 годовъ, т. е. наиболѣе интересной поры жизни университета въ предѣлахъ занимающей насъ въ настоящее время эпохи его существованія. Записи инспекторскаго „дневника" Броннера и послужатъ основнымъ источникомъ нашего дальнѣйшаго повѣствованія въ области интересующаго насъ въ настоящее время вопроса.

Данныя инспекторскаго журнала эпохи Броннера, равно какъ и несравненно болѣе отрывочныя данныя того же журнала за время инспектуры его ближайшихъ предшественниковъ и преемниковъ—рисуютъ намъ въ очень неприглядномъ свѣтѣ условія нравственной жизни

студенчества первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета, въ свою очередь обусловливавшіяся причинами общественнаго характера, о которыхъ была уже у насъ рѣчь выше.

Едва ли не основнымъ студенческимъ порокомъ, который являлся, въ большей части случаевъ, ближайшею причиною и другихъ проступковъ ихъ и вызывалъ неустанную борьбу съ собою со стороны университетскаго начальства—должно быть признано весьма распространенное среди молодежи пьянство, играющее весьма видную роль въ дисциплинарныхъ записяхъ инспекторскаго журнала, въ особенности въ эпоху инспектуры Броннера, бывшаго строгимъ поборникомъ трезвости.

Напивались студенты въ стѣнахъ университета, напивались и внѣ его; напивались по-одиночкѣ, напивались и компаніями; напивались подонки студенчества, напивались и лучшіе его представители. Уже вскорѣ послѣ вступленія своего въ должность инспектора, Броннеру пришлось столкнуться съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ въ жизни студенчества: „Подверглись отъ меня порицанію г.г. Тирановъ и Шелудко-Тектоновъ,—заноситъ онъ въ журналъ подъ 15-мъ сентября 1814 года, — за пьянство во время завтрака, устроеннаго младшими студентами въ честь старшихъ, но, въ виду нѣкотораго прилежанія и аккуратнаго веденія записокъ, обнаруженнаго виновными, я простилъ имъ, дабы не включать ихъ первыми въ черную книгу". 5-го ноября того же года прибѣжалъ къ Броннеру его помощникъ Булыгинъ съ заявленіемъ, что студентъ Николаевъ пьянствуетъ съ ранняго утра и допился уже до того, что не въ состояніи держаться на ногахъ и только громко кричитъ: „Пить хочу, до смерти хочу!"... „Не смотря на лихорадку,—пишетъ Броннеръ въ своемъ журналѣ,—я прибѣжалъ немедленно, но нашелъ Николаева спящимъ". На слѣдующій день, протрезвившись, Николаевъ явился къ инспектору и „послѣ того, какъ я наглядно представилъ ему важность его проступка,—продолжаетъ Броннеръ,—призналъ себя виновнымъ и прослезился; въ наказаніе я лишилъ его трехъ обѣдовъ". Вотъ еще картинка пьянственнаго житія казенныхъ студентовъ, занесенная въ инспекторскій журналъ подъ 8-мъ ноября 1815 года:

„Вчера ночью, — разсказываетъ здѣсь Броннеръ, — магистръ Булыгинъ донесъ мнѣ, что нѣсколько студентовъ пьяны. Посѣтивъ первую камеру, я прежде всего увидѣлъ Левитскаго, лежащаго на половину въ кровати, на половину же свѣсившись съ нея; Бабановскаго пьянаго и тоже спящаго и т. д. Обходя прочія камеры, во второй нашелъ сту-

студенчества первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета, въ свою очередь обусловливавшіяся причинами общественнаго характера, о которыхъ была уже у насъ рѣчь выше.

Едва ли не основнымъ студенческимъ порокомъ, который являлся, въ большей части случаевъ, ближайшею причиною и другихъ проступковъ ихъ и вызывалъ неустанную борьбу съ собою со стороны университетскаго начальства—должно быть признано весьма распространенное среди молодежи пьянство, играющее весьма видную роль въ дисциплинарныхъ записяхъ инспекторскаго журнала, въ особенности въ эпоху инспектуры Броннера, бывшаго строгимъ поборникомъ трезвости.

Напивались студенты въ стѣнахъ университета, напивались и внѣ его; напивались по-одиночкѣ, напивались и компаніями; напивались подонки студенчества, напивались и лучшіе его представители. Уже вскорѣ послѣ вступленія своего въ должность инспектора, Броннеру пришлось столкнуться съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ въ жизни студенчества: „Подверглись отъ меня порицанію г.г. Тирановъ и Шелудко-Тектоновъ,—заноситъ онъ въ журналъ подъ 15-мъ сентября 1814 года, — за пьянство во время завтрака, устроеннаго младшими студентами въ честь старшихъ, но, въ виду нѣкотораго прилежанія и аккуратнаго веденія записокъ, обнаруженнаго виновными, я простилъ имъ, дабы не включать ихъ первыми въ черную книгу". 5-го ноября того же года прибѣжалъ къ Броннеру его помощникъ Булыгинъ съ заявленіемъ, что студентъ Николаевъ пьянствуетъ съ ранняго утра и допился уже до того, что не въ состояніи держаться на ногахъ и только громко кричитъ: „Пить хочу, до смерти хочу!"... „Не смотря на лихорадку,—пишетъ Броннеръ въ своемъ журналѣ,—я прибѣжалъ немедленно, но нашелъ Николаева спящимъ". На слѣдующій день, протрезвившись, Николаевъ явился къ инспектору и „послѣ того, какъ я наглядно представилъ ему важность его проступка,—продолжаетъ Броннеръ,—призналъ себя виновнымъ и прослезился; въ наказаніе я лишилъ его трехъ обѣдовъ". Вотъ еще картинка пьянственнаго житія казенныхъ студентовъ, занесенная въ инспекторскій журналъ подъ 8-мъ ноября 1815 года:

„Вчера ночью, — разсказываетъ здѣсь Броннеръ, — магистръ Булыгинъ донесъ мнѣ, что нѣсколько студентовъ пьяны. Посѣтивъ первую камеру, я прежде всего увидѣлъ Левитскаго, лежащаго на половину въ кровати, на половину же свѣсившись съ нея; Бабановскаго пьянаго и тоже спящаго и т. д. Обходя прочія камеры, во второй нашелъ сту-

дентовъ и гостей ихъ, Телешева старшаго, кандидата Скворцова, занимающимися музыкою или спокойно играющими въ карты. На вопросъ мой,—какой справляютъ они праздникъ?—отвѣчали, что нѣтъ никакого праздника, но запахъ вина доказывалъ, что они говорятъ неправду..... Я поручилъ магистру Булыгину разслѣдовать дѣло. Виновными оказались Шутихинъ, Левитскій и Бабановскій. Вызвавъ ихъ, я сдѣлалъ имъ строгое напоминаніе, указавъ на то, что, будучи первыми среди студентовъ, они, вслѣдствіе пьянства, низвели себя въ разрядъ послѣднихъ; Бабановскому же сдѣлалъ суровое напоминаніе, пригрозивъ, что, въ случаѣ новаго подобнаго проступка, онъ будетъ удаленъ, принимая во вниманіе, что и циркуляръ министерства грозитъ отставкою даже учителямъ и прочимъ чиновникамъ за пьянство".

3-го декабря 1816 года происходило цѣлое университетское судбище „по дѣлу о студентахъ, напившихся пьяными въ день св. Андрея Первозваннаго и затѣявшихъ дебошъ", и о другихъ трехъ студентахъ, „предоставившихъ свою камеру въ распоряженіе бражничавшихъ". 13-го января 1817 года Броннеръ заноситъ въ свой журналъ, что „нашелъ пьянаго студента Михайлова лежащимъ на кровати; спрошенный впослѣдствіе, гдѣ и какимъ образомъ схватилъ хмѣль, онъ заявилъ, что, по неосторожности, выпилъ лишнее у брата и у нѣкоторыхъ друзей, что признаетъ себя виновнымъ и сожалѣетъ о случившемся". Доводило пьянство и до буйныхъ эксцессовъ. 8-го мая 1817 года, вечеромъ, студентъ Соловьевъ, будучи пьянъ—„ворвался въ первую студенческую камеру, гдѣ жилъ Знобишинъ съ товарищами, и, схвативъ пистолетъ, грозилъ студенту Бабановскому, что пуститъ въ него пулю, такъ что тотъ въ испугѣ побѣжалъ, а Соловьевъ преслѣдовалъ его, пока не явился въ камеру Востоковъ (помощникъ инспектора) и, не безъ личной опасности, угрозами и просьбами, не уговорилъ его отдать пистолетъ и уйти домой; но долго еще онъ, уже будучи на дворѣ, кричалъ подъ окнами разныя ругательства Востокову, пока усталость не заставила его уйти", а посаженный за это буйство подъ арестъ—„вскорѣ взломалъ карцеръ, вслѣдствіе чего, по исправленіи послѣдняго, снова былъ посаженъ на усиленный срокъ". Временами картины студенческаго пьянства принимаютъ въ описаніи ихъ Броннеромъ прямо отвратительный колоритъ: „Обходя студенческія камеры,—доносилъ Броннеръ совѣту въ іюнѣ 1817 года,—я у самаго входа увидѣлъ на полу слѣды пьянства (vomitu conspurcatum vidi), а на полу, возлѣ кровати студента Михайлова, громко храпящаго студента Уфимцева; далѣе на постели, совершенно огаженный слѣдами пьянства (vomitibus), которыми покрытъ былъ и полъ у самой кровати, лежалъ студентъ Иконниковъ и т. д.".

дентовъ и гостей ихъ, Телешева старшаго, кандидата Скворцова, занимающимися музыкою или спокойно играющими въ карты. На вопросъ мой,—какой справляютъ они праздникъ?—отвѣчали, что нѣтъ никакого праздника, но запахъ вина доказывалъ, что они говорятъ неправду..... Я поручилъ магистру Булыгину разслѣдовать дѣло. Виновными оказались Шутихинъ, Левитскій и Бабановскій. Вызвавъ ихъ, я сдѣлалъ имъ строгое напоминаніе, указавъ на то, что, будучи первыми среди студентовъ, они, вслѣдствіе пьянства, низвели себя въ разрядъ послѣднихъ; Бабановскому же сдѣлалъ суровое напоминаніе, пригрозивъ, что, въ случаѣ новаго подобнаго проступка, онъ будетъ удаленъ, принимая во вниманіе, что и циркуляръ министерства грозитъ отставкою даже учителямъ и прочимъ чиновникамъ за пьянство".

3-го декабря 1816 года происходило цѣлое университетское судбище „по дѣлу о студентахъ, напившихся пьяными въ день св. Андрея Первозваннаго и затѣявшихъ дебошъ", и о другихъ трехъ студентахъ, „предоставившихъ свою камеру въ распоряженіе бражничавшихъ". 13-го января 1817 года Броннеръ заноситъ въ свой журналъ, что „нашелъ пьянаго студента Михайлова лежащимъ на кровати; спрошенный впослѣдствіе, гдѣ и какимъ образомъ схватилъ хмѣль, онъ заявилъ, что, по неосторожности, выпилъ лишнее у брата и у нѣкоторыхъ друзей, что признаетъ себя виновнымъ и сожалѣетъ о случившемся". Доводило пьянство и до буйныхъ эксцессовъ. 8-го мая 1817 года, вечеромъ, студентъ Соловьевъ, будучи пьянъ—„ворвался въ первую студенческую камеру, гдѣ жилъ Знобишинъ съ товарищами, и, схвативъ пистолетъ, грозилъ студенту Бабановскому, что пуститъ въ него пулю, такъ что тотъ въ испугѣ побѣжалъ, а Соловьевъ преслѣдовалъ его, пока не явился въ камеру Востоковъ (помощникъ инспектора) и, не безъ личной опасности, угрозами и просьбами, не уговорилъ его отдать пистолетъ и уйти домой; но долго еще онъ, уже будучи на дворѣ, кричалъ подъ окнами разныя ругательства Востокову, пока усталость не заставила его уйти", а посаженный за это буйство подъ арестъ—„вскорѣ взломалъ карцеръ, вслѣдствіе чего, по исправленіи послѣдняго, снова былъ посаженъ на усиленный срокъ". Временами картины студенческаго пьянства принимаютъ въ описаніи ихъ Броннеромъ прямо отвратительный колоритъ: „Обходя студенческія камеры,—доносилъ Броннеръ совѣту въ іюнѣ 1817 года,—я у самаго входа увидѣлъ на полу слѣды пьянства (vomitu conspurcatum vidi), а на полу, возлѣ кровати студента Михайлова, громко храпящаго студента Уфимцева; далѣе на постели, совершенно огаженный слѣдами пьянства (vomitibus), которыми покрытъ былъ и полъ у самой кровати, лежалъ студентъ Иконниковъ и т. д.".

Не ограничивая арену своихъ пьянственныхъ подвиговъ стѣнами университета, студенты весьма нерѣдко переносили ее и за его стѣны—въ городъ, приходя здѣсь въ грубыя столкновенія съ мирными обывателями и полиціею и не мало способствуя компрометированію, въ глазахъ общества, самаго университета и его внутреннихъ порядковъ. 17-го мая 1816 года профессоръ Солнцевъ жаловался въ совѣтѣ на то, что „студенты ходятъ по городу въ пьяномъ видѣ, что полиція забираетъ ихъ и т. п.", вслѣдствіе чего Броннеръ увѣщевалъ студентовъ „не шататься въ пьяномъ видѣ ночью, не задѣвать прохожихъ, въ чемъ уличаетъ ихъ жалоба, поданная въ совѣтъ". Уличные дебоши студентовъ довели до того, что, безсильный бороться съ ними, инспекторъ вынужденъ былъ, какъ мы это уже знаемъ, оффиціально отнестись къ казанскому коменданту съ просьбою „брать подъ караулъ студентовъ, бродящихъ ночью по улицамъ и не имѣющихъ инспекторскаго разрѣшенія на отлучку изъ университета" [246].

Не мало заботъ и огорченій причиняли университетской администраціи и безконечные факты открытаго неповиновенія, своевольствъ и грубостей студентовъ по отношенію къ начальству. Не касаясь мелкихъ нарушеній дисциплины и ослушаній распоряженіямъ начальства, которыя почти не сходятъ со страницъ инспекторскаго журнала, мы остановимся лишь на болѣе крупныхъ проступкахъ этого рода.

Уже весною 1805 года инспекторскій журналъ обновляется занесеніемъ въ него отмѣтокъ относительно „умышленныхъ своевольствъ, ослушаній и дерзостей" студентовъ Балясникова и Кузьминскаго, а затѣмъ безконечный рядъ такихъ же отмѣтокъ и цѣлыхъ производствъ по студенческимъ проступкамъ тянется черезъ всѣ четырнадцать лѣтъ занимающаго насъ пространства времени. Не слѣдуетъ думать, однако же, что бы во всѣхъ случаяхъ столкновеній студентовъ съ начальствомъ вина всегда падала на учащихся. Бывали и такіе случаи столкновеній, которые вызывались безтактностью самихъ представителей университетской власти, какъ это наглядно усматривается изъ возникшаго осенью 1806 года „дѣла по жалобѣ адъюнкта Запольскаго на студентовъ Стрѣлкова и Балясникова", въ которомъ даже самъ Яковкинъ счелъ своимъ долгомъ стать на сторону этихъ студентовъ. Дѣло возникло вслѣдствіе жалобы, въ концѣ октября названнаго года принесенной адъюнктомъ Запольскимъ на студентовъ Стрѣлкова и Балясникова „въ оказанныхъ ему грубостяхъ". Произошло столкновеніе изъ за того, что Запольскій, подмѣтивъ на лицѣ Балясникова, во время лекціи, совершенно невиннаго свойства улыбку—при-

Не ограничивая арену своихъ пьянственныхъ подвиговъ стѣнами университета, студенты весьма нерѣдко переносили ее и за его стѣны—въ городъ, приходя здѣсь въ грубыя столкновенія съ мирными обывателями и полиціею и не мало способствуя компрометированію, въ глазахъ общества, самаго университета и его внутреннихъ порядковъ. 17-го мая 1816 года профессоръ Солнцевъ жаловался въ совѣтѣ на то, что „студенты ходятъ по городу въ пьяномъ видѣ, что полиція забираетъ ихъ и т. п.", вслѣдствіе чего Бронперъ увѣщевалъ студентовъ „не шататься въ пьяномъ видѣ ночью, не задѣвать прохожихъ, въ чемъ уличаетъ ихъ жалоба, поданная въ совѣтъ". Уличные дебоши студентовъ довели до того, что, безсильный бороться съ ними, инспекторъ вынужденъ былъ, какъ мы это уже знаемъ, оффиціально отнестись къ казанскому коменданту съ просьбою „брать подъ караулъ студентовъ, бродящихъ ночью по улицамъ и не имѣющихъ инспекторскаго разрѣшенія на отлучку изъ университета" [246].

Не мало заботъ и огорченій причиняли университетской администраціи и безконечные факты открытаго неповиновенія, своевольствъ и грубостей студентовъ по отношенію къ начальству. Не касаясь мелкихъ нарушеній дисциплины и ослушаній распоряженіямъ начальства, которыя почти не сходятъ со страницъ инспекторскаго журнала, мы остановимся лишь на болѣе крупныхъ проступкахъ этого рода.

Уже весною 1805 года инспекторскій журналъ обновляется занесеніемъ въ него отмѣтокъ относительно „умышленныхъ своевольствъ, ослушаній и дерзостей" студентовъ Балясникова и Кузьминскаго, а затѣмъ безконечный рядъ такихъ же отмѣтокъ и цѣлыхъ производствъ по студенческимъ проступкамъ тянется черезъ всѣ четырнадцать лѣтъ занимающаго насъ пространства времени. Не слѣдуетъ думать, однако же, что бы во всѣхъ случаяхъ столкновеній студентовъ съ начальствомъ вина всегда падала на учащихся. Бывали и такіе случаи столкновеній, которые вызывались безтактностью самихъ представителей университетской власти, какъ это наглядно усматривается изъ возникшаго осенью 1806 года „дѣла по жалобѣ адъюнкта Запольскаго на студентовъ Стрѣлкова и Балясникова", въ которомъ даже самъ Яковкинъ счелъ своимъ долгомъ стать на сторону этихъ студентовъ. Дѣло возникло вслѣдствіе жалобы, въ концѣ октября названнаго года принесенной адъюнктомъ Запольскимъ на студентовъ Стрѣлкова и Балясникова „въ оказанныхъ ему грубостяхъ". Произошло столкновеніе изъ за того, что Запольскій, подмѣтивъ на лицѣ Балясникова, во время лекціи, совершенно невиннаго свойства улыбку—при-

казалъ ему стать въ уголъ, отъ чего тотъ на-отрѣзъ отказался, а Стрѣлковъ поддержалъ протестъ своего сотоварища. „Совершенно потерявъ всю благопристойность и выйдя изъ себя,—доноситъ Яковкинъ попечителю объ этомъ инцидентѣ письмомъ отъ 30-го октября,—Запольскій прибѣжалъ ко мнѣ въ запальчивости съ жалобою на оное непослушаніе, забывъ въ столь щекотливомъ происшествіи не поступить неосторожно, быть безпристрастну и не подать повода однимъ—къ своенравію, а другому и къ своевольству". Обвиняя въ этомъ столкновеніи безтактность Запольскаго, но, съ другой стороны, желая поддержать и престижъ власти, Яковкинъ остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: „Дѣло сіе я обслѣдовалъ, — пишетъ онъ Румовскому, — и намѣренъ обоимъ онымъ студентамъ, въ присутствіи моемъ на лекціи г. Запольскаго, сдѣлавъ выговоръ, приказать признаться предъ нимъ, что они поступили предосудительно и для него обидно, а его самого, призвавъ въ присутствіе конторы, посовѣтовать, что бъ онъ впредь поступалъ съ студентами благопристойнѣе". Это директорское рѣшеніе было вполнѣ одобрено и попечителемъ.

Весьма интереснымъ, съ точки зрѣнія обрисовки студенческихъ нравовъ и общаго характера отношеній студентовъ къ инспекціи въ первые годы существованія казанскаго университета, представляется столкновеніе, разыгравшееся весною 1808 года между инспекторскимъ помощникомъ Кондыревымъ и студентомъ Елпидифоромъ Манасеинымъ—будущимъ ученикомъ проф. Неймана и уже извѣстнымъ намъ адъюнктомъ правовѣдѣнія. Вотъ что повѣствуетъ объ этомъ столкновеніи весьма интересный рапортъ самого Кондырева отъ 15-го мая 1808 года, представленный имъ инспектору студентовъ Яковкину:

„Происшествіе, 14-го мая по-утру случившееся, обращаетъ на себя особенное вниманіе и побуждаетъ меня представить оное на благоусмотрѣніе вашего высокоблагородія,—заявляетъ здѣсь кандидатъ Кондыревъ. — Извѣстно было вамъ уже и прежде, сколь умышленны и ожесточенны проступки назначеннаго въ студенты Елпидифора Манасеина. Уже три раза онъ записанъ въ книгу худопоступающихъ; кромѣ многихъ замѣчаній, два раза не отпускаемъ на вакаціонное время; упущенія его въ занятіяхъ всегда были ему напоминаемы. Многократныя при семъ случаѣ грубости съ его стороны были на сіе отвѣты".

Набросавъ эту общую характеристику поведенія Манасеина, Кондыревъ переходитъ къ инциденту, давшему поводъ къ его рапорту:

„13-го числа, ввечеру, въ 11-мъ часу ночи,—разсказываетъ Кондыревъ,—сидѣлъ г. Манасеинъ на кровати, не въ своей комнатѣ, и пѣлъ

казалъ ему стать въ уголъ, отъ чего тотъ на-отрѣзъ отказался, а Стрѣлковъ поддержалъ протестъ своего сотоварища. „Совершенно потерявъ всю благопристойность и выйдя изъ себя,—доноситъ Яковкинъ попечителю объ этомъ инцидентѣ письмомъ отъ 30-го октября,—Запольскій прибѣжалъ ко мнѣ въ запальчивости съ жалобою на оное непослушаніе, забывъ въ столь щекотливомъ происшествіи не поступить неосторожно, быть безпристрастну и не подать повода однимъ—къ своенравію, а другому и къ своевольству". Обвиняя въ этомъ столкновеніи безтактность Запольскаго, но, съ другой стороны, желая поддержать и престижъ власти, Яковкинъ остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: „Дѣло сіе я обслѣдовалъ, — пишетъ онъ Румовскому, — и намѣренъ обоимъ онымъ студентамъ, въ присутствіи моемъ на лекціи г. Запольскаго, сдѣлавъ выговоръ, приказать признаться предъ нимъ, что они поступили предосудительно и для него обидно, а его самого, призвавъ въ присутствіе конторы, посовѣтовать, что бъ онъ впредь поступалъ съ студентами благопристойнѣе". Это директорское рѣшеніе было вполнѣ одобрено и попечителемъ.

Весьма интереснымъ, съ точки зрѣнія обрисовки студенческихъ нравовъ и общаго характера отношеній студентовъ къ инспекціи въ первые годы существованія казанскаго университета, представляется столкновеніе, разыгравшееся весною 1808 года между инспекторскимъ помощникомъ Кондыревымъ и студентомъ Елпидифоромъ Манасеинымъ—будущимъ ученикомъ проф. Неймана и уже извѣстнымъ намъ адъюнктомъ правовѣдѣнія. Вотъ что повѣствуетъ объ этомъ столкновеніи весьма интересный рапортъ самого Кондырева отъ 15-го мая 1808 года, представленный имъ инспектору студентовъ Яковкину:

„Происшествіе, 14-го мая по-утру случившееся, обращаетъ на себя особенное вниманіе и побуждаетъ меня представить оное на благоусмотрѣніе вашего высокоблагородія,—заявляетъ здѣсь кандидатъ Кондыревъ. — Извѣстно было вамъ уже и прежде, сколь умышленны и ожесточенны проступки назначеннаго въ студенты Елпидифора Манасеина. Уже три раза онъ записанъ въ книгу худопоступающихъ; кромѣ многихъ замѣчаній, два раза не отпускаемъ на вакаціонное время; упущенія его въ занятіяхъ всегда были ему напоминаемы. Многократныя при семъ случаѣ грубости съ его стороны были на сіе отвѣты".

Набросавъ эту общую характеристику поведенія Манасеина, Кондыревъ переходитъ къ инциденту, давшему поводъ къ его рапорту:

„13-го числа, ввечеру, въ 11-мъ часу ночи,—разсказываетъ Кондыревъ,—сидѣлъ г. Манасеинъ на кровати, не въ своей комнатѣ, и пѣлъ

пѣсни. По двукратномъ запрещеніи прекратить ихъ (sic!)—пересталъ онъ. Что же касается до того, что бъ выполнить приказаніе идти въ свою комнату и ложиться спать, то по пятикратномъ повтореніи не только не послушался, но еще много и нагрубилъ, сидя спокойно на кровати и говоря, что его никто не принудитъ сдѣлать сіе, что онъ спать—не хочетъ. Мнѣ нечего было дѣлать,—продолжаетъ не въ мѣру усердный помощникъ инспектора,—какъ со стыдомъ, униженіемъ и крайнею для себя обидою уйти въ свою комнату. Цѣль моя посыланія его въ свою комнату,—оправдывается Кондыревъ,—сначала была та, что бъ онъ, вставая ранѣе по утру, не опаздывалъ ко фронту (sic), что случалось очень часто; второе и то, что уже было ночное время; а третье—побудить его къ послушанію и отвратить примѣръ для другихъ".

Продолженіе этого конфликта послѣдовало на слѣдующее же утро. Замѣтивъ, что Манасеинъ, хотя и проснулся одновременно съ другими товарищами и своевременно явился къ завтраку, но слишкомъ долго одѣвался, почему и не поспѣлъ къ „фронту", которымъ студенты выходили въ столовую, Кондыревъ обратился къ нему съ упрекомъ, на почвѣ котораго разыгралась слѣдующая сцена, подробно описанная въ рапортѣ Кондырева:

„Увидѣвъ г. Манасеина,—разсказываетъ Кондыревъ,—я сказалъ ему:

— Вы, конечно, не поспѣли и нынѣ къ фронту?

— Отчего это?—спросилъ онъ.

— Оттого, что вчерась легли поздно, что видѣлъ васъ долго не одѣтаго и что я васъ почти всегда замѣчалъ въ семъ.... Впрочемъ, если я буду еще и впредь сіе и грубости замѣчать въ васъ, то переведу васъ въ другую комнату.

— Право?!—возразилъ онъ насмѣшливо.—Вы этого не можете сдѣлать и не смѣете!

— Могу!—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, не можете и не смѣете!".....

Слѣдомъ за этимъ діалогомъ послѣдовали со стороны помощника инспектора мѣры уже активнаго характера:

„Для утвержденія его въ возможности и увѣренія въ несправедливости странной (sic) мысли, будто бы помощникъ инспектора казенныхъ студентовъ не смѣетъ сдѣлать и столь маловажнаго, я кликнулъ комнатныхъ сторожей и велѣлъ перенести кровать его въ другую комнату, съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы опять послѣ оставить (?!),—но что же вышло: г. Манасеинъ, ставъ у кровати, толкалъ и билъ лакеевъ, не допуская ихъ до исполненія имъ приказаннаго. Я ему два раза

пѣсни. По двукратномъ запрещеніи прекратить ихъ (sic!)—пересталъ онъ. Что же касается до того, что бъ выполнить приказаніе идти въ свою комнату и ложиться спать, то по пятикратномъ повтореніи не только не послушался, но еще много и нагрубилъ, сидя спокойно на кровати и говоря, что его никто не принудитъ сдѣлать сіе, что онъ спать—не хочетъ. Мнѣ нечего было дѣлать,—продолжаетъ не въ мѣру усердный помощникъ инспектора,—какъ со стыдомъ, униженіемъ и крайнею для себя обидою уйти въ свою комнату. Цѣль моя посыланія его въ свою комнату,—оправдывается Кондыревъ,—сначала была та, что бъ онъ, вставая ранѣе по утру, не опаздывалъ ко фронту (sic), что случалось очень часто; второе и то, что уже было ночное время; а третье—побудить его къ послушанію и отвратить примѣръ для другихъ".

Продолженіе этого конфликта послѣдовало на слѣдующее же утро. Замѣтивъ, что Манасеинъ, хотя и проснулся одновременно съ другими товарищами и своевременно явился къ завтраку, но слишкомъ долго одѣвался, почему и не поспѣлъ къ „фронту", которымъ студенты выходили въ столовую, Кондыревъ обратился къ нему съ упрекомъ, на почвѣ котораго разыгралась слѣдующая сцена, подробно описанная въ рапортѣ Кондырева:

„Увидѣвъ г. Манасеина,—разсказываетъ Кондыревъ,—я сказалъ ему:

— Вы, конечно, не поспѣли и нынѣ къ фронту?

— Отчего это?—спросилъ онъ.

— Оттого, что вчерась легли поздно, что видѣлъ васъ долго не одѣтаго и что я васъ почти всегда замѣчалъ въ семъ.... Впрочемъ, если я буду еще и впредь сіе и грубости замѣчать въ васъ, то переведу васъ въ другую комнату.

— Право?!—возразилъ онъ насмѣшливо.—Вы этого не можете сдѣлать и не смѣете!

— Могу!—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, не можете и не смѣете!"....

Слѣдомъ за этимъ діалогомъ послѣдовали со стороны помощника инспектора мѣры уже активнаго характера:

„Для утвержденія его въ возможности и увѣренія въ несправедливости странной (sic) мысли, будто бы помощникъ инспектора казенныхъ студентовъ не смѣетъ сдѣлать и столь маловажнаго, я кликнулъ комнатныхъ сторожей и велѣлъ перенести кровать его въ другую комнату, съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы опять послѣ оставить (?!),—но что же вышло: г. Манасеинъ, ставъ у кровати, толкалъ и билъ лакеевъ, не допуская ихъ до исполненія имъ приказаннаго. Я ему два раза

повторялъ, что бы онъ сіе явное и публичное сопротивленіе начальству оставилъ, но онъ, вмѣсто сего, кричалъ только:

— Поди ко, сунься,—какъ бы я не далъ нести кровать!

Тогда я сказалъ уже ему, что, въ случаѣ продолжительнаго и упорнаго сопротивленія начальству, принужденнымъ себя найду велѣть лакею самого его вывести изъ комнаты, а когда станетъ и тогда противиться и забіячить—то и связать.....

Но что же вышло?—восклицаетъ Кондыревъ.—Въ продолженіи сей ему моей рѣчи, когда я указывалъ на него пальцемъ, онъ до такой дерзости дошелъ, что ударилъ меня по рукѣ. Тогда я уже никакъ не могъ снести сего и велѣлъ удержать его, а кровать—вынести".

Но тутъ произошла новая сцена, совершенно уже для Кондырева неожиданная:

„Одинъ изъ служителей, по приказанію моему, схватилъ Манасеина за руки. Трое или четверо изъ студентовъ, тутъ бывшихъ, вдругъ кинулись на служителя и начали отнимать почти съ дракою, а г. Манасеинъ началъ бить служителя такъ, что разбилъ ему носъ, а прежде сего оному жъ сдѣлалъ знакъ довольно большой и на рукѣ; потомъ, обратясь ко мнѣ, ударилъ меня въ грудь и два раза по рукѣ. Когда жъ началъ я образумливать въ семъ бунтовскомъ поступкѣ сихъ нѣсколькихъ студентовъ, то они въ оправданіе свое говорили, что лакей и по приказанію моему не можетъ дотронуться; что лакей, будто бы, давилъ его (Манасеина) за горло, что я ему такъ приказалъ и они хотѣли удержать отъ сего. А что онъ меня ударилъ—того они совсѣмъ не знаютъ, или не досмотрѣли въ весьма не подобномъ происшедшему образѣ".

Кондыревъ заканчиваетъ свое повѣствованіе горькою іереміадою по поводу постигшаго его злоключенія:

„Представьте ваше высокоблагородіе,—восклицаетъ онъ,—какія чувствованія должны быть возбуждены отъ сего во мнѣ!..... Могутъ ли быть грубѣе чувствованія такихъ людей, кои, не понимая и не чувствуя всѣхъ попеченій о себѣ, вмѣсто благодарности платятъ начальству не только презрѣніемъ, но даже наглостью, личною обидою, низкимъ чувствованіемъ, презрѣвъ всѣ обязанности должности, священныя права человѣчества (!).... Я обиженъ много, но чувствую еще болѣе!"

Кромѣ рапорта Кондырева, въ самый день описаннаго нами происшествія къ Яковкину поступило письмо и отъ отца студента Манасеина, П. А. Манасеина, въ которомъ выражался протестъ по поводу поступка Кондырева съ его сыномъ:

повторялъ, что бы онъ сіе явное и публичное сопротивленіе начальству оставилъ, но онъ, вмѣсто сего, кричалъ только:

— Поди ко, сунься,—какъ бы я не далъ нести кровать!

Тогда я сказалъ уже ему, что, въ случаѣ продолжительнаго и упорнаго сопротивленія начальству, принужденнымъ себя найду велѣть лакею самого его вывести изъ комнаты, а когда станетъ и тогда противиться и забіячить—то и связать.....

Но что же вышло?—восклицаетъ Кондыревъ.—Въ продолженіи сей ему моей рѣчи, когда я указывалъ на него пальцемъ, онъ до такой дерзости дошелъ, что ударилъ меня по рукѣ. Тогда я уже никакъ не могъ снести сего и велѣлъ удержать его, а кровать—вынести".

Но тутъ произошла новая сцена, совершенно уже для Кондырева неожиданная:

„Одинъ изъ служителей, по приказанію моему, схватилъ Манасеина за руки. Трое или четверо изъ студентовъ, тутъ бывшихъ, вдругъ кинулись на служителя и начали отнимать почти съ дракою, а г. Манасеинъ началъ бить служителя такъ, что разбилъ ему носъ, а прежде сего оному жъ сдѣлалъ знакъ довольно большой и на рукѣ; потомъ, обратясь ко мнѣ, ударилъ меня въ грудь и два раза по рукѣ. Когда жъ началъ я образумливать въ семъ бунтовскомъ поступкѣ сихъ нѣсколькихъ студентовъ, то они въ оправданіе свое говорили, что лакей и по приказанію моему не можетъ дотронуться; что лакей, будто бы, давилъ его (Манасеина) за горло, что я ему такъ приказалъ и они хотѣли удержать отъ сего. А что онъ меня ударилъ—того они совсѣмъ не знаютъ, или не досмотрѣли въ весьма не подобномъ происшедшему образѣ".

Кондыревъ заканчиваетъ свое повѣствованіе горькою іеремiадою по поводу постигшаго его злоключенія:

„Представьте ваше высокоблагородіе,—восклицаетъ онъ,—какія чувствованія должны быть возбуждены отъ сего во мнѣ!..... Могутъ ли быть грубѣе чувствованія такихъ людей, кои, не понимая и не чувствуя всѣхъ попеченій о себѣ, вмѣсто благодарности платятъ начальству не только презрѣніемъ, но даже наглостью, личною обидою, низкимъ чувствованіемъ, презрѣвъ всѣ обязанности должности, священныя права человѣчества (!).... Я обиженъ много, но чувствую еще болѣе!"

Кромѣ рапорта Кондырева, въ самый день описаннаго нами происшествія къ Яковкину поступило письмо и отъ отца студента Манасеина, П. А. Манасеина, въ которомъ выражался протестъ по поводу поступка Кондырева съ его сыномъ:

„Я хотѣлъ имѣть удовольствіе видѣть васъ сегодняшній день, но мнѣ сказали, что, по слабости вашего здоровья, вы принять никого не можете,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ.—И такъ, за нужное почелъ чрезъ сіе изъяснить мое прискорбіе. Сынъ мой Елпидифоръ крайне обиженъ г. Кондыревымъ, который, имѣя къ нему всегдашнюю ненависть, приказалъ вынести кровать его изъ комнаты, но какъ онъ сталъ тому противорѣчить и сказалъ, почему его, а не другаго кровать велитъ онъ вынести, на что г. Кондыревъ сказалъ, что бъ онъ молчалъ, ибо онъ велитъ его связать, и напослѣдокъ до такой дерзости дошелъ, что кликнулъ трехъ дядекъ: двоимъ велѣлъ нести кровать, а третьему схватить его и держать. Дядька, не имѣя никакого уваженія (какъ и самъ г. Кондыревъ), ухватя одной рукой за горло а другой за воротъ, такъ что сынъ зачалъ хрипѣть, и если бы,—говоритъ,—не были тутъ студенты, то онъ и удавить бы былъ въ состояніи. И такъ, объясняя сіе для меня чувствительное оскорбленіе, такъ какъ всегда г. Кондыревъ на одного только сына моего имѣетъ неудовольствіе, прошу васъ защитить".

Вся описанная нами исторія была внесена Яковкинымъ на обсужденіе совѣта, который въ засѣданіи 20-го мая и постановилъ: подвергнуть Манасеина трехдневному заключенію въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, а „протоколъ сей прочитать въ присутствіи всѣхъ студентовъ и рекомендовать имъ отъ имени совѣта скромность, какъ первѣйшее украшеніе благовоспитываемаго юношества, что и предоставить исполнить г. профессору-инспектору".

Только что приведенныя нами столкновенія съ студентами адъюнкта Запольскаго и кандидата Кондырева едва ли способны свидѣтельствовать въ пользу наличности достаточнаго такта въ дѣлѣ обращенія ихъ съ молодежью. Прежде всего, врядъ ли можетъ быть признано мѣрою сколько нибудь педагогичною назначеніе помощникомъ инспектора, а слѣдовательно лицомъ, открыто признававшимъ себя „начальствомъ" по отношенію къ студентамъ, двадцатилѣтняго юноши Кондырева, едва покинувшаго студенческую скамью и на котораго молодежь съ бо́льшимъ основаніемъ считала себя вправѣ смотрѣть не какъ на начальника, но какъ на старшаго товарища; а затѣмъ не могли, конечно, не раздражать студенчество и всѣ эти мелочныя требованія инспекціи, начиная отъ поползновеній ставить ихъ, какъ мальчишекъ, въ „уголъ", и кончая принужденіемъ по ранжиру вставать, ложиться, одѣваться, „фронтомъ" выходить къ утреннему завтраку и, въ довершеніе всего, такъ безтактно ставить ихъ лицомъ къ лицу, какъ позволилъ себѣ это сдѣлать кандидатъ Кондыревъ, съ грубою универси-

„Я хотѣлъ имѣть удовольствіе видѣть васъ сегодняшній день, но мнѣ сказали, что, по слабости вашего здоровья, вы принять никого не можете,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ.—И такъ, за нужное почелъ чрезъ сіе изъяснить мое прискорбіе. Сынъ мой Елпидифоръ крайне обиженъ г. Кондыревымъ, который, имѣя къ нему всегдашнюю ненависть, приказалъ вынести кровать его изъ комнаты, но какъ онъ сталъ тому противорѣчить и сказалъ, почему его, а не другаго кровать велитъ онъ вынести, на что г. Кондыревъ сказалъ, что бъ онъ молчалъ, ибо онъ велитъ его связать, и напослѣдокъ до такой дерзости дошелъ, что кликнулъ трехъ дядекъ: двоимъ велѣлъ нести кровать, а третьему схватить его и держать. Дядька, не имѣя никакого уваженія (какъ и самъ г. Кондыревъ), ухватя одной рукой за горло а другой за воротъ, такъ что сынъ зачалъ хрипѣть, и если бы,—говоритъ,—не были тутъ студенты, то онъ и удавить бы былъ въ состояніи. И такъ, объясняя сіе для меня чувствительное оскорбленіе, такъ какъ всегда г. Кондыревъ на одного только сына моего имѣетъ неудовольствіе, прошу васъ защитить".

Вся описанная нами исторія была внесена Яковкинымъ на обсужденіе совѣта, который въ засѣданіи 20-го мая и постановилъ: подвергнуть Манасеина трехдневному заключенію въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, а „протоколъ сей прочитать въ присутствіи всѣхъ студентовъ и рекомендовать имъ отъ имени совѣта скромность, какъ первѣйшее украшеніе благовоспитываемаго юношества, что и предоставить исполнить г. профессору-инспектору".

Только что приведенныя нами столкновенія съ студентами адъюнкта Запольскаго и кандидата Кондырева едва ли способны свидѣтельствовать въ пользу наличности достаточнаго такта въ дѣлѣ обращенія ихъ съ молодежью. Прежде всего, врядъ ли можетъ быть признано мѣрою сколько нибудь педагогичною назначеніе помощникомъ инспектора, а слѣдовательно лицомъ, открыто признававшимъ себя „начальствомъ" по отношенію къ студентамъ, двадцатилѣтняго юноши Кондырева, едва покинувшаго студенческую скамью и на котораго молодежь съ бо́льшимъ основаніемъ считала себя вправѣ смотрѣть не какъ на начальника, но какъ на старшаго товарища; а затѣмъ не могли, конечно, не раздражать студенчество и всѣ эти мелочныя требованія инспекціи, начиная отъ поползновеній ставить ихъ, какъ мальчишекъ, въ „уголъ", и кончая принужденіемъ по ранжиру вставать, ложиться, одѣваться, „фронтомъ" выходить къ утреннему завтраку и, въ довершеніе всего, такъ безтактно ставить ихъ лицомъ къ лицу, какъ позволилъ себѣ это сдѣлать кандидатъ Кондыревъ, съ грубою универси-

тетскою прислугою. Несомнѣнно, что мелочныя и безтактныя придирки со стороны надзирающихъ органовъ, въ родѣ только что описанныхъ нами, являлись ближайшимъ поводомъ и къ цѣлому ряду другихъ случаевъ „своевольствъ", „непослушаній" и даже „буйствъ", свидѣтельствами относительно которыхъ такъ чревата начальная исторія казанскаго университетскаго студенчества.

Въ числѣ казенныхъ студентовъ первыхъ годовъ существованія университета, отвоевавшихъ себѣ особенно громкую репутацію по части непослушаній и своевольствъ, долженъ быть упомянутъ, наряду съ старшимъ братомъ своимъ Николаемъ, и Алексѣй Лобачевскій (также будущій адъюнктъ), имя котораго занимаетъ весьма видное мѣсто въ записяхъ инспекторскаго журнала. Такъ, въ теченіи одного только 1809 года Алексѣй Лобачевскій оказался отмѣченнымъ здѣсь: 26-го мая—въ „ослушаніи, грубости и нераскаянности", за что и подвергнутъ выговору, занесенію имени его въ шнуровую книгу и на черную доску, 18-го августа—въ „дерзкой грубости, упрямомъ ослушаніи и нераскаянности", за каковые поступки, кромѣ тѣхъ же каръ, взятъ еще „на особенное замѣчаніе", а 1-го сентября подвергнутъ, за новыя продѣлки, публичному выговору въ присутствіи всего совѣта и всѣхъ студентовъ. Такой же „жестокій" (sic) публичный выговоръ, въ присутствіи совѣта и всѣхъ студентовъ, сдѣланъ былъ въ іюлѣ того же года, „за ослушаніе, оказанное директору", и студенту А. Княжевичу (будущему министру финансовъ), съ угрозою исключенія изъ университета въ томъ случаѣ, „ежели онъ отважится еще оказать начальству непослушаніе", съ прописаніемъ его вины въ увольнительномъ свидѣтельствѣ. Весною 1810 года производилось цѣлое совѣтское дѣло „о соблазнительныхъ противъ порядка поступкахъ" студента-кандидата Михаила Пестякова, обвинявшагося инспекціею, кромѣ постояннаго нехожденія на лекціи и самовольныхъ отлучекъ изъ университета—въ „совершенномъ опущеніи образованія себя въ преподаваемыхъ наукахъ, доведенномъ до соблазна распутствѣ, закоснѣваніи въ исправленіи нравственности и пренебреженіи ко всѣмъ дѣланнымъ при всякомъ случаѣ увѣщаніямъ и выговорамъ, причемъ удостовѣрялось „истощеніе всѣхъ возможныхъ средствъ для исправленія его"; переведенный за всѣ эти дурныя качества изъ кандидатовъ въ студенты, Пестяковъ въ концѣ слѣдующаго года былъ опредѣленъ, тѣмъ не менѣе, учителемъ въ черноярское уѣздное училище. Такое же совѣтское производство создалось весною 1812 года по поводу „худыхъ поступковъ" студента Африкана Смирнова, который, помимо систематическаго уклоненія отъ посѣщенія лекцій, рапортомъ инспекторскаго помощника

тетскою прислугою. Несомнѣнно, что мелочныя и безтактныя придирки со стороны надзирающихъ органовъ, въ родѣ только что описанныхъ нами, являлись ближайшимъ поводомъ и къ цѣлому ряду другихъ случаевъ „своевольствъ“, „непослушаній“ и даже „буйствъ“, свидѣтельствами относительно которыхъ такъ чревата начальная исторія казанскаго университетскаго студенчества.

Въ числѣ казенныхъ студентовъ первыхъ годовъ существованія университета, отвоевавшихъ себѣ особенно громкую репутацію по части непослушаній и своевольствъ, долженъ быть упомянутъ, наряду съ старшимъ братомъ своимъ Николаемъ, и Алексѣй Лобачевскій (также будущій адъюнктъ), имя котораго занимаетъ весьма видное мѣсто въ записяхъ инспекторскаго журнала. Такъ, въ теченіи одного только 1809 года Алексѣй Лобачевскій оказался отмѣченнымъ здѣсь: 26-го мая—въ „ослушаніи, грубости и нераскаянности“, за что и подвергнутъ выговору, занесенію имени его въ шнуровую книгу и на черную доску, 18-го августа—въ „дерзкой грубости, упрямомъ ослушаніи и нераскаянности“, за каковые поступки, кромѣ тѣхъ же каръ, взятъ еще „на особенное замѣчаніе“, а 1-го сентября подвергнутъ, за новыя продѣлки, публичному выговору въ присутствіи всего совѣта и всѣхъ студентовъ. Такой же „жестокій“ (sic) публичный выговоръ, въ присутствіи совѣта и всѣхъ студентовъ, сдѣланъ былъ въ іюлѣ того же года, „за ослушаніе, оказанное директору“, и студенту А. Княжевичу (будущему министру финансовъ), съ угрозою исключенія изъ университета въ томъ случаѣ, „ежели онъ отважится еще оказать начальству непослушаніе“, съ прописаніемъ его вины въ увольнительномъ свидѣтельствѣ. Весною 1810 года производилось цѣлое совѣтское дѣло „о соблазнительныхъ противъ порядка поступкахъ“ студента-кандидата Михаила Пестякова, обвинявшагося инспекціею, кромѣ постояннаго нехожденія на лекціи и самовольныхъ отлучекъ изъ университета—въ „совершенномъ опущеніи образованія себя въ преподаваемыхъ наукахъ, доведенномъ до соблазна распутствѣ, закоснѣваніи въ исправленіи нравственности и пренебреженіи ко всѣмъ дѣланнымъ при всякомъ случаѣ увѣщаніямъ и выговорамъ, причемъ удостовѣрялось „истощеніе всѣхъ возможныхъ средствъ для исправленія его“; переведенный за всѣ эти дурныя качества изъ кандидатовъ въ студенты, Пестяковъ въ концѣ слѣдующаго года былъ опредѣленъ, тѣмъ не менѣе, учителемъ въ черноярское уѣздное училище. Такое же совѣтское производство создалось весною 1812 года по поводу „худыхъ поступковъ“ студента Африкана Смирнова, который, помимо систематическаго уклоненія отъ посѣщенія лекцій, рапортомъ инспекторскаго помощника

Кондырева отъ 27-го марта аттестованъ „вышедшимъ изъ предѣловъ всякаго повиновенія и оказавшимся буйнымъ“; „замѣтивъ и прежде нѣсколько разъ таковое расположеніе его духа, — доносилъ Кондыревъ,—а сверхъ того неоднократно слышавъ тоже и отъ магистровъ Юнакова и Булыгина, имѣю честь представить, что подобные поступки заслуживаютъ особеннаго вниманія и наказанія и что таковыя непріятности могутъ даже лишить возможности отправлять должность“. Отбывъ присужденный ему арестъ въ карцерѣ, Смирновъ уже вскорѣ вызываетъ новую жалобу,—на этотъ разъ магистра Юнакова (отъ 5-го іюня), въ которой заявлялось, что онъ „оказался вновь буйнымъ, грубымъ и дерзкимъ“, за что и получилъ публичный выговоръ въ совѣтѣ, но 4-го іюля опять поступаетъ на него жалоба въ томъ, что онъ „прошедшею ночью, вмѣстѣ съ студентомъ Филипповскимъ, въ комнатѣ подлѣ физическаго кабинета сжегъ смѣшанный пороховой фонтанъ“, что подвергло его новому, уже „строгому“, выговору совѣта.

Цѣлую серію дѣлъ о студенческихъ грубостяхъ и своевольствахъ раскрываетъ намъ и 1813 годъ. Въ концѣ января этого года (22-го января) наказаны карцеромъ и записью въ шнуровую книгу студенты Сычуговъ и Климовъ за „непослушаніе начальству“, выразившееся въ томъ, что они не подчинились требованію Яковкина относительно прикомандированія ихъ въ распоряженіе бухгалтера гимназіи для переписки балансовъ,—фактъ, еще разъ свидѣтельствующій въ пользу отсутствія такта въ отношеніяхъ къ учащейся молодежи, выразившагося въ возложеніи на нее совершенно постороннихъ ея учебнымъ занятіямъ канцелярскихъ обязанностей *. 9-го февраля въ собраніи совѣта объявленъ былъ выговоръ восьми студентамъ, замѣченнымъ въ „ослушаніи и грубости“ противъ начальства, за что они и были лишены на три недѣли отпусковъ, съ занесеніемъ ихъ именъ въ штрафную книгу. 20-го апрѣля шесть студентовъ посажены на одинъ день въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, „за позднее ихъ по утрамъ вставаніе и за ослушаніе“. 27-го апрѣля двое студентовъ (Сычуговъ и Бутлеровъ) сажаются въ карцеръ, по приказанію попечителя округа, за „буйство, дерзость, битье помощника эконома и за грубость помощнику инспектору оказанную“. 27-го ноября, по постановленію совѣта, заключенъ на три дня

---

* Эта странная мѣра основывалась на предложеніи попечителя еще отъ 11-го сентября 1811 года, въ силу котораго, въ виду ограниченности канцелярскихъ средствъ, предписывалось «употреблять для письмоводства, поочередно, студентовъ и кандидатовъ, не отвлекая, однакоже, ихъ отъ настоящихъ должностей»; само собою разумѣется, что практическое осуществленіе этого безтактнаго распряженія открыло лишь новую почву для столкновеній между университетскою молодежью и ея начальствомъ.

Кондырева отъ 27-го марта аттестованъ „вышедшимъ изъ предѣловъ всякаго повиновенія и оказавшимся буйнымъ“; „замѣтивъ и прежде нѣсколько разъ таковое расположеніе его духа, — доносилъ Кондыревъ,—а сверхъ того неоднократно слышавъ тоже и отъ магистровъ Юнакова и Булыгина, имѣю честь представить, что подобные поступки заслуживаютъ особеннаго вниманія и наказанія и что таковыя непріятности могутъ даже лишить возможности отправлять должность“. Отбывъ присужденный ему арестъ въ карцерѣ, Смирновъ уже вскорѣ вызываетъ новую жалобу,—на этотъ разъ магистра Юнакова (отъ 5-го іюня), въ которой заявлялось, что онъ „оказался вновь буйнымъ, грубымъ и дерзкимъ“, за что и получилъ публичный выговоръ въ совѣтѣ, но 4-го іюля опять поступаетъ на него жалоба въ томъ, что онъ „прошедшею ночью, вмѣстѣ съ студентомъ Филипповскимъ, въ комнатѣ подлѣ физическаго кабинета сжегъ смѣшанный пороховой фонтанъ“, что подвергло его новому, уже „строгому“, выговору совѣта.

Цѣлую серію дѣлъ о студенческихъ грубостяхъ и своевольствахъ раскрываетъ намъ и 1813 годъ. Въ концѣ января этого года (22-го января) наказаны карцеромъ и записью въ шнуровую книгу студенты Сычуговъ и Климовъ за „непослушаніе начальству“, выразившееся въ томъ, что они не подчинились требованію Яковкина относительно прикомандированія ихъ въ распоряженіе бухгалтера гимназіи для переписки балансовъ,—фактъ, еще разъ свидѣтельствующій въ пользу отсутствія такта въ отношеніяхъ къ учащейся молодежи, выразившагося въ возложеніи на нее совершенно постороннихъ ея учебнымъ занятіямъ канцелярскихъ обязанностей *. 9-го февраля въ собраніи совѣта объявленъ былъ выговоръ восьми студентамъ, замѣченнымъ въ „ослушаніи и грубости“ противъ начальства, за что они и были лишены на три недѣли отпусковъ, съ занесеніемъ ихъ именъ въ штрафную книгу. 20-го апрѣля шесть студентовъ посажены на одинъ день въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, „за позднее ихъ по утрамъ вставаніе и за ослушаніе“. 27-го апрѣля двое студентовъ (Сычуговъ и Бутлеровъ) сажаются въ карцеръ, по приказанію попечителя округа, за „буйство, дерзость, битье помощника эконома и за грубость помощнику инспектору оказанную“. 27-го ноября, по постановленію совѣта, заключенъ на три дня

---

* Эта странная мѣра основывалась на предложеніи попечителя еще отъ 11-го сентября 1811 года, въ силу котораго, въ виду ограниченности канцелярскихъ средствъ, предписывалось «употреблять для письмоводства, поочередно, студентовъ и кандидатовъ, не отвлекая, однакоже, ихъ отъ настоящихъ должностей»; само собою разумѣется, что практическое осуществленіе этого безтактнаго распряженія открыло лишь новую почву для столкновеній между университетскою молодежью и ея начальствомъ.

въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, съ занесеніемъ имени его на черную доску, студентъ Чашковъ—оказавшій „разныя г. адъюнкту Кондыреву и г. инспектору грубости". Всѣ эти отдѣльные случаи студенческихъ провинностей послужили даже поводомъ къ двумъ строгимъ предложеніямъ попечителя, послѣдовавшимъ осенью того же 1813 года, изъ которыхъ первое (отъ 17-го сентября) рекомендовало наблюдать, что бы студенты „не нарушали чинопочитанія", а второе (отъ 19-го ноября) предписывало „подтвердить студентамъ необходимость чинопочитанія, коего нарушенія причиною неустройства, безпорядка и безпрестаннаго негодованія чиновниковъ на нѣкоторыхъ студентовъ, замѣченныхъ въ неповиновеніи къ начальству".

Неустанно бороться съ студенческими своевольствами, ослушаніями и грубостями выпало, въ бытность его инспекторомъ, и на долю проф. Броннера. Мы уже видѣли проявленія разнузданнаго неуваженія студентовъ къ Броннеру: его забрасываютъ хлѣбными шариками, открыто издѣваются надъ нимъ и его національностью, грозятъ его бить, устраиваютъ ему, наконецъ, предательскую западню въ садовой калиткѣ. Продолжаются весьма частыя столкновенія студентовъ и съ другими представителями университетской администраціи. Въ началѣ октября 1814 года студентъ Филипповскій заключается на четыре часа въ карцеръ за „оскорбленіе на словахъ"; въ январѣ 1815 года студентъ Веригинъ отбываетъ высидку въ карцерѣ за „непослушаніе и неуваженіе", оказанныя ректору; въ маѣ 1816 года студентамъ внушается „относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ къ профессорамъ"; въ апрѣлѣ 1817 года сидитъ въ карцерѣ студентъ Базилєвъ за „грубость и оскорбленіе". профессора Кондырева; осенью 1817 года студентъ Саханскій силою отбивается отъ четырехъ университетскихъ служителей, присланныхъ инспекторомъ для отведенія его въ карцеръ и пр. и пр. [247].

Частые, временами даже грубые, дикіе, факты проявленія самоуправства и разнаго рода насилій—занимаютъ также весьма видное мѣсто въ скорбной лѣтописи студенческихъ неистовствъ интересующей насъ эпохи: здѣсь сильнѣе, нежели гдѣ либо, находило себѣ отраженіе то неуваженіе къ человѣческой личности, которое, какъ это уже было замѣчено нами выше, представляло собою одинъ изъ глубоко отрицательныхъ продуктовъ самаго склада современной русской общественности, съ грубостью ея нравовъ, съ ея крѣпостническимъ и узко-сословнымъ строемъ.

Эта склонность къ самоуправству и насилію давала себя чувствовать даже во внутренней жизни самаго студенчества, въ отношеніяхъ студен-

въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, съ занесеніемъ имени его на черную доску, студентъ Чашковъ—оказавшій „разныя г. адъюнкту Кондыреву и г. инспектору грубости". Всѣ эти отдѣльные случаи студенческихъ провинностей послужили даже поводомъ къ двумъ строгимъ предложеніямъ попечителя, послѣдовавшимъ осенью того же 1813 года, изъ которыхъ первое (отъ 17-го сентября) рекомендовало наблюдать, что бы студенты „не нарушали чинопочитанія", а второе (отъ 19-го ноября) предписывало „подтвердить студентамъ необходимость чинопочитанія, коего нарушенія причиною неустройства, безпорядка и безпрестаннаго негодованія чиновниковъ на нѣкоторыхъ студентовъ, замѣченныхъ въ неповиновеніи къ начальству".

Неустанно бороться съ студенческими своевольствами, ослушаніями и грубостями выпало, въ бытность его инспекторомъ, и на долю проф. Броннера. Мы уже видѣли проявленія разнузданнаго неуваженія студентовъ къ Броннеру: его забрасываютъ хлѣбными шариками, открыто издѣваются надъ нимъ и его національностью, грозятъ его бить, устраиваютъ ему, наконецъ, предательскую западню въ садовой калиткѣ. Продолжаются весьма частыя столкновенія студентовъ и съ другими представителями университетской администраціи. Въ началѣ октября 1814 года студентъ Филипповскій заключается на четыре часа въ карцеръ за „оскорбленіе на словахъ"; въ январѣ 1815 года студентъ Веригинъ отбываетъ высидку въ карцерѣ за „непослушаніе и неуваженіе", оказанныя ректору; въ маѣ 1816 года студентамъ внушается „относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ къ профессорамъ"; въ апрѣлѣ 1817 года сидитъ въ карцерѣ студентъ Базилѣвъ за „грубость и оскорбленіе" профессора Кондырева; осенью 1817 года студентъ Саханскій силою отбивается отъ четырехъ университетскихъ служителей, присланныхъ инспекторомъ для отведенія его въ карцеръ и пр. и пр. [247].

Частые, временами даже грубые, дикіе, факты проявленія самоуправства и разнаго рода насилій—занимаютъ также весьма видное мѣсто въ скорбной лѣтописи студенческихъ неистовствъ интересующей насъ эпохи: здѣсь сильнѣе, нежели гдѣ либо, находило себѣ отраженіе то неуваженіе къ человѣческой личности, которое, какъ это уже было замѣчено нами выше, представляло собою одинъ изъ глубоко отрицательныхъ продуктовъ самаго склада современной русской общественности, съ грубостью ея нравовъ, съ ея крѣпостническимъ и узко-сословнымъ строемъ.

Эта склонность къ самоуправству и насилію давала себя чувствовать даже во внутренней жизни самаго студенчества, въ отношеніяхъ студен-

товъ между собою, совершенно мирно уживаясь здѣсь съ началомъ тѣсной товарищеской корпоративности. Словесныя и личныя оскорбленія, начиная съ мелкихъ столкновеній и кончая возмутительными фактами самосуда—были въ этой интеллигентной средѣ весьма обыкновенными, хотя и глубоко прискорбными, явленіями. Въ октябрѣ 1809 года студентъ Сычуговъ даетъ товарищу пощечину. Въ сентябрѣ 1814 года публичнымъ выговоромъ, съ занесеніемъ ихъ проступка въ черную книгу, наказываются студенты Филипповскій, Николаевъ и Пивоваровъ за то, что „въ ночь на 25-ое число били розгами“ студента Тиранова. Въ октябрѣ 1816 года студентъ Сычуговъ „больно прибилъ кулаками студента Кельца“ и даетъ пощечину студенту Шитцу, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ студентъ Николай Кулаковъ (будущій адъюнктъ естественной исторіи), вмѣстѣ съ тѣмъ же Шитцемъ, „сильно поколотилъ въ банѣ, разбросавъ его платье, воспитанника Заруцкаго“; въ мартѣ 1817 года студентъ Евреиновъ „прибилъ палкою“ студента Нюхтилова и т. п.

Происходили у студентовъ столкновенія, съ примѣненіемъ кулачнаго и инаго самоуправства, и съ разнаго рода лицами хотя и не ихъ среды, но числившимися въ вѣдомствѣ университета. Крайне характернымъ, по своей обстановкѣ, представляется столкновеніе студентовъ съ гимназическимъ „строительнымъ офицеромъ“ Ларіоновымъ, разыгравшееся въ концѣ 1808 года, давшее поводъ къ цѣлому совѣтскому производству и восходившее даже на разсмотрѣніе попечителя. Вотъ какъ описываетъ это столкновеніе оффиціальное донесеніе о немъ помощника инспектора Кондырева:

„Господинъ строительный офицеръ Ларіоновъ, пришедъ 12-го декабря, въ 6 часовъ вечера, въ студентскія комнаты, занимался съ надзирателемъ г. Упадышевскимъ и студентами Перевощиковымъ, Кручининымъ, Честновымъ, Стрѣлковымъ и Аристовымъ разговорами. Г. Ларіоновъ поносилъ, между прочимъ, студентовъ, что они украли у него табакерку и платокъ; студенты за сіе вступились, онъ—отговаривался и дѣло кончилось шутками.... Послѣ сего Аристовъ подошелъ и ударилъ Ларіонова слегка, по пріятельски, а г. Ларіоновъ началъ говорить г. Перевощикову, что если бы онъ, Ларіоновъ, къ нему (т. е. Аристову) пріѣхалъ въ тотъ городъ, куда онъ собирается ѣхать, то бы онъ, вѣрно, его и завтракомъ не накормилъ, а сей отвѣчалъ словомъ: напротивъ.

Г. Ларіоновъ, оборотясь къ Аристову, сказалъ:

— Если къ ихъ братьи, купцамъ, попадешь, то еще и собаками затравятъ....

Сей отвѣчалъ:

товъ между собою, совершенно мирно уживаясь здѣсь съ началомъ тѣсной товарищеской корпоративности. Словесныя и личныя оскорбленія, начиная съ мелкихъ столкновеній и кончая возмутительными фактами самосуда—были въ этой интеллигентной средѣ весьма обыкновенными, хотя и глубоко прискорбными, явленіями. Въ октябрѣ 1809 года студентъ Сычуговъ даетъ товарищу пощечину. Въ сентябрѣ 1814 года публичнымъ выговоромъ, съ занесеніемъ ихъ проступка въ черную книгу, наказываются студенты Филипповскій, Николаевъ и Пивоваровъ за то, что „въ ночь на 25-ое число били розгами" студента Тиранова. Въ октябрѣ 1816 года студентъ Сычуговъ „больно прибилъ кулаками студента Кельца" и даетъ пощечину студенту Шитцу, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ студентъ Николай Кулаковъ (будущій адъюнктъ естественной исторіи), вмѣстѣ съ тѣмъ же Шитцемъ, „сильно поколотилъ въ банѣ, разбросавъ его платье, воспитанника Заруцкаго"; въ мартѣ 1817 года студентъ Евреиновъ „прибилъ палкою" студента Нюхтилова и т. п.

Происходили у студентовъ столкновенія, съ примѣненіемъ кулачнаго и инаго самоуправства, и съ разнаго рода лицами хотя и не ихъ среды, но числившимися въ вѣдомствѣ университета. Крайне характернымъ, по своей обстановкѣ, представляется столкновеніе студентовъ съ гимназическимъ „строительнымъ офицеромъ" Ларіоновымъ, разыгравшееся въ концѣ 1808 года, давшее поводъ къ цѣлому совѣтскому производству и восходившее даже на разсмотрѣніе попечителя. Вотъ какъ описываетъ это столкновеніе оффиціальное донесеніе о немъ помощника инспектора Кондырева:

„Господинъ строительный офицеръ Ларіоновъ, пришедъ 12-го декабря, въ 6 часовъ вечера, въ студентскія комнаты, занимался съ надзирателемъ г. Упадышевскимъ и студентами Перевощиковымъ, Кручининымъ, Честновымъ, Стрѣлковымъ и Аристовымъ разговорами. Г. Ларіоновъ поносилъ, между прочимъ, студентовъ, что они украли у него табакерку и платокъ; студенты за сіе вступились, онъ—отговаривался и дѣло кончилось шутками.... Послѣ сего Аристовъ подошелъ и ударилъ Ларіонова слегка, по пріятельски, а г. Ларіоновъ началъ говорить г. Перевощикову, что если бы онъ, Ларіоновъ, къ нему (т. е. Аристову) пріѣхалъ въ тотъ городъ, куда онъ собирается ѣхать, то бы онъ, вѣрно, его и завтракомъ не накормилъ, а сей отвѣчалъ словомъ: напротивъ.

Г. Ларіоновъ, оборотясь къ Аристову, сказалъ:

— Если къ ихъ братьи, купцамъ, попадешь, то еще и собаками затравятъ....

Сей отвѣчалъ:

— Смотря по гостю дѣлаемъ и угощеніе.

Ларіоновъ же:

— Ваша братья, вшивыя бороды, такъ и воспитаны... Да и ты обязанъ воспитаніемъ здѣшнему мѣсту, а дома то, чай, какъ и я, обучался у какого нибудь пономаря.

Аристовъ отвѣчалъ:

— Неправда, — я обучался у одного полковника вмѣстѣ съ его дѣтьми!

Ларіоновъ сказалъ:

— Мало ли полковниковъ, кои ничего не знаютъ больше, какъ: заряжай, да пали!

Аристовъ отвѣчалъ:

— Врешь! Этотъ человѣкъ умѣлъ воспитывать дѣтей!

Послѣ сего Аристовъ, пришедъ, повидимому, въ азартность, сказалъ:

— Знай, что я не Сычуговъ и не Пономаревъ, сносить сего не буду, а по нашему....

Схватилъ г. Ларіонова за капотъ, неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ—вонъ ли вытащить или драку начать; судя же по словамъ, при семъ случаѣ сказаннымъ г. Аристовымъ, вѣроятно для перваго. Г. Ларіоновъ ударилъ Аристова ногою, г. Честновъ сталъ между ними и не допускалъ къ продолженію такой непріятной сцены, однако они его не слушались: Аристова ударилъ Ларіоновъ, Ларіонова—Аристовъ; у Аристова сшиблена была даже съ уха повязка. Г. Честновъ, прося г. Кайсарова какъ можно удержать ихъ, увѣдомилъ меня о семъ.

Я, пришедъ, — разсказываетъ Кондыревъ уже какъ очевидецъ,—засталъ конецъ драки. Одинъ на другаго жаловался, но я, по неимѣнію права судить г. Ларіонова, не могъ ничего сдѣлать, а посему и сказалъ, что я донесу о семъ г. инспектору студентовъ,—но лишь только отошелъ, дабы затворить дверь, какъ вдругъ у нихъ началась опять драка, еще съ бóльшимъ неистовствомъ. Гласъ разсудка,—картинно живописуетъ помощникъ инспектора, — отъ чрезмѣрной азартности былъ заглушенъ у обоихъ, совѣты и уговоры были безполезны, самые благороднымъ образомъ разъемы остались тщетными, — ничего не оставалось дѣлать, какъ употребить силу. Студентовъ употребить къ сему не приличествовало и пособіе студентовъ было бы ихъ собственною опасностью, почему и велѣлъ я удалить г. Аристова въ другія комнаты, а г. Ларіонова, по сопротивленію его, вывести служителямъ вонъ. Г Ларіоновъ, силясь, между тѣмъ, царапать свое лицо, кричалъ, будто бы его царапали, а послѣ того найденный изорваннымъ въ одномъ мѣстѣ фракъ,—что случилось, конечно, во время его драки или разъему, а нѣкоторые думаютъ, что и отъ него самого разорванъ съ намѣреніемъ,—приписывалъ служителю".

— Смотря по гостю дѣлаемъ и угощеніе.

Ларіоновъ же:

— Ваша братья, вшивыя бороды, такъ и воспитаны... Да и ты обязанъ воспитаніемъ здѣшнему мѣсту, а дома то, чай, какъ и я, обучался у какого нибудь пономаря.

Аристовъ отвѣчалъ:

— Неправда, — я обучался у одного полковника вмѣстѣ съ его дѣтьми!

Ларіоновъ сказалъ:

— Мало ли полковниковъ, кои ничего не знаютъ больше, какъ: заряжай, да пали!

Аристовъ отвѣчалъ:

— Врешь! Этотъ человѣкъ умѣлъ воспитывать дѣтей!

Послѣ сего Аристовъ, пришедъ, повидимому, въ азартность, сказалъ:

— Знай, что я не Сычуговъ и не Пономаревъ, сносить сего не буду, а по нашему....

Схватилъ г. Ларіонова за капотъ, неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ—вонъ ли вытащить или драку начать; судя же по словамъ, при семъ случаѣ сказаннымъ г. Аристовымъ, вѣроятно для перваго. Г. Ларіоновъ ударилъ Аристова ногою, г. Честновъ сталъ между ними и не допускалъ къ продолженію такой непріятной сцены, однако они его не слушались: Аристова ударилъ Ларіоновъ, Ларіонова—Аристовъ; у Аристова сшиблена была даже съ уха повязка. Г. Честновъ, прося г. Кайсарова какъ можно удержать ихъ, увѣдомилъ меня о семъ.

Я, пришедъ, — разсказываетъ Кондыревъ уже какъ очевидецъ,— засталъ конецъ драки. Одинъ на другаго жаловался, но я, по неимѣнію права судить г. Ларіонова, не могъ ничего сдѣлать, а посему и сказалъ, что я донесу о семъ г. инспектору студентовъ,—но лишь только отошелъ, дабы затворить дверь, какъ вдругъ у нихъ началась опять драка, еще съ бóльшимъ неистовствомъ. Гласъ разсудка,—картинно живописуетъ помощникъ инспектора, — отъ чрезмѣрной азартности былъ заглушенъ у обоихъ, совѣты и уговоры были безполезны, самые благороднымъ образомъ разъемы остались тщетными, — ничего не оставалось дѣлать, какъ употребить силу. Студентовъ употребить къ сему не приличествовало и пособіе студентовъ было бы ихъ собственною опасностью, почему и велѣлъ я удалить г. Аристова въ другія комнаты, а г. Ларіонова, по сопротивленію его, вывести служителямъ вонъ. Г Ларіоновъ, силясь, между тѣмъ, царапать свое лицо, кричалъ, будто бы его царапали, а послѣ того найденный изорваннымъ въ одномъ мѣстѣ фракъ,—что случилось, конечно, во время его драки или разъему, а нѣкоторые думаютъ, что и отъ него самого разорванъ съ намѣреніемъ,—приписывалъ служителю".

Кондыревъ, какъ и слѣдовало этого ожидать *, взвалилъ въ описанномъ происшествіи всю вину на Ларіонова и въ этомъ смыслѣ дѣло было представлено попечителю, который, не удовлетворившись инспекторскимъ донесеніемъ, предписалъ изслѣдовать все это дѣло—совѣту; совѣтская коммиссія, изслѣдовавшая его, не пришла ни къ какому опредѣленному результату, доложивъ, что „во всемъ ономъ происшествіи виновника начала ссоры не могли мы найти потому, что нѣкоторые студенты отозвались, что они при началѣ ссоры не были, а пришли уже тогда, когда оная продолжалась, другіе же сказали, что застали только окончаніе оной, то слѣдовательно,—заключаетъ коммиссія,—въ сихъ происшествіяхъ кажется, что какъ тотъ, такъ и другой неправы".

Если насиліе въ только что разсказанномъ нами инцидентѣ, быть можетъ, и способно еще найти себѣ хотя нѣкоторое оправданіе въ несомнѣнномъ нахальствѣ самого „строительнаго офицера", то уже совершенно безобразными представляются другіе факты насилія по отношенію къ обывателямъ обширнаго „университетскаго квартала", занесенные на страницы инспекторскаго журнала. Въ декабрѣ 1814 года простое порицаніе выражено инспекторомъ Броннеромъ студенту Веригину, который „нанесъ ударъ кулакомъ служителю-солдату за то, что послѣдній приблизился къ нему въ то время, какъ онъ по секрету разговаривалъ съ товарищемъ". Лѣтомъ 1815 года возбуждается въ правленіи возмутительное дѣло „о шалости студента Бабановскаго". Эта „шалость" выразилась въ томъ, что студентъ Бабановскій высѣкъ крапивою, въ университетскомъ тенишевскомъ саду, одиннадцатилѣтнюю дочь служителя астрономической обсерваторіи Кабановскаго. Дѣло было возбуждено вслѣдствіе жалобы профессора астрономіи Литтрова и формальнымъ образомъ производилось въ присутствіи университетскаго правленія. Слѣдствіемъ было выяснено, что 26-го іюня, къ вечеру, студентъ Викторъ Бабановскій,—по заявленію инспектора Броннера „прибывшій изъ Тобольска, ничего не дѣлающій и только пьющій водку",—совершилъ въ университетскомъ саду насиліе, о которомъ въ слѣдующихъ чертахъ показывалъ отецъ потерпѣвшей, служитель Кабановскій:

„Въ субботу послѣ обѣда, около вечерень, я услышалъ, что дочь моя кричитъ въ тенишевскомъ саду. Вышедши изъ обсерваторіи и

* Предубѣжденное отношеніе Кондырева къ Ларіонову объясняется тѣмъ непріязненнымъ положеніемъ, какое занималъ въ то время Ларіоновъ по отношенію къ Яковкину и подробности котораго, болѣе интересныя для исторіи гимназіи, интересующіеся найдутъ въ книгѣ Н. Н. Булича (I, стр. 410 и слѣд.).

Кондыревъ, какъ и слѣдовало этого ожидать *, взвалилъ въ описанномъ происшествіи всю вину на Ларіонова и въ этомъ смыслѣ дѣло было представлено попечителю, который, не удовлетворившись инспекторскимъ донесеніемъ, предписалъ изслѣдовать все это дѣло—совѣту; совѣтская коммиссія, изслѣдовавшая его, не пришла ни къ какому опредѣленному результату, доложивъ, что „во всемъ ономъ происшествіи виновника начала ссоры не могли мы найти потому, что нѣкоторые студенты отозвались, что они при началѣ ссоры не были, а пришли уже тогда, когда оная продолжалась, другіе же сказали, что застали только окончаніе оной, то слѣдовательно,—заключаетъ коммиссія,—въ сихъ происшествіяхъ кажется, что какъ тотъ, такъ и другой неправы".

Если насиліе въ только что разсказанномъ нами инцидентѣ, быть можетъ, и способно еще найти себѣ хотя нѣкоторое оправданіе въ несомнѣнномъ нахальствѣ самого „строительнаго офицера", то уже совершенно безобразными представляются другіе факты насилія по отношенію къ обывателямъ обширнаго „университетскаго квартала", занесенные на страницы инспекторскаго журнала. Въ декабрѣ 1814 года простое порицаніе выражено инспекторомъ Броннеромъ студенту Веригину, который „нанесъ ударъ кулакомъ служителю-солдату за то, что послѣдній приблизился къ нему въ то время, какъ онъ по секрету разговаривалъ съ товарищемъ". Лѣтомъ 1815 года возбуждается въ правленіи возмутительное дѣло „о шалости студента Бабановскаго". Эта „шалость" выразилась въ томъ, что студентъ Бабановскій высѣкъ крапивою, въ университетскомъ тенишевскомъ саду, одиннадцатилѣтнюю дочь служителя астрономической обсерваторіи Кабановскаго. Дѣло было возбуждено вслѣдствіе жалобы профессора астрономіи Литтрова и формальнымъ образомъ производилось въ присутствіи университетскаго правленія. Слѣдствіемъ было выяснено, что 26-го іюня, къ вечеру, студентъ Викторъ Бабановскій,—по заявленію инспектора Броннера „прибывшій изъ Тобольска, ничего не дѣлающій и только пьющій водку",—совершилъ въ университетскомъ саду насиліе, о которомъ въ слѣдующихъ чертахъ показывалъ отецъ потерпѣвшей, служитель Кабановскій:

„Въ субботу послѣ обѣда, около вечерень, я услышалъ, что дочь моя кричитъ въ тенишевскомъ саду. Вышедши изъ обсерваторіи и

* Предубѣжденное отношеніе Кондырева къ Ларіонову объясняется тѣмъ непріязненнымъ положеніемъ, какое занималъ въ то время Ларіоновъ по отношенію къ Яковкину и подробности котораго, болѣе интересныя для исторіи гимназіи, интересующіеся найдутъ въ книгѣ Н. Н. Булича (I, стр. 410 и слѣд.).

подошедши, увидѣлъ я, что дочь мою повалилъ студентъ внизъ лицомъ и, заворотивъ рубаху, билъ по голому тѣлу крапивой.... Я спрашивалъ:

— Что ты дѣлаешь? Я пойду къ Ивану Осиповичу (т. е. ректору Брауну) жаловаться.

На что оный студентъ сказалъ:

— Смѣешь ты, с....ъ с..ъ, со мной, съ благороднымъ человѣкомъ, говорить?!

Я сказалъ, что всегда смѣю говорить объ дочери своей, на что онъ, студентъ, сказалъ:

— Ты, с....ъ с..ъ, за это сквозь строй пройдешь!

— За свою дочь сквозь строй пройду, но, пожалуйте, пойдемте къ Ивану Осиповичу.

— Я самъ не хуже Ивана Осиповича, я самъ благородный, а отецъ—полковникъ"....

Послѣ этого діалога и дальнѣйшихъ требованій идти къ ректору, „благородный" самоуправецъ обратился въ бѣгство, а затѣмъ, опознанный и привлеченный къ суду, искупилъ свою „шалость" трехдневнымъ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ карцерѣ.

Истинная подкладка грубой „шалости" Бабановскаго съ дѣвочкою Кабановскою—осталась не выясненною, но отъ студенческихъ насилій приходилось терпѣть и взрослому женскому населенію университетскаго квартала того времени, на почвѣ, во всякомъ случаѣ, уже совсѣмъ не пуританской. Въ самомъ началѣ 1816 года подвергся порицанію со стороны ректора студентъ Можаровъ, оскорбившій солдатскую дочь Авдотью Никитину,—но особенно много доставалось на этой почвѣ какой то „молодой служанкѣ" профессора Брейтенбаха. 13-го марта 1816 года инспекторъ Броннеръ доносилъ правленію, что эта „молодая служанка", прибѣжавъ къ нему, съ слезами и рыданіями жаловалась, что къ ней неприлично приставали двое какихъ то студентовъ и, встрѣтивъ съ ея стороны отпоръ, „били и таскали за волосы". Произведенное Броннеромъ дознаніе выяснило, что героями этой безобразной кулачной расправы были студенты Соловьевъ и Уфимцевъ, годомъ позже выступившіе героями еще болѣе разнузданной выходки, произведшей сенсацію на весь городъ и о которой сказано будетъ ниже. Молодая служанка профессора Брейтенбаха была, какъ кажется, настоящею „дульцинеею" всего казанскаго студенчества, такъ какъ лѣтомъ 1817 года она снова фигурируетъ въ скандальной хроникѣ инспекторскаго журнала:

„29-го іюня, въ два часа пополудни,—читаемъ въ дневникѣ Броннера,—прибѣжала ко мнѣ служанка профессора Брейтенбаха съ жа-

подошедши, увидѣлъ я, что дочь мою повалилъ студентъ внизъ лицомъ и, заворотивъ рубаху, билъ по голому тѣлу крапивой.... Я спрашивалъ:

— Что ты дѣлаешь? Я пойду къ Ивану Осиповичу (т. е. ректору Брауну) жаловаться.

На что оный студентъ сказалъ:

— Смѣешь ты, с....ъ с..ъ, со мной, съ благороднымъ человѣкомъ, говорить?!

Я сказалъ, что всегда смѣю говорить объ дочери своей, на что онъ, студентъ, сказалъ:

— Ты, с....ъ с..ъ, за это сквозь строй пройдешь!

— За свою дочь сквозь строй пройду, но, пожалуйте, пойдемте къ Ивану Осиповичу.

— Я самъ не хуже Ивана Осиповича, я самъ благородный, а отецъ—полковникъ"....

Послѣ этого діалога и дальнѣйшихъ требованій идти къ ректору, „благородный" самоуправецъ обратился въ бѣгство, а затѣмъ, опознанный и привлеченный къ суду, искупилъ свою „шалость" трехдневнымъ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ карцерѣ.

Истинная подкладка грубой „шалости" Бабановскаго съ дѣвочкою Кабановскою—осталась не выясненною, но отъ студенческихъ насилій приходилось терпѣть и взрослому женскому населенію университетскаго квартала того времени, на почвѣ, во всякомъ случаѣ, уже совсѣмъ не пуританской. Въ самомъ началѣ 1816 года подвергся порицанію со стороны ректора студентъ Можаровъ, оскорбившій солдатскую дочь Авдотью Никитину,—но особенно много доставалось на этой почвѣ какой то „молодой служанкѣ" профессора Брейтенбаха. 13-го марта 1816 года инспекторъ Броннеръ доносилъ правленію, что эта „молодая служанка", прибѣжавъ къ нему, съ слезами и рыданіями жаловалась, что къ ней неприлично приставали двое какихъ то студентовъ и, встрѣтивъ съ ея стороны отпоръ, „били и таскали за волосы". Произведенное Броннеромъ дознаніе выяснило, что героями этой безобразной кулачной расправы были студенты Соловьевъ и Уфимцевъ, годомъ позже выступившіе героями еще болѣе разнузданной выходки, произведшей сенсацію на весь городъ и о которой сказано будетъ ниже. Молодая служанка профессора Брейтенбаха была, какъ кажется, настоящею „дульцинеею" всего казанскаго студенчества, такъ какъ лѣтомъ 1817 года она снова фигурируетъ въ скандальной хроникѣ инспекторскаго журнала:

„29-го іюня, въ два часа пополудни,—читаемъ въ дневникѣ Броннера,—прибѣжала ко мнѣ служанка профессора Брейтенбаха съ жа-

> лобою на студента Базилева младшаго, въ томъ, что онъ, въ отсутствіе профессора, вошелъ въ его спальную и сталъ приставать къ ней, но когда она отказала ему, надавалъ ей пощечинъ. Войдя немедленно въ камеру студентовъ, я увидѣлъ Ивана Базилева на постели, уже раздѣтымъ; онъ притворился спящимъ и совершенно отрицалъ обвиненіе. Я приказалъ ему идти за собою и скоро мы встрѣтили ту же женщину, которая узнала Базилева и повторила свою жалобу, почему я увелъ его въ мою подземную келью * и продержалъ тамъ до девяти часовъ вечера. Послѣ увѣщаній, что бы онъ болѣе не оскорблялъ этой дѣвушки, я отпустилъ его, пригрозивъ болѣе суровымъ наказаніемъ" [248].

Доставалось отъ грубыхъ проявленій студенческаго самодурства и мирнымъ обывателямъ города, не имѣвшимъ уже никакихъ соотношеній ни къ университету, ни къ университетской жизни.

Въ началѣ сентября 1813 года произошло бурное столкновеніе студента Петра Замятина, принятаго въ университетъ изъ мѣстной духовной академіи, съ торговцемъ фруктами Парашинымъ и его сидѣльцемъ Второвымъ, послужившее матеріаломъ для довольно обширнаго совѣтскаго дѣла „по отношенію казанскаго полицеймейстера Симонова о томъ, что онъ взялъ въ буянствѣ студента здѣшняго университета Замятина". Дѣло это возникло вслѣдствіе слѣдующаго, крайне безграмотнаго, отношенія полицеймейстера отъ 4-го сентября:

> „Вчерашняго числа служащей (sic) въ казанскомъ университетѣ студентъ Замятинъ, бывъ весма внетрезвомъ видѣ, зашедъ въ лавку къ торгующему фруктами купцу Парашину издѣлалъ съ нимъ съсору, и, наконецъ, прибилъ его, и другаго, Второва, которыя хотели ево представить въ полицію, и идучи чрезъ Черное озеро началъ отнихъ отбиватца и кричать караулъ, съ произношеніемъ ругательныхъ словъ, въ кое врѣмя и я наѣхалъ, и едва могли его Замятина съ помощію солдатъ здѣржать и представленъ въ полицію, гдѣ также дѣлалъ мнѣ грубости ** и до того, что принужденъ былъ послать (sic) за профессоромъ Брауномъ, которой ему много внушалъ, чтобъ онъ оставилъ

* «Cella mea subterranea»—такъ именовалъ Броннеръ это мѣсто заключенія, очень часто фигурирующее въ дисциплинарно-карательной хроникѣ его дневника. Эта подвальная кладовая, входъ въ которую приходился какъ разъ возлѣ казенной квартиры Броннера (нынѣшній кабинетъ общей патологіи), еще и въ наши дни существуетъ въ надворной сторонѣ восточной половины главнаго университетскаго корпуса.

** «Разгоряченнымъ образомъ разительнымъ произношеніемъ словъ ругалъ меня»—по тому же поводу писалъ казанскій полицеймейстеръ въ другомъ отношеніи своемъ въ университетъ.

лобою на студента Базилева младшаго, въ томъ, что онъ, въ отсутствіе профессора, вошелъ въ его спальную и сталъ приставать къ ней, но когда она отказала ему, надавалъ ей пощечинъ. Войдя немедленно въ камеру студентовъ, я увидѣлъ Ивана Базилева на постели, уже раздѣтымъ; онъ притворился спящимъ и совершенно отрицалъ обвиненіе. Я приказалъ ему идти за собою и скоро мы встрѣтили ту же женщину, которая узнала Базилева и повторила свою жалобу, почему я увелъ его въ мою подземную келью * и продержалъ тамъ до девяти часовъ вечера. Послѣ увѣщаній, что бы онъ болѣе не оскорблялъ этой дѣвушки, я отпустилъ его, пригрозивъ болѣе суровымъ наказаніемъ“ [248].

Доставалось отъ грубыхъ проявленій студенческаго самодурства и мирнымъ обывателямъ города, не имѣвшимъ уже никакихъ соотношеній ни къ университету, ни къ университетской жизни.

Въ началѣ сентября 1813 года произошло бурное столкновеніе студента Петра Замятина, принятаго въ университетъ изъ мѣстной духовной академіи, съ торговцемъ фруктами Парашинымъ и его сидѣльцемъ Второвымъ, послужившее матеріаломъ для довольно обширнаго совѣтскаго дѣла „по отношенію казанскаго полицеймейстера Симонова о томъ, что онъ взялъ въ буянствѣ студента здѣшняго университета Замятина“. Дѣло это возникло вслѣдствіе слѣдующаго, крайне безграмотнаго, отношенія полицеймейстера отъ 4-го сентября:

„Вчерашняго числа служащей (sic) въ казанскомъ университетѣ студентъ Замятинъ, бывъ весма внетрезвомъ видѣ, зашедъ въ лавку къ торгующему фруктами купцу Парашину издѣлалъ съ нимъ съсору, и, наконецъ, прибилъ его, и другаго, Второва, которыя хотели ево представить въ полицію, и идучи чрезъ Черное озеро началъ отнихъ отбиватца и кричать караулъ, съ произношеніемъ ругательныхъ словъ, въ кое врѣмя и я наѣхалъ, и едва могли его Замятина съ помощію солдатъ здѣржать и представленъ въ полицію, гдѣ также дѣлалъ мнѣ грубости ** и до того, что принужденъ былъ послать (sic) за профессоромъ Брауномъ, которой ему много внушалъ, чтобъ онъ оставилъ

---

* «Cella mea subterranea»—такъ именовалъ Броннеръ это мѣсто заключенія, очень часто фигурирующее въ дисциплинарно-карательной хроникѣ его дневника. Эта подвальная кладовая, входъ въ которую приходился какъ разъ вовлѣ казенной квартиры Броннера (нынѣшній кабинетъ общей патологіи), еще и въ наши дни существуетъ въ надворной сторонѣ восточной половины главнаго университетскаго корпуса.

** «Разгоряченнымъ образомъ разительнымъ произношеніемъ словъ ругалъ меня»—по тому же поводу писалъ казанскій полицеймейстеръ въ другомъ отношеніи своемъ въ университетъ.

свою дерзость, и для того препровождая при семъ онаго Замятина прошу поступить съ нимъ по законамъ".

Это дѣло закончилось добровольнымъ прошеніемъ Замятина объ увольненіи его изъ казанскаго университета.

Били университетскіе интеллигентные саврасы даже и женщинъ, какъ это усматривается изъ журнальной записи инспектора Броннера отъ 13-го апрѣля 1815 года: „Студентъ Шоникъ,—читаемъ здѣсь,—ударилъ кулакомъ жену Гедлера, эконома въ дворянскомъ собраніи, за то, что она не отпустила ему вина безъ денегъ, причемъ оскорбилъ и самого Гедлера; призванный ректоромъ для объясненій, Шоникъ отвѣчалъ ему грубо и дерзко, за что и былъ посаженъ въ подземный карцеръ на три дня". Бывали у студентовъ и иного рода инциденты на почвѣ посѣщенія ими дворянскаго собранія: „Ночью четверо служителей,—читаемъ въ дневникѣ Броннера подъ 23-мъ апрѣля 1817 года,—привели изъ дворянскаго собранія пьянаго студента Можарова, такъ какъ онъ не уплатилъ слѣдующаго съ него долга *, превышавшаго сто рублей. Разбудивъ экзекутора, я приказалъ сторожамъ наблюдать за Можаровымъ; двадцать рублей, имѣвшихся при немъ, я взялъ и передалъ ихъ въ правленіе собранія, для уплаты части долга". Жену Гедлера били за то, что она отказала студенту въ кредитѣ, но встрѣчались случаи, въ которыхъ интеллигентная молодежь кулаками расплачивалась и за оказываемый ей кредитъ. Въ декабрѣ 1816 года студенты Поповъ, Бѣляевъ и Сычуговъ „били кулаками по головѣ сапожника", а 30-го марта 1817 года тотъ же Поповъ заключенъ въ карцеръ за то, что „кредитору своему, просившему объ уплатѣ долга, надавалъ пощечинъ".... [249].

Своего рода удальствомъ, видомъ „спорта", почиталось среди студенчества и задѣваніе прохожихъ на улицахъ, вслѣдствіе чего весною 1816 года студентамъ было объявлено предупрежденіе, что бы они „не шатались въ пьяномъ видѣ ночью и не задѣвали прохожихъ"—на что въ совѣтъ поступила передъ тѣмъ жалоба. Самымъ крупнымъ происшествіемъ этого рода, въ свое время возбудившимъ большую сенсацію во всемъ городѣ, является столкновеніе, на почвѣ котораго создалось обширное и прошедшее всевозможныя инстанціи „дѣло о причиненіи студентомъ Соловьевымъ и вольнымъ слушателемъ Уфимцевымъ дѣвицамъ Паповой

* Долгъ этотъ былъ карточный—какъ это явствуетъ изъ записи дневника Броннера подъ 26-мъ апрѣля.

свою дерзость, и для того препровождая при семъ онаго Замятина прошу поступить съ нимъ по законамъ".

Это дѣло закончилось добровольнымъ прошеніемъ Замятина объ увольненіи его изъ казанскаго университета.

Били университетскіе интеллигентные саврасы даже и женщинъ, какъ это усматривается изъ журнальной записи инспектора Броннера отъ 13-го апрѣля 1815 года: „Студентъ Шоникъ,—читаемъ здѣсь,—ударилъ кулакомъ жену Гедлера, эконома въ дворянскомъ собраніи, за то, что она не отпустила ему вина безъ денегъ, причемъ оскорбилъ и самого Гедлера; призванный ректоромъ для объясненій, Шоникъ отвѣчалъ ему грубо и дерзко, за что и былъ посаженъ въ подземный карцеръ на три дня". Бывали у студентовъ и иного рода инциденты на почвѣ посѣщенія ими дворянскаго собранія: „Ночью четверо служителей,—читаемъ въ дневникѣ Броннера подъ 23-мъ апрѣля 1817 года,—привели изъ дворянскаго собранія пьянаго студента Можарова, такъ какъ онъ не уплатилъ слѣдующаго съ него долга *, превышавшаго сто рублей. Разбудивъ экзекутора, я приказалъ сторожамъ наблюдать за Можаровымъ; двадцать рублей, имѣвшихся при немъ, я взялъ и передалъ ихъ въ правленіе собранія, для уплаты части долга". Жену Гедлера били за то, что она отказала студенту въ кредитѣ, но встрѣчались случаи, въ которыхъ интеллигентная молодежь кулаками расплачивалась и за оказываемый ей кредитъ. Въ декабрѣ 1816 года студенты Поповъ, Бѣляевъ и Сычуговъ „били кулаками по головѣ сапожника", а 30-го марта 1817 года тотъ же Поповъ заключенъ въ карцеръ за то, что „кредитору своему, просившему объ уплатѣ долга, надавалъ пощечинъ".... [249].

Своего рода удальствомъ, видомъ „спорта", почиталось среди студенчества и задѣваніе прохожихъ на улицахъ, вслѣдствіе чего весною 1816 года студентамъ было объявлено предупрежденіе, что бы они „не шатались въ пьяномъ видѣ ночью и не задѣвали прохожихъ"—на что въ совѣтъ поступила передъ тѣмъ жалоба. Самымъ крупнымъ происшествіемъ этого рода, въ свое время возбудившимъ большую сенсацію во всемъ городѣ, является столкновеніе, на почвѣ котораго создалось обширное и прошедшее всевозможныя инстанціи „дѣло о причиненіи студентомъ Соловьевымъ и вольнымъ слушателемъ Уфимцевымъ дѣвицамъ Паповой

* Долгъ этотъ былъ карточный—какъ это явствуетъ изъ записи дневника Броннера подъ 26-мъ апрѣля.

и Глуховой обиды". Главную сенсацію этого дѣла составило общественное положеніе этихъ дѣвицъ, изъ которыхъ первая, Анна Александровна Папова *, была дочерью статскаго совѣтника и виднаго мѣстнаго дворянина, а вторая, Маргарита Васильевна Глухо́ва — дочерью артиллерійскаго полковника.

Сущность этого происшествія, на сколько раскрывается оно оффиціальнымъ о немъ производствомъ, заключалось въ слѣдующемъ. 12-го марта 1817 года, въ девятомъ часу вечера, Папова и Глухова возвращались изъ гостей домой въ открытыхъ саняхъ, въ сопровожденіи кучера и лакея. При спускѣ съ Лецкой улицы къ Кузнечной (впослѣдствіе Николаевская) площади, имъ встрѣтились двое молодыхъ людей, бывшихъ „въ весьма нетрезвомъ положеніи". Оскорбившись на кучера, крикнувшаго имъ обычное „пади", а по показанію самихъ молодыхъ людей—разсерженные тѣмъ, что сани задѣли одного изъ нихъ, молодые люди эти, впослѣдствіе оказавшіеся Соловьевымъ и Уфимцевымъ, остановили проѣзжавшихъ и „стали ругаться самыми непотребными словами, кои и помѣстить здѣсь неудобно", какъ заявляли обиженныя дѣвицы въ поданной ими по этому поводу жалобѣ. „Хотя человѣкъ нашъ Андреевъ,—описываютъ онѣ въ той же жалобѣ,—и старался о удержаніи ихъ отъ таковыхъ дерзко и ругательно произносимыхъ при насъ, благородныхъ дѣвицахъ, словъ, но они, вмѣсто наблюденія благопристойности, начали его, Андреева, бить, отчего подшибли ему глазъ; да и изъ насъ меня, Маргариту (т. е. Глухову), въ тожъ время ударили по лицу такъ сильно, что я отъ того и отъ нанесеннаго мнѣ страху сдѣлалась больною".

Какъ разъ въ это время проѣзжалъ мимо мѣста происшествія танцовальный учитель Мансаръ, котораго, какъ человѣка знакомаго, дѣвицы и попросили оказать имъ защиту. Выйдя изъ экипажа, Мансаръ сталъ урезонивать буяновъ, но одинъ изъ нихъ сталъ бить его кучера, что заставило танцмейстера поспѣшить уѣхать съ мѣста катастрофы, а оба молодые человѣка скрылись на университетскій типографскій (нынѣшній клиническій) дворъ, куда побѣжалъ за ними, желая установить ихъ личность, и Андреевъ, вынужденный, однако, отретироваться, такъ какъ его пытались снова бить. Не чувствуя себя на типографскомъ дворѣ, по всей вѣроятности, въ достаточной безопасности, Соловьевъ и Уфимцевъ броси-

* Это была дочь того самаго Александра Васильевича Папова (а не Попова, какъ ошибочно значится въ нѣкоторыхъ бумагахъ), домъ котораго въ 1805 году торговался для университета (см. томъ I, стр. 70—73).

и Глуховой обиды". Главную сенсацію этого дѣла составило общественное положеніе этихъ дѣвицъ, изъ которыхъ первая, Анна Александровна Папова *, была дочерью статскаго совѣтника и виднаго мѣстнаго дворянина, а вторая, Маргарита Васильевна Глухо́ва — дочерью артиллерійскаго полковника.

Сущность этого происшествія, на сколько раскрывается оно оффиціальнымъ о немъ производствомъ, заключалось въ слѣдующемъ. 12-го марта 1817 года, въ девятомъ часу вечера, Папова и Глухова возвращались изъ гостей домой въ открытыхъ саняхъ, въ сопровожденіи кучера и лакея. При спускѣ съ Лецкой улицы къ Кузнечной (впослѣдствіе Николаевская) площади, имъ встрѣтились двое молодыхъ людей, бывшихъ „въ весьма нетрезвомъ положеніи". Оскорбившись на кучера, крикнувшаго имъ обычное „пади", а по показанію самихъ молодыхъ людей—разсерженные тѣмъ, что сани задѣли одного изъ нихъ, молодые люди эти, впослѣдствіе оказавшіеся Соловьевымъ и Уфимцевымъ, остановили проѣзжавшихъ и „стали ругаться самыми непотребными словами, кои и помѣстить здѣсь неудобно", какъ заявляли обиженныя дѣвицы въ поданной ими по этому поводу жалобѣ. „Хотя человѣкъ нашъ Андреевъ,—описываютъ онѣ въ той же жалобѣ,—и старался о удержаніи ихъ отъ таковыхъ дерзко и ругательно произносимыхъ при насъ, благородныхъ дѣвицахъ, словъ, но они, вмѣсто наблюденія благопристойности, начали его, Андреева, бить, отчего подшибли ему глазъ; да и изъ насъ меня, Маргариту (т. е. Глухову), въ тожъ время ударили по лицу такъ сильно, что я отъ того и отъ нанесеннаго мнѣ страху сдѣлалась больною".

Какъ разъ въ это время проѣзжалъ мимо мѣста происшествія танцовальный учитель Мансаръ, котораго, какъ человѣка знакомаго, дѣвицы и попросили оказать имъ защиту. Выйдя изъ экипажа, Мансаръ сталъ урезонивать буяновъ, но одинъ изъ нихъ сталъ бить его кучера, что заставило танцмейстера поспѣшить уѣхать съ мѣста катастрофы, а оба молодые человѣка скрылись на университетскій типографскій (нынѣшній клиническій) дворъ, куда побѣжалъ за ними, желая установить ихъ личность, и Андреевъ, вынужденный, однако, отретироваться, такъ какъ его пытались снова бить. Не чувствуя себя на типографскомъ дворѣ, по всей вѣроятности, въ достаточной безопасности, Соловьевъ и Уфимцевъ броси-

* Это была дочь того самаго Александра Васильевича Папова (а не Попова, какъ ошибочно значится въ нѣкоторыхъ бумагахъ), домъ котораго въ 1805 году торговался для университета (см. томъ I, стр. 70—73).

лись отсюда къ главному университетскому корпусу, громко выражая сожалѣніе, что „не удалось и другой барышнѣ кстати дать изрядную пощечину“ и оглашая улицу криками „караулъ!“, которыми разсчитывали обратить вниманіе дозора на Андреева, снова начавшаго ихъ преслѣдовать, и тѣмъ выиграть время, что бы безслѣдно скрыться. Добѣжавъ до главнаго университетскаго корпуса, Уфимцевъ бросился въ ворота, а Соловьевъ, пробивъ головою оконныя стекла, прямо съ улицы вскочилъ въ студенческія комнаты, расположенныя въ нижнемъ этажѣ.

Инспекторъ Броннеръ, которому дано было знать о только что разыгравшемся происшествіи, принялъ немедленныя мѣры къ розысканію виновниковъ скандала и съ этою цѣлью обходилъ, въ сопровожденіи проф. Брейтенбаха и лакея потерпѣвшихъ барышень, жилыя помѣщенія главнаго университетскаго корпуса. Соловьевъ былъ найденъ лежащимъ на постели, въ кухнѣ кандидата Востокова—въ пьяномъ видѣ, съ окровавленнымъ и изрѣзаннымъ разбитыми имъ оконными стеклами лицомъ; взятый въ карцеръ, онъ оказалъ упорное сопротивленіе—„бѣсновался“, кричалъ, ругался и посылалъ проклятія. Уфимцевъ, личность котораго была опознана лишь на слѣдующій день, былъ также заключенъ въ карцеръ.

Результатомъ скандала 12-го марта явилось продолжительное и довольно кляузное судебное производство, въ сохранившіяся подробности котораго мы входить не станемъ. Это производство открылось прошеніемъ „по титулѣ“ отъ имени обѣихъ потерпѣвшихъ „благородныхъ дѣвицъ“, поданнымъ въ правленіе университета на высочайшее имя, въ которомъ обѣ дѣвицы просили „сіе наше прошеніе принять, а съ помянутыми студентами Соловьевымъ, наипаче съ Уфимцевымъ, нанесшимъ мнѣ, Маргаритѣ, ударъ по лицу, поступить, какъ законы вашего императорскаго величества повелѣваютъ, и тѣмъ намъ преподать защиту и должное удовольствіе“. Возникшее на почвѣ этого прошенія дѣло формальнымъ образомъ разбиралось правленіемъ университета, съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ условій и формъ того времени, и 4-го мая вынесена была резолюція, которою правленіе, признавъ, что „драка происходила между студентомъ Соловьевымъ и дворовыми людьми обоюдная, при которой дворовому человѣку Андрееву подшибленъ глазъ до багроваго пятня, а студенту Соловьеву разбито было лицо“, и что, съ другой стороны—„госпожи дѣвицы Папова и Глухова причиненной имъ обиды не доказали“, опредѣлило: „Предоставить дѣвицамъ Паповой и Глуховой просить о семъ, съ доказательствами и уликами, гдѣ слѣдуетъ“, студента же Соловьева и слушателя Уфимцева за то, что они, „будучи въ нетрезвомъ видѣ, буйными

лись отсюда къ главному университетскому корпусу, громко выражая сожалѣніе, что „не удалось и другой барышнѣ кстати дать изрядную пощечину“ и оглашая улицу криками „караулъ!“, которыми разсчитывали обратить вниманіе дозора на Андреева, снова начавшаго ихъ преслѣдовать, и тѣмъ выиграть время, что бы безслѣдно скрыться. Добѣжавъ до главнаго университетскаго корпуса, Уфимцевъ бросился въ ворота, а Соловьевъ, пробивъ головою оконныя стекла, прямо съ улицы вскочилъ въ студенческія комнаты, расположенныя въ нижнемъ этажѣ.

Инспекторъ Броннеръ, которому дано было знать о только что разыгравшемся происшествіи, принялъ немедленныя мѣры къ розысканію виновниковъ скандала и съ этою цѣлью обходилъ, въ сопровожденіи проф. Брейтенбаха и лакея потерпѣвшихъ барышень, жилыя помѣщенія главнаго университетскаго корпуса. Соловьевъ былъ найденъ лежащимъ на постели, въ кухнѣ кандидата Востокова—въ пьяномъ видѣ, съ окровавленнымъ и изрѣзаннымъ разбитыми имъ оконными стеклами лицомъ; взятый въ карцеръ, онъ оказалъ упорное сопротивленіе—„бѣсновался“, кричалъ, ругался и посылалъ проклятія. Уфимцевъ, личность котораго была опознана лишь на слѣдующій день, былъ также заключенъ въ карцеръ.

Результатомъ скандала 12-го марта явилось продолжительное и довольно кляузное судебное производство, въ сохранившіяся подробности котораго мы входить не станемъ. Это производство открылось прошеніемъ „по титулѣ“ отъ имени обѣихъ потерпѣвшихъ „благородныхъ дѣвицъ“, поданнымъ въ правленіе университета на высочайшее имя, въ которомъ обѣ дѣвицы просили „сіе наше прошеніе принять, а съ помянутыми студентами Соловьевымъ, наипаче съ Уфимцевымъ, нанесшимъ мнѣ, Маргаритѣ, ударъ по лицу, поступить, какъ законы вашего императорскаго величества повелѣваютъ, и тѣмъ намъ преподать защиту и должное удовольствіе“. Возникшее на почвѣ этого прошенія дѣло формальнымъ образомъ разбиралось правленіемъ университета, съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ условій и формъ того времени, и 4-го мая вынесена была резолюція, которою правленіе, признавъ, что „драка происходила между студентомъ Соловьевымъ и дворовыми людьми обоюдная, при которой дворовому человѣку Андрееву подшибленъ глазъ до багроваго пятня, а студенту Соловьеву разбито было лицо“, и что, съ другой стороны—„госпожи дѣвицы Папова и Глухова причиненной имъ обиды не доказали“, опредѣлило: „Предоставить дѣвицамъ Паповой и Глуховой просить о семъ, съ доказательствами и уликами, гдѣ слѣдуетъ“, студента же Соловьева и слушателя Уфимцева за то, что они, „будучи въ нетрезвомъ видѣ, буйными

своими поступками нарушили благопристойность и сдѣлали прочимъ соблазнъ и безпокойство, оштрафовать содержаніемъ въ карцерѣ четырнадцать дней, потомъ обязавъ ихъ подпискою, что бы они впредь отъ такихъ предосудительныхъ поступковъ, а паче пьянства, воздерживались, подъ опасеніемъ преданія ихъ суду гражданскому". Обиженныя дѣвицы выразили неудовольствіе на это рѣшеніе правленія и дѣлу было суждено затянуться на цѣлый еще почти годъ, восходя на разсмотрѣніе совѣта и даже министра народнаго просвѣщенія. Дальнѣйшія перипетіи всего этого производства насъ интересовать не могутъ, тѣмъ болѣе, что Соловьевъ и Уфимцевъ вскорѣ, еще до окончанія дѣла, уволились изъ вѣдомства университета, почему обѣимъ истицамъ и было предоставлено вѣдаться съ ними уже общимъ уголовнымъ судомъ, университету же было поставлено на видъ, и со стороны министерства, и со стороны попечителя, что „не показываетъ безпристрастія со стороны правленія то обстоятельство, что во время сихъ переписокъ студентъ Соловьевъ и вольный слушатель Уфимцевъ уволены изъ университета" и что выяснившееся производствомъ по дѣлу—„не дѣлаетъ чести университету", „навлекаетъ порицаніе цѣлому заведенію и впредь можетъ навлечь весьма непріятныя послѣдствія" [250].

Уличные дебоши юныхъ воспитанниковъ университета нерѣдко приводили ихъ къ болѣе или менѣе бурнымъ столкновеніямъ съ мѣстною полиціею и ночными дозорами. Такъ, въ инспекторскомъ дневникѣ Броннера въ слѣдующихъ чертахъ описываются, подъ 8-мъ іюля 1816 года, ночныя похожденія студентовъ:

„Сегодня принесены мнѣ жалобы: на студента Шутихина—что онъ пьянъ, на Знобишина, Парначева и Бѣляева—что поздно ночью, бѣгая по улицамъ, они ругали ночныхъ караульщиковъ и бросали въ нихъ камнями.

Послѣ строгаго слѣдствія и составленія особаго протокола оказалось, что шестеро студентовъ, ночью съ 7-го на 8-ое іюля, послѣ моего обхода спаленъ между 10-ю и 11-ю часами, уйдя изъ университетскаго дома побѣжали сначала по улицамъ къ Черному озеру, театру, останавливаясь на Красной улицѣ, въ Кузнечномъ ряду, въ Княжевичевой рощѣ, на Воскресенской улицѣ, не входя, однако, ни въ одинъ домъ. Ночной дозоръ остановилъ ихъ и сдѣлалъ имъ допросъ; студенты отвѣчали презрительно, но, испугавшись угрозъ, вырвались у дозора и скрылись въ ворота Спижарнаго дома. Когда дозорные солдаты стали смѣяться надъ ихъ трусостью, четверо студентовъ,—Шутихинъ, Знобишинъ, Парначевъ и Бѣляевъ,—разсерженные этими насмѣшками, подбѣжали къ другимъ, южнымъ, воротамъ и, выйдя изъ нихъ, встали на горкѣ, къ западному спуску, вооружившись камнями, которые и

своими поступками нарушили благопристойность и сдѣлали прочимъ соблазнъ и безпокойство, оштрафовать содержаніемъ въ карцерѣ четырнадцать дней, потомъ обязавъ ихъ подпискою, что бы они впредь отъ такихъ предосудительныхъ поступковъ, а паче пьянства, воздерживались, подъ опасеніемъ преданія ихъ суду гражданскому". Обиженныя дѣвицы выразили неудовольствіе на это рѣшеніе правленія и дѣлу было суждено затянуться на цѣлый еще почти годъ, восходя на разсмотрѣніе совѣта и даже министра народнаго просвѣщенія. Дальнѣйшія перипетіи всего этого производства насъ интересовать не могутъ, тѣмъ болѣе, что Соловьевъ и Уфимцевъ вскорѣ, еще до окончанія дѣла, уволились изъ вѣдомства университета, почему обѣимъ истицамъ и было предоставлено вѣдаться съ ними уже общимъ уголовнымъ судомъ, университету же было поставлено на видъ, и со стороны министерства, и со стороны попечителя, что „не показываетъ безпристрастія со стороны правленія то обстоятельство, что во время сихъ переписокъ студентъ Соловьевъ и вольный слушатель Уфимцевъ уволены изъ университета" и что выяснившееся производствомъ по дѣлу—„не дѣлаетъ чести университету", „навлекаетъ порицаніе цѣлому заведенію и впредь можетъ навлечь весьма непріятныя послѣдствія" [250].

Уличные дебоши юныхъ воспитанниковъ университета нерѣдко приводили ихъ къ болѣе или менѣе бурнымъ столкновеніямъ съ мѣстною полиціею и ночными дозорами. Такъ, въ инспекторскомъ дневникѣ Броннера въ слѣдующихъ чертахъ описываются, подъ 8-мъ іюля 1816 года, ночныя похожденія студентовъ:

„Сегодня принесены мнѣ жалобы: на студента Шутихина—что онъ пьянъ, на Знобишина, Парначева и Бѣляева—что поздно ночью, бѣгая по улицамъ, они ругали ночныхъ караульщиковъ и бросали въ нихъ камнями.

Послѣ строгаго слѣдствія и составленія особаго протокола оказалось, что шестеро студентовъ, ночью съ 7-го на 8-ое іюля, послѣ моего обхода спаленъ между 10-ю и 11-ю часами, уйдя изъ университетскаго дома побѣжали сначала по улицамъ къ Черному озеру, театру, останавливаясь на Красной улицѣ, въ Кузнечномъ ряду, въ Княжевичевой рощѣ, на Воскресенской улицѣ, не входя, однако, ни въ одинъ домъ. Ночной дозоръ остановилъ ихъ и сдѣлалъ имъ допросъ; студенты отвѣчали презрительно, но, испугавшись угрозъ, вырвались у дозора и скрылись въ ворота Спижарнаго дома. Когда дозорные солдаты стали смѣяться надъ ихъ трусостью, четверо студентовъ,—Шутихинъ, Знобишинъ, Парначевъ и Бѣляевъ,—разсерженные этими насмѣшками, подбѣжали къ другимъ, южнымъ, воротамъ и, выйдя изъ нихъ, встали на горкѣ, къ западному спуску, вооружившись камнями, которые и

стали бросать сверху въ проходящихъ по спуску улицы караульныхъ солдатъ. Студенты Левицкій и Телешевъ воротились раньше, одинъ съ Чернаго озера, другой—отъ театра".

Это то ночное происшествіе, всѣ виновники котораго были наказаны карцеромъ, и послужило ближайшимъ поводомъ обращенія университетскаго начальства къ мѣстному коменданту съ просьбою забирать бродящихъ ночью по городу студентовъ и отправлять ихъ на гауптвахту, хотя соотвѣтствующія мѣры взысканія продолжали налагаться и университетомъ; такъ, въ іюлѣ 1817 года заключенъ былъ въ карцеръ студентъ Можаровъ „за споръ съ солдатами и полицейскими" [251].

Не иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго прискорбія находимъ мы себя вынужденными отмѣтить и проступки студентовъ, обнаруживающіе факты неуваженія къ чужой собственности. Студентъ Шоникъ бьетъ, какъ мы это уже видѣли, жену эконома дворянскаго собранія Гедлера за то, что она отказалась отпустить ему безъ денегъ вина, а студентъ Поповъ награждаетъ оплеухами кредитора, явившагося къ нему за полученіемъ долга; студента Можарова съ служителями выпроваживаютъ изъ дворянскаго собранія за неплатежъ карточнаго долга, а въ январѣ 1815 года студентъ Веригинъ сажается на три дня въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, „за долги, непослушаніе и неуваженіе, оказанныя ректору". Нѣкоторые изъ студентовъ того времени вообще не чужды были, какъ кажется, пристрастности къ матеріальнымъ благамъ міра, не вполнѣ свойственной ихъ юному возрасту, какъ показываетъ намъ это примѣръ студента Макарова, въ началѣ 1815 года обратившагося къ инспектору съ просьбою относительно разрѣшенія „устроить лоттерею, что бы такимъ образомъ сбыть много дорогихъ вещей, доставшихся ему послѣ бабушки", которыхъ оказалось на почтенную сумму 1425-ти рублей; „я отказалъ ему въ согласіи, потребовавъ письменнаго разрѣшенія отъ отца,—отмѣчаетъ Броннеръ въ своемъ журналѣ,—а когда разрѣшеніе было представлено, я отправилъ просителя къ ректору, для препровожденія, при особомъ отношеніи, въ полицію".

Встрѣчались и гораздо менѣе невинныя поползновенія отдѣльныхъ представителей учащейся молодежи къ чужой собственности. Въ апрѣлѣ 1813 года студентъ Капитонъ Бутлеръ три дня отсидѣлъ въ карцерѣ „за подписываніе подъ чужую руку", хотя краткая отмѣтка инспекторскаго журнала и не даетъ указаній на то, что бы этотъ подлогъ былъ связанъ съ корыстными цѣлями, въ области чего могутъ явиться лишь болѣе или менѣе отдаленныя предположенія. Такое же неопредѣленное впечатлѣніе

стали бросать сверху въ проходящихъ по спуску улицы караульныхъ солдатъ. Студенты Левицкій и Телешевъ воротились раньше, одинъ съ Чернаго озера, другой—отъ театра".

Это то ночное происшествіе, всѣ виновники котораго были наказаны карцеромъ, и послужило ближайшимъ поводомъ обращенія университетскаго начальства къ мѣстному коменданту съ просьбою забирать бродящихъ ночью по городу студентовъ и отправлять ихъ на гауптвахту, хотя соотвѣтствующія мѣры взысканія продолжали налагаться и университетомъ; такъ, въ іюлѣ 1817 года заключенъ былъ въ карцеръ студентъ Можаровъ „за споръ съ солдатами и полицейскими" [251].

Не иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго прискорбія находимъ мы себя вынужденными отмѣтить и проступки студентовъ, обнаруживающіе факты неуваженія къ чужой собственности. Студентъ Шоникъ бьетъ, какъ мы это уже видѣли, жену эконома дворянскаго собранія Гедлера за то, что она отказалась отпустить ему безъ денегъ вина, а студентъ Поповъ награждаетъ оплеухами кредитора, явившагося къ нему за полученіемъ долга; студента Можарова съ служителями выпроваживаютъ изъ дворянскаго собранія за неплатежъ карточнаго долга, а въ январѣ 1815 года студентъ Веригинъ сажается на три дня въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, „за долги, непослушаніе и неуваженіе, оказанныя ректору". Нѣкоторые изъ студентовъ того времени вообще не чужды были, какъ кажется, пристрастности къ матеріальнымъ благамъ міра, не вполнѣ свойственной ихъ юному возрасту, какъ показываетъ намъ это примѣръ студента Макарова, въ началѣ 1815 года обратившагося къ инспектору съ просьбою относительно разрѣшенія „устроить лоттерею, что бы такимъ образомъ сбыть много дорогихъ вещей, доставшихся ему послѣ бабушки", которыхъ оказалось на почтенную сумму 1425-ти рублей; „я отказалъ ему въ согласіи, потребовавъ письменнаго разрѣшенія отъ отца,—отмѣчаетъ Броннеръ въ своемъ журналѣ,—а когда разрѣшеніе было представлено, я отправилъ просителя къ ректору, для препровожденія, при особомъ отношеніи, въ полицію".

Встрѣчались и гораздо менѣе невинныя поползновенія отдѣльныхъ представителей учащейся молодежи къ чужой собственности. Въ апрѣлѣ 1813 года студентъ Капитонъ Бутлеръ три дня отсидѣлъ въ карцерѣ „за подписываніе подъ чужую руку", хотя краткая отмѣтка инспекторскаго журнала и не даетъ указаній на то, что бы этотъ подлогъ былъ связанъ съ корыстными цѣлями, въ области чего могутъ явиться лишь болѣе или менѣе отдаленныя предположенія. Такое же неопредѣленное впечатлѣніе

производитъ и лаконическая отмѣтка инспекторскаго журнала о томъ, что 2-го февраля 1815 года „у студента Шоника покрадены 13 рублей изъ шкатулки, ключъ отъ которой былъ взятъ у него ворами"—дѣло, повидимому, чисто домашнее. Но за то уже совершенно исключительнаго, по своей обстановкѣ, характера представляются три инцидента, относящіеся къ 1817 году.

Вечеромъ 4-го февраля 1817 года отправился съ нѣсколькими товарищами своими въ маскарадъ, происходившій въ дворянскомъ собраніи, студентъ Александръ Поповъ. Задумавъ уйти изъ собранія и воспользовавшись тѣмъ, что прислуга долго розыскивала его дешевенькую шубенку, стоившую не болѣе двадцати рублей, онъ схватилъ съ вѣшалки чью то дорогую шубу, оцѣнивавшуюся въ 400 рублей, и скрылся съ нею изъ швейцарской. На слѣдующее утро начались по этому поводу розыски и въ университетъ явился экономъ собранія Гедлеръ съ оставленною въ собраніи шубою Попова, тотчасъ же опознанною его товарищами; оказалось, что эта шуба была, даже, и не его, но взятою имъ на этотъ вечеръ у одного изъ товарищей. Первоначально Поповъ упорно запирался въ своемъ поступкѣ и только усиленныя угрозы инспектора Броннера заставили его сознаться и возвратить взятую имъ шубу. „Нельзя извинить безстыдство человѣка,—доносилъ по этому поводу проф. Броннеръ,—который обмѣниваетъ свою дешевую шубу на чужую, стоющую четыреста рублей". Наказаніе Попову ограничилось заключеніемъ его въ карцерѣ.

Въ концѣ ноября того же года обвиняла трехъ студентовъ,—на этотъ разъ уже въ грабежѣ,—нѣкая дворянка Рыщева, дознаніе о чемъ производилось въ полиціи. „25-го ноября, во время пожара,—говорилось въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ изъ полиціи въ правленіе университета,—пріѣхавъ къ ней въ домъ, на ямской лошади, здѣшняго университета три студента, изъ коихъ она признала одного Уфимцева, другого Баранова, безъ всякой причины причинили ей ругательство, выбили въ трехъ окнахъ, съ поломаніемъ рамъ, стекла и унесли грабительски стоющую 70 рублей гитару, два платка гарнитуровыхъ, стоющихъ 20 рублей, и шаль въ 35 рублей". Для присутствованія на предполагавшемся у этихъ студентовъ обыскѣ назначенъ уже былъ депутатъ отъ университета (синдикъ Юнаковъ), но дѣло это дальнѣйшимъ производствомъ, быть можетъ за послѣдовавшимъ мировымъ соглашеніемъ, было прекращено.

Въ самомъ исходѣ того же 1817 года возбуждено было противъ студента Александра Сапожникова обвиненіе въ крайне серьезномъ преступленіи—кражѣ со взломомъ. Вотъ какъ рапортовалъ объ этомъ возмути-

производитъ и лаконическая отмѣтка инспекторскаго журнала о томъ, что 2-го февраля 1815 года „у студента Шоника покрадены 13 рублей изъ шкатулки, ключъ отъ которой былъ взятъ у него ворами"—дѣло, повидимому, чисто домашнее. Но за то уже совершенно исключительнаго, по своей обстановкѣ, характера представляются три инцидента, относящіеся къ 1817 году.

Вечеромъ 4-го февраля 1817 года отправился съ нѣсколькими товарищами своими въ маскарадъ, происходившій въ дворянскомъ собраніи, студентъ Александръ Поповъ. Задумавъ уйти изъ собранія и воспользовавшись тѣмъ, что прислуга долго розыскивала его дешевенькую шубенку, стоившую не болѣе двадцати рублей, онъ схватилъ съ вѣшалки чью то дорогую шубу, оцѣнивавшуюся въ 400 рублей, и скрылся съ нею изъ швейцарской. На слѣдующее утро начались по этому поводу розыски и въ университетъ явился экономъ собранія Гедлеръ съ оставленною въ собраніи шубою Попова, тотчасъ же опознанною его товарищами; оказалось, что эта шуба была, даже, и не его, но взятою имъ на этотъ вечеръ у одного изъ товарищей. Первоначально Поповъ упорно запирался въ своемъ поступкѣ и только усиленныя угрозы инспектора Броннера заставили его сознаться и возвратить взятую имъ шубу. „Нельзя извинить безстыдство человѣка,—доносилъ по этому поводу проф. Броннеръ,—который обмѣниваетъ свою дешевую шубу на чужую, стоющую четыреста рублей". Наказаніе Попову ограничилось заключеніемъ его въ карцерѣ.

Въ концѣ ноября того же года обвиняла трехъ студентовъ,—на этотъ разъ уже въ грабежѣ,—нѣкая дворянка Рыщева, дознаніе о чемъ производилось въ полиціи. „25-го ноября, во время пожара,—говорилось въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ изъ полиціи въ правленіе университета,—пріѣхавъ къ ней въ домъ, на ямской лошади, здѣшняго университета три студента, изъ коихъ она признала одного Уфимцева, другого Баранова, безъ всякой причины причинили ей ругательство, выбили въ трехъ окнахъ, съ поломаніемъ рамъ, стекла и унесли грабительски стоющую 70 рублей гитару, два платка гарнитуровыхъ, стоющихъ 20 рублей, и шаль въ 35 рублей". Для присутствованія на предполагавшемся у этихъ студентовъ обыскѣ назначенъ уже былъ депутатъ отъ университета (синдикъ Юнаковъ), но дѣло это дальнѣйшимъ производствомъ, быть можетъ за послѣдовавшимъ мировымъ соглашеніемъ, было прекращено.

Въ самомъ исходѣ того же 1817 года возбуждено было противъ студента Александра Сапожникова обвиненіе въ крайне серьезномъ преступленіи—кражѣ со взломомъ. Вотъ какъ рапортовалъ объ этомъ возмути-

тельномъ происшествіи правленію университета преемникъ Броннера, и. д. инспектора студентовъ профессоръ Брейтенбахъ:

„24-го декабря сего года учинено было объявленіе, что казенный студентъ Александръ Сапожниковъ унесъ у живущаго съ нимъ въ одной горницѣ товарища Егора Виноградскаго, изъ его столоваго ящика, денегъ 45 рублей 40 копѣекъ. Я велѣлъ онаго тотчасъ призвать и допрашивать въ присутствіи синдика, г. адъюнкта Юнакова, и инспекторскаго помощника, магистра Самсонова. Сначала оный отрекался, но когда дали ему уразумѣть, что онъ уже довольно уличенъ и что онъ чрезъ отриновеніе привлечетъ себѣ еще бо́льшій стыдъ и наказаніе, то онъ признался и далъ о семъ приложенную росписку".

Эта „росписка" заключала въ себѣ слѣдующее письменное сознаніе Сапожникова, возстановляющее и обстановку совершенной имъ кражи: „Я, нижеподписавшійся, казенный студентъ Александръ Сапожниковъ, взялъ у студента Виноградскаго изъ столоваго ящика его 45 р. 40 к., декабря 21-го дня, во второмъ часу пополудни, въ небытность Виноградскаго и другихъ студентовъ въ комнатѣ, а какъ столикъ былъ запертъ, то, поднявши столовую доску, вынулъ изъ стола показанныя деньги". По словамъ инспекторскаго донесенія, это происшествіе произвело на студенчество крайне угнетающее впечатлѣніе: „Лучшая часть оныхъ,—пишетъ Брейтенбахъ,—тѣмъ весьма раздражена и стыдятся имѣть между ними таковаго товарища, и вѣроятно тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени въ публикѣ очень громко разговариваютъ, что студенты —крадутъ"....

Рапортъ проф. Брейтенбаха заключаетъ въ себѣ и общую характеристику поведенія обвиняемаго:

„Сей Сапожниковъ, особливо около четырехъ недѣль, велъ весьма распутную жизнь съ нѣкоторымъ своекоштнымъ студентомъ, который, при продажѣ поташа, какъ публично говорятъ, обманулъ своего отца на двѣ тысячи рублей.... Декабря съ 12-го дня ведетъ онъ, Сапожниковъ, себя особенно худо по причинѣ сообщества съ бывшимъ вольнымъ слушателемъ Киромъ Борисовымъ, съ которымъ нѣсколько ночей проводилъ въ непотребныхъ домахъ, отлучаясь изъ университета самовольно".

Правленіе университета отнеслось къ проступку Сапожникова весьма строго, постановивъ по этому дѣлу слѣдующую резолюцію: „Исключить его, Сапожникова, изъ университета вовсе и, въ страхъ другимъ, отослать въ военную службу къ казанскому коменданту, по вычетѣ

тельномъ происшествіи правленію университета преемникъ Броннера, и. д. инспектора студентовъ профессоръ Брейтенбахъ:

„24-го декабря сего года учинено было объявленіе, что казенный студентъ Александръ Сапожниковъ унесъ у живущаго съ нимъ въ одной горницѣ товарища Егора Виноградскаго, изъ его столоваго ящика, денегъ 45 рублей 40 копѣекъ. Я велѣлъ онаго тотчасъ призвать и допрашивать въ присутствіи синдика, г. адъюнкта Юнакова, и инспекторскаго помощника, магистра Самсонова. Сначала оный отрекался, но когда дали ему уразумѣть, что онъ уже довольно уличенъ и что онъ чрезъ отриновеніе привлечетъ себѣ еще бо́льшій стыдъ и наказаніе, то онъ признался и далъ о семъ приложенную росписку".

Эта „росписка" заключала въ себѣ слѣдующее письменное сознаніе Сапожникова, возстановляющее и обстановку совершенной имъ кражи: „Я, нижеподписавшійся, казенный студентъ Александръ Сапожниковъ, взялъ у студента Виноградскаго изъ столоваго ящика его 45 р. 40 к., декабря 21-го дня, во второмъ часу пополудни, въ небытность Виноградскаго и другихъ студентовъ въ комнатѣ, а какъ столикъ былъ запертъ, то, поднявши столовую доску, вынулъ изъ стола показанныя деньги". По словамъ инспекторскаго донесенія, это происшествіе произвело на студенчество крайне угнетающее впечатлѣніе: „Лучшая часть оныхъ,—пишетъ Брейтенбахъ,—тѣмъ весьма раздражена и стыдятся имѣть между ними таковаго товарища, и вѣроятно тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени въ публикѣ очень громко разговариваютъ, что студенты —крадутъ"....

Рапортъ проф. Брейтенбаха заключаетъ въ себѣ и общую характеристику поведенія обвиняемаго:

„Сей Сапожниковъ, особливо около четырехъ недѣль, велъ весьма распутную жизнь съ нѣкоторымъ своекоштнымъ студентомъ, который, при продажѣ поташа, какъ публично говорятъ, обманулъ своего отца на двѣ тысячи рублей.... Декабря съ 12-го дня ведетъ онъ, Сапожниковъ, себя особенно худо по причинѣ сообщества съ бывшимъ вольнымъ слушателемъ Киромъ Борисовымъ, съ которымъ нѣсколько ночей проводилъ въ непотребныхъ домахъ, отлучаясь изъ университета самовольно".

Правленіе университета отнеслось къ проступку Сапожникова весьма строго, постановивъ по этому дѣлу слѣдующую резолюцію: „Исключить его, Сапожникова, изъ университета вовсе и, въ страхъ другимъ, отослать въ военную службу къ казанскому коменданту, по вычетѣ

изъ его жалованья 45 рублей 40 копѣекъ, а въ случаѣ недостатка онаго—чрезъ продажу его вещей". Не помогло дѣлу и исполненное отчаянія просительное за сына письмо отца виновнаго, смотрителя симбирскаго уѣзднаго училища Григорія Сапожникова, и опредѣленіе правленія, съ которымъ согласился попечитель округа, было представлено на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія. Управляющій министерствомъ О. П. Козодавлевъ нашелъ, однако, постановленный университетскимъ правленіемъ приговоръ слишкомъ суровымъ и предписалъ „студента Сапожникова, за развратное его поведеніе, исключить вовсе изъ университета, но не отсылать его въ военную службу, ибо сіе послѣднее наказаніе постановлено токмо для тѣхъ студентовъ, кои уличены будутъ въ важныхъ преступленіяхъ" [252].

Приходилось университетской инспекціи считаться съ дефектами студенческой жизни и со стороны нравственныхъ требованій, понимаемыхъ съ точки зрѣнія большей или меньшей цѣломудренной чистоты жизненнаго режима молодежи. Мы уже видѣли, что профессору Броннеру не разъ доставляли заботы не въ мѣру свободныя романическія похожденія его питомцевъ и что ему лично случалось выпроваживать изъ студенческихъ комнатъ женщинъ, являвшихся туда коротать время съ студентами. Не считаемъ себя вправѣ обойти молчаніемъ того факта, что казеннымъ студентамъ не были, повидимому, чужды и антиестественныя наклонности, слишкомъ хорошо извѣстныя внутренней жизни закрытыхъ учебныхъ заведеній, каковыми являлись, до извѣстной степени, университеты того времени. Указанія на факты подобнаго рода мы рѣшаемся привести не иначе, какъ въ примѣчаніяхъ и, притомъ, въ томъ латинскомъ подлинникѣ, въ какомъ встрѣчаемъ мы ихъ въ инспекторскомъ дневникѣ профессора Броннера [253].

Невеселую и мрачную по своимъ краскамъ общую картину нравственной жизни казанскаго студенчества пришлось намъ набросать на предшествовавшихъ страницахъ. Отрицательныя условія этой жизни и отдѣльные факты, ее иллюстрирующіе, были въ 1826 году использованы попечителемъ казанскаго учебнаго округа Магницкимъ въ его борьбѣ противъ выводовъ ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина, въ цѣляхъ общей обрисовки того состоянія университета, въ какомъ засталъ онъ его въ 1819 году. Защищая свои собственныя начинанія въ области устройства быта студенчества, Магницкій, подъ названіемъ краткой записки о поступкахъ студентовъ съ 1804 до 1819 года, съ скрупулезною мелочностью собралъ всѣ, даже самые незначительные, факты и данныя

изъ его жалованья 45 рублей 40 копѣекъ, а въ случаѣ недостатка онаго— чрезъ продажу его вещей". Не помогло дѣлу и исполненное отчаянія просительное за сына письмо отца виновнаго, смотрителя симбирскаго уѣзднаго училища Григорія Сапожникова, и опредѣленіе правленія, съ которымъ согласился попечитель округа, было представлено на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія. Управляющій министерствомъ О. П. Козодавлевъ нашелъ, однако, постановленный университетскимъ правленіемъ приговоръ слишкомъ суровымъ и предписалъ „студента Сапожникова, за развратное его поведеніе, исключить вовсе изъ университета, но не отсылать его въ военную службу, ибо сіе послѣднее наказаніе постановлено токмо для тѣхъ студентовъ, кои уличены будутъ въ важныхъ преступленіяхъ" [252].

Приходилось университетской инспекціи считаться съ дефектами студенческой жизни и со стороны нравственныхъ требованій, понимаемыхъ съ точки зрѣнія большей или меньшей цѣломудренной чистоты жизненнаго режима молодежи. Мы уже видѣли, что профессору Броннеру не разъ доставляли заботы не въ мѣру свободныя романическія похожденія его питомцевъ и что ему лично случалось выпроваживать изъ студенческихъ комнатъ женщинъ, являвшихся туда коротать время съ студентами. Не считаемъ себя вправѣ обойти молчаніемъ того факта, что казеннымъ студентамъ не были, повидимому, чужды и антиестественныя наклонности, слишкомъ хорошо извѣстныя внутренней жизни закрытыхъ учебныхъ заведеній, каковыми являлись, до извѣстной степени, университеты того времени. Указанія на факты подобнаго рода мы рѣшаемся привести не иначе, какъ въ примѣчаніяхъ и, притомъ, въ томъ латинскомъ подлинникѣ, въ какомъ встрѣчаемъ мы ихъ въ инспекторскомъ дневникѣ профессора Броннера [253].

Невеселую и мрачную по своимъ краскамъ общую картину нравственной жизни казанскаго студенчества пришлось намъ набросать на предшествовавшихъ страницахъ. Отрицательныя условія этой жизни и отдѣльные факты, ее иллюстрирующіе, были въ 1826 году использованы попечителемъ казанскаго учебнаго округа Магницкимъ въ его борьбѣ противъ выводовъ ревизіи генералъ-маіора П. Ѳ. Желтухина, въ цѣляхъ общей обрисовки того состоянія университета, въ какомъ засталъ онъ его въ 1819 году. Защищая свои собственныя начинанія въ области устройства быта студенчества, Магницкій, подъ названіемъ краткой записки о поступкахъ студентовъ съ 1804 до 1819 года, съ скрупулезною мелочностью собралъ всѣ, даже самые незначительные, факты и данныя

относительно отрицательныхъ условій студенческой жизни интересующей насъ эпохи и, въ намѣреніи импонировать ими въ задачахъ своей самозащиты, представилъ эту записку въ министерство народнаго просвѣщенія, въ архивѣ котораго намъ и удалось ее встрѣтить. Мы считаемъ не безинтереснымъ познакомить нашихъ читателей съ этою весьма любопытною и, къ сожалѣнію, фактически точною запискою Магницкаго, приведя ее въ значительно сокращенномъ и, отчасти, перефразированномъ видѣ:

Краткая записка о поступкахъ студентовъ съ 1804 до 1819 года.

14-го мая 1807 года студенты Балясниковъ и Чуфаровъ, изъявившіе желаніе поступить въ кадетскій корпусъ, съ дерзостью требовали отъ Яковкина аттестаціи ихъ поведенія.

16-го мая 1807 года студентъ Кузминскій «публично обругалъ жену Яковкину, такъ что пришлось поставить пикетъ изъ четырехъ рядовыхъ».

Въ 1808 году одинъ воспитанникъ подозрѣвался въ вымазаніи дегтемъ воротъ дома маіора Копылова.

Въ 1808 году попечитель замѣчаетъ Яковкину «безразсудную гордость студентовъ и проситъ истребить ее».

13-го августа 1808 года студентъ Стрѣлковъ пустилъ на гимназическомъ дворѣ ракету.

12-го декабря 1808 года студентъ Аристовъ дрался съ губернскимъ секретаремъ Ларіоновымъ.....

18-го августа 1809 года Лобачевскому 2-му сдѣланъ публичный выговоръ за дерзости, грубости и ослушаніе......

27-го мая 1811 года помощникъ инспектора Кондыревъ подалъ инспектору рапортъ, заключающій «историческое изложеніе поведенія студента Лобачевскаго 1-го, что онъ въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ былъ весьма дурнаго поведенія, оказывался иногда въ рѣзкихъ проступкахъ, многократно подавалъ худые примѣры сотоварищамъ, въ характерѣ оказывался упрямымъ, нераскаяннымъ, часто ослушнымъ и весьма много мечтательнымъ о себѣ самомъ, получившимъ многія ложныя понятія; что онъ въ теченіи сего времени только по особеннымъ замѣчаніямъ записанъ въ журнальную тетрадь и шнуровую книгу 33 раза и т. п.»......

Въ первыхъ числахъ іюля 1811 года помощникъ инспектора донесъ о дурномъ поведеніи студента Николая Лобачевскаго, присовокупляя, что онъ «замѣченъ былъ въ возмутительныхъ поступкахъ и, оказывая ихъ въ значительной степени, явилъ признаки безбожія».

10-го іюля 1811 года «студентъ Николай Лобачевскій призываемъ былъ въ присутствіе совѣта, гдѣ получилъ выговоръ, увѣщаніе къ исправленію и, признаваясь въ весьма многихъ проступкахъ, далъ обѣщаніе и честное слово исправиться и не доводить впредь до жалобъ на дурное его поведеніе, въ надеждѣ чего и представленъ въ магистры».........

Въ мартѣ 1812 года помощникъ инспектора доноситъ, что многіе студенты не ходятъ на лекціи.......

29-го мая 1812 года «магистръ Лобачевскій 2-ой пропалъ безъ вѣсти и очутился въ Нижнемъ-Новгородѣ, у матери, бывъ, какъ безпаспортный, задержанъ и представленъ гражданскому губернатору, а отъ него отданъ подъ росписку профессору Арнгольдту, который и привезъ его въ Казань»......

Въ 1812 году городская полиція просила «удержать студентовъ, что бы не пускали въ городѣ ракетъ»......

относительно отрицательныхъ условій студенческой жизни интересующей насъ эпохи и, въ намѣреніи импонировать ими въ задачахъ своей самозащиты, представилъ эту записку въ министерство народнаго просвѣщенія, въ архивѣ котораго намъ и удалось ее встрѣтить. Мы считаемъ не безинтереснымъ познакомить нашихъ читателей съ этою весьма любопытною и, къ сожалѣнію, фактически точною запискою Магницкаго, приведя ее въ значительно сокращенномъ и, отчасти, перефразированномъ видѣ:

Краткая записка о поступкахъ студентовъ съ 1804 до 1819 года.

14-го мая 1807 года студенты Балясниковъ и Чуфаровъ, изъявившіе желаніе поступить въ кадетскій корпусъ, съ дерзостью требовали отъ Яковкина аттестаціи ихъ поведенія.

16-го мая 1807 года студентъ Кузминскій «публично обругалъ жену Яковкину, такъ что пришлось поставить пикетъ изъ четырехъ рядовыхъ».

Въ 1808 году одинъ воспитанникъ подозрѣвался въ вымазаніи дегтемъ воротъ дома маіора Копылова.

Въ 1808 году попечитель замѣчаетъ Яковкину «безразсудную гордость студентовъ и проситъ истребить ее».

13-го августа 1808 года студентъ Стрѣлковъ пустилъ на гимназическомъ дворѣ ракету.

12-го декабря 1808 года студентъ Аристовъ дрался съ губернскимъ секретаремъ Ларіоновымъ.....

18-го августа 1809 года Лобачевскому 2-му сдѣланъ публичный выговоръ за дерзости, грубости и ослушаніе......

27-го мая 1811 года помощникъ инспектора Кондыревъ подалъ инспектору рапортъ, заключающій «историческое изложеніе поведенія студента Лобачевскаго 1-го, что онъ въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ былъ весьма дурнаго поведенія, оказывался иногда въ рѣзкихъ проступкахъ, многократно подавалъ худые примѣры сотоварищамъ, въ характерѣ оказывался упрямымъ, нераскаяннымъ, часто ослушнымъ и весьма много мечтательнымъ о себѣ самомъ, получившимъ многія ложныя понятія; что онъ въ теченіи сего времени только по особеннымъ замѣчаніямъ записанъ въ журнальную тетрадь и шнуровую книгу 33 раза и т. п.»......

Въ первыхъ числахъ іюля 1811 года помощникъ инспектора донесъ о дурномъ поведеніи студента Николая Лобачевскаго, присовокупляя, что онъ «замѣченъ былъ въ возмутительныхъ поступкахъ и, оказывая ихъ въ значительной степени, явилъ признаки безбожія».

10-го іюля 1811 года «студентъ Николай Лобачевскій призываемъ былъ въ присутствіе совѣта, гдѣ получилъ выговоръ, увѣщаніе къ исправленію и, признаваясь въ весьма многихъ проступкахъ, далъ обѣщаніе и честное слово исправиться и не доводить впредь до жалобъ на дурное его поведеніе, въ надеждѣ чего и представленъ въ магистры».........

Въ мартѣ 1812 года помощникъ инспектора доноситъ, что многіе студенты не ходятъ на лекціи.......

29-го мая 1812 года «магистръ Лобачевскій 2-ой пропалъ безъ вѣсти и очутился въ Нижнемъ-Новгородѣ, у матери, бывъ, какъ безпаспортный, задержанъ и представленъ гражданскому губернатору, а отъ него отданъ подъ росписку профессору Арнгольдту, который и привезъ его въ Казань»......

Въ 1812 году городская полиція просила «удержать студентовъ, что бы не пускали въ городѣ ракетъ»......

Въ октябрѣ 1812 года донесеніе о непосѣщеніи студентами лекцій.....

Попечитель предложилъ совѣту «подтвердить студентамъ о наблюденіи чинопочитанія»*.

. . . .

1813 годъ.

«Неблагопристойное поведеніе студентовъ достигло высшей степени: они наводятъ соблазнъ въ церквахъ во время богослуженія, нарушаютъ порядокъ въ храмѣ Божіемъ. Стороннія особы жалуются на сіе попечителю (23-го мая)».

Студентъ Бутлеровъ «подписывался подъ чужую руку» и, по приказанію попечителя, посаженъ на три дня въ карцеръ (апрѣль).

3-го сентября. Студентъ Замятинъ пьяный избилъ лавочника; когда его вели въ полицію—на улицѣ безчинствовалъ, обидѣлъ полицеймейстера, ночевалъ въ полиціи.

Въ ноябрѣ попечитель снова возбуждаетъ вопросъ о внушеніи студентамъ чинопочитанія и повиновенія начальству.

1814 годъ.

Въ мартѣ студенты Бобылевъ и Кожевниковъ обнаруживаютъ «злое вольнодумство касательно священныхъ предметовъ»......

«Поведеніе студентовъ такъ развратилось, что составленъ былъ особый комитетъ для разсмотрѣнія поступковъ ихъ и сочинены правила, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія, въ коихъ помѣщено, что бъ студенты не пьянствовали» и т. п.

15-го сентября. Инспекторъ Броннеръ «засталъ студента князя Чхейзе и студента Дероберти въ непотребствѣ».

27-го сентября. Студенты Николаевъ, Филипповскій, Кожевниковъ и Пивоваровъ «высѣкли лозами студента Тиранова».

2-го октября. Помощникъ инспектора Юнаковъ «замѣченъ въ пьянствѣ съ студентами».

22-го октября. Студентъ Кожевниковъ донесъ ректору, что «студенты Уфимцевъ, Ардашевъ, Саханскій и Шелудко замышляли убить инспектора», въ чемъ сознались и были исключены.

1815 годъ.

13-го апрѣля. Студентъ Шонинъ прибилъ жену содержателя трактира Гедлера за то, что не дала ему вина въ долгъ, самого Гедлера—обругалъ, а затѣмъ обругалъ и ректора, призвавшаго его къ отвѣту.

26-го іюня. Студентъ Бабановскій высѣкъ крапивою въ саду дочь университетскаго солдата.

8-го ноября нѣсколько студентовъ застигнуты въ пьянствѣ и за картами.

1816 годъ.

10-го и 25-го апрѣля инспекторъ заставалъ у казенныхъ студентовъ въ ночное время непотребныхъ женщинъ.

* Слѣдуетъ множество случаевъ простыхъ ослушаній начальства, которыхъ нѣтъ возможности воспроизвести.

Въ октябрѣ 1812 года донесеніе о непосѣщеніи студентами лекцій.....

Попечитель предложилъ совѣту «подтвердить студентамъ о наблюденіи чинопочитанія»*.

. . . .

1813 годъ.

«Неблагопристойное поведеніе студентовъ достигло высшей степени: они наводятъ соблазнъ въ церквахъ во время богослуженія, нарушаютъ порядокъ въ храмѣ Божіемъ. Стороннія особы жалуются на сіе попечителю (23-го мая)».

Студентъ Бутлеровъ «подписывался подъ чужую руку» и, по приказанію попечителя, посаженъ на три дня въ карцеръ (апрѣль).

3-го сентября. Студентъ Замятинъ пьяный избилъ лавочника; когда его вели въ полицію—на улицѣ безчинствовалъ, обидѣлъ полицеймейстера, ночевалъ въ полиціи.

Въ ноябрѣ попечитель снова возбуждаетъ вопросъ о внушеніи студентамъ чинопочитанія и повиновенія начальству.

1814 годъ.

Въ мартѣ студенты Бобылевъ и Кожевниковъ обнаруживаютъ «злое вольнодумство касательно священныхъ предметовъ».......

«Поведеніе студентовъ такъ развратилось, что составленъ былъ особый комитетъ для разсмотрѣнія поступковъ ихъ и сочинены правила, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія, въ коихъ помѣщено, что бъ студенты не пьянствовали» и т. п.

15-го сентября. Инспекторъ Броннеръ «засталъ студента князя Чхейзе и студента Дероберти въ непотребствѣ».

27-го сентября. Студенты Николаевъ, Филипповскій, Кожевниковъ и Пивоваровъ «высѣкли лозами студента Тиранова».

2-го октября. Помощникъ инспектора Юнаковъ «замѣченъ въ пьянствѣ съ студентами».

22-го октября. Студентъ Кожевниковъ донесъ ректору, что «студенты Уфимцевъ, Ардашевъ, Саханскій и Шелудко замышляли убить инспектора», въ чемъ сознались и были исключены.

1815 годъ.

13-го апрѣля. Студентъ Шонпкъ прибилъ жену содержателя трактира Гедлера за то, что не дала ему вина въ долгъ, самого Гедлера—обругалъ, а затѣмъ обругалъ и ректора, призвавшаго его къ отвѣту.

26-го іюня. Студентъ Бабановскій высѣкъ крапивою въ саду дочь университетскаго солдата.

8-го ноября нѣсколько студентовъ застигнуты въ пьянствѣ и за картами.

1816 годъ.

10-го и 25-го апрѣля инспекторъ заставалъ у казенныхъ студентовъ въ ночное время непотребныхъ женщинъ.

---

* Слѣдуетъ множество случаевъ простыхъ ослушаній начальства, которыхъ нѣтъ возможности воспроизвести.

17-го мая профессоры въ совѣтѣ жалуются, что студенты «дѣлаютъ безчестіе университету, шатаясь по городу въ пьяномъ видѣ и будучи забираемы въ полицію».

2-го іюля студентъ Можаровъ «обидѣлъ» солдатскую дочь.

Въ іюлѣ «студенты разбили ночной дозоръ».

1817 годъ.

12-го марта. «Студенты Соловьевъ и Уфимцевъ въ пьяномъ видѣ поступили съ распутною крестьянкою профессора Брейтенбаха весьма гнусно», и, сверхъ того, на улицѣ обругали дѣвицъ Папову и Глухову, послѣднюю же и прибили, а также и лакея, били окна и пр.; дѣвица «отъ побоевъ сихъ умерла (??)».

5-го мая. Студентъ Поповъ посаженъ въ карцеръ «за похищеніе имъ шубы изъ маскарада».

11-го мая. Студенты разломали карцеръ.

29-го іюня. Нѣкій студентъ избилъ служанку профессора Брейтенбаха, не согласившуюся на его постыдныя требованія.

21-го декабря. Студентъ Сапожниковъ укралъ у товарища Виноградскаго 45 р. 40 коп., велъ распутную жизнь. Инспекторъ доноситъ, что «по городу съ нѣкотораго времени начали говорить, что многіе студенты—крадутъ».

28-го декабря. Студенты Маклаковъ и Петровъ высѣкли лозами повара.

1818 годъ.

16-го декабря. «Кандидатъ Николаевъ въ трактирѣ задолжалъ 35 р. 50 коп., отдалъ въ залогъ золотое кольцо и вслѣдъ за собою велѣлъ идти служителю трактира Евсевьеву для полученія денегъ, коихъ не только не отдалъ на квартирѣ своей, но, раздѣвши Евсевьева, отнялъ у него собственныхъ его денегъ 30 рублей и свое кольцо, билъ плетью и остригъ ему волосы»[264].

Борьба съ отрицательными сторонами жизни студенчества не переставала озабочивать собою университетскія власти, хотя нельзя сказать, что бы на этой почвѣ были достигнуты ими сколько нибудь ощутительные и положительные результаты. Мы уже знакомы съ общими начинаніями, предпринимавшимися въ этомъ направленіи, и въ настоящее время намъ остается представить лишь краткій обзоръ тѣхъ дисциплинарно-карательныхъ мѣръ, которыя находились въ распоряженіи учебнаго начальства въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія ввѣренной его попеченіямъ молодежи.

Мы уже знаемъ, что университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года не даетъ никакой регламентаціи каръ для воспитанниковъ университета, всецѣло предоставляя организацію дисциплинарной части собственному усмотрѣнію совѣта. Цѣлыхъ десять лѣтъ обходился университетъ безъ свода правилъ для студентовъ и только 14-го іюня 1815 года воспослѣдо-

17-го мая профессоры въ совѣтѣ жалуются, что студенты «дѣлаютъ безчестіе университету, шатаясь по городу въ пьяномъ видѣ и будучи забираемы въ полицію».

2-го іюля студентъ Можаровъ «обидѣлъ» солдатскую дочь.

Въ іюлѣ «студенты разбили ночной дозоръ».

1817 годъ.

12-го марта. «Студенты Соловьевъ и Уфимцевъ въ пьяномъ видѣ поступили съ распутною крестьянкою профессора Брейтенбаха весьма гнусно», и, сверхъ того, на улицѣ обругали дѣвицъ Папову и Глухову, послѣднюю же и прибили, а также и лакея, били окна и пр.; дѣвица «отъ побоевъ сихъ умерла (??)».

5-го мая. Студентъ Поповъ посаженъ въ карцеръ «за похищеніе имъ шубы изъ маскарада».

11-го мая. Студенты разломали карцеръ.

29-го іюня. Нѣкій студентъ избилъ служанку профессора Брейтенбаха, не согласившуюся на его постыдныя требованія.

21-го декабря. Студентъ Сапожниковъ укралъ у товарища Виноградскаго 45 р. 40 коп., велъ распутную жизнь. Инспекторъ доноситъ, что «по городу съ нѣкотораго времени начали говорить, что многіе студенты—крадутъ».

28-го декабря. Студенты Маклаковъ и Петровъ высѣкли лозами повара.

1818 годъ.

16-го декабря. «Кандидатъ Николаевъ въ трактирѣ задолжалъ 35 р. 50 коп., отдалъ въ залогъ золотое кольцо и вслѣдъ за собою велѣлъ идти служителю трактира Евсевьеву для полученія денегъ, коихъ не только не отдалъ на квартирѣ своей, но, раздѣвши Евсевьева, отнялъ у него собственныхъ его денегъ 30 рублей и свое кольцо, билъ плетью и остригъ ему волосы»[264].

Борьба съ отрицательными сторонами жизни студенчества не переставала озабочивать собою университетскія власти, хотя нельзя сказать, что бы на этой почвѣ были достигнуты ими сколько нибудь ощутительные и положительные результаты. Мы уже знакомы съ общими начинаніями, предпринимавшимися въ этомъ направленіи, и въ настоящее время намъ остается представить лишь краткій обзоръ тѣхъ дисциплинарно-карательныхъ мѣръ, которыя находились въ распоряженіи учебнаго начальства въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія ввѣренной его попеченіямъ молодежи.

Мы уже знаемъ, что университетскій уставъ 5-го ноября 1804 года не даетъ никакой регламентаціи каръ для воспитанниковъ университета, всецѣло предоставляя организацію дисциплинарной части собственному усмотрѣнію совѣта. Цѣлыхъ десять лѣтъ обходился университетъ безъ свода правилъ для студентовъ и только 14-го іюня 1815 года воспослѣдо-

вало утвержденіе весьма общаго и краткаго кодекса такихъ правилъ, который не вносилъ, впрочемъ, ничего новаго въ карательную систему, фактически еще до того практиковавшуюся примѣнительно къ воспитанникамъ университета.

Несомнѣнно, что самымъ суровымъ и категорическимъ правительственнымъ начинаніемъ, направленнымъ къ поднятію нравственнаго уровня учащейся молодежи, явилось высочайшее повелѣніе отъ 27-го апрѣля 1811 года, въ силу котораго предписывалось отдавать въ военную службу воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній „развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ". Единственнымъ извѣстнымъ намъ, въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, случаемъ примѣненія этой тяжелой кары въ Казани—явилась отдача осенью того же 1811 года въ военную службу воспитанника казанской гимназіи Ивана Сокольскаго, бѣжавшаго изъ гимназіи, два дня скрывавшагося по „непотребнымъ домамъ" и признаннаго учебнымъ начальствомъ „не подающимъ никакой надежды къ исправленію", но служащаго „соблазномъ своимъ для прочихъ вреднымъ примѣромъ". Относящееся къ 1818 году предположеніе мѣстнаго учебнаго начальства объ отдачѣ въ военную службу, за порочное поведеніе, студента Сапожникова не было, какъ мы видѣли, утверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія, позднѣйшіе же примѣры примѣненія этого дисциплинарнаго взысканія выходятъ за предѣлы изслѣдуемой нами эпохи.

Чрезвычайною мѣрою наказанія студентовъ являлось и исключеніе изъ университета безъ аттестата, съ опубликованіемъ о томъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ концѣ января 1814 года такая именно кара постигла, согласно предписанію министра, студентовъ Данкова и Андреева, „не показавшихъ никакой надежды къ исправленію", о чемъ и было опубликовано въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" *. Случаи увольненія студентовъ изъ университета, или за неуспѣшность, или вслѣдствіе дурнаго поведенія, бывали, въ общемъ, нерѣдки, но они не влекли за собою такой огласки и сопровождались выдачею увольняемому „свидѣтельства", съ обозначеніемъ въ немъ времени пребыванія его въ университетѣ; иногда такое увольненіе казенныхъ студентовъ соединялось съ

---

* «Отъ императорскаго казанскаго университета чрезъ сіе объявляется,—читаемъ здѣсь,—что казеннокоштные студенты онаго Игнатій Данковъ и Димитрій Андреевъ, оказавшіеся къ исправленію себя безнадежными, въ силу предписанія высшаго начальства исключены изъ онаго университета безъ аттестатовъ» («Каз. Извѣстія» 1814 г., № 7, стр. 75).

вало утвержденіе весьма общаго и краткаго кодекса такихъ правилъ, который не вносилъ, впрочемъ, ничего новаго въ карательную систему, фактически еще до того практиковавшуюся примѣнительно къ воспитанникамъ университета.

Несомнѣнно, что самымъ суровымъ и категорическимъ правительственнымъ начинаніемъ, направленнымъ къ поднятію нравственнаго уровня учащейся молодежи, явилось высочайшее повелѣніе отъ 27-го апрѣля 1811 года, въ силу котораго предписывалось отдавать въ военную службу воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній „развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ“. Единственнымъ извѣстнымъ намъ, въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи, случаемъ примѣненія этой тяжелой кары въ Казани—явилась отдача осенью того же 1811 года въ военную службу воспитанника казанской гимназіи Ивана Сокольскаго, бѣжавшаго изъ гимназіи, два дня скрывавшагося по „непотребнымъ домамъ“ и признаннаго учебнымъ начальствомъ „не подающимъ никакой надежды къ исправленію“, но служащаго „соблазномъ своимъ для прочихъ вреднымъ примѣромъ“. Относящееся къ 1818 году предположеніе мѣстнаго учебнаго начальства объ отдачѣ въ военную службу, за порочное поведеніе, студента Сапожникова не было, какъ мы видѣли, утверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія, позднѣйшіе же примѣры примѣненія этого дисциплинарнаго взысканія выходятъ за предѣлы изслѣдуемой нами эпохи.

Чрезвычайною мѣрою наказанія студентовъ являлось и исключеніе изъ университета безъ аттестата, съ опубликованіемъ о томъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ концѣ января 1814 года такая именно кара постигла, согласно предписанію министра, студентовъ Данкова и Андреева, „не показавшихъ никакой надежды къ исправленію“, о чемъ и было опубликовано въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ *. Случаи увольненія студентовъ изъ университета, или за неуспѣшность, или вслѣдствіе дурнаго поведенія, бывали, въ общемъ, нерѣдки, но они не влекли за собою такой огласки и сопровождались выдачею увольняемому „свидѣтельства“, съ обозначеніемъ въ немъ времени пребыванія его въ университетѣ; иногда такое увольненіе казенныхъ студентовъ соединялось съ

* «Отъ императорскаго казанскаго университета чрезъ сіе объявляется,—читаемъ здѣсь,—что казеннокоштные студенты онаго Игнатій Данковъ и Димитрій Андреевъ, оказавшіеся къ исправленію себя безнадежными, въ силу предписанія высшаго начальства исключены изъ онаго университета безъ аттестатовъ» («Каз. Извѣстія» 1814 г., № 7, стр. 75).

требованіемъ возмѣщенія израсходованныхъ на ихъ содержаніе денегъ. Практиковалось и перечисленіе студентовъ въ воспитанники гимназіи, какъ наиболѣе мягкая форма лишенія студенческаго званія, примѣнявшееся не только за малоуспѣшность въ наукахъ, но и за плохое поведеніе [255].

Въ числѣ наказаній, налагавшихся на студентовъ за дурное поведеніе и непосредственно соприкасавшихся съ лишеніемъ права на окончаніе университетскаго образованія—мы должны отмѣтить въ высшей степени странную и совершенно непедагогическую мѣру: назначеніе студентовъ университета, въ видѣ наказанія, въ учителя уѣздныхъ училищъ. Отвѣтственная и почетная миссія народнаго учителя сводилась, такимъ образомъ, къ значенію „штрафной“ службы, ставилась въ параллель съ отдачею неисправимыхъ студентовъ въ принудительную военную службу! Любопытный примѣръ примѣненія этой необыкновенной мѣры взысканія даетъ намъ „дѣла объ ослушаніи студентовъ противъ начальства и чинимыхъ грубостяхъ“, производившееся осенью 1817 года. Главнымъ героемъ этого дѣло выступилъ студентъ Григорій Саханскій, присужденный къ заключенію въ карцерѣ „за самоуправство и участвованіе въ дракѣ“ и оказавшій рѣшительное сопротивленіе исполненію по отношенію къ нему этого приговора. Правленіе университета, признавъ, что Саханскій „подалъ своимъ товарищамъ примѣръ къ несносной дерзости, непокорливости начальству и возмутительному духу“, опредѣлило „исключить его изъ университета безъ аттестата, съ опубликованіемъ о томъ въ вѣдомостяхъ“, но совѣтъ университета отмѣнилъ этотъ приговоръ, постановивъ „опредѣлить Саханскаго, въ примѣръ прочимъ, учителемъ въ курганское уѣздное училище (!), препоручивъ его особенному надзору мѣстнаго начальства“. Тогда же шла въ совѣтѣ рѣчь о шести другихъ студентахъ (Поповѣ, Маклаковѣ, Сычуговѣ, Кулаковѣ, Дмитревскомъ и Шитцѣ)—„кои полагались за неблагонравное ихъ поведеніе быть выпущенными въ уѣздныя училища“, но образованная для обсужденія этого вопроса особая совѣтская коммиссія признала по отношенію къ названнымъ студентамъ несоотвѣтствующимъ „столь строгое наказаніе (!), каково помѣщеніе на мѣста учителей“, почему всѣ эти студенты, за исключеніемъ одного только Сычугова, опредѣленнаго учителемъ въ горбатовское уѣздное училище, и были оставлены въ университетѣ. Полная непедагогичность, и даже нелѣпость, этой мѣры взысканія была по достоинству оцѣнена впослѣдствіе Магницкимъ, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ отозвался объ ней въ 1826 году:

требованіемъ возмѣщенія израсходованныхъ на ихъ содержаніе денегъ. Практиковалось и перечисленіе студентовъ въ воспитанники гимназіи, какъ наиболѣе мягкая форма лишенія студенческаго званія, примѣнявшееся не только за малоуспѣшность въ наукахъ, но и за плохое поведеніе [255].

Въ числѣ наказаній, налагавшихся на студентовъ за дурное поведеніе и непосредственно соприкасавшихся съ лишеніемъ права на окончаніе университетскаго образованія—мы должны отмѣтить въ высшей степени странную и совершенно непедагогическую мѣру: назначеніе студентовъ университета, въ видѣ наказанія, въ учителя уѣздныхъ училищъ. Отвѣтственная и почетная миссія народнаго учителя сводилась, такимъ образомъ, къ значенію „штрафной" службы, ставилась въ параллель съ отдачею неисправимыхъ студентовъ въ принудительную военную службу! Любопытный примѣръ примѣненія этой необыкновенной мѣры взысканія даетъ намъ „дѣла объ ослушаніи студентовъ противъ начальства и чинимыхъ грубостяхъ", производившееся осенью 1817 года. Главнымъ героемъ этого дѣло выступилъ студентъ Григорій Саханскій, присужденный къ заключенію въ карцерѣ „за самоуправство и участвованіе въ дракѣ" и оказавшій рѣшительное сопротивленіе исполненію по отношенію къ нему этого приговора. Правленіе университета, признавъ, что Саханскій „подалъ своимъ товарищамъ примѣръ къ несносной дерзости, непокорливости начальству и возмутительному духу", опредѣлило „исключить его изъ университета безъ аттестата, съ опубликованіемъ о томъ въ вѣдомостяхъ", но совѣтъ университета отмѣнилъ этотъ приговоръ, постановивъ „опредѣлить Саханскаго, въ примѣръ прочимъ, учителемъ въ курганское уѣздное училище (!), препоручивъ его особенному надзору мѣстнаго начальства". Тогда же шла въ совѣтѣ рѣчь о шести другихъ студентахъ (Поповѣ, Маклаковѣ, Сычуговѣ, Кулаковѣ, Дмитревскомъ и Шитцѣ)—„кои полагались за неблагонравное ихъ поведеніе быть выпущенными въ уѣздныя училища", но образованная для обсужденія этого вопроса особая совѣтская коммиссія признала по отношенію къ названнымъ студентамъ несоотвѣтствующимъ „столь строгое наказаніе (!), каково помѣщеніе на мѣста учителей", почему всѣ эти студенты, за исключеніемъ одного только Сычугова, опредѣленнаго учителемъ въ горбатовское уѣздное училище, и были оставлены въ университетѣ. Полная непедагогичность, и даже нелѣпость, этой мѣры взысканія была по достоинству оцѣнена впослѣдствіе Магницкимъ, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ отозвался объ ней въ 1826 году:

„Студентъ Сычуговъ (Михаилъ), имѣвшій дурную нравственность, при дерзости, и слабыя дарованія, при совершенномъ нерадѣніи къ наукамъ, опредѣленъ учителемъ въ уѣздное училище, какъ не заслуживающій дальнѣйшаго попеченія университетскаго начальства. Подобно тому и съ другими студентами было поступаемо, то есть—вмѣсто наказанія были они опредѣляемы учителями и развратъ, коимъ заразились они въ университетѣ, разносили по учебнымъ заведеніяхъ казанскаго округа, такъ что настоящему начальству (т. е. ему, Магницкому) большаго стоило труда очистить округъ отъ подобныхъ наставниковъ“ [256].

Къ слѣдующей группѣ взысканій мы отнесемъ наказанія, направленныя къ лишенію или ограниченію свободы. Мы уже имѣли возможность убѣдиться въ томъ, что заключеніе въ карцерѣ являлось однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ по отношенію къ студентамъ наказаній, налагавшимся или дискреціонною властью ректора и инспектора, или же коллегіальными органами университета—совѣтомъ и правленіемъ; заключеніе въ карцерѣ назначалось иногда всего на нѣсколько часовъ или на одну ночь, въ другихъ же случаяхъ срокъ ареста опредѣлялся въ нѣсколько дней, даже въ двѣ недѣли, а иногда простой арестъ въ карцерѣ усиливался содержаніемъ здѣсь виновнаго „на хлѣбѣ и на водѣ“. Броннеръ ввелъ, во время своей инспектуры, еще специфическій видъ ареста, сажая провинившихся студентовъ въ уже знакомую намъ „подземную келію“ (cella subterranea), т. е. подвальную кладовую, входъ въ которую находился вблизи его университетской квартиры; это была дисциплинарная мѣра, которою Броннеръ распоряжался уже безраздѣльно. Легчайшею формою личнаго задержанія, также практиковавшеюся Броннеромъ, являлось непродолжительное задержаніе провинившагося студента въ спальной самого инспектора, причемъ наказанному предлагалось дѣлать здѣсь латинскіе переводы,—такъ, именно, наказаны имъ весною 1816 года студенты, не бывшіе на страстной недѣлѣ у богослуженія. Назначеніе обязательныхъ учебныхъ работъ иногда присоединялось, впрочемъ, и къ обыкновенному заключенію въ карцерѣ. Арестъ въ карцерѣ всегда являлся въ глазахъ студенчества наказаніемъ ненавистнымъ и нерѣдко приговоренные къ нему оказывали активное сопротивленіе приведенію его въ исполненіе; такъ, студентъ Базилевъ въ ноябрѣ 1816 года посаженъ въ карцеръ „не безъ сильнаго сопротивленія“, Соловьевъ весною 1817 года взламываетъ карцеръ, въ который его заключили, а Саханскій въ концѣ того же года силою отбивается отъ служителей, препровождавшихъ его подъ арестъ. Къ кругу каръ, имѣющихъ своимъ предметомъ ограниченіе свободы, слѣдуетъ отне-

„Студентъ Сычуговъ (Михаилъ), имѣвшій дурную нравственность, при дерзости, и слабыя дарованія, при совершенномъ нерадѣніи къ наукамъ, опредѣленъ учителемъ въ уѣздное училище, какъ не заслуживающій дальнѣйшаго попеченія университетскаго начальства. Подобно тому и съ другими студентами было поступаемо, то есть—вмѣсто наказанія были они опредѣляемы учителями и развратъ, коимъ заразились они въ университетѣ, разносили по учебнымъ заведеніяхъ казанскаго округа, такъ что настоящему начальству (т. е. ему, Магницкому) большаго стоило труда очистить округъ отъ подобныхъ наставниковъ“ [256].

Къ слѣдующей группѣ взысканій мы отнесемъ наказанія, направленныя къ лишенію или ограниченію свободы. Мы уже имѣли возможность убѣдиться въ томъ, что заключеніе въ карцерѣ являлось однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ по отношенію къ студентамъ наказаній, налагавшимся или дискреціонною властью ректора и инспектора, или же коллегіальными органами университета—совѣтомъ и правленіемъ; заключеніе въ карцерѣ назначалось иногда всего на нѣсколько часовъ или на одну ночь, въ другихъ же случаяхъ срокъ ареста опредѣлялся въ нѣсколько дней, даже въ двѣ недѣли, а иногда простой арестъ въ карцерѣ усиливался содержаніемъ здѣсь виновнаго „на хлѣбѣ и на водѣ“. Броннеръ ввелъ, во время своей инспектуры, еще специфическій видъ ареста, сажая провинившихся студентовъ въ уже знакомую намъ „подземную келію“ (cella subterranea), т. е. подвальную кладовую, входъ въ которую находился вблизи его университетской квартиры; это была дисциплинарная мѣра, которою Броннеръ распоряжался уже безраздѣльно. Легчайшею формою личнаго задержанія, также практиковавшеюся Броннеромъ, являлось непродолжительное задержаніе провинившагося студента въ спальной самого инспектора, причемъ наказанному предлагалось дѣлать здѣсь латинскіе переводы,—такъ, именно, наказаны имъ весною 1816 года студенты, не бывшіе на страстной недѣлѣ у богослуженія. Назначеніе обязательныхъ учебныхъ работъ иногда присоединялось, впрочемъ, и къ обыкновенному заключенію въ карцерѣ. Арестъ въ карцерѣ всегда являлся въ глазахъ студенчества наказаніемъ ненавистнымъ и нерѣдко приговоренные къ нему оказывали активное сопротивленіе приведенію его въ исполненіе; такъ, студентъ Базилевъ въ ноябрѣ 1816 года посаженъ въ карцеръ „не безъ сильнаго сопротивленія“, Соловьевъ весною 1817 года взламываетъ карцеръ, въ который его заключили, а Саханскій въ концѣ того же года силою отбивается отъ служителей, препровождавшихъ его подъ арестъ. Къ кругу каръ, имѣющихъ своимъ предметомъ ограниченіе свободы, слѣдуетъ отне-

сти также лишеніе студентовъ отпусковъ на вакаціонное время и воспрещеніе имъ временныхъ отлучекъ изъ города и изъ университета [257].

Въ качествѣ карательной мѣры практиковалось и ухудшеніе содержанія казенныхъ студентовъ. Сюда относятся: задержаніе выдачи имъ, впредь до исправленія, жалованья; лишеніе завтраковъ и обѣдовъ, иногда даже въ теченіи нѣсколькихъ дней, или лишеніе извѣстнаго кушанья. Такъ, Яковкинъ въ 1808 году, за пусканіе на университетскомъ дворѣ ракетъ, наказалъ заподозрѣнныхъ въ этой шалости студентовъ тѣмъ, что для части ихъ „приказалъ поставить во время стола, вмѣсто кушанья, въ мискѣ и въ соусникахъ воду", остальныхъ же „сравнилъ въ числѣ блюдъ съ гимназистами". Профессоръ-директоръ былъ, вообще, очень изобрѣтателенъ въ области своихъ попытокъ нравственнаго воздѣйствія на воспитанниковъ и практиковалъ даже такую своеобразную мѣру наказанія, какъ облеченіе провинившихся въ „мужицкое (!) платье" [258].

Дисциплинарно-карательная система завершалась обширнымъ кругомъ устыдительныхъ наказаній, среди которыхъ мы находимъ слѣдующіе виды ихъ: простое напоминаніе ректора или инспектора; выговоръ, нерѣдко совершавшійся „публично"—въ присутствіи всѣхъ студентовъ или даже въ собраніи совѣта; принесеніе публичнаго извиненія (за личныя оскорбленія); выставленіе имени виновнаго на черной доскѣ (мѣра Яковкина) и занесеніе его въ „черную" или въ „шнуровую" штрафную книги (мѣра Броннера); перемѣщеніе изъ одной камеры въ другую; встрѣчаемъ даже и такія чисто дѣтскія мѣры взысканія, какъ сажаніе во время обѣда за отдѣльный столъ или неудавшуюся и уже знакомую намъ попытку адъюнкта Запольскаго ставить студентовъ, во время лекцій, въ уголъ [259].

Мрачная картина внутренней жизни студенчества начальной эпохи существованія казанскаго университета, развернувшаяся передъ нами на основаніи оффиціальныхъ данныхъ университетскаго архива, невольнымъ образомъ наталкиваетъ насъ на слѣдующій вопросъ: существовали ли въ студенческой средѣ того времени побужденія и интересы болѣе или менѣе духовнаго характера? Тяжелымъ явилось бы сознаніе въ томъ, что безпросыпное пьянство, разгулъ, скандалы и дикія проявленія грубыхъ и необузданныхъ инстинктовъ—давали единственное содержаніе цѣлому ряду молодыхъ поколѣній первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета.

сти также лишеніе студентовъ отпусковъ на вакаціонное время и воспрещеніе имъ временныхъ отлучекъ изъ города и изъ университета [257].

Въ качествѣ карательной мѣры практиковалось и ухудшеніе содержанія казенныхъ студентовъ. Сюда относятся: задержаніе выдачи имъ, впредь до исправленія, жалованья; лишеніе завтраковъ и обѣдовъ, иногда даже въ теченіи нѣсколькихъ дней, или лишеніе извѣстнаго кушанья. Такъ, Яковкинъ въ 1808 году, за пусканіе на университетскомъ дворѣ ракетъ, наказалъ заподозрѣнныхъ въ этой шалости студентовъ тѣмъ, что для части ихъ „приказалъ поставить во время стола, вмѣсто кушанья, въ мискѣ и въ соусникахъ воду", остальныхъ же „сравнилъ въ числѣ блюдъ съ гимназистами". Профессоръ-директоръ былъ, вообще, очень изобрѣтателенъ въ области своихъ попытокъ нравственнаго воздѣйствія на воспитанниковъ и практиковалъ даже такую своеобразную мѣру наказанія, какъ облеченіе провинившихся въ „мужицкое (!) платье" [258].

Дисциплинарно-карательная система завершалась обширнымъ кругомъ устыдительныхъ наказаній, среди которыхъ мы находимъ слѣдующіе виды ихъ: простое напоминаніе ректора или инспектора; выговоръ, нерѣдко совершавшійся „публично"—въ присутствіи всѣхъ студентовъ или даже въ собраніи совѣта; принесеніе публичнаго извиненія (за личныя оскорбленія); выставленіе имени виновнаго на черной доскѣ (мѣра Яковкина) и занесеніе его въ „черную" или въ „шнуровую" штрафную книги (мѣра Броннера); перемѣщеніе изъ одной камеры въ другую; встрѣчаемъ даже и такія чисто дѣтскія мѣры взысканія, какъ сажаніе во время обѣда за отдѣльный столъ или неудавшуюся и уже знакомую намъ попытку адъюнкта Запольскаго ставить студентовъ, во время лекцій, въ уголъ [259].

Мрачная картина внутренней жизни студенчества начальной эпохи существованія казанскаго университета, развернувшаяся передъ нами на основаніи оффиціальныхъ данныхъ университетскаго архива, невольнымъ образомъ наталкиваетъ насъ на слѣдующій вопросъ: существовали ли въ студенческой средѣ того времени побужденія и интересы болѣе или менѣе духовнаго характера? Тяжелымъ явилось бы сознаніе въ томъ, что безпросыпное пьянство, разгулъ, скандалы и дикія проявленія грубыхъ и необузданныхъ инстинктовъ—давали единственное содержаніе цѣлому ряду молодыхъ поколѣній первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета.

Только что поставленнымъ вопросомъ интересовался и нашъ покойный предшественникъ по исторіографіи казанскаго университета Н. Н. Буличъ, пришедшій на этой почвѣ къ выводамъ совершенно пессимистическаго характера: „Для студентовъ занимающихъ насъ годовъ, за весьма малыми, незначительными исключеніями, интересы духа и знанія почти вовсе не существовали"—писалъ въ свое время Н. Н. Буличъ; „для студентовъ казанскаго университета въ то время не существовало почти вовсе какихъ либо умственныхъ интересовъ"; „изъ этой, по лѣтамъ еще, повидимому, юной сферы—вѣетъ гнилымъ и затхлымъ воздухомъ"; у молодого поколѣнія той эпохи „не было никакихъ идеаловъ, которые могли бы скрасить молодую жизнь и дать ей больше содержанія"—замѣчаетъ тотъ же авторъ *.

Какъ ни суровъ „обвинительный актъ", который создается для учащейся молодежи интересующей насъ эпохи на основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи архивныхъ данныхъ, мы не рѣшимся, тѣмъ не менѣе, вынести ей обвинительный приговоръ въ той категорической формѣ, къ какой склонялся, какъ видимъ, покойный Н. Н. Буличъ. Мы не рѣшимся на это и потому, что, помимо отрицательныхъ условій соціальнаго характера, которыя, какъ мы это уже имѣли случай отмѣтить, несомнѣнно вліяли на духовный складъ воспитывавшейся въ университетѣ молодежи, не могло совершенно оставаться безъ вліянія въ этомъ направленіи и то неустроенное и переходное состояніе, въ которомъ находился, въ первые девять лѣтъ своего существованія, казанскій университетъ.

Въ самомъ началѣ нашего труда, повѣствуя о первыхъ шагахъ жизни вновь основаннаго казанскаго университета, мы имѣли поводъ коснуться вопроса относительно условій духовной жизни первыхъ поколѣній казанскаго студенчества. Мы замѣтили еще тогда, что „духовная сторона жизни перваго казанскаго студенчества была далеко не безцвѣтною", что „интересы литературные, эстетическіе, политическіе—мирно уживались въ средѣ университетской молодежи какъ наряду съ занятіями научными, такъ и съ нерѣдкими проявленіями юношескаго, не всегда зрѣлаго и сдержаннаго, увлеченія и темперамента" **.

Въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова и В. И. Панаева, относящихся къ первымъ годамъ существованія казанскаго университета, живо отражаются интересы литературные, научные и эстетическіе, которыми были воодушев-

* Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», стр. 486, 568, 571.

** См. томъ I, стр. 86—92.

Только что поставленнымъ вопросомъ интересовался и нашъ покойный предшественникъ по исторіографіи казанскаго университета Н. Н. Буличъ, пришедшій на этой почвѣ къ выводамъ совершенно пессимистическаго характера: „Для студентовъ занимающихъ насъ годовъ, за весьма малыми, незначительными исключеніями, интересы духа и знанія почти вовсе не существовали"—писалъ въ свое время Н. Н. Буличъ; „для студентовъ казанскаго университета въ то время не существовало почти вовсе какихъ либо умственныхъ интересовъ"; „изъ этой, по лѣтамъ еще, повидимому, юной сферы—вѣетъ гнилымъ и затхлымъ воздухомъ"; у молодого поколѣнія той эпохи „не было никакихъ идеаловъ, которые могли бы скрасить молодую жизнь и дать ей больше содержанія"—замѣчаетъ тотъ же авторъ *.

Какъ ни суровъ „обвинительный актъ", который создается для учащейся молодежи интересующей насъ эпохи на основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи архивныхъ данныхъ, мы не рѣшимся, тѣмъ не менѣе, вынести ей обвинительный приговоръ въ той категорической формѣ, къ какой склонялся, какъ видимъ, покойный Н. Н. Буличъ. Мы не рѣшимся на это и потому, что, помимо отрицательныхъ условій соціальнаго характера, которыя, какъ мы это уже имѣли случай отмѣтить, несомнѣнно вліяли на духовный складъ воспитывавшейся въ университетѣ молодежи, не могло совершенно оставаться безъ вліянія въ этомъ направленіи и то неустроенное и переходное состояніе, въ которомъ находился, въ первые девять лѣтъ своего существованія, казанскій университетъ.

Въ самомъ началѣ нашего труда, повѣствуя о первыхъ шагахъ жизни вновь основаннаго казанскаго университета, мы имѣли поводъ коснуться вопроса относительно условій духовной жизни первыхъ поколѣній казанскаго студенчества. Мы замѣтили еще тогда, что „духовная сторона жизни перваго казанскаго студенчества была далеко не безцвѣтною", что „интересы литературные, эстетическіе, политическіе—мирно уживались въ средѣ университетской молодежи какъ наряду съ занятіями научными, такъ и съ нерѣдкими проявленіями юношескаго, не всегда зрѣлаго и сдержаннаго, увлеченія и темперамента" **.

Въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова и В. И. Панаева, относящихся къ первымъ годамъ существованія казанскаго университета, живо отражаются интересы литературные, научные и эстетическіе, которыми были воодушев-

* Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», стр. 486, 568, 571.

** См. томъ I, стр. 86—92.

лены, порою даже до увлеченія, юные воспитанники университета. Любовь къ литературѣ, выразившаяся въ образованіи студенческаго литературнаго кружка, на почвѣ котораго получило начальное основаніе „общество любителей отечественной словесности", и въ изданіи рукописнаго студенческаго „Журнала нашихъ занятій"; увлеченіе естествознаніемъ и математикою,—едва ли не единственными отраслями знанія, солидно поставленными уже съ первыхъ лѣтъ существованія университета; беззавѣтная страсть къ театру, нашедшая себѣ выходъ въ образованіи собственной студенческой сцены—все это даетъ намъ полное основаніе утверждать, что жизнь учащейся молодежи вновь основаннаго университета далеко не была чужда и хорошихъ стремленій духовнаго порядка, что не пустою фразою звучатъ слова старика-Аксакова о томъ, что „за все, что сохранилось въ немъ добраго, онъ считаетъ себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ оттуда". „Счастливое было это время—пребываніе мое въ университетѣ!—вспоминаетъ Панаевъ.—Занятія науками, особливо исторіею и словесностью, и дружба, самая нѣжная, самая возвышенная, услаждали юные дни мои.... Свободное отъ классовъ и забавъ время посвящали мы сужденіямъ о предметахъ высокихъ и изящныхъ: подвиги героевъ, черты самоотверженія, торжество добродѣтели, творенія великихъ писателей и поэтовъ—вотъ что составляло преимущественно предметъ нашихъ разговоровъ, нашихъ помышленій, наполняло сердца наши и души".... *. И Аксаковъ и Панаевъ рѣшительнымъ образомъ приписываютъ университету и гимназіи ту страстную любовь къ литературѣ, перваго же изъ нихъ—и къ театру, которою была проникнута вся послѣдующая жизненная дѣятельность обоихъ писателей.

Такъ обстояло дѣло въ первые годы существованія казанскаго университета. Куда же,—спрашивается,—могли сразу исчезнуть всѣ эти симпатичныя увлеченія, всѣ эти свѣтлые и горячіе молодые порывы, если мы признаемъ, слѣдомъ за покойнымъ Буличемъ, что „гнилымъ и затхлымъ воздухомъ" вѣяло отъ студенческой среды занимающей насъ эпохи, что у этой среды „не было никакихъ идеаловъ, которые могли бы скрасить молодую жизнь и дать ей больше содержанія"? Неужели могли въ нѣсколько лѣтъ безслѣдно порваться всѣ традиціи, внесенныя въ жизнь университет-

* «Воспоминанія В. И. Панаева», Вѣст. Евр. за 1867 г., т. III, стр. 220—221. Пребываніе В. И. Панаева въ казанскомъ университетѣ обнимаетъ собою слѣдующій промежутокъ времени: въ званіи студента съ 1807 по 1811 годъ, въ званіи кандидата съ 1811 по 1815 годъ; С. Т. Аксакова—1805 и 1806 годы.

лены, порою даже до увлеченія, юные воспитанники университета. Любовь къ литературѣ, выразившаяся въ образованіи студенческаго литературнаго кружка, на почвѣ котораго получило начальное основаніе „общество любителей отечественной словесности", и въ изданіи рукописнаго студенческаго „Журнала нашихъ занятій"; увлеченіе естествознаніемъ и математикою,—едва ли не единственными отраслями знанія, солидно поставленными уже съ первыхъ лѣтъ существованія университета; беззавѣтная страсть къ театру, нашедшая себѣ выходъ въ образованіи собственной студенческой сцены—все это даетъ намъ полное основаніе утверждать, что жизнь учащейся молодежи вновь основаннаго университета далеко не была чужда и хорошихъ стремленій духовнаго порядка, что не пустою фразою звучатъ слова старика-Аксакова о томъ, что „за все, что сохранилось въ немъ добраго, онъ считаетъ себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ оттуда". „Счастливое было это время—пребываніе мое въ университетѣ!—вспоминаетъ Панаевъ.—Занятія науками, особливо исторіею и словесностью, и дружба, самая нѣжная, самая возвышенная, услаждали юные дни мои.... Свободное отъ классовъ и забавъ время посвящали мы сужденіямъ о предметахъ высокихъ и изящныхъ: подвиги героевъ, черты самоотверженія, торжество добродѣтели, творенія великихъ писателей и поэтовъ—вотъ что составляло преимущественно предметъ нашихъ разговоровъ, нашихъ помышленій, наполняло сердца наши и души".... *. И Аксаковъ и Панаевъ рѣшительнымъ образомъ приписываютъ университету и гимназіи ту страстную любовь къ литературѣ, перваго же изъ нихъ—и къ театру, которою была проникнута вся послѣдующая жизненная дѣятельность обоихъ писателей.

Такъ обстояло дѣло въ первые годы существованія казанскаго университета. Куда же,—спрашивается,—могли сразу исчезнуть всѣ эти симпатичныя увлеченія, всѣ эти свѣтлые и горячіе молодые порывы, если мы признаемъ, слѣдомъ за покойнымъ Буличемъ, что „гнилымъ и затхлымъ воздухомъ" вѣяло отъ студенческой среды занимающей насъ эпохи, что у этой среды „не было никакихъ идеаловъ, которые могли бы скрасить молодую жизнь и дать ей больше содержанія"? Неужели могли въ нѣсколько лѣтъ безслѣдно порваться всѣ традиціи, внесенныя въ жизнь университет-

---

* «Воспоминанія В. И. Панаева», Вѣст. Евр. за 1867 г., т. III, стр. 220—221. Пребываніе В. И. Панаева въ казанскомъ университетѣ обнимаетъ собою слѣдующій промежутокъ времени: въ званіи студента съ 1807 по 1811 годъ, въ званіи кандидата съ 1811 по 1815 годъ; С. Т. Аксакова—1805 и 1806 годы.

ской молодежи ея первыми представителями? Возможно ли допустить, что бы въ эти немногіе годы студенческая среда могла настолько пасть, настолько развратиться, что вся ея жизнь—представляла собою лишь рядъ явленій отрицательнаго характера, сгруппировавшихся на мрачномъ фонѣ инспекторскихъ донесеній и журнальныхъ записей?....

Не можетъ быть спора въ томъ, что много мрачныхъ чертъ заключаетъ въ себѣ лѣтопись студенческой жизни первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета, но не должно забывать, при этомъ, съ одной стороны—того, что эти черты жизни учащейся молодежи въ огромной степени отражали въ себѣ лишь общія условія жизни современнаго общества, далеко не во всѣхъ случаяхъ коренясь въ особенностяхъ собственно университетской жизни; съ другой же стороны слѣдуетъ имѣть въ виду и оффиціальную односторонность находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ, преслѣдующихъ задачи исключительно дисциплинарныя, и не вина казанскаго университета въ томъ, что болѣе поздніе годы его внутренней жизни не нашли себѣ такихъ отзывчивыхъ бытописателей, какими явились, для первыхъ лѣтъ его жизни, Аксаковъ и Панаевъ.

Да едва ли, впрочемъ, и можемъ мы считать себя вправѣ высказать слишкомъ категорическое сужденіе по адресу значительной части молодежи, фигурирующей съ отрицательной, въ нравственномъ отношеніи, стороны въ скорбной лѣтописи инспекторскаго журнала. За исключеніемъ нѣсколькихъ представителей этой молодежи, нравственный обликъ которыхъ дѣйствительно свидѣтельствуетъ о глубокой и безнадежной испорченности ихъ (припомнимъ Сапожникова, Соловьева, Уфимцева, Пестякова, Знобишина, Попова Ал.), зарегистрированныя инспекторскимъ журналомъ дѣянія значительной части студентовъ импонируютъ лишь своею скученною группировкою и отсутствіемъ данныхъ иного, уже положительнаго по отношенію къ тѣмъ же лицамъ, характера. Получается, такимъ образомъ, матеріалъ слишкомъ односторонняго направленія, безусловно полагаться на который является въ высшей степени рискованнымъ, а тѣмъ болѣе рискованнымъ было бы класть этотъ сухой и педантическо-формальный матеріалъ въ основу выводовъ болѣе или менѣе рѣшительнаго характера.

За примѣрами ходить недалеко и мы можемъ привести ихъ изъ начальной же поры жизни казанскаго университета. Н. И. Лобачевскій,—этотъ міровой математическій геній, имя котораго навсегда останется славою и гордостью исторіи казанскаго университета,—аттестовался въ свое время „первымъ по худому поведенію“ студентомъ университета и нѣмец-

ской молодежи ея первыми представителями? Возможно ли допустить, что бы въ эти немногіе годы студенческая среда могла настолько пасть, настолько развратиться, что вся ея жизнь—представляла собою лишь рядъ явленій отрицательнаго характера, сгруппировавшихся на мрачномъ фонѣ инспекторскихъ донесеній и журнальныхъ записей?....

Не можетъ быть спора въ томъ, что много мрачныхъ чертъ заключаетъ въ себѣ лѣтопись студенческой жизни первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета, но не должно забывать, при этомъ, съ одной стороны—того, что эти черты жизни учащейся молодежи въ огромной степени отражали въ себѣ лишь общія условія жизни современнаго общества, далеко не во всѣхъ случаяхъ коренясь въ особенностяхъ собственно университетской жизни; съ другой же стороны слѣдуетъ имѣть въ виду и оффиціальную односторонность находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ, преслѣдующихъ задачи исключительно дисциплинарныя, и не вина казанскаго университета въ томъ, что болѣе поздніе годы его внутренней жизни не нашли себѣ такихъ отзывчивыхъ бытописателей, какими явились, для первыхъ лѣтъ его жизни, Аксаковъ и Панаевъ.

Да едва ли, впрочемъ, и можемъ мы считать себя вправѣ высказать слишкомъ категорическое сужденіе по адресу значительной части молодежи, фигурирующей съ отрицательной, въ нравственномъ отношеніи, стороны въ скорбной лѣтописи инспекторскаго журнала. За исключеніемъ нѣсколькихъ представителей этой молодежи, нравственный обликъ которыхъ дѣйствительно свидѣтельствуетъ о глубокой и безнадежной испорченности ихъ (припомнимъ Сапожникова, Соловьева, Уфимцева, Пестякова, Знобишина, Попова Ал.), зарегистрированныя инспекторскимъ журналомъ дѣянія значительной части студентовъ импонируютъ лишь своею скученною группировкою и отсутствіемъ данныхъ иного, уже положительнаго по отношенію къ тѣмъ же лицамъ, характера. Получается, такимъ образомъ, матеріалъ слишкомъ односторонняго направленія, безусловно полагаться на который является въ высшей степени рискованнымъ, а тѣмъ болѣе рискованнымъ было бы класть этотъ сухой и педантическо-формальный матеріалъ въ основу выводовъ болѣе или менѣе рѣшительнаго характера.

За примѣрами ходить недалеко и мы можемъ привести ихъ изъ начальной же поры жизни казанскаго университета. Н. И. Лобачевскій,—этотъ міровой математическій геній, имя котораго навсегда останется славою и гордостью исторіи казанскаго университета,—аттестовался въ свое время „первымъ по худому поведенію" студентомъ университета и нѣмец-

кимъ членамъ совѣта, какъ свидѣтельствуетъ о томъ проф. Броннеръ, лишь съ трудомъ удалось спасти этого даровитаго юношу отъ гибели, на которую уже готовились обречь его наши сухіе, безсердечные и весьма сомнительной пробы педагоги-моралисты, съ профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ въ ихъ главѣ. Кромѣ Н. И. Лобачевскаго, въ „скорбной“ хроникѣ инспекторскаго журнала не послѣднюю роль играютъ затѣмъ: А. И. Лобачевскій, Е. П. Манасеинъ, Н. М. Алехинъ, Н. Ѳ. Кулаковъ и В. И. Тимьянскій, занимавшіе впослѣдствіе при университетѣ адъюнктскія и профессорскія должности, А. М. Княжевичъ, бывшій въ началѣ царствованія императора Александра II министромъ финансовъ и др. Не говоря уже о свойственныхъ всякой молодежи увлеченіяхъ не только въ положительную сторону, но и въ сторону отрицательную,—явленіе, съ которымъ весьма неохотно считаются наши ригористы-педагоги, съ такимъ легкимъ сердцемъ забывающіе грѣхи и прегрѣшенія своей собственной зеленой юности,—не можетъ быть игнорируема, въ данномъ случаѣ, и черта, вообще присущая пресловутой русской „широкой“ натурѣ, въ которой способны рядомъ уживаться контрасты самаго разнороднаго характера. Примѣрами подобнаго рода,—порою, правда, весьма печальными, но за которыми идти пришлось бы недалеко,—полна, какъ хорошо извѣстна, исторія русской культурной жизни какъ въ ея прошломъ, такъ и въ ея настоящемъ. Много силъ и дарованій погибло и погибаетъ у насъ въ этомъ столкновеніи контрастовъ, въ этой борьбѣ положительныхъ и отрицательныхъ началъ духовной жизни—и казанская университетская молодежь не могла, конечно, представить собою исключенія изъ общаго теченія русской интеллектуальной жизни.

Но мы имѣемъ и данныя уже положительнаго характера, свидѣтельствующія о томъ, что университетская молодежь интересующей насъ эпохи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, допустимъ даже—порокахъ, въ общей массѣ своей далеко не была чужда интересовъ духовнаго характера. Это доказывается, прежде всего, продуктивностью, съ точки зрѣнія осуществленія имъ своихъ образовательныхъ задачъ, казанскаго университета на протяженіи первыхъ четырнадцати лѣтъ его существованія, а такая продуктивность явилась бы немыслимою при жалкомъ прозябаніи его питомцевъ въ „гнилой и затхлой атмосферѣ“, лишенной „всякихъ идеаловъ, способныхъ скрасить молодую жизнь и дать ей больше содержанія“.

Бросимъ бѣглый взоръ на дѣятелей, выработавшихся въ этой, будто бы „гнилой и затхлой“, атмосферѣ начальной поры жизни казанскаго университета.

кимъ членамъ совѣта, какъ свидѣтельствуетъ о томъ проф. Броннеръ, лишь съ трудомъ удалось спасти этого даровитаго юношу отъ гибели, на которую уже готовились обречь его наши сухіе, безсердечные и весьма сомнительной пробы педагоги-моралисты, съ профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ въ ихъ главѣ. Кромѣ Н. И. Лобачевскаго, въ „скорбной" хроникѣ инспекторскаго журнала не послѣднюю роль играютъ затѣмъ: А. И. Лобачевскій, Е. П. Манасеинъ, Н. М. Алехинъ, Н. Ѳ. Кулаковъ и В. И. Тимьянскій, занимавшіе впослѣдствіе при университетѣ адъюнктскія и профессорскія должности, А. М. Княжевичъ, бывшій въ началѣ царствованія императора Александра II министромъ финансовъ и др. Не говоря уже о свойственныхъ всякой молодежи увлеченіяхъ не только въ положительную сторону, но и въ сторону отрицательную,—явленіе, съ которымъ весьма неохотно считаются наши ригористы-педагоги, съ такимъ легкимъ сердцемъ забывающіе грѣхи и прегрѣшенія своей собственной зеленой юности,—не можетъ быть игнорируема, въ данномъ случаѣ, и черта, вообще присущая пресловутой русской „широкой" натурѣ, въ которой способны рядомъ уживаться контрасты самаго разнороднаго характера. Примѣрами подобнаго рода,—порою, правда, весьма печальными, но за которыми идти пришлось бы недалеко,—полна, какъ хорошо извѣстна, исторія русской культурной жизни какъ въ ея прошломъ, такъ и въ ея настоящемъ. Много силъ и дарованій погибло и погибаетъ у насъ въ этомъ столкновеніи контрастовъ, въ этой борьбѣ положительныхъ и отрицательныхъ началъ духовной жизни—и казанская университетская молодежь не могла, конечно, представить собою исключенія изъ общаго теченія русской интеллектуальной жизни.

Но мы имѣемъ и данныя уже положительнаго характера, свидѣтельствующія о томъ, что университетская молодежь интересующей насъ эпохи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, допустимъ даже—порокахъ, въ общей массѣ своей далеко не была чужда интересовъ духовнаго характера. Это доказывается, прежде всего, продуктивностью, съ точки зрѣнія осуществленія имъ своихъ образовательныхъ задачъ, казанскаго университета на протяженіи первыхъ четырнадцати лѣтъ его существованія, а такая продуктивность явилась бы немыслимою при жалкомъ прозябаніи его питомцевъ въ „гнилой и затхлой атмосферѣ", лишенной „всякихъ идеаловъ, способныхъ скрасить молодую жизнь и дать ей больше содержанія".

Бросимъ бѣглый взоръ на дѣятелей, выработавшихся въ этой, будто бы „гнилой и затхлой", атмосферѣ начальной поры жизни казанскаго университета.

Во главѣ ихъ предстанутъ передъ нами мощные образы четырехъ ученыхъ, безусловно украсившихъ собою лѣтописи русской науки истекшаго XIX-го столѣтія, изъ которыхъ одному выпала на долю высокая честь стать въ ряду величайшихъ міровыхъ умовъ этого славнаго вѣка и которые своимъ образованіемъ были всецѣло обязаны „гнилой и затхлой атмосферѣ“ стараго казанскаго университета. Мы говоримъ о Николаѣ Ивановичѣ Лобачевскомъ, Иванѣ Михайловичѣ Симоновѣ и академикахъ-братьяхъ Василіѣ Матвѣевичѣ и Димитріѣ Матвѣевичѣ Перевощиковыхъ, изъ которыхъ двое первыхъ цѣликомъ отдали казанскому университету всю свою послѣдующую учено-преподавательскую дѣятельность, третій—первое десятилѣтіе ея. Кромѣ Н. Лобачевскаго, Симонова и В. Перевощикова, та же пора дала казанскому университету еще одиннадцать профессоровъ и адъюнктовъ, воспитанныхъ въ той же „гнилой и затхлой“ атмосферѣ. Это—профессоры: П. С. Кондыревъ, В. Я. Булыгинъ, В. И. Тимьянскій и А. Е. Лентовскій, адъюнкты: А. И. Лобачевскій, Е. П. Манасеинъ, Н. М. Алехинъ, Н. Ѳ. Кулаковъ, А. В. Кайсаровъ, М. А. Юнаковъ и М. С. Рыбушкинъ. Четырнадцать преподавателей изъ своихъ собственныхъ воспитанниковъ приготовилъ себѣ, такимъ образомъ, казанскій университетъ за начальные четырнадцать же лѣтъ своего существованія!

Кромѣ бывшихъ студентовъ казанскаго университета, занявшихъ въ немъ впослѣдствіе кафедры, первыя четырнадцать лѣтъ жизни университета дали и рядъ воспитанниковъ его, выдававшихся своими способностями и успѣшными занятіями и оставившими по себѣ видный слѣдъ въ начальной исторіи университета. Укажемъ на любимыхъ учениковъ профессора Френа—С. В. Кручинина и Я. О. Ярцова, изъ которыхъ первый, къ глубокому огорченію своего славнаго учителя, умеръ въ полномъ расцвѣтѣ юношескихъ силъ, а второй сдѣлался адъюнктомъ академіи наукъ; В. Д. Саханскаго, въ 1819 году отправленнаго въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію для усовершенствованія въ медицинѣ и предназначавшагося къ занятію въ университетѣ кафедры; Ѳ. М. Отсолига, еще въ бытность студентомъ преподававшаго въ университетѣ анатомію, а впослѣдствіе директора медицинскаго департамента; О. К. Линдегрена, одного изъ любимыхъ учениковъ профессора Бартельса, впослѣдствіе выдающагося учителя математики; Я. С. Сыромятникова, предназначавшагося къ занятію медицинской кафедры и безъ вѣсти пропавшаго въ Лондонѣ, во время своей командировки заграницу съ ученою цѣлью.... Не приводимъ цѣлаго ряда магистровъ и кандидатовъ, дѣятель-

Во главѣ ихъ предстанутъ передъ нами мощные образы четырехъ ученыхъ, безусловно украсившихъ собою лѣтописи русской науки истекшаго XIX-го столѣтія, изъ которыхъ одному выпала на долю высокая честь стать въ ряду величайшихъ міровыхъ умовъ этого славнаго вѣка и которые своимъ образованіемъ были всецѣло обязаны „гнилой и затхлой атмосферѣ“ стараго казанскаго университета. Мы говоримъ о Николаѣ Ивановичѣ Лобачевскомъ, Иванѣ Михайловичѣ Симоновѣ и академикахъ-братьяхъ Василіѣ Матвѣевичѣ и Димитріѣ Матвѣевичѣ Перевощиковыхъ, изъ которыхъ двое первыхъ цѣликомъ отдали казанскому университету всю свою послѣдующую учено-преподавательскую дѣятельность, третій—первое десятилѣтіе ея. Кромѣ Н. Лобачевскаго, Симонова и В. Перевощикова, та же пора дала казанскому университету еще одиннадцать профессоровъ и адъюнктовъ, воспитанныхъ въ той же „гнилой и затхлой“ атмосферѣ. Это—профессоры: П. С. Кондыревъ, В. Я. Булыгинъ, В. И. Тимьянскій и А. Е. Лентовскій, адъюнкты: А. И. Лобачевскій, Е. П. Манасеинъ, Н. М. Алехинъ, Н. Ѳ. Кулаковъ, А. В. Кайсаровъ, М. А. Юнаковъ и М. С. Рыбушкинъ. Четырнадцать преподавателей изъ своихъ собственныхъ воспитанниковъ приготовилъ себѣ, такимъ образомъ, казанскій университетъ за начальные четырнадцать же лѣтъ своего существованія!

Кромѣ бывшихъ студентовъ казанскаго университета, занявшихъ въ немъ впослѣдствіе кафедры, первыя четырнадцать лѣтъ жизни университета дали и рядъ воспитанниковъ его, выдававшихся своими способностями и успѣшными занятіями и оставившими по себѣ видный слѣдъ въ начальной исторіи университета. Укажемъ на любимыхъ учениковъ профессора Френа—С. В. Кручинина и Я. О. Ярцова, изъ которыхъ первый, къ глубокому огорченію своего славнаго учителя, умеръ въ полномъ расцвѣтѣ юношескихъ силъ, а второй сдѣлался адъюнктомъ академіи наукъ; В. Д. Саханскаго, въ 1819 году отправленнаго въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію для усовершенствованія въ медицинѣ и предназначавшагося къ занятію въ университетѣ кафедры; Ѳ. М. Отсолига, еще въ бытность студентомъ преподававшаго въ университетѣ анатомію, а впослѣдствіе директора медицинскаго департамента; О. К. Линдегрена, одного изъ любимыхъ учениковъ профессора Бартельса, впослѣдствіе выдающагося учителя математики; Я. С. Сыромятникова, предназначавшагося къ занятію медицинской кафедры и безъ вѣсти пропавшаго въ Лондонѣ, во время своей командировки заграницу съ ученою цѣлью.... Не приводимъ цѣлаго ряда магистровъ и кандидатовъ, дѣятель-

ность которыхъ не оставила по себѣ такого виднаго слѣда. Если мы припомнимъ еще имена С. Т. Аксакова, В. И. Панаева, будущаго министра финансовъ А. М. Княжевича — то мы съ несомнѣнною ясностью убѣдимся въ весьма значительной продуктивности, проявленной казанскимъ университетомъ уже въ первые четырнадцать лѣтъ своего существованія и которая въ достаточной мѣрѣ компенсируетъ собою, какъ намъ кажется, непривлядныя отрицательныя черты общаго фона студенческой жизни того времени, скрыть которыя отъ вниманія читателей мы, во всякомъ случаѣ, не почли себя въ правѣ.

Начальная исторія казанскаго университета даетъ намъ и рядъ другихъ указаній на болѣе или менѣе близкое участіе молодежи въ духовной жизни своей юной almae matris и на несомнѣнную наличность въ ея средѣ идеаловъ и потребностей духовнаго характера.

Студенческія работы, неоднократно упоминавшіяся въ нашемъ предшествовавшемъ изложеніи и значительное количество которыхъ сохранилось въ дѣлахъ университетскаго архива, активное участіе студентовъ своими прозаическими и стихотворными произведеніями въ торжественныхъ собраніяхъ университета, близкое соотношеніе ихъ къ дѣятельности „общества любителей отечественной словесности“ и существованіе среди молодежи собственныхъ литературныхъ кружковъ—все это далеко не свидѣтельствуетъ въ сторону отсутствія въ быту этой молодежи „всякихъ идеаловъ, способныхъ скрасить молодую жизнь и дать ей содержаніе“.

Литературныя увлеченія университетской молодежи, находившія себѣ въ годы С. Т. Аксакова выходъ въ изданіи рукописнаго студенческаго журнала („Журналъ нашихъ занятій“), въ той же формѣ выражались, какъ оказывается, и впослѣдствіе. Мы уже знаемъ, что въ 1812 году студенческій литературный кружокъ издавалъ ежемѣсячный рукописный журналъ „Смѣсь“, нѣкоторыя статьи котораго Яковкинъ считалъ даже возможнымъ утилизировать для „Трудовъ“ общества любителей отечественной словесности, и что нѣкоторыя книжки этого журнала, отправленныя имъ къ Румовскому, вызвали со стороны попечителя одобрительный отзывъ и даже собственноручныя его поправки *.

Не прекращали своего существованія и студенческія театральныя представленія, съ такою живостью и любовью увѣковѣченныя воспоминаніями С. Т. Аксакова и болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія относительно которыхъ не дошли до насъ отъ послѣдующихъ годовъ конечно только

* См. выше стр. 261—262 и ниже приложеніе VIII.

ность которыхъ не оставила по себѣ такого виднаго слѣда. Если мы припомнимъ еще имена С. Т. Аксакова, В. И. Панаева, будущаго министра финансовъ А. М. Княжевича — то мы съ несомнѣнною ясностью убѣдимся въ весьма значительной продуктивности, проявленной казанскимъ университетомъ уже въ первые четырнадцать лѣтъ своего существованія и которая въ достаточной мѣрѣ компенсируетъ собою, какъ намъ кажется, неприглядныя отрицательныя черты общаго фона студенческой жизни того времени, скрыть которыя отъ вниманія читателей мы, во всякомъ случаѣ, не почли себя въ правѣ.

Начальная исторія казанскаго университета даетъ намъ и рядъ другихъ указаній на болѣе или менѣе близкое участіе молодежи въ духовной жизни своей юной almae matris и на несомнѣнную наличность въ ея средѣ идеаловъ и потребностей духовнаго характера.

Студенческія работы, неоднократно упоминавшіяся въ нашемъ предшествовавшемъ изложеніи и значительное количество которыхъ сохранилось въ дѣлахъ университетскаго архива, активное участіе студентовъ своими прозаическими и стихотворными произведеніями въ торжественныхъ собраніяхъ университета, близкое соотношеніе ихъ къ дѣятельности „общества любителей отечественной словесности“ и существованіе среди молодежи собственныхъ литературныхъ кружковъ—все это далеко не свидѣтельствуетъ въ сторону отсутствія въ быту этой молодежи „всякихъ идеаловъ, способныхъ скрасить молодую жизнь и дать ей содержаніе“.

Литературныя увлеченія университетской молодежи, находившія себѣ въ годы С. Т. Аксакова выходъ въ изданіи рукописнаго студенческаго журнала („Журналъ нашихъ занятій“), въ той же формѣ выражались, какъ оказывается, и впослѣдствіе. Мы уже знаемъ, что въ 1812 году студенческій литературный кружокъ издавалъ ежемѣсячный рукописный журналъ „Смѣсь“, нѣкоторыя статьи котораго Яковкинъ считалъ даже возможнымъ утилизировать для „Трудовъ“ общества любителей отечественной словесности, и что нѣкоторыя книжки этого журнала, отправленныя имъ къ Румовскому, вызвали со стороны попечителя одобрительный отзывъ и даже собственноручныя его поправки *.

Не прекращали своего существованія и студенческія театральныя представленія, съ такою живостью и любовью увѣковѣченныя воспоминаніями С. Т. Аксакова и болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія относительно которыхъ не дошли до насъ отъ послѣдующихъ годовъ конечно только

---

* См. выше стр. 261—262 и ниже приложеніе VIII.

потому, что позднѣйшая жизнь студенчества уже не имѣла бытописателя, какимъ выступилъ, для двухъ первыхъ лѣтъ университетской жизни, талантливый творецъ „Семейной хроники и воспоминаній“. Мы имѣемъ отрывочное указаніе на студенческій спектакль, состоявшійся 9-го февраля 1811 года и на которомъ молодые университетскіе любители разыграли комедію „Модникъ“; это указаніе совершенно случайно сохранилось до насъ въ одномъ изъ писемъ проф. Броннера къ попечителю Румовскому, въ которомъ оно приведено по поводу сентенціи Броннера о трудности для него изученія русскаго языка: присутствуя на этомъ представленіи, онъ не оказался въ состояніи понять и двадцатой части всего того, что говорилось со сцены (Бр. 203). Происходили студенческіе спектакли и въ 1817 году. Подъ 10-мъ числомъ марта этого года въ журналѣ Броннера отмѣчено, что ректоръ позволилъ студентамъ поставить комедію: „Бѣдность, благородство и женихи“; этотъ спектакль состоялся 29-го марта, въ большомъ университетскомъ залѣ (Бр. 177—179).

Мы исчерпали въ предѣлахъ возможнаго, обусловливаемаго, прежде всего, наличностью сохранившихся до нашихъ дней историческихъ матеріаловъ, всѣ вопросы, касающіеся условій внутренней жизни студенчества въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи.

Намъ остается разсмотрѣть третій и послѣдній изъ вопросовъ, намѣченныхъ нами для настоящей главы—вопросъ о „педагогическомъ институтѣ“ университета передъ эпохою попечительства Магницкаго.

В

Педагогическій институтъ университета.

Задачи и организація педагогическаго института на основаніи устава 5-го ноября 1804 года.—Подготовленіе къ учительскому званію въ первые годы существованія казанскаго университета.—Спросъ на учителей и назначенія на учительскія должности.—Кандидаты и магистры до открытія педагогическаго института.—Вопросъ въ совѣтѣ объ ихъ занятіяхъ (1811 годъ).—Открытіе педагогическаго института.—Профессоръ Ф. К. Броннеръ, первый директоръ института.—Мѣры начальной организаціи педагогическаго института.—Къ итогамъ дѣятельности этого учрежденія.—Магницкій о педагогическомъ институтѣ казанскаго университета.

Реформа русскаго учебнаго дѣла, предпринятая уже слѣдомъ за учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія и выразившаяся въ изданныхъ 24-го января 1803 года „предварительныхъ правилахъ народ-

потому, что позднѣйшая жизнь студенчества уже не имѣла бытописателя, какимъ выступилъ, для двухъ первыхъ лѣтъ университетской жизни, талантливый творецъ „Семейной хроники и воспоминаній". Мы имѣемъ отрывочное указаніе на студенческій спектакль, состоявшійся 9-го февраля 1811 года и на которомъ молодые университетскіе любители разыграли комедію „Модникъ"; это указаніе совершенно случайно сохранилось до насъ въ одномъ изъ писемъ проф. Броннера къ попечителю Румовскому, въ которомъ оно приведено по поводу сентенціи Броннера о трудности для него изученія русскаго языка: присутствуя на этомъ представленіи, онъ не оказался въ состояніи понять и двадцатой части всего того, что говорилось со сцены (Бр. 203). Происходили студенческіе спектакли и въ 1817 году. Подъ 10-мъ числомъ марта этого года въ журналѣ Броннера отмѣчено, что ректоръ позволилъ студентамъ поставить комедію: „Бѣдность, благородство и женихи"; этотъ спектакль состоялся 29-го марта, въ большомъ университетскомъ залѣ (Бр. 177—179).

Мы исчерпали въ предѣлахъ возможнаго, обусловливаемаго, прежде всего, наличностью сохранившихся до нашихъ дней историческихъ матеріаловъ, всѣ вопросы, касающіеся условій внутренней жизни студенчества въ предѣлахъ занимающей насъ эпохи.

Намъ остается разсмотрѣть третій и послѣдній изъ вопросовъ, намѣченныхъ нами для настоящей главы—вопросъ о „педагогическомъ институтѣ" университета передъ эпохою попечительства Магницкаго.

В

Педагогическій институтъ университета.

Задачи и организація педагогическаго института на основаніи устава 5-го ноября 1804 года.—Подготовленіе къ учительскому званію въ первые годы существованія казанскаго университета.—Спросъ на учителей и назначенія на учительскія должности.—Кандидаты и магистры до открытія педагогическаго института.—Вопросъ въ совѣтѣ объ ихъ занятіяхъ (1811 годъ).—Открытіе педагогическаго института.—Профессоръ Ф. К. Броннеръ, первый директоръ института.—Мѣры начальной организаціи педагогическаго института.—Къ итогамъ дѣятельности этого учрежденія.—Магницкій о педагогическомъ институтѣ казанскаго университета.

Реформа русскаго учебнаго дѣла, предпринятая уже слѣдомъ за учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія и выразившаяся въ изданныхъ 24-го января 1803 года „предварительныхъ правилахъ народ-

наго просвѣщенія"—вызвала настоятельную потребность въ подготовленныхъ учителяхъ для замѣщенія преподавательскихъ должностей въ намѣченной къ осуществленію обширной сѣти губернскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ.

Вопросъ о подготовкѣ учительскаго персонала для народныхъ училищъ сталъ усиленно интересовать собою наше правительство уже съ конца XVIII столѣтія. Съ этою цѣлью въ С.-Петербургѣ въ 1786 году была, какъ извѣстно, основана особая „учительская семинарія", впослѣдствіе переименованная въ „учительскую гимназію", а въ 1804 году получившая, вмѣстѣ съ новымъ уставомъ, названіе „Педагогическаго (съ 1816 года—Главнаго) института". Не довольствуясь этимъ центральнымъ и широко поставленнымъ учрежденіемъ для подготовленія учителей, министерство народнаго просвѣщенія задалось мыслью создать такіе же педагогическіе институты,—въ болѣе упрощенной, конечно, организаціи,—и при университетахъ, въ виду чего положенія объ этихъ институтахъ были введены въ уставы вновь основывавшихся въ 1804 году университетовъ, казанскаго и харьковскаго, и въ новый, тогда же изданный, уставъ университета московскаго. Таково происхожденіе педагогическихъ институтовъ, существовавшихъ при русскихъ университетахъ на основаніи уставовъ 1804 и 1835 годовъ.

Положенія, опредѣляющія организацію и дѣятельность педагогическаго института казанскаго университета, сосредоточены въ особой главѣ его устава 5-го ноября 1804 года (глава XII), хотя отдѣльныя указанія, касающіяся того же предмета, встрѣчаются и въ другихъ отдѣлахъ этого законодательнаго акта. Задача интересующаго насъ учрежденія установляется уже первою статьею только что упомянутой нами главы: „Педагогическій или учительскій институтъ образуетъ учителей для гимназій и училищъ, округъ университета составляющихъ (§ 122)". Личный составъ педагогическаго института заключается изъ двѣнадцати студентовъ-кандидатовъ и такого же числа магистровъ, состоящихъ на опредѣленномъ жалованьи (первые по 300 р., вторые по 400 р. въ годъ), причемъ контингентъ студентовъ-кандидатовъ пополняется, преимущественно, изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ университета. Кандидаты, пробывшіе въ институтѣ три года и „при новомъ испытаніи оказавшіе ясные опыты, что пріобрѣли потребныя знанія другихъ обучать наукамъ и способность преподавать наставленія", получаютъ вторую университетскую степень (т. е. магистра) или опредѣляются учителями въ училищахъ казанскаго округа, младшими или старшими, смотря по достоинствамъ (§ 125); тѣ

наго просвѣщенія"—вызвала настоятельную потребность въ подготовленныхъ учителяхъ для замѣщенія преподавательскихъ должностей въ намѣченной къ осуществленію обширной сѣти губернскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ.

Вопросъ о подготовкѣ учительскаго персонала для народныхъ училищъ сталъ усиленно интересовать собою наше правительство уже съ конца XVIII столѣтія. Съ этою цѣлью въ С.-Петербургѣ въ 1786 году была, какъ извѣстно, основана особая „учительская семинарія", впослѣдствіе переименованная въ „учительскую гимназію", а въ 1804 году получившая, вмѣстѣ съ новымъ уставомъ, названіе „Педагогическаго (съ 1816 года—Главнаго) института". Не довольствуясь этимъ центральнымъ и широко поставленнымъ учрежденіемъ для подготовленія учителей, министерство народнаго просвѣщенія задалось мыслью создать такіе же педагогическіе институты,—въ болѣе упрощенной, конечно, организаціи,—и при университетахъ, въ виду чего положенія объ этихъ институтахъ были введены въ уставы вновь основывавшихся въ 1804 году университетовъ, казанскаго и харьковскаго, и въ новый, тогда же изданный, уставъ университета московскаго. Таково происхожденіе педагогическихъ институтовъ, существовавшихъ при русскихъ университетахъ на основаніи уставовъ 1804 и 1835 годовъ.

Положенія, опредѣляющія организацію и дѣятельность педагогическаго института казанскаго университета, сосредоточены въ особой главѣ его устава 5-го ноября 1804 года (глава XII), хотя отдѣльныя указанія, касающіяся того же предмета, встрѣчаются и въ другихъ отдѣлахъ этого законодательнаго акта. Задача интересующаго насъ учрежденія устанавляется уже первою статьею только что упомянутой нами главы: „Педагогическій или учительскій институтъ образуетъ учителей для гимназій и училищъ, округъ университета составляющихъ (§ 122)". Личный составъ педагогическаго института заключается изъ двѣнадцати студентовъ-кандидатовъ и такого же числа магистровъ, состоящихъ на опредѣленномъ жалованьи (первые по 300 р., вторые по 400 р. въ годъ), причемъ контингентъ студентовъ-кандидатовъ пополняется, преимущественно, изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ университета. Кандидаты, пробывшіе въ институтѣ три года и „при новомъ испытаніи оказавшіе ясные опыты, что пріобрѣли потребныя знанія другихъ обучать наукамъ и способность преподавать наставленія", получаютъ вторую университетскую степень (т. е. магистра) или опредѣляются учителями въ училищахъ казанскаго округа, младшими или старшими, смотря по достоинствамъ (§ 125); тѣ

же изъ магистровъ, которые изъявятъ желаніе остаться при университетѣ—„обязаны преподавать наставленія студентамъ-кандидатамъ и, ежели совѣтъ заблагоразсудитъ, въ университетской аудиторіи, въ назначенные дни и часы (§ 126)". Магистры и старшіе учителя гимназій, пробывшіе въ этихъ званіяхъ не менѣе трехъ лѣтъ—„производятся въ адъюнкты преимущественно передъ посторонними, ежели будутъ праздныя мѣста и общее собраніе (т. е. совѣтъ) по надлежащемъ испытаніи признаетъ ихъ достойными (§ 127)", лучшіе же изъ магистровъ, въ количествѣ двоихъ и черезъ каждые два года, могутъ быть отправляемы, по избранію совѣта, въ ученыя заграничныя командировки, на счетъ особой суммы (2 тыс. рубл.), положенной для этого въ штатѣ университета (§ 128). Во главѣ педагогическаго института находится особый его „директоръ", избираемый совѣтомъ университета изъ числа ординарныхъ профессоровъ, который „въ каждые полгода представляетъ на разсмотрѣніе общему собранію планъ ученія, сообразный намѣренію сего учрежденія"; этотъ же директоръ педагогическаго института „не только надзираетъ, что бы по оному въ точности было исполняемо, но и самъ наблюдая за поведеніемъ учащихся, руководствуетъ ихъ въ ученіи, показывая лучшихъ писателей о наукахъ, главный предметъ ихъ составляющихъ, и наставляя въ искусствѣ преподавать науки яснымъ и систематическимъ образомъ (§ 124)".

Болѣе нежели упрощенная организація, въ которой былъ въ началѣ 1805 года открытъ казанскій университетъ, сама собою исключала возможность учрежденія при немъ педагогическаго института на точныхъ основаніяхъ, преподанныхъ уставомъ 1804 года, и намъ уже извѣстно, что этотъ институтъ впервые основался при университетѣ лишь въ маѣ 1812 года. Потребность въ учителяхъ для вновь основывавшихся гимназій и училищъ, открытіе которыхъ какъ разъ совпало съ учрежденіемъ казанскаго университета и съ первыми годами его существованія, была, тѣмъ не менѣе, настолько велика, что вопросъ о пополненіи учительскихъ вакансій сталъ усиленно интересовать собою управленіе округа уже въ первый годъ по открытіи университета и попечитель Румовскій писалъ Яковкину отъ 12-го октября 1805 года, что „во многихъ мѣстахъ недостаетъ учителей", вслѣдствіе чего и просилъ профессора-директора „увѣдомить—сколько студентовъ по прошествіи года достойны быть могутъ занять мѣста учительскія". Попечитель почелъ, такимъ образомъ, возможнымъ назначать въ учителя студентовъ не только не прошедшихъ положеннаго уставомъ искуса въ педагогическомъ институтѣ, но даже прослушавшихъ всего только одинъ годичный курсъ университетскихъ

же изъ магистровъ, которые изъявятъ желаніе остаться при университетѣ—„обязаны преподавать наставленія студентамъ-кандидатамъ и, ежели совѣтъ заблагоразсудитъ, въ университетской аудиторіи, въ назначенные дни и часы (§ 126)". Магистры и старшіе учителя гимназій, пробывшіе въ этихъ званіяхъ не менѣе трехъ лѣтъ—„производятся въ адъюнкты преимущественно передъ посторонними, ежели будутъ праздныя мѣста и общее собраніе (т. е. совѣтъ) по надлежащемъ испытаніи признаетъ ихъ достойными (§ 127)", лучшіе же изъ магистровъ, въ количествѣ двоихъ и черезъ каждые два года, могутъ быть отправляемы, по избранію совѣта, въ ученыя заграничныя командировки, на счетъ особой суммы (2 тыс. рубл.), положенной для этого въ штатѣ университета (§ 128). Во главѣ педагогическаго института находится особый его „директоръ", избираемый совѣтомъ университета изъ числа ординарныхъ профессоровъ, который „въ каждые полгода представляетъ на разсмотрѣніе общему собранію планъ ученія, сообразный намѣренію сего учрежденія"; этотъ же директоръ педагогическаго института „не только надзираетъ, что бы по оному въ точности было исполняемо, но и самъ наблюдая за поведеніемъ учащихся, руководствуетъ ихъ въ ученіи, показывая лучшихъ писателей о наукахъ, главный предметъ ихъ составляющихъ, и наставляя въ искусствѣ преподавать науки яснымъ и систематическимъ образомъ (§ 124)".

Болѣе нежели упрощенная организація, въ которой былъ въ началѣ 1805 года открытъ казанскій университетъ, сама собою исключала возможность учрежденія при немъ педагогическаго института на точныхъ основаніяхъ, преподанныхъ уставомъ 1804 года, и намъ уже извѣстно, что этотъ институтъ впервые основался при университетѣ лишь въ маѣ 1812 года. Потребность въ учителяхъ для вновь основывавшихся гимназій и училищъ, открытіе которыхъ какъ разъ совпало съ учрежденіемъ казанскаго университета и съ первыми годами его существованія, была, тѣмъ не менѣе, настолько велика, что вопросъ о пополненіи учительскихъ вакансій сталъ усиленно интересовать собою управленіе округа уже въ первый годъ по открытіи университета и попечитель Румовскій писалъ Яковкину отъ 12-го октября 1805 года, что „во многихъ мѣстахъ недостаетъ учителей", вслѣдствіе чего и просилъ профессора-директора „увѣдомить—сколько студентовъ по прошествіи года достойны быть могутъ занять мѣста учительскія". Попечитель почелъ, такимъ образомъ, возможнымъ назначать въ учителя студентовъ не только не прошедшихъ положеннаго уставомъ искуса въ педагогическомъ институтѣ, но даже прослушавшихъ всего только одинъ годичный курсъ университетскихъ

преподаваній. Исполняя требованіе попечителя, Яковкинъ уже въ началѣ ноября того же года препроводилъ къ нему табличный „списокъ казенныхъ студентовъ императорскаго казанскаго университета, съ показаніемъ лѣтъ каждаго, поведенія, дарованій, успѣховъ и присовокупленіемъ мнѣнія, кто можетъ быть оставленъ для университета и въ университетѣ, или кто можетъ быть назначенъ въ учители, и по какимъ причинамъ". Въ этомъ любопытномъ спискѣ, дающемъ свѣдѣнія о 34-хъ казенныхъ студентахъ, четверо изъ нихъ (Кондыревъ, Владиміръ Графъ, Василій Перевощиковъ и Риттау) признаны подающими, первый — „твердую" надежду, второй и четвертый—„хорошую", а третій—простую надежду „къ оставленію при университетѣ для высшихъ званій"; двадцать студентовъ признаны недостаточно подготовленными и подлежащими дальнѣйшему пребыванію ихъ въ университетѣ; десять студентовъ рекомендованы къ занятію учительскихъ должностей *.

Дальнѣйшая переписка между попечителемъ и университетомъ относительно производства студентовъ въ учителя возобновилась слѣдомъ за истеченіемъ перваго учебнаго года. Уже въ февралѣ 1806 года Румовскій предписалъ профессору-директору „предложить тѣмъ изъ казенныхъ студентовъ казанскаго университета, которые по лѣтамъ своимъ и по пріобрѣтеннымъ познаніямъ, также и по поведенію, понадежнѣе, занять два въ оренбургскомъ главномъ народномъ училищѣ званія учителей, одинъ— для математическихъ, другой—для историческихъ предметовъ". Предложивъ это попечительское предписаніе совѣту въ засѣданіи 10-го марта, Яковкинъ высказалъ, съ своей стороны, мнѣніе, что „какъ въ математическихъ частяхъ съ самаго основанія гимназіи и, потомъ, университета нынѣшніе студенты имѣли болѣе времени и способовъ оказать довольные успѣхи, а по исторической части, кромѣ всеобщей, россійской и математической географіи, также всеобщей и россійской исторіи, никто еще изъ нихъ не прослушалъ полнаго курса натуральной исторіи, безъ знанія которой историческое обученіе не можетъ быть достаточно", то онъ и полагалъ бы на вакансію по математическому классу предназначить студента

* Приведемъ, для образца, формы этихъ директорскихъ рекомендацій: «По росту (т. е. возрасту—16 лѣтъ), поведенію и знаніямъ съ пользою можетъ заступить мѣсто учителя» (Николай Упадышевскій); «Можетъ занять съ пользою мѣсто учителя, но одаренъ особенною способностью и терпѣніемъ къ художествамъ» (Павелъ Поповъ); «Съ пользою можетъ быть учителемъ» и т. п.

преподаваній. Исполняя требованіе попечителя, Яковкинъ уже въ началѣ ноября того же года препроводилъ къ нему табличный „списокъ казенныхъ студентовъ императорскаго казанскаго университета, съ показаніемъ лѣтъ каждаго, поведенія, дарованій, успѣховъ и присовокупленіемъ мнѣнія, кто можетъ быть оставленъ для университета и въ университетѣ, или кто можетъ быть назначенъ въ учители, и по какимъ причинамъ". Въ этомъ любопытномъ спискѣ, дающемъ свѣдѣнія о 34-хъ казенныхъ студентахъ, четверо изъ нихъ (Кондыревъ, Владиміръ Графъ, Василій Перевощиковъ и Риттау) признаны подающими, первый — „твердую" надежду, второй и четвертый—„хорошую", а третій—простую надежду „къ оставленію при университетѣ для высшихъ званій"; двадцать студентовъ признаны недостаточно подготовленными и подлежащими дальнѣйшему пребыванію ихъ въ университетѣ; десять студентовъ рекомендованы къ занятію учительскихъ должностей *.

Дальнѣйшая переписка между попечителемъ и университетомъ относительно производства студентовъ въ учителя возобновилась слѣдомъ за истеченіемъ перваго учебнаго года. Уже въ февралѣ 1806 года Румовскій предписалъ профессору-директору „предложить тѣмъ изъ казенныхъ студентовъ казанскаго университета, которые по лѣтамъ своимъ и по пріобрѣтеннымъ познаніямъ, также и по поведенію, понадежнѣе, занять два въ оренбургскомъ главномъ народномъ училищѣ званія учителей, одинъ— для математическихъ, другой—для историческихъ предметовъ". Предложивъ это попечительское предписаніе совѣту въ засѣданіи 10-го марта, Яковкинъ высказалъ, съ своей стороны, мнѣніе, что „какъ въ математическихъ частяхъ съ самаго основанія гимназіи и, потомъ, университета нынѣшніе студенты имѣли болѣе времени и способовъ оказать довольные успѣхи, а по исторической части, кромѣ всеобщей, россійской и математической географіи, также всеобщей и россійской исторіи, никто еще изъ нихъ не прослушалъ полнаго курса натуральной исторіи, безъ знанія которой историческое обученіе не можетъ быть достаточно", то онъ и полагалъ бы на вакансію по математическому классу предназначить студента

* Приведемъ, для образца, формы этихъ директорскихъ рекомендацій: «По росту (т. е. возрасту—16 лѣтъ), поведенію и знаніямъ съ пользою можетъ заступить мѣсто учителя» (Николай Упадышевскій); «Можетъ занять съ пользою мѣсто учителя, но одаренъ особенною способностью и терпѣніемъ къ художествамъ» (Павелъ Поповъ); «Съ пользою можетъ быть учителемъ» и т. п.

Балясникова *, изъявившаго ему на то свое согласіе—„въ разсужденіи же учителя по историческимъ предметамъ обождать окончанія курса натуральной исторіи, до наступленія лѣтняго экзамена“. Совѣтъ оказался, на этотъ разъ, нѣсколько иного съ директоромъ мнѣнія: „Находя онаго студента способнымъ къ назначаемой должности,—читаемъ въ протоколѣ этого засѣданія,—совѣтъ, однако жъ, того мнѣнія, что Балясниковъ, зная хорошо нѣмецкій языкъ, можетъ болѣе и болѣе усовершить не совсѣмъ доконченное еще образованіе свое по другимъ частямъ; между тѣмъ какъ есть многіе студенты, которые, не зная ни онаго языка, ни латинскаго, лишены еще на долго способа пользоваться преподаваніемъ иностранныхъ профессоровъ. Въ числѣ ихъ находится Ляпуновъ, сдѣлавшій хорошіе успѣхи въ чистой математикѣ, которому болѣе по онымъ причинамъ прилично сіе мѣсто“. Въ виду выдвигаемой кандидатуры его въ учителя, совѣтъ тогда же постановилъ мѣры для подготовленія Ляпунова къ этому званію, а именно: „занять его смѣшанною математикою, что и принялъ на себя адъюнктъ Карташевскій, объявивъ, что онъ пройдетъ съ Ляпуновымъ въ продолженіи мѣсяца статику и динамику“; сверхъ того, въ видахъ педагогической практики, Ляпунову опредѣлено временно поручить гимназическій геометрическій классъ. Подобнаго же рода подготовительныя мѣры предпринимались, до открытія педагогическаго института, и по отношенію къ другимъ студентамъ, предназначавшимся къ занятію учительскихъ должностей. Попечитель не согласился съ этимъ заключеніемъ совѣта и, оставивъ за Балясниковымъ кандидатуру въ оренбургское училище, поставилъ на видъ, что „поелику нуженъ также для математическихъ предметовъ учитель въ тамбовское главное народное училище и ежели студентъ Ляпуновъ имѣетъ желаніе занять мѣсто при ономъ училищѣ **, то, согласно съ назначеніемъ совѣта, имѣть и его въ числѣ кандидатовъ, оставляя обоихъ до лѣтняго экзамена, что бы они въ предметахъ сихъ наукъ еще болѣе утвердились“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, съ полнымъ окончаніемъ учебнаго года, счелъ Яковкинъ возможнымъ выполнить и требованіе попечителя относительно

---

* Насколько точны были аттестаціи, дававшіяся Яковкинымъ студентамъ, видно изъ того, что этотъ самый Балясниковъ, рекомендуемый имъ попечителю въ учителя, передъ тѣмъ занесенъ въ инспекторскій журналъ замѣченнымъ «въ умышленномъ своевольствѣ, ослушаніи начальству и во лжи», за что и лишенъ «предназначенія быть камернымъ студентомъ» («Книга о поведеніи студентовъ», л. 2 об.).

** Назначеніе Ляпунова состоялось осенью того же года, но не въ тамбовское народное училище, а въ пензенскую гимназію.

Балясникова *, изъявившаго ему на то свое согласіе—„въ разсужденіи же учителя по историческимъ предметамъ обождать окончанія курса натуральной исторіи, до наступленія лѣтняго экзамена“. Совѣтъ оказался, на этотъ разъ, нѣсколько иного съ директоромъ мнѣнія: „Находя онаго студента способнымъ къ назначаемой должности,—читаемъ въ протоколѣ этого засѣданія,—совѣтъ, однако жъ, того мнѣнія, что Балясниковъ, зная хорошо нѣмецкій языкъ, можетъ болѣе и болѣе усовершить не совсѣмъ доконченное еще образованіе свое по другимъ частямъ; между тѣмъ какъ есть многіе студенты, которые, не зная ни онаго языка, ни латинскаго, лишены еще на долго способа пользоваться преподаваніемъ иностранныхъ профессоровъ. Въ числѣ ихъ находится Ляпуновъ, сдѣлавшій хорошіе успѣхи въ чистой математикѣ, которому болѣе по онымъ причинамъ прилично сіе мѣсто“. Въ виду выдвигаемой кандидатуры его въ учителя, совѣтъ тогда же постановилъ мѣры для подготовленія Ляпунова къ этому званію, а именно: „занять его смѣшанною математикою, что и принялъ на себя адъюнктъ Карташевскій, объявивъ, что онъ пройдетъ съ Ляпуновымъ въ продолженіи мѣсяца статику и динамику“; сверхъ того, въ видахъ педагогической практики, Ляпунову опредѣлено временно поручить гимназическій геометрическій классъ. Подобнаго же рода подготовительныя мѣры предпринимались, до открытія педагогическаго института, и по отношенію къ другимъ студентамъ, предназначавшимся къ занятію учительскихъ должностей. Попечитель не согласился съ этимъ заключеніемъ совѣта и, оставивъ за Балясниковымъ кандидатуру въ оренбургское училище, поставилъ на видъ, что „поелику нуженъ также для математическихъ предметовъ учитель въ тамбовское главное народное училище и ежели студентъ Ляпуновъ имѣетъ желаніе занять мѣсто при ономъ училищѣ **, то, согласно съ назначеніемъ совѣта, имѣть и его въ числѣ кандидатовъ, оставляя обоихъ до лѣтняго экзамена, что бы они въ предметахъ сихъ наукъ еще болѣе утвердились“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, съ полнымъ окончаніемъ учебнаго года, счелъ Яковкинъ возможнымъ выполнить и требованіе попечителя относительно

* Насколько точны были аттестаціи, дававшіяся Яковкинымъ студентамъ, видно изъ того, что этотъ самый Балясниковъ, рекомендуемый имъ попечителю въ учителя, передъ тѣмъ занесенъ въ инспекторскій журналъ замѣченнымъ «въ умышленномъ своевольствѣ, ослушаніи начальству и во лжи», за что и лишенъ «предназначенія быть камернымъ студентомъ» («Книга о поведеніи студентовъ», л. 2 об.).

** Назначеніе Ляпунова состоялось осенью того же года, но не въ тамбовское народное училище, а въ пензенскую гимназію.

рекомендаціи кандидатовъ для замѣщенія въ оренбургскомъ училищѣ должности учителя историческихъ наукъ и съ этою цѣлью представилъ совѣту двухъ студентовъ—Александра Петрова и Павла Попова; въ засѣданіи 11-го іюня совѣтъ опредѣлилъ съ этими кандидатами „поступить такъ же, какъ и прежде постановлено въ разсужденіи студентовъ Ляпунова и Балясникова", т. е. принять мѣры къ спеціальному подготовленію ихъ для учительскаго званія (изъ этихъ двухъ кандидатовъ вакантное мѣсто учителя осталось за первымъ изъ нихъ).

Въ концѣ того же іюня уже самъ Румовскій, предложеніемъ отъ 21-го числа, намѣтилъ студента Василія Перевощикова къ занятію должности учителя философіи въ пензенской гимназіи, причемъ предписывалъ и съ этимъ кандидатомъ въ учителя „поступить также, какъ и съ студентами, готовящимися быть учителями математическихъ наукъ, т. е., что бы онъ, подъ присмотромъ чьимъ либо, поучилъ въ гимназіи". Одновременно съ тѣмъ попечитель изъявилъ желаніе, что бы всѣмъ этимъ учительскимъ кандидатамъ, при опредѣленіи ихъ къ должностямъ—„выдано было изъ экономической суммы на платье и прочее, для нихъ нужное, по пятидесяти рублей, да на дорогу по пятидесяти же рублей". Совѣтъ уже въ засѣданіи своемъ 14-го іюля 1806 года имѣлъ сужденіе о степени подготовленности къ опредѣленію въ учительскую службу студентовъ Балясникова, Ляпунова, Петрова и В. Перевощикова и постановилъ рапортомъ донести попечителю, что „всѣ оные четыре студента по лекціямъ, слушаемымъ ими у разныхъ профессоровъ, извѣстны по успѣхамъ своимъ и дарованіямъ и на означенные для нихъ предметы въ преподаваніи особенно упражнялись въ гимназіи и при послѣднихъ экзаменахъ въ гимназіи и университетѣ препоручена имъ была должность экзаменатора, въ которой всѣ они оказали достаточныя свѣдѣнія и способности къ предназначенной учительской должности". Изъ этихъ кандидатовъ назначеніе Ляпунова и В. Перевощикова,—обоихъ въ пензенскую гимназію,—состоялось осенью того же года, причемъ вновь назначаемые учителя должны были дать предварительную подписку въ томъ, что они обязуются „стараться продолжать усовершать свои знанія какъ для собственной своей пользы, такъ и для будущаго прохожденія возлагаемыхъ на насъ или удостоиваемыхъ начальствомъ должностей, присылая чрезъ каждые четыре мѣсяца въ совѣтъ, сверхъ исполняемой по совѣсти и присягѣ должности, еще рапорты о домашнихъ нашихъ ученыхъ упражненіяхъ". Такая подписка отбиралась и отъ другихъ студентовъ, получавшихъ назначенія на учительскія должности, хотя и трудно допустить, что бы могла, по крайней мѣрѣ въ огром-

рекомендаціи кандидатовъ для замѣщенія въ оренбургскомъ училищѣ должности учителя историческихъ наукъ и съ этою цѣлью представилъ совѣту двухъ студентовъ—Александра Петрова и Павла Попова; въ засѣданіи 11-го іюня совѣтъ опредѣлилъ съ этими кандидатами „поступить такъ же, какъ и прежде постановлено въ разсужденіи студентовъ Ляпунова и Балясникова", т. е. принять мѣры къ спеціальному подготовленію ихъ для учительскаго званія (изъ этихъ двухъ кандидатовъ вакантное мѣсто учителя осталось за первымъ изъ нихъ).

Въ концѣ того же іюня уже самъ Румовскій, предложеніемъ отъ 21-го числа, намѣтилъ студента Василія Перевощикова къ занятію должности учителя философіи въ пензенской гимназіи, причемъ предписывалъ и съ этимъ кандидатомъ въ учителя „поступить также, какъ и съ студентами, готовящимися быть учителями математическихъ наукъ, т. е., что бы онъ, подъ присмотромъ чьимъ либо, поучилъ въ гимназіи". Одновременно съ тѣмъ попечитель изъявилъ желаніе, что бы всѣмъ этимъ учительскимъ кандидатамъ, при опредѣленіи ихъ къ должностямъ—„выдано было изъ экономической суммы на платье и прочее, для нихъ нужное, по пятидесяти рублей, да на дорогу по пятидесяти же рублей". Совѣтъ уже въ засѣданіи своемъ 14-го іюля 1806 года имѣлъ сужденіе о степени подготовленности къ опредѣленію въ учительскую службу студентовъ Балясникова, Ляпунова, Петрова и В. Перевощикова и постановилъ рапортомъ донести попечителю, что „всѣ оные четыре студента по лекціямъ, слушаемымъ ими у разныхъ профессоровъ, извѣстны по успѣхамъ своимъ и дарованіямъ и на означенные для нихъ предметы въ преподаваніи особенно упражнялись въ гимназіи и при послѣднихъ экзаменахъ въ гимназіи и университетѣ препоручена имъ была должность экзаменатора, въ которой всѣ они оказали достаточныя свѣдѣнія и способности къ предназначенной учительской должности". Изъ этихъ кандидатовъ назначеніе Ляпунова и В. Перевощикова,—обоихъ въ пензенскую гимназію,—состоялось осенью того же года, причемъ вновь назначаемые учителя должны были дать предварительную подписку въ томъ, что они обязуются „стараться продолжать усовершать свои знанія какъ для собственной своей пользы, такъ и для будущаго прохожденія возлагаемыхъ на насъ или удостоиваемыхъ начальствомъ должностей, присылая чрезъ каждые четыре мѣсяца въ совѣтъ, сверхъ исполняемой по совѣсти и присягѣ должности, еще рапорты о домашнихъ нашихъ ученыхъ упражненіяхъ". Такая подписка отбиралась и отъ другихъ студентовъ, получавшихъ назначенія на учительскія должности, хотя и трудно допустить, что бы могла, по крайней мѣрѣ въ огром-

номъ большинствѣ случаевъ, достигнуть своей цѣли эта мѣра побужденія молодыхъ учителей къ дальнѣйшимъ „домашнимъ ученымъ упражненіямъ", такъ какъ почти всѣ эти юноши, соприкоснувшись съ дѣйствительностью сѣренькой, будничной, провинціальной жизни, очень скоро засасывались ею, забывая и науку, и университетъ, и данную ими академическую подписку.

Предложенія попечителя съ требованіемъ учителей на преподавательскія вакансіи въ гимназіяхъ и училищахъ продолжали поступать и въ послѣдующее время, причемъ совѣтъ, остановившись на извѣстныхъ кандидатахъ, объявлялъ имъ о состоявшемся „предназначеніи" ихъ въ учителя; такіе студенты подвергались особой теоретической и практической подготовкѣ къ занятію учительскихъ должностей, именовались „кандидатами на учителей" и получали изъ казны по пяти рублей въ мѣсяцъ на книги и другія учебныя пособія. Такъ, 27-го сентября 1806 года было объявлено о „предназначеніи" его учителемъ студенту Графу (въ пензенскую гимназію, по математикѣ); 20-го декабря того же года: Безобразову (въ пермскую гимназію, по философіи и словесности), Попову (въ пермскую гимназію, по исторіи, географіи и статистикѣ), Андрееву (въ пермскую гимназію, по нѣмецкому языку), Пестякову (въ пермское уѣздное училище, по энциклопедіи наукъ); 9-го апрѣля 1807 года студентамъ: Балясникову (въ нижегородскую гимназію, по математикѣ), Кузминскому (въ нижегородскую гимназію, по естественнымъ наукамъ), Чуфарову и Дм. Перевощикову (въ тамбовское уѣздное училище, по математикѣ); 1-го мая того же года студенту Риттау (въ казанское главное народное училище, по математикѣ) и т. д. и т. д. Конечно, далеко не всѣ „предназначенія" оправдывались на дѣлѣ: такъ, изъ только что исчисленныхъ нами учительскихъ кандидатовъ семь человѣкъ (Безобразовъ, Поповъ, Андреевъ, Пестяковъ, Балясниковъ, Кузминскій, Чуфаровъ) такъ и не попали въ учителя, другіе же получили мѣста не въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ первоначально предназначались. Изъ дѣйствительно состоявшихся назначеній въ учителя, кромѣ уже извѣстныхъ намъ первыхъ двухъ назначеній (Ляпунова и Вас. Перевощикова), мы можемъ указать слѣдующія, состоявшіяся до открытія педагогическаго института, т. е. до начала лѣта 1812 года: Графа и Петрова—въ 1807 году, Шубина—въ 1808 году, Дм. Перевощикова, Честнова и Ник. Упадышевскаго—въ 1809 году, Риттау и Сидорова—въ 1810 году, Рыбушкина—весною 1812 года [260].

Не взирая на отсутствіе еще педагогическаго института, производства въ степени кандидата и магистра были весьма обильными уже въ первые

номъ большинствѣ случаевъ, достигнуть своей цѣли эта мѣра побужденія молодыхъ учителей къ дальнѣйшимъ „домашнимъ ученымъ упражненіямъ", такъ какъ почти всѣ эти юноши, соприкоснувшись съ дѣйствительностью сѣренькой, будничной, провинціальной жизни, очень скоро засасывались ею, забывая и науку, и университетъ, и данную ими академическую подписку.

Предложенія попечителя съ требованіемъ учителей на преподавательскія вакансіи въ гимназіяхъ и училищахъ продолжали поступать и въ послѣдующее время, причемъ совѣтъ, остановившись на извѣстныхъ кандидатахъ, объявлялъ имъ о состоявшемся „предназначеніи" ихъ въ учителя; такіе студенты подвергались особой теоретической и практической подготовкѣ къ занятію учительскихъ должностей, именовались „кандидатами на учителей" и получали изъ казны по пяти рублей въ мѣсяцъ на книги и другія учебныя пособія. Такъ, 27-го сентября 1806 года было объявлено о „предназначеніи" его учителемъ студенту Графу (въ пензенскую гимназію, по математикѣ); 20-го декабря того же года: Безобразову (въ пермскую гимназію, по философіи и словесности), Попову (въ пермскую гимназію, по исторіи, географіи и статистикѣ), Андрееву (въ пермскую гимназію, по нѣмецкому языку), Пестякову (въ пермское уѣздное училище, по энциклопедіи наукъ); 9-го апрѣля 1807 года студентамъ: Балясникову (въ нижегородскую гимназію, по математикѣ), Кузминскому (въ нижегородскую гимназію, по естественнымъ наукамъ), Чуфарову и Дм. Перевощикову (въ тамбовское уѣздное училище, по математикѣ); 1-го мая того же года студенту Риттау (въ казанское главное народное училище, по математикѣ) и т. д. и т. д. Конечно, далеко не всѣ „предназначенія" оправдывались на дѣлѣ: такъ, изъ только что исчисленныхъ нами учительскихъ кандидатовъ семь человѣкъ (Безобразовъ, Поповъ, Андреевъ, Пестяковъ, Балясниковъ, Кузминскій, Чуфаровъ) такъ и не попали въ учителя, другіе же получили мѣста не въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ первоначально предназначались. Изъ дѣйствительно состоявшихся назначеній въ учителя, кромѣ уже извѣстныхъ намъ первыхъ двухъ назначеній (Ляпунова и Вас. Перевощикова), мы можемъ указать слѣдующія, состоявшіяся до открытія педагогическаго института, т. е. до начала лѣта 1812 года: Графа и Петрова—въ 1807 году, Шубина—въ 1808 году, Дм. Перевощикова, Честнова и Ник. Упадышевскаго—въ 1809 году, Риттау и Сидорова—въ 1810 году, Рыбушкина—весною 1812 года [260].

Не взирая на отсутствіе еще педагогическаго института, производства въ степени кандидата и магистра были весьма обильными уже въ первые

годы (1807—1811 г.г.) существованія казанскаго университета, что объясняется, конечно, тѣмъ, что эти производства были обставлены, на первыхъ порахъ, крайне упрощенными формами и требованіями. Такъ, за время, предшествовавшее открытію педагогическаго института, 16 лицъ были удостоены степени кандидата и 10 лицъ степени магистра; изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые (Перевощиковъ В., Лобачевскіе Н. и А., Юнаковъ, Булыгинъ и Самсоновъ) возведены прямо въ степень магистра, не проходя низшей степени кандидата *. Для нѣкоторыхъ казенныхъ студентовъ производство въ кандидаты не только не льстило ихъ самолюбію, но, наоборотъ, являлось крупною непріятностью, будучи связано съ дальнѣйшею обязательною службою, въ продолженіи шести лѣтъ, въ „ученомъ званіи"—или при самомъ университетѣ или, въ худшемъ случаѣ, въ должности учителя. Отсюда понятными становятся попытки нѣкоторыхъ студентовъ, которымъ ученая служба нисколько не улыбалась, всѣми правдами и неправдами „отбиться" отъ званія кандидата и порвать обязательныя отношенія къ университету. Въ этомъ послѣднемъ направленіи особенно характерными и интересными представляются уже отчасти извѣстныя намъ ухищренія студента-кандидата Александра Княжевича,—будущаго министра финансовъ начала второй половины XIX вѣка,—а также его родителей, съ цѣлью избавленія отъ обязательной за казенное содержаніе службы. Со стороны самого кандидата Княжевича протестъ выразился въ категорическомъ отказѣ его подвергнуться контрольному испытанію, наряду съ остальными товарищами своими. Этотъ отказъ, доведенный до свѣдѣнія попечителя, вызвалъ со стороны Румовскаго слѣдующее строгое предложеніе отъ 19-го іюля 1809 года, которое мы и приведемъ въ подлинномъ видѣ, какъ обрисовывающее положеніе кандидатовъ до открытія педагогическаго института:

„При бывшемъ испытаніи г. директоръ и кавалеръ требовалъ, что бъ и студенты-кандидаты были экзаменованы, — читаемъ въ этомъ предложеніи,—но Княжевичъ совершенно отказался. Причины, для которыхъ онъ отъ испытанія отказался и начальству оказалъ подобное неповиновеніе, мнѣ неизвѣстны; но видно, что онъ, пробывъ столько времени въ гимназіи, не знаетъ и того, что такое—кандидатъ. И для того, призвавъ его въ совѣтъ, при полномъ собраніи объявить ему, что высокомѣріе его—неумѣстно.... Студентъ-кандидатъ есть ничто иное, какъ студентъ, продолжающій ученіе въ какомъ нибудь отдѣле-

---

* См. подробности выше, стр. 70—74.

годы (1807—1811 г.г.) существованія казанскаго университета, что объясняется, конечно, тѣмъ, что эти производства были обставлены, на первыхъ порахъ, крайне упрощенными формами и требованіями. Такъ, за время, предшествовавшее открытію педагогическаго института, 16 лицъ были удостоены степени кандидата и 10 лицъ степени магистра; изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые (Перевощиковъ В., Лобачевскіе Н. и А., Юнаковъ, Булыгинъ и Самсоновъ) возведены прямо въ степень магистра, не проходя низшей степени кандидата *. Для нѣкоторыхъ казенныхъ студентовъ производство въ кандидаты не только не льстило ихъ самолюбію, но, наоборотъ, являлось крупною непріятностью, будучи связано съ дальнѣйшею обязательною службою, въ продолженіи шести лѣтъ, въ „ученомъ званіи"—или при самомъ университетѣ или, въ худшемъ случаѣ, въ должности учителя. Отсюда понятными становятся попытки нѣкоторыхъ студентовъ, которымъ ученая служба нисколько не улыбалась, всѣми правдами и неправдами „отбиться" отъ званія кандидата и порвать обязательныя отношенія къ университету. Въ этомъ послѣднемъ направленіи особенно характерными и интересными представляются уже отчасти извѣстныя намъ ухищренія студента-кандидата Александра Княжевича,—будущаго министра финансовъ начала второй половины XIX вѣка,—а также его родителей, съ цѣлью избавленія отъ обязательной за казенное содержаніе службы. Со стороны самого кандидата Княжевича протестъ выразился въ категорическомъ отказѣ его подвергнуться контрольному испытанію, наряду съ остальными товарищами своими. Этотъ отказъ, доведенный до свѣдѣнія попечителя, вызвалъ со стороны Румовскаго слѣдующее строгое предложеніе отъ 19-го іюля 1809 года, которое мы и приведемъ въ подлинномъ видѣ, какъ обрисовывающее положеніе кандидатовъ до открытія педагогическаго института:

„При бывшемъ испытаніи г. директоръ и кавалеръ требовалъ, что бъ и студенты-кандидаты были экзаменованы, — читаемъ въ этомъ предложеніи,—но Княжевичъ совершенно отказался. Причины, для которыхъ онъ отъ испытанія отказался и начальству оказалъ подобное неповиновеніе, мнѣ неизвѣстны; но видно, что онъ, пробывъ столько времени въ гимназіи, не знаетъ и того, что такое—кандидатъ. И для того, призвавъ его въ совѣтъ, при полномъ собраніи объявить ему, что высокомѣріе его—неумѣстно.... Студентъ-кандидатъ есть ничто иное, какъ студентъ, продолжающій ученіе въ какомъ нибудь отдѣле-

* См. подробности выше, стр. 70—74.

ніи или готовящійся быть учителемъ. Почему, когда прочіе студенты были экзаменованы, то и кандидатамъ равномѣрно надлежало сдѣлать экзаменъ, инако совѣтъ не будетъ имѣть надлежащаго свѣдѣнія о ихъ упражненіяхъ—не всуе ли они препровождаютъ время при университетѣ и не тщетно ли употребляется на нихъ иждивеніе; и для того предлагаю совѣту, при годовыхъ испытаніяхъ студентовъ, подвергать равномѣрно онымъ и кандидатовъ. А Княжевичу, при полномъ собраніи совѣта и при товарищахъ его, за ослушаніе, оказанное директору, учинить жестокій выговоръ и объявить ему, что ежели онъ отважится еще оказать начальству подобное непослушаніе и собою подастъ примѣръ прочимъ, то лишенъ будетъ званія кандидата и выключенъ изъ университета, съ прописаніемъ въ аттестатѣ, что за неоднократное начальству ослушаніе выключенъ изъ онаго" [261].

Отсутствіе при университетѣ педагогическаго института,—„который по сіе время заключается въ совѣтѣ", какъ охарактеризировалъ это положеніе вещей Румовскій въ своемъ предложеніи отъ 19-го іюля 1809 года,—ставило кандидатовъ и магистровъ въ положеніе весьма неопредѣленное, совершенно не подходившее подъ ту регламентацію, которая намѣчалась для нихъ уставомъ 5-го ноября 1804 года. Только въ августѣ 1811 года затронутъ былъ въ совѣтѣ вопросъ объ истинномъ положеніи ихъ въ университетѣ и о порядкѣ ихъ занятій:

„Разсуждаемо было о занятіяхъ г.г. магистровъ и кандидатовъ,—гласитъ первая статья протокола засѣданія совѣта отъ 24-го августа 1811 года.—Совѣтъ, входя въ дѣло сіе, нашелъ: а) что занятіе всѣхъ кандидатовъ для бóльшаго усовершенствованія себя въ словесности латинской и россійской необходимо нужно и б) что бóльшее ихъ усовершенствованіе въ избранныхъ для нихъ наукахъ должно быть главною цѣлью ихъ занятія. Почему:

1) Дабы содѣйствовать имъ въ первомъ—нужно назначить единственно для нихъ въ недѣлю два раза для латинскаго языка и разъ для россійскаго, къ чему удобны, первому—въ среду и субботу, вторые часы пополудни, а второму—первые часы до полудни въ среду.

2) Дабы споспѣшествовать послѣднему—предоставить г.г. профессорамъ, адъюнктамъ и магистрамъ назначить особенное время, въ которое могли бы они съ ними заниматься особенно въ усовершенствованіи и увеличеніи ихъ познаній въ той наукѣ, какой они себя посвятили. Заниматься каждый преподаватель можетъ у себя на дому, но долженъ совѣту объявить время сіе и чѣмъ онъ намѣренъ заниматься, равно чрезъ каждые полгода подавать рапортъ, чѣмъ онъ занимался и какія кандидатъ пріобрѣлъ свѣдѣнія. Сверхъ того, предоставить на волю г.г. преподавателямъ—должны ли будутъ кандидаты ихъ повто-

ніи или готовящійся быть учителемъ. Почему, когда прочіе студенты были экзаменованы, то и кандидатамъ равномѣрно надлежало сдѣлать экзаменъ, инако совѣтъ не будетъ имѣть надлежащаго свѣдѣнія о ихъ упражненіяхъ—не всуе ли они препровождаютъ время при университетѣ и не тщетно ли употребляется на нихъ иждивеніе; и для того предлагаю совѣту, при годовыхъ испытаніяхъ студентовъ, подвергать равномѣрно онымъ и кандидатовъ. А Княжевичу, при полномъ собраніи совѣта и при товарищахъ его, за ослушаніе, оказанное директору, учинить жестокій выговоръ и объявить ему, что ежели онъ отважится еще оказать начальству подобное непослушаніе и собою подастъ примѣръ прочимъ, то лишенъ будетъ званія кандидата и выключенъ изъ университета, съ прописаніемъ въ аттестатѣ, что за неоднократное начальству ослушаніе выключенъ изъ онаго" [261].

Отсутствіе при университетѣ педагогическаго института,—„который по сіе время заключается въ совѣтѣ", какъ охарактеризировалъ это положеніе вещей Румовскій въ своемъ предложеніи отъ 19-го іюля 1809 года,—ставило кандидатовъ и магистровъ въ положеніе весьма неопредѣленное, совершенно не подходившее подъ ту регламентацію, которая намѣчалась для нихъ уставомъ 5-го ноября 1804 года. Только въ августѣ 1811 года затронутъ былъ въ совѣтѣ вопросъ объ истинномъ положеніи ихъ въ университетѣ и о порядкѣ ихъ занятій:

„Разсуждаемо было о занятіяхъ г.г. магистровъ и кандидатовъ,—гласитъ первая статья протокола засѣданія совѣта отъ 24-го августа 1811 года.—Совѣтъ, входя въ дѣло сіе, нашелъ: а) что занятіе всѣхъ кандидатовъ для бóльшаго усовершенствованія себя въ словесности латинской и россійской необходимо нужно и б) что бóльшее ихъ усовершенствованіе въ избранныхъ для нихъ наукахъ должно быть главною цѣлью ихъ занятія. Почему:

1) Дабы содѣйствовать имъ въ первомъ—нужно назначить единственно для нихъ въ недѣлю два раза для латинскаго языка и разъ для россійскаго, къ чему удобны, первому—въ среду и субботу, вторые часы пополудни, а второму—первые часы до полудни въ среду.

2) Дабы споспѣшествовать послѣднему—предоставить г.г. профессорамъ, адъюнктамъ и магистрамъ назначить особенное время, въ которое могли бы они съ ними заниматься особенно въ усовершенствованіи и увеличеніи ихъ познаній въ той наукѣ, какой они себя посвятили. Заниматься каждый преподаватель можетъ у себя на дому, но долженъ совѣту объявить время сіе и чѣмъ онъ намѣренъ заниматься, равно чрезъ каждые полгода подавать рапортъ, чѣмъ онъ занимался и какія кандидатъ пріобрѣлъ свѣдѣнія. Сверхъ того, предоставить на волю г.г. преподавателямъ—должны ли будутъ кандидаты ихъ повто-

рительно посѣщать университетскія студенческія лекціи или нѣтъ: ибо часто можетъ быть сіе полезно, а иногда и не столь нужно. Дабы же и г.г. магистры, съ своей стороны, какимъ либо образомъ не упустили время, то сіе нужно предоставить надзору г. инспектора студентовъ и того г. профессора, коего части они, магистры.

Магистры будутъ заняты: а) нѣкоторые лекціями для студентовъ; б) споспѣшествованіемъ г.г. профессору или адъюнкту въ разсужденіе бóльшихъ успѣховъ ихъ слушателей, занимаясь съ ними повтореніемъ пройденнаго и объясненіемъ того, чего они не понимаютъ: сіе отнести можно и на кандидатовъ; 3) содѣйствіемъ въ изданіи Казанскихъ Извѣстій, равно какъ и кандидаты; 4) исполненіемъ поручаемаго иногда отъ начальства; 5) собственнымъ своимъ усовершеніемъ, причемъ должны они находиться въ ближайшемъ и всегдашнемъ сношеніи съ г.г. профессорами и адъюнктами, коимъ они подвѣдомы, почему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ потребно будетъ для нихъ какое либо объясненіе, чего они недоразумѣваютъ, либо новое занятіе къ усовершенію ихъ, должны относиться къ нимъ, а сіи обязаны по возможности удовлетворять ихъ просьбу.

Но чтобъ нынѣ же приступить къ распоряженію въ разсужденіи кандидатовъ, то упомянутыя для нихъ лекціи въ среду пополудни предоставить занять г. профессору Герману, въ субботу г. Эриху, а въ среду до полудни—г. адъюнкту Перевощикову".

Опредѣленіе совѣта состоялось въ пользу „немедленнаго введенія правилъ сихъ въ употребленіе" [262].

Только что изложенныя нами начинанія совѣта, касающіяся регламентаціи занятій магистровъ и кандидатовъ, лишь на девять мѣсяцевъ предварили собою состоявшееся, уже на точныхъ основаніяхъ устава 1804 года, открытіе при университетѣ педагогическаго института. Намъ извѣстна предпринятая министерствомъ еще осенью 1810 года, но окончившаяся полною неудачею, попытка совершить давно ожидаемое полное открытіе университета. При произведенныхъ въ сентябрѣ этого года выборахъ въ университетскія должности директоромъ педагогическаго института избраннымъ оказался профессоръ К. Т. Фойгтъ *, но выборы эти утвержденія такъ и не получили, и университету суждено было почти еще четыре года ожидать полнаго примѣненія къ нему устава 5-го ноября 1804 года.

Необходимость открытія педагогическаго института, вызываемая все возростающею потребностью въ учителяхъ для округа и желательностью

---

* См. томъ I, стр. 356.

рительно посѣщать университетскія студенческія лекціи или нѣтъ: ибо часто можетъ быть сіе полезно, а иногда и не столь нужно. Дабы же и г.г. магистры, съ своей стороны, какимъ либо образомъ не упустили время, то сіе нужно предоставить надзору г. инспектора студентовъ и того г. профессора, коего части они, магистры.

Магистры будутъ заняты: а) нѣкоторые лекціями для студентовъ; б) споспѣшествованіемъ г.г. профессору или адъюнкту въ разсужденіе бóльшихъ успѣховъ ихъ слушателей, занимаясь съ ними повтореніемъ пройденнаго и объясненіемъ того, чего они не понимаютъ: сіе отнести можно и на кандидатовъ; 3) содѣйствіемъ въ изданіи Казанскихъ Извѣстій, равно какъ и кандидаты; 4) исполненіемъ поручаемаго иногда отъ начальства; 5) собственнымъ своимъ усовершеніемъ, причемъ должны они находиться въ ближайшемъ и всегдашнемъ сношеніи съ г.г. профессорами и адъюнктами, коимъ они подвѣдомы, почему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ потребно будетъ для нихъ какое либо объясненіе, чего они недоразумѣваютъ, либо новое занятіе къ усовершенію ихъ, должны относиться къ нимъ, а сіи обязаны по возможности удовлетворять ихъ просьбу.

Но чтобъ нынѣ же приступить къ распоряженію въ разсужденіи кандидатовъ, то упомянутыя для нихъ лекціи въ среду пополудни предоставить занять г. профессору Герману, въ субботу г. Эриху, а въ среду до полудни—г. адъюнкту Перевощикову".

Опредѣленіе совѣта состоялось въ пользу „немедленнаго введенія правилъ сихъ въ употребленіе" [262].

Только что изложенныя нами начинанія совѣта, касающіяся регламентаціи занятій магистровъ и кандидатовъ, лишь на девять мѣсяцевъ предварили собою состоявшееся, уже на точныхъ основаніяхъ устава 1804 года, открытіе при университетѣ педагогическаго института. Намъ извѣстна предпринятая министерствомъ еще осенью 1810 года, но окончившаяся полною неудачею, попытка совершить давно ожидаемое полное открытіе университета. При произведенныхъ въ сентябрѣ этого года выборахъ въ университетскія должности директоромъ педагогическаго института избраннымъ оказался профессоръ К. Т. Фойгтъ *, но выборы эти утвержденія такъ и не получили, и университету суждено было почти еще четыре года ожидать полнаго примѣненія къ нему устава 5-го ноября 1804 года.

Необходимость открытія педагогическаго института, вызываемая все возростающею потребностью въ учителяхъ для округа и желательностью

* См. томъ I, стр. 356.

постановки дѣла ихъ подготовки на болѣе твердую почву, заставила Румовскаго уже въ концѣ лѣта 1811 года серьезно подумать объ этомъ частичномъ осуществленіи устава 1804 года, какъ это видно изъ его письма къ Яковкину отъ 17-го августа этого года: „Помнится (sic!) мнѣ,—писалъ попечитель,—что г. Фойгтъ избранъ былъ директоромъ педагогическаго института; по смерти его * я не нахожу другаго достойнаго къ сей должности, какъ г. Броннера, и вижу, что почти всѣ прочіе иностранные (профессоры) не пекутся о благосостояніи гимназіи и университета".

Учрежденіе университетскаго педагогическаго института было уже однимъ изъ послѣднихъ актовъ дѣятельности престарѣлаго попечителя и послѣдовало въ силу предложенія о томъ министра народнаго просвѣщенія отъ 28-го мая 1812 года, которымъ профессоръ Ф. К. Броннеръ и назначался директоромъ этого учрежденія. Несомнѣнно, что ближайшимъ мотивомъ даннаго назначенія,—совершеннаго все таки вопреки университетскому уставу, въ силу котораго директоръ института избирается совѣтомъ,—явились уже извѣстные намъ труды Броннера по урегулированію педагогическаго строя казанской гимназіи, такъ часто фигурировавшіе въ его перепискѣ съ попечителемъ и вызывавшіе со стороны Румовскаго одобрительное къ себѣ отношеніе. Объ этомъ назначеніи попечитель увѣдомлялъ Броннера въ послѣднемъ, писанномъ всего лишь за недѣлю до кончины, письмѣ къ нему отъ 1-го іюля 1812 года, въ которомъ мы находимъ и нѣкоторыя соображенія относительно самой организаціи педагогическаго института:

„Его превосходительство г. графъ Разумовскій счелъ за благо ввѣрить вамъ педагогическій институтъ,—писалъ Румовскій въ этомъ письмѣ проф. Броннеру.—Я совѣтовался съ г. Яковкинымъ относительно комнатъ, которыя могли бы быть отведены въ университетскомъ зданіи подъ квартиру директора и подъ помѣщенія для кандидатовъ. Онъ указалъ мнѣ подъ кандидатскія помѣщенія комнаты нижняго этажа, значущіяся по плану подъ №№ 16, 17, 18, 19, 28 и 30, а подъ директорскую квартиру комнаты подъ №№ 25, 26, 27, и 29, съ кухнею при нихъ. Примѣнительно къ § 124-му устава, директоръ института долженъ имѣть квартиру рядомъ съ кандидатскими комнатами, а потому я прошу васъ лично удостовѣриться, пригодно ли для васъ будетъ это помѣщеніе. Если вы его признаете неудобнымъ, не сочтете ли вы, въ такомъ случаѣ, возможнымъ войти съ г. Брауномъ въ соглашеніе, въ силу котораго онъ уступилъ бы вамъ свою квартиру, а самъ

* Фойгтъ умеръ въ іюлѣ того же года.

постановки дѣла ихъ подготовки на болѣе твердую почву, заставила Румовскаго уже въ концѣ лѣта 1811 года серьезно подумать объ этомъ частичномъ осуществленіи устава 1804 года, какъ это видно изъ его письма къ Яковкину отъ 17-го августа этого года: „Помнится (sic!) мнѣ,—писалъ попечитель,—что г. Фойгтъ избранъ былъ директоромъ педагогическаго института; по смерти его * я не нахожу другаго достойнаго къ сей должности, какъ г. Броннера, и вижу, что почти всѣ прочіе иностранные (профессоры) не пекутся о благосостояніи гимназіи и университета".

Учрежденіе университетскаго педагогическаго института было уже однимъ изъ послѣднихъ актовъ дѣятельности престарѣлаго попечителя и послѣдовало въ силу предложенія о томъ министра народнаго просвѣщенія отъ 28-го мая 1812 года, которымъ профессоръ Ф. К. Броннеръ и назначался директоромъ этого учрежденія. Несомнѣнно, что ближайшимъ мотивомъ даннаго назначенія,—совершеннаго все таки вопреки университетскому уставу, въ силу котораго директоръ института избирается совѣтомъ,—явились уже извѣстные намъ труды Броннера по урегулированію педагогическаго строя казанской гимназіи, такъ часто фигурировавшіе въ его перепискѣ съ попечителемъ и вызывавшіе со стороны Румовскаго одобрительное къ себѣ отношеніе. Объ этомъ назначеніи попечитель увѣдомлялъ Броннера въ послѣднемъ, писанномъ всего лишь за недѣлю до кончины, письмѣ къ нему отъ 1-го іюля 1812 года, въ которомъ мы находимъ и нѣкоторыя соображенія относительно самой организаціи педагогическаго института:

„Его превосходительство г. графъ Разумовскій счелъ за благо ввѣрить вамъ педагогическій институтъ,—писалъ Румовскій въ этомъ письмѣ проф. Броннеру.—Я совѣтовался съ г. Яковкинымъ относительно комнатъ, которыя могли бы быть отведены въ университетскомъ зданіи подъ квартиру директора и подъ помѣщенія для кандидатовъ. Онъ указалъ мнѣ подъ кандидатскія помѣщенія комнаты нижняго этажа, значущіяся по плану подъ №№ 16, 17, 18, 19, 28 и 30, а подъ директорскую квартиру комнаты подъ №№ 25, 26, 27, и 29, съ кухнею при нихъ. Примѣнительно къ § 124-му устава, директоръ института долженъ имѣть квартиру рядомъ съ кандидатскими комнатами, а потому я прошу васъ лично удостовѣриться, пригодно ли для васъ будетъ это помѣщеніе. Если вы его признаете неудобнымъ, не сочтете ли вы, въ такомъ случаѣ, возможнымъ войти съ г. Брауномъ въ соглашеніе, въ силу котораго онъ уступилъ бы вамъ свою квартиру, а самъ

* Фойгтъ умеръ въ іюлѣ того же года.

удовольствовался бы полагаемыми вамъ пятьюстами рублями квартирныхъ денегъ. Получивъ отъ васъ отвѣтъ, я сообщу совѣту предписаніе, полученное мною отъ его превосходительства".

Оффиціальное предложеніе объ утвержденіи Броннера директоромъ педагогическаго института было заслушано совѣтомъ лишь въ засѣданіи 7-го августа и гласило слѣдующее:

„Университета сего ординарному профессору Броннеру, утвержденному г. министромъ просвѣщенія отъ 28-го прошедшаго мая въ званіи директора педагогическаго института, съ жалованьемъ по четыреста рублей въ годъ изъ отпускаемыхъ на сіе по штату 500 рублей, предлагаю препоручить сію должность, съ тѣмъ, что бы онъ руководствовался въ оной правилами, изображенными въ уставѣ университета, и что бы остальныя отъ сей суммы сто рублей, на основаніи представленія попечителя, употребляемы были для студентовъ-кандидатовъ на книги, какія потребуются".

21-го августа было заслушано предложеніе министра отъ 8-го числа, которымъ, согласно предположенію профессора-директора, подъ помѣщеніе педагогическаго института рекомендовалось отвести „въ нижнемъ этажѣ главнаго университетскаго зданія, на лицевую сторону, четыре покоя, начиная отъ параднаго крыльца, а отъ боковыхъ дверей на углу четыре покоя съ кухнею могутъ быть предоставлены холостому директору сего заведенія". Предположеніе это было совѣтомъ принято, но директоръ института Броннеръ нашелъ для себя предлагаемое казенное помѣщеніе неудобнымъ, вслѣдствіе чего ему было разрѣшено остаться на прежней наемной квартирѣ, „которую имѣя по близости отъ университета *, онъ удобно можетъ надзирать за симъ заведеніемъ",—какъ мотивировалось это дозволеніе въ попечительской бумагѣ отъ 3-го октября. 27-го августа Броннеръ былъ приведенъ по должности директора педагогическаго института къ присягѣ и, слѣдомъ за тѣмъ, приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Свою директорскую дѣятельность Броннеръ началъ ознакомленіемъ съ личнымъ составомъ ввѣреннаго ему учрежденія, который оказался весьма небольшимъ и въ сентябрѣ 1812 года заключался всего изъ восьми кандидатахъ (Поповъ Иванъ старшій, Панкратовъ Гавр., Панаевъ Влад., Манасеинъ Елпид., Линдегренъ Ос., Граздовскій Серг., Поповъ Иванъ млад-

---

* Въ домѣ купца Хворова—нынѣшнее владѣніе г. Грахе, на углу улицъ Поперечно-Воскресенской и Малой Проломной.

удовольствовался бы полагаемыми вамъ пятьюстами рублями квартирныхъ денегъ. Получивъ отъ васъ отвѣтъ, я сообщу совѣту предписаніе, полученное мною отъ его превосходительства".

Оффиціальное предложеніе объ утвержденіи Броннера директоромъ педагогическаго института было заслушано совѣтомъ лишь въ засѣданіи 7-го августа и гласило слѣдующее:

„Университета сего ординарному профессору Броннеру, утвержденному г. министромъ просвѣщенія отъ 28-го прошедшаго мая въ званіи директора педагогическаго института, съ жалованьемъ по четыреста рублей въ годъ изъ отпускаемыхъ на сіе по штату 500 рублей, предлагаю препоручить сію должность, съ тѣмъ, что бы онъ руководствовался въ оной правилами, изображенными въ уставѣ университета, и что бы остальныя отъ сей суммы сто рублей, на основаніи представленія попечителя, употребляемы были для студентовъ-кандидатовъ на книги, какія потребуются".

21-го августа было заслушано предложеніе министра отъ 8-го числа, которымъ, согласно предположенію профессора-директора, подъ помѣщеніе педагогическаго института рекомендовалось отвести „въ нижнемъ этажѣ главнаго университетскаго зданія, на лицевую сторону, четыре покоя, начиная отъ параднаго крыльца, а отъ боковыхъ дверей на углу четыре покоя съ кухнею могутъ быть предоставлены холостому директору сего заведенія". Предположеніе это было совѣтомъ принято, но директоръ института Броннеръ нашелъ для себя предлагаемое казенное помѣщеніе неудобнымъ, вслѣдствіе чего ему было разрѣшено остаться на прежней наемной квартирѣ, „которую имѣя по близости отъ университета *, онъ удобно можетъ надзирать за симъ заведеніемъ",—какъ мотивировалось это дозволеніе въ попечительской бумагѣ отъ 3-го октября. 27-го августа Броннеръ былъ приведенъ по должности директора педагогическаго института къ присягѣ и, слѣдомъ за тѣмъ, приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Свою директорскую дѣятельность Броннеръ началъ ознакомленіемъ съ личнымъ составомъ ввѣреннаго ему учрежденія, который оказался весьма небольшимъ и въ сентябрѣ 1812 года заключался всего изъ восьми кандидатахъ (Поповъ Иванъ старшій, Панкратовъ Гавр., Панаевъ Влад., Манасеинъ Елпид., Линдегренъ Ос., Граздовскій Серг., Поповъ Иванъ млад-

---

* Въ домѣ купца Хворова—нынѣшнее владѣніе г. Грахе, на углу улицъ Поперечно-Воскресенской и Малой Проломной.

шій, Максютовъ Петръ). Вызвавъ этихъ кандидатовъ (собственно пятерыхъ изъ нихъ, такъ какъ трое еще не возвратились къ тому времени съ лѣтняго вакатa) особою повѣсткою на 9-ое сентября, съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ ними, Броннеръ предложилъ имъ письменно отвѣтить ему по нѣкоторымъ вопросамъ (какъ эти вопросы, такъ и отвѣты на нихъ до насъ не дошли), а также старался, путемъ личнаго опроса, выяснить какъ общественное и семейное положеніе каждаго кандидата, такъ и направленіе его научныхъ занятій, причемъ обязалъ кандидатовъ вести особые дневники, съ точнымъ изложеніемъ въ нихъ хода ежедневныхъ занятій каждаго изъ нихъ; позже эти журналы ежемѣсячно представлялись директору, въ качествѣ контрольной надъ занятіями кандидатовъ мѣры. Не мало озабочивали Броннера и хлопоты по приведенію въ порядокъ отведеннаго для педагогическаго института помѣщенія, которое мало удовлетворяло его какъ своею тѣснотою, такъ и недостаточною изолированностью отъ остальныхъ университетскихъ помѣщеній. Только въ декабрѣ 1813 года удалось перемѣстить кандидатовъ изъ неудобныхъ и холодныхъ антресольныхъ камеръ главнаго университетскаго зданія въ приспособленныя для нихъ комнаты нижняго этажа, но и этимъ помѣщеніемъ не долго пришлось пользоваться педагогическому институту, такъ какъ послѣ грандіознаго пожара 3-го сентября 1815 года, повлекшаго обратное переселеніе погорѣвшей гимназіи въ зданія университета, это помѣщеніе было отведено для студентовъ, камеры которыхъ были уступлены, въ свою очередь, для размѣщенія въ нихъ воспитанниковъ гимназіи.

Педагогическая сторона вновь возложенныхъ на него, въ высшей степени серьезныхъ и отвѣтственныхъ, обязанностей обращала на себя, само собою разумѣется, преимущественное вниманіе Броннера. Этого вопроса онъ коснулся уже въ отвѣтномъ на извѣщеніе о состоявшемся назначеніи его директоромъ педагогическаго института письмѣ своемъ къ Румовскому отъ 22-го іюля 1812 года, неотправленномъ, впрочемъ, по назначенію за полученіемъ извѣстія о кончинѣ маститаго попечителя:

„Вашему превосходительству угодно было,—писалъ здѣсь Броннеръ,—представить меня къ занятію должности директора педагогическаго института. Благоволите принять мою искреннѣйшую признательность за оказанное мнѣ этимъ довѣріе. Я надѣюсь, что на этомъ поприщѣ мнѣ удастся сдѣлать много добраго, если только вы не откажете мнѣ въ необходимыхъ случаяхъ въ вашей поддержкѣ, хотя я все еще и сомнѣваюсь, удастся ли мнѣ, при настоящемъ положеніи вещей, оправдать тѣ ожиданія, которыя могутъ быть предъявлены къ принимаемому мною на себя отвѣтственному званію.

шій, Максютовъ Петръ). Вызвавъ этихъ кандидатовъ (собственно пятерыхъ изъ нихъ, такъ какъ трое еще не возвратились къ тому времени съ лѣтняго ваката) особою повѣсткою на 9-ое сентября, съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ ними, Броннеръ предложилъ имъ письменно отвѣтить ему по нѣкоторымъ вопросамъ (какъ эти вопросы, такъ и отвѣты на нихъ до насъ не дошли), а также старался, путемъ личнаго опроса, выяснить какъ общественное и семейное положеніе каждаго кандидата, такъ и направленіе его научныхъ занятій, причемъ обязалъ кандидатовъ вести особые дневники, съ точнымъ изложеніемъ въ нихъ хода ежедневныхъ занятій каждаго изъ нихъ; позже эти журналы ежемѣсячно представлялись директору, въ качествѣ контрольной надъ занятіями кандидатовъ мѣры. Не мало озабочивали Броннера и хлопоты по приведенію въ порядокъ отведеннаго для педагогическаго института помѣщенія, которое мало удовлетворяло его какъ своею тѣснотою, такъ и недостаточною изолированностью отъ остальныхъ университетскихъ помѣщеній. Только въ декабрѣ 1813 года удалось перемѣстить кандидатовъ изъ неудобныхъ и холодныхъ антресольныхъ камеръ главнаго университетскаго зданія въ приспособленныя для нихъ комнаты нижняго этажа, но и этимъ помѣщеніемъ не долго пришлось пользоваться педагогическому институту, такъ какъ послѣ грандіознаго пожара 3-го сентября 1815 года, повлекшаго обратное переселеніе погорѣвшей гимназіи въ зданія университета, это помѣщеніе было отведено для студентовъ, камеры которыхъ были уступлены, въ свою очередь, для размѣщенія въ нихъ воспитанниковъ гимназіи.

Педагогическая сторона вновь возложенныхъ на него, въ высшей степени серьезныхъ и отвѣтственныхъ, обязанностей обращала на себя, само собою разумѣется, преимущественное вниманіе Броннера. Этого вопроса онъ коснулся уже въ отвѣтномъ на извѣщеніе о состоявшемся назначеніи его директоромъ педагогическаго института письмѣ своемъ къ Румовскому отъ 22-го іюля 1812 года, неотправленномъ, впрочемъ, по назначенію за полученіемъ извѣстія о кончинѣ маститаго попечителя:

„Вашему превосходительству угодно было,—писалъ здѣсь Броннеръ,—представить меня къ занятію должности директора педагогическаго института. Благоволите принять мою искреннѣйшую признательность за оказанное мнѣ этимъ довѣріе. Я надѣюсь, что на этомъ поприщѣ мнѣ удастся сдѣлать много добраго, если только вы не откажете мнѣ въ необходимыхъ случаяхъ въ вашей поддержкѣ, хотя я все еще и сомнѣваюсь, удастся ли мнѣ, при настоящемъ положеніи вещей, оправдать тѣ ожиданія, которыя могутъ быть предъявлены къ принимаемому мною на себя отвѣтственному званію.

Я внимательно прочелъ 12-ую главу университетскаго устава и уяснилъ себѣ директорскія обязанности, которыя должны быть направлены къ слѣдующему:

1) Заботливое попеченіе о кандидатахъ и о тѣхъ изъ студентовъ, которые предназначаются къ занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ.

2) Наблюденіе надъ ихъ нравственнымъ поведеніемъ.

3) Руководство и споспѣшествованіе въ ихъ научныхъ занятіяхъ, сообразныя съ индивидуальными особенностями каждаго изъ нихъ.

4) Представленіе совѣту, на каждое полугодіе, плана научныхъ занятій воспитанниковъ института, составленіе обозрѣнія преподаваній для нихъ, какъ общихъ, такъ и приватныхъ.

5) Веденіе журнала поведенія, прилежанія, занятій и успѣховъ всѣхъ кандидатовъ, съ представленіемъ, на основаніи его, семестральныхъ отчетовъ совѣту какъ о всѣхъ воспитанникахъ института, такъ, въ случаѣ требованія совѣта, и относительно каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

6) Онъ будетъ, совмѣстно съ инспекторомъ студентовъ, руководить повторительными занятіями кандидатовъ со студентами.

7) Ему будетъ предоставленъ надзоръ за кандидатскою прислугою, съ цѣлью устраненія тѣхъ служащихъ, которые могли бы вредно вліять на кандидатовъ своею неопрятностью, болѣзнями, неисправимостью, сквернословіемъ, распутствомъ и т. п.

Такимъ образомъ, директору педагогическаго института придется становиться въ постоянное соприкасательство съ инспекторомъ студентовъ, со всѣми профессорами, адъюнктами, магистрами, кандидатами и студентами. Изъ всего этого становится яснымъ, что предстоящая ему работа, при условіи добросовѣстнаго отношенія къ ней, едва ли не представитъ сплошную цѣпь трудностей.... Не слѣдуетъ, впрочемъ слишкомъ мрачно смотрѣть на вещи, если въ перспективѣ представляется возможность сдѣлать добро".

Преслѣдуя задачу урегулированія внутренняго распорядка въ ввѣренномъ ему учрежденіи, Броннеръ, слѣдомъ за вступленіемъ своимъ въ отправленіе обязанностей директора, представилъ совѣту несохранившійся, къ сожалѣнію, въ архивныхъ дѣлахъ университета „планъ и порядокъ упражненія въ педагогическомъ институтѣ", принятый совѣтомъ и 25-го ноября 1812 года утвержденный новымъ попечителемъ М. А. Салтыковымъ; несомнѣнно, что этотъ нормальный „планъ" служилъ основою частичныхъ плановъ, конспектовъ и распредѣленій занятій въ педагогическомъ институтѣ, которые впослѣдствіе неоднократно представлялись Броннеромъ на утвержденіе совѣта.

Я внимательно прочелъ 12-ую главу университетскаго устава и уяснилъ себѣ директорскія обязанности, которыя должны быть направлены къ слѣдующему:

1) Заботливое попеченіе о кандидатахъ и о тѣхъ изъ студентовъ, которые предназначаются къ занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ.

2) Наблюденіе надъ ихъ нравственнымъ поведеніемъ.

3) Руководство и споспѣшествованіе въ ихъ научныхъ занятіяхъ, сообразныя съ индивидуальными особенностями каждаго изъ нихъ.

4) Представленіе совѣту, на каждое полугодіе, плана научныхъ занятій воспитанниковъ института, составленіе обозрѣнія преподаваній для нихъ, какъ общихъ, такъ и приватныхъ.

5) Веденіе журнала поведенія, прилежанія, занятій и успѣховъ всѣхъ кандидатовъ, съ представленіемъ, на основаніи его, семестральныхъ отчетовъ совѣту какъ о всѣхъ воспитанникахъ института, такъ, въ случаѣ требованія совѣта, и относительно каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

6) Онъ будетъ, совмѣстно съ инспекторомъ студентовъ, руководить повторительными занятіями кандидатовъ со студентами.

7) Ему будетъ предоставленъ надзоръ за кандидатскою прислугою, съ цѣлью устраненія тѣхъ служащихъ, которые могли бы вредно влiять на кандидатовъ своею неопрятностью, болѣзнями, неисправимостью, сквернословіемъ, распутствомъ и т. п.

Такимъ образомъ, директору педагогическаго института придется становиться въ постоянное соприкасательство съ инспекторомъ студентовъ, со всѣми профессорами, адъюнктами, магистрами, кандидатами и студентами. Изъ всего этого становится яснымъ, что предстоящая ему работа, при условіи добросовѣстнаго отношенія къ ней, едва ли не представитъ сплошную цѣпь трудностей.... Не слѣдуетъ, впрочемъ слишкомъ мрачно смотрѣть на вещи, если въ перспективѣ представляется возможность сдѣлать добро".

Преслѣдуя задачу урегулированія внутренняго распорядка въ ввѣренномъ ему учрежденіи, Броннеръ, слѣдомъ за вступленіемъ своимъ въ отправленіе обязанностей директора, представилъ совѣту несохранившійся, къ сожалѣнію, въ архивныхъ дѣлахъ университета „планъ и порядокъ упражненія въ педагогическомъ институтѣ", принятый совѣтомъ и 25-го ноября 1812 года утвержденный новымъ попечителемъ М. А. Салтыковымъ; несомнѣнно, что этотъ нормальный „планъ" служилъ основою частичныхъ плановъ, конспектовъ и распредѣленій занятій въ педагогическомъ институтѣ, которые впослѣдствіе неоднократно представлялись Броннеромъ на утвержденіе совѣта.

Кромѣ періодическихъ отчетовъ по этому учрежденію, памятникомъ дѣятельности профессора Броннера по званію руководителя педагогическаго института является его директорскій журналъ, обнимающій собою промежутокъ времени съ 13-го сентября 1812 года по 9-ое сентября 1817 года, собственноручно веденный Броннеромъ на латинскомъ языкѣ и сохранившійся въ университетскомъ архивѣ подъ заглавіемъ: Protocollum directoris instituti paedagogici. Данныя этого журнала съ большою обстоятельностью разработаны въ третьей главѣ („Ф. К. Броннеръ, какъ директоръ педагогическаго института") много разъ уже приводившагося нами труда проф. Д. И. Нагуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка" (Каз. 1902), къ которому мы и направляемъ интересующихся этою стороною дѣятельности перваго директора казанскаго педагогическаго института, въ подробности которой мы входить не станемъ.

Директорскій журналъ Броннера самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ сторону той массы труда, заботливости и времени, которые отдавались Броннеромъ дѣлу управленія педагогическимъ институтомъ казанскаго университета, съ лѣта 1814 года и до самаго конца его службы раздѣлявшемуся имъ еще и съ трудами по несенію должности инспектора казенныхъ студентовъ. Помимо неустаннаго контроля надъ научными занятіями воспитанниковъ института,—почва, на которой ему очень часто приходилось вступать въ борьбу съ проявленіями чисто россійской лѣни и апатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны молодежи,— Броннеръ зорко слѣдилъ и за поведеніемъ своихъ кандидатовъ, примѣняя къ нимъ такія же, уже знакомыя намъ, мѣры надзора, какія практиковались имъ, по званію инспектора, и по отношенію къ казеннымъ студентамъ университета: тѣ же внезапные обходы кандидатскихъ помѣщеній, та же мелочная регламентація времени отправленія на ночной покой и утренняго вставанья и одѣванья кандидатовъ и т. п. мѣры чисто формальной школьной дисциплины, не разъ бывавшія поводомъ къ конфликтамъ между директоромъ института и порученнымъ его попеченію молодыми людьми.

Профессоръ Ф. К. Броннеръ несъ званіе директора педагогическаго института до 13-го сентября 1817 года, т. е. до отъѣзда своего въ заграничный отпускъ, изъ котораго онъ въ Казань обратно уже не возвратился. Одновременно съ тѣмъ, къ исправленію должности директора института былъ опредѣленъ профессоръ М. И. Германъ, который и оставался въ этомъ званіи до увольненія своего, въ августѣ 1819 года, отъ университетской службы [263].

Кромѣ періодическихъ отчетовъ по этому учрежденію, памятникомъ дѣятельности профессора Броннера по званію руководителя педагогическаго института является его директорскій журналъ, обнимающій собою промежутокъ времени съ 13-го сентября 1812 года по 9-ое сентября 1817 года, собственноручно веденный Броннеромъ на латинскомъ языкѣ и сохранившійся въ университетскомъ архивѣ подъ заглавіемъ: Protocollum directoris instituti paedagogici. Данныя этого журнала съ большою обстоятельностью разработаны въ третьей главѣ („Ф. К. Броннеръ, какъ директоръ педагогическаго института") много разъ уже приводившагося нами труда проф. Д. И. Нагуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка" (Каз. 1902), къ которому мы и направляемъ интересующихся этою стороною дѣятельности перваго директора казанскаго педагогическаго института, въ подробности которой мы входить не станемъ.

Директорскій журналъ Броннера самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ сторону той массы труда, заботливости и времени, которые отдавались Броннеромъ дѣлу управленія педагогическимъ институтомъ казанскаго университета, съ лѣта 1814 года и до самаго конца его службы раздѣлявшемуся имъ еще и съ трудами по несенію должности инспектора казенныхъ студентовъ. Помимо неустаннаго контроля надъ научными занятіями воспитанниковъ института,—почва, на которой ему очень часто приходилось вступать въ борьбу съ проявленіями чисто россійской лѣни и апатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны молодежи,—Броннеръ зорко слѣдилъ и за поведеніемъ своихъ кандидатовъ, примѣняя къ нимъ такія же, уже знакомыя намъ, мѣры надзора, какія практиковались имъ, по званію инспектора, и по отношенію къ казеннымъ студентамъ университета: тѣ же внезапные обходы кандидатскихъ помѣщеній, та же мелочная регламентація времени отправленія на ночной покой и утренняго вставанья и одѣванья кандидатовъ и т. п. мѣры чисто формальной школьной дисциплины, не разъ бывавшія поводомъ къ конфликтамъ между директоромъ института и порученнымъ его попеченію молодыми людьми.

Профессоръ Ф. К. Броннеръ несъ званіе директора педагогическаго института до 13-го сентября 1817 года, т. е. до отъѣзда своего въ заграничный отпускъ, изъ котораго онъ въ Казань обратно уже не возвратился. Одновременно съ тѣмъ, къ исправленію должности директора института былъ опредѣленъ профессоръ М. И. Германъ, который и оставался въ этомъ званіи до увольненія своего, въ августѣ 1819 года, отъ университетской службы [263].

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о движеніи личнаго состава учащихся педагогическаго института казанскаго университета въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, какъ съ точки зрѣнія количества ихъ въ различные годы, такъ и съ точки зрѣнія производствъ въ кандидаты и магистры. Вопросъ этотъ былъ уже въ достаточной степени разсмотрѣнъ нами раньше, когда мы говорили о возведеніи университетомъ въ ученыя степени и званія *. Тогда же было приведено нами и указаніе на общее количество учителей, выпущенныхъ казанскимъ университетомъ въ первые четырнадцать лѣтъ своего существованія. Мы считаемъ, въ силу этого, возможнымъ ограничиться въ данную минуту возстановленіемъ лишь общихъ цифръ, касающихся интересующаго насъ въ настоящее время вопроса.

За промежутокъ времени 1807—1818 годовъ университетомъ возведены были въ степень кандидата—44 студента, т. е. почти 35 процентовъ молодыхъ людей, прослушавшихъ полный курсъ его наукъ. Изъ нихъ 10 человѣкъ, достигнувъ ученой степени магистра, остались на дальнѣйшей преподавательской службѣ университета, 3 получили званіе лекаря (въ то время существовала еще и степень кандидата врачебныхъ наукъ), 22 назначены учителями, 8 уволились изъ ученой службы, 1 умеръ. Изъ 22-хъ кандидатовъ, получившихъ учительскія должности, 17 назначеній въ учителя выпадаютъ на долю кандидатовъ интересующей насъ поры существованія при университетѣ педагогическаго института **. Степени магистра удостоились за тотъ же промежутокъ времени 17 лицъ,—не принимая въ разсчетъ двухъ лицъ (Никольскій и Дунаевъ), не учившихся въ казанскомъ университетѣ и опредѣленныхъ въ него, изъ с.-петербургскаго педагогическаго института, уже прямо—„магистрами". Обстоятельства, условія и порядокъ, которыми сопровождались возведенія въ степени кандидата и магистра, въ достаточной степени возстановляются біографическими данными объ отдѣльныхъ лицахъ, въ своемъ мѣстѣ нами уже приводившимися ***.

---

* См. выше стр. 70—76.

** Вотъ эти назначенія, съ указаніемъ годовъ и мѣстъ ихъ: 1813 годъ—Панкратовъ Гавр. (астраханское агабабовское училище); 1814 годъ—Граздовскій Серг. (нижегородская гимн.), Линдегренъ Ос. (астраханская гимн.), Соловьевъ Ан. (симбирская гимн.); 1815 годъ—Зубатовъ Петръ (пензенская гимн.), Климовъ Петръ (тамбовское главн. нар. учил.) Калестиновъ Алексѣй (пермская гимн.); 1816 годъ—Поповъ Ив. (тамбовское главн. нар. учил.), Скворцовъ Мих. (симбирская гимн.); 1817 годъ—Востоковъ Венедиктъ (астраханская гимн.), Знобишинъ Валер. (пермская гимн.), Спиридоновъ Сер. (цивильское уѣздн. учил.), Ѳеофовъ Вас. (пермская гимн.); 1818 годъ—Чашковъ Ник. (симбирская гимн.), Чеадаевъ Влад. (саратовская гимн.); 1819 годъ—Бабановскій Викт. (тобольская гимн.), Телешевъ Ив. (симбирская гимн.).

*** См. томъ I, главы II и III, и настоящаго тома главу I.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о движеніи личнаго состава учащихся педагогическаго института казанскаго университета въ предѣлахъ интересующей насъ эпохи, какъ съ точки зрѣнія количества ихъ въ различные годы, такъ и съ точки зрѣнія производствъ въ кандидаты и магистры. Вопросъ этотъ былъ уже въ достаточной степени разсмотрѣнъ нами раньше, когда мы говорили о возведеніи университетомъ въ ученыя степени и званія *. Тогда же было приведено нами и указаніе на общее количество учителей, выпущенныхъ казанскимъ университетомъ въ первые четырнадцать лѣтъ своего существованія. Мы считаемъ, въ силу этого, возможнымъ ограничиться въ данную минуту возстановленіемъ лишь общихъ цифръ, касающихся интересующаго насъ въ настоящее время вопроса.

За промежутокъ времени 1807—1818 годовъ университетомъ возведены были въ степень кандидата—44 студента, т. е. почти 35 процентовъ молодыхъ людей, прослушавшихъ полный курсъ его наукъ. Изъ нихъ 10 человѣкъ, достигнувъ ученой степени магистра, остались на дальнѣйшей преподавательской службѣ университета, 3 получили званіе лекаря (въ то время существовала еще и степень кандидата врачебныхъ наукъ), 22 назначены учителями, 8 уволились изъ ученой службы, 1 умеръ. Изъ 22-хъ кандидатовъ, получившихъ учительскія должности, 17 назначеній въ учителя выпадаютъ на долю кандидатовъ интересующей насъ поры существованія при университетѣ педагогическаго института **. Степени магистра удостоились за тотъ же промежутокъ времени 17 лицъ,—не принимая въ разсчетъ двухъ лицъ (Никольскій и Дунаевъ), не учившихся въ казанскомъ университетѣ и опредѣленныхъ въ него, изъ с.-петербургскаго педагогическаго института, уже прямо—„магистрами". Обстоятельства, условія и порядокъ, которыми сопровождались возведенія въ степени кандидата и магистра, въ достаточной степени возстановляются біографическими данными объ отдѣльныхъ лицахъ, въ своемъ мѣстѣ нами уже приводившимися ***.

---

* См. выше стр. 70—76.

** Вотъ эти назначенія, съ указаніемъ годовъ и мѣстъ ихъ: 1813 годъ—Панкратовъ Гавр. (астраханское агабабовское училище); 1814 годъ—Граздовскій Серг. (нижегородская гимн.), Линдегренъ Ос. (астраханская гимн.), Соловьевъ Ан. (симбирская гимн.); 1815 годъ—Зубатовъ Петръ (пензенская гимн.), Климовъ Петръ (тамбовское главн. нар. учил.) Калестиновъ Алексѣй (пермская гимн.); 1816 годъ—Поповъ Ив. (тамбовское главн. нар. учил.), Скворцовъ Мих. (симбирская гимн.); 1817 годъ—Востоковъ Венедиктъ (астраханская гимн.), Знобишинъ Валер. (пермская гимн.), Спиридоновъ Сер. (цивильское уѣздн. учил.), Ѳеофовъ Вас. (пермская гимн.); 1818 годъ—Чашковъ Ник. (симбирская гимн.), Чеадаевъ Влад. (саратовская гимн.); 1819 годъ—Бабановскій Викт. (тобольская гимн.), Телешевъ Ив. (симбирская гимн.).

*** См. томъ I, главы II и III, и настоящаго тома главу I.

Трудно составить себѣ въ наши дни сколько нибудь опредѣленное представленіе о степени той дѣйствительной пользы, какую могъ принести учащейся молодежи и наукѣ педагогическій институтъ казанскаго университета въ немногіе годы своего существованія въ предѣлахъ изслѣдуемой нами эпохи, тѣмъ болѣе, что огромное большинство магистровъ, въ числѣ которыхъ находились и наиболѣе крупные будущіе дѣятели университета, получили эту ученую степень и свою научную подготовку еще до открытія педагогическаго института, слѣдовательно — внѣ его пропедевтическаго вліянія *. Основною задачею педагогическаго института за это время выступаетъ, такимъ образомъ, именно та, которая была указана ему самимъ университетскимъ уставомъ, то есть—подготовленіе учителей. Семнадцать учительскихъ силъ, выпущенныхъ институтомъ въ продолженіи шести съ небольшимъ лѣтъ—представляютъ собою, конечно, результатъ довольно значительный, въ особенности же въ виду ограниченнаго количества учащихся въ университетѣ; но какова качественная оцѣнка, могущая быть приложенною къ этому учительскому персоналу, разсѣянному педагогическимъ институтомъ по почти безпредѣльнымъ пространствамъ казанскаго учебнаго округа того времени—это вопросъ, дать сколько нибудь опредѣленный отвѣтъ на который мы положительно затрудняемся.

Весьма легко порѣшилъ съ этимъ вопросомъ грозный ревизоръ казанскаго университета М. Л. Магницкій, въ своемъ отчетѣ о произведенной имъ ревизіи университета давшій объ его педагогическомъ институтѣ отзывъ столько же рѣзкій, сколько и юмористическій. Осуждая недостаточную подготовленность, даваемую казанскимъ университетомъ своимъ воспитанникамъ и отмѣчая, въ особенности, отсутствіе нравственно-религіозныхъ основъ ихъ воспитанія, Магницкій не безъ паѳоса восклицаетъ по этому поводу: „И такъ — полуученость воспитанниковъ довершается невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ; и изъ сихъ людей, такъ образованныхъ—выпущено уже въ пятнадцать губерній 43 учителя!“ Отмѣтивъ, далѣе, будто бы „каждый изъ учителей сихъ, столь противно выгодамъ и видамъ воспитавшаго ихъ правительства образованный, стоитъ ему, по соображенію сдѣланныхъ на университетъ издержекъ—34,022 рубля“, Магницкій замѣчаетъ, что „происшедшій отъ того вредъ, т. е. что 15 губерній наводнены учителями, въ семъ воспитаніи образованными и нынѣ другихъ также образующими, весьма важенъ и не

* Именно: Кондыревъ, В. Перевощиковъ, Кайсаровъ, Тимьянскій, Шоникъ, Булыгинъ, Н. и А. Лобачевскіе, Самсоновъ, Юнаковъ, Симоновъ, Алехинъ, Срезневскій.

Трудно составить себѣ въ наши дни сколько нибудь опредѣленное представленіе о степени той дѣйствительной пользы, какую могъ принести учащейся молодежи и наукѣ педагогическій институтъ казанскаго университета въ немногіе годы своего существованія въ предѣлахъ изслѣдуемой нами эпохи, тѣмъ болѣе, что огромное большинство магистровъ, въ числѣ которыхъ находились и наиболѣе крупные будущіе дѣятели университета, получили эту ученую степень и свою научную подготовку еще до открытія педагогическаго института, слѣдовательно — внѣ его пропедевтическаго вліянія *. Основною задачею педагогическаго института за это время выступаетъ, такимъ образомъ, именно та, которая была указана ему самимъ университетскимъ уставомъ, то есть—подготовленіе учителей. Семнадцать учительскихъ силъ, выпущенныхъ институтомъ въ продолженіи шести съ небольшимъ лѣтъ—представляютъ собою, конечно, результатъ довольно значительный, въ особенности же въ виду ограниченнаго количества учащихся въ университетѣ; но какова качественная оцѣнка, могущая быть приложенною къ этому учительскому персоналу, разсѣянному педагогическимъ институтомъ по почти безпредѣльнымъ пространствамъ казанскаго учебнаго округа того времени—это вопросъ, дать сколько нибудь опредѣленный отвѣтъ на который мы положительно затрудняемся.

Весьма легко порѣшилъ съ этимъ вопросомъ грозный ревизоръ казанскаго университета М. Л. Магницкій, въ своемъ отчетѣ о произведенной имъ ревизіи университета давшій объ его педагогическомъ институтѣ отзывъ столько же рѣзкій, сколько и юмористическій. Осуждая недостаточную подготовленность, даваемую казанскимъ университетомъ своимъ воспитанникамъ и отмѣчая, въ особенности, отсутствіе нравственно-религіозныхъ основъ ихъ воспитанія, Магницкій не безъ паѳоса восклицаетъ по этому поводу: „И такъ — полуученость воспитанниковъ довершается невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ; и изъ сихъ людей, такъ образованныхъ—выпущено уже въ пятнадцать губерній 43 учителя!“ Отмѣтивъ, далѣе, будто бы „каждый изъ учителей сихъ, столь противно выгодамъ и видамъ воспитавшаго ихъ правительства образованный, стоитъ ему, по соображенію сдѣланныхъ на университетъ издержекъ—34,022 рубля“, Магницкій замѣчаетъ, что „происшедшій отъ того вредъ, т. е. что 15 губерній наводнены учителями, въ семъ воспитаніи образованными и нынѣ другихъ также образующими, весьма важенъ и не

* Именно: Кондыревъ, В. Перевощиковъ, Кайсаровъ, Тимьянскій, Шоникъ, Булыгинъ, Н. и А. Лобачевскіе, Самсоновъ, Юнаковъ, Симоновъ, Алехинъ, Срезневскій.

скоро исправленъ быть можетъ". Не менѣе рѣзко отзывается Магницкій и о самомъ педагогическомъ институтѣ:

„Институтъ педагогическій, — пишетъ онъ,—существуетъ только именемъ и весьма страннымъ образомъ: тѣ самые студенты, кои живутъ въ университетѣ, окончивъ, яко бы, академическій курсъ наукъ, подъ именемъ кандидатовъ почитаются педагогическимъ институтомъ. Преподавателями сего мнимаго педагогическаго института считаются два магистра. Ни книгъ, ни другихъ пособій, ни преподаванія въ институтѣ—нѣтъ. Есть одно, дѣйствительно существующее въ семъ воображительномъ (sic) институтѣ: прибавка къ жалованью профессора, именуемаго его директоромъ, и цѣлый почти особенный домъ для его помѣщенія".

Юмористическія замѣчанія по адресу педагогическаго института встрѣчаются и въ отмѣткахъ Магницкаго на поляхъ представленнаго ему историческаго изложенія важнѣйшихъ фактовъ четырнадцатилѣтней исторіи университета. Такъ, по поводу факта производства въ 1811 году въ степени кандидата и магистра, онъ замѣчаетъ: „Лекціи прибавляются, но все еще академическій курсъ не полонъ,—а есть уже магистры и кандидаты!" Противъ указанія факта образованія въ 1812 году педагогическаго института отмѣчено: „Изъ отчета моего видно, какое послѣдствіе имѣло сіе образованіе". Противъ факта выпуска изъ педагогическаго института въ 1816 году семи учителей: „А педагогическаго института и не было!" Противъ такого же факта выпуска въ 1817 году двухъ учителей: „А института все не существуетъ!" Противъ аналогичнаго указанія подъ 1818 годомъ: „А института все нѣтъ!"... [264].

Уже эти краткія, злобно-саркастическія и, добавимъ—тенденціозныя сентенціи Магницкаго предопредѣляли его будущее отношеніе къ педагогическому институту университета.

Мы будемъ имѣть случай наглядно убѣдиться въ скоромъ времени въ томъ, что эпоха попечительства Магницкаго тяжелымъ и дезорганизующимъ гнетомъ отозвалась, вообще, на положеніи учащихъ и учащихся казанскаго университета, то есть на тѣхъ двухъ элементахъ его строя и его жизнедѣятельности, которые дали содержаніе заканчиваемой главѣ нашего изслѣдованія.

скоро исправленъ быть можетъ". Не менѣе рѣзко отзывается Магницкій и о самомъ педагогическомъ институтѣ:

„Институтъ педагогическій, — пишетъ онъ,—существуетъ только именемъ и весьма страннымъ образомъ: тѣ самые студенты, кои живутъ въ университетѣ, окончивъ, яко бы, академическій курсъ наукъ, подъ именемъ кандидатовъ почитаются педагогическимъ институтомъ. Преподавателями сего мнимаго педагогическаго института считаются два магистра. Ни книгъ, ни другихъ пособій, ни преподаванія въ институтѣ—нѣтъ. Есть одно, дѣйствительно существующее въ семъ вообразительномъ (sic) институтѣ: прибавка къ жалованью профессора, именуемаго его директоромъ, и цѣлый почти особенный домъ для его помѣщенія".

Юмористическія замѣчанія по адресу педагогическаго института встрѣчаются и въ отмѣткахъ Магницкаго на поляхъ представленнаго ему историческаго изложенія важнѣйшихъ фактовъ четырнадцатилѣтней исторіи университета. Такъ, по поводу факта производства въ 1811 году въ степени кандидата и магистра, онъ замѣчаетъ: „Лекціи прибавляются, но все еще академическій курсъ не полонъ,—а есть уже магистры и кандидаты!" Противъ указанія факта образованія въ 1812 году педагогическаго института отмѣчено: „Изъ отчета моего видно, какое послѣдствіе имѣло сіе образованіе". Противъ факта выпуска изъ педагогическаго института въ 1816 году семи учителей: „А педагогическаго института и не было!" Противъ такого же факта выпуска въ 1817 году двухъ учителей: „А института все не существуетъ!" Противъ аналогичнаго указанія подъ 1818 годомъ: „А института все нѣтъ!"... [264].

Уже эти краткія, злобно-саркастическія и, добавимъ—тенденціозныя сентенціи Магницкаго предопредѣляли его будущее отношеніе къ педагогическому институту университета.

Мы будемъ имѣть случай наглядно убѣдиться въ скоромъ времени въ томъ, что эпоха попечительства Магницкаго тяжелымъ и дезорганизующимъ гнетомъ отозвалась, вообще, на положеніи учащихъ и учащихся казанскаго университета, то есть на тѣхъ двухъ элементахъ его строя и его жизнедѣятельности, которые дали содержаніе заканчиваемой главѣ нашего изслѣдованія.

Приложенія

КО ВТОРОМУ ТОМУ

Приложенія

ко второму тому

I

(Къ страницѣ 27-ой)

Мнѣніе профессора Г. И. Солнцева относительно способа преподаванія юридическихъ наукъ

„Въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ декана, публичнаго ординарнаго профессора Солнцева

Мнѣніе.

Касательно способа преподаванія юридическихъ наукъ по моей части, мнѣніе мое таково:

1) Преподавать должно слушателямъ лекціи не читая по книгѣ или тетради безъ всякаго объясненія, но объяснять имъ словесно, сколь можно яснѣйшимъ и понятнѣйшимъ для нихъ образомъ.

2) Чтобы обратить бо́льшее вниманіе слушателей къ предмету преподаваемому и удостовѣриться въ ихъ вниманіи и въ уразумѣніи преподаваемаго, должно по временамъ, при преподаваніи, дѣлать имъ вопросы о чемъ было говорено и, если кто не понялъ, то вторично объяснить предметъ; однакожъ замѣчать должно, непонятность таковая не происходитъ ли отъ упрямства или тупости слушателя, въ какомъ случаѣ для таковаго слушателя не должно останавливаться преподаваніемъ лекціи.

3) Для объясненій главнаго преподаваемаго предмета можно заимствовать полезныя изъ другихъ наукъ,—напримѣръ, при изложеніи римскаго права многія мѣста нужно объяснять древностями.

4) Предлагаемые примѣры весьма полезны для яснѣйшаго понятія слушателей.

5) Стараться каждые термины въ наукѣ опредѣлять какъ можно удовлетворительнѣе и избѣгать неясныхъ и неопредѣлительныхъ значеній (voces vagas et indeterminatas).

6) Въ особенности юридическій стиль не терпитъ принужденнаго украшенія и кудрявости: онъ долженъ быть простъ и удобопонятенъ.

7) Преподаватель юридическихъ наукъ весьма не худо будетъ дѣлать, если, объясняя какой либо законъ, будетъ изыскивать и объяснять причины побудительныя къ изданію онаго и его слѣдствія.

8) На противорѣчащія мѣста излагать мнѣнія писателей съ критическимъ ихъ разборомъ.

I

(Къ страницѣ 27-ой)

Мнѣніе профессора Г. И. Солнцева относительно способа преподаванія юридическихъ наукъ

„Въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ декана, публичнаго ординарнаго профессора Солнцева

Мнѣніе.

Касательно способа преподаванія юридическихъ наукъ по моей части, мнѣніе мое таково:

1) Преподавать должно слушателямъ лекціи не читая по книгѣ или тетради безъ всякаго объясненія, но объяснять имъ словесно, сколь можно яснѣйшимъ и понятнѣйшимъ для нихъ образомъ.

2) Чтобы обратить бо́льшее вниманіе слушателей къ предмету преподаваемому и удостовѣриться въ ихъ вниманіи и въ уразумѣніи преподаваемаго, должно по временамъ, при преподаваніи, дѣлать имъ вопросы о чемъ было говорено и, если кто не понялъ, то вторично объяснить предметъ; однакожъ замѣчать должно, непонятность таковая не происходитъ ли отъ упрямства или тупости слушателя, въ какомъ случаѣ для таковаго слушателя не должно останавливаться преподаваніемъ лекціи.

3) Для объясненій главнаго преподаваемаго предмета можно заимствовать полезныя изъ другихъ наукъ,—напримѣръ, при изложеніи римскаго права многія мѣста нужно объяснять древностями.

4) Предлагаемые примѣры весьма полезны для яснѣйшаго понятія слушателей.

5) Стараться каждые термины въ наукѣ опредѣлять какъ можно удовлетворительнѣе и избѣгать неясныхъ и неопредѣлительныхъ значеній (voces vagas et indeterminatas).

6) Въ особенности юридическій стиль не терпитъ принужденнаго украшенія и кудрявости: онъ долженъ быть простъ и удобопонятенъ.

7) Преподаватель юридическихъ наукъ весьма не худо будетъ дѣлать, если, объясняя какой либо законъ, будетъ изыскивать и объяснять причины побудительныя къ изданію онаго и его слѣдствія.

8) На противорѣчащія мѣста излагать мнѣнія писателей съ критическимъ ихъ разборомъ.

9) Диктованіе уроковъ не можетъ быть терпимо, а приказывать должно слушателямъ носить съ собой тетради и въ нихъ записывать примѣчательное, на домъ же имъ можно давать автора руководящаго или тетради свои, дабы они могли прочитывать оныя и, что нужно, изъ нихъ выписывать, ибо всего слушаемаго студенту невозможно запомнить.

10) Въ слѣдующую лекцію преподаватель долженъ заставлять слушателей, по его назначенію, вкратцѣ повторить пройденное въ прошедшую лекцію.

11) Можно слушателей пріучать къ сочиненію краткихъ демонстрацій, также къ диспутамъ; можно слушателямъ въ классѣ дозволять себѣ дѣлать возраженія (objectiones) и на оныя дѣлать рѣшенія, но не прежде, какъ когда таковыя объекціи будутъ даны на разрѣшеніе другимъ слушателямъ; сбивчивыя и неправильныя ихъ рѣшенія поправлять; такожъ преподаватель можетъ отъ себя предлагать слушателямъ возраженія и требовать отъ нихъ рѣшеній.

12) Каждую науку должно начинать краткою исторіею ея.

13) По окончаніи мѣсяца весьма полезно дѣлать слушателямъ испытаніе (tentamen) изъ пройденнаго предмета въ теченіи мѣсяца. Польза изъ сего двояка: а) слушатели будутъ понуждены къ бо́льшему прилежанію изъ соревнованія отличиться успѣхами при испытаніи, а частію и опасеніемъ впасть въ худое замѣчаніе преподавателя; б) да и преподаватель безошибочнѣе можетъ судить о прилежаніи и успѣхахъ слушателей своихъ и безошибочнѣе аттестовать ихъ въ мѣсячныхъ рапортахъ.

Кромѣ сихъ особенныхъ правилъ и замѣчаній есть великое множество и другихъ, кои преподаватель принимаетъ въ руководство, сообразуясь съ числомъ самимъ слушателей, съ разностію преподаваемыхъ предметовъ, съ способностями и дарованіями слушателей, съ мѣстными обстоятельствами, съ расположеніемъ курса наукъ и проч. Какая жъ есть, вообще, лучше метода преподаванія, которую бы можно было предпочесть всѣмъ прочимъ—это есть такая проблемма, которую едва ли и рѣшить можно.

Представляю мнѣніе сіе на разсужденіе отдѣленія.

Апрѣля—дня 1819 года.

Деканъ, публичный ординарный профессоръ Гавріилъ Солнцевъ".

(Дѣло архива казан. унив. 1819, Сов., № 65, листъ 97 и об.)

9) Диктованіе уроковъ не можетъ быть терпимо, а приказывать должно слушателямъ носить съ собой тетради и въ нихъ записывать примѣчательное, на домъ же имъ можно давать автора руководящаго или тетради свои, дабы они могли прочитывать оныя и, что нужно, изъ нихъ выписывать, ибо всего слушаемаго студенту невозможно запомнить.

10) Въ слѣдующую лекцію преподаватель долженъ заставлять слушателей, по его назначенію, вкратцѣ повторить пройденное въ прошедшую лекцію.

11) Можно слушателей пріучать къ сочиненію краткихъ демонстрацій, также къ диспутамъ; можно слушателямъ въ классѣ дозволять себѣ дѣлать возраженія (objectiones) и на оныя дѣлать рѣшенія, но не прежде, какъ когда таковыя объекціи будутъ даны на разрѣшеніе другимъ слушателямъ; сбивчивыя и неправильныя ихъ рѣшенія поправлять; такожъ преподаватель можетъ отъ себя предлагать слушателямъ возраженія и требовать отъ нихъ рѣшеній.

12) Каждую науку должно начинать краткою исторіею ея.

13) По окончаніи мѣсяца весьма полезно дѣлать слушателямъ испытаніе (tentamen) изъ пройденнаго предмета въ теченіи мѣсяца. Польза изъ сего двояка: а) слушатели будутъ понуждены къ бо́льшему прилежанію изъ соревнованія отличиться успѣхами при испытаніи, а частію и опасеніемъ впасть въ худое замѣчаніе преподавателя; б) да и преподаватель безошибочнѣе можетъ судить о прилежаніи и успѣхахъ слушателей своихъ и безошибочнѣе аттестовать ихъ въ мѣсячныхъ рапортахъ.

Кромѣ сихъ особенныхъ правилъ и замѣчаній есть великое множество и другихъ, кои преподаватель принимаетъ въ руководство, сообразуясь съ числомъ самимъ слушателей, съ разностію преподаваемыхъ предметовъ, съ способностями и дарованіями слушателей, съ мѣстными обстоятельствами, съ расположеніемъ курса наукъ и проч. Какая жъ есть, вообще, лучше метода преподаванія, которую бы можно было предпочесть всѣмъ прочимъ—это есть такая проблемма, которую едва ли и рѣшить можно.

Представляю мнѣніе сіе на разсужденіе отдѣленія.

Апрѣля—дня 1819 года.

Деканъ, публичный ординарный профессоръ Гавріилъ Солнцевъ".

(Дѣло архива казан. унив. 1819, Сов., № 65, листъ 97 и об.)

II

(Къ страницѣ 81-ой—82-ой)

Списокъ композицій А. В. Новикова

I. КАТАЛОГЪ ЦЕРКОВНЫМЪ НОТАМЪ

Обѣдня, состоящая въ извѣстныхъ стихахъ, на четыре голоса.

1—Слава единородный Сыне.
2—Придите поклонимся.
3—Святый Боже.
4—Господи помилуй, сугубое.
5—Иже херувимы.
6—Милость мира.
7—Достойно есть.
8—Отче нашъ.
9—Да исполнятся уста наша.

Обѣдня, составленная изъ простого напѣва, на 4 голоса.

1—Господи помилуй.
2—Слава единородный.
3—Придите поклонимся.
4—Святый Боже.
5—Господи помилуй, сугубое.
6—Иже херувимы.
7—Отца и Сына.
8—Вѣрую во Единаго.
9—Милость мира.
10—Достойно есть.
11—Отче нашъ.
12—Запричастный стихъ „Хвалите Господа".
13—Да исполнятся уста наша.
14—Подъ Твою милость.

II

(Къ страницѣ 81-ой—82-ой)

Списокъ композицій А. В. Новикова

I. КАТАЛОГЪ ЦЕРКОВНЫМЪ НОТАМЪ

Обѣдня, состоящая въ извѣстныхъ стихахъ, на четыре голоса.

1—Слава единородный Сыне.
2—Придите поклонимся.
3—Святый Боже.
4—Господи помилуй, сугубое.
5—Иже херувимы.
6—Милость мира.
7—Достойно есть.
8—Отче нашъ.
9—Да исполнятся уста наша.

Обѣдня, составленная изъ простого напѣва, на 4 голоса.

1—Господи помилуй.
2—Слава единородный.
3—Придите поклонимся.
4—Святый Боже.
5—Господи помилуй, сугубое.
6—Иже херувимы.
7—Отца и Сына.
8—Вѣрую во Единаго.
9—Милость мира.
10—Достойно есть.
11—Отче нашъ.
12—Запричастный стихъ „Хвалите Господа“.
13—Да исполнятся уста наша.
14—Подъ Твою милость.

Обѣдня для дишкантовъ и альтовъ.

1—Слава единородный.
2—Придите поклонимся.
3—Святый Боже.
4—Господи помилуй, сугубое.
5—Иже херувимы.
6—Отца и Сына.
7—Милость мира.
8—Достойно есть.
9—Отче нашъ.
10—Запричастный стихъ „Хвалите Господа".

Всенощное бдѣніе изъ простого напѣва и украинскаго.

1—Благослови душе моя Господи.
2—Блаженъ мужъ.
3—Свѣте тихій.
4—Нынѣ отпущаеши.
5—Хвалите имя Господне.
6—Благословенъ еси Господи.
7—Канонъ, „Отверзи уста моя".
8—Днесь спасеніе міру бысть.
9—Воскресъ изъ гроба.
10—Взбранной воеводѣ.

Концерты.

1—Величитъ душа моя Господа.
2—Николаю Чудотворцу: „Тецыте вси вѣрніи соборы".
3—Рождеству Христову: „Слава въ вышнихъ Богу".
4—Боже, Боже мой, вскую мя оставилъ еси.

Херувимскія.

1—Жедуръ.
2—Цемоль.
3—Демоль
4—Адуръ.
5—Цедуръ.
6—Асъ дуръ.

Обѣдня для дишкантовъ и альтовъ.

1—Слава единородный.
2—Придите поклонимся.
3—Святый Боже.
4—Господи помилуй, сугубое.
5—Иже херувимы.
6—Отца и Сына.
7—Милость мира.
8—Достойно есть.
9—Отче нашъ.
10—Запричастный стихъ „Хвалите Господа“.

Всенощное бдѣніе изъ простого напѣва и украинскаго.

1—Благослови душе моя Господи.
2—Блаженъ мужъ.
3—Свѣте тихій.
4—Нынѣ отпущаеши.
5—Хвалите имя Господне.
6—Благословенъ еси Господи.
7—Канонъ, „Отверзи уста моя“.
8—Днесь спасеніе міру бысть.
9—Воскресъ изъ гроба.
10—Взбранной воеводѣ.

Концерты.

1—Величитъ душа моя Господа.
2—Николаю Чудотворцу: „Тецыте вси вѣрніи соборы“.
3—Рождеству Христову: „Слава въ вышнихъ Богу“.
4—Боже, Боже мой, вскую мя оставилъ еси.

Херувимскія.

1—Жедуръ.
2—Цемоль.
3—Демоль
4—Адуръ.
5—Цедуръ.
6—Асъ дуръ.

Великопостныя молитвы.

Да исправится молитва моя—эфъ дуръ.
Да исправится молитва моя—це-моль.
Да исправится молитва моя—же-дуръ.
Нынѣ силы небесныя—це-моль.
Вкусите и видите—эфъ-моль.
Вкусите и видите—це-моль.
Благословлю Господа на всякое время.
Да молчитъ всякая плоть человѣче.

Задостойникъ Пасхѣ: „Ангелъ вопіяше"—же-дуръ.
Елице во Христа креститеся.
Стихеры, да воскреснетъ Богъ.
14 задостойниковъ всѣмъ большимъ праздникамъ.

II. ХОРЫ СЪ ПОЛНЫМЪ ОРКЕСТРОМЪ И ПѢВЧЕСКИМИ ГОЛОСАМИ.

Хоръ 1.

На открытіе казанской гимназіи, слова покойнаго г. Запольскаго: „Благословляй свою судьбину, Казань престольный градъ".

Хоръ 2.

На тотъ же случай. Слова его-жъ, покойнаго Запольскаго: „Торжествуй сей день священный и въ восторгѣ веселись".

Хоръ 3.

Сочиненный для лѣтняго экзамена, слова г. Кондырева: „Дни славы Россъ благословляй" *.

Хоръ 4.

Сочиненный для лѣтняго экзамена, слова г. Ибрагимова: „Ликуйте Музы, чисты дѣвы".

Хоръ 5.

Сочиненный для открытія императорскаго казанскаго университета, слова покойнаго попечителя г. Румовскаго: „Ликуй Казань, славутый градъ", за который получилъ сочинитель награжденіе сто рублей.

---

* Въ архивѣ казанскаго университета сохранилась полная, для хора и оркестра, партитура этого канта (дѣло попечит. канцел. 1807 г., № 59).

Великопостныя молитвы.

Да исправится молитва моя—эфъ дуръ.
Да исправится молитва моя—це-моль.
Да исправится молитва моя—же-дуръ.
Нынѣ силы небесныя—це-моль.
Вкусите и видите—эфъ-моль.
Вкусите и видите—це-моль.
Благословлю Господа на всякое время.
Да молчитъ всякая плоть человѣче.

Задостойникъ Пасхѣ: „Ангелъ вопіяше"—же-дуръ.
Елице во Христа креститеся.
Стихеры, да воскреснетъ Богъ.
14 задостойниковъ всѣмъ большимъ праздникамъ.

II. ХОРЫ СЪ ПОЛНЫМЪ ОРКЕСТРОМЪ И ПѢВЧЕСКИМИ ГОЛОСАМИ.

Хоръ 1.

На открытіе казанской гимназіи, слова покойнаго г. Запольскаго: „Благословляй свою судьбину, Казань престольный градъ".

Хоръ 2.

На тотъ же случай. Слова его-жъ, покойнаго Запольскаго: „Торжествуй сей день священный и въ восторгѣ веселись".

Хоръ 3.

Сочиненный для лѣтняго экзамена, слова г. Кондырева: „Дни славы Россъ благословляй" *.

Хоръ 4.

Сочиненный для лѣтняго экзамена, слова г. Ибрагимова: „Ликуйте Музы, чисты дѣвы".

Хоръ 5.

Сочиненный для открытія императорскаго казанскаго университета, слова покойнаго попечителя г. Румовскаго: „Ликуй Казань, славутый градъ", за который получилъ сочинитель награжденіе сто рублей.

---

* Въ архивѣ казанскаго университета сохранилась полная, для хора и оркестра, партитура этого канта (дѣло попечит. канцел. 1807 г., № 59).

Хоръ 6.

Сдѣланъ для нонѣшняго экзамена, слова г. Рыбушкина: „Въ сей день, для насъ блаженный".

Хоръ 7.

Сочиненный для лѣтняго экзамена, слова г. Кондырева: „Миръ златой, драгой, любезный".

Хоръ 8.

Сочиненный для лѣтняго экзамена, слова г. Кондырева: „Да славимъ, Россы, днесь Отца".

Хоръ 9.

Сочиненный для студентовъ, слова г. Кондырева: „Время жизни скоротечно".

Кантъ 10.

Сочиненный на случай пріѣзда попечителя г. Румовскаго, слова г. Перевощикова: „Вонми, Румовскій, гласъ сердецъ".

III. ДЛЯ КАЗАНСКАГО ТЕАТРА.

Опера комическая въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ", которая какъ отъ гражданскаго губернатора г. Аплечеева, равно и отъ всей публикѣ была принята благосклонно, за которую получилъ я бенефисъ, давъ въ другой разъ туже оперу *.

Драма „Домъ сумасшедшихъ", переводъ съ нѣмецкаго, къ которой я дѣлалъ музыку и которая всякій годъ была играна нѣсколько разъ.

Къ трагедіямъ:

1—Титово милосердіе.
2—Фингалъ.
3—Эдипъ въ Аѳинахъ.
4—Дѣва солнца.
5—Смерть Роллы.
6—Сумбека.

---

* Новиковъ, будучи учителемъ музыки въ университетѣ и гимназіи, въ то же время состоялъ капельмейстеромъ публичнаго театра П. П. Есипова.

Хоръ 6.

Сдѣланъ для нонѣшняго экзамена, слова г. Рыбушкина: „Въ сей день, для насъ блаженный".

Хоръ 7.

Сочиненный для лѣтняго экзамена, слова г. Кондырева: „Миръ златой, драгой, любезный".

Хоръ 8.

Сочиненный для лѣтняго экзамена, слова г. Кондырева: „Да славимъ, Россы, днесь Отца".

Хоръ 9.

Сочиненный для студентовъ, слова г. Кондырева: „Время жизни скоротечно".

Кантъ 10.

Сочиненный на случай пріѣзда попечителя г. Румовскаго, слова г. Перевощикова: „Вонми, Румовскій, гласъ сердецъ".

III. ДЛЯ КАЗАНСКАГО ТЕАТРА.

Опера комическая въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ", которая какъ отъ гражданскаго губернатора г. Аплечеева, равно и отъ всей публикѣ была принята благосклонно, за которую получилъ я бенефисъ, давъ въ другой разъ туже оперу *.

Драма „Домъ сумасшедшихъ", переводъ съ нѣмецкаго, къ которой я дѣлалъ музыку и которая всякій годъ была играна нѣсколько разъ.

Къ трагедіямъ:

1—Титово милосердіе.
2—Фингалъ.
3—Эдипъ въ Аѳинахъ.
4—Дѣва солнца.
5—Смерть Роллы.
6—Сумбека.

---

* Новиковъ, будучи учителемъ музыки въ университетѣ и гимназіи, въ то же время состоялъ капельмейстеромъ публичнаго театра П. П. Есипова.

К ъ д р а м а м ъ:

1—Негры въ неволѣ.
2—Наталья, боярская дочь.
3—Целина или дитя тайны.

Ко всѣмъ онымъ пьесамъ дѣлалъ музыку—я.

Къ комедіи „Богъ рѣки Нѣмана", къ которой пьесѣ дѣлалъ музыку я же.

IV. СЕРЕНАДЫ.

Съ пѣвческими голосами и духовой музыкой, которыя шесть разъ были пѣты и играны въ присутствіи блаженной памяти Государя Императора Павла Перваго въ городѣ Казани, когда онъ изволилъ прогуливаться по вечерамъ въ соединенныхъ садахъ генераловъ Лецкаго и Волкова, за что и получилъ я денежное награжденіе.

И еще многія другія сочиненія, которыя здѣсь не помѣщаю, что-бы не обременить почтенныхъ членовъ совѣта.

(Архивъ каз. унив., дѣло Сов. 1815, № 129, листы 15—19).

К ъ д р а м а м ъ:

1—Негры въ неволѣ.
2—Наталья, боярская дочь.
3—Целина или дитя тайны.

Ко всѣмъ онымъ пьесамъ дѣлалъ музыку—я.

Къ комедіи „Богъ рѣки Нѣмана", къ которой пьесѣ дѣлалъ музыку я же.

IV. СЕРЕНАДЫ.

Съ пѣвческими голосами и духовой музыкой, которыя шесть разъ были пѣты и играны въ присутствіи блаженной памяти Государя Императора Павла Перваго въ городѣ Казани, когда онъ изволилъ прогуливаться по вечерамъ въ соединенныхъ садахъ генераловъ Лецкаго и Волкова, за что и получилъ я денежное награжденіе.

И еще многія другія сочиненія, которыя здѣсь не помѣщаю, что-бы не обременить почтенныхъ членовъ совѣта.

(Архивъ каз. унив., дѣло Сов. 1815, № 129, листы 15—19).

III

(Къ страницѣ 84-ой).

Стихотвореніе Н. С. Арцыбышева:

„Die Lebenskost“.

Wer das Leben will geniessen
Nutze alles, was er kann,
Um das Bitt're zu versüssen
Auf der kurzen Laufesbahn.

* * *

Schönheit liebet holde Jugend;
Mittelalter—Grösse, Pracht,
Volle Jahre reitzt die Jugend,
Ruh—ist Greissen zugedacht.....

* * *

Doch, wohl dem, der es recht weise
Mit der Klugheit unterstützt,
Hier, auf dieser Willkührreise,
Mässig, zeitlich nur benützt!

* * *

Wer Natur siegreiche Triebe
Mit Bedencken überwind't,
Selbst die schöne Tugendliebe
Nach Vernunftgesetzen gründ't;

* * *

Wer zu alten seinen Jahren
Fügt Geschmack und Kenntniss mit,
Zum Esthetischen und Wahren
Wagt den heldenkühnen Schritt;

* * *

III

(Къ страницѣ 84-ой).

Стихотвореніе Н. С. Арцыбышева:

„Die Lebenskost“.

Wer das Leben will geniessen
Nutze alles, was er kann,
Um das Bitt're zu versüssen
Auf der kurzen Laufesbahn.

*
* *

Schönheit liebet holde Jugend;
Mittelalter—Grösse, Pracht,
Volle Jahre reitzt die Jugend,
Ruh—ist Greissen zugedacht.....

*
* *

Doch, wohl dem, der es recht weise
Mit der Klugheit unterstützt,
Hier, auf dieser Willkührreise,
Mässig, zeitlich nur benützt!

*
* *

Wer Natur siegreiche Triebe
Mit Bedencken überwind't,
Selbst die schöne Tugendliebe
Nach Vernunftgesetzen gründ't;

*
* *

Wer zu alten seinen Jahren
Fügt Geschmack und Kenntniss mit,
Zum Esthetischen und Wahren
Wagt den heldenkühnen Schritt;

*
* *

Wer in keinem Fache oede
Singt wie Mara, denckt wie Kant,
Forscht als Schlötzer, spielt als Rode,
Deutet Sterne, wie Laland;

* * *

Wer mit warmen, heiter'n Busen,
Freund von Kleist und Adisson,
Steigt den Pindus, pflegt die Musen,
Nimmt der Leyer sanften Ton.

* * *

Der veredelt seine Menschheit,
Schmeckt die wahre Lebenskost,
Nach der ächten Herzesfroheit
Findet gar im Tode Trost!....

Николай Арцыбышевъ.

(Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 123, листъ 2).

Wer in keinem Fache oede
Singt wie Mara, denckt wie Kant,
Forscht als Schlötzer, spielt als Rode,
Deutet Sterne, wie Laland;

***

Wer mit warmen, heiter'n Busen,
Freund von Kleist und Adisson,
Steigt den Pindus, pflegt die Musen,
Nimmt der Leyer sanften Ton.

***

Der veredelt seine Menschheit,
Schmeckt die wahre Lebenskost,
Nach der ächten Herzesfroheit
Findet gar im Tode Trost!....

Николай Арцыбышевъ.

(Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 123, листъ 2).

IV

(Къ страницѣ 210-ой)

Научно-литературные труды дѣятелей первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета

Считаемъ необходимымъ впередъ оговориться, что предлагаемый ниже перечень отнюдь не претендуетъ на значеніе полной библіографіи трудовъ профессоровъ, преподавателей и другихъ дѣятелей первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета.

Не предпринимая, въ интересахъ безусловной полноты этого перечня, спеціальныхъ библіографическихъ изысканій, мы отводимъ въ немъ мѣсто преимущественно тѣмъ трудамъ (какъ печатнымъ, такъ и рукописнымъ) этихъ лицъ, данныя относительно которыхъ почерпаются изъ матеріаловъ университетскаго архива и изъ другихъ источниковъ, стоящихъ въ связи съ начальною исторіею казанскаго университета. Въ предѣлахъ доступнаго, мы старались, впрочемъ, давать свѣдѣнія о литературной дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ, предшествовавшей казанской университетской службѣ ихъ; съ другой стороны—мы ограничиваемъ наши библіографическія указанія 1819-мъ годомъ, т. е. предѣльнымъ годомъ интересующей насъ эпохи.

Если предлагаемый вниманію читателей перечень окажется въ состояніи дать достаточное количество штриховъ для общей обрисовки научной и литературной дѣятельности піонеровъ первыхъ четырнадцати лѣтъ жизни казанскаго университета—мы будемъ почитать нашу задачу въ достаточной степени выполненною.

Самый перечень мы сочли цѣлесообразнѣе всего расположить въ именномъ алфавитномъ порядкѣ.

---

1. **Алехинъ** Н. М., адъюнктъ правовѣдѣнія.

Въ 1815—1816 годахъ составлялъ, подъ руководствомъ профессора И. Е. Неймана, руководства по правамъ римскому, гражданскому и уголовному (слѣдовъ этихъ работъ не сохранилось).

IV

(Къ страницѣ 210-ой)

Научно-литературные труды дѣятелей первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета

Считаемъ необходимымъ впередъ оговориться, что предлагаемый ниже перечень отнюдь не претендуетъ на значеніе полной библіографіи трудовъ профессоровъ, преподавателей и другихъ дѣятелей первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета.

Не предпринимая, въ интересахъ безусловной полноты этого перечня, спеціальныхъ библіографическихъ изысканій, мы отводимъ въ немъ мѣсто преимущественно тѣмъ трудамъ (какъ печатнымъ, такъ и рукописнымъ) этихъ лицъ, данныя относительно которыхъ почерпаются изъ матеріаловъ университетскаго архива и изъ другихъ источниковъ, стоящихъ въ связи съ начальною исторіею казанскаго университета. Въ предѣлахъ доступнаго, мы старались, впрочемъ, давать свѣдѣнія о литературной дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ, предшествовавшей казанской университетской службѣ ихъ; съ другой стороны—мы ограничиваемъ наши библіографическія указанія 1819-мъ годомъ, т. е. предѣльнымъ годомъ интересующей насъ эпохи.

Если предлагаемый вниманію читателей перечень окажется въ состояніи дать достаточное количество штриховъ для общей обрисовки научной и литературной дѣятельности піонеровъ первыхъ четырнадцати лѣтъ жизни казанскаго университета—мы будемъ почитать нашу задачу въ достаточной степени выполненною.

Самый перечень мы сочли цѣлесообразнѣе всего расположить въ именномъ алфавитномъ порядкѣ.

---

1. **Алехинъ** Н. М., адъюнктъ правовѣдѣнія.

Въ 1815—1816 годахъ составлялъ, подъ руководствомъ профессора И. Е. Неймана, руководства по правамъ римскому, гражданскому и уголовному (слѣдовъ этихъ работъ не сохранилось).

2. **Арнгольдтъ** А. И., профессоръ хирургіи и повивальнаго искусства.

а) Печатные труды:

1) Переводъ съ нѣмецкаго труда Ф. Г. Мартенса: „Обозрѣніе практическаго родоврачебнаго искусства... начертанное въ таблицахъ", Каз. 1813 (тип. унив., in f., 3 листа и 13 табл.).

2) Переводъ съ нѣмецкаго, съ собственнымъ предисловіемъ, сочиненія А. Ф. Геккера: „О нервныхъ горячкахъ, свирѣпствовавшихъ въ Берлинѣ 1807 года и пр.", Каз. 1814 (тип. унив., 8°, XVI+87 стр.).

3) Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность директора тобольскихъ училищъ, Каз. 1815 (тип. унив., 4°).

4) „Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ особенному и вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣка", актовая рѣчь. Каз. 1818 (тип. унив., 4°, 23 стр.).

б) Рукописные труды:

1) Проектъ очищенія прѣсной воды свеаборгскаго порта посредствомъ угля и песка, 1811 годъ.

2) Переводъ, съ добавленіями и примѣчаніями, труда Лангенбека: „О производствѣ операцій камнесѣченія", до 1812 года.

3. **Бартельсъ** М. Ѳ., профессоръ чистой математики.

а) Печатные труды:

1) Рядъ переводовъ, въ бытность еще студентомъ, статей различнаго содержанія съ французскаго, англійскаго и итальянскаго языковъ, 1788—1790 годы.

2) Переводъ съ французскаго на нѣмецкій языкъ сочиненія Байльи: „Geschichte der neuern Astronomie", съ собственными примѣчаніями. Лейпцигъ, 1796—1797 г.г. (2 части, 8°).

б) Рукописный трудъ:

1) Мемуаръ по математическому анализу, представленный попечителю Румовскому, 1805 годъ.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ, изданныхъ членами Императорскаго Казанскаго университета до вступленія ихъ въ университетъ и о рукописяхъ, у нихъ находящихся» *, составленной весною 1819 года для цѣлей ревизіи Магницкаго, о научной дѣятельности Бартельса читаемъ:

«П. О. (т. е. публичный ординарный) профессоръ чистой математики Бартельсъ издалъ различные переводы, какъ то: съ англійскаго—Философія естественной исторіи, въ двухъ

---

* Находится въ дѣлѣ Попечит. 1819, № 1, на листахъ 223—225 и 238. Мы будемъ ниже вездѣ выдѣлять петитомъ данныя, заимствуемыя изъ этой «Вѣдомости».

2. **Арнгольдтъ** А. И., профессоръ хирургіи и повивальнаго искусства.

а) Печатные труды:

1) Переводъ съ нѣмецкаго труда Ф. Г. Мартенса: „Обозрѣніе практическаго родоврачебнаго искусства... начертанное въ таблицахъ“, Каз. 1813 (тип. унив., in f., 3 листа и 13 табл.).

2) Переводъ съ нѣмецкаго, съ собственнымъ предисловіемъ, сочиненія А. Ф. Геккера: „О нервныхъ горячкахъ, свирѣпствовавшихъ въ Берлинѣ 1807 года и пр.“, Каз. 1814 (тип. унив., 8⁰, XVI+87 стр.).

3) Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность директора тобольскихъ училищъ, Каз. 1815 (тип. унив., 4⁰).

4) „Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ особенному и вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣка“, актовая рѣчь. Каз. 1818 (тип. унив., 4⁰, 23 стр.).

б) Рукописные труды:

1) Проектъ очищенія прѣсной воды свеаборгскаго порта посредствомъ угля и песка, 1811 годъ.

2) Переводъ, съ добавленіями и примѣчаніями, труда Лангенбека: „О производствѣ операцій камнесѣченія“, до 1812 года.

3. **Бартельсъ** М. Ѳ., профессоръ чистой математики.

а) Печатные труды:

1) Рядъ переводовъ, въ бытность еще студентомъ, статей различнаго содержанія съ французскаго, англійскаго и итальянскаго языковъ, 1788—1790 годы.

2) Переводъ съ французскаго на нѣмецкій языкъ сочиненія Байльи: „Geschichte der neuern Astronomie“, съ собственными примѣчаніями. Лейпцигъ, 1796—1797 г.г. (2 части, 8⁰).

б) Рукописный трудъ:

1) Мемуаръ по математическому анализу, представленный попечителю Румовскому, 1805 годъ.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ, изданныхъ членами Императорскаго Казанскаго университета до вступленія ихъ въ университетъ и о рукописяхъ, у нихъ находящихся»*, составленной весною 1819 года для цѣлей ревизіи Магницкаго, о научной дѣятельности Бартельса читаемъ:

«П. О. (т. е. публичный ординарный) профессоръ чистой математики Бартельсъ издалъ различные переводы, какъ то: съ англійскаго—Философія естественной исторіи, въ двухъ

* Находится въ дѣлѣ Попечит. 1819, № 1, на листахъ 223—225 и 238. Мы будемъ ниже вездѣ выдѣлять петитомъ данныя, заимствуемыя изъ этой «Вѣдомости».

частяхъ, и Юнга путешествіе чрезъ Францію и т. п.; съ французскаго—Бальи исторію астрономіи, умноженную и съ замѣчаніями переводчика, изданную въ двухъ частяхъ. Въ рукописяхъ имѣетъ многія разсужденія, до высшей математики касающіяся, и составленный имъ полный курсъ чистой математики».

4. **Браунъ** И. О., профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки.

а) Печатные труды:

1) „Oratio, quam inter inaugurationis universitatis litterarum Caesareae Casanensis solemnia die V Julii anno MDCCCXIV habuit rector I. Braun". Каз., 1814 (тип. унив., 4°, 10 стр.).

2) „Oratio de circulatione sanguinis ejusque organis", актовая рѣчь. Каз., 1817 (тип. унив., 4°, 14 стр.).

5. **Брейтенбахъ** Ф. Л., профессоръ технологіи.

а) Печатные труды:

1) „Das Ganze der Brantenweinbrennung, oder vollständiger Unterricht in der Bereitung des Brantenweines und der verschiedenen Liqueure". Лейпцигъ, 1810 (2 тома, второе изданіе).

«Первое изданіе сей книги переведено на россійскій языкъ: Полный винокуръ и дистиллаторъ, Москва, 1804, въ четырехъ частяхъ».

2) „Das Ganze des Hopfenbaues etc." Эрфуртъ, 1803.

«Книга сія переведена на россійскій языкъ по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ и разослана по всѣмъ губерніямъ въ 1812 году».

3) „Vollständiger Unterricht in der Gewinnung des Torfs, der Stein— und Braunkohlen". Лейпцигъ, 1800 (второе изданіе).

4) „Ist es rathsam bei eintretender Fruchttheuerung das Brantweinbrennen zu verbieten oder frei zu lassen?" Лейпцигъ, 1800.

5) „Wie können Fruchtmagazine auf verschiedenen Art angelegt und unterhalten werden?" Лейпцигъ, 1800.

6) „Handbuch des gesammten Futtergemächsbaues, so wohl in teoretischer als praktischer Hinsicht". Берлинъ, 1801.

7) „Ueber Anlegung und Verbesserung der Wiesen". Берлинъ, 1801.

8) „Die Fleischoekonomie, oder vollständiger Unterricht das Rind—Schwein—Schaaf—Ziegen und Federrich zu erziehen etc." Веймаръ, 1803—1804 (двѣ части).

9) „Handbuch des Flachsbaues und dessen manigfaltiger Benutzung etc." Эрфуртъ, 1804 (два тома).

10) „Die Obstoekonomie oder vollständiger Unterricht in der Erziehung, Wartung und Pfläge der Obstbäume etc." Берлинъ, 1805 (два тома).

частяхъ, и Юнга путешествіе чрезъ Францію и т. п.; съ французскаго—Бальи исторію астрономіи, умноженную и съ замѣчаніями переводчика, изданную въ двухъ частяхъ. Въ рукописяхъ имѣетъ многія разсужденія, до высшей математики касающіяся, и составленный имъ полный курсъ чистой математики».

4. **Браунъ** И. О., профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки.

а) Печатные труды:

1) „Oratio, quam inter inaugurationis universitatis litterarum Caesareae Casanensis solemnia die V Julii anno MDCCCXIV habuit rector I. Braun". Каз., 1814 (тип. унив., 4°, 10 стр.).

2) „Oratio de circulatione sanguinis ejusque organis", актовая рѣчь. Каз., 1817 (тип. унив., 4°, 14 стр.).

5. **Брейтенбахъ** Ф. Л., профессоръ технологіи.

а) Печатные труды:

1) „Das Ganze der Brantenweinbrennung, oder vollständiger Unterricht in der Bereitung des Brantenweines und der verschiedenen Liqueure". Лейпцигъ, 1810 (2 тома, второе изданіе).

«Первое изданіе сей книги переведено на россійскій языкъ: Полный винокуръ и дистиллаторъ, Москва, 1804, въ четырехъ частяхъ».

2) „Das Ganze des Hopfenbaues etc." Эрфуртъ, 1803.

«Книга сія переведена на россійскій языкъ по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ и разослана по всѣмъ губерніямъ въ 1812 году».

3) „Vollständiger Unterricht in der Gewinnung des Torfs, der Stein— und Braunkohlen". Лейпцигъ, 1800 (второе изданіе).

4) „Ist es rathsam bei eintretender Fruchttheuerung das Brantweinbrennen zu verbieten oder frei zu lassen?" Лейпцигъ, 1800.

5) „Wie können Fruchtmagazine auf verschiedenen Art angelegt und unterhalten werden?" Лейпцигъ, 1800.

6) „Handbuch des gesammten Futtergemächsbaues, so wohl in teoretischer als praktischer Hinsicht". Берлинъ, 1801.

7) „Ueber Anlegung und Verbesserung der Wiesen". Берлинъ, 1801.

8) „Die Fleischoekonomie, oder vollständiger Unterricht das Rind—Schwein—Schaaf—Ziegen und Federrich zu erziehen etc." Веймаръ, 1803—1804 (двѣ части).

9) „Handbuch des Flachsbaues und dessen manigfaltiger Benutzung etc." Эрфуртъ, 1804 (два тома).

10) „Die Obstoekonomie oder vollständiger Unterricht in der Erziehung, Wartung und Pfläge der Obstbäume etc." Берлинъ, 1805 (два тома).

11) „Die Oel-Oekonomie etc.“ Берлинъ, 1806.

12) „Die Flachs-Oekonomie etc.“ Берлинъ, 1807.

13) „Die Spezerei—Fabrik—Manufactur und Handelspflanzen etc.“ Эрфуртъ, 1811.

14) „Allgemeine deutsche Landwirthschaftschule“. Эрфуртъ, 1811 (двѣ части въ одномъ томѣ) *.

6. **Броннеръ** Ф. К., профессоръ физики.

Литературныхъ трудовъ профессора Ф. К. Броннера мы приводить не будемъ, такъ какъ подробный списокъ ихъ данъ въ книгѣ проф. Д. И. Нагуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка“ (Каз., 1902), къ которому мы и направляемъ интересующихся. Здѣсь указано 34 печатныхъ труда Броннера, писанныхъ имъ внѣ предѣловъ Россіи, 9 трудовъ, пріурочиваемыхъ къ эпохѣ пребыванія его въ Казани, и 22 труда неизданныхъ. Добавимъ лишь указаніе на оставшіеся неизвѣстными проф. Нагуевскому труды Броннера, относящіеся къ казанской порѣ дѣятельности его и лично приведенные имъ въ матеріалахъ для составленія отчета по университету за 1815 годъ:

„Casanensibus Novellis (т. е. въ Казанскихъ Извѣстіяхъ) inserui observationes meteorologicas, cum dissertatiuncula de elevatione Casani supra mare, aliisque ex observationibus deductis conclusionibus de nostro climate“.

Poëmata: „Peters des Grossen Sekular—Flug“, „Perseus und Andromeda“ etc., quaedam missi redactoribus libelli annuatini, Rigae prodeuntis sub titulo „Livona“, in honorem gloriosissimi imperatoris nostri ac nationis rossicae scripta“ **.

7. **Вулыгинъ** В. Я., адъюнктъ русской исторіи.

Рукописные труды:

1) „Разсужденіе объ исторіи“, 1815 года.

2) „Разсужденіе о томъ, какой методъ писанія исторіи предпочитать должно—употреблявшійся древними или принятый новыми писателями?“, 1815 года.

3) „Главныя происшествія изъ исторіи мореплаванія относительно сдѣланныхъ съ помощью его на земномъ шарѣ открытій“, 1817 года.

8. **Вердерамо** Э. О., профессоръ повивальнаго искусства.

а) Печатные труды:

1) „Dissertatio medico-practica de methodo mercurium adhibendi in morbis syphiliticis“ (мѣсто и годъ изданія намъ неизвѣстны).

---

* См. «Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.» (Попеч. 1819, № 1, листъ 223 об.—224).

** Архивъ каз. унив., 1815, № 118 (л. 1).

11) „Die Oel-Oekonomie etc." Берлинъ, 1806.

12) „Die Flachs-Oekonomie etc." Берлинъ, 1807.

13) „Die Spezerei—Fabrik—Manufactur und Handelspflanzen etc." Эрфуртъ, 1811.

14) „Allgemeine deutsche Landwirthschaftschule". Эрфуртъ, 1811 (двѣ части въ одномъ томѣ) *.

6. **Броннеръ** Ф. К., профессоръ физики.

Литературныхъ трудовъ профессора Ф. К. Броннера мы приводить не будемъ, такъ какъ подробный списокъ ихъ данъ въ книгѣ проф. Д. И. Нагуевскаго: „Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка" (Каз., 1902), къ которому мы и направляемъ интересующихся. Здѣсь указано 34 печатныхъ труда Броннера, писанныхъ имъ внѣ предѣловъ Россіи, 9 трудовъ, пріурочиваемыхъ къ эпохѣ пребыванія его въ Казани, и 22 труда неизданныхъ. Добавимъ лишь указаніе на оставшіеся неизвѣстными проф. Нагуевскому труды Броннера, относящіеся къ казанской порѣ дѣятельности его и лично приведенные имъ въ матеріалахъ для составленія отчета по университету за 1815 годъ:

„Casanensibus Novellis (т. е. въ Казанскихъ Извѣстіяхъ) inserui observationes meteorologicas, cum dissertatiuncula de elevatione Casani supra mare, aliisque ex observationibus deductis conclusionibus de nostro climate".

Poëmata: „Peters des Grossen Sekular—Flug", „Perseus und Andromeda" etc., quaedam missi redactoribus libelli annuatini, Rigae prodeuntis sub titulo „Livona", in honorem gloriosissimi imperatoris nostri ac nationis rossicae scripta" **.

7. **Вулыгинъ** В. Я., адъюнктъ русской исторіи.

Рукописные труды:

1) „Разсужденіе объ исторіи", 1815 года.

2) „Разсужденіе о томъ, какой методъ писанія исторіи предпочитать должно—употреблявшійся древними или принятый новыми писателями?", 1815 года.

3) „Главныя происшествія изъ исторіи мореплаванія относительно сдѣланныхъ съ помощью его на земномъ шарѣ открытій", 1817 года.

8. **Вердерамо** Э. О., профессоръ повивальнаго искусства.

а) Печатные труды:

1) „Dissertatio medico-practica de methodo mercurium adhibendi in morbis syphiliticis" (мѣсто и годъ изданія намъ неизвѣстны).

---

* См. «Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.» (Попеч. 1819, № 1, листъ 223 об.—224).

** Архивъ каз. унив., 1815, № 118 (л. 1).

2) „Сонетъ и эпиграмма" на итальянскомъ языкѣ—„Ad Alessandro I", читанные на актѣ 1815 года. Каз. 1815 (тип. унив., 4°, 2 стр.).

3) „A sua Altezza Imperiale il Gran Duca Michele di Paulo etc.",—сонетъ, написанный по поводу прибытія въ Казань вел. князя Михаила Павловича. Каз. 1817 (тип. унив., 4°, 5 стр.).

4) „Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam", актовая рѣчь. Каз., 1818 (тип. унив., 4°, 22 стр.).

5) „Poesia latina et italica", edidit professor Em. de Verderamo *.

б) Рукописный трудъ:

„Tractatus de arte obstetricia" (трактатъ о повивальномъ искусствѣ)—годъ неизвѣстенъ.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ» и пр. читаемъ:

«П. О. профессоръ повивальнаго искусства Вердерамо издалъ Dissertatio de methodo adhibendi mercurium in morbis syphiliticis. Въ рукописи у него находится—Tractatus de arte obstetricia».

9. **Врангель**, баронъ Е. В., профессоръ правовѣдѣнія.

Рукописные труды:

1) „Исторія уголовнаго права" (представленъ въ 1811 г. попечителю Румовскому).

2) „Теорія судопроизводства россійской имперіи", 1815 года.

3) „О супружествѣ".

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ» и пр. находимъ:

«П. О. профессоръ правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ россійской имперіи Врангель имѣетъ въ рукописяхъ курсъ частнаго права Россіи, начертаніе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и исторію россійскаго права».

10. **Вуттигъ** І. Ф., профессоръ химіи, технологіи и фармацевтики.

а) Печатные труды:

1) „Versuch über die Gallussäure" (докторская диссертація). Дерптъ, 1806 (12°).

2) „Объ очищеніи воздуха въ галерныхъ корабляхъ и пр.", статья на французскомъ языкѣ, напечатанная въ московскомъ „Journal des naturalistes" (до 1810 года).

3) Рядъ статей по технологіи, напечатанныхъ, до 1810 года, въ различныхъ нѣмецкихъ журналахъ **.

---

* Этотъ трудъ показанъ «изданнымъ» въ отчетѣ по университету за 1819 годъ (Сов. 1819, № 397, листъ 1).

** См. дѣло унив. архива Сов. 1809 г., № 36, листы 53—55.

2) „Сонетъ и эпиграмма“ на итальянскомъ языкѣ—„Ad Alessandro I“, читанные на актѣ 1815 года. Каз. 1815 (тип. унив., 4°, 2 стр.).

3) „A sua Altezza Imperiale il Gran Duca Michele di Paulo etc.“,—сонетъ, написанный по поводу прибытія въ Казань вел. князя Михаила Павловича. Каз. 1817 (тип. унив., 4°, 5 стр.).

4) „Scientiae ac virtutes ad gloriam parant viam“, актовая рѣчь. Каз., 1818 (тип. унив., 4°, 22 стр.).

5) „Poesia latina et italica“, edidit professor Em. de Verderamo *.

б) Рукописный трудъ:

„Tractatus de arte obstetricia“ (трактатъ о повивальномъ искусствѣ)—годъ неизвѣстенъ.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ» и пр. читаемъ:

«П. О. профессоръ повивальнаго искусства Вердерамо издалъ Dissertatio de methodo adhibendi mercurium in morbis syphiliticis. Въ рукописи у него находится—Tractatus de arte obstetricia».

9. **Врангель**, баронъ Е. В., профессоръ правовѣдѣнія.

Рукописные труды:

1) „Исторія уголовнаго права“ (представленъ въ 1811 г. попечителю Румовскому).

2) „Теорія судопроизводства россійской имперіи“, 1815 года.

3) „О супружествѣ“.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ» и пр. находимъ:

«П. О. профессоръ правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ россійской имперіи Врангель имѣетъ въ рукописяхъ курсъ частнаго права Россіи, начертаніе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и исторію россійскаго права».

10. **Вуттигъ** І. Ф., профессоръ химіи, технологіи и фармацевтики.

а) Печатные труды:

1) „Versuch über die Gallussäure“ (докторская диссертація). Дерптъ, 1806 (12°).

2) „Объ очищеніи воздуха въ галерныхъ корабляхъ и пр.“, статья на французскомъ языкѣ, напечатанная въ московскомъ „Journal des naturalistes“ (до 1810 года).

3) Рядъ статей по технологіи, напечатанныхъ, до 1810 года, въ различныхъ нѣмецкихъ журналахъ **.

---

* Этотъ трудъ показанъ «изданнымъ» въ отчетѣ по университету за 1819 годъ (Сов. 1819, № 397, листъ 1).

** См. дѣло унив. архива Сов. 1809 г., № 36, листы 53—55.

4) Fundament zu einer mathematischen Methode der Chemie", напечатано въ Германіи, до 1810 года.

5) „Примѣчанія, учиненныя на Уральскомъ хребтѣ", въ Технологическомъ журналѣ, издав. академіею наукъ, 1810 г., т. VII, ч. I, стр. 122—139.

6) „О дѣланіи бухарскаго и персидскаго кумача", тамъ же, 1811 г., т. VIII, ч. I, стр. 3—70.

7) „Способъ наводить чернь на серебро и пр.", тамъ же, 1812 г., т. XI, ч. 4, стр. 44—48.

б) Рукописные труды:

1) „Геогнозія Вернера", съ собственными добавленіями, на нѣмецкомъ языкѣ.

2) „Обозрѣніе моей системы технологіи", на россійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

3) „Начальныя сочиненія технологическаго руководства, содержащія предварительныя части технологіи и описаніе художествъ перваго и втораго классовъ", на россійскомъ языкѣ.

4) „Описаніе путешествія по Уралу", представленное въ совѣтъ университета, на нѣмецкомъ языкѣ.

5) „Описаніе и наставленіе пріуготовлять купоросное масло, по собственнымъ опытамъ", на нѣмецкомъ языкѣ, съ рисунками *.

11. **Германъ** М. И., профессоръ латинскаго языка и древностей.

а) Печатные труды:

1) „Handbuch der Mythologie aus Homer und Hesiod etc." Берлинъ, 1787—1795 (три тома), и двѣ передѣлки этого сочиненія для школъ (Берлинъ, 1801 и 1802 г.г.).

2) „Die Feste von Hellas historisch-philosophisch bearbeitet etc." Берлинъ, 1803 (двѣ части).

3) „Commentatio de usu ac praestantia litterarum graecarum latinarumque, praelecta a M. G. Hermann". Каз. 1816 (тип. унив., 4°, 26 стр.).

4) „Oratio de litterarum graecorum romanorumque usu ac praestantia", актовая рѣчь. Каз., 1817 (тип. унив.).

«Кромѣ того перевелъ: съ французскаго—Путешествіе Лаперуза кругомъ свѣта и сочиненіе Дюмурье о настоящемъ положеніи Европы, 1799 года; съ англинскаго—Сима путешествіе изъ Индіи въ Тибетъ и путешествіе Ванкувра. Въ рукописяхъ находится у него собраніе разсужденій о различныхъ, до древностей касающихся, предметахъ (Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.)».

---

* Всѣ эти рукописныя сочиненія были представлены Вуттигомъ въ совѣтъ университета (см. Сов. 1809, № 36, листы 53—55), сочиненіе же подъ № 5 въ 1815 году напечатано въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: «Gruendliche Anleitung zur Fabrication der Schwefelsäure».

4) Fundament zu einer mathematischen Methode der Chemie", напечатано въ Германіи, до 1810 года.

5) „Примѣчанія, учиненныя на Уральскомъ хребтѣ", въ Технологическомъ журналѣ, издав. академіею наукъ, 1810 г., т. VII, ч. I, стр. 122—139.

6) „О дѣланіи бухарскаго и персидскаго кумача", тамъ же, 1811 г., т. VIII, ч. I, стр. 3—70.

7) „Способъ наводить чернь на серебро и пр.", тамъ же, 1812 г., т. XI, ч. 4, стр. 44—48.

б) Рукописные труды:

1) „Геогнозія Вернера", съ собственными добавленіями, на нѣмецкомъ языкѣ.

2) „Обозрѣніе моей системы технологіи", на россійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

3) „Начальныя сочиненія технологическаго руководства, содержащія предварительныя части технологіи и описаніе художествъ перваго и втораго классовъ", на россійскомъ языкѣ.

4) „Описаніе путешествія по Уралу", представленное въ совѣтъ университета, на нѣмецкомъ языкѣ.

5) „Описаніе и наставленіе пріуготовлять купоросное масло, по собственнымъ опытамъ", на нѣмецкомъ языкѣ, съ рисунками *.

11. **Германъ М. И.**, профессоръ латинскаго языка и древностей.

а) Печатные труды:

1) „Handbuch der Mythologie aus Homer und Hesiod etc." Берлинъ, 1787—1795 (три тома), и двѣ передѣлки этого сочиненія для школъ (Берлинъ, 1801 и 1802 г.г.).

2) „Die Feste von Hellas historisch-philosophisch bearbeitet etc." Берлинъ, 1803 (двѣ части).

3) „Commentatio de usu ac praestantia litterarum graecarum latinarumque, praelecta a M. G. Hermann". Каз. 1816 (тип. унив., 4°, 26 стр.).

4) „Oratio de litterarum graecorum romanorumque usu ac praestantia", актовая рѣчь. Каз., 1817 (тип. унив.).

«Кромѣ того перевелъ: съ французскаго—Путешествіе Лаперуза кругомъ свѣта и сочиненіе Дюмурье о настоящемъ положеніи Европы, 1799 года; съ англинскаго—Сима путешествіе изъ Индіи въ Тибетъ и путешествіе Ванкувра. Въ рукописяхъ находится у него собраніе разсужденій о различныхъ, до древностей касающихся, предметахъ (Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.)».

---

* Всѣ эти рукописныя сочиненія были представлены Вуттигомъ въ совѣтъ университета (см. Сов. 1809, № 36, листы 53—55), сочиненіе же подъ № 5 въ 1815 году напечатано въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: «Gruendliche Anleitung zur Fabrication der Schwefelsäure».

12. **Городчаниновъ** Г. Н., профессоръ россійской словесности.

Весьма многочисленныя сочиненія Городчанинова въ прозѣ и стихахъ нами не перечисляются, такъ какъ имѣется полная библіографія ихъ, составленная Н. П. Лихачевымъ: „Григорій Николаевичъ Городчаниновъ и его сочиненія" (Каз., 1886).

Отмѣтимъ лишь сборникъ его сочиненій: „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ", Каз., 1816 (тип. унив., 8⁰, 87+7 стр.). Болѣе позднее и болѣе полное собраніе его произведеній: „Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ" издано въ 1831 году (тип. унив., 8⁰, 552 стр.).

13. **Дунаевъ** И. И., адъюнктъ химіи.

Рукописные труды:

1) Переводъ съ нѣмецкаго первой части сочиненія Грена: „Начала общей химіи", съ добавленіемъ замѣчаній о новѣйшихъ открытіяхъ по этой наукѣ, 1817 года.

2) „Трактатъ о щелочныхъ и земляныхъ соляхъ", переводъ съ нѣмецкаго, 1819 года.

14. **Ибрагимовъ** Н. М., адъюнктъ россійской словесности.

а) Печатные труды:

1) „Стихи на всерадостный день рожденія киргизъ-кайсацкаго царевича Хлора", въ „Трудахъ каз. общества любителей отеч. словесности" (Каз. 1815).

2) „О многознаменательности и общемъ измѣненіи словъ", тамъ же.

3) 13 произведеній въ стихахъ (посланіе, пѣсни, басни)—тамъ же *.

4) Привѣтствіе великому князю Михаилу Павловичу отъ казанскаго общества любителей отеч. словесности. Каз. 1817 (тип. унив., 4⁰, 4 стр.).

б) Рукописные труды **:

1) Общая грамматика.

2) Славянская грамматика.

3) Россійская грамматика.

4) Двѣ книги перевода Овидіевыхъ превращеній.

5) Три разсужденія при публичныхъ собраніяхъ казанской гимназіи произнесенныхъ.

---

* Среди этихъ стихотвореній находится и весьма популярная во всей Россіи пѣснь: «Вечеркомъ красна дѣвица на прудокъ за стадомъ шла и пр.», оказывающаяся, такимъ образомъ, не только казанскаго происхожденія, но и не чуждой прошлому казанскаго университета.

** См. выше стр. 48.

12. **Городчаниновъ** Г. Н., профессоръ россійской словесности.

Весьма многочисленныя сочиненія Городчанинова въ прозѣ и стихахъ нами не перечисляются, такъ какъ имѣется полная библіографія ихъ, составленная Н. П. Лихачевымъ: „Григорій Николаевичъ Городчаниновъ и его сочиненія" (Каз., 1886).

Отмѣтимъ лишь сборникъ его сочиненій: „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ", Каз., 1816 (тип. унив., 8⁰, 87+7 стр.). Болѣе позднее и болѣе полное собраніе его произведеній: „Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ" издано въ 1831 году (тип. унив., 8⁰, 552 стр.).

13. **Дунаевъ** И. И., адъюнктъ химіи.

Рукописные труды:

1) Переводъ съ нѣмецкаго первой части сочиненія Грена: „Начала общей химіи", съ добавленіемъ замѣчаній о новѣйшихъ открытіяхъ по этой наукѣ, 1817 года.

2) „Трактатъ о щелочныхъ и земляныхъ соляхъ", переводъ съ нѣмецкаго, 1819 года.

14. **Ибрагимовъ** Н. М., адъюнктъ россійской словесности.

а) Печатные труды:

1) „Стихи на всерадостный день рожденія киргизъ-кайсацкаго царевича Хлора", въ „Трудахъ каз. общества любителей отеч. словесности" (Каз. 1815).

2) „О многознаменательности и общемъ измѣненіи словъ", тамъ же.

3) 13 произведеній въ стихахъ (посланіе, пѣсни, басни)—тамъ же *.

4) Привѣтствіе великому князю Михаилу Павловичу отъ казанскаго общества любителей отеч. словесности. Каз. 1817 (тип. унив., 4⁰, 4 стр.).

б) Рукописные труды **:

1) Общая грамматика.

2) Славянская грамматика.

3) Россійская грамматика.

4) Двѣ книги перевода Овидіевыхъ превращеній.

5) Три разсужденія при публичныхъ собраніяхъ казанской гимназіи произнесенныхъ.

---

* Среди этихъ стихотвореній находится и весьма популярная во всей Россіи пѣснь: «Вечеркомъ красна дѣвица на прудокъ за стадомъ шла и пр.», оказывающаяся, такимъ образомъ, не только казанскаго происхожденія, но и не чуждой прошлому казанскаго университета.

** См. выше стр. 48.

15. **Кайсаровъ** А. В., адъюнктъ физики.

Рукописный трудъ:

„Разсужденіе о разрѣшеніи уравненій второй и третьей степени посредствомъ тригонометріи“, 1808 года (сохранилось при дѣлѣ Сов. 1809, № 33).

16. **Калайдовичъ** Ѳ. Д., адъюнктъ гигіены.

Печатный трудъ:

„О сохраненіи здравія или краткія правила гигіены“. Каз., 1813 (тип. унив., 8⁰, IV+55 стр.).

17. **Каменскій** И. П., профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки.

а) Печатные труды:

1) Переводъ сочиненія Фуркроа: „Химическая философія и пр.“ Владиміръ, 1799.

2) „Краткое начертаніе наблюденій и опытовъ о вредности молочной и о пользѣ хлѣбной, мясной и другой пищи для дѣтей“. СПБ., 1805.

б) Рукописные труды:

1) „De ulcere ventriculi penetrante“, 1796 года.

2) „De restringendo sordibus quamvis in primis viis praesentibus evacuantium usu“ (докторская диссертація), 1802 года.

18. **Карташевскій** Г. И., адъюнктъ чистой математики.

По свидѣтельству С. Т. Аксакова, писалъ собственный курсъ чистой математики.

19. **Кондыревъ** П. С., профессоръ историческихъ наукъ и политической экономіи.

а) Печатные труды:

1) „Странствованія Филиппа Ефремова по Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибету и Индіи и возвращеніе его оттуда чрезъ Англію въ Россію“. Каз., 1811 (тип. унив., 8⁰, 159 стр.).

2) Переводъ съ нѣмецкаго языка сочиненія Сарторіуса: „Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи Адама Смита“. Каз., 1812 (унив. тип., 8⁰, X+291 стр.).

3) Переводъ, совмѣстно съ А. С. Лубкинымъ, съ нѣмецкаго языка сочиненія Снелля: „Начальный курсъ философіи“. Каз., 1813—1814 (тип. унив., 8⁰, въ пяти частяхъ, 134+134+80+136+64 стр.).

15. **Кайсаровъ** А. В., адъюнктъ физики.

Рукописный трудъ:

„Разсужденіе о разрѣшеніи уравненій второй и третьей степени посредствомъ тригонометріи", 1808 года (сохранилось при дѣлѣ Сов. 1809, № 33).

16. **Калайдовичъ** Ѳ. Д., адъюнктъ гигіены.

Печатный трудъ:

„О сохраненіи здравія или краткія правила гигіены". Каз., 1813 (тип. унив., 8°, IV+55 стр.).

17. **Каменскій** И. П., профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки.

а) Печатные труды:

1) Переводъ сочиненія Фуркроа: „Химическая философія и пр." Владиміръ, 1799.

2) „Краткое начертаніе наблюденій и опытовъ о вредности молочной и о пользѣ хлѣбной, мясной и другой пищи для дѣтей". СПБ., 1805.

б) Рукописные труды:

1) „De ulcere ventriculi penetrante", 1796 года.

2) „De restringendo sordibus quamvis in primis viis praesentibus evacuantium usu" (докторская диссертація), 1802 года.

18. **Карташевскій** Г. И., адъюнктъ чистой математики.

По свидѣтельству С. Т. Аксакова, писалъ собственный курсъ чистой математики.

19. **Кондыревъ** П. С., профессоръ историческихъ наукъ и политической экономіи.

а) Печатные труды:

1) „Странствованія Филиппа Ефремова по Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибету и Индіи и возвращеніе его оттуда чрезъ Англію въ Россію". Каз., 1811 (тип. унив., 8°, 159 стр.).

2) Переводъ съ нѣмецкаго языка сочиненія Сарторіуса: „Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи Адама Смита". Каз., 1812 (унив. тип., 8°, X+291 стр.).

3) Переводъ, совмѣстно съ А. С. Лубкинымъ, съ нѣмецкаго языка сочиненія Снелля: „Начальный курсъ философіи". Каз., 1813—1814 (тип. унив., 8°, въ пяти частяхъ, 134+134+80+136+64 стр.).

4) „Замѣчанія о сословахъ", въ Трудахъ каз. общества любит. отеч. словесности, 1817 г.

5) Новое, исправленное, сочиненіе Бѣляева: „Кузъ-Курпячъ, башкирская повѣсть". Каз., 1819.

6) „Описаніе татарскихъ каргалинскихъ училищъ", въ „Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія" за 1819 годъ.

б) Рукописные труды:

1) „Статистика россійскаго государства", 1806—1807 г.г.

2) „Краткое начертаніе статистики россійскаго государства", 1807 г.

3) Переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Дольца: „Краткое изложеніе исторіи человѣческаго рода".

4) „Географія и статистика европейскихъ государствъ", 1808—1809 г.г.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр.» указаны, сверхъ того:

а) Пространное введеніе въ исторію, вообще; б) Краткое введеніе въ исторію учености; в) Замѣчанія о древностяхъ казанскихъ, особенно о Болгарахъ, Билярскѣ и Жукотинѣ; г) Наставленія для ученыхъ записокъ по технологіи и сельскому домоводству; д) Замѣчанія на всеобщую географію Зябловскаго; е) Двѣ оды, читанныя въ публичныхъ собраніяхъ.

20. **Литтровъ** I. А., профессоръ астрономіи.

а) Печатные труды:

1) „Сообщеніе о результатахъ наблюденій положенія кометы 1812 года, произведенныхъ магистромъ Н. Лобачевскимъ и студентомъ Симоновымъ". Каз. Извѣстія 1812 г., № 21.

2) „Сообщеніе о результатахъ наблюденій адъюнкта Симонова надъ кометою 1815 года". Каз. Извѣстія 1815 г., №№ 35 и 68.

Примѣчаніе. Мы не имѣли возможности возстановить труды проф. Литтрова, которые, въ предѣлахъ казанской эпохи дѣятельности его, помѣщались имъ въ изданіяхъ спеціальнаго содержанія.

б) Рукописные труды:

Пять латинскихъ астрономическихъ мемуаровъ, представленныхъ при опредѣленіи въ русскую ученую службу, впослѣдствіе переработанныхъ и помѣщенныхъ въ спеціальныхъ изданіяхъ,—именно: 1) „Nova parallaxeon theoria", 2) „De trigonometria sphaerica", 3) „Nova determinatio anomaliae verae per mediam", 4) „Reductio planetarum ad aequatorem" и 5) „Novae tabulae Saturni" *.

---

* Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Литтрова, № 1 (всѣ эти мемуары сохранены здѣсь въ подлинникѣ).

4) „Замѣчанія о сословахъ“, въ Трудахъ каз. общества любит. отеч. словесности, 1817 г.

5) Новое, исправленное, сочиненіе Бѣляева: „Кузъ-Курпячъ, башкирская повѣсть“. Каз., 1819.

6) „Описаніе татарскихъ каргалинскихъ училищъ“, въ „Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ за 1819 годъ.

б) Рукописные труды:

1) „Статистика россійскаго государства“, 1806—1807 г.г.

2) „Краткое начертаніе статистики россійскаго государства“, 1807 г.

3) Переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Дольца: „Краткое изложеніе исторіи человѣческаго рода“.

4) „Географія и статистика европейскихъ государствъ“, 1808—1809 г.г.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр.» указаны, сверхъ того:

а) Пространное введеніе въ исторію, вообще; б) Краткое введеніе въ исторію учености; в) Замѣчанія о древностяхъ казанскихъ, особенно о Болгарахъ, Билярскѣ и Жукотинѣ; г) Наставленія для ученыхъ записокъ по технологіи и сельскому домоводству; д) Замѣчанія на всеобщую географію Зябловскаго; е) Двѣ оды, читанныя въ публичныхъ собраніяхъ.

20. Литтровъ І. А., профессоръ астрономіи.

а) Печатные труды:

1) „Сообщеніе о результатахъ наблюденій положенія кометы 1812 года, произведенныхъ магистромъ Н. Лобачевскимъ и студентомъ Симоновымъ“. Каз. Извѣстія 1812 г., № 21.

2) „Сообщеніе о результатахъ наблюденій адъюнкта Симонова надъ кометою 1815 года“. Каз. Извѣстія 1815 г., №№ 35 и 68.

Примѣчаніе. Мы не имѣли возможности возстановить труды проф. Литтрова, которые, въ предѣлахъ казанской эпохи дѣятельности его, помѣщались имъ въ изданіяхъ спеціальнаго содержанія.

б) Рукописные труды:

Пять латинскихъ астрономическихъ мемуаровъ, представленныхъ при опредѣленіи въ русскую ученую службу, впослѣдствіе переработанныхъ и помѣщенныхъ въ спеціальныхъ изданіяхъ,—именно: 1) „Nova parallaxeon theoria“, 2) „De trigonometria sphaerica“, 3) „Nova determinatio anomaliae verae per mediam“, 4) „Reductio planetarum ad aequatorem“ и 5) „Novae tabulae Saturni“ *.

---

* Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Литтрова, № 1 (всѣ эти мемуары сохранены здѣсь въ подлинникѣ).

21. **Лобачевскій** А. И., адъюнктъ технологіи.

Рукописные труды:

1) „О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей“, 1816 года.
2) „О томъ, если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи прежде бывшей температуры тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе“, 1816 года.

22. **Лобачевскій** Н. И., профессоръ чистой математики.

Въ 1812 году производилъ, подъ руководствомъ проф. Литтрова, наблюденія надъ кометою, опубликованныя проф. Литтровомъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ (1812 г., № 21).

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр.» читаемъ: «П. Э. профессоръ чистой математики Лобачевскій сочинилъ основаніе геометріи и нѣсколько разсужденій о высшей математикѣ, которыя еще не изданы».

23. **Лубкинъ** А. С., профессоръ философіи.

Печатные труды:

1) „Письмо о философіи Канта“ (Вѣстн. Евр. 1805).
2) „Начертаніе логики, сочиненное и преподанное въ армейской семинаріи“. СПБ., 1807.
3) Переводъ, совмѣстно съ П. С. Кондыревымъ, съ нѣмецкаго языка сочиненія Снелля: „Начальный курсъ философіи“. Каз., 1813—1814 (тип. унив., 8°, въ пяти частяхъ, 134+134+80+136+64 стр.).
4) „Разсужденіе о томъ, возможно ли нравоученію дать твердое основаніе, независимо отъ религіи“, актовая рѣчь. Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 40 стр.).
5) „Опытъ разбора россійскихъ сослововъ“, въ Трудахъ каз. общества любит. отеч. слов., 1817 г.
6) „Начертаніе метафизики“, части 1—3. Каз., 1818—1819 (тип. унив.).

24. **Манасеинъ** Е. П. адъюнктъ правовѣдѣнія.

а) Печатный трудъ:

„Тезисы“ къ его магистерской диссертаціи. Каз., 1814 (тип. унив.).

б) Рукописные труды:

1) „De poenis in concursu delictorum irrogandis secundum principia generalia, respectu quoque habito ad leges criminales rossicas exceptas“— магистерская диссертація, 1814 года.
2) „Circa media probandi in processu criminali rossico“—пробная лекція, 1814 года.

21. **Лобачевскій** А. И., адъюнктъ технологіи.

Рукописные труды:

1) „О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей“, 1816 года.

2) „О томъ, если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи прежде бывшей температуры тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе“, 1816 года.

22. **Лобачевскій** Н. И., профессоръ чистой математики.

Въ 1812 году производилъ, подъ руководствомъ проф. Литтрова, наблюденія надъ кометою, опубликованныя проф. Литтровомъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ (1812 г., № 21).

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр.» читаемъ: «П. Э. профессоръ чистой математики Лобачевскій сочинилъ основаніе геометріи и нѣсколько разсужденій о высшей математикѣ, которыя еще не изданы».

23. **Лубкинъ** А. С., профессоръ философіи.

Печатные труды:

1) „Письмо о философіи Канта“ (Вѣстн. Евр. 1805).

2) „Начертаніе логики, сочиненное и преподанное въ армейской семинаріи“. СПБ., 1807.

3) Переводъ, совмѣстно съ П. С. Кондыревымъ, съ нѣмецкаго языка сочиненія Снелля: „Начальный курсъ философіи“. Каз., 1813—1814 (тип. унив., 8°, въ пяти частяхъ, 134+134+80+136+64 стр.).

4) „Разсужденіе о томъ, возможно ли нравоученію дать твердое основаніе, независимо отъ религіи“, актовая рѣчь. Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 40 стр.).

5) „Опытъ разбора россійскихъ сослововъ“, въ Трудахъ каз. общества любит. отеч. слов., 1817 г.

6) „Начертаніе метафизики“, части 1—3. Каз., 1818—1819 (тип. унив.).

24. **Манасеинъ** Е. П. адъюнктъ правовѣдѣнія.

а) Печатный трудъ:

„Тезисы“ къ его магистерской диссертаціи. Каз., 1814 (тип. унив.).

б) Рукописные труды:

1) „De poenis in concursu delictorum irrogandis secundum principia generalia, respectu quoque habito ad leges criminales rossicas exceptas“— магистерская диссертація, 1814 года.

2) „Circa media probandi in processu criminali rossico“—пробная лекція, 1814 года.

3) Въ 1815—1816 годахъ, подъ руководствомъ проф. И. Е. Неймана, подготовлялъ собственный курсъ естественнаго права и переводилъ на русскій языкъ естественное право Гуго и систему европейскаго народнаго права Заальфельда.

25. **Миллеръ** И. Е., адъюнктъ всеобщей исторіи, географіи и статистики.

а) Печатные труды:

1) Издавалъ „С.-Петербургскій Нѣмецкій Журналъ" (передъ 1805 годомъ).

2) „Краткое историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ иркутской губерніи" (Періодическое сочиненіе о успѣхахъ нар. просв.), 1810, № 27.

3) „Объ иновѣрцахъ, въ иркутской губерніи обитающихъ" (Каз. Изв. 1813, №№ 47 и 50).

4) „Мой путь изъ Иркутска въ Киренскъ въ 1814 году" (Каз. Изв. 1816, № 52).

5) „Извѣстіе объ одной достопримѣчательной пещерѣ въ Сибири" (Каз. Изв. 1816, № 22).

6) „Опытъ добыванія масла изъ подсолнечника" (Труды вольно-эконом. общ. 1818, ч. IX).

б) Рукописные труды:

1) „Sur la pierre fameuse de Beluges (lapis husonis)", 1805—1806 г.г.

2) „Извѣстія о славныхъ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ", 1805—1806 г.г.

3) „Статистическія свѣдѣнія объ Астрахани", 1809.

4) „Собраніе извѣстій, служащихъ къ исторіи и географіи Сибири" (см. указаніе въ Каз. Изв. 1813, № 47).

26. **Нейманъ** И. Е., профессоръ правовѣдѣнія.

а) Печатные труды:

1) „Начальныя основанія уголовнаго права". СПБ., 1814 (изданіе того же года на нѣмецкомъ языкѣ, въ переводѣ Фр. фонъ-Эссена).

2) „Principien der Philosophie und Moral. Ein Fragment". Дерптъ, 1814.

3) „Principien der Politik. Ein Fragment". Дерптъ, 1814.

б) Рукописные труды:

1) Четыре мемуара по методологіи правовѣдѣнія, представленные при опредѣленіи въ казанскій университетъ, 1809 года.

2) „Планъ систематическаго собранія уголовныхъ законовъ", 1810 года.

3) „Ueber die Wichtigkeit der Kenntniss und der Bearbeitung des alten slavischen Rechts für die Erklärung der ältesten russischen Gesetze etc.",— записка, представленная въ началѣ 1814 года въ академію наукъ.

3) Въ 1815—1816 годахъ, подъ руководствомъ проф. И. Е. Неймана, подготовлялъ собственный курсъ естественнаго права и переводилъ на русскій языкъ естественное право Гуго и систему европейскаго народнаго права Заальфельда.

25. **Миллеръ** И. Е., адъюнктъ всеобщей исторіи, географіи и статистики.

а) Печатные труды:

1) Издавалъ „С.-Петербургскій Нѣмецкій Журналъ" (передъ 1805 годомъ).
2) „Краткое историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ иркутской губерніи" (Періодическое сочиненіе о успѣхахъ нар. просв.), 1810, № 27.
3) „Объ иновѣрцахъ, въ иркутской губерніи обитающихъ" (Каз. Изв. 1813, №№ 47 и 50).
4) „Мой путь изъ Иркутска въ Киренскъ въ 1814 году" (Каз. Изв. 1816, № 52).
5) „Извѣстіе объ одной достопримѣчательной пещерѣ въ Сибири" (Каз. Изв. 1816, № 22).
6) „Опытъ добыванія масла изъ подсолнечника" (Труды вольно-эконом. общ. 1818, ч. IX).

б) Рукописные труды:

1) „Sur la pierre fameuse de Beluges (lapis husonis)", 1805—1806 г.г.
2) „Извѣстія о славныхъ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ", 1805—1806 г.г.
3) „Статистическія свѣдѣнія объ Астрахани", 1809.
4) „Собраніе извѣстій, служащихъ къ исторіи и географіи Сибири" (см. указаніе въ Каз. Изв. 1813, № 47).

26. **Нейманъ** И. Е., профессоръ правовѣдѣнія.

а) Печатные труды:

1) „Начальныя основанія уголовнаго права". СПБ., 1814 (изданіе того же года на нѣмецкомъ языкѣ, въ переводѣ Фр. фонъ-Эссена).
2) „Principien der Philosophie und Moral. Ein Fragment". Дерптъ, 1814.
3) „Principien der Politik. Ein Fragment". Дерптъ, 1814.

б) Рукописные труды:

1) Четыре мемуара по методологіи правовѣдѣнія, представленные при опредѣленіи въ казанскій университетъ, 1809 года.
2) „Планъ систематическаго собранія уголовныхъ законовъ", 1810 года.
3) „Ueber die Wichtigkeit der Kenntniss und der Bearbeitung des alten slavischen Rechts für die Erklärung der ältesten russischen Gesetze etc.",— записка, представленная въ началѣ 1814 года въ академію наукъ.

27. **Никольскій** Г. Б., профессоръ прикладной математики.

Печатный трудъ:

„Слово о пользѣ математики“, актовая рѣчь. Каз., 1816 (тип. унив., 4⁰, 29 стр.).

Помимо имѣющихся указаній на мелкія работы Никольскаго, «Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.» указываетъ слѣдующій рукописный трудъ его: «О законахъ движенія брошеннаго тѣла подъ какимъ ни на есть угломъ къ горизонту», 1817 года (см. также дѣло Сов. 1819, № 65 л. 57).

28. **Новиковъ** А. В., учитель музыки.

См. списокъ его композицій въ приложеніи II къ настоящему тому.

29. **Перевощиковъ** В. М., профессоръ россійской словесности.

а) Печатные труды:

1) „Разговоръ на балѣ“ (Каз. Изв. 1811, № 33; о принадлежности этого сатирическаго произведенія В. М. Перевощикову см. въ настоящемъ томѣ стр. 316).

2) „Рѣчь, говоренная при торжественномъ открытіи казанскаго университета 5 іюля 1814 года“. Каз., 1814 (тип. унив., 4⁰, 23 стр.).

3) „Опытъ о средствахъ плѣнять воображеніе“ („Россійскій Музеумъ“ 1815 г. и „Труды каз. общества любит. отеч. слов.“, 1817).

4) Переводъ нѣкоторыхъ Броннеровыхъ идиллій („Россійскій Музеумъ“ 1815 г.) *.

5) „Привѣтствіе великому князю Михаилу Павловичу“ отъ имени совѣта университета, Каз., 1817.

6) „Легчайшій способъ научиться латинскому языку“ (Вѣстн. Европы 1818 г.; см. дѣло: Сов. 1818, № 120, л. 1 об.).

8) „Жизнеописаніе князя Я. Ѳ. Долгорукаго“ (журналъ „Благонамѣренный“ 1819 г.; см. дѣло: Сов. 1819, № 397, л. 1).

Сочиненія В. М. Перевощикова въ стихахъ и прозѣ собраны въ его „Опытахъ“, изданныхъ въ Дерптѣ въ 1822 году.

б) Рукописные труды:

1) Переводъ съ французскаго языка сочиненія Баттё: „Начальныя основанія литературы“, 1805 года.

2) Два сочиненія по словесности, открывшія ему доступъ къ степени магистра, до 1809 года.

3) Переводъ съ нѣмецкаго языка сочиненія Кизеветтера: „Школьная логика“, 1807 года.

---

* См. дѣло: Сов. 1815, № 118, листъ 1 об.

27. **Никольскій** Г. Б., профессоръ прикладной математики.

Печатный трудъ:

„Слово о пользѣ математики“, актовая рѣчь. Каз., 1816 (тип. унив., 4°, 29 стр.).

Помимо имѣющихся указаній на мелкія работы Никольскаго, «Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.» указываетъ слѣдующій рукописный трудъ его: «О законахъ движенія брошеннаго тѣла подъ какимъ ни на есть угломъ къ горизонту», 1817 года (см. также дѣло Сов. 1819, № 65 л. 57).

28. **Новиковъ** А. В., учитель музыки.

См. списокъ его композицій въ приложеніи II къ настоящему тому.

29. **Перевощиковъ** В. М., профессоръ россійской словесности.

а) Печатные труды:

1) „Разговоръ на балѣ“ (Каз. Изв. 1811, № 33; о принадлежности этого сатирическаго произведенія В. М. Перевощикову см. въ настоящемъ томѣ стр. 316).

2) „Рѣчь, говоренная при торжественномъ открытіи казанскаго университета 5 іюля 1814 года“. Каз., 1814 (тип. унив., 4°, 23 стр.).

3) „Опытъ о средствахъ плѣнять воображеніе“ („Россійскій Музеумъ“ 1815 г. и „Труды каз. общества любит. отеч. слов.“, 1817).

4) Переводъ нѣкоторыхъ Броннеровыхъ идиллій („Россійскій Музеумъ“ 1815 г.) *.

5) „Привѣтствіе великому князю Михаилу Павловичу“ отъ имени совѣта университета, Каз., 1817.

6) „Легчайшій способъ научиться латинскому языку“ (Вѣстн. Европы 1818 г.; см. дѣло: Сов. 1818, № 120, л. 1 об.).

8) „Жизнеописаніе князя Я. Ѳ. Долгорукаго“ (журналъ „Благонамѣренный“ 1819 г.; см. дѣло: Сов. 1819, № 397, л. 1).

Сочиненія В. М. Перевощикова въ стихахъ и прозѣ собраны въ его „Опытахъ“, изданныхъ въ Дерптѣ въ 1822 году.

б) Рукописные труды:

1) Переводъ съ французскаго языка сочиненія Баттё: „Начальныя основанія литературы“, 1805 года.

2) Два сочиненія по словесности, открывшія ему доступъ къ степени магистра, до 1809 года.

3) Переводъ съ нѣмецкаго языка сочиненія Кизеветтера: „Школьная логика“, 1807 года.

---

* См. дѣло: Сов. 1815, № 118, листъ 1 об.

4) „Исторія россійской словесности“, до 1810 года.
5) Переводъ изъ Цицерона: „De oratore“, до 1811 года.
6) „Краткое обозрѣніе естественнаго права“ и „Нѣкоторыя мысли о россійскомъ законодательствѣ“,—труды, представленные въ 1819 году для полученія званія ординарнаго профессора (см. дѣло: Сов. 1819, № 397, л. 7).

«П. Э. профессоръ россійской словесности Перевощиковъ издаетъ: Легчайшій способъ латинскому языку. Въ рукописи имѣетъ: переводъ сокращеннаго курса теоріи словесности аббата Баттё и начертаніе исторіи россійской словесности (Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.)».

30. **Реннеръ** К. Ѳ., профессоръ прикладной математики.

а) Печатные труды:

1) „Anfangsgruende der Algebra“, Мюнстеръ, 1805.
2) „Lebensbeschreibung des Jul. Agricola, mit Anmerkungen“, von K. F. Renner und I. K. Finke. Геттингенъ, 1808.
3) „Disquisitiones ad calculum integralem finitorum spectantes“. Митава, 1810.

б) Рукописные труды:

1) Мемуаръ: „Sur les caustiques par refraction“, представленный въ 1806 году попечителю Румовскому *.
2) Работалъ, въ Казани, надъ переводомъ на нѣмецкій языкъ „Лѣтописи“ Тагита.

31. **Самсоновъ** Д. П., магистръ словесности.

Рукописный трудъ:

„Краткое разсужденіе о русскомъ стихосложеніи“, 1816 года.

32. **Симоновъ** И. М., профессоръ астрономіи.

а) Печатные труды:

„Результаты наблюденія кометъ 1812 и 1815 годовъ“ (въ изложеніи ихъ проф. Литтровомъ—Каз. Изв. 1812 г., № 21, и 1815 г., №№ 35 и 68).

б) Рукописные труды:

1) „Повѣрки квадранта и выкладки о ускореніи часовъ противъ средняго времени“, 1811 года.
2) „Объ опредѣленіи суточнаго движенія солнца чрезъ наблюденіе пятенъ наономъ находящихся“, 1815 года (см. дѣло: Сов. 1815, № 118, л. 1).

---

* Сохранился въ подлинникѣ, см. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Реннера, № 1.

4) „Исторія россійской словесности“, до 1810 года.

5) Переводъ изъ Цицерона: „De oratore“, до 1811 года.

6) „Краткое обозрѣніе естественнаго права“ и „Нѣкоторыя мысли о россійскомъ законодательствѣ“,—труды, представленные въ 1819 году для полученія званія ординарнаго профессора (см. дѣло: Сов. 1819, № 397, л. 7).

«П. Э. профессоръ россійской словесности Перевощиковъ издаетъ: Легчайшій способъ латинскому языку. Въ рукописи имѣетъ: переводъ сокращеннаго курса теоріи словесности аббата Баттё и начертаніе исторіи россійской словесности (Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.)».

30. **Реннеръ** К. Ѳ., профессоръ прикладной математики.

а) Печатные труды:

1) „Anfangsgruende der Algebra“, Мюнстеръ, 1805.

2) „Lebensbeschreibung des Jul. Agricola, mit Anmerkungen“, von K. F. Renner und I. K. Finke. Геттингенъ, 1808.

3) „Disquisitiones ad calculum integralem finitorum spectantes“. Митава, 1810.

б) Рукописные труды:

1) Мемуаръ: „Sur les caustiques par refraction“, представленный въ 1806 году попечителю Румовскому *.

2) Работалъ, въ Казани, надъ переводомъ на нѣмецкій языкъ „Лѣтописи“ Тагита.

31. **Самсоновъ** Д. П., магистръ словесности.

Рукописный трудъ:

„Краткое разсужденіе о русскомъ стихосложеніи“, 1816 года.

32. **Симоновъ** И. М., профессоръ астрономіи.

а) Печатные труды:

„Результаты наблюденія кометъ 1812 и 1815 годовъ“ (въ изложеніи ихъ проф. Литтровомъ—Каз. Изв. 1812 г., № 21, и 1815 г., №№ 35 и 68).

б) Рукописные труды:

1) „Повѣрки квадранта и выкладки о ускореніи часовъ противъ средняго времени“, 1811 года.

2) „Объ опредѣленіи суточнаго движенія солнца чрезъ наблюденіе пятенъ на ономъ находящихся“, 1815 года (см. дѣло: Сов. 1815, № 118, л. 1).

---

* Сохранился въ подлинникѣ, см. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Реннера, № 1.

33. **Солнцевъ** Г. И., профессоръ правовѣдѣнія.

а) Печатные труды:

1) „Важнѣйшія истины для прекраснаго пола“, переводъ съ нѣмецкаго. Каз., 1813 (тип. унив., 8°, 100 стр.).

2) „Мечтанія холостаго о будущей супругѣ“, переводъ съ нѣмецкаго. Каз., 1813 (тип. унив. 16°, 16 стр.).

3) Тезисы на латинскомъ языкѣ къ докторской диссертаціи. Каз., 1814 (тип. унив.).

4) „Oratio de necessariis bene meriti jurisconsulti requisitis“, актовая рѣчь. Каз., 1819 (тип. унив.).

б) Рукописные труды:

1) „De successione ab intestato secundum juris rossici principia, respectu quoque non minus habito ad jus Justinianaeum“ (диссертація на степень доктора).

2) Три пробныя лекціи, читанныя имъ въ 1814 году: а) „Circa successionem secundum principia juris Justinianei“, б) „De juribus nobilitatis rossicae et de modis ei acquirendi“ и в) „De tutelis secundum jus romanum“.

3) „Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata etc.“ и „Institutiones juris civilis romani etc.“,—два труда, представленные въ 1816 году для полученія званія ординарнаго профессора.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр.» читаемъ:

«П. О. профессоръ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ Солнцевъ въ рукописяхъ на латинскомъ языкѣ имѣетъ: 1) Трактатъ о правахъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, 2) Систематическое начертаніе римскаго права, 3) Общее уголовное право, 4) Монограммы русскаго гражданскаго и уголовнаго права. На россійскомъ языкѣ: 1) Изложеніе теоріи уголовнаго права г. Грольмана и 2) Обозрѣніе исторіи россійскаго законодательства».

34. **Срезневскій** I. Е., профессоръ философіи.

а) Печатные труды:

1) Переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій актовой рѣчи проф. Эрдмана: „Слово о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ“. Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 25 стр.).

2) Перевелъ на русскій языкъ вторую часть „Естественнаго права“ проф. Финке (Каз., 1816).

3) „Разсужденіе о вліяніи словесности на нравственное образованіе человѣка“ (Труды каз. общества любит. отеч. слов., Каз. 1817).

4) „Разсужденіе о разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ“, актовая рѣчь. Каз., 1817 (тип. унив., 4°, 28 стр.).

33. **Солнцевъ** Г. И., профессоръ правовѣдѣнія.

а) Печатные труды:

1) „Важнѣйшія истины для прекраснаго пола", переводъ съ нѣмецкаго. Каз., 1813 (тип. унив., 8⁰, 100 стр.).

2) „Мечтанія холостаго о будущей супругѣ", переводъ съ нѣмецкаго. Каз., 1813 (тип. унив. 16⁰, 16 стр.).

3) Тезисы на латинскомъ языкѣ къ докторской диссертаціи. Каз., 1814 (тип. унив.).

4) „Oratio de necessariis bene meriti jurisconsulti requisitis", актовая рѣчь. Каз., 1819 (тип. унив.).

б) Рукописные труды:

1) „De successione ab intestato secundum juris rossici principia, respectu quoque non minus habito ad jus Justinianaeum" (диссертація на степень доктора).

2) Три пробныя лекціи, читанныя имъ въ 1814 году: а) „Circa successionem secundum principia juris Justinianei", б) „De juribus nobilitatis rossicae et de modis ei acquirendi" и в) „De tutelis secundum jus romanum".

3) „Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata etc." и „Institutiones juris civilis romani etc.",—два труда, представленные въ 1816 году для полученія званія ординарнаго профессора.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр.» читаемъ:

«П. О. профессоръ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ Солнцевъ въ рукописяхъ на латинскомъ языкѣ имѣетъ: 1) Трактатъ о правахъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, 2) Систематическое начертаніе римскаго права, 3) Общее уголовное право, 4) Монограммы русскаго гражданскаго и уголовнаго права. На россійскомъ языкѣ: 1) Изложеніе теоріи уголовнаго права г. Грольмана и 2) Обозрѣніе исторіи россійскаго законодательства».

34. **Срезневскій** І. Е., профессоръ философіи.

а) Печатные труды:

1) Переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій актовой рѣчи проф. Эрдмана: „Слово о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ". Каз., 1815 (тип. унив., 4⁰, 25 стр.).

2) Перевелъ на русскій языкъ вторую часть „Естественнаго права" проф. Финке (Каз., 1816).

3) „Разсужденіе о вліяніи словесности на нравственное образованіе человѣка" (Труды каз. общества любит. отеч. слов., Каз. 1817).

4) „Разсужденіе о разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ", актовая рѣчь. Каз., 1817 (тип. унив., 4⁰, 28 стр.).

б) Рукописный трудъ:

„Краткое изображеніе системъ философскихъ“, 1819 года, представлено для полученія званія ординарнаго профессора (см. дѣло: Сов. 1819, № 397, л. 7).

«П. Э. профессоръ философіи Срезневскій (Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.) имѣетъ рукописи:

Собственныя: 1) Разсужденіе, изображающее содержаніе и способъ обработыванія философіи, на латинскомъ языкѣ, 2) Историческое введеніе въ философію, вообще, и въ нѣкоторыя ея части, 3) Особенное введеніе въ философію, о понятіи и о частяхъ ея, 4) Метафизика, составленная по методѣ послѣдователей лейбнице-волфіанской школы, 5) Разсужденіе о врожденныхъ понятіяхъ, на латинскомъ языкѣ, 6) Исторія философическихъ системъ, 7) Изображеніе системъ философическихъ, основанное на понятіи философіи.

Переведенныя, съ прибавленіями и убавленіями, съ нѣмецкаго, изъ сочиненій Гейнриха Якоба, доктора и профессора философіи: 1) Начертаніе всеобщей логики чистой, 2) Критическія начальныя основанія метафизики, 3) Философическое нравоученіе.

35. **Сторль** М. Л., профессоръ греческаго языка и словесности.

Рукописные труды:

1) „Переводъ на латинскій, французскій и итальянскій языки гомерическаго гимна къ Вакху“, первыхъ годовъ XIX вѣка.

2) „Начертаніе нравственнаго воспитанія по образу Эпиктета“, на нѣмецкомъ языкѣ,—того же времени.

36. **Сычуговъ** И. П., кандидатъ правовѣдѣнія.

а) Печатный трудъ:

Переводъ съ латинскаго языка на русскій сочиненія Х. Ф. Рейнгарда: „Естественное право“. Каз., 1816 (тип. унив., 8°, 124+4 стр.).

б) Рукописные труды (подъ руководствомъ проф. Г. И. Солнцева):

1) „Переводъ съ латинскаго языка Consuetudines Tiudorum, въ примѣненіи къ corpus juris civilis“.

2) Переводъ съ нѣмецкаго на латинскій языкъ сочиненія Гуго: „Частное право“.

3) Переводъ съ французскаго на латинскій языкъ отрывковъ изъ „Исторіи римскаго законодательства“ Терассона.

4) Переводъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ части „Энциклопедіи“ Гуфеланда.

37. **Тимьянскій** В. И., адъюнктъ естественной исторіи.

а) Печатные труды:

1) „Дополненіе къ описанію водянаго смерча въ окрестностяхъ Казани“ (Каз. Изв. 1816, № 58).

б) Рукописный трудъ:

„Краткое изображеніе системъ философскихъ“, 1819 года, представлено для полученія званія ординарнаго профессора (см. дѣло: Сов. 1819, № 397, л. 7).

«П. Э. профессоръ философіи Срезневскій (Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.) имѣетъ рукописи:

Собственныя: 1) Разсужденіе, изображающее содержаніе и способъ обработыванія философіи, на латинскомъ языкѣ, 2) Историческое введеніе въ философію, вообще, и въ нѣкоторыя ея части, 3) Особенное введеніе въ философію, о понятіи и о частяхъ ея, 4) Метафизика, составленная по методѣ послѣдователей лейбнице-волфіанской школы, 5) Разсужденіе о врожденныхъ понятіяхъ, на латинскомъ языкѣ, 6) Исторія философическихъ системъ, 7) Изображеніе системъ философическихъ, основанное на понятіи философіи.

Переведенныя, съ прибавленіями и убавленіями, съ нѣмецкаго, изъ сочиненій Гейнриха Якоба, доктора и профессора философіи: 1) Начертаніе всеобщей логики чистой, 2) Критическія начальныя основанія метафизики, 3) Философическое нравоученіе.

35. **Сторль** М. Л., профессоръ греческаго языка и словесности.

Рукописные труды:

1) „Переводъ на латинскій, французскій и итальянскій языки гомерическаго гимна къ Вакху“, первыхъ годовъ XIX вѣка.

2) „Начертаніе нравственнаго воспитанія по образу Эпиктета“, на нѣмецкомъ языкѣ,—того же времени.

36. **Сычуговъ** И. П., кандидатъ правовѣдѣнія.

а) Печатный трудъ:

Переводъ съ латинскаго языка на русскій сочиненія Х. Ф. Рейнгарда: „Естественное право“. Каз., 1816 (тип. унив., 8°, 124+4 стр.).

б) Рукописные труды (подъ руководствомъ проф. Г. И. Солнцева):

1) „Переводъ съ латинскаго языка Consuetudines Tiudorum, въ примѣненіи къ corpus juris civilis“.

2) Переводъ съ нѣмецкаго на латинскій языкъ сочиненія Гуго: „Частное право“.

3) Переводъ съ французскаго на латинскій языкъ отрывковъ изъ „Исторіи римскаго законодательства“ Терассона.

4) Переводъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ части „Энциклопедіи“ Гуфеланда.

37. **Тимьянскій** В. И., адъюнктъ естественной исторіи.

а) Печатные труды:

1) „Дополненіе къ описанію водянаго смерча въ окрестностяхъ Казани“ (Каз. Изв. 1816, № 58).

2) „Легкій способъ снимать точнѣйшія изображенія мотыльковъ. Указаніе для г.г. учителей естественной исторіи въ округѣ казанскаго университета, обязанныхъ дѣлать собранія тѣлъ естественныхъ для университета". (Каз. Изв. 1816, № 26).

б) Рукописный трудъ:

„О раздѣленіи тѣлъ естественныхъ на три царства и пр.", 1809 года (эта работа, давшая автору степень кандидата, сохранилась до нашихъ дней,—см. дѣло: Сов. 1809, № 33, л.л. 5 и сл.).

38. **Томасъ** И. Г., профессоръ всеобщей исторіи, географіи и статистики.

Рукописный трудъ:

„Animadversiones nonnullae in historiam universalem scribendam, addiscendam et docendam", 1810 года (представленъ для полученія кафедры) *.

39. **Финке** И. А., профессоръ правовѣдѣнія.

а) Печатные труды:

1) „De unius testis confessione". Гёттингенъ, 1798.
2) „Darstellung eines Plan zum Gebrauch für Vorlesungen über die gemeinen deutschen Processe". Гёттингенъ, 1806.
3) „Lebensbeschreibung des Jul. Agricola, mit Anmerkungen", von K. F. Renner und I. K. Finke". Гёттингенъ, 1808.
4) „Theophilus Paraphrase über die Institutionen Justinians", I, Гёттингенъ, 1809.
5) „Естественное частное, публичное и народное право" (русскій переводъ этого сочиненія Финке, сдѣланный, подъ редакціею проф. Солнцева, его казанскими учениками). Каз., 1816 (тип. унив., 8°, 312 стр.).

б) Рукописные труды (бывшіе уже приготовленными къ печати):

1) Учебникъ нѣмецкаго уголовнаго права.
2) Учебникъ уголовнаго судопроизводства.

40. **Фойгтъ** К. Т., профессоръ философіи.

а) Печатные труды:

Нѣсколько статей юридическаго и философскаго содержанія, помѣщенныхъ въ журналѣ „Merkur" и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ (см. у Булича: „Изъ первыхъ лѣтъ и пр.", II, стр. 39).

---

* См. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Томаса, № 1.

2) „Легкій способъ снимать точнѣйшія изображенія мотыльковъ. Указаніе для г.г. учителей естественной исторіи въ округѣ казанскаго университета, обязанныхъ дѣлать собранія тѣлъ естественныхъ для университета". (Каз. Изв. 1816, № 26).

б) Рукописный трудъ:

„О раздѣленіи тѣлъ естественныхъ на три царства и пр.", 1809 года (эта работа, давшая автору степень кандидата, сохранилась до нашихъ дней,—см. дѣло: Сов. 1809, № 33, л.л. 5 и сл.).

38. **Томасъ** И. Г., профессоръ всеобщей исторіи, географіи и статистики.

Рукописный трудъ:

„Animadversiones nonnullae in historiam universalem scribendam, addiscendam et docendam", 1810 года (представленъ для полученія каѳедры) *.

39. **Финке** И. А., профессоръ правовѣдѣнія.

а) Печатные труды:

1) „De unius testis confessione". Гёттингенъ, 1798.
2) „Darstellung eines Plan zum Gebrauch für Vorlesungen über die gemeinen deutschen Processe". Гёттингенъ, 1806.
3) „Lebensbeschreibung des Jul. Agricola, mit Anmerkungen", von K. F. Renner und I. K. Finke". Гёттингенъ, 1808.
4) „Theophilus Paraphrase über die Institutionen Justinians", I, Гёттингенъ, 1809.
5) „Естественное частное, публичное и народное право" (русскій переводъ этого сочиненія Финке, сдѣланный, подъ редакціею проф. Солнцева, его казанскими учениками). Каз., 1816 (тип. унив., 8⁰, 312 стр.).

б) Рукописные труды (бывшіе уже приготовленными къ печати):

1) Учебникъ нѣмецкаго уголовнаго права.
2) Учебникъ уголовнаго судопроизводства.

40. **Фойгтъ** К. Т., профессоръ философіи.

а) Печатные труды:

Нѣсколько статей юридическаго и философскаго содержанія, помѣщенныхъ въ журналѣ „Merkur" и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ (см. у Булича: „Изъ первыхъ лѣтъ и пр.", II, стр. 39).

---

* См. «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Томаса, № 1.

б) Рукописный трудъ:

„Von Militär—Testamenten", 1807 года (представленъ для полученія кафедры).

41. **Френъ** Х. Д., профессоръ восточной словесности.

а) Печатные труды:

1) „Aegyptus auctore Ibn-el-Vardi", Галле, 1804.
2) „Curarum exegetico-criticarum in Nahumum specimen". Ростокъ, 1806.
3) „Die Abendstunden des einsamen Fremdling's", стихотвореніе въ петербургскомъ журналѣ „Ruthenia", 1807 года.
4) „Монеты восточныхъ династій Саманидовъ и Буидовъ, съ конца IX до первой половины XI вѣка", на арабскомъ языкѣ. Каз., 1808 (объ этой книгѣ см. въ изданіи А. Т. Соловьева: „Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи императорскаго казанскаго университета съ 1800 по 1896 годъ", стр. 328).
5) „Numophylacium orientale Pototianum". Каз., 1813 (тип. унив.).
6) „Nonnulla de titulorum et cognominum honorificorum, quibus chani Hordae Aureae usi sunt, origine, natura atque usu". Каз., 1814 (тип. унив., 4°, 22 стр.).
7) „Слово по случаю торжества о занятіи Парижа, говоренное 10-го мая 1814 года въ Казани, въ церкви лютеранскаго исповѣданія" (въ русскомъ переводѣ). Каз., 1814 (тип. унив., 4°, XII+5 стр.).
8) „De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo commentationes critico-philologico-historicae, liber primus". Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 42 стр.). Тоже—liber secundus, Каз., 1816 (тип. унив., 4°, 62 стр.).
9) „De origine vocabuli rossici—деньги". Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 42 стр.).
10) Статья о булгарскихъ древностяхъ въ „Leipzig. Litter. Zeitung" за 1815 г., № 134. Въ этомъ же журналѣ письма Френа: 1817, №№ 24—25.
11) „De auctorem etiam libris vulgatis crisi poscentibus emaculari, deque critica conjecturali, probans dicta exemplo historiae Saracenicae Elmacini". Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 34 стр.).
12) „Bülariae urbis origo atque fata" (въ „Fundgruben d. Orients", 1816, т. V).

б) Рукописный трудъ:

1) „Арабскій словарь", разработкою котораго Френъ былъ занятъ во все время служенія своего въ казанскомъ университетѣ.
2) Рѣчь по случаю торжества лейпцигской побѣды, произнесенная въ казанской лютеранской церкви, 1813 года.

б) Рукописный трудъ:

„Von Militär—Testamenten", 1807 года (представленъ для полученія кафедры).

41. **Френъ** Х. Д., профессоръ восточной словесности.

а) Печатные труды:

1) „Aegyptus auctore Ibn-el-Vardi", Галле, 1804.

2) „Curarum exegetico-criticarum in Nahumum specimen". Ростокъ, 1806.

3) „Die Abendstunden des einsamen Fremdling's", стихотвореніе въ петербургскомъ журналѣ „Ruthenia", 1807 года.

4) „Монеты восточныхъ династій Саманидовъ и Буидовъ, съ конца IX до первой половины XI вѣка", на арабскомъ языкѣ. Каз., 1808 (объ этой книгѣ см. въ изданіи А. Т. Соловьева: „Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи императорскаго казанскаго университета съ 1800 по 1896 годъ", стр. 328).

5) „Numophylacium orientale Pototianum". Каз., 1813 (тип. унив.).

6) „Nonnulla de titulorum et cognominum honorificorum, quibus chani Hordae Aureae usi sunt, origine, natura atque usu". Каз., 1814 (тип. унив., 4°, 22 стр.).

7) „Слово по случаю торжества о занятіи Парижа, говоренное 10-го мая 1814 года въ Казани, въ церкви лютеранскаго исповѣданія" (въ русскомъ переводѣ). Каз., 1814 (тип. унив., 4°, XII+5 стр.).

8) „De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo commentationes critico-philologico-historicae, liber primus". Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 42 стр.). Тоже—liber secundus, Каз., 1816 (тип. унив., 4°, 62 стр.).

9) „De origine vocabuli rossici—деньги". Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 42 стр.).

10) Статья о булгарскихъ древностяхъ въ „Leipzig. Litter. Zeitung" за 1815 г., № 134. Въ этомъ же журналѣ письма Френа: 1817, №№ 24—25.

11) „De auctorem etiam libris vulgatis crisi poscentibus emaculari, deque critica conjecturali, probans dicta exemplo historiae Saracenicae Elmacini". Каз., 1815 (тип. унив., 4°, 34 стр.).

12) „Bülariae urbis origo atque fata" (въ „Fundgruben d. Orients", 1816, т. V).

б) Рукописный трудъ:

1) „Арабскій словарь", разработкою котораго Френъ былъ занятъ во все время служенія своего въ казанскомъ университетѣ.

2) Рѣчь по случаю торжества лейпцигской побѣды, произнесенная въ казанской лютеранской церкви, 1813 года.

42. **Фуксъ** К. Ѳ., профессоръ естественной исторіи, а съ начала 1818 года паталогіи, терапіи и клиники.

а) Печатные труды:

1) „Andreus Caesalpinus, de cujus viri ingenio et virtute etc.“ Марбургъ, 1798.

2) „Краткое описаніе Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ“. Каз., 1810 (тип. унив., 8°, 16 стр.).

3) „Состояніе здоровья жителей г. Казани“, медико-санитарныя обозрѣнія (Каз. Изв. 1812 г., №№ 5, 9, 14, 19 и 23).

4) Этнографическіе очерки: „Пріемъ гостей у татаръ“, „Курбанъ“, „Сабанъ“, „Рамазанъ“, „Татарскій праздникъ Джинъ“—въ „Каз. Извѣстіяхъ“ 1814 (№№ 23, 38, 45) и 1815 (№№ 12, 15, 61) годовъ.

5) „Краткое описаніе россійскихъ монетъ, находящихся въ минцъ-кабинетѣ доктора и профессора Фукса“. Каз., 1819 (тип. унив., 8°, 24 стр. и гравированный листокъ съ 13-ю снимками монетъ, работы гравера Леона Кальмона) *.

6) „Краткая исторія г. Казани“. Каз., не ранѣе 1822 г. (тип. унив., 8°, 50 стр.). Въ 1817 году начало этого труда печаталось въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ (1817 г., №№ 67, 68 и 80). Объ этой книгѣ см. приложеніе V къ настоящему тому.

б) Рукописный трудъ:

„Prodromus florae rossicae Cisuralensis“, относится къ эпохѣ 1802—1804 годовъ и представленъ Фуксомъ въ цѣляхъ полученія кафедры.

43. **Хальфинъ** И. И., лекторъ татарскаго языка.

Печатный трудъ:

„Азбука и грамматика татарскаго языка, съ правилами арабскаго чтенія“. Каз., 1809 (тип. унив., 8°, 62+106+2 стр.).

44. **Цеплинъ** П. А., профессоръ всеобщей исторіи, а съ 1813 г. дипломатики и политической экономіи.

а) Печатные труды:

1) „Notitia codicis manuscripti C. C. Sallusti bellum Catilinarium et Jugurthinum etc“. Лейпцигъ, 1791.

---

* Книга—въ свѣтъ не выпущенная. См. о ней въ «Русскихъ книжныхъ рѣдкостяхъ» Г. Н. Геннади (подъ № 131) или у А. А. Штукенберга: «К. Ѳ. Фуксъ» (приложеніе къ протоколамъ казанскаго общества естествоиспытателей, 1896, № 157). Принадлежность этой брошюры самому Фуксу установляется слѣдующею собственноручною отмѣткою его въ матеріалахъ для составленія отчета по университету за 1819 годъ: «Разсужденіе о россійскихъ монетахъ издалъ профессоръ Фуксъ» (см. архивное дѣло: Сов. 1819, № 397, листъ 1).

42. **Фуксъ** К. Ѳ., профессоръ естественной исторіи, а съ начала 1818 года паталогіи, терапіи и клиники.

а) Печатные труды:

1) „Andreus Caesalpinus, de cujus viri ingenio et virtute etc.“ Марбургъ, 1798.

2) „Краткое описаніе Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ“. Каз., 1810 (тип. унив., 8⁰, 16 стр.).

3) „Состояніе здоровья жителей г. Казани“, медико-санитарныя обозрѣнія (Каз. Изв. 1812 г., №№ 5, 9, 14, 19 и 23).

4) Этнографическіе очерки: „Пріемъ гостей у татаръ“, „Курбанъ“, „Сабанъ“, „Рамазанъ“, „Татарскій праздникъ Джинъ“—въ „Каз. Извѣстіяхъ“ 1814 (№№ 23, 38, 45) и 1815 (№№ 12, 15, 61) годовъ.

5) „Краткое описаніе россійскихъ монетъ, находящихся въ минцъ-кабинетѣ доктора и профессора Фукса“. Каз., 1819 (тип. унив., 8⁰, 24 стр. и гравированный листокъ съ 13-ю снимками монетъ, работы гравера Леона Кальмона) *.

6) „Краткая исторія г. Казани“. Каз., не ранѣе 1822 г. (тип. унив., 8⁰, 50 стр.). Въ 1817 году начало этого труда печаталось въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ (1817 г., №№ 67, 68 и 80). Объ этой книгѣ см. приложеніе V къ настоящему тому.

б) Рукописный трудъ:

„Prodromus florae rossicae Cisuralensis“, относится къ эпохѣ 1802—1804 годовъ и представленъ Фуксомъ въ цѣляхъ полученія кафедры.

43. **Хальфинъ** И. И., лекторъ татарскаго языка.

Печатный трудъ:

„Азбука и грамматика татарскаго языка, съ правилами арабскаго чтенія“. Каз., 1809 (тип. унив., 8⁰, 62+106+2 стр.).

44. **Цеплинъ** П. А., профессоръ всеобщей исторіи, а съ 1813 г. дипломатики и политической экономіи.

а) Печатные труды:

1) „Notitia codicis manuscripti C. C. Sallusti bellum Catilinarium et Jugurthinum etc“. Лейпцигъ, 1791.

---

* Книга—въ свѣтъ не выпущенная. См. о ней въ «Русскихъ книжныхъ рѣдкостяхъ» Г. Н. Геннади (подъ № 131) или у А. А. Штукенберга: «К. Ѳ. Фуксъ» (приложеніе къ протоколамъ казанскаго общества естествоиспытателей, 1896, № 157). Принадлежность этой брошюры самому Фуксу установляется слѣдующею собственноручною отмѣткою его въ матеріалахъ для составленія отчета по университету за 1819 годъ: «Разсужденіе о россійскихъ монетахъ издалъ профессоръ Фуксъ» (см. архивное дѣло: Сов. 1819, № 397, листъ 1).

2) „Die Variner und Warnawer. Ein Beitrag zur ältern Völker-Geschichte Dentschlandes“. Шверинъ, 1797.

б) Рукописные труды:

1) „Versuch einer Chronologie für Alnpeks Chronik“, около 1803 года.
2) Два рукописные труда по исторіи Ливоніи, хранящіеся въ императорской публичной библіотекѣ *.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр.». находимъ:
«П. О. профессоръ дипломатики Цеплинъ имѣетъ въ рукописяхъ на нѣмецкомъ языкѣ: 1) Введеніе въ россійскую хронологію, 2) Исторію хановъ Золотой орды, 3) Исторію Казани, 4) Опытъ руководствующей книги о политическихъ наукахъ».

45. **Шарпіо Г. К.**, лекторъ французскаго языка.

Рукописный трудъ:

„Quelques apperçus sur la philosophie de l'histoire etc.“, 1810 года.

46. **Шоникъ С. Ф.**, магистръ естественныхъ наукъ.

Печатный трудъ:

„Сѣрный источникъ близь г. Тетюшъ“, сообщеніе проф. Эрдмана и магистра Шоника (Каз. Изв. 1812 г., № 18).

Рукописный трудъ:

„Разсужденіе о томъ, имѣетъ ли каждая часть произведеній природы конечную причину своего существованія“, 1809 года, доставившее автору степень кандидата.

47. **Эвестъ Ѳ. Л.**, адъюнктъ химіи и фармакологіи.

Печатный трудъ:

„Dissertatio inauguralis chemico-therapeutica de aquis martialibus Lipezkiensibus“. Москва, 1805.

48. **Эрдманъ Ф. И.**, профессоръ восточной словесности.

Печатные труды:

1) „De quibusdam Samanidarum ac Buidarum nummis schediasma, ex lingua arabica in latinam vertit notisque instruxit F. F. Erdmann“, Гёттингенъ, 1816 **.

---

* См. у Д. И. Нагуевскаго: «Къ біографіи профессора казанскаго университета П. А. Цеплина» (Каз., 1897), стр. 6—11.

** Переводъ съ арабскаго и обработка печатнаго труда Френа, приведеннаго выше подъ № 4.

2) „Die Variner und Warnawer. Ein Beitrag zur ältern Völker-Geschichte Dentschlandes". Шверинъ, 1797.

б) Рукописные труды:

1) „Versuch einer Chronologie für Alnpeks Chronik", около 1803 года.

2) Два рукописные труда по исторіи Ливоніи, хранящіеся въ императорской публичной библіотекѣ *.

Въ «Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр.». находимъ:

«П. О. профессоръ дипломатики Цеплинъ имѣетъ въ рукописяхъ на нѣмецкомъ языкѣ: 1) Введеніе въ россійскую хронологію, 2) Исторію хановъ Золотой орды, 3) Исторію Казани, 4) Опытъ руководствующей книги о политическихъ наукахъ».

45. **Шарпіо Г. К.**, лекторъ французскаго языка.

Рукописный трудъ:

„Quelques apperçus sur la philosophie de l'histoire etc.", 1810 года.

46. **Шоникъ С. Ф.**, магистръ естественныхъ наукъ.

Печатный трудъ:

„Сѣрный источникъ близь г. Тетюшъ", сообщеніе проф. Эрдмана и магистра Шоника (Каз. Изв. 1812 г., № 18).

Рукописный трудъ:

„Разсужденіе о томъ, имѣетъ ли каждая часть произведеній природы конечную причину своего существованія", 1809 года, доставившее автору степень кандидата.

47. **Эвестъ Ѳ. Л.**, адъюнктъ химіи и фармакологіи.

Печатный трудъ:

„Dissertatio inauguralis chemico-therapeutica de aquis martialibus Lipezkiensibus". Москва, 1805.

48. **Эрдманъ Ф. И.**, профессоръ восточной словесности.

Печатные труды:

1) „De quibusdam Samanidarum ac Buidarum nummis schediasma, ex lingua arabica in latinam vertit notisque instruxit F. F. Erdmann", Гёттингенъ, 1816 **.

---

* См. у Д. И. Нагуевскаго: «Къ біографіи профессора казанскаго университета П. А. Цеплина» (Каз., 1897), стр. 6—11.

** Переводъ съ арабскаго и обработка печатнаго труда Френа, приведеннаго выше подъ № 4.

2) „Curarum exegetico-criticarum in Jeremiae threnos specimen". Ростокъ, 1818.

49. **Эрдманъ** Ѳ. Х., профессоръ патологіи, терапіи и клиники.

Печатные труды:

1) „Utrum aqua per electricitatem columnae a Volta inventae in elementa sua dissolvatur?" Виттенбергъ, 1802.

2) „Elementa organonomiae ex notione motus derivata". Виттенбергъ, 1804.

3) „De hidropis natura et curatione", части I—X. Виттенбергъ, 1804—1810.

4) Рядъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ нѣмецкихъ спеціальныхъ журналахъ, до 1810 года.

5) „Извлеченіе изъ описанія Сергіевскихъ минеральныхъ водъ, составленнаго проф. Эрдманомъ для с.-петербургской медицинской академіи" (Каз. Извѣстія 1811 г., №№ 19 и 20) *.

6) „Сѣрный источникъ близь г. Тетюшъ", сообщеніе проф. Эрдмана и магистра Шоника (Каз. Извѣстія 1812 г., № 18).

7) „De fructibus ex litterarum studio in rempublicam redundantibus", актовая рѣчь. Каз., 1815 (тип. унив., 4^0, 24 стр.).

8) „Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland", I—III. Рига, Дерптъ и Лейпцигъ, 1822—1826. Здѣсь сведены Эрдманомъ результаты путешествій, экскурсій и наблюденій казанской поры его дѣятельности, первую же часть этого изданія образуетъ самостоятельное изслѣдованіе Эрдмана: „Медико-топографическое описаніе казанской губерніи".

50. **Эрихъ** И. И., профессоръ греческаго языка и древностей.

Въ „Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр." показанъ трудъ проф. Эриха: „Onomasticon graeco-latinum ritualis graecorum", безъ обозначенія—печатный онъ, или рукописный.

51. **Юнаковъ** М. А., адъюнктъ историческихъ наукъ.

Рукописные труды:

1) „Взглядъ на происшествія, къ церкви россійской относящіяся", 1815 года.

2) „Разсужденіе объ исторіи государства россійскаго", 1815 года.

3) „Математическая географія", 1819 года.

4) „Естественная географія", 1819 года.

---

* Подробное описаніе этихъ водъ напечатано Эрдманомъ въ «Scherer's Nordische Blätter», т. I, тетрадь I.

2) „Curarum exegetico-criticarum in Jeremiae threnos specimen". Ростокъ, 1818.

49. **Эрдманъ** Ѳ. Х., профессоръ патологіи, терапіи и клиники.

Печатные труды:

1) „Utrum aqua per electricitatem columnae a Volta inventae in elementa sua dissolvatur?" Виттенбергъ, 1802.

2) „Elementa organonomiae ex notione motus derivata". Виттенбергъ, 1804.

3) „De hidropis natura et curatione", части I—X. Виттенбергъ, 1804—1810.

4) Рядъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ нѣмецкихъ спеціальныхъ журналахъ, до 1810 года.

5) „Извлеченіе изъ описанія Сергіевскихъ минеральныхъ водъ, составленнаго проф. Эрдманомъ для с.-петербургской медицинской академіи" (Каз. Извѣстія 1811 г., №№ 19 и 20) *.

6) „Сѣрный источникъ близь г. Тетюшъ", сообщеніе проф. Эрдмана и магистра Шоника (Каз. Извѣстія 1812 г., № 18).

7) „De fructibus ex litterarum studio in rempublicam redundantibus", актовая рѣчь. Каз., 1815 (тип. унив., 4^{0}, 24 стр.).

8) „Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland", I—III. Рига, Дерптъ и Лейпцигъ, 1822—1826. Здѣсь сведены Эрдманомъ результаты путешествій, экскурсій и наблюденій казанской поры его дѣятельности, первую же часть этого изданія образуетъ самостоятельное изслѣдованіе Эрдмана: „Медико-топографическое описаніе казанской губерніи".

50. **Эрихъ** И. И., профессоръ греческаго языка и древностей.

Въ „Вѣдомости о сочиненіяхъ и пр." показанъ трудъ проф. Эриха: „Onomasticon graeco-latinum ritualis graecorum", безъ обозначенія—печатный онъ, или рукописный.

51. **Юнаковъ** М. А., адъюнктъ историческихъ наукъ.

Рукописные труды:

1) „Взглядъ на происшествія, къ церкви россійской относящіяся", 1815 года.

2) „Разсужденіе объ исторіи государства россійскаго", 1815 года.

3) „Математическая географія", 1819 года.

4) „Естественная географія", 1819 года.

---

* Подробное описаніе этихъ водъ напечатано Эрдманомъ въ «Scherer's Nordische Blätter», т. I, тетрадь I.

52. **Яковкинъ** И. Ѳ., профессоръ россійской исторіи, географіи и статистики.

Печатные труды:

1) „Исторія Роберта, герцога нормандскаго, прозваннаго Діаволомъ", переводъ съ французскаго. СПБ. 1785.

2) „Зрѣлище свѣта или всемірное землеописаніе. СПБ. 1789 (были и послѣдующія изданія).

3) „Словарь французскихъ рѣченій первообразныхъ, съ нѣмецкимъ, латинскимъ и россійскимъ переводами и пр." СПБ. 1796.

4) „Лѣтосчислительное изображеніе исторіи знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ". СПБ. 1794.

5) „Лѣтосчислительное изображеніе древней всемірной исторіи". СПБ. 1798.

6) „Лѣтосчислительное изображеніе россійской исторіи". СПБ. 1798 (второе изданіе—Каз. 1814 г., 4⁰, 52 стр.).

7) Учебникъ всемірной исторіи. СПБ. 1798.

8) Учебникъ краткой россійской исторіи. СПБ. 1799.

«Заслуженный профессоръ Яковкинъ, кромѣ разныхъ переводовъ, по приказанію коммиссіи о учрежденіи народныхъ училищъ сочинилъ: вторую часть всеобщаго землеописанія, также вторую и третью части всеобщей исторіи, съ лѣтосчислительными изображеніями древней и новой всемірной исторіи, и россійскую исторію (Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.)».

53. **Ярцовъ** I. О., магистръ словесныхъ наукъ.

Рукописные труды:

1) „О восточныхъ словахъ, находящихся въ русскомъ языкѣ", 1816 года (магистерская диссертація).

2) „De indole et consilio poëmatis Seif—ül—Mülk", 1816 года (пробная лекція).

3) „Дневныя записки о провинціяхъ отъ Тифлиса до Астрахани", 1818 года.

4) „Разсужденіе о религіи персіянъ и при немъ сводъ аль-Корана", 1818 года.

5) „Краткій журналъ путешествія по Персіи", 1818 года.

52. **Яковкинъ** И. Ѳ., профессоръ россійской исторіи, географіи и статистики.

Печатные труды:

1) „Исторія Роберта, герцога нормандскаго, прозваннаго Діаволомъ", переводъ съ французскаго. СПБ. 1785.

2) „Зрѣлище свѣта или всемірное землеописаніе. СПБ. 1789 (были и послѣдующія изданія).

3) „Словарь французскихъ рѣченій первообразныхъ, съ нѣмецкимъ, латинскимъ и россійскимъ переводами и пр." СПБ. 1796.

4) „Лѣтосчислительное изображеніе исторіи знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ". СПБ. 1794.

5) „Лѣтосчислительное изображеніе древней всемірной исторіи". СПБ. 1798.

6) „Лѣтосчислительное изображеніе россійской исторіи". СПБ. 1798 (второе изданіе—Каз. 1814 г., 4⁰, 52 стр.).

7) Учебникъ всемірной исторіи. СПБ. 1798.

8) Учебникъ краткой россійской исторіи. СПБ. 1799.

«Заслуженный профессоръ Яковкинъ, кромѣ разныхъ переводовъ, по приказанію коммиссіи о учрежденіи народныхъ училищъ сочинилъ: вторую часть всеобщаго землеописанія, также вторую и третью части всеобщей исторіи, съ лѣтосчислительными изображеніями древней и новой всемірной исторіи, и россійскую исторію (Вѣдомость о сочиненіяхъ и пр.)».

53. **Ярцовъ** I. О., магистръ словесныхъ наукъ.

Рукописные труды:

1) „О восточныхъ словахъ, находящихся въ русскомъ языкѣ", 1816 года (магистерская диссертація).

2) „De indole et consilio poëmatis Seif—ül—Mülk", 1816 года (пробная лекція).

3) „Дневныя записки о провинціяхъ отъ Тифлиса до Астрахани", 1818 года.

4) „Разсужденіе о религіи персіянъ и при немъ сводъ аль-Корана", 1818 года.

5) „Краткій журналъ путешествія по Персіи", 1818 года.

V

(Къ страницѣ 223-ей)

„Краткая исторія города Казани"

профессора К. Ѳ. Фукса.

Находящаяся въ библіотекѣ пишущаго эти строки небольшая книжка, названіе которой только что выписано—несомнѣнно представляетъ собою одно изъ загадочныхъ въ русской библіографіи явленій. Эта книжка уже нѣсколько десятилѣтій знакома мѣстнымъ библіографамъ и историкамъ и экземпляръ ея, составляющій въ настоящее время мою собственность, а раньше принадлежавшій казанскому книгопродавцу-антиквару Захару Павловичу Рязанову, всегда и настойчиво признавался единственнымъ извѣстнымъ. Онъ былъ пріобрѣтенъ мною въ 1893 году на аукціонѣ обширной библіотеки Рязанова, распродававшейся послѣ его кончины.

„Краткая исторія города Казани Фукса,—еще въ 1875 году писалъ объ этой книгѣ покойный проф. Н. Н. Буличъ,—остается до сихъ поръ лучшею, не смотря на то, что она имѣла двухъ продолжателей *. Единственный сколько намъ извѣстно, экземпляръ отдѣльнаго оттиска этого труда Фукса находится у казанскаго книгопродавца З. П. Рязанова".

„Полный экземпляръ этого сочиненія, находящійся въ Казани у З. П. Рязанова, есть буквально единственный",—въ 1878 году высказался по тому же поводу одинъ изъ біографовъ проф. Фукса, К. В. Лаврскій **.

Единственнымъ извѣстнымъ экземпляромъ называютъ ту же книжку профессоры С. М. Шпилевскій, В. С. Иконниковъ, Н. Ѳ. Катановъ, а въ

---

* Н. Н. Буличъ: «Казанскій университетъ въ Александровскую эпоху», въ Ученыхъ зап. каз. унив. за 1875 годъ (ср. его же «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 117). Продолжателями Фукса, упоминаемыми Буличемъ, были: М. С. Рыбушкинъ («Краткая исторія г. Казани», К. 1834 г.) и В. Я. Баженовъ («Казанская исторія», К. 1847).

** «Казанскій Литературный Сборникъ 1878 года» (К. 1878), статья: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 438.

V

(Къ страницѣ 223-ей)

„Краткая исторія города Казани“

профессора К. Ѳ. Фукса.

Находящаяся въ библіотекѣ пишущаго эти строки небольшая книжка, названіе которой только что выписано—несомнѣнно представляетъ собою одно изъ загадочныхъ въ русской библіографіи явленій. Эта книжка уже нѣсколько десятилѣтій знакома мѣстнымъ библіографамъ и историкамъ и экземпляръ ея, составляющій въ настоящее время мою собственность, а раньше принадлежавшій казанскому книгопродавцу-антиквару Захару Павловичу Рязанову, всегда и настойчиво признавался единственнымъ извѣстнымъ. Онъ былъ пріобрѣтенъ мною въ 1893 году на аукціонѣ обширной библіотеки Рязанова, распродававшейся послѣ его кончины.

„Краткая исторія города Казани Фукса,—еще въ 1875 году писалъ объ этой книгѣ покойный проф. Н. Н. Буличъ,—остается до сихъ поръ лучшею, не смотря на то, что она имѣла двухъ продолжателей *. Единственный сколько намъ извѣстно, экземпляръ отдѣльнаго оттиска этого труда Фукса находится у казанскаго книгопродавца З. П. Рязанова“.

„Полный экземпляръ этого сочиненія, находящійся въ Казани у З. П. Рязанова, есть буквально единственный“,—въ 1878 году высказался по тому же поводу одинъ изъ біографовъ проф. Фукса, К. В. Лаврскій **.

Единственнымъ извѣстнымъ экземпляромъ называютъ ту же книжку профессоры С. М. Шпилевскій, В. С. Иконниковъ, Н. Ѳ. Катановъ, а въ

---

* Н. Н. Буличъ: «Казанскій университетъ въ Александровскую эпоху», въ Ученыхъ зап. каз. унив. за 1875 годъ (ср. его же «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 117). Продолжателями Фукса, упоминаемыми Буличемъ, были: М. С. Рыбушкинъ («Краткая исторія г. Казани», К. 1834 г.) и В. Я. Баженовъ («Казанская исторія», К. 1847).

** «Казанскій Литературный Сборникъ 1878 года» (К. 1878), статья: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 438.

самое послѣднее время—г. Г. Кунцевичъ. Оставалось признать за этимъ экземпляромъ дѣйствительное значеніе библіографическаго unicum'а до тѣхъ, по крайней мѣрѣ, поръ, пока не будетъ печатно извѣстно о существованіи другого или другихъ экземпляровъ той же книги—совершенно однородной печати, состава и редакціи.

Предварительно—нѣсколько словъ о самой внѣшности интересующей насъ книги.

Принадлежащій мнѣ экземпляръ „Краткой исторіи Казани" представляетъ собою, сброшюрованую въ оклеенныя пестрою обойною бумагою корочки, книжку in 8°, заключающую въ себѣ 50 страницъ, въ счетъ которыхъ (стран. 1—2) входитъ и титульная осьмушка.

Выходная (титульная) страница носитъ слѣдующее заглавіе:

„Краткая Исторія города Казани"

—подъ которымъ поставлено небольшое типографское украшеніе, въ видѣ лука съ двумя перекрещивающими его стрѣлами.

Нижняя треть выходной осьмушки отсутствуетъ и замѣнена чистою бумажною надклейкою, вслѣдствіе чего здѣсь не имѣется обычныхъ титульныхъ указаній мѣста и времени печатанія. На обратной, сохранившейся, части выходной осьмушки (т. е. на 2-ой страницѣ книги) находится слѣдующее цензурное разрѣшеніе:

> „Печатать дозволяется съ тѣмъ, что бы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ цензурный комитетъ одинъ экземпляръ сего сочиненія для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Санктпетербургской Академіи наукъ. Казань. Августа 30 дня, 1817 года.
>
> Цензоръ И. Браунъ".

На внутренней сторонѣ передней корочки наклеенъ листокъ съ гравированнымъ изображеніемъ Сумбекиной башни и нынѣшней дворцовой церкви (въ нереставрированномъ видѣ), связанныхъ между собою каменнымъ переходомъ; эта иллюстрація, являющаяся, повидимому, древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ изображеній обоихъ старинныхъ зданій, должна быть признана—оригинальною, такъ какъ повторенія ея мы не встрѣчали ни въ другихъ изданіяхъ, ни въ отдѣльныхъ снимкахъ видовъ Казани. Надъ этимъ рисункомъ читается значительно стершаяся надпись карандашемъ: „Сія книга мѣщанина Ефима Постникова (?)", а на внутренней сторонѣ задней корочки писано перомъ: „Сію книгу читалъ и за одолженіе оной приношу чувствитѣльную мою вамъ, Дмитрій Алексеевичъ, Благодарность, но и въ предь таковымъ меня одолженіемъ не оставляйте, въ чемъ я вамъ буду всепокорнымъ вашимъ слугою. Чердынскій мещанинъ Гаврила Мичуринъ. Іюля 29 г. 1841". Эта надпись вполнѣ установляетъ, такимъ образомъ, тотъ фактъ, что интересующая насъ книга уже въ 1841 году, слѣ-

самое послѣднее время—г. Г. Кунцевичъ. Оставалось признать за этимъ экземпляромъ дѣйствительное значеніе библіографическаго unicum'а до тѣхъ, по крайней мѣрѣ, поръ, пока не будетъ печатно извѣстно о существованіи другого или другихъ экземпляровъ той же книги—совершенно однородной печати, состава и редакціи.

Предварительно—нѣсколько словъ о самой внѣшности интересующей насъ книги.

Принадлежащій мнѣ экземпляръ „Краткой исторіи Казани" представляетъ собою, сброшюрованую въ оклеенныя пестрою обойною бумагою корочки, книжку in 8°, заключающую въ себѣ 50 страницъ, въ счетъ которыхъ (стран. 1—2) входитъ и титульная осьмушка.

Выходная (титульная) страницаноситъ слѣдующее заглавіе:

„Краткая Исторія города Казани"

—подъ которымъ поставлено небольшое типографское украшеніе, въ видѣ лука съ двумя перекрещивающими его стрѣлами.

Нижняя треть выходной осьмушки отсутствуетъ и замѣнена чистою бумажною надклейкою, вслѣдствіе чего здѣсь не имѣется обычныхъ титульныхъ указаній мѣста и времени печатанія. На обратной, сохранившейся, части выходной осьмушки (т. е. на 2-ой страницѣ книги) находится слѣдующее цензурное разрѣшеніе:

> „Печатать дозволяется съ тѣмъ, что бы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ цензурный комитетъ одинъ экземпляръ сего сочиненія для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Санктпетербургской Академіи наукъ. Казань. Августа 30 дня, 1817 года.
>
> Цензоръ И. Браунъ".

На внутренней сторонѣ передней корочки наклеенъ листокъ съ гравированнымъ изображеніемъ Сумбекиной башни и нынѣшней дворцовой церкви (въ нереставрированномъ видѣ), связанныхъ между собою каменнымъ переходомъ; эта иллюстрація, являющаяся, повидимому, древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ изображеній обоихъ старинныхъ зданій, должна быть признана—оригинальною, такъ какъ повторенія ея мы не встрѣчали ни въ другихъ изданіяхъ, ни въ отдѣльныхъ снимкахъ видовъ Казани. Надъ этимъ рисункомъ читается значительно стершаяся надпись карандашемъ: „Сія книга мѣщанина Ефима Постникова (?)", а на внутренней сторонѣ задней корочки писано перомъ: „Сію книгу читалъ и за одолженіе оной приношу чувствитѣльную мою вамъ, Дмитрій Алексеевичъ, Благодарность, но и въ предь таковымъ меня одолженіемъ не оставляйте, въ чемъ я вамъ буду всепокорнымъ вашимъ слугою. Чердынскій мещанинъ Гаврила Мичуринъ. Іюля 29 г. 1841". Эта надпись вполнѣ установляетъ, такимъ образомъ, тотъ фактъ, что интересующая насъ книга уже въ 1841 году, слѣ-

довательно еще при жизни самого Фукса († 24 апрѣля 1846 г.), уже существовала въ томъ именно видѣ, въ какомъ она сохранилась до нашихъ дней.

Переходимъ къ краткому обзору самаго состава книги,— въ смыслѣ послѣдовательности заключающагося въ ней содержанія.

„Краткая исторія города Казани“ открывается разсказомъ объ инородческихъ племенахъ, до образованія казанскаго царства населявшихъ среднее Поволжье и Прикамье и послужившихъ, по мнѣнію автора, этнологическимъ матеріаломъ для образованія царства булгарскаго. Начинаясь словами: „Мордва и черемисы съ весьма давнихъ временъ жили въ степяхъ, прилежащихъ средней части Волги и пр.“, эта первая составная часть текста книги простирается до третьей строки 9-ой страницы.

Съ третьей строки 9-ой страницы, словами: „До царствованія хана Золотой Орды Туктамыша и пр.“—открывается разсказъ о началѣ Казани, о первыхъ столкновеніяхъ съ нею русскихъ великихъ князей (стр. 9—12), послѣ чего слѣдуетъ краткое описаніе царствованій въ Казани отдѣльныхъ хановъ (13—26 стр.) и общій хронологическій перечень, съ татарскою транскрипціею именъ, послѣдовательнаго ряда казанскихъ царей (стр. 26—28).

Третьею строкою 28-ой страницы, словами: „Чрезъ нѣсколько времени, считая отъ покоренія Казани, жители ея привыкли къ новому правительству и пр.“—начинается изложеніе исторіи города уже подъ русскимъ владычествомъ. Составныя части этого повѣствованія слѣдующія: инородческія возстанія противъ русской власти первыхъ послѣ покоренія Казани лѣтъ (стр. 28—31), строеніе въ городѣ православныхъ храмовъ, разрушеніе мечетей и учрежденіе епархіи (стр. 31—33), мѣры русскаго заселенія края и краткій историческій очеркъ его администраціи (стр. 33—37), посѣщеніе Казани императоромъ Петромъ Великимъ и учрежденіе училищъ (38), разгромъ города Пугачевымъ (стр. 38—39), территоріально-административныя преобразованія 1780 года (стр. 39).

Съ страницы 40-ой, начинающейся особымъ заголовкомъ: „Прибавленіе“—слѣдуютъ различныя, уже отрывочнаго характера, приложенія къ книгѣ, расположенныя, отчасти съ отдѣльными заглавіями, отчасти безъ таковыхъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: а) „Выписка изъ татарской рукописи, находящейся въ моемъ собраніи рукописей“ (стр. 40—42, рѣчь идетъ здѣсь о важнѣйшихъ фактахъ казанской исторіи до покоренія Казани русской державѣ); б) „Арабская надпись на камнѣ, найденномъ въ казанскомъ гостиномъ ряду“ (стр. 42—43); в) свѣдѣнія о принявшихъ христіанство татарскихъ царяхъ и царевичахъ (стр. 43—44), г) свѣдѣнія о служилыхъ татарскихъ князьяхъ (стр. 44—46), д) выписка изъ „Синодика“ о походѣ 1552 года (стр. 46—47), е) свѣдѣнія о казанскомъ памятникѣ въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи въ 1552 году Казани (стр. 47—48), ж) краткое извѣстіе о мордвѣ, черемисахъ и булгарахъ (стр. 48—49) и з) „Письмо Петра Великаго къ казанскому купцу Мик(х)ляеву“ (стр. 50).

довательно еще при жизни самого Фукса († 24 апрѣля 1846 г.), уже существовала въ томъ именно видѣ, въ какомъ она сохранилась до нашихъ дней.

Переходимъ къ краткому обзору самаго состава книги,—въ смыслѣ послѣдовательности заключающагося въ ней содержанія.

„Краткая исторія города Казани" открывается разсказомъ объ инородческихъ племенахъ, до образованія казанскаго царства населявшихъ среднее Поволжье и Прикамье и послужившихъ, по мнѣнію автора, этнологическимъ матеріаломъ для образованія царства булгарскаго. Начинаясь словами: „Мордва и черемисы съ весьма давнихъ временъ жили въ степяхъ, прилежащихъ средней части Волги и пр.", эта первая составная часть текста книги простирается до третьей строки 9-ой страницы.

Съ третьей строки 9-ой страницы, словами: „До царствованія хана Золотой Орды Туктамыша и пр."—открывается разсказъ о началѣ Казани, о первыхъ столкновеніяхъ съ нею русскихъ великихъ князей (стр. 9—12), послѣ чего слѣдуетъ краткое описаніе царствованій въ Казани отдѣльныхъ хановъ (13—26 стр.) и общій хронологическій перечень, съ татарскою транскрипціею именъ, послѣдовательнаго ряда казанскихъ царей (стр. 26—28).

Третьею строкою 28-ой страницы, словами: „Чрезъ нѣсколько времени, считая отъ покоренія Казани, жители ея привыкли къ новому правительству и пр."—начинается изложеніе исторіи города уже подъ русскимъ владычествомъ. Составныя части этого повѣствованія слѣдующія: инородческія возстанія противъ русской власти первыхъ послѣ покоренія Казани лѣтъ (стр. 28—31), строеніе въ городѣ православныхъ храмовъ, разрушеніе мечетей и учрежденіе епархіи (стр. 31—33), мѣры русскаго заселенія края и краткій историческій очеркъ его администраціи (стр. 33—37), посѣщеніе Казани императоромъ Петромъ Великимъ и учрежденіе училищъ (38), разгромъ города Пугачевымъ (стр. 38—39), территоріально-административныя преобразованія 1780 года (стр. 39).

Съ страницы 40-ой, начинающейся особымъ заголовкомъ: „Прибавленіе"—слѣдуютъ различныя, уже отрывочнаго характера, приложенія къ книгѣ, расположенныя, отчасти съ отдѣльными заглавіями, отчасти безъ таковыхъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: а) „Выписка изъ татарской рукописи, находящейся въ моемъ собраніи рукописей" (стр. 40—42, рѣчь идетъ здѣсь о важнѣйшихъ фактахъ казанской исторіи до покоренія Казани русской державѣ); б) „Арабская надпись на камнѣ, найденномъ въ казанскомъ гостиномъ ряду" (стр. 42—43); в) свѣдѣнія о принявшихъ христіанство татарскихъ царяхъ и царевичахъ (стр. 43—44), г) свѣдѣнія о служилыхъ татарскихъ князьяхъ (стр. 44—46), д) выписка изъ „Синодика" о походѣ 1552 года (стр. 46—47), е) свѣдѣнія о казанскомъ памятникѣ въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи въ 1552 году Казани (стр. 47—48), ж) краткое извѣстіе о мордвѣ, черемисахъ и булгарахъ (стр. 48—49) и з) „Письмо Петра Великаго къ казанскому купцу Мик(х)ляеву" (стр. 50).

Смѣю думать, что приведенныя мною данныя относительно хранящагося у меня, и предполагаемаго единственнымъ, экземпляра „Краткой исторіи города Казани“ Фукса—способны представить собою достаточный критерій для сопоставленія съ моимъ экземпляромъ другихъ экземпляровъ той же книги, которые могли бы, сверхъ ожиданія, оказаться или въ какомъ либо книгохранилищѣ, или въ частныхъ рукахъ.

Всѣ лица, такъ или иначе упоминавшія о находящемся въ моемъ распоряженіи экземплярѣ „Краткой исторіи г. Казани“, называютъ эту книгу отдѣльнымъ оттискомъ изъ „Казанскихъ Извѣстій“—университетской газеты того времени. Мнѣніе это основывается на томъ, что въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ за 1817 годъ помѣщены три отрывка, носящіе заглавіе: „Краткая исторія города Казани“ и подписанные именемъ „профессора Фухса“ (sic); эти отрывки напечатаны здѣсь въ №№ 67 (отъ 22-го августа), 68 (отъ 25-го августа) и 80 (отъ 6-го октября). Сличивъ свой экземпляръ „Краткой исторіи города Казани“ съ отрывками, напечатанными въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“, я нашелъ, что текстъ этихъ отрывковъ далеко не соотвѣтствуетъ всей полнотѣ содержанія моего экземпляра: въ № 80-мъ „Казанскихъ Извѣстій“ за 1817 годъ третій и послѣдній отрывокъ обрывается на разсказѣ о инородческихъ мятежахъ 1553—1584 годовъ. Не взирая на редакціонную отмѣтку въ концѣ этого отрывка: „Продолженіе впредь“—дальнѣйшее печатаніе въ газетѣ труда проф. Фукса уже не возобновлялось, вслѣдствіе чего здѣсь совершенно отсутствуетъ все то, что даетъ содержаніе страницамъ 31-й—50-й моего экземпляра, т. е. историческія судьбы Казани подъ русскою державою и отдѣльныя приложенія къ книгѣ.

Что могло быть причиною прекращенія печатанія въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ въ высшей степени интереснаго труда проф. Фукса, въ особенности же въ виду жалобъ на недостаточность матеріала, которыя постоянно раздавались со стороны редакторовъ этой газеты? Причина прекращенія печатанія здѣсь „Краткой исторіи города Казани“ едва ли могла лежать въ самомъ авторѣ, такъ какъ его рукопись была разрѣшена къ печати, какъ мы это выше видѣли, еще 30-го августа 1817 года, слѣдовательно, весь оригиналъ труда Фукса уже имѣлся въ то время на лицо. Мы едва ли ошибемся, предположивъ, что продолженіе печатанія въ университетской газетѣ труда проф. Фукса столкнулось съ препятствіями внѣшняго, именно цензурнаго, характера. Это печатаніе оборвалось на разсказѣ объ инородческихъ бунтахъ 1553—1584 годовъ,—предметѣ, довольно щекотливомъ по цензурнымъ воззрѣніямъ конца втораго десятилѣтія XIX-го вѣка; а далѣе предвидѣлись не менѣе щекотливые вопросы о водвореніи въ краѣ христіанства, о колонизаціи края, объ его администраціи, выдержки изъ татарскихъ лѣтописей, даже свѣдѣнія о бунтѣ Пугачева..... Весьма возможно, что трактованіе всѣхъ этихъ матерій было признано неудобнымъ въ газетѣ, издававшейся въ центрѣ мусульманскаго населенія, и что на дальнѣйшее печатаніе труда Фукса

Смѣю думать, что приведенныя мною данныя относительно хранящагося у меня, и предполагаемаго единственнымъ, экземпляра „Краткой исторіи города Казани“ Фукса—способны представить собою достаточный критерій для сопоставленія съ моимъ экземпляромъ другихъ экземпляровъ той же книги, которые могли бы, сверхъ ожиданія, оказаться или въ какомъ либо книгохранилищѣ, или въ частныхъ рукахъ.

Всѣ лица, такъ или иначе упоминавшія о находящемся въ моемъ распоряженіи экземплярѣ „Краткой исторіи г. Казани“, называютъ эту книгу отдѣльнымъ оттискомъ изъ „Казанскихъ Извѣстій“—университетской газеты того времени. Мнѣніе это основывается на томъ, что въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ за 1817 годъ помѣщены три отрывка, носящіе заглавіе: „Краткая исторія города Казани“ и подписанные именемъ „профессора Фухса“ (sic); эти отрывки напечатаны здѣсь въ №№ 67 (отъ 22-го августа), 68 (отъ 25-го августа) и 80 (отъ 6-го октября). Сличивъ свой экземпляръ „Краткой исторіи города Казани“ съ отрывками, напечатанными въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“, я нашелъ, что текстъ этихъ отрывковъ далеко не соотвѣтствуетъ всей полнотѣ содержанія моего экземпляра: въ № 80-мъ „Казанскихъ Извѣстій“ за 1817 годъ третій и послѣдній отрывокъ обрывается на разсказѣ о инородческихъ мятежахъ 1553—1584 годовъ. Не взирая на редакціонную отмѣтку въ концѣ этого отрывка: „Продолженіе впредь“—дальнѣйшее печатаніе въ газетѣ труда проф. Фукса уже не возобновлялось, вслѣдствіе чего здѣсь совершенно отсутствуетъ все то, что даетъ содержаніе страницамъ 31-й—50-й моего экземпляра, т. е. историческія судьбы Казани подъ русскою державою и отдѣльныя приложенія къ книгѣ.

Что могло быть причиною прекращенія печатанія въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ въ высшей степени интереснаго труда проф. Фукса, въ особенности же въ виду жалобъ на недостаточность матеріала, которыя постоянно раздавались со стороны редакторовъ этой газеты? Причина прекращенія печатанія здѣсь „Краткой исторіи города Казани“ едва ли могла лежать въ самомъ авторѣ, такъ какъ его рукопись была разрѣшена къ печати, какъ мы это выше видѣли, еще 30-го августа 1817 года, слѣдовательно, весь оригиналъ труда Фукса уже имѣлся въ то время на лицо. Мы едва ли ошибемся, предположивъ, что продолженіе печатанія въ университетской газетѣ труда проф. Фукса столкнулось съ препятствіями внѣшняго, именно цензурнаго, характера. Это печатаніе оборвалось на разсказѣ объ инородческихъ бунтахъ 1553—1584 годовъ,—предметѣ, довольно щекотливомъ по цензурнымъ воззрѣніямъ конца втораго десятилѣтія XIX-го вѣка; а далѣе предвидѣлись не менѣе щекотливые вопросы о водвореніи въ краѣ христіанства, о колонизаціи края, объ его администраціи, выдержки изъ татарскихъ лѣтописей, даже свѣдѣнія о бунтѣ Пугачева..... Весьма возможно, что трактованіе всѣхъ этихъ матерій было признано неудобнымъ въ газетѣ, издававшейся въ центрѣ мусульманскаго населенія, и что на дальнѣйшее печатаніе труда Фукса

наложено было властное—veto. Извѣстно, что послѣдніе 7—8 лѣтъ царствованія императора Александра I явились эпохою крайне неблагопріятною, съ точки зрѣнія условій цензуры, для русской публицистики и періодической печати минувшаго столѣтія.

Какое же происхожденіе должны мы признать за тѣмъ, пока все еще предполагаемымъ единственнымъ, экземпляромъ „Краткой исторіи города Казани" Фукса, который хранится въ библіотекѣ пишущаго эти строки?

Подчиняясь теченію господствующаго мнѣнія, я, и съ своей стороны, до ближайшаго критическаго разслѣдованія вопроса считалъ находящуюся въ моемъ распоряженіи „Краткую исторію города Казани" — изданіемъ 1817 года, въ пользу чего самымъ рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствовало, повидимому, уже извѣстное намъ цензурное разрѣшеніе, подписанное профессоромъ и ректоромъ университета И. О. Брауномъ и находящееся на моемъ экземплярѣ. Въ настоящее время, ближе познакомившись съ вопросомъ, я самымъ категорическимъ образомъ отказываюсь отъ мнѣнія, котораго держался раньше, и утверждаю, что *находящійся у меня экземпляръ „Краткой исторіи города Казани" Фукса—не могъ быть напечатанъ раньше 1822 года.* Это доказывается тѣмъ, что въ книгѣ имѣются двѣ хронологическія ссылки, относящіяся къ первымъ годамъ третьяго десятилѣтія минувшаго столѣтія: первая изъ нихъ говоритъ о послѣдовавшемъ въ 1820 году „преобразованіи" Магницкимъ казанскаго университета (см. стр. 38-ю и обозначенную звѣздочкою сноску), вторая—объ окончаніи въ 1821 году сооруженія памятника надъ могилою воиновъ, павшихъ при взятіи Казани (см. стр. 48-ю). Съ другой же стороны обнаруживается, что книга проф. Фукса напечатана не позже 1834 года: это видно изъ того, что въ разсказѣ о разгромѣ Казани Пугачевымъ цитируется здѣсь сочиненіе: „Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе" (Москва, 1807 г.), между тѣмъ какъ въ рукописной „Исторіи города Казани" Фукса, имѣющейся у проф. Н. Ѳ. Катанова, къ этой цитатѣ прибавлена уже и ссылка на „Исторію пугачевскаго бунта" Пушкина, вышедшую въ свѣтъ въ 1834 году. Такимъ образомъ *двѣнадцатилѣтіе 1822—1834 годовъ оказывается тѣмъ промежуткомъ времени, въ теченіи котораго могъ быть напечатанъ мой экземпляръ „Исторіи города Казани".*

Изъ только что высказаннаго становится очевиднымъ, что находящійся у меня экземпляръ „Краткой исторіи города Казани" *не можетъ быть признанъ отдѣльнымъ оттискомъ* трехъ одноименныхъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ 1817 году въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ", но *долженъ почитаться совершенно самостоятельнымъ изданіемъ, вышедшимъ съ типографскихъ станковъ не ранѣе 1822 года.* Онъ не могъ быть отдѣльнымъ оттискомъ этихъ отрывковъ даже въ соотвѣтствующей имъ части своего содержанія (стран. 3—31): это становится яснымъ, во первыхъ—изъ внѣшняго вида книги, какъ

наложено было властное—veto. Извѣстно, что послѣдніе 7—8 лѣтъ царствованія императора Александра I явились эпохою крайне неблагопріятною, съ точки зрѣнія условій цензуры, для русской публицистики и періодической печати минувшаго столѣтія.

Какое же происхожденіе должны мы признать за тѣмъ, пока все еще предполагаемымъ единственнымъ, экземпляромъ „Краткой исторіи города Казани" Фукса, который хранится въ библіотекѣ пишущаго эти строки?

Подчиняясь теченію господствующаго мнѣнія, я, и съ своей стороны, до ближайшаго критическаго разслѣдованія вопроса считалъ находящуюся въ моемъ распоряженіи „Краткую исторію города Казани" — изданіемъ 1817 года, въ пользу чего самымъ рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствовало, повидимому, уже извѣстное намъ цензурное разрѣшеніе, подписанное профессоромъ и ректоромъ университета И. О. Брауномъ и находящееся на моемъ экземплярѣ. Въ настоящее время, ближе познакомившись съ вопросомъ, я самымъ категорическимъ образомъ отказываюсь отъ мнѣнія, котораго держался раньше, и утверждаю, что находящійся у меня экземпляръ „Краткой исторіи города Казани" Фукса—не могъ быть напечатанъ раньше 1822 года. Это доказывается тѣмъ, что въ книгѣ имѣются двѣ хронологическія ссылки, относящіяся къ первымъ годамъ третьяго десятилѣтія минувшаго столѣтія: первая изъ нихъ говоритъ о послѣдовавшемъ въ 1820 году „преобразованіи" Магницкимъ казанскаго университета (см. стр. 38-ю и обозначенную звѣздочкою сноску), вторая—объ окончаніи въ 1821 году сооруженія памятника надъ могилою воиновъ, павшихъ при взятіи Казани (см. стр. 48-ю). Съ другой же стороны обнаруживается, что книга проф. Фукса напечатана не позже 1834 года: это видно изъ того, что въ разсказѣ о разгромѣ Казани Пугачевымъ цитируется здѣсь сочиненіе: „Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе" (Москва, 1807 г.), между тѣмъ какъ въ рукописной „Исторіи города Казани" Фукса, имѣющейся у проф. Н. Ѳ. Катанова, къ этой цитатѣ прибавлена уже и ссылка на „Исторію пугачевскаго бунта" Пушкина, вышедшую въ свѣтъ въ 1834 году. Такимъ образомъ двѣнадцатилѣтіе 1822—1834 годовъ оказывается тѣмъ промежуткомъ времени, въ теченіи котораго могъ быть напечатанъ мой экземпляръ „Исторіи города Казани".

Изъ только что высказаннаго становится очевиднымъ, что находящійся у меня экземпляръ „Краткой исторіи города Казани" не можетъ быть признанъ отдѣльнымъ оттискомъ трехъ одноименныхъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ 1817 году въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ", но долженъ почитаться совершенно самостоятельнымъ изданіемъ, вышедшимъ съ типографскихъ станковъ не ранѣе 1822 года. Онъ не могъ быть отдѣльнымъ оттискомъ этихъ отрывковъ даже въ соотвѣтствующей имъ части своего содержанія (стран. 3—31): это становится яснымъ, во первыхъ—изъ внѣшняго вида книги, какъ

шрифтъ и наборъ, такъ и бумага которой являются совершенно тожественными во всѣхъ листахъ, устраняя предположеніе о возможности позднѣйшаго припечатанія отдѣльныхъ листовъ, а во вторыхъ—изъ варіантовъ въ ороографіи и даже въ цѣлыхъ словахъ, оказывающихся при сопоставленіи текста книги съ текстомъ отрывковъ, напечатанныхъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ".

Теперь само собою устраняется и недоумѣніе, невольно возбуждавшееся во мнѣ тѣмъ, невольно бившимъ въ глаза, фактомъ, что архивные документы 1817—1819 годовъ, въ которыхъ я тщательно, но совершенно тщетно, искалъ указаній на „Краткую исторію города Казани"—систематически замалчиваютъ это загадочное изданіе quasi 1817 года. Передо мною находятся: „Каталогъ книгъ и мелкихъ сочененій, напечатанныхъ въ университетской типографіи со времени ея учрежденія по 1819 годъ", составленный для цѣлей ревизіи Магницкаго, такой же „Списокъ книгъ, напечатанныхъ въ университетской типографіи съ 1808 по 1821 годъ", составленный для Магницкаго же, „Списокъ одобренныхъ и непропущенныхъ университетскою цензурою книгъ 1807—1818 годъ", дѣла цензурнаго и издательнаго комитетовъ за 1817 и 1818 года,—и нигдѣ не удалось мнѣ найти ни малѣйшаго намека ни на „Краткую исторію города Казани", ни (даже въ протоколахъ цензурнаго комитета за 1817 годъ) на цензурное разрѣшеніе, 30-го августа 1817 года выданное ректоромъ Брауномъ профессору Фуксу на печатаніе этой книги! Мало того: оффиціальныя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что ни въ 1817, ни въ 1818 году—профессоромъ Фуксомъ не было издано никакихъ трудовъ. „Nihil scripsi"—собственноручно отмѣчено имъ на листѣ съ запросомъ относительно изданныхъ за 1817 годъ членами университета трудовъ, циркулированномъ въ концѣ этого года въ виду составленія годичнаго по университету отчета; „никакихъ сочиненій нынѣшняго года не издалъ"—отмѣчено Фуксомъ на такомъ же листѣ конца слѣдующаго 1818 года и только въ свѣдѣніяхъ за 1819 годъ отмѣчено, что въ этомъ году „разсужденіе о россійскихъ монетахъ издалъ профессоръ Фуксъ". Любопытнымъ представляется и тотъ фактъ, что ни М. С. Рыбушкинъ, ни В. Я. Баженовъ, писавшіе свои исторіи города Казани, первый въ началѣ 30-хъ, а второй въ концѣ 40-хъ годовъ, ни А. И. Артемьевъ, помѣстившій въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостямъ" 40-хъ—50-хъ годовъ не мало очерковъ по историческому прошлому Казани, ни И. Черновъ, издававшій въ 1840 и 1841 годахъ свои „Указатели города Казани"—ни единымъ словомъ не обмолвливаются относительно труда Фукса. Возможно ли допустить такое „бойкотированіе" выдающагося труда Фукса при предположеніи, что его книга была въ свое время легальнымъ образомъ выпущена въ свѣтъ?!

Въ такомъ, болѣе нежели загадочномъ, положеніи продолжаетъ оставаться вопросъ о происхожденіи печатной „Краткой исторіи города Казани" проф. Фукса. Принимая въ соображеніе все сказанное нами выше,

шрифтъ и наборъ, такъ и бумага которой являются совершенно тожественными во всѣхъ листахъ, устраняя предположеніе о возможности позднѣйшаго припечатанія отдѣльныхъ листовъ, а во вторыхъ—изъ варіантовъ въ орѳографіи и даже въ цѣлыхъ словахъ, оказывающихся при сопоставленіи текста книги съ текстомъ отрывковъ, напечатанныхъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ".

Теперь само собою устраняется и недоумѣніе, невольно возбуждавшееся во мнѣ тѣмъ, невольно бившимъ въ глаза, фактомъ, что архивные документы 1817—1819 годовъ, въ которыхъ я тщательно, но совершенно тщетно, искалъ указаній на „Краткую исторію города Казани"—систематически замалчиваютъ это загадочное изданіе quasi 1817 года. Передо мною находятся: „Каталогъ книгъ и мелкихъ сочененій, напечатанныхъ въ университетской типографіи со времени ея учрежденія по 1819 годъ", составленный для цѣлей ревизіи Магницкаго, такой же „Списокъ книгъ, напечатанныхъ въ университетской типографіи съ 1808 по 1821 годъ", составленный для Магницкаго же, „Списокъ одобренныхъ и непропущенныхъ университетскою цензурою книгъ 1807—1818 годъ", дѣла цензурнаго и издательнаго комитетовъ за 1817 и 1818 года,—и нигдѣ не удалось мнѣ найти ни малѣйшаго намека ни на „Краткую исторію города Казани", ни (даже въ протоколахъ цензурнаго комитета за 1817 годъ) на цензурное разрѣшеніе, 30-го августа 1817 года выданное ректоромъ Брауномъ профессору Фуксу на печатаніе этой книги! Мало того: оффиціальныя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что ни въ 1817, ни въ 1818 году—профессоромъ Фуксомъ не было издано никакихъ трудовъ. „Nihil scripsi"—собственноручно отмѣчено имъ на листѣ съ запросомъ относительно изданныхъ за 1817 годъ членами университета трудовъ, циркулированномъ въ концѣ этого года въ виду составленія годичнаго по университету отчета; „никакихъ сочиненій нынѣшняго года не издалъ"—отмѣчено Фуксомъ на такомъ же листѣ конца слѣдующаго 1818 года и только въ свѣдѣніяхъ за 1819 годъ отмѣчено, что въ этомъ году „разсужденіе о россійскихъ монетахъ издалъ профессоръ Фуксъ". Любопытнымъ представляется и тотъ фактъ, что ни М. С. Рыбушкинъ, ни В. Я. Баженовъ, писавшіе свои исторіи города Казани, первый въ началѣ 30-хъ, а второй въ концѣ 40-хъ годовъ, ни А. И. Артемьевъ, помѣстившій въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостямъ" 40-хъ—50-хъ годовъ не мало очерковъ по историческому прошлому Казани, ни И. Черновъ, издававшій въ 1840 и 1841 годахъ свои „Указатели города Казани"—ни единымъ словомъ не обмолвливаются относительно труда Фукса. Возможно ли допустить такое „бойкотированіе" выдающагося труда Фукса при предположеніи, что его книга была въ свое время легальнымъ образомъ выпущена въ свѣтъ?!

Въ такомъ, болѣе нежели загадочномъ, положеніи продолжаетъ оставаться вопросъ о происхожденіи печатной „Краткой исторіи города Казани" проф. Фукса. Принимая въ соображеніе все сказанное нами выше,

мы теперь склоняемся къ той мысли, что „Краткая исторія города Казани" проф. К. Ѳ. Фукса оффиціально выпущена въ свѣтъ—не была, хотя въ 1817 году рукопись и разрѣшена къ печати ректоромъ Брауномъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ имѣющееся на ней цензурное разрѣшеніе пришлось бы признать подложнымъ, что, конечно, допущено быть не можетъ. Препятствія, послужившія причиною прекращенія печатанія труда Фукса въ университетской газетѣ—могли быть причиною и того, что разрѣшенная къ печати рукопись не поступила въ наборъ въ ближайшіе годы. Впослѣдствіе, не ранѣе, однако же, 1822 года, Фуксъ задумалъ воспользоваться полученнымъ еще въ 1817 году цензурнымъ разрѣшеніемъ и, сдѣлавъ въ рукописи исправленія и дополненія, приступилъ къ ея печатанію. Возможно, что именно это то обстоятельство и послужило препятствіемъ къ выпуску въ свѣтъ уже отпечатанной книги, листы которой сохранялись, конечно, въ университетской типографіи, гдѣ они и должны были сдѣлаться жертвою огня въ коллоссальный пожаръ 24-го августа 1842 года, уничтожившій зданіе типографіи со всѣми имѣвшимися въ ней дѣлами и изданіями. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, въ свѣтъ могли проскользнуть лишь случайные, такъ сказать—контрабандные экземпляры „Краткой исторіи Казани", къ числу которыхъ принадлежитъ и экземпляръ, хранящійся въ моей библіотекѣ и до сихъ поръ считающійся—единственнымъ *.

Обстоятельствомъ, свидѣтельствующимъ въ пользу того, что печатное изданіе „Краткой исторіи города Казани" дѣйствительно не сдѣлалось достояніемъ публики, съ другой же стороны свидѣтельствующимъ и въ пользу интереса, въ свое время возбужденнаго къ этому труду въ любителяхъ мѣстной старины, является тотъ интересный и только недавно выяснившійся фактъ, что „Краткая исторія города Казани" проф. Фукса обращалась въ рукописныхъ спискахъ. Одинъ изъ такихъ списковъ, значительно болѣе краткой, въ сравненіи съ моимъ печатнымъ экземпляромъ, редакціи, осенью 1898 года былъ купленъ профессоромъ казанскаго университета Н. Ѳ. Катановымъ у петербургскаго книгопродавца-антиквара г. Клочкова, а слѣдомъ за тѣмъ и изданъ имъ въ печати, причемъ проф. Катановъ въ предисловіи приводитъ обстоятельное сличеніе этого списка съ моимъ печатнымъ экземпляромъ **. Свѣдѣнія о второмъ спис-

---

* Въ книгѣ: «Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи Императорскаго казанскаго университета» (Каз. 1895), составленной начальникомъ типографіи А. Т. Соловьевымъ, въ перечнѣ изданій 1817 года показано: «Краткая исторія города Казани (Фукса) 12°, 50 стр.». Это указаніе основано на общихъ свѣдѣніяхъ объ интересующей насъ книгѣ, а не на дѣлахъ университетской типографіи, истребленныхъ пожаромъ 1842 года. Въ сохранившихся старинныхъ спискахъ изданій университетской типографіи книга проф. Фукса совершенно, какъ мы это видѣли, отсутствуетъ.

** «Исторія города Казани. Изъ русскихъ и татарскихъ лѣтописей собралъ статскій совѣтникъ К. Ф. Фуксъ», Каз. 1899 (приложеніе къ казанскому журналу «Дѣятель» за 1899 годъ). Профессоръ Катановъ относитъ свой списокъ къ 1822—1836 годамъ.

мы теперь склоняемся къ той мысли, что „Краткая исторія города Казани“ проф. К. Θ. Фукса оффиціально выпущена въ свѣтъ—не была, хотя въ 1817 году рукопись и разрѣшена къ печати ректоромъ Брауномъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ имѣющееся на ней цензурное разрѣшеніе пришлось бы признать подложнымъ, что, конечно, допущено быть не можетъ. Препятствія, послужившія причиною прекращенія печатанія труда Фукса въ университетской газетѣ—могли быть причиною и того, что разрѣшенная къ печати рукопись не поступила въ наборъ въ ближайшіе годы. Впослѣдствіе, не ранѣе, однако же, 1822 года, Фуксъ задумалъ воспользоваться полученнымъ еще въ 1817 году цензурнымъ разрѣшеніемъ и, сдѣлавъ въ рукописи исправленія и дополненія, приступилъ къ ея печатанію. Возможно, что именно это то обстоятельство и послужило препятствіемъ къ выпуску въ свѣтъ уже отпечатанной книги, листы которой сохранялись, конечно, въ университетской типографіи, гдѣ они и должны были сдѣлаться жертвою огня въ коллоссальный пожаръ 24-го августа 1842 года, уничтожившій зданіе типографіи со всѣми имѣвшимися въ ней дѣлами и изданіями. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, въ свѣтъ могли проскользнуть лишь случайные, такъ сказать—контрабандные экземпляры „Краткой исторіи Казани“, къ числу которыхъ принадлежитъ и экземпляръ, хранящійся въ моей библіотекѣ и до сихъ поръ считающійся—единственнымъ *.

Обстоятельствомъ, свидѣтельствующимъ въ пользу того, что печатное изданіе „Краткой исторіи города Казани“ дѣйствительно не сдѣлалось достояніемъ публики, съ другой же стороны свидѣтельствующимъ и въ пользу интереса, въ свое время возбужденнаго къ этому труду въ любителяхъ мѣстной старины, является тотъ интересный и только недавно выяснившійся фактъ, что „Краткая исторія города Казани“ проф. Фукса обращалась въ рукописныхъ спискахъ. Одинъ изъ такихъ списковъ, значительно болѣе краткой, въ сравненіи съ моимъ печатнымъ экземпляромъ, редакціи, осенью 1898 года былъ купленъ профессоромъ казанскаго университета Н. Θ. Катановымъ у петербургскаго книгопродавца-антикварa г. Клочкова, а слѣдомъ за тѣмъ и изданъ имъ въ печати, причемъ проф. Катановъ въ предисловіи приводитъ обстоятельное сличеніе этого списка съ моимъ печатнымъ экземпляромъ **. Свѣдѣнія о второмъ спис-

* Въ книгѣ: «Каталогъ книгъ, отпечатапныхъ въ типографіи Императорскаго казанскаго университета» (Каз. 1895), составленной начальникомъ типографіи А. Т. Соловьевымъ, въ перечнѣ изданій 1817 года показано: «Краткая исторія города Кавани (Фукса) 12°, 50 стр.». Это указаніе основано на общихъ свѣдѣніяхъ объ интересующей насъ книгѣ, а не на дѣлахъ университетской типографіи, истребленныхъ пожаромъ 1842 года. Въ сохранившихся старинныхъ спискахъ изданій университетской типографіи книга проф. Фукса совершенно, какъ мы это видѣли, отсутствуетъ.

** «Исторія города Казани. Изъ русскихъ и татарскихъ лѣтописей собралъ статскій совѣтникъ К. Ф. Фуксъ», Каз. 1899 (приложеніе къ казанскому журналу «Дѣятель» за 1899 годъ). Профессоръ Катановъ относитъ свой списокъ къ 1822—1836 годамъ.

кѣ „Краткой исторіи Казани“ Фукса опубликованы, уже въ самое послѣднее время, г. Г. Кунцевичемъ въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ“; этотъ списокъ, хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, буквально сходенъ, по свидѣтельству г. Кунцевича, съ спискомъ, изданнымъ проф. Н. Ѳ. Катановымъ *.

Весьма возможно, что разгадка таинственной судьбы „Краткой исторіи города Казáни“ профессора К. Ѳ. Фукса найдется въ болѣе позднихъ дѣлахъ архива казанскаго университета и мы все еще не теряемъ надежды натолкнуться на нее въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ по разработкѣ исторіи нашего университета—пока же ограничимся пожеланіемъ, что бы въ печати появились данныя относительно другихъ печатныхъ экземпляровъ этой, во всякомъ случаѣ чрезвычайно рѣдкой, книги, если только таковые гдѣ либо и у кого либо окажутся, такъ какъ описаніе ихъ быть можетъ и послужитъ къ дальнѣйшему разъясненію интересующаго насъ загадочнаго библіографическаго факта.

Пишущій эти строки былъ бы въ высокой степени благодаренъ за всякаго рода сообщенія и указанія, сдѣланныя ему въ этомъ послѣднемъ направленіи.

Профессоръ Н. Загоскинъ.

Казань, 21 марта 1903 года.

---

* Г. Кунщевича: «Замѣтка объ исторіи города Казани К. Ѳ. Фукса» и «Замѣтка о рукописяхъ Седміозерной пустыни, казанской губерній» (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, 1902 г., кн. 4, стр. 354—365).

кѣ „Краткой исторіи Казани“ Фукса опубликованы, уже въ самое послѣднее время, г. Г. Кунцевичемъ въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ“; этотъ списокъ, хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, буквально сходенъ, по свидѣтельству г. Кунцевича, съ спискомъ, изданнымъ проф. Н. Ѳ. Катановымъ *.

Весьма возможно, что разгадка таинственной судьбы „Краткой исторіи города Казáни“ профессора К. Ѳ. Фукса найдется въ болѣе позднихъ дѣлахъ архива казанскаго университета и мы все еще не теряемъ надежды натолкнуться на нее въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ по разработкѣ исторіи нашего университета—пока же ограничимся пожеланіемъ, что бы въ печати появились данныя относительно другихъ печатныхъ экземпляровъ этой, во всякомъ случаѣ чрезвычайно рѣдкой, книги, если только таковые гдѣ либо и у кого либо окажутся, такъ какъ описаніе ихъ быть можетъ и послужитъ къ дальнѣйшему разъясненію интересующаго насъ загадочнаго библіографическаго факта.

Пишущій эти строки былъ бы въ высокой степени благодаренъ за всякаго рода сообщенія и указанія, сдѣланныя ему въ этомъ послѣднемъ направленіи.

Профессоръ Н. Загоскинъ.

Казань, 21 марта 1903 года.

---

* Г. Кунцевича: «Замѣтка объ исторіи города Казани К. Ѳ. Фукса» и «Замѣтка о рукописяхъ Седміозерной пустыни, казанской губерній» (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, 1902 г., кн. 4, стр. 354—365).

VI

(Къ страницѣ 339-ой)

Первое печатное произведеніе университетской типографіи

„ОБЪЯВЛЕНІЕ.

При императорской Казанской Гимназіи съ 1800 года существуетъ Азіятская Типографія, Всемилостивѣйше пожалованная ей блаженной памяти Государемъ Императоромъ Павломъ I. Она съ того времени до нынѣ въ дѣйствіи, состоитъ изъ двухъ печатныхъ становъ и содержитъ всѣ потребности и всякіе шрифты, съ матрицами ихъ, для печатанія книгъ на Арабскомъ, Турецкомъ, Персидскомъ, Татарскомъ и другихъ Азійскихъ языкахъ, употребляющихъ Аравійскія буквы.

Императорскій Казанскій университетъ, щедротами всеавгустѣйшаго Государя Императора Александра I основанный, стараясь соотвѣтствовать предназначенной цѣли его существованія,—распространенію отечественнаго просвѣщенія,—по силѣ § 8 Высочайше утвержденнаго ему Устава, присовокупилъ къ онымъ станамъ еще два печатныхъ и одинъ фигурной съ потребнымъ количествомъ разныхъ Россійскихъ шрифтовъ, и имянно:

Парагона прямаго для Титуловъ,

Миттеля прямаго и Миттеля курсивнаго,

Терціи прямой и Терціи курсивной,

Корпуса прямаго и Корпуса курсивнаго.

При нихъ находятся всякія нужныя Типографскія украшенія, Математическіе и другіе знаки и цыфры всѣхъ шрифтовъ, какъ цѣлые, такъ и ломаные или дроби. Въ Типографіи сей имѣютъ быть печатаемы всякаго содержанія учебныя книги на иждивеніи самаго Университета, равно и одобренныя Цензурою сочиненія и переводы посторонныхъ, ежели они пожелаютъ издавать своимъ иждивеніемъ, на условіяхъ съ начальствомъ Типографіи заключаемыхъ, о чемъ почтеннѣйшая Публика симъ и извѣщается; а для показанія самыхъ шрифтовъ, названія ихъ точно такими буквами здѣсь и отпечатаны, каковыя составляютъ Университетскую Россійскую Типографію".

(Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 3).

VI

(Къ страницѣ 339-ой)

Первое печатное произведеніе университетской типографіи

„ОБЪЯВЛЕНІЕ.

При императорской Казанской Гимназіи съ 1800 года существуетъ Азіятская Типографія, Всемилостивѣйше пожалованная ей блаженной памяти Государемъ Императоромъ Павломъ I. Она съ того времени до нынѣ въ дѣйствіи, состоитъ изъ двухъ печатныхъ становъ и содержитъ всѣ потребности и всякіе шрифты, съ матрицами ихъ, для печатанія книгъ на Арабскомъ, Турецкомъ, Персидскомъ, Татарскомъ и другихъ Азійскихъ языкахъ, употребляющихъ Аравійскія буквы.

Императорскій Казанскій университетъ, щедротами всеавгустѣйшаго Государя Императора Александра I основанный, стараясь соотвѣтствовать предназначенной цѣли его существованія,—распространенію отечественнаго просвѣщенія,—по силѣ § 8 Высочайше утвержденнаго ему Устава, присовокупилъ къ онымъ станамъ еще два печатныхъ и одинъ фигурной съ потребнымъ количествомъ разныхъ Россійскихъ шрифтовъ, и имянно:

Парагона прямаго для Титуловъ,

Миттеля прямаго и Миттеля курсивнаго,

Терціи прямой и Терціи курсивной,

Корпуса прямаго и Корпуса курсивнаго.

При нихъ находятся всякія нужныя Типографскія украшенія, Математическіе и другіе знаки и цыфры всѣхъ шрифтовъ, какъ цѣлые, такъ и ломаные или дроби. Въ Типографіи сей имѣютъ быть печатаемы всякаго содержанія учебныя книги на иждивеніи самаго Университета, равно и одобренныя Цензурою сочиненія и переводы постороннихъ, ежели они пожелаютъ издавать своимъ иждивеніемъ, на условіяхъ съ начальствомъ Типографіи заключаемыхъ, о чемъ почтеннѣйшая Публика симъ и извѣщается; а для показанія самыхъ шрифтовъ, названія ихъ точно такими буквами здѣсь и отпечатаны, каковыя составляютъ Университетскую Россійскую Типографію".

(Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 3).

VII

(Къ страницѣ 429-ой)

Профессоръ И. О. Браунъ о городѣ Казани въ 1807-мъ году.

„Городъ Казань расположенъ въ остромъ углѣ, образуемомъ Казанкою, текущею съ сѣвера, и Волгою, въ которую Казанка впадаетъ. Послѣдняя проходитъ подъ крѣпостью и, до впаденія своего въ Волгу, течетъ по болотистому полю, покрытому кустарникомъ на протяженіи семи верстъ. Это поле, называемое лугомъ, лѣтомъ служитъ для пастьбы скота, а въ сырые годы обращается въ болото. Городъ очень великъ, такъ что по объему не уступитъ Вѣнѣ, но такъ раскинутъ по холмамъ и долинамъ, что въ самомъ городѣ есть площади, напоминающія степи. Холмы большею частію состоятъ изъ глины: между ними водою вымыло глубокіе овраги.

Большая часть города лежитъ на болотистой равнинѣ, на юго-западъ, по направленію къ Волгѣ, и эта часть въ свою очередь дѣлится на двое длиннымъ озеромъ Кабаномъ (воду котораго, за неимѣніемъ лучшей, пьетъ цѣлый городъ) и отводнымъ каналомъ изъ него—Булакомъ, впадающимъ въ Казанку. Другая часть города, къ сѣверу, лежитъ на лѣвомъ берегу Казанки. Большая часть города, вообще, расположена на болотѣ. Весною, вслѣдствіе разлива Волги до самаго города, это болото становится озеромъ, такъ что лодки съ товарами по Булаку входятъ въ самый городъ. Сверхъ того, частію внутри города, частію въ его окрестностяхъ, находятся еще пять озеръ, или лучше сказать—болотъ съ стоячею водою. При здѣшнихъ сильныхъ жарахъ вода загниваетъ и дѣлаетъ очень нездоровыми прилежащія части города.

Дома, по большей части, выстроены изъ дерева, безъ этажей, притомъ весьма некрасивы и неудобны. Очень часто дѣлаются они добычею пламени. Такой печальный случай былъ и сегодня: отъ 6 до 10 часовъ вечера два дома, со всѣми принадлежащими къ нимъ строеніями, обращены въ пепелъ. Внутреннія стѣны домовъ покрыты только известью: двери не притворяются плотно, замки весьма дурны, а печи никуда не годятся; погреба встрѣчаются весьма рѣдко. Кухни, вообще, удалены отъ главнаго строенія, такъ какъ хозяйка считаетъ за стыдъ появляться на кухнѣ. Не-

VII

(Къ страницѣ 429-ой)

Профессоръ И. О. Браунъ о городѣ Казани въ 1807-мъ году.

„Городъ Казань расположенъ въ остромъ углѣ, образуемомъ Казанкою, текущею съ сѣвера, и Волгою, въ которую Казанка впадаетъ. Послѣдняя проходитъ подъ крѣпостью и, до впаденія своего въ Волгу, течетъ по болотистому полю, покрытому кустарникомъ на протяженіи семи верстъ. Это поле, называемое лугомъ, лѣтомъ служитъ для пастьбы скота, а въ сырые годы обращается въ болото. Городъ очень великъ, такъ что по объему не уступитъ Вѣнѣ, но такъ раскинутъ по холмамъ и долинамъ, что въ самомъ городѣ есть площади, напоминающія степи. Холмы большею частію состоятъ изъ глины: между ними водою вымыло глубокіе овраги.

Большая часть города лежитъ на болотистой равнинѣ, на юго-западъ, по направленію къ Волгѣ, и эта часть въ свою очередь дѣлится на двое длиннымъ озеромъ Кабаномъ (воду котораго, за неимѣніемъ лучшей, пьетъ цѣлый городъ) и отводнымъ каналомъ изъ него—Булакомъ, впадающимъ въ Казанку. Другая часть города, къ сѣверу, лежитъ на лѣвомъ берегу Казанки. Большая часть города, вообще, расположена на болотѣ. Весною, вслѣдствіе разлива Волги до самаго города, это болото становится озеромъ, такъ что лодки съ товарами по Булаку входятъ въ самый городъ. Сверхъ того, частію внутри города, частію въ его окрестностяхъ, находятся еще пять озеръ, или лучше сказать—болотъ съ стоячею водою. При здѣшнихъ сильныхъ жарахъ вода загниваетъ и дѣлаетъ очень нездоровыми прилежащія части города.

Дома, по большей части, выстроены изъ дерева, безъ этажей, притомъ весьма некрасивы и неудобны. Очень часто дѣлаются они добычею пламени. Такой печальный случай былъ и сегодня: отъ 6 до 10 часовъ вечера два дома, со всѣми принадлежащими къ нимъ строеніями, обращены въ пепелъ. Внутреннія стѣны домовъ покрыты только известью: двери не притворяются плотно, замки весьма дурны, а печи никуда не годятся; погреба встрѣчаются весьма рѣдко. Кухни, вообще, удалены отъ главнаго строенія, такъ какъ хозяйка считаетъ за стыдъ появляться на кухнѣ. Не-

многіе каменные дома непрочны. Всѣ они выстроены изъ кирпича, сдѣланнаго изъ одной глины и только на половину высушеннаго, почему онъ скоро вывѣтривается, а дома смотрятъ развалинами.

Только въ крѣпости есть небольшой клочокъ мостовой, всѣ же остальныя улицы не вымощены. При сухой погодѣ можно еще ходить пѣшкомъ, но въ дождь и осенью нельзя обойтись безъ экипажа, особенно въ низкихъ частяхъ города, куда стекаетъ сверху вся вода и гдѣ грязь подымается до самыхъ осей дрожекъ. Какъ скоро, однако, вода стекла, размягченная глина такъ пристаетъ къ колесамъ, что пара лошадей съ большимъ трудомъ вытаскиваетъ экипажъ.

Въ Казани до 17 тысячъ жителей, но число это нѣсколько уменьшается лѣтомъ, когда помѣщики разъѣзжаются по деревнямъ; зимою они возвращаются, чтобъ повеселиться. Знатныхъ фамилій, по европейскимъ понятіямъ, между ними нѣтъ, однако, вовсе. Большая часть населенія въ городѣ состоитъ изъ русскихъ; татаръ считается около 5 тыс., они живутъ въ особой части города. Нѣмецкихъ семействъ около ста; это, по большей части, ремесленники".

Далѣе Браунъ сообщаетъ цѣны на жизненные припасы, замѣчаетъ, что въ теченіи двухъ большихъ постовъ чрезвычайно трудно купить мяса; „за то иностранныхъ винъ много въ Казани, но они большею частью представляютъ поддѣлку: привозятъ плохое вино изъ Тамани и въ большомъ употребленіи цимлянское".

(Подлинное письмо И. О. Брауна къ попечителю С. Я. Румовскому, отъ 18-го октября 1807 года, хранится въ архивѣ университета, въ „Собраніи писемъ и пр"., Матеріалы Брауна, № 10. Настоящій русскій текстъ приводится нами въ переводѣ покойнаго Н. Н. Булича— „Изъ первыхъ лѣтъ и пр."., I, стр. 168—169).

многіе каменные дома непрочны. Всѣ они выстроены изъ кирпича, сдѣланнаго изъ одной глины и только на половину высушеннаго, почему онъ скоро вывѣтривается, а дома смотрятъ развалинами.

Только въ крѣпости есть небольшой клочокъ мостовой, всѣ же остальныя улицы не вымощены. При сухой погодѣ можно еще ходить пѣшкомъ, но въ дождь и осенью нельзя обойтись безъ экипажа, особенно въ низкихъ частяхъ города, куда стекаетъ сверху вся вода и гдѣ грязь подымается до самыхъ осей дрожекъ. Какъ скоро, однако, вода стекла, размягченная глина такъ пристаетъ къ колесамъ, что пара лошадей съ большимъ трудомъ вытаскиваетъ экипажъ.

Въ Казани до 17 тысячъ жителей, но число это нѣсколько уменьшается лѣтомъ, когда помѣщики разъѣзжаются по деревнямъ; зимою они возвращаются, чтобъ повеселиться. Знатныхъ фамилій, по европейскимъ понятіямъ, между ними нѣтъ, однако, вовсе. Большая часть населенія въ городѣ состоитъ изъ русскихъ; татаръ считается около 5 тыс., они живутъ въ особой части города. Нѣмецкихъ семействъ около ста; это, по большей части, ремесленники".

Далѣе Браунъ сообщаетъ цѣны на жизненные припасы, замѣчаетъ, что въ теченіи двухъ большихъ постовъ чрезвычайно трудно купить мяса; „за то иностранныхъ винъ много въ Казани, но они большею частью представляютъ поддѣлку: привозятъ плохое вино изъ Тамани и въ большомъ употребленіи цимлянское".

(Подлинное письмо И. О. Брауна къ попечителю С. Я. Румовскому, отъ 18-го октября 1807 года, хранится въ архивѣ университета, въ „Собраніи писемъ и пр"., Матеріалы Брауна, № 10. Настоящій русскій текстъ приводится нами въ переводѣ покойнаго Н. Н. Булича— „Изъ первыхъ лѣтъ и пр."., I, стр. 168—169).

VIII

(Къ страницѣ 608-ой)

Студенческій рукописный журналъ 1812 года

„СМѢСЬ“.

Въ третьей и четвертой главахъ настоящаго тома нашего труда (см. выше страницы 261—262 и 608), приведены указанія на рукописный ежемѣсячный журналъ „Смѣсь“, выпускавшійся студентами казанскаго университета и который можетъ быть поставленъ въ генетическую связь съ аналогичными литературными начинаніями казанскихъ гимназистовъ и студентовъ (журналы „Аркадскіе пастушки“ и „Журналъ нашихъ занятій“), свѣдѣнія о которыхъ оставлены намъ въ „Семейной хроникѣ и воспоминаніяхъ“ С. Т. Аксакова.

Мы уже знаемъ (см. выше стр. 261—262), что „Общество любителей отечественной словесности при казанскомъ университетѣ“ въ началѣ 1812 года обратило свое вниманіе на это литературное предпріятіе университетской молодежи, разсчитывая даже утилизировать его для цѣлей изданія своихъ „Трудовъ“—идея, которая встрѣтила полное сочувствіе со стороны попечителя Румовскаго, на разсмотрѣніе котораго были тогда же препровождены двѣ книжки журнала „Смѣсь“.

Намъ неизвѣстна ни продолжительность времени изданія этого рукописнаго журнала, ни организація дѣла изданія, ни составъ примкнувшаго къ нему юнаго редакціоннаго кружка—и всѣ фактическія свѣдѣнія наши объ этомъ литературномъ начинаніи исчерпываются двумя номерами „Смѣси“, найти которые удалось намъ въ бумагахъ общества любителей отечественной словесности. Оба номера относятся къ самому началу 1812 года: это—№ 1-ый (январьскій), безъ окончанія, представляющій собою тетрадь изъ 16 четвертушекъ писчей бумаги, и № 2-ой (февральскій), заключающійся изъ 26 четвертушекъ такой же бумаги; номера весьма тщательно переписаны на высокаго качества золотообрѣзной бумагѣ и каждый изъ нихъ снабженъ слѣдующимъ французскимъ эпиграффомъ:

VIII

(Къ страницѣ 608-ой)

Студенческій рукописный журналъ 1812 года

„СМѢСЬ".

Въ третьей и четвертой главахъ настоящаго тома нашего труда (см. выше страницы 261—262 и 608), приведены указанія на рукописный ежемѣсячный журналъ „Смѣсь", выпускавшійся студентами казанскаго университета и который можетъ быть поставленъ въ генетическую связь съ аналогичными литературными начинаніями казанскихъ гимназистовъ и студентовъ (журналы „Аркадскіе пастушки" и „Журналъ нашихъ занятій"), свѣдѣнія о которыхъ оставлены намъ въ „Семейной хроникѣ и воспоминаніяхъ" С. Т. Аксакова.

Мы уже знаемъ (см. выше стр. 261—262), что „Общество любителей отечественной словесности при казанскомъ университетѣ" въ началѣ 1812 года обратило свое вниманіе на это литературное предпріятіе университетской молодежи, разсчитывая даже утилизировать его для цѣлей изданія своихъ „Трудовъ"—идея, которая встрѣтила полное сочувствіе со стороны попечителя Румовскаго, на разсмотрѣніе котораго были тогда же препровождены двѣ книжки журнала „Смѣсь".

Намъ неизвѣстна ни продолжительность времени изданія этого рукописнаго журнала, ни организація дѣла изданія, ни составъ примкнувшаго къ нему юнаго редакціоннаго кружка—и всѣ фактическія свѣдѣнія наши объ этомъ литературномъ начинаніи исчерпываются двумя номерами „Смѣси", найти которые удалось намъ въ бумагахъ общества любителей отечественной словесности. Оба номера относятся къ самому началу 1812 года: это—№ 1-ый (январьскій), безъ окончанія, представляющій собою тетрадь изъ 16 четвертушекъ писчей бумаги, и № 2-ой (февральскій), заключающійся изъ 26 четвертушекъ такой же бумаги; номера весьма тщательно переписаны на высокаго качества золотообрѣзной бумагѣ и каждый изъ нихъ снабженъ слѣдующимъ французскимъ эпиграффомъ:

Ecrive, qui voudra; chaqun à ce metier,
Pour pedre impunement de l'encre et du papier,
(Boileau, satire IX).

Приведемъ содержаніе обоихъ сохранившихся до нашихъ дней номеровъ журнала.

Январь 1812 года, № 1:

I. „На новый годъ", стихотвореніе П. Перова.

II. „Евгенія и Леонсъ или платье для бала", переводъ съ французскаго П. Перова.

III. „Сравненіе человѣческой жизни съ источникомъ", стихотвореніе Рыбушкина.

IV. „Посланія къ П*, который жаловался на свое несчастіе" (имя автора неизвѣстно, такъ какъ конецъ тетрадки утраченъ).

Февраль 1812 года, № 2:

I. „Евгенія и Леонсъ и пр.", переводъ П. Перова (окончаніе).

II. „Къ брату, при наступленіи новаго года", стихотвореніе Княжевича.

III. „Желаніе", стихотвореніе Рыбушкина.

IV. „Ода на злато", Перова.

V. Басни:

а) „Два осла", Рыбушкина.

б) „Кукушка и Ласточка", его же.

VI. „Рыбакъ", стихотвореніе Перова.

VII. „Къ самому себѣ", стихотвореніе, его же.

VIII. „Пѣсня", стихотвореніе Рыбушкина.

IX. „Истинныя мысли", восточная повѣсть, переводъ съ нѣмецкаго Княжевича.

Кромѣ этихъ двухъ номеровъ журнала, сохранились еще три четвертушки, представляющія собою, судя по пагинаціи, фрагменты другихъ номеровъ: на двухъ изъ нихъ помѣщены посланіе „Къ Эльвирѣ" и „Упрекъ и оправданіе"—два стихотворенія, подписанныя Александромъ Маздорфомъ (изъ г. Симбирска), съ отмѣткою, что второе изъ нихъ было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы", на третьей четвертушкѣ—сатира неизвѣстнаго автора „Зоилъ и бѣшеная собака".

Вотъ и все литературное богатство, дошедшее до насъ отъ студенческаго университетскаго журнала 1812 года.

Позволимъ себѣ привести образцы нѣкоторыхъ произведеній, помѣщенныхъ здѣсь.

Ecrive, qui voudra; chaqun à ce metier,
Pour pedre impunement de l'encre et du papier,
(Boileau, satire IX).

Приведемъ содержаніе обоихъ сохранившихся до нашихъ дней номеровъ журнала.

Январь 1812 года, № 1:

I. „На новый годъ", стихотвореніе П. Перова.

II. „Евгенія и Леонсъ или платье для бала", переводъ съ французскаго П. Перова.

III. „Сравненіе человѣческой жизни съ источникомъ", стихотвореніе Рыбушкина.

IV. „Посланія къ П*, который жаловался на свое несчастіе" (имя автора неизвѣстно, такъ какъ конецъ тетрадки утраченъ).

Февраль 1812 года, № 2:

I. „Евгенія и Леонсъ и пр.", переводъ П. Перова (окончаніе).

II. „Къ брату, при наступленіи новаго года", стихотвореніе Княжевича.

III. „Желаніе", стихотвореніе Рыбушкина.

IV. „Ода на злато", Перова.

V. Басни:

а) „Два осла", Рыбушкина.

б) „Кукушка и Ласточка", его же.

VI. „Рыбакъ", стихотвореніе Перова.

VII. „Къ самому себѣ", стихотвореніе, его же.

VIII. „Пѣсня", стихотвореніе Рыбушкина.

IX. „Истинныя мысли", восточная повѣсть, переводъ съ нѣмецкаго Княжевича.

Кромѣ этихъ двухъ номеровъ журнала, сохранились еще три четвертушки, представляющія собою, судя по пагинаціи, фрагменты другихъ номеровъ: на двухъ изъ нихъ помѣщены посланіе „Къ Эльвирѣ" и „Упрекъ и оправданіе"—два стихотворенія, подписанныя Александромъ Маздорфомъ (изъ г. Симбирска), съ отмѣткою, что второе изъ нихъ было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы", на третьей четвертушкѣ—сатира неизвѣстнаго автора „Зоилъ и бѣшеная собака".

Вотъ и все литературное богатство, дошедшее до насъ отъ студенческаго университетскаго журнала 1812 года.

Позволимъ себѣ привести образцы нѣкоторыхъ произведеній, помѣщенныхъ здѣсь.

Вотъ стихотвореніе „Желаніе", принадлежащее перу студента Рыбушкина * и вошедшее во второй номеръ журнала:

Желаніе.

Чего желать?... Богатствъ несмѣтныхъ?
Богатство есть лишь блескъ пустой.
Достоинствъ ли, чиновъ всесвѣтныхъ?
Все будетъ для меня мечтой!

* * *

Будь въ золото зарытъ по шею—
Ты будешь не доволенъ симъ;
Но если съ честью жить умѣю—
Блаженъ я счастіемъ своимъ.

* * *

Крестами будь и орденами
Обвѣшенъ съ ногъ до головы,
Кресты не украсятся вами
Когда не красите ихъ—вы.

* * *

А вотъ одно мое желанье:
Всегда довольнымъ быть собой,
Отъ добрыхъ заслужить вниманье
И подружнѣе жить съ судьбой;

* * *

Быть ласковымъ, быть благосклоннымъ
И въ свѣтѣ жить съ людьми умѣть,
Шутливымъ къ стати быть, спокойнымъ,
И сердце доброе имѣть;

* * *

Въ бесѣдахъ дружескихъ—забавнымъ,
Въ кругу красавицъ—милымъ быть.....
Не бывши знатнымъ я и славнымъ
Могу спокойно вѣкъ прожить.

* * *

Не нужны мнѣ всѣ знати моты (sic)
Когда я честностью богатъ,
И видомъ ласковымъ Аноты
Я буду знатенъ, счастливъ, радъ.

Рыбушкинъ.

А вотъ ода, вѣрнѣе—сатира „На злато", студента Перова **, произведеніе, которое, не взирая на его растянутость и нѣкоторую неотдѣлан-

* М. С. Рыбушкинъ—студентъ казанскаго университета 1810—1812 годовъ, впослѣдствіе адъюнктъ россійской словесности и одинъ изъ редакторовъ-издателей журнала «Заволжскій Муравей».

** Пав. Ив. Перовъ—студентъ 1811-1815 годовъ.

Вотъ стихотвореніе „Желаніе", принадлежащее перу студента Рыбушкина * и вошедшее во второй номеръ журнала:

Желаніе.

Чего желать?... Богатствъ несмѣтныхъ?
Богатство есть лишь блескъ пустой.
Достоинствъ ли, чиновъ всесвѣтныхъ?
Все будетъ для меня мечтой!

* * *

Будь въ золото зарытъ по шею—
Ты будешь не доволенъ симъ;
Но если съ честью жить умѣю—
Блаженъ я счастіемъ своимъ.

* * *

Крестами будь и орденами
Обвѣшенъ съ ногъ до головы,
Кресты не украсятся вами
Когда не красите ихъ—вы.

* * *

А вотъ одно мое желанье:
Всегда довольнымъ быть собой,
Отъ добрыхъ заслужить вниманье
И подружнѣе жить съ судьбой;

* * *

Быть ласковымъ, быть благосклоннымъ
И въ свѣтѣ жить съ людьми умѣть,
Шутливымъ къ стати быть, спокойнымъ,
И сердце доброе имѣть;

* * *

Въ бесѣдахъ дружескихъ—забавнымъ,
Въ кругу красавицъ—милымъ быть.....
Не бывши знатнымъ я и славнымъ
Могу спокойно вѣкъ прожить.

* * *

Не нужны мнѣ всѣ знати моты (sic)
Когда я честностью богатъ,
И видомъ ласковымъ Аноты
Я буду знатенъ, счастливъ, радъ.

Рыбушкинъ.

А вотъ ода, вѣрнѣе—сатира „На злато", студента Перова **, произведеніе, которое, не взирая на его растянутость и нѣкоторую неотдѣлан-

* М. С. Рыбушкинъ—студентъ казанскаго университета 1810—1812 годовъ, впослѣдствіе адъюнктъ россійской словесности и одинъ изъ редакторовъ-издателей журнала «Заволжскій Муравей».

** Пав. Ив. Перовъ—студентъ 1811-1815 годовъ.

ность, несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, въ пользу талантливости его юнаго автора:

На злато.

О идолъ, чтимый всей вселенной!
Даръ неба, даръ неоцѣненный,
Источникъ жизни, бытія!
Тебя, о злато, пѣть дерзаю,
Тебя на лирѣ величаю,
Тебя—всесильнаго царя!

* * *

Но могутъ ли нестройны струны
Сопутника драгой фортуны
Предъ цѣлымъ міромъ превознесть,
Твоимъ почтенѣйшимъ дѣяньямъ,
Благимъ похвальнымъ дарованьямъ
Достойную хвалу принесть?

* * *

Съ начала до скончанья вѣка
Ты будешь богомъ человѣка
И станешь жить среди сердецъ;
Величіемъ своей ты славы
Наполнилъ всѣ земли державы
И всѣ плетутъ тебѣ вѣнецъ.

* * *

Тебя всѣ чтутъ и прославляютъ,
Похвальны оды сплетаютъ
Твоимъ прекраснѣйшимъ дѣламъ!
Тобою красятся народы
И за тобою въ дальни воды
Плывутъ по голубымъ волнамъ.

* * *

Блеснешь—преклонятъ всѣ колѣна:
Парижъ, Москва, Петрополь, Вѣна,
Французъ, россіянинъ, варягъ,
Поклонникъ солнца, христіане,
Язычники, магометане—
Никто тебѣ не будетъ врагъ!

* * *

Сокроешься—то въ тѣ минуты
Печаль, тоска и скорби люты
Унылу грудь людей гнетутъ:
Престанетъ ѳиміамъ куриться,
Престанетъ смертный веселиться
Исчезнутъ игры, пропадутъ.

* * *

ность, несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, въ пользу талантливости его юнаго автора:

На злато.

О идолъ, чтимый всей вселенной!
Даръ неба, даръ неоцѣненный,
Источникъ жизни, бытія!
Тебя, о злато, пѣть дерзаю,
Тебя на лирѣ величаю,
Тебя—всесильнаго царя!

* * *

Но могутъ ли нестройны струны
Сопутника драгой фортуны
Предъ цѣлымъ міромъ превознесть,
Твоимъ почтенѣйшимъ дѣяньямъ,
Благимъ похвальнымъ дарованьямъ
Достойную хвалу принесть?

* * *

Съ начала до скончанья вѣка
Ты будешь богомъ человѣка
И станешь жить среди сердецъ;
Величіемъ своей ты славы
Наполнилъ всѣ земли державы
И всѣ плетутъ тебѣ вѣнецъ.

* * *

Тебя всѣ чтутъ и прославляютъ,
Похвальны оды сплетаютъ
Твоимъ прекраснѣйшимъ дѣламъ!
Тобою красятся народы
И за тобою въ дальни воды
Плывутъ по голубымъ волнамъ.

* * *

Блеснешь—преклонятъ всѣ колѣна:
Парижъ, Москва, Петрополь, Вѣна,
Французъ, россіянинъ, варягъ,
Поклонникъ солнца, христіане,
Язычники, магометане—
Никто тебѣ не будетъ врагъ!

* * *

Сокроешься—то въ тѣ минуты
Печаль, тоска и скорби люты
Унылу грудь людей гнетутъ:
Престанетъ ѳиміамъ куриться,
Престанетъ смертный веселиться
Исчезнутъ игры, пропадутъ.

* * *

Въ судѣ, во храмѣ, на престолѣ,
На ратномъ и кровавомъ полѣ
Ты сонмъ имѣешь алтарей,
Гдѣ всѣ, ницъ падши, въ умиленьи
Усердныя свои моленья
Къ тебѣ возносятъ, царь царей!

* * *

Тобою зиждутся престолы,
Деревни, города и селы;
Ты все на свѣтѣ семъ творишь:
Кровавы войны возжигаешь,
Царей возводишь и свергаешь,
И такъ, и сякъ—весь міръ вертишь!

* * *

Несчастнымъ утираешь слезы,
Даешь увядшимъ Лизамъ розы,
А безобразнымъ—красоту;
Рисуешь умъ и пишешь оды,
Безмозглыхъ ставишь въ воеводы,
Творишь горою—пустоту.

* * *

Фортунѣ крылья подстригаешь,
Молчать болтливыхъ заставляешь,
Придворныхъ—льстить своимъ царямъ;
Копаешь рвы и строишь шлюзы,
На лодки, барки вьючишь грузы,
Велишь плыть въ море кораблямъ.

* * *

О вы, тузы винновой масти,
Источникъ горечи и сласти,
О денежные мудрецы!
Плещите хоромъ въ міръ руками
Пока еще вы съ сундуками,
Пока полны у васъ ларцы!

* * *

Златые счастья истуканы,
Наружностью—павлины, враны
Душой, и—устрицы умомъ!
Златую пыль въ глаза пускайте,
Мишурнымъ блескомъ ослѣпляйте,
Червонцами творите—громъ....

* * *

Но что безъ злата человѣки?
Текутъ ихъ дни, какъ тусклы рѣки
Въ забвеніи, среди камней.
Среди степей непроходимыхъ,
Среди песковъ необозримыхъ,
Среди утесныхъ горъ, кремней!

* * *

Въ судѣ, во храмѣ, на престолѣ,
На ратномъ и кровавомъ полѣ
Ты сонмъ имѣешь алтарей,
Гдѣ всѣ, ницъ падши, въ умиленьи
Усердныя свои моленья
Къ тебѣ возносятъ, царь царей!

* * *

Тобою зиждутся престолы,
Деревни, города и селы;
Ты все на свѣтѣ семъ творишь:
Кровавы войны возжигаешь,
Царей возводишь и свергаешь,
И такъ, и сякъ—весь міръ вертишь!

* * *

Несчастнымъ утираешь слезы,
Даешь увядшимъ Лизамъ розы,
А безобразнымъ—красоту;
Рисуешь умъ и пишешь оды,
Безмозглыхъ ставишь въ воеводы,
Творишь горою—пустоту.

* * *

Фортунѣ крылья подстригаешь,
Молчать болтливыхъ заставляешь,
Придворныхъ—льстить своимъ царямъ;
Копаешь рвы и строишь шлюзы,
На лодки, барки вьючишь грузы,
Велишь плыть въ море кораблямъ.

* * *

О вы, тузы винновой масти,
Источникъ горечи и сласти,
О денежные мудрецы!
Плещите хоромъ въ міръ руками
Пока еще вы съ сундуками,
Пока полны у васъ ларцы!

* * *

Златые счастья истуканы,
Наружностью—павлины, враны
Душой, и—устрицы умомъ!
Златую пыль въ глаза пускайте,
Мишурнымъ блескомъ ослѣпляйте,
Червонцами творите—громъ....

* * *

Но что безъ злата человѣки?
Текутъ ихъ дни, какъ тусклы рѣки
Въ забвеніи, среди камней.
Среди степей непроходимыхъ,
Среди песковъ необозримыхъ,
Среди утесныхъ горъ, кремней!

* * *

Ихъ ярыя, бурливы волны
Лишь только грязью, тиной полны;
Съ великимъ шумомъ по брегамъ
Хребты сѣдые ударяютъ,
Въ пыль объ утесы разбиваютъ,
Столпомъ несяся къ облакамъ.

* * *

Сойди, о божество драгое,
Безцѣнно, милое, прямое,
Ко мнѣ съ превыспренныхъ высотъ
И, окружа ты блескомъ, звономъ,
Поставь меня предъ свѣтлымъ трономъ
Своихъ безчисленныхъ щедротъ;

* * *

Тогда усыплю я цвѣтами
Твои чертоги и столпами
Возжгу куренья въ алтаряхъ,
Тобою буду любоваться,
Тобою буду наслаждаться
И возлелѣю на рукахъ!

* * *

Безъ гордости, пустаго чванства
И къ ложной славѣ безъ подданства
Другимъ я буду удѣлять
Твои всѣ милости, щедроты,
Неизрѣченныя доброты,
Какими буду обладать.

* * *

Но сколько есть немилосердныхъ
Людей, лихихъ, жестокосердыхъ,
Носящихъ ядъ въ своихъ сердцахъ,—
Въ Москвѣ, Петрополѣ, Казани,
Симбирскѣ, Костромѣ, Рязани,
На льдистыхъ Оби берегахъ,

* * *

Тебя которы презираютъ,
Въ темницы мрачны запираютъ
Въ оковахъ, за девять замковъ;
Мрачатъ твои и блескъ и славу,
И заглушаютъ не по праву
Среди чугунныхъ звенъ ларцовъ!

* * *

Я вижу—уже ихъ потомки
Твои услышавъ звоны громки,
Узнавъ цѣну твоимъ дѣламъ—
Огромны тюрьмы разбиваютъ,
Тебѣ свѣтъ прежній возвращаютъ,
Пуская въ мірѣ по рукамъ....

* * *

Ихъ ярыя, бурливы волны
Лишь только грязью, тиной полны;
Съ великимъ шумомъ по брегамъ
Хребты сѣдые ударяютъ,
Въ пыль объ утесы разбиваютъ,
Столпомъ несяся къ облакамъ.

* * *

Сойди, о божество драгое,
Безцѣнно, милое, прямое,
Ко мнѣ съ превыспренныхъ высотъ
И, окружа ты блескомъ, звономъ,
Поставь меня предъ свѣтлымъ трономъ
Своихъ безчисленныхъ щедротъ;

* * *

Тогда усыплю я цвѣтами
Твои чертоги и столпами
Возжгу куренья въ алтаряхъ,
Тобою буду любоваться,
Тобою буду наслаждаться
И возлелѣю на рукахъ!

* * *

Безъ гордости, пустаго чванства
И къ ложной славѣ безъ подданства
Другимъ я буду удѣлять
Твои всѣ милости, щедроты,
Неизрѣченныя доброты,
Какими буду обладать.

* * *

Но сколько есть немилосердныхъ
Людей, лихихъ, жестокосердыхъ,
Носящихъ ядъ въ своихъ сердцахъ,—
Въ Москвѣ, Петрополѣ, Казани,
Симбирскѣ, Костромѣ, Рязани,
На льдистыхъ Оби берегахъ,

* * *

Тебя которы презираютъ,
Въ темницы мрачны запираютъ
Въ оковахъ, за девять замковъ;
Мрачатъ твои и блескъ и славу,
И заглушаютъ не по праву
Среди чугунныхъ звенъ ларцовъ!

* * *

Я вижу—уже ихъ потомки
Твои услышавъ звоны громки,
Узнавъ цѣну твоимъ дѣламъ—
Огромны тюрьмы разбиваютъ,
Тебѣ свѣтъ прежній возвращаютъ,
Пуская въ мірѣ по рукамъ....

* * *

И такъ—теперь ужь ты свободно,
Блистательно и благородно,
Не пресмыкаешься во тьмѣ....
И я, ко трону упадая,
Тебя въ сей одѣ воспѣвая,
Жду милостей твоихъ ко мнѣ!

Перовъ.

Приведемъ и образецъ чистой сатиры „Смѣси“, авторъ котораго не указанъ, такъ какъ окончаніе этого произведенія—не сохранилось:

Зоилъ и бѣшеная собака.

Съ кривымъ и острымъ носомъ,
Съ блѣднозадумчивымъ лицомъ,
Какъ ябедникъ передъ доносомъ
Какимъ то шелъ путемъ
Сынъ зависти горбатой—
Бранчивый рецензентъ
И говорилъ: «Я выправилъ патентъ
«У критики зубатой,
«Что бъ мнѣ порочить все, чуждаться отъ всего,
«Смѣяться надо всѣмъ, трудами всѣхъ ругаться;
«А самому—отнюдь не дѣлать ничего
«И для того другихъ сужденій не бояться.
«Коснись-ка кто теперь словесности путей—
«Розиня ротъ свой до ушей
«Во всякой малости сыщу хулѣ находку.
«Кто можетъ мнѣ противостать?»....
Вдругъ бѣшеный кобель схватилъ его за глотку
И сталъ по своему критиковать.
Зоилъ карабкался... бѣгутъ его отнять....
Но кто то закричалъ: «Постой, ребята!
«Спасать его трудамъ пустая только трата,—
«Вражда не кончится и самымъ малымъ зломъ:
«Вѣдь спорники—родня и сходны ремесломъ»....

Если мы сопоставимъ только что приведенные отрывки изъ журнала „Смѣсь“ съ образцами творчества казанской учащейся молодежи 1804—1806 годовъ, приведенными С. Т. Аксаковымъ въ приложеніяхъ къ его „Семейной хроникѣ и воспоминаніямъ“, то должны будемъ признать, что за шесть послѣдующихъ лѣтъ литературныя требованія и вкусы студенчества успѣли шагнуть далеко впередъ отъ того подражательно-сантиментальнаго, шаблонно-дѣланнаго и наивно-идиллистическаго направленія, которымъ еще всецѣло проникнуты были полудѣтскія литературныя упражненія, находившія себѣ мѣсто въ „Аркадскихъ пастушкахъ“ и въ „Журналѣ нашихъ занятій“ эпохи Аксакова и его юныхъ сверстниковъ.

Остается лишь пожалѣть о томъ, что студенческій журналъ „Смѣсь“ сохранился до нашихъ дней въ слишкомъ незначительныхъ и случайныхъ фрагментахъ, не способныхъ предоставить въ наше распоряженіе болѣе широкаго критерія для сужденія объ уровнѣ умственно-литературныхъ интересовъ и запросовъ студенчества годовъ, непосредственно предшествовавшихъ полному открытію казанскаго университета.

И такъ—теперь ужь ты свободно,
Блистательно и благородно,
Не пресмыкаешься во тьмѣ....
И я, ко трону упадая,
Тебя въ сей одѣ воспѣвая,
Жду милостей твоихъ ко мнѣ!

Перовъ.

Приведемъ и образецъ чистой сатиры „Смѣси", авторъ котораго не указанъ, такъ какъ окончаніе этого произведенія—не сохранилось:

Зоилъ и бѣшеная собака.

Съ кривымъ и острымъ носомъ,
Съ блѣднозадумчивымъ лицомъ,
Какъ ябедникъ передъ доносомъ
Какимъ то шелъ путемъ
Сынъ зависти горбатой—
Бранчивый рецензентъ
И говорилъ: «Я выправилъ патентъ
«У критики зубатой,
«Что бъ мнѣ порочить все, чуждаться отъ всего,
«Смѣяться надо всѣмъ, трудами всѣхъ ругаться;
«А самому—отнюдь не дѣлать ничего
«И для того другихъ сужденій не бояться.
«Коснись-ка кто теперь словесности путей—
«Розиня ротъ свой до ушей
«Во всякой малости сыщу хулѣ находку.
«Кто можетъ мнѣ противостать?»....
Вдругъ бѣшеный кобель схватилъ его за глотку
И сталъ по своему критиковать.
Зоилъ карабкался... бѣгутъ его отнять....
Но кто то закричалъ: «Постой, ребята!
«Спасать его трудамъ пустая только трата,—
«Вражда не кончится и самымъ малымъ зломъ:
«Вѣдь спорники—родня и сходны ремесломъ»....

Если мы сопоставимъ только что приведенные отрывки изъ журнала „Смѣсь" съ образцами творчества казанской учащейся молодежи 1804—1806 годовъ, приведенными С. Т. Аксаковымъ въ приложеніяхъ къ его „Семейной хроникѣ и воспоминаніямъ", то должны будемъ признать, что за шесть послѣдующихъ лѣтъ литературныя требованія и вкусы студенчества успѣли шагнуть далеко впередъ отъ того подражательно-сантиментальнаго, шаблонно-дѣланнаго и наивно-идиллистическаго направленія, которымъ еще всецѣло проникнуты были полудѣтскія литературныя упражненія, находившія себѣ мѣсто въ „Аркадскихъ пастушкахъ" и въ „Журналѣ нашихъ занятій" эпохи Аксакова и его юныхъ сверстниковъ.

Остается лишь пожалѣть о томъ, что студенческій журналъ „Смѣсь" сохранился до нашихъ дней въ слишкомъ незначительныхъ и случайныхъ фрагментахъ, не способныхъ предоставить въ наше распоряженіе болѣе широкаго критерія для сужденія объ уровнѣ умственно-литературныхъ интересовъ и запросовъ студенчества годовъ, непосредственно предшествовавшихъ полному открытію казанскаго университета.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Агафи, Александръ, членъ казанскаго общ. любит. отеч. слов., 275.
Агафоновъ, Ник. Яковл., знатокъ казанской старины, 31, 32.
Аксаковъ, Серг. Тим., писатель, 47, 74, 229, 248, 250, 255, 260, 262, 282, 440, 448, 453, 477, 517—519, 521, 544, 550, 551, 603—605, 608, 670, 676.
Александръ I, императоръ, 7, 21, 84, 103, 127, 153, 181, 266, 267, 362, 407, 410, 411, 486, 539.
Александръ II, императоръ, 606.
Алехинъ, Ник. Мих., адъюнктъ, 11, 12, 18, 26, 38—45, 58, 61, 72, 75, 96, 138, 197, 198, 209, 220, 360, 370, 436, 475, 505, 606, 607, 625, 638.
Альбедиль, баронъ, флигель-адъютантъ, 410.
Амвросій, архіепископъ казанскій, 179, 198, 199.
Анастасевичъ, В. Г., надв. совѣтникъ, 260.
Андреевъ, Дм. Андр., студентъ, 536, 599.
Андреевъ, Никиф. Мих., студентъ, 522, 615.
Андреевъ, дворовый человѣкъ, 589, 590.
Антеноровъ, А. И., кандидатъ, 72.
Антоній, епископъ воронежскій, 269.
Антрегъ(д'), графъ, 460, 462.
Апанаевъ, Юсупъ, арендаторъ азіятской типографіи, 334, 335, 344, 345.
Апехтинъ, казанскій домовладѣлецъ, 493, 494.
Аплечеевъ, А. А., казанскій губернаторъ, 411, 634.
Ардашевъ, Х. Х., кандидатъ, 72, 565, 597.
Аристовъ, Михаилъ, слушатель университета, 498, 583, 584, 596.
Арнгольдтъ, Ад. Ив., профессоръ, 12, 18, 20, 67, 98, 105, 116, 135, 182, 189, 190, 197, 198, 205, 235, 236, 384, 388, 389, 398, 426, 439, 440, 441, 448, 450, 453, 472, 478, 491, 505, 508, 509, 596, 639.
Арнгольдтъ, жена профессора, 440.
Артемьевъ, Алекс. Ив., магистръ, 664.
Арцыбышевъ, Ник. Серг., казанскій дворянинъ, 83—85, 261, 282, 636.
Аршауловъ, Петръ, вятскій купецъ, 397.
Аршеневскій, И. Я., сенаторъ, 213.
Аталбай, невольникъ-калмыченокъ, 441, 442.
Аѳанасій, архимандритъ, ректоръ дух. акад., 179.
Ахматовъ, Ив. Ѳеод., бухгалтеръ казанской гимназіи, 432, 481, 530.

Агафи, Александръ, членъ казанскаго общ. любит. отеч. слов., 275.
Агафоновъ, Ник. Яковл., знатокъ казанской старины, 31, 32.
Аксаковъ, Серг. Тим., писатель, 47, 74, 229, 248, 250, 255, 260, 262, 282, 440, 448, 453, 477, 517—519, 521, 544, 550, 551, 603—605, 608, 670, 676.
Александръ I, императоръ, 7, 21, 84, 103, 127, 153, 181, 266, 267, 362, 407, 410, 411, 486, 539.
Александръ II, императоръ, 606.
Алехинъ, Ник. Мих., адъюнктъ, 11, 12, 18, 26, 38—45, 58, 61, 72, 75, 96, 138, 197, 198, 209, 220, 360, 370, 436, 475, 505, 606, 607, 625, 638.
Альбедиль, баронъ, флигель-адъютантъ, 410.
Амвросій, архіепископъ казанскій, 179, 198, 199.
Анастасевичъ, В. Г., надв. совѣтникъ, 260.
Андреевъ, Дм. Андр., студентъ, 536, 599.
Андреевъ, Никиф. Мих., студентъ, 522, 615.
Андреевъ, дворовый человѣкъ, 589, 590.
Антеноровъ, А. И., кандидатъ, 72.
Антоній, епископъ воронежскій, 269.
Антрегъ(д'), графъ, 460, 462.
Апанаевъ, Юсупъ, арендаторъ азіятской типографіи, 334, 335, 344, 345.
Апехтинъ, казанскій домовладѣлецъ, 493, 494.
Аплечеевъ, А. А., казанскій губернаторъ, 411, 634.
Ардашевъ, Х. Х., кандидатъ, 72, 565, 597.
Аристовъ, Михаилъ, слушатель университета, 498, 583, 584, 596.
Арнгольдтъ, Ад. Ив., профессоръ, 12, 18, 20, 67, 98, 105, 116, 135, 182, 189, 190, 197, 198, 205, 235, 236, 384, 388, 389, 398, 426, 439, 440, 441, 448, 450, 453, 472, 478, 491, 505, 508, 509, 596, 639.
Арнгольдтъ, жена профессора, 440.
Артемьевъ, Алекс. Ив., магистръ, 664.
Арцыбышевъ, Ник. Серг., казанскій дворянинъ, 83—85, 261, 282, 636.
Аршауловъ, Петръ, вятскій купецъ, 397.
Аршеневскій, И. Я., сенаторъ, 213.
Аталбай, невольникъ-калмыченокъ, 441, 442.
Аѳанасій, архимандритъ, ректоръ дух. акад., 179.
Ахматовъ, Ив. Ѳеод., бухгалтеръ казанской гимназіи, 432, 481, 530.

Баженовъ, Вас. Яковл., учитель, затѣмъ директоръ училищъ, 238—242.
Базилевъ, Ив. Вас., студентъ, 536, 582, 587, 601.
Базилевъ, Петръ Вас., студентъ, 504.
Базилевъ, Филар. Ив., студентъ, 536.
Базилевъ, учитель гимназіи, 443.
Балясниковъ, Петръ Сем., студентъ, 543, 575, 596, 613—615.
Барановъ, студентъ, 593.
Баратаевъ, Сем. Мих., казанскій губернаторъ, 412.
Барсовъ, Ѳед. Петр., инспекторъ студентовъ, 569.
Бартельсъ, Март. Ѳед., профессоръ, 8, 51, 74, 75, 96, 104, 105, 109, 110, 119, 129, 174—179, 195, 209, 247, 363, 364, 368, 375, 380, 421, 422, 431, 434, 449, 451, 453, 463, 467, 472, 490, 508, 517, 527, 528, 530, 537, 538, 571, 639.
Безобразовъ, Порф. Вас., студентъ, 253—255, 522, 615.
Бекетовъ, директоръ пензенскихъ училищъ, 234.
Беллингсгаузенъ, Ѳ. Ѳ., адмиралъ, 220.
Березинъ, Ил. Ник., профессоръ, 34.
Бибиковъ, И. Н., тульскій помѣщикъ, 395.
Блуменбахъ, учитель, 197.
Блюмъ, Фридрихъ, аптекарь, 216.
Бобановскій, В. П., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 573, 574, 585, 586, 597, 624.
Бобровскій, В. Р., учитель казанскаго главн. нар. учил., 282.
Бобылевъ, Алекс. Дм., студентъ, 597.
Бовинъ, И. С., студентъ, 405.
Богдановъ, Д. Г., учитель казанской гимн., 248—250, 253—255, 282.
Богдановъ, казанскій домовладѣлецъ, 434.
Богдановъ, губернскій казначей, 435.
Бокельманъ, факторъ университ. типографіи, 306, 341, 342.
Болховская, княжна, Соф. Бор., 553.
Борисовъ, Киръ, вольный слушатель, 594.
Бортнянскій, Д. С., директоръ придв. пѣвческой капеллы, 329.
Бособръ(де), казанскій домовладѣлецъ, 434.
Боянусъ, Л. Я., профессоръ виленскаго унив., 94.
Брадке (фонъ), Ѳ. И., вятскій губернаторъ, 375, 376, 514.
Браунъ, Ив. Осип., профессоръ и ректоръ, 6, 8, 28, 33, 37, 61, 64, 65, 67, 91, 98, 104, 105, 109, 112, 115—118, 126, 132, 135, 136, 138, 145, 146, 150, 153, 158—162, 164, 165, 173—176, 178, 180, 181, 191, 196—198, 200, 230, 384, 391, 397, 398, 428—430, 432, 434—436, 442, 444, 445, 449, 450, 454, 461, 467, 472, 473, 481, 490, 502, 530, 538, 551, 554—557, 561, 586, 587, 619 640, 668, 669.
Браунъ, Елизав. Карл., жена профессора, 454.
Брейтенбахъ, Фил. Леонт., профессоръ, 51, 53, 97, 105, 109, 110, 119, 122—124, 175, 189, 232, 393, 431, 450, 453, 506, 509, 510, 551, 567, 568, 586, 590, 594, 598, 640.

Баженовъ, Вас. Яковл., учитель, затѣмъ директоръ училищъ, 238—242.
Базилевъ, Ив. Вас., студентъ, 536, 582, 587, 601.
Базилевъ, Петръ Вас., студентъ, 504.
Базилевъ, Филар. Ив., студентъ, 536.
Базилевъ, учитель гимназіи, 443.
Балясниковъ, Петръ Сем., студентъ, 543, 575, 596, 613—615.
Барановъ, студентъ, 593.
Баратаевъ, Сем. Мих., казанскій губернаторъ, 412.
Барсовъ, Ѳед. Петр., инспекторъ студентовъ, 569.
Бартельсъ, Март. Ѳед., профессоръ, 8, 51, 74, 75, 96, 104, 105, 109, 110, 119, 129, 174—179, 195, 209, 247, 363, 364, 368, 375, 380, 421, 422, 431, 434, 449, 451, 453, 463, 467, 472, 490, 508, 517, 527, 528, 530, 537, 538, 571, 639.
Безобразовъ, Порф. Вас., студентъ, 253—255, 522, 615.
Бекетовъ, директоръ пензенскихъ училищъ, 234.
Беллингсгаузенъ, Ѳ. Ѳ., адмиралъ, 220.
Березинъ, Ил. Ник., профессоръ, 34.
Бибиковъ, И. Н., тульскій помѣщикъ, 395.
Блуменбахъ, учитель, 197.
Блюмъ, Фридрихъ, аптекарь, 216.
Бобановскій, В. П., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 573, 574, 585, 586, 597, 624.
Бобровскій, В. Р., учитель казанскаго главн. нар. учил., 282.
Бобылевъ, Алекс. Дм., студентъ, 597.
Бовинъ, И. С., студентъ, 405.
Богдановъ, Д. Г., учитель казанской гимн., 248—250, 253—255, 282.
Богдановъ, казанскій домовладѣлецъ, 434.
Богдановъ, губернскій казначей, 435.
Бокельманъ, факторъ университ. типографіи, 306, 341, 342.
Болховская, княжна, Соф. Бор., 553.
Борисовъ, Киръ, вольный слушатель, 594.
Бортнянскій, Д. С., директоръ придв. пѣвческой капеллы, 329.
Бособръ(де), казанскій домовладѣлецъ, 434.
Боянусъ, Л. Я., профессоръ виленскаго унив., 94.
Брадке (фонъ), Ѳ. И., вятскій губернаторъ, 375, 376, 514.
Браунъ, Ив. Осип., профессоръ и ректоръ, 6, 8, 28, 33, 37, 61, 64, 65, 67, 91, 98, 104, 105, 109, 112, 115—118, 126, 132, 135, 136, 138, 145, 146, 150, 153, 158—162, 164, 165, 173—176, 178, 180, 181, 191, 196—198, 200, 230, 384, 391, 397, 398, 428—430, 432, 434—436, 442, 444, 445, 449, 450, 454, 461, 467, 472, 473, 481, 490, 502, 530, 538, 551, 554—557, 561, 586, 587, 619 640, 668, 669.
Браунъ, Елизав. Карл., жена профессора, 454.
Брейтенбахъ, Фил. Леонт., профессоръ, 51, 53, 97, 105, 109, 110, 119, 122—124, 175, 189, 232, 393, 431, 450, 453, 506, 509, 510, 551, 567, 568, 586, 590, 594, 598, 640.

Бриль-Крамеръ, докторъ медицины, 13.
Бриммеръ, Хр., генералъ-маіоръ, 393.
Бринъ (фонъ), тобольскій губернаторъ, 235.
Броневскій, С. М., 269.
Броннеръ, Ксав. Ив. (Францъ Ксаверъ), профессоръ, 8, 9, 11, 13, 57, 65, 66, 74, 82, 88, 90, 104—110, 112, 114, 117—119, 122, 123, 130—142, 148, 151, 153—158, 160, 161, 165, 166, 169—175, 177, 184, 186, 188, 189, 190, 214, 236, 247, 297, 301, 302, 310, 383, 421, 424, 427, 428, 432—434, 444, 449, 453, 465—476, 483, 486, 491, 503—505, 515—517, 523, 525, 536, 537, 541, 556—568, 571—575, 582, 585—588, 590—595, 597, 601, 602, 606, 609, 619—623, 641.
Бужаниновъ, П. А., отставной капитанъ, 260.
Буженинновъ, почетный смотритель, 241.
Буличъ, Ник. Ник., профессоръ, 47, 229, 283, 291, 400, 444, 454, 550—552, 562, 585, 603, 604.
Булыгинъ, Влад. Яковл., адъюнктъ, 12, 18, 37, 49—51, 62, 74, 99, 104, 197, 276, 306, 500, 504, 549, 568, 571, 573, 574, 581, 607, 616, 625, 641.
Бурлаковъ, Алекс., дворовый человѣкъ, 439.
Бурхановъ, чистопольскій мусульманинъ, 404.
Бутлеровъ, Алекс. Мих., профессоръ, 31.
Бутлеровъ (онъ же Бутлеръ), Кап., студентъ, 390, 536, 581, 592, 597.
Бутлеровъ, помѣщикъ, 390.
Бурашевъ, содержатель типографіи, 333, 334.
Бушъ, И. Ѳ., академикъ, 94.
Буяльскій, Ив., слушатель, 567.
Бюнеманъ, Генрихъ Людвигъ, профессоръ, 38, 428, 430, 441, 453, 454, 522, 526, 527.
Бѣлоусовъ, С. М., учитель казанской гимн., 253, 254.
Бѣляевъ, Ник. Степ., студентъ, 588, 591.

Вальтеръ, докторантъ правъ, 92.
Вальтеръ, философъ, 281.
Василиса Иванова, дворовая женщина, 439, 440.
Васильевъ, А. И., учитель казанской гимн., 248, 249, 250, 251, 253, 282.
Васильевъ, Вас. Пав., профессоръ, 34.
Веберъ, докторантъ правъ, 92.
Веймарнъ (фонъ), А., коллежск. регистраторъ, 375—377, 514.
Вейскгопфенъ, Іос. Антон., учитель астраханской гимн., 83, 322—325, 327, 328, 359.
Вельдбрехенъ, Ив., титул. совѣтникъ, 338.
Вемздорфъ, К., лекарь, 86.
Вердерамо, Эмман. Осип., профессоръ, 11, 13, 15, 18—22, 98, 105, 109, 117, 118, 120, 122—124, 153, 156, 158, 175, 176, 182, 196, 205, 398, 436, 449, 451, 453, 641, 642.

Бриль-Крамеръ, докторъ медицины, 13.
Бриммеръ, Хр., генералъ-маіоръ, 393.
Бринъ (фонъ), тобольскій губернаторъ, 235.
Броневскій, С. М., 269.
Броннеръ, Ксав. Ив. (Францъ Ксаверъ), профессоръ, 8, 9, 11, 13, 57, 65, 66, 74, 82, 88, 90, 104—110, 112, 114, 117—119, 122, 123, 130—142, 148, 151, 153—158, 160, 161, 165, 166, 169—175, 177, 184, 186, 188, 189, 190, 214, 236, 247, 297, 301, 302, 310, 383, 421, 424, 427, 428, 432—434, 444, 449, 453, 465—476, 483, 486, 491, 503—505, 515—517, 523, 525, 536, 537, 541, 556—568, 571—575, 582, 585—588, 590—595, 597, 601, 602, 606, 609, 619—623, 641.
Бужаниновъ, П. А., отставной капитанъ, 260.
Бужениновъ, почетный смотритель, 241.
Буличъ, Ник. Ник., профессоръ, 47, 229, 283, 291, 400, 444, 454, 550—552, 562, 585, 603, 604.
Булыгинъ, Влад. Яковл., адъюнктъ, 12, 18, 37, 49—51, 62, 74, 99, 104, 197, 276, 306, 500, 504, 549, 568, 571, 573, 574, 581, 607, 616, 625, 641.
Бурлаковъ, Алекс., дворовый человѣкъ, 439.
Бурхановъ, чистопольскій мусульманинъ, 404.
Бутлеровъ, Алекс. Мих., профессоръ, 31.
Бутлеровъ (онъ же Бутлеръ), Кап., студентъ, 390, 536, 581, 592, 597.
Бутлеровъ, помѣщикъ, 390.
Бурашевъ, содержатель типографіи, 333, 334.
Бушъ, И. Ѳ., академикъ, 94.
Буяльскій, Ив., слушатель, 567.
Бюнеманъ, Генрихъ Людвигъ, профессоръ, 38, 428, 430, 441, 453, 454, 522, 526, 527.
Бѣлоусовъ, С. М., учитель казанской гимн., 253, 254.
Бѣляевъ, Ник. Степ., студентъ, 588, 591.

Вальтеръ, докторантъ правъ, 92.
Вальтеръ, философъ, 281.
Василиса Иванова, дворовая женщина, 439, 440.
Васильевъ, А. И., учитель казанской гимн., 248, 249, 250, 251, 253, 282.
Васильевъ, Вас. Пав., профессоръ, 34.
Веберъ, докторантъ правъ, 92.
Веймарнъ (фонъ), А., коллежск. регистраторъ, 375—377, 514.
Вейскгопфенъ, Іос. Антон., учитель астраханской гимн., 83, 322—325, 327, 328, 359.
Вельдбрехенъ, Ив., титул. совѣтникъ, 338.
Вемздорфъ, К., лекарь, 86.
Вердерамо, Экман. Осип., профессоръ, 11, 13, 15, 18—22, 98, 105, 109, 117, 118, 120, 122—124, 153, 156, 158, 175, 176, 182, 196, 205, 398, 436, 449, 451, 453, 641, 642.

Вердерамо, Евдокія Сергѣевна, 22, 61, 82.
Вердерамо, Ирина Карловна, 19, 22.
Веригинъ, Ник. Викт., студентъ, 536, 537, 550, 551, 582, 585, 592.
Веселова, коллежская ассесорша, 438.
Вешнякова, казанская дворянка, 458.
Викуловъ, Ѳед., слушатель университета, 514.
Виноградскій, Ег. Вас., студентъ, 594, 598.
Винтеръ, Гельмудъ, претендентъ на кафедру, 14.
Владиміровъ, историкъ казанской гимназіи, 552.
Владимірскій, Алекс. Павл., претендентъ на кафедру, впосл. директоръ университета, 15, 16, 21, 70, 243, 321, 452, 569.
Волковъ, генералъ, 635.
Волконскій, кн. Г. С., оренбургскій военн. губернаторъ, 231, 392, 458.
Волочковъ, П. И., кандидатъ, 72.
Вороновъ, письмоводитель издательнаго комитета, 305.
Вороновъ, учитель мензелинскаго училища, 241.
Воротниковъ, казанск. домовладѣлецъ, 435.
Востоковъ, Венед. Вас., магистръ, 12, 18, 56, 57, 72, 93, 506, 549, 574, 590, 624.
Врангель, баронъ Егоръ Васил., профессоръ, 25, 26, 38, 40, 45, 58, 79, 82, 95, 104, 105, 110, 113, 117, 118, 120, 153, 156, 158, 175, 176, 196, 197, 363, 364, 370—374, 380, 417, 435, 448, 454, 475, 495, 552.
Врангель, баронъ Юл. Вас., магистръ, 39, 40, 72, 75, 475.
Всеволожскій, генералъ, 458.
Второвъ, Никол. Ив., 50.
Второвъ, сидѣлецъ въ лавкѣ, 587.
Вульфъ, докторантъ, 81.
Вуттигъ, Іоаннъ Фридрихъ, профессоръ, 209, 215, 230, 232, 517, 530, 643.

Гавриловъ, Егоръ, типографскій служитель, 342.
Гакстгаузенъ, баронъ, 436.
Галье, учитель пензенской гимназіи, 239.
Гаммеръ, оріенталистъ, 94.
Ганнибалъ, генеральша, 458.
Гартклохъ, дрезденскій книгопродавецъ, 350.
Гаттонъ, англичанка, 455.
Гедлеръ, казанскій рестораторъ, 131, 588, 593, 597.
Гедлеръ, жена предыдущаго, 588, 592, 597.
Гекторъ, Карлъ, иностранный лекарь, 86.
Геннади, Г. Н., библіографъ,
Гёрке, правитель канцеляріи попечителя округа, 89, 93, 116, 134, 135.
Геркенъ, статскій совѣтникъ, 396.
Германъ, Март. Ив., профессоръ, 77, 98, 100, 105, 109, 166, 175, 189, 265, 301, 352, 359, 360, 363, 368, 375, 377, 378, 380, 417, 418, 435,

Вердерамо, Евдокія Сергѣевна, 22, 61, 82.
Вердерамо, Ирина Карловна, 19, 22.
Веригинъ, Ник. Викт., студентъ, 536, 537, 550, 551, 582, 585, 592.
Весѣлова, коллежская ассесорша, 438.
Вешнякова, казанская дворянка, 458.
Викуловъ, Ѳед., слушатель университета, 514.
Виноградскій, Ег. Вас., студентъ, 594, 598.
Винтеръ, Гельмудъ, претендентъ на кафедру, 14.
Владиміровъ, историкъ казанской гимназіи, 552.
Владимірскій, Алекс. Павл., претендентъ на кафедру, впосл. директоръ университета, 15, 16, 21, 70, 243, 321, 452, 569.
Волковъ, генералъ, 635.
Волконскій, кн. Г. С., оренбургскій военн. губернаторъ, 231, 392, 458.
Волочковъ, П. И., кандидатъ, 72.
Вороновъ, письмоводитель издательнаго комитета, 305.
Вороновъ, учитель мензелинскаго училища, 241.
Воротниковъ, казанск. домовладѣлецъ, 435.
Востоковъ, Венед. Вас., магистръ, 12, 18, 56, 57, 72, 93, 506, 549, 574, 590, 624.
Врангель, баронъ Егоръ Васил., профессоръ, 25, 26, 38, 40, 45, 58, 79, 82, 95, 104, 105, 110, 113, 117, 118, 120, 153, 156, 158, 175, 176, 196, 197, 363, 364, 370—374, 380, 417, 435, 448, 454, 475, 495, 552.
Врангель, баронъ Юл. Вас., магистръ, 39, 40, 72, 75, 475.
Всеволожскій, генералъ, 458.
Второвъ, Никол. Ив., 50.
Второвъ, сидѣлецъ въ лавкѣ, 587.
Вульфъ, докторантъ, 81.
Вуттигъ, Іоаннъ Фридрихъ, профессоръ, 209, 215, 230, 232, 517, 530, 643.

Гавриловъ, Егоръ, типографскій служитель, 342.
Гакстгаузенъ, баронъ, 436.
Галье, учитель пензенской гимназіи, 239.
Гаммеръ, оріенталистъ, 94.
Ганнибалъ, генеральша, 458.
Гарткнохъ, дрезденскій книгопродавецъ, 350.
Гаттонъ, англичанка, 455.
Гедлеръ, казанскій рестораторъ, 131, 588, 593, 597.
Гедлеръ, жена предыдущаго, 588, 592, 597.
Гекторъ, Карлъ, иностранный лекарь, 86.
Геннади, Г. Н., библіографъ,
Гёрке, правитель канцеляріи попечителя округа, 89, 93, 116, 134, 135.
Геркенъ, статскій совѣтникъ, 396.
Германъ, Март. Ив., профессоръ, 77, 98, 100, 105, 109, 166, 175, 189, 265, 301, 352, 359, 360, 363, 368, 375, 377, 378, 380, 417, 418, 435,

437, 441, 443, 444, 447, 449, 451, 453, 464, 465, 471, 473, 475, 485, 493—495, 519, 522, 524, 528—530, 571, 618, 623, 626, 643.
Германъ, дѣвицы, дочери профессора, 465.
Германъ, казанскій сапожникъ, 442.
Гермесъ, сенаторъ, 45.
Глинка, Г. А., 275.
Глухова, Маргарита Вас., дочь полковника, 589, 590, 598.
Гогель, генералъ-маіоръ, 382, 383.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. И., 269.
Голицинъ, кн. Алекс. Ник., министръ народн. просвѣщенія, 9, 10, 15, 53, 64, 65, 69, 92, 132, 138, 148, 162, 167—172, 187, 188, 190, 191, 193, 194, 201, 240, 308, 330, 345, 510.
Гольдшмидтъ, казанскій механикъ, 395.
Горденинъ, Никита Филим., университетскій механикъ, 232.
Городчаниновъ, Григ. Никол., профессоръ, 43, 46, 48, 64, 80, 99, 104, 109, 110, 114, 120, 140, 166, 175, 180, 182, 183, 191, 192, 195, 197, 200, 237, 240, 253, 254, 257, 260, 267, 269, 274, 276, 296, 297, 299, 301, 303—305, 311, 352, 353, 359, 427, 430, 435, 453, 466, 528, 644.
Горра, надзиратель гимназіи, 487.
Горскій, Захаръ, типографскій ученикъ, 342.
Графъ, Влад. Кир., 543, 612, 615.
Графъ, Кириллъ, казанскій дворянинъ, 401.
Грахе, Ф. Х., казанскій домовладѣлецъ, 123, 558.
Гревъ, иностранецъ, 322.
Гревъ, Ѳ. Ѳ., факторъ университ. типографіи, 342.
Гроздовскій, Серг. Никол., кандидатъ, 72, 522, 546, 620, 624.
Груберъ, Эвар. Андр., губ. секретарь, впосл. попечитель округа, 74, 367—369.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ, натуралистъ, 230, 436.
Гундуровъ, князь, губернскій секретарь, 307.
Гунстъ, казанскій купецъ, 124.
Гурьевъ, Ѳ. П., казанскій вице-губернаторъ, 167, 309.
Гурьяновъ, штабсъ-капитанъ, 437.

Данауровъ, М. И., сенаторъ, 412.
Данкова, Ѳеодора Гавр., дочь пресвитера, 48, 455.
Данковъ, отецъ Гавріилъ, пресвитеръ, 48, 103, 191, 455.
Данковъ, Игнатій, студентъ, 599.
Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ, 267, 268, 272—276, 411.
Дероберти, Пав. Макс., студентъ, 597.
Дмитревскій, студентъ, 505.
Дмитріевъ, Ив. Ив., 269.
Добровольскій, Ив., учитель астраханской гимназіи, 328—331.
Добровольскій, Лог. Ив., студентъ, 565.

437, 441, 443, 444, 447, 449, 451, 453, 464, 465, 471, 473, 475, 485, 493—495, 519, 522, 524, 528—530, 571, 618, 623, 626, 643.
Германъ, дѣвицы, дочери профессора, 465.
Германъ, казанскій сапожникъ, 442.
Гермесъ, сенаторъ, 45.
Глинка, Г. А., 275.
Глухова, Маргарита Вас., дочь полковника, 589, 590, 598.
Гогель, генералъ-маіоръ, 382, 383.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. И., 269.
Голицинъ, кн. Алекс. Ник., министръ народн. просвѣщенія, 9, 10, 15, 53, 64, 65, 69, 92, 132, 138, 148, 162, 167—172, 187, 188, 190, 191, 193, 194, 201, 240, 308, 330, 345, 510.
Гольдшмидтъ, казанскій механикъ, 395.
Горденинъ, Никита Филим., университетскій механикъ, 232.
Городчаниновъ, Григ. Никол., профессоръ, 43, 46, 48, 64, 80, 99, 104, 109, 110, 114, 120, 140, 166, 175, 180, 182, 183, 191, 192, 195, 197, 200, 237, 240, 253, 254, 257, 260, 267, 269, 274, 276, 296, 297, 299, 301, 303—305, 311, 352, 353, 359, 427, 430, 435, 453, 466, 528, 644.
Горра, надзиратель гимназіи, 487.
Горскій, Захаръ, типографскій ученикъ, 342.
Графъ, Влад. Кир., 543, 612, 615.
Графъ, Кириллъ, казанскій дворянинъ, 401.
Грахе, Ф. Х., казанскій домовладѣлецъ, 123, 558.
Гревъ, иностранецъ, 322.
Гревъ, Ѳ. Ѳ., факторъ университ. типографіи, 342.
Гроздовскій, Серг. Никол., кандидатъ, 72, 522, 546, 620, 624.
Груберъ, Эвар. Андр., губ. секретарь, впосл. попечитель округа, 74, 367—369.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ, натуралистъ, 230, 436.
Гундуровъ, князь, губернскій секретарь, 307.
Гунстъ, казанскій купецъ, 124.
Гурьевъ, Ѳ. П., казанскій вице-губернаторъ, 167, 309.
Гурьяновъ, штабсъ-капитанъ, 437.

Данауровъ, М. И., сенаторъ, 412.
Данкова, Ѳеодора Гавр., дочь пресвитера, 48, 455.
Данковъ, отецъ Гавріилъ, пресвитеръ, 48, 103, 191, 455.
Данковъ, Игнатій, студентъ, 599.
Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ, 267, 268, 272—276, 411.
Дероберти, Пав. Макс., студентъ, 597.
Дмитревскій, студентъ, 505.
Дмитріевъ, Ив. Ив., 269.
Добровольскій, Ив., учитель астраханской гимназіи, 328—331.
Добровольскій, Лог. Ив., студентъ, 565.

Дорнъ, Б. А., академикъ, 346.
Дунаевъ, Ив. Ив., адъюнктъ, 52, 73, 97, 104, 140, 197, 198, 215, 237, 240, 306, 307, 311, 342, 344, 346, 360, 390—393, 624, 644.
Дюро, учитель пермской гимназіи, 354.

Евгеній, епископъ калужскій, 269.
Евреиновъ, Ал. Петр., студентъ, 583.
Евсевьевъ, трактирный слуга, 598.
Екатерина II, императрица, 225.
Елагина, Наст. Петр., дочь помѣщика, 453.
Елинзенъ, врачъ, 386.
Епифаній, архимандритъ, ректоръ духовной академіи, 260, 268, 392.
Ерлыкинъ, казанскій домовладѣлецъ, 228, 436.
Ермолаевъ, Алексѣй, слушатель университета, 514.
Ермоловъ, А. П., главнокомандующій на Кавказѣ, 217.
Есиповъ, Дмитр. Макс., казанскій комендантъ, 417.
Есиповъ, П. П., содержатель казанскаго театра, 434, 634.
Ефимовъ, наборщикъ, 462.
Ефремовъ, Ф. С., надворный совѣтникъ, путешественникъ по востоку, 294.

Желтухинъ, Петръ Ѳед., генералъ-маіоръ, 56, 465, 472, 473, 595.

Завадовскій, графъ П. В., министръ народнаго просвѣщенія, 84, 252, 257, 351.
Загорскій, П. А., академикъ, 94.
Загоскинъ, Н. П., профессоръ, 320.
Замятнинъ, Петръ Макс., студентъ, 587, 588, 597.
Запольскій, Ив. Ипат., профессоръ, 46, 257, 268, 282—296, 352, 359, 364, 382, 435, 436, 448, 453, 471, 514, 519, 525, 527, 530, 575, 576, 579, 602, 633.
Запольскій, учитель, 197.
Заруцкій, воспитанникъ гимназіи, 583.
Зассъ, казанскій аптекарь, 441, 444.
Зиновьевъ, Д. Н., казанскій помѣщикъ, 212, 281, 287—289, 291, 293, 295, 296, 297, 300.
Знобишинъ, Вал. Степ., кандидатъ, 72, 574, 591, 605, 624.
Зубатовъ, Пав. Дм., кандидатъ, 72, 624.

Ибрагимовъ, Ник. Мисаил., адъюнктъ, 11, 12, 18, 46—49, 123, 124, 128, 182, 248—251, 253—255, 258, 260, 262, 267—269, 274, 275, 282, 283, 432, 455, 477, 505, 519, 522, 633, 644.
Ивановъ, Н. А., профессоръ, 51.
Измайловъ, В. В., 269.

Дорнъ, Б. А., академикъ, 346.
Дунаевъ, Ив. Ив., адъюнктъ, 52, 73, 97, 104, 140, 197, 198, 215, 237, 240, 306, 307, 311, 342, 344, 346, 360, 390—393, 624, 644.
Дюро, учитель пермской гимназіи, 354.

Евгеній, епископъ калужскій, 269.
Евреиновъ, Ал. Петр., студентъ, 583.
Евсевьевъ, трактирный слуга, 598.
Екатерина II, императрица, 225.
Елагина, Наст. Петр., дочь помѣщика, 453.
Елинзенъ, врачъ, 386.
Епифаній, архимандритъ, ректоръ духовной академіи, 260, 268, 392.
Ерлыкинъ, казанскій домовладѣлецъ, 228, 436.
Ермолаевъ, Алексѣй, слушатель университета, 514.
Ермоловъ, А. П., главнокомандующій на Кавказѣ, 217.
Есиповъ, Дмитр. Макс., казанскій комендантъ, 417.
Есиповъ, П. П., содержатель казанскаго театра, 434, 634.
Ефимовъ, наборщикъ, 462.
Ефремовъ, Ф. С., надворный совѣтникъ, путешественникъ по востоку, 294.

Желтухинъ, Петръ Ѳед., генералъ-маіоръ, 56, 465, 472, 473, 595.

Завадовскій, графъ П. В., министръ народнаго просвѣщенія, 84, 252, 257, 351.
Загорскій, П. А., академикъ, 94.
Загоскинъ, Н. П., профессоръ, 320.
Замятнинъ, Петръ Макс., студентъ, 587, 588, 597.
Запольскій, Ив. Ипат., профессоръ, 46, 257, 268, 282—296, 352, 359, 364, 382, 435, 436, 448, 453, 471, 514, 519, 525, 527, 530, 575, 576, 579, 602, 633.
Запольскій, учитель, 197.
Заруцкій, воспитанникъ гимназіи, 583.
Зассъ, казанскій аптекарь, 441, 444.
Зиновьевъ, Д. Н., казанскій помѣщикъ, 212, 281, 287—289, 291, 293, 295, 296, 297, 300.
Знобишинъ, Вал. Степ., кандидатъ, 72, 574, 591, 605, 624.
Зубатовъ, Пав. Дм., кандидатъ, 72, 624.

Ибрагимовъ, Ник. Мисаил., адъюнктъ, 11, 12, 18, 46—49, 123, 124, 128, 182, 248—251, 253—255, 258, 260, 262, 267—269, 274, 275, 282, 283, 432, 455, 477, 505, 519, 522, 633, 644.
Ивановъ, Н. А., профессоръ, 51.
Измайловъ, В. В., 269.

Израиль, свіяжскій архимандритъ, 260.
Иконниковъ, В. С., профессоръ, 659.
Иконниковъ, Флег. Серг., студентъ, 574.
Иконниковъ, полковой аудиторъ, 438.

Іонъ, Богданъ, докторъ правъ, 76—79.

Кабановскій, университ. служитель, 585, 586.
Каземъ-Бекъ, мирза А. К., профессоръ, 34.
Каймарскій, типографскій ученикъ, 342.
Кайсаровъ, Ан. Вас., адъюнктъ, 13, 72, 74, 97, 100, 104, 189, 197, 199, 209, 371, 472, 504, 516, 538, 546, 584, 607, 625, 645.
Калайдовичъ, Ѳ. Д., адъюнктъ, 384, 645.
Калашникова, Авдотья, дворовая дѣвка, 439, 440.
Калашниковъ, Д. М., архитекторъ университета, 149.
Калестиновъ, Ал. Вас., кандидатъ, 72, 123, 624.
Кальмонъ, Леонъ, граверъ, 655.
Кальмъ, домовладѣлецъ, 435, 454.
Камашевъ, колл. ассессоръ, 442, 443, 448.
Каменевъ, Г. П., казанскій писатель, 282, 453.
Каменскій, Ив. Петр., профес., 103, 382, 396, 397, 453, 471, 481, 645.
Кандалинцевъ, Т. С., мѣщанинъ, 392, 393.
Капнистъ, В. В., 274, 275.
Каподострія, графъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, 317.
Карамзинъ, Н. М., историкъ, 269.
Карпека, почтъ-директоръ, 397, 417, 495.
Карсунскій, А. В., оберъ-аудиторъ, 261.
Карташевскій, Гр. Ив., адъюнктъ, 46, 102, 103, 209, 282, 283, 448, 453, 470, 471, 481, 517, 519, 551, 613, 645.
Кастелли, С. Н., казанскій комендантъ, 371, 374, 417, 495.
Кастренъ, М., финологъ, 436.
Катановъ, Н. Ѳ., профессоръ, 346.
Кацаревъ, казанскій губернаторъ, 411.
Каченовскій, М. Т., профессоръ, 63, 269.
Кельцъ, Ѳед. Христ., студентъ, 583.
Керкгофъ, голландскій докторъ, 95.
Киселевъ, гр. П. Д., государств. дѣятель, 436.
Киселевъ, казанскій губ. предводитель дворянства, 411.
Клаудій, типографщикъ, 337.
Клейнмихель, А. А., директоръ второго кадетскаго корпуса, 114.
Клейнмихель, Анна Францовна, 114.
Клейнмихель, графъ П. А., главноуправляющій путями сообщенія, 114.
Климовъ, Петръ Гер., кандидатъ, 72, 624.
Клингеръ, Ѳ. И., попечитель дерпт. уч. окр., 169.

Израиль, свіяжскій архимандритъ, 260.
Иконниковъ, В. С., профессоръ, 659.
Иконниковъ, Флег. Серг., студентъ, 574.
Иконниковъ, полковой аудиторъ, 438.

Іонъ, Богданъ, докторъ правъ, 76—79.

Кабановскій, университ. служитель, 585, 586.
Каземъ-Бекъ, мирза А. К., профессоръ, 34.
Каймарскій, типографскій ученикъ, 342.
Кайсаровъ, Ан. Вас., адъюнктъ, 13, 72, 74, 97, 100, 104, 189, 197, 199, 209, 371, 472, 504, 516, 538, 546, 584, 607, 625, 645.
Калайдовичъ, Ѳ. Д., адъюнктъ, 384, 645.
Калашникова, Авдотья, дворовая дѣвка, 439, 440.
Калашниковъ, Д. М., архитекторъ университета, 149.
Калестиновъ, Ал. Вас., кандидатъ, 72, 123, 624.
Кальмонъ, Леонъ, граверъ, 655.
Кальмъ, домовладѣлецъ, 435, 454.
Камашевъ, колл. ассессоръ, 442, 443, 448.
Каменевъ, Г. П., казанскій писатель, 282, 453.
Каменскій, Ив. Петр., профес., 103, 382, 396, 397, 453, 471, 481, 645.
Кандалинцевъ, Т. С., мѣщанинъ, 392, 393.
Капнистъ, В. В., 274, 275.
Каподострія, графъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, 317.
Карамзинъ, Н. М., историкъ, 269.
Карпека, почтъ-директоръ, 397, 417, 495.
Карсунскій, А. В., оберъ-аудиторъ, 261.
Карташевскій, Гр. Ив., адъюнктъ, 46, 102, 103, 209, 282, 283, 448, 453, 470, 471, 481, 517, 519, 551, 613, 645.
Кастелли, С. Н., казанскій комендантъ, 371, 374, 417, 495.
Кастренъ, М., финологъ, 436.
Катановъ, Н. Ѳ., профессоръ, 346.
Кацаревъ, казанскій губернаторъ, 411.
Каченовскій, М. Т., профессоръ, 63, 269.
Кельцъ, Ѳед. Христ., студентъ, 583.
Керкгофъ, голландскій докторъ, 95.
Киселевъ, гр. П. Д., государств. дѣятель, 436.
Киселевъ, казанскій губ. предводитель дворянства, 411.
Клаудій, типографщикъ, 337.
Клейнмихель, А. А., директоръ второго кадетскаго корпуса, 114.
Клейнмихель, Анна Францовна, 114.
Клейнмихель, графъ П. А., главноуправляющій путями сообщенія, 114.
Климовъ, Петръ Гер., кандидатъ, 72, 624.
Клингеръ, Ѳ. И., попечитель дерпт. уч. окр., 169.

Клочковъ, В. И., антикваръ-книгопродавецъ, 665.
Кноблаухъ, иностранецъ, 426.
Княжевичъ, А. М., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 74, 499, 500, 546, 580, 606, 608, 616, 617.
Княжевичъ, Д. М., чиновникъ министерства финансовъ, 253, 254.
Княжевичъ, М. Д., казанскій дворянинъ, 402, 499.
Княжевичъ, вдова дворянина, 453.
Ковалевскій, О. М., профессоръ, 34, 35.
Кожевниковъ, Вас. Степ., студентъ, 597.
Козловъ, Ананій, губ. секретарь, 438.
Козодавлевъ, О. П., и. д. министра народн. просвѣщ., 185, 595.
Комаровъ, письмоводитель унив. совѣта, 199.
Кондыревъ, Петръ Серг., профессоръ, 25, 26, 37, 72—74, 79, 80, 96, 99, 100, 104, 107—110, 113, 116, 130, 134—137, 153, 154, 173, 176, 197, 210, 214, 223—225, 239, 249—251, 253, 255—258, 262—264, 266, 268, 269, 272, 274, 276, 277, 297, 299, 301, 302, 304—306, 310, 313, 314, 327, 352, 353, 364, 370, 436, 468, 469, 486, 505, 533—536, 543, 544, 545, 546, 549, 570—572, 576—579, 581—585, 596, 607, 612, 625, 633, 634, 645, 647.
Копыловъ, подполковникъ, 438, 596.
Красовскій, А. И., 269.
Краузе, Ив. Ѳед., лекторъ, 11, 14, 18, 55, 56, 99, 197, 199.
Кроткова, Наталья, прапорщица, 437.
Крижановскій, пензенскій губернаторъ, 234.
Кругъ, Ф. И., академикъ, 94.
Крузъ, Иванъ, вольный слушатель, 514.
Крупениковъ, казанскій домовладѣлецъ, 181.
Кручининъ, Сем. Вас., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 209, 522, 583, 607.
Крюковъ, Левъ Дм., учитель живописи, 100, 124, 197, 435, 530.
Крюковъ, типографскій ученикъ, 338.
Кудрявцевъ, казанскій домовладѣлецъ, 434, 435.
Кужелевъ, и. д. директора нижегородск. училищъ, 255, 316.
Кузьминскій, Вас. Ив., студентъ, 543, 575, 596, 615.
Куклинъ, директоръ симбирской гимназіи, 94.
Кулаковъ, Ник. Ѳед., студентъ, 505, 537, 583, 600, 606, 607.
Куликовъ, капитанъ, 440.
Кунцевичъ, Г., 666.
Куракинъ, кн. А. Б., министръ внутр. дѣлъ, 288—290.
Курбунаковъ, Уразъ, слушатель университета, 407.
Курманаевъ, казанскій купецъ, 439.
Кушниковъ, Григ., коллежск. совѣтникъ, 369.
Кушниковъ, С. С., сенаторъ, 30, 122, 411, 412.

Клочковъ, В. И., антикваръ-книгопродавецъ, 665.
Кноблаухъ, иностранецъ, 426.
Княжевичъ, А. М., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 74, 499, 500, 546, 580, 606, 608, 616, 617.
Княжевичъ, Д. М., чиновникъ министерства финансовъ, 253, 254.
Княжевичъ, М. Д., казанскій дворянинъ, 402, 499.
Княжевичъ, вдова дворянина, 453.
Ковалевскій, О. М., профессоръ, 34, 35.
Кожевниковъ, Вас. Степ., студентъ, 597.
Козловъ, Ананій, губ. секретарь, 438.
Козодавлевъ, О. П., и. д. министра народн. просвѣщ., 185, 595.
Комаровъ, письмоводитель унив. совѣта, 199.
Кондыревъ, Петръ Серг., профессоръ, 25, 26, 37, 72—74, 79, 80, 96, 99, 100, 104, 107—110, 113, 116, 130, 134—137, 153, 154, 173, 176, 197, 210, 214, 223—225, 239, 249—251, 253, 255—258, 262—264, 266, 268, 269, 272, 274, 276, 277, 297, 299, 301, 302, 304—306, 310, 313, 314, 327, 352, 353, 364, 370, 436, 468, 469, 486, 505, 533—536, 543, 544, 545, 546, 549, 570—572, 576—579, 581—585, 596, 607, 612, 625, 633, 634, 645, 647.
Копыловъ, подполковникъ, 438, 596.
Красовскій, А. И., 269.
Краузе, Ив. Ѳед., лекторъ, 11, 14, 18, 55, 56, 99, 197, 199.
Кроткова, Наталья, прапорщица, 437.
Крижановскій, пензенскій губернаторъ, 234.
Кругъ, Ф. И., академикъ, 94.
Крузъ, Иванъ, вольный слушатель, 514.
Крупениковъ, казанскій домовладѣлецъ, 181.
Кручининъ, Сем. Вас., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 209, 522, 583, 607.
Крюковъ, Левъ Дм., учитель живописи, 100, 124, 197, 435, 530.
Крюковъ, типографскій ученикъ, 338.
Кудрявцевъ, казанскій домовладѣлецъ, 434, 435.
Кужелевъ, и. д. директора нижегородск. училищъ, 255, 316.
Кузьминскій, Вас. Ив., студентъ, 543, 575, 596, 615.
Куклинъ, директоръ симбирской гимназіи, 94.
Кулаковъ, Ник. Ѳед., студентъ, 505, 537, 583, 600, 606, 607.
Куликовъ, капитанъ, 440.
Кунцевичъ, Г., 666.
Куракинъ, кн. А. Б., министръ внутр. дѣлъ, 288—290.
Курбунаковъ, Уразъ, слушатель университета, 407.
Курманаевъ, казанскій купецъ, 439.
Кушниковъ, Григ., коллежск. совѣтникъ, 369.
Кушниковъ, С. С., сенаторъ, 30, 122, 411, 412.

Лаврова, домовладѣлица, 435, 441.
Лаврскій, К. В., кандидатъ правъ, 453.
Лазаревъ, Алекс. Емел., учитель гимназіи, 51.
Лазаревъ, М. П., адмиралъ, 220.
Лангсдорфъ, гейдельбергскій профессоръ, 454.
Ланской, кіевскій губернаторъ, 423.
Ларіоновъ, Андр. Герас., смотритель унив. зданій, 338, 583—585, 596.
Ларіоновъ, Григ. Епиф., помѣщикъ, 19, 22.
Ларіоновъ, Серг. Епиф., артиллеріи маіоръ, 19, 22.
Ларіонова, Евдокія Серг., 22.
Ларіонова, Ирина Карл., 19.
Ласси (де), Б. П., казанскій губернаторъ, 413.
Ласточкинъ, Гурій Іевличъ, протоіерей Петропавловскаго собора, 261.
Ласточкинъ, Ив., наборщикъ, 342.
Лебедевъ, учитель чистопольскаго училища, 224.
Левицкій, Ал. Ѳед., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 573, 574, 592.
Левицкій, Лев. Сем., адъюнктъ, 46, 282, 283, 434, 443, 449, 453, 477.
Лейтеръ, Ив. Ѳед., лекторъ, 14, 55, 99, 124, 536.
Лентовскій, Алекс. Егор., лекарь, впосл. профессоръ, 62, 66—70, 72, 86, 220, 221, 434, 607.
Лентовскій, Егоръ, титул. совѣтникъ, 67.
Лепехинъ, И. И., академикъ, 224.
Лецкой, генералъ, 635.
Лешевичъ-Бородуличъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, 409.
Линдегренъ, Іос. Карл., кандидатъ, 72, 209, 472, 516, 607, 620, 624.
Литке, типографщикъ, 323.
Литтровъ, Іос. Антон., профессоръ, 8, 9, 11, 12, 74, 82, 89, 104—106, 110, 174, 176—178, 207, 209, 247, 422, 423, 424, 427, 435, 436, 446, 451, 453, 467, 470, 472, 475, 489, 490, 491, 517, 536, 551, 571, 585, 646, 647.
Литтровъ, Карлъ, 447.
Лихачевъ, Ник. Петр., докторъ русской исторіи, 347, 644.
Лихачевъ, казанскій помѣщикъ, 475.
Лобачевскій, А. Н., гвардіи поручикъ, 55.
Лобачевскій, Алексѣй Ив., адъюнктъ, 12, 18, 51—55, 74, 197, 198, 209, 215, 217—220, 232, 307, 472, 552, 553, 571, 580, 596, 606, 607, 616, 625, 647.
Лобачевскій, Николай Ив., профессоръ, 35, 51, 52, 70, 74, 80, 97, 110, 111, 153, 154, 156, 157, 162, 178, 179, 209, 435, 472, 505, 516, 528, 529, 537, 543, 552, 553, 569—572, 580, 596, 605—607, 616, 625, 646, 647.
Лохтинъ, Д. А., кандидатъ, 72.
Лубкинъ, Алекс. Степ., профессоръ, 11, 12, 25, 39, 79, 89, 90, 104, 117, 118, 120, 153, 156, 158, 260, 261, 275, 348, 534, 535, 645, 647.
Ляпуновъ, Як. Прох., студентъ, 551, 613—615.

Лаврова, домовладѣлица, 435, 441.
Лаврскій, К. В., кандидатъ правъ, 453.
Лазаревъ, Алекс. Емел., учитель гимназіи, 51.
Лазаревъ, М. П., адмиралъ, 220.
Лангсдорфъ, гейдельбергскій профессоръ, 454.
Ланской, кіевскій губернаторъ, 423.
Ларіоновъ, Андр. Герас., смотритель унив. зданій, 338, 583—585, 596.
Ларіоновъ, Григ. Епиф., помѣщикъ, 19, 22.
Ларіоновъ, Серг. Епиф., артиллеріи маіоръ, 19, 22.
Ларіонова, Евдокія Серг., 22.
Ларіонова, Ирина Карл., 19.
Ласси (де), Б. П., казанскій губернаторъ, 413.
Ласточкинъ, Гурій Іевличъ, протоіерей Петропавловскаго собора, 261.
Ласточкинъ, Ив., наборщикъ, 342.
Лебедевъ, учитель чистопольскаго училища, 224.
Левицкій, Ал. Өед., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 573, 574, 592.
Левицкій, Лев. Сем., адъюнктъ, 46, 282, 283, 434, 443, 449, 453, 477.
Лейтеръ, Ив. Өед., лекторъ, 14, 55, 99, 124, 536.
Лентовскій, Алекс. Егор., лекарь, впосл. профессоръ, 62, 66—70, 72, 86, 220, 221, 434, 607.
Лентовскій, Егоръ, титул. совѣтникъ, 67.
Лепехинъ, И. И., академикъ, 224.
Лецкой, генералъ, 635.
Лешевичъ-Бородуличъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, 409.
Линдегренъ, Іос. Карл., кандидатъ, 72, 209, 472, 516, 607, 620, 624.
Литке, типографщикъ, 323.
Литтровъ, Іос. Антон., профессоръ, 8, 9, 11, 12, 74, 82, 89, 104—106, 110, 174, 176—178, 207, 209, 247, 422, 423, 424, 427, 435, 436, 446, 451, 453, 467, 470, 472, 475, 489, 490, 491, 517, 536, 551, 571, 585, 646, 647.
Литтровъ, Карлъ, 447.
Лихачевъ, Ник. Петр., докторъ русской исторіи, 347, 644.
Лихачевъ, казанскій помѣщикъ, 475.
Лобачевскій, А. Н., гвардіи поручикъ, 55.
Лобачевскій, Алексѣй Ив., адъюнктъ, 12, 18, 51—55, 74, 197, 198, 209, 215, 217—220, 232, 307, 472, 552, 553, 571, 580, 596, 606, 607, 616, 625, 647.
Лобачевскій, Николай Ив., профессоръ, 35, 51, 52, 70, 74, 80, 97, 110, 111, 153, 154, 156, 157, 162, 178, 179, 209, 435, 472, 505, 516, 528, 529, 537, 543, 552, 553, 569—572, 580, 596, 605—607, 616, 625, 646, 647.
Лохтинъ, Д. А., кандидатъ, 72.
Лубкинъ, Алекс. Степ., профессоръ, 11, 12, 25, 39, 79, 89, 90, 104, 117, 118, 120, 153, 156, 158, 260, 261, 275, 348, 534, 535, 645, 647.
Ляпуновъ, Як. Прох., студентъ, 551, 613—615.

Мавзолевскій, директоръ томскихъ училищъ, 240.
Мавринъ, С. И., сенаторъ, 412.
Магницкій, Мих. Леонт., попечитель казанскаго учебнаго округа, 6, 7, 10, 13, 15, 16, 21, 22, 29, 30, 32, 38, 46, 50, 54—57, 66, 69, 71, 76, 93—95, 100, 111, 151, 168, 169, 171, 173, 182, 184, 186, 188, 190, 195, 196, 201, 202, 210, 219, 243, 276—278, 307, 321, 341, 343—346, 352, 361, 379, 380, 398, 400, 404, 406, 444, 465, 472—477, 485, 509, 510, 529, 551, 568, 595, 596, 600, 601, 609, 625, 626.
Маздорфъ, Александръ, 671.
Макаровъ, Алекс. Ив., студентъ, 536, 537.
Макаровъ, Серг. Ив., студентъ, 592.
Маклаковъ, Алекс. Степ., студентъ, 505, 598, 600.
Максютовъ, кн. Петръ Ив., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 215, 448, 621.
Малербъ, философъ, 308, 309.
Мальтицъ, баронъ, 146.
Мамышевъ, Хамзи, корректоръ и наборщикъ, 334, 335.
Манасеинъ, Ельп. Петр., 12, 18, 39—46, 58, 61, 72, 76, 96, 138, 151, 209, 220, 370, 436, 505, 522, 576—579, 606, 607, 620, 647.
Манасеинъ, Петръ Андр., дворянинъ, 44, 578.
Манасеинъ, домовладѣлецъ, 132.
Мансаръ, Францъ, учитель танцованія и фехтованія, 82, 589.
Мансуровъ, Бор. Алекс., казанскій губернаторъ, 226, 235, 287, 289, 290, 292, 299, 309, 336, 381, 411, 412, 414, 415, 417, 476, 488, 489, 492, 493, 513, 514.
Мансуровъ, Дм. Бор., пажъ, 514.
Мари, Іос. Ант., 144.
Марковъ, учитель астраханской гимн., 325.
Мартыновичъ, Іосифъ, 211.
Мартыновъ, Ив. Ив., директоръ департамента мин. нар. просвѣщ., 138, 148, 161, 170, 269.
Матони, Ив., учитель фехтованія, 82.
Мейеръ, А., актуарій иностр. коллегіи, 211.
Мейснеръ, учитель, 197, 342.
Менделѣевъ, Дм. Ив., извѣстный химикъ, 235.
Менделѣевъ, Ив. Павл., учитель, затѣмъ директоръ тобольскій гимназіи, 235.
Меньшагинъ, Василій, 342.
Мергасовъ, помѣщикъ, 396.
Мерзляковъ, А. Ѳ., профессоръ, 269.
Мертваго, сенаторъ, 45.
Мерцъ, врачъ, 386.
Мещерскій, князь, казанскій губернаторъ, 413.
Миллеръ, Ив. Егор., адъюнктъ, 474, 530, 648.

Мавзолевскій, директоръ томскихъ училищъ, 240.
Мавринъ, С. И., сенаторъ, 412.
Магницкій, Мих. Леонт., попечитель казанскаго учебнаго округа, 6, 7, 10, 13, 15, 16, 21, 22, 29, 30, 32, 38, 46, 50, 54 57, 66, 69, 71, 76, 93—95, 100, 111, 151, 168, 169, 171, 173, 182, 184, 186, 188, 190, 195, 196, 201, 202, 210, 219, 243, 276—278, 307, 321, 341, 343—346, 352, 361, 379, 380, 398, 400, 404, 406, 444, 465, 472—477, 485, 509, 510, 529, 551, 568, 595, 596, 600, 601, 609, 625, 626.
Маздорфъ, Александръ, 671.
Макаровъ, Алекс. Ив., студентъ, 536, 537.
Макаровъ, Серг. Ив., студентъ, 592.
Маклаковъ, Алекс. Степ., студентъ, 505, 598, 600.
Максютовъ, кн. Петръ Ив., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 215, 448, 621.
Малербъ, философъ, 308, 309.
Мальтицъ, баронъ, 146.
Мамышевъ, Хамзи, корректоръ и наборщикъ, 334, 335.
Манасеинъ, Ельп. Петр., 12, 18, 39—46, 58, 61, 72, 76, 96, 138, 151, 209, 220, 370, 436, 505, 522, 576—579, 606, 607, 620, 647.
Манасеинъ, Петръ Андр., дворянинъ, 44, 578.
Манасеинъ, домовладѣлецъ, 132.
Мансаръ, Францъ, учитель танцованія и фехтованія, 82, 589.
Мансуровъ, Бор. Алекс., казанскій губернаторъ, 226, 235, 287, 289, 290, 292, 299, 309, 336, 381, 411, 412, 414, 415, 417, 476, 488, 489, 492, 493, 513, 514.
Мансуровъ, Дм. Бор., пажъ, 514.
Мари, Іос. Ант., 144.
Марковъ, учитель астраханской гимн., 325.
Мартыновичъ, Іосифъ, 211.
Мартыновъ, Ив. Ив., директоръ департамента мин. нар. просвѣщ., 138, 148, 161, 170, 269.
Матони, Ив., учитель фехтованія, 82.
Мейеръ, А., актуарій иностр. коллегіи, 211.
Мейснеръ, учитель, 197, 342.
Менделѣевъ, Дм. Ив., извѣстный химикъ, 235.
Менделѣевъ, Ив. Павл., учитель, затѣмъ директоръ тобольскій гимназіи, 235.
Меньшагинъ, Василій, 342.
Мергасовъ, помѣщикъ, 396.
Мерзляковъ, А. Ѳ., профессоръ, 269.
Мертваго, сенаторъ, 45.
Мерцъ, врачъ, 386.
Мещерскій, князь, казанскій губернаторъ, 413.
Миллеръ, Ив. Егор., адъюнктъ, 474, 530, 648.

Мильгаузенъ, врачъ, 386.
Мильковичъ, Н. В., кандидатъ, 72.
Михайловъ, Алекс. Андр., студентъ, 574.
Михайловъ, Григ., претендентъ на кафедру, 17.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, 21, 149, 152, 181, 624, 644.
Михляевъ, казанскій купецъ, 661.
Мичуринъ, Гаврила, чердынскій мѣщанинъ, 660.
Можаровъ, Евгр. Никит., студентъ, 586, 588, 592, 598.
Моисеевъ, домовладѣлецъ, 167.
Молоствовъ, Влад. Порф., будущій попечитель каз. уч. округа, 366.
Молоствовъ, Порф. Петр., казанскій губ. предвод. дворянства, 402, 403, 414.
Молоствовъ, секундъ-маіоръ, домовладѣлецъ, 181, 401.
Москотильниковъ, Савва Андр., 269, 275, 276, 281.
Муравьевъ, М. Н., попечитель московскаго учебн. округа, 415.
Мусагутовъ, Муса, служащій типографіи, 342.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Ник., будущій попечитель каз. уч. округа, 345, 366, 367.
Мусинъ-Пушкинъ, Ник. Мих., надворный совѣтникъ, 366.
Мухановъ, А. И., казанскій губернаторъ, 333, 411.
Мухачева, коллежская секретарша, 438.
Мухачевъ, студентъ, 537.
Мячкова, барышня, 231, 453, 455—457, 459, 482.

Навроцкій, М. Т., оріенталистъ, 35.
Нагуевскій, Д. И., профессоръ, 106, 525, 536, 541, 558, 563, 623, 641, 656.
Наполеонъ I, императоръ, 23, 31, 77, 489.
Нейманъ, Ив. Егор., проф., 11, 12, 18, 26, 38—42, 44, 45, 58, 105, 138, 177, 209, 226, 247, 363, 364, 371—377, 427, 428, 472, 529, 576, 648.
Нейманъ, Петръ Христоф., учитель музыки, 100, 474, 482, 483.
Неѣловъ, помѣщикъ, нумизматъ, 227.
Никитина, Авдотья, солдатская дочь, 586.
Николаевъ, Ив. Спир., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 86, 563, 573, 583, 597, 598.
Николай I, императоръ, 114, 151, 152, 181.
Николай Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ, 32.
Никольскій, Григ. Борис., профессоръ, 12, 29, 52, 57, 73, 78, 97, 104, 110, 140, 141, 162—164, 166, 196, 197, 201, 212, 261, 268, 297, 301, 303, 344, 364, 436, 437, 439, 449, 450, 472, 530, 537, 538, 649.
Нимейеръ, коллежск. регистраторъ, 438.
Новиковы, бугурусланскія помѣщики, 390, 392.
Новиковъ, Андрей Вас., учитель музыки, 81, 100, 269, 270, 435, 437, 631, 649.
Новиковъ, А. И., помѣщикъ, 391, 392.

Мильгаузенъ, врачъ, 386.
Мильковичъ, Н. В., кандидатъ, 72.
Михайловъ, Алекс. Андр., студентъ, 574.
Михайловъ, Григ., претендентъ на кафедру, 17.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, 21, 149, 152, 181, 624, 644.
Михляевъ, казанскій купецъ, 661.
Мичуринъ, Гаврила, чердынскій мѣщанинъ, 660.
Можаровъ, Евгр. Никит., студентъ, 586, 588, 592, 598.
Моисеевъ, домовладѣлецъ, 167.
Молоствовъ, Влад. Порф., будущій попечитель каз. уч. округа, 366.
Молоствовъ, Порф. Петр., казанскій губ. предвод. дворянства, 402, 403, 414.
Молоствовъ, секундъ-маіоръ, домовладѣлецъ, 181, 401.
Москотильниковъ, Савва Андр., 269, 275, 276, 281.
Муравьевъ, М. Н., попечитель московскаго учебн. округа, 415.
Мусагутовъ, Муса, служащій типографіи, 342.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Ник., будущій попечитель каз. уч. округа, 345, 366, 367.
Мусинъ-Пушкинъ, Ник. Мих., надворный совѣтникъ, 366.
Мухановъ, А. И., казанскій губернаторъ, 333, 411.
Мухачева, коллежская секретарша, 438.
Мухачевъ, студентъ, 537.
Мячкова, барышня, 231, 453, 455—457, 459, 482.

Навроцкій, М. Т., оріенталистъ, 35.
Нагуевскій, Д. И., профессоръ, 106, 525, 536, 541, 558, 563, 623, 641, 656.
Наполеонъ I, императоръ, 23, 31, 77, 489.
Нейманъ, Ив. Егор., проф., 11, 12, 18, 26, 38—42, 44, 45, 58, 105, 138, 177, 209, 226, 247, 363, 364, 371—377, 427, 428, 472, 529, 576, 648.
Нейманъ, Петръ Христоф., учитель музыки, 100, 474, 482, 483.
Неѣловъ, помѣщикъ, нумизматъ, 227.
Никитина, Авдотья, солдатская дочь, 586.
Николаевъ, Ив. Спир., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 86, 563, 573, 583, 597, 598.
Николай I, императоръ, 114, 151, 152, 181.
Николай Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ, 32.
Никольскій, Григ. Борис., профессоръ, 12, 29, 52, 57, 73, 78, 97, 104, 110, 140, 141, 162—164, 166, 196, 197, 201, 212, 261, 268, 297, 301, 303, 344, 364, 436, 437, 439, 449, 450, 472, 530, 537, 538, 649.
Нимейеръ, коллежск. регистраторъ, 438.
Новиковы, бугурусланскія помѣщики, 390, 392.
Новиковъ, Андрей Вас., учитель музыки, 81, 100, 269, 270, 435, 437, 631, 649.
Новиковъ, А. И., помѣщикъ, 391, 392.

Новосильцевъ, Н. Н., попечитель с.-петерб. уч. округа, 415.
Нюхтиловъ, Дм. Степ., студентъ, 583.

Обрѣзковъ, П. А., сенаторъ, 366, 412, 458.
Овчинниковъ, студентъ, 536.
Озерецковскій, Н. Я., академикъ, 212, 224, 233.
Орловъ, графъ, директоръ лѣснаго департамента, 458.
Орловъ, учитель астраханской гимн., 325, 326.
Осокины, владѣльцы суконной фабрики, 55.
Осокинъ, помѣщикъ, 475.
Отсолигъ, Ѳед. Март., студентъ, 12, 18, 56, 61, 514, 607.

Павелъ I, императоръ, 18, 127, 636, 667.
Павелъ, архіепископъ казанскій, 402, 407.
Палласъ, П. С., академикъ, 224.
Пальчиковы, казанскіе домовладѣльцы, 434.
Панаевы, братья, 74, 229, 250, 253, 254, 255, 281.
Панаевъ, Влад. Ив., студентъ и кандидатъ, 47, 72, 229, 248, 266, 267, 269, 282, 447, 454, 476, 528, 550, 552, 603—605, 608, 620.
Панаевъ, Ив. Ив., казанскій дворянинъ, 281.
Панкратовъ, Гавр. Алекс., кандидатъ, 72, 215, 620, 624.
Папова, Анна Алекс., дочь статск. совѣтника, 588—590, 598.
Паповъ, А. В., домовладѣлецъ, 401, 589.
Парашинъ, купецъ, 587.
Парначевъ, Вас. Вас., студентъ, 591.
Перевощиковъ, Вас. Матв., профессоръ, 64, 74, 80, 99, 104, 109, 110, 140, 154, 176, 181, 205, 237, 240, 249, 250, 253, 254, 260, 268, 276, 296, 297, 299, 301, 303—305, 316, 353, 354, 364, 370, 426, 436, 453, 522, 528, 543, 546, 549, 551, 583, 607, 612, 614—616, 618, 625, 649, 650.
Перевощиковъ, Дм. Матв., 74, 75, 209, 250, 472, 527, 607, 615.
Перелешинъ, А. И., кандидатъ, 72.
Перелешинъ, Ив. Григ., капитанъ-командоръ казанскаго адмиралтейства, 398.
Перовъ, Пав. Ив., студентъ, 554, 671, 672, 676.
Персидскій, Григ., полковникъ, 393.
Пестель, И. Б., сенаторъ, сибирскій генералъ-губернаторъ, 235, 236, 401, 412.
Пестяковъ, Мих. Дм., кандидатъ, 72, 580, 605, 615.
Петерсъ, иностранецъ, 442.
Петровскій, Степ. Серг., адъюнктъ, 11, 97, 123, 124, 144, 214, 261, 274, 364.
Петровъ, главный надзиратель гимназіи, 199.
Петровъ, Алекс. Мих., студентъ, 614, 615,

Новосильцевъ, Н. Н., попечитель с.-петерб. уч. округа, 415.
Нюхтиловъ, Дм. Степ., студентъ, 583.

Обрѣзковъ, П. А., сенаторъ, 366, 412, 458.
Овчинниковъ, студентъ, 536.
Озерецковскій, Н. Я., академикъ, 212, 224, 233.
Орловъ, графъ, директоръ лѣснаго департамента, 458.
Орловъ, учитель астраханской гимн., 325, 326.
Осокины, владѣльцы суконной фабрики, 55.
Осокинъ, помѣщикъ, 475.
Отсолигъ, Ѳед. Март., студентъ, 12, 18, 56, 61, 514, 607.

Павелъ I, императоръ, 18, 127, 636, 667.
Павелъ, архіепископъ казанскій, 402, 407.
Палласъ, П. С., академикъ, 224.
Пальчиковы, казанскіе домовладѣльцы, 434.
Панаевы, братья, 74, 229, 250, 253, 254, 255, 281.
Панаевъ, Влад. Ив., студентъ и кандидатъ, 47, 72, 229, 248, 266, 267, 269, 282, 447, 454, 476, 528, 550, 552, 603—605, 608, 620.
Панаевъ, Ив. Ив., казанскій дворянинъ, 281.
Панкратовъ, Гавр. Алекс., кандидатъ, 72, 215, 620, 624.
Папова, Анна Алекс., дочь статск. совѣтника, 588—590, 598.
Паповъ, А. В., домовладѣлецъ, 401, 589.
Парашинъ, купецъ, 587.
Парначевъ, Вас. Вас., студентъ, 591.
Перевощиковъ, Вас. Матв., профессоръ, 64, 74, 80, 99, 104, 109, 110, 140, 154, 176, 181, 205, 237, 240, 249, 250, 253, 254, 260, 268, 276, 296, 297, 299, 301, 303—305, 316, 353, 354, 364, 370, 426, 436, 453, 522, 528, 543, 546, 549, 551, 583, 607, 612, 614—616, 618, 625, 649, 650.
Перевощиковъ, Дм. Матв., 74, 75, 209, 250, 472, 527, 607, 615.
Перелешинъ, А. И., кандидатъ, 72.
Перелешинъ, Ив. Григ., капитанъ-командоръ казанскаго адмиралтейства, 398.
Перовъ, Пав. Ив., студентъ, 554, 671, 672, 676.
Персидскій, Григ., полковникъ, 393.
Пестель, И. Б., сенаторъ, сибирскій генералъ-губернаторъ, 235, 236, 401, 412.
Пестяковъ, Мих. Дм., кандидатъ, 72, 580, 605, 615.
Петерсъ, иностранецъ, 442.
Петровскій, Степ. Серг., адъюнктъ, 11, 97, 123, 124, 144, 214, 261, 274, 364.
Петровъ, главный надзиратель гимназіи, 199.
Петровъ, Алекс. Мих., студентъ, 614, 615,

Петровъ, Петръ Ѳед., студентъ, 598.
Петръ Великій, императоръ, 661.
Пивоваровъ, Ник. Мих., студентъ, 563, 583, 597.
Пирхъ, бар. Альб. Карл., казанскій комендантъ, 388.
Плавильщиковъ, Василій Алексѣев., петербургскій книгопродавецъ, 324.
Плаксинъ, коммерціи совѣтникъ, 224.
Погодинъ, М. П., историкъ, 447.
Поликарповъ, Б. Г., протоіерей, префектъ дух. акад., 261.
Полиновскій, Мих. Вас., преподаватель дух. академіи, впосл. адъюнктъ, 12, 18, 56—58, 114, 275, 320, 443.
Политковскій, П. С., титул. совѣтникъ, 261.
Полянскій, Вас. Ипат., казанскій дворянинъ, 281.
Пономаревъ, Ив. Ант., слушатель университета, 498, 584.
Пономаревъ, П. А., изслѣдователь казанской старины, 320, 453.
Поповъ, А. В., профессоръ, 35.
Поповъ, Алекс. Никол., студентъ, 504, 505, 588, 592, 593, 598, 600, 605.
Поповъ, Ив. Мих., кандидатъ, 72, 620, 624.
Поповъ, Ив. Тим., кандидатъ, 620.
Поповъ, Н., студентъ, 528.
Поповъ, Павелъ, студентъ, 612, 614, 615.
Поповъ, директоръ пермскихъ училищъ, 240, 242.
Поспѣловъ, домовладѣлецъ, 492—494.
Постниковъ, Ефимъ, мѣщанинъ, 660.
Потоцкій, гр. С. О., попечитель харьковскаго уч. окр., 401, 415.
Потто, Іосифъ, вольный слушатель, 514.
Потто, частный приставъ, 417, 487—489.
Потто, казанскій нумизматъ, 227.
Просвирнинъ, воспитанникъ гимназіи, 536.
Протопоповъ, П. И., и. д. директора оренбургскихъ училищъ, 197, 255, 257.
Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ, 222, 225, 295, 661, 662.
Путиловъ, поступающій въ студенты, 566.
Пухинскій, главный надзиратель гимназіи, 432, 474, 481, 486, 489.
Пушкинъ, А. С., поэтъ, 222, 282, 436.
Пущинъ, П. П., казанскій губернаторъ, 410, 411.
Пятницкій, А. Г., дивизіонный докторъ, 260.
Пятовъ, Ал. Аѳ., студентъ, 522.

Раевскій, учитель пензенской гимназіи, 234, 239, 241, 242.
Разумовскій, гр. Алексѣй Кирилл., министръ народн. просвѣщенія, 10 37, 81, 84, 144, 154, 159, 167, 168, 171, 185, 213, 268, 289, 295, 296, 313, 326, 316, 619.
Рахметуллинъ, Гали, наборщикъ, 334.

Петровъ, Петръ Ѳед., студентъ, 598.
Петръ Великій, императоръ, 661.
Пивоваровъ, Ник. Мих., студентъ, 563, 583, 597.
Пирхъ, бар. Альб. Карл., казанскій комендантъ, 388.
Плавильщиковъ, Василій Алексѣев., петербургскій книгопродавецъ, 324.
Плаксинъ, коммерціи совѣтникъ, 224.
Погодинъ, М. П., историкъ, 447.
Поликарповъ, Б. Г., протоіерей, префектъ дух. акад., 261.
Полиновскій, Мих. Вас., преподаватель дух. академіи, впосл. адъюнктъ, 12, 18, 56—58, 114, 275, 320, 443.
Политковскій, П. С., титул. совѣтникъ, 261.
Полянскій, Вас. Ипат., казанскій дворянинъ, 281.
Пономаревъ, Ив. Ант., слушатель университета, 498, 584.
Пономаревъ, П. А., изслѣдователь казанской старины, 320, 453.
Поповъ, А. В., профессоръ, 35.
Поповъ, Алекс. Никол., студентъ, 504, 505, 588, 592, 593, 598, 600, 605.
Поповъ, Ив. Мих., кандидатъ, 72, 620, 624.
Поповъ, Ив. Тим., кандидатъ, 620.
Поповъ, Н., студентъ, 528.
Поповъ, Павелъ, студентъ, 612, 614, 615.
Поповъ, директоръ пермскихъ училищъ, 240, 242.
Поспѣловъ, домовладѣлецъ, 492—494.
Постниковъ, Ефимъ, мѣщанинъ, 660.
Потоцкій, гр. С. О., попечитель харьковскаго уч. окр., 401, 415.
Потто, Іосифъ, вольный слушатель, 514.
Потто, частный приставъ, 417, 487—489.
Потто, казанскій нумизматъ, 227.
Просвирнинъ, воспитанникъ гимназіи, 536.
Протопоповъ, П. И., и. д. директора оренбургскихъ училищъ, 197, 255, 257.
Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ, 222, 225, 295, 661, 662.
Путиловъ, поступающій въ студенты, 566.
Пухинскій, главный надзиратель гимназіи, 432, 474, 481, 486, 489.
Пушкинъ, А. С., поэтъ, 222, 282, 436.
Пущинъ, П. П., казанскій губернаторъ, 410, 411.
Пятницкій, А. Г., дивизіонный докторъ, 260.
Пятовъ, Ал. Аѳ., студентъ, 522.

Раевскій, учитель пензенской гимназіи, 234, 239, 241, 242.
Разумовскій, гр. Алексѣй Кирилл., министръ народн. просвѣщенія, 10 37, 81, 84, 144, 154, 159, 167, 168, 171, 185, 213, 268, 289, 295, 296, 313, 326, 316, 619.
Рахметуллинъ, Гали, наборщикъ, 334.

Реманъ, врачъ, 386.
Ренардъ, Іос. Христоф., адъюнктъ, 11, 13, 16, 53, 67, 81, 86, 87, 105, 110, 154, 177, 364, 371, 384, 385, 391, 432, 441, 442, 453, 475, 477, 495.
Реннеръ, Каспаръ Өед., профессоръ, 11, 12, 74, 105, 110, 119, 124, 176, 209, 214, 442, 449, 450, 453, 467, 483, 490, 517, 530, 538, 650.
Риттау, Өед. Мих., студентъ, впосл. учитель астраханской гимн., 325, 405, 612, 615.
Ришаръ, содержательница пансіона, 114.
Розе, спутникъ барона А. Гумбольдта, 230.
Рослейнъ, генералъ-маіоръ, 25, 382.
Румовскій, Степ. Яковл., попечитель казанскаго учебнаго округа, 47, 73, 74, 103, 134, 135, 142, 171, 191, 207, 213, 216, 221, 222, 225, 231, 247, 251—254, 256—259, 263—265, 283, 285—287, 289—291, 295, 296, 298, 302—304, 307—311, 313, 322, 324, 326, 336—338, 340, 342, 351, 363, 365, 371—378, 380, 395, 396, 400—404, 407, 414—416, 427, 430, 431, 434, 442, 443, 449, 453, 455—457, 459—463, 469, 479, 481—484, 489, 494, 495, 501, 502, 517, 523, 525, 530, 541, 542, 546, 547, 549, 550, 553, 560, 571, 576, 608, 609, 611, 612, 614, 616, 617, 619, 621, 633, 634, 639, 670.
Румянцевъ, графъ Н. П., государственный канцлеръ, 166, 167, 408.
Руничъ, Д. П., попечитель петербургскаго уч. окр., 10, 168.
Рыбушкинъ, Мих. Самс., учитель гимназіи, впосл. адъюнктъ, 58, 320, 353, 607, 615, 634, 664, 671, 672.
Рындовскій, Өед. Мих., штабъ-лекарь, 260, 261, 270, 274, 275.
Рыщева, дворянка, 593.
Рязановъ, Зах. Павл., казанскій антикваръ-книгопродавецъ, 223, 659.

Савиновъ, купецъ, 439.
Салтыкова, Елизав. Франц., 114.
Салтыкова, Софья Мих., 130.
Салтыковъ, Мих. Алекс., попечитель казанскаго учебнаго округа, 6, 28, 33, 45, 53, 66, 79, 88, 89, 102, 104, 106, 107—110, 113—118, 126, 129—139, 141—144, 146—151, 153—167, 169—179, 181, 183, 184, 216—218, 236, 263—265, 268, 271, 305, 309, 315, 323—326, 348, 383, 400, 444, 451, 465, 471, 473, 476, 479, 481, 484, 502, 503, 535, 554, 555, 557, 622.
Салтыковъ, Мих. Мих., 130.
Самсоновъ, Дорем. Петр., 62—66, 68, 74, 104, 112, 197, 199, 220, 275, 306, 307, 353, 477, 549, 571, 594, 616, 625, 650.
Санти, П. Л., сенаторъ, 30, 411, 412.
Сапожниковъ, Алекс. Григ., студентъ, 508, 593—595, 598, 599, 605.
Сапожниковъ, Григорій, смотритель симбирскаго уѣздн. училища, 595.
Саханскій, Ал. Дм., студентъ, 582.

Реманъ, врачъ, 386.
Ренардъ, Іос. Христоф., адъюнктъ, 11, 13, 16, 53, 67, 81, 86, 87, 105, 110, 154, 177, 364, 371, 384, 385, 391, 432, 441, 442, 453, 475, 477, 495.
Реннеръ, Каспаръ Өед., профессоръ, 11, 12, 74, 105, 110, 119, 124, 176, 209, 214, 442, 449, 450, 453, 467, 483, 490, 517, 530, 538, 650.
Риттау, Өед. Мих., студентъ, впосл. учитель астраханской гимн., 325, 405, 612, 615.
Ришаръ, содержательница пансіона, 114.
Розе, спутникъ барона А. Гумбольдта, 230.
Рослейнъ, генералъ-маіоръ, 25, 382.
Румовскій, Степ. Яковл., попечитель казанскаго учебнаго округа, 47, 73, 74, 103, 134, 135, 142, 171, 191, 207, 213, 216, 221, 222, 225, 231, 247, 251—254, 256—259, 263—265, 283, 285—287, 289—291, 295, 296, 298, 302—304, 307—311, 313, 322, 324, 326, 336—338, 340, 342, 351, 363, 365, 371—378, 380, 395, 396, 400—404, 407, 414—416, 427, 430, 431, 434, 442, 443, 449, 453, 455—457, 459—463, 469, 479, 481—484, 489, 494, 495, 501, 502, 517, 523, 525, 530, 541, 542, 546, 547, 549, 550, 553, 560, 571, 576, 608, 609, 611, 612, 614, 616, 617, 619, 621, 633, 634, 639, 670.
Румянцевъ, графъ Н. П., государственный канцлеръ, 166, 167, 408.
Руничъ, Д. П., попечитель петербургскаго уч. окр., 10, 168.
Рыбушкинъ, Мих. Самс., учитель гимназіи, впосл. адъюнктъ, 58, 320, 353, 607, 615, 634, 664, 671, 672.
Рындовскій, Өед. Мих., штабъ-лекарь, 260, 261, 270, 274, 275.
Рыщева, дворянка, 593.
Рязановъ, Зах. Павл., казанскій антикваръ-книгопродавецъ, 223, 659.

Савиновъ, купецъ, 439.
Салтыкова, Елизав. Франц., 114.
Салтыкова, Софья Мих., 130.
Салтыковъ, Мих. Алекс., попечитель казанскаго учебнаго округа, 6, 28, 33, 45, 53, 66, 79, 88, 89, 102, 104, 106, 107—110, 113—118, 126, 129—139, 141—144, 146—151, 153—167, 169—179, 181, 183, 184, 216—218, 236, 263—265, 268, 271, 305, 309, 315, 323—326, 348, 383, 400, 444, 451, 465, 471, 473, 476, 479, 481, 484, 502, 503, 535, 554, 555, 557, 622.
Салтыковъ, Мих. Мих., 130.
Самсоновъ, Дорем. Петр., 62—66, 68, 74, 104, 112, 197, 199, 220, 275, 306, 307, 353, 477, 549, 571, 594, 616, 625, 650.
Санти, П. Л., сенаторъ, 30, 411, 412.
Сапожниковъ, Алекс. Григ., студентъ, 508, 593—595, 598, 599, 605.
Сапожниковъ, Григорій, смотритель симбирскаго уѣздн. училища, 595.
Саханскій, Ал. Дм., студентъ, 582.

Саханскій, Вас. Дм., кандидатъ, 72, 86, 536, 549, 564, 607.
Саханскій, Григ. Дм., студентъ, 565, 597, 600, 601.
Саханскій, штабъ-лекарь, 437.
Сахаровы, домовладѣльцы, 434.
Сейфулинъ, Тащъ-Магометъ, воспитанникъ гимназіи, 407.
Сейфулинъ, мулла, 226.
Семерингъ, мюнхенскій ученый, 94.
Сергѣевъ, дѣйствит. ст. совѣтникъ, 125.
Сидоровъ, Д. В., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 615.
Сильвестръ, оріенталистъ, 335.
Симоновъ, Григ. Егор., казанскій полицеймейстеръ, 124, 552, 587.
Симоновъ, Ив. Мих., профессоръ, 12, 51, 70, 74, 80, 87—89, 93, 97, 100 104, 111, 130, 153, 154, 156, 157, 162, 177—179, 197, 198, 209, 220 221, 239, 269, 370, 442, 449, 451, 472, 516, 607, 625, 646, 650.
Скандовскій, Н. А., профессоръ, 395.
Скворцовъ, Мих. Вас., кандидатъ, 72, 574, 624.
Словцовъ, П. А., директоръ иркутскихъ училищъ, 240, 242, 269.
Смирновъ, Африк. Григ., студентъ, 533, 580, 581.
Соймоновъ, В. Ю., сенаторъ, 30, 412.
Соколова, жена наборщика, 461, 462.
Соколовъ, Д. М., членъ россійской академіи, 261.
Соколовъ, наборщикъ, 342.
Сокольскій, И. И., предсѣдатель казенной палаты, 260.
Сокольскій, Иванъ, воспитанникъ гимназіи, 599.
Солнцевъ, Гавр. Ильичъ, профессоръ, 12, 18, 23—32, 42, 44, 46, 58—60, 76, 77, 79, 80, 96, 109, 110, 113, 117, 118, 129, 153, 154, 156—164, 187, 194—197, 201, 344, 439, 529, 546, 551, 568, 569, 575, 629, 630, 651, 653.
Соловьевъ, А, М., кандидатъ, впосл. учитель, 72, 241, 269, 624.
Соловьевъ, А. Т., начальникъ унив. типографіи, 346, 347, 654, 665.
Соловьевъ, Дм. Алекс., студентъ, 586.
Соловьевъ, Ник. Алекс., студентъ, 574, 588—591, 598, 601, 605.
Соловьевъ, претендентъ на кафедру, 16, 17.
Сопиковъ, купецъ, 356.
Сперанскій, Мих. Мих., тайный совѣтникъ, 94, 277, 374, 436.
Спиридоновъ, М. Г., сенаторъ, 412.
Спиридоновъ, Петръ, 342.
Спиридоновъ, Серг. Илл., кандидатъ, 72, 624.
Срезневскій, Ив. Евсев., профессоръ, 269.
Срезневскій, Іос. Евсев., профессоръ, 12, 39, 42, 75, 80, 93, 96, 104, 110, 140, 176, 180, 187, 198, 206, 267, 269, 274—276, 306, 307, 359, 360, 370, 451, 549, 625, 651, 652,
Stauntz, невѣста профессора Френа, 464.
Степановъ, Аѳан., служащій типографіи, 342.

Саханскій, Вас. Дм., кандидатъ, 72, 86, 536, 549, 564, 607.
Саханскій, Григ. Дм., студентъ, 565, 597, 600, 601.
Саханскій, штабъ-лекарь, 437.
Сахаровы, домовладѣльцы, 434.
Сейфулинъ, Тащъ-Магометъ, воспитанникъ гимназіи, 407.
Сейфулинъ, мулла, 226.
Семерингъ, мюнхенскій ученый, 94.
Сергѣевъ, дѣйствит. ст. совѣтникъ, 125.
Сидоровъ, Д. В., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 615.
Сильвестръ, оріенталистъ, 335.
Симоновъ, Григ. Егор., казанскій полицеймейстеръ, 124, 552, 587.
Симоновъ, Ив. Мих., профессоръ, 12, 51, 70, 74, 80, 87—89, 93, 97, 100 104, 111, 130, 153, 154, 156, 157, 162, 177—179, 197, 198, 209, 220 221, 239, 269, 370, 442, 449, 451, 472, 516, 607, 625, 646, 650.
Скандовскій, Н. А., профессоръ, 395.
Скворцовъ, Мих. Вас., кандидатъ, 72, 574, 624.
Словцовъ, П. А., директоръ иркутскихъ училищъ, 240, 242, 269.
Смирновъ, Африк. Григ., студентъ, 533, 580, 581.
Сoймoновъ, В. Ю., сенаторъ, 30, 412.
Соколова, жена наборщика, 461, 462.
Соколовъ, Д. М., членъ россійской академіи, 261.
Соколовъ, наборщикъ, 342.
Сокольскій, И. И., предсѣдатель казенной палаты, 260.
Сокольскій, Иванъ, воспитанникъ гимназіи, 599.
Солнцевъ, Гавр. Ильичъ, профессоръ, 12, 18, 23—32, 42, 44, 46, 58—60, 76, 77, 79, 80, 96, 109, 110, 113, 117, 118, 129, 153, 154, 156—164, 187, 194—197, 201, 344, 439, 529, 546, 551, 568, 569, 575, 629, 630, 651, 653.
Соловьевъ, А, М., кандидатъ, впосл. учитель, 72, 241, 269, 624.
Соловьевъ, А. Т., начальникъ унив. типографіи, 346, 347, 654, 665.
Соловьевъ, Дм. Алекс., студентъ, 586.
Соловьевъ, Ник. Алекс., студентъ, 574, 588—591, 598, 601, 605.
Соловьевъ, претендентъ на кафедру, 16, 17.
Сопиковъ, купецъ, 356.
Сперанскій, Мих. Мих., тайный совѣтникъ, 94, 277, 374, 436.
Спиридоновъ, М. Г., сенаторъ, 412.
Спиридоновъ, Петръ, 342.
Спиридоновъ, Серг. Илл., кандидатъ, 72, 624.
Срезневскій, Ив. Евсев., профессоръ, 269.
Срезневскій, Іос. Евсев., профессоръ, 12, 39, 42, 75, 80, 93, 96, 104, 110, 140, 176, 180, 187, 198, 206, 267, 269, 274—276, 306, 307, 359, 360, 370, 451, 549, 625, 651, 652,
Stauntz, невѣста профессора Френа, 464.
Степановъ, Аѳан., служащій типографіи, 342.

Стефани, учитель, 197, 527.
Столбовскій, частный приставъ, 411.
Столыпинъ, оберъ-прокуроръ сената, 23.
Сторль, Макс. Людвигъ, профессоръ, 62, 63, 417, 428, 432, 441, 453, 460—462, 464, 467, 474, 487—493, 522, 527, 530, 534, 652.
Страховъ, подполковникъ, 229.
Строгановъ, гр. П. А., 335.
Стрѣлковъ, Ник. Ник., студентъ, 575, 576, 583, 596.
Сумароковъ, Ѳед., воспитанникъ гимназіи, 533.
Сунгуровъ, Алекс., словолитчикъ, 342.
Сухановъ, казанскій книгопродавецъ, 348.
Сыромятниковъ, Яковъ Степ., врачъ, 607.
Сычуговъ, Ив. Петр., 12, 18, 56, 58—61, 69, 197, 505, 532, 536, 581, 652.
Сычуговъ, Мих. Кир., студентъ, 583, 588, 600, 601.
Сычуговъ, Серг. Кир., студентъ, 583, 584.

Татьянушка, солдатка, 456, 459.
Тверитинова, домовладѣлица, 31.
Телешевъ, Ив. Як., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 574, 592, 624.
Тенишевъ, князь, 458.
Тефлингеръ, Ѳед. Ив., учитель музыки, 82.
Тиле, Вас. Леонт., инспекторъ врачебной управы, 426.
Тимковскій, И. Ѳ., профессоръ, 60.
Тимьянскій, Вас. Ил., профессоръ, 53, 72, 74, 97, 104, 110, 197, 198, 223, 229, 306, 311, 393, 452, 472, 504, 505, 546, 549, 606, 607, 625.
Тирановъ, Вас. Ал., студентъ, 573, 583, 597.
Титовъ, Алекс. Мих., директоръ казанской гимн., 333.
Толстой, гр. И. А., казанскій губернаторъ, 200, 411, 412, 417.
Толстой, графъ Л. Н., писатель, 377, 411.
Толстыхъ, Иванъ, слушатель университета, 514.
Томасъ, Ив. Григ., профессоръ, 49, 77, 98, 105, 110, 124, 175, 200, 363, 370, 436, 448, 453, 466, 490, 491, 534, 557, 561, 653.
Тургеневъ, А. И., 269.

Уденъ, врачъ, 386.
Упадышевскій, Вас. Петр., надзиратель гимназіи, 583.
Упадышевскій, Н., учитель, 197, 389, 543, 612, 615.
Успенскій, Г. П., 269.
Уфимцевъ, Мих. Ив., студентъ, 565, 574, 586, 588—591, 593, 597, 598, 605.
Ушмарскій, Ак. Ал., экзекуторъ университета, 439.

Фавръ, Ден. Льв., учитель танцованія, 402.
Федоровъ, Н. И., колл. секретарь, 260, 261.

Стефани, учитель, 197, 527.
Столбовскій, частный приставъ, 411.
Столыпинъ, оберъ-прокуроръ сената, 23.
Сторль, Макс. Людвигъ, профессоръ, 62, 63, 417, 428, 432, 441, 453, 460—462, 464, 467, 474, 487—493, 522, 527, 530, 534, 652.
Страховъ, подполковникъ, 229.
Строгановъ, гр. П. А., 335.
Стрѣлковъ, Ник. Ник., студентъ, 575, 576, 583, 596.
Сумароковъ, Ѳед., воспитанникъ гимназіи, 533.
Сунгуровъ, Алекс., словолитчикъ, 342.
Сухановъ, казанскій книгопродавецъ, 348.
Сыромятниковъ, Яковъ Степ., врачъ, 607.
Сычуговъ, Ив. Петр., 12, 18, 56, 58—61, 69, 197; 505, 532, 536, 581, 652.
Сычуговъ, Мих. Кир., студентъ, 583, 588, 600, 601.
Сычуговъ, Серг. Кир., студентъ, 583, 584.

Татьянушка, солдатка, 456, 459.
Тверитинова, домовладѣлица, 31.
Телешевъ, Ив. Як., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 574, 592, 624.
Тенишевъ, князь, 458.
Тефлингеръ, Ѳед. Ив., учитель музыки, 82.
Тиле, Вас. Леонт., инспекторъ врачебной управы, 426.
Тимковскій, И. Ѳ., профессоръ, 60.
Тимьянскій, Вас. Ил., профессоръ, 53, 72, 74, 97, 104, 110, 197, 198, 223, 229, 306, 311, 393, 452, 472, 504, 505, 546, 549, 606, 607, 625.
Тирановъ, Вас. Ал., студентъ, 573, 583, 597.
Титовъ, Алекс. Мих., директоръ казанской гимн., 333.
Толстой, гр. И. А., казанскій губернаторъ, 200, 411, 412, 417.
Толстой, графъ Л. Н., писатель, 377, 411.
Толстыхъ, Иванъ, слушатель университета, 514.
Томасъ, Ив. Григ., профессоръ, 49, 77, 98, 105, 110, 124, 175, 200, 363, 370, 436, 448, 453, 466, 490, 491, 534, 557, 561, 653.
Тургеневъ, А. И., 269.

Уденъ, врачъ, 386.
Упадышевскій, Вас. Петр., надзиратель гимназіи, 583.
Упадышевскій, Н., учитель, 197, 389, 543, 612, 615.
Успенскій, Г. П., 269.
Уфимцевъ, Мих. Ив., студентъ, 565, 574, 586, 588—591, 593, 597, 598, 605.
Ушмарскій, Ак. Ал., экзекуторъ университета, 439.

Фавръ, Ден. Льв., учитель танцованія, 402.
Федоровъ, Н. И., колл. секретарь, 260, 261.

Филипповскій, Ник. Андр., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 86, 581—583, 597.
Финке, Ив. Арн., профессоръ, 11, 12, 25, 38, 39, 40, 41, 44, 58, 75, 78, 105, 109, 119, 207, 209, 211, 363, 364, 368, 375, 376, 427, 428, 422, 433, 435, 436, 441, 442, 453, 454, 460, 465—471, 475, 482, 490, 653.
Фойгтъ, Карлъ Амвр., профессоръ, 428, 434, 453, 454, 472, 474, 478, 481, 520, 527, 530, 618, 619, 653.
Френъ, Христ. Дан., профессоръ, 8, 11, 12, 14, 32, 33, 64, 94, 105, 106, 109, 119, 120, 124, 166, 174—176, 208, 209, 215—217, 224, 225, 227, 335, 358, 392, 404, 405, 434, 454, 463—471, 475, 482, 490, 493, 494, 520, 522, 527, 530, 538, 654, 656.
Фуксъ, Александра Андр., 453.
Фуксъ, Карлъ Ѳед., профессоръ, 6, 7, 8, 11, 13, 16, 53, 55, 96, 98, 100, 110, 111, 124, 141, 175, 182, 205, 209, 212, 214, 215, 223, 226—229, 230, 231, 235, 245, 252, 260, 301, 317, 352, 353, 378, 382, 384, 393—396, 405, 410, 416, 418, 421, 424, 425, 432, 436, 441, 444, 451—453, 455—457, 459, 467, 479, 482, 485, 490, 494, 517, 527, 530, 655, 659—666.
Фуссъ, Н. И., академикъ, 134, 135, 169, 428, 434, 436, 454, 476, 489, 572.

Хальфинъ, Ибрагимъ Исаев., лекторъ, 99, 197, 199, 334, 335, 340, 351, 357, 360, 405, 436, 655.
Хальфинъ, Шагинъ-Гирей, слушатель университета, 407.
Хворовъ, казанскій купецъ, 123, 558, 565.
Хвостовъ, гр. Д. И., 269.
Холмогоровъ, И. Н., оріенталистъ, 35.
Храповицкій, А. А., директоръ астраханскихъ училищъ, 216, 241, 323, 325, 326.

Цеплинъ, Петръ Андр., профессоръ, 18, 95, 105, 109, 110, 119, 129, 175, 176, 197, 198, 252, 253, 417, 441, 471, 481, 485, 508, 655, 656.
Цихсенъ, О. Г. профессоръ ростокскаго университета, 14, 32, 33.

Чарторижскій, кн. А. А., попечитель виленскаго уч. окр., 415, 460, 462.
Чашковъ, Ник. Петр., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 554, 582, 624.
Чеадаевъ, Влад. Ал., кандидатъ, 72, 624.
Чекіевъ, директоръ оренбургскихъ училищъ, 28.
Черновъ, Ан. Алекс., кассиръ университета, 199.
Черновъ, И., казанскій издатель, 664.
Чернявскій, И. И., профессоръ, 269, 282, 283.
Честновъ, Алекс. Ив., студентъ, 546, 583, 584, 615.
Чугуновъ, Андр. Кир., профессоръ 320.
Чуфаровъ, Пав. Вас., студентъ, 596, 615.
Чхейзе, кн. Петръ Ив., студентъ, 597.

Филипповскій, Ник. Андр., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 86, 581—583, 597.
Финке, Ив. Арн., профессоръ, 11, 12, 25, 38, 39, 40, 41, 44, 58, 75, 78, 105, 109, 119, 207, 209, 211, 363, 364, 368, 375, 376, 427, 428, 422, 433, 435, 436, 441, 442, 453, 454, 460, 465—471, 475, 482, 490, 653.
Фойгтъ, Карлъ Амвр., профессоръ, 428, 434, 453, 454, 472, 474, 478, 481, 520, 527, 530, 618, 619, 653.
Френъ, Христ. Дан., профессоръ, 8, 11, 12, 14, 32, 33, 64, 94, 105, 106, 109, 119, 120, 124, 166, 174—176, 208, 209, 215—217, 224, 225, 227, 335, 358, 392, 404, 405, 434, 454, 463—471, 475, 482, 490, 493, 494, 520, 522, 527, 530, 538, 654, 656.
Фуксъ, Александра Андр., 453.
Фуксъ, Карлъ Ѳед., профессоръ, 6, 7, 8, 11, 13, 16, 53, 55, 96, 98, 100, 110, 111, 124, 141, 175, 182, 205, 209, 212, 214, 215, 223, 226—229, 230, 231, 235, 245, 252, 260, 301, 317, 352, 353, 378, 382, 384, 393—396, 405, 410, 416, 418, 421, 424, 425, 432, 436, 441, 444, 451—453, 455—457, 459, 467, 479, 482, 485, 490, 494, 517, 527, 530, 655, 659—666.
Фуссъ, Н. И., академикъ, 134, 135, 169, 428, 434, 436, 454, 476, 489, 572.

Хальфинъ, Ибрагимъ Исаев., лекторъ, 99, 197, 199, 334, 335, 340, 351, 357, 360, 405, 436, 655.
Хальфинъ, Шагинъ-Гирей, слушатель университета, 407.
Хворовъ, казанскій купецъ, 123, 558, 565.
Хвостовъ, гр. Д. И., 269.
Холмогоровъ, И. Н., оріенталистъ, 35.
Храповицкій, А. А., директоръ астраханскихъ училищъ, 216, 241, 323, 325, 326.

Цеплинъ, Петръ Андр., профессоръ, 18, 95, 105, 109, 110, 119, 129, 175, 176, 197, 198, 252, 253, 417, 441, 471, 481, 485, 508, 655, 656.
Цихсенъ, О. Г. профессоръ ростокскаго университета, 14, 32, 33.

Чарторижскій, кн. А. А., попечитель виленскаго уч. окр., 415, 460, 462.
Чашковъ, Ник. Петр., студентъ, затѣмъ кандидатъ, 72, 554, 582, 624.
Чеадаевъ, Влад. Ал., кандидатъ, 72, 624.
Чекіевъ, директоръ оренбургскихъ училищъ, 28.
Черновъ, Ан. Алекс., кассиръ университета, 199.
Черновъ, И., казанскій издатель, 664.
Чернявскій, И. И., профессоръ, 269, 282, 283.
Честновъ, Алекс. Ив., студентъ, 546, 583, 584, 615.
Чугуновъ, Андр. Кир., профессоръ 320.
Чуфаровъ, Пав. Вас., студентъ, 596, 615.
Чхейзе, кн. Петръ Ив., студентъ, 597.

Шабровъ, А. Н., кандидатъ, 72.
Шадъ, І. Г., профессоръ, 10, 11.
Шарпіо, Георг. Клим., лекторъ, 491, 656.
Шелудко-Тектоновъ, Ал. Троф., студентъ, 565, 573, 597.
Шенбергъ, аптекарь, 436.
Ширгязи-Айчувакъ, киргизскій ханъ, 406.
Ширшовъ, типографскій служащій, 342.
Шитцъ, Петръ Ив., студентъ, 505, 537, 565, 583, 600.
Шишковъ, Алекс. Сем., адмиралъ, президентъ россійскй академіи, впосл. министръ нар. просв., 269.
Шлегель, претендентъ на кафедру, 13.
Шляпниковъ, учитель, 241.
Шнорръ, К. И., университетскій переводчикъ, 113.
Шноръ, содержатель типографіи, 333.
Шо́никъ, Степ. Фр., магистръ, 72, 74, 104, 223, 231, 472, 588, 592, 593, 597, 625, 656.
Шпаковскій, учитель астраханской гимн., 326.
Шпилевскій, С. М., профессоръ, 320, 659.
Шредеръ, директоръ нижегородскихъ училищъ, 239.
Шретеръ, булочникъ, 124.
Штернъ (фонъ), баронъ, иностранный лекарь, 86.
Штофрегенъ, врачъ, 386.
Штукенбергъ, Алекс. Ант., профессоръ, 229, 655.
Шубинъ, Андрей Як., студентъ, 615.
Шумковскій Евст., типографскій ученикъ, 342.
Шутихинъ, Мих. Ем., студентъ, 574, 591.

Эвестъ, Θеод. Леонт., адъюнктъ, 232, 382, 417, 441, 453, 477, 481, 482, 495, 527, 530, 542, 656.
Эйбенъ, баронъ, директоръ тобольскихъ училищъ, 235.
Эйлеръ, Леонардъ математикъ, 454.
Эйхвальдъ, Эд. Ив., профессоръ, 454.
Энсгольмъ, И. И., вице-президентъ медико-хирургич. академіи, 94.
Эрдманъ, Францъ Иван., профессоръ, 11, 12, 18, 32—36, 105, 454, 656.
Эрдманъ, Θеод. Христоф., профессоръ, 8, 11, 12, 15, 16, 67, 78, 104—106, 109, 118—120, 174—176, 205, 206, 214, 224, 230—232, 301, 310, 311, 329, 330, 348, 384, 391, 397, 432, 451, 454, 467—469, 491, 538, 656, 657.
Эрихъ, Ив. Ив., профессоръ, 64, 82, 98, 105, 110, 119, 175, 176, 359, 434, 453, 475, 483, 491, 526—528, 530, 567, 618, 657.
Эро, учитель вятской гимн., 14.
Эссенъ, П. К., оренбургскій военн. губернаторъ, 94.

Юнаковъ, Мих. Ал., адъюнктъ, 12, 18, 36—38, 49, 62, 74, 99, 104, 110, 118, 140, 197, 237, 240, 274, 275, 306, 311, 370, 405, 439, 504, 505, 533, 549, 564, 571, 581, 593, 594, 597, 607, 616, 625, 657.

Шабровъ, А. Н., кандидатъ, 72.
Шадъ, І. Г., профессоръ, 10, 11.
Шарпіо, Георг. Клим., лекторъ, 491, 656.
Шелудко-Тектоновъ, Ал. Троф., студентъ, 565, 573, 597.
Шенбергъ, аптекарь, 436.
Ширгязи-Айчувакъ, киргизскій ханъ, 406.
Ширшовъ, типографскій служащій, 342.
Шитцъ, Петръ Ив., студентъ, 505, 537, 565, 583, 600.
Шишковъ, Алекс. Сем., адмиралъ, президентъ россійскй академіи, впосл. министръ нар. просв., 269.
Шлегель, претендентъ на кафедру, 13.
Шляпниковъ, учитель, 241.
Шнорръ, К. И., университетскій переводчикъ, 113.
Шноръ, содержатель типографіи, 333.
Шо́никъ, Степ. Фр., магистръ, 72, 74, 104, 223, 231, 472, 588, 592, 593, 597, 625, 656.
Шпаковскій, учитель астраханской гимн., 326.
Шпилевскій, С. М., профессоръ, 320, 659.
Шредеръ, директоръ нижегородскихъ училищъ, 239.
Шретеръ, булочникъ, 124.
Штернъ (фонъ), баронъ, иностранный лекарь, 86.
Штофрегенъ, врачъ, 386.
Штукенбергъ, Алекс. Ант., профессоръ, 229, 655.
Шубинъ, Андрей Як., студентъ, 615.
Шумковскій Евст., типографскій ученикъ, 342.
Шутихинъ, Мих. Ем., студентъ, 574, 591.

Эвестъ, Өеод. Леонт., адъюнктъ, 232, 382, 417, 441, 453, 477, 481, 482, 495, 527, 530, 542, 656.
Эйбенъ, баронъ, директоръ тобольскихъ училищъ, 235.
Эйлеръ, Леонардъ математикъ, 454.
Эйхвальдъ, Эд. Ив., профессоръ, 454.
Энсгольмъ, И. И., вице-президентъ медико-хирургич. академіи, 94.
Эрдманъ, Францъ Иван., профессоръ, 11, 12, 18, 32—36, 105, 454, 656.
Эрдманъ, Өеод. Христоф, профессоръ, 8, 11, 12, 15, 16, 67, 78, 104—106, 109, 118—120, 174—176, 205, 206, 214, 224, 230—232, 301, 310, 311, 329, 330, 348, 384, 391, 397, 432, 451, 454, 467—469, 491, 538, 656, 657.
Эрихъ, Ив. Ив, профессоръ, 64, 82, 98, 105, 110, 119, 175, 176, 359, 434, 453, 475, 483, 491, 526—528, 530, 567, 618, 657.
Эро, учитель вятской гимн., 14.
Эссенъ, П. К., оренбургскій военн. губернаторъ, 94.

Юнаковъ, Мих. Ал., адъюнктъ, 12, 18, 36—38, 49, 62, 74, 99, 104, 110, 118, 140, 197, 237, 240, 274, 275, 306, 311, 370, 405, 439, 504, 505, 533, 549, 564, 571, 581, 593, 594, 597, 607, 616, 625, 657.

Юнусовъ, арендаторъ азіятской типографіи, 334.
Юферовъ, И. О., кандидатъ, 72.
Юферовъ, Ос. Як., секретарь правленія, 149.
Юшковъ, К. А., домовладѣлецъ, 434.

Ягодкинъ, словолитчикъ, 337.
Яковкина, Антонина Ильинишна, 448.
Яковкина, Прасковья Ильинишна, 448, 454.
Яковкинъ, Григ. Алекс., учитель гимназіи, 260.
Яковкинъ, Илья Θеодоровичъ, профессоръ и директоръ гимназіи, 5, 28, 37, 46—50, 62, 65, 80, 98, 102—104, 107, 108, 109, 111, 112, 118, 119, 122, 126—130, 134, 135, 137, 140—142, 155, 156, 165, 166, 171, 173—176, 181, 182, 186, 187, 196, 213, 214, 221—225, 227—231, 246, 247, 249, 251—254, 256—258, 261, 266—268, 271, 272, 274, 275, 276, 283—287, 291, 297, 299, 300, 336—340, 342—344, 347, 363—366, 368, 369, 374, 375, 377—380, 395, 396, 400—404, 406, 410, 414—416, 429—437, 441—445, 447, 448, 453—457, 459, 461—466, 468, 469, 471—476, 478—490, 492, 494, 497, 499, 502, 522, 526, 530, 533, 540—542, 544, 545—555, 560, 571, 572, 575, 576, 578, 579, 585, 596, 602, 606, 608, 611—613, 619, 658.
Ярцовъ, Януарій Осип., магистръ, 11, 33, 72, 76, 197, 209, 215—217, 225, 226, 404, 504, 522, 607, 658.
Яушевъ, Батирша, наборщикъ, 342.
Ящеровъ, титул. совѣтникъ, 379.

Θеоновъ, В. Т., кандидатъ, 72, 166, 180.
Θеофанъ, архимандритъ, профессоръ богословія, 192, 200.

Юнусовъ, арендаторъ азіятской типографіи, 334.
Юферовъ, И. О., кандидатъ, 72.
Юферовъ, Ос. Як., секретарь правленія, 149.
Юшковъ, К. А., домовладѣлецъ, 434.

Ягодкинъ, словолитчикъ, 337.
Яковкина, Антонина Ильинишна, 448.
Яковкина, Прасковья Ильинишна, 448, 454.
Яковкинъ, Григ. Алекс., учитель гимназіи, 260.
Яковкинъ, Илья Θеодоровичъ, профессоръ и директоръ гимназіи, 5, 28, 37, 46—50, 62, 65, 80, 98, 102—104, 107, 108, 109, 111, 112, 118, 119, 122, 126—130, 134, 135, 137, 140—142, 155, 156, 165, 166, 171, 173—176, 181, 182, 186, 187, 196, 213, 214, 221—225, 227—231, 246, 247, 249, 251—254, 256—258, 261, 266—268, 271, 272, 274, 275, 276, 283—287, 291, 297, 299, 300, 336—340, 342—344, 347, 363—366, 368, 369, 374, 375, 377—380, 395, 396, 400—404, 406, 410, 414—416, 429—437, 441—445, 447, 448, 453—457, 459, 461—466, 468, 469, 471—476, 478—490, 492, 494, 497, 499, 502, 522, 526, 530, 533, 540—542, 544, 545—555, 560, 571, 572, 575, 576, 578, 579, 585, 596, 602, 606, 608, 611—613, 619, 658.
Ярцовъ, Януарій Осип., магистръ, 11, 33, 72, 76, 197, 209, 215—217, 225, 226, 404, 504, 522, 607, 658.
Яушевъ, Батирша, наборщикъ, 342.
Ящеровъ, титул. совѣтникъ, 379.

Θеоновъ, В. Т., кандидатъ, 72, 166, 180.
Θеофанъ, архимандритъ, профессоръ богословія, 192, 200.

Ссылки и примѣчанія

Ссылки и примѣчанія

[1] М. де-Пуле: «Николай Иванович Второвъ», Русск. Арх. за 1877 г., VII, стр. 346.

[2] См. «Вѣдомость, показывающая сколько съ основанія университета находилось въ немъ ежегодно студентовъ», въ «Дѣлѣ о праздновании 50-ти лѣтняго юбилея университета» (архивъ каз. унив. 1853, Сов., № 5).

[3] Сухомлиновъ: «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи», I, стр. 35, 72, 100—101. «Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія», томъ I (Спб. 1866), № 125.

[4] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 141, 1815, № 28, 1816, №№ 67 и 81, 1817, №№ 70, 111 и 149 (л.л. 59—60), Попеч. 1817, № 50.

[5] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 169, 1817, № 141, 1819, №№ 100, 106, 135, 137, 213, 324, 380, 1820, №№ 130, 171, 172; Попеч. 1819, № 194; Правл. 1817, № 61, 1818, № 103. См. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 764 и слѣд.

[6] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. 26), 1814, № 188 (протоколы совѣта, л.л. 79, 145, 153 об., 157 об.), 1815, №№ 27 и 122, 1816, №№ 6 (л. 55 и сл.), 72, 178 (л.л. 19, 48, 58), 1817, № 57, 1818, № 127, 1819, №№ 65 (л.л. 96—97), 303, 1823, № 399, 1824, № 194; Попеч. 1815, № 100, 1816, №№ 54 и 64.

Для біографіи Солнцева: Н. Н. Буличъ—«Университетскій судъ надъ проф. Солнцевымъ» (Уч. Зап. Каз. унив. 1864 г.); Н. Я. Агафоновъ—«Краткія свѣдѣнія о жизни Г. И. Солнцева» (Справочн. Листокъ г. Казани» 1867 г., №№ 11 и 12); Н. Н. Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 778—792); П. А. Пономаревъ—«Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ» (Историч. Вѣстн. за 1887 г.).

Мы пользовались, сверхъ того, находящимся въ нашемъ распоряженіи аттестатомъ о службѣ Г. И. Солнцева, выданнымъ ему въ февралѣ 1846 года.

[7] Опредѣленіе проф. Эрдмана въ казанскій университетъ—см. архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 69, Попеч. 1819, № 61. Другія многочисленныя указанія на архивныя дѣла, касающіяся Эрдмана, см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій» (Каз. 1899), № 108. Указанія на ученые труды Эрдмана см. также въ его формулярныхъ спискахъ. Для увольненія Эрдмана и послѣдующихъ данныхъ о немъ см. архивъ каз. унив. Попеч. 1845, № 112, Сов. 1850, № 67.

[8] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 72, 1819, №№ 15 и 247, Попеч. 1820, № 33.

[9] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 48, 1814, № 149, 1815, №№ 134 (послужные списки и 136 (л.л. 105, 112 об.), 1819, №№ 11 и 19; Попеч. 1817, № 1.

[10] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. 26 об.), 1814, № 149, 1816, № 179 (л. 53), 1818, № 123, 1819, № 403 (л. 4 об.), 1820, № 454 (л. 97 об.), 1821, №№ 34 и 254, 1831, № 297, Попеч. 1817, № 1, 1819, № 155, 1822, № 14 (л. 17).

[1] М. де-Пуле: «Николай Ивановичъ Второвъ», Русск. Арх. за 1877 г., VII, стр. 346.

[2] См. «Вѣдомость, показывающая сколько съ основанія университета находилось въ немъ ежегодно студентовъ», въ «Дѣлѣ о праздновании 50-ти лѣтняго юбилея университета» (архивъ каз. унив. 1853, Сов., № 5).

[3] Сухомлиновъ: «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи», I, стр. 35, 72, 100—101. «Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія», томъ I (Спб. 1866), № 125.

[4] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 141, 1815, № 28, 1816, №№ 67 и 81, 1817, №№ 70, 111 и 149 (л.л. 59—60), Попеч. 1817, № 50.

[5] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 169, 1817, № 141, 1819, №№ 100, 106, 135, 137, 213, 324, 380, 1820, №№ 130, 171, 172; Попеч. 1819, № 194; Правл. 1817, № 61, 1818, № 103. См. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 764 и слѣд.

[6] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. 26), 1814, № 188 (протоколы совѣта, л.л. 79, 145, 153 об., 157 об.), 1815, №№ 27 и 122, 1816, №№ 6 (л. 55 и сл.), 72, 178 (л.л. 19, 48, 58), 1817, № 57, 1818, № 127, 1819, №№ 65 (л.л. 96—97), 303, 1823, № 399, 1824, № 194; Попеч. 1815, № 100, 1816, №№ 54 и 64.

Для біографіи Солнцева: Н. Н. Буличъ—«Университетскій судъ надъ проф. Солнцевымъ» (Уч. Зап. Каз. унив. 1864 г.); Н. Я. Агафоновъ—«Краткія свѣдѣнія о жизни Г. И. Солнцева» (Справочн. Листокъ г. Казани» 1867 г., №№ 11 и 12); Н. Н. Буличъ—«Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 778—792); П. А. Пономаревъ—«Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ» (Историч. Вѣстн. за 1887 г.).

Мы пользовались, сверхъ того, находящимся въ нашемъ распоряженіи аттестатомъ о службѣ Г. И. Солнцева, выданнымъ ему въ февралѣ 1846 года.

[7] Опредѣленіе проф. Эрдмана въ казанскій университетъ—см. архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 69, Попеч. 1819, № 61. Другія многочисленныя указанія на архивныя дѣла, касающіяся Эрдмана, см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій» (Каз. 1899), № 108. Указанія на ученые труды Эрдмана см. также въ его формулярныхъ спискахъ. Для увольненія Эрдмана и послѣдующихъ данныхъ о немъ см. архивъ каз. унив. Попеч. 1845, № 112, Сов. 1850, № 67.

[8] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 72, 1819, №№ 15 и 247, Попеч. 1820, № 33.

[9] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 48, 1814, № 149, 1815, №№ 134 (послужные списки и 136 (л.л. 105, 112 об.), 1819, №№ 11 и 19; Попеч. 1817, № 1.

[10] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 94 (л. 26 об.), 1814, № 149, 1816, № 179 (л. 53), 1818, № 123, 1819, № 403 (л. 4 об.), 1820, № 454 (л. 97 об.), 1821, №№ 34 и 254, 1831, № 297, Попеч. 1817, № 1, 1819, № 155, 1822, № 14 (л. 17).

[11] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 27 (л.л. 40—45), 1817, № 28, 1818, № 37. «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Европы за 1867 г., т. III, стр. 217); Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія» (изд. 1856 г.), стр. 274—277.

[12] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 55 (л. 29 bis), 1811, № 97 (л.л. 78, 94), 1815, № 72, 1817, № 67; остальныя указанія см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій», № 9.

[13] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 55 (л. 27), 1809, № 37 (л. 7), 1810, № 46 (л. 16), 1811, № 97 (л.л. 78, 94), 1815, № 20, 1816, № 140, 1817, № 86, 1822, № 334. Для сибирскаго путешествія Лобачевскаго: Сов. 1818, № 18, 1819, № 166, 1820, №№ 114 и 117 (отчетъ), 1821, № 61, 1824, № 64.

[14] Архивъ министерства народн. просвѣщ., 1826, № 395—15453. Архивъ каз. унив., Сов. 1821, №№ 230, 231 и 274, 1824, № 248, 1826, № 192; Попеч. 1821, № 30, 1836, № 145. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», II, стр. 112—113.

[15] См. формулярный списокъ Востокова. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 350—355, 532.

[16] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 18 и 144, 1820, № 457, 1822, № 362 (л.л. 3—6, 86), 1823, № 139; Попеч. 1819, № 174, 1835, № 80.

[17] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, №№ 151 и 160, 1819, № 144; Попеч. 1832, № 5.

[18] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л. 354 об.), 1840, № 245; Сов. 1861, № 12.

[19] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 55 (л. 62), 1811, № 97 (л. 78, 94), 1813, № 109, 1815, № 136 (л.л. 87 об.—88, 106, 113), 1816, № 162, 1817, № 32, 1818, № 45, 1820, №№ 303, 424 л.л. 3—4); Попеч. 1815, № 86, 1820, №№ 299, 386.

[20] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, №№ 77, 120, 179 (л.л. 61, 87 об.), 1818, № 138 (л.л. 109 об., 134), 1820, № 182, 1838, № 18; Попеч. 1820, № 361, 1838, № 97. Остальныя указанія на архивныя дѣла см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій», № 46.

[21] Архивъ каз. унив., Сов. 1853, № 5 (см. включенное сюда «дѣло о доставленіи вѣдомости, сколько съ основанія университета до 1833 года находилось въ ономъ студентовъ и пр.»). А. И. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служащіе въ императорскомъ казанскомъ университетѣ», (часть I, К. 1901, см. подъ годами 1805—1819).

[22] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 138.

[23] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 33.

[24] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 48.

[25] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 65.

[26] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 62.

[27] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 98, 1814, № 188 (л. 157 об.).

[28] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 73.

[29] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 168 (л. 9).

[11] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 27 (л.л. 40—45), 1817, № 28, 1818, № 37. «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Европы за 1867 г., т. III, стр. 217); Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія» (изд. 1856 г.), стр. 274—277.

[12] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 55 (л. 29 bis), 1811, № 97 (л.л. 78, 94), 1815, № 72, 1817, № 67; остальныя указанія см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій», № 9.

[13] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 55 (л. 27), 1809, № 37 (л. 7), 1810, № 46 (л. 16), 1811, № 97 (л.л. 78, 94), 1815, № 20, 1816, № 140, 1817, № 86, 1822, № 334. Для сибирскаго путешествія Лобачевскаго: Сов. 1818, № 18, 1819, № 166, 1820, №№ 114 и 117 (отчетъ), 1821, № 61, 1824, № 64.

[14] Архивъ министерства народн. просвѣщ., 1826, № 395—15453. Архивъ каз. унив., Сов. 1821, №№ 230, 231 и 274, 1824, № 248, 1826, № 192; Попеч. 1821, № 30, 1836, № 145. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», II, стр. 112—113.

[15] См. формулярный списокъ Востокова. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 350—355, 532.

[16] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 18 и 144, 1820, № 457, 1822, № 362 (л.л. 3—6, 86), 1823, № 139; Попеч. 1819, № 174, 1835, № 80.

[17] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, №№ 151 и 160, 1819, № 144; Попеч. 1832, № 5.

[18] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л. 354 об.), 1840, № 245; Сов. 1861, № 12.

[19] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 55 (л. 62), 1811, № 97 (л. 78, 94), 1813, № 109, 1815, № 136 (л.л. 87 об.—88, 106, 113), 1816, № 162, 1817, № 32, 1818, № 45, 1820, №№ 303, 424 л.л. 3—4); Попеч. 1815, № 86, 1820, №№ 299, 386.

[20] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, №№ 77, 120, 179 (л.л. 61, 87 об.), 1818, № 138 (л.л. 109 об., 134), 1820, № 182, 1838, № 18; Попеч. 1820, № 361, 1838, № 97. Остальныя указанія на архивныя дѣла см. въ нашихъ «Матеріалахъ для исторіи кафедръ и учрежденій», № 46.

[21] Архивъ каз. унив., Сов. 1853, № 5 (см. включенное сюда «дѣло о доставленіи вѣдомости, сколько съ основанія университета до 1833 года находилось въономъ студентовъ и пр.»). А. И. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служащіе въ императорскомъ казанскомъ университетѣ», (часть I, К. 1901, см. подъ годами 1805—1819).

[22] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 138.

[23] Архивъ каз. унив., Сов. 1810. № 33.

[24] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 48.

[25] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 65.

[26] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 62.

[27] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 98, 1814, № 188 (л. 157 об.).

[28] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 73.

[29] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 168 (л. 9).

[30] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 15.

[31] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 83.

[32] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 129 (л.л. 15—19).

[33] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, №№ 51, 63, 152 (л. 67).

[34] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 123 («Дѣло объ удостоеніи докторскихъ степеней Арцыбышева и Вейскгопфена»).

[35] Для образца порядка испытаній подобнаго рода см. архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 8, 1811, № 19, 1816, № 31.

[36] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 31 (л.л. 4 и 23), 1817, № 152 (л. 42)

[37] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 31 (л.л. 1—3).

[38] Тамъ же, л.л. 4—19.

[39] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 154. «Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія», томъ I (Спб. 1866), № 138.

[40] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 44 и 55.

[41] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 179 (л.л. 50, 53 об., 72 об., 78), 1817, №№ 124 и 141, 1818, № 54, 1819, № 128. Архивъ министерства народн. просв., 1819, №№ 61—4838 и 138—4915.

[42] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 43. «Catalogus praelectionum, in universitate caesarea litterarum casanensi a die XII augusti MDCCCXVIII ad X iuli a MDCCCXIX, habendarum» (Casani 1818).

[43] Для сопоставленія численнаго соотношенія иностраннаго и русскаго элементовъ въ казанскомъ университетѣ см. списки, изданные А. И. Михайловскимъ: «Преподаватели, учащіеся и служившіе въ императорскомъ казанскомъ университетѣ, 1804—1904 г.г.», часть I (К. 1901). Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 71—72.

[44] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 178 (л. 6).

[45] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 65.

[46] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 105, 1815, №№ 93, 121.

[47] Городчаниновъ: «Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ» (Каз. 1831, стр. 535); «Казанскія Извѣстія» 1814 г., № 46.

[48] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 142.

[49] Архивъ министерства нар. просвѣщ., 1814, № 25—4284. См. также формуляръ проф. Кондырева.

[50] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, №№ 11, 72.

[30] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 15.

[31] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 83.

[32] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 129 (л.л. 15—19).

[33] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, №№ 51, 63, 152 (л. 67).

[34] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 123 («Дѣло объ удостоеніи докторскихъ степеней Арцыбышева и Вейскгопфена»).

[35] Для образца порядка испытаній подобнаго рода см. архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 8, 1811, № 19, 1816, № 31.

[36] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 31 (л.л. 4 и 23), 1817, № 152 (л. 42)

[37] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 31 (л.л. 1—3).

[38] Тамъ же, л.л. 4—19.

[39] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 154. «Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія», томъ I (Спб. 1866), № 138.

[40] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 44 и 55.

[41] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 179 (л.л. 50, 53 об., 72 об., 78), 1817, №№ 124 и 141, 1818, № 54, 1819, № 128. Архивъ министерства народн. просв., 1819, №№ 61—4838 и 138—4915.

[42] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 43. «Catalogus praelectionum, in universitate caesarea litterarum casanensi a die XII augusti MDCCCXVIII ad X iuli a MDCCCXIX, habendarum» (Casani 1818).

[43] Для сопоставленія численнаго соотношенія иностраннаго и русскаго элементовъ въ казанскомъ университетѣ см. списки, изданные А. И. Михайловскимъ: «Преподаватели, учащіеся и служившіе въ императорскомъ казанскомъ университетѣ, 1804—1904 г.г.», часть I (К. 1901). Сухомлиновъ: «Матеріалы и пр.», I, стр. 71—72.

[44] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 178 (л. 6).

[45] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 65.

[46] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 105, 1815, №№ 93, 121.

[47] Городчаниновъ: «Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ» (Каз. 1831, стр. 535); «Казанскія Извѣстія» 1814 г., № 46.

[48] Архивъ каз. унив., Правл. 1814, № 142.

[49] Архивъ министерства нар. просвѣщ., 1814, № 25—4284. См. также формуляръ проф. Кондырева.

[50] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, №№ 11, 72.

[51] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 10.

[52] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 45.

[53] «Казанскія Извѣстія» за 1815 г., № 56.

[54] Подробности катастрофы 3-го сентября 1815 года см. «Казанскія Извѣстія» за 1815 г., №№ 71—74, 79, 81—83, 87.

[55] Архивъ каз. унив., Правл. 1815, № 102 (л. 5).

[56] Архивъ каз. унив., 1815, Правл. № 102, Сов. № 86, Попеч. №№ 20, 21, 23; 1817, Сов. № 41.

[57] Архивъ каз. унив., 1815 Сов., № 86 (л. 9).

[58] Архивъ каз. унив., 1814 Правл., № 142.

[59] Архивъ каз. унив., 1815 Сов., № 122, Попеч. № 100; см. также 1814 Попеч. № 2.

[60] Арх. каз. унив., 1816 Сов., №№ 8 и 178 (л. 72).

[61] Архивъ каз. унив., 1815 Сов., № 128 (л. 27 и сл.), 1816, № 32.

[62] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 21.

[63] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 36, Попеч. № 46, Правл. 99 (л.л. 7, 12, 13).

[64] Архивъ каз. унив., 1816 Правл., № 99 (л. 7), Сов. № 178 (л.л. 44, 47, 59—61).

[65] Архивъ каз. унив., 1816 Правл., № 96. См. также 1816, Попеч., №№ 39 и 60.

[66] Архивъ каз. унив., 1818 Попеч., № 46.

[67] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 179 (протоколъ совѣта 4-го августа, л. 88); Попеч., № 54; ср. 1816 Сов., № 72 (л. 6 и об.).

[68] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 178 (л.л. 8, 12, 17).

[69] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., №№ 66, 179 (л. 54 об.).

[70] Архивъ каз. унив., 1816, Сов. №№ 72, 178 (л.л. 19, 48, 58), Попеч. № 64.

[71] «Казанскія Извѣстія» за 1816 годъ, №№ 56, 59, 60, 62, 64; Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 6.

[72] «Казанскія Извѣстія» за 1816 годъ, №№ 63 и 64.

[73] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 165.

[74] Архивъ минист. народн. просвѣщ., дѣло 1817 г. № 6—4517 (приложено къ дѣлу № 4198).

[75] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., №№ 179 (л. 110 об.) и 117.

[51] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 10.

[52] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 45.

[53] «Казанскія Извѣстія» за 1815 г., № 56.

[54] Подробности катастрофы 3-го сентября 1815 года см. «Казанскія Извѣстія» за 1815 г., №№ 71—74, 79, 81—83, 87.

[55] Архивъ каз. унив., Правл. 1815, № 102 (л. 5).

[56] Архивъ каз. унив., 1815, Правл. № 102, Сов. № 86, Попеч. №№ 20, 21, 23; 1817, Сов. № 41.

[57] Архивъ каз. унив., 1815 Сов., № 86 (л. 9).

[58] Архивъ каз. унив., 1814 Правл., № 142.

[59] Архивъ каз. унив., 1815 Сов., № 122, Попеч. № 100; см. также 1814 Попеч. № 2.

[60] Арх. каз. унив., 1816 Сов., №№ 8 и 178 (л. 72).

[61] Архивъ каз. унив., 1815 Сов., № 128 (л. 27 и сл.), 1816, № 32.

[62] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 21.

[63] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 36, Попеч. № 46, Правл. 99 (л.л. 7, 12, 13).

[64] Архивъ каз. унив., 1816 Правл., № 99 (л. 7), Сов. № 178 (л.л. 44, 47, 59—61).

[65] Архивъ каз. унив., 1816 Правл., № 96. См. также 1816, Попеч., №№ 39 и 60.

[66] Архивъ каз. унив., 1818 Попеч., № 46.

[67] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 179 (протоколъ совѣта 4-го августа, л. 88); Попеч., № 54; ср. 1816 Сов., № 72 (л. 6 и об.).

[68] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 178 (л.л. 8, 12, 17).

[69] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., №№ 66, 179 (л. 54 об.).

[70] Архивъ каз. унив., 1816, Сов. №№ 72, 178 (л.л. 19, 48, 58), Попеч. № 64.

[71] «Казанскія Извѣстія» за 1816 годъ, №№ 56, 59, 60, 62, 64; Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 6.

[72] «Казанскія Извѣстія» за 1816 годъ, №№ 63 и 64.

[73] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., № 165.

[74] Архивъ минист. народн. просвѣщ., дѣло 1817 г. № 6—4517 (приложено къ дѣлу № 4198).

[75] Архивъ каз. унив., 1816 Сов., №№ 179 (л. 110 об.) и 117.

[76] Архивъ каз. унив. 1817 Сов. № 47.

[77] Архивъ каз. унив., 1817, Сов. № 61, Попеч. № 75; см. также формуляры Бартельса и Симонова.

[78] Архивъ каз. унив., 1817 Сов. № 13. См. Михайловскаго: «Преподаватели, учившіеся и служившіе и пр.», I, стр. 62—64 (здѣсь приведемъ списокъ студентовъ-академиковъ, слушавшихъ университетскія лекціи).

[79] Архивъ каз. унив., 1817 Сов. № 53; «Казанскія Извѣстія» за 1817 г., №№ 55—57, 59, 98.

[80] «Казанскія Извѣстія» за 1817 г., № 70; архивъ каз. унив., 1817 Сов., № 101.

[81] «Казанскія Извѣстія» за 1818 г., № 58; Обозрѣніе преподаваній и актовыя рѣчи 1818 г. (Каз., 1818); архивъ каз. унив., 1818 Сов. № 59 (л.л. 25—26).

[82] Архивъ каз. унив., 1818, Сов. № 84, Правл. № 119.

[83] Архивъ каз. унив., 1818 Попеч., № 57.

[84] Архивъ каз. унив., 1818, Сов. №№ 19, 107, 138 (л.л. 105 об., 130 и об.), Правл. № 131.

[85] Архивъ каз. унив., 1818, Сов. № 81, Попеч. № 66.

[86] Архивъ каз. унив., Сов., 1818, № 79, 1819, № 68.

[87] Архивъ каз. унив, Сов. 1818, № 86.

[88] Архивъ минист. народн. просвѣщ., 1818, № 78—4709. Подробности этого дѣла неизвѣстны, такъ какъ подлинное дѣло относится къ числу уничтоженныхъ въ 1867 г. дѣлъ министерскаго архива.

[89] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 127; «Казанскія Извѣстія» за 1819 г., № 6.

[90] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 65 (л.л, 1 и 2).

[91] См. первый томъ нашего труда, стр. 95, 248—249, 559; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 589; Архивъ каз. унив., Попеч. 1814, дополнит. описи № 2.

[92] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 65 (л.л. 57, 59—66), 69 (л. 90).

[93] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 129 (л. 4 и об.).

[94] Для образца см. въ архивѣ каз. унив. Сов. 1815, № 118, 1817, № 144, 1818, № 120, 1819, № 397.

[95] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 51 (л. 61), 1809, № 31, 1818, № 27.

[96] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л. 143 и об.).

[97] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 42 («Дѣло по предписанію о имѣющей быть экспедиціи ученыхъ путешественниковъ» — здѣсь подлинные протоколы комитета и выработанныя членами его инструкціи), 76 (л.л. 3—7), 97 (л. 118). См. также въ архивѣ университета «Собраніе писемъ и біографическихъ матеріаловъ», письма Яковкина къ Румовскому подъ №№ 277, 278, 279, 282.

[76] Архивъ каз. унив. 1817 Сов. № 47.

[77] Архивъ каз. унив., 1817, Сов. № 61, Попеч. № 75; см. также формуляры Бартельса и Симонова.

[78] Архивъ каз. унив., 1817 Сов. № 13. См. Михайловскаго: «Преподаватели, учившіеся и служившіе и пр.», I, стр. 62—64 (здѣсь приведенъ списокъ студентовъ-академиковъ, слушавшихъ университетскія лекціи).

[79] Архивъ каз. унив., 1817 Сов. № 53; «Казанскія Извѣстія» за 1817 г., №№ 55—57, 59, 98.

[80] «Казанскія Извѣстія» за 1817 г., № 70; архивъ каз. унив., 1817 Сов., № 101.

[81] «Казанскія Извѣстія» за 1818 г., № 58; Обозрѣніе преподаваній и актовыя рѣчи 1818 г. (Каз., 1818); архивъ каз. унив., 1818 Сов. № 59 (л.л. 25—26).

[82] Архивъ каз. унив., 1818, Сов. № 84, Правл. № 119.

[83] Архивъ каз. унив., 1818 Попеч., № 57.

[84] Архивъ каз. унив., 1818, Сов. №№ 19, 107, 138 (л.л. 105 об., 130 и об.), Правл. № 131.

[85] Архивъ каз. унив., 1818, Сов. № 81, Попеч. № 66.

[86] Архивъ каз. унив., Сов., 1818, № 79, 1819, № 68.

[87] Архивъ каз. унив, Сов. 1818, № 86.

[88] Архивъ минист. народн. просвѣщ., 1818, № 78—4709. Подробности этого дѣла неизвѣстны, такъ какъ подлинное дѣло относится къ числу уничтоженныхъ въ 1867 г. дѣлъ министерскаго архива.

[89] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 127; «Казанскія Извѣстія» за 1819 г., № 6.

[90] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 65 (л.л, 1 и 2).

[91] См. первый томъ нашего труда, стр. 95, 248—249, 559; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 589; Архивъ каз. унив., Попеч. 1814, дополнит. описи № 2.

[92] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 65 (л.л. 57, 59—66), 69 (л. 90).

[93] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 129 (л. 4 и об.).

[94] Для образца см. въ архивѣ каз. унив. Сов. 1815, № 118, 1817, № 144, 1818, № 120, 1819, № 397.

[95] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 51 (л. 61), 1809, № 31, 1818, № 27.

[96] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л. 143 и об.).

[97] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 42 («Дѣло по предписанію о имѣющей быть экспедиціи ученыхъ путешественниковъ» — здѣсь подлинные протоколы комитета и выработанныя членами его инструкціи), 76 (л.л. 3—7), 97 (л. 118). См. также въ архивѣ университета «Собраніе писемъ и біографическихъ матеріаловъ», письма Яковкина къ Румовскому подъ №№ 277, 278, 279, 282.

[98] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, Попеч. № 18.

[99] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 7, Попеч. 1816, № 97, 1818, № 14.

[100] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 47 (здѣсь рапорты Лобачевскаго о произведенныхъ имъ осмотрахъ училищъ), Попеч. 1818, № 56, 1819, № 230 (здѣсь отчетъ о путешествіи Лобачевскаго); Сов. 1820, № 458 (тоже). Относительно доставленныхъ изъ путешествія коллекцій и ихъ судьбы см. Сов. 1819, №№ 403 (л.л. 153, 173, 195 об.); 404 (л. 3); 1820, № 455 (л. 157 об.); 1821, № 242; 1824, № 299 и др.

[101] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и біографическихъ матеріаловъ», письма Яковкина №№ 3, 148, 154, 158.

[102] «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 168.

[103] «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 241, 243.

[104] «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 5, 33, 208.

[105] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 32 (л. 80); 1812, № 79; сравни №№ 136, 151 (л. 163). Дневная записка и рапортъ Кондырева напечатаны въ книгѣ С. М. Шпилевскаго: «Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи» (К., 1877), стр. 549—552.

[106] О значеніи этой стороны дѣятельности Эрдмана см. у Шпилевскаго («Древніе города и пр.», на стр. 196 и во многихъ другихъ мѣстахъ книги) и у Булича («Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 169—175).

[107] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л. 156 об.).

[108] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 58 (л. 75); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 208, 209, 213, 218. Всѣ эти рукописи описаны А. И. Артемьевымъ въ его «Описаніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ казанскаго императорскаго университета». За исключеніемъ двухъ отрывковъ, имѣющихъ своимъ предметомъ описаніе взятія Астрахани и описаніе сношеній Россіи съ Грузіею, остальныя найденныя Яковкинымъ свіяжскія рукописи представляютъ собою: а) Свіяжскую писцовую книгу 1568 года (см. трудъ проф. А. В. Васильева «Къ исторіи землевладѣнія въ свіяжскомъ уѣздѣ», основанный на этомъ памятникѣ, К. 1895), б) извѣстную «Исторію о казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя» (издана еще въ 1791 г. академіею наукъ) и в) «Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ» архим. Любарскаго (въ 1868 г. изданъ казанскою духовною академіею).

[109] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 79. Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» («Казанскій Литер. Сборн.», К. 1878 стр. 490—491).

[110] Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 473—474.

[111] Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 457—463. Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 30 (л. 57).

[112] Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 435 и слѣд.

[113] Архивъ каз. унив, Сов. 1804, № 43.

[114] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 546—549. Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 19 (л. 117); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 22, 28, 31, 33.

[98] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, Попеч. № 18.

[99] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 7, Попеч. 1816, № 97, 1818, № 14.

[100] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 47 (здѣсь рапорты Лобачевскаго о произведенныхъ имъ осмотрахъ училищъ), Попеч. 1818, № 56, 1819, № 230 (здѣсь отчетъ о путешествіи Лобачевскаго); Сов. 1820, № 458 (тоже). Относительно доставленныхъ изъ путешествія коллекцій и ихъ судьбы см. Сов. 1819, №№ 403 (л.л. 153, 173, 195 об.); 404 (л. 3); 1820, № 455 (л. 157 об.); 1821, № 242; 1824, № 299 и др.

[101] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и біографическихъ матеріаловъ», письма Яковкина №№ 3, 148, 154, 158.

[102] «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 168.

[103] «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 241, 243.

[104] «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 5, 33, 208.

[105] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 32 (л. 80); 1812, № 79; сравни №№ 136, 151 (л. 163). Дневная записка и рапортъ Кондырева напечатаны въ книгѣ С. М. Шпилевскаго: «Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи» (К., 1877), стр. 549—552.

[106] О значеніи этой стороны дѣятельности Эрдмана см. у Шпилевскаго («Древніе города и пр.», на стр. 196 и во многихъ другихъ мѣстахъ книги) и у Булича («Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 169—175).

[107] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л. 156 об.).

[108] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 58 (л. 75); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 208, 209, 213, 218. Всѣ эти рукописи описаны А. И. Артемьевымъ въ его «Описаніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ казанскаго императорскаго университета». За исключеніемъ двухъ отрывковъ, имѣющихъ своимъ предметомъ описаніе взятія Астрахани и описаніе сношеній Россіи съ Грузіею, остальныя найденныя Яковкинымъ свіяжскія рукописи представляютъ собою: а) Свіяжскую писцовую книгу 1568 года (см. трудъ проф. А. В. Васильева «Къ исторіи землевладѣнія въ свіяжскомъ уѣздѣ», основанный на этомъ памятникѣ, К. 1895), б) извѣстную «Исторію о казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя» (издана еще въ 1791 г. академіею наукъ) и в) «Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ» архим. Любарскаго (въ 1868 г. изданъ казанскою духовною академіею).

[109] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 79. Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» («Казанскій Литер. Сборн.», К. 1878 стр. 490—491).

[110] Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 473—474.

[111] Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 457—463. Архивъ каз. унив., Сов. 1821, № 30 (л. 57).

[112] Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 435 и слѣд.

[113] Архивъ каз. унив, Сов. 1804, № 43.

[114] Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 546—549. Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 19 (л. 117); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 22, 28, 31, 33.

[115] А. А. Штукенбергъ: «К. Ѳ. Фуксъ, старѣйшій натуралистъ Казани» (Приложеніе къ протоколамъ казанскаго общ. естествоисп., 1896, № 157); Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 492—493; Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 282.

[116] Подробности относительно состоянія въ ту пору Сергіевскаго курорта и произведенныхъ казанскими профессорами изслѣдованія его источниковъ см. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, 442—443, II, 157—169. Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 54 (л.л. 19—21), 97 (л.л. 56, 61 об.).

[117] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 31 (л. 5), 151 (л. 42). Результаты этой поѣздки опубликованы въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» за 1812 г. (№ 18), а впослѣдствіе въ «Beitraege etc.» проф. Эрдмана (I, стр. 306—309).

[118] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 21 (л. 51), 24 (л.л. 47—48, 86, 88), 28 (I, л. 49 об.), 1808, № 30 (л.л. 96, 97); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 65, 89.

[119] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 46 (л. 16), «Книга поведенія студентовъ» (л. 29 об.); Сов. 1816, № 91.

[120] Архивъ каз. унив., Попеч. 1810, № 65.

[121] Архивъ каз. унив., Попеч. 1816, № 113.

[122] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 128, 1816, № 179 (л. 13 и об.).

[123] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 107, 1818, № 105.

[124] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 117 (л.л. 23 и 25), 1817, № 144 (л.л. 11—14), 1818, № 35.

[125] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 35, 1819, № 388; Попеч. 1819, № 144.

[126] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 16.

[127] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 87.

[128] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 87, 1807, № 28; Сов. 1806, № 28 (I, стр. 59); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 53, 55.

[129] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 28.

[130] Архивъ каз. унив., Попеч. 1808, № 59. «Историческое обозрѣніе казанскаго общества любителей отечественной словесности», въ брошюрѣ: «Торжество казанскаго общества любителей отечественной словесности декабря 12 дня 1814 года» (Каз. 1815).

[131] Архивъ каз. унив., Попеч. 1809, № 17, 1810, № 58; Сов. 1810, №№ 18 (л.л. 37, 35), 35, 49 (л. 6), 57 (л. 20 об.); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 182. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 598—610. «Историческое обозрѣніе и пр.».

[132] Архивъ каз. унив., Попеч. 1812, № 10; Сов. 1814, № 170. «Историческое обозрѣніе и пр.» Ср. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 611—614.

[133] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 126. «Историческое обозрѣніе казанскаго общества любителей отечественной словесности». Уставъ общества см. въ приведенной выше брошюрѣ: «Торжество и пр.».

[115] А. А. Штукенбергъ: «К. Ѳ. Фуксъ, старѣйшій натуралистъ Казани» (Приложеніе къ протоколамъ казанскаго общ. естествоисп., 1896, № 157); Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 492—493; Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 282.

[116] Подробности относительно состоянія въ ту пору Сергіевскаго курорта и произведенныхъ казанскими профессорами изслѣдованія его источниковъ см. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, 442—443, II, 157—169. Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 54 (л.л. 19—21), 97 (л.л. 56, 61 об.).

[117] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 31 (л. 5), 151 (л. 42). Результаты этой поѣздки опубликованы въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» за 1812 г. (№ 18), а впослѣдствіе въ «Beitraege etc.» проф. Эрдмана (I, стр. 306—309).

[118] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 21 (л. 51), 24 (л.л. 47—48, 86, 88), 28 (I, л. 49 об.), 1808, № 30 (л.л. 96, 97); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 65, 89.

[119] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 46 (л. 16), «Книга поведенія студентовъ» (л. 29 об.); Сов. 1816, № 91.

[120] Архивъ каз. унив., Попеч. 1810, № 65.

[121] Архивъ каз. унив., Попеч. 1816, № 113.

[122] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 128, 1816, № 179 (л. 13 и об.).

[123] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 107, 1818, № 105.

[124] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 117 (л.л. 23 и 25), 1817, № 144 (л.л. 11—14), 1818, № 35.

[125] Архивъ каз. унив., Сов. 1818, № 35, 1819, № 388; Попеч. 1819, № 144.

[126] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 16.

[127] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 87.

[128] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 87, 1807, № 28; Сов. 1806, № 28 (I, стр. 59); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 53, 55.

[129] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 28.

[130] Архивъ каз. унив., Попеч. 1808, № 59. «Историческое обозрѣніе казанскаго общества любителей отечественной словесности», въ брошюрѣ: «Торжество казанскаго общества любителей отечественной словесности декабря 12 дня 1814 года» (Каз. 1815).

[131] Архивъ каз. унив., Попеч. 1809, № 17, 1810, № 58; Сов. 1810, №№ 18 (л.л. 37, 35), 35, 49 (л. 6), 57 (л. 20 об.); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 182. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 598—610. «Историческое обозрѣніе и пр.».

[132] Архивъ каз. унив., Попеч. 1812, № 10; Сов. 1814, № 170. «Историческое обозрѣніе и пр.» Ср. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 611—614.

[133] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 126. «Историческое обозрѣніе казанскаго общества любителей отечественной словесности». Уставъ общества см. въ приведенной выше брошюрѣ: «Торжество и пр.».

[134] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 22. «Историческое обозрѣніе казанскаго общества любителей отечественной словесности». «Труды казанскаго общества любителей отечественной словесности», I, (К. 1815).

[135] «Торжество казанскаго общества любителей отечественной словесности декабря 12 дня, 1814 года» (Каз. 1815); «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Европы 1867 г., т. III, стр. 233—234). Весьма подробный перефразъ всего, происходившаго въ этомъ собраніи, интересующіеся найдутъ въ статьѣ проф. Н. А. Попова: «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани» (Русск. Вѣстн. за 1859 г., т. XXIII, стр. 64—67).

[136] «Казанскія Извѣстія» за 1815 годъ, № 58. Архивъ каз. унив. Сов., 1815, № 118 (л. 10), 1816, № 9.

[137] «Казанскія Извѣстія» за 1816 годъ, № 79.

[138] «Казанскія Извѣстія» за 1818 годъ, № 59. Архивъ каз. унив., Сов, 1817, № 144 (л. 5 и об.), 1818, № 120 (л. 21).

[139] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 397 (л. 16 и об.); Попеч. 1819, № 1 (л. 392 об.), 1820, № 160; Сов. 1826, № 334 (л. 400 об.).

Для исторіи казанскаго общества любителей отечественной словесности весьма значительный интересъ представляетъ найденное нами, еще незарегистрированное и неиспользованное, собраніе документовъ, выбранныхъ изъ разрозненныхъ бумагъ архива казанскаго университета покойнымъ Н. Н. Буличемъ и которые мы соединили въ одну коллекцію, придавъ ей наименованіе «Портфейля Н. Н. Булича». Въ этомъ собраніи имѣются и документы автографическаго интереса—собственноручныя письма Карамзина, Жуковскаго, Капниста, Дмитріева, Хвостова и многихъ другихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества. Это собраніе документовъ можетъ оказать серьезную услугу будущему историку общества любителей отечественной словесности.

[140] Архивъ каз. унив., Попеч. 1807, № 57; Сов. 1808, №№ 20, 38 (л.л. 89 об.—90 об.); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 179, письма Румовскаго №№ 45, 47, 48.

[141] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 100 (л.л. 1—9), Попеч. 1809, № 18; «Собраніе писемъ и пр.», письма Румовскаго №№ 49, 66. «Журналы комитета министровъ», т. I (Спб. 1888), стр. 295.

[142] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 48 (л.л. 8—9), 1811, №№ 32 («Дѣло объ изданіи Казанскихъ Извѣстій»), 97 (л.л. 58, 81—82, 97, 117, 121 и об., 174 об.); Попеч. 1812, № 12. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 272—274, 276. «Казанскія Извѣстія» за 1811 годъ.

[143] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 99 (Журналы комитета для изданія Казанскихъ Извѣстій»), 100 («Матеріалы относящіеся къ изданію Казанскихъ Извѣстій»); 1813, № 77, 1816, №№ 18 и 179 (л.л. 16 об., 19 об.); 1817, № 59; 1818, № 40; 1819, № 403 (л. 174 об.). Попеч. 1819, 174. См. также формулярные списки лицъ, упомянутыхъ въ текстѣ, къ которому относится настоящая сноска.

[144] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 100 (л.л. 38, 47), 1807, №№ 32 (л.л. 8—10), 50 (л.л. 67—68), 1817, № 149 (л. 8).

[145] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 32 (л.л. 1—2), 70 (л. 3), 99 (л. 11), 100 (л. 44), 1813, № 142 (л.л. 12 об.—13), 1814, № 164, 1817, № 149 (63).

[146] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 99 (л.л. 11, 15 об.—16), 1812, № 8 (л.л. 2, 3—6, 11), 1816, № 179 (53 об.). Доставленіе матеріала изъ министерства и отъ попечителя: Сов. 1811, № 100 (л.л. 31, 37, 40, 41, 43, 45, 46, 48, 49—52). Доставленіе матеріаловъ, вообще: Сов. 1812, №№ 9 (л. 234), 154; 1813, № 106 и мн. др.

[134] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 22. «Историческое обозрѣніе казанскаго общества любителей отечественной словесности». «Труды казанскаго общества любителей отечественной словесности», I, (К. 1815).

[135] «Торжество казанскаго общества любителей отечественной словесности декабря 12 дня, 1814 года» (Каз. 1815); «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Европы 1867 г., т. III, стр. 233—234). Весьма подробный перефразъ всего, происходившаго въ этомъ собраніи, интересующіеся найдутъ въ статьѣ проф. Н. А. Попова: «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани» (Русск. Вѣстн. за 1859 г., т. XXIII, стр. 64—67).

[136] «Казанскія Извѣстія» за 1815 годъ, № 58. Архивъ каз. унив. Сов., 1815, № 118 (л. 10), 1816, № 9.

[137] «Казанскія Извѣстія» за 1816 годъ, № 79.

[138] «Казанскія Извѣстія» за 1818 годъ, № 59. Архивъ каз. унив., Сов, 1817, № 144 (л. 5 и об.), 1818, № 120 (л. 21).

[139] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 397 (л. 16 и об.); Попеч. 1819, № 1 (л. 392 об.), 1820, № 160; Сов. 1826, № 334 (л. 400 об.).

Для исторіи казанскаго общества любителей отечественной словесности весьма значительный интересъ представляетъ найденное нами, еще незарегистрированное и неиспользованное, собраніе документовъ, выбранныхъ изъ разрозненныхъ бумагъ архива казанскаго университета покойнымъ Н. Н. Буличемъ и которые мы соединили въ одну коллекцію, придавъ ей наименованіе «Портфейля Н. Н. Булича». Въ этомъ собраніи имѣются и документы автографическаго интереса—собственноручныя письма Карамзина, Жуковскаго, Капниста, Дмитріева, Хвостова и многихъ другихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества. Это собраніе документовъ можетъ оказать серьезную услугу будущему историку общества любителей отечественной словесности.

[140] Архивъ каз. унив., Попеч. 1807, № 57; Сов. 1808, №№ 20, 38 (л.л. 89 об.—90 об.); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 179, письма Румовскаго №№ 45, 47, 48.

[141] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 100 (л.л. 1—9), Попеч. 1809, № 18; «Собраніе писемъ и пр.», письма Румовскаго №№ 49, 66. «Журналы комитета министровъ», т. I (Спб. 1888), стр. 295.

[142] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 48 (л.л. 8—9), 1811, №№ 32 («Дѣло объ изданіи Казанскихъ Извѣстій»), 97 (л.л. 58, 81—82, 97, 117, 121 и об., 174 об.); Попеч. 1812, № 12. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 272—274, 276. «Казанскія Извѣстія» за 1811 годъ.

[143] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 99 (Журналы комитета для изданія Казанскихъ Извѣстій»), 100 («Матеріалы относящіеся къ изданію Казанскихъ Извѣстій»); 1813, № 77, 1816, №№ 18 и 179 (л.л. 16 об., 19 об.); 1817, № 59; 1818, № 40; 1819, № 403 (л. 174 об.). Попеч. 1819, 174. См. также формулярные списки лицъ, упомянутыхъ въ текстѣ, къ которому относится настоящая сноска.

[144] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 100 (л.л. 38, 47), 1807, №№ 32 (л.л. 8—10), 50 (л.л. 67—68), 1817, № 149 (л. 8).

[145] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 32 (л.л. 1—2), 70 (л. 3), 99 (л. 11), 100 (л. 44), 1813, № 142 (л.л. 12 об.—13), 1814, № 164, 1817, № 149 (63).

[146] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 99 (л.л. 11, 15 об.—16), 1812, № 8 (л.л. 2, 3—6, 11), 1816, № 179 (53 об.). Доставленіе матеріала изъ министерства и отъ попечителя: Сов. 1811, № 100 (л.л. 31, 37, 40, 41, 43, 45, 46, 48, 49—52). Доставленіе матеріаловъ, вообще: Сов. 1812, №№ 9 (л. 234), 154; 1813, № 106 и мн. др.

[147] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 70 (л.л. 4, 9, 10), 99 (л.л. 21, 18 об.), 100 (л.л. 26, 60); 1812, № 151 (л.л. 72, 101 об.). «Казанскія Извѣстія» за 1811 г., № 33.

[148] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л. 80 об.); 1813, №№ 1, 73, 141 (л. 46); 1815, №№ 123, 136 (л. 116 об.); 1816, №№ 104, 117 (л. 22 об.). См. брошюру: «I. А. фон-Вейсковпфенъ, издатель первой астраханской газеты» (Н. И. Леонтьева, Астрах. 1885).

[149] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 117 (л. 22 об.), 1817, №№ 14, 152 (л. 59 III), 1818, № 138 (л. 89); Попеч. 1817, № 69.

[150] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 69 (л.л. 26 и слѣд.,—историческій очеркъ азіятской типографіи, составленный по требованію попечителя); Сов. 1805, № 13, 1806, № 28 (I, л. 28), 1812, № 13; Попеч. 1810, № 59, 1812, № 20, 1821, № 231.

[151] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 7 (л. 79), 1813, № 54, 1818, № 132 (л.л. 1—4); Попеч. 1812, №№ 20, 21.

[152] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 66; Совѣт. 1807, № 51 (л.л. 47—48), 1809, № 3. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 3, 20, 48, 51, 53, 109, 144, 169, 187, 189. Полное Собр. Законовъ, собраніе первое, № 21784.

[153] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 22, 1819, №№ 69 (л. 96), 94; Попеч. 1811, № 32, 1812, № 25. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 225, 229, письма Румовскаго №№ 75, 99. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служившіе въ императорскомъ казанскомъ университетѣ» (I, К. 1901), стр. 45 и 219.

[154] Архихъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 66, 94; Попеч. 1819, № 1 (л.л. 374—376), 1821, № 231. «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 214. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи, XVIII столѣтіе», ч. I (К. 1867), стр. 67—71. Фойгтъ К. К.: «Отчетъ императорскаго казанскаго университета и учебнаго округа за 17 лѣтъ, съ 1827 по 1844 г.» (К. 1844), стр. 229.

[155] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 36. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина № 179 и Румовскаго № 45.

[156] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 17, 24 (л.л. 9 об., 46, 51 об., 52, 55, 59 и об., 63 об.), 25 (л.л. 6 об., 20 об., 21 об.).

[157] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 27, 55 (л. 6 bis).

[158] См. составленные въ 1819 году для ревизіи Магницкаго: «Списокъ одобренныхъ университетскою цензурою книгъ» и «Списокъ непропущеннымъ университетскою цензурою книгамъ»—архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 69 (л.л. 86—88, 89). Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 50 (л.л. 1—3).

[159] Архивъ каз. унив., Сов., 1807, № 50 («Собраніе разныхъ бумагъ, касающихся до цензурнаго комитета», 1807—1811 г.г.).

[160] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 50 (л.л. 72—74), 1808, № 29 (л.л. 35, 75), 1809, № 35 (л.л. 126—127), 1814, № 55. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.» I, стр. 638—639.

[161] Архивъ каз. унив., Попеч. 1808, № 74, 1810, № 55; Сов. 1810, № 11.

[147] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, №№ 70 (л.л. 4, 9, 10), 99 (л.л. 21, 18 об.), 100 (л.л. 26, 60); 1812, № 151 (л.л. 72, 101 об.). «Казанскія Извѣстія» за 1811 г., № 33.

[148] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л. 80 об.); 1813, №№ 1, 73, 141 (л. 46); 1815, №№ 123, 136 (л. 116 об.); 1816, №№ 104, 117 (л. 22 об.). См. брошюру: «I. А. фон-Вейскгопфенъ, издатель первой астраханской газеты» (Н. И. Леонтьева, Астрах. 1885).

[149] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 117 (л. 22 об.), 1817, №№ 14, 152 (л. 59 III), 1818, № 138 (л. 89); Попеч. 1817, № 69.

[150] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 69 (л.л. 26 и слѣд.,—историческій очеркъ азіятской типографіи, составленный по требованію попечителя); Сов. 1805, № 13, 1806, № 28 (I, л. 28), 1812, № 13; Попеч. 1810, № 59, 1812, № 20, 1821, № 231.

[151] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 7 (л. 79), 1813, № 54, 1818, № 132 (л.л. 1—4); Попеч. 1812, №№ 20, 21.

[152] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 66; Совѣт. 1807, № 51 (л.л. 47—48), 1809, № 3. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 3, 20, 48, 51, 53, 109, 144, 169, 187, 189. Полное Собр. Законовъ, собраніе первое, № 21784.

[153] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 22, 1819, №№ 69 (л. 96), 94; Попеч. 1811, № 32, 1812, № 25. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 225, 229, письма Румовскаго №№ 75, 99. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служившіе въ императорскомъ казанскомъ университетѣ» (I, К. 1901), стр. 45 и 219.

[154] Архихъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 66, 94; Попеч. 1819, № 1 (л.л. 374—376), 1821, № 231. «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 214. Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи, XVIII столѣтіе», ч. I (К. 1867), стр. 67—71. Фойгтъ К. К.: «Отчетъ императорскаго казанскаго университета и учебнаго округа за 17 лѣтъ, съ 1827 по 1844 г.» (К. 1844), стр. 229.

[155] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 36. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина № 179 и Румовскаго № 45.

[156] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, №№ 17, 24 (л.л. 9 об., 46, 51 об., 52, 55, 59 и об., 63 об.), 25 (л.л. 6 об., 20 об., 21 об.).

[157] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, №№ 27, 55 (л. 6 bis).

[158] См. составленные въ 1819 году для ревизіи Магницкаго: «Списокъ одобренныхъ университетскою цензурою книгъ» и «Списокъ непропущеннымъ университетскою цензурою книгамъ»—архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 69 (л.л. 86—88, 89). Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 50 (л.л. 1—3).

[159] Архивъ каз. унив., Сов., 1807, № 50 («Собраніе разныхъ бумагъ, касающихся до цензурнаго комитета», 1807—1811 г.г.).

[160] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 50 (л.л. 72—74), 1808, № 29 (л.л. 35, 75), 1809, № 35 (л.л. 126—127), 1814, № 55. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.» I, стр. 638—639.

[161] Архивъ каз. унив., Попеч. 1808, № 74, 1810, № 55; Сов. 1810, № 11.

[162] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 85, 1815, №№ 118 (л.л. 11, 21), 131, 1816, № 117 (л. 22 об.), 1817, № 144 (л. 3 об.), 1818, № 120 (л. 19), 1819, № 69 (л.л. 86—89).

[163] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 17, 1811, № 3, 1813, № 99. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 216, 224, 225, 238, 242, Румовскаго № 64. «Казанскія Извѣстія» за 1815 г., № 29.

[164] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.»: матеріалы Неймана и Врангеля, №№ 22 и 23 (письма Неймана къ Румовскому); письма разныхъ лицъ къ Румовскому № 51; письма Яковкина №№ 251, 255, письма Румовскаго №№ 80, 81. Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 3 (л. 32). Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 81—82.

[165] Архивъ каз. унив.: «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 259 и 265, Румовскаго № 92.

[166] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л.л. 372 об.—374 об.),

[167] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (II, л.л. 1 об. и 12—13).

[168] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 151 (л.л. 91, 123 об.), 1814, № 98 (здѣсь подлинное объясненіе Броннера), 1819, №№ 341, 404 (л. 1).

[169] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 13.

[170] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 55 («Дѣло о составленіи проэкта жизненнаго магнетизма»—какъ весьма своеобразно озаглавлено это совѣтское производство).

[171] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 92, 136, 177.

[172] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 7, 1819, № 126.

[173] Для примѣра см. арх. каз. унив., Сов. 1810, № 51 (л.л. 45—53); Правл. 1813, № 49, 1814, № 35, 1815, № 92, 1816, № 21 и мн. др.

[174] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 5 и 141.

[175] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 19.

[176] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 110.

[177] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 158.

[178] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Румовскаго № 65, Яковкина № 254. «Казанскія Извѣстія» за 1817 г., № 51. Для характеристики медицинской практики Фукса см. у Лаврскаго и Пономарева: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» («Казанскій Литерат. Сборникъ 1878 г.», К. 1878), глава IV.

[179] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 81, 85, 133.

[180] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 31.

[181] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л. 355 об.); Конт. 1811, № 70.

[162] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 85, 1815, №№ 118 (л.л. 11, 21), 131, 1816, № 117 (л. 22 об.), 1817, № 144 (л. 3 об.), 1818, № 120 (л. 19), 1819, № 69 (л.л. 86—89).

[163] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 17, 1811, № 3, 1813, № 99. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 216, 224, 225, 238, 242, Румовскаго № 64. «Казанскія Извѣстія» за 1815 г., № 29.

[164] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.»: матеріалы Неймана и Врангеля, №№ 22 и 23 (письма Неймана къ Румовскому); письма разныхъ лицъ къ Румовскому № 51; письма Яковкина №№ 251, 255, письма Румовскаго №№ 80, 81. Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 3 (л. 32). Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 81—82.

[165] Архивъ каз. унив.: «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 259 и 265, Румовскаго № 92.

[166] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л.л. 372 об.—374 об.),

[167] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (II, л.л. 1 об. и 12—13).

[168] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 151 (л.л. 91, 123 об.), 1814, № 98 (здѣсь подлинное объясненіе Броннера), 1819, №№ 341, 404 (л. 1).

[169] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 13.

[170] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 55 («Дѣло о составленіи проэкта жизненнаго магнетизма»—какъ весьма своеобразно озаглавлено это совѣтское производство).

[171] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, №№ 92, 136, 177.

[172] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 7, 1819, № 126.

[173] Для примѣра см. арх. каз. унив., Сов. 1810, № 51 (л.л. 45—53); Правл. 1813, № 49, 1814, № 35, 1815, № 92, 1816, № 21 и мн. др.

[174] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 5 и 141.

[175] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 19.

[176] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 110.

[177] Архивъ каз. унив., Сов. 1819, № 158.

[178] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Румовскаго № 65, Яковкина № 254. «Казанскія Извѣстія» за 1817 г., № 51. Для характеристики медицинской практики Фукса см. у Лаврскаго и Пономарева: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» («Казанскій Литерат. Сборникъ 1878 г.», К. 1878), глава IV.

[179] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 81, 85, 133.

[180] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 31.

[181] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л. 355 об.); Конт. 1811, № 70.

[182] См. тома I-го нашего труда стр. XX—XXI, 5—6, 59—63, 85, 204—205, 401, 509—512. Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 189.

[183] Архивъ каз. унив., Попеч. 1808, № 68; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 39, 40, 43, 44, 181, 184.

[184] См. нашего труда томъ I, стр. 219—225. Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 136 (л. 106 об.), 1819, №№ 376, 403 (л.л. 17, 167), 404 (л. 20 об.), 1820, №№ 328, 334; Попеч. 1819, № 21, 1820, №№ 41, 336. Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» (Каз. Литер. Сборн. за 1878 г.), стр. 447—451.

[185] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 189; Сов. 1815, №№ 100, 136 (л. 102 и об.). «Казанскія Извѣстія» за 1814 г., № 31.

[186] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 179 (л. 19), 1818, № 133 (л.л. 4, 14, 19), 1819, №№ 67, 233.

[187] Для обрисовки условій казанской административной жизни начала XIX вѣка могутъ быть указаны труды: С. М. Шпилевскаго: «Заботы императора Александра I о Казани» (рѣчь, Ученыя записки казан. унив. за 1878 г.); Лаврскаго и Пономарева: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» (Каз. Литер. Сборн. 1878 г.), стр. 273 и слѣд.; нашъ трудъ: «Спутникъ по Казани» (К. 1895), стр. 169—176.

[188] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 38, 158, 211, 247, Румовскаго №№ 64, 91.

[189] «Записки Второва» (Русск. Архивъ 1877 г., № 7, стр. 347). Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 108; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 70, 72, 143, матеріалы Германа № 12 (б).

[190] См. томъ I настоящаго труда, стр. 230, 247, 271. Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Литтрова, № 8; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 235—236, II, стр. 119—124, 229—232; Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», стр. CCVII—CCVIII.

[191] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Врангеля и Неймана, № 22.

[192] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Финке (№ 15), письма Яковкина №№ 53, 120, Румовскаго № 9. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», стр. CII—CIII, 273—274, 393.

[193] Архивъ каз. унив., Правл. 1819, № 71 (л.л. 5—6); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Фойгта № 22, письмо Яковкина № 214. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», стр. 408. «Казанскія Извѣстія» 1811, № 37 (стр. 7), 1816, № 13 стр. 77).

[194] «Казанскія Извѣстія» 1815, №№ 24 (стр. 132) и 89 (стр. 508), 1816, стр. 77, 1819, №№ 50 (стр. 202) и 103 (стр. 410). Архивъ министерства народн. просвѣщ., дѣло № 4309—3911 за 1814 г. (л.л. 1—3), дѣло № 58218—3911 за 1836 г., (л. 1—8).

[195] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Германа № 6; Правл. 1819, № 71 (л. 6). См. также настоящаго тома стр. 124.

[196] «Казанскія Извѣстія» 1811, № 5 (стр. 4), 1812, № 12 (стр. 6), 1815, № 20 (стр. 104), 1816, № 57 (стр. 283). Архивъ каз. унив., Правл. 1819, № 71 (л. 6).

[182] См. тома I-го нашего труда стр. XX—XXI, 5—6, 59—63, 85, 204—205, 401, 509—512. Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 189.

[183] Архивъ каз. унив., Попеч. 1808, № 68; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 39, 40, 43, 44, 181, 184.

[184] См. нашего труда томъ I, стр. 219—225. Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 136 (л. 106 об.), 1819, №№ 376, 403 (л.л. 17, 167), 404 (л. 20 об.), 1820, №№ 328, 334; Попеч. 1819, № 21, 1820, №№ 41, 336. Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» (Каз. Литер. Сборн. за 1878 г.), стр. 447—451.

[185] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 189; Сов. 1815, №№ 100, 136 (л. 102 и об.). «Казанскія Извѣстія» за 1814 г., № 31.

[186] Архивъ каз. унив., Сов. 1816, № 179 (л. 19), 1818, № 133 (л.л. 4, 14, 19), 1819, №№ 67, 233.

[187] Для обрисовки условій казанской административной жизни начала XIX вѣка могутъ быть указаны труды: С. М. Шпилевскаго: «Заботы императора Александра I о Казани» (рѣчь, Ученыя записки казан. унив. за 1878 г.); Лаврскаго и Пономарева: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» (Каз. Литер. Сборн. 1878 г.), стр. 273 и слѣд.; нашъ трудъ: «Спутникъ по Казани» (К. 1895), стр. 169—176.

[188] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 38, 158, 211, 247, Румовскаго №№ 64, 91.

[189] «Записки Второва» (Русск. Архивъ 1877 г., № 7, стр. 347). Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 108; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 70, 72, 143, матеріалы Германа № 12 (б).

[190] См. томъ I настоящаго труда, стр. 230, 247, 271. Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Литтрова, № 8; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 235—236, II, стр. 119—124, 229—232; Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», стр. CCVII—CCVIII.

[191] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Врангеля и Неймана, № 22.

[192] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Финке (№ 15), письма Яковкина №№ 53, 120, Румовскаго № 9. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», стр. CII—CIII, 273—274, 393.

[193] Архивъ каз. унив., Правл. 1819, № 71 (л.л. 5—6); «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Фойгта № 22, письмо Яковкина № 214. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», стр. 408. «Казанскія Извѣстія» 1811, № 37 (стр. 7), 1816, № 13 стр. 77).

[194] «Казанскія Извѣстія» 1815, №№ 24 (стр. 132) и 89 (стр. 508), 1816, стр. 77, 1819, №№ 50 (стр. 202) и 103 (стр. 410). Архивъ министерства народн. просвѣщ., дѣло № 4309—3911 за 1814 г. (л.л. 1—3), дѣло № 58218—3911 за 1836 г., (л. 1—8).

[195] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Германа № 6; Правл. 1819, № 71 (л. 6). См. также настоящаго тома стр. 124.

[196] «Казанскія Извѣстія» 1811, № 5 (стр. 4), 1812, № 12 (стр. 6), 1815, № 20 (стр. 104), 1816, № 57 (стр. 283). Архивъ каз. унив., Правл. 1819, № 71 (л. 6).

[197] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 9 (л.л. 14—15), 151 (л. 39); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 280 и 287. «Казанскія Извѣстія» 1814, № 14 (стр. 152), 1816, № 42 (стр. 219).

[198] Архивъ каз. унив., Правл. 1819, № 71. «Казанскія Извѣстія» 1817, № 86 (стр. 377), «Прибавл. къ Каз. Вѣстнику» 1821, № 33 (стр. 248), «Каз. Губерн. Вѣдомости» 1849, № 15 (стр. 11, сбор.). Относительно дома К. Ѳ. Фукса см. у Лаврскаго и Пономарева: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» (Каз. Литерат. Сборн. 1878 г., стр. 489 и слѣд.). Данныя относительно большаго пожара 1815 года см. настоящаго тома стр. 124-ую.

[199] См. формулярные списки исчисляемыхъ лицъ. Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Румовскаго № 90; Сов. 1819, № 143. См. томъ I нашего труда, стр. 287-ую.

[200] Архивъ каз. унив., 1819, Правл., № 95.

[201] Архивъ каз. унив., Правл. 1818, № 78, 1819, № 129. Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 295—296; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 627—628 и 640—641.

[202] Архивъ каз. унив., Правл. 1817, № 84, 1818, № 78, 1819, № 44; Сов. 1812, №№ 9 (л.л. 14—15, 65), 151 (л. 39); дѣла о долгахъ проф. Германа: Сов. 1809, №№ 1, 35 (л.л. 25, 64), 1810, № 20, 1811, № 39. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 86, 250, 280, матеріалы Германа № 13. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, 60—61, 382—393, 630, 639. См. нашего труда т. I, стр. 240, 379.

[203] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна № 10.

[204] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 106; «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Германа № 2; Правл. 1819, № 44 (л. 7). «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867 г., т. III, стр. 220). Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 137.

[205] Архивъ каз. унив, Сов. 1817, №№ 41, 61, 152 (л.л. 17 об., 26, 36 об., 44 об., 51 об., 66 об., 87, 107 об., 124 об.), 1818, № 138 (л. 13); Попеч. 1817, № 75. См. также формулярные списки упоминаемыхъ профессоровъ.

[206] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. 190), «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна №№ 14 и 16. «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867 г., т. III, стр. 221—227. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 172, II, 42, 65. См. настоящаго тома нашего труда стр. 47—48.

[207] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 255, 260, 261, 277, Румовскаго №№ 89, 91; матеріалы Фукса № 9.

[208] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Сторля №№ 4 и 5, письмо Румовскаго № 81, письма Яковкина №№ 263 и 264. Ср. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 520—523.

[209] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 14; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 282 и 284, матеріалы Френа № 39, матеріалы Финке № 29.

Архивъ минист. нар. просвѣщ., дѣло № 32—130 283, за 1826 г. («По высоч. повелѣнію о доставленіи д. с. с. Магницкому извлеченія изъ донесенія г.-маіора Желтухина и пр.»), л.л. 54—58.

Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», переписка Броннера съ Румовскимъ, письма №№ XX и XXI.

[197] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 9 (л.л. 14—15), 151 (л. 39); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 280 и 287. «Казанскія Извѣстія» 1814, № 14 (стр. 152), 1816, № 42 (стр. 219).

[198] Архивъ каз. унив., Правл. 1819, № 71. «Казанскія Извѣстія» 1817, № 86 (стр. 377), «Прибавл. къ Каз. Вѣстнику» 1821, № 33 (стр. 248), «Каз. Губерн. Вѣдомости» 1849, № 15 (стр. 11, сбор.). Относительно дома К. Ѳ. Фукса см. у Лаврскаго и Пономарева: «К. Ѳ. Фуксъ и его время» (Каз. Литерат. Сборн. 1878 г., стр. 489 и слѣд.). Данныя относительно большаго пожара 1815 года см. настоящаго тома стр. 124-ую.

[199] См. формулярные списки исчисляемыхъ лицъ. Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Румовскаго № 90; Сов. 1819, № 143. См. томъ I нашего труда, стр. 287-ую.

[200] Архивъ каз. унив., 1819, Правл., № 95.

[201] Архивъ каз. унив., Правл. 1818, № 78, 1819, № 129. Лаврскій и Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», стр. 295—296; Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 627—628 и 640—641.

[202] Архивъ каз. унив., Правл. 1817, № 84, 1818, № 78, 1819, № 44; Сов. 1812, №№ 9 (л.л. 14—15, 65), 151 (л. 39); дѣла о долгахъ проф. Германа: Сов. 1809, №№ 1, 35 (л.л. 25, 64), 1810, № 20, 1811, № 39. «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 86, 250, 280, матеріалы Германа № 13. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, 60—61, 382—393, 630, 639. См. нашего труда т. I, стр. 240, 379.

[203] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна № 10.

[204] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 106; «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Германа № 2; Правл. 1819, № 44 (л. 7). «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867 г., т. III, стр. 220). Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 137.

[205] Архивъ каз. унив, Сов. 1817, №№ 41, 61, 152 (л.л. 17 об., 26, 36 об., 44 об., 51 об., 66 об., 87, 107 об., 124 об.), 1818, № 138 (л. 13); Попеч. 1817, № 75. См. также формулярные списки упоминаемыхъ профессоровъ.

[206] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. 190), «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Брауна №№ 14 и 16. «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867 г., т. III, стр. 221—227. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 172, II, 42, 65. См. настоящаго тома нашего труда стр. 47—48.

[207] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 255, 260, 261, 277, Румовскаго №№ 89, 91; матеріалы Фукса № 9.

[208] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Сторля №№ 4 и 5, письмо Румовскаго № 81, письма Яковкина №№ 263 и 264. Ср. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 520—523.

[209] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 14; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 282 и 284, матеріалы Френа № 39, матеріалы Финке № 29.

Архивъ минист. нар. просвѣщ., дѣло № 32—130 283, за 1826 г. («По высоч. повелѣнію о доставленіи д. с. с. Магницкому извлеченія изъ донесенія г.-маіора Желтухина и пр.»), л.л. 54—58.

Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», переписка Броннера съ Румовскимъ, письма №№ XX и XXI.

[210] Архивъ минист. нар. просвѣщ., дѣло № 32—130 283, за 1826 г. (л.л. 54—58).

[211] Архивъ минист. нар. просвѣщ., дѣло № 4310—3911, за 1814 г., (л. 8). См. настоящаго труда томъ I, стр. 46, 200, 180—182, 432—433, а также въ предлагаемомъ томѣ стр. 66. «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867 г., т. III, стр. 223).

[212] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (I, л. 2 об.), 1813, № 128, 1819, № 177. «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 254.

[213] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 19 (л. 80); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 273. Архивъ минист. нар. просвѣщ., дѣло № 42—4133, за 1811 годъ.

[214] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 51 (л. 170); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Румовскаго № 83.

[215] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Румовскаго №№ 70 и 72.

[216] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 108; Сов. 1807, № 51 (л. 9). «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 86 и 87.

[217] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 66, 151 (л.л. 117 об.—118 об.). Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 592.

[218] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 91 и 158, письмо Румовскаго № 29, матеріалы Сторля № 2, матеріалы Германа № 12 (б); Сов. 1808, №№ 30 л.л. 18, 44—48, 62—63), 37 (л. 51 об.—52), 1813, №№ 14 и 120.

[219] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 38 (л.л. 49 и 80 об.—81).

[220] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л.л. 176 об.—177); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина № 181. Ср. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 451—452, II, стр. 451.

[221] Архивъ каз. унив., Попеч. 1814, № 71. Примѣры разрѣшенія казеннымъ студентамъ жительства внѣ университета см. въ «Дневникѣ» инспектора студентовъ проф. Броннера, изданномъ въ книгѣ Д. И. Нагуевскаго: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», на стран. 96, 97, 108, 126, 129, 156 (по этому изданію дневникъ Броннера и будетъ вездѣ цитироваться нами ниже въ сокращенной формѣ—«Дневникъ Броннера», съ указаніемъ соотвѣтственной страницы книги проф. Нагуевскаго).

[222] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 269; Правл. 1814, № 2; Сов. 1814, № 56; «Дневникъ Броннера», стр. 70—71, 74, 133, 136—137, 140, 178 и мн. др. мѣста.

[223] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 117, 1818, № 138 (л.л. 11—12); Попеч. 1818, №№ 36 и 158, 1819, по дополнит. описи № 2.

[224] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л.л. 137 об.—138 об., 169).

[225] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 57 (л. 238 и об.), 1814, № 63; «Книга о поведеніи студентовъ», листъ 29. «Дневникъ Броннера», стр. 144—145, 189. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служившіе и пр.», см. стр. 15, 16, 19, 22, 36, 62—64.

[226] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 80. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служившіе и пр.», стр. 4. «Казанскія Извѣстія» 1819 г., № 53 (стр. 212).

[210] Архивъ минист. нар. просвѣщ., дѣло № 32—130 283, за 1826 г. (л.л. 54—58).

[211] Архивъ минист. нар. просвѣщ., дѣло № 4310—3911, за 1814 г., (л. 8). См. настоящаго труда томъ I, стр. 46, 200, 180—182, 432—433, а также въ предлагаемомъ томѣ стр. 66. «Воспоминанія В. И. Панаева» (Вѣстн. Евр. 1867 г., т. III, стр. 223).

[212] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (I, л. 2 об.), 1813, № 128, 1819, № 177. «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 254.

[213] Архивъ каз. унив., Сов. 1805, № 19 (л. 80); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 273. Архивъ минист. нар. просвѣщ., дѣло № 42—4133, за 1811 годъ.

[214] Архивъ каз. унив., Сов. 1810, № 51 (л. 170); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Румовскаго № 83.

[215] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Румовскаго №№ 70 и 72.

[216] Архивъ каз. унив., Попеч. 1806, № 108; Сов. 1807, № 51 (л. 9). «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 86 и 87.

[217] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 66, 151 (л.л. 117 об.—118 об.). Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 592.

[218] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 91 и 158, письмо Румовскаго № 29, матеріалы Сторля № 2, матеріалы Германа № 12 (б); Сов. 1808, №№ 30 л.л. 18, 44—48, 62—63), 37 (л. 51 об.—52), 1813, №№ 14 и 120.

[219] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 38 (л.л. 49 и 80 об.—81).

[220] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л.л. 176 об.—177); «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина № 181. Ср. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 451—452, II, стр. 451.

[221] Архивъ каз. унив., Попеч. 1814, № 71. Примѣры разрѣшенія казеннымъ студентамъ жительства внѣ университета см. въ «Дневникѣ» инспектора студентовъ проф. Броннера, изданномъ въ книгѣ Д. И. Нагуевскаго: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», на стран. 96, 97, 108, 126, 129, 156 (по этому изданію дневникъ Броннера и будетъ вездѣ цитироваться нами ниже въ сокращенной формѣ—«Дневникъ Броннера», съ указаніемъ соотвѣтственной страницы книги проф. Нагуевскаго).

[222] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 269; Правл. 1814, № 2; Сов. 1814, № 56; «Дневникъ Броннера», стр. 70—71, 74, 133, 136—137, 140, 178 и мн. др. мѣста.

[223] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 117, 1818, № 138 (л.л. 11—12); Попеч. 1818, №№ 36 и 158, 1819, по дополнит. описи № 2.

[224] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л.л. 137 об.—138 об., 169).

[225] Архивъ каз. унив., Сов. 1807, № 57 (л. 238 и об.), 1814, № 63; «Книга о поведеніи студентовъ», листъ 29. «Дневникъ Броннера», стр. 144—145, 189. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служившіе и пр.», см. стр. 15, 16, 19, 22, 36, 62—64.

[226] Архивъ каз. унив., Сов. 1815, № 80. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и служившіе и пр.», стр. 4. «Казанскія Извѣстія» 1819 г., № 53 (стр. 212).

[227] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 22 об.—23.

[228] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ, л.л. 11 об., 15 об., 21 об., 29 об., 42 и об, 43, 44, 46; Сов. 1807, №№ 54 (л. 73), 55 (л. 35 bis), 1812, № 21. По тому же вопросу см. письма Броннера къ Румовскому (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 196, 200, 209, 217, 241; у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.» I, стр. 89—92, 198—199, 471—486, II, стр. 384—385.

[229] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 6, 15 об., 22 об., 25 об.—26. «Дневникъ Броннера» (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 12—13, 14—15 и мн. др. Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л.л. 104—105).

[230] Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Броннера, № 10. «Письма Броннера» (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 202—203.

[231] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 24 (л. 17) и 28 (I, л. 21 об.), 1807, №№ 52 (л. 63) и 53 (л. 7), 1809, № 32 (л. 157), 1810, № 66; «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 12, 14 и об., 18 и об., 20 об., 32 об. 38 об., 40 об.; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 51, 122 и 279.

[232] См. томъ I, стр. 252, а въ настоящемъ томѣ стр. 26—27 и приложеніе къ нему № I (§ 11). Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (I, л. 50).

[233] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», листъ 23.

[234] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», листы 44 об.—45, 46, 47, 49.

[235] Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 88, 104, 151 (л. 172 об.); «Книга о поведеніи студентовъ», л. 42 об.

[236] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. 36 об.), 1819, № 179; «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 51, 52, 97. «Дневникъ Броннера» (въ изданіи пр. Нагуевскимъ), стр. 50, 141, 142, 143, 160, 181, 182 и мн. др. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», стр. CLXX—CLXXVI. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 489—490, 495, 500.

[237] Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 5, 27; 1807, №№ 34, 62; 1819, № 103 (л. 36); Попеч. 1807, № 56; «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 2, 9 об., 12, 14 об., 32. «Дневникъ Броннера» (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 62.

[238] Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 56—57, 466. Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 89. Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 320 (по изд. 1856 г.); Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», I, стр. 61; «Воспоминанія» В. И. Панаева (Вѣстн. Евр. 1867, т. III, стр. 220 и слѣд.). «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 235.

[239] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, №№ 81, 108 (л. 1); «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 52, 53 об.—54. См. выше, въ настоящемъ томѣ, стр. 190—191.

[240] Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 54.

[241] См. «Дневникъ Броннера» въ изданіи проф. Д. И. Нагуевскаго, а также главу IV его труда: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.».

[242] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 108.

227 Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 22 об.—23.

228 Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ, л.л. 11 об., 15 об., 21 об., 29 об., 42 и об, 43, 44, 46; Сов. 1807, №№ 54 (л. 73), 55 (л. 35 bis), 1812, № 21. По тому же вопросу см. письма Броннера къ Румовскому (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 196, 200, 209, 217, 241; у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.» I, стр. 89—92, 198—199, 471—486, II, стр. 384—385.

229 Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 6, 15 об., 22 об., 25 об.—26. «Дневникъ Броннера» (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 12—13, 14—15 и мн. др. Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л.л. 104—105).

230 Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», матеріалы Броннера, № 10. «Письма Броннера» (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 202—203.

231 Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 24 (л. 17) и 28 (I, л. 21 об.), 1807, №№ 52 (л. 63) и 53 (л. 7), 1809, № 32 (л. 157), 1810, № 66; «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 12, 14 и об., 18 и об., 20 об., 32 об. 38 об., 40 об.; «Собраніе писемъ и пр.», письма Яковкина №№ 51, 122 и 279.

232 См. томъ I, стр. 252, а въ настоящемъ томѣ стр. 26—27 и приложеніе къ нему № I (§ 11). Архивъ каз. унив., Сов. 1806, № 28 (I, л. 50).

233 Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», листъ 23.

234 Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», листы 44 об.—45, 46, 47, 49.

235 Архивъ каз. унив., Сов. 1812, №№ 88, 104, 151 (л. 172 об.); «Книга о поведеніи студентовъ», л. 42 об.

236 Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 141 (л. 36 об.), 1819, № 179; «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 51, 52, 97. «Дневникъ Броннера» (въ изданіи пр. Нагуевскимъ), стр. 50, 141, 142, 143, 160, 181, 182 и мн. др. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.», стр. CLXX—CLXXVI. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 489—490, 495, 500.

237 Архивъ каз. унив., Сов. 1806, №№ 5, 27; 1807, №№ 34, 62; 1819, № 103 (л. 36); Попеч. 1807, № 56; «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 2, 9 об., 12, 14 об., 32. «Дневникъ Броннера» (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 62.

238 Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», I, стр. 56—57, 466. Архивъ каз. унив., «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 89. Аксаковъ: «Семейная хроника и воспоминанія», стр. 320 (по изд. 1856 г.); Владиміровъ: «Историческая записка о первой казанской гимназіи», I, стр. 61; «Воспоминанія» В. И. Панаева (Вѣстн. Евр. 1867, т. III, стр. 220 и слѣд.). «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 235.

239 Архивъ каз. унив., Сов. 1813, №№ 81, 108 (л. 1); «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 52, 53 об.—54. См. выше, въ настоящемъ томѣ, стр. 190—191.

240 Архивъ каз. унив., Сов. 1814, № 54.

241 См. «Дневникъ Броннера» въ изданіи проф. Д. И. Нагуевскаго, а также главу IV его труда: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ и пр.».

242 Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 108.

[243] Архивъ каз. унив. Попеч. 1819, №№ 1 (л.л. 351 об.—354, 386—389), 6, 109; Сов. 1819, № 65 (л. 104).

[244] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», см. листы 2—3, 15—17 об., 23—24, 27—28, 33, 41—42 и мн. др. мѣста.

[245] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», листы 17 об., 29, 32—37. См. письма Броннера (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 383.

[246] «Дневникъ Броннера», стр. 8, 51—52, 112—113, 142—143, 148—149, 168, 174, 184—185 и мн. др. мѣста. См. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 517.

[247] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, №№ 32 (л.л. 4—5, 23 и об.), 38 (л. 2 об.); 1809, № 37 (л. 7); 1810, №№ 14, 31; 1812, № 39; Попеч. 1806, № 29; «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 78; «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 15 об.—16 об., 24 об., 27 об.—29 об., 42 об.—44, 51 и об., 53—54 и мн. др. мѣста. «Дневникъ Броннера», стр. 20—24, 66, 143, 181 и мн. др,

[248] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 24, 1817, № 94; Попеч. 1808, № 81; Правл. 1815. № 88. «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 28 об. «Дневникъ Броннера», стр. 19—20, 58, 89—90, 145, 162—163, 166, 177, 179, 187—188.

[249] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 105. «Дневникъ Броннера», стр. 73, 143, 168, 179, 182—183.

[250] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 94 (въ этомъ обширномъ производствѣ включено нѣсколько отдѣльныхъ дѣлъ по претензіямъ дѣвицъ Паповой и Глуховой).

[251] «Дневникъ Броннера», стр. 146—149, 186—187.

[252] «Дневникъ Броннера», стр. 66, 67, 69—70, 183—185. «Книга о поведеніи студентовъ», л. 51 об. Архивъ каз. унив., Правл. 1817, №№ 125 и 134; Попеч. 1818, № 10.

[253] Приведемъ относящіеся сюда факты изъ «Дневника» профессора Броннера, съ указаніемъ датъ, подъ которыми они здѣсь излагаются:

15 сентября 1814 года. «Observavi cum non exiguo animi dolore dominum Tschcheise commilitonis sui Deroberti in amplexu haerentem manum versus virilia hujus juvenis dirigere. Dissiluerunt, me videntes» (стр. 7).

8 августа 1815 года. Студентъ Чашковъ ходатайствовалъ относительно разрѣшенія жить внѣ университета, въ виду удаленія отъ дурнаго сообщества и сохраненія здоровья, разстроеннаго «pollutionibus involuntariis» (стр. 95).

12 февраля 1816 года. «Cubilia visitans, reperi dominum Иванъ Базилевъ et d. Ардашевъ lecto decumbentes una, ita ut unus alterum inhoneste tangere videtur, multis cum petulantiis et clamatitionibus, ceteris aspicientibus» (стр. 128).

17 апрѣля 1816 года. «Reperi studiosum Levitski in camera II penes Ardaschew in propinquo lecto decumbentem, quamvis in camera I haberet habitaculum sibi adsignatum» (стр. 138).

[254] Архивъ минист. народн. просвѣщенія, дѣло № 32—130 283, за 1826 годъ, листы 59—71.

[255] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 66. «Книга о поведеніи студентовъ», л. 54 и об. «Дневникъ Броннера», стр. 52, 69.

[256] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 117. Архивъ минист. народн. просвѣщенія, дѣло № 32—130 283, за 1826 годъ, листъ 74.

[243] Архивъ каз. унив. Попеч. 1819, №№ 1 (л.л. 351 об.—354, 386—389), 6, 109; Сов. 1819, № 65 (л. 104).

[244] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», см. листы 2—3, 15—17 об., 23—24, 27—28, 33, 41—42 и мн. др. мѣста.

[245] Архивъ каз. унив., «Книга о поведеніи студентовъ», листы 17 об., 29, 32—37. См. письма Броннера (въ изданіи пр. Нагуевскаго), стр. 383.

[246] «Дневникъ Броннера», стр. 8, 51—52, 112—113, 142—143, 148—149, 168, 174, 184—185 и мн. др. мѣста. См. у Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ и пр.», II, стр. 517.

[247] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, №№ 32 (л.л. 4—5, 23 и об.), 38 (л. 2 об.); 1809, № 37 (л. 7); 1810, №№ 14, 31; 1812, № 39; Попеч. 1806, № 29; «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 78; «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 15 об.—16 об., 24 об., 27 об.—29 об., 42 об.—44, 51 и об., 53—54 и мн. др. мѣста. «Дневникъ Броннера», стр. 20—24, 66, 143, 181 и мн. др,

[248] Архивъ каз. унив., Сов. 1808, № 24, 1817, № 94; Попеч. 1808, № 81; Правл. 1815. № 88. «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 28 об. «Дневникъ Броннера», стр. 19—20, 58, 89—90, 145, 162—163, 166, 177, 179, 187—188.

[249] Архивъ каз. унив., Сов. 1813, № 105. «Дневникъ Броннера», стр. 73, 143, 168, 179, 182—183.

[250] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 94 (въ этомъ обширномъ производствѣ включено нѣсколько отдѣльныхъ дѣлъ по претензіямъ дѣвицъ Паповой и Глуховой).

[251] «Дневникъ Броннера», стр. 146—149, 186—187.

[252] «Дневникъ Броннера», стр. 66, 67, 69—70, 183—185. «Книга о поведеніи студентовъ», л. 51 об. Архивъ каз. унив., Правл. 1817, №№ 125 и 134; Попеч. 1818, № 10.

[253] Приведемъ относящіеся сюда факты изъ «Дневника» профессора Броннера, съ указаніемъ датъ, подъ которыми они здѣсь излагаются:

15 сентября 1814 года. «Observavi cum non exiguo animi dolore dominum Tschcheise commilitonis sui Deroberti in amplexu haerentem manum versus virilia hujus juvenis dirigere. Dissiluerunt, me videntes» (стр. 7).

8 августа 1815 года. Студентъ Чашковъ ходатайствовалъ относительно разрѣшенія жить внѣ университета, въ виду удаленія отъ дурнаго сообщества и сохраненія здоровья, разстроеннаго «pollutionibus involuntariis» (стр. 95).

12 февраля 1816 года. «Cubilia visitans, reperi dominum Иванъ Базилевъ et d. Ардашевъ lecto decumbentes unà, ita ut unus alterum inhoneste tangere videtur, multis cum petulantiis et clamatitionibus, ceteris aspicientibus» (стр. 128).

17 апрѣля 1816 года. «Reperi studiosum Levitski in camera II penes Ardaschew in propinquo lecto decumbentem, quamvis in camera I haberet habitaculum sibi adsignatum» (стр. 138).

[254] Архивъ минист. народн. просвѣщенія, дѣло № 32—130 283, за 1826 годъ, листы 59—71.

[255] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 66. «Книга о поведеніи студентовъ», л. 54 и об. «Дневникъ Броннера», стр. 52, 69.

[256] Архивъ каз. унив., Сов. 1817, № 117. Архивъ минист. народн. просвѣщенія, дѣло № 32—130 283, за 1826 годъ, листъ 74.

[257] «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 40, 51 об., 142. «Дневникъ Броннера», стр. 24, 50, 66, 73, 77, 78, 90, 91, 92, 97, 135, 141, 147, 165, 185.

[258] «Дневникъ Броннера», стр. 34, 49, 52, 53, 127, 133. Архивъ каз. унив., 1808, № 2 (л. 5); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 275.

[259] «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 31, 40, 57, 67, 151; «Дневникъ Броннера», стр. 7, 8, 20, 35—37, 113, 128, 130, 135, 145, 157, 163, 174, 187—189 и много другихъ мѣстъ. «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 78.

[260] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 31; Сов. 1806, №№ 8 и 28 (I, л. 66—67), 1807, № 12. «Книга о поведеніи студентовъ», см. листы 4 об., 5 и об., 6 об., 7 и об., 18 об., 19 и об., 20 и об., 21 об., 22 и об., 24 об., 26 и об., 28 об. и др. А. И. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и пр.», см. списки 1805—1812 годовъ.

[261] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 35 (л. 121), 1810, № 6; «Книга о поведеніи студентовъ, л. 27 об.—28.

[262] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л. 104 и об.).

[263] Д. И. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка» (Каз. 1902), глава III («Броннеръ, какъ директоръ педагогическаго института»); Переписка Броннера съ Румовскимъ (въ томъ же трудѣ), стр. 270—273. Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 67, 1814, № 7 (л. 4), 1815, № 118 (л.л. 42 об.—43), 1816, № 120, 1818, № 5. А. И. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и пр.», см. списки 1813—1819 годовъ.

[264] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л.л. 359 об.—360 об., 370 об.—371, 392—403).

[257] «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 40, 51 об., 142. «Дневникъ Броннера», стр. 24, 50, 66, 73, 77, 78, 90, 91, 92, 97, 135, 141, 147, 165, 185.

[258] «Дневникъ Броннера», стр. 34, 49, 52, 53, 127, 133. Архивъ каз. унив., 1808, № 2 (л. 5); «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 275.

[259] «Книга о поведеніи студентовъ», л.л. 31, 40, 57, 67, 151; «Дневникъ Броннера», стр. 7, 8, 20, 35—37, 113, 128, 130, 135, 145, 157, 163, 174, 187—189 и много другихъ мѣстъ. «Собраніе писемъ и пр.», письмо Яковкина № 78.

[260] Архивъ каз. унив., Попеч. 1805, № 31; Сов. 1806, №№ 8 и 28 (I, л. 66—67), 1807, № 12. «Книга о поведеніи студентовъ», см. листы 4 об., 5 и об., 6 об., 7 и об., 18 об., 19 и об., 20 и об., 21 об., 22 и об., 24 об., 26 и об., 28 об. и др. А. И. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и пр.», см. списки 1805—1812 годовъ.

[261] Архивъ каз. унив., Сов. 1809, № 35 (л. 121), 1810, № 6; «Книга о поведеніи студентовъ, л. 27 об.—28.

[262] Архивъ каз. унив., Сов. 1811, № 97 (л. 104 и об.).

[263] Д. И. Нагуевскій: «Профессоръ Ф. К. Броннеръ, его дневникъ и переписка» (Каз. 1902), глава III («Броннеръ, какъ директоръ педагогическаго института»); Переписка Броннера съ Румовскимъ (въ томъ же трудѣ), стр. 270—273. Архивъ каз. унив., Сов. 1812, № 67, 1814, № 7 (л. 4), 1815, № 118 (л.л. 42 об.—43), 1816, № 120, 1818, № 5. А. И. Михайловскій: «Преподаватели, учившіеся и пр.», см. списки 1813—1819 годовъ.

[264] Архивъ каз. унив., Попеч. 1819, № 1 (л.л. 359 об.—360 об., 370 об.—371, 392—403).

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА

Часть вторая

ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТКРЫТЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ПЕРЕДЪ ЭПОХОЮ МАГНИЦКАГО

(1814—1819)

ГЛАВА I

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ УНИВЕРСИТЕТА И МѢРЫ ОБЕЗПЕЧЕНІЯ ПОЛНОТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ. УЧЕНЫЯ СТЕПЕНИ И ЗВАНІЯ. ОРГАНИЗАЦІЯ ПРЕПОДАВАНІЯ

(1814—1819)

Казанскій университетъ вслѣдъ за полнымъ открытіемъ его въ 1814 году.—Общій взглядъ на личный составъ его.—Претенденты на кафедры: Бриль-Крамеръ, Шлегель, Эро, Винтеръ, Владимірскій, Соловьевъ, Михайловъ.—Новыя преподавательскія силы казанскаго университета: Вердерамо Э. О., Солнцевъ Г. И., Эрдманъ Ф. И., Юнаковъ М. А., Алехинъ Н. М., Манасеинъ Е. П., Ибрагимовъ Н. М., Булыгинъ В. Я., Лобачевскій А. И., Краузе И. Ѳ., Востоковъ В. В., Полиновскій М. В., Сычуговъ И. П., Отсолигъ Ѳ. М.—Мѣры подготовки молодыхъ людей къ занятію кафедръ: Самсоновъ Д. П., Лентовскій А. Е. . . . 5

Возведеніе университетомъ въ ученыя степени.—Кандидаты казанскаго университета за 1807—1819 годы.—Его магистры за тотъ же промежутокъ времени.—Первые два доктора казанскаго университета: Б. Іонъ и Г. И. Солнцевъ.—Описаніе порядка возведенія въ докторское достоинство (Б. Іонъ).—Испытанія спеціальнаго характера и возведеніе въ медицинскія званія.—Попытки пріобрѣтенія докторской степени безъ экзамена: І. Вейскгопфенъ и Н. С. Арцыбышевъ.—Вопросъ о порядкѣ возведенія въ ученыя степени.—Работы совѣтскаго комитета 1814—1815 года.—Министерское распоряженіе 19-го декабря 1816 года.—Изданіе «Положенія о производствѣ въ ученыя степени» 20 января 1819 года.—Организація преподаванія въ 1818—1819 академическомъ году 70

ГЛАВА II

ПЕРВОЕ ПЯТИЛѢТІЕ АВТОНОМНОЙ ЖИЗНИ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1814—1818)

Черты дѣятельности казанскаго университета послѣ полнаго открытія его въ 1814 году.—Иностранная и русская партіи совѣта, въ ихъ составѣ и взаимныхъ соотношеніяхъ.—Профессоръ Кондыревъ, въ качествѣ руководителя русской совѣтской партіи.—Мѣры по

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА

Часть вторая

ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТКРЫТЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ПЕРЕДЪ ЭПОХОЮ МАГНИЦКАГО

(1814—1819)

ГЛАВА I

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ УНИВЕРСИТЕТА И МѢРЫ ОБЕЗПЕЧЕНІЯ ПОЛНОТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ. УЧЕНЫЯ СТЕПЕНИ И ЗВАНІЯ. ОРГАНИЗАЦІЯ ПРЕПОДАВАНІЯ

(1814—1819)

Казанскій университетъ вслѣдъ за полнымъ открытіемъ его въ 1814 году.—Общій взглядъ на личный составъ его.—Претенденты на кафедры: Бриль-Крамеръ, Шлегель, Эро, Винтеръ, Владимірскій, Соловьевъ, Михайловъ.—Новыя преподавательскія силы казанскаго университета: Вердерамо Э. О., Солнцевъ Г. И., Эрдманъ Ф. И., Юнаковъ М. А., Алехинъ Н. М., Манасеинъ Е. П., Ибрагимовъ Н. М., Булыгинъ В. Я., Лобачевскій А. И., Краузе И. Ѳ., Востоковъ В. В., Полиновскій М. В., Сычуговъ И. П., Отсолигъ Ѳ. М.—Мѣры подготовки молодыхъ людей къ занятію кафедръ: Самсоновъ Д. П., Лентовскій А. Е. . . . 5

Возведеніе университетомъ въ ученыя степени.—Кандидаты казанскаго университета за 1807—1819 годы.—Его магистры за тотъ же промежутокъ времени.—Первые два доктора казанскаго университета: Б. Іонъ и Г. И. Солнцевъ.—Описаніе порядка возведенія въ докторское достоинство (Б. Іонъ).—Испытанія спеціальнаго характера и возведеніе въ медицинскія званія.—Попытки пріобрѣтенія докторской степени безъ экзамена: І. Вейскгопфенъ и Н. С. Арцыбышевъ.—Вопросъ о порядкѣ возведенія въ ученыя степени.—Работы совѣтскаго комитета 1814—1815 года.—Министерское распоряженіе 19-го декабря 1816 года.—Изданіе «Положенія о производствѣ въ ученыя степени» 20 января 1819 года.—Организація преподаванія въ 1818—1819 академическомъ году 70

ГЛАВА II

ПЕРВОЕ ПЯТИЛѢТІЕ АВТОНОМНОЙ ЖИЗНИ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1814—1818)

Черты дѣятельности казанскаго университета послѣ полнаго открытія его въ 1814 году.—Иностранная и русская партіи совѣта, въ ихъ составѣ и взаимныхъ соотношеніяхъ.—Профессоръ Кондыревъ, въ качествѣ руководителя русской совѣтской партіи.—Мѣры по

урегулированію университетскаго дѣлопроизводства.—Самоустраненіе въ концѣ 1814 года попечителя Салтыкова отъ непосредственнаго управленія дѣлами и создавшееся на этой почвѣ анормальное положеніе вещей.—Начало недоразумѣній между Салтыковымъ и совѣтомъ университета.—Недовольство попечителя выборами начала 1815 года. — Отдѣльные факты университетской жизни 1815 года.—Годичный актъ 5-го іюля 1815 года.—Большой пожаръ 3-го сентября 1815 года и его соотношеніе къ жизни университета.—Университетъ и гимназія.—Торжество Яковкина на почвѣ его конфликта съ гимназическимъ совѣтомъ . 101

Отъѣздъ попечителя Салтыкова въ январѣ 1816 года въ С.-Петербургъ и созданное имъ себѣ здѣсь служебное положеніе.—Интриги Кондырева и борьба съ ними проф. Броннера.—Моральное состояніе Салтыкова и его министерскія неудачи.—Первый заслуженный профессоръ казанскаго университета и примиреніе Салтыкова съ Яковкинымъ.—Петербургскія ходатайства Салтыкова.—Черты университетскаго хозяйства и дѣло объ ассигнованіи суммъ на поправки и содержаніе зданій университета и гимназіи.—Попеченія о внѣшнемъ благоустройствѣ университета.—Рядъ столкновеній между Салтыковымъ и ректоромъ Брауномъ, какъ представителемъ совѣтскаго большинства.—Дѣло о повышеніи въ экстраординарные профессоры адъюнктовъ Лобачевскаго и Симонова.—Конфликтъ попечителя и совѣта на почвѣ избранія въ ординарные профессоры Солнцева.—Университетскій актъ 5-го іюля 1816 года.—Посѣщеніе университета государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ.—Новый министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ.—Положеніе Салтыкова при новомъ министрѣ и его рѣшимость покинуть постъ попечителя 130

Университетскіе выборы апрѣля 1817 года и вторичное избраніе проф. Брауна ректоромъ.—Утраты въ личномъ составѣ университета.—Конфликтъ изъ-за кафедры теоретической астрономіи.—Допущеніе академиковъ къ слушанію университетскихъ лекцій.—Годичный актъ 5-го іюля 1817 года.—Великій князь Михаилъ Павловичъ въ Казани 173

Черты университетской жизни въ первую половину 1818 года.—Актъ 5-го іюля 1818 года.—Увольненіе отъ должности попечителя М. А. Салтыкова.—Явленія университетской жизни, стоящія въ соотношеніи съ ревизіею 1819 года.—Дѣло о перерасходѣ въ штатныхъ назначеніяхъ.—Дѣло объ упущеніяхъ и нерадѣніяхъ по дѣламъ гимназіи.—Дѣло о заграничномъ отпускѣ проф. Броннера.—Вопросъ объ учрежденіи кафедры богословія.—Разработка проэкта «медицинскаго института».—Болѣзнь ректора И. О. Брауна и избраніе проректора.—Кончина и погребеніе перваго ректора казанскаго университета.—Наканунѣ ревизіи Магницкаго. 182

ГЛАВА III

УНИВЕРСИТЕТЪ, УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА И ОБЩЕСТВО

Общій взглядъ на сущность предлагаемыхъ въ настоящей главѣ вниманію читателей отношеній.—Расчлененіе этихъ послѣднихъ.

А. Черты научной дѣятельности университета.—Общая характеристика научной дѣятельности членовъ университетской корпораціи.—Ученыя путешествія, экскурсіи и командировки.—Изученіе мѣстнаго края въ его прошломъ и настоящемъ.—Вопросъ объ организаціи дѣла веденія «ученыхъ записокъ».

Б. Дѣятельность университета на пользу общественности города и края.—I. Общество любителей отечественной словесности.—II. Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. «Казанскія Извѣстія» и другія изданія.—III. Книгопечатаніе и книжное дѣло. «Азіятская» и «русская» типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.—IV. Университетская цензура.—V. Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ.—VI. Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

В. Университетъ и мѣстная общественность въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Отношенія университета къ мѣстному обществу.—Университетъ и мѣстная администрація 203

урегулированію университетскаго дѣлопроизводства.—Самоустраненіе въ концѣ 1814 года попечителя Салтыкова отъ непосредственнаго управленія дѣлами и создавшееся на этой почвѣ анормальное положеніе вещей.—Начало недоразумѣній между Салтыковымъ и совѣтомъ университета.—Недовольство попечителя выборами начала 1815 года. — Отдѣльные факты университетской жизни 1815 года.—Годичный актъ 5-го іюля 1815 года.—Большой пожаръ 3-го сентября 1815 года и его соотношеніе къ жизни университета.—Университетъ и гимназія.—Торжество Яковкина на почвѣ его конфликта съ гимназическимъ совѣтомъ . 101

Отъѣздъ попечителя Салтыкова въ январѣ 1816 года въ С.-Петербургъ и созданное имъ себѣ здѣсь служебное положеніе.—Интриги Кондырева и борьба съ ними проф. Броннера.—Моральное состояніе Салтыкова и его министерскія неудачи.—Первый заслуженный профессоръ казанскаго университета и примиреніе Салтыкова съ Яковкинымъ.—Петербургскія ходатайства Салтыкова.—Черты университетскаго хозяйства и дѣло объ ассигнованіи суммъ на поправки и содержаніе зданій университета и гимназіи.—Попеченія о внѣшнемъ благоустройствѣ университета.—Рядъ столкновеній между Салтыковымъ и ректоромъ Брауномъ, какъ представителемъ совѣтскаго большинства.—Дѣло о повышеніи въ экстраординарные профессоры адъюнктовъ Лобачевскаго и Симонова.—Конфликтъ попечителя и совѣта на почвѣ избранія въ ординарные профессоры Солнцева.—Университетскій актъ 5-го іюля 1816 года.—Посѣщеніе университета государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ.—Новый министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ.—Положеніе Салтыкова при новомъ министрѣ и его рѣшимость покинуть постъ попечителя 130

Университетскіе выборы апрѣля 1817 года и вторичное избраніе проф. Брауна ректоромъ.—Утраты въ личномъ составѣ университета.—Конфликтъ изъ-за каѳедры теоретической астрономіи.—Допущеніе академиковъ къ слушанію университетскихъ лекцій.—Годичный актъ 5-го іюля 1817 года.—Великій князь Михаилъ Павловичъ въ Казани 173

Черты университетской жизни въ первую половину 1818 года.—Актъ 5-го іюля 1818 года.—Увольненіе отъ должности попечителя М. А. Салтыкова.—Явленія университетской жизни, стоящія въ соотношеніи съ ревизіею 1819 года.—Дѣло о перерасходѣ въ штатныхъ назначеніяхъ.—Дѣло объ упущеніяхъ и нерадѣніяхъ по дѣламъ гимназіи.—Дѣло о заграничномъ отпускѣ проф. Броннера.—Вопросъ объ учрежденіи каѳедры богословія.—Разработка проэкта «медицинскаго института».—Болѣзнь ректора И. О. Брауна и избраніе проректора.—Кончина и погребеніе перваго ректора казанскаго университета.—Наканунѣ ревизіи Магницкаго. 182

ГЛАВА III

УНИВЕРСИТЕТЪ, УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА И ОБЩЕСТВО

Общій взглядъ на сущность предлагаемыхъ въ настоящей главѣ вниманію читателей отношеній.—Расчлененіе этихъ послѣднихъ.

А. Черты научной дѣятельности университета.—Общая характеристика научной дѣятельности членовъ университетской корпораціи.—Ученыя путешествія, экскурсіи и командировки.—Изученіе мѣстнаго края въ его прошломъ и настоящемъ.—Вопросъ объ организаціи дѣла веденія «ученыхъ записокъ».

Б. Дѣятельность университета на пользу общественности города и края.—I. Общество любителей отечественной словесности.—II. Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. «Казанскія Извѣстія» и другія изданія.—III. Книгопечатаніе и книжное дѣло. «Азіятская» и «русская» типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.—IV. Университетская цензура.—V. Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ.—VI. Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

В. Университетъ и мѣстная общественность въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Отношенія университета къ мѣстному обществу.—Университетъ и мѣстная администрація 203

А

ЧЕРТЫ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА

Попытки популяризаціи задачъ университета и университетской науки.—Условія ученой дѣятельности членовъ университета.—Средства и итоги этой дѣятельности.—Ученыя путешествія, командировки, экскурсіи и осмотры.—Вопросъ о большой ученой экскурсіи по Россіи 1811 года.—Проэктъ Храповицкаго и путешествіе въ Персію магистра Ярцова.—Сибирское путешествіе А. И. Лобачевскаго.—Кругосвѣтное путешествіе И. М. Симонова.—Командировки съ учеными цѣлями 205

Мѣры изученія мѣстнаго края въ его прошломъ и настоящемъ.—Изслѣдованія мѣстной старины въ памятникахъ вещественныхъ, устныхъ и письменныхъ. Казанскіе архивы.—Археологія, исторія, нумизматика и этнографія.—Изслѣдованія физическія и естественно-историческія.—Изслѣдованія больнеологическія, медико-топографическія и техническія . . 221

Мѣры систематизаціи научныхъ данныхъ по округу.—Вопросъ объ ученыхъ запискахъ.—Конфликты съ администраціею на этой почвѣ.—Учрежденіе комитета ученыхъ записокъ, результаты его дѣятельности и вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ 232

Б

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА НА ПОЛЬЗУ ГОРОДА И КРАЯ

I. Общество любителей отечественной словесности.—II. Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. «Казанскія Извѣстія» и другія изданія.—III. Книгопечатаніе и книжное дѣло. «Азіятская» и «русская» типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.—IV. Университетская цензура.—V. Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ.—VI. Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ 244

I. КАЗАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Начальное возникновеніе «Общества любителей отечественной словесности».—Его положеніе, организація и первые годы жизни.—Упадокъ дѣятельности общества и мѣры къ его возрожденію.—Вопросъ о новомъ уставѣ общества и объ изданіи его трудовъ.—Общество любителей отечественной словесности въ 1811—1814 годахъ.—Уставъ общества 8-го іюля 1814 года.—Первая книга «Трудовъ общества любителей отечественной словесности».—Первые годы обновленной жизни общества.—Публичное торжественное собраніе 6-го іюля 1815 года.—Чествованіе памяти Г. Р. Державина (14-го сентября 1816 года).—Послѣдніе передъ эпохою Магницкаго два года дѣятельности общества любителей отечественной словесности.—Общій взглядъ на успѣхи и итоги дѣятельности этого общества. 248

II. ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ. „КАЗАНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ" И ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ

Къ вопросу о началѣ русской провинціальной повременной прессы, вообще.—Связь основанія казанскаго университета съ зарожденіемъ мѣстной журналистики.—Казанскіе литературные кружки конца XVIII и начала XIX вѣковъ.—Первая идея органа повременной печати въ Казани и первые ея піонеры: Запольскій и Зиновьевъ. 279

Проэктъ изданія «Казанскихъ Извѣстій» и отношеніе къ этому дѣлу попечителя Румовскаго.—Участіе къ дѣлу губернатора Мансурова и разрѣшеніе изданія «Извѣстій» казанской губернской администраціи.—Первые шаги изданія.—Переходъ изданія «Казанскихъ Извѣстій» къ университету.—Комитетъ для изданія «Казанскихъ Извѣстій» и выработка для газеты «плана изданія».—Организація редакціоннаго дѣла.—Затрудненія дѣла

А

ЧЕРТЫ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА

Попытки популяризаціи задачъ университета и университетской науки.—Условія ученой дѣятельности членовъ университета.—Средства и итоги этой дѣятельности.—Ученыя путешествія, командировки, экскурсіи и осмотры.—Вопросъ о большой ученой экскурсіи по Россіи 1811 года.—Проэктъ Храповицкаго и путешествіе въ Персію магистра Ярцова.—Сибирское путешествіе А. И. Лобачевскаго.—Кругосвѣтное путешествіе И. М. Симонова.—Командировки съ учеными цѣлями 205

Мѣры изученія мѣстнаго края въ его прошломъ и настоящемъ.—Изслѣдованія мѣстной старины въ памятникахъ вещественныхъ, устныхъ и письменныхъ. Казанскіе архивы.—Археологія, исторія, нумизматика и этнографія.—Изслѣдованія физическія и естественно-историческія.—Изслѣдованія бальнеологическія, медико-топографическія и техническія . . 221

Мѣры систематизаціи научныхъ данныхъ по округу.—Вопросъ объ ученыхъ запискахъ.—Конфликты съ администраціею на этой почвѣ.—Учрежденіе комитета ученыхъ записокъ, результаты его дѣятельности и вопросъ о печатаніи ученыхъ записокъ 232

Б

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА НА ПОЛЬЗУ ГОРОДА И КРАЯ

I. Общество любителей отечественной словесности.—II. Періодическая печать въ казанскомъ учебномъ округѣ. «Казанскія Извѣстія» и другія изданія.—III. Книгопечатаніе и книжное дѣло. «Азіятская» и «русская» типографіи. Вопросъ о книжной лавкѣ.—IV. Университетская цензура.—V. Испытанія и публичныя чтенія для чиновниковъ.—VI. Споспѣшествованіе университета администраціи, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ 244

I. КАЗАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Начальное возникновеніе «Общества любителей отечественной словесности».—Его положеніе, организація и первые годы жизни.—Упадокъ дѣятельности общества и мѣры къ его возрожденію.—Вопросъ о новомъ уставѣ общества и объ изданіи его трудовъ.—Общество любителей отечественной словесности въ 1811—1814 годахъ.—Уставъ общества 8-го іюля 1814 года.—Первая книга «Трудовъ общества любителей отечественной словесности».—Первые годы обновленной жизни общества.—Публичное торжественное собраніе 6-го іюля 1815 года.—Чествованіе памяти Г. Р. Державина (14-го сентября 1816 года).—Послѣдніе передъ эпохою Магницкаго два года дѣятельности общества любителей отечественной словесности.—Общій взглядъ на успѣхи и итоги дѣятельности этого общества. 248

II. ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ. „КАЗАНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ" И ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ

Къ вопросу о началѣ русской провинціальной повременной прессы, вообще.—Связь основанія казанскаго университета съ зарожденіемъ мѣстной журналистики.—Казанскіе литературные кружки конца XVIII и начала XIX вѣковъ.—Первая идея органа повременной печати въ Казани и первые ея піонеры: Запольскій и Зиновьевъ. 279

Проэктъ изданія «Казанскихъ Извѣстій» и отношеніе къ этому дѣлу попечителя Румовскаго.—Участіе къ дѣлу губернатора Мансурова и разрѣшеніе изданія «Извѣстій» казанской губернской администраціи.—Первые шаги изданія.—Переходъ изданія «Казанскихъ Извѣстій» къ университету.—Комитетъ для изданія «Казанскихъ Извѣстій» и выработка для газеты «плана изданія».—Организація редакціоннаго дѣла.—Затрудненія дѣла

изданія газеты: недостатокъ сотрудниковъ, ограниченія программы, цензура.—Исторія дальнѣйшаго изданія.—Прекращеніе изданія «Казанскихъ Извѣстій» и общій взглядъ на этотъ первый органъ казанской періодической печати. 284

Другія періодическія изданія въ округѣ.—Астраханскія «Восточныя Извѣстія».—Исторія изданія; его отношенія къ казанскому университету, задачи, программа и прекращеніе.—«Азіятскій Музыкальный Вѣстникъ».—Происхожденіе этого повременнаго изданія и краткія, сохранившіяся до нашихъ дней, свѣдѣнія о немъ 321

III. КНИГОПЕЧАТНОЕ И КНИЖНОЕ ДѢЛО. „АЗІЯТСКАЯ“ И „РУССКАЯ“ ТИПОГРАФІИ. ВОПРОСЪ О КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

Начало книгопечатнаго дѣла въ Казани.—«Азіятская» типографія при казанской гимназіи.—Ея назначеніе, организація и дѣятельность.—Упадокъ гимназической типографіи.—Вопросъ объ учрежденіи «русской» типографіи при университетѣ.—Заботы Румовскаго въ этомъ направленіи.—Открытіе русской университетской типографіи.—Ея устройство, средства, дѣятельность.—Итоги дѣятельности азіятской и русской типографіи.—Исторія соединенія обѣихъ типографій въ одну общую—«университетскую». Вопросъ объ университетской книжной лавкѣ. 332

IV. УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА

Университетская цензура по уставу 5-го ноября 1804 года.—Цензурныя сношенія университета до учрежденія цензурнаго комитета.—Учрежденіе временнаго цензурнаго комитета.—Очеркъ дѣятельности казанской университетской цензуры.—Списокъ запрещенныхъ книгъ.—Изъ цензурныхъ дѣлъ начала XIX столѣтія.—Цензурныя ограниченія и мѣры контроля надъ дѣятельностью цензуры.—Цензурное дѣло по учебному округу.—Цензурный комитетъ послѣ совершеннаго открытія университета 349

V. ИСПЫТАНІЯ И ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ ДЛЯ ЧИНОВНИКОВЪ

Высочайшій указъ 6-го августа 1809 года и его происхожденіе.—Учрежденіе «экзаменнаго комитета» для чиновниковъ.—Организація публичныхъ чтеній на основаніи указа 6-го августа 1809 года.—Первыя дѣйствія экзаменнаго комитета.—Порядокъ испытаній и ихъ образцы.—Столкновенія и недоразумѣнія на почвѣ испытаній въ комитетѣ.—Столкновенія барона Врангеля и Кастелли, Финке и фонъ-Брадке.—Къ вопросу о злоупотребленіяхъ и «лакомствѣ» въ экзаменномъ комитетѣ.—Магницкій въ его отношеніяхъ къ экзаменному комитету. 361

VI. СПОСПѢШЕСТВОВАНІЕ УНИВЕРСИТЕТА АДМИНИСТРАЦІИ, УЧРЕЖДЕНІЯМЪ И ЧАСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ

Экспертиза санитарнаго состоянія Арскаго поля.—Устройство громоотводовъ на пороховомъ заводѣ.—Борьба съ тифозною эпидеміею 1813 года.—Заключеніе относительно врачебнаго примѣненія животнаго магнетизма.—Улучшеніе гигіеническихъ условій военнаго госпиталя.—Разборъ военноплѣнныхъ.—Переводы съ иностранныхъ языковъ.—Изслѣдованіе мѣсторожденія соды въ бугурусланскомъ уѣздѣ.—Опредѣленіе билярскихъ древностей.—Экспертиза скипидара.—Предложеніе врачебной помощи. Частная практика профессоровъ врачебнаго отдѣленія.—Черты этой стороны дѣятельности ихъ.—Врачебная реклама . . . 380

изданія газеты: недостатокъ сотрудниковъ, ограниченія программы, цензура.—Исторія дальнѣйшаго изданія.—Прекращеніе изданія «Казанскихъ Извѣстій» и общій взглядъ на этотъ первый органъ казанской періодической печати. 284

Другія періодическія изданія въ округѣ.—Астраханскія «Восточныя Извѣстія».—Исторія изданія; его отношенія къ казанскому университету, задачи, программа и прекращеніе.—«Азіятскій Музыкальный Вѣстникъ».—Происхожденіе этого повременнаго изданія и краткія, сохранившіяся до нашихъ дней, свѣдѣнія о немъ 321

III. КНИГОПЕЧАТНОЕ И КНИЖНОЕ ДѢЛО. „АЗІЯТСКАЯ" И „РУССКАЯ" ТИПОГРАФІИ. ВОПРОСЪ О КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

Начало книгопечатнаго дѣла въ Казани.—«Азіятская» типографія при казанской гимназіи.—Ея назначеніе, организація и дѣятельность.—Упадокъ гимназической типографіи.—Вопросъ объ учрежденіи «русской» типографіи при университетѣ.—Заботы Румовскаго въ этомъ направленіи.—Открытіе русской университетской типографіи.—Ея устройство, средства, дѣятельность.—Итоги дѣятельности азіятской и русской типографіи.—Исторія соединенія обѣихъ типографій въ одну общую—«университетскую». Вопросъ объ университетской книжной лавкѣ. 332

IV. УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА

Университетская цензура по уставу 5-го ноября 1804 года.—Цензурныя сношенія университета до учрежденія цензурнаго комитета.—Учрежденіе временнаго цензурнаго комитета.—Очеркъ дѣятельности казанской университетской цензуры.—Списокъ запрещенныхъ книгъ.—Изъ цензурныхъ дѣлъ начала XIX столѣтія.—Цензурныя ограниченія и мѣры контроля надъ дѣятельностью цензуры.—Цензурное дѣло по учебному округу.—Цензурный комитетъ послѣ совершеннаго открытія университета 349

V. ИСПЫТАНІЯ И ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ ДЛЯ ЧИНОВНИКОВЪ

Высочайшій указъ 6-го августа 1809 года и его происхожденіе.—Учрежденіе «экзаменнаго комитета» для чиновниковъ.—Организація публичныхъ чтеній на основаніи указа 6-го августа 1809 года.—Первыя дѣйствія экзаменнаго комитета.—Порядокъ испытаній и ихъ образцы.—Столкновенія и недоразумѣнія на почвѣ испытаній въ комитетѣ.—Столкновенія барона Врангеля и Кастелли, Финке и фонъ-Брадке.—Къ вопросу о злоупотребленіяхъ и «лакомствѣ» въ экзаменномъ комитетѣ.—Магницкій въ его отношеніяхъ къ экзаменному комитету. 361

VI. СПОСПѢШЕСТВОВАНІЕ УНИВЕРСИТЕТА АДМИНИСТРАЦІИ, УЧРЕЖДЕНІЯМЪ И ЧАСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ

Экспертиза санитарнаго состоянія Арскаго поля.—Устройство громоотводовъ на пороховомъ заводѣ.—Борьба съ тифозною эпидеміею 1813 года.—Заключеніе относительно врачебнаго примѣненія животнаго магнетизма.—Улучшеніе гигіеническихъ условій военнаго госпиталя.—Разборъ военноплѣнныхъ.—Переводы съ иностранныхъ языковъ.—Изслѣдованіе мѣсторожденія соды въ бугурусланскомъ уѣздѣ.—Опредѣленіе билярскихъ древностей.—Экспертиза скипидара.—Предложеніе врачебной помощи. Частная практика профессоровъ врачебнаго отдѣленія.—Черты этой стороны дѣятельности ихъ.—Врачебная реклама . . . 380

В

УНИВЕРСИТЕТЪ И МѢСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ, ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ СООТНОШЕНІЯХЪ

Общая характеристика индифферентнаго отношенія мѣстнаго общества къ факту основанія казанскаго университета.—Первыя проявленія равнодушія общества къ университету.—Сѣтованія Румовскаго и Яковкина въ этомъ направленіи.—Университетъ и казанское дворянство.—Отношенія университета къ мѣстному мусульманскому міру.—Попытки привлеченія мусульманъ къ интересамъ духовной жизни университета. Отсутствіе пожертвованій на университетъ и на учебное дѣло.—Общая характеристика жертвователей и ихъ приношеній 399

Отношенія казанскаго университета къ администраціи города и края.—Черты казанской администраціи начала XIX столѣтія.—Источникъ недоразумѣній между губернскою администраціею и учебнымъ вѣдомствомъ.—Непріязненныя отношенія къ университету губернатора Мансурова.—Положеніе членовъ университета передъ администраціею города.—Факты, иллюстрирующіе это положеніе 409

ГЛАВА IV

УЧАЩІЕ И УЧАЩІЕСЯ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

А. Учащіе казанскаго университета.—Условія внѣшней жизни профессоровъ и преподавателей въ Казани.—Интимная жизнь ихъ.—Коллегіальная и нравственная жизнь профессоровъ и преподавателей университета.—Общественное положеніе членовъ университетской корпораціи.

Б. Учащіеся казанскаго университета.—Классификація учащихся университета.—Регламентація учебной жизни студенчества.—Дисциплинарныя начинанія университета.—Черты нравственной жизни студентовъ.—Карательно-дисциплинарная система.—Духовные интересы и стремленія студенчества.

В. Педагогическій институтъ университета.—Подготовленіе учителей. Кандидаты и магистры до открытія педагогическаго института.—Открытіе педагогическаго института и профессоръ ф. К. Броннеръ, первый его директоръ.—Къ итогамъ дѣятельности педагогическаго института 419

А

УЧАЩІЕ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Общій взглядъ на постановку даннаго вопроса.—Условія внѣшней жизни профессоровъ въ Казани.—Трудность переѣзда въ Казань.—Неблагопріятныя климатическія и санитарныя условія.—Матеріальная обстановка жизни профессоровъ.—Квартирныя затрудненія и профессорское домовладѣніе.—Поземельная собственность и владѣніе крѣпостными людьми.—Задолженность въ профессорской средѣ.—Поиски дополнительныхъ заработковъ.—Занятіе вторыхъ кафедръ 420

Интимная жизнь профессоровъ университета.—Матримоніальныя связи и устройство домашняго быта.—Неравные браки профессоровъ.—Браки Сторля и Френа.—Совѣтское дѣло о бракѣ профессора Френа 452

Коллегіальная и нравственная жизнь профессоровъ и преподавателей университета.—Коллегіальныя отношенія въ университетской средѣ.—

В

УНИВЕРСИТЕТЪ И МѢСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ, ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ СООТНОШЕНІЯХЪ

Общая характеристика индифферентнаго отношенія мѣстнаго общества къ факту основанія казанскаго университета.—Первыя проявленія равнодушія общества къ университету.—Сѣтованія Румовскаго и Яковкина въ этомъ направленіи.—Университетъ и казанское дворянство.—Отношенія университета къ мѣстному мусульманскому міру.—Попытки привлеченія мусульманъ къ интересамъ духовной жизни университета. Отсутствіе пожертвованій на университетъ и на учебное дѣло.—Общая характеристика жертвователей и ихъ приношеній 399

Отношенія казанскаго университета къ администраціи города и края.—Черты казанской администраціи начала XIX столѣтія.—Источникъ недоразумѣній между губернскою администраціею и учебнымъ вѣдомствомъ.—Непріязненныя отношенія къ университету губернатора Мансурова.—Положеніе членовъ университета передъ администраціею города.—Факты, иллюстрирующіе это положеніе 409

ГЛАВА IV

УЧАЩІЕ И УЧАЩІЕСЯ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

А. Учащіе казанскаго университета.—Условія внѣшней жизни профессоровъ и преподавателей въ Казани.—Интимная жизнь ихъ.—Коллегіальная и нравственная жизнь профессоровъ и преподавателей университета.—Общественное положеніе членовъ университетской корпораціи.

Б. Учащіеся казанскаго университета.—Классификація учащихся университета.—Регламентація учебной жизни студенчества.—Дисциплинарныя начинанія университета.—Черты нравственной жизни студентовъ.—Карательно-дисциплинарная система.—Духовные интересы и стремленія студенчества.

В. Педагогическій институтъ университета.—Подготовленіе учителей. Кандидаты и магистры до открытія педагогическаго института.—Открытіе педагогическаго института и профессоръ ф. К. Броннеръ, первый его директоръ.—Къ итогамъ дѣятельности педагогическаго института 419

А

УЧАЩІЕ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Общій взглядъ на постановку даннаго вопроса.—Условія внѣшней жизни профессоровъ въ Казани.—Трудность переѣзда въ Казань.—Неблагопріятныя климатическія и санитарныя условія.—Матеріальная обстановка жизни профессоровъ.—Квартирныя затрудненія и профессорское домовладѣніе.—Поземельная собственность и владѣніе крѣпостными людьми.—Задолженность въ профессорской средѣ.—Поиски дополнительныхъ заработковъ.—Занятіе вторыхъ кафедръ 420

Интимная жизнь профессоровъ университета.—Матримоніальныя связи и устройство домашняго быта.—Неравные браки профессоровъ.—Браки Сторля и Френа.—Совѣтское дѣло о бракѣ профессора Френа 452

Коллегіальная и нравственная жизнь профессоровъ и преподавателей университета.—Коллегіальныя отношенія въ университетской средѣ.—

Духовные интересы ея.—Нравственный обликъ учащаго персонала университета.—Отзывъ Магницкаго въ этомъ направленіи.—Нареканія въ невоздержанности.—Служебныя манкировки; нехожденіе на лекціи и въ засѣданія совѣта 470

Общественное положеніе профессоровъ и преподавателей.—Учебное начальство и университетскій учащій персоналъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Профессоры университета и губернская администрація.—Столкновеніе профессоровъ Германа и Цеплина съ вице-губернаторомъ.—Коммиссія для разбора иностранцевъ 1806—1807 годовъ.—Разборъ иностранцевъ 1812 года и аттестація иностранныхъ профессоровъ Яковкинымъ.—Столкновенія профессоровъ съ администраціею на почвѣ постойной повинности.—Общій взглядъ на положеніе университетскихъ профессоровъ и преподавателей среди мѣстнаго общества 480

В

УЧАЩІЕСЯ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Неопредѣленность устава 5-го ноября 1804 года относительно устройства быта студенчества.—Классификація учащихся университета.—«Студенты» и «слушатели».—Студенты «казенные», «своекоштные» и «пансіонеры».—Условія принятія въ казенные студенты и ихъ положеніе въ университетѣ.—Способы содержанія казенныхъ студентовъ.—Студенты «предварительные и полные», «назначенные и дѣйствительные», «старшіе и младшіе», студенты «на жалованьи».—Вольные слушатели 496

Регламентація учебной жизни студенчества.—Мѣры контроля надъ занятіями воспитанниковъ университета.—Вопросъ объ успѣшности занятій ихъ.—Отрицательныя условія учебной жизни студентовъ: недостаточность подготовки, слабое знаніе языковъ, преподаваніе на иностранныхъ языкахъ.—Науки приготовительныя и вопросъ объ ихъ соотношеніи къ наукамъ спеціальнымъ.—Организація практическихъ занятій («бесѣды»).—Интенсивность научныхъ занятій студентовъ.—Неаккуратное посѣщеніе лекцій и мѣры борьбы съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ 515

Дисциплинарныя начинанія университета.—«Книга о поведеніи студентовъ».—Учрежденіе инспекціи.—Яковкинъ, первый инспекторъ студентовъ.—Черты его дѣятельности.—Институтъ камерныхъ студентовъ.—Яковкинъ въ отношеніяхъ къ учащейся молодежи.—Инспектура Брауна.—Броннеръ, какъ инспекторъ студентовъ.—Характеристика его педагогическихъ пріемовъ.—Броннеръ и студенты, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Студенческія правила 14-го іюня 1815 года.—Инспектуры Брейтенбаха и Булыгина. . . . 538

Черты нравственной жизни студенчества.—Нетрезвость, какъ основной порокъ студентовъ университета.—Неповиновеніе, своевольства и грубости по отношенію къ начальству.—Студенческія самоуправства и насилія.—Уличные дебоши и столкновенія съ полиціею.—Другіе пороки учащейся молодежи.—Магницкій о студенчествѣ начальной поры существованія университета 569

Карательно-дисциплинарная система.—Высочайшее повелѣніе 27-го апрѣля 1811 года.—Исключеніе и увольненіе изъ университета.—Назначеніе въ учителя.—Лишенія и ограниченія свободы.—Ухудшеніе условій содержанія.—Кары устыдительнаго характера 598

Духовные интересы и стремленія студенчества разсматриваемой эпохи жизни казанскаго университета 602

Г

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ УНИВЕРСИТЕТА

Задачи и организація педагогическаго института на основаніи устава 5-го ноября 1804 года.—Подготовленія къ учительскому званію въ первые годы существованія казанскаго университета.—Спросъ на учителей и назначенія на учительскія должности.—Кандидаты и магистры до открытія педагогическаго института.—Вопросъ въ совѣтѣ объ ихъ занятіяхъ

Духовные интересы ея.—Нравственный обликъ учащаго персонала университета.—Отзывъ Магницкаго въ этомъ направленіи.—Нареканія въ невоздержанности.—Служебныя манкировки; нехожденіе на лекціи и въ засѣданія совѣта 470

Общественное положеніе профессоровъ и преподавателей.—Учебное начальство и университетскій учащій персоналъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Профессоры университета и губернская администрація.—Столкновеніе профессоровъ Германа и Цеплина съ вице-губернаторомъ.—Коммиссія для разбора иностранцевъ 1806—1807 годовъ.—Разборъ иностранцевъ 1812 года и аттестація иностранныхъ профессоровъ Яковкинымъ.—Столкновенія профессоровъ съ администраціею на почвѣ постойной повинности.—Общій взглядъ на положеніе университетскихъ профессоровъ и преподавателей среди мѣстнаго общества 480

В

УЧАЩІЕСЯ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Неопредѣленность устава 5-го ноября 1804 года относительно устройства быта студенчества.—Классификація учащихся университета.—«Студенты» и «слушатели».—Студенты «казенные», «своекоштные» и «пансіонеры».—Условія принятія въ казенные студенты и ихъ положеніе въ университетѣ.—Способы содержанія казенныхъ студентовъ.—Студенты «предварительные и полные», «назначенные и дѣйствительные», «старшіе и младшіе», студенты «на жалованьи».—Вольные слушатели 496

Регламентація учебной жизни студенчества.—Мѣры контроля надъ занятіями воспитанниковъ университета.—Вопросъ объ успѣшности занятій ихъ.—Отрицательныя условія учебной жизни студентовъ: недостаточность подготовки, слабое знаніе языковъ, преподаваніе на иностранныхъ языкахъ.—Науки приготовительныя и вопросъ объ ихъ соотношеніи къ наукамъ спеціальнымъ.—Организація практическихъ занятій («бесѣды»).—Интенсивность научныхъ занятій студентовъ.—Неаккуратное посѣщеніе лекцій и мѣры борьбы съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ 515

Дисциплинарныя начинанія университета.—«Книга о поведеніи студентовъ».—Учрежденіе инспекціи.—Яковкинъ, первый инспекторъ студентовъ.—Черты его дѣятельности.—Институтъ камерныхъ студентовъ.—Яковкинъ въ отношеніяхъ къ учащейся молодежи.—Инспектура Брауна.—Броннеръ, какъ инспекторъ студентовъ.—Характеристика его педагогическихъ пріемовъ.—Броннеръ и студенты, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.—Студенческія правила 14-го іюня 1815 года.—Инспектуры Брейтенбаха и Булыгина 538

Черты нравственной жизни студенчества.—Нетрезвость, какъ основной порокъ студентовъ университета.—Неповиновеніе, своевольства и грубости по отношенію къ начальству.—Студенческія самоуправства и насилія.—Уличные дебоши и столкновенія съ полиціею.—Другіе пороки учащейся молодежи.—Магницкій о студенчествѣ начальной поры существованія университета 569

Карательно-дисциплинарная система.—Высочайшее повелѣніе 27-го апрѣля 1811 года.—Исключеніе и увольненіе изъ университета.—Назначеніе въ учителя.—Лишенія и ограниченія свободы.—Ухудшеніе условій содержанія.—Кары устыдительнаго характера 598

Духовные интересы и стремленія студенчества разсматриваемой эпохи жизни казанскаго университета 602

Г

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ УНИВЕРСИТЕТА

Задачи и организація педагогическаго института на основаніи устава 5-го ноября 1804 года.—Подготовленія къ учительскому званію въ первые годы существованія казанскаго университета.—Спросъ на учителей и назначенія на учительскія должности.—Кандидаты и магистры до открытія педагогическаго института.—Вопросъ въ совѣтѣ объ ихъ занятіяхъ

(1811 годъ).—Открытіе педагогическаго института.—Профессоръ Ф. К. Броннеръ, первый директоръ института.—Мѣры начальной организаціи педагогическаго института.—Къ итогамъ дѣятельности этого учрежденія.—Магницкій о педагогическомъ институтѣ казанскаго университета 609

ПРИЛОЖЕНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ

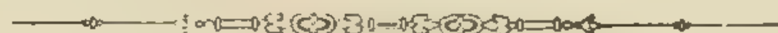
I. Мнѣніе профессора Г. И. Солнцева относительно способа преподаванія юридическихъ наукъ 629
II. Списокъ композицій А. В. Новикова 631
III. Стихотвореніе Н. С. Арцыбышева: «Die Lebenskost» 636
IV. Научно-литературные труды дѣятелей первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета 638
V. «Краткая исторія города Казани» профессора К. Ѳ. Фукса 659
VI. Первое печатное произведеніе университетской типографіи 667
VII. Профессоръ И. О. Браунъ о городѣ Казани въ 1807 году 668
VIII. Студенческій рукописный журналъ 1812 года «Смѣсь» 670

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ 677
ССЫЛКИ И ПРИМѢЧАНІЯ I

Портреты и снимки ко второму тому

(Съ указаніемъ мѣстъ ихъ въ текстѣ книги)

Императоръ Александръ I въ 1814—1816 годахъ 5
Графъ А. К. Разумовскій, министръ народнаго просвѣщенія 101
Князь А. Н. Голицинъ, министръ народнаго просвѣщенія 169
Видъ казанскаго университета въ 1819 году 209
К. Ѳ. Фуксъ, профессоръ естественной исторіи, впослѣдствіе патологіи, терапіи и клиники 233
Г. Р. Державинъ, почетный членъ университета 273
М. Ф. Бартельсъ, профессоръ чистой математики 425
Факсимиле поздравительнаго адреса попечителю Румовскому отъ совѣта, по поводу новаго 1806 года 481
С. Т. Аксаковъ, студентъ перваго состава и почетный членъ университета 497
Н. И. Лобачевскій въ молодости 569



(1811 годъ).—Открытіе педагогическаго института.—Профессоръ Ф. К. Броннеръ, первый директоръ института.—Мѣры начальной организаціи педагогическаго института.—Къ итогамъ дѣятельности этого учрежденія.—Магницкій о педагогическомъ институтѣ казанскаго университета 609

ПРИЛОЖЕНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ

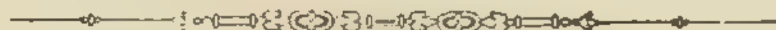
I. Мнѣніе профессора Г. И. Солнцева относительно способа преподаванія юридическихъ наукъ 629
II. Списокъ композицій А. В. Новикова 631
III. Стихотвореніе Н. С. Арцыбышева: «Die Lebenskost» 636
IV. Научно-литературные труды дѣятелей первыхъ четырнадцати лѣтъ существованія казанскаго университета 638
V. «Краткая исторія города Казани» профессора К. Ѳ. Фукса 659
VI. Первое печатное произведеніе университетской типографіи 667
VII. Профессоръ И. О. Браунъ о городѣ Казани въ 1807 году 668
VIII. Студенческій рукописный журналъ 1812 года «Смѣсь» 670

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ 677
ССЫЛКИ И ПРИМѢЧАНІЯ I

Портреты и снимки ко второму тому

(Съ указаніемъ мѣстъ ихъ въ текстѣ книги)

Императоръ Александръ I въ 1814—1816 годахъ 5
Графъ А. К. Разумовскій, министръ народнаго просвѣщенія 101
Князь А. Н. Голицинъ, министръ народнаго просвѣщенія 169
Видъ казанскаго университета въ 1819 году 209
К. Ѳ. Фуксъ, профессоръ естественной исторіи, впослѣдствіе патологіи, терапіи и клиники 233
Г. Р. Державинъ, почетный членъ университета 273
М. Ф. Бартельсъ, профессоръ чистой математики 425
Факсимиле поздравительнаго адреса попечителю Румовскому отъ совѣта, по поводу новаго 1806 года 481
С. Т. Аксаковъ, студентъ перваго состава и почетный членъ университета 497
Н. И. Лобачевскій въ молодости 569



2007098462

2007098462